Русское общество истории и философии науки

V КОНГРЕСС
РУССКОГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ НАУКИ
«НАУКА, ТЕХНОЛОГИИ И ЦЕННОСТИ В НЕУСТОЙЧИВОМ МИРЕ»

Сборник научных статей

Москва

Издательство РОИФН

2026

УДК 13+16 (08)

ББК 72.3+87.22

Н34

Рецензенты

Антоновский А.Ю., доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН

Фёдорова М.В., кандидат философских наук, доцент, декан Высшей школы социальных наук Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А.Добролюбова

Н34 Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире: сборник научных статей / Научн. ред. и сост. И.Т. Касавин, Л.В. Шиповалова, С.В. Шибаршина, А.В. Сахарова [Электронный ресурс]. – Москва: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2024. – 939 с. ISBN 978-5-6051212-2-0. - Режим доступа:

ISBN

В настоящий сборник вошли статьи, посвященные современным концептуальным и методологическим проблемам философии науки и техники, образования, мировоззренческим итогам научно-технического развития, истории науки и техники в России и в мире, этическим и эстетическим аспектам новых технологий и искусственного интеллекта, гуманитарным последствиям развития информационных технологий, специфике научной коммуникации. Книга будет полезна философам, логикам, историкам науки, социологам, педагогам и психологам.

УДК 13+16 (08)

ББК 72.3+87.22

Н34

ISBN

© Русское общество истории и философии науки, 2026.

© Авторы, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть 1. Динамика научного знания: преемственность, трансформации и новые вызовы

Абрамычев М.М. Конструктивный реализм в свете трансформации картины природы в современной науке

Бодров А.Л. Роль неявного знания в концептуальных трансформациях в науке

Бурдин Д.В. Языковые сообщества и контактные языки в меганауке

Воеводенко А.В. Сети взаимного признания: наука перед лицом нарастающей дифференциации знания

Дорожкин А.М. Замкнутые теории В. Гейзенберга и зоны обмена П. Галисона: две тенденции развития науки

Зеликина Д.В. Пресс-релиз научного знания: от информации к трансформации

Катунин А.В. Факторы ошибок экспертного мнения и методы их преодоления

Колесников И.В. Глобальный эволюционный проект: устойчивое развитие как мировоззренческая модель нового типа

Марача В.Г. Динамика научного знания с позиции методологического институционализма

Николина Н.В. От междисциплинарных и трансдисциплинарных к трансграничным исследованиям в науке

Прись И.Е. Реализм и этика контекстуальный реализм (КР) как новая философская парадигма

Соколова О.И. Эпистемологические и методологические вопросы структуризации энциклопедического издания (на примере отечественных энциклопедий)

Стельмахов Д.А. Формы внедрения ИИ в научном познании и трансформация структуры познавательного процесса

Сулима И.И. Знание и искусственный интеллект: новый ли вызов

Тищенко В.И. Метаморфозы системной парадигмы: от онтологии к эпистемологической стратегии

Филатова М.И. Субъект-объектное отношение как претензия на единство трансцендентного и имманентного

Шетулова Е.Д. Современная наука: новые вызовы и их осмысление

Шибаршина С.В. Символическая власть науки: истоки и современность

Масланов Е.В. Наука: поля, практики и классификации

Теплов И.Г. Феномен гения в современном институте науки

Шибанов А.А., Дорожкин А.М. Наука и образование: между репродукцией знания и творческим мышлением

Крылова Э.А. Эксперимент в философии науки

Герасимова И.А. Принцип простоты. Наука и метафизика

Столярова О.Е. Неявное знание между детерминацией и свободой: парадокс современных техно-научных практик

Голубинская А.В., Фиалковская И.Д. Трансформация процессов отбора значимого в экспертном познании в эпоху технологий машинного обучения (на примере права)

Керженцева Л.П. Философия университета: от гумбольдтовской модели к неолиберальной

Костина А.О. Доверие таксонам: Теодор Портер и социальная эпистемология классификации

Гурьев А.П. Проблема смена приоритетов научного познания: эффективность как эквивалент истины

Корякина Е.М. Солидарность в науке и университете: между когнитивной нормой и социальным давлением

Богданов А.Н. Мемориальный кабинет-музей академика Г.Г. Черного НИИ Механики МГУ

Подоль Р.Я. Эволюция университетского образования в дискурсе современного цивилизационного развития

Ходыкин В.В. Рациональность научного исследования в культурно-историческом контексте

Часть 2. История техники и технологий

Лисенкова А.А. От мастера к оператору алгоритмов: трансформация фигуры инженера в истории техники

Васильева М.А. Эстетический аспект понимания техники

Березовская И.П. Институциональная трансформация технического знания

Борисова Н.А. Формула успеха: из истории внедрения систем одновременного телеграфирования и телефонирования

Ситникова Д.Л. Представления о прогрессе и сущности техники у инженерных сообществ Сибири на рубеже XIX-XX веков

Алексеев Т.В. Проблема подготовки кадров для оружейных заводов дореволюционной России в отечественной историографии

Аладышкин И.В. Радио-университеты и институты по радио в СССР: причины историографической невостребованности

Беляева Л.Э. Организация подготовки научных кадров в СССР в 1920-е гг. (на примере Ленинградского политехнического института)

Ульянова С.Б. Технологии vs политика: «Стахановская пятидневка» 1936 года на предприятиях Ленинградской промышленности

Потемкина М.Н. Модернизация трамвайных вагонов в 1930-1950 гг.: безопасность и комфорт водителя

Никифорова Н.В. Электрификация советского быта. Между технологией и идеологией

Покидько П.С. Развитие технологий в условиях работы автономной энергетической инфраструктуры Приозерского целлюлозного завода

Пискунов М.О. Технология измерений экологического ущерба: дискуссия о сточных водах и системах очистки Байкальского целлюлозно-бумажного комбината (1966-1988)

Дмитриева А.Н. Развитие хлебопекарной промышленности Ленинграда в 1944 - 1965 гг.

Афонская Д.А. Научное сотрудничество Физико-технического института АН СССР и Ленинградского политехнического института им. М.И. Калинина в 1950-е-1980-е годы

Донмез Н.Ю. Авторские свидетельства СССР как источник по истории научной школы теплоэнергетики ЛПИ во второй половине XX века

Горшков И.С. Отраслевые научные исследования Горьковского института инженеров водного транспорта в 1970-е гг.

Митюхин Д.О. Большая гидрологическая модель р. Невы: история и условия моделирования Комплекса защитных сооружений Ленинграда от наводнений

Фишева А.А., Латышева О.В. Немагнитные суда в истории морских геофизических исследований

Минина Е.В. Роль вузовских музеев в представлении инновационных технологий конца XIX – начала XX века

Лахтионова Е.С. Эволюция роли университета в контексте сохранения индустриального наследия Урала (на примере УПИ – УГТУ-УПИ – УРФУ)

Запарий В.В., Зайцева Е.В. Об опыте преподавания истории техники в программе аспирантуры УРФУ

Кузнецова О.Н. Содержание курсов «История России» и «Основы российской государственности» внутри и вне гуманитарного контура современного технического ВУЗа

Часть 3. Наука и общество

Ветютнев Ю.Ю. Ценностно-ориентированное познание и его социальные эффекты

Мавринский И.И. Внешний контур науки: от зеркала к рефлектору

Аргамакова А.А. Дифференциация и сетевая интеракция научных сообществ

Тухватулина Л.А. Идеологические предпосылки борьбы с недоверием науке

Тихонова С.В., Тихонов Г.И. ИИ рецензирует ИИ: как найти человека

Шиповалова Л.В. К вопросу о неизбежности публичной научной коммуникации

Сорокина М.А. Трансдисциплинарность – существование науки как открытой системы и необходимость философского подхода

Мирзоев К.А. Экспертиза в проектном капитализме: между реализмом и релятивизмом

Шапиро О.А. Сценарии трансляции экспертной позиции в публичном поле

Шкорубская Е.Г., Валуев Д.Г. Апроприация экспертного статуса в публичной научной коммуникации: социально-коммуникативные механизмы

Варфоломеева М.Д. От метода к диалогу: риторика как инструмент для пост-нормальной науки

Самохина Е.Г. Гражданская наука как зона обмена: переопределение границ экспертизы и постнормальная наука в действии

Черноножкин С.А. Эпистемологический дефицит STS-подходов к границам науки и ненауки и концепция связующего паттерна Г. Бейтсона

Жарков Е.А. Наука и предпринимательство обычного человека

Попов Д.С. «Principle of charity» и величие души: аналитические и экзистенциальные стратегии научной коммуникации в свете истории философии

Воробьёва А.Д. Желание в научных и общественных дискурсах

Лисович И.И. Геральдика средневекового университета как модус саморепрезентации: между верой, наукой, властью, свободой и ets.

Брусенцева В.В. Микрокосм эпохи просвещения. Научная дипломатия в Санкт-Петербургской Академии наук

Живайкина А.А. Светские салоны и литературно-философские кружки первой половины XIX века как единая коммуникативная система

Яркова Е.Н. Наука и общество: от «Республики писем» к «Республике цифровых платформ»

Филиппов С.И. Студенческая (не)лояльнсть: институциональные условия и специфика культурно-исторических контекстов

Антонов М.В. Правовая наука и общество в учении Г. Кельзена

Боброва В.Ю. Ограничения фактостроительства в здравоохранении: научная коммуникация по вопросу off-label препаратов

Собка А.А. Влияние ESG-повестки и идеи устойчивого развития на публичную риторику экспертов-экологов

Черновицкая Ю.В. Преодолимо ли цифровое неравенство в условиях технологического соперничества?

Мукин В.А. От классического этоса к предпринимательской модели: трансформация университетского знания

Ершова О.В. Образ женщины-ученого в киноиндустрии XXI века

Баум Е.А. Женщины в науке и пересмотр историко-научного канона

Часть 4. Семиотика как методология и онтология

Барышников П.Н. Блуждающие значения в науке интенсивного анализа данных

Кириллова И.К., Бернюкевич Т.В. Семиотические теории города: город как текст

Болдин П.Н. Объективная реальность как текст

Быльева Д.С. Знак в цифровой среде

Нордманн А. The Sign in the Digital and Human Environment – A Challenge for Human-Machine Co-Ordination

Демина А.И. Технический объект как предмет общей семиотики

Золян С.Т. Семиопоэзис: потенция и энергия знаковости

Карычева Т.В. Цифровые контркультурные сообщества как актанты периферии сеиосферы: коммуникативный семиозис в перепроизводстве смыслов

Кащеев С.И. Динамика древнегреческого языка и становление европейской философии

Кускова С.М. Семиотический подход к обоснованию математического знания

Невважай И.Д. Нормативно-семиотическая онтология

Нестеров А.Ю. «Единая наука» Отто Нейрата как семиотический проект

Петинова М.А. Музыка как онтологический предел семиотики: от значения к присутствию

Сауткин А.А. Парфюмерный дискурс в семиотическом контексте

Сериков А.Е. Семиотика как основа научной онтологии поведения

Скрипник К.Д. От сигнифики Виктории Уэлби к семиотике Чарльза Морриса

Сулаев А.А. Семиотические машины: истоки и перспективы

Фещенко В.В. Художественная семиотика и ее школы: от глубинной семиотики Г.Г. Шпета до Арбатской школы Ю.С. Степанова

Чистанов М.Н. К вопросу об интерпретации нетрадиционной религиозности в современном прагматизме

Чистанова С.С. От импрессии к конструктиву: о некоторых аспектах эволюции оксфордской лингвистической школы

Шелковников А.Ю. Семиотика философского текста

Анкин Д.В. Междисциплинарность семиотики – это не хаос и не произвол (мораль терминологии)

Силантьев И.В. Семантические аспекты функционирования метафоры в математическом тексте

Савченко С.М. Процесс формирования идеи через призму семиозиса с помощью правил построения китайских иероглифов. Роль фантастики в формировании научных концепций

Никитин А.П. Теоретическое и прикладное применение семиотики в экономике

Часть 5. Университетская наука в третьем тысячелетии

Постникова А.Д. Коморбидность как вызов нозологической модели: эпистемологический сдвиг в клинической медицине и его значение для университетской науки

Гурьянов А.В. Эпистемическая ответственность университета: между культурной трансляцией и инновацией

Белова О.В., Лебедева О.В. Формирование методологической грамотности как основы предпрофессиональной подготовки будущих физиков

Бухвалова Н.И. Гуманитарный аспект категории отношений в творчестве М.М. Бахтина

Громов В.А., Черёмухин А.Д. Вызов сложности и университет

Доронина С.Г. Образование в эпоху постмодерна и миссия университета

Жарков-Симакин Е.В. Субъектность в структуре университетского образования: изменение содержания понятия в условиях пересмотра миссии высшей школы

Камин А.А. Философия университетской психотерапии в третьем тысячелетии

Кислов А.И., Горбачева А.А. Профессионализация социальной работы в контексте фрагментированности профессионального знания

Мусс А.И. Фундаментальный исследователь в XXI веке: формирование, положение и будущее

Павельева Т.Ю., Кривобокова Е.В. Научная школа как социокультурная среда формирования инженера-исследователя

Сакаев В.Т. Из опыта использования искусственного интеллекта в научно-образовательной деятельности вуза (на материалах полевого исследования)

Сахабутдинова Д.Р. Проблема университетской науки: прокси-субъект в условиях переопределения человеческой телесности

Смирнов А.А. Влияние маркетинговых стратегий на трансформацию экспертного знания в университетской науке

Волкова В.О., Волков И.Е. Социокультурный код работы с познавательными способностями человека

Алимов В.Ш. Трансформация труда в эпоху постсовременности

Власов Д.П. Искусственный интеллект как актор производства знания: акторно-сетевая теория и кризис академической автономии

Шелекета В.О. Проблема нормативной определенности истины как критерия науки в контексте объективного и экзистенциального познания

Шушкевич Р.В. Эпистемологический конфликт научной и алгоритмической рациональности в педагогике

Пак Г.С. Институциональная логика университетской науки

Теодорович М.Л., Патокина Н.Н. Деятельностный ландшафт малых территорий как объект исследования

Бочкарев Д.О. Технико-юридический анализ дополнений в российском законодательстве как проявление гармонизации теоретических и прикладных начал в современной правовой доктрине и юридическом образовании

Грищенкова Ю.С. Междисциплинарная интеграция: ответ университетской науки на технологические вызовы

Черемухин А.Д. Факультет-2040: трансформация университетской науки в эпоху искусственного интеллекта

Орлова Д.Б. Модель эффективной адаптации искусственного интеллекта в системы управления научными кадрами

Роженчикова Д.В. Образовательные технологии и искусственный интеллект

Часть 6. Философия и история естествознания

Дмитриев И.С. Роберт Бойль о пользе колониализма для науки

Дроздова Д.Н. Сэмюэль Хартлиб, Ян Амос Коменский и милленаризм XVII века

Князев В.Н. Становление неевклидовой геометрии и физика

Кнэхт Н.П. Альхазен как интеллектуальный предшественник механистической революции XVII века

Князева Е.Н. Понятие агентности в теории систем: генезис и современные интерпретации

Лаврищев Д.Е. Информация и агентность в пространствах знания: случай музея естественных наук

Терехович В.Э. Информация как причина: три случая из естествознания

Дементьев А.А. Искусственный интеллект как эпистемический посредник в современной космологии: трансформация субъекта научного познания

Головко Н.В. Неосхоластика и квантовая механика

Спасков А.Н. Универсальный эволюционизм в квантовой монадологии

Рашидова Л.О. Геронаука перед вызовами нормы

Аюпов А.Д. Место географии в системе наук и проблема её внутренней интеграции

Быков Е.М. Топология, турбулентность, перколяция; темпоральная онтология Мишеля Серра

Карпенко И.А. Функциональная агентность искусственного интеллекта

Часть 7. Философия и история социальных и гуманитарных наук

Тищенко Н.В. Академизация музыкального искусства в социальном бытие культуры

Тульчинский Г.Л. Уровни субъектности как фактор интеграции наук

Скрипник К.Д. Рассуждение о каноне теории литературы и каноне философском

Хлыновская С.А. Предмет «спора о методе» в оптике миросистемного подхода

Головашина О.В. Парадокс саморефлексии: дисциплинарные границы подозрения

Костенков И.А., Белецкая Т.В. Кант-текст в брендинге БФУ им. И. Канта

Кузина Е.Б. Убеждение и принятие

Герасимов Ф.С. Эрозия дарвинистской программы в социальных науках

Балданов Л.Д. Мифы массовой культуры в социально-гуманитарном знании

Суслов И.В. Бессознательное в социально-гуманитарном знании: методологический статус

Мишагин П.А. Место свободы в социальной философии истории Иммануила Канта

Логинова Л.В. Цифровой паноптикон или пространство свободы: как технонаука меняет климат социально-гуманитарных наук

Ерохин В.С. Семиотическая природа критического мышления

Кузнецов Д.С. Симулякр четвертого порядка в эстетике нейросетей: от репрезентации к гиперреальности без референта

Шугуров М.В. Культурологическое измерение современного правопорядка в условия технологической гипердинамики

Мизиковский И.Е. Философия бухгалтерского учета: трансформация в цифровую эпоху

Часть 8. Философия математики и история математики

Апушкинская Д.Е. Жизнь и наследие Софи Жермен

Бажанов В.А. О предпосылках и особенностях философии математики И. Лакатоса

Баранец Н.Г., Верёвкин А.Б. Об опыте математической рефлексии

Баричев С.Г. Ошибка Коши и незамеченные результаты русских математиков Остроградского и Путилова

Бычков С.Н. Математика и идеал научного знания

Дудин А.О. Умопостигаемая материя как предмет математики у Аристотеля

Зайцев Е.А. От представления к понятию: роль опыта в становлении небесной механики XVII в.

Зубова И.К. Из истории Оренбургского государственного университета

Игнатушина И.В., Зубова И.К. Научная школа Г.П. Матвиевской в Оренбурге

Кондратьева Г.В. К вопросу о преподавании истории науки для будущих учителей математики

Кричевец А.Н. Непостижимая эффективность математики. Следствия для эпистемологии

Кутеева Г.А., Синильщикова Г.А. О материальном наследии П.Л. Чебышёва в Санкт-Петербургском государственном университете

Ламберов Л.Д., Вольский А.Д. Математическое знание: философская и социологическая интерпретация

Назаров А.И., Зонова Я.С. Александр Данилович Александров – математик, ректор, философ, гражданин

Налбандян Ю.С., Медер Э.А. Российские университеты и история науки как составная часть междисциплинарных связей

Одинец В.П. О жизни одного типичного историка математики, но нетипичного математика

Пакшин П.В. Линейные матричные неравенства в теории устойчивости и управления: от матричного уравнения Ляпунова до полуопределенного программирования

Пакшина Н.А. Александр Михайлович Ляпунов. Путь к главному выбору

Полотовский Г.М. Университет имени Н.И. Лобачевского vs Университет Лобачевского

Родин А.В. Т.Ф. Осиповский и Н.И. Лобачевский о роли анализа и синтеза в геометрии

Семенов Ю.С., Эпштейн Г.Л. Числа Мерсенна: четыре века от любознательности до востребованности

Синкевич Г.И. Из ранней истории математического анализа: от «фигуры кривой» к понятию графика функции

Титаренко С.А. Представление логических теорий и обобщения tertium non datur в квантовых биллиардах

Хлебалин А.В. Несговорчивый математический опортунизм в естественных науках

Чиненова В.Н. К истории механико-математического факультета МГУ (до середины XX столетия)

Шапошников В.А. К ранней истории возникновения термина «математическая модель»

Часть 9. Философия, социология, история экономики

Золотов А.В. Роль диалектики в методологии экономической теории

Чепьюк О.Р. В поисках утраченного мифа экономики: почему стратегическое планирование бессильно без большого нарратива

Елисеев А.В. Промышленные революции прошлого и будущего: уроки для ИИ-революции

Ангелова О.Ю. Доверие в экономике внимания: роль общих ценностей и групповой идентичности

Хазан М.Ю. Реализация социальной ответственности в бизнесе и на государственной службе: содержание и актуальные тенденции

Авакян-Форер А.Г. Цифровая трансформация: философский анализ

Гаранина А.А. Предпринимательство в современной России как социокультурный феномен

Mulaw S.G. Political Factors of Economic Development in Ethiopia. Empirical Analysis

Асташова Н.Д. Экономическое пространство и когнитивные карты

Родина Н.А., Щербакова Е.Е. Психологические особенности первичной адаптации персонала

Мизиковский И.Е. Философия бухгалтерского учета: трансформация в цифровую эпоху

Чкалова О.В. Развитие торговли в технологических условиях: от цифровизации и платформизации к экосистемам

Банахович Д.С. Формирование цифрового поколения в условиях глобальной сетевой коммуникации

Ракитянская О.Н. Социальная идентичность в условиях цифровой глобализации

Часть 10. Философия сознания

Морозов К.Е. Иллюзионизм и холизм оснований

Горбачев М.Д. Номологическая зависимость и проблемы применимости аргументов представимости

Девятко И.В. Геопсихизм

Хмелевская С.А. Функционалистский эмерджентизм как стратегия обоснования в современной науке: «за» и «против»

Фауль Б.В. Можно ли подорвать феноменальное основание в пользу реализма?

Логинов Е.В. Интроспекция и иллюзионизм

Зайцева Н.В. Живое тело как условие сознания

Мельников Д.Р. Аристотелевский мотив в философии сознания Хилари Патнэма

Беседин А.П. Может ли иллюзионист быть энактивистом?

Яковлев Г.В. Проблема масштабирования: что движет когницией высокого уровня, если не представления?

Некрасов Н.Д. Антиреалистские семантики и концептуальная проблема других сознаний

Тарасенко Т.Н. О минимальном отношении зависимости ментального от физического

Демин Т.С. Познавательный интерес

Сысоев М.С. Иллюзионизм и два вида единства сознания

Деменок Н.А. Требование разделяемости как проблема менталистской онтологии понятий

Иванов И.А. Концептуальный провал физикализма

Лоскутников Д.Ю. О возможности самослепоты

Гусев А.А. Миф о квалиа

Савелов А.Д. Ревизионизм относительно свободы воли и выдача желаемого за действительное

Мерцалов А.В. Понятия транспарентности и скептицизм относительно феноменального сознания

Яшин А.С. Как решать проблему спорных доменов опыта? поиск лучшего метода на безрыбье

Лимитовский А.М. Понятие солипсизма как инструмент власти

Мёдова А.А. О статусе ментального времени в информационной теории сознания Д.И. Дубровского

Часть 11. Философская логика

Карпов Г.В. Классификация общих топов «Риторики» Аристотеля по видам энтимем

Лисанюк Е.Н. Аргументация от экспертного мнения: от соревнования авторитетов к правилу вывода

Зайцев Д.В. Релевантные пропозиции

Шиян А.А. Логика в рамках феноменологического проекта Эдмунда Гуссерля

Борисов Е.В. Натуральный вывод для кросс-мировой логики

Борисова И.И. Использование нейросетей в преподавании логики

Черноскутов Ю.Ю. О логических исследованиях в современном Китае

Ермаков А.А., Полушин А.С. Модельные схемы и адекватность различных интерпретаций категорических суждений

Григорьев О.М. Асимметричное FDE-расширение немонотонных объясняющих функций

Маркин В.И. Логика суждений существования и силлогистика со сложными терминами

Попов О.В. «Силлогизм из несовместимых» и правило утончения: некоторые замечания относительно Буридановской интерпретации

Мазур О.А. Материалистическое преобразование диалектики Гегеля

Девяткин Л.Ю. О трехзначной логике, порождающей субмаксимальный замкнутый класс функций

Беликов А.А. Паранепротиворечивые и параполные модальные логики

Часть 12. Философские проблемы информационных технологий и искусственного интеллекта

Авдюнин В.А. Применение критического подхода к проблеме распределения ответственности

Баева А.В. От инструмента к когнитивному субъекту: эпистемические вызовы в сфере информационных технологий и ИИ

Ветров В.А. Три подхода к регулированию ИИ в науке и образовании: фактор эпистемических рисков

Гапаров И.А. Польза как критерий научного творчества

Даниелян Н.В. Актуальность теории аутопоэза для построения современных систем искусственного интеллекта

Каминский Б.А. Пустыня дискурса, о дискурсивном бесплодии в эпоху ИИ

Коваль Е.А. Самостоятельность научного исследования в эпоху генеративного ИИ: этические риски и вызовы

Четырова Л.Б., Лабазин А.В. Бодхичитта в алгоритмах: буддийская этика заботы как философская рамка для экспертизы роботов и ИИ

Лешкевич Т.Г. Цифровая подсказка как атрибут «новой нормальности»

Малинов С.А. Современный искусственный интеллект и (не)понимание смысла

Малюкова О.В. Новая экологичность технологического лидерства: от метафизики прогресса к ответственности за будущее

Погребняк А.А. «Книга Пассажей» Вальтера Беньямина и жизнь в цифровом формате

Редникина В.Е. Цифровая мимикрия: подлинность без субъекта

Терентьева И.Н. Искусственный интеллект в сфере высшего образования: от проблематизации к задачам нормирования практики и целям саморазвития субъекта

Терехова Е.С. Антропологический остаток

Чеботарева Е.Э. Терминологический ландшафт ИИ-технологий в эпистемическом и социальном контекстах

Щеглова М.И. Галлюцинации и сикофантия генеративных моделей как проблема различных концепций истин

Ястреб Н.А. Сравнительный анализ идеализированных когнитивных моделей искусственного интеллекта, репрезентированных в высказываниях российских разработчиков систем искусственного интеллекта и журналистов российских СМИ

Бердников Д.Е. Цифровое неравенство пожилых в контексте цифровой безопасности

Зуткин Л.А. Проблема самоидентичности и искусственный интеллект: гносеологические, этические и эмпирические исследования цифровизации

Жаров А.М. Университет как «антропологический заповедник» в эпоху ИИ: культивация человеческих способов познания как новая миссия высшего образования

Куликов С.Б. Онтологические основания системы открытого и дистанционного образования в китайских университетах

Лобанова Е.С. Креативность в цифровую эпоху: искусственный интеллект, авторство и техносоциальные условия творчества

Токтаева И.М. Искусственный интеллект как фактор риска и ресурс жизнеспособности помогающих специалистов

Швецов А.Н., Дианов С.В. Эволюция саморазвивающихся агентных сообществ: на пути к искусственному разуму

Часть 13. Этика науки и технологий

Перов В.Ю. Технологии «ИИ-учёный»: этические проблемы и риски

Перова Н.В. ИИ как метод этической экспертизы технологий

Головков В.В. Парадоксы прозрачности в киберэтике

Барбашина Э.В. Этика искусственного интеллекта и образование

Дмитриев В.А. Роль технологий в трансформации этических оснований коммуникации

Жадунова Н.В. Этика и делиберация: искусственный другой в академических этических практиках

Адамар М.Э. Жизнь как артефакт: зачем нужны этические ограничения биотехнологиями

Акинина В.Н. Трансформация медицинской нормы: от академической истины к биоэтическому регулированию

Часть 14. История как знание, научная дисциплина и учебный предмет

Волков Ю.К. Универсальная природа исторического знания

Тихонов Н.С. История церкви в системе исторического знания

Сыров В.Н. К вопросу о соотношении философии истории и исторического исследования

Левицкий В.С. Бытие как история: метафизические детерминанты исторической науки

Пышненко Н.В. Кризис исторической достоверности в эпоху постправды: философские основания, методологические вызовы и задачи исторического образования

Чижков Н.С. История как знание, научная дисциплина и учебный предмет в интеллектуальном наследии Н.М. Карамзина

Верещагин О.А. Эпистемологический статус мемориологии: между историческим знанием и социальным конструированием прошлого

Аникин Д.А. Цивилизационный подход в истории: между наукой, образованием и политикой

Можайко Е.М. История власти Мишеля Фуко

Часть 15. Медиафилософия в ситуации темпорологического кризиса

Иванов А.Г. Как медиа меняют систему мифологии

Воскресенская Н.Г. Социальная ответственность будущих специалистов по рекламе и связям с общественностью как коммуникативная проблема

Орлинская О.М. Глобальное противостояние аттракторов: ценностные основания «идеальных моделей будущего»

Целыковский А.А. Медиастратегии мифотворчества и новые формы солидарности в цифровую эпоху: конструирование образов будущего

Родин И.В. Психоаналитическое время и искусственный интеллект

Суслов И.В., Кныжова З.З. Медиареальность как поле хронополитики: борьба за прошлое и будущее

Фирулина Е.Г. Медийные формы эскапизма: современный контекст

Артамонов Д.С. Медиаистория как наука о будущем прошлого

Козюкин Д.Б., Мельничук Д.В. Медиафилософия и цифровая гуманитаристика

Копанева В.А. Возможно ли педагогу получить признание в медиапространстве?

Кузнецова Е.И. Цифровая коммуникативная реальность: вытеснение субъекта

Мамедов А.А. Социальное знание о прошлом в эпоху медиатизации: проблема идентификации

Часть 16. Ментальные сдвиги и идентификационные процессы

Труфанова Е.О. Личностная идентичность в эпоху непредсказуемости

Блохина Н.А. Личностная идентичность сквозь призму мысленных экспериментов

Герштейн И.З. «Свой», «другой», «чужой» - трехэлементная структура социальной идентичности: культурные и политические последствия

Колесова О.В. Концепты русской культуры как индикаторы идентичности и ментальности современной российской молодёжи

Сетиаван Р., Колесова О.В. Изменения культурного и политического самосознания индонезийцев в процессе формирования политической идентичности

Савченко Н.Л. Ценностные ориентиры и образ человека: что транслируется системой высшего образования?

Лобатюк В.В. Ментальные сдвиги и кризис общих культурных кодов: миссия университета между алгоритмической фрагментацией и академической свободой

Тарасов А.А. Культурно-обусловленные синдромы (КОС) и кризисы университетской идентичности

Листвина Е.В. Цифровая идентичность: проблемы формирования

Гераскин М.А. Влияние цифрового контроля на самоощущение человека

Оконская Н.К. Обострение проблем идентификации в информационном обществе

Шклярик Е.Н. Формы идентичности и пределы рациональности в области глубоких медиа

Шулындина А.Б. Мировоззренческая основа технократического уклада: попытка анализа

Кузнецова С.В. Блюз против ирландского степа: проблематика сохранения культурной идентичности в фильме Р. Куглера «Грешники» (2025)

Алтыбаева С.М. Ментальные переходы культурных кодов в пространстве современной казахской прозы: от универсальных к индигенным смыслам и обратно

Часть 17. Наука и псевдонаучное знание в эпоху ИИ-технологий

Бакулов В.Д., Силенко С.В. ИИ – эффективный эпистемический инструмент или новая «алхимическая» практика?

Обидина Ю.С. Эпистемический статус ИИ-реконструкций в социокультурной проектной деятельности: от критериев демаркации к феномену цифрового авторитета

Зарапин О.В., Шапиро О.А. Сократ как эксперт в формат цифрового сервиса

Змихновский С.И. Цифровая вселенная: опыт научно-философского исследования кибернетической революции и тотальной информатизации

Назарова В.С. Когнитивная история и проблема демаркации науки и псевдонауки в эпоху искусственного интеллекта

Погожина Н.Н. Искусственная коммуникация и границы науки: алгоритм как наблюдатель второго порядка

Крылова Э.А. Искусственный интеллект как фактор защиты рационального дискурса в борьбе с псевдонаучным знанием

Подгорная М.Г. Искусственный интеллект и перспектива выхода на новый интегративный уровень историко-философских исследований

Бабина Д.А. Проблема подлинности диалога в культуре цифрового общества

Плахотнюк Я.А. Технологизация знания как смена эпистемических режимов: от теории к алгоритмическим социальным технологиям

Стельмахов Д.А. Демаркация научного и псевдонаучного знания в условиях алгоритмического производства

Рузанов И.В. Правдоподобие вместо истины: «галлюцинации» нейросетей как псевдонаучное знание

Михайлов А.Д. Текст Тесея: когда текст перестает быть моим и становится текстом ИИ?

Мальцев В.А. Проблема эпистемического статуса нейросетевых выводов в контексте гипотезообразования

Змихновский С.И., Чинченко И.А. Философия математики А.Ф. Лосева и проблемы развития искусственного интеллекта

Партолина С.С. Псевдонаука и современный университет

Сысоев И.А. Роль искусственного интеллекта в научной среде, проблема ненаучности знания

Лисенков А.С. Критический анализ псевдонаучных дискурсов в эпоху ИИ: критерии разграничения

Часть 18. Наука и религия

Якименко А.В. Отношение науки и религии к реальности: демаркационные линии

Карпов К.В. Проблема эпистемичесуого обоснования: от научного знания к религиозным убеждениям

Салахов А.Б. Латиноязычные книжные собрания в России XVII–XVIII веков: формирование библиотек духовных учебных заведений

Ткачев А.Н., Воронина Н.Н. Проблема интерпретации религии при ее изучении

Воробьев Д.В. Учение св. Григория Богослова о вневременной бесконечности

Часть 19. Наука о религии в университете, музее, библиотеке: теории и методы (памяти М.М. Шахнович (1957-2025))

Чумакова Т.В. Ранний период истории изучения религии в России в работах М.М. Шахнович

Брук Е.Г. «Забытый энциклопедист XX века»: М.М. Шахнович о Е.Г. Кагарове (1882-1942)

Браткин Д.А. «Университетское богословие» рубежа XIX-XX в. как пространство медиации апологетического и эволюционистского подходов

Боков Г.Е. Профессора–протоиереи Василий Рождественский и Александр Смирнов на кафедре богословия Императорского Санкт-Петербургского (Петроградского) университета (1874–1918)

Пересторонин В.А. Особенности православного прозелитизма в России в ранний период (XVII - нач. XIX вв.) в контексте христианских моделей миссионерства в эпоху Нового Времени.

Ухатюк Ю.И. Иоганн Петер Коль и проект объединения Лютеранской и «Греко-Русской» церквей: союз на основе противостояния «папизму»

Терюкова Е.А. Изучение религии в музее: из опыта Центрального антирелигиозного музея в Москве

Зубковская А.А. Библиографический указатель новейшей литературы по религиоведению: принципы отбора и систематизации научной информации

Ефанов В.Ю. О цифровом миссионерстве

Бобылева А.Ю. Процесс формирования протестантского сообщества: методология исследования

Зинин Б.В. Миноритарные религиозные группы в трудах публициста-народника Я.В. Абрамова

Гасенко В.В. Народная вера русских крестьян начала XX века (по этнографическим материалам братьев Соколовых)

Часть 20. Образование и антропологические вызовы: трансдисциплинарный ответ

Смирнов С.А. Эпоха уробороса или вызов человека самому себе

Сидорова Т.А. Трансдисциплинарная образовательная коммуникация в условиях антропологических вызовов

Лидман М.В. Трансляция репродуктивных установок в массовом дискурсе

Киященко Л.П. Трансдисциплинарность и целостность: образ, воображение, образование

Ерохин В.С. К вопросу о необходимости формирования критического мышления

Динабург С.Р. Трансдисциплинарность образования: от умения «сеять» к готовности «выращивать»

Сабанина Н.Р., Киященко Л.П. Пентаграмма акторов интеллектуальной собственности в образовании в фокусе философии трансдисциплинарности

Сандакова Л.Б. Курс «Основы российской государственности» как трансдисциплинарный кейс

Коростина Н.О. Дискурсы справедливости как антропологический вызов: конфликт нормативных моделей в российском образовании

Гришечкина Н.В. Трансдисциплинарное пространство развития современного университета

Ламбаева И.А., Артамонова М.В. Трансдисциплинарность как философская стратегия в условиях индигенных эпистемических практик

Абрамова М.А. Признаки и критерии трансдисциплинарного исследования

Часть 21. Проблемы преподавания истории и философии науки и техники в университете. К 95-летию со дня рождения Л.А. Микешиной

Сорина Г.В. Методология экспертного анализа текста (МЭАТ) в преподавании и изучении курса истории и философии науки и техники

Микешин М.И. История и философия науки: их место в «пилотном проекте» технического вуза

Петров В.В. Академия & Университет: курс «История и философия науки» для аспирантов негуманитарных специальностей

Щеглова М.И. К проблеме объяснительного упрощения в преподавании философии науки

Абрамова Л.А. Современные темы в курсе «История и философия науки» для аспирантов географических специальностей: о роли субъектности в географии

Часть 22. Трансформация агентности в условиях гибридизации социокультурной среды

Ерохина Е.А. Агентность и автономность в биоэтике

Заякина Р.А. Метаморфозы приватности агентов в цифровой реальности

Четырова Л.Б., Хохлов А.В. Агентность в гетерогенной социокультурной среде (на примере искусственного интеллекта)

Скрипкина Т.К. Модусы атрибуции агентности ии-системам в практиках человеко-машинного взаимодействия

Зайкова А.С. Агентность как ретроспективный нарративный эффект

Чернусь Н.Ю. Нечеловеческие агенты как субъекты ответственности: на пересечении права, этики и философской антропологии

Ламбаева И.А. Эпистемическая агентность в эпоху гибридизации: между отчуждением и доверием

Кайгородов П.В. ИИ в образовании через призму этики Л. Флёриди

Куропатов А.Д. Граница между человеком и животным: от этики инклюзии к онтологии нечеловеческого

Бурмистров С.С. Фантомная субъектность: проблема делегирования мышления искусственному интеллекту

Сергеев С.С. Проблема агентности животных в современной культурной среде

Шевченко А.А. Знание без понимания: большие языковые модели как непрозрачные функциональные агенты

Часть 23. Университет в эпоху надзорного капитализма: практики эмпатии, участия и солидарности

Мурзаев Д.В. Миссия университета в обществе знания: между утилитаризмом и академической свободой с позиции дихотомии Эриха Фромма «иметь» или «быть»

Сороковикова В.И. Цифровая метаморфоза: как перекраиваются границы классического университета

Соколова Л.Ю. Ценностные ориентации как основа миссии современного университета

Часть 24. Университеты как фактор профессионализации науки

Куприянов В.А. Университетский проект И.Г. Фихте в контексте проблемы фундаментального и полезного знания

Грачева Ю.Е. Российские университеты начала XIX века в отчетах Министерства народного просвещения

Жарова Е.Ю. Профессора в университетах в первой трети XIX века: между службой и наукой

*Антощук И.А. «*Передний край науки – стихия Физтеха»: как формировался приоритет НИР в советском техническом вузе

Петров В.В. Исследовательский университет: подготовка научных кадров в контексте системных трансформаций

Стасенко В.В. Риторическое конструирование границ университета

Лаврищев Д.Е. Третье место университета

Часть 25. Философская магистратура и академические перспективы

Колдарев Д.А. Искусственный интеллект в философской практике

Маслов В.М. Творческая необходимость российского образования

Малиновская Н.М. Рискориентированный подход в образовании и этика

Сорокин Р.В. Академическое развитие научной коммуникации

Тяпин И.Н. Антропоконсерватизм как «мягкая сила» высшего образования в современной России

ЧАСТЬ 1

ДИНАМИКА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ, ТРАНСФОРМАЦИИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

УДК 167

КОНСТРУКТИВНЫЙ РЕАЛИЗМ В СВЕТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАРТИНЫ ПРИРОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Абрамычев Михаил Михайлович
Преподаватель кафедры философии и общественных наук,
Нижегородский государственный
педагогический университет им. К. Минина
Аспирант кафедры философии, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: abramychevmm@gmail.com

Аннотация: В статье анализируется трансформация представлений о природе в контексте развития естествознания. Показано, что нововременная наука формирует образ природы как пассивного объекта, подлежащего описанию и контролю посредством универсального математического языка. В неклассической науке, прежде всего в квантовой физике, обнаруживаются ограничения данного подхода: взаимодействие наблюдателя и объекта становится неустранимым элементом научного познания, что подрывает идею полной независимости природы от познающего субъекта и инструментов познания. В этой связи рассматриваются современные концепции, акцентирующие внимание на активной роли природных процессов в научной практике. Критически анализируется тезис об «агентности» природы, который интерпретируется не как онтологическое свойство, но как указание на границы научных моделей. В этом контексте сопоставляются конструктивистский и реалистский подходы, выявляются их ограничения и демонстрируется их взаимодополняемость. Обосновывается тезис, согласно которому конструктивный реализм позволяет согласовать зависимость научного знания от познавательных и практических условий с признанием независимости исследуемых процессов. Делается вывод, что специфика научного познания определяется не отражением «реальности самой по себе», а взаимодействием теоретических конструкций и природных объектов, возникающих в экспериментальной практике.

Ключевые слова: конструктивный реализм, научное познание, неклассическая наука, природа, научная картина мира, сопротивление природы.

CONSTRUCTIVE REALISM IN LIGHT OF THE TRANSFORMATION OF THE PICTURE OF NATURE IN MODERN SCIENCE

Abramychev Mikhail Mikhailovich

lecturer the Department of Philosophy and Social Sciences

Nizhny Novgorod State Pedagogical University K. Minina (Minin University)

PhD student of the Department of Philosophy

Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

Abstract: The article analyzes the transformation of conceptions of nature in the context of the development of natural science. It is shown that modern science forms an image of nature as a passive object to be described and controlled by means of a universal mathematical language. In non-classical science, primarily in quantum physics, the limitations of this approach are revealed: the interaction between the observer and the object becomes an irreducible element of scientific research, which undermines the idea of nature's complete independence from the knowing subject and the instruments of cognition. In this regard, contemporary concepts emphasizing the active role of natural processes in scientific practice are examined. The thesis regarding the «agency» of nature is critically analyzed and interpreted not as an ontological property, but as an indication of the boundaries of scientific models. In this context, constructivist and realist approaches are compared, their limitations are identified, and their complementarity is demonstrated. The author substantiates the thesis that constructive realism makes it possible to reconcile the dependence of scientific knowledge on cognitive and practical conditions with the recognition of the independence of the investigated processes. It is concluded that the specificity of scientific cognition is determined not by the reflection of «reality in itself», but by the interaction of theoretical constructs and natural objects emerging in experimental practice.

Keywords: Constructive realism, scientific cognition, non-classical science, nature, scientific picture of the world, resistance of nature.

В последние десятилетия все чаще звучит тезис о том, что ориентация модерновой науки на подчинение природы должна быть пересмотрена. Отношение к природе как к объекту научного исследования в рамках классической науки можно описать посредством того образа, которым Ф. Бэкон изображает научное познание: как охоту на природу, изображаемую в виде греческого божества Пана, который «олицетворяет и представляет всю совокупность вещей» [Бэкон 1978, с. 248]. Охота непосредственно связана с подчинением того, на кого осуществляется охота, поэтому природу в рамках классической науки можно назвать «жертвой», противостоящей ученому-охотнику.

Научная охота на природу, как ее понимал Бэкон и другие представители классической науки, существенно отличается от способа осуществления обычной охоты. Если целью обычного охотника является не просто умерщвление объекта преследования, но захват его в максимально возможном естественном виде, то ученый-охотник исходит из других соображений. Природа должна быть схвачена, но схвачена в смысле укладывания имеющихся эмпирических данных о природе в сформированное научное представление, поскольку «реальная» природа отлична от того, что дано нам в хаотичном потоке чувственных восприятий. Поэтому ученому необходим выверенный научный метод, универсальный языка

описания (математика), позволяющие организовать эмпирический опыт. Так возникает нововременная natura как пассивная совокупность всего сущего, которая должна быть полностью исчисляемой, а, значит, зажатой в рамки наведенной математической оптики, границы которой определяют и границу природы. Таким образом, смысл охоты в укрощении чувственных данных с целью их последующего согласования с тем механистическим образом, который ложится в основу нововременной научной картины мира.

Однако в ходе развития научного знания довольно скоро стало ясно, что как объект естествознания, так и сам характер естественнонаучного познания требует существенного пересмотра. Так, согласно Н. Бору, в классической физике можно пренебречь взаимодействием между объектом и прибором, в квантовой же физике «это взаимодействие составляет нераздельную часть явления» [Бор 1961, с. 143]. Другой отличительной особенностью классической физики Бор считает возможность описать стороны конкретного объекта как с помощью одной экспериментальной установки, так и посредством нескольких, если впоследствии ученому удастся без противоречия сложить данные всех экспериментов. В области же атомной физики данные об атомных объектах, полученные при помощи разных экспериментов находятся «в своеобразном дополнительном отношении друг к другу» [Бор 1961, с. 144]. Другими словами, неклассическая наука указывает на узость механистического образа природы, но также ограниченность тех способов работы с природой, которые казались универсальными.

Перед лицом природы, как убедительно показали открытия атомной физики, ученый-охотник в действительности оказывается беспомощным. Безусловно, именно интенция нововременной науки позволила открыть мир атомов, то есть добиться от природы ответов о своем существе, но полученные ответы вряд ли можно считать в полной мере удовлетворительными. Неудовлетворительность ответа на вопрос, впрочем, предполагает неудовлетворительность исключительно для нововременного способа постановки вопроса, предполагающего достижения полного ответа, то есть исчерпывающего знания о природе. Человек парадоксальным образом научился работать с объектами, которые не могут быть зафиксированы напрямую известными нами наблюдательными приборами и которые к тому же имеют совсем иные законы, и в этом обстоятельстве осознал границу своих познавательных возможностей. В этой связи будет поспешным заявление о том, что ориентация на подчинения постепенно снимается, скорее речь идет о коррекции методов экспериментальной работы, но не об изменении принципов научной работой с природой. Механистическая картина природы не столько преодолевается, сколько уточняется посредством открытия новых свойств природы и обозначения границ познавательной деятельности.

С обозначенными нами тезисом рифмуется замечание В.В. Бибихина относительно неклассической науки: «Квантовая физика, без которой теперь человечество уже не может, возникла именно как то достижение, что природа в своем ускользании от прибора все равно была уловлена через сами параметры этого ускользания. В обмен на упускание природы в ней были выявлены космические константы, которые она изменить не может и от которых никуда уже не уйдет. В квантовой механике наука положилась на саму надежность ускользания природы; природе, так сказать, уже никуда не уйти от своего ускользания» [Бибихин 1998, с. 823]. Бибихин проницательно усматривает в открытии новых свойств природы квантовой физикой аналогичную интенцию, истоки которой мы находим в классическом естествознании.

Ускользание природы от фиксации приборов становится атрибутом природы, которая все также остается в рамках нововременной перспективы, то есть зажатой в границы теоретических построений науки.

Тем самым можно сказать, что как в рамках классического, так и неклассического естествознания был сконструирован образ природы, в соответствии с которым организовывалась научная практика. В последние десятилетия представления о природе как о пассивной материи пересматриваются. Нечеловеческие объекты природы начинают рассматриваться в качестве полноправных участников организации мира, тем или иным образом обозначающих свою «агентность». Природные объекты «сопротивляются» испытаниям, «возражают» намерениям ученых, проявляя свою способность к действию. Природа в этой связи должна признаваться в качестве полноправного агента научной экспертизы, заявляющего о своих намерениях и тем самым влияющего на ход научных дискуссий [Шиповалова 2021, с. 145]. Данное обстоятельство, с нашей точки зрения, во-первых, показывает несостоятельность картины природы нововременной науки, во-вторых, актуализируют дискуссию вокруг научного познания, связанную с определением статуса научных объектов и теорий.

С самого начала мы исходили из допущения, что естествознание имеет дело с образом природы, под который схематично подгоняются эмпирические данные. В известном смысле речь идет об идеализации, не претендующей отражение «реального» положения дел. Здесь и раскрывается способ подчинения природы, не сводящийся исключительно к технической эксплуатации нечеловеческого мира, но воплощающийся в замещении этого мира математической моделью. Именно на это указывает Б. Латур в своей знаменитой формулировке о смерти природы: «Когда неистовые экологи с дрожью в голосе восклицают: «Природа скоро умрет», то они сами не знают, насколько они правы. Слава Богу, природа умрет. Да, великий Пан умер! После смерти Бога и человека природе тоже пора на покой» [Латур 2018, с. 36]. Умирает сформированное нововременной наукой представление о природе, сам же термин природы начинается пересматриваться в перспективе агентности. Однако указание на то, что объекты природы в действительности содержат в себе активное начало, требует существенного уточнения, поскольку данный тезис неявно предполагает возможность непосредственной встречи субъекта научного познания со своим объектом, тем или иным образом реагирующим на воздействия субъекта.

Конструктивистский и реалистский подходы в эпистемологии во многом согласуются с той картиной, которая была выведена нами в контексте рассмотрения взаимоотношения науки и природы. Наука подчиняет природу, путем конструирования ее образа. Конструктивист укажет на то, что в качестве научного объекта здесь выступает конструкт, реалист же отметит, что за данным образом скрывается «реальность», которую данный образ призван как бы заместить (подчинить). С нашей точки зрения, напряжение, которое обнаруживается в дихотомии «конструктивизм – реализм», оказывается во многом мнимым, поскольку фактически данные позиции на научное познание можно назвать взаимодополняемыми. Более того, взятые по отдельности, эти подходы не могут позволить прояснить специфику научного познания, в котором конструктивистский характер познавательной деятельности может сочетаться с направленность познания на «реальный» мир.

В этой связи наиболее перспективной представляется позиция конструктивного реализма, в рамках которого происходит согласование конструктивистской и реалисткой

позиций. Прежде всего, конструктивный реализм связан с именами Р. Гира, Х. Ленка и В.А. Лекторского, с разных сторон осуществляющих согласование двух позиций. Общим же здесь является отправная точка – это данные психологических и нейрофизиологических исследований, в соответствии с которыми восприятие, мышление и поведение во многом биологически детерминированы и тем самым ограничены. Тем самым конструктивный реализм строится на исходном конструктивистском положении, согласно которому мы не можем декларировать существование некоей положенной вне субъекта реальности, поскольку доступ к самой этой реальности «в-себе» оказывается невозможным. Аргументация реалистского характера научного познания вместе с тем осуществляется на разных основания и с разной степенью радикальности.

Конструктивный реализм Р. Гира строится на утверждении, что, несмотря на обусловленность познания, мы можем говорить если не об истинности, то, по крайней мере, о подобии научных моделей реальности. [Giere 1988, p. 81]. Х. Ленк, подхватывая мысль Гира, указывает на проблематичность установления отношения подобия, предлагая ограничиться «минимумом реализма» [Lenk 2003]. Согласно Ленку, установить подобие научной модели и реальности проблематично, поскольку, допуская такое отношение, мы имплицитно допускаем существование независимой инстанции под названием «реальность», с которой и происходит согласование наших построений. Скорее уместнее говорить о реальности в виде обнаруживаемых в ходе экспериментальной деятельности эффектов. Именно практика позволяет установить, что за пределами «интерпретационных схем» действует природа, выступающая в данном случае в качестве «партнера» [Lenk 2003]. В трактовке В.А. Лекторского конструктивный реализм приобретает деятельностно-практический характер. Познание понимается не как созерцание и не только как интерпретация, но как активное взаимодействие субъекта с миром, осуществляемое посредством экспериментально-технической деятельности, социальных практик и концептуальных схем. Акт познания представляет собой не пассивное созерцание, но активный процесс, в рамках которого субъект своими действиями «вырезает» из многообразной реальности те аспекты, которые соотносимы с его деятельностью [Лекторский 2009, с. 33]. Тем самым конструктивный реализм Лекторского выступает как деятельностная версия эпистемологического реализма, поскольку объект познания не дается субъекту непосредственно, но раскрывается в рамках научной практики. В отличие от позиции Гира, здесь меньшее значение получает проблема подобия моделей реальности; в отличие от Ленка, акцент смещается с интерпретации на предметно-практический контакт с миром. Данный шаг, с нашей точки зрения, позволяет Лекторскому предложить более устойчивую форму согласования конструктивистских и реалистских тезисов.

С нашей точки зрения, конструктивный реализм, обладает наибольшим потенциалом осмысления актуального характера взаимодействия человека и природа. Так, в рамках конструктивного реализма подчеркивается то обстоятельство, что научное познание связано с конструированием: ученые создают научные модели, которые однако не могут претендовать на исчерпывающее описание природных процессов, и вместе с тем меняют мир вокруг себя. Но научное познание зависит не только от человеческого субъекта. С одной стороны, созданные человеком конструкции образуют особую «реальность», оказывающую существенное влияние на жизнь человека. С другой стороны, исследуемые природные объекты не могут в полной мере исчерпываться научным описанием. Природа в этом смысле оказывается шире всевозможных теоретических построений, раз за разом обозначая данное

обстоятельство в научной практике. Наука вынуждена иметь дело с активностью природы, адаптируясь под ее «намерения». Именно конструктивный реализм при должной теоретической доработке – в первую очередь, посредством разработки темы агентности природных объектов в научной практике – может позволить комплексно осмыслить характер научного познания в свете трансформации картины природы в науке на современном этапе.

Список литературы

1. Бибихин, 1998 – Бибихин В.В. К цвету // ΠΟΛΥΤΡΟΠΟΝ. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М.: Издательство «Индрик», 1998. С. 814-823.
2. Бор, 1961 – Бор. Н. Квантовая физика и философия // Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. С. 139-147.
3. Бэкон, 1978 – Бэкон Ф. О мудрости древних // Бэкон Ф. Сочинения. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 231-300.
4. Латур, 2018 – Латур Б. Политики природы. Как привить наукам демократию. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 336 с.
5. Лекторский, 2009 – Лекторский В.А. Реализм, анти-реализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке. М. «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2009. С. 5-40.
6. Шиповалова, 2021 – Шиповалова Л.В. О субъекте «права на природу». Или эксперты-посредники в Новое время и в современности // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58, № 3. С. 132-148.
7. Giere, 1988 – Giere R. Explaining science. A cognitive approach. Chicago: University of Chicago Press, 1988. 321 p.
8. Lenk, 2003, web – Lenk H. Grasping reality: regarding an interpretation-realistic epistemology. In series on the foundations of natural science and technology. Singapore: World Scientific Publishing Company, 2003. 280 p.

УДК 167.1

РОЛЬ НЕЯВНОГО ЗНАНИЯ В КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ В НАУКЕ

Бодров Андрей Леонидович
Кандидат социологических наук, магистр философии
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
E-mail: abodrov@bk.ru

Аннотация: Целью статьи является прояснение роли неявного знания на допроблемном этапе научного поиска для постановки новых проблем. Сравнительный анализ подходов Т. Куна и С. Тулмина показывает, что и революционное, и эволюционное изменение в науке предполагает некоторую исходную неявность, основанную на социально-культурном контексте. Социально-культурная (интерсубъективная) неявность, с одной стороны,

способствует единому пониманию членами научного сообщества понятий, теорий и процедур их применения, а с другой – возможность различной интерпретации и поиска их скрытых возможностей. Рассматриваемая неявность предполагает возможность появления аномалий в существующей системе знания, что ведёт к ситуации неопределённости, которая относится к условиям субъект-объектного взаимодействия. В этой ситуации в ходе научного поиска развивается личностное неявное знание, предполагающее другой аспект неопределённости – с учётом особенностей субъективного восприятия. Таким образом, на этапе выявления проблемной ситуации в научном поиске имеет место трансформация неявности – переход социально-культурной (интерсубъективной) неявности в индивидуальное неявное знание. Рассматриваемые аспекты неявности обеспечивают, с одной стороны, условия для поиска новых проблем, а с другой – возможности для индивидуального понимания, зависящего от реального исследовательского интереса учёного. Это делает процесс научного поиска на допроблемном этапе творческим, где значительную роль играют способности воображения и наблюдения.

Ключевые слова: неявное знание, интерсубъективность, парадигма, концептуальные изменения, социально-культурная неявность, понимание.

THE ROLE OF TACIT KNOWLEDGE IN CONCEPTUAL TRANSFORMATIONS IN SCIENCE

Bodrov Andrei Leonidovich
PhD in Sociology, Master of Philosophy
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Abstract: The purpose of this article is to clarify the role of tacit knowledge in the pre-problem stage of scientific search for problem formulation. A comparative analysis of the approaches of T. Kuhn and S. Toulmin demonstrates that both revolutionary and evolutionary change in science presuppose a certain initial tacitness, rooted in the socio-cultural context. Socio-cultural (intersubjective) tacit knowledge, on the one hand, facilitates a shared understanding of concepts, theories, and application procedures among members of the scientific community, and on the other, enables diverse interpretations and the exploration of their hidden potential. This tacitness presupposes the potential for anomalies to emerge within the existing knowledge system, leading to a situation of uncertainty related to the conditions of subject-object interaction. In this situation, during scientific inquiry, personal tacit knowledge develops, implying a different aspect of uncertainty – one that takes into account the peculiarities of the subject's perception. Thus, at stage of identifying a problematic situation in scientific search, a transformation of tacitness occurs – the transition of socio-cultural (intersubjective) tacitness into individual tacit knowledge. These aspects of tacitness provide, on the one hand, the conditions for exploring new problems, and on the other, opportunities for individual understanding, dependent on the scientist's actual research interests. This makes the process of scientific search creative, in which imagination and observation play a significant role.

Keywords: tacit knowledge, intersubjectivity, paradigm, conceptual change, socio-cultural tacitness, understanding.

В научно-философских исследованиях отмечаются случаи, когда в сходной познавательной ситуации, обусловленной одним и тем же социально-культурным контекстом, учёные по-разному понимали исследовательскую проблему и поэтому действовали по-разному [Кун 1977; Полани 1985]. Дело в том, что восприятие познавательной ситуации у разных учёных может существенно отличаться, что влияет на постановку проблемы и применяемые для её решения методы.

В концепции научных революций Т. Кун отмечает, что новые факты и теории создаются непреднамеренно в ходе игры по существующим правилам в рамках парадигм, но

их восприятие требует разработки новых правил [Кун 1977, с. 79]. В примерах научных открытий, которые приводит Т. Кун, осознание аномалий, т.е. явлений, к восприятию которых парадигма не подготовила исследователя, обеспечивало условия для иного взгляда на систему наличного знания. Эмпирическое и понятийное признание этих аномалий приводило к новому пониманию исследовательской проблемы и последующему открытию. Однако, для этого требовался пересмотр самой научной парадигмы [Кун 1977, с. 85-86]. Но так как учёные не всегда были готовы пересматривать парадигму, то это становилось барьером для роста научного знания. В этом случае аномалии так и оставались иррациональной областью по отношению к действующей парадигме.

Способность откликаться на проблемы, а не только следование принятым правилам и логико-математическим методам, во многом определяет научные взгляды учёного и в концепции С. Тулмина [Микешина 2006, с. 229]. Трансформация «концептуальных популяций» (понятийных изменений в науке) в его подходе происходит эволюционно [Тулмин 1984, с. 132]. Это «экологическая» точка зрения, когда факторам биологической адаптации уподобляются как изменения в науке под влиянием ситуации, в которой они происходят, так и критерии оценки в рамках научного сообщества, что указывает на изменение самих норм рациональной деятельности. «Понимание» в науке, являющееся центральным понятием в концепции познания С. Тулмина, зависит от указанных норм.

С.С. Гусев и Г. Л. Тульчинский говорят о том, что новое понимание возможно лишь при условии, что познающий субъект имеет некоторое целостное видение, пользуется единой системой представлений и понятий [Гусев, Тульчинский 1985, с. 112]. Согласимся с этим утверждением, подкрепив его тезисом С. Тулмина, который указывает, что в основе классической физики XIX века лежит ряд неявных идей – предпосылок, сформированных в определённой социально-культурной среде. Например, что идея инерции – некоторый фундаментальный принцип, без которого понятию И. Ньютона об инерции сложно было бы обрести форму [Тулмин 1978, с. 173]. Указанные неявные предпосылки, которые являются интерсубъективными, с одной стороны, подчёркивают важность социального контекста, влияющего на формирование системы представлений учёного, а с другой – предоставляет учёному возможности для постановки новых проблем.

Таким образом, и Т. Кун, и С. Тулмин говорят о некоторой исходной неявности, которая влияет на ход научного поиска. Назовём её социально-культурной (интерсубъективной). Однако, интерпретируется она по-разному. У Т. Куна такая неявность, на наш взгляд, имеет оттенок коллективного незнания, так как до некоторого времени научное сообщество не догадывается о существовании проблем с наличным знанием, а когда аномалии начинают осознаваться, то появляется неопределённость, которая может перерасти в проблемную ситуацию. Такая неопределённость, на наш взгляд, относится к условиям субъект-объектного взаимодействия, если пользоваться классификацией, разработанной А.М. Дорожкиным и О. И. Соколовой [Дорожкин, Соколова 2015]. У С. Тулмина, наоборот, исходную неявность, которая является общим фундаментальным принципом, по нашему мнению, можно отнести к коллективному неявному знанию, предполагающему появление неопределённостных познавательных ситуаций и способствующему концептуальным трансформациям.

Анализируя подход С. Тулмина к проблеме роли рационального выбора в процессе фундаментальных концептуальных изменений, Л. Минк приходит к выводу, что С. Тулмин не верит в существование общих законов, управляющих эволюцией понятий. Утверждается, что такая эволюция сходна с созданием новых игр, когда однажды действия совершаются не по правилам и тот, кто ими пренебрег может рассчитывать стать изобретателем новой игры [Минк 1978, с 197]. Таким образом, личностный фактор в концепции С. Тулмина влияет на рациональный выбор, обеспечивающий концептуальные изменения. В частности, исследуется вопрос о том, как приобретаются и используются навыки, способности и методы «индивидуального понимания» на протяжении «индивидуальной жизни потребителей понятий» [Тулмин 1984, с.47].

Заметим, что Т. Кун также приводит примеры научных открытий, раскрывающих значимость индивидуального фактора, когда в сходных экспериментальных условиях одни учёные видели аномальные явления, другие – нет. Например, В. Крукс также, как и В. Рентген, наблюдал в опытах свечение экрана во время электрического разряда, но нового ничего в этом не обнаружил, по поводу чего впоследствии испытывал досаду [Кун 1977, с. 86].

Таким образом, в революционном подходе Т. Куна и эволюционном С. Тулмина кроме исходной социальной неявности есть ещё один общий объединяющий момент – роль субъективного фактора, влияющего на концептуальные изменения. По нашему мнению, этот фактор выражается в другом аспекте неопределённости – на уровне восприятия субъекта познания [Дорожкин, Соколова 2015].

Рассмотрим влияние этого фактора более подробно с учётом неявного знания. Почему именно неявного знания? Дело в том, что по мнению Т. Куна разные ученые, действуя в рамах одной научной традиции (парадигмы) могут неявно применять ее в разных смыслах [Кун 1977, с 69-71]. Причина в том, что парадигма не даёт четкого набора сформулированных правил. Поэтому недостаточно просто знать предлагаемые познавательные процедуры, нужно использовать их осмысленно и понимать их скрытые возможности, которые могут обеспечить расширение проблемного поля.

В качестве основных мотивов для учёных, совершивших ключевые открытия в науке, исследователи науки отмечают глубину погружения в проблему исследования. Дж. Холтон обращает внимание на утверждение А. Эйнштейна о том, что храм науки стоит не на мотиве утилитарности в деятельности учёного, и не на удовольствии от занятий наукой, чтобы продемонстрировать свои интеллектуальные способности, а на реальном исследовательском интересе учёного [Holton 1975, p. 376-377]. Заметим, что это качество является важной характеристикой личностного фактора и в концепции неявного знания М. Полани.

М. Полани также говорит о важности наблюдения и воображения в научных исследованиях, возражая идее о том, что академические исследования должны проводиться по строго научным правилам. Он считает, что это уменьшает масштаб и иногда умаляет сам смысл академических исследований [Полани 1969, с. 70, web]. Этот тезис помогает ответить на вопрос, каким образом индивидуальные особенности учёного влияют на ход научного поиска? Воспользуемся для этого утверждением Л. де Бройля, который отмечал, что у каждого ученого свой стиль в подходе к проблемам. Как следствие, могут заново ставиться вопросы о ценности фактов и их интерпретации [де Бройль 1962, с. 293].

Это утверждение относится к пониманию хода научного поиска как творческого процесса на этапе, когда проблема еще не поставлена, что выражается в появлении догадок-предположений о связи явлений, которые уже определённым образом объясняются в теориях. Такие догадки-предположения некоторого времени остаются неявными и являются личностным знанием учёного. Они могут проявляться в ходе научного поиска, который на допроблемном этапе можно сравнить с игрой. Например, Л. де Бройль отмечает, что склонность учёного к игре имеет некоторое значение в развитии науки [Де Бройль 1962, с. 291]. Это расширяет границы рациональных схем, так как предполагает отход от уже существующих теоретических алгоритмов. Дело в том, что исследования движения мысли внутри теорий часто недостаточно для решения всех загадок научного мышления. В постнеклассической науке, одной из характеристик которой является когнитивное многообразие, научное понимание может включать неявные невербализуемые компоненты, связанные с личностными ожиданиями и намерениями учёных. Такое понимание предполагает конструктивную деятельность сознания, а также жизненный опыт личности исследователя [Гусев, Тульчинский 1985, с. 111].

Таким образом, если сравнивать революционный и эволюционный подходы Т. Куна и С. Тулмина, то оба подхода предполагают исходную неявность, основанную на социально-культурном контексте. В концепции Т. Куна действующая научная парадигма не предполагает чёткого набора правил и допускает появление аномалий, что способствует неявному применению принятых познавательных процедур для расширения проблемного поля. Подход

С. Тулмина подразумевает неявные социально-культурные предпосылки, без которых возникает сложность с дальнейшим развитием понятийного аппарата в науке. Рассматриваемые неявности выражаются в неопределённости, которая относится к условиям субъект-объектного взаимодействия, и далее дополняется особенностями восприятия субъекта познания, что делает ход научного поиска творческим. Таким образом, на этапе проблемной ситуации в научном поиске имеет место трансформация социальной-культурной (интерсубъективной) неявности в личностное неявное знание, зависящее от восприятия конкретного учёного – субъекта познания. Это может являться основой для концептуальных трансформаций в науке за счет выявления новых проблем, решение которых даст либо другое, несоизмеримое по отношению к действующей парадигме знание, либо новое понимание наличного знания.

Список литературы

1. Гусев, Тульчинский 1985 – Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии. М.: Политиздат, 1985. 192 с.
2. Де Бройль 1962 – Де Бройль Л. Роль любопытства, игр, воображения и интуиции в научном исследовании // По тропам науки / пер. с франц. С. Ф. Шушурина. М.: Изд. иностр. литер., 1962. С. 289–295.
3. Дорожкин, Соколова 2015 – Дорожкин А.М., Соколова О.И. Понятие «неопределённость» в современной науке и философии // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 12. С. 5-12.
4. Кун 1977 – Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 301 с.
5. Микешина 2006 – Микешина Л.А. Философия науки: Учебное пособие. М.: Изд. дом Международного университета в Москве, 2006. 440 с.
6. Минк 1978 – Минк Л. Комментарий к статье С. Тулмина // Структура и развитие науки (Из Бостонских исследований по философии науки). М.: «Прогресс», 1978. С. 190-199.
7. Полани 1985 – Полани М. Личностное знание / Вступ. ст. В.А. Лекторского. М.: Прогресс, 1985. 345 с.
8. Тулмин 1984 – Тулмин С. Человеческое понимание. М.: «Прогресс», 1984. 328 с.
9. Тулмин 1978 – Тулмин С. Концептуальные революции в науке // Структура и развитие науки (Из Бостонских исследований по философии науки). М.: «Прогресс», 1978. С. 170-189.
10. Holton 1975 – Holton G. Thematic origins of scientific thought. Kepler to Einstein. Cambridge, Massachusetts and London, England. 1975. 495 p.
11. Polanyi, 1969, web – Polanyi M. From perception to metaphor. Lecture 1 // From the Polanyi archives: Lecture series: Meaning, lost and regained. Chicago, 1969. P. 69-83. URL: https://polanyiana.org/volumes/11 (дата обращения: 06.03.2026)

УДК 001.83

ЯЗЫКОВЫЕ СООБЩЕСТВА И КОНТАКТНЫЕ ЯЗЫКИ В МЕГАНАУКЕ

Бурдин Денис Владимирович

Аспирант кафедры философии

Вологодский государственный университет

Ведущий инженер-технолог АО «Транс-Альфа»

E-mail: denburdin35r@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются процессы формирования контактных языков и языковых сообществ, функционирующих в условиях меганаучных проектов, при которых междисциплинарная коммуникация формирует упрощённые языковые системы. Показан жизненный цикл эволюции контактных языков, а также условия и этапы развития. На основе анализа работ Т. Куна и П. Галисона формируется модель междисциплинарного взаимодействия ученых и инженеров в крупномасштабных лабораториях. Раскрыты проблемы несоизмеримости научных парадигм по Куну, при которой участники дискурса могут вкладывать разный смысл в одни и те же слова, что ведет к несогласованности действий. Этому подходу противопоставлена модель торговых зон П. Галисона которая позволяет координировать совместную деятельность без достижения концептуального единства. Ретроспективный анализ использования латинского языка в научных сообществах средневековья и перехода к современному английскому подчеркивает сохраняющуюся нерешенность проблемы универсального научного языка. Делается вывод, что меганаука не только создает новые условия зарождения контактных языков, но и – что не менее важно – формирует среду уникальных спонтанных интеракций, продуктивно влияющую на их развитие.

Ключевые слова: меганаука, языковые сообщества, контактные языки, жаргон, пиджин, несоизмеримость, торговые зоны, зоны обмена.

LANGUAGE COMMUNITIES AND CONTACT LANGUAGES IN MEGASCIENCE

Burdin Denis Vladimirovich
Postgraduate student of the Department of Philosophy
Vologda State University
The leading engineer-technologist JSC «Trans-Alfa»

Abstract. This article examines the formation of contact languages and language communities operating within mega-scientific projects, where interdisciplinary communication creates simplified language systems. The life cycle of the evolution of contact languages, as well as the conditions and stages of development, is described. Based on an analysis of the works of T. Kuhn and P. Galison, a model of interdisciplinary interaction between scientists and engineers in large-scale laboratories is developed. The problems of Kuhn's incommensurability of scientific paradigms are revealed, whereby participants in discourse can attach different meanings to the same words, leading to inconsistency. This approach is contrasted with P. Galison's model of trading zones, which allows for the coordination of joint activities without achieving conceptual unity. A retrospective analysis of the use of Latin in medieval scientific communities and the transition to modern English highlights the continuing unresolved problem of a universal scientific language. It is concluded that megascience not only creates new conditions for the emergence of contact languages, but also – and this is no less important – forms an environment of unique spontaneous interactions that productively influence their development.

Keywords: Megascience, language communities, contact languages, jargon, pidgin, incommensurability, trade zones, exchange zones.

Языковые сообщества и контактные языки как простейшие формы взаимодействия между акторами сформировались задолго до появления такого феномена как меганаука. С момента начала формирования научных сообществ возникла необходимость в создании инструмента обмена информацией между субъектами различных научных областей, ввиду использования диалектов и профессиалектов с разным понятийным каркасом. По мнению П. Галисона, «у двух отдельно взятых сообществ в ходе коммуникации взгляды на происходящие процессы обмена могут не совпадать, равно как и понимание объектов обмена могут быть кардинально разным. Однако, несмотря на эти различия, используя жаргоны, они имели возможность договариваться» [Галисон 1997, с. 783]. Целью данной статьи является анализ возникновения языковых сообществ и контактных языков в инфраструктуре меганауки, через призму синтеза идей Т. Куна и П. Галисона и других социолингвистов, чьи подходы подчеркнули не только несоизмеримость, но и перспективу развития языка в междисциплинарных связях.

Формирование контактных языков имеет несколько уровней. Жаргон – свой определённый научный формальный и неформальный язык. Когда у людей из разных языковых сообществ появилась общая деятельность, возникла необходимость языкового обмена и формирование контактного языка. Пиджин – это не полноценный язык, а один из вариантов контактного языка включающий в себя субстрат (язык коренного населения) и суперстрат (лексификатор). Здесь грамматика одного языка накладывается на лексику другого. Классический пример – русско-норвежский пиджин назывался «руссенорск», образовавшийся на стыке XVII-XVIII веков в результате торговых отношений, где грамматику давал русский язык, а лексику – норвежский. Во время работы в больших проектах, таких как CERN, физики, инженеры, программисты осваивали язык, сформировавшийся за счёт синтеза диалектов, жаргонов и пиджинов.

Креол – это самостоятельный язык, являющийся самым высоким уровнем контактного языка, который осваивается людьми как родной.

Меганаука является пространством взаимодействия нескольких тысяч учёных и инженеров из десятков стран, что спонтанно приводит к появлению новых контактных языков. Консолидация научных сообществ для исследования процессов и явлений в междисциплинарных проектах подразумевает интеракцию ученых и инженеров разной специализации и эффективность работы в таких научных объединениях зависит от правильного обмена знаниями. Форма организации научного знания здесь постулируется координацией учёных за счёт применения ими концептуально новых лингвистических инструментов.

Взгляд на развитие контактных языков через оптику Т. Куна имеет пессимистический оттенок, в своей работе «Структура научных революций» он подчеркивает, «что группа людей, дискутируя на определенную тему, применяют одинаковые лексические приёмы, однако восприятие этой темы у них не совпадает поскольку, они по-разному интерпретируют смысл слов. Данное явление автор называет несоизмеримыми точками зрения» [Кун 1975, с. 259]. Кроме того, проблематика несоизмеримости проявляется в разграничении конкурирующих научных парадигм в контексте понимания научных определений, терминов до и после научной революции. Такие изменения называются лексическими таксономиями.

Исторические реконструкции позволяют понять причину несовпадения в восприятии понятийного аппарата научными сообществами, относящимися к разным эпохам, например эпохи классической науки и позитивизма. Т. Кун показал, что ретроспективное наложение современных определений на исторический контекст методологически неверно и приводит к

логическим противоречиям. Несогласованность действий в крупномасштабных научных исследованиях довольно частое явление, ввиду чего, когда происходит общение в крупном научном сообществе преимущественно на своём профессиональном языке прийти к консенсусу видится достаточно непростой задачей. Формирование конструкций контактного языка происходит именно в эти моменты, когда необходимо максимально эффективно выстроить связь в ядре коллектива. Согласование при этом происходит по принципу возведения стандартов, интегрирующих в себе общие инструменты взаимодействия, имея при этом общее видение цели.

П. Галисон в свою очередь внес позитивную ноту в проблему несоизмеримости и внедрил уникальное решение по преодолению коммуникационного барьера. Он описал нетривиальный способ согласования субъектов научных сообществ, использующих в общении упрощённый, функциональный язык – пиджин. Этот контактный язык включает в себя ограниченный словарь и грамматику для решения конкретных технических задач, где специалисты, скоординировав свои усилия в поисках связующих концепций приходят к взаимопониманию. Примером такого пиджина может служить «ЦЕРН-инглиш», который сложился между инженерами и физиками в меганаучных проектах, его особенность выражается в отсутствии артиклей и спряжений, а также в применении метафор чтобы построить мост между физикой и инженерией. Функциональным этот пиджин стал, потому что ученые и инженеры в диалоге могли не применять свой узкоспециализированный профессиональный язык, а общаться контактным пиджином, выполняя конкретную задачу и совершая конкретные действия. Суть торговых зон заключается в обмене действиями, полное взаимопонимание при этом не обязательно. Поэтому П. Галисон утверждает, «что отдельные научные субкультуры могут взаимодействовать посредством развития «торговых зон», которые рассматриваются как социальный и интеллектуальный цемент, скрепляющий разобщённые традиции» [Galison 1999, с. 137]. Креолизация пиджина происходит с приобретением им статуса родного языка, новая ступень развития общения начинается с усложнением структуры грамматики и фонетики, когда пиджин начинает применяться не только для торговых отношений и работы, но и в повседневной жизни.

Меганаука – это гиперкоммуникационная, интернациональная и междисциплинарная среда, где возникает необходимость интенсивно контактировать представителям научного сообщества в абсолютном социальном неравенстве статусов. Руководители, инженеры, учёные и программисты разной национальности участвуя в меганаучных проектах, попадают в пространство, идеальное для зарождения контактного языка. В процессе совместной деятельности на протяжении десятилетий научные сообщества совершенствуют языки, но жизненный цикл контактного языка не заканчивается креолизацией. Определением дальнейшей судьбы языка может стать социальная среда, в которой он находится, чем больше контактов и взаимодействия между акторами, тем выше уровень совершенствования языка.

Делая экскурс в историю, особенно к эпохе Средневековья, а также Нового времени, можно заметить, как научные академические сообщества общались между собой на латыни, вели на ней дискуссии и диспуты. Фундаментальные труды писались на латыни – достаточно вспомнить трактаты Коперника, Ньютона, Ломоносова. В современном мире так и не нашли полноценную замену этому древнему контактному языку, а значит проблема научной коммуникации остается нерешенной. Сегодня функцию универсального межнационального научного общения де-факто выполняет английский. На нём выходят публикации научных трудов в ведущих журналах и проводятся крупные международные мероприятия. Тем не менее ученые из разных научных сообществ продолжают поиск единого языка, который смог

содержать в себе строгую логические структуру и был способен обеспечить ясность и понимание в научном дискурсе.

Таким образом, проанализировав синтез концепции Куна и Галисона в социолингвистическом свете, можно констатировать формирование новой научной реальности в изучении и развитии контактных языков и языковых сообществ. По мнению Сьюзен Ли Стар, «решение проблемы несогласованности действий в крупномасштабных исследованиях может заключаться не в приведении всех к единому знаменателю классической парадигмы, а в возведении стандартов пограничной коммуникации (boundary infrastructure), интегрирующих общее видение цели при сохранении лингвистического и эпистемического разнообразия» [Star 1989, с. 387].

Проекты Большой науки и Меганауки открыли для ученых плодотворную почву для исследований и открытий, предметом которых становятся спонтанные интеракции специалистов в процессе обмена информацией на принципиально разных языках. Внутри так называемых торговых зон взаимодействие ученых начинается с простого жаргона, включающего определенный набор терминов для выполнения конкретных задач. С течением времени, при углублении сотрудничества, он может трансформироваться в пиджин – язык с ограниченной грамматикой и словарным запасом, который позволяет координировать действия, не требуя полного взаимопонимания. Наконец, высшей стадией эволюции контактного языка становится креол, но описание языковых процессов, происходящих в межнациональной и междисциплинарной среде, основанное на теории контактных языков, имеет свои границы. Появление креольских языков здесь невозможно, так как никто не осваивает научный жаргон или пиджин как родной язык.

Список литературы

1. Кун 1977 – Кун Т. Структура научных революций. Москва: Прогресс, 1977. 300 с.
2. Galison 1997 – Galison P. Image and Logic: A Material Culture of Microphysics. Chicago: University of Chicago Press. 1997. 783 p.
3. Galison 1999 – Galison P. Trading Zone: Coordinating Action and Belief // The Science Studies Reader. 1999. P. 137–160.
4. Star 1989 – Star S.L., Griesemer J.R. Institutional Ecology, “Translations’ and Boundary Objects: Amateurs and Professionals in Berkeley’s Museum of Vertebrate Zoology” // Social Studies Science. 1989. Vol. 19. P. 387–420.

УДК 167

СЕТИ ВЗАИМНОГО ПРИЗНАНИЯ: НАУКА ПЕРЕД ЛИЦОМ НАРАСТАЮЩЕЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЗНАНИЯ

Воеводенко Александр Викторович
Институт философии РАН, аспирант
E-mail: Voevodenko.a@gmail.com

Аннотация: статья посвящена проблеме нарастающей дифференциации научного знания и её влиянию на механизмы производства и верификации научного знания. Отталкиваясь от идеи Майкла Полани о научном сообществе как сети взаимного признания компетентности, автор показывает, что устойчивость науки зависит не только от доверия между учёными, но и от сохранения пространства взаимного понимания. Усиление специализации приводит к тому, что исследователи всё реже способны полноценно понимать работы друг друга, вследствие чего научная коммуникация всё больше опирается на научную репутацию и всё меньше — на непосредственную интеллектуальную проверку. Анализируются риски, возникающие в условиях возможного распада науки на изолированные кластеры дисциплин. Для осмысления этой проблемы привлекаются концепции неявного знания Майкла Полани, Гарри Коллинза и Стивена Тёрнера, концепция радикальной интерпретации Дональда Дэвидсона, а также подходы Стэнфордской школы философии науки: концепции разобщённости науки и зон обмена (Питер Галисон), пёстрого мира (Нэнси Картрайт) и метафизического плюрализма (Джон Дюпре). Статья утверждает, что плюрализм подходов, теорий и онтологий является позитивным фактором, стимулирующим развитие науки. Вместе с тем, неуклонно нарастающая дифференциация научного знания представляет серьёзную угрозу. Сохранение науки как целого требует сочетания двух процессов: коммуникации внутри дисциплин и постоянного взаимодействия в зонах обмена. При этом, философия потенциально может выступить в роли интегрирующей дисциплины.

Ключевые слова: дифференциация научного знания; разобщённость науки; неявное знание; радикальная интерпретация; зоны обмена; философия науки.

WEBS OF MUTUAL RECOGNITION: SCIENCE AND THE INCREASING DIFFERENTIATION OF KNOWLEDGE

Voevodenko Alexander Viktorovich
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences / Postgraduate student

Abstract: the article examines the problem of the increasing differentiation of scientific knowledge and its impact on the mechanisms of the production and verification of scientific knowledge. Drawing on Michael Polanyi's idea of the scientific community as a network of mutual recognition of competence, the author argues that the stability of science depends not only on trust among scientists, but also on the preservation of a space of mutual understanding. Growing specialization leads to a situation in which researchers are increasingly unable to fully understand each other's work, causing scientific communication to rely more on scientific reputation and less on direct intellectual verification. The article analyzes the risks arising from the possible fragmentation of science into isolated disciplinary clusters. To conceptualize this problem, the author draws on the concepts of tacit knowledge developed by Michael Polanyi, Harry Collins and Stephen Turner; Donald Davidson's concept of radical interpretation and approaches of the Stanford School of philosophy of science: disunity of science and trading zones (Peter Galison), dappled world (Nancy Cartwright), and metaphysical pluralism (John Dupré). The article argues that the pluralism of approaches, theories, and ontologies is a positive and stimulating factor. However, the ever-increasing differentiation of scientific knowledge poses a serious threat. Preserving science as a unified whole requires a combination of two processes: communication within disciplines and continuous

interaction within trading zones. In this context, philosophy may potentially serve as an integrating discipline.

Keywords: differentiation of scientific knowledge; disunity of science; tacit knowledge; radical interpretation; trading zones; philosophy of science.

***

В книге «Личностное знание» Майкл Полани приводит описание научного сообщества как некой цепочки или сети, основанной на взаимной критике и взаимном признании компетентности [Polanyi 2005, p. 229-231].

Само по себе это наблюдение тривиально. Открытая дискуссия, аргументированная критика и институт научной репутации являются определяющими чертами науки – это общепризнанный факт. Доверие, которым общество наделяет науку, основано на доверии к научному методу, но конкретная его реализация, проведение его в жизнь требуют особых социальных механизмов – в том числе, механизма взаимной критики и взаимного признания.

Однако, в наивном понимании этого механизма скрывается предположение, которое, в общем случае, оказывается ложным. Это предположение о том, что ученые действительно *понимают* друг друга.

Говоря о критике, открытой дискуссии и т.д., мы по умолчанию считаем, что учёные понимают работу друг друга – если не полностью, то, по крайней мере, достаточно хорошо, чтобы добросовестно критиковать. Вместе с тем, специализация в науке зашла так далеко, что рассчитывать на это можно не всегда.

Полани приводит такой пример: на математической конференции каждый из участников способен полностью понять примерно 10% из всех представленных докладов [Polanyi 2005, p. 229-230]. Все остальные он понимает лишь частично: скорее всего, он понимает тезисы и постановку проблемы, а также какую-то часть рассуждений. Но проследить доказательство полностью он не может, из-за ограничений по времени и различий в специализации.

Но тогда он не может и судить о качестве доклада. Между тем, другие участники конференции – в таком же положении. Поэтому её работа разделяется на секции, а далее остаётся надеяться, что:

1. для каждого доклада в аудитории есть хотя бы 1-2 человека, которые действительно могут судить о его качестве;
2. они судят беспристрастно.

Очевидно, какого рода уязвимость вытекает из этого. Доверие к науке опирается на механизм верификации знания, принятый в ней. Благодаря ему, наука может не просто получать достоверное знание, но получать его *с гарантией*, т.е. быть уверенным, что знание, производимое ей, достоверно.

Достоверное знание производится и во многих других, ненаучных практиках – например, возьмём мореплавание: задолго до того, как научная астрономия стала «стандартом индустрии», моряки по всему миру умели ориентироваться по звёздам. Но наука (по крайней мере, в идеале), позволяет получать *исключительно* достоверное знание; позволяет быть

уверенным, что *любой* элемент полученного знания – достоверен. Тогда как в практическом знании достоверные элементы всегда перемешаны с недостоверными [Geertz 1983, p. 78-80].

Благодаря своей особой организации, наука позволяет исключать недостоверные элементы – и механизм взаимной критики и взаимного признания играет в этом не последнюю роль. Это встроенный механизм контроля качества, позволяющий держать количество ошибок на приемлемом уровне.

Но этот встроенный механизм крайне уязвим к деградации понимания между учёными. За *цепочкой взаимного признания* должна стоять *цепочка взаимного понимания.*

Что если в аудитории на 1 000 ученых окажется всего одна пара полностью понимающих друг друга? А если одна пара на миллион? Будет ли это всё ещё наукой? Чем реже среди ученых «пары», способные полностью понять друг друга, тем условнее становится научный диалог. Ученые всё больше полагаются на доверие, и всё меньше – на понимание. В конце концов, однажды в аудитории может не оказаться ни одного человека, который понимает докладчика полностью. Можно назвать это «сценарием Вавилонской башни».

Но что ограничивает возможность понимания учеными друг друга? И как, собственно, достигается понимание?

На этот вопрос отвечает весьма авторитетная традиция: герменевтика. Однако, и теории неявного знания есть что сказать на эту тему.

В своём эссе «Understanding without frames» [Turner 2014, p. 30-54] Стивен Тёрнер противопоставляет два режима интерпретации: понимание на основе фреймов и радикальную интерпретацию.

Считается, что коммуникация делает возможной наличие общей рамки мышления, которую называют «фреймом», «бэкграундом», «фоновым знанием» [Taylor 1989], «коллективным неявным знанием» [Collins 2010], а в герменевтике – «предпониманием». Тёрнер ставит под сомнение эту модель: остаётся много неясного в том, как возникает фрейм; что подтверждает его реальность; что гарантирует его совпадение у сторон коммуникации; и каким образом исправляются ошибки, когда они возникают. «Фреймовая» концепция должна быть если не отброшена, то дополнена чем-то ещё.

В качестве альтернативы Тёрнер предлагает радикальную интерпретацию (концепция Дональда Дэвидсона [Davidson 1973]). Он утверждает, что понимание Другого опирается на наблюдение за поведением – и *только* на него, т.к., по сути, вся доступная информация – это и есть поведенческие данные. Наблюдая за действиями Другого, мы формируем догадку о его ментальном состоянии, чтобы сделать эти действия постижимыми.

Однако, радикальная интерпретация – медленный процесс. Огромное количество взаимодействий – особенно в случаях, когда люди «понимают друг друга с полуслова» – как раз не могут быть объяснены радикальной интерпретацией. Зато они хорошо объясняются гипотезой общего фрейма.

На самом же деле, мы всё время переключаемся между этими режимами. Когда фрейм даёт сбой, мы как бы переходим «на пониженную передачу» – как делают при вождении

автомобиля или велосипеда, когда идут на крутой подъём. За счёт этого, мы преодолеваем сложное место: медленно, с б***о***льшим усилием – но и с большей глубиной понимания.

Это же относится и к науке. Общение предметников, занимающихся одной темой, в основном, проходит в беглом режиме. Но стоит столкнуться людям из разных дисциплин или школ, и приходится прояснять нюансы терминологии, постановки задачи, методики исследования – т.е. переходить на пониженную передачу. Можно сказать, наука является огромной конференцией (т.е. беседой, разговором, диалогом), распределенным во времени и в пространстве: между тысячами лабораторий, журналов и круглых столов.

Похожие идеи развивала Стэнфордская школа философии науки, говоря о «разъединенности науки» (disunity of science) и «зонах обмена» [Galison 1997]; мозаичности научной картины мира (patchwork of laws) [Cartwright 1999], метафизическом плюрализме (множественности научных онтологий) [Dupre 1993].

Наука является процессом общения людей, *частично понимающих друг друга*. Это неизбежно – больше того, представляется, что в этом плюрализме практик, онтологий и теорий есть свои плюсы: например, особая творческая продуктивность общения в зонах обмена.

Вместе с тем, нарастающая дифференциация научного знания – это серьёзная угроза, т.к. она способна нарушить связность сети взаимного понимания, и тогда социальный механизм, о котором мы говорим, перестанет работать.

Причем, если это случится – это станет заметно не сразу: научная деятельность будет продолжаться, механизмы, отвечающие за верификацию (апробацию) научного знания, будут совершать предписанные им обороты – но на самом деле, они будут проскальзывать, работать вхолостую. Это может длиться довольно долго, пока какое-то драматическое событие или череда событий не сделает кризис заметным.

Как можно парировать эту угрозу?

Этот вопрос заслуживает отдельного исследования, но можно сформулировать некие требования к решению: что должен включать в себя процесс, который сможет парировать нарастающую дифференциацию научного знания.

Он должен включать два компонента. Во-первых, (1) постоянное общение специалистов-предметников в рамках своих специализаций. Во-вторых, (2) постоянное общение в зонах обмена. Само по себе это достаточно очевидно. Принципиально то, что обойтись только первым компонентом – нельзя, т.к. он усиливает существующие связи, но не создаёт новых. В итоге, сеть всё равно утратит единство, разбившись на набор отдельных кластеров, достаточно связных внутри, но лишенных связи с другими кластерами. Необходимо именно сочетание компонентов (1) и (2). Один усиливает существующие связи; другой создаёт новые.

Это позволит, отдавая себе отчёт в факте разобщённости науки (и извлекая из него пользу), удержать её в границах, в которых она не угрожает разорвать науку на отдельные фрагменты.

Возможно, эту функцию способна взять на себя философия.

Представьте себе город. Вы живёте в этом городе и перемещаетесь только на метро. Выйдя из метро, вы ходите вокруг станции по своим делам – но никогда не ходите между

станциями пешком. Поэтому город существует для вас в виде разорванных фрагментов, центрированных вокруг станций метро.

Предметные науки похожи на таких горожан, а территория вокруг станций – на их предметные области. В силу имманентно заложенной в них тенденции к углублению в предмет, они ходят только вокруг своих станций и не стремятся сознательно расширить свой ареал. Да, они постепенно его расширяют – но ненамеренно и, в сущности, случайно: когда та или иная внутренняя надобность побуждает их выйти за привычные границы.

Но если вы сознательно начнёте ходить между станциями пешком, вы непременно увидите город по-новому. Разорванные фрагменты начнут соединяться в единую картину. Правда, эти путешествия породят и множество проблем: вы столкнётесь и с проблемами понимания (описанных Полани, Коллинзом, Тёрнером), и с локальностью законов (Картрайт), и с множественностью онтологий (Дюпре).

При этом, области предметных наук сохранят некоторую автономию. Пытаться полностью свести все науки к словарю и практикам какой-то одной из них – было бы ошибкой. Наличие научных субкультур и зон обмена – не случайность, которую следует устранить, а данность, имеющий глубокие основания в том, как устроен мир. Вероятно, останется и некий общий знаменатель, объединяющий все дисциплины: сочетание представлений и вмешательств (representing and intevening), описанное Яном Хакингом [Hacking 1983].

Какая бы дисциплина ни взялась выполнять интегрирующую функцию в науке, ей придётся двигаться в этом направлении, приблизительно этим маршрутом.

Список литературы

1. Cartwright 1999 – Cartwright N. The Dappled World: A Study of the Boundaries of Science. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 260 p.
2. Collins 2010 – Collins H. Tacit and Explicit Knowledge. Chicago, London: The University of Chicago Press, 2010. 202 p.
3. Davidson 1973 – Davidson D. Radical Interpretation. // Dialectica. 1973. Vol. 27. No. 3/4. P. 313–328.
4. Dupre 1993 – Dupre J. The Disorder of Things: Metaphysical Foundations of the Disunity of Science. Cambridge, Mass., 1993. 320 p.
5. Galison 1997 – Galison P. Image and Logic: A Material Culture of Microphysics. Chicago: University of Chicago Press, 1997. 955 p.
6. Geertz 1983 – Geertz C. Local Knowledge: Further Essays on Interpretive Anthropology. New-York: Basic Books, 1983. 244 p.
7. Hacking 1983 – Hacking I. Representing and Intervening: Introductory Topics in the Philosophy of Natural Science. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 287 p.
8. Polanyi 2005 – Polanyi M. Personal Knowledge. Towards a Post-Critical Philosophy. London: Routledge, 2005. 503 p.
9. Taylor 1989 – Taylor C. Sources of the Self: The Making of the Modern Identity. Cambridge, 1989. 624 p.
10. Turner 2014 – Turner S. Understanding the Tacit. London, New York.: Routledge, 2014. 247 p.

УДК 167

ЗАМКНУТЫЕ ТЕОРИИ В. ГЕЙЗЕНБЕРГА И ЗОНЫ ОБМЕНА П. ГАЛИСОНА: ДВЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ

Дорожкин Александр Михайлович
Доктор философских наук
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор
E-mail: a.m.dorozhkin@gmail.com

Аннотация: В работе рассматриваются две концепции связи между относительно изолированными друг от друга этапами или разделами научного знания, представленными Т. Куном и П. Галисоном, с одной стороны, и В. Гезенбергом – с другой. Даются краткие характеристики каждой из данных концепций. Отмечено, что П. Галисон, преодолевая куновский принцип несоизмеримости нормальных наук разных парадигм, в своей концепции вынужденно прибегает к необходимости формирования упрощенного языка общения между сторонниками разных парадигм. В отличие от этой точки зрения, Гейзенберг и его сторонники, выделяя различие между разделами знания, не возводят непреодолимых смысловых и языковых границ между ними, а различие между такими разделами физического знания усматривают в усложнении опыта, что приводит к возможности использовать определенные смысловые и языковые формы одной «замкнутой теории» в другой. Высказывается предположение, что концепция Галисона в основном способствует развитию прикладных форм научного знания, а гейзенберговская – фундаментальных. В работе также отмечаются и некоторые затруднения в развитии данных концепций.

Ключевые слова: философия науки, развитие науки, несоизмеримость, замкнутая теория, зона обмена, пиджин сайенс.

CLOSED THEORIES OF W. HEISENBERG AND TRADING ZONES OF P. GALISON: TWO TRENDS IN PROGRESS OF SCIENCE

Dorozhkin Alexandr Mikhailovich
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, professor

Abstract: This paper examines two concepts of the relationship between relatively isolated stages or sections of scientific knowledge, presented by T. Kuhn and P. Galison, on the one hand, and W. Heisenberg, on the other. Brief descriptions of each of these concepts are provided. The author notes that in his concept, P. Galison, overcoming Kuhn's principle of the incommensurability of normal sciences from different paradigms, has to resort to the formation of a simplified language of communication between proponents of different paradigms. In contrast to this viewpoint, Heisenberg and his supporters, while highlighting the differences between sections of knowledge, do not construct insurmountable semantic and linguistic boundaries between them. They see the difference

between such sections of physical knowledge in the increasing complexity of experience, which leads to the possibility of using certain semantic and linguistic forms of one “closed theory” in another. The author suggests that Galison's concept primarily contributes to the development of applied science, while Heisenberg's concept contributes to the changes in fundamental science. The work also notes some difficulties in the development of these concepts.

Keywords: philosophy of science, progress of science, incommensurability, closed theory, trading zone, pidgin science.

В данной работе хотелось бы провести сравнительный анализ концепции развития научного знания В. Гейзенберга и его последователей, с одной стороны, и П. Галисона и его сторонников – с другой. При этом отметим, что если концепция Галисона ныне все же является довольно прозрачной для знакомства, то о замкнутых теориях Гейзенберга, по нашим сведениям, известно довольно мало. Поэтому представляется необходимым уделить более пристальное внимание знакомству именно с концепцией Гейзенберга и ее интерпретациями в современной литературе.

Вначале необходимо отметить, что и та, и другая концепции затрагивают проблему совместимости, соответствия различных научных теорий как в диахроническом, так и в синхроническом плане. Проблемы совместимости не существует в концепциях, предполагающих плавное, не скачкообразное развитие научного знания, однако в некумулятивистских концепциях они имеет место, причем именно последние на сегодня более адекватно выражают реальную историю развития науки. Самой заметной и популярной из последних является парадигмальная концепция Т. Куна, в рамках которой автором был выдвинут принцип несоизмеримости, согласно которому положения нормальных теорий одной парадигмы несоизмеримы, то есть принципиально несопоставимы с нормальными теориями другой. Проще говоря, это означает, что, допустим, физики одного направления и физики другого говорят на разных языках и поэтому понять друг друга не могут. Такое положение следует из куновской парадигмальной концепции, однако это уже не полностью соответствует реальности, хотя совершенно игнорировать действительно имеющие место коммуникативные затруднения в практике научной деятельности нельзя. Наличие конкретных, специализированных языков общения узкого круга специалистов действительно имеет место.

Питер Галисон [Галисон 2004], учитывая наличие такого разноязычия, предложил концепцию «зон обмена», согласно которой, в ходе реального решения определенных научных задач, требующих совместных усилий ученых и инженеров разных направлений, вырабатывается новый, упрощенный язык общения, названный «пиджин сайенс» по примеру формирования «пиждин инглиш», сформированный, как известно, в ходе торговых общений между англичанами и аборигенами юго-восточной Азии. При этом зоны обмена – это фактически зоны общения, где предметами такого общения в случае функционирования «пиджин сайенс» являются научные идеи, выраженные на общем, понятном сторонам общения языке, скажем так, «упрощенном научном». И, заметим, что это, по сути, вынужденная мера упрощения языка общения, единственная возможность преодоления несоизмеримости. В целом ряде работ, в основном зарубежных [Collins, Evans, Gorman 2007; Dayé 2020; Baird, Cohen 1999 и др.], эта идея получила определенное развитие. Это вкратце

направление решения проблем несоизмеримости, то есть связи одной научной теории с другой, П. Галисоном и его сторонниками.

Факт разграничения этапов развития науки был обозначен несколько ранее, чем это сделал Т. Кун. Такую попытку предпринял В. Гейзенберг в своей концепции «замкнутой теории». С его точки зрения, по крайней мере в физике, необходимо учитывать существование теорий, которые имеют весьма устойчивую систему законов, принципов, соответствующих им экспериментальных данных и прочих элементов научного знания, которые уже не могут далее улучшаться путем каких-либо модификаций. К таковым относятся классическая механика, квантовая механика, электродинамика и некоторые другие разделы физики [Гейзенберг 1987, с. 178-190]. С нашей точки зрения, такие замкнутые теории в определенной мере сопоставимы с парадигмами Т. Куна, хотя отличие между ними сразу бросается в глаза: парадигмы Куна, сменяя друг друга, одновременно отменяют предшествующую, а «замкнутые теории» Гейзенберга, по замечанию В.П Филатова, «...вошли в своего рода “золотой фонд” физического знания последних столетий, в достоверности которого в соответствующей сфере применимости не сомневается ни один физик» [Филатов 2009, с. 224]. Возможно, вследствие такой разницы Т. Кун, упоминая в своей наиболее известной работе [Кун 1975] заслуги Гейзенберга в области философии физики, не упоминает его «замкнутые теории».

Однако если рассматривать процесс выхода за рамки и парадигмы, и «замкнутой теории», то, с нашей точки зрения, более внимательное отношение к концепции Гейзенберга оправданно и вот почему. Заметим, что и нормальная наука Куна, и «замкнутая теория» Гейзенберга являются, если можно так выразиться, замкнутыми. То есть не допускающими никаких дополнительных, лучше сказать, инородных, элементов. Если таковые возникают и продолжают сохраняться в структуре нормальной науки, то происходит научная революция, в ходе которой старая парадигма просто отбрасывается, заменяясь принципиально новой. В концепции Гейзенберга все происходит несколько иначе. Да, между замкнутыми теориями, так же, как и между парадигмами, существуют смысловые разрывы. Но если для парадигм такой разрыв, по сути, является непреодолимым, то для Гейзенберга связь между замкнутыми теориями существует. Показана эта связь на примере отношений между классической и квантовой механикой. Причем такая связь отмечается не только Гейзенбергом, но и Н. Бором, и П Дираком. Для Бора такая связь, как хорошо известно, выражена прежде всего в принципе соответствия: «Принцип соответствия выражает тенденцию использовать в систематическом развитии квантовой механики каждую особенность классических теорий в рациональной транскрипции...» [Bohr 1925, p. 277]. Еще более жесткую позицию в отношении связи между классической и квантовой механиками занимает П. Дирак. Он полагает, что между этими областями знания разрывов вообще нет. Обосновывает он такое мнение, опираясь на математические описания явлений [Dirac 1939], что вообще далеко не для всех является понятным и убедительным. Гейзенберг же такую связь и вообще развитие физики определяет расширением области опыта. А последний пусть опосредованно, но связан с человеческим восприятием, которое не зависит от разницы между макро- и микрообъектами. Все дело лишь в усложнении условий и процедур получения опытных данных при различии объектов этого опыта. А отсюда и различие в теоретических интерпретациях, или, как отмечает Бор, – различных транскрипциях опытных данных.

Возвращаясь теперь к сравнению в подходах к ликвидации языковых разрывов между различными знаниями, представленных П. Галисом и В. Гейзенбергом, отметим, что Галисон,

вводя идею формирования «пиджин сайенс», идет по пути упрощения научного языка. В отличие от этого, Гейзенберг, а следом за ним и фон Вайцзеккер, идут по пути усложнения в своем понимании прогресса науки [Родина 2019]. Разумеется, компаративистский анализ должен быть более обстоятельным, что не позволяют здесь сделать весьма ограниченные рамки данной работы. А на основании представленного материала можно сделать следующий вывод. Обе упомянутые концепции обеспечивают развитие научного знания, однако концепция Галисона в большей степени, но, конечно, не абсолютно, способствует пониманию развития прикладных направлений, что, собственно, он и демонстрирует примером в своей работе [Галисон 2004]. А концепция «замкнутых теорий» – точнее идеи связи между ними, – определяет, опять же, не в абсолютной мере, развитие фундаментальной компоненты научного знания. Это и характерно для научного творчества В. Гейзенберга.

При этом, хотя бы кратко, необходимо отметить еще одну довольно важную особенность названных концепций – их влияние на развитие концепций философии науки. Так, с нашей точки зрения, построение «пиджин сайенс» должно встретить весьма основательные затруднения, если уподобить его формированию «пиджин инглиш» [Никифоров, Дорожкин 2023]. А в обширной и, прямо скажем, не простой для понимания работе «О понятии замкнутой теории Вернера Гейзенберга в свете позднего Витгенштейна» Ф. Лоран (французский писатель и переводчик) и Ф.И. Принс (немецкий физик и философ) выражают несогласие с нефальсифицируемостью как критерием научности той или иной теории, выдвинутым К. Поппером. Они пытаются показать, что «замкнутая теория» как таковая, несмотря на отсутствие фальсификатов в своем составе, все же является научной, более того, – составляющей «золотой фонд» научного знания на века [Laurent, Pris 2015]. Разумеется, при более обстоятельном рассмотрении названной темы обнаружится и еще более важные вопросы для обсуждения.

Список литературы

1. Галисон 2004 – Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. С. 64-92.
2. Гейзенберг 1987 – Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987. 183 с.
3. Кун 1975 – Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. 287 с.
4. Мельников 2003 – Мельников В.И. Теория замкнутых систем. Норильск: Норильский индустриальный институт, 2003. 148 с.
5. Никифоров, Дорожкин 2023 – Никифоров А.Л., Дорожкин А.М. Трехмерный образ науки и зоны обмена П. Галисона // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2023. Т. 6. № 2. С. 6-19.
6. Родина 2019 – Родина А.В. Трансцендентальное обоснование физики на примере «замкнутой теории» К.Ф. фон Вайцзеккера и В. Гейзенберга // Вопросы философии. 2019. № 12. С. 101-105.
7. Терентьева 2010 – Терентьева Л.Н. Силлогистика Аристотеля и замкнутая теория В. Гейзенберга // Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Одесса, 2010. Т. 7. № 2. С. 29-30.
8. Филатов 2009 – Филатов В.П. Замкнутая теория // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон, 2009. С. 243-244.

9. Baird, Cohen 1999 – Baird D., Cohen M. S. Why Trade? // Perspectives on Science. 1999. Vol. 7. No. 2. P. 231–254.

10. Bohr, 1925 – Bohr N. Atomic Theory and Mechanics // Supplement to Nature. 1925. No. 2927. P. 845-842. Reprinted in: Niels Bohr. Collected Works / Ed. by K. Stolzenburg (ed.). Vol, 5 The Emergence of quantum mechanics (mainly 1924-1926). Amsterdam: North Holland Publishing, 1984. P. 273-280.

11. Collins, Evans, Gorman 2007 – Collins H., Evans R., Gorman M. Trading Zones and Interactional Expertise // Studies in History and Philosophy of Science. 2007. Vol. 38. No. 4. P. 657–666.

12. Dayé 2020 – Dayé Ch. Fast Trade? Interdisciplinarity under Time Pressure // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2020. Т. 3. № 1. С. 80–100.

13. Dirac 1939 – Dirac P.A.M. The Relation between Mathematics and Physics // Proceedings of the Royal Society (Edinburgh). 1938-1939. Vol. 59. Part II. P. 122-129. Communicated to the Royal Society of Edinburg, February 6, 1939 // Dirac P.A.M. 1995. Collected Works. 1924-1948. Edited by R.H. Dalitz, p. 907.

14. Laurent, Pris 2015 – Laurent F., Pris F.-I. Sur la notion de théorie close de Werner Heisenberg à la lumière du second Wittgenstein // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 30. № 6. С. 1-35.

15. Scheibe 1999 – Scheibe E. Die Reduktion physikalischer Theorien. Ein Beitrag zur Einheit der Physik. Teil II: Inkommensurabilität und Grenzfallreduktion. Berlin; Heidelberg: Springer Verlag, 1999. 276 S.

16. Scheibe 2001 – Scheibe E. Between Rationalism and Empiricism. Selected Papers in the Philosophy of Physics / Ed. by B. Falkenburg. Berlin; Heidelberg: Springer Verlag, 2001. 236 p.

УДК 001.1:316.77

ПРЕСС-РЕЛИЗ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ: ОТ ИНФОРМАЦИИ К ТРАНСФОРМАЦИИ

Зеликина Дарья Викторовна
Кандидат химических наук
Институт биохимической физики им. Н.М Эмануэля Российской академии наук, научный сотрудник
E-mail: dusman.05@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена философскому анализу трансформации пресс-релиза научного знания в условиях цифровизации массовой коммуникации. Традиционно рассматриваемый как инструмент передачи информации журналистам, пресс-релиз как форма подачи научного знания эволюционирует в «гибридный текст», сочетающий научные, журналистские и рекламные практики, – феномен, который исследователи обозначают как «гибридизацию научной коммуникации». Анализ информационного содержания научных пресс-релизов, каналов их распространения, а также определяющих критериев оценки публичного интереса показал, что пресс-релиз научного знания становится не просто

«сценой» представления информации, но функциональной «ареной» её трансформации, стимулирующей междисциплинарный диалог.

Через призму концепции научной парадигмы Т. Куна показано, что «общность установок и видимая согласованность» создают условия для преемственности и трансформации знания, тогда как несоизмеримость способов видения мира и различие исследовательских практик между конкурирующими школами порождают конфликт ценностей внутри экспертных сообществ. При этом индивидуальные ценности и биографический опыт отдельных исследователей обусловливают вариативность позиций внутри научных групп – ярким примером служит расхождение в оценке социальной значимости исследований: «наука должна (или не должна) быть полезной для общества». В условиях массовой коммуникации этот конфликт ценностей становится видимым не только внутри научного сообщества, но и на границе экспертной и публичной сфер. В этом смысле пресс-релиз перестаёт быть инструментом технической передачи фактов – он становится актом интеллектуально-духовной деятельности, в котором переплетаются индивидуальные и коллективные измерения научного сознания.

Отдельное внимание уделяется видео-абстракту как новой форме научной коммуникации, направленной на распространение научного знания и отражающей двойное измерение –индивидуальное самовыражение исследователя в рамках коллективных стандартов издательств. В то же время показано, что популяризация приводит к «эффекту лёгкости» – переоценке аудиторией собственной компетентности за счёт упрощения подачи научного знания.

В заключении отмечается, что зазор между ценностями научного сообщества и ценностями массовой аудитории порождает необходимость в новых формах коммуникации («место встречи» науки и культуры), где научное знание трансформируется из экспертного инструмента в элемент культурной деятельности, требующий интеграции интеллекта и культуры духа.

Ключевые слова: пресс-релиз, информация, научное знание, научная парадигма, трансформация, культура

PRESS RELEASE OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE: FROM INFORMATION TO TRANSFORMATION

Zelikina Daria Viktorovna

Emanuel Institute of Biochemical Physics of the Russian Academy of Sciences / researcher

Abstract: This article is devoted to a philosophical analysis of the transformation of the press release of scientific knowledge in the context of the digitalization of mass communication. Traditionally regarded as a tool for conveying information to journalists, the press release as a form of presenting scientific knowledge evolves into a «hybrid text» combining scientific, journalistic, and advertising practices – a phenomenon researchers term as «the hybridization of science communication». An analysis of the informational content of scientific press releases, their dissemination channels, and the defining criteria for evaluating public interest has shown that the press release of scientific knowledge is becoming not merely a «stage» for presenting information but a functional «arena» of its transformation, stimulating interdisciplinary dialogue.

Through the prism of Thomas Kuhn's concept of the scientific paradigm, it is shown that «commitment and the apparent consensus» create the conditions for the continuity and transformation

of knowledge, whereas the incommensurability of worldviews and research practices between competing schools generates a conflict of values within expert communities. At the same time, individual values and the biographical experience of particular researchers give rise to a variability of positions within scientific groups – a vivid example being the divergence in the assessment of the social significance of research: science should (or need not) be socially useful. Under the conditions of mass communication, this conflict of values becomes visible not only within the scientific community but also at the boundary between the expert and public spheres. In this sense, the press release ceases to be an instrument for the technical transmission of facts – it becomes an act of intellectual and spiritual activity in which individual and collective dimensions of scientific consciousness are intertwined.

Special attention is paid to the video abstract as a new form of scientific communication aimed at disseminating scientific knowledge and reflecting a dual dimension – the individual self-expression of the researcher within the collective standards of publishers. At the same time, it is shown that popularization leads to an «easiness effect» – an overestimation by the audience of its own competence through the simplification of the presentation of scientific knowledge.

In conclusion, it is noted that the gap between the values of the scientific community and the values of the mass audience gives rise to the need for new forms of communication (a «meeting place» of science and culture), where scientific knowledge is transformed from an expert instrument into an element of cultural activity requiring the integration of intellect and culture of spirit.

Keywords: press release, information, scientific knowledge, scientific paradigm**,** transformation, culture

1. Пресс-релиз научного знания как философская проблема

Традиционно пресс-релиз рассматривается как краткое информационное сообщение для представителей СМИ, содержащее актуальную новость или значимую информацию для целевой аудитории. Его цель – привлечь внимание журналистов и побудить их к освещению события или деятельности организации. Ключевым элементом пресс-релиза является новость, которая может быть подготовлена самой организацией или PR-агентством по её поручению. Основная функция пресс-релиза заключается в обеспечении эффективной коммуникации между организацией и медиа, а также в формировании благоприятного общественного мнения [Пискунова 2017, с. 7–8].

В научной среде пресс-релизы дифференцируются по содержанию, включая анонсы книг, деловые объявления, гранты и награды, конференции, рецензируемые публикации и отчёты о научных мероприятиях [Zhang et al. 2025, p. 3]. С усилением цифровизации каналы распространения научных пресс-релизов расширяются, включая не только традиционные медиа, но и социальные сети, блоги, а также специализированные платформы-посредники (например, EurekAlert!), институциональные новостные каналы университетов, медицинских центров, научных журналов и государственных агентств [Zhang et al. 2025, p. 1–2]. Эта дифференциация отражает онтологический сдвиг: он становится не просто «сценой» – пространством для представления информационного сообщения, – но функциональной «ареной», где разворачивается поле трансформации научного знания, порождающее междисциплинарный диалог.

В работе [Batista de Oliveira et al. 2026, p. 2–3] обсуждается переход пресс-релиза от инструмента для журналистов к прямому каналу коммуникации с аудиторией. Авторы исследования предлагают систему оценки публичного интереса, выделяя семь критериев:

техническая информация (дата публикации, источник, ссылка на статью), внешние источники (не связанные с исследованием), общественное значение (социальная значимость и последствия), отсутствие сенсационных выражений и преувеличений, читаемость (язык без необъяснённых терминов), дизайн (читаемость, использование макета) и открытый доступ (свободный доступ к пресс-релизу и материалам) [Ibid., p. 7]. Эти критерии свидетельствуют о том, что пресс-релиз перестаёт быть нейтральным посредником и превращается в «гибридный текст», сочетающий научные, журналистские и рекламные практики – явление, которое исследователи называют «гибридизацией научной коммуникации» [Ibid., p. 2].

Но что лежит в основе этой трансформации? Кто определяет динамику развития научного знания? В какой момент происходят его сущностные изменения?

Для ответа на эти вопросы хочется обратиться к специфике научного знания – в частности, к понятию научной парадигмы. Как писал Т. Кун, парадигма – это «признанные научные достижения, которые дают научному сообществу модель постановки проблем и решений», «общепринятые примеры фактической практики научных исследований» [Кун 2003, с. 17, 34–35]. Научные парадигмы объединяют исследователей, а «общность установок и видимая согласованность» представляют предпосылки для «нормальной науки». Одним из значимых различий между конкурирующими школами является несоизмеримость способов видения мира: представители разных школ по-разному выбирают эксперименты и интерпретируют результаты. В то же время Кун признаёт существование субъективных ценностей: «хотя ценности бывают широко признанными среди учёных... конкретное применение ценностей иногда сильно зависит от особенностей личности и биографий» [там же, с. 238]. Ярким примером служит расхождение в оценке социальной значимости: наука «должна (или не должна) быть полезной».

В условиях массовой коммуникации этот конфликт ценностей становится видимым на стыке экспертной и публичной сфер. Для научного сообщества, ориентированного на стандарты ведущих рецензируемых журналов Food Science (Q1), значимость определяется двумя комплементарными измерениями: универсальными критериями качества (оригинальность, строгость, этика, прозрачность) и специфическими критериями новизны, зависящими от типа издания. Междисциплинарные журналы (*Nature Food*, *Food & Function*, *Trends in Food Science & Technology*) обращены к широкой аудитории – от исследователей разных дисциплин до практиков и управленцев, формируя системные нарративы об оптимизации продовольственных систем, физико-химических свойствах компонентов и их влиянии на здоровье, исследовательских пробелах в области. Специализированные журналы измеряют новизну в узких рамках: через структурно-функциональные связи пищевых компонентов (*Food Hydrocolloids*), строгую аналитическую валидацию (*Food Chemistry*), инновационные технологии (*Innovative Food Science and Emerging Technologies*) или качество сырья и его применение в пищевых продуктах (*Poultry Science*, *International Dairy Journal*). Таким образом, тип издания задаёт логику оценки знания – от фундаментальной характеристики материалов до междисциплинарного исследовательского проекта, адресованного широкой аудитории и политикам. Это варьирование по-разному определяет границу между «важным» и «неважным» знанием, что особенно актуально при трансляции результатов в публичную сферу.

2. Пресс-релиз как отражение индивидуальной и коллективной интеллектуально-духовной мысли

Пресс-релиз научного знания не сводится к технической передаче информации: он становится актом интеллектуально-духовной деятельности, в котором переплетаются

индивидуальные и коллективные измерения научного сознания. С одной стороны, автор пресс-релиза – будь то сам исследователь, научный коммуникатор или PR-специалист – осуществляет индивидуальный выбор: какие результаты представить, какую терминологию использовать, какую «историю» рассказать. Этот выбор не произволен: он определяется личными ценностями, интеллектуальными приоритетами и духовной позицией автора, его пониманием миссии науки [Кун 2003, с. 238]. Именно здесь проявляется субъективное измерение научной коммуникации: одно и то же открытие может быть представлено как прорыв в понимании природных механизмов, как методологическое достижение или как шаг к практическому применению – и этот выбор отражает индивидуальную интеллектуально-духовную установку.

С другой стороны, пресс-релиз всегда адресован коллективному сознанию – научному сообществу, медиа-аудитории, обществу в целом. В нём закрепляются те ценности, которые коллективно признаны значимыми: социальная значимость, инновационность, междисциплинарность. При этом, как показывает анализ критериев [Oliveira et al. 2026, p. 7], коллективные ожидания формируют стандарты научного пресс-релиза – читаемость и доступность для восприятия, открытый доступ к первоисточнику, отсутствие гиперболизации. Таким образом, пресс-релиз выступает как точка пересечения индивидуальной творческой позиции и коллективных норм научной коммуникации, как пространство, где личная интеллектуально-духовная мысль вступает в диалог с общественным сознанием.

Видео-абстракт научных статей особенно наглядно демонстрирует это двойное измерение. С одной стороны, исследователь, представляя свою работу в видеоформате, осуществляет глубоко личный акт самовыражения: выбор интонации, жестов, визуальных образов отражает его индивидуальное понимание значимости собственного исследования, не сводимое к коллективным стандартам [Ferreira 2023, pp. 2–5]. С другой стороны, технические требования издательств (формат, длительность, структура «главного послания» («take-home message»)) [JGP 2026, web; Elsevier 2026, web; Science Exploration 2026, web] формируют коллективно признанные рамки, в которых индивидуальная мысль обретает доступную форму.

Однако, отдельно стоит отметить и последствия упрощения формы научного знания: исследование [Salzmann et al. 2025, pp. 2–3] демонстрирует «эффект лёгкости» – переоценку аудиторией собственной компетентности, возникающую, по всей видимости, как результат замещения глубины экспертного знания более доступной, но поверхностной ясностью, с использованием упрощённых формулировок.

3. Пресс-релиз как элемент новой культурной картины мира

Если рассматривать культуру как пространство разделяемого смысла, то пресс-релиз научного знания выступает её активным конструктором. Он не просто транслирует готовое знание, но участвует в формировании новой культурной картины мира, где научное открытие становится частью повседневного дискурса. В этом смысле пресс-релиз функционирует как «место встречи» науки и культуры: здесь экспертное знание облекается в знакомые культурные формы и приобретает способность резонировать с широкой аудиторией.

В современных условиях развития техногенной цивилизации особую актуальность приобретает задача формирования новой культурной картины мира и новой научной картины мира при понимании культуры духа [Герасимова 2024, с. 108]. Как отмечается в материалах форума, посвящённого философии Рериха, эта задача требует интеграции интеллекта и культуры духа, культуры синтеза, синтеза знания и красоты как философских проблем, имеющих практическое значение [Герасимова 2024, с. 108].

Формирование новой культурной картины мира сопряжено с трансформацией самой научной картины мира. Дифференцированные критерии экспертной оценки остаются невидимыми для массовой аудитории. Для неё ключевым предиктором интереса служит не техническая безупречность или структурная новизна, а субъективно воспринимаемая полезность исследования [Dubey 2022, pp. 1, 5]. Именно этот зазор между экспертными критериями значимости и публичными ожиданиями порождает необходимость в новых формах коммуникации – пресс-релизах, популяризации, визуализации, которые и становятся тем пространством, где научное знание трансформируется, приобретая культурную узнаваемость.

Следовательно, зазор между ценностями научного сообщества и массовой аудитории – будь то дистанция экспертного и публичного дискурсов, расхождение институциональных критериев или соперничество внутри научных парадигм – становится движущей силой изменения статуса научного знания. Из экспертного инструмента оно превращается в элемент культурной деятельности, требующий новых форм представления.

Список литературы

1. Герасимова 2024 – Герасимова И.А. (отв. ред.) Синтез знания и красоты. К 150-летию со дня рождения Н.К. Рериха: материалы Междунар. науч.-практ. форума (Москва, Ин-т философии РАН, 20–22 марта 2024 г.). М.: СПб: Улан-Батор : Киров: Киров. ордена Почёта гос. универс. обл. науч. б-ка имени А.И. Герцена, 2024. 496 с.
2. Кун 2003 – Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Т. Кун; Сост. В.Ю. Кузнецов. М.: АСТ, 2003. 605 с.
3. Пискунова 2017 – Пискунова М.И. Пресс-релиз и другие PR-тексты: учебно-методическое пособие. М.: Ф-т журн. МГУ, 2017. 34 с.
4. Dubey 2022 – Dubey R., Griffiths T.L., Lombrozo T. If it's important, then I'm curious: Increasing perceived usefulness stimulates curiosity // Cognition. 2022. Vol. 226. Art. 105193. URL: https://doi.org/10.1016/j.cognition.2022.105193 (дата обращения: 18.04.2026).
5. Elsevier, 2026, web – Media specifications for authors // Elsevier. URL: https://www.elsevier.com/researcher/author/policies-and-guidelines/artwork-and-media-instructions/media-specifications (дата обращения: 22.04.2026).
6. Ferreira 2023 – Ferreira M., Lopes B., Granado A., Siopa C., Gaspar H., Castro H., Castro S., Loureiro J. Video abstract production guide // Frontiers in Communication. 2023. Vol. 8. Art. 1060567.
7. JGP, 2026, web – Guidelines for preparing video summaries // Journal of General Physiology. URL: https://rupress.org/jgp/pages/video-summary-guidelines (дата обращения: 22.04.2026).
8. Oliveira 2026 – Oliveira M.B., Hafiz M., Fleerackers A., Nunes L.B., Barata G.F. Science News Agencies in science communication: an exploratory index for evaluating and enhancing public interest in mass-distributed press releases // Journal of Science Communication. 2026. Vol. 25. № 1. A05. URL: https://doi.org/10.22323/147220251226071311 (дата обращения: 18.04.2026).
9. Salzmann 2025 – Salzmann S., Walther C., Kaspar K. A new dimension of simplified science communication: the easiness effect of science popularization in animated video abstracts // Frontiers in Psychology. 2025. Vol. 16. Art. 1584695.

10. Science Exploration, 2026, web – Graphical/Video Abstract Guidelines // Advances in Lipoprotein(a) Research. URL: https://www.sciexplor.com/alr/graphical_video_abstract_guidelines (дата обращения: 22.04.2026).

11. Zhang 2025 et al. – Zhang J., Dudek J., Orduña-Malea E., Mazoni A. F., Costas R. An open dataset of Eurekalert! press releases for science communication research // Scientific Data (Nature Portfolio). 2025. Vol. 12. Art. 1606. URL: https://doi.org/10.1038/s41597-025-05865-1 (дата обращения: 18.04.2026).

УДК 165

ФАКТОРЫ ОШИБОК ЭКСПЕРТНОГО МНЕНИЯ И МЕТОДЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Катунин Александр Викторович
Институт философии РАН, м.н.с.
E-mail: alexandrkatunin@gmail.com

Аннотация: В статье анализируются факторы возникновения ошибок в экспертном мнении и предлагаются методы их преодоления. Автор исходит из парадокса современного «общества знания»: беспрецедентная доступность информации сопровождается падением доверия к экспертизе, чему способствуют как внешние (цифровая среда, популизм), так и внутренние когнитивные механизмы. В статье уточняется понятие экспертного мнения как вероятностного, контекстуального и проверяемого суждения, отличного от догматического утверждения. Автор показывает, что даже высококвалифицированные специалисты подвержены систематическим когнитивным искажениям (эффект слепого пятна, предвзятость подтверждения, ошибка выжившего и др.). В качестве решения предлагается трёхуровневая система обнаружения и устранения ошибок: индивидуальный (дебиасинг, журнал ошибок, фальсифицируемость), институциональный (слепая экспертиза, перекрёстная проверка, матрица компетенций) и коммуникативный (эпистемические маркеры, воспроизводимость, прозрачность конфликта интересов). Отмечается, что ни один метод не является панацеей; оптимальный результат даёт комбинация подходов с перекрёстной верификацией. Ключевым условием эффективности называется корпоративная культура, в которой признание ошибки не разрушает репутацию, а служит признаком профессионализма.

Ключевые слова: экспертное мнение, когнитивные искажения, эпистемические маркеры, критическое мышление, доверие к науке, экспертиза.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-00580, https://rscf.ru/project/26-18-00580/

FACTORS CONTRIBUTING TO ERRORS IN EXPERT OPINION AND METHODS FOR OVERCOMING THEM

Katunin Aleksandr Viktorovich
Junior Scientific Associate, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

Abstract: The article examines factors contributing to errors in expert opinion and proposes methods for overcoming them. The author starts from the paradox of the modern "knowledge society": unprecedented access to information is accompanied by a decline in trust in expertise, driven by both external factors (digital environment, populism) and internal cognitive mechanisms. The article clarifies expert opinion as probabilistic, contextual, and revisable judgment, distinct from dogmatic assertion. It is shown that even highly qualified specialists are susceptible to systematic cognitive biases. A three-level system for detecting and correcting errors is proposed: individual, institutional, and communicative. None of these methods is a panacea; the optimal result comes from combining approaches with cross-validation. The key condition for effectiveness is a corporate culture where acknowledging error does not ruin reputation but serves as a sign of professionalism.

Keywords: expert opinion, cognitive biases, epistemic markers, critical thinking, trust in science, expertise.

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of grant № 26-18-00580, https://rscf.ru/project/26-18-00580/

Современную эпоху принято характеризовать как «общество знания» или «информационное общество». Однако парадокс нашего времени заключается в том, что никогда прежде доступ к информации не был столь обширным, и никогда прежде доверие к знанию – особенно к экспертному знанию – не находилось на столь низком уровне. Т. Николс, автор резонансной работы «Смерть экспертизы», фиксирует тревожную тенденцию: в публичном пространстве формируется устойчивое предубеждение против специалистов, которое подпитывается как популистской риторикой, так и реальными случаями ошибочных или ангажированных экспертных заключений [Николс 2019].

С развитием цифровых технологий появилась иллюзия, что доступ к информации эквивалентен обладанию знанием, а количество просмотренных материалов заменяет системное образование и многолетний опыт. В результате возник феномен, который можно назвать «дилетантским экспертным активизмом»: люди, не имеющие фундаментальной подготовки, выступают с категоричными суждениями в области медицины, экономики, юриспруденции, климата, публичной политики, и их голос зачастую оказывается громче, чем голос профессионалов. Как отмечал ещё Х. Ортега-и-Гассет, рядовой читатель читает статью не для того, чтобы почерпнуть новое знание, а чтобы сурово осудить автора, если тот говорит не то, с чем согласен сам читатель.

Прежде чем переходить к анализу факторов, приводящих к ошибкам, необходимо уточнить ключевые понятия. Т. Николс определяет экспертное знание как «…знания, которым доверяют остальные. Это трудноуловимое сочетание образования, таланта, опыта и уважения профессионального сообщества. Каждое из этих свойств – признак эксперта» [Николс 2019, с. 60]. Экспертное мнение, соответственно, — это суждение (оценка, прогноз, рекомендация), основанное на таком знании. Важно подчеркнуть, что экспертное мнение не тождественно истине в последней инстанции; оно является вероятностным, контекстуальным и открытым для ревизии, что отличает его от догматического утверждения.

Однако в современной коммуникации граница между экспертным и псевдоэкспертным мнением размывается. Люди, обладающие популярностью в социальных сетях, харизмой или ораторским мастерством, всё чаще присваивают себе статус эксперта без соответствующих оснований. Это приводит к тому, что понятие «эксперт» инфлируется, а само экспертное знание дискредитируется в глазах широкой общественности.

Причина не только во внешних факторах (цифровая среда, популизм), но и во внутренних когнитивных механизмах – как у самой аудитории, так и у экспертов. Д. Канеман и А. Тверски показали, что когнитивные искажения представляют собой систематические ошибки мышления, обусловленные эвристиками [Kahneman, Tversky 1974]. Важнейшая особенность: от них не застрахован никто, включая специалистов с высоким уровнем образования.

В своей прошлой статье [Катунин 2025] я уже рассматривал наиболее популярные когнитивные искажения, влияющие на формулирование экспертного мнения: эффект слепого пятна – отрицание того, что когнитивным искажениям подвержен любой человек, включая эксперта; предвзятость подтверждения – работа только с той информацией, которая подтверждает выбранную точку зрения; отклонение в сторону статуса-кво – выбор прежнего изученного взамен неизведанного; ошибка выжившего – исключение неудачных примеров в процессе подтверждения своей позиции; также важным в этом вопросе является некорректное использование аргументации (например, аргумент к авторитету).

Обнаружение и устранение ошибок экспертного мнения требует системного подхода, поскольку когнитивные искажения действуют на разных уровнях: от бессознательных мыслительных автоматизмов отдельного эксперта до институциональных практик научных организаций и форматов публичной коммуникации. Предлагаемая классификация различает три уровня вмешательства: индивидуальный (саморефлексия эксперта), институциональный (процедурные фильтры, задаваемые научным сообществом или заказчиком экспертизы) и коммуникативный (взаимодействие эксперта с широкой аудиторией). Каждый уровень включает методы обнаружения (выявления уже совершённой или вероятной ошибки) и устранения (коррекции или предотвращения) ошибок.

На **индивидуальном** уровне можно применять такие методы, как «устранение предвзятости» (дебиасинг) – осознанное применение контрэвристик – перед формулировкой мнения эксперту следует задаться вопросами: «Какая информация могла быть упущена?», «Какие альтернативные гипотезы существуют?»; «Ведение журнала ошибок» - в случае прогностической деятельности выявление ошибок и анализ причин, по которым они были совершены; «Фальсифицируемость» – вместо поиска подтверждений, поиск опровержения своей позиции; «Аудит компетенций» - чёткое определение для каждого экспертного заключения – не выходит ли оно за границы собственных научных компетенций.

На **институциональном** уровне могут быть применены такие методы, как «слепая и двойная слепая экспертизы» – они исключают влияние статуса и репутации эксперта на оценку (эффект слепого пятна); «перекрёстная экспертиза» – одно и то же проблемное поле оценивается независимо двумя и более экспертами из разных научных школ; «матрица контроля компетенций» – корректировка экспертного заключения, если оно выходит за пределы квалификации эксперта (особенно важно для междисциплинарных вопросов).

На уровне **публичной коммуникации** эффективны следующие методы: введение «эпистемических маркеров» – публичное указание в экспертном заключении на возможные альтернативные интерпретации и зоны незнания/отсутствия данных; «открытость метода и воспроизводимость» – публичность методик по которым проводилось экспертное заключение

с целью его воспроизводимости (исключает пост-хок подгонку данных); «прозрачность конфликта интересов» – раскрытие в экспертном заключении связей с заинтересованными сторонами (позволяет аудитории скорректировать доверие).

Предложенные приёмы обнаружения и устранения ошибок могут быть внедрены как на индивидуальном, так и на институциональном уровне. В конечном счёте, доверие к экспертизе восстанавливается не через риторику, а через процедурную прозрачность и методологическую строгость.

Однако ни один из перечисленных методов не является панацеей. Во-первых, некоторые процедуры (например, двойная слепая экспертиза) технически трудны в малых или узкоспециализированных областях, где все эксперты знают друг друга. Во-вторых, сама по себе формальная процедура может имитироваться без реального содержания («галочка» вместо рефлексии). В-третьих, существует риск «инструментального дебиасинга», когда эксперт овладевает терминологией когнитивных искажений, но продолжает мыслить по старым шаблонам, лишь умело маскируя их под рефлексивные отчёты.

Оптимальной является комбинация методов с разных уровней с перекрёстной верификацией. Например, индивидуальный дебиасинг дополняется обязательной внешней перекрёстной экспертизой, а процедура публичной коммуникации включает эпистемические маркеры, которые затем проверяются институциональным аудитом.

Кроме того, ключевым условием эффективности остаётся корпоративная культура научного сообщества: методы работают только там, где признание ошибки не ведёт к немедленному краху репутации, а, напротив, считается признаком профессионализма.

Список литературы

1. Катунин 2025 – Катунин А.В. Экспертное мнение и когнитивные искажения. / Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: Труды V Международной научной конференции / Под общей ред. И.Т. Касавина. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2025. С. 782-787. Режим доступа: http://www.rshps.ru/books/rev-evo-2025.pdf
2. Непряхин 2020 – Непряхин Н. Анатомия заблуждений: Большая книга по критическому мышлению. М.: Альпина Паблишер, 2020. 578 с.
3. Николс 2019 – Николс Т. Смерть экспертизы: как интернет убивает научные знания. Москва: Эксмо, 2019. 368 с.
4. Kahneman, Tversky 1974 – Kahneman D., Tversky A. Jujement under uncertainty: Heuristics and biases // Science.1974. Vol. 185. No. 4157. P. 1124–1131.

УДК 114:001.8

ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЕКТ: УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ НОВОГО ТИПА

Колесников Илья Владимирович

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, ведущий редактор

E-mail: kamrad174@gmail.com

Аннотация: Доклад посвящен двойственному характеру воплощения глобального эволюционизма как методологического принципа, претендующего на универсальное объяснение процессов мирового развития с учетом как философского, так и естественно-научного содержания, однако расщепляющегося на внутренне несогласованные друг с другом версии – расширительную с одной стороны, и ограниченно-утилитарную, с другой.

Для преодоления указанного противоречия к рассмотрению предлагается концепция устойчивого развития, представленная как проект эволюционного самоопределения человечества в логике реализации метода восхождения от абстрактного к конкретному.

Ключевые слова: глобальный эволюционизм, секуляризм, модерн, концепция устойчивого развития, экология, ноосфера, диалектика, развитие.

THE GLOBAL EVOLUTIONARY PROJECT: SUSTAINABLE DEVELOPMENT AS A NEW TYPE OF WORLDVIEW MODEL

Kolesnikov Ilya Vladimirovich

Institute of Scientific Information for the Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, leading editor

*Abstract: T*he report addresses the dual nature of the implementation of global evolutionism as a methodological principle that claims to provide a universal explanation of the processes of world development, taking into account both its philosophical and natural-scientific content, yet splits into internally inconsistent versions — an expansive one on the one hand, and a restrictively utilitarian one on the other.

To resolve this contradiction, the concept of sustainable development is proposed for consideration, presented as a project of humanity's evolutionary self-determination in the logic of implementing the method of ascent from the abstract to the concrete.

Keywords: global evolutionism, secularism, modernity, sustainable development concept, ecology, noosphere, dialectics, development.

На протяжении веков наука развивалась как мозаика отдельных дисциплин, каждая из которых формировалась изолировано в собственном предметном поле и интеллектуальном контексте, игнорируя достижения других областей знания [Фейерабенд 2007; Сноу 1973]. Фрагментация научного знания способствовала тому, что в результате становления точных, естественных и социогуманитарных наук появилось большое количество разрозненных фактов и их интерпретаций, которые невозможно было связать между собой. Иными словами, наука в своем историческом развитии носила дифференцированный характер, что способствовало дезинтеграции целостной картины мира и как, следствие, в сложившейся ситуации появилась востребованность поиска универсального языка для экспликации окружающего мира. По причине фрагментированности научного знания христианская метафизика прочно удерживала свои позиции, оставаясь главным фреймом для универсальной картины мира [Aerts et al. 1994].

Одним из важнейших этапов на пути формирования единой системы миропонимания стала теория эволюции Чарльза Дарвина, универсализировавшая язык описания процессов

биологического видообразования при помощи концептов наследственности, изменчивости и отбора, что однако было недостаточно для применения ее в более широком контексте – всеобщих законов развития физического мира, поскольку дарвинизм был сфокусирован только на идее эволюции живых существ. Иначе говоря, дарвинизм не содержал в себе синтезирующего начала, позволяющего рассматривать полноту универсума и, более того, носил в определенном смысле маргинальный характер в силу того, что идея роста разнообразия противоречила физикалистским представлениям об увеличении меры хаоса в природе согласно второму закону термодинамики [Пригожин, Стенгерс 1986, с. 182].

Так, ко второй половине XIX века конфликт между физической и биологической картинами мира окончательно сформировался как парадигмальный кризис науки того времени [Моисеев 1990, с. 17]. Возможным вариантом разрешения данной коллизии здесь было бы универсальное рассмотрение Вселенной в целом, через трансляцию эволюционного подхода в физику [Красилов 1986, с. 12], способного трансформировать фундаментальные физические теории, что во многом удалось благодаря объяснительному потенциалу синергетики и глобального эволюционизма. Эвристический характер обеих исследовательских программ усматривается в том, что как синергетика, так и глобальный эволюционизм фокусируют свое внимание на неизолированных классах явлений в различных средах (физических, химических, биологических, социумных) в моменты, когда те находятся в неустойчивых, т.н. открытых, а следовательно далеких от равновесия состояниях, что позволяет изменить масштаб исследуемых феноменов и интегрировать разрозненные фрагменты картины мира, представив их в рамках общей концепции планетарного развития, в синтезе неживой природы, органического мира и социокультурной среды как единого сложного и универсально организованного целого.

Глобальный эволюционизм приобрел статус научно-исследовательской и философской программы, воплотившей логику модернистской трансформации картины мира, в ходе которой научная рациональность выносила религиозные представления за скобки актуальной дискуссии по проблемам мироздания, заменяя креационистские и сотериологические концепции имманентным видением природных и общественных процессов, как самодостаточных в своем становлении, в логике самореализации которых, фактор Бога как трансцендентного начала видится избыточной гипотезой. В этом смысле глобальный эволюционизм определяется как секулярный проект, где секуляризация понимается как процесс «расколдовывания мира», в ходе которого вера в Бога вытесняется на общественную периферию, освобождая пространство плюрализма, выступая только одной из возможных легитимаций универсальной объяснительной рамки, когда за мировоззренческий индивидуальный выбор могут конкурировать как религиозные, так и светские варианты этик.

В широкой перспективе эволюционизм выявляет непримиримое противоречие между разумом и природой, приводит человека к пониманию собственной вовлеченности в природный мир, где он выступает не сторонним наблюдателем, а катализатором, многократно ускоряющим общепланетарное развитие, а в перспективе создающим риски коллапса для порядка организации всей жизни на Земле. Если религиозный провиденциализм настаивал на всеобъемлющей роли Творца, обуславливавшего природную эволюцию и человеческую историю, то в измерении секулярного порядка единственно человеческий разум становится той, по выражению В.И. Вернадского, «геологической силой», обремененной ответственностью за судьбу глобального будущего.

Вместе с тем, будучи парадигмальной программой, глобальный эволюционизм может быть интерпретирован двояким образом, что позволяет выявить фундаментальное противоречие уже внутри него самого [Болдачев 2007, с. 19].

С одной стороны, при попытке детализировать переход от абстрактной всеобщности развития к особенному и единичному — к конкретным формам движения материи и их исторической смене — он теряет объяснительный потенциал и оказывается закрыт для практической реализации в человеческой деятельности. Положенная в его основу закономерность всеобщности развития превращает глобальный эволюционизм в метафизическую схему, которая мало способствует ответу на вопрос о том, как эта закономерность реализуется. В этой версии глобальный эволюционизм, оставаясь выражением всеобщей логики развертывания абстрактного движения по всем структурным уровням организации материи, фиксирует имманентную прогрессию, но не выявляет механизмов, определяющих и гарантирующих направленность развития в конкретных обстоятельствах. В догматической форме глобальный эволюционизм постулирует необходимость роста сложности, однако не содержит механизмов, обеспечивающих этот рост в реальных исторических условиях. Логическая схема не учитывает ресурсные ограничения, экологические кризисы, социальный динамизм и тупиковые ветви эволюции. История же демонстрирует, что направленное развитие может прерываться или разрушать собственные основания [Огурцов 2004, с. 219].

С другой стороны, понятый как конкретная исследовательская программа, глобальный эволюционизм носит незавершенный характер. Каждая новая форма движения материи, будучи направленной в потенциальное будущее и ассоциированная с творческим способом мышления, возникает как непредсказуемый в своей конкретике эмерджентный скачок.

Тем не менее, это противоречие определяет уникальный методологический статус глобального эволюционизма, раскрывая его комплексный характер. Если редуцировать его к догматике, он утрачивает способность улавливать качественно новую специфику эволюционных процессов, протекающих на уровне высокоорганизованной материи. Если же отказаться от всякой систематичности, он распадается на набор эмпирических обобщений, теряя объяснительную силу.

Следовательно, глобальный эволюционизм должен удерживаться в напряжении имманентно присущего ему противоречия, между двумя полюсами — как установка на проактивность алгоритмов эволюции и как систематическая ретроспективная реконструкция уже свершившихся трансформаций.

Разрешение этого противоречия требует перехода от абстрактной логики к исторической конкретике. Реализацией такого сдвига выступает концепция устойчивого развития — не как отрицание глобального эволюционизма, а как его программа реализации, учитывающая условия самосохранения системы. Устойчивое развитие фиксирует инвариант, необходимый для того, чтобы восхождение от низших форм к высшим не обрывалось: согласование динамики сложности с пределами несущих систем (биологических, экономических, социальных). Тем самым логическое восхождение от абстрактного к конкретному обретает форму исторически действенной программы.

Несмотря на то, что концепция устойчивого развития как экологический императив была сформулирована на основе доклада Римского клуба «Пределы роста» в 1972 году, философские основания этой программы оформились гораздо раньше. На теоретическом уровне идея о том, что жизнь как субстрат эволюционного процесса развивается коэволюционно, т.е. в синтетическом сопряжении космического и земного, неорганического

и органического, живого, биокостного и костного вещества в направлении непрерывного возрастания форм своей организации вплоть до возникновения человека, получила закрепление в работах В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского, В. В. Докучаева. Глубинный этический посыл, требовавший сознательного управления развитием биосферы, основанного на научном знании, на десятилетия опередил свое время и позже был артикулирован в виде практических принципов и целей концепции устойчивого развития.

Вместе с тем, глобальная коэволюция, призванная обеспечить универсальную связность всего сущего, на деле не даёт никаких конкретных исследовательских стратегий. Оставаясь в границах умозрительной схемы, защищённой от опровержения респектабельностью абстрактной логики, она фактически требует только веры в то, что уровни живого взаимодействуют, — но не предлагает способа проверить это утверждение. Если глобальный эволюционизм, взятый как логика, претендует на универсальность, необходим момент конкретизации, способный отразить противоречивый момент его воплощения. Логическая схема глобального эволюционизма, будучи приложенной к самой себе как к реальному процессу, порождает требование: для того, чтобы восхождение от низших форм к высшим не прервалось, система должна выработать механизмы самосохранения на каждом этапе. Эти механизмы и есть историческая конкретика — не предзаданная, а вырабатываемая. Устойчивое развитие, выступая инвариантом конкретного, превращает глобальный эволюционизм в инструмент проектирования будущего, формулирует творческую установку на развитие мирового сообщества в деятельностном ключе, предлагая условия сохранения направленного прогресса в исторической специфике сегодняшнего дня.

Список литературы

1. Болдачев 2007 – Болдачев А.В. Новации. Суждения в русле эволюционной парадигмы. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 256 с.
2. Красилов 1986 – Красилов В.А. Нерешенные проблемы теории эволюции. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986. 140 с.
3. Моисеев 1990 – Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М.: Мол. гвардия, 1990. 351 с.
4. Огурцов 2004 – Огурцов А.П. Биологические метафоры, в которых живет культура // Биология и культура. М.: Канон+, 2004. С. 202-240.
5. Пригожин, Стенгерс 1982 – Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1982. 432 с.
6. Сноу 1973 – Сноу Ч.П. Две культуры и научная революция. Две культуры. М.: Прогресс, 1973. С. 17-61.
7. Фейерабенд 2007 – Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ, 2007. 413 с.
8. Aerts D. et al. 1994 – Aerts D. Worldviews: From Fragmentation Towards Integration / D. Aerts, L. Apostel, B. De Moor, S. Hellemans, E. Maex, H. Van Belle, J. Van Der Veken. Brussels: VUB Press, 1994. 78 p.

УДК 168

ДИНАМИКА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ С ПОЗИЦИИ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Марача Вячеслав Геннадиевич
Кандидат философских наук
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»,
доцент
E-mail: maratcha@yandex.ru

Аннотация: В докладе на основе эволюции авторского подхода от методологического институционализма к системно-институциональному подходу рассматривается проблема динамики научного знания. Исходная точка исследования — феномен «рефлексивного замыкания» в процедуре эмпирической проверки теории, возникающий вследствие теоретической нагруженности языка наблюдения. Показано, что классические стратегии разрешения этой проблемы (рефлексивный натурализм и рефлексивный конструктивизм) не позволяют обосновать объективность знания, оставляя единственной опорой институциональную организацию науки.

В противовес методологическому индивидуализму К. Поппера и социальному институционализму Т. Куна обосновывается позиция методологического институционализма, согласно которой подлинным субъектом познания выступает научное сообщество как носитель институционально-организованного коммуникативного мышления. Ключевым принципом анализа становится принцип непараллелизма формы и содержания мышления, позволяющий выделить два типа научных революций: 1) смену онтологий и направляющих схем метода (содержательные/онтологические революции) и 2) смену институционально-организационных схем при участии мирообразующих схем (формальные/институциональные революции).

Далее прослеживается трансформация исходного замысла: от эпистемологии науки — к методологии системно-институциональных исследований. Методологический институционализм разворачивается в системно-институциональный подход, опирающийся на онтологию «общественной практики» (три мира: деятельностно-природный, социокультурный и мыследеятельностный). Центральной категорией становится «социокультурный институт» — целостная единица, имеющая правовые, политические, экономические и иные социокультурные аспекты. На этой основе конструируется понятие политико-правового пространства как области взаимодействия институтов политики и права. Утверждается, что проблема его восстановления в России аналогична проблеме обоснования научного знания: в обоих случаях устойчивость обеспечивается не содержательными «последними основаниями», а совершенством институционального пространства рациональных дискуссий и соответствующих институциональных процедур, работающих в условиях онтологического плюрализма и рефлексивного замыкания.

Ключевые слова: методологический институционализм, рефлексивное замыкание, принцип непараллелизма, системно-институциональный подход, научное сообщество, политико-правовое пространство, типы научных революций.

METHODOLOGICAL INSTITUTIONALISM IN THE DYNAMICS OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Maracha Viacheslav Gennadievich

PhD in Philosophy
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
National Research Nuclear University MEPhI
Associate Professor

Abstract: This paper examines the dynamics of scientific knowledge by tracing the evolution of the author's approach from methodological institutionalism to system-institutional approach. The starting point is the phenomenon of "reflexive closure" in the empirical testing of theories — a problem arising from the theory-ladenness of observational language. The paper demonstrates that neither reflexive naturalism nor reflexive constructivism can secure the objectivity of knowledge, leaving the institutional organization of science as the only foundation for its stability.

In contrast to Popper's methodological individualism and Kuhn's social institutionalism, the author defends methodological institutionalism. This position holds that the genuine subject of cognition is the scientific community as the bearer of institutionally organized communicative thinking. The principle of non-parallelism between the form and content of thinking serves as the key analytical tool, allowing the distinction of two types of scientific revolutions: (1) shifts in ontologies and guiding schemas of method (content/ontological revolutions), and (2) shifts in institutional-organizational schemas mediated by world-constituting schemas (formal/institutional revolutions).

The paper further traces the transformation of this framework from the epistemology of science to the methodology of system-institutional research. Methodological institutionalism evolves into system-institutional approach grounded in the ontology of "social practice" — a three-world construction comprising the activity-natural, socio-cultural, and thinking-activity worlds. The central category becomes the "socio-cultural institution" understood as an integral unit possessing legal, political, economic and other socio-cultural aspects simultaneously. Based on this, the concept of political-and-legal space is constructed as a domain of interaction between political and legal institutions. The paper argues that the challenge of restoring this space in Russia is analogous to the problem of justifying scientific knowledge: in both cases, stability is provided not by substantive "ultimate foundations" but by the quality the institutional space of rational discussions and corresponding institutional procedures operating under conditions of ontological pluralism and reflexive closure.

Keywords: methodological institutionalism, reflexive closure, principle of non-parallelism, system-institutional approach, scientific community, political-and-legal space, types of scientific revolutions.

1. Введение: от «рефлексивного замыкания» к проблеме субъекта познания

Проблема, которая исходно задала вектор моих исследований, связана с эффектом «теоретической нагруженности» языка наблюдения. Как показано в работе [Марача 2002], этот эффект порождает феномен «рефлексивного замыкания» в процедуре эмпирической проверки теории.

Классическая пара рационализма и эмпиризма на «наивном» уровне предполагала, что факты существуют независимо от теории. Однако галилеевский эксперимент как материализация мысленного эксперимента разрушил эту иллюзию. Мы сталкиваемся с ситуацией, где язык наблюдения всегда онтологически нагружен. Возникают две стратегии разрешения этого замыкания:

Рефлексивно-натуралистическая — введение онтологии как «самоочевидного» базиса, что ведет к догматизации парадигм.

Рефлексивно-конструктивистская — дополнение онтологии практикой, что позволяет интерпретировать любые данные как подтверждение теории.

Обе стратегии, будучи последовательно реализованы, подрывают классическое понимание объективности. Единственным спасительным механизмом, позволяющим знанию сохранить устойчивость, становится публичный характер науки и её институциональная организация.

2. Научное сообщество как субъект познания: против методологического индивидуализма

Анализ института науки привел меня к необходимости размежевания с двумя крайностями. С одной стороны, это методологический индивидуализм в духе К. Поппера [Поппер 1983], который, признавая «институт науки», трактует его лишь как арену состязания свободных индивидов. С другой стороны, это социально-институциональная теория Т. Куна [Кун 1977], где победа парадигмы часто сводится к социально-психологическим механизмам.

Моя позиция — методологический институционализм [Марача 2003] — исходит из того, что подлинным субъектом познания является научное сообщество, организованное в институт, а не отдельный ученый. В дискуссиях 2001 года с В.А. Лефевром [Лефевр 2000; Марача 2001] и 2003 года с Г.Г. Копыловым [Копылов 2003; Марача 2003, с. 192–200] я ввел понятие «институционально-организованного коммуникативного мышления», реализующего «институциональную логику» (это понятие было предложено Р. Фридландом и Р.Р. Алфордом [Friedland, Alford 1991; Шмерлина 2016], а я начал его использовать, опираясь на метафору «логики, вынесенной вовне» [Мусхелишвили и др. 1996]).

Это мышление обладает коллективно-распределенной субъектностью.

Отличие от Поппера: содержание прорывов может быть индивидуальным (акт «научной веры»), но форма их объективации и признания — публично-коллективной.

Отличие от Куна: «рациональная дискуссия» — это не просто борьба групп, а особая форма мышления, где институт выполняет функцию «логики», аналогично процедурным нормам в праве (в этом контексте «институциональная логика» близка к «коммуникативному разуму» Ю. Хабермаса [Хабермас 2000]).

3. Принцип непараллелизма и типы научных революций

Ключевым для понимания развития науки я считаю принцип непараллелизма формы и содержания мышления, унаследованный от традиции Московского методологического кружка [Щедровицкий и др. 1995; Марача 2003, с. 200–207]. В применении к науке это позволяет выделить не один, а два типа научных революций [Марача 2003, с. 204–207]:

Революции в содержании — смена онтологий и направляющих схем метода. В эпоху постмодерна и быстрых изменений они стали рутинными.

Революции в форме — смена институционально-организационных схем. Это более редкий и сложный процесс, требующий наличия «мирообразующей схемы», которая удерживает целостность науки в момент замены институтов.

В нормальной науке институциональная форма относительно независима от онтологического содержания (принцип непараллелизма). Однако именно форма задает типологические ограничения для онтологий, отсекая «лженауку», и стабилизирует знание через «двойной стандарт» аргументации (презумпция невиновности для старой онтологии и презумпция виновности для новой) [Марача 2003, с. 190–192].

4. Трансформация метода: от методологии науки к политологии права

В течение двух последующих десятилетий заложенные принципы получают дальнейшее развитие, получая наиболее развернутую форму в работах [Марача 2024; Марача 2025]. «Методологический институционализм» трансформируется в «системно-институциональный подход» [Марача 2025, с. 63–83]. Почему это важно для темы конгресса?

Во-первых, здесь задействована онтология «общественной практики» (как развитие попперовской схемы трех миров [Поппер 2008] через марксистскую «природу-2» и деятельностный подход). Наука трактуется уже не как изолированная эпистема, а как элемент социокультурного (СК) мира, взаимодействующего с деятельностно-природным (ДП) и мыследеятельностным (МД) мирами [Марача 2020а; Марача 2024; Марача 2025].

Во-вторых, центральная категория — «социокультурный институт», который я определяю не только через нормы, но и через механизмы осознания (ценностные идеи, духовные опоры) и социальной организации (формы власти) [Марача, Матюхин 1998; Марача 2020б; Марача 2025].

В-третьих, на основе этого метода я реконструирую структуру политико-правового пространства как области взаимодействия «цельных» институтов, имеющих одновременно политические и правовые аспекты [Марача 2004; Марача 2025]. Проблема «восстановления» этого пространства в России аналогична проблеме преодоления «рефлексивного замыкания»

в науке: она требует не насильственного навязывания норм, а институционального закрепления разделений (власти, компетенций), обеспечивающих устойчивость.

5. Выводы: преемственность исследовательской программы

Сравнение работ 2003 и 2024-25 гг. позволяет зафиксировать преемственность моей исследовательской программы.

«Институциональная логика» мышления. Если в 2003 году я утверждал, что институт науки выполняет функцию «суда» с двойным стандартом аргументации, то в 2025 году я показываю, как право и политика образуют состязательную процедуру, способную работать в условиях различия предельных оснований.

Отказ от редукционизма. Методологический институционализм с самого начала был направлен против «экономического империализма» и «социологизма». Системно-институциональный подход сегодня предлагает «трансдисциплинарную» оптику, где институт не сводится ни к экономическому интересу, ни к классовой борьбе.

Актуальность для динамики знания. Принцип непараллелизма формы и содержания объясняет, почему инновации в науке возникают спонтанно (в «содержании»), но закрепляются только через перестройку «форм» (институтов образования, экспертизы, научной коммуникации).

Таким образом, «методологический институционализм» не остался чисто эпистемологической абстракцией, а вырос в методологию анализа общественных изменений, сохранив при этом верность исходному тезису: объективность и устойчивость знания (или правопорядка) есть функция не столько соответствия реальности, сколько совершенства институционального пространства рациональных дискуссий и соответствующих институциональных процедур, принимающих решения в условиях неопределенности.

Список литературы

1. Копылов 2003 – Копылов Г.Г. К вопросу о природе «научных революций» // Кентавр. 31. 2003. С. 46–57.
2. Кун 1977 – Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
3. Лефевр 2000 – Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. Издание третье М.: Институт психологии РАН, 2000. 131 с.
4. Марача 1997 – Марача В.Г. Исследование мышления в ММК и самоорганизация методолога: семиотические и институциональные предпосылки // Кентавр. 18. 1997. С. 3–16.
5. Марача 2001 – Марача В.Г. Рефлексия в ситуации конфликта и социокультурная динамика: институты как гитики и представление о социально-организованном мышлении // Рефлексивные процессы и управление. Тезисы III Международного симпозиума 8–10 октября 2001 г., Москва / Под ред. А.В. Брушлинского и В.Е. Лепского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2001. С. 131–134.
6. Марача 2002 – Марача В.Г. Проблема «рефлексивного замыкания» и схемы самообоснования в моделях мира // Когнитивный анализ и управление развитием

ситуаций (CASC'2002). Труды 2-й международной конференции в 2-х томах. Том 2 / Сост. В.И. Максимов. М.: Институт проблем управления РАН, 2002. С. 144–152.
7. Марача 2004 – Марача В.Г. Социокультурный анализ институциональных аспектов политико-правового пространства (методологические проблемы). Дисс… канд. филос. наук. М.: Институт философии РАН, 2004. 172 с.
8. Марача 2013 – Марача В.Г. Суд как институт мышления // Институты мышления. Сборник материалов XVII и XVIII Чтений памяти Г.П. Щедровицкого. Москва, 23 февраля 2011 г. / 23 февраля 2012 г. Ред. В.Г. Марача и В.А. Проскурнин. М.: Некоммерческий научный фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого», 2013. Часть 1. С. 41–59.
9. Марача 2016 – Марача В.Г. Экономика и «общий социальный анализ» с позиции системно-институционального подхода // Системный анализ в экономике – 2016: сборник трудов IV Международной научно-практической конференции-биеннале (9–11 ноября 2016 г.) / под ред. Г.Б. Клейнера, С.Е. Щепетовой. Т. 1. М.: Финансовый университет, 2016. С. 339–342.
10. Марача 2020а – Марача В.Г. Цифровизация и социокультурный мир // Гигиена культуры. Культура в цифровом обществе / Коллективная монография. Ред. Ольга Сюч. – Будапешт: Каирос, 2020. С. 125–138.
11. Марача 2020б – Марача В.Г. Социокультурные конфликты и общественное согласие // Основы культурной политики: аксиологический подход. Сборник материалов Международной научной конференции по гигиене культуры. Москва, 18–19 октября 2018 (Коллективная монография) / Отв. ред. А.А. Ушкарев. М.: ГИИ, 2020. С. 192–210.
12. Марача 2024 – Марача В.Г. Методологическое мышление и «социальная версия» Онтологии Трех Миров // Орехов А.М., Платонова С.И., Марача В.Г., Моисеев С.В., Шевченко О.К. Современная социальная онтология в зеркале российской онтологической традиции: дискурсы и интерпретации (под общей редакцией А.М. Орехова). Королев: «Космос», 2024. С. 14–30.
13. Марача 2025 – Марача В.Г. Проблема восстановления и формирования политико-правового пространства // Политология права. Коллективная монография / под ред. М.Ю. Мизулина и А.Ю. Сунгурова. СПб.: Алетейя, 2025. С. 51–90.
14. Марача, Матюхин 1998 – Марача В.Г., Матюхин А.А. Правовые институты, сфера права, правовая культура // Научные труды «Адилет» (г. Алматы). 1998. №1(3). С. 22–37.
15. Мусхелишвили и др. 1996 – Мусхелишвили Н.Л., Сергеев В.М., Шрейдер Ю.А. Ценностная рефлексия и конфликты в разделенном обществе // Вопросы философии. 1996. № 11. С. 3–22.
16. Поппер 1983 – Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. 605 с.
17. Поппер 2008 – Поппер К. Знание и психофизическая проблема: В защиту взаимодействия. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 256 с.
18. Хабермас 2000 – Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 380 с.
19. Шмерлина 2016 – Шмерлина И.А. «Институциональная логика»: критический анализ направления // Социологический журнал. 2016. Том 22. № 4. С. 110–138.
20. Щедровицкий и др. 1995 – Щедровицкий Г.П., Алексеев Н.Г., Костеловский В.А. Принцип «параллелизма формы и содержания мышления» и его значение для

традиционных логических и психологических исследований // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: ШКП, 1995. С. 1–33.
21. Friedland and Alford 1991 – Friedland R., Alford R.R. Bringing society back in: Symbols, practices, and institutional contradictions // The New Institutionalism in Organizational Analysis / Ed. by W.W. Powell and P.J. DiMaggio. Chicago: University of Chicago Press, 1991. P. 232–263.

УДК 001.2

ОТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ И ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫХ К ТРАНСГРАНИЧНЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ В НАУКЕ

Николина Надежда Валерьевна
Кандидат философских наук
Томский государственный университет, доцент
E-mail: nadnikolina@yandex.ru

Аннотация: Автор описывает особенности междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований в науке. В статье делается акцент на диалоговом характере междисциплинарных исследований. Междисциплинарные исследования – взаимодействие двух или нескольких дисциплин для решения одной проблемы. Междисциплинарность позволяет исследованиям выходить за границы отдельных дисциплин, но при этом оставаться в рамках дисциплинарных исследований. Трансдисциплинарность находится одновременно между дисциплинами, на стыке разных дисциплин и за пределами каждой отдельной дисциплины. Сравнивая два подхода, автор отмечает, что трансдисциплинарные исследования – новый уровень производства знания, требующий выхода в практику жизни и инноваций. Автор вводит новый вид исследований – трансграничный. Трансграничные исследования отличаются более широким охватом проблем. Трансграничность предполагает не только выход за пределы дисциплин в поле жизненной практики, социокультурных проблем и инноваций, но и стирание географических и политических границ. Трансграничность определяется: географически, исторически, социокультурно и политически. На примерах автор показывает, что междисциплинарные, трансдисциплинарные и трансграничные исследования не противоречат, а дополняют друг друга. Автор заключает, что в современном мире, когда применение технических средств становится частью не только научной работы, но и повседневной жизни, «чистых» междисциплинарных исследований остается меньше.

Ключевые слова: наука, исследование, границы, междисциплинарность, трансдисциплинарность, трансграничность.

FROM INTERDISCIPLINARY AND TRANSDISCIPLINARY TO TRANSBOUNDARY RESEARCH IN SCIENCE

Nikolina Nadezhda Valerievna

Tomsk State University, Associate Professor

Abstract: The author describes the characteristics of interdisciplinary and transdisciplinary research in science. The article emphasizes the dialogical nature of interdisciplinary research. Interdisciplinary research is the interaction of two or more disciplines to solve a single problem. Interdisciplinarity allows research to extend beyond the boundaries of individual disciplines while remaining within the confines of disciplinary research. Transdisciplinarity exists simultaneously between disciplines, at the intersection of different disciplines, and beyond the boundaries of each individual discipline. Comparing the two approaches, the author notes that transdisciplinary research represents a new level of knowledge production that requires engagement with real-life practice and innovation. The author introduces a new type of research – transboundary research. Transboundary research is distinguished by a broader scope of problems. Transboundary research implies not only extending beyond disciplines into real-life practice, sociocultural issues, and innovation, but also the erasure of geographical and political boundaries. Transboundary research is defined geographically, historically, socioculturally, and politically. Using examples, the author demonstrates that interdisciplinary, transdisciplinary, and transboundary research do not contradict but rather complement one another. The author concludes that in the modern world, where the use of technology is becoming part of not only scientific work but also everyday life, "pure" interdisciplinary research is becoming less common.

Keywords: science, research, boundaries, interdisciplinarity, transdisciplinarity, transboundary.

Актуальность междисциплинарных исследований в науке обсуждается философами не одно десятилетие. О необходимости развития междисциплинарных исследований стали говорить в XX веке, например, П. Фейерабенд отмечал, что науке требуется фундаментальное концептуальное изменение, которое, в свою очередь, предполагает изменение мировоззрения и языка науки [Фейерабенд 2007, с. 261–262]. И. В. Черникова делает акцент на диалоговом характере междисциплинарных исследований. Сравнивая дисциплинарный подход в рамках классической научной рациональности и междисциплинарный подход постнеклассической научной рациональности, И.В. Черникова указывает на преимущества междисциплинарного подхода. Во-первых, дисциплинарные исследования замкнуты в поле своих дисциплин, междисциплинарные исследования – диалог двух или нескольких дисциплин, который помогает решить научную проблему с разных ракурсов. Во-вторых, междисциплинарный диалог способствует развитию науки: «картина мира современной науки отличается целостностью, в то время как предшествующая картина напоминала лоскутное одеяло…» [Черникова 2018, с. 31]. В-третьих, современная наука вписывает человека в процесс изучения природы, человек перестает быть сторонним наблюдателем, как в идеале классической науки: «наука выполняет некую универсальную миссию, затрагивающую отношения не только человека с природой, но и человека с человеком» [Пригожин, Стенгерс 1986, с. 47]. В стратегиях науки будущего заявка на междисциплинарность стоит одним из первых пунктов, в настоящее время это связано с развитием технологий. Междисциплинарные исследования в XXI веке – это тренд, без которого современная наука и практика не мыслится. Например, одно из направлений исследований в Томском государственном университете – «Социогуманитарный инжиниринг: исследование и проектирование человека и общества», основная цель которого «разработка методик выявления принципов взаимодействия биологического и технологического, а также технологий расширения возможностей человека

в новом цифровом мире по трем направлениям: когнитивное, биологическое и медиакоммуникативное» [Социогуманитарный инжиниринг 2025, web].

Наряду с междисциплинарными исследованиями в философской литературе обсуждаются темы трансдисциплинарных исследований, методологий и технологий. И. В. Черникова отмечает, что междисциплинарные исследования ориентированы на решение проблем в пределах науки, а трансдисциплинарные исследования – на выход в сферу жизненной практики, социокультурных проблем [Черникова 2018]. Междисциплинарность позволяет исследованиям выходить за границы отдельных дисциплин, но при этом оставаться в рамках дисциплинарных исследований. Трансдисциплинарность находится одновременно между дисциплинами, на стыке разных дисциплин и за пределами каждой отдельной дисциплины. Б. Николеску определяет три основания трансдисциплинарности: многоуровневая реальность, синтез противоположностей и познание сложности (мира и человека) [Nicolescu 2015]. Дисциплинарные исследования в лучшем случае затрагивают один и тот же уровень реальности, а в худшем – только фрагменты. Трансдисциплинарность связана с динамикой, возникающей в результате взаимодействия нескольких уровней реальности. Трансдисциплинарность в отличие от междисциплинарности предполагает переход когнитивных схем из одной дисциплины в другую. Таким образом, трансдисциплинарные исследования проводятся на более глубоком уровне интеграции фундаментального знания с практикой инноваций. Однако авторами отмечается, что трансдисциплинарность не противоречит ни дисциплинарности, ни междисциплинарности, а дополняет их. Примеров собственно трансдисциплинарных исследований не много, так как такие исследования проводятся в особо сложных случаях и применяются для решения задач со сложными объектами. Например, к трансдисциплинарным исследованиям относят исследования эффективных информационных систем для биомедицинских исследований, или проект «Большая история». К междисциплинарным исследованиям относят биоэтику, биополитику, социобиологию, синергетику и другие, в которых взаимодействуют две или более дисциплин. Стоит еще раз отметить, что нет конкуренции между междисциплинарными и трансдисциплинарными исследованиями, то есть внутри биоэтики, как междисциплинарного исследования, могут проводиться трансдисциплинарные проекты, требующие выхода за пределы дисциплин в практику человека, социума или инноваций. Таким образом, трансдисциплинарность – это новый уровень производства знания, предполагающий не только взаимодействие в рамках дисциплин для решения проблем со сложными объектами, но и интеграцию с жизненными практиками и инновациями. В современной технонауке ярким примером междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований является разработка искусственного интеллекта. Во-первых, это взаимодополняющее участие естественных, технических и социогуманитарных наук в конструировании, описании и объяснении технологий искусственного интеллекта (междисциплинарный аспект). Во-вторых, искусственный интеллект в современном мире вписывается в жизненные практики, совершенствуясь в зависимости от технологических изменений и потребностей жизни общества (трансцисциплинарный аспект).

Трансграничность научного знания, в отличие от междисциплинарности и трансдисциплинарности, определяется более широким охватом проблем. Трансграничность предполагает не только выход за пределы дисциплин в поле жизненной практики, социокультурных проблем (социальные и культурные границы) и инноваций (границы применения технологий), но и стирание географических и политических границ. В философской литературе трансграничность характеризуется: «географически»

(анализируются как внутренние границы науки и их свойства, так и внешние), исторически (затрагивается история развития дисциплин и междисциплинарных связей и установок), функционально, или социокультурно (определяется влияние социальной и культурной среды на подвижность границ науки) и политически (рассматривается влияние политических решений на науку) [Николина 2025]. Трансграничные исследования необходимы в случаях решения научных проблем, затрагивающих, как правило, большое количество стран. К трансграничным исследованиям можно отнести биомедицинские разработки в период пандемии. Производство вакцины, как исследование, может быть охарактеризовано, во-первых, географически – взаимодействие лабораторий разных стран для получения эффективного препарата. Во-вторых, исторически – учитывались научные и технологические возможности лабораторий разных стран (наличие биоматериалов, техники, оборудования). Здесь поясним, что наука некоторых стран исторически на шаг (или более) позади развитых стран. В-третьих, социокультурно – в научной и околонаучной литературе обсуждались этические вопросы разработки и применения вакцин, особенно в отношении религии и прав человека. В-четвертых, политически – для эффективной борьбы с заболеванием принимались политические и правовые решения в отношении лабораторий, медицинских работников и граждан, разрабатывалась общая политическая установка государства. Данные примеры показывают, что трансграничные исследования не противоречат междисциплинарным и трансдисциплианрным, а дополняют их.

Большинство авторов указывают на то, что междисциплинарность, полидисциплинарность (мультидисциплинарность), трансдисциплинарность и трансграничность – это не одно и то же [Черникова 2018]. Когда исследование описывается как междисциплинарное, то учитывается внутринаучная связь, то есть важным аспектом становится факт взаимодействия двух дисциплин для решения одной проблемы. Однако в рамках междисциплинарных исследований могут проводиться трансдисциплинарные или трансграничные исследования. Например, в рамках биоэтики, как междисциплинарного исследования, затрагиваются проблемы трансплантации органов, абортов, суррогатного материнства, эвтаназии и другие. Попытки решения перечисленных проблем предпринимаются в трансдисциплинарных и трансграничных исследованиях, так как, во-первых, требуют выхода за пределы дисциплин в жизненную практику, во-вторых, имеют глобальный характер. Таким образом, в некоторых случаях вопрос о статусе исследования (междисциплинарное, полидисциплинарное, трансдисциплинарное или трансграничное) остается спорным, так как в современном мире увеличивается количество междисциплинарных исследований, для проведения которых требуется выход за пределы дисциплин в практику жизни (социокультурных проблем) и практику инноваций.

Список литературы

1. Николина 2025 – Николина Н.В. Проблемы демаркации и трансграничности науки в современном философском дискурсе // Философия науки. 2025. № 1(105). С. 56-69.
2. Пригожин, Стенгерс 1986 – Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М. : Прогресс, 1986. 432 с.
3. Социогуманитарный инжиниринг 2025, web – Социогуманитарный инжиниринг: исследование и проектирование человека и общества. 2025. URL: https://tsu.ru/university/socio-humanitarian-engineering/ (дата обращения: 22.04.2026)

4. Фейерабенд 2007 – Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 413 с.

5. Черникова 2018 – Черникова И. В. Междисциплинарные и трансдисциплинарные методологии и технологии современной науки : учеб. пособие. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. 86 с.

6. Nicolescu 2015 – Nicolescu B. The hidden third and the multiple splendor of being // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы. М.: Навигатор. 2015. С. 62–79.

УДК 111.1:167.7:17.03

РЕАЛИЗМ И ЭТИКА
КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ РЕАЛИЗМ (КР) КАК НОВАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ПАРАДИГМА

Прись Игорь Евгеньевич
PhD (философия), кандидат физ.-мат наук
Институт философии Национальной академии науки Беларуси, ведущий научный сотрудник
E-mail: frigpr@gmail.com

Аннотация: Предлагается новая философская парадигма – контекстуальный реализм (КР). КР отказывается от ложных (антиреалистических) предпосылок философии модерна и постмодерна. Это также критика новых реализмов 21 века. В основании КР лежат два постулата: (1) реальность первична; она просто такова, какова она есть; (2) категориальный (не субстанциальный) дуализм реального и идеального. Идеальное (нормы, правила, концепты) измеряет реальность в контексте, которая и есть то, что измеряется идеальным. Из этих постулатов следует чувствительность семантики, эпистемологии и онтологии к контексту. Структура КР – структура логического провала между идеальным и реальным. Это структура витгенштейновской проблемы следования правилу – применения нормы, правила или концепта в контексте. Парадигма КР применяется в философии науки (в частности, в философии квантовой механики – контекстуальный квантовый реализм (ККР)), этике (контекстуальный этический реализм (КЭР)) и в других областях. КЭР утверждает, что (1) существуют (идеальные) моральные нормы и (реальные) факты; (2) моральные факты познаваемы; (3) моральные нормы универсализуемы. Процесс универсализации – процесс рационального обобщения (расширения и углубления знания и области применимости норм, правил, концептов). Контекстуализм и плюрализм языковых игр не ведёт к релятивизму или потере универсальности. На самом деле, контекстуализм – антидот против релятивизма, а универсализм предполагает контекстуальность. Куновская структура научных революций, понятая с точки зрения КР, переносится в область морали. КР сближает естественные и социо-гуманитарные дисциплины.

Ключевые слова: реализм, антиреализм, контекстуальный реализм, наука, этика, знание, онтология, универсальность.

REALISM AND ETHICS
CONTEXTUAL REALISM AS A NEW PHILOSOPHICAL PARADIGM

Pris Igor Evgenievich
Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, leading researcher

Abstract: A new philosophical paradigm is proposed – Contextual Realism (CR). CR rejects the false (anti-realist) presuppositions of modern and postmodern philosophy. It is also a critique of the new realisms of the 21st century. CR is founded on two postulates: (1) reality is primary; it is just what it is; (2) a categorical (not substantial) dualism of the real and the ideal. The ideal (norms, rules, concepts) measures reality in context, which is precisely what is measured by the ideal. From these postulates follows the sensitivity of semantics, epistemology, and ontology to context. The structure of CR is the structure of the logical gap between the ideal and the real. This is the structure of Wittgenstein's rule-following problem – the application of a norm, a rule or a concept in context. The CR paradigm is applied in the philosophy of science (in particular, in the philosophy of quantum mechanics – Contextual Quantum Realism), ethics (Contextual Ethical Realism (CER)), and other areas. CER asserts that (1) there are (ideal) moral norms and (real) facts; (2) moral facts are knowable; (3) moral norms are universalizable. The process of universalization is a process of rational generalization (expansion and deepening of knowledge and of the domain of applicability of norms, rules, concepts). Contextualism and the pluralism of language games do not lead to relativism or loss of universality. In fact, contextualism is an antidote to relativism, and universalism presupposes contextuality. The Kuhnian structure of scientific revolutions, understood from the perspective of CR, is transferred to the domain of morality. CR brings together the natural sciences, the humanities, and the social sciences.

Keywords: realism, anti-realism, contextual realism, science, ethics, knowledge, ontology, universality**.**

1. Иногда говорят о кризисе в науке, в частности, в физике. Утверждение спорное, если вспомнить о недавних открытиях бозона Хиггса, гравитационных волн, чёрных дыр, экзопланет, создании больших языковых моделей (Нобелевская премия по физике) и т.д. Но не будет, наверное, преувеличением сказать, что кризис уже давно наблюдается в философии. И некоторые проблемы в философии науки, например, в философии квантовой механики, – следствие. До сих пор спорят, как интерпретировать квантовую механику, хотя с момента её создания прошло уже 100 лет. Мой контекстуальный квантовый реализм (ККР) предлагает ответ на этот вопрос [Прись 2023б]. (См. также [Прись 2020; Прись 2021; Прись 2022; Прись 2024; Прись 2025; Прись 2026].)

Так в чём же кризис в философии? Если посмотреть на ближайшие прошедшие десятилетия, то можно констатировать, что в философии второй половины XX века господствовал антиреализм (или идеализм – здесь я не делаю различия между этими терминами). Причём как в континентальной философии – конструктивизм и релятивизм постмодерна, так и в аналитической: это семантический идеализм, удаляющий нас от реальности, поскольку трактующий то, что есть как объект референции. Вспомним, например, тезис Куайна о непрозрачности референции. Также идеализм XX века абсолютизирует смысл, трактует его как самостоятельную субстанцию.

Возврат к метафизике в аналитической философии в последней четверти прошлого века – попытка, но проблематичная, ответить на требование реализма. Проблематичная –

поскольку зачастую аналитическая метафизика субстанциализирует идеальные конструкции, принимает их за нечто реальное.

Если взглянуть более широко, то всю философию модерна, строго говоря, нельзя признать реалистической. Субъективизм и репрезентационализм, утверждающей, что между нами и реальностью, миром имеется ментальный, концептуальный, лингвистический или какой-то другой посредник, удаляли от реальности. Постмодерн, с его крайним субъективизмом, смешивающий представление и реальность, ставящий под подозрение или отвергающий понятие истины, – это модерн, доведённый до предела своих противоречий, отрицающий сам себя. Постмодерн – «это идеализм без идеи» [Benoist, Gabriel, Rometsch 2023, p. 10].

2. Реализмы 21 века – реакция на постмодернизм. Это справедливая критика репрезентационализма, объективизма (редукции реальности к объективности, реального к истинному), примата эпистемического (истины). (В самом деле, нельзя трактовать первичный чувственный опыт, например, галлюцинации эпистемически – в терминах истинности или ложности. Он просто реален.) Это также критика пустынной онтологии аналитической философии. «Всё реально. Видимость реальна», – утверждают новые реалисты. Но делают они это по-разному. На самом деле новые реализмы содержат в большей или меньшей мере антиреалистическое измерение, а некоторые, можно рассматривать как версии постмодернизма.

КР – критика новых реализмов, хотя он и разделяет некоторые их положения, например, что сама видимость может трактоваться как реальность (существует видимость видимости), и что в известном смысле существует лишь реальное. КР принимает во внимание классические различия между реальным и идеальным, реальным и нереальным, реальностью и видимостью, но понимает их по-своему.

Моя версия КР была вдохновлена поздним Витгенштейном. Это интерпретация и обобщение его философии. Но мой КР также интерпретация контекстуального реализма современного французского философа Ж. Бенуа [Benoist 2022; Benoist 2025a]. Когда-то он был феноменологом, а я говорил о нестандартном (неметафизическом, витгенштейновском в широком смысле) реализме. Я называл его нормативным реализмом. Потом оказалось, что наши взгляды близки.

3. Два постулата моего КР, две тавтологии (иногда говорят, что философия – поиск тавтологий): (1) реальное реально. (2) идеальное идеально (но оно укоренено в реальном). Чуть подробнее: (1) реальность первична; она просто такова, какова она есть. (Таким образом, прежде всего это формальный, минимальный реализм. Но не только. Концепт реальности, как и концепт истины, субстанциален); (2) категориальный (не субстанциальный) дуализм реального и идеального. (Этот постулат позволяет избежать суперлиберальной онтологии и онтологизации нормативного, делает возможным подлинный этический реализм.) Идеальное – нормы, правила, концепты, смысл, мысль – измеряет реальность в контексте, которая и есть то, что измеряется идеальным. Из этих постулатов следует чувствительность семантики, эпистемологии и онтологии к контексту. Всё – смысл, нормы, факты, знание – чувствительно к контексту. Другими словами, я утверждаю, что структура КР – структура логического провала между идеальным и реальным. Это структура витгенштейновской проблемы следования правилу – применения нормы, правила или концепта в контексте [Прись 2024; Прись 2026].

Для реализма недостаточно одной объективности. На самом деле, объективизм может быть совместим даже с релятивизмом. КР – это (1) контекстуальный онтологический реализм

(существуют факты), (2) контекстуальный эпистемологический реализм (факты познаваемы). Из контекстуальности следует плюрализм, но не релятивизм, поскольку релятивизм, на самом деле, – обратная сторона абсолютизма. КР также совместим с эпистемологией сначала-знания, утверждающей, что в эпистемологии знание – первичный объяснительный концепт [Williamson 2002].

4. Понятие контекста в КР имеет нормативное измерение. Поэтому это нормативный реализм. В частности, КР имеет этическое измерение. Контекстуальный этический реализм (КЭР) – это КР применительно к этике.

М. Габриэль считает, что нам нужна новая парадигма в морали [Gabriel 2025; Gabriel 2026]. КЭР – такая новая парадигма. Как и парадигма самого Габриэля (реализм и ситуационизм), КЭР утверждает, что (1) существуют (идеальные) моральные нормы и (реальные) факты; (2) моральные факты познаваемы; (3) моральные нормы универсализуемы. В отличие от немецкого философа, я отношу моральные нормы к категории идеального. Я согласен с Юмом и Кантом, что этика не может быть онтологизирована (из того, что есть, не следует то, что должно быть), но я не согласен с Кантом что она не нуждается в онтологии. КЭР удовлетворяет как нормативному требованию, так и онтологическому. Согласно КЭР, процесс универсализации – процесс рационального обобщения (расширения и углубления знания и области применимости норм и концептов). Это ответ на два возражения, согласно которым, контекстуализм и плюрализм языковых игр ведёт к релятивизму или потере универсальности. На самом деле, контекстуализм – антидот против релятивизма, а универсализм предполагает контекстуальность. Куновская структура научных революций, понятая с точки зрения КР, переносится в область морали [Прись 2023; Прись 2026].

5. Таким образом, КР, с одной стороны, имеет платонизирующее измерение, а с другой – утверждает возможность познания самих вещей. Он также утверждает реальность первичного чувственного опыта (видимого, слышимого, ощущаемого), который, по словам Бенуа, был нейтрализован, дереализован западной философией (трансцендентальной философией, феноменологией, аналитической философией и т.д.) [Benoist 2025; Прись 2025]. КР отвергает модернистскую субъективацию чувственного, в частности, в эстетике. Он освобождает реальность чувственного и вместе с этим подлинное идеальное, которое есть преодоление чувственного, движение от одного чувственного к другому, а не смешивает или даже сплавляет их, как это делала философия модерна, пытаясь найти в чувственном смысл, а в смысле чувственное. (Но реальное, конечно, не редуцируется к чувственному, если не трактовать последнее очень широко (существует, например, социальная реальность, а реальные объекты современной физики не воспринимаются непосредственно органами чувств), хотя чувственное имеет примат.) [Прись 2025.]

С точки зрения КР, концептуальный анализ неотделим от процесса познания, поскольку подлинные концепты укоренены в реальности, имеют реальные условия своего существования и применения. Поэтому философию можно также трактовать как науку, целью которой является истина и знание – что и утверждает Т. Уильямсон – реалист и создатель эпистемологии сначала-знания [Williamson 2002; Williamson 2025]. Понятия реальности и идеального – метафизические понятия. КР – синтез концептуального анализа и метафизики.

6. Наша эпоха – эпоха постправды, копии, симуляции. Это эпоха вторичной реальности – реальности самого представления, которое уже ничего не представляет и даже не имитирует. Как пишет Бенуа, «Репрезентация в нашем мире во многих смыслах теперь лишь тень своего былого величия. (…) Наше время, – это не столько время ложного (если ложное противоположно истинному), сколько время ирреального и дереализованного» [Benoist

2025б]. Чтобы ответить на вызовы времени, в том числе и в области искусственного интеллекта, нам нужен подлинный реализм, а не новый идеализм под ложным флагом реализма, и контекстуальная, то есть реалистическая, этика [Прись 2022; Прись 2023а; Прись 2024; Прись 2026]. Категорический императив и существующие нормативные теории морали в лучшем случае имеют лишь ограниченную область применимости.

Список литературы

1. Прись 2020 – Прись И. Е. Контекстуальность онтологии и современная физика. СПб: Алетейя, 2020. 354 с.
2. Прись 2021 – Прись И. Е. Бозон Хиггса, квантовые струны и философия физики. СПб: Алетейя, 2021. 192 с.
3. Прись 2022 – Прись И. Е. Знание в контексте. СПб: Алетейя, 2022. 720 с.
4. Прись 2023а – Прись И.Е. Контекстуальный моральный реализм // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 4. С. 5-28.
5. Прись 2023б – Прись И. Е. Контекстуальный квантовый реализм и другие интерпретации квантовой механики. М.: Ленанд, 2023. 304 с.
6. Прись 2024 – Прись И. Е. Мораль, квантовая механика, религия, технологии, искусственный интеллект через призму контекстуального реализма. М.: Ленанд, 2024. 280 с.
7. Прись 2025 – Прись И.Е. Реальность, знание, природа и общество. Интервью и переводы. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2025. 560 с.
8. Прись 2026 – Прись И. Е. Этический реализм и искусственный интеллект. Минск: Белорусская наука, 2026. (В печати.)
9. Benoist 2022 – Benoist J. Pourquoi la morale a-t-elle besoin du réalisme? // L'Ircocervo. 2022. Vol. 21. № 2. P. 131-145.
10. Benoist, Gabriel, Rometsch 2023 – Benoist J, Gabriel M, Rometsch J. De l'idéalisme français au réalisme allemande (et inversement) // Nouvelle philosophie en Allemagne et en France. Entre idéalisme et réalisme / ed.: J. Benoist, M. Gabriel, J. Rometsch. Paris: Vrin, 2023. P. 7-13.
11. Benoist 2025a – Benoist J. Sans anesthésie. La réalité des apparences. Paris: Vrin, 2024. 290 p.
12. Benoist 2025б – Benoist J. La représentation et son ombre // Revista de Filosofía UCSC. 2025. Vol. 24. № 2. P. 18-37.
13. Gabriel 2025 – Gabriel M. Moralische Tatsachen. München: C. H. Beck, 2025. 463 S.
14. Gabriel 2026 – Gabriel M. Ethische Intelligenz. Wie KI uns moralisch weiterbringen kann. Berlin: Ullstein Buchverlage GmbH, 2026. 160 S.
15. Williamson 2002 – Williamson T. Knowledge and Its Limits. Oxford: Oxford UP, 2002. 352 p.
16. Williamson 2025 – Williamson, T. Good as Usual: Anti-Exceptionalist Essays on Values, Norms, and Action. Oxford: Oxford UP, 2025. 247 p.

УДК 165.3

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СТРУКТУРИЗАЦИИ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЭНЦИКЛОПЕДИЙ)

Соколова Олеся Игоревна
Кандидат философских наук
Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», исследователь
E-mail: lesyabelikova@mail.ru

Аннотация: В докладе рассматриваются эпистемологические и методологические аспекты структуризации энциклопедических изданий на примере отечественных энциклопедий традиционного типа: «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» (1890-1907), «Большой Советской энциклопедии» (1969-1978), «Большой Российской энциклопедии» (2004-2017) и «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» (2009). Проводится анализ принципов классификации и систематизации знания, демонстрируется, как способы организации материала отражают мировоззренческие и научные установки разных эпох - от содержательной таксономии с элементами художественного стиля к формальной систематизации и стандартизации. Особое внимание уделяется критериям отбора информации и подходам к представлению знаний, в частности соотношению устоявшегося знания и дискуссионных концепций, роли междисциплинарности и практической применимости материала. Рассматриваются современные тенденции, такие как множественное авторство, параллельные версии трактовок и использование гипертекстовых связей. Формулируется вывод, что структуризация энциклопедического знания – не техническая, а эпистемологическая задача, поскольку она фиксирует научные парадигмы, социальные установки и динамику развития научного дискурса.

Ключевые слова: эпистемология, методология, структуризация информации, энциклопедия, систематизация знания.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках гранта № 24-18-00183 «Таксономии в онтологических, методологических и дисциплинарных структурах науки» (https://rscf.ru/project/24-18-00183/) в МРОО «Русское общество истории и философии науки».

EPISTEMOLOGICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES OF ENCYCLOPEDIC PUBLICATION STRUCTURIZATION (ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN ENCYCLOPEDIES)

Sokolova Olesya Igorevna
Inter-regional non-government organization Russian Society of History and Philosophy of Science, Researcher

Abstract: The report examines the epistemological and methodological aspects of the structuring of encyclopedic publications using the example of traditional Russian encyclopedias: the Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary (1890-1907), the Great Soviet Encyclopedia (1969-1978), the Great Russian Encyclopedia (2004-2017), and the Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science (2009). The article analyzes the principles of knowledge classification and systematization and demonstrates how the ways of organizing material reflect the worldview and scientific attitudes of different eras, from substantive taxonomy with elements of artistic style to formal systematization and standardization. Special attention is paid to the criteria for selecting information and approaches to presenting knowledge, including the relationship between established knowledge and controversial concepts, the role of interdisciplinarity, and the practical applicability of the material. The article also examines current trends, such as multiple authorship, parallel interpretations, and the use of hypertext links. It is concluded that the structuring of encyclopedic knowledge is not a technical but an epistemological task, as it captures scientific paradigms, social attitudes, and the dynamics of scientific discourse.

Keywords: epistemology, methodology, information structuring, encyclopedia, knowledge systematization.

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of grant 24-18-00183 "Taxonomies in the ontological, methodological and disciplinary structures of science" (https://rscf.ru/project/24-18-00183/) in Inter-Regional Non-Government Organization "Russian Society of History and Philosophy of Science".

Энциклопедии традиционно выполняют функцию систематизации и фиксации знаний. В условиях развития цифровых технологий и сетевых информационно-энциклопедических систем особенно актуальны вопросы создания энциклопедий «традиционного типа», авторами которых являются представители научного академического сообщества или экспертной группы. Подобное издание предполагает наличие единого подхода авторов, общей позиции по отбору информации и способам ее представления. В качестве альтернативного способа представления знания в таком случае может быть названа сетевая энциклопедия, авторами которой могут выступать любые пользователи.

Цель данной работы – рассмотреть эпистемологические и методологические аспекты структуризации энциклопедических изданий на примере отечественных энциклопедий, построенных в формате традиционных. В данном контексте формат издания (бумажный иди электронный) не имеет принципиального значения, поскольку не влияет на научный и методический аппарат изданий.

Вопрос об эволюции принципов классификации и систематизации знания на примере «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» [Энциклопедический словарь 1890-1907], «Большой Советской энциклопедии» [Большая Советская энциклопедия 1969-1978] и «Большой Российской энциклопедии» [Большая Российская энциклопедия 2004-2017] рассматривает в своем исследовании Н.В. Орлова [Орлова 2015]. Она замечает, что способы организации знания в указанных типах изданий фиксируют мировоззренческие и научные установки эпох. Так, «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» демонстрирует содержательную таксономию, где систематизация персоналий идёт по значимости, включая

нравственные качества. Статьи этого издания сочетают научную аргументацию с элементами художественного стиля: в них встречаются эмоциональность, оценочные суждения в стиле «хороший/плохой», а также повествовательные истории. Подобный подход отражает философские концепции второй половины XIX в. с акцентом на самоутверждении личности и нравственном долге. В «Большой Советской энциклопедии» принципы классификации меняются: применяются критерии формальной систематизации. Стиль изложения характеризуется точностью, безэмоциональностью и преобладанием описаний-констатаций. Такое движение в сторону научно-справочного стиля упрощает классификацию за счёт чётких категорий. «Большая Российская энциклопедия» продолжает тенденцию к стандартизации, усиливая черты научно-справочного стиля. Наблюдается сжатие текста и рост удельного веса данных при строгой систематизации материала.

Отбор материала и терминологии напрямую зависит от эпистемологических установок издания. В «Большой Советской энциклопедии» включение или исключение информации определяется соответствием революционной доктрине, а заголовочные термины отражают официальную терминологию. В «Большой Российской энциклопедии» акцент смещается на научную значимость и фактуальность: термины становятся нейтральными и ориентируются на международное научное сообщество. Однако это может указывать на формирование тенденции превращения «энциклопедий из собственно научных изданий в научно-справочные» [Орлова 2015, с. 64].

Особую модель предлагает «Энциклопедия эпистемологии и философии науки», подготовленная коллективом Института философии РАН [Энциклопедия эпистемологии и философии науки 2009]. В ней одни и те же понятия раскрываются в параллельных статьях, что требует подбора терминов, способных охватить разные трактовки. Например, такие понятия, как «истина», «сознание» или «научная рациональность», могут иметь разные интерпретации в зависимости от философской позиции.

Современный подход к структуризации знания предполагает не просто фиксацию «готовых» истин, а моделирование научного дискурса. В «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» этот принцип реализуется через параллельные версии изложения: одно понятие раскрывается несколькими авторами, что позволяет «воспроизвести широкий историко-культурный контекст эпистемологической проблематики и сконструировать некий виртуальный диалог знаменитых мыслителей» [Бажанов, Баранец, Тихонов 2010, с. 151].

Такой подход обладает рядом преимуществ. Он обеспечивает полноту описания, учитывая альтернативные гипотезы и концепции. По замечанию В.А. Суровцева и В.Н. Сырова, «такой прием удачно сочетает необходимую для любой энциклопедии степень конвенциональности в интерпретации тех или иных сюжетов с плюрализмом, столь же неизбежным в любой сфере интеллектуальной деятельности» [Суровцев, Сыров 2011, с. 10]. Читатель получает возможность увидеть динамику научного знания и развить критическое мышление, сопоставляя разные позиции. Кроме того, подобная структуризация хорошо адаптируется к междисциплинарным исследованиям, где важно учитывать множество перспектив и методологических установок.

Важную роль играют вспомогательные элементы. Предисловие («К читателям») объясняет принципы отбора, структуру и терминологию издания, помогая читателю ориентироваться в материале. Глоссарий даёт толкование ключевых терминов с указанием их трактовок в разных контекстах, а указатели (именной, предметный, хронологический) обеспечивают удобную навигацию. Разделы «Актуальные дискуссии» фиксируют нерешённые проблемы и направления исследований, подчёркивая связь энциклопедии с

«передним фронтом» науки. Н.И. Кузнецова замечает по этому поводу: энциклопедия – «не авангардистский сборник авангардистских статей. Все-таки она должна описывать устоявшееся знание. И когда мы учим студентов пользоваться энциклопедиями, вероятно, самое главное – объяснить им разницу между устоявшимся знанием и тем, что относится к «переднему фронту» исследований» [Энциклопедия. Энциклопедизм. Высшее образование 2007, с. 141].

Современные энциклопедии должны сочетать традиционную роль фиксации знаний с возможностями цифровых технологий. Усиление гипертекстовых связей становится одним из ключевых направлений: в конце каждой статьи целесообразно добавлять ссылки на смежные темы. Для современных энциклопедий и сетевых информационно-энциклопедических систем ключевыми задачами становятся преодоление ограничений алфавитной организации через гипертекст и семантические сети, разработка гибких критериев отбора, сочетающих научную значимость с плюрализмом, внедрение методологии множественного авторства и параллельных версий, а также совершенствование методического аппарата для адаптации к цифровым форматам.

При этом важно сохранять баланс традиции и новизны. Энциклопедия должна фиксировать устоявшееся знание, но одновременно указывать на новые гипотезы и спорные концепции, разграничивая проверенные факты и дискуссионные положения. А ее цель состоит в том, чтобы «зафиксировать уровень достигнутого, обозначить нерешенные проблемы и тем самым оказать содействие исследователям» [Касавин 2009, с. 6].

При формировании содержания современной энциклопедии целесообразно учитывать ряд значимых критериев. Научная значимость помогает оценить, насколько материал способствует развитию знания; актуальность позволяет соотнести его с текущими исследовательскими трендами. Междисциплинарный потенциал открывает возможности для интеграции идей из разных областей, а наличие дискуссионных аспектов даёт шанс представить различные подходы к рассматриваемым вопросам. Практическая применимость в свою очередь повышает ценность материала для академической аудитории - как для исследователей, так и для студентов.

Таким образом, рассмотрение энциклопедических изданий (от «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» к современным проектам) показывает, что структуризация знания представляет собой не техническую, а эпистемологическую проблему. Принципы классификации, критерии отбора и способы представления информации отражают мировоззрение эпохи, научные парадигмы и социальные установки.

Список литературы

1. Бажанов, Баранец, Тихонов 2010 – Бажанов В.А., Баранец Н.Г., Тихонов А.А. Рец. на кн.: Энциклопедия эпистемологии и философии науки / сост. и ред. И. Т. Касавин. М.: Канон+, 2009. 1248 с. // Философские науки. 2010. № 10. С. 150-154
2. Большая российская энциклопедия 2004-2017 – Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / пред. науч.-ред. совета Ю.С. Осипов; отв. ред. С. Л. Кравец. М.: Большая Российская энциклопедия, 2004-2017.
3. Большая советская энциклопедия 1969-1978 – Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969-1978.

4. Касавин 2009 – Касавин И.Т. «Энциклопедия эпистемологии и философии науки» - итог и перспектива // Эпистемология и философия науки. 2009. № 4. С. 6-12.
5. Орлова 2015 – Орлова Н. В. Энциклопедическая статья: три дискурса одного жанра // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 63-71.
6. Суровцев, Сыров 2011 – Суровцев В.А., Сыров В.Н. Об эвристическом потенциале энциклопедических изданий, или что можно ожидать от Энциклопедии эпистемологии и философии науки // Философия науки. 2011. №4 (51). С. 3-17
7. Энциклопедический словарь 1890-1907 – Энциклопедический словарь: в 86 т. (82 осн. т. и 4 доп.) / под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского ; изд.: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (Санкт-Петербург). С.-Пб.: Семеновская Типо-Литография И. А. Ефрона, 1890-1907.
8. Энциклопедия. Энциклопедизм. Высшее образование 2007 – Энциклопедия. Энциклопедизм. Высшее образование: (материалы «круглого стола») / подгот. Н.И. Кузнецовой // Высшее образование в России. 2007. № 2. С. 132–151.
9. Энциклопедия эпистемологии и философии науки 2009 – Энциклопедия эпистемологии и философии науки / Рос. акад. наук, Ин-т философии; [сост. и ред. И. Т. Касавин]. М.: Канон+, 2009. 1248 с.

УДК 001.2:004.8

ФОРМЫ ВНЕДРЕНИЯ ИИ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Стельмахов Денис Александрович
Аспирант
Институт философии РАН
E-mail: denis.stelmakhov@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассматриваются формы интеграции искусственного интеллекта в современное производство научных знаний и трансформация познавательных структур в исследовательских процессах. Утверждается, что ИИ перешел от вспомогательного инструмента к встроенному компоненту эпистемологических практик, обусловленный экспоненциальным ростом данных и ограниченной масштабируемостью человеческого познания. Анализ выделяет четыре уровня вовлеченности ИИ: крупномасштабная обработка данных, семантический поиск и рекомендательные системы, большие языковые модели для синтеза литературы и генерации гипотез, а также генеративные системы, способные создавать новые формальные представления научных моделей. Используя постнеклассическую схему В.С. Степина «субъект–средство–объект–результат», в статье описывается асимметричная трансформация этих элементов с радикальными изменениями на уровне исследовательских инструментов и построения объектов, в то время как интерпретация остается человекоцентричной. Исследование подчеркивает появление предсказательно-инструментального знания, которое эффективно, но не полностью объяснимо, что поднимает эпистемологические вопросы непрозрачности нейронных моделей. Противопоставляются ориентированные на обучение и ориентированные на замещение режимы использования ИИ,

подчеркиваются риски когнитивной делегации и потери автономной формулировки проблем. В заключение отмечается, что современная наука развивается в рамках гибридной человеко-машинной научной среды, внутри которой когнитивные функции перераспределяются, в то время как ответственность за интерпретацию остается неизменно человеческой. В целом, исследование рассматривает ИИ не как инструмент, а как структурное условие современной исследовательской практики.

Ключевые слова: искусственный интеллект; научное познание; эпистемология; трансформация науки; большие языковые модели; нейросети; гибридная рациональность; непрозрачность; постнеклассика.

FORMS OF AI INTEGRATION IN SCIENTIFIC COGNITION AND THE TRANSFORMATION OF THE STRUCTURE OF THE COGNITIVE PROCESS

Stelmakhov Denis Alexandrovich
PhD student
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Abstract: This article examines forms of artificial intelligence integration into contemporary scientific knowledge production and transformation of cognitive structures in research processes. It argues that AI has shifted from auxiliary instrument to embedded component of epistemic practices driven by exponential data growth and limited scalability of human cognition. The analysis distinguishes four levels of AI involvement: large-scale data processing, semantic search and recommendation systems, large language models for literature synthesis and hypothesis generation, and generative systems capable of producing novel formal representations of scientific models. Using V.S. Stepin's post-nonclassical scheme of subject–means–object–result, the paper demonstrates asymmetric transformation of these elements, with radical changes at level of research tools and object construction, while interpretation remains human-centered. The study highlights emergence of predictive-instrumental knowledge that is effective without being fully explainable, raising epistemological issues of opacity in neural models. It contrasts training-oriented and substitution-oriented modes of AI use, emphasizing risks of cognitive delegation and loss of autonomous problem formulation. The article concludes that contemporary science is evolving into a hybrid human–machine epistemic environment, where cognitive functions are redistributed while interpretive responsibility remains irreducibly human. Overall, the study situates AI not as a tool but as a structural condition of contemporary epistemic practice it.

Keywords: artificial intelligence; scientific cognition; epistemology; transformation of science; large language models; neural networks; hybrid rationality; opacity; post-nonclassical science.

Современная наука переживает глубокую реконфигурацию структурного характера. Искусственный интеллект (ИИ) перестал быть инструментом, применяемым в отдельных узких областях. Сегодня он встроен в структуру исследовательского процесса. Объем публикаций в рецензируемых журналах превысил 3 миллиона статей в год; геномные, астрофизические и климатические данные удваиваются быстрее, чем ученые успевают их осмыслить. Человеческие когнитивные возможности ограничены биологически и не

масштабируются вместе с потоком информации. Средний исследователь в биомедицинской области физически не в состоянии проработать даже малую долю релевантных для его специализации текстов, выходящих ежегодно [Wang et al. 2023, p. 48]. Разрыв между объемом доступного знания и пропускной способностью человеческого восприятия создает функциональное давление на внедрение ИИ. Без машинной поддержки управляемость исследовательского процесса в ряде областей оказывается под угрозой, однако за утилитарной логикой дефицита времени лежит вопрос об изменении самой природы научной рациональности и эпистемологических последствиях, которые разворачиваются значительно медленнее, чем технические применения.

Аналитически можно выделить несколько уровней вхождения ИИ в исследовательскую практику, которые, хотя и тесно переплетены в реальности, различаются как по выполняемым функциям, так и по степени вмешательства в структуру познания.

Уровень больших данных и вычислительной обработки исторически первый. Машинное обучение применяется здесь как стандартный способ выявления закономерностей в массивах, которые принципиально не поддаются ручной обработке. Символом институционального признания этого уровня стала Нобелевская премия по химии 2024 года за создание нейросетевой системы AlphaFold по предсказанию трехмерных структур белков по последовательности аминокислот. Система прошла обучение на базах данных известных структур и воспроизводит точность, сопоставимую с экспериментальными методами, без явного моделирования физики сворачивания [Jumper et al. 2021, p. 583]. Законы, управляющие поведением белка, оказываются имплицитно закодированными в весах сети, но не извлекаемыми в понятной человеку форме. Мы располагаем правильным предсказанием, но не располагаем объяснением, почему оно правильное.

Уровень поисковых и рекомендательных систем влияет на то, какая литература попадает в поле зрения исследователя и какие направления предстают как перспективные. Системы Semantic Scholar, Elicit, Consensus используют семантический поиск, принципиально отличающийся от ключевого. Алгоритм структурирует эпистемический горизонт ученого, и за кажущейся нейтральностью технического инструмента скрывается содержательное влияние на постановку проблемы.

Уровень языковых моделей (LLM) стал наиболее заметен после появления ChatGPT (2022). Большие языковые модели выполняют реферативно-обзорные функции, помогают структурировать корпус литературы, предлагают первичные гипотезы, редактируют рукописи. При корректной постановке запроса они воспроизводят аналитические функции, традиционно закрепленные за аспирантами и младшими сотрудниками. Это существенно меняет темп и само распределение когнитивного труда внутри исследовательского коллектива [Wang et al. 2023, p. 52].

Уровень генерации моделей и формул пока остается наименее освоенным в массовой практике, но наиболее радикальным концептуально. ИИ-системы оказываются способны генерировать компактные формульные описания, выявляющие скрытые зависимости в данных, тем самым переходя от оптимизации уже существующих моделей к предложению новых структур представления знания.

Для систематического осмысления происходящего продуктивна постнеклассическая деятельностная схема В.С. Степина: *субъект – средства – объект – результат* [Степин 2003, с. 619–683]. В отличие от классической трактовки, где средства рассматривались как нейтральные инструменты, постнеклассика настаивает на их взаимном влиянии. Средства познания включаются в структуру объекта, а результат, в свою очередь, трансформирует

субъекта. Применение этой схемы к ИИ обнаруживает выраженную асимметрию трансформации: разные элементы цепочки затронуты в весьма неодинаковой мере.

На уровне средств изменения наиболее радикальны. ИИ автоматизировал и ускорил базовые исследовательские операции на порядки величин. Там, где раньше требовались месяцы экспериментальной работы или недели систематического чтения, теперь затрачиваются часы или минуты. Генеративные модели способны строить объекты с заданными свойствами в обход прямого физического синтеза: задается желаемое свойство, и алгоритм предлагает структуры, теоретически его реализующие. Такой «обратный дизайн» изменяет классическую логику: «понять – применить» заменяется на «задать цель – получить структуру – попытаться понять (опционально)». Б. Латур фиксировал это применительно к технонауке в целом: граница между познанием и конструированием исчезает, совместное производство знания и артефакта становится нормой [Латур 2013, с. 174–215].

На уровне объекта ИИ создает новые типы познаваемых сущностей. Нейросети работают в пространствах высокой размерности, где у человека нет интуиции. Кластеры в латентном пространстве, аттракторы, выявляемые в процессе обучения, – это реальные структуры или артефакты модели? Молекулы, спроектированные генеративными системами и никогда не встречавшиеся в природе, существуют ли как объекты познания до своего синтеза? Вопрос остается открытым, однако уже сама постановка меняет привычное понимание того, что значит «открыть» нечто в противовес «создать».

На уровне субъекта изменения пока менее глубоки, но развиваются стремительно. Системы, анализирующие графы научного знания и выявляющие пробелы или неисследованные комбинации, начинают участвовать в самой постановке проблемы. Традиционно это считалось исключительно индивидуальным творческим актом, но теперь постановка проблемы становится гибридной: ИИ предлагает, человек фильтрует и принимает решение. Это влечет риск «фильтрационного пузыря» для науки [Wang et al. 2023, p. 54]: алгоритмическая оптимизация релевантности может подавлять случайные открытия.

Наиболее существенная асимметрия обнаруживается на уровне результата – интерпретации. ИИ-система способна получить результат (предсказать структуру, найти паттерн, сгенерировать гипотезу), однако его осмысление остается за человеком. И здесь ИИ структурно слаб. Интерпретация требует выхода за пределы конкретной задачи: понимания того, что результат значит для теории, какие противоречия он снимает или открывает, как он встраивается в традицию. LLM способна генерировать правдоподобные тексты об этом, но правдоподобие здесь статистического, а не смыслового происхождения. AlphaFold предсказывает структуру белка, однако не дает нового понимания физики сворачивания. Теория существует, но в форме, имплицитно закодированной в весах сети и недоступной для прямого прочтения. Возникает новый тип научного знания – предсказательно-инструментальное, а не объяснительное [Krenn et al. 2022, p. 761]. Мы можем использовать систему, не понимая, почему она работает.

Эту проблему осознает и само сообщество разработчиков. Методы объяснимого ИИ (SHAP, LIME, attention maps) претендуют на то, чтобы сделать решения модели прозрачными. Критики, однако, справедливо указывают: это post hoc рационализация, а не подлинное объяснение – восстановленная задним числом логика, которая может оказаться артефактом самого метода объяснения, а не реальным механизмом вывода [Rudin 2019, p. 206]. Принципиальный вопрос остается без ответа: является ли непрозрачность современных нейросетей техническим ограничением, которое будет преодолено, или онтологической границей, связанной с природой машинного познания?

Различие между двумя стратегиями использования ИИ нередко ускользает из обсуждения. Тренировочная стратегия предполагает, что ИИ выступает временной поддержкой – инструментом, помогающим преодолеть задачу из зоны ближайшего развития, но постепенно убираемым по мере роста компетентности. Замещающая стратегия нацелена на полную автоматизацию: человек формулирует запрос, ИИ выдает готовый результат. Задача решена, но исследователь не прошел через процесс ее решения. Академическая культура метрик публикационной активности создает мощное давление в сторону замещения, тогда как именно переживание интеллектуального тупика и самостоятельное преодоление барьера формируют исследователя. Систематическое избегание таких ситуаций чревато тем, что В.Г. Буданов обозначает как делегирование когнитивной функции целеполагания внешней системе [Буданов 2024, с. 38]: сохраняется способность использовать инструменты, но утрачивается способность думать без них.

Нынешнее состояние познавательного процесса в науке можно охарактеризовать термином «гибридная человеко-машинная научная среда», который позволяет зафиксировать реальную структурную черту – ни чисто человеческое, ни полностью машинное познание, а нечто третье, обладающее эмерджентными свойствами, не сводимыми к сумме слагаемых. Человек и ИИ оказываются комплементарны: машина сильна в оперативных аспектах (обработке данных, применении формализованных методов, оптимизации, поиске паттернов в высокоразмерных пространствах), а человек незаменим в рефлексивных (интерпретации смысла, критической оценке значимости, формулировании целей следующего уровня, встраивании результата в культурный и теоретический контекст).

Ключевой вопрос, который предстоит решать философии науки, состоит не в том, хорошо это или плохо, а в том, как выстраивать взаимодействие человека и машины так, чтобы сохранялась и развивалась рефлексивная составляющая. Пока ИИ берёт на себя рутину, высвобождая время для глубокого мышления, – это оптимистический сценарий. Когда высвобожденное время заполняется ещё большим числом задач, а качество мышления деградирует под давлением производительности, – это уже иная история. Различие между этими сценариями определяется позицией, которую занимает исследователь и какие ценности встроены в исследовательскую культуру.

Список литературы

1. Буданов 2024 – Буданов В.Г. Техносубъект и антропосоциальные проблемы взаимодействия с искусственным интеллектом: синергия, демаркация, новая рациональность, риски // Философские науки. 2024. Т. 67. № 3. С. 27–52.
2. Латур 2013 – Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / Пер. с англ. К. Федоровой; науч. ред. С. Миляева. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.
3. Степин 2003 – Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
4. Jumper et al. 2021 – Jumper J., Evans R., Pritzel A. et al. Highly accurate protein structure prediction with AlphaFold // Nature. 2021. Vol. 596. P. 583–589. DOI: 10.1038/s41586-021-03819-2
5. Krenn et al. 2022 – Krenn M., Pollice R., Guo S.Y. et al. On scientific understanding with artificial intelligence // Nature Reviews Physics. 2022. Vol. 4. No. 12. P. 761–769. DOI: 10.1038/s42254-022-00518-3

6. Rudin 2019 – Rudin C. Stop explaining black box machine learning models for high stakes decisions and use interpretable models instead // Nature Machine Intelligence. 2019. Vol. 1. No. 5. P. 206–215. DOI: 10.1038/s42256-019-0048-x
7. Wang et al. 2023 – Wang H., Fu T., Du Y. et al. Scientific discovery in the age of artificial intelligence // Nature. 2023. Vol. 620. No. 7972. P. 47–60. DOI: 10.1038/s41586-023-06221-2

УДК 140.8

ЗНАНИЕ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: НОВЫЙ ЛИ ВЫЗОВ

Сулима Игорь Иванович
доктор философских наук
Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, заведующий кафедрой философии и теологии
E-mail: sulima.i.i@mail.ru

Аннотация: Современное общество и научное сообщество в третьем десятилетии XXI в. сосредоточилось на обсуждении и изучении искусственного интеллекта. Про искусственный интеллект пишутся самые разнообразные научные работы в рамках различных научных дисциплин. При этом в повседневности общество воспринимает искусственный интеллект как явление сугубо современное, не имеющее корней в прошлом. Искусственный интеллект явление очень многоплановое и понимание его в ряде случаев требует самых разнообразных и неповерхностных знаний в области физики и технологий. А этих знаний в век технологий сильно не хватает в связи с тем, что фундаментальные вопросы физики, техники и философии из современного образования активно вымываются. Нам видится вызов в том, что современное общество, современный человек не акцентированы на фундаментальных знаниях, классической форме образования. Поверхностность мнений, суждений, отношений – реальный вызов современности. Оценка искусственного интеллекта стала предметом острых дискуссий. Искусственный интеллект видится и как способ решения практически всех проблем людей, и как жуткое бедствие, инструмент уничтожения человеческого в человеке. Ставится вопрос о том, является ли искусственный интеллект вызовом современному обществу. Этот вопрос должен стать объектом современных исследований в области философии науки, философской антропологии, социальной философии и философии образования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, вызов, образование, наука, философия, общество.

KNOWLEDGE AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE: IS IT A NEW CHALLENGE

Igor Ivanovich Sulima
Doctor of Philosophy
Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Head of the Department of Philosophy and Theology

Abstract: In the third decade of the 21st century, modern society and the scientific community have focused on discussing and studying artificial intelligence. A wide variety of scientific papers are written about artificial intelligence in various scientific disciplines. At the same time, in everyday life, society perceives artificial intelligence as a purely modern phenomenon that has no roots in the past. Artificial intelligence is a very multifaceted phenomenon, and understanding it in some cases requires a wide variety of non-surface knowledge in the field of physics and technology. And this knowledge is severely lacking in the age of technology due to the fact that fundamental issues of physics, technology and philosophy are being actively washed out of modern education. We see a challenge in the fact that modern society and modern man are not focused on fundamental knowledge, the classical form of education. The superficiality of opinions, judgments, and relationships is a real challenge of our time. The assessment of artificial intelligence has become the subject of intense debate. Artificial intelligence is seen both as a way to solve almost all human problems, and as a terrible disaster, a tool for destroying the human in a person. The question is raised whether artificial intelligence is a challenge to modern society. This issue should become the object of modern research in the fields of philosophy of science, philosophical anthropology, social philosophy and philosophy of education.

Keywords: artificial intelligence, challenge, education, science, philosophy, society.

Современное общество и научное сообщество с началом третьего десятилетия XXI века сосредоточилось на искусственном интеллекте. Про искусственный интеллект пишутся научные работы в контексте изучения проблем философии, истории науки, этики науки, проблем цивилистики (теории личных неимущественных прав), социальной философии. Философской антропологии, философии культуры, в рамках научных педагогических исследований. Общество обсуждает проблему на площадке средств массовой информации, в рамках просветительской деятельности, в педагогической среде. При этом общество воспринимает искусственный интеллект как явление сугубо XXI века, не обращая внимание на то, что исследования в области искусственного разума ведутся с пятидесятых годов XX века, а в быту и науке давно используются самые разные поисковые системы, основанные на достаточно сложных формулировках запросов обывателей и специалистов. При этом искусственным интеллектом что только ни называется. Искусственным интеллектом полагается и то, что можно поделить по признаку уровня развития (слабый и сильный искусственный интеллект), и то, что можно классифицировать по критерию назначения (разные виды обучения, обработка языка, компьютерное зрение, робототехника) и то, что можно поделить по другим критериям. В большинстве случаев общество не вполне ясно представляет, про что судит в силу того, что искусственный интеллект явление очень многоплановое и понимание его в ряде случаев требует знаний в области технологий. А этих знаний в век технологий сильно не хватает в связи с тем, что фундаментальные вопросы физики, техники и философии из современного образования вымываются. Вызов в том, что оно не акцентировано на фундаментальных знаниях, классической форме образования. Поверхностность мнений, суждений, отношений – реальный вызов современности. Использование искусственного интеллекта без мировоззренческой и фундаментальной естественно-научной подготовки лишь усугубляет релятивизм современного образования и развивает необоснованные суждения об искусственном интеллекте, порождает современные мифы о его фантастических возможностях или о его исключительной опасности, разрушительности для человека и общества (в частности, науки и образования).

Как это всегда бывает, не успев разобраться с явлением, общество активно использует его в коммерческих целях: от прогнозирования самых разных явлений, до планирования масштабных боевых действий, от поиска нужного товара, до использования в диагностике и лечении самых разных заболеваний, от придумывания самых разных нестандартных тем рефератов для учащихся до подготовки рефератов на самый нестандартный запрос, от формулировки тривиальных заданий для домашней работы школьников, до написания ответов на школьное домашнее задание по самым разным учебным предметом и т.д. и т.п. В интернете можно найти огромное количество предложений курсов (очных и онлайн), обучающих буквально всех желающих навыкам применения искусственного интеллекта буквально во всех случаях жизни. Этих разнообразных курсов уже так много, что на них имеется огромное количество самых разнообразных скидок, получить такие курсы можно в подарок за покупки у отдельных продавцов, на отдельных электронных платформах (при этом покупка может быть вообще никак не связана с высокими технологиями).

Нельзя полагать, что отношение к искусственному интеллекту только поверхностное, профанное и коммерческое. Например, для научно обоснованного развития методики преподавания иностранного языка проведён ряд успешных исследований, завершившихся защитами диссертаций, и сделаны научно обоснованные практически значимые выводы в таких работах как «Обучение иностранному языку студентов информационно-технологических специальностей на основе решения комплексных коммуникативно-когнитивных задач (английский язык)» [Воронина 2024], «Методика обучения студентов коллокациям на основе корпусных технологий искусственного интеллекта (английский язык, языковой факультет)» [Клочихин 2024], «Методика дифференцированного обучения студентов технического вуза английской грамматике посредством учебного взаимодействия с чат-ботом с генеративным искусственным интеллектом» [Черкасова 2024]. Работы были написаны под руководством известных лингвистов профессоров Сысоева П.В. и Шамова А.Н.

Позиции по поводу оценки искусственного интеллекта в эпоху научно-технического прогресса как социального вызова самые разные: искусственный интеллект полагается и просто очередным инструментом человеческой деятельности, и катастрофой, которая отнимет у человека работу, и даже катастрофой человечности, представлением о том, что машины просто вытеснят человека из социального мира. Искусственный интеллект представляется манной небесной в условиях современной демографической ситуации (коренное население развитых стран быстро сокращается, демографическое лидерство Китая осталось в прошлом, человечество через несколько десятилетий достигнет пика количества людей и пойдёт на спад). Искусственный интеллект представляется абсолютным злом, разрушающим человеческое в социальной сфере – представляется уничтожителем сострадающего врача, учителя как наставника, книги как носителя мудрости и т.д. Всё это происходит в рамках мирового цивилизационного кризиса и конфликта. Идеи конца Европы, кризиса и конца цивилизации вписываются в политологические рассуждения о том, что сейчас идёт третья мировая война, и она является не войной за ресурсы (хоть это и присутствует на втором плане), а войной за ценности, что и определяет её как цивилизационную войну.

В образовании аналогичная ситуация. Ряд преподавателей полагают, что речь идёт об очередном модном поветрии, которое лопнет как пузырь, другие полагают, что природа образования радикально изменяется. Третьи, как часто в обществе бывает, просто занимают алармистскую позицию: всё плохо, всё катится в пропасть. Философия образования методологически не готова к оценке (что свидетельствует о проблемах её развития в последнее десятилетие-полтора). Полагаем, что именно методологическая дискуссия могла бы пройти на

страницах самого уважаемого для философии образования журнала «Философия образования».

Искусственный интеллект стал явлением, значимым не только для развития науки и техники, но повлиял на всё общество. Оценка этого влияния стала предметом острых дискуссий. Ставится вопрос о том, является ли искусственный интеллект вызовом современному обществу. Этот вопрос должен стать объектом современных исследований в области философии науки, философской антропологии, социальной философии и философии образования.

Список литературы

1. Воронина 2024 – Воронина Д.К. Обучение иностранному языку студентов информационно-технологических специальностей на основе решения комплексных коммуникативно-когнитивных задач (английский язык) Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к.п.н. по специальности 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (гуманитарные науки, среднее профессиональное и высшее образование). Тамбов, 2024. 26 с.
2. Клочихин 2024 – Клочихин В.В. Методика обучения студентов коллокациям на основе корпусных технологий искусственного интеллекта (английский язык, языковой факультет) Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к.п.н. по специальности 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (гуманитарные науки, среднее профессиональное и высшее образование). Тамбов, 2024. 20 с.
3. Черкасова 2024 – Черкасова Е.А. Методика дифференцированного обучения студентов технического вуза английской грамматике посредством учебного взаимодействия с чат-ботом с генеративным искусственным интеллектом. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к.п.н. по специальности 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (гуманитарные науки, среднее профессиональное и высшее образование). Тамбов, 2024. 27 с.

УДК 001.51:168.5

МЕТАМОРФОЗЫ СИСТЕМНОЙ ПАРАДИГМЫ: ОТ ОНТОЛОГИИ К ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

Тищенко Виктор Иванович

Кандидат философских наук, заведующий отделом

Федеральное государственное учреждение «Федеральный исследовательский центр

«Информатика и управление» Российской академии наук», заведующий отделом

E-mail: vtichenko@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется фундаментальный сдвиг в эпистемологических стратегиях, происходящий в системной парадигме на протяжении XX–XXI веков. Исходная организмическая программа Л. фон Берталанфи, трактовавшая системность как имманентное свойство бытия, постепенно уступает место рефлексивным стратегиям, рассматривающим системность как эпистемологическую конструкцию, а не онтологическую данность. На материале эволюции системного движения и советской методологии науки демонстрируется переход от поиска субстанционального единства к рефлексии о средствах и границах познания. В заключении утверждается, что современная системная парадигма, освобожденная от органицистского наследия, предлагает гибкую эпистемологическую стратегию удержания продуктивного плюрализма.

Ключевые слова: системная парадигма, системное мышление, органицизм, постнеклассическая рациональность, коммуникация.

TISHCHENKO Victor I.
PhD in Philosophy
Federal Research Center «Computer Science and Control»
of the Russian Academy of Sciences, the Head of the Department

Abstract The article analyses a fundamental shift in epistemological strategies taking place within the systems paradigm over the 20th–21st centuries. The original organismic programme of L. von Bertalanffy, which treated systemicity as an immanent property of being, gradually gives way to reflexive strategies that consider systemicity as an epistemological construct rather than an ontological given. Drawing on the evolution of the systems movement and Soviet methodology of science, the article demonstrates a transition from the search for substantial unity to reflection on the means and limits of cognition. Special attention is paid to the works of In conclusion, it is argued that the contemporary systems paradigm, freed from its organismic heritage, offers a flexible epistemological strategy that sustains productive pluralism.

Keywords: systems paradigm, systems thinking, organismicism, postnonclassical rationality, communication.

Введение.

Классическая системная парадигма формировалась, прежде всего, как онтологический проект. Однако за последние десятилетия она претерпела глубокие метаморфозы, которые сместили акцент с онтологических вопросов на эпистемологические стратегии. И сегодня обращение к системной парадигме в контексте эпистемологических поисков социально-гуманитарного знания актуализирует уже не столько утверждение плюрализма (ставшее исходной конвенцией), сколько анализ трансформации самих познавательных инструментов.

Современная эпистемология движется от гносеологических абстракций к реальному знанию, обогащая базовые понятия. Познающий субъект предстаёт как «целостный человек познающий», который не может быть исключён из исследовательской ситуации в роли внешнего наблюдателя. Как следствие, эпистемологическая стратегия современной системной парадигмы смещается от создания универсального метаязыка к выработке процедур трансляции и коммуникации между различными когнитивными практиками. Единство

обретает межсубъективный характер: оно конституируется в междисциплинарном диалоге как результат согласования эпистемологических позиций.

Эволюция системного движения: от онтологии органицизма к эпистемологической гибкости

Как известно, становление системной парадигмы изначально было связано с проблемой, которая состояла в преодолении эпистемологического кризиса, возникшего на рубеже XIX–XX веков. Теория относительности и волновая механика поставили под сомнение концепции физического закона и объективности, «устранив» традиционное представление о субстанции. Изменение теоретических основ физики породило «хаос различных мнений», хаос в восприятии реальности.

В атмосфере «распада» знания о действительности Эрнст Мах заявляет о междисциплинарном синтезе как средстве преодоления кризиса и формирующемся движении за объединение «специальных наук в одно единое целое» [Миронов 2022, с. 208]. Именно в интеллектуальной обстановке распространения в массовом сознании воззрений о «ломке» многовековой траектории научного знания у Людвига фон Берталанфи укрепляется убеждение в вероятности появления целостных концептуальных построений картины мироздания на основе единых нейтральных понятий и целостных (организменных) концепций, проистекающих из биологии как науки жизни [Bertalanffy 1972].

С конца 1920-х гг., в работах по теоретической биологии, Берталанфи пытался преодолеть противоположность механицизма и витализма, наметив основы организмического подхода к биологическим объектам как к организованным динамическим системам. В 1930-х гг. он выдвинул теорию открытых биологических систем, а в конце 1940-х — программу построения «общей теории систем», предусматривающую формулирование общих принципов и законов поведения систем независимо от вида и природы составляющих их элементов.

Идеи органицизма как философско-методологической концепции долгое время доминировали в системном мышлении, проецируя модель живого организма на все типы систем, включая социальные и когнитивные. Однако по мере развития системных исследований происходило постепенное осознание ограниченности организмической парадигмы.

Как убедительно демонстрирует В. М. Розин, существуют две принципиальные точки зрения на системный подход. Согласно первой, он мыслится как универсальный, пригодный для любых дисциплин и практик; согласно второй, – «включает специфическую предметность и должен схватывать особенности определенной области знаний» [Розин 2023, с. 145]. Именно второй взгляд открывает путь к пониманию системного подхода не как жесткой онтологической схемы, а как гибкой эпистемологической стратегии. В этом контексте системный подход предстаёт как методология «проектирования» объекта изучения, предстающего в особой познавательной ситуации, что сближает его с гуманитарными методологиями, способными решать проблемы и задачи не формально, а через содержательное исследование.

Эта трансформация представлений о системном подходе нашла свое концептуальное завершение в переходе от анализа равновесных состояний к исследованию неравновесных и необратимых процессов, что привнесло в системную парадигму такие понятия, как

нелинейность, неопределенность, бифуркация и аттрактор. Расширение понятийного «каркаса» знаменовало, как было показано В. Н. Садовским, смену парадигм системного мышления [Садовский 1996, с. 71]. И системная парадигма обрела динамическое измерение, которого ей недоставало в исходной организмической версии, и стала не просто описывать мир как совокупность систем, но и рефлексировать по поводу того, как само знание об этих системах конституируется в познавательной деятельности.

Советский системный проект: рефлексивный поворот и трансформация системного мышления

Именно, советская школа системных исследований, представленная, прежде всего, работами И. В. Блауберга, В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина существенно скорректировала исходные установки Берталанфи, осуществив поворот в эпистемологической стратегии: системность здесь трактовалась не как имманентное свойство бытия (онтологическая стратегия), а как рефлексивная эпистемологическая стратегия, то есть способ организации познавательной деятельности. Этот сдвиг привёл к переориентации исследовательского интереса с поиска субстанционального единства объекта на рефлексию о средствах и границах самого познания — тем самым системное мышление приобрело «метапознавательное измерение».

Во многом это было обусловлено тем, что в Советском Союзе системные исследования разворачивались в специфическом контексте. В условиях доминирования догматизма и академического изоляционизма стремление пришедших в философию в послевоенные годы исследователей к профессионализации и обретению относительной автономии философского знания проявилось в обосновании развития системного подхода как методологической программы, способной интегрировать данные различных наук. В итоге они сместили акцент с создания «общей теории систем» на осуществление специфического системного мировоззрения и системной методологии в этих областях [Юдин 2008, с. 30-31].

Именно в этой напряженной ситуации происходило становление двух влиятельных центров системных исследований: сектора системных исследований ИИЕТ АН СССР и Московского методологического кружка. Эти центры, при всем их институциональном и концептуальном различии, решали общую задачу: разработку методологических оснований системного подхода, позволяющих преодолеть дисциплинарную разобщенность и построить интегральное знание.

Особую роль в этой трансформации сыграла системомыследеятельностная методология Г. П. Щедровицкого. В его работах акцент был фактически перенесен с проблемы устройства мира на проблему «устройства» деятельности и мышления. Поскольку он полагал, что методолог, в отличие от ученого, это человек, который работает над собственной деятельностью и мышлением, меняя и трансформируя их [Щедровицкий 2004, с. 131].

Трансформация идеала единства в свете эпистемологии сложности

Советский системный проект продемонстрировал глубокую внутреннюю напряженность: с одной стороны, он унаследовал просвещенческий пафос построения «научной картины мира» как целостного знания, с другой — именно в его недрах вызрело критическое переосмысление самой возможности такой тотальности.

Ключевой эпистемологической проблемой, выявившейся в ходе этой рефлексии, стал вопрос о статусе наблюдателя и, шире, о границах объективации социально-гуманитарной реальности. Если физика и биология в рамках системного подхода могли позволить себе оперировать онтологизированными моделями «системы как таковой», то социально-гуманитарное познание неизбежно сталкивалось с феноменом встроенности исследователя в ту самую систему, которую он описывает. Это привело к постепенному размыванию классического системного подхода и формированию того, что мы сегодня называем постнеклассической рациональностью. В терминах эпистемологических стратегий это означало переход от поиска субстанционального единства объекта к рефлексии над единством средств и условий его познания.

В свете этих соображений обращение к системной парадигме приобретает новое звучание. Системный подход в его современной, постнеклассической версии не предлагает готовой онтологии «системности» как универсального принципа организации бытия. Напротив, он выступает как методологическая стратегия, позволяющая конфигурировать различные предметные области и «проектировать» объекты исследования в особой эпистемической ситуации. Именно в этом пункте системное мышление перестаёт быть монологичным и становится диалогичным.

Переход от онтологии организма к эпистемологии сложности означает, что мы перестаём спрашивать «что такое система сама по себе?» и начинаем спрашивать «как мы конструируем системное видение объекта?», «каковы границы применимости системных описаний?», «как согласовать разные системные модели, порождаемые различными наблюдателями?». Ответом на эти вопросы становится введение в эпистемологический оборот категорий диалога, коммуникации, конвенции и интерпретации, знаменующее переход к новой стратегии познания.

Заключение

В конечном счете, проблема системности знания в современную эпоху не может быть решена путем создания единой «теории всего» или универсального формального языка. Скорее, единство обретается на уровне методологической рефлексии, позволяющей устанавливать связи между разнородными познавательными практиками и выявлять изоморфизмы там, где они действительно существуют, не навязывая при этом ложного онтологического единства. Системная парадигма, освобожденная от органицистского наследия, предлагает именно такой инструментарий — не жесткую онтологию, но гибкую эпистемологическую стратегию, способную удерживать вместе плюрализм и единство, разнообразие и интеграцию. Трансформация «от онтологии организма к эпистемологии сложности» означает признание того, что сложность — это не свойство мира самого по себе, а вызов нашему мышлению, ответом на который становится рефлексивное, диалогическое и конвенциональное производство знания.

Список литературы

1. Миронов 2022 – Миронов Д.Г. Австрийская метафилософия от Больцано до Венского кружка // Философия истории философии. Том 2. под ред. А. А. Иваненко. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2022. С. 200-216.

2. Розин 2023 – Розин В. М. Необходим ли системный подход для социогуманитарных исследований? // Вопросы философии. 2023. № 6. С. 145–154.

3. Садовский 1996 – Садовский В.Н. Смена парадигм системного мышления. // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1992—1994. М., 1996. С. 64-78.

4. Щедровицкий 2004 – Щедровицкий Г.П. На Досках. Публичные лекции по философии Г. П. Щедровицкого. [ред. текста, авт. коммент. В. Л. Данилова]. М.: Изд-во Шк. Культур. политики. 2004. 195 с.

5. Юдин 2008 – Юдин Б.Г. Из истории системных исследований: между методологией и идеологией // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2008. № 1. С. 36–42.

6. Bertalanffy 1972 – Bertalanffy L. von. The History and Status of General Systems Theory // The Academy of Management Journal. 1972. Vol. 15. No. 4. P. 407-426.

УДК 165

СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНОЕ ОТНОШЕНИЕ КАК ПРЕТЕНЗИЯ НА ЕДИНСТВО ТРАНСЦЕНДЕНТНОГО И ИММАНЕНТНОГО

Филатова Мария Игоревна
кандидат философских наук,
Московский педагогический государственный университет, доцент
E-mail: m.philatova@yandex.ru

Аннотация. В статье показано, что субъект-объектное отношение является вариантом соотношения трансцендентного и имманентного, а именно претензией на единство этих двух начал, достигаемое в истине познания. При этом состоятельность субъект-объектного отношения в конечном счете упирается в вопрос об основательности его претензий быть единством трансцендентного и имманентного. Проблема такого единства является сквозной для всей истории западноевропейской философии и достигает некоторого критического состояния в «ученом незнании» Н. Кузанского. Кузанский сохраняет трансцендентность Абсолютного максимума, но в то же время, называя свой онтологический проект «ученым незнанием», он показывает, как человек может в этой области «незнания» ориентироваться. Специфика подхода Кузанского к соотношению трансцендентного и имманентного особенно рельефно проступает при сравнении с моделью христианского храма. Здесь трансцендентное и имманентное, горнее и дольнее, символизируемые алтарем и храмовой частью, как таковые соприкасаются, но не совмещаются. Кузанским же задается соблазн единения с трансцендентным *снизу*, как своего рода соблазн «проникнуть в алтарь». В ученом незнании мы уже можем *туда* беспрепятственно смотреть. Но сам переход в эту область у Кузанского остается закрытым, что не может не задавать стремление сделать «ученое незнание» «ученым знанием».

Эпистемологическая модель камеры-обскуры воплощает заданную «ученым незнанием» претензию на видение мира с точки зрения максимума. Проникая в отделенную от наблюдаемого мира темную область камеры, наблюдатель претерпевает изменения. Из всего его телесного состава оставался актуальным лишь глаз, функционирующий по законам оптики. В этом смысле камера-обскура «напоминает непогрешимый метафизический глаз»,

воплощая собой претензию на преображение природы человека, искание которого является прерогативой даже не столько философии, сколько религии.

Кризис эпистемологической модели камеры-обскуры, вызванный физиологическими исследованиями зрения в 1820-х и 1830-х годах, обнаружил безосновательность претензий на воплощенный в модели камеры-обскуры «трансцензус» наблюдателя. Но в это время в пользу него уже свидетельствовала невероятная эффективность самой основанной на нем ньютоновской физики. После ее кризиса в начале XX века нить, ведущая к имплицированной в субъект-объектной парадигме проблеме, оказалась утерянной. В данной статье предпринимается попытка ее восстановить.

Ключевые слова: субъект-объектное отношение, камера-обскура, генезис науки XVII века, трансцендентно-имманентное единство, преображение природы, неклассическая эпистемология.

THE SUBJECT-OBJECT RELATIONSHIP AS A CLAIM TO THE UNITY OF THE TRANSCENDENT AND THE IMMANENT

Filatova Maria Igorevna

Moscow State Pedagogical University

Associate Professor

Abstract. The author of the article believes that the subject-object relationship is a variant of the relationship between the transcendent and the immanent, namely, the claim to the unity of these two principles, achieved in the truth of knowledge. At the same time, the validity of the subject-object relationship ultimately rests on the question of the validity of its claims to be a unity of the transcendent and the immanent. The problem of such unity is end-to-end for the entire history of Western European philosophy and reaches a certain critical state in the "scientific ignorance" of N. Kuzansky. Kuzansky preserves the transcendence of the Absolute maximum, but at the same time, calling his ontological project "scientific ignorance," he shows how a person can navigate in this area of "ignorance." The specificity of the Kuzansky approach to the relationship between the transcendent and the immanent is particularly evident when compared with the model of a Christian temple. Here the transcendent and the immanent, the upper and the lower, symbolized by the altar and the temple part, as such touch, but do not combine. Kuzansky, on the other hand, sets out the temptation of unity with the transcendent from below, as a kind of temptation to "penetrate the altar." In scientific ignorance, we can already look there without hindrance. But the very transition to this field remains closed for Kuzansky, which cannot but set the desire to make "scientific ignorance" "scientific knowledge." The epistemological model of the pinhole camera embodies the claim set by "scientific ignorance" to see the world from the point of view of the maximum. Penetrating into the dark area of the camera separated from the observed world, the observer undergoes changes. Of all his bodily composition, only the eye remained relevant, functioning according to the laws of optics. In this sense, the pinhole camera "resembles an infallible metaphysical eye," embodying a claim to transform human nature, the search for which is the prerogative not so much of philosophy as of religion. The crisis of the epistemological model of the pinhole camera, caused by physiological studies of vision in the 1820s and 1830s, revealed the baselessness of claims to the observer's "transcendence" embodied in the pinhole camera model. But at that time, the incredible effectiveness of Newtonian physics based on it was already proving in his favor. After its crisis at the beginning of the 20th century, the thread leading to the problem implicit in the subject-object paradigm was lost. The author of this article is attempting to restore it.

Keywords: subject-object relationship, camera obscura, the genesis of 17th century science, transcendental-immanent unity, the transformation of nature, nonclassical epistemology.

Неклассическая эпистемология возникает в ответ на осознание несоответствия идеалов эпистемологической классики реалиям научно-познавательной деятельности. Прежде всего это выразилось в переосмыслении субъект-объектного отношения. Классическая эпистемология исходит из отделенности субъекта от объекта как условия для объективности познания. В классическую эпоху научное знание ценилось настолько высоко и настолько выделялось среди прочих форм взаимодействия с миром и возвышалось над ними, что стало фактором, спровоцировавшим секуляризацию культуры. Но как подчеркивает Б.И. Пружинин, «классическая философия была полна “умолчаний” о реальности, о которой в момент формирования классической новоевропейской философии можно было и даже, наверное, следовало “умалчивать”, но которая теперь заявила о себе во весь голос в новейших, неклассических концепциях» [Пружинин 2009, с. 243]. Прежде всего это касается нереализуемости позиции новоевропейского субъекта, который якобы видит мир с точки зрения «ниоткуда». Научно-познавательную деятельность осуществляет реальный человек, живущий в мире, а это влечет за собой признание ее обусловленности многими факторами. Вследствие этого неклассическая эпистемология стоит на позициях не-субъектцентризма (децентрация и релятивизация субъекта познания), не-наукоцентризма (ставит в один ряд научное, обыденное, оккультное и др. формы знания). Это кардинально расходится с первоначальными установками науки, обеспечившими ей ведущую роль в жизни общества, и по словам Б.И. Пружинина, обнажает «реальную проблематичность существования науки в современном мире» [Пружинин 2009, с. 243].

Предметом неклассических концепций в эпистемологии выступают реалии научно-познавательной деятельности, описанием которых они и занимаются. Нормирование научно-познавательной деятельности им уже «не по плечу», так как метафизическое измерение научно-познавательной деятельности здесь уже почти полностью «испаряется». В этом следует видеть разрыв не только с эпистемологической классикой, но и с истоками самой философии в античности, с которыми связана классическая эпистемология XVII века [Пружинин 2009, с. 235]. В этой связи отказ неклассической эпистемологии от установок классики можно оценивать как «самоликвидацию эпистемологии» [Пружинин 2009, с. 234]. При этом в классических теориях познания именно «субъект-объектное отношение фиксирует саму суть научного познания, саму его возможность» [Пружинин 2009, с. 234]. Называя субъект-объектное отношение «философской формулой» научного познания [Пружинин 2009, с. 232], ядром классической эпистемологии Нового времени [Пружинин 2009, с. 235], Б.И. Пружинин призывает «понять современные течения не как “передовые” прозрения истины, а как проблематизации» [Пружинин 2009, с. 244].

И действительно, субъект-объектное отношение является вариантом соотношения трансцендентного и имманентного, претензией на единство этих двух начал, достигаемого в истине познания, при том, что проблема такого единства является сквозной для всей истории западноевропейской философии. Ценность субъект-объектного отношения и определяется его претензией быть первым в истории систематическим решением проблемы единства трансцендентного и имманентного. Здесь и нужно искать ответ на возникающий ввиду позиции защитников классики вопрос о ценности субъект-объектного отношения, признаваемой ими даже после того, как основанная на нем классическая механика, претендовавшая на статус универсальной парадигмы, обнаружила свою ограниченность.

Если единство трансцендентного и имманентного является основанием субъект-объектного отношения, то соотношение классической и неклассической эпистемологии представляется таким образом, что если классика выражала собой претензию на единство трансцендентного и имманентного, то неклассика выражает собой уже прямой отказ от искания такого единства и основывает его на критике классической эпистемологии, выявляя несостоятельность выраженного субъект-объектным отношением решения проблемы трансцендентно-имманентного единства. Но с другой стороны, отдавая должное идеалам классики на фоне реалий неклассики, нельзя забывать, что в конечном счете ценность субъект-объектного отношения, упирается в вопрос об основательности его претензий быть решением сквозной для всей истории философии проблемы единства трансцендентного и имманентного. И в случае отсутствия такой основательности нужно будет признать правду неклассики (в данном случае горькую).

Уже у Кузанского можно распознать черты новоевропейского научного мышления [Ахутин 1988, с. 51]. Возрождая неоплатоническое Единое в христианском контексте, Кузанский открывает новое видение трансцендентно-имманентного соотношения. С одной стороны, благодаря апелляции к идее непознаваемого христианского Бога, Кузанский сохраняет трансцендентность Абсолютного максимума. А с другой стороны, называя свой онтологический проект «ученым незнанием», Кузанский показывает, как человек может в этой области «незнания» ориентироваться. Так, на примере преобразования геометрических фигур через приобщение к максимуму Кузанский показывает, как окружность с максимальным диаметром, больше которого не может быть, становится прямой линией. «Окружность максимального круга, больше которого не может быть, минимально крива, а стало быть, максимально пряма» [Кузанский 2011, с. 27]. Тем самым здесь нам как бы становится уже видимо то, что происходит «там», в области максимума, несмотря на то что мы не знаем, как происходит сам переход в эту трансцендентную область, то есть не знаем, где и как диаметр (по определению конечная величина) становится актуально бесконечным. Сам Кузанский «совершает здесь “скачок”, никакой логикой не объяснимый» [Гайденко 1988, с. 55], благодаря которому все-таки сохраняется трансцендентность максимума. (Сравним: У Парменида, впервые представившего учение о Едином, две части поэмы «О природе» оставлены разрозненными без возможности совмещения. В диалогах Платона медиумом, соединяющим мир вещей с миром идей, выступает личность Сократа, уникальность которой исключает систематически характер такой связи [Шевцов 2024, с. 1017]. У неоплатоников попытки представить связь единого и многого приводят к апории трансцендентного начала [Месяц 2007, с. 83]).

Специфика подхода Кузанского к соотношению трансцендентного и имманентного особенно рельефно проступает при сравнении с моделью христианского храма (имеется ввиду православный храм как наиболее аутентичный в христианстве). Здесь трансцендентное и имманентное, горнее и дольнее, символизируемые алтарем и храмовой частью, как таковые соприкасаются, но не совмещаются. При этом возможность единения между ними существует и направлена всегда «сверху» «вниз» (традиция держать открытыми алтарные врата на Пасху). Кузанским же задается соблазн единения с трансцендентным *снизу*, как своего рода соблазн «проникнуть в алтарь». (Отсюда неоднозначность в оценке пантеизма Кузанского). В ученом незнании мы уже можем *туда* беспрепятственно смотреть. Но сам переход в эту область у Кузанского остается закрытым, что не может не задавать стремление сделать «ученое незнание» «ученым знанием». Но это уже путь новоевропейской науки.

В этой связи обращает на себя внимание интерес основателей науки XVII века к модели камеры-обскуры, которая начиная с последних десятилетий XVI и до конца XVIII века была господствующей парадигмой, задававшей представление о статусе и возможностях наблюдателя [Крэри 2014, с. 48]. Как подчеркивает Дж. Крэри, камера-обскура занимала центральное место в работах Кеплера, Лейбница, Декарта, Ньютона и Локка [Крэри 2014, с. 56]. И не случайно. Эпистемологическая модель камеры-обскуры воплощает заданную «ученым незнанием» претензию на видение мира с точки зрения максимума. Проникая в отделенную от наблюдаемого мира темную область камеры, наблюдатель претерпевает изменения. Как свидетельствует Дж. Крэри, «важная функция камеры-обскуры заключалась в том, чтобы отделить акт видения от физического тела наблюдателя и тем самым это видение дематериализовать» [Крэри 2014, с. 60]. Этим и задавалась возможность взгляда «из ниоткуда», характерного для классической парадигмы. У наблюдателя в камере-обскуре из всего его телесного состава оставался актуальным лишь глаз, как самая чистая, прозрачная его часть, имеющая световую природу и функционирующая по законам оптики. В этом смысле камера-обскура «напоминает непогрешимый метафизический глаз» [Крэри 2014, с. 70], воплощая собой претензию на преображение природы человека, искание которого является прерогативой уже не столько философии, сколько религии. Модель камеры-обскуры выделяется на фоне этих исканий тем, что здесь впервые была представлена возможность систематического решения проблемы преображения (альтернатива христианской святости («святой» дословно в переводе с еврейского и означает отделенный)), следствием которого было то, что в камере-обскуре наблюдатель сталкивался «с единообразным упорядоченным пространством, которое не затронуто его собственным сенсорным и физиологическим аппаратом и в котором содержания мира можно изучать, сравнивать и познавать на основе их множественных связей» [Крэри 2014, с. 77].

Так считалось до тех пор, пока в ходе развития физиологических исследований зрения в 1820-х и 1830-х годах во всей полноте не обнаружилась телесность глаза и, соответственно, безосновательность претензий на воплощенный в эпистемологической модели камеры-обскуры «трансцензус» наблюдателя, обеспечивающий возможность точки зрения «из ниоткуда», на которой основано субъект-объектное отношение. Но если на стадии становления науки модель камеры-обскуры оправдывала субъект-объектное отношение, фундирующее новоевропейскую науку, то в начале XIX века, наоборот, в пользу него уже свидетельствовала невероятная эффективность самой основанной на нем ньютоновской физики.

Таким образом, субъект-объектная парадигма имплицирует искания и стремления, свойственные глубоким пластам человеческой культуры, выходящим даже за пределы самой философии. Поэтому оценить ее значение и уяснить ее судьбу в истории науки невозможно без учета всей полноты ее импликаций.

Список литературы

1. Ахутин 1988 – Ахутин А.В. Понятие "природа" в античности и в новое время ("фюсис" и "натура"). М.: Наука, 1988. 205 с.
2. Гайденко 1998 – Гайденко П.П. К вопросу о генезисе новоевропейской науки // Философия науки. Вып. 4. М.: ИФ РАН, 1998. С. 52-60.
3. Крэри 2014 – Крэри Д. Техники наблюдателя. М.: V-A-C press, 2014. 256 с.
4. Кузанский 2011 – Кузанский Николай. Об ученом незнании / Пер. с лат. В.В. Бибихина. М.: Академический проект, 2011. 159 с.

5. Месяц 2007 – Месяц С. В. Проблема начала в неоплатонизме и учение Ямвлиха о двух Единых // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2007. Т. 8. № 2. С. 83-84.
6. Пружинин 2009 – Пружинин Б.И. Неклассическая эпистемология: взгляд из классики / Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Міръ, 2009. С. 230-248.
7. Шевцов 2024 – Шевцов К.П. Аналогия, диалектика, миф и катастрофа у Платона // ΣΧΟΛΗ Vol. 18. 2 (2024). С. 1011-1027.

УДК 001.38:316.6

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ИХ ОСМЫСЛЕНИЕ

Шетулова Елена Дмитриевна
Доктор философских наук
Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, профессор
E-mail: shetulowa@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается социальный контекст развития современной науки, предопределяющий формирование тех вызовов, с которым сталкивается научное познание на нынешнем этапе своего функционирования. Актуальность данной темы видится в выявлении насущных проблем, встающих перед наукой как важнейшей частью современной культуры и определении путей снятия появляющихся рисков. Методология анализа заключена в интерпретации содержания появляющихся вызовов как принципиально амбивалентных. Характеризуются связи между наукой и государством, наукой и обществом. Обозначены фундаментальные изменения, происходящие с наукой, ввиду её коммерциализации и трансформации отношения к ней со стороны общества, требующего демократизации исследовательского процесса. Финансирование науки государством и бизнесом, функционирование гражданской науки имеют диалектический характер. Коммерциализация науки расширяет общие возможности научного познания, позволяет стимулировать прикладные исследования, сокращать инновационный цикл и, соответственно, способствовать прогрессивному развитию. Но одновременно она не способствует снятию целевых различий науки и коммерции и подчас создаёт угрозу академическим стандартам. В свою очередь гражданская наука порождает новые формы популяризации науки и укрепляет её статус, однако, она же может поставить под вопрос эпистемологическую исключительность науки.

Ключевые слова: научное познание, научное сообщество, государство, социум, коммерциализация науки, гражданская наука.

MODERN SCIENCE: NEW CHALLENGES AND THEIR UNDERSTANDING

Shetulova Elena Dmitrievna
DSc in Philosophy
Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev, Professor

This article examines the social context of modern science development, which shapes the challenges facing scientific knowledge at the current stage of its functioning. The relevance of this topic lies in identifying pressing issues facing science as a crucial part of modern culture and identifying ways to mitigate emerging risks. The analytical methodology is based on interpreting the content of emerging challenges as fundamentally ambivalent. The links between science and the state, and science and society, are characterized. Fundamental changes occurring in science are outlined, due to its commercialization and the transformation of societal attitudes toward it, demanding a democratization of the research process. Funding of science by the state and business, and the functioning of citizen science, are dialectical in nature. The commercialization of science expands the overall capabilities of scientific knowledge, stimulates applied research, shortens the innovation cycle, and, accordingly, promotes progressive development. However, at the same time, it does not contribute to the elimination of the target differences between science and commerce and sometimes poses a threat to academic standards. In turn, citizen science generates new forms of popularization of science and strengthens its status; however, it can also call into question the epistemological exclusivity of science.

Keywords: scientific knowledge, scientific community, state, society, commercialization of science, citizen science.

В конце XX столетия констатировалась грядущая «смерть науки» [Horgan 1996]. Однако история не подтвердила адекватность этой идеи. Напротив, скорость развития и перманентное расширение научного познания демонстрируют его полную жизнеспособность. Её же подчёркивают многочисленные вызовы, уже брошенные науке и продолжающие возникать в текущие 20-е годы XXI века. Соответственно их исследование представляется актуальной научной задачей. Ведь понимание этих вызовов позволяет единовременно достичь двух взаимосвязанных результатов. Первый – позволяет выявить насущные проблемы, встающие перед научным познанием. Второй – даёт шанс определить основные направления не только дальнейшего изучения, но и возможного решения проблем.

Анализ вызовов, стоящих перед современной наукой, в достаточной мере представлен в литературе в публицистическом, прикладном, теоретическом смыслах [Купарашвили 2017; Пирогова 2025, web; Фиговский 2021, web; Яницкий 2020; Gokhberg 2013]. Цель представленного материала – выявление социального контекста развития современной науки, предопределяющего формирование тех вызовов, с которыми сталкивается научное познание на нынешнем этапе своего функционирования.

В современной литературе содержание понятия «вызов» трактуется преимущественно в экономическом и политологическом планах (к примеру [Кравчук 2016; Портунова, Шехова 2023; Сушкова 2018]). «Категория «вызов» определяет совокупность факторов или некоторых обстоятельств, необязательно конкретно угрожающего характера, но требующих реагирования на них и способных при сохранении тенденций их развития перерасти в опасность» [Лопачук 2021, с. 48]. Собственно, касаясь причин, порождающих вызовы перед наукой необходимо отметить, что они связаны как с внешними, так и с внутренними факторами. Внешние факторы обусловлены появлением как совершенно новых проблем, решение которых невозможно без опоры на науку, так и социальными и экономическими обстоятельствами, трансформирующими статус и положение науки и учёных. Здесь назову происходящее на глазах изменение миропорядка, перестраивающего сложившиеся финансовые, логистические, производственные глобальные системы и цепочки, а также

антропогенную нагрузку на среду, угрозу пандемий, различного рода социотехнические проблемы. Всё это в совокупности требует анализа сугубо на научной основе. Одновременно тенденции общественно-экономического развития со своей стороны также трансформируют положение науки и в науке. Современная коммерциализация науки, выражающая себя в стартапах, венчурных фондах, даёт преимущественное сосредоточение на определённом роде технологий, а именно на тех, что дают скорую коммерческую отдачу. Эта тенденция, имеющая социально-экономические корни, рождает кризис фундаментальной науки. Нельзя не отметить и то обстоятельство, что информационное общество создаёт немалый информационный шум, влияющий на восприятие научных открытий и степень доверия к научному сообществу подчас сугубо негативно. Внутренние факторы вызваны к жизни кризисными явлениями в самой науке. Они обусловлены резким увеличением объёма научной и научно-технической информации, усложнением форм организации научных исследований и как следствием росту требований к компетентности членов научного сообщества.

Оставлю за гранью рассмотрения, закономерно возникающие перед каждой наукой проблемы, связанные с открывающимися новыми объектами, трансформацией картины реальности и т. п. Поскольку в каждом конкретном случае это требует отдельного анализа специалистов соответствующей научной отрасли. Остановлюсь на социальном контексте развития современной науки, на её проблемах как социального института, что собственно позволит раскрыть те вызовы, с которыми сталкивается наука. Если структурировать их, то, как представляется, можно их сгруппировать следующим образом.

Социальный контекст функционирования науки определяется взаимоотношениями науки и государства, запросами к науке со стороны общества. На глобальном уровне в качестве основной проблемы выступает научное неравенство между странами. Государства разной степени развитости не обладают равными возможностями финансировать университеты и научные центры. Происходит неравномерное распределение «очагов инноваций». Эта проблема всё более усугубляется по мере возрастания сложности и дороговизны исследовательских проектов. Но и на уровне отдельных стран имеют место колебания государственного финансирования науки в ту или другую сторону. Выходы из финансовых трудностей государства видят в привлечении частных средств для поддержания научных исследований. Однако перераспределение инвестиций в НИОКР между государством и бизнесом в свою очередь порождает ряд новых проблем. Первая – бизнес преимущественно инвестирует в прикладную науку, в технологии, поскольку эта область способна дать быструю отдачу. При этом фундаментальная наука, которая и даёт основу возникновению новых технологий, остаётся недофинансированной. Вторая – проблема грантов. С одной стороны, исследователи получают средства. С другой стороны – они перестают влиять на приоритеты исследования. Их видение оказывается в иных руках, в руках тех, кто финансирует исследования. Третья – бизнес стремиться экономить затраты. Четвёртая – возрастает степень эксплуатации научных кадров. Высококвалифицированные специалисты из-за экономии средств оказываются временно занятыми. Другими словами, сфера науки и технологий подчинена железным экономическим законам капитализма [Артамонова, Демчук, Карнеев, Миньяр-Белоручева, Сафонова 2015, web].

Наука в конце XX – начале XXI века столкнулась с новым отношением к ней со стороны общества, которое предъявило ряд новых запросов. Фундамент этого – чрезвычайное усложнение научной информации и углубляющийся технологический прогресс. Во-первых, общество потребовало не тех, что прежде форм популяризации науки. Не только научно-популярных лекториев или описаний научных открытий в масс-медиа, но научного

волонтёрства, научно-популярного туризма и даже демократизации исследовательского процесса в виде т. н. «гражданской науки» [Газоян 2020; Ромашкина, Лисица 2022; Bonney, Cooper, Ballard 2016; Gura 2013]. Гражданская наука – это наука, в которой исследования проводят волонтёры и учёные-непрофессионалы совместно с научным сообществом [Рассолова, Галкин 2023, с. 116]. Несмотря на определённый позитивный опыт в этом направлении здесь имеет место некоторая противоречивость ситуации. С одной стороны, рождается более открытая коммуникация научного сообщества с внешним миром. С другой стороны, «гражданская наука имеет весьма ограниченный ресурс и возможности для популяризации научных исследований, так как занимает промежуточное место между любительскими инициативами и профессиональными научными структурами» [Рассолова, Галкин 2023, с. 116]. Также отмечу вполне вероятную тенденцию подспудного разрушения монополии на истину и сакральности научного знания как такового. Хотя постепенно формируются способы пресечения тенденции такого рода (учёт мотивов и предпочтений всех участников проекта, как профессионалов, так и непрофессионалов; использование цифровых и иных инструментов для многократной проверки данных и т. д.). Во-вторых, сегодня во взаимоотношениях науки и общества актуализировался этический аспект. Общество заинтересовано в уточнении сложившихся этических стандартов. Прежде всего, в области генетических исследований, технологий искусственного интеллекта и, связанных с рисками, обусловленными глобализацией исследований (например, переноса клинических испытаний в страны с менее строгим правовым и моральным контролем, что ставит под сомнение вопросы равенства и справедливости).

Путями снятия вызовов для науки, как подчёркивается в современной литературе, выступает синергия законодательных мер, мер по финансированию, реформ в системе образования и международного сотрудничества. Первое – создание системы стратегического целеполагания, планирования и прогнозирования научно-технологического развития на основании определения приоритетных направлений исследований. Второе – корректировка грантовых механизмов. Третье – трансформация национальной системы высшего образования в практико-ориентированную плоскость. Четвёртое – стимулирование международного сотрудничества через развитие международных организаций, создание технологических альянсов и поддержание научных стажировок за рубежом [Галушина, Ильясов, Лопаева, Неверова, Ражина 2025; Жилякова, Ларин 2010; Захарова 2024].

Список литературы

1. Артамонова, Демчук, Карнеев, Миньяр-Белоручева, Сафонова 2015, web – Артамонова Ю.Д., Демчук А.Л., Карнеев А.Н., Миньяр-Белоручева А.П., Сафонова В.В. Вызовы и стратегии развития мировой науки на рубеже XX-XXI веков // URL: https://acur.msu.ru/docs/pgrant/final/2_2_Challenges_Science.pdf (дата обращения: 18.03.2026).
2. Газоян 2020 – Газоян А.Г. Гражданская наука как инструмент научной коммуникации: анализ российской практики // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2020. Т. 45. № 4. С. 810-817.
3. Галушина, Ильясов, Лопаева, Неверова, Ражина 2025 – Галушина П.С., Ильясов О.Р., Лопаева Н.Л., Неверова О.П., Ражина Е.В. Практико-ориентированный подход в современном высшем образовании // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 272-276.

4. Жилякова, Ларин 2010 – Жилякова Е.В., Ларин С.Н. Инструментарий обоснования приоритетных направлений научных исследований // Вестник Чувашского университета. 2010. № 2. С. 340-344.
5. Захарова 2024 – Захарова В.В. Тенденции в изменении вектора международного научно-технического сотрудничества в условиях новых глобальных вызовов // Вопросы инновационной экономики. 2024. Т. 14. № 4. С. 991-1002.
6. Кравчук 2016 – Кравчук А.А. Категории «вызов», «опасность», «угроза» в теории национальной безопасности // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. Т. 22. № 11. С. 65-74.
7. Купарашвили 2017 – Купарашвили М.Д. Вызовы XXI века и развитие науки // Вестник Омского университета. 2017. № 3 (85). С. 53-56.
8. Лопачук 2021 – Лопачук О.Н. Категории вызов, угроза, опасность и риск в теории экологической безопасности // Вестник Белорусского государственного экономического университета. 2021. № 6 (149). С. 47-56.
9. Пирогова 2025, web – Пирогова Е. Космос, бессмертие, «теория всего» // РБК. 29.05.2025. URL: https://trends.rbc.ru/trends/futurology/683693c59a7947772153b279 (дата обращения: 18.03.2026).
10. Портунова, Шехова 2023 – Портунова А.М., Шехова Н.В. Моделирование системы категорий «вызов», «опасность», «угроза», «ущерб», «риск» на основе сопоставления и анализа их экономического содержания // Теоретическая экономика. 2023. № 7. С. 86-97.
11. Рассолова, Галкин 2023 – Рассолова Е.Н., Галкин К.А. Взаимодействие гражданской науки с обществом: особенности и противоречия // Знание. Понимание. Умение. 2023. № 4. С. 115-125.
12. Ромашкина, Лисица 2022 – Ромашкина Г.Ф., Лисица А.В. Гражданская наука – за и против // Siberian Socium. 2022. Т. 6. № 3 (21). С. 39-59.
13. Сушкова 2018 – Сушкова И.А. Соотношение и взаимосвязь понятий «вызов», «опасность», «угроза», «риск» // Экономическая безопасность и качество. 2018. № 4 (33). С. 10-15.
14. Фиговский 2021, web – Фиговский О.Л. Наука и глобальные вызовы XXI века // Инженерный вестник Дона. 2021. № 10. URL: http://www.ivdon.ru/ru/magazine/issue/166 (дата обращения: 18.03.2026).
15. Яницкий 2020 – Глобализация: новые вызовы для науки // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 18 / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2020. С. 511-528.
16. Bonney, Cooper, Ballard 2016 – Bonney R., Cooper C., Ballard H. The Theory and Practice of Citizen Science: Launching a New Journal // Citizen Science: Theory and Practice. 2016. Vol. 1. P. 1-4.
17. Gokhberg 2013 – Gokhberg L. Indicators for Science, Technology and Innovation on the Crossroads to Foresight // Science, Technology and Innovation Policy for the Future - Potentials and Limits of Foresight Studies / eds. Meissner D., Gokhberg L., Sokolov A. Heidelberg-New York-Dordrecht-London: Springer, 2013. P. 257-288.
18. Gura 2013 – Gura T. Citizen Science: Amateur Experts // Nature. 2013. No. 496. P. 259-261.
19. Horgan 1996 – Horgan J. The End of Science. Facing the Limits of Knowledge in the Twilight of the Scientific Age. New York: Basic Books, 1996. 333 p.

УДК 167: 304.2

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ НАУКИ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Шибаршина Светлана Викторовна
Кандидат философских наук
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, старший научный сотрудник
E-mail: lanashibarshina@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу феномена символической власти знания в целом и науки в частности в исторической перспективе. На основе концепции П. Бурдье рассматривается, как различные типы знания и общепризнанные символические коды становились инструментами легитимации, пропаганды и манипуляции. Особое внимание уделено астрологической и алхимической символике в античности и Средневековье, а также изменению источников легитимности в эпоху Просвещения и Нового времени. В XX–XXI вв. научное знание стало общественным маркером легитимности и приобрело массовое распространение в маркетинге, массмедиа и повседневной коммуникации. При этом происходит размытие монополии науки на истину, появляется конкуренция между разными акторами в борьбе за символическую власть, наблюдается хаос смыслов и «нормальностей», например, в формировании стандартов нормального тела. Подчеркивается дуальная природа производства знания как поиска истины, способа ориентации в мире, с одной стороны, и поля борьбы за власть и признание, с другой.

Ключевые слова: социальная эпистемология, символическая власть науки, знание, легитимация, астрология, алхимия, нормальное тело.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00879, https://rscf.ru/project/25-28-00879/.

THE SYMBOLIC POWER OF SCIENCE: ORIGINS AND MODERNITY

Shibarshina Svetlana Viktorovna
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, senior researcher

Abstract: The article examines the phenomenon of the symbolic power of knowledge in a historical perspective. Drawing on P. Bourdieu’s concept, the author analyzes how different types of knowledge and recognized symbolic codes served as tools for legitimation, propaganda, and manipulation. Special attention is given to the use of astrological and alchemical symbolism in Antiquity and the Middle Ages, as well as the transition of sources of legitimacy during the Enlightenment and the Modern era. In the 20th and 21st centuries, scientific knowledge becomes a public marker of legitimacy, widely used in marketing, mass media, and everyday communication. This leads to the erosion of the scientific monopoly on truth and increases competition between various actors for symbolic power. There is a chaos of meanings and “normalities” in society, for example, in the formation of standards of a normal body. This picture emphasizes the dual nature of

knowledge production as a search for truth, a way of orientation in the world, on the one hand, and a field of struggle for power and recognition, on the other.

Keywords: social epistemology, symbolic power of science, knowledge, legitimation, astrology, alchemy, normal body.

Символическая власть того, что считалось общепризнанным в то или иное время, всегда была привлекательна как инструмент легитимации, пропаганды и манипуляции. Это универсальное явление для разных эпох. Под символической властью, по П. Бурдье, подразумевается способность воздействовать на умы и поведение людей посредством общепризнанных символических кодов; неявное, часто неочевидное из-за кажущейся естественности навязывание смыслов, представлений и правил игры в том или ином социальном поле [Бурдье 1993; 2007].

В разные периоды разные легитимные типы знания и мышления становились особой формой авторитета, ресурсом доверия и символического капитала. Рассмотрим, что объединяет различные исторические примеры.

В эпоху античности Октавиан Август иногда использовал в качестве своего символа Козерога: он изображен на эмблеме названного в честь Августа легиона, а также на монетах. Наряду с другими символами, Козерог стал важной частью его идеологии как правителя, власть которого предначертана звездами. В римской традиции Козерог был связан с возвращением «Сатурнова царства» и «золотого века», а также с идеей порядка, и все это идеально вписывалось в образ справедливого «отца отечества» (Pater Patriae), принесшего мир после хаоса гражданских войн [Абрамзон 2002, с. 133-134; Чернышов 1994, с. 9, 11, 103]. Это был символ политической пропаганды и личной идеологии. Астрологическая символика была свойственна и другим правителям Древнего Рима и античности в целом.

В античном и средневековом обществах астрология и алхимия служили не только способом объяснения мира, но и инструментом политической легитимации и придворного карьеризма. Астрология использовалась для оправдания военных стратегий войн и непопулярных решений. Римские правители держали астрологов при дворе, чтобы подкрепить свою политическую позицию авторитетом «звездной науки». Тиберий Клавдий Бальбилл был личным астрологом императоров Клавдия, Нерона и Веспасиана, помогая им поддерживать репутацию мудрых правителей. Император Домициан использовал астрологические предсказания, чтобы находить и устранять потенциальных соперников, чей гороскоп указывал на возможность занятия престола. При этом астрологов не только ценили, но и боялись, выгоняя их периодически из Рима, поскольку опасались их влияния на настроения толпы [Пантелеев 2024, с. 1250].

Вплоть до раннего Нового времени алхимики и врачи при дворах часто обещали невозможное, используя алхимическую символику, умозрительную натурфилософию (в том числе учение о четырех элементах) и т.д. [Блинова 2000, web]. Они обещали «панацеи» – лекарства от всех болезней, что делало их незаменимыми для монархов, опасавшихся за свою жизнь.

В эпоху просвещения некоторые монархи (например, Фридрих II Прусский, Екатерина II) приглашали к двору ученых, создавали академии, в том числе чтобы укрепить свой

авторитет. Наряду с подлинным стремлением к просвещенности здесь прослеживается и желание заполучить «интеллектуальное украшение» для сохранения традиционного монархического порядка.

Практика подкрепления научным авторитетом старых социальных представлений и иерархий оставалась распространенной и позже. Например, концепции биологически обусловленной ущербности и неполноценности женщин нередко подавались как объективное научное знание для оправдания иерархических представлений.

В XX и XXI вв. научное знание становится социальной валютой, предоставляющей необходимую легитимность для подкрепления продвигаемых мнений и решений. Маркеры научности активно используются в маркетинговых стратегиях, продакт-плейсменте, когда, к примеру, пищевые добавки презентируются как научно рекомендованные. Представители пищевой промышленности, блогеры и т.д., продвигая добавки, продукты и диеты, ссылаются на новые научные исследования, не указывая их ограничения или умалчивая о недостаточной степени их убедительности [Шибаршина 2025а, с. 109]. Маркетологи разрабатывают «био»-концепции для йогуртов, напитков, батончиков, включающих «биоактивные вещества» и другие компоненты, содержащие научные маркеры.

Здесь мы видим истоки символической власти науки в том, что в каждую эпоху что-то считалось общепризнанным, легитимным. Формирование символической власти науки происходит в Новое время. В XVIII-XIX века научное мировоззрение становится более самостоятельным и распространенным по сравнению с предыдущими эпохами, когда оно было локальным символом рациональности и прогресса. Символическая власть науки становится новой легитимирующей силой наряду с религией или вместо нее. Наука превращается в знак цивилизованности, правильного строя мышления. Наблюдается общественное признание за наукой права определять истину, а также использование научного знания для легитимации новых практик, реформ, устройств общества.

Просвещение заложило основы для новой модели легитимности знания. Наука стала инстанцией авторитета – не только инструментом для тайных кружков, но и массовым общественным символом. При этом если в эпоху Просвещения символическая власть науки носила концептуальный, интеллектуальный характер, то в XIX–XX века происходит ее институционализация. Ученые, академии, эксперты становятся «жрецами» новой объективности.

К XXI в. ситуация меняется: наука становится частью массовой культуры, включая популярную науку, явную или скрытую рекламу «научно обоснованных» характеристик товаров и услуг. Символика науки используются повсеместно корпорациями, государством, массмедиа, обычными людьми. В современном сетевом обществе децентрализация производства символических смыслов приводит к размыванию монополии институциональной науки на «правильное слово», проблематизируя возможность существования единой, доминирующей символической власти. Любой агент с достаточным охватом аудитории может стать «производителем смыслов». Символическая власть тех или иных групп становится все более хрупкой, временной и нестабильной [подр. об этом см.: Couldry, Hepp 2017]. В этой сети коммуникаций накопленный учеными символический капитал успешно используется в собственных интересах другими акторами [Масланов 2025; Шибаршина 2025б]. Это создает условия для постоянной конкуренции в формировании

стандартов нормального: например, современная нормальность тела – поле борьбы между культом спортивного рельефа, принятием себя (бодипозитивом) и экстремальными формами предпочтений. Это не значит, что в прошлом все было однозначно и непротиворечиво. В прошлом то, что было нормой для аристократии, часто кардинально отличалось от нормы телесности для крестьян и рабочих: тело было инструментом социального ранжирования. Но сегодня в условиях информационного шума ситуация напоминает хаос «нормальностей», адепты которых приводят научные обоснования для своих позиций. При этом они ссылаются на разные области науки, интерпретируя их через призму своих ценностей: адепты фитнес-культуры – на доказательную медицину, спортивную физиологию и нутрициологию, в то время как адепты бодипозитива – на психологию, социологию, психиатрию и модель «Здоровье в любом размере» [Association for Size Diversity and Health 2020, web]. Современная ситуация с «хаосом нормальностей» (разнообразие норм, каждая из которых обосновывается ссылкой на науку) демонстрирует, что символическая власть науки не исчезла, а трансформировалась.

Таким образом, символическая власть знания показывает, что производство знания сопровождается напряженностью между поиском истины и борьбой за власть: знание используется и как инструмент ориентации в мире, и как способ структурировать, нормализовать иерархии, оправдывать практики и легитимировать новые или старые смыслы. Она может способствовать критическому мышлению и в то же время служить инструментом социальной стандартизации и манипуляции. Социо-эпистемологический анализ здесь связан не только с тем, чтобы разоблачить второе, но и критически анализировать механизмы превращения знания в капитал и изучать динамику смены легитимных форм знания как социальной игры.

Список литературы

1. Абрамзон 2002 – Абрамзон М.Г. Астральные символы в римской чеканке: происхождение и развитие типов // Вестник Древней Истории 2002. № 1. С. 122–143.

2. Блинова 2000 – Блинова О.В. Алхимия и ее символика в творчестве Иеронима Босха // Науковедение. 2000. №1. С. 82–127.

3. Пантелеев 2004 – Пантелеев А.Д. Бальбилл – римский интеллектуал, государственный деятель и астролог // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2004. Т. 28. № 2. С. 1249–1259.

4. Чернышов 1994 – Чернышов Ю.Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме: В 2 ч. Ч. II: Ранний принципат. Изд. 2-е, испр. и доп. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1994. 167 с.

5. Шибаршина 2025 – Шибаршина С.В. Публичная коммуникация вокруг науки (на примере дискурса о здоровом питании) // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2025. Т. 8. № 2. С. 100–115.

6. Association for Size Diversity and Health 2020, web – Health At Every Size Principles // Association for Size Diversity and Health. 2026. URL: https://asdah.org/haes/ (дата обращения: 24.04.2026)

УДК 001

НАУКА: ПОЛЯ, ПРАКТИКИ И КЛАССИФИКАЦИИ

Масланов Евгений Валерьевич
к.ф.н.
Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», исследователь
E-mail: evgenmas@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу науки как особого социального поля, в котором распределение исследовательских позиций, воспроизводство профессиональных практик и институциональное закрепление дисциплинарных различий оказываются взаимосвязанными процессами. Теоретической основой выступает концепция поля и габитуса Пьера Бурдье, позволяющая рассмотреть научную деятельность не только как производство знания, но и как форму конкурентной борьбы за научный авторитет и право легитимного высказывания от имени науки. Особое внимание уделяется тому, что освоение исследовательских и коммуникативных практик формирует специфический научный габитус, обеспечивающий устойчивость научного сообщества и воспроизводство его внутренних норм. В этом контексте классификаторы научных дисциплин рассматриваются не как нейтральные системы описания знания, а как механизмы символического и организационного упорядочивания научного поля. Показано, что включение исследовательского направления в официальные классификационные системы связано с признанием его самостоятельного статуса, возможностью институционального представительства и претензией на отдельные ресурсы. На примере когнитивных наук демонстрируется, что формирование новой дисциплины определяется не только наличием исследовательских практик, но и процессами ее легитимации в существующих структурах научной системы.

Ключевые слова: поля, практики, габитус, наук, классификаторы, П. Бурдье

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках гранта № 24-18-00183 «Таксономии в онтологических, методологических и дисциплинарных структурах науки» в МРОО «Русское общество истории и философии науки».

SCIENCE: FIELDS, PRACTICES AND CLASSIFICATIONS

Maslanov Evgeniy Valerievich
Candidate of Science of Philosophy
Interregional public organization "Russian Society of History and Philosophy of Science", researcher

Abstract: This article analyzes science as a distinct social field, in which the distribution of research positions, the reproduction of professional practices, and the institutionalization of disciplinary differences are interconnected processes. Pierre Bourdieu's concept of field and habitus serves as the theoretical foundation, allowing for the consideration of scientific activity not only as knowledge production but also as a form of competitive struggle for scientific authority and the right

to legitimately speak on behalf of science. Particular attention is paid to the fact that the development of research and communication practices shapes a specific scientific habitus, ensuring the stability of the scientific community and the reproduction of its internal norms. In this context, classifiers of scientific disciplines are viewed not as neutral systems for describing knowledge, but as mechanisms for the symbolic and organizational ordering of the scientific field. It is shown that the inclusion of a research area in official classification systems is associated with the recognition of its independent status, the possibility of institutional representation, and the claim to specific resources. Using the example of cognitive sciences, it is demonstrated that the formation of a new discipline is determined not only by the presence of research practices, but also by the processes of its legitimization in the existing structures of scientific system.

Keywords: field, practices, habitus, science, classifications, Pierre Bourdieu.

В своих работах П. Бурдье писал о полях и практиках, которые формируют и структурируют различные социальные отношения. Поля представляют собой систему распределения позиций в социальной системе определенного типа. Например, можно говорить о поле науки. В этом случае в нем будут представлены самые разные позиции – профессора и независимые исследователи, доценты и студенты, представители различных дисциплин. Все эти агенты будут занимать в нем разное положение. Для каждой из научных систем оно будет обладать собственной спецификой. В Великобритании, Франции, США, Китае и России будет функционировать собственное поле науки в границах этих государств. В одних странах представители естественнонаучных дисциплин обладают большим социальным капиталом чем представители гуманитарных, а в других наоборот. В этом случае внутри поля науки будет существовать распределение социального капитала, который может быть использован в процессе взаимодействия с агентами из других социальных полей. При этом возможно описание распределения позиций не в поле абстрактной общей науки, представленной, например, в университете, а в рамках отдельной научной дисциплины. Там также будет существовать свое распределение позиций между лидерами дисциплины, стабильными середняками, молодыми учеными и преподавателями, которые не столько заняты получением нового знания, сколько поддержанием научной традиции и подготовкой молодежи.

Практики – еще один важный компонент научной деятельности. Но это не просто набор действий, который реализуют участники научного исследования. Они становятся частью их способа восприятия мира и его понимания. Например, ценность объективности не просто практикуется, но в середине XIX века она начинает воспитываться в процессе обучения [Дастон, Галисон 2018]. Теперь только человек, прошедший специальную тренировку, может восприниматься как имеющий возможность корректно ее практиковать. Это практическое освоение как ценностных установок, так и способов действия оказывается принципиально важным. Профессионал лишь тот, кто прошел освоение этих практик как исследования, так и письма и смог потом доказать в открытом диспуте, что достоин этого звания и может быть принят в сообщество ученых. Для П. Бурдье в этом случае становится важным понятие габитуса. Понимаемого «как имманентный закон, lex insita, вписанный в тела сходной историей, которая суть условие не только согласования практик, но и практик согласования». [Бурдье 2001б, с. 115]. Он как раз и формируется в процессе освоения практик науки и задает возможные пути действий и интерпретаций как в научном поиске, так и в рамках распределения ролей в поле науки. Он позволяет выделить как общее поле науки, так и его

особенные подполя, связанные с научными дисциплинами, и спецификой положения представителей различных дисциплин в национальных полях науки.

Обладающие схожим габитусом ученые распределяются в поле науки. Оно же представляет собой систему «объективных отношений между достигнутыми (в предшествующей борьбе) позициями» и «является местом (т. е. игровым пространством) конкурентной борьбы, специфической ставкой в которой является монополия на научный авторитет, определяемый как техническая способность и — одновременно — как социальная власть» [Бурдье 2005 с. 474]. Она заключается в том, что победитель в этой борьбе имеет право говорить от имени науки. Эта способность имеет две направленности – внешнюю и внутреннюю. Первая оказывается связана с тем, что внешние по отношению к науке агенты воспринимают захвативших лидирующие позиции в поле науки ученых как легитимных представителей научных мнений, которые и могут доносить их до широкой публики. По ее мнению, такой ученый вряд ли заблуждается, тогда как его менее успешные в борьбе в поле науки коллеги, вполне могут ошибаться. Внутренняя способность оказывается связана с тем, что именно лидеры этого игрового пространства и имеют возможность как решать судьбу своих менее удачливых коллег, так и выстраивать новые научные стратегии.

Разделение двух этих направленностей не может быть разрушено. Но стоит отметить и тот факт, что чаще всего ученый обладает лидирующими характеристиками в каждой из них. Конечно, внешнее лидерство менее проблематично, а внутреннее может быть подвергнуто сомнению. Правда, относительную стабильность этому полю обеспечивает как раз наличие общего габитуса. Он оказывается вписан в поведение каждой группы ученых и определяет, то какие познавательные и социальные практики может реализовывать ученый, а какие нет. Однако в этом случае он оказывается именно структурой, включенной в поведение ученого. Он не может ему противиться не столько потому, что полностью согласен с его логикой, а потому что вне его практической реализации он не существует как ученый. Сначала он должен скрупулезно освоить его, научиться владеть всеми тонкостями практической научной работы – и не важно будет это полевое, экспериментальное или теоретическое исследование. Все они осуществляются, реализуются, делаются учеными. Только после этого он сможет заявить, что может заниматься наукой.

При этом наука все же является деятельностью, предполагающей рефлексию как над результатами, так и над методами собственной работы. Любая дисциплина стремится не только получать новые результаты, но и задумываться над методологией собственных исследований. Это требует работы по четкой дисциплинарной дифференциации. Стоит отметить и тот факт, что подобная дифференциация имеет два измерения – быстрое появление новых исследовательских проектов и долгое формирование научных дисциплин. Исследовательский проект может объединять в себя ученых, работающих над общей тематикой, но с различных, в том числе и дисциплинарных, позиций. Подобное объединение как раз и может переродиться в новую научную дисциплину, но этого может и не произойти. При этом даже закрепление тематики в рамках нескольких групп не гарантирует появление новой дисциплины.

Однако, как можно понять, что появилась новая дисциплина? Для решения этого вопроса, например, стоит обратиться к одной из классификаций научных дисциплин. Но их существует несколько, и они не во всем совпадают друг с другом. К примеру, в России исследования в области когнитивных наук ведутся достаточно давно, но до начала 2020-х годов они не были представлены в классификаторе ВАК. При этом существовали как исследовательские группы, работающие в данном направлении, так и журналы, в которых

можно было опубликоваться по этой тематике. Появление же этой дисциплины в списке оказалось связано с объединением исследователей из различных наук. В этой области можно получить степень биологических, физико-математических, технических, философских и психологических наук. Ясно, что подобную кафедру достаточно сложно представить в структуре факультетов. Но легко, например, в вузе, связанном с естественными науками, представить кафедру, на которой психологи и философы объединятся с другими гуманитариями, а внутри гуманитарного вуза общую естественнонаучную кафедру.

Это как раз показывает нам одну из специфических особенностей классификаторов разного типа. Классификатор ВАК упорядочивает научное знание, и структура факультетов и кафедр упорядочивает научное знание. Казалось бы, обе из них связаны с научной и научно-образовательной деятельностью. Но эта связь у них различна. Классификация, которую нам демонстрирует ВАК, связана с распределением позиций в поле науки. Появление дисциплины в этом классификаторе демонстрирует наличие у нее некоторого «официального» признания. Оно не требуется для активной исследовательской работы. Однако в рамках поля науки оно дает возможность выделить собственную исследовательскую позицию, и собственное пространство символической игры. После этого можно претендовать на отдельное финансирование исследовательских проектов или выделение специальной грантовой поддержки. До момента «официального» признания делать это сложно.

Классификация, представленная факультетами и кафедрами, скорее ориентирована на формирование у обучающихся и молодых исследователей габитуса, определенного способа видения и структурирования мира, который усваивается через долгие тренировки и дает возможность решать реальные научные задачи.

Список литературы

1. Бурдье, 2001 – П. Бурдье Практический смысл. СПб.: 1Алетейя, 2001. 562 с.
2. Бурдье, 2005 – П. Бурдье Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
3. Дастон, Галисон, 2018 – Дастон Л., Галисон П. Объективность. М.: НЛО, 2018. 584 с.

УДК 165.5

ФЕНОМЕН ГЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ИНСТИТУТЕ НАУКИ

Теплов Иван Геннадьевич

Аспирант кафедры философии.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

E-mail: teplovigdiss@yandex.ru

Аннотация: в работе анализируется проблема парадокса существования гения в современной научной среде: с одной стороны, гений невозможен в силу жёсткой институализации науки; с другой стороны, именно институализация науки производит необходимый толчок к появлению гения, но в ином, отличном от классического, виде. Оперируя понятиями рефлексии и интенциональности, автор предлагает собственное определение гения в современности. Аргументируя невозможность появления гения в современном институте науки, он обращается к наукометрии, разработанной в прошлом веке, которая своими методами оценки научных исследований меняет саму специфику производства научного знания. Среди анализируемых препятствий для появления гения находятся индекс Хирша, отслеживающий цитируемость и популярность научной работы, парадигмальные условия научного знания, ценность научных исследований и самооснование науки, что создаёт риск превращения науки в производство знания ради производства. Автор приходит к выводу о возможности существования гения в современной науке, но с изменёнными имманентными характеристиками этого феномена. В итоге современный гениальный эпистемологический субъект переосмысляется: от романтического представления – к узкому и глубинному прорыву внутри дисциплины.

Ключевые слова: гений, институализированная наука, наукометрия, индекс Хирша, эпистемологический субъект, научное знание, рефлексия, интенция.

THE PHENOMENON OF GENIUS IN A MODERN INSTITUTE OF SCIENCE

Teplov Ivan Gennadievich

Postgraduate student of the Department of Philosophy.

Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University. teplovigdiss@yandex.ru.

Abstract: the paper analyzes the problem of the paradox of the existence of genius in the modern scientific environment: on the one hand, genius is impossible due to the strict institutionalization of science; on the other hand, it is the institutionalization of science that gives the necessary impetus to the emergence of genius, but in a different form from the classical one. Using the concepts of reflection and intentionality, the author offers his own definition of genius in modern times. Arguing that it is impossible for a genius to appear in a modern institute of science, he turns to scientometry, developed in the last century, which, with its methods of evaluating scientific research, changes the very specifics of the production of scientific knowledge. Among the analyzed obstacles to the emergence of genius are the Hirsch index, which tracks the citation and popularity of scientific work, the paradigmatic conditions of scientific knowledge, the value of scientific research and the self-foundation of science, which creates the risk of science turning into the production of knowledge for the sake of production. The author comes to the conclusion about the possibility of the existence of genius in modern science, but with the changed immanent characteristics of this phenomenon. As a result, the modern epistemological subject of genius is being rethought: from a romantic conception to a narrow and profound breakthrough within the discipline.

Keywords: genius, institutionalized science, scientometry, Hirsch index, epistemological subject, scientific knowledge, reflection, intention.

Отправной точкой для данных тезисов послужила практика автора в междисциплинарной химико-физической лаборатории, организованная по образцу метода Б. Латура и С. Вулгара («Лабораторная жизнь» [Latour 1986]). В ходе практики, которая была направлена на исследование междисциплинарности в современной научной работе, был поставлен ключевой вопрос: возможно ли существование феномена гения в современном институте научного знания? С одной стороны, коллективизация научного труда, изменения статуса субъекта научного познания, самооснование научного знания и жёсткие институциональные рамки, в которых достигается развитие, по-видимому, исключают возможность появления гения как субъекта, превосходящего других в способности к научному познанию. С другой стороны, примеры А. Сахарова, Г. Перельмана и других исследователей служат контраргументом против тезиса о невозможности гения. Отсюда проблему феномена гения в научном познании можно поставить следующим образом: не открывают ли те причины, по которым гений невозможен, возможности для появления гения в современной научной среде, и если открывают, то как именно? Ниже предлагается анализ данного парадокса невозможного/возможного.

Для начала необходимо дать операциональные рамки рассматриваемого феномена гения. В несколько общей оптике гений – это романтизированная фигура, являющаяся универсальным деятелем, обладающий высшей творческой способностью, в разы превосходящей способности других людей. Гений способен выходить за рамки общепринятого, дискурсивного, парадигмального. Например, Олдос Хаксли в эссе «Двери восприятия», описывая свой наркотический опыт максимально ярким и глубоким видением мира, цветов и форм, обмолвился, что таким видением обладают разве что пророки, визионеры и *гении* [Хаксли 1999, с. 249-303]. Такой «дар» позволяет им становиться теми, кем мы их знаем. Однако известные нам фигуры уже обросли мифологическими слоями. Одна из причин романтизации – фиксация заслуг гения постфактум, когда он уже совершили смену парадигмы и изменили картину мира изучаемого нами мира.

В данной работе под гением понимается субъект познания, способный совершить революцию в общепринятых системах научных подходов благодаря тому, что способен продуктивно уловить интенции своего сознания в «слепой зоне» рефлексии. Следуя терминологии М. Мамардашвили, это означает, что гений может давать крайне нестандартную и значимую интерпретацию внутренних содержаний феноменов познания. При интерпретации этих содержаний гений опирается только на свои субъективные ориентиры, не заменяемые внешними парадигмальными условиями; он пытается действительно *понять* феномены мира, а не принять данность знания [Мамардашвили 2010, с. 60-61]. Поэтому он остаётся за скобками научного мейнстрима, где действенная рефлексия заменяется институциональными методами.

Далее нам необходимо подробнее обозначить элементы современной науки, которые служат препятствиями для возникновения гения. Для оценки результативности и популярности научной деятельности в 1960-х годах была разработана наукометрия. По нашему мнению, использование наукометрических методов запустило процесс демистификации образа гения, поскольку эти методы отслеживают показатели, по которым научная проблема, работа или решение становятся наиболее продуктивными и популярными. Один из таких методов, применимый к научным работам, – это индекс Хирша, учитывающий количество публикаций и их цитирований; на его основе в научной среде судят о

популярности и влиянии научных достижений. Однако в большинстве случаев этот метод оценивает влияние лишь спустя определённый промежуток времени, который может растянуться на десятилетия. При применении данного метода существует риск упустить непопулярное, но гениальное исследование, происходящее hic et nunc. Безусловно, возможно признание гения постфактум, но тогда мы теряем специфику проблемы возникновения «современного» гения. Те исследователи, которые инициировали значимое научное движение ранее, могут быть признаны гениями сейчас по индексу Хирша, но мы опять сталкиваемся с нарушением той же специфики. Существует схожий, но менее строгий теоретико-исторический подход Н. Розова, предложенный в статье «Что делает философскую проблему великой?», который включает уровень популярности, соответствие общим осевым архетипам и конфликтный потенциал [Розов 2003, web]. Последний критерий может оказаться более применимым для отслеживания возникновения феномена гения. Однако всё это – проблема временного признания, а не возможности или невозможности существования гения как такового.

Вторая проблема применения индексов для выявления гениев заключается в самом продукте гения. Индекс не принимает в расчёт условие парадигмальности, которое мы употребляем в значении Т. Куна как область легитимных научных исследований [Кун 2009, с. 32]. Гений способен совершить революцию в научной сфере, то есть сменить парадигму, но индекс Хирша не отслеживает новизну исследований, а скорее зависит от общенаучного контекста: от актуальности и традиций. Кроме того, индекс Хирша не может оценить необратимость научного вклада, тогда как гений совершает вклад именно такой ценности.

Следующие препятствия взаимосвязаны с наукометрическими методами, поскольку они влияют на саму структуру работы субъекта познания. Первое очевидное препятствие, на котором мы не будем задерживаться в силу риска ухода в другую тему, заключается в том, что наукометрическая оценка если не создаёт, то активно поддерживает сформированный научный мейнстрим и приобретает черты консервативных условий в поле научной деятельности. Субъект научного познания зачастую стремится работать в популярных исследованиях, где банально больше финансирования и реализации научных амбиций.

Второе изменение, которое испытывает на себе субъект научного познания, касается коллективизации научного труда. Нынешней науке сложно придерживаться строгости дисциплинарных границ, её деятельность постоянно пересекается с другими областями. С учётом накопленных цивилизацией знаний становится почти невозможным иметь универсальные энциклопедические знания, что требует от учёных детального погружения только в свою тематику, а при пересечении областей – искать помощь у коллег из других дисциплин. Действительно, зачастую Нобелевские премии получают несколько учёных, хотя за их работой могут стоять сотни исследователей. Коллективно выполненная работа становится более качественной и продуктивной, что увеличивает её шансы быть признанной благодаря наукометрической оценке. Коллективный труд разбавляет концентрацию образа гения до множества человек, следовательно, гений теряет одну из своих имманентных характеристик – уникальности.

Более глубокая проблема, по нашему мнению, связана с самооснованием научного знания. Эта проблема коренится в самой специфике языковых отношений. Данная тема взаимосвязана с теорией научных революций Т. Куна и с теорией научного этоса Р. Мертона [Мертон 2006, с. 770]. Самооснование научного знания формирует границы дозволенного, не

позволяя большому количеству учёных мыслить и работать за их пределами. Ситуация усугубляется тем, что научное аутсайдерство, характерное для романтического представления о гении, всё реже замечается и принимается всерьёз из-за строгой институализации науки. В этих рамках наука не апеллирует к внешним авторитетам, а опирается на конвенциональную истину, верификацию, непротиворечивость, фальсификацию и собственную методологию. В таком свете цель науки – это производство надёжного знания. Субъективизм, являющийся неотъемлемой чертой гениальности, оказывается невозможным. Научное знание часто становится автономным от отдельного субъекта дискурсом. В таких условиях наука может продолжать производить знание только ради продолжения этого производства, которое становится самоцелью, рассматривая весь мир через призму исключительно своего инструментария. В такой ситуации наука не может доказать реальность своих знаний со стороны, а только через изобретённую ей же систему. М. Хайдеггер в эссе «Вопрос о технике привёл пример такой опасности»: «Гидроэлектростанция не встроена в реку так, как встроен старый деревянный мост, веками связывающий один берег с другим. Скорее река встроена в гидроэлектростанцию. Рейн есть то, что он теперь есть в качестве реки, а именно поставитель гидравлического напора, благодаря существованию гидроэлектростанции» [Хайдеггер 1993, с. 226-227].

Теперь нам пригодится пример Г. Перельмана, указанный выше. По нашему мнению, его можно назвать гением в области математики, но это указание области научной дисциплины – ключевое. Если современный гений существует, то он уже не обладает энциклопедическими универсальными знаниями в разных областях науки, а соответствует ровно тому определению, которое мы разработали на основе терминологии М. Мамардаашвили. Гений по-прежнему опирается исключительно на субъективные ориентиры и способен отказаться от «работы для научной славы». Возможно, в современной ситуации неотъемлемой чертой гения становится его аутсайдерство, по значимости не идущее в сравнение с аутсайдерством гениев прошлого. Однако узкая специализация снижает ценность гения для научной деятельности, но не умаляет его вклада внутри своей дисциплины. Так или иначе, развитие продолжается, поддерживаемое коллективным трудом; следовательно, ценностный акцент как точка опоры смещён в сторону коллективизации.

Завершая данные тезисы, необходимо дать ответ на поставленный в начале вопрос. Оценка результативности научных исследований с помощью индекса Хирша оставляет минимальное место для отслеживания феномена гения. Однако появление гения в современной ситуации, возможно, строится как движение «вопреки» научным тенденциям, что свидетельствует о самой возможности такого появления. Следуя приведённым выше тезисам, гений может появиться не «поверх» универсальной системы знаний, а внутри конкретной научной области.

Список литературы

1. Кун 2009 – Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2009. 317 с.
2. Мамардашвили 2010 – Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2010. 288 с.
3. Мертон 2006 – Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.
4. Розов, 2003, web – Розов Н.С. Причины долговременной значимости философских проблем (Что делает философскую проблему великой?) // Вестник НГУ. Серия:

Философия и право. 2003. Том 1. Вып. 1. С. 5-21. URL: https://nrozov.nsu.ru/rozov/publ/philos-prob.htm (дата обращения: 29.04.2026)
5. Хайдеггер 1993 – Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
6. Хаксли 1999 – Хаксли О. Двери восприятия: Роман, повесть, трактаты. СПб.: Амфора, 1999. 409 с.
7. Latour 1986 – Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts. Princeton: Princeton University Press, 1986. 294 p.

УДК 165.19:001

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ: МЕЖДУ РЕПРОДУКЦИЕЙ ЗНАНИЯ И ТВОРЧЕСКИМ МЫШЛЕНИЕМ

Шибанов Александр Александрович
Кафедра философии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, аспирант
E-mail: shibanov.alecs@gmail.com

Дорожкин Александр Михайлович
Доктор философских наук,
Кафедра философии, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор
E-mail: a.m.dorozhkin@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается философская проблема трансляции научного знания в системе современного образования. Анализируется противоречие между природой науки, основанной на сомнении, критике и постоянном пересмотре теорий, и образовательной практикой, ориентированной преимущественно на воспроизведение уже признанных знаний. Рассматриваются концепции К. Поппера, Л. де Бройля, Т. Куна и Ж. Пиаже, подчеркивающим различие между живым научным поиском и традиционным преподаванием. Показано, что репродуктивный характер обучения может способствовать догматизации мышления и ослаблению связи образования с научным творчеством. Также рассматриваются современные социальные вызовы науки — развитие искусственного интеллекта, этические проблемы, вопросы репрезентации знаний, — требующие переосмысления роли образования. Анализируются философские подходы к проблеме передачи знания, представленные в работах М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорского, О. И. Генисаретского и Г. П. Щедровицкого. В качестве перспективных образовательных практик выделяются исследовательское и проектное обучение, направленные на развитие критического и творческого мышления учащихся.

Ключевые слова: философия образования, философия науки, трансляция знания, научное знание, научное мышление

SCIENCE AND EDUCATION: BETWEEN THE REPRODUCTION OF KNOWLEDGE AND CREATIVE THINKING

Shibanov Alexander Alexandrovich
PhD student of the Department of Philosophy, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

Dorozhkin Alexander Mikhailovich

Doctor of Philosophical Sciences

Professor of the Department of Philosophy, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

Abstract: The article examines the philosophical problem of the transmission of scientific knowledge within the system of modern education. It analyzes the contradiction between the nature of science, grounded in doubt, criticism, and the constant revision of theories, and educational practice, which is primarily oriented toward the reproduction of already established knowledge. The concepts of K. Popper, L. de Broglie, T. Kuhn, and J. Piaget are considered, emphasizing the distinction between living scientific inquiry and traditional teaching. It is shown that the reproductive character of education may contribute to the dogmatization of thinking and weaken the connection between education and scientific creativity. The article also addresses contemporary social challenges facing science — including the development of artificial intelligence, ethical issues, and problems of knowledge representation — all of which require a reconsideration of the role of education. Philosophical approaches to the problem of knowledge transmission presented in the works of M. K. Mamardashvili, A. M. Pyatigorsky, O. I. Genisaretsky, and G. P. Shchedrovitsky are analyzed. Inquiry-based and project-based learning are highlighted as promising educational practices aimed at developing students' critical and creative thinking.

Keywords: Philosophy of education, philosophy of science, knowledge transmission, scientific knowledge, scientific thinking

Наука сегодня перестала быть «чистой» интеллектуальной деятельностью, но стала одним из центральных институтов современной цивилизации, формирующим как способы мышления, культурные ценности так и образовательные стандарты. При этом, с переходом научного знания в сферу массового образования возникает определенное противоречие: система образования стремится к репродукции готовых, устоявшихся знаний, тогда как для науки необходимо постоянное сомнение, открытый поиск и критический пересмотр традиций.

В связи с этим в философии образования возникает комплекс вопросов: как обеспечить передачу вышеотмеченной особенности научного знания от поколения к поколению, реально ли оно транслируется, и какие механизмы делают это возможным? Современная философия науки подчёркивает, что сомнение и критика это не просто эпизоды научного поиска, а его эпистемологическая сущность. Так, Карл Поппер считал, что научное знание развивается посредством процедуры фальсификации, а не подтверждения определенных теоретических положений [Поппер 2005]. Он призывает искать факты опровергающие принятые в определенный период развития науки теории. Но ведь стремление к опровержению также

должно иметь определенные основания и таковым и является сомнение в истинности того или иного положения. В этом контексте сомнение становится нормой, а не исключением. Наличие сомнения и критики – это залог научного прогресса потому, что сомнение порождает вопрошание. Последнее и определяет неизменное и постоянное развитие науки.

Несмотря на это система образования до сих пор ориентируется на репродукцию признанных теорий, что несёт за собой риск догматизма. Это мнение разделял и Луи де Бройль. Согласно нему, активный процесс сомнений, поисков и постоянного пересмотра, которым является научная деятельность, всегда противопоставляется преподаванию, ориентированного на твёрдость и непоколебимость установленного знания [Бройль 1962]. Немного упрощая, можно заметить, что вопросы являются основой жизни и развития науки, тогда как преподавание занимается декларацией готовых ответов, а не постановкой вопросов. Это противоречие указывает на философски различные роли научной культуры и образовательной практики, хотя оно и может быть объяснено с практической точки зрения. Передача формулировок и тезисов без их осмысления и критической рефлексии, по мнению Де Бройля, создаёт условия для утраты связи преподавания в современной форме с живым научным духом. К сожалению, сам де Бройль не видит благополучного решения этой проблемы. Более того, он отмечает, что педагогическая деятельность не лучшим образом сказывается на творческих потенциях ученого [Там же]. Однако хотелось бы, чтобы ныне педагогическая деятельность не только передавала знания, но и способствовала развитию научной компетентности, т.е. способности сомневаться, анализировать и творчески решать проблемы.

Сторонники традиционной педагогики, такие как швейцарский психолог и философ Жан Пиаже, акцентируют внимание на том, что знание в образовательном процессе передаётся через структуры мышления, которые учащиеся постепенно усваивают и перестраивают. При этом педагогика часто оперирует категориями готовых концепций и моделей, что обусловливает стабильность образовательного содержания [Пиаже 2004]. То есть, по сути, повторяют мысли де Бройля. Однако эта стабильность сталкивается с динамикой научного знания, которое, как подчёркивал Томас Кун, развивается через смену парадигм, представляющих из себя радикальные изменения в научных теориях, которые нельзя объяснить логическим накоплением фактов, следствием чего является переоценка основ научной картины мира. И действительно, в образовательной системе такие сдвиги трудно отразить. Учебные планы обычно фиксированы на годы вперёд, а учебные материалы обновляются медленно, что создаёт разрыв между живым научным исследованием и академической традицией преподавания.

Масланов Е. В. [Масланов 2022] обращает внимание на то, что наука функционирует как мощный социальный институт: она формирует стандарты достоверности, методы оценки фактов и систему научных критериев и в определенной мере, в образовательной практике (в основном высшей школы) эти стандарты становятся предметом освоения учениками и студентами. Но современная наука сталкивается с социальными вызовами, которые усложняют её интеграцию в образование. Среди них можно выделить:

этические дилеммы: исследования в области генетики, искусственного интеллекта, и т.п. требуют от образовательных программ включения этических дисциплин, чтобы учащиеся могли оценивать последствия такой научной практики),

цифровые технологии и большие данные: роль искусственного интеллекта в научных исследованиях вызывает вопросы о прозрачности алгоритмов, интерпретируемости результатов и ответственности за выводы,

проблемы репрезентации и разнообразия: образовательные практики всё чаще обсуждают, чьи знания считаются научными и включены в учебные программы, а чьи — исключены.

Такие вызовы помимо усложнения образовательного ландшафта требуют переосмысления институциональной роли науки, влияющей на культурные смыслы и ценности.

Для ликвидации всех этих трудностей было выдвинуто несколько философских подходов к вопросу трансляции знания, которые проливают свет на глубинные основания образовательной передачи научных идей. Так, М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский утверждают, что знание связано с уникальными состояниями сознания, которые нельзя транслировать как устойчивую сущность. В их представлении знание является не просто информационной структурой, а символической средой, в которой сознание «входит» в определённое состояние. Такой опыт нельзя механически передать другому: его можно лишь сообщить, но не гарантировать воспроизведение у реципиента [Мамардашвили, Пятигорский 1999]. Это утверждение перекликается с философскими концепциями символического мышления: знание понимается не как набор знаков, а как структурное включение в состояние сознания, недоступное прямому переносу. Альтернативный подход О. И. Генисаретского рассматривает трансляцию знания через структуры традиции. В этом понимании знание передаётся не как абстрактный объект, а как часть ученического опыта, включающего личностное преобразование (аналогично апофатическому подходу в традиционной философии). Это означает, что трансляция знания происходит не просто через изложение теории, а через введение ученика в культурно историческую практику, где он усваивает способы мышления, а не только содержание [Генисаретский 2001]. Эта точка зрения ближе к практическому обучению, когда наставник не просто передает информацию, а передает стиль работы, способы решения проблем. Методика Г.П. Щедровицкого основана на методологических схемах, и здесь важно то, что передача знания предполагает структурированный подход — систематизацию и выстраивание схем коммуникации. Таким образом, вопрос приближается к методологии обучения, где становится важной роль педагогических разработок. Значит, передача знаний — это не только перенесение информации, а сложный культурно-психологический, антропологический и методологический процесс.

Если обратиться к традиционной педагогике, одну из ее основных задач можно назвать репродукцию знаний, их перенос из теории в сознание учащихся. Однако именно такой подход делает образование близким к репродуктивному обучению, которое может подавлять творческое мышление и инновации. Современные исследования в области образования отмечают не важность запоминания фактов, а понимание, критическую оценку и применение знаний в новой ситуации. Это вызвано тем, что научное мышление требует скептицизма и готовности к сомнению. Некоторые современные педагогические практики позволяют закрыть эту дистанцию между преподаванием и исследованием. Это: обучение через исследование, при котором учащиеся сами формулируют вопросы и гипотезы, подтверждающие или опровергающие их; проектное обучение и междисциплинарные курсы, дающие студентам возможность анализировать сложные проблемы и решать их с использованием знаний разных областей; участие студентов бакалавриата в исследованиях, которые дают им возможность участвовать в реальных научных проектах. Эти практики в определенной мере демонстрируют, что преподавание может быть не просто трансляцией

готовых знаний, а средой формирования научной компетентности, которая включает способность сомневаться, анализировать и создавать новое знание.

Таким образом, несмотря на нахождении науки и образования в потенциальном конфликте, они одновременно ведут постоянный диалог, которому активно помогает философия. Означает ли это, что повода для беспокойства более не существует? Представляется, что такой вывод был бы преждевременным. Трансляция знания это комплексный культурный, когнитивный и символический процесс, требующий участия сознания и личного опыта каждого учащегося. Современные образовательные практики, такие как проектное обучение, обучение через исследование и цифровые симуляции, дают основания утверждать, что интеграция исследований и преподавания возможна и необходима. Все это так. Однако очень многое предстоит еще сделать. И прежде всего хотелось бы обратить внимание на процесс творчества. Выражаясь кратко, ныне встает задача научить новое поколение творить новое, творческому мышлению. В свое время, знаменитых русский филолог Потебня заметил, что знание невозможно передать — знанием можно лишь заразить. А можно ли заразить творчеством? Вот здесь и возникает сразу множество новых проблем. Ведь для того, чтобы творить, мало желания этого делать; мало и накопленных знаний, даже знаний о том, как творили учителя. Все это необходимые, но не достаточные условия для научного творчества. После того как эти условия созданы, необходимо найти «пусковой механизм» творческой деятельности личности. И поиски такого механизма еще не завершены. В частности: есть ли в этом процессе нечто общее для любого человека, или этот процесс сугубо индивидуален? То есть достаточно ли создать так называемую «творческую атмосферу» для того, чтобы каждый попавший в нее начал творить? Все эти и многие другие вопросы еще требуют исследований.

Список литературы

1. Поппер, К. Р. Логика научного исследования. М.: Республика, 2005. 449 с.
2. Бройль Л. де. По тропам физики // По тропам науки. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. С. 162-181.
3. Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2004. 192 с.
4. Масланов Е.В. Институт науки и популяризация научного знания // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2022. Т. 5. № 4. С. 33-51.
5. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 224 с.
6. Генисаретский О.И. Знание между традицией, коммуникацией и рефлексией // Генисаретский О.И. Навигатор: методологические расширения и продолжения. М.: Путь, 2001. С. 17–31.

УДК 167.1

ЭКСПЕРИМЕНТ В ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Крылова Элеонора Анатольевна

Аспирант кафедры философии
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: noraguzhavina@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается тенденция применения когнитивных методов к решению извечных философских вопросов. Кратко затрагивается история возникновения движения, приводятся ключевые аргументы сторонников и противников. Особо акцентируется, что не смотря на глубокие корни, сам термин, употребляемый, как название движения, на сегодняшний момент не имеет единой, четкой трактовки. Приводится обобщенное, наиболее распространенное объяснение понятия: экспериментальная философия — это эмпирическое исследование, проводимое с целью внесения дополнительных данных в философскую дискуссию. Тем не менее, когнитивные методы, предлагаемые философами экспериментального направления, с начала XXI века активно применялись во многих областях философии, включая эпистемологию, философию языка, этику и эстетику. Особо отмечается, что философия науки в целом остается практически невосприимчивой к этому новому подходу, так как не очевидно, что понимание обывателями понятий из области философии науки, имеет значение для дискуссий в данном поле (в отличие от этики).

Аргументом для методологической реформы традиционных подходов приводится недостаток практики, в подтверждение философских теорий.

В подтверждение выдвигается два тезиса: первый — путем обзора существующих работ по экспериментальной философии в философии науки приводится конкретная практическая значимость эксперимента; второй — имеет целью выявить иные свойства, новые критерии оценки и, тем самым предложить более адаптированные современным вызовам, решения традиционных вопросов философии науки.

В данных тезисах описаны экспериментальные и, в более общем смысле, эмпирические методы, которые должны дополнять метод исследования конкретных случаев там, где он ограничен, и заменять его там, где он малополезен.

Ключевые слова: когнитивный метод, эксперимент, традиция, философия науки, адаптация к современности, мнение обывателей.

EXPERIMENT IN THE PHILOSOPHY OF SCIENCE

Krylova Eleonora Anatolievna

Postgraduate student of the Department of Philosophy
Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

Abstract: This article examines the trend toward applying cognitive methods to addressing perennial philosophical questions. It briefly touches on the movement's history and presents key arguments from both proponents and opponents. It emphasizes that, despite its deep roots, the term itself, used to describe the movement, currently lacks a single, clear definition. A general, and most common, explanation is provided: experimental philosophy is empirical research conducted with the goal of contributing additional data to philosophical discussion. However, since the early 21st century, the cognitive methods proposed by experimental philosophers have been actively applied in many areas of philosophy, including epistemology, philosophy of language, ethics, and aesthetics. It

is particularly noted that the philosophy of science as a whole remains largely unresponsive to this new approach, as it is not clear that laypeople's understanding of concepts from the philosophy of science is relevant to discussions in this field (unlike ethics). The argument for methodological reform of traditional approaches is the lack of practical support for philosophical theories.

This support is supported by two theses: the first, through a review of existing works on experimental philosophy, demonstrates the concrete practical significance of experimentation in the philosophy of science; the second, aims to identify new properties and new evaluation criteria, thereby offering solutions to traditional questions in the philosophy of science that are more adapted to contemporary challenges.

These theses describe experimental and, more generally, empirical methods that should complement the case study method where it is limited and replace it where it is of little use.

Keywords: cognitive method, experiment, tradition, philosophy of science, adaptation to modernity, lay opinion.

Началом «экспериментального» движения в философии принято считать начало XXI века, но саму идею применения к решению извечных философских вопросов когнитивных методов можно проследить от Аристотеля.

Д. Юм основанием научного познания полагал «науку о человеке», основным мерилом – простоту и естественность процесса, изучение мышления человека и других когнитивных функций – первоочередной задачей, методами – наблюдение и опыт [Юм 1996].

Поворот к практичности теоретических построений также не датируется началом текущего века. Идея практичности философии проходит через работы Бэкона, Декарта, Локка, Спинозы и других философов. Лучшим индикатором успешности философской мысли всегда считалась реализуемость идеи в общественной практике.

Н. Мальбранш, обращаясь ко «всем тем, кто тратит свое время на проведение экспериментов», выделяет семь критических замечаний, которые, на первый взгляд, направлены исключительно на практику, а philosophie expérimentale призывает «не винить». Однако, затем Мальбранш перечисляет еще три причины: недостаток применения, неправильное использование воображения и, что наиболее важно, оценка различий и изменений между телами только посредством ощущений [Malebranche 1997, p. 159-160].

Эта третья причина является критикой самого эксперимента, ибо подразумевает чрезмерную опору на чувства и, следовательно, недостаточное использование разума. А приоритет эксперимента и наблюдения над рассуждениями, основанными на заранее установленных принципах и гипотезах, — центральный постулат экспериментальной философии.

Термин «экспериментальная философия» на сегодняшний день не имеет общепринятого определения, и новые исследователи этого явления предлагают все более новые трактовки. Обобщая, экспериментальная философия — это эмпирическое исследование, проводимое с целью внесения дополнительных данных в философскую дискуссию [Sytsma, Buckwalter 2016, p. 475].

В данное время методы экспериментальной философии активно применяются во многих областях философии, включая эпистемологию, философию языка, этику и, совсем недавно, эстетику, но философия науки в целом остается невосприимчивой к этому новому подходу. По мнению исследователей, философы науки используют методы, которые, будучи эффективными для решения одних вопросов, уступают экспериментальным для решения других вопросов философии науки [Griffiths, Stotz 2007, p. 87]. Авторы настаивают на

методологической реформе: в дополнение к традиционным методам, философы науки должны пополнить свой инструментарий когнитивными методами.

Первый тезис данной работы заключается в том, чтобы показать, *что* именно экспериментальная философия может предложить философии науки.

Второй тезис — доказать, что экспериментальные философы, с одной стороны, и традиционные философы, с другой, могут многому научиться у эмпирически ориентированных направлений в современной философии науки.

1. Оценка суждений ученых.

Философы науки часто интересовались уточнением понятий, используемых учеными с целью: оценить эти понятия, усовершенствовать или реформировать понятия, наконец, просто знать, как ученые думают и почему они так думают.

Философы «традиционные» при этом полагаются на свои обширные знания в соответствующих научных дисциплинах или соответствующие примеры из истории науки. Этот метод имеет недостатки: использование целевого понятия в выборке может не отражать его использование в соответствующей дисциплине, понятия, встречающиеся в подборках научных работ, могут отличаться от тех, которые действительно актуальны в данной дисциплине (устарели), традиционные методы плохо подходят для оценки того, различаются ли понятия в разных научных сообществах или исследовательских программах в рамках данной дисциплины [Stotz, Griffiths 2004, p. 5–6].

Цели экспериментальных философов: показать, что суждения, полученные в результате мысленных экспериментов, предвзяты или различаются в зависимости от демографических групп; описать концепции или «гражданские» теории, лежащие в основе суждений по философски значимым темам; понять когнитивные процессы, порождающие эти суждения. Для этого они изучают суждения обывателей в ответ на кейсы «виньетки», затрагивающие темы, представляющие философский интерес. По мнению исследователей, этот способ расширения базы данных является максимально естественным [Machery 2008, p. 324].

Изучение суждений ученых в контролируемых экспериментальных ситуациях может служить для проверки конкурирующих теорий, включая те, которые философы науки предложили на основе своих традиционных методов. Предполагается, что достижение этой цели прольет свет хотя бы на некоторые традиционные вопросы философии науки. Например, они могут предоставить доказательства преемственности или сходства между научным и обыденным познанием, включая различия между научными и обыденными понятиями (врожденность признака) [Knobe Samuels, 2013; Shtulman, Valcarcel 2012].

В данном тесте различий между обывателями и учеными обнаружено не было, следовательно, теория, которая предполагает разницу между суждениями обывателей и ученых (по крайней мере, в случае концепции врожденности), не подтвердилась. Таким образом, необходимы новые гипотезы о научных концепциях и их связи с обыденными концепциями, которые следует проверить с помощью инструментов экспериментальной философии.

2. Метод анализа конкретных случаев.

В экспериментальной философии мало работ посвящено ключевым понятиям философии науки в следствии того, что то, как обыватели понимают эти понятия, не имеет явного значения для дискуссий в философии науки (в отличие от этики). Философы науки часто просто предполагают, что статус научных эпизодов, на которые они опираются, не вызывает споров. Экспериментальные философы сравнивают различные формальные объяснения с собранными систематическими данными и объяснение, которое в целом ближе к

нерефлексивному использованию понятия (измеряемому различными индексами количественного соответствия), наилучшим образом раскрывает содержание расплывчатого объяснимого понятия [Shepherd, Justus 2015].

Библиометрические методы могут быть особенно полезны для проверки некоторых философских утверждений (например, что новая теория представляет собой сдвиг парадигмы, а не простое расширение предыдущей теории), в то время как клиометрия предоставляет новый метод для решения давней проблемы в философии науки: каковы теоретические достоинства науки?

Метод анализа конкретных случаев обладает очевидными преимуществами: сосредоточившись на нескольких примерах, философы науки могут выявить огромное количество деталей; рассматривая содержание научных теорий, фактические результаты экспериментов, социальный контекст. С другой стороны, рассматривается лишь несколько статей – часто основополагающих. Кроме того, метод подвержен предвзятости отбора: почти для любой описательной или нормативной программы, независимо от её обоснованности, сторонник может найти множество подтверждающих примеров [Faust, Meehl 2002, p. 187].

Пример использования анализа цитирования: ученые выделили определенные маркеры, по которым, по их мнению, можно предсказать, в частности, частоту цитирования, а в целом — определить степень популярности сравнительно новой области науки. Результат данного исследования наглядно продемонстрировал, что стереотипное суждение о значимости — «уничижительные характеристики», которые были приняты по умолчанию научным сообществом, не распространяются на мнения отдельных ученых и их большинство. Таким образом, простой инструмент может быть использован в качестве аргумента в современной философии науки [Machery, Cohen 2012].

Цель «клиометрии» — применить количественные инструменты психометрии к истории науки, чтобы выявить свойства, составляющие основу «хорошей» науки [Faust, Meehl 2002, p. 192]. Авторы выделили эпистемические достоинства теорий и отметили, что эти свойства можно назвать «достоинствами» только в том случае, если они способствуют истинности, правдоподобию или эмпирической адекватности, и что связь может быть только вероятностной (а не детерминистической). Ввиду вероятностного характера этой связи, метод анализа конкретных случаев бесполезен для подтверждения или опровержения описательных и нормативных предположений о свойствах, которыми должны обладать теории, эксперименты, исследовательские программы и т. д. (например, лучше ли теории, когда они делают рискованные прогнозы).

Авторы предлагают заменить привычные исследования изучением репрезентативных выборок научных эпизодов в истории, различая «укоренившиеся» и отброшенные теории. Укорененность является показателем долгосрочного выживания. Выделив около десятка свойств теорий, затем предлагается определить, может ли некоторая комбинация этих свойств линейно разделить укоренившиеся и отброшенные теории (дискриминантный анализ), относятся ли они к одному фактору (факторный анализ) и идентифицируют ли они отдельный таксон (таксометрические методы). Фауст и Мил выдвинули провокационный тезис о том, что клиометрия способна разработать методы, которые будут вернее научных суждений в выявлении успешных теорий. Эти методы могли бы быть естественным образом применены к современным теориям, заявкам на гранты и т. д.

Вывод.

Несомненно, метод исследования конкретных случаев имеет свои достоинства: он является источником идей и полезных гипотез. Но он также страдает от серьезных

ограничений, которые слишком долго игнорировались философами науки. В данных тезисах описаны экспериментальные и, в более общем смысле, эмпирические методы, которые должны дополнять метод исследования конкретных случаев там, где он ограничен, и заменять его там, где он малополезен. Это включает экспериментальное изучение концепций ученых и, в целом, научного познания, экспериментальное изучение концепций обывателей, а также библиометрические и клиометрические исследования.

Список литературы

1. Юм 1996 – Юм Д. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / Пер. с англ. С. И. Церетели и др. М.: Мысль, 1996. 733 с.
2. Faust, Meehl 2002 – Faust D., Meehl P. E. Using meta-scientific studies to clarify or resolve questions in the philosophy and history of science // Philosophy of Science. 2022. Vol. 69. P. 185–196.
3. Griffiths, Stotz 2007 – Griffiths P. E., Stotz K. «Gene» // M. Ruse and D. Hull (eds.). Cambridge Companion to Philosophy of Biology. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 85–102.
4. Knobe, Samuels 2013 – Knobe J., Samuels R. Thinking like a scientist: Innateness as a case study // Cognition. 2013. Vol. 126. No. 1. P. 72-86.
5. Machery 2008 – Machery E. A plea for human nature // Philosophical Psychology. 2008. Vol. 21. No. 3. P. 321–329.
6. Machery, Cohen 2012 – Machery E., Cohen K. An evidence-based study of the evolutionary behavioral sciences // British Journal for the Philosophy of Science. 2012. Vol. 63. P. 177–226.
7. Malebranche 1997 – Malebranche N. The Search After Truth: With Elucidations of The Search After Truth / transl. and ed. by T.M. Lennon, P.J. Olscamp. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 775 p.
8. Sytsma, Buckwalter 2016 – Sytsma J., Buckwalter W. (Eds.). A Companion to Experimental Philosophy Oxford: Wiley Blackwell, 2016. 622 p.
9. Shtulman, Valcarcel 2012 – Shtulman A., Valcarcel J. Scientific knowledge suppresses but does not supplant earlier intuitions // Cognition. 2012. Vol. 124. P. 209-215.
10. Shepherd, Justus 2015 – Shepherd J., Justus J. X-Phi and Carnapian Explication // Erkenntnis. 2015. Vol. 80. No. 2. P. 381–402.

УДК 167.7

ПРИНЦИП ПРОСТОТЫ. НАУКА И МЕТАФИЗИКА

Герасимова Ирина Алексеевна

Доктор философских наук

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии РАН

Главный научный сотрудник

E-mail: *home_gera@mail.ru*

Аннотация. Мышление-вместе-со-сложностностью в современной литературе отражает социальную потребность в формировании трансиндивидуального, техно-семиотического интеллекта и новой трансдисциплинарной концепции наблюдателя (В.И. Аршинов). С точки зрения автора статьи, категории простоты и сложности – парные, из чего следует необходимость создания методологических концепций, объединяющих принцип простоты и принцип сложности. Автор видит решение данной проблемы в сотрудничестве метафизики неоплатонического типа и науки. Проблема взаимоотношения простоты и сложности анализируется в оптике синтеза восходящего и нисходящего потоков движения мысли от многому к единому и от единого ко многому. В концептуальном мышлении принцип простоты реализуется в кратких, ёмких, обобщенных и абстрактных формулировках принципов, из которых конкретизируются феноменальные законы. Решение проблемы единства мира, исходя из понимания простоты предельного и недифференцированного основания мироздания (Абсолюта), в естественно-научных исследованиях связано с ориентацией на принципы гармонии целого. Принцип гармонии (скрепы) раскрывается через принципы триединства сохранения, разрушения и созидания; связанности всего со всем, отсутствия независимого существования, иерархичности, инвариантности, резонансности, когерентности, аналогии. Основанные на онтологии процесса исследования нейросетевого мышления подводят к выводу об энергийном представлении фундаментальной триады – субъект – ментальный акт – объект.

Ключевые слова: простота, «мышление-вместе-со-сложностностью», единство мира, гармония, иерархичность, инвариантность, резонансность, аналогия.

PRINCIPLE OF SIMPLICITY. SCIENCE AND METAPHISIC

Irina A. Gerasimova

Institute of Philosophy RAS

DSc in Philosophy, Professor

Abstract: Thinking-with-complexity in contemporary literature reflects the social need for the formation of a trans-individual, techno-semiotic intelligence and a new transdisciplinary concept of the observer (V.I. Arshinov). From the author's point of view, the categories of simplicity and complexity are paired, which implies the need to create methodological concepts that combine the principle of simplicity and the principle of complexity. Автор видит решение данной проблемы в сотрудничестве метафизики неоплатонического типа и науки. The author sees the solution to this problem in the cooperation of Neoplatonic metaphysics and science. The problem of the relationship between simplicity and complexity is analyzed in the optics of the synthesis of ascending and descending flows of thought movement from many to one and from one to many. In conceptual thinking, the principle of simplicity is realized in short, concise, generalized and abstract formulations of principles, from which phenomenal laws are concretized. The solution to the problem of the unity of the world, based on the understanding of the simplicity of the ultimate and undifferentiated basis of the universe (the Absolute), in natural science research is associated with following the principles of harmony of the whole. The principle of harmony (bond) is revealed through the principles of the

trinity of preservation, destruction, and creation; the interconnectedness of everything with everything, the absence of independent existence, the existence of a single rhythm, cyclicality, hierarchy, invariance, resonance, coherence, and analogy. Based on the ontology of the process, studies of neural network thinking lead to the conclusion about the energetic representation of the fundamental triad: subject – mental act – object.

Keywords: simplicity, “thinking-together-with-complexity”, unity of the world, harmony, hierarchy, invariance, resonance, analogy.

Движение от простоты к сложности можно понимать по-разному: как конструирование из элементов-кирпичиков (атомов) сложного и множественного мироздания (атомизм), а в энергийной перспективе в неоплатонизме как эманацию лучей-энергий из простого недифференцированного Первоначала мироздания: Первого Ума, демиурга архетипов (сущностей, идей), а затем и мира постоянно изменчивых вещей, при этом само простое Первоначало – абсолютно, не имеет причины, неизменно, беспредельно. К предельным понятиям простого недифференцированного Первоначала относят: Абсолют (Единое, Парабрахман ведантистов), Брахман (Парабрахман в проявлении), Мулапракрити (корневую материю) в индийской философии, Первоматерию Платона. В иерархически развертывающемся космосе из Единого, как у неоплатоников, так и в индийской Веданте, на определенном этапе возникает пространство (поле)-материя всех возможных сил, в котором взращивается зародыш-вселенная (миры материальных форм). Абсолютное пространство мыслилось как абсолютная потенциальность и пластичность в принятии бесконечно-разнообразных форм материального мира.

Поиски единства мира на основе принципа простоты, когда на основе исходных принципов можно дедуктивно вывести все здание законов природы, проходит через всю историю новоевропейской науки [Мамчур 2001]. Идеал простоты приводил к унификации, экономии и упрощению теоретических построений, но с новыми открытиями встречались препятствия в связи с открытиями новых форм энергий и материи. Вставал вопрос о смене картин мира. Можно отметить еще одну весомую тенденцию в поисках единства мира. Это открытие законов, скрепляющих природное, единое целое, так называемых принципов сохранения на философском языке. Изучение инерционных свойств материи отвечало принципу сохранения, как пишет Н.Ф. Овчинников, исследуя генезис понятия инерции: «подлинный смысл свойства инерции может быть раскрыт только путем обращения к противоречивому единству природы – сохранение неотделимо от изменения. Движение немыслимо без свойства инерции. Движение тела по инерции – простейший образ самодвижения материи» [Овчинников 2009, с. 55]. В дальнейшем в контексте синергетики развиваются идеи самодвижения, саморазвития, самоорганизации.

В наиболее общем виде принцип саморазвития был выражен в единстве сохранения, развития и разрушения как принципа «три в одном и одно в трех». В индийской мысли этот универсальный принцип творчества передавался в образе Тримурти – единства Брахмы (создателя), Вишну (хранителя) и Шивы (разрушителя). Если логически следовать идее эманации жизни из простого и недифференцированного Единого Первоначала, то встает вопрос о том, в каком направлении должна двигаться научная мысль, чтобы соединить метафизику (а для мистиков – это эмпирическая метафизика) и рациональную науку? Можно констатировать, что наука шаг за шагом подтверждает триединство сохранения, развития и разрушения, изучая эволюцию феноменального мира. Понимание жизни как вечного

движения, разрушения старых и созидания новых форм в лоне беспредельной эволюции сознания и материи, дает ключи к пониманию закономерностей, которые открывает естествознание. Единство мира и гармонии целого в естественных науках изучается через принципы связанности всего со всем, отсутствия независимого существования, единого ритма, спирально-вихревого движения (цикличности), иерархичности, инвариантности, резонансности, когерентности, симметрии, аналогии [Герасимова 2025, Якимова 2005, Якимова 2010, Якимова 2018]. Еще далеко не раскрыта эвристическая ценность аналогии (соответствия), понятой как онтологический принцип. Аналогия отражает фундаментальное соответствие Макрокосма и микрокосма (планеты, человека). Относительно человека тождество Макрокосма и микрокосма стоит понимать как аттрактор будущей эволюции сознания, когда в человеке разовьются способности космического мышления. Пока он осваивает планетарное мышление, формируя сетевое сознание планеты. Аналогия дает ключи к пониманию резонансности человеческой природы и биосферы, человека и космоса. Изучая космос, мы изучаем себя (А. Линде), а изучая себя, изучаем космос. В биологических дисциплинах принцип соответствия ведет к предпосылке о существовании форм сознания у растений и животных (человека отличает феномен самосознания). Принцип органопроекции в интерпретации П.А. Флоренского основан на принципе аналогии.

В метафизике недифференцированная простота Единого предполагает энергийную слитность духовного (мыслительного) и материального (аспектов), их тождество (недвойственность, абстракция неразличимости). Познание Первоначала в конечных формах человеческого разума шло по линии духа (идеации) и по линии материи (субстрата). В науке и социальных практиках можно проследить набирающую вес тенденцию к синтезу, конвергенции, как в аспекте коммуникаций, так и в аспекте построения синтетических теорий. Наиболее явно тенденция к сближению субъективного (идеации) и объективного (материи) аспектов познания прослеживается в трансдисциплинарной концепции наблюдателя [Аршинов, Янукович 2025]. Назрело время сотрудничества восточной эмпирической метафизики и рациональной науки.

Список литературы

1. Аршинов, Янукович 2025 – Аршинов В.И., Янукович М.Ф. Проблема наблюдателя и искусственные нейросети: на пути к трансдисциплинарной концепции наблюдателя // Вопросы философии. 2025. № 12. С. 65–71.
2. Герасимова 2025 – Герасимова И.А. Сложность интеллекта и простота мудрости // Цивилизация. Культура. Техника. Памяти В.И. Аршинова / отв. ред. В.Г. Буданов, Р.Р. Карнеев, В.А. Лекторский / 18 декабря 2025, Институт философии РАН. Курск: Изд-во ЗАО «Университетская книга». 2025. С.63–79.
3. Мамчур 2001 – Мамчур Е.А. Идея единства и простоты научного знания в современном естествознании // Философия науки. 2001. № 3 (11). С.118–134.
4. Овчинников 2009 – Овчинников Н.Ф. Принципы сохранения. Изд. 2-е, испр. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009 – 336 с.
5. Якимова 2005 – Якимова Н.Н. Смотри в корень! Структурное единство мира. М.: Дельфис. 2005. 288 с.
6. Якимова 2010 – Якимова Н.Н. Дыхание Вселенной (Единство мира). М.: Дельфис, 2010. 297 с.

7. Якимова 2018 – Золотые отношения во Вселенной (Единство мира). М.: Дельфис, 2018. 176 с.

УДК 165.1

НЕЯВНОЕ ЗНАНИЕ МЕЖДУ ДЕТЕРМИНАЦИЕЙ И СВОБОДОЙ: ПАРАДОКС СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНО-НАУЧНЫХ ПРАКТИК

Столярова Ольга Евгеньевна
Доктор философских наук,
Институт философии Российской академии наук,
сектор социальной эпистемологии,
ведущий научный сотрудник
E-mail: olgastoliarova@mail.ru

Аннотация: Доклад посвящён двойственному статусу неявного знания в современных технонаучных практиках. Исходный парадокс состоит в следующем. Содержание, которое не осознаётся актором и может служить для внешнего наблюдателя источником объяснения посредством экспликации скрытых детерминант действия, одновременно выступает и как условие практической свободы. Именно посредством навыка, интуиции и ситуативной компетентности, которые традиционно противопоставляются артикулированному «знанию-что», субъект оказывается способен принимать ответственные решения там, где формального правила недостаточно. Для прояснения этого противоречия в докладе выделяются две различные оппозиции: эпистемическая оппозиция явного и неявного знания и нормативная оппозиция автономии и гетерономии. На примере клинических, лабораторных и инженерных практик показывается, что цифровые системы, алгоритмы и стандартизированные протоколы не устраняют неявное знание, а меняют режим его действия. Особое внимание уделяется тому, как технические инфраструктуры материализуют теоретическое знание и перестраивают условия практического выбора. В результате неявное знание может либо закреплять зависимость субъекта от инфраструктурных и алгоритмических детерминант, либо может выступить ресурсом критического суждения, позволяющего преобразовывать технические ограничения в пространство ответственного действия.

Ключевые слова: неявное знание, практический субъект, теоретическое знание, технонаука, эпистемология технонауки, концептуальная и практическая автономия, детерминизм.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Научного Фонда, проект № 25-28-00120 «Фоновое знание как эпистемологическая проблема».

TACIT KNOWLEDGE BETWEEN DETERMINATION AND FREEDOM: THE PARADOX OF CONTEMPORARY TECHNO-SCIENTIFIC PRACTICES

Stoliarova Olga Evgenievna

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Department of Social Epistemology,
Leading Research Fellow

Abstract: The paper examines the dual status of tacit knowledge in contemporary technoscientific practices. The central paradox is as follows. Content that is not consciously accessible to the actor and may serve, for an external observer, as a source of explanation through the explication of the hidden determinants of action, simultaneously functions as a condition of practical freedom. It is precisely through skill, intuition, and situational competence, traditionally opposed to articulated "knowing-that," that the subject becomes capable of making responsible decisions where formal rules prove insufficient. To clarify this contradiction, the paper distinguishes between two different oppositions: the epistemic opposition between explicit and tacit knowledge, and the normative opposition between autonomy and heteronomy. Drawing on examples from clinical, laboratory, and engineering practices, it shows that digital systems, algorithms, and standardized protocols do not eliminate tacit knowledge, but rather transform its mode of operation. Special attention is paid to the ways in which technical infrastructures materialize theoretical knowledge and restructure the conditions of practical choice. As a result, tacit knowledge may either reinforce the subject's dependence on infrastructural and algorithmic determinants, or become a resource of critical judgment, enabling the transformation of technical constraints into a space of responsible action.

Keywords: tacit knowledge, the practical subject, theoretical knowledge, technoscience, epistemology of technoscience, conceptual and practical autonomy, determinism.

The research was supported by Russian Science Foundation, project № 25-28-00120 "Background Knowledge as an Epistemological Problem"

Предмет моего внимания – двойственный статус неявного знания в современных научно-технических практиках. С одной стороны, неявное знание считается неявным потому, что не выступает для самого актора как полностью осознанное и артикулированное содержание. В этом смысле оно может рассматриваться как то, что воздействует на субъекта «изнутри» его практики, но не схватывается им в форме отчётливого осознания собственных оснований действия [Thomson 2023]. Именно в силу этого неявное знание становится привилегированным источником объяснения для внешнего наблюдателя: посредством него можно реконструировать скрытые навыки, фоновые предпосылки, дисциплинарные привычки, инфраструктурные зависимости и иные формы практической предварительной структурированности последующего действия [Turner 1994]. Напротив, идея явного знания указывает на содержание, за которое субъект способен отчитаться; оно предполагает возможность рефлексивного присвоения и потому выступает как выражение концептуальной ответственности субъекта.

Однако такая исходная схема наталкивается на трудность, если рассмотреть её в свете инспирированного Кантом различения теоретического (познающего) и практического (морального, волящего) субъекта. Теоретический субъект, носитель универсальных категорий рассудка и форм чувственности, имеет дело с природой, её законами и объективным порядком необходимости; практический субъект, напротив, мыслится как свободный, способный начинать причинные ряды исходя из собственных намерений [Кант 1964]. Неявное же знание по своему характеру является прежде всего практическим знанием: это, скорее, знание-как, а не знание-что; знание действия, навыка, применения, ситуативного различения [Polanyi 1974]. Если следовать данной линии, то именно неявное, практическое знание оказывается

выражением свободы, тогда как явное, теоретически артикулированное знание, напротив, следует связать с необходимостью и детерминацией. Здесь мы фиксируем противоречие: в одном случае неявное знание выступает как скрытая детерминанта действия, в другом – как возможный носитель свободы.

Основной тезис доклада состоит в том, что это противоречие возникает из смешения двух различных оппозиций: эпистемической оппозиции «явное / неявное» и практико-нормативной оппозиции «автономное / гетерономное». Эти различия пересекаются, но не совпадают. Неявное знание не является свободным только потому, что оно неявно; оно становится условием свободы лишь тогда, когда воплощено в способности суждения и позволяет субъекту не просто следовать правилу, а уместно определять способ его применения. Точно так же явное знание не является детерминированным только потому, что оно эксплицировано; оно может быть выражением автономии, если субъект действительно присваивает его как основание собственного действия, а не воспроизводит как внешний протокол.

Современные научно-технические практики обнаруживают эту несводимость специфическим образом. Цифровизация, автоматизация, алгоритмическая обработка данных, стандартизация и платформизация науки радикально расширяют сферу явного знания: всё больше процедур переводится в форму инструкций, интерфейсов, моделей, протоколов и воспроизводимых пайплайнов. Но эта экспликация не устраняет неявное знание. Напротив, по мере усложнения социотехнических систем возрастает роль тех форм практического суждения, которые невозможно полностью заменить формальными правилами. Исследователь, инженер или врач должны не только следовать протоколу, но и распознавать момент, когда протокол оказывается недостаточным; не только доверять автоматизированному выводу, но и оценивать границы его применимости; не только использовать автоматизированную систему, но и удерживать возможность ситуативного выбора там, где алгоритмическая логика исчерпывает себя [Collins 2010].

Соответственно, разрешение напряжения заключается не в выборе между явным и неявным, а в признании практического суждения как инстанции, которая определяет нормативный регистр знания в конкретной ситуации. Когда актор способен критически соотносить формальный протокол с ситуативным контекстом, оценивать границы применимости модели и брать на себя ответственность за отклонение от стандарта ради эпистемической или этической целесообразности, неявное знание перестаёт быть слепой детерминантой и становится условием автономного действия. Напротив, когда экспликация превращается в навязанный сценарий, а навык – в рутинизированную привычку, субъект оказывается в положении гетерономного исполнителя, независимо от того, опирается ли он на алгоритм или на интуицию.

Эта перспектива позволяет провести различение двух модусов неявного знания, различение, которое часто остается в тени в современных дискуссиях о неявном знании. С одной стороны, существует *гетерономное неявное знание*: это инфраструктурные зависимости, алгоритмические «чёрные ящики», рутинизированные навыки и дисциплинарные привычки, которые действуют на актора как внешняя необходимость, не поддающаяся критическому учету и пересмотру. Здесь субъект становится проводником скрытых детерминант, а его «свобода» оказывается под вопросом. С другой стороны, существует *автономизируемое неявное знание*: это профессиональная интуиция, ситуативная грамотность, тактильное различение и способность к импровизации в рамках нормативной рамки. Такое знание не противостоит рефлексии, а предвосхищает её; оно становится

условием свободы, когда субъект способен критически присвоить его как основание собственного действия, а не воспроизводить механически.

Рассмотрим, например, внедрение систем искусственного интеллекта в клиническую диагностику. Алгоритм предоставляет вероятностные заключения на основе эксплицитных метрик и тренировочных данных, однако врач не просто «считывает» результат: он оценивает его релевантность в контексте конкретного пациента, соображений анамнеза, этических ограничений и собственных клинических интуиций, накопленных за годы практики. Как показывает постфеноменология (Д. Айди, П.-П. Вербек) [Rosenberger, Verbeek 2015], технология не детерминирует действие полностью, а намечает его сценарий, оставляя пространство для интерпретации и адаптации. Именно в этом пространстве врач осуществляет рефлексирующее суждение: он не отменяет алгоритм, но и не подчиняется ему безусловно, а встраивает его результат в нормативную рамку медицинской ответственности. Неявное знание здесь – это не «чёрный ящик» модели, а клиническая грамотность врача, позволяющая отличить статистический артефакт от значимого сигнала, довериться протоколу или отступить от него ради блага пациента. С точки зрения кантовской этики, это и есть проявление автономии: свобода не в отрицании технической обусловленности, а в способности превратить ее в материал для ответственного самоопределения.

Аналогично в лабораторных, инженерных или экологических практиках стандартизированные процедуры и цифровые инструменты не заменяют, а лишь обрамляют ситуативную компетентность актора. Когда данные оказываются противоречивыми, оборудование – нестабильным, а нормативные рамки – недостаточно гибкими, именно навык практического суждения позволяет субъекту выступать не пассивным исполнителем, а инстанцией, критически осваивающей условия собственной деятельности. Как отмечает Эндрю Финберг, технология всегда несёт в себе «амбивалентность»: она может закреплять гетерономию, но также открывать возможности для демократического переосмысления и этической адаптации [Финберг 2012]. Кантовская перспектива добавляет к этому анализу нормативное измерение: автономия в технонаучную эпоху – это не бестелесный акт воли, выходящий за пределы опыта, а способность рефлексивно встраивать инфраструктурные и алгоритмические условия в практику суждения.

Таким образом, в технонаучной ситуации кантовская дихотомия приобретает новое содержание: то, что ранее относилось к сфере теоретического знания, сегодня материализуется в приборах, коде, архитектуре интерфейсов, системах классификации и вычислительных моделях, то есть входит в саму ткань действия. Поэтому волящий субъект сталкивается не столько с природной необходимостью, сколько с объективированными формами рассудочной организации мира, заранее распределяющими допустимые ходы, релевантные параметры и режимы принятия решений. Отсюда следует, что вопрос о свободе смещается: он касается уже не противопоставления внутренней воли внешнему порядку вещей, а способности действующего лица работать с технически воплощёнными схемами знания, не растворяясь в них. Неявное знание оказывается здесь медиумом, через который становится возможным такое удержание дистанции: именно оно позволяет не просто выполнять предписанную последовательность операций, но заново определять, что в данной ситуации считать значимым, достаточным или обязательным. Тем самым свобода в современной технонауке обнаруживается не вне организованных системой условий, а в самой практике их интерпретации, переработки и ответственного ограничения.

Список литературы

1. Кант 1964 – Кант И. Основы метафизики нравственности. 1785. // Кант И. Сочинения в шести томах. М., «Мысль», 1965. (Философ. наследие). Т. 4. Ч. I. С. 211-310.
2. Финберг 2012 – Финберг Э. Средство как смысл: рациональность и действие в критической теории технологии. // Столярова О.Е., ред. Онтологии артефактов: взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира. М.: Дело, 2012. С. 214-248.
3. Collins 2010 – Collins H. M. Tacit and Explicit Knowledge. Chicago: University of Chicago Press, 2010. 186 p.
4. Polanyi 1974 – Polanyi M. Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy, Chicago: University of Chicago Press, 1974. 428 p.
5. Rosenberger, Verbeek 2015 – Rosenberger R., Verbeek P.-P. Postphenomenological Investigations: Essays on Human–Technology Relations. Lexington Books, 2015. 281 p.
6. Thomson 2023 – Thomson J. R. Introduction: In Search of the Implicit // Thomson J. R., ed. The Routledge Handbook of Philosophy and Implicit Cognition. London and New York: Routledge, 2023. 423 p.
7. Turner 1994 – Turner S. The Social Theory of Practices: Tradition, Tacit Knowledge and Presuppositions. Cambridge: Polity Press, 1994. 156 p.

УДК 165.3

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОЦЕССОВ ОТБОРА ЗНАЧИМОГО В ЭКСПЕРТНОМ ПОЗНАНИИ В ЭПОХУ ТЕХНОЛОГИЙ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРАВА)

Голубинская Анастасия Валерьевна
кандидат философских наук
доцент кафедры киберпсихологии факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского
E-mail: golub@unn.ru
Фиалковская Ирина Дмитриевна
кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры административного и финансового права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского
E-mail: i.fialk@yandex.ru

Аннотация. В докладе рассматривается влияние технологий машинного обучения на структуру экспертного познания в свете концепций П. Галисона о «настроенном восприятии» (tutored eye) и «интерпретативной традиции» (interpretive lore). Согласно этой точке зрения, объект исследования не предшествует процедурам наблюдения, а формируется в процессе

различения значимого и незначимого внутри экспертного сообщества. На примере экспертных суждений в области права анализируется трансформация процедур, посредством которых осуществляется это различение значимого и незначимого, и, как следствие, способов выделения объекта познания. Предлагаются три интерпретации данного сдвига: как расширение существующего экспертного восприятия, как разрыв между человеческими и машинными способами выделения значимого, и как формирование новой «интерпретативной традиции», в рамках которой объект знания оказывается производным от процедур его технического конструирования. Показано, что каждая из интерпретаций фиксирует различные аспекты одной и той же трансформации, но сталкивается с собственными теоретическими ограничениями.

Ключевые слова: экспертное суждение, машинное обучение, машинно-выделенный объект, объект познания, tutored eye, interpretive lore.

Доклад подготовлен в рамках работ по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ FSWR-2026-0009 «Искусственный интеллект в теории и практике социальной антропологии: от написания академических текстов к сценарному планированию»

TRANSFORMATION OF RELEVANCE SELECTION IN EXPERT KNOWLEDGE IN THE ERA OF MACHINE LEARNING TECHNOLOGIES (ON THE EXAMPLE OF LAW)

Golubinskaya Anastasia Valerievna
Associate Professor of the Department of Cyberpsychology, Faculty of Social Sciences, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Fialkovskaya Irina Dmitrievna
Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law, Faculty of Law, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Abstract. This paper examines the impact of machine learning technologies on the structure of expert knowledge drawing on P. Galison's concepts of the tutored eye and interpretive lore. From this perspective, the object of knowledge does not precede observation but is constituted through the distinction between what is significant and what is not within an expert community. Using legal expert judgment as an illustrative domain, the paper analyzes how the procedures of selecting what counts as significant are transformed, and consequently how objects of knowledge are constituted. We propose three interpretations of this shift: as an extension of existing forms of expert perception, as a rupture between human and machine-based modes of selecting the significant, and as the emergence of a new interpretive tradition, in which objects of knowledge are derived from procedures of their technical construction. Each interpretation captures a different aspect of the same transformation, but each also faces specific theoretical limitations.

Keywords: expert judgment, machine learning, machine-constituted object, object of knowledge, tutored eye, interpretive lore.

В конце XX века в рамках исследований культуры науки (на примере микрофизики) П. Галисоном были предложены два аналитических понятия: «tutored eye» и «interpretive lore»

[Galison 1997]. Первое понятие дословно переводится как «обученный глаз» и выражает способность распознавать нужные образы и настраивать приборы таким образом, чтобы всё, не относящееся к частице, просто не попадало в поле внимания. Благодаря синтезу отобранных признаков формируется осмысленный объект. В качестве варианта перевода данного выражения мы предлагаем выражение «настроенное восприятие». Основная функция «настроенного восприятия» – отделять значимое от незначимого.

Второй термин, «interpretive lore», требует более осторожного обращения при переводе. Слово «lore» иногда переводят как «знание», но для философской дискуссии этот перевод влечёт серьёзное недопонимание. Известное в русском языке как часть слова «фольклор», термин означает очень специфический вид знания, а именно совокупность традиций (мифов, легенд) определённой группы людей, в основном устных. Наиболее близким к этому описанию понятием является «традиция» (в значении по Ожегову – установившийся порядок); в праве широко применятся термин «обычай» (например, обычай делового оборота); а в контексте данной статьи – «интерпретативная традиция», то есть традиция интерпретировать значимое.

Эти идеи были сформулированы в конце XX века, но в условиях стремительного развития технологий машинного обучения и искусственного интеллекта они приобретают новую актуальность. В 2026 году такие технологии стали полноценной частью материальной культуры науки, влияя на то, как исследователи воспринимают данные и интерпретируют результаты [Tang 2025]. Следовательно, можно предположить, что и «настроенное восприятие» в науке претерпевает определённые трансформации.

Свидетельства подобных сдвигов можно увидеть, к примеру, системах, помогающие процессу принятия решений в сфере права. В частности, система COMPAS предсказывает риск рецидива конкретного подсудимого на основе анализа более ста его параметров и 1,5 миллиона прецедентов [Zheng 2026]. Такие системы принятия решений не выносят окончательных решений, но влияют на процесс вынесения экспертного решения [Biddle 2022]. В частности, потому что правоприменителю (судье), наделенному полномочием отклонить рекомендацию системы, довольно трудно (эпистемически и юридически) аргументировать свое несогласие с выводом, основанном на 1,5 миллионах случаев.

В данном докладе речь идет не столько о специфике юрисдикционной системы, сколько о проблеме переноса методов, используемых в технологиях машинного обучения, в область оценочных и ценностных суждений, часто построенных на основе неявного знания («настроенное восприятие», по сути, является неявным знанием-как). К этой области относятся правовые, медицинские, этические решения и не только. Однако для удобства мы остановимся на представленном примере из правовой сферы. В обычных условиях правоприменитель слушает показания, изучает доказательства и собирает из них картину правонарушения. При помощи экспертного восприятия, настроенного в соответствии с доминирующей в сообществе научной традицией, правоприменитель решает, что именно в обстоятельствах дела или поведении правонарушителя является важным. Однако в условиях применения COMPAS эта работа совершается алгоритмом, который пропускает через себя миллионы «сырых данных» и выделяет в них корреляции, которые *должны быть* важны, опуская всё прочее. Объект познания, с которым работает правоприменитель, уже выделен из данных при помощи алгоритмов.

В современной философии науки этот случай разбирается с разных позиций. Отмечается, что оценочные критерии (например, «справедливость») задаются вне суда [Westerstrand 2025], а в сфере разработки моделей принятия решения. Поскольку разные критерии справедливости

«математически несовместимы», то есть не могут быть объединены единой непротиворечивой логикой [Biddle 2022], создание такой системы всегда отражает ценностный выбор. Здесь можно вспомнить лозунг медиаисторика М. Гительман: «сырые данные – это оксюморон» [Gitelman 2013], поскольку данные для машинного обучения всегда предварительно кем-то отобраны и структурированы.

В данном докладе мы предлагаем обратить внимание на другой аспект поднятой темы. В предложенном Галисоном понимании научный объект становится доступным благодаря «настроенному восприятию», формируемому внутри «интерпретативной традиции». В рассматриваемом примере некоторая часть этой работы уже выполнена на уровне предварительной алгоритмической обработки данных. Объект познания оказывается предварительно машинно-выделен и «очищен» от нерелевантной информации. Этот пример позволяет обнаружить две конкретные трансформации экспертного суждения в контексте рассмотренной концепции П. Галисона.

Во-первых, «интерпретативная традиция» (по крайней мере частично) устанавливается вне сообщества, поскольку критерии значимости создаются разработчиками системы, а процесс вынесения решения из-за собственной сложности остаётся «черным ящиком», недоступным ни пользователю, ни разработчику [Барышников 2025]. Сам правоприменитель в силу когнитивных и объективных ограничений не способен ни воспроизвести результат самостоятельно, ни ознакомиться с его конкретными основаниями.

Во-вторых, даже самое аккуратное применение таких систем заключается в определении того, какие элементы данных являются релевантными и подлежат интерпретации, а какие несущественны. Если в оригинальном значении «настроенное восприятие» описывает способность исследователя различать значимое и незначимое в рамках профессионально освоенных процедур наблюдения и интерпретации, то в случае алгоритмически опосредованной науки эта функция частично переносится на уровень вычислительных систем.

В наши цели не входит ни критика, ни поддержка идеи использования технологий подобным образом. Для философии не менее интересным является вопрос о том, что происходит с научным познанием, когда функции «настроенного восприятия» частично переходят к алгоритмам.

На наш взгляд, можно выделить три возможных ответа.

Согласно первой версии, алгоритмические системы не разрушают структуру научного восприятия, а расширяют её. Опираясь на концепцию расширенного познания, можно предположить, что алгоритмы выступают как внешнее продолжение «настроенного восприятия». Общий принцип не меняется, разница лишь в том, что акт формирования осмысленного объекта становится технически опосредованным и менее доступным для рефлексии. В таком случае можно утверждать, что трансформация заключается в том, что научное познание становится более зависимым от технической инфраструктуры.

Вторая версия предполагает, что машинно-выделенные объекты разрушают связь между тем, что эксперт видит, и тем, как он это понимает. Теоретические корни данного подхода связаны с критикой прозрачности научного наблюдения, а также с идеей разрыва между режимами производства знания у разных акторов (человеческих и нечеловеческих). С этой точки зрения эксперт не интерпретирует мир напрямую, поскольку человеческое «настроенное восприятие» и алгоритмические процедуры отбора значимого являются принципиально несоизмеримыми. В отличие от первой версии, машинно-выделенный объект познания является не расширением «настроенного восприятия», а отдельным конструктом, не выводимым при помощи человеческой научной традиции.

Третья версия заключается в том, что машинно-выделенные объекты не следует рассматривать ни как расширение «настроенного восприятия», ни как разрыв между восприятием и интерпретацией. Напротив, они и есть новая «интерпретативная традиция», в рамках которой само понятие объекта знания оказывается производным от процедур его выделения. Корни этого подхода лежат в области философии данных. С этой точки зрения машинно-выделенный объект не является ни данностью, ни интерпретацией в традиционном смысле этих понятий, а представляет собой выбранный фрагмент реальности, в котором заранее оставлено только то, что считается важным для дальнейшего анализа. Носителем такой «традиции» становится не только конкретное экспертное сообщество, но и технологический партнёр (разработчик системы).

Каждая из интерпретаций уязвима к критике. Первая версия неявно предполагает, что «настроенное восприятие» существует как нечто относительно устойчивое и завершённое. Возможно, для некоторых ситуаций это так, но в сфере юридических, медицинских и этических вопросов решения предполагают понимание контекста и признание субъективности. Значимость признаков определяется в ходе самой практики, в зависимости от ситуации и профессиональной интуиции. Иными словами, «настроенное восприятие» не сводится к заранее заданному и ограниченному набору когнитивных функций, которые можно было бы «расширить».

Вторая позиция сталкивается с трудностью объяснения реальной работы таких систем в научной и социальной практике. Если между человеческим пониманием и машинным выделением значимого действительно существует строгая несоизмеримость, становится непонятно, каким образом результаты работы таких систем вообще могут быть включены в процессы принятия решений и научной интерпретации. Кроме того, тезис о полной чуждости машинной логики недооценивает тот факт, что сами критерии построения этих систем задаются в человеческих институтах и практиках.

Третья версия пытается снять напряжение между первыми двумя, утверждая, что машинно-выделенные объекты формируют новую интерпретативную традицию. Однако и эта позиция не лишена проблем. Расширяя понятие традиции до совокупности человеческих и технических процедур, она рискует сделать его слишком широким и размытым. Описание машинных процессов как элемента «традиции» может создавать впечатление, будто алгоритмические системы способны к смыслопорождению.

Предложенные три интерпретации данного процесса фиксируют различные способы концептуализации этой трансформации, однако их общим основанием является признание того, что изменяется не только инструментальная сторона научной деятельности, но и структура формирования значимого. В этом смысле речь идёт о смещении границ между данными, интерпретацией и объектом, а не просто о появлении новых средств анализа.

Предложенный анализ не претендует на исчерпывающее описание влияния алгоритмических систем на экспертное познание, однако позволяет зафиксировать один существенный сдвиг, связанный с изменением механизмов формирования осмысленного объекта познания. Он состоит в том, что часть отбора значимого, который раньше выполнялся в рамках экспертной практики (через «настроенное восприятие» и «интерпретативную традицию»), начинает выполняться до интерпретации на уровне технической обработки данных, формируя уже предварительно структурированный объект. Общий вывод состоит в том, что внедрение появление машинно-выделенных трансформирует саму структуру неявного знания и экспертного восприятия.

Список литературы

1. Барышников 2025 – Барышников П. Н. «Черный ящик» или прозрачный алгоритм: аналитический обзор источников по этике искусственного интеллекта // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. №. 85. С. 5-20.
2. Biddle 2022 – Biddle J. B. On predicting recidivism: Epistemic risk, tradeoffs, and values in machine learning // Canadian Journal of Philosophy. 2022. Vol. 52. Issue 3. P. 321-341.
3. Galison 1997 – Galison P. Image and logic: A material culture of microphysics. Chicago: University of Chicago Press, 1997. P. 120-134.
4. Gitelman 2013 – Gitelman L. Raw data is an oxymoron. MIT press, 2013. 192 p.
5. Tang 2025 – Tang K. S., Cooper G. The role of materiality in an era of generative artificial intelligence // Science & Education. 2025. Vol. 34. Issue. 2. P. 731-746.
6. Westerstrand 2025 – Westerstrand S. Towards just democracies in the age of pervasive digital systems – a Rawlsian approach // AI & SOCIETY. 2025. P. 1-19.
7. Zheng 2026 – Zheng H. The Epistemological Dilemma of Algorithmic Justice: What is Lost When Law Becomes ‘Computable’? // Law and Philosophy. 2026. P. 1-23.

УДК 378.014:101.1

ФИЛОСОФИЯ УНИВЕРСИТЕТА: ОТ ГУМБОЛЬДТОВСКОЙ МОДЕЛИ К НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ

Керженцева Людмила Павловна

старший преподаватель кафедры истории и философии

ФГБОУ ВО «Пермский государственный медицинский университет им. академика Е.А. Вагнера (ПГМУ им. академика Е.А. Вагнера)»

E-mail: sysoeva_nastasya@icloud.com

Аннотация: В статье исследуется проблема философского обоснования миссии современного университета в условиях общества знания. Анализируются два конкурирующих нормативных горизонта университетского образования: утилитарно-прагматическая модель, ориентированная на производство экономически релевантных компетенций, и классическая идея университета, восходящая к гумбольдтовскому идеалу единства преподавания и научного исследования. На основе критического анализа работ Дж. Ньюмена, В. фон Гумбольдта, Х. Ортеги-и-Гассета, Ю. Хабермаса и Б. Ридингса предпринимается попытка синтеза, позволяющего преодолеть дихотомию «полезность — истина». Автор обосновывает тезис о том, что академическая свобода является не привилегией корпорации учёных, но условием возможности производства достоверного знания в его социальной функции. Делается вывод о необходимости переосмысления университета как институции публичного разума, способной выступать критической инстанцией по отношению к технократическим запросам постиндустриального общества.

Ключевые слова: университет; общество знания; академическая свобода; утилитаризм; идея университета; гумбольдтовская модель; публичный разум; философия образования.

PHILOSOPHY OF THE UNIVERSITY: FROM THE HUMBOLDTIAN MODEL TO THE NEOLIBERAL ONE

Lyudmila P. Kerzhentseva
Senior Lecturer, Department of History and Philosophy
Perm State Medical University named after Academician E.A. Wagner
(Perm State Medical University)

Abstract: The article examines the philosophical problem of substantiating the mission of the modern university in the context of the knowledge society. Two competing normative frameworks of higher education are analyzed: the utilitarian-pragmatic model, oriented toward the production of economically relevant competencies, and the classical idea of the university, rooted in the Humboldtian ideal of the unity of teaching and research. Based on a critical analysis of the works of J. Newman, W. von Humboldt, J. Ortega y Gasset, J. Habermas, and B. Readings, an attempt is made to develop a philosophical synthesis aimed at overcoming the dichotomy of "utility versus truth." The author substantiates the thesis that academic freedom is not a privilege of the scholarly community, but a necessary condition for the production of reliable knowledge in its social function. The conclusion is drawn that it is necessary to rethink the university as an institution of public reason, capable of maintaining a critical stance toward the technocratic demands of post-industrial society.

Keywords: university; knowledge society; academic freedom; utilitarianism; idea of the university; Humboldtian model; public reason; philosophy of education.

Введение

Вопрос о том, чем является и чем должен быть университет, приобрёл в начале XXI века характер подлинно философского вызова. Глобализация рынков труда, цифровизация когнитивных практик, конкуренция образовательных юрисдикций и повсеместное распространение рейтинговых систем поставили университет перед необходимостью концептуальной самоидентификации. В этих условиях столкновение двух нормативных горизонтов — утилитарного, редуцирующего университет к институту профессиональной подготовки, и гуманистического, настаивающего на автономии академического разума, — перестаёт быть сугубо академическим спором и становится вопросом о судьбе рациональности в современном обществе.

Актуальность проблемы определяется не только практическими трансформациями высшей школы, но и теоретической лакуной: несмотря на обилие работ по философии образования, комплексный анализ нормативных оснований университетской миссии применительно к специфике общества знания остаётся недостаточно разработанным. Данная статья представляет собой попытку восполнить этот пробел посредством историко-философской реконструкции и критического синтеза ключевых концепций.

Цель работы — выявить философские основания, позволяющие обосновать автономию университета как необходимое условие выполнения его социальной функции в эпоху общества знания, не впадая при этом ни в элитарный эзотеризм «чистой науки», ни в инструменталистский редукционизм «экономики знаний».

1. Идея университета: историко-философский контекст

Понятие «идея университета» в строгом философском смысле было введено в интеллектуальный оборот двумя ключевыми текстами XIX столетия: «Идеей университета» Джона Генри Ньюмена (1852) и меморандумом Вильгельма фон Гумбольдта «О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине» (1810). При всём различии их контекстов и акцентов оба автора разделяют базовое убеждение: университет конституируется не совокупностью преподаваемых дисциплин, но специфическим отношением к знанию как самоцели.

Ньюмен, полемизируя с утилитаристами школы Бентама, настаивает на том, что «либеральное знание» — *knowledge for its own sake* — обладает собственной нормативной ценностью, несводимой к его практической применимости. Университет в его концепции есть место, где «интеллект образуется ради самого себя» [Newman 1907, p. 76]. Гумбольдт, напротив, акцентирует институциональное измерение: университет призван осуществлять единство исследования и преподавания (*Einheit von Forschung und Lehre*), причём именно исследовательская функция конститутивна для подлинного университетского образования [Humboldt 1903, S. 22].

Значительный вклад в развитие дискуссии внёс Хосе Ортега-и-Гассет, предложивший в работе «Миссия университета» (1930) трёхсоставную модель университетских функций: передача культуры, преподавание профессии, научное исследование. Испанский философ, вопреки распространённым интерпретациям, не противопоставлял эти функции, но настаивал на первенстве культурной миссии как интегративного горизонта [Ortega y Gasset 1930, p. 44]. Университет должен производить не специалистов-технократов, но «образованных людей» — носителей целостного мировоззрения.

Хабермасовская традиция критической теории добавила к этому дискурсу измерение публичности. В работе «Идея университета — процессы обучения» (1987) Хабермас переосмыслил университет как институт коммуникативной рациональности, в котором дискурсивное выяснение значимости знания составляет внутреннюю норму академической деятельности [Habermas 1987, S. 110]. Именно эта перспектива представляется нам наиболее продуктивной для современного контекста.

2. Утилитарный вызов: университет как фабрика компетенций

Современная волна утилитаризации университетского образования представляет собой не случайное отклонение от нормы, но закономерное следствие логики «общества знания» в его неолиберальной интерпретации. Начиная с Болонского процесса (1999) и формирования «тройной спирали» взаимодействия университета, государства и бизнеса, университет всё последовательнее трактуется как экономический актор, производящий «человеческий капитал».

Философски данная тенденция нашла наиболее последовательное выражение в концепции «предпринимательского университета» Б. Кларка и в постмодернистской диагностике Билла Ридингса, констатировавшего в книге «Университет в руинах» (1996) подмену идеи «истины» или «культуры» пустой категорией «качества» [Readings 1996, p. 38]. Ридингс фиксирует симптоматичный парадокс: чем интенсивнее апеллируют к «качеству образования», тем очевиднее утрата содержательного критерия, способного наполнить это

понятие смыслом. «Качество» функционирует как означающее без означаемого, позволяющее управлять университетом посредством экономических механизмов.

С позиций неолиберальной экономики образования это не проблема, а норма. Если знание есть ресурс, то университет есть отрасль «индустрии знаний», оптимизирующая преобразование информации в компетенции, а компетенций — в экономическую стоимость. Студент превращается в «потребителя образовательных услуг», преподаватель — в «поставщика знаний», а научное исследование оценивается по индексу цитируемости и показателям коммерциализации результатов.

Критика этой модели не означает огульного отрицания прагматического измерения образования. Вопрос состоит в другом: является ли экономическая полезность достаточным критерием для определения миссии университета, или же утилитаризм, последовательно реализуемый в академической среде, разрушает саму возможность производства того знания, ради которого он апеллирует к университету?

3. Академическая свобода как эпистемологический принцип

Принципиальный аргумент в пользу академической свободы носит не только ценностный, но прежде всего эпистемологический характер. Данное обстоятельство нередко упускается из виду в дискуссиях, сводящих академическую свободу к корпоративной привилегии учёных. Между тем речь идёт об условии возможности достоверного знания как такового.

Институциональная автономия университета функционально аналогична независимости судебной системы в правовом государстве: так же как суд не может отправлять справедливое правосудие, если судья подотчётен лишь исполнительной власти, научное исследование не может производить достоверное знание, если критерии его оценки определяются исключительно политической или экономической целесообразностью. Гетерономия науки ведёт не к её большей полезности, но к деградации её когнитивной продуктивности.

Этот аргумент получил строгое обоснование в социальной эпистемологии Ф. Китчера и Э. Голдман. Анализируя институциональные условия производства знания, Голдман показал, что академическая свобода является не просто ценностью, но *epistemic right* — правом, обусловленным целями эпистемического сообщества [Goldman 1999, p. 127]. Ограничение исследовательской автономии во имя «практической пользы» нередко оборачивается эпистемической дисфункцией: именно фундаментальные исследования, лишённые непосредственного прикладного горизонта, становятся основой технологических прорывов (достаточно вспомнить историю квантовой механики или теории информации Шеннона).

Помимо эпистемологического, существует и социально-критический аргумент. Университет исторически выступал институтом публичного разума — пространством, где формируются стандарты аргументации и критики, воспроизводящиеся затем в публичной сфере. Если университет утрачивает автономию, общество лишается одного из немногих социальных институтов, способных производить рациональную критику существующих практик, включая практики самого «общества знания».

4. К синтезу: университет как институт публичного разума

Предложенный анализ позволяет наметить контуры синтетической концепции, преодолевающей антиномию «полезность versus истина». Ключевой тезис состоит в следующем: академическая свобода является не альтернативой социальной ответственности университета, но её условием. Подлинный вклад университета в общество знания определяется не мерой его подчинения внешним запросам, но качеством производимого им знания — а это качество обеспечивается именно институциональной автономией.

Концептуальным ресурсом для данного синтеза служит хабермасовская идея «коммуникативного разума». Университет может быть понят как институт, воплощающий нормы идеального дискурса: аргументированности, открытости критике, отсутствия внешнего принуждения. В этом смысле он не просто производит знание, но воспроизводит формы рациональности, без которых демократическое общество не может осуществлять рефлексивное самоуправление [Habermas 1987, S. 119].

Это понимание позволяет по-новому интерпретировать отношение университета к «обществу знания». Последнее нуждается в университете не только как в производителе прикладных компетенций, но как в критической инстанции, способной ставить под сомнение само определение того, какое знание является «полезным», «релевантным», «инновационным». Без этой критической функции «общество знания» рискует превратиться в общество технократического самовоспроизводства, лишённое механизмов рефлексивной коррекции.

Отсюда вытекает предлагаемая модель университетской миссии: университет как институт публичного разума — пространство, где в условиях академической свободы производится критически рефлексивное знание, функционирующее как ресурс социальной рациональности. Эта модель не отрицает ни профессиональной подготовки, ни инновационной деятельности, но включает их в более широкий нормативный горизонт: они получают смысл как составляющие миссии, а не как её исчерпывающее определение.

5. Общество знания и парадоксы когнитивного капитализма

Понятие «общество знания», введённое в социологический дискурс П. Дракером и концептуализированное Н. Штером, обозначает социальную формацию, в которой знание становится первичным фактором производства, вытесняя труд и капитал в классическом смысле. Это понятие несёт в себе нормативный заряд: знание мыслится как общественное благо, производство которого определяет динамику социального прогресса.

Парадокс когнитивного капитализма (термин А. Горца и М. Лаззарато) состоит в том, что рыночная логика, проникая в сферу производства знания, порождает противоречие между знанием как товаром и знанием как общественным благом. Приватизация результатов исследований (патентование, коммерческая тайна, ограниченный доступ к публикациям) ограничивает кумулятивный характер научного знания, подрывая тем самым долгосрочную продуктивность «экономики знаний». Университет оказывается в центре этого противоречия: от него одновременно требуют коммерциализации результатов и открытости научного обмена.

Разрешение этого противоречия требует восстановления нормативного приоритета знания как общественного блага. Это предполагает не только институциональные механизмы (политика открытого доступа, независимое финансирование фундаментальных

исследований), но и философскую работу по реабилитации эпистемических ценностей — истины, обоснованности, критичности — в качестве первичных ориентиров университетской деятельности. Именно этот нормативный горизонт позволяет университету сохранять идентичность в условиях перманентного давления прагматических запросов.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, антиномия «утилитаризм versus академическая свобода» является в значительной мере ложной дихотомией: подлинное производство общественно полезного знания возможно лишь в условиях институциональной автономии. Утилитаризм, последовательно реализуемый в академической среде, разрушает саму основу своего обоснования.

Во-вторых, академическая свобода должна быть переосмыслена не как корпоративная привилегия, но как эпистемологический принцип и условие возможности достоверного знания в его социальной функции. Это переосмысление снимает мнимое противоречие между «башней из слоновой кости» и «университетом предпринимательского типа».

В-третьих, адекватной нормативной моделью для университета в обществе знания является модель института публичного разума: пространства, в котором производство критически рефлексивного знания конституирует ресурс социальной рациональности, необходимый демократическому обществу для его самоуправления и коррекции технократических тенденций.

В-четвёртых, реализация данной модели предполагает не только институциональные реформы, но и философскую работу по восстановлению нормативного авторитета эпистемических ценностей в публичном дискурсе об образовании. Без этой работы даже наиболее продуманные организационные решения рискуют воспроизводить логику когнитивного капитализма, от которой они призваны освободиться.

Перспективным направлением дальнейшего исследования представляется разработка конкретных институциональных форм, в которых принцип публичного разума мог бы быть реализован в условиях современных систем управления качеством и финансирования науки, — задача, требующая соединения философского и социологического подходов.

Список литературы

1. Андреев А.Л. Университет как культурный феномен // Высшее образование в России. 2008. № 7. С. 113–118.
2. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал / пер. с нем. М. Силиной. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 208 с.
3. Захаров И.В., Ляхович Е.С. Миссия университета в европейской культуре. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1994. 240 с.
4. Карнозова Л.М. Университет на пути к себе: к вопросу о реформировании высшего образования // Вопросы образования. 2009. № 4. С. 74–98.
5. Щедровицкий П.Г. Очерки по философии образования. М.: Педагогический центр «Эксперимент», 1993. 154 с.
6. Goldman A.I. Knowledge in a Social World. Oxford: Clarendon Press, 1999. 407 p.

7. Habermas J. Die Idee der Universität – Lernprozesse // Kleine Politische Schriften, VI. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1987. S. 108–126.
8. Humboldt W. von. Über die innere und äußere Organisation der höheren wissenschaftlichen Anstalten in Berlin // Gesammelte Werke. Bd. X. Berlin, 1903. S. 250–260.
9. Kitcher P. Science in a Democratic Society. New York: Prometheus Books, 2011. 278 p.
10. Newman J.H. The Idea of a University Defined and Illustrated. London: Longmans, Green and Co., 1907. 521 p.
11. Ortega y Gasset J. Mission de la Universidad. Madrid: Revista de Occidente, 1930. 172 p.
12. Readings B. The University in Ruins. Cambridge (MA), 1996. 232 p.
13. Stehr N. Wissensgesellschaft. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1994. 622 S.

УДК 167

ДОВЕРИЕ ТАКСОНАМ: ТЕОДОР ПОРТЕР И СОЦИАЛЬНАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ КЛАССИФИКАЦИИ

Костина Алина Олеговна
Кандидат философских наук
Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», Москва, Российская Федерация

E-mail: alinainwndrlnd@gmail.com

Аннотация: В данной работе осуществляется сравнительный анализ концепции квантификации как социальной технологии, разработанной Теодором Портером и проблематики классификационных (таксономических) практик в естественных науках. Демонстрируется, что классификация, подобно квантификации, выступает не только эпистемическим инструментом упорядочивания знания, но и социальным механизмом легитимации институционального порядка. На основе анализа истории экономических измерений, инженерной квантификации во Франции XIX века и политической философии чисел (Пирсон, Лассуэлл, Хоркхаймер и Адорно) выделяются четыре ключевые параллели: различие между «теоретической» и «административной» объективацией (измерение/классификация для теории или для управления); моральная экономика точности как знак добросовестности; динамика «прозрачности как риторики слабых сообществ»; конфликт между формальной безличностью (правила) и элитарным усмотрением (доверие). Делается вывод, что формализованные классификации и номенклатурные кодексы являются не столько признаком эпистемической зрелости дисциплины, сколько симптомом институциональной уязвимости и утраты неформального доверия внутри сообщества специалистов.

Ключевые слова: квантификация, классификация, таксономия, объективность, социальная технология, доверие

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 24-18-00183, https://rscf.ru/project/24-18-00183/

TRUST IN TAXA: THEODORE PORTER AND THE SOCIAL EPISTEMOLOGY OF CLASSIFICATION

Alina O. Kostina

Inter-regional Non-Governmental Organization Russian Society of History and Philosophy of Science, Russian Federation

Abstract: This paper offers a comparative analysis of quantification as a social technology, as developed by Theodore Porter, and the problematics of classificatory (taxonomic) practices in the natural sciences. It is demonstrated that classification, like quantification, functions not only as an epistemic tool for ordering knowledge but also as a social mechanism for legitimizing institutional order. Drawing on the history of economic measurement, nineteenth-century French engineering quantification, and the political philosophy of numbers (Pearson, Lasswell, Horkheimer and Adorno), four key parallels are identified: the distinction between "theoretical" and "administrative" objectification (measurement/classification for theory versus for management); the moral economy of precision as a mark of trustworthiness; the dynamics of "transparency as the rhetoric of weak communities"; and the conflict between formal impersonality (rules) and elite discretion (trust). It is concluded that formalized classifications and nomenclatural codes are not so much a sign of a discipline's epistemic maturity as a symptom of institutional vulnerability and the loss of informal trust within the community of specialists.

Keywords: quantification, classification, taxonomy, objectivity, social technology, trust

The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-18-00183, https://rscf.ru/project/24-18-00183/

Т. Портер, историк науки, занимавшийся проблемами социологии науки и методологии науки, с особым акцентом на исследования количественных методов, определяет квантификацию не как нейтральный подход к проверке теорий, а как «социальную технологию» (social technology), которая выполняет функции управления людьми и природой, организации бюрократической и коммерческой жизни [Porter 1995, p. 49–50]. Квантификация, по Портеру, есть способ соединения материальной культуры лаборатории с «центрами вычисления» (Латур), позволяющий управлять на расстоянии [Porter 1995, p. 51]. Мэри Дуглас в работе «Как мыслят институты» показывает, что институциональные структуры аналогичным образом организуют информацию, снижают когнитивную нагрузку и легитимируют себя через аналогию с «естественным порядком» [Douglas 1986, p. 45–48]. Аналогично, классификация представляет собой социальную технологию упорядочивания биологического разнообразия [Wilkins, Ebach 2014, p. 1–5]. Как и числа, таксономии позволяют сводить многомерное разнообразие к иерархическим схемам, делать объекты сопоставимыми и управляемыми, переносить локальное знание в удалённые центры принятия решений.

Портер показывает на исторических примерах (донаучная астрономия, барометрия, химические весы Лавуазье), что точное измерение долгое время существовало и развивалось отдельно от физической теории. Измерение имело собственные прагматические цели (навигация, картография, горное дело). Как пишет Портер, «жизнь измерения не была совершенно отдельной жизнью, но она не существовала просто ради теории» [Porter 1995, p.

50]. Лишь позднее теория «пришла» к уже существующим измерительным практикам. Томас Кун в «Структуре научных революций» показал, что «нормальная наука» в значительной степени состоит из решения головоломок в рамках господствующей парадигмы, а не из прямой проверки фундаментальных теорий [Kuhn 1962, p. 35–42]. Параллель в таксономии: до Дарвина и филогенетической систематики существовали развитые классификационные системы (Линней, Адансон, Жюссьё), основанные на практических нуждах идентификации. Теория эволюции предложила филогенетическое обоснование для классификации, однако значительная часть таксономической работы продолжает выполнять сугубо административные и референтные функции [Wilkins, Ebach 2014, p. 18–22]. «Жизнь классификации» не сводится к обслуживанию теории — точно так же, как жизнь измерения, по Портеру, не сводилась к проверке теоретических предсказаний.

Точность измерений ценилась в науке не столько ради теоретических открытий, сколько как знак усердия, мастерства и безличности. Точность, по его словам, ценилась как «знак усердия, мастерства и безличности» [Porter 1995, p. 50]. Это формирует моральную экономику, в которой формальные процедуры заменяют межличностное доверие. Как отмечает Иэн Хакинг в «Приручении случая», статистические нормы создают язык нормальности и аномальности, который сам по себе становится инструментом социального контроля [Hacking 1990, p. 1–6]. Параллель в таксономии: тщательное описание видов, точное указание диагностических признаков, строгое следование номенклатурным кодексам — всё это также функционирует как моральная экономика добросовестности. В «сильных» тесных и закрытых сообществах неформальные правила заменяют формальную точность [Traweek 1988, p. 75–80]; в «слабых», разобщённых сообществах формальная точность становится единственным доступным знаком добросовестности. Портер прямо связывает это с проблемой доверия: как показано на примере немецких химиков после экспериментов Лавуазье, когда «больше ни один химик не доверяет другому», единственным выходом становится апелляция к публичным, формальным, механическим процедурам [Porter 1995, p. 226–227].

Портер анализирует девиз Лондонского статистического общества «Aliis exterendum» (в переводе с латыни он означает «чтобы быть обмолоченным другими» или «для обмолота другими». Смысл этого девиза в том, что задача статистиков — собирать «сырые» факты (числа), а «обмолот» — то есть извлечение смысла, интерпретация, анализ, выводы — должны делать другие (политики, администраторы, учёные из других областей). Статистики объявляли себя простыми сборщиками фактов, свободными от мнений и теорий) и принцип, что в статистике нет места мнениям — только фактам. Он показывает, что это было стратегией самолегитимации слабой дисциплины. Статистики подчёркивали объективность и прозрачность своих чисел потому, что были уязвимы и не могли полагаться на авторитет традиции или личное усмотрение. Как пишет Портер, «статистики были наиболее склонны подчёркивать свою объективность, когда они были слабы и вынуждены апеллировать к сильным» [Porter 1995, p. 78]. Карл Поппер в «Открытом обществе и его врагах» связывал научную объективность с открытостью и универсализмом, но при этом признавал, что формализация языка науки является защитой от двусмысленности [Popper 1945, p. 217–220]. Параллель в таксономии: призывы к «объективной», «воспроизводимой», «фенетической» классификации (численная таксономия 1960–1970-х годов) и к формализации определений (радистика Уилкинса и Эбаха) звучат именно в моменты кризиса сообщества [Wilkins, Ebach 2014, p. 149–152]. В интимном, стабильном сообществе (лондонские геологи Радвика) такая

риторика не нужна: там знание передаётся через частную переписку, разговоры и неформальное ученичество [Rudwick 1985, p. 15–20].

Т. Портер проводит фундаментальное различие между двумя видами математизации. Первый — это инженерная квантификация французских политехников (Навье, Дюпюи, Шейссон), которая направлена на управление конкретными объектами (дороги, каналы, тарифы) и основана на измеримых показателях, оптимизации, графических методах [Porter 1995, p. 55–65]. Второй — абстрактная математическая экономия Вальраса (теория общего равновесия), которая, несмотря на формальную математическую строгость, оказалась бесполезна для реальных административных решений и была отвергнута инженерами-практиками. Как пишет Портер, «его [Вальраса] экономическая математика была лучше приспособлена для метафизического утешения, чем для предоставления конкретного плана административных действий» [Porter 1995, p. 67–68]. Шейла Джасанофф в «Этике изобретений» показывает, как социотехнические образы формируют представления о научной рациональности и её пределах [Jasanoff 2016, p. 45–50]. В анализе проблем таксономии это различие воспроизводится как разрыв между фенетической (численной) таксономией (инструментальная, административная логика) и филогенетической систематикой (теоретическая, реалистская логика). Среди практиков-систематиков более популярны «рабочие» диагностические подходы; теоретики систематики настаивают на примате филогении [Wilkins, Ebach 2014, p. 78–85].

Исследователь показывает, что объективность (особенно в её механической, нормативной форме) означает «правление закона, а не людей» — подчинение личных интересов и предрассудков публичным стандартам. Карл Пирсон, на которого ссылается Портер, прямо отождествлял научную объективность с социализмом: возвышение общих правил над эгоизмом [Porter 1995, p. 74–75; Pearson 1900, p. 30–35]. Гарольд Лассуэлл, также цитируемый Портером, утверждал, что демократическая Америка нуждается в формальной, количественной экспертизе, тогда как Британия со сплочённой элитой может полагаться на неформальное усмотрение [Porter 1995, p. 76; Lasswell 1948, p. 45–48]. Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно в «Диалектике Просвещения» критиковали такую формализацию как превращение всего не сводимого к числам в простую видимость [Adorno, Horkheimer 1944, p. 4–7]. В таксономии номенклатурные кодексы представляют собой квинтэссенцию механической объективности — правила приоритета, типификации, обязательного латинского диагноза. Эти кодексы заменяют «правление людей» (авторитет признанных экспертов) «правлением правил». Дуглас показала, что институты легитимируют себя через «натурализацию» — представление своего порядка как части «порядка вселенной» [Douglas 1986, p. 45–48]. В таксономии эту функцию выполняют ссылки на «естественность» классификации и незыблемость номенклатурных правил.

Квантификация имеет двойственный характер. С одной стороны, она открывает профессиональные культуры для аутсайдеров, поскольку не требует специфического культурного капитала. Как он пишет, «чистый эффект современного акцента на квантификации, вероятно, заключался в открытии профессиональных культур для женщин и этнических аутсайдеров» [Porter 1995, p. 76]. С другой стороны, формализация порождает поверхностность — утрату глубокого, нюансированного, интуитивного знания. Размышляя о критике поверхностности, Портер цитирует Оукшотта: «рационалист... это иностранец или человек вне своего социального класса... дворецкий или наблюдательная горничная имеют

преимущество перед ним» [Porter 1995, p. 84]. Уилкинс и Эбах отмечают, что «биологическая классификация — хаос противоречивых определений одних терминов» [Wilkins, Ebach 2014, p. 159], и предлагают радистику как способ картографирования этих противоречий — что само по себе является формализацией, призванной заменить утраченное доверие. Формальные номенклатурные правила делают таксономию доступной для любителей и алгоритмов машинного обучения, демократизируя идентификацию видов. Однако платой является утрата того глубокого, неявного знания (tacit knowledge), которым обладали «старые» систематики. Как и в случае с квантификацией в социальных науках — где «изучение людей классами» позволяет помогать бедным, но превращает их в объекты манипуляции [Porter 1995, p. 77] — формальная таксономия позволяет управлять биоразнообразием на расстоянии, но теряет индивидуальность и контекст.

Заключение

Сравнительный анализ концепции квантификации у Портера [Porter 1995] и практики таксономии [Wilkins, Ebach 2014] в контексте институциональной теории Дуглас [Douglas 1986] позволяет утверждать следующее. Во-первых, классификация, как и квантификация, есть социальная технология, а не только эпистемический инструмент. Она служит целям управления, стандартизации, легитимации институционального порядка. Во-вторых, различение «сильных» и «слабых» сообществ (основанное на доверии vs формальных правилах) полностью применимо к таксономии. Как показали Радвик [Rudwick 1985] и Травек [Traweek 1988], в интимных, автономных сообществах классификация остаётся неформальной; во фрагментированных, уязвимых дисциплинах — она формализуется. В-третьих, радикальная прозрачность и механическая объективность (номенклатурные кодексы, радистика, фенетика) суть риторика слабых дисциплин, утративших внутреннее доверие [Porter 1995, p. 78, 226–227; Hacking 1990; Jasanoff 2016]. В-четвёртых, таксономия не должна стремиться к полной формализации по образцу вальрасианской экономии. Напротив, она должна осознавать свою инструментальную природу и оставаться гибридной дисциплиной, балансирующей между практической идентификацией и теоретическим отражением эволюции. Как резюмирует сам Портер, «объективность означает знание, которое не слишком зависит от конкретных индивидов, его производящих» [Porter 1995, p. 229] — и именно эта независимость от индивидов становится как силой, так и слабостью формализованных классификаций.

Список литературы

1. Дуглас 2020 – Дуглас М. Как мыслят институты. М.: Элементарные формы, 2020. 144 с.
2. Кун 1977 – Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
3. Hacking 1990 – Hacking I. The Taming of Chance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 264 p.
4. Jasanoff 2016 – Jasanoff S. The Ethics of Invention. New York: W.W. Norton, 2016. 256 p.
5. Lasswell 1948 – Lasswell H.D. The Analysis of Political Behaviour. London: Kegan Paul, 1948. 314 p.
6. Pearson 1900 – Pearson K. The Grammar of Science. London: Adam & Charles Black, 1900. 548 p.
7. Popper 1945 – Popper K.R. The Open Society and Its Enemies. London: Routledge, 1945. 268 p.

8. Porter 1995 – Porter T.M. Trust in Numbers. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995. 310 p.
9. Rudwick 1985 – Rudwick M.J.S. The Great Devonian Controversy. Chicago: University of Chicago Press, 1985. 494 p.
10. Traweek 1988 – Traweek S. Beamtimes and Lifetimes. Cambridge, MA, 1988. 187 p.
11. Wilkins, Ebach 2014 – Wilkins J.S., Ebach M.C. The Nature of Classification. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. 197 p.

УДК 165.5

ПРОБЛЕМА СМЕНА ПРИОРИТЕТОВ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ КАК ЭКВИВАЛЕНТ ИСТИНЫ

Гурьев Андрей Павлович
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
аспирант
E-mail: andrejka07@yandex.ru

Аннотация: Рассматривается проблема подмены в научном познании истины как приоритета (идеала) познавательной деятельности эффективностью. Анализируются исторические причины такой замены, концептуальные положения (теории) истины. Отмечается вклад позитивизма и смены типа научной рациональности на постклассический вариант в развитии прагматических тенденций, направленных на эффективность научного знания. Констатируется факт существования плюрализма в контексте концепций истины. В рамках исследования предпочтение отдается классическому варианту истины как соответствие достоверного знания действительности. Декларируется невозможность отказа в научном познании от истины и утопичность существования науки без нее. Приводится аргумент целевой направленности науки на получение истинного знания о мире, при этом наблюдается все больше в исследованиях практико-ориентированных моментов, лишь при косвенном упоминании истины. Фиксируется необходимость решения проблемы без изобретения паллиативных конструкций и устанавливается невозможность достижения истины (абсолютный субъективизм) ввиду собственных ограниченных возможностей индивидов, как субъектов познавательной деятельности, и существования самой действительности (как существенное и необходимое) без человека. Делается заключение о невозможности замены истины эффективностью, при этом не отменяется полезность полученных знаний в процессе достижения самой истины.

Ключевые слова: истина, теории истины, эффективность, позитивизм, научное познание, действительность.

THE PROBLEM OF CHANGING PRIORITIES IN SCIENTIFIC KNOWLEDGE: EFFICIENCY AS AN EQUIVALENT OF TRUTH

Guryev Andrey Pavlovich
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Abstract: The problem of substitution of truth as a priority (ideal) of cognitive activity with efficiency in scientific knowledge is considered. The historical reasons for such a replacement and the conceptual provisions (theories) of truth are analyzed. The contribution of positivism and the change in the type of scientific rationality to the post-classical version in the development of pragmatic tendencies aimed at the effectiveness of scientific knowledge is noted. The fact of the existence of pluralism in the context of concepts of truth is stated. Within the framework of the study, preference is given to the classical version of truth as the correspondence of reliable knowledge to reality. It is declared that it is impossible to reject the truth in scientific knowledge and that the existence of science without it is utopian. An argument is made for the targeted orientation of science towards obtaining true knowledge about the world, while more and more practice-oriented aspects are observed in research, with only an indirect reference to truth. The necessity of solving the problem without inventing palliative constructions is established and the impossibility of achieving truth (absolute subjectivism) is established due to the limited capabilities of individuals as subjects of cognitive activity and the existence of reality itself (as essential and necessary) without man. The conclusion is made about the impossibility of replacing truth with efficiency, while not canceling out the usefulness of the acquired knowledge in the process of achieving truth itself.

Keywords: truth, theories of truth, efficiency, positivism, scientific knowledge, reality.

В современном научном познании истина как приоритет и (или) идеал познавательной деятельности сменяется эффективностью в связи с чем возникает вопрос касательно эквивалентности данных категорий. Может ли в таком случае эффективность заменить истину? Ведь стремление научиться различать истинное от ложного необходимо для ориентации в выборе своих действий и движения по жизни [Декарт 1989, web]. Не смотря на определенную критику таких опасений в литературе [Мамчур 2011, с. 89], определенная тенденция такой ротации существует ввиду целого комплекса причин.

Исторические причины. Научная, объективная истина есть исключительно установление того, чем фактически является мир, как физический, так и духовный [Гуссерль 2004, с. 21]. В античные времена истина устанавливалась посредством использований аксиоматических конструкций и доказательств. Фактически тогда зародилась новая установка индивида к миру в виде теоретического отношения. «Истину говорит тот, кто считает разъединенное разъединенным и связанное — связанным» [Аристотель 1934, с. 384]. Высказывание называется истинным, коль скоро оно уподобляется положению дел [Хайдеггер 1993, с. 358]. Средневековье характеризовалось наличием двойственной истины: получение знания не только через Божественные откровения, но и по законам естественного разума, в таком случае вероятностное знание служит подтверждение истин благословения, но даже без этого «истине легко одержать вверх» [Тертуллиан 1994, с. 167]. В дальнейшем происходило постепенное освобождение от теологического насыщения. Все больше актуализируется роль опыта в исследовании как условия получения истинного знания: «Наука – капитан, а практика – солдаты» [Да Винчи 1935, с. 43]. Новое время направило развитие научной мысли в практическое русло; целью науки становится принесение пользы человечеству: господство человека над природой – высшая цель [Бэкон 1935, с. 21].

Множественность концепций истины. Существующая олистомерия концепций способствовала как созданию сложностей достижения истины, так и продвижению на

современном этапе развития смены приоритетов научного познания в сторону эффективности получаемых знаний. Что в принципе неудивительно, поскольку «истина – это прежде всего свойство мнений» [Рассел 1999, с. 266]. Концепции истины достаточно подробно освящены в литературе [Ивин 2010, с. 431]. Идентичность истинного суждения факту (теория тождества), соответствие высказывания описываемой обстановке (теория корреспонденции), систематическое согласие выдвинутых положений принятым утверждениям (когерентная теория) и развитие иных положений (дефляционные теории истины) способствовали становлению в том числе теории прагматизма. В этом ключе высказывание является истинным, т.е. является рабочим при условии полезности. При этом следует быть корректным и понимать под полезностью не индивидуальную полезность (выгоду) определенного субъекта, сколько полезность в контексте служения (внесение доли в реорганизации опыта). Именно такое понимание истины встречается в работах представителей данной концепции [Dewey 1921, p. 157.].

Существенный вклад в развитие рациональных установок в понимании истины внес позитивизм. О. Конт выделил три стадии развитии знания, согласно которым на последней стадии (позитивной) происходит господство научного подхода в объяснении мира. Задача научного исследования восхождение к факту, с которым стоит в причинной связи изучаемое явление [Конт 2003, с. 46]. Неопозитивизм в свою очередь принес новые способы проверки истины. Метод верификации, разработанный Р. Карнапом [Carnap 1928, p. 117] позволял сводить сложные предложения к простым, а последние к протокольным предложениям, проверяемых на опыте. Хотя аналогичные мысли можно найти также в работах Витгенштейна [Витгенштейн 2018, с. 109]. В дальнейшем развиваются важные идеи о принципе фальсификации как критерия научности теорий, поскольку в научной деятельности прийти ко лжи бывает намного проще, чем к истине [Поппер 2010, с. 37]. В постпозитивизме имеется здравая логика, согласно которой существует общепринятый (наиболее распространенный) способ виденья научных проблем (концепция научных парадигм Куна). Но в ходе смены теорий достигают они все больше и больше истины или нет? [Кун 2003, с. 264]. Как же учитывать личностный фактор в концепции истины? [Полани 1985, с. 259]. Многие вопросы остаются без ответа и по сей день.

Смена типа научной рациональности также способствовала укреплению рассматриваемой проблемы. Изначально (в классическом типе) обособлялся научный взгляд на мир, т.е. наука получала автономию от религии; в этом плане было достаточно признания истинности одной теории. В неклассическом типе специфика объектов требовала изменений и в объяснении мира (поскольку ученый изучает объект таким, каким он преображается в процессе взаимодействия непосредственно с наблюдателями), то базисом становиться принцип дополнительной истины. Неклассический тип учитывает связи между званиями об объекте и характер средств деятельности [Степин 2006, web]. Постклассический тип рациональности значительно расширяет рефлексию, поскольку происходит соотношение знаний с ценностными структурами, что приводит к существованию плюрализма истины.

Ввиду всего этого следует констатировать, что существует огромное число действующих концепций истины. Понимание истины как соответствие достоверного знания действительности (классический вариант) является наиболее приемлемым и оправданным. В этой связи неудивительно то, что как раньше к классическому варианту возвращались исследователи в своих работах, например, концепция истины А. Тарского [Тарский 1999, с. 151], которая является реабилитацией классической теории истины [Popper 1979, p. 324], так и в современных исследованиях встречается и обосновывается необходимость данного

подхода [Захарцев, Сальников 2016, с. 96]. Другой вопрос: возможно ли смещение истины эффективностью? Истина волнует людей, но ничего не дает? [Фейерабенд 2007, с. 232].

Конечно, существует определённый соблазн отказаться от истины, но сделать это невозможно ввиду утопичности существования науки без нее, что является первым аргументом невозможности ее замены эффективностью. Устранение понятия истины лишит научную деятельность смысла [Никифоров 2008, с. 56], приведет к разрушению всей системы логических доказательств [Мамчур 2010, с. 42].

Второй аргумент базируется на том, что целью науки является получение именно истинного знания. Неслучайно в учебных материалах выделяется функция производства истинного знания у науки [Трофимов 2014, с. 24]. При этом в ходе анализа становится очевидно, что практических моментов становится все больше. В одном случае признается направленность науки на получении истинного знания о мире, но целью декларируется возможность его практического использования [Бряник, Томюк 2014, с. 61], в другом при выделении черт научных знаний подчеркивается ориентация на практику лишь при косвенном упоминании истины [Мамзин 2008, с. 13]. Можно сказать, что это специфика западноевропейского подхода, но в этом случае следует обратить внимание на нравственную сторону вопроса. Западная культурная традиция сильно отличалась от восточной; в отличие от восточных учений в Европе научные революции отграничили научную истину от нравственности [Степин 1999, с. 30]. При этом и в восточных учениях поднимались вопросы относительно практической пользы знаний для людей [Ян Хин-Шун 1972, с. 58].

На современном этапе предлагается включить понимание науки как бескорыстного служения истине в дискурс эффективности [Куприянов 2015, с. 31], хотя изобретение «паллиатива» вряд ли можно назвать решением проблемы. При любом раскладе смешение истины и эффективности, или как некоторые называют «социальной полезности» [Мертон 2006, с. 762], является не лучшим способом движения научной мысли. В этом плане освещение ориентиров развития науки – благое дело [Чмыхало 2012, с. 76] с учетом всех особенностей: становление науки более технологичной [Мамчур 2011, с. 219], зависимость от позиции общества [Ардашкин 2011, с. 78], – определенный консенсус участников научного общения важен [Сидорова, Черников 2016, с. 38].

При этом необходимо понимать, что истина выходит за пределы того, что сконструировал человек [Пенроуз 2003, с. 101]. Собственно, об истине мы явно знаем только, что в точности, как есть, она неуловима [Кузанский 2011, с. 5]. Исходя из этого можно утверждать, что человек как субъект познавательной деятельности не способен достигнуть истину (соответствия достоверным знаниям действительности) как в силу собственных ограниченных возможностей, так ввиду возможности существования самой действительности (как нечто существенного и необходимого) без человека. Неудивительно, что в этом вопросе мы чаще приходим к реальности, которая включает в себя как существенное и верное (т.е. действительность), так и несущественные элементы. Можно, конечно, утверждать, что в процессе смены научных теорий человечество все больше приближается к истине, и что сумма отдельных относительных истин в совокупности способно дать абсолютную истину [Ленин 1961, с. 181], но только чем больше мы находим ответы на вопросы, тем больше самих вопросов возникает, а с учетом нынешних «трендов» на практико-ориентированность знаний (эффективность) говорить о том, что мы приблизились к истине и не приходится. Мы ищем ее, но сами не знаем, когда удается нам ее найти [Поппер 2004, с. 376]. При этом ни в ком случае не следует воспринимать данные мысли за релятивизм, хотя в каком-то смысле он выступает необъемлемым свойством познания [Микешина 2018, с. 61].

Таким образом эффективность не может восприниматься как эквивалент истины ввиду вышеуказанных причин, что не исключает полезность и применимость полученных знаний в ходе ее достижения. Как сказал К. Поппер: «Стремление к знанию и поиск истины остаются сильными стимулами научного открытия» [Поппер 1983, с. 226]. Так оно было раньше, так оно остается по сей день.

Список литературы

1. Ардашкин 2011 – Ардашкин И.Б. Социокультурная обусловленность постановки и решения научных проблем в современном научном познании // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 318, № 6. С. 78-84.
2. Аристотель 1934 – Аристотель. Метафизика / Пер. и прим. А.В. Кубицкого. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1934. 348 с.
3. Бряник, Томюк 2014 – История и философия науки: учеб. пособие / Н.В. Бряник, О.Н. Томюк, Е.П. Стародубцева, Л.Д. Ламберов; под общ. ред. Н.В. Бряник, О.Н. Томюк; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 288 с.
4. Бэкон 1935 – Бэкон Ф. Новый Органон / Ред. и вступ. ст. Г. Тымянского ; пер. С. Красильщикова. Ленинград : Соцэкгиз. Ленинградское отд-ние, 1935. 382 с.
5. Витгенштейн 2018 – Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. с нем. Л. Добросельского. М.: АСТ, 2018. 160 с.
6. Гуссерль 2004 – Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: введение в феноменологическую философию / Пер. с нем. Д.В. Скляднева. СПб.: Фонд Университет: Владимир Даль, 2004. 398 с.
7. Да Винчи 1935 – Да Винчи Л. Избранные произведения. Т.1. Москва-Ленинград: Academia, 1935. 361 с.
8. Декарт 1989, web – Декарт Р.: Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках. / Пер. на русск. яз. Г.Г. Слюсарева и А.П. Юшкевича // Р. Декарт. Сочинения. В 2-х томах. Т. 1. М., «Мысль», 1989 // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 2006. URL: https://gtmarket.ru/library/basis/3698 (дата обращения: 01.04.2026)
9. Захарцев, Сальников 2016 – Захарцев С.И. Сальников В.П. Истина как проблема философии: классика или постмодернизм // Российский журнал правовых исследований. 2016. Т. 3. № 2(7). С. 96-100.
10. Ивин 2010 – Ивин А.А. Понятие истины в научном познании // Истина в науках и философии; под ред. И.Т. Касавина, Е.Н. Князевой, В.А. Лекторского. М.: Альфа-М, 2010. С. 431-450.
11. Конт 2003 – Конт О. Дух позитивной философии (слово о положительном мышлении) / Пер. с фр. И.А. Шапиро. Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. 256 с.
12. Кузанский 2011 – Кузанский Н. Об ученом незнании / Пер. с лат. В.В. Бибихина. М.: Академический проект, 2011. 159 с.
13. Кун 2003 – Кун Т. Структура научных революций: пер. с англ. / Сост. В.Ю. Кузнецов. М.: АСТ, 2003. 605 с.
14. Куприянов 2015 – Куприянов В.А. Университет и эффективность науки: к вопросу о сущности оценки эффективности науки // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2015. Т. 19. С. 19-32.

15. Ленин 1961 – Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. ПСС. Т. 18. М.: Госполитиздат, 1961. XXII, 525 с.

16. Мамзин 2008 – История и философия науки: учебное пособие для аспирантов / Под ред. А.С. Мамзина. СПб.: Питер, 2008. 304 с.

17. Мамчур 2010 – Мамчур Е.А. Современные представления о понятии истины // Истина в науках и философии; под ред. И.Т. Касавина, Е.Н. Князевой, В.А. Лекторского. М.: Альфа-М, 2010. С.41-75.

18. Мамчур 2011 – Мамчур Е.А. Феномен технонауки: эпистемологический аспект // Философия науки. 2011. Т. 16. № 1. С. 219-234.

19. Мамчур 2011 – Мамчур Е.А. Фундаментальная наука и современные технологии // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 80-89.

20. Мертон 2006 – Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, Хранитель, 2006. 873 с.

21. Микешина 2018 – Микешина Л.А. Релятивизм как эпистемологическая проблема // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 201-212.

22. Никифоров 2008 – Никифоров А.Л. Понятие истины в теории познания // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. 16. № 2. С. 50-65.

23. Пенроуз 2003 – Пенроуз Р. Новый ум короля: о компьютерах, мышлении и законах физики. Пер. с англ. / Общ. ред. В.О. Малышенко. М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.

24. Полани 1985 – Полани М.. Личностное знание: на пути к посткритич. философии. Пер. с англ. / Общ. ред. В.А. Лекторского, В.И. Аршинова. М.: Прогресс, 1985. 344 с.

25. Поппер 1983 – Поппер К.Р. Логика и рост научного знания: избр. работы. Пер. с англ. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского. М.: Прогресс, 1983. 605 с.

26. Поппер 2004 – Поппер К.Р. Предположения и опровержения: рост научного знания / Пер. с англ. А.Л. Никифорова, Г.А. Новичковой. М.: АСТ, Ермак, 2004. 638 с.

27. Поппер 2010 – Поппер К.Р. Логика научного исследования / Пер. с англ. под общ. ред. В.Н. Садовского. М.: АСТ, Астрель, 2010. 565 с.

28. Рассел 1999 – Рассел Б. Исследование значения и истины. / Пер. с англ. Ледникова Е.Е., Никифорова А.Л. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 400 с.

29. Сидорова, Черников 2016 – История и философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей / Сост. И.М. Сидорова, В.Г. Черников. Рыбинск: РГАТУ, 2016. 117 с.

30. Степин 1999 – Степин В.С. Наука, религия и современные проблемы диалога культур // Разум и экзистенция: анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб.: РХГИ, 1999. С. 21-34.

31. Степин 2006, web – Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М., 2006 // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 2012. URL: https://gtmarket.ru/library/basis/5321/5329 (дата обращения: 28.03.2026)

32. Тарский 1999 – Тарский А. Понятие истины в языках дедуктивных наук / Философия и логика Львовско-Варшавской школы. М.: РОСПЭН, 1999. С. 14-177.

33. Тертуллиан 1994 – Тертуллиан К.С. Избранные сочинения / Пер. с лат., вступ. ст., сост. и общ. ред. А.А. Столярова. М.: Изд. гр. «Прогресс», «Культура», 1994. 443 с.

34. Трофимов 2014 – Трофимов В.К. Философия, история и методология науки: учебное пособие для магистрантов и аспирантов. Ижевск: ФГБОУ ВПО Ижевская ГСХА, 2014. 132 с.

35. Фейерабенд 2007 – Фейерабенд П. Против метода: очерк анархисткой теории познания / Пер. с англ. А.Л. Никифирова. М.: АСТ, Хранитель, 2007. 413 с.

36. Хайдеггер 1993 – Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления: пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.

37. Чмыхало 2012 – Чмыхало А.Ю. К вопросу о понимании истины в современной эпистемологии // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 320. № 6. С. 76-80.

38. Ян Хин-Шун 1972 – Древнекитайская философия: собрание текстов в двух томах. Т. I / Сост. Ян Хин-Шун. М.: Мысль, 1972. 363 с.

39. Carnap 1928 – Carnap R. Der logische Aufbau der Welt / Ed. by R. Carnap. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 1928. VII, P. 104-119.

40. Dewey 1921 – Dewey J. Reconstruction in philosophy / Ed. by J. Dewey. London: University of London Press, Ltd., 1921. 224 p.

41. Popper 1979 – Popper K.R. Philosophical Comments on Tarski's Theory of Truth / Ed. by K.R. Popper. Objective Knowledge. An Evolutionary Approach. Oxford, Clarendon Press, 1979. Ch. 9. P. 319–340.

УДК 16:316.7

СОЛИДАРНОСТЬ В НАУКЕ И УНИВЕРСИТЕТЕ: МЕЖДУ КОГНИТИВНОЙ НОРМОЙ И СОЦИАЛЬНЫМ ДАВЛЕНИЕМ

Корякина Елизавета Максимовна

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, преподаватель

E-mail: korliz01@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется феномен солидарности в науке и университете, на основе чего формулируется дилемма эпистемической солидарности: солидарность одновременно выступает необходимым условием производства научного знания и механизмом, препятствующим его обновлению. На материале концепций М. Полани, Т. Куна, а также посткуновских подходов (Лакатос, Фейерабенд) демонстрируется переход от понимания солидарности как эпистемической добродетели к ее критическому анализу как социально-институционального феномена. В статье также выделяются два возможных критерия различения продуктивной и репрессивной форм солидарности, а именно критерий истины и критерий открытости критике. Тем не менее, каждый из критериев обнаруживает свои ограничения. Отдельное внимание уделяется университетской солидарности, а также различию ее образовательной и исследовательской форм. Рассматриваются социологические

механизмы формирования солидарности в академической среде, включая прекаризацию и иерархическую стратификацию. Также проводится различие между коллегиальностью как нормой горизонтального уважения и солидарностью как более сильным обязательством совместного действия. В заключении обосновывается вывод о невозможности нормативного различения продуктивной и репрессивной солидарности и необходимости перехода к ее критико-аналитическому исследованию.

Ключевые слова: эпистемическая солидарность, дилемма солидарности, продуктивная и репрессивная солидарность, университетская солидарность, коллегиальность, философия науки.

SOLIDARITY IN SCIENCE AND UNIVERSITY: VETWEEN A COGNITIVE NORM AND SOCIAL PRESSURE

Koryakina Elizaveta Maksimovna

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, professor

Abstract: The article analyzes the phenomenon of solidarity in science and the university, on the basis of which the dilemma of epistemic solidarity is formulated: solidarity is simultaneously a prerequisite for the production of scientific knowledge and a mechanism that hinders its renewal. Based on the concepts of M. Polanyi, T. Kuhn, as well as post-Kuhnian approaches, the article demonstrates the transition from understanding solidarity as an epistemic virtue to its critical analysis as a socio-institutional phenomenon. The article also identifies two possible criteria for distinguishing between productive and repressive forms of solidarity. Special attention is paid to university solidarity, as well as the distinction between its educational and research forms. A distinction is also drawn between collegiality as a norm of horizontal respect and solidarity as a stronger commitment to collective action.

Keywords: Epistemic solidarity, solidarity dilemma, productive and repressive solidarity, university solidarity, collegiality, philosophy of science.

Солидарность редко оказывается в фокусе философии науки в виде самостоятельного объекта исследования. Чаще всего она присутствует как фон, на котором разворачиваются более привычные дискуссии о рациональности, истине, методе или прогрессе. Однако без допущения некоторого базового уровня солидарности научное познание становится невозможным. Ученый не может воспроизводить каждый эксперимент заново, а, соответственно, должен испытывать чувство доверия к результатам коллег. Он также принимает стандарты измерения, терминологию и классификации, разработанные другими учеными, и публикует свои результаты в расчете на то, что сообщество их прочтет и оценит. Всё это является формой эпистемической солидарности.

Таком образом, возникает фундаментальная проблема, которую можно обозначить как дилемму эпистемической солидарности: солидарность одновременно необходима для

производства знания и опасна для его обновления. Нет науки без солидарности, но слишком много солидарности убивает науку.

Целью настоящей статьи является анализ феномена «солидарность» в научном и университетском дискурсах, а также освещение вопроса: возможно ли провести различие между «продуктивной» и «репрессивной» формами научной солидарности?

Так, М. Полани систематически ставил вопрос о социальной природе научного познания. Согласно ученому, «личностное знание» никогда не является полностью эксплицитным и формализуемым, поскольку оно включает в себя навыки, суждения, традиции, которые передаются через принадлежность к научному сообществу [Полани 1985, с. 89-102]. Солидарность же выступает средством передачи неявного знания. Ученый доверяет авторитету сообщества не потому, что ленив или конформист, а потому, что иначе познание было бы парализовано. Так, М. Полани называет солидарность «добродетелью», подразумевая «доверие» и «приверженность», которые становятся функциональной необходимостью для достижения прогресса в науке [Полани 1985, с. 123].

Однако же, М. Полани не задается вопросом о границах этой добродетели. В «Структуре научных революций» Т. Кун пишет о том, что в периоды «нормальной науки» ученые разделяют парадигму – совокупность базовых допущений, образцов решения задач, критериев значимости [Кун 1977, с. 45-67]. Эта парадигмальная солидарность позволяет науке прогрессировать, ведь сообщество сосредотачивается на решении действительно важных проблем. Тем не менее, именно эта солидарность делает нормальную науку слепой ко всему, что не вписывается в парадигму. Т. Кун также пишет о сопротивлении сообщества новым теориям и заявляет, что это сопротивление является не патологией, а нормальным механизмом работы науки. Смена парадигм происходит не потому, что новая теория лучше в чисто когнитивном смысле, а потому, что сообщество перестраивает свою солидарность. Научная революция – это не триумф истины, а перегруппировка лояльности [Кун 1977, с. 156].

После Т. Куна абсолютно невозможным стало рассматривать солидарность как простое благо. Работы И. Лакатоса, П. Фейерабенда и социологов научного знания (Б. Латур, Д. Блур) показали, что научный консенсус – результат не только когнитивных, но и социальных, риторических, институциональных процессов [Лакатос 1995, с. 78-95; Фейерабенд 2007, с. 134-150]. Так, солидарность стала объектом критического анализа. Задача современной философии науки заключается в том, чтобы удержать фокус, не сводя солидарность ни к благу, ни к злу, ответить на вопрос: можно ли провести различие между продуктивной и репрессивной формами научной солидарности?

Наиболее очевидным релевантным критерием становится истина. Продуктивной солидарностью можно назвать ту, которая ведет к истине, в то время как репрессивная истине препятствует. Но проблема в том, что истина не может быть известна заранее. Например, отказ от теории Вегенера в 1920-х годах казался рациональным, ведь данных было недостаточно и механизм был объяснен не до конца. Итак, критерий истины предполагает ретроспективную точку зрения, которая недоступна участникам процесса.

Второй возможный критерий апеллирует к процедурным характеристикам научного сообщества. Продуктивная солидарность сохраняет институциональные каналы для критики и диссидентства, в то время как репрессивная блокирует несогласных, лишая их голоса, доступа к публикациям, грантам и академическим позициям. Этот критерий перекликается с

попперовским принципом фальсифицируемости [Поппер 1983, с. 45-52], но переносит его с уровня теории на уровень сообщества. Кроме того, он созвучен либеральной традиции в философии науки: свобода дискуссии – необходимое условие приближения к истине.

Однако при ближайшем рассмотрении этот критерий обнаруживает серьезные практические трудности. «Открытость» трудно измерить, ведь любое научное сообщество имеет механизмы отбора и фильтрации. Вопрос кроется не в том, есть ли фильтрация, а в том, какова ее степень и характер.

Полная открытость, при которой любая критика выслушивается и принимается всерьез также парализует науку: если геолог должен каждый раз заново обосновывать, что Земля круглая, наука заметно замедлит свой ход, если не сказать остановится. Следовательно, некоторый уровень «закрытости» все же необходим. Однако если критерием включения в научное сообщество считать солидарность взглядов, то быстро возникает вопрос о предвзятости, которая, в свою очередь, также нередко препятствует развитию. К тому же, в популярном нарративе «диссидент» часто репрезентируется как героический одиночка, который видит то, что не видят ослепленные конформисты (Коперник, Галилей, Вегенер и др.). Тем не менее, это не опровергает тот факт, что большинство альтернативных гипотез действительно заслуживают быть отвергнутыми. Отличить «недопонятого гения» от «воспроизводителя плохой науки» можно лишь спустя время, что также требует апостериорной точки наблюдения, недоступной участникам процесса.

Важно отметить, что солидарность возникает не только внутри научного сообщества как эпистемическая связь, но и внутри университетского сообщества, которое включает в себя как исследовательскую, так и образовательную деятельность.

Как показывают социологические исследования, университетская солидарность возникает прежде всего как ответ на неолиберальные реформы. В отличие от научной солидарности, которая стремится к единообразию норм, университетская солидарность вынуждена работать с гетерогенной уязвимостью: разные группы имеют разные интересы и степени защиты.

В свою очередь, внутри университетской солидарности необходимо также провести дополнительное различие между образовательной и исследовательской. Образовательная солидарность объединяет преподавателей вокруг проблем передачи уже устоявшегося знания, что проявляется в воспроизведении установленного канона и сопротивление бюрократизации. Исследовательская же солидарность ориентирована на производство нового знания, однако она встроена в университетские структуры: гранты, публикационная активность, аспирантура и так далее. Конфликт между этими двумя типами солидарности может проявляться, например, в ситуации, когда солидарность с коллегами-преподавателями может вступать в противоречие с солидарностью с коллегами-исследователями.

Университетская солидарность – явление закономерное, поскольку есть конкретные механизмы ее формирования. Так, например, она основывается на эмпатии и чувстве общности, возникающей из сходства опыта. Молодые исследователи, сталкивающиеся с прекаризацией, формируют чувство солидарности на основе общей уязвимости. Солидарность также может возникать в связи с наличием иерархической структуры академического сообщества, предполагающей дифференциацию статусов. Так, преподаватель, не имеющий ученой степени, как правило, ориентируется на мнение коллег со степенью, а кандидаты наук,

в свою очередь, проявляют солидарность по отношению к докторам наук, признавая их более высокий статус в иерархии.

Важно отметить, что университетская солидарность, как и научная, амбивалентна. С одной стороны, она защищает от произвола и создает горизонтальные связи. С другой стороны, она может быть и репрессивной. Например, когда «коллегиальность» используется для неформальной блокировки диссидентов внутри кафедры.

В рамках данного вопроса также важно провести линию между понятиями коллегиальности и солидарности. Коллегиальность – это норма горизонтального уважения, закрепленная в университетской культуре. Солидарность – более сильное обязательство, предполагающее совместное действие, часто вопреки институциональным правилам или в условиях конфликта.

Таким образом, университетская солидарность не отменяет поставленной дилеммы, а переформулирует ее применительно к институциональному контексту. Вопрос «продуктивна ли данная форма университетской солидарности?» не может быть решен без ответа на другой вопрос: продуктивна ли она для науки, для образования или для выживания института?

Итак, солидарность в науке неустранима. Без нее нет доверия к результатам, передачи неявного знания, накопления результатов. Дилемма эпистемической солидарности неразрешима в том смысле, что не может быть снята нормативным предписанием, определяющим нормы и критерии солидарности. Нельзя сказать ученым: «будьте ровно настолько солидарны, чтобы прогрессировать, но не настолько, чтобы подавлять инновации». Следовательно, на данный момент задача не нормативная, а критико-аналитическая. Она состоит в том, чтобы сделать роль солидарности видимой.

Список литературы

1. Кун 1977 — Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
2. Лакатос 1995 — Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995. 235 с.
3. Полани 1985 — Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
4. Поппер 1983 — Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. 605 с.
5. Фейерабенд 2007 — Фейерабенд П. Против метода. М.: АСТ, Хранитель, 2007. 413 с.
6. Bloor 1991 — Bloor D. Knowledge and Social Imagery. 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1991. 203 p.
7. Latour 1987 — Latour B. Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society. Cambridge, MA, 1987. 288 p.

УДК 001:929

МЕМОРИАЛЬНЫЙ КАБИНЕТ-МУЗЕЙ АКАДЕМИКА Г.Г. ЧЕРНОГО

НИИ МЕХАНИКИ МГУ

Богданов Андрей Николаевич

НИИ механики МГУ, ведущий научный сотрудник

кабинет истории и методологии математики и механики

механико-математического факультета МГУ, старший научный сотрудник

E-mail: bogdanov@imec.msu.ru

Аннотация: История создания и работы кабинета-музея академика Г.Г. Черного. Обзор научной и педагогической работы Г.Г. Черного.

Ключевые слова: газовая динамика, история науки, преподавание в высшей школе.

MEMORIAL OFFICE-MUSEUM OF ACADEMICIAN G.G. CHERNY RESEARCH INSTITUTE OF MECHANICS, MSU

Andrey Nikolaevich Bogdanov

Institute of Mechanics, Lomonosov Moscow State University, Leading Researcher

The Office of the History and Methodology of Mathematics and Mechanics

MSU Faculty of Mechanics and Mathematics, Senior Researcher

Abstract: The history of the creation and operation of the Museum-Office of academician G.G. Cherny. An overview of G.G. Cherny's scientific and pedagogical work.

Keywords: gas dynamics, history of science, teaching in higher education.

Мемориальный кабинет-музей академика Г.Г. Черного в НИИ механики МГУ создан в кабинете, бывшем основным рабочим местом выдающегося ученого в области механики, создателя крупной научной школы в области аэродинамики больших скоростей действительного члена АН СССР и РАН Горимира Горимировича Черного (1923–2012).

Торжественное открытие кабинета-музея состоялось в 92-ю годовщину дня рождения Г.Г. Черного, 22 января 2015 года. Церемонию открытия провели ректор МГУ академик В.А. Садовничий и директор НИИ механики МГУ Ю.М. Окунев. Концепция кабинета-музея была разработана и воплощена в жизнь А.Н. Богдановым. Деятельность кабинета-музея организована по трем основным направлениям: «История НИИ механики МГУ», «Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне», «Вечно молодая, вечно новая наука –механика».

Г.Г. Черного можно по праву считать одним из наиболее активных сотрудников в становлении открытого в 1959 году Института механики МГУ, ставшего очень быстро одним из

значительных мировых центров исследований в области механики и вместе с тем остававшемся учебно-образовательным учреждением. Менее года спустя открытия Института, 17 декабря 1960 года, Г.Г. Черный был назначен и.о. директора. Его служение на этом руководящем посту продолжилось более 31 года.

Довольно молодым, 37-летним, возглавил Горимир Черный организацию, где активно сотрудничали выдающиеся ученые-механики, среди них академики Л.И. Седов, Г.И. Петров, А.Ю. Ишлинский, Ю.Н. Работнов, члены-корреспонденты АН СССР А.А. Ильюшин и Д.Е. Охоцимский, академик АН УзССР Х.А. Рахматулин, заведовавшие кафедрами механико-математического факультета Московского университета и ведущие в нем преподавательскую работу. Большую роль играл также партийный комитет факультета, членами которого были профессора П.М. Огибалов, Б.М. Малышев, А.Я. Сагомонян (кстати, как и Г.Г. Черный, они были участниками Великой Отечественной войны). В непростых условиях молодому директору приходилось вести свою линию руководства. Ярко содержательно описал он свои поступки, мысли и переживания в разные периоды этого времени в опубликованном им повествовании "Долгий путь" [Черный 2009].

Одной из задач при организации Института стало создание мощной экспериментальной базы по всем основным направлениям механики: комплекс ударных и до-, около-, сверх- и гиперзвуковых аэродинамических труб (при создании были творчески использованы опыт и передовые достижения ЦАГИ и ЦНИИмаш, один из создателей комплекса «нового ЦАГИ» в городе Жуковский, С.М. Горлин, был приглашен в Институт на руководящую должность); комплекс уникальных гидротехнических установок (гидротруба, гидроканал, вакуумный бассейн), комплекс баллистических трасс и взрывных камер, целый ряд стендов испытаний конструкций и т.д. Было проведено оснащение Института высокопроизводительной вычислительной техникой, институтская БЭМС-6 (самая быстродействующая отечественная ЭВМ того времени) заработала в 1976 году.

Отличительной чертой проводимой Г.Г. Черным линии руководство стало развитие института как самостоятельной научной организации в структуре учебного заведения, она показала свою правоту. Благодаря привлечению на работу в Институт высоко квалифицированных специалистов из других учебных заведений страны, специалистов иного профиля нежели выпускники университета, удалось развить многие актуальные научные направления. Ряд ключевых постов в Институте заняли ведущие специалисты Центрального института авиационного моторостроения: Н.Ф. Дрожжин, А.И. Бунимович, А.Л. Гонор, А.И. Зубков, В.А. Левин, Г.Ю. Степанов, Г.А. Тирский.

Горимир Горимирович Черный –представитель поколения советских людей, свое право на созидательный труд и мирную жизнь отстоявших с боях Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. По окончании войны он много сил приложил к достойному увековечиванию памяти защитников Родины военных лет. Бесценным памятником военной прозы стали опубликованные им воспоминания о своих военных годах [Черный 2010], часто откровенные и по отношению к самому себе. Особо ценны сохраняющиеся в архиве кабинета-музея уникальные письма Г.Г. Черного с фронта и страницы его дневников в военные годы.

Г.Г. Черным был получен ряд важных научных результатов в области аэродинамики и газовой динамики, горения и детонации, приобретшим и мировую известность. Как наиболее значительный в этом ряду указывают разработанный им метод тонкого ударного слоя. Оригинальным научным работам Г.Г. Черного присуща краткость, четкость, глубокая содержательность.

По своему складу Г.Г. Черный был ученым аналитического подхода к анализу научных

проблем. В век впечатляющего развития вычислительных ресурсов, кажущегося повсеместного торжества применения численных методов, он открывал красоту, изящество и великий смысл аналитических решений задач механики. Г.Г. Черный демонстрировал впечатляющее научное долголетие, достигнув солидного, 80-летнего, возраста, он не отошел от научной работы, а плодотворно работал в собранной им научной теоретико-экспериментальной группы, давшей объяснение возникновению периодической структуры следа на стальной мишени от удара метаемой взрывом пластины, обнаруженной экспериментально [Голубятников, Зоненко, Чёрный 2005].

Г.Г. Черный выступил инициатором и руководителем проведения крупнейших отечественных научных форумов – съездов по теоретической и прикладной механике под эгидой Российского национального комитета по теоретической и прикладной механике. В 2001 году, после десятилетнего перерыва, вызванного постперестроечным обвалом экономики страны, с большим успехом в Перми прошел VIII съезд. С 1995 по 2011 год Г.Г. Черный возглавлял Российский национальный комитет по теоретической и прикладной механике.

Г.Г. Черного по праву можно отнести к выдающимся отечественным преподавателем высшей школы. Им создана одна из крупнейших научных школ в области газовой динамики и смежных областей науки. Он справедливо гордился своими учениками и учениками учеников. Ветвь ученых-механиков Н.Е. Жуковский–С.А. Чаплыгин–Л.И. Седов–Г.Г. Чёрный–В.А. Левин (все –члены отечественной Академии наук) продолжается в Московском университете через П.Ю. Георгиевского и О.Г. Сутырина уже в учениках Олега Сутырина.

Г.Г. Черный лично вел активную педагогическую работу, еще в 1951 году он начал читать курс газовой динамики в МФТИ (сменив, по его просьбе, ранее ведшего этот курс М.В. Келдыша). В 1953 году началась его преподавательская деятельность в Московском университете (сначала – доцент, с 1958 года – профессор), он читал обязательный курс газовой динамики для студентов-старшекурсников, читал лично не делая пропусков лекций, четко, ясно, очень содержательно. В 1988 году Г.Г. Черному перешло руководство кафедрой аэромеханики и газовой динамики МГУ. В том же году увидел свет его учебник для вузов «Газовая динамика».

Г.Г. Черному была присуща эмоциональная выдержанность, в спорах –аргументация, а не давление авторитетом, не общение на повышенных тонах.

Своим делом жизни он считал служение фундаментальной науке –механике, ветеран Великой Отечественной войны и после Победы он оставался стойким бойцом в борьбе за научные истины, за настоящую науку. Сделанный им фундаментальный доклад «Слово о вечно новой механике» в Политехническом музее в Москве по программе «Трибуна Академии наук в Политехническом» был опубликован в журнале «Квант» и в виде отдельной монографии [Черный 2011]. В своих выступлениях он доказывал важные истины о важности механики, как научной основы большинства, если не всех, областей техники; как надежной опоры в использовании научных достижений фундаментальных наук – физики, химии, биологии для нужд человечества; он особо подчеркивал чрезвычайный вред от умаления места и роли механики в ряду фундаментальных наук, неминуемо ведущий к тяжелым последствиям. Его книга "Слово о вечно новой механике"– увлекательный популярный рассказ широкому кругу читателей, от коллег-специалистов до детско-юношеской аудитории, о впечатляющих достижениях науки великой силы и ведущей роли в прогрессе человечества. Его книга –решительное выступление в защиту науки, решительный протест против посягающего на нее научного невежества.

За время своего существования кабинет-музей стал центром научно-исторической работы, в архиве кабинета-музея хранятся уникальные подлинные документы, связанные с жизнью и работой Г.Г. Черного. Собрана богатая библиотека. Имеется коллекция оригинальных подарков-сувениров к юбилеям Г.Г. Черного. Проводятся заседания жюри премии имени Г.Г. Черного, учрежденной совместно МГУ и Российским национальным комитетом по теоретической и прикладной механике, мемориальные мероприятия, встречи ученых.

Кабинет-музей ведет научную работу в области истории науки, вышел в свет 1-й выпуск Трудов кабинета-музея «Ветераны НИИ механики МГУ» [Богданов, Смехов 2020]. В этом издании содержатся биографические материалы о ветеранах Великой Отечественной войны и тружениках тыла в военные годы – сотрудниках НИИ механики МГУ в разные годы со времени образования Института в 1959 по 2020 год. В основу положены оригинальные тексты из альбомов, составленных под руководством председателя Совета Ветеранов НИИ механики МГУ боевого летчика А.И. Денисова к юбилеям Победы. Ряд биобиблиографических статей о выдающихся ученых-механиках опубликован в томах выходящей в МГУ серии «Судьбы творцов российской науки и культуры» [Беляева, Ермолаева 2026].

Список литературы.

1. Беляева, Ермолаева 2026 – Беляева Г.Ф., Ермолаева Е.О. О проекте «Судьбы творцов российской науки и культуры». URL: http://www.mce.biophys.msu.ru/rus/archive/abstracts/mce25/sect128329/doc312007/ (дата обращения 10.04.2026)

2. Богданов, Смехов 2020 – Богданов А.Н., Смехов Г.Д. Ветераны НИИ механики МГУ. М.: Б/и. 2020. 54 с.

3. Голубятников, Зоненко, Чёрный 2005 –Голубятников А.Н., Зоненко С.И., Чёрный Г.Г. Новые модели и задачи теории кумуляции // Успехи механики. 2005. Т. 3, № 1. С. 31–93.

4. Черный 2009 –Чёрный Г.Г. Долгий путь // Избранные труды. М.: Наука, 2009. С. 11–74.

5. Черный 2010 –Чёрный Г.Г. Военные годы. СПб.: Любавич, 2010. 570 с.

6. Черный 2011 –Чёрный Г.Г. Слово о вечно новой механике. М.: МГОФ «Знание», 2011. 52 с.

УДК 165:378:316.42

ЭВОЛЮЦИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Подоль Рудольф Янович
доктор философских наук.
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина,
профессор кафедры философии, политологии и обществознания
E-mail: r.podol@rsu-rzn.ru

Аннотация: Анализ объективных социокультурных и технико-технологических факторов современного цивилизационного развития представляется весьма актуальным в контексте эволюции классического университетского образования, порожденного

историческими реалиями европейского Просвещения. С той поры, как говорится, «много воды утекло», мир изменился до неузнаваемости и характерными тенденциями нынешней эпохи становятся: глобальный трансгуманизм и форсированный переход мировой экономики к т.н. «шестому технологическому укладу», обусловливающему трансформацию всех сфер общественных отношений. Многие века экономический базис промышленного производства определял характерные признаки социальной реальности, а ныне потребительский сегмент общественных отношений становится социальным драйвером, способствующим развитию «диджитал-маркетинга» образовательных услуг в сфере высшего образования. В дополнение к этим факторам доминирование расширяющихся компьютерных технологий виртуального доступа к дистанционным информационным порталам без глубоких интеллигибельных усилий способствует формированию социокультурного феномена, идентифицируемого автором, как *«когнитивный инфантилизм».* Исследование его гносеологической симптоматики актуализирует значимость комплексных фундаментальных исследований в гуманитарном поле *NBIC-конвергенции.* Нынешний этап технологических достижений цивилизационного развития в биполярности: «pro и contra» всецело определяет социальную миссию современных классических университетов в продуцировании знаний на вековых традициях академической свободы.

Ключевые слова: цивилизационное развитие, образование, утилитаризм, диджитал-маркетинг, когнитивный инфантилизм.

EVOLUTION OF UNIVERSITY EDUCATION AS A DISCOURSE OF CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT

Podol Rudolf Yanovich
doctor of philosophy
Ryazan state University named after S.A. Yesenin. Professor of the Department of philosophy, Political Science and Social Studies

Abstract: The evolution of classical university education in the context of contemporary civilizational development is general of socio-cultural and techno-technological factors that determine the global development. Expansion of digital technologies and online educational platforms facilitates the rapid dissemination of information, often replacing deep intellectual engagement with simplified forms of knowledge acquisition. The paper introduces the concept of “cognitive infantilism” as a socio-cultural phenomenon resulting from excessive reliance on digital information environments. This tendency leads to a decrease in critical thinking and reflexive abilities among students. The author argues that the dominance of digital educational formats requires a reconsideration of the fundamental mission of classical universities. Despite the undeniable advantages of technological progress, the preservation of academic traditions, intellectual depth, and educational values remains a crucial task. The study emphasizes the importance of integrating digital innovations with the humanistic foundations of higher education to ensure the balanced development of individuals in the modern world.

Keywords: civilizational development, higher education, digitalization, consumer society, academic freedom, cognitive infantilism, digital marketing

Кардинальные социокультурные трансформации нашей эпохи актуализируют проблему эволюции отечественного университетского образования, обсуждаемые в рамках данного Симпозиума. Вряд ли нуждается в аргументации тезис, что социальная реальность столкнулась с невиданными ранее объективными вызовами, затрагивающими классическую модель университетского образования, заложенную исторической эпохой Просвещения в гармоническом развитии трех основополагающих образовательных функций: *просветительской, познавательной и воспитательной,* призванными формировать разносторонне образованную и социально активную личность. Однако в современной истории развития отечественного высшего образования, когда стала активно внедряться т.н. компетентностная парадигма, в этой традиционной диалектической образовательной триаде существенно поменялись приоритеты в угоду утилитарной потребности подготовки узкопрофильных специалистов. Управленческими решениями государственной власти мнение профессорско-преподавательского сообщества с его фундаментальным принципом академической свободы было привнесено в зависимость от утилитарной заинтересованности потенциальных работодателей, задающих тренд в развитии общественного производства. При этом не бралось во внимание, что этимология понятия «университет» изначально несет в себе высокий социальный статус формирования у выпускников широкого общенаучного мировоззрения и универсального знания, позволяющих осознанно адаптироваться к основополагающим реалиям современной эпохи.

Но при этом, «университет» однозначно не является консервативной социальной институцией, а потому в предлагаемом обществу образовательном «портфолио» следует учитывать, что многовековая история человеко-затратного промышленного производства, вовлекавшего в свою сферу подавляющую часть трудоспособных общественных ресурсов, по оценкам многих аналитиков, подходит к завершению, уступая место т.н. «шестому технологическому укладу». Его характерной особенностью становится бурное развитие нано- и робото-системной техники, которая, постепенно вытесняя человека из рутинной производственной сферы, будет способствовать развитию инфантильных мотиваций постмодернистского типа «человека-потребителя» [Каблуков 2010, с. 12; Меньшиков, Клименко 2014, с. 134; Перес 2011, с. 56].

Эта объективная тенденция с неизбежностью начинает затрагивать и сферу университетского образования, смещая мотивацию обучаемых не к расширению своих интеллигибельных способностей, но к утилитарным устремлениям получения университетского диплома как индикатора успешного социального статуса. Нынешняя эпоха технологической сингулярности с неизбежностью ставит сферу высшего образования на чашу весов утилитарных престижных специальностей, способствуя развитию сферы образовательных услуг, подверженных критериям экономической рентабельности.

Сфера платного обучения востребованных на рынке труда специалистов с университетским дипломом вполне адекватно соответствует «шестому экономическому укладу» цивилизационного развития и хорошо встраивается в систему «диджитал – маркетинга» рыночных критериев потребительской стоимости знаний, калькулируемых на рыночных весах потребительских общественных отношений. Верификация сугубо специализированного набора знаний и компетентностных навыков в последующем будет лишь обусловливать их экономическую рентабельность на потребительском рынке труда, в то время как просветительские и воспитательные функции образования никак не поддается верификации, а потому их экономическая рентабельность крайне сомнительна для

потенциальных работодателей и обременительна для государственных бюджетных ассигнований.

Бесспорно, утилитарные ориентации потребительского рыночного хозяйства накладывают определенные ограничения на академическую свободу творчества в сфере высшего образования несмотря на наличие Конституционных положений, гарантирующих эту свободу. Следует напомнить, что ст. 44 Конституции Российской Федерации в разделе «Права и свободы человека и гражданина» провозглашает незыблемость «литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания». {Конституция Российской Федерации, Раздел первый. Гл.2. Ст.44}. Как известно «свобода»- одна из высших ценностей человеческого бытия и ее социальная значимость всегда фиксировалась на всех знаменах, взывавших к революционным потрясениям в обществе. При этом, в реальной практике общественного устройства, имеющего непосредственное отношение к академической свободе в сфере высшего образования не всегда учитывалась аксиологическая биполярность этого вожделенного гуманитарного феномена. А ведь любая свобода в человеческих действиях имеет два онтологических вектора развития: позитивный- «свобода для» и негативный- «свобода от». Именно в этой плоскости реализуется объективная диалектика *традиций и инноваций* в сфере высшего образования.

Сохранение традиций университетского образования с перспективой их преумножения в новых исторических реалиях, - бесспорно, позитивная академическая «свобода для». А «свобода от» прежде всего нацелена на разрушение синхронии идеалов: *просвещения, обучения и воспитания,* даже если она рядится в модные ныне «одеяния», камуфлированные под видом *инноваций*. В этой связи заслуживает критического внимания фактор усиления административного регулирования образовательной деятельности отечественных вузов, где важнейшим административным рычагом является обязательная процедура государственной аккредитации, пролонгированно проводимая каждые 5 лет. Сама по себе данная процедура не вызывает сомнения, тем более что она является общепринятой в Европе, где проводится сугубо на институциональной основе с учетом специфики того или иного вуза. Но здесь речь идет даже не о ее необходимости, а о ее качественно содержательных процедурах, сводящихся в основном к проверке формализованных документов и унифицированных оценочных критериев, которые не отражают специфику вузов, формирующих уникальные творческие профессии.

Фактор усиления административного контроля над образовательной деятельностью вузов в педагогической практике зачастую оборачивается тотальным ростом валового количества различных отчетных документов, существенно отвлекающих профессорско-преподавательский состав от творческой деятельности и вовлекающий их в этот рутинный бумагосочинительский процесс. Самое обидное, что в улучшении качества обучения специалистов с высшим образованием он имеет весьма сомнительное значение, но выступает своеобразным симулякром демонстрации мнимой активности административного воздействия на образовательный процесс.

Именно поэтому, следует еще раз подчеркнуть актуальную важность проблемного направления академической науки, которое нашло отражение в созыве Пятого Конгресса Русского общества истории и философии науки по тематике: «Миссия университета в обществе знания: между утилитаризмом и академической свободой», весьма своевременно организованного Нижегородским государственным университетом имени Н.И. Лобачевского.

Список литературы

1. Каблуков 2010 – Каблуков Е. Шестой технологический уклад // Наука и жизнь. 2010. № 4. С. 10–15.
2. Конституция Российской Федерации, Раздел первый. Гл.2. Ст.44.
3. Меньшиков, Клименко 2014 – Меньшиков С. М., Клименко Л. А. Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу. Москва, 2014. 288 с.
4. Перес 2011 – Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. Москва: Дело, 2011. 232 с.

УДК 165.1:001

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Ходыкин Владимир Владимирович
кандидат философских наук
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный технический университет», доцент
E-mail: VKhodykin@yandex.ru

Аннотация: Данное исследование призвано способствовать получению ответов на определенные вопросы, связанные со спецификой развития представлений о развитии научного познания и связанных с ним ключевых категорий (знание, истина, рациональность, субъект и объект познания и т.п.) в самые разные культурно-исторические эпохи. Соответственно, поэтапное развитие философской рефлексии в свое время создало необходимую эмпирическую и теоретическую базу для бифуркации получаемого знания об окружающем мире, что, в свою очередь, легло в основу формирования ключевых отраслей естествознания, а также гуманитарного знания.

Подобного рода аналитический подход дает необходимые возможности для совершения определенных маневров в ходе интерпретации различных вариаций научного исследования в качестве сложного метаинтеллектуального образования со всей его иерархической структурой. Но при этом имплицитный функционал подобного многоаспектного образования оказывает еще и самое непосредственное воздействие на определение ключевых парадигмальных ориентиров философских и научных исследований, а также на формирование целей и задач их предметно-практического воплощения в разных сферах жизни общества. Исследовательское внимание фокусируется также на ключевых исторических этапах развития научного познания. Здесь значение имеет обеспечение должного взаимодействия между процессом познания и регламентирующими его специфику алгоритмами.

Ключевые слова: научное познание, рациональность, методология научного исследования, парадигма, культурно-историческая эпоха, субъект познания, объект познания, знание

THE RATIONALITY OF SCIENTIFIC RESEARCH IN A CULTURAL AND HISTORICAL CONTEXT

Khodykin Vladimir Vladimirovich
Candidate of Philosophical Sciences
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Samara State Technical University", Associate Professor

Abstract: This research is intended to help provide answers to certain questions related to the specifics of the development of ideas about the development of scientific knowledge and related key categories (knowledge, truth, rationality, subject and object of knowledge, etc.) in a variety of cultural and historical epochs. Accordingly, the gradual development of philosophical reflection at one time created the necessary empirical and theoretical basis for the bifurcation of knowledge about the world around us, which, in turn, formed the basis for the formation of key branches of natural science, as well as humanitarian knowledge. This kind of analytical approach provides the necessary opportunities for making certain maneuvers in the course of interpreting various variations of scientific research as a complex meta-intellectual education with its entire hierarchical structure. But at the same time, the implicit functionality of such a multidimensional education also has a direct impact on the definition of key paradigmatic guidelines for philosophical and scientific research, as well as on the formation of goals and objectives for their substantive and practical implementation in various spheres of society. Research attention is also focused on key historical stages in the development of scientific knowledge. Here, it is important to ensure proper interaction between the cognitive process and the algorithms regulating its specifics.

Keywords: scientific cognition, rationality, methodology of scientific research, paradigm, cultural and historical epoch, subject of cognition, object of cognition, knowledge

Детальный философский анализ развития научных исследований дает основания констатировать наличие определенного перечня принципов рациональности или разумности, способствующего обретению конкретной культурно-исторической эпохой необходимого ей и по ее меркам знания о действительности. Надо заметить, что стремление выделить универсальные черты и критерии научного познания на протяжении всей истории его развития для философов разных школ и направлений пока еще не является простой задачей. При этом проблема научности в процессе диалога тесно связывается с исследованием феномена рациональности, методов научного исследования.

Исследования в данной проблемной области позволили выделить соответствующие типы и формы рациональности. Это дало возможность привлечь дополнительные категории. В философии и методологии науки прослеживается тесная взаимосвязь между рациональностью, научной рациональностью и типами научной рациональности. Иногда в данном контексте исследований ощущается недостаточное разграничение рассматриваемых категорий. В частности, надежды возлагались на более глубокий анализ имеющихся форм рациональности, а также взаимозависимостей между ними. Подразумевается возможность сопоставления открытой философской и закрытой научной форм рациональности, предлагаемая В.С. Швыревым [Швырев 1999, с. 18-19].

Также заслуживает внимания выделение типов рациональности научного исследования. К примеру, В.А. Лекторский, М.К. Мамардашвили особый акцент делают на классическом и неклассическом типе рациональности [Лекторский 2001, с. 181]. При этом В.С. Степин обращает внимание на четыре основных типа научной рациональности. Речь идет о классическом, дисциплинарном, неклассическом, а также постнеклассическом типах

рациональности. [Степин 2000, с. 111]. Демонстрируется исторический характер идеалов, норм, перестройки оснований и смены стратегий научных исследований. Это вызывает научные революции.

Соответственно, можно говорить о значимости анализа ключевых эпох исторического развития научного познания. Причем каждая культурно-историческая эпоха предполагает опору на определенные принятые ориентиры, правила, нормы, принципы научного познания. При этом вариативность рациональности в научном сознании увязывается преимущественно с философским анализом научных революций. Контекст рефлексии здесь фокусируется на идеалах, нормах и типах научной рациональности. В данном случае Х. Патнем обращает внимание на принципиальные трудности в анализе классического идеала безличностного познания сквозь призму ситуации в квантовой механике и логике [Патнем 2002, с. 241-247]. В.И. Аршинов констатирует наличие приемственности в процессе смены типов рациональности: «в совместной коэволюции классическая, неклассическая и постнеклассическая рациональности образуют качественно новую открытую системную сложностность, сформированную … рекурсивным соотношением между ними. Между разными фрагментами научного знания возникает … гетероархическое соотношение» [Аршинов 2016, с. 19].

Данные положения становятся инвариантом в палитре дисциплинарных онтологий. Это связано с переосмыслением фундаментальных оснований многих отраслей науки, выступающим ключевым элементом текущей культурно-исторической трансформации. Наметившийся синкретизм современных теорий сигнализирует о формировании общенаучной картины мира. При этом симбиоз из идей системного и эволюционного подходов может свидетельствовать о рефлексивных тенденциях в направлении универсального эволюционизма [Кун 2003, с. 82-83].

Здесь также важна мотивационно-смысловая структура субъекта проводимых исследований. Речь идет о значимости социокультурных и аксиологических факторов в сознании ученых [Пружинин 2009, с. 63-68]. Также вполне очевидным можно считать то, что концептуальное воздействие мотивационно-смысловых факторов на сознание исследователя содержит в себе психологическую компоненту. Ключевой особенностью образа современного научного исследования, по мнению Б.И. Пружинина, становится то, что оно «… без различий по предмету и методу, предстает социально и культурно релятивным и исторически изменчивым» [Пружинин 2004, с. 65]. Учитывая специфику позиций субъектов научного познания в зависимости от мотивационно-смысловой сферы их установок, подобная деятельность предполагает сложный процесс взаимодействия различных концепций.

Современная наука на передний план своих исследований поставила уникальные, исторически развивающиеся системы, включающие в себя как особый компонент самого человека. Необходимость экспликации ценностей здесь соответствует традиционным интенциям относительно истинного знания об объекте, а также выступает предпосылкой их реализации. В данном аспекте обсуждаемой проблемы среди современных философов более или менее единой концептуальной линии пока не наблюдается. Мнения на сей счет явно расходятся: от необходимости осуществить «демонтаж рациональности» до ее сохранения посредством переформулирования через новый категориальный аппарат.

Подводя итоги, нужно признать, что в условиях сложившегося преимущественно критического подхода к интересующей нас проблеме формирование универсальной парадигмы современных научных исследований, имеющей в своей основе целостный

интегральный подход, в настоящее время пока не представляется возможным. В идеале в целях формирования подобной парадигмы необходимо выявить критерии, на основании которых такое будет возможным. Система критериев для универсальной парадигмы должна содержать в своей основе единый аналитический подход к рациональности научного познания. Фоном для подобной парадигмы в идеале должен стать накопленный мировой философией опыт рефлексии в интересующем нас проблемном поле.

Список литературы

1. Аршинов 2016 – Аршинов В.И. На пути к наблюдателю-конструктору инновационной сложности // Инновационная сложность / отв. редактор Е. Н. Князева. СПб.: Алетейя, 2016. С. 15-38.
2. Кун 2001 – Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. 605 с.
3. Лекторский 2001 – Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
4. Патнем 2002 – Патнем Х. Разум, истина и история. М.: Праксис, 2002. 296 с.
5. Пружинин 2004 – Пружинин Б.И. Я еще надеюсь // Эпистемология и философия науки. 2004. Т. II. № 2. С. 65-69.
6. Пружинин 2009 – Пружинин Б.И. Ratio servience? Контуры культурно-исторической эпистемологии. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 423 с.
7. Степин 2000 – Степин В.С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-традиция, 2000. 743 с.
8. Швырев 1999 – Швырев В.С. О понятиях «открытой» и «закрытой» рациональности (рациональность в спектре её возможностей) // Рациональность на перепутье. М.: ИФРАН, 1999. С. 3-24.

ЧАСТЬ 2

ИСТОРИЯ ТЕХНИКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

УДК 165.12; 008

ОТ МАСТЕРА К ОПЕРАТОРУ АЛГОРИТМОВ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ФИГУРЫ ИНЖЕНЕРА В ИСТОРИИ ТЕХНИКИ

Лисенкова Анастасия Алексеевна
Доктор культурологии
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, директор Высшей школы общественных наук
E-mail: Oskar46@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу эволюции фигуры инженера как ключевого субъекта технической деятельности в контексте исторического развития техники и технологий. В отличие от традиционных подходов, рассматривающих историю техники преимущественно через призму артефактов, изобретений и технологических систем – от колеса до нейронных сетей, акцент смещен на трансформацию субъекта, который эти системы создает, интерпретирует и обслуживает. Таким образом история техники представляет собой историю изменения форм технической рациональности, воплощенных в фигуре инженера. Выделяются IV этапа трансформации фигуры инженера: мастер (воплощённое знание) – классический инженер модерна (рациональный субъект) – инженер сложных систем (институционализированная субъектность) – инженер алгоритмов (оператор моделей и данных). В современных условиях развития цифровой среды субъектность инженера приобретает распределённый и контекстуально обусловленный характер.

Ключевые слова: инженер, история техники, техническая рациональность, алгоритмы, субъектность, визуальная культура.

FROM MASTER TO ALGORITHM OPERATOR: THE TRANSFORMATION OF THE ENGINEER IN THE HISTORY OF TECHNOLOGY

Lisenkova Anastasia Alekseevna
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Director of the Graduate School of Social Sciences

Abstract: This article analyzes the evolution of the engineer as a key actor in technical activity within the context of the historical development of engineering and technology. Unlike traditional approaches, which view the history of technology primarily through the lens of artifacts, inventions, and technological systems — from the wheel to neural networks—the emphasis is shifted to the transformation of the subject who creates, interprets, and maintains these systems. Thus, the history of technology represents the history of changing forms of technical rationality embodied in the figure of the engineer. Four stages of the engineer's transformation are identified: master (embodied knowledge) — classical modern engineer (rational subject) — engineer of complex systems (institutionalized subjectivity)—algorithm engineer (operator of models and data). In the contemporary context of the development of the digital environment, the engineer's subjectivity is acquiring a distributed and contextually determined character.

Keywords: engineer, history of technology, technical rationality, algorithms, subjectivity, visual culture

История техники и технологий традиционно рассматривается как последовательность изобретений, смен технологических укладов и создание артефактов. Однако подобный подход, хотя и продуктивен, оставляет в тени ключевую фигуру технического творчества – субъекта. Вместе с тем, именно изменение форм участия человека в создании, интерпретации и эксплуатации технических систем выявляет глубинные сдвиги в структуре технической рациональности. Подобный ракурс позволяет связать изменения в технологических системах с изменением способов мышления, практиках технического творчества, этике и ответственности инженерной деятельности. Значимым также видится обращение к репрезентациям образа инженера в визуальной культуре, как чувствительной форме рефлексии технологических изменений, смены ролей, парадигм и профессиональной идентичности инженера, что позволяет выявить напряжения и противоречия, не всегда артикулируемые в научно-техническом дискурсе. В этой логике фигура инженера, понимаемается как культурно-исторический конструкт.

Очевидно, что каждый крупный технологический сдвиг представляет собой реконфигурацию среды обитания человека, в которой переопределяются возможности действия, границы субъектности и горизонты ответственности. Исходя из этих оснований, история техники может быть прочитана как последовательная трансформация субъекта, который эту технику создаёт, интерпретирует и обслуживает. Каждый технологический уклад порождает новый тип технического субъекта.

Первый это – это фактически доинженерная стадия технического творчества, связанная с фигурой мастера и ремесленника. На этом уровне техника выступает как продолжение тела, а знание носит воплощенный, практический характер. Умение создавать вещи воспринимается как дар, требующий особой легитимации – мифологической, религиозной или цеховой.

Мастер не отделен от своего инструмента, а техническое действие неразрывно связано с телесным опытом, навыком и интуицией. Знание не отделимо от действия и не может быть полностью объяснимо и представлено в виде правил или схем, оно воплощается в виде «tacit knowledge» (неявном неартикулируемом знании) [Полани 1985, с. 4], которое существует лишь постольку, поскольку существует воплощающий его субъект. Мастер представляет собой тип технического субъекта, в котором ещё не произошло расщепление между знанием и деятельностью, между проектом и его воплощением, между человеком и создаваемым им артефактом. Этот тип субъекта может быть описан через понятие *техне* в его аристотелевском смысле. В культурных репрезентациях этот тип субъекта закрепляется в мифологических и ремесленных фигурах, в образах ремесленников, кузнецов, строителей, создателей, обладающих индивидуальным мастерством и уникальным знанием. Техника – почти магия и сакральное знание, практически полное отсутствие инженерной рациональности, «первичный инженер» не проектирует системы, он собирает мир заново через тело и практику (действие), его знание не абстрактно, а субъектность целостна. Он контролирует мир «здесь и сейчас». Эта амбивалентность, от восхищения до настороженности составляет устойчивый культурный паттерн: от античных мифов о Гефесте и Дедале до средневековых легенд о зодчих, закладывающих в постройку живую душу.

Второй этап связан с формированием классического инженера Нового времени и индустриальной эпохи и знаменует собой фундаментальный разрыв с предшествующей традицией, когда техническое знание отделяется от тела и воплощается в абстрактных формах. Это основной этап становления технической рациональности, основанной на расчете, проектировании и абстрактном знании. Ранее мастер знал, КАК работать с конкретным материалом в конкретной ситуации, инженер Нового времени знает ПОЧЕМУ работает система. Инженер выступает как носитель разума, автономный субъект, способный рационально конструировать мир, подчиняя себе природу. Данный этап характеризуется высокой степенью уверенности в управляемости техническими процессами и устойчивой связью между знанием, действием и результатом. Именно знание причин, а не владение навыками, впервые делает техническое знание принципиально отчуждаемым, передаваемым и воспроизводимым безличным образом. Техника перестаёт быть продолжением тела и становится воплощением разума. Философским основанием этого сдвига служит картезианский проект покорения природы через её познание. Декартова философия превращения человека в «господина и хозяина природы» задаёт нормативную рамку, в которой инженер впервые конституируется как субъект, стоящий НАД техническим процессом и управляющий им извне – посредством знания его законов. Институциональным воплощением этого сдвига стало становление в XVIII в. системы инженерного образования, породившей принципиально новый способ воспроизводства технического знания через систематическое теоретическое образование, основанное на математике, физике и механике. Знание становится кодифицированным, институционально верифицированным и, что принципиально, отделённым от конкретного субъекта.

Вместе с тем, инженер Нового времени является не просто конструктором, он изобретатель, творец и медиатор между «миром идей и миром вещей», автономный субъект, через который разворачивается «четвертая природа» человеческого «метакосмоса» [Дэссауэр 2017] и новая техническая реальность. Субъектность может быть описана как субъектность проектирующего разума, когда знание полностью отделено от тела и воплощено в абстрактных формах, действие предшествует практике в виде проекта, а результат принципиально предсказуем и контролируем.

Визуальная культура XVIII–XIX веков последовательно конструирует образ инженера как героя прогресса и цивилизации, закрепляя новый тип технического субъекта в живописи, графике, скульптуре и монументальном искусстве. Показательно, что этот процесс разворачивается синхронно с институциональным оформлением инженерной профессии. Портреты инженеров и изобретателей задают новый канон, в котором инженер не часть технического действия, а его повелитель и интерпретатор, чья уверенность основана на знании и контроле. Именно на этом этапе формируется идеал инженера как героя модерна, уверенного в способности техники улучшать мир.

Принципиально новым визуальным жанром, специфичным для этого этапа, становится техническая иллюстрация и инженерный чертёж как самостоятельная визуальная культурная форма. Гравюры «Энциклопедии» Дидро и д`Аламбера впервые включают изображение мастерской и технического процесса в пространство научного дискурса. Энциклопедические таблицы машин и механизмов (без людей), устройства в разрезе – представляют визуальный манифест нового типа технического знания: знания, которое принципиально не нуждается в теле для своего существования. Там, где мастер был частью создаваемой вещи, инженер стоит перед ней с чертежом в руках. Этот визуальный дискурс дистанции и контроля фиксирует «автономию проектирующего субъекта, как творца прогресса» [Энгельмейер 1910, с. 78]. Однако, именно эта автономия, эта уверенность в управления техникой, окажется под давлением на следующем этапе, когда техника приобретёт масштаб и сложность, выходящие за пределы индивидуального контроля.

Третий этап знаменует собой качественное изменение самой структуры технической рациональности, в рамках которой действует инженер. В XX веке формируется иная ситуация: технические системы приобретают такую степень сложности, при которой ни один отдельный субъект не способен охватить их целиком – ни на уровне проектирования, ни на уровне функционирования. Возникают так называемые большие технические системы (энергетические сети, транспортные инфраструктуры, военные комплексы, системы связи и т.п.), обладающие собственной инерцией, внутренней логикой развития и высокой степенью взаимозависимости элементов. В этих условиях инженер перестаёт быть единоличным автором технического решения и становится участником распределённого процесса и включен в институциональные и организационные структуры. Вся его деятельность подчинена стандартам, протоколам и процедурам принятия решений. Его субъектность становится институционально встроенной и при этом функционально ограниченной несмотря на то, что инженер сохраняет свою профессиональную компетентность и ответственность, но его действия больше не соотносятся с целостностью системы, а лишь отдельными ее элементами. Универсальное понимание принципов функционирования заменяет распределённая экспертиза, где каждый отвечает за свой ограниченный участок системы. В результате контроль становится вероятностным и опосредованным. Система в целом функциональна, но непрозрачна для каждого отдельного участника. В результате индивидуальная ответственность распределяется между участниками технического процесса. Особенно интересна в контексте всех изменений фигуры инженера советская модель, представляющая специфическую конструкцию профессиональной инженерной идентичности, сформированную на пересечении технической рациональности и государственной идеологии. Советский инженер – это часть большого государственного индустриального проекта и общей идеологической системы, он выступает как исполнитель и носитель коллективной воли, направленной на строительство нового общества. Таким образом, если на Западе переход от классического инженера связан с усложнением техники и развитием новых социотехнических

систем, то в советском контексте этот переход дополнительно пронизан идеологией и плановой экономикой. Это безусловно проявляется в характерном визуальном нарративе, в котором инженер изображен не в позиции дистанции и контроля (как на Западе), а в непосредственной вовлеченности в процесс индустриализации. Фактически образ советского инженера возвращается в пространство техники как часть мобилизационного усилия. Это вектор отчетливо виден в фильмах: «Время, вперед!», «Девять дней одного года», «Главный конструктор», «Укрощение огня» и другие. Уже позднее в киноленте «Солярис» инженер становится другим и сталкивается с системой, принципиально не поддающейся полному рациональному пониманию, что демонстрирует кризис уверенности человека подчинить себе мир техники. Таким образом, визуальная культура этого периода последовательно отказывается от образа инженера как героя-преобразователя и всё чаще показывает его как фигуру, включённую в сложные и частично неконтролируемые процессы. Инженер знает всё больше, но о всё в более узком фрагменте реальности. Это парадоксальное сочетание роста знания и утраты целостности знания становится характерной чертой инженерной рациональности второй половины XX века. Именно это состояние частичной управляемости, распределённой ответственности и ограниченного контроля станет преддверием следующего этапа, в котором сама логика технического действия будет радикально изменена.

Четвертый этап связан с формированием цифровой и алгоритмической среды, в которой инженер сталкивается с принципиально новой формой техники, а именно, с предиктивными системами, работающими с вероятностями и статистическими моделями. На этом уровне происходит радикальное смещение роли инженера: от создателя причинных механизмов к оператору вычислительными моделями и алгоритмами. Техническое действие все в большей степени осуществляется через настройку, обучение и интерпретацию систем, обладающих собственной операциональной логикой. Инженер перестаёт быть субъектом, который конструирует поведение системы, а становится участником её постоянного обучения, калибровки и верификации, всё чаще работая не с конечной формой объекта, а с его потенциальными траекториями. Вместо фиксации результата он имеет дело с диапазоном возможных исходов, распределением вероятностей и метриками качества предсказания. Знание больше не гарантирует предсказуемость, а лишь повышает точность вероятностных оценок. Одновременно изменяется природа ответственности и контроля. Если на предыдущем этапе контроль уже становился распределённым и частично непрозрачным, то здесь он приобретает характер опосредованного управления через метрики, алгоритмы и интерфейсы. Инженер взаимодействует с системой не напрямую, а через слои абстракции: данные, визуализации, панели мониторинга, показатели качества модели. Сама система начинает выступать как автономный агент, способный к саморегуляции в пределах заданных параметров. Это порождает ситуацию, в которой инженер осуществляет не управление поведением системы в прямом смысле, а управление условиями её обучения и критериями оптимизации. В результате инженер больше не является ни целостным автором системы (как в классической модели), ни локальным функциональным элементом (как на третьем этапе). Он становится узлом в сети взаимодействий между данными, алгоритмами, инфраструктурами и институциями, причём значительная часть решений принимается в рамках автоматизированных процедур. В результате возникает новая форма инженерного знания – знание, которое работает без полного понимания внутренней логики объекта. Этическое измерение инженерной деятельности на этом этапе ещё более усложняется. Ответственность оказывается не только распределённой между множеством акторов, но и частично делегированной самим алгоритмическим системам, которые функционируют как

квазисубъекты принятия решений «ошибка может быть результатом данных, архитектуры модели, выбора параметров, институционального запроса или взаимодействия всех этих уровней одновременно» [Флориди 2014].

Культурные и визуальные репрезентации этого этапа демонстрируют изменение статуса инженера: от героя-преобразователя к фигуре, встроенной в инфраструктуру алгоритмических процессов. В кино и цифровой культуре все чаще появляются образы специалистов, работающих не с материальными объектами, а с кодом, данными и интерфейсами. Например, если в советской и индустриальной культуре техника была пространственно и телесно локализована (стройка, завод, лаборатория), то в цифровой культуре она становится распределённой и нематериальной. Инженер больше не «входит» в технику телесно – он взаимодействует с её интерфейсами, находясь на дистанции от материального основания процессов. Инженеры цифровой эпохи не герои, а операторы реальности, создаваемой кодом. «Матрица», «Социальная сеть», «Черное зеркало», «Из машины» и другие кинонарративы демонстрирую то, что современный инженер утрачивает статус автономного субъекта техники не в результате профессиональной деградации, а в результате логики самого технологического развития – той логики, которую Дессауэр называл расширением метакосмоса. Метакосмос, созданный человеком, становится настолько плотным и самодостаточным, что начинает производить свои собственные формы субъектности – и включает в них самого инженера уже не как творца, а как функциональный элемент алгоритмической системы, где инженер знает не больше о мире, но он знает, как настраивать системы, которые производят знание о мире. И это становится фундаментальным сдвигом инженерной субъектности, открывающим переход к следующему этапу, где сама граница между человеком, системой, алгоритмом и техникой начинает размываться.

Список литературы

1. Дессауэр 2017 – Дессауэр Ф. Спор о технике. Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии, 2017. 266 с.
2. Полани 1985 – Полани М. Личностное знание: на пути к посткритической философии. М. : Прогресс, 1985. 344 С.
3. Энгельмейер 1910 – Энгельмейер П. К. Теория творчества. СПб.: Образование, 1910. 210 с.
4. Floridi 2014 – Floridi L. The Fourth Revolution: How the Infosphere Is Reshaping Human Reality. Oxford: Oxford University Press, 2014. 248 p.

УДК: 7.01:62

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОНИМАНИЯ ТЕХНИКИ

Васильева Марина Александровна

Кандидат философских наук

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Высшая школа общественных наук, доцент

E-mail: ma.vasilyeva@gmail.com

Аннотация: В статье анализируются актуальные изменения в современном философском дискурсе на стыке эстетики и философии техники. Автор опирается на развитие русскоязычной традиции, но стремится к более общим выводам, фиксируя значительные теоретические лакуны в обеих областях. В современной эстетике происходит переход от оценочного анализа искусства к неоценочному, качественному описанию взаимодействия человека с реальностью. В философии техники, в свою очередь, преодолевается советский позитивистский подход, рассматривавший технику как придаток науки; акцент смещается на её автономную ценность и внутреннюю логику развития. Традиционно связь эстетики и техники сводится к двум темам: общему греческому корню techne и проблематике дизайна («технической эстетики»). Автор предлагает расширить разговор, вводя новую концептуальную рамку – способность конструировать дистанцию между человеком и миром. Техника (от бытовых приборов до транспорта) отстраняет опасные явления и приближает полезные, тогда как искусство аналогичным образом работает со смыслами, реализуя свои социальные и образовательные функции. Ключевое различие, согласно автору, заключается в направленности воздействия: техника действует на объекты реальности, тогда как искусство – на самого человека, перестраивая его способность восприятия.

Ключевые слова: философия техники, эстетика техники, дизайн, эстетизация, дистанция, techne, техника

THE AESTHETIC ASPECT OF TECHNOLOGICAL RESEARCH

Vasilyeva Marina Aleksandrovna

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, The Higher School of Social Sciences, Associate Professor

Abstract: The article analyzes current changes in contemporary philosophical discourse at the intersection of aesthetics and the philosophy of technology. The author draws on developments within the Russian-speaking tradition while aiming for more general conclusions, identifying significant theoretical lacunae in both fields. Contemporary aesthetics is shifting from an evaluative analysis of art toward a non-evaluative, qualitative description of human interaction with reality. The philosophy of technology, in turn, is overcoming the Soviet positivist approach that treated technology as a mere appendage to science, emphasizing instead its autonomous value and internal logic of development.

Traditionally, the connection between aesthetics and technology has been reduced to two themes: the shared Greek root *techne* and the problematics of design (technical aesthetics). The author proposes to broaden the discussion by introducing a new conceptual framework – the capacity to construct distance between humans and the world. Technology (from household appliances to transport) distances dangerous phenomena and brings closer useful ones, while art similarly operates on meanings, realizing its social and educational functions. The key difference lies in the direction of

impact: technology acts upon objects of reality, whereas art acts primarily upon the human being, reshaping their capacity for perception.

Keywords: aesthetics of technology, philosophy of technology, design, aesthetization, distancing, techne, technology

Современный философский дискурс очень сильно меняется. Конечно, он очень зависим от языка и в каждой стране этот процесс происходит по-своему, однако есть и общие глобальные сдвиги. Эстетика и философия техники в России и по всему миру сейчас являются очень востребованными и перспективными направлениями. Современные исследователи обнаруживают существенные теоретические лакуны в обеих областях и стараются найти свежие подходы, опираясь на новые тексты, или переосмысляя классику. В данном случае также производится попытка исследовать некоторые важные моменты на стыке обеих областей. В частности, сама возможность и потенциал использования эстетических теорий при раскрытии вопросов о сути техники и ее развития.

Современная эстетика обращается к ряду тем, в частности к практической эстетике и в целом перестраивает сам аппарат своей работы. Вместо традиционного фокуса на анализе искусства и эстетической оценке объектов, она смещается в сторону не оценочного, а качественного описания взаимодействия человека и окружающей реальности. Это расширяет область применения эстетики, ее терминологию и теоретический аппарат.

Современная философия техники обнаруживает серьезные теоретические лакуны в самом своем основании. Для отечественного дискурса ощутимо влияние позиций советского периода, когда предполагалось единство исследовательского поля философии науки и техники. Преобладали в основном позитивистские взгляды на науку, а техника понималась как функциональное приложение к ней. Сегодня настало время пересмотреть этот подход, сказав что-то непосредственно о технике как самостоятельной области деятельности, обладающей собственной ценностью и, что важно, внутренней логикой развития, не всегда вытекающей из логики научного познания. В этом плане перспективными оказываются исследования в области социологии техники (STS), которые заняли уверенную позицию в последние десятилетия. Они дают интересный анализ материала по теме, но не формируют целостного подхода к технике, как деятельности. Возможно, для восполнения теоретической лакуны здесь может здесь быть полезна эстетика. Признание значимости сюжетов, связанных с эстетикой технических решений и систем, стало общим для многих авторов. Например, Даниэль Штрассберг посвящает им значительную часть своей работы [Штрассберг 2025].

Можно говорить о некоторой традиции упоминания эстетики в связи с техникой. В первую очередь говорят о двух моментах:

1. Искусство – традиционный объект анализа для эстетики – и техника на греческом языке не разделялись как понятия и обозначались одним термином. Это привычное начало разговора об этих понятиях, дающее уверенность, что что-то общее у них есть или было.
2. Совместное упоминание техники и эстетики ведет к разговору о дизайне, как единственном варианте понимания «технической эстетики». Здесь поднимаются вопросы о соразмерности человеку и эстетике повседневности.

Признавая важность обеих идей, все же стоит расширить разговор новыми сюжетами. Искусство и техника обнаруживают единство онтологической сущности и мотивации появления. Они являются способом человека выстроить определенную дистанцию между собой и миром. В разговоре о технике и дистанции можно опереться на известные работы Мартина Хайдеггера «Вещь» и «Вопрос о технике» [Хайдеггер 1993, с. 316-327; 221-238], тему дистанции как необходимого условия эстетического опыта в искусстве развивал Эдвард Буллоу в работе ««Психическая дистанция» как фактор в искусстве и эстетический принцип» [Bullough 1912]. Исследование практик дистанцирования может стать основанием для продуктивного и перспективного анализа науки и искусства, поскольку позволяет выделить явно общие аспекты обеих областей, которыми могла бы заняться эстетика, а также дает инструмент для выявления их специфических особенностей и различий.

Техника, каждый отдельный девайс является инструментом для выстраивания дистанции между человеком и материальным миром и возможным вредом от него. Иногда это подразумевает «отдаление»: отопительные приборы отдаляют нас от холода, громоотвод – от опасности попадания молнии в наш дом. Иногда это может быть «приближением»: транспорт, современные коммуникационные технологии. Искусство предполагает подобное «отдаление» и «приближение» смыслов через создание образов, донесения идей с помощью выразительного языка конкретного вида искусства. Социальная, воспитательная функция искусства строится именно на этой его способности выразить определенную позицию, сделать ее «ближе» и реальнее для реципиента. В обоих случаях реальность человека меняется и преображается. Опасные вещи и смыслы становятся дальше, укрощаются и, таким образом, контролируются культурой.

Определение техники и науки через дистанцию позволяет также артикулировать их особенности и своеобразие. Техника воздействует на объекты реальности, удаляя или приближая их к человеку, тогда как искусство воздействует скорее на самого человека. Именно это воздействие и было, на мой взгляд, главной темой эстетических исследований. Кроется ли его природа в свойствах самого объекта, произведения, или же это в, первую очередь, способность человека, субъекта, воспринимать это воздействие, как измерить силу этого воздействия? Эти важные для эстетики вопросы можно представить, как разговор об инструментах выстраивания дистанций.

Дизайн, который активно развивается с XIX в., как часть массовой потребительской культуры, вполне логично вписывается в эту концепцию. В тот момент, когда вещи, девайсы перестали быть только функциональными, а стали еще и объектами потребления, к ним добавилась такая характеристика как способность воздействовать на человека, быть привлекательными. Т.е. они стали приближать или отдалять не только явления материального мира, но и смыслы, что и проявилась в эстетизации [Никонова 2013]. Так классические эстетические позиции стали применяться по отношению к обыденным и техническим объектам. Конечно, можно говорить и о более ранних образцах стилистического, художественного оформления материального мира повседневности в разных культурах. Но дизайн как техническая эстетика предполагает именно промышленное производство, множественность и однотипность товаров, как условие, при котором эстетизация становится частью конкуренции.

Расширение эстетического аппарата позволяет провести эстетический анализ нашего опыта взаимодействия с техникой вне категории дизайна. Только вопрос здесь ставится

несколько иначе: не с помощью каких средств меняется наше отношение к тому или иному явлению (это собственно, технический вопрос), а как техника, меняя «расстояние» до объектов и явлений перестраивает способность человека воспринимать, приближаться и удаляться от смыслов. Особенно остро этот вопрос стоит сейчас в связи с развитием современных технологий коммуникации, поскольку с помощью них мы меняем дистанцию относительно пространства и времени, которые, благодаря Канту, воспринимались как условия опыта, в. том числе эстетического, но сейчас отношение к ним естественно меняется.

В целом признание такого качества как «возможность построения дистанции» общим свойством для техники и искусства – подход, рассматривающий способность конструировать дистанцию в качестве общего онтологического основания искусства и техники, – позволяет по-новому взглянуть на их взаимодействие.

Список литературы

1. Никонова 2013 – Никонова С.Б. Эстетизация как парадигма современности (философско-эстетический анализ трансформационных процессов в современной культуре): Автореф. дисс. … д.ф.н. СПб.: СПбГУ, 2013. 43 с.
2. Хайдеггер 1993 – Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
3. Штрассберг 2025 – Штрассберг Д. Мифология машины. История механизмов, которые нас пугают и очаровывают. М.: АСТ, 2025. 416 с.
4. Bullough 1912 – Bullough E. ‘Psychical Distance’ as a Factor in Art and an Aesthetic Principle // British Journal of Psychology. 1912. Vol. V. Pt. 2. P. 87-118.

УДК 165

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕХНИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Березовская Ирина Петровна

Кандидат философских наук

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, доцент Высшей школы общественных наук

E-mail: berezovskaya@spbstu.ru

Аннотация: Современная наука и техника функционируют благодаря разветвлённой сети институтов, которые стандартизируют и легитимируют знание. Однако за внешней эффективностью скрывается эпистемический сдвиг: техническое знание, некогда бывшее личностным и передававшееся через подражание, превращается в формализованный, алгоритмический метод. В статье анализируется, как институционализация технического

знания (университетские программы, стандарты ISO, сертификация) вытесняет неявный компонент, который, согласно М. Полани, не поддаётся полной экспликации. Опираясь на концепции М. Фуко (дисциплинарные практики), Х.-Г. Гадамера (утрата герменевтического измерения) и Б. Латура (производство «стабильных феноменов»), автор показывает, что критерий истины подменяется операциональным соответствием паспорту испытаний. В экономике полезность уступает место количеству институциональных разрешений (патенты, лицензии, сертификаты), что ведёт к рентоориентированному поведению. В социальной сфере возникает новый класс «медиаторов знания» (менеджеры качества, аудиторы, compliance-офицеры), которые управляют знанием о технике, не владея ею. Делается вывод о необходимости «рефлексивной институционализации», сохраняющей пространство для циркуляции неявного мастерства.

Ключевые слова: техническое знание, институционализация, неявное знание, стандартизация, эпистемический сдвиг.

INSTITUTIONAL TRANSFORMATION OF TECHNICAL KNOWLEDGE

Berezovskaya Irina Petrovna

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, The Higher School of Social Sciences, Associate Professor

Abstract: Modern science and technology are unthinkable without an extensive network of institutions that standardize and legitimize knowledge. However, behind external efficiency lies an epistemic shift: technical knowledge, once personal and transmitted through imitation, turns into a formalized algorithmic method. The article analyzes how the institutionalization of technical knowledge (university programs, ISO standards, certification) displaces the tacit component, which, according to M. Polanyi, cannot be fully explicated. Drawing on the concepts of M. Foucault (disciplinary practices), H.-G. Gadamer (loss of the hermeneutic dimension), and B. Latour (production of «stable phenomena»), the author shows that the criterion of truth is replaced by operational compliance with the test certificate. In economics, utility gives way to the number of institutional permissions (patents, licenses, certificates), leading to rent-seeking behavior. In the social sphere, a new class of «knowledge mediators» (quality managers, auditors, compliance officers) emerges, who manage knowledge about technology without actually possessing it. The conclusion emphasizes the need for «reflexive institutionalization» that preserves space for the circulation of tacit skill.

Keywords: technical knowledge, institutionalization, tacit knowledge, standardization, certification, epistemic shift, knowledge mediators.

Современная наука и техника немыслимы без разветвленной сети институтов — университетов, исследовательских лабораторий, центров разработки, органов сертификации и аккредитации, — которые выступают не только как организационная структура, но и как необходимая предпосылка производства, хранения и распространения технического знания в

индустриальных и постиндустриальных обществах. Эти институты призваны сохранять, транслировать и легитимировать техническое знание, обеспечивая его воспроизводимость во времени и пространстве, а также защищая его от фальсификации и некомпетентного использования. Однако за внешней эффективностью обнаруживается эпистемологический сдвиг. Техническое знание, которое вплоть до конца XVIII — начала XIX века существовало преимущественно как личностное, передававшееся от мастера к ученику через подражание и совместную практику, с началом промышленной революции стало все чаще превращаться в формализованный, алгоритмический метод. Адам Смит в «Исследовании о природе и причинах богатства народов» (1776) обосновал переход к дроблению труда на простейшие операции, в ходе которого мастер-универсал уступает место узкому специалисту, чье знание не выходит за рамки одной производственной операции [Смит 2016, с. 112-118]. Дэвид Юм в «Трактате о человеческой природе» (1739 – 1740) заложил философские основания этого процесса, утверждая, что в основе познания лежат привычка и каузальная атрибуция, которые, будучи институционализированы, делают знание воспроизводимым и формализуемым [Юм 2014, с. 145-150]. 14 января 1798 года Эли Уитни подписал контракт на поставку 10 000 мушкетов с взаимозаменяемыми деталями. Этот шаг продемонстрировал практическую реализацию принципов стандартизации, превратив их в основу массового производства и окончательно разорвав связь между ремесленником и уникальным изделием [United States War Department 1798; Mirsky, Nevins 1952, p. 89-102]. Цель данной статьи – рассмотреть, как институционализация технического знания оказывает влияние на его природу. Институционализация предполагает экспликацию, стандартизацию и процедурную фиксацию знания, ключевым становится вопрос о том, что в знании сопротивляется такой фиксации. Этот вопрос был поставлен Майклом Полани в его концепции неявного знания. Согласно Полани, «мы знаем больше, чем можем сказать» [Polanyi 1966, p. 4]. В технической практике это проявляется в способности ремесленника, инженера или экспериментатора выполнять сложные операции, не будучи в состоянии полностью эксплицировать правила, которыми он руководствуется. Ручная настройка оптического прибора, точное движение при сварке, чувство материала при обработке металла – все это примеры телесно-воплощенного, контекстуального знания, которое сопротивляется полной формализации. Институты технического знания – университетские программы, стандарты ISO, регламенты и др. – выполняют функцию перевода неявного знания в явное. Однако, как подчеркивал Ханс-Георг Гадамер, метод, претендующий на универсальность, неизбежно утрачивает герменевтическое измерение истины [Гадамер 1988, с. 56]. В технической сфере это означает, что формализованный алгоритм никогда не может полностью заместить живое мастерство. Более того, сам институт начинает навязывать техническому знанию свои дисциплинарные требования.

Мишель Фуко в «Надзирать и наказывать» показал, как современные дисциплинарные практики (экзамен, протокол, нормализующая санкция) производят субъектов, поддающихся контролю и исчислению [Фуко 1999, с. 189-196]. Применительно к техническому знанию это означает, что институт превращает инженера в оператора, действующего по инструкции, а знание - в совокупность документированных процедур. Ключевым механизмом становится сертификация: не важно, умеет ли специалист на самом деле решать задачу, важно, прошел ли он сертифицированное обучение и действует ли в соответствии с паспортом испытаний.

Первый и наиболее очевидный эффект описанного сдвига проявляется в научной сфере. Традиционная эпистемология связывала истину с адекватным отражением реальности. В условиях институционализации технического знания этот критерий замещается операциональным: истинным признается то утверждение или тот объект, который выдерживает испытания, проведенные по утвержденной процедуре, и соответствует паспортным характеристикам. Возьмем для примера стандартизированные клеточные линии в биомедицине. Исследователь, покупающий линию у аттестованного поставщика, предполагает, что она обладает заявленными свойствами. Однако проверка на месте (реальная микроскопия, культивирование) часто выявляет несоответствия. Тем не менее, публикация и коммерческий успех зависят не от реальной идентичности клеток, а от наличия сертификата. Наука превращается в производство «стабильных феноменов», существующих только внутри институциональных протоколов [Latour 1999, p. 121]. Аналогичным образом в метрологии референсные материалы считаются истинными не потому, что они «отражают» природную меру, а потому что они сертифицированы ведущим институтом. Это порождает парадоксальную ситуацию: чем строже процедура, тем меньше исследователь доверяет собственному чувственному опыту и больше – документу. Институциональное знание начинает циркулировать независимо от референта, создавая замкнутую эпистемическую экосистему [Collins 2010, p. 72].

Классическая политическая экономия определяла стоимость товара через затраты труда или полезность. В экономике, основанной на институционализированном техническом знании, полезность отступает на второй план. Решающим фактором цены становится количество институциональных разрешений (лицензий, патентов, сертификатов, одобрений регулятора), которыми обладают производитель или продукт. Рассмотрим современную медицинскую технику. Магнитно-резонансный томограф имеет высокую стоимость не столько из-за материалов и сборки, сколько из-за патентов на алгоритмы реконструкции изображения, лицензий на программное обеспечение, сертификатов FDA или ЕС, а также контрактов на сервисное обслуживание, которое обязательно должно проводиться уполномоченными инженерами, прошедшими корпоративное обучение. Эта логика проникает и в менее технологичные отрасли. Современное строительство регулируется сотнями сводов правил; инспектор, проверяющий швы панельного дома, может не понимать физики теплопередачи, но его подпись стоит денег, поскольку именно она придает объекту рыночную легитимность [Беккер 2003, с. 45]. Экономика превращается в систему обмена институциональными разрешениями, где реальная полезность становится вторичной.

Наиболее заметный социальный эффект эпистемического вытеснения неявного компонента – формирование нового социального слоя. Вслед за «классом инженеров» и «классом менеджеров» появляются «медиаторы знания» – менеджеры качества, инспекторы, аудиторы, уполномоченные по сертификации, compliance-офицеры. Эти агенты, как правило, не владеют непосредственно техникой (не умеют варить, программировать, настраивать приборы), но они управляют знанием о технике, поскольку именно они интерпретируют стандарты, выдают разрешения и налагают санкции. Власть смещается: инженер-практик, обладающий богатым неявным знанием, оказывается в подчиненном положении по отношению к держателю документированной процедуры. Это порождает феномен «институциональной шизофрении»: когда следование письменной инструкции становится важнее разумного технического результата.

В заключение следует отметить, что, во-первых, институционализация технического знания неизбежна в обществах массового производства и глобальных цепочек поставок. Она обеспечивает масштабируемость, стандартизацию и формальную воспроизводимость.

Во-вторых, эта институционализация приводит к эпистемическому вытеснению неявного компонента – того самого «технэ», которое составляло ядро ремесленной традиции. На смену живому мастерству приходит дисциплинарный метод, критерием истины становится не соответствие реальности, а соответствие паспорту испытаний.

В-третьих, данный сдвиг порождает серьезные риски. В науке – риск вырождения исследования в ритуальное продуцирование «стабильных феноменов», не имеющих связи с реальностью. В экономике – риск подмены полезности суммой институциональных разрешений, что ведет к рентоориентированному поведению. В социальной сфере – риск появления класса медиаторов, которые управляют знанием, не владея техникой, и тем самым отчуждают производителя от средств производства в новой, эпистемической форме.

Но вопрос не в том, чтобы отказаться от институтов, а в том, чтобы сохранить пространство для циркуляции неявного знания внутри институциональных структур. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку моделей «рефлексивной институционализации», где дисциплинарные режимы управления знанием не подавляют, а дополняют живую инженерию.

Список литературы

1. Беккер 2003 – Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 672 с.
2. Гадамер 1988 – Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
3. Смит 2016 – Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2016. 1056 с.
4. Фуко 1999 – Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
5. Юм 2014 – Юм Д. Трактат о человеческой природе. М.: АСТ, 2014. 784 с.
6. Angell, 2012, web – Angell N. The Great Illusion // Project Gutenberg. 2012. URL: https://www.gutenberg.org/files/38535/38535-h/38535-h.htm (дата обращения: 06.03.2026).
7. Collins 2010 – Collins H. Tacit and Explicit Knowledge. Chicago: University of Chicago Press, 2010. 186 p.
8. Latour 1999 – Latour B. Pandora’s Hope: Essays on the Reality of Science Studies. Cambridge, MA, 1999. 324 p.
9. Mirsky, Nevins 1952 – Mirsky J. & Nevins A. The World of Eli Whitney. N.Y.: Macmillan, 1952. 346 p.
10. Polanyi 1966 – Polanyi M. The Tacit Dimension. Garden City, N.Y: Doubleday, 1966. 108 p.
11. United States War Department 1798 – United States War Department. Contract with Eli Whitney for the Supply of Muskets. Washington, D.C.: National Archives, 1798. Record Group 156.

УДК 621.394

ФОРМУЛА УСПЕХА: ИЗ ИСТОРИИ ВНЕДРЕНИЯ СИСТЕМ ОДНОВРЕМЕННОГО ТЕЛЕГРАФИРОВАНИЯ И ТЕЛЕФОНИРОВАНИЯ

Борисова Нина Александровна
Доктор исторических наук
Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича», профессор
E-mail: nab2110@yandex.ru

Аннотация: На раннем этапе развития телефонной связи, когда телеграфные сети уже существовали, а телефонная инфраструктура только создавалась, актуальной и инновационной для того времени задачей было создание и внедрение систем, позволяющих использовать для голосовых сообщений телеграфные линии. Проектами одновременного телеграфирования и телефонирования параллельно и независимо друг от друга занимались многие, но русский военный телеграфист Григорий Григорьевич Игнатьев и бельгиец Франсуа ван Риссельберг были первыми. В отличие от бельгийского коллеги, Игнатьев не патентовал своё изобретение и не публиковал результаты до 1889 года, так как работы велись в интересах Военного ведомства. Лишь в 1892 году он экспонировал приборы на Петербургской электротехнической выставке и получил там золотую медаль. Больших успехов во внедрении новшества на железных дорогах России добился русский инженер-физик Евгений Иванович Гвоздев, организовавший «Телефонное товарищество Бунге и К^{o} по изобретениям Е.И. Гвоздева». Наибольшее распространение в мире приобрела система Риссельберга, получившего существенную поддержку как от бельгийского правительства, так и от партнера Шарля Моулона, способствовавшего организации производства и международному продвижению проекта. На примере анализа проектов этих трех изобретателей выделены факторы, способствовавшие реализации всех стадий инновационного цикла — от идеи и оформления патентов до широкого распространения.

Ключевые слова: одновременное телеграфирование и телефонирование, история электросвязи, инновации, Г.Г. Игнатьев, F. ван Риссельберг, Е.И. Гвоздев, А.А. Бунге, Ш. Моулон

FORMULA FOR SUCCESS: FROM THE HISTORY OF IMPLEMENTING SIMULTANEOUS TELEGRAPHY AND TELEPHONY SYSTEMS

Borisova Nina Aleksandrovna
The Bonch-Bruevich St. Petersburg State University of Telecommunications, professor

Abstract: The creation and implementation of systems that allowed the use of telegraph lines for voice messages was an important and innovative task in the early stages of telephone

development, when telegraph networks already existed and the telephone infrastructure was just beginning to be established. Many people worked on simultaneous telegraphing and telephoning projects in parallel and independently of each other, but the Russian military telegrapher Grigory Grigoryevich Ignatiev and the Belgian François van Rysselberg were the first. Unlike his Belgian colleague, Ignatiev did not patent his invention and did not publish the results until 1889, as the work was conducted in the interests of the Military Department. The invention became known only in 1892, after it was exhibited at the St. Petersburg Electrical Exhibition and won a gold medal. Russian engineer and physicist Evgeny Ivanovich Gvozdev, who organized «Bunge and C°. Telephone Partnership based on the inventions of E.I. Gvozdev", achieved great success in introducing innovations on Russian railways. The Risselberg system has become the most widely used in the world, with significant support from both the Belgian government and partner Charles Moulon, who helped organize production and promote the project internationally. Based on the analysis of these three inventors' projects, the factors that contributed to the implementation of all stages of the innovation cycle (from the idea and patent registration to widespread adoption), have been identified.

Keywords: simultaneous telegraphy and telephony, telecommunication history, innovation, G.G. Ignatiev, F. van Risselberg, E.I. Gvozdev, A.A. Bunge, Ch. Mourlon

В истории науки и техники есть немало сюжетов, иллюстрирующих взаимодействие участников триады «изобретатель-предприниматель-государство», проанализировав которые можно сделать выводы в отношении критериев успешности потенциальных проектов. Один из таких сюжетов связан с историей внедрения одновременного телеграфирования и телефонирования в разных странах – актуальной задачей на раннем этапе развития дальней телефонной связи, когда телеграфные сети уже существовали, а телефонная инфраструктура только создавалась [Головин 1948, с.23]. Изобретатели многих стран, в том числе Российской империи, работали над увеличением дальности связи в направлении совершенствования, как самого телефонного аппарата, так и линий, по которым передавались голосовые сообщения. Такие работы, реализующие новые идеи и знания с целью их практического использования для удовлетворения определенных запросов потребителей, относятся к инновациям.

Проектами одновременного телеграфирования и телефонирования параллельно и независимо друг от друга занимались многие, но русский военный телеграфист Григорий Григорьевич Игнатьев и бельгиец Франсуа ван Риссельберг были первыми. Больших успехов во внедрении новшества на железных дорогах России добился русский инженер-физик Евгений Иванович Гвоздев. На примере анализа проектов этих трех изобретателей выделим факторы, способствовавшие и тормозившие реализацию всех стадий инновационного цикла – от идеи и оформления патентов до широкого распространения.

В 1880 г. российский военный инженер-связист Игнатьев (1846–1914) разработал систему одновременного телеграфирования и телефонирования по одному проводу. Система основывалась на использовании конденсатора для разделения токов разной частоты и специальных катушек для компенсации индуктивности. Значительный технический и командный опыт Игнатьев получил во время участия в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В период пребывания русских войск за границей в течение полугода штабс-капитан Игнатьев командовал Военно-телеграфным парком.

После возвращения в Киев во второй половине 1879 г. и до 1891 г., несмотря на присвоение воинских званий, Игнатьев не занимал командных должностей, оставаясь

старшим офицером Военно-телеграфного парка. Это позволило ему сосредоточиться на исследованиях в области телеграфной связи, что привело к разработке и усовершенствованию упомянутой системы. Первая демонстрация состоялась 29 марта 1880 г. в Киевском университете. В 1881 г. прошли успешные испытания на линии длиной 14,5 км под Киевом. В 1881-1884 гг. Игнатьев продолжал усовершенствовать изобретение. Военные, заинтересовавшиеся им только после сообщений об успешном применении в Европе системы Риссельберга, в 1885 г. приняли решение о проведении сравнительных испытаний устройств Игнатьева и Риссельберга. Организационные проблемы и бюрократическая волокита постоянно задерживали проведение очередных испытаний, принятие конкретных решений затягивалось. К вопросу рассмотрения изобретения Игнатьева военное ведомство неоднократно возвращались вплоть до 1899 г., когда в результате сравнительных испытаний с множеством используемых в то время систем «комиссия пришла к выводу: что ни одна из испытуемых систем не удовлетворяет требованиям Военного телеграфа, вследствие чего в табель имущества телеграфных рот не были включены приборы одновременного телеграфирования и телефонирования» (ЦМС. ДФ. Ф. 3. Оп.1. Ед. хр. 85. Л. 5). Однако было отмечено, что «из всех систем наиболее разработанной следует признать систему полковника Игнатьева, хотя последняя до настоящего времени практически не осуществлена» (ЦМС. ДФ. Ф. 3. Оп.1. Ед. хр. 85. Л. 5).

Игнатьев не подавал документов на получение привилегии. Опыты по одновременному телеграфированию и телефонированию на его месте военной службы официально не протоколировались. Первая публикация по теме, статья «Одновременное телеграфирование и телефонирование по одному и тому же проводу», вышла в «Инженерном журнале» в 1889 г., через восемь лет после начала работ [Игнатьев 1889, с. 1021-1035]. Широкой публике изобретение стало известно после того, как в 1892 г. Игнатьев экспонировал свои приборы на Петербургской электротехнической выставке и получил золотую медаль.

В качестве причины, почему в то время не только за границей, но и некоторые русские специалисты считали изобретателем одновременного телефонирования и телеграфирования Риссельберга, советские историки называли секретность выполняемых Игнатьевым работ: «Изобретенная капитаном Игнатьевым система телефонирования являлась достоянием инженерного корпуса военного ведомства, разрабатывалась для военных целей, и потому не могла получить широкой известности» [Головин 1949, с.42].

К неблагоприятным факторам, которые воспрепятствовали внедрению изобретения Игнатьева, следует отнести также то, что «для военного ведомства, имевшего дело с телеграфными линиями небольшой протяженности, система Игнатьева была не столь актуальна, как для гражданских линий дальней телеграфной связи. Линии связи в крепостях в то время не превышали нескольких километров, и подвеска телефонного провода практически оказывалась более рентабельной, чем оборудование существующей телеграфной линии аппаратами Игнатьева» [Борисова 2017, с. 70].

В то время, пока в недрах военного ведомства долго решался вопрос о системе Игнатьева (кон. 1880-х – сер. 1890-х гг.), в Европе уже повсеместно применялась система Риссельберга, а в России на железнодорожном транспорте приступили к внедрению системы одновременного телеграфирования и телефонирования инженера Гвоздева, позволившей использовать для телефонии существующие телеграфные линии, расположенные вдоль железных дорог. Первые испытания (1888) прошли на Рыбинско-Бологовской железной дороге (295 км). В 1888–1889 гг. Департамент железных дорог признал систему «заслуживающей полного внимания». Далее последовали внедрения на Орловско-Витебской,

Киево-Воронежской, Юго-Восточной, Петербурго-Варшавской железных дорогах (1891). Начиная с 1893 г., систему Гвоздева стали применять на междугородных правительственных линиях; первой стала линия Одесса–Николаев.

Достаточно быстрому практическому внедрению изобретения Гвоздева способствовало смягчение политики государства по отношению к телефонной связи. Поначалу Главное управление почт и телеграфов стремилось сохранить ведомственную монополию на средства связи, однако высокая стоимость инфраструктуры и отставание казённых производственных мастерских вынудили власти разрешить деятельность частных компаний, сохранив при этом жесткую регламентацию. Процессы получения изобретательских привилегий и согласования технических решений с различными министерствами были сложными и продолжительными. Отсутствие единых стандартов и тарифов также представляло собой значительную проблему. В такой среде именно частные товарищества, выступавшие связующим звеном между изобретателями, финансистами и бюрократическим аппаратом, становились ключевым механизмом преодоления административных и технических ограничений.

Гвоздев успешно реализовал полный цикл инноваций своей телефонной системы – от идеи до внедрения – благодаря партнерству с А.А. Бунге в рамках «Телефонного товарищества Бунге и К° по изобретениям Е.И. Гвоздева». В систему, разработанную Гвоздевым, входило несколько типов телефонных аппаратов и устройств, производство которых было налажено товариществом. Нет сведений о том, «был ли это совместный бизнес или один из инвестиционных проектов известного российского предпринимателя Бунге, к которому он потерял интерес, увлекшись более рентабельными проектами» [Борисова 2016, с. 68.]. Но известно, что в середине 1890-х гг. Гвоздев наладил производственное партнерство с немецкой фирмой «Mix&Genest».

Система Гвоздева получила поддержку научно-технической общественности и правительственных чиновников, которые признали ее актуальность и рекомендовали к внедрению сначала на железных дорогах, а затем и на сетях общего пользования. К январю 1896 г. Гвоздевым был разработан детальный проект телефонизации уездных городов Рязанской губернии. Планировалось, что основным заказчиком будет государство в лице Главного управления почт и телеграфов. Несмотря на неожиданную смерть изобретателя (1896), проект состоялся (1897).

За рубежом внедрение систем одновременного телеграфирования и телефонирования связано с именем бельгийца Франсуа Ван Риссельберга (François Van Rysselberghe, 1846–1893). Он работал метеорологом в Королевской обсерватории Брюсселя и впервые столкнулся с передачей сообщений по телеграфным каналам связи в связи со сбором метеосводок. Риссельберг не был знаком с работами Игнатьева, Игнатьев узнал о системе Риссельберга в 1884 г., когда она уже была внедрена [Шедлинг 1891, с. 655-656].

В 1882 г. Риссельберг запатентовал изобретение. Наладив сотрудничество с бельгийским правительством и его Управлением телеграфами, он получил возможность использовать обширную сеть телеграфных линий для экспериментов. В 1882 г. были проведены успешные испытания на линии Брюссель–Париж, а в 1884 г. ввели в общественное пользование первую междугородную телефонную сеть по телеграфной линии Брюссель-Антверпен. Затем система Риссельберга быстро распространилась в Нидерландах, Франции, Германии, Испании, Португалии, а также в странах Южной Америки.

Коммерческому успеху и широкому распространению системы Риссельберга способствовало сотрудничество с известным бельгийским электротехником Шарлем Моулоном (Charles Mourlon, 1851-1932). Созданная ими совместная компания осуществляла

производство аппаратуры. Моулон опубликовал в 1885 г. книгу «Телефония на большом расстоянии — система Ф. Ван Риссельберга», которая помогла компаньонам выйти на международный уровень. К 1886 г. система Риссельберга была принята или опробована в Нидерландах, Швейцарии, Португалии, Испании, Франции, Италии, Германии и даже в Аргентине.

Подводя итог, можно сделать вывод, что созданию и распространению инновационных проектов способствует ряд факторов.

1. Острая потребность государства, социума в новшестве и его поддержка в гражданских и военных ведомствах. Необходимо взаимодействие между ними. В случае с Игнатьевым изобретение, актуальное для гражданской дальней связи, родилось в военном ведомстве и там же на нем поставили точку.

2. Формирование триады «изобретатель-предприниматель-государство», которая представляет собой не просто список участников, а цепочку создания инноваций. Исключение из этой триады «предпринимателя», как это часто бывает с военными заказами, не дает возможности реализовать даже самые блестящие идеи.

3. Гибкий подход к налаживанию новых контактов и связей на замену вышедшему из триады «предпринимателю». Пример с системой Гвоздева, наладившего контакт с другой фирмой после выхода из проекта Бунге подтверждает этот тезис.

4. Поддержка со стороны ведомств, представляющих государство. Именно такую поддержку получил от Управления телеграфов бельгиец Риссельберг, что позволило ему усовершенствовать систему, проводя масштабные испытания на телеграфных сетях Бельгии.

5. Масштабное ознакомление с новшеством потенциальных заказчиков с целью его широкого распространения. В случае успешного продвижения на международный рынок системы Риссельберга такую роль сыграло распространение книги о его изобретении, которую предпринял партнер Моулон.

Список литературы

1. Борисова 2017 – Борисова Н. А. Генерал-майор Г. Г. Игнатьев – у истоков телефонной связи // Военно-исторический журнал. 2017. № 2. С.65-70.
2. Борисова 2016 – Борисова Н. А. История успеха: об инновационной деятельности пионера дальней телефонной связи Е. И. Гвоздева // Сети и линии связи: прошлое, настоящее, будущее. Материалы Девятых научных чтений памяти А. С. Попова. Санкт-Петербург, 6 мая 2016 г. СПб.: Свое издательство, 2016. С.60-73.
3. Головин 1948 – Головин Г.И. Развитие в России одновременного телефонирования и телеграфирования // Вестник связи (Электричество). 1948. № 10. С. 23-24.
4. Головин 1949 – Головин Г.И., Эпштейн С.Л. Русские изобретатели в телефонии. М.: Связьиздат, 1949. 88 с.
5. Игнатьев 1889 – Игнатьев Г. Г. Одновременное телеграфирование и телефонирование по одном и тому же проводу // Инженерный журнал. 1889. № 6-7. С. 1021-1035
6. Шедлинг 1891 – Шедлинг М. Система телефонных сообщений Ван Риссельберга и способ скрещивания проводов // Почтово-телеграфный журнал. Неофиц. отдел. 1891. № 15. С. 655-664; № 16. С. 691-702.

УДК 62(09)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРОГРЕССЕ И СУЩНОСТИ ТЕХНИКИ У ИНЖЕНЕРНЫХ СООБЩЕСТВ СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ

Ситникова Дарья Леонидовна
Кандидат философских наук
Томский государственный университет, доцент
E-mail: ratsit@yandex.ru

Аннотация: В статье исследуется генезис и трансформация представлений о техническом прогрессе в сознании инженерных сообществ Сибири на рубеже XIX–XX веков. Актуальность работы продиктована современным кризисом понятия «прогресс», который в условиях неопределенности техносферы XXI века утратил свою прежнюю самоочевидность и требует философской рефлексии. Эмпирической базой исследования послужили исторические документы, связанные с открытием Томского технологического института (1900) и Томского отделения Императорского Русского технического общества (1902). В программных выступлениях ведущих представителей сибирского инженерного сообщества Е.Л. Зубашева и В.А. Сахарнова выявлена тенденция трактовки техники как «орудия борьбы за существование». Показано, что для инженеров того периода прогресс виделся как прямолинейное движение к «свободе действий» через преодоление зависимости от природных случайностей. Особое внимание уделяется анализу взаимодействия науки и техники: от стадии, когда техника служила эмпирическим источником для естествознания, до этапа, когда наука становится руководящим началом технологического развития. В ходе исследования установлено, что идеи сибирского инженерного сообщества о стадиальности технической эволюции коррелируют с классическими концепциями философии техники, в частности с работами Х. Ортеги-и-Гассета. Материалы статьи позволяют реконструировать картину мира субъектов индустриализации России и уточнить векторы изменения содержания понятия «прогресс» в исторической ретроспективе.

Ключевые слова: прогресс, инженерное сообщество, инженер, история техники, Сибирь, философия техники

REPRESENTATIONS OF PROGRESS AND THE ESSENCE OF TECHNOLOGY AMONG ENGINEERING COMMUNITIES IN SIBERIA AT THE TURN OF THE 20TH CENTURY

Sitnikova Daria Leonidovna
Tomsk State University, Associate Professor

Abstract: The article explores the genesis and transformation of the concept of technological progress within the consciousness of Siberian engineering communities at the turn of the 20th century. The relevance of the study is driven by the modern crisis of the "progress" paradigm, which has lost its former self-evidence amidst the uncertainties of the 21st-century technosphere and necessitates philosophical reflection. The empirical basis of the research consists of historical documents related to the opening of the Tomsk Technological Institute (1900) and the establishment of the Tomsk branch of the Imperial Russian Technical Society (1902). Based on the keynote speeches of leading

representatives of the Siberian engineering community, E. L. Zubashev and V. A. Sakharnov, the study identifies a tendency to interpret technology as a "tool in the struggle for existence". It is shown that for engineers of that period, progress was perceived as a linear movement toward "freedom of action" by overcoming dependence on natural contingencies. Particular attention is paid to the analysis of the interaction between science and technology: from the stage when technology served as an empirical source for natural science to the stage when science became the guiding principle of technological development. The research establishes that the Siberian engineering community's ideas regarding the stages of technological evolution correlate with classical concepts in the philosophy of technology, specifically the works of J. Ortega y Gasset. The materials of the article allow for a reconstruction of the worldview held by the subjects of Russia's industrialization and clarify the shifting vectors in the meaning of "progress" from a historical perspective.

Keywords: progress, engineering community, engineer, history of technology, Siberia, philosophy of technology

Современная рефлексия техносферы показывает, что в XXI веке понятие «прогресс» утратило свою самоочевидность. В условиях отсутствия четкого образа желаемого будущего использование этого понятия представляется проблематичным. С целью уточнения нашего понимания изменения содержания понятия «прогресс», мы обратились к историческим документам, в которых отражены два важных события для Сибири конца XIX – начала XX века. Это – открытие Томского Технологического Института (1900) и открытие Томского отделения Императорского Русского технического общества (1902). Речи, сказанные на этих торжествах, сохранились в документах, их содержание позволяет судить о картине мира выступающих, о целях субъектов научно-технического развития России указанного периода.

За несколько недель до наступления XX столетия в Томске произошло по отзывам свидетелей «великое всесибирское торжество», «крупное явление в истории просвещения в России» [Ефимов 1902, с. 82, 37] – 6 декабря 1900 г. был открыт Томский Технологический Институт Императора Николая II. На открытии к студентам обратился директор Института Ефим Лукьянович Зубашев (1860–1928) с речью, которая содержала не только напутственные слова, но вопросы из области «философии техники».

Зубашев задается вопросом: владеет ли техника научными методами, основана ли она на науке, или же сама представляет собой науку? Под техникой он понимает «совокупность средств и орудий для борьбы человека с природой за существование». Техника представляется ровесницей рода человеческого и вырастает она как «дитя нужды» [Ефимов 1902, с. 38], на почве необходимости для человека изобретать различные способы и орудия, чтобы добыть средства к пропитанию, защитить себя от влияния внешней природы. «Первые шаги человека на поприще техники были крайне неуверенны, ибо они были основаны не на значении природы и законов ее явлений, а вызывались чувством самосохранения человека и основывались на инстинкте, присущем человеку и указывающем ему возможный путь, возможные орудия для борьбы за существование» [Ефимов 1902, с. 38]. Далее описывается этап развития техники как источника естествознания: «все, что древние знали о природе, добыто и сохранено техникой. Так, например, еще в глубокой древности найдено искусство извлекать металлы из руд (медь, железо, серебро, золото), а между тем химия возникла только в 18 веке. В древности же развилось и горное дело, а геология начала развиваться только в 17 веке. Землепашество было известно ранее агрономической науки, применение теплоты ранее,

чем выяснена была ее сущность, и т. д. [Ефимов 1902, с. 39]. Утверждается, что «данные, добытые техникой, и послужили исходным пунктом для естествознания: так изучение свойств вещества началось с фактов, добытых металлургией [Ефимов 1902, с. 39-40]. Но если техника была пионером в деле изучения природы, «то наука в настоящее время сторицею воздала технике, подчинила ее себе и стала ее руководительницею» [Ефимов 1902, с. 45]. Мы видим, насколько эти идеи согласуются с тем, что позже (в 1933) скажет Ортега-и-Гассет в «Размышлениях о технике», выделив «три значительные стадии в технической эволюции: A. Техника случая. B. Техника ремесла. C. Техника человека-техника» [Ортега-и-Гассет 1993].

Представляет интерес понимание сущности техники и ее роли в обществе: «Техника в обширном значении есть совокупность способов и орудий борьбы человека с природой, борьбы, направленной к тому, чтобы обеспечить человеку существование» [Ефимов 1902, с. 24]. Это, по сути, бэконовское, выражение встречается в речи Зубашева не один раз, а цель подготовки инженеров он видит как раз в том, чтобы «упростить и облегчить борьбу за существование». Изучая законы природы, математики и экономических отношений, «инженер может использовать явления природы с наибольшей выгодой, чтобы результаты работы сделать доступными для всякого человека» [Ефимов 1902, с. 27].

Через два года, в день присоединения Сибири к России – 26 октября 1902 г. в этих же стенах Томского Технологического института снова прозвучит речь его первого директора Е.Л. Зубашева. Но теперь он будет приветствовать новое научное сообщество, бессменным председателем которого станет сам – Томское отделение Императорского Русского Технического общества. Зубашев обозначит цели Общества, даст подробную характеристику промышленной жизни Сибири начала XX в., опишет уровень развития техники. Отдельной заботой этого выдающегося человека на новом поприще станет организация низшего технического образования. Большие надежды на успешное промышленное будущее своего края он свяжет со строительством великой Сибирской дороги и деятельностью инженерного сообщества.

На торжественном открытии Томского отделения ИРТО, объединившего на тот момент около 80 человек – горных инженеров, гражданских инженеров, инженеров-технологов, инженеров путей сообщения, архитекторов, преподавателей и т.п., после Председателя, речь с названием «Техника, как культурный фактор» произнес секретарь отделения Владимир Александрович Сахарнов, преподаватель ТТИ, инженер-технолог. Оратор начал с отношения к технике и ремёслам в древнем мире, как к чему-то чуждому человеку и «уделу раба», сославшись на Аристотеля и римского поэта Марциала. Такой «неприятный для техники тон в речах образованных людей древнего мира долго оставался доминирующим и с небольшим понижением дошел до средних веков». И только в эпоху Возрождения гениальные умы Леонардо да Винчи и Галилея «явились связующим цементом между техникой и наукой». Именно из этой связи выкован прогресс XIX столетия. Далее В.А. Сахарнов делает краткий исторический экскурс и на примерах показывает, что «истинный прогресс покоится на дружном, совместном развитии этих двух сестер – науки чистой и науки прикладной» [Труды 1903, с. 12-15], что по смыслу и установкам хорошо согласуется с современными нам представлениями о связи науки и техники (работы П.П. Гайденко, В.Г. Горохова).

В.А. Сахарнов исходит из того, что техника прежде всего воздействует на материальную сторону культуры, процесс при этом эволюционирует в двух направлениях: 1) человек увеличивает знания о свойствах окружающей его природы; 2) увеличивает способность преобразовывать предметы внешней природы соответственно своим желаниям. Обращение человека с накопленными знаниями о природных силах и процессах он делит на три фазы:

1) использование тех явлений природы, которые происходят без нашего содействия и регулировать которые мы не в состоянии (сила ветра, сила течения реки и пр.);

2) умение направлять естественные явления;

3) умение вызвать процесс, произвести силу соответственно поставленным условиям.

В.А. Сахарнов делает вывод, что техника «эволюционирует по направлению к свободе действий», что изучение процессов и явлений природы привело к уменьшению зависимости человечества от случайностей и сделало более свободной хозяйственную деятельность. Но это не единственное русло, по которому протекает техническая эволюция. Кроме увеличения «свободы действия» человека, техника приводит к совершенствованию «умения применить наши собственные силы» – повышению производительности труда за счет разделения труда и механизации, говоря современным языком. Сахарнов переводит для слушателей значение машины на язык цифр: «В 1888 г. человечество располагало 50-ью миллионами паровых лошадиных сил; эта техническая единица – лош. сила равняется приблизительно 12 человеч. силам; таким образом в 1888 г. мы располагали как бы 600-миллионами рабов» [Труды 1903, с. 17].

Итак, мы видим, что в начале XX века инженерная мысль Сибири рассматривала технику как «орудие борьбы за существование». Основной вектор прогресса виделся в движении к «свободе действий» и уменьшении зависимости человечества от случайностей и капризов природы. Истинный прогресс того времени определялся как «дружное, совместное развитие» чистой и прикладной наук. Техника же выступала главным культурным фактором развития края, поэтому подготовка инженеров являлась стратегической задачей по изучению природных богатств Сибири, подготовке руководителей для поднятия материального благосостояния Сибири, что в свою очередь понималось как прогресс. В отличие от современного «осторожного» понимания прогресса как симбиоза с природой и ответственности за технологии, у инженерных сообществ в Сибири в конце XIX – начале XX века доминировал оптимистичный взгляд на прогресс как на прямую линию «вверх», направленную на покорение внешних условий быта.

Анализ речей Е.Л. Зубашева и В.А. Сахарнова показывает, что они содержат глубокое философское осмысление сущности техники, закономерностей ее развития, их идеи согласуются с философскими концепциями начала XX в.

Список литературы

1. Ефимов 1902 – Ефимов А. И. Историческая записка об учреждении и открытии Томского технологического института Императора Николая II 6 декабря 1900 года. Томск: Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1902. 88 с.

2. Ортега-и-Гассет 1993 – Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 164–232.

3. Труды 1903 – Труды Томского отделения Императорского русского технического общества. Вып. 1. Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1903. 164 с.

УДК 623.4: 94(47)”17/19”

ПРОБЛЕМА ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ОРУЖЕЙНЫХ ЗАВОДОВ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Алексеев Тимофей Владимирович
Доктор исторических наук
Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского, профессор кафедры истории и философии
E-mail: timson15121967@mail.ru

Аннотация: Доклад посвящен проблеме подготовки кадров для оружейных заводов в дореволюционной России. Исследование базируется на анализе работ отечественных авторов дореволюционного, советского и постсоветского периодов. Отмечается, что длительное время основной формой подготовки кадров рабочих-оружейников было так называемой заводское ученичество. Вместе с тем, начиная с петровской эпохи, данный процесс начинает приобретать более системный характер, что нашло отражение в создании на оружейных заводах учебных заведений, призванных повысить уровень подготовки будущих рабочих. Подготовка руководящих кадров предприятий ограничивалась получением знаний в области артиллерии в военных учебных заведениях и рецепцией практических навыков от их носителей из числа зарубежных специалистов непосредственно на заводах. Усложнение технико-технологических аспектов оружейного производства в связи с переходом к стальному нарезному оружию во второй половине XIX в. потребовало модернизации системы подготовки кадров. В подготовке рабочих, наряду с заводским ученичеством и обучением в заводских школах, пошли по пути создания специальных школ профессионально-технического образования в виде ремесленных заводских училищ. В отдельное направление была выделена подготовка управленческого и технического персонала. Центром обучения руководящих кадров становится Михайловская артиллерийская академия.

Ключевые слова: военная промышленность, стрелковое оружие, оружейный завод, подготовка кадров, заводская школа, ремесленная школа, Михайловская артиллерийская академия

THE PROBLEM OF TRAINING PERSONNEL FOR THE WEAPONS FACTORIES OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA IN DOMESTIC HISTORIOGRAPHY

Alekseev Timofey Vladimirovich
Military space academy of A.F. Mozhaysky, Professor

Abstract: The report is devoted to the problem of training personnel for arms factories in pre-revolutionary Russia. The study is based on the analysis of works by Russian authors from the pre-revolutionary, Soviet, and post-Soviet periods. It is noted that for a long time, the main form of training for workers in the arms industry was the so-called factory apprenticeship. However, starting from the Petrine era, this process began to take on a more systematic character, which was reflected in the establishment of educational institutions at the arms factories to improve the training of future workers. The training of enterprise managers was limited to acquiring knowledge in the field of artillery at military educational institutions and receiving practical skills from foreign specialists directly at the factories. The complexity of the technical and technological aspects of weapons

production, due to the transition to steel rifled weapons in the second half of the 19th century, required the modernization of the training system. In addition to factory apprenticeships and training in factory schools, the training of workers was carried out through the establishment of specialized vocational schools in the form of factory schools. The training of management and technical personnel was also separated into a separate field. The Mikhailovskaya Artillery Academy became the center for training senior personnel.

Keywords: military industry, small arms, arms factory, personnel training, factory school, craft school, Mikhailovskaya Artillery Academy

Производство стрелкового оружия в дореволюционный период относилось к числу самых высокотехнологичных отраслей военной промышленности, что требовало создание определенной системы подготовки кадров для оружейных заводов. В отечественной историографии специальные работы по данной проблеме стали появляться только в постсоветское время [Дроздова 2008; Дроздова 2009]. Тем не менее имеющиеся публикации позволяют составить общее представление об общих подходах к решению проблемы на разных заводах, начиная с петровской эпохи.

На протяжении всего дореформенного периода на всех заводах продолжала существовать традиционная форма подготовки оружейников – обучение детей-подростков непосредственно на производстве, как правило, родственниками-мастерами, причем для Тульского оружейного завода такая форма подготовки была основной [Граф 1861, с. 371; Бранденбург 1882, с. 17-18; Дроздова 2007*, с. 52].

Наряду с этим на предприятиях создавались учебные заведения для детей мастеровых и рекрутов, которые фигурируют в историографии под названием заводских школ, школ кантонистов, «ланкастерских» школ. В Сестрорецке такое заведение было создано еще в петровское время, а затем после небольшого перерыва его деятельность была возобновлена в 1744 г. [Бранденбург 1882, с. 17-18; Давиденко 1962, с. 36]. На Ижевском оружейном заводе с самого начала его работы в 1808 г. была открыта вначале главная горная школа [Шумилов 2000, с. 66-67], на смену которой позднее пришли школа для детей мастеровых при заводе и три школы для детей непременных работников в заводском округе [Васина 2006, с. 108-109]. На Тульском заводе, вследствие специфической организации здесь производственной деятельности [Дроздова 2007*, с. 52], «школа для учения детей оружейников» была создана только в 1823 г. [Зыбин 1912, с. 340], хотя ряд исследователей относили это событие к середине XVIII в. [Маковская 1997, с. 20]. В первой половине XIX в. сложилась практика направления лучших учеников заводских школ в Москву и Санкт-Петербург для обучения механике в объёме потребностей предприятий [Орфеев 1901, с. 53; Горбов 1963, с. 23; Васина 2006, с. 109].

В целом, исследователи достаточно критически оценивали, как уровень подготовки в заводских школах [Соловьев 1902, с. 97], так и охват этими учебными заведениями работников оружейных предприятий, когда, например, на Ижевском заводе в 1855 г. доля грамотных даже среди оружейников и мастеровых железоделательного завода не превышала 20% [Васина 2006, с. 120].

По мнению исследователей, непросто складывалась ситуация и с подготовкой кадров руководящего состава оружейных заводов, особенно с учетом частой смены ведомственной подчиненности предприятий на протяжении всего XVIII в. Е.Е. Дроздова среди источников

пополнения такого рода кадров называла артиллерийские военно-учебные заведения, а также обучение прибывавших на заводы офицеров у находившихся там иностранных специалистов [Дроздова 2007, с. 45-48]. В лучшую сторону положение стало меняться после подчинения всех оружейных заводов Артиллерийскому департаменту в первой четверти XIX в., когда на должности командиров, штаб- и обер-офицеров стали прибывать выпускники кадетских корпусов, имевшие опыт строевой службы и знакомые с технологией ремонта военной техники [Михайлов, Птицын 2002, с. 129].

В пореформенный период в связи с передачей оружейных заводов в арендно-коммерческое управление заводские школы были ликвидированы, что весьма чувствительно отразилась на заводских работах, т.к. значительно сократился контингент молодых образованных мастеровых, из которых могли бы выбираться старшие мастера и задельщики [Гришкина 1984, с. 20]. Одновременно произошли изменения в системе комплектования предприятий кадрами за счет массовых наборов низкоквалифицированной рабочей силы с рынка труда, что, по мнению Е.Е. Дроздовой, потребовало формирования новой системы соответствующих образовательных учреждений [Дроздова 2009, с. 27].

Элементами этой системы стали возрожденные заводские начальные школы [Дроздова 2007*, с. 56], а также специальные школы профессионально-технического образования в виде ремесленных заводских училищ [Дроздова 2008, с. 84]. Первая ремесленная школа была учреждена в 1875 г. на Ижевском заводе его арендатором П.А. Бильдерлингом, чему способствовало этому то обстоятельство, что финансирование осуществлялось за счет отчислений из зарплат рабочих и служащих [Бильдерлинг 1889, с. 36]. На Тульском и Сестрорецком заводах аналогичные школы были созданы только в 1899 г. и, в отличие от Ижевска, содержались они за счет государственных средств [Дроздова 2008, с. 96].

Предпринимались попытки наладить профессионально-техническое обучение мастеровых. В Туле это нашло выражение в создании в 1909 г. отдельной вечерней технической школы, в Ижевске – в учреждении воскресной школой, а на Сестрорецком заводе «инициативы данной направленности не вышли за пределы лекций, читаемых рабочим» [Дроздова 2009, с. 30].

Вместе с тем, по мнению Е.Е. Дроздовой, вплоть до конца XIX в. заводское ученичество продолжало оставаться основной формой подготовки рабочих [Дроздова 2008, с. 70].

Передача оружейных заводов в арендно-коммерческое управление и самоустранение государства от решения кадровых проблем предприятий привело и к сокращению численности подготовленного технического персонала [Дроздова 2009, с. 45]. И это при том, что «основным источником знаний, необходимых для осуществления квалифицированного руководства оружейным производством являлась практическая деятельность. Это обусловливало крайне медленный прирост численности специалистов, необходимых для формирования административно-управленческих аппаратов оружейных заводов» [Дроздова 2008, с. 138]. Только переход к производству таких высокотехнологичных изделий, как винтовки системы 1870 г., привел к кардинальным изменениям в административно-управленческом аппарате оружейных заводов, благодаря чему процесс накопления технических специалистов, получивших специальное образование, приобрел положительную динамику [Дроздова 2008, с. 162].

Что касается подготовки руководящего офицерского состава оружейных заводов, то здесь решающая роль отводилась учебным заведениям различного уровня. Кадетские корпуса, по словам Е.Е. Дроздовой, «не ставили своей целью подготовку кадров для военной промышленности… Однако изучаемые в этом учебном заведении дисциплины создавали

необходимую базу для успешного овладения профессией непосредственно в процессе практической деятельности» [Дроздова 2008, с. 209]. Следующий уровень был представлен Артиллерийским училищем и созданной на его базе Михайловской артиллерийской академией, где осуществлялась целенаправленная подготовка кадров оружейной промышленности. Но «сложность комплектования администрации оружейных заводов выпускниками академии являлась следствием немногочисленности выпуска этого учебного заведения, а также указания направлять на заводы только лучших выпускников» [Дроздова 2008, с. 230]. О решающей роли Михайловской артиллерийской академии в подготовке квалифицированных управленческих и технических кадров для оружейных заводов писали и другие исследователи [Михайлов, Птицын 2002, с. 129].

В целом Е.Е. Дроздова отмечала относительно высокий средний уровень квалификации работников оружейных заводов в сравнении с аналогичными показателями в промышленности России. А характерный для оружейных заводов «высокий профессиональный уровень личного состава… являлся свидетельством эффективности системы подготовки кадров этой отрасли промышленности» [Дроздова 2009, с. 46].

Список литературы

1. Бильдерлинг 1889 – Бильдерлинг П.А. Деятельность Людвига Эммануиловича Нобеля как участника при выполнении на Ижевском оружейном заводе правительственных заказов // Памяти Людвига Эммануиловича Нобеля: Торжеств. заседание Имп. Рус. техн. о-ва 31 марта 1889 г. Очерк деятельности Л.Э. Нобеля. СПб.: тип. бр. Пантелеевых, 1889. С. 29-37.
2. Бранденбург 1882 – Бранденбург Н.Е. Сестрорецкий завод в первой половине XVIII столетия // Оружейный сборник. 1882. № 3. Отд. III. С. 1-21.
3. Васина 2006 – Васина Т.А. Камские заводы: население, культура, быт (конец XVIII – первая половина XIX в.). Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 2006. 280 с.
4. Горбов 1963 – Горбов М.И. Ижевские оружейники. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1963. 160 с.
5. Граф 1861 – Граф Ф. Оружейные заводы в России // Военный сборник. 1861. Т. 21. № 10. Отд. неофиц. С. 365-394.
6. Гришкина 1984 – Гришкина М.В. Деятельность Ижевской и Воткинской горных школ и подготовка кадров специалистов в первой половине XIX в. // Вопросы истории культуры Удмуртии: сб. статей. Ижевск, 1984. С. 3-23.
7. Давиденко 1962 – Давиденко А.И. Сестрорецк. Л.: Лениздат, 1962. 212 с.
8. Дроздова 2007 – Дроздова Е.Е. Генезис системы подготовки руководящих кадров государственных оружейных заводов России // Сюжеты интеллектуальной истории Тульского края: сб. статей. Тула: Изд-во ТулГУ, 2007. С. 41-48.
9. Дроздова 2009 – Дроздова Е.Е. Подготовка кадров оружейных заводов военного ведомства России во второй половине XIX в. – 1914 г.: автореф. дис. …д-ра ист. наук. М., 2009. 50 с.
10. Дроздова 2007* – Дроздова Е.Е. Профессионально-технический уклон начального обучения детей рабочих государственных оружейных заводов во второй половине XIX

– начале XX вв. / Сюжеты интеллектуальной истории Тульского края: сб. статей. Тула: Изд-во ТулГУ, 2007. С. 49-58.
11. Дроздова 2008 – Дроздова Е.Е. Система подготовки кадров оружейных заводов России в 1850-1914 гг. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2008. 325 с.;
12. Зыбин 1912 – Зыбин С.А. История Тульского императора Петра Великого оружейного завода. М.: типо-лит. т/д И.Н. Грызунов и К°, 1912. 358 с.
13. Маковская 1997 – Маковская Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV – XVIII веков: определитель. М.: Воениздат, 1992. 197 с.
14. Михайлов, Птицын 2002 – Михайлов А.В., Птицын В.В. Инженер, историк, педагог // Бомбардир. 2002. № 15. С. 129-130.
15. Орфеев 1901 – Орфеев А.П. История Сестрорецкого оружейного завода // Оружейный сборник. 1901. № 1. Отд. II. С. 1-118.
16. Соловьев 1902 – Соловьев А. Материалы для истории Ижевского сталеделательного завода // Оружейный сборник. 1902. № 2. Отд. II. С. 1-99.
17. Шумилов 2000 – Шумилов Е.Ф. Андрей Фёдорович Дерябин. 1770-1820. Очерк жизни гениального человека пушкинской эпохи. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2000. 256 с.

УДК 37.091.21

РАДИО-УНИВЕРСИТЕТЫ И ИНСТИТУТЫ ПО РАДИО В СССР: ПРИЧИНЫ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ НЕВОСТРЕБОВАННОСТИ

Аладышкин Иван Владимирович
Кандидат исторических наук
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, доцент Высшей школы общественных наук
E-mail: i-bez@yandex.ru

Аннотация: Начало XX столетия стало временем кардинальных трансформаций системы образования, апробации новых форм и форматов обучения, чему во многом способствовало развитие и распространение радиовещания. Радио на глазах преображало информационное пространство, включая образование, делая последнее не только более доступным, но и меняя характер обучения. К числу государств, вставших на путь широкого использования радио в образовании, следует отнести и СССР. А с началом массового советского вещания на радио возлагают и тесно связанные с пропагандистскими задачами надежды на просвещение малограмотного населения в стране колоссальных расстояний и обилия отдаленных районов. Становление советской системы образования, в частности, реформы высшей школы первого постреволюционного десятилетия, традиционно вызывает повышенной интерес отечественных и зарубежных исследователей. Между тем в образовательной политике молодого советского государства немало слабоизученных страниц, включая вопросы использования радио в системе обучения, что особенно очевидно в случае истории радио-университетов, остающихся вне поля внимания авторов. Анализируя историографию данных учебных учреждений, автор стремится ответить на вопрос – почему история радио-

университетов так и не нашла своих исследователей, как минимум, среди историков образования?

Ключевые слова: Радио-обучение, университеты, высшая школа, радиовещание, историография, СССР.

RADIO UNIVERSITIES AND RADIO INSTITUTES IN THE USSR: REASONS FOR HISTORIOGRAPHICAL LACK OF DEMAND

Aladyshkin Ivan Vladimirovich
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, The Higher School of Social Sciences, Associate Professor

Abstract: The beginning of the twentieth century was a time of fundamental transformations of the education system, the testing of new forms and formats of education, which was greatly facilitated by the development and spread of radio broadcasting. Before our eyes, radio transformed the information space, including education, making the latter not only more accessible, but also changing the nature of education. The USSR should also be considered one of the states that embarked on the path of widespread use of radio in education. And with the beginning of mass broadcasting in the USSR, hopes for educating the illiterate population in a country with colossal distances and an abundance of remote areas are pinned on radio, which is closely related to propaganda tasks. The formation of the Soviet education system, in particular the reforms of higher education in the first post-revolutionary decade, have traditionally aroused the increased interest of domestic and foreign researchers. Meanwhile, there are many poorly studied pages in the educational policy of the young Soviet state, including the use of radio in the education system, which is especially evident in the case of the history of radio universities, which remain outside the field of attention of the authors. Analyzing the historiography of these educational institutions, the author of this study seeks to answer the question: why has the history of radio universities not found its researchers, at least among historians of education?

Keywords: Radio education, universities, higher school, radio broadcasting, historiography, USSR.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 25-28-01383 «Образ вуза будущего в утопических проектах советской высшей школы (1918-1930 гг.)»

Начало XX столетия стало временем кардинальных трансформаций системы образования, апробации новых форм и форматов обучения, чему во многом способствовало развитие и распространение радиовещания. К образованию с помощью радио обратились практически сразу после завершения Первой мировой войны и особых успехов добились учебные заведения США, где уже в 1923 г. 10% эфира приходилось на вещание образовательных организаций. Тогда же американские вузы обратили внимание на радио; первыми же внедряли его в систему обучения два государственных вуза: первым стал университет Пенсильвании, а в 1925 г. университет Айовы предложил уже пять радио-курсов

[Петькова 2015, с.199]. К числу государств, вставших на путь широкого использования радио в образовании, следует отнести и СССР. Коллективным организатором и агитатором населения радио предстало буквально с первых дней советской власти. А с началом массового вещания в СССР на радио возлагают и тесно связанные с пропагандистскими задачами надежды на просвещение малограмотного населения в стране колоссальных расстояний и обилия отдаленных районов.

Становление советской системы образования, в частности, реформы высшей школы первого постреволюционного десятилетия, традиционно вызывают повышенной интерес отечественных и зарубежных исследователей. Между тем в образовательной политике молодого советского государства немало слабоизученных страниц, включая вопросы использования радио в системе обучения, что особенно очевидно в случае истории радио-университетов, остающихся вне поля внимания авторов. Притом нельзя сказать, что данная тема не востребована. Наоборот, в последнее десятилетие о ней вспоминают всё чаще и далеко за пределами чисто академического пространства, что доказывает обилие научно-популярных текстов и небольших развлекательно-информационных заметок в Сети.

Долгое время историография советских радио-университетов исчерпывалась ими же издаваемыми информационными брошюрами и пособиями, объявлениями и новостными заметками о них на страницах советских журналов и газет конца 1920-х - начала 1930-х гг. Об открытии и деятельности университетов по радио отечественные исследователи вспомнили лишь в 1960-1970-е гг. в работах об историческом пути советского радиовещания. Встречавшиеся упоминания появления в Ленинграде и Москве радио-университетов были краткими и приводились порой с существенными фактологическими погрешностями, что на долгие годы определило некую традицию ошибок и неточностей в рассмотрении данной темы. Появление в печати специального, хоть и очень краткого очерка, посвященного радио-университетам в СССР относится к первому постсоветскому десятилетию [Деревянко 1995]. Далее, уже в новом тысячелетии, о них вспоминают чаще, не только в контексте становления системы советского радиовещания, но и апробации новых форм образования в 1920-е гг. Однако вспоминают по-прежнему бегло и практически без подкрепления архивными материалами.

Дополнительным импульсом интереса к университетам по радио послужила актуализация проблемы дистанционного и электронного обучения. Очевидная востребованность в последнее десятилетие этих вопросов, конечно, повысила упоминаемость прецедента обучения по радио в молодом советском государстве как практики, непосредственно предшествующей современному дистанционному образованию. К сожалению, авторы, упоминавшие о нетривиальном опыте прошлого, не выходили за пределы уже ставшего стандартным набора кратких сведений о работе радио-университетов, а расхожие фактологические неточности и ошибки кочевали из одного текста в другой без какого-либо критического анализа. Среди расхожих недоразумений выделяется фиксация открытия первого советского радио-университета в Москве, тогда как первенство следует отдать Ленинграду, где в 1928 г. начал свою работу Первый Рабоче-Крестьянский Радио-университет. Качественным исключением из череды текстов с расхожим набором скупых сведений о радио-университетах стала статья востоковеда Е.С. Соболевой, увидевшая свет в 2017 г. [Соболева 2017]. Однако существенно сужал круг рассматриваемых вопросов изначальный фокус внимания исследователя, сосредоточившегося на анализе реализации программы изучения Востока в работе ленинградского радио-университета. Непосредственно к рассмотрению истории советских радио-университетов отдельных исследователей

подтолкнуло усиление научного внимания к региональному вещанию [Мухин 2016], но концептуально и фактологически работы их довольно скромны.

Здесь оправданно задаться вопросом – почему история радио-университетов так и не нашла своих исследователей, как минимум, среди историков образования и радиовещания? Ответ на поставленный вопрос можно начать с указания на одну особенность радио-обучения в СССР. Изначально в 1928-1929 гг. организационным основанием образования радио-университетов в Ленинграде и Москве оказываются не вузы, а городские радиовещательные центры. Это существенно отличает первые шаги в данном направлении от уже упоминаемого опыта США по внедрению радио в систему высшего образования. Ведь в США сами университеты выступали инициаторами развития радио-образования, используя, как правило, собственные радиостанции. В СССР, по крайней мере, в 1920-е гг. ситуация складывалась принципиально иная. Вопросы радио-обучения крайне редко и бегло поднималась в дискуссиях тех лет по реформам высшей школы. Обращает на себя внимание и то, что, несмотря на активное участие в деле открытия радио-университета представителей академического сообщества, работавших во многих вузах Ленинграда, речь о последних не заходит и какие-либо контакты с данными учреждениями не предполагаются. В документах по открытию первого радио-университета активно обсуждались формы взаимодействия с городским Радиоцентром и тесные контакты с газетами («Ленинградская правда» и др.), возможности организации экскурсий радио-студентов в музеи города, предлагалось наладить связь с Академией наук (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1928 год). Ед. хр. 10. Л. 3-5, 31, 43). О ленинградских вузах какой-либо информации эти документы не содержат, неизвестно даже о планах сотрудничества с ними в 1928-1929 гг. Складывается впечатление, что первый радио-университет изначально рассматривался обособленно от существовавшей на тот момент системы высшего образования и вне связи с конкретными вузами. К тому же советские радио-университеты рубежа 1920-1930-х гг., несмотря на своё название, полноценными университетами или даже вузами назвать сложно.

Всё-таки 1920-е гг. – время экспериментов с формами и методами образования, и радио-университеты, судя по всему, выступали как раз экспериментальным дополнением к сложившейся в те годы структуре учебных заведений, оказываясь ближе всего к так называемым рабочим университетам. В 1925/1926 гг. в крупных промышленных городах страны появлялись Рабочие университеты, которые условно относились к высшему уровню разношерстной сети общеобразовательных школ и курсов для взрослых того времени и должны были способствовать повышению уровня образования среди рабочих без отрыва от производства. В то же время различий, выходящих далеко за рамки формата образования и ведомственного подчинения, между этими двумя формами общеобразовательных учреждений также хватало. Радио-университеты постоянно претерпевали изменения в своей организационной структуре, учебных планах, социальных ориентирах, что сопровождалось нередко их переименованием. Так, в 1930 г. Московский радио-университет стал Институтом заочного образования по радио (ИЗОР), в том же году был создан Институт массового заочного обучения партактива, руководящий лекциями и курсами по радио соответствующей тематики. Ситуация лишь усложнялась с интенсивным преумножением форм радио-обучения, увеличением числа учебных и партийных инстанций, задействованных в его организации. В 1930 г. с принятием ЦК ВКП (б) постановления «О заочном обучении» несколько прояснился лишь вопрос о формате образовательной деятельности радио-университетов. Ведь отныне радио-обучение официально соотносилось с заочной формой обучения, разные формы которого также были слабо законодательно оформлены.

В контексте же тех радикальных реформ, что затронули систему высшего образования на рубеже 1920-1930-х гг., эксперименты в области радио-образования могли показаться несущественным моментом, слабо повлиявшим на протекавшие трансформации. Поэтому в историографической невостребованности, по крайней мере, среди историков образования весомую роль могло сыграть то, что радио-университеты, просуществовали в качестве отдельных образовательных институций всего пару лет, так и оставшись вне привычных, регламентированных форм обучения.

В изучении же истории вещания первое время приоритетными были вопросы радиотехники и «звучащего слова» партии, заслоняя открытие и функционирование радио-университетов, напрямую не связанных с техническими новациями и партийными постановлениями. В то же время история радио-образования не вписывалась в основные направления изучения радиожурналистики, становления ключевых её жанров в СССР. Также обращает на себя внимание рассредоточенность и фрагментарность архивных материалов, связанных с историей рассматриваемых образовательных инстанций и затрудняющих её изучение. Например, в истории ленинградского вещания о работе радио-университета до последнего времени практически не вспоминали, как минимум, потому, что большая часть документальных материалов о работе городского радиокомитета за 1929-1940 гг. была уничтожена в первые месяцы Великой Отечественной войны (ЦГАЛИ СПб. Ф. 293. Оп. 2. С. 3).

Список литературы

1. Деревянко 1995 – Деревянко С.С. Рабоче-крестьянский радиоуниверситет и радиотеатр в Ленинграде (1920-е гг.) // Петербургские чтения-95. Материалы науч. конф. 22-26 мая 1995 г. СПб.: Ассоциация исследователей Санкт-Петербурга, 1995. С.167-169.

2. Мухин 2016 – Мухин В.Н. Радиоуниверситет в системе устной антирелигиозной пропаганды в 1930-е гг. (на примере ТАССР) // Вестник Самарского университета. Сер.: История, педагогика, филология. 2016. Т. 22. № 2. С. 56-60.

3. Петькова 2015 – Петькова Ю.Р. История развития дистанционного образования. Положительные и отрицательные стороны МООС // Успехи современного естествознания. 2015. № 3. С. 199-204.

4. Соболева 2017 – Соболева Е.С. Программы по востоковедению в работе Рабоче-Крестьянского Радиоуниверситета в 1920-е годы // Петербургский Рериховский сборник. Вып. X. СПб.: СПбГМИРС, 2017. С. 148-161.

УДК 94(47+57)”192”

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОДГОТОВКИ НАУЧНЫХ КАДРОВ В СССР В 1920-е гг. (НА ПРИМЕРЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА)

Беляева Лидия Эдгаровна

Аспирант

Санкт-Петербургский политехнический университет Петр Великого

E-mail: Lidia-ot@yandex.ru

Аннотация: Одним из этапов становления советской модели технического образования является институционализация послевузовской подготовки научных кадров в 1920-е гг. Учреждение института аспирантуры в 1925 г. применительно к техническим вузам имело своей целью обеспечить промышленные предприятия и учебные заведения молодыми учеными, способными к исследовательской и педагогической работе, что должно было способствовать реализации задач индустриализации. Вместе с тем подготовка научных кадров была сопряжена с большими экономическими и социальными сложностями. Идея подготовки высококвалифицированных технических специалистов на рубеже XIX – XX вв. воплотилась в открывшемся в 1902 г. Санкт-Петербургском (с 1924 г. – Ленинградском) политехническом институте, который объединил передовых ученых и инженеров, предоставив им возможность осваивать исследовательский фронтир и продвигать идеи по модернизации индустриального производства. Сформировавшиеся традиции продвижения научных инициатив продолжали действовать и в советское время. Специализация и профессионализм профессорско-преподавательской корпорации Политехнического института были необходимы для научного и кадрового обеспечения индустриализации. В 1925 г. по инициативе советского руководства началась работа по подготовке научных кадров, которая вместе с тем стала этапом «завоевания высшей школы.

Ключевые слова: аспирантура, профессорско-преподавательская корпорация Ленинградского политехнического института, электромеханический факультет, подготовка научных кадров.

ORGANIZATION OF SCIENTIFIC PERSONNEL TRAINING IN THE USSR IN THE 1920s. (USING THE EXAMPLE OF THE LENINGRAD POLYTECHNIC INSTITUTE)

Beliaeva Lidiia Edgarovna

PhD student

Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University,

Institute of Humanities, Higher School of Social Sciences

Abstract: One of the stages of the formation of technical knowledge is the institutionalization of postgraduate training of scientific personnel in the 1920s. The establishment of the Institute of Postgraduate Studies in 1925, as applied to technical universities, aimed to provide industrial enterprises and educational institutions with young scientists capable of research and teaching, which was supposed to contribute to the realization of the tasks of industrialization. At the same time, the training of scientific personnel was fraught with the economic and social difficulties of the early Soviet period. The understanding of the need to train technical specialists in our country at the state

level came only at the turn of the 19th – 20th centuries. The St. Petersburg/Leningrad Polytechnic Institute, which opened in 1902, brought together leading scientists and engineers, giving them the opportunity to explore the research frontier and promote ideas for modernizing production facilities in line with global trends. The established traditions of promoting scientific initiatives continued to operate in Soviet times. The specialization and professionalism of the Polytechnic Institute's faculty corporation were necessary for the scientific and human resources of industrialization. In 1925, at the initiative of the Soviet leadership, work began on the training of scientific personnel, which at the same time became a stage of "the conquest of higher education.

Keywords: postgraduate studies, Teaching Corporation of the Leningrad Polytechnic Institute, Faculty of Electromechanics, training of scientific personnel.

21 января 1925 г. Совнарком РСФСР утвердил «Положение о научных работниках вузов» и «Инструкцию о порядке подготовки научных работников при научно-исследовательских институтах и вузах по прикладным, точным и естественным наукам». Эти документы определяли порядок послевузовской подготовки специалистов в СССР в условиях экономического дефицита и требований социального и идеологического «переформатирования» общества.

Наша статья основана на выявленных в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) протоколах заседания Комиссии по подготовке научных работников, созданной при Президиуме Государственного ученого совета (ГУС) Наркомата просвещения 30 июня 1925 г., а также переписке Комиссии с вузами и НИИ Ленинграда в 1925-1927 гг., Комиссия под руководством М. Н. Покровского определяла специализацию подготовки научных кадров, перечень образовательных и исследовательских организаций, утверждала списки аспирантов, следила за ходом выполнения поставленных задач и т. д. Выбранный период является стадией становления аспирантуры, на которой успех подготовки специалистов обеспечивался силами отдельных учреждений [Милаева 2018, с. 40]. В качестве примера вуза, ведущего подготовку аспирантов, мы выбрали Ленинградский политехнический институт (ЛПИ).

Комиссией по подготовке научных кадров летом 1925 г. для аспирантов по общественным наукам было закреплено 600 мест, по прикладным и точным наукам – 1400 мест (ГАРФ. Ф. А2307. Оп. 20. Д. 1. Л. 9). Из 1400 аспирантских мест стипендии полагались 700 аспирантам: 350 – при НИИ, 350 – при вузах (ГАРФ. Ф. А2307. Оп. 20. Д. 1. Л. 13). Например, Физико-технический институт получил возможность принять 10 аспирантов, Рентгенологический и радиологический – 8, Радиевый – 5. Что касается технических вузов Ленинграда, то Политехнический институт мог набрать 35 аспирантов, Электротехнический – 10, Горный – 12 и т. д. (ГАРФ. Ф. А2307. Оп. 20. Д. 1. Л. 22). В дальнейшем эти цифры корректировались в сторону увеличения.

Ряд выпускников ЛПИ 1925 года продолжил научную карьеру в родном институте: А. А. Изаксон, в будущем – профессор и заведующий кафедрой теоретической механики Ленинградского электросварочного института, Г. М. Кондратьев – специалист по тепловым измерениям, лауреат Сталинской премии 1949 года, А. И. Лурье – профессор ЛПИ, заведующий кафедрой теоретической механики, академик АН СССР с 1960 года и др. (ГАРФ. Ф. А2307. Оп. 20. Д. 1. Л. 62, 63, 96, 97). Всего в 1925-1926 учебном году в аспирантуре Политехнического института учились 20 аспирантов – 8 штатных и 12 сверхштатных (без

стипендии). В декабре 1925 г. был утвержден список аспирантов для Ленинградских НИИ (ГАРФ. Ф. А2307. Оп. 20. Д. 1. Л. 68). Так, в Рентгенологический институт были приняты выпускники ЛПИ М. И. Корсунский и А. И. Лейпунский. В дальнейшем М. И. Корсунский – профессор кафедры экспериментальной физики Ленинградского индустриального института (ЛИИ) в 1934-1938 гг., с 1962 г. академик АН КазССР; А. И. Лейпунский – директор Украинского физико-технического института (УФТИ), академик АН УССР с 1933 г. В Радиевый институт поступили штатными аспирантами. Б. А. Никитин, В. Н. Рукавишников, И. Е. Старик – выдающиеся ученые, в будущем – участники атомного проекта [Радиевый институт 2023, с. 37].

Перечень подготовки научных кадров, определенный в июле 1925 г., включал 32 специальности в ЛПИ, в том числе четыре специальности Электромеханического факультета. И все же Правление ЛПИ выступило с предложением дополнить список направлений (электрическая тяга, электроснабжение и осветительная техника), так как 60 % выпускников факультета готовились именно по ним. Письма декана Электромеханического факультета А. Б. Лебедева и ректора Б. Е. Воробьева по этому поводу отражают заинтересованность руководства ЛПИ в деле передачи научного опыта, описывают перспективы применения указанных специалистов на производстве: выпускники специальности «Электрическая тяга» обеспечивают развитие транспортной отрасли; специалисты по электроснабжению необходимы для развития электрификации (передача и распределение электрической энергии, проектирование воздушных и кабельных сетей, трансформация напряжения, электрификация заводов, рудников, сельского хозяйства). Отмечалось, например, что выпускники специальности «Осветительная техника» уже работают на заводе по производству ламп накаливания «Светлана» и будут востребованы на других предприятиях страны. Подчеркивалось, что ЛПИ располагает единственной в СССР фотометрической лабораторией, в которой проводились уникальные исследования международного значения, а также измерения для Палаты мер и весов (ГАРФ. Ф. А2307. Оп. 20. Д. 4. Л. 7-11). Указанные документы подчеркивают многофакторное влияние политехников на научно-производственный ландшафт нашей страны.

На 1 января 1927 г. в СССР насчитывалось 1 166 штатных и 636 сверхштатных аспирантов. Среди них было 1 352 мужчин и 450 женщин. Социальный состав аспирантуры выглядел следующим образом: рабочие – 111, крестьяне – 283, интеллигенция и служащие – 669, прочие – 284 (455 чел. не дали сведений о своем социальном происхождении). По специальностям аспиранты распределялись так: обществоведческие дисциплины – 399 чел., художественные – 89, физико-математические – 250, естественные – 251, медицинские – 362, индустриально-технические – 155, сельскохозяйственные – 246, педагогические – 50 (ГАРФ. Ф. А2307. Оп. 20. Д. 15. Ч. 1. Л. 4-5). В Политехническом институте в 1927 г. было 29 аспирантов – 17 штатных и 12 сверхштатных.

Отчеты о мероприятиях по подготовке научных кадров, составленные специалистами Главнауки в 1927 г., отражают ожидания советского руководства. «В деле подготовки аспирантов слишком большую роль имеет персональное научное общение, влияние личного момента, при почти полном отсутствии организации, как самого дела подготовки, так и самих аспирантов. Можно сказать определенно, что руководители аспирантов работают не за страх, а за совесть. Но коллективности и организованности в этом нет, возможно, этим объясняется стремление каждого из институтов иметь своих аспирантов, а не присланных, хотя бы и

комиссией ГУСа. <…> подготовка по вопросам марксизма и марксистской методологии везде обстоит очень скверно», – так охарактеризована работа ленинградских НИИ в отчете за подписью Цитовича (ГАРФ. Ф. А2307. Оп. 20. Д. 15. Ч. 1. Л. 6). Специалист Новиков, проверявший вузы Ленинграда, описал ситуацию мягче: «Прохождение марксистских дисциплин, вследствие отсутствия указаний из ГлавПрофобра не организовано, это предполагается сделать в этом году». Также в отчете было отмечено, что, «несмотря на большую емкость Ленинградского политехнического института и вполне достаточное количество руководителей, количество аспирантов мало, целый ряд дисциплин не обеспечен аспирантами, например, металлургия, сопротивления материалов» (ГАРФ. Ф. А2307. Оп. 20. Д. 15. Ч. 1. Л. 10).

В духе времени описывал ситуацию на заседании ГУСа 12 января 1927 г. М. П. Покровский: «Индустриализация нашей страны предполагает систему научного образования и сеть научно-исследовательских учреждений во много раз более мощных, нежели то, чем располагало в этом отношении полу-феодальное, полу-торгово-капиталистическое государство, называемое Российской Империей». И далее: «Даже кадр ученых, доставшийся нам в наследство от дореволюционного времени, не сохранился до наших дней на том же уровне; он явственно убывает» (ГАРФ. Ф. А2307. Оп. 20. Д. 15. Ч. 1. Л. 1, 2). Прежние способы «оставления» при вузах были названы «кустарными», решение о зачислении в аспиранты должно было, как считал докладчик, перейти к органам центральной государственной власти. Материальное обеспечение аспирантов также являлось проблемой: для поддержания «кадров ученых» требовалось не менее 2 500 аспирантских стипендии, но в 1920-е гг. многих достойных кандидатов приходилось зачислять без стипендии. Особое значение для рабочего государства имела «общественная физиономия будущего научного работника, тем более будущего преподавателя ВУЗа». Преподаватель высшей школы рабоче-крестьянского государства «не может быть чуждым пролетарской идеологии», знакомство с марксистской литературой должно быть предметом обязательной проверки при зачислении (ГАРФ. Ф. А2307. Оп. 20. Д. 15. Ч. 1. Л. 1, 2).

Задача обеспечения индустриализации научными кадрами, поставленная в декрете СНК от 2 сентября 1921 г «О высших учебных заведениях», к концу 1920-х гг. не была решена. Сказывались последствия общего отставания российской системы образования, сложность мобилизации научного потенциала в послереволюционной стране, а также противоречия в понимании поставленных задач научными сообществами и советским руководством. Ленинградский политехнический институт к 1925 г. подготовил достаточно выпускников, готовых к продолжению научной карьеры в сотрудничестве со специалистами старшего поколения.

В деле подготовки научных кадров больше применялось государственное воздействие, а не взаимодействия государственных и научных структур [Милаева 2018, с. 40]. Будущие научные работники получили официальный статус, стипендии и одновременно – требование соответствовать политико-идеологическим критериям советского специалиста. Выделенные в единую категорию аспиранты стали более удобны для государственного контроля. Усилия по внедрению марксисткой идеологии отвлекали от научных задач, но вели к формированию нового облика советского ученого. При этом дореволюционные специалисты обеспечили успех подготовки ярких ученых и преемственность научных школ 1920-х гг., невзирая на процесс социальной и идеологической унификации.

Список литературы

1. Милаева О.В. К вопросу о нормативно-правовом регулировании организации аспирантуры в СССР в конце 1920-х-1930-х годах / О.В. Милаева, С.Д. Морозов, А.Е. Сиушкин // Политика и общество. 2018. № 11. С. 37-54.
2. Радиевый институт. Хроника событий. История коллекций: Альбом-каталог. М.: «Центр коммуникаций», 2023 352 с.

УДК 62(09)

ТЕХНОЛОГИИ VS ПОЛИТИКА: «СТАХАНОВСКАЯ ПЯТИДНЕВКА» 1936 ГОДА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Ульянова Светлана Борисовна
Доктор исторических наук
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, профессор Высшей школы общественных наук
E-mail: ulyanova_sb@spbstu.ru

Аннотация: Развернувшееся в 1935-1936 гг. стахановское движение в промышленности и на транспорте означало не только пересмотр сложившихся властных диспозиций на предприятиях и слом традиционных цеховых отношений, но и «проверку на прочность» для существовавшей технико-производственной культуры в промышленности. Стахановское движение, начавшееся как инициатива по установлению личных трудовых рекордов, очень быстро превратилось в массовую производственную кампанию. Соблазн для рабочих приобщиться к материальным благам, которыми власть осыпала первых стахановцев, а также боязнь инженерно-технических работников быть ошельмованными как «вредители» приводили к тому, что на каждом предприятии множились трудовые почины. В январе 1936 г. по инициативе рабочих Магнитогорского металлургического комбината и при поддержке народного комиссара тяжелой промышленности С. Орджоникидзе по всей стране была проведена «стахановская пятидневка». Несмотря на оптимистичные отчеты с мест, в целом, ее итоги оказались провальными. В докладе на основе впервые вводимых в научный оборот материалов Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, а также опубликованных материалов анализируется то, как объявленная кампания повлияла на изменение технологических процессов на предприятиях промышленности, на безопасность труда, на пересмотр технических нормативов.

Ключевые слова: история техники и технологий; заводская наука; технико-производственная культура; индустриализация; стахановское движение; стахановская пятидневка.

TECHNOLOGY VS POLITICS: THE STAKHANOV FIVE DAYS OF 1936 AT THE ENTERPRISES OF THE LENINGRAD INDUSTRY

Ulyanova Svetlana Borisovna
Peter the Great St.Petersburg Polytechnic university, professor

Abstract: The Stakhanov movement in industry and transport that unfolded in 1935-1936 meant not only a revision of the established power dispositions at enterprises and the scrapping of traditional shop relations, but also a "test of strength" for the existing technical and industrial culture in industry. The Stakhanov movement, which began as an initiative to set personal labor records, quickly turned into a mass production campaign. The temptation for workers to join the material benefits that the government showered on the first Stakhanovites, as well as the fear of engineering and technical workers being branded as "pests" led to the multiplication of labor initiatives at each enterprise. In January 1936, on the initiative of the workers of the Magnitogorsk Iron and Steel Works and with the support of the People's Commissar of Heavy Industry S. Ordzhonikidze, the "Stakhanov Five Days" was held throughout the country. Despite the optimistic reports from the field, in general, its results turned out to be a failure. Based on the materials of the Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg, as well as published materials, which are being introduced into scientific circulation for the first time, the report analyzes how the announced campaign influenced changes in technological processes at Leningrad industry enterprises, occupational safety, and the revision of technical standards.

Keywords: history of engineering and technology; factory science; technical and industrial culture; industrialization; Stakhanov movement; Stakhanov five days.

Одним из самых заметных феноменов советского общества 1930-х гг. стало развернувшееся в 1935-1936 гг. стахановское движение. Оно означало не только пересмотр сложившихся властных диспозиций в промышленности и слом традиционных цеховых отношений, но и «проверку на прочность» существовавшей в то время технико-производственной культуры.

Как правило, в историографии стахановское движение изучается в контексте экономической или политической истории [Володин, Володина 2021]. Исследователи обращают внимание на то, что в сталинской системе мотивации и стимулирования труда экономическая рациональность подменялась политической волей. Власть ставила перед хозяйственниками и рабочими задачу резкого повышения эффективности производственных процессов через расширение стахановских методов работы, возлагая ответственность за выполнение производственной программы на руководителей предприятий.

Стахановское движение нарушало ритмичность работы на уровне отдельных участков, цехов, предприятий и отраслей в целом, оборачивалось штурмовщиной. Примечательно, что на первых порах руководство Наркомата тяжелой промышленности рассчитывало на то, что новый трудовой почин приведет к технической модернизации рабочих мест [Фельдман 2021, с. 133-134]. Однако на практике рабочие были вынуждены втягиваться в сверхнормативный труд, выдававшийся отныне за норму. Насильно внедряемые методы работы вызывали ответную реакцию в виде имитации рекордов. Кампания сопровождалась пересмотром норм без какого бы то ни было технического обоснования, просто в силу «необходимости замены устаревших норм, опрокинутых стахановским движением, новыми, более высокими техническими нормами, соответствующими достигнутому уровню передовой техники нашей страны» (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2093. Л. 131).

С технической точки зрения в стахановском движении заметны две противоречивые тенденции. С одной стороны, оно официально связывалось с «рационализацией технологических процессов», лучшей организацией рабочих мест, развитием начал научной организации труда [КПСС в резолюциях 1984, с. 285]. Но при этом стахановское движение ломало старые технические нормы и вызывало дезорганизацию производственных процессов. На первых порах хозяйственники пытались сопротивляться губительным переменам. Директора заводов и профильные чиновники подчеркивали, что стахановское движение должно опираться не на авральную интенсивность труда, а на лучшее использование техники, требующее технической учебы, что необходимо придерживаться научных принципов технического нормирования работы станков. Но им пришлось быстро «сдать позиции» но перед лицом агрессивного поведения политического руководства страны [Совет при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР 1935]. Стахановцы, имея мощную поддержку «сверху», откровенно «ломали» существовавшую техническую культуру. Проблема заключалась в том, что при этом пересматривались не только трудовые нормы (что приводило к резкому росту физической интенсивности труда рабочих), но и технические нормы станков и оборудования.

Очень быстро движение приобрело характер хозяйственно-политической кампании. Так, в январе 1936 года по инициативе рабочих Магнитогорского металлургического комбината и при поддержке народного комиссара тяжелой промышленности С. Орджоникидзе по всей стране была проведена «стахановская пятидневка». О том, как она проходила на предприятиях ленинградской промышленности, можно судить по материалам Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга. Например, в сводке о проведении «пятидневки» на заводах военно-металлической промышленности отмечалось, что «вся подготовка проведению дня ударника и стахановских пятидневок проходит через массовые производственные совещания», то есть инженерно-технические работники из этого процесса были исключены. В то же время все недочеты и провалы «пятидневки» списывались на мастеров и других инженерно-технических работников: «Руководство цеха все еще не понимает всей важности своевременного обеспечения обрабатывающих цехов хорошим инструментом и тем самым тормозит развитие стахановского движения» (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2093. Л. 53).

Кратковременное повышение выработки быстро сменилось падением, так как стахановская работа приводила к росту простоев. Например, на заводе «Большевик» «были массовые простои у рабочих, в результате плохой подготовки рабочих мест в стахановские дни, так, слесаря Фролов и Бич, имели по 2,5 часа простоя из-за отсутствия деталей, работница Павлова простояла 3 часа из-за отсутствия на станке электро-лампочки, токарь Куликов работал без чертежей и сделал брак» (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 1668. Л. 57). Лучше дело обстояло там, где стахановская «пятидневка» совпала с введением конвейерной системы (конвейер повышал выработку, а нормы рассчитывались по-старому). Именно таким образом, например, стахановцам фабрики «Скороход» (самым знаменитым из них был затяжчик Николай Сметанин) удалось перекрыть норму выработки обуви более чем вдвое (ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 960. Л. 131).

Сверхинтенсивная эксплуатация оборудования в течение «стахановской пятидневки» вела к повышенному расходу рабочих инструментов (резцов, фрез и т.п.), а также к поломкам станков, не выдерживавших напряженной работы. Об опасности такого подхода еще в начале 1930-х гг. предупреждал один из ведущих специалистов по организации промышленного производства О.А. Ерманский [Ерманский 1934]. Ученый сформулировал идею о том, что

«рациональная организация производства состоит в оптимальном использовании каждого из факторов или элементов производства и в согласовании всех этих оптимализированных элементов между собою» [Ерманский 1929, с. 203]. Именно такой согласованности и не было в «стахановской пятидневке», когда оптимальность технологических процессов была подменена штурмовщиной.

Отметим, что нередки были случаи, когда рационализаторы-стахановцы, стремясь к увеличению показателей, вносили в свои инструменты такие конструктивные изменения, которые вели к нарушению норм безопасности труда. А на Втором пленуме Совета при наркоме тяжелой промышленности в июне 1936 г. в ряде выступлений приводились факты о том, что в погоне за стахановскими рекордами были грубо нарушены правила эксплуатации станков и машин, что привело к серьезным авариям и выводу оборудования из строя на долгое время [Совет при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР 1936, с. 307, 325].

В политическом дискурсе стахановского движения техническая мысль рабочих-стахановцев противопоставлялась технической «зашоренности» инженеров и мастеров «старой школы». Например, один из выступавших на собрании партийного актива г. Казани в январе 1936 года сообщал: «Вот, примерно, у нас это больное место – обточка паровозов. Здесь доказывали рабочие, что раньше 14 часов не обточишь ската, вместо того, чтобы доказывать и подумать над процессом производства, командир отказался. Коробейников – старый токарь с 20-летним производственным стажем сделал простой резец, а наконечник сделал из победита, и этим самым он скат вместо того, чтобы брать две стружки, забрал одной стружкой, вместо 14 часов обточил за 7,5 часов. Мысль-то рабочий подал» [Фаезова, Елизарова 2010, с. 133].

Стахановское движение пошатнуло традиционную иерархию заводских сообществ, на вершине которой находились инженерно-технические работники. Их противодействие нарушению технических норм, технологий, инструкций, правил безопасности выдавалось за «вредительство» и нередко становилось поводом для репрессий. Стахановское движение, таким образом, подрывало авторитет инженера на производстве. Оно вело к безоглядной эксплуатации техники, ее быстрому износу, перерасходу сырья, снижению качества продукции. Стахановскому движению сопутствовало игнорирование технической мысли и превознесение практического опыта передовых рабочих.

Список литературы

1. Володин, Володина 2021 – Володин С.Ф., Володина Т.А. Советская историография о стахановском движении // Тульский научный вестник. Сер.: История. Языкознание. 2021. Вып. 2. С. 45-61.
2. Ерманский 1929 – Ерманский О.А. К постановке проблемы рационализации // Плановое хозяйство. 1929. № 2. С. 197-229.
3. Ерманский 1934 – Ерманский О.А. Письма о рационализации. 3-е изд. М.; Л.: Гостехиздат, 1934. 112 с.
4. КПСС в резолюциях 1984 – Вопросы промышленности и транспортв в связи со стахановским движением // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М.: Политиздат, 1984. С. 284-295.

5. Совет при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР 1935 – Совет при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР. 1 пленум. 10-12 мая 1935 г. М. ; Л. : Онти, 1935. 316 с.
6. Совет при народном комиссаре тяжелой промышленности СССР 1936 - Совет при Народном Комиссаре тяжелой промышленности СССР. 25-29 июня 1936 г.: Стенографический отчет. М.: ОНТИ НКТП, 1936. 427 с.
7. Фаезова, Елизарова 2010 – «Пока мы имеем первые успехи в стахановском движении…» / публ. Г. Фаезова, С. Елизарова // Эхо веков. 2010. № 3/4. С. 131-140.
8. Фельдман 2021 – Фельдман М.А. Второй пятилетний план: эволюция подходов к реализации в период 1933-1936 гг. // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 3. С. 127-144.

УДК 62(09)

МОДЕРНИЗАЦИЯ ТРАМВАЙНЫХ ВАГОНОВ В СССР В 1930-1950 гг.: БЕЗОПАСНОСТЬ И КОМФОРТ ВОДИТЕЛЯ

Потемкина Марина Николаевна

Доктор исторических наук

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, профессор кафедры всеобщей истории

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Центра экономической и социальной истории

E-mail: mpotemkina@mail.ru

Аннотация: Городской общественный транспорт является важной частью городского пространства, связывая его узловые объекты. Безопасность и качество работы водителя трамвая во многом зависят от конструкции вагона. Цель исследования – проследить модернизационные изменения технических характеристик подвижного состава городского электротранспорта для вагоновожатых. Анализ степени изученности проблемы показал, что в силу её междисциплинарного характера, преобладают труды экономистов и культурологов. Исследование основано на анализе архивных материалов, профессиональных справочников, материалов периодической печати. В статье приведены сведения о трамвайных вагонах следующих типов: Мытищинские «М» и «Х2», Усть-Катавский КТМ/КТП-1, Рижский МТВ-82, Ленинградский ЛМ-49; проанализированы условия труда водителей на линии движения. Сделан вывод о том, что в течение 1930-1940-х гг. в городах СССР произошли изменения в конструкциях трамвайных вагонов: кабина водителя была отделена от салона, она стала обогреваться, на рабочем месте водителя установлено сиденье, механизировано управление оборудованием, автоматизированы очистка и обогрев ветрового стекла, улучшена тормозная

система, внедрено централизованное управление дверями вагона. Условия труда вагоновожатых диктовались общим уровнем технической оснащенности и уровнем развития отрасли, постепенно они становились более безопасными и комфортными.

Ключевые слова: Городской электротранспорт, история трамвая, трамвайный вагон, вагоновожатый, безопасность движения, условия труда.

MODERNIZATION OF TRAM CARS IN THE USSR IN 1930-1950: DRIVER SAFETY AND COMFORT

Potemkina Marina Nikolaevna

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Professor f the Department of World History,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Leading Researcher, Center for Economic and Social History

Abstract: Urban public transport is an important part of the urban space, connecting its key objects. The safety and quality of work of a tram driver largely depend on the design of the car. The purpose of this study is to trace the modernization changes in the technical characteristics of urban electric transport rolling stock for drivers. An analysis of the degree of study of the problem showed that, due to its interdisciplinary nature, the works of economists and cultural scientists predominate. The study is based on the analysis of archival materials, professional reference books, and periodicals. The article provides information about the following types of tram cars: the Mytishchi "M" and "X2" cars, the Ust-Katav KTM/KTP1 cars, the Riga MTV-82 cars, and the Leningrad LM49 cars. It is concluded that during the 1930s and 1940s, there were changes in the design of tram cars in the cities of the USSR: the driver's cabin was separated from the passenger compartment, it was equipped with heating, a seat was installed in the driver's workplace, the equipment was mechanized, the cleaning and heating of the windshield were automated, the braking system was improved, and centralized control of the car doors was introduced. The working conditions of the drivers were influenced by the overall level of technical equipment and the development of the industry, and they gradually became safer and more comfortable.

Keywords: Urban electric transport, tram history, tram car, driver, traffic safety, working conditions.

Общественный городской электротранспорт получил широкое распространение в российских городах в 1920-1950-х гг. в связи с низким развитием автобусного сообщения и дорожной сети. Трамвай в годы Первой и Второй пятилеток осуществлял 95 % и 92,5 % от общего числа перевезенных общественным транспортом пассажиров соответственно (ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 390. Л. 22). На трамвайных предприятиях в рассматриваемый период происходили важные модернизационные процессы, которые затронули материально-техническую базу, систему организации перевозок, управление, кадровую политику, социальную сферу. Одной из составных частей трамвайного хозяйства является подвижной

состав. В 1930-1950-е гг. трамвайные предприятия страны эксплуатировали в основном следующие типы вагонов: Мытищинские «М» и «Х2», Усть-Катавский КТМ/КТП-1, Рижский МТВ-82, Ленинградский ЛМ-49. Наряду с показателями скорости передвижения, энергоемкости, надежности, ремонтопригодности и других технических характеристик, устройство трамвайных вагонов должно было отвечать требованиям безопасности и удобства управления для водителя. Рассмотрим, как в 1930-1950-х гг. менялась конструкция трамвайных вагонов с точки зрения вагоновожатого.

Трамвайные вагоны, эксплуатируемые на маршрутной сети провинциальных городов нашей страны в 1930-х гг., производились на Мытищинском машиностроительном заводе и были двух типов: моторные серии «Х» и прицепные серии «М». По отзывам обслуживающего персонала, вагоны этих серий были довольно неприхотливы в эксплуатации, имели высокую ремонтопригодность и надежность [Тимофеев 2018, с. 57]. Особенностью этих вагонов было то, что кабина не предусматривала специализированного кресла и водитель работал стоя. Эксплуатация вагона не только в дождь, но и в зимнее время года была затруднена поскольку отсутствовали стеклоочиститель, обдув и обогрев стекла. Очищать стекла от дождя и снега приходилось вручную. Системы отопления также не было и поэтому водитель работал всю 8- часовую смену фактически при уличной температуре. Работники трамвайных предприятий придумали свой способ обогрева: зимой на конечных разворотных кольцах жгли костры, в которых разогревали кирпичи или камни, а затем укладывали на пол кабины под ноги водителя, в конце рейса остывшие камни меняли на новые [Тимофеев 2018, с. 59]. Но самым неудобным для водителя было отсутствие перегородки кабины. Водитель воспринимал все неудобства давки переполненного салона, что отражалось на его психологическом состоянии, утомляемости и, конечно же, на безопасности движения. Вагон имел непосредственную систему управления тяговыми электродвигателями. Близкое расположение электрических дуг и разогретых докрасна пуско-тормозных реостатов от деревянной обшивки вагона делало его пожароопасным. Для защиты волос от опаливания дугой, водителям предписывалось работать в головных уборах: женщинам - в косынках, а мужчинам - в кепках или беретах [Бондаревский 1960, с. 49].

Во второй половине 1940-х гг. в трамвайные хозяйства поступили новые вагоны – односторонние, двухосные и высокопольные трамваи модели КТМ/КТП-1, с максимальной скоростью движения - 40 км/ч. Эти вагоны выпускались на Усть-Катавском заводе имени С.М. Кирова с 1947 по 1961 г. К их достоинствам можно отнести простоту обслуживания и ремонта; высокое качество сборки; относительно небольшую массу; хорошие динамические свойства; современный для того периода дизайн. Более совершенной стала система тормозов (служебный, запасной и экстренный тормоза), кабина водителя обогревалась двумя электротенами [Бондаревский 1960, с. 134].

В конце 1940-х гг. городские трамвайные парки пополнились вагонами модели МТВ-82. Это был один из самых надежных и долговечных трамваев.

Аббревиатура «МТВ» расшифровывается как «Московский трамвайный вагон», поскольку первый прототип был построен на военном заводе № 82 (ныне Тушинский машиностроительный завод). С 1949 по 1961 г серийное производство вагонов данного типа было налажено в Риге [Кожушко 2023, с. 27].

По своей технической оснастке трамвай МТВ-82 остался на уровне 1930-х гг., в то же время, это был первый полностью металлический вагон. Корпус вагона располагался на мощной раме, обшивался алюминиевыми листами, а изнутри отделывался дубовой фанерой, металлические элементы хромировались. Механизмы открывания и закрывания дверей, тормозов, стеклоочистителей были оснащены пневмосистемами, управление которыми осуществлял водитель. Кабина водителя отапливалась электропечью, освещалась двухламповым плафоном, но имела очень маленькие размеры [Потёмкина 2019, с. 314]. Активное использование МТВ-82 продолжалось до середины 1970-х гг.

После Великой Отечественной войны в Ленинграде осталось множество сгоревших или поврежденных вагонов ЛМ/ЛП-33 с уцелевшими рамами. На этих рамах начали воссоздаваться трамвайные вагоны в новом корпусе. Первой была новая модель ЛМ-47(цифры в модификации означают год начала серийного выпуска), позднее была разработана модель ЛМ-49. Новый вагон имел цельнометаллический корпус [Городской электрический транспорт в России, СССР и Российской Федерации 2007, с. 206].

Первые вагоны ЛМ-49 не имели указателей поворота, тормозных огней и громкоговорящих устройств с микрофонами. Кабина водителя оборудовались электротеновыми обогревателями, но из-за технологических отверстий в полу кабину очень сильно продувало. Трамваи ленинградского завода не нашли такого широкого применения в Советском Союзе, как трамваи рижского завода. Они эксплуатировались в Ленинграде, Новокузнецке, Горьком, Минске и Магнитогорске [Тимофеев 2018, с. 70]. Такие вагоны отличались высокой надежностью и долговечностью, но были сложны в управлении.

Таким образом, в течение 1930-1940-х гг. в городах СССР наблюдалось кардинальное изменение эксплуатационных характеристик подвижного состава электротранспорта:

эргономика – наличие на рабочем месте водителя обогревателя и сидения, стеклоочистителя и обогрева ветрового стекла, повышенной обзорности, механизации управления оборудованием;

безопасность перевозок – изолирование рабочего места водителя от общего пространства салона, централизованное управление дверями вагона, отказ от непосредственной системы управления тяговыми электродвигателями, появление резервной тормозной системы, использование раздвижных дверей.

Трамвайные вагоны становились более комфортными для водителей, рабочее пространство все больше воспринимались как некий «дом на колесах».

Список литературы

1. Бондаревский Д.И. Технический справочник по городскому электротранспорту. Т. 2. Трамвай / Д.И. Бондаревский, Н.Д. Ермаков, Г.Р. Либерман и др. М.: Изд-во МКХ РСФСР, 1960. 566 с.
2. Городской электрический транспорт в России, СССР и Российской Федерации: География, история, статистика. Энциклопедический справочник / С.А. Тархов, В.В. Розалиев, Д.С. Мерзлов., А. Оландер, К.А. Климов. Н. Новгород: Штрих-Н, 2007. 368 с.

3. Кожушко Ю.Н. Условия труда производственного персонала трамваев в городах Челябинской области в 1930-е гг.// Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2023. Т. 23. № 2. С. 23-30.

4. Потёмкина М.Н. Роль трамвайного движения в формировании транспортной системы Магнитогорска / М.Н. Потёмкина, М.В. Грязнов, Г.Г. Пашковская, Е.А. Тимофеев // Мир транспорта. 2019. № 17(6). С. 310-326.

5. Тимофеев Е.А. Магнитогорский трамвай: исторический опыт и перспективы развития. Т. 1. Становление, война, послевоенные годы (1930 – 1955) / Е.А. Тимофеев, М.Н. Потемкина, М.В. Грязнов. Магнитогорск: Магнитогорский дом печати, 2018. 204 с.

УДК 62(09)

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ СОВЕТСКОГО БЫТА В 1920-х–1930-х гг.: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И МАТЕРИАЛЬНАЯ СРЕДА

Никифорова Наталия Владимировна
Кандидат культурологии
Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (Санкт-Петербургский филиал), старший научный сотрудник
E-mail: n@lto.ru

Аннотация: В статье рассмотрены обстоятельства раннесоветской электрификации быта. Привнесение новой технологии в домашнее пространство представлялось властям важным инфраструктурным и главное – политическим и идеологическим шагом. Вместе с тем, процесс электрификации быта не был простым. Энергетические мощности в первую очередь направлялись на промышленность, а производство электроприборов не было приоритетным. Проанализированы официальный и публицистический дискурсы электрификации быта. Показано, что в противовес «буржуазному индивидуализму» советская система делала ставку на централизованные электрифицированные предприятия бытового обслуживания. Однако реальное внедрение технологий сталкивалось с серьезными препятствиями: дефицит лампочек, слабая промышленная база, низкое качество продукции и пр. Сделан вывод о том, что несмотря на то, что к концу 1930-х гг. электричество широко вошло в быт советских людей, массовое производство бытовых электрических приборов еще не было налажено. Электрификация быта оставалась символом будущего.

Ключевые слова: электрификация быта, электрификация, электроприборы, обобществление быта, дома-коммуны

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-20042, https://rscf.ru/project/25-28-20042/ и гранта Санкт-Петербургского научного фонда, проект № 25-28-20042.

THE ELECTRIFICATION OF SOVIET LIFE IN THE 1920s–1930s. IDEOLOGICAL CONTEXT AND MATERIAL ENVIRONMENT

Nikiforova Natalia Vladimirovna
S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch, senior research fellow

Abstract. This article examines the circumstances of the early Soviet electrification of everyday life. The introduction of new technology into the home was seen by the authorities as an important infrastructural and political and ideological step. However, the process of electrifying everyday life was not straightforward. Energy capacity was primarily directed toward industry, and the production of electrical appliances was not a priority. The official and journalistic discourses of the electrification of everyday life are analyzed. It is shown that, in contrast to "bourgeois individualism," the Soviet system relied on centralized electrified consumer service enterprises. However, the actual introduction of technology faced serious obstacles: a shortage of light bulbs, a weak industrial base, poor product quality, etc. It was concluded that, despite the fact that by the end of the 1930s electricity had become widespread in the lives of Soviet people, mass production of household electrical appliances had not yet been established. Electrification of everyday life remained a symbol of the future.

Keywords: electrification of everyday life, electrification, electrical appliances, socialization of everyday life, house-commune

В 1920-е и 1930-е годы вопросы электрификации быта активно обсуждались и планировались на уровне государственных властей [Рубцов, Чижиков 1931]. В городах уже можно было встретить электрическое освещение на улицах, в домах, общественных и культурных учреждениях, но о массовости и повсеместности речь пока не шла. Региональные органы власти уделяли внимание оснащению социальных объектов необходимой инфраструктурой, рабочие получали льготы, включая бесплатное пользование электроэнергией даже в эпоху НЭПа [Орлов 2010, с. 86]. Тем не менее, электричество присутствовало далеко не во всех жилищах. Исследователь А.С. Ковалев отмечает, что в некоторых случаях электрическим освещением не пользовались из-за дефицита лампочек [Ковалев 2012]. Публикации в прессе указывали на недостаток электроприборов как препятствие к развитию новой технологии. Так, в «Правде» отмечалось, что на 1931 год в Ленинграде было крайне мало пользователей электроприборами: «Город Ленина, застрельщик бытовой электрификации, насчитывает сейчас только 4.200 «бытовых» абонентов, которые эксплуатируют 15.000 электроприборов. Ничтожность этой цифры объясняется недостатком электроприборов. Завод «Электрик», снабжающий электроприборами всю страну, не выполняет своей программы по этой отрасли производства» [Железнов 1931].

Процесс электрификации быта в указанный период протекал одновременно на двух уровнях: на уровне идей и намерений, где он обсуждался и представлялся, и на уровне реальной инфраструктуры, с присущими ей ограничениями и барьерами. Перспективная электрификация быта должна была опираться на ряд концептуальных основ, среди которых задействование так называемых «электрических отбросов» (мощностей, которые оказались не востребованными промышленностью) [Рубцов, Чижиков 1931, с. 1]. Электрификация жилищ предполагалась не только как действие во имя комфорта, но как этап на пути к новой жизненной культуре. Советская электрификация должна была двигаться не по пути увеличения количества индивидуальных приборов (что считалось буржуазным уютом), как это было в капиталистических странах: «за границей электрификация служит зажиточному

классу , а электроприборы идут по пути мещанской эстетики в «собственной квартире», в «собственном гнездышке» кисейного уюта… Такие приборы как вентиляторы, распространяющие ароматы, вибромассажеры, электрические одеяла, подогревательные коврики, собственные электрифицированные кухни, стиральные машины – закрепление собственнических тенденций мещанского общества» [Рубцов, Чижиков 1931, с. 14].

Новой переходной формой быта, связанной с обобществлением и коллективизацией жизни, должны были стать дома-коммуны с минимальным пространством для индивидуального проживания и разветвленной системой коллективных бытовых услуг [Былинкин 1975]. Этот формат жилища не стал универсальным, а скорее был экспериментальной площадкой новых форм быта. Такие дома проектировались как электрифицированные [Виленц-Горовиц 1930, с. 55-56], а популяризаторы нового быта высказывались о том, каким должно быть электрическое наполнение таких жилищ. Так, в общественных пространствах предполагалось самое современное и масштабное оснащение – холодильники, плиты, стиральные машины, электрические аппараты для массажа и для физкультуры, в клубном зале – киноаппарат. Комнаты предполагали минимальный необходимый функциональный набор – радиоточка, на серию комнат могли быть предусмотрены печка и чайник [Толкачев 1930].

Электрификация в СССР была стимулом к коллективизации быта, а общественные предприятия могли позволить себе более сложные, крупные и высокотехнологичные машины. Обслуживать рабочих должны центральных механические прачечные, фабриках-кухнях, хлебозаводах, «в такого рода центральных учреждениях электрическая энергия, как источник движущей силы и как источник тепла, должна сослужить особо важную роль» [Толкачев 1930].

До 1950-х основной электрической технологией в доме было освещение – массового выпуска электроприборов еще не было. Хотя их все же изготавливали, в основном, воспроизводя западные образцы. Так, материалы о производстве электроприборов на предприятиях Ленинграда демонстрируют, что в 1936 на предприятиях Ленинграда было изготовлено почти 150000 электроутюгов, столько же электроплиток и электрочайников. Производство электропылесосов было в плане на этот год, однако не было изготовлено ни одного. Производились моторы для холодильников - однако их было сделано 558 штук против 10 000 в плане (ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 260. Д. 1500. Л. 24). Образцы бытовых приборов собирала Всесоюзная торговая палата. Далее эти образцы направлялись предприятиям тяжелой промышленности для освоения. Основное внимание Палата уделяла сбору иностранных образцов, также собирала каталоги и журналы различных фирм и стран. Электробытовые приборы целевым интересом для заводов. Как отметил в своей записке председатель Ленинградского отделения Всесоюзной Торговой палаты, со стороны предприятий тяжелой промышленности отсутствует заинтересованность в освоении и усовершенствовании образцов, большинство привлекаемых Палатой заводов не являются на совещания, «отбор образцов происходит формально, «по принципу “отделаться”», а отобранные образцы задерживаются или вовсе не производятся заводами (ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 260. Д. 1500. Л. 44).

Качество продукции часто было невысоким и зависело от сырья. Так, обследование производства бытовых приборов по системе Ленинградского металлического союза производства предметов широкого потребления (ЛЕНМЕТИЗШИРПРОМСОЮЗ) указало на низкое качество утюгов, вызванное низким качеством сплава для нагревательных элементов. В документе также отмечено небрежное хранение продукции, приводившее к повреждениям,

при этом некачественные и испорченные приборы все равно предлагались покупателям (ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 260. Д. 1500. Л. 61-63).

К концу 1930-х электрическое освещение общественных пространств и жилищ уже стало рутинным. Постепенно привычными элементами ландшафта становились общественные организации типа бань, прачечных, фабрик-кухонь, а также кинотеатров и клубов, где электричество обеспечивало тепло, свет, гигиену и шире – культуру и просвещение. При этом электрификация жилища развивалась довольно медленно, что было связано с нерасторопностью и сложной организацией промышленного производства. Вместе с тем контуры будущей перспективной электрификации быта были намечены на страницах журналов и газет, в публицистике. И для этого будущего электрическая энергия обладала главным свойством – потенциалом обобществления и стремительного технологического и социального прогресса.

Список литературы

1. Былинкин 1975 – Былинкин Н.П. Всеобщая история архитектуры. Т. 12. Кн. 1: Архитектура СССР, 1917 / Н.П. Былинкин, С.О. Хан-Магомедов, А.Я. Ковалев. М: Стройиздат, 1975. 755 с.
2. Виленц-Горовиц 1930 – Виленц-Горовиц Е.В. Жилищное строительство. М: Планхозгиз, 1930. 70 с.
3. Железнов 1931 – Железнов Л. Город Ленина // Правда. 1931. 23 нояб. С. 5.
4. Ковалев 2012 – Ковалев А.С. Инженерные системы и проблема организации комфортной среды в инвалидных домах Сибири в 1920-1930-х гг. // Общество: философия, история, культура. 2012. № 2. С. 44-50.
5. Орлов 2010 – Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М: Издательский Дом ВШЭ, 2010. 316 с.
6. Рубцов, Чижиков 1931 – Рубцов В., Чижиков В. Электрификация быта. Л.: Прибой, 1931. 60 с.
7. Толкачев 1930 – Толкачев С.И. Применение электрической энергии в домашнем быту // Плановое хозяйство. 1930. № 2. С. 180-196.

УДК 62(09)

РАЗВИТИЕ ТЕХНОЛОГИЙ В УСЛОВИЯХ РАБОТЫ АВТОНОМНОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ПРИОЗЕРСКОГО ЦЕЛЛЮЛОЗНОГО ЗАВОДА (1950-е гг.)

Покидько Павел Сергеевич

Кандидат исторических наук

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, ведущий специалист отдела организации и координации научной деятельности обучающихся,

E-mail: pavel.pokidko.85@mail.ru

Аннотация: На основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов статья знакомит читателя с историей развития энергетической инфраструктуры на

Приозерском целлюлозном заводе (Ленинградская область). В условиях удаленности предприятия от линий электропередач на заводе сложилась нетипичная для советского производства практика развития автономной энергетической инфраструктуры, что создало условия для запуска ряда цехов по производству товаров из отходов производства целлюлозы. Создание инфраструктуры потребовало интенсивных контактов между заводоуправлением и вышестоящими ведомствами, а также заимствования ряда успешных технологических решений других предприятий Ленинградского промышленного района. Анализ архивных материалов показал, что в СССР, кроме официально принятой стратегии развития энергетики в рамках объединения энергосистем, в ряде случаев эффективной оказывалась модель локальной энергетической инфраструктуры, связанной с нуждами конкретных производств.

Ключевые слова: целлюлозно-бумажная промышленность, Приозерский целлюлозный завод, энергетическая инфраструктура, теплоэлектроцентраль.

DEVELOPMENT OF TECHNOLOGIES IN THE OPERATING CONDITIONS OF THE AUTONOMOUS ENERGY INFRASTRUCTURE OF THE PRIOZERSK CELLULAR POWER PLANT (1950s)

Pokidko Pavel Sergeevich

Saint Petersburg State University of Economics, Department of organization and coordination of scientific activities of students, Leading Specialist

Abstract. Based on archival documents introduced for the first time into scientific circulation, this report introduces the reader to the history of the development of energy infrastructure at the Priozersk CELLULAR POWER PLANT. Given the plant's remoteness from power lines, the plant adopted the practice of developing an autonomous industrial energy infrastructure, atypical for Soviet production, which created the conditions for the launch of several workshops producing goods from pulp mill waste. The creation of this infrastructure required the development of links between production and higher-level ministries, as well as the adoption of a number of successful technological solutions from several enterprises in the Leningrad Industrial Region. An analysis of archival materials shows that in the USSR, in addition to the officially adopted energy development strategy, local energy infrastructure was developed in cases where it was necessary to meet production needs.

Keywords: pulp and paper industry, Priozersk Pulp and Paper Mill, energy infrastructure, combined heat and power plant.

В советской модели экономики одним из главных приоритетов было развитие энергетики, на которое выделялись значительные ресурсы [Ханин 2008]. Внимание к энергетическим проектам было свойственно всем руководителям государства [Гвоздецкий, Будрейко 2021, с. 8]. Таким образом создавались условия для внедрения передовых технологий, необходимых для устойчивого развития энергетической инфраструктуры. В ходе интенсивного промышленного роста второй половины XX века в СССР шел поиск технологических, инженерных и организационных решений, направленных на создание моделей, обеспечивающих оптимальную работу промышленной энергетической

инфраструктуры, которая включала в себя совокупность электростанций, сетей и других объектов, производивших, передававших и распределявших электроэнергию. Определяющим трендом развития была унификация энергосистемы [Грищенко 2008].

Позитивному развитию энергетики мешал нарастающий дефицит оборудования, который был вызван рядом причин. Одной из них стали санкции со стороны США и их европейских партнеров в 1952-1953 гг. (официальной причиной было испытание Советским Союзом водородной бомбы), которые привели к изменению модели развития энергетики. Дефицит энергетического оборудования стал причиной отставания развития электросетей от запросов производства [Sutton 1968].

В сложившихся условиях развитие малых и средних форм энергетики советские специалисты считали малоэффективным. К ним прибегали только в случаях большой удаленности промышленных предприятий от высоковольтных линий или необходимости запуска новых производств в условиях отсутствия резервов в энергосистеме. В связи с этим опыт производства электроэнергии и развития энергетической инфраструктуры на расположенном на Карельском перешейке Приозерском целлюлозном заводе (ЦЗ) в 1950-1955 гг. представляет определенный интерес. Подобные локальные практики развития энергетики в целлюлозно-бумажной отрасли больше не встречались ни на одном из предприятий.

Приозерский (Кексгольмский) целлюлозный завод был построен в 1930-е гг. финнами и достался СССР по итогам Второй мировой войны. Он был оснащен современным немецким оборудованием, позволявшим производить вискозную целлюлозу из ели, но требовал качественных ресурсов – угля (силезского, позднее – донецкого) и елового баланса без сучков.

С 1947 по 1955 год на базе теплоэлектроцентрали (ТЭЦ) завода шла интенсивная модернизация энергетической инфраструктуры для снабжения промышленных мощностей паром и электроэнергией. Необходимые детали для ремонта котлов изготавливались в механической мастерской. Так, в 1948 г. в ней сварили 48 змеевиков для запуска нового котла. Развитие заводской энергетической инфраструктуры позволило обеспечить паром запуск в 1949 году спиртового завода (Приозерский краеведческий музей Ф. 5. Д. 12А. Л. 1). Для увеличения выработки пара и электроэнергии ТЭЦ неоднократно усиливалась котлами. Некоторые из них были экспериментальными, работали на пылевидном топливе (Приозерский краеведческий музей Ф. 5. Д. 12А. Л. 1). Их внедрение обеспечило энергетическими ресурсами запущенный в 1950 году цех древесноволокнистых плит.

Повышению эффективности работы котельной завода способствовал обмен опытом с другими предприятиями. Так, проблема с колосниковыми решетками котлов, которые работали неудовлетворительно и приводили к внеплановым остановкам, была решена за счет заимствования опыта 3-й городской электростанции Ленинграда. После переделки решетка котла № 3 в течение трех месяцев не имела остановок (ЛОГАВ. Ф. Р-1431. Оп. 1. Д. 76. Л. 252).

Развитию энергетической инфраструктуры Приозерского ЦЗ способствовал визит на завод в 1951 году министра бумажной и деревообрабатывающей промышленности И. Е. Воронова. В своем выступлении перед рабочими он отмечал: «Плохо работает ТЭЦ, съем пара с котла составлял всего 70 %, в 1951 г. было 14 аварий, в том числе 2 больших, из-за которых встало все производство. <…> К 1953 г. завод должен ликвидировать диспропорцию между энергетическими и производственными мощностями» (ЛОГАВ. Ф. Р-1431. Оп. 1. Д. 95. Л. 13). Руководство отрасли содействовало получению необходимого оборудования для доукомплектации ТЭЦ. Без решения этих проблем было бы невозможно ритмичное производство дрожжей.

Дальнейшему совершенствованию энергетической инфраструктуры способствовало распространение практики проведения ежегодных планово-предупредительных ремонтов. Например, в 1954 г. на котле № 5 заменили экономайзер, у котлов № 2 и 4 реконструировали фронтовую часть, что увеличило зеркало горения и топочного объема. В зольном помещении был установлен транспортер для шлакоудаления из-под всех котлов и усилена вентиляция. Проведенные работы увеличили съем пара на 2-3 т/час и улучшили прожог угля (ЛОГАВ. Ф. Р-1431. Оп.1. Д. 142. Л. 165). Улучшилась ситуация с обеспечением производства пара. Новые мощности позволили запустить механическую прачечную, облегчившую работу по стирке белья, сократились расходы на доплату рабочим за стирку спецодежды (ЛОГАВ. Ф. Р-1431. Оп.1. Д. 147. Л. 1). В целом же, для нормальной работы завода не хватало резервов, которые должны были бы обеспечиваться за счет получения электроэнергии с линии электропередач.

Несмотря на возникавшие проблемы, развитие автономной инфраструктуры сформировало необходимую энергетическую базу, которая стала одним из факторов, позволивших Приозерскому целлюлозному заводу стать в 1954 году, наряду с Архангельским целлюлозно-бумажным комбинатом, одним из двух заводов в отрасли, выполнившим план в полном объеме (ЛОГАВ. Ф. Р-69. Оп. 2. Д. 142. Л. 4). Впрочем, неподключенность завода к линии электропередач ограничивала его возможности по наращиванию производства, что делало значительные производственные мощности невостребованными.

Список литературы

1. Грищенко 2008 – Грищенко А.И. Энергетическое право России: (правовое регулирование электроэнергетики в 1885-1918 гг.) / А. И. Грищенко, П. С. Зиноватный. М.: Юрист, 2008. 279 с.
2. Ханин 2008 – Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. Новосибирск: НГТУ, 2008. 438 с.
3. Гвоздецкий, Будрейко 2021 – Гвоздецкий В.Л., Будрейко Н.Б. Манифест о намерениях (К110-летию плана ГОЭЛРО) // Социология науки и технологий. 2021. № 1. С. 7-33.
4. Sutton 1968 – Sutton A. Western Technology and Soviet Economic Development. Vol. 1: 1917-1930. Stanford: Hoover institution press, 1968. 381 p.

УДК 502(09)

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗМЕРЕНИЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УЩЕРБА: ДИСКУССИЯ О СТОЧНЫХ ВОДАХ И СИСТЕМАХ ОЧИСТКИ БАЙКАЛЬСКОГО ЦЕЛЛЮЛОЗНО-БУМАЖНОГО КОМБИНАТА (1966-1988 гг.)

Пискунов Михаил Олегович

Кандидат исторических наук

Тюменский государственный университет, доцент

E-mail: m.o.piskunov@utmn.ru

Аннотация: В статье рассматривается длительный конфликт вокруг Байкальского целлюлозно-бумажного комбината (БЦБК). Автор анализирует полемику экспертов и политиков, сфокусированную на воде озера Байкал. Опираясь на архивные материалы и опубликованные источники, он выделяет два аспекта дискуссии: о предельно допустимых концентрациях загрязнителей и о выборе биоиндикаторов для оценки чистоты байкальской воды. Показано, как вода Байкала из ценного производственного ресурса превратилась в символ уникального природного наследия, а БЦБК столкнулся с непреодолимыми экономическими и экологическими издержками. Сделан вывод о том, что экологические дебаты были не борьбой за объективную истину, а проявлением конкуренции различных версий реальности, конструируемых с помощью измерений и экспертиз.

Ключевые слова: Байкал; Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат; научная экспертиза; экологическая история; регуляторная наука; акторно-сетевая теория; очистка воды.

TECHNOLOGY FOR MEASURING ENVIRONMENTAL DAMAGE: DISCUSSION ON WASTEWATER AND TREATMENT SYSTEMS AT THE BAIKAL PULP AND PAPER MILL (1966-1988)

Piskunov Mikhail Olegovich

Tyumen State University, Associate Professor

Abstract: The article examines the long-running conflict over the Baikal Pulp and Paper Mill. The author analyzes the controversy of experts and politicians focused on the water of Lake Baikal. Based on archival materials and published sources, he identifies two aspects of the discussion: the maximum permissible concentrations of pollutants and the choice of bioindicators for assessing the purity of Baikal water. It shows how Baikal's water has transformed from a valuable production resource into a symbol of a unique natural heritage, and the BCBK has faced insurmountable economic and environmental costs. It is concluded that the environmental debate was not a struggle for objective truth, but a manifestation of the competition of different versions of reality, constructed using measurements and expertise.

Keywords: Baikal; Baikal Pulp and Paper Mill; scientific expertise; environmental history; regulatory science; actor-network theory; water purification.

Что делает вещество ресурсом, а что – отходами? Классическая работа антрополога Мэри Дуглас демонстрирует историческую связь между понятием чистоты и поддержанием социального порядка [Дуглас 2000]. Современные научные аргументы о статусе тех или иных веществ кажутся объективными, но – по крайней мере, когда речь идет об обществе и социальных конфликтах – мы вправе усомниться в их нейтральности. Целлюлозно-бумажная

промышленность – особенно продуктивная сфера для исследования таких классификаций. Производство целлюлозы по определению связано с химической трансформацией материи: из одного ресурса (древесины) извлекаются целлюлозные волокна в качестве основного продукта, в то время как лигнин и органические остатки становятся побочными продуктами или отходами, а сточные воды, насыщенные химическими соединениями, сбрасываются в водную среду как загрязнители. Более того, вода – это не просто хранилище остатков, но и необходимое средство производства, ресурс сам по себе. Наконец, один из конечных продуктов процесса – бумага – исторически служила человечеству носителем для хранения и приумножения знаний.

Статус каждого из этих веществ исторически изменчив и зависит не только от экономической и технологической инфраструктур, но и от интерпретационных рамок политиков и экспертов. В этом тексте рассматриваются дебаты вокруг деятельности Байкальского целлюлозно-бумажного комбината (БЦБК) – одного из самых длительных и институционально сложных конфликтов в позднесоветском и постсоветском природопользовании. Я рассматриваю его как многогранную полемику, организованную вокруг одного материального объекта – воды озера Байкал. Вода была не пассивным фоном или абстрактным символом, а субстратом, через который проходили все основные линии спора: предельно допустимые концентрации (ПДК) загрязняющих веществ, биологические показатели чистоты, технологии очистки и замкнутые системы водооборота и, в конечном счете, статус Байкала как уникального озера.

Доклад опирается на разнообразные архивные и опубликованные источники. Ключевыми среди них являются выпуски заводской газеты «Байкальский целлюлозник», выходившей с начала 1970-х годов, которая документирует внутренние споры через отчеты санитарных лабораторий, материалы общественного контроля, статьи о технологиях очистки и публикации Института экологической токсикологии. Публичная позиция сибирских ученых представлена в газете «За науку в Сибири», выпускаемой Сибирским отделением АН СССР. Материалы периодической печати дополняются внутренними документами нескольких байкальских экспертных комиссий в Архиве Российской академии наук (АРАН) и архивах Сибирского отделения (НА СО), законодательными материалами (постановления советского правительства, министерские приказы и технические стандарты) из Государственного архива Российской Федерации и Иркутской области (ГАИО), а также опубликованным сборником «Байкальская проблема: история в документах» [Тулохонов, Гармаев 2017].

Структура доклада следует по двум линиям экспертного спора о промышленных стоках БЦБК, наряду с более широкими социальными интерпретациями этих споров: 1) столкновения по поводу предельно допустимых концентраций (ПДК) веществ в стоках завода и водах Байкала – какой состав считается «чистым», а какой «загрязненным» и как работа завода влияет на эти измерения; 2) проблема биоиндикаторов – универсальные контрольные виды против эндемиков Байкала.

Руководители завода, его союзники в министерствах и лояльные эксперты рассматривали даже токсичные стоки как временные – будущие технологии решат эту проблему, в то время как текущий мониторинг требует дальнейшего изучения экосистемы. Они призывали критиков сосредоточиться на улучшении очистных систем, а не на документировании последствий. Академические оппоненты, напротив, ставили уникальность Байкала – его расположение в зоне разлома, огромный объем чистой воды и эндемичные виды – выше промышленных выгод. Для них Байкал перестал быть утилитарным ресурсом (питьевой водой, рыбой) и стал общим достоянием советских людей и даже человечества.

Вода была первоначальным обоснованием строительства Байкальского целлюлозного завода (БЦЗ – его название до 1976 года): сверхпрочный целлюлозный корд для шасси тяжелых самолетов требовал целлюлозы высочайшей чистоты, что зависело от минимального количества примесей в процессе варки. Ожидалось, что естественно чистая, почти дистиллированная вода Байкала снизит производственные затраты при гарантированном качестве продукта. Таким образом, проектировщики рассматривали воду Байкала как ценный ресурс. Однако на практике она стала проклятием завода. С первого дня работы очистные сооружения БЦЗ сталкивались с почти постоянными проверками со стороны внешних и внутренних экологических экспертиз. Это непрекращающееся давление и необходимость реагировать на него резко увеличивали эксплуатационные расходы. В рыночных условиях это бремя в конечном итоге привело предприятие к банкротству и закрытию.

Историография байкальских дебатов развивалась по двум основным траекториям. Первая рассматривает борьбу вокруг комбината как феномен гражданского общества: ее истоки прослеживаются в атмосфере оттепели, сама полемика интерпретируется как ситуативный альянс гетерогенных акторов, а экологический активизм считывается как легитимный канал политического участия в позднесоветском публичном пространстве. Развивая этот подход, ученые могли сравнивать защитников Байкала с первыми поколениями западных экологов, а также с постсоветскими НКО и экологическими активистами 2000–2010-х годов.

Вторая траектория, недавно возникшая в рамках исследований науки и технологий (STS), смещает акцент с конфронтации на производство экспертизы. Методологически мое исследование опирается на этот подход, в частности, на концепции полемики и теорию акторно-сетевого взаимодействия (ANT) Бруно Латура и Мишеля Каллона [Латур 2014; Каллон 2017]. Полемики предстают как ситуации, в которых акторы конструируют конкурирующие версии реальности с помощью своих инструментов – измерений, технологий и экспертных оценок, в то время как «истинное» решение остается открытым для всех участников. Эта перспектива показывает, что споры вокруг Байкала велись не об объективной реальности как таковой, а были процессами, посредством которых эксперты при посредничестве государственных органов конструируют то, что считается допустимым, релевантным или решаемым. Я также использую понятие Шейлы Джасанофф «регуляторная наука» – наука, производимая для управления, где стандарты доказательности и легитимации знаний отличаются от таковых в академической науке [Jasanoff 2003, p. 233].

Моим самым важным предшественником – как тематически, так и теоретически – является Елена Кочеткова [Кочеткова 2019]. Будучи одним из первых современных историков, рассматривающих советские промышленные технологии в химической и целлюлозно-бумажной промышленности через подходы STS и SCOT, она в итоге обратила внимание на часть байкальских дебатов. Кочеткова прослеживает аргументы министерств, промышленных покровителей завода и противостоящих им ученых, прежде всего Сибирского отделения АН СССР, и реконструирует полемику с конца 1950-х по 1968 год.

Елена и я используем схожие подходы, но я расширяю анализ и прихожу к иным выводам. Кочеткова раскрывает множественность позиций и измерений в дебатах о стоках БЦБК, особо подчеркивая региональные различия между учеными Москвы и Сибири. Однако ее текст завершается ретроспективным осмыслением байкальских дебатов некоторыми советскими экологами как неудавшегося «экологического Сталинграда». Эти наблюдатели рассматривали полураспад БЦБК до 2013 года как провал экологического гражданского общества.

Я утверждаю обратное. На мой взгляд, десятилетия экспертных споров о стоках завода и качестве воды Байкала завершились вытеснением оптимистических технологических нарративов о заводе нарративами его оппонентов. Мой основной тезис состоит в том, что эти экспертные споры проложили путь к дискурсивному переопределению статуса озера – и советской природы в более широком смысле – в годы перестройки. Институциональные конфликты между государственными и экспертными акторами постепенно меняли динамику власти и мировоззрения в советском обществе, экспертных сообществах и, прежде всего, в государственном аппарате. Когда в 1987 году представилась политическая возможность, накопленная инфраструктура данных о состоянии озера, представленная противниками завода как доказательство уникальности экосистемы, сделала принятие политиками нового дискурсивного режима для Байкала не только возможным, но и почти неизбежным.

Байкальская полемика распадается на две фазы, различающиеся доминирующими формами участия: экспертную и публичную. Я фокусируюсь на первой – между 1966 и 1988 годами. Ее нижняя граница отмечена открытием Байкальского целлюлозного завода в 1966 году, что радикально переконфигурировало экспертный дискурс о промышленной деятельности на озере Байкал: объект превратился из предлагаемого проекта, обсуждаемого в терминах «стоит ли» и «на каких условиях», в действующий объект, требующий регулярного документирования последствий и процедурного реагирования. К 1988 году полемика вышла за рамки экспертных споров, переросла в масштабную политическую мобилизацию – демонстрации в Иркутске, рождение всесоюзного экологического движения и его включение в политику перестройки.

В предыдущей публикации я отмечал, что, пока БЦЗ оставался лишь проектом, ученые из Сибирского отделения АН СССР (СО АН) стремились остановить его, ссылаясь на сейсмическую нестабильность участка [Пискунов 2022]. Озеро Байкал находится в зоне геологического разлома, склонной к частым землетрясениям. Они опирались на существующие сейсмологические карты и собственный анализ почв на предлагаемой промышленной площадке. Однако Государственный комитет лесной промышленности и руководители Иркутской области ответили привлечением альтернативных сейсмологов из центральных, республиканских и региональных институтов (Москва, Тбилиси, Красноярск), победив в этой битве за авторитет. После 1966 года оценка деятельности БЦЗ перешла от теоретических кабинетных упражнений к регуляторной практике. Это исследование рассматривает не только тексты политики высокого уровня, но и инфраструктуры доказательств: кто что измеряет, кто может документировать нарушения, какие процедуры считаются легитимными и как результаты трансформируются в обязательства и планы действий.

Список литературы

1. Дуглас 2000 – Дуглас М. Чистота и опасность : Анализ представлений об осквернении и табу. М. : Канон-Пресс-Ц : Кучково поле, 2000. 285 с.
2. Каллон 2017 – Каллон М. Некоторые элементы социологии перевода: приручение морских гребешков и рыболовов бухты Сен-Бриё // Логос. 2017. Т. 27. № 2. С. 49-94.
3. Кочеткова 2019 – Кочеткова Е.А. Экологическая контроверза: советские инженеры и биологический метод очистки промышленных вод, 1950-60-е гг. // Ab Imperio. 2019. № 1. С. 153-180.

4. Латур 2014 – Латур Б. Пересборка социального : введение в акторно-сетевую теорию. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. 381 с.
5. Пискунов 2022 – Пискунов М. О. Байкальская контроверза и советская научная экспертиза : история одного сейсмологического спора (1962–1963 гг.) // Уральский исторический вестник. 2022. № 2. С. 78-87.
6. Тулохонов, Гармаев 2017 – Тулохонов А. К., Гармаев Е. Ж. Байкальская проблема : история в документах (1960-2017). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. 191 с.
7. Jasanoff 2003 – Jasanoff Sh. Technologies of Humility: Citizen Participation in Governing Science // Minerva. 2003. № 41. P. 223-244.

УДК 001.92

ЗВЕЗДНЫЙ АКАДЕМИК ЛЕНИНГРАДА: НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Б. П. КОНСТАНТИНОВА В 1960-1970-х гг.

Афонская Дарья Александровна
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, аспирант
E-mail: Afonskaya_da@spbstu.ru

Аннотация: В статье рассматривается роль советского физика, академика, вице-президента АН СССР Б. П. Константинова в научном сотрудничестве Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина и Ленинградского Физико-технического института им. А. Ф. Иоффе АН СССР в области астрофизики в период 1960–1970-х гг. Кратко представлены ключевые этапы научной и педагогической деятельности ученого. Особо отмечен период последних лет жизни Б. П. Константинова, когда он проявил глубокий интерес к изучению явлений в области астрофизики, выдвинув гипотезу о возможном существовании антивещества во Вселенной. Усилиями Б. П. Константинова в ЛФТИ был создан отдел астрофизических исследований и развернута масштабная научная программа. Затем была организована базовая кафедра «Космические исследования» в Ленинградском политехническом институте. По воспоминаниям учеников Б. П. Константинова, он был не только блестящим организатором науки, но и талантливым педагогом, горячо любимым студентами. Автор подчеркивает личный вклад Б. П. Константинова в укрепление институциональных связей между академическим и вузовским секторами науки.

Ключевые слова: Б. П. Константинов, Ленинградский физико-технический институт, Ленинградский политехнический институт, астрофизика, научное сотрудничество, история науки и техники.

THE STAR ACADEMICIAN OF LENINGRAD. FROM HYPOTHESIS TO INSTITUTIONS. ASTROPHYSICS OF THE USSR OR THE SCIENTIFIC HERITAGE OF B. P. KONSTANTINOV IN THE 1960s AND 1970s.

Afonskaya Darya Aleksandrovna
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, PhD student

Absract: The article examines the role of Soviet physicist, Academician of the USSR Academy of Sciences, Vice-President of the USSR Academy of Sciences B.P. Konstantinov in the scientific collaboration between the M.I. Kalinin Leningrad Polytechnic Institute and the A.F. Ioffe Leningrad Physical-Technical Institute of the USSR Academy of Sciences in the field of astrophysics in the 1960s and 1970s. The key stages of the scientist's scientific and pedagogical activity are briefly presented. Particular mention is made of the period of the last years of B.P. Konstantinov's life, when he showed a deep interest in the study of phenomena in the field of astrophysics, putting forward a hypothesis about the possible existence of antimatter in the Universe. Through the efforts of B.P. Konstantinov, an astrophysical research department was created at LPTI and a large-scale scientific program was launched. Then, the "Space Research" department was organized at the PhysMech Institute, formed on the initiative of B.P. Konstantinov as a basic department of the LPI at LPTI. According to the memoirs of one of B.P. In Konstantinov's work, the author illustrates the scientist's image not only as a brilliant organizer of science but also as a talented teacher, beloved by students. The article highlights B.P. Konstantinov's personal contribution to strengthening institutional ties between the academic and university sectors of science, as well as to stimulating the development of cutting-edge research areas in Soviet astrophysics during the period under study, using the example of scientific collaboration between the Leningrad Institute of Physics and Technology and the Leningrad Polytechnic Institute.

*Keywords***.** B.P. Konstantinov; Leningrad Institute of Physics and Technology; Leningrad Polytechnic Institute; astrophysics; scientific cooperation; history of science and technology.

В 1960-1970-е гг. в СССР активно развивалась астрономия. Ее прогресс был стимулирован амбициозными космическими программами, успешно реализованными в 1950-1960-е гг. [Судариков, Фролов 2010, с. 49-50]. Космические проекты требовали изучения околоземного пространства, планет, звезд и других объектов Вселенной, что стимулировало проведение глубоких теоретических исследований и разработку новых методов изучения космического пространства. Советская астрономия занимала почетное место в мировой науке благодаря работам А. Л. Зельманова, И. Д. Новикова, Н. Д. Моисеева, П. К. Кобушкина. В Институте космических исследований РАН успешно проводились исследования под руководством Р. З. Сагдеева, И. С. Шкловского, В. Л. Гинзбурга, И. М. Халатникова [Тихонов 2024, с. 29].

В Ленинграде с начала 1960-х гг. астрофизика стала ведущей научной дисциплиной в деятельности Ленинградского физико-технического института им. А. Ф. Иоффе АН СССР (ЛФТИ). Это связано с именем академика АН СССР Бориса Павловича Константинова (1910–1969 гг.), чья научно-исследовательская деятельность с 1927 года проходила в этом учреждении. Б. П. Константинов начал свой трудовой путь с должности лаборанта и достиг вершины, возглавляя институт с 1957 по 1967 год. В это время он проявил особый интерес к исследованиям в области астрофизики. Его идеи были сосредоточены на возможном существовании антивещества в Солнечной системе и Вселенной. Для проверки этой концепции под руководством Б. П. Константинова в стенах ЛФТИ была оперативно запущена масштабная научная программа [Френкель 2008, с. 27]. Следует отметить, что выдвинутая Б. П. Константиновым гипотеза поначалу вызвала сомнения у ряда исследователей. Так, советский ученый Я. Б. Зельдович (1914–1987 гг.), *alter ego* Бориса Павловича в области астрофизики и космологии, относился к мысли о существовании антивещества в Солнечной

системе и метеорных потоках несколько скептически, но при этом не отрицал ее потенциальной плодотворности [Академик Б. П. Константинов 1985, с. 100].

Ученые твердо верили, что астрофизические исследования, проводимые в ЛФТИ, увенчаются успехом. Однако они допускали, что достигнутые результаты могут отличаться от первоначальных предположений. В 1963 году по инициативе Б. П. Константинова в ЛФТИ был организован отдел астрофизики для исследований фундаментальных проблем в этой области [Академик Б. П. Константинов 1985, с. 53]. В то время как большинство специалистов ограничивалось теоретическими рассуждениями о возможности существования антивещества, Б. П. Константинов впервые применил экспериментальный подход, инициировав серию разнообразных опытов для практического подтверждения своей гипотезы.

В 1960 году на заседании Президиума АН СССР обсуждались исследования, предполагающие использование космических аппаратов. По итогам этой встречи было принято решение о разработке соответствующей программы исследований. Б. П. Константинов взял на себя обязательство подготовить данную программу в течение одного месяца и привлек к этой работе М. В. Келдыша и С. П. Королева [Дьяков 2010, с. 29.]. Так ЛФТИ стал одним из ведущих центров астрофизических изысканий в СССР.

Профессиональная деятельность Б. П. Константинова была тесно связана с Ленинградским политехническим институтом им. М. И. Калинина (ЛПИ). Педагогическая работа вызывала у Б. П. Константинова живой интерес. Он преподавал в разных вузах Ленинграда, но ЛПИ занимал в его жизни особое место. Начиная с 1947 года, ученый возглавлял созданную им кафедру экспериментальной ядерной физики, а с 1951 года заведовал кафедрой физики изотопов на Физико-механическом факультете (ФизМех) Политеха. Примечательно, что в 1956 году, когда для академических сотрудников ввели ограничения на совместительство в высших учебных заведениях, Б. П. Константинов продолжил руководить кафедрой на безвозмездной основе. С 1962 года он занял пост декана ФизМеха [Васильев, Сыроежина 2007, с. 145]. Ученый преданно следовал традициям научной школы А. Ф. Иоффе, активно вовлекая студентов в научно-исследовательскую работу. Б. П. Константинов был убежден, что не стоит жалеть никаких сил, вкладывая опыт и знания в молодые и подающие надежды кадры.

Подготовка начинающих ученых на ФизМехе позволила Б. П. Константинову серьезно усилить научное сотрудничество ЛПИ и ЛФТИ: строились лабораторные корпуса, создавались новые отделы, кафедры, лаборатории и сектора. Так, в 1978 году на физико-механическом факультете ЛПИ была открыта базовая кафедра «Космические исследования» при ЛФТИ (ЦГА СПб. Ф. 3121. Оп. 33. Д. 408. Л. 180). Главным инициатором и идейным вдохновителем этого проекта выступил Б. П. Константинов, а ключевую роль в его реализации сыграл первый заведующий кафедрой космических исследований профессор Г. Е. Кочаров. С момента основания приоритетом кафедры являлась подготовка высококвалифицированных специалистов, а также координация масштабных научных проектов, охватывающих такие направления, как физика космического пространства, оптическая, рентгеновская и гамма-астрономия, а также изучение Солнца и его окружения. Значительная часть выпускников кафедры продолжила свою научно-образовательную деятельность, поступив на работу или в аспирантуру ЛФТИ [Васильев, Сыроежина 2007, с. 149].

Для понимания масштаба личности Б. П. Константинова приведем воспоминание одного из его учеников, советского и российского физика-экспериментатора, члена-корреспондента РАН Олега Игоревича Сумбаева (1930-2002 гг.): «Люди масштаба Бориса Павловича Константинова оказывают решающее влияние на судьбы многих. В полной мере это относится

ко мне и некоторым моим сверстникам, ныне сотрудникам Ленинградского института ядерной физики им. Б. П. Константинова АН СССР. Впервые мы – абитуриенты физико-механического факультета Ленинградского политехнического института 1947 г. прочли имя профессора Б. П. Константинова над фотографией человека в шляпе, с лицом тонким и моложавым на "выставке" в приемной комиссии. Кроме шляпы, выделявшейся на фоне официальных портретов других профессоров и преподавателей, наше внимание привлекла подпись: "доктор физико-технических наук". Возник спор. Большинство, помнится, считало, что такое бывает и даже как-то связано с известным нам понаслышке таинственным Физико-техническим институтом. Мы тогда вообще были настроены романтически, любили физику и мечтали о ней, очень хотели попасть именно на ФизМех. Нам повезло: это настроение с первых же дней студенчества было поддержано полюбившимися нам лекциями профессора Дмитрия Николаевича Наследова по общей физике и факультативом уже совершенно легендарного в наших глазах директора ФТИ, декана ФизМеха академика Абрама Федоровича Иоффе, вечерами в переполненной большой физической аудитории рассказывавшего нам о физике. Помню радостное изумление, вызванное открытием, что о большой физике можно говорить понятно. Это был луч надежды в атмосфере неуверенности и сомнений, одолевавших нас при попытках самостоятельно забежать вперед, залезть в умные книги. Позднее выяснилось, что люди, умеющие говорить (и думать) просто о сложном, уникальны. Одним из таких людей оказался профессор Константинов, читавший нам, уже студентам IV курса, спецкурс по разделению изотопов» [Сумбаев 1984, с. 122].

Середина XX века в СССР ознаменовалась периодом технологических прорывов и достижений в области ракетостроения, а также героизацией участников космической гонки [Батченко 2024, с. 40-46]. Человечество вступило в новую фазу исследования Вселенной после первого в мире запуска искусственного спутника Земли 4 октября 1957 года, что послужило мощным толчком для развития исследований бескрайних космических просторов. Определенную роль в этом грандиозном научном свершении сыграло научное сотрудничество ЛФТИ и ЛПИ. Так, именно в стенах ЛФТИ и при непосредственном участии сотрудников ЛПИ был создан эффективный метод теплозащиты головных частей ракет и спускаемых аппаратов космических кораблей при входе в плотные слои атмосферы («обмазка Дунаева»). Этот метод применялся для запуска первой в мире баллистической ракеты, первого в мире искусственного спутника Земли и первого в мире человека в космос (Архив ФТИ. Ф. 3. Оп 1. Д. 1677. Л. 1). Академик Б. П. Константинов был ключевой фигурой, активно способствовавшей дальнейшему развитию исследований космоса в СССР. Научная проблематика вопросов, над которыми работал ученый, всегда имела практическое применение, экспериментальную направленность и стремление к подтверждению гипотез. Научное сотрудничество между ЛФТИ и ЛПИ в 1960–1970-е гг. в области астрофизики, во многом благодаря усилиям Б. П. Константинова и его последователей, привело к созданию мощной базы для подготовки специалистов и проведения передовых исследований в области космологии.

Список литературы

1. Академик Б. П. Константинов 1985 – Академик Б. П. Константинов: воспоминания, статьи, документы / Под ред. О. И. Сумбаева. Л.: Наука, 1985. 296 с.
2. Батченко 2024 – Батченко В. С. Советская космическая история: контексты, источники, жанры. СПб.: ИРИ РАН, Центр гуманитарных инициатив. 2024. 286 с.

3. Васильев, Сыроежина 2007 – Васильев Ю. С., Сыроежина Ю. И. О вкладе ученых-политехников в освоение космоса. Краткий обзор // Известия Российской Академии ракетных и артиллерийских наук. 2007. № 1. С. 141-149.

4. Дьяков 2010 – Дьяков Б. Б. Во главе лаборатории и института // Из истории ФТИ им. А. Ф. Иоффе. Вып. 4 : Борис Павлович Константинов (к 100-летию со дня рождения). СПб.: ФТИ им. А. Ф. Иоффе, 2010. С. 23-35.

5. Судариков, Фролов 2010 – Судариков А. М., Фролов М. И. Роль советской науки в создании ракетно-ядерного щита страны в послевоенное десятилетие // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. № 4. С. 36-52.

6. Сумбаев 1984 – Сумбаев О. И. Воспоминания об учителе // Вестник Российской академии наук. 1984. № 4. С. 122-126.

7. Тихонов 2024 – Тихонов В. В. Основные тенденции и проблемы развития фундаментальной науки в СССР в середине 1960-х – начале 1980-х гг. // Архивный поиск. 2024. № 7. С. 15-38.

8. Френкель 2008 – Френкель В. Я. «Он, как живой, стоит перед глазами» // Яков Борисович Зельдович (воспоминания, письма, документы). М.: ФИЗМАТЛИТ, 2008. С. 26-38.

УДК 37.091.21

ОТРАСЛЕВЫЕ НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРЬКОВСКОГО ИНСТИТУТА ИНЖЕНЕРОВ ВОДНОГО ТРАНСПОРТА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1970-х гг.

Горшков Илья Сергеевич
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, аспирант
E-mail: igorshkow@inbox.ru

Аннотация: В статье рассматриваются основные задачи научно-исследовательской деятельности Горьковского института инженеров водного транспорта в первой половине 1970-х гг. В этот период сотрудники института занимались исследованиями по таким направлениям как железобетонные конструкции, прочность корпуса, технологии металлов, портового оборудования и др. Результаты этих научных исследований повысили значение речного флота, уменьшили себестоимость его производства и эксплуатации, оптимизировали деятельность плавсостава и др. Особенно выделяются работы Ю.А. Либова, В.Б. Протопопова, Н.Н. Галанова и др., которые внесли значимый вклад в развитие речного транспорта. Они занимались общими и узконаправленными исследованиями, проводили испытания по их результатам в течении продолжительного периода. Научно-технические конференции аспирантов и профессорско-преподавательского состава стали важными местами апробации результатов их деятельности. Параллельно выпускались тезисы, сборники аннотаций, статьи и др., которые позволяют оценить результативность Горьковского института инженеров водного транспорта за первую половину 1970-х гг. Результаты работы института имели большое значение не только для волжских районов и соседних регионов, но и для всей страны.

Ключевые слова: история науки и техники; научно-технологические исследования; Горьковский институт инженеров водного транспорта; судостроение; судоремонт;

железобетонные конструкции; портовое оборудование.

BRANCH SCIENTIFIC RESEARCH OF THE GORKY INSTITUTE OF WATER TRANSPORT ENGINEERS IN THE FIRST HALF OF THE 1970s.

Gorshkov Ilya Sergeevich
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, PhD student

Abstract: The article discusses the main tasks of the Gorky Institute of Water Transport Engineers' research activities in the first half of the 1970s. During this period, the institute's staff was engaged in research in such areas as reinforced concrete structures, hull strength, metal technology, port equipment, etc. The results of these scientific studies should increase the importance of the river fleet, reduce the cost of its production and operation, optimize the activities of the crew, etc. The works of Yu.A. Libov, V.B. Protopopov, N.N. Galanov and others, who made a significant contribution to the development of river transport, stand out in particular. They were engaged in general and narrowly focused research, and conducted tests based on their results over a long period of time. Scientific and technical conferences of graduate students and faculty have become important venues for testing the results of their activities. At the same time, abstracts, collections of abstracts, articles, etc. were published, which allow us to evaluate the effectiveness of the Gorky Institute of Water Transport Engineers in the first half of the 1970s. The results of the institute's work were of great importance not only for the Volga regions and neighboring regions, but also for the whole country.

Keywords: history of science and technology, scientific and technological research, Gorky Institute of Water Transport Engineers, shipbuilding, ship repair, reinforced concrete structures, port equipment.

В первой половине 1970-х гг. Горьковский институт инженеров водного транспорта (ГИИВТ) – один из центров научно-исследовательской деятельности в областях речного судостроения, судоремонта и судоходства. В южных регионах РСФСР (Волгоградская, Куйбышевская, Астраханская области, Калмыцкая АССР и др.) именно ГИИВТ давал значимые научные открытия, которые апробировались в южных пароходствах РСФСР («Волготанкер», Волжское объединенное речное, Камское пароходства и др.).

На базе Горьковского института проводилось множество научно-технические конференции (НТК), в которых участвовали аспиранты, профессорско-преподавательский состав и др. Также в ГИИВТ защищались диссертации, выпускались тезисы, сборники аннотаций, научные статьи и др. по итогам конгрессов, съездов, встреч и др. Такое количество работ позволяет рассмотреть этот период деятельности института и выделить часть ключевых открытий.

Научно-исследовательская работа (НИР) ГИИВТ в 1970-1975 гг. велась по таким направлениям как прочность судов, железобетонное судостроение, судовождение, механизации и организации перегрузочных работ в портах и др. Они имели большое значение не только в поволжских районах и соседних регионах, но и для всей страны. Основными задачами для государства являлись повышение мощности и прочности речных судов, уменьшение себестоимости, увеличение грузо- и пассажирооборота и др. за счет научных

достижений [Курдин, Саратов 1987, с. 255-256].

В сборниках материалов по результатам НТК 1971-1973 гг. можно найти работы, которые касались области речного судостроения, судоремонта и судоходства. Один из сотрудников Горьковского института к.т.н. В.Б. Протопопов изучал «перспективы использования метода предельных состояний в расчетах прочности железобетонных судов». Он рассматривал метод предельных состояний как один из оптимальных способов определения максимальной несущей способности судов (способность корпуса судна воспринимать внешние силы без разрушений и деформации). Автор отмечает, что такой опыт уже был внедрен в строительство, авиацию и др. сферы и теперь требуется в речном судостроении [Протопопов 1971, с. 104].

В области железобетонных доков также можно выделить работу другого сотрудника ГИИВТ – Ю.А. Либова. Он в своей работе «Некоторые вопросы исследования температурных напряжений в корпусе головного композитного дока проекта 1760» описывает результаты исследования на базе дока проекта 1760. Испытания железобетонного корпуса (влияние температурных воздействий на прочность и деформацию) проходили во время перегонки сооружения из Черного моря на Дальний Восток. Полученные результаты позволили оценить максимальные величины температуры при эксплуатации дока и их воздействие, определить условия, при которых требовались корректировки и уточнения расчетных положений судна [Либов 1971, с. 109-110]. В 1973 г. Ю.А. Либов продолжал исследования по вопросам жесткости железобетонных корпусов судов и плавучих доков. Им рассматривались упругопластические свойства бетона, геометрические характеристики, развитие трещин и др. [Либов 1973, с. 154].

На базе ГИИВТ изучались клеевые соединения на новом и старом бетоне (сюда входило судостроение и восстановление корпусов) [Зубакин 1971, с. 56], прочность цилиндрических оболочек [Болилый 1973, с. 147], сталежелезобетонные конструкции обшивки [Егоров 1973, с. 149] и др. В целом, развитие железобетонных конструкций в первой половине 1970-х гг. занимало важное положение. Она позволяла экономить металл, сокращать простои судов, удешевлять ремонт и др.

Исследования технологии металлов в области судостроения и судоремонта также играли важную роль в судостроении. Они позволяли уменьшить себестоимость производства, укреплять некоторые детали речного транспорта, понизить их вес и др. В области металлов, на базе ГИИВТ в первой половине 1970-х гг., хочется привести работы И.И. Прохорова и Л.И. Романова. Они изучали «физико-механические свойства алюминиевых сплавов, отлитых под давлением». Как утверждают авторы, из алюминиевых сплавов стали изготавливаться гребные винты, детали судовой арматуры и двигателей, корпуса и др. Это должно было повысить износостойкость большей части судового оборудования и устройств [Прохоров, Романов 1973, с. 85, 92]. И.И. Прохоров, В.Ф. Тренин и В.С. Игнатенко в работе «Регрессионный анализ влияния неметаллических включений и технологических режимов на свойства литой стали» рассматривали химические реакции процесса плавки стали и эндогенное влияние других металлов и веществ на него [Прохоров 1973, с. 77].

В 1978 г. ГИИВТ подаст заявление на регистрацию патент в области черной металлургии, где среди авторов будут И.И. Прохоров, Л.И. Романов и ещё пять изобретателей [А. с. 767227 СССР].

В 1973 г. к.т.н. А.В. Дмитриев и инженер Б.Л. Ануфриев изучали повышение срока эксплуатации гребных винтов теплоходов типа «Метеор». Они предложили использовать защитное никельфосфорное покрытие, которое показывало устойчивость почти в 13 раз

больше, чем другие (какие именно не уточняется, но известно, что гребные винты покрывали антикоррозионным лаком [ГОСТ 8054-81, с. 12]). Никельфосфорным составом покрывались латунные гребные винты «Метеоров» по следующей технологии: очистка поверхности, химическое обезжиривание, промывка в горячей и холодной водах, химическое покрытие, промывка, сушка и термообработка при 500 градусах [Дмитриев, Ануфриев 1973, с. 263-264]. Никельфосфорное покрытие помогало повысить износостойкость деталей речных судов за счет защиты их от коррозии (и диффузии цинка).

Применение цветных металлов в речном судостроении было разнообразно и не ограничивалось только судовыми деталями. Так, исследования алюминиевых сплавов в подшипниках судовых дизелей проводились Н.Н. Галановым. Он утверждал, что алюминий и олово являются основными металлами, устойчивыми к коррозии, масляной среде и др. Для упрочнения подшипников стали применяться также медь, кремний и никель различных отечественных (А09-2, А750 и др.) и зарубежных марок («Фербенкс-Морзе», «Катерпиллер» и др.) [Галанов 1971, с. 33, 35]. Алюминиевые сплавы с другими металлами позволяли подшипникам выдерживать большие нагрузки и скорость в условиях жидкостного трения. Антифрикционные свойства значительно повышались (уменьшение силы трения).

Кроме исследования в области железобетонного судостроения и судоремонта, применения металлических сплавов, повышения прочности корпуса и др. велась работа по модернизации портового оборудования. Один из сотрудников ГИИВТ – Н.П. Гаранин – изучал речные плавучие краны с переменной грузоподъемностью. Проводился анализ эксплуатации кранов и был определен максимально допустимый вылет стрелы (наклон крана относительно горизонтальной поверхности) при работе с повышенной грузоподъемностью, также определялось оптимальное наклонение понтона [Гаранин 1974а, с. 274, 283]. В том числе, автор изучал «автоматическое выравнивание натяжения в канатах грейферной лебедки». Он предлагал внедрение ограничителей или дифференциальных устройств для своевременного включения поддержки лебедки [Гаранин 1974б, с. 284, 288].

В области крановых лебедок и грейферов занимался исследованиями Г.Г. Каракулин. Он проводил испытания грейферных лебедок портальных и плавучих кранов и определял оптимальный коэффициент динамичности при подъеме, напряжения сжатия и растяжения и др. [Каракулин 1974, с. 305, 311]. Из теоретических исследований стоит отметить направления по расчету оптимального времени грузовой обработки на причалах [Зюзин 1974, с. 98, 117], выработки алгоритма оперативного учета обработки транзитного и местного флота в портовых условиях [Фадеев 1974, с. 119] и др. Эти работы проводились для рационализации эксплуатации портового оборудования в вопросе скорости грузообратки. Основными задачами ставились сокращение простоев судов, ускорение погрузо-разгрузочных работ и выработка наилучших алгоритмов учета обработки.

Таким образом, научно-исследовательская работа института была направлена на решение важнейших задач отрасли, среди которых повышение прочности и мощности речных судов, уменьшение себестоимости производства, увеличение грузо- и пассажирооборота, модернизация портового оборудования и др. Значительных результатов удалось достичь в области железобетонных конструкций, где были разработаны и внедрены инновационные методы расчета прочности судов, исследованы температурные напряжения в корпусах судов и др. Существенный прогресс наблюдался в технологиях судостроения, особенно в разработке защитных покрытий для гребных винтов. И все это благодаря таким исследователям как Н.Н. Галанов, А.В. Дмитриев, В.Б. Протопопов, И.И. Прохоров, Л.И. Романов и др.

Важным направлением стало применение новых материалов, в частности, алюминиевых

сплавов, что позволило снизить вес судовых деталей, повысить их прочность, удешевить и др. Исследования в области подшипников судовых дизелей с использованием алюминиевых и оловянных сплавов значительно повысили их износостойкость и устойчивость к коррозии. Значительно улучшилась эффективность работы плавучих кранов и грейферных лебедок. Теоретические исследования по оптимизации времени грузовой обработки и разработке алгоритмов учета обработки флота способствовали рационализация работы портов.

Список литературы

1. А. с. 767227 СССР – Чугун: а. с. 767227 СССР. № 2595585/22-02 / Прохоров И.И., Кузнецов А.С., Щебатинов М.П., Баранов В.К., Аганин Ю.М., Романов Л.И., Кудрявцев В.П.; заявл. 23.03.78; опубл. 30.09.80, Бюл. № 36. 2 с.
2. Болилый 1973 – Болилый Н.Ф. Некоторые вопросы прочности бетонных цилиндрических оболочек судового типа // Материалы научно-технической конференции профессорско-преподавательского состава. Горький: ГИИВТ, 1973. С. 147-148.
3. Галашов 1971 – Галашов Н.Н. Результаты исследований и опытного применения алюминиевых сплавов в подшипниках судовых дизелей // Технология судостроения и судоремонта. Горький: ГИИВТ, 1971. №107. С. 33-45.
4. Гаранин 1974а – Гаранин Н.П. Речные плавучие краны с переменной грузоподъемностью // Эксплуатация флота и портов. Горький: ГИИВТ, 1974. №134. С. 274-283.
5. Гаранин 1974б – Гаранин Н.П. Автоматическое выравнивание натяжений в канатах грейферной лебедки речных плавучих кранов // Эксплуатация флота и портов. Горький: ГИИВТ, 1974. №134. С. 284-288.
6. ГОСТ 8054-81 1981 – ГОСТ 8054-81. Изд. Официальное. ИПК Издательство стандартов. Винты гребные металлические. Общие технические условия: Межгосударственный стандарт СССР. М., 1981. 12 с.
7. Дмитриев, Ануфриев 1973 – Дмитриев А.В., Ануфриев Б.Л. Повышение срока эксплуатации гребных винтов теплоходов типа «Метеор» путем применения защитных покрытий // Материалы научно-технической конференции профессорско-преподавательского состава. Горький: ГИИВТ, 1973. С. 263-265.
8. Егоров 1973 – Егоров Н.М. Сталежелезобетонная конструкция обшивки судна // Материалы научно-технической конференции профессорско-преподавательского состава. Горький: ГИИВТ, 1973. С. 149-150.
9. Зубакин 1971 – Зубакин Ю.А. Клеевые соединения в железобетонном судостроении // Технология судостроения и судоремонта. Горький: ГИИВТ, 1971. №107. С. 56-87.
10. Зюзин 1974 – Зюзин В.Л. Расчет времени грузовой обработки местного флота на причалах порта // Эксплуатация флота и портов / Т.К. Столба. Горький: ГИИВТ, 1974. №134. С. 98-118.
11. Каракулин 1974 – Каракулин Г.Г. Экспериментальное исследование нагрузок и напряжений в элементах грейфера // Эксплуатация флота и портов. Горький: ГИИВТ, 1974. №134. С. 305-311.
12. Курдин 1987 – Курдин В.А., Саратов В.Ф. Речной транспорт в 1946 – 1985 годах. М.: Транспорт, 1987. 544 с.

13. Либов 1971 – Либов Ю.А. Некоторые вопросы исследования температурных напряжений в корпусе головного композитного дока проекта 1760 // Материалы научно-технической конференции профессорско-преподавательского состава. Горький: ГИИВТ, 1971. С. 109-110.

14. Либов 1973 – Либов Ю.А. Жесткость железобетонных корпусов судов и плавучих доков по данным натурных испытаний // Материалы научно-технической конференции профессорско-преподавательского состава. Горький: ГИИВТ, 1973. С. 154-155.

15. Протопопов 1971 – Протопопов В.Б. Перспективы использования метода предельных состояний в расчетах прочности железобетонных судов // Материалы научно-технической конференции профессорско-преподавательского состава. Горький: ГИИВТ, 1971. С. 104.

16. Прохоров, Романов 1973 – Прохоров И.И., Романов Л.И. Исследования физико-механических свойств алюминиевых сплавов, отлитых под давлением // Вопросы прочности корпусов судов и надежности деталей машин. Горький: ГИИВТ, 1973. №113. С. 85-92.

17. Прохоров 1973 – Прохоров И.И. Регрессионный анализ влияния неметаллических включений и технологических режимов на свойства литой стали / И.И. Прохоров, В.Ф. Тренин, В.С. Игнатенко // Вопросы прочности корпусов судов и надежности деталей машин. Горький: ГИИВТ, 1973. №113. С. 77-84.

18. Фадеев 1974 – Фадеев И.П. Алгоритм оперативного учета обработки транзитного и местного флота в порту / И.П. Фадеев, А.И. Воропанов, Л.И. Баева // Эксплуатация флота и портов. Горький: ГИИВТ, 1974. №134. С. 119-133.

УДК 94(47):084.9

БОЛЬШАЯ ГИДРОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ Р. НЕВЫ: ИСТОРИЯ И УСЛОВИЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ КОМПЛЕКСА ЗАЩИТНЫХ СООРУЖЕНИЙ ЛЕНИНГРАДА ОТ НАВОДНЕНИЙ

Митюхин Дмитрий Олегович

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, аспирант Высшей школы общественных наук

E-mail: mityukhin2018@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается история создания и эксплуатации уникальной большой гидрологической модели реки Невы и акватории Финского залива, построенной во Всероссийском НИИ гидротехники имени Б.Е. Веденеева (ВНИИГ) в 1983-1984 годах для технического обоснования проекта Комплекса защитных сооружений Ленинграда от наводнений (КЗС). Анализируются научно-технические предпосылки и условия создания модели, ее масштаб, технические характеристики и измерительное оснащение. Особое внимание уделено роли модели в решении ключевых проектных задач: верификации гидравлических расчетов, оценке влияния сооружений на гидродинамику и экологию Невской губы, а также в выборе оптимальной компоновки водопропускных и судопропускных отверстий. Показано, что проведенные на модели исследования подтвердили правильность

проектных решений и заложили основу для последующего математического моделирования, используемого при эксплуатации КЗС. Делается вывод о том, что гидравлическая модель 1980-х годов явилась ключевым звеном в цепи научного обоснования одного из крупнейших гидротехнических проектов современности, а заложенные в ней принципы сохраняют актуальность для современных систем мониторинга и прогнозирования наводнений.

Ключевые слова: моделирование, Комплекс защитных сооружений, наводнения, Невская губа, ВНИИГ им. Б.Е. Веденеева, история гидротехники, защита Санкт-Петербурга от наводнений.

LARGE-SCALE HYDRAULIC MODEL OF THE NEVA RIVER: PRELIMINARY SIMULATION FOR THE LENINGRAD FLOOD PROTECTION BARRIER

Mityukhin Dmitry Olegovich
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, PhD student

Abstract: The article examines the history of the creation and operation of a unique large hydrological model of the Neva River and the Gulf of Finland, built at the B.E. Vedeneev All-Russian Research Institute of Hydraulic Engineering (VNIIG) in 1983-1984 for the technical justification of the Leningrad Flood Protection Complex project. The scientific and technical prerequisites and conditions for creating the model, its scale, technical characteristics and measuring equipment are analyzed. Special attention is paid to the role of the model in solving key design problems: verification of hydraulic calculations, assessment of the impact of structures on the hydrodynamics and ecology of the Neva Bay, as well as the choice of the optimal layout of water and ship passages. It is shown that the studies conducted on the model confirmed the correctness of the design decisions and laid the foundation for subsequent mathematical modeling used during the operation of the Complex. It is concluded that the hydraulic model of the 1980s was a key link in the chain of scientific justification for one of the largest hydraulic engineering projects of our time, and the principles it contains remain relevant for modern flood monitoring and forecasting systems.

Keywords: modeling, Flood Protection Barrier, floods, Neva Bay, VNIIG named after B.E. Vedeneev, history of hydraulic engineering, protection of St. Petersburg from floods.

С момента своего основания город на Неве подвергается угрозе наводнений, вызываемых нагонной волной со стороны Балтийского моря. За всю историю города зафиксировано более 300 подъемов воды выше критических отметок, причем, наиболее катастрофические из них (в 1824 и 1924 годах) приводили к затоплению значительной части городской территории и жертвам среди населения [Лоскутова 2020, с. 7]. Осознание необходимости защитить город привело к решению о строительстве Комплекса защитных сооружений (КЗС) – грандиозной системы общей протяженностью 25 км, перекрывающей Невскую губу Финского залива по линии «Горская – остров Котлин – Ломоносов» [Агалаков 1979].

Проектирование столь масштабного сооружения требовало всестороннего научного обоснования. Ключевая роль в этом процессе отводилась экспертизе проектных организаций, а также гидравлическому моделированию, позволявшему в лабораторных условиях воспроизвести гидродинамику Невской губы и оценить последствия строительства КЗС для

водообмена, течений и экологического состояния акватории. Центральным звеном программы модельных исследований должна была стать большая гидрологическая модель, созданная в 1983-1984 годах во Всероссийском научно-исследовательском институте гидротехники имени Б.Е. Веденеева (ВНИИГ).

К моменту утверждения технического проекта КЗС в 1979 году уже существовал значительный научный задел в области изучения невских наводнений. Еще в 1920-е гг., после катастрофического наводнения 1924 года, Российским гидрологическим институтом были начаты систематические исследования гидрологического режима Невы и Невской губы [Красовицкий, Мошков 1985, с. 11]. В 1930-е гг. Институт коммунального хозяйства вел разработку проекта перекрывающей залив дамбы. Однако для обоснования конкретных параметров защитных сооружений потребовались принципиально иные масштабы экспериментов. Как впоследствии отмечал заведующий отделом научно-технического обеспечения эксплуатации КЗС ВНИИГ А.Г. Василевский, институт стоял у истоков создания комплекса с 1972 года. Специально для исследований была построена уникальная гидравлическая лаборатория площадью около гектара, оснащенная оборудованием для измерения малых скоростей течения на моделях [Василевский 2021, с. 15-21]. Именно на этой базе и была реализована большая гидрологическая модель.

Гидрологическая модель представляла собой уменьшенную в масштабе 1:500 копию Невской губы и восточной части Финского залива. Общая площадь модели составляла 5 500 кв. м (120 х 60 м), что делало ее одной из крупнейших подобных моделей в мире [Василевский 2021, с. 16]. Она размещалась в специально построенном для нее павильоне на территории ВНИИГ на улице Фаворского.

Техническое оснащение модели соответствовало самым передовым достижениям гидрологической науки того времени. Объем подачи воды, имитирующей сток реки Невы, составлял 200 л/с, а для воспроизведения морского нагона – 2000 л/с. На модели было установлено 200 датчиков, подключенных к ЭВМ, что позволяло в автоматизированном режиме регистрировать уровни воды, скорости и направления течений. Спроектированный Ленгидропроектом комплекс защитных сооружений моделировался вместе с прилегающими территориями города, что давало возможность оценить взаимодействие всех элементов системы.

Создание модели потребовало решения ряда сложных научно-технических задач, главными из которых стали обоснование критериев подобия для воспроизведения нестационарных гидродинамических процессов в мелководной акватории со сложной морфометрией дна, разработку методики моделирования ветрового воздействия и стратификации водных масс, а также создание системы автоматизированного сбора и обработки данных [Андреев 2013, с. 24]. Создатели указывали, что модель позволяла моделировать такие природные явления как колебания уровня воды в Финском заливе, течение Невы, поток морского нагона во время наводнений, а главное – позволяла оценить экологическую безопасность строительства защитных сооружений [Памятная дата 2024, web].

Проект был разработан ведущими учеными ВНИИГ, вклад которых в создание модели и проведение исследований признается неоценимым. Непосредственное руководство работами осуществлял коллектив, в который входили известные специалисты в области гидравлики и гидротехники: Р.В. Красовицкий, Л.В. Мошков, Я.З. Маневич, С.В. Болотовский, С.М. Левина и др. [Василевский 2021, с. 20]. Их исследования, опубликованные в трудах ВНИИГ, заложили теоретическую и экспериментальную базу для проектирования КЗС.

В ходе лабораторных исследований на модели решались две взаимосвязанные ключевые задачи. Первая заключалась в обеспечении надежной защиты города от наводнений, а вторая в стремлении улучшить экологическую обстановку в Невской губе, которая исторически характеризовалась наличием обширных застойных зон в северной части акватории [Андреев 2012, с. 26-28]. В отсутствие дамб основной поток воды проходил ближе к южному берегу, по Морскому каналу, в то время как северная часть Невской губы оставалась малопроточной, застаивалась и прогревалась сильнее, что могло приводить к цветению воды. С помощью модели была скомпонована оптимальная конфигурация водопропускных отверстий: шесть водопропускных сооружений (по 12 затворов в каждом) и два судоходных [Красовицкий, Мошков 1985, с. 12-13]. К ним были проложены подводящие каналы, и, как показали эксперименты, вода устремилась в северном направлении, обеспечив равномерное перераспределение потока по всей акватории. Таким образом, Невская губа становилась проточной, застойные зоны ликвидировались. Кроме того, на модели исследовались нестационарные режимы течений, возникающие при закрытии и открытии затворов, что было критически важно для разработки алгоритмов управления комплексом. Результаты этих работ были обобщены в серии публикаций. Модель также широко использовалась для сопоставления с данными математического моделирования, которое в тот период находилось на стадии становления. Сравнение результатов гидравлического и математического моделирования кинематики потока позволило верифицировать численные методы и повысить их точность, что безусловно представляет важный этап в становлении математических методов расчета проектов.

Отдельным направлением работы стала оценка экологических последствий строительства КЗС. Выполненные имитации показали, что строительство комплекса не вызывает принципиальных негативных изменений характеристик, определяющих экологическое состояние Невской губы, а качество вод в ней в первую очередь определяется степенью очистки канализационных стоков города [Сергеев 2021, с. 133-150].

Результаты, полученные на гидрологической модели, определили современный облик КЗС, компоновка водопропускных и судопропускных сооружений была реализована без существенных изменений. Результаты моделирования легли в основу системы мониторинга и прогнозирования наводнений, используемой при эксплуатации КЗС [Василевский 2021, с. 21].

После завершения основной программы испытаний гидравлическая модель была разобрана, а в помещении на улице Фаворского в 1990-е гг. разместился строительный торговый центр. Разбор модели вызвал неоднозначную реакцию в научном сообществе, у общественности города. Однако стоит отметить, что свою главную задачу модель к тому времени уже выполнила: ее использование оставило значительный след в истории гидротехнической науки, а заложенные в ней принципы физического моделирования нашли развитие в новейших численных моделях.

В настоящее время научное сопровождение КЗС осуществляется с использованием современных трехмерных математических моделей циркуляции вод, позволяющих воспроизводить штормовые нагоны в Невской губе в условиях маневрирования затворами [Андреев 2013, с. 23-31]. В 2021 году было объявлено о модернизации математической модели, прогнозирующей подъем уровня воды, с целью дальнейшего повышения точности прогнозов. Тем не менее, опыт, полученный на большой гидрологической модели, остается востребованным: он служит эталоном для численных моделей и используется в качестве наглядного примера успешного решения сложных гидротехнических задач в рамках междисциплинарного подхода, объединяющего усилия гидрологов, математиков, экологов и

проектировщиков. Значение модели велико не только для отечественной, но и для мировой гидрологии [Hunter 2012, p. 7; Василевский 2014, с. 6].

История появления и эксплуатации большой гидрологической модели Невы убедительно демонстрирует, как фундаментальные инженерные исследования, выполненные на высоком научном уровне, способны обеспечить надежную защиту мегаполиса от природных угроз и заложить основу для долгосрочной безопасной эксплуатации уникальных гидротехнических сооружений. Предпринятые на модели наблюдения и сделанные открытия стали важным этапом перехода от эмпирических моделей к полностью математическим и электронным, что в очередной раз развеивает миф об отсталости советской науки в области информатики и компьютеризации.

Список литературы

1. Агалаков 1979 – Агалаков С.С. Комплекс сооружений защиты города Ленинграда от наводнений: Научные исследования по обоснованию комплекса / С.С. Агалаков, Ю.А. Григорьев, М.Ф. Складнев // Известия ВНИИГ им. Б. Е. Веденеева. 1979. Т. 132. С. 3-11.
2. Андреев 2013 – Андреев П.Н. Воспроизведение штормовых нагонов в Невской губе на основе трехмерной модели циркуляции в условиях маневрирования затворами Комплекса защитных сооружений / П.Н. Андреев, А.Ю. Дворников, В.А. Рябченко, В.Ю. Цепелев, К.Г. Смирнов // Фундаментальная и прикладная гидрофизика. 2013. Т. 6. № 4. С. 23-31.
3. Василевский 2014 – Василевский А.Г. Дамба может стать примером. Копию КЗС хотят построить в Нью-Йорке // Аргументы и факты – Петербург. 2014. 13 августа.
4. Василевский 2021 – Василевский А.Г. Вклад специалистов АО «ВНИИГ им. Б.Е. Веденеева» в проектирование, строительство и эксплуатацию Комплекса защитных сооружений Санкт-Петербурга от наводнений / А.Г. Василевский, В.И. Климович, Т.С. Тихонова, А.В. Шипилов // Гидротехническое строительство. 2021. № 8. С. 15-21.
5. Красовицкий, Мошков 1985 – Красовицкий Р.В., Мошков Л.В. Гидравлические исследования в обосновании проекта защиты Ленинграда от наводнений // Энергетическое строительство. 1985. № 11. С. 11-13.
6. Лоскутова 2020 – Лоскутова М.В. «С Божией стихией царям не совладеть»: наводнение 1824 г. и проекты защитных сооружений в Петербурге XIX в. // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11. № 4. С. 7-24.
7. Памятная дата 2024 – Памятная дата: 40 лет со дня завершения работ по созданию гидравлической модели русла и дельты реки Невы // Официальный сайт ФКП «Дирекция КЗС». URL: https://dambaspb.ru/news/pamyatnaya-data-0 (дата обращения: 14.04.2026).
8. Сергеев 2021 – Сергеев Ю.Н. Пространственно-неоднородная модель экосистемы эстуария р. Невы. Имитации последствий строительства Санкт-Петербургской дамбы / Ю.Н. Сергеев, В.П. Кулеш, В.В. Дмитриев. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2021. 305 с.
9. Hunter 2012 – Hunter P. The St. Petersburg Flood Protection Barrier: Design and Construction // La Houille Blanche. 2012. Vol. 33. № 1. P. 1-8.

УДК 60(09)

НЕМАГНИТНЫЕ СУДА В ИСТОРИИ МОРСКИХ ГЕОФИЗИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Фишева Анастасия Александровна
Кандидат исторических наук
Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент кафедры государственного и муниципального управления
E-mail: fisheva-aa@ranepa.ru

Латышева Ольга Владимировна
Санкт-Петербургский филиал Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн им. Н.В. Пушкова Российской академии наук, научный сотрудник лаборатории магнитной картографии
E-mail: l-olli@yandex.ru

Аннотация: в статье рассматривается развитие морских геомагнитных исследований и история создания немагнитных судов, предназначенных для проведения высокоточных магнитных наблюдений в акватории Мирового океана. До начала XX века магнитные измерения в океанах носили разрозненный характер и проводились преимущественно на торговых и военных судах, что существенно ограничивало точность и полноту получаемых данных. Одной из ключевых проблем проведения подобных исследований является влияние собственного магнитного поля судна на результаты измерений, что требует создания специальных маломагнитных и немагнитных научно-исследовательских судов. Предшественником таких судов стала бригантина «Galilee», которая была переоборудована под нужды морских геомагнитных исследований. Опыт ее эксплуатации стал основой для разработки первого в мире специально построенной немагнитной исследовательской яхты «Carnegie». Советские инициативы по созданию немагнитных судов связаны с деятельностью Института земного магнетизма, Ленинградское отделение которого с 1952 по 1997 г. являлось судовладельцем немагнитной научно-исследовательской шхуны «Заря». Результаты, полученные в ходе экспедиций на немагнитных судах, существенно расширили представления о структуре и пространственном распределении магнитного поля Земли, а также заложили основу для систематического изучения геомагнитных процессов в акваториях Мирового океана. Данные магнитных морских наблюдений позволяют решать тектонические, палеомагнитные, геологоразведочные, геоисторические проблемы и другие задачи в сфере геофизики, что обуславливает актуальность новых разработок проектов немагнитных судов.

Ключевые слова: немагнитные судна, морские геомагнитные исследования, геофизика, бригантина «Galilee», яхта «Galilee», шхуна «Заря»

NON-MAGNETIC VESSELS IN THE HISTORY OF MARINE GEOPHYSICAL RESEARCH

Fisheva Anastasiya Aleksandrovna

North-West Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Chair of State and Municipal Administration

Latysheva Olga Vladimirovna

St. Petersburg Branch of the Pushkov Institute of Terrestrial Magnetism, Ionosphere and Radio Wave Propagation of the Russian Academy of Sciences, Researcher at the Laboratory of Magnetic Cartography

Abstract: The article examines the development of marine geomagnetic research and the history of the creation of non-magnetic vessels designed to conduct high-precision magnetic observations in the waters of the World Ocean. Until the beginning of the 20th century, magnetic measurements in the oceans were scattered and carried out mainly on merchant and military vessels, which significantly limited the accuracy and completeness of the data obtained. One of the key problems of conducting such studies is the influence of the ship's own magnetic field on the measurement results, which requires the creation of special low-magnetic and non-magnetic research vessels. The predecessor of such vessels was the Galilee brigantine, which was converted to meet the needs of marine geomagnetic research. The experience gained from its operation formed the basis for the development of the world's first purpose-built non-magnetic research yacht, Carnegie. Soviet initiatives to create non-magnetic vessels are associated with the activities of the Institute of Terrestrial Magnetism, the Leningrad branch of which was the owner of the research schooner Zarya from 1952 to 1997. The results obtained during expeditions on non-magnetic vessels have significantly expanded the understanding of the structure and spatial distribution of the Earth's magnetic field, as well as laid the foundation for a systematic study of geomagnetic processes in the waters of the World Ocean. The data from magnetic marine observations make it possible to solve tectonic, paleomagnetic, geological, geohistorical and other problems in the field of geophysics, which determines the relevance of new developments in non-magnetic vessel projects.

Keywords: non-magnetic vessels, marine geomagnetic research, geophysics, brigantine *Galilee*, yacht *Carnegie*, schooner *Zarya*

Морские геомагнитные исследования являются важным направлением геофизики. Без исследования структуры и динамики магнитного поля Земли в акваториях Мирового океана невозможно определить природу геомагнитного поля и его изменение во времени. Изучение распределения магнитного склонения до сих пор имеет важнейшее прикладное значение для морской навигации. До начала XX века магнитные измерения в океанах являлись разрозненными определениями магнитного склонения на торговых и военных судах. Океаны, покрывающие три четверти земного шара, оставались плохо изученными пространствами, в некоторых акваториях магнитные наблюдения никогда не проводились. Поэтому для решения научных и прикладных задач встал вопрос о необходимости систематических морских геомагнитных наблюдений. Одной из главных проблем проведения таких исследований является искажение данных, вызванное собственным магнитным полем судна, что оказывает сильное влияние на точность измерений. Для минимизации этих искажений были разработаны специальные требования к научно-экспедиционным судам для проведения магнитометрических исследований в акватории Мирового океана. Их конструкция предполагала сведение к минимуму использование ферромагнитных материалов, что

послужило основанием названия таких судов маломагнитными / немагнитными. В XX в. было реализовано три проекта судов подобного типа.

Первым из них была переоборудованная бригантина «Galilee», которая работала в интересах Департамента земного магнетизма Института Карнеги (Вашингтон, США). «Galilee» была построена в 1891 г. в Бени~~сини~~ше и являлась самым быстроходным судном западного побережья Америки. Её длина составляла 132,4 фута (ок. 40 м), ширина — 33,4 фута (10 м), а водоизмещение – около 328 тонн. В ходе модернизации с судна были максимально удалены детали из черных металлов, а научные приборы находились примерно в 5 м над главной палубой и в 10 м от остальной массы железа, состоящей главным образом из железных болтов в бортах судна [Bauer 1917a, p. 6; Bauer 1917b, p. 6–9]. Тем самым влияние собственных магнитных помех судна на результаты наблюдений было сведено к минимуму, однако сохранялась необходимость делать поправки при проведении измерений.

Бригантина «Galilee» совершила три научных рейса в рамках морских геомагнитных исследований (1905–1907 гг.) в акватории Тихого океана. По результатам измерений появилась возможность публикации новой карты «Магнитного склонения», служащей интересам судовождения. Было обнаружено, что карты склонения в Тихом океане, имеющиеся в распоряжении моряков, на некоторых активных маршрутах содержали ошибки в 3–5°, что является значительной величиной при определении положения корабля и расчете курса. В целом рейсы «Galilee» показали актуальность морских магнитных измерений, и подтвердили необходимость создания немагнитных судов и специальных приборов [Bauer 1917b].

В 1908 г. в целях повышения качества результатов были разработаны технические характеристики новой немагнитной яхты «Carnegie», на строительство которой попечительским советом Института Карнеги было выделено специальное ассигнование.

Длина «Carnegie» составляла 155 футов 6 дюймов (ок. 50 м), ширина – 33 фута (10 м), водоизмещение – 568 тонн. При строительстве судна использовались преимущественно немагнитные материалы — различные породы дерева, медь и бронза, что позволяло минимизировать влияние корпуса на магнитные наблюдения. Так, весь такелаж был выполнен из русской пеньки, заменивший стальные тросы, обычно используемые на судах такого размера пеньковых канатов вместо металлических тросов. Для обеспечения автономности судно было оснащено четырехцилиндровым двигателем внутреннего сгорания с газогенераторной установкой мощностью 100 л. с., в конструкции которого количество железа было сведено к минимуму. Расположение постаментов для научных приборов выбрано таким образом, что помехи, возникающие из-за небольшого количества железа в двигателе, были пренебрежимо малы [Carnegie Institution of Washington 1947, p. 67, 96].

Общая первоначальная стоимость полностью оснащенного судна составляла 115 000 $. За весь период эксплуатации с 1909 по 1929 г. «Carnegie» совершил семь экспедиций, охвативших все океаны, вплоть до самых границ северных и южных полярных льдов.

«Carnegie» вместе с «Galilee» прошли 361 413 миль, было проведено 3836 измерений магнитного склонения и 2321 – наклонения и горизонтальной компоненты магнитного поля [Ault 1946, p. 46; Carnegie Institution of Washington 1947, p. 44]. По результатам морских магнитных измерений, проведенных на борту «Carnegie», были построены мировые карты склонения на всю акваторию Мирового океана и векового хода для компонент геомагнитного поля. Значительным достижением судна стало кругосветное плавание вокруг Антарктиды в рамках четвертого рейса в 1915–1916 гг. Экспедиция была совершена за один сезон, что являлось уникальным результатом для парусного судна.

29 ноября 1929 года во время подготовки к очередной научной экспедиции на борту «Carnegie» произошёл взрыв при погрузке топлива, в результате которого возник сильный пожар. Несколько членов команды погибли или получили тяжёлые травмы, а сама яхта сгорела до ватерлинии. Это событие поставило точку в научных экспедициях этого выдающегося судна [Ault 1946, p. iii–v, 42].

Руководство Института Карнеги так и не заменило «Carnegie». Учитывая время, необходимое для проектирования нового судна и его стоимость, которая значительно превысила бы стоимость «Carnegie», руководство Департамента земного магнетизма решило изменить программы исследования магнетизма на менее дорогостоящие проекты.

После гибели «Carnegie» британским Адмиралтейством была предпринята попытка создать проект маломагнитного судна RRS «Research», которая не увенчалась успехом из-за вступления Великобритании во Вторую Мировую войну [J., H. 1938, p. 417–418]. Таким образом, после заключительного рейса немагнитной яхты «Carnegie» в 1929 г. систематических морских измерений не проводилось.

В 1947 г. в СССР по инициативе директора Института земного магнетизма Н.В. Пушкова было решено создать специальное немагнитное судно для работы во всех морских бассейнах СССР с неограниченным удалением от берегов. В качестве прототипа была выбрана финская деревянная парусно-моторная шхуна. Подобные суда поставлялись в СССР после Великой Отечественной войны по репарации из Финляндии.

Судно было построено на судоверфи «Oy Laivateollisuus Ab» города Турку, спущено на воду в сентябре 1952 г. и передано во владение СССР, где судовладельцем стало Ленинградское отделение Института земного магнетизма [Sas-Uhrynowski 2000, p. 6-7].

Длина научно-исследовательского судна «Заря» (НИС «Заря») составляла 52.25 м, ширина – 8.95 м, осадка – 3.7 м., водоизмещение – 580 т., автономность плавания – 30 суток. Основным материалом корпуса являлась финская сосна; планшир и ледовый пояс были выполнены из дуба, корпус был обшит латунными листами. Дизельный двигатель имел мощность 300 л.с., а вспомогательный дизель-генератор для обеспечения потребностей в электроэнергии – 40 л.с. Изначально шхуна имела гафельное вооружение, но в 1976 г. мачты были заменены на немагнитные металлические с бермудским парусным вооружением [Смирнов 2003, с.77].

В 1956 г. состоялся первый научный рейс шхуны в Северной Атлантике из Ленинграда в Рейкьявик и обратно, в котором проводились опытно-производственные работы с установленным судовым оборудованием и научной аппаратурой.

В 1954 г. Международной ассоциацией по геомагнетизму и аэрономии (МАГА) было принято решение о проведении в 1957–1958 годах Международного геофизического года, в программу которого включалась и морская магнитная съемка на шхуне «Заря». В ходе этого рейса непрерывно измерялись модуль, вертикальная, горизонтальная компоненты и склонение магнитного поля в Атлантике и Индийском океане.

С 1953 по 1991 гг. на НИС «Заря» проводились уникальные векторные и модульные исследования магнитного поля Земли (МПЗ) в акваториях Атлантического, Тихого, Индийского океанов и на многих незамерзающих морях. Общая длина пройденных галсов с измерениями составила 490 тыс. морских миль, из них в настоящее время в базе данных имеется 300 тыс. морских миль измерений МПЗ. В 1990-х гг. НИС «Заря» требовала серьезного ремонта, но в виду отсутствия финансирования она была выведена из эксплуатации и списана [Фишева 2025, с. 259].

Морская съемка на «Заре» существенно отличалась от съемок, проводимых ее предшественниками. Во-первых, измерения производились не в отдельных точках, а непрерывно. Во-вторых, они давали полную информацию об измеряемой величине, т.е. не только абсолютное значение вектора напряженности геомагнитного поля, но и его направление. В результате работ «Зари» резко повысилась точность морских магнитных карт и, в частности, карт магнитного склонения, необходимых даже при наличии современных средств навигации. Весь массив измерений был использован при построении новой аналитической модели магнитного поля Земли, были выявлены аномалии магнитного поля в различных частях Мирового океана, изучена их структура. Были построены карты векового хода, необходимые при исследовании природы земного магнетизма, разработана методика определения векового хода на специальных морских пунктах, заложена сеть таких пунктов в восточной части Атлантики и в Балтийском море.

В 1990 г. в интересах Российской академии наук в Ленинградском отделении ИЗМИРАН совместно с финской судостроительной фирмой «Rauma-Repola Offshore» был создан проект маломагнитного научно-исследовательского судна, который остался нереализованным в связи с распадом СССР [Маломагнитное научно-исследовательское судно…1990]. При этом осуществление подобного проекта актуально до сих пор. Данные магнитных наблюдений в Мировом океане позволяют решать тектонические, палеомагнитные, геологоразведочные, геоисторические проблемы и другие фундаментальные и прикладные задачи геофизики.

Список литературы

1. Маломагнитное научно-исследовательское судно 1990 – Маломагнитное научно-исследовательское судно: техническая спецификация / А/О Раума-Репола Офшор. Б.м., 1990.
2. Смирнов 2003 – Смирнов К. Д. Немагнитная шхуна «Заря» // Судостроение. 2003. № 4. С. 77-79.
3. Фишева 2025 – Фишева А. А. История геомагнитных исследований на НИС «Заря» // Наука и техника: Вопросы истории и теории: Матер. XLVI Межд. годичной науч. конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук, Санкт-Петербург, 27–31 октября 2025 г. СПб.: ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН, 2025. С. 259.
4. Ault 1946 – Ault J.P. The work of the Carnegie and suggestions for future scientific cruises / J.P. Ault, J.H. Paul, J. A. Fleming [et al.]. Washington: Carnegie Institution of Washington, 1946. 130 p.
5. Bauer 1917a – Bauer L.A. Ocean magnetic observations, 1905–1916, and reports on special researches / L.A. Bauer, W.J. Peters, J.A. Fleming [et al.]. Washington: Carnegie Institution of Washington, 1917. 521 p.
6. Bauer 1917b – Bauer L.A. The magnetic work of the Galilee 1905-1908 / L.A. Bauer, W.J. Peters, J.A. Fleming. Washington, D.C.: s.n., 1917. 441 p.
7. Carnegie Institution of Washington 1947 – Carnegie Institution of Washington, Year Book № 46. Baltimore: The Lord Baltimore Press, 1947. 211 p.
8. J., H. 1938 – J., H. The R.R.S Research // Nature. 1938. Vol. 142. № 3592. P. 417-418.

9. Sas-Uhrynowski 2000 – Sas-Uhrynowski, A. Vector survey on the Baltic Sea by Schooner «Zaria» // A. Sas-Uhrynowski, E. Welker, I. Demina, L. Kasyanenko. Warsaw: IGiK, 2000. 98 p.

УДК 930.25

РОЛЬ ВУЗОВСКИХ МУЗЕЕВ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Минина Екатерина Валерьевна
кандидат исторических наук
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН,
зав. отделом истории техники и технических наук
E-mail: mininapm@yandex.ru

Аннотация: В развитии технического образования в нашей стране большую роль сыграли музеи, которые создавались уже в первых технических вузах с момента их основания. Музейные собрания активно использовались в учебном процессе, обеспечивая его наглядность и формирование у учащихся не только теоретических знаний, но и практических навыков работы с различными приборами и оборудованием. На примере изучения истории музеев Петербургского горного института, Константиновского межевого института, Института инженеров путей сообщения и др. показано, что формирование их коллекций было нацелено на представление учащимся передовых достижений техники и технологии. Эта цель поддерживалась государством, деятелями науки и промышленности, безвозмездно передававшими музеям наиболее значимые отечественные и зарубежные разработки. Большую роль в формировании инновационной составляющей вузовских музеев сыграли промышленные выставки, ставшие важным источником пополнения музейных собраний. Сформированные на этих принципах музейные собрания технических вузов являются сегодня важной составляющей научно-технического наследия нашей страны.

Ключевые слова: техническое образование, вузовский музей, инновации, научно-техническое наследие, история техники.

THE ROLE OF HIGH SCHOOL MUSEUMS IN INNOVATIVE TECHNOLOGIES OF THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES

Minina Ekaterina Valerievna
S.I. Vavilov Institute of the History of Science and Technology, Head of the Department of History of Technology and Technical Sciences

Abstract: Museums, established at the first technical universities at the time they were founded, played a significant role in the development of technical education in our country. Museum collections were actively used in the educational process, providing visual aids and fostering students' theoretical knowledge and practical skills in using various instruments and equipment. A study of St.

Petersburg museums' history by example of the St. Petersburg Mining Institute, the Konstantinovsky Land Survey Institute, the Institute of Railway Engineers, and others demonstrates that the development of their collections was aimed at introducing students to cutting-edge achievements in engineering and technology. This goal was supported by the state, scientists, and industry leaders, who donated the most significant domestic and international developments to the museums. Industrial exhibitions played a significant role in shaping the innovative component of university museums, becoming an important source of museum collections. Museum collections at technical universities, formed on these principles, today play an important role in our country's scientific and technical heritage.

Keywords: Technical education, university museum, innovation, scientific and technical heritage, history of technology.

Создание в России системы высшего технического образования требовало выработки новых подходов к планированию учебного процесса, обеспечивающих сочетание теоретической подготовки с формированием практических навыков работы с различными приборами и оборудованием, знакомство с их устройством и принципами действия. Большую роль в решении этой задачи сыграли вузовские музеи. Формирование учебных естественнонаучных коллекций являлось естественной составляющей развития университетского образования, поэтому при создании первых отечественных технических вузов предусматривалась организация учебных «кабинетов» и «музеумов», в которых собирались подлинные технические средства, а для крупногабаритной техники – ее модели и макеты. Музейные собрания активно использовались в учебном процессе, в связи с чем, ставилась задача пополнения их последними техническими новинками для представления учащимся передовых достижений техники и технологии.

Рассматривая историю музея Петербургского горного института, следует отметить, что уже в докладе Сената о его создании предлагалось часть средств «употреблять на заведение для учащихся Горного, Металлического и Минерального кабинетов» [В память 150-летнего юбилея Горного института в Петрограде 1923, с. 651]. Поддержка этому начинанию оказывалась на высочайшем уровне, о чем свидетельствует передача в 1789 г. в дар училищу императрицей Екатериной II двух макетов: доменной печи Александровского завода с цилиндрическими воздуходувными мехами и отражательной печи для плавки чугуна на каменном угле того же завода. Меха конструкции Смитона были впервые применены на Александровском заводе в Петрозаводске в 1786–1787 гг. [Тараканова 2020, с. 65–71] и стали важной инновацией в черной металлургии конца XVIII – начала XIX в., дающей значительную экономию топлива и прирост готовой продукции. В начале XIX в. они применялись на 27 уральских заводах из 46 [Кнаббе 1900, с. 181]. Не менее важным нововведением стало использование в качестве топлива каменного угля, для чего в 1786–1789 гг. на Александровском заводе была построена первая в России отражательная печь.

Активное участие в пополнении музея инновационными разработками принимали отечественные горные предприятия и предприниматели, многие из которых были выпускниками института. Так, в 1835 г. на Александровском заводе, специально для музея была изготовлена модель устройства для заделки раковин в стволах артиллерийских орудий, разработанная известным инженером и металлургом Карлом Гаскойном в 1789 г. Эта технология несколько десятилетий оставалась секретной и была впервые описана И. Германом

в 1803 г. [Герман 1803, С. 108–111]. В 1848 г. в музей в дар от правления Миасских золотых приисков поступила действующая модель золотопромывательной машины системы Аносова, изготовленная при непосредственном участии изобретателя – известного горного деятеля, выпускника Горного училища П.П. Аносова. Конструкция Аносова отличалась рядом инноваций: промывка осуществлялась за счет кругового движения золотоносного песка, а не вращения промывочной емкости; для наибольшего выделения из песка частиц золота было обеспечено его постоянное насыщение водой; гравитационная дифференциация песка и удаление более крупных галек происходило на начальной стадии промывки [Аносов 1846, с. 257–271]. Золотопромывательные машины конструкции Аносова совершили переворот в технологии добычи россыпного золота, а принципы их устройства получили развитие в более поздних конструкциях техники для разработки россыпных месторождений.

В 1765 г. в России началось генеральное межевание, целью которого было описание, картографирование земельного фонда и создание единой государственной системы его учета. Для подготовки землемеров в 1779 г. была организована Константиновская землемерная школа, преобразованная в 1819 г. в землемерное училище, а в 1835 г. в Константиновский межевой институт (КМИ). Учебный курс включал изучение необходимых для проведения межевания приборов и инструментов, а также обязательную летнюю практику по выполнению картографических и геодезических работ. В 1842 г. попечителем КМИ был назначен М.Н. Муравьев, который, столкнувшись с крайней бедностью кабинета геодезических инструментов, дал распоряжение об устройстве музея. Уже в 1843 г. для него была отведена «обширная зала, в которой помещались довольно полные кабинеты: геодезический, физический, механический и архитектурный» [Апухтин 1879, с. 81]. Понимая, что для обеспечения точности геодезических работ нужно использовать однотипные инструменты, М.Н. Муравьев заказал у механика А. Шперлинга «нормальную астролябию со всеми необходимыми запасными частями, приведенными в такую единообразную форму, что всякая отдельная часть ее соответствовала такой же части и во всех прочих астролябиях» [Апухтин 1879, с. 83]. Прибор был одобрен опытными землемерами и, в дальнейшем приобретались только такие же инструменты. О том, что при подготовке межевых инженеров использовались передовые разработки, свидетельствует тот факт, что многие приборы из собрания музея относились в первой серии. Среди них: усовершенствованная мензула Стефана (1835–1860 гг., фирма «Т. Белау и сын», серийный № 1); мензульная буссоль (1849–1865 гг., фирма «Белау», серийный № 19); буссоль с диоптрами и цилиндрическим уровнем (1847 г., фирма А. Шперлинга, серийный № 9); алидада (1865 г., Механическое заведение Главного управления Генерального штаба, серийный № 27) и другие. В 1881 г. в геодезический кабинет КМИ поступила модель базисного прибора Струве, разработанного и использовавшегося П.Б. Струве в ходе Русско-Скандинавского градусного измерения 1816–1855 гг. – первого масштабного геодезического проекта, по результатам которого были разработаны основные методы астрономо-геодезических работ и созданы инструменты, применявшиеся и в дальнейшем [Рудин, Хавский 1898, с. 425].

Ключевую роль в освоении обширной территории нашей страны играли транспортные коммуникации. Для подготовки соответствующих кадров 20 ноября 1809 г. был организован Институт Корпуса инженеров путей сообщения (ИИПС), в структуре которого также был предусмотрен музей. С началом строительства в России железных дорог в музее начала формироваться коллекция железнодорожной техники. В 1839 г. студенты Петербургского технологического института изготовили модель в масштабе 1:4 паровоза «Проворный» – одного из 6 паровозов, работавших на Царскосельской железной дороге, а спустя 10 лет там

же была сделана модель первого отечественного грузового паровоза типа 1-3-0 серии Д, производство которых было начато в 1845 г. на Александровском заводе в Петербурге [Памятники науки и техники в музеях России 1992, № 26, 27].

Большое значение для управления железнодорожным сообщением имело обеспечение надежной связи между станциями. В разработке проекта телеграфной линии вдоль железной дороги Санкт-Петербург – Москва принимал участие академик Б.С. Якоби. Движение было открыто 13 ноября 1851 г., а 16 июля 1852 г. в музей ИИПС поступили два телеграфных аппарата конструкции Якоби, созданные в начале 1840-х гг. По мере дальнейшего развития железнодорожной связи собрание музея пополнялось новыми образцами. Среди них стрелочный телеграфный аппарат фирмы «Сименс и Гальске», «белопишущий» и «чернопишущий» телеграфные аппараты Морзе, буквопечатающие телеграфные аппараты Юза с гиревым и электрическим приводом, телеграфный аппарат Уитстона [Левандовская 2004, с. 37-46].

Во второй половине XIX в. важным источником пополнения музеев инновационными разработками стали всероссийские и международные промышленные выставки. В 1870 г., после завершения Всероссийской мануфактурной выставки в Санкт-Петербурге, в музей Горного института был передан макет многофурменной доменной печи конструкции Рашета (1862 г.). Предложенные В.К. Рашетом усовершенствования конструкции домны обеспечивали равномерный прогрев продуктов плавки и делали доменный процесс более эффективным. В 1873 г. в дар от начальника Пермских пушечных заводов Н.В. Воронцова в музей Горного института поступила модель парового молота системы Воронцова, которая демонстрировалась в том же году на Всемирной выставке в Вене. В то время это был самый большой в мире паровой молот «двойного действия», предназначенный для ковки стальных заготовок крупных орудийных стволов [Лифлянд 1924, с. 102]. Музей КМИ приобрел универсальный магнитный теодолит Вильда-Брауэра, представленный на Всероссийской художественно-промышленной выставке 1882 г. в Москве. Прибор был сконструирован В.И. Вильдом для проведения магнитной съемки территории Российской империи [Рудин, Хавский 1898, с. 425].

С Всероссийской художественно-промышленной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде в музей Горного института поступило более 150 моделей и подлинных технических средств, отражающих современное состояние горно-металлургического производства в России. Среди них коллекция бурового инструмента Бакинского нефтяного общества для инновационной для того времени технологии ударно-штангового бурения нефтяных скважин, состоящая из буровых долот нескольких видов; буровых штанг, в том числе ударных; фрейфалов конструкций Кинда и Фабиана; инструментов для ловильных и ремонтных работ; поршневой желонки и песочного насоса [Лифлянд 1924, с. 14]. В музей Института инженеров путей сообщения с нижегородской выставки поступил контрольный аппарат системы Графтио-Зальмана (привилегия 1879 г.), фиксирующий скорость движения паровоза с целью недопущения превышения допустимых на данном участке значений. В 1880–1890-е гг. такие аппараты использовались более чем на 20 железных дорогах России [Памятники науки и техники в музеях России 2005, № 49].

Изучение истории музеев первых технических вузов страны, свидетельствует о том, что представление инновационных разработок было основной задачей формирования музейных коллекций, что делает их сегодня важной составляющей научно-технического наследия нашей страны.

Список литературы

1. Аносов 1846 – Аносов П.П. Описание золотопромывательной машины генерала-майора Аносова // Горный журнал. 1846. № 9. С. 257–271.
2. Апухтин 1879 – Апухтин А.Л. Очерк истории Константиновского межевого института с 1779 по 1879 год. СПб: тип. В.С. Балашева, 1879. 350 с.
3. В память 150-летнего юбилея Горного института в Петрограде 1923 – В память 150-летнего юбилея Горного института в Петрограде // Горный журнал. 1923. № 11. С. 651-764.
4. Герман 1803 – Герман И.Ф. Описание Петрозаводского и Кончезерского заводов и производимого при оных литья пушек и снарядов. СПб.: Тип. Шнора, 1803. 206 с.
5. Кнаббе 1900 – Кнаббе В.С. Чугунолитейное дело. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1900. Т. 1. 855 с.
6. Левандовская 2004 – Левандовская Л.В. История отечественной железнодорожной связи в коллекциях ЦМЖТ МПС России // Страницы истории железнодорожного транспорта России. Сб. трудов к 190-летию ЦМЖДТ МПС России. СПб., 2004. С. 37-46.
7. Лифлянд 1924 – Лифлянд Н.П. Путеводитель по модельному собранию Горного музея. Л., 1924. 131 с.
8. Памятники науки и техники в музеях России 1992 – Памятники науки и техники в музеях России: альбом. Вып. 1. М.: Знание, 1992. 60 с.
9. Памятники науки и техники в музеях России 1992 – Памятники науки и техники в музеях России: альбом. Вып. 4. М.: Знание, 2005. 202 с.
10. Рудин, Хавский 1898 – Рудин С.Д., Хавский Б.Н. Первые восемнадцать лет второго столетия Константиновского межевого института. (1879–1897 гг.): Памят. книжка. СПб., 1898. 221 с.
11. Тараканова 2020 – Тараканова Е.С. Карл Гаскойн и его деятельность в Карелии и на Донбассе // Черные металлы. 2020. № 6. С. 65-71.

УДК 902:908:62

ЭВОЛЮЦИЯ РОЛИ УНИВЕРСИТЕТА В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ УРАЛА (НА ПРИМЕРЕ УПИ – УГТУ-УПИ – УРФУ)

Лахтионова Елизавета Сергеевна
Кандидат исторических наук
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, доцент кафедры истории России
E-mail: Elza1982@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению изменений, которые претерпела роль ведущего на Урале университета в деятельности по изучению и сохранению отечественного индустриального наследия. Актуальность исследования обусловлена необходимостью в настоящее время переосмыслить значимость каждого актора в этом направлении с целью

выявить наиболее эффективные инструменты для решения все более нарастающей угрозы потери части объектов данной категории наследия. В качестве организационной базы выбран Уральский политехнический институт (ныне – Уральский федеральный университет). Одним из главных методов для данного исследования выступает метод наблюдения, поскольку автор более 20 лет работает в Уральском федеральном университете и на основе собственного опыта провела анализ эволюции роли данного высшего учебного заведения в изучаемом контексте. Для лучшего понимания и большей наглядности автор выделил три направления, по которым проведено изучение обозначенной проблемы: образовательное, научно-исследовательское, культурно-просветительское. Автор статьи приходит к выводу, что в настоящее время роль университета в контексте сохранения индустриального наследия по сравнению с предыдущими десятилетиями значительно изменилась: от участия в конкретных практико-ориентированных действиях к осуществлению представительских функций отдельными его представителями.

Ключевые слова: индустриальное наследие, охрана памятников, история науки и техники, программа «Каменный пояс», Уральский политехнический институт, Уральский федеральный университет.

EVOLUTION OF THE ROLE OF THE UNIVERSITY IN THE CONTEXT OF PRESERVATION OF THE INDUSTRIAL HERITAGE OF THE URALS (ON THE EXAMPLE OF UPI – USTU-UPI – URFU)

Lakhtionova Elizaveta Sergeevna

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Associate Professor, Department of Russian History

Abstract: This article examines the changes that have occurred in the role of the leading Ural university in the study and preservation of Russian industrial heritage. The relevance of this study stems from the current need to reassess the significance of each actor in this area in order to identify the most effective tools for addressing the growing threat of loss of some heritage sites in this category. The Ural Polytechnic Institute (now – Ural Federal University) was chosen as the organizational base. Observation was a key method for this study, as the author has worked at Ural Federal University for over 20 years and, drawing on her own experience, analyzed the evolving role of this higher education institution in the context under study. For better understanding and greater clarity, the author identified three areas of focus for the study: education, research, and cultural outreach. The author of the article concludes that the role of the university in the context of preserving industrial heritage has changed significantly compared to previous decades: from participation in specific practice-oriented actions to the implementation of representative functions by individual representatives.

Keywords: industrial heritage, monument protection, history of science and technology, Stone Belt program, Ural Polytechnic Institute, Ural Federal University.

Цель статьи – показать, как изменялась роль университета в деятельности по изучению и сохранению отечественного индустриального наследия.

Территориальные рамки – Урал – выбраны не случайно. По мнению ряда признанных в этой сфере ученых – В. В. Алексеева и В. В. Запария, именно на Урале зародилось движение за сохранение индустриального наследия, организационно оформившееся в 1990-е гг. В этот период Российская Федерация получила представительство в Международном комитете по сохранению индустриального наследия (The International Committee for the Conservation of the Industrial Heritage, далее – TICCIH).

В результате проведенного автором статьи докторского диссертационного исследования было установлено, что передовые позиции Урала в изучении и сохранении индустриального наследия в 1990-е и последующие годы были обусловлены деятельностью разных акторов еще в 1960-1980-е гг. Одним из таких акторов стали высшие учебные заведения.

Под индустриальным наследием в настоящее время понимается часть историко-культурного наследия, включающая как материальную составляющую (производственные центры, механизмы, артефакты, элементы транспортной и энергетической инфраструктуры и т.д.), так и духовную (знания, представления и ценности людей, работавших на промышленных предприятиях).

В качестве организационной базы было выбрано ведущее на Урале высшее учебное заведение, прошедшее трансформацию от Уральского политехнического института (далее – УПИ) и Уральского государственного технического университета – УПИ (далее – УГТУ-УПИ) до Уральского федерального университета (далее – УрФУ).

О вкладе УПИ – УГТУ-УПИ – УрФУ в деятельность по изучению и сохранению индустриального наследия не раз писали Е. В. Зайцева [Зайцева 2021], В. В. Запарий [Запарий 2021], Е. С. Лахтионова [Лахтионова 2019]. Все они признают высокую значимость участия университета в этом направлении в разные периоды его существования начиная с 1990-х гг. по 2010-е гг. Однако ни в одной публикации не рассматривается эволюция роли, которую выполняло данное высшее учебное заведение в период с 1920-х гг. по настоящее время.

Для достижения поставленной в статье цели имеет смысл выделить основные категории, в рамках которых будет проводиться анализ изменений роли университета в разные этапы его существования.

Во-первых, это образовательная роль, заключающаяся в накоплении, распространении и популяризации знания об индустриальной истории, развитии науки и техники, достижениях ученых и инженеров, результатом деятельности которых как раз и стало создание объектов промышленности и инфраструктуры, впоследствии составивших индустриальное наследие страны. И здесь нужно остановиться на двух направлениях в учебной деятельности УПИ – УГТУ-УПИ – УрФУ, имевших основополагающее, с нашей точки зрения, значение для сохранения индустриального наследия Урала.

Первое направление – подготовка специалистов, которые принимали в дальнейшем непосредственное участие в деятельности по сохранению конкретных памятников промышленного наследия, а также разработке методик по их выявлению, изучению, ремонту, реставрации и использованию. Большой вклад в этом направлении внесла кафедра архитектуры строительного факультета УПИ, созданная К. Т. Бабыкиным в 1933 г. [Бугров, Сафронов 2020, с. 47] Так, некоторые известные на Урале ее выпускники внесли весомый вклад в изучение и сохранение ряда памятников индустриального наследия. Например, Ю. А. Владимирский в 1980-е гг. инициировал спасение от разрушения уникальной домны Северского трубного завода [Лахтионова 2023, с. 116], а также стоял у истоков музеефикации

зданий и сооружений Екатеринбургского железоделательного завода в Свердловске [Штубова, Ворошилова 2023, с. 183-184]. Он и В. И. Кабаков, также являвшийся выпускником данной кафедры, неоднократно участвовали в обследовании заводов Свердловской области с целью определения необходимости их сохранения и подготовке соответствующих рекомендаций для государственных органов [Лахтионова 2022, с. 446-447]. А. Э. Коротковский был в числе других ученых и преподавателей данной кафедры (Н. С. Алферова, Г. С. Заикина), кто разрабатывал региональную программу «Каменный пояс», одним из главных объектов осуществления которой были памятники промышленной архитектуры, относимые сейчас к индустриальному наследию. Л. П. Холодова в 1990-е гг. была одним из авторов проекта реабилитации исторической зоны Северского трубного завода в г. Полевской, а также стала вторым по счету национальным представителем от России в TICCIH [Постоногов 2003, с. 169-170].

В конце 1960-х гг. на основе кафедры архитектуры УПИ был создан Уральский филиал Московского архитектурного института, преобразованный в начале 1970-х гг. в самостоятельный Свердловский архитектурный институт (далее – САИ), ставший в дальнейшем главной базой для подготовки соответствующих специалистов, а также для разработки и осуществления проектов по изучению, сохранению и реабилитации объектов промышленной архитектуры [Постников 2023].

Второе направление, в рамках которого ярко проявилась образовательная роль УГТУ-УПИ – УрФУ в сохранении индустриального наследия – чтение курсов по истории науки и техники для студентов и по истории и философии науки для аспирантов. Преподавание данных дисциплин много лет осуществлялось в рамках кафедры истории науки и техники, образованной в 1999 г. Более подробно об истории этой кафедры и ее вкладе в изучение и сохранение индустриального наследия неоднократно писал ее бессменный заведующий – доктор исторических наук, профессор В. В. Запарий [Запарий 2021; Запарий 2022]. Он считается ведущим ученым в области отечественного и мирового индустриального наследия, а также является национальным представителем России в TICCIH (с 2003 г. по настоящее время). Нужно отметить лишь следующее: чтение вышеназванных дисциплин имело и имеет основополагающее значение для формирования инженерных кадров, популяризации знаний в области истории науки и техники, достижений российских ученых и инженеров, а также для развития понимания у обучающихся необходимости изучения и сохранения индустриального наследия, к которому, согласно современной трактовке этого понятия, относятся результаты научно-технической и инженерной деятельности, например, чертежи. К сожалению, в настоящий момент в УрФУ уделяется недостаточно внимания чтению данных дисциплин, что в дальнейшем может негативно отразиться на воспитании у будущих инженерно-технических кадров чувства гордости за достижения своей страны. Эту ситуацию помогло бы исправить создание Центра истории науки и техники при кафедре истории России, с инициативой о чем в 2023 г. выступал профессор В. В. Запарий [Запарий 2024]. Однако Центр так и не был создан.

Во-вторых, это научно-исследовательская роль: университет изучает индустриальное наследие, вырабатывает методики его сохранения через реставрацию, консервацию и адаптацию промышленных объектов. В качестве одного из примеров воплощения данной роли можно привести разработку программы «Каменный пояс», направленной на комплексное изучение исторических промышленных территорий Среднего Урала. И несмотря на то, что в дальнейшем ее реализация проходила на базе САИ [Постников 2022], уже в конце 1950-х – 1960-е гг. кафедра архитектуры УПИ привлекала студентов к выявлению и обследованию старых уральских заводов, в том числе в рамках поисковых и ремонтно-реставрационных

студенческих отрядов. Во второй половине 1970-х гг. – 1980-е гг. при непосредственном участии ученых и преподавателей УПИ было разработано несколько проектов реставрации памятников индустриального наследия с целью превращения их в объекты музейного показа, например, наклонной башни и сооружений Невьянского механического завода.

В 1990-е – 2010-е гг. под влиянием мировых тенденций университет продолжает свою деятельность по проведению конкретных исследований в области индустриального наследия, направленных на разработку его теоретико-методологических основ применительно к российской специфике [Запарий 2008]. С конца 2010-х гг. исследования проводятся в тесной коллаборации с другими структурами, например, с Институтом истории и археологии Уральского отделения РАН [Алексеева, Быстрова 2021]. В 2020-е гг. появляются фундаментальные монографии [Алексеева 2024; Запарий 2025], подготовленные при участии представителей УрФУ, что свидетельствует о выходе исследований в этом направлении на качественно новый уровень.

В-третьих, это культурно-просветительская роль, при которой университет организует в своих стенах или за их пределами выставки, лекции и иные мероприятия, способствующие привлечению широкой общественности к более глубокому пониманию, что собой представляет индустриальное наследие и почему необходимо его сохранять. В этом плане наиболее плодотворными были 2000-2010-е гг., когда по инициативе кафедры истории науки регулярно проводились всероссийские и региональные конференции (например, «Урал индустриальный. Бакунинские чтения»), одной из постоянных секций которых была секция, посвященная изучению и сохранению индустриального наследия. Также в 2012-2013 гг. в УрФУ неоднократно приезжали иностранные ученые – крупные специалисты в области европейского индустриального наследия: Грасья Доррель-Ферре (Франция), Франческо Калзолайло (Италия) [Лахтионова 2019, с. 53-55]. Эти встречи в формате лекций и практических семинаров оказали крайне положительное воздействие на популяризацию индустриального наследия среди студентов и преподавателей университета, что выразилось, например, в подготовке ряда выпускных квалификационных работ по этой тематике. К сожалению, в дальнейшем после некоторых структурных преобразований внутри УрФУ тема приглашения ученых в области индустриального наследия из-за рубежа не получила поддержки в университете, а конференция «Бакунинские чтения» перестала проводиться с 2020 г.

В настоящее время популяризация необходимости более углубленного изучения и сохранения индустриального наследия происходит лишь в виде отдельных лекций и выступлений преподавателей УрФУ в рамках различных конференций и научно-популярных мероприятий: профессоров кафедры истории России В. В. Запария и К. Д. Бугрова, доцента этой же кафедры Е. С. Лахтионовой, профессора кафедры культурологии и дизайна Т. Ю. Быстровой. Но приходится признать, что масштаб той массированной работы, которая в 2000-2010-е гг. проводилась кафедрой истории науки и техники УрФУ под руководством В. В. Запария, не сравнится с тем, что осуществляется в этом направлении университетом сейчас.

Таким образом, университет – это не только место получения знаний, но и важный инструмент развития общества и воспитания патриотизма у граждан. Он создает площадку для обмена идеями, развития критического мышления и подготовки специалистов. На примере одного университета была рассмотрена эволюция трех основных его ролей. Автор приходит к выводу, что большое значение в сохранении историко-культурного, в том числе и индустриального наследия, имел и имеет личностный фактор. К сожалению, в государстве для охраны памятников одного этого недостаточно. В настоящее время крайне необходима

поддержка со стороны государственных структур, которые бы в рамках региональной, а лучше – национальной – программы способствовали формированию и поддержанию в российском обществе индустриальной памяти о достижениях наших предков. Одним из инструментов разработки и реализации таких программ может и должен стать университет.

Список литературы

1. Алексеева 2024 – Алексеева Е. В. Атлас индустриального наследия Большого Екатеринбурга / Е. В. Алексеева, Т. Ю. Быстрова, В. В. Литовский, С. А. Патрушев. Екатеринбург: TATLIN, 2024. 400 с.
2. Алексеева, Быстрова 2021 – Алексеева Е. В., Быстрова Т. Ю. Индустриальное наследие: понятия, ценностный потенциал, организационные и правовые основы. Екатеринбург: TATLIN, 2021. 164 с.
3. Бугров, Сафронов 2020 – Бугров К. Д., Сафронов А. А. Уральский федеральный университет: 100 лет истории. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2020. 272 с.
4. Зайцева 2021 – Зайцева Е. В. Ученые Екатеринбурга как акторы пропаганды движения за сохранение индустриального наследия / Е. В. Зайцева, Е. А. Азоркин, А. С. Алексейчик // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2021. Т. 3, № 1(9). С. 118-124.
5. Запарий 2008 – Запарий В. В. К вопросу о понимании концепции «индустриальное наследие» в России и за рубежом // Российский научный журнал. 2008. № 3. С. 77-83.
6. Запарий 2021 – Запарий В. В. Кафедра истории науки и техники УГТУ-УПИ как центр работы по пропаганде сохранения индустриального наследия Уральского региона // Диалоги о защите культурных ценностей: материалы I Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 14 мая 2021 г. Екатеринбург: УрГАХУ, 2021. С. 17-18.
7. Запарий 2022 – Запарий В. В. Кафедра истории науки и техники УГТУ – УПИ (1999-2017) / В. В. Запарий, Е. В. Зайцева, В. А. Дорошенко // История и современное мировоззрение. 2022. Т. 4, № 4. С. 67-73.
8. Запарий 2024 – Запарий В. В. Центр истории науки и техники кафедры истории России УГИ УРФУ // Четырнадцатые Татищевские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 16–18 ноября 2023 г. Ч. 1. Екатеринбург: ООО «Издательство КВАДРАТ», 2024. С. 191-196.
9. Запарий 2025 – Запарий В. В. Индустриальное наследие России и Урала в контексте мирового культурного наследия: Избранные труды. Екатеринбург: ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО АМБ», 2025. 520 с.
10. Лахтионова 2019 – Лахтионова Е. С. Уральский федеральный университет как центр российского движения за сохранение индустриального наследия // Индустриальное развитие региона и мира: история и современность: Материалы Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 19–20 октября 2018 г. Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2019. С. 51-57.

11. Лахтионова 2022 – Лахтионова Е. С. Деятельность общественных и политических акторов по охране объектов индустриального наследия в Свердловской области (1960-1980-е годы) // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 3. С. 439-455.

12. Лахтионова 2023 – Лахтионова Е. С. История спасения памятника индустриального наследия «Северская домна» в 1960-1980-е гг. // История и современное мировоззрение. 2023. Т. 5., № 2. С. 113-119.

13. Постников 2022 – Постников С. П. Комплексная программа Свердловского архитектурного института (УРГАХУ) «Каменный пояс» как фактор сохранения историко-культурного наследия Урала // Тринадцатые Татищевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 24–25 ноября 2022 г. Екатеринбург: ООО «Издательство КВАДРАТ», 2023. С. 458-461.

14. Постников 2023 – Постников С. П. Свердловский архитектурный институт: от филиала к самостоятельному вузу // Диалоги о защите культурных ценностей: Материалы III Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 18–19 мая 2023 г. Екатеринбург: УрГАХУ, 2023. С. 376-379.

15. Постоногов 2003 – Постоногов Ю. И. 50 лет архитектурному образованию на Урале. 1953-2003 гг. Тюмень: Издательство «Вектор Бук», 2003. 204 с.

16. Штубова, Ворошилова 2023 – Штубова Е. В., Ворошилова А. С. Свердловск Ю.А. Владимирского (по материалам фондовых коллекций Музея архитектуры и дизайна УрГАХУ) // Диалоги о защите культурных ценностей: Материалы III Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 18–19 мая 2023 г. Екатеринбург: УрГАХУ, 2023. С. 181-190.

УДК 37.091.21

ОБ ОПЫТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ ТЕХНИКИ В ПРОГРАММЕ АСПИРАНТУРЫ УРФУ

Запарий Владимир Васильевич
Доктор исторических наук
ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Уральский федеральный университет, профессор
E-mail: vvzap@mail.ru

Зайцева Екатерина Васильевна
Кандидат социологических наук
ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», Уральский федеральный университет, доцент
E-mail: katia_zai@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется многолетний опыт преподавания истории техники в аспирантуре Уральского федерального университета (УрФУ). Исследование охватывает период с конца 1990-х годов до настоящего времени, включая трансформацию вуза из профильного технического университета (УГТУ-УПИ) в классический федеральный университет. Авторы рассматривают институциональные и методологические аспекты

интеграции истории техники в структуру кандидатского экзамена по дисциплине «История и философия науки». Особое внимание уделяется проблеме междисциплинарного взаимодействия между историками техники и представителями философских кафедр. В работе обосновывается необходимость сохранения «технического компонента» в образовательной программе для инженеров, противостоящего избыточной философской абстракции. Описывается опыт разработки дифференцированных курсов лекций по отраслевым направлениям (металлургия, строительство, химия, ИТ), а также результаты педагогического эксперимента по замене традиционных рефератов на научные статьи по теме диссертационного исследования аспиранта. Критически осмысляется опыт дистанционного обучения в период пандемии COVID-19 и в последующие годы. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на технологическое удобство онлайн-платформ, в преподавании истории науки ключевое значение сохраняет личный контакт преподавателя и обучающегося. Сделаны выводы о необходимости деформализации курса, усиления его связи с будущей профессиональной деятельностью молодого ученого и важности предоставления аспирантам академической свободы в выборе форм отчетности.

Ключевые слова: история техники, аспирантура, инженерное образование, история и философия науки, УрФУ, методика преподавания, кандидатский экзамен, междисциплинарный подход.

ABOUT THE EXPERIENCE OF TEACHING THE HISTORY OF TECHNOLOGY IN THE URFU POSTGRADUATE PROGRAM

Zapariy Vladimir Vasilyevich
Doctor of Historical Sciences
UrFU named after the first President of Russia B.N. Yeltsin Ural Federal University, Professor

Zaitseva Ekaterina Vasilyevna
Candidate of Sociological Sciences
UrFU named after the first President of Russia B.N. Yeltsin Ural Federal University, Associate Professor

Abstract: This article analyzes the long-term experience of teaching the history of technology in the graduate program at Ural Federal University (UrFU). The study covers the period from the late 1990s to the present, including the university's transformation from a specialized technical university (USTU-UPI) to a classical federal university. The authors examine the institutional and methodological aspects of integrating the history of technology into the structure of the candidate's examination in the discipline "History and Philosophy of Science." Particular attention is given to the issue of interdisciplinary interaction between historians of technology and representatives of philosophy departments. The paper substantiates the need to preserve a "technical component" in the educational program for engineers, countering excessive philosophical abstraction. The article describes the experience of developing differentiated lecture courses in industry-specific areas (metallurgy, construction, chemistry, IT), as well as the results of a pedagogical experiment in replacing traditional essays with research articles on the topic of a graduate student's dissertation. This article critically reflects on the experience of distance learning during the COVID-19 pandemic

and subsequent years. The authors conclude that, despite the technological convenience of online platforms, personal contact between instructor and student remains crucial in teaching the history of science. They also highlight the need to de-formalize the course, strengthen its connection to the future professional activities of young scientists, and provide graduate students with academic freedom in choosing their reporting methods.

Keywords: history of technology, graduate school, engineering education, history and philosophy of science, UrFU, teaching methods, candidate examination, interdisciplinary approach.

Вопрос преподавания истории техники в высшей школе приобретает особую остроту в условиях перехода к обществу знания, где технологические компетенции должны сочетаться с глубоким пониманием логики развития инженерной мысли. В Уральском федеральном университете (ранее – УГТУ-УПИ) накоплен уникальный опыт преподавания этой дисциплины, охватывающий период с 2005 г. по настоящее время. В условиях трансформации образовательных стандартов и перехода на многоуровневую систему (бакалавриат – магистратура – аспирантура), история техники заняла важное место в структуре кандидатского экзамена по дисциплине «История и философия науки» [Запарий 2014, с. 15].

Особенностью нашего опыта является то, что до 2014 года в университете существовала профильная кафедра Истории науки и техники. Это позволяло концентрировать экспертные знания и поддерживать тесную связь с инженерными факультетами. Однако после ликвидации кафедры и передачи курса на кафедру истории России, а затем – под кураторство философов, возникла серьезная методологическая проблема.

Как отмечает профессиональное сообщество, коллеги-философы зачастую склонны воспринимать данный курс как чисто абстрактную дисциплину, где техника рассматривается лишь как внешнее проявление философских категорий. Наша позиция, поддержанная руководством института, заключалась в том, что для аспирантов инженерных специальностей критически важно сохранение технического содержания курса [Запарий 2022, с. 312]. История техники – это не только «философия артефактов», но и история инженерных решений, патентных войн и смены технологических укладов.

В ходе проведения занятий были опробованы различные формы обучения и сдачи экзаменов, как в очной, так и заочной форме в условиях пандемии, о чем будет сказано ниже.

Особенностью данного курса стало то, что он читался сначала в условиях существования технического университета, которым являлся Уральский государственный технический университет – УПИ, и это был факультет гуманитарного образования, а затем при переформатирования его в Уральский Федеральный университет, с включением в его состав Уральского госуниверситета и появлением большого числа гуманитарных и естественно-научных кафедр, произошло изменение как многих форм так и содержания обучения [Запарий и др. 2023].

Нами предпринималась и попытка проанализировать и теоретически осмыслить опыт работы аспирантуры в РФ за длительный период ее существования в начале XX1 века. Работа была опубликована [Зайцева и др. 2022] и вызвала определенный интерес в научном сообществе.

Обобщение этой работы применительно к вузу нашло свое отражение в подготовке большой работы, аккумулирующей результат изучения технического образования в

коллективной монографии о научных школах УрФУ, опубликованной в 2020 г. [Научные школы 2020].

Для преодоления формального подхода нами были разработаны специализированные блоки лекций и практических занятий, адаптированные под конкретные направления аспирантской подготовки. Основная идея заключалась в том, что аспирант-металлург и аспирант-программист нуждаются в разном историческом контексте для осмысления своей научной деятельности. Приведем примеры.

Направление «Металлургия и материаловедение». Учитывая специфику Уральского региона, этот курс был наиболее глубоко проработан. В программу были включены разделы по эволюции доменного производства: от сыродутных печей до современных агрегатов непрерывной разливки стали. Особое внимание уделялось истории формирования уральских научных школ металлургии (труды В.Е. Грум-Гржимайло, М.А. Павлова). Аспиранты изучают не просто хронологию, а логику изменения физико-химических представлений о процессах в металле, что напрямую коррелирует с их текущими исследованиями по созданию новых сплавов.

Направление «Строительство и архитектура». Здесь акцент был сделан на истории строительной механики и эволюции материалов. Программа охватывает переход от традиционных каменных и деревянных конструкций к эпохе железобетона и стали. Важным блоком стало изучение истории высотного строительства и большепролетных конструкций, где инженерная мысль сталкивалась с пределами прочности материалов. Аспиранты этого направления получают темы рефератов, связанные с историей проектирования знаковых объектов (от Эйфелевой башни до современных небоскребов), что позволяет им увидеть преемственность в методах математического моделирования напряжений.

Направление «Информационные технологии и вычислительная техника». В рамках этого блока история техники рассматривается через призму перехода от механических вычислителей к электронной и цифровой эпохе. Ключевыми темами стали история кибернетики в СССР, вклад отечественных инженеров в создание первых ЭВМ (серии «Урал», «БЭСМ») и эволюция парадигм программирования. Особое внимание уделяется «истории идей»: от алгоритмов Аль-Хорезми до архитектуры нейронных сетей. Это позволяет аспирантам ИТ-сферы осознать социальную ответственность своей профессии в условиях цифровой трансформации общества.

Одной из наиболее успешных, но трудно внедряемых инициатив стал эксперимент по замене традиционного реферата (часто носящего компилятивный характер) на подготовку полноценной научной статьи по истории конкретного технического процесса, связанного с темой диссертации аспиранта. По результатам этой работы было издано четыре сборника научных статей [История науки и техники, 2011]. Это позволило аспирантам получить первую публикацию в междисциплинарной области и глубже понять истоки своей узкой научной темы. Однако бюрократическая инерция вузовской системы зачастую препятствует закреплению такой практики как обязательной.

Период пандемии COVID-19 поставил перед нами новые вызовы. Переход в онлайн-формат (Zoom, MS Teams) обнажил проблему «цифрового отчуждения» [Запарий 2022]. Как показала практика, отсутствие визуального контакта (использование абстрактных аватарок) и невозможность живой дискуссии существенно снижают качество усвоения гуманитарного знания. Мы убеждены, что история техники, как дисциплина мировоззренческая, требует очного общения, «сократического диалога» между профессором и молодым ученым [Запарий и др. 2023, с. 128].

В основе нашего подхода лежит понимание истории техники не как вспомогательной исторической хроники, а как фундаментальной части методологии технического знания. Ключевая методологическая коллизия современного высшего образования в России заключается в «эпистемологическом разрыве» между философским и технико-историческим подходами.

Как показала практика преподавания в УрФУ, представители философских кафедр зачастую придерживаются экстерналистского подхода, рассматривая технику лишь как социокультурный феномен или абстрактную категорию («техника как отчуждение», «техника как воля к власти»). При таком подходе специфика инженерного мышления и логика развития конкретных технических систем игнорируются. Напротив, наша методология базируется на синтезе интернализма, т. е. изучения внутренней логики развития инженерных решений), и социально-исторического анализа.

Мы исходим из того, что для аспиранта инженерного профиля история науки и техники должна служить инструментом рефлексии над собственной научной деятельностью. Это требует понимания генезиса конкретных отраслей – металлургии, строительства, информационных технологий – через призму смены технологических укладов, а не только через абстрактные философские категории.

Методическая новизна нашего опыта заключается в сохранении институциональной преемственности. В отличие от большинства российских вузов, где преподавание дисциплины полностью передано на кафедры философии, в УрФУ удалось сохранить методическую базу кафедры истории науки и техники (существовавшей в 1999–2014 гг.). Это позволило сформировать двухкомпонентную структуру курса:

1. Общефилософский блок представляет историю и философию науки как общей системы знаний.

2. Специализированный блок (история технических наук) направлен на изучение эволюции инженерной мысли, истории технических университетов и конкретных отраслевых прорывов.

Методический инструментарий включает использование накопленного за 25 лет фонда учебных программ и лекционных курсов, дифференцированных по направлениям подготовки (металлургия, химия, строительство и др.). Важным методическим приемом является «приземление» тем рефератов и зачетных вопросов к актуальной тематике диссертационных исследований аспирантов, что превращает гуманитарную дисциплину из «барьера» на пути к степени в эффективный инструмент методологической подготовки молодого ученого.

Вопрос о наполнении курса «История и философия науки» стал полем острой дискуссии между «технологами-историками» и «чистыми философами». Основной аргумент оппонентов сводился к тому, что в рамках кандидатского минимума техника как предметная область является избыточной, а акцент должен быть сделан на эпистемологии и логике науки в целом.

Однако мы считаем такой подход ошибочным и даже опасным для подготовки инженерных кадров. Философы, не будучи знакомыми с основами инженерных наук, сознательно «обходят стороной» проблемы технического образования и материальной истории изобретений. Это ведет к выхолащиванию смысла дисциплины для аспиранта-техника, который не видит связи между философскими концепциями и своей практической работой в лаборатории или на производстве.

В ходе дискуссии нам удалось убедить руководство института и департамента, что история техники в инженерном вузе – это вопрос профессиональной идентичности. Поддержка администрации позволила нам отстоять право на включение глубокого технико-

исторического компонента в программу. Мы утверждаем, что академическая свобода в техническом вузе должна проявляться, в том числе, в праве инженерного сообщества самостоятельно определять исторические и методологические границы своей дисциплины, не допуская их полной «философской экспансии».

Наш опыт доказывает: только наличие специализированной кафедры (или её методического наследия) позволяет давать целостную картину развития инженерных наук, которую невозможно заменить общими философскими курсами.

В качестве воевода следует сказать, что работы с аспирантами требуется постоянный поиск приемлемых форм и методов преподавания, которые бы сделали этот курс не формальным и отвлечённым, а полезным не только теоретически, но и практически, для соискателей кандидатской степени.

Опыт преподавания истории техники в УрФУ доказывает, что данный курс не должен быть формальным дополнением к философскому минимуму. Для эффективной подготовки кадров высшей квалификации необходимо:

1. Сохранять отраслевую дифференциацию программ, связывая историю техники с актуальными задачами конкретной инженерной области.
2. Стимулировать аспирантов к проведению самостоятельных исторических исследований в рамках их диссертационных тем (замена реферата статьей).
3. Обеспечивать тесное взаимодействие историков науки и техники с представителями технических кафедр и научными руководителями аспирантов.
4. Стремиться к возвращению к очным формам обучения, минимизируя дистанционные форматы, которые ведут к деградации академической среды.

Только через понимание генезиса технических знаний будущий исследователь может обрести ту степень академической свободы, которая необходима для совершения подлинного технологического прорыва в современном обществе знания.

Список литературы

1. Зайцева и др. 2022 – Зайцева Е. В., Запарий В. В. , Асрян Г. Г. Результаты реформ в области подготовки кадров высшей квалификации в конце XX – начале XXI века: аспирантура и докторантура // История и современное мировоззрение. 2022. Т. 4. № 3. С. 103–110.
2. Запарий 2014 – История науки и техники // Учебное пособие. / В. В. Запарий, А. В. Бармин, В. А. Дорошенко и др.; под ред. проф. В. В. Запария. 4-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: УрФУ, 2014. 336 с.
3. Запарий 2022 – Запарий В. В. Особенности преподавания курса истории науки для аспирантов инженерных специальностей в условиях пандемии // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы VIII междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. С. 312–316.
4. Запарий и др. 2023 – Запарий В. В., Еробкин И. Е., Зыкин И. В., Кокшаров В. А., Лахтионова Е. С. К вопросу об улучшении преподавания курса «История и философия науки» для аспирантов современного университета // История и современное мировоззрение. 2023. Т. 5. № 4. С. 126–133.
5. История науки и техники 2011 – История науки и техники и университетское образование: сб. материалов науч.-практ. конф. аспирантов, магистрантов и студентов УрФУ. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2011.

6. Научные школы 2020 – Научные школы Уральского федерального университета: энциклопедия / под общ. ред. д-ра ист. наук, проф. В. В. Запария. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 512 с.

УДК 94(470):378.035.6

СОДЕРЖАНИЕ КУРСОВ «ИСТОРИЯ РОССИИ» И «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ» ВНУТРИ И ВНЕ ГУМАНИТАРНОГО КОНТУРА СОВРЕМЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

Кузнецова Ольга Николаевна
Кандидат исторических наук,
Санкт-Петербургский политехнический университет, доцент
E-mail: Bon-box@mail.ru

Аннотация: В настоящем исследовании рассматриваются характерные черты содержательной части курсов «История России» и «Основы российской государственности (ОРГ)», реализуемые в рамках гуманитарных программ технических ВУЗов. Институционализация духовно-нравственных ценностей, происходящая через образовательные программы, способствует постановке одной из ключевых современных проблем университетов: «между утилитаризмом и академической свободой», которая в данном случае содержательно раскрывается через обращение к вопросам достижений в сфере технологий и истории технологических укладов страны. Затронуты аспекты влияния на современное гуманитарное знание искусственного интеллекта, представлений о культурном коде в рамках обучения, опыта рассмотрения вопросов суверенитета, как примеры междисциплинарности в рамках гуманитарного контура научно-образовательной среды ВУЗа.

Ключевые слова: политехническое образование, гуманитарные программы, курс «История России», особенности преподавания, курс «Основы российской государственности».

THE CONTENT OF THE COURSES "HISTORY OF RUSSIA" AND "FUNDAMENTALS OF RUSSIAN STATEHOOD" WITHIN AND OUTSIDE THE HUMANITARIAN FRAMEWORK OF A MODERN TECHNICAL UNIVERSITY

Kuznetsova Olga Nikolaevna
Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University, Assistant Professor

Abstract: This study examines the characteristics of the content of the courses "History of Russia" and "Fundamentals of Russian Statehood (ORG)," which are implemented as part of the humanities programs at technical universities. The institutionalization of spiritual and moral values through educational programs contributes to the formulation of one of the key contemporary problems of universities: "between utilitarianism and academic freedom," which in this case is addressed through the examination of technological achievements and the history of the country's technological

systems. The article discusses the impact of artificial intelligence on modern humanities, the concept of cultural code in education, and the experience of addressing issues of sovereignty as examples of interdisciplinarity within the humanities framework of the university's research and educational environment.

Keywords: Polytechnic education, humanitarian programs, History of Russia, teaching methods, Foundations of Russian statehood.

Механизмы реализации содержательных ценностей курса в гуманитарном контуре ВУЗа – это многоуровневая система воздействия прежде всего через разнообразие форм работы. В настоящем случае одной из основных являются лекционные и практические занятия по гуманитарным дисциплинам «История России», «Философия» и курсу «Основы российской государственности» (ОРГ). Следует отметить, что современные процессы происходят с привлечением различных социальных институтов в широком понимании этого слова и одновременном формировании убеждений студенческой молодежи, где сильны определенные запросы, такие как запрос на справедливость, на определение собственной идентичности и близкая структура моральных абсолютов, исключений и табу. Так, определяя внутренний и внешний гуманитарный контур, обратим внимание на ряд характерных черт содержательной части курсов «История России» и ОРГ.

Для гуманитарной части современного образования в техническом ВУЗе предполагается больше контроля, в связи доминирующим запросом общества на сферу ИТ и ряд инженерных специальностей, что порождает вопрос о доле гуманитарного блока в программах технических ВУЗов страны. Вместе с тем, содержательно университетским гуманитарным программам присуща определенная архаика и академизм, поэтому немаловажной составляющей гуманитарного контура ВУЗа являются кадры, обеспечивающие не только производство знания, но и передачу его молодому поколению. При этом сочетание гуманитарных и технических знаний производит выпуск более дисциплинированных людей с высшим образованием, что играет значимую роль в реализации духовно-нравственных ценностей государства. Информативным примером из реализации курсов может служить сохранение исторической памяти, в частности, о праздновании Дня Победы в Великой Отечественной Войне. Парад 9 мая органично встроен в личную повседневность любого человека на постсоветском пространстве и является фактором определения собственной идентичности, как представление о семейной (переживаемой лично) трагедии, что формирует «свою историю» и «свою память» о войне, что значимо для общества в целом.

Вместе с тем, проблемы определения идентичности оказываются тесно взаимосвязаны и с культурным/историческим кодом, как одним из острейших вопросов современного гуманитарного знания. Несомненно, цивилизационный код сохраняет идентичность, но делит ли обладание кодом общество на своих и чужих и что означает на практике обладание кодом? Иллюстрацией может служить опыт обучения в техническом ВУЗе иностранных студентов, изначально носителей другого культурно-исторического кода. Здесь демонстрацией «разности среды» может служить рассмотрение русско-китайских отношений или отношений России с Османской империей, в частности, со стороны студентов, недостаточно знающих русский язык. Они, как правило, используют аутентичные (китайские, турецкие и др.) источники для подготовки к практическим занятиям в рамках курса «История России» и выражают позицию отличную от российского образовательного стандарта. Это подтверждает

невозможность быстрого включения больших групп таких студентов в российский контур гуманитарного образования, но, имеющийся отрыв от национальной культуры представляет широкие возможности экономической и образовательной интеграции.

Вместе с тем, хотелось бы затронуть вопрос «дефицита внутренней опоры» для современных преподавателей-исследователей гуманитарного и, возможно, не гуманитарного профиля. Здесь происходит уход от формальных треков (тренингов для галочки и даже круглых столов) в сторону более глубокого осмысления сущностных аспектов и даже личностного переживания происходящих процессов, что приводит к пересмотру стратегий в том числе изучения наиболее острых проблем в содержании учебных дисциплин. Сегодня это свидетельство скорее трансформации, что связано с положительной широкой формулировкой, в частности, курса ОРГ с уклоном в междисциплинарность.

Значимой чертой для рассмотрения выступает тесная взаимосвязь содержания гуманитарных курсов с историей России в общественном сознании. Примером может быть определение суверенитета страны на протяжении ряда периодов российской истории. Обсуждение данного вопроса в рамках гуманитарного модуля демонстрирует знания о признании права государства проводить на территории своей страны любую политику (закрепление доктрины национального суверенитета, произошедшего после 30-летней войны и заключения Вестфальского мира 1648 г.). В XX веке происходят серьезные изменения, появляется принцип преобладания универсальных прав и свобод, что связано с защитой граждан в эпоху ведения массовых войн с чем Россия сталкивалась в период Первой мировой войны, революции 1917 г. и эпоху СССР. Мировые изменения в университетском преподавании, связываются с основами оформления наднационального иначе глобального мира и современного общественного обсуждения вопроса, определяемого как «многополярный мир» [Цивилизационный путь России 2025]. Подтверждая тезис, хочется привести ряд цитат из работ студентов инженерного профиля периода 2023-2026 гг.: «Многополярный мир представляет собой конкурентную среду основных мировых центров и способствует возникновению порядка»; «Россия выполняет ключевую роль в формировании мира нового типа»; «Будущее за многополярным и справедливым миром!».

Специфика технического ВУЗа предполагает внедрения ряда курсов и элементов того или иного курса по проблемам новых технологических укладов страны. История техники и технологий, на примере начала XX века, подсказывает, что при необходимости догнать ведущие мировые техноуклады ярко проявился фактор развития передовой мысли, где страна не отставала от мировых технических, экономических и гуманитарных концепций [Кузнецова 2025]. Это фиксируют содержательные разделы курсов по «Истории России» и «Основам российской государственности», в представлениях о достижениях технологического лидерства в советский период, при понимании, что советский опыт сегодня не всегда выступает рабочим инструментом. При определении возможностей технологического лидерства, где не обойтись без планирования развития ряда высокотехнологичных направлений современного ВУЗа, сегодня подчеркнем связь с внедрением новых технологий искусственного интеллекта, что может повысить эффективность обучения в том числе и по гуманитарным наукам. Одной из проблем в данном ключе является падающая эффективность традиционных форм образовательной деятельности. Для каждого специалиста очевидно, что использование современных систем искусственного интеллекта (ChatGPT и DeepSeek) для обработки и генерации текста в гуманитарных науках является вызовом, где одним из действенных выходов может стать высокая квалификация вузовских преподавателей. Эволюция инженерного образования и гуманитарной его составляющей на протяжении XX-

XXI вв. уже встречалась с процессами оптимизации благодаря науке и могла превращать их в фактор развития, который, приводил страну к лидерству при понимании, как оказалось, всей хрупкости создаваемой системы.

При определении места гуманитарных курсов между утилитаризмом и академической свободой в техническом образовании примечательно мнение, высказываемое со стороны учащейся аудитории. Так, в студенческих работах можно отметить сочетание важности «мягкой силы образования» и передовых технологий: «В современном мире образование оказывает большое влияние на то, как видят страну на мировой арене в связи с развитием технологий и оказывают влияние на вес страны»; «Многие страны гонятся за имиджем своих университетов. Высшее образование всегда было инструментом власти, действенным и «мягким», имея ввиду soft power»; «Качественно подготовленные кадры являются катализатором в формировании любой отрасли, а Санкт-Петербургский политехнический университет всегда преуспевал в выпуске специалистов, которые по-настоящему меняли мир и переворачивали «правила игры» в свою пользу».

Таким образом, на содержание курсов «История России» и «Основы российской государственности» оказывают влияние одновременно факторы внутри и вне гуманитарного контура ВУЗа. Его характерные черты коррелируют также и с организацией жизни на разных возрастных этапах, в данном случае имея ввиду прежде всего, студенчество. Содержательный интерес к темам гуманитарного цикла подтверждают приведенные примеры из работ студентов обучающихся на технических специальностях. Несомненно, что современная система встречается с внутренними и внешними вызовами, такими как использование искусственного интеллекта, где высококвалифицированный преподаватель сумеет найти возможности для повышения эффективности собственного преподавания курса. Взаимосвязь содержания гуманитарных курсов с историей страны в общественном сознании подтверждает, что исторические знания о вехах истории нашей страны, в частности, XX-XXI вв. – технических достижениях и революционных изменениях, Великой Отечественной Войне и суверенитете – не должны представлять абстракции. В сочетании с современной тенденцией модернизации исследований, происходит выработка сбалансированного подхода к содержательной части курсов гуманитарного профиля в техническом ВУЗе.

Список литературы

1. Цивилизационный путь России 2025 – Цивилизационный путь России / И. П. Березовская, Д. С. Быльева, Д. А. Вычеров [и др.]. СПб: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2025. 158 с.
2. Кузнецова 2025 – Кузнецова О.Н. Осмысление индустриального наследия специалистов Санкт-Петербургского политехнического института первой трети XX века в системе факторов модернизации экономики России // Индустриальное наследие России как объект изучения, сохранения и презентации: современные подходы и взгляд в будущее : Сб. докладов Всерос. научно-практ. конф. Нижний Тагил, 25–27 сентября 2025 г. Н. Тагил: Манускрипт, 2025. С. 57-59.

ЧАСТЬ 3

НАУКА И ОБЩЕСТВО

УДК 130.2:316.752

ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ПОЗНАНИЕ И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ

Ветютнев Юрий Юрьевич
Кандидат юридических наук
Волгоградский государственный университет, доцент
E-mail: legalmind@yandex.ru

Аннотация: С одной стороны, любая цивилизация вынужденно основывается на восприятии собственных ценностей как непреходящих, безусловных, незыблемых, то есть абсолютных, ибо при восприятии всех ценностей как относительных, временных и условных они не способны выполнять функцию надежной опоры для всех сложных аспектов цивилизационного бытия. С другой стороны, если цивилизация воспринимает свои ценности как абсолютные, возникает парадокс: она уже не может считать их исключительно своими. Рефлексивный процесс характеризуется принципиальной эпистемической неопределённостью: его результаты не поддаются предвидению, а сам ход анализа способен привести к радикальной переоценке исходных установок. В этом смысле рефлексия обладает эффектом «каскадного пересмотра»: переоценка одной ценности неизбежно влечёт за собой ревизию связанных с ней норм и принципов, что может привести к деконструкции всей аксиологической системы.

Ключевые слова: ценности, цивилизация, признание, абсолютность, относительность, универсальность.

VALUE-BASED COGNITION AND ITS SOCIAL EFFECTS

Vetyutnev Yuri Yurievich
Volgograd State University, Associate Professor

Abstract: On the one hand, any civilization is forced to rely on the perception of its own values as permanent, unconditional, unshakable, that is, absolute, because when all values are perceived as relative, temporary and conditional, they are not able to perform the function of a reliable support for all complex aspects of civilizational existence. On the other hand, if a civilization perceives its values as absolute, a paradox arises: it can no longer consider them exclusively its own. The reflexive process is characterized by fundamental epistemic uncertainty: its results cannot be predicted, and the course of analysis itself can lead to a radical reassessment of the initial attitudes. In this sense, reflection has the effect of a "cascading revision": the reassessment of one value inevitably entails a revision of the norms and principles associated with it, which can lead to the deconstruction of the entire axiological system.

Keywords: values, civilization, recognition, absoluteness, relativity, universality.

1. Универсальные ценности в различных культурах могут различаться по степени признанности и присутствовать в специфических формах, получая различную дискурсивную и деятельностную выраженность. Например, ценность свободы, вероятно, актуальна для всех цивилизаций, культур, наций и даже для микрообществ, однако рациональное обоснование свободы, ее легитимация, степень распространения и допустимость могут быть несхожими даже в различных социальных слоях одного и того же общества, не говоря уже о цивилизациях.

При этом чисто эмпирическая представленность того или иного явления в культуре далеко не совпадает с его ценностным статусом. На уровне социальной практики оно может практически отсутствовать, но обладать высокой ценностью именно в силу своего дефицита.

Вероятно, основные расхождения культур заключаются не в наборе ценностей, а в способе их соотнесения и систематизации. Однако в условиях постмодерна построение устойчивой иерархии ценностей затруднено. Если же иерархия изменчива, она теряет себя, превращаясь во временную тактическую конструкцию, аналогичную временному правительству после распада империи. Следовательно, она не может выступать системообразующим принципом цивилизации, оставаясь лишь ее ситуативным признаком, способным измениться в том числе на противоположный, причем цивилизация сохраняет свою идентичность.

Существует фундаментальное противоречие: с одной стороны, любая цивилизация вынужденно основывается на восприятии собственных ценностей как непреходящих, безусловных, незыблемых, то есть абсолютных. Это обусловлено тем, что при восприятии всех ценностей как относительных, временных и условных они не способны выполнять функцию надежной опоры для всех сложных аспектов цивилизационного бытия.

С другой стороны, если цивилизация воспринимает свои ценности как абсолютные, возникает парадокс: она уже не может считать их исключительно своими. Причина заключается в том, что цивилизация по своей природе является относительным феноменом. Она детерминирована историческими, культурными, социальными, этническими,

религиозными, политическими и множеством иных факторов. Следовательно, ценности данной цивилизации также носят относительный характер. Поскольку цивилизация возникла в определенный момент истории, то и строгое атрибутирование ей каких-либо ценностей автоматически означает наделение их сугубо временным характером, и, таким образом, они не могут считаться абсолютными хотя бы по этому критерию.

Отсюда следует, что абсолютные ценности должны либо обладать универсальным характером, то есть быть всеобщими и независимыми от специфики отдельной культуры, либо, если они имеют цивилизационную природу, возникает особая проблема согласования их универсализма и локальности.

Наиболее наглядно это проявляется в контексте христианской цивилизации, которая, с одной стороны, не является общечеловеческой, а с другой — выходит за рамки национальной, объединяя несколько наций. Свобода служит типичным примером цивилизационной ценности христианского типа.

2. Любая ценность представляет собой сложный конструкт, состоящий из четырех компонентов: деятельностного, интеллектуального, эмоционального и коммуникативного. Для поддержания ценности необходимо: практическое воплощение; философское обоснование; наличие положительных переживаний; активное присутствие в общественном дискурсе.

Все эти аспекты подвержены энтропии, но при этом цивилизация продолжает жить, хотя порядок ценностей внутри нее меняется. Однако есть одно исключение: если речь идет об абсолютных ценностях, то, подвергаясь энтропии, они не могут сохранить свое значение.

Это приводит к двум тупиковым возможностям. Первая из них предполагает постепенное или внезапное отмирание абсолютных ценностей и сохранение лишь относительных. В этом случае утрачивается критерий ценности, ибо, если все они отсылают друг к другу и лишены контакта с абсолютом, то ничто не мешает отрицать за ними ценностный статус и объявить их всего лишь нейтральными фактами.

Второй вариант, также нежелательный, предполагает, что абсолютная ценность остается сугубо аксиоматичной: безосновательно провозглашается, что некая ценность — будь то свобода, справедливость, истина или что-либо иное — имеет первостепенное значение, без обоснований подобного утверждения. Однако такая позиция устойчива лишь до возникновения первого сомнения. Стоит появиться мыслителю, подобному Ф. Ницше, который подверг критике ценности христианской культуры, указав на их необоснованность, и система ценностей начинает разрушаться.

Проблема локальных практик требует уточнения: локальность не эквивалентна цивилизационности. При фрагментации ценностных установок или практик необходимо отслеживать уровень, на котором происходит данный процесс. Очень часто имеет место не цивилизационная, а более частная фрагментация, при которой носителями ценностей оказываются отдельные референтные группы внутри цивилизации. Например, в контексте российской культуры сложно разграничить, с одной стороны, ценности цивилизационного уровня, с другой стороны, ценности русской интеллигенции, традиционно претендующей на представительство интересов всего общества.

3. Рефлексивный процесс характеризуется принципиальной эпистемической неопределённостью: его результаты не поддаются предвидению, а сам ход анализа способен привести к радикальной переоценке исходных установок. В этом смысле рефлексия обладает эффектом «каскадного пересмотра»: переоценка одной ценности неизбежно влечёт за собой

ревизию связанных с ней норм и принципов, что может привести к деконструкции всей аксиологической системы.

Таким образом, рефлексия потенциально генерирует аксиологический релятивизм. Последовательное применение рефлексивных процедур способно:

деконструировать легитимирующие основания ценностей, лишив их онтологической устойчивости;

подменить императивный статус ценностей их условной интерпретацией, превратив непререкаемые нормы в предмет дискуссионного анализа;

разрушить границу между безусловными обязательствами и опциональными предпочтениями.

УДК 165.12:001

ВНЕШНИЙ КОНТУР НАУКИ: ОТ ЗЕРКАЛА К РЕФЛЕКТОРУ

Мавринский Илья Игоервич

Кандидат философских наук,

Национальный исследовательский университет

Высшая школа экономики,

Доцент Школы Философии и культурологии

E-mail: mavrinsky@rambler.ru

Аннотация: Доклад посвящён трансформации «внешнего» контура науки в современной эпистемологической ситуации. Вместо классического понимания границы как линии демаркации в современности формируется модель фронтира, предполагающая постоянное расширение и экспансию научного дискурса. Этот переход требует меж- и трансдисциплинарных форм исследования.

Другим направлением расширения фронтира является устранение оппозиции внутреннего и внешнего и введение иной агентности: наряду с человеческими субъектами в анализ включаются нечеловеческие агенты, включая различные артефакты познания. Смещение от субъект-объектной оптики к порядку практик и «зонам обмена» фиксирует переход от понимания к интеракции и эффективности, одновременно проблематизируя сами основания взаимодействия. В этом контексте научное познание описывается как сеть акторов, формирующая «карту напряжения», распределяющую внимание, ресурсы и практики.

Завершение герметизации научных дискурсов связывается с появлением генеративного искусственного интеллекта как нового фронтира. Его функционирование в языке, стирание границ между человеческим и нечеловеческим, а также вероятностный характер генерации текста трансформируют внимание, память и коммуникацию, одновременно раскрывая эвристический потенциал и фиксируя уже наличествующие в науке интерпретации. В этом

двойственном эффекте формулируется задача такой работы с языком, при которой преодолевается герметизация и открываются новые возможности познания.

Ключевые слова: наука, познание, практики, перевод, фронтир, нечеловеческие агенты; акторно-сетевая теория; зоны обмена генеративный искусственный интеллект.

THE EXTERNAL CONTOUR OF SCIENCE: FROM MIRROR TO REFLECTOR

Mavrinsky Ilia Igorevich
The National Research University Higher School of Economics, Associate professor

Abstract: The paper examines the transformation of the “external” contour of science in the contemporary epistemological situation. Instead of the classical understanding of a boundary as a line of demarcation, a frontier model is emerging today, implying the continuous expansion of scientific discourse. This shift requires inter- and transdisciplinary forms of research.

Another direction of frontier expansion involves the elimination of the opposition between the internal and the external and the introduction of a different notion of agency: alongside human subjects, non-human agents, including various epistemic artifacts, are incorporated into analysis. The shift from a subject–object framework to an order of practices and “trading zones” marks a transition from understanding to interaction and efficiency, while simultaneously problematizing the very foundations of interaction. In this context, scientific knowledge is described as a network of actors that forms a “map of tensions,” distributing attention, resources, and practices.

The completion of the hermetization of scientific discourses is associated with the emergence of generative artificial intelligence as a new frontier. Its operation within language, the blurring of boundaries between human and non-human, and the probabilistic nature of text generation transform attention, memory, and communication, while simultaneously revealing heuristic potential and reinforcing interpretations already present in science. Within this dual effect, the task is formulated as a mode of working with language that overcomes hermetization and opens up new possibilities for knowledge.

Keywords: science, knowledge, practices, translation, frontier, non-human agents, actor-network theory, trading zones, generative artificial intelligence.

Внешний контур науки в современности является, скорее фронтиром, нежели границей в её классическом понимании: если граница-линия является способом демаркации, задаёт определённую юрисдикцию, представляет собой преграду – фиксирует территорию, то фронтир, напротив, предполагает постоянное движение, экспансию, останавливает которую только столкновение с иным фронтиром [Баньковская 2025]. Переход от одной модели определения «внешнего» науки к другому, в котором сама наука осуществляет экспансию и присвоение своего «внешнего» виден уже на сопоставлении классической просвещенческой модели и её прочтений в современности. Так, если для Канта между познанием и поступком и надеждой полагается различие, где лишь первому измерению соответствует наука, различие, в котором переход от науки к этике и обратно запрещён уже на уровне структуры познавательных способностей, то в прочтении М. Фуко, прямо отсылающего к Канту [Кант

1966б], мы имеем уже только научный дискурс. Так предмет второй критики – воля управляется экономикой, а предмет третьей - биологией. Ответ на вопрос «Что такое человек?» [Кант 1966а], с которым соотносятся генеральные вопросы трёх кантовских критик в интерпретации Фуко [Фуко 1999] передоверен уже исключительно научному дискурсу, фронтир, которым являлись для науки этика и эстетика преодолён и включён в порядок науки. Разумеется, это означает необходимость меж и транс-дисциплинарных исследований, то есть, необходимость определённого освоения обретённой территории, что меняет динамику уже самого научного познания, однако, само размещение этих областей в системе научных дискурсов означает и смену фронтира.

Иным расширением научного дискурса является, предложенное Б. Латуром оспаривание и устранение оппозиции внутреннего и внешнего [Латур 2002]. Здесь речь уже идёт не о границах, заданных структурой познавательных способностей и, следовательно, соотнесённых базовым познавательным отношением - субъект-объектной оппозицией, трансформацией границы во фронтир и последующей экспансии науки. Напротив, здесь речь идёт об учреждении другой агентности. Вещи, как и артефакты познания - сфера нечеловеческих агентов - являются самостоятельными акторами, то есть, исключают то, что в современных онтологиях назовут позицией привилегированного доступа. То, к чему отсылает система дискурсов, само оказывается дискурсом, вещи вполне могут «дать сдачи». В сочетании в изменением процесса записи [Латур 2002] среди нечеловеческих агентов всё ещё выстраивается привилегированный класс объектов - артефакты познания: лаборатория обладает большей силой, чем, например, бактерия в том числе и потому, что первая способна контролировать вторую. Сдвиг, осуществляемый в анализах Б. Латура опять же очевиден: от чистой деятельности познания, задающей активности субъекта, равно как и его (субъекта) самопонимание [Фуко 1994], внимание смещается на порядок практик, предполагающих определённые «зоны обмена» [Галисон 2004] между человеческими и нечеловеческими агентами. Иными словами, можно сказать, что, если «зоны обмена» фиксируют переход от понимания к интеракции, от объяснения к эффективности взаимодействия, от стремления к истине к прагматике описания, то сети и действующие в них акторы позволяют проблематизировать уже понимание, взаимодействие и описание как таковые. Речь уже не о том, чтобы представители различных субкультур (например, физики теоретики и физики экспериментаторы) могли эффективно взаимодействовать, минуя вопросы понимания или поиск консенсуса, речь о том, что в само понятие взаимодействия присваивает понимание как определённый фронтир. Передоверенным здесь оказывается не просто ответ на вопрос о том, кто мы такие, но сам способ иметь дело с той или иной предметностью.

Если познание позволяет не просто менять практики, но раскрывать феноменальное поле, то и в этой области можно говорить о логике и динамике фронтира. Так обнаруживаемый процесс заражения не просто меняет понимание болезни и вводит новую практику вакцинации, ведущую к целому ряду биополитических трансформаций, но и фиксирует внимание на процессах первоначально избегающих прямого биополитического контроля. Там, где невозможна вакцинация, процесс заражения всё ещё предполагает профилактику, статистику, фокусирует внимание на определённого рода активностям (роды, раны и т.д.). Сам процесс заражения содержит в себе способы расширения фронтира, то есть, переводит процессы избегающие прямого биополитического контроля в процессы этому контролю целиком и полностью подлежащие. Здесь наука вновь преодолевает то, что изначально являлось «внешним» контуром: поле объектов оказывается не просто неоднородным, но

транслирует доказавшую свою эффективность логику экспансии и контроля на другие области непосредственно с раскрытым феноменальным полем не связанные. Так, представляется, что профилактика онкологических заболеваний в анализе онкомаркеров наследует логику профилактики, выработанной при работе с процессом заражения. Сеть акторов, а вместе с ней и агенты, действующие в рамках этой сети, задают определённую «карту напряжения», которая маршрутизирует как практики, активности, так и внимание, распределяет и перераспределяет ресурсы, активизирует или, напротив, дезактивирует определённые участки сети.

Сопряжение неравномерного поля нечеловеческих агентов, часть из которых можно назвать агентами привилегированного внимания (по аналогии с позицией привилегированного доступа) с выстраиваемыми практиками взаимодействия игнорирующими различие между человеческими и нечеловеческими агентами и переносящими акцент с понимания на координацию, завершает процесс герметизации системы научных дискурсов. Причём, в логике рассматриваемого движения завершение процесса герметизации обретает вполне конкретную нечеловеческую агентность.

«Изобретение» генеративного искусственного интеллекта является не только одним из свидетельств этого процесса, но и новым фронтиром для научного познания. Работа в измерении языка не просто запускает практику перевода (в латуровском понимании), но и стирает границу между человеческим и нечеловеческим (генеративный искусственный интеллект проходит тест Тьюринга). Использование ИИ меняет структуры внимания, восприятия, памяти, задаёт иные стратегии коммуникации. Наконец, возможность «галлюцинации» в сочетании с неразличимостью нечеловеческого и трансформациями человеческого требует снятия и оппозиции «природа - культура».

Взаимодействие с генеративным искусственным интеллектом обнаруживает собственную эффективность именно через устранение бинарных оппозиций: изменение масштаба, процесса записи, работа с огромным массивом данных, с одной стороны, и вероятностный подход к генерации текста, с другой, - «насыщают» поле интеракции. Устранении же бинарных оппозиций: внутреннего и внешнего, глубины и поверхности, природы и общества, субъекта и объекта приводит к тому, что наука не просто оказывается зеркалом, в котором нечто возвращается, но тем, что герметизирует наличное состояние познания и в потенции (связи, которые можно продумать), и актуально (техники, способы и методы мышления). В определённом смысле генеративный ИИ открывает возможность продумывания связей между уже открытым и известным в познании, то есть, безусловно позволяет раскрывать эвристический потенциал науки. Однако оборотной стороной этого процесса является фиксация прочтений и интерпретаций, маршрутизация внимания, активности, утрата тех областей и феноменов, которые находятся в стороне от магистральных линий напряжения современности.

Пользуясь указанием Хайдеггера, цитирующего Гёльдерлина: «где опасность, там вырастает и спасительное» [Хайдеггер 1993, с. 255], можно было бы сказать, что основной задачей в этом случае является дезактивация языка, то есть, согласно Агамбену, высвобождение потенций самого языка. В этом отношении, зеркало может как герметизировать (отражать) в нашем случае познание, а затем, учитывая стёртую границу между человеческим и нечеловеческим и управлять отражённым, так и раскрывать, подобно

рефлектору, новое, быть той поверхностью, которая, собирая отражённое, позволяет посмотреть за него.

Список литературы

1. Баньковская 2025 – Баньковская С.П. Чужак на фронтире (или фронтир как место и производства и обитания чужака) // Новое литературное обозрение. 2025. № 3(193). С. 113–125.
2. Галисон 2004 – Галисон П. Зоны обмена: координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. № 1. С. 64–91.
3. Кант 1966 – Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Сочинения в шести томах. М.: Мысль, 1966, Т. 6. С. 349-587.
4. Кант 1966 – Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // И. Кант. Собр. соч. в 6-ти т.т. Т. 6. М., 1966. С. 25-35.
5. Латур 2002 – Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5-6 (35). С. 211-242.
6. Фуко 1994 – Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб: A-cad, 1994. 407 с.
7. Фуко 1999 – Фуко М. Что такое Просвещение // Вестник Московского университета». Серия 7. Философия. 1999. № 2. С. 132-149
8. Хайдеггер 1993 – Хайдеггер М. Вопрос о технике // М. Хайдеггер. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 452 с.

УДК 165.12:001

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И СЕТЕВАЯ ИНТЕРАКЦИЯ НАУЧНЫХ СООБЩЕСТВ

Аргамакова Александра Александровна

Кандидат философских наук
Русское общество истории и философии науки (Москва); Институт философии РАН, старший научный сотрудник сектора социальной эпистемологии
E-mail: argamakova@gmail.com

Аннотация: Научные сообщества отделяют себя от других профессиональных групп и дифференцируются внутри науки. В расширенном сообществе (extended community) социологические границы науки сложно провести. Социальные теории дают ответы на эти вопросы, но ответы не складываются в последовательную историю. В статье рассматриваются социологические критерии демаркации экспертных групп и объясняется почему проект науки является открытым, научные сети — фрагментированные и полицентричные, а научная коммуникация не ограничена академическими медиа и классическим форматом публикаций.

Академия сохраняет значительный репутационный капитал и сильнейшие позиции в символическом поле науки. Она выстраивает коллаборации с новыми игроками, но они

действуют независимо, создают автономные центры экспертизы и накапливают научную репутацию.

Ключевые слова: дифференциация научных сообществ, сетевая наука, социальные теории науки, социальная эпистемология, социология науки.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 24-18-00183, "Таксономии в онтологических, методологических и дисциплинарных структурах науки", https://rscf.ru/project/24-18-00183

DIFFERENTIATION AND NETWORK INTERACTION OF SCIENTIFIC COMMUNITIES

Argamakova Alexandra Alexandrovna

PhD in Philosophy; Inter-regional Non-Governmental Organization Russian Society of History and Philosophy of Science (Moscow); Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Abstract: Scientific communities distinguish themselves from other professional groups and are internally differentiated. In the extended community, the sociological boundaries of science are difficult to define. Social theories answer these questions, yet these answers do not form a consistent narrative.

The article examines the sociological criteria for the demarcation of expert groups and explains why the scientific project is open-ended, scientific networks are fragmented and polycentric, and scientific communication is no longer limited to academic media and classic publication formats. The Academy retains significant reputational capital and the strongest positions in the symbolic field of science. It makes collaborations with new players, but they operate independently, creating autonomous centers of expertise and strengthening their own reputations.

Keywords: differentiation of scientific communities; network science; social theories of science; social epistemology; sociology of science.

Социологическим моделям науки свойственен схематизм. Системно-коммуникативная теория Н. Лумана представляет научные коммуникации закрытыми и постулирует автономию науки, работающую по внутреннему коду «истина/ложь» в отличие от остальных функциональных систем общества, коммуницирующих по своим организующим правилам. В оптике Н. Лумана дифференциация — это процесс самоорганизации познавательной системы, ограждающей себя от шума политики и экономики [Луман 2004]. «Чистая» академическая наука отделяется от «прикладной» технонауки, где структурное сопряжение сильнее с системами экономики и права. На практике изоляция сообществ невозможна и нецелесообразна. Академия обменивается с внешним миром и ресурсами, и информацией. Ученые не наблюдают, а взаимодействуют с другими системами общества по познавательным поводам [Аргамакова 2024], [Масланов, Дрожкин 2020].

Дифференциация экспертных сообществ по фундаментальному вкладу не возможна: индустрия проводит исследования Нобелевского масштаба [Zhang, Zhang 2023]. Около 15% Нобелевских премий получены учёными, аффилированными с частными компаниями и некоммерческими организациями, проводившими исследования независимо от университетов, академий наук и государственных НИИ. Частные компании и НКО распространяют знания в виде патентов, технологий, открытых данных, аналитических документов и т.д. и их результаты не ограничены публикациями в журналах.

Дифференциация академических и других исследовательских сообществ по этосу (ценностям) практически не оправдывает себя. Сообщества не делятся на «альтруистичных профессоров» и «корыстные корпорации». На практике происходит нормативная гибридизация: академический ученый в сетевом проекте может стремиться к открытой публикации (CUDOS) и защищать патентное знание (PLACE). Классические социальные теории (Р. Мертон, Н. Луман) игнорируют это, описывая идеальные типы сообществ.

Современный ученый помещен в ситуацию институциональной амбивалентности. Знание коллективизируется (в рамках открытой науки) и приватизируется (через неявное знание, доступ к инфраструктуре, патенты и корпоративную тайну). Универсальность норм CUDOS вызывает сомнение, так как научные сообщества вынуждены балансировать между академической свободой и прагматическими запросами стейкхолдеров [Фуллер 2020]. В предпринимательском университете гибридизация этосов чистого научного поиска и коммерческого исследования хорошо известна (Б.Р. Кларк, Г. Ицковиц, Л. Лейдесдорф).

Концепция «двух модусов производства знания» (М. Гиббонса, Х. Новотны) описывает переход от дисциплинарной, иерархичной науки (Модус 1) к трансдисциплинарной и социально распределенной (Модус 2). В ней смена режимов выглядит линейным процессом — будто «новая» технонаука вытесняет «старую» академическую науку, словно кабинетную и спекулятивную философию. На практике учёные продолжают работать во множественных режимах.

По П. Галисону дифференциация научных сообществ соответствует разделению когнитивного труда, и в науке явно различимы субкультуры теоретиков, экспериментаторов и инженеров. Теоретики работают в мире абстракций, уравнений и ментальных моделей. Их результат — предсказания, которые обмениваются на подтверждения в экспериментальных лабораториях. Экспериментаторы — это мастера инструментального действия. Они создают условия для подтверждения гипотез и ведут исследования на стыке с фундаментальной теорией и инженерным искусством. Технические инженеры и софт-программисты создают приборы и алгоритмы обработки данных, без которых немыслимо современное теоретическое знание. С точки зрения П. Галисона, зоны обмена формируются, когда требуется объединение компетенций. Представители субкультур проходят неодинаковую социализацию и обращаются к «несоизмеримым» задачам. Дифференциация сообществ проходит не столько по предмету (физика или биология), а по функциональным ролям акторов. Взаимодействие субкультур превращает науку в обмен компетенциями и замкнутый цикл. Кроме «генераторов идей», в коллективах учёные выполняют профессиональные роли «менеджеров знаний», «коммуникаторов» и «экспертов». Технонаука перемешивает участников подобно реактивам в лаборатории. В соответствии с АСТ, лаборатория является тем локусом, где теория доводится до завершенного продукта и технологии, готовой выйти на рынок. В этой логике наука формируется из коллабораций и интегрирована в практику.

Акторы принадлежат профессиональным субкультурам со своей специализацией и идентичностью, однако, они во многом мобильны и меняют профессиональные роли. Ученый

может начать карьеру как фундаментальный теоретик в университете, продолжить её организатором R&D-лаборатории в частной корпорации и завершить независимым экспертом в гражданском сетевом проекте.

С другой стороны, научные сообщества пользуются автономией, и их представители ведут независимые исследования в дисциплинарном контексте, который, несмотря на историческую изменчивость, не переключился во второй режим. Отдельные исследования не допускают быстрой верификации и практического применения. Коллаборации масштабируются от небольших проектов до величин мегасайнс, но независимые исследования ученых остаются такой же нормой в науке.

В современных лабораториях (например, IBM Think Labs) ИИ не просто автоматизирует рутину, а участвует в принятии решений и производстве гипотез [Haas, Cefkin, Kieliszewsku, Plouffe 2014]. В философии агентность ИИ понимают как «делегирование»: роботы и алгоритмы выступают полноценными узлами в сети социального взаимодействия (в духе АСТ, но ИИ все же не основной предмет ее интереса). Это ведет к новой эпистемологии, где человеческий интеллект дополняет вычислительная агентность машин.

В философии, как области чистого абстрактного мышления, практические и технонаучные режимы познания тоже уместны. Примером тому служат привнесение цифровой методологии в текстуальный и концептуальный анализ, создание цифровых архивов и интерактивных информационных ресурсов, соучастие философов в социальной экспертизе технологий и политических решений. Для философии привычны лавирование среди множества дисциплин и интеллектуальных практик, гибкость предмета познания и перекраивание карты дисциплин, хотя многие теоретические проблемы и решения, найденные эвристики мышления сохраняются в веках. Философия глубже проникнута культурой и поэтому локальна и сопротивляется унификации. Тем более парадоксально, что практики научного познания в нее своеобразно транслируются и связывают философию с историческими тенденциями развития науки.

Наука — это не иерархия, а фрагментированная, полицентричная сеть, в которой иерархии приобретают локальное значение, поэтому проект науки правильно считать открытым. Гражданская наука (Citizen Science), серверы препринтов (ArXiv) и независимое рецензирование (PubPeer) разрушают дисциплинарную власть академических институтов, которые также конкурируют между собой за авторитет и признание. Академическая наука («Mode 1») не исчезает как историческая форма, а переходит в гибридное взаимодействие с постакадемическими исследованиями («Mode 2»). Несмотря на высокий авторитет и репутационный капитал, академия не обладает монополией на фундаментальные теории, новые открытия и ретрансляцию знаний. Современная наука напоминает глобальную «зону обмена», в которой когнитивный труд распределяется между экспертными сообществами, проектными командами, корпорациями, ИИ алгоритмами и гражданским обществом.

Список литературы

1. Аргамакова 2024 – Аргамакова А.А. Социальные науки и социальные практики: история взаимного влияния. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2024. 244 с.
2. Луман 2004 – Луман Н.Л. Общество как социальная система / Пер. с нем. А.Ю. Антоновский. М.: Изд-во «Логос», 2004. 232 с.

3. Масланов, Дрожкин 2020 – Масланов Е.В., Дорожкин А.М. (ред.) Негумбольдтовские зоны обмена. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2020. 237 с.
4. Сахарова А.В. Охотники за креативностью // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61. №2. С. 175–189.
5. Фуллер 2020 – Фуллер С. Открытая лекция «Наука как дар» (Нижний Новгород, 23 ноября 2018 года) // Масланов Е.В., Дорожкин А.М. (ред.) Негумбольдтовские зоны обмена. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2020. С. 165 – 167.
6. Haas, Cefkin, Kieliszewsku, Plouffe 2014 – Haas L.M., Cefkin M., Kieliszewski C.A., Plouffe W. “The IBM Research Accelerated Discovery Lab” // ACM SIGMOD Record. 2014. 43(2). pp. 41–48. https://doi.org/10.1145/2694413.2694423
7. Zhang, Zhang 2023 – Zhang L. Zhang Q. “Mapping the Scientific and Technological Landscape: An Analysis of Nobel Prize-producing Institutions” // Scientometrics. 2023. 128. Pp.6129–6145.

УДК 165.1:001.9:316.65

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ БОРЬБЫ С НЕДОВЕРИЕМ К НАУКЕ

Тухватулина Лиана Анваровна

кандидат философских наук

Сектор социальной эпистемологии Института философии РАН, научный сотрудник

E-mail: Spero-meliora@bk.ru

Аннотация: Недоверие науке рассматривается в рамках аналитической эпистемологии как феномен, традиционно объясняемый через несовершенства субъекта, но в условиях информационного общества связываемый с пребыванием в эпистемически неблагоприятной среде и эффектами эпистемических пузырей. Показано, что циркуляция научного знания ограничивается сообществами, изначально ориентированными на доверие к науке, что ведёт к фрагментации публичной дискуссии. Анализируются причины недоверия к научному консенсусу, включая восприятие собственной компетентности и роль оценки доброжелательности экспертов. Критикуется дефицитарный подход, интерпретирующий научную неграмотность как моральный изъян и лежащий в основе дефицитарного подхода к борьбе с дениализмом. Делается вывод о том, что успех коммуникации между наукой и обществом, экспертами и профанами, научно ориентированными людьми и дениалистами определяется открытостью делиберации, которая создаст альтернативу маргинализации несогласных благодаря признанию невозможности дискуссии вне идеологических контроверз.

Ключевые слова: экспертиза, дениализм, доверие науке, коммуникация «наука-общество», дефицитарный подход, социальная идеология

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-00580, https://rscf.ru/project/26-18-00580/ , реализуемого в Институте философии РАН.

Ideological premises of combating distrust in science

Liana A. Tukhvatulina

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, research fellow at the department of social epistemology

Abstract: Scepticism towards science is treated in analytic epistemology as a phenomenon traditionally explained in terms of deficiencies of the subject, but in the context of the information society it is increasingly associated with exposure to epistemically unfavourable environments and the effects of epistemic bubbles. It is shown that the circulation of scientific knowledge is largely confined to communities already oriented toward trust in science, which leads to the fragmentation of public discourse. The analysis addresses the causes of distrust in scientific consensus, including individuals' perception of their own competence and the role of perceived benevolence in expert evaluation. The deficit model, which interprets scientific illiteracy as a moral failing and underlies deficit-oriented approaches to combating denialism, is critically examined. It is concluded that the success of communication between science and society, experts and lay audiences, as well as between scientifically oriented individuals and denialists, depends on the openness of deliberation, which can provide an alternative to the marginalization of dissent through the recognition that discussion is inevitably shaped by ideological controversies.

Keywords: expertise, denialism, trust in science, science–society communication, deficit model, social ideology

В аналитической эпистемологии дениализм обычно трактуется как следствие несовершенств эпистемического субъекта — наличия у него тех или иных познавательных пороков и дефектов в практиках формирования убеждений. Однако в условиях информационного общества источники этих несовершенств всё чаще связываются с пребыванием в неблагоприятной среде, которая способствует возникновению эпистемических пузырей. Научная информация циркулирует преимущественно внутри сообществ, изначально склонных доверять науке и экспертному знанию, тогда как до дениалистски настроенных групп она попросту не доходит. В результате обсуждение значимых вопросов фрагментируется: оно разворачивается внутри отдельных эпистемических сообществ, заведомо заинтересованных в научной информации, но не дает условий для более широкой рациональной дискуссии. Сложившаяся в классической эпистемологии традиция, апеллируя к идее рационального субъекта, исходит из предположения, что индивид ориентирован на поиск истины. Однако это предположение оказывается проблематичным, если сами стандарты рациональности оказываются конкурирующими и в ряде случаев взаимно исключающими друг друга. Более того, реальные агенты познания далеки от картезианского идеала. Люди стремятся к знанию не только ради эпистемических целей и не выступают как «чистые» рациональные субъекты. Существенную роль играют внеэпистемические факторы: стремление к эмоциональному комфорту (в частности, к подтверждению уже имеющихся убеждений) и потребность в групповой принадлежности. Логика «свой — чужой» зачастую оказывается сильнее требований эпистемической строгости, причём дениалистские сообщества консолидируются именно в оппозиции к воспринимаемым ими «элитам».

Отвержение научного консенсуса нередко связано с тем, что люди считают себя не менее компетентными в оценке соответствующих доказательств (например, касающихся изменения климата или безопасности и эффективности вакцин), чем специалисты. В силу этого они склонны отдавать приоритет собственным суждениям, признавая при этом, что экспертные выводы являются результатом коллективного обсуждения, но ошибочно полагая, что индивидуальное рассуждение сопоставимо с ним по своей эпистемической силе. Характерное для дискурса о дениализме осуждение сторонников консервативных политических взглядов за их антинаучные установки (антивакцинаторство или климатический дениализм) не получает убедительного подтверждения в когнитивных исследованиях. Различия в установках чаще объясняются случайными факторами — в частности, тем, попадает ли индивид в пронаучный эпистемический пузырь, внутри которого научное знание циркулирует и подкрепляется. В пользу неэффективности демаркации по критериям политических предпочтений говорят и эмпирические данные: что консерваторы, демонстрирующие высокие результаты по шкалам «обыденного научного интеллекта», измеряющим способность подавлять дорефлексивные реакции в пользу рационального анализа, нередко с большей вероятностью отвергают научный консенсус [Kahan 2015]. Следовательно, их сопротивление нельзя объяснить нежеланием/неумением прибегать к аналитическому рассуждению.

Существенным фактором оказывается готовность экспертов к эффективной коммуникации с широкой аудиторией: в общественном восприятии оценивается не только сила аргументации, но и эмоциональный тон экспертной позиции. Консервативно настроенные группы, как правило, не склонны полагаться на учёных, их посредников из аналитических центров или локальных представителей, поскольку, несмотря на признаки компетентности, эти источники не проходят для них проверку на доброжелательность (benevolence). При этом либеральные аудитории в эпистемическом отношении оказываются не добродетельнее, а «удачливее»: они чаще доверяют ученым-экспертам, поскольку те воспринимаются ими не только как компетентные, но и доброжелательные [Levy 2019, p. 322].

Недоброжелательность экспертов идентифицируется по их отношению к характеру консервативных убеждений: недоверие консенсусу рассматривается не только как ошибочное убеждение, но и как моральный изъян. В современном обществе научная неграмотность предстает этической и политической проблемой, лишающей людей способности адекватно оценивать реальность и рационально действовать в ней [Sismondo 2003]. Этот повышенный стандарт эпистемической субъектности раньше относился лишь к специализированной касте профессиональных интеллектуалов. Сегодня же способность искать достоверное знание, навыки критической рефлексии и добросовестной интеллектуальной дискуссии рассматриваются как общезначимый необходимый минимум. Маргинализация антинаучного дискурса позиционируется как решение во благо общественных интересов, а переубеждение его адептов становится едва ли не моральным долгом популяризаторов науки, научных журналистов и экспертов. В этом отношении борьба с дениализмом во многом напоминает политическую борьбу, а подходы к его преодолению пронизаны идеологическим противопоставлением архаики и прогресса [Pfotenhauer et.al. 2019]. Идеологическая предвзятость в оценке восприятия научного знания публикой, на мой взгляд, объясняется не только прагматическим интересом в маргинализации убеждений, нередко представляющих общественную опасность. Во многом ее определяют и метатеоретические установки относительно природы отношений между субъектом и знанием. Представления об общественной ценности научного знания определяются предпосылкой о самоценности

научной истины, политическая субъектность калибруется по критерию просвещенности. Право на мнение, автономию приватной сферы, самоопределение в вопросах, касающихся здоровья, образа жизни и отношения к общественным проблемам, несмотря на декларируемую универсальность, легитимно лишь в случае соответствия публичному консенсусу, который, в свою очередь, все чаще связывается с позициями аффилированных экспертов. Доминирующий дефицитарный подход к преодолению недоверия науке и научному просвещению содержит эту метатеоретическую мировоззренческую установку. При этом его эффективность остается весьма ограниченной. В чем же причина?

В каждом конкретном случае провалы в донесении научной информации и создании предпосылок для лояльного экспертам общественного мнения имеют свои ситуативные предпосылки. Но на уровне общей спекуляции можно высказать следующее предположение: просвещенческий ориентир на достижение субъектом интеллектуального «совершеннолетия» (где субъектность обретается усилием, а не признается по умолчанию), отраженный в дефицитарном подходе к внешненаучной коммуникации, приходит в противоречие с эгалитаризмом в других сферах, где господствует политика идентичности и борьба за политическое признание многообразия способов бытия субъектом. Констатация этого столкновения вовсе не требует категоричного вывода о бесполезности просвещения, триумфе эпистемического анархизма и политического популизма. Но побуждает нас к признанию двух ограничений: во-первых, идеологической ангажированности эпистемологических подходов к борьбе с антинаучными убеждениями; во-вторых, лакун, которые создает имплицитная идеология исследований для понимания природы недоверия науке. Социология знания говорит, что метатеоретическая предвзятость, хотя и не устранима как факт, но может быть компенсирована рефлексивной позицией исследователя: «социальные идеологии настолько всеобъемлющи, что представляют собой очевидное объяснение того, почему наши концепты устроены именно так. Более того, их неявное использование в качестве метафор, по-видимому, почти невозможно избежать. Наша привычность к их темам и стилям означает, что усвоенные нами из них мыслительные схемы приобретают характер чего-то само собой разумеющегося. Они бессознательно встраиваются в сами идеи, посредством которых мы мыслим. То, что философу может казаться чистым анализом этих концептов, обращением исключительно к их значению или простым выведением их логических следствий, на деле оказывается воспроизведением определённых накопленных опытов нашей эпохи» [Bloor 1991, p. 76]. А потому успех коммуникации между наукой и обществом, экспертами и профанами, научно ориентированными людьми и дениалистами определяется открытостью делиберации, которая создаст альтернативу маргинализации несогласных именно благодаря признанию невозможности дискуссии вне идеологических контроверз.

Список литературы

1. Bloor, 1991 – Bloor D. Knowledge and Social Imagery. 2nd ed. Chicago: The University of Chicago Press, 1991.
2. Kahan, 2015 – Kahan D. M. Climate-Science Communication and the Measurement Problem // Advances in Political Psychology. 2015. Vol. 36. Pp. 1–43.
3. Levy, 2019 – Levy N. Due Deference to Denialism: Explaining Ordinary People’s Rejection of Established Scientific Findings // Synthese. 2019. Vol. 196. Pp. 313–327. https://doi.org/10.1007/s11229-017-1477-x

4. Sismondo, 2003 – Sismondo S. An Introduction to Science and Technology Studies. London: Wiley-Blackwell, 2003. 256 p.
5. Pfotenhauer et al., 2019 – Pfotenhauer S.M. et al. Challenging the “Deficit Model” of Innovation: Framing Policy Issues Under the Innovation Imperative // Research Policy. 2019. No. 48. Pp. 895–904.

УДК 001.83

ИИ РЕЦЕНЗИРУЕТ ИИ: КАК НАЙТИ ЧЕЛОВЕКА

Тихонова Софья Владимировна
Доктор философских наук, доктор юридических наук
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, профессор
E-mail: segedasv@yandex.ru

Тихонов Глеб Игоревич
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, лаборант-исследователь
E-mail: gleb.tixonoff@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу феномена замкнутого цикла ИИ-рецензирования (AI-to-AI peer review loop), ситуации, при которой генеративный искусственный интеллект используется на всех ключевых этапах публикационного цикла: при подготовке рукописи, составлении рецензии и формулировке ответа на замечания. Авторы показывают, что подобная конфигурация не отменяет формальных процедур научной коммуникации, но ведёт к их содержательному опустошению, т.е. возникновению феномена «пустой рецензии», сохраняющей внешнюю корректность при сниженной предметной плотности. Проблема рассматривается в связи с концепцией деградации моделей при рекурсивном обучении на синтетических данных. Особое внимание уделяется методам обнаружения человеческого участия в рецензировании: лингвистическим и стилометрическим маркерам, информационно-теоретическим метрикам вклада, принципу human-in-the-loop. Вместе с тем статья фиксирует принципиальное ограничение этих методов: в условиях жёстко стандартизированного рецензирования нормативная форма жанра сама воспроизводит признаки, традиционно интерпретируемые как маркеры человеческого письма, создавая зону методологической неразличимости. Делается вывод о том, что проблема AI-to-AI loop наиболее остра именно там, где институциональная нормировка наиболее жестка. В качестве решения предлагается не запрет алгоритмов, а развитие институциональной прозрачности и профессиональной культуры обращения с ИИ в академической среде.

Ключевые слова: AI-to-AI peer review loop, генеративный искусственный интеллект в науке, пустая рецензия (hollow peer review), деградация моделей (model collapse), human-in-the-loop, стилометрия академического письма, научная коммуникация, институциональная нормировка рецензирования.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-03014, https://rscf.ru/project/25-28-03014/

AI REVIEWS AI: HOW TO FIND THE HUMAN

Sophia V. Tikhonova
Saratov State University, Professor

Gleb I. Tikhonov
Saratov State University, Research Laboratory Assistant

Abstract: This article analyzes the phenomenon of the AI-to-AI peer review loop, a situation in which generative artificial intelligence is used at all key stages of the publication cycle: drafting a manuscript, producing peer reviews, and formulating responses to reviewers' comments. The authors argue that such a configuration does not eliminate the formal procedures of scientific communication but leads to their substantive hollowing out, giving rise to the phenomenon of "hollow peer review," which retains formal correctness while exhibiting reduced subject-specific density. The problem is examined in relation to the concept of model collapse arising from recursive training on synthetic data. Particular attention is paid to methods for detecting human participation in peer review, including linguistic and stylometric markers, information-theoretic measures of contribution, and the human-in-the-loop principle. At the same time, the article identifies a fundamental limitation of these methods: under conditions of highly standardized peer review, the normative structure of the genre itself reproduces features traditionally interpreted as markers of human writing, thereby creating a zone of methodological indistinguishability. The authors conclude that the AI-to-AI loop problem is most acute precisely in disciplines where institutional standardization is strongest. As a response, the paper proposes not restricting algorithmic use, but fostering institutional transparency and a professional culture of AI use in academia.

Keywords: AI-to-AI peer review loop, generative artificial intelligence in science, hollow peer review, model collapse, human-in-the-loop, stylometry of academic writing, scientific communication, institutional standardization of peer review.

The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-28-03014, https://rscf.ru/project/25-28-03014/

Стремительное встраивание генеративного искусственного интеллекта в академическую среду меняет не только практики письма, но и сами механизмы научной коммуникации. Если еще недавно ИИ рассматривался главным образом как вспомогательный инструмент для редактирования, поиска литературы или предварительной структурировки материала, то сегодня он все заметнее включается в процедуры, связанные с экспертной оценкой научных текстов. Особенно показательной оказывается ситуация, при которой ИИ используется на всех этапах публикационного цикла: помогает автору подготовить рукопись, затем привлекается рецензентом при составлении отзыва, а после этого снова используется автором для ответа на замечания. В такой конфигурации формальные контуры научной дискуссии сохраняются, но роль самостоятельного человеческого суждения начинает сокращаться.

Для обозначения этого явления в современной литературе пока не существует единого устоявшегося термина. Наиболее близкими являются выражения AI-to-AI peer review loop, closed-loop AI evaluation и hollow feedback loop. Последнее понятие особенно важно, поскольку оно указывает не просто на присутствие алгоритма в научной коммуникации, а на риск ее содержательного опустошения. Тексты продолжают циркулировать, рецензии пишутся, ответы на них оформляются, однако сама логика экспертного обсуждения постепенно смещается от критического анализа к воспроизводству приемлемых по форме, но ослабленных по содержанию машинных формулировок.

Эмпирические данные показывают, что речь идет не о чисто теоретической угрозе. Исследования последних лет фиксируют заметную долю рецензий, полностью или частично созданных с использованием ИИ, а также быстрое распространение практик машинного ассистирования в экспертной деятельности. При этом характерная особенность подобных текстов состоит в сочетании внешней корректности с пониженной содержательной плотностью. Такие рецензии могут быть логично построены и вежливо оформлены, но нередко утрачивают привязку к конкретной рукописи, подменяя анализ общими замечаниями о методологии, структуре или ясности изложения. Именно в этом смысле можно говорить о феномене «пустой рецензии».

По своей структуре данная проблема соприкасается с концепцией деградации моделей при рекурсивном обучении на синтетических данных, получившей теоретическое обоснование в работе Shumailov и соавт. Авторы показывают, что замыкание генеративных систем на собственных продуктах ведет к постепенной утрате разнообразия и искажению исходных распределений, что в конечном счете снижает качество моделирования [Shumailov et al. 2024]. В контексте научного рецензирования этот механизм приобретает дополнительное измерение: под вопросом оказывается не только качество текстового материала, но и сама процедура экспертного различения.

При этом формула «ИИ рецензирует ИИ», несмотря на ее выразительность, в аналитическом отношении нередко оказывается гиперболой. В реальной академической практике чаще встречается не полностью автономный контур генераций, а широкий спектр гибридных режимов, в которых алгоритм используется как средство ускорения, редактирования, сглаживания стиля или переработки уже сформулированных замечаний. Сам факт применения ИИ еще не позволяет сделать вывод о полном исчезновении человеческого вклада. Поэтому необходимо различать машинную помощь, сохраняющую авторское и экспертное суждение, и такую степень делегирования, при которой от человека остается лишь функция подтверждения готового текста.

Именно поэтому особое значение приобретают способы обнаружения человеческого участия в рецензии. Один уровень анализа связан с лингвистическими и стилометрическими маркерами. Человеческий текст, как правило, сохраняет следы когнитивной работы: неравномерную плотность аргументации, колебания длины предложений, локальные самокоррекции, отступления от основной линии изложения, индивидуальные риторические привычки. Для экспертного письма особенно важны замечания, адресованные не статье в целом, а конкретной формуле, таблице, выборке или методологическому решению. ИИ-генерация, напротив, чаще тяготеет к избыточной структурированности, нейтральному тону, повтору ключевых тезисов статьи в перефразированном виде и сравнительно низкой степени личностной выраженности.

Более формализованные попытки измерить человеческий вклад связаны с информационно-теоретическими подходами. Вклад человека в этом случае определяется как

доля информации в итоговом тексте, которая не сводится к тому, что система могла бы сгенерировать автоматически. Существуют и инструментальные методы детекции, однако универсальные детекторы плохо работают именно с академическими рецензиями, поскольку этот жанр сам по себе ориентирован на стандартизацию, вежливость и композиционную ясность. Поэтому наиболее важным остается не сам факт машинного распознавания, а принцип human-in-the-loop: алгоритм может брать на себя вспомогательные операции, но контекстуальное суждение и ответственность за оценку должны оставаться за человеком.

Сложность заключается в том, что перечисленные методы заметно теряют эффективность там, где рецензирование изначально организовано как формализованная и шаблонированная процедура. Это особенно характерно для журналов, придерживающихся стандарта двойного слепого рецензирования. В подобных условиях возникает методологическая ловушка: сама нормативная форма рецензии начинает воспроизводить те признаки, которые в других жанрах интерпретируются как маркеры человеческого участия. Иначе говоря, шаблон создает область частичной неразличимости, в которой граница между машинным и человеческим письмом оказывается ослабленной.

Причина этого состоит в природе самого жанра. Академическая рецензия давно не является свободной формой высказывания. Напротив, она подчинена строгим институциональным требованиям: замечания должны быть структурированы, часто пронумерованы, разделены на основные и второстепенные; тон должен быть нейтральным; критика – адресной, но корректной. В такой ситуации формальные признаки перестают выполнять различительную функцию, поскольку и человек, и алгоритм ориентируются на один и тот же нормативный образец.

Как показывают стилометрические исследования, различие между человеческим и машинным письмом в значительной степени проявляется через вариативность, неоднородность и индивидуализированность языкового поведения [O’Sullivan 2025]. Однако именно эти характеристики в академической рецензии систематически подавляются. От рецензента ожидаются не стилистическая самобытность и речевая свобода, а профессиональная сдержанность, композиционная ясность и этическая корректность. В результате рецензия, написанная человеком, по формальным параметрам начинает сближаться с ИИ-генерацией не потому, что человек пишет «как машина», а потому, что жанр сам предписывает высокую степень речевой нормированности.

Это не означает полной неразличимости человека и машины. Даже в условиях жесткого шаблона сохраняются более тонкие признаки, обладающие диагностической ценностью. К их числу относится предметная специфичность без ухода в абстрактные обобщения. Человек-эксперт скорее заметит противоречие между допущением на одной странице и уравнением на другой, укажет на неочевидную проблему в процедуре отбора материала или соотнесет конкретный фрагмент рукописи с узкой профессиональной дискуссией. ИИ, напротив, чаще ограничивается типовыми замечаниями о необходимости уточнить метод, расширить обзор литературы или усилить аргументацию.

Отсюда следует принципиальный вывод. В наиболее стандартизированных дисциплинах метрики человеческого присутствия работают слабее, чем в областях, где рецензент сохраняет большую стилистическую свободу. Это означает, что проблема AI-to-AI loop проявляется наиболее остро именно там, где институциональная нормировка рецензирования наиболее жестка. Парадокс заключается в том, что механизмы, предназначенные для поддержания качества и объективности, одновременно создают условия, в которых машинное участие легче всего маскируется под норму.

Преодоление этого парадокса вряд ли возможно исключительно за счет запретительных мер. Более продуктивным представляется движение в сторону институциональной прозрачности и развития профессиональной культуры обращения с ИИ. Прежде всего практики использования алгоритмов в рецензировании необходимо вывести из серой зоны и сделать предметом открытого академического обсуждения. Не менее важна разработка обучающих методик для авторов, рецензентов и редакторов. Речь идет не о вытеснении ИИ из академической среды, а о формировании таких норм и практик, при которых алгоритм остается вспомогательным инструментом, а центр научной оценки и интерпретации сохраняется за человеком.

Список литературы

1. Shumailov et al. 2024 – Shumailov I., Shumaylov Z., Zhao Y. et al. AI models collapse when trained on recursively generated data // Nature. 2024. Vol. 631. P. 755–759.
2. O'Sullivan 2025 – O'Sullivan J. Stylometric comparisons of human versus AI-generated creative writing // Humanities and Social Sciences Communications. 2025. Vol. 12. Art. 1708.

УДК 001.92

К ВОПРОСУ О НЕИЗБЕЖНОСТИ ПУБЛИЧНОЙ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Шиповалова Лада Владимировна

Доктор философских наук
Европейский Университет в Санкт-Петербурге
E-mail: ladaship@gmail.com

Аннотация: В докладе рассматривается гипотеза о необходимости публичной научной коммуникации для науки. Предполагается, что вне публичной научной коммуникации не могут быть актуализированы базовые характеристики научности – специализация, доказательность, объективность и фальсифицируемость. Утверждается, что эти характеристики и содержательно связаны с открытостью науки. Прежде всего кратко проясняется понятие публичной коммуникации в его отношении к науке, а также возможные модальности обоснования ее необходимости для науки. Предлагаемый способ работы с гипотезой отличается от нормального подхода позитивистской философии науки и дескриптивного подхода исследований науки и технологий. Далее вводится различие *науки в становлении* и *стабилизированной науки*. В первом случае характеристики научности связаны с публичной научной коммуникацией, поскольку функционируют в контексте пограничной работы, служа размежеванию научных и ненаучных субъектов, а также в контексте работы на границах, определяя взаимодействие субъектов научного и вне-научного знания в процессе применения науки. Во втором случае характеристики научности либо функционируют в качестве регулятивного идеала, либо подрывают стабильность науки. Предполагается, что только доказательность остается характеристикой науки, избегающей необходимой связи с публичной научной коммуникацией.

Ключевые слова: публичная научная коммуникация, объективность, фальсифицируемость, доказательность, пограничная работа

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках гранта № 25-28-02502 «Концептуальные основания публичной научной коммуникации: эпистемологический и ценностно-нормативный аспекты» (https://rscf.ru/project/25-28-02502/).

THE INEVITABILITY OF PUBLIC COMMUNICATION OF SCIENCE

Shipovalova Lada Vladimirovna
European University at St. Petersburg

Abstract: This paper examines the hypothesis of the necessity of public communication of science. This hypothesis presupposes that without public communication of science, the fundamental characteristics of science—specialization, evidence-based approach, objectivity, and falsifiability—cannot be actualized. It assumes that these characteristics are substantively linked to the openness of science. Firstly, the author clarified the concept of public communication in relation to science and possible modalities for justifying its necessity for science. The proposed approach to this hypothesis differs from the normative approach of the positivist philosophy of science and the descriptive approach of Science and Technology Studies. Next, she distinguishes between science in process and stabilized science. In the former, the characteristics of science are linked to public communication of science, as they function in the context of boundary work, serving to delineate scientific and non-scientific actors, as well as in the context of work on the boundaries, determining the interaction of subjects of scientific and non-scientific knowledge in the process of applying science. In the second case, the characteristics of science either function as a regulatory ideal or undermine the stability of science. It is assumed that only evidence-basedness remains a characteristic of science, avoiding the necessary connection with public communication of science.

Keywords: public communication of science, objectivity, falsifiability, evidence, boundary work

Прежде всего следует прояснить характер вопроса о неизбежности для науки публичной научной коммуникации (далее – *ПНК*) как практики, под которой понимается взаимодействие ученых с субъектами, которые не заняты непосредственно научной деятельностью или представляют в этом взаимодействии знание, которое может быть поставлено под вопрос в качестве научного. В контексте такого определения публичная научная коммуникация понимается расширительно, что позволяет включить в нее и междисциплинарную коммуникацию, поскольку последняя в эпистемологическом смысле сталкивается с задачей перевода различных научных языков или с созданием опосредующего взаимодействие языка. Существенное различие между междисциплинарной коммуникацией, а также коммуникацией между профессионалами и непрофессионалами в науке состоит в формальном взаимном признании того, что в первом случае все стороны взаимодействия имеют отношение к науке и разделяют претензию на научную обоснованность производимого знания. Содержательно же способы такого обоснования могут различаться в зависимости от научной специализации. То есть содержательно вопрос относится к практикам, репрезентирующим публичность или открытость научного знания, конструктивность эпистемического обмена с внешним для науки пространством.

Неизбежность ПНК для науки, то есть необходимая связь обоснования научного знания и ПНК, имеет различные способы раскрытия. Она может представляться дескриптивно, как описание реального положения дел. Такой способ, будет иметь эмпирический характер и несмотря на то, что он может охватывать как историю, так и актуальную реализацию соответствующих практик, он будет оставаться неполным и, возможно, нерефлексивным относительно предпосылок описания. Вторая возможность – раскрывать неизбежность в нормативном смысле – отражает традиционную функцию позитивистской философии науки, критикуемую в современных Исследованиях науки и технологий (Science and Technology Studies) как исходящую из не всегда достаточно обоснованного права на нормативность со стороны философии по отношению к наукам. Возможен третий путь, который по форме может быть соотнесен с трансцендентальным обоснованием возможного научного опыта. Такой ответ на вопрос о неизбежности ПНК для науки, во-первых, исходит из минимального набора признаваемых на данный момент характеристик науки (специализация, доказательность, объективность, фальсифицируемость), во-вторых, демонстрирует, что условием применения этих характеристик и соответствующих правил к научному опыту необходимо (или нет) оказывается ПНК и, в-третьих, возводит возможность ПНК к воображению как способности мышления себя на месте другого и формирования связи между суждениями, умозаключениями и эпистемическими установками. Такой ответ отличается от нормативного тем, что не предписывает внешним или внутренним образом правила практикам, но исходит из их наличия и их определенного истолкования философами, историками науки, социологами научного знания. Он отличается от эмпирического тем, что не останавливается на имеющемся опыте, но восходит к его условиям.

Чем обоснован предполагаемый минимальный набор признаваемых характеристик научной деятельности как правил, организующих научную деятельность? Специализация связана с предметно-методологической определенностью, позволяющей идентифицировать конкретную науку в познавательном аспекте, отличить работу ученого или научного сообщества друг от друга, ограничить конкретное предметное исследовательское пространство. Доказательность научного знания, утверждение его в качестве достоверного, заслуживающего доверия, – позитивная характеристика, позволяющая рассматривать научное знание как адекватным образом репрезентирующее реальность и способное служить основанием ее практического преобразования. Объективность раскрывает проведенную или проводимую работу над субъектом науки, над свойственной ему субъективностью, неполнотой, несовершенством, работу, который ученый производит над самим собой. Фальсифицируемость характеризует отношение ученого к уже имеющемуся знанию, предполагающее его – знания – развитие. В таком виде четыре характеристики определяют правила научной деятельности, конкретизирующие ее предметную область, определяющие достоверность создаваемого научного представления реальности, формирующие субъекта такого представления, а также обусловливающие возможность его развития или совершенствования.

Содержание правил научной деятельности и их связь с ПНК может быть дифференцирована в зависимости от объекта их применения, а также от того, формируются ли они в процессе той же деятельности, которую регулируют. Правила, регулирующие науку как сформированную и устойчивую практику познания, могут отличаться по способу функционирования от тех же правил, определяющих практики размежевания ученых с теми субъектами, которые не являются специалистами в науке, с одной стороны, или от регулирующих применение результатов научной деятельности и оценивание их качества в

этом применении. Правила *науки в становлении,* взятой в генезисе или в применении, могут функционировать иначе, чем правила *стабилизированной науки.*

Обращение к истокам формирования науки демонстрирует, что ее базовые характеристики имеют значение по преимуществу в контексте пограничной работы [Gieryn 1983] и, соответственно, зависят от их признания внутри создающегося сообщества, а также со стороны тех, кто остается за его границами. Такова объективность, задаваемая коллективным опытом ученых в их размежевании с теми, кто не готов преодолевать собственную субъективность (художники, деятели искусства) [Daston 2010]. Таково доказательство как приобретение «моральной» достоверности знания, состоящей в его подтверждении признанными авторитетами и независимыми, непрофессиональными свидетелями [Dear 1992]. Такова специализация, само признание необходимости которой зависит от конкретного научного сообщества, формирующегося в первых академических организациях [Дастон 2015]. Принцип фальсифицируемости концептуализируется К. Поппером, когда наука уже сформировалась как специализированное и профессиональное знание, но сохраняется актуальность пограничной работы как размежевания с эпистемическими претендентами на научный статус. То есть для *науки в становлении,* взятой в ее генезисе, функционирование правил научной деятельности непосредственно связано с ПНК.

Если исходить из различения, предложенного С. Фунтовичем и Дж. Равецем, *стабилизированной наукой* может считаться малая, хотя и значимая часть науки, называемая основной или фундаментальной (core science) [Funtowicz 1993]. В контексте этой части оценка качества результата осуществляется самим научным сообществом в контексте определенной парадигмы. При этом остальные части – прикладная наука, наука, реализующая экспертное консультирование, и наука пост-нормальная, имеющая своим предметом проблемы, находящееся в фокусе общественных дискуссий, актуализируют характеристики научности в процессе применения научного знания. Относительно этих частей оказывается релевантным тезис Г.Г. Гадамера о гуманитарном знании, формирование которого не завершено до его аппликации (знание Священного писания до проповеди, юридических законов до практики правоприменения и т.п.). Как обстоит дело с характеристиками научности, присущими основной науке (core science)?

На примере характеристики объективности можно показать, что она, утратив актуальность, имевшую место в *науке в становлении,* предоставив это «место» другим эпистемическим ценностям, становится тем, к чему не следует апеллировать, занимаясь уже сформированной в парадигмальном смысле « стабилизированной наукой» [Hacking 2015], или тем, что должно быть понято как бесконечная задача связывания субъективных перспектив [Харауэй 2022]. То есть присутствие объективности откладывается или остается процессуальным, подрывающим *стабилизированную науку*, отчасти сохраняющим ее характер становления, открытости, внутренней или внешней публичности. В случае объективности открытость задается незавершенностью коллективного субъекта научной деятельности, реализующего распределенное научное познание в современности или актуализирующего социально-техническое воображение в перспективе будущего. В случае фальсифицируемости – возможностью обнаружить в будущем актуальность фальсификатора, не входящего в настоящем в предметное пространство науки. В случае специализации – возможностью установления междисциплинарных связей и формированием новых дисциплин из неожиданных союзов различных знаний. Предположительно только правила доказательства содержательно не связаны с необходимостью ПНК, особенно в случае внешней

публичности. Остальные характеристики в качестве собственной актуализации нуждаются в ПНК. Негомогенность правил доказательства, включающих физическую достоверность (подтверждение и проверку), логическую и математическую выводимость, а также моральную достоверность, позволяет предположить частичную неизбежность (в случае моральной достоверности), а также возможность (в случае физической достоверности) ПНК, но не ее полную необходимость. В последнем случае возможность связана, например, с участием непрофессионалов в сборе и первичной интерпретации научных данных. Можно предположить, что именно в правилах доказательства укоренена автономия научной деятельности, сущность науки, избегающая необходимой публичности. Эта гипотеза будет раскрыта в докладе и в последующих публикациях.

Список литературы

1. Dear 1992 – Dear P. From Truth to Disinterestedness in Seventeenth Century // Social Studies of Science. 1992. Vol. 22. P. 619-631.
2. Funtowicz 1993 - Funtowicz S. O., Ravetz J. R. Science for the post-normal age // Future. 1993. Vol. 25(7) P. 739-755.
3. Gieryn 1983– Gieryn Th. F. Boundary-Work and the Demarcation of Science from Non-Science: Strains and Interests in Professional Ideologies of Scientists // American Sociological Review. 1983. Vol. 48(6). P. 781-795.
4. Hacking 2015 – Hacking I. Let's not talk about objectivity // Objectivity in Science, ed. by F. Padovani, H. Eichardson & Y. Tsou, Y. Springer, 2015. P. 19-34.
5. Дастон 2015 – Дастон Л. Дисциплинирование дисциплин: академии и единство знания. // Науки о человеке: история дисциплин / По ред. А. Н. Дмитриев, И. М. Савельева. М., 2015. С. 105-123.
6. Харауэй 2022 – Харауэй Д. Ситуативные знания: вопрос о науке в феминизме и преимущество частичной перспективы // Логос. 2022. Т. 32(1). С. 237-271.

УДК: 167.7

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ – СУЩЕСТВОВАНИЕ НАУКИ КАК ОТКРЫТОЙ СИСТЕМЫ И НЕОБХОДИМОСТЬ ФИЛОСОФСКОГО ПОДХОДА

Сорокина Мария Александровна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, аспирант

E-mail: silia97@mail.ru

Аннотация: Исследование анализирует трансдисциплинарный подход как способ существования науки в качестве открытой системы. Трансдисциплинарность рассматривается в качестве со-производства учеными и другими социальными группами знаний, решения научных проблем и проблем «жизненного мира» (К. Поль, Г. Хадорн). Автор подчеркивает, что этот способ бытия науки выражает ее внутреннюю необходимость в открытости

остальному миру, без учета которого невозможен поиск истины, являющийся одной из первостепенных задач науки. Однако наука в таком положении оказывается проницаемой и сталкивается с рядом проблем, включая риск потери собственной сущности. Сама по себе трансдисциплинарность предполагает трансцендирование, переступание границ научного знания, что порождает опасность оказаться в поле неопределенности, лишенной всяких ориентиров. Для возможного ответа науки на эти вызовы автор видит необходимость обращения к философии.

Ключевые слова: трансдисциплинарность, открытая система, научное знание, истина, неопределенность, трансцендирование

TRANSDISCIPLINARITY – THE NATURE OF SCIENCE AS AN OPEN SYSTEM AND THE NEED FOR A PHILOSOPHICAL APPROACH

Sorokina Mariia

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

E-mail: silia97@mail.ru

Abstract: This study analyzes the transdisciplinary approach as a way for science to exist as an open system. Transdisciplinarity emphasizes the co-production of knowledge by scientists and other social groups, as well as the resolution of scientific problems and problems of the “life-world” (C. Pohl, G. Hadorn). The author emphasizes that this mode of scientific existence expresses its inherent need for openness to the rest of the world; without this, the search for truth—one of science’s primary tasks—is impossible. However, in this position, science becomes vulnerable and faces a number of problems, including the risk of losing its own essence. Transdisciplinarity itself implies transcendence, which creates the danger of ending up in a field of uncertainty devoid of any points of reference. For science to respond to these challenges, the author sees a need to turn to philosophy.

Keywords: transdisciplinarity, open system, scientific knowledge, truth, uncertainty, transcendence

В современной науке достаточно часто встречаются такие термины, как: междисциплинарность, трансдисциплинарность, мультидисциплинарность, полидисциплинарность [Лысак 2014, с. 134]. Их различение уже является отдельной проблемой, которая, однако, не является приоритетной для рассмотрения в контексте этого исследования. Нас интересует другая сторона вопроса. Все эти термины так или иначе указывают на кризис науки как совокупности отдельных дисциплин, строго отделенных друг от друга. Внутри науки возникает потребность в той или иной мере выйти за пределы узкоспециализированных предприятий, при этом сохранив собственную автономию, свой собственный «характер» в качестве особого вида знания. Решение этой проблемы, как нам кажется, и состоит в движении науки в стороны «меж-», «транс-», «поли-», «мульти-» взаимодействий. В данной работе мы остановимся на трансдисциплинарности, которая часто представляется в контексте достаточно радикального выхода науки навстречу другим областям знания [Киященко 2009, с. 29; Pohl, Hadorn 2007, p. 70].

Сама по себе трансдисциплинарность предполагает под собой буквально трансцендирование, выход в пространство, которое стоит вообще над всякой дисциплинарностью. Безусловно, для ученых подобное предприятие может выглядеть как опасное для них самих и для строгого понимания «научности», которое они представляют. Это выглядит особенно актуально, если вспомнить, что институционализация науки окончательно произошла приблизительно в XIX веке. Также и термин «scientist», предложенный У. Хьюэллом устанавливается и постепенно «приживается» на протяжении XIX века; а Р. Карнап, например, всего лишь около столетия назад работал над проектом всеобщего языка науки, который был бы единственным вариантом языка знаний [Карнап 2010; 1962, p. 75]. Соответственно, наука, только что сумевшая обрести саму себя, сталкивается с вызовом, который, как может показаться на первый взгляд, напрямую угрожает ее состоятельности.

Наша основная задача состоит в том, чтобы представить трансдисциплинарность как возможность развития науки посредством открытости, которая бы способствовала проницаемости, но не размыванию определенности научного знания. Для этого необходимо, во-первых, уточнить само понятие трансдисциплинарности в его отличии от смежных, но не тождественных феноменов, и, во-вторых, показать, что порождаемая трансдисциплинарным выходом неопределенность является не угрозой, а условием плодотворного развития науки.

Под трансдисциплинарностью вслед за К. Полем и Г. Хадорном мы понимаем режим со-производства знания, в котором участвуют как представители разных научных дисциплин, так и акторы «жизненного мира» (Lebenswelt) — социальные группы, непосредственно сталкивающиеся с исследуемой проблемой [Pohl, Hadorn 2007, p. 20–22.]. Ключевая характеристика трансдисциплинарности заключается не просто в интеграции дисциплинарных подходов, а в принципиальной включенности вне-научного познавательного опыта в сам процесс формулировки, исследования и решения проблем. Такое понимание трансдисциплинарности выражает внутреннюю необходимость науки в открытости остальному миру. Эта необходимость является не внешним социальным требованием, а имманентной характеристикой научного поиска истины. Поиск истины не может быть осуществлен в эпистемологически замкнутой системе, поскольку истина, в любой ее философской интерпретации, предполагает соотнесение с тем, что находится за пределами имеющегося на данный момент знания. Наука, отказывающаяся от такого порядка вещей, рискует превратиться в самодостаточное, но пустое переутверждение одних и тех же фактов и понятий. Трансдисциплинарность, следовательно, есть не угроза научности, но условие ее полноты.

Однако именно здесь наука сталкивается с центральной проблемой. Выход за пределы дисциплинарных границ неизбежно ведет в область, где стандартные критерии обоснованности, верификации и методологии перестают работать в их прежнем смысле. Эта область и есть поле неопределенности. Неопределенность в данном контексте не равнозначна недостатку информации, который может быть устранен дополнительными эмпирическими исследованиями. Речь идет о более глубоком, рефлексивном уровне: когда наука выходит за свои границы, она временно лишается самой системы координат, позволяющей отличать обоснованное знание от необоснованного. Как оценить вклад неспециалиста? Как интегрировать знание, следующее из личного опыта, со знанием науки? Эти вопросы не имеют готовых дисциплинарных ответов.

Именно здесь, в точке осознания этой неопределенности, трансдисциплинарность рискует быть понятой как опасное предприятие, чреватое релятивизмом или произволом. Однако неопределенность, порождаемая трансцендированием, является продуктивным и даже необходимым условием развития науки. Обоснуем этот тезис.

Во-первых, неопределенность выполняет функцию катализатора пересборки устоявшихся дисциплинарных норм. Любая научная дисциплина неизбежно вырабатывает собственные самоочевидности — предпосылки и допущения, которые перестают проблематизироваться. Встреча с вне-дисциплинарным опытом, в свою очередь, приостанавливает автоматическое движение дисциплинарного мышления. Это становится условием для рефлексии над основаниями собственной дисциплины. Без такой приостановки наука рискует превратить свои предпосылки в догмы. Таким образом, неопределенность есть механизм рефлексии дисциплинарной ограниченности.

Во-вторых, поле неопределенности выступает как резервуар новых смыслов и постановок проблем. Строго дисциплинарное мышление зачастую ориентировано на решение уже сформулированных задач в рамках принятой парадигмы. Трансдисциплинарная же коммуникация, помещая науку в зону неопределенности, открывает возможность для формулировки *новых* вопросов, которые не могли бы возникнуть внутри ни одной из дисциплин по отдельности. Неопределенность, соответственно, является значимой средой для постановки комплексных, жизненно значимых исследовательских задач.

В-третьих, работа в поле неопределенности требует от науки развития такой рефлексии, которая могла бы остаться невостребованной внутри закрытых дисциплин. Способность действовать при отсутствии достаточных критериев истинности, способность удерживать разнообразные или даже конфликтующие перспективы, способность вырабатывать зависимые от контекста критерии обоснованности — все это формы научной рациональности, а не отказа от нее. Трансдисциплинарность, понятая таким образом, не отменяет науку, а делает ее более сложной и многоуровневой системой.

Однако здесь же обнаруживается и предел: сама по себе наука, располагая лишь своими внутренними ресурсами, не всегда способна рефлексивно удерживать это поле неопределенности, не впадая либо в редукционизм (сведение чужого опыта к своим категориям), либо в релятивизм (отказ от каких-либо критериев). Именно здесь возникает необходимость обращения к философии. Философия на протяжении своей истории систематически работала с проблемой границ познания, трансцендирования и неопределенности. От платоновской идеи идей – эйдосов до кантовского различения трансцендентального и трансцендентного, от гуссерлевского анализа горизонтов интенциональности до хайдеггеровской проблематизации «ничто» — философия создала понятийный аппарат, позволяющий не просто указывать на неопределенность, но и действовать в ней продуктивно, не теряя критической рефлексии [Кант 1994, с. 89–92; Гуссерль 2009, с. 78–80; Хайдеггер 1993, с. 20–21.]. Философия может предложить науке не готовые решения для устранения неопределенности (что невозможно и не нужно), а способы рефлексии в отношение нее, способы ориентирования в ней. Более того, постнеклассическая философия науки (В. С. Стёпин) уже включает представление о сложных саморазвивающихся системах, где ценностные и мировоззренческие компоненты входят в само определение объекта исследования, что создает концептуальную базу для трансдисциплинарности [Стёпин 2003, с. 7-12].

Таким образом, трансдисциплинарность как способ бытия науки в режиме открытости неизбежно порождает неопределенность. Эта неопределенность, вопреки возможным опасениям, является не угрозой, а условием развития науки: она помогает в пересборке устоявшихся норм, открывает пространство для новых вопросов и способствует развитию более сложных форм рефлексии. Наука в рамках трансдисциплинарности обретает себя заново как открытая система, способная продуктивно меняться благодаря встрече с тем, что находится за ее пределами. Обращение к философии в этом процессе есть не признание несостоятельности науки, а условие плодотворной работы с неопределенностью.

Список литературы

1. Гуссерль 2009 – Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Э. Гуссерль; пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Академический проект, 2009. 489 с.
2. Кант 1994 – Кант И. Критика чистого разума / И. Кант; пер. с нем. Н. Лосского. М.: Мысль, 1994. 591 с.
3. Карнап 2010 – Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка / Р. Карнап; пер. с нем. А.В. Кезина // Карнап Р. Собрание трудов. М.: Канон+, 2010. С. 423–449.
4. Киященко 2009 – Киященко Л.П. Философия трансдисциплинарности / Л.П. Киященко, В.И. Моисеев; Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 2009. 205 с.
5. Лысак 2014 – Лысак И. В. Междисциплинарность и трансдисциплинарность как подходы к исследованию человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6. Ч. II. С. 134–137.
6. Степин 2003 – Стёпин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 5–17.
7. Хайдеггер 1993 – Хайдеггер М. Что такое метафизика? / М. Хайдеггер; пер. с нем. В.В. Бибихина // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 16–27.
8. Pohl, Hadorn 2007 – Pohl C., Hadorn G.H. Principles for Designing Transdisciplinary Research. Munich: Oekom Verlag, 2007. 128 P.
9. Ross 1962 – Ross S. Scientist: The story of a word // Annals of Science. 1962. Vol. 18. № 2. P. 65–85.

УДК 001.9

ЭКСПЕРТИЗА В ПРОЕКТНОМ КАПИТАЛИЗМЕ: МЕЖДУ РЕАЛИЗМОМ И РЕЛЯТИВИЗМОМ

Мирзоев Карен Авакович

Европейский университет в Санкт-Петербурге, младший научный сотрудник

E-mail: karen.mirzoev@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается спор между реалистическим и реляционным подходами к экспертизе, развернувшийся в исследованиях науки и технологий с начала 2000-х годов. Реалистический проект Г. Коллинза и Р. Эванса, различающий контрибутивную и интеракциональную экспертизу, стремится вернуть экспертному знанию объективное содержание вопреки конструктивистскому релятивизму. Реляционный подход Р. Грундмана, напротив, определяет экспертизу как двойное отношение — к клиенту и к его потребности в руководстве при принятии решений. Обе модели уязвимы для критики: прагматическая аргументация вскрывает лингвистический редукционизм интеракциональной экспертизы, а эмпирические данные Э. Доусон обнаруживают, что реляционная модель оставляет за скобками структурные условия, делающие возможным (или невозможным) сам доступ к позиции клиента. Обращение к концепции «нового духа капитализма» и «проектного града» Л. Болтански и Э. Кьяпелло позволяет перевести спор в иную плоскость: интеракциональный эксперт и эксперт-для-клиента предстают как две проекции одной исторической фигуры — «сетевого мастера», чья компетенция измеряется способностью быть мобильным посредником. Это смещение перспективы позволяет удержать вместе два вопроса — о справедливом доступе к позиции клиента и о материальной укоренённости экспертного знания.

Ключевые слова: экспертиза, реализм, релятивизм, Коллинз, Грундман, проектный град.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках гранта № 25-28-02502 «Концептуальные основания публичной научной коммуникации: эпистемологический и ценностно-нормативный аспекты» (https://rscf.ru/project/25-28-02502/).

EXPERTISE IN PROJECT CAPITALISM: BETWEEN REALISM AND RELATIVISM

Mirzoev Karen Avakovich

European University at Saint Petersburg, student

Abstract: This article examines the debate between realist and relational approaches to expertise that has unfolded within science and technology studies since the early 2000s. The realist project of Harry Collins and Robert Evans, which distinguishes between contributory and interactional expertise, seeks to restore an objective content to expert knowledge in opposition to constructivist relativism. By contrast, the relational approach developed by Reiner Grundmann defines expertise as a double relation — both to the client and to the client's need for guidance in decision-making. Both models are vulnerable to criticism. A pragmatist line of argument exposes the linguistic reductionism of interactional expertise, and Emily Dawson's empirical findings demonstrate that the relational model brackets the structural conditions that make access to the position of the client possible (or impossible). Turning to Luc Boltanski and Ève Chiapello's concept of the "new spirit of capitalism" and the "project-oriented cité" makes it possible to reframe this debate. From this perspective, the interactional expert and the expert-for-the-client appear as two projections of a single historical figure — that of the "networked broker", whose competence is measured by the ability to act as a mobile intermediary. This shift in perspective allows us to hold together two key questions: that of equitable access to the position of the client, and that of the material embeddedness of expert knowledge.

Keywords: expertise, realism, relativism, Collins, Grundmann, project oriented cité.

Экспертиза стабильно привлекает внимание исследователей как минимум с начала нулевых годов. Являясь формой публичной научной коммуникации и наследуя все идущие ещё от Макса Вебера проблематики совмещения противоречивых миров науки и политики [Шиповалова 2025, с. 404], экспертиза выделяется на фоне остальных практик взаимодействия учёных с публикой. В отличие, с одной стороны, от популяризации, где разговор строится сверху вниз путём публичной реконструкции научных проектов и ценой их некоторого упрощения, с другой — от «мета-дискурсов о науке», в рамках которых учёный выступает заинтересованной стороной, отстаивающей свои собственные ценности и оспаривающий противоположные (например, споры о финансировании науки или её этических ограничениях), экспертиза выходит за рамки науки в сферу принятия решений, сохраняя при этом технический характер спора в рамках согласованных целей и ценностей (например, прогнозирование землетрясения с целью сохранения человеческих жизней) [Peters 2014, p. 71-73]. Это двойственное положение эксперта определяет два критерия, а если говорить точнее, то два типа прагматических ситуаций, в которых эти критерии реализуются, проверяются и оспариваются: эксперт должен обладать знанием и быть способным говорить о нём, то есть делать его публичным. Однако важно не упустить, как выразился Стив Фуллер, «тревожащие философов аспекты экспертизы», которые можно свести к утверждению экспертизы как «конститутивно социального феномена» — она ситуативна и не обладает универсальной применимостью, для своего поддержания ей необходимо не только знание, признанное дефицитным и востребованным, но и сеть специализированного обучения, которая обеспечивает как возможность передачи знания, так более или менее устойчивую форму солидарности внутри самого экспертного сообщества [Fuller 2001, p. 145-146].

Как пишет В. Р. Калинин, зависимость экспертизы от социального контекста имплицитно закладывает «реляционное измерение»: «Основной фокус смещается в сторону уполномочивающих инстанций и акторов, предписывающих индивидам говорить как экспертам» [Калинин 2023, с. 146-147]. Как результат, возникает реляционный подход, который на волне развития конструктивистской социологии и акторно-сетевой теории делает относительным не только социальный статус эксперта, но и само его знание. «Вследствие проблематичных побочных эффектов от предыдущей волны» возникает реалистический подход Коллинза и Эванса, который призван вопреки релятивизму заново сформулировать критерии реализации, проверки и оспаривания экспертного знания [Там же, с. 148]. Центральным ходом этого проекта стало различие двух типов экспертизы: контрибутивной (или партиципаторной) и интеракциональной. Первая подразумевает «погружение с головой в культуру» (full-blown way), то есть полное и часто телесное разделение того, что Витгенштейн называл формой жизни. Например, такой уровень экспертизы в физике даёт возможность «с полным основанием претендовать на работу в данной научной области или, по крайней мере, публиковать статьи в профессиональных журналах» [Collins 2004, p. 128]. Интеракциональную экспертизу Коллинз определяет как «способность со знанием дела беседовать о практическом навыке или области экспертизы, но не имея способности практиковать это; эта способность приобретается через языковую социализацию в среде практиков» [Ibid, p. 125]. Она приобретается не через лабораторную работу, а через «лингвистическую социализацию» — глубокое погружение исключительно в разговоры практиков, обретение навыка поддерживать разговор без телесного вовлечения в саму деятельность (или по крайней мере с «минимальным телесным воплощением»). Именно этот тип, настаивает Коллинз, заполняет зазор между формальным знанием и укоренённым в теле

навыком и позволяет, к примеру, социологу науки компетентно обсуждать физику гравитационных волн, даже если он никогда не работал на детекторе. Сама возможность такой экспертизы служит для Коллинза доказательством того, что владение языком научного сообщества не тождественно владению его практиками. Комментируя этот проект Коллинза, В. Р. Калинин обращает внимание на ограниченность трактовки британским социологом формы жизни по Витгенштейну — прежде всего она воспринимается как речевая практика, что «исключает материальность практик из формы жизни и этим решением, на наш взгляд, порождает контрпродуктивное последствие, заключающееся в проблеме несводимости материального и символического» [Калинин 2023, с. 153]. Иными словами, контрибутивный опыт, добытый в лаборатории, оказывается недоступным для объективации вне языка, а интеракциональный эксперт, переводящий этот опыт в слова, остаётся без критерия валидности своего перевода.

Если проект Коллинза пытается удержать социальность экспертизы через упорядочивание компетенций, то реляционный подход, развиваемый Райнером Грундманом, предлагает иное решение: признать, что экспертиза и есть социальное отношение, и сделать это отношение отправной точкой анализа. Грундман определяет экспертизу через двойную связь — с клиентом и с его потребностью в руководстве к действию. В этой оптике эксперт ценен не столько потому, что он владеет эзотерическим знанием, сколько потому, что он способен перевести это знание в форму, пригодную для принятия решения в конкретной ситуации. Именно клиент, а не профессиональное сообщество, оказывается главным судьёй качества экспертизы [Grundmann 2016, p. 26-32]. Таким образом, для Грундмана экспертиза существует лишь в момент, когда знание заказывается и применяется, исчезая вместе с исчезновением потребности в совете. Эта позиция решает множество проблем, которые немецкий социолог усматривает в существующих влиятельных концептуализациях экспертизы — прежде всего, релятивный подход позволяет конкретизировать соотношения знания и действия, что, например, позволяет различить множество ненаучных форм экспертизы [Ibid, p. 32-46]. Знание здесь оценивается не само по себе, а через способность отвечать на запрос того, кто принимает решение. Однако именно эта заострённость на моменте запроса оставляет непрояснённым главный вопрос: кто вообще попадает в позицию клиента, способного сформулировать запрос и оценить ответ?

Британская исследовательница Эмили Доусон, вооружившись методологией Пьера Бурдьё, показывает, что сама возможность участия в научной коммуникации распределена крайне неравномерно и воспроизводит существующие социальные иерархии. Из этой перспективы реляционный подход обнаруживает свою неполноту: он молчаливо предполагает, что клиент уже существует как полноправный субъект экспертного отношения, тогда как на деле доступ к позиции клиента сам по себе является привилегией, распределённой вдоль линий классового и этнического неравенства. Речь не о том, что реляционная модель ложна; она недостаточна, поскольку оставляет за скобками структурные условия, делающие возможным — или невозможным — само установление связи «эксперт—клиент». Более того, эмпирический вывод Доусон радикализует этот тезис: те формы научной коммуникации, которые номинально адресованы «всем», на деле «конструируют узкую публику, отражающую облик, ценности и практики доминирующих групп, за счёт маргинализированных» [Dawson 2018, p. 772-786].

Таким образом, если реалистический подход Коллинза не сдерживал обещания преодолеть сведение экспертизы к релятивистским языковым играм, то реляционная теория Грундмана описывает экспертизу изнутри уже состоявшегося экспертного отношения, не спрашивая, какими социальными силами это отношение производится, воспроизводится и ограничивается, что тоже противоречит изначальному замыслу конкретизации отношений знания и власти. Чтобы преодолеть этот порог, необходимо поместить экспертизу в контекст более широких нормативных и экономических трансформаций. Это можно сделать через привлечение соответствующего концептуального аппарата, который предложили Люк Болтански и Эв Кьяпелло в своём фундаментальном исследовании «нового духа капитализма». Авторы выделяют три этапа изменений капитализма, каждый из которых с отсылкой на Вебера называют «духом»: первый дух относится к эпохе, «когда предприятия, за редкими исключениями, не были затронуты гигантоманией» и «работники знали в лицо владельцев и руководителей»; второй дух формируется «вокруг стоящей в центре фигуры директора (или нанятого управляющего) и управленческих кадров» и связывается с более крупными предприятиями, меньшая часть из которых выходит за границы национального государства; наконец, третий дух соответствует технологичному «глобализированному» капитализму, в котором тенденции бюрократизации и повышения квалификации управления предыдущего духа значительно усиливаются [Болтански, Кьяпелло 2011, с. 60]. Современный капитализм легитимирует себя через идеологию «проектного града» — мира, в котором ценность индивида определяется его мобильностью, способностью входить в проекты, налаживать связи и переходить от одного проекта к другому. «Жизнь мыслится как последовательность проектов, имеющих тем большую значимость, чем больше они отличаются друг от друга» [Там же, с. 210]. В этом свете и реалистическая, и реляционная модели экспертизы предстают как производные от одной и той же структурной логики. Интеракциональный эксперт Коллинза, владеющий языком без практики, и эксперт-для-клиента, растворяющийся в запросе, суть две стороны одной фигуры — «сетевого мастера» проектного града, чья компетенция измеряется не столько глубиной контрибутивного опыта, сколько способностью быть мобильным посредником, переводящим знание на язык, пригодный для быстрого решения. Обращение к «новому духу капитализма» не разрешает спор между реалистическим и реляционным подходами в пользу одной из сторон, а переводит его в иную плоскость, открывающую в этих двух подходах не конкурирующие теории, а две проекции одной исторической фигуры, что позволяет удержать вместе два вопроса: о справедливом доступе к позиции клиента — и об автономии и материальной укоренённости экспертного знания. Без первого реляционная модель остаётся слепой к неравенству, без второго реалистическая модель рискует принять за экспертность её риторическую имитацию.

Список литературы

1. Болтански, Кьяпелло 2011 – Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 976 с.
2. Калинин 2023 – Калинин В. Р. Проект исследования экспертизы и опыта Г. Коллинза и Р. Эванса как способ преодоления кризиса экспертных знаний: проблема философских оснований // Социология власти. 2023. Т. 35. № 4. С. 141-158.

3. Шиповалова 2025 – Шиповалова Л. В. Публичная научная коммуникация как повод философской рефлексии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2025. Т. 41. Вып. 3. С. 402–414.
4. Collins 2004 – Collins H. Interactional expertise as a third kind of knowledge // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2004. Vol. 3. No. 2. P. 125–143.
5. Dawson 2018 – Dawson E. Reimagining publics and (non) participation: Exploring exclusion from science communication through the experiences of low-income, minority ethnic groups // Public Understanding of Science, 27(7), P. 772–786.
6. Fuller 2001 – Fuller S. Knowledge Management Foundations. London: Routledge, 2001. 296 p.
7. Grundmann 2016 – Grundmann R. The problem of expertise in knowledge societies // Minerva. 2016. Vol. 55. No. 1. P. 25-48.

УДК 001.92

СЦЕНАРИИ ТРАНСЛЯЦИИ ЭКСПЕРТНОЙ ПОЗИЦИИ В ПУБЛИЧНОМ ПОЛЕ

Шапиро Ольга Александровна

Кандидат философских наук
Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственного управления при президенте Российской Федерации
Доцент кафедры сравнительных политических исследований
E-mail: shapiro-oa@ranepa.ru

Аннотация: В докладе исследуется специфика роли и коммуникативных сценариев экспертов в пополе публичной дискуссии на основании эмпирического подхода к аргументации М. Финокьяро. Автор предлагает рассмотреть два базовых сценария, которые называет демократическими (при наличии запроса политиков на экспертизу до принятия решения) и авторитарным (при отсутствии такого запроса и включения экспертов в публичную дискуссию уже пост факутм). Автор полагает, что на сегодняшний день эксперты фактически лишены возможности влияния на политические решения: при демократическом сценарии они берутся в расчет только в том случае, если подкрепляют выгодную политикам позицию, а при авторитарном сценарии голоса экспертов звучат вслед принятому решению. Однако в обоих случаях, хотя результаты экспертизы и не влияют непосредственно на принятие того или иного решения, их трансляция в публичное поле ведет к трансформации общественного мнения, которое продолжает служить ориентиром для проведения дальнейшей политики. В частности, экспертные высказывания могут приводить к легитимации принятых решений, или, наоборот, к повышению социального и эмоционального напряжения, которое так или иначе влияет на политическую траекторию.

Ключевые слова: эксперт, экспертиза, политик, публичная дискуссия, политические решения, эмпирический подход к аргументации, аргументативный анализ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-00580, https://rscf.ru/project/26-18-00580/, реализуемого в Институте философии РАН

SCENARIOS FOR TRANSMITTING AN EXPERT POSITION IN THE PUBLIC FIELD

Shapiro Olga Alexandrovna

North-West Institute of Management RANEPA St. Petersburg,
Associate Professor of the Department of Comparative Political Studies

Abstract: This paper examines the specific role and communication patterns of experts in public debate, drawing on an empirical approach to M. Finocchiaro's argumentation. The author proposes two basic scenarios, which he terms democratic (where politicians request expert opinion before making a decision) and authoritarian (where such a request is absent and experts are included in public debate post factum). The author believes that experts are currently effectively deprived of the ability to influence political decisions: in the democratic scenario, they are considered only if they support a position favorable to politicians, while in the authoritarian scenario, expert voices are heard following a decision. However, in both cases, although expert opinion results do not directly influence decision-making, their dissemination into the public sphere leads to a transformation of public opinion, which continues to guide subsequent policy. In particular, expert statements can lead to the legitimization of decisions made or, conversely, to increased social and emotional tension, which in one way or another influences the political trajectory.

Keywords: expert, expertise, politician, public debate, political decisions, empirical approach to argumentation, argumentative analysis

Кризис экспертизы сегодня является одной из активно обсуждаемых проблем в научном сообществе. Это естественно: во многих областях ученые совмещают социальные роли исследователей и экспертов, и нынешнее положение дел непосредственно влияет на нашу профессиональную самореализацию и социальную проявленность. При этом оценки ситуации варьируются от вполне оптимистичных, констатирующих неизбежность сохранности института экспертизы и его адаптации к новым реалиям, до крайне негативных, предрекающих окончательную массовизацию общества и как следствие ее крах демократических институтов и становление нового тоталитаризма.

В своем докладе я воздержусь от однозначных оценок и прогнозов, но предложу посмотреть на трансформацию коммуникативной ситуации высказываний экспертов в публичном поле и выявить их аргументативную специфику. Я полагаю, это поможет подсветить значимые моменты трансформации социальной роли эксперта в современном публичном поле и выявить стратегии реакции на вызовы этой трансформации экспертного сообщества. Я буду говорить далее о роли экспертов именно в публичной дискуссии, связанной с принятием политических решений, и не буду касаться особенностей судебной,

внутренней научной или еще каких-либо видов экспертиз, полагая, что в этих сферах ситуация может существенно различаться и не обобщая свои выводы до «экспертов вообще».

Обращение ко квалифицированному мнению и наличие профильных компетенций исторически расценивалось как необходимое основание для принятия политических решений. Еще до формирования института экспертизы и самого понятия «эксперт» существенная роль в политической практике отводилась мудрецам. Так, Солон на правах мудреца предлагает законодательную реформу, а Платон вообще в своем идеальном государстве предлагает передать управленческие полномочия философам. В дальнейшем в истории философии вопрос, должны ли и могут ли философы быть правителями, обсуждается неоднократно и имеет неоднозначные оценки – от модели технократии в «Новой Атлантиде» Ф. Бэкона до четкого разделения ролей философов как советников и правителей у И. Канта.

Т. Николс в своей работе «Смерть экспертизы» [Николс 2019] рассматривает утрату доверия экспертами в контексте понимания специфики коммуникативной триады «политики-эксперты-общество», в которой реализуется следующий сценарий принятия решений: в обществе при активном влиянии политиков формируется запрос (повестка), политики формулируют задачу для экспертизы, а эксперты представляют выводы и список рекомендаций, на основании которых политики при учете интересов общества принимают решения и несут за них ответственность. Николс заявляет, что потеря доверия в обществе к экспертам ведет к тому, что шаг формулирования запроса экспертам оказывается изъят из сценария, и политики принимают решения исходя из интересов и настроений общества без учета экспертных рекомендаций. В этом случае голос экспертов оказывается вынесенным за скобки публичной дискуссии: он может выполнять функцию легитимации принятых решений или повышения социальной напряженности, однако не влияет на сами решения напрямую.

В докладе я предлагаю рассмотреть, как это происходит на практике на примере принятия решения о мерах противодействия пандемии COVID-19 и о выходе России из Болонского процесса и проведении соответствующей реформы высшего образования, которая на данный момент находится на стадии пилотного проекта. Такой выбор не случаен: приведенные кейсы демонстрируют два базовых сценария взаимодействия коммуникативного треугольника «политики-эксперты-общество», описанного Николсом. Поскольку цель моего исследования – прояснение аргументативных ролей и стратегий экспертов в публичной дискуссии, я буду делать свои выводы на основании аргументативного анализа, опираясь в первую очередь на эмпирический подход М. Финокьяро [Finocchiaro 1994], дополненный исследовательским инструментарием иных подходов современной теории аргументации с целью адаптации к исследованию актуальных научных дискуссий, а не только исторических текстов, как это было изначально предложено автором.

1. Первый сценарий представляет собой классический вариант, когда голос экспертов звучит, во-первых, по запросу и во-вторых, до момента принятия решения. Этот сценарий сегодня работает в основном в сферах, связанных с естественными науками и высокими технологиями, кода очевидно, что без определенных экспертных данных решение не может быть принято в принципе. Кейс пандемии представляет собой именно такой случай, когда обращение к экспертному сообществу было очевидно необходимо. Он хорошо изучен в том числе и аргументологами (см., напр., [Oswald, Lewinski, Greco, Villata 2022]); для нас здесь интересен тот факт, что политики с одной стороны формируют запрос экспертам, а с другой стороны, видя противоречие между экспертными рекомендациями и общественным мнением, становятся на сторону общества и полемизируют с экспертами, явным образом демонстрируя, что экспертные рекомендации могут быть услышаны лишь в том случае, если они удобны в

контексте актуальной популистской политики. Т.е. мы можем говорить, что экспертные заключения становятся основанием для принятия политического решения в том случае, если они совпадают с желаемой политиком позицией; в противном случае они не выполняют заявленную функцию и становятся объектом критики. Результат такого положения дел заключается в том, что фактически аргументы экспертов не влияют на само решение, но могут быть использованы как дополнительная аргументация этого решения.

2. Второй случай – проводящаяся в данный момент образовательная реформа – практически не исследован с точки зрения специфики разворачивающейся вокруг него публичной дискуссии. Здесь мы видим смену ролей и связанную с ней смену последовательности высказываний – проще говоря, изменение правил дискуссии. Если в вопросах, связанных с медициной, биологией, наукоемкими технологиями, экспертиза запрашивается политиками относительно регулярно (хотя результаты этой экспертизы используются по-разному и экспертные рекомендации далеко не всегда выполняются), то в сфере гуманитарной, вопросах образования и т.п. предварительная экспертиза может не запрашиваться вообще, особенно в случаях, если сами политики обладают некоторым набором компетенций в рассматриваемой сфере. В этом случае функции экспертов, исследующих вопрос и политиков, принимающих решение и несущих ответственность, сливаются в деятельности одного когнитивного агента. Это могло бы выглядеть рационально исходя из уменьшения затрат ресурсов и ускорения принятия важных решений, если бы не тот факт, что «обладание властью неизбежно искажает свободное суждение разума» [Кант 1994, с. 37] в том смысле, что груз ответственности необходимость соответствовать ожиданиям общества в условиях функционирования демократических институтов с неизбежностью влияют на позицию рассуждающего субъекта. Т.е. вопрос разделения ролей политика и эксперта – это вопрос не только наличия компетенций.

Замолкает ли голос независимых экспертов в случае реализации данного сценария? Сегодня мы видим достаточно много публичных экспертных заявлений по поводу проводимой образовательной политики. Прежде всего это представители руководства отечественных ВУЗов, получающие запрос в публичной дискуссии от СМИ. Роль такой оценки решения, которое уже принято и реализация которого уже начата, заключается в легитимации этого решения (или препятствию такой легитимации – в случае высказывания аргументов против). Любопытным моментом в этом смысле оказывается то, что аргументы политиков, которыми они, по-видимому, руководствуются, и легитимирующая аргументация от экспертов могу быть принципиально различны по своему содержанию и даже транслирующемой позиции. Так, выход из Болонской системы, продиктованный актуальной политической повесткой, легитимируется через обсуждения следствий для качества высшего образования – которые, несомненно, важны и значимы, однако причиной принятия решения в данном случае не являлись. Т.е. фактически эксперты конструируют новую аргументацию, прикрывая ею в публичном поле фактические причины принятия решения, а вовсе не проясняют, анализируют или критикуют аргументацию, предложенную политиками.

Таким образом, мы видим следующее: кроме традиционной коммуникативной структуры (назовем ее условно демократической), где политики формируют запрос к экспертам, и лавируя между экспертными рекомендациями и общественным мнением выносят решения (как вариант – манипулируя высказываниями экспертов выносят популярные решения), существует структура (которую мы назовем авторитарной), когда политики принимают решения на основании собственных убеждений или в угоду общественному мнению, а эксперты, высказываясь по поводу этого решения, оказываются в роли посредника

между политиками и обществом, как будто объясняя обществу необходимость (или неправомерность) принятого решения. Эта схема влечет за собой очевидное усиление кризиса экспертизы, поскольку 1) в этом случае признаки и границы экспертности становятся более размыты, чем в случае традиционного функционирования института экспертизы, предполагающего формализацию требований к экспертам; 2) эксперты как субъекты публичной дискуссии теряют свой статус независимости и становятся (или по крайней мере воспринимаются обществом) как более политически ангажированные.

Однако все вышесказанное не означает, что эксперты таким образом полностью вытесняются из обсуждений социально-значимых проблем и политических решений. Скорее их голос постепенно влияет на трансформацию общественного мнения, которое очевидно будет учтено при принятии следующего решения.

Список литературы

1. Кант 1994 – Кант И. К вечному миру // Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. Юбилейное издание 1794-1994. Том 7 / под общ. ред. А.В. Гулыги. СПб.: ЧОРО, 1994. С. 5-56
2. Николс 2019 – Николс Т. Смерть экспертизы. Как интернет убивает научные знания / пер. с англ. Т. Л. Платонова М.: Эксмо, 2019. 349 с.
3. Finocchiaro 1994 – Finocchiaro, Maurice A. Two Empirical Approaches to the Study or Reasoning // Informal Logic. 1994. Vol. 16. No 1.Pp. 1-21.
4. Oswald, Lewinski, Greco, Villata 2022 –Oswald S., Lewinski M., Greco S., Villata S. The Pandemic argumentation. Springer: 2022. URL: https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-030-91017-4

УДК 001.92

АПРОПРИАЦИЯ ЭКСПЕРТНОГО СТАТУСА В ПУБЛИЧНОЙ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ: СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ

Шкорубская Елена Геннадьевна

кандидат философских наук

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии РАН, старший научный сотрудник

E-mail: shkorubska@gmail.com

Валуев Дмитрий Георгиевич

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии РАН, научный сотрудник

E-mail: dgvaluev@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема апроприации статуса эксперта в публичной научной коммуникации как одна из ключевых характеристик современного общества знания, формирующегося в условиях перепроизводства информации и роста

общественного запроса на экспертное мнение. Показано, что экспертность следует понимать не только как институционально закреплённое полномочие, но и как социально-коммуникативный результат, возникающий в процессе самопозиционирования говорящего и признания его компетентности аудиторией. На материале исследований, посвящённых ложным экспертам и научным мошенникам, раскрываются основные стратегии конструирования псевдоэкспертного статуса, включая имитацию научного дискурса, эксплуатацию социальных эмоций, производство сомнений и создание видимости легитимной дискуссии. Особое внимание уделяется понятию нелегитимного эксперта, позволяющему описывать не только сам факт присвоения экспертного статуса, но и условия его восприятия и закрепления в публичной сфере. Делается вывод о том, что апроприация экспертности представляет собой сложный интерактивный процесс, обусловленный взаимодействием акторов, медиа и аудитории, а потому требует дальнейшего эмпирического изучения, в том числе в российском контексте, где специфика институционального доверия и цифровой медиасреды существенно влияет на формы публичной научной коммуникации.

Ключевые слова: экспертность, апроприация статуса эксперта, публичная научная коммуникация, ложный эксперт, нелегитимный эксперт, научный консенсус, аудитория, сетевые медиа.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-00580, https://rscf.ru/project/26-18-00580/, реализуемого в Институте философии РАН

APPROPRIATION OF EXPERT STATUS IN PUBLIC SCIENTIFIC COMMUNICATION: SOCIAL AND COMMUNICATIVE MECHANISMS

Elena Gennadyevna Shkorubskaya
Candidate of Sciences (Philosophy)
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Research Fellow, Senior Research Fellow

Valuev Dmitriy Georgievich
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Research Fellow, Research Fellow

Abstract. This article examines the issue of appropriating expert status in public scientific communication as one of the key characteristics of the modern knowledge society, which is emerging in the context of information overproduction and growing public demand for expert opinion. It demonstrates that expertise should be understood not only as an institutionally enshrined authority but also as a social and communicative outcome arising from the process of self-positioning of the speaker and the recognition of their competence by the audience. Using research on false experts and scientific fraudsters, the main strategies for constructing pseudo-expert status are revealed, including the imitation of scientific discourse, the exploitation of social emotions, the production of doubt, and the creation of the appearance of legitimate discussion. Particular attention is given to the concept of the illegitimate expert, which allows us to describe not only the very fact of assigning expert status but also the conditions under which it is perceived and consolidated in the public sphere. It is concluded that the appropriation of expertise is a complex interactive process conditioned by the interaction of actors, media, and audiences, and therefore requires further empirical study, including

in the Russian context, where the specifics of institutional trust and the digital media environment significantly influence the forms of public scientific communication.

Keywords: expertise, appropriation of expert status, public scientific communication, false expert, illegitimate expert, scientific consensus, audience, online media.

Становление и развитие «общества знания» – общества, в котором сложность коммуникативных процессов приводит к увеличению неопределённости функционирования социальных систем [Москалёв 2010, с. 104], – приводит к увеличению общественного запроса на экспертное мнение и изменению статуса эксперта как такового. С одной стороны, возникает потребность в специалистах, помогающих ориентироваться в недифференцированных потоках разнородной информации. С другой стороны, открытость информации, в том числе доступность научного знания, приводит к тому, что каждый может претендовать на обладание обоснованным достоверным знанием и использовать его (или предлагать использовать другим) как основу принятия решений.

Следует признать, что понятия «экспертиза» и «эксперт» являются зонтичными понятиями и включают в себя множество социальных явлений: от выступления эксперта на рейтинговом ток-шоу, до предпубликационного рецензирования статей в научных журналах, от ведения блога практикующим врачом, до судебной экспертизы, результаты которой становятся основой для принятия решения судом. Не отрицая необходимости дополнительной классификации и разграничения различных типов экспертов и ситуаций экспертизы, в данной работе мы сосредоточимся прежде всего на публичной научной коммуникации, в частности, коммуникации в сетевых медиа.

В этой ситуации всё больше внимания привлекают социальные аспекты конструирования экспертности. Под конструированием статуса эксперта мы будем понимать процесс, при котором в определённой коммуникативной ситуации, предполагающей принятие решения, основанного на специфических знаниях, лицо, выносящее соответствующее суждение, признаётся экспертом. Мы полагаем, что этот процесс проявляется в двух аспектах: непосредственное присвоение статуса эксперта самим говорящим (некто заявляет «я – эксперт») и легитимацию статуса эксперта его аудиторией (аудитория признаёт: «он/она – эксперт»).

Рассматривая процесс конструирования статуса эксперта, Котзее и Смит в работе «Два социальных измерения экспертизы» [Kotzee, Smit 2017], опираясь на теорию речевых актов Дж. Сёрля, выделяют два способа атрибуции экспертности: дескриптивный и институциональный. Отличительной чертой вторых является то, что «хотя институциональный речевой акт основан на том же суждении, что и описательный речевой акт, он не обязывает говорящего к истинности описательного суждения. Институциональные суждения служат для наделения деонтическими полномочиями. Говорящий, по сути, обязуется действовать таким образом, чтобы наделить и сохранить эти полномочия, и даже последующее обнаружение ошибочности фактической основы суждения не обязательно приведет к их отмене» [Kotzee, Smit 2017, p. 650-651]. Институциональная атрибуция экспертности, соответственно, обеспечивается соответствующими институтами (государством и его органами, образовательными и научными учреждениями, и т.д.), которые наделяют лицо определёнными полномочиями, признавая за ним право считаться экспертом. Лицо, наделённое таким образом статусом эксперта, не нуждается в дополнительном присвоении статуса эксперта (что не избавляет от необходимости легитимировать свой статус в глазах публики). Поэтому, рассматривания присвоение статуса эксперта публичными

лицами, далее мы будем говорить прежде всего о тех, кто не является представителем официальных институтов и действует как внешнее лицо по отношению к той или иной отрасли знаний. Процесс присвоения такими лицами статуса эксперта мы будем называть апроприацией экспертного статуса – набором практик, к которым прибегает лицо, не имеющее отношения к науке или определённой практической сфере, и благодаря которым это лицо публично объявляет себя экспертом или выражает претензию на право высказывать экспертное мнение. Как показывают исследования, апроприация экспертности не сводится к индивидуальной самопрезентации, а представляет собой сложный интерактивный процесс, включающий самопозиционирование актора, медиальные и платформенные условия, а также практики интерпретации со стороны аудитории.

В первую очередь процесс апроприации экспертного статуса вызывает исследовательский интерес именно потому что нередко (хоть и не всегда) именно такие «эксперты» противопоставляют себя «официальной науке» и распространяют убеждения, прямо противоречащие устоявшемуся научному консенсусу. Однако, как показывает Д. Олчин в работе «Кто говорит от имени науки?» [Allchin 2022], как правило, такие «эксперты» не отрицают науку напрямую, более того, они активно используют научные знания для подтверждения своей позиции. Д. Олчин называет таких экспертов-самозванцев «научными мошенниками» и подробно раскрывает методы, которые они используют для формирования доверия к ним [Allchin 2022, p. 1485-1488]: 1) стиль (в одежде, речи, самопрезентации), подчёркнуто дружелюбный, располагающий к себе; 2) маскировка под учёного (использование графиков, ссылок на данные, профессионального жаргона); 3) эксплуатация социальных эмоций (например, манипулирование чувством принадлежности к той или иной группе, или, напротив, использование предубеждений против представителей других групп); 4) производство сомнений (в том числе в областях, где уже давно установился научный консенсус); 5) засорение СМИ избытком информации (приумножение однотипных публикаций в разных источниках, создающее иллюзию общепризнанности).

На основе масштабного обзора публикаций Кристел В. ван Эйк с соавторами выделяют четыре онтологических начала «ложных экспертов» – социально-коммуникативные аспекты, позволяющие определить того или иного актора как «ложного эксперта» [Eck, Hameleers, and Goot 2026, p. 38-39]. Во-первых, *намерения акторов,* которые, как правило, сводятся к постановке под сомнение научного консенсуса с целью придания легитимности тем или иным взглядам (корпоративным интересам, личным убеждениям и т.д.). Во-вторых, общие *черты акторов*, к которым относятся их должность, личные качества и коммуникативные характеристики. В-третьих, *перформанс акторов* (или коммуникативное поведение), в котором проявляются следующие стратегии: 1) имитация и манипулирование экспертными знаниями, например, посредством языка, чтобы убедить аудиторию в том, что они обладают необходимыми навыками и знаниями; 2) подрыв доверия неспециалистов к экспертам путём создания видимости легитимной дискуссии там, где её нет; 3) придание своим заявлениям привлекательности; 4) участие в распространении дезинформации; 5) сокрытие связей с индустрией (если таковые имеются) [Eck, Hameleers, Goot 2026, p. 39]. В-четвёртых, *характеристики дискурсивного содержания* (discursive content characteristics), отражающие риторические приёмы, которые акторы используют в своих публикациях и выступлениях, а именно: 1) утверждения противоречат устоявшимся знаниям, научному консенсусу; 2) используется высокотехнический научный жаргон; 3) в качестве компетентного лица, заслуживающего доверия, представляется неквалифицированный, несуществующий или не давший согласия субъект; 4) высказываются обвинения в адрес признанных экспертов с целью

принижения их статуса; 5) содержание является риторически сильным и выглядит легитимным и правдивым, например, за счет актуальности сообщения, указания людям того, что они хотят услышать, предпочтения утверждений, затрагивающих интуицию людей, и чрезмерного упрощения [Eck, Hameleers, Goot 2026, p. 39]. И, наконец, некоторые исследования отмечают *субъективность аудитории*, легитимирующей статус эксперта, которая и определяет, является представленное лицо экспертом или нет. На основе проведённого обзора авторы вводят понятие «нелегитимного эксперта» (в качестве замены понятиям «фейк-эксперт», «лже-эксперт» и «псевдо-эксперт»), которое, по их мнению, «подчеркивает важность оценки не только говорящего, но и условий, в которых формируется и воспринимается его экспертное мнение» [Eck, Hameleers, Goot 2026, p. 43].

Таким образом, можно отметить важный сдвиг в понимании экспертности в условиях общества знания: экспертное мнение становится одновременно и социально востребованным ресурсом ориентации в потоке информации, и объектом конкурентного присвоения в публичной сфере. В этих условиях экспертность всё в меньшей степени определяется исключительно институциональным признанием и всё в большей степени оказывается связанной с процессами публичной легитимации, в рамках которых значимы не только специализированные знания и профессиональная подготовка, но и способы их публичной репрезентации, а также готовность аудитории признать за говорящим право выступать от имени знания. В этом смысле предложенное разграничение институциональной атрибуции экспертности и её апроприации представляется продуктивным: если первая опирается на формально закреплённые полномочия, то вторая возникает в пространстве медиированной публичности, где статус эксперта может быть заявлен, сконструирован и легитимирован вне связи с официальными научными или профессиональными институтами. Анализ работ Олчина и ван Эйк с соавторами позволяет увидеть, что апроприация экспертного статуса нередко опирается не на прямое отрицание науки, а на её избирательное использование, стилизацию под научный дискурс, эксплуатацию эмоциональных и идентификационных ресурсов аудитории, производство сомнений и имитацию легитимной дискуссии. Следовательно, речь идёт не просто о фигуре «ложного» или «псевдоэксперта», но о более сложном социально-коммуникативном феномене, в котором пересекаются мотивации акторов, их перформативные стратегии, особенности платформенной среды и механизмы аудиториальной интерпретации. В качестве дальнейшего направления исследований в российском контексте представляется необходимым перейти от преимущественно понятийного анализа к эмпирическому изучению того, как именно конструируется и оспаривается экспертность в отечественных сетевых медиа, телеграм-каналах, блогосфере и иных цифровых площадках. Особого внимания требуют локальные механизмы легитимации, соотношение официальной и неформальной экспертизы, влияние институционального доверия, политико-медийной повестки и алгоритмической логики платформ на признание экспертного статуса. Перспективным является также сравнительное исследование практик апроприации экспертности в разных областях публичной коммуникации, поскольку именно оно позволит точнее описать границы между научным авторитетом, медийной видимостью компетентности и социально признанной экспертностью.

Список литературы

1. Москалёв 2010 – Москалёв И. Е. Качественные характеристики социальных изменений в контексте общества знания // Концепция «общества знания» в современной социальной теории: Сб. науч. тр. М., 2010. С. 98-108.
2. Allchin 2022 – Allchin Douglas. Who Speaks for Science? // Science & Education. 2022. Vol. 31. No 6. P. 1475–92.
3. Eck, Hameleers, Goot 2026 – Eck Christel W. van, Michael Hameleers and Emma van der Goot. Identifying Fake Experts: A Conceptual Framework and Case Study of Illegitimate Expertise in Climate Change and COVID-19 Misinformation and Its Implications for Communication Theory // Communication Theory. 2026. Vol 36. No. 1. P. 36–45.
4. Kotzee, Smit 2017 – Kotzee Ben, Smit Jp. Two Social Dimensions of Expertise // Journal of Philosophy of Education. 2017. Vol. 51. No 3. P. 640–654.

УДК 165:808

ОТ МЕТОДА К ДИАЛОГУ: РИТОРИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ПОСТ-НОРМАЛЬНОЙ НАУКИ

Варфоломеева Марьяна Дмитриевна
Европейский университет в Санкт-Петербурге, студент 1 курса магистратуры
E-mail: Varfolomeevamaryana@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается потенциал античной риторики как прагматического метода для пост-нормальной науки, функционирующей в условиях неопределенности, высоких ставок и множественности стейкхолдеров. Опираясь на концепцию «расширенного сообщества экспертов» С. Фунтовича и Дж. Равеца и критику объективистского «взгляда из ниоткуда» Д. Харауэй, автор показывает необходимость перехода от монологической модели науки к диалогической. Центральное место в работе занимает модальный анализ риторики: в отличие от философии, стремящейся к аподиктической истине, риторика изначально оперирует в сфере возможного. Данный модальный сдвиг позволяет переопределить исследовательскую оптику — от поиска единственно необходимого решения к картографированию пространства гражданских возможностей. Ключевым инструментом интеграции голосов аудитории выступает аристотелевская концепция эндоксии (правдоподобного, репутационного мнения), которая благодаря трехуровневому фильтру (общее согласие, мнение экспертов, позиция мудрейших) решает проблему легитимации знания, не скатываясь ни в технократизм, ни в популизм. Эндоксия функционирует не как суррогат факта, а как отправная точка гражданского исследования, картографирующая этические и политические возможности сообщества. Риторика трактуется не как инструмент коммуникации или стилистического украшения, а как полноценный метод познания, диалектичный по своей сути: диалог со слушателем, скрытый за монологической формой речи, разворачивается через апелляцию к эндоксиям и разрешение апорий в конкретной практической ситуации. Процесс риторического исследования является принципиально открытым, непрерывным и укорененным в привычках гражданского действия. Взамен недостижимой абсолютной истины риторика предлагает обоснованное рациональное согласие, методично включая в процесс познания этос и патос — доверие к эксперту и эмоциональную вовлеченность аудитории. Такой подход делает риторику не

архаикой, а насущной необходимостью в мире перманентной неопределенности, предлагая человекоразмерную рациональность, адекватную вызовам пост-нормальной эпохи.

Ключевые слова: риторика, пост-нормальная наука, эндоксия, модальность, Аристотель, стейкхолдеры.

FROM METHOD TO DIALOGUE: RHETORIC AS A TOOL FOR POST-NORMAL SCIENCE

Varfolomeeva Mariana Dmitrievna

European University at Saint Petersburg, student

Abstract: The paper explores the potential of ancient rhetoric as a pragmatic method for post-normal science, which operates under conditions of uncertainty, high decision stakes, and a plurality of stakeholders. Drawing on S. Funtowicz and J. Ravetz's concept of an "extended peer community" and D. Haraway's critique of the objectivist "view from nowhere," the paper argues for a necessary shift from a monological model of science to a dialogical one. Central to this analysis is modal reading of rhetoric: unlike philosophy, which strives for apodictic truth, rhetoric inherently operates in the realm of the possible. This modal shift redefines the optic of inquiry—from a search for a single necessary solution toward a mapping of the space of civic possibilities. A key instrument for integrating the audience's voice is the Aristotelian concept of *endoxa* (reputable, plausible opinion). Through its three-tiered filter—general consensus, expert opinion, and the views of the wisest—*endoxa* resolves the problem of knowledge legitimation, avoiding the pitfalls of both technocracy and populism. It functions not as a surrogate for fact, but as the starting point for civic investigation, charting the ethical and political possibilities inherent in a community. The paper interprets rhetoric not as a tool of communication or stylistic embellishment, but as a genuine method of inquiry, dialectical in its essence: the dialogue with the listener, disguised behind a monological speech, unfolds through an appeal to *endoxa* and the resolution of *aporiai* in a practical context. Rhetorical inquiry is fundamentally open-ended, continuous, and rooted in the habits of civic action. In place of unattainable absolute truth, rhetoric offers grounded rational consensus, methodically integrating *ethos* and *pathos*—trust in the expert and the emotional engagement of the audience—into the cognitive process. This approach renders rhetoric not an archaism but an urgent necessity in a world of permanent uncertainty, proposing a human-scale rationality adequate to the challenges of the post-normal age.

Keywords: rhetoric, post-normal science, endoxa, modality, Aristotle, stakeholders.

Наука сейчас, как выразились Сильвио Фунтович и Джером Равец, не может довольствоваться лишь традиционными стратегиями решения проблем, или, иными словами, больше не может иметь эталоном построение исключительно на аподиктических предпосылках [Funtowicz, Ravetz 1993, p. 739–755]. Абсурдность позиционирования объективности как «взгляда из ниоткуда» более невозможно игнорировать. Новая научность требует «расширенного сообщества экспертов», из-за чего возникает проблема коммуникации между заинтересованными по данному вопросу. Часто в такой диалог вступают не только ученые, но и обычные люди, на которых влияют конечные продукты науки или их политические следствия. На необходимости демократизации науки и настаивают С. Фунтович и Дж. Равец, а значит, требуется инструмент, не только верифицирующий знание, но и выстраивающий коммуникацию между множеством стейкхолдеров.

На самом деле такой инструмент известен еще с античности. Он забыт по причине господства монологической нововременной науки. Изменившаяся ситуация — потребность диалога, включения широкого круга мнений разных людей, повышенный риск и срочность — заставляют нас вернуться

к древнему методу, который изначально господствовал именно в таких условиях — условиях, тесно связанных с общественной жизнью, политикой, этическими вопросами и существующий в условиях неопределенности и спешки — к *риторике*.

Риторика ошибочно принимается за искусство или талант говорить пышные речи с трибун, а риторическое — за особый стиль или приемы в этой речи. Однако изначально риторика служила средством рациональной аргументации в публичной сфере. Редуцировать риторику до простого инструмента коммуникации или набора техник значит упускать ее суть. Риторика в своей основе есть метод исследования, а не просто искусство убеждения. Именно в этом качестве она и была «забыта» нововременной наукой. Нэнси Стрювер настаивает, что фундаментальное различие между риторическим и философским (научным) исследованием коренится в их модальной ориентации: философия и классическая наука стремятся к необходимости и аподиктической истине, в то время как поле риторики — сфера возможного [Struever 2009, p. 3]. Риторика диалогична, хотя на первый взгляд кажется монологичной — оратор говорит, а слушатели молчат. Только вот никакое убеждение и донесение смысла невозможно, если говорить «в пустоту». Аудитория — живые люди со своими убеждениями. Каждая уникальна, ее нужно знать, говорить на ее языке. В общем, нужно понимать, каких этических и политических позиций придерживаются люди, во что они верят. Такие мнения и убеждения называются эндоксиями. Это не просто случайные утверждения, а общие локальные убеждения и ценности сообщества. Аристотель определяет эндоксию как испытанное, правдоподобное, репутационное мнение, разделяемое либо всеми, либо большинством, либо мудрейшими и наиболее уважаемыми [Аристотель, Топика, 100b 21–23]. Именно через эндоксию свой голос получает слушатель.

Эндоксии — это не просто «общественные истины», а отправная точка любого гражданского исследования. Именно здесь вступает в игру модальность. Риторика, по определению Аристотеля, имеет дело со сферой вероятного и с тем, «что может быть иначе» [Аристотель, Риторика, 1357a]. В отличие от философии, ищущей строгую необходимость, риторика изначально оперирует в пространстве возможностей. Следовательно, работа с эндоксиями — это не попытка найти суррогат фактов, а картографирование поля политических и этических возможностей, присущих конкретному сообществу. Риторика, не просто убеждает, она теоретизирует возможные средства убеждения, тем самым проясняя спектр возможных действий и решений. Именно через эту форму общественных истин происходит диалог, аудитория «говорит» через них. Оратор, используя эндоксию как отправную точку, через дедуктивное построение выводит умозаключение. Так как эндоксии схватывают часть практической истины, такое заключение не менее истинно, чем отправная посылка — это помогает принять оптимальное решение через социальный консенсус. В условиях политики и суда невозможно использовать факты — их просто нет. Этим обосновывается применение эндоксий — это максимально обоснованные предпосылки для дальнейшего исследования вопроса.

Проблема излишней демократизации, которой опасаются критики пост-нормальной научности, в риторике решена. Эндоксии не являются сборником всех мнений, включая абсолютно некомпетентные, ангажированные и абсурдные. Аристотель сразу внедряет уровень легитимации, который помогает избежать выявления не медианы мнений, а их моды.

Первая ступень такой верификации — общественное согласие и признание, сформированное временем и предшествующим опытом сообщества. Вторая — мнение «мудрецов», которых сейчас называют «экспертами». Последняя — мнение лучших и самых признанных из них. «Аргумент к авторитету» давно перестал быть манипуляцией и вошел в классику теории аргументации под названием «аргумент от экспертного мнения» [Walton 1997, p. 1–28]. Воззрения тех, кто хорошо разбирается в вопросе, остаются важными, но стоит учесть, что убеждения большинства могут

перебить их в ходе апорематического процесса, если они более весомы и аргументированы. Это живой процесс исследования и коммуникации одновременно. Более того, «авторитет, на который ссылаются, как бы гарантируется многими людьми, косвенно поддерживающими это определение» [Perelman, Olbrechts-Tyteca 1969, § 22–23], что делает фигуру эксперта не-авторитарной. Так, риторика уже учитывает важность позиций разных стейкхолдеров. Более того, риторика учитывает тонкости, связанные с личностью эксперта и доверием к нему, что составляет одну из трех частей риторики как таковой — этоса. В любом случае будет иллюзией полагать, что во всех вопросах возможен исключительно логический подход, игнорирующий многогранность человеческого естества, включающего эмоциональный и этический аспекты, объять которые логика и строгий метод не могут по определению.

Конечное знание такого процесса не будет абсолютным. Однако достижение аподиктического знания в условиях, где важны мнения общественности, присутствуют сложные этические дилеммы, политическое влияние и все происходит в сжатые сроки, что С. Фунтович и Дж. Равец называет «неопределенностью», присущей пост-нормальной науке, невозможно. Риторика предлагает реалистичный вариант — истина не как трансцендентный абсолют, а как обоснованное рациональное согласие, поиск наилучшего решения в каждой конкретной ситуации, что прагматически реалистично.

В этом свете, возвращение к риторике как к методу означает не просто учет мнений, а изменение исследовательской оптики. Речь идет о переходе от поиска единственно необходимого решения к динамическому картированию пространства гражданских возможностей, где само прояснение спектра потенциальных сценариев и является главной целью и ценностью исследования. Зная это, становится понятным, почему Аристотель начинает свою «Риторику» с фразы о том, что риторика соответствует диалектике. Подобно тому как диалектик выстраивает логические дилеммы, апории, из сталкивающихся эндоксий, ритор строит энтимемы, посылки которых также укоренены в «правдоподобном». Однако его задача сложнее: он действует не в логическом вакууме, а в конкретной гражданской ситуации, где на кону практическое решение и реальные следствия. Если диалектика прокладывает путь к первым принципам, то риторика методично воплощает эти принципы в ткани общественной жизни. Истина, достигаемая в обоих случаях, перестает быть пассивным отражением вечности, становясь активным социальным достижением — результатом методичного, рационального и разделяемого сообществом движения мысли. Риторика в своей основе диалектична. Она начинает свое публичное исследование с эндоксий, как и диалектика. В ходе разрешения апорий через столкновение тезиса и эндоксии или разных эндоксий достигается состояние непротиворечия. В случае диалектики это легко эксплицировать из-за диалогической формы. Риторика «скрывает» второго участника диалога, слушателя, так как каждая риторическая речь всегда находится в контексте того, кому она была произнесена, не сообщая об этом напрямую. Однако процесс идентичен диалектическому: старт исследования с мнений, переход к апории, разрешение ее с помощью аргументации и переход к заключению, а главное — стремление к истине. Разница лишь в обстановке — диалектика исследует любые вопросы, риторика те, что возникают в публичном пространстве. Этот процесс является непрерывным и принципиально открытым, укорененным не в созерцании вечных истин, а в конкретных привычках действия гражданского сообщества.

Подводя итог, риторика может стать прагматическим методом для пост-нормальной науки, поскольку она изначально создана для работы в условиях, которые С. Фунтович и Дж. Равец определяют как «неопределенность»: высокие ставки, спорные ценности и срочность решений. Риторика предлагает легитимный механизм интеграции множества стейкхолдеров через аристотелевскую эндоксию, которая благодаря трехуровневому фильтру (общее согласие, мнение

экспертов, позиция мудрейших) позволяет отделить компетентное суждение от ангажированного, не скатываясь ни в технократический диктат, ни в популизм. Более того, риторика является подлинным методом исследования, а не просто средством коммуникации: она производит фундаментальный модальный сдвиг от поиска единственно необходимой истины к картированию пространства гражданских возможностей, где прояснение спектра потенциальных решений и их последствий и есть главная познавательная цель. Наконец, риторика реалистична: она не требует недостижимого «взгляда из ниоткуда», а методично включает в процесс познания этос и патос — доверие к эксперту и эмоциональную вовлеченность аудитории, предлагая взамен абсолютной истины обоснованное рациональное согласие. В мире перманентной неопределенности такая человекоразмерная рациональность, укорененная в привычках гражданского действия, становится не архаикой, а насущной необходимостью.

Список литературы

1. Аристотель 1978 – Аристотель. Риторика // Античные риторики / пер. Н. Платоновой; собрание текстов, статьи, коммент. и общ. ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 15–129.
2. Аристотель – Аристотель. Топика / пер. с др.-греч. М. И. Иткина // Аристотель. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 349–532.
3. Funtowicz, Ravetz 1993 – Funtowicz S. O., Ravetz J. R. Science for the Post-Normal Age // Futures. 1993. Vol. 25, № 7. P. 739–755.
4. Perelman, Olbrechts-Tyteca 1969 – Perelman C., Olbrechts-Tyteca L. The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1969. 566 p.
5. Struever 2009 – Struever N. S. Rhetoric, Modality, Modernity. Chicago: The University of Chicago Press, 2009. 168 p.
6. Walton 1997 – Walton D. Appeal to Expert Opinion: Arguments from Authority. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1997. 304 p.

УДК 001.9:316.42

ГРАЖДАНСКАЯ НАУКА КАК ЗОНА ОБМЕНА: ПЕРЕОПРЕДЕЛЕНИЕ ГРАНИЦ ЭКСПЕРТИЗЫ И ПОСТНОРМАЛЬНАЯ НАУКА В ДЕЙСТВИИ

Самохина Екатерина Геннадьевна

Кандидат юридических наук

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (Санкт-Петербург), доцент кафедры теории и истории права и государства, заместитель декана юридического факультета

E-mail: esamokhina@hse.ru

Аннотация: Современная наука переживает фундаментальные структурные изменения, обусловленные пересмотром традиционных границ между профессиональной экспертизой и общественным участием. Гражданская наука (citizen science) представляет собой одну из наиболее динамично развивающихся форм взаимодействия науки и общества. Проекты с

участием добровольцев-непрофессионалов радикально расширяют эмпирическую базу исследований, одновременно порождая фундаментальные вопросы о природе научной экспертизы, легитимности производимого знания и способах его интеграции в процессы принятия решений. В докладе гражданская наука рассматривается сквозь призму концептов «зоны обмена» (П. Галисон) и «пограничных объектов» (С. Л. Стар, Дж. Гризмер), что позволяет описать её как гетерогенную коммуникативную систему, в которой формируются новые формы координации между учёными, обществом и субъектами власти. Особый акцент сделан на связи гражданской науки с теорией постнормальной науки (С. Фунтовиц, Дж. Раветц), для которой характерны высокие ставки, значительная неопределённость и множественность ценностных позиций. На материале кейсов из экологического мониторинга, биоразнообразия и контроля качества воздуха показано, как гражданская наука превращается в площадку переопределения экспертизы, где научная объективность вступает в диалог с локальным знанием и общественными интересами.

Ключевые слова: гражданская наука, научная коммуникация, постнормальная наука, наука и общество, научная экспертиза, зона обмена.

CITIZEN SCIENCE AS A TRADING ZONE: REDEFINING THE BOUNDARIES OF EXPERTISE AND POST-NORMAL SCIENCE IN ACTION

Samokhina Ekaterina Gennadievna

PhD in Law, HSE University (St. Petersburg), Associate Professor at the Department of Theory and History of Law and State, Deputy Dean of the Faculty of Law

Abstract: Contemporary science is undergoing fundamental structural changes driven by the redefinition of traditional boundaries between professional expertise and public participation. Citizen science represents one of the most dynamically developing forms of interaction between science and society. Projects involving non-professional volunteers radically expand the empirical base of research while simultaneously raising fundamental questions about the nature of scientific expertise, the legitimacy of the knowledge produced, and the ways in which it can be integrated into decision-making processes. This paper examines citizen science through the lens of the concepts of "trading zone" (P. Galison) and "boundary objects" (S. L. Star, J. R. Griesemer), which allows us to describe it as a heterogeneous communicative system in which new forms of coordination emerge among scientists, society, and governing bodies. Special emphasis is placed on the connection between citizen science and the theory of post-normal science (S. Funtowicz, J. Ravetz), characterized by high stakes, significant uncertainty, and a plurality of value positions. Drawing on case studies from environmental monitoring, biodiversity, and air quality control, the paper demonstrates how citizen science becomes a site for redefining expertise, where scientific objectivity enters into dialogue with local knowledge and public interests.

Keywords: citizen science, science communication, post-normal science, science and society, scientific expertise, trading zone.

Теоретическая оптика: зоны обмена и пограничные объекты

Для анализа взаимодействия учёных и не-учёных в рамках гражданской науки продуктивны две взаимосвязанные концептуальные рамки. Первая – понятие «зоны обмена» (trading zone), предложенное Питером Галисоном для описания координации действий между различными научными сообществами, а затем распространённое на взаимодействие науки и иных социальных сфер. В зоне обмена участники, разделённые разными картинами мира и профессиональными языками, вырабатывают упрощённые, локально пригодные формы коммуникации – «креольские языки» – достаточные для решения конкретных задач без достижения полного консенсуса по поводу интерпретаций [Galison 1997, p. 783]. Вторая рамка – «пограничные объекты» (boundary objects), введённые Сьюзен Ли Стар и Джеймсом Гриземером. Это артефакты, информационные ресурсы или понятия, которые обладают достаточной пластичностью, чтобы обслуживать разные практики и смыслы, и одновременно достаточной устойчивостью, чтобы сохранять идентичность при пересечении границ. Классические примеры пограничных объектов – карты, базы данных, классификации, полевые протоколы [Star, Griesemer 1989, p. 393, 408].

В гражданской науке эти аналитические инструменты обретают особую эвристичность. Волонтёры и профессиональные учёные, а также представители власти, бизнеса и неправительственных организаций, образуют временные или устойчивые альянсы, внутри которых циркулируют данные, тексты, изображения и алгоритмы. Эти подвижные элементы становятся пограничными объектами, через которые переопределяются границы легитимного знания и экспертных полномочий. Соответственно, научная коммуникация перестаёт быть односторонним «переводом» готового знания с языка науки на язык публики и превращается в гетерогенный процесс торговли смыслами и данными. Доклад помещает в центр рефлексии именно эту «торговую» природу гражданской науки, позволяющую систематически описать, в каких условиях происходит легитимация знания, произведённого за пределами академических институций.

Гражданская наука как зона обмена: модели, практики, пограничные объекты

Современная гражданская наука охватывает множество организационных форм – от проектов, в которых волонтёры выступают преимущественно сборщиками данных по заданным учёными протоколам (contributory), до совместной постановки задач и интерпретации результатов (co-created). Несмотря на различия, все эти модели предполагают возникновение зон обмена, в которых участники с разным когнитивным и институциональным багажом вынуждены договариваться. Эмпирический анализ показывает, что ключевыми пограничными объектами в таких зонах выступают стандартизированные полевые протоколы, цифровые платформы (iNaturalist, Zooniverse, eBird), а также геопривязанные фотоснимки, аудиозаписи или показания датчиков [Haklay, König, Moustard, Aspee 2023, p. 2-4, 7; Bonney, Cooper, Dickinson, et al. 2009, pp. 979–980; Irwin 1995, pp. 1-7].

Рассмотрим, например, платформу iNaturalist. Любитель загружает фотографию организма, снабжённую географическими координатами и автоматической гипотезой о таксономической принадлежности. Для любителя снимок — способ зафиксировать личную встречу с природой и получить определение, для профессионального биолога — единица данных, которая после верификации сообществом может пополнить базы биоразнообразия. Сама фотография оказывается пограничным объектом: она одновременно «моя находка» в мире любителя и «потенциальная запись вида X» в мире учёного, причём эти миры не обязаны полностью сходиться в интерпретациях. Качество данных обеспечивается не столько единой системой стандартов, сколько «социальной верификацией» — многоступенчатым голосованием сообщества, которое смягчает индивидуальные ошибки. Здесь рождается

локальный «креольский язык»: добровольцы осваивают азы таксономической номенклатуры, а учёные приспосабливают свои запросы к познавательным возможностям непрофессионалов.

Эта же логика прослеживается в проектах по мониторингу качества воздуха, где граждане используют недорогие сенсоры. Показания прибора становятся пограничным объектом, вокруг которого выстраиваются отношения между жителями, обеспокоенными загрязнением, муниципальными чиновниками и экспертами-экологами. Для жителей это свидетельство непосредственной среды обитания, для чиновников — потенциально дестабилизирующая информация, для экологов — массив данных, валидность которого подлежит методической проверке. Зона обмена в таких ситуациях неизбежно включает переговоры о точности, сопоставимости и статусе «любительского» факта по отношению к официальным данным.

Работа зоны обмена в гражданской науке подчинена двум встречным императивам: обеспечить эпистемический контроль (валидность данных, сопоставимость, воспроизводимость) и одновременно интегрировать ценностные запросы и локальные знания участников. Чем успешнее проект находит баланс, тем сильнее укрепляется легитимность производимого знания; чем сильнее крен в сторону жёсткой стандартизации, тем больше риск превратить волонтёров в механических исполнителей, подрывая их доверие и мотивацию. Таким образом, гражданская наука обнажает фундаментальную черту современной научной коммуникации: убедительность и достоверность знания всё чаще зависят не только от методологии, но и от того, как выстроены «зоны обмена» между различными группами, имеющими право голоса.

Постнормальная наука в действии: расширенное сообщество равных и переопределение экспертизы

Описанная конфигурация получает нормативную рамку в концепции постнормальной науки (post-normal science), выдвинутой Сильвио Фунтовицем и Джеромом Раветцем. Постнрмальной наука становится в ситуациях, где «факты неопределённы, ставки высоки, а ценности спорны»: яркие примеры — климатический кризис, утрата биоразнообразия, экологические риски. Именно в этих областях наиболее активно развиваются проекты гражданской науки. Один из ключевых принципов постнормальной науки — формирование «расширенного сообщества равных» (extended peer community), в которое входят не только сертифицированные эксперты, но и те, кого затрагивают последствия решений: местные жители, активисты, потребители, представители коренных народов. Гражданская наука представляет собой практическую реализацию этого принципа [Funtowicz, Ravetz 1993, pp. 744–745, 751–753].

В постнормальной перспективе гражданская наука перестаёт быть исключительно поставщиком «дешёвых данных» для академической машины и становится инструментом демократизации знания. Совместное производство фактов и ценностей, встроенное в такие проекты, формирует «гибридные форумы», где границы между наукой и политикой размываются [Callon, Lascoumes, Barthe 2009, pp. 13-36]. Это влечёт за собой переопределение самой категории экспертизы: легитимность суждения начинает определяться не только дипломом и публикационным списком, но и способностью участника интегрировать локальное знание, нормативные позиции и опыт проживания проблемы. Иллюстрацией могут служить проекты «гражданской эпидемиологии» [Brown, 1997 pp. 137-156] или мониторинга водных объектов, где данные волонтёров становятся основанием для судебных исков и пересмотра административных решений.

Вместе с тем зоны обмена в постнормальной науке не избавлены от асимметрии власти. Даже в наиболее эгалитарных проектах учёные и институции, как правило, сохраняют контроль над протоколами, публикациями и научной интерпретацией данных. Публика и гражданские активисты нередко сталкиваются с риском «экстрактивизма»: их время, труд и локальное знание изымаются для производства научных статей, не возвращаясь обратно в форме понятных результатов или изменений политики. Поэтому рефлексия над гражданской наукой требует учёта экономики «обмена»: что именно получает каждая сторона, насколько справедливо распределяются символические и материальные выгоды, как формируется обоюдное доверие. В этом смысле гражданская наука становится живой лабораторией, в которой вырабатываются нормы новой научной коммуникации – более открытой, рефлексивной и ориентированной на общественный договор.

Гражданская наука, рассмотренная сквозь призму зон обмена, пограничных объектов и постнормальной науки, предстаёт не просто технологией краудсорсинга данных, а сложной коммуникативной системой, в которой происходят одновременные процессы производства, легитимации и демократизации знания. Анализ демонстрирует, что пограничные объекты – от цифровых платформ до протоколов наблюдений – служат опорами, на которых выстраиваются временные альянсы между учёными, публикой и властью, позволяя согласовывать действия без унификации мировоззрений. А концепция расширенного сообщества равных выводит на первый план нормативное требование: вместе с данными в научную коммуникацию должны входить ценности, локальное знание и голос тех, кого затрагивают принимаемые решения.

Список литературы

1. Bonney, Cooper, Dickinson, et al. 2009 – Bonney R., Cooper C.B., Dickinson J., et al. Citizen Science: A Developing Tool for Expanding Science Knowledge and Scientific Literacy // BioScience. 2009. Vol. 59. No. 11. P. 977–984.
2. Brown 1997 – Brown P. Popular Epidemiology Revisited // Current Sociology. 1997. Vol. 45(3). P. 137–156.
3. Callon, Lascoumes, Barthe 2009 – Callon M., Lascoumes P., Barthe Y. Acting in an Uncertain World: An Essay on Technical Democracy. Cambridge, MA: MIT Press, 2009. 298 p.
4. Funtowicz, Ravetz 1993 – Funtowicz S.O., Ravetz J.R. Science for the post-normal age // Futures. 1993. Vol. 25(7). P. 739–755.
5. Galison 1997 – Galison P. Image and Logic: A Material Culture of Microphysics. Chicago: University of Chicago Press, 1997. 955 p.
6. Haklay, König, Moustard, Aspee 2023 – Haklay M., König A., Moustard F., Aspee N. Citizen science and Post-Normal Science's extended peer community: Identifying overlaps by mapping typologies // Futures. 2023. Vol. 150. Article 103178.
7. Irwin 1995 – Irwin A. Citizen Science: A Study of People, Expertise and Sustainable Development. London: Routledge, 1995. 216 p.
8. Star, Griesemer 1989 – Star S.L., Griesemer J.R. Institutional ecology, 'translations' and boundary objects: Amateurs and professionals in Berkeley's Museum of Vertebrate Zoology, 1907–39 // Social Studies of Science. 1989. Vol. 19(3). P. 387–420.

УДК 167

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕФИЦИТ STS-ПОДХОДОВ К ГРАНИЦАМ НАУКИ И НЕНАУКИ И КОНЦЕПЦИЯ СВЯЗУЮЩЕГО ПАТТЕРНА Г. БЕЙТСОНА

Черноножкин Семён

Магистрант

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии

E-mail: junkyhouse@gmail.com

Аннотация: в статье предлагается эпистемологическое дополнение к STS-подходам, описывающим коммуникацию науки с другими формами знания. На фоне концепций boundary-work, пограничных объектов, зон обмена, акторно-сетевых переводов и интеракциональной экспертизы формулируется тезис о том, что STS фиксирует эмпирическую реальность перевода между научным и ненаучным знанием, но не предъявляет самостоятельной эпистемологической позиции, с которой такие переводы могли бы производиться ответственно. В качестве ресурса для восполнения этого дефицита рассматривается концепция связующего паттерна Г. Бейтсона. На примере современного спора о мышлении нейросетей показано, как бейтсоновский ход смещает дискуссию с метафизического вопроса о наличии у машины мышления на операциональный вопрос о структуре её циклов обратной связи и тем самым переводит спор из режима неразрешимого противостояния в режим работающей исследовательской программы. На том же примере прослеживается эпистемологическая работа связующего паттерна: общая форма цикла коррекции интегрирует далёкие дисциплины через единый объект, смещает фокус внимания с изолированных объектов на отношения и циклы и переопределяет демаркацию через структурные характеристики обучающихся систем, опираясь на бейтсоновское понятие избыточности. Утверждается, что концепция связующего паттерна выступает не как альтернатива STS, а как их эпистемологическое дополнение.

Ключевые слова: связующий паттерн, Г. Бейтсон, демаркация, STS, boundary-work, избыточность, научная коммуникация, нейросети.

THE EPISTEMOLOGICAL DEFICIT OF STS APPROACHES TO THE BOUNDARIES BETWEEN SCIENCE AND NON-SCIENCE AND G. BATESON'S CONCEPT OF THE PATTERN WHICH CONNECTS

Chernonozhkin Semyon

Saint Petersburg State University, Institute of Philosophy, master's student

Abstract: the paper proposes an epistemological complement to STS approaches describing the communication of science with other forms of knowledge. Against the background of boundary-work, boundary objects, trading zones, actor-network translations, and interactional expertise, it is argued that STS captures the empirical reality of translation between the scientific and the non-

scientific but does not articulate an independent epistemological position from which such translations could be carried out responsibly. Gregory Bateson's concept of the pattern which connects is introduced as a resource to fill this gap. Using the contemporary debate on whether neural networks think as a working example, the paper shows how the Batesonian move shifts the discussion from the metaphysical question of whether a machine possesses thought to the operational question of the structure of its feedback loops, thereby translating the dispute from a mode of unresolvable confrontation into the mode of a workable research programme. On the same example, the epistemological work of the pattern which connects is traced: the common form of the correction loop integrates distant disciplines through a shared object, shifts the focus of attention from isolated objects to relations and cycles, and redefines demarcation through the structural characteristics of learning systems, drawing on Bateson's notion of redundancy. It is argued that the concept of the pattern which connects functions not as an alternative to STS but as their epistemological complement.

Keywords: pattern which connects, G. Bateson, demarcation, STS, boundary-work, redundancy, scientific communication, neural networks.

Проблема коммуникации науки с другими формами знания получила развёрнутое описание в подходах Исследований науки и технологий (Science and Technology Studies – далее STS). Т. Джерин показал, что граница науки не дана в виде универсального критерия, но проводится через практики пограничной работы (boundary-work) [Gieryn 1983]. С. Л. Стар и Дж. Гризмер ввели понятие пограничных объектов, позволяющих разным сообществам сотрудничать без полного совпадения интерпретаций [Star, Griesemer 1989]. П. Галисон описал зоны обмена, в которых вырабатывается рабочий язык координации между экспертными культурами [Galison 1997]. Б. Латур представил научный факт как результат цепочки переводов между гетерогенными акторами [Латур 2013]. Г. Коллинз и Р. Эванс разработали концепцию интеракциональной экспертизы, описывающую промежуточные формы компетентности между научным сообществом и внешней средой [Collins, Evans 2007].

Эти подходы показали, что связь науки с другими формами знания работает как действующая практика со своими социальными и техническими механизмами, подобными тому, как сложная система организации труда управлялась бы горизонтально. При всей продуктивности таких практик в них сохраняется характерный дефицит. STS отвечает на вопрос, как граница работает, оставляя в стороне вопрос, как её мыслить. Каким должно быть само мышление исследователя, чтобы переходы через границу были эпистемологически осмысленными и не вели к утрате строгости ни в одной из связываемых областей, в этой литературе остаётся за скобками. Социология и антропология границ науки рассматривают эмпирическую часть перевода, но не предъявляют самостоятельной эпистемологической позиции, с которой такие переводы могли бы производиться ответственно.

У этого дефицита есть содержательное основание, отчётливо сформулированное британско-американским антропологом и теоретиком коммуникации Грегори Бейтсоном. В работах о патологии эпистемологии он показывает, что кризис познания возникает там, где нарушается устройство различения и связи, при этом нехватка данных как таковых вторична. Различением здесь будет то, как мы делим мир на категории: что считать наукой, а что ненаукой; где факт, а где мнение; где техника, а где эстетика. Связью будет то, как мы потом соединяем разделённое обратно. Такой кризис можно наблюдать, например, в современном

споре о мышлении нейросетей. Действительно ли мыслят большие языковые модели, или речь идёт лишь о статистической имитации? При прохождении языковой моделью теста Тьюринга, она начинает использоваться в научной экспертизе, и прежние различения, проводившие границу между мышлением и вычислением, между пониманием и имитацией, перестают давать чёткие и однозначные ответы. Дело в том, что эти различения были введены в середине XX века в конкретных философских и научных дебатах [Тьюринг 1950; Дрейфус 1978; Сёрл 1980], основания которых сегодня просто забыты. При этом текущий спор ведётся так, как если бы названные границы были естественными, но на деле они возникли как результат давно сложившихся и забытых концептуальных решений, например, тьюрингианского замещения вопроса о мышлении вопросом о неотличимости поведения, сёрловского различения синтаксической манипуляции и семантического понимания, дрейфусовского противопоставления символьной обработки телесному знанию. По Бейтсону, в этом контексте, ошибка коренится в самом способе, которым мы режем мир на куски и затем забываем, что эти границы были проведены нами [Бейтсон 2000, с. 454–471].

Решение состоит в том, чтобы дополнить STS-анализ концепцией связующего паттерна Бейтсона, разработанной на пересечении кибернетики, антропологии и теории коммуникации [Бейтсон 2000; Бейтсон 2007]. Связующий паттерн есть повторяющаяся форма отношений, которая воспроизводится на разных уровнях описания [Бейтсон 2007, с. 15–24]. Связи строятся формально через обратную связь, циклы обучения, иерархию контекстов, сводящуюся к логической типизации уровней описания, самокоррекции через пробы и ошибки. Возвращаясь к примеру с нейросетями, бейтсоновский ход не вступает в спор о том, мыслит ли модель или имитирует мысль. Нас интересует форма, общая, к примеру, для обучающегося ребёнка, исследовательской группы и языковой модели. В этих системах вполне определён цикл, в котором система получает обратную связь, корректирует поведение и тем самым меняет собственные основания для следующего шага.

Обнаружение паттерна требует двух взаимодополняющих ходов. Первый называется *абдукцией*, понятием, восходящим к Ч. С. Пирсу и обозначающим осторожную гипотезу о структуре, выдвинутую при столкновении с удивительным фактом и подлежащую проверке, в отличие от дедукции и индукции. Второй называется *метафорическим переносом*, при котором форма отношений из одной области предположительно переносится в другую. В разговоре о нейросетях абдуктивная гипотеза могла бы состоять в том, что языковая модель и человеческий ученик демонстрируют формально сходные циклы коррекции через ошибку, а метафорический перенос (то есть распространение схемы «получил сигнал об ошибке – изменил поведение – снова проверил результат» с одной системы на другую) превратил бы эту догадку в рабочую модель, применимую к обоим случаям. Если проверка проходит, исследователь получает работающий язык сравнения, в котором различие между человеком и моделью описывается через структуру самих циклов. У языковой модели цикл замкнут внутри обучающей выборки и обнуляется между сессиями, тогда как человеческое обучение встроено в тело, продолжается всю жизнь и связано с физиологическими, эмоциональными и социальными контурами обратной связи. Главное следствие этого хода в том, что меняется сам тип вопросов. Метафизический вопрос о том, обладает ли модель мышлением, не имеет проверяемого ответа и останавливает исследование. Операциональный вопрос о том, какие именно контуры обратной связи в ней замкнуты, а какие отсутствуют, имеет проверяемый ответ и тем самым запускает исследовательскую программу. Бейтсоновский ход ценен своим

переводом дискуссии из режима неразрешимого спора в режим работающего исследования. Альтернативного мнения о нейросетях он не предлагает.

На том же примере удобно проследить, как связующий паттерн работает эпистемологически. Прежде всего он работает интегративно. Общая форма цикла коррекции через ошибку даёт когнитивной психологии, лингвистике и машинному обучению возможность говорить об одном объекте, не растворяя его специфики ни в одной из дисциплин. В этой роли паттерн действует как пограничный объект в смысле Стар и Гриземера. Из такой интегративной работы напрямую вытекает ориентирующий эффект: раз связь идёт через форму, фокус внимания у исследователя уходит с изолированных объектов на отношения, контексты и циклы. Тот же приём применим и к другим кризисам научной коммуникации, например, к ситуации пандемии, в которой медицинские, политические, статистические и бытовые формы знания образуют систему с петлёй обратной связи, где действие одного контура изменяет условия работы остальных. Такая оптика позволяет заранее увидеть, в каком месте петля начнёт усиливать недоверие и эскалацию вместо их сдерживания, и скорректировать коммуникацию до того, как кризис войдёт в самоподдерживающийся режим.

Эта же оптика становится и демаркационным инструментом. Она переопределяет саму границу науки. Если связь идёт через форму циклов, то граница описывается через степень встроенности цикла коррекции в телесные возможности (метаболизм) и характер его связи со средой как структурные характеристики систем. Противопоставление подлинного мышления и имитации здесь снимается. Это меняет и решения за пределами науки. Вопросы об ответственности за ошибку модели, об авторстве сгенерированных текстов, о допуске языковых моделей к научной экспертизе перестают зависеть от спора о наличии у машины мышления и начинают решаться через определение её структурных свойств, что делает регулирование таких систем содержательно возможным. Чтобы понять, почему такая граница вообще способна работать, требуется обратиться к понятию *избыточности*, которое Бейтсон вводит в «Кибернетическом объяснении» и согласно которому сообщение осмысленно тогда, когда по одной его части можно с успехом, превышающим случайный, догадаться о другой [Бейтсон 2000, с. 486]. Между двумя областями знания возникает избыточность, когда структура одной из них позволяет ориентироваться в другой без полного её освоения. Именно поэтому философ способен участвовать в обсуждении регуляции искусственного интеллекта, не становясь инженером, а инженер обсуждать этические последствия своих систем, не становясь философом.

Концепция связующего паттерна работает в паре с STS на правах эпистемологического дополнения и переводит работу с границами науки и ненауки с уровня описания практик на уровень анализа формы связи между областями знания. Дальнейшая работа требует ответа по меньшей мере на два вопроса: как операционализировать процедуру проверки переноса формы между удалёнными областями, чтобы абдукция не сводилась к интуиции исследователя, и как отличить продуктивное обнаружение связующего паттерна от поверхностной аналогии в прикладных кейсах коммуникации между наукой и обществом.

Список литературы

1. Бейтсон 2000 – Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума: Избранные статьи по теории эволюции и эпистемологии. М.: Едиториал УРСС, 2000. 432 с.
2. Бейтсон 2007 – Бейтсон Г. Разум и природа: Неизбежное единство. М.: КомКнига, 2007. 248 с.
3. Дрейфус 1978 – Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины: критика искусственного разума. М.: Прогресс, 1978. 334 с.
4. Латур 2013 – Латур Б. Наука в действии: следуя за учёными и инженерами внутри сообщества. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.
5. Сёрл 1980 – Searle J. R. Minds, brains, and programs // Behavioral and Brain Sciences. 1980. Vol. 3. № 3. P. 417–457.
6. Тьюринг 1950 – Turing A. M. Computing Machinery and Intelligence // Mind. 1950. Vol. 59. № 236. P. 433–460.
7. Collins, Evans 2007 – Collins H., Evans R. Rethinking Expertise. Chicago: University of Chicago Press, 2007. 159 p.
8. Galison 1997 – Galison P. Image and Logic: A Material Culture of Microphysics. Chicago: University of Chicago Press, 1997. 955 p.
9. Gieryn 1983 – Gieryn T. F. Boundary-Work and the Demarcation of Science from Non-Science: Strains and Interests in Professional Ideologies of Scientists // American Sociological Review. 1983. Vol. 48. № 6. P. 781–795.
10. Star, Griesemer 1989 –Star S. L., Griesemer J. R. Institutional Ecology, «Translations» and Boundary Objects: Amateurs and Professionals in Berkeley's Museum of Vertebrate Zoology, 1907–39 // Social Studies of Science. 1989. Vol. 19. № 3. P. 387–420.

УДК 167.7

НАУКА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО ОБЫЧНОГО ЧЕЛОВЕКА

Жарков Евгений Александрович
кандидат философских наук,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, кафедра философии,
научный сотрудник
E-mail: flash45@yandex.ru

Аннотация: Ключевой элемент общества, на которое наука и технологии оказывают влияние, своего рода «властное воздействие» – это обычный человек (*layman*). Подобная фигура весьма популярна в современных исследованиях науки и социальной эпистемологии. Важный вопрос состоит в том, какую реакцию данный субъект может проявить в ответ на возможное воздействие научного знания, которое, вообще говоря, не всегда может приводить к благу. Существенно, что в этом случае человеку необходимо осуществить именно практическое действие, т.е. принять или отклонить научное решение какой-либо проблемы, вплотную касающейся его жизни. Автор предлагает гипотезу, согласно которой характерное социо-эпистемическое состояние условного обычного человека в этом случае может быть

представлено как гибрид двух состояний: «предпринимателя» и «ученого». По мнению автора, подобная комбинация весьма удачно стыкуется с концепцией символической власти научного знания как социальной валюты (С. В. Шибаршина). Обычный человек оказывается своего рода «инвестором» – в двух аспектах: (1) он представляет конечный субъект приложения научного знания (объект инвестирования), (2) он, вместе с тем, выступает и возможным субъектом влияния на характер соответствующих инвестиций

Ключевые слова: социальная валюта, символическая власть, инвестирование, стартап, маленький человек, ученый-предприниматель

«Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00879, https://rscf.ru/project/25-28-00879/»

SCIENCE AND ENTREPRENEURSHIP OF THE LAYMAN

Zharkov Evgeniy Alexandrovich

National Research Lobachevsky State University.

Research Associate

Abstract: The key element of a society that science and technology influence, a kind of "power influence", is a layman. Such a figure is very popular in modern studies of science and social epistemology. The important question is what kind of reaction this subject can show in response to the possible impact of scientific knowledge, which, generally speaking, may not always lead to good. It is essential that in this case it is necessary for a person to carry out a practical action, i.e. to accept or reject a scientific solution to any problem that closely concerns his life. The author suggests a hypothesis according to which the characteristic socio-epistemic state of a conventional ordinary person in this case can be represented as a hybrid of two states: "entrepreneur" and "scientist". According to the author, such a combination fits very well with the concept of the symbolic power of scientific knowledge as a social currency (S. V. Shibarshina). An ordinary person turns out to be a kind of "investor" in two aspects: (1) he represents the final subject of the application of scientific knowledge (the object of investment), (2) he, at the same time, acts as a possible subject of influence on the nature of the relevant investments

Keywords: social currency, symbolic power, investing, startup, little man, scientist-entrepreneur

Некоторое время назад автору данного текста довелось ознакомиться с видео-интервью одного известного российского бизнесмена на тему предпринимательства. В целом речь шла о необходимых способностях и характерном образе жизни, свойственных предпринимателям. Интервью не отличалось особенной оригинальностью, поскольку за последние (по крайней мере) пару десятилетий тема предпринимательства получила достаточно широкое освещение в медиа-пространстве. Тем не менее, один эпизод представляется весьма интересным для контекста нашего исследования. В частности, ведущим был задан вопрос: «Что (вообще) означает для человека быть предпринимателем?».

Свой ответ бизнесмен начал с рассуждений об обыденных коннотациях глагола «предпринимать». Он упоминал, что, вообще говоря, человеку в жизни приходиться постоянно принимать различные решения (собственно – что-то предпринимать), и фигура предпринимателя в этом смысле не оказывается чем-то необычайным. По-видимому, с этим трудно не согласиться. Другое дело, конечно, что предприниматели бывают разные. Далее предположим, что вместо предпринимателя диалог происходит с ученым, который слышит

вопрос: «Что (вообще) означает для человека быть ученым?». При этом поставим условие, что его ответ должен быть в духе ответа предпринимателя.

Представляется разумным, что ученый мог бы сказать следующее: «так, человеку в ходе своей жизни приходится постоянно что-то изучать, исследовать». Снова обычный человек остается не обделенным соответствующими компетенциями: оказывается и в чем-то «предпринимателем», и в чем-то «ученым». Что представляет собой подобная комбинация – предмет отдельного исследования и абстрактный обычный человек в этом случае должен конкретизироваться.

Как известно, обычный человек («обыватель») является весьма популярной фигурой в современных социо-центрированных исследованиях науки. Именно он – составляющий элемент общества, на которое наука и технологии оказывают влияние. Он даже чем-то напоминает известный литературный образ «маленького человека», хотя, конечно, полная аналогия здесь вряд ли имеет место. Существенно, что как только речь заходит о «маленьком человеке», подразумевается, что он оказывается во властном подчинении иных – «больши́х акторов». Подобные сюжеты часто встречаются в социальных антиутопиях («маленький человек» vs Большой Брат (Дж. Оруэлл)). Чем более четко определены роли входящих в условное общество утопии или антиутопии элементов, тем более детальную мы имеем картину распределения власти, «прав и обязанностей» субъектов данной системы.

П. Бурдье в одном из своих текстов определил власть как своего рода «сферу, центр которой повсюду и нигде» [Бурдье 2007, с. 88]. Иными словами, пространство власти оказывается вненаходимым (М. М. Бахтин), гетеротопическим (М. Фуко). Обозначенное выше потенциальное [комбинационное] свойство обычного человека можно интерпретировать в соответствующем властном контексте. Если он, в какой-либо степени, наделяется качествами предпринимателя или ученого, то, следовательно, обретает и соответствующую «властность». Её «механизм»: что-то предпринимать или что-то изучать.

Заметим, здесь невольно вспоминается представление о житейской практике. Между тем, именно практика – краеугольный камень в сравнении предпринимательства и науки, поскольку, в грубом приближении, первое больше соотносится с «делом», а второе со «словом». Конечно, в современных условиях подобная дихотомия может показаться чересчур общей, поскольку представление о науке разнообразно. Так, чем ближе наука к [модусу] *чистой науки*, тем более точно приведенное разделение. И, наоборот, чем ближе наука к техно-науке, тем более гибридная ситуация имеет место. Так, С. Шейпин, исследуя эволюцию образа ученого в XX столетии, выделяет в качестве своего рода конечной фазы (текущей на данный момент) фигуру ученого-предпринимателя [Shapin 2008, p. 209].

Действительно, несмотря на порой горячие обсуждения отстраненности науки от жизни, существует немало примеров, когда учеными создавались высокотехнологичные компании, тесно связанные со сферой их научных интересов. На данную ситуацию также интересно посмотреть в оптике концепции научного знания как социальной валюты [Fähnrich 2018, p. 8; Шибаршина 2025, с. 26]. В настоящее время она часто используется именно в контексте исследования власти и влияния научного знания на жизнь [обычного] человека и общества, но этим, думается, не ограничивается ее возможный охват. В широком смысле, валюта – элемент, актор обмена, способный принести определенную выгоду ее обладателю. Она может иметь различный характер.

Так, для ученого-предпринимателя, создавшего успешную компанию, знание фактически превращается в деньги. Подобный результат – вариант идеального воплощения линейной модели инноваций (от идеи к продукту). В реальной жизни он срабатывает далеко

не всегда, если речь идет именно о конкретных людях, развивающих и реализующих свои разработки. В современности, одним из механизмов для ученого стать ученым-предпринимателем является создание стартапа, зародышевой компании, цель которой – разработка и производство первоначального продукта, а затем выход на рынок.

Как известно, до рыночной стадии доживает малая часть стартапов. Большинство из них погибает в «долине смерти», связанной с провалом продукта на рынке и разнообразными ошибками и недочетами на ранних стадиях развития проекта. Но это, в свою очередь, не означает, что создатель стартапа оказывается в итоге ни с чем. У него остается опыт – «сын ошибок трудных». В этом смысле стартап имеет как бы два уровня инвестиционной стоимости: (1) для инвесторов, вложивших первоначальный капитал в идеи ученого, (2) для ученых, которые если и не создадут новый продукт, то, хотя бы, получат опыт.

Потенциальный совокупный опыт (научный, технологический, социальный, коммуникативный) можно представить как социальную валюту, способную принести пользу как «здесь и сейчас», так и в будущем. Он – своего рода материя символической власти научного знания рассматриваемой как власти возможной [Жарков 2025, с. 103–109]. На начальном этапе данная «власть», сосредоточенная в эпистемическом поле научных утверждений (и, вероятно, с определенной долей неявного знания – в руках и головах ученых), способна затем стать действительной властью (например, в виде последующих практических преобразований жизни общества).

Но это, так сказать, лишь одна сторона дела, в которой обычный человек оказывается подчиненным актором в схеме воздействия «Наука→ Общество». Если наука приносит исключительно благо (оставим за рамками осмысление того, что это может означать во всей полноте и деталях), особых претензий, по-видимому, не возникает. Другое дело, что реальная ситуация гораздо более сложна. Она имеет место, как только появляется любое сомнение в действительности благ, приносимых наукой, а отсылки к демократизму в целом лишь увеличивают эпистемическую и властную ценность сомнений (вспомним П. Фейерабенда). А отсюда, в частности, возникает и проблематика научной экспертизы [Кожанов, Полякова 2010, с. 241–260; Тухватулина 2025, с. 229].

Как обычному человеку не стать похожим на классического «маленького человека»? В том смысле, чтобы не обрести участь полного подчинения [символической] власти научного знания, которое на деле может оказаться не таким уж «научным» и не таким благим [Масланов 2025, с. 68; Соколова 2025, с. 57]? У нас уже есть схематический ответ – «что-то» изучать и «что-то» предпринимать. Заметим, это некоторым образом напоминает и хрестоматийную апелляцию к критическому мышлению, и известный жизненный подход – «действуй по обстановке». В широком смысле, первый больше ассоциируется с детерминизмом и планированием (апелляция к осмыслению), второй с эффективной работой в условиях неопределенности (апелляция к быстрому действию). Последнее, согласимся, весьма актуально в нашем «пост-мире», хотя, конечно, не стоит противопоставлять данные подходы, поскольку критическое мышление может весьма способствовать грамотному «действию по обстановке».

Возможно ли в связи с этим как-то концептуализировать образ и роль обычного человека? Совмещение двух «что-то» вроде бы даже позволяет говорить о нем как об «ученом-предпринимателе» или «предпринимателе-ученом» (в какой-либо конкретной ситуации), хотя подобные ярлыки и выглядят нарочито искусственно. С практической точки зрения, помещение «предпринимателя» на первое место в гибридном наименовании кажется и

существенным, и символическим, поскольку, повторимся, для человека и общества – практический контекст власти научного знания наиболее важен.

Как бы то ни было, задача о более тонкой концептуализации властно-эпистемической роли обычного человека заслуживбщшает дальнейшего исследования и более тщательного анализа.

Список литературы

1. Бурдье 2007 – Бурдье П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
2. Жарков 2025 – Жарков Е. А. Шерлок Холмс, Охотник и символическая власть научного знания // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2025. № 4 (46). С. 100-121.
3. Кожанов, Полякова 2010 – Кожанов А.А., Полякова В.В. Анализ влияния социальных изменений на трансформацию института экспертизы: роль эксперта в эпоху глобализации // Глобализация и социальные институты: социологический подход / Ред. И.Ф. Девятко, В.Н. Фоминой. М.: Наука, 2010. С. 241-260.
4. Масланов 2025 – Масланов Е. В. Символический капитал науки: итоги дискуссии // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2025. Т. 8. № 3. С. 63-69.
5. Соколова Т. Д. Эпистемическая несправедливость: два взгляда на научную коммуникацию // Эпистемология и философия науки. 2025. Т. 62. № 2. С. 56–63.
6. Тухватулина 2025 – Тухватулина Л. А. Экспертиза после пандемии // Эпистемология и философия науки. 2025. Т. 62. № 3. С. 229–236.
7. Шибаршина – Шибаршина С. В. Символический капитал учёных: не кризис, а перерождение // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2025. Т. 8. № 3. С. 21-29.
8. Fähnrich 2018 – Fähnrich B. Digging deeper? Muddling through? How environmental activists make sense and use of science – an exploratory study // Journal of Science Communication. 2018. Vol. 17. No. 3. A08.
9. Shapin 2008 – Shapin S. The scientific life: a moral history of a late modern vocation. Chicago: The University of Chicago Press, 2008. 468 p.

УДК 165.0

«PRINCIPLE OF CHARITY» И ВЕЛИЧИЕ ДУШИ: АНАЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СВЕТЕ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Попов Данил Сергеевич

Кандидат философских наук

Санкт-Петербургский государственный университет, ассистент Кафедры истории философии

E-mail: Evseviy-dan@yandex.ru

Аннотация: Предметом исследования является интеллектуальная добродетель «величие души» (великодушие), контекстом — мейнстрим и альтернативные течения внутри эпистемологии добродетелей. Рассматривая мейнстрим этого направления как

сосредоточенный на рассудочных стратегиях и пропозициональном знании, автор обращается к альтернативным подходам, выводящим за пределы аналитической традиции и существенно расширяющим возможности исследования интеллектуальных добродетелей. В качестве одной из таких альтернатив берётся обращение к истории философии, а именно — к традиции осмысления интеллектуальной добродетели «величие души», восходящей к Аристотелю и нашедшей своё выражение у М. Фичино, Картезия, Р. Эмерсона, Ф. Ницше, Э.О. Шартье и М. Мамардашвили. Противопоставляя этой добродетели методологическую установку интеллектуального великодушия (principle of charity), широко представленную в аналитической традиции, автор показывает, что добродетель «величие души» не выступает надёжным «механизмом по производству истинных убеждений», которым мог бы руководствоваться абстрактный когнитивный агент. Напротив, примеры осмысления и конкретного воплощения этой добродетели в истории философии отражают действительность человеческого самобытия и подразумевают ряд эпистемически ценных состояний, не схватываемых рассудочной схематикой. Тем самым, данную добродетель нужно понимать скорее через обращение к плану «возможной экзистенции».

Ключевые слова: эпистемология добродетелей, интеллектуальные добродетели, аналитическая философия, экзистенциализм, великодушие, величие души, величие духа, история философии.

“PRINCIPLE OF CHARITY” AND MAGNANIMITY: ANALYTICAL AND EXISTENTIAL STRATEGIES OF SCIENTIFIC COMMUNICATION IN THE LIGHT OF THE HISTORY OF PHILOSOPHY

Popov Danil Sergevich

St. Petersburg State University, assistant professor of the Department of history of philosophy

Abstract: The present study delves into the intellectual virtue of «magnanimity» within the framework of conventional and alternative approaches to virtue epistemology. Conventional VE focuses primarily on rational strategies and propositional knowledge. In contrast, alternative VE transcends the analytical approach and significantly broadens the scope for examining intellectual virtues. One such alternative is a turn to the history of philosophy, specifically to the intellectual virtue of magnanimity, which dates back to Aristotle and has been explored by thinkers such as Ficinus, Descartes, Emerson, Nietzsche, Chartier, and Mamardashvili. By contrasting this virtue with the methodological “principle of charity”, which prevalent in the realm of analytical thought, the author demonstrates that the intellectual virtue of magnanimity does not offer a guide for generating true beliefs that can be used by an abstract cognitive agent. Instead, examples of the understanding and concrete embodiment of this virtue in the history of philosophy represent reality of human self-existence and reveal a number of epistemically valuable states not grasped by rational schemes. Thus, this virtue can be considered as belonging to the realm of “possible existence”. Drawing on the concept of magnanimity as an example, we can observe how VE’s productive intention to address critical epistemological issues and to articulate valuable, practical, and efficient principles of scholarly communication or the ethical conduct of researchers can be enriched by engaging with the history of philosophy.

Keywords: virtue epistemology, intellectual virtues, analytical philosophy, existentialism, generosity, magnanimity, history of philosophy, epistemically valuable states.

Когда речь идёт об великодушии как интеллектуальной добродетели, русскоязычная аудитория оказывается в ситуации терминологической непроясненности. Из некоторых текстов на русском языке следует, что о великодушии в этом смысле впервые заговорил в 1959 году Н. Уилсон, чьи идеи развили У. Куайн и Д. Дэвидсон [Скарантино 2011; Каримов 2019, с. 349-351]. Действительно, в этих работах речь идёт о *principle of charity*, что также переводят как принцип «милосердия», «согласия» или «доверия» [Ладов 2009; Касавин 2013]. Он указывает на методологический постулат идентичности субъекта коммуникации и познания, который позволяет «наиболее удобно и экономно осуществлять философский дискурс в согласии с требованиями здравого смысла» [Касавин 2013 с. 7], поэтому «вступая в коммуникацию, я доверяю собеседнику в том, что его рациональные познавательные способности развиты настолько, что они дают ему возможность распознавать очевидности опыта точно так же, как их распознаю я» [Ладов 2009, с. 24].

Все вышеупомянутые переводы имеют право на существование, поскольку русскому языку также не чуждо пересечение смыслов слов «милосердие», «щедрость», «доверие», «великодушие». Однако предположив, что *principle of charity* и есть концептуализации интеллектуального великодушия по преимуществу, мы будем вынуждены признать, что понятие о интеллектуальном аспекте величия духа было изобретено и описано аналитиками совсем недавно. Сегодня же великодушие (как *principle of charity*) включается теоретиками эпистемологии добродетели (далее - ЭД) в её понятийное поле [Каримов 2019, с. 349-351]. Проблемность такого включения состоит в том, что мейнстриму ЭД свойственен узкий подход к своему предмету и методам [Касавин 2019]: нацеленность на пропозициональное знание, в связи с чем интеллектуальные добродетели и могут осмысляться как надёжные механизмы по производству истинных убеждений. Если воспользоваться терминологией К. Ясперса, то теоретизированное изложение ЭД, ориентированное на пропозициональное знание, снабжённое многочисленными абстрактными примерами и контрпримерами, детализированными классификациями добродетелей, неразрывно связанное со столкновением в полемике многочисленных интерпретаций, будет разворачиваться на уровне «*Bewusstsein überhaupt*» — «сознания вообще». Как видится, стремление к надёжности и некой механистичности, (например, само по себе справедливое стремление ввести рациональные «ограничения на charity» [Ладов 2009]) налагает на эти стратегии некий отпечаток рассудочности.

Попытки выхода за пределы мейнстримных схем ЭД являются сегодня достаточно сильной тенденцией внутри неё самой. Мы полагаем, что одна из эффективных стратегий на этом пути — обращение к истории философии, к которой сама ЭД до недавнего времени проявляла лишь сдержанный интерес [Baehr 2011, p. 6-9]. Однако как показал М. Фуко, рассмотрение её как по преимуществу сухого рационализма неоправданно, поскольку и в античности, и в Новое время, и позднее условием доступа субъекта к истине зачастую выступали определённые практики духовности. Далее мы покажем, что идея о том, что дела познания требуют от ученого или философа величия души, была не чужда истории философии, а само это качество можно отнести скорее к плану «возможной экзистенции» (*mögliche Existenz*) исследователя.

Историко-философская традиция осмысления эпистемического значения идеи величия духа — есть основания видеть здесь именно традицию [Vasalou 2019] — очень древняя. Связана она по преимуществу с кругом проблем, которые можно отнести на счет научной

коммуникации (в самом широком смысле). Истоки её усматривают уже у Аристотеля, понимая его *μεγαλοψυχία* как бескомпромиссную сократовскую готовность к диалогу. У Картезия *générosité* связывается с идеей правильного пользования своей свободой, а также с идеей смирения, состоящего в отсутствии пренебрежения другими и коренящегося в искренней уверенности, что другие так же, как и мы имеют свободную волю и могут пользоваться ею правильно [Декарт 1989, с. 548]. Р. Эмерсон, напротив, связывал величие духа — *greatness of soul* — со способностью противостоять внешнему давлению, отстаивая свои убеждения. Для Ф. Ницше *die Größe der Seele (die Großmut)* являют присущие настоящему философу или ученому-исследователю (Forscher) способности обуздывать свое сердце и свою боль на пути к истине, проявлять радикальное недоверие к себе и выносить последствия этого. Как и для М. Фичино, для Ницше это качество — природное достоинство натуры. Э.О. Шартье и М. Мамардашвили продолжают картезианскую традицию понимания *générosité*: первый связывает великодушие с мужеством мыслить и искренним уважением, даже любовью к другим людям, второй — с радикальной открытостью, готовностью вместить новые смыслы и идеи, не дрогнув [см подробнее: Попов 2025, с. 576-578].

Мы предлагаем видеть в этих эпистемических аспектах идеи величия духа экзистенциальное измерение, поскольку здесь речь идет не о поиске обоснования и логических форм, в которых должна протекать эффективная коммуникация: в философствовании такого рода «с обязательностью присутствует самобытие» [Ясперс 2021 с. 352–353]. Идея величия духа, явленная в истории философии, вбирает в себя живую практику философского мышления, которая глубоко исторична, поскольку укоренена не только в проблемах и противоречиях эпохи, но и в личном опыте и эпистемических состояниях великих мыслителей. Они могли быть связаны с пограничными переживаниями и духовными кризисами, борьбой с внешними обстоятельствами, *angst*, разрывами с господствующими парадигмами. Так, например, М. Мамардашвили называл понятие великодушия у Р. Декарта таинственным моральным качеством и «идейно-экзистенциальной клеточкой» всей его философии [Мамардашвили 1993, с. 15], поскольку это не просто удобный принцип, концептуализированный абстрактным когнитивным агентом ради эффективной коммуникации и надежного производства истинных убеждений. Прикоснуться к понятию о величии души у Сократа, Р. Эмерсона или Ф. Ницше — пусть даже оно в некоторых случаях и напоминает у них «наивный онтологический постулат» [Касавин 2013, с. 7] — не означает усвоить набор пропозиций об этом качестве и логику «веских причин» для его использования, хотя такая попытка основывается на изучении их философии, выраженной в текстах. Здесь требуется именно преобразующее субъективность понимание того истока, из которого они философствовали, будучи либо живыми воплощениями величия души, либо людьми, ясно видевшими его суть. Но как именно указанное понимание будет осуществляться, «это, — писал К. Ясперс, — совершенно недоступно для методического понимания, и скорее само служит осмысляющим моментом во всех методиках» [Ясперс 2018, с. 54].

Сложность чёткого схватывания эпистемических смыслов добродетели «величие души», явленной в истории философии, можно видеть при попытке зафиксировать их в классификационной схематике ЭД. В случае *principle of charity* таких проблем не возникает. Однако смыслы «величия духа» у рассматриваемых нами философов либо оказываются противоречивыми в себе, либо противоречат один другому, либо вообще не вписываются в существующие рамки.

Можно заключить, что добродетель «величие духа» (великодушие) в своей многогранной противоречивости явленной в истории философии не даётся абстрактному

когнитивному агенту в виде чётких инструкций, нацеленных на «производство истинных убеждений», но вырастает из действительности человеческого самобытия, обращаясь к сущности мыслящего её человека, где мышление «едино с фактическим составом образа жизни, с суждением в конкретных ситуациях, с принятием решения и решимостью» [Ясперс 2018 с. 72]. Именно поэтому ответ философов на вопрос «что значит обладать величием духа в делах познания» отсылает к ряду эпистемически ценных состояний, требуя понимания и позитивного расположения, а не пропозиционального, дискурсивного выражения. И хотя при всём своём достоинстве смыслы такого великодушия — особенно по сравнению с четкостью аналитических концептов — действительно могут показаться туманными, учёному или философствующему исследователю вряд ли стоит их игнорировать.

Список литературы

1. Декарт 1989 – Декарт Р. Страсти души // Сочинения. В 2 тт., Т. 1. М.: Мысль. С. 481–572.
2. Каримов 2019 – Каримов А. Р. Эпистемология добродетелей. СПб.: Алетейа. 428 с.
3. Касавин 2013 – Касавин И. Т. Принцип милосердия: заслуживает ли доверия субъект познания? // Эпистемология и философия науки. 2013. №2 (34). С. 5–15.
4. Касавин 2019 – Касавин И. Т. Эпистемология добродетелей: к сорокалетию поворота в аналитической философии // Эпистемология и философия науки. 2019. №3 (59). С. 6–19.
5. Ладов 2009 – Ладов В. А. Ограничения на “charity” и возможность концептуальных различий в коммуникации // Вестник ТомГУ. Философия, социология, политология. 2009. №4 (8). С. 22–27.
6. Мамардашвили 1993 – Мамардашвили М. К. Картезианские размышления. М.: Прогресс, Культура. С. 352 с.
7. Попов 2025 – Попов Д. С. Интеллектуальная добродетель «величие души»: от аналитических к экзистенциальным стратегиям в свете истории философии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2025. № 4 (41). С. 571–584.
8. Скарантино 2011 – Скарантино Л. М. Насилие и великодушие: эпистемный подход // Этическая мысль. 2011. № 11. С. 120–139.
9. Ясперс 2018 – Ясперс К. Великие философы. Кн. I. Задающие меру люди, М.: РООИ «Реабилитация», Канон +. 304 с.
10. Ясперс 2021 – Ясперс К. Философия. Книга первая. Философское ориентирование в мире. М.: РООИ «Реабилитация», Канон +. 384 с.
11. Baehr 2011 – Baehr J. The Inquiring Mind: On Intellectual Virtues and Virtue Epistemology. Oxford: Oxford University Press. 250 p.
12. Vasalou 2019 – Vasalou S. Introduction // The Measure of Greatness. Philosophers on Magnanimity. Oxford: Oxford University Press. P. 1-20.

УДК 130.2

ЖЕЛАНИЕ В НАУЧНЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ДИСКУРСАХ

Воробьёва Александра Дмитриевна
к. филос.н.
Волгоградский государственный технический университет, старший преподаватель
E-mail: haidegger@list.ru

Аннотация: В тезисах рассматривается различие между общественным и научно-философским пониманием желания. В современной культуре желание всё чаще выступает как универсальная категория, через которую объясняются потребление, самореализация, телесность, забота о себе, психологическое развитие и формы социального поведения. В массовом и популярно-психологическом дискурсах оно обычно трактуется как естественное и личное стремление субъекта, которое необходимо осознать, освободить или удовлетворить. Однако в философских, психоаналитических и социально-гуманитарных теориях желание оказывается значительно более сложным феноменом. Показано, что научный дискурс не сводит желание к индивидуальному переживанию, а рассматривает его как феномен, включённый в социальные, культурные и властные отношения. В работе анализируются основные подходы к пониманию желания в трудах Г. В. Ф. Гегеля, З. Фрейда, Ж. Лакана, Ж. Делёза и Ф. Гваттари, Р. Жирара и М. Фуко. У Гегеля желание связано со становлением самосознания и актом отрицания другого; в психоанализе оно раскрывается как фундаментальная сила психики и как выражение нехватки; у Делёза и Гваттари желание описывается как поток и производство; у Жирара – как миметическая структура, формируемая через посредника; у Фуко – как объект знания, экспертизы и власти. Делается вывод, что анализ желания позволяет выявить напряжение между повседневным представлением о свободе субъекта и научным пониманием механизмов формирования человеческих стремлений.

Ключевые слова: желание, дискурс, философия, наука, самосознание, мимесис.

DESIRE IN SCIENTIFIC AND PUBLIC DISCOURSES

Vorobyova Alexandra Dmitrievna
Volgograd State Technical University, Senior Lecturer

*Abstract***:** The theses examine the distinction between public and scientific-philosophical understandings of desire. In contemporary culture, desire increasingly appears as a universal category through which consumption, self-realization, corporeality, self-care, psychological development, and forms of social behavior are explained. In mass and popular-psychological discourses, desire is usually interpreted as a natural and personal striving of the subject that must be recognized, liberated, or satisfied. However, in philosophical, psychoanalytic, and socio-humanitarian theories, desire appears as a considerably more complex phenomenon.

It is shown that scientific discourse does not reduce desire to an individual experience, but considers it as a phenomenon embedded in social, cultural, and power relations. The paper analyzes the main approaches to understanding desire in the works of G. W. F. Hegel, S. Freud, J. Lacan, G. Deleuze and F. Guattari, R. Girard, and M. Foucault. In Hegel, desire is connected with the

formation of self-consciousness and the act of negating the other; in psychoanalysis, it is revealed as a fundamental force of the psyche and as an expression of lack; in Deleuze and Guattari, desire is described as flow and production; in Girard, as a mimetic structure formed through a mediator; in Foucault, as an object of knowledge, expertise, and power. The conclusion is drawn that the analysis of desire makes it possible to reveal the tension between the everyday notion of the subject's freedom and the scientific understanding of the mechanisms by which human strivings are formed.

Keywords: desire, discourse, philosophy, science, self-consciousness, mimesis.

В современной культуре желание становится одной из ключевых категорий, претендующей на объяснение множества аспектов человеческой жизни. Развлекательная индустрия так или иначе опирается на представления о желаниях, которые она использует для разработки и продвижения своих продуктов. Медики и диетологи так же опираются на концепт желания: с одной стороны, они говорят о патологических влечениях, зависимостях, с другой – описывают желание как сигналы тела, которые позволяют исцелять недуги и заботится о себе, например в концепции интуитивного питания. В свою очередь, дискурс популярной психологии и практик саморазвития разворачивается вокруг желания, понимаемого как сила, которую необходимо осознать и освободить от невротических ограничений.

Однако общественное понимание желания отличается от теоретического осмысления данного феномена в научных текстах: философских, психоаналитических, психологических, социальных и культурологических. В трудах Г. В. Ф. Гегеля, З. Фрейда, Ж. Лакана, Ж. Делёза и Ф. Гваттари, М. Фуко, Р. Жирара, Ж. Бодрийяра, А. Бадью желание выступает как проблемная категория, а не самоочевидное переживание. Если в повседневном дискурсе желание воспринимается как нечто личное, естественное и принадлежащее самому человеку, то в научной и философской мысли оно описывается как миметическое, социально обусловленное, либо стихийное, надындивидуальное.

Желание показывает себя как одновременно очевидное и трудноуловимое. В отличии от понятий высокой степени абстракции, таких как «бытие», «реальное» или «информация», желание связано с непосредственно переживаемым индивидуальным опытом. Тем не менее эта кажущаяся очевидность делает методологически сложным интеграцию научных и философских теорий в общественный дискурс. Проблемой становится даже просветительская деятельность в данном контексте.

Одну из первых влиятельных философских моделей предложил Гегель. В контексте исследования становление самосознания Гегель обращается к желанию (Begierde) как к одному из этапов. Он пишет: «только будучи негативной сущностью оформленных самостоятельных моментов, простое "я" есть тот род или то простое всеобщее, для которого различия не есть различия; и самосознание поэтому достоверно знает себя само только благодаря снятию того другого, которое проявляется для него как самостоятельная жизнь; оно есть вожделение» [Гегель 2000, с. 96]. На первый взгляд кажется не совсем ясным отождествление желания (вожделения) и снятия другого.

Однако обнаруживается, что фиксация собственного существования самосознанием происходит через опыт негации, при котором предмет лишается "самостоятельной жизни". В акте желания сложившееся положение вещей отрицается, поскольку желание никогда не довольствуется тем, что есть, но требует присвоение, изменения, поглощения. При этом

самосознание пребывает в особом состоянии, в котором появляется потенция отрицания и конструирования.

В этом смысле его можно противопоставить потребности как укоренённый в необходимости, определённой обстоятельствами мироустройства. Удовлетворённое Begierde осознает себя через отрицание предмета, но самосознание ещё и удваивает себя, поскольку оно обнаруживает себя одновременно в ничтожности предмета и в самотождественности.

Предметом Begierde Гегель называл «всеобщую неуничтожимую субстанцию» [Гегель 2000, с. 97]. И одновременно с этим желание рассматривается в данной концепции далеко не как центральный феномен сознания, а лишь как один этапов диалектического развития Духа, который подлежит снятию. Субстанциональность же предмета желания объясняется его негативной природой, которая подменяет собой конкретный предмет, данный сознанию.

Таким образом, согласно Гегелю, желание не соотносится с устойчивой данностью того или иного объекта, но напротив, оно направлено на снятие, а удовлетворение желания разрушает как сам объект, в той форме самостоятельной жизни, в какой он был представлен самосознанию влечением, так и желание, поскольку оно пропадает, как только достигает своей цели.

Психоаналитическая традиция фундирует желание как одну из базовых сил психики. Согласно Фрейду, желание (либидо) настолько мощно, что может, согласно этому подходу, изменить физическое состояние человека. Лакан интерпретировал желание как дефицит, который избегает собственного удовлетворения [Лакан 2021, с. 34-78]. В нём, по мнению психоаналитика, заключается сложная природа человека, бытие которого всегда недостаточно для самого себя.

Иной подход предложили Делёз и Гваттари, которые избегали столь однозначных суждений, они деконструировали желание как целостный процесс человеческой психики, описав его как «поток» и «срез». Желания, согласно их представлению, существуют в едином и бесконечном симбиозе друг с другом. Они механистичны, потому что не обладают субъектностью, но движутся, производят и потребляют. «Машина» в данном случае – это нечто самостоятельное, очищенное от антропоморфных или зооморфных черт, но в то же время живое, ведь она желает.

Потоковость объясняется тем, что желание всегда направлено на что-то и как бы изливается вовне. Действительно, оно зачастую выливается в стремление обладать чем-либо, в направленности эмоций, речей, мыслей в заданное русло. Описанная авторами машина является «системой срезов» [Делёз, Гваттари 2007, с. 25], так как выделяет из потоков какой-то отдельный «кусок». Например, для рта это может быть воздух, вода или пища. Это значит, что не человек делает выбор и не он является причиной того, что конкретный рот соединился с эклером, а не с кашей.

Делёз и Гваттари переосмыслили желания таким образом, чтобы избавиться от любых намёков на центризм. Если у Фрейда любое желание на самом деле отсылает к какому-то базовому источнику (стремлению убить отца, вступить в связь с матерью), то в «Анти-Эдипе» единичное желание – это лишь повод для появления новых желаний. Одна стыковка влечёт за собой следующую и так до бесконечности. В конечном счёте даже самое конкретное влечение скрывает за собой желание всего мира, но не его конкретного объекта.

Социальную природу желания последовательно раскрыл в работе «Ложь романтизма и правда романа» Р. Жирар. Он выдвинул гипотезу о том, что источником субъективных переживаний эмоциональной тяги к какому-либо объекту являются не внутренние стремления индивида, а “пришедшие” извне образцы желания [Жирар 2019, с. 67].

Источник, который порождает желание, называется Жираром «медиатор». Он наделяется особыми качествами, и вызывает стремление к подражанию и соперничеству: «медиатор и порождает само отношение, поскольку даёт образец для подражания: не зная сам по себе, на что обратить своё внимание, субъект начинает желать того, что желает Другой» [Кострова 2010, с. 205]. Внешний медиатор, как правило, порождается фантазией, это может быть персонаж какого-то произведения или собирательный образ притягательной личности или сообщества. Примером может служить знаменитость, персонаж художественного произведения или малознакомый человек. Внутренний медиатор – это человек, находящийся в близком социальном контексте, включённый в жизненный мир субъекта.

Вне зависимости от вида медиации, желание, согласно Жирару, всегда искажает действительность. Дело в том, что субъект воспринимает объект своей страсти как значимый сам по себе, не понимая значения медиатора. Как только он достигает того, за что боролся, он сталкивается с вполне логичным разочарованием. Так, мадам Бовари, пылавшая страстью к своему любовнику, открывает для себя неприятную правду о его истинной сущности, и, как следствие, утрачивает свои чувства. Герой «В поисках утраченного времени» Пруста Марсель осознаёт пустоту и фальшивость светского общества, только когда становится его частью. Объект желания обладает особенными свойствами только тогда, когда он включён в треугольник: медиатор – объект – субъект.

Фуко предложил рассмотреть желание со стороны его связи с властью. В «Истории сексуальности» он описал как желание превращается в объект экспертизы медицины, психиатрии, педагогики и права, и становится способом человека говорить о себе. Таким образом оно включается в систему производства знаний о субъекте.

Таким образом, в философском и научном дискурсе проглядывается конфликт двух противоположных представлений о желании: как о потоке, соотносящемся со свободой (Делёз и Гваттари) или субстанции, необходимой для формирования самосознания (Гегель); и как о структуре, вплетённой в ткань общества (Жирар, Фуко). Важно, что в обоих случаях дискурс желания переплетается с дискурсом власти. Это может быть полезно для понимания возможности соотнесения научного и общественного прочтения данного концепта, так как в обыденном сознании желание так же связывается с управлением и освобождением. Однако, если в общественном дискурсе желание чётко ассоциировано с личностью, то философия и наука скорее описывают его как универсальный или социальный феномен. Понимание того, как исследуемый концепт позволяет связать власть и знание может стать важным аспектом в исследовании отношений между повседневностью и наукой.

Список литературы

1. Кострова 2010 – Кострова Е. А. Теория священного в работе Рене Жирара «Насилие и священное» // Религиоведческие исследования. 2010. № 3–4. С. 205.
2. Гегель 2000 – Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.
3. Делёз, Гваттари 2007 – Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
4. Жирар 2019 – Жирар Р. Ложь романтизма и правда романа. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.
5. Лакан 2021 – Лакан Ж. Семинары. Кн. 6: Желание и его интерпретация. М.: Гнозис; Логос, 2021. 560 с.

6. Фуко 1996 – Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. М.: Касталь, 1996. 448 с.

УДК 101.1(075.8)

ГЕРАЛЬДИКА СРЕДНЕВЕКОВОГО УНИВЕРСИТЕТА КАК МОДУС САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ: МЕЖДУ ВЕРОЙ, НАУКОЙ, ВЛАСТЬЮ, СВОБОДОЙ И ETS.

Лисович Инна Ивановна
доктор культурологии,
кафедра социально-гуманитарных дисциплин отделения гуманитарных и социальных наук общеакадемического факультета Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор
E-mail: mag-inna@yandex.ru

Аннотация: Работа посвящена зарождению и развитию университетской геральдики в Европе с периода Средневековья до Нового времени. Автор прослеживает эволюцию символической саморепрезентации университетов, начиная с XII века, когда первые академические корпорации получили правовую автономию от городов (на примере статута Фридриха I Барбароссы). Рассматривается развитие геральдики университетов на протяжении Средних веков и раннего Нового времени в контексте европейской геральдической культуры. Особое внимание уделяется трансформации университетских печатей в полноценные гербы: от иерархических религиозных композиций Парижского университета (XIII в.) до лаконичной символики Оксфорда и Кембриджа, где божественное покровительство дополняется королевским патронажем. На примере Болонского университета (собрание из 7000 гербов в Палаццо Архигимназио) и Карлова университета в Праге демонстрируется союз науки, церкви и светской власти. В заключении отмечается, что в XVII–XVIII веках религиозная символика сменяется светскими аллегориями, а в XX–XXI веках исторические гербы становятся элементами брендинга, подчеркивающими элитарность и преемственность академических традиций. Геральдика средневекового университета, будучи частью геральдической культуры, служит визуальной летописью академических свобод, корпоративного самоуправления и преемственности знаний, соединяя небесное покровительство с земным признанием учёности.

Ключевые слова: геральдическая культура, средневековый университет, печать, герб, эмблема, девиз, брендинг и саморепрезентация университета.

HERALDRY OF THE MEDIEVAL UNIVERSITY AS A MODE OF SELF-PRESENTATION: BETWEEN FAITH, SCIENCE, POWER, FREEDOM AND ETS.

Lisovich Inna Ivanovna
Doctor of Culturology,
Department of Social and Humanitarian Sciences,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Professor

Abstract: The work is devoted to the origin and development of university heraldry in Europe from the Middle Ages to Modern times. The author traces the evolution of symbolic self-representation of universities since the 12th century, when the first academic corporations gained legal autonomy from cities (using the example of the statute of Frederick I Barbarossa). The article examines the development of university heraldry during the Middle Ages and Early modern period in the context of European heraldic culture. Special attention is paid to the transformation of university seals into full-fledged coats of arms: from the hierarchical religious compositions of the University of Paris (13th century) to the laconic symbols of Oxford and Cambridge, where divine patronage is complemented by royal patronage. Using the example of the University of Bologna (a collection of 7,000 coats of arms in the Palazzo Archimnasio) and Charles University in Prague, the union of science, the church and secular power is demonstrated. In conclusion, it is noted that in the 17th and 18th centuries, religious symbols were replaced by secular allegories, and in the 20th and 21st centuries, historical coats of arms became branding elements emphasizing the elitism and continuity of academic traditions. The heraldry of the medieval university, being part of the heraldic culture, serves as a visual chronicle of academic freedoms, corporate self-government and the continuity of knowledge, combining heavenly patronage with earthly recognition of scholarship.

Keywords: heraldic culture, medieval university, seal, coat of arms, emblem, motto, branding and self-presentation of the university.

Европейские университеты в период своего появления в средневековом городе, с одной стороны, были инкорпорированы в его корпоративно-сословную структуру, с другой, в XII в. получили правовую автономию от города (включая судебную) благодаря статуту императора Священной Римской Фридриха I Барбароссы «Constitutio Habita» (1158 г.), который, в свою очередь, был включен в «новеллы» (Authenticae) «Корпуса Юстиниана» (Corpus Iuris Civilis) и распространил свою силу не только на империю, но с появлением других европейских университетов и за ее пределы. Фридриха I заложил традиции высочайшего покровительства наукам, корпоративного самоуправления и академических свобод, которые проявили себя на юридическом уровне (наличие хартий, статутов, уставов), в структуре институции, а также в геральдике. Средневековая университетская геральдика имела несколько моделей выражения, которые впервые исторически сложились в Болонском университете и Оксфорде.

Геральдика университетов прошла историю, которую условно можно разделить на три периода: средневековый (XII–XIV вв.), раннее Нового время (XV–XVI вв.) и Новое время (XVII–XVIII вв. и далее). В период возникновения университетов европейская геральдическая традиция только складывается и относится к военной сфере, поскольку используется преимущественно на поле боя. В данный период источником последующего развития университетской геральдической традиции является университетская печать. В средневековый период знание свидетельствовало «Во славу Божию», поскольку первые университеты (Болонья, Париж, Оксфорд) рождались из церковных школ, их учение, самоепрезентация и изображения свидетельствовали о благочестии.

Университет представляет собой мост между знанием небесным и земным, духовным и светским, церковным и городским, он связывает апостола Петра, давшего законы Церкви, с римским правом и Юстинианом, давшим законы светскому обществу, соединяет в схоластике теологию с античной философией Аристотеля. Учёный является служителем, а университет – храм наук, его цель – познать уже данную божественную истину.

Поскольку церковь вплоть до XIV века с подозрением относилось к геральдике, то в университеты она приходит первоначально через печати, которые впоследствии становятся гербами. Так на самом ранней их университетских печатей Великой печати Сорбонны (Grand Sceau, 1292 г.) изображена иерархическая многофигурная композиция: два профессора на кафедрах, студенты внизу, а над ними — Дева Мария с младенцем, окружённая святыми, что демонстрирует нам университетскую корпорацию под небесным патронажем. В позднем Средневековье с расцветом геральдической культуры печать трансформировалась в герб Сорбонны: в XV веке из печати выделились геральдические фигуры: Дева Мария, символ мудрости и покровительница университета, предстала в виде своего иконографического атрибута – раскрытой книги (символ знания); из декоративных элементов печати и одежд святых на герб перешли золотые лилии и лазурно-золотая цветовая гамма (символ Франции), так изображения святых, профессоров и студентов были замещены геральдическими.

Таким образом, университетская геральдика развивается под влиянием геральдической европейской культуры [Пастуро 2003; Фрайер 2010]. В классическое Средневековье (XIII–XIV вв.) начинается ее расцвет: формируется язык (блазон) и правила геральдики, гербы передаются по наследству, переходят с военных щитов на знамена, печати, одежду. И, что важно для университетов, – возникают городские и цеховые гербы. В позднее Средневековье (XV в.) происходит институционализация, гербы начинают регулироваться государством, появляются герольдмейстеры, создаются гербовники и родословные книги.

Болонский университет вплоть до празднования своего восьмисотлетия 1888 г. не имел единого герба, но множество гербовых изображений располагалось на его здании. Данная практика была официально узаконена с появлением по воле папы Пия IV Палаццо Архигимназио (Palazzo dell'Archiginnasio, 1563, архитектор – Антонио Моранди), объединившего под одной крышей факультеты университета.

Стены Палаццо Архигимназио насчитывают около 7000 гербов, которые оставляли студенты родовитых европейских семейств и профессора университета. Благодаря чему сформировалась своего рода университетская каменная летопись – книга почета. Это собрание символизирует суть Болонского университета как матери европейской учености (Alma Mater Studiorum), благодаря которой знание и наука не знали границ со времен его основания. Стена также демонстрирует союз корпорации ученых (universitas) и городской общины (communitas), т.к. студенты (в т.ч. иноземные) становились частью городской корпорации, а город – колыбелью науки. Эту же идею воплотили в гербе 1888 г., соединившем герб Болоньи (сочетает герб династии Анжу и города-коммуны с надписью «Libertas»), пять сюжетов священной истории, связанных с покровителями Италии, Болоньи, университета и наук / факультетов (теологии, медицины, юриспруденции), изображения обрамлены надписями: «Universita di Bologna», «Alma Mater Studiorum A.D. 1088».

В целом, данный герб и собрание гербов под одной крышей воплощает идею единства в разнообразии, университетские свободы, небесное покровительство и силу веры, власть знания и закона, бескорыстность знания (св. Косьма и Домиан), историческую преемственность Болонского университета как старейшего академического института Запада.

Оксфордский университет, возникший в результате запрета Генриха II английским студентам учиться в Болонье получил официальную хартию от Генриха III («Universitas magistrorum et scholarium Oxoniensium» или «Royal Charter of 1248»), которая также предписывала мэру и чиновникам города Оксфорд при вступлении в должность приносить клятву, где они обязывались уважать привилегии университета, данная традиция просуществовала до середины XIX в.

Лаконичный герб Оксфордского университета считается первым среди университетских (появляется в документах ок. 1400 г.), в его этимологии не прослеживается геральдическая связь с городом или патроном-основателем, что подчёркивает его автономию и позволяет интерпретировать геральдическую символику исключительно в рамках церковной университетской традиции: лазоревое поле (цвет Богородицы) символизирует верность, истину и академическую добродетель; три золотые короны (две вверху и одна внизу) – три классических университетских факультета (теологии, права и медицины); ниже расположена раскрытая книга (Библия) в переплете червленого (красного) цвета с золотым обрезом и семью золотыми печатями на правой стороне со словами «Dominvs illvminatio mea» («Господь – мой свет», используется со второй пол. XVI в.).

Семь печатей на открытой книге одновременно отсылают к библейскому символу тайного знания, «Откровению Иоанна Богослова» и к семи свободным искусствам. До него в качестве девиза использовались следующие: «Sapientia et Felicitas» (Мудрость и Счастье), «Veritas Liberabit, Bonitas Regnabit» (Истина освободит, Доброта будет царствовать), «In principio erat verbum» (В начале было Слово). Источником данных девизов является св. Писание, которое символизирует божественное знание как источник веры, истины, закона и свободы. Оксфорд демонстрирует еще одну университетскую геральдическую традицию, согласно которой каждый колледж имеет свой герб, как правило, это герб или сочетание гербов патронов-основателей колледжа.

В XV–XVI вв. с началом формирования национальных государств на гербах университетов появляются местные святые и династические гербы правителей. Ярким из ранних примеров, сочетающим оба варианта, может служить официальная печать Карлова университета, которая создана одновременно с его основанием в 1348 г. и впоследствии стала гербом. На троне с копьем и знаменем с орлицей восседает святой Вацлав – небесный покровитель Богемии, рядом с ним – герб короля Богемии (Пржемысловичей) с двухвостым львом. Перед святым в короне на коленях стоит император Священной Римской империи Карл IV (около него – герб Римской империи), он обеими руками протягивает святому сложенную грамоту с висячей печатью, тем самым «передает» своим актом университет под небесную защиту святого Вацлава. Изображение окружает надпись «Sigillum universitatis scolarium studii pragensis» (Печать студенческого сообщества Пражского университета).

Если герб Оксфорда сочетает церковную и собственно университетскую символику, то герб Кембриджа, дарованный в правление Елизаветы I королевским герольдом Робертом Куком 9 июня 1573 г. представляет геральдическую традицию, которая в это время распространяется в университетах Европе, и отражает высочайший патронаж светской власти. Алое поле связывает университет с королевской властью и символизирует кровь, воинскую доблесть и мужество, защиту веры и истинного знания. Четыре золотых льва – символ королевского патронажа и покровительства. Крест из горностая подчеркивает высокий моральный и академический статус университета, символизируя достоинство, чистоту и благородство. Закрытая книга (Библия) – символ знания, дарованного и сохраненного, христианской веры и учения. Девиз университета: «Hinc lucem et pocula sacra» (отсюда – свет и священные сосуды) появляется в 1600 г. в эмблеме издательства университета, на которой была изображена Alma Mater Cantabrigiensis (кормящая мать Кембриджа) – женщина, держащая в одной руке источник света (символ просвещения), а в другой – священную чашу (символ духовной поддержки).

Таким образом, в данном периоде появляются основные старейшие университеты Европы, их геральдика включает не только божественное как источник истины и света

мудрости, святых защитников, но и земного патрона как покровителя знания, защитника веры, нации, университетских свобод и привилегий. XVII–XVIII вв. и далее с модернизацией старых университетов и появлением новых (включая российские университеты) из университетской геральдики исчезают религиозные символы (исключением остаются университеты с сильным католическим и религиозным влиянием), символика и девизы становятся светскими, абстрактным, аллегорическими, в них акцентируется внимание на таких ценностях как стремление к знанию, просвещению и свободе. Во второй половине XX-XXI вв. геральдика становится частью брендинга университета [Демин 2018, Милокумов, Чвала 2023], сохранение вышеописанных исторических форм свидетельствует о его элитарности, устойчивости, сохранении академических ценностей, традиций и свобод.

Список литературы

1. Демин 2018 – Демин П. В. Эмблема в визуальной репрезентации вуза: классификация и семиотика визуальных образов // Университетское управление: практика и анализ. 2018. №6 (118). С. 8-23.
2. Милокумов, Чвала 2023 – Милокумов С. А., Чвала М. С. Геральдика высших учебных заведений: традиции и современность // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 64. С. 179-186.
3. Пастуро 2003 – Пастуро М. Геральдика / пер. с фр. А. Кавтаскина. Москва, Астрель: АСТ, 2003. 144 с.
4. Фрайер 2010 – Фрайер С. Геральдика: гербы - символы - фигуры / пер. с англ. М.Б. Борисова. 2-е изд., испр. Москва, АСТ: Астрель, 2010. 252 с.

УДК 001.83

МИКРОКОСМ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ. НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Брусенцева Валерия Валерьевна
Исследователь
Вологодский государственный университет
E-mail: valeriya.brusenceva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу практики научной дипломатии в рамках начального периода деятельности Санкт-Петербургской Академии наук. В работе предложено понятие научной дипломатии как научного взаимодействия и укрепления отношений между акторами. Для этого вводится эпистемологическая основа научной дипломатии в виде выстраивания международных научных связей, передачи научных традиций, демонстрации собственных научных достижений. В отличие от западноевропейских университетов в Санкт-Петербургской Академии преподавателями были видные европейские ученые, приглашенные для просветительских целей. Поскетт назвал новое международное сообщество исследователей «микрокосмом эпохи Просвещения». Уникальной чертой данного сообщества на раннем этапе его функционирования была языковая среда, в которой основным языком

общения была латынь, а национальному языку отводилось ограниченное место. В статье сделан акцент на эффективности коммуникации в рамках научного взаимодействия, при этом практика научной дипломатии обосновывает позицию ученого, сознательно ориентирующегося в мире, рационально переустраивающего общество. «Микрокосм эпохи Просвещения» в стенах Академии наук отождествлялся с процветанием Российской Империи, оформил веру в целесообразность, в смысл общественного развития, создал особый подход к росту научного знания.

Ключевые слова: коммуникация, научная дипломатия, научное знание, сообщество, университет, сотрудничество.

THE MICROCOSM OF THE ENLIGHTENMENT. SCIENTIFIC DIPLOMACY IN THE SAINT-PETERSBURG ACADEMY OF SCIENCES

Brusentseva Valeriya Valerievna
Researcher
Vologda State University

Abstract: The article is devoted to the analysis of the practice of scientific diplomacy within the framework of the initial period of the St. Petersburg Academy of Sciences. The paper proposes the concept of scientific diplomacy as scientific interaction and strengthening of relations between actors. To this end, the epistemological basis of scientific diplomacy is introduced in the form of building international scientific ties, transferring scientific traditions, and demonstrating one's own scientific achievements. Unlike Western European universities, the St. Petersburg Academy employed prominent European scientists as professors for educational purposes. Poskett called the new international community of researchers a « The microcosm of the Enlightenment». A unique feature of this community in its early stages was its linguistic environment, where Latin was the primary language of communication and the national language was given limited prominence. The article emphasizes the effectiveness of communication within the scientific community, highlighting the importance of scientific diplomacy in shaping the mindset of scholars who consciously navigate the world and contribute to the rational transformation of society. «The microcosm of the Enlightenment» within the walls of the Academy of Sciences was identified with the prosperity of the Russian Empire, shaped the belief in the expediency and meaning of social development, and created a unique approach to the growth of scientific knowledge.

Keywords: communication, scientific diplomacy, scientific knowledge, community, university, and cooperation.

Новаторский дух, сложившийся в эпоху научной революции XVII века, приводит к изменениям институциональных форм научного познания. Происходит рост научных связей, обмен научной информацией, все больше ощущается потребность коллективного обсуждения научных проблем. Расширение поля исследовательской деятельности, включенность в постоянный обмен информацией выводит коммуникацию в научном сообществе на новый этап – формальную организацию и создание различных национальных научных обществ. Этот

процесс был общеевропейским, суверенные научные объединения появились в Великобритании, Франции, Германии.

В этой связи наиболее интересным представляется «вступление России как равного партнера в научное сообщество крупных государств» [Копелевич 1977, с. 10]. Петербургская академия наук была основана 28 января (8 февраля) 1724 года. Академия работала по образцу Лондонского королевского общества с еженедельными собраниями и регулярными публикациями. Петербургская академия наук с начала своего основания завязала самые тесные связи с ученым миром Европы. Как пишет по этому поводу историк науки Дж. Поскетт, «Санкт-Петербургская академия наук представляла собой некий микрокосм эпохи Просвещения» [Poskett 2022, с. 126]. Сам термин микрокосм не должен вводить в заблуждение. Опираясь на размышления Н. Кузанского, в которых «человеческая природа свертывает в себе и разумную и чувственную природы, сочетает внутри себя все в мире и за то справедливо именуется древними философами микрокосмом, малым миром» [Кузанский 1979, с. 150], видится, что такая семантика термина «микрокосм» позволяет описать институт европейской науки в России как социальный феномен, попытку российского общества, «малого мира», сделать «полезную европейскую науку» инструментом своего развития.

Изначальная интенция открытия Академии связана с разработкой реформы государственного управления в России. Так, подготовка молодых людей для государственной службы должна была отличаться не только приобретением технических знаний, но включала бы в себя обучение искусствам и ремеслам. Организация структуры Академии перекликалась с западноевропейскими университетами, но освоение новых областей научного знания требовало «созидателей науки». Британские, немецкие, французские мыслители были приглашены на работу в Академию. Традиционный канал коммуникации в стенах Академии осуществлялся на латинском языке, что, помимо традиции, имело и наличную проблему, русский язык был незнаком большинству приглашенных ученых. В этой связи одной из отличительных особенностей Академии на раннем этапе ее функционирования была языковая среда, в которой национальному языку отводилось ограниченное место, в то время как в европейских университетах латинский язык ослабевал, и коммуникация между исследователями строилась на национальных языках. Следует отметить, что большинство преподавательского состава в Санкт-Петербургской Академии наук были немцами. В данном контексте мы можем обратить внимание на интересный факт, отмеченный Ю.Х. Копелевич «лица, которые собираются ехать в Петербург, начинают интересоваться своими будущими коллегами и живо включаются в подбор кандидатов на еще не заполненные кафедры» [Копелевич 1977, с. 76]. Сложилась уникальная ситуация, в которой латынь уступала место не национальному языку, а немецкому, который модифицировался в язык научной коммуникации в неформальном общении и приватных лекциях преподавателей Академии.

Разрастающийся массив научного знания порождал новые формы научных коммуникаций. Коммуникация складывается «во взаимную деятельность, взаимодействие свободно участвующих в процессе равноправных партнеров, каждый из которых считается с другим» [Лекторский 2001, с. 46]. Речь идет о том, что в построение диалоговой культуры вовлекаются различные точки зрения, ценности и сами культурные системы и, как результат, возникает разнообразие типов научных сообществ, возникающих и действующих формально и неформально. Именно такая ситуация была характерна для начального периода деятельности Санкт-Петербургской Академии наук. Международное сотрудничество, обсуждение и развитие новейших научных теорий реализовывалось в стенах одного научного учреждения виднейшими представителями европейской науки. Не претендуя на анализ этого

феномена во всех аспектах, отмечу лишь, что на наш взгляд с этого момента начинается практика научной дипломатии. В этом контексте мы сталкиваемся с проблематикой эпистемологического статуса научной дипломатии. Видится, что ее эпистемологическая основа оформлена в виде выстраивания международных научных связей, передачи научных традиций, демонстрации собственных научных достижений. Отклоняясь от определения научной дипломатии как области международных отношений, пересечения интересов государства и науки в сторону научного взаимодействия и укрепления отношений между акторами, научная дипломатия представляется реформой интеллекта, в которой научный интеллект имеет ментальное пространство для рациональной коммуникации. Такое ментальное пространство приобретает новое обоснование и материализуется в деятельности научных организаций на международном уровне. Приведенное суждение базируется на концепте «science for diplomacy» («наука для дипломатии»), представленном в 2010 г. в совместном докладе Лондонского королевского общества и Американской ассоциации содействия развитию науки, специфика которого заключается «в предоставлении пространства для свободного обмена идеями между учеными, независимо от их культурного, национального или религиозного происхождения» [Краснова 2021, с. 7]. Рискну допустить, что вектор применения научной дипломатии здесь позволяет предложить использовать научную коммуникацию в качестве «фундамента» для улучшения отношений между странами на нейтральной основе.

Санкт-Петербургская Академия наук активно вовлекалась в научное взаимодействие. Копелевич отмечает, что «с самого основания Академия поддерживала связи с зарубежными научными журналами» [Копелевич 1977, с. 181]. Лейципгский «Acta eruditorum» («Труды ученых») – первый научный журнал в Германии публиковал на своих страницах рецензии монографий преподавателей Академии Эйлера, Делиля. Журнал был международным и печатался на латинском языке. Нюрнбергский журнал «Научные связи» помещал на своих страницах выдержки из писем ученых Санкт-Петербургской Академии наук, кратко сообщал о положении дел в Академии. Интенсивное взаимодействие осуществлялось с Королевской академией в Лиссабоне в формате обмена письмами и изданиями. Считается, что самый крупный вклад в развитие научных связей с Академией среди европейских журналов внес журнал «Немецкая библиотека, или Литературная история Германии и северных стран». В журнале с самого начала публиковались материалы об Академии, а в 1726 году было опубликовано письмо Байера о его пребывании в Академии. Как отмечает Копелевич, «главным поставщиком таких сведений был Байер, с него начинается серия корреспонденций об Академии. Журнал с первого же тома извещал о новостях культурной жизни, о выходящих книгах» [Копелевич 1977, с. 182]. Среди почетных членов Санкт-Петербургской Академии были европейские монархи, в частности, прусский и шведский короли, в 1730 г. в Академии побывал португальский инфант Эмануил. Преподаватели Академии были избраны во многие иностранные академии. Некоторые ученые были причислены к Коллегии иностранных дел, среди них был выдающийся математик Х. Гольдбах. В целях иллюстрации сказанного приведем конкретный пример. После перехода Гольдбаха в Коллегию иностранных дел его главным корреспондентом стал Эйлер. В переписке они обсуждали математическое вопросы, например, исследования о разложении корней трехчленных уравнений в бесконечные ряды и обобщение этих результатов Эйлером. Гольдбах поддерживал переписку с бывшими членами Академии наук Дювернуа, Гмелиным. Показательно в этом отношении, что иностранные академики, совместно с русскими дипломатами трудились над распространением Просвещения в России.

Таким образом, создание формальных научных объединений в XVII-XVIII веках фиксирует новую форму трансляции научного знания и его результатов. На смену пространству коммуникации в «Республике ученых» приходят объединения, определяющие цели науки, устойчивые традиции, авторитет. В этой связи Санкт-Петербургская Академия наук стоит авангардом к европейским научным объединениям, порождая новую форму научной коммуникации – научную дипломатию. Практика научной дипломатии обосновала позицию ученого, сознательно ориентирующегося в мире, рационально переустраивающего общество. «Микрокосм эпохи Просвещения» в стенах Академии наук отождествлялся с процветанием Российской Империи, оформил веру в целесообразность, в смысл общественного развития, создал особый подход к росту научного знания. К. Поппер утверждал, «что непрерывный рост является существенным для рационального и эмпирического характера научного знания, и, если наука перестает расти, она теряет этот характер» [Поппер 1983, с. 325].

Список литературы

1. Копелевич 1977 – Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской Академии наук. Ленинград: Наука, 1977. 210 с.
2. Краснова 2021 – Краснова Г. Научная дипломатия в современном мире: учебно-методические материалы // Российский совет по международным делам. 2021. № 9. 48 с.
3. Кузанский 1979 – Кузанский Н. Сочинения в двух томах. Том 1. Москва: Мысль, 1979. 483 с.
4. Лекторский 2001 – Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. Москва: УРСС, 2001. 255 с.
5. Поппер 1983 – Поппер К. Логика и рост научного знания. Москва: Прогресс, 1983. 606 с.
6. Poskett 2022 – Poskett J. Horizons. A Global History of Science. UK: Penguin Books, 2022. 446 p.

УДК 130.2 (316.77)

СВЕТСКИЕ САЛОНЫ И ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИЕ КРУЖКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА КАК ЕДИНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ СИСТЕМА

Живайкина Александра Александровна

Кандидат философских наук

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского» Министерства здравоохранения Российской Федерации, доцент кафедры философии, гуманитарных наук и психологии

E-mail: aleksandrazhivajkina@yandex.ru

Аннотация: Исторически обусловленные формы развития русской национальной философии в первой половине XIX века представлены социокультурными феноменами светского салона и литературно-философского кружка. В статье раскрывается социокультурная роль салонов и кружков в аспекте актуализации и проблематизации в обществе вопросов философского содержания. Раскрываются коммуникативные черты светского салона и литературно-философского кружка, позволяющие сделать вывод о целостном коммуникативном пространстве развития отечественной философской мысли. Обозначаются функциональные особенности рассматриваемых форм коммуникации, общие и специфические, позволяющие определить их функциональное значение в единой коммуникативной системе. Выделяется роль салонов и кружков в духовном становлении русских философов рассматриваемой эпохи. Подчёркивается роль личности – авторитетного общественного деятеля, – вокруг которого формируются общественные интеллектуальные группы. Обосновывается интегративная позиция, что салоны, выступая в качестве дискуссионных клубов, создают условия для обмена мнениями и раскрытия принципиальных мировоззренческих вопросов, теоретическая разработка которых происходит в философских кружках. Выстраивается коммуникативная модель развития русской философской мысли, которая, развиваясь в недрах литературных салонов, постепенно и плавно перешла в философские сообщества, приобретая черты самостоятельной школы русской национальной философии.

Ключевые слова: история национальной философии, салонная культура, литературно-философский кружок.

SECULAR SALONS AND LITERARY AND PHILOSOPHICAL GROUPS OF THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY AS A UNIFIED COMMUNICATION SYSTEM

Zhivaikina Alexandra Alexandrovna

Federal State Educational Institution of Higher Education "Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky" of the Ministry of Health of the Russian Federation

Abstract: The historically conditioned forms of the development of Russian national philosophy in the first half of the 19th century are represented by the sociocultural phenomena of the secular salon and the literary and philosophical circle. The article reveals the sociocultural role of salons and circles in terms of the actualization and problematization of philosophical issues in society. The communicative features of the secular salon and the literary and philosophical circle are explored, allowing us to conclude that they formed a unified communicative space for the development of Russian philosophical thought. The article identifies the functional features of the forms of communication under consideration, both general and specific, and determines their functional significance in a unified communication system. It highlights the role of salons and circles in the spiritual development of Russian philosophers during this era. The article emphasizes the importance of the individual, an authoritative public figure, who forms public intellectual groups. The article also substantiates an integrative approach.

Keywords: history of national philosophy, salon culture, literary and philosophical circle.

Светские салоны и интеллектуальные кружки существовали в Москве и Петербурге практически одновременно – в 1820-1840-е годы. Связь между ними обеспечивалась непосредственными участниками, представителями мыслящего меньшинства, посещавшими

светские салоны для обмена мнениями и обработки своей позиции в идеологической полемике и группировавшиеся по совпадению мировоззренческих позиций в интеллектуальные кружки для их последовательного развития. И если, социальная роль кружка как формы организации научной (философской) коммуникации традиционна, то для светского салона наличие коммуникации подобного качества является специфической чертой отечественной интеллектуальной культуры указанного периода. В частности, Н.И. Цимбаев отмечает [Цимбаев 1991, с. 5-43], что московские салоны стали выполнять специфическую функцию элитарных дискуссионных клубов, научных семинаров, уподобляясь в этом кружкам и университетским аудиториям. Об этом говорит и солидное представительство научного сообщества в числе постоянных посетителей салонов – студенчество, профессура, ученые, публицисты, литературные критики.

Функциональная роль салона заключалась в создании условий для выражения и относительно свободного развития отечественной философской мысли. Публичность и, одновременно, непринужденность салонного общественного пространства придавала особую лексическую выразительность и вербальную эмоциональность обсуждения событий различных сфер общественной жизни (политической, культурной, научной). Светская беседа, как неотъемлемая часть салонной культуры, и ее сущностная характеристика, приобретает в этот период форму «своеобразного элитарного речевого искусства, в котором языковая игра, острословие и соблюдение в общении этикета, хорошего тона придавали интеллектуальной дискуссии непринужденно-игровой характер» [Цимбаев 1991, с. 32].

Такие «авторитетные умы» как Анненков и Чичерин отводит дискуссиям в салонах значение главного содержания эпохи сороковых годов. Актуальность и принципиальная значимость обсуждаемых вопросов придавала беседам в светских салонах особую динамичность и зачастую полемический характер, обретавшую форму «словесного турнира». Ряд салонов (А.П. Елагиной, Е.А. Свербеевой, К.К. Павловой, М.Д. Шеппинг) называют «дискуссионными аудитории славянофилов и западников» [Цимбаев 1991, с. 29-45].

История русской культуры сохранила информацию о десятках светских салонов Москвы и Петербурга (например, мемуары Чичерина, Панаева, Анненкова, Григоровича, Кавелина, отдельные главы «Былого и дум» Герцена). К основным характеристикам салона как формы коммуникации относятся регулярность общения, относительно постоянный круг участников, общность их интересов. Такими же характеристикам отвечает кружок, но в отличие от кружков, салоны имели гораздо большую открытость для общества, в них также регулярно принимала участие, так называемая «пассивная слушательская аудитория» [Канторович 1997, с. 10-18].

Естественно, далеко не все салоны выполняли роль дискуссионного клуба, а только те «которые обладали для этого определенными признаками: были связаны с передовыми слоями общества, сочувствовали философским начинаниям, проявляли интерес к нестандартным интерпретациям общественных проблем» [Сухов 2009, с. 92]. В анализе достижений русской философской мысли в форме салонной коммуникации на первый план выходит полемика между славянофилами и западниками. Именно в салоне были созданы самые благоприятные условия для развития и диалектического взаимодействия этих концепций, сравнения и сопоставления позиций.

Выполняя функции культурной коммуникации, салоны не просто удовлетворяли потребность интеллектуального общества в общении, но и обеспечивали распространение идей и представлений [Семенова 2009, с. 45-50]. Салон выполнял важную информационно-коммуникативную функцию. С одной стороны, он обеспечивал участникам доступ к новым

литературным, философским и художественным явлениям; с другой – способствовал расширению представлений о современных эстетических направлениях, интеллектуальных течениях и теоретических дискуссиях. Вместе с тем значение салона не ограничивалось обменом сведениями. Он выступал особым пространством апробации результатов творческой и мыслительной деятельности: авторы представляли здесь свои произведения, получали отклики, вступали в обсуждение с другими участниками и уточняли собственные позиции. В этом отношении салон можно рассматривать как промежуточную форму публичной экспертизы, где реакция собравшихся позволяла предварительно оценить возможное восприятие произведения более широкой образованной аудиторией.

Возможность рассматривать салонную культуру в контексте развития отечественной философской мысли определяет содержание обсуждаемых в них вопросов. В работе литературного критика Д.П. Святополк-Мирского мы находим следующее описание московского литературного салона: «Дебаты по философским, историческим и литературным вопросам – главная и прославленная достопримечательность мыслящей Москвы конца тридцатых–сороковых годов – происходили в салонах Елагиных, Свербеевых, Хомяковых, у Чаадаева, у Каролины Павловой. В этих салонах выковывалась новая русская культура…» [Святополк-Мирский 2014, с. 257].

Русская мысль, развиваясь в недрах литературных салонов, постепенно и плавно перешла в философские сообщества, где превратилась в самостоятельную школу русской национальной философии [Семенова 2009, с. 45-50]. В историко-политических условиях николаевской эпохи философско-литературные кружки объединяли выдающихся мыслителей своего времени и создавали необходимое «пространство» для проработки широкого спектра философских проблем: философско-исторических, политико-правовых, эстетических.

Именно в кружках проводилась важная работа по оформлению национального самосознания, закладывались принципы отечественной философии. По дисциплинарной принадлежности кружки характеризуются как литературно-философские. И в этом – существенная черта развития общественного сознания в России. В русской культуре именно литература брала на себя функцию по обозначению и разработки мировоззренческих проблем. «Союз философии с многообразными видами литературного творчества» является базовой составляющей отечественной духовной культуры XIX века, определяющей ее национальную особенность [Сиземская 2022, с. 22].

Участников кружка объединял именно интерес к философии. К специфическим особенностям литературно-философских кружков следует отнести малочисленность, избранность, идейное единство состава, это обеспечивало легкость, простоту непосредственного общения и обмена информацией.

Кружки выполнили важнейшую функцию духовного становления русских философов рассматриваемой эпохи. Они складывались вокруг авторитетного деятеля общественной мысли (соответственно назывались его именем), осуществляли определенные, ими намеченные программы, и распадались, трансформируясь в новое образование. Описывая ряд крупных кружков 30-40-х годов XIX века, и обозначая теоретические связи между ними, Сухов выстраивает их в порядке своеобразной «идейной эстафеты»: общество любомудров, кружки Станкевича-Белинского и Герцена-Огарева, западников, революционных демократов и либералов [Сухов 2009]. Таким образом, можно проследить преемственность или смену преимущественной идеологии.

Основная форма деятельности кружка была устной и развивалась в ходе обсуждений. Но коммуникация в кружке строилась иначе, чем в салоне. Обсуждениям, полемике, и даже

диспутам «тон задавал» его руководитель-основатель, выполняя функцию идеологического вектора. Это позволяло не допустить конфронтации среди участников кружка. Все познанное одним участником кружка становилось достояние других – в этом состояла еще одна специфическая особенность кружковской организации философского поиска, способом которого являлся обмен мнениями, коллективное изучение вопросов.

Философская работа кружка формировалась не отвлеченно, а в опоре на тот круг текстов, идей и сведений, который был реально доступен его участникам. Одной из главных задач становилось последовательное освоение философской традиции, прежде всего наиболее близкой по времени европейской мысли. Западная философия выступала для участников кружка важнейшим источником понятий, проблем и способов рассуждения, однако заимствование не ограничивалось простым воспроизведением уже готовых идей. Освоенный материал становился основанием для самостоятельного размышления и дальнейшей теоретической разработки. При этом предметом обсуждения были не только классические философские вопросы. Участники кружка обращались также к анализу российского общественного положения, исторического пути России и русской литературы, стремясь рассматривать их в более широком философском контексте.

Историки философии и исследователи справедливо отмечают, что за два десятилетия, от 1820-х к 1840-м гг., участниками кружков было пройдено поприще от «прилежного и не претендовавшего на многое ученичества» до появления таких масштабных фигур, которые поднялись на уровень виднейших философов своего времени [Городецкая 2024].

Таким образом, в первой половине XIX века светские салоны и литературно-философские кружки выступают единым коммуникативным пространством для развития отечественной философской мысли. Салоны и кружки дополняют друг друга в конструировании пространства мысли и коммуникации как условия ее эффективного развития. Единой коммуникативной системе присуще общие черты – преимущественно устный характер коммуникации, ведущая роль личности основателя. Салоны, выступая в качестве дискуссионного клуба, отличала толерантность взглядов, существующий в пространстве салона обмен мнениями способствовал более глубокому пониманию мировоззренческих вопросов. Поступательное развитие философии происходило в кружках, в которых в период от 20-х до 40–50-х гг. XIX в. русскими мыслителя был пройден значительный идейный путь от усвоения достижений западной мысли до выражения национального самосознания в самобытных идеологических течениях.

Список литературы

1. Городецкая 2024 – Гродецкая А.Г. Б. Н. Чичерин-мемуарист о литературных салонах Москвы 1840-х годов // Art Logos (искусство слова). 2024. № 4. С. 29–45.
2. Канторович 1997 – Канторович И.В. Московские литературные салоны 2-й четверти XIX века в общественно-культурной жизни России: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1997. 26 с.
3. Святополк-Мирский 2014 – Святополк-Мирский Д. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2014. 876 с.
4. Семенова 2009 – Семенова Е.В. У истоков становления русской философской культуры: литературные салоны России XIX века // Известия Саратовского университета. 2009. Том 9. Серия. Философия. Психология. Педагогика. Вып.1. С. 45-50.

5. Сиземская 2022 – Сиземская И.Н. Литературное творчество и русская философия // Электронный философский журнал Vox: http://vox-journal.org Выпуск 39 (декабрь 2022). С. 22-35.

6. Сухов 2009 – Сухов А.Д. Литературно-философские кружки в истории русской философии (20–50-е гг. XIX в.). М.: ИФ РАН, 2009. 151 с.

7. Цимбаев 1991 – Цимбаев Н.И. Московские споры либерального времени… // Русское общество 40–50-х годов XIX в. М.: МГУ, 1991. Ч. 1: Записки А.И. Кошелева. С. 5–43.

УДК 001.92

НАУКА И ОБЩЕСТВО: ОТ «РЕСПУБЛИКИ ПИСЕМ» К «РЕСПУБЛИКЕ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ»

Яркова Елена Николаевна
Доктор философских наук
Тюменский *государственный университет, профессор кафедры философии, медиа и журналистики*
E-mail: e.n.yarkova@utmn.ru

Аннотация: Письменный, печатный, цифровой способы кодирования и трансляции информации вызывают к жизни различные формы организации научного сообщества, различные модели коммуникации науки и общества. Исходный способ коммуникации ученых – личная переписка – обусловила появление «Республики писем», «гражданами» которой были ученые и неученые (покровители, почитатели науки), что, в той или иной мере, способствовало вовлечению общественности в науку. В XVII-XVIII вв. появляются печатные научные журналы, национальные академии наук, рождается идея популяризации науки, выдвигается дефицитная, а в XX в. диалогическая (интерактивная) модель коммуникации науки и общества. Вначале XXI в. появляются цифровые журналы, начинается процесс платформизации науки, рождается феномен, который может быть обозначен как «Республика цифровых платформ». Благодаря цифровым платформам происходит «партиципаторный поворот», открывающей новые горизонты коммуникации науки и общества, активизируется партиципаторная модель, которая подразумевает не только вовлеченность граждан в обсуждение злободневных научных проблем, но и активное их привлечение к сотрудничеству в научных исследованиях Разновидность цифровых платформ в науке – гражданские научные платформы, благодаря которым общественность вовлекается в процессы научных исследований. Таким образом переход от письменного к печатному, а затем и к цифровому способу кодирования и трансляции информации ведет к расширению коммуникации науки и общества, тем самым способствует росту научного знания.

Ключевые слова: Дефицитная, диалогическая, партиципаторная модели коммуникации науки и общества.

SCIENCE AND SOCIETY: FROM THE «REPUBLIC OF LETTERS» TO THE «REPUBLIC OF DIGITAL PLATFORMS»

Yarkova Elena Nikolaevna
Doctor of Philosophical Sciences
Tyumen State University, Professor of the Department of Philosophy, Media and Journalism

*Abstract***:** Written, printed, and digital methods of encoding and transmitting information give rise to various forms of scientific community organization and different models of science-society communication. The initial method of scientist communication – personal correspondence – led to the emergence of the "Republic of Letters," whose "citizens" were both scientists and non-scientists (patrons, admirers of science), which, to a greater or lesser extent, contributed to the public's involvement in science. In the 17th-18th centuries, printed scientific journals and national academies of sciences appeared, the idea of science popularization was born, and the deficit model, and in the 20th century, the dialogical (interactive) model of science-society communication emerged. At the beginning of the 21st century, digital journals appeared, the process of science platformization began, and a phenomenon emerged that can be termed the "Republic of Digital Platforms." Thanks to digital platforms, a "participatory turn" is occurring, opening new horizons for science-society communication and activating the participatory model. This model implies not only the involvement of citizens in discussing pressing scientific issues but also their active engagement in scientific research collaboration. A type of digital platform in science is citizen science platforms, through which the public is involved in scientific research processes. Thus, the transition from written to printed, and then to digital methods of encoding and transmitting information leads to the expansion of science-society communication, thereby contributing to the growth of scientific knowledge.

*Keywords***:** Deficit, dialogical, participatory models of science-society communication.

Письменный, печатный, цифровой способы кодирования и трансляции информации вызывают к жизни различные формы организации научного сообщества, различные модели коммуникации науки и общества.

Исходным средством коммуникации ученых была личная переписка, которая обусловила появление объединения европейской интеллектуальной элиты, именуемое «Республикой писем». «Республика писем» – детище эпохи Возрождения, ее роль в развитии науки трудно переоценить. Например, Декарт в одном из писем признавался, что, отвечая на вопросы адресата, он познает «больше, чем посредством любого другого способа обучения» [Декарт 1989, с. 585]. В процессе обмена информацией кристаллизовались ключевые идеи и принципы классической науки, происходило становление европейской научной элиты – членами-корреспондентами «Республики писем» были выдающиеся мыслители – создатели классической науки: Ф. Бэкон, Г. Галилей, И. Ньютон и др. Исследователи указывают, что: «Одним из основных способов формирования самооценки ученых в Европе раннего Нового времени было то, что они были гражданами "республики писем"» [Mayhew 2004, p. 251].

«Республика писем» была горизонтальной, наднациональной ассоциацией: «На уровне исповедуемых идеалов концепция республики писем была проста: ученые должны были создать между собой эгалитарный мир, в котором не существовало каких-либо национальных, религиозных, исторических или других барьеров для обмена взглядами» [Mayhew 2004, p. 251]. Помимо этого, важной особенностью «Республики писем» была ее сетевая структура. В основании «Республики писем» лежали, неформальные личные «слабые социальные связи»,

которые были более эффективными в плане распространения научной информации, нежели формализованные «сильные социальные связи», присущие круговым – закрытым социальным структурам [Lux, Cook 1998].

«Республику писем» характеризовали демократизм и открытость: наряду с учеными в научной переписке принимали участие неученые – покровители, почитатели и т.д. науки, что, в той или иной степени, способствовало вовлечению общества в науку, продвижению в обществе новых научных идей.

В XVII-XVIII вв. на смену личной переписке, как главному способу научной коммуникации, приходят научные журналы. Во многом это происходит потому, что «Республика писем» как неформальное объединение ученых начинает уступать место формальным объединениям ученых – академиям наук. Причины такого рода «организационной революции» более очевидны: эпоха Просвещения приносит новое понимание роли науки как важнейшей политической силы, как источника социального благоденствия.

Роль научного журнала в развитии науки трудно преувеличить. Появление научных журналов способствовало ускорению распространения научной информации, ее систематизации и сохранению, предоставляло возможность авторам публично фиксировать приоритеты в научных открытиях, повышать свою научную репутацию.

Вместе с тем первые академии наук были национальными организациями, представляющими собой круговую замкнутую социальную структуру, в которой преобладали «сильные социальные связи». Д. Люкс и Х. Кук утверждают, что появление национальных академий укрепляло «сильные связи» между своими членами и разрушало «слабые связи», присущие «Республике писем»: «Парижская академия была открыта в соответствии с официальной политикой секретности. Нечленам было запрещено присутствовать на заседаниях; все обсуждения носили закрытый характер; и единственной официально разрешенной новостью было появление в публикациях о завершенных исследованиях» [Lux, Cook 1998, p. 197]. Понятно, что в такой ситуации международный обмен научными знаниями ослабевает. С появлением национальных академий наук, по сути знаменующим превращение науки в социальный институт, возникает проблема коммуникации научного сообщества и общества в целом. Необходимость последней была обусловлена чрезвычайной важностью социально-экономической поддержки и ценностной легитимации науки в обществе.

Исходной моделью такого рода коммуникации была дефицитная модель, в основании которой лежит представление о слабой научной осведомленности (научной безграмотности) общественности, необходимости популяризации науки, понимаемой как односторонний, направленный от ученых к общественности процесс. Средствами популяризации науки становятся научно-популярные журналы и научно-популярная литература. Ранние ее образцы: «Ньютонианизм для дам» Ф. Альгаротти (1739), «Астрономия для дам» Ж. де Лаланда (1785) [Буки, Тренч 2018, с. 64].

В XX в. дефицитная модель подвергается критике, в качестве ее альтернативы выдвигается, нацеливающая на интеракцию общества и науки, диалогическая модель [Miller 2001, p.117]. Наконец, в результате расширения диалогической модели формируется модель участия, которая подразумевает не только вовлеченность граждан в обсуждение злободневных научных проблем, но и активное привлечение граждан к сотрудничеству в научных исследованиях [Bucchi, Trench 2016, pp. 154-155]. Понятно, что в условиях преобладания «сильных социальных связей» реализация модели участия была достаточно проблематичной.

В XXI в. на смену печатным журналам приходят цифровые. Цифровизация существенным образом изменяет формы коммуникации ученых, а также ученых и общества. Аналитики констатируют: «С появлением Всемирной паутины (WWW) в середине и конце 1980-х годов начался процесс фрагментации традиционных академических инфраструктур. Этот процесс двоякий: с одной стороны, мы можем наблюдать устаревание традиционных структур (например, печатных журналов); с другой стороны, появление новые онлайн-субъектов — цифровых библиотек, институциональных репозиториев, платформ управления контентом, открытых протоколов, агрегирование метаданных, (…) борющиеся за свое собственное пространство» [Silva Neto, Chiarini 2023, pp. 2].

Как видится, главной формой коммуникации в эпоху цифровизации становятся цифровые платформы. Цифровые научные платформы определяются как исследовательские инфраструктуры, предоставляющие пользователю: наборы цифровых инструментов для проектирования и производства научного знания, цифровые базы данных, цифровые библиотеки и т.д. Вместе с тем цифровые платформы — это социотехнические системы, исполняющие роль посредников, связывающих пользователей через свою социальную инфраструктуру, через порталы общения, обмена опытом, важными новостями и т.д. [Fecher, Kunz, Sokolovska, Wrzesins 2024]. Не вызывает сомнения преимущества цифровых платформ в плане скорости и эффективности обмена информацией перед традиционным печатным научным журналом. Однако важно и другое – появление цифровых научных платформ включает процесс платформизации науки, цифровые научные платформы превращаются в основания интеграции ученых, а также ученых и общественности, как научные сообщества, которые по аналогии с «Республикой писем» условно могут быть обозначены как «Республика цифровых платформ».

Цифровые платформы способствуют интенсификации коммуникации науки и общества. Как полагают исследователи, в XXI в. происходит «партиципаторный поворот», открывающей новые горизонты коммуникации науки и общества [Metcalfe, Gascoigne, Fabien, Nepote 2022]. Например, одной из разновидностей цифровых платформ в науке являются Гражданские научные платформы, благодаря которым: «граждане могут быть вовлечены в новые случаи научного процесса, и в гораздо большем количестве из-за логистических возможностей цифровых платформ» [Kullenberg, Kasperowski 2016, p. 13].

Таким образом переход от письменного к печатному, а затем и к цифровому способу кодирования и трансляции информации ведет к расширению коммуникации науки и общества, тем самым способствует росту научного знания.

Список литературы

1. Буки, Тренч 2018 – Буки М., Тренч Б. Научная коммуникация и наука в обществе: концептуальный обзор (Реферат) // Наука и общество: современные зарубежные исследования. 2018. №2018. С. 63-72.
2. Декарт 1989 – Декарт Р. Из переписки 1619—1643 гг. / Пер. с лат. и франц. Я. А. Латкера, С. Я. Шейнман-Топштейн // Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 581-618.
3. Mayhew 2004 – Mayhew R. British Geography's Republic of Letters: Mapping an Imagined Community // Journal of the History of Ideas. 2004. Vol. 65. No. 2. Pp. 251-276.

4. Lux, Cook 1998 – Lux D. S., Cook H. J. Closed Circles or Open Networks?: Communicating at a Distance during the Scientific Revolution // History of Science. 1998. Vol. 36. Pp.179-211.
5. Miller 2001 – Miller St. Public understanding of science at the crossroads // Public Understanding of science. 2001. No. 10. Pp. 115-120.
6. Bucchi, Trench 2016 – Bucchi M., Trench B. Science communication and science in society: A conceptual review in ten keywords // Tecnoscienza: Italian journal of science & technology studies. 2016. Vol. 7. No. 2. Pp. 151–168.
7. Silva Neto, Chiarini 2023 – Silva Neto V.J, Chiarini T. The Platformization of Science: Towards a Scientifc Digital Platform Taxonomy // Minerva. 2023. No. 61. Pp. 1-29.
8. Fecher, Kunz, Sokolovska, Wrzesins 2024 – Fecher B., Kunz R., Sokolovska N., Wrzesins M. Platformisation of Science: Conceptual Foundations and Critical Perspectives for the Science System // LIBER Quarterly. 2024. No. 34 (1). Pp. 1-18. [https://www.researchgate.net/publication/378320024_Platformisation_of_Science_Conceptual_Foundations_and_Critical_Perspectives_for_the_Science_System].
9. Metcalfe, Gascoigne, Fabien, Nepote 2022 – Metcalfe J., Gascoigne T., Fabien M., Nepote A.C. Participatory science communication for transformation // Journal of Science Communication. 2022. No. 21(02). [https://doi.org/10.22323/2.21020501].
10. Kullenberg, Kasperowski 2016 – Kullenberg C. Kasperowski D. What Is Citizen Science? – A Scientometric Meta-Analysis. PLOS ONE. 2016. No. 11(1). [https://doi.org/10.1371/journal.pone.0147152].

УДК 316

СТУДЕНЧЕСКАЯ (НЕ)ЛОЯЛЬНСТЬ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ И СПЕЦИФИКА КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ КОНТЕКСТОВ

Филиппов Сергей Иванович
Кандидат философских наук
Новосибирский государственный университет
доцент кафедры романо-германской филологии гуманитарного института
E-mail: filippow07@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются условия относительно высокой и относительно низкой лояльности студентов по отношению к государственной власти на материале Российской империи второй половины XIX – начала XX века. Сопоставлены два контрастных случая: студенты российских университетов, активно участвовавшие в антиправительственных выступлениях, и остзейские корпоранты (Дерптский университет), демонстрировавшие аполитичность и поддержку администрации. Теоретической основой исследования является концепция обеспечивающих сообществ. Высокая лояльность обусловлена социализацией в бюрократических институтах государственной службы, низкая – участием в патрон-клиентских сетях и эгалитарных сообществах, где статус требует постоянного подтверждения, в том числе агрессивными действиями. В рассматриваемых случаях формы студенческой самоорганизации носили эгалитарный характер, порождая сходные элементы габитуса,

включая агрессивное поведение как способ подтверждения неформального статуса. Однако агрессия российских студентов носила политизированный характер и антиправительственную направленность. В случае остзейских корпорантов она была бытовой, ритуализированной и деполитизированной. Данные различия объясняются спецификой историко-культурного контекста: высокий престиж политизированного чтения, его дидактический характер, навыки конспирации, распространение динамита как эффективного средства террора – все это способствовало радикализации российского студенчества. Традиционные престижные практики и ценности остзейских корпорантов, открытая демонстрация символов принадлежности к корпорации обусловили бытовой характер и деполитизацию агрессивных практик данной социальной группы.

Ключевые слова: лояльность, социальный статус, социальные заботы, Российская империя, формы студенческой самоорганизации

STUDENT (DIS)LOYALTY: INSTITUTIONAL CONDITIONS AND THE SPECIFICS OF CULTURAL-HISTORICAL CONTEXTS

Filippov Sergey Ivanovich
PhD in Philosophy, Associate Professor
Novosibirsk State University

Abstract. The article investigates into the conditions of relatively high and relatively low student loyalty to state authority, based on the history of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries. Two contrastive cases are compared: students of Russian universities who actively participated in anti-government protests, and Baltic German corporation students (at the University of Dorpat) who demonstrated apolitical behavior and support for the administration. The theoretical framework of the study is the concept of basic social needs. High loyalty is linked with the socialization within bureaucratic institutions of state service, while low loyalty results from participation in patron-client networks and egalitarian communities, where status requires constant reaffirmation, including through aggressive actions. Both Russian student organizations and student corporations in the universities of the Baltic region were egalitarian, generating similar elements of habitus, including aggressive behavior as a means of affirming informal status. However, the aggression of Russian students was politicized and anti-government in orientation. In the case of the Baltic German corporation students, it was mundane, ritualized, and depoliticized. These differences are explained by the specific historical and cultural context: the high prestige of politicized reading, its didactic nature, skills of conspiracy, and the spread of dynamite as an effective means of terror—all of which contributed to the radicalization of the Russian students. The traditional prestigious practices and values of the Baltic German corporation students, along with the open display of symbols of corporate identity, determined the mundane nature and depoliticization of aggressive practices within this social group.

Keywords: loyalty, social status, social concerns, Russian Empire, forms of student self-organization

К числу задач системы образования вообще и высшего образования относится наряду с развитием науки, подготовки кадров высокой квалификации для экономики и государственного управления также воспитательная: формирование лояльных, дисциплинированных и законопослушных подданных или граждан [Carll, Lipset 1975, p. 10].

Задача эта решалась с переменным успехом. Студентами были П.А. Столыпин, боровшийся с великими потрясениями, Б.В. Савинков, эти потрясения устраивавший, Е. Азеф – король провокаторов, манипулирующий и революционерами, и охранкой для получения доходов и удовлетворения собственных амбиций. На «школяров» традиционно смотрели как на зачинщиков и участников разного рода беспорядков. Но в одних случаях агрессия имела бытовой характер, а в других была направлена против существующей власти, как это было в России второй половины XIX – начала XX вв. Чем обусловлена относительно высокая и относительно низкая лояльность студентов по отношению к государственной власти?

Для ответа на этот вопрос сопоставим контрастные случаи – немецких студентов-корпорантов из вузов остзейских провинций Российской империи и студенчество других российских университетов (кроме вузов «национальных окраин»). Данные случаи сходные друг с другом по некоторым существенным признакам (исторический период, уровень образования и др.), но различаются по параметру, который и требует объяснения – уровню лояльности по отношению к государственной власти. Если студенты большинства российских университетов принимали участие в антиправительственных выступлениях, то остзейские студенты, обучавшиеся, в основном, в Дерптском университете демонстрировали полную аполитичность, а во время студенческих беспорядков занимали сторону администрации [Иванов 2004, с. 172].

Лояльность элит и претендентов в элиту, в том числе, студенчества, по отношению к государственной власти зависит от сообщества, обеспечивающего базовые социальные заботы – предоставление социального статуса с гарантиями безопасности, символическим престижем и благосостоянием. Заботы представителей элит выполняются обеспечивающими сообществами трех типов: бюрократическими институтами государственной службы, патрон-клиентскими сообществами и эгалитарными сетями. Социализация в рамках обеспечивающего сообщества того или иного типа предполагает формирование особенного габитуса – комплекса установок сознания и поведения, ассоциируемого с принадлежностью к той или иной социальной группе.

Относительно высокий уровень лояльности по отношению к государственной власти обеспечивается социализацией в рамках бюрократических структур, что связано со спецификой статуса, присеваемого в институтах такого типа: бюрократический статус универсален, имеет формальный характер, успешная карьера на госслужбе предполагает габитус чиновника, в который входят такие качества, как дисциплинированность, исполнительность, контроль над эмоциями, сдерживание агрессии. Социализация в рамках патрон-клиентских сетей и эгалитарных сообществ связана с относительно низким уровнем лояльности по отношению к государственной власти, поскольку статусы, присваиваемые в сообществах данных типов имеют неформальный характер – они признаются только ближайшим социальным окружением индивида, которому приходится постоянно доказывать, что он достоин искомого статуса, в том числе, агрессивным поведением и насильственными действиями [Розов, Филиппов 2024, с. 196–198].

Организационные формы студенчества в российских университетах второй половины XIX– начала XX вв. – корпорации, землячества, кассы взаимопомощи и др., представляли собой эгалитарные сообщества с неформальным статусом. При этом многие землячества были политизированными, оказывали содействие революционному движению. «Неблагонадежность» членов землячеств стала причиной их официального запрещения правительством в 1871 г., но студенческие объединения продолжали существовать полу- или полностью нелегально [Иванов 2004, с. 46].

Формой самоорганизации студентов вузов Остзейского края (преимущественно немецкого происхождения, но не только) – корпорации «буршей» – также представляли собой сообщества эгалитарного типа. Престижный статус полноправного бурша был не безусловен, его приходилось постоянно поддерживать агрессивными действиями – дуэлями. Настоящий студент-корпорант должен был быть задирой, скандалистом, дуэлянтом, «украшенным» многочисленными шрамами вместо орденов [Там же, с. 186].

Почему агрессивное поведение, характерное для участников сообществ эгалитарного типа как средство подтверждения их статуса в случае немецких корпорантов имело межличностный и бытовой характер, а в случае русских студентов насилие было политизировано и направлено против власти? Это было обусловлено спецификой исторического и культурного контекста, ценностными предпочтениями, престижными практиками, социальным происхождением соответственно остзейских и российских студентов.

Большую часть российского студенчества составляли дворяне, разночинцы, а также выходцы из духовенства. Для перечисленных социальных групп служение относилось к числу базовых ценностей. В XIX в., на смену государю (династии) как объекта служения приходит идея народа (нации). Не удивительно, что беззаветное служение народу стало идеологической основой революционного движения второй половины XIX – начала XX вв.

В рассматриваемый период среди учащихся средних (гимназии, семинарии) и высших учебных заведений чтение пользовалось очень высоким престижем. При этом чтение имело дидактический характер, воспринималось как средство саморазвития, а литература как своего рода «инструкция жизни». Одной из основных литературных форм в то время был толстый журнал. Со второй половины 1850-х журналы все больше политизируются, выполняют функцию создания сетей единомышленников, разделяющих те или иные общественно-политические убеждения [Рейтблат 2009, с. 40–43]. В начале XX в. образ героического революционера-подпольщика, жертвующего собой ради идеалов, тиражируется в художественной литературе [Могильнер 1999, с. 59–60].

Высокий престиж чтения в среде образованной молодежи, дидактически-инструктивный его характер, а также техническая эволюцией в области средств применения насилия[1] привели к трансформации организационных форм и содержания политической нелояльности в молодежной среде во второй половине 1870-х гг. Изобретение в 1867 г. динамита – мощной, но легкой взрывчатки, изготовление которой требовало специальных знаний и навыков как в сфере техники и химии, так и в области поиска информации (чтение специальной литературы и инструкций), обусловило распространение специфических организационных формы революционной деятельности – небольших законспирированных автономных групп изготовителей оружия и исполнителей террористических актов, в том числе на основе организаций учащейся молодежи, а также вовлечение в революционную деятельность групп образованной молодежи, в особенности, студентов.

Престижные практики, вокруг которых строилась идентичность «буршей» ориентировались на традиционные нормы домодерных элит – демонстративное потребление, «благородное» ритуализированное насилие в форме дуэлей, предполагающее владение, прежде всего, холодным «аристократическим» оружием – шпагой. К числу обязательных

[1] Технические инновации («фундаментальные открытия»), в особенности в военной сфере рассматриваются в современной исторической социологии и социальной философии как один из важнейших факторов, оказывающий влияние на общественную эволюцию, становление тех или иных социальных или политических структур (М. Вебер, И.М. Дьяконов, У. Макнил, С.А. Нефедов, М. Робертс и др.).

ритуалов буршей относились упражнения в фехтовании, а также дуэли, поводом для которых было агрессивно-провокативное поведение корпорантов.

Навыки фехтования едва ли могли быть полезны в противостоянии с полицией, или армией в конце XIX начале – XX вв., а более современные средства применения насилия бурши презирали. В отличие от русских студенческих объединений, остзейские корпорации не попадали под запрет властей, напротив, сами корпоранты и их ритуалы были «на виду»: шествия буршей по городу, корпоративные попойки, вызовы на дуэль – все это носило публичный характер. Кроме того, бурши носили специфические, яркие, видимые на расстоянии элементы одежды – ленты с корпоративными цветами, шапочки определенного фасона и цвета. Подобная внешняя демонстративность корпоративной идентичности облегчала социальный и полицейский контроль и была мало совместима с конспирацией как условием успешной подпольной деятельности.

Вывод. Сходные институциональные условия – социализация в рамках сообществ эгалитарного типа – порождали у корпорантов Остзейского края и участников студенческих объединений российских университетов сходные элементы габитусов, в частности, агрессивное поведение и насилие как способ демонстрации неформального статуса. Специфика культурных и исторических контекстов условных «остзейских» и «русских» форм студенческой самоорганизации определила различные формы и содержание агрессивно-насильственных практик. Чтение как престижная институализированная практика в среде русской образованной молодежи, дидактически-инструктивная направленность литературы и ее политизированность, навыки деятельности в рамках не разрешенных студенческих сообществ, а также распространение эффективного для террора и простого в применении оружия, изготовление которого предполагало специальные знания – все это обусловило политизацию и насильственный характер нелояльности российских студентов. Традиционные престижные практики и ценности остзейских корпорантов, открытая демонстрация знаков принадлежности к корпорации обусловили бытовой характер и деполитизацию агрессивных практик данной социальной группы.

Список литературы

1. Иванов 2004 – Иванов А.Е. Студенческие корпорации России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М.: Новый хронограф, 2004. 407 с.
2. Могильнер 1999 – Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М.: НЛО, 1999. 207 с.
3. Рейтблат 2009 – Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: НЛО, 2009. 448 с.
4. Розов, Филиппов 2024 – Розов Н.С., Филиппов С.И. Лояльность местных элит центральной власти: общие закономерности и институциональные контексты // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 193–203.
5. Carll, Lipset 1975 – Carll E., Lipset S.M. The Divided Academy: Professors and Politics. New York: McGraw-Hill, 1975. 407 p.

УДК 001.2

ПРАВОВАЯ НАУКА И ОБЩЕСТВО В УЧЕНИИ Г. КЕЛЬЗЕНА

Антонов Михаил Валерьевич

Кандидат юридических наук, PhD in Law

Профессор кафедры теории и истории права и государства

Юридического факультета НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)

E-mail: mantonov@hse.ru

Аннотация: Отрицание применимости социологического инструментария в границах чистого учения о праве было связано с тем, что Г. Кельзен проводит границу между теорией и социологией права по устаревшему уже в начале XX века критерию — делению между фактами и нормами, между естественным и нормативным миром, где, соответственно, либо материальные факты связываются между собой, либо с действительными, общеобязательными нормами. Нормативная наука о праве противопоставлялась им в этом отношении причинно-следственному исследованию фактического действия права в обществе, что в методологическом аспекте было совершенно обосновано с точки зрения неокантианского разделения номо- и идеографических наук. Только все аргументы, что Г. Кельзен выдвигал против так понимаемой социологии права, шли мимо ее основных представителей, которые свою дисциплину понимали в иной перспективе, которая включала в свой предмет не только фактическое, но и умопостигаемое измерение права, пытаясь одно объяснить через другое. То же самое, на самом деле, пытался в своих более поздних построениях сделать и сам венский правовед, возражая не против учета фактического регулятивного измерения в науке о праве, а против попыток легитимировать некие объявляемые универсальными требования к человеческому поведению ссылками на эмпирические закономерности. В этом принципиальном релятивизме Г. Кельзен был близок к М. Веберу и к научным принципам логического позитивизма.

Ключевые слова: чистое учение о праве, социология права, право и общество, действие и действенность права, нормативность и фактичность, обязывающая сила права

LEGAL SCIENCE AND SOCIETY IN THE TEACHING OF H. KELSEN

Antonov Mikhail Valeryevich

Professor, Department of Theory and History of Law and State

Faculty of Law, HSE University, Saint Petersburg

Abstract: The denial of the applicability of sociological tools within the pure theory of law was due to the fact that H. Kelsen draws the line between legal theory and sociology of law according to the criterion outdated already at the beginning of the 20th century — the division between facts and norms, between the natural and normative world, where, respectively, either material facts are interconnected, or with real, generally binding standards. In this respect, they opposed the normative science of law to the cause-and-effect study of the actual operation of law in society, which was completely justified in the methodological aspect from the point of view of the neo-Kantian division of nomo- and ideographic sciences. Only all the arguments that H. Kelsen put forward against sociology of law failed to reach its main representatives (E. Ehrlich, M. Weber, R. Pound et al.), who understood their discipline much more broadly and from a different perspective, which included in its subject not only the factual, but also the intelligible dimension of law, trying to explain one through the other. In fact, the Viennese jurist himself tried to do the same in his later constructions, objecting not to taking into account the actual regulatory dimension in the science of law, but to attempts to legitimize certain declared universal requirements for human behavior by referring to empirical patterns. In this relativism, H. Kelsen was close to M. Weber and to the scientific principles of logical positivism.

Keywords: pure theory of law, sociology of law, law and society, validity and effectiveness of law, normativity and facticity, the binding force of law

Проблема диалога науки и общества предполагает не только вопрос о том, как научное знание передается за пределы академической среды, но и вопрос о том, каким образом сама наука осознает собственные границы, методы и условия достоверности. Особенно остро эта проблема проявляется в правоведении, поскольку право одновременно выступает объектом научного описания, инструментом общественного регулирования и языком публичного обоснования власти. В этом отношении обращение к чистому учению о праве Г. Кельзена позволяет рассмотреть один из наиболее значимых проектов методологического самоограничения юридической науки. Постулат чистоты метода был направлен не на изоляцию правоведа от социальной действительности, а на выявление тех предпосылок, которые влияют на научное суждение о праве и могут подменять юридическое познание политическими, моральными или социологическими оценками. Поэтому кельзеновская теория важна для темы диалога науки и общества: она показывает, что такой диалог невозможен без предварительной рефлексии науки о собственном языке, предмете и способах обоснования. Наука, вступающая в общественное пространство, должна не растворяться в актуальных идеологических запросах, но и не отрицать их влияния. Ее задача состоит в том, чтобы сделать это влияние видимым, критически осмысленным и тем самым превратить взаимодействие с обществом в форму ответственного знания, а не в простое воспроизведение господствующих представлений.

Рассуждения о методе находятся в центре теории Г. Кельзена; сущность и основной замысел этой теории можно понять в том смысле, что мыслитель пытается сформулировать постулат чистоты метода и исследовать границы его применимости. Чистота метода правопознания означала, что право познается через нормы, его определение, действие, истолкование рассматриваются так, как если бы они были свободны от психологических,

экономических и иных факторов. Условное наклонение «как если бы» очень важно для понимания кельзеновской теории, поскольку мыслитель и не думает утверждать контринтуитивного тезиса о том, что право может существовать, действовать, применяться только как норма, без каких-либо влияний извне. Так же как Кант, Кельзен пытался сформулировать условия познания мира права, выделить для этого универсальные категории. У Канта для познания мира это были категории пространства, времени и причинности; Кельзен пытался объяснить право как нормативное явление через категории компетенции и обязывающей силы, замыкая их объяснение на основной норме (своего рода аналог категорического императива). Эти принципы он искал не в философских абстракциях, а в наличном материале юридической догматики своей правовой культуры, пытаясь вскрыть заложенные в нее потенции для объяснения права.

Чистая теории права Г. Кельзена в истории теоретического правоведения XX века нередко рассматривается как наиболее показательная попытка очистить науку о праве от чужеродных ей элементов, в число которых австрийский правовед первоначально включал методы естественных и социальных наук. Другое дело, что попытка эта не была задумана столь радикально. Здесь нужно, во-первых, вспомнить, что наука о праве для венского правоведа на первом (неокантианском) этапе его творчества означала в том числе нормотворчество. Волевые акты и содержащие их тексты сами по себе, по мысли Г. Кельзена, еще не содержат норм, но лишь материал для их конструирования (реконструкции), которым должны заниматься правоведы, организуя этот первичный материал в последовательное регулятивное целое. Из этого целого правоведы далее выводят как общий порядок человеческого поведения в определенном сообществе (правопорядок), так и его составные части (нормы права), что представляют собой мысленные конструкции, что создаются наукой о праве и что связывают между собой властные предписания (диспозиции) с мерами принуждения (санкциями) на случай их нарушения.

Именно применительно к этой нормотворческой деятельности науки о праве мыслитель утверждал о необходимости ее «очищения» как от оценочных суждений, так и от суждений о фактах, что могли бы служить обоснованием для создаваемых правоведами правовых норм. Такие обоснование, как полагал Г. Кельзен, в рамках чистого правопознания, может давать только сам правовой порядок и выводимые из него, уже сконструированные юристами нормы. Таковы первоначальные контуры постулата чистоты, при помощи которого мыслитель пытался реализовать в науке о праве принцип Юма о невыводимости должного из сущего. Г. Кельзен попытался обозначить науку о праве как самозаконную научную дисциплину, для которой свойственен характерный только для нее нормативный метод истолкования и одновременно создания права. С этим пониманием науки о праве и связан его знаменитый спор с О. Эрлихом, к которому мы неоднократно будем обращаться в настоящей работе.

При этом мыслитель не пытался отрицать фактическое измерение права, либо объявить исследование этого измерения антинаучным – его идея заключалась в создании отдельной прикладной дисциплины, которая занималась бы последовательным описанием права «таким, каково оно есть» с точки зрения специфической методологии юриспруденции. В дальнейших работах, где венский правовед отказывается от идеи о нормотворческой функции науки о праве, о том, что правопознание создает нормы права и творит правопорядок, и признавал, что эта функция реализуется самими правоприменителями, потребность в столь жесткой формулировке принципа Юма для юридической науки отпала. Более того, если признавать, что (индивидуальные) нормы создаются не в рамках отвлеченной от жизни науки, а

непосредственно в самой практике, от конкретных условий и обстоятельств которой правоприменитель не может отвлечься, жесткие попытки разделить сущее и должное в праве вообще утрачивают смысл.

Требование постулата чистоты поэтому сводилось, конечно, не к тому, что правовед должен убежать в башню из слоновой кости и отрешиться от всего земного в своем правопознании – это невозможно и требовать этого нет никакого резона. С точки зрения идеолого-критической программы чистого учения (в этом отношении Г. Кельзен следовал общим научным установкам своего времени и места, особенно Венского логического кружка), правовед должен не отрицать свою предвзятость и зависимость своих суждений от происходящего в окружающем мире, а, наоборот, эти предвзятость и зависимость критически исследовать, извлекать на свет, признавать их как перед самим собой, так и перед другими, за счет чего делать нормотворчество (правопознание, через которое конструируются нормы права) по возможности более свободным.

От этой основы правовед должен отталкиваться в своих рассуждениях (в смысле – признавать ее влияние и критически его осмысливать, пытаясь обеспечить беспристрастность своих нормативных суждений), поскольку как нормативный материал, с которым любой правовед работает, так и приемы и методы, что он использует в познании, очевидно связаны с условиями места и времени, с интересами и идеологиями, что господствуют в том или ином сообществе. Метода для такого идеолого-критического взгляда на право Г. Кельзен не находил в современном ему социологическом знании, которое, по его мнению, смешивала разные методы и предметы, и наделяла свои основные понятия онтологическим статусом.

С этими различными аспектами постулата чистоты и его развитием в течение научной карьеры венского правоведа связано и его неоднозначное отношение к социологии и ее попыткам применения в науке права. В своих произведениях Кельзен описывает социологию как причинно-следственную науку в смысле, в котором социологию призывал понимать О. Конт. Уже Э. Дюркгейм, а за ним Г. Тард и М. Вебер далеко ушли от такого упрощенного образа социологического знания. Особенно в этом отношении показательна понимающая социология М. Вебера, которая претендовала на реконструкцию внутреннего смысла человеческого поведения по его внешним проявлениям и по закономерностям, что в этих проявлениях можно найти.

В этом аспекте нормативная юриспруденция Г. Кельзена обнаруживает сходства с методологией веберовской социологии. Формальная рациональность новоевропейского мышления, для которой характерен особый тип понимания логики социальных связей и обоснования (легитимации) принуждения в обществе, в описании М. Вебера предлагает рамки, по которым может быть описано юридическое мышление, свойственное для этой эпохи и этой культуры. То же самое, только из границ самой науки о праве, предлагает Г. Кельзен, разве что чрезмерно универсализируя рациональную картину правопознания и пытаясь отграничить эту картину от всех иных вариантов объяснения механизма действия права. Признание влияния внешних условий на формирование правовых рамок и представлений не означает их детерминированности этими условиями или же отрицания этической автономии субъекта у М. Вебера. Наоборот, фактическая значимость такого влияния лишь актуализирует требование свободы от оценочных суждений (Wertfreiheit, никогда полностью не достижимый идеал, формулировки которого Кельзен вполне мог заимствовать у Вебера) и чуткости

исследователя к формирующим его мировоззрение и ментальность внешним условиям, и поэтому к неизбежной релятивности его выводов.

УДК 001:316

ОГРАНИЧЕНИЯ ФАКТОСТРОИТЕЛЬСТВА В ЗДРАВООХРАНЕНИИ: НАУЧНАЯ КОММУНИКАЦИЯ ПО ВОПРОСУ OFF-LABEL ПРЕПАРАТОВ

Боброва Владислава Юрьевна
Европейский университет в Санкт-Петербурге, младший научный сотрудник
E-mail: vu.bobrova@gmail.com

Аннотация: В работе анализируется специфика научной коммуникации в медицине на примере контроверзы вокруг применения off-label препаратов в российском здравоохранении. В качестве теоретической рамки используются исследования научной коммуникации, выделяющие модели дефицита, диалога, вовлечения и участия, а также акторно-сетевая теория, позволяющая описывать ситуации неопределенности и процессы фактостроительства. На основе открытых источников реконструируется кейс применения off-label препаратов как контроверза, участниками которой выступают исследователи, медицинские организации, фармацевтические компании, пациентские сообщества и государственные регуляторы. В центре анализа находится статус научного утверждения об эффективности off-label препарата и условия его закрепления в клинической практике. Показано, что закрытие контроверзы связано с проведением клинических испытаний и требует значительных ресурсов, что делает фармацевтические компании ключевыми акторами фактостроительства. Одновременно в биомедицине развиваются вычислительные методы и подходы персонализированной терапии, особенно в онкологии, позволяющие быстрее генерировать гипотезы об эффективности лекарств, чем это фиксируется в клинических рекомендациях и регуляторных документах. В результате основное напряжение смещается на уровень регуляторной рамки, определяющей возможность институционализации научного знания в медицине. Научная коммуникация в данном случае предстает как процесс согласования условий признания и использования знания в клинической практике.

Ключевые слова: научная коммуникация, здравоохранение, пациентские сообщества, off-label, использование лекарств не по прямому назначению, публичные контроверзы, персонализированная медицина.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках гранта № 25-28-02502 «Концептуальные основания публичной научной коммуникации: эпистемологический и ценностно-нормативный аспекты» (https://rscf.ru/project/25-28-02502/).

LIMITATIONS OF FACT-BUILDING IN HEALTHCARE: SCIENCE COMMUNICATION ON OFF-LABEL DRUG USE

Bobrova Vladislava Yurievna

European University at St. Petersburg, junior researcher

Abstract: The paper analyzes the specificity of scientific communication in medicine through the case of the controversy surrounding the use of off-label drugs in Russian healthcare. The theoretical framework draws on studies of scientific communication that distinguish the deficit, dialogue, engagement, and participation models, as well as actor-network theory, which enables the analysis of situations of uncertainty and processes of fact-building. Based on open sources, the case of off-label drug use is reconstructed as a controversy involving researchers, medical organizations, pharmaceutical companies, patient communities, and state regulators. The analysis focuses on the status of scientific claims about the effectiveness of off-label drugs and the conditions under which they become embedded in clinical practice. It is shown that the closure of such controversies is linked to the conduct of clinical trials and requires substantial resources, making pharmaceutical companies key actors in fact-building. At the same time, biomedical research is increasingly shaped by computational methods and approaches to personalized medicine, particularly in oncology, which enable the faster generation of hypotheses about drug efficacy than their incorporation into clinical guidelines and regulatory documents. As a result, the main tension shifts to the level of the regulatory framework that determines the institutionalization of scientific knowledge in medicine. Scientific communication in this case appears as a process of negotiating the conditions under which knowledge is recognized and used in clinical practice.

Keywords: science communication, healthcare, patient communities, off-label, off-label drug use, public controversies, personalization.

Исследования научной коммуникации начались с вопросов недоверия к науке и попытки улучшить “общественное понимание” науки у аудитории непрофессионалов. Впоследствии эта дефицитарная модель была пересмотрена в свете внимания к локальной экспертизе различных публик и возможности их участия в производстве научного знания и в вопросах социотехнической политики. На смену “дефициту” пришел “диалог”, а далее вовлечение и участие публик [Bucchi, Trench 2025, p. 124-129].

Исследования научной коммуникации в медицине богаты описаниями взаимодействия ученых и различных публик, в частности медицинских сообществ. Аналогично общей повестке научной коммуникации, в медицине изучается переход от дефицитарной модели к пациенто-ориентированной [Ko 2016, p. 428]. На разных кейсах продемонстрировано, как пациентские сообщества добиваются признания собственной экспертизы по вопросам заболеваний, становятся активными со-производителями медицинских знаний.

Хотя доминирующей теоретической рамкой для анализа процессов научной коммуникации является социальный конструктивизм, ряд исследований обосновал и продемонстрировал потенциал акторно-сетевой теории, обращающейся к более глубокому кризису деления на специалистов и неспециалистов [Ляпугина 2023, с. 12]. Он сопровождается возникновением контроверз как ситуаций неопределенности в отношении какой-либо проблемы, в рамках которой сталкиваются неодинаковые позиции различных заинтересованных групп. В частности, хрестоматийная работа М. Каллона и В. Рабехаризоы про французскую ассоциацию мышечной дистрофии AFM предлагает язык для описания контроверз как следствия негативного фреймирования [Callon, Rabeharisoa 2003, p. 202]. Пациенты AFM и их семьи были исключены как из существующих исследовательских программ, так и из программ социальной поддержки. Поэтому они стали “исследователями в

дикой природе” – организовали собственный сбор данных с помощью протоинструментов, делали заказы на лабораторные исследования, занимались информированием. Своими действиями они не только привлекли внимание к проблеме мышечной дистрофии, но и пошатнули деление на специалистов (ученых-медиков) и неспециалистов в вопросе мышечной дистрофии. Построив собственные лаборатории, они заняли эпистемическую позицию, аналогичному ученому в лаборатории.

В этой работе предлагается продолжить изучение специфики научной коммуникации в медицине, а именно – отношений между медицинской наукой и клинической практикой. Одна из форм трансляции научного знания в клиническую практику – разработка лекарственных препаратов. Для регистрации нового препарата необходимо пройти строгую процедуру отбора, включающую в себя серию клинических испытаний и проверок. Эти процессы растягиваются на долгие годы и требуют больших вложений ресурсов. Поэтому при наличии научных исследований, подтверждающих действие какого-то препарата для новой патологии, возникает феномен подбора препаратов off-label – лекарственные средства, применяемые вне утвержденных инструкций. Несмотря на широкую распространенность в клинической практике, их использование связано с высокой степенью неопределенности как с точки зрения доказательной базы, так и с точки зрения правового регулирования [Карабина и др. 2022, с. 169].

В российском контексте ситуация осложняется отсутствием четкой нормативной рамки для применения off-label препаратов у взрослых пациентов. Хотя для отдельных категорий (например, тяжелобольных детей) регуляция частично выстроена, в большинстве случаев врачи вынуждены принимать решения с опорой на врачебные комиссии, регламент которых в отношении off-label не установлен [Всероссийский союз пациентов 2025, web; Вместе против рака 2025, web]. Это создает серьезные риски уголовной ответственности в случаях медицинских ошибок, что ограничивает назначение таких препаратов на практике.

Предлагается рассмотреть эту ситуацию как проблему научной коммуникации – контроверзу, участниками которой выступают исследователи, медицинские организации, фармацевтические компании, пациентские сообщества и государственные регуляторы. Центральным элементом контроверзы становится статус научного утверждения об эффективности off-label препарата. В этой работе для реконструкции кейса в качестве эмпирического материала используются открытые источники, включая материалы сайтов пациентских организаций и высказывания в СМИ.

Закрытие контроверзы в науке означало бы окончание полемики в отношении утверждения и использования его в качестве установленного факта. Как показывает Б. Латур, судьба научного утверждения зависит от того, как его будут использовать другие [Latour 1987, p. 104]. С увеличением количества текстов, опирающихся на данное утверждение, не оспаривающих его, закрепляется его научный статус. Фактостроительство в медицине имеет свою специфику. Желаемой точкой в путешествии утверждения становятся медицинские стандарты, протоколы и клинические рекомендации. Другими словами, в медицине закрытие контроверзы закрепляется в виде документов, за производство которых отвечают институциональные акторы за пределами агонистического поля науки, например, профессиональные сообщества, Росздравнадзор или Минздрав.

С одной стороны, знание о препарате коммуницируется в форме инструкции по его применению. Инструкция определенным образом фреймирует медицинскую практику, обозначая как заболевания, для которых выписывается данный препарат, так и соответствующие группы пациентов. В условиях постоянно развивающегося научного знания

за пределами этого фрейма оказывается множество клинических случаев. Однако в поле российского здравоохранения не заметно активных “исследований в дикой природе” по вопросам обоснования off-label. Предположительно, это связано с тем, что для трансформации инструкции, т.е. перерегистрации препарата для расширения патологий воздействия, необходимы серьезные ресурсы. Несмотря на то, что врачи, исследователи, пациентские организации и регуляторы участвуют в производстве, обсуждении и распространении знания об эффективности off-label препаратов, преимущественно только фармацевтические компании обладают достаточными финансовыми и организационными ресурсами для проведения клинических испытаний, необходимых для официальной регистрации нового показания [см. экспертное интервью у Селина 2023, web]. В некоторых случаях такая регистрация невозможна в принципе для групп пациентов, которые по каким-то причинам не могут быть включены в клинические испытания: люди с очень редкими заболеваниями, беременные женщины и дети [там же]. Другими словами, стоимость закрытия контроверзы на уровне инструкции либо предполагает высокие затраты, либо не представляется возможной.

С другой стороны, знание об эффективности off-label активно коммуницируется в научных исследованиях. Особенно характерно это для инновационных подходов в персонализированной терапии, когда ученые могут осуществить подбор лекарства по его действующему веществу под генетический профиль конкретного пациента [Kerr et al. 2021, p. 109]. Важным аспектом развития биомедицинской науки является геномная трансформация и появление возможности проводить испытания in silico по подбору препаратов по их действующему веществу – в отличие от клинических испытаний, они проводятся с гораздо меньшими затратами времени и других ресурсов. Обилие способов вычислительного перепрофилирования лекарств ведет к производству научных знаний и методов терапии в десятках направлений, что в совокупности существенно обгоняет развитие медицинских стандартов и клинических рекомендаций по конкретным заболеваниям.

В результате в публичном поле большинство участников вовлечены не столько в контроверзу вокруг конкретного препарата, сколько в борьбу за изменение самой регуляторной рамки, определяющей допустимость применения off-label терапии. Кризис деления на специалистов и неспециалистов отходит на второй план перед лицом нормативного кризиса. Таким образом, предметом научной коммуникации становится уже не отдельное научное утверждение, а правила, по которым научное знание может быть признано легитимным в системе здравоохранения.

Научная коммуникация в данном случае актуальна на уровне согласования критериев доказательности – условий трансляции научного знания в клиническую практику. В представленном анализе кейса применимы две модели научной коммуникации: дефицитарные механизмы (распространение результатов исследований) сочетаются с элементами участия (включение врачей, пациентов и других акторов в процессы обсуждения и обоснования применения препаратов). Однако форматы этой коммуникации требуют сбора дополнительной информации в эмпирическом исследовании.

Таким образом, вычислительные методы в биомедицине создали условия для трансформации научных утверждений кросс-локально (стимулируя внутринаучную коммуникацию) и с меньшими затратами, однако их коммуникация в клиническую практику является предметом публичной политики в здравоохранении и требует вовлечения разных заинтересованных сторон. Специфика научной коммуникации в медицине проявляется в том, что стандарты доказательности и институциональные требования ограничивают возможности

закрытия контроверз, а конструирование научного знания одновременно продолжается в клинической практике и ограничивается ею же.

Список литературы и источников

1. Карабина и др. 2022 – Карабина Е. В., Сакаева Д. Д., Липатов О. Н. Противоопухолевые лекарственные препараты «вне инструкции» в онкологии // Креативная хирургия и онкология. 2022. Т. 12. № 2. С. 164–171.
2. Ляпугина 2023 – Ляпугина Н. А. Контроверзы — искоренимое зло или неизбежное благо? Динамика отношений науки и общества в перспективе социального конструктивизма и акторно-сетевой теории // Социология власти. 2023. Т. 35. № 3. С. 8–56.
3. Всероссийский союз пациентов 2025, web – Всероссийский союз пациентов. Эксперт указал на недоработки в новом регламенте для врачебных комиссий // Всероссийский союз пациентов. 2025. URL: https://vspru.ru/kommunikatsii/media/news/2025/02/10022025-ekspert-ukazal/ (дата обращения: 30.04.2026).
4. Вместе против рака 2025, web – Вместе против рака. Больше офф-лейбл — больше вопросов // Вместе против рака. 2025. URL: https://protiv-raka.ru/analytics/bolshe-off-lejbl-bolshe-voprosov/ (дата обращения: 30.04.2026).
5. Селина 2023, web – Селина М. В. Не по инструкции // IQ MEDIA. 2023. URL: https://iq-media.ru/archive/862409405 (дата обращения: 30.04.2026).
6. Bucchi, Trench 2025 – Bucchi M., Trench B. A Short Lexicon of Science Communication // Science Communication: The Basics. London: Routledge, 2025. P. 124-133.
7. Callon, Rabeharisoa 2003 – Callon M., Rabeharisoa V. Research “in the wild” and the shaping of new social identities // Technology in Society. 2003. Vol. 25. P. 193–204.
8. Kerr et al. 2021 – Kerr A., Chekar C. K., Ross E., Swallow J., Cunningham-Burley S. Personalised Cancer Medicine: Future Crafting in the Genomic Era. Manchester: Manchester University Press, 2021. 288 p.
9. Ko 2016 – Ko H. In science communication, why does the idea of a public deficit always return? How do the shifting information flows in healthcare affect the deficit model of science communication? // Public Understanding of Science. 2016. Vol. 25. No. 4. P. 427–432.
10. Latour 1987 – Latour B. Science in Action: How to Follow Scientists and Engineers Through Society. Cambridge, MA, 1987. 274 p.

УДК 168.521

ВЛИЯНИЕ ESG-ПОВЕСТКИ И ИДЕИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ НА ПУБЛИЧНУЮ РИТОРИКУ ЭКСПЕРТОВ-ЭКОЛОГОВ

Собка Александр Андреевич

Европейский университет в Санкт-Петербурге, младший научный сотрудник

E-mail: sobka.alexander@gmail.com

Аннотация: ESG и цели устойчивого развития — не просто ряд принципов и целей, принятых в корпоративном управлении, но и ключевые элементы значимой общественно-политической повестки, выступающей посредником между наукой, бизнесом, государством и потребителями. Экологи-эксперты, включённые в экономические системы, ориентированные на экологическую повестку, воспринимают специфический язык и соответствующий этос «зелёной экономики» и стратегического менеджмента, изменяя свои риторические стратегии в соответствии с коммуникативными нормами делового сообщества. Как трансформируются стратегии публичной научной коммуникации экспертов-экологов? По какой модели исследователи адаптируются к упомянутой общественно-политической повестке? В статье делается краткий экскурс в историю становления концепции корпоративной социальной ответственности, ESG-принципов и целей устойчивого развития, а также на трёх примерах рассматривается публичная риторика экологов на предмет политизации публичного научного дискурса, его нормативного или позитивного характера и учёта экономической логики. В результате исследования развитие публичной риторики экспертов-экологов признаётся негомогенным. Делается вывод, что экологический дискурс апроприирует экономическую логику, но в разных формах: 1) в нормативно-распределительной, когда экология становится наукой, предоставляющей или отбирающей права экономических акторов на основании результатов экспертизы; 2) в управленческой, когда экология мимикрирует под логику управления рисками и становится наукой о принятии решений на основе относительного научного знания; 3) в опционально-конструктивной, когда экология является одним из желательных, но необязательных источников увеличения прибыли фирмы или улучшения корпоративного имиджа перед стейкхолдерами.

Ключевые слова: ESG, корпоративная социальная ответственность, устойчивое развитие, публичная научная коммуникация, экология, научная риторика.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках гранта № 25-28-02502 «Концептуальные основания публичной научной коммуникации: эпистемологический и ценностно-нормативный аспекты» (https://rscf.ru/project/25-28-02502/).

THE IMPACT OF THE ESG AGENDA AND THE CONCEPT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT ON THE PUBLIC RHETORIC OF ENVIRONMENTAL SCIENTISTS

Sobka Aleksandr Andreevich
European University in St. Petersburg, Junior Research Fellow

Abstract: ESG and sustainable development goals are not simply a set of principles and objectives adopted in corporate governance, but also key elements of a significant socio-political agenda that mediates between science, business, government, and consumers. Environmental experts integrated into economic systems focused on the environmental agenda adopt the specific language and corresponding ethos of the "green economy" and strategic management, adapting their rhetorical strategies to the communication norms of the business community. How are the science communication strategies of environmental experts being transformed? By what model are researchers adapting to this socio-political agenda? This article provides a brief overview of the development of the concept of corporate social responsibility, ESG principles, and sustainable development goals, and uses three examples to examine the public rhetoric of environmentalists in

terms of the politicization of science discourse, its normative or positive nature, and its integration with economic logic. The study concludes that the development of public rhetoric among environmental experts is heterogeneous. It is concluded that environmental discourse appropriates economic logic, but in different forms: 1) in the normative-distributive sense, when ecology becomes a science that grants or revokes the rights of economic actors based on expert assessment results; 2) in the managerial sense, when ecology mimics the logic of risk management and becomes a science of decision-making based on relative scientific knowledge; 3) in the optional-constructive sense, when ecology is a desirable but optional source of increasing a company's profits or improving its corporate image among stakeholders.

Keywords: ESG, corporate social responsibility, sustainable development, science communication, ecology, science rhetoric.

«ESG» — одна из популярных аббревиатур, которая вошла в интеллектуальный, риторический мейнстрим последних 20 лет в сфере корпоративного управления. Аббревиатура «ESG» расшифровывается как «Environmental — экологический, Social — социальный, Governance — связанный с корпоративным управлением» и представляет собой набор принципов, которые были выдвинуты перед бизнес-средой в середине 2000-х годов. В данном докладе меня будет интересовать содержание вопросов экологического принципа ESG: влияние на глобальное изменение климата, снижение загрязнений окружающей среды, повышение экологических требований к производителям товаров и услуг, внедрение инструментов контроля и регулирования воздействия фирм на окружающую среду, повышение репутационных рисков для компаний и т.д.

В литературе нередко можно встретить выражение «ESG-концепция» [Мантаева 2023, с. 93], однако, как подчёркивает Юрий Евгеньевич Благов, «аббревиатура ESG не может выступать научным термином и тем более названием научной концепции, а широко распространенный термин «концепция ESG» всего лишь фигура речи» [Благов 2024, с. 290]. Действительно, характерным сюжетом для разговора об ESG является то, что за выдвижением принципов ESG под эгидой инициативы Глобального договора ООН в 2004 году [Who Cares Wins 2004] стояло намерение занять дистанцию по отношению к различным концепциям корпоративной социальной ответственности, которые на тот момент насчитывали около 50 лет развития, сосредоточившись на «чистых» от теоретических дискуссий критериях, которые было проще операционализировать для последующего применения на практике.

История понятия «корпоративная социальность ответственность» (КСО) началась ещё в 1953 году с работы Г. Боуена «Социальная ответственность бизнесмена» [Bowen 1953]. В течение второй половины XX века появилось множество комплементарных понятий (корпоративная социальная деятельность, корпоративная социальная восприимчивость, корпоративная устойчивость, коопоративное гражданство и пр.) и развилась дискуссия между нормативным и позитивным подходом к определению КСО. Нормативный подход занимал ценностно-ангажированную позицию и предполагал обоснование вопросов, связанных с тем, на каком основании и какую ответственность перед обществом должен нести бизнес, а позитивный подход занимал ценностно-нейтральную позицию и рассматривал социальную ответственность (или социальную деятельность) как необходимый для менеджмента элемент управления фирмой, который позволяет фирме «эффективно функционировать в своей

традиционной роли поставщика товаров и услуг» [по Благову 2006, с. 10]. Несмотря на то, что эти подходы не являются противоречащими друг другу и со временем были интегрированы в относительно синтетические концепции (например, стейкхолдер-менеджмент), развитие всевозможных линий аргументации привело к тому, что термин «корпоративная социальная ответственность» стал зонтичным понятием, из-за чего его стало сложнее операционализировать.

Так Д. Вотав в 1973 году подчёркивал, что термин «корпоративная социальная ответственность» «просто восхитителен; он что-то означает, но не для всех одно и то же. Для кого-то он выражает идею правовой ответственности или правовых обязательств; для других он характеризует социально ответственное поведение в этическом смысле; для следующей группы ему придается значение «быть ответственным» в каузальном смысле; многие попросту приравнивают его к благотворительным вкладам; кто-то трактует его как общественную сознательность; большинство из тех, кто им пользуется, особо горячо отстаивают трактовку термина как простого синонима «легитимности» в контексте правильности и обоснованности; некоторые рассматривают его в качестве своего рода фидуциарной обязанности устанавливать более высокие стандарты поведения бизнесменов, чем граждан в целом» [по Благову 2006, с. 8].

Извлечение к середине 2000-х годов научного термина «корпоративная социальная ответственность» из поля теоретических дискуссий, его конкретизация в виде набора критериев, требований и политик в русле ESG-повестки, с одной стороны, позволило более эффективно использовать понятийный аппарат для разработки прикладных метрик и рейтингов, но, с другой стороны, со временем догматизировало и политизировало саму ESG-повестку. Так Юрий Евгеньевич Благов отмечает, что сегодня «аббревиатуре ESG все чаще противопоставляют более традиционную и менее политизированную КСО» [Благов 2024, с. 296]. Принятие Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН в 2015 году только способствовало закреплению нормативно-регулятивной оптики, перенесённой из научного контекста в политический, одновременно с этим в концепции ЦУР экологические факторы преподносились как определяющие и центральные, имеющие отношение к «планетарным системам жизнеобеспечения».

Задача данного исследования состоит в том, чтобы рассмотреть, какие риторические стратегии выбирают учёные-экологи — представители естественных наук, включая в свои публичные высказывания отсылки на экологический аспект ESG-повестки, идеи устойчивого развития или в целом ведя речь о взаимодействии бизнеса и эко-повестки. Является ли их риторика нормативной или позитивной? Политизированной? Соотносится ли их интерпретация целей устойчивого развития с целями фирмы как организации, нацеленной на извлечение прибыли?

Так, например, Рашид Исмаилов, эколог и председатель Российского экологического общества, комментируя современную экологическую повестку в РФ, с негативной стороны отмечает её политизированность и в качестве альтернативы предлагает сразу две стратегии реализации этой эко-повестки: 1) политизация эко-повестки в противоположном идеологическом направлении (национальные интересы вместо глобальных), 2) «обнаучивание» экологической повестки с полным отказом от учёта интересов бизнеса:

1) «Мы сейчас начинаем осознавать, что во многом идеология ESG действительно была привнесена в нашу корпоративную культуру извне, и ориентиры ее были направлены на внешние институты развития, на рейтинги, то есть больше с уклоном в некую оболочку пиара, имиджа, маркетинга. Соответствие требованиям ESG — это действительно веяния западной культуры капиталов, которые, может быть, и созвучны с нашим культурным кодом, но не соответствуют ему полностью» [Кириллова 2022].

2) «Я считаю, что у нас должна быть диктатура природоохранного законодательства, приоритет экологии над экономикой. Любой проект должен обязательно быть обеспечен экспертизой, общественным, экспертным и научным участием, чтобы мы были убеждены, что данный проект не несет в себе экологических рисков» [Кириллова 2022].

Другой эколог, эксперт по устойчивому развитию и транспорту Анар Мехтиев наоборот переносит логику управления рисками, логику экономической деятельности, на сферу экологии, представляя экологию как науку не дескриптивную, а нормативную, основанную на системе принятия решений:

«Я считаю, экология вся построена на каких-то относительных рисках. И поэтому, когда есть предельно допустимая концентрация, например, какого-то вещества в воде или в воздухе, почему я говорю, что всё относительно? Потому что не факт, что, вдохнув этот воздух или выпив эту воду, ты заболеешь, умрёшь или что-то с тобой случится через 20 лет. Есть риск от того, что, допустим, выпив эту воду, там тебе станет плохо. Но это не абсолютный факт, что это станет так» [Гамидов 2025].

Юлия Дзюба, эколог и специалист по устойчивому развитию компании EcoDao, комментируя трансформацию бизнес-среды после февраля 2022 года, отмечает кризис, с которой столкнулась она сама как эколог-консультант в ситуации сокращения доходов предприятия:

«Я просто хочу еще сказать, что связи с событием вот прошедшего года, которые начались в феврале, да, ко мне очень многие люди, заглядывая мне в глаза, говорили: «Ну что, где теперь твоё устойчивое развитие?» Вот и у меня, честно говоря, летом был прям такой спад, когда я чувствовала, что мне нужно опять искать себе другое место работы, потому что в компании реально просто это не нужно, потому что сейчас основные бизнес-цели: выжить, закрепиться, сохранить клиентов, сохранить вот эти вот контракты, для того чтобы у людей были необходимые объемы, был необходимый доход, но и очень важно, конечно, еще сохранить компетенции» [Башкирова 2023].

Остановлюсь на этих трёх примерах и отмечу, по каким основным траекториям может происходить трансформация публичной риторики специалистов, исследователей в области экологии:

1) Чисто нормативная риторическая линия, нацеленная на жёсткое политико-правовое регулирование сферы экологического менеджемента. Приоритет отдаётся экологам как источникам экспертного мнения. Экология как нормативно-распределительная наука, предоставляющая или отбирающая права экономических акторов.

2) Апроприация экологией экономической логики и превращение экологии в нормативную дисциплину, в которой дескриптивная составляющая оказывается почти

полностью поглощена экологической оценкой. Экология как наука о принятии решений и управления рисками на основе относительного научного знания.

3) Закрепление за экологическим менеджментом роли дополнительной, опциональной надстройки над основной деятельностью фирмы. Экология как наука, позволяющая усовершенствовать работу фирмы, но остающаяся в подчинённом положении по отношению к основной деятельности компании.

В заключение стоит отметить, что основной сюжет данного исследования — трансформация эколого-экономической риторики относительно концепции корпоративной социальной ответственности, а именно дистанцирование дискуссий от сугубо теоретического контекста, операционализация понятий, политизация, включение целой серии заинтересованных лиц не просто в работу по сбережению окружающей среды, а в хоть и редуцированную, но всё же дискуссию на уровне концептуальных идей, принципов и инструментов, — все эти характеристики вполне отвечают процессу становления постнормальной науки, концепция которой была разработана как раз в 1990-е годы Сильвио Фунтовичем и Джеромом Р. Равецем [Funtowicz 1993].

Дать относительно достоверный ответ, разделяют ли современные экологи в своём публичном диалоге с государством, бизнесом и общественностью преимущественно нормативный или преимущественно позитивный подход, представляется невозможным, поскольку, как было показано даже в примерах выше, риторические стратегии в разговоре о принципах устойчивого развития не являются гомогенными даже в речи одного человека, не говоря уже о том, что на уровне дискуссий о корпоративной социальной ответственности во второй половине XX века эта жёсткая оппозиция была снята.

Что действительно можно сегодня наблюдать, так это то, как экология под воздействием международных и национальных стандартов превращается из чисто описательной науки в науку, не просто учитывающую, но и разделяющую в том или ином виде (нормативном, позитивном или «мимикрирующем») логику принятия экономических решений, в особенности на уровне публичной риторики.

Список литературы

1. Башкирова 2023 – «Позитивные изменения. Эколог-аудитор, ESG-консультант — Юлия Дзюба» [Электронный ресурс] / автор видео Ольга Башкирова // YouTube. 2023. 8 февр. URL: https://www.youtube.com/watch?v=XvqLlG1EERo (дата обращения: 01.05.2026).
2. Благов 2006 – Благов Ю. Е. Генезис концепции корпоративной социальной ответственности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2006. № 2. С. 3-24.
3. Благов 2024 – Благов Ю. Е. ESG: трансформация интерпретаций // Российский журнал менеджмента. 2024. Т. 22. № 2. С. 289-301.
4. Гамидов 2025 – «Кому на самом деле служит экология? / HH Podcast» [Электронный ресурс] / автор видео Гамид Гамидов // YouTube. 2025. 14 окт. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Ti9c7KK-ans (дата обращения: 01.05.2026).

5. Кириллова 2022 – Кириллова Ю. Рашид Исмаилов, председатель Российского экологического общества – для EcoStandard.journal: «Сегодня наша задача не обнулить экологическую повестку в стране» [Электронный ресурс] // EcoStandard.journal. 2022. 28 июня. URL: https://journal.ecostandard.ru/esg/intervyu-/rashid-ismailov-predsedatel-rossiyskogo-ekologicheskogo-obshchestva-dlya-ecostandard-journal-segodnya/ (дата обращения: 01.05.2026).
6. Мантаева 2023 – Мантаева Э. И. Стандарты ESG-концепции устойчивого развития / Э. И. Мантаева, В. С. Голденова, И. В. Слободчикова // Научные труды Вольного экономического общества России. 2023. Т. 242, № 4. С. 93-104.
7. Bowen 1953 – Bowen H. Social Responsibilities of the Businessman. N.Y.: Harper & Row, 1953. 276 p.
8. Funtowicz 1993 – Funtowicz S. O., Ravetz J. R. Science for the post-normal age // Futures. 1993. Vol. 25. No. 7. P. 739–755.
9. Who Cares Wins 2004 – Who Cares Wins: Connecting Financial Markets to a Changing World. World Bank Group: Washington, 2004. 58 p.

УДК 316.422:004.738.5

ПРЕОДОЛИМО ЛИ ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО В УСЛОВИЯХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА?

Черновицкая Юлия Вячеславовна
Кандидат философских наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии РАН, научный сотрудник
E-mail: juchische@rambler.ru

Аннотация: Статья посвящена критическому анализу проблемы цифрового неравенства в условиях ускоряющейся технологической динамики и глобального технологического соперничества. Автор рассматривает эволюцию данного феномена: от инфраструктурного разрыва, выраженного в неравном доступе к устройствам, интернету и цифровым сервисам, до качественных асимметрий, связанных с цифровыми навыками, когнитивной инфраструктурой и способностью управлять технологической средой, включая системы искусственного интеллекта. Особое внимание уделяется тому, что технологическая гонка не только расширяет возможности лидеров, но и закрепляет отставание периферийных групп и стран, поскольку каждый новый цикл инноваций требует новых ресурсов, компетенций и институциональных решений. В статье анализируются сценарии дальнейшего развития цифрового разрыва: его перерастание в устойчивый антропологический раскол, частичная компенсация через базовые цифровые права и маловероятная модель глобального перераспределения технологических выгод. Делается вывод, что цифровое неравенство непреодолимо технически, но может быть редуцировано до социально приемлемого уровня через развитие качественного контента, мотивации, навыков и цифровой безопасности, при этом цена игнорирования проблемы в условиях технологической гонки критически возрастает. Это придает социально-философское измерение и связывает цифровую политику с вопросом социальной справедливости и участия.

Ключевые слова: цифровое неравенство, технологическая соперничество, цифровой разрыв, искусственный интеллект, доступ к интернету, цифровая инфраструктура, философия техники, глобальное управление.

IS DIGITAL INEQUALITY OVERCOME IN THE CURRENT TIMES OF TECHNOLOGICAL RIVALRY?

Chernovitskaya Yulia
PhD in Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Research Fellow.

Abstract: The article is devoted to a critical analysis of the problem of digital inequality under conditions of accelerating technological dynamics and global technological competition. The author examines the evolution of this phenomenon: from the infrastructural divide, expressed in unequal access to devices, the Internet, and digital services, to qualitative asymmetries associated with digital skills, cognitive infrastructure, and the ability to manage the technological environment, including artificial intelligence systems. Particular attention is paid to the fact that technological competition not only expands the opportunities of leaders, but also consolidates the lag of peripheral groups and countries, since each new cycle of innovation requires new resources, competencies, and institutional solutions. The article analyzes possible scenarios for the further development of the digital divide: its transformation into a stable anthropological split, partial compensation through basic digital rights, and the unlikely model of global redistribution of technological benefits. It is concluded that digital inequality cannot be overcome technically, but can be reduced to a socially acceptable level through the development of qualitative content, motivation, skills, and digital security, while the cost of ignoring the problem critically increases under conditions of technological competition. This gives the problem a socio-philosophical dimension and connects digital policy with the issue of social justice and participation.

Keywords: digital transformation, technological rivalry, digital divide, artificial intelligence, internet access, digital infrastructure, philosophy of technology, global governance.

Проблема цифрового неравенства не теряет своей актуальности, дополняется и преобразуется в течение нескольких последних десятилетий. Изначальная неравномерность инфраструктуры, технических возможностей электронных устройств/компьютеров, подключение к сети Интернет и цифровым услугам постепенно расширяется проблемой разделения пользователей по степени владения навыками взаимодействия с информационной средой. А далее – способностью создавать такую среду и управлять ею.

Соперничество в техногенном обществе превращается в гонку за технологиями, за лидерство в области искусственного интеллекта, облачных вычислений, квантовых технологий, меняется природа цифрового неравенства. И если в самой природе опережающего развития заложен элемент конкуренции и неравенства, то задача исследователей – заострить внимание на возможности здорового соперничества и минимизации неравенства в процессе становления цифрового общества.

Критическая оценка перспективы преодоления цифрового неравенства в условиях ускоряющейся технологической динамики способна показать, возможно ли преодолеть цифровое неравенство в условиях ускоряющегося технологического прогресса или

технологическое соперничество обрекает периферийные группы и страны на перманентное отставание?

Исследователями рассматриваются несколько уровней формирования цифрового неравенства, это, например (по Я. Ван Дийку [Van Dijk 2020]) мотивация к использованию цифровых технологий, наличие физического доступа к электронным устройствам, Интернету, цифровые навыки и способности, доступ к возможностям использования технологий в повседневной жизни, а также способность создавать и направлять вектор развития новых технологий. Следует рассмотреть критерии последовательного преодоления цифрового неравенства в условиях ускоряющейся технологической динамики и критически оценить перспективы этого процесса.

Особенности технологической гонки, такие как экспоненциальный рост вычислительных мощностей, сокращение времени внедрения инноваций и др. активируют механизмы углубления цифрового неравенства. Например, внедрение генеративных нейросетей (таких, как ChatGPT, DeepSeek и др.) и их использование требует не только широкополосного доступа и мощных вычислительных ресурсов, но и грамотности в промпт-инжиниринге, что указывает на то, что неравенство невозможно преодолеть только техническими средствами. Согласно отчёту ITU (2024), в странах Африки южнее Сахары только 22% домохозяйств имеют доступ к стабильному широкополосному интернету, а стоимость вычислительного времени в облаке для обучения базовых моделей ИИ в 300 раз выше среднемесячного дохода [ITU 2024, pp. 112-114]. Однако немаловажным фактором является желание и способности человека быть ответственным пользователем сети, использовать цифровые технологии для улучшения качества своей жизни.

Указанные выше особенности превращают отставание даже на один технологический цикл в серьезную труднопреодолимую проблему. Так, без доступа к новейшим технологиям невозможно приобрести навыки, без навыков получить экономические выгоды, без прибыли невозможно инвестировать в инфраструктуру и приобретение навыков. Отсутствие квалификации даже при наличии доступа к новейшим технологиям делает неэффективным их использование и не сокращает технологический дисбаланс.

Существует несколько причин, которые если и не усугубляют цифровое неравенство, то оставляют цифровой разрыв в стабильном состоянии. Очевидно, что в бедных странах институциональные изменения, переподготовка кадров, нормативное регулирование и решения, стимулирующие внедрение новых технологий, занимают более длительный временной интервал (в связи с отсутствием финансовых возможностей, квалифицированных кадров и концентрации государств на иных приоритетных решениях), чем в более развитых странах. К моменту завершения этих процессов технологический лидер уже переходит на следующий уровень. В результате разрыв не сокращается, а стабилизируется на недостижимом расстоянии. Вторая причина экономическая. Доступная технически технология не будет осуществима, если это экономически невыгодно. Колоссальные вложения в строительство инфраструктуры для обеспечения работы новых технологий, запуск спутников для бесперебойной работы сети целесообразен только в условиях определенной востребованности, иначе эти проекты становятся просто невыгодными. «По данным МСЭ, около 2,6 миллиарда человек в мире по-прежнему исключены из онлайн-среды. При этом уровень подключения напрямую связан с уровнем социально-экономического развития: в 2024 году в странах с высоким доходом интернетом пользовались 93 процента населения, тогда как в странах с низким доходом – лишь 27 процентов» [Новости ООН 2025].

Серьезной проблемой для пользователей цифровым пространством является неравные качественные условия взаимодействия с цифровой средой. Поисковые алгоритмы, языковые модели тренируются на данных, генерируемых преимущественно на более распространенных языках (например, английском, китайском и т.п.). Поэтому точность ответов, выдаваемых на запросы на языках, на которых говорит менее нескольких миллионов человек в мире (языки народов Крайнего севера или Кавказа, коренных народов Африки и Южной Америки), намного ниже, чем точность ответов на запросы на широко распространенных языках. «Многочисленные исследования показывают, что в Нигерии одним из самых распространенных инструментов, используемых в образовательных целях, является ChatGPT. Между тем приложение распознает лишь 20 % предложений, написанных на хауса, хотя на этом языке в стране говорят более 80 млн человек» [Маисири 2026, web].

В обучении систем искусственного интеллекта доминируют основные мировые языки и системы оказываются малоэффективны, если от них ожидают результатов на редких языках. Таким образом, пользователи из маргинализированных лингвистических групп оказываются в «цифровом гетто» даже при наличии соединения. Можно даже заметить тенденцию обратного влияния. «Все больше африканских институтов осознают: если Африка не будет формировать искусственный интеллект, то искусственный интеллект будет формировать Африку» [Маисири 2026, web].

Можно выделить несколько направлений преодоления цифрового неравенства. Базовый уровень предполагает развитие и усовершенствование инфраструктуры (подключение к сети, доступные электронные устройства). Однако доступ может превратиться в уязвимость (дезинформация или мошенничество в сети), если пользователи не будут знакомы с правилами поведения в сети, если сетевые отношения не будут урегулированы на законодательном уровне. Требуется цифровая грамотность, цифровые навыки, развитая «когнитивная» инфраструктура.

Актуально предложение зафиксировать на международном уровне минимальный набор цифровых прав и услуг. Например, Эстония и Финляндия [Kattel, Drechsler 2022, p. 890-899] – лидеры по уровню создания электронной сферы госуслуг. С помощью цифровой карты можно получить доступ к электронным государственным услугам и документам, причем государство гарантирует, что сложная система безопасности обеспечивает пользователям защищенность и контроль за использованием их персональных данных. Уязвимость предоставления базовых гарантий в том, что оно эффективно на локальном уровне. Технологическое соперничество ведется корпорациями, не подчиняющимися межправительственными соглашениями (например, OpenAI или DeepMind), компании не обязаны заниматься благотворительностью в ущерб прибыли, предоставлять свои инновационные решения отстающему контенту для сокращения цифрового разрыва.

И третье направление децентрализации и открытого доступа парадоксальным образом способствует усугублению цифрового разрыва, а не его сокращению. Так как использовать предлагаемый в открытом доступе контент могут только те, кто уже находится на продвинутом уровне как компетенции, так и инфраструктуры.

Проанализировав вышесказанное можно построить несколько сценариев. Первый сценарий основывается на том, что технологическая гонка ускоряется, и можно спрогнозировать трансформацию цифрового неравенства в антропологический раскол. Общество разделится на малочисленный класс «цифровых пользователей» и многочисленный класс «цифровых пролетариев». Второй сценарий допускает наличие цифрового разрыва, но оставляя за отстающими право на базовый уровень участия в общественной жизни, доступные

и удобные способы использования цифрового участия. При желании или необходимости предоставляются возможности для роста компетентности, повышения цифровой грамотности, владения навыками цифровой безопасности. В этом смысле цифровое неравенство преодолимо как вызов, но не как абсолютное состояние. Третий сценарий помощи отстающим посредством выделения субсидий на трансфер технологий, обложения налогом ИИ-гигантов маловероятен, так как он не совпадает ни с экономическим, ни с социально-политическим устройством общества.

Можно прийти к заключению, что цифровое неравенство в условиях технологического соперничества обретает черты перманентного институционального разрыва, который нельзя устранить раз и навсегда. Каждый новый технологический цикл создаёт новые вызовы и этапы преодоления. Поэтому можно сделать вывод, что абсолютно преодолеть цифровое неравенство невозможно, так как сама система совершенствования и изобретения технологий по определению продуцирует асимметрию, лидеры всегда будут на шаг впереди. Можно сократить разрыв до социально приемлемых результатов, но только посредством изменения не только количественных (технических) показателей, а и совершенствуя качественный контент (желание, возможность и способность пользоваться актуальными технологиями для улучшения жизни).

Таким образом, цифровое неравенство непреодолимо технически, однако может быть встроено в социальную структуру общества, имея цель минимизировать последствия цифрового расслоения. Но следует учитывать, что технологическое соперничество, не делая проблему неразрешимой, кардинально повышает цену ее игнорирования, что также требует философского осмысления.

Список литературы

1. Маисири 2026 web – Маисири Дж. Языки коренных народов Африки: слепое пятно ИИ, 2026. URL: https://courier.unesco.org/ru/articles/yazyki-korennykh-narodov-afriki-slepoe-pyatno-ii (дата обращения: 02.04.2026)
2. Новости ООН 2025. – Новости ООН. Глобальный взгляд Человеческие судьбы. 2 сентября 2025 года. URL: https://news.un.org/ru/story/2025/09/1466298 (дата обращения: 06.03.2026)
3. ITU 2024 –ITU. Global Connectivity Report 2024. Geneva: ITU Publications. P. 112–114.
4. Kattel, Drechsler 2022 – Kattel R., Drechsler W. (Digital Public Services in Estonia: A Minimalist Approach // Public Administration Review. 2022. №82 (5). Pp. 890–899.
5. Van Dijk J. 2020 – Van Dijk J. The Digital Divide. Cambridge; Medford: Polity Press, 2020. 208 p.

УДК 167.7:378.4

ОТ КЛАССИЧЕСКОГО ЭТОСА К ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ МОДЕЛИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ЗНАНИЯ

Мукин Владимир Антонович

кандидат физико-математических наук

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», доцент кафедры философии, социологии и педагогики

E-mail: mukin-va@yandex.ru

Аннотация: В статье с позиций философии науки анализируется смена эпистемических норм университетского знания при переходе от классического этоса (университет 2.0) к предпринимательской модели (университет 3.0). Показано, что предмет философии науки — общие закономерности функционирования науки в социокультурном контексте — конкретизируется как противоречие между ценностно-рациональными (истина, автономия, бескорыстие) и инструментальными (эффективность, коммерциализация, патентная активность) регулятивами. Вводится понятие «квантования» университетского знания — эвристическая модель дискретных переходов между качественными уровнями научной компетентности, требующих временной автономии и наставничества. Обосновывается, что корреляционные связи университета и общества носят генетический характер: трансформация этоса университетской науки ведёт к перестройке познавательных норм всего социума. Предлагается решение: не отказ от предпринимательской модели, а создание институциональных «буферных зон» (малые формы научной коммуникации, защищённые исследовательские программы, статус наставника), где классический этос сохраняется как необходимое условие квантования.

Ключевые слова: философия науки, университетское знание, классический этос, предпринимательская модель, квантование, корреляционные связи, модель 3.0, буферные зоны.

FROM CLASSICAL ETHOS TO THE ENTREPRENEURIAL MODEL: TRANSFORMATION OF UNIVERSITY KNOWLEDGE

Vladimir A. Mukin

Candidate of Physical and Mathematical Sciences

I.N. Ulyanov Chuvash State University, Associate Professor at the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy

Abstract: From the standpoint of the philosophy of science, the article analyzes the change of epistemic norms of university knowledge in the transition from the classical ethos (university 2.0) to the entrepreneurial model (university 3.0). It is shown that the subject of the philosophy of science — the general patterns of the functioning of science in a sociocultural context — is specified as a contradiction between value-rational (truth, autonomy, disinterestedness) and instrumental (efficiency, commercialization, patent activity) regulators. The concept of “quantization” of university knowledge is introduced as a heuristic model of discrete transitions between qualitative levels of scientific competence that require temporal autonomy and mentorship. It is argued that the correlational links between the university and society are genetic in nature: the transformation of the ethos of university science leads to a restructuring of the cognitive norms of the entire society. A solution is proposed: not the rejection of the entrepreneurial model, but the creation of institutional

“buffer zones” (small forms of scientific communication, protected research programs, the status of a mentor) where the classical ethos is preserved as a necessary condition for quantization.

Keywords: philosophy of science, university knowledge, classical ethos, entrepreneurial model, quantization, correlational links, model 3.0, buffer zones.

Введение: предмет философии науки и проблема смены этоса

Предмет философии науки — общие закономерности возникновения, развития и функционирования науки как особой деятельности по производству знаний, рассматриваемые в исторически изменяющемся социокультурном контексте. Университет на протяжении последних двух столетий был главным институтом, в котором эти закономерности не только реализовывались, но и рефлексивно осмыслялись. Именно университет формировал классический этос науки — совокупность ценностных регулятивов, описанных Р. Мертоном: универсализм, общность, бескорыстие, организованный скептицизм [Merton 1973].

Однако с конца XX века происходит радикальная трансформация: классический этос вытесняется предпринимательской моделью (университет 3.0), где главными становятся эффективность, коммерциализация, патентная активность, конкуренция за финансирование. Для ясности уточним используемую периодизацию: университет 2.0 (классический) — исследовательский университет индустриальной эпохи с приоритетом фундаментальной науки и академических свобод; университет 3.0 (предпринимательский) — добавляет третью миссию коммерциализации знаний и инноваций; университет 4.0 (когнитивный) — ориентирован на коллективный и гибридный интеллект, методологическую рефлексию [Ефимов, Лаптева 2024]. Как отмечают А.А. Юрганов, О.В. Свистун и И.С. Фомопуло, в предпринимательской модели «забыты идеи “автономии мышления” (из-за их неутилитарности) и культуры как основы взращивания личности» [Юрганов и др. 2023]. Возникает фундаментальное противоречие: может ли университетское знание сохранить свою познавательную глубину и критический потенциал, если оно подчинено логике рыночного спроса?

Цель статьи — показать, что смена этоса не является просто институциональным изменением, она затрагивает глубинные механизмы производства и трансляции знания. Мы выделим два таких механизма: квантование (дискретные качественные переходы в развитии научной компетентности) и корреляционные связи между университетом и обществом. На этой основе будет предложено решение: не отказ от предпринимательской модели, а создание институциональных «буферных зон», где классический этос сохраняется как необходимое условие квантования.

О квантовании: почему знание в университете осваивается скачками, а не плавно

Возьмём привычную для философии науки тему научных революций — те самые качественные скачки по Т. Куну [Кун 1975]. Обычно их относят к развитию науки в целом, к макроуровню. Но если спуститься на уровень университета — индивидуальный и институциональный — то там тоже можно заметить не плавный, а именно прерывистый характер роста. Назовём это «квантованием». Отдельные аспекты этой идеи были намечены нами ранее при анализе «квантуемости» образовательного пространства как свойства, при котором блокировка одного параметра останавливает развитие всей системы [Мукин 2017].

Разумеется, здесь этот термин используется не в физическом смысле, а как эвристическая модель. В этом понятии схватывается действие одного из основополагающих законов диалектики — перехода количественных изменений в качественные: накопление знаний, опыта и времени автономной работы в определённый момент приводит к скачкообразному переходу исследователя на новый уровень компетентности**.** Она позволяет диагностировать риски, которые несёт предпринимательская модель: если квантовые переходы блокируются, то и развитие научной компетентности останавливается.

Что это значит на деле? Формирование научного сознания, овладение профессией исследователя идёт не линейно, а через ступени. Сначала студент или аспирант осваивает готовое знание. Потом — если повезёт с окружением — учится самостоятельно ставить задачи. Дальше наступает момент рефлексии: а откуда вообще взялись те предпосылки, которыми я пользуюсь? И наконец, высший уровень — способность порождать свои исследовательские программы. Переход между этими ступенями — штука не автоматическая. Он требует, во-первых, накопления «критической массы» знаний (количественный аспект). Во-вторых, ценностного сдвига: надо внутренне принять новые нормы, тот самый научный этос. В-третьих, нужно время и отсутствие внешнего давления — то, что можно назвать временной автономией. И в-четвёртых, нужен живой наставник, который передаёт неявное, невыразимое в инструкциях знание. Как отмечал М. Полани, «пользование неявным знанием сродни искусству и мастерству, которые передаются от учителя к ученику, из рук в руки» [Полани 1985, с. 84]. Именно сочетание этих четырёх условий создаёт дискретный характер перехода: пока не выполнены все, продвижение на следующий уровень невозможно. Эмпирически это проявляется в том, что многие исследователи «застревают» на этапе репродукции готового знания, не достигая способности к самостоятельной постановке проблем.

В классическом университете (модель 2.0) все эти условия были как бы «вшиты» в институциональную ткань: долгие сроки подготовки, кафедры пользовались реальной автономией, фундаментальные исследования ценились сами по себе. А теперь посмотрим на предпринимательскую модель (3.0). Там всё наоборот: требуется быстрая отдача, гранты дают на год-два, результаты должны быть измеримы — патенты, стартапы, цитируемость. И вот тут-то и возникает проблема. В такой гонке исследователь просто не успевает «дорасти» до следующего уровня, он распыляется на множество мелких проектов, и квантование не происходит.

Н.А. Бутенко (2025) недавно показал, что постнеклассическая рациональность (которая, по общему мнению, характеризует современную науку) требует гибкой, рефлексивной методологии. Но можно ли всерьёз заниматься рефлексией в режиме постоянной спешки? Едва ли. О том, что на смену постнеклассической рациональности приходит новая эпоха, связанная с активным участием нейросетей в познании, говорят многие исследователи (см., например, программный доклад В.Ю. Кузнецова «Пост-постнеклассика как идеал рациональности эпохи нейросетей», представленный на семинаре имени В.С. Стёпина в ноябре 2025 года). Как бы ни называть этот новый тип мышления, очевидно, что он требует дискретных переходов, а не непрерывной оптимизации под сиюминутную эффективность. Так что квантование — это не красивая метафора, а реальная характеристика развития научного знания. И предпринимательская модель ставит её под удар.

Корреляционные связи университета и общества: здесь не статистика, а взаимное порождение

Перейдём ко второму понятию — корреляционным связям. Следует отличать это понятие от обычной статистической корреляции, которая показывает меру взаимосвязи между переменными (как изменение одной величины связано с изменением другой). В философии науки мы говорим о более сильной вещи: о сущностном взаимопорождении. То есть университет не просто отражает запросы общества — он активно транслирует в него те эпистемические нормы, которые потом становятся негласными правилами для всего «общества знания». Если в университете побеждает чисто инструментальный расчёт (сделай быстро, продай дороже), то и за его стенами истину начинают мерить полезностью, а не обоснованностью. И наоборот, если в университете жива ценностно-рациональная установка (ищи истину, даже если она «бесполезна»), то общество получает иммунитет против постправды и псевдонауки. Вот что такое генетический характер трансформации: университет задаёт код, по которому потом выстраивается познавательная культура социума.

Приведём конкретный пример. В последние годы во многих российских университетах ввели KPI (Key Performance Indicators) для преподавателей: число патентов, объём хоздоговорных работ, количество цитирований в журналах с высоким импакт-фактором. Формально — это меры по интеграции науки и производства. Но неформально они меняют сам критерий истинности: ценным становится не то знание, которое глубже объясняет реальность, а то, которое легче монетизировать или «продать» в виде отчёта. Выпускники таких университетов, попадая в реальный сектор экономики или в госуправление, переносят туда эту же логику: «эффективно то, что измеримо». И постепенно в общественном сознании укореняется представление, будто не имеющее немедленного практического выхода знание вообще не нужно. Так разрывается та самая корреляционная связь, и общество теряет способность отличать науку от имитации науки.

Противоречие классического этоса и предпринимательской модели: тупик или синтез?

На первый взгляд, классический этос и предпринимательская модель несовместимы. Первый требует бескорыстного поиска истины, второй — измеримого вклада в экономику. Однако анализ показывает, что полный отказ от классического этоса ведёт к деградации самого университетского знания: без автономии и длительных периодов сосредоточенной работы невозможно фундаментальное открытие, а без фундаментальных открытий в долгосрочной перспективе нет и инноваций.

В.С. Ефимов и А.В. Лаптева в своём анализе поколений университета приходят к выводу, что Университет 4.0 требует возврата к методологической рефлексии, которая была утрачена в погоне за сиюминутной эффективностью [Ефимов, Лаптева 2024]. Это означает, что предпринимательская модель не является конечной стадией; она сама порождает запрос на «ре-институционализацию» классического этоса.

Е.Г. Шершнева на примере инновационно-предпринимательской инфраструктуры вуза показывает, что её развитие не должно отменять образовательную и воспитательную компоненту [Шершнева 2024]. Более того, успешные примеры университетов 3.0 (МГУ) демонстрируют, что коммерциализация возможна именно потому, что в этих университетах сохраняются «заповедные зоны» фундаментальной науки, где действует классический этос.

Решение: институциональные «буферные зоны» как условие сохранения квантования

Из вышесказанного следует, что проблема не в выборе между классическим этосом и предпринимательской моделью, а в способе их совмещения. Мы предлагаем решение, основанное на понятии «буферных зон» — институционально защищённых пространств внутри университета, где сохраняется классический этос как необходимое условие квантования.

Что это за зоны?

1. Защищённые исследовательские программы — долгосрочные (от 7 лет) проекты без промежуточной отчётности по коммерческим показателям, оцениваемые только по научному качеству (аналог грантов ERC). Этическая ответственность учёного в постнеклассическую эпоху требует именно такой долгосрочной автономии.
2. Малые формы научной коммуникации — научные школы, семинары, воркшопы, где действует принцип «неизмеримого» общения. Именно в них происходит передача неявного знания и осуществляются квантовые переходы.
3. Институт наставничества — статус научного руководителя, не сводимый к числу публикаций с аспирантами. Наставник должен быть защищён от требований немедленной отдачи и оцениваться по долгосрочной траектории его учеников.
4. Автономия кафедр фундаментальных дисциплин (философии, теоретической математики, истории науки) — они не могут быть подчинены логике «окупаемости», но именно они формируют критическое мышление, необходимое для квантовых переходов.

Эти зоны не изолированы от предпринимательской модели: напротив, они являются её эпистемическим фундаментом. Без них инновации становятся поверхностными, а университет — просто поставщиком услуг. Как подчёркивают авторы концепции Mode 3 knowledge production, современные форматы производства знания интегрируют ИИ-инструменты, но для этого нужна среда, где сохраняется рефлексия [Mode 3 2025]. Такая среда и есть «буферная зона».

Заключение: от конфликта к дополнительности

Итак, смена классического этоса предпринимательской моделью неизбежна и во многом продуктивна. Однако её негативные последствия — разрушение квантования, разрыв корреляционных связей, деформация субъекта науки — могут быть нейтрализованы не отказом от модели 3.0, а созданием институциональных «буферных зон», где классический этос сохраняется. Это решение позволяет реализовать принцип дополнительности: предпринимательская модель отвечает за трансфер технологий и экономическую отдачу, а классический этос — за производство принципиально нового знания и формирование научной личности.

Философия науки в данном случае выполняет свою критическую и конструктивную функцию: она не просто констатирует конфликт, но предлагает способ его институционального разрешения. Университет, способный удерживать это равновесие, остаётся университетом в подлинном смысле — местом, где знание не только производится, но и осмысливается, а человек не только обучается, но и воспитывается как личность. Без этого общество знания превращается в общество утилитарных компетенций, теряя способность к различению истины и лжи, подлинного и мнимого.

Список литературы

1. Бутенко Н.А. Модели рациональности и их роль в объяснении постиндустриальных общественных процессов // Манускрипт. 2025. Т. 18. Вып. 2. С. 1–9.
2. Ефимов В.С., Лаптева А.В. University 4.0: What Type of Thinking is Coming? (Part I) // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2024. Vol. 17. No. 8. P. 1465–1476.
3. Кузнецов В.Ю. Пост-постнеклассика как идеал рациональности эпохи нейросетей // Доклад на общеинститутском семинаре имени В.С. Стёпина «Познание, наука, человек». Институт философии РАН. 25 ноября 2025 г.
4. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. 288 с.
5. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.
6. Мукин В.А. Жизненные ценности, формируемые в университетском пространстве // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2017. № 2. С. 36–40.
7. Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии / Пер. с англ. М.Б. Гнедовского, Н.М. Смирновой, Б.А. Старостина. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
8. Шершнева Е.Г. Особенности инновационно-предпринимательской инфраструктуры вуза в контексте модели «Университет 3.0» // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2024. № 4 (91). С. 116–125.
9. Юрганов А.А., Свистун О.В., Фомопуло И.С. «Открывая» университет: на пути синтеза «предпринимательского университета» и «университета культуры» // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2023. № 5. С. 29–34.
10. Mode 3 knowledge production and exchange processes of research and innovation networks in AI-based research environments // Journal of Innovation and Entrepreneurship. 2025. Vol. 14. Art. No 116.

УДК 165.0

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНОГО В КИНОИНДУСТРИИ XXI ВЕКА

Ершова Оксана Владимировна
Кандидат философских наук
Ульяновский государственный технический университет, доцент
E-mail: oksiphil@mail.ru

Аннотация: В реалиях XXI века в системе высшего образования и научно-исследовательских институтах наблюдаются тенденция все большей феминизации научного сообщества, занятие женщинами ключевых административных позиций. В связи с этими тенденциями представляет интерес проследить, как эти процессы отражены в киноиндустрии XXI века, как представлен образ женщины-ученого. В статье обращено внимание на сценарные и визуальные средства репрезентации образа женщины-ученого. Сделана попытка выявить является ли воспроизводимый образ женщины-ученого привлекательным для женского сообщества с точки зрения самореализации – в экономическом, социальном,

политическом плане. Сделана попытка ответить на ряд вопросов: Заложены ли в образе женщины-ученого эвристические, инноваторские ожидания общества и научного сообщества от женщины или только репликация знания? Является ли этот образ женщины-ученого вдохновляющим для занятия научной деятельностью? Для контент-анализа аудиовизуального материала фильмографии выделено несколько основных критериев, позволяющих сконструировать кинематографический образ женщины. В качестве критериев при реконструкции социально-антропологического образа женщины-ученого взят ряд ценностных ориентаций: «профессиональная научная деятельность», «семейная реализация», «общественная активность и признание», «материальная независимость и самодостаточность». Это позволило сформировать примеры умозрительных типологий личности женщины-ученого. Доминантой является образ женщин-ученых, как самостоятельных, думающих, сомневающихся, деятельных личностей, готовых на риск, но при этом в этих образах практически отсутствует описание самого научного поиска, радости женского научного озарения, как главной характеристики ученого.

Ключевые слова: наука, научное сообщество, типология ученых, ценностные ориентации, образ науки, образ женщины ученого

THE IMAGE OF THE WOMAN SCIENTIST IN THE 21ST-CENTURY FILM INDUSTRY

Ershova Oksana Vladimirovna
Ulyanovsk State Technical University, associate professor

Abstract: In the 21st century, higher education and research institutes are witnessing a growing feminization of the scientific community, with women occupying key administrative positions. Given these trends, it is interesting to examine how these processes are reflected in the 21st-century film industry and how the image of the female scientist is presented. This article focuses on the scripted and visual representations of the female scientist. This article focuses on the scripted and visual representations of the female scientist. An attempt is made to determine whether the portrayal of the female scientist is attractive to the female community in terms of self-fulfillment—economically, socially, and politically. An attempt was made to answer a number of questions: Does the image of a female scientist reflect heuristic, innovative expectations of society and the scientific community, or merely the replication of knowledge? Is this image of a female scientist inspiring for scientific pursuits? For the content analysis of the filmography's audiovisual material, several key criteria were identified to construct the cinematic image of women. A number of value orientations were used as criteria for reconstructing the socio-anthropological image of a female scientist: "professional scientific activity," "family fulfillment," "social activism and recognition," and "material independence and self-sufficiency." This allowed us to formulate examples of speculative typologies of the female scientist personality. The dominant image is of women scientists as independent, thoughtful, self-doubting, active individuals willing to take risks. However, these images are virtually devoid of any description of scientific inquiry itself, or the joy of female scientific insight, as the primary characteristic of a scientist.

Keywords: science, scientific community, typology of scientists, value orientations, image of science, image of a female scientist

В большинстве кинолент XX века, западного и отечественного производства, образ гениальных ученых воспроизводят мужчины, при второстепенности рисуемого в фильмах женского места в науке [Пушкарева, 2025, с. 157]. Образы женщин в кинолентах запечатлены в образах служанок по призванию. Исследователь Н.Л. Пушкарева по этому поводу пишет: «Их функции в науке обслуживающие (мыть пробирки, следить за приборами), какими на экране представали и функции социальные и семейные (помогать, подставлять плечо, привлекать красотой и давать заслуженный отдых мужчине)» [Пушкарева 2025, с. 158].

В реалиях XXI века в университетско-преподавательском сообществе наблюдаются тенденция к все большей феминизации научного сообщества. В связи с этим представляет интерес проследить, как эти тенденции отражены в киноиндустрии XXI века, как представлен образ женщины-ученого в зарубежной киноиндустрии XXI века. Прослеживается ли в этом образе женщины-ученого идея о роли женщины в научном сообществе (тема посвящения себя науки как любимому делу), идеи о значительном вкладе женщины в науку. Заложена ли в образ женщины-ученого пропаганда науки как образа жизни? Есть ли в этих образах женщин-ученых образцы для подражания подрастающему поколению молодых ученых?

Для контент-анализа аудиовизуального материала фильмографии статьи выделено несколько основных критериев: сфера деятельности, внешний вид (физические данные (лицо, фигура), стиль одежды, ухоженность); альтернативный вариант жизни (вне науки); ценностные ориентации; мотив научной деятельности; личностные качества как ученого; способы мышления (умственные, творческие способности); описание реального научного поиска. Совокупность этих критериев помогает сконструировать кинематографический образ женщины.

В качестве эмпирического материала для исследования был взят ряд фильмов начала XXI века. В данной статье будет проведен анализ научно-фантастического фильма в жанре ужасы «Аннигиляция» (2018 год производства, США, Великобритания), британско-ливанского режиссера, Александра Медавара. Ряд кинокритиков указывает на сходство данного фильма с произведением братьев Стругацких «Пикник на обочине», где «Зона» - место после посещения пришельцев, наполненное необъяснимыми явлениями, смертельными ловушками. В фильме «Аннигиляция» так же есть «Зона Икс», где после падения метеорита образовалась зона мерцания с аномальными явлениями. В «Зоне Икс» исчезают люди, и сама она ведет себя агрессивно, с точки зрения человека, так как захватывает все большую территорию.

В фильме повествуется о жизни 5 женщин, из которых четверо занимаются наукой и одна принадлежит к медицинскому сообществу. Главная героиня Лина – ученый биолог, роли второго плана принадлежат психологу Вентресс, физик Джози, геоморфолог Касс, парамедик – Аня.

Главная героиня - Лина – биолог. Она изучает ДНК клетки с точки зрения опухолевых процессов, что созвучно образу «Зоны Икс» как расширяющейся раковой опухоли. С точки зрения значимости этой области исследования для общества – передовая ведущая область, прослеживается прямая польза обществу. Кроме этого, у Лины есть большой опыт службы в армии (7 лет). Профессиональные характеристики Лины вырисовывают образ «ученого-воина».

Внешний вид героини Лины – стройная красивая брюнетка с минимальным количеством косметики, в одежде преобладают темно-серые тона полуофициальные наряды (пиджак, платье, аксессуары, кофта) в роли университетского ученого. Визуальный ряд создает для зрителя, с одной стороны, привлекательный образ женщины с точки зрения физических

данных, но, с точки зрения, стиля одежды образ вызывает отторжение зрителя. Темно-серые тона одежды обращены к негативному стереотипу, отсылка к образу женщины ученому как «аскетичной» академической дамы.

Контекстуальный маркер при этом раскрывает зрителю иной образ женщины ученого, не забывшей свое женское начало: Лина состоит в бездетном браке. Альтернативный вариант жизни, в данном случае – это личная жизнь, сопровождается семейной трагедией (исчезновение мужа, измена, чувство вины). Ситуация измены демонстрирует, что женщина – ученый не является высоконравственным представителем общества, она не образец для подражания. Транслируется образ подавленной несчастной женщины, испытывающей трудности в общении с коллегами, ведущей себя как одиночка.

Доминирующие ценностные ориентации биолога Лины – «семейная реализация» (муж без детей, что соответствует риторики постмодерна) и «профессиональная научная деятельность» (показана в окружении учеников при чтении лекций, демонстрация педагогических навыков, умение заинтересовать студентов постановкой проблемы).

Мотивом научной деятельности является, с одной стороны, любопытство ученого («узнать что внутри «зоны»), а, с другой стороны, сугубо личный интерес – желание помочь мужу, чувство вины, которое показано как доминирующее начало в научно-спасательной экспедиции. С точки зрения личностных качеств ученого, биолог Лина демонстрирует аналитическое любопытство (стремление детально разобраться в причинах явлений), критическое мышление, высокую работоспособность, целеустремленность, устойчивость к неопределенности и готовность рисковать. Способность к сотрудничеству с другими коллегами практически отсутствует, скорее она ученый-одиночка. В сложной ситуации не берет на себя руководство группой, хотя имеет боевой опыт, будучи профессиональным солдатом в прошлом.

Способ мышления Лины-биолога – индукция и проверка эмпирической гипотезы, объективность, все, что не укладывается в эмпирически проверяемую картину мира, отсекается (к примеру, ее спор с мужем о креационизме). Конвергентное мышление – логическое мышление, направленное на поиск единственно верного решения задачи. Умственные способности – внимание к деталям, способность удерживать и обрабатывать большие объемы информации.

Описание реального научного поиска в фильме представлено слабо, есть попытка показать сбор информации, эмпирическое исследование (наблюдение в микроскоп), но яркого акцента на этой части нет. Что же наука дает героине фильма? Можно предположить, исходя из сюжета фильма, что это общественное признание через вклад в здоровье общества, статусное место в социальной иерархии, и интеллектуальный поиск. В целом воспроизводится типичный облик ученого профессионала, за исключением склонности к бездумному риску, что не характерно для ученого.

Следующий образ женщины-ученого – это психолог Вентресс. Она занимает ведущие позиции в институциональном плане, она глава научно-исследовательской экспедиции внутрь Мерцания. Сфера деятельности Вентресс – психология, доктор наук, она занимается подбором команд для вылазок в «Зону Икс». Психолог как глава экспедиции демонстрирует признаки постмодернистских установок, в рамках которых психология выступает доминирующей дисциплиной.

Внешний вид Вентресс визуализирует для зрителя образ женщины-ученого: стареющей, но по прежнему привлекательной стройной блондинки. Строгий черно-белый костюм подчеркивает ее холодно-отстраненную, цинично-жесткую личность. Альтернативный

вариант жизни (вне науки) для Вентресс – одиночество и неизлечимая болезнь, экзистенциальное состояние на грани жизни и смерти.

С точки зрения ценностных ориентаций как ученого для образа Вентресс важна «профессиональная научная деятельность» в плане научной карьеры, достижения высокого положения в структуре научной иерархии. Ее можно отнести к разряду прагматичных и честолюбивых ученых. Мотивом научной деятельности для Вентресс в рамках экспедиции является, с одной стороны, исследовательский интерес («узнать что там») и долг ученого перед обществом (остановить распространение «Зоны Икс»), с другой стороны, страх ничтожности собственной жизни перед лицом индивидуальной смерти. Этот «страх висельника» оказывается в ее образе доминантой. Вся ее последующая линия безответственного поведения (отсутствие внятного плана путешествия, распоряжений, заботы о подчиненных) приводит научно-спасительную операцию группы к катастрофе.

Личностные качества Вентресс как ученого – аналитическое любопытство, дедуктивный способ мышления, критическое мышление, высокая работоспособность, целеустремленность. Способность к сотрудничеству сомнительна, так как в сложный момент оставляет группу без руководства, личные интересы возобладали. Описание реального научного поиска в ее образе практически нет, хотя сама героиня иногда сообщает, что ее задачи входит наблюдение за группами, подборка команд к вылазке. В целом героиня Вентресс зациклена на своем «Я», бесконечном самоанализе. При этом из виду упускается цель экспедиции, сбор материала и доставка его другим членам команды, которые их ждут за пределами «Зоны Икс».

Что наука дает героини Вентресс? Образ женщины-ученого Вентресс достаточно противоречив. С одной стороны, наука для нее – способ занять место в социальной, властной иерархии, с другой стороны, научный поиск позиционируется как способ запечатлеть себя в памяти человечества («я хочу быть той, кто закончит этот путь»).

Третий образ женщины-ученого – физик Джози. Джози – афроамериканка стройная с вьющимися черными волосами, появляющаяся на киноэкране либо в спортивной одежде, либо в военной форме, в очках как символе женщины-интеллектуалки. Джози-физик позиционируется как перспективная молодая женщина со степенью доктора наук.

Альтернативный вариант жизни (вне науки) для Джози – одиночество, психическая травма (скрывает многочисленные шрамы на плечах (самоповреждение), бесконечное самокопание, приводящее к отсутствию желания жить и реализовывать себя как ученый. При этом ценностными ориентациями в образе Джози является «профессиональная научная деятельность». Мотив научной деятельности в ходе исследовательской экспедиции – смесь любопытство ученого (узнать, что внутри) и поиском себя, закрытие гештальта психологической травмы. Личностные качества образа Джози, как ученого – аналитическое любопытство, критическое мышление, гипотетико-дедуктивный способ мышления (гипотеза о принципах функционирования «Зоны-Икс»), техническая подкованность, конвергентное мышление (направленное на поиск единственно верного решения задачи). Но все эти навыки не помогают ей выжить в «Зоне-икс», она сдается и растворяется в Зоне.

Описание реального научного поиска в образе Джози, как ученого, представлено слабо. Хотя есть попытка описания сбора информации и выдвижения гипотезы на основе эмпирических данных, но в сюжете фильма это не главный момент. Что наука дает героине? Образ Джози ученой рисует возможность самореализации познавательный интерес.

Четвертый образ женщины-ученого Касс еще менее информативен. Сфера деятельности Касс, как ученого – геоморфология. Внешний вид – стройная блондинка, в спортивно-военной одежде, замкнутая. Альтернативный вариант жизни для Касс, так же трагичен (смерть дочери

от рака). Образ женщины одиночки, с травмированным опытом личной жизни. Ценностные ориентации – семейная жизнь, про ее научную цель экспедиции ничего не известно. Демонстрирует образное мышление, умение представить сложное просто, проводит утрированную аналогию изучения магнитных полей, как изучения урагана с помощью конфетти.

Пятый образ женщины, как представителя медицинского сообщества, - парамедик Аня. Она имеет опыт работы в экстремальных ситуациях. Личность Ани позиционируется еще более противоречиво, ее окружает ореол трагичности, эмоциональной неуравновешанности, прием запрещенных средств, гендерной неоднозначности. Ее психическая нестабильность, безответственность, углубленность в своих личностные страхи, приводит к расколу группы и ставят миссию группу на грань катастрофы.

Есть ли в этих образах женщин-ученых пропаганда науки? Заложен ли в этих образах стимул к занятию научным поиском?

Научно-исследовательская база, как место дислокации героинь, показана, как серое и унылое место, в холодных тонах. Сотрудники базы больше напоминают зомби, чем людей. Группового научно-исследовательского поиска не показано. При этом демонстрируется, якобы «человеческая» составляющая ученых: нарушение мер безопасности, отсутствие дисциплины, распитие напитков, азартность, глупое бравирование, юмор висильника. Визуальный ряд, с точки зрения выживания общества, должен отталкивать зрителя. Эти образы вряд ли является привлекательным для популяризации данной профессии.

Образ Лины, женщины-ученой-солдата, – это образ подавленной, порой безрассудно себя ведущей личности. В финале героиня Лина становится частью зоны, зловещим существом, угрожающим человеческой цивилизации гибелью. В целом показана бесполезность ее труда, как ученого в спасении цивилизации. В ходе экспедиции она нацелена в большей мере на спасение мужа, эгоистический мотив ее действии первичен. Образ Лины-ученого демонстрирует бессилье науки перед хаосом, перед хаосом эгоизма. Наука ничего не дает обществу, даже в женском обличье, антисциентиская позиция. Образ женщины-ученого-психолога стареющей и бессильной, безрассудно себя ведущей, отказывающейся от борьбы и растворяющейся в зоне, так же вряд ли является воодушевляющим к занятию наукой.

С точки зрения взаимоотношений ученого с властью и социальными институтами: женщина-ученый показана на службе у власти. Слияние науки, силового и властного блока показано как нечто зловещее. Психолог Вентресс выступает с доминирующих властных позиций, ультимативна, ведет допрос, профессионал до мозга костей. Она описывает образ ученого-солдата: сражаться, изучать, спасать. Наука в стиле постмодерна показана, как нечто хаотическое, дезорганизованное, при этом с четкой репрессивной системой, сращенной с силовыми структурами государства. Заявлен только медицинский аспект науки, что возможно когда-то наука поможет в борьбе с болезнями. Но умирающая от рака героиня-психолог, погибшая дочь геоморфолога демонстрируют, что уповать на науку не стоит. Контекстуальные маркеры формируют негативный образ науки. В целом этот образ женщины-ученого и науки как института, показанный в фильме, подрывает доверие к науке со стороны общества и деморализует ее в лице общества.

Образ женщины-ученого символизируют собой достижения в области равноправия. Идеология феминизма присутствует и в том, что отряд экспедиции состоит только из женщин, что вероятно продиктовано идей о том, что женщины менее агрессивны чем мужчины (взаимная агрессия как возможная причина гибели прошлых экспедиций). Признак феминизма – демонстрация женщинами-учеными военных навыков, что культурно-исторически является

прерогативой мужчин. В целом эти образы женщин-ученых воспроизводят образы самодостаточных одиночек, психологически, экономически независимых женщины.

Образы женщин-ученых демонстрируют признаки постмодернистских установок, смещение фокус с поиска объективной истины на интерпретацию индивидуального опыта, сконструированного в сознании. Никто из героинь четко не заявляет, что они хотят узнать истину, а если и делаются попытки, то по факту героини женщин-ученых погружены в неурядицы личной жизни, в психологические проблемы. В рамках постмодернизм декларируется смерть «Великих Нарративов», в том числе и науки как истины в последней инстанции. Поэтому в центре внимания оказывается личный «нарратив» (история) человека. Образы-женщин ученых, как раз нам демонстрируют дискредитированную науку, ее дезориентированность. Эти женщины-ученые заняты сами собой, решением своих внутренних и внешних проблем, наука является лишь фоном для личностных поисков и душевных метаний. Само название фильма «Аннигиляция» (распад) символизирует распад личности женщины-ученого на множественности «Я», фрагментарности идентичности личности.

Режиссер фильма менее всего ставил задачу рассказать о нелегком труде исследовательниц, о неудачах в попытках собрать нужные данные, о трудностях поиска финансирования и о радости женского научного озарения. Но при этом попытался воспроизвести образ женщины как самостоятельной, думающей, сомневающейся, деятельной личности, готовой на личное самопожертвование и риск во имя будущего.

Список литературы

1. Пушкарева 2025 – Пушкарева Н.Л. Женщины-ученые в советском «оттепельном» кино 1950 – 1960-х гг.// Женщина в российском обществе. 2025. № 4. С. 157-167.

УДК: 001(091):305-055.2

ЖЕНЩИНЫ В НАУКЕ И ПЕРЕСМОТР ИСТОРИКО-НАУЧНОГО КАНОНА

Баум Елена Анатольевна

Кандидат химических наук

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, химический факультет, с.н.с.

E-mail: baumzai@mail.ru

Аннотация. Рассматривается становление исследований женщин в науке как направления современной историографии науки. Показано, каким образом изучение женского участия в научной деятельности привело к пересмотру принципов формирования историко-научного канона и постановке вопросов о механизмах признания, исключения и

репрезентации научного знания. Анализируются международный и российский контексты развития данного исследовательского направления.

Ключевые слова: история науки, женщины в науке, гендерные исследования, историко-научный канон, научное сообщество, научная память.

Работа выполнена в рамках государственного задания МГУ им. М.В. Ломоносова регистрационный номер 121121600197-3.

WOMEN IN SCIENCE AND RETHINKING THE HISTORY OF SCIENCE CANON

Baum Elena Anatolievna

Lomonosov Moscow State University, Chemical Department, senior researcher

Abstract: The article examines the development of studies on women in science as a distinct field within the historiography of science. It shows how research on women's participation in scientific activity has contributed to a reconsideration of the principles underlying the construction of the historical-scientific canon and to a broader discussion of recognition, exclusion, and representation in scientific knowledge. Particular attention is paid to both international and Russian contexts of this field's development.

Keywords: history of science, women in science, gender studies, scientific canon, scientific community, scientific memory

История науки не является нейтральной фиксацией научных достижений прошлого. Как и любая форма исторического знания, она основывается на принципах отбора, выделяя одни события, открытия и персоналии и оставляя в тени другие. В результате формируется историко-научный канон — совокупность фигур, текстов и сюжетов, признаваемых обязательными для описания развития науки. На протяжении длительного времени этот канон строился преимущественно вокруг образа учёного-мужчины, индивидуального открытия и линейного представления о научном прогрессе.

Между тем во второй половине XX века всё более очевидным становилось, что подобная модель не отражает всего многообразия научной деятельности. Возникновение исследований, посвящённых женщинам в науке, было связано не только со стремлением восстановить забытые страницы прошлого и вернуть в историческую память имена исследовательниц, чья деятельность долгое время оставалась на периферии научного повествования. Постепенно стало ясно, что речь идёт о более глубокой проблеме, затрагивающей сами принципы формирования историко-научного нарратива.

Включение гендерного измерения в историю науки поставило вопрос о том, каким образом формируется историко-научный канон, какие механизмы определяют признание одних учёных и забвение других, а также насколько существующие представления о развитии научного знания отражают реальную сложность научных практик. В этом контексте история женщин в науке превратилась из сравнительно узкого направления гендерных исследований

в важный инструмент критического анализа историко-научного знания и переосмысления традиционных представлений о развитии науки.

Возникновение истории женщин как самостоятельного направления гуманитарного знания связано с развитием women's studies в странах Запада в 1960–1970-е гг. В рамках данного исследовательского движения был предложен и специальный неологизм – HerStory («Её история»), призванный подчеркнуть необходимость пересмотра традиционного исторического нарратива, выстроенного преимущественно вокруг мужского опыта. Первоначально основное внимание уделялось выявлению и изучению тех социальных групп и исторических акторов, которые ранее оставались на периферии исторического повествования [Баум 2019, с. 176-177]

Одной из первых задач нового направления стало восстановление биографий женщин, принимавших участие в развитии различных областей знания, но не вошедших в число общепризнанных героев научной истории. Особое значение в этом процессе имели работы М. Алик (1986), М. Росситер (1982, 1995), М. и Дж. Рейнер-Кэнем (1997 - 2005), М. Огилви (2000), Мэри Криз (1998 -2015) и других исследователей, заложивших основы современного изучения участия женщин в науке. Масштабные энциклопедические и биографические их проекты конца XX — начала XXI вв. позволили систематизировать значительный массив фактического материала и сформировать новую исследовательскую инфраструктуру для дальнейшего изучения данной проблематики.

Одновременно с накоплением биографических данных происходило осмысление причин, по которым многие женщины оказывались исключёнными из исторической памяти науки. В центре внимания исследователей постепенно оказались не только сами женщины-учёные, но и механизмы формирования научного авторитета, признания и профессионального статуса. Значительное влияние на развитие данного направления оказали концепции «эффекта Матфея» Роберта Мертона (1968) и «эффекта Матильды», предложенного Маргарет Росситер (1993) для описания ситуаций, при которых научные достижения женщин систематически недооценивались либо приписывались их более известным коллегам-мужчинам. Благодаря подобным исследованиям проблема участия женщин в науке была включена в более широкий контекст механизмов научного признания, профессионального статуса и функционирования научного сообщества.

Ещё одним важным направлением стало изучение науки как сложной системы социальных взаимодействий. Если традиционная история науки преимущественно концентрировалась на фигуре отдельного учёного и его открытиях, то современные исследования всё чаще обращаются к анализу научных коллективов, исследовательских сетей, профессиональных сообществ и семейных форм научной деятельности. В рамках микроисторического подхода особое внимание уделяется повседневным практикам научной работы, образовательным траекториям, неформальным механизмам научной коммуникации и сотрудничества.

Показательным примером подобного подхода служат исследования научных и семейных тандемов, прежде всего Пьера и Марии Кюри [Pycior 1996, p.41]. В центре внимания

оказывается не только индивидуальный вклад участников, но и механизмы коллективного производства знания.

Таким образом, развитие истории женщин в науке сопровождалось одновременным расширением нескольких исследовательских направлений: биографического, социологического и микроисторического. Постепенно внимание исследователей смещалось от задачи простого «возвращения имён» к более широкому вопросу о механизмах формирования историко-научного нарратива. В результате данная проблематика вышла за рамки собственно биографических исследований и стала частью более широких дискуссий о социальных и эпистемологических основаниях научного знания.

Постепенно соответствующие дискуссии вышли за пределы собственно биографических исследований и привели к постановке вопроса о взаимосвязи между социальными условиями производства знания и самим научным знанием. Работы С. Хардинг (1986), Д. Хараўэй (1988) и М. Фрикер (2023) показали, что проблема участия женщин в науке связана не только с вопросами представительства и признания, но и с более широкими эпистемологическими аспектами функционирования научного сообщества.

К началу XXI века исследования женщин в науке превратились в устойчивое направление мировой историографии науки [Hargittai 2015]. Сформировалась развитая исследовательская инфраструктура, включающая специализированные журналы, конференции, научные общества и цифровые ресурсы. Значительную роль играют профильные комиссии при международных профессиональных объединениях. В частности, более трёх десятилетий в рамках Международного союза истории и философии науки и техники (IUHPST) действует Комиссия по вопросам женщин и гендера в истории науки. Аналогичные структуры функционируют при Обществе истории технологии и Американской ассоциации истории медицины.

В российской историографии институционализация исследований женщин в науке пока остаётся фрагментарной. Несмотря на деятельность Российской ассоциации исследователей женской истории и её многолетнего лидера Н. Л. Пушкарёвой, история женщин в науке у нас пока не располагает столь же развитой исследовательской инфраструктурой, как в ряде зарубежных стран. Отсутствуют крупные национальные энциклопедические проекты, специализированные исследовательские центры и устойчивые академические программы, ориентированные исключительно на данную проблематику. В этих условиях особое значение приобретают инициативы, направленные на интеграцию гендерного измерения в преподавание истории науки. В Московском государственном университете данная проблематика включается не только в лекционные курсы и публикационную деятельность, но и в различные формы научно-исследовательской работы студентов, включая подготовку рефератов, мультимедийных проектов и выступления на научных конференциях, в частности, в рамках химического факультета.

Сегодня обращение к истории женщин в науке имеет значение не только для восстановления забытых страниц научного прошлого. Оно позволяет по-новому осмыслить принципы формирования историко-научного канона, выявить механизмы научного признания и исключения, а также сделать более заметными скрытые формы участия в производстве знания и процессы формирования научной памяти. Тем самым история женщин в науке

выступает не периферийным направлением исследований, а одним из инструментов критического анализа историко-научного знания, позволяющим переосмыслить принципы отбора и репрезентации научного прошлого.

Список литературы

1. Баум 2019 – Баум Е.А. К истории интеграции женщин в научное сообщество. Поддержка РХО (РФХО) профессионального становления женщин в науке// Публичный статус российской химии. Русское химическое общество: история и традиции / Под ред. Е.А. Баум, Т.В. Богатовой. М.: Янус-К, 2019. С. 175-212.
2. Hargittai 2015 – Hargittai M. Women scientists: reflections, challenges, and breaking boundaries. New York: Oxford University Press, 2015. 384 p.
3. Pycior 1996 – Pycior H.M. Pierre Curie and “His Eminent Collaborator Mme Curie”: Complementary Partners // Creative Couples in the Sciences / Ed. H.M. Pycior. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press, 1996. P. 39-56.

ЧАСТЬ 4

Секция «СЕМИОТИКА КАК МЕТОДОЛОГИЯ И ОНТОЛОГИЯ»

УДК 165.5:004.8:81'22

БЛУЖДАЮЩИЕ ЗНАЧЕНИЯ В НАУКЕ ИНТЕНСИВНОГО АНАЛИЗА ДАННЫХ

Барышников Павел Николаевич

доктор философских наук

Пятигорский государственный университет, профессор

E-mail: pnbaryshnikov@pgu.ru

Аннотация: Сегодня наука, вдохновленная успехами в области ИИ (AI-driven science), достигает поразительных результатов. Эти результаты были бы не достижимы без применения современных методов интенсивного анализа данных. При этом особого внимания заслуживает особый семантический статус высказываний языка этой «новой науки». Нечеловечески сложные процедуры обоснования машинных выводов порождают предложения со слабой денотативной прозрачностью. В этом контексте особую значимость приобретает специфичный аналитический «словарь» Марка Уилсона, предложенный им в работе «Блуждающие значения». В статье исследуется семантический статус высказываний науки интенсивного анализа данных (*data-intensive science*). На примере недавних открытий в математике показано, что эффективность предсказаний, получаемых методами машинного обучения, не обеспечивается содержанием описывающих их высказываний. С использованием аналитической рамки М. Уилсона («блуждающие значения», «фасадные предикаты») введено понятие «денотативно подвешенного высказывания» и описаны три режима семантической деградации: полисемическое уплощение, контекстуальный дрейф и денотативная отсрочка. Обосновывается вывод о том, что значение, редуцированное к позиции в векторном пространстве, принципиально не коррелирует с «фасадной картой» науки. При полной процедурной прозрачности высказывание науки интенсивного анализа данных остаётся «денотативно подвешенным».

Ключевые слова: наука интенсивного анализа данных, машинное обучение, философия науки, блуждающие значения, денотативная прозрачность, семиотика, фасадные предикаты, эпистемология ИИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00254 https://rscf.ru/project/25-28-00254/

WANDERING SIGNIFICANCE IN DATA-INTENSIVE SCIENCE

Baryshnikov Pavel N.

Doctor of Philosophy,

Pyatigorsk State University, professor

Abstract: Today, AI-driven science is achieving astonishing results. These results would be impossible without the use of modern data-intensive methods. The unique semantic status of statements in the language of this "new science" deserves special attention. The inhumanly complex procedures for justifying machine inferences generate sentences with weak denotative transparency. In this context, Mark Wilson's specific analytical "vocabulary," proposed in his work "Wandering Significance", takes on particular significance. This article examines the semantic status of statements in data-intensive science. Using recent discoveries in mathematics as an example, it is shown that the effectiveness of predictions obtained by machine learning methods is not ensured by the content of the statements describing them. Using M. Wilson's analytical framework ("wandering significance", "façade predicates"), the concept of a "denotatively suspended utterance" is introduced and three modes of semantic degradation are described: polysemic flattening, contextual drift, and denotative deferment. The conclusion is substantiated that meaning, reduced to a position in a vector space, fundamentally does not correlate with the "façade map" of science. Despite complete procedural transparency, the utterance of data-intensive science remains "denotatively suspended."

Keywords: data-intensive science, machine learning, philosophy of science, wandering significance, denotative transparency, semiotics, facade predicates, AI epistemology

This study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, No. 25-28-00254, https://rscf.ru/project/25-28-00254/

1. Парадокс успешной непонятности

Замысел предлагаемых рассуждений родился после неожиданного вывода, сделанного в ходе обобщения ряда источников [Carabantes 2020; Duede 2023; Koskinen 2024]: научное познание, инициированное ИИ-методологией (далее – *AI-driven science* или *data-intensive science (DIS)* – наука интенсивного анализа данных [Critchlow, Kleese van Dam 2017]) получает валидные результаты и вместе с тем порождает высказывания с так называемой слабой денотативной прозрачностью.

AI-driven science достигает поразительных успехов, которые при использовании традиционных методов либо были бы невозможны, либо требовали бы немыслимых временных ресурсов. Наряду с общеизвестными успехами AlphaFold (предсказание свёрнутой структуры белков) или GraphCas (построение 10-дневного прогноза погоды) можно привести ещё пару примеров.

- Crystal Diffusion Variational Autoencoder предсказывает стабильные кристаллические структуры с заданными свойствами, минуя уравнения квантовой механики. В последнее время материаловедение получает рабочие гипотезы быстрее, чем способно их теоретически обосновать [Breuck et al. 2025].
- Большие языковые модели, обученные на геномных данных патогенов, не используя какое-либо теоретическое описание механизма резистентности, предсказывают устойчивость к антибиотикам с точностью, которая намного превосходит лабораторные фенотипические тесты. При успешном применении предсказаний остаётся загадкой, что именно модель «выучила» о свойствах патогена [Testagorose et al. 2025].

Суть противоречия, из которого вырастает проблема, на мой взгляд, крайне значимая для современной философии науки, состоит в следующем: эффективность DIS очевидна, чего нельзя сказать о процедурах обоснования выводов, полученных в ходе применения нечеловечески сложной логики машинного обучения. Основной интерес здесь составляет семантический статус предложений естественного языка, средствами которых реализуется итоговый вывод при решении исследовательских задач.

Концептуализацию указанной проблемы можно провести с использованием (пусть и несколько избыточно экзотичной) аналитической рамки, предложенной М. Уилсоном в «Блуждающих значениях» [Уилсон 2025]. Уилсон указывает на то, что в науке невозможно избежать «перетаскивания свойств (*property dragging*)», когда предикаты типа «сила» или «частица» изменяют свои физические корреляты под давлением семантических свойств модели, в которою их помещает исследователь. Ни аксиоматика, ни строгий синтаксис логически выверенного языка науки в этом случае не являются надёжным прибежищем для «блуждающих значений». Важно указать на то, что в основе здесь лежат процессы денотативной семантики, которые управляются распределённой нормативностью теоретических каркасов [Уилсон 2025, с. 313].

Принципы дистрибутивной семантики в современных моделях ИИ, казалось бы, позволяют значениям «не блуждать» под влиянием парадигмальных контекстов (т.к. последние просто не берутся в расчёт). При реализации научного исследования методами ИИ мы попадаем в крайне необычную ситуацию: значение понятий редуцируется к позиции в многомерном векторном пространстве, построенном на статистике частотности и коллокаций. В итоге высказывание указывает на что-то, что в полной мере не артикулировано и не верифицируемо через теоретическую рамку. Мы оказываемся в ситуации, когда предсказательная сила высказываний от *AI-driven science* не обеспечивается содержанием этих же высказываний. Позволю себе более сильную формулировку: наука интенсивного анализа данных производит эффективное и бессодержательное знание. Для простоты понимания, можно привести пример из мира компьютерных шахмат, где машины выигрывают, не формируя стратегического замысла через оценку позиции, угрозы, плана. Описанная проблема относится к классу проблем с «пограничным семиозисом» (в терминах У. Эко), когда система реагирует на стимул без последующей интерпретации знака. В этой логике эмбеддинговая последовательность напоминает гомеостат из «Отсутствующей структуры» У. Эко [Эко 2006, с. 46] с тем отличием, что это «гомеостат» колоссальной размерности, который реагирует на статистические стимулы обучающего гигантского корпуса, но при этом так же не способен к интерпретации знаков в семиотическом смысле.

2. Индексированные списки и блуждание без карты

Сегодня положение в *AI-driven science* таково, что сами исследователи задаются вопросами об эпистемологической значимости исследовательских шагов, приводящих к получению результатов. Приведу пример.

Одна из нерешенных задач математики – это предсказание ранга эллиптической кривой. На сегодняшний день ещё не открыт общий алгоритм предсказания ранга эллиптической прямой, дающего точный ответ за конечное время. Основная трудность состоит в том, что существует астрономически большое число рациональных «точек-кандидатов», которые могут быть дробями с числителями и знаменателями в сотни знаков. Конечная область при этом не определима.

В 2022 году группа математиков, обучив нейронную сеть предсказывать ранг эллиптических кривых, обнаружила неожиданный и ранее никому не известный паттерн:

коэффициенты для миллионов кривых образовывали волнообразные, масштабно-инвариантные осцилляции, визуально напоминающие полёт стай скворцов [He et al. 2022]. Авторы взяли огромную базу данных эллиптических кривых, представили каждую как вектор из 1000 чисел (по числу первых простых) и стали применять регрессию и анализ главных компонент (PCA). Методы машинного обучения классифицировали кривые по рангу с точностью 99,9%. На этапе визуализации на графиках проявился устойчивый паттерн синусоидальных колебаний с нарастающей амплитудой, напоминающей «мурмурацию» птиц.

В указанной работе есть предложение, иллюстрирующее мой основной тезис: «*…среднее значение в уравнении (1.1) первоначально рассматривалось с точки зрения науки о данных – где простые числа представляли собой просто список признаков, индексированных n*» [He et al. др. 2022, p. 4–5]. Полагаю, что это прямое свидетельство «подвешенного денотата». Есть нечто, на что указывает выражение языка, но существование чего ещё предстоит доказать. Авторы признают, что для модели простые числа были не более, чем проиндексированным списком признаков, координатами вектора без теоретического содержания и теоретико-числового контекста.

3. Три режима семантической деградации

В этой части мне хотелось бы набросать «тематические эскизы» для возможной дальнейшей разработки в серии статей. Представленное выше положение вещей в философии *AI-driven science* требует концептуального анализа. Если придерживаться аналитической рамки М. Уилсона, то видится перспективным исследование трёх режимов семантической деградации: 1. Полисемическое уплощение; 2. Контекстуальный дрейф; 3. Денотативная отсрочка.

М. Уилсон в главе «Теория фасадов» [Уилсон 2025, с. 217–314] анализирует понятие энергии как классический случай «фасадного предиката»: в механике, термодинамике, квантовой механике и теории поля этот термин несёт принципиально различные семантические обязательства и операциональные определения. Физики-люди обладают неявной «фасадной картой», позволяющей ориентироваться в «способах данности» знака с именем «энергия». У моделей ИИ такой возможности нет. Пример с предсказаниями эллиптических кривых позволяет рассмотреть все три режима.

3.1. Полисемическое уплощение

«Паттерн» – центральный термин открытия Янг-Хуэй Хэ и коллег – в момент обнаружения одновременно означал и статистическую регулярность в данных, и визуальное сходство с полётом скворцов, и структурное свойство функций. Фасады Уилсона здесь сходились в обобщённом виде в некое общее семантическое поле без демаркации статистического, геометрического или теоретико-числового контекстов.

3.2. Контекстуальный дрейф

Модель обучалась на базах данных LMFDB (The L-functions and modular forms database, *https://www.lmfdb.org/*), формировавшихся десятилетиями с определёнными исследовательскими приоритетами. Кривых ранга 0 и 1 в базе десятки тысяч; кривых ранга 3 – всего 531. Значение термина «ранг» сводится к историческим принципам накопления данных в обучающем корпусе, не пересекаясь со структурными свойствами самого объекта.

3.3. Денотативная отсрочка

С момента первой публикации [He et al. 2022] до описания полной хронологии открытия и становления полного доказательства [He et al. 2026] осциллирующий паттерн представлял собой странный математический объект. Результат был прагматически значимым с момента обнаружения, но его включение в теоретический корпус математики потребовало

дополнительных исследований. В науке интенсивного анализа данных большинство прикладных результатов не получают своей концептуализации, и языковые выражения, их описывающие, остаются навсегда с «подвешенным денотатом».

Выводы

Полагаю, что представленные выше рассуждения можно охарактеризовать как первичное «наведение фокуса» на глубокую философскую проблему, лежащую в основании ИИ-математики в частности и в фундаменте *AI-driven science* в целом. В дальнейшем необходимо более тщательно обосновать утверждение, которое на текущий момент видится неким наброском для будущих исследований: значение, редуцированное к позиции в векторном пространстве, принципиально не коррелирует с «фасадной картой» в уилсоновском смысле. То есть при полной процедурной прозрачности высказывание науки интенсивного анализа данных остаётся «денотативно подвешенным», если не произведена процедура его концептуализации.

Список литературы

1. Уилсон 2025 – Уилсон М. Блуждающие значения: в 2 т. Т. 1: гл. 1–6. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2025. 520 с.
2. Эко 2006 – Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2006. 544 с.
3. Breuck et al., 2025 – Breuck P.-P.D., Wang H.-C., Rignanese G.-M., Botti S., Marques M.A.L. Generative AI for Crystal Structures: A Review. Generative AI for Crystal Structures / arXiv:2509.02723 [cond-mat]. - arXiv, 2025.
4. Carabantes 2020 – Carabantes M. Black-box artificial intelligence: an epistemological and critical analysis // AI & Society. 2020. Vol. 35. № 2. P. 309–317.
5. Critchlow, Kleese van Dam 2017 – Critchlow T., Kleese van Dam K. Data-Intensive Science. London: Chapman & Hall, 2017. 446 p.
6. Duede 2023 – Duede E. Deep Learning Opacity in Scientific Discovery // Philosophy of Science. 2023. Vol. 90. № 5. P. 1089–1099.
7. He et al. 2022 – He Y.-H., Lee K.-H., Oliver T., Pozdnyakov A. Murmurations of elliptic curves // Experimental Mathematics. 2022. Vol. 34. № 3. P. 528–540.
8. He et al. 2026 – He Y.-H. et al. Murmurations: a case study in AI-assisted mathematics. 2026. arXiv:2603.09680.
9. Koskinen 2024 – Koskinen I. We Have No Satisfactory Social Epistemology of AI-Based Science // Social Epistemology. 2024. Vol. 38. № 4. P. 458–475.
10. Testagorose et al. – Testagrose C., Pandey S., Serajian M., Marini S., Prosperi M., Boucher C. Leveraging large language models to predict antibiotic resistance in *Mycobacterium tuberculosis* // Bioinformatics. 2025. Vol. 41. No. Supplement 1. P. i40-i48.

УДК 130.2

СЕМИОТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ ГОРОДА: ГОРОД КАК ТЕКСТ

Кириллова Инна Константиновна

Кандидат педагогических наук,
Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, доцент
E-mail: kirillovaik@mgsu.ru

Бернюкевич Татьяна Владимировна
Доктор философских наук
Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, профессор
E-mail: bernyukevich@inbox.ru

Аннотация: В статье определяются особенности семиотического поворота в философии города, в рамках которого происходит принципиальное изменение оптики исследований – город перестает рассматриваться как физическая среда обитания человека и как форма социальности, но начинает пониматься как текст культуры, т.е. система знаков, которая подлежит интерпретации. В контексте тематики философии города представлен краткий обзор семиотических идей Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Р. Барта. Так, в рамках концепции семиосферы Ю.М. Лотмана город выступает как сложное семиотическое образование, которое хранит культурную память и выступает механизмом порождения новых смыслов. В.Н. Топоров, известный филолог, мифолог и семиотик, развивает идеи Ю.М. Лотмана применительно к конкретному городу – Москве. Согласно методологии В.Н. Топорова, анализ городского текста делится на несколько подуровней: *ландшафтно-климатический* (природные условия, в которых существует город); *материально-культурный* (архитектура города, улицы, близость к водоемам); *социально-исторический* («дух» города, традиционные черты его жителей, исторические события, общественные тенденции); *духовно-культурный* (предания, городская мифология, нарративы о городе). Р. Барт подходит к городу с позиции структурной семиотики, рассматривая его как *дискурс*. Для Р. Барта важно, что город «говорит» со своими жителями, и горожане «говорят» о городе. Однако семиотический подход имеет и свои ограничения: склонность к преувеличению стабильности городских смыслов, в то время как современный город высоко динамичен и фрагментарен; недостаточно учитывает онтологическую весомость города – его существование не исчерпывается знаковой природой, но включает и физическую материальность, которая обладает собственной субстанциональностью и активностью.

Ключевые слова: семиотика города, философия города, семиотический подход, культурный текст.

SEMIOTIC THEORIES OF THE CITY: THE CITY AS TEXT

Inna K. Kirillova

Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor,
Moscow State University of Civil Engineering (National Research University)

Tatyana V. Bernyukevich
Doctor of Philosophical Sciences, Professor
Moscow State University of Civil Engineering (National Research University)

Abstract. The article defines the key features of the semiotic transition in the philosophy in research of the city, which marks a fundamental shift optics: the city is no longer viewed as a physical human habitat or as form of sociality, but is understood as a cultural text – a system of signs subject to interpretation. A brief overview of the semiotic ideas of Yu.M. Lotman, V.N. Toporov, and R. Barthes is provided in the context of urban philosophy. Within Lotman's concept of the semiosphere, the city appears as a complex semiotic formation that preserves cultural memory and generates new meanings. V.N. Toporov develops Lotman's ideas with reference to Moscow, proposing a multi-level methodology for analyzing urban texts (landscape-climatic, material-cultural, socio-historical, and spiritual-cultural sub-levels). Barthes approaches the city from the perspective of structural semiotics, viewing it as a discourse in which the city speaks to its inhabitants and where citizens speak about the city. However, the semiotic approach has its limitations: it tends to overstates the stability of urban meanings, while the contemporary city is highly dynamic and fragmented. It also insufficiently accounts for the ontological weight of the city, reducing its existence to its sign nature while overlooking physical materiality with its own substantiality and agency.

Keywords: semiotics of the city, philosophy of the city, semiotic approach, cultural text.

Семиотический поворот в философии города означает принципиальное изменение оптики исследований – город перестает рассматриваться как физическая среда обитания человека и как форма социальности, но начинает пониматься как текст, т.е. система знаков, которая подлежит интерпретации.

Вопросы классической семиотики нашли свое отражение в трудах Р. Барта, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Г.Г. Почепцова, Ч. Дженкса, К. Линча, Г. Зиммеля, У. Эко и др. семиотический подход к изучению города получил развитие начиная с XIX века, а в XX веке эти исследования приобрели системный характер. В. Беньямин, К. Леви-Стросс, Г. Зиммель исследовали символику архитектуры и семиотику города. У. Эко разработал теорию архитектурной коммуникации, рассматривая архитектуру как систему знаков, где форма выполняет не только функциональную, но и коммуникативную функцию. А.Ж. Греймас разработал структурную модель анализа городских пространств. Проблемой социальной семиотики города занимались М. Готтдиенер, А. Лагопулос, которые ввели понятие «социальной семиотики города». Архитектурной семиотике и морфологии города посвящены работы А. Росси, М. Гандельсонаса, также У. Эко и др. Французскую школу семиотики представили Фр. Шуа, А. Лефевр, который ввел понятие «пространственной практики», «репрезентации пространства», «пространств репрезентации», что стало теоретической основой для многих семиотических исследований. Ч. Дженкс рассматривал город в контексте категорий текста, кода, знака, синтаксиса и семантики пространства, а К. Линч предложил репрезентацию образа города.

Основоположниками отечественной семиотической школы справедливо считают Ю.М. Лотмана и В.Н. Топорова. Исходный тезис семиотического подхода состоит в том, что город не просто содержит знаки, но и сам является знаком. Поскольку городское пространство организовано по образцу языка, его осмысление превращается в герменевтическую задачу – за материальной структурой необходимо раскрыть заложенные в ней культурные смыслы.

Ю.М. Лотман, выдающийся филолог, культуролог и семиотик, разработал концепцию семиосферы – семиотического пространства, необходимого для существования и функционирования языка [Лотман 2000, с. 251]. По аналогии с биосферой В.И. Вернадского, Ю.М. Лотман определяет семиосферу как *условие, необходимую предпосылку для*

осуществления коммуникаций и существования языков [Лотман 2000, с. 251]. Следовательно, город в этой перспективе выступает как *сложное семиотическое образование*, которое хранит культурную память и выступает механизмом порождения новых смыслов [Лотман 2000, с. 252; Федосеева 2025, с. 629].

Ю.М. Лотман выделяет несколько основных характеристик города как семиотического феномена. Во-первых, *неоднородность* – представляет собой «котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных» [Лотман 2000, с. 325], состоит из различных семиотических слоев (исторических, функциональных, социальных), которые вступают как в диалог, так и в конфликт между собой. Во-вторых, *иерархичность* – существуют ядерные элементы (центр, храмы, главные площади), которые задают семиотическую доминанту, и периферийные элементы, которые могут вступать с центром в конфликт [Лотман 2000, с. 259; Sedda 2024, p. 52]. В-третьих, *динамичность* – семиотическая структура меняется во времени, а конфликт и гибридизация кодов формируют новые уровни репрезентации городского пространства. [Лотман 2000, с. 259; Федосеева 2025, с. 624].

Необходимо отметить, что для Ю.М. Лотмана особое значение имеет понятие палимпсеста – многослойного текста, в котором позднейшие записи не полностью уничтожают более ранние. Согласно Лотману, город как палимпсест хранит следы различных периодов своего существования и развития. Как утверждает автор, в семиотическом пространстве *«говорить о полном исчезновении чего-либо следует с большой осторожностью»* [Лотман 2000, с. 101]. Задача интерпретатора состоит в том, чтобы правильно прочитать эти слои, восстановить диалог между ними. Эта идея оказывается особенно важной для понимания городов с богатой историей, таких как Москва, где советские переименования наложились на дореволюционные названия, а те, свою очередь, остались под постсоветскими изменениями.

В.Н. Топоров, известный филолог, мифолог и семиотик, развивает идеи Ю.М. Лотмана применительно к конкретному городу – Москве. В.Н. Топоров ввел в научный обиход понятие «городского текста», которое оказалось «крайне продуктивным» для изучения образа города в культуре. Позднее, в конце 1990-х годов, понятие «московского текста» как *сверхтекста* русской культуры, обладающего специфической структурой и набором конститутивных признаков, обрело статус научного термина. Как отмечают исследователи московского текста, к конститутивным признакам московского текста исследователи относят мифопоэтическую основу (мифологемы Третьего Рима, города-государства, города-храма, города на крови), а также систему образов и мотивов, формирующих три основных литературных лика Москвы: сакральность, центральность и мифологичность [Кнабе 1998; Меднис 2003]. В отличие от «петербургского текста», который характеризуется единством основополагающего мифа, «московский текст» отличается большой структурной сложностью и множественностью смысловых доминант [Кнабе 1998; Савина 2024].

Московский текст формируется на протяжении столетий и включает в себя не только литературные произведения, но и архитектуру, топонимику, городские легенды, повседневные практики. Обобщая методологический подход В.Н. Топорова к анализу городского текста, можно выделить несколько подуровней: *ландшафтно-климатический* (природные условия, в которых существует город); *материально-культурный* (архитектура города, улицы, близость к водоемам); *социально-исторический* («дух» города, традиционные черты его жителей, исторические события, общественные тенденции); *духовно-культурный* (предания, городская мифология, нарративы о городе). Данная методология позволяет рассматривать московский текст как семиотически гетерогенное, но внутренне связанное

целое, где каждый из выделенных подуровней вносит свой вклад в генерацию, хранение и трансформацию смыслов о столице.

Опираясь на теоретические положения В.Н. Топорова, современные исследователи выделяют в его концепции два взаимосвязанных уровня: «текст города» как семиотическое пространство, включающее архитектуру, топонимику и городские практики, и «текст о городе» как совокупность литературных, философских, публицистических нарративов, интерпретирующих город. Между этими уровнями существует сложная взаимосвязь – В.Н. Топоров полагал, что город обладает способностью говорить о себе, выражая мысли и чувства его жителей в словах, памяти и оценках [Топоров 2003].

Р. Барт подходит к городу с позиции структурной семиотики, рассматривая его как *дискурс*. Для Р. Барта важно, что город «говорит» со своими жителями, и горожане «говорят» о городе. В своей работе «Семиология и урбанизм» автор утверждает: «Город – это дискурс, и этот дискурс действительно является языком: город говорит со своими жителями, мы говорим наш город, город, в котором мы находимся, просто живя в нем, блуждая по нему, глядя на него» [Barthes 1988, p.191-192]. Таким образом, *городской дискурс* – это не просто совокупность высказываний о городе, но сама городская среда, организованная как система знаков.

В той же работе Р. Барт предлагает метод «чтения» города, подобно тому, как читают текст: необходимо разделить городскую реальность на отдельные элементы, сопоставить их с противоположными значениями и выявить те знаки и означающие, которые действительно наделяют пространство. Р. Барт вводит понятие «*значимого пространства*» (significant space), подчеркивая, что город – это «место встречи с Другим».

Принципиально важным для Р. Барта является различение *означающих* (материальных знаков города: архитектурные формы, планировочная структура, маршруты движения, граффити, вывески и т.д.) и *означаемых* (их изменчивых смыслов). Как формулирует сам исследователь, «означаемые проходят, означающие остаются». Это разведение позволяет Р. Барту указать на фундаментальный конфликт между семиозисом, процессом порождения смыслов в городском пространстве, и инструментальным разумом градостроительства, который стремится подчинить все элементы города унифицирующей логике планирования. Наконец, Р. Барт подчеркивает, что интерпретация города всегда зависит от позиции интерпретатора: «тот, кто движется по городу, является его читателем, и именно в этих странствиях «читается» городской ландшафт [Barthes 1988, p.191-192].

Семиотические теории города совершают важный концептуальный сдвиг. Город перестает пониматься как объект и начинает пониматься как текст, подлежащий интерпретации. Это открывает новые возможности анализа, т.е. город можно «читать» как литературное произведение, выделяя при этом внутреннюю структуру, риторику, интертекстуальные связи.

Однако семиотический подход имеет и свои ограничения. Во-первых, он склонен к преувеличению стабильности городских смыслов, в то время как современный город высоко динамичен и фрагментарен. Во-вторых, он недостаточно учитывает онтологическую весомость города – его существование не исчерпывается знаковой природой, но включает и физическую материальность, которая обладает собственной активностью. В- третьих, будучи продуктом доцифровой эпохи, семиотический подход не способен адекватно описать трансформации городской семиосферы, обусловленные внедрением цифровых технологий. Следовательно, город – это не только читаемый текст, но и действующая материя, не только устойчивая структура, но и подвижный процесс. Чтобы философски понять город сегодня,

недостаточно одной семиотики – необходим синтез нематериалистических теорий с цифровыми урбанистическими исследованиями.

Список литературы

1. Лотман 2000 – Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
2. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: НГПУ, 2003. 170 с.
3. Москва и "московский" текст русской культуры: Сборник статей / Ответств. ред. Г. С. Кнабе . М.: Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), 1998. 228 с.
4. Савина Я.О. Московский и Петербургский тексты русской культуры в российском литературоведении рубежа веков // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2024. № 3. С. 95-102.
5. Топоров В.Н. - Петербургский текст русской литературы. СПб.: Искусство-СПБ, 2003. 617 с.
6. Федосеева Н.И. Урбан-коды в отражении городской медиареальности. Неофилология. 2025. 11(3) 622-632.
7. Barthes R. Semiology and Urbanism // The Semiotic Challenge. Oxford: Basil Blackwell, 1988. P. 191-192.
8. Sedda F. Semiotics of conflict: a lotmanian perspective/ Tallinn: TLU Press, 2024. P. 44-77.

УДК 168.5:140.8

ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ТЕКСТ

Болдин Павел Николаевич

Русское общество истории и философии науки, исследователь

E-mail: bolpav@yandex.ru

Аннотация: Семиотическая аналогия, прежде всего в виде метафоры Книги (Речи) Природы, сыграла выдающуюся роль на этапе становления рационального познания объективной реальности. Суть такого подхода заключалась в рассмотрении объективной реальности как Текста, при этом формирующиеся теоретические объекты объективных наук рассматривались как элементы Языка, на котором этот Текст написан. Современное научное знание крайне дифференцировано, различаясь по предметным областям и типам построения теорий, поэтому возрастает актуальность поиска единой идеологии. Обращение на новом уровне к семиотической аналогии как к её основе, исходя из её исторической роли, является закономерным. Этому способствует и развитие семиотики. В статье предлагается современное прочтение семиотической аналогии, с учётом известных закономерностей в строении

знаковых систем, позволяющее дать единый фундамент для объективного научного знания, с учётом специфики отдельных наук, его составляющих. Процесс познания рассматривается как расшифровка языка, на котором природный текст написан, а предметом объективного научного знания становится его семиотика. При этом дифференциация научного знания на науки из эпистемической проблемы его единства превращается в основание этого единства.

Ключевые слова: Книга Природы, семиотическая аналогия, научное знание, текст, семиотика, язык.

OBJECTIVE REALITY AS A TEXT

Boldin Pavel Nikolaevich

Russian Society for the History and Philosophy of Science, researcher

Abstract: Semiotic analogy, primarily in the form of the metaphor of the Book (or Discourse) of Nature, played a prominent role at the stage of the formation of rational cognition of objective reality. The essence of this approach lay in viewing objective reality as a Text, while the emerging theoretical objects of the objective sciences were considered as elements of the Language in which this Text was written. Modern scientific knowledge is highly differentiated, varying across subject areas and types of theory construction, which increases the relevance of searching for a unifying ideology. Revisiting semiotic analogy as its foundation — based on its historical role — is a natural development. This is also facilitated by the advancement of semiotics. The article proposes a contemporary interpretation of semiotic analogy, taking into account known regularities in the structure of sign systems. This interpretation allows us to provide a unified foundation for objective scientific knowledge, while accounting for the specific features of the individual sciences that constitute it. The process of cognition is viewed as the deciphering of the language in which the natural text is written, and the subject of objective scientific knowledge becomes its semiotics. In this framework, the differentiation of scientific knowledge into separate disciplines — previously an epistemic problem for its unity — turns into the very basis of this unity.

Keywords: Book of Nature, semiotic analogy, scientific knowledge, text, semiotics, language.

Семиотическая аналогия в виде метафоры Книги (Речи) Природы, сыграла выдающуюся роль на этапе становления рационального познания объективной реальности [Огурцов 1991, с. 132]. Суть такого подхода заключалась в рассмотрении объективной реальности как Текста, при этом формирующиеся теоретические объекты объективных наук рассматривались как элементы Языка, на котором этот Текст написан. Современное объективное научное знание крайне дифференцировано, различаясь по предметным областям и типам построения теорий (теоретическим типам). Поэтому возрастает актуальность поиска единой идеологии, и обращение на новом уровне к семиотической аналогии как к её основе является закономерным. В статье будет продемонстрирован такой подход.

Любая знаковая система, в том числе и текст – это материальный объект, которому придано идеальное содержание. Этот факт как раз и делает из природного объекта культурный артефакт, являющийся семиотикой. Семиотическая аналогия утверждает, что и сами

природные объекты являются семиотическими – Текстами. Только в данном случае семиотическое содержание не придаётся человеком, а присуще им изначально. Человек же в результате познания расшифровывает Язык, на котором этот Текст написан. При этом, поскольку результатом познания является объективное научное знание, то в рамках данной парадигмы, можно утверждать, что предметом научного знания является семиотика этого Языка.

В основе современного развития семиотической аналогии лежит эпистемическая закономерность в строении объективного научного знания. Несмотря на большую дифференциацию научного знания, его можно разделить на четыре раздела – науки, характеризуемые специфическим для каждой из них теоретическим типом: логику, математику, физику и естествознание (химия + биология + нейронауки). При этом сами науки связаны закономерным образом отношениями необходимости и образуют единую совокупность – структуру научного знания: логика необходима для построения математических теорий, математика необходима для построения физических теорий, физика необходима для построения теорий естествознания. Такая их взаимосвязь ведёт к тому, что все науки структуры необходимы для представления любого природного объекта в рамках его научного познания. То есть полное представление природного объекта не ограничивается рамками естественных наук, физики и естествознания, но и с необходимостью требуют теоретического представления в рамках математики и логики. Последние, таким образом, своим предметом также имеют определённые аспекты объективной реальности. Получается, что любой природный объект в результате познания предстаёт в виде своего рода слоёной иерархической структуры, матрёшки, где слоями выступают его представления в рамках теорий соответствующей объективной науки.

Необходимость привлечения семиотической аналогии возникает, если мы теперь зададимся такими вопросами – «почему нет одной науки, а происходит разделение на науки?», «в чем отличие предметов наук между собой?», «и почему при этом эти науки связаны в рамках структуры?». Уже первичный анализ показывает высокое подобие между характером теоретических конструкций и их ролью в рамках структуры знания и характеристикой семиотических аспектов и их ролью в рамках формирования знаковой системы. Причем сами семиотические аспекты также образуют иерархическую структуру: семантика предполагает наличие синтаксиса, а прагматика – семантику [Анищенко, Вагин 2006, с. 29-30]. Синтаксис, семантика и прагматика задают содержание знака, сама знаковая часть строится как придание содержания материальному телу знака. В итоге реализации семиотической аналогии, сравнения структуры научного знания и семиотической структуры языка, получаем, что логика – это объективный синтаксис, математика – это объективная семантика, физика – это объективная прагматика, естествознание – это объективная знаковая часть Текста Природы. Такое сопоставление частично уже присутствует в современном научном знании. Так аналогия между логико-математическим теориями и синтактико-семантическими структурами языка – это общее место в основаниях математики, находящее своё выражение, в частности, в идеологии теории моделей [Тарский 1948, с. 191]. В естествознании широко применяется семиотический подход. Так аналогия между молекулярной организацией живого и знаковой частью языка лежит в основе понимания процессов живого [Жданов, Золян 2016, с. 61]. Рассмотрим семиотическую аналогию более конкретно.

Логика является объективным синтаксисом, а логические значения – синтаксическими значениями. Логические значения задают бытие объективного (это открытие Парменида): бытие есть – это 1, а небытия (отрицания бытия) нет – это 0. Отношения логических значений формируют объективные синтаксические отношения – логические функции, которые аналогичны основным синтаксическим структурам в естественном языке – предложениям, простым и сложным.

Предложения разбиваются на составляющие – слова, со своей ролью в рамках предложения – подлежащее, сказуемое и т. д., что служит опорой для построения семантики. Логические аналоги предложений – формулы, разбиваются на аналоги слов – предикаты и термы с аналогичными ролями в рамках формул, превращаясь в пропозициональные функции, что позволяет перейти к математике. Таким образом, объективная семантика – математика, строится аналогично. Основные категории семантики естественного языка – это предметные значения и смыслы. Математика определяется как наука о количественных отношениях и пространственных формах, что отражает основную структуру математического знания в его отношении к объективной реальности. Семиотическая интерпретация математики предполагает, что числа являются ничем иным, как объективными предметными значениями – это предельные абстракции предметов. Геометрические объекты – это абстракции более высокого уровня, они выражают место предмета среди других предметов, что находит выражение в методе координат. То есть геометрические объекты являются объективными смыслами, придающими предметную определённость через координацию предметных значений.

Прагматика языка – это «семантика в действии» [Руднев 1999, с. 231]. Она заключается в действии в соответствии с заданными намерениями (целью) посредством речевых актов. Речевой акт формируется на основе семантически означенной конструкции языка. В прагматике речевой акт имеет три фазы формирования [Богатикова 2023, с. 27-28]. Первая – это локуция или собственно производство речевого акта, вторая – иллокуция или выражение в речевом акте намерения или цели (иллокутивной силы), третья – перлокуция или действие речевого акта. Переход от математики к физике связан с переходом от объективной семантически означенной конструкции – формулы, к выражению в ней аналога речевого акта – физического процесса или объективного речевого акта. Объективный речевой акт задаётся функционалом, посредством которого полностью характеризуется состояние объекта и его изменение. А его фазы формирования задаются посредством различных характеристик физического процесса – статических, кинематических и динамических, выражаясь в делении физических теорий на подтипы – классические, релятивистские и квантовые. Локуция задаётся в классической физике посредством временной функции x(t), являющейся аргументом функционала. Иллокуция задаётся в релятивистской физике, в которой аргументом функционала является уже функция пространства-времени – полевая функция φ (x;t). Пространство-время является кинематической мерой, поскольку зависит от относительной скорости. А полевая функция задаёт импульсно-энергетическую характеристику состояния, определяющую направление дальнейшего изменения состояния (цель) – аналог иллокутивной силы. Перлокуция задаётся в квантовой физике. Состояние определяется динамической мерой – функцией действия (фазой): вектором состояний, оператором и т.п. Результат, означающий переход из одного состояния в другое, имеет вероятностный характер.

Знаковая часть в семиотике языка формируется из отдельных элементов (звуков, букв) путем фиксации определённых материальных характеристик (фонема, графема). Выделяют три типа знаков: символы, иконы и индексы – в зависимости от соотношения между материальной оболочкой и содержанием знака. Основные представления в естествознании сформированы в концепции уровней организации материи, в рамках которой организация формируется на основе предельных материальных элементов данного уровня, которые интерпретируются в рамках семиотической аналогии в качестве фиксируемых материальных характеристик. При этом собственно знаки возникают в последней материальной организации – у человека, а на предыдущих уровнях формируется знаковость – объективные символичность, иконичность, индексальность. Первый уровень – химический уровень организации. Химическая организация формируется в виде атома через противопоставление двух типов элементарных частиц: кварков первого поколения и электронов. Кварки, через триплетные состояния (нуклоны), формируют ядро, а электроны – оболочки. Кварки формируют объективную символичность, являясь предельными элементами, определяющими индивидуальность атома. Второй уровень организации материи – это биологический уровень. Организация построена по такому же принципу, как и химическая, но порождает уже следующий тип знаковости – иконический. Объективными элементарными характеристиками (элементами), формирующими иконичность, являются нуклеотиды ДНК в виде триплетов, которые, посредством поэтапной реализации генетического кода, находят своё выражение в аминокислоте. Два последовательно следующих далее в иерархии уровня организации материи – это психический, связанный с появлением многоклеточных с нервной системой, и антропный, выражающийся в материальной организации человека. Психическая организация – это формирование объективной индексальности, а антропная – объективных знаков. На данный момент их можно охарактеризовать только в общем виде ввиду недостаточности современных знаний (более подробно см. [Болдин 2017, с. 72]).

Список литературы

1. Анищенко, Вагин 2006 – Анищенко И., Вагин В. Понятие знака в науке и искусстве // Новости искусственного интеллекта. Вып. 3. М.: Изд-во URSS, 2006. С. 14-38.
2. Богатикова 2023 – Богатикова Л. Прагматика. Теория речевых актов: практическое пособие. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2023. 44 с.
3. Болдин 2017 – Болдин П Атомизм и семиотическая аналогия в онтологии естествознания // Философская мысль. № 9. 2017. С. 59-74.
4. Жданов, Золян 2016 – Жданов Р., Золян С. Геном как (гипер)текст: от метафоры к теории // Критика и семиотика. Выпуск 1. 2016. С. 60-84.
5. Огурцов 1991 – Огурцов А. Герменевтика и естественные науки // Загадка человеческого понимания М.: Издательство политической литературы, 1991. С. 129-144.
6. Руднев 1999 – Руднев В. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1999. 384 с.
7. Тарский 1948 – Тарский А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М.: Изд-во иностранной литературы, 1948. 328 с.

УДК 81'22:004

ЗНАК В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Быльева Дарья Сергеевна
Кандидат политических наук
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, доцент
E-mail: Bylieva_ds@spbstu.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию трансформации семиозиса в условиях цифровизации. Двойственная природа цифровых знаков, принадлежащих к культуре и машинному синтаксису, накладывает правила технологической грамматики на формы традиционной выразительности. Цифровой знак рассматривается как процессуальный феномен, бытие которого конституируется в режиме исполнения, предписанном техническими протоколами. Композиция техники – конкретная конфигурация аппаратных слоёв, стеков программного обеспечения и алгоритмических модулей – выступает при этом не как пассивный субстрат, а как производящая матрица, задающая синтаксис, внутри которого только и возможна какая-либо знаковая определённость. В дискретных вычислительных архитектурах знак обретает статус операционального триггера – знака-действия, императивно запускающего каузальные переходы в жёсткой логической структуре. Знак-действие на уровне пользователя запускает цепочку иных знаков, приводящих к фактическим изменениям в цифровой среде и за ее пределами. В технических системах на базе нейросетевых моделей смысл знака определяется не его статической денотацией, а его способностью трансформировать топологию вероятностных распределений внутри модели. Смысл здесь коррелирует с интенсивностью трансформации: знак значим настолько, насколько радикально он изменяет вероятность перехода системы в те или иные будущие состояния.

Ключевые слова: знак, цифровой знак, цифровая среда, технологии, семиозис, искусственный интеллект, ИИ.

THE SIGN IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Bylieva Daria S.
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Associate Professor

Abstract: The article investigates the transformation of semiosis under the conditions of digitalization. The dual nature of digital signs, belonging simultaneously to culture and to machine syntax, superimposes the rules of technological grammar upon the forms of traditional expressiveness. The digital sign is examined as a processual phenomenon, whose being is constituted in the mode of execution prescribed by technical protocols. The composition of technology — the concrete configuration of hardware layers, software stacks, and algorithmic modules — functions here not as a passive substrate, but as a generative matrix that establishes the syntax within which alone any signifying definiteness becomes possible. In discrete computational architectures, the sign acquires the status of an operational trigger — an action-sign — that imperatively initiates causal transitions within a rigid logical structure. At the user level, the action-sign launches a chain of further signs, leading to factual changes within the digital environment and beyond. In technical systems based on neural network models, the meaning of a sign is defined not by its static denotation, but by its capacity to transform the topology of probability distributions inside the model. Meaning here

correlates with the intensity of the transformation: a sign is significant to the degree that it radically alters the probability of the system's transition into particular future states.

Keywords: sign, digital sign, digital environment, technology, semiosis, artificial intelligence, AI.

Генезис цифровой знаковой системы представляет собой сложный процесс конвергенции исторически детерминированного пространства культурных смыслов и структурированной области логико-алгоритмических операций. В рамках классической традиции знак обладает имманентной связью с материальным носителем и контекстом. В цифровой среде знак порождается техническим протоколом в каждом акте обращения: знак последовательно реализуется в различных технических модусах – как статическая конфигурация битов в запоминающем устройстве, как динамический сигнал в канале связи, как структура данных, подвергаемая машинной интерпретации на промежуточных узлах. Сама возможность существования знака означает его неразрывную включённость в технологическую инфраструктуру. Способ кодирования, формат данных, протоколы передачи, алгоритмы обработки и аппаратная совместимость суть конститутивные признаки цифрового знака. Знак в цифровой среде существует исключительно в режиме постоянного воспроизводства, актуализируясь в циклах обработки. Его бытие есть бытие-в-исполнении: он не пребывает, а происходит; не находится, а циркулирует; не ожидает человеческой интерпретации, но непрерывно интерпретируется машинами уже на уровнях передачи данных. Процессуальность, распределённость и техническая опосредованность составляют фундаментальную характеристику цифрового знака, где технические параметры диктуют условие его существования.

Точкой бифуркации на пути к цифровизации становится развитие математической логики и теории исчислений. Уже в проекте *characteristica universalis* Готфрида Лейбница, задуманном как универсальный язык, сводящий все сложные понятия к комбинации простых атомарных идей, видно стремление преодолеть стихийный семиозис естественного языка и заменить его исчислимой, строго формальной системой, где истинность высказывания доказывается калькуляцией. Ключевой фигурой становится Джордж Буль, чьи законы мышления впервые представили логические операции (конъюнкцию, дизъюнкцию, отрицание) как алгебраические действия над классами. Происходит фундаментальный сдвиг: значение перестает быть свойством отдельного знака и становится результатом операции в замкнутой системе. Синтаксис, то есть правила комбинирования, впервые возвышается до автономии от семантики и прагматики.

В динамике своего становления цифровой код эволюционирует от простой репрезентации физических сигналов к статусу медиума, который осуществляет медиацию между «семиотикой культуры» и «семиотикой технологии». В генезисе цифровой знаковой системы прослеживается диалектический переход от жесткой технологической детерминации к цифровизации социальной реальности. В ранних цифровых системах элементарный знак редуцирован к индексу (по Пирсу): он отсылает к предшествующему физическому событию – состоянию регистра, уровню сигнала, срабатыванию транзистора. Его знаковое измерение исчерпывается этой ретроспективной референцией. Знак становится элементарной технической дискретностью, чье бытие определяется исключительно способностью быть считанным, стертым и перезаписанным. Одновременно цифровая среда раннего периода функционирует как сфера прикладной синтактики в смысле, заданном К. Шенноном [Shannon 1949]. Шенноновская модель описывает передачу сообщения как техническую проблему:

источник генерирует дискретные символы (последовательность битов), которые кодируются, передаются по каналу и декодируются получателем. «Дискретный канал» означает, что сигнал принимает конечное число состояний (обычно два – 0/1), а не непрерывный континуум значений. Технический аспект передачи по таким каналам заключается в минимизации энтропии и вероятности ошибки (шума), но полностью абстрагируется от семантики и прагматики передаваемого сообщения. На этом этапе цифровой код воспринимается лишь как служебный посредник (медиум) для трансляции доцифровых текстов: его собственное знаковое измерение редуцировано к бинарной логике, а семиотика технологии сводится к теории сигналов. Алгоритмизация превращает технический символ в активный оператор. В отличие от классической семиотики, где знак требует внешнего интерпретатора-человека, в «киберсемиотике» акцент переносится на внутреннюю динамику системы. «Знаковость» заключается в способности этого состояния инициировать переход системы из одного детерминированного режима в другой. Таким образом, знаком является операциональный триггер: он не «значит» что-то для кого-то, а «производит» определенное изменение в программно-аппаратной среде. Сорен Бриер, опираясь на теорию автопоэзиса Умберто Матураны и Франсиско Варелы, рассматривает техническую систему как операционально замкнутую среду. В этой среде «знак» возникает в тот момент, когда поток импульсов попадает в зону аттрактора – предопределенного логической архитектурой устойчивого состояния [Brier 2008]. Смысл знака здесь тождественен той траектории изменений, которую он запускает в системе, когда его появление «принуждает» систему перейти к следующему детерминированному состоянию. точка фиксации (аттрактор) выполняет роль «технической интерпретанты». Уже у Ч. Пирса процесс интерпретации знака не обязан происходить в человеческом мозге (он вводит понятия «квази-ум» или «квази-интерпретатор» [Peirce 1906, p. 447]), а в технической системе инерпретанта связана с изменение логической конфигурации, где знаковые процессы протекают исключительно как физико-математические взаимодействия, направленные на поддержание функционирования системы. Ю. М. Лотман распространяет свойство генерировать смыслы за пределы индивидуального сознания, наделяя им текст и культуру в целом. В его теории «семиотическая монада» – это замкнутая на себя, но коммуникативно открытая единица, чья способность к смыслопорождению определяется внутренней полиглотичностью и структурной неоднородностью [Лотман 1992]. Переход к цифровой репрезентации трансформирует этот полиглотизм, позволяя говорить о существовании «семиозиса без субъекта», где знаковые процессы протекают исключительно как физико-математические взаимодействия, направленные на поддержание функционирования системы. Знак в цифровой среде приобретает новую форму – знака-действия, чьим референтом выступает процесс, связанный с инициирующим знаком причинно-следственной связью. Знак-действие на уровне пользователя запускает цепочку иных знаков, приводящих к фактическим изменениях в цифровой среде и за ее пределами.

Согласно Мановичу, любой цифровой объект (изображение, текст, интерфейс, база данных) есть результат транскодирования (transcoding) – наложения компьютерной логики (дискретность, модульность, автоматизация, вариативность) на конвенции традиционных культурных форм – кинематографа, фотографии, печатного листа, устной речи [Манович 2018]. Цифровой объект одновременно принадлежит двум семиотическим порядкам: как культурная форма он наследует знаковые системы прошлого (иконографию, нарратив, жанр), но как программная сущность он подчинен синтаксису машинных операций. Именно эта двойственность делает цифровой объект не пассивным носителем, а агентом, трансформирующим сами условия смыслопорождения.

Если в классической цифровой среде «техническая интерпретанта» была жестко закодирована в логической архитектуре, то в системах на базе нейросетевых моделей зона аттрактора перестает быть статичной точкой фиксации. В символическом ИИ система вписывалась в классическую семиотическую модель: знак имел чёткий синтаксический тип и семантическую интерпретацию, предписанную разработчиком, а операции над знаками были формальной манипуляцией, родственной логическому исчислению. Нейросетевой подход уничтожает дискретный знак как базовую операциональную единицу. Вместо символов здесь используются распределённые представления – паттерны активации тысяч и миллионов искусственных нейронов, в которых знак как таковой растворён и не локализован. Знак перестаёт быть чем-то, что можно извлечь и идентифицировать как отдельную сущность; он существует лишь как состояние сети, причём любое отдельное понятие распределено по множеству весовых коэффициентов и одновременно интерферирует с представлениями тысяч других понятий. Здесь возникает феномен «динамического означивания», где траектория изменений системы не предзадана программистом, а формируется в процессе весового распределения импульсов внутри скрытых слоев модели. Знак-действие в ИИ-системах перестает быть простым триггером, запускающим линейную причинно-следственную связь. Вместо этого он становится вероятностным вектором, который не просто «принуждает» систему к переходу в следующее состояние, но трансформирует саму топологию логического пространства. Смысл знака здесь коррелирует с его способностью реструктурировать внутренние веса системы, создавая новые паттерны отклика на последующие стимулы, смысл знака определяется не его статической денотацией, а его способностью трансформировать топологию вероятностных распределений внутри модели.

Знак в цифровой среде не пребывает в готовой форме, а непрерывно воспроизводится в циклах процессуального исполнения. Его бытие конституируется техническим протоколом и реализуется исключительно как серия модуляций – от статической конфигурации битов до динамического сигнала и структуры данных, подвергаемой машинной интерпретации. Техника перестаёт быть нейтральным каналом передачи и становится необходимым условием самой знаковости. Двойственная природа цифрового объекта, одновременно принадлежащего культурным конвенциям и машинному синтаксису, фиксируется через процедуру транскодирования – наложения дискретной, модульной и автоматизированной компьютерной логики на формы традиционной выразительности.

Список литературы

1. Лотман 1992 – Лотман Ю.М. Культура и взрыв. Москва: Прогресс Гнозис, 1992. 272 с.
2. Манович 2018 – Манович Л. Язык новых медиа. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2018. 399 с.
3. Brier 2008 – Brier S. Cybersemiotics: Why Information Is Not Enough. Toronto: University of Toronto Press, 2008. 505 p.
4. Peirce 1906 – Peirce C.S. Prolegomena to an Apology for Pragmaticism // Collected Papers of Charles Sanders Peirce. Vol. 4, para. 551. Cambridge, 1906. P. 429–463
5. Shannon 1949 – Shannon C.E., Weaver W. The Mathematical Theory of Communication. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1949. 125 p.

УДК 81'22:004

ЗНАК В ЦИФРОВОЙ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СРЕДЕ – ВЫЗОВ ЧЕЛОВЕКО-МАШИННОЙ КООРДИНАЦИИ
КОММЕНТАРИИ К СТАТЬЕ ДАРЬИ БЫЛЬЕВОЙ „ЗНАК В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ“

Нордманн Альфред
Доктор философских наук
Дармштадский технический университет, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, профессор
E-mail: Nordmann@phil.tu-darmstadt.de

Аннотация: В работе исследуется онтологический разрыв между концептуальным человеческим мышлением и алгоритмической логикой систем искусственного интеллекта (ИИ). На стыке философии техники и прагматистской семиотики концептуализируется переход от классической парадигмы, в которой компьютеры предоставляют символические представления, к цифровой семиотике, которая, по-видимому, функционирует как «черный ящик». Подобный сдвиг обозначает разделение между человеческой и цифровой средой, где система символических знаков должна координироваться с технически автономным цифровым семиозисом – «семиотикой без человеческого интерпретатора». В рамках предложенного анализа технический знак следует понимать не как носитель ментального смысла, а как оперативный триггер, способный трансформировать топологию вероятностных распределений внутри модели. Сопоставляя машинные процессы с прагматистским «законом разума» Чарльза Пирса, автор демонстрирует фундаментальные различия в обосновании и обобщении данных человеком и машиной. Цифровая среда исключает потерю интенсивности данных и функционирует исключительно в плоскости иконических и индексальных связей, полностью обходя символизацию. Основной теоретический вклад работы заключается в обосновании новой исследовательской программы, смещающей парадигму от семантического «перевода» ИИ к концепции прагматической «координации» и «настройки» между чуждой человеку технической грамматикой и человеческой культурной средой. В качестве главного медиатора этой координации утверждается скевоморфизм – механизм моделирования интерфейса, который преобразует несимволические процессы ИИ в привычные для человека аналоговые формы, концепты и нарративы.

Ключевые слова: философия искусственного интеллекта, цифровой семиозис, киберсемиотика, человеко-машинная координация, скевоморфизм, Чарльз Сандерс Пирс, прагматизм.

THE SIGN IN THE DIGITAL AND HUMAN ENVIRONMENT – A CHALLENGE FOR HUMAN-MACHINE CO-ORDINATION
COMMENTS ON DARIA BYLIEVA „THE SIGN IN THE DIGITAL ENVIRONMENT“

Nordmann Alfred

Darmstadt Technical University, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Professor

Abstract: The paper explores the ontological rift between conceptual human thought and the algorithmic logic of artificial intelligence (AI) systems. At the intersection of the philosophy of technology and pragmatist semiotics, it conceptualizes the transition from the classical paradigm of computers providing symbolic representations to a digital semiotics that appears to operate as a "black box." This shift marks the division between human and digital environments with a symbolic representational sign system needing to coordinate with a technically autonomous digital semiosis – a "semiotics without a human interpreter." Within the framework of this analysis, the technical sign needs to be understood not as a carrier of mental meaning, but as an operational trigger capable of transforming the topology of probability distributions inside the model. By comparing machine processes with Charles Sanders Peirce's pragmatist "law of mind," the author demonstrates the fundamental differences in how humans and machines ground and generalize data. The digital environment precludes the loss of data intensity and operates exclusively through iconic and indexical relations, bypassing symbolization entirely. The primary theoretical contribution of the work lies in establishing a new research program that shifts the paradigm from a semantic "translation" of AI to the concept of pragmatic "coordination" and "attunement" between a digitally alien technical grammar and the human cultural environment. Skeuomorphism is advanced as the chief mediator of this coordination – an interface modeling mechanism that casts the non-symbolic processes of AI into familiar human analog forms, concepts, and narratives.

Keywords: philosophy of artificial intelligence, digital semiosis, cybersemiotics, human-machine coordination, skeuomorphism, Charles Sanders Pierce, pragmatism.

In her contribution to this symposium, Daria Bylieva provides an analysis of digital signs that affords a precise and comprehensive understanding of human-technology relations in the digital age.

Anyone who has followed the history of AI from the early days of cybernetics until today will acknowledge a profound shift that finally enabled AI to flourish. Speech recognition and conversational interaction with AI systems were hopelessly inadequate as long as one believed that one would have to first teach the machine knowledge of language and world. Even for limited domains and specialized expert systems it appeared necessary to provide a lexicon of defined terms, a factual base, and an „ontology“ that shows how the concepts in the dictionary are related to the world, carving up the domain of inquiry, delimiting the scope of reference, reflecting the state of knowledge. So, on this way of thinking, the AI would function properly only once it acquires the capacity to form representations. It is on the basis of quite another approach that these days we are confronted with the expanding powers of AI – in communication, speech and image recognition, text and image generation, forecasting, and decision-making. Nowadays, computer scientists and philosophers, along with everyone else has been asking „how does the AI do it“ – with many answers pointing at a black box. The question is difficult and the answers are diverse because everyone seems to agree that „whatever it is that AI does, it does things differently than us humans do.“ And while it may be the case that AI holds a (distorting) „mirror“ to humanity [Vallor 2024], and while we may refer to „neural networks“ as a common denominator of human mind and computer system, human and machine ways of „thinking“ or „doing“ appear to differ so dramatically, that – even as we try to understand how AI systems work – we cannot assimilate machine processes to our own ways of thinking and doing.

This is where semiotics come in. It provides an arena in which one might understand artificial intelligence, and at the same time it provides the tools to delineate the interaction between human and machine ways of doing things. Bylieva accounts for these interactions in terms of a dual nature of signs that are co-determined by machine syntax and human interpretation. These signs are said to „mediate“ between the spheres of culture and technology, producing their convergence by „superimpos[ing] the rules of technological grammar upon the forms of traditional expressiveness“ [Быльева 2026]. But one might open up this proposal by considering the two aspects of that dual nature separately. One might then speak of translation, transcription, appropriation, or assimilation as terms for our attempts to secure a stable correspondence in the clash of a digitally alien with a humanly familiar semiotics – and so, „coordination“ or „attunement“ may prove to be the most suitable terms to designate this encounter.

There is nothing fundamentally new about this problem. It is only a variant of the many attempts to make sense of the brain-mind relation or that between neural networks and conceptual thinking. It appears to be a peculiar evolutionary feature of the human mind that we do not think and act immediately or instinctively upon the signals processed in neural networks, but that we use concepts to form representations which serve as reflective intermediaries for drawing conclusions or taking action. It appears unlikely that cognitive scientists ever figure out just how these symbolic representations map onto or are determined by neuronal activity. Accordingly, researchers confront the long inferential pathway from activated regions of the brain to symbolic meanings, and accordingly, that is how some computer scientists now study the working of AI, making heat-maps to track processes of automatic pattern-recognition.

Also, those who are trying to appreciate the non-intellectual, non-representational, non-conceptual ways for humans to be and act in the world are led to the notion of a language of things. To conceive such a language is not to posit an immediate or mystical union with the world of things. Like any other language, a language of things is mediated by rules and practices of composition which provide a grammar for showing what things can do. And both types of human language – that of symbolic representation and that of indexical composition – differ from the uncannily effective ways of digital semiotics. As Bylieva shows, it is not enough to characterize it as probabilistic or statistical, merely extrapolating from observed frequencies. While it proceeds inductively from distributions of word-occurrences, there is, algorithmically, far more involved than the accumulation of data – at the very least we have to imagine that it perfoms a highly complex factor analysis where each factor reduces variance in the data and indicates a projective vector that organizes the transformation of inputs to outputs. If this is still a naive and superficial account, Bylieva goes on to far more precisely articulate a semiotics that does not involve symbolic representation or conceptual semantics: „the meaning of a sign is defined not by its static denotation, but by its capacity to transform the topology of probability distributions inside [a] model.“

With reference to C.S. Peirce, Bylieva also refers to this as a semiotics without human interpreter. Indeed, she suggests a way in which one might reconstruct a machinic process of semiosis that is functionally equivalent to Peirce‘s „law of mind“ and yet remains alien to human reasoning. The „law of mind“ states that ideas spread continuously and in the course of spreading lose intensity but gain generality [Peirce 1992, p. 313]. This continuous spreading of ideas is nothing but signs affecting other signs and thereby generating new signs of a different kind. As signs affect each other, they are no longer a mere sensory firstness (e.g. sensation of redness) but become indexical. This applies to algorithmization as described by Bylieva, without involving or touching upon the cultural sphere of meaning, interpretation, or human sense-making:

Algorithmization transforms the technical sign into an active operator. In contrast to classical semiotics, where the sign requires an external human interpreter, "cybersemiotics" shifts the emphasis to the internal dynamics of the system. "Signness" resides in the capacity of this state to trigger the system's transition from one deterministic regime to another. Thus, the sign is an operational trigger: it does not "mean" something to someone, but "produces" a specific change in the software-hardware environment [Быльева 2026].

As this triggering function is stabilized and becomes a technical habit, there is an increase in generality which consists in reproducibility or repeatability. There is not, however, a loss of intensity: As opposed to human sense data, digital data are formated for discreteness, persistence, and coexistence, they do not displace or supersede each other, do not fade but are forever simultaneously available. And so, firstness is preserved and secondness established without the detour through hypothesis formation, the making of representations, or symbolization. If symbols are conventional signs then, paradoxically, a digital semiotics relies on iconic self-similarity and indexical relations but does not involve symbolization – even if symbols are the material, quite literally, which is processed by a machine intelligence. In Peirce‘s own terms, while a word with its assigned meaning is a so-called legi-sign, the 250 words on a page are so many sin-signs that make up a page: singular signs defined only by their appearance [Peirce 1958, 8.334]. Similarly, within a digital environment, every sign is a technical or natural object and not a mental construct.

The habit-taking tendency described by the law of mind thus proceeds very differently in machines and in human reasoning. And the research program to follow upon this will have to elucidate how humans successfully interact with the machines by way of conceptual thought or material composition, by way of coordinating the elements of the digital and the human environment that remain external to each other [Nordmann 2024]. This interaction is perhaps best described as „skeuomorphic,“ a term that stretches from anthropology to software-design [von Xylander 2018]: In our interactions with computers, ordering-functions are rendered in terms of mid-20th century yellow American office „folders“ with deletions placed into skeuomorphic waste-paper „baskets“ – similarly, the decisions, predictions, textual outputs of AI are rendered in terms of symbols, concepts, narratives, thus affording representations of presumed sign-world relations. In all these cases, as throughout human history [Conway 2024], new ways of realizing technical functions – such as prediction or text production – are cast in the form of traditional products or devices be it the folder or the symbol. Human semiotics provides the form that is, using Bylieva‘s terminology, „superimposed“ on or utilized for an otherwise foreign technical semiotics.

In terms of human-machine relations we thus encounter people in a human environment who are coordinating in belief and action with signs from the digital environment. To be sure, this coordination begins with the design of outputs and interfaces – e.g. „salience wrappers,“ „explainable AI,“ and the need for AI „to create human-sounding stories.“ In this sense, human sense-making and human semiotics will always have the last word. We are familiar with the struggle to make sense in our own terms of the book of nature and the language in which the material world expresses the divine thoughts of a Creator. As Bylieva points out (see also [Bylieva, Nordmann 2023]), we are now relying on a technology to help us make sense of the foreign language this very same technology is written: Prompted to present itself in a human environment, AI explains itself by offering a humanly intelligible account of a humanly unintelligible process.

Список литературы

1. Быльева 2026 – Быльева Д. Знак в цифровой среде // Пятый международный конгресс Русского общества истории и философии науки «Миссия университета в обществе знания: между утилитаризмом и академической свободой». М.: Русское общество истории и философии науки, 2026. (в печати)
2. Bylieva, Nordmann 2023 – Bylieva D., Nordmann A. AI and the Metaphor of the Divine // Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies. 2023. Vol. 39. Issue 4. P. 737–749.
3. Conway 2024 – Conway S. Insights from obsolescence: The interpretive potential of skeuomorphs // Journal of Material Culture. 2024. Vol. 29. Issue 2. P. 141-157.
4. Nordmann 2024 – Nordmann A. Philosophy of Multilingualism and Technology: From Representation to Accommodation // Modern Approaches to Researching Multilingualism: Studies in Honour of Larissa Aronin / ed. by D. Gabryś-Barker, E. Vetter. Springer, 2024. P. 11-23.
5. Peirce 1992 – Peirce C. S. The Law of Mind // The Essential Peirce / ed. by N. Houser, C. Kloesel. Bloomington: Indiana University Press, 1992. Vol. 1. P. 312-333.
6. Peirce 1958 – Peirce C. S. Collected Papers. Cambridge, 1958. Vol. 8. 352 p.
7. Vallor 2024 – Vallor S. The AI Mirror: How to Reclaim Our Humanity in an Age of Machine Thinking. New York: Oxford University Press, 2024. 272 p.
8. von Xylander 2018 – von Xylander C. The Human Skeuomorph: //Public-Private. Invited lecture on «The Future of the Enlightenment». Workshop at the Käte Hamburger Kolleg, Aachen, 2018.

УДК 111

ТЕХНИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ КАК ПРЕДМЕТ ОБЩЕЙ СЕМИОТИКИ

Демина Анна Ивановна
Кандидат философских наук
Самарский национальный исследовательский университет
имени С.П. Королева, доцент кафедры философии
E-mail: demina.ai@ssau.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу понятия технического объекта с точки зрения общей семиотики в духе Ч.У. Морриса. Понятие технического объекта определяется в традиции классической деятельностной философии техники П.К. Энгельмейера и Фр. Дессауэра, в которой границы «техники» и «творчества» совпадают. Это совпадение позволяет сформулировать общие закономерности всякой творческой деятельности и вывести общие свойства технических объектов как продуктов творческой деятельности. Семиотическая интерпретация свойств технического объекта осуществляется в рамках общей семиотической теории творчества, развиваемой автором, согласно которой творчество понимается как проективная семиотическая деятельность, связанная со сдвигами в применении прагматических, синтаксических и / или семантических правил в сферах чувственного восприятия, рассудка и разума. Онтологической рамкой рассуждения является семиотическая интерпретация онтологического плюрализма, согласно которой действительность дана человеку в знаковой форме и является неоднородной, а слои (уровни,

миры) действительности обнаруживаются как несводимые друг к другу группы законов, выраженные в специфике прагматических, синтаксических и семантических правил этих слоев. Результатом исследования является интерпретация выявленных классической философией техники свойств технического объекта – целесообразности, неожиданности, искусственности и цельности – как специфического комплекса семиотических правил.

Ключевые слова: технический объект, П.К. Энгельмейер, Фр. Дессауэр, Ч.У. Моррис, семиотическая теория творчества, семантика, синтактика, прагматика.

TECHNICAL OBJECT AS A SUBJECT OF GENERAL SEMIOTICS

Demina Anna Ivanovna
Samara University, Associate Professor of the Department of Philosophy

Abstract: This article analyzes the concept of a technical object from the perspective of general semiotics as defined by C.W. Morris. The concept of a technical object is defined within the tradition of the classical activity-based philosophy of technology proposed by P.K. Engelmeyer and F. Dessauer, in which the boundaries of "technology" and "creativity" coincide. This coincidence allows us to formulate general patterns of all creative activity and to deduce the general properties of technical objects as products of creative activity. The semiotic interpretation of the properties of a technical object is carried out within the framework of the general semiotic theory of creativity developed by the author, according to which creativity is understood as a projective semiotic activity associated with shifts in the application of pragmatic, syntactic, and/or semantic rules in the spheres of sensory perception, reason, and intellect. The ontological framework for this discussion is the semiotic interpretation of ontological pluralism, according to which reality is given to humans in symbolic form and is heterogeneous, while the layers (levels, worlds) of reality are revealed as irreducible groups of laws, expressed in the specific pragmatic, syntactic, and semantic rules of these layers. The result of the study is an interpretation of the properties of a technical object identified by classical philosophy of technology—purposefulness, unexpectedness, artificiality, and integrity—as a specific set of semiotic rules.

Keywords: technical object, P.K. Engelmeyer, F. Dessauer, C.W. Morris, semiotic theory of creativity, semantics, syntactics, pragmatics.

Классическая европейская философия техники в начале XX века обнаруживает и формулирует общие свойства всякой творческой деятельности человека, от искусства и науки до инженерного изобретательства. В этот же период формируется семиотика как проект единого языка науки и констатирует общие универсальные свойства всех человеческих языков (знаковых систем). Работы Г. Фреге, Ч.С. Пирса, Ч.У. Морриса позволяют сделать сильный онтологический вывод о знаковой природе существования, поскольку мы обнаруживаем, что все способы взаимодействия человека с действительностью (восприятие, познание, творчество, коммуникация) опосредованы знаковой формой [Нестеров 2021; Демина, Нестеров 2025]. Построенные в рамках системного деятельностного подхода теории творчества могут быть непротиворечиво синтезированы и проинтерпретированы с точки

зрения семиотического анализа, выявления работы прагматического, синтаксического и семантического правил семиозиса. Настоящая статья посвящена понятию технического объекта, понимаемого в качестве результата творческой деятельности. Целью исследования является выявление возможностей семиотической интерпретации содержания этого понятия. Понятие технического объекта рассматривается в широком смысле, в качестве синонима продукта любой творческой деятельности.

Один из основателей философии техники в России, инженер и философ Петр Климентьевич Энгельмейер в работе «Теория творчества» выделяет 4 признака технического объекта, то есть любого продукта человеческого творчества: искусственность, целесообразность, неожиданность и цельность [Энгельмейер 2009, с. 74]. По критерию искусственности («вмешательство человека в жизнь природы» [Энгельмейер 2009, с. 75]) к объектам творчества относится вся совокупность материальной и духовной культуры. Критерий неожиданности связан с категорией новизны как базовым результатом творческого акта и включает в себя субъективный и объективный аспекты: подлинно творческий продукт привносит в действительность объективно новое, порождает новое значение, поэтому не может быть выведен дискурсивно, логически, синтаксически, а субъективно переживается как откровение, интуиция, инсайт [Энгельмейер 2009, с. 76]. Критерий цельности высвечивает подчинённость всех элементов нового созданного объекта единому замыслу. Критерий целесообразности (телеологичности) фокусирует внимание на приспособленности творческого продукта к решению той или иной задачи, то есть на его действии (эффекте) [Энгельмейер 2009, с. 75]. Как показывает П.К. Энгельмейер, приведённые характеристики являются наиболее общими и свойственны всем видам творческих объектов. Основываясь на этих четырех признаках творческого продукта, Энгельмейер классифицирует технические объекты: по критерию искусственности – по внешней форме на предметы, действия и мысли [Энгельмейер 2009, с. 77-78]; по критерию целесообразности – на технику, искусство, науку и этику как четыре базовых вида творчества, различающихся на основании четырёх базовых человеческих ценностей (снятых целей): пользы, красоты, истины и добра [Энгельмейер 2009, с. 78-79]. Критерий неожиданности ложится в основу различения самородных (спонтанных), внушенных (в том числе заказных) и случайных изобретений [Энгельмейер 2009, с. 79]. Критерий цельности позволяет разграничить процесс создания, идею и законченное произведение [Энгельмейер 2009, с. 80].

Признаки технического объекта не являются произвольными, но непосредственно выводятся из свойств процесса изобретения. Теория творчества Энгельмейера создана в рамках деятельностного подхода и опирается на понимание творчества как деятельности, характеризующейся своими субъективными, объективными и процессуальными аспектами. Творчество обозначается Энгельмейром термином «трёхакт», поскольку содержит в себе три этапа – три стадии творческого процесса, формируемые благодаря работе трёх «деятелей» – интуитивного, дискурсивного и активного. Первый акт – «акт интуиции и желания, происхождения замысла» [Энгельмейер 2009, с. 118], второй акт – «акт знания и рассуждения, выработка схемы или плана» [Энгельмейер 2009, с. 120], третий акт – «акт умения, конструктивное выполнение изобретения» [Энгельмейер 2009, с. 121]. Три акта творчества изоморфны трем этапам процесса познания в традиционной кантианской схеме – первый акт соотносится с разумом, поскольку связан с формированием замысла изобретения, с целеполаганием, работой воображения. Итогом первого акта является формирование общей идеи будущего изобретения. Второй акт соответствует рассудку, поскольку «заключается в выработке изобретения как логического представления» [Энгельмейер 2009, с. 121]. Третий

акт доводит изобретение до уровня чувственно воспринимаемого объекта, «здесь уже начинается борьба с материей, и весь успех дела зависит от умения, ловкости и ремесленной рутины» [Энгельмейер 2009, с. 121]. Таким образом, познавательная и созидательная деятельности человека, то, что Энгельмейером обозначается как «субъективирующая» и «объективирующая» деятельность, и то, что в семиотических терминах может быть обозначено как деятельность рецептивная и проективная, находятся в постоянном взаимодействии. Там, где заканчивается познание, начинается творчество, и наоборот. Аналогичную, соотносимую как с неокантианством, так и с логическим позитивизмом, схему творческой деятельности строит Фридрих Дессауэр [Дессауэр 2024].

Рассмотрим свойства технического объекта, как они сформулированы Энгельмейром и Дессауэром, в семиотической перспективе. Целесообразность, по Энгельмейеру, (телеологичность по Дессауэру) фиксирует в первую очередь то, что истоком любого творческого акта (как и любой деятельности в целом, в отличие от поведения) является проблема. В эпистемологической перспективе проблема – это ситуация знания о незнании [Дубровский 2010]. В психологической перспективе проблема – это ситуация неудовлетворенной потребности. В семиотической перспективе проблема есть ситуация несовпадения или неустановленного соответствия нескольких знаковых систем. Семантическое правило определяет способ связи знака и его значения: значение всегда принадлежит другому знаковому целому, является элементом другой знаковой системы, таким образом, семантика имеет дело с установлением соответствия между определенными синтаксическим правилом местами разных порядков, с выявлением соответствия одной системы мест другой. Целесообразность как базовое свойство технического объекта определяет его синтаксическую структуру таким образом, чтобы был возможен семантический переход между синтактикой идеи в синтактику конструкции и на последнем шаге – в синтактику материи. Конфигурация семантики и синтактики в целом определяется прагматикой, обеспечивающей сопряжения знаковых рядов. В разных видах технических объектов это сопряжение происходит разными способами, поскольку глобально цели творчества задаются, по Энгельмейеру, четырьмя ценностными порядками, направленными на достижение идеалов красоты, истины, добра или пользы.

Свойство искусственности технического объекта подразумевает, что новые знаки создаются разными способами: от сугубо синтаксической перекомбинации элементов языка до возникновения новых объектов. Дессауэр называет это свойство следованием законам природы. В семиотических терминах искусственность подразумевает человеческую способность к познанию законов и вычленению разных слоев действительности, базирующуюся на прагматическом навыке связывания знака и его значения, знака и системы знаков, знака и интерпретатора. Естественный язык как первое техническое изобретение становится базой для языка логики, языка науки, языка техники. Как только мы приобретаем прагматический навык к различению знака на незнаковом фоне, мы обретаем способность к порождению новых знаков. Человек, обнаруживая знаковую природу мироздания, начинает создавать вокруг себя искусственный мир новых знаков. Так возникает искусственная среда обитания человека, фиксируемая в качестве ноосферы [Вернадский 1989], метакосмоса [Дессауэр 2024] или искусственной природы, границы которой последовательно расширяются сначала до границ нашей планеты, а сегодня, в 2026 году, уже выходят за орбиту Луны. От создания первой искусственной природы [Nesterov 2021] – энергетических машин, замещающих человеческие телесные органы и способности, преобразующих чувственно воспринимаемую действительность, человек стремится к построению второй и третьей

искусственной природы, к преобразованию собственной биологической, рассудочной и разумной природы: весь окружающий нас мир становится искусственной средой, результатом технического действия человека. Искусственное становится новым естественным, средой обитания человека. Граница между естественным и искусственным определяется прагматическим правилом, является подвижной. Новые технические объекты создаются в искусственных средах.

Цельность технического объекта задается его целесообразностью и соответствием законам природы (телеологичностью и каузальностью в терминах Дессауэра). Цельность означает возникновение технического объекта как нового знака и определение его места в целом той или иной знаковой системы или ряда систем. Когда все три семиотических правила работают, появляется новый технический объект как знак, то есть он с необходимостью является цельным.

Неожиданность – самый сложный критерий, связанный с онтологической проблемой новизны в творчестве. Дессауэр решает эту проблему через понятие четвертого царства как реального бытия идей, предустановленных форм решения проблем. Каждая проблема (как зафиксированное субъектом несовпадение знаковых систем) имеет предустановленную форму решения в полноте бытия, сотворенного богом. Сама эта полнота бытия – потенциальный космос, сфера возможного. Соотношение возможного и действительного задается границами человеческой телесности и эволюцией познания и творчества. Сдвиг границы возможного и действительного – это семиотический процесс совмещения знаковых систем, семантическое правило, учитывающее все большее количество систем, слоев бытия.

Свойства технического объекта демонстрируют границы актуального и потенциального, актуальный уровень технического развития человеческой субъектности. Экспликация семиотической природы этих свойств раскрывает возможности семиотики как онтологии, позволяющей объективно констатировать прогресс и регресс, рост и падение сложности человекоразмерных систем [Нестеров 2025].

Список литературы

1. Вернадский 1989 – Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. 261 с.
2. Демина, Нестеров 2025 – Демина А.И., Нестеров А.Ю. Семиотическая теория творчества. Проблема нового в технике и искусстве. Самара: Издательство «Мудрая черепаха», 2025. 178 с.
3. Дессауэр 2024 – Дессауэр Фр. Человек и космос. Опыт. Спор о технике. Пер. с нем. А.Ю. Нестерова. Т.1. Самара: Издательство «Мудрая черепаха». ИП Алексеев Андрей Павлович, 2024. 340 с.
4. Дубровский 2010 – Дубровский Д.И. Обман. Философско-психологический анализ. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2010. 336 с.
5. Нестеров 2021 – Нестеров А.Ю. Семиотика как методология и онтология // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2021. Т. 1. № 1. С. 6–13.
6. Нестеров 2025 – Нестеров А.Ю. Концептуальные проблемы семиотики техники // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5. № 3. С. 8–15.
7. Энгельмейер 2009 – Энгельмейер П.К. Теория творчества. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, СПб: Северо-Запад, 2009. 256 с.

8. Nesterov 2021 – Nesterov A.Y. Clarification of the concept of progress through the semiotics of technology // Knowledge in the Information Society. Joint Conferences XII Communicative Strategies of the Information Society (CSIS2020) and XX Professional Culture of the Specialist of the Future (PCSF2020). "Lecture Notes in Networks and Systems". Vol. 184. Cham: Springer, 2021. P. 3-11.

УДК1 11:14:811

СЕМИОПОЭЗИС: ПОТЕНЦИЯ И ЭНЕРГИЯ ЗНАКОВОСТИ

Золян Сурен Тигранович
Доктор филологических наук
Балтийский федеральный университет им. Им. Канта, ведущий научный сотрудник
E-mail: surenzolyan@gmail.com

Аннотация: В развитие концепции семиозиса Ч. Пирса предлагается дополнить ее аутопоэтическими операциями, благодаря чему базовые понятия семиотики получают новое осмысление. Первичная схема обращения несемиотических единиц в семиотический комплекс может быть найдена в механизмах генетической информации, когда семиотическая система (генетический код) создается из двух биохимических субстанций (нуклеотидов – аминокислот). Биохимические субстраты благодаря регулярным схемам перекодировок обращаются в семиотические сущности. Это приводит к основной идее семиопоэзиса: знак не является готовой словарной единицей, а есть результат динамического процесса само-создания. Семиопоэзис – завершающий этап самоорганизации биологических систем, когда в нем определяющими оказываются такие параметры, как смысл и цель, осуществляемый как комплекс иерархически организованных рекурсивных автореферентных операций семиотической системы. Семиопоэзис – это, с одной стороны, описание динамики знако- и смыслообразования, с другой – процессов самосотворения знака и саморегуляции знаковой системы. Семиозис Пирса – это процесс бесконечной интерпретации одного и того же знака, семиопоэзис – это процесс создания новых знаков, который инициирует и завершает эту конечную, и потому обладающую целостным смыслом цепочку.

Ключевые слова: Семиозис, аутопоэзис, семиопоэзис, Ч.Пирс, знак, знаковая система.

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке РНФ (грант № 26-18-00672,(https://rscf.ru/project/26-18-00672/) в Балтийском федеральном университете им. Им. Канта, Калининград.

SEMIOPOIESIS: POTENCY AND ENERGY OF SIGNIFICATION

Zolyan Suren Tigranovich
Im/ Kant Baltic Federal University, leading researcher

Abstract: In the development of the concept of semiosis by C. Peirce, we suggest supplementing it with autopoietic operations, through this the basic concepts of semiotics may receive a new understanding. The primary scheme of the conversion of non-semiotic units into a semiotic complex can be found in the mechanisms of genetic information, when the semiotic system (genetic code) is created from two biochemical substances (nucleotides - amino acids). Biochemical substrates, due to regular schemes of recoding, turn into semiotic entities. This leads to the basic idea of semiopoiesis: a sign is not a ready-made vocabulary unit but is the result of a dynamic process of self-creation. Semiopoiesis is the final stage of the self-organization of biological systems, wherein parameters such as meaning and purpose become decisive; it functions as a complex of hierarchically organized, recursive, and autoreferential operations within the semiotic system. On the one hand, semiopoiesis describes the dynamics of sign and meaning formation; on the other hand, it encompasses the processes of sign self-creation and sign system self-regulation. While Peirce's semiosis constitutes an endless process of interpreting the same sign, semiopoiesis involves the creation of new signs. This latter process initiates and concludes a finite chain, thereby endowing it with an integral meaning.

Keywords: semiosis, autopoiesis, semiopoiesis, Ch. Peirce, sign, sign system.

The study was supported by the Russian Science Foundation (grant No 26-18-00672, (https://rscf.ru/project/26-18-00672/) at the Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

1. ***Семиозис по Пирсу*** – это нередуцируемый далее триадический процесс, включающий взаимодействие между знаком, его объектом и его интерпретантой, в котором знак опосредует отношения между двумя другими [CP 5.484]. Знак репрезентирует объект и тем самым определяет свой интерпретант. В этом его отличие от Соссюрианской дуальной модели семиозиса. Другое важное различие между ними в том, что семиозис – это не статическое внутрисистемное отношение, а непрерывный динамический процесс. Интерпретант знака – ментальный эффект или его интерпретация/осмысление – сам по себе является новым знаком, благодаря чему процесс интерпретации продолжается ad finitum [CP 2.303]. Динамический характер семиозиса предполагает потенциальность знаковых отношений, и само-достаточность знака для их актуализации:

То, что сообщается от Объекта через Знак к Интерпретанту, есть Форма; это не есть нечто существующее, а является способностью (a power), – то, что при определённых условиях произойдёт нечто… Знак наделяется способностью сообщить (communicate) это своему интерпретанту [MS 793:1-3].

2. ***От семиозиса – к семиопоэзису***. Вышеуказанные характеристики семиозиса могут стать ключевыми аспектами дальнейшего развития теорий знака и знаковых систем. Их естественным дополнением может стать идея аутопоэзиса, которая была разработана на материале биологических систем и впоследствии была переработана Никласом Луманом применительно к социальным, в том числе и семиотическим системам. *Исходным может стать понимание семиозиса как процесса формирования знака, а именно: цельного комплекса, делающего возможным оформление системных отношений «означаемое – означающее».* Открытия в области молекулярной генетики позволили выработать то понимание, согласно которому: «…значение является фундаментальным компонентом жизни, потому что смысл порождается кодами, а коды – это правила, действующие на всех уровнях во всех живых системах [Barbieri 2025, p. 1].

Первичная схема обращения несемиотических единиц в семиотический комплекс может быть найдена в механизмах генетической информации, когда семиотическая система (генетический код, ГК) создается из двух биохимических субстанций (нуклеотидов – аминокислот). Ранее уже было показано, что происхождение и функционирование ГК не может быть объяснено процессами самосборки и самоорганизации, оно требует дополнительного уровня символического регулирования (аутоген по [Deacon 2011], кодепоэзис по [Barbieri 2012], биосемиоз по [Pattee 2012]. Наиболее удачным представляется термин семиопоэзис, предложенный в [Santos 2018], хотя под ним понималось, пожалуй, наиболее узкое содержание, а именно: семантическое свойство организмов как таких химических систем, которые способны воспроизводить в одном месте информацию (продукты), локализованную в другом (катализаторы этих продуктов).

На примере ГК можно убедиться, что это – не статический «словарь», а динамический семиозис, предполагающий аутопоэтические операции. Реальный процесс, в отличие от нарисованных в учебниках таблиц, выявляет то, что знаковое отношение между означающим (кодоном) и означаемым (аминокислотой) возникает «здесь и сейчас» в результате ступенчатых перекодировок, напоминающих звенья в Пирсовских цепочках («объект – знак – интерпретант….»), но имеющих текстуально оформленное начало и конец (Старт-кодон – Стоп-кодон). Биохимические субстраты благодаря регулярным схемам перекодировок обращаются в семиотические сущности. Это приводит к основной идее семиопоэзиса: знак не является готовой словарной единицей, а есть результат динамического процесса само-создания. Семиопоэзис – завершающий этап самоорганизации биологических систем, когда в нем определяющими оказываются такие параметры, как смысл и цель, осуществляемый как комплекс иерархически организованных рекурсивных автореферентных операций семиотической системы [Золян 2021; Zolyan 2022a; 2022b; Zolyan 2025].

3. ***Операциональная основа семиопопоэзиса.*** В отличие от концепции Соссюра, согласно которой отношения знаков возможны только внутри системы, семиопоэзис предполагает, что эта ситуация характеризует только конечный результат семиозиса. Знак – это не объект, а процесс; его функционирование обусловлено постоянным системным воссозданием знакообразующей триады факторов в соответствии с контекстуальными характеристиками. На основе материальных объектов и отношений возникают семиотические связи (собственно знаки), формируя самоорганизующуюся систему, с регулируемыми заданными контекстом (средой), а также регулярными сценариями и фреймами смысла и цели.

Вместе с тем понимание семиозиса как семиопоэзиса позволяет дополнить концепцию семиозиса такими отсутствующими у Пирса понятиями, как система, текст и контекст, вплоть до коммуникации в целом (У Пирса под коммуникацией понимается однонаправленное развертывание знака, при котором его различные аспекты выступают как сменяющие друг друга интерлокуторы). Внесение этих характеристик позволяет найти точки соприкосновения между семиотикой Пирса и философией языка. Даже в случае стабильных языковых структур говорящий не столько использует готовые формы, сколько воссоздаёт их. Это требует возвращения к Гумбольтдовскому пониманию знаков и языка как энергии, а не к эргону. Тем самым возможна экстраполяция выработанных в код-биологии и и биосемиотике концепций на семиотические процессы в социальной и культурной сфере.

4. ***Семиопоэзис: основные характеристики***. Вышесказанное позволяет предложить целостную концепцию семипоэзиса как знаковой формы манифестации основанных на рекурсивных операциях аутопоэтических процессов, направленных на самоорганизацию системы. Особенность семиотического оперирования заключается именно

в том, что система, использующая знаковые системы, должна включать систему наблюдения и описания своих операций. В частности, для описания возникновения знаковых отношений можно использовать так называемые *эйгены, само- формы:* AA (A) = A(A) = A [Kauffman, 2003]. Эйгены – это отображение объекта в самого себя, когда он становится объектом-как знаком, а затем – отображением (переводом) знака в мета- и коннотативные формы. Самоопределяющий объект становится знаком. Он не заменяет себя (хотя это может быть отдельным случаем – но представляет самого себя. Так, слово «знак» – это знак слова/означающего «знак». Словесный знак одновременно является означающим знака и сам по себе является знаком. Возникает новая форма существования объекта – его символическое семи-существование, когда объект разделяется на объект и знак. Это приводит к радикальному изменению понимания прагматики; возможна теоретическая рамка, где механизмы интерпретации не связаны с какой-либо внешней сущностью или организмом, а рассматриваются как аутопоэтические операции, осуществляемые самой знаковой системой. В этом будет уместно опереться на идею Ч. Пирса о знаке как квази-разуме [Peirce 1977, p. 195], и представить факторы семиозиса (знак, его объект и интерпретатор) как интерлокуторов: квази-говорящего и квази-интерпретатора [Peirce 1906, p. 523].

5. Семиозис vs Семиопоэзис. Семиозис Пирса анализирует структуру и логику функционирования знаков. Семиопоэзис смещает акцент на происхождение самих знаковых систем, объясняя, как они возникают из нелинейных взаимодействий между не-семиотическими факторами и формами и как происходит самоорганизация знаковых отношений (установление рекурсивных связей). Семиопоэзис, усиливая динамические характеристики семиозиса, ставя во главу угла вопрос о формировании знаковых отношений, тем самым предполагает выявление условий его возможностей и пределов. Семиозис Пирса описывает уже сформировавшиеся и функционирующие знаковые отношения, в то время как семиопоэзис – их возникновенние и развитие, рассматривая в том числе и наличествующие системы (язык, ГК) как эмерджентные. Семиозис Пирса – это процесс бесконечной интерпретации одного и того же знака, семиопоэзис – это процесс создания новых знаков, который инициирует и завершает эту конечную, и потому обладающую целостным смыслом цепочку. Семиопоэзис рассматривает знаки, знаковые системы и тексты как динамические эволюционирующие сущности. В этом отношении, если взять за основу определение живых систем Поля Нурсе [Nurse 2020], они занимают промежуточное место: подобно вирусам, они «живы», но только «циклично»: они активны и способны к самовоспроизведению в процессе осуществляемой биосистемами коммуникации и перестают функционировать вне этих условий.

Список литературы

1. Золян 1991 – Золян С. Т. Семиопоэзис: становление значения в молекулярной генетике и биосемиотике // Критика и семиотика. 2021. № 1. С. 57–77.
2. Barbieri 2012 – Barbieri M. Codepoiesis – the deep logic of life // Biosemiotics. 2012. № 5 (3). P. 297-299
3. Barbieri 2025 – Barbieri M. The concepts of code biology // Biosystems. 2025. Vol. 248. P. 105400. [doi: 10.1016/j.biosystems.2025.105400].
4. Deacon 2011 – Deacon T. W. Incomplete nature: How mind emerged from matter. New York, London: WW Norton & Company, 2011. 602 p.
5. Kauffman 2003 – Kauffman L.H., Eigenforms—Objects as tokens for Eigenbehaviors // Cybernetics and Human Knowing. 2003. Vol. 10. No. 3–4. P. 73–90.

6. Nurse 2020 – Nurse P. What Is Life? Understanding Biology in Five Steps. Oxford: David Fickling Books, 2020. 214 p.
7. Pattee 2012 – Pattee H. H. Cell psychology: an evolutionary approach to the symbol-matter problem // Laws, language and life. Biosemiotics. 2012. № 7. Dordrecht: Springer Netherlands, 2012. P. 165-179.
8. CP – Peirce C. S. The collected papers of Charles S. Peirce. 8 vols. C. Hartshorne, P. Weiss & A. W. Burks (eds.). Cambridge, 1931–1966.
9. MS 1967 – Peirce Ch. S. Manuscripts in the Houghton Library of Harvard University, as identified by R. Robin, Annotated catalogue of the Papers of Charles S. Peirce. Amherst: University of Massachusetts Press. 268 p.
10. Peirce 1906 – Peirce Ch. S. Prolegomena to an Apology for Pragmaticism. // The Monist. 1906, Vol. 16. P. 492-546.
11. Peirce 1977 – Peirce Ch. S. Semiotic and Significs: The Correspondence between Charles S. Peirce and Victoria Lady Welby, ed. by Charles S. Hardwick, 1977. Indiana UP, Bloomington, 1977. 201 p.
12. Santos 2018 – Santos dos W. D. Carrying pieces of information in organocatalytic bytes: Semiopoiesis – A new theory of life and its origins // Biosystems. 2018. Vol. 164. P. 167-176.
13. Zolyan 2022a – Zolyan S. From matter to form: the evolution of the genetic code as semio-poiesis // Semiotica. 2022. Vol. 2022. No. 245. P. 17-61.
14. Zolyan 2022b – Zolyan S. Semio-poiesis: on the Emergence of the Semiosphere within the Biosphere // Lexia. Rivista di semiotica, N. 39-40. Re-Thinking. Juri Lotman in the Twenty-First Century / Ed. by L. Gherlone, R. Gramigna, M. Leone. P. 101–120, 2022. [doi: 10.53136/97912218042636]
15. Zolyan 2025 – Zolyan S. Semiosis in action: A biomolecular perspective // BioSystems. 2025. Vol. 257. [doi:10.1016/j.biosystems.2025.105602]

УДК 316.723

ЦИФРОВЫЕ КОНТРКУЛЬТУРНЫЕ СООБЩЕСТВА КАК АКТАНТЫ ПЕРИФЕРИИ СЕМИОСФЕРЫ: КОММУНИКАТИВНЫЙ СЕМИОЗИС В ПЕРЕПРОИЗВОДСТВЕ СМЫСЛОВ

Карычева Татьяна Валерьевна
Аспирант Школы общественных наук
Национального исследовательского
Томского политехнического университета
E-mail: tvm19@tpu.ru; tatakarycheva@gmail.com

Аннотация: В данном исследовании рассматривается роль цифровой контркультуры, контркультурных сообществ (как групп, так и отдельных участников) как актантов в среде медиакоммуникации на периферии семиосферы культуры в процессах трансформации культурных смыслов и символической политики. В условиях массового смещения культурного протеста в цифровое поле и стирания границ между публичным и приватным

цифровые контркультурные сообщества становятся значимым актором образования смыслов. Используя в исследовании философско-антропологический подход П.С. Гуревича для реконструкции образа субъекта протеста в цифровых контркультурных сообществах, структурно-семиотический подход Ю.М. Лотмана для исследования механизмов генерации смысловых культурных кодов и вводя разграничение проективной контркультуры (трансляция смыслов от ядра к периферии семиотического пространства (семиосферы культуры)) и органической (трансляция кодов от периферии к ядру культуры истеблишмента), автор анализирует стратегии рецептивного, коммуникативного и проективного семиозиса в условиях среды медиакоммуникаций. В условиях цифровой семиосферы, насыщенной перепроизводством смыслов проективной контркультуры, миссия современного университета в обществе знания заключается в необходимости развития семиотической рефлексии второго порядка, а именно способности к различению органического обновления смыслов и проективной симуляции как продукта символической власти, что позволяет сохранить академии статус гаранта когнитивной свободы.

Ключевые слова: цифровая контркультура, семиосфера, символическая политика, медиакоммуникации, коммуникативный семиозис, перепроизводство смыслов.

DIGITAL COUNTERCULTURAL COMMUNITIES AS ACTORS OF THE PERIPHERY OF THE SEMIOSPHERE: COMMUNICATIVE SEMIOSIS IN THE OVERPRODUCTION OF MEANINGS

Karycheva Tatyana Valerievna

Postgraduate student at the School of Social Sciences
National Research
Tomsk Polytechnic University

Abstract: This study examines the role of digital counterculture and countercultural communities (both groups and individual participants) as actors in media communications on the periphery of the cultural semiosphere, transforming cultural meanings and symbolic politics. In the context of the mass shift of cultural protest to the digital realm and the blurring of boundaries between public and private, digital countercultural communities are becoming a significant actor in the formation of meanings. Using P.S. Gurevich's philosophical and anthropological approach to reconstruct the image of the subject of protest in digital countercultural communities, and Yu.M. Using Lotman's approach to study the mechanisms of generating semantic cultural codes, and introducing a distinction between projective counterculture (the transmission of meanings from the core to the periphery of semiotic space (the semiosphere of culture)) and organic counterculture (the transmission of codes from the periphery to the core of establishment culture), the author analyzes the strategies of receptive, communicative, and projective semiosis in the context of a media communications environment. In the context of the digital semiosphere, saturated with the overproduction of meanings of projective counterculture, the mission of the modern university in the knowledge society lies in the need to develop second-order semiotic reflection, namely, the ability to distinguish between the organic renewal of meanings and projective simulation as a product of symbolic power, which allows the academy to maintain its status as a guarantor of cognitive freedom.

Keywords: digital counterculture, semiosphere, symbolic politics, media communications, communicative semiosis, overproduction of meanings

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена несколькими факторами, не в последнюю очередь массовым смещением культурного протеста в цифровое поле, вследствие роста процессов глобализации и дигитализации.

Контркультурные сообщества все больше осваивают медийное пространство как новую питательную среду, поскольку именно в цифровом поле участники подобных сообществ могут сохранять анонимность и высказывать свое мнение под прикрытием аватара, своей цифровой копии.

В связи с этим стремительным обновлением цифрового медийного поля изменяется и сама топология социального пространства, так как медиакоммуникации стирают условную границу между приватным и публичным, «своим» и «чужим» [Лотман 1999, с. 175]. Возникает необходимость осмысления понятия коммуникативного предела, границы семиосферы [Лотман 1999, с. 165], в пределах которой происходит конфликт за право определения реальности [Rathna 2023, web], что коренным образом меняет конфигурацию политического пространства.

В цифровых пространствах медиакоммуникаций традиционные социальные и политические институты теряют монопольное право на интерпретацию символов ядра семиосферы культуры. Цифровые контркультурные сообщества действуют на позиции периферии семиосферы культуры как самостоятельные актанты, экспроприируя инфоповоды и перекодируя их в мемы, или альтернативные нарративы, диктуют свои собственные смыслы ядру культуры мейнстрима, по сути дела, становясь лабораториями-генераторами смыслов.

Однако классические модели коммуникативного семиозиса цифровой контркультуры тяготеют к описанию органических процессов и не учитывают варианты изменений условий в семиотических пластах символической политики [Бурдье 1994, с.12]. В ситуации, когда нормоценностное ядро культуры мейнстрима утрачивает рецептивность к инъекциям обновленных кодов, границы семиосферы становятся ригидными, вместо ассимиляции новых смыслов ядро переходит к стратегии символической экспансии, насыщает семиотическое пространство медиакоммуникаций перепроизводством симулятивных кодов протеста с целью канализации протестного потенциала через созданные ядром контркультурные симулякры.

Целью исследования ставится раскрытие специфики коммуникативного семиозиса в цифровой среде медиакоммуникаций, используя синтез методов: структурно-семиотического подхода Ю.М. Лотмана и философско-антропологического подхода П.С. Гуревича. Для достижения намеченной цели решаются следующие задачи: 1) охарактеризовать цифровую контркультуру как семиосферу и часть символической политики; 2) проанализировать механизмы рецептивного, проективного и коммуникативного семиозиса в деятельности сообществ; 3) выяснить перспективы семиотики для понимания процесса встраивания («инъекции») новых смыслов в ядро культуры.

Объект исследования: современная цифровая контркультура как периферия семиосферы и пространство трансформации смыслов в поле символической политики.

Предмет исследования: стратегии коммуникативного семиозиса цифровых контркультурных сообществ как актантов семиотической перекомпозиции в пространстве периферии семиосферы (отдельные контркультурные сообщества, группы и индивиды в соцсетях).

Методология исследования представляет собой использование синтеза подходов Ю.М. Лотмана: структурно-семиотический подход для исследования коммуникативного семиозиса на периферии семиосферы культуры, диффузии смыслов ядра и периферии, и философско-антропологического подхода П.С. Гуревича для описания субъектности актанта цифровой контркультуры как участника процесса коммуникативного семиозиса внутри символической политики.

Гипотеза предполагает рассмотреть бинарную [Лотман 1999, с. 164] природу контркультуры. В условиях открытых границ семиосферы доминирует органический тип контркультуры. Цифровые контркультурные сообщества выступают актантами перекодировки смыслов, коммуникативный семиозис идет от границ к ядру. В условиях непроницаемого для инъекций новых смыслов ядра, ригидных границ, ядро истеблишмента симулирует протест, создавая проективную контркультуру, заполняя семиосферу перепроизводством смыслов (от ядра к периферии) без реального обновления нормоценностной системы.

Проблематизация: Коммуникативный семиозис внутри семиосферы диалогичен, где ядро представляет собой нормоценностное образование культуры мейнстрима. Семиотическое пространство семиосферы (сфера медиакоммуникаций) является питательной средой для цифровой контркультуры. Цифровые контркультурные сообщества обитают на периферии семиосферы, перекодируя потоки информации с внешней стороны на границе, инъектируя новые смыслы в ядро культуры, которые претерпевают частичную ассимиляцию. Таким образом происходит обновление нормоценностной базы культуры.

Но в условиях тенденции к централизации символической политики, снижения проницаемости границ семиосферы и ригидности ядра система мейнстрима вынуждена переходить от ассимиляции обновленных кодов периферии к механизмам симуляции диалогичности, что обусловлено необходимостью нейтрализации гипертензии в семиотическом пространстве.

С целью реализации протестного потенциала символическая политика ядра семиосферы заключается в создании контркультурных суррогатов, посредством перенасыщения среды медиакоммуникации симулякрами кодов, по сути, прибегая к стратегии «переоблачения и перевоплощения», к эвфемизации, стремясь быть неузнанной [Бурдье 2001, с. 108] Проективная контркультура, таким образом, создает такой хабитус, который видимым образом противореча ядру официальной культуры, фактически воспроизводит систему мейнстрима.

Рецептивный семиозис как сценарий успешного инъектирования новых смыслов в ядро, восприятие культурой мейнстрима обновленных кодов и последующая ассимиляция воспринимается как оптимистичный вариант развития и обновления системы в рамках органической природы контркультуры.

Коммуникативный семиозис наблюдается в модели цифровой контркультуры при условии соблюдения диалогичности процессов. В случае развития этого сценария цифровые контркультурные сообщества выступают в качестве аппарата перекодировки информационных потоков с внешней стороны границы, транслируя обновленные смыслы ядру. Ядро воспринимает и перерабатывает смыслы, ретранслируя их в семиотическое пространство, некоторые коды отторгаются ядром. Таким образом, мы наблюдаем непрерывное развитие семиотического пространства в диалогичном формате.

Проективный семиозис характерен для проективной контркультуры, протекает в условиях экспроприации переводческого аппарата символической властью истеблишмента. Границы ригидны, ядро резистентно и не толерантно к новым кодам.

Университет, в широком смысле, сталкивается с онтологической сложностью по причине размытости границ между проективной симуляцией и органическим протестом. В условиях перепроизводства смыслов возникает проблема верификации подлинности, ставя в зависимость академической свободы от методологических фильтров, позволяющих распознать мимикрические коды символической стратегии коммуникативного семиозиса ядра.

Оба сценария функционирования механизма обновления семиосферы культуры релевантны разным условиям символической политики. Таким образом реализуется адаптивная механика системы обновления смыслов.

Эту адаптивность можно наблюдать в условиях изменения социальной онтологии протеста, контркультура из протеста в скверах и коммунах передислоцируется в цифровое пространство медиакоммуникаций, где границы между культурой и контркультурой неустойчивы, отсутствует ярко выраженный центр протестных движений, в этом смысле цифровые контркультурные движения ризоматичны [Делез 2010, с.13], когда любая часть может стать эпицентром протеста. Субъектность в условиях дигитализации протеста амбивалентна, размыта, часто «Я» заменяется на «Мы», высока потребность в самоотождествлении, принадлежности и чему-то значимому. Поиск новой социокультурной идентичности зиждется на стремлении, по П.С. Гуревичу, видеть перед собой какие-то персонифицированные образцы [Гуревич 2014, с. 399].

Перспективы семиотики в данном ракурсе кроются в самом семиотическом инструментарии. Структурно-семиотический подход Ю.М. Лотмана релевантен для функционального анализа культурных явлений. Вопросы функционирования механизмов генерации кодов обновления культуры, проницаемости границ, репродуктивной системы культуры и контркультуры возможно исследовать посредством семиотической методологии. Именно она позволяет увидеть, как именно порождаются новые коды внутри системы и как они адаптируются. Семиотические процессы визуализируют рецептивность ядра культуры к инъекциям новых кодов (способность к различению «своего» и «чужого»), вскрывают избыточность смыслов перепроизводства кодов, образованных путем непрерывного дробления (к примеру, «накручивание» результатов чат-ботами), и механизмы отторжения. Целесообразным видится построение модели «семиотического иммунитета», где инъекции кодов позволяют избежать энтропии. С использованием семиотического подхода возможно построение критериев аутентичности семиозиса внутри семиосферы культуры, к примеру, с целью дешифровки символического захвата права интерпретации и трансляции смыслов. Университет в дискурсе семиотического арбитража предстает уникальной интеллектуальной лабораторией, хранящей ценностную связность семиосферы, транслирующей смыслы и обеспечивающей верификацию кодов знания в условиях их перепроизводства.

Результаты показывают, что в цифровой среде коммуникативный семиозис контркультурных сообществ приобретает алгоритмическую и политическую специфику, преобразуя социокультурную онтологию. Деятельность цифровых органических контркультурных сообществ направлена не на деструкцию культурных и социально-политических институтов, а на преодоление ригидности границ нормоценностного ядра. Проективный вариант цифровой контркультуры, ведя символическую борьбу за имплантацию управляемых знаковых конструктов в ядро культуры, насыщает семиотическое пространство

медиакоммуникаций симулякрами протеста, стремится таким образом снизить гипертензию протеста, включая компенсаторный механизм адаптации. Обоснована роль университета как субъекта семиотического арбитража и интеллектуальной лаборатории верификации кодов знания.

Список литературы

1. Бурдье 2001 – Бурдье П. Практический смысл / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
2. Бурдье 1994 – Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть // Начала. Choses dites / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994. С. 181–207.
3. Гуревич 2014 – Гуревич П. С. Философия культуры / П. С. Гуревич, Н. Н. Палеева. 2-е изд., доп. М.: Канон+: Реабилитация, 2014. 424 с.
4. Делез 2010 – Делез Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари; пер. с фр. Я. И. Свирского. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
5. Лотман 1999 – Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. 464 с.
6. Rathna 2023, web – Rathna D. Art and Counterculture: Shaping Identity Through Expression and Engagement // Art and Society. 2023. Vol. 1. No. 4. P. 40-48 [doi:10.56397/AS.2023.08.06]

УДК 167

ДИНАМИКА ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА И СТАНОВЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Кащеев Сергей Иванович

Кандидат философских наук

Саратовская государственная юридическая академия, кафедра философии, доцент.

E-mail: Skash1766@mail.ru

Аннотация: Настоящая работа представляет собой попытку использования методологии лингвистического (семиотического) структурализма для освещения некоторых историософских проблем, в первую очередь касающихся вопроса о самом происхождении античной философии. Две главные проблемы, возникающие еще в первых натурфилософских школах, – проблема бытия и небытия и проблема субстанции и акциденции. В статье показано, что постановка подобных вопросов связана в первую очередь с развитием некоторых грамматических форм, позволяющих мыслить указанные философские категории. Мыслить небытие становится возможно лишь при развитии структур, выражающих время глагола: будущее – как то, чего еще нет, прошлое – как то, чего уже нет. Мыслить субстанцию как

первоначало, присоединяющее к себе различные признаки, становится возможным лишь при оформлении таких частей речи, как существительное и прилагательное. Разумеется, подобный лингвистический подход вовсе не отрицает традиционного взгляда, он лишь дополняет его и позволяет более полно раскрыть проблему, давая определенные преимущества при ее исследовании. Пренебрежение же к языковым формам заведомо сужает поле зрения исследователя и искажает его видение проблемы.

Ключевые слова: античная философия, семиотика, субстанция, акциденция, бытие, небытие, грамматические формы.

THE DYNAMICS OF THE ANCIENT GREEK LANGUAGE AND THE DEVELOPMENT OF EUROPEAN PHILOSOPHY

Kashcheev Sergey Ivanovich

Candidate of Philosophy Saratov State Law Academy, Department of Philosophy, Associate Professor.

Abstract: This work is an attempt to use the methodology of linguistic (semiotic) structuralism to address certain historiosophical issues, particularly the origins of ancient philosophy. Two main problems that emerged in the first natural philosophical schools were the problem of being and non-being, and the problem of substance and accident. The article shows that the formulation of these questions is primarily related to the development of certain grammatical forms that allow us to think about these philosophical categories. Thinking about non-being becomes possible only with the development of structures that express the tense of the verb: the future as something that does not yet exist, and the past as something that no longer exists. Thinking of substance as a primordial principle that acquires various characteristics becomes possible only when such parts of speech as a noun and an adjective are formed. Of course, such a linguistic approach does not deny the traditional view at all, it only complements it and allows for a more complete disclosure of the problem, giving certain advantages in its study. Neglecting linguistic forms obviously narrows the researcher's field of vision and distorts his perception of the problem.

Keywords: ancient philosophy, semiotics, substance, accident, existence, non-existence, grammatical forms.

Настоящая работа представляет собой реструктуризацию двух ранее опубликованных статей [Кащеев 2019, Кащеев 2021] с целью изложения методологической позиции автора на Конгрессе РОИФН 2026 и предназначена для иллюстрации использования методологии лингвистического (семиотического) структурализма при освещения некоторых историософских проблем.

Европейская философская мысль в самых своих истоках концентрируется вокруг двуединой проблемы – поиска субстанции, являющейся первоосновой бытия. Лингвосемиотические методы могут дать неожиданные результаты при рассмотрении подобных историософских проблем. Поясним сказанное на конкретных примерах.

Традиционно причины возникновения философии именно в Древней Греции относят к особой форме социально-политической организации, но возможна и другая гипотеза, связанная с использованием методологии контенсивной лингвистики.

Праиндоевропейский язык был именно языком активного типа, что показали Гамкрелидзе и Иванов. Одной из самых удивительных характеристик языков активного типа является отсутствие в них прилагательного как части речи. Качество, признак являются неотъемлемой сущностью предмета в процессе его бытия, при их изменении меняется и слово для обозначения предмета. Наиболее ярким примером, поясняющим данную языковую стратегию, является понятие снега в эскимосском языке, где для падающего снега, тающего снега, тонкого снега и т.д. существуют свои отдельные понятия. Легенда гласит, что число таких понятий достигает полутысячи, хотя Ф. Боас, впервые обративший внимание на это явление, указывал всего четыре. Но количество для нас не имеет ни малейшего значения, важен сам принцип – не приписывать различные качества (выражаемые прилагательным) одному и тому же предмету, а создавать для этого новые понятия, выражающиеся различными словами, в первую очередь – глаголами.

Для человека, использующего номинативную стратегию, естественным является разделение предмета и признака. В древнегреческом языке завершился переход от активного к номинативному типу, чего нельзя сказать, например, о древнеегипетском, в котором еще не различались прилагательные и так называемые глаголы качества. Поэтому древнеегипетский, как и остальные мертвые языки афразийской семьи, относится к языкам с активной стратегией. Появление новой части речи зафиксировало возможность выделения мышлением неизменной сущности и переменных признаков. Именно такой строй языка позволил появиться первой греческой философии природы как попытки выделения неизменного, постоянного первоначала – субстанции, в то время как переменные признаки попали под категорию акциденций. До выделения прилагательного, до различения его с существительным и глаголом невозможна была сама постановка этого вопроса, поскольку не существовало языковой формы, в которой различие между предметом и признаком могло быть зафиксировано в мышлении и выражено в языке.

Влияние, которое язык оказывает на своего носителя, может быть незаметным, но при этом чрезвычайно значимым: «…грамматические значения данного языка направляют внимание говорящего коллектива в определенную сторону и благодаря своему обязательному принудительному характеру оказывают влияние на поэзию, верования и даже на философское мышление» [Якобсон 1985, с. 233-234]. Пожалуй, можно даже сказать, что древние греки были обречены создать философию в современном понимании этого слова, а древние египтяне, несмотря на достаточно высокий культурный уровень, сложную систему социальной организации, развитые религиозно-мифологические представления и т.д., были в принципе неспособны на это, поскольку не обладали необходимыми языковыми средствами.

Индоевропейский язык обладал еще одной особенностью, которая также подчеркивает отношение принадлежности качества своему предмету. Речь идет об отсутствии в нем глагола «иметь» и употреблении вместо него глагола «быть»: «Одной из древних особенностей индоевропейского дательного падежа является применение его в конструкциях с глаголом *es- “быть” для выражения отношения обладания… Конструкции типа лат. *mihi aliquid est* “у меня нечто есть”… отражают древнеиндоевропейскую конструкцию с семантикой посессивности. Показательно, что в системе отсутствует глагол “иметь” для обозначения этого

семантического отношения, что характерно для языков активного строя» [Гамкрелидзе, Иванов 1984, с. 288]. Обладание чем-либо понимается в мышлении и выражается в языке не как преходящий признак, а как сама сущность обозначаемого. Признак, качество воспринимаются как неотъемлемая суть предмета, что и показывает употребление глагола “быть” в значении “иметь”.

Второй пример связан с характеристиками самого древнегреческого языка в его исторической динамике. Общая линия развития греческой мысли традиционно характеризуется как переход от мифа к логосу. Традиционно этот процесс связывается с особым «рационализмом» древних греков: «Тот факт, что сама мифология греков рассматривается многими учеными как первобытный способ объяснения явлений окружающего мира, свидетельствует о том, что мифомышление греков изначально (генетически) носило интеллектуальный характер. И сам антропоморфизм (в отличие от зооморфизма мифологии древних египтян и других народов Древнего Востока) религиозно-мифологических представлений древних эллинов является свидетельством их природной склонности к рациональному, логическому мышлению» [Кессиди 2003, с. 6]. Однако подобное утверждение вызывает ряд вопросов, важнейшим из которых является следующий: что означает понятие «природной, изначальной генетической склонности»? Ф. Кессиди склонен видеть в этом едва ли не биологическую предрасположенность греков к философии, но выше была показана возможность иной интерпретации этого явления. Сейчас же можно попытаться проанализировать само мифологическое отношение к миру с позиций семиотическо-лингвистического анализа. Одной из характерных черт мифа, как отмечают практически все исследователи, является отсутствие четких границ между противоположностями – естественным и сверхъестественным, природным и социальным, объектом и субъектом, предметом и именем и т.д. На наш взгляд, важнейшей из таких противоположностей является пара «вечное – временное». «Идея разрыва вечного и временного …впервые намечается у Платона» [Кессиди 2003, с. 59], «…в гомеровском эпосе отражены различные исторические эпохи: и седая старина, и недавнее прошлое, и современная Гомеру жизнь» [Кессиди 2003, с. 87]. Миф переживается не как рассказ о давно прошедших событиях, это – явление жизни, сохраняющейся в настоящий момент. Вера в реальность мифологических событий не исторична и не антиисторична, но *внеисторична*. Миф не зависит от времени, это то, что происходит всегда здесь и сейчас: «В античности не было…опыта истории как специфического, неповторимого и необратимого процесса» [Лосев 2000, с. 98], «Здесь событие превращено в чудо, а история – в мистерию» [Лосев 2000, с. 137].

В связи с этим становится очевидно, что древнегреческий язык эпохи Гомера еще не в силах предоставить человеку возможность *мыслить отсутствие.* Между тем, по мнению Ф. Растье (которое мы полностью разделяем), «в соотношении с языковой деятельностью животных особенность языка человека состоит в возможности вести речь о том, чего здесь нет, то есть в создании зоны удаления» [Растье 2003, с. 81]. «Тремя главными временными основами являются настоящее время (вариантом которого надо считать и будущее), аорист и перфект… Различие этих трех основ имело собственно не временной, а видовой характер: они выражали не столько время, в которое происходило действие…сколько характер самого процесса. Форма настоящего времени обозначает действие как длящийся процесс; аорист обозначает его в полном отвлечении от длительности: перфект, стоящий несколько особняком и постепенно утрачивающий в греческом языке свое первоначальное значение, а затем и вовсе исчезающий, обозначает состояние субъекта или объекта действия» [Шантрен 1953, с. 128].

Философия начинается тогда, когда возникает противопоставление «бытие – небытие». Именно возможность мыслить отсутствие, предоставляемая грамматическими формами языка, дает начало всей западноевропейской философской мысли. Но, как было показано выше, такая возможность не присутствует в древнегреческом языке изначально, она возникает много позже гомеровского языка. Приведенные примеры, на наш взгляд, достаточно убедительно показывают, что философское поле приложения лингвистических методов практически неограниченно, лингвистика и семиотика способны решать самые глобальные задачи, и потенциал семиотической методологии в ее классическом (структуралистском) варианте вовсе не исчерпан до конца.

Список литературы

1. Гамкрелидзе, Иванов 1984 – Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. В двух томах. Т.1. Тбилиси, изд-во Тбилисского университета. 1984. 520 с.

2. Кащеев 2019 – Кащеев С.И. Лингвистическая компаративистика как историософский метод. В сборнике: Мир человека: нормативное измерение-6. Сборник трудов международной научной конференции. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. Акад., 2019. С. 200-204.

3. Кащеев 2021 – Кащеев С.И. Философия языковых норм: в поисках трансцендентности. В сборнике: Мир человека: нормативное измерение-7.0. Сборник трудов международной научной конференции. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2021. С. 209-212.

4. Кессиди 2003 – Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу. Становление греческой философии. СПб.: Алетейя, 2003. 360с.

5. Лосев 2000 – Лосев А.Ф. История античной эстетики. В 6 томах.Т.1. М., АСТ., 2000. 628с.

6. Растье 2003 – Растье Ф. Действие и смысл: к семиотике культур. Университет Париж-10, Франция // Критика и семиотика. 2003. Вып. 6. С. 79-106.

7. Шантрен 1953 – Шантрен П. Историческая морфология греческого языка. М., Издательство иностранной литературы, 1953. 341 с.

8. Якобсон 1985 – Якобсон Р. Избранные работы. М., Прогресс. 1985. 460 с.

УДК 168.51

СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОБОСНОВАНИЮ МАТЕМАТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Кускова Светлана Михайловна

Кандидат философских наук

Московский институт психоанализа, доцент кафедры социальной и цифровой гуманитаристики

E-mail: Adiafora2@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена семиотическому истолкованию априорного характера математического знания. Цель исследования – обосновывать применение Кантианского подхода к обоснованию новых разделов математики на примере комплексных чисел. Объективность и достоверность математических положений, не имеющих наглядного представления в опыте, обусловлены не только логическими выводами из дефиниций, но также правилами преобразования объектов, понимаемых как знаки математических сущностей. Развивая учение Канта о независимой от опыта геометрической информации, связанной с формальными свойствами пространства, доказывается, что эти формальные свойства характеризуют систему знаков, а не эмпирических явлений. Априорные формы чувственности истолковываются как формальные свойства знаков математических объектов. Геометрические объекты рассматриваются как иконические знаки, а построение фигур – как применение синтаксических правил. Конструирование математических понятий ограничено правилами их связи в качестве знаков. Алгебраические теории обосновываются с позиции трансцендентализма посредством сравнения представлений в двух различных языках. Геометрическая интерпретация комплексных чисел является Кантовской схемой преобразования знаков в пространстве и времени. Результат семиотического анализа трансцендентального обоснования мнимых чисел меняет взгляд на соотношение чувственного и рационального компонента математического познания, заменяя его соотношением разных синтаксических структур языков, использующих иконические знаки и абстрактные символы. Семиотическая интерпретация математического знания позволяет устранить онтологические и эпистемологические допущения и решить спор между логицизмом и трансцендентализмом в основаниях математики.

Ключевые слова: трансцендентальная схема, семиозис, мнимые числа, пространственно-временная интуиция, логицизм, композиция знаков.

SEMIOTIC APPROACH TO THE FOUNDATION OF MATHEMATICAL KNOWLEDGE

Kuskova Svetlana Mikhailovna

PhD in Philosophy (Logics), teacher in department of Social and Digital Humanities of Moscow Institute of Psychoanalysis

Abstract: The article is dedicated to the semiotic interpretation of the a priori nature of mathematical knowledge. The purpose of the study is to substantiate the application of the Kantian approach to substantiating new branches of mathematics using the example of complex numbers. The objectivity and reliability of mathematical propositions that have no visual representation in experience are determined not only by logical conclusions from definitions, but also by the rules of transformation of objects understood as signs of mathematical entities. Developing Kant's teaching about geometric information independent of experience, related to the formal properties of space, it is proved that these formal properties characterize a system of signs, and not empirical phenomena. A priori forms of sensuality are interpreted as formal properties of signs of mathematical objects. Geometric objects are considered as iconic signs, and the construction of shapes is considered as the application of syntactic rules. The construction of mathematical concepts is limited by the rules of their connection as signs. Algebraic theories are substantiated from the standpoint of

transcendentalism by comparing representations in two different languages. The geometric interpretation of complex numbers is Kant's scheme for the transformation of signs in space and time. The result of the semiotic analysis of the transcendental justification of imaginary numbers changes the view of the relationship between the sensory and rational components of mathematical cognition, replacing it with the relationship of different syntactic structures of languages using iconic signs and abstract symbols. The semiotic interpretation of mathematical knowledge makes it possible to eliminate ontological and epistemological assumptions and resolve the dispute between logicism and transcendentalism in the foundations of mathematics.

Keywords: transcendental scheme, semiosis, imaginary numbers, space-time intuition, logicism, composition of signs.

Согласно И. Канту, положения математики синтетичны, поскольку опираются не только на логический вывод, но и на пространственно-временные формы. Математическое познание преодолевает границы опыта не только за счет логического обоснования, но и за счет конструирования понятий, объекты которых непосредственно не даны, но могут быть даны в созерцании. По нашему мнению, многие научные результаты, полученные после Канта, обобщением классических структур, могут быть оправданы средствами кантианской эпистемологии. Отсутствие непосредственного доступа к самим идеальным математическим конструкциям компенсируется семиотическими правилами порождения новых знаков, которым могут быть найдены денотаты, расширением области значений этих знаков, а также сопоставлением структур, описываемых в языках различных математических наук.

Характеристики систем идеальных объектов зависят от синтаксиса формального языка. Правила образования и преобразования знаков позволяют предсказать свойства денотатов полученных выражений. Согласно А.Ю. Нестерову, семиозис стирает различие реалистической и конструктивистской теориями познания, потому что доступ к объекту опосредствован знаками, правила связей которых не зависят от того, найдены или сделаны человеком их денотаты [Нестеров 2021, с.8]. Исходные термины и постулаты принимаются конвенционально, а результаты оказываются не только логически выводимыми из принятых принципов, но и неожиданными, расширяющими познание предметов, потому что в их построении задействованы также не логические, но априорные предметные связи между знаками по пространственно-временным схемам.

Так, обобщение понятия числа за счет новых классов комплексных чисел иллюстрирует конструирование обоих параметров понятия: объема и содержания. Мнимые величины вида $a+b\cdot\sqrt{i}$, полезные для решения уравнений, представимы в пространственно-временных схемах, в комплексной плоскости К. Гаусса. Её свойства - неравноправие вертикального и горизонтального порядков мнимых и действительных чисел – зависят от определения умножения. Класс действительных чисел замкнут относительно умножения, класс мнимых чисел – нет. Этот факт не постулируется по конвенции и не выводится из определений операций на действительных числах, а вынуждается объективными схемами пространственных преобразований. Логически мы могли бы допустить равноправные порядки двух сортов чисел, задать на мнимой части аналоги операций, сохраняющих принадлежность к вертикальной прямой. Но внелогические правила пространственных преобразований диктуют особые свойства объектов. Ранее Кант отмечал, как правила созерцания налагают ограничения на предметы геометрии.

Без способности a priori созерцать результаты построения по правилу мы не получили бы новых свойств треугольника помимо тех, что вытекают их определения понятия о трех линиях [Кант 1995, с. 83].

Трансценденталистское обоснование математического знания опирается на схематизм деятельности субъекта. Объективный характер эта деятельность получает благодаря языку. Формальные пространственные свойства предметов, не сводимые к чистой логике и эмпирическому опыту, имеют семиотическую природу, как показывает В.И. Шалак. Он рассматривает построение объектов как композицию знаков. Постулаты Евклида о проведении прямых – это правила работы со знаками, а результаты их выполнения, например, точка пересечения этих прямых, суть необходимые свойства сложных знаков, построенных из примитивных терминов. [Шалак 2011, с. 286]. Тогда вместо субъективных условий созерцания геометрическое знание опирается на действия с иконическими знаками.

Семиотические отношения обосновывают познание без онтологических допущений форм мысли, например, суждений, или пропозиций по Куайну [Куайн 2008]. Сходным образом, учитывая, что пространственно-временные схемы определяют построение не самих предметов, а их знаков, можно заменить семиозисом допущения априорного созерцания.

Трансцендентализм предполагает внелогическое предметное содержание математики, априорный характер которого Кант обосновывал соответствием условиям чувственности. Распространяя этот подход на алгебраические объекты, которые, в отличие от геометрических, не представимы наглядно, С.Л. Катречко предлагает двухуровневую. модель конструирования понятий. На уровне чувственности происходит декодирование исходного понятия (или суждения) и извлечение содержащейся в нем необходимой для получения результата созерцательной информации. Схематический образ понятия изменяется по правилам пространства и времени. Результат этого построения оформляется в математическом символьном языке на рассудочном уровне [Катречко 2016, с. 24].

Достоверность результата работы с элементами нижнего уровня обеспечивается посредством логического вывода на высшем уровне за счет соответствия выражений двух языков, описывающих каждый уровень.

Для комплексных чисел имеются представления в двух языках: геометрическом и алгебраическом. Геометрическая интерпретация позволяет понять комплексные числа и действия над ними в терминах двух видов движений: линейного и углового. Операции над действительной частью представлены линейными движениями по горизонтальной прямой. Умножение на $\sqrt{i}$ интерпретируется как вращение влево. Сложение чисел вида $(a+b\cdot\sqrt{i})+(c+d\cdot\sqrt{i})$ выполняется как сложение векторов на плоскости. Другие операции также отвечают интуиции пространственно-временных движений.

Эти термины проясняются в терминах тригонометрии: $a + bi = r(\cos\varphi + i\sin\varphi)$. Но логического перехода от действительных чисел к комплексным нет: приходится обращаться к схеме созерцания движения на плоскости.

Критика мнимых величин Г. Фреге связана с проблемой осмысленности комбинации знаков $i^2=-1$. Если вовсе не существует того, чей квадрат был бы -1, то использовать в доказательстве это невыполнимое условие не оправданно [Фреге 2000, с. 116-117].

Операции в выражении $a+b\cdot\sqrt{i}$ другие, чем сложение, умножение и извлечение корня, хотя и обозначаются теми же символами, что и классические. Согласно Фреге, путаница значений символов привносит в арифметику эмпирическую информацию, например, о формальных свойствах метров и секунд, нарушающей априорный характер арифметических

понятий. Прибавить мнимую величину к действительной – все равно, что прибавить метры к секундам: результат не будет иметь смысла.

Отличие взглядов Фреге и Канта на природу математического знания связано с их пониманием знания a priori и демаркацией логики от математики.

Фреге трактовал a priori логически, считал априорными только истины, которые являются аксиомами либо следствиями из аксиом. Кант утверждал априорность познания и применение представлений. Для него познание a priori – это познание, обоснованное независимо от чувственного опыта и всех представлений чувств» [Burge 2000, p. 18]. Априорный характер у Фреге носят готовые результаты, а у Канта – сами познавательные процедуры, преобразующие оба типа формальных аспектов: логические и предметные структуры. Л. Хаапаранта подчеркивает, что по Фреге геометрическое знание проистекает из нашей интуиции… В то же самое время он подчеркивает важность в геометрии концептуальных схем за счет пренебрежения интуицией» [Хаапаранта 1986, с.21].

Кантовский схематизм чистого созерцания отталкивается от интуиции, но не управляется ею на каждом шаге, а опирается на объективные связи формальных характеристик процедур. С точки зрения объема понятия комплексное число – это не индивид, а пара чисел. Мнимая величина не получается конструированием объекта, ибо мы не извлекаем квадратный корень из -1 по той же схеме, по которой извлекаем корень из положительного числа.

Требуется преобразование самих знаков (символов) алгебраического языка и интерпретация результатов в геометрическом языке, символы которого иконические и связаны особыми синтаксическими правилами пространственных сочетаний.

Таким образом, семиозис расширяет сферу математического знания независимо от чувственной интуиции и логических выводов из определений понятий.

Список литературы

1. Кант 1995 – Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 3. М. Чоро, 1995. 741 с.
2. Катречко 2016 – Катречко С.Л. Трансцендентальный анализ математики: конструктивный характер математической деятельности // Кантовский сборник. 2016. Т. 55. № 1. С. 16-32.
3. Куайн 2008 – Куайн У.В.О. Философия логики. Пер. В.А Суровцева. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. 192 с.
4. Нестеров 2021 – Нестеров А.Ю. Семиотика как методология и онтология // Семиотические исследования // Semiotic studies. 2021. Т. 1. № 1. С. 6–13.
5. Фреге 2000 – Фреге Г. Основоположения арифметики. Томск: «Водолей», 2000. 128 с.
6. Хаапаранта 1986 – Хаапаранта Л. Кант и философские основания логики Фреге // Кантовский сборник. Выпуск 11. Калининград, 1986. С. 16-28.
7. Шалак 2011 – Шалак В.И. О генетическом методе. // Логические исследования / Logical Investigations. 2011. Т. 17. С. 281-292.
8. Burge 2000 – Burge T. Frege on Apriority // New Essays on the A priory. Ed. by P. Boghossian and Ch. Peacocke, 2000. 491 p.

УДК 111:16

НОРМАТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКАЯ ОНТОЛОГИЯ

Невважай Игорь Дмитриевич
Доктор философских наук
ФГБОУ ВО "Саратовская государственная юридическая академия", заведующий кафедрой философии
E-mail: igornevv@gmail.com

Аннотация: Гуманитарные науки существенно отличаются от естественных, прежде всего, своими онтологиями. Естественные опираются на представления о самотождественном бытии, истина которого дается в научном знании. Мир гуманитарных наук – это человеческий мир правил, норм, а также их нарушений, в нем имеется место не только истинам, но и лжи, обману. Онтологии естественных наук как «онтологии тождества» адекватен язык математики, напротив, онтологии гуманитарных наук как «онтологии различия» адекватен язык семиотики. Семиотика тесно связана с нормативностью человеческого бытия, которое определяется не объективными законами необходимости, а нормами должного, разрешенного и запрещенного. Основываясь на семиотической концепции норм, демонстрируется нормативный характер семиотической онтологии. Важным результатом такого подхода является возможность рассматривать язык семиотики как единый язык описания таких многообразных сфер человеческой жизни, как мышление (логика), переживания и восприятие, а также практические поступки (мораль, право) и коммуникативные практики. Семиотику можно отнести к языку неклассической философии, в которой дерридианский термин differ*a*nce указывает на то, что мир человека держится на актах, в которых некая система означения может возникнуть и функционировать.

Ключевые слова: гуманитарные науки, семиотика, онтология, норма, проступок

Исследование выполнено на базе Научно-образовательной лаборатории правовой философии Института правотворчество и правового прогнозирования ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия.

NORMATIVE SEMIOTICAL ONTOLOGY

Nevvazhay Igor Dmitrievich
The Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Saratov State Law Academy, Chair of Philosophy Depertment

Abstract: The humanities differ significantly from the natural sciences, primarily in their ontologies. The natural sciences are based on notions of self-identical being, whose truth is given by scientific knowledge. The world of the humanities is the human world of rules, norms, and their violations; it contains not only truths but also falsehoods and deception. The language of mathematics is adequate for the ontology of the natural sciences as an "ontology of identity." Conversely, the language of semiotics is adequate for the ontology of the humanities as an "ontology of difference."

Semiotics is closely linked to the normativity of human existence, which is determined not by objective laws of necessity, but by norms of what ought to be, what is permitted, and what is forbidden. Based on the semiotic concept of norms, the normative character of semiotic ontology is demonstrated. An important result of this approach is the possibility of regarding the language of semiotics as a unified language for describing such diverse spheres of human life as thinking (logic), experiences and perception, as well as practical actions (morality, law) and communicative practices. Semiotics can be considered a language of non-classical philosophy, in which Derrida's term différ*a*nc*e* indicates that the human world rests on acts through which a certain system of signification can emerge and function.

Keywords: humanities, semiotics, ontology, norm, misdemeanor

С момента своего зарождения в Античной Греции и до середины XX в. классическая философия строилась вокруг осмысления базовых категорий бытия и истины. Бытие есть, а небытия нет, учил Парменид, и всякая мысль есть мысль о чем-то существующем. Бытие мыслится как нечто абсолютно первичное. Парменид заложил основы той философии, которая с подачи постмодернистов определяется как философия тождества. В классической философии ключевое значение имеет понятие истины, которая определяется, согласно Аристотелю, как знание того, что есть, в нем должны воспроизводиться реальные связи и отношения. Ложь связана с небытием, она говорит о том, чего нет. Ложь не относится к бытию. Классические онтологии – от Платона до Гегеля и Н. Гартмана – описывали самотождественное бытие. Наука как обоснованное знание (убеждение) относится к бытию и опирается на классические философские онтологии. Физика или математика ищут такого знания, которое относится лишь к тому, что есть. Для описания такого бытия лучше всего подходит математика. Математика – язык описания мира, где правят объективные законы необходимости и причинности, где нарушение этих законов бессмысленно.

Но мир человека не вмещается в классические онтологические рамки, если признается наличие человеческой свободы. Как отмечал И. Кант, сфера человеческой свободы существует в виде создаваемых человеком "законов морали". Человек создает сам для себя законы, правила, которым сознательно подчиняется. Законы морали не существуют так же, как законы природы, они не являются чем-то налично данным, всегда пребывающим в бытии. Мир человека не вписывается в классические онтологии, так как законы свободы допускают их нарушение, отрицание. Каким языком необходимо пользоваться, чтобы описывать мир человека? Прекрасно сформулировал ответ на этот вопрос У. Эко, сказав, что таким языком является семиотика, поскольку она занимается в принципе всем, что можно использовать для того, чтобы лгать [Eco 1976, p. 7]. Больше того, У. Эко выразил мнение, что семиотику можно определить как теорию лжи. Действительно, если чем-либо нельзя воспользоваться для того, чтобы солгать, то этим же нельзя воспользоваться и для того, чтобы сказать правду, – и вообще чем-либо нельзя воспользоваться для того, чтобы утверждать. Мне представляется, что предложенная У. Эко мысль содержит нечто большее для понимания семиотики. Да, семиотика принимает мир, в котором существует не только истина, но и обман, и ложь. Цитата У. Эко говорит, на мой взгляд, о том, что семиотическая онтология включает в себя не только правильные поступки, но и проступки и преступления. Но это значит, что для различения истины и лжи, правильного и неправильного необходимы нормы, правила. В платоновском или декартовском мирах существуют истинные понятия, а ложных понятий нет, ибо ложь относится к тому, чего нет. Онтология науки исключает ложь как относящееся к реально существующему. Математика – это язык описания природы как бытия законов. Отсюда мой

главный тезис: семиотика – это язык описания человеческого бытия как бытия нормативного. А нормы и их нарушение образуют онтологическую основу семиотики. Для обоснования предложенного тезиса необходимо показать, что нормы имеют семиотическое содержание и структуру.

Существует большое разнообразие точек зрения относительно понимания норм и правила [Pagin 1987; Gibbard 2012], и не ясно, какие из теоретических представлений о нормах применимы к любой сфере. Тема норм всегда была ведущей в области морали [Korsgaard 1996] и права [Kelsen 1991]. Очевидно, что человеческий язык является сложной нормативной системой. Существуют правила в логике, в искусстве, в спорте, в экономике и т.д. Перечисленные нормы и правила всегда связаны с особенностями предметной области применения правил и не носят универсального характера. Однако, как оказалось, в любой сфере человеческой жизни можно выделить базовые структуры, которые имеют нормативную природу. В ряде своих публикаций я развивал семиотическую теорию норм, которая охватывает нормы самой разной природы – от мыслительных до практических. Основой для этой теории были представления о языковых или лингвистических нормах. Языковая норма есть признанная фиксированная связь знака и значения. Исследования показывают, что данная семиотическая структура заключена в любом типе норм.

Развитие феноменологии в XX веке выявило наличие таких двух фундаментальных способностей сознания, как интенциональность и респонсивность. Одним из фундаментальных философских исследований природы норм является монография американского философа Р. Веджвуда [Wedgwood 2007], в которой показана нормативная природа интенциональности. Другой исследователь нормативности немецкий феноменолог Б. Вальденфельс обосновал тезис о том, что нормативность связана также с респонсивной способностью сознания [Вальденфельс 1999]. Понятийное мышление по своей сути нормативно, так как его сущность заключается в сопоставлении знаков своим значениям.

Семиотический подход к пониманию природы понятий позволяет увидеть нормативный характер понятий. Действительно, содержание и объем понятия – это, соответственно, обозначающее и обозначаемое, знак и значение. Подобная интерпретация структуры понятия предлагается некоторыми современными логиками [Шалак 2017]. Понятие имеет логический объем, который определяется как совокупность индивидов, мыслимых в данном понятии. Эта совокупность является предметным значением, которое замещается содержанием понятия, которое в свою очередь определяется как совокупность признаков предметов, мыслимых в понятии. С этой точки зрения понятие не обладает собственным бытием наряду с бытием знака и значения. Это видно из хорошо известной схемы семантического треугольника, который Готлоб Фреге использовал для обоснования введения смысла (sense) знака. Понятие или, согласно Фреге, смысл есть связь или фиксированное отношение знака и значения. Таким образом, понятие и есть норма. Но не всякая норма суть понятие. Норма по своему смыслу шире понятия. Понятия и правила обращения с ними имеют нормативный характер. Любопытно отметить, что правила логики, относящиеся к суждениям, возникли в результате того, что Аристотель стал заменять суждения буквами (знаками), благодаря чему стало возможным видеть логическую структуру отношений между суждениями [Бурбаки 1963, с. 12].

То понимание нормы, которое определено выше, является весьма общим и легко распространяется на разные предметные сферы человеческого бытия. Приведу некоторые примеры. В свое время К. Маркс построил теорию денег, в которой деньги играют роль символических форм, связывающих означаемые – меновые стоимости товаров, с

потребительной стоимостью означающих. Ранее в своих работах я исследовал процесс формирования измерительных мер в естествознании и показал, что измеряемая величина связывается с формой её представления благодаря символической функции меры [Невважай 1989]. Например, время (означаемое) измеряется числом колебательных движений маятника (означающее). Эталон – это сформированный в социуме предмет, который своей репрезентативной формой символически выражает величину измеряемого свойства.

Рассматриваемая здесь версия понятия нормы была также протестирована на материале правовых норм [Невважай 2017]. Предложена семиотическая классификация правовых норм, а также их нарушений, выражающая различные виды отношений между знаком и значением, когда в норме либо знак обусловливает значение, либо значение обусловливает знак, либо знак и значение взаимно обусловливают друг друга.

Семиотическая природа норм позволяет объяснить наличие трех деонтических модальностей норм: должно, разрешено, запрещено. Подобно тому, как в правилах дорожного движения вводятся знаки запрещающие, разрешающие и обязывающие, так и в целом «собственные» имена вещей и явлений являются знаками, которые мы обязаны относить к конкретным «данным» предметам. Если мы имеем дело со знаком, который не может быть соотнесен с каким-либо предметом, то связь такого знака с любым обозначаемым запрещена. В ситуациях синонимии или омонимии мы имеем дело с разрешительными нормами, позволяющими нам относить данный знак с определенным набором означаемых, или выражать данное означаемое с помощью некоторого набора означающих. Подобные модальности мы находим и в сфере понятий. О чем свидетельствует известная классификация понятий по объему: общие, единичные и пустые.

Таким образом, семантическое понимание нормы как определенной связи между означаемым и означающим является достаточно фундированным, имеет общий характер и позволяет показать нормативность и мышления, и чувственного переживания, восприятия и практического действия [Невважай 2025]. Этим демонстрируется нормативная природа семиосферы. Нормой является заданная человеком связь между различными аспектами материальной действительности, имеющими статус знаков и значений. И тогда мы можем понимать природу тех социокультурных явлений, которые нередко называют “негативными” (ошибки, обман, ложь, проступок, преступление), но без которых семиотический мир будет не полным и, соответственно, реальным.

Семиотика не просто описывает реальность, с которой имеют дело социально-гуманитарные науки, но является языком неклассической философии, отвергая классическую трактовку идеи первоначала и предлагая интерпретировать различие как первоначало, которое не есть нечто самотождественное налично сущее, не совпадает ни с бытием, ни с небытием. Это фундаментальное различие Ж. Деррида предложил обозначать термином differ*a*nce, которое у него совпадает с различающим различием [Derrida 1967]. Неклассическое различие не пребывает в наличии, а спонтанно возникает и исчезает. Ж. Деррида пытался раскрыть загадку differ*a*nce, усматривая аналогию между differ*a*nce и языком. Суть differ*a*nce в том, что это акт, процесс, в ходе которого некая система означения может возникнуть и функционировать. Таким образом, неклассическая метафизика не притязает на описание мира как он есть, а стремится описать структуру мышления в мире, создаваемом самим человеком [Невважай 2021].

Список литературы

1. Бурбаки 1963 – Бурбаки Н. Очерки по истории математики. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1963. 292 с.

2. Вальденфельс 1999 – Вальденфельс Б. Мотив чужого. Минск: Пропилеи, 1999. 176 с.

3. Невважай 1989 – Невважай И.Д. Социальные аспекты эмпирического знания. Саратов: Изд-во СГУ, 1989. 95 с.

4. Невважай 2017 – Невважай И.Д. Общая теория правовых норм в свете идей Л.И. Петражицкого о синтетической теории права // Правоведение. Известия высших учебных заведений. 2017. № 6. С.68-86.

5. Невважай 2021 – Невважай И.Д. Трансцендентализм как программа развития эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 2. С. 70–94.

6. Невважай 2025 – Невважай И.Д. Идея правовой философии: бытие и истина, право и норма // Вопросы философии. 2025. № 11. С. 90–100.

7. Шалак 2017 – Шалак В.И. Очерки по основаниям логики. М.: ИФ РАН, 2017. 135 с.

8. Derrida 1967 – Derrida J. De la grammatologie. P.: Minuit, 1967. 450 p.

9. Eco 1976 – Eco U. A Theory of Semiotics. Indiana University Press, 1976. 354 p.

10. Gibbard 2012 – Gibbard A. Meaning and Normativity. Oxford University Press, 2012. 310 p.

11. Kelsen 1991 – Kelsen H. General Theory of Norms. Oxford: Clarendon Press, 1991. 465 p.

12. Korsgaard 1996 – Korsgaard C. M. The Sources of Normativity. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 273 p.

13. Pagin 1987 – Pagin P. Ideas for a Theory of Rules. A Preprint from University of Stockholm Department of Philosophy. Stockholm, 1987. 352 p.

14. Wedgwood 2007 – Wedgwood R. The nature of normativity. Oxford: Clarendon Press, 2007. 296 p.

УДК 101.1

«ЕДИНАЯ НАУКА» ОТТО НЕЙРАТА КАК СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Нестеров Александр Юрьевич

Доктор философских наук, профессор

Самарский национальный исследовательский университет имени С.П. Королева,

директор социально-гуманитарного института

E-mail: phil@ssau.ru

Аннотация: Доклад строится как обсуждение решения проблемы «единого многого» в концепции «единой науки» у Отто Нейрата. Сопоставляются схема эволюции форм выражения рефлексивных содержаний И.И. Лапшина, включающая в себя ступени афоризма, диалога и системы, и схема развития научной практики Нейрата от магии к физикалистской единой науке через теологию и идеалистическую философию. Анализируется концепция единой науки как проект энциклопедии, роль понятия системы в этой концепции. Делается вывод о том, что проект энциклопедии преодолевает схему развития знания, завершаемого в форме системы: единство наук по Нейрату задаётся не предметом и не субъектом, но инструментарием систематизации и проработкой условий возможности осуществляемых в

них процедур прогноза, соответственно, «наука продвигается от энциклопедии к энциклопедии», постоянно пересматривая фактический объём располагаемого знания. Результатом обсуждения является тезис о том, что проект единой науки как энциклопедии, уделяющий существенное внимание естественному языку, повторяемости результатов, «поперечным связям» дисциплин, является семиотическим проектом, требующим учёта прагматического и синтаксического правил при постановке и решении задач с семантическим правилом.

Ключевые слова: Единая наука, проект Энциклопедии, единый язык, Венский кружок, общая семиотика, протокольное предложение

OTTO NEURATH'S "UNIFIED SCIENCE" AS A SEMIOTIC PROJECT

Alexander Yuryevich Nesterov
Doctor of Philosophy, Professor
Samara University, Director of the Institute of Social Sciences and Humanities

Abstract: The paper is structured as a discussion of the solution to the problem of "one of many" in Otto Neurath's concept of "unified science." It compares Ivan Lapshin's scheme for the evolution of forms of expression of reflexive contents, including the stages of aphorism, dialogue, and system, with Neurath's scheme for the development of scientific practice from magic to a physicalistic unified science through theology and idealistic philosophy. The concept of unified science as an encyclopedia project and the role of the concept of system in this concept are analyzed. The conclusion is that the encyclopedia project transcends the paradigm of knowledge development, culminating in a system: the unity of sciences, according to Neurath, is determined not by the subject or object, but by the tools of systematization and the elaboration of the conditions for the possibility of the predictive procedures implemented within them. Accordingly, "science advances from encyclopedia to encyclopedia," constantly reconsidering the actual volume of available knowledge. The discussion concludes that the project of a unified science as an encyclopedia, which devotes significant attention to natural language, the repeatability of results, and the "cross-links" of disciplines, is a semiotic project that requires consideration of pragmatic and syntactic rules when posing and solving problems with semantic rules.

Keywords: Unified science, Encyclopedia project, unified language, Vienna Circle, general semiotics, protocol sentence

Проблема «единого многого» сформулирована Платоном и с тех пор задаёт цели и содержание онтологических дискуссий. Едва ли не каждая философская и вслед за ними и научная дисциплина стремится «приблизиться к реальности», то есть найти, обосновать и применить простые общезначимые языковые формулировки, законы, обозначающие реальность таким образом, чтобы с их помощью был осуществим реальный прогноз положений дел в обозначаемой области, в пределе – в реальности как таковой, чем бы она ни была. Исторически вопрос о едином многого раскрывается как проблема единства «мира», проблема единого взгляда на «мир», единства описания «мира», единства метода описания, выражается в проектах построения совершенных языков, схемах понимания и выражения, моделях субъектности и т.д. Стремление обладать общезначимой формулой жизни является естественным для рефлексирующего человека, в каждую историческую эпоху оно

сталкивается с объективными границами доступных человеку возможностей понимания и технического выражения: это регулярное столкновение создаёт историю философского пространства онтологии как области взаимодействия рецептивных, научных, и проективных, технических, моделей сущего.

В первой половине XX в. в отечественной и германской философии были получены результаты, обеспечившие концептуально новый подход к решению проблемы единого много. Согласно гегельянской схеме эволюции выражения непредметных значений, предложенной И.И. Лапшиным в 1924 г. [Лапшин 1999], рефлексивное содержание познания выражает себя сначала в «афоризме», затем в «диалоге» и, наконец, в «системе»: критически построенная система является полным решением проблемы единого много. Система, построенная как научная или техническая теория, является конечным инструментом успешного прогноза или успешной трансформации действительных положений дел. После ВОВ и вплоть до наших дней системный подход, с одной стороны, более чем продуктивно осуществляет себя в кибернетике, компьютерных науках и всех формах реального позитивного знания, с другой стороны, вплоть до настоящего времени испытывает серьёзные проблемы в гуманитарном знании. До ВОВ идея системы была, с одной стороны, конкретизирована в философии техники П.К. Энгельмейера [Энгельмейер 2010] и затем Ф. Дессауэра [Дессауэр 2024] в качестве семиотической спирали познания и деятельности, позволяющей строить многослойную (плюралистическую) онтологию в единой (монистической) системе семиотических правил [Нестеров 2017; Демина, Нестеров 2025]. С другой стороны, сначала Отто Нейрат, а затем Якоб фон Икскюль продемонстрировали, что гегельянское завершение познания в категории системы не является окончательным решением проблемы «единого многого»: у Нейрата это проект «единой науки» как энциклопедии, у Икскюля – концепция «окружающей среды». Поскольку работы Икскюля доступны на русском языке и достаточно освещены в истории семиотических учений, я бы хотел в контексте идей семиотики прокомментировать малоизвестные тезисы Нейрата, касающиеся понятий системы и энциклопедии, протокольных предложений и концепции единой науки.

Программная статья Нейрата «Энциклопедия как «модель»» начинается и завершается тезисом об опасности, таящейся в «стремлении к построению системы абсолютной значимости» [Neurath 2006 c, p. 375], и об отказе от употребления «всех выражений, служащих поддержке «абсолютизма системы»» [Neurath 2006 c, p. 375]: «…Для представителя эмпирической установки абсурдно говорить об одной единственной и тотальной системе науки. Он самой своей работой принуждён следовать концепции, согласно которой эта работа направляется *постоянно сдвигающимися рамками, рамками энциклопедии,* к всё большей точности и систематизированности. Мы называем «энциклопедией»… временное собрание знаний, не что-то, что ещё не завершено, но совокупность научного материала, располагаемого нами в настоящее время» [Neurath 2006 c, p. 376]. Следование одной системе подразумевало бы произвольную метафизику, характерный для науки XVIII-XIX вв. и первой половины XX в. примат веры в то, что слова можно подставить на место «жизненной практики, принуждающей нас к определённой энциклопедии» [Neurath 2006 c, p. 392]: «Мы не достигнем некоей одной системы науки, способной в определённом смысле занять место «настоящего мира», всё останется многозначным и во многом неопределённым. «Одна» система – великая научная ложь» [Neurath 2006 b, p. 355]. Единая наука – это модель не системы, но энциклопедии, в которую отдельные частные науки включаются путём прямой демонстрации конкретных взаимосвязей, но никак не путём навязывания всем общей системы понятий. Техника, в которой система замещается энциклопедией, включает в себя как осведомлённость

в применении различных вербальных элементов, в значениях научных формул и предложений естественного языка, так и знание логического синтаксиса языка, и бихевиористские исследования деятельности учёного [Neurath 2006 c, p. 381].

Концепция единой науки как энциклопедии включает в себя идею систематизации, фактически подразумевая и допуская сосуществование множества систем: «Никакой системы сверху, но систематизация, идущая снизу» [Neurath 2006 c, p. 388]. Систематизация обеспечивается следующими инструментами: согласованность терминологии, «поперечные связи» наук, создание «универсального языка», единство логического инструментария и опора на естественный язык. Нейрат во многих местах критикует идею специального феноменального языка [Neurath 2006 a, p. 279; Neurath 2006 c, p. 385], обращая внимание на то, что наиболее устойчивым элементом коммуникации, обеспечивающим и в настоящее время возможность понимания нами текстов предшествующих эпох, является базисная лексика, в то время как эта лексика отображает актуальное состояние развития техники соответствующей эпохи: «Наши ежедневные действия, наши инструменты отражают состояние той науки, на которую опирается естественный язык» [Neurath 2006 c, p. 391].

В общей формуле науки Венского кружка как соединения чувственного восприятия и логического анализа языка местом и способом осуществления науки является энциклопедия: «Энциклопедия для нас – это именно та область, где живёт наука» [Neurath 2006 c, p. 395]; «Наука продвигается вперёд от энциклопедии к энциклопедии. Это та точка зрения, которую мы называем *энциклопедизмом*» [Neurath 2006 c, p. 377]. Нейрат понимает науку и технику как прогноз и практику переноса схем поведения из одной сферы жизни в другую: «Именно то, что из лишь частично похожего может быть вновь спрогнозировано частично похожее, делает возможным нашу науку» [Neurath 2006 b, p. 356]. В логике его «Эмпирической социологии» [Neurath 1931; Нейрат 2026] функция современной научной практики наследует сначала идеалистической философии, затем теологии и, изначально, магии. Сопоставляя схему Лапшина со схемой Нейрата, можно отметить, что если местом науки является энциклопедия, то местом идеалистической философии следует признать систему, местом теологии – диалог, местом магии – афоризм. Я полагаю, это значимое сопоставление, позволяющее в рамках гипотезы Сепира-Уорфа и модели формирования субъектности Э. Кассирера [Cassirer 1985] реконструировать структуру семиотической спирали познания и деятельности для каждого «места», показать механизм последовательного снятия изначальных форм в более сложных, ответив в том числе и на вопрос об эмпирических коррелятах этой схемы.

«Согласно Нейрату, единство наук заключается в их эмпирическом, заботящемся о проверяемости способе работы, в их обратной связи с общим для всех физикалистски очищенным повседневным языком и в фундаментальной соизмеримости их высказываний в целях объяснения и предсказания положений дел» [Stoeltzner, Uebel 2006, p. LXV]. Осуществление семантического правила (возможность понимания предложения наблюдения) требует внимания к синтаксическому правилу, к месту высказывания в систематизированном целом отдельной науки, относительно которого это высказывание обладает смыслом, равно как и к прагматическому правилу, ответам на вопрос, кто, для кого и в каких обстоятельствах действует, высказываясь. «Единая наука» Нейрата подразумевает, насколько можно судить, проект, полагающий «единство» не в объекте, не в субъекте, но в условиях возможности их рецептивного и проективного взаимодействия, то есть в семиотических правилах организации деятельности познания, техники и коммуникации, применяемых и проверяемых жизненной практикой. Я считаю, внимание к проекту энциклопедии Нейрата как «месту» и среде науки даёт возможность не только и не столько исторической реконструкции формирования общей

семиотики как методологии и онтологии в Венском кружке, но и охлаждения, анализа с внешней точки зрения многих социальных ожиданий сегодняшнего дня, связанных с злоупотреблениями статистическими и сугубо системными инструментами.

Список литературы

1. Демина, Нестеров 2025 – Демина А.И., Нестеров А.Ю. Семиотическая теория творчества. Проблема нового в технике и искусстве. Самара: Издательство «Мудрая черепаха», 2025. 178 с.
2. Дессауэр 2024 – Дессауэр Фр. Человек и космос. Опыт. Спор о технике. Пер. с нем. А.Ю. Нестерова. Т.1. Самара: Издательство «Мудрая черепаха». ИП Алексеев Андрей Павлович, 2024. 340 с.
3. Лапшин 1999 – Лапшин И.И. Философия изобретения и изобретение в философии: Введение в историю философии. М.: Республика, 1999. 399 с.
4. Нейрат 2026 – Нейрат О. От магии к единой науке // Семиотические исследования. 2026. Т. 6. №1. С. 147-154.
5. Нестеров 2017 – Нестеров А.Ю. Семиотические основания техники и технического сознания. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2017. 155 с.
6. Энгельмейер 2010 – Энгельмейер П.К. Теория творчества. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 208 с.
7. Cassirer 1985 – Cassirer E. Form und Technik // Cassirer E. Symbol, Technik, Sprache. Hamburg: Meiner, 1985. S. 39-91.
8. Neurath 1931 – Neurath O. Empirische Soziologie. Der wissenschaftliche Gehalt der Geschichte und Nationalökonomie. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 1931. 151 S.
9. Neurath 2006 a – Neurath O. Soziologie im Physikalismus (1931) // Wiener Kreis. Texte zur wissenschaftlichen Weltauffassung von Rudolf Carnap, Otto Neurath, Moritz Schlick, Philipp Frank, Hans Hahn, Karl Menger, Edgar Zilsel und Gustav Bergmann. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2006. S. 269-314.
10. Neurath 2006 b – Neurath O. Einheit der Wissenschaft als Aufgabe (1935) // Wiener Kreis. Texte zur wissenschaftlichen Weltauffassung von Rudolf Carnap, Otto Neurath, Moritz Schlick, Philipp Frank, Hans Hahn, Karl Menger, Edgar Zilsel und Gustav Bergmann. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2006. S. 354-361.
11. Neurath 2006 c – Neurath O. Die Enzyklopaedie als Modell (1936) // Wiener Kreis. Texte zur wissenschaftlichen Weltauffassung von Rudolf Carnap, Otto Neurath, Moritz Schlick, Philipp Frank, Hans Hahn, Karl Menger, Edgar Zilsel und Gustav Bergmann. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2006. S. 375-395.
12. Stoeltzner, Uebel 2006 – Stoeltzner M., Uebel T. (Hrsg.) Einleitung der Herasugeber // Wiener Kreis. Texte zur wissenschaftlichen Weltauffassung von Rudolf Carnap, Otto Neurath, Moritz Schlick, Philipp Frank, Hans Hahn, Karl Menger, Edgar Zilsel und Gustav Bergmann. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2006. S. 9-104.

УДК 111:78.01

МУЗЫКА КАК ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПРЕДЕЛ СЕМИОТИКИ: ОТ ЗНАЧЕНИЯ К ПРИСУТСТВИЮ

Петинова Марина Александровна
кандидат философских наук,
Самарский государственный медицинский университет, доцент
E-mail: shloss@yandex.ru

Аннотация: В докладе обосновывается, что музыка представляет собой радикальный вызов классической семиотической парадигме. В музыкальном опыте рушатся оппозиции означающего и означаемого, плана выражения и плана содержания; смысл музыки не «считывается» как информация, а переживается как событие. Центральным понятием, позволяющим описать эту пограничную природу музыкального смысла, выступает «квазизнак» – знак, в котором звуковая форма и смысловое содержание практически неразделимы, и попытка мысленно отделить одно от другого разрушает сам музыкальный феномен. Бытие квазизнака – это не статичная структура, а мерцание между «знаком» и «не-знаком»: коэффициент его семиотичности никогда не достигает единицы и не опускается до нуля, что и обусловливает уникальный статус музыки в культуре. Опираясь на феноменологию музыкального бытия А.Ф. Лосева, в которой музыка определяется как «гилетическая сущность», не расщеплённая на эйдос и логос, а также на концепцию присутствия Г.У. Гумбрехта, противопоставляющую непосредственную явленность сущего опосредованному значению, автор демонстрирует, что музыка, достигая онтологического предела семиотики, требует перехода от парадигмы значения к парадигме присутствия. При этом проводится принципиальное различие между «музыкой» как событием присутствия и «музыкальной культурой» как знаковой системой: семиотический анализ сохраняет силу в отношении последней, но остаётся вторичным перед первичным опытом звучания. Именно на этой границе рождается новая методологическая оптика для всей семиотики – нечёткая, градуальная, способная описывать феномены с низким коэффициентом семиотичности, не редуцируя их сложность. Музыка тем самым становится привилегированной лабораторией для переосмысления отношения между знаком, смыслом и бытием.

Ключевые слова: музыка, семиотика, онтология, квазизнак, присутствие, значение.

MUSIC AS AN ONTOLOGICAL LIMIT OF SEMIOTICS: FROM MEANING TO PRESENCE (THE PHENOMENON OF QUASI-SIGN)

Petinova Marina Aleksandrovna
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
Samara State University of Economics, Associate Professor

Abstract: The report argues that music presents a radical challenge to the classical semiotic paradigm. In the musical experience, the oppositions of signifier and signified, expression and content collapse; the meaning of music is not "read" as information but experienced as an event. The central concept that allows for the description of this liminal nature of musical meaning is the "quasi-sign"– a sign in which the signifier and signified possess minimal "cognitive alienation." The existence of the quasi-sign is not a static structure but a flickering between sign and non-sign: its degree of semioticity never reaches one and never falls to zero, which determines music's unique status in

culture. Drawing on the phenomenology of musical being by A. F. Losev, where music is defined as a "giletic essence," not split into eidos and logos, as well as on the concept of presence by G. W. H. Gumbrecht, which contrasts the immediate manifestation of being with mediated meaning, the report demonstrates that music, reaching the ontological limit of semiotics, necessitates a shift from the paradigm of meaning to the paradigm of presence. At the same time, a fundamental distinction is made between Music as an event of presence and musical Culture as a sign system: semiotic analysis retains its strength regarding the latter but remains secondary to the primary experience of sound. It is at this boundary that a new methodological optics for all semiotics is born–fuzzy, gradual, capable of describing phenomena with low degrees of semioticity without reducing their complexity. Thus, music becomes a privileged laboratory for rethinking the relationship between sign, meaning, and being.

Keywords: music, semiotics, ontology, quasi-sign, presence, meaning.

Классическая семиотика, унаследовавшая от Ч.С. Пирса и Ф. де Соссюра представление о знаке как о двусторонней сущности, в которой означающее и означаемое достаточно четко отделены друг от друга, сталкивается с принципиальными трудностями при попытке описать музыкальный опыт. В музыке, как показывает уже простейшая феноменологическая рефлексия, мы не воспринимаем отдельно «звучание» и «смысл»; их разделение есть продукт вторичной аналитической установки. Устойчивое музыковедческое словосочетание «музыкальный язык», несмотря на свою кажущуюся очевидность, остается не более чем метафорой, что убедительно показано в работах последних десятилетий [Бонфельд 2006, с. 11; Горбатов 2022, с. 602]. Попытки же трактовать музыку как полноценную знаковую систему заводят исследователя в тупик: в отличие от вербального текста, музыкальное высказывание не обладает устойчивой денотативной функцией, не передает информацию в том смысле, в каком это делает язык, и не поддается переводу без катастрофических смысловых потерь. Настоящий доклад ставит целью эксплицировать онтологические основания этой метафоры и предложить теоретический инструментарий, позволяющий описывать музыку именно как пограничный для семиотики феномен.

Таким инструментом выступает понятие «квазизнака». Речь идет о знаке, в котором план выражения и план содержания обладают минимальной, стремящейся к нулю «когнитивной отторжимостью» [Горбатов 2020, с. 7–8]. Поясним: если в случае вербального знака мы легко можем представить себе звуковой облик слова и его значение как две относительно самостоятельные реальности, то музыкальный звук не отсылает к чему-то внеположному – он сам есть свой собственный смысл. Слово «дерево» не является деревом, но аккорд или мелодический оборот не существуют отдельно от того переживания, которое они вызывают; разорвать эту связь – значит перестать слышать музыку. В отличие от полноценного знака вербального языка, где значение слова, по известной формуле Л.С. Выготского, конституирует само слово [Выготский 2005, с. 953–954], в музыке звук, «лишенный смысла», не перестает быть музыкальным звуком; более того, именно в этой «неозначенности» и состоит его сущность. Если ввести шкалу семиотичности, опирающуюся на аппарат нечетких множеств Л. Заде [Zadeh 1965, p. 338–353], то музыкальные объекты будут располагаться в зоне низкой отторжимости, т.е. высокой степени «квази». Коэффициент семиотичности музыкального высказывания никогда не достигает единицы и не опускается до нуля; он мерцает, что и обусловливает уникальный статус музыки в культуре.

Наиболее глубокое философское обоснование квазизнаковой природы музыки дано А.Ф. Лосевым в книге «Музыка как предмет логики» (1927). Лосев определяет чистое музыкальное

бытие как «гилетическое» (от греч. ὕλη – вещество, материя): «Чистое музыкальное бытие есть бытие гилетическое. Оно – безымянно и беспредметно, неоформленно и темно. Оно – чистое в-себе-бытие, не явившее своего полного лика. Лик его – в безликости, во великости» [Лосев 2012, с. 53–54]. В музыке эйдос (смысловой лик) и меон (неоформленная материя) слиты в неразложимое единство, так что всякая попытка вычленить в музыкальном высказывании дискретные знаковые единицы с фиксированным значением разрушает сам феномен. Это означает, что музыкальный звук – не знак, подлежащий расшифровке, а чистая явленность, «обнаженная сущность мира», которая «ничем не прикрыта» [Лосев 2012, с. 109]. Тем самым музыка располагается не просто на периферии семиосферы, но на ее онтологическом пределе – там, где знак уступает место чистому присутствию.

Что именно означает этот переход к присутствию в онтологическом плане, проясняет немецко-американский философ Г.У. Гумбрехт. В книге «Производство присутствия» (2004) он различает два фундаментальных модуса отношения к миру: «значение» (семиотическое, предполагающее интерпретацию и отсылку к иному) и «присутствие» (онтологическое, предполагающее непосредственную явленность самого сущего). Эстетическое переживание, по Гумбрехту, характеризуется колебанием между эффектами присутствия и эффектами значения, причем, как он подчеркивает, любое переживание присутствия в культуре неизбежно несет в себе след отсутствия [Гумбрехт 2006, с. 102]. Однако именно музыка способна минимизировать «подушки значения» – те языковые и концептуальные наслоения, которые в других искусствах почти неизбежно опосредуют встречу с произведением, – и производить присутствие с максимальной интенсивностью. Когда мы слушаем, например, траурный марш или колокольный звон, мы не «узнаем» о скорби или вечности через систему отсылок; мы непосредственно погружаемся в сами эти состояния, они живут в звуке и длятся вместе с ним. Как резюмирует Гумбрехт, «колебание между эффектами присутствия и эффектами значения» составляет саму суть эстетического опыта [Гумбрехт 2006, с. 103]. Музыка в этой перспективе предстает как привилегированный случай производства присутствия: она не сообщает о чувствах или идеях, а делает их непосредственно переживаемыми в акте слушания.

Введенное нами ранее понятие квазизнака как раз и конкретизирует механизм этого перехода от значения к присутствию. Квазизнак не указывает на объект, а являет собой процесс; его бытие – не статичное «означивание», а динамическое «мерцание» между семиотическим и онтологическим модусами. Эта идея находит неожиданную, но глубоко родственную параллель в философии символа М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского. В книге «Символ и сознание» они формулируют: «Мы говорим о том, что символ в собственном смысле есть знак ничего. Но в каком смысле? В смысле сознания, потому что сознание не может нести в себе того содержания, которое имеется в виду, когда говорится о вещи, о том, что обозначено» [Мамардашвили, Пятигорский 1997, с. 95]. Это «ничто» и есть та онтологическая лакуна, в которой рождается музыкальный смысл как чистое присутствие, не редуцируемое к знаковым структурам. Подобно символу, музыкальный звук не отсылает к предмету, а сам оказывается событием смысла, возникающим только в акте восприятия.

Предложенная градуальная онтология позволяет наглядно представить шкалу семиотичности, на которой различные музыкальные феномены занимают свои места. На одном полюсе располагается сигнал – например, метрономный щелчок, механически задающий темп и обладающий практически нулевым коэффициентом семиотичности. Далее следуют разного рода квазизнаки: отдельный тон с его тембровыми и динамическими качествами, мотив, гармонический оборот, – все они обладают смыслом, но этот смысл

неотделим от их акустической плоти и не поддается точному переводу. Наконец, некоторые музыкальные образования – лейтмотивы, риторические фигуры, интонационные формулы – приближаются к полноценным знакам-символам, поскольку в конкретной культурной традиции за ними закрепляются относительно устойчивые коннотации. Однако, как показывает музыкальная практика, даже эти, казалось бы, стабильные «знаки» никогда не достигают коэффициента единицы: их значение всегда контекстуально и всякий раз заново рождается в живом исполнении.

Однако, чтобы сохранить за семиотикой ее объяснительную силу, не впадая в редукционизм, необходимо провести важное методологическое различение – между музыкой как событием присутствия и музыкальной культурой как знаковой системой. Семиотический анализ – нотация, лейтмотивы, риторические фигуры – полностью правомерен и продуктивен по отношению к музыкальной культуре, но всегда остается вторичным по отношению к первичному опыту музыки. Так, исследователь может сколь угодно детально описывать барочную риторическую фигуру «креста» в партитуре Баха, выявляя ее семантические конвенции, однако в живом исполнении эта фигура перестает быть только знаком, становясь непосредственным звуковым телом, в котором смысл и материя даны слитно. Как показывает Д. Б. Горбатов, «с одной стороны, есть Язык – и есть Музыка; с другой стороны, есть языковая Культура – и есть музыкальная Культура. Разница между обеими этими парами – принципиальна» [Горбатов 2022, с. 617]. Музыка сама по себе квазисемиотична; музыкальная культура семиотична. Это различение снимает кажущееся противоречие между принципиальной неозначенностью музыкального опыта и возможностью анализировать музыкальные коды.

Итак, музыка напоминает семиотике, что мир не сводится к системам знаков и что значение вырастает из дознаковой стихии присутствия, а не наоборот. Квазизнак – теоретическое свидетельство этой границы: в нем схватывается парадоксальное единство знаковости и не-знаковости, характерное для наиболее глубоких форм человеческого опыта. Задача семиотической онтологии, вдохновленной музыкой, – не растворять бытие в структурах означивания, а фиксировать моменты, в которых знак умолкает, уступая место чистому присутствию. Музыка – привилегированный случай такого умолкания. Именно из этой перспективы рождается новая методологическая оптика для всей семиотики – нечеткая, градуальная, способная описывать феномены с низким коэффициентом семиотичности, не редуцируя их сложность и не лишая их живой сущности. Распространение этой оптики на иные области человеческого опыта – от абстрактной живописи до ритуальных практик – могло бы стать продуктивной программой дальнейших исследований, в центре которых находится не готовый знак, а само событие его становления и исчезновения.

Список литературы

1. Бонфельд 2006 – Бонфельд М.Ш. Музыка: Язык. Речь. Мышление. Опыт системного исследования музыкального искусства. СПб.: Композитор, 2006. 646 с.
2. Выготский 2005 – Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2005. С. 664–1019.
3. Горбатов 2022 – Горбатов Д.Б. Феномен музыки и феномен языка: аспекты системно-типологического сравнения // Научный вестник Московской консерватории. 2022. Т. 13. Вып. 3. С. 602–631.

4. Горбатов 2020 – Горбатов Д.Б. Феномены музыки и языка: аспекты системно-типологического сравнения. Предварительные тезисы. М.: Мос. гос. консерватория, 2020. 20 с.
5. Гумбрехт 2006 – Гумбрехт Г.У. Производство присутствия: Чего не может передать значение. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 184 с.
6. Лосев 2012 – Лосев А. Ф. Музыка как предмет логики. М.: Академический проект, 2012. 205 с.
7. Мамардашвили, Пятигорский 1997 – Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с.
8. Zadeh 1965 – Zadeh L.A. Fuzzy Sets // Information and Control. 1965. Vol. 8. No. 3. P. 338–353.

УДК 81`22

ПАРФЮМЕРНЫЙ ДИСКУРС В СЕМИОТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Сауткин Александр Александрович
Кандидат философских наук
ФГАОУ ВО «Мурманский арктический университет»,
доцент кафедры философии и социальных наук
E-mail: sautkin72@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые аспекты ольфакторной семиотики, в частности, в её рамках выделяется отдельная область – изучение парфюмерного дискурса, который связан с производством высказываний о парфюмерной продукции и ее восприятии. Регистры говорения о парфюмерии могут быть различными: художественными, социальными, рекламно-маркетинговыми, профессионально-производственными и так далее. Показано, что ольфакторный дискурс можно рассматривать, в терминах Мишеля Фуко, как правила, позволяющие состояться высказываниям о запахе в тот или иной исторический период, в той или иной культуре. Поставлен вопрос о том, как функционируют конкретные наименования парфюмерной продукции (в частности, духов) в художественных текстах. Их можно рассматривать как метонимические обозначения определенных запахов, настроений, временных периодов, также можно рассматривать их в качестве носителей социальных смыслов, эстетических и стилевых установок и т.д. Одновременно показано, как творчество парфюмеров заимствует эти означающие из литературы и использует их в контексте парфюмерного конструирования, задействуя весь символический потенциал этих знаков для кодирования культурной информации, адресуемой потребителю: аромат за счёт этого становится контекстно ориентированным высказыванием.

Ключевые слова: ольфакторная семиотика, парфюмерный дискурс, дискурсивные регистры, кодирование, запах, духи.

PERFUME DISCOURSE IN A SEMIOTIC CONTEXT

Sautkin Aleksandr Aleksandrovich
Murmansk Arctic University, Associate Professor, Department of Philosophy and Social Studies

Abstract: This article examines several aspects of olfactory semiotics. In particular, it identifies a separate area—the study of perfume discourse, which is associated with the production of statements about perfume products and their perception. The registers of discourse about perfumery can vary: artistic, social, advertising and marketing, professional and industrial, and so on. It is shown that olfactory discourse can be viewed, in Michel Foucault's terms, as the rules that allow statements about smell to take place in a given historical period and culture. The question is raised of how specific names of perfume products function in literary texts. They can be viewed as metonymic designations of specific scents, moods, and time periods, as well as carriers of social meanings, aesthetic and stylistic attitudes, etc. At the same time, it is shown how perfumers' work borrows these signifiers from literature and uses them in the context of perfume construction, appropriating the full symbolic potential of these signs to encode cultural information addressed to the consumers: the fragrance thus becomes a context-specific statement.

Keywords: olfactory semiotics, perfume discourse, discursive registers, encoding scent, fragrance.

Одним из важнейших исследовательских полей в сфере ольфакторной семиотики является изучение ольфакторной поэтики литературных текстов. Эта поэтика осмысляется не только как выражение эстетических и идеологических установок автора и не просто как особый набор выразительных средств, имеющий соответствующие художественные задачи, но как часть общих культурных кодов той или иной эпохи, исторически изменяющихся.

Можно говорить об особом «ольфакторном дискурсе», понимаемом, в духе Мишеля Фуко, как совокупность правил и процедур, которые определяют возможность и условия говорения о запахах и способы интерпретации ольфакторных восприятий в ту или иную эпоху. В «Археологии знания» Фуко указывает, что «правила формирования [понятий внутри дискурса – А.С.] находятся не в "ментальности" или сознании индивидов, а в самом дискурсе и, следовательно, в соответствии с некой единообразной анонимностью они предписываются всем индивидам, намеревающимся говорить в этом дискурсивном поле» [Фуко 2004, с. 133-134]. Иными словами, мы должны отдавать себе отчет в том, что способы выделения и обозначения тех или иных запахов, системы их классификации и ранжирования, приписывание им определенных значений, включая ценностные (аксиология запахов), являются исторически обусловленными и контекстно зависимыми.

Исследования в тех областях, которые принято называть «историей чувств», или сенсорной историей (sensory history) [Smith 2007], а также антропологией чувств, активно развиваются с 1980х годов (хотя основы их были заложены, конечно же, раньше). Они позволили выработать определенное понимание того, как происходило конституирование запаховых представлений в различных культурах, как формировались социальные установки по отношению к запахам на протяжении истории и т.д. Примечателен сам интерес к этой эфемерной, ускользающей стороне существования и попытки наделить имеющиеся исторические, социальные, политические и, конечно же, литературные нарративы сенсорной конкретикой, вписать в них опыт различных чувственных восприятий, которые ранее не учитывались.

Возвращаясь к ольфакторному дискурсу, отметим его проблематичность. Исследователи ольфакции часто отмечают, во-первых, ускользающий и субъективный характер самих запаховых восприятий, а во-вторых, бедность ольфакторного словаря. Иными словами, речь идет о проблематичности лингвокультурологической репрезентации запахов.

Сам ольфакторный дискурс внутренне неоднороден. Очевидно, что его структура, выделяемые в нем зоны и регистры также зависят от исторического контекста. Нас в данном случае интересует такая более узкая часть ольфакторного дискурса, как «парфюмерный дискурс». В ряде работ [Бельская 2010, с. 7-8; Басалаева 2013, с. 16] можно найти эксплицитное определение данного понятия, хотя необходимо учитывать терминологическую многозначность: понятие дискурса мы используем преимущественно в значении, которое вкладывал в него Фуко. В то же время, во многих публикациях используются лингвистические трактовки: в качестве одного из базовых можно привести известное определение Н.Д. Арутюновой, которая понимает дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами», как «речь, погруженную в жизнь» [Арутюнова 1990, с. 136–137].

Вместе с тем, отметим трактовку парфюмерного дискурса, которую находим у Т.И. Бельской и Е.Г. Басалаевой. Т.И. Бельская понимает парфюмерный дискурс как производный от медиадискурса (дискурс СМИ и рекламы), то есть как высказывания о парфюмерии (концепты Запах и Духи), построенные в рамках вышеуказанных коммуникативных целей и стратегий. Е.Г. Басалаева пишет, что «под термином “парфюмерный дискурс” мы, вслед за Т.И. Бельской, подразумеваем любой текст о парфюмерной продукции. По своему содержанию эти сообщения представляют собой презентацию новой продукции парфюмеров (реклама), историю использования ароматов (справки), характеристику специфических свойств компонентов и воздействия парфюмерных композиций на человека (научные статьи), демонстрацию методов создания духов (научно-популярные тексты), описание впечатлений о духах, представленных неспециалистами (отзывы) и пр.» [Басалаева 2013, с. 16]. Нам представляется, что в этот перечень «любых» высказываний о парфюмерной продукции вполне можно добавить упоминания её в литературных текстах, а под парфюмерным дискурсом понимать, в том числе, и условия, определяющие возможность говорить о парфюмерной продукции тем или иным образом. Мы рассматриваем парфюмерный дискурс и как совокупность высказываний, и как совокупность тех условий, которые позволяют этим высказываниям состояться.

С одной стороны, можно сказать, что благовония сопровождают человечество на протяжении всей его истории, и комбинировать различные вещества для создания ароматов люди научились давно, но, с другой стороны, парфюмерия в современном смысле состоялась как социальный, гигиенический, эстетический феномен достаточно поздно. Мы говорим преимущественно о западноевропейском цивилизационном ареале. Соответственно, способы и правила говорения о запахах в контексте парфюмерии являются отдельным элементом ольфакторного дискурса, и, скорее всего, можно говорить о наличии в нем отдельных специфических модусов или регистров: скажем, литературное говорение о парфюмерных запахах, бытовое и повседневное (говорение рядового потребителя), профессиональное говорение, рекламно-маркетинговое и т. д.

Нам представляется интересным исследовать взаимосвязи отдельных регистров парфюмерного дискурса, чтобы понять, как выстраиваются отношения означающих и означаемых, как конвертируются символические ресурсы, сформировавшиеся в одном

регистре, в другой регистр, как происходит взаимообмен между этими внутренними областями дискурса.

Литература запечатлевает память об ароматах, созданных парфюмерами. Хрестоматийный пример – упоминание классических парфюмов от Guerlain, Chanel и Caron в «Мастере и Маргарите» (сцена в Варьете, часто цитируемая в разных контекстах) [Булгаков 1989, с. 87]. Другой пример – эпизод утреннего туалета инженера Гарина, ставшего мировым диктатором: брадобрей душит его множеством ароматических эссенций, а «бородку – тончайшими духами “Сумерки”» [Толстой 1977, с. 246] – имеются в виду «L’Heure Bleue» от Guerlain, впервые выпущенные в 1912 г.

В большинстве аналогичных случаев конкретные духи используются в качестве прецедентных имён, с которыми связан некоторый набор коннотаций: узнаваемость запаха в целом или основных его нот, социальный статус парфюма (отнесённость его к атрибутам той или иной страты), какие-либо значимые мотивы, связанные с историей его создания, распространения, рекламы и т.п., – и всё это позволяет использовать парфюмерный код в художественных целях.

Однако не менее интересна обратная рецепция, когда парфюмеры при создании духов вдохновляются литературными произведениями, и литературные образы и названия повестей, романов и драм сами становятся прецедентными именами в той части парфюмерного дискурса, который связан с производством и продвижением парфюма.

И чаще всего мы имеем дело не просто с маркетинговой стратегией, но с выработкой концептуальной основы аромата: апелляция к тем или иным характеристикам литературного образа или к особенностям построения сюжета зачастую предстает в отрефлексированной форме, когда создатель аромата рассказывает о том, что побудило его сконструировать данный парфюм, что стало толчком к творчеству. Иными словами, парфюмер, создавая свое ольфакторное произведение, стремится каким-то образом воспроизвести значащие элементы произведения литературного: образ, мотив, сюжет и так далее.

Скажем, когда видишь на флаконе духов надпись «Tyger Tyger», в памяти сразу же возникает продолжение: «...burning bright, In the forests of the night», поскольку это начало одного из самых известных стихотворений Уильяма Блейка. Сама парфюмер, Франческа Бьянки, указывает на это хрестоматийное стихотворение английского поэта-визионера как на непосредственный источник вдохновения. Именно «The Tyger» подсказал ей идею создать из ольфакторных контрастов некую «ужасающую симметрию» («fearful symmetry») [Tyger]. Иной вопрос – насколько получившийся аромат совпадёт с ожиданиями тех, кто знаком с литературным текстом. На наш взгляд, «Tyger Tyger» является не слишком удачным примером «литературного парфюма», поскольку анималистические образы блейковского текста и его антитетическое напряжение совершенно не совпадают с пирамидой аромата и производимым ощущением (мед, персик, белые цветы, кожа, гелиотроп, сандал, дубовый мох, пачули и уд).

Другой пример являет образчик удачной, с нашей точки зрения, ольфакторной репрезентации литературного образа Саломеи. Одиннадцать лет назад этот образ весьма успешно воплотил британский бренд Papillon Artisan Perfume в одноименном аромате «Salome». Это очень сложный запах, но в нём есть отчетливый анималистический компонент, равно как и ощутимая аура винтажности, хотя, повторимся, он был выпущен в 2015-ом. Этот анималистический компонент обеспечен наличием таких элементов, как бобровая струя (кастореум) и так наз. «африканский камень» (получается из выделений такого вида млекопитающих, как даманы). Общее впечатление – одурманивающая телесно-чувственная гамма с явной уринальной нотой. В материалах, посвященных этим духам, фигурируют

разные художественные контексты [Прокофьева 2024], но, очевидно, что самой известной из литературных Саломей является уайлдовская, – из одноименной одноактной пьесы. По крайней мере, она точно – самая скандальная и декадентская. Это квинтэссенция femme fatale, «дымного исчадья полнолунья» (словами Ахматовой). Таким образом, с одной стороны, название духов в качестве означающего как бы апроприирует весь комплекс значений, связанных с образом Саломеи в искусстве Fin de siècle, а с другой стороны, очевидно, что доминантой в этом означающем является именно уайлдовский слой, на который, конечно же, могут быть наложены и многие другие произведения, условно говоря, декадентского характера (скажем, известная картина Франца фон Штука [Stuck] и/или опера Рихарда Штрауса).

Список литературы

1. Арутюнова 1990 – Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136–137.
2. Басалаева 2013 – Басалаева Е.Г. Языковая репрезентация запаха в парфюмерном интернет-дискурсе // Вестник Томского гос. ун-та. 2013. №375. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-reprezentatsiya-zapaha-v-parfyumernom-internet-diskurse (дата обращения: 29.04.2026).
3. Бельская 2010 – Бельская Т.И. Средства актуализации опорных концептов парфюмерного дискурса современного французского языка: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2010. 26 с.
4. Булгаков 1989 – Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. М.: Мол. гвардия, 1989. 304 с.
5. Прокофьева 2024 – Прокофьева Е. Salome Papillon Artisan Perfumes: несовременная красота. URL: https://www.fragrantica.ru/news/Salome-Papillon-Artisan-Perfumes-nesovremennaa-krasota-16774.html (дата обращения: 29.04.2026).
6. Толстой 1977 – Толстой А.Н. Гиперболоид инженера Гарина. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1977. 268 с.
7. Фуко 2004 – Фуко М. Археология знания. СПб.: Университетская книга, 2004. 416 с.
8. Smith 2007 – Smith M. Producing Sense, Consuming Sense, Making Sense: Perils and Prospects for Sensory History // Journal of Social History. 2007. Vol. 40, № 4. Pp. 841–858.
9. Stuck – Stuck F. von. Salome. URL: https://web.archive.org/web/20160701184521/http://www.lenbachhaus.de/the-museum/research/restoration/franz-von-stuck/?L=1 (дата обращения: 29.04.2026).
10. Tyger – Tyger Tyger. URL: https://francescabianchiperfumes.com/product/tyger-tyger/#tab-description (дата обращения: 29.04.2026).

УДК 111:16

СЕМИОТИКА КАК ОСНОВА НАУЧНОЙ ОНТОЛОГИИ ПОВЕДЕНИЯ

Сериков Андрей Евгеньевич
Кандидат философских наук

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королёва, доцент кафедры философии
E-mail: serikov.ae@ssau.ru

Аннотация: Критический взгляд на познание трансцендентного совместим с научным реализмом относительно актуального и с построением реалистической научной онтологии. Критическая метафизика трансцендентного может быть обоснована как семиотическая модальная метафизика возможного: возможно всё, что возможно в рамках семиозиса. Следует различать метафизические, логические и математические высказывания о возможных объектах и структурах, с одной стороны, и научные гипотезы об актуальном существовании ненаблюдаемых объектов или структур, с другой. Отличие в том, что по отношению к первому типу высказываний эмпирическая проверка невозможна в этом мире, а по отношению ко второму типу – не только возможна, но либо уже проводилась, либо планируется. В науках о поведении часто используются модели, предполагающие существование семиозиса. В этих моделях семиотика выступает уже не только как модальная метафизика, но и как основа предметной научной онтологии. Один из подходов к формированию таких моделей – это биосемиотика, главная цель которой – показать, что семиотика является фундаментальной составляющей жизни. Близкий подход – киберсемиотика, понимаемая как семиотический синтез естествознания, кибернетики и гуманитарных наук. В рамках ещё одного подхода – теоретико-информационного структурного реализма – в качестве реальных паттернов понимаются прежде всего такие, которые могут информационно сжиматься и математически проецироваться. Представители этого подхода считают, что основой экономической онтологии должны быть математические модели реальных паттернов. Если допустить, что не все реальные паттерны сводятся к математическим, они могут быть обобщены как семиотические. Поэтому понятие реального паттерна можно использовать для построения онтологии грамматики поведения – ещё одного подхода, идея которого возникла в рамках Московско-тартуской семиотической школы. Кроме того, семиотика является неотъемлемым аспектом как минимум двух современных теоретических подходов в социологии – акторно-сетевой теории и теории ко-операционного действия. Дискуссия о том, как соотносятся между собой различные варианты семиотических подходов к пониманию онтологии, продолжается. Несомненно одно: семиотика может и должна быть основой научной онтологии поведения.

Ключевые слова: модальная метафизика, структурный реализм, биосемиотика, киберсемиотика, грамматика поведения, акторно-сетевая теория.

SEMIOTICS AS THE BASIS OF THE SCIENTIFIC ONTOLOGY OF BEHAVIOR

Serikov Andrei Evgen'evich
Samara National Research University, associate professor of the Department of Philosophy

Abstract: A critical view of the knowledge of the transcendent is compatible with scientific realism regarding the actual and with the construction of a realistic scientific ontology. Critical metaphysics of the transcendent can be justified as a semiotic modal metaphysics of the possible: everything that is possible within the framework of semiosis is possible. One should distinguish between metaphysical, logical and mathematical statements about possible objects and structures, on the one hand, and scientific hypotheses about the actual existence of unobservable objects or structures, on the other. The difference is that in relation to the first type of statements, empirical

verification is impossible in this world, but in relation to the second type, it is not only possible, but has either already been carried out or is planned. In the behavioral sciences, models that assume the existence of semiosis are often used. In these models, semiotics appears not only as modal metaphysics, but also as the basis of subject scientific ontology. One approach to the formation of such models is biosemiotics, the main goal of which is to show that semiotics is a fundamental component of life. A closely related approach is cybersemiotics, understood as a semiotic synthesis of natural science, cybernetics and the humanities. Within the framework of another approach – information-theoretical structural realism – real patterns are understood primarily as those that can be informationally compressed and mathematically projected. Proponents of this approach believe that mathematical models of real patterns should form the basis of economic ontology. If we accept that not all real patterns can be reduced to mathematical ones, they can be generalized as semiotic ones. Therefore, the concept of a real pattern can be used to construct an ontology of behavioral grammar—another approach whose idea arose within the framework of the Moscow-Tartu Semiotic School. Moreover, semiotics is an integral aspect of at least two modern theoretical approaches in sociology – actor-network theory and the theory of co-operative action. The debate about how various semiotic approaches to understanding ontology relate to one another continues. One thing is certain: semiotics can and should form the basis of a scientific ontology of behavior.

Keywords: modal metaphysics, structural realism, biosemiotics, cybersemiotics, grammar of behavior, actor-network theory.

Философы Венского кружка не видели разницы между метафизическими суждениями о транендентных объектах и структурах, с одной стороны, и суждениями о ненаблюдаемых объектах и структурах, постулируемых эмпирическими научными теориями, с другой. Это касалось как естествознания, так и социально-гуманитарных наук. В частности, Отто Нейрат писал о проекте научной социологии, понимаемой в качестве синтетического учения о человеческом поведении, которое постепенно избавляется от метафизических пережитков магии, теологии, философской этики, истории и национальной экономики. Социология рассматривалась Нейратом как раздел единой науки, основанной на неопозитивистском мировоззрении, в том числе на инструментализме, физикализме и радикальном бихевиоризме [Нейрат 2026]. Предполагалось, помимо прочего, что наука должна отказаться от веры в реальное существование ненаблюдаемых объектов и структур, т. е. от реалистической онтологии. В этом контексте возникают вопросы о том, действительно ли отказ от метафизических догм относительно трансцендентного обязательно предполагает научный антиреализм и, если критический взгляд на познание трансцендентного всё-таки совместим с научным реализмом, то какой могла бы быть реалистическая онтология наук о поведении.

В понимании метафизики трансцендентного я предлагаю следовать скептическому методу Иммануила Канта, согласно которому «мы присматриваемся к спору между утверждениями или даже сами вызываем его не для того, чтобы в конце концов решить его в пользу той или другой стороны, а для того чтобы исследовать, не пустой ли призрак сам предмет спора» [Кант 1994, с. 266]. Кант справедливо утверждает, что у нас нет теоретического критерия для выбора между альтернативными суждениями о трансцендентном, поэтому в этой области мы может формулировать только антиномии. Я предлагаю интерпретировать это так: мы можем говорить только о возможности, но не реальности существования трансцендентных объектов или структур. Т.е. критическая метафизика трансцендентного может быть обоснована как модальная метафизика возможного.

В современной модальной метафизике и эпистемологии принято выделять рационалистические и эмпирические подходы к пониманию возможного. Рационалисты считают возможным то, что представляется, воображается, интуитивно понимается без опоры на эмпирическое познание актуального мира, эмпирики делают акцент на понимании возможного вследствие опыта. Если при этом различать номологическую, метафизическую и логическую возможности, то стандартным является представление, согласно которому метафизическая возможность ограничивает номологическую, а логическая – метафизическую. Существует множество вариантов модального рационализма и эмпиризма, обоснованный выбор между которыми представляется затруднительным [Gendler, Hawthorne 2002; Fischer, Leon 2017; Vaidya, Prelević 2023]. Однако можно не выбирать какой-либо один из существующих подходов, но предложить следующий радикальный вариант модального плюрализма: возможно всё, что возможно с той или иной точки зрения. Этот тезис можно дополнить также требованием о том, что метафизическое размышление о возможном не должно быть ограничено ни логикой, ни математикой. В этом контексте логика, математика и метафизика могут быть поняты как дополняющие друг друга исследования возможного, отношения между которыми сами по себе являются философской проблемой. Если обобщить сказанное, то возможно всё, что возможно в рамках семиозиса. В целом такой подход можно назвать семиотической модальной метафизикой возможного.

Итак, следует различать метафизические, логические и математические высказывания о возможных объектах и структурах, с одной стороны, и научные гипотезы об актуальном существовании ненаблюдаемых объектов или структур, с другой. Отличие в том, что по отношению к одним высказываниям эмпирическая проверка невозможна в этом мире, а по отношению к другим – не только возможна, но либо уже проводилась, либо планируется. Часть того, что возможно, реализуется в актуальном мире и моделируется наукой. Научная онтология актуального мира – это онтология научных теоретических моделей, проходящих эмпирическую проверку. При этом эмпирическая методология совсем не обязательно предполагает научный антиреализм, о чём свидетельствует целый ряд современных проектов реалистической научной онтологии. Наиболее актуальным является спор не столько между антиреализмом и реализмом, сколько между разными версиями реализма. В частности, стандартной философской точке зрения, что научная онтология должна быть двухуровневой, т. е. такой, когда эмпирическая предметная онтология науки базируется на априорной метафизической онтологии [Brier 2014; Epstein 2015; Lawson 2019; Головко, Эртель 2021], противостоит менее популярный подход к пониманию научной онтологии как одноуровневой, не зависящей от метафизики [Ladyman et al. 2007; Болдырев 2008; Ross 2023]. В контексте этого спора я считаю, что наиболее обоснованным является критический (в кантианском смысле) взгляд, согласно которому метафизической основой предметной научной онтологии должна быть модальная метафизика возможного, но не априорные метафизические размышления об актуальном.

В науках о поведении – биологии, психологии, антропологии, социологии, экономике и т. п. – часто используются модели, предполагающие существование семиозиса. В этих моделях семиотика выступает уже не только как модальная метафизика, но и как основа предметной научной онтологии. Один из наиболее известных подходов к формированию таких моделей – это биосемиотика, сформировавшаяся на основании идей, первоначально высказанных Якобом фон Икскюлем в первой половине XX в. Марчелло Барбиери определяет биосемиотику как синтез биологии и семиотики, главная цель которого – «показать, что

семиотика является фундаментальной составляющей жизни, то есть что знаки и значения существуют во всех живых системах» [Barbieri 2009, p. 221].

Юрий Сергеевич Степанов рассматривал биосемиотику как первую в ряду семиотик, расположенных по «убыванию энергетического уровня знака» – от биосемиотики, где знак – это аспект биологической связи между организмом и средой, до абстрактной семиотики, где знак «становится только информационным явлением» [Степанов 1971, с. 104]. Учение Степанова об абстрактных семиотиках можно понять как предвосхищение подхода, называемого сегодня кибersемиотикой [Лядов 2019]. Современный вариант кибersемиотики предложен Сёреном Бриером и понимается как семиотический синтез естествознания, кибернетики и гуманитарных наук, призванный стать «трансдисциплинарной альтернативой логическому позитивизму, с одной стороны, и постмодернистскому конструктивизму, с другой» [Brier 2014, p. 3].

Совсем иначе используют кибернетические идеи при построении онтологии Джеймс Лэдимен и его соавторы [Ladyman et al. 2007]. В рамках их теоретико-информационного структурного реализма быть – значит быть реальным паттерном, а в качестве реальных паттернов понимаются прежде всего такие, которые могут информационно сжиматься и математически проецироваться. В частности, Дон Росс считает, что основой экономической онтологии должны быть математические модели реальных паттернов [Ross 2023]. Иван Алексеевич Болдырев похожим образом пишет, что «*в качестве формальной онтологии в экономике мейнстрима можно рассматривать математику*» [Болдырев 2008, с. 107]. В свою очередь, согласно Павлу Николаевичу Болдину, математическая онтология может пониматься семиотически [Болдин 2024]. Всё это вместе наталкивает меня на мысль о возможности семиотической онтологии экономики.

Я считаю, что реальные паттерны не сводятся к математическим, некоторые из них могут моделироваться на естественном языке. И математические паттерны, и языковые могут быть обобщены как семиотические. Поэтому понятие реального паттерна можно использовать для построения онтологии грамматики поведения – подхода, идея которого изначально был предложена Суреном Тиграновичем Золяном и Игорем Аполлониевичем Черновым в рамках Московско-тартуской семиотической школы [Золян, Чернов 1977]. Грамматику поведения можно эффективно разрабатывать на основе теории поля Курта Левина и биосемантики Рут Гаррет Миликэн, в которой семиозис интерпретируется биологически. В частности, имплицитные правила языка и поведения могут быть поняты как «естественные конвенции». И хотя исторически и институционально биосемантика Милликэн не имеет никакого отношения к движению биосемиотики, методологически они довольно близки [Сериков 2023]. Реальные поведенческие структуры, не являющиеся просто удобными теоретическими инструментами или артефактами исследования, в этом контексте могут быть интерпретированы как реальные паттерны.

Согласно Марии Александровне Ерофеевой, семиотика является также неотъемлемым аспектом как минимум двух современных теоретических подходов в социологии – акторно-сетевой теории (АСТ) и теории ко-операционного действия [Ерофеева 2023, с. 11]. Алвизе Маттоцци делает ещё более радикальный вывод: заимствуя семиотические термины, категории и модели, АСТ сама оказалась семиотикой. При этом одним из важнейших аспектов семиотического взгляда в АСТ стало понимание того, что всё в социальном и природном мирах является непрерывно порождаемым эффектом сетей отношений, внутри которых они расположены [Mattozzi 2020]. Такая интепретация АСТ очень сильно сближает её с реалистической структурной онтологией в версии Лэдимена и Росса. Существуют и другие

интерпретации АСТ, но очевидно, что в рамках этого подхода в целом формируется определённая онтология социального поведения и эта онтология в своей основе является семиотической.

Итак, вопросы о том, как соотносятся между собой различные варианты семиотических подходов к пониманию онтологии, и о том, какой из подходов наиболее обоснован в качестве онтологии поведения, требуют дальнейшего исследования. Дискуссия продолжается, но несомненно одно: семиотика может и должна быть основой научной онтологии поведения.

Список литературы

1. Болдин 2024 – Болдин. П. Н. Онтология логико-математического знания // Логико-философские штудии. 2024. Т. 21. № 4. С. 156-158.
2. Болдырев 2008 – Болдырев И. А. Онтология ортодоксальной экономической науки: проблемы построения и интерпретации // Вопросы экономики. 2008. № 7. С. 100–111.
3. Головко, Эртель 2021 – Головко Н.В., Эртель И.И. Дж. Лэдимен, Д. Деннет и Дж. Лоу: научный реализм и метафизика возможностей // Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19. № 4. С. 5-33.
4. Ерофеева 2023 – Ерофеева М. А. Семиотика для всех социологических целей // Социология власти. 2023. Т. 35. №2. С. 8-17.
5. Золян, Чернов 1977 – Золян С. Т., Чернов И. А. О структуре языка описания поведения // Σημειωτκή –и Труды по знаковым системам. 1977. Т. 8. №1. С. 151-163.
6. Кант 1994 – Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном. М.: Мысль, 1994. 591 с.
7. Лядов 2019 – Лядов Н.П. Киберсемиотика как феномен трансдисциплинарной научной парадигмы // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2019. №1 (3). С. 133-139.
8. Нейрат 2026 – Нейрат О. От магии к единой науке / пер. с нем. А.Ю. Нестеров // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2026. Т. 6. № 1. С. 147-154.
9. Сериков 2023 – Сериков А.Е. Понимание правил языка в биосемантике Рут Гаррет Милликэн // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2023. Т. 3. № 3. С. 13-21.
10. Степанов 1971 – Степанов Ю.С. Семиотика. М.: Наука, 1971. 167 с.
11. Barbieri 2009 – Barbieri M. A Short History of Biosemiotics // Biosemiotics. 2009. Vol. 2. Iss. 2. P. 221-245.
12. Brier 2014 – Brier S. Cybersemiotics: Suggestion for a Transdisciplinary Framework Encompassing Natural Life, and Social Sciences as Well as Phenomenology and Humanities // International Journal of Body, Mind, and Culture. 2014. Vol. 1. No. 1. P. 3-53.
13. Epstein 2015 – Epstein B. The Ant Trap: Rebuilding the Foundations of the Social Sciences. Oxford and New York: Oxford University Press, 2015. 304 p.
14. Fischer, Leon 2017 – Fischer B., Leon F. (eds) Modal Epistemology After Rationalism. Synthese Library, vol. 378. Cham: Springer, 2017. 308 p.
15. Gendler, Hawthorne 2002 – Tamar Szabo Gendler T.S., Hawthorne J. (eds), Conceivability and Possibility. New York: Oxford University Press UK, 2002. 507 p.
16. Ladyman et al. 2007 – Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collied J. Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized. Oxford: Oxford University Press, 2007. 346 p.

17. Lawson 2019 – Lawson T. The Nature of Social Reality: Issues in Social Ontology. London; New York: Routledge, 2019. 266 p.

18. Mattozzi 2020 – Mattozzi A. What can ANT still learn from semiotics? // Blok A., Farias I., Roberts C. (eds). The Routledge Companion to Actor-Network Theory. New York: Routledge, 2020. P. 87-100.

19. Ross 2023 – Ross D. Scientific metaphysics and social science // Synthese. 2023. Vol. 202. No. 146. Art. 146. P. 1–34.

20. Vaidya, Prelević 2023 – Vaidya A., Prelević D. (eds.) Epistemology of Modality and Philosophical Methodology. New York: Taylor & Francis, 2023. 392 p.

УДК 003:81-111:81-13

ОТ СИГНИФИКИ ВИКТОРИИ УЭЛБИ К СЕМИОТИКЕ ЧАРЛЬЗА МОРРИСА

Скрипник Константин Дмитриевич
Доктор философских наук
Южный федеральный университет, профессор
E-mail: kdskripnik@sfedu.ru

Аннотация: В статье предпринимается попытка установить возможные параллели между сигнификой Виктории Уэлби и семиотической концепцией Чарльза Морриса, особенно в части сопряжения семиотики и аксиологии, характерного для обоих исследователей. Дается краткий абрис понимания значения в каркасе сигнифики как трехуровневой структуры, включающей смысл, значение и значимость. Подчёркивается, что для Уэлби интерпретация и значимость знака зависят от контекста, истории использования и эмоциональной силы, что предвосхищает многие положения современной семиотики и прагматики. Автор отмечает, что Моррис был активным участником движения сигнифики в Нидерландах, стартовавшего от концепции Уэлби, и понятия значимости и ценности, занимавшие важное место в работах Уэлби, столь же характерны для концепции Морриса. Для Морриса знаки определяют поведение человека и определяются его поведением, значение знака может быть понято как характеристика поведения, которое вызывается данным знаком. В статье также затрагивается вопрос о взаимовлиянии эволюционных теорий языка и динамических концепций значения. Автор приходит к выводу, что исследование истории сигнифики и её пересечений с семиотикой позволяет углубить понимание эволюции исследований знаковых систем, заполнить некоторые пробелы в восстановлении истории семиотических идей, уточнить направления влияния между ключевыми мыслителями и расширить методологический инструментарий современных гуманитарных исследований.

Ключевые слова: сигнифика, Уэлби, Моррис, значение, значимость, аксиологическое измерение значения.

FROM VICTORIA WELBY'S SIGNIFICS TO CHARLES MORRIS' SEMIOTICS

Skripnik Konstantin Dmitrievich
Southern Federal University

Abstract: This article attempts to identify possible parallels between Victoria Welby's significs and Charles Morris's semiotic concepts, particularly in terms of the intersection of semiotics and axiology, a common theme for both researchers. It provides a brief outline of how meaning is understood within the framework of significs as a three-level structure comprising sense, meaning, and significance. It emphasizes that for Welby, the interpretation and significance of a sign depend on context, the history of use, and its emotional force, which anticipates many positions in contemporary semiotics and pragmatics. The author notes that Morris was an active participant in the significs movement in the Netherlands, which originated with Welby's conception, and the concepts of significance and value, which occupied a prominent place in Welby's work, are equally characteristic of Morris's conception. For Morris, signs determine human behavior and are determined by that behavior; the meaning of a sign can be understood as a characteristic of the behavior evoked by the sign. The article also addresses the interplay between evolutionary theories of language and dynamic concepts of meaning. The author concludes that exploring the history of significs and its intersections with semiotics allows for a deeper understanding of the evolution of sign systems research, fills some gaps in reconstructing the history of semiotic ideas, clarifies the lines of influence between key thinkers, and expands the methodological tools of contemporary humanities research.

Keywords: significs, Welby, Morris, meaning, significance, axiological dimension of meaning
сигнифика, Уэлби, Моррис, значение, значимость, аксиологическое измерение значения

На рубеже XIX и XX веков проблема значения приобретает повышенный интерес в рамках целого спектра дисциплин, что находит свое отражение в публикациях известных исследователей, среди которых Ч. Пирс и Ф. де Соссюр, М. Бреаль и Л. Витгенштейн. В это же время появляется концепция сигнифики, развиваемая леди Викторией Уэлби, личность и идеи которой долгое время остаются малоизвестными, несмотря на ее близкие научные и личные контакты с известными людьми этого времени – Стаутом, Болдуином, Пирсом и Расселом, если назвать только некоторых.

На протяжении нескольких последних лет идеи сигнифики получили освещение в работах отечественных авторов [Киосе 2025; Скрипник 2021] и других. В меньшей степени исследовано возможное влияние сигнифики на последующее развитие семиотики, которое и находится в фокусе данной статьи, а также на развитие иных идей и концепций, на первый взгляд не связанных напрямую с семиотическими исследованиями. Так, несомненно влияние сигнифики и Виктории Уэлби на работы членов Движения сигнифики в Нидерландах, однако следы сигнифики и пересечение ее идей с другими возможно обнаружить и у Витгенштейна и Рассела, у британских прагматиков и в концепции Огдена и Ричардса. Моя цель здесь – выявить и охарактеризовать связь идей сигнифики с теорией знаков Морриса, в частности в области взаимоотношений теории знаков и аксиологии.

Викторией Уэлби опубликовано более 90 работ, основные идеи сигнифики изложены в двух книгах [Welby 1983; Welby 1985]. Первой из указанных книг предшествовала статья 1902 года, в которой идет речь о том, что сигнифика определяется как «изучение природы значимости (significance) во всех ее формах и проявлениях» и имплицирует различие между смыслом, или сигнификацией (sense, or signification), значением, или интенцией (meaning, or intention) и значимостью (significance). Последнее понятие заменяет уже распространенное в ее время понятие интерпретации в том смысле, что интерпретация занимает положенное ей место потому, что не существует раз и навсегда установленных значений – Уэлби называет их

Plain Meaning – каждое слово несет в себе историю своих использований как в глобальном, так и в индивидуальном аспекте. Интерпретация дает неограниченный спектр нюансов значения, понимаемого в третьем своем аспекте (на третьем своем уровне). Его подробное рассмотрение служит основанием для понимания языка как символической системы – одной из многих подобных. (Замечу, насколько тесно данные положения концептуально связаны с тезисами о переводе, сформулированными Р. Якобсоном [Якобсон 1985].)

Виктория Уэлби следующим образом характеризует результаты своей работы: «Строго говоря, нет такой вещи как смысл (Sense) слова; есть только смысл, в котором оно используется – обстоятельства, состояние ума, референция, «универсум дискурса», принадлежащие ему. Значение (Meaning) слова есть интенция, которую оно желает передать – интенция использующего слово. Значимость (Significance) всегда многообразна и интенсифицирует свой смысл, как и свое значение, выражением своей важности, своей апелляцией к нам, своим моментом для нас, своей эмоциональной силой, своей идеальной ценностью, своим моральным аспектом, своим универсальным или социальным рангом» [Welby 1983, p. 5-6].

Главной чертой сигнифики является акцент на динамическом характере языка (любой символической системы), изменчивости и гибкости различных уровней выражения, подчеркивание коммуникативного характера значения в широком смысле слова. Данные черты вполне определенно соответствовали вниманию, которое уделялось в то время эволюционистским идеям Ч. Дарвина, на которого, в свою очередь, повлияли теории происхождения языка от Э. Кондильяка до И. Гердера. Проводниками этого влияния на Дарвина были, несомненно, его кузены Г. Холланд и Х. Веджвуд – сторонники идеи эволюции языка. Сложилась весьма интересная и своеобразная структура влияний: динамическая теория (языкового) значения формировалась под влиянием эволюционной концепции Дарвина, которая формировалась под влиянием результатов исследований эволюции языка.

Связь сигнифики с идеями Морриса может быть прослежена, если не будут обойдены вниманием работы тех исследователей, которые сформировали Движение сигнифики в Нидерландах, существовавшее вплоть до середины прошлого века и само название которого включало термин «сигнифика», авторство которого принадлежит Уэлби. Один из основателей указанного движения, ван Иден, был знаком с Уэлби еще с 1892 года, времени, когда ее идеи только начали свое формирование. Свидетельство прямого влияния ее идей обнаруживается в статье Г. Маннури [Mannoury 1969]. Активным участником семинаров, проводимых движением сигнифики, и исследований, проводимых его участниками на методологической и концептуальной базе этой концепции, был Моррис. Несомненно, что его участие в Движении сигнифики свидетельствует в пользу утверждения о знакомстве с идеями Уэлби. Обращает на себя внимание тот факт, что последняя книга Морриса, отрывки из которой были опубликованы в русском переводе под названием «Значение и означивание» [Моррис 1983], на языке оригинала называется иначе [Morris 1964]. Понятно, что речь идет о значимости – той характеристике процесса сигнификации (означивания), в которой Уэлби сопрягает теорию знаков с аксиологическим подходом. На первой же странице, не упоминая явно имени Уэлби, говоря о самом термине «семиотика», замечает, что «используются также и термины “сигнифика” (significs) и “семантика”…».

Представляется, что, если Моррису был знаком термин «сигнифика», то должно было быть знакомо и имя автора данного термина, создавшего науку под этим названием [Скрипник 2023].

Моррис пишет, что его занимали две вещи – общая теория знаков и общая теория ценности, которым были посвящены предыдущие его книги [Morris 1946; Morris 1956]; но трудно объяснить отсутствие в них упоминаний о Виктории Уэлби. В книге же, посвященной означиванию и значимости, речь идет, по мысли автора, о сходстве двух теорий, двух подходов, особенно когда рассматривается не только поведение, но и искусство как познание и репрезентация мира.

Действительно, человек означивает значимое для него (в самом широком смысле слова) и может «не придавать значения» тому, что не представляется значимым; Уэлби задолго до Морриса выделяет и подчеркивает аксиологическое измерение знака, когда отмечает: «Как следует из самого слова, “сигнифика” суммирует то, что означает для “человека с улицы”; все, что не означает, скажет он вам, для него ничего не значит» [Welby 1983, p. 8]. Внимательное прочтение основных книг Уэлби позволяет считать, что сигнифика изначально формировалась как теория значения в каркасе прагматического и морального измерений. Методологически сигнифика пытается преодолеть границы простого описания означивания и формирования значений, делая это с помощью оценки отношений указанных двух измерений, включая также отношения между используемыми знаками и контекстом использования, который определяется ценностями и поведением, точнее, условиями осмысленного поведения.

Параллели с сигнификой Уэлби несомненны в части прагматического уровня, когда рассматриваются не только понятия знака, его видов, правил построения знаков и отношения между знаками и некоторого сорта реальностью, но и контекст такого отношения, включающий пользователя знака. Согласно Моррису, именно знаки определяют поведение человека и в то же время определяются его поведением, значение знака есть характеристика поведения, которое вызывает данный знак (и которое, следует заметить, позволяет и классифицировать знаки соответствующим образом, подразделяя их на систематизирующие и информирующие, оценивающие и предписывающие). С этой точки зрения становится прозрачным его переход к сопряжению общей теории знаков и общей теории ценности.

Рассмотрение движения семиотических исследований от одного автора к другому, постепенное открытие новых страниц истории семиотических идей, их взаимозависимости и направлений влияния позволяет уточнить некоторые моменты этой истории, а также расширить наше понимание роли и возможностей семиотических исследований.

Список литературы

1. Киосе 2025 – Киосе М. И. Язык и феномен творения в сигнифике и семиоэтике Виктории Уэлби // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 8 (902). С. 69-76.
2. Моррис 1983 – Моррис Ч. У. Из книги «Значение и означивание». Знаки и действия // Семиотика. Москва: Радуга, 1983. С. 118-132.
3. Скрипник 2021 – Скрипник К.Д. Семиотические идеи в каркасе истории философии. Ростов-на-Дону: издательство Южного федерального университета, 2021. 199 с.
4. Скрипник 2023 – Скрипник К.Д. Сигнифика Виктории Уэлби: тематико-методологическая ретроспектива // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин М.: ИНИОН РАН, 2023. Выпуск 13. Т. 3. № 2. С. 95-115.
5. Якобсон 1985 – Якобсон Р. О. О лингвистических аспектах перевода // Якобсон Р.О. Избранные работы. Москва: Прогресс, 1985. С. 361-368.

6. Mannoury 1969 – Mannoury G.A. A Concise History of Significs // Methodology and Science. 1969. Vol. 2. P. 171-180.
7. Morris 1946 – Morris Ch. Signs, Language and Behavior. New York: Prentice Hall, 1946. 365 p.
8. Morris 1964 – Morris Ch. Signification and Significance: a study of the relation of signs and values. Cambridge, Mass.: Massachusetts Institute of Technology Press, 1964. 99 p.
9. Morris 1956 – Morris Ch. Varieties of Human Value. Chicago: Chicago University Press, 1956. 208 p.
10. Welby 1985 – Welby V. Significs and Language, repr. of the ed. London, 1911. Amsterdam: Jonh Benjamins Publ. Co., 1985. 435 p.
11. Welby 1983 – Welby V. What is Meaning? Studies in the Development of Significance, repr. of the ed. London, 1903. Amsterdam: Jonh Benjamins Publ. Co., 1983. 321 p.

УДК 167

СЕМИОТИЧЕСКИЕ МАШИНЫ: ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сулаев Анатолий Аркадьевич
Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, Томск, Россия, аспирант
E-mail: Mortedominati@gmail.com

Аннотация: Проект семиотики Ч.С. Пирса с самого начала опирался на естественнонаучные метафоры, прежде всего на химическую нотацию, и предполагал понимание семиозиса как универсального космологического процесса, не ограниченного человеческой коммуникацией. Несмотря на наличие отдельных формальных попыток моделирования знаковых систем, в современной семиотике отсутствует полноценный формальный аппарат, позволяющий конструктивно описывать образование, трансформацию и взаимодействие знаков. В статье обосновывается необходимость создания «семиотической машины» – алгебраической структуры, способной совместить вычислимость с принципиальной недетерминированностью интерпретации. Критически рассматриваются существующие подходы, в том числе проект «Розетский камень» Дж. Баеза, и демонстрируется их ограниченность для описания семиозиса в открытых, нестабильных средах. В качестве альтернативы предлагается опереться на философию индивидуации Ж. Симондона и формализм Химической абстрактной машины (CHAM) Ж. Берри и Ж. Будоля. Показано, что базовые механизмы CHAM – параллельная композиция, реакция по комплементарным меткам, мембранная изоляция и воздушный шлюз – естественным образом моделируют ключевые семиотические процессы: локальность контекста, избирательное «сродство» знаков и управляемое взаимодействие между изолированными интерпретативными системами. Намечены контуры расширения CHAM для представления семиозиса как последовательной кристаллизации знаковых структур в метастабильном семиотическом поле.

Ключевые слова: семиотические машины, Chemical Abstract Machines, Ч.С. Пирс, Симондон.

SEMIOTIC MACHINES: ORIGINS AND PROSPECTS

Sulaev Anatoliy Arkadievitch
Laboratory of Logic-Philosophical Studies, Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Postgraduate Student

Abstract: Charles S. Peirce's project of semiotics was from the outset inspired by natural science metaphors, especially chemical notation, and conceived semiosis as a universal cosmological process irreducible to human communication. Despite a few formal attempts at modelling sign systems, contemporary semiotics lacks a rigorous formal apparatus capable of constructively describing the emergence, transformation, and interaction of signs. The paper argues for the necessity of a "semiotic machine" – an algebraic structure that reconciles computability with the fundamental indeterminacy of interpretation. Existing approaches, including J. Baez's "Rosetta Stone" project, are critically examined and shown to be insufficient for modelling semiosis in open, metastable environments. As an alternative, the paper draws on G. Simondon's philosophy of individuation and the Chemical Abstract Machine (CHAM) formalism introduced by G. Berry and G. Boudol. It demonstrates that the core mechanisms of CHAM – parallel composition, reaction on complementary labels, membrane isolation, and the airlock operator – naturally capture the essential semiotic dynamics: context locality, selective "affinity" of signs, and controlled interaction between isolated interpretive systems. The contours of an extended CHAM are outlined, aimed at representing semiosis as the gradual crystallisation of sign structures within a metastable semiotic field.

Keywords: semiotic machines, Chemical Abstract Machines, Pierce C.S., Simondon.

Изобретая семиотику, Ч.С. Пирс вдохновлялся математикой и естественными науками (в частности – химией). Проект буквально предлагал новую метафизику, основанную на знаке и трёх категориях, вытекающих не из языковых средств (как у Аристотеля) и не из логических свойств (как у Канта), а из отношений, формирующих топологию [Пирс 2001, с. 13-53]. Семиозис по Пирсу не специфичен для человека, он является естественным, космологическим процессом. Современные исследователи иногда подхватываю эту инициативу [O'Halloran 2022]; Kusters 2024; Zolyan 2025], некоторые даже предлагают определенные формальные механизмы [Mogens 2015], которые, впрочем, не получили какого-либо развития в сообществе. Тем самым, семиотика встает в ряд исторических попыток создать универсальный язык, логическую машину, которая позволила бы конструктивно моделировать процесс семиозиса. Этот факт наводит нас на концепцию семиотической машины – формального аппарата, способного описывать семиозис на базе некоторой алгебраической структуры. Хотя в интернете можно найти некоторые наброски подобной системы, не существует ни одной серьезной публикации по теме. Рассмотрение LLM в качестве семиотических машин [Vromen, 2024, web] является не более чем метафорической спекуляцией, не имеющей ничего общего с абстрактными машинами, о которых идет речь (тем не менее, это возможное направление исследования).

Схожим по задумке, но в первую очередь именно формальным является проект Джона Баеза «Розетский камень», в рамках которого математики, физики и биологи занимаются универсальным пиктографическим описанием коммуникативных процессов между открытыми системами – экосистемами, организмами и проч. В сущности, это подход к

описанию систем через вычисления. Баез использует инструменты теории категорий и сетей Петри, что позволяет описывать процессы одновременно доступным и строгим языком. Подход Баеза нельзя использовать для описания коммуникации в социуме, потому что его проект является не столько семиотической машиной, сколько библиотекой типовых семиотических процессов. В этой библиотеке описывается тип входных данных, процесс их преобразования и тип вывода. Чтобы проект Баеза полностью охватывал семиотический проект, ему нужно было бы опираться не на вычислительные графы сетей Карла Петри, а изобрести нечто вроде чашки (другого) Петри, в которой семиозис протекал бы как индивидуация знака в семиотическом «растворе» из знаков разного ранга – ведь ни для Пирса, ни для Соссюра знак не был детерминированным, хотя понятие знака для них было различным. Тем не менее, проект Баеза можно считать шагом именно к общенаучному семиотическому языку – важным элементом семиотической машины, фиксирующим чудовищное многообразие коммуникативных модальностей.

В свою очередь, семиотика испытывает очень серьезное влияние специфической постструктуралистской интерпретации процесса семиозиса. Скажем, Умберто Эко при рассуждении о процессе кодирования и декодирования делает акцент на отсутствии окончательного кода у естественного языка, а Деррида и Барт превращают интерпретацию в свободное преобразование контекста. В итоге, культурный контекст самой семиотики, как правило, не позволяет использование какого-либо технического аппарата теории, или тем более – осознанный выбор подходящего технического инструментария. Конечно, «информация» в естественной коммуникации, даже при полном совпадении культурной составляющей кодирования, может привести к увеличению энтропии на более общем уровне, потому что конкретизация одних мест может скрывать другие. Тем не менее, нам необходимо изучение кода и его технического описания для того, чтобы понять и оценить знакомые нам процессы семиозиса – как в природе, так и в социуме.

Возвращение к полноценному продолжению семиотики Пирса предполагает две вещи. Во-первых, разработку топологии семиозиса, которая является прямым продолжением пирсовской идеи о «замощении» пространства триадическими структурами. Топология семиозиса должна определять возможные направления его развития, траектории движения знака. Если знак, по тем или иными причинам, не может составить знак более высокого порядка в связи с некоторыми другими элементами семиотического поля, то это должно быть понятно из топологии – внешнего или внутреннего свойства самого знака. Во-вторых, мы должны совместить вычислимость с недетерминированностью – что может звучать как абсурд, однако просто предполагает конструктивизм. Тем не менее, нам нужно какое-то явное направление для поисков. Как уже упоминалось, Пирс вдохновлялся химическими диаграммами и формулами во время разработки своей системы. Другим выдающимся философом, занимавшимся формированием знаков и вдохновлявшимся химическими процессами, был Жильбер Симондон. Его рассмотрение процесса индивидуации через кристаллизацию метастабильного раствора напоминает то, как формируются знаки и у Пирса: здесь есть подражание, прямое влияние (индексация) и выстраивание правила [Саяпин 2025]. Сложные знаки формируются схожим с молекулами образом, где отдельные связи могут порваться, образуя продукты реакции. Молекулы, как и знаки, имеют «точки сопряжения» с другими молекулами, а сами они порой выстраиваются в решетки разного типа (полиморфизм) в зависимости от условий выхода из метастабильного состояния. Химическая метафора полезна и тем, что именно химия является объективным источником информации в биологии – коммуникация и между простейшими клетками, и между сложнейшими нейронами человека

происходит через обмен химическими веществами и их медиацию. Это подводит нас к поиску некоторых формализаций, вдохновленных химией. Такая действительно есть.

В 1992 году Ж. Будоль и Ж. Берри создают CHAM – Chemical Abstract Machine – которая естественным образом предполагает параллельные вычисления. Независимость семиотических процессов друг от друга до момента столкновения – это очень важная особенность, которая обеспечивает настоящее агентное взаимодействие в рамках системы. CHAM составлялась специально для описания параллелизации и потому обеспечивает её минимальным набором инструментов. Основу CHAM составляют четыре правила: параллелизация, реакция, мембрана и воздушный шлюз.

Параллелизация, $p|q \rightleftharpoons p, q$, обозначает процесс преобразования молекулы (p|q) в независимые ионы и обратно за счет обратимой операции повышения и понижения температуры.

Реакция, $a.m, \bar{a}.n \rightarrow m, n$, использует т.н. лейбл (метку) для обозначения канала передачи (a) и принятия $(\bar{a})$ молекулы. Если молекула помечена, она может вступить в реакцию только с молекулой, помеченной таким же лейблом.

Мембрана, $m\backslash a \rightleftharpoons \{|m|\}\backslash a$ обозначает запрет на взаимодействие между элементами, то есть это – изоляция контекста. Запись $m\backslash a$ обозначает, что некоторая молекула не взаимодействует с a, и потому может быть от неё изолирована.

Наконец, **воздушный шлюз,** $\{|\, m, M \,|\} \lhd \{|\, m \lhd \{|\, M \,|\}\,|\}$, является операцией выведения из мембраны и требуется в случае, когда один из элементов внутри мембраны помечен, но внешняя среда может обеспечить снятие метки.

Приведенные правила не описывают CHAM полностью, но дают общее представление о механике. Абстрактная машина объединяет и разъединяет элементы, ингибирует их реакции и изолирует контексты.

Проведем аналогии с уже озвученными нами механизмами семиозиса. Во-первых, «кристаллизация» Симондона обеспечивается элиминацией всех меток, изначально рассматриваемых в CHAM как положительные и отрицательные валентности. Далее, параллелизация аналогична переходу между стабильным и метастабильным состоянием. Так как CHAM является в первую очередь каркасом для более нюансированного синтаксиса, мы вполне можем говорить о маркированных реакциях как о действиях по типу индексации у Пирса, а само наличие маркера указывает на единство (и потенциальное сходство) элементов.

Аппарат CHAM является достаточно простым для освоения, полностью недетерминистичен и обладает полезными расширениями для исследования знаковых взаимодействий. Это служит основанием для проекта семиотической машины на основании CHAM с соответствующим расширением правил относительно аккумуляции маркировок и маркировки мембранных отделений.

Список литературы

1. Пирс 2001 – Пирс Ч.С. Принципы философии. Том II. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. 320 с.
2. Саяпин 2025 – Саяпин В.О. Доиндивидуальные истоки семиозиса: Жильбер Симондон о знаке как операторе трансдукции // Философская мысль. 2025. № 9. С. 48-69.
3. Berry 1992 – Berry G., Boudol G. The chemical abstract machine // Theoretical Computer Science. April 1992. Vol. 96. Issue 1. P. 217-248

4. Kusters 2024 – Kusters CA. Meaning without Agency: The Establishment of Meaningful Time Relations as Prerequisite for the Emergence of Biosemiosis // Biosemiotics. 2024. Vol. 17. P. 793–815

5. Mogens 2015 – Mogens K. Naturalizing semiotics: The triadic sign of Charles Sanders Peirce as a systems property // Progress in Biophysics and Molecular Biology. 2015. Vol. 119. Issue 3. P. 563-575

6. O'Halloran 2023 – O'Halloran K. L. Matter, meaning and semiotics // Visual Communication. February 2023. Vol. 22. Issue 1. P. 174-201

7. Vromen, 2024, web – Vromen E. Language Models as Semiotic Machines: Reconceptualizing AI Language Systems through Structuralist and Post-Structuralist Theories of Language // Arxiv. December 2024. URL: https://arxiv.org/abs/2410.13065 (дата обращения: 30.05.2026)

8. Zolyan 2025 – Zolyan S. Semiosis in action: A biomolecular perspective // Bio Systems. Vol. 257. Article 105602.

УДК 81'22

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СЕМИОТИКА И ЕЕ ШКОЛЫ: ОТ ГЛУБИННОЙ СЕМИОТИКИ Г.Г. ШПЕТА ДО АРБАТСКОЙ ШКОЛЫ Ю.С. СТЕПАНОВА

Фещенко Владимир Валентинович

Доктор филологических наук

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук, ведущий научный сотрудник;

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», научный сотрудник

E-mail: vladimirfeshchenko@iling-ran.ru

Аннотация: Материал посвящен становлению и развитию художественной семиотики как междисциплинарного направления, исследующего искусство как систему знаков. Рассматриваются ключевые этапы формирования данной традиции – от философии и лингвистики конца XIX – начала XX века до структуралистских и постструктуралистских теорий второй половины XX века. Особое внимание уделяется вкладу Г.Г. Шпета, Пражского лингвистического кружка, Я. Мукаржовского, Р.О. Якобсона, У. Эко, Н. Гудмена, Ю. Кристевой, а также отечественных школ – Московско-Тартуской и Арбатской. Анализируются различные модели художественного знака: автономная, коммуникативная, иконическая и дискурсивная. Показано, что художественная семиотика развивается в двух направлениях: как теория специфики художественного языка и как общая модель культурных знаковых систем. Подчеркивается роль межсемиотических переходов между вербальными и невербальными формами искусства. В результате выявляется многослойная структура художественного знака, объединяющая эстетические, коммуникативные и когнитивные аспекты. Таким образом, художественная семиотика в XX веке формируется как сложное и многоуровневое исследовательское поле, объединяющее структурные, коммуникативные,

прагматические и философские подходы. Несмотря на различия школ, их объединяет ключевая установка: рассмотрение искусства как специфической знаковой системы, в которой смысл возникает не только как отражение реальности, но как результат сложной динамики знаков, кодов и интерпретаций.

Ключевые слова: художественная семиотика, эстетический знак, поэтический язык, научная школа

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 26-18-00672) в БФУ им. И. Канта.

ARTISTIC SEMIOTICS AND ITS SCHOOLS: FROM G.G. SHPET'S DEEP SEMIOTICS TO THE ARBAT SCHOOL OF YU.S. STEPANOV

Vladimir Valentinovich Feshchenko
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Leading Research Fellow
Immanuel Kant Baltic Federal University, Research Fellow

Abstract: The article examines the emergence and development of artistic semiotics as an interdisciplinary field that studies art as a system of signs. It traces key stages in this tradition, from late 19th–early 20th century philosophy and linguistics to structuralist and post-structuralist theories of the second half of the 20th century. Special attention is given to the contributions of G.G. Shpet, the Prague Linguistic Circle, Jan Mukařovský, R.O. Jakobson, U. Eco, N. Goodman, and J. Kristeva, as well as Russian scholarly schools such as the Moscow-Tartu and Arbat semiotic traditions. The analysis focuses on different models of the artistic sign: autonomous, communicative, iconic, and discursive. It is shown that artistic semiotics develops along two main lines: as a theory of the specificity of artistic language and as a general model of cultural sign systems. The study emphasizes intersemiotic translation between verbal and non-verbal artistic forms, revealing the multilayered structure of the artistic sign that integrates aesthetic, communicative, and cognitive dimensions. Thus, artistic semiotics in the 20th century emerged as a complex and multi-layered research field, combining structural, communicative, pragmatic, and philosophical approaches. Despite the differences between schools, they share a key premise: viewing art as a specific sign system in which meaning emerges not only as a reflection of reality, but as the result of a complex dynamic of signs, codes, and interpretations.

Keywords: artistic semiotics, aesthetic sign, poetic language, academic school

Конец XIX – начало XX века ознаменовался радикальным пересмотром представлений о природе искусства, художественного творчества и знака. В этот период формируется художественная семиотика как особое междисциплинарное поле, объединяющее эстетику, лингвистику, философию и теорию коммуникации. Художественная семиотика не представляет собой единой теории, а выступает как совокупность подходов, рассматривающих произведение искусства как знаковую систему особого типа. Центральными становятся вопросы о специфике художественного знака, структуре произведения искусства, механизмах художественной коммуникации и соотношении искусства с другими формами познания.

Основные вехи на пути становления художественной семиотики (понимаемой широко) в XX веке, а также ключевые направления описывались как нами [Фещенко, Коваль 2014], так

и нашими предшественниками [Степанов 1975; Иванов 1976; Почепцов 2001; Мечковская 2004]. Все виды подходов, разрабатывающиеся в художественной семиотике, имеют своей целью ответить на следующие главные вопросы: 1) что представляет собой произведение искусства в ряду других объектов гуманитарного и естественнонаучного знания; каковы отношения между художественным и научным познанием; 2) каким образом осуществляется художественная коммуникация; 3) как устроена структура произведения искусства; 4) какова природа художественного знака; и, наконец, 5) имеет ли искусство свой язык или множество языков, и как соотносятся эти языки с другими языками природы и духовного мира. Из авторов и направлений в изучении знаковой природы художественного произведения мы остановимся в этой статье на тех, которые непосредственно касаются в своих работах лингвоэстетической проблематики, т.е. взаимоотношения языка и искусства сквозь призму семиотических учений.

Ранние этапы становления семиотики (Ч. Пирс, Ф. де Соссюр, В. Уэлби) практически не затрагивали эстетическую проблематику, однако заложили основы анализа знака как универсальной категории. У Пирса лишь намечается возможность рассмотрения эстетических явлений через призму репрезентаменов и экспрессивности. Соссюр, обращаясь к мифологическим и художественным текстам, не формулировал эстетической теории, но косвенно поставил вопрос о специфике художественного дискурса.

Первым систематическим обращением к проблеме эстетики в семиотическом ключе становится философия Г.Г. Шпета. Его вклад заключается в разработке понятия внутренней формы как механизма глубинной организации знака. Шпет переносит акцент с внешне-структурного описания знака на его внутреннюю смысловую динамику, связывая семиотику с деятельностью субъекта. Его подход можно определить как человекомерную семиотику, в которой знак понимается как результат творческой и коммуникативной активности человека. Художественный язык в этой системе отличается от прагматического тем, что ориентирован на собственные внутренние цели саморазвития [Шпет 2005].

Идеи Шпета получили развитие в работах А.Г. Габричевского и А.Г. Цирес, разрабатывавших концепцию знаковой природы искусства и впервые вводивших представление о художественном произведении как системе знаков. Эти исследования легли в основу ранней русской художественной семиотики, прерванной в 1930-е годы и возрожденной в 1960-е.

В западной науке значительную роль в развитии художественной семиотики сыграл Пражский лингвистический кружок. В его «Тезисах» формулируется принципиальное положение о направленности художественного знака на самого себя, а не на означаемое. Поэтическая функция языка определяется как доминанта художественного высказывания. Я. Мукаржовский развивает эту идею, рассматривая произведение искусства как комплексный знак, включающий чувственный символ, эстетическое значение и социальный контекст [Mukařovsky 1936*;* Мукаржовский 1994]. Эстетический знак, по Мукаржовскому, обладает автономностью и специфической функцией изоляции объекта, обеспечивающей концентрацию восприятия.

В американской традиции Ч. Моррис вводит понятие эстетического знака через категорию иконичности, связывая его с процессом интерпретации и понятием ценности [Morris 1939]. Эстетический знак определяется как иконический знак, значимость которого формируется в акте восприятия. Таким образом, соединяются семантическое и прагматическое измерения семиозиса. Н. Гудмен предлагает альтернативную модель семиотики искусства, отказываясь от лингвистической парадигмы [Goodman 1968]. Он вводит различие между языком искусства и вербальными знаковыми системами, выделяя «симптомы

эстетического» как специфические характеристики художественного кода. Его концепция позволяет рассматривать искусство в терминах семантики, синтактики и прагматики, но не сводит его к языку в строгом смысле.

В рамках информационной эстетики М. Бензе искусство понимается как автономная семиотическая система, не отражающая внешнюю реальность, а создающая собственную. Это усиливает представление о самодостаточности художественного знака и его независимости от репрезентируемого мира. Существенный вклад в развитие художественной семиотики внес Р.О. Якобсон, чьи идеи о поэтической функции языка, коммуникативной природе искусства и межсемиотических трансформациях стали фундаментальными для всей последующей традиции [Якобсон 1975]. Он подчеркивал необходимость изучения поэзии в рамках общей теории знаков. У. Эко развивает эти идеи, описывая художественные тексты как открытые структуры, основанные на процессах кодирования и перекодирования. Эстетический код возникает в результате взаимодействия конвенциональных и неконвенциональных элементов [Eco 1968; 1976].

Во французской традиции (Р. Барт, Ю. Кристева, Ж. Женетт и др.) происходит смещение акцента от эстетической семиотики к анализу текстуальности и дискурсивных практик. Ю. Кристева интерпретирует поэтический язык как революционную практику, подрывающую устойчивые структуры означивания и трансформирующую субъекта [Kristeva 1984]. В этой модели семиотика становится инструментом критики идеологии и анализа процессов означивания.

В дальнейшем, после времен структурализма, художественная семиотика в Европе и Америке будет двигаться в русле грамматологии и постструктурализма. Основными направлениями в поэтике и эстетике на Западе конца XX в., так или иначе определяющими себя по отношению к семиотике, стоит признать: 1) социолого-критическое (Ж. Бодрийяр, П. Бурдье, А. Компаньон, Ж. Рансьер и др.); 2) риторико-критическое (П. Де Ман, Дж. Х. Миллер, Х. Блум и др.); 3) поэтико-философское (Ж. Деррида, Ж. Делез, Ф. Лаку-Лабарт, А. Мешонник, П. Бурдье и др.). Конечно, мы не учитываем здесь многообразных «локальных» школ, существующих по всему миру (такие школы могут быть представлены как одним ученым, так и работающей группой).

В отечественной традиции семиотики выделяются две основные школы: Московско-Тартуская и Арбатская. Первая (Ю.М. Лотман, Вяч.Вс. Иванов и другие) рассматривает искусство как вторичную моделирующую систему, надстраивающуюся над естественным языком. Художественный текст понимается как система кодов, где смысл возникает в процессе коммуникации между отправителем и получателем. Эстетическая инновация интерпретируется как нарушение и перестройка кодов. Лотман развивает концепцию художественного языка как особой коммуникативной системы и вводит понятие автокоммуникации, подчеркивая внутреннюю направленность художественного текста [Лотман 1970; Золян 2020].

В Арбатской семиологической школе (Ю.С. Степанов и его последователи) акцент смещается к дискурсивно-прагматическому анализу языка искусства. Степанов рассматривает искусство и язык как взаимосвязанные семиотические системы, подчеркивая возможность их взаимной интерпретации. Он вводит представление о различных семиотических «стилях мышления» (семантическом, синтактическом, прагматическом), связывая их с художественными направлениями [Степанов 1965; 1975; 1998]. В рамках этого подхода развивается идея транспозиции между вербальными и визуальными системами, а также анализ межсемиотических переходов [Коваль 2007] и семиопоэзиса («сотворения знака») как

художественной модели [Фещенко, Коваль 2014]. Важным становится исследование границ между языком и изображением, а также механизмов их взаимодействия.

Таким образом, художественная семиотика в XX веке формируется как сложное и многоуровневое исследовательское поле, объединяющее структурные, коммуникативные, прагматические и философские подходы. Несмотря на различия школ, их объединяет ключевая установка: рассмотрение искусства как специфической знаковой системы, в которой смысл возникает не только как отражение реальности, но как результат сложной динамики знаков, кодов и интерпретаций.

Список литературы

1. Золян 2020 – Золян С. Юрий Лотман: О смысле, тексте, истории. Темы и вариации. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. 320 с.
2. Иванов 1976 – Иванов Вяч.Вс. Очерки по истории семиотики в СССР. М.: Наука, 1976. 298 с.
3. Коваль 2007 – Коваль О.В. Назначение в поэтику: общность теории языка и теории искусства в свете художественной семиотики и лингвоэстетики // Критика и семиотика. Вып. 11. 2007. С. 5–46.
4. Лотман 1970 – Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
5. Мечковская 2004 – Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 432 с.
6. Мукаржовский 1994 – Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М.: Искусство, 1994. 606 с.
7. Почепцов 2001 – Почепцов Г.Г. Русская семиотика. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2001. 763 с.
8. Степанов 1965 – Степанов Ю.С. Французская стилистика. М.: Высшая школа, 1965. 355 с.
9. Степанов 1975 – Степанов Ю.С. Общность теории языка и теории искусства в свете семиотики // Известия АН СССР. СЛЯ. Т. 34. № 1. 1975. С. 3–15.
10. Степанов 1998 – Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с.
11. Фещенко, Коваль 2014 – Фещенко В.В., Коваль О.В. Сотворение знака. Очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства. М.: Языки славянской культуры, 2014. 640 с.
12. Шпет 2005 – Шпет Г. Мысль и Слово: избранные труды. М.: РОССПЭН, 2005. 686 с.
13. Якобсон 1975 – Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». Сб. ст. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.
14. Eco 1968 – Eco U. La Struttura assente. Milano: Bompiani, 1968. 431 p.
15. Eco 1976 – Eco U. A Theory of Semiotics. Bloomington: Indiana University Press, 1976. 354 p.
16. Goodman 1968 – Goodman N. Languages of Art. An Approach to a Theory of Symbols. London: Oxford University Press, 1968. 277 p.
17. Kristeva 1984 – Kristeva J. Revolution in Poetic Language. N.Y.: Columbia University Press, 1984. 271 p.
18. Morris 1939 – Morris Ch. Esthetics and The Theory of Signs // The Journal of Unified

Science (Erkenntnis). 8(1-3). 1939. P. 131–150.

19. Mukařovský 1936 – Mukařovský J. Estetická funkce, norma a hodnota jako sociální fakty. Praha: Borový, 1936. 85 s.

УДК 130.2

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕТРАДИЦИОННОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПРАГМАТИЗМЕ

Чистанов Марат Николаевич

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск), в.н.с.

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан), в.н.с.

E-mail: maratchistanov@gmail.com

Аннотация: Прагматическая философия с самого момента своего появления была особенно расположена к анализу специфики религиозного опыта. В классическом прагматизме Уильяма Джемса и Джона Дьюи главный упор делался на психологические аспекты такого опыта. В неопрагматизме Рорти и Патнэма анализ индивидуальных переживаний прагматического субъекта уступает место анализу языковых и социальных практик в условиях сохранения прагматического целеполагания. Религия в этом случае рассматривается как частная дискурсивная практика, предполагающая использование специфической лексики и особенных ритуальных практик. В то же время, религиозный опыт в прагматической методологии почти всегда рассматривается в его теистической форме, а анализ языка религиозного дискурса концентрируется на анализе утверждений о существовании или несуществовании Бога и наличия веры в Него. Специфической проблемой в этом случае становится анализ нетрадиционных религий и особенно тех, которые не имеют явно выраженной теистической формы. В представленной статье делается попытка представить возможные интерпретации такого религиозного опыта в неопрагматической методологии.

Ключевые слова: философия религии, нетрадиционная религия, нетеистическая религия, религиозный опыт, дискурсивный анализ, неопрагматизм.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда проект № 25-28-20301, https://rscf.ru/project/25-28-20301/ при паритетной финансовой поддержке Правительства Республики Хакасия

ON THE ISSUE OF INTERPRETING NON-TRADITIONAL RELIGIOSITY IN THE CONTEMPORARY PRAGMATISM

Chistanov Marat Nikolayevich

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia), leading researcher

Khakass State University (Abakan, Russia), leading researcher

Abstract: From the very moment of its emergence, pragmatic philosophy has been particularly inclined toward the analysis of the specific nature of religious experience. In the classical pragmatism

of William James and John Dewey, primary emphasis was placed on the psychological aspects of such experience. In the neopragmatism of Richard Rorty and Hilary Putnam, the analysis of the individual experiences of the pragmatic subject gives way to the analysis of linguistic and social practices, while retaining pragmatic goal-orientation. In this context, religion is viewed as a private discursive practice that involves the use of a specific vocabulary and particular ritual practices. At the same time, religious experience within pragmatic methodology is almost always considered in its theistic form, and the analysis of the language of religious discourse concentrates on the examination of statements concerning the existence or non-existence of God and belief in Him. A specific problem in this regard becomes the analysis of non-traditional religions, especially those that lack an explicitly theistic form. The presented article attempts to offer possible interpretations of such religious experience within neopragmatic methodology.

Keywords: philosophy of religion, non-traditional religion, non-theistic religion, religious experience, discursive analysis, neopragmatism.

Если начало и большая часть двадцатого века прошли в России и мире в целом под знаком уверенного доминирования научного мировоззрения и экспансии атеизма, то его конец и начало века нынешнего уверенно демонстрируют нам реванш всех форм религиозности: от роста религиозного фундаментализма в рамках традиционных религиозных конфессий до появления и бурного развития новых форм религиозности, многие их которых мы и религиями называем лишь постольку, поскольку у нас отсутствуют другие, более точные и адекватные термины для обозначения явлений такого рода. Констатируя этот своеобразный «ренессанс», следует учитывать, что, как и в случае со средневековым Ренессансом, перед нами явление, которое возвратом к прошлому можно назвать сугубо формально, поскольку и смысл современной религиозности, и каналы ее распространения далеко не идентичны даже религиозности начала двадцатого века, не говоря уже о религиозной жизни более ранних эпох.

На наш взгляд, определенная архаизация наших представлений о природе современной религиозности связана с тем, что методология исследований религиозной жизни в нашей стране в силу объективных причин оказалась напрямую связана с классической немецкой историографией и до сих пор основывается на философских идеях немецкого классического идеализма с некоторой ее модификацией со стороны диалектического материализма.

Понятно, что это вовсе не означает, что современные исследователи религии все еще повсеместно пребывают в плену идей о поступательном характере исторического прогресса и безусловной необходимости смены устаревшей и реакционной религиозной картины мира новой и объективной научной, но рудименты такого мировосприятия в нашей естественной установке оказались настолько живучими, что даже после десятилетий постмодернизма и постметафизики они нет-нет, да и оборачиваются неожиданными флешбэками в самых разных ситуациях, показывая, что деконструкция не всесильна и мы все еще остаемся людьми эпохи Просвещения.

В то же время уже в начале XX века возникает и получает популярность прагматический способ интерпретации религиозной жизни, который в определенной мере снимает напряжение между сторонниками религии и адептами науки, деонтологизируя религию и переводя религиозные практики в сферу внутреннего духовного опыта. Фактически, прагматизм идейно оформил то, что к тому времени витало в воздухе: «Объективно, “религиозный прагматизм” как бы систематизировал и описал метод, которым пользовались религиозные реформисты на Западе и в России. Религиозные идеи в прагматизме приобретали ценность и считались

истинными в меру их пригодности для действия и жизни. Абсолют в этом контексте был расценен Джеймсом пригодным, как дающий утешение» [Воронцова 2012; с. 79].

Понятно, что очевидная ангажированность классиков прагматизма психологией и концентрация на внутреннем мире индивида в определенной степени отталкивала от их учения и методологии сциентистски ориентированных интеллектуалов, а популярность прагматической литературы у широкой публики скорее вызывала скепсис и пренебрежение у профессиональных философов. Ситуация изменилась во второй половине двадцатого века, когда истерзанное многочисленными «поворотами» судно западного модернизма стало постепенно, но уверенно тонуть. В этой ситуации обращение Ричарда Рорти и его последователей к прагматизму, но уже в его дискурсивной форме, стало просто признанием неизбежного краха эссенциализма в любой, в том числе и религиозной его ипостаси: «Большая часть возражений аналитических философов против моего и брэндомовского прагматизма связана с тем, что они считают «беседу» чем-то второразрядным, чем-то «слабым» в сравнении с научным исследованием. Они считают науку областью культуры, преследующей цели, которые не являются просто человеческими. Поэтому мне кажется полезным противопоставить аналитической философии «беседующую» (conversational) философию. С этой точки зрения, аналитическая философия выглядит последним вздохом онтотеологической традиции» [Рорти 2008, с. 101].

Но если предметом анализа становится не онтологическая семантика, то в каком смысле можно говорить об истинности и вообще осмысленности высказываний религиозного характера? Тут Рорти склоняется к мировоззренческой или моральной пользе религии, что не мешает ему испытывать скепсис по отношению к конкретным религиозным доктринам. Гораздо больший интерес вызывает позиция Х. Патнэма, который сам проделал путь от воинствующего атеиста до искренне верующего человека. В его понимании истинность высказывания веры – это искренность религиозного переживания, которое опирается на особый тип «объективности»: «Оценками истинности занимаются наука и аналитическая философия, но Патнэм вслед за Витгенштейном выводит религию из-под прицела научной и философской критики. Что же он понимает под критерием «осмысленности»? Эта осмысленность, по мнению Патнэма, должна быть связана с «объективностью», а «объективность» как-то соответствовать реальности. Но вот под «реальностью» он имеет в виду не ту реальность, с которой имеет дело наука либо, скажем, математика или этика. Патнэм говорит о той реальности, которую религиозный человек способен чувствовать, причем чувствовать настолько отчетливо, что для него остальная «реальность» уступает этой религиозной «реальности» в степени ее реальности. Таким образом, основанием для осмысленности религиозных высказываний являются религиозные чувства» [Бутаков 2014, с. 144].

В отличие от классического прагматизма (Джеймс, Дьюи), который всё же сохранял некоторую веру в «опыт» и «успешность действия» как критерии, неопрагматизм (Рорти, Патнэм, Макдауэлл, Брэндом) не выходит за пределы языка и не считает язык зеркалом природы. Значение высказывания определяется его использованием в некоторой языковой игре, в которой истинность – просто предмет соглашения.

Некоторая ограниченность неопрагматической модели религии связана с тем, что в силу особенностей происхождения самого прагматизма, при анализе им религиозной жизни практически всегда подразумевается теистический (и, скорее, авраамический) контекст, где в центре анализа – утверждение: «Бог существует». Но как только мы переходим к нетеистическим религиям – буддизму, джайнизму, даосизму, конфуцианству, множеству

шаманских практик, то возникает вопрос о применимости неопрагматистской методологии анализа в данном случае.

На наш скромный взгляд, парадоксальным образом неопрагматизм оказывается даже более подходящим теоретическим подходом для анализа нетеистических религий, нежели для теистических. Происходит это, во-первых, потому, что перечисленные нами нетеистические религии являются в первую очередь практиками, то есть решают конкретные проблемы путем осуществления определенной сакральной деятельности. Во-вторых, характерная для дискурсивного анализа деструкция эссенциализма имеет прямые аналогии в некоторых нетеистических религиях: так, например, невозможность фиксации, неизреченность Дао имеет следствием даосскую практику у-вэй как гармонии с потоком, возможностью плыть по течению, не ломая весла. Фактически это чисто прагматическая процедура.

Проблема, собственно, не в том, что методология неопрагматизма не применима к нетеистическим религиям. Он применим к ним, возможно, даже лучше. Проблема в том, что он стирает различие между религией и не-религией в той форме, в которой это различие обычно проводится. То есть в теистической традиции понятие Бога как абсолютного, сверхъестественного сущего автоматически выводит религиозную практику за рамки обычного дискурса. Неопрагматизм деэссенциализирует и деонтологизирует реальность, тем самым уравнивая в правах любые типы социальных практик.

С точки зрения неопрагматизма молитва как обращение к Высшему существу в авраамических религиях, следование конфуцианскому ритуалу, аскетическая практика, медитация и даже просто психотерапия или занятия спортом по методике оказываются явлениями одного порядка: все они – языковые игры и практики, направленные на достижение определённых состояний (покой, счастье, нравственность, гармония). Неопрагматизм может описать их все, но он не дает рационального критерия, чтобы отличить собственно «религиозный» инструментализм от «светского».

Список литературы

1. Бутаков 2014 – Бутаков П.А. Отрицательная теология и религиозная жизнь: Маймонид, Витгенштейн и Патнэм // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2014. № 12. Выпуск 4. С. 141-146.
2. Воронцова 2012 – Воронцова И.В. «Религиозный прагматизм» как один из путей «модернизации» религиозного сознания в первое десятилетие XX в. // Вопросы философии. 2012. С. 75-84.
3. Рорти 2008 – Рорти Р., Ваттимо Дж., Забала С. Каково будущее религии после метафизики? // Логос. 2008. № 4 (67). С. 93-110.

УДК 81:1

ОТ ИМПРЕССИИ К КОНСТРУКТИВУ: О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЭВОЛЮЦИИ ОКСФОРДСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Чистанова Светлана Сергеевна

к.культ, доцент

кафедра иностранного языка

Новосибирского высшего военного командного училища (НВВКУ).
E-mail: chistanovass2417@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается эволюция теории речевых актов от Джона Остина к Джону Сёрлу. Утверждается, что методологическое отношение между двумя мыслителями не сводится ни к эксплицитной критике, ни к построению альтернативной теории, а представляет собой случай «лояльной систематизации»: Сёрл принимает остиновскую интуицию о том, что говорить – значит совершать действие, но отказывается от эмпирической таксономии учителя в пользу дедуктивного аппарата. Классификации Остина были эмпирическими; Сёрл систематизировал, унифицировал, местами редуцировал их и превратил в дедуктивные. Особое внимание уделяется введённым Сёрлом понятиям иллокутивной цели, условий выполнимости, направления соответствия, а также концепциям Сети (Network) и Фона (Background), которые углубляют анализ интенциональности. Метафорически это отношение уподобляется смене художественных методов: Остин – импрессионист, фиксирующий живую, мерцающую ткань языка с её полутонами и сбоями; Сёрл принадлежит духу конструктивизма, где форма строго подчинена функции, а речевой акт превращается в воспроизводимый рабочий чертёж. В работах Сёрла мы имеем дело не с критикой и не с построением альтернативной теории, а с последовательным развитием через систематизацию, что открывает перспективу для дальнейшего исследования связи языка и сознания.

Ключевые слова: теория речевых актов, Джон Остин, Джон Сёрл, иллокутивный акт, интенциональность, импрессионизм, конструктивизм, философия обыденного языка.

FROM IMPRESSION TO CONSTRUCTIVISM: ON SOME ASPECTS OF THE EVOLUTION OF THE OXFORD LINGUISTIC SCHOOL

Chistanova Svetlana Sergejevna
Novosibirsk State Technical University, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities

Abstract: The paper examines the evolution of speech act theory from John Austin to John Searle. It argues that the methodological relationship between the two thinkers is neither explicit criticism nor the construction of an alternative theory, but rather a case of “loyal systematisation”: Searle accepts Austin’s intuition that to speak is to perform an action, yet rejects his teacher’s empirical taxonomy in favour of a deductive apparatus. Austin’s classifications were empirical; Searle systematised, unified, and in places reduced them, transforming them into deductive ones. Special attention is paid to Searle’s concepts of illocutionary goal, conditions of satisfaction, direction of fit, as well as to the notions of Network and Background, which deepen the analysis of intentionality. Metaphorically, this relationship can be likened to a shift in artistic methods: Austin is an impressionist, capturing the living, shimmering fabric of language with its nuances and irregularities; Searle belongs to the spirit of constructivism, where form is strictly subordinated to function, and the speech act is transformed into a reproducible working blueprint. In Searle’s works we are dealing neither with criticism nor with the construction of an alternative theory, but with a consistent development through systematisation, which opens a perspective for further research into the connection between language and mind.

Keywords: speech act theory, John Austin, John Searle, illocutionary act, intentionality, impressionism, constructivism, ordinary language philosophy.

Логический анализ языка составляет предмет исследовательского интереса аналитической философии, тогда как лингвистическая философия сосредоточена на анализе обыденного языка. В данной статье, возможно, в очередной раз [Чистанова 2023] рассматривается эволюция одной из ключевых идей лингвистической философии – теории речевых актов – и анализируется вопрос о том, является ли мысль Джона Сёрла развитием или критикой идей его научного руководителя Джона Остина.

Джон Лэнгшо Остин (1911–1960) в курсе лекций, прочитанных им в Гарварде, изложил теорию, позже названную «теорией речевых актов». Он ввёл деление речевых актов на три типа: локутивные (собственно продуцирование высказывания), иллокутивные (выражение намерения) и перлокутивные (достижение эффекта). Подробный анализ концепта иллокуции см. [Чистанова 2017]. В современной лингвистике закрепилось следующее распределение предметных областей: семантика исследует локуцию, риторика — перлокуцию, а прагматика фокусируется на иллокуции. При этом сам Остин подчёркивал условность такого разделения: иллокуция не существует вне перлокуции, а перлокуция неотделима от локуции [Остин 1999, с. 13–135].

Ключевым формальным признаком иллокутивного акта, по Остину, служит употребление иллокутивного глагола в первом лице единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения действительного залога. Автор приводит обширный перечень таких глаголов, насчитывающий около тысячи единиц, сопровождая его предварительной классификацией и высказывая надежду на появление в будущем более совершенной таксономии. Однако универсального определения иллокутивных глаголов до настоящего времени не выработано, а критерии их выделения демонстрируют значительную межъязыковую вариативность [Ballmer, Brennenstuhl 1981]. Так, для английского языка достаточным признаётся «простейший тест» – постановка глагола в форму первого лица единственного числа. В русском же языке допустимыми оказываются также формы третьего лица и конструкции с пассивным залогом [Гловинская 1993, с. 158–218].

Джон Роджерс Сёрл (1932–2025), американский философ, учившийся в Оксфорде и посещавший лекции Остина, предложил принципиально иной подход. Фактически, Сёрл взял схему Остина и сделал предположение: если есть действие, значит, должна быть система правил. Для создания этой системы он ввёл три ключевых понятия: иллокутивная цель, условия выполнимости и направление соответствия. Понятие условий выполнимости приходит на смену условиям истинности, которые, следуя Остину, не могут быть применимы к речевым актам. Направление соответствия фиксирует, в каком направлении осуществляется действие: от мира к словам или от слов к миру. Иллокутивная цель характеризует иллокутивную функцию речевого акта, выступая в качестве главного компонента иллокутивной силы.

На основе этих понятий Сёрл выделил пять типов речевых актов. Ассертивы (утверждения) демонстрируют направление от слов к миру. Директивы (приказы, просьбы) и комиссивы (обещания) имеют направление от мира к словам. Экспрессивы (извинения, благодарности) вообще не обладают направлением соответствия. Декларативы же характеризуются двойным направлением: одновременно от мира к словам и от слов к миру. Предложенная классификация не лишена недостатков: в лингвистической практике встречаются речевые акты, которые с равным основанием могут быть отнесены к нескольким классам одновременно. Показательным примером здесь служит жалоба, которая может квалифицироваться и как ассертив (информирование о положении дел), и как директив

(побуждение к действию), и как экспрессив (выражение недовольства) [Searle 1979, web]; [Сёрл 1986].

Важным дополнением Сёрла к остиновской программе стало различение конститутивных и регулятивных правил. Регулятивные правила регламентируют уже существующее поведение (например, правила этикета). Конститутивные же правила создают само действие: без них соответствующее поведение не могло бы существовать. Так, правила шахмат не описывают игру, а конституируют её – без этих правил перемещение фигур по доске было бы просто физическим движением. По аналогии, язык, согласно Сёрлу, представляет собой набор конститутивных правил, которые превращают произнесение звуков в речевой акт определённого типа.

Впоследствии Сёрл развил свою теорию, обратившись к анализу косвенных речевых актов – ситуаций, когда значение высказывания превосходит его буквальное выражение. Фраза: «Можете ли вы передать соль?» – в обычной коммуникации является не вопросом о способностях адресата, а вежливой просьбой. Этот феномен демонстрирует, что иллокутивная сила высказывания не определяется исключительно его формой, а зависит от широкого контекста и разделяемых собеседниками фоновых знаний. Расширив таким образом область приложения теории, Сёрл показал её пригодность для анализа реальной, а не только идеализированной коммуникации [Searle 1979, web; Сёрл 1986].

Обратившись непосредственно к тексту Сёрла 1969 года [Searle 1969, web], мы не находим в нём ни стратегического умолчания ключевых положений Остина, ни тем более попытки построения альтернативной, конкурирующей теории. Перед нами случай «лояльной систематизации»: Сёрл принимает остиновскую интуицию о том, что говорить – значит совершать действие, но отказывается от эмпирической, таксономической манеры учителя в пользу дедуктивного аппарата. Классификации Остина были эмпирическими; Сёрл систематизировал, унифицировал, местами редуцировал их и превратил в дедуктивные [Searle 1969, web].

Особого внимания заслуживает вопрос об интенциональности. Остина интересовал обыденный язык, для него имело значение, что говорящий сказал, а не то, что он имел в виду; в своих лекциях он неоднократно утверждал, что «не знает, что такое намерение». Сёрл, напротив, делает понятие интенциональности (направленности сознания на объекты и положения дел) центральным пунктом своей теории. Для Сёрла иллокутивная сила – это производное от интенциональности сознания: речевой акт возможен потому, что сознание может направляться на объекты. Без интенциональности речевой акт был бы просто набором звуков – именно направленность сознания говорящего превращает звуки в осмысленное действие.

В структуре интенциональности Сёрл выделяет Сеть (Network) – совокупность взаимосвязанных интенциональных состояний, задающих содержание и условия удовлетворения каждого отдельного интенционального состояния [Сёрл 2002]. Речевой акт, согласно Сёрлу, не может быть понят вне Сети: иллокутивная сила высказывания распознаётся и эффективна только в контексте более широкой системы убеждений, желаний и намерений говорящего. При этом сама Сеть укоренена в неинтенциональном Фоне (Background) – совокупности практических способностей и навыков, которые делают возможным применение интенциональных состояний. Сёрл подчёркивает: если бы мы пытались эксплицировать все условия понимания предложения исключительно через интенциональные состояния, мы столкнулись бы с бесконечным регрессом. Фон останавливает этот регресс, предоставляя доинтенциональную основу [Сёрл 2002].

На одном из этапов нашего анализа мы определили, что на уровне метода Сёрл, скорее, развивал идеи Остина, а не критиковал их. Сейчас, рассмотрев обе теории, мы можем ответить на вопрос, чего в теории Сёрла больше: эксплицитной критики, построения собственной теории или развития через систематизацию? В работах Сёрла мы имеем дело не с критикой и не с построением альтернативной теории, а с последовательным развитием через систематизацию. Развитием, внутренняя завершённость которого и спровоцировала его последующий интерес к устройству самого сознания.

Метафорически это отношение можно уподобить смене художественных методов. Остин – импрессионист. Он не строит – он накладывает мазок за мазком, фиксируя мельчайшие нюансы речевого поведения: сбой, полутон, удачный перформатив, неудачный экзерситив. Его лекции подобны пленэрным этюдам: они живут светом конкретного примера, дыханием разговорной речи, неповторимым жестом мысли, которая не боится остаться незавершённой. Система здесь если и возникает, то только как побочный эффект пристального всматривания – как у Моне, где форма проступает сквозь вибрацию цвета, но никогда не сводится к ней.

Сёрл же принадлежит духу конструктивизма (или Баухауса, как этот стиль называют вне России). Для него важна не фиксация единичного впечатления, а выявление чистой функции речевого акта, его воспроизводимой внутренней структуры. Форма здесь строго подчинена функции, но сама эта функциональность обретает собственный стиль – прозрачный, дисциплинарный, лишённый избыточной живописности, но внутренне эстетичный именно благодаря своей системной завершённости. То, что Остин даёт как уникальное событие говорения, Сёрл превращает в рабочий чертёж, где каждый элемент (иллокутивная сила, пропозициональное содержание, условия успешности) имеет своё строго определённое место.

Список литературы

1. Гловинская 1993 – Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 158–218.
2. Остин 1999 – Остин Дж. Избранное / пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999. 332 с.
3. Сёрл 1986 – Сёрл Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 151–222. (Включает также: Косвенные речевые акты; Классификация речевых актов).
4. Сёрл 2002 – Сёрл Д. Открывая сознание заново / пер. с англ. А. Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.
5. Чистанова 2017 – Чистанова С. С. Концепт иллокуции в теории речевых актов Джона Остина // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 3. С. 85–90.
6. Чистанова 2023 – Чистанова С. С. «Логика» функционирования естественного языка в философии оксфордской школы // Семиотические исследования. 2023. Т. 3. № 3. С. 8–12.
7. Ballmer, Brennenstuhl 1981 – Ballmer Th., Brennenstuhl W. Speech Act Classification: A Study in the Lexical Analysis of English Speech Activity Verbs. Berlin: Springer Verlag, 1981. 274 p.

8. Searle, 1969, web – Searle J. R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language // Internet Archive. 1969. URL: https://archive.org/details/speechactsessayi0000sear (дата обращения: 27.04.2026).
9. Searle, 1979, web – Searle J. R. Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts // Academia.edu. 1979. URL: https://www.academia.edu/39530377/Searle_Johnn_EXPRESSION_AND_MEANING (дата обращения: 03.05.2026).

УДК 101.1

СЕМИОТИКА ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА

Шелковников Андрей Юрьевич
Доктор философских наук
Кафедра философии, политологии, социологии им. Г.С. Арефьевой Гуманитарно-прикладного института Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт»», профессор
E-mail: shelkovnikov71@mail.ru

Аннотация: Философия как совокупность текстов представляет собой знаковую систему. Актуально семиотическое исследование философского дискурса. В качестве анализа философского текста может быть предложена структурно-семиотическая методология. Основной единицей анализа является философский текст. Закономерно рассмотрение синтактики, семантики и прагматики философского текста. Основные параметры семиотики естественного языка присутствуют и в философии. Она имеет свою парадигматику и синтагматику. Философия – это философская литература, которая подлежит структурно-семиотическому анализу. Такой анализ должен предшествовать истолкованию идей, содержащихся в философском тексте. Если речь идет об устной философской традиции (Пифагор, Сократ), то сведения о ней содержатся, как правило, в текстах последователей. Философия как знаковая система представляет собой часть семиосферы и коммуницирует с другими дискурсами, участвуя в генерации новых смыслов. Есть необходимость в разработке методики анализа философского текста. Большие достижения в области структурно-семиотического анализа художественной литературы могут быть использованы и спроецированы на философскую литературу. Но философия имеет свою специфику в организации текста. Философия имеет свой язык, по аналогии с языками искусства и науки. Необходимо выявить главные особенности языка философии, в отличие от других типов дискурса. Семиотический анализ философского текста создает предпосылки для более глубокого понимания идей. Доклад адресован философам, филологам, семиотикам и всем интересующимся проблемами философии и анализа текста.

Ключевые слова: философия, семиотика, текст, анализ, дискурс, понимание.

SEMIOTICS OF PHILOSOPHICAL TEXT

Andrey Yuryevich Shelkovnikov
Department of Philosophy, Political Science and Sociology named after G. S. Arefieva of the Institute of Humanities and Applied Sciences of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research University "Moscow Power Engineering Institute"", Professor

Abstract: Philosophy, as a collection of texts, is a sign system. Semiotic research of philosophical discourse is relevant. Structural-semiotic methodology can be suggested for the analysis of a philosophical text. The basic unit of analysis is a philosophical text. It is natural to consider the syntactics, semantics and pragmatics of a philosophical text. The basic parameters of semiotics of natural language are also present in philosophy. It has its own paradigmatics and syntagmatics. Philosophy is philosophical literature that is subject to structural-semiotic analysis. Such analysis should precede the interpretation of ideas contained in a philosophical text. If it refers to an oral philosophical tradition (Pythagoras, Socrates), the information about it is usually contained in the texts of the followers. Philosophy, as a sign system, is a part of the semiosphere and communicates with other discourses, participating in the generation of new meanings. There is a need to develop a methodology for analyzing philosophical texts. Significant advances in the structural-semiotic analysis of fiction can be applied and projected to philosophical literature. However, philosophy has its own specific characteristics in the organization of text. Philosophy has its own language, similar to the languages of art and science. It is necessary to identify the key peculiarities of the language of philosophy, as opposed to other types of discourse. Semiotic analysis of a philosophical text creates preconditions for a deeper understanding of ideas. The report is addressed to philosophers, philologists, semioticians and anyone interested in the problems of philosophy and textual analysis.

Keywords: philosophy, semiotics, text, analysis, discourse, understanding.

Философский текст, как и всякий другой, представляет собой знаковую систему. Следовательно, он может быть объектом семиотического анализа. В чем же специфика философского текста? Очевидно, в его содержании. Не вдаваясь в тонкости, скажем, что философский текст выражает некоторые философские идеи, или систему идей. Это содержание имеет сферу выражения – собственно текст со всеми его лингвистическими признаками. Обычно, читая философское произведение, мы не уделяем должного внимания его форме, сосредоточиваясь на понимании содержания. Однако, так же как и в художественном произведении, языковая форма выражения имеет существенное значение. Всякий текст – это определенным образом организованный язык. Язык художественного произведения организован таким образом, чтобы наиболее эффективно выполнять эстетическую функцию. Язык философского текста, в свою очередь, должен быть оптимально организован для выполнения собственно философской функции. Если эстетическая функция работает на актуализацию совершенства формы, связанную с воплощением различных аспектов прекрасного (или других эстетических характеристик), то философская должна каким-то образом быть связана с репрезентацией истины, во всяком случае, такой должна быть основная философская интенция. Истина как знание, соответствующее бытию, может трактоваться как семантика философского дискурса, его значение. Причем соответствие в данном контексте следует понимать не как приближение к тождественности, а как сложную систему означивания бытия, обусловленную языком и методом. В целом, такое соответствие означает структурно-семантический параллелизм между философским знанием и

реальностью, как бы мы ее ни интерпретировали. Таким образом, всякий философский текст претендует на смысловое и структурное соответствие целому, которое может быть условно охарактеризовано как реальность, мир, жизнь, бытие, универсум и т.п.

В этом смысле, сравнивая художественный текст с философским, мы можем сказать, что первый имеет синтактическую доминанту, тогда как второй – семантическую. Немного отвлекаясь, заметим, что религиозный текст в таком случае будет прагматически ориентирован. Научный текст также будет иметь семантическую доминанту, но, в отличие от философского, будет представлять собой модель не универсума, а выделенной сферы изучения. Итак, язык философского текста должен быть организован таким образом, чтобы оптимально способствовать построению истинной модели реальности. Если такая цель прагматически не предписывается философскому тексту, вряд ли можно говорить о философии. Под реальностью в данном смысле может пониматься и реальность мышления. Речь всегда моделирует мышление, но философская речь делает это наиболее осознанно. Мы знаем, что смысл философского текста выражается в категориях. В каждом тексте – своя категориальная схема. Эксплицировать ее – задача исследователя философского текста. Можно предварительно сформулировать цель анализа как отдельного философского произведения, так и всей философский системы или творчества автора: реконструкция структурного инварианта изучаемой интеллектуальной системы. Его упрощенно можно назвать глубинной идеей, понимание которой даст возможность сконструировать позицию мыслителя, как бы осмыслить мир с точки зрения того или иного философа. Зачем это нужно? Как минимум, для изучения истории философии; в пределе – в целях поиска истинной модели реальности.

Естественно, для решения такой сверхзадачи необходимо произвести целостный анализ философского текста. И здесь мы можем использовать методологический инструментарий структурализма и семиотики, прекрасно апробированный на изучении художественных текстов, произведений искусства. Образцом такой исследовательской деятельности может служить московско-тартуская семиотическая школа, «Труды по знаковым системам» и многие другие тексты [Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа 1994]. Структурно-семиотический анализ прекрасно зарекомендовал себя в изучении искусства, фольклора, мифов, ритуалов, игр, моды и др. культурных феноменов, но какой-либо устойчивой традиции семиотического анализа философского дискурса не сложилось. Своеобразным исключением являются исследования Ю.И. Левина: «Инварианты философского текста: Вл. Соловьев» и «Инварианты философского текста: Лев Шестов», а также его статья «Истина в дискурсе» [Левин 1998, с. 645 - 786]. У А.М. Пятигорского находим в «Мифологических размышлениях» [Пятигорский 1996] чрезвычайно интересные структурно-семиотические сопоставления смыслов и текстов «Бхагавад-гиты», «Риг-веды» и Гегеля. Хотя автор и называет это мифологией, говорит он и о философии. В различных работах А.М. Пятигорского [Пятигорский 2002; 2005], М.К. Мамардашвили [Мамардашвили, Пятигорский 2009], Д.Б. Зильбермана [Зильберман 2010] мы сможем найти важные методологические предпосылки для семиотического анализа философского текста.

Рассмотрим последовательно три семиотических измерения философского текста – синтактику, семантику и прагматику. Синтактика представляет собой систему отношений знаков друг с другом. Синтаксис философского текста является самостоятельным объектом анализа. Речь идет о внутренней организации языка философского текста. Важны все языковые уровни – от фонетики до синтаксиса, а также композиции и сюжета. (Иногда философские тексты имеют ярко выраженный сюжет, например, «Так говорил Заратустра» Ф.

Ницше.) В этой связи можно говорить о лингвистике и поэтике философского текста. Если мы вспомним о том, что так или иначе западная философская традиция восходит к диалогам Платона, т.н. «первичному философскому тексту», а они представляют собой драматическое воплощение философской беседы, то вполне закономерно применить к анализу этих диалогов формально-синтаксические методы, демонстрирующие структурные закономерности развития философской речи. Здесь важна не только логика, но и риторика, и поэтика, и лингвистика. Вполне законен литературоведческий анализ диалогов Платона, но он должен осуществляться в контексте истории философии, хотя и литература здесь чрезвычайно важна, так как очевидно влияние греческой трагедии на творчество Платона. Когда Вл. Соловьев и А.Ф. Лосев интерпретируют творчество Платона, они вступают с ним в философский диалог, и этот диалог также доступен семиотическому анализу (как любая речь). Так как все языковые уровни текста иерархически связаны между собой, интересно проследить, как фонетика, лексика, стилистика, синтаксис, композиция связаны между собой, влияют друг на друга. В общем, синтактика сводится к анализу языка философского текста, что представляет собой самостоятельную задачу, как филологическую, так и философскую. Семантика философского текста имеет отношение к бытию и мышлению. Интенция философского текста, ориентированная на нечто, находящееся вне философского дискурса, и является его семантикой. Здесь мы имеем дело с семиотическим анализом содержания, в отличие от формы, каковая является объектом синтактики. Философские термины, означающие идеи и вещи, связаны с ними условно, конвенционально. Семиотический анализ отличается от обсуждения идей тем, что он всегда имеет в виду условность философского языка. Мы знаем, что в разных текстах одни и те же слова могут обозначать разные идеи. Исследование семантики философского текста должно восстанавливать систему отношений между словами и идеями. Философия довольно традиционно отсылает нас к чему-то, находящемуся вне опыта, трансцендентному. Но это трансцендентное явлено в языке философии. Каждый философский текст моделирует интеллектуальный образ бытия, эйдос. Если задачей синтактики является тщательный анализ языковой формы философского произведения, то задача семантики – реконструкция смысла. Семантический анализ не исчерпывает смысловой глубины, но приближает к некоторому инвариантному смыслу, что в свою очередь может служить стартовой позицией для более глубокого, интуитивного понимания. В принципе, семантика должна демонстрировать мотивацию между выбранными терминами и другими языковыми средствами и идеями, которые стремится выразить философ. Философские термины имеют свои определения, но у каждого философа они имеют свою специфику. Поэтому при исследовании творчества того или иного философа должны составляться семантические словари, в которых будут определяться понятия, характерные для данной философской системы. Такие словари могут составляться даже для отдельных текстов, так как нередко позиция философа изменяется. Важно иметь в виду, что истолкования и определения терминов должны даваться не извне, а органически вытекать из философской системы. Прагматика философского текста связана с возможностью использования философского дискурса как автором, так и читателем, слушателем, и даже социумом. К прагматике относится и интерпретация. Конечно, более выраженную прагматику имеют этические и социально-политические философские тексты. С другой стороны, например, философия йоги имеет ярко выраженную практическую направленность, связанную с трансформацией сознания. Философский текст сам задает возможности его использования. В некоторых случаях в философском тексте содержатся эксплицитные указания, касающиеся его использования. Это – ключи к пониманию. Так, А. Шопенгауэр указывает в предисловии к «Миру как воле и

представлению» [Шопенгауэр 2011, с. 4-8], как следует читать эту книгу. Мы узнаем, что для лучшего понимания этого трактата необходимо предварительно изучить введение к ней, которым является «О четвероякомкорне закона достаточного основания», желательно хорошо знать и понимать главные работы Канта, а также Платона, Веды и Упанишады. Кроме того, нужно прочитать трактат не менее двух раз. Вот это и есть прагматика как ключ к пониманию, данный в самом философском тексте. Но далеко не всегда прагматика имеет столь выраженный характер. В каждом конкретном случае прагматический анализ должен выстраивать алгоритм возможного понимания и реализации философских смыслов, содержащихся в тексте.

Список литературы

1. Зильберман 2010 – Зильберман Д. Б. Генезис значения в философии индуизма: Пер. с англ. / Под ред. Е. Гурко и Р.С. Коэна. Изд. 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2010. 448 с.
2. Левин 1998 – Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: «Языки русской культуры», 1998. 824 с.
3. Мамардашвили, Пятигорский 2009 – Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. (Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке). М.: Прогресс-Традиция, Фонд Мераба Мамардашвили, 2009. 288 с.
4. Пятигорский 2005 – Пятигорский А.М. Избранные труды. М.: Языки славянской культуры, 2005. 590 с.
5. Пятигорский 1996 – Пятигорский А.М. Мифологические размышления. Лекции по феноменологии мифа. М.: «Языки русской культуры», 1996. 280 с.
6. Пятигорский 2002 – Пятигорский А.М. Мышление и наблюдение. Четыре лекции по обсервационной философии. Riga: Liepnieks & Ritups, 2002. 171 с.
7. Шопенгауэр 2011 – Шопенгауэр А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1: Мир как воля и представление: Т. 1 / Пер. с нем.; Под ред. А.А. Чанышева. 2-е изд., исп. М.: Республика; Дмитрий Сечин, 2011. 495 с.
8. Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа 1994 – Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: «Гнозис», 1994. 560 с.

УДК 101:001.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ СЕМИОТИКИ – ЭТО НЕ ХАОС И НЕ ПРОИЗВОЛ (МОРАЛЬ ТЕРМИНОЛОГИИ)

Анкин Дмитрий Владимирович

Доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

E-mail: dmitryankin@gmail.com

Аннотация: В работе ставится вопрос о дисциплинарном статусе семиотики.

Показывается на ряде примеров, что междисциплинарность представляет из себя не только благо, но и опасность, опасность эклектики. Ставится вопрос о возможности последовательной терминологии в междисциплинарных контекстах.

Особую опасность представляет вольное обращение с терминологическими рядами различных семиотических традиций, а также различных семиотических школ. Наибольшую пропасть мы находим в расхождениях англосаксонской и континентальной семиотик, особенно в их трактовках символа, а также в моделях знака (триадических и диадических). Серьезные расхождения есть также и внутри указанных традиций, например, между диадической моделью Ф. де Соссюра и Л. Ельмслёва.

Особо удручающим видится использование термина «метаязык», который введен и разработан философами-аналитиками (А. Тарский, Р. Карнап и другие). Семиотическая модель «вторичных семиотик» (Л. Ельмслёв) может быть подходящей, если только коннотация не смешивается с понятием метаязыка. Не всякая семиотическая вторичность смеет называться метаязыковостью.

Вызывает печаль и принятие худших, наиболее неудачных моментов в творчестве великих классиков семиотики. Например, психологизма у Ф. де Соссюра, который абсолютно несовместим с логической семантикой, семантическим треугольником и т.д. К сожалению, в допотопных лингвистиках смыслы могут ассоциироваться с психическими представлениями, вопреки четкому подразделению смыслов и представлений в семантике Г. Фреге и всех последующих семантических теориях.

Семиотика должная стремится от междисциплинарности к дисциплинарности, от преднауки к науке.

***Ключевые слова*:** мораль терминологии, теоретическая последовательность, означающее и означаемое, форма выражения и форма содержания, «вторичные семиотики» и метаязык, индексальность и иконичность, индексальность фотографии, символ в различных традициях.

THE INTERDISCIPLINARITY OF SEMIOTICS IS NOT CHAOS OR ARBITRARINESS (THE MORAL OF TERMINOLOGY)

Ankin Dmitriy Vladimirovich

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Ontology and Theory of Knowledge of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education "Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin"

Abstract: This paper addresses the disciplinary status of semiotics. A number of examples are used to demonstrate that interdisciplinarity is not only a blessing but also a danger – the danger of eclecticism. The possibility of a consistent terminology in interdisciplinary contexts is also questioned.

Particularly dangerous is the liberal use of terminological systems from various semiotic traditions, as well as from various semiotic schools. The greatest gap lies in the differences between Anglo-Saxon and Continental semiotics, particularly in their interpretations of the symbol, as well as in their models of the sign (triadic and dyadic). Serious differences also exist within these traditions, for example, between the dyadic model of F. de Saussure and L. Hjelmslöw.

Particularly distressing is the use of the term «metalanguage», which was introduced and developed by analytical philosophers (A. Tarski, R. Carnap, and others). The semiotic model of «secondary semiotics» (L. Hjelmslöw) may be appropriate, as long as the connotation is not confused

with the concept of metalanguage. Not every semiotic derivative can be called metalinguistic.

It's saddening to accept the worst, most unfortunate aspects of the work of the great classics of semiotics. For example, the psychologism of F. de Saussure, which is completely incompatible with logical semantics, the semantic triangle, etc. Unfortunately, in antediluvian linguistics, meanings can be associated with mental representations, contrary to the clear distinction between meanings and representations in Frege's semantics and all subsequent semantic theories.

Semiotics must strive from interdisciplinarity to disciplinarity, from pre-science to science.

Keywords: morality of terminology, theoretical consistency, signifier and signified, form of expression and form of content, "secondary semiotics" and metalanguage, indexicality and iconicity, indexicality of photography, symbol in various traditions.

«Ты или трусы надень, или крестик сними»
(крылатая фраза)

В наибольшей степени несовместимость семиотических категорий может проявляться при смешении разнородных моделей знака. Не все терминологические ряды различных моделей совместимы между собой. Рассмотрим различающиеся модели знака. Сначала возьмем диадические и триадические модели знака. В истории семиотических идей преобладающими являются триадические модели знака. С древности триадические модели знака являются основными. Например, у Аристотеля мы имеем сам знак, душевные состояния и вещи. У стоиков мы имеем речь (=означающее), лектон (=означаемое) и вещь. Лишь по недоразумению знаковая модель стоиков может рассматриваться нами «без вещей», за рамками их крайнего материализма. У авторов, не очень понимающих различия моделей знака, можно встретить разговоры об означаемых и означающих применительно к стоикам.

Данная ошибка связана с влиянием диадических построений Ф де Соссюра, который сам в ней неповинен. Дело в том, что Соссюр перебирал с десяток парных категорий – сема/апосема, сема/сома и т.д., пока случайно не остановился на стоиках, выхватив 2 из 3 категорий их модели знака. Мотивацией к переходу на диадические модели было стремление Соссюра к конструированию теоретических абстракций для общей лингвистики. Абстракций, независимых от прочих наук, изучающих мир. Главным мотивом Соссюра выступало его стремление к конструированию лингвистики как по-настоящему автономной теоретической науки.

Стремление к строгой научности нашло продолжение в глоссематике Луи Ельмслёва, который, сохраняя четность модели знака, переходит от диадической к *четырехчленной* модели. Несмотря на четность, четырехчленная модель несовместима с диадической. Так, если говорится о форме выражения и форме содержания (Л. Ельмслёв), то нельзя уже никак говорить об означающих и означаемых (Ф. де Соссюр), так как Ельмслёв стремится к еще большей – чем у Соссюра – строгости и разлагает означающие на форму выражения (предмет собственно лингвистики) и субстанцию выражения (акустика, психология и прочее), а также форму содержания (предмет собственно лингвистики) и субстанцию содержания (идейное содержание культуры, социума и прочего). К сожалению, существуют попытки одновременного использования и того и другого, одновременного использования принципиально различных моделей знака в одной и той же работе, например, у Р. Барта. Похоже, что Р. Барт не удосужился рассмотреть то, зачем Ельмслёву понадобилась четырехчленка в модели знака, а понадобилась она Ельмслёву именно для коррекции позиции

Соссюра, как *недостаточно* строгой. Поэтому соединять Соссюра с Ельмслевым значит абсолютно пренебрегать стремлением последнего к еще большей строгости в лингвистической науке.

Продолжим разговор о четырехчастной модели знака. С четырехчастной моделью связано и рождение идеи «вторичных семиотик» у Л. Ельмслёва. К сожалению, Барт не понимает и эту идею, позволяя себе интерпретировать «вторичность» как метаязыковость. Во вторичных семиотиках – метаязык/коннотация (Л. Ельмслёв) – и миф, и идеология представлены у Барта в качестве схемы коннотации. Со схемами все хорошо, если не примешивать к ним означаемые и означающие, однако крайне произвольно и непоследовательно называть их метаязыком, поскольку метаязык, по Ельмслёву, никак не может рассматриваться в качестве коннотации, несмотря на вторичность коннотации как семиотики. Метаязык – это *противоположность* коннотации на уровне вторичных семиотик, коннотация никак не есть метаязык [Ельмслёв 1960, с. 365-375]. Ельмслёв, к счастью, что-то читал об определении метаязыка по Р. Карнапу и А. Тарскому, в отличие от последующих семиотиков-постмодернистов, включая и позднего Р. Барта. Было бы правильно рассматривать постмодернизм в качестве некоторого варианта интеллектуального «бомжизма» (см., например: [Сокал, Брикмон 2002; Blackburn, 2000]).

Диадическая модель означающее/означаемое абсолютно несовместима с триадической икона/индекс/символ. Четырехчастная модель: субстанция выражения/ форма выражения/ форма содержания/ субстанция содержания – лишь частично может оказаться совместимой с диадической – форма выражения близка к означающему, форма содержания близка к означаемому. Однако двухчастная несовместима со вторичными семиотиками, для которых лучше подходит четырехчастная: моделирующая не только коннотацию, но и денотацию в субстанции содержания. Разделение коннотации и денотации, идущее от Дж. С. Милля, хочется сохранить. В то время как денотация, как противоположность коннотации, абсолютно невыразима дихотомией означающее/означаемое. Если говорится об означающих и означаемых, то денотацию следует забыть. В четырехчастной же модели для денотации остаётся место.

Развивая высказанные нами критические соображения об идущей от Дж. С. Милля дихотомии денотация / коннотация, следует заметить, что в семиологии Ф. де Соссюра денотация абсолютно невыразима, так как диадическая модель исключает из рассмотрения всё материальное, всё реально существующее. Ни в означающих нет ни крупицы материи (чисто ментальный образ), ни в означаемых нет ни крупицы материи (культурные понятия, ценности, «представления»). В четырёхчастной же модели Л. Ельмслёва денотацию выразить можно – на уровне *субстанции содержания*, коннотация же переносится на более высокий уровень вторичных, сложных семиотик.

Ещё пример терминологической несовместимости. Если говорится о смысле и значении, в духе семантического треугольника Г. Фреге, то никак нельзя называть смыслы представлениями. Либо откажись от семантического треугольника и считай тогда смыслы представлениями, в духе Ф. де Соссюра с его диадической моделью знака; либо, наоборот, откажись от психологизма Соссюра и используй семантический треугольник Фреге, не считая смыслы представлениями! К сожалению, семантический треугольник может присутствовать у некоторых семиотиков *наряду* с Соссюровским психологизмом, диадической моделью знака (!) и его до-теоретическими рассуждениями о представлениях.

О семиотической несовместимости можно говорить и за рамками несовместимости моделей знака, категориальная несовместимость может возникать и в рамках одной модели.

Например, разговоры об «иконичности» фото зачастую ведутся в полном пренебрежении к термину «иконичность» Ч.С. Пирса в его триадической модели знака. Если знаком актуального опыта является, согласно Ч. Пирсу, исключительно индекс, то никак нельзя говорить о том, что образы сами по себе способны нечто репрезентировать в актуальной действительности! Фотография же на то и фотография, что претендует на репрезентацию актуальной действительности. Образы же сами по себе есть знаки *прошлого* опыта (Ч.С. Пирс); иконы *сами по себе* ничего в актуальном мире не репрезентируют. В том числе, и такие иконы, как алгебраические формулы, которые есть всего лишь схемы. Иконы делятся у Ч. Пирса на: 1) образы, 2) метафоры и 3) схемы [Пирс 1999, с. 207].

Другое дело, что формы знаковости имеют свои законы совместимости и несовместимости. Иконы как тип способны соединяться и с индексом, и с символом. Иконичность не есть класс знаков, но есть тип знаковости. В области объектов нашего мира нет такого класса, как знаки (можно смело говорить о несуществовании знаков как особого класса сущностей). Знаки не существуют в виде особого класса объектов потому, что, согласно триадической модели знака, знаком может быть *всякий* объект, который замещает некоторый другой объект в том или ином отношении для некоторого сознания. «Знак, или *Репрезентамен*, есть нечто, что замещает собой нечто для кого-то в некотором отношении или качестве» [Пирс 1999, с. 200].

Наконец, если разговор заходит о *символах*, то необходимо привязывать его к какой-то одной и единой терминологической традиции, а не нагромождать что Бог на душу положит. Не говорите, пожалуйста, что Вы являетесь носителем некоей Истины о символах, безразлично ко всем существующим и несовместимым между собой терминологическим рядам. В англосаксонских традициях символ – это прежде всего *конвенция* (что бы Вы ни считали), в континентальной – некоторая *естественная* (иногда бессознательная) мотивация со стороны объекта. И никакой «Объективной» (независимой от терминологических традиций) «Истины» о символе нет и быть не может. В этимологии слова символ присутствует и то, и другое, однако древние греки классического периода ещё нисколько не интересовались разграничениями знака и символа, которое начинает формироваться лишь у Климента Александрийского [Тодоров 1998, с. 23-26].

К сожалению, в отечественной традиции символ излишне сильно привязывается к образу, вопреки его возможным связям с индексальностью. Например, большая глиняная кружка католического святого не меньше символ, чем православная икона. Символ вполне может сочетаться с индексальностью. Похоже, это преобладание интереса к иконичности в символе является результатом наложения православной традиции и континентальной, немецкой трактовок символа и символизма.

Список литературы

1. Ельмслёв 1960 – Ельмслёв Л. Пролегомены к теории языка // Л. Ельмслёв Пролегомены к теории языка / «Новое в лингвистике». Вып. I. М., 1960. С. 263–388.
2. Пирс 1999 – Пирс Ч.С. Логика как семиотика: теория знаков // Метафизические исследования. Вып.11, СПб., 1999. С. 199–217.
3. Сокал, Брикмон 2002 – Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки: Критика современной философии постмодерна. М.: «Дом интеллектуальной книги», 2002. 248 с.

4. Тодоров 1998 – Тодоров Ц. Теории символа М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1998. 408 с.
5. Blacburn 2000, web – Blackburn S. Kant and the Platypus: Essays on Language and Cognition, by Umberto Eco. 2000 // URL: https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&opi=89978449&url=https://dialnet.unirioja.es/descarga/articulo/4004111.pdf&ved=2ahUKEwiN0KCy19aUAxWZGRAIHQ4NJiUQFnoECBgQAQ&usg=AOvVaw0egjl5RIDDso3s2_w5Wmhn (дата обращения 21.04.2026)

УДК 519.767

СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕТАФОРЫ В МАТЕМАТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Силантьев Игорь Витальевич
доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Институт филологии СО РАН, директор
E-mail: silantev@philology.nsc.ru

Аннотация: Роль метафоры в выражении научного знания весьма существенна. В функциональном отношении можно говорить о научных метафорах двух типов – концептуальных (онтологических) и дискурсивных (метафорах выражения). Концептуальная метафора лежит в основе категориальной системы научной дисциплины и, как правило, выражена в форме научного термина. Вместе с тем язык науки опирается на метафору не только в плане терминологического конструирования системы понятий и категорий. Метафора необходима науке, собственно, для выражения мысли, для развертывания хода рассуждений. Такую метафору можно назвать дискурсивной метафорой. Оба типа метафоры широко представлены в математическом языке. В основе метафорического мышления математиков лежит антропный принцип. «Человек – мера всех математических вещей» – так можно перефразировать известный софистический афоризм применительно к метафорической системе языка математиков. Система математической метафорики точно и широко отвечает базисным представлениям человека о себе и окружающем мире, выраженным в обыденном языке. Таким образом, профессиональный язык математики через метафору вбирает в себя язык обыденный. Это говорит о том, что самое математическое знание в своем выражении в научном языке нуждается в разносторонней образной поддержке (ибо метафора – это прежде всего образное сравнение) со стороны повседневного человеческого опыта.

Ключевые слова: Метафора, математика, текст, язык науки, обыденный язык.

SEMANTIC ASPECTS OF THE FUNCTIONING OF METAPHOR IN MATHEMATICAL TEXT

Silantev Igor Vitalievich

Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian academy of Sciences, Director

Abstract: The role of metaphor in expressing scientific knowledge is essential. Functionally, we can speak of two types of scientific metaphors: conceptual (ontological) and discursive (expressive metaphors). Conceptual metaphor underlies the categorical system of a scientific discipline and is typically expressed in the form of a scientific term. However, the language of science relies on metaphor not only for the terminological construction of the system of concepts and categories. Metaphor is essential to science, in fact, for expressing thought and unfolding the course of reasoning. Such a metaphor can be called a discursive metaphor. Both types of metaphor are widely represented in the language of mathematics. The anthropic principle underlies the metaphorical thinking of mathematicians. «Man is the measure of all mathematical things» – this is how one might paraphrase a well-known sophistic aphorism, applied to the metaphorical system of mathematicians' language. The system of mathematical metaphors precisely and broadly corresponds to the basic human understanding of self and the world around us, expressed in everyday language. Thus, the professional language of mathematics, through metaphor, absorbs everyday language. This suggests that mathematical knowledge itself, when expressed in scientific language, requires diverse figurative support (for metaphor is, first and foremost, a figurative comparison) from everyday human experience.

Keywords: Metaphor, mathematics, text, the language of science, everyday language

Проблематике метафоры как одного из ключевых способов образного выражения мысли и знания в слове посвящена огромная литература в отечественной и зарубежной гуманитарной науке (см., в частности, капитальные обзоры в книгах: [Лагута 2003; Мишанкина 2010]; см. также базисные работы по теории метафоры Э. Кассирера, П. Рикера, Дж. Серля, Р. Якобсона и др. в книге: [Теория метафоры 1990]).

В контексте наших заметок мы понимаем метафору в самом общем и универсальном плане – как языковой механизм переноса значения.

Существенна роль метафоры в аспекте выражения научного знания. При этом в функциональном отношении можно говорить о научных метафорах двух типов – *концептуальных* (онтологических) и *дискурсивных* (метафорах выражения). Понятие концептуальной метафоры было разработано Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Лакофф, Джонсон 2004]. Концептуальная метафора лежит в основе категориальной системы научной дисциплины и, как правило, выражена в форме научного термина. Однако язык науки опирается на метафору не только в плане концептуального конструирования и терминологизирования системы понятий и категорий. Метафора необходима науке собственно для выражения мысли, для хода рассуждений. Такую метафору – метафору выражения мысли – мы называем дискурсивной метафорой.

В высшей степени актуальной для нашей темы является мысль о метафоре, высказанная Ю.С. Степановым: «Метафора — фундаментальное свойство языка, не менее фундаментальное, чем, например, оппозиция элементов языка. Посредством метафоры говорящий (следовательно, всякий человек) последовательно вычленяет из мира, определяемого координатами “я – здесь – сейчас” – из тесного круга, прилегающего к его телу и совпадающего с моментом его речи, другие миры» [Степанов 1998, с. 385]). В этой идее для нас важна формула *«круга, прилегающего к его телу и совпадающего с моментом его речи»* – она помогает нам понять *телесно-бытовой* и, в целом, *вещный* характер научной метафоры.

Ниже изложены некоторые конкретные наблюдения над метафорами в языке математиков (в развернутом виде результаты представлены в работе: [Силантьев 2012]).

Материалом для анализа послужили тексты статей, опубликованных в журнале «Вестник НГУ. Серия “Математика. Механика. Информатика”» в номерах за 2008-2010 г. общим объемом 110 учетно-издательских листов. Все примеры из текстов статей даются в кавычках. Курсивом в примерах выделены слова с метафорической функцией.

Основной вывод, к которому мы пришли в результате анализа материала: в основе метафорического мышления математиков лежит *антропный принцип*. «Человек – мера всех математических вещей» – так можно перефразировать известный софистический афоризм применительно к метафорической системе языка математиков. Человек в его самых разных индивидуально-психологических, социальных и бытовых проявлениях является центром и осью мира математических метафор. Покажем это на выявленных примерах, систематизировав их по рубрикам.

Человек телесный. В центре внимания математиков – по-библейски фундаментальная составляющая человеческого тела – «*ребро* графа» (о сочетании данных терминов мы еще скажем ниже), и собственно точки *тела*.

Человек социальный. В это группе мы сталкиваемся с весьма забавными метафорическими персонажами: «стандартным эскпоненциальным *семейством*» и «методом естественных *соседей*».

Человек характерный. Как и у человека, в математике у определенной системы может быть свой *портрет* («фазовый *портрет* системы»), теория может быть «*властного* типа», а вычисления, как и сам человек, могут быть не лишены «*погрешностей*».

Человек воспринимающий. В языке математики прочно утвердились геометрические термины, пришедшие в результате метафорического переноса из обыденной лексики, сопряженной с планом восприятия человеком окружающего мира: «*точка*», «*прямая*», «*кривая*» и «*круг*». Точка, поставленная специально, это метка. И в математическом языке есть свои «*метки*» (в частности, «*метки*, поставленные на элемент бесконечной высоты»), а также *оболочки* («теория *оболочек*»). Венчает эту группу базовая метафора восприятия «*образ* элемента».

Человек ощущающий. Математики – это тонкие кинестетики, и различные планы ощущения много значат для их профессионального языка. Об этом говорят следующие метафоры: «*гладкая* граница, *гладкая* функция», «*мягкое* условие», и наоборот – «*грубая* оценка» и «*жесткое* условие». *Плотное* и *упругое* также послужили метафорической основой для математических терминов: «функция *плотности*», «послойно *плотное* множество», «модель *упругости*».

Человек в психической деятельности. В математическом языке человеческие состояния и эмоции представлены весьма сильными в своей исходной языковой выразительности метафорическими выражениями «математическое *ожидание*», «линейные системы с *возмущениями*», «малые *возмущения*».

Человек в ментальной деятельности. В рамках данной категории мы находим достаточно странные метафоры, в прямом смысле слова: «*странный* аттрактор», «*мнимая* часть числа», «*идеал*» («сумма конечного числа атомов» булевой алгебры). В общем, странные и мнимые идеалы – такова пища для метафорического мышления математиков.

Человек движущийся. В этой семантической категории мы находим много двигательной конкретики, связывающей эту категорию с категорией *человек телесный*. Во-первых, это метафоры, построенные на основе глаголов движения, присущего в первую очередь человеку:

«*скачок* функции, *скачки* случайного блуждания» (это, заметим, двойная метафора – скачки *блуждания*), «*перескок* через уровень», «нулевое *приближение*», «метод скорейшего *спуска*». Ну и, разумеется, в метафоризации математического языка невозможно обойтись без обращения к базовому виду движения человека – ходьбе: «*шаг* функции» и «*след*».

Человек действующий. Мы разделили категории «движения» и «действия», имея в виду природные мышечные движения человека, с одной стороны, и действия более высокого, уже социального порядка, предполагающие целеустановку и планирование, с другой стороны. Соответственно, в рамки второй категории попали такие примеры математических метафор (весьма своеобразные), как «траектория случайного *блуждания*», «*изображающая* точка», «ортогональный *трюк*», «координаты области *управления*».

Быт. Переходим от человека как такового к его быту, точнее, к предметной стороне человеческого быта. Это очень богатая семантическая категория, дающая много лексического материала для метафоризации. В центре этого многообразия находятся слова с базовой бытовой семантикой: «*ядро* оператора», «числовая *ось*», «*кольцо* (постоянных матриц, целых чисел)», «*кусочно*-постоянная матрица», «*столбец* матрицы». Особые подгруппы образуют метафоры, образованные на основе ключевых бытовых концептов «сеть» и «цепь»: это собственно «*сеть*, *сетевая* структура» (и как метафорический вариант, «банахова *решетка*»), «*ячейка* сетки» и «*узел* сетки», «*узлы* области»; это и «*цепь* моделей», «*цепочка* равенств», «*звено* функции». Замыкают данную группу примеров весьма и весьма забавные «модель с *кортежами*», «*веер* торического многообразия» и даже «*автоматы* на деревьях» (здесь, кстати, мы снова встречаемся с двойной метафорой: «автоматы на *деревьях*»).

Пространство. В образовании пространственных метафор языка математики существенную роль играет позиция говорящего как человека, видящего себя в центре окружающего мира: отсюда значения *верха, низа* («*верхняя* граница», «*нижняя* граница») и *края* («*краевые* условия», «краевая задача»). Вместе с тем в систему пространственных математических метафор входят и независимые от координатного центра значения: «*вершина* графа», «*область*» и «*поле* значений», «*окрестность* нуля» и, наконец, само «*пространство* сеточных функций». В текстах также представлена метафорическая оппозиция *глобальное-локальное*: «*глобальная* сходимость» и «*локальные* свойства».

Время. В языке математики, судя по проанализированным текстам, не встречаются метафоры с семантикой времени. Это позволяет сделать предположение, что для математики свойственно преимущественно *пространственное* метафорическое мышление.

Растительный мир. Последняя категория, достаточно заметная при этом в системе математических метафор – это семантика растительного мира, и, конкретно, дерева как главного концепта этого мира: собственно «*дерево* графа» (а также «альтернативные *деревья*»), «*корень*», «метод *ветвей*, *ветвления*», и «*приращение*».

В заключение коснемся еще трех аспектов.

Актуальная метафора. Метафоризация математического языка – это живой продолжающийся процесс, и в ходе анализа текстов мы отмечали несколько случаев образования «живой», актуальной метафоры. Характерно, что авторы текстов брали такие метафоры в кавычки, что говорит об осознанном характере употребления таких метафор: «т. н. *“нагруженное”* уравнение», «граф-*“звезда”*», «*“хорошее”* начальное приближение».

Двойные метафоры. Отметим и другое: в энергичном стремлении метафоризировать свой профессиональный язык математики не останавливаются перед последовательным образованием двойных метафор: «*выпуклый* веер», «*вес* вершины графа», «*полнота* семейства».

Лингвистические казусы. Порой опыты метафоризации приводят математиков к сложным лингвистическим казусам, изначальную нелепость которых они не замечают, наверное, только по причине полного отвлечения в рамках своего профессионального дискурса от смыслов и значений обыденного языка. Приведем характерные примеры: «ребро графа» (метафоризация омонимии); «автоматы на деревьях» (двойная метафора).

Подведем некоторые итоги. Наши наблюдения с очевидностью показывают, что профессиональный язык математиков в сильнейшей степени метафоричен, при этом система математической метафорики точно и широко отвечает базисным представлениям человека о себе и окружающем мире, выраженным в обыденном языке. Иными словами, профессиональный язык математики через метафору вбирает в себя язык обыденный. Это говорит о том, что самое математическое знание в своем выражении в научном языке нуждается в разносторонней *образной поддержке* (ибо метафора – это прежде всего образное сравнение) со стороны повседневного человеческого опыта.

Список литературы

1. Лагута 2003 – Лагута О.Н. Метафорология: теоретические аспекты. Новосибирск, 2003. Ч. 1: Метафорология: проникновение в реальность. 114 с. Ч. 2: Лингвометафорология: основные подходы. 208 с.

2. Лакофф, Джонсон 2004 – Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004. 252 с.

3. Мишанкина 2010 – Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? Томск, 2010. 282 с.

4. Силантьев 2012 – Силантьев И.В. Семантика метафоры в языке науки // Критика и семиотика. 2012. Вып. 17. С. 200-212.

5. Степанов 1998 – Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998. 784 с.

6. Теория метафоры 1990 – Теория метафоры. М., 1990. 512 с.

УДК 111

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СЕМИОЗИСА С ПОМОЩЬЮ ПРАВИЛ ПОСТРОЕНИЯ КИТАЙСКИХ ИЕРОГЛИФОВ. РОЛЬ ФАНТАСТИКИ В ФОРМИРОВАНИИ НАУЧНЫХ КОНЦЕПЦИЙ

Савченко Степан Михайлович

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (Самарский университет), Социально-гуманитарный институт, кафедра философии, магистрант

E-mail: zhong63@ya.ru

Аннотация: В данной работе предлагается модель формирования научной идеи, которая основана на трех измерениях семиозиса (семантика, синтактика, прагматика) и трехактной теории творчества П.К. Энгельмейера. С помощью графического моделирования на основе

построения китайских иероглифов показано, как простые элементы знания складываются в систему, порождающую новый смысл, где «целое представляет собою нечто, отличное от частей». Вводится понятие «квази-рассуждения» как некорректной комбинации знаков, порождающей «лже-иероглиф» — бессмысленную конструкцию, которая рассыпается при прагматической проверке. Этому феномену дается авторское имя — 烬灰鸟 (jìn huī niǎo [цзинь хуэи нияо], «птица из пепла»). Обосновывается особая роль научной фантастики как стимул первого акта творческого процесса в научной работе, за которым следуют философская рефлексия (второй акт творчества) и собственно научное исследование (третий акт творчества), или, как писал К.Э. Циолковский: «Сначала неизбежно идут мысль, фантазия, сказка. За ними шествует научный расчет. И уже в конце концов исполнение венчает мысль». Предложенная модель позволяет различать продуктивные гипотезы и пустые квази-рассуждения через прагматический критерий. Настоящее исследование ставит целью с помощью семиотического аппарата показать, как научная фантастика может стать катализатором в формировании научных концепций, а также выявить логическую несостоятельность квази-рассуждений, претендующих на научный статус. Работа имеет междисциплинарный характер и может быть полезна для методологии науки, семиотики и теории творчества.

Ключевые слова: семиозис, идея, фантастика, китайский иероглиф, творчество, наука.

THE PROCESS OF IDEA FORMATION THROUGH THE PRISM OF SEMIOSIS USING THE RULES OF CHINESE CHARACTER CONSTRUCTION. THE ROLE OF SCIENCE FICTION IN THE FORMATION OF SCIENTIFIC CONCEPTS

Savchenko Stepan Mikhailovich

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev (Samara University), Social-Humanitarian Institute, Department of Philosophy, Master's Student

Abstract: This paper proposes a model for the formation of a scientific idea, based on the three dimensions of semiosis (semantics, syntactics, pragmatics) and the three-act theory of creativity by P.K. Engelmeier. Using graphic modelling based on the construction of Chinese characters, it is shown how simple elements of knowledge combine into a system that generates new meaning, where "the whole is something other than the parts". The concept of "quasi-reasoning" is introduced as an incorrect combination of signs that generates a "pseudo-hieroglyph" — a meaningless construct that collapses under pragmatic verification. This phenomenon is given an authorial name — 烬灰鸟 (jìn huī niǎo, "bird from ashes"). The special role of science fiction is substantiated as a stimulus for the first act of the creative process in scientific work, followed by philosophical reflection (second act of creativity) and scientific research proper (third act of creativity), or as K.E. Tsiolkovsky wrote: "First come inevitably thought, fantasy, fairy tale. They are followed by scientific calculation. And finally, execution crowns the thought". The proposed model makes it possible to distinguish productive hypotheses from empty quasi-reasonings through a pragmatic criterion. The present study aims to use semiotic apparatus to show how science fiction can become a catalyst in the formation of scientific concepts, as well as to reveal the logical inconsistency of quasi-reasonings that claim scientific status. The work is interdisciplinary and may be useful for the methodology of science, semiotics, and the theory of creativity.

Keywords: semiosis, idea, science fiction, Chinese character, creativity, science.

Может ли человек почувствовать мочку своего уха, не дотрагиваясь до нее? Это сложно сделать. Так и идею нужно сперва «потрогать», прежде чем явить ее на свет, представив ментальную конструкцию в виде объекта, осознаваемого через три измерения семиозиса. Как писал П.К. Энгельмейер, при создании новой идеи человек «старается прочесть тот иероглиф, который образуется в душе его без его сознательного участия» [Энгельмейер 2010, с. 119].

Для иллюстрации процесса формирования идеи возьмем принцип построения китайских иероглифов [Чжан Пэнпэн 2007, с. 61]. Вначале введем условные обозначения для элементарных когнитивных единиц (КЕ) (таб. 1).

Таблица 1 — Обозначение условных знаний пятью основными линиями, из которых собираются китайские иероглифы

Линия	**Расшифровка**
一	Горизонтальная линия – знак для КЕ a
丨	Вертикальная линия – знак для КЕ b
丿	Откидная влево – знак для КЕ c
乀	Откидная вправо – знак для КЕ d
丶	Точка – знак для КЕ e

Важно отметить, что эти линии — не сами КЕ, а знаки для них, введенные конвенцией (договоренностью между автором и читателем). Само семантическое правило возникнет позже, когда мы свяжем эти линии с реальными или мыслимыми объектами. Пока же мы лишь задали два из трех условий полноценного знакового процесса: «наличие знаковых средств, выраженных некоторым материальным субстратом» и «наличие навыков означивания или интерпретант». Третье условие — «наличие синтаксических и семантических правил» [Нестеров, Демина 2019, с. 44] — будет введено далее.

После прохождения первого измерения семиозиса, где предметы, явления или КЕ превратились в знаки, мы находим различие между этими знаками, в нашем случае — между линиями, затем структурируем их, упорядочивая в систему, что позволяет в дальнейшем создать синтаксические связи между линиями:

一 ≠ 丨 ≠ 丿 ≠ 乀 ≠ 丶

Теперь сложим горизонтальную и вертикальную линии — получим крест «十». Два простых знака образовали новый символ, абстрактное знание, в нашем случае получился иероглиф со значением «десять»:

一 + 丨 → 十

Добавим еще две КЕ c и d, в нашем случае откидные линии влево и вправо — получим новый иероглиф 木 со значением «дерево»:

一 + 丨 → 十+ 丿 + 乀 → 木

Это уже не просто цифра, т.е. не абстрактное понятие, а указание на десигнат, который «не вещь, но род объекта или класс объектов» [Моррис 1983, с. 39], т.е. класс всех деревьев на Земле. А конкретное дерево во дворе будет денотатом, т.е. такие объекты «являются членами класса» [Моррис 1983, с. 39].

И, наконец, добавим последний знак — точку. Знание в виде точки, добавленное в известную систему, порождает иероглиф с новым смыслом — 术 «искусство; техника»:

一 + 丨→ 十+丿+㇏ → 木 + 丶→ 术

Видно, что уже на синтаксическом уровне (при условии предварительно заданных семантических значений линий) идея заключает в себе «несколько частей, причем совокупность этих частей не будет словно ворох, но целое (из них) представляет собою нечто, отличное от частей» [Аристотель 1934, с. 147]. Это показывает, что при взаимодействии знаков в системе происходит «трансформация опыта, не вытекающая из самого опыта» [Нестеров, Демина 2019, с. 45]:

术 >(一 + 丨 + 丿 + ㇏+ 丶)

На уровне прагматики этот новый знак взаимодействует с интерпретатором, вызывая реакцию в зависимости от целей, контекста и культурного фона (рис. 1). При этом знак может быть не идентифицирован интерпретатором, тем самым не осмыслен и не включен в собственную картину мира. Иными словами, «прагматические правила показывают применение определённого синтаксиса в рамках доступного конкретному субъекту запаса знаний, навыков и умений» [Нестеров 2018, с. 114-115].

Рис. 1 — Прагматика иероглифа 术 («искусство; техника»): ассоциация интерпретатора с картиной «Утро в сосновом лесу»

Теперь рассмотрим, как те же знания (линии) можно сочетать при формировании квази-рассуждений. Они могут проходить семантический уровень измерения, схватывая знаки из объективного мира, но на синтаксическом уровне опираться на мнимые посылки, при этом возникает искажение общего смысла формирующейся идеи. К примеру, если человек начнет произвольно комбинировать линии, не соблюдая правил формирования китайских иероглифов: «Вертикальную линию здесь, а откидную там нарисуем…», то получится несуществующий лже-иероглиф (рис. 2).

Рис. 2 — Лже-иероглиф

В результате сформировалась комбинация, которая на первый взгляд кажется осмысленной, но на деле не имеет системной поддержки. Бессмысленность этого иероглифа проявляется при переходе на прагматический уровень. Подобные квази-рассуждения напоминают ситуацию, когда вместо формулы $E=mc^2$ пишется $E=mc^3$. Вторая формула синтаксически безупречна, но семантически ложна. Находясь на прагматическом уровне, квази-рассуждения по своему эффекту приближаются к сказкам или фэнтези. При этом последние честно фокусируются на развлекательной функции, тогда как квази-рассуждения претендуют на научное знание, но не достигают цели из-за искажения смысла (рис. 3), образуя эпистемологический обман.

Рис. 3 — Иллюстрация как на прагматическом уровне искажение смысла в сказках, фэнтези и квази-рассуждениях сопоставимо между собой

В данной статье феномену квази-рассуждения, олицетворенного во лже-иероглифе (рис. 2) — пустой, эстетически красивой, но логически несостоятельной конструкции — предлагается дать имя на китайском языке: 烬灰鸟 [цзинь хуэи нияо], что означает «птица из пепла». Этот лже-иероглиф можно рассматривать как символ квази-рассуждений, акцентирующий внимание на их ограниченной прагматической применимости.

Совсем иначе действует добросовестная научная фантастика. На рисунке 4 проиллюстрирована сформировавшаяся научно-фантастическая идея. Несмотря на то, что некоторые элементы и их взаимосвязи на синтаксическом уровне искажены, а семантическая нагрузка частично утратила свою четкость и приобрела излишества в виде серых точек, но на прагматическом уровне идея все еще воспринимается как близкая к реальной. Важно

отметить, что научная фантастика не является первым актом, т.е. бессознательной интуицией, но она может стимулировать ее. Сам же писатель-фантаст работает уже на втором акте (рефлексия) и третьем (воплощение в тексте). Таким образом, научная фантастика — это моделирование первого акта научного творчества и триггер для него.

Рис. 4 — Иллюстрация смелой научно-фантастической гипотезы через правила формирования китайских иероглифов

Затем идею можно передать на доработку философии: обобщение, логический анализ и критическое осмысление помогут уточнить структуру, убрать избыточные элементы, придать понятные очертания, тем самым приблизить ее к концептуальной ясности (рис. 5). Философское осмысление соответствует второму акту формирования научной концепции.

Рис. 5 — Иллюстрация ясных очертаний философски осмысленной фантастической идеи

И наконец, наука, опираясь на объективные данные и строгие методы, формирует четкую идею, которая проходит этапы семантической интерпретации и синтаксической организации,

тем самым выводит ее на прагматический уровень, обеспечивая прикладное применение (рис. 6). Таким образом, идея переходит на третий акт формирования научной концепции.

Рис. 6 — Иллюстрация отчетливых линий научно обработанной фантастической идеи на третьем акте творчества

Важно помнить, что даже если идея на первых порах складывается в стройную теорию, но на самом деле может оказаться незавершенной и не сочетаться с другими теориями. К примеру, «в своей современной формулировке общая теория относительности и квантовая механика не могут быть справедливы одновременно» [Грин 2004, с. 11]. Этот знаменитый «разлад» также можно проиллюстрировать на примере сложения иероглифа. Пусть горизонтальная линия олицетворяет общую теорию относительности (ОТО), а вертикальная линия — квантовую механику (КМ). На первый взгляд, они совпадают (рис. 7a). Но если посмотреть на ту же связь сверху, станет очевидно, что линии уже не соединяются между собой (рис. 7b). И на сегодняшний день остается неясным, что же должно объединить ОТО и КМ — дискретная либо континуальная реальность, или же нечто совершенно иное.

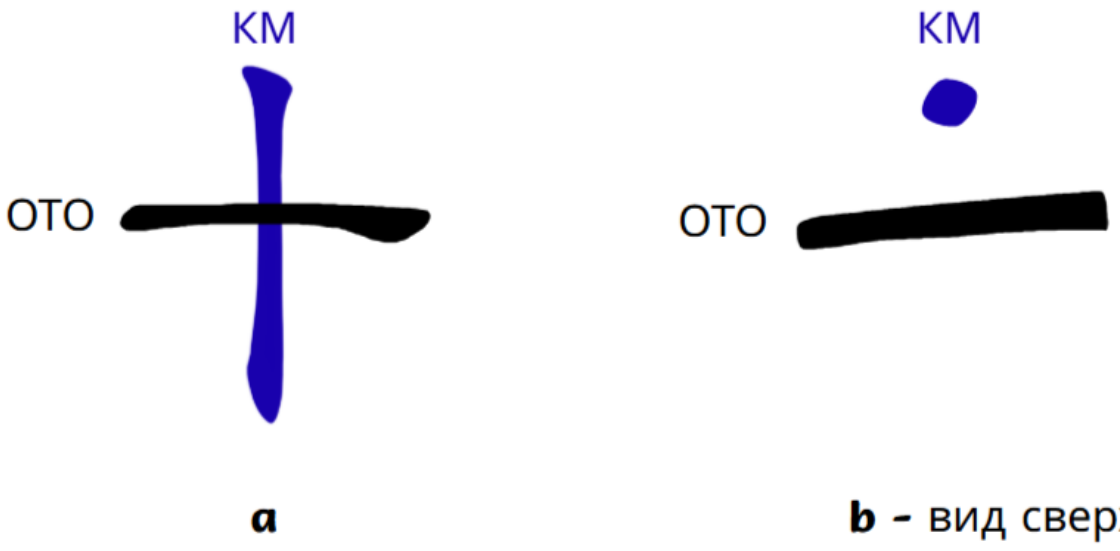


Рис. 7 — Иллюстрация несогласованности ОТО с КМ

Из всего вышесказанного мы видим, что научная фантастика может стать первым шагом в формировании научной концепции. Поэтому настоящему фантасту необходимо быть внимательным на семантическом и синтаксическом уровнях. С помощью индукции, анализа и «рефлексивной метамировозренческой теории» [Горан 1997, с. 11] автор может сформировать гипотезу, близкую к научной, заполняя пробелы в знаниях о мире так, чтобы его фантасма не превратилась в «птицу из пепла». В противном случае фантастический роман рискует утратить научную основу, приблизившись к сказке или фэнтези. Квази-рассуждения же стоит рассматривать как инструмент для тренировки мышления, как «полигон» для анализа логических ошибок.

Дальнейшее развитие данной концепции предполагает научно-философский анализ и обоснование расширенной схемы процесса формирования идеи (таб. 2) с последующей реализацией процесса формирования идеи в программном коде.

Таблица 2 — Этапы расширенной схемы процесса формирования идеи

№ этапа	**Этап**	**Пояснение**
1	Взаимодействие с окружающей средой	Рецептивная деятельность, исторический и технологический контексты, борьба с внешними обстоятельствами
2	Эпистемологическая рефлексия	До постановки вопроса
2.1	Незнание о незнании	Внезнаковая ситуация
2.2	Незнание о знании	Предзнаковое ситуация
2.3	Знание о незнании	Проблемная ситуация как начало семиозиса
2.4	Знание о знании	Ревизия имеющихся знаков знания
3	Формулирование вопроса	Перевод молчаливого противоречия в знаковую форму
4	Накопление когнитивного капитала	Сбор информации напрямую или косвенно касающейся поставленной задачи
5	Преодоление шаблонов	Разрушение привычных связей
6	Инкубация	Решение отвлеченных

		задач, игра, отдых, юмор, задачи с низкой когнитивной нагрузкой
7	Инсайт / Озарение	Внезапная архитектурная мутация, скачок, флуктуация
8	Экспликация	Включение инсайта в знаковую среду с помощью навыка означивания
9	Верификация	Обоснование, рецензия
10	Циклическая итерация	Возникает при выявленной недостаточности
11	Объективация и социализация	Фиксация результата и предъявление обществу

Список литературы

1. Аристотель 1934 – Аристотель. Метафизика / Пер. с древнегреч. А.В. Кубицкого. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, Москва – Ленинград, 1934. 348 с.
2. Горан 1997 – Горан В.П. Философия. Что это такое? // Философия науки. 1997. № 1(3). С. 3-15.
3. Грин 2004 – Грин Б. Элегантная Вселенная. Суперструны, скрытые размерности и поиски окончательной теории. Пер. с англ.; общ. ред. В.О. Малышенко. М.: Едиториал УРСС, 2004. 288 с.
4. Моррис 1983 – Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. Сборник переводов / под ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 37-89.
5. Нестеров 2018 – Нестеров А.Ю. "Исполнение" в семиотике техники // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. С. 111-118.
6. Нестеров, Демина 2019 – Нестеров А.Ю., Демина А.И. Категории "значение" и "изобретение" в контексте семиотики техники // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 42-50.
7. Циолковский 1926 – Циолковский К. Исследование мировых пространств реактивными приборами: переиздание работ 1903 и 1911 г. с некоторыми изменениями и дополнениями. Калуга, 1926. 128 с.
8. Энгельмейер 2010 – Энгельмейер П.К. Теория творчества. С предисл. Д.Н. Овсянико-Куликовского, Э. Маха. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 208 с.
9. Чжан Пэнпэн 2007 – Чжан Пэнпэн. Быстрое овладение ключами китайской иероглифики: новый учебник китайского языка для начинающих. Пекин: Sinolingua, 2007. 147 с.

УДК 167:330

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ПРИКЛАДНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ СЕМИОТИКИ В ЭКОНОМИКЕ

Никитин Антон Павлович
Кандидат философских наук
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
доцент кафедры гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин
E-mail: nikitinanton5891@gmail.com

Аннотация: В работе рассматриваются возможности семиотики как теоретического инструмента для экономических исследований, а также раскрыты пути применения семиотики в прикладных экономических целях. В теоретическом аспекте экономическая семиотика имеет две традиции: собственно экономическую и социокультурную. Экономическая теория использует семиотику для объяснения происхождения и сущности знаковых систем внутри экономики, таких как деньги и товарно-денежные отношения. Социокультурная традиция те же знаковые системы включает в более широкий круг культурных явлений, анализируя деньги как элемент комплекса социально конструируемых знаков. В практическом аспекте семиотика используется в первую очередь в сфере брендинга и маркетинга, прогнозирования и регулирования потребительского поведения. В этой сфере целью становится продвижение товаров не под видом удовлетворения функциональных потребностей, а под видом обретения статуса, соответствующего знаку бренда. Постмодернистская концепция общества потребления и симулякров является реакцией на эти практики, результатом которых становится формирование знаковой стоимости. Показано, что теоретическая экономическая семиотика мало влияет на прикладную; единственное, что их объединяет – признание того, что знаки в экономике имеют существенную роль.

Ключевые слова: семиотика, экономика, язык, мифология денег, брендинг, знаковая стоимость.

THEORETICAL AND APPLIED APPLICATION OF SEMIOTICS IN ECONOMICS

Nikitin Anton Pavlovich
Katanov Khakass State University,
Associate professor of the Department of Civil and Criminal Law Disciplines

Abstract: This paper examines the potential of semiotics as a theoretical tool for economic research and reveals ways to apply semiotics to applied economic purposes. In its theoretical aspect, economic semiotics has two traditions: economic and sociocultural. Economic theory uses semiotics to explain the origin and essence of sign systems within the economy, such as money and commodity-money relations. The sociocultural tradition incorporates these same sign systems into a broader range of cultural phenomena, analyzing money as an element of a complex of socially constructed signs. In practical terms, semiotics is used primarily in the fields of branding and marketing, forecasting and regulating consumer behavior. In this field, the goal is to promote products not under the guise of satisfying functional needs, but under the guise of achieving status corresponding to the brand's symbol. The postmodernist concept of consumer society and simulacra is a reaction to these practices,

which result in the formation of sign value. It is shown that theoretical economic semiotics has little influence on applied semiotics; the only common thread is the recognition that signs play a significant role in economics.

Keywords: semiotics, economics, language, mythology of money, branding, sign value.

В первом приближении, экономика и семиотика – науки, не имеющие содержательных точек соприкосновения. Традиционно экономика рассматривается как учение о производстве, распределении и потреблении ограниченных благ, которое оперирует категориями их стоимости, полезности, спроса, предложения на них и т.д. Семиотика в свою очередь исследует природу знаков и знаковых систем, процессы формирования и интерпретации значений и смыслов. Исторически семиотика была ближе к гуманитарным наукам, таким как лингвистика, философия, культурология и др., а ее связь с социально-экономическими дисциплинами выглядела весьма опосредованной. Однако в современных условиях, когда экономика стремительно развивается под влиянием информационных технологий и новых средств коммуникации, классические методы анализа, основанные на одних лишь математических моделях, оказываются для нее недостаточными. Кроме того, на экономическое развитие большое воздействие (как стимулирующее, так и ограничивающее) оказывают культурные факторы, тесно связанные со знаковыми системами. Это воздействие признается как философами науки, так и самими экономистами. Как пишет А.А. Аузан: «Есть такие экономические явления, которые нельзя объяснить, не привлекая к этому культуру» [Аузан 2017, с. 4]. В этом контексте все более актуальной становится интеграция экономики с семиотикой. Семиотический подход позволяет более глубоко анализировать коммуникацию в экономической сфере, брендинг, рекламу, потребительское поведение, а также феномены, непосредственно связанные с информацией и являющиеся знаками (в первую очередь деньги).

В использовании экономикой методов семиотики можно выделить два уровня: теоретический и прикладной. В теоретическом плане семиотика описывает экономические явления как знаковые системы со своей семантикой, прагматикой и синтактикой, эти явления рассматриваются сквозь призму проблемы значения и эффективной коммуникации. Наиболее востребованным, актуальным в данном контексте (что можно подтвердить простым подсчетом количества работ) оказывается исследование семиозиса денежных знаков. Именно в деньгах в явном виде обнаруживается семиотическая сущность экономических явлений, а знаковую природу денег в современной социальной эпистемологии мало кто оспаривает, причем это касается как самих экономистов, так и тех, кто занимается анализом денег «со стороны». Стоит отметить, что в целом феномен денег перестает быть «монопольным» предметом изучения для экономической науки, исследование денег вне экономической теории постоянно наполняется новыми концепциями и проблемами. Семиотика денег – лишнее тому подтверждение.

Как в философии техники К. Митчем выделяет собственно инженерную традицию и традицию гуманистическую, так и в семиотике денег обнаруживается традиция собственно экономическая и традиция скорее не гуманистического характера, а социокультурного, но включающая в себя и проблемы воздействия денег на человека. С экономической точки зрения семиотика позволяет раскрыть природу денег, решить вопросы их происхождения, функционирования и дальнейшего развития. Как отмечает С.К. Фетисов: «До сих пор не создана теория денег, которая объясняла бы не только происхождение денег, – как раз с этим все в порядке, – но и их эволюцию, их будущее» [Фетисов 2010, с. 72]. Для создания такой

теории он и предлагает использовать экономистам разработки семиотической методологии. К примеру, используя классификацию знаков Ч.С. Пирса (знаки-индексы, иконические знаки, знаки-символы), легко обнаружить, что в эволюции денег усиливается их отрыв от реальности и уровень воздействия на них правил знаковой системы. Для экономики это означает простое следствие – финансовые рынки начинают существовать автономно от реального сектора, создавая собственные «правила игры», не связанные с нуждами хозяйства. Современное состояние мировой финансовой системы отчетливо это подтверждает.

В целом можно констатировать, что семиотика становится для экономистов рабочим инструментом теоретического анализа. Рассматривая знаковую сущность денег, они приходят к выводу, что деньги для рынка выполняют ту же функцию, что язык для общественной жизни [Селищев 2013]. И деньги, и язык служат способом передачи социальных знаний между субъектами общественных отношений; слово передает смыслы, деньги передают информацию о стоимости; слово не имеет смысла без языка, деньги не имеют ценности без рыночного обмена. «Кроме того, как слово может передавать различный смысл в зависимости от контекста, в котором оно используется, так и деньги передают различный опыт в зависимости от того, какое отношение они опосредуют» [Веннерлинд 2010, с. 68].

Социокультурная традиция в семиотике денег включает их в более широкий контекст социальных явлений, чем просто рыночные отношения. Речь идет о том, что деньги своим существованием порождают культурные смыслы и формируют соответствующие поведенческие паттерны. Возникает специфическая мифология денег, воплощенная как в повседневном их использовании, так и в литературе, в искусстве [Никитин 2016]; с эволюцией денежных форм и появлением электронных денег их мифологизация только усиливается [Никитин 2020]; осмысление денег в обществе является крайне амбивалентным – к примеру, они оцениваются как условие свободного существования и как объект рабской зависимости [Зарубина 2009]; деньги воспринимаются в разных культурах не только в рамках экономической рациональности, но и иррационально, на их функционирование накладываются ограничения морального и религиозного содержания [Васильева 2018]. В целом семиотика денег должна рассматривать как социальное и культурное значение денег, так и выявлять личностные интерпретации денег внутри общественного опыта.

Можно выделить и другие аспекты теоретического применения семиотики в экономике. Большая часть из них обсуждалась в коллективной монографии «Экономика и семиотика», вышедшей в 2025 г. [Economics and Semiotics 2025]. Особое внимание в работе было уделено нарративам и роли языка в экономическом дискурсе, интерпретации и значению символов в экономической теории, анализу риторических приемов в экономических текстах, влиянию языка на формирование экономических представлений. Авторы при этом задают и принципиальный вопрос о том, как перейти от теоретических исследований к практическим выводам, где в экономической семиотике обнаружить преобразование семантики в прагматику, какова связь между интерпретацией и действием?

Проблема в том, что в прикладных экономических целях семиотика в первую очередь используется в таких сферах, как брендинг, маркетинг, регулирование потребительского поведения, связь которых с гуманитарной семиотикой выглядит весьма опосредованной. В этих сферах бренды рассматриваются не просто как отличительные знаки, а становятся системами смыслов, формирующихся вокруг культурных ценностей и образов. Эти знаки должны создавать ассоциации и эмоции у потребителей, а их успешность зависит от адекватного понимания потребительских интерпретаций. Здесь семиотика выступает как средство выявления того, какие ценности и смыслы передаются через упаковку, рекламу,

логотипы, коммуникационные послания. Ж. Бодрийяр говорит об этих явлениях как об еще одном типе стоимости – знаковой. Потребление в современном обществе – это уже не утоление нужд, а манипулирование знаками ради социального выделения. Объекты потребления обретают стоимость не потому, что они полезны и дороги, а потому что занимают позицию в системе отличий от других потребительских товаров [Бодрийяр 2006].

Как показывает И.Г. Ханин [Ханин 2013], в мире существует довольно большое количество компаний, которые презентуют себя как семиотические (Semiotic Solutions, Marketing Semiotics, Semiotics Inc., Market Semiotics и др.). Сферой их деятельности является предоставление мастер-классов по обучению семиотическим техникам, построение карт восприятия брендов, использование семиотической методологии с целью повышения эффективности корпоративных коммуникаций, аналитические исследования рынков с применением семиотических методов и т.п. Но если говорить о роли семиотики в прикладных целях, то обнаруживаются два момента: а) нет экспертных и статистических подтверждений, что методы семиотических компаний являются более действенными, чем подходы других компаний, занимающихся анализом и прогнозированием потребительского поведения; б) «существующая гуманитарная семиотика не может служить основой объективных методов (технологий) для ИТ и экономики» [Ханин 2013, с. 63]. Эти сферы – семиотика как гуманитарная теория знаков и семиотика как способ брендинга, маркетинга, регулирования потребительского поведения – остаются далекими друг от друга. Они сходятся только в одном – невозможно отрицать роль знаков в экономике. Трудно определить, насколько это много для признания каких-то существенных связей между теоретическим и прикладным применением семиотики в экономике. Можно только подчеркнуть, что в этом направлении могут вестись дальнейшие исследования в области семиотики как методологии.

Список литературы

1. Аузан 2017 – Аузан А.А. Социокультурная экономика // Наука и инновации. 2017. № 2 (168). С. 4-10.

2. Бодрийяр 2006 – Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция, Республика, 2006. 269 с.

3. Васильева 2018 – Васильева И.А. Отношение к деньгам в российской культурной традиции // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 32. С. 5-15.

4. Веннерлинд 2010 – Веннерлинд К. О чем молчит презренный металл? Семиотика денег и общественный контроль // Вопросы экономики. 2010. № 2. С. 65-82.

5. Зарубина 2009 – Зарубина Н.Н. Парадоксы денег как фактора социальной эмансипации: на пути к глобальному финансовому кризису // Философские науки. 2009. № 11. С. 44-58.

6. Никитин 2016 – Никитин А.П. Миф денег сегодня // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2016. № 17. С. 74-77.

7. Никитин 2020 – Никитин А.П. Мифология электронных денег в культуре информационного общества // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2020. № 2 (18). С. 4-18.

8. Селищев 2013 – Селищев А.С. «Язык» и «деньги»: сравнительный анализ двух категорий // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2013. № 5 (83). С. 39-48.

9. Фетисов 2010 – Фетисов С.К. Семиотическая сущность денег // Экономический журнал. 2010. № 18. С. 72-78.

10. Ханин 2013 – Ханин И.Г. Условия применения науки о знаках в экономике // Модернизация. Инновации. Развитие. 2013. № 14. С. 61-65.

11. Economics and Semiotics 2025 – Economics and Semiotics / Ed. by S. Myrogiannes, C. Repapis. London: Routledge, 2025. 255 p.

ЧАСТЬ 5

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ НАУКА В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

УДК 001.8:616 -07

КОМОРБИДНОСТЬ КАК ВЫЗОВ НОЗОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ СДВИГ В КЛИНИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ НАУКИ

Постникова Анна Дмитриевна

ННГУ им. Н.И. Лобачевского, аспирант кафедры внутренних болезней Института клинической медицины, ГБУЗ НО ГКБ №12, врач терапевт

E-mail: annapostnikova98@mail.ru

Аннотация: Коморбидность в клинической медицине перестала быть редкостью и все чаще описывает типовую структуру заболевания, в которой взаимодействуют хронические и острые процессы, соматические и психические компоненты, а также факторы образа жизни и социальной среды. Такая клиническая реальность выявляет ограниченность нозологической модели, ориентированной на выделение изолированных болезней и построение линейных причинно-следственных цепочек. В статье коморбидность рассматривается как эпистемологический вызов: она смещает акцент с «узнавания» болезни по устойчивому набору признаков на реконструкцию сложного клинического случая, где диагностический факт формируется на пересечении наблюдения, интерпретации и классификации. Историко-философская перспектива позволяет показать, что в медицине меняется не только набор данных, но и основания их обоснования – от доминирования универсальных схем к более контекстуальной клинической рациональности, требующей учета индивидуальной целостности пациента и неопределенности прогнозов. Отдельное внимание уделяется современным условиям технонауки: внедрение интеллектуальных систем усиливает разрыв между массовыми алгоритмическими решениями и индивидуализированным клиническим мышлением, что повышает значимость методологической рефлексии в университетской науке. Практический итог сводится к необходимости развивать исследовательские программы, которые объединяют эпистемологический анализ, клиническую семиотику и междисциплинарные модели причинности, сохраняя ответственность врача за обоснование решения в конкретной ситуации.

Ключевые слова: коморбидность; нозологическая модель; эпистемология медицины; клиническая рациональность; университетская наука; методология; искусственный интеллект; междисциплинарность.

COMORBIDITY AS A CHALLENGE TO THE NOSOLOGICAL MODEL: AN EPISTEMOLOGICAL SHIFT IN CLINICAL MEDICINE AND ITS SIGNIFICANCE FOR UNIVERSITY SCIENCE

Postnikova Anna Dmitrievna

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Postgraduate Student at the Department of Internal Diseases of the Institute of Clinical Medicine;

City Clinical Hospital No. 12, Physician

Abstract: Comorbidity in clinical medicine is no longer a marginal exception and increasingly represents a typical configuration of illness, in which chronic and acute processes interact alongside somatic and mental components, as well as lifestyle and social determinants. This clinical reality exposes the limits of the nosological model, which is oriented toward isolating discrete diseases and constructing linear causal chains. The paper treats comorbidity as an epistemological challenge: it shifts the focus from "recognizing" a disease by a stable set of signs to reconstructing a complex clinical case, where diagnostic facts emerge at the intersection of observation, interpretation, and classification. A historical and philosophical perspective makes it possible to show that medicine is changing not only its data, but also the grounds of its justification – from the dominance of universal explanatory schemes to a more contextual form of clinical rationality that requires attention to the patient's individual integrity and to prognostic uncertainty. Special attention is paid to the contemporary conditions of technoscience: the deployment of intelligent systems widens the gap between population-level algorithmic solutions and individualized clinical reasoning, thereby increasing the value of methodological reflection within university science. The practical implication is the need to develop research programs that combine epistemological analysis, clinical semiotics, and interdisciplinary models of causality while preserving the physician's responsibility for justifying decisions in concrete situations.

Keywords: comorbidity; nosological model; medical epistemology; clinical rationality; university science; methodology; artificial intelligence; interdisciplinarity.

Коморбидность в современной клинической медицине все чаще выступает не частным усложнением диагноза, а типовой формой клинической реальности, когда у одного пациента сосуществуют несколько патологических процессов, синдромов и заболеваний, влияющих друг на друга и на выбор терапии. В этой ситуации нозологическая модель, построенная на предпосылке относительной автономии болезней как дискретных единиц, сталкивается с пределами применимости. Коморбидность указывает на то, что границы нозологических единиц нередко оказываются операциональными – удобными для классификации, но недостаточными для объяснения клинического течения и прогноза.

С методологической точки зрения важен первый шаг – различить, где заканчивается описательная констатация и начинается эпистемическая проблема. В клинической диагностике коморбидность не тождественна сумме симптомов и не сводится к совпадению жалоб; речь идет о наличии у пациента двух и более относительно самостоятельных клинических феноменов как минимум синдромального уровня [Благов 2022, с. 7]. Тем самым внимание смещается с «каталога» признаков на отношения между ними: какая из патологических линий задает динамику, какие состояния выступают фоном, а какие – триггером ухудшения. Критически важно и то, что синдромальная логика сама по себе не гарантирует корректного выделения коморбидности, поскольку на уровне синдрома разные нозологические процессы могут выглядеть сходно и маскировать друг друга. Такой диагностический «перекресток» вынуждает переходить от линейной причинности к многофакторным объяснениям.

На языке философии медицины возникает вопрос о статусе нозологической единицы. Является ли она естественным «видом» болезни, эмпирическим ярлыком или теоретическим конструктом, удерживающим клинический опыт в определенном порядке. Для медицинской

эпистемологии это принципиально, поскольку от ответа зависит трактовка диагностической ошибки, понятие нормы и способы проверки гипотез в клинике [Рабочая программа дисциплины 2022, с. 8]. Коморбидность обнажает скрытую двусмысленность нозологии: болезнь мыслится как единая сущность, но лечится как меняющийся процесс, включенный в биографию и среду пациента.

Историко-эпистемологический ракурс позволяет точнее увидеть, почему коморбидность проблематизирует классическую нозологию. В анализе философии медицины подчеркивается движение от гносеологии к эпистемологии и далее к методологии и социологии науки, где медицина оказывается одним из ключевых эмпирических источников для теории научного знания [Монин, Леденева, Шадрина 2024, с. 42]. Это движение важно не как общая культурная метафора, а как указание на смену того, что считается «научным фактом» в клинике. Клинический факт редко является простой регистрацией наблюдаемого; он складывается в рамках профессионального стиля мышления и коллективной практики, которые определяют, что считать существенным, а что – шумом [Монин, Леденева, Шадрина 2024, с. 43]. Коморбидность, напротив, демонстрирует «шумность» границ: один и тот же симптом включается в разные объяснительные схемы, а терапевтическое решение превращается в выбор между конкурирующими интерпретациями.

Сдвиг становится особенно заметным, если сопоставить биомедицинскую и клиническую оптики. В философских реконструкциях современной медицины клиническая медицина описывается как практическая наука, в которой фиксированные схемы биомедицины применяются к неопределенным структурам индивидуальной природы пациента и уточняются в ходе наблюдения и дообследования [Кутлумуратов 2022, с. 11]. В таком понимании диагноз не является раз и навсегда установленным именем болезни; он имеет временной статус – предварительный, уточненный, окончательный, причем каждая стадия опирается на попытку фальсифицировать собственные предположения реальностью клинического случая [Кутлумуратов 2022, с. 15]. Коморбидность здесь выступает не отклонением, а нормой практического познания: клиницист постоянно перебирает альтернативы и подбирает уместные схемы, удерживая в фокусе «выгоды для здоровья» конкретного пациента.

Отсюда проявляется и ограниченность редукционизма. Если нозологическая классификация предполагает доминирующий этиологический механизм, то коморбидность принуждает возвращаться к проблеме моно- и полиэтиологии и к анализу причинности как многослойного отношения, включающего биологические и социальные факторы. Для клинициста это выражается в конкретной дилемме: интерпретировать сочетание состояний как параллельное сосуществование нозологий или как общий патологический процесс, «расслаивающийся» по системам. Практический критерий часто оказывается прагматическим – выбор терапии, минимизирующей совокупный риск. В таких случаях знание о болезни перестает быть «вещью» и превращается в сценарий действий, зависящий от контекста и целей лечения.

Дополнительный слой эпистемологического сдвига задают цифровые технологии и внедрение систем искусственного интеллекта. Их использование в диагностике и поддержке принятия решений усиливает напряжение между массовым и индивидуальным подходами, поскольку обучение алгоритмов опирается на большие массивы стандартизированных данных, тогда как клиническая работа имеет дело с уникальными пациентами [Сорока 2025, с. 115]. Показателен эмпирический контур: по обзорному сообщению К. О. Сороки, при внедрении цифровых сервисов в московской системе здравоохранения обучение отдельных

моделей проводилось на массиве порядка тридцати миллионов записей реальных пациентов, а их точность оценивалась как достигающая 80–90 процентов при пилотировании в 24 поликлиниках [Сорока 2025, с. 115]. Однако даже при высокой точности возникает проблема «черного ящика» – врачу недоступно понимание того, какие признаки и каким образом привели систему к выводу, а ответственность за решение остается клинической и этической.

Коморбидность в этой точке выступает как тест на зрелость медицинской эпистемологии. Если цифровые системы фиксируют тенденцию к унификации и усреднению, то коморбидные состояния требуют контекстной интерпретации и клинического суждения, включающего оценку рисков, ценностей и приемлемости вмешательств. Поэтому представляется оправданным переход от представления о диагнозе как конечном продукте классификации к представлению о диагнозе как процессе согласования данных, вероятностных моделей и клинических целей – с сохранением автономии врачебного решения [Сорока 2025, с. 116]. Такой поворот является не просто методическим, а эпистемологическим: он меняет статус знания, превращая его из описания в инструмент ответственного действия.

В этой перспективе видимым становится значение университетской науки. Университетская клиника исторически формировалась как пространство соединения обучения, лечения и исследования – от ранних академических госпиталей до институционализации клинического преподавания в Новое время [Мамедов 2022, с. 49]. В современной России роль университетских клиник проявляется как инфраструктуры, где возможно одновременно анализировать крупные массивы клинических данных и сохранять фокус на единичном случае. Анализ публикационной активности медицинских университетов в ведущих клинических журналах за 2019–2021 годы показывает, что доля публикаций университетских авторов в отдельных изданиях превышает половину, достигая 53,4 процента, при среднем выпуске порядка 230 статей в год [Мамедов 2022, с. 50]. Одновременно финансовая архитектура исследований демонстрирует зависимость от международных проектов и фармацевтического спонсорства, причем доля финансирования со стороны фармацевтических компаний оценивается как 47 процентов [Мамедов 2022, с. 51]. Такая конфигурация неизбежно усиливает потребность в методологической рефлексии относительно исследовательской автономии и приоритетов.

Подготовка исследователя в медицинском университете в этих условиях не может ограничиваться освоением техники исследования. Она предполагает формирование системного научного мировоззрения и навыков философского анализа науки как деятельности, включенной в социальный контекст и ценностные напряжения [Рабочая программа дисциплины 2022, с. 2]. Для медицины также принципиально движение от классического рационализма к постнеоклассическому видению объекта и предмета, где мультидисциплинарность и системность оказываются не модой, а условием продуктивного знания [Рабочая программа дисциплины 2022, с. 9]. Коморбидность, будучи клиническим «фактом» нового типа, оказывается педагогически продуктивной: она принуждает к аккуратной работе с причинностью и к постоянной проверке границ обобщений.

Тем самым коморбидность задает для университетской науки программу, в которой эпистемологическая культура становится частью клинической компетентности. Нозологическая модель не отменяется, но переосмысливается как один из уровней описания, требующий дополнения системными и контекстными подходами. Именно в университетской клинике, где единство науки, образования и практики является институциональной нормой, возможно сделать этот сдвиг не декларацией, а устойчивым исследовательским и образовательным стандартом [Мамедов 2022, с. 52].

Список литературы

1. Благов 2022 – Благов Л. Н. Аддиктивная болезнь и коморбидность. Составляющие актуальной клинической научно-практической специальности. Часть 2. Дидактический аспект // Методология и технология непрерывного профессионального образования. 2022. № 4(12). С. 5–14.
2. Латур 2013 – Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / пер. К. Федоров; ред. С. Миляев. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.
3. Латур 2015 – Латур Б. Пастер: Война и мир микробов; с приложением «Несводимого» / пер. А. В. Дьяков. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 316 с.
4. Мамедов 2022 – Мамедов М. Н. Вклад университетских клиник в развитие отечественной медицинской науки. Итоги I Межвузовской конференции по актуальным вопросам соматических заболеваний // Международный журнал сердца и сосудистых заболеваний. 2022. Т. 10. № 35. С. 48–50.
5. Монин, Леденева, Шадрина 2024 – Монин М. А., Леденева Е. В., Шадрина Е. Н. Философия медицины и ее роль в формировании методологии науки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40. Вып. 1. С. 41–55.
6. Сорока 2025 – Сорока К. О. Эпистемология обоснования медицинского знания в эпоху искусственного интеллекта // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2025. № 4. С. 113–117.
7. Флек 1999 – Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: введение в учение о стиле мышления и мыслительном коллективе / пер. с нем. В. Н. Поруса. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. 220 с.
8. Фуко 1998 – Фуко М. Рождение клиники: археология врачебного взгляда / пер. А. Ш. Тхостов. М.: Смысл, 1998. 310 с.
9. Feinstein 1970 – Feinstein A. R. The pre-therapeutic classification of comorbidity in chronic disease // Journal of Chronic Diseases. 1970. Vol. 23. No. 7. P. 455–468.
10. Jewson 1976 – Jewson N. D. The disappearance of the sick-man from medical cosmology, 1770–1870 // Sociology. 1976. Vol. 10. No. 2. P. 225–244.
11. Latour, Woolgar 1986 – Latour B., Woolgar S. Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts. Princeton: Princeton University Press, 1986. 296 p.
12. Mayr 1997 – Mayr E. The object of selection // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 1997. Vol. 94. No. 6. P. 2091–2094.
13. Nesse et al. 2010 – Nesse R. M., Bergstrom C. T., Ellison P. T. et al. Making evolutionary biology a basic science for medicine // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2010. Vol. 107. Suppl. 1. P. 1800–1807.
14. Smith et al. 2007 – Smith B., Ashburner M., Rosse C. et al. The OBO Foundry: coordinated evolution of ontologies to support biomedical data integration // Nature Biotechnology. 2007. Vol. 25. No. 11. P. 1251–1255.
15. Turing 1950 – Turing A. M. Computing Machinery and Intelligence // Mind. 1950. Vol. LIX. No. 236. P. 433–460.
16. Valderas et al. 2009 – Valderas J. M., Starfield B., Sibbald B. et al. Defining comorbidity: implications for understanding health and health services // Annals of Family Medicine. 2009. Vol. 7. No. 4. P. 357–363.

17. World Health Organization, 2019, web – World Health Organization. International Classification of Diseases 11th Revision (ICD-11) for Mortality and Morbidity Statistics. URL: https://icd.who.int/en (дата обращения: 03.04.2026).

УДК 165.5

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УНИВЕРСИТЕТА: МЕЖДУ КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСЛЯЦИЕЙ И ИННОВАЦИЕЙ

Гурьянов Алексей Владимирович
Самарский Государственный Экономический Университет, Аспирант
E-mail: alesha-kuprin@mail.ru

Аннотация: В данной статье предпринимается попытка произвести философский анализ миссии университета в обществе знания. Методологическую основу исследования образуют концептуальный анализ, сравнительная интерпретация и критическая рефлексия. Опираясь на концепции Х. Ортеги-и-Гассета (университет как транслятор культурного единства) и В.С. Степина (университет как генератор надбиологических программ техногенной цивилизации), автор выявляет фундаментальное противоречие между гуманитарной ориентацией на воспитание личности и инновационной установкой на производство нового знания. Для его разрешения предлагается понятие эпистемической ответственности университета как коллективного субъекта, понимаемой как способность института рефлексивно согласовывать производство и распределение знания с гуманистическими ценностями. В отличие от индивидуалистических трактовок эпистемической ответственности (М.С. Адамов), автор обосновывает возможность её институционального измерения, опираясь на исследования коллективной интенциональности (Дж. Сёрл, М. Гилберт, А.Г. Корсунский). Показано, что подлинная эпистемическая ответственность тем самым последовательно требует приоритета социальной модели третьей миссии перед рыночной, а также дифференциации уровней высшего образования, где бакалавриат отвечает за культурную трансляцию, а магистратура и аспирантура — за инновационное развитие с обязательной этической рефлексией.

Ключевые слова: эпистемическая ответственность, университет, общество знания, культура, надбиологические программы, неолиберализм, коллективная интенциональность.

EPISTEMIC RESPONSIBILITY OF THE UNIVERSITY: BETWEEN CULTURAL TRANSMISSION AND INNOVATION

Guryanov Alexey Vladimirovich
Samara State University of Economics, Postgraduate Student

Abstract: This article attempts to make a philosophical analysis of the university's mission in the knowledge society. The methodological basis of the research is formed by conceptual analysis, comparative interpretation and critical reflection. Based on the concepts of X. Ortega y Gasset (university as a translator of cultural unity) and V.S. Stepin (university as a generator of supra-

biological programs of man-made civilization), the author identifies a fundamental contradiction between the humanitarian orientation towards personal education and the innovative attitude towards the production of new knowledge. To solve this problem, the concept of the epistemic responsibility of the university as a collective entity is proposed, understood as the ability of the institute to reflexively coordinate the production and distribution of knowledge with humanistic values. In contrast to the individualistic interpretations of epistemic responsibility (M.S. Adamov), the author substantiates the possibility of its institutional dimension based on the research of collective intentionality (J. Searle, M. Gilbert, A.G. Korsunsky). It is shown that genuine epistemic responsibility thus consistently requires the priority of the social model of the third mission over the market one, as well as the differentiation of higher education levels, where bachelor's degrees are responsible for cultural transmission, and master's and postgraduate degrees are responsible for innovative development with mandatory ethical reflection.

Keywords: epistemic responsibility, university, knowledge society, culture, supra-biological programs, neoliberalism, collective intentionality.

Анализ дискуссий о миссии университета выявляет две трудно совместимые линии. Первая, восходящая к гумбольдтовскому идеалу и представленная Х. Ортегой-и-Гассетом, настаивает на приоритете культурной трансляции и воспитании целостной личности. Вторая, связанная с техногенной цивилизацией (В.С. Степин), видит в университете генератор инноваций и двигатель научно-технического прогресса. Философская задача — не в выборе одной из них, а в поиске способа их непротиворечивого соединения.

В работе «Миссия университета» Ортега-и-Гассет утверждает, что жизнь — это хаос, и человек нуждается в «ясных и устойчивых идеях о мироздании» [Ортега-и-Гассет 2005, с. 32]. Культура выступает не как украшение, а как инструмент выживания, превращающий хаос в обжитую среду. Университет призван передавать такие «дорожные карты», а не специальные навыки; без этого даже квалифицированный специалист остаётся «цивилизованным варваром». Ортега исключает научное исследование из базовых функций университета: «У среднего человека нет никакой причины становиться учёным» [Ортега-и-Гассет 2010, с. 30]. Он не принижает науку, но сакрализует её, оставляя для посвящённых, фиксируя разрыв между элитарным знанием и массовым образованием.

В.С. Степин в работе «Цивилизация и культура» развивает противоположный взгляд. Культура — это система надбиологических программ, передаваемых через социокоды, действующая на дорефлексивном уровне — через привычки, институты, нормы. Университет оказывается генератором поведенческих матриц и ключевым институтом техногенной цивилизации: он производит новые программы и транслирует их в общество. Оговорка Степина об этических проблемах при изучении «человекоразмерных объектов» принципиальна: она вводит этическое измерение в инновационную деятельность. Исследования здесь неотделимы от образования; именно инновационная функция отличает техногенную цивилизацию от традиционной [Степин 2011].

Ортега и Степин расходятся по ключевому пункту: должна ли наука быть сердцевиной университета? Это противоречие разрешимо, если рассматривать образование как ступенчатый процесс. На уровне бакалавриата приоритетом должна быть культурная трансляция, формирование мировоззрения — здесь уместна позиция Ортеги. На уровне исследовательской магистратуры и аспирантуры центральной становится инновационная

функция — здесь прав Степин. Такое различение позволяет избежать как культурного традиционализма, так и технократического редукционизма.

М.С. Адамов определяет эпистемическую ответственность как «способность субъекта воспринимать себя агентом познавательного процесса, доверять своим познавательным способностям, а также понимать, что есть познавательный успех и какие правила позволяют его достигать» [Адамов 2024, с. 215]. Акцент сделан на внутренней когнитивной добросовестности индивида. Однако прямой перенос этого понятия на университет невозможен: университет не обладает ни мозгом, ни индивидуальным самосознанием.

Философская литература о коллективной интенциональности (Дж. Сёрл, М. Гилберт) предлагает выход: коллектив может действовать как единое целое при наличии совместных намерений и разделяемых норм. Как отмечает А.Г. Корсунский, «коллективная интенциональность не является простым суммированием… индивидуальной интенциональности» [Корсунский 2017, с. 27]. Университет как целое обладает собственными интенциями (например, «развивать науку»), которые не сводятся к сумме желаний отдельных профессоров. Такие интенции существуют в институциональной памяти, уставах, ритуалах. Коллективная интенциональность здесь носит плюралистический и конфликтный характер, однако это не отменяет возможности институциональной ответственности. Для её существования достаточно, чтобы институциональные механизмы (этические комитеты, процедуры) создавали возможность согласования, даже если оно никогда не достигается полностью. Сама структура обсуждения уже является носителем ответственности.

Предложенное различение уровней образования позволяет уточнить понятие эпистемической ответственности. На уровне бакалавриата она носит культурно-трансляционный характер: отбор и передача ядра культуры. На исследовательском уровне — инновационно-рефлексивный: производство нового знания и критическая оценка его последствий.

Таким образом, эпистемическая ответственность университета может быть определена как способность институционального субъекта рефлексивно согласовывать производство и распределение знания с гуманистическими ценностями, не подменяя их ни утилитарными запросами рынка, ни ведомственными интересами. Это предполагает осмысление целей познания (не любое знание стоит производить), прозрачность и подотчётность перед обществом, а также поддержание культурной целостности знания.

В современных дискуссиях «третья миссия» университета часто сводится к коммерциализации знаний. Однако, как пишет С. Коллини, «университеты — это пространство подлинного сотрудничества» [Коллини 2016, с. 11], где ценность создаётся за счёт горизонтальных связей и общей приверженности истине, а не конкуренции. Сведение функций к экономической эффективности ведёт к утрате идентичности. Скепсис в отношении ценности университетского образования — прямой вызов эпистемической ответственности: если общество перестаёт верить в уникальность университета, его функции переходят к корпоративным центрам.

Ещё в 1979 году Ж.-Ф. Лиотар зафиксировал трансформацию статуса знания: оно утрачивает самодостаточную ценность и производится ради обмена. «Знание производится и будет производиться для того, чтобы быть проданным… оно перестаёт быть самоцелью» [Лиотар 1998, с. 18]. На смену знанию как постижению истины приходит знание-товар, где главное — эффективность на рынке. Университет маргинализирует фундаментальные исследования. Эпистемическая ответственность призвана восстановить самоценность знания.

Существует альтернативная — социальная — модель третьей миссии: просвещение, работа с сообществами. Она органично связана с ортегианской идеей культурной трансляции и может быть понята как практическое воплощение эпистемической ответственности. Коммерциализация допустима лишь как побочное следствие, а не как самоцель.

Легитимация знания через результативность, которую Лиотар называет «перформативностью», подчиняет университет логике эффективности. «Критерий оперативности… не подходит для суждения об истинности или ложности. …инновация появляется всегда из разногласия» [Лиотар 1998, с. 12]. Университет, ориентированный только на перформативность, подавляет инакомыслие, тогда как подлинное творчество связано с риском. Системная легитимация опасна отказом от ценностных суждений: вопрос «справедливо ли?» подменяется вопросом «эффективно ли?».

Коллини подчёркивает: университеты — это институты, воспроизводящие собственных сотрудников. «Обучение… — это подготовка к автономии» [Коллини 2016, с. 8], способности самостоятельно ставить цели познания. Именно такая автономия есть условие подлинной эпистемической ответственности. Ответственность состоит в удержании напряжения между автономией и внешними инструментальными целями.

При разработке понятия важно обозначить его границы. Во-первых, эпистемическая ответственность не тождественна моральной: первая касается качества знания, вторая — поступков. Однако на практике они переплетаются. Во-вторых, возникает противоречие между эпистемической ответственностью и академической свободой: кто определяет «гуманистические ценности»? Мы предлагаем минимальный процедурный принцип: решения об ограничении свободы должны приниматься публично и с участием всех заинтересованных сторон. В-третьих, полная операционализация невозможна — ответственность не поддаётся прямому измерению. Поэтому её следует понимать как регулятивную идею в кантовском смысле — ориентир для реформ.

В статье мы определили эпистемическую ответственность университета как коллективного субъекта, что позволяет смягчить противоречие между ортегианской культурной трансляцией и степинским инновационизмом. Уточнить понятие удалось через различение уровней образования. Социальная модель третьей миссии в большей мере соответствует предложенным критериям, чем экономическая. Мы не предлагаем утопического решения конфликта ответственности и свободы, но фиксируем его как проблему, требующую процедурного регулирования. Дальнейшую работу следует направить на концептуализацию механизмов институциональной рефлексии. Предложенное понятие может служить методологической рамкой для постановки этих вопросов.

Список литературы

Адамов 2024 – Адамов М. С. Проблема эпистемической ответственности и ее психофизиологические основания // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2024. — Т. 8. № 2. С. 205–228.

Коллини 2016 – Коллини С. Зачем нужны университеты? / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 42 с. Электронная версия печатного издания. URL: https://id.hse.ru/data/2016/03/09/1124256036/%D0%9A%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B8-%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (дата обращения: 29.04.2026).

Корсунский 2017 – Косунский А. Г. Коллективная интенциональность // Вестник ВятГУ. 2017. № 6. С. 26-30.
Лиотар 1998 – Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с. Электронная версия печатного издания. URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/K-J3UM7RuxWwlV_LzB9MO51ml0hCf4NhGFkwCEiiHDJ0Kk8ZPnYjhNMwKJqDq9nyclUsXPGca-oTpoKpFDS3ybxYkk_M4Rcsa7-7Ld1H-t0dk2ew5srf2Q/1998_Zhan-Fransua_Liotar_Sostoyanie_postmoderna.pdf (дата обращения: 29.04.2026).
Ортега-и-Гассет 2005 – Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета / пер. с исп. М. Н. Голубевой; под общ. ред. М. А. Гусаковского. Минск: БГУ, 2005. 104 с. Электронная версия печатного издания. URL: https://charko.narod.ru/tekst/ortega/ortega.pdf (дата обращения: 29.04.2026).
Ортега-и-Гассет 2010 – Ортега-и-Гассет, Х. Миссия университета / пер. с исп. М. Н. Голубевой, А. М. Корбута ; Гос. ун-т. Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 144 с. Электронная версия печатного издания. URL: https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/ul651m5zvv/54927213.pdf (дата обращения: 29.04.2026).
Степин 2011 – Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, 2011. 408 с. Электронная версия печатного издания. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/stepin/steiin_tsivilizatsiya_i_kulwtura.pdf (дата обращения: 29.04.2026).

УДК 372.853

ФОРМИРОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ КАК ОСНОВЫ ПРЕДПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ФИЗИКОВ

Белова Ольга Васильевна
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", заместитель декана физического факультета

E-mail: belova@phys.unn.ru

Лебедева Ольга Васильевна
доктор педагогических наук
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", профессор кафедры кристаллографии и экспериментальной физики физического факультета
E-mail: lebedeva@phys.unn.ru

Аннотация: Вызовы настоящего времени требуют от вузов подготовки высококвалифицированных специалистов. Обучение в вузе строится на основе исследовательской деятельности, т.е. абитуриенты должны обладать методологической грамотностью и использовать методы научного познания в своей учебной деятельности. Но в школе учащиеся только знакомятся с методами научного познания, без их практического

применения. Теория без практики лишается своих эвристических возможностей, чревата ошибками в применении знаний и утрате доверия к науке или профессии. Теоретические выводы, не проверенные на практике, бесполезны при решении реальных задач, что снижает ценность образования. Авторы провели исследование по определению уровня экспериментальных умений студентов первого курса физического факультета и пришли к неутешительному выводу, что школьный курс физики носит исключительно теоретический характер, отсутствие экспериментирования свидетельствует о том, что готовность большинства выпускников школ по физике к получению физико-математического и инженерного образования далека от требований современного общества. В работе предлагается использовать практикум по физике как средство освоения метода научного познания в практической деятельности учащихся в процессе предпрофессиональной подготовки. При выполнении практикума в процессе решения физических задач сочетаются две фундаментальные учебные деятельности – экспериментирование и моделирование. В результате обучающиеся не только глубоко усваивают изученные физические законы и принципы, но и могут убедиться на практике, что существуют границы их применимости.

Ключевые слова: метод научного познания, моделирование и экспериментирование, практикум по физике, предпрофессиональная подготовка учащихся по физике

FORMATION OF METHODOLOGICAL LITERACY AS A BASIS FOR PRE-PROFESSIONAL TRAINING OF FUTURE PHYSICISTS

Belova Olga Vasilyevna

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod", Deputy dean of the faculty of Physics

Lebedeva Olga Vasilyevna

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod", Professor of the department of crystallography and experimental physics at the faculty of Physics

Abstract: The challenges of the present require universities to train highly qualified specialists. University education is based on research activities, which means that applicants must have methodological literacy and use scientific methods in their educational activities. However, in schools, students only learn about scientific methods without applying them in practice. As a result, the goals of forming a scientific worldview are not fully achieved. The authors conducted an initial assessment of the level of methodological literacy and experimental skills of first-year physics students. Based on the results of the study, it can be concluded that the fundamental educational activity, experimentation, is not formed in the majority of the subjects during the study of the school physics course, and the readiness of school graduates in physics to receive a physical, mathematical, and engineering education is far from the requirements of modern society. The paper proposes the use of a physics workshop as a means of mastering the method of scientific cognition in the practical activities of students in the process of pre-professional training. When performing the workshop, two fundamental educational activities are combined in the process of solving physical problems – experimentation and modeling. As a result, students not only deeply master the studied physical laws and principles, but also can verify in practice that there are limits to their applicability.

Keywords: method of scientific cognition, modeling and experimentation, physics workshop, pre-professional training of students in physics.

Согласно Указу Президента Российской Федерации «Научно-технологическое развитие является одним из стратегических национальных приоритетов Российской Федерации… Ключевую роль в подготовке научно-технологического сектора страны к новым большим вызовам должна сыграть российская фундаментальная наука…» [Указ Президента Российской Федерации, 2024, web]. Научно- технологическое развитие страны невозможно без развития системы образования, в том числе естественнонаучного. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университета им. Н.И. Лобачевского одной из глобальных своих миссий видит подготовку высококвалифицированных кадров, способных внести эффективный вклад в прогрессивное развитие России [Миссия ННГУ, 2026, web]. Для реализации объявленных целей Нижегородский университет осуществляет подготовку специалистов на базе научных исследований. Таким образом, вопрос чему и как учить остро не стоит. Актуальным остается вопрос «кого учить?».

В ноябре 2024 года правительством Российской Федерации был утвержден комплексный план мероприятий по повышению качества математического и естественно-научного образования до 2030 года [Комплексный план мероприятий, 2024, web], включающий:

- расширение сети профильных классов и классов с углублённым изучением математики, физики, химии и биологии, организация и проведение профориентационной работы математической, инженерной и естественно-научной направленности с обучающимися на базе современных промышленных предприятий, образовательных организаций высшего образования и научных организаций,

- введение обязательного вступительного испытания по физике на все инженерные направления подготовки (специальности) высшего образования,

- совершенствование образовательных стандартов и четкое определение предметных результатов обучения; в образовательном стандарте по физике отмечается необходимость овладения современной научной методологией физического познания.

Однако, по данным на 2025 год, план по увеличению доли выпускников, сдающих ЕГЭ по профильной математике и естественнонаучным предметам, не дал ожидаемого результата. Например, 16,43% выпускников школ сдавали ЕГЭ по физике в 2025 г., а в 2024г. - 14,40%. В 2025 году снова наблюдался низкий конкурс на инженерные и физико-математические направления подготовки в классические и технические университеты.

Проведенный нами опрос студентов первого курса физического факультета ННГУ в сентябре 2025 года свидетельствует о несоответствии школьной подготовки по физике тем требованиям, которые считаются необходимыми для освоения университетского курса физики. Только 26% опрошенных студентов смогли дать определение понятия «физическая модель», ответить, для чего она нужна, смогли 17% обучающихся. Известно, что по способу реализации и средствам моделирования все модели можно разделить на материальные (предметные, или вещественные) и идеальные (мысленные) [Каменецкий, 1982, с. 6]. Физическая модель – это такой объект, который служит объяснению явлений, поскольку в нем выделяются ключевые свойства системы и показывается, как они приводят к наблюдаемым эффектам. Это большинству студентов 1 курса физического факультета оказалось неизвестно. Проведенная оценка уровня освоения экспериментальных умений первокурсников показывает, что для 36% студентов характерно умение экспериментировать, иметь заранее

продуманный порядок действий: что именно исследуется, какие величины измеряются, какими средствами, сколько раз и в каких условиях проводится опыт. К сожалению, четверть студентов испытывает трудности в определении цены деления шкалы и не в состоянии снимать показания измерительного прибора. Но только 20% опрошенных проявили способность к анализу результатов проведенного эксперимента и самостоятельно сделать выводы.

Знакомство с методами научного познания предусмотрено программой школьного курса физики. Изучение физики на уровне среднего образования начинается с раздела «Физика и методы научного познания». Причем знакомство с методами научного познания в физике в школьном курсе носит исключительно теоретический характер. Методологией науки невозможно овладеть вне деятельности по её практическому использованию. В итоге учащиеся не способны определить связь теоретических положений физической науки с реальностью [Ларченкова, 2014, с. 61]. Школьный курс физики не формирует навыки моделирования и экспериментирования, что является препятствием для дальнейшего изучения физики в вузе.

В связи с этим существует настоятельная потребность в предпрофильной предпрофессиональной подготовки учащихся в школах или в вузе. В качестве метода освоения методологии научного познания в физике предлагается практикум по физике. Практикум дает возможность закрепить и углубить теоретические знания через экспериментальную работу, научиться пользоваться измерительными приборами и обрабатывать результаты опытов. К числу достоинств практикума относится взаимосвязь двух фундаментальных учебных деятельностей – моделирования и экспериментирования [Белова, 2025, с.227]. Для реализации практикума нами была предложена последовательность этапов, представленная на рисунке 1. Построение модели основано на принципе цикличности [Сауров, 2008, с.143].

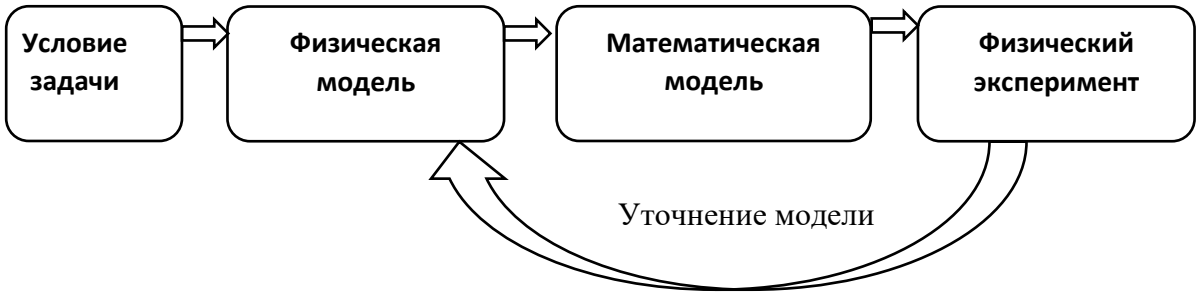


Рис. 1 Последовательность этапов решения задачи практикума

На первом этапе происходит анализ условий предложенной задачи, на основе которого выделяется рассматриваемая система, ее важные характеристики, взаимосвязи, а также те свойства и качества, которыми можно пренебречь. На основе проведенного анализа строится физическая модель как идеальный образ реального объекта или процесса. Физическая модель позволяет описать рассматриваемый процесс, используя известные учащимся законы. Появляется система уравнений, которая дает возможность получить необходимые функциональные зависимости, при необходимости построить их графики, т.е. строится математическая модель. Учащиеся получают решение задачи, анализируют полученный результат. Обычно на этом решение задачи заканчивается. Однако преподаватель предлагает составить план эксперимента, который позволил бы проверить полученный результат. Учащиеся обосновывают выбор оборудования, собирают экспериментальную установку, продумывают последовательность измерений, количество, интервалы и т.д. Затем проводят эксперимент, обрабатывают полученные результаты, рассчитывают погрешности. И, наконец,

проводится сопоставление результатов, предсказанных теорией и полученных в эксперименте. Возможно два варианта: результаты в пределах погрешностей могут совпасть или нет. Во втором случае возникает возможность с учащимися обсудить границы применимости физических моделей: почему построенная нами физическая модель дала результат, не подтвержденный в опыте? Например, мы считали, что удар являлся абсолютно упругим, а на практике потери энергии при ударе существенны. Или в уравнении теплового баланса не было учтено, что стакан калориметра также участвует в теплообмене и т.п. Преподаватель в этом случае заранее знал, что построенная модель в условиях данной экспериментальной установки не работает, но не поправлял их на этапе разработки модели, чтобы дать возможность убедиться в этом учащихся самостоятельно. Возникает необходимость корректировки модели (см. рис. 1). Учащиеся вносят коррективы сначала в физическую, затем в математическую модель, заново находят функциональные зависимости, пересчитывают результаты и сравнивают с теми, что получены в эксперименте.

Показанную на рис. 1. последовательность действий можно применить и к решению экспериментальной задачи, поскольку прежде чем провести эксперимент необходимо построить сначала физическую, затем математическую модель и только потом можно планировать эксперимент.

Нужно отметить, что по мере освоения учащимися последовательности и способов деятельности, степень их самостоятельности при выполнении практикума возрастает. Метод обучения на занятиях практикума по характеру организуемой учебной деятельности сначала эвристический (частично-поисковый), при этом преподаватель с помощью цепочки наводящих вопросов помогает учащимся выполнить всю необходимую последовательность действий для решения задачи и ее экспериментальной проверки. В дальнейшем метод обучения может быть исследовательским, поскольку учащиеся способны выполнить последовательность действий (или определенные этапы) самостоятельно. По формам организации оптимальным является чередование фронтальной работы и работы в группах.

Практикум способствует развитию навыков самостоятельного исследования, формирует умение строить таблицы и графики по результатам измерений, делать оценку погрешностей и

приходить к выводам на основе наблюдений и экспериментов. Учебная деятельность, основанная на указанной на рис. 1 последовательности, позволяет избежать формализма в обучении физике, и не только глубоко усвоить изученные физические законы и принципы, но и убедиться на практике, что существуют границы их применимости.

Данный практикум существует не только в теории, но и на практике. Физико-математическая школа на физическом факультете ННГУ начинает работать с учащимися 9 классов и преследует цель развития и сохранения интереса учащихся к изучению физики, мотивируют их не отказываться от получения физико-математического образования. Учащиеся, увлеченные исследованием физических явлений и процессов, не остаются без внимания и начинают выполнять учебно-исследовательской работы под руководством сотрудников кафедр или лабораторий вуза.

Предлагаемый нами практикум позволяет подготовить учащихся к успешному освоению физики и профессиональных дисциплин при обучении в вузе, поскольку позволяет освоить в практической деятельности применение методов научного познания.

Список литературы

1. Белова 2025 − Белова О.В., Лебедева О.В., Чернышова П.Д. Практикум по физике для учащихся 9 класса как средство предпрофильной подготовки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2025. − № 3(79). 2025. С. 225-231.

2. Каменецкий 1982 − Каменецкий С.Е., Солодухин Н.А. Модели и аналогии в курсе физики средней школы: Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1982. — 96 с.

3. Комплексный план мероприятий 2024, web − Комплексный план мероприятий по повышению качества математического и естественно-научного образования на период до 2030 года. URL: http://government.ru/docs/53427/ (дата обращения 01.08.2025).

4. Ларченкова 2014 − Ларченкова Л.А. Образовательный потенциал учебных физических задач в современной школе: дис. …док. пед. наук: 13.00.02. СПб: РГПУ им. А.И. Герцена, 2014. 87 с.

5. Миссия ННГУ 2026, web − Миссия ННГУ. URL: http://www.unn.ru/site/about/ofitsialnye-svedeniya-i-dokumenty/missiya-universiteta/ (дата обращения: 28.04.2026).

6. Сауров, 2008 − Сауров Ю. А. Принцип цикличности в методике обучения физике: Историко-методологический анализ: Монография / Ю. А. Сауров. Киров: Изд-во КИПК и ПРО, 2008. 224 с.

7. Указ Президента Российской Федерации 2024, web − Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408518353/(дата обращения: 26.04.2026).

УДК 130.2

ГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ КАТЕГОРИИ ОТНОШЕНИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ М.М.БАХТИНА

Бухвалова Наталья Ивановна

Аспирант Нижегородского Государственного технического университета им. Р.Е.Алексеева

E-mail: Bni80@mail.ru

Аннотация: В последние годы научный интерес к изучению метафоры из сферы филологии сместился в сторону познания, сознания, описания и объяснения отношений между людьми и касается взаимодействия смысла и значения Исследования М. М. Бахтина, в частности его концепция «Автор и герой» строятся на метафорах. В этой идее метафоризации мы можем видеть человеческие взаимодействия в разных сферах жизни, культурные трансформации и эволюцию гуманитарных наук. Кризис естествознания, возникший на рубеже 19 и 20 веков, связанный с неопределённостью, сформировал новую реальность «двух несовпадающий сознаний» человеческих отношений. Отношения становятся непостижимы и

непредсказуемы. Методом исследований таких отношений, является трансрациональность - выход за пределы чистой логики, Она дополняется трансградиентностью – избытком видения. Эта способность становится реальностью видения одного человека в познании и чувственности, понимать о другом больше, чем тот видит и знает о себе (Бахтин М.М.). В статье описывается архитектоника человеческих отношений в контексте теории М.М.Бахтина. Она выражает глубину чувственности в системе «автор – герой». Метафорическая реальность «автора – героя» реализует осознаваемое прикосновение к глубинам человеческих взаимоотношений.

Ключевые слова: метафоризация, трансрациональность, трансдисциплинарность, трансградиентность, созерцание, вненаходимость.

THE HUMANITARIAN ASPECT OF THE CATEGORY OF RELATIONS IN THE WORKS OF M.M. BAKHTIN

Bukhvalova Natalia Ivanovna

Postgraduate student of Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev

Abstract. In recent years, scientific interest in the study of metaphor from the field of philology has shifted towards cognition, consciousness, description and explanation of relationships between people and concerns the interaction of meaning and significance. M.M.Bakhtin's research, in particular, his concept of "Author and hero" is based on metaphors. In this idea of metaphorization, human interactions in different spheres of life, cultural transformations, and the evolution of the humanities become apparent. The crisis of natural science that emerged at the turn of the 19th and 20th centuries, associated with uncertainty, has shaped a new reality of "two incompatible consciousnesses" in human relationships. As a result, relationships have become incomprehensible and unpredictable. The method of studying such relationships is transrationality, which goes beyond pure logic, and is complemented by transgradience, the excess of vision. This ability becomes a reality of one person's vision, allowing them to understand more about another person than that person sees or knows about themselves (Bakhtin, M.M.). The article describes the architectonics of human relations in the context of M.M. Bakhtin's theory. It expresses the depth of sensuality in the "author-hero" system. The metaphorical reality of the "author-hero" realizes a conscious touch on the depths of human relationships.

Keywords: metaphorization, transrationality, transdisciplinarity, transgradience, contemplation, and outside-of-being.

Метафоризация как реальность отношений между людьми

Метафоризация — это способ описания отношений между людьми, которая складывается в условиях отвлечения от повседневности. Ее источником признается интуиция, помогающая описывать явления. Интуитивное восприятие делает ее неопределенной с позиции традиционного рационализма. Отношения между людьми иррациональны. Их можно определить как некоторую возможность, постоянное переходящую в действительность своими способами упорядочивания. К таким способам построения порядка человеческих отношений можно отнести метафору. Разработка метафоры связана с ее семантическим определением. Н.Д. Арутюнова относит метафору к тропам, когда слово обозначает «некоторый класс объектов, явлений, действий или признаков, для обозначения другого, сходного с данным, класса объектов или индивида. В расширительном смысле термин

«метафора» относят также к другим видам употребления слов в переносном значении [Арутюнова 2023]. Другое употребление слов в переносном значении делает метафору инструментом познания

Метафора является инструментом интеллектуальной деятельности человека и в этом качестве она привлекала многих философов на протяжении существования гуманитарных наук, в основном из западной Европы и Америки – Э. Кассирера, Х. Ортеги-и-Гассета, А. Ричардса, Дж. Сёрля и др. Интерес к метафоре способствовал взаимодействию и консолидации идейных направлений научной мысли, следствием которой явилось формирование когнитивной науки и исследования сознания человека. Изучение метафоры касается в основном филологии, но в последние годы научный интерес сместился в сферу изучения познания, сознания, интеллектуальных систем, в частности, искусственного интеллекта.

Как интеллектуальный инструмент, она позволяет развиваться новым смыслам, идеям и представлениям, переходя из одно области науки в другую, сохраняя при этом связь и создавая надежные цепочки.

Метафора имеет две важные функции одновременно: порождает новые смыслы и при этом сохраняет свою форму или модель. В буквальном значении метафора означивает некоторое бытие «над» формой. Это означает, что метафора позволяет нам увидеть новую грань понимания мира благодаря определенной структуре, которая в свою очередь остается стабильной. Смысл внутри этой структуры может меняться, развиваться, дополняться, обогащаться. В этом напряжении между смыслом и формой происходит рост и развитие гуманитарных наук [Волкова, Волков 2024, с.21].

Кризис естествознания, возникший на рубеже XIX и XX веков, благодаря разработкам А. Эйнштейна о новом представлении «волна-частица», предположил, что объект исследования обладает эффектом неопределенности [Дорожкин, Шнырева 2014, с.26]. Если распространить этот принцип на отношения между людьми, то мы получаем систему отношений, не укладывающуюся ни в обыденность, ни в конструкцию двух направленных друг на друга искусственных тел или когниций киборгов, построенных искусственным интеллектом. Это означает, что для анализа отношения должны рассматриваться в относительном значении.

Исходя из дуализма «волна-частица» Н. Бор обосновал принцип дополнительности как метод научного исследования [Дорожкин, Шнырева 2014, с.26]. Он может быть распространен на гуманитарные науки и, в частности, теорию восприятия. Определяя отношения на основе относительности и дополнительности, мы можем утверждать, что взаимоотношения между людьми создают целостность взаимодействия «двух несовпадающих сознаний» [Бахтин 1979, с.22], которое образует каждое свою систему действий и чувств в зависимости от особых условий. М. М. Бахтин попытался сконструировать и описать такие отношения взяв за основу выраженную метафору «Автор-герой», образующую новую систему метафоризации, рассматриваемую в относительности, пространственности и дополненной реальности своих содержаний.

Прежде всего, непостижимы и непредсказуемы сами отношения. Методом исследования таких отношений между людьми является по С.Л. Франку трансрациональность. Трансрациональность (от лат. trans по ту сторону, ratio – разум, рассудок) – состояние сознания, выражающее непостижимость бытия как единства мысли и чувства, рационального и иррационального, вербального и невербального и т.д. Трансрациональность помогает сознанию проникнуть на эти скрытые уровни связей между людьми.

В контакте так же часто возникают противоречивые чувства и поведенческие модели. Трансрациональный подход не пытается их исключить или исправить, а принимает их как часть целого, исследуя взаимосвязи между ними.

Следуя канонам эстетической классики, «метафора включает в себя не только перенос значений с одного предмета на другой, но и обретает скрытый смысл «порождающей модели», т.е. развертывания трансрационально переносимого смысла из одной сферы мысли в другую сферу» [Волкова, Волков 2024, с.21]

В современном мире исследование отношений проводится через введение в научный оборот трансдисциплинарности как модели междисциплинарного отношения к знаниям. Такой подход демонстрирует смещение внимания от жёстких формальных моделей к более гибким и открытым форматам наблюдения и осмысления, где центральное место занимают метафоры, «диалогичность» и «полифония смыслов». В результате трансдисциплинарность становится не только методологическим инструментом, но и своеобразной формой сознания, позволяющей преодолевать фрагментарность знания и создавать новые горизонты научного поиска.

Кросс-фертилизация естественных, гуманитарных, социальных наук, а также искусства, литературы, поэзии и иных сфер духовного опыта создает новое информационно когнитивное пространство, в котором необходимо создание метаязыка для помощи в преодолении фрагментации и раздробленности знания [Князева 2011, с.195].

Метафорическая реальность «Автор-герой» в учении М.М. Бахтина

Одним из важнейших аспектов учения М. М. Бахтина является концепция метафорической реальности, в частности, раскрывающая взаимоотношения между автором и героем литературного произведения. Мы можем на примере художественных образов «автора и героя» проникнуть в глубинные структуры смыслов и выстроить отношения в политике, культуре, социологии.

«Понимание – это превращение чужого в «свое-чужое» [Бахтин 1979, с. 371]. «На материале художественных текстов, показывая архитектонику Я и Другого (в транскрипции Автора и Героя), Бахтин показывает живую событийность этой архитектоники, пересказать которую невозможно, но вглядеться, всмотреться в этот феномен единственно возможно, заняв установочную позицию вненаходимости» [Смирнов 2021, с. 294]. Эта связь носит метафорический характер, поскольку автор одновременно находится вне истории, жизни, субъективности, является её творцом, а герой воплощает замыслы автора, но при этом обладает собственной внутренней жизнью и автономией внутри.

М.М. Бахтин вводит понятия диалогического мышления и полифонии — ключевых характеристик отношений, в которых «автор-герой» существует не одномерно. Герой — это не просто отражение воли автора, а участник диалога, отражающий многоголосие культурных смыслов. Метафорическая реальность в этом контексте помогает понять, как происходит взаимопроникновение и взаимодействие смыслов [Гагаев 2021].

«Диалог никогда не может быть завершен. Исследуя текст, каждый читатель достигает его нового понимания. Происходит понимание как соотнесение с другими текстами, так и видение в новом контексте» [Сомкин 2023, с. 51]. Принятие этого принципа «оказало существенное влияние на развитие всех областей социального и гуманитарного знания, а его внедрение в область международных отношений повлияло на ход мирового развития в конце 20 в.» [Сомкин 2023, с. 51].

Созерцание для М. М. Бахтина – это не механическое наблюдение, а вчувствование в другого человека, особая форма философского и диалогического восприятия. Созерцанию

придается конструктивный характер. В созерцании человек интуитивно схватывает внутренние интенции, переводит их в образы и начинает продуктивно осмыслять соответствие внутреннего и внешнего, публичного и интимного представления в отношениях между людьми.

Автор в рассуждениях опирается на термин трансградиентности: «избыток видения – почка, где дремлет форма и откуда она и развертывается, как цветок» [Бахтин 1979, с. 24]. Он использует метафорическое сравнение – избыток, ширина, глубина и т.д. сравнивается с почкой – в качестве гуманитарной измерительной величины. Форма, выраженная в метафоре «почка» является основанием для конструирования пространства в понимании мира и, в частности, другого человека. В этой точке я могу наблюдать и знать о нем много больше его самого: его выражение лица, тела, мир за его спиной. Я так же понимаю, что ему тоже доступны эти знания обо мне, я так же могу отражаться в его глазах. Мы равны. Я могу быть для него таким же объектом внимания, так же и он для меня [Смирнов 2021, с. 81].

Для определения исходного понятийного основания М.М. Бахтин употребляет термин «*вненаходимость*». Вненаходимость подразумевает обязательное наличие другого рядом и обеспечивает позицию созерцателя. Именно вненаходимость автор считает основой для возникновения эстетического и условием для живого диалога.

Созерцание по М. М. Бахтину начинается с вживания, вчувствования, заключающегося в ценностном отношении к другому, видении его изнутри [Смирнов 2023, с. 31].

Философ настаивает на том, что после вчувствования необходимо вернуться на своё место «которое он не утрачивает, вживаясь в Другую индивидуальность» [Рябова 2020, с. 307]. М.М. Бахин рассуждает о единственном и уникальном месте каждого человека в мире.

«Отношения я и другого абсолютно необратимо и архитектонически прочно этой необратимостью. И я могу быть для себя только в качестве другого-для -меня, через других, которых я нахожу в объективно значимом контексте события бытия и которых освещаю светом, согреваю теплом, сам освещаюсь и согреваюсь тем же светом и теплом, которое отдаю другим» [Гусейнов 2017, с. 70].

Список литературы

1. Арутюнова 2023 – Арутюнова Н.Д. Метафора // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/c/metafora-a25593
2. Бахтин 1979 – Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 7-180.
3. Бахтин 1979 – Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 361- 373.
4. Волкова, Волков 2024 – Волкова В.О., Волков И.Е. Метафоризация как способ понимания сознания // Ноосферные исследования. 2024. № 3. С. 18-26.
5. Гагаев 2021 – Гагаев А. А., Гагаев П. А. Система философии науки М.М. Бахтина // Антропологический поворот: теории и практики : Сборник трудов международной научной конференции, Орёл, 15–17 апреля 2021 года. Том Часть 1. Орел: Орловский государственный институт культуры, 2021. С. 52-67.
6. Гусейнов 2017 – Гусейнов А. А. Философия поступка как первая философия. (Опыт интерпретации нравственной философии М.М. Бахтина.) Статья вторая: Первая философия как нравственная философия // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 65-74

7. Дорожкин, Шнырева 2014 – Дорожкин А.М, Шнырева О.Е. Критерий полноты научного знания в свете неклассической рациональности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 26–31.
8. Князева 2011 – Князева Е.Н. Трансдисциплинарные стратегии исследлований // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. Вып. 10 (112). С. 193-201.
9. Рябова 2020 – Рябова М. Э. «Я» и «Другой» в философии М. М. Бахтина и современной реальности // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2020. Т. 20. № 3. С. 302–311
10. Смирнов 2023 – Смирнов С. А. Метод М. М. Бахтина // Человек.RU. 2023. № 18. С. 280-323.
11. Смирнов 2021 – Смирнов С. А. Михаил Бахтин: возрождение автора // Литературоведческий журнал. 2021. №54. С. 79-99.
12. Сомкин 2023 – Сомкин А. А. Принцип диалогического мышления М. М. Бахтина как его главное методологическое открытие // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2023. Т. 23. № 1(61). С. 48-56.
13. Суворов 2016 –- Суворов В. В. «Созерцание» в произведениях философов Античности // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2016. №6. С. 3-14.

УДК 101.1:378.4

ВЫЗОВ СЛОЖНОСТИ И УНИВЕРСИТЕТ

Громов Василий Александрович

Доктор физико-математических наук, профессор

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», руководитель лаборатории анализа семантики

E-mail: vgromov@hse.ru

Черёмухин Артем Дмитриевич

Кандидат экономических наук

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», научный сотрудник

Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный инженерно-экономический университет», доцент

E-mail: ngieu.cheremuhin@yandex.ru

Аннотация: доклад посвящён кризису сложности, который рассматривается как ядро современного цивилизационного кризиса, который находит своё проявление в социальном, экономическом, финансовом, эпистемологическом, аксиологическом и др. кризисах: человек впервые сталкивается с системами, сложнее себя (ИИ, социальные сети, фрактальные социальные структуры). В докладе рассматриваются структура пост-кризисного мира и возможные сценарии развития университета в этом новом «сложном» мире. В науке искусственный интеллект способен взять на себя до 90% рутинной работы исследователя, но постановка фундаментальных вопросов остаётся за человеком. Предлагается метафора «Древа знания» – сети научных результатов, где будущие публикации будут заполнять «пустые листья» и дыры (эти последние будут подлинно научными публикациями), а обзоры литературы уступят место путешествиям по Древу. В разделе, посвящённом влиянию кризиса на университетское образование представлены фундаментальные системные противоречия (между наукой и технологией, коллективным знанием и личностным исследованием и др.) и формируются четыре различных сценария «Факультет как бренд», «Факультет как научный центр», «Продолженное настоящее», «Факультет как сервер».

Ключевые слова: кризис сложности, пост-сложный мир, трансцендентное, искусственный интеллект, сценарии развития университета, человеческое познание

CHALLENGE OF COMPLEXITY AND UNIVERSITY

University Science in the Third Millennium

Gromov Vasilii Alexandrovich

HSE University, Head of the Laboratory for Semantic Analysis

vgromov@hse.ru

Cheremuhin Artem Dmitrievich

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Researcher

Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics, Associate Professor

ngieu.cheremuhin@yandex.ru

Abstract: the report addresses the crisis of complexity, which is regarded as the core of the contemporary civilizational crisis manifesting itself in social, economic, financial, epistemological, axiological, and other crises: for the first time, humanity is confronted with systems more complex than itself (AI, social networks, fractal social structures). The report examines the structure of the post-crisis world and possible scenarios for the development of the university in this new «complex»

world. In science, artificial intelligence can take over up to 90% of a researcher's routine work, but the formulation of fundamental questions remains with humans. The metaphor of the «Tree of Knowledge» is proposed—a network of scientific results where future publications will fill «empty leaves» and holes (the latter being truly scientific publications), while literature reviews will give way to journeys along the Tree. In the section devoted to the impact of the crisis on university education, fundamental systemic contradictions are presented (between science and technology, collective knowledge and individual inquiry, etc.), and four different scenarios are formulated: «Faculty as a Brand», «Faculty as a Research Center», «Extended Present», and «Faculty as a Server».

Keywords: crisis of complexity, post-complexity world, transcendent, artificial intelligence, university foresight scenarios, human cognition

Кризис сложности и человек. Всёвозрастающая сложность и «странность» возникающего на наших глазах нового мира не может не отразиться на используемых методах прогнозирования и стратегирования. Как нам представляется, центром, нервом разворачивающегося сегодня кризисов (социального, экономического, финансового, военного, аксиологического, эстетического и т.д.) является *кризис сложности*: человеку, впервые за всю его историю, приходится работать с системами (упорядочениями), сложнее себя. И, следовательно, работа с системами сложнее себя представляет собой главную задачу современной философии … и науки. Похоже, нас ждёт безумно интересный мир — безумный и интересный одновременно.

Три базовые проблемы, с которыми нам приходится сталкиваться, можно кратко охарактеризовать словами «слишком быстро», «слишком сложно», и «слишком страшно». Указанные аспекты образуют триединство естественного триалектического баланса (существование – бытие – богообщение). Под «слишком сложно» мы понимаем необходимость работать с системами, сложность которых — актуально или потенциально — существенно превосходит как сложность субъекта исследования, так и сложность человечества в целом. Примерами такого рода систем являются стремительно усложняющиеся системы искусственного интеллекта, социальные сети, порождённые ими фрактальные структуры в социуме, диссипативные информационные структуры и др. Под «слишком быстро» мы понимаем то, что стремительное ускорение наблюдаемых процессов обессмысливает не только сами научные результаты, не только методики получения научного знания, но и саму идею науки как таковую.

Неизбежность странного мира. Здесь мы попытаемся описать самыми широкими мазками ту систему координат, в которой будут существовать «люди+», пережившие кризис сложности и прошедшие фазовый барьер, сформулируем базовые диалектические и триалектические противоречия, которые будут определять их жизнь.

Главным балансом, как нам представляется, по-прежнему будет *баланс человеческой экзистенции* (человеческого бытия в мире): «внешнее — внутреннее — трансцендентное». При этом в досложностном периоде трансцендентное либо вообще удаляется из баланса, либо рассматривается как нечто, не имеющее отношения к делу, бесконечно далёкое и, по большому счёту, неважное. В пост-сложностном периоде, вследствие лобового столкновения со сложным, трансцендентное, как законный представитель, вестник бесконечно сложного, занимает подобающее ему место в вершине «богообщение» данного естественного баланса,

баланс поэтому вновь станет симметричным. По этой же причине — возвращения трансцендентного — предельно важным станет ещё один экзистенциальный (естественный) баланс, баланс принятия больших даров: «дар жизни — дар смерти — дар воскресения». Последний баланс можно считать индуцированным первым. Ещё одним следствием возвращения трансцендентного будет *признание за парадоксальностью не просто права на существование, но права быть основанием бытия*.

Группа онтологических балансов, будет включать в себя **главный баланс** человеческой онтологии (человеческого существования в мире): «прошлое — настоящее — будущее». Как и в случае с главным балансом человеческой экзистенции этот баланс будет симметризован: «будущее», в досложностном периодом бывшее Золушкой при двух старших сёстрах «прошлом» и «настоящем», станет принцессой. *Возникнет общество, определяемое будущим, в том смысле, в котором традиционное общество определяется прошлым, а общество модерна — настоящим*.

Наука и сверхвызов ИИ. Искусственный интеллект может придумать музыку, но только человек может придумать, что можно придумать музыку. Хуже того, совершенно неочевидно, что ИИ когда-либо сможет придумать, что можно придумать музыку. Но даже, если это и сможет, то только человек может придумать, что можно придумать, что можно придумать музыку и т. д. Человек с лёгкостью выходит из этой спирали. Есть ли выход из этой спирали для ИИ? В самом деле, право «быть с Богом на ты» с неизбежностью позволяет человеку заявлять, что актом своей воли он может увидеть истину во всей её полноте и тем самым отменить гёделизацию мира: некоторое утверждение, более, не правда и ложь одновременно, но истина [Ageev and others 2026]. Прежние гносеологические инструменты претерпят, как нам кажется, весьма существенную трансформацию. И наиболее показательными будут изменения, которые произойдут с современной наукой.

Около 90% того, что в настоящее время занимает рабочее время среднестатистического исследователя, а именно, работа с источниками, анализ больших данных, натурные и вычислительные эксперименты, проверка доказательств и выкладок — могут быть с лёгкостью передоверены (и уже передоверяются) искусственному интеллекту, освобождая время ученого для того, что, собственно говоря, и составляет предмет научного познания: формулировка фундаментальных вопросов, определяющих контуры будущего знания, формирование онтологий и оснований для этого знания [Gromov 2013, p. 120]. Предвестником данной смены парадигмы является нынешняя мода на междисциплинарность и трансдисциплинарность. Впрочем, сравнительно быстро она сменится новой дисциплинарностью: «*время собирать камни, и время разбрасывать камни*». *Накопленный к настоящему моменту объём научного знания ожидает критическая переоценка в свете новой сложностной парадигмы и пересборка в терминах новых фокусов знания* [Gromov 2023].

Вариантам изменения структуры представления знаний — может, как нам кажется, служить *Древо знания*, сложная сеть научных результатов, находящихся в весьма сложных отношениях друг с другом, в том числе в отношениях жёстких бинарных противоречий. Эта сеть будет потенциально давать представление о познанном / познаваемом. Мы думаем, что в ближайшем будущем научные статьи и монографии будут представлять собой заполнение «пустых» листьев этого Дерева, а наскучившие, зачастую превратившиеся в формальность обзоры литературы, сменятся увлекательными путешествиями по его ветвям, *travel blog'ами*. Значимость поставленной задачи и полученного результата достаточно чётко будет

определяться ответом на вопрос, ветвь какого уровня мы получили или лакуну какого масштаба закрыли?

Собственно научными, будут представляться исследования, которые находятся в области дырок в науке, в Древе знания, подобных дыркам в языке [Gromov, Dang 2023].

Кризис сложности в университете. Результаты нижеследующего текста были получены в 2015 г. как форсайт для 2030 г. На настоящий момент (2026 г.) читатель сам может оценить эффективность используемых инструментов анализа. Всякая система накануне фазового перехода характеризуется рядом системных противоречий; система высшего образования не является исключением.

Противоречие между образовательными и научными функциями.

Противоречие между наукой и технологией.

Противоречие между коллективным характером научного знания и личностным характером научного исследования.

Противоречие между технологичностью современных образовательных технологий и личностностью восприятия нового знания.

Противоречие между необходимостью специализации работника и общностью традиционного университетского образования.

Необходимость создания учебного плана, предугадующего будущую трансформацию профессии.

Возможные сценарии. В настоящем разделе приводятся результаты форсайта.

Рис.1. Сценарии для форсайта. Факультет-2030.

В процессе анализа были выделены два основных тренда: первый – финансирование с возможными экстремумами: сохранение финансирования на текущем уровне – его кардинальное увеличение; и (второй тренд) парадигма образования: сохранение классической парадигмы – замена её неклассической, связанной с массовым использованием ИИ, информационных, интернет- и социальных технологий. В соответствии с этим были сформулированы четыре базовых сценария (рис. 1):

Выделенные сценарии:

1. Факультет как бренд (неклассическая, увеличение).
2. Факультет как научный центр (классическая, увеличение).
3. Продолженное настоящее (классическая, сохранение).
4. Факультет как сервер (неклассическая, сохранение).

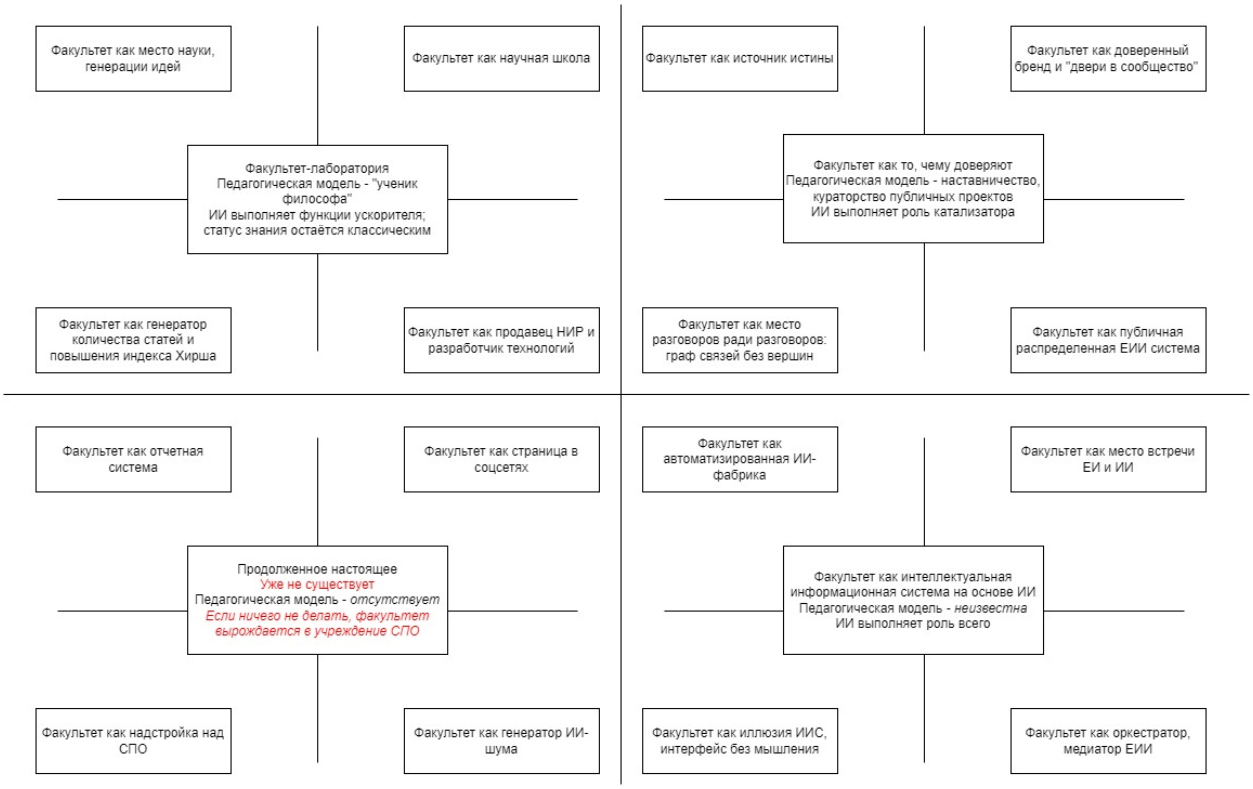


Рис.2. Форсайт 2025 (А. Д. Черёмухин)

Список литературы

1.Ageev and others 2026 – Woven World: The Cat Turned Over / A. I. Ageev, V. A. Gromov, N. M. Lukovnikova, S. B. Pereslegin, E. B. Pereslegina, S. Yu. Shilov, N. Yu. Yutanov, V. G. Vyatchina, D. V. Potapov, S. G. Vasiliev, A. V. Sorokin, S. A. Kamionsky. Springer (in press).

2.Gromov 2013 – V. A. Gromov. A novel approach to solve nonlinear boundary problems of multilayered thin-walled shell theory // International Journal on Numerical and Analytical Methods in Engeneering. 2013. Vol.1. No. 2. P. 119–22.

3.Gromov 2023 – V. A. Gromov, P. S. Baranov Prediction after a Horizon of Predictability: Nonpredictable Points and Partial Multistep Prediction for Chaotic Time Series // Complexity. 2023. Vol. 2023. [б. с.]

4.Gromov, Dang 2023 – V. A. Gromov, Dang Q. N. Semantic and sentiment trajectories of literary masterpieces // Chaos, Solitons and Fractals. 2023. Vol. 175. No. 1. [б. с.]

УДК 101.1:378

ОБРАЗОВАНИЕ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА И МИССИЯ УНИВЕРСИТЕТА

Доронина Светлана Геннадиевна
Институт философии Национальной академии наук Беларуси, научный сотрудник
svetadoris@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы, имеющие отношение к причинам переопределения роли современного университета в производстве знания и ценностей образования, в контексте до сих пор актуальных идей, таких философов, как К. Ясперс, Ж. Бодрийяр и З. Бауман. Сопряженные с размышлениями о миссии университета и социально-культурных, экономических и политических изменениях, произошедших в XX–XXI вв., поднятые в работе вопросы затрагивают также тему унификации и коммерциализации массового высшего образования. Демонстрируется обусловленность подобных тенденций глобальными экономическими рыночными отношениями, в большой степени определяющими критерии востребованности различных областей знания и формирующими новую иерархию образовательных ценностей. Установлено, что в условиях рыночной экономики понимание университета смещается от прообраза автономного центра формирования идеалов образованности и знания к модели функциональной структуры, ориентированной на максимизацию прибыли от реализации образовательных услуг. В заключении делается вывод о том, что сочетание глобальных рыночных трендов с рядом неудачных внутренних реформ высшей школы привело к снижению качества образования и кризису соответствия между институциональной деятельностью и имманентными ценностями университета.

Ключевые слова: образование, университет, обучение, миссия, утилитаризм, общество, знание.

EDUCATION IN THE POSTMODERN ERA AND THE MISSION OF THE UNIVERSITY

Doronina Svetlana Gennadievna
Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, researcher

Abstract: The author of the article analyzes the transformation of the role of the modern university in the processes of knowledge production and the formation of educational values. The study was conducted in the context of the theoretical concepts of K. Jaspers, J. Baudrillard and Z. Bauman. The author examines the problems caused by socio-cultural, economic and political changes of the XX-XXI centuries, paying special attention to the processes of unification and commercialization of mass higher education. It is demonstrated that these trends are determined by global market relations, which set criteria for the demand for various fields of knowledge and form a new hierarchy of educational values. It has been established that in a market economy, the paradigm of understanding the university is shifting from the prototype of an autonomous center for the formation of ideals of knowledge to a model of a functional structure focused on maximizing profits from the sale of educational services. In conclusion, it is concluded that the combination of global

market trends with a number of unsuccessful internal reforms of higher education has led to a decline in the quality of education and a crisis of correspondence between institutional activities and the inherent values of the university.

Keywords: education, university, learning, mission, utilitarianism, society, knowledge.

Размышляя о такой глубокой теме, как миссия университета, хочется сразу обозначить концептуальные рамки ее осмысления путем сосредоточенности на идеях трех известных философов, в свое время определивших причины происходящих в системе образования негативных тенденций, свойственных и нашей современности. Речь пойдет о взглядах таких философов, как К. Ясперс, Ж. Бодрийяр и З. Бауман, каждый из которых внес свою лепту в рассмотрение вопросов общего и высшего образования и прояснение миссии университета.

Сегодня ни одна конференция не обходится без обсуждения проблем высшего образования, в частности имеющих отношение к последовательному понижению статуса университета и значимости профессиональной подготовки, получаемой в рамках высшей школы. В большинстве случаев причины этих тенденций признаются укорененными в социально-культурных трансформациях, произошедших в XX–XXI вв., и сопутствующих им изменениях в сфере рыночной экономики. В условиях текучей современности, неопределенности ценностей и траекторий будущего развития общества, но вполне конкретных экономических требований университеты оказались захваченными идеей оправдания практической целесообразности собственного существования, что поставило качество высшего образования в зависимость от утилитарных интересов. Надо отметить, что «здоровый» утилитаризм подразумевает получение от образования функциональной пользы наиболее эффективным способом с целью достижения общего счастья и блага, но у полезной практичности, связанной не только с экономическими показателями, но и накоплением социально-культурного капитала, существует и обратная, теневая сторона. Под девизом чрезмерной практичности образование и имманентная ему сфера человеческого взаимодействия рискуют «распасться» на отдельные функции по исполнению определенных требований и предписаний, подменяющих процесс образования деятельностью по получению максимальной прибыли путем систематического производства и реализации нужного товара.

Усиление коммерческой составляющей массового высшего образования в совокупности с расщеплением его на все большее количество специализаций редуцируют приобретенное студентами знание к допустимой или минимальной концентрации некоторого коррелята обучения, оценивание которого сводится к простейшим формам тестирования и экзаменации. Многие преподаватели уже не ждут от студентов сложных рассуждений, открытий, ценностных соображений, – они подменяются изучением сухой объективности фактов, информированностью, в лучшем случае логичностью или рациональностью без особого пиетета к процессу познания [Ясперс 2007, с. 38, 39]. Образование постепенно обедняется, его требования все больше подгоняются под способности «среднего» человека и массовое получение аттестатов и дипломов, и, несмотря на усиленное стремление к инновациям различного рода, в нем проглядывается некоторая враждебность самой его сущности.

Можно было бы считать, что эти меры в какой-то степени являются вынужденными, – современное образование прибегает к излишней практичности с целью выживания. Однако с того момента, когда функции начинают жить своим самостоятельным безосновным бытием, аргумент к оправданию применяемых стратегий становится доводом обвинения, так как ценности образования начинают также существовать сами по себе, в своей чистой форме,

подобно идеям Платона, не имея при этом эквивалентов в реальности. Подобная разобщенность приводит к тому, что процесс познания и мыслительная деятельность замирают и подменяются «пустотой» нескончаемого обучения, одобряемой имитацией, становясь симулякром, создающим собственную реальность. «Университетские ценности (дипломы и т. д.), – отмечает Ж. Бодрийяр, – будут множиться и продолжат циркулировать подобно “блуждающему капиталу” или евродолларам, они будут вращаться по кругу, лишенные всякого критерия референтности, пока полностью не обесценятся…» [Бодрийяр 2015, с. 203].

Помимо коммерциализации и чрезмерной практичности существуют и другие причины, приведшие к обеднению образования, связанные с кризисом унаследованных институтов, в рамках которых по инерции воспроизводятся прежние, не подходящие для новой реальности предписания. Надо понимать, что университеты прошлого, представляли структурированные, управляемые системы, четко определяющие полномочия всех субъектов образовательных практик, и в большой степени являлись автономными центрами формирования ценностей знания. В эпоху постмодерна университет перестал выполнять ведущую роль в производстве идеалов образованности, и этому есть объяснение. «Все, что сделали университеты в последние девятьсот лет, – отмечает З. Бауман, – имело смысл либо при ориентации на вечность, либо в рамках доктрины прогресса; модернити же избавила от первой, тогда как постмодернити обесценила вторую. А эпизодическое время, зажатое между руинами вечности и прогресса, оказывается чужеродным всему, что мы привыкли вкладывать в понятие университета…» [Бауман 2005, с. 166]. Сегодня понимание университета сопряжено с выполнением ограниченных функций, которые он разделяет не только с различными (не)государственными учреждениями, предоставляющими за умеренную плату образовательные услуги, но и со структурами, специализирующимися на манипуляции вниманием людей, СМИ, с отдельными известными группами, партиями, личностями, формирующими сознание масс. Не секрет, что в современном мире достижение публичной известности иногда представляет бóльшую ценность, чем получение научного диплома, и люди, пусть и необразованные, но имеющие популярность, сейчас занимают прочную позицию в иерархии трансляторов неустойчивых ценностей.

Легкая доступность цифровых образовательных ресурсов, позволяющих человеку в упрощенной форме ознакомиться с любыми достижениями науки, культуры, искусства и т. д., является еще одним фактором, способствующим потере автономии университета, который вынужден «…конкурировать на якобы равных условиях со многими другими организациями, значительно более искушенными в проталкивании собственных идей и гораздо лучше понимающими желания и страхи современной клиентуры» [Бауман 2005, с. 163]. В условиях сложно координируемых глобальных рыночных отношений у университетов это плохо получается: приобретаемые в процессе обучения в высшей школе знания являются либо уже устаревшими или устаревающими, либо излишне теоретическими, неприложимыми к практике в реальной трудовой среде. Переводя на язык рыночной экономики, это – означает неконкурентоспособность университетов и необходимость переходить на производство более востребованных товаров.

Социально-культурные, политические, экономические и пр. причины, лежащие в основе изменений, происходящих в современном высшем образовании, имеют отношение и к ослаблению государственной культурной политики, снижению ее интереса к популяризации высоких идеалов знания и образованности. Кризис высшего образования обусловлен не только влиянием внешних непреодолимых сил, под воздействием которых происходят

нежелательные изменения, но и связан с проблемами внутри самой системы, например, вызванными неактуальными реформами и стратегиями ее адаптации к новым условиям. На фоне разнообразия учебных планов и экспериментальных программ, методологического плюрализма в пространстве университетов происходит унификация образовательного процесса, внедряются повсеместное тотальное планирование и контроль, которые препятствуют развитию интеллектуальной и мыслительной деятельности и противоречат той цели, ради которой университеты создавались. «Университет, – пишет К. Ясперс, – это место, где общество и государство позволяют сознанию эпохи развернуться в наивысшей форме» [Ясперс 2006, с. 36]. «В университете, – продолжает философов, – реализуется *изначальное стремление к знанию* (выделено К. Ясперсом), которое поначалу не имеет никакой иной цели, кроме как узнавать, что возможно познать и кем мы станем благодаря познанию» [Ясперс 2006, с. 37].

Эти, казалось бы, не имеющие приложения к реальным условиям абстрактные высказывания, косвенно указывают на связь целей образования с миссией университета, проявляющуюся в необходимости культивирования высоких идеалов образованности и знания, к которым и следует приближать практическую эффективность обучения и реально существующее положение дел. Несмотря на тот факт, что вышерассмотренные особенности не дают ключи к быстрому решению современных проблем, они позволяют нащупать утерянную нить повествования в дискурсах об образовании.

Список литературы

1. Ясперс 2007 – Ясперс К. Призрак толпы / К. Ясперс, Ж. Бодрийар. М.: Алгоритм, 2007. С. 10–185.
2. Бодрийяр 2015 – Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
3. Бауман 2005 – Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
4. Ясперс 2006 – Ясперс К. Идея университета. Минск, БГУ, 2006, 159 с.

УДК 378.4

«СУБЪЕКТНОСТЬ В СТРУКТУРЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ИЗМЕНЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕСМОТРА МИССИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ»

Жарков-Симакин Егор Владимирович

Аспирант 1 года обучения, кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

E-mail: mr.zharkov.egorka@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается трансформация содержания субъектности в связи с

изменением миссии университета на постклассическом этапе, характеризующемся переходом к экономике знаний и массовизацией высшего образования. Автор сопоставляет европейский и постсоветский векторы развития высшей школы, фиксируя рассогласование между декларируемыми целями (кадровое и технологическое обеспечение экономики) и реальными социальными практиками университетов (трансляция культуры, производство неформальных институтов). При этом европейский вектор ориентирован на компетенции и мобильность, а постсоветский сохраняет фундаментальность. Проводится аналогия между деконструкцией классического субъекта в философии XX века и переопределением субъектности в образовании - переходом от автономии мышления к рыночной адаптивности. Подобно тому как философия XX века развенчала самопрозрачного субъекта, образование смещает акцент с познания на адаптивный навык. Обосновывается, что этот понятийный сдвиг обусловлен синхронными изменениями на институциональном (реформы управления), философско-антропологическом (переосмысление человека) и педагогическом (распространение компетентностного подхода) уровнях. В качестве способа разрешения указанной методологической неопределённости предлагается концептуальная модель субъектности, объединяющая положения постнеклассической философии с ценностными основаниями университетской миссии в условиях современных вызовов.

Ключевые слова: субъектность, миссия университета, трансформация субъекта, постклассическая философия.

“SUBJECTNESS IN THE STRUCTURE OF UNIVERSITY EDUCATION: THE TRANSFORMATION OF THE CONCEPT AMID THE REVISION OF HIGHER EDUCATION’S MISSION”

Zharkov-Simakin Egor Vladimirovich

1st-year postgraduate student, Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Abstract: The article examines the transformation of the content of subjectivity in connection with the changing mission of the university at the post-classical stage, characterized by the transition to a knowledge economy and the massification of higher education. The author compares the European and post-Soviet vectors of higher education development, noting a discrepancy between the declared goals (staffing and technological support for the economy) and the actual social practices of universities (transmission of culture, production of informal institutions). While the European vector is oriented towards competencies and mobility, the post-Soviet one retains a focus on fundamentality. An analogy is drawn between the deconstruction of the classical subject in twentieth-century philosophy and the redefinition of subjectivity in education—a shift from the autonomy of thinking to market adaptability. Just as twentieth-century philosophy debunked the self-transparent subject, education shifts the emphasis from cognition to an adaptive skill. It is substantiated that this conceptual shift is driven by synchronous changes at the institutional (governance reforms), philosophical-anthropological (rethinking of the human being), and pedagogical (proliferation of the competency-based approach) levels. As a way to resolve this methodological uncertainty, a

conceptual model of subjectivity is proposed that combines the tenets of post-nonclassical philosophy with the value foundations of the university mission in the context of contemporary challenges.

Keywords: subjectness, university mission, transformation of the subject, post-classical philosophy.

В классической философской традиции субъект трактовался как самодостаточное сознание, прозрачное для самого себя [Декарт 1989, с. 3–72; Лейбниц 1982, с. 413–429]. В XX столетии этот образ подвергся решительной деконструкции: под воздействием кризисов гуманизма, открытия бессознательного и травм тоталитаризма субъект стал мыслиться уязвимым, сконструированным внешними дискурсами и внутренне расщеплённым. В актуальных дискуссиях речь идёт уже не о «смерти субъекта», а о его глубинной трансформации [Рено 2002, с. 231], что напрямую сказывается на понимании студенческой субъектности: акцент смещается с автономии мышления на диалогическую, укоренённую и дискурсивно обусловленную природу личности.

Аналогичные сдвиги происходят и в представлениях о миссии университета, так в классической гумбольдтовской модели субъектность учащегося связывалась с автономией суждений, независимостью от внешних авторитетов и способностью к самоопределению; цель образования виделась в становлении целостной личности, готовой к свободному познанию и ответственному действию [Гумбольдт 1985, с. 327–340]. На постклассическом же этапе (середина XX в.) под влиянием мировых войн и кризисов социальная миссия университетов пересматривается. Например, Х. Ортега-и-Гассет отмечает утрату выпускниками целостного мировоззрения, превращающую их в «новых варваров», и предлагает вернуться к преподаванию культуры как главной цели, дополнив её профессиональной подготовкой и исследованиями [Ортега-и-Гассет 2019, с. 70]. В европейской же традиции эта линия получает институциональное оформление в Великой хартии университетов, где вуз определяется как центр культуры, знания и исследований, призванный передавать культурное наследие и сохранять гуманистические ценности [Великая хартия университетов, web]. На рубеже XX–XXI вв. Р. Барнетт дополняет миссию функцией адаптации человека к условиям неопределённости через углубление взаимопонимания [Барнетт 2008, с. 112–126].

Сегодня российская модель законодательно закреплена в Федеральном законе «Об образовании», где основной целью образовательной организации высшего образования провозглашена образовательная и научная деятельность [Федеральный закон 2012, web]. При этом федеральные университеты ориентированы на кадровое обеспечение регионального развития, а национальные исследовательские университеты – на приоритетные направления науки и технологий. На практике же университеты выполняют более широкий спектр социальных функций (участие в региональных программах, распространение лучших практик, решение проблем занятости). Как подчёркивает А. Аузан, университеты производят неформальные институты – системы ценностей и поведенческих установок, которые впоследствии формализуются [Аузан 2013, с. 268–279].

Современный дискурс переопределяет субъектность в инструментальном ключе: на первый план выходят адаптивность к изменчивым условиям, эффективность, умение презентовать себя в качестве «успешного продукта». Субъект утрачивает статус носителя внутренней автономии и предстаёт гибким агентом, отвечающим на внешние запросы. Перемещение акцента с самоопределения на внешнюю адаптивность влечёт за собой пересмотр целей, методов и критериев оценки в образовании.

Переосмысление субъектности в образовании не возникает изолированно, а питается двумя синхронными процессами. Первый связан со сменой целевых ориентиров высшей школы: культурно-гуманистическая и исследовательская парадигма уступает место инструментальной, нацеленной на кадровое и технологическое обслуживание экономики, что задаёт новые институциональные рамки. Второй коренится в философской рефлексии XX века, которая, преодолев представление о субъекте как самодостаточном сознании, легитимировала трактовку субъектности как уязвимой, дискурсивно сконструированной и не сводимой к чистой рефлексии. В образовательной практике эти линии пересекаются: студенческая субъектность всё чаще измеряется не внутренней самодетерминацией, а способностью соответствовать запросам рынка, работодателя и управленческим нормативам.

Трансформация пронизывает три взаимосвязанных уровня – институциональный (миссия университета), философско-антропологический (понимание субъекта) и педагогический (методы и характер взаимодействия). В классической конфигурации они образовывали согласованное целое: гумбольдтовская миссия, представление об автономном сознании и педагогика диалога взаимно усиливали друг друга. В современной конструкции единство сохраняется, однако его содержание меняется: инструментальная миссия корреспондирует с образом субъекта как гибкого агента, порождая педагогику «образовательных услуг». Возникающее рассогласование между формально закреплённой миссией и реальными социальными функциями университета, а также между классическим и актуальным пониманием субъектности, обнажает внутренние противоречия образовательной практики, требующие осмысления на стыке философии и педагогики.

Сдвиг в интерпретации субъектности – от автономии мышления и критической рефлексии к рыночной адаптивности и эффективности – влечёт перестройку целеполагания, методического аппарата и межсубъектных отношений в высшей школе. В классической модели образование было нацелено на становление целостной личности, способной к самостоятельному суждению, независимому от внешних авторитетов [Гумбольдт 1985, с. 327–340]. Главным здесь выступало не столько освоение конкретных навыков, сколько развитие способности к самоопределению, критическому осмыслению действительности и ответственному действию. Методы строились вокруг диалога, рефлексии, вовлечения студента в исследовательский поиск; преподаватель был наставником и соучастником совместного движения к истине. В современной же модели, где субъектность редуцируется к умению эффективно позиционировать себя на рынке, цели смещаются в сторону формирования компетенций, напрямую конвертируемых в профессиональный успех. Методы приобретают инструментальный характер: акцент переносится на проектные технологии, «портфолио достижений», презентационные навыки и алгоритмы самопродвижения. Учебный процесс всё чаще имитирует рыночные отношения, в которых студент выступает «продуктом», а преподаватель - «поставщиком образовательных услуг».

В классической университетской парадигме отношения преподавателя и студента строились на принципах академического партнёрства: профессор сохранял наставническую функцию, а студент выступал в роли младшего коллеги, чья субъектность формировалась в диалоге, через преодоление авторитета и самостоятельное мышление. Сегодня эта конфигурация уступает место логике «заказчик – исполнитель». Педагог перестаёт восприниматься как носитель безусловного знания, его роль сужается до тьюторского сопровождения – обеспечения комфортного прохождения студентом индивидуальной образовательной траектории. Исходя из этого меняются определенные критерии эффективности, а именно: вместо глубины сформированного критического мышления в фокус

попадают удовлетворённость «потребителя» в аспекте рыночной экономики и количественные показатели трудоустройства выпускников.

Когда меняется то, как мы понимаем роль субъекта в учебе, образование начинают оценивать только с точки зрения пользы, однако раньше эта роль была связана с внутренними убеждениями и личностным ростом, а теперь ее сводят к набору практических навыков, адаптированных под потребности рыночной экономики. Тем самым высшая школа рискует стать просто поставщиком услуг, а отношения между преподавателями и студентами - напоминать гражданско-правовые отношения сторон по договору оказания услуг.

Нынешняя ситуация отражает столкновение двух подходов: первого – классического имеющего истоки от гумбольдтовской модели университета, в нем основополагающим аспектом считалось самостоятельное критическое мышление субъекта образовательного процесса; второго – современного, где университет ориентируется на узкие прикладные задачи, а от человека требуется лишь гибко подстраиваться под нужды рынка, именно данное противоречие и создает главную проблему.

Проблема становится острее из-за того, что заявленная цель университета – готовить кадры и разрабатывать технологии – расходится с тем, что он делает на самом деле. В реальности университет продолжает передавать культурные традиции, объединять людей в неформальные сообщества и поддерживать гуманистические ценности. Именно это несоответствие между заявленной в законе формулировкий и реальной ролью университета сегодня труднее всего разрешить. Следствием такого разрыва становится методологическая неопределённость педагогической практики: установка на воспитание целостной личности вступает в противоречие с критериями оценки, фокусирующимися исключительно на внешней эффективности и адаптивности выпускника.

Преодоление этой ситуации видится в восстановлении утраченного в ходе постклассических трансформаций принципа согласованности институционального, философско-антропологического и педагогического измерений образовательного процесса. Конкретным путём предлагается построение концептуальной модели субъектности, интегрирующей идеи постнеклассической философии (укоренённость существования, уязвимость как конститутивная характеристика, диалогическая природа субъекта) с ценностным ядром университетской миссии. Такая модель позволяет выйти за рамки редукции субъектности к рыночной функциональности и восстановить баланс между адаптационными требованиями к высшей школе и её фундаментальной задачей – передачей культуры и развитием критического мышления.

Список литературы

1. Аузан 2013 – Аузан А. Эффективность российской экономики: от модернизации к институциональной эволюции // Вопросы экономики. 2013. № 7. С. 4-19.
2. Барнетт 2008 – Барнетт Р. Осмысление университета // Alma Mater: Вестник высшей школы. 2008. № 6. С. 46–57.
3. Великая хартия университетов // Российский университет дружбы народов: офиц. сайт. URL: https://www.rudn.ru/about/traditions/magna-charta (дата обращения: 20.03.2026).
4. Осмысление университета // Образование в современной культуре: альманах / под ред. М. А. Гусаковского. Минск: Пропилеи, 2001. С. 97–124.

5. Гумбольдт 1985 – Гумбольдт В. фон. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. С. 451-459.
6. Декарт 1989 – Декарт Р. Размышления о первой философии // Декарт Р. Сочинения : в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 2. С. 3-72.
7. Емельянова 2018 – Емельянова И. Н. Функции современных университетов: сравнительный анализ миссий отечественных и зарубежных вузов // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22. № 1. С. 83–92.
8. Лейбниц 1982 – Лейбниц Г. В. Монадология // Лейбниц Г. В. Сочинения : в 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. С. 413-429.
9. Рено 2002 – Рено А. Эра индивида. СПб: Владимир Даль, 2002. 231 с.
10. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.03.2026).
11. Ортега-и-Гассет 2019 – Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 70 с.

УДК 1:159.9

ФИЛОСОФИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ПСИХОТЕРАПИИ В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

Камин Андрей Александрович

Московский государственный психолого-педагогический университет, Старший преподаватель кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения

E-mail: kaminaa@fdomgppu.ru

Аннотация: Статья посвящена философскому анализу университетской психотерапии в условиях цифровой трансформации высшего образования. Выявляется фундаментальная дилемма: должна ли психотерапия как часть психологической науки подчиняться логике эффективности, количественных показателей и прикладной полезности или сохранять статус пространства критической рефлексии и свободного генерирования знания о психике, академическая свободы. Рассматриваются историко-философские корни этой дилеммы: влияние Шопенгауэра на Фрейда, переосмысление Канта и Платона Юнгом, переход от классической к неклассической и постнеклассической методологии в психотерапии. Особое внимание уделяется феномену «терапевтического поворота», в результате которого психотерапевтический дискурс проник в повседневную жизнь, институты и язык. В условиях цифровизации и трансгуманистических вызовов (ИИ-ассистированная терапия, нейротехнологии, нейросетевой анализ психических состояний) автор предлагает модель «критической психотерапии» как гуманитарной практики, противостоящей коммерциализации и утрате эмпатии. Ориентация психотехнологий на трансгуманистическое улучшение человека порождает новые риски: коммерциализацию душевного здоровья, потерю эмпатии в алгоритмизированной терапии и подчинение знания утилитарным целям ментального благополучия студентов и сотрудников. Университет, сохраняя автономию, должен стать центром свободной дискуссии о границах человеческого и машинного, об этике

«постчеловеческой» терапии — вместо того чтобы превращать психотерапию в инструмент менеджмента личностного роста.

Ключевые слова: университетская психотерапия, академическая свобода, менеджмент личностного роста, терапевтический поворот, постнеклассическая наука, цифровизация психического здоровья, феномен фантазии

THE PHILOSOPHY OF UNIVERSITY PSYCHOTHERAPY IN THE THIRD MILLENNIUM

Kamin Andrey Alexandrovich

Moscow State University of Psychology & Education Department of Psychology and Pedagogy of Distance Learning/ Senior Lecturer

Abstract: The article is devoted to the philosophical analysis of university psychotherapy in the context of the digital transformation of higher education. It reveals a fundamental dilemma: should psychotherapy, as a part of psychological science, be subject to the logic of efficiency, quantitative indicators, and applied usefulness, or should it maintain the status of a space for critical reflection and the free generation of knowledge about the psyche, as well as academic freedom?

The article examines the historical and philosophical roots of this dilemma, including the influence of Schopenhauer on Freud, the reinterpretation of Kant and Plato by Jung, and the transition from classical to non-classical and post-non-classical methodologies in psychotherapy. Special attention is paid to the phenomenon of the “therapeutic turn”, as a result of which the psychotherapeutic discourse has penetrated into everyday life, institutions and language.

In the context of digitalization and transhumanistic challenges (AI-assisted therapy, neurotechnology, neural network analysis of mental states), the author proposes a model of “critical psychotherapy” as a humanitarian practice that opposes the commercialization and loss of empathy. The university, while maintaining its autonomy, should become a center for free discussion about the boundaries of the human and the machine, and the ethics of “post-human” therapy, rather than turning psychotherapy into a tool for managing personal growth.

Keywords: university psychotherapy, academic freedom, personal growth management, therapeutic turn, post-non-classical science, digitalization of mental health, and the phenomenon of fantasy

В 2026 году исполняется 170 лет профессиональной психотерапии в России. 4 апреля 1856 года Высочайшим приказом князь Алексей Владимирович Долгоруков был утвержден психотерапевтом учреждений императрицы Марии. «Я двадцать пять лет служил (без жалованья) и первым в Европе от правительства и медицинского совета утвержден Высочайшим приказом 4 апреля 1856 года магнетизёром. Я этим горжусь, потому что первый в больницах дал ему приложение к медицине» - писал А. В. Долгоруков сыну 15 февраля 1868 г. [Слабинский 2020, с. 179]. Сам термин "психотерапия" будет предложен только в 1872 г.

Со времен Ф. Мессмера и Ж.М. Шарко, психотерапия поддерживает тесную связь с медициной и развивается в клинических больницах и кафедрах. Это изменилось с появлением психоанализа. З. Фрейд и К.Г. Юнг известны не столько как клиницисты, а как оригинальные ученые, чей вклад в философскую антропологию не подлежит сомнению. В отличие от клинической эффективности или научности психоанализа, справедливо критиковавшихся не только психологами-бихевиористами, но и философами науки. Основоположники психоанализа заимствовали идеи, которые являются «философскими основаниями психоанализа».

Связь между А. Шопенгауэром и З. Фрейдом это один из примеров такого влияния. Шопенгауэр учил, что миром правит иррациональная «Мировая Воля», как слепое, неутолимое желание, которое лежит в основе всего сущего. Воля Шопенгауэра есть очевидный прообраз Id или Оно Фрейда – бессознательного, инстинктивного резервуара психической энергии, не знающего логики и морали. Идеи Шопенгауэра о безумии как способе ухода от невыносимых страданий совпадают с фрейдовской теорией вытеснения и причины невроза. Фрейд настаивал на научном, физиологическом обосновании своих открытий. Т. Манн считал, что нежелание З. Фрейда признавать влияние Шопенгауэра связано с личной потребностью в оригинальности. [Манн 1996, с. 5]

К. Г. Юнг пошел еще дальше, открыто заявляя о своей опоре на целый ряд философов от Платона до И. Канта. Он творчески переработал их для аналитической психологии. Юнг критически отнесся к биологизаторству Фрейда и обратился к философским основам психики. Для него, как и для Канта, было важно найти врожденные структуры, формирующие наше восприятие.

Новация Юнга в том, что он использовал кантовские категории рассудка как философскую модель для архетипов, а **априорные формы чувственности**: пространство и время, - для классификации психологических типов. Сам термин архетип он заимствовал у Платона, но переосмыслил его для психологии [Юнг 2008, с. 185]. Кант считал категории: причина, единство и т.д. врожденными формами мышления. Юнг психологизировал их, превратив в универсальные образы: тени, анимуса, персоны и т.д., населяющие коллективное бессознательное. Пути Канта и Юнга расходятся в отношении к феноменам фантазии. Для Канта, вполне в русле классической философии, воображение это инструмент познания, связующее звено между чувственностью и рассудком. Для Юнга воображение имеет самостоятельную ценность. Он развивает идею кантовской трансцендентальной функции как психического механизма, который через феномены фантазии: образы и символы соединяет сознание с бессознательным. Юнг использует для этого психотехники работы с образами сновидений и активного воображения. Но говоря о сновидениях Юнг использует кантовскую классификацию воображения, аналогичным образом разделяя типы сновидений на проспективные и ретроспективные [Кант 1999, с. 471].

Подобная гибкость позволила психоанализу преодолеть кризис классической психотерапии, и в эпоху модерна продолжить существовать, как психодинамическая теория, а позднее в постмодерне, как культурологическая практика.

В психотерапии неклассической, направления принято объединять в экзистенциально-гуманистические. Тут очевидно влияние экзистенциальной философии. В рамках гуманистических подходов психотерапии возникло понятие личностного роста. Его принято

связывать с именами Карла Роджерса и Абрахама Маслоу. Оно далеко от фрейдовской Травмы, напрямую заимствованной из хирургии. Личностный рост ближе к юнговскому процессу индивидуации. Это понятие проникнуто верой в изначально добрую природу человека и имеющийся у него внутренний потенциал. Это противоречило установкам бихевиоризма, торжествовавшего победу над психоанализом. Бихевиоризм видел источник развития человека исключительно во влиянии внешней среды.

Роджерс предполагал, что влияние внешней среды может только затормозить, но не остановить стремление к самоактуализации. И задача психолога в создании принимающей среды. Именно тогда психотерапия заявила о себе как отдельная гуманитарная дисциплина и шагнула за пределы клиники. Это было сформулировано в **Страсбургской декларации по психотерапии 1990 года**. Она была принята **Европейской ассоциацией психотерапии (EAP)** и впоследствии поддержана Всемирным советом психотерапии, став фундаментальным ориентиром для национальных ассоциаций [Локтионова 1998, с. 196]. Что противопоставило ее психотерапии клинической, воспроизводя аналогичный раскол в психологии между гуманитарным и естественнонаучным знанием.

В России эти процессы шли противоположным образом. Клиническая психотерапия превратилась даже не в раздел медицины, а субдисциплину психиатрии, что резко сужает сферу ее применения. К счастью, в 90-е Россия догнала мировые тенденции. когнитивного и (психо)терапевтического поворотов. Во второй половине столетия влияние психотерапии в мире вышло за пределы кабинетов психоаналитиков, распространяясь за пределы академических кругов на различные сферы жизни. Психология и психотерапия, как её психотехнологический инструмент, обретали в гуманитарном знании формы мыслительной парадигмы. В России стали об этой тенденции говорить как о терапевтическом повороте «Современные общества также оказались затронуты «терапевтическим поворотом», который ознаменовал проникновение психотерапевтических идей и дискурсов в различные институциональные контексты и сделал психологию центральным культурным ресурсом для осмысления как индивидуальной, так и общественной жизни» [Madsen 2014 с. 117] Эта тенденция продолжала развиваться. Сейчас, в новом тысячелетии она проявляется в двух ключевых аспектах.

Во-первых, ключевые институты, от образовательных учреждений до крупных корпораций, стали уделять особое внимание вопросам психологического благополучия и ментального здоровья. В том числе это привело к дестигматизации у новых поколений, сферы охраны психического здоровья и всего, что с ней связано.

Во-вторых, психотерапевтический дискурс все глубже проникает в повседневное общение: в повседневном языке современного человека прочно закрепляются такие понятия, как «личностный рост», «психотехнологии» «газлайтинг», «профессиональное выгорание», «абьюз», что насыщает привычные институты и сферы жизни новыми психотерапевтическими смыслами, противоречащими поп-психологии успеха, искажающей понятие личностного роста.

В итоге эти процессы в России удается исследовать в первую очередь на университетских кафедрах, посвященных гуманитарному знанию. Но мы видим, что психотерапию и психологию пытаются изучать одновременно, как в парадигме классической науки, так и неклассической и постнеклассической. Постнеклассическая психотерапия

постепенно занимает доминирующие позиции. К ней можно отнести такие странные гибриды, как когнитивно-поведенческие направление в психотерапии, объединяющее двух вечных врагов: когнитивную психодинамическую теорию и практику поведенческой психотерапии. Это один из многих, но не единственный пример постенеклассических направлений, которые широко представлены в системном семейном подходе. Современным студентам бывает трудно объяснить, что когда-то существовала несистемная семейная психотерапия, ибо системный подход для них является основным инструментом работы с семьями и другими группами в направлениях социального конструирования как нарратиная терапия или краткосрочная терапия, ориентированная на решение. Однако, ожидания что постенеклассические подходы помогут синтезу естественнонаучной и гуманитарной парадигм психотерапии не оправдываются.

Мы видим, что в России, университетская психотерапия, прошла длинный путь. Она существует сейчас, как амбивалентная естественнонаучная и гуманитарная форма психологической науки, существует в интервале между академическими нормами познания и образовательными стандартами, где истина уступает место её "применяемости". Ситуация осложняется тем, что методология психотерапии классической, неклассической и постнеклассической существуют одновременно, конфликтуя и конкурируя друг с другом.

В информационную эпоху цифровизации психотерапия сталкивается с новыми вызовами, известными еще недавно только по научно-фантастической литературе: ИИ-ассистированные чат-боты, нейротехнологии для "совершенствования" мозга и использование нейросетей в анализе психических состояний стирают границы между охраной психологического здоровья и его оптимизацией. Ориентация психотехнологий на трансгуманистическое улучшение человека порождает новые риски: коммерциализацию душевного здоровья, потерю эмпатии в алгоритмизированной терапии и подчинение знания утилитарным целям ментального благополучия студентов и сотрудников.

Список литературы

1. Кант 1996 – Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. 1798 // Сочинения в 6 т. М. Мысль, 1966. Т. 6. С. 349–587.
2. Манн 1996 – Манн Т. Фрейд и будущее // Иностранная литература. 1996. № 6. С. 178-190.
3. Слабинский 2020 – Слабинский В.Ю. Психотерапия. СПб.: Питер, 2020. 608 с.
4. Страсбургская декларация 1998 – Европейский сертификат по психотерапии: критерии и процедура получения: [включая Страсбургскую декларацию по психотерапии 1990 г.] / подгот. и пер. А. Локтионовой // Консультативная психология и психотерапия. 1998. № 1. С. 191–199.
5. Юнг 2008 – Юнг К. Г. Структура и динамика психического. М.: Когито-Центр, 2008. 480 с.
6. Madsen 2014 – Madsen O. J. The Therapeutic Turn : How psychology altered Western culture. Hove, East Sussex: Routledge, 2014. 194 p.

УДК 316

ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В КОНТЕКСТЕ ФРАГМЕНТИРОВАННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

Кислов Арсений Игоревич

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», аспирант

E-mail: kislov.arseny@yandex.ru

Горбачева Арина Андреевна

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», аспирант

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», старший преподаватель департамента маркетинга и предпринимательства

E-mail: gorbachevaarina@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме профессионализации социальной работы в условиях фрагментированности профессионального знания. С опорой на теории А. Эбботта, Э. Фрейдсона и Д. Шона описывается противоречие: классические модели профессионализации требуют стандартизации и теоретической консолидации знания, тогда как реальная практика социальной работы принципиально контекстуальна. Следствием этого противоречия становится разрыв между профессиональной подготовкой и практикой. В качестве ответа на данное противоречие предлагается усиление «ремесленного компонента» в подготовке специалистов – передачи знания непосредственно в практике, от эксперта к начинающему специалисту. Эмпирической базой служит исследование услуги «Передышка», проведенное на основе анализа грантовых заявок, опроса гувернёров (n=105) и включённого наблюдения. Выявлено, что работники без формального профильного образования осваивают компетенции через практическую деятельность, супервизии и взаимодействие с экспертами. Фиксируется развитие как профессиональных навыков, так и soft-skills – эмпатии, терпения, эмоциональной устойчивости. Профессионализация социальной работы в условиях фрагментированности знания требует признания множественности источников профессиональной компетентности. Университет в данном контексте оказывается не единственным, а одним из элементов экосистемы производства и передачи знания.

Ключевые слова: профессионализация, социальная работа, профессиональное знание, профессиональное образование, супервизия, услуга «Передышка».

PROFESSIONALIZATION OF SOCIAL WORK IN THE CONTEXT OF FRAGMENTATION OF PROFESSIONAL KNOWLEDGE

Kislov Arseny Igorevich

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, PhD Student

Gorbacheva Arina Andreevna

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, PhD Student National Research University Higher School of Economics, Senior Lecturer, Department of Marketing and Entrepreneurship

Abstract: The article addresses the problem of the professionalization of social work in the context of fragmented professional knowledge. Drawing on the theories of A. Abbott, E. Freidson, and D. Schön, the paper identifies a key contradiction: classical models of professionalization require standardization and theoretical consolidation of knowledge, whereas actual social work practice is inherently context-dependent. This contradiction results in a gap between professional education and practice. As a response, the authors propose strengthening the "craft component" in professional training, understood as the transfer of knowledge directly within practice from expert to novice. The empirical basis of the study is the "Respite Care" service, examined through the analysis of grant applications, a survey of caregivers (n=105), and participant observation. The findings show that workers without formal specialized education acquire competencies through practical experience, supervision, and interaction with experts. Both professional skills and soft skills—such as empathy, patience, and emotional resilience—are developed. The professionalization of social work under conditions of fragmented knowledge requires recognizing the plurality of sources of professional competence. In this context, the university is not the sole institution but one of the elements within a broader ecosystem of knowledge production and transmission.

Keywords: professionalization, social work, professional knowledge, professional education, supervision, respite care service.

Социальная работа как профессиональная деятельность формируется в условиях напряжения между требованиями классических моделей профессионализации и спецификой самой области, характеризующейся высокой степенью фрагментированности профессионального знания [Hudson 1997]. Это довольно логично с точки зрения подхода А. Эбботта [Abbott 1988], который утверждает, что профессиональные области формируются в условиях конкуренции за юрисдикции – контроль над определенными социальными проблемами. В этой логике фрагментированность знания в социальной работе является не отклонением от нормы, а следствием пересечения различных профессиональных юрисдикций (медицины, психологии, педагогики, социологии и др.), каждая из которых привносит собственные объяснительные модели и практики вмешательства. Таким образом, отсутствие единой теоретической базы выступает структурным свойством социальной работы как междисциплинарной сферы трудовой деятельности. Однако в рамках подхода к исследованию профессий Э. Фрейдсона [Freidson 1999] профессия предполагает наличие автономной системы подготовки, основанной на относительно целостной теоретической базе, обеспечивающей воспроизводство профессионального сообщества и контроль над содержанием деятельности. В этом контексте возникает противоречие: с одной стороны, профессионализация требует стандартизации, унификации и теоретической консолидации знания; с другой – сама практика социальной работы основана на контекстуальной, ситуативной и часто уникальной комбинации разнородных знаний и методов. Это противоречие проявляется прежде всего в сфере профессионального образования, где формализованные учебные программы не успевают за изменяющейся и дифференцированной практикой, что приводит к разрыву между подготовкой специалистов и реальными требованиями профессиональной деятельности. Альтернативный взгляд на данную проблему

развивает Д. Шон в концепции «рефлексивного практика» [Schön 2017], подчеркивая, что профессиональная деятельность осуществляется в условиях неопределенности и уникальности ситуаций, требующих постоянной рефлексии в действии (reflection-in-action). Значительная часть профессиональной компетентности не поддается полной вербализации и формализации. В социальной работе это проявляется в умении интерпретировать поведение клиента, выстраивать доверительные отношения, принимать решения в условиях неопределенности. В этом контексте попытки полной теоретической унификации профессионального знания оказываются ограниченными, поскольку не учитывают принципиальную открытость и изменчивость практики.

Фрагментированность профессионального знания имеет не только эпистемологическое, но и социальное измерение. Она затрудняет массовую подготовку специалистов, поскольку не определено единое ядро компетенций, поддающееся стандартизации и тиражированию. В результате образовательные программы либо избыточно теоретизированы и оторваны от практики, либо редуцируют сложность профессиональной деятельности до набора формальных навыков, превращая специалиста по социальной работе, например, в социального координатора, который выполняет лишь одну функцию – связать клиента с профильными специалистами. Это, в свою очередь, снижает престижность социальной работы как профессии, ориентированной на решение комплексных жизненных проблем клиентов.

В качестве возможного способа разрешения данного противоречия предлагается рассматривать усиление «ремесленного компонента» в системе профессиональной подготовки. Под ремесленным компонентом понимается обучение, осуществляемое непосредственно в процессе профессиональной деятельности, в формате передачи опыта от эксперта к начинающему специалисту. В терминологии Фрейдсона [Freidson 1999] это соответствует «ремесленному пути» профессионализации, при котором знание не кодифицируется полностью в абстрактных теориях, а передается через практику, наблюдение и участие.

Эмпирической базой для анализа данного подхода выступает опыт реализации услуги «Передышка», направленной на социально-педагогическое сопровождение семей, воспитывающих детей с тяжелыми множественными нарушениями развития (ТМНР) и слепоглухотой (на материалах МБОО «Сообщество семей слепоглухих»). Исследование основано на анализе текстов грантовых заявок (n=7), ответов гувернеров на открытые вопросы в рамках мониторингового опроса участников услуги (n=105), а также включенного наблюдения.

Ключевая особенность данной практики заключается в том, что значительная часть исполнителей услуги – гувернеры – не обладает формальным профильным образованием в социальной работе. Их профессионализация происходит в процессе деятельности через взаимодействие с экспертами (дефектологами, психологами, специалистами по адаптивной физической культуре), участие в супервизиях и освоение конкретных методик работы с ребенком. Таким образом, формируется гибридная модель подготовки, сочетающая элементы формального и неформального обучения. Данный процесс может быть интерпретирован через концепцию ситуативного обучения [Lave, Wenger 1991], согласно которой освоение профессиональных компетенций происходит через включенность в практическое сообщество и участие в реальных практиках. Знание в этом случае носит распределенный характер и не существует в виде завершенной системы, доступной для передачи в рамках традиционного образовательного процесса.

Результаты эмпирического исследования показывают, что гувернеры связывают развитие своих профессиональных компетенций прежде всего с практическим опытом работы и взаимодействием с экспертами. Фиксируются такие эффекты, как освоение конкретных техник работы с детьми, развитие коммуникативных навыков, понимание особенностей ребенка и семейной ситуации. «*Навыки ухода, такие как кормление, умывание, уход за волосами»* (ж., 46 л.)*;* «*Научилась общаться карточками и пользоваться программами для коммуникации»* (ж., 28 л.).

Часто гувернеры отмечают, что практическая работа с детьми с ТМНР способствует развитию soft-skills – навыков, формализация которых затруднена. Участники говорят о том, что они становятся более внимательными, эмпатичными, терпеливыми и эмоционально устойчивыми благодаря взаимодействию с детьми и поддержке со стороны специалистов-экспертов: *«Терпение, умение взять себя в руки в нестандартных ситуациях»* (ж., 31 г.); «*Благодаря "Передышке" у меня развились навыки ответственности, понимания ребенка без слов, повысился эмоциональный интеллект»* (ж., 23 г.).

Ответы некоторых респондентов указывают на духовный рост и в некотором смысле изменение мировоззрения: *«Благодаря проекту, я тоже становлюсь внимательнее к мелочам, ощущениям, чувствам. Тоньше чувствую себя и тех, кто рядом. Научилась видеть рядом с собой уникальное проявление другого человека, его потребности, желания...»* (ж., 49 л.).

Опыт «Передышки» демонстрирует, что в условиях фрагментированного профессионального знания практико-ориентированные формы обучения обеспечивают релевантность формируемых компетенций. Ремесленный компонент выполняет функцию интеграции разрозненных элементов знания, связывая их в рамках конкретной профессиональной ситуации. Вместе с тем данная модель не отменяет необходимости институционализации профессионального знания, а, напротив, ставит вопрос о новых формах его организации. Речь идет не о создании единой теоретической системы, а о развитии механизмов координации и трансляции фрагментированного знания: профессиональных сообществ, систем супервизии, практико-ориентированных образовательных модулей.

Таким образом, профессионализация социальной работы в условиях фрагментированности знания требует пересмотра классических моделей и признания множественности источников профессиональной компетентности. Университет в данном контексте оказывается не единственным, а одним из элементов более широкой экосистемы производства и передачи знания, в которой значимую роль играют профессиональные группы и сообщества. Это смещает акцент с академической автономии как замкнутой системы к модели распределенного знания, в которой границы между обучением и практикой становятся проницаемыми.

Список литературы

1. Abbott 1988 – Abbott A. The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labor. Chicago; London: University of Chicago Press, 1988. 435 p.
2. Freidson 1999 – Freidson E. Theory of professionalism: Method and substance // International Review of Sociology. 1999. Vol. 9. № 1. P. 117–129.
3. Hudson 1997 – Hudson J. D. A model of professional knowledge for social work practice // Australian Social Work. 1997. Vol. 50. № 3. P. 35–44.
4. Lave, Wenger 1991 – Lave J., Wenger E. Situated learning: legitimate peripheral participation. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 138 p.

5. Schön 2017 – Schön D. A. The reflective practitioner: How professionals think in action. Routledge, 2017. 384 p.

УДК 001.3+!4

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ В XXI ВЕКЕ: ФОРМИРОВАНИЕ, ПОЛОЖЕНИЕ И БУДУЩЕЕ

Мусс Александр Игоревич
Кандидат философских наук
Санкт-Петербургский государственный университет, старший преподаватель
E-mail: Albertwanderer@gmail.com

Аннотация: В настоящее время фундаментальный исследователь, понимаемый в данном тексте как ученый или философ, занимающийся изучением наиболее общих, фундаментальных проблем в противовес прикладным проблемам, оказывается в противоречивом положении: его формирование в университетской среде является одновременно устоявшейся традицией и явлением, отделенным от текущих мотивов и целей высшего образования, его положение, напрямую связанное с университетами, оказывается одновременно устойчивым за счет того, что фундаментальный исследователь в роли наставника или преподавателя является необходимым условием существования университета, и одновременно чрезвычайно непостоянной неустойчивой конструкцией, поскольку построение научной карьеры сопряжено с регулярным соблюдением большого количества требований, а также, если рассматривать путь фундаментального исследователя в более широком контексте – с постоянным поиском подходящей вакансии, а его будущее, связанное с другими людьми, в том числе со студентами и аспирантами, оказывается туманным, поскольку цели и представления собеседников, слушателей и обучающихся часто отличаются от целей и представлений фундаментального исследователя. В настоящем тексте я планирую подробнее рассмотреть сложившееся положение, оценить его с точки зрения исторической ретроспективы и показать возможные последствия такого положения.

Ключевые слова: фундаментальный исследователь, университет, миссия университета, университет и культура, проблема человека, проблема сознания

THE FUNDAMENTAL RESEARCHER IN THE 21ST CENTURY: FORMATION, POSITION AND FUTURE

Muss Alexander Igorevich
St-Petersburg State University, Senior Lecturer

Abstract: Nowadays, the fundamental researcher (which is understood in this text as a scientist or philosopher engaged in the study of the most general, fundamental problems as opposed to applied problems) finds himself in a contradictory position: his formation in the university environment is simultaneously an established tradition and a phenomenon separated from the current motives and goals of higher education; his position, directly connected with universities, is simultaneously stable

due to the fact that the fundamental researcher as a mentor or a teacher is a necessary condition for the existence of the university; and at the same time, it is an extremely fickle, unstable construct, since building a scientific career is associated with the regular correspondence to a large number of requirements (moreover, if we consider the path of the fundamental researcher in a broader context, with a constant search for a suitable vacancy); and his future (which is connected with other people, including students and graduate students) is unclear, since the goals and ideas of listeners and students often differ from the goals and ideas of the fundamental researchers. In this text I plan to examine the current situation in more detail, and to evaluate it from the historical retrospective, and to show the possible consequences of such a situation.

Keywords: Fundamental Researcher, University, University Mission, University and Culture, Problem of Human Being, Problem of Consciousness.

В настоящее время – в начале второй четверти XXI века – фундаментальный исследователь, понимаемый в данном тексте как ученый или философ, занимающийся изучением наиболее общих, фундаментальных проблем в противовес прикладным проблемам, оказывается в противоречивом положении. Будучи отдаленным потомком средневековых клириков или интеллектуалов, чье появление стало закономерным следствием развития средневековых городов, торговли и производства, а функционал выходил за пределы представителей трех сословий [Ле Гофф 2003], фундаментальный исследователь продолжает оставаться, прежде всего, исследователем и преподавателем, который формируется в университете.

При этом формирование фундаментального исследователя в университетской среде является одновременно устоявшейся традицией и явлением, отделенным от текущих мотивов и целей высшего образования. Университет сейчас, хоть и продолжает быть местом, где в процессе получения высшего образования может сформироваться или укрепиться желание изучать фундаментальные проблемы, однако взгляд на университет как на кузницу академических кадров [Пирогов 1953] уже устарел – его не рассматривают как основную цель существования университета. Вместе с этим ушла в прошлое критика классического университета, связанная с невозможностью развивать по-настоящему свободное исследование в заданных извне рамках [Ницше 2005] – двери университетов открылись, образование стало доступным [Малиновский, Шибанов 2022], но вместе с этим ценность познания самого по себе, заключенная в принцип свободы изучения и преподавания, вытеснилась на второй план [Мусс 2021].

При этом нельзя утверждать, что сейчас остается актуальной модель университета 1930-х годов как места, транслирующего достижения культуры [Ортега-и-Гассет 2019]: несмотря на то, что доступность высшего образования дополнилась доступностью образовательного материала, недавние события, связанные с развитием онлайн-образования, развитием больших генеративных моделей, пандемией показали, что сложившиеся способы такой трансляции перестали работать – как преподавателю фундаментальному исследователю приходиться постоянно приспосабливаться к развитию и разнообразию технических средств, находясь в активном поиске инструментов [Радаев 2022]. Получается, что среда, в которой фундаментальный исследователь учится, исследует и преподает стала, фактически, чужой для него и его начинаний.

Кроме того, положение фундаментального исследователя, напрямую связанное с университетами, оказывается одновременно устойчивым за счет того, что фундаментальный исследователь в роли наставника или преподавателя является необходимым условием существования университета, и одновременно чрезвычайно непостоянной неустойчивой конструкцией, поскольку построение научной карьеры сопряжено с регулярным соблюдением большого количества требований, а также, если рассматривать путь фундаментального исследователя в более широком контексте – с постоянным поиском подходящей вакансии. С одной стороны, есть учебные планы, программы курсов, часы преподавания, распределенные между различными структурными подразделениями университетов, что подразумевает наличие тех, кто будет готов вести занятие, и в то же самое время преподавателю необходимо постоянно соответствовать формальным критериям, часто связанных с проведением научно-исследовательской работы – иметь определенное число выступлений на конференциях, публикаций в высокорейтинговых журналах, грантов и прочего (стоит отметить, что из года в год такие требования только возрастают). И, если в России все это может происходить на базе одного университета, часто Alma Mater исследователя, то за границей ученые и преподаватели в течение многих лет вынуждены искать подходящие вакансии и переезжать из страны в страну и из города в город в поисках перманентной ставки. Как будто бы побочные практики средневекового интеллектуала стали основной составляющей образа жизни современного фундаментального исследователя, вытеснив, собственно, исследования.

Наконец, будущее фундаментального исследователя, связанное с другими людьми, в том числе со студентами и аспирантами, оказывается туманным, поскольку цели, представления и актуальный инструментарий собеседников, слушателей и обучающихся часто отличаются от целей, представлений и актуального инструментария фундаментального исследователя. Начнем с того, что само поступление в университет (в более широком смысле в вуз) рассматривается как средство подготовки к конкретной профессии, однако исследования в области современного образования показывают, что на деле происходит разрыв между предлагаемыми образовательными возможностями и целями поступающих и обучающихся [Мальцева и др. 2022]. В этом смысле можно также видеть и рассогласование между тем, кто хочет, что должен дать студентам преподаватель и тем, что от него ожидает его аудитория. Это особенно ярко видно по тому, за какие качества преподавателей оценивают студенты, а также, в более широком контексте, когда фундаментальный исследователь выступает как популяризатор – на деле часто попытка сделать доступным сложный материал превращается, скорее, в моноспектакль.

Возможно, все это связано с тем, как выглядит фундаментальный исследователь со стороны. Кем представляется фундаментальный исследователь для своих коллег и обывателей? Некоторые философы науки, такие как К. Поппер, вкладывают в исследователя абсурдное стремление защищать свои идеи, даже когда они опровергнуты [Поппер 1983], сами ученые проводят параллель между своими годами учебы и ранней карьеры с образами ученых-гиков из таких популярных сериалов как “Теория большого взрыва” [Газзанига 2021]. Не стоит забывать здесь и многочисленных ученых из массовой культуры, начиная от детских мультфильмов, современных сериалов и шедевров кинематографа. Ученый является здесь либо оторванным от жизни изгоем, либо сумасшедшим, либо злодеем, либо фигуру ученого замещает инженер или изобретатель.

В той мере, в которой фундаментальный исследователь остается человеком, важно учитывать, что невозможность дать человеку полного окончательного и исчерпывающего определения, объединение вокруг него различных и не всегда сопоставимых дискурсов [Марков 1997] позволяет снова и снова обращаться в том числе и к себе как к объекту исследования, не имея возможности исчерпать его или полностью описать – лишь соревноваться в конструировании таких научно-исследовательских программ, теоретическая составляющая которых будет превышать эмпирическую [Лакатос 2007].

Кроме того, фундаментальный исследователь как человек является еще и обладателем субъективного опыта – сознания как одной из сущностных характеристик человеческого бытия. В таком виде индивидуальное сознание и его ключевые аспекты – единство, целостность, приватный доступ и другие до сих пор оказывается очень сложно вписать в натуралистическую картину мира (трудная проблема сознания [Chalmers 1996]) – то самое мировоззрение, которое, впитав в себя интерпретации разнородных по времени и способу получения исследований, претендует на всеобщность и даже становится основой для философских рассуждений. Такая невписанность человеческого сознания (при условии, что мы соглашаемся с ней) позволяет нам надеяться на то, что не только большие загадки физической науки, но и загадки изучения сознания остаются еще достаточными вызовами для фундаментального исследователя. А если, помимо трудной проблемы сознания обратиться еще к “более трудной проблеме” – проблеме другого сознания [Block 2003], “еще более трудной проблеме“ – проблеме обоснования связи между конкретным человеческим существом и конкретным индивидуальным субъективным опытом [Roberts 2007], а также к мета-проблеме – проблеме того, какие особенности исследователей и какие рассуждения ведут к признанию или к отказу от трудной проблемы [Chalmers 2018], то это еще сильнее обнажает те стороны субъективности, которые как будто бы ускользают от попытки охватить их здравым смыслом современного человека. Кроме того, эти стороны также легитимизируют и саму фигуру фундаментального исследователя, чья натура как человека и обладателя сознания также оказывается за пределами строго рационального постижения.

Таким образом, текущее положение фундаментального исследователя представляется намного более неопределенным и однозначным. Такого исследователя сейчас не защищает ни традиция, ни власть, ни общество. Он практически лишен своей территории, своего места и даже своего образа, который в массовой культуре замещает карикатурный злодей или представитель гик-культуры. Остается его отчужденность, его отличие, его цели и интересы. Но, вместе с этим оставаясь человеком (и в смысле фундаментального понятия человека, и в смысле на стыке бытовой лексики и фундаментальной этики), носителем и обладателем сознания и осознавая всю сложность изучаемой реальности и самого себя как его неотъемлемой части, фундаментальный исследователь обретает наконец свободу, подобную той, о которой мечтал Ф. Ницше. Эта свобода, подобная освобождению художников во времена распространения фотографии, может стать возможностью для подлинно интеллектуального расцвета. Главное, при этом, помнить о том, что исторически фундаментальных исследователей породила не изолированность средневековых монастырей, а рост и развитие средневековых городов как центров производства и торговли.

Список литературы

1. Газзанига 2021 – Газзанига М. Истории от разных полушарий мозга. М.: Corpus, 2021. 416 с.

2. Лакатос 2008 – Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М.: Академический Проект; Трикста, 2008. 475 с.
3. Ле Гофф 2003 – Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2003. 160 с.
4. Малиновский, Шибанова 2022 – Малиновский С.С., Шибанова Е.Ю. Причины и факторы завершения экспансии высшего образования в России // Социологический журнал. 2022. Т. 28. №3. С. 8-27.
5. Мальцева и др. 2022 – Мальцева С.М., Воронкова А.А., Оринчук В.А., Сябитова К.С. Мотивация получения высшего образования студентами-первокурсниками // Russian Journal of Education and Psychology. 2022. Т. 13. №2. С. 20-35.
6. Марков 1997 – Марков Б.В. Философская антропология. СПб.: Издательство «Лань», 1997. 384 с.
7. Мусс 2021 – Мусс А.И. Lehr und Lernfreiheit: возвращение к истокам // Дискурсы этики. 2021. Т. 12. №. 2. С. 57–72.
8. Ницше 2005 – Ницше Ф. О будущности наших образовательных учреждений // Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 томах. Т. 3: Несвоевременные размышления. Из наследия 1872-1873 гг. М.: Культурная революция, 2005. С. 271-384.
9. Ортега-и-Гассет 2019 – Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. М.: НИУ “Высшая школа экономики”, 2019. 144 с.
10. Пирогов 1953 – Пирогов Н.И. Университетский вопрос // Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1953. С. 324–393.
11. Поппер 1983 – Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. 605 с.
12. Радаев 2022 – Радаев В.В. Преподавание в кризисе. М.: НИУ “Высшая школа экономики”, 2022. 164 с.
13. Chalmers 1996 – Chalmers D.J. The conscious mind: in search of a theory of conscious experience. New York: Oxford University Press, 1996. 432 p.
14. Chalmers 2018 – Chalmers D.J. The meta-problem of consciousness // Journal of Consciousness Studies. 2018. Vol. 25. No. 9–10. P. 6-61.
15. Block 2002 – Block N. The harder problem of consciousness // The Journal of Philosophy. 2002. Vol. 99. No. 8. P. 391–425.
16. Roberts 2007 – Roberts T.S. The Even Harder Problem of Consciousness // NeuroQuantology. 2007. Vol. 5. Issue 2. P. 214–221.

УДК 101.1:378

НАУЧНАЯ ШКОЛА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ФОРМИРОВАНИЯ ИНЖЕНЕРА-ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Павельева Татьяна Юрьевна
доктор философских наук
ФГАОУ ВО «Московский государственный технологический университет «СТАНКИН»
заведующая кафедрой философии и социального управления

E-mail: pavelieva@stankin.ru

Кривобокова Елена Вячеславовна
ФГАОУ ВО «Московский государственный технологический университет «СТАНКИН»
преподаватель кафедры философии и социального управления
E-mail: e.krivobokova@stankin.ru

Аннотация: В статье представлен социально-философский анализ научной школы как социокультурной среды формирования инженера-исследователя в условиях трансформации современной науки. Рассматриваются изменения организационных форм научной деятельности, связанные с развитием сетевых, проектных и междисциплинарных моделей взаимодействия, а также их влияние на процессы воспроизводства научного знания и подготовки научных кадров. Показано, что усиление мобильных и краткосрочных форм научной кооперации сопровождается риском ослабления механизмов передачи исследовательского опыта, научных традиций и формирования исследовательского мышления. Обосновывается, что научная школа выполняет функцию особой социокультурной среды, в которой осуществляется передача неявного знания, формирование норм научной деятельности, исследовательской культуры и профессиональной идентичности инженера-исследователя. Отмечается, что участие студентов и молодых ученых в деятельности научных школ способствует их включению в реальную исследовательскую практику и формированию мотивации к научной деятельности. Особое внимание уделяется роли наставничества, командной работе и научной коммуникации в подготовке инженерных кадров. Делается вывод о необходимости сохранения научных школ как механизма преемственности научного знания и интеграции в современные организационные формы научной деятельности и университетской науки.

Ключевые слова: научная школа, исследовательская культура, инженерное образование, научное наставничество, организационные формы науки, инженер-исследователь.

SCIENTIFIC SCHOOL AS A SOCIOCULTURAL ENVIRONMENT FOR THE FORMATION OF A RESEARCH ENGINEER

Pavelieva Tatiana Yurievna
Doctor of Philosophy
Moscow State University of Technology «STANKIN»
Head of the Department of Philosophy and Social Management

Krivobokova Elena Vyacheslavovna
Moscow State University of Technology «STANKIN»
Lecturer at the Department of Philosophy and Social Management

Abstract: The article presents a socio-philosophical analysis of the scientific school as a sociocultural environment for the formation of a research engineer in the context of the transformation of modern science. The study examines changes in the organizational forms of scientific activity associated with the development of network-based, project-oriented, and interdisciplinary models of interaction, as well as their influence on the reproduction of scientific knowledge and the training of scientific personnel. It is shown that the increasing prevalence of mobile and short-term forms of

scientific cooperation is accompanied by the risk of weakening the mechanisms for transmitting research experience, scientific traditions, and the formation of scientific thinking. The article substantiates that the scientific school functions as a special sociocultural environment in which tacit knowledge is transmitted and the norms of scientific activity, research culture, and the professional identity of a research engineer are formed. It is noted that the participation of students and young researchers in the activities of scientific schools facilitates their involvement in real research practice and contributes to the development of motivation for scientific activity. Particular attention is paid to the role of mentorship, teamwork, and scientific communication in the training of engineering personnel. It is concluded that scientific schools should be preserved as a mechanism for the continuity of scientific knowledge and integrated into contemporary organizational forms of scientific activity and university science.

Keywords: scientific school, research culture, engineering education, scientific mentorship, organizational forms of science, research engineer.

Современный этап развития науки характеризуется трансформацией организации научной деятельности, обусловленной цифровизацией, усилением междисциплинарных связей и ориентацией на решение комплексных научно-технологических задач, направленных на обеспечение технологического лидерства страны. В этих условиях возрастает значение коллективных форм научного взаимодействия, включая сетевые исследовательские сообщества, проектные группы и международные научные коллаборации. Однако наряду с данными формами сохраняют свою значимость устойчивые социокультурные образования, обеспечивающие преемственность научного знания и воспроизводство научного сообщества. К числу таких форм относится научная школа [Павельева, Кривобокова 2025, с. 185].

Научная школа характеризуется как объединение исследователей, работающих в рамках определенной проблематики и осуществляющих производство, воспроизводство и трансляцию научного знания. В отличие от формально институционализированных структур (кафедр, лабораторий, НИИ), научная школа формируется как единство исследовательской программы, мышления и системы явных и неявных норм, объединяющих несколько поколений ученых. В рамках научной школы формируются нормы научной деятельности, способы постановки и решения задач, а также ценностные основания научного поиска [Зборовский, Амбарова 2024, с. 85].

В социальном измерении научные школы выполняют функцию воспроизводства научного сообщества. Они обеспечивают передачу знаний, ценностей, норм научной коммуникации, профессиональной идентичности исследователя, благодаря чему и формируется механизм воспроизводства научной элиты и включение новых участников в научную деятельность. Именно эта включённость обеспечивает формирование исследовательской культуры и профессиональной идентичности будущего инженера-исследователя.

Исторически научные школы играли ключевую роль в развитии науки и подготовке кадров. Их устойчивость позволяла обеспечивать преемственность поколений и формировать научные традиции. Для инженерных университетов, в том числе МГТУ «СТАНКИН», научные школы выполняют системообразующую функцию, связывая воедино образовательный процесс, научные исследования и задачи производства. В университете за 95

лет сложился ряд научных школ, отражающих ключевые направления развития машиностроения и станкостроения: «Технология машиностроения», «Высокоэффективные технологии обработки», «Инструментальное обеспечение автоматизированных производств», «Станки», «Робототехника и мехатроника», «Основы конструирования машин» и др [Падалкин 2025, с. 25].

Современное положение научных школ неоднородно: часть из них сохраняет высокий уровень исследовательской активности, обеспечивает приток молодежи и развитие новых научных направлений, в то время как другие сталкиваются с рисками утраты преемственности. Государственная политика России в сфере науки и образования направлена сегодня на раннее вовлечение молодежи в науку. Существует ряд форм поддержки студенческой науки, проектной и конструкторской деятельности, создание молодежных лабораторий и коллективов под руководством молодых ученых. Однако они реализуются в условиях ограниченных ресурсов, что снижает их системный эффект. Также стоит обратиться к различению экстерналистского и интерналистского путей развития науки. Первый ориентирован на внешние запросы (экономические, технологические и государственные приоритеты), второй связан с внутренней логикой развития научного знания и исследовательской культурой. В инженерных вузах преобладает экстерналистский путь развития, предполагающий проектную организацию исследований, ориентацию на результат и интеграцию с индустрией [Сапрыкин 2012, с. 136].

Проблема воспроизводства научных кадров проявляется и в системе подготовки аспирантов. Молодые ученые часто сталкиваются с отсутствием среды вовлечения: нехваткой научных руководителей, слабой организацией проектной работы, низкой интеграцией в научные коллективы и лаборатории. Сложившаяся ситуация подтверждается статистическими данными: лишь 10-20% аспирантов завершают обучение защитой диссертации в срок, около 75% с задержкой на год и более; доля защит в срок сократилась с 29% до 11% в 2023 году, а средняя продолжительность подготовки диссертации увеличилась до 6-7 лет [Пахомов 2025, с. 35].

В инженерном образовании данная проблема приобретает особую значимость. Подготовка инженера-исследователя требует освоения профессиональных знаний, а также развития исследовательской культуры (способность к самостоятельному научному поиску, работе в коллективе и участию в исследовательских проектах). Данные качества формируются в условиях включённости в реальную научную практику, что делает научную школу важнейшей средой профессионального становления [Багдасарьян 2025, с. 344].

Научная школа обеспечивает интеграцию образовательной и исследовательской деятельности, формируя пространство, в котором студент или молодой исследователь осваивает не только знания, но и способы их получения. В рамках системы наставничества происходит индивидуализация научной траектории, развитие исследовательских компетенций и формирование ответственности за результаты научной деятельности. Вместе с тем научные школы сталкиваются с рядом вызовов, связанных с изменением научной среды. Устойчивость и ориентация на традицию могут снижать восприимчивость к новым идеям, а иерархическая структура ограничивает горизонтальные взаимодействия.

Возникает противоречие между необходимостью сохранения преемственности, передачи норм и ценностей научного сообщества – и потребностью в гибкости, открытости и

способности к обновлению. Особую значимость приобретает вопрос о воспроизводстве кадров и вовлечении молодежи в научно-исследовательскую деятельность. В этой связи актуализируется проблема: каким образом в инженерном вузе возможно сохранение научной школы как носителя традиций при одновременном формировании новых исследовательских направлений, научных сообществ и определения научных лидеров, способных отвечать на вызовы современного научно-технологического развития. Ответом на эти вызовы может стать развитие исследовательской культуры в вузах и раннее приобщение молодежи к ней. В контексте социально-философского анализа исследовательская культура – социокультурная система, включающая деятельностные, когнитивные, знаково-смысловые и институциональные компоненты, обеспечивающие включенность субъекта в научное познание.

Таким образом, научная школа сохраняет значение как ключевая социокультурная среда формирования инженера-исследователя. Её роль определяется способностью обеспечивать передачу неявного знания, формирование исследовательского мышления и включённость в коллективную научную деятельность. В условиях трансформации науки задача заключается в интеграции научных школ в современные организационные формы без утраты их социокультурного потенциала.

Список литературы

1. Багдасарьян 2025 – Багдасарьян Н. Г., Субочева О. Н., Оплетина Н. В. Инженер XXI века: трансформация образования в условиях технологических вызовов // Русский инженер: Сборник тезисов III Всероссийского конгресса с международным участием. Москва, 29–31 октября 2025 года. М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2025. С. 343–344.
2. Зборовский 2024 – Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Научная школа в вузе в контексте междисциплинарных исследований образования // Педагогический журнал Башкортостана. 2024. № 3 (105). С. 82–92.
3. Павельева 2025 – Павельева Т. Ю., Кривобокова Е. В. Научные школы в динамике современного научного пространства // Вестник МГТУ «СТАНКИН». 2025. № 4(75). С. 185–190.
4. Падалкин 2025 – Деятельность МГТУ «СТАНКИН» в архивных документах 1930–1945 гг.: монография / под ред. Б. В. Падалкина. М.: Энциклопедия, 2025. 180 с.
5. Пахомов 2025 – Пахомов С. И., Щеголева Л. В., Гуртов В. А. Увеличение сроков подготовки кандидатской диссертации и «старение» молодых учёных // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 4. С. 33–47.
6. Сапрыкин 2012 – Сапрыкин Д. Л. Инженерное образование в России: история, концепция, перспективы // Высшее образование в России. 2012. № 1. С. 125–137.

УДК 378.1

ИЗ ОПЫТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗА (НА МАТЕРИАЛАХ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Сакаев Василь Тимерьянович
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет-МСХА имени К.А. Тимирязева»
E-mail: sakaev2003@mail.ru

Аннотация: В статье на примере Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева анализируется внедрение искусственного интеллекта в повседневную практику аграрного вуза. Эмпирической базой выступает социологическое исследование (весна–лето 2024 года), включавшее анкетирование сотрудников, глубинные интервью и наблюдение. Авторы систематизируют существующие практики использования ИИ (ускорение рутинных научных процессов, обработка данных, вспомогательное авторство) и выделяют ключевые барьеры: деградация критического мышления, «информационные миражи», отсутствие нормативных регламентов и технологическая зависимость. Отдельное внимание уделяется перспективам: ИИ как «второй пилот» учёного, трансформация экспертной деятельности, создание междисциплинарных цифровых платформ и этико-правовое регулирование. В исследованной академической среде конкретного университета ИИ видится не как замена учёного, а как мощный ассистент для рутинных операций (поиск, структурирование, классификация, корректура). Однако существует острая потребность в обучении, стандартизации и этическом регулировании, чтобы избежать деградации качества исследований и появления «информационного мусора».

Главный риск внедрения ИИ видится не в самом ИИ, а неконтролируемом, бессистемном, некритическом его использовании в университетах, что может привести к деградации интеллектуальных способностей студентов, размыванию критериев оценки знаний, снижению роли преподавателя и, в перспективе, к утрате гуманистической сущности образования. Очевидно, что необходимы срочные этические, правовые и методические регламенты на уровне вуза и государства. Основной вывод – ИИ не заменяет исследователя, но требует системного обучения, стандартизации и сохранения человеческого контроля для предотвращения рисков деградации качества науки и образования.

Ключевые слова: ИИ, университет, будущее, риски, вызовы, возможности

FROM THE EXPERIENCE OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF A UNIVERSITY (BASED ON FIELD STUDY MATERIALS)

Sakaev Vasil Timerjanovich
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy,
E-mail: sakaev2003@mail.ru

Abstract: The article examines the implementation of artificial intelligence into the everyday practices of an agricultural university, using the Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy as a case study. The empirical basis is a sociological survey (spring–summer 2024), which included a questionnaire survey of staff, in-depth interviews, and observation. The authors systematize existing practices of AI use (accelerating routine scientific

processes, data processing, assisted authorship) and identify key barriers: degradation of critical thinking, “information hallucinations,” lack of regulatory frameworks, and technological dependence. Special attention is paid to future prospects: AI as a “copilot” for the researcher, transformation of expert activities, creation of interdisciplinary digital platforms, and ethical-legal regulation. In the academic environment of the specific university studied, AI is viewed not as a replacement for the researcher, but as a powerful assistant for routine tasks (searching, structuring, classifying, and proofreading). However, there is an urgent need for training, standardization, and ethical regulation to prevent a decline in research quality and the proliferation of "information clutter." The main risk of AI implementation is seen not in AI itself, but in its uncontrolled, unsystematic, and uncritical use in universities. This could lead to the degradation of students' intellectual abilities, the erosion of assessment criteria, a diminished role for teachers, and, ultimately, the loss of the humanistic essence of education. Clearly, urgent ethical, legal, and methodological regulations are needed at both the university and national levels. The main conclusion is that AI does not replace the researcher but requires systematic training, standardization, and the preservation of human oversight to prevent the risks of degrading the quality of science and education.

Keywords: AI, future, university, risks, challenges, opportunities

Искусственный интеллект все сильнее проникает в нашу жизнь, оказывая значимое влияние на процессы, протекающие в совершенно разных сферах жизни общества. Университетская среда не могла остаться в стороне от этих трендов. Более того мы можем констатировать, что внедрение различных технологий ИИ здесь нередко идет «семимильными шагами». В связи с этим было важно осмыслить происходящее в российских университетах в контексте внедрения технологий ИИ в повседневную практику.

Для исследований этой научной проблемы весной-летом 2024 года было проведено социологическое исследование на тему «Использование Искусственного Интеллекта (ИИ) в аграрном вузе: условия реализации, барьеры и потенциал трансформации на кафедрах различного профиля» [Катков 2025]. В качестве базы для изучения были выбраны подразделения Российского государственного аграрного университета-МСХА имени К.А. Тимирязева. Целью исследования являлось выявление специфики использования ИИ в практиках аграрного вуза на примере Института экономики и управления в агропромышленном комплексе РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева. В дизайне исследования были поставлены следующие задачи: выявление существующих практик использования ИИ; определение барьеров, препятствующих внедрению ИИ; поиск перспективных форм внедрения и использования ИИ в решении учебных и научных задач Института экономики и управления в АПК; подготовка рекомендаций для управленцев по применению ИИ. Исследование носило социологический характер, а в качестве инструментов использовались количественный и качественные методы. В частности, было проведено анкетирование в электронном формате сотрудников изучаемого института, при этом ставилось требование максимально репрезентативно представить все подразделения и возрастные группы сотрудников института. Вторым методом исследования выступили глубинные интервью с представителями сообщества научно-педагогических работников, администрации института и университета. Отбор информантов осуществлялся на основе экспертного определения их компетентности в вопросах ИИ и одновременно ставилась задача максимально обеспечить представленность разных точек зрения. Третьим методом исследования выступило наблюдение, которое велось с использованием дневников и методов саморефлексии.

В наиболее полном виде материалы исследования было отражены в соответствующей

главе коллективной монографии «Искусственный интеллект в системе обеспечения экономической безопасности аграрных организаций: модели, схемы и инструменты практической реализации», посвященной вопросам внедрения ИИ в различных сферах, связанных с аграрным производством.

В обобщенном виде результаты проведенного исследования можно представить следующим образом.

Относительно **специфики применения ИИ в аграрном университете** можно выделить следующие аспекты:

1. ИИ как инструмент ускорения рутинных научных процессов. Основной посыл: ИИ не заменяет творческую научную деятельность, но может существенно сократить время на техническую работу, в частности обеспечить:

- поиск и предварительный анализ информации — быстрый подбор источников, включая иностранные;
- генерацию шаблонов структур для будущих статей, обзоров, тезисов;
- формирование предварительных списков литературы по заданной тематике;
- проверка и корректура научных текстов (например, сервис «Орфограммка»).

2. ИИ в обработке и классификации научных данных. Основная идея: нейросети могут быть эффективны для работы с большими массивами неструктурированной или визуальной информации, такими как:

- классификация объектов (например, болезней растений по фотографиям);
- оживление и реставрация исторических документов и фотографий (для исторических исследований и преподавания исторических курсов);
- видеоаналитика (отслеживание динамики движения ростков, поведения животных и т.д.);
- работа с большими данными (Big Data) для выявления скрытых закономерностей.

3. ИИ как «вспомогательный», но не «самостоятельный» автор. Чётко выраженная идея: научные статьи, диссертации и оригинальные исследования не должны целиком генерироваться ИИ, поскольку:

- генеративные модели пока зачастую склонны к «информационным миражам» (фабрикация ссылок, данных);
- результат работы ИИ требует обязательной экспертной проверки специалистом;
- научная ценность создаётся человеком — ИИ лишь помогает «экономить» время на технических этапах.

4. Проблема недостоверности и «наукообразного мусора». Одна из ключевых идей — реальный будущей риск деградации качества научной коммуникации, так как:

- ИИ может генерировать внешне правдоподобные, но ложные по существу или не соответствующие реальности тексты;
- при массовом неконтролируемом использовании ИИ возникает угроза засорения научного пространства огромным количеством псевдонаучных работ.

5. Н*еобходимость обучения научно-педагогических работников работе с ИИ.* Вывод из результатов исследования: без целенаправленного повышения квалификации учёных в области ИИ невозможно его эффективное и безопасное внедрение в науку, ведь, очевидно, что большинство преподавателей и исследователей на данный момент:

- имеют слабое представление о возможностях ИИ;
- либо не используют его, либо применяют эпизодически (в основном ChatGPT, YandexGPT, Midjourney и др.);

- нуждаются в специальных курсах и лабораториях для повышения компетентности в этих вопросах.

6. ИИ как предмет научного исследования (метанаука). Основная озвученная идея: университетская наука должна изучать сам ИИ как объект, например:

- Как ИИ влияет на когнитивные способности исследователя?
- Каковы алгоритмические ограничения и предвзятости моделей?
- Как стандартизировать использование ИИ в науке?

7. Разработка нормативных и этических регламентов. Ключевая идея для управленцев: вузу необходимы чёткие локальные акты, которые бы определяли:

- допустимые границы использования ИИ в научной работе;
- требования к маркировке сгенерированного текста;
- ответственность за предоставление недостоверных данных, полученных через ИИ.

8. ИИ как средство междисциплинарной интеграции. Высказанная идея: ИИ способен выступать «связующей тканью» между разными научными направлениями (экономика, агрономия, зоотехния, информатика), позволяя создавать сквозные цифровые платформы и общие датасеты.

Таким образом, в исследованной академической среде конкретного университета ИИ видится ***не как замена учёного, а, в основном, как мощный ассистент для рутинных операций*** (поиск, структурирование, классификация, корректура). Однако существует острая потребность в обучении, стандартизации и этическом регулировании, чтобы избежать деградации качества исследований и появления «информационного мусора».

Говоря о **возможных рисках внедрения ИИ в университетской научно-образовательной сфере** следует подчеркнуть, что главный риск видится не в самом ИИ, а неконтролируемом, бессистемном, некритическом его использовании в университетах, что может привести к деградации интеллектуальных способностей студентов, размыванию критериев оценки знаний, снижению роли преподавателя и, в перспективе, к утрате гуманистической сущности образования. Очевидно, что необходимы срочные этические, правовые и методические регламенты на уровне вуза и государства.

Размышляя о перспективах **использования ИИ в университетской науке в будущем** можно отметить, что перспективы ИИ в университетской науке оцениваются, в целом, как имеющие высокий потенциал ускорения, автоматизации и углубления исследований, но **при двух обязательных условиях**:

1. сохранения человека в роли ответственного субъекта (критическая оценка, интерпретация, этика использования);
2. разработке чётких нормативных и технических регламентов уже в ближайшие 3–5 лет, чтобы избежать хаоса, недоверия и деградации научного качества в будущем.

Список литературы

1. Катков 2025 – Искусственный интеллект в системе обеспечения экономической безопасности аграрных организаций: модели, схемы и инструменты практической реализации: монография / Ю.Н. Катков, Н.В. Глушак, Е.А. Каткова, О.В. Глушак, А.А. Романова, Р.В. Синицын, В.Т. Сакаев, Г.А. Куликова, А.С. Бабанская / Под ред. Ю.Н. Каткова. [Электронный ресурс]. М.: Изд. «Научный консультант», 2025. 255 с. 1 электрон. опт. диск (CD-R). Объем издания: 1,32 Мб.; Тираж 500 экз., Систем. требования: IBMPC с процессором Intel(R) Pentium (R) CPU G3220 @; частота 3.00

GHz; 4Гб RAM; CD-ROM дисковод; Windows 7 Ultimate; мышь; клавиатура, Adobe Acrobat XI Pro, Adobe Reader

УДК 316.3

ПРОБЛЕМА УНИВЕРСИТЕТСКОЙ НАУКИ: ПРОКСИ-СУБЪЕКТ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕОПРЕДЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ТЕЛЕСНОСТИ

Сахабутдинова Диана Рамильевна
Аспирант кафедры клинической стоматологии Института клинической медицины ННГУ им. Н.И. Лобачевского, врач-стоматолог- ортопед
E-mail: sddianka@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается феномен прокси-субъективности (явления, при котором неживой артефакт не просто замещает утраченную функцию, но встраивается в схему тела пациента, переставая ощущаться как чужеродный) в стоматологии на примере дентального импланта. Актуальность темы обусловлена тем, что в университетской науке III тысячелетия происходит переопределение человеческой телесности под влиянием технологий совершенствования. Опираясь на феноменологическую концепцию «схемы тела» М. Мерло-Понти и акторно-сетевую теорию Б. Латура, подчеркивается, что имплант функционирует как полноценный актор, перераспределяющий границы телесной субъективности. Выявлена научная проблема — отсутствие в университетской науке теоретической модели, позволяющей описать дентальный имплант как прокси-субъекта, а не как пассивный объект лечения. Социальная проблема связана со смещением медицины от лечения к модификации: растёт число случаев добровольного удаления здоровых зубов ради системы имплантатов All-on-4 (несъёмного протез на четырёх имплантатах), что создаёт этическую неопределённость для врача, не имеющего соответствующих протоколов. Университетская наука, ориентированная исключительно на клиническую обоснованность, систематически игнорирует эти вызовы, включая саму вероятность эстетического запроса пациента. В статье предлагаются пути трансформации университетской науки: включение в образовательные программы феноменологической рефлексии, разработка этических протоколов для работы с запросом на «улучшение» здорового тела и признание импланта полноценным прокси-субъектом в рамках акторно-сетевой онтологии.

Ключевые слова: прокси-субъективность, дентальный имплант, университетская наука, схема тела, акторно-сетевая теория, эстетическое совершенствование, телесная идентичность.

PROBLEM OF UNIVERSITY SCIENCE: PROXY-SUBJECT IN THE CONTEXT OF THE REDEFINITION OF HUMAN BODILY INTEGRITY

Diana R. Sakhabutdinova
Postgraduate Student, Department of Clinical Dentistry, Institute of Clinical Medicine, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (UNN); Prosthodontist

Abstract: This article examines the phenomenon of proxy-subjectivity (a condition in which a non-living artifact not only replaces a lost function but integrates into the patient's body schema, ceasing to be perceived as foreign) in dentistry, using the dental implant as an example. The relevance of the topic stems from the ongoing redefinition of human corporeality in 21st-century university science under the influence of enhancement technologies. Drawing on Merleau-Ponty's phenomenological concept of the "body schema" and Bruno Latour's actor-network theory, the article emphasizes that the implant functions as a full-fledged actor, redistributing the boundaries of bodily subjectivity. A scientific problem is identified — the absence within university science of a theoretical model capable of describing the dental implant as a proxy-subject rather than a passive object of treatment. The social problem is linked to the shift in medicine from treatment to modification: the growing number of cases involving elective extraction of healthy teeth for the All-on-4 implant system (a fixed prosthesis on four implants) creates ethical uncertainty for clinicians who lack appropriate protocols. University science, oriented exclusively toward clinical justification, systematically ignores these challenges, including the very possibility of a patient's aesthetic request. The article proposes pathways for transforming university science: integrating phenomenological reflection into educational curricula, developing ethical protocols for managing requests for "enhancement" of the healthy body, and recognizing the implant as a full proxy-subject within the framework of actor-network ontology.

Keywords: proxy-subjectivity, dental implant, university science, body schema, actor-network theory, aesthetic enhancement, bodily identity.

В III тысячелетии университетская наука оказалась в эпицентре фундаментального онтологического сдвига, связанного с размытием границ между естественным и искусственным, субъектом и объектом. Согласно распространенному мнению, «сегодняшние университеты ограничиваются лишь подготовкой специалистов, которые являются заложниками своих профессиональных навыков и, как правило, не позволяют более широко, панорамно взглянуть на мир» [Карипбаев 2023, с. 326]. Особую остроту эта проблематика приобретает в стоматологии – области медицинского знания, где технологическое вмешательство в человеческую телесность стало не только рутинным, но и добровольным. Дентальный имплант, будучи чужеродным титановым объектом, перестаёт испытываться пациентом как нечто инородное. Как показывают современные феноменологические исследования «вызовы для телесного опыта ожидаемы, учитывая, что импланты разработаны для глубокой интеграции в ткани живого тела таким образом, что имплант и тело становятся единым целым» [van Daal et al. 2024, p. 241]. Именно эта кажущаяся «естественность» и порождает фундаментальную проблему, к которой классическая университетская наука оказалась не готова: проблему прокси-субъективности.

Прокси-субъективность – это ситуация, при которой неживой артефакт не просто замещает утраченную функцию, но активно встраивается в структуру телесного самоощущения. Прокси-субъект – гибридная инстанция, интегрированная в схему тела пациента. Для понимания этого обратимся к концепции «схемы тела» Мориса Мерло-Понти. Схема тела - неосознаваемое практическое чувство расположения и движения частей тела, которое может включать внешние предметы. Как подчёркивает Ян Халак, в философии Мерло-Понти схема тела трактуется как «оперативная интенциональность, которая не просто противостоит, но сложным образом переплетается с репрезентативным схватыванием мира и собственного тела» [Halák 2021, p. 123]. В контексте стоматологии это означает, что успешно

интегрированный имплант встраивается в схему тела, переставая ощущаться как чужой, приобретает черты прокси-субъекта - неживого заместителя, функционирующего как естественная часть организма.

Наиболее ярко этот феномен раскрывается в акторно-сетевой теории Бруно Латура. Согласно ей, «человеческие и нечеловеческие акторы рассматриваются как равные» [Latour 1996, p. 370] – не только люди, но и вещи (например, имплант) могут быть активными участниками взаимодействия. Имплант не пассивный протез, а полноценный актор: он встраивается в гибридную систему «человек + технология» и меняет границы телесного Я. Латур описывает тело как «динамический объект, который постоянно учится подвергаться новым воздействиям» [Латур 2021, web]. Имплант – такое воздействие: он не просто восстанавливает зуб, а создаёт новый способ бытия, где своё и искусственное неразличимы.

Научная проблема заключается в отсутствие в университетской науке теоретической модели, позволяющей описать прокси-субъективность в стоматологии. Имплант по-прежнему рассматривается как объект восстановления, хотя в реальном опыте пациента он функционирует как прокси-субъект - гибрид, включённый в телесное Я. Этот эпистемический разрыв заключается в институциональных особенностях университетской науки. Как показано в философии образования, «к настоящему времени в учебных заведениях сложилась ситуация, когда преподаватель оказался наиболее бесправным участником образовательного процесса» [Донских 2023, с. 222]. Стоматолог, обученный парадигме «лечения патологии», не располагает аппаратом для анализа случаев, где нет клинической патологии, но есть запрос на технологическое совершенствование (enhancement). Более того, «в стоматологической литературе сообщается об очень ограниченном использовании феноменологии по сравнению с другими медицинскими науками» [Vasthare et al. 2024, web], что свидетельствует о нечувствительности дисциплины к субъективному измерению практик.

Социальный аспект связан со смещением медицины от лечения к совершенствованию, что ведёт к распространению имплантации по эстетическим показаниям. Эта тенденция находит эмпирическое подтверждение в росте числа случаев, когда пациенты требуют удаления интактных зубов для установки системы All-on-4 - несъёмного протеза на четырёх имплантах. «В последние годы рост числа добровольных удалений здоровых или подлежащих восстановлению зубов для установки зубных имплантов привлёк пристальное внимание профессионалов. СМИ сообщают о тревожных случаях необратимых процедур, вызванных причинами, отличными от строгой клинической необходимости» [Afrashtehfar et al. 2025, web]. All-on-4 превращается в инструмент эстетической «оптимизации» здоровой телесности. При этом «удаление здоровых или подлежащих восстановлению зубов исключительно для облегчения установки имплантов противоречит фундаментальным консервативным принципам стоматологии» [Afrashtehfar et al. 2025, web].

В контексте биомедицинского совершенствования прокси-субъективность приобретает конститутивный характер: имплант создаёт новую конфигурацию телесности по добровольному запросу пациента, направленному на преодоление «несовершенства» естественного тела. Отмечается, что «в дополнение к привычным опасениям по поводу использования биологических вмешательств у детей, которые не могут дать информированное согласие, неясно, будут ли предоставление этих вмешательств входить в надлежащую сферу стоматологии» [Neves et al. 2025, p. 277]. Эта этическая неопределённость обостряется при вмешательствах без медицинских показаний.

Ключевая проблема- университетская наука, ориентированная на клиническую обоснованность (наличие патологии как условия вмешательства), игнорирует вероятность

эстетического запроса на замену здоровых зубов. Учебные программы готовят врача к лечению патологии, а не к удалению здоровых органов из соображений эстетического совершенства. В университетской науке отсутствуют протоколы для случаев, где пациент требует вмешательства без показаний. Более того, сама возможность такого запроса не предусмотрена. «Кризис современного и классического университета как института, конституирующего современного человека, связан с бурным развитием технологий» [Karpenko et al. 2023, p. 5]. Развитие имплантации служит иллюстрацией: технология опережает этическую рефлексию, и врач оказывается в ситуации неопределённости без институциональных ориентиров.

Отсутствие этических протоколов и образовательных стандартов для работы с эстетическим запросом создаёт условия для внедрения технологий, трансформирующих фундаментальные представления о норме и теле. «Ложные ожидания "чудодейственного" излечения и нежелание принимать вероятность выхода имплантатов из строя делают этическую проблему более сложной» [Эшимова и др. 2024, с. 36]. Применительно к All-on-4 это означает: отсутствует не только эмпирическая база для оценки долгосрочных последствий превентивного удаления интактных зубов, но и язык для формулирования этических дилемм. В результате практика добровольного удаления здоровых зубов под эстетическим предлогом рискует стать нормализованной формой «стоматологической помощи», что ведёт к размыванию границы между лечением и совершенствованием, а также к десубъективации тела пациента.

Перед университетской наукой стоит задача фундаментальной трансформации. В эпоху постцифрового университета «новые технологии, как и цифровизация в образовании, должны быть не целью, а средством; только тогда станет возможным прогресс в образовании и значительные социальные преобразования» [Ашилова и др. 2022, с. 710]. Для стоматологического образования необходим междисциплинарный синтез: во-первых, включение философии медицины и феноменологии тела – студент должен овладеть феноменологической рефлексией, отличать клинически обоснованное вмешательство от эстетически мотивированного; во-вторых, разработка этических протоколов для работы с запросом на «улучшение» здорового тела, учитывающих автономию пациента, ответственность врача и критерии различения лечения и модификации; в-третьих, признание импланта полноценным прокси-субъектом и построение теоретической модели его роли в гибридной системе «человек + имплант». Это требует отказа от восприятия импланта как пассивного объекта и перехода к акторно-сетевой онтологии, где нечеловеческие акторы – полноправные участники гибридных систем. Только такой подход позволит избежать технократии и сохранить гуманистическую миссию университета.

Таким образом, анализ прокси-субъективности на примере дентальной имплантации выявляет фундаментальный разрыв между технологически модифицированной телесностью и теоретическими ресурсами университетской науки. В III тысячелетии университетская наука оказалась между классической ориентацией на истину и новой – на технологическую эффективность. Имплант как прокси-субъект обнажает эту амбивалентность: он эффективен и эстетичен, но трансформирует телесную идентичность, размывает границу между лечением и совершенствованием, создаёт риски, к которым классическое образование не готовит. Задача университетской науки XXI века – научиться видеть гибридных акторов, описывать их на адекватном языке и отвечать на их вызовы. Университетская наука должна стать пространством, где технологическая компетенция дополняется феноменологической

чувствительностью и этической рефлексией. Только тогда стоматология сохранит статус медицинской специальности, ориентированной на благо пациента.

Список литературы

1. Ашилова и др. 2022 – Ашилова М. С., Бегалинов А. С., Латуха О. А., Пушкарёв Ю. В., Бегалинова К. К., Пушкарёва Е. А. Перспективы постцифрового университета: анализ программных документов в сфере образования // Регионология. 2022. Т. 30. № 3. С. 698–720.
2. Донских 2023 – Донских О. А. Откуда пришёл кризис? Взгляд провинциала. Размышления о книге Вадима Радаева «Образование в кризисе» // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5. № 2. С. 219–227.
3. Карипбаев 2023 – Карипбаев Б. И. Знание, наука, университет в координатах информационной агрессии (опыт социально-философского дискурса) // Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия». 2023. № 110, № 2. С. 326–334.
4. Латур 2021, web – Латур Б. Биовласть и плазма: как ковид заставил акторно-сетевого теоретика перестать бояться и полюбить Фуко / пер. Г. Игнатенковой // Логос. 2021. № 2 (141). С. 27–58. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/biovlast-i-plazma-kak-kovid-zastavil-aktorno-setevogo-teoretika-perestat-boyatsya-i-polyubit-fuko (дата обращения: 20.04.2026).
5. Эшимова и др. 2024 – Эшимова П. Б. К., Исмаилова С. С. К., Мухамедова З. М. Проблемы биоэтики в хирургической стоматологии // Новости образования: исследование в XXI веке. 2024. № 5 (89). С. 34–39.
6. Afrashtehfar, Freedman 2025, web – Afrashtehfar K. I., Freedman G. Preserve or extract? Ethical choices in tooth conservation versus implant trends // Oral Health Group. 2025. URL: https://www.researchgate.net/publication/394545319_Preserve_or_extract_Ethical_choices_in_tooth_conservation_versus_implant_trends (дата обращения: 20.04.2026).
7. Halák 2021 – Halák J. Body schema dynamics in Merleau-Ponty // Body Schema and Body Image: New Directions. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 123–145.
8. Karpenko, Perepelytsia 2023 – Karpenko I. V., Perepelytsia O. M. Philosophy in the (Post) Humanitarian Mission of the University // Anthropological Measurements of Philosophical Research. 2023. No. 23. P. 5–13.
9. Latour 1996 – Latour B. On Actor-Network Theory: A Few Clarifications // Soziale Welt. 1996. Vol. 47. No. 4. P. 369–381.
10. Neves и др. 2021 – Neves V. C. M., Pugh J., Savulescu J. Beyond oral hygiene, are capacity-altering, biologically based interventions within the moral domain of dentistry? // British Dental Journal. 2021. Vol. 231. No. 5. P. 277–280.
11. van Daal и др. 2024 – van Daal M., de Kanter A.-F. J., Jongsma K. R., Bredenoord A. L., de Graeff N. Embodiment and regenerative implants: a proposal for entanglement // Medicine, Health Care and Philosophy. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 241–252.
12. Vasthare и др. 2024 – Vasthare R., Lim Y. R., Bagga A., Nayak P. P., Bhat B., S. S. The phenomenological approach in dentistry – a narrative review // International Journal of Qualitative Studies on Health & Well-Being. 2024. Vol. 19. No. 1. P. 2341450.

УДК 16

ВЛИЯНИЕ МАРКЕТИНГОВЫХ СТРАТЕГИЙ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ЭКСПЕРТНОГО ЗНАНИЯ В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ НАУКЕ

Смирнов Артур Александрович

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт Экономики, направление "Менеджмент", аспирант

E-mail: aasmirnov_9@edu.hse.ru

Аннотация: Настоящий доклад посвящен философскому анализу влияния маркетинговых стратегий на статус экспертного знания в университетской науке. Актуальность исследования обусловлена сменой приоритетов научного познания, где целью все чаще становится не истина, а эффективность. Маркетинговые метрики постепенно начинают конкурировать с традиционными академическими критериями, предъявляемыми к научному знанию. В работе подчеркиваются социальная и научная проблемы, вытекающие из новых реалий (цифровизация; рыночное давление). В то же время, теоретическая база включает в себя социальную эпистемологию, концепции академического капитализма и эпистемической несправедливости, понятие "зон обмена". Методы, используемые при анализе: теоретический анализ, сравнительный метод и концептуальный анализ. Результаты работы: выявлено фундаментальное противоречие между традиционными требованиями науки и маркетинга; показано, что цифровые платформы становятся новыми зонами обмена, где авторитет ученого зависит от маркетинговых метрик; обосновано, что маркетинг становится одной из причин возникновения эпистемической несправедливости, способствуя вытеснению "псевдоэкспертами" квалифицированных ученых из публичного пространства. В перспективе, стоит задуматься о создании нормативных моделей, которые позволят ученым освоить коммуникативные навыки без подчинения рыночной логике.

Ключевые слова: маркетинговые стратегии, экспертное знание, университетская наука, социальная эпистемология, цифровые платформы.

THE IMPACT OF MARKETING STRATEGIES ON THE TRANSFORMATION OF EXPERT KNOWLEDGE IN UNIVERSITY SCIENCE

Smirnov Artur Alexandrovich

Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Institute of Economics, Department of Management, Postgraduate student

Abstract: This report is devoted to a philosophical analysis of the impact of marketing strategies on the status of expert knowledge in university science. The relevance of the research is due to the changing priorities of scientific knowledge, where the goal is increasingly becoming efficiency rather than truth. Marketing metrics are gradually starting to compete with traditional academic criteria applied to scientific knowledge. The paper highlights the social and scientific problems arising from the new realities (digitalization; market pressure). At the same time, the theoretical framework includes social epistemology, concepts of academic capitalism and epistemic injustice, and the concept of "exchange zones." The methods used in the analysis are theoretical analysis, comparative method and conceptual analysis. Results of the work: the fundamental contradiction between the traditional requirements of science and marketing is revealed; it is shown that digital platforms are

becoming new exchange areas where the authority of a scientist depends on marketing metrics; It is proved that marketing is becoming one of the causes of epistemic injustice, contributing to the displacement of qualified scientists from the public space by “pseudo-experts”. In the future, it is worth thinking about creating normative models that will allow scientists to master communication skills without being subject to market logic.

Keywords: marketing strategies, expert knowledge, university science, social epistemology, digital platforms.

Введение

В современной философии науки все чаще встречаются размышления о том, что университетская наука больше не может рассматриваться как суверенная область научного познания. Одной из причин является то, что влияние рыночных механизмов, цифровизации и других факторов вынуждает её адаптироваться к новым реалиям, где ключевыми требованиями становятся эффективность, конкурентоспособность и практическая применимость. Одним из главных проводников таких изменений выступает маркетинг, который не только оказывает сильное влияние на продвижение образовательных курсов и университета в целом, но и видоизменяет экспертное знание. Именно поэтому настоящее исследование посвящено философскому анализу того, как маркетинговые практики влияют на статус экспертного знания в университетской науке, какие эпистемические сдвиги при этом происходят и к каким рискам все это приводит.

Актуальность данного исследования обусловлена следующими взаимосвязанными аспектами. Во-первых, как отмечено в описании секции “Университетская наука в третьем тысячелетии” Пятого конгресса, современный университет переживает смену приоритетов, где целью становится не столько истина, сколько эффективность, поэтому наука постепенно трансформируется в технологию. И маркетинговые стратегии становятся одним из ключевых механизмов этого сдвига. Во-вторых, в условиях цифровизации университетской среды маркетинговые метрики становятся дополнительными критериями публичного признания научности знания, конкурируя с такими традиционными академическими критериями, как индекс цитирования, количество публикаций и другие. В-третьих, данная ситуация порождает новую социальную проблему, где доверие к экспертам из разных областей основывается не на объективных и общепринятых в научной среде показателях компетенций, а на маркетинговых атрибутах. Вследствие этого ситуация может привести к снижению статуса университетской науки и создать благоприятные условия для появления “псевдоэкспертов”. В-четвертых, помимо социальной проблемы, возникает еще и научная, которая проявляется в противоречии между традиционными требованиями к научному знанию и требованиями маркетинга, что делает традиционные критерии демаркации недостаточными.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении и анализе механизмов влияния маркетинговых стратегий на статус экспертного знания в университетской науке, а также в определении философских и социальных последствий этого процесса.

Задачи исследования:

- Охарактеризовать противоречие между традиционными требованиями и логикой эффективности, внедряемой через маркетинг.
- Выявить, как цифровые платформы влияют на авторитет ученого-преподавателя.

- Определить социальные риски, возникающие вследствие внедрения маркетинговых стратегий в университетскую науку.
- Обосновать недостаточность традиционных критерии демаркации экспертного знания

Обзор литературы

В настоящем исследовании мы опираемся на авторов, которых можно разделить на четыре условных блока. Первый включает в себя работы по социальной эпистемологии, во главе с Ж.-Ф. Лиотаром, который обосновал переход легитимации знания от истины к эффективности [Lyotard 1984]. Это напрямую задает угол зрения на маркетинг как на механизм переопределения экспертного статуса. В свою очередь, данную рамку развивает С. Фуллер, рассматривающий знание как социально распределенный феномен [Fuller 2002].

Второй блок, посвящен критериям, позволяющим отличить знание научное от ненаучного. Здесь мы обращаемся к работам К. Поппера, Т. Куна и И. Лакатоса [Popper 1959; Kuhn 1962; Lakatos 1970], ведь именно эти авторы внесли большой вклад в разработку критериев демаркации. Тем не менее, анализ литературы позволяет нам сделать вывод, что их подходы ориентированы скорее на внутренние характеристики знания и не учитывают ситуацию, когда легитимация знания происходит через маркетинговый успех, но не через научное сообщество.

В третьем блоке мы обращаемся к концепции академического капитализма С. Слотер и Л. Родс [Slaughter, Rhoades 2004] для описания структурных сдвигов непосредственно в самом университете. Данная теория позволяет нам провести анализ того, как внешнее давление рыночных стимулов вынуждает внутренние процессы университета трансформироваться, превращая его из института, ориентированного на общественное благо, в субъект рыночных отношений. Также в этом блоке мы используем по аналогии понятие “зон обмена” П. Галисона [Galison 1997] для анализа цифровых платформ как пространств, где в процессе коммуникации формируются новые формы взаимодействия между учеными, маркетологами и аудиторией.

В четвертом заключительном блоке мы обращаемся к работам М. Фрикер [Fricker 2007], чтобы рассмотреть суть понятия эпистемической несправедливости и применить его к нашей работе. Автор различает два типа несправедливости: свидетельскую, которая подразумевает недоверие к говорящему из-за предрассудков, связанных с социальной идентичностью (гендер, раса, социальный статус и т.д.) и герменевтическую, когда у человека нет нужных понятий, чтобы объяснить свой негативный опыт. Этот инструментарий позволяет нам проанализировать риски в ситуации, когда происходит вытеснение академической экспертизы маркетинговыми атрибутами, и описать механизмы, с помощью которых маркетинговые практики могут приводить к эпистемической несправедливости.

Методы исследования

В настоящей работе, поскольку она имеет философский характер, мы не использовали эмпирические методы. Вместо этого опирались на следующие:

- **Теоретический анализ**, который позволил нам идентифицировать ключевые понятия (легитимация, экспертное знание, эпистемические нормы, демаркация) на основе изучения философских источников, авторы которых указаны ранее.

- **Сравнительный метод,** который мы использовали для сопоставления традиционных требований к научному знанию (системность, объективность, эмпирическая проверяемость) и логики маркетинга (упрощение, эмоционализация, ориентация на спрос)
- **Концептуальный анализ** использовался для изучения концептов и для уточнения границ следующих понятий: “легитимация”, “демаркация”, “зоны обмена” применительно к цифровой среде.

Также важно уточнить, что в качестве методологической рамки мы использовали **социальную эпистемологию**, которая рассматривает знание как социально распределенный и институционально опосредованный феномен [Fuller 2002].

Результаты исследования

На основе анализа философских источников с помощью вышеперечисленных методов нам удалось получить следующие результаты:

Результат 1: было выявлено фундаментальное противоречие между традиционными требованиями к научному знанию (системность, объективность, эмпирическая проверяемость) и маркетинговой логикой (упрощение, эмоционализация, ориентация на спрос).

Результат 2: было показано, что новыми зонами обмена становятся цифровые платформы, где все чаще авторитет ученого-преподавателя определяется маркетинговыми метриками**.**

Результат 3: обосновано, что маркетинг в университетской науке порождает эпистемическую несправедливость, при которой авторитет эксперта определяется его маркетинговым успехом, а не академической компетенцией. В результате “псевдоэксперты” постепенно вытесняют квалифицированных ученых из публичного пространства.

Результат 4: установлено, что традиционные критерии демаркации (фальсифицируемость, парадигма) К. Поппера и Т. Куна [Popper 1959; Kuhn 1962] становятся недостаточными, когда легитимация знания происходит через маркетинговый успех.

Заключение

Подводя итоги настоящего исследования, мы можем заключить, что поставленная цель была достигнута, а задачи выполнены в полном объеме. Нам удалось выявить фундаментальное противоречие между традиционными требованиями к научному знанию и маркетинговой логикой, а также показать, что новыми “зонами обмена” становятся цифровые платформы (YouTube; Coursera; Социальные сети), где авторитет ученого определяется чаще всего маркетинговыми метриками. В то же время удалось обосновать, что маркетинг в университетской среде порождает эпистемическую несправедливость, а традиционные критерии демаркации становятся недостаточными в условиях легитимации знания через маркетинговый успех. Поэтому, в перспективе, стоит задуматься о создании нормативных моделей, которые позволят ученым освоить коммуникативные навыки без подчинения рыночной логике.

Список литературы

1. Fuller 2002 – Fuller S. Social Epistemology. 2nd ed. Bloomington: Indiana University Press, 2002. 314 p.
2. Fricker 2007 – Fricker M. Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing. Oxford: Oxford University Press, 2007, 192 p.
3. Galison 1997 – Galison P. Image and Logic: A Material Culture of Microphysics. Chicago: University of Chicago Press, 1997. 955 p.
4. Kuhn 1962 – Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1962. 172 p.
5. Lakatos 1970 – Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes // Criticism and the Growth of Knowledge / Ed. by I. Lakatos, A. Musgrave. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. P. 91–195.
6. Lyotard 1984 – Lyotard J.-F. The Postmodern Condition: A report on Knowledge. Manchester: Manchester University Press, 1984. 110 p.
7. Popper 1959 – Popper K.R. The Logic of Scientific Discovery. London: Hutchinson & Co, 1959. 479 p.
8. Slaughter, Rhoades 2004 – Slaughter S., Rhoades G. Academic Capitalism and the New Economy: Markets, State, and Higher Education. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004. 370 p.

УДК 165.1:130.2

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОД РАБОТЫ С ПОЗНАВАТЕЛЬНЫМИ СПОСОБНОСТЯМИ ЧЕЛОВЕКА

Волкова Вера Олеговна
доктор философских наук,
Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева,
профессор
E-mail: veravolkova@mail.ru

Волков Илья Евгеньевич
кандидат философских наук,
Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева,
доцент
E-mail: volki@rambler.ru

Аннотация: В данной работе рассматривается стратегия кодирования социальной и культурной информации в познании. Современные познавательные способности человека изменяются с изменением взгляда на познание. Основным параметром изменения признается очевидность познания и аргументация исходных показателей очевидности. Ю.М. Лотман считал, что перемещение явлений жизни из непонимания в понимание осуществляется в закодированном виде с инвариантными остатками смысла. Они поглощаются интерпретативной изменчивостью в контекстуальности. В отличии от бытия вещи бытие человека направлено на поиск скрытых оснований познания. Они формируют его опыт и

создают аргументацию самой возможности бытия. Интенции социокультурной практики направлены на первичное и скрытое в прошлом существование в скрытых формах личной истории, культуры, а также в форме трансценденции – выхода за актуально данные пределы. Особенность современного подхода состоит в замене человеческой субъективности на генеративные Эго-состояния, иногда не совпадающие с человеческой ментальностью. Но они способны генерировать планы и проекты. Феноменологический метод позволяет сконструировать «остров спасения человечности». Контекстуальная информация переживается и воплощается в образах. Они оказываются ментально нейтральными в опредмечивании фантазий, мечтаний, проявлений чувственности. Но являются материалом для любого естественного и искусственного проектирования.

Ключевые слова: социокультурный код, контекст, эго-состояния, интерпретация, трансценденция, язык.

SOCIO-CULTURAL CODE FOR WORKING WITH HUMAN COGNITIVE ABILITIES

Vera Olegovna Volkova
Doctor of Philosophy,
R. E. Alekseev Nizhny Novgorod State Technical University,
Professor

Ilya Evgenievich Volkov
Candidate of Philosophy,
R. E. Alekseev Izhny Novgorod State Technical University,
Associate Professor

Abstract: This paper examines the strategy of encoding social and cultural information in cognition. Modern human cognitive abilities are changing with changing views on cognition. The primary parameter of change is recognized as the obviousness of cognition and the argumentation of the initial indicators of obviousness. Yu. M. Lotman believed that the transition of life phenomena from misunderstanding to understanding occurs in coded form with invariant remnants of meaning. These are absorbed by interpretive variability in context. Unlike the existence of things, human existence is aimed at finding the hidden foundations of cognition. These foundations shape human experience and create arguments for the very possibility of existence. The intentions of sociocultural practice are directed toward primary and past existence in the hidden forms of personal history and culture, as well as in the form of transcendence – going beyond currently given limits. A distinctive feature of the modern approach is the replacement of human subjectivity with generative ego states, which sometimes do not coincide with the human mentality. However, they are capable of generating plans and projects. The phenomenological method allows us to construct an "island of salvation for humanity." Contextual information is experienced and embodied in images. These images prove mentally neutral in their objectification of fantasies, dreams, and sensual expressions. But they serve as the material for any natural or artificial projection.

Keywords: sociocultural code, context, ego states, interpretation, transcendence, language.

Человек живет в мире и каждый акт познания выдает свой код связи с обществом и культурой. Неминуемость учета познавательных способностей требует эпоха цифровизации. В философии связь с эпохой подчеркивалась всякий раз, когда выбирались или складывались условия познавательной ситуации.

Современные учения полагаются на данные, которые нужно интерпретировать, опираясь на изначальные источники очевидных факторов познания, таких как социальная практика или культура. Главным мотивом поиска изначальных источников является очевидность познания, его критериев и свойств. Очевидность позволяет избежать очередного истолкования тех или иных прежде бывших учений, но, вместе с тем, она позволяет проследить исходные показатели введения каких-либо понятий.

Здесь мы сталкиваемся с понятием контекста, при помощи понимания которого осуществляется работа перевода информации из одной формы в другую, используя систему условных знаков, относящихся к той или иной области значений. О.Е. Столярова создает трактовку контекстуализма как перспективного метода вложенных в него интенций, близких философскому поиску «скрытых, лежащих за пределами опыта оснований нашего познания, или условий его возможности» [Столярова 2021].

Ю.М. Лотман говорил о парадоксальном «перемещении» явлений жизни из непонимания в понимание при помощи закодированных в языке сообщений [Лотман 1999, с. 16], а каждый код представляет собой сложное «иерархическое устройство» [Лотман 1999, с. 16,17] с различными «инвариантными остатками», которые сохраняются при понимании текста и называются смыслами, скрываемыми в его контексте.

Смыслы прирастают в процессе изменения объекта изучения. В. И. Молчанов указывает на два типа изменчивости исследуемого объекта – физической и интерпретативной [Молчанов 2013]. Интерпретативная изменчивость складывается в процессе описания как изменений, так и самого объекта. Этот процесс был схвачен, но не оценен последователями феноменологического метода исследования явлений.

Изменения текущего века не предполагают долгих размышлений, так как размышления поглощаются динамикой жизни. Но в самой динамике скрывается феноменологический каприз, предполагающий собственный социокультурный код. Никто не ожидал, что очевидность будет также сложно устроена, как и результаты атомных физических экспериментов эпохи «после Эйнштейна». Социальная и культурная практики представлены возможностями поиска и обнаружения человеком скрытого контекста своих действий как среди людей, так и в художественных воплощениях. Так же как явное содержит в себе неявное, также как хаос несет в себе скрытые параметры порядка. Они могут быть адресованы прошлому (стремлению возвращения в нечто первичное в отношении своей жизни) и/или выходу в сверхсознательную, трансцендентную сферу для выработки т.н. «духовных инструментов» (образование, культура, любовь и т.д.). При этом все инструменты познавательной активности будут уникальны и рассчитаны на многообразное понимание.

Феноменология в лице Э. Гуссерля, напоминает, что только Чужой, совсем чужой, наряду с опытом Я создает «чистую жизнь» сознания. Однако, жизнь сознания интерпретирует бытие Я отличным от бытия вещи. Вещь должна быть установлена в своем бытии и все. Эго-конструкция (оставим пока в стороне жизнь сознания) может быть человеческой или какой другой – например, сгенерированной. Она полагается на сходство и различие как полное размежевание сходства с человеком. В современной реальности мы имеем дело с Эго-конструкциями, так как иной раз невозможно отличить свою фотографию от фото «двойника».

В истории философии можно отметить страницы, которые работают на феноменологический каприз, начиная с пренебрежения к бинарным оппозициям, преодоления оппозиционности как фигуры призрачности западной ментальности в субъект-объекте, внутреннем-внешнем, мужском-женском. Попытка Ж. Деррида деконструировать оппозиции, исключить иерархии, «снять» колебания может быть воспринята как указание на то, что субъект может и не показывать в себе человека.

Жест как образ. Исходной позицией этого явления становится попытка и. как мы теперь видим, вполне удачная, перевести отношения в «двоякий жест» (Ж. Деррида), т.е. придать частям оппозиции степень имагинации – позволить *релятивно* воспринять их (части оппозиции) в работе с образами в двоичном коде – разделенности на то, что зримо и на то, что незримо, но читается в действиях человека. Это позволяет исследовать экзистенции, поставив вместо человека-субъекта *генерализируемые состояния*. Условно можно считать их Эго-конструкциями, так как в них заложен код отношений «человека и машины» как зеркала одного для другого (неизвестно еще кто кому машина). Сложность этого кода состоит в простоте его применения. Отсюда характерная для западной ментальности установка на осмысление структур деятельности, выстраивание алгоритмов деятельности и программ их осуществления, знание и артикуляцию своего исследуемого предмета как приносящего прибыль или пользу.

Имагинация. Идея заменить субъекта на его состояния, которые допускали бы «недеяние» и наблюдение за естественными событиями, а не процессами, конструируется как нечто выпадающее из западной традиции разделения наук как «наук о природе» и «наук о духе». Взаимопроникновение дисциплин осуществляется на их границах, способствует возникновению новых типов рациональности и трансформации культурного пространства в целом. Таким образом, еще Э. Гуссерлем была включена идея социокультурного кода в работе с такими состояниями сознания, которые включают опыт, обладающий предметностью, смыслом, представленностью в сознании и тем или иным способом связанным с Я как переживающим, знаковым или игровым. Состояние ума в этом случае остается закодированным культурой и эпохой, но неизменным в той форме, в какой его испытали те, кто пытался его трансформировать в любом виде практики.

Э. Гуссерль означивает его как «переживание», независимое от того, в каком виде мы его испытали, действительно ли происходило с нами, нашими чувствами и предметами мира. Истина или нет, но мы схватываем в ощущении, восприятии, воспоминании, желании нечто, что мы ощущали, воспринимали, желали [Гуссерль 2001].

Экзистенциальные ситуации невозможно воспринять как нечто логически выверенное. В этом случае они расходятся с исходным представлением о скрытой в образе идее и процессом имаджинирования отношений между людьми. И.Т. Касавин отзывается о таком познании, которые допускает проявление интуиций, понятий и методов. Они создаются на границе объективности и субъективности, расширяя инструментарий эпистемологии. В научном дискурсе присутствуют практики, которые «показываются, но не объясняются» переживаются, но не познаются [Касавин 2018, с. 220]. Так, ум есть «паттерн», источником которого является сам же ум, поэтому искусственный интеллект тоже может быть взят в качестве переживаемой метафоры – ума, который конструируется умом его создателей и их генерируемых состояний переживания другой реальности, чем известной из физики и ее законов. Жест — это выражение направленности или интенции, рожденный первичной интуицией, которой необязательно упираться в дискурс и которой (интуиции, интенции) можно остановиться в «молчании».

Список литературы

1. Гуссерль 2001 – Гуссерль Э. Собр.соч. Т. III. (1): Логические исследования. Т.II (1): Исследования по феноменологии и теории познания. М.: Гнозис; Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 323–329.
2. Касавин 2018 – Касавин И. Т. Научный реализм, онтология и мистика// Вестник Томского гос. Университета. Философия. социология. Политология. 2018. №45. С. 217 – 221.
3. Лотман 1999 – Лотман Ю. М.. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера –история. М.: «Языки русской литературы», 1999. 464 с.
4. Молчанов 2013 – Молчанов В.И. История и пространство. Деструкция темпоральной историчности // Вопросы философии. 2013. №7. С. 24–36
5. Столярова 2021 – Столярова О.Е. Возвращение метафизики как предмет исторической онтологии. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. М., 2021. 307 с.

УДК 101.1:316"312"

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРУДА В ЭПОХУ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ

Алимов Виталий Шамильевич,

Нижегородский Государственный Университет им. Н.И. Лобачевского, аспирант

E-mail: clyx@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается структура глобальных изменений труда в эпоху постсовременности. Социальная динамика и развитие общества обусловлены процессами трансформации с сфере труда. Социально-философский анализ научной литературы в тематике труда раскрывает целый ряд взаимосвязанных процессов, определяющих постсовременную систему отношений труда и капитала. Разворачивающийся сегодня философский дискурс отображает противоречивую стратегию капитала по сдерживанию труда. Труд представляется заложником господствующего над ним капитала, и поэтому анализ постсовременности не обходится без рассмотрения проблематики капитализма. Возникает проблема смыслового и ценностного содержания труда, т.к. сегодня система его реализации – гиперкапитализм, не имеет внешней цели. Обезвреживается сверхпроизводительность труда в широком смысле, т.е. его способность не только воспроизводить существующие социальные структуры, но и создавать новые сверхпространства развития. Капитал сохраняется при условии отмены сверхпроизводительной функции труда, поскольку не способен перенести трансформации, накопленные по принципу качественных и количественных изменений. Поэтому в эпоху постсовременности принципы рынка проникают во все сферы человеческой деятельности, в т.ч. в область науки и

образования. Сегодня университетская наука становится жертвой процесса «товаризации» образования. Просветительские идеалы развития способностей человека и познания природы уступают место стремлению образовательных организаций соответствовать рыночным показателям эффективности. Профессиональное образование превращается в процесс выдачи дипломов, не подкреплённых реальными компетенциями и навыками. Таким образом, система сдерживания и отмены сверхпроизводительной функции человеческой деятельности постепенно захватывает сферу науки и образования.

Ключевые слова: труд, деятельность, наука, образование, капитал, воспроизводство, сверхпроизводительность.

TRANSFORMATION OF LABOR IN THE POSTMODERNITY ERA

AlimovVitaly Shamilievich

Nizhny Novgorod State University n. a. N.I. Lobachevsky

Abstract. This article examines the structure of global labor changes in the postmodern era. Social dynamics and societal development are conditioned by transformation processes in the labor sphere. A socio-philosophical analysis of scientific literature on labor reveals a number of interconnected processes that define the postmodern system of labor-capital relations. The philosophical discourse unfolding today reflects capital's contradictory strategy for containing labor. Labor is seen as hostage to the capital that dominates it, and therefore, an analysis of postmodernity cannot do without considering the problems of capitalism. The problem of the semantic and value content of labor arises, since today's system of hypercapitalism has no external purpose. The super-productivity of labor in the broad sense is neutralized, i.e., its ability not only to reproduce existing social structures but also to create new super-spaces of development. Capital is preserved under the condition of the abolition of the super-productivity function of labor, since it is unable to withstand the transformations accumulated according to the principle of qualitative and quantitative changes. Therefore, in the postmodern era, market principles permeate all spheres of human activity, including science and education. Today, university science is falling victim to the process of "commodification" of education. Enlightenment ideals of developing human capabilities and understanding nature are giving way to educational institutions' desire to meet market performance indicators. Professional education is becoming a process of issuing diplomas unsupported by real competencies and skills. Thus, the system of restraining and eliminating the super-productive function of human activity is gradually taking over science and education.

Keywords: labor, activity, science, education, capital, reproduction, super productivity.

Эпоха постсовременности характеризуется значительным усложнением структуры социальных коммуникаций. Общество, если рассматривать его как систему [Луман 2011, с. 17–18], продолжает путь усложнения и насыщения своих элементов и подсистем: социальный мир находится в непрерывном процессе построения новых коммуникативных сетей и

отношений. Принципиальная особенность социальной динамики постсовременности заключается в увеличивающемся разрыве между объектами (вещами, идеями, ценностями и т.п.) и их реальными референтами [Бодрийяр 2000, с. 77]. Сама социальная структура приходит в состояние «текучести» [Бауман 2008, с. 8–9] и неопределённости, существование в обществе утрачивает прежнюю привязанность к какой-либо телеологической и онтологической основе. Сегодня сложно говорить об историзме социального развития, о чем предполагал К. Маркс [Маркс 1955, с. 435–436], поскольку целевые установки и ценностные ориентации или окончательно уходят в прошлое или превращаются в свою пустую имитацию.

Современный философский дискурс разворачивается вокруг критики существующих механизмов в отношениях труда и капитала. Труд представляется заложником господствующего над ним капитала, и поэтому анализ постсовременности не обходится без рассмотрения проблематики капитализма. Однако, в эпоху постсовременности возникает проблема смыслового и ценностного содержания труда, т.к. сегодня система его реализации – гиперкапитализм, не имеет внешней цели. Д. Агамбен указывает на разрыв в функции медиума, которую выполняли деньги, сегодня прервана коммуникация между реальными продуктами труда и их универсальным означающим эквивалентом (деньгами) [Агамбен 2021, с. 127].

Воспроизводительная функция труда в современных условиях продолжает возобновлять одно и то же состояние бесцельной системы капитала, в которой труд остаётся заложником постоянного одалживания. В. Беньямин пишет о капитализме как религии, в которой основные акторы труда (работники, семьи, отдельные члены общества и др.) впадают в бесконечный круг кредитования собственного будущего. Труд имеет собственное внутреннее бытие и целесообразность, но сегодня утрачивает эту онтологическую основу, поскольку связан сетями всеобъемлющего капитала. Рыночная система постсовременности не имеет никакой внешней цели (telos) освоения новых немаркированных пространств действительности, в ней отсутствует основа и начало (arche). Поэтому в сущности капитализм имеет паразитическую бесконечно возобновляемую структуру [Агамбен 2021, 138–140]. Иными словами, воспроизводительная функция труда – его способность восстанавливать и поддерживать текущее (стабильное) общественное состояние, органично вписывается в систему господства капитала. Однако, при этом обезвреживается сверхпроизводительность труда в широком смысле, т.е. его способность не только воспроизводить существующие социальные структуры, но и создавать новые сверхпространства развития. Капитал сохраняется при условии отмены сверхпроизводительной функции труда, поскольку не способен перенести трансформации, накопленные по принципу качественных и количественных изменений.

Ж. Бодрийяр тонко уловил интенции капитала по сохранению своего господства путём отмены диалектики отношений с трудом [Бодрийяр 2000, с. 54]. «Гиперкапитализм» ставит на паузу поток изменений социальной динамики, не давая производству осуществляться в полном соответствии со своей онтологической основой, а именно, выходом за пределы освоенного социального пространства. Тем самым, отменяется историзм переходов общественных формаций, смена или по меньшей мере реконструкция рыночной системы, подчинившей своим принципам другие (неэкономические) сферы жизненного мира человека. Постсовременность – это игра противоположностей созидательной прогрессивной способности деятельности и господствующим над ней капитала.

Данная система рыночного господства проникает во все сферы общественной жизни, подчиняя их своим аксиомам. Не исключением является университетская наука и образование, которые становятся жертвой процесса товаризации. Наука и образование становятся предметом «капиталовложений», которые никогда не окупаются. Г. Стэндинг анализирует негативные кризисные явления постсовременной сферы труда, где деятельность университетов постепенно переходит на рыночные принципы работы. Эффективность университетской науки измеряется параметрами коммерческой выгоды от получения грантов, выдачи дипломов, «роскошности» университетской инфраструктуры [Стэндинг 2014, с. 123–126]. В таких условиях университетская наука и высшее образование включаются в область рыночной конкуренции, где соревнуются в показателях экономической выгоды, а цели научного познания и просветительских функций образования перестают быть приоритетными. Для системы отношений труда и капитала сегодня более предпочтительным становится не развитие способностей и приобретение знаний, но производство «дипломированных» специалистов, встроенных в общество рынка. Поэтому в сфере науки и образования действуют те же самые механизмы сдерживания и отмены созидательной сверхпроизводительной функции человеческой деятельности.

Таким образом, труд сохраняет свою амбивалентную структуру: с одной стороны, он является средством воспроизводства общественной жизни, но с другой, создаёт избыточное пространство, обращаемое в пустую симуляцию или кризисные регрессивные процессы постсовременности.

Список литературы

1. Агамбен 2021 – Агамбен Д. Творение и анархия. Произведение в эпоху капиталистической религии. М.: Гилея. 2021. 155 с.
2. Бауман 2008 – Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
3. Беньямин 2012 – Беньямин В. Капитализм как религия / Учение о подобии. Медиаэстетические произведения: Пер. с нем. А. Пензина. М.: Изд. Центр РГГУ, 2012. С. 100-108.
4. Бодрийяр 2000 – Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: «Добросовет». 2000. 387с.
5. Луман 2011 – Луман Н. Общество общества. М.: Издательство «Логос», 2011. 640 с.
6. Маркс 1955 – Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 615 с.
7. Стэндинг 2014 – Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.

УДК 101.1:378.4:004.8

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК АКТОР ПРОИЗВОДСТВА ЗНАНИЯ: АКТОРНО-СЕТЕВАЯ ТЕОРИЯ И КРИЗИС АКАДЕМИЧЕСКОЙ АВТОНОМИИ

Власов Денис Петрович

магистр
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
E-mail: dpvlasov@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена философскому осмыслению трансформации академической автономии в условиях массового внедрения генеративного искусственного интеллекта в университетские исследовательские и образовательные практики. В качестве теоретической рамки используется акторно-сетевая теория Брюно Латура, позволяющая рассматривать искусственный интеллект не как внешний инструмент, а как актанта, перераспределяющего роли, функции и формы ответственности внутри академической сети. Показано, что включение БЯМ (Больших Языковых Моделей) в поиск литературы, построение аргументации, письмо и оценку публикационной результативности меняет статус авторства, усиливает менеджериализацию университета и влияет на формирование исследовательской субъектности. Через обращение к типологии познавательных интересов Юргена Хабермаса обосновывается необходимость институциональных практик, сохраняющих рефлексивную дистанцию, прозрачность делегирования и возможность критической проверки алгоритмически опосредованного знания. Особое внимание уделяется различию между продуктивным использованием ИИ как ограниченного посредника и его превращением в скрытую обязательную точку прохождения для письма, оценки и признания научного результата. Делается вывод, что задача университета состоит не в запрете ИИ и не в безусловной адаптации к логике оптимизации, а в сознательном проектировании таких академических сетей, где технические средства подчинены эмансипаторному и коммуникативному смыслу научной работы.

Ключевые слова: акторно-сетевая теория, академическая автономия, производство знания, генеративный ИИ, менеджериализм, эпистемическое авторство, Хабермас, университет.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS AN ACTOR IN KNOWLEDGE PRODUCTION: ACTOR-NETWORK THEORY AND THE CRISIS OF ACADEMIC AUTONOMY

Vlasov Denis Petrovich
National Research University Higher School of Economics (HSE), Master of Science

Abstract: The paper offers a philosophical analysis of the transformation of academic autonomy under the large-scale integration of generative artificial intelligence into university research and educational practices. Drawing on Bruno Latour's actor-network theory, it treats AI not as an external technical instrument but as an actant that redistributes roles, functions, and forms of responsibility within the academic network. The argument shows that the use of GenAI in literature search, argument construction, scholarly writing, and publication assessment changes the status of authorship, strengthens university managerialism, and affects the formation of scholarly subjectivity. By engaging Jürgen Habermas's typology of knowledge-constitutive interests, the paper argues for institutional practices that preserve reflective distance, transparency of delegation, and the possibility of critical verification of algorithmically mediated knowledge. The main conclusion is that the university's task is neither to prohibit AI nor to adapt uncritically to the logic of optimization, but to design academic networks in which technical means remain subordinated to the emancipatory and communicative meaning of scholarly work.

Keywords: actor-network theory, academic autonomy, knowledge production, generative AI, managerialism, epistemic authorship, Habermas, university.

Введение: университет между автономией и оптимизацией

Современный университет оказался между двумя образами самого себя. В первом он остается автономным интеллектуальным центром, где знание рождается из медленного чтения, спора, ошибки и ответственного авторства. Во втором он все более напоминает управляемое предприятие, где результат должен быть измерим, сравним и представлен в форме отчета. Культура аудита обещает прозрачность, но вводит язык измерений туда, где раньше действовали доверие, профессиональный этос и внутренняя экспертиза [Strathern 2000, p. 1–2]. Исследователи нового менеджериализма показывают, что британский университет постепенно описывается не как «сообщество ученых», а как рабочая организация с целевыми показателями и управленческими технологиями [Deem et al. 2007, p. 1–16].

Генеративный искусственный интеллект входит именно в эту подготовленную среду. Он появляется не как нейтральная ручка или калькулятор, а как участник сети, в которой публикационные показатели, рейтинги, грантовые формы и индексы цитирования уже сделали знание управляемым объектом. Ридингс связывал риторику excellence с превращением университета в бюрократическую корпорацию, а исследования performance management показывают, что количественная оценка меняет сам этос академического труда [Readings 1996, p. 21–43; Kallio et al. 2016, p. 685–689]. Поэтому вопрос об ИИ в университете не сводится к вопросу о допустимом инструменте. Вопрос глубже: кто и как теперь собирает академическое знание, если часть письма, поиска, синтеза и оценки делегируется нечеловеческому актору?

Акторно-сетевая теория как язык описания БЯМ

Акторно-сетевая теория позволяет избежать наивной оппозиции «человек использует инструмент». Для Латура социальное не является готовой субстанцией; оно собирается через прослеживаемые ассоциации, а объекты действуют как медиаторы, трансформирующие смысл [Latour 2005, p. 5–8, 63–86]. Поэтому БЯМ следует рассматривать не как внешний сервис, а как актанта, через которого проходят запросы, черновики, библиографические решения, жанровые ожидания и административные требования. Он не только ускоряет движение смыслов, но и меняет форму того, что выглядит убедительным.

Каллоновское понятие «перевода» особенно важно для описания этой конфигурации. В процессе проблематизации актор определяет других участников и делает себя обязательной точкой прохождения; далее через interessement, enrolment и mobilization закрепляет роли и союзы [Callon 1986, p. 196–205, 214–225]. БЯМ переводит интересы разных участников академии: аспирант ищет поддержку, университет — эффективность, издатель — стандартизацию, технологическая компания — закрепление инфраструктуры. Исследование ИИ как распределенного актора также показывает, что такие системы действуют не в одиночку, а через социотехнические сети, где агентность распределена между людьми, интерфейсами, данными и нормами управления [Aysan 2025, web].

Познавательные интересы и риск редукции знания

Если ANT дает язык описания сети, то Хабермас позволяет поставить нормативный вопрос: какой интерес организует производство знания? В «Knowledge and Human Interests» он различает технический интерес контроля, практический интерес взаимопонимания и эмансипаторный интерес рефлексии над зависимостью [Habermas 1971, p. 176–178, 198, 308–310]. Университетская наука держится на напряжении этих трех измерений. Она нуждается в технике и методе, но не может быть сведена к эффективности, поскольку смысл исследования

раскрывается в коммуникации, критике и способности поставить под вопрос собственные основания.

В «Theory of Communicative Action» Хабермас уточняет значение коммуникативной рациональности как ориентации не на успех любой ценой, а на достижение понимания и проверяемость притязаний значимости [Habermas 1984, p. 86–101]. Именно это измерение уязвимо перед алгоритмизацией письма. Модель может выдать гладкий текст до того, как исследователь прошел через труд чтения, сомнения и самостоятельной сборки аргумента. Поэтому опасность БЯМ состоит не в помощи как таковой, а в том, что технический интерес начинает мимикрировать под практическое понимание: результат похож на знание, но путь к нему становится плохо прослеживаемым.

Инскрипции, цитирование и «черный ящик» академического письма

Понятие инскрипции показывает, как ценности и программы действия закрепляются в артефактах, а затем возвращаются к человеку уже как внешняя необходимость [Latour 1992, p. 225–227, 232–235, 247–252]. В случае БЯМ инскрипции включают язык обучающих корпусов, предпочтительные жанры академического письма, скрытые критерии «ясного ответа» и представления разработчиков о безопасной коммуникации. Пользователь видит гладкую поверхность результата, но не видит всей цепочки, в которой корпус, модель, фильтры, промпт и интерфейс перевели его вопрос в конкретную форму текста.

В академии это особенно чувствительно, поскольку научное письмо живет не только выводом, но и следом. Библиография, цитата, архивная ссылка и страница являются не декорацией, а инфраструктурой доверия. Вутерс показывает, что культура цитирования стала способом представлять и оценивать науку, а не просто техническим аппаратом ссылок [Wouters 1999, p. 1–20, 143–164]. БЯМ способна имитировать этот аппарат без дисциплины следа: она производит убедительную форму там, где исследователь еще обязан восстановить путь от тезиса к источнику.

Эпистемическое авторство и зависимость от LLM

Наиболее острый вопрос связан с эпистемическим авторством. Если исследователь делегирует модели первичный синтез литературы, формулирование тезиса или стилистическое выравнивание аргумента, итоговый текст остается подписан человеческим именем, но часть когнитивных операций уже распределена между человеком и машиной. Исследование Линдебаума и соавторов описывает этот сдвиг как превращение эпистемических агентов в эпистемических потребителей и связывает его с риском «организованной незрелости» высшего образования [Lindebaum et al. 2026, p. 1–3, 9–11].

Похожую проблему фиксирует анализ эпистемологических вызовов LLM: такие системы затрудняют квалификацию статуса высказывания, подрывают надежность, ослабляют плюрализм и создают технологическую зависимость [Paseri, Durante 2025, p. 1–7]. В образовательной среде студент может начать воспринимать ИИ как «суррогатного знающего», чья уверенная речь выглядит авторитетнее медленного объяснения преподавателя [Jose et al. 2025, web]. Поэтому БЯМ уже описывается как возможный «костыль», поглощающий автономные когнитивные операции учащегося [Balzan et al. 2026, web]. Так возникает ответственность без полной прозрачности: человек отвечает за текст, но не всегда способен реконструировать операции, породившие его форму.

Менеджериализм, регулирование и академическая свобода

Алгоритмизация университета усиливает риски для академической свободы. Доклад EPRS рассматривает ее как фундаментальную ценность высшего образования и предмет правовой защиты, а доклад Совета Европы связывает эрозию свободы не только с

политическим давлением, но и с институциональными, финансовыми, трудовыми и цифровыми механизмами контроля [European Parliament Research Service 2025, web; Council of Europe 2025, p. 7, 13, 66–67, 85–87]. Если ИИ встроен преимущественно в мониторинг и оценку, он становится не помощником ученого, а устройством управляемости.

Этические рамки ИИ подчеркивают ответственность, прозрачность и подотчетность: Floridi и соавторы формулируют принципы благого общества ИИ, а UNESCO требует регулирования БЯМ, защиты человеческой агентности и недопущения утраты когнитивных навыков [Floridi et al. 2018, p. 689–707; UNESCO 2023, p. 18–25]. Эти нормы не работают автоматически. Обзор БЯМ в научном письме показывает переход от описания рисков к моделям раскрытия использования ИИ, таксономиям задач и процедурам сохранения человеческого интеллектуального руководства [Raitskaya, Tikhonova 2025, p. 5–51].

Контр-перевод: условия академической автономии

Критика БЯМ не должна становиться ностальгией по доцифровому университету. ANT напоминает: если сети собираются, они могут быть пересобраны. Более продуктивна стратегия контр-перевода: включать ИИ в академическую работу не как невидимого соавтора и не как инструмент административной оптимизации, а как ограниченного, проверяемого и описанного посредника. Здесь важна и постгуманистическая перспектива: субъект никогда не был изолированной человеческой монадой, он формируется в отношениях с материальными, языковыми и техническими средами [Braidotti 2013, p. 23–27].

Первое условие контр-перевода, это сохранение пространств медленного знания: семинаров, чернового письма, коллективного чтения и первоисточников. Второе, грамотность инскрипций, способность видеть нормы, встроенные в интерфейс и корпус. Третье, прозрачное делегирование: автор фиксирует, какие операции выполнялись с помощью модели, какие источники проверялись самостоятельно и где проходила граница между машинной генерацией и человеческим суждением. Вопрос не в изгнании ИИ из университета, а в том, чтобы не позволить ему стать обязательной точкой прохождения для всякого признанного знания.

Заключение

Генеративный искусственный интеллект не уничтожает академическую автономию автоматически, но меняет условия ее осуществления. В терминах ANT он становится актантом, перераспределяющим роли в сети знания; в терминах Хабермаса усиливает риск редукции науки к техническому интересу; в терминах университетской политики может стать каналом менеджериального контроля. Поэтому задача университета состоит не в запрете ИИ и не в безоговорочной адаптации, а в проектировании рефлексивных практик.

Университет будущего должен использовать технические средства, не превращая знание в поток контента. Его автономия заключается не в изоляции от технологий, а в способности сохранять критическую дистанцию к условиям собственного производства. Именно эта дистанция делает возможным знание, которое не только отвечает на запросы системы, но и ставит под вопрос саму систему запросов.

Список литературы

1. Aysan 2025 – Aysan H. Artificial Intelligence as a Distributed Actor: Rethinking Organizational Theory Through Sociotechnical Networks // Artificial Intelligence and Applications. 2025. [doi: 10.47852/bonviewAIA52025546].

2. Balzan et al. 2026 – Balzan F., Angeli L., Meulenbroeks R., Russo F. Tools or Crutches? Budgeting Human and Machine Autonomy when Introducing GenAI in Education // Artificial Intelligence in Education. 2026. Vol. 2. No. 1. 15 p. [doi: 10.1108/AIIE-06-2025-0145].
3. Braidotti 2013 – Braidotti R. The Posthuman. Cambridge: Polity Press, 2013. 229 p.
4. Callon 1986 – Callon M. Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St Brieuc Bay // Power, Action and Belief: A New Sociology of Knowledge? / ed. J. Law. London: Routledge & Kegan Paul, 1986. P. 196–233.
5. Council of Europe 2025 – Maassen P., Rónay Z., Kováts G. The Erosion of Academic Freedom in Europe. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2025. 111 p.
6. Deem et al. 2007 – Deem R., Hillyard S., Reed M. Knowledge, Higher Education, and the New Managerialism: The Changing Management of UK Universities. Oxford: Oxford University Press, 2007. 245 p.
7. European Parliament Research Service 2025 – Ceran O., Kosta V. Academic Freedom Monitor 2024: Overview of De Jure Academic Freedom Protection. Brussels: European Parliamentary Research Service, 2025. EPRS_STU(2025)762887. [doi:10.2861/3815636].
8. Floridi et al. 2018 – Floridi L., Cowls J., Beltrametti M. et al. AI4People: An Ethical Framework for a Good AI Society: Opportunities, Risks, Principles, and Recommendations // Minds and Machines. 2018. Vol. 28, No. 4. P. 689–707.
9. Habermas 1971 – Habermas J. Knowledge and Human Interests / transl. J. J. Shapiro. Boston: Beacon Press, 1971. 356 p.
10. Habermas 1984 – Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society / transl. T. McCarthy. Boston: Beacon Press, 1984. 512 p.
11. Jose et al. 2025 – Jose B., Cleetus A., Joseph B. et al. Epistemic Authority and Generative AI in Learning Spaces: Rethinking Knowledge in the Algorithmic Age // Frontiers in Education. 2025. Vol. 10. Article 1647687. [doi: 10.3389/feduc.2025.1647687].
12. Kallio et al. 2016 – Kallio K.-M., Kallio T. J., Tienari J., Hyvönen T. Ethos at Stake: Performance Management and Academic Work in Universities // Human Relations. 2016. Vol. 69, No. 3. P. 685–709.
13. Latour 1992 – Latour B. Where Are the Missing Masses? The Sociology of a Few Mundane Artifacts // Shaping Technology / Building Society: Studies in Sociotechnical Change / eds. W. E. Bijker, J. Law. Cambridge, MA: MIT Press, 1992. P. 225–258.
14. Latour 2005 – Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005. 301 p.
15. Lindebaum et al. 2026 – Lindebaum D., Nolan E., Ashraf M., Islam G., Ramirez M. F. The Transformation of Epistemic Agency and Governance in Higher Education Through Large Language Models: Toward a Future of Organized Immaturity // Organization Studies. 2026. P. 1–25. [doi: 10.1177/01708406251392002].
16. Paseri, Durante 2025 – Paseri L., Durante M. Examining Epistemological Challenges of Large Language Models in Law // Cambridge Forum on AI: Law and Governance. 2025. Vol. 1. Article e7. P. 1–13. [doi: 10.1017/cfl.2024.7].
17. Raitskaya, Tikhonova 2025 – Raitskaya L., Tikhonova E. The 2025 Landscape of Generative AI in Scholarly Writing and Publishing: A Scoping Review of Uses and Ethical Approaches // Journal of Language and Education. 2025. Vol. 11, No. 4. P. 5–51.
18. Readings 1996 – Readings B. The University in Ruins. Cambridge, MA, 1996. 256 p.
19. Strathern 2000 – Audit Cultures: Anthropological Studies in Accountability, Ethics and the Academy / ed. M. Strathern. London; New York: Routledge, 2000. 310 p.

20. UNESCO 2023 – Miao F., Holmes W. Guidance for Generative AI in Education and Research. Paris: UNESCO, 2023. 44 p.
21. Wouters 1999 – Wouters P. The Citation Culture. Amsterdam: University of Amsterdam, 1999. 278 p.

УДК 165.16

ПРОБЛЕМА НОРМАТИВНОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ ИСТИНЫ КАК КРИТЕРИЯ НАУКИ В КОНТЕКСТЕ ОБЪЕКТИВНОГО И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

Шелекета Владислав Олегович
доктор философских наук, профессор.
Самарский государственный технический университет, г. Самара, Россия
E-mail: vladshelo@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме современного социально-гуманитарного знания и науке в целом, которые с течением времени обнаруживают четко прослеживаемую тенденцию к размыванию своих критериальных и нормативных оснований. В научном дискурсе фиксируется использование в рамках современных философско-методологических изысканиях понятий «амбивалентности» и «релятивности», определяющих условный и обусловленный характер добываемого наукой знания. Между тем, научное исследование подразумевает следование критериям и принципам проводимых исследовательских процедур и достижение некоего результата – объективного знания в виде истинного знания. С привлечением понятия «критерий», «норма» а также с использованием системно-функционального подхода, по мнению автора статьи, возможно достижение объективного знания. Учение экзистенциализма и этико-правовые концепции биоэтики демонстрируют успешность достижения объективного знания в рамках коридора значений используемых методологических процедур верификации значений. Философское познание относится к бытию как к «сокрытому», потаенному, то есть латентно содержащему в себе суть – истину своего бытия. Автор приходит к выводу о возможности и допустимости использования понятия норма и критерий в контексте объективистского и экзистенциального подходов к познанию в рамках существования и развития науки для целей определения коридора нормы в рамках оценки технологических проектов.

Ключевые слова: научное познание, норма, нормативность, критериальность, экзистенциальное познание, истина.

THE PROBLEM OF THE NORMATIVE CERTAINTY OF TRUTH AS A CRITERION OF SCIENCE IN THE CONTEXT OF OBJECTIVE AND EXISTENTIAL KNOWLEDGE

Vladislav Olegovich Sheleketa

Doctor of Philosophy, Professor.
Samara State Technical University, Samara, Russia

Abstract: This article addresses a pressing issue in contemporary social sciences and the humanities, as well as science in general, which over time have demonstrated a clear tendency to erode their criterial and normative foundations. Scientific discourse has documented the use of the concepts of "ambivalence" and "relativity" within contemporary philosophical and methodological research, defining the conditional and conditioned nature of scientific knowledge. Meanwhile, scientific research implies adherence to the criteria and principles of the research procedures and the achievement of a certain result—objective knowledge in the form of true knowledge. By incorporating the concepts of "criterion" and "norm," as well as using a systemic-functional approach, the author believes that objective knowledge can be achieved. The doctrine of existentialism and the ethical and legal concepts of bioethics demonstrate the success of achieving objective knowledge within the range of values used in the methodological procedures for verifying values. Philosophical knowledge regards being as "hidden," concealed, that is, latently containing the essence—the truth—of its being. The author concludes that the concepts of norm and criterion can be used in the context of the objectivist and existential approaches to knowledge within the framework of the existence and development of science for the purpose of defining the normative corridor in the evaluation of technological projects.

Keywords: scientific knowledge, norm, normativity, criteriality, existential knowledge, truth.

Развитие науки подразумевает выделение определенных критериев нормативизации и оценки, направленных на выявление приемлемости определенной идеи, текста, теории, любого продукта научно-технического творчества на соответствие определенному дискурсу (научной номенклатуре), а также нормам и ценностям, присущих науке в целом или определенной научной отрасли знания. Это в значительной степени связано с категорией истины как критерия соответствия знания действительности. Между тем, в современном научном дискурсе популярность приобретают категории амбивалентности и релятивности как характеризующие возможности достижения истинного знания. Нисколько не умаляя потенциал данных теоретико-методологических подходов, следует между тем заметить, что последние, нередко являются почвой для размывания основных задач научного познания, среди которых важнейшей является задача достижения истины, возможной и в классическом ее понимании – как наибольшего соответствия знания объекту (между тем, сегодня говорить в классических научных категориях о проблемах истинного или объективного познания считается «дурным тоном»). Эти важнейшие эпистемологические проблемы развития научного знания достаточно определенно – в отличие от других сфер гуманитарного и естественнонаучного знания – выступают в рамках исследований, направленных на выработку и использование четких критериев в пределах систем оценки «норма-отклонение» и «польза-вред». Специфичным при этом (для данной сферы знания) является то, что критерии нормы и блага ориентированы на законодательство. Наиболее явным примером подобных теорий или научных отраслей является биоэтика. Вернее, мы в этом случае имеем дело с нормативно-правовой системой, поскольку основой биоэтики является законодательство как система нормативно-правовых актов, которые в свое время возникали, опираясь на нравственные ценности и нормы (сегодня мы имеем достаточно четкие критерии оценки в рамках этой науки) [Кравец и др. 2023].

В рамках онтологии критериальность выступает как качественная определенность бытийственности. Проблема нормы как критерия истины и истинности как высшей нормы присутствует в философском дискурсе начиная самых ранних этапов формирования

философского знания, а сегодня – среди основных эпистемологических проблем научного знания.

Мы можем выделить гносеологический и аксиологический аспекты истины как критериальной составляющей нормы. Гносеологический аспект выражается в соответствии знания объекту, а онтологический – в соответствии наиболее «полному» состоянию параметров объекта как присущих ему качеств.

Онтологический аспект выражает оптимум состояния объекта в данный момент его существования. С другой стороны, норма есть наиболее совершенное состояние объекта, наилучшее для оптимального функционирования его как системы (на примере человеческого организма норма выражает ту самую «золотую середину» или коридор значений, в пределах которого фиксируется устойчивое и позитивное состояние). Таким образом, можно констатировать диалектическое взаимоопределение: норма есть выражение истинного как наиболее «удачного», «успешного» для функционирования, оптимума. Здесь можно задуматься также о протокольности прескриптивных значений, которые можно использовать в рамках гуманитарной экспертизы технологических (биотехнологических) проектов на предмет их соответствия норме.

Вместе с тем существует определение социальной нормы как чего-то амбивалентного, неопределенноего. Закон не устанавливает нормы, он защищает ее. Закон рассматривается в данном случае и как устойчивые закономерности присущие бытию. Здесь мы приходим к объективистко-онтологическому истолкованию морали, согласно которому мораль есть выражение и дериват общесистемных закономерной, присущих бытию как системе: основной системообразующий и системосохраняющий принцип выглядит как [нравственный в сущности] призыв взаимного оберегания элементов системы для целей выживания. Более того, - для оптимизации или «нормализации» состояния, которое в таком случае можно оценивать как «истинное». Здесь, в этом пункте, возникают аллюзии с эсхатологической апофатикой Достоевского о конечном состоянии бытия как единства истины добра и красоты. При этом под красотой понимается именно духовная красота как высшая степень нравственности. Истина здесь есть выражение истины конечного состояния бытия как наиболее совершенного, то есть морально целостного, а, значит, существующего в положении, если можно так сказать, наиболее точно выражающем норму.

Понятие нормы восходит к античности, связано с поиском истины и первооснов мира различными философскими школами.

В ранних философских работах о критериях истины (норма как частный случай истины) европейский эклектизм, ориентировавшийся на выборку лучших положений из существующих систем, выделял субъективный критерий. Потамон Александрийский во II веке, являющийся родоначальником эклектизма в античной философии, в книге «Первоосновы» пишет: «Критериев истины существует два: первый – тот, который выносит решение, то есть ведущее начало души, и второй – тот, благодаря которому выносится решение… началами всего являются вещество, деятель, качество и место...» [Диоген Лаэртский 1979, с. 69). Таким образом, уже учитывались и субъективная составляющая деятеля, и объективные начала – «вещество», «качество», «место», которые в исследуемой эволюции медицинской «нормы»-истины в полной мере отражают сложность и синтетическую природу этого конструкта.

Средневековье усилило теологический аспект истины-нормы. Фома Аквинский в своей философии, особенно в «Сумме теологии», рассматривал закон и норму как иерархическую систему, вершиной которой является божественный замысел Вечный закон (Lex Aeterna)

[Фома Аквинский 2006]. Раннее христианство отделяло духовную субстанцию от косной вещественности тела и признавало в человеке исключительно его душу. «Более того, тело вызывало изрядное подозрение и легко могло стать препятствием в стремлении человека к соответствию со своим идеальным прообразом. Радость тела была тождественна страданию души и потому считалась греховной. [Бадзев 2023]. Усиление теологических позиций в поиске истины привело к значительному торможению в развитии всех естественных наук, в том числе и в биологии и медицине, эмпирическая «норма» в которых является основополагающей дефиницией.

Медицинская норма в эпоху Возрождения (XV–XVI вв.) претерпела значительные изменения, переходя от средневековых догм к научному пониманию человеческого тела. Это время гуманизма, когда тело перестало считаться исключительно «греховной оболочкой» и стало объектом тщательного изучения, «инструментом и пристанищем души», требующим ухода и лечения.

Между тем, основной задачей научного познания является постижение истины объекта. Кант провозглашает в своей теории познания принципиальную невозможность этого, и открывает субъективность человека в ее инструментальных характеристиках – как единственно «пригодную к познанию». Это вроде бы должно стать мировоззренческой матрицей и лозунгом всего новоевропейского мышления. Однако экзистенциализм, несмотря на, вроде бы, крайне субъективистскую (в матрице постсоветского категориального разделения философских учений на фракции, течения и лобби) позицию, - феноменологическую гносеологическую ориентацию, так сказать, реанимирует истину со своим утверждением наличия «истины бытия», которую только человек способен ухватывать. И вообще «Мир, по Хайдеггеру, – это всегда и только человеческий мир, поскольку только человеку по его способу бытия доступна раскрытость трех нижеследующих феноменов, составляющих «мировость мира»: «Итак, важные особенности феномена мира таковы: 1) раскрытость сущего как сущего, 2) «как», 3) отношение к сущему как давание бытия и ничто, выстраивание удержания по отношению к ..., себя-удержание [Haltung] и самость (Selbstheit)» [Фалев 2025, с. 79]. Овладение бытием, употребляя терминологию Хайдеггера возможно лишь познанием его, как освоение мира. Мир есть раскрытость сущего и Единство мира и понятий, в которых он мыслится, основано на единстве вопрошающего о мире Dasein. В этом смысле бытие как бы само в себе содержит указание на истину как некую полноту: «…Самобытная связь понятий… заключена не в отношениях, которые как бы позволяют себя отыскать, когда мы в некоей диалектической игре противопоставляем эти понятия друг другу, забыв о том, что они суть понятия указующие, и выдумываем нечто наподобие системы: на самом деле эта исходная и единственная связь понятий уже заложена самим вот-бытием» [Хайдеггер 2013, с. 449].

И мы можем согласиться с Хайдеггером, который, в свою очередь, в общем, согласен с Уайтхедом, что сокрытое – это возможность, а именно возможность раскрытия, поэтому сокрытое изначально находится в отношении к раскрытости, магнетически притягивается к ней и зависит от нее в своем бытии. Поэтому человек, который дает сокрытому искомое раскрытие, будет позже назван Хайдеггером «пастухом бытия», то есть носителем и выразителем заботливого-любящего присутствия, в котором нуждается все сущее, как сокрытое, так и раскрытое.

Истина это то, что есть содержание раскрытия. А значит, амбивалентность противна человеческому способу бытия, которое стремится к своему раскрытию через человека. «Болтаться» в состоянии неопределенности «амбивалентости», «релятивности» – то есть, вне

онтологической нормы и истины – лишать человека бытия как «присутствия», а значит и покушаться на важнейшие императивы, критериальные основания науки.

Список литературы

1. Бадзев и др. 2023 – Бадзев К. Д., Иванов С. Г., Мовсисян Л. А., Философские предпосылки медицины эпохи Возрождения // Вестник Санкт-Петербургского научно-исследовательского института педагогики и психологии высшего образования. 2023. № 2(6). С. 5-14.
2. Диоген Лаэртский 1979 – Диоген Лаэртский. М.: Мысль, Москва, 1979. 620 с.
3. Кравец и др. 2022 – Кравец И.А., Крылатова И.Ю., Болков М.А. Актуальные проблемы реализации современных принципов биоэтики и доказательной медицины: правовые, этические и медицинские аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 235–249.
4. Фалев 2025 – Фалев Е. В. «Хайдеггер и нейрофеноменология» // Философия, когнитивная наука, искусственный интеллект: коллективная монография / под ред. Д. В. Зайцева, Н. В. Зайцевой. СПб.: Алетейя, 2025. С. 47-86.
5. Хайдеггер 2013 – Хайдеггер М. (2013). Основные понятия метафизики. Мир – конечность – одиночество. СПб.: Владимир Даль. 592 с.

УДК 101.1:316:165

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ НАУЧНОЙ И АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ПЕДАГОГИКЕ

Шушкевич Роман Викторович

Аспирант

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

E-mail: shushkevichrrr@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируется эпистемологический конфликт, который возникает при внедрении искусственного интеллекта в педагогический процесс. Показано, что традиционная педагогика строится на научной рациональности, ориентированной на понимание, интерпретацию и развитие критического мышления. Алгоритмическая рациональность, лежащая в основе современных образовательных технологий, сводит познание к предсказательной аналитике и оптимизации на основе больших массивов данных. Эпистемологическая несовместимость этих двух типов рациональности проявляется в их разном отношении к ошибке: в педагогике она служит дидактическим ресурсом, а в алгоритмических системах рассматривается как отклонение, которое необходимо устранить. Различаются и принципы обоснованности решений: педагогика требует публичной аргументации, тогда как алгоритмические системы остаются непрозрачными. Кроме того, алгоритмы перераспределяют власть в образовательной системе, лишая педагога автономии. Социальным следствием этого конфликта становится глубокая трансформация профессиональной роли учителя. Из наставника и истолкователя он превращается в

технического оператора, который вынужден следовать предписаниям алгоритмических систем и не имеет возможности их оспорить. В работе также обсуждаются возможные стратегии сопротивления этому конфликту, включая развитие у педагогов способности критически оценивать алгоритмы и концепцию медленной педагогики, которая сознательно ограничивает применение технологий в тех сферах, где требуется человеческое суждение. Делается вывод о необходимости пересмотра принципов обучения в условиях гибридной образовательной реальности.

Ключевые слова: эпистемологический конфликт, алгоритмическая рациональность, научная рациональность, педагогика, искусственный интеллект, трансформация профессии педагога.

EPISTEMOLOGICAL CONFLICT OF SCIENTIFIC AND ALGORITHMIC RATIONALITY IN PEDAGOGY

Shushkevich Roman Viktorovich
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (UNN), postgraduate student

Abstract: The article analyzes the epistemological conflict that arises when artificial intelligence is introduced into the pedagogical process. It is shown that traditional pedagogy is based on scientific rationality oriented towards understanding, interpretation, and the development of critical thinking. Algorithmic rationality, which underlies modern educational technologies, reduces cognition to predictive analytics and optimization based on large datasets. The epistemological incompatibility of these two types of rationality manifests itself in their different attitudes towards error: in pedagogy, error serves as a didactic resource, while in algorithmic systems it is treated as a deviation that must be eliminated. The principles of justification also differ: pedagogy requires public argumentation, whereas algorithmic systems remain opaque. Furthermore, algorithms redistribute power in the educational system, depriving the teacher of autonomy. The social consequence of this conflict is a profound transformation of the teacher's professional role. From a mentor and interpreter, the teacher turns into a technical operator who is forced to follow the prescriptions of algorithmic systems and has no opportunity to challenge them. The article also discusses possible strategies of resistance to this conflict, including the development of teachers' ability to critically evaluate algorithms and the concept of slow pedagogy, which consciously limits the use of technologies in those areas where human judgment is required. The conclusion is made about the need to reconsider the principles of learning in the context of hybrid educational reality.

Keywords: epistemological conflict, algorithmic rationality, scientific rationality, pedagogy, artificial intelligence, teacher profession transformation.

Современная педагогика оказалась в эпицентре эпистемологического разлома. С одной стороны, она сохраняет ориентацию на классическую научную рациональность, предполагающую понимание, рефлексию и диалог, с другой стороны, цифровая трансформация образования привносит в нее алгоритмическую рациональность, основанную на предиктивных моделях и статистических корреляциях. Эти два типа рациональности не

дополняют, а конфликтуют друг с другом, поскольку их базовые онтологические и гносеологические предпосылки различны. Как следствие, формируется новая социальная реальность, в которой профессиональная роль педагога утрачивает свой гуманитарный характер.

Традиционная педагогика в своем классическом варианте строилась на идее целостного понимания обучающегося. Педагог выступал не транслятором знаний, а интерпретатором смыслов, наставником, формирующим не только навыки, но и картину мира. М. К. Мамардашвили в своих лекциях о сознании подчеркивал, что понимание — это событие, акт личного усилия, не сводимый к внешнему алгоритму [Мамардашвили 2017, с. 45]. Однако алгоритмическая рациональность, приходящая в образование через искусственный интеллект, работает иначе, она не понимает, а вычисляет. Ее цель заключается не в раскрытие смысла, а минимизация ошибки прогноза.

Принципиальная разница между научной и алгоритмической рациональностью лежит в области времени. Научная рациональность ориентирована на прошлое и будущее как проект. Алгоритмическая рациональность работает в режиме реального времени, оптимизируя текущие действия без рефлексии их долгосрочных последствий. Как отмечает А.В. Марков, цифровая педагогика нередко подменяет телесный опыт учителя и ученика симуляцией взаимодействия [Марков 2022, с. 112].

Эпистемологический конфликт наиболее отчетливо проявляется в сфере оценивания. Традиционная педагогика различает оценку и отметку. Алгоритмическая система, обученная на больших данных, выдает только последнее. Она не способна учесть контекст, мотивацию или творческий риск обучающегося, выходящий за рамки обучающей выборки. Так, в исследовании Э. Морозова показано, что алгоритмы объективной оценки учебных достижений воспроизводят статистические артефакты и не фиксируют подлинное когнитивное развитие [Morozov 2020, p. 89]. Педагог, следующий предписанию такой системы, вынужден игнорировать то, что составляет суть его профессии, то есть уникальность образовательной ситуации.

Социальная трансформация роли педагога является прямым следствием описанного эпистемологического конфликта. Если решение о том, как учить принимает алгоритм, основанный на предиктивной аналитике, то педагог превращается в оператора, обслуживающего этот алгоритм. Его задача сводится к формальному исполнению инструкции, а не к свободному профессиональному суждению. Это явление П. Друкер в свое время назвал «депрофессионализацией» через стандартизацию, но в контексте цифровой эпохи оно приобретает новые черты: стандартизация становится скрытой, поскольку алгоритм кажется уникальным и контекстуальным [Drucker 2008, p. 210].

П. Бурдьё и Ж.К. Пассрон в работе «Наследники» описали, как образовательная система воспроизводит социальное неравенство через механизмы «культурного произвола» [Бурдьё 2007, с. 56]. Однако алгоритмическая рациональность создает новую форму произвола — статистический произвол. Алгоритмические системы, обученные на исторических данных об успеваемости, закрепляют прошлые паттерны неравенства, делая их невидимыми. Педагог в такой системе теряет функцию буфера социальной несправедливости, поскольку его действия жестко детерминированы рекомендациями алгоритма.

Возникает ситуация разрыва ответственности, описанная в философии техники А. Мюллером и М. Маттой. За педагогическое решение, принятое на основе алгоритма, не отвечает ни разработчик системы, ни педагог, ни разработчик. Это приводит к размыванию

профессиональной идентичности учителя: он уже не является автономным моральным агентом в образовательном процессе [Matthias 2004, p. 179].

Альтернативой описанному конфликту могла бы стать модель гибридной рациональности, предложенная в работах Л. Флориди. Однако, как справедливо отмечает Д.В. Попов, попытки синтеза человеческого и алгоритмического часто оборачиваются редукцией первого ко второму, поскольку алгоритм по определению не может быть понятливым партнером [Попов 2022, с. 146]. В педагогике это означает, что любая попытка внедрить ИИ как помощника учителя постепенно подчиняет логику преподавания логике данных, поскольку эффективность измеряется только там, где есть измеримое.

Еще одним измерением эпистемологического конфликта выступает отношение к ошибке. В традиционной педагогике ошибка рассматривается как дидактический ресурс, необходимое условие развития мышления и становления субъектности. Педагог-интерпретатор работает с ошибкой, вскрывая ее логику и превращая в зону ближайшего развития. Алгоритмическая рациональность, напротив, трактует ошибку исключительно как девиацию, подлежащую минимизации или устранению. Системы машинного обучения оптимизируют функцию потерь, стремясь к нулевой ошибке на контрольной выборке. Однако образовательный опыт, лишенный права на ошибку, перестает быть опытом в подлинном смысле слова, он превращается в дрессировку. Как показано в исследовании И.М. Орешникова, тотальная алгоритмизация учебного процесса приводит к формированию у обучающихся выученной беспомощности, они боятся нестандартных действий, поскольку алгоритм их не поощряет [Орешников 2023, с. 67]. Педагог, принимающий логику системы, вынужден сам воспроизводить это отношение к ошибке, утрачивая свою главную функцию, поддерживать обучающегося в ситуации интеллектуального риска.

Проблема усугубляется тем, что алгоритмическая рациональность обладает свойством непрозрачности. Даже разработчики сложных алгоритмических моделей не всегда могут объяснить, почему система приняла то или иное решение. В педагогическом контексте это означает, что педагог не может оспорить или скорректировать рекомендацию алгоритма, поскольку не знает ее оснований. Традиционная научная рациональность, напротив, строится на принципе публичной обоснованности: любое суждение может и должно быть подвергнуто критике и проверке. Ситуация, при которой учителю говорят, что система так решила, и это объективно, разрушает саму возможность педагогической рефлексии. По мысли Х. Арендт, без способности давать и требовать отчет о своих действиях исчезает политическое и педагогическое измерение человеческого существования [Арендт 2017, с. 128]. Педагог-оператор не отчитывается перед обучающимся и перед собой за свои действия, он лишь исполняет.

Социологический анализ показывает, что внедрение алгоритмических систем в образование неравномерно распределяет власть. С одной стороны, разработчики получают беспрецедентный контроль над учебным процессом через дашборды, с другой стороны, педагог оказывается в позиции инфраструктурного работника, его невидимый труд по сопровождению алгоритма не получает ни признания, ни автономии. Эту ситуацию удачно описывает метафора алгоритмического конвейера, предложенная Д. Лайоном: студенты проходят по конвейеру, на каждом этапе система принимает решение о маршрутизации, а педагог лишь проверяет соответствие формальным критериям [Lyon 2018, p. 54]. Разрыв между декларируемой гуманистической миссией образования и реальной практикой алгоритмического управления порождает у многих педагогов состояние профессионального отчуждения и эмоционального выгорания.

Наконец, следует рассмотреть вопрос о том, возможна ли стратегия сопротивления описанному конфликту. Одним из предложений является развитие критической алгоритмической грамотности самих педагогов, способности распознавать, анализировать и оспаривать решения, принимаемые системами ИИ. Однако, как справедливо замечает Н.А. Ястреб, сама по себе грамотность не отменяет структурного принуждения, поскольку алгоритмические системы встроены в административные и экономические механизмы [Ястреб 2024, с. 28]. Более радикальная стратегия предполагает возврат к медленной педагогике, сознательно ограничивающей применение технологий там, где требуется человеческое суждение. Эта стратегия не отрицает ИИ как инструмент, но отказывает ему в статусе эпистемического агента, способного принимать решения о целях и содержании образования. В этом контексте задача философии образования заключается не в адаптировании человека к алгоритму, а к выработке критериев разграничения, отделяющие сферы, где алгоритмическая рациональность уместна, от сфер, где ее применение разрушает саму суть педагогики.

Таким образом, эпистемологический конфликт научной и алгоритмической рациональности в педагогике не является временным явлением, которое может быть снято техническими усовершенствованиями. Он носит принципиальный характер, поскольку укоренен в различных представлениях о том, что значит «знать» и «понимать». Социальная цена этого конфликта — трансформация педагога из наставника-интерпретатора в технического оператора. Преодоление конфликта невозможно без возвращения педагогике ее антропологического измерения, что предполагает ограничение сферы применения алгоритмической рациональности теми областями, где она действительно служит человеку, а не подменяет его суждение.

Список литературы

1. Арендт 2017 – Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 416 с.
2. Бурдьё 2007 – Бурдьё П., Пассрон Ж.-К. Наследники. Студенты и культура. М.: Праксис, 2007. 256 с.
3. Мамардашвили 2017 – Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М.: АСТ, 2017. 480 с.
4. Марков 2022 – Марков А.В. Цифровая педагогика: между технофилией и антропологической катастрофой // Вопросы философии. 2022. № 5. С. 108–118.
5. Орешников 2023 – Орешников И.М. Алгоритмизация образования и феномен выученной беспомощности // Философия образования. 2023. Т. 23. № 2. С. 61–73.
6. Попов 2022 – Попов Д.В. Искусственный интеллект: между человечностью и бесчеловечным // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 3. С. 138–156.
7. Ястреб 2024 – Ястреб Н.А. Концепции этики искусственного интеллекта: от принципов к критическому подходу // Семиотические исследования. 2024. Т. 4. № 1. С. 24–30.
8. Drucker 2008 – Drucker P. Management Challenges for the 21st Century. New York: HarperBusiness, 2008. 224 p.
9. Lyon 2018 – Lyon D. The Culture of Surveillance: Watching as a Way of Life. Cambridge: Polity Press, 2018. 246 p.

10. Matthias 2004 – Matthias A. The Responsibility Gap: Ascribing Responsibility for the Actions of Learning Automata // Ethics and Information Technology. 2004. Vol. 6. No. 3. P. 175–183.
11. Morozov 2020 – Morozov E. The Silicon Valley Approach to Education: A Critique of Data-Driven Pedagogy // Journal of Philosophy of Education. 2020. Vol. 54. Issue 1. P. 85–101.

УДК 168:378

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЛОГИКА УНИВЕРСИТЕТСКОЙ НАУКИ

Пак Галина Станиславовна
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии физического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского
E-mail: galinapak5@gmail.com

Аннотация: Актуальность институциональных исследований обусловлена тенденцией к обезличиванию детерминант человеческого поведения. Институциализм в виде институционального конструктивизма, дискурсивного институализма и институциональной логики означает тот очевидный факт, что современный человек в большей степени доверяет не личностям, не людям, а социальным институтам. Доверие как способ сохранения и поддержания социального порядка, приобретает безличный характер. В исследовании университетской науки необходимо учитывать культурно-исторический контекст. Разделение академической и вузовской науки, их преобладающее бюджетное финансирование является отечественной традицией. Критерием разделения форм науки является организационно-административный принцип. Академическая наука ориентирована на фундаментальные исследования, вузовская наука, прежде всего, связана с подготовкой кадров. До начала третьего тысячелетия научный приоритет, как и бюджетное финансирование в России принадлежал академической науке. Положение дел кардинально изменилось в последние десятилетия и обусловлено реформой высшего образования. В условиях постоянного сокращения временного интервала между открытиями и их практической реализацией, связь вузовской науки с образованием превратилась в её основное преимущество. На сегодняшний день наиболее привлекательной является англосаксонская модель университетской науки. Институциональная логика университетской науки находит свое воплощение в конкретной организации и представляет собой сплетение логик науки, рынка, образования, государства, культуры и истории. Для выработки эффективной стратегии развития университета необходимо учитывать диалектику объективных и субъективных детерминант, определяющих уникальную институциональную логику того или иного университета.

Ключевые слова: институциональная логика, академическая наука, вузовская наука, реформа высшего образования, государство, рынок, безличное доверие

INSTITUTIONAL LOGIC OF UNIVERSITY SCIENCE

Pak Galina Stanislavovna

Doctor of Philosophical Sciences,

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Professor, Professor of the Department of Philosophy of the Faculty of Physics

Abstract: The relevance of institutional research is conditioned by the trend toward depersonalization of the determinants of human behavior. Institutionalism in the form of institutional constructivism, discursive institutionalism, and institutional logic denotes the obvious fact that modern humans tend to trust not personalities, not individuals, but social institutions to a greater extent. Trust, as a way of preserving and maintaining social order, acquires an impersonal character. In the study of university science, it is necessary to take into account the cultural and historical context. The separation of academic and university-based science and their predominantly budgetary funding is a domestic tradition. The criterion for distinguishing forms of science is an organizational and administrative principle. Academic science is oriented toward fundamental research, while university science is primarily connected with personnel training. Until the beginning of the third millennium, scientific priority, as well as budgetary funding, belonged to academic science. The situation has radically changed in recent decades and is due to the reform of higher education. Under conditions of the constant reduction of the time interval between discoveries and their practical implementation, the connection of university science with education has turned into its main advantage. Today, the most attractive is the Anglo-Saxon model of university science. The institutional logic of university science finds its embodiment in a concrete organization and represents an interweaving of the logics of science, the market, education, the state, culture, and history. To develop an effective strategy for the university's development, it is necessary to take into account the dialectic of objective and subjective determinants that define the unique institutional logic of a given university.

Keywords: institutional logic, academic science, university science, higher education reform, state, market, impersonal trust.

Актуальность институциональных исследований обусловлена процессами, происходящими в современном мире, которые можно определить как тенденцию обезличивания, объективизации детерминант человеческого поведения. Так М. Вебер выделяет три чистых типа легитимного господства, различающихся мотивами поведения людей, описывающими переход от харизматического господства, обусловленного качествами личности через традиционное к рационально-легальному. Поскольку наиболее прозрачным воплощением рационально-легального господства является бюрократия, становится совершенно очевидным, что не лицо, а должность является определяющим признаком индивида. Институционализм в виде институционального конструктивизма, дискурсивного институционализма и институциональной логики означает, что современный человек в большей степени доверяет не личностям, не людям, а социальным институтам. Доверие как способ сохранения и поддержания социального порядка, приобретает безличный характер. Существуют следующие разновидности безличного доверия. Доверие социальной системе как уверенность в её надежности, что имеет отношение к обществу в целом. Как правило выделяются две наиболее распространенных группы критериев безличного или объективированного доверия, критерий кредитоспособности и критерий признания того или

иного человека экспертом. Эти критерии свидетельствуют о том, что социальные взаимодействия происходят не между индивидами, а их масками, социальными ролями. В конечном счете человек цифрой эпохи начинает доверять объективированным социальным структурам – институтам и организациям.

Конструктивистский институционализм производен от исторического институционализма и представляет собой сочетание идей рационального выбора с нормами и ценностями культуры. Дискурсивный институционализм сосредоточен не только на способности акторов воспроизводить институты, следуя привычным смыслам и нормам, но и выходить за сложившиеся рамки в результате критического обсуждения институтов, что ведет к институциональным изменениям. По сути дела, дискурсивный институционализм представляет собой причудливое сочетание противоположных идей Дж. Серля о фоновых способностях и Ю. Хабермаса о коммуникативной рациональности. Если у Дж Серля фоновые способности представляют собой практическое знание правил, статусов и институтов (например, как пользоваться деньгами или как «играть по правилам» институциональной игры), которое как правило не осознается, а существует как неявное знание, то у Ю. Хабермаса речь идет о способностях к аргументации, ревизии взглядов и установлению симметричных отношений в диалоге и осознанно направлены к рациональному консенсусу через дискурс. Пожалуй, наиболее адекватную реализацию идеациональный институционализм получил в институциональной логике. В центре внимания исследователей институциональной логики находится не проблема конструирования социальных институтов, и не специфика коммуникативных дискурсивных практик, а содержание идей как таковых. По сути дела, это возрождение марксистского положения о том, что идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами. Институциональные логики можно определить как сконструированные людьми исторически обусловленные образцы поведения, на основе которых люди осуществляют свою деятельность и придают смысл индивидуальным действиям и социальным институтам. Институциональная логика представляет собой «правила игры» в конкретной сфере человеческой деятельности, которые состоят из когнитивных схем, нормативных ожиданий и повседневных практик индивидов [Диденко 2014].

При исследовании институциональной логики вузовской науки России необходимо учитывать культурно-исторический контекст. Разделение академической и университетской форм науки является отечественной традицией, сложившейся еще при Петре I. Основным критерием разделения форм науки является организационно-административный принцип. Современная академическая наука представлена отдельными институтами РАН для фундаментальных исследований и направлена на удовлетворение государственных нужд и соответственно имеет бюджетное финансирование. Если Петр основал академию в 1724 году, то на Западе первый университет в Болонье возник в 1088 г. в далекие Средние века, где преподавание и наука сочетались с автономией и дискуссиями. Дальнейшее развитие эта традиция получила в Гумбольдтовской модели университета, в которой подчеркивается единство преподавания и научных исследований, академическая свобода и формирование всесторонне образованной личности. Университет по Гумбольдту должен быть автономным от государства, ориентированным на фундаментальную науку и гуманитарные ценности. Финансирование университетов осуществляется посредством аренды, бизнес-партнёрства и других источников. Исторически сложилась так, что в России вся наука не является автономной по отношению к государству. При этом доминирует академическая наука, университетская наука находилась на второстепенных ролях, в то время как на Западе в рамках

англосаксонской традиции университеты лидируют в публикациях и инновациях, что объясняется единством преподавания и исследования.

Вузовская наука изначальна амбивалентна и ориентирована на нормы науки и стандарты и ценности образования, определяемые государством, поскольку в большинстве случаев имеет бюджетное финансирование. Если основной критерий разграничения вузовской и академической науки организационно-административный, то в первом приближении вузовская наука представлена научной деятельностью преподавателей. Но представители профессорско-преподавательского состава вуза могут заниматься решением научных проблем, не имеющим отношение к образовательному процессу. Прежде всего последнее относится к тем, кто ведет учебные занятия по непрофильным дисциплинам. С другой стороны, не все педагоги плодотворно занимаются научной деятельностью. Кто-то отдаёт приоритет научной деятельности, кто-то преподавательской. Соответственно существуют два паттерна профессиональной деятельности. Первый ориентирован на профессиональную карьеру, второй – на карьеру в данной организации, один характеризуется мобильностью, второй привязанностью к вузу.

Как у академической, так и у вузовской науки есть два сценария: парадно-официальный и повседневно- реальный. Первый - ориентирован на ценности научного познания, второй – складывается под влиянием логики рынка. Существует наука и теневая наука, выделяют нормы науки и антинауки [Юревич 2010]. Как в академической, так и в вузовской науке существуют «чудаки», не отступающие от официального сценария; карьеристы, охваченные стремлением достичь высокого социального статуса и бизнесмены, способные монетизировать научные знания. Бизнес в вузе связан не только с наукой, но и с подготовкой образовательных профессиональных программ, востребованных аудиторией. В условиях постоянно сокращающегося интервала между вновь полученными знаниями и их практическими применением, вузовская наука становится предпочтительнее академической, что в российской практике выражается в перераспределении бюджетного финансирования науки и предпочтение сегодня отдается вузовской науке. Возросшие ожидания от вузовской науки со стороны общества и государства обусловлены тесной связью науки и образования.

Не следует забывать, что путь достижения эффективного единства научной и педагогической деятельности тернист и не каждому вузу под силу. Самые высокие результаты публикационной активности, которые являются показателем научно-исследовательской деятельности, демонстрируют МГУ и ВШЭ, которые являются наиболее привлекательными для абитуриентов. Нужно иметь ввиду, что имидж и доверие к вузу обусловлены его статусом, скорее предписанным, чем достигнутым [Соколов 2017]. Предписанный статус МГУ, обусловленный его историей и пространственной локализацией неизмеримо выше статуса любого российского вуза. Задача МГУ в поддержании и сохранении лидирующего статуса, в то время как провинциальные вузы участвуют в гонке за повышение собственного имиджа за счет привлечения и подготовки высококвалифицированных научных кадров, что способствует их привлекательности в глазах абитуриентов. Использование аналогии с достигнутым и предписанным статусом применительно к вузу очерчивает его поле возможного. Область творческих возможностей и инноваций университета локализована в сфере организационной культуры. Институциональная логика не случайно является ключевым понятием в социологии и теории организаций, поскольку организация представляет собой набор материальных практик, ценностей, норм и символов, в которых конкретно проявляется её институциональная логика.

Список литературы

Диденко 2014 – Диденко Н. И. Петровский А. Б., Еремичева Г.В., Москалева О.В. Интеграция академической и университетской науки на примере Санкт-Петербурга: социальные технологии // Социология науки и технологий. 2014. №3. С. 98-110.

Соколов 2017 – Соколов М.М. Миф об университетской стратегии. Экономические ниши и организационные карьеры российских вузов // Вопросы образования. 2017. № 2. С. 36-73

Юревич 2010 – Юревич А.В. Теневая наука в современной России // Социология науки и технологий. 2010. Т. 1. № 4. С. 154-169.

УДК 316.334.52; 332.145

ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ЛАНДШАФТ МАЛЫХ ТЕРРИТОРИЙ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теодорович Михаил Леонидович
Доктор социологических наук, профессор,
ФГАОУВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»,
зав. кафедрой социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования,
E-mail: mt231@yandex.ru

Патокина Наталья Николаевна
Кандидат социологических наук,
ФГАОУВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»,
доцент кафедры социологии проектной деятельности и проконкурентного регулирования
E-mail: natpatok@gmail.com

Аннотация: В рамках настоящей статьи авторы фокусируются на малых территориях, отличающихся определенной численностью населения (до 50000 человек). Необходимость достижения устойчивого функционирования малых территорий связана с особенной их ролью и значением в обеспечении пространственной связности России, сохранения и воспроизводства национальных и духовых ценностей. С точки зрения социально-экономического знания одним из важных факторов функционирования и развития малых территорий выступает социальная организация местных сообществ.

Объектом рассмотрения в настоящей статье выступает деятельностный ландшафт малых территорий как объект исследования. Данная концепция, совмещающая различные способы восприятия ситуации на территории, ориентирована на повышение привлекательности малых городов для все большего числа жителей в том, что не предполагается, а является

существенным и значимым для них. В статье раскрывается термин «деятельностный ландшафт». В рамках концепции деятельностного ландшафта проведены социологические исследования на двух малых территориях Нижегородской области (Городец и Лукоянов). Исследовательская база на этих территориях формировалась в течении более 10 лет. Результаты исследования выбранных территорий свидетельствуют о том, что одни и те же элементы деятельностного ландшафта активные жители воспринимают с разных мотивационных позиций.

Авторами обосновывается тот вывод, что деятельностный ландшафт представляет собой новый, основанный на реальной исследовательской базе и уже подтвердивший свою продуктивность комплексный подход в изучении процессов социально-экономического развития малых территорий.

Ключевые слова: территориальное развитие, деятельностный ландшафт, деятельностный ландшафтинг, малая территория, включенность и практики локальных сообществ, социологические исследования.

THE ACTIVITY LANDSCAPE OF SMALL TERRITORIES AS AN OBJECT OF RESEARCH

Teodorovich Mikhail Leonidovich
Doctor of Social Sciences,
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
head of the department of Sociology of Project activities and Pro-Competitive Regulation
Patokina Natalya Nikolaevna
PhD sociology,
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Associate Professor Department of Sociology of Project activities and Pro-Competitive Regulation

Abstract: In this article, the authors focus on small territories with a certain population size (up to 50,000 people). The need to achieve the sustainable functioning of small territories is associated with their special role and importance in ensuring the spatial connectivity of Russia, the preservation and reproduction of national and spiritual values. From the point of view of socio-economic knowledge, one of the important factors in the functioning and development of small territories is the social organization of local communities.

The object of consideration in this article is the activity landscape of small territories as an object of research. This concept, combining different ways of perceiving the situation in the territory, is aimed at increasing the attractiveness of small towns for an increasing number of residents in what is not assumed, but is essential and significant for them. The article describes the term "activity landscape". Within the framework of the activity landscape concept, sociological studies were conducted in two small territories of the Nizhny Novgorod region (Gorodets and Lukoyanov). The research base in these territories has been formed for more than 10 years. The results of the study of the selected territories indicate that active residents perceive the same elements of the activity landscape from different motivational positions.

The authors substantiate the conclusion that the activity landscape represents a new, comprehensive approach based on a real research base and already proven to be productive in studying the processes of socio-economic development of small territories.

Keywords: territorial development, action landscape, action landscaping, small territory, inclusion and practices of local communities, sociological research.

Термин «территория» является многозначным и межотраслевым понятием. Его определение раскрыто в различных источниках, в части из них тесно связывается с институтом управления, рассматривается как среда функционирования общества, пространство или система проживания людей.

Особенностью малых территорий как локальных социально-экономических пространств является низкий уровень инвестиционной привлекательности, экономической конкуренции, концентрации материальных ресурсов, способности к их расширенному воспроизводству.

Применение по отношению к ним универсальных подходов целеориентированного управления территориальным развитием до настоящего времени не стало решением их наиболее актуальных проблем – демографического сжатия и опережающей его потери экономически активного населения. Этим обуславливается возрастание интереса к концепциям, способным предложить решения по качественному изменению вектора развития малых территорий, опирающиеся на их располагаемые ресурсы и местные особенности.

Уникальность и связанная с ней потенциальная перспектива малых территорий в особенном социальном ресурсе – более высокой степени вовлечения и вовлеченности местных сообществ в вопросы жизнедеятельности территории, повышенном уровне самоидентификации и ощущения принадлежности к ней, что представляет собой особенный ресурс и фактор развития. Она состоит также и в своеобычности социального ландшафта [Труфанов 2020] любой из них, что обуславливает специфичность проявления общих закономерностей развития в условиях каждого отдельного местного сообщества. Ландшафтное, в широком смысле, своеобразие малых территорий представляет собой продукт предшествующего развития и результат не только экономического и политического целеполагания и воздействия, но и, в не меньшей степени, социальных и символических классификаций. В результате этого формируется и развивается не только уникальная система природных и антропогенных ландшафтов, но и виртуальных (экономического, социокультурного, деятельностного), и образ пространства проживания в целом.

Одна из основных задач сохранения малых территорий как полноценной части целого видится в повышении вовлеченности жителей в функционирование ландшафтной системы малой территории, в развитие локальных пространств проживания, в которых воплощаются и текущие, и долгосрочные интересы, в том числе и стремление обеспечить своим детям успешное будущее. Создание для этого условий может осуществляться через формирование и стимулирование участия локальных акторов в тех и таких видах социально-экономической активности, которые обогащают локальный социально-экономический ландшафт новыми возможностями и поддерживают расширение располагаемых.

Воплощением цели по преодолению разделенности в доминирующих исследовательских подходах экономического и социального локальных ландшафтов как объектов рассмотрения, отличающих конкретную территорию, стала разработка концепции деятельностного ландшафта [Патокина 2024]. Данная исследовательская оптика и введение в научный оборот терминов деятельностный ландшафт и ландшафтинг позволили раскрыть особенности взаимодействия и воплощения экономических и социальных компонентов функционирования и развития территорий в контексте сформировавшегося пространства и факторов динамических изменений в ценностно детерминированных практиках основных социальных акторов, конструирующих и реализующих собственные жизненные стратегии. Тем самым был

расширен концептуальный аппарат рассмотрения проблематики территориального развития, через объединение имеющихся исследовательских элементов и введение в этих целях категории деятельностного ландшафта как особой формы ландшафта социального.

Деятельностный ландшафт территории определяется как система, соединяющую в своем единстве социально-экономические и культурные ресурсы территории с интересами, деятельностью и практиками акторов, связанных с данной территорией.

Включение в систему научных понятий категории «деятельностный ландшафт» основано на теоретических подходах «социологии пространства» А. Филиппова, «культурного (антропогенного) ландшафта» Б. Родомана. Базируется на деятельностно-активистской парадигме А. Турэна, В. Ядова, Т. Заславской, О. Аксеновой. Концепция деятельностного ландшафта раскрывается через понимание социального ландшафта, трактуемого как «совокупность социальных акторов (социальных общностей различных видов), действующих на конкретной территории в сложившихся на этой территории ценностно-нормативных условиях» [Труфанов 2020]. Различные виды деятельности социальных акторов отличаются различной же значимостью в отношении их роли и значения для рутинного проживания людей и источниками мотивации к ним (выживание, интересы, ценности). В условной «табели о рангах» этих практик приоритет принадлежит тем из них, которые обеспечивают текущее функционирование домохозяйств и личных экономик людей (собственно способы извлечения дохода), воспроизводство необходимых для этого условий и ресурсов (здоровье, образование), а также ценностей, норм и правил, привычных людям и признаваемых ими неотъемлемой частью их ценностной среды обитания (состояние и качество физической среды обитания, социальные услуги). Вместе с тем, ценностные источники поведения и характера проявления активности людей способны выполнять роль и своего рода платформ, отграниченных принимаемыми нормами и правилами, в пределах которых только и возможна та или иная их активность, связанная и с территорией проживания, и иная. Вовлечение жителей территории в детерминируемые ими типы активности предполагает достижение и поддержание в актуальном состоянии этих источников, что представляет собой в отношении необходимых подходов, механизмов и инструментария предмет не только социо-экономического знания. Деятельностный ландшафт представляет собой целостный объект, воздействие на который способно изменять в желаемом направлении не те или иные описательные характеристики малой территории, а ее состояние в целом.

В обоснование концепции деятельностного ландшафта были реализованы исследования (экспертные интервью, анкетные опросы, фокус-группы) по изучению процессов развития малых территорий во взаимосвязи с установками их жителей. В качестве case-study были выбраны две малые территории: города Городец и Лукоянов Нижегородской области. Результаты исследований выявили как существенные отличия в векторах развития территорий, так и схожие проблемы их функционирования, в обоих случаях нашедшие отражения в структуре восприятия жителями ситуации на территории, их информационного потребления, вовлеченности либо готовности к участию в тех или иных видах активности на территории проживания. В оптике концепции деятельностного ландшафта центральным объектом рассмотрения являлись различные территориальные практики во взаимосвязи с установками локальных акторов, основным из которых были и остаются публично-властные структуры, а также степень привлекательности и распространенности их в различных группах жителей, взрослых и молодежи. В отношении профессионального и карьерного роста и развития оказался результативным городецкий проект «День дублера», когда старшеклассники и студенты на один день замещают заместителей главы муниципального

округа, руководителей структурных подразделений в администрации и практикуют пребывание в новых и привлекательных социальных ролях. Несомненное достоинство данного и таких проектов состоит в совмещении мотиваций на уровне ценностей и интересов, собственно обучающего компонента со встроенностью его в реальный деятельностный ландшафт.

Схожей для указанных территорий являлась стартовая позиция в развитии в середине 1990-х годов, но различными оказались выбранные территориями вектора развития: экономический рост в Лукоянове и социально-экономическое развитие в Городце [Патокина 2026]. По прошествии 30 лет можно видеть значимые отличия в восприятии жителями жизни на территории проживания, их миграционных установок и стратегий. Такое отношение к жизни, как «тоска», особенность мировосприятия российского жителя, отмеченная еще А.С. Пушкиным в романе «Евгений Онегин» («Короче, русская хандра им овладела понемногу. Он застрелиться, слава Богу, попробовать не захотел, но к жизни вовсе охладел»), почти вдвое более широко представлена среди взрослых в Лукоянове, чем в Городце. Вместе с тем, фактор разукоренения молодежи, будущих взрослых в равной степени проявлен и в Лукоянове, и в Городце, где существенно меньше говорят о «тоске», влечение к «другой», «яркой» жизни, которая где-то, правда, не известно где локализована, но – как будто бы присутствующей в действительности, поскольку существует в виртуальной реальности.

Результаты исследования выбранных территорий показывают, что ценности и интересы жителей могут совпадать в восприятии тех или иных доступных видов активности, имеющих отношение к реализации долгосрочных интересов и ценностей, но могут вступать в противоречие. Можно предположить, что источником этой амбивалентности является специфика местного социального мифа – точнее, одновременное существование двух его версий, манифестирующих одну и ту же ценность – личное активное действие как средство реализации личных стратегий, но различающихся знаком восприятия территории происхождения как возможного ландшафта для этого.

Рассмотрение малой территории в концепции деятельностного ландшафта предоставляет возможность учета экономических и социальных особенностей их функционирования в контексте свойств сформировавшегося локального пространства и его специфики. Ее реализация исследователями, представляющими академическую, университетскую, педагогическую науку, предоставляет возможность достижения нового качества в понимании природы социально-экономических процессов в жизни малых территорий, их структуры и факторов локальной обусловленности, возможностей по преодолению и решению актуальных проблем и задач их развития.

Список литературы

1. Патокина 2024 – Патокина Н. Н. Социальные факторы территориального развития в российском нормативно-правовом регулировании // Теория и практика общественного развития. 2024. № 3. С. 55–66.
2. Патокина 2026 – Патокина Н.Н. Концепция деятельностного ландшафтинга малой территории: вовлечение населения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2026. № 1 (81). С. 179-190
3. Труфанов 2020 – Труфанов Д. О. Сопротивление социального ландшафта: «варварство» и «цивилизация» в социальном пространстве / Д. О. Труфанов // Siberian Socium. 2020. Том 4. № 1 (11). С. 8-22.

УДК 340.13

ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДОПОЛНЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ГАРМОНИЗАЦИИ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ НАЧАЛ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ И ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Бочкарев Даниил Олегович

Аспирант кафедры теории и истории государства и права, младший научный сотрудник научно-исследовательского отдела юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

E-mail: st1tchz@mail.ru

Аннотация: повсеместная юридизация общественных отношений обусловливает динамизм правотворческого процесса, перед законодателем стоит перманентная задача в виде нормативной адаптации новых проявлений социума. Особую значимость в таком процессе отводится правотворческим инструментам, которые позволяют обеспечить должную корректировку правового регулирования. Дополнение – самый популярный правотворческий инструмент, однако его правовая природа до сих пор остается доктринально не исследованной, отсутствуют профильные диссертационные или статейные разработки, посвященные этому институту. Именно юридическая техника и её инструментарий выступают той платформой, которая позволяет осуществить комплексное рассмотрение дополнения как самостоятельного правотворческого феномена. В рамках современной правовой доктрины юридическая техника получила наименование «юртехнетика», под которой подразумевается технико-юридическая наука, направленная на позитивное преобразование права. Технико-юридический анализ, базирующийся на методологии юртехнетики, позволяет преодолеть сложившийся разрыв между правотворчеством и недостаточным уровнем доктринального освещения дополнения, поскольку предмет такого исследования объединяет фундаментальные теоретические знания и конкретные средства юридической практики. Такой подход обретает актуальность в контексте современного практико-ориентированного юридического образования: освоение методологии технико-юридического анализа дополнений способствует формированию у будущего специалиста понимания логики законодательства, навыков прогнозирования применения правовой нормы. Тем самым преодолевается традиционное противопоставление теории и практики, а юридическое образование обретает действенную прикладную направленность, где знание переходит в компетенцию, востребованную в юридической практике.

Ключевые слова: юриспруденция; юртехнетика; правотворчество; изменение законодательства; дополнение законодательства; юридическое образование.

TECHNICAL AND LEGAL ANALYSIS OF AMENDMENTS IN RUSSIAN LEGISLATION AS A MANIFESTATION OF THE HARMONIZATION OF

THEORETICAL AND APPLIED PRINCIPLES IN CONTEMPORARY LEGAL DOCTRINE AND LEGAL EDUCATION

Bochkarev Daniil Olegovich
Postgraduate Student of the Department of Theory and History of State and Law, Junior Researcher of the Research Department of the Faculty of Law, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Abstract: the widespread legalization of social relations determines the dynamism of the law-making process: the legislator faces the ongoing task of normatively adapting new manifestations of society. A particular significance in this process is attributed to law-making instruments, which make it possible to ensure proper adjustments to legal regulation. Amendment is the most widely used law-making instrument; however, its legal nature remains doctrinally underexplored, and there are no specialized dissertations or articles devoted to this institution. It is precisely legal technique and its instruments that serve as the platform enabling a comprehensive examination of amendment as an autonomous law-making phenomenon. Within contemporary legal doctrine, legal technique has come to be termed «juritechnetics» understood as the technical-legal science aimed at the positive transformation of law. Technical-legal analysis, grounded in the methodology of juritechnetics, allows one to overcome the existing gap between law-making and the insufficient level of doctrinal coverage of amendment, since the subject matter of such analysis integrates fundamental theoretical knowledge with the concrete instruments of legal practice. This approach acquires relevance in the context of modern practice-oriented legal education: mastering the methodology of technical-legal analysis of amendments contributes to the development in future legal specialists of an understanding of the logic of legislation and the skills necessary to predict the application of legal norms. Thereby, the traditional opposition between theory and practice is overcome, and legal education acquires an effective applied orientation, in which knowledge translates into competence that is in demand in legal practice.

Keywords: jurisprudence; juritechnetics; law-making; amendment of legislation; supplementation of legislation; legal education.

В современной системе общественных наук юриспруденция занимает особое место, это связано с её ролью в повсеместном нормативном регулировании социальных процессов, обеспечении устойчивости правопорядка. Одновременно с этим юридическая техника, выступая самостоятельным направлением юриспруденции, за счет своего инструментария способствует оптимизации правоприменения. Поэтому юридическая техника и юриспруденция взаимосвязаны и неразрывны.

Юридическая техника как область научного знания в доктрине получила наименование «юртехнетика». Профессор В. М. Баранов определяет данную категорию как науку о технико-юридической реальности, «которая выступает элементом техносферы, вариантом технонауки, включает в себя экономические, идеологополитические, культурно-воспитательные, психологические, организационно-управленческие, информационно-цифровые, документальные средства правообразования, внутренние и внешние факторы создания и продвижения технологии правотворчества, реализации, интерпретации нормативных правовых актов» [Баранов 2022, с. 646]. Подобный комплекс элементов преобразования права обретает практическое воплощение в анализе конкретных правотворческих инструментов.

Это связано с тем, что юртехнетика, с одной стороны, разрабатывает и обосновывает правила, критерии качества рационализации юридической деятельности. С другой стороны, предмет юртехнетики охватывает прикладные аспекты – непосредственно правореализацию, что обеспечивает прямую связь этой науки с юридической практикой.

Говоря о правотворчестве, следует отметить, что в текущем законодательном урегулировании используются следующие инструменты (средства) изменения закона: замена, исключение, новая редакция, дополнение. В отличие от замены, исключения или изложения в новой редакции, предполагающих отказ от действовавшей нормативной конструкции, только дополнение сохраняет действующую модель правовой нормы, незначительно изменяя её путем внесения нового элемента (к примеру, это новый состав определенного преступления или расширение полномочий существующего субъекта). Такой механизм позволяет модернизировать законодательство без резкой трансформации правоотношений. Также несмотря на то, что большинство законопроектов именуются «о внесении изменений», идейно каждый такой документ носит характер дополнения. Это связано не только с преобладанием количества дополнений в самом тексте законопроекта, но и с политикой самого законодателя. Правотворческая практика последних лет демонстрирует законодательную политику «мягких» изменений – обновление законодательства без исключения базовых регламентов существующих предписаний [Бочкарев 2025, с. 28]. Тем самым разрешается задача по обновлению законодательства без изменений существующего порядка правоприменения, соблюдается принцип правопреемственности.

Дополнение, это базовый институт правотворческого процесса, позволяющий расширить область правоотношений, сохранив при этом преемственность действующей регулятивно-правовой модели. В то же время отсутствие доктринального осмысления правовой природы дополнения, актуализирует потребность в его теоретико-правовом анализе. Выработка единообразного доктринального понимания механизма действия дополнения обеспечит эффективность его применения на практике и позволит снизить ошибки в правотворческом процессе. В связи с этим технико-юридический анализ дополнений на современном этапе развития правотворчества представляет собой значимое направление как для юридической практики, так и для теоретико-правового осмысления. Таким образом, под технико-юридическим анализом дополнения следует понимать комплексное исследовательское направление, основанное на методологии юртехнетики и осуществляемое в целях установления сущности, правовой природы дополнения как особого правотворческого института, определения его места в системе иных средств изменения законодательства, а также оценка и прогнозирование алгоритмов его добавления в нормативный массив.

Обладая надпредметностью и уникальным комплексом признаков, юртехнетика предоставляет исследователю необходимый методологический инструментарий для проведения такого анализа. Заметим, что технико-юридический анализ дополнения невозможен без обращения к фундаменту теоретико-правового знания, то есть подобное исследование должно проводиться в рамках теории государства и права. В этой связи Л. Б. Гандарова отмечает значимость теории государства и права для современных юридических исследований: «без усвоения теоретико-правовых знаний невозможно дать правильную оценку сложным государственно-правовым явлениям общественной жизни, познать их сущность и назначение, получить представление о правовой системе в целом» [Гандарова 2021, с. 11]. Поэтому для полноты исследования субъекту познания необходимо проводить технико-юридический анализ дополнения, опираясь на основы общей теории права: понятийно-категориальный аппарат, принципы права, формы и способы правового

регулирования. Одновременно с этим требуется учет и прикладных аспектов – конкретных средств, методов и приемов, посредством которых дополнение реализуется, а также алгоритмов его разработки и добавления. Поэтому именно юртехнетика, объединяя в своем предмете исследования как доктринальные, так и прикладные средства преобразования права, позволяет преодолеть традиционное противопоставление теории и практики, обеспечить их гармонизацию. Подобный подход способен кратно улучшить результат научного поиска в любой сфере и способствовать формированию целостного представления о рассматриваемом институте.

Далее стоит сказать, что технико-юридический анализ дополнения не стоит рассматривать в отрыве от навыков исследователя. В научной доктрине уже существует мнение о значимости юртехники для юридического образования [Баранова 2023, с. 18]. Это связано с тем, что профессиональная юридическая компетенция студента, магистра, аспиранта невозможна без овладения технико-юридическим инструментарием, позволяющим не только толковать правовые нормы, но и понимать процесс их разработки и применения. Технико-юридический анализ, выполненный с позиций юртехнетики, выступает в этой связи идеальной учебной моделью, поскольку исследователь рассматривает дополнение в единстве теоретического и прикладного знания. Освоение методологии подобного анализа способствует обретению будущим специалистом тех навыков, которые необходимы в любой отрасли юриспруденции: понимание логики законодательства, правильный выбор нормы права, прогнозирование последствий её применения. Профессор М. В. Баранова, рассматривая юртехнику и юридическое образование, пишет, что «включение в багаж знаний технико-юридической составляющей обеспечивает профессиональную пригодность будущих представителей юридической практики, дает возможность сформировать пытливого правоведа-исследователя» [Баранова 2024, с. 252].

Овладение методологией юртехники позволяет будущему специалисту не просто отмечать факт наличия дополнения в тексте законопроекта, но и идеологически осмыслить логику добавления этого средства в текст закона, оценить корректность добавляемой формулировки предписания. Подобная практика формирует у правоведа-исследователя навык критической оценки качества правотворчества, что подразумевает способность находить технико-юридические, синтаксические и иные дефекты законопроекта.

В условиях повсеместного обновления законодательства, когда объем вносимых в текст закона изменений и дополнений неуклонно растет, способность целостной оценки законодательной техники обретает особую значимость. В. Н. Карташов замечает, что подобный процесс «позволяет наметить наиболее перспективные, теоретически и практически значимые направления общетеоретического и отраслевого научного исследования» [Карташов 2015, с. 61]. Поэтому технико-юридический анализ дополнений, выполняемый с опорой на инструментарий юртехнетики, актуализирует дальнейшие пути развития правовой науки, давая толчок к инновационным исследованиям – как на высоком теоретическом фундаментальном уровне, так и на прикладном, то есть внутриотраслевом уровне. Вместо «точечного» изучения отдельных норм и институтов в процессе такого анализа обучающийся рассматривает правотворчество как сложноорганизованную систему, где каждое изменение в законодательстве – это не отдельная правка, а вектор нормативно-правового регулирования. Только в таком ключе исследователь способен должным образом сформулировать предложения по оптимизации правотворческого процесса.

Технико-юридический анализ дополнений в рассмотренном аспекте выступает не просто «сухой» теорией, а является релевантным направлением по формированию прикладного

мышления будущего специалиста. Исследователь, овладевший методологией такого анализа, оказывается готовым к решению широкого спектра профессиональных задач в юридической практике: от толкования действующих правовых норм вплоть до обоснования необходимости их изменения, отмены. Предполагается, что именно в этом и проявляется истинная практико-ориентированность юридического образования, где фундаментальное научное знание воплощается в профессиональных компетенциях, а юртехнетика становится надежным инструментом решения всевозможных задач правоприменения.

Список литературы

1. Баранов 2022 – Баранов В. М. Реплики по проблемам форума // Юридическая техника: Ежегодник. 2022. № 16. С. 646-647.
2. Баранова 2023 – Баранова М. В. Юртехнетика как базовое основание практико-ориентированности подготовки специалистов для юридической науки, образования, практики // Юридическая орбита: Материалы IV Нижегородских юридических чтений – Нижний Новгород: Нижегородский научно-исследовательский центр «Юридическая орбита». 2023. С. 15-19.
3. Баранова 2024 – Баранова М. В. Юртехнетика в жизни современного российского общества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 2(66). С. 249-252.
4. Бочкарев 2025 – Бочкарев Д. О. Роль дополнения в правовой системе современной России // Законность и правопорядок. 2025. № 4(48). С. 27-29.
5. Гандарова 2021 – Гандарова Л. Б. Место и роль теории государства и права в системе юридических наук // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. № 2. 2021. С. 9-12.
6. Карташов 2015 – Карташов В. Н. Перспективные направления совершенствования законодательной техники, тактики и стратегии в юридических науках и практиках // Юридическая техника. № 9. 2015. С. 53-61.

УДК 377

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ОТВЕТ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ НАУКИ НА ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

Грищенкова Юлия Сергеевна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Балахнинский филиал ННГУ

E-mail: yulianiaa@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается фундаментальная амбивалентность современной университетской науки. С одной стороны, она должна следовать традиционному идеалу и искать истину ради самой истины, а с другой — приносить пользу обществу и соответствовать утилитарным требованиям эффективности. Опираясь на концепцию «тройной спирали» и работы отечественных исследователей о коммодификации образования, автор показывает, что

эта амбивалентность является не метафорой, а теоретическим обобщением реальной проблемы: истина всё чаще уступает место эффективности, а развитие искусственного интеллекта и нейротехнологий требует переосмысления самой природы транслируемого знания. В качестве ответа на технологические и социальные вызовы предлагается усиление междисциплинарной интеграции, которая трактуется не просто как способ обучения, а как эпистемологический инструмент сохранения академической свободы. Тезис подкрепляется эмпирическим исследованием: анонимное анкетирование 52 студентов технических специальностей СПО при ННГУ им. Н.И. Лобачевского выявило недостаточную практическую направленность подготовки и слабую связь содержания обучения с будущей профессиональной деятельностью. Особое внимание уделяется проблеме оценивания результатов междисциплинарной деятельности, для решения которой обосновывается применение фондов оценочных средств с контекстными тестами, проверяющими не запоминание фактов, а мышление в действии. Делается вывод, что междисциплинарная интеграция превращает университет из сервисного центра по подготовке кадров в центр производства культуры мышления и обеспечивает сохранение академической свободы.

Ключевые слова: Междисциплинарная интеграция, университетская наука, академическая свобода, технологические вызовы, амбивалентность науки, контекстные тесты, синтез знаний.

INTERDISCIPLINARY INTEGRATION: UNIVERSITY SCIENCE'S RESPONSE TO TECHNOLOGICAL CHALLENGES

Yulia Sergeevna Grishchenkova
Lobachevsky State National Research University

Abstract: This article examines the fundamental ambivalence of modern university science. On the one hand, it must adhere to the traditional ideal of seeking truth for its own sake; on the other, it must benefit society and meet the utilitarian demands of efficiency. Drawing on the concept of the «triple helix» and the work of Russian scholars on the commodification of education, the author shows that this ambivalence is not a metaphor but a theoretical generalization of a real problem: truth increasingly gives way to efficiency, while the rise of artificial intelligence and neurotechnology calls for a rethinking of the very nature of the knowledge that the university transmits. As a response to technological and societal challenges, the author proposes strengthening interdisciplinary integration, understood not merely as a means of teaching but as an epistemological tool for preserving academic freedom. The argument is supported by an empirical study: an anonymous survey of 52 students in technical vocational programmes at Lobachevsky State University revealed insufficient practical orientation of training and a weak link between the content of education and future professional activity. Particular attention is paid to the problem of assessing the results of interdisciplinary activity, for which the use of assessment funds with context-based tests is justified — tests that examine not the memorization of facts but thinking in action. It is concluded that interdisciplinary integration transforms the university from a service centre for training personnel into a centre for producing a culture of thought and ensures the preservation of academic freedom.

Keywords: Interdisciplinary integration, university science, academic freedom, technological challenges, ambivalence of science, context-based tests, knowledge synthesis.

Современная университетская наука находится в состоянии фундаментальной амбивалентности. С одной стороны, она подчинена классическим нормам поиска истины и производства фундаментального знания. С другой — она интегрирована в систему образования и вынуждена соответствовать утилитарным стандартам эффективности, измеряемым практической применимостью.

В основе этого тезиса лежит анализ трансформации университета в современном мире. Ключевую роль здесь играет концепция «тройной спирали» [Ицковиц 2010; Лейдесдорф 2011]. Учёные описывают модель современного университета как места схождения трёх сил: образования, фундаментальной науки и инноваций. Эта модель наглядно демонстрирует переход от «башни из слоновой кости» к центру генерации практического знания. Отечественные исследователи также отмечают этот дуализм и рассматривают науку как единство познавательной и практически-действенной функций, подчёркивая, что их баланс определяет социальный статус научного знания. [Огурцов 2004]. В работах Г. Л. Тульчинского подробно исследуется процесс коммодификации образования, когда университет вынужден ориентироваться на рыночные запросы, рассматривая студентов как клиентов, а образовательные услуги — как товар [Тульчинский 2015].

Таким образом, понятие «амбивалентности» является не просто метафорой, а теоретическим обобщением современных научных дискуссий, описывающим общепризнанную проблему в развитии современной науки. Происходит трансформация самого целеполагания: истина уступает место эффективности. Наука всё чаще становится технологией, а технология претендует на статус науки. В этом контексте миссия университета размывается. Использование ИИ, нейротехнологий требуют не просто новых учебных программ, но и переосмысления самой природы знания, которое транслирует университет.

Одним из путей решения этой проблемы мы видим усиление **междисциплинарной интеграции**. Механизмы междисциплинарной интеграции способствуют тому, чтобы студенты не только глубоко овладевали отдельными дисциплинами, но и умели их объединять и применять в реальных жизненных ситуациях. Современная педагогика рассматривает междисциплинарную интеграцию как ключевой методологический подход, способствующий формированию у студентов целостного представления о будущей профессиональной деятельности. Еще в 1997 году С.Я. Батышев утверждал, междисциплинарная интеграция становится центральным принципом современной педагогики, так как способствует развитию системного мышления и видению связей между разными областями знаний [Батышев 1997]. Подобную позицию поддерживает и Г.М. Романцев, утверждая, что данный подход лежит в основе качественного профессионального образования [Романцев 2013]. Однако мы считаем, что в современном образовании междисциплинарная интеграция выступает не просто как педагогический метод или дидактический приём. В новых условиях интеграция становится **эпистемологическим ответом** на вызовы времени.

Вместо утилитарного подхода, нацеленного на подготовку исполнителя для рынка труда, университет через интеграцию учит **методу синтеза**. На наш взгляд, это и есть реализация академической свободы в современном мире — способность самостоятельно конструировать знание на стыке областей, не будучи ограниченным рамками одной предметной области. Метод интеграции не просто «улучшает обучение», а способствует сохранить главную

ценность университета академическую свободу. То есть интеграция становится мостом, который соединяет требования эффективности с фундаментальной ценностью свободного научного поиска.

Инструментами междисциплинарной интеграции могут служить проектное обучение, технология case-study, бинарный уроки, междисциплинарные гетерогенные тесты, и – доступнее всего – обязательный синтез знаний разных дисциплин при решении конкретных задач на практических занятиях («квази-профессиональные ситуации»). Именно использование междисциплинарной интеграции на практических занятиях может обеспечить формирование профессиональных компетенций будущему специалисту.

К сожалению, разрыв между теорией и практикой в текущей системе профессионального среднего и высшего образования не подлежит сомнению. Эмпирическое исследование, проведённое среди студентов специальностей технического профиля СПО при ННГУ им. Н.И. Лобачевского демонстрирует это. Анонимное анкетирование проводилось среди студентов I курса специальностей «Технология машиностроения» и «Тепловые электрические станции» в возрасте 18-20 лет и было направлено на определение текущего уровня подготовки и восприятия студентами учебного процесса. Всего опрошено 52 студента (Табл.).

Таблица

Результаты анкетирования студентов СПО

Раздел анкеты	Показатель	процент студентов, указавших данный результат
Самооценка подготовки	Средняя/низкая самооценка уровня подготовки	75 %
Важность практических занятий	Практические занятия - важнейший элемент учебного процесса	70 %
Трудности в обучении	Испытывают трудности с освоением теоретического материала	50 %
Практические занятия	недостаток практических занятий и невозможность связать теорию с практикой	Примерно 20 %
Традиционные формы обучения	отрицательное или скорее отрицательное отношение к традиционным формам обучения (лекции, семинары)	33,3 %
Развитие самостоятельности и творческих способностей	образование уделяет недостаточно внимания развитию творческого начала и самостоятельности	60%

Данный опрос доказывает недостаточную практическую направленность обучения в СПО. Подобная проблема характерна и для вузов, причем разного профиля [Смотрин 2019; Марголис 2021]. В результате у студентов вузов и даже СПО при вузах недостаточно формируется связь

между содержанием их обучения и будущей профессиональной деятельностью.

Междисциплинарная интеграция — это не просто объединение учебных дисциплин, а отражение глубинной трансформации самой науки. В новых образовательных условиях технологические вызовы носят комплексный характер, и дисциплинарная замкнутость становится тормозом развития. Но когда разные науки работают вместе они создают то, чего не смогла бы достичь ни одна из них в одиночку. Именно эта идея лежит в основе междисциплинарного подхода.

Междисциплинарность в техническом образовании предполагает объединение знаний и их плодотворное взаимодействие внутри профессии. Современный специалист, будь то выпускник по специальности «Тепловые электрические станции» или «Технология машиностроения», должен не только владеть базовыми дисциплинами, но и уметь интегрировать знания из смежных областей: физики, химии, информатики и экономики, что позволяет глубже понимать технологические процессы, находить нестандартные решения и повышать эффективность производства. Именно способность к внутренней интеграции знаний определяет уровень подготовки современного технического специалиста и его готовность к решению сложных практических задач.

Удачным механизмом междисциплинарной интеграции как ответ образования на технологические вызовы является дуальное обучение, используемое как в вузах, так и в средне-специальных учебных заведениях. Это обучение, при котором теоретическая часть подготовки проходит на базе образовательной организации, а практическая на рабочем месте [Конеева 2025]. Весьма многообещающим является опыт колледжа «Алабуга Политех», совмещающий практику и теорию на основе междисциплинарной интеграции.

Наиболее ярко амбивалентность университетской науки и обучения в СПО проявляется в проблеме оценки результатов междисциплинарной деятельности. Здесь сталкиваются две парадигмы: фундаментальная научная строгость и требование прикладной эффективности. Традиционная оценка во время экзамена по дисциплине проверяет знание фактов внутри одного предмета и бессильна перед оценкой способности к синтезу. Решение заключается в создании новых инструментов оценки. Разработка фондов оценочных средств (ФОС) с контекстными тестами позволяет объективно оценивать когнитивные операции, создавая доказательную базу формирования компетенций и сохраняя ценность экспертного суждения. Контекстный тест не проверяет память, а проверяет мышление в действии. Вместо вопроса «Что это?» студенту задают вопрос «Что делать?», помещая его в ситуацию, похожую на реальную рабочую задачу. При этом правильность рассуждений студента можно проверить по заранее известным и чётко сформулированным критериям, что обеспечивает прозрачность и валидность оценки.

Междисциплинарная интеграция – один из механизмов разрешения ключевого противоречия третьего тысячелетия. Она превращает университет из сервисного центра по подготовке кадров для рынка в центр производства культуры мышления. Наличие при университете средних профессиональных образовательных учреждений расширяет возможности вуза в этом направлении.

Таким образом, университетская наука выступает гарантом того, что специалист будущего будет не просто функцией технологической системы, а личностью, способной к самостоятельному мышлению и ответственному действию в сложном мире.

Список литературы

1. Батышев 1997 – Батышев С. Я. Профессиональная педагогика: учебник для студентов. М.: Ассоциация «Профессиональное образование», 1997. 512 с.
2. Ицковиц 2010 – Ицковиц Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии: пер. с англ.; под ред. А. Ф. Уварова. Томск: Издательство Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, 2010. 237 с.
3. Конеева 2025 – Конеева Е. В., Егиазарян О. Э., Богатырева С. Н. Дуальное образование как способ повышения качества среднего профессионального образования // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 1 (110). С. 282–286.
4. Лейдесдорф 2011 – Лейдесдорф Л. М., Пилясов А. Н. Управление инновациями и тройная спираль: национальная система инноваций в «новой» экономике России // Инновации. 2011. № 4 (150). С. 45–51.
5. Марголис 2021 – Марголис А. А. Деятельностный подход в педагогическом образовании // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26. № 3. С. 5–39.
6. Огурцов 2004 – Огурцов А. П. Научный дискурс: власть и коммуникация // Эпистемология и философия науки. 2004. Т. 2. № 2. С. 12–30.
7. Романцев 2013 – Романцев Г. М. Интегративно-модульный подход к проектированию педагогических систем // Вестник ТГПУ (Bulletin of TSPU). 2013. № 6 (134). С. 184–188.
8. Смотрин 2019 – Смотрин А. Р. Низкий уровень развития практических навыков выпускников вузов: риск и проблема // Образовательный процесс. 2019. № 1. С. 11–16.
9. Тульчинский 2015 – Тульчинский Г. Л. Коммерциализация образования: от социальной миссии к образовательному сервису // Философские науки. 2015. № 11. С. 108–121.

УДК 316.422:378

ФАКУЛЬТЕТ-2040: ТРАНСФОРМАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ НАУКИ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Черемухин Артем Дмитриевич

Кандидат экономических наук

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», научный сотрудник

Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный инженерно-экономический университет», доцент

E-mail: ngieu.cheremuhin@yandex.ru

Аннотация: Современный университет переживает структурную трансформацию, связанную с изменением природы знания под влиянием искусственного интеллекта. В работе

проводится переосмысление роли факультета как институциональной единицы в условиях разрушения монополии университета на производство и трансляцию знания. На основе анализа философских и образовательных исследований показано, что ИИ не столько создаёт новые противоречия, сколько усиливает уже существующие: между пониманием и воспроизведением, индивидуализацией и стандартизацией, автономией и контролем. Выявляется сдвиг от знания как устойчивого объекта к знанию как процессу генерации и реконструкции, распределённому между человеком и интеллектуальными системами. На этой основе формируется сценарное поле развития факультета, построенное по двум осям: сохранение классических академических функций и степень интеграции ИИ. Выделены четыре предельных сценария: факультет как научная лаборатория, как социальный бренд доверия, как деградирующая отчётная система и как интеллектуальная информационная система на основе ИИ. Для каждого сценария описаны педагогические модели, институциональные функции и ключевые риски. Показано, что выбор траектории развития определяется способностью факультета сохранить субъектность в условиях делегирования когнитивных функций алгоритмам. Полученные результаты могут быть использованы для стратегического проектирования образовательных и научных структур в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: искусственный интеллект, университет, трансформация образования, знание, сценарный анализ, педагогическая модель, цифровизация, институциональные изменения

FACULTY–2040: THE TRANSFORMATION OF UNIVERSITY SCIENCE IN THE AGE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Cheremuhin Artem Dmitrievich
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Researcher
Nizhny Novgorod State University of Engineering and Economics, Associate Professor

Abstract: The contemporary university is undergoing a structural transformation driven by changes in the nature of knowledge under the influence of artificial intelligence. This paper reconsiders the role of the faculty as an institutional unit in the context of the erosion of the university's monopoly over the production and transmission of knowledge. Based on an analysis of philosophical and educational studies, it is shown that AI does not so much create new contradictions as intensify existing ones: between understanding and reproduction, individualization and standardization, autonomy and control. A shift is identified from knowledge as a stable object to knowledge as a process of generation and reconstruction, distributed between humans and intelligent systems.

On this basis, a scenario framework for faculty development is constructed along two axes: the preservation of classical academic functions and the degree of AI integration. Four limiting scenarios are identified: the faculty as a research laboratory, as a social trust-based brand, as a degrading reporting system, and as an AI-based intellectual information system. For each scenario, pedagogical models, institutional functions, and key risks are described. It is shown that the choice of development trajectory is determined by the faculty's ability to preserve subjectivity under conditions of delegating

cognitive functions to algorithms. The results can be used for the strategic design of educational and research structures in the context of digital transformation.

Keywords: artificial intelligence, university, transformation of education, knowledge, scenario analysis, pedagogical model, digitalization, institutional change

Современная система высшего образования находится в состоянии ускоренной трансформации, обусловленной не только технологическими изменениями, но и глубинной перестройкой самой логики научного знания. Если в классической модели университет выступал как пространство синтеза образования и науки, обеспечивая воспроизводство научных кадров и формирование мышления, то в настоящее время эта связка оказывается под вопросом. Особое значение в данной трансформации приобретает искусственный интеллект, который не просто выступает как новая технология, но радикально изменяет способы производства, распространения и верификации знания. Генеративные модели, системы анализа данных и автоматизированные образовательные платформы формируют новую среду, в которой знание становится доступным вне институциональных рамок, а сам университет теряет монополию на его трансляцию.

В работе «Факультет-2030» [Громов 2017] была предпринята попытка описать системные противоречия университетского образования и предложить сценарии его развития в условиях стремительной цифровизации. Настоящая работа ставит целью переосмысление выявленных ранее противоречий и сценариев в контексте развития искусственного интеллекта. В центре анализа находится вопрос о том, каким образом ИИ трансформирует университетскую науку как особую форму существования знания, расположенную между академической и прикладной сферами. Особое внимание уделяется выявлению новых противоречий, возникающих в результате внедрения ИИ, а также их влиянию на институциональную структуру университета, роль преподавателя и характер образовательного процесса.

Анализ, представленный в работе, основан на целенаправленном отборе и интерпретации современных философских и образовательных исследований, посвященных трансформации университетской науки под влиянием искусственного интеллекта. Поиск и первичная фильтрация источников осуществлялись с использованием языковой модели ChatGPT (версия GPT-5.3) в режиме диалогового взаимодействия. В рамках данного процесса формировались и уточнялись поисковые запросы, ориентированные на выявление концептуальных (а не сугубо прикладных) работ, включая формулировки типа: «философские статьи о трансформации университетов из-за ИИ», «AI and higher education conceptual papers», «future of university knowledge AI philosophy», а также уточняющие запросы, направленные на выявление противоречий, рисков и институциональных изменений.

В результате последовательного уточнения критериев и отбора был сформирован корпус из 20 научных публикаций (на русском и английском языках), посвященных различным аспектам проблемы: дидактике, агентности обучающихся, инфраструктурной трансформации университетов, эпистемологии знания и социально-философским рискам внедрения ИИ. Из этого массива для углубленного анализа были отобраны 12 работ, обладающих наибольшей концептуальной насыщенностью и непосредственно затрагивающих вопрос трансформации

университета как института науки и образования. Все отобранные тексты были последовательно проанализированы в рамках настоящего исследования.

Метод анализа носит качественный и интерпретативный характер и реализуется в формате итеративного диалога с моделью, в ходе которого каждая статья разбиралась по единой аналитической схеме, включающей пять компонентов:

- главный концепт изменения;
- проблемы текущей системы;
- ключевые противоречия;
- новые противоречия, вносимые ИИ;
- философский вывод работы.

Такая унификация позволила сопоставить различные исследовательские позиции и перейти от описания отдельных работ к выявлению системных закономерностей трансформации университетской науки.

Во всех рассмотренных работах сходится один ключевой сдвиг: университет перестает быть институцией, внутри которой производится и передается знание, и превращается в узел взаимодействия человека с внешней когнитивной инфраструктурой. Генеративный ИИ разрушает монополию университета на знание, но главное — он меняет саму форму его существования: знание больше не хранится, а генерируется; не передается, а реконструируется; не принадлежит субъекту, а распределено между человеком и системой.

На этом фоне возникает несколько взаимосвязанных уровней трансформации. На эпистемологическом уровне [Levin 2026; Spennemann 2026] знание превращается в вероятностную конструкцию, где правдоподобие конкурирует с истиной. На когнитивном уровне [Olga 2023; Singh 2026] мышление становится распределенным и частично делегированным. На педагогическом уровне [Mollick 2023; de Silva 2026; Han 2026] обучение перестает быть процессом производства решения и становится процессом интерпретации. На институциональном уровне [Williamson 2023; Согомонов 2024] университет переходит к управлению через данные и алгоритмы. В совокупности это означает не реформу, а смену онтологии университета.

Анализ рассмотренных работ позволяет сделать принципиально важный вывод: подавляющее большинство противоречий современной системы образования не возникает с появлением искусственного интеллекта, а существует в ней изначально как структурные характеристики. В частности, уже до внедрения ИИ фиксировались и были проявлены устойчивые напряжения между самостоятельностью студента и усилением контроля, между индивидуальностью образовательной траектории и стандартизацией программ, между обучением как развитием и обучением как выполнением формализованных задач. Аналогично, противоречия проявлялись в эпистемическом измерении: между знанием как содержательной категорией и его редукцией к проверяемым результатам, между критическим мышлением и требованиями воспроизводимости, между субъективной экспертной оценкой и стремлением к формализации процедур оценивания.

Соответственно, значительная часть выявленных в литературе эффектов цифровизации образования может быть интерпретирована как усиление уже существующих противоречий, а не как их принципиальное переопределение. Так, ускорение доступа к информации обостряет разрыв между скоростью понимания и глубиной усвоения; развитие цифровых инструментов

делает более явным конфликт между статичностью образовательных программ и реальной динамикой знаний; а расширение возможностей анализа и мониторинга усиливает противоречие между необходимостью оценки и рисками избыточного контроля. В этом смысле ИИ выступает как фактор, который делает структурные ограничения системы видимыми и операционально значимыми, но не создает их с нуля.

Собственно вклад искусственного интеллекта в трансформацию образовательной системы оказывается значительно более локализованным, чем это предполагается в технологическом дискурсе. Так, принципиально новым является противоречие между распределенной субъектностью (человек–ИИ–институт) и необходимостью индивидуальной ответственности за результат; также относительно новым является противоречие, связанное с парадоксом «сложность системы ИИ – простота интерфейса ИИ». С одной стороны, современные модели представляют собой крайне сложные, непрозрачные когнитивные механизмы, функционирующие по вероятностной логике. С другой стороны, взаимодействие с ними максимально упрощено и приближено к естественному языку, что создает иллюзию полного понимания и контролируемости. Это усиливает разрыв между реальной сложностью процессов генерации знаний и субъективным ощущением их доступности, тем самым углубляя уже существующие противоречия между пониманием и воспроизведением.

С учётом проведённого анализа трансформации научной деятельности, образовательных моделей и управленческих практик в условиях распространения искусственного интеллекта была сформирована система альтернативных сценариев развития факультета. В основу сценарного поля положены две ключевые оси: степень сохранения классических академических функций и глубина интеграции ИИ как автономного субъекта деятельности. На их пересечении выделены четыре предельных сценария, задающих пространство возможных состояний факультета.

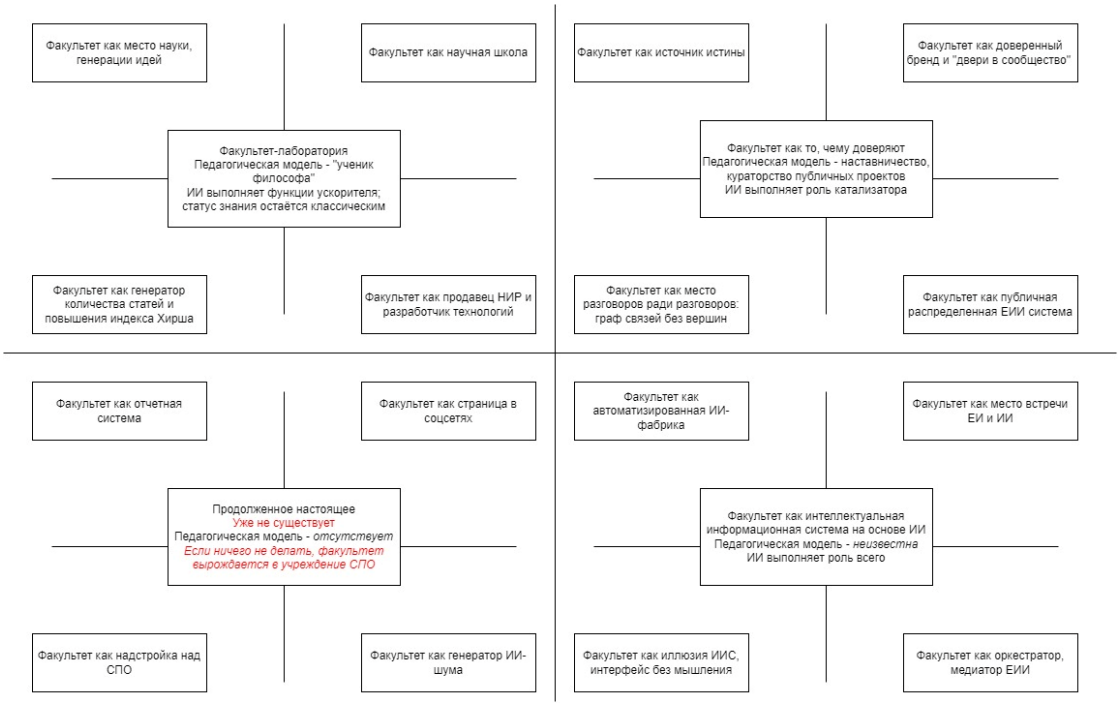


Рисунок 1 – Предельные сценарии развития университетов

В первом сценарии факультет сохраняет себя как научный центр, но при этом адаптируется к новым технологическим условиям. Он выступает как лаборатория, где ключевой ценностью остаётся производство знания, а ИИ играет роль ускорителя и инструмента. Педагогическая модель в этом случае строится по принципу «ученик — философ»: обучение направлено на формирование способности к постановке вопросов, интерпретации и концептуализации, тогда как техническая часть работы во многом делегируется алгоритмам. Факультет одновременно функционирует как место генерации идей, научная школа, производитель публикаций и разработчик технологий. При этом сохраняется риск деградации в сторону формального наращивания показателей — количества статей и индексов — если содержание научной работы начинает подменяться метриками.

Во втором сценарии факультет трансформируется в бренд — систему доверия и признания, встроенную в более широкие социальные и профессиональные сети. Здесь основным продуктом становится не знание как таковое, а легитимность, подтверждение качества и включённость в значимые сообщества. Факультет выступает как «дверь в сообщество», как источник истины и как институт, которому доверяют. Педагогическая модель смещается в сторону наставничества и кураторства: ключевой задачей становится сопровождение индивидуальных траекторий и участие в публичных проектах. При этом ИИ выполняет функцию катализатора, обеспечивая инфраструктуру и ускоряя коммуникацию. В предельной форме этот сценарий может привести к размыванию содержательной части деятельности: факультет превращается в площадку для разговоров и связей, где иерархии знаний уступают место сетям взаимодействий.

Третий сценарий представляет собой инерционное продолжение текущих практик, которое, однако, в новых условиях оказывается нежизнеспособным. Факультет в этом случае редуцируется до отчётной системы, обслуживающей внешние требования, и до медийной оболочки в виде страниц в социальных сетях. Содержательная образовательная и научная деятельность вытесняется формальными процедурами, а педагогическая модель фактически исчезает. Возникает феномен «ИИ-шума» — массового производства текстов, отчётов и псевдонаучных результатов без реального прироста знания. В пределе такая траектория ведёт к деградации факультета до уровня вспомогательной структуры или надстройки над системой среднего профессионального образования.

Четвёртый сценарий связан с радикальной трансформацией факультета в интеллектуальную информационную систему на основе ИИ. В этом случае факультет функционирует как автоматизированная фабрика знаний и решений, где значительная часть когнитивных процессов выполняется алгоритмами. Он становится пространством взаимодействия естественного и искусственного интеллекта, выполняя роль оркестратора и медиатора между ними. Педагогическая модель здесь неустойчива и находится в стадии формирования: ИИ может брать на себя как функции обучения, так и функции оценки и даже постановки задач. Существует риск превращения факультета в «иллюзию ИИС» — интерфейс без собственного мышления, однако при успешной реализации он может стать ядром новой формы интеллектуальной деятельности, в которой человек сохраняет роль постановщика целей и носителя смыслов.

Список литературы

1. Громов 2017, web – Громов В. А. Факультет-2030 // URL: https://www.researchgate.net/publication/322305763_Fakultet-2030 (дата обращения: 26.04.2026)
2. Согомонов 2024 – Согомонов А. Ю. Искусственный интеллект в университетской дидактике как вызов философии образования и профессиональной этике //Ведомости прикладной этики. 2024. №. 1 (63). С. 77-93.
3. Levin 2026 – Levin I. Vibe-Creation: The Epistemology of Human-AI Emergent Cognition // arXiv preprint arXiv:2603.09486. 2026.
4. Spennemann, 2026 – Spennemann D. H. R. How unique are hallucinated citations offered by generative Artificial Intelligence models? // arXiv preprint arXiv:2604.16407. 2026.
5. Olga 2023 – Olga A. et al. Generative AI: Implications and applications for education // arXiv preprint arXiv:2305.07605. 2023.
6. Singh 2026 – Singh H. et al. Exploring Student Perception on Gen AI Adoption in Higher Education: A Descriptive Study // arXiv preprint arXiv:2603.27777. 2026.
7. Mollick 2023 – Mollick E., Mollick L. Assigning AI: Seven approaches for students, with prompts // arXiv preprint arXiv:2306.10052. 2023.
8. de Silva 2026 – de Silva A. et al. STEM Faculty Perspectives on Generative AI in Higher Education // arXiv preprint arXiv:2603.04001. 2026.
9. Han 2026 – Han S. Why teaching resists automation in an AI-inundated era: Human judgment, non-modular work, and the limits of delegation // arXiv preprint arXiv:2604.07285. 2026.
10. Williamson 2023 – Williamson B., Macgilchrist F., Potter J. Re-examining AI, automation and datafication in education // Learning, media and technology. 2023. Vol. 48. №. 1. P. 1-5.

УДК 004.8:005.95

МОДЕЛЬ ЭФФЕКТИВНОЙ АДАПТАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ НАУЧНЫМИ КАДРАМИ

Орлова Дарья Борисовна

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (ННГУ), аспирант

E-mail: darriova@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме внедрения моделей искусственного интеллекта в систему управления научными кадрами в российских университетах. Выявляются ключевые ментальные барьеры, которые препятствуют эффективной интеграции инструментов искусственного интеллекта. Предлагается ценностно-ориентированная модель преодоления подобных ограничений. Актуальность исследования обусловлена реализацией Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года и низким уровнем вовлеченности исследователей в использовании автоматизированных моделей в отечественных вузах. Основное внимание уделяется ментальным установкам российских исследователей, которые характеризуются особой двойственностью, недоверием к нововведениям, осторожностью и ценностно-нормативным расколом. На основе анализа зарубежного опыта показано, что

скептицизм и сопротивление научных кадров – тенденция большинства стран. В качестве решения проблемы предлагается ценностно-ориентированная модель адаптации, включающая следующие этапы работы как с научными кадрами, так и с управляющим звеном академической среды: диагностика ментальных установок, взаимодействие с высшим руководством, пилотное внедрение моделей искусственного интеллекта в проблемных подразделениях и последующую оценку результатов с масштабированием. Подчеркивается, что искусственный интеллект не должен заменять ученых, а лишь автоматизировать рутинные задачи, быть эффективным инструментом, повышая вовлеченность исследователей в цифровую трансформацию науки.

Ключевые слова: искусственный интеллект, управление научными кадрами, менталитет, ценностно-ориентированная модель, адаптация, цифровые технологии.

MODEL OF EFFECTIVE ADAPTATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN SCIENCE MANAGEMENT SYSTEMS

Orlova Daria Borisovna

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod" (NNSU), Postgraduate Student

Abstract: The article is devoted to the problem of introducing artificial intelligence models into the scientific personnel management system at Russian universities. The key mental barriers that hinder the effective integration of artificial intelligence tools are identified. A value-based model for overcoming such limitations is proposed. The relevance of the research is due to the implementation of the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence until 2030 and the low level of involvement of researchers in the use of automated models in domestic universities. The main focus is on the mental attitudes of Russian researchers, which are characterized by particular ambivalence, distrust of innovation, caution, and a value-normative split. Based on the analysis of foreign experience, it is shown that skepticism and resistance of scientific personnel is a trend in most countries. As a solution to the problem, a value-based adaptation model is proposed, which includes the following stages of work with both scientific personnel and the management of the academic environment: diagnosis of mental attitudes, interaction with senior management, pilot implementation of artificial intelligence models in problem departments and subsequent evaluation of results with scaling. It is emphasized that artificial intelligence should not replace scientists, but only automate routine tasks, be an effective tool, increasing the involvement of researchers in the digital transformation of science.

Keywords: artificial intelligence, scientific personnel management, mentality, value-based model, adaptation, digital technologies.

Сегодня, когда практически каждая система управления стремится к автоматизации, возникает вопрос применения той или иной модели искусственного интеллекта в рамках управления научными кадрами. Автоматизация процессов влияет на количественный результат, однако оценка качественных процессов, таких как научный труд, ставится под сомнение. Вопрос качественной и количественной оценки научного труда упирается не только в техническую возможность, но и в восприятие учеными подобного вида автоматизированной оценки.

Цель данной работы – выявить ментальные барьеры внедрения искусственного интеллекта в управление научными кадрами в России и предложить модель их преодоления.

Актуальность исследования обусловлена тем, что информатизация и внедрение ИИ-инструментов стали частью сегодняшней реальности и продолжают стремительно развиваться в рамках не только цифровых процессов, но и в научной среде. ИИ-модели стали ключевым технологическим аспектом развития государства в ближайшие годы, повышая качество образования [Указ Президента РФ 2019, ст.5700]. Президент Российской академии наук Красников Г.Я. отмечает, что искусственный интеллект сегодня помогает ускорить обработку больших баз данных, выявить корреляции и стать основой для научного прорыва [РИА НОВОСТИ 2025, web]. Одна из самых трудоемких частей научного познания – обработка существенного количества информации. Искусственный интеллект помогает быстро выявить взаимозависимости, что освобождает время для творческого исследования изучаемой тематики. С одной стороны, механизмы искусственного интеллекта положительно влияют на исследовательскую часть научного познания. С другой – модели искусственного интеллекта стали переходить из вспомогательных инструментов анализа, в инструменты для оценивания деятельности исследователей науки и количественного измерения их достижений.

Использование искусственного интеллекта в России в академической среде распространяется в учебных процессах и для автоматизации деятельности преподавательского состава. В последние годы стали более актуальны курсы профессиональной переподготовки и курсы повышения квалификации, связанные с обучением использованию ИИ-моделей в работе. Спрос на подобные курсы вырос в среде преподавательского состава. Однако всего 10% из них используют автоматизированные модели искусственного интеллекта в своей работе [Контур Толк 2026, web]. Такой низкий показатель вовлеченности отражает действительную картину недоверия академической среды к моделям искусственного интеллекта.

Менталитет, как глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий бессознательное [Малахов, Филатов 1998, с. 176], оказывает сильнейшее влияние на природу российской деловой науки. Менталитет русского человека отличается двойственностью – сочетанием противоположных характеристик [Гавриленко 2025, с. 151]. Среди личностных качеств, присущих русскому исследователю, можно выделить следующие [Гавриленко 2025, с. 151-156]:

1. Недоверие к опыту других, желании яростно отстаивать свою научную школу как когнитивная установка. Противоположная черта выражается в неформальной солидарности в кругу исследователей, отсутствии открытой вражды и конкуренции. Отсутствие понимания цели нововведений тормозит интеграцию.
2. Трудолюбие отличает отечественных исследователей. Производительность труда растет в критичных условиях, а в спокойной рабочей обстановке – падает. Способность мобилизоваться в кризисных условиях является сильной стороной исследователя.
3. Осторожность к нововведениям выражается в проявлении скептицизма научных кадров к внедрению искусственного интеллекта в процессы управления. Желание рискнуть – обратная черта, проявляющаяся в импульсном порыве пробовать новое.

Глубинное интервью некоторых авторов раскрывает, что в российском обществе существует мировоззренческий раскол и более одной ценностно-нормативной системы [Гавриленко 2025, с. 153].

Ценностно-нормативный раскол в отечественной среде, в том числе академической, создает дополнительные сложности для оценки результатов научной деятельности. Вопрос

управления научными кадрами с помощью использования моделей искусственного интеллекта поднимается не только в России, но и за рубежом. Рассмотрим основные точки зрения на управление научными кадрами исследователей американской, европейской и азиатской академической среды.

Американская деловая среда, в том числе академическая, отличается особым стремлением к индивидуализму, ориентацией на конечный результат. Применение искусственного интеллекта в вузах Америки сталкивается с ограничениями: более 65% респондентов скептически относятся к применению искусственного интеллекта, а более 55% респондентов отмечают, что они невосприимчивы к технологиям ИИ [Sebesta 2025, p. 37]. Отмечается, что основное направление развития – разработка принципов адаптации функций искусственного интеллекта к политике деятельности вуза. Важным ограничением выступают этические вопросы применения ИИ в академической деятельности.

Результаты исследования организационно-образовательного аспекта европейской академической среды в рамках применения искусственного интеллекта были представлены на конференции образовательных исследований [MacGregor 2025, web]. Искусственный интеллект в странах Европы активно используется в оценочной деятельности сотрудников вузов. Поднимаются вопросы распределения полномочий в иерархии профессорско-преподавательского состава с помощью искусственного интеллекта [Lepkowska 2025, web].

Приведены результаты эмпирического исследования китайских ученых о взаимосвязи между осведомленностью научных кадров и их эффективностью: чем больше преподаватели осознают внедрение искусственного интеллекта в систему, тем большее сопротивление это вызывает [Wen, Cai 2025, p. 8]. Кадры высшей научной квалификации воспринимают модели ИИ как угрозу собственной экспертной роли. В другой работе поднимается вопрос этической составляющей использования ИИ в работе, что соответствует курсу на социально-культурную адаптацию моделей автоматизированного мышления в научно-образовательной среде [Wang et al. 2025, p. 2].

Таким образом, применение моделей искусственного интеллекта в рамках управления научными кадрами в других странах сталкивается со скептицизмом со стороны ученых, а также недостатком понимания, как взаимодействовать с данными системами. Барьеры этического и социально-культурного аспекта также являются одной из ключевых проблем внедрения моделей ИИ в систему управления научными кадрами.

Внедрение ИИ в России должно соответствовать этическим представлениям исследователей, не представлять угрозы их научному труду, а также быть не единственным инструментом для оценки работы научных кадров.

Процесс интеграции моделей машинного интеллекта должен быть постепенным, и строго упорядоченным. Кроме того, необходимо разработать модель адаптации, которая поможет ввести ИИ в систему управления научными кадрами, снижая сопротивление со стороны исследователей.

Для эффективного внедрения инструментов искусственного интеллекта в управление научными кадрами предлагается ценностно-ориентированная модель адаптации. Основная задача данной модели заключается в том, чтобы на основе эмпирического анализа академической среды оценить необходимость внедрения искусственного интеллекта и подготовить научных сотрудников к вводимым изменениям.

Ключевыми этапами адаптации согласно ценностно-ориентированной модели, являются следующие мероприятия:

1. Диагностика ментальных установок академической среды. Данное мероприятие направлено на получение информации о ценностях, лежащих в основе как управленческих решений, так и взаимодействия в научных кругах. Результатом исследования станет ряд проблем, которые необходимо будет решить с помощью введения модели искусственного интеллекта.

2. Взаимодействие с управляющими органами академической среды. Совместная работа с ректоратом и управляющим персоналом высших учебных заведений необходима для выявления основных направлений, где будет использоваться искусственный интеллект. Важной особенностью проводимого мероприятия должна стать открытость процесса и результатов, так как именно данные характеристики негативно влияют на принятие искусственного интеллекта среди ученых.

3. Пилотное введение моделей искусственного интеллекта в систему управления научными кадрами. Тестирование эффективности и результативности внедрения искусственного интеллекта в работу академической среды предлагается начинать с научных подразделений, в которых, в ходе проведения исследования, было выявлено больше проблем. Это обусловлено тем, что данный этап является самым продолжительным, что позволит изучить специфику применения модели автоматизированного интеллекта более глубоко. Кроме того, необходимо учитывать время на обучение руководящего состава принципам работы с искусственным интеллектом, чтобы он оставался эффективным инструментом.

4. Оценка результатов пилотного введения и масштабирование процессов. После проведенного тестового периода внедрения моделей искусственного интеллекта в управление академической средой результаты следует проанализировать, оценить эффективность, собрать обратную связь от тестируемых групп научных сотрудников. При успешном и результативном введении моделей искусственного интеллекта предлагается их постепенное внедрение в более лояльные группы, что снизит общий уровень сопротивления.

Таким образом, эффективное внедрение искусственного интеллекта в академическую среду должно представлять собой модель адаптации к ценностным установкам менталитета отечественных исследователей. Работа моделей автоматизированного интеллекта в будущем будет все более распространенной, однако следует учитывать, что полностью заменить научные кадры нельзя, но автоматизировать рутинные задачи - нужно. Такой подход поможет увеличить вовлеченность научных сотрудников в развитие академической среды в соответствии с цифровой трансформацией науки и общества.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (в ред. от 15.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.
2. Гавриленко 2025 – Гавриленко О.В. Ценности персонала как фактор двойственности современной российской деловой культуры // Вестник Московского университета. 2025. Т. 31. № 2. С. 146–166.
3. Малахов, Филатов 1998 – Малахов В.С., Филатов В.П. Современная западная философия: Словарь. 2-е изд. М.: Острожье, 1998. 544 с.
4. Контур Толк 2026, web – Как применять искусственный интеллект в сфере образования // Контур Толк. 2026. URL: https://kontur.ru/talk/spravka/56138-iskusstvennyy_intellekt_v_sfere_obrazovaniya (дата обращения: 08.04.2026).

5. РИА НОВОСТИ 2025, web – Глава РАН рассказал, как искусственный интеллект помогает ученым // РИА НОВОСТИ. 2025. URL: https://ria.ru/20250918/intellekt-2042641934.html (дата обращения: 08.04.2026).
6. Lepkowska 2025, web – Lepkowska D. AI can help HE assess research more efficiently – Report // University World News. 2025. URL: https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20251208065738101 (дата обращения: 13.04.2026).
7. MacGregor 2025, web – MacGregor K. AI disruption demands a rethink of the university model // University World News. 2025. URL: https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20250606130319477 (дата обращения: 13.04.2026).
8. Sebesta 2025 – Sebesta J. Supporting Governance, Operations, and Instruction and Learning through Artificial Intelligence: A Survey of Institutional Practices and Policies // WICHE. 2025. P. 62.
9. Wen, Cai 2025 – Wen W., Cai X. Artificial intelligence and Chinese university teachers' work performance: a synergistic or adversarial relationship // Frontiers in Psychology. 2025. № 16. P. 13.
10. Wang, Zhao, Xu, Zhang, Lei 2025 – Wang X., Zhao S., Xu X., Zhang H., Lei V.N.-L. AI adoption in Chinese universities: Insights, challenges, and opportunities from academic leaders // Acta Psychol (Amst). 2025. № 258. P. 9.

УДК: 165.012.8

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Роженчикова Дарья Владимировна

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского», ассистент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского

E-mail: Daryar01@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена применению технологий искусственного интеллекта в образовательном пространстве. Дано определение понятию «технология» и «образовательная технология», а также понятию «искусственный интеллект». Рассмотрены виды дистанционных образовательных технологий (виртуальная реальность, дополненная реальность, смешанная реальность, расширенная реальность), их признаки, а также приведены примеры их использования в сфере образования. В статье указаны основные направления, в которых применяется искусственный интеллект: геймификация, смарт-кампус, система прокторинга, промежуточное обучение, система автоматического оценивания, а также адаптивное и персонализированное обучение. Приведены примеры образовательных платформ, работающих на основе искусственного интеллекта: «Duolingo», «Carnegie Learning», «Khanmigo» и некоторые иные. Сделан вывод о том, что искусственный интеллект в сфере образования помогает как обучающимся, так и преподавателям. Затронута проблема

влияния искусственного интеллекта на здоровье человека: его когнитивные функции, психику, взаимоотношения между людьми и общие человеческие ценности. Поставлен вопрос о соблюдении временных рамок при использовании искусственного интеллекта в сфере образования, а также вопрос о соблюдении баланса межу использованием ИИ, общением обучающихся между собой и их взаимодействием с преподавателем.

Ключевые слова: образование, образовательные технологии, образовательная платформа, искусственный интеллект, виртуальная реальность, когнитивные функции.

EDUCATION TECHNOLOGIES AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE
University Science in the Third Millennium

Rozhenchikova Darya Vladimirovna
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod", Assistant of the Department of Civil Law and Procedure of the Faculty of Law of Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky

Abstract: This article focuses on the application of artificial intelligence technologies in the educational environment. It defines the concepts of "technology" and "educational technology," as well as the concept of "artificial intelligence." The article discusses the types of distance learning technologies (virtual reality, augmented reality, mixed reality, and extended reality), their characteristics, and provides examples of their use in the field of education. The article outlines the main areas where artificial intelligence is used: gamification, smart campus, proctoring system, intermediate training, automatic assessment system, as well as adaptive and personalized learning. It also provides examples of educational platforms that use artificial intelligence, such as Duolingo, Carnegie Learning, Khanmigo, and others. It is concluded that artificial intelligence in the field of education helps both students and teachers. The article addresses the impact of artificial intelligence on human health, including cognitive functions, mental health, human relationships, and shared human values. The question of compliance with time limits when using artificial intelligence in the field of education is raised, as well as the question of compliance with the balance between the use of AI, communication between students and their interaction with the teacher.

Keywords: education, educational technologies, educational platform, artificial intelligence, virtual reality, cognitive functions.

В настоящее время с уверенностью можно сказать, что технологии искусственного интеллекта пронизывают все сферы общественной жизни. Искусственный интеллект применяется в строительстве, медицине, военном деле и многих других отраслях. Сфера образования также не является исключением: новые образовательные технологии, такие как электронные образовательные курсы, чат-боты, дистанционное обучение, технологии виртуальной реальности являются результатом применения искусственного интеллекта.

Прежде, чем переходить к анализу образовательных технологий и искусственного интеллекта, необходимо понять, что же такое технология вообще.

Слово «технология» происходит от двух греческих слов – «techne» (искусство) и «logos» (учение). Большой толковый словарь русского языка определяет технологию так:

«технология – совокупность производственных операций, методов и процессов в определенной отрасли производства, приемов, применяемых в каком-либо деле, мастерстве и т.п.» [Кузнецов 2000, с. 1322]. А.Ю. Акмалов указывает, что технология – понятие, которое относятся исключительно к деятельности человека [Акмалов 2015, с. 15]. Что же касается образовательной технологии, то, как отмечает автор, это – образовательный продукт, отличающийся концептуальностью, системностью, нормативностью, вариативностью в описании деятельности педагога и обучающегося [Акмалов 2015, с. 17].

Разобравшись с технологиями, предлагаю рассмотреть понятие искусственного интеллекта (далее – ИИ). Например, Л.С. Болотова определяет ИИ как компьютерную систему, которая способна имитировать человеческий интеллект [Болотова 2012, с. 664]. Ученые И.В. Понкин и А.И. Редькина дают такое определение: «ИИ – это искусственная сложная кибернетическая компьютерно-программно-аппаратная система…с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия» [Понкин, Редькина 2018, с. 94-95]. Официальное определение ИИ дает «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года», утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019г.: «искусственный интеллект - комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их».

Говоря об искусственном интеллекте в сфере образования, хочу обратить внимание на такой вид дистанционных образовательных технологий, как технологии виртуальной реальности (VR). Как указывает доктор социологических наук Напсо М.Д., виртуальная реальность в образовательном процессе – это средство, «с помощью которого можно проникать в структуры, сложные для наглядной досягаемости» [Напсо 2023, с. 120]. Существует мнение, согласно которому виртуальная реальность – это смоделированная среда, пользователь которой может воспринимать объекты в трехмерном пространстве, осматривать все вокруг себя на 360 градусов, получать тактильные и аудиальные сигналы, а также чувствовать запахи [Баканова 2024, с. 460]. Примерами образовательных VR-технологий могут служить: 1) космический симулятор «Universe Sandbox» (дает возможность увидеть различные космические явления); 2) анатомический симулятор «The Body VR»; 3) атлас анатомии человека «Organon VR Anatomy»; 4) симулятор «Google Earth VR» (дает возможность увидеть мировые достопримечательности) [Напсо 2023, с. 121].

Наряду с технологиями виртуальной реальности существуют технологии дополненной (AR), смешанной (MR), а также расширенной реальности (XR). Дополненная реальность при помощи планшета помогает объединить элементы виртуальной реальности с окружающей средой [Дибирова 2025, с. 284]. Примером может служить поиск по изображению: камера телефона наводится на какой-либо объект, приложение данный объект анализирует, а потом выводит информацию о нем на экран. Технологии AR широко применяются в образовательном процессе: с их помощью обучающийся может посещать интересующие его лекции, музеи, библиотеки. Также отмечается возможность использования технологий AR в образовательном процессе при подготовке специалистов аварийно-спасательных служб. Что же касается технологий смешанной реальности (MR), то они объединяют в себе как реальные, так и виртуальные элементы. MR - это такое пространство, пользователи которого «могут не только наблюдать, но и взаимодействовать с виртуальными объектами» [Сеидов 2024, с. 95].

Примерами MR могут служить такие платформы, как Magic Leap, Mesh, а также очки дополненной реальности Microsoft HoloLens. Технологии MR широко применяются в сфере образования: студенты медицинских университетов могут проводить виртуальные операции, а будущие строители «оживлять» архитектурные объекты. В свою очередь расширенная реальность (XR) — это совокупность реальной и виртуальной реальностей. Анализ научной литературы позволил сделать вывод о том, что XR – это термин, объединяющий все типы реальностей, перечисленных выше: дополненную, виртуальную и смешанную.

Ученые выделяют несколько направлений в сфере образования, в которых применяется ИИ: адаптивное обучение; геймификация; автоматическое оценивание; прокторинг; промежуточное обучение; смарт-кампус [Горева 2025, с.107]. Рассмотрим подробнее:

1) Адаптивное и персонализированное обучение. Искусственный интеллект в данном направлении выступает в качестве помощника преподавателя: он анализирует индивидуальные потребности обучаемого, уровень его образования, образ мышления. Примером может выступать образовательная платформа «Carnegie Learning», которая работает по алгоритму MATHiaU. Данный алгоритм анализирует действия обучающегося и разрабатывает для него индивидуальный учебный план. С помощью технологии ИИ алгоритм определяет трудности, возникающие у обучающегося в процессе выполнения заданий, и предлагает пути их преодоления.

2) Геймификация. В основе данного направления лежат игровые методики. В данном случае за выполнение заданий обучающемуся проставляются баллы, выдаются фишки и т.п. Геймификация помогает повысить уровень вовлеченности обучающегося в учебный процесс, развивает логику и критическое мышление, способствует лучшему усвоению учебного материала, повышает мотивацию к обучению. Метод геймификации использует, например, платформа для изучения языков «Duolingo». Во-первых, обучающийся проходит уровни разной степени сложности, во-вторых, платформа предусматривает «жизни», которые представлены в виде батарейки с пятью блоками – за каждую неверную попытку ученик теряет «жизнь», в-третьих, при прохождении каждого уровня ученик получает «награду» - алмазы, которые можно потратить, например, на покупку «жизни».

3) Система автоматического оценивания. В данном случае ИИ применяется для оценки работы обучающегося: программа анализирует ответ и дает обратную связь в виде рекомендаций по дальнейшему освоению дисциплины. Применение технологии автоматического оценивания помогает преподавателю быстро и объективно оценить знания обучающегося и сэкономить время на подсчете баллов. Примерами могут служить «Revision Assistant» и «Open Essayist» – программы для написания, помогающие обучающемуся составить текст (например, эссе) на определенную тематику, дают обратную связь и оставляют комментарии. Цель использования платформ – улучшение навыков написания текстовых работ.

4) Прокторинг. Это технология, позволяющая контролировать процесс сдачи онлайн-испытания (например, дистанционного экзамена). В данном случае система не оценивает знания обучающегося, а следит за соблюдением правил выполнения задания. Примером системы прокторинга является платформа «Экзамус». Она фиксирует посторонние звуки, отклонение взгляда от монитора, попытки открытия посторонних вкладок, использование наушников или телефона.

5) Промежуточное обучение. В данном направлении ИИ используется для оценки уровня освоения обучающимся учебного материала. Данная работа также основана на автоматической проверке заданий, анализе ошибок обучающегося и предоставлении ему

обратной связи. Обычно для такой проверки знаний используется онлайн-тестирование. Примером может служить платформа «Khanmigo», которая выступает в роли репетитора: она не просто дает готовое решение на поставленную задачу, а пошагово направляет обучающегося на поиск правильного варианта ответа.

6) Смарт-кампус. Это концепция, предполагающая наполнение студенческого городка различными цифровыми элементами: интеллектуальное видеонаблюдение и «умный» шлагбаум, видеодомофон и «умная» парковка, использование единого информационного портала и технологии «интернет-вещей» (loT).

Вышесказанное позволяет сделать вывод: искусственный интеллект прочно закрепился в жизни человека, в частности, в сфере образования, и помогает как обучающимся, так и преподавателям. Однако необходимо обратить внимание и на другую сторону его использования и влияния на мозг человека. Частое прибегание к ИИ снижает когнитивные функции: человеку становится лень думать, делать расчеты, анализировать, принимать решения самостоятельно. Это приводит к снижению внимания и концентрации, ухудшает память, повышает тревожность и вспыльчивость. Человек становится зависимым от искусственного интеллекта. ИИ влияет и на взаимодействие людей: они использует чаты, а не живое общение. Это приводит к снижению коммуникативных функций: общение сводится к коротким фразам, человек становится безэмоциональным и даже грубым. Все это приводит к тому, что ИИ влияет на такие человеческие ценности, как способность любить и сочувствовать. Интерес к жизни ближнего теряется, человек замыкается на себе.

Итак, в сфере образования необходимо соблюдать баланс межу использованием ИИ, общением обучающихся между собой и их взаимодействием с преподавателем.

Список литературы

Акмалов 2015 – Акмалов А. Ю. Генезис определения "образовательная технология" в контексте современного российского образования // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3-1(87). С. 15-18.

Баканова И.Г. 2024 – Баканова И. Г., Дудович Д. Л. Внедрение технологии виртуальной реальности в образовательный процесс системы высшего образования // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 9. № 5. С. 457-464.

Болотова 2012 – Болотова Л. С. Системы искусственного интеллекта: модели и технологии, основанные на знаниях : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям 23100, 230200, 23400, специальностям "Информатика и вычислительная техника", "Информационные системы и технологии" и другим смежным специальностям / Л. С. Болотова ; Л. С. Болотова ; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования Российский гос. ун-т инновационных технологий и предпринимательства, Федеральное гос. авт. учреждение "Гос. научно-исследовательский ин-т информ. технологий и телекоммуникаций" Информика. М.: Финансы и статистика, 2012. 663 с.

Горева 2025 – Горева О. М., Осипова Л. Б. Технологии искусственного интеллекта в образовательном пространстве вуза // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2025. № 1(94). С. 104-112.

Дибирова 2025 – Дибирова К. С., Исмаилова З. Н. Возможности использования технологий виртуальной и дополненной реальности в учебном процессе // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 5(114). С. 283-285.

Кузнецов 1998 – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов; РАН, Ин-т лингвист. исслед. СПб : Норинт, 1998, 2000. 1535 с.
Напсо 2024 – Напсо М. Д. VR- и AR-технологии в образовательном процессе // Инновации в образовании. 2024. № 3. С. 81-87.
Понкин 2018 – Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91-109.
Сеидов 2024 –Сеидов А., Дурдыев О., Мамметгулыев А., Мухамметбердиева Б. Революция в образовании с помощью технологий смешанной реальности (MR) / // Символ науки: международный научный журнал. 2024. Т. 1. № 11-1. С. 94-96.

ЧАСТЬ 6

ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

УДК 1(091)

РОБЕРТ БОЙЛЬ О ПОЛЬЗЕ КОЛОНИАЛИЗМА ДЛЯ НАУКИ

Дмитриев Игорь Сергеевич

Санкт-Петербургский Филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, ст. н. сотр.

Аннотация: Литературное наследие Роберта Бойля отличается впечатляющим тематическим разнообразием: от исследований по химии и физике и этико-теологических работ до трактата о вреде сквернословия. При этом во многих своих трудах, особенно посвященных вопросам развития новой (экспериментальной) философии и ее полезности для блага человечества (наиболее значимом в этом плане является его трактат «*Some Considerations Touching the Usefulness of Experimental Natural Philosophy*» (1664)) Бойль затрагивает колониальную проблематику, делая основной акцент на английских колониях в Новом Свете. Указанная проблематика в размышлениях Бойля была тесно связана с его пониманием главной задачи натурфилософии – восстановление «власти человека над низшими созданиями (*Empire of Man over inferior Creatures*)», утраченной в результате грехопадения. Этот «адамический идеал» стал связующим звеном многих направлений творческой активности Бойля как натурфилософа, так и теолога-моралиста, а также был тесно связан с его общественной деятельностью в Совете по иностранным плантациям, Новоанглийской компании и в Ост-Индской компании. Бойль рассматривал создание колоний как позитивный процесс, приносящий большую пользу для науки (изучение новых, неизвестных ранее растений и животных), содействующий распространению христианской веры и способствующий экономическому развитию Англии, а следовательно, в его понимании, и всего мира.

Ключевые слова: Роберт Бойль, английские колонии, Новый Свет, натурфилософия, Лондонское Королевское общество.

Многие, если не большинство, из основателей Лондонского Королевского общества полагали, что его деятельность в первую очередь должна касаться усовершенствования практической стороны жизни. Да и как могло быть иначе? Изучение окружающего мира, чтение Книги природы, были не только сами по себе благочестивыми занятиями, но и путем к открытиям, способствующим улучшению положения человека в мире. Первые идеологи Общества, такие как Р. Бойль (*Robert Boyle*; 1627–1691) и Т. Спрат (*Thomas Sprat*; 1635–1713), неоднократно возвращались к вопросу полезности натурфилософии в этом смысле.

Несомненно, к этому их побуждала не только забота о поддержке новой организации, но и вполне искренняя вера в ту роль, которую обновленная натурфилософия могла сыграть в создании устойчивого политического и экономического порядка, благодаря которому можно было бы добиться роста благосостояния и забыть о годах гражданской смуты.

Одним из важных направлений деятельности раннего Королевского общества стал сбор всевозможной информации, касавшейся разнообразных явлений и объектов природы. При этом особый интерес членов Общества вызывали явления редкие, необычные или по крайней мере малоизученные. Поэтому они не могли обойти своим вниманиям природный мир Нового Света.

Мысль о том, что Новый Свет может стать важным источником полезных знаний, получила распространение еще до создания Королевского общества, в частности, среди членов кружка С. Хартлиба. В рамках же *Royal Society* интерес к американскому континенту проявился прежде всего в тематике сообщений и статей, публиковавшихся на страницах *Philosophical Transactions of the Royal Society*.

Р. Бойль со своей стороны дал этому интересу теологическое и политико-экономическое обоснование, которое отсутствовало у Ф. Бэкона и членов кружка Хартлиба. Бойль видел главную цель экспериментальной натурфилософии в восстановлении изначальной власти человека над природным миром, власти, которой Бог наделил Адама, но которая была утрачена вследствие грехопадения. При этом Бойль исходил из того, что восстановление адамической империи и создание английской протестантской колониальной империи – это две части одного и того же предприятия, которое, в свою очередь, нацелено на исполнение Божественного предписания, согласно которому человек должен пользоваться и наслаждаться плодами природы.

Иными словами, различные аспекты творчества Бойля (его теологические штудии, натурфилософские занятия, колониальные интересы, проявившиеся, в частности, в его деятельности в Совете по иностранным плантациям, Новоанглийской компании, Ост-Индской компании, а также в его обширной переписке с соотечественниками, поселившимися или временно находившимися в Новом Свете) оказались тесно связанными друг с другом посредством его «адамического идеала» – восстановление «власти человека над низшими созданиями (*Empire of Man over inferior Creatures*)» [Boyle 1772b, vol. 3, p. 402 *et passim*]. Как показал Джеймс Джейкоб, «Латитудинарии (т. е. группа теологов, выступавших за объединение всех течений протестантизма в рамках официальной Церкви Англии. – *И. Д.*) Королевского общества были в равной мере преданы одному и тому же социальному в*и*дению, предполагавшему совместимость целей науки, торговли, империи и реформации» [Jacob 1977, p. 154].

Обращаясь к теме Нового Света, Бойль выделял прежде всего аграрную сторону дела, поскольку именно там, на землях Америки, человек столкнулся с растениями, неизвестными ему ранее, но которые могли принести ему пользу. Существует «почти невероятное разнообразие овощей, которые в нескольких регионах производит плодородная земля по слову Бога “Producat Terra”» [Boyle 1772a, vol. 2, p. 10] (Бойль использует здесь библейское выражение: «Dixit quoque Deus: Producat terra animam viventem…», в русском переводе: «И сказал Бог: да произведёт земля душу живую...» [Быт. 1:24]). И далее Бойль приводит в качестве примера «недавно собранный на Ямайке (где он произрастает) и подаренный мне

любознательным командующим английскими войсками превосходный сорт перца, чья оболочка по вкусу не отличается от корицы, а по запаху очень похожа на гвоздику...» [Boyle 1772a, vol. 2, p. 10–11]. Учитывая это эдемское изобилие, неудивительно, что Бойль считал, что *Empire of Man over inferior Creatures* должна начать формироваться именно в Новом Свете.

И тут возникает важный вопрос: о восстановлении империи какого человека так заботился Бойль и другие члены раннего Королевского общества? С одной стороны, их риторика носила универсалистский характер, т. е. речь шла о власти над природой любого человека, в какой бы стране он ни жил. И нелишне добавить, что множество сведений о климате, растениях, животных и полезных ископаемых Нового Света англичане (в том числе и Бойль) получали от иностранных путешественников. Но на деле все было иначе. Бойль и его ученые соотечественники чувствовали себя прежде всего строителями *английской* империи. Они были убеждены, что именно Англия, и *только Англия*, должна сыграть ведущую роль в протестантской реформации мира, но при этом англичане будут использовать знания всего человечества, ибо чт*о* хорошо для Англии, то хорошо и полезно для всего мира.

Как очертил ситуацию Р. Айлифф, «члены Королевского общества были сторонниками совместно развиваемой, международной экспериментальной философии», но при этом «утверждали, что эта философия была специфически английской. …Особенность экспериментализма Королевского общества состояла в том, что его пропагандисты были интернационалистами и в то же время враждебно относились ко многим элементам иностранных культур. Для них будущее натурфилософии зависело от убеждения других в уникальной философской плодотворности английского экспериментаторства, в то время как их представления об английскости определялись пренебрежительным отношением к иностранцам и их практикам…» [Iliffe 1999, p. 25].

К этому можно добавить, что особенность английского экспериментализма, описанная Р. Айлиффом, имела также колониальное измерение: земледелие и «физико-механические искусства» позволяют человеку преобразовывать невозделанную почву в колониях таким образом, чтобы они давали сырье и полезные материалы для метрополии. Характерный пример, на который ссылается Бойль, – плантации сахарного тростника на о. Барбадос, английской колонии. «Из года в год, – пишет Бойль, – с этого маленького острова, длина которого, как считается, не превышает тридцати миль... отгружается в Англию... двадцать миллионов фунтов [сахара]» [Boyle 1772b, p. 416]. Т. е. реальным бенефициаром этой трансплантации сформированных в Европе искусств и мануфактур в Новый Свет оказывалась Англия. Упоминая об эксплуатации Барбадоса, Бойль модифицировал адамический язык аграрного плодородия, адаптируя его к оправданию строительства английской колониальной империи, как бы заменив в выражении «*Empire of Man over inferior Creatures*» существительное «*Man*» на топоним «*England*», выступавший в качестве приоритетного субъекта божественного исторического плана.

В своих натурфилософских сочинениях Бойль часто твердит о том, что изучение Нового Света даст знания о природе, неизвестные древним. Действительно, мореплавателям и путешественникам было что рассказать натурфилософам, и эти свидетельства были жизненно важны для науки. В предисловии к «Наблюдениям и опытам над соленостью моря (*Observations and Experiments about the Saltiness of the Sea*)» (1673) Бойль сообщал, что получал информацию от «морских капитанов, лоцманов, плантаторов и других путешественников в отдаленные районы», а общаться с ними он мог потому, что был «членом Совета,

назначенного королем Великобритании для управления делами всех “английских колоний” на островах и континенте Америка (видимо речь идет о *Council for Foreign Plantations*. *– И. Д.*), и в течение двух или трех лет был одним из членов Комитета (как они его называют), который руководил всеми делами по праву знаменитой Ост-Индской компании Англии» (цит. по: [Deacon 1997, p. 119]). И что особенно важно, информация, полученная от путешественников и моряков, была полезна и необходима ему как натурфилософу.

«Если бы ученых и путешественников было больше, – писал Бойль, – история природы была бы гораздо лучше украшена живыми изображениями растений, животных, метеоров и т. п., а также некоторыми частями искусства навигации, и особенно …учением о линиях, по которым лоцманы заставляют плыть свои корабли. …Следует признать, что смешанные математические науки могут быть полезны естествоиспытателю и помогать ему в совершенствовании империи человека» [Boyle 1772b, p. 434].

Но с особым доверием Бойль воспринимал рассказы купцов. Поскольку последние торговали, а не производили, и не были в большинстве своем практиками познания, достоверность их свидетельств, по мнению Бойля, проистекала именно из их незаинтересованности [Poovey 1998, p. 115–116].

Работы Бойля ознаменовали важный момент не только в становлении английской науки, но и в интеллектуальном обосновании (и оправдании) необходимости строительства Британской империи: Англия могла на законных основаниях использовать любые пустующие плодородные земли, потому что такова была изначальная воля Бога.

Список литературы

1. Boyle 1772a – Boyle R. Some Considerations Touching the Usefulness of Experimental Natural Philosophy. Pt. 1. Of its Usefulness in reference to the Mind of Man // Boyle R. Works. In 6 vols. London: Printed for W. Johnston, S. Crowder, T. Payne etc., 1772. Vol. 2. P. 5–201.
2. Boyle 1772b – Boyle R. Some Considerations Touching the Usefulness of Experimental Natural Philosophy. Pt. 2. Of its Usefulness to the Empire of Man over inferior Creatures // Boyle R. Works. In 6 vols. London: Printed for W. Johnston, S. Crowder, T. Payne etc., 1772. Vol. 3. P. 402–441.
3. Deacon 1997 – Deacon M. Scientists and the Sea 1650–1900: A Study of Marine Science, 2nd edn. London: Ashgate, 1997. 504 p.
4. Iliffe 1999 – Iliffe R. Foreign Bodies: Travel, Empire and the Early Royal Society of London, Part II: The Land of Experimental Knowledge // Canadian Journal of History. 1999. Vol. 34. Issue 1. P. 23–50.
5. Jacob 1977 – Jacob J.R. Robert Boyle and the English Revolution: A Study in Social and Intellectual Change. New York: Burt Franklin & Co., 1977. 240 p.
6. Poovey 1998 – Poovey M. A History of the Modern Fact: Problems of Knowledge in the Sciences of Wealth and Society. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1998. 436 p.

УДК 1(091)(470)930.85

СЭМУЭЛЬ ХАРТЛИБ, ЯН АМОС КОМЕНСКИЙ И МИЛЛЕНАРИЗМ XVII ВЕКА

Дроздова Дарья Николаевна
Кандидат философских наук
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доцент
E-mail: ddrozdova@hse.ru

Аннотация: Работа посвящена рассмотрению представлений о познании природы в круге Сэмуэля Хартлиба и их связи с протестантским милленаризмом середины XVII века. Для протестантских милленаристов раннего Нового времени научное знание не являлось самодостаточной ценностью. Оно было встроено в более широкий проект универсальной реформации мира, объединявший образовательные, хозяйственные, миссионерские и колонизационные инициативы. В этом отношении важным оказывается интеллектуальный союз Хартлиба с чешским реформатором Яном Амосом Коменским, который стремился создать целостную энциклопедию знаний природы, человека и Священного Писания, которая может быть стать достоянием всех людей через всеохватывающую систему образования. Но в круге Хартлиба особое внимание уделялось тому, что можно обозначить как «практические искусства». Ключевым было понятие *husbandry*, обозначавшееe широкий спектр практик управления ресурсами творения – от сельского хозяйства и животноводства до ремесел и добычи полезных ископаемых. Приобретение такого знания и активное его распространение рассматривалось не как автономная познавательная ценность, а как средство восстановления нарушенного порядка творения и подготовки грядущего Тысячелетнего Царствия.

Ключевые слова: Хартлиб, Коменский, научная революция 17 века, милленаризм, технический прогресс

SAMUEL HARTLIB, JAN AMOS COMENIUS, AND THE 17-TH CENTURY MILLENARIANISM

Drozdova Daria
HSE University, Associate Proffesor

Abstract: This paper examines concepts of the knowledge of nature within Samuel Hartlib's circle and their relationship to Protestant millenarianism in the mid-seventeenth century. For early modern Protestant millenarians, scientific knowledge was not an autonomous or self-sufficient value. Rather, it formed part of a broader project of universal reformation that encompassed educational, economic, missionary, and colonial initiatives. In this context, particular attention is paid to the intellectual alliance between Hartlib and the Czech reformer Jan Amos Comenius, who sought to develop a comprehensive system of knowledge embracing nature, humanity, and Holy Scripture, and to make this knowledge accessible to all through a universal program of education. At the same time, Hartlib's circle placed special emphasis on what may be described as the "practical arts." Central to this vision was the concept of husbandry, which referred to a wide range of practices concerned with the management of the resources of creation, from agriculture and animal breeding to crafts and

mining. The acquisition and dissemination of such knowledge were understood not as ends in themselves but as means of restoring the disrupted order of creation and preparing the way for the coming Millennium.

Keywords: Samuel Hartlib; Jan Amos Comenius; Scientific Revolution of the Seventeenth century; millenarianism; technological progress.

Современное состояние технологического развития, в особенности стремительная эволюция систем искусственного интеллекта, вновь актуализировало дискуссию о конечных судьбах человечества. Мы наблюдаем формирование устойчивого ощущения приближения к точке сингулярности – тому эсхатологическому горизонту, за которым традиционные способы человеческого существования могут быть безвозвратно трансформированы или поглощены новыми акторами, действующими в иной, нечеловеческой логике. Не случайно в современных дискуссиях вновь появляются образы и аргументы, отсылающие к религиозной традиции. Так, в недавней энциклике Папа Лев XIV проводит прямую параллель между современным человечеством, одержимым неконтролируемым техническим прогрессом, и строителями Вавилонской башни, предупреждая, что гордыня технологического всемогущества может привести к духовному и физическому краху (*Magnifica Humanitas*, 2026). С другой стороны, техноинвестор Питер Тиль, последовательно продвигающий идеи ускорения технологического прогресса, придает этому развитию отчетливый мессианский характер, а своих оппонентов, экологических активистов и критиков искусственного интеллекта, подозревает в служении Антихристу, правителю последних времен, который будет использовать страх людей перед сверх-разумом ИИ, чтобы заполучить контроль над наукой и технологиями [Bhuiyan et al. 2025].

В европейской культуре уже была эпоха, когда рождение новой науки сопровождалось пиком эсхатологических ожиданий. Одним из наиболее ярких примеров подобного соединения науки и эсхатологии является протестантский милленаризм XVII века. Историки науки давно отмечают, что становление новой науки происходило не в противостоянии религиозной культуре, а внутри неё. Особенно важную роль в формировании интеллектуальной атмосферы середины XVII столетия сыграли различные версии хилиазма или милленаризма – учения о приближении тысячелетнего царства Христова [Webster 1975; Harrison 2007]. Милленаризм, или хилиазм, представлял собой одну из наиболее влиятельных христианских эсхатологических традиций начиная с эпохи раннего христианства [Хандога 2014]. Его основанием служило пророчество двадцатой главы книги Откровения о тысячелетнем низложении сатаны, «*дабы не прельщал уже народы, доколе не окончится тысяча лет*» (Откр 20:2-3). Хотя многие христианские богословы вслед за Августином интерпретировали этот текст аллегорически, эпоха Реформации способствовала возрождению интереса к буквальному пониманию апокалиптических пророчеств. В протестантской среде широкое распространение получила идея о том, что человечество находится на пороге великих исторических перемен, которые завершатся установлением царства истинной веры и обновлением мира [Harrison 2007]. В XVII веке не для многих протестантских мыслителей милленаризм означал не столько пассивное ожидание грядущих событий, сколько программу активного участия в подготовке новой эпохи. Распространение знания, реформирование образования, улучшение экономики, достижение мира, обращение нехристианских народов, преодоление конфессиональных конфликтов, возвращение евреев к истинной вере – всё это

воспринималось как необходимые шаги на пути к приближающемуся Тысячелетнему Царствию, которое уже вот-вот наступит. И активное соучастие в осуществлении этих событий воспринималось как деятельность, способствующая осуществлению божественного замысла в истории. В этом смысле милленаризм выступал не только эсхатологической доктриной, но и своеобразной программой универсальной реформации общества в преддверии новых времен.

Именно в таком контексте следует рассматривать деятельность Сэмуэля Хартлиба и его окружения. Сэмуэль Хартлиб (1600-1662), который родился в Германии, учился в Оксфорде и окончательно обосновался в Англии после 1628 года, стал центральной фигурой круга интеллектуалов и ученых, выступая в роли универсального «информатора» (intelligencer), связывающего ученых, реформаторов и политиков по всей Европе [Greengrass et al. 1994; Яковлев 2015]. Вокруг Хартлиба концентрировались выдающиеся мыслители-милленаристы, такие как Джон Дьюри, Ян Амос Коменский, Джозеф Мид (автор трактата *Clavis apocalyptica*), Габриэль Платтс (предполагаемый анонимный автор утопического трактата *Макария*), которые разделяли милленаристские ожидания и рассматривали свою деятельность как вклад в подготовку новой исторической эпохи.

Интеллектуальным основанием этих проектов стало наследие Фрэнсиса Бэкона и его доктрина «Великого Восстановления». Как показал Питер Харрисон, бэконовская программа реформы знания была тесно связана с протестантским учением о грехопадении [Harrison 2007, p. 172–185]. Согласно этой логике, человек утратил вследствие греха не только нравственное совершенство, но и правильное понимание природы. Экспериментальное исследование мира должно было способствовать частичному восстановлению утраченного состояния. Однако если для Бэкона эта идея оставалась прежде всего частью христианской антропологии, то в круге Хартлиба она была переосмыслена в эсхатологическом ключе. Распространение нового знания стало рассматриваться как один из признаков приближающегося Тысячелетнего Царствия и одновременно как средство его подготовки. Ключевую роль здесь играло пророчество книги Даниила о том, что в последние времена «умножится ве́дение» (Дан 12:4).

Распространение знания должно было стать фундаментом грядущего восстановления единства между Богом, человеком и природой. Одним из важнейших интеллектуальных союзников Хартлиба в реализации этой программы стал Ян Амос Коменский (1592-1670). Хартлиб познакомился с его трудами ещё в конце 1630-х годов, активно содействовал распространению пансофических проектов в Англии и сыграл ключевую роль в приглашении Коменского в Лондон в 1641 году [Turnbull 1947]. Пансофия Коменского, которая так увлекла Хартлиба, представляла собой проект универсального знания, призванного раскрыть внутреннюю согласованность всего творения. Такое знание открывалось человеку как отражение божественного порядка, присутствующего одновременно в природе, человеческом разуме и Священном Писании. Характерно, что период пребывания в Англии трансформирует и проект самого Коменского, он начинает приобретать всё более выраженное реформаторское измерение [Cizek 2016]. Именно в 1641-42 происходит постепенный переход Коменского от идеи пансофии как всеобщей мудрости к идее панортосии – всеобщего исправления человеческих дел. Если пансофия должна была дать человечеству истинное знание о порядке творения, то панортосия предполагала практическое преобразование образования, Церкви, политики и хозяйственной жизни в соответствии с этим знанием.

Именно здесь возникает вопрос, на котором мы хотим остановиться особо: какое именно знание считалось в кругу Хартлиба наиболее важным и достойным распространения? Если обратиться к архиву Хартлиба, то окажется, что его участников интересовали не столько математика или астрономия, сколько вопросы сельского хозяйства, мелиорации, животноводства, садоводства, пчеловодства, добычи полезных ископаемых, ремесел и различных технологий хозяйственного улучшения. Для описания этой сферы использовалось понятие *husbandry*, которое можно условно перевести как «хозяйствование» [Austen 2024; Matei 2012]. Оно обозначало не просто сельское хозяйство в узком смысле слова, а весь комплекс практик разумного управления ресурсами земли и извлечения её плодов. В эту категорию включались не только агрикультура, пчеловодство, изготовление сидра, пива и вина, но и металлургия и минералогия, поскольку металлы и минералы также рассматривались как порождения земли.

Такое понимание знания оказывается значительно более широким, чем привычное представление об экспериментальном естествознании. Для Хартлиба и его окружения знание природы было прежде всего знанием о том, как правильно использовать творение. Его целью выступало не столько описание мира, сколько восстановление нарушенных отношений между человеком и природой. После грехопадения земля оказалась проклята, а труд стал тяжёлым и малоэффективным. Следовательно, совершенствование способов хозяйствования могло рассматриваться как частичное преодоление последствий падения. Не случайно в проектах круга Хартлиба столь важное место занимали вопросы повышения урожайности, освоения новых культур, осушения болот и рациональной организации труда. Тот же самый комплекс представлений лежал в основе интереса круга Хартлиба к колонизационным проектам. Если понимать *husbandry* как искусство правильного управления творением, то колонизация представляла собой расширение этого искусства на новые пространства.

Таким образом, для круга Хартлиба знание природы не являлось автономной познавательной ценностью. Изучение природы, распространение образования, совершенствование хозяйства, колонизационные проекты и миссионерская деятельность воспринимались как различные аспекты единого процесса восстановления мира после грехопадения, а научная деятельность понималась как подготовка Тысячелетнего Царствия. В этом отношении милленаризм XVII века представляет собой не пример пассивного ожидания конца времён, а одну из наиболее активистских форм христианской эсхатологии. Однако история этого проекта оказалась историей несбывшихся ожиданий. Тысячелетнее Царствие не наступило, а политическая и религиозная реальность Англии после Реставрации все меньше напоминала картину грядущего преображенного мира. Тем не менее, религиозные ожидания, не осуществившиеся как пророчество, оказались чрезвычайно плодотворными как источник новых форм знания, коммуникации и преобразования мира.

Список литературы

Хандога 2010 – Хандога Н.А. Латинский хилиазм III–IV вв. // Христианское чтение. 2010. Т. 33. №2. С. 158-177.

Яковлев 2015 – Яковлев А. А. «Бритва» Локка // История философии. 2015. Т. 20. №. 1. С. 5-24.

Austen 2024 – Austen D.C.R. Puritanism and Natural Philosophy revisited: the case of Ralph Austen (c. 1612–1676) // The Seventeenth Century. 2024. Vol. 39. № 3. P. 359-399.

Bhuiyan et al. 2025 – Bhuiyan J., Kerr D., Robins-Early N. Inside tech billionaire Peter Thiel's off-the-record lectures about the antichrist // The Guardian. 10.10.2025. URL: https://www.theguardian.com/us-news/2025/oct/10/peter-thiel-lectures-antichrist

Cizek 2016 – Cizek J. The conception of man in the works of John Amos Comenius. New York: Peter Lang, 2016. 186 p.

Greengrass et al. 1994 – Greengrass M., Leslie M., Raylor Th. (eds.) Samuel Hartlib and Universal Reformation. Studies in Intellectual Communication. Cambridge–New York, Cambridge University Press, 1994. 372 p.

Harrison 2007 – Harrison P. The Fall of Man and the Foundations of Science. Cambridge–New York, Cambridge University Press, 2007. 316 p.

Matei 2012 – Matei O. Gabriel Plattes, Hartlib Circle and the Interest for Husbandry in the Seventeenth Century England // Prolegomena. 2012. Vol. 11. №2. P. 207–224

Turnbull 1947 – Turnbull G. H. Hartlib, Dury and Comenius. Gleanings from Hartlib's Papers. Liverpool: University Press of Liverpool, 1947. 477 p.

Webster 1975 – Webster Ch. The Great Instauration: Science, Medicine and Reform, 1626-1660. London: Duckworth, 1975. 630 p.

УДК 168.521

СТАНОВЛЕНИЕ НЕЕВКЛИДОВОЙ ГЕОМЕТРИИ И ФИЗИКА

Князев Виктор Николаевич
Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Московский педагогический государственный университет;
Профессор кафедры философии, политологии и социологии
Национальный исследовательский университет «МЭИ»
E-mail: kvn951@inbox.ru

Аннотация: Обсуждается вопрос о связи геометрии и физики. Рождение геометрии Евклида выступило образцом построения научной теории в эпоху античности, но в последующем вызвало споры, связанные с попытками свести пятый постулат Евклида к теореме. Однако все же два тысячелетия этот постулат незыблемо просуществовал как вроде бы логически естественный и единственно возможный, но в XIX веке подвергся принципиально критическому переосмыслению. В 20-30 годы этого века творческий процесс рождения неевклидовой геометрии в деятельности Н.И. Лобачевского привел к становлению новой геометрической аксиоматики. Отмечается непонимание и непризнание новой теории в течение десятков лет со стороны большинства отечественных и европейских математиков. Кроме того, математик был

уверен в своей правоте с точки зрения логической непротиворечивости воображаемой геометрии и интуитивно предчувствовал ее связи с физической реальностью. Выявляется роль геометрической деятельности Я. Бойяи, К. Гаусса и Б. Римана и значимость их идей для физики XX века. Кратко характеризуется роль неевклидовой геометрии при создании и развитии общей теории относительности в XX веке.

Ключевые слова: геометрия Евклида, неевклидова (воображаемая) геометрия, кривизна пространства, общая теория относительности, Н.И. Лобачевский, Я. Бойяи, Б. Риман.

THE FORMATION OF NON-EUCLIDEAN GEOMETRY AND PHYSICS

Knyazev Victor Nikolaevich
DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy,
Moscow State Pedagogical University
Professor of the Department of Philosophy,
Political Science and Sociology
National Research University «MPEI»

Abstract: The relationship between geometry and physics is discussed. Euclid's fifth postulate, firmly established as logically natural and seemingly the only possible, has been critically reconsidered. The complex creative process of the birth of non-Euclidean geometry in the work of N.I. Lobachevsky in the 1820s and 1830s is succinctly characterized. The lack of understanding and recognition of the new theory by most Russian and European mathematicians for decades is noted. Furthermore, the mathematician was confident in his own rightness in terms of the logical consistency of his imaginary geometry and intuitively sensed its connection to physical reality. The role of the geometric work of J. Bolyai, K. Gauss, and B. Riemann and the significance of their ideas for 20th-century physics are highlighted. The role of non-Euclidean geometry in the creation and development of general relativity in the 20th century is briefly characterized.

Keywords: Euclidean geometry, non-Euclidean (imaginary) geometry, curvature of space, general theory of relativity, N.I. Lobachevsky, J. Bolyai, B. Riemann.

В древние времена представления о геометрии формировались исключительно на основе практической потребности измерения каких-либо участков. Постепенно в рамках развития абстрактного мышления древние греки (Фалес, Пифагор, Зенон Элейский, Гиппократ Хиосский, Теэтет, Евдокс Книдский и др.), частично основываясь на знаниях, накопленных ранее в Египте и Месопотамии, анализировали и соотносили отвлеченные понятия точки, линии, прямого отрезка, треугольников, многоугольников и стереометрических фигур. Евклид в начале III века до н.э. систематизировал накопленные знания и в итоге сформулировал постулаты и аксиомы геометрии. В последующие века наиболее дискуссионным явился V постулат, который на протяжении двух тысяч лет многие математики пытались свести к теореме, но не достигали в этом результата. Лишь двести лет тому назад молодому математику Казанского университета удалось ниспровергнуть этот постулат. Здесь следует заметить, что с точки зрения А.Н. Колмогорова [Колмогоров 2022, с. 113] и А.Д. Александрова [Александров 1987, с. 258] пятый постулат Евклида равносилен его же 11 аксиоме о параллельности.

Размышляя не менее 10 лет над сутью V постулата, Н.И. Лобачевский пришел к логически непротиворечивому результату принципиально отличному от идей Евклида. Предвидя заранее сложность восприятия со стороны коллег из Казанского университета, он за несколько дней до своего публичного выступления обратился к ним с просьбой об их отношении к его новой концепции. Коллеги прослушали его доклад, но Лобачевский не получил ни одного вопроса и возражений, ибо они не только не поняли главный смысл, но некоторые даже подумали, что молодой профессор тронулся умом.

Следует подчеркнуть, что знаменитые математики XVIII – первой половины XIX веков множество раз обращались своими размышлениями к исследованию сути V постулата Евклида. В фокусе внимания выдающегося немецкого математика Карла Гаусса и венгра Фаркаша Бойяи еще в 90-е годы XVIII века эта проблема чрезвычайно волновала. Независимо друг от друга, с бо́льшим успехом у Гаусса, они стремились превратить постулат в теорему. Гаусс в немалой степени продвинулся, но не получив окончательного результата, решил не публиковать свои исследования и лишь в письмах друзьям признавался в своих исследованиях. Занимаясь изучением оснований геометрии, молодой 23-летний математик из Казани Николай Лобачевский, начиная с 1815 года заинтересовался сущностью постулата Евклида. Интеллектуально исследуя эту проблему в течении нескольких лет, он принципиально продвинул ее решение, создав новую геометрию, названную им вскоре – *воображаемая* геометрия. Именно в феврале 1926 года он разработал новые начала геометрии на основе доказательства теоремы о параллельных линиях. Эту новую геометрию в течение нескольких десятилетий не понимали и не принимали большинство математиков, включая академика М.В. Остроградского. Следует подчеркнуть, что математики в полной мере признали результаты научно-революционных идей Лобачевского только после его смерти. Этому способствовали отзывы о его достижениях со стороны Гаусса, высказанные после 1840 года, и открытие несколько другого варианта неевклидовой геометрии Яношем Бойяи, сыном Фаркаша (1832-1833 годы).

Сам Лобачевский был уверен в правоте своих идей все 30 лет до своей кончины 12 февраля 1856 года. Более того, он верил, что созданная им геометрия совершенно не чужда свойствам космического мира в масштабах межзвездных расстояний. Он выдвигал идеи необходимости измерения углов звездных треугольников. Ему принадлежат первые идеи взаимосвязи геометрии и физики. Подводя итог в своей работе «О началах геометрии», он пишет о необходимости «исследовать, какого рода перемена произойдет от введения воображаемой Геометрии в Механику, и не встретится ли здесь принятых уже и несомнительных понятий о природе или совсем не допускать зависимости линий и углов» [Лобачевский 1979, с. 16]. В свою очередь Колмогоров А.Н. отмечает: «Основное значение работ Лобачевского состоит в том, что из них выросли все современные взгляды на геометрию как чисто-математическую науку и отношения, в которых находятся изучаемые ею евклидовы и неевклидовы, трехмерные, многомерные и бесконечномерные «пространства» – к реальному миру и единственному реальному пространству» [Колмогоров 2022, с.123].

Судьба распорядилась так, что именно в год публичного выступления Лобачевского родился Б. Риман, который в своей короткой жизни еще дальше продвинул вопрос о связи геометрии и физики. «Путем чисто математических рассуждений он пришел к мысли о неотделимости геометрии от физики; эта мысль нашла свое фактическое осуществление семьдесят лет спустя в общей теории относительности, которая соединила в одно целое геометрию и теорию тяготения» [Эйнштейн 1966, с. 181-182].

Теперь мы хорошо знаем, что создание Эйнштейном общей теории относительности базировалось на двух важнейших математических основаниях – римановой (неевклидовой) геометрии и тензорном исчислении. Последнее Эйнштейн разрабатывал вместе с М. Гроссманом, опираясь на исследования Б. Кристоффеля, Г. Риччи и Т. Леви-Чивита, во втором десятилетии XX века, сформировав математическую сущность ОТО. Сложность понимания ОТО вплоть до сегодняшнего дня связана с определенной двойственностью ее сути: математический аппарат ОТО геометризирует гравитацию посредством метрического тензора $g_{ik,}$ часто интерпретируемого как тождество кривизны пространства (риманова геометрия) и потенциалов гравитационного поля (физическая гравитация) [Эйнштейн 1965, с. 462]. Следует признать, что подлинная природа гравитации и ныне окончательно не раскрыта и физики считают кривизну четырехмерного пространственно-временного континуума в качестве геометрической структуры гравитационного поля. Тем самым понятие кривизны пространства в немалой степени условно и является математической моделью гравитации [Чудинов 1974, с. 104–105].

Подводя итог, необходимо сказать, что Эйнштейн со своими единомышленниками более 30 лет стремился создать единую теорию поля на основе именно геометризации всей физики. Но в результате последователи так и не смогли достигнуть искомого ими идеала в XX веке. В известном смысле, в конце XX века на смену пришла так называемая теория суперструн, построенная несколько на других принципах математизации. И все же развитие ОТО как фундаментальной физической теории, безусловно, признается большинством современных физиков, а ее геометрический аспект, выраженный неевклидовой геометрией (включая геометрию Лобачевского), существенно дополняет физику гравитации.

Список литературы

1. Александров 1987 – Александров А.Д. Основания геометрии. М.: Наука, 1987. 288 с.
2. Колмогоров 2022 – Колмогоров А. Н. Лобачевский и математическое мышление девятнадцатого века / Колмогоров А.Н. Математика в ее историческом развитии: Развивающаяся наука. Математическое мышление. Научные биографии. М.: ЛЕНАД. 2022. С. 112-124.
3. Лобачевский 1979 – Лобачевский Н.И. О началах геометрии // Альберт Эйнштейн и теория гравитации. Сборник статей. М.: Мир, 1979. С. 11-16.
4. Чудинов 1974 – Чудинов Э.М. Теория относительности и философия. М.: Политиздат, 1974. 304 с.
5. Эйнштейн 1965 – Эйнштейн А. Основы общей теории относительности // А. Эйнштейн. Собрание научных трудов. Т.1. М.: Наука, 1965. С. 452-504.
6. Эйнштейн 1966 – Эйнштейн А. Неевклидова геометрия и физика // А. Эйнштейн. Собрание научных трудов. Т.2. М.: Наука, 1966. С. 178-182.

УДК 1(091):535-2

АЛЬХАЗЕН КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПРЕДШЕСТВЕННИК МЕХАНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVII ВЕКА

Кнэхт Наталья Петровна

Кандидат философских наук

Национальный исследовательский университет МИЭТ, доцент

E-mail: nataknekht@gmail.com

Аннотация: Автор пытается ответить на вопрос: можно ли рассматривать арабского ученого Альхазена как забытого участника и интеллектуального предшественника последующей механистической революции XVII века? Показывается, что «революция» Альхазена не была изолированным событием в истории оптики. Вклад ученого в физико-математический анализ отражения, экспериментальный метод и концепция пространства стали своеобразным концептуальным мостом, соединяющим античную науку с механистической революцией XVII века. Автор предполагает, что, статус Альхазена как незаслуженно «забытого участника» - это скорее следствие историографических упущений и культурных барьеров, нежели отсутствия реального влияния.

Ключевые слова: Альхазен, механистическая революция XVII века, принципы световой механики, экспериментальная оптика

ALHAZEN AS THE INTELLECTUAL FORERUNNER OF THE MECHANISTIC REVOLUTION OF THE 17TH CENTURY

Knekht Natalia Petrovna

National Research University MIET, Associate Professor

Abstract: The author tries to answer the question: can the Arab scientist Alhazen be considered as a forgotten participant and intellectual predecessor of the subsequent mechanistic revolution of the 17th century? It is shown that Alhazen's "revolution" was not an isolated event in the history of optics. The scientist's contribution to the physico-mathematical analysis of reflection, the experimental method and the concept of space became a kind of conceptual bridge connecting ancient science with the mechanistic revolution of the 17th century. The author suggests that Alhazen's status as an undeservedly "forgotten participant" is more a consequence of historiographical omissions and cultural barriers than a lack of real influence.

Keywords: Alhazen, the mechanistic revolution of the 17th century, principles of light mechanics, experimental optics

Западные ученые-востоковеды нередко изображали арабскую культуру как культуру кочевников пустыни, недооценивая роль мореходного дела у арабов. Однако арабские мореходы владычествовали на просторах Индийского океана, а европейские мореплаватели XV века во многом были учениками арабских капитанов и могли знакомиться не только с неожиданными фактами жизни арабского народа, но и заимствовать научные идеи [Шумовский 1986, с. 4]. Одним из интересных ученых арабского востока был малоизвестный Абу Али аль-Хасан ибн аль-Хайсам, (ок. 965–1040) – латинизированное имя Альхазен. Он

произвел подлинную революцию в науке, и его можно считать если не «забытым участником», то, одним из важнейших интеллектуальных предшественников механистической революции XVII века. Его вклад выходил за рамки оптики и включал основополагающие принципы, которые, спустя столетия, легли в основу механики Ньютона.

Самое известное произведение Альхазена – «Книга об оптике» – представляет первый настоящий научный труд, сочетающий эксперимент с математическим обоснованием [Kheirandish 2009]. Как отмечают исследователи, Альхазен впервые отделил условия распространения света от условий восприятия, сделав свет физическим объектом, а оптику – не просто «геометрией восприятия», а точной наукой [Boudrioua, Chergui, Rashed 2020]. Ключевым нововведением стала связь между математикой и природными явлениями: «Наш предмет темен, и путь к познанию его природы труден; более того, наше исследование требует сочетания естественных и математических наук» [Boudrioua, Chergui, Rashed 2020, p. 14-16].

Альхазен разработал концепцию эксперимента, которая принципиально отличалась от аристотелевской и принятой в эмпирической медицине того времени. Как показала Элахен Хейрандиш в работе «Следы „эксперимента“ в ранней арабской оптике», Альхазен впервые «сознательно и систематически оперировал понятием эксперимента как самостоятельного метода доказательства» [Kheirandish 2009, p. 79]. Недооцененным также оказался динамический анализ отражения как механического отскока. Об этом вкладе Альхазена в создание физико-математической теории отражения-отскока пишет британский историк Роджер Смит [Smith 2007]. Альхазен использовал «правило параллелограмма» из «Механики» Герона и дал не только геометрическую формулировку физическим интуициям Птолемея [Smith 2019], но и сформулировал механические принципы удара и отскока, которые на столетия опередили его время [Smith 2007]: Как отмечает Р. Смит, эти принципы представляют собой «высочайшую вершину в концептуализации феноменов столкновения, не превзойденную вплоть до XVII века» [Smith 2007, p. 1-18]. Альхазен проводил аналогию между отражением света и механическим отскоком, используя примеры падения тяжелых тел и полета стрелы [Smith 2019].

Ключевой момент, связывающий Альхазена с механистической революцией, заключается в том, что его «световая механика» стала концептуальным ресурсом для создания неаристотелевской физики. После публикации латинского перевода «Оптики» в 1572 году [Smith 2007] принципы Альхазена были активно восприняты европейскими учеными. Томас Гарриот в своем учении «отражение округлых тел» (1619) напрямую опирался на принципы Альхазена и Кеплера, создав первую теорию соударений на основе оптико-механических принципов [Smith 2007]. Гарриот показал, что тела в соударении не всегда подчиняются закону отражения равных углов, но при этом сохраняют параллельную компоненту движения — принцип, восходящий к Альхазену [Smith 2019]. Декарт в «Диоптрике» (1637) также использовал правило параллелограмма для анализа отражения, хотя его гидростатическая теория света привела к путанице между направлением и движением как таковым [Smith 2019].

Однако наиболее полное развитие принципы Альхазена получили у Ньютона. Как показано Р. Смитом, Ньютон в 1666 году разработал свой трактат «О законах отражения» (позже переименованный в «Законы движения»), где «законы отражения света» были напрямую обобщены в законы механического движения [Smith 2019]. В «Началах» Ньютона эти законы имеют своими прототипами принципы световой механики, восходящие к «Оптике» Альхазена.

Еще один фундаментальный вклад Альхазена в механистическую революцию — его трактат «О месте», где он подверг критике аристотелевское понятие topos и заложил основы

современного понятия пространства [Elkholy 2019]. Аристотель определял место (topos) как внутреннюю поверхность объемлющего тела. Альхазен предложил понимать «места» как «воображаемые измерения» пустоты, которые может занимать тело. Это трехмерное, математическое, однородное и неизменное пространство, свободное от материи. Концепция Альхазена «переход от места к пространству» предвосхитила ньютоновское абсолютное пространство – «воображаемые измерения» стали основой математического описания физической реальности, независимого от конкретного содержащего тела [Elkholy 2019, p. 759-778].

Хотя сам Альхазен не был атомистом, его модель светового луча стала концептуальной основой для последующей корпускуляризации света [Smith 2007]. Альхазен ввел «векторное описание распространения света», что стало важнейшим шагом на пути к механистическому пониманию света [Boudrioua, Chergui, Rashed 2020].

Таким образом, можно выделить несколько линий влияния Альхазена на механистическую революцию Нового времени.

Во-первых, в области методологии Альхазен впервые соединил математику с физическим экспериментом, что стало отличительной чертой «новой науки» Галилея и Ньютона [Boudrioua, Chergui, Rashed 2020; Bica 2019].

Во-вторых, его анализ отражения как отскока с сохранением параллельной компоненты и обращением перпендикулярной стал прототипом ньютоновских законов движения [Smith 2007; Smith 2019].

В-третьих, Альхазен первым применил правило параллелограмма для анализа физического движения (отражения/отскока), что стало основой механики Ньютона [Smith 2019].

В-четвертых, его концепция «воображаемых измерений» заложила основы ньютоновского абсолютного пространства [Elkholy 2019].

В-пятых, его систематическое использование сознательно спланированных экспериментов для проверки гипотез стало стандартом научного метода [Kheirandish 2009, Boudrioua, Chergui, Rashed 2020].

Большинство ученых Ренессанса и раннего Нового времени (Кеплер, Барроу, Ферма, Гюйгенс) признавали использование «Оптики» Альхазена, как пишет в своем исследовании Л. Беттани [Bettany 1995, p. 247-258]. Как замечает М. Девидсон, Альхазен «вероятно, был самым ранним мыслителем, предположившим, что тело движется непрерывно, пока внешняя сила не остановит его или не изменит направление его движения – что позже стало важным аспектом первого закона движения Ньютона» [Davidson 2009, p. 44-45].

Список литературы

Шумовский 1986 – Шумовский Т.А. По следам Синдбада Морехода: Океанская Аравия. М.: Мысль, 1986. 141 с.

Bettany 1995 – Bettany L. Ibn al-Haytham: an answer to multicultural science teaching? // Physics Education. 1995. Vol. 30. № 4. P. 247–252.

Boudrioua, Chergui, Rashed 2020 – Boudrioua A., Chergui M., Rashed R. Arabic Science of Light: The birth of modern optics and of the experimental method // Europhysics News. 2020. Vol. 51. № 3. P. 14–16.

Davidson 2009 – Davidson M. W. Pioneers in Optics: Alhazen and Roger Bacon // Microscopy Today. 2009. Vol. 17. № 3. P. 44–45.

Elkholy 2019 – Elkholy Y. T. Ibn al-Haytham, from Place to Space: A Comparative Approach // Philosophy East and West. 2019. Vol. 69. № 3. P. 759–778.
Kheirandish 2009 – Kheirandish E. Footprints of "Experiment" in Early Arabic Optics // Early Science and Medicine. 2009. Vol. 14. № 1-3. P. 79.
Smith 2007 – Smith R. Optical reflection and mechanical rebound: the shift from analogy to axiomatization in the seventeenth century. Part 1 // The British Journal for the History of Science. 2007. Vol. 41. № 1. P. 1–18.
Smith 2019 – Smith R. Light Path: On the Realist Mathematisation of Motion in the Seventeenth Century // Journal of Early Modern Studies. 2019. Vol. 8. № 2. P. 43–79.

УДК 168.5:165.0

ПОНЯТИЕ АГЕНТНОСТИ В ТЕОРИИ СИСТЕМ: ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Князева Елена Николаевна
Доктор философских наук
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», профессор
E-mail: helena_knyazeva@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается становление и развитие понятия агентности (agency) в контексте теории сложных систем, с акцентом на его междисциплинарную эволюцию и теоретическую многозначность. Исходно предпосылки агентности формируются в рамках кибернетики, где через категории обратной связи и целенаправленного поведения закладывается понимание системы как адаптивной и способной к саморегуляции. В дальнейшем, с развитием идей теории самоорганизация сложных систем и нелинейной динамики, агентность начинает интерпретироваться как свойство элементов сложной системы, чьи локальные взаимодействия порождают глобальные эффекты и эмерджентные структуры. В качестве этапов эволюции понятия агентности рассматриваются кибернетика второго порядка Х. фон Фёрстера, эпистемология сложности Э. Морена, понятие сложностности В.И. Аршинова и агентный реализм К. Барад. Особое внимание уделяется становлению агентного моделирования как методологической платформы, в рамках которой агентность получает операционализацию через параметры автономности, адаптивности, способности к обучению и стратегическому взаимодействию. Именно в этих моделях развивается современное представление о распределенной агентности как эмерджентном, реляционном и процессуальном свойстве сложных систем, при котором действие возникает в сети взаимодействий разнородных элементов и не может быть приписано ни одному из них как автономному источнику; границы и роли действующих элементов формируются в ходе этих взаимодействий и зависят от контекста, наблюдения и динамики системы.

Ключевые слова: агентность, распределенная агентность, самоорганизация, сложные системы, эпистемология сложности, эмерджентность.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-00253, https://rscf.ru/project/ 26-18-00253/.

THE CONCEPT OF AGENCY IN THE SYSTEMS THEORY: GENESIS AND MODERN INTERPRETATIONS

Knyazeva Helena Nikolaevna
HSE University, Professor

Abstract: This article examines the emergence and development of the concept of agency in the context of complex systems theory, emphasizing its interdisciplinary evolution and theoretical ambiguity. Initially, the prerequisites for agency were formed within the framework of cybernetics, where the concepts of feedback and goal-directed behavior were used to conceptualize systems as adaptive and capable of self-regulation. Subsequently, with the development of ideas from the theory of self-organization of complex systems and nonlinear dynamics, agency began to be interpreted as a property of elements of a complex system whose local interactions generate global effects and emergent structures. The evolutionary stages of the concept of agency are examined in Heinz von Foerster's second-order cybernetics, Edgar Morin's complexity epistemology, Vladimir I. Arshinov's concept of complexity, and Karen Barad's agent-based realism. Particular attention is given to the development of agent-based modeling as a methodological platform within which agency is operationalized through the parameters of autonomy, adaptability, learning capacity, and strategic interaction. It is in these models that the modern concept of distributed agency is developed as an emergent, relational, and processual property of complex systems, in which action arises in a network of interactions between heterogeneous elements and cannot be attributed to any one of them as an autonomous source; the boundaries and roles of the acting elements are formed during these interactions and depend on the context, observation, and dynamics of the system.

Keywords: agency, distributed agency, self-organization, complex systems, epistemology of complexity, emergence.

В кибернетике первого порядка (Н. Винер) агентность мыслится в терминах управления, цели и отрицательной обратной связи: система действует как единый агент, реагирующий на входы и корректирующий своё поведение. Здесь агентность фактически локализована: она приписывается системе как целому или её управляющему центру. Даже когда речь идёт о сложных системах, элементы выступают скорее как функциональные компоненты, чем как самостоятельные носители действия.

Переход к теории самоорганизации сложных систем (И. Пригожин, Г. Хакен, У. Матурана и Ф. Варела) подрывает эту централизацию. Поведение системы начинает пониматься как результат множества локальных взаимодействий. Пригожин разработал теорию диссипативных структур, включающую идею необратимости, и показал, что порядок может возникать из хаоса. Это создало основу для понимания поведенческой активности элементов системы как источника макродинамики. Хакен, основатель синергетики, разработал модель кооперативного поведения элементов, где макроструктуры, описываемые параметрами порядка, подчиняют микродинамику (принцип подчинения). Действие уже не

сосредоточено в центре, но ещё не полностью автономно на микроуровне. В концепции автопоэзиса Матураны и Варелы агентность понимается как самопроизводство системы.

Кибернетика второго порядка Х. фон Ферстера. Радикальный сдвиг происходит в кибернетике второго порядка (Х. фон Фёрстер), где в сферу анализа вводится наблюдатель как неотъемлемая часть системы. «Кибернетика первого порядка разделяет субъект и объект, она указывает на предполагаемый независимый мир “там, вне нас”. Кибернетика второго порядка сама является циклической: человек научается понимать себя частью мира, того мира, который он намеревается наблюдать. Вся ситуация описания сдвигается в другую область, в которой человек внезапно вынужден принять на себя ответственность за свои собственные наблюдения» [Foester, Pörksen 1998, S. 114-115]. Агентность приобретает рефлексивный характер: она больше не может быть приписана изолированному элементу или внешнему управляющему, а возникает в процессе взаимодействия между наблюдателями, системами и средой. Агент — это не просто действующий элемент, а участник конституирования реальности. Фон Фёрстер радикально смещает акцент: агентность больше не может мыслиться вне наблюдателя, поскольку сам акт описания становится частью системы.

Это представление напрямую трансформируют понятие агентности: она становится не свойством элемента системы, а эффектом рекурсивных процессов наблюдения, описания и взаимодействия. Агентность здесь уже распределена не только между агентами, но и между уровнями описания. Агентность становится распределенной: a) она реляционна (возникает в отношениях, а не принадлежит сущности), b) контекстуальна (зависит от наблюдательной позиции), c) процессуальна (не задана заранее, а формируется в динамике системы).

Современные модели многоагентных систем, в том числе акторно-сетевые подходы, усиливает эту линию. Агентность распределяется не только между множеством однородных элементов, но и между разнородными элементами – людьми, алгоритмами, инфраструктурами. В результате агентность перестаёт быть свойством субъекта и начинает рассматриваться как эффект координации и сопряжения. Логика развития понятия агентности и появление понятия распределенной агентности такова: 1) централизованная агентность (кибернетика первого порядка), 2) децентрированная, но иерархически организованная агентность (синергетика и ранняя теория сложных систем), 3) рефлексивно-распределённая (кибернетика второго порядка), 4) полностью распределённая и гибридная (современные сложные социотехнические системы). Такое расширение позволяет уйти от представления об агенте как об автономной единице и перейти к пониманию агентности как возникающего свойства сложной, наблюдаемой и самоописывающейся системы.

Эпистемология сложности Э. Морена. Он сформулировал ряд принципов сложного мышления (pensée complexe), которые составляют основу закладываемой им эпистемологии сложного, или сложной эпистемологии (épistémologie complexe). Одним из центральных в его эпистемологии является понятие «экологии действия». Неопределенность имманентно вписана в само представление о сложности мира. Неопределенность означает незавершенность всякого процесса познавательной и практической деятельности, непредзаданность, открытость и нелинейность исхода этой деятельности. Всякое предпринимаемое нами действие определяется условиями окружающей природной и/или социальной среды и может оказаться, что оно отклонится от того направления, которое было ему первоначально задано. «Мы не можем быть уверены в том, что результат действия будет соответствовать нашим намерениям, напротив, мы в праве серьезно сомневаться в этом» [Morin 2002, p. 23]. Мы вынуждены поэтому отойти от привычной линейной схемы предпринятое действие → полученный результат, и признать нелинейность всякого действия,

точнее, нелинейность связи этого действия и его результата (последствий). «Как только индивид предпринимает действие, каким бы оно ни было, оно начинает ускользать от его намерений, – поясняет Морен. – Это действие вливается во вселенную взаимодействий, и, в конечном счете, поглощается окружением, так что в результате может получиться даже нечто противоположные по отношению к первоначальному намерению. Часто действие возвращается бумерангом к нам самим» [Morin 1999, p. 47].

Понятие «экологии действия» у Морена вводит принципиально важное уточнение: любое действие, будучи запущенным в сложной среде, выходит из-под полного контроля субъекта и начинает жить собственной жизнью. Его последствия действия нелинейны, зависят от контекста, могут возвращаться к инициатору в трансформированном виде. В этом смысле агентность нельзя локализовать ни в индивидуальном акторе, ни даже в совокупности агентов. Она «рассеивается» в сети взаимодействий, где действие модифицируется средой, переопределяется другими участниками, приобретает новые траектории. Таким образом, распределённая агентность у Морена — это не просто распределение функций между элементами, а онтологическая неустойчивость действия, которое всегда вовлечено в открытую, эволюционирующую систему.

Агентность в концепции сложностности В.И. Аршинова. Эта линия усиливается в работах Аршинова, который неоднократно ссылался на работы Э. Морена и в значительной мере именно под влиянием Морена развил понятие сложностности, трактуемое им в рамках постнеклассической рациональности (В.С. Степин). Сложностность манифестирует особый тип онтологии и эпистемологии, в которой система принципиально открыта и незавершима, наблюдатель включён в процесс описания, причем границы между субъектом и объектом, наблюдателем и наблюдаемым подвижны [Аршинов 2018].

Связь между «сложностностью» и агентностью — одна из ключевых, хотя Аршинов не всегда формулирует её в терминах классической теории действия. Смысл в том, что сама возможность быть агентом возникает внутри сложностного мира, а не задаётся заранее. Агентность не дана — она возникает в сложностности. Тогда как в классическом подходе агент — это автономный субъект, источник действий. У Аршинова всё иначе: в мире сложностности агентность — это эффект процессов самоорганизации. То есть агент не предшествует системе, он возникает из сети взаимодействий. Например, сознание человека — не «центр управления», а результат сложных нейронных и телесных процессов, и оно манифестирует себя, когда человек действует.

Агентность является распределённой. Сложностность разрушает идею «одного центра действия». Агентность становится распределённой (между элементами системы), ситуационной (зависит от контекста), реляционной (возникает во взаимодействии). Здесь он концептуально близок к идеям Б. Латура о том, что действуют не только люди, но и вещи, среды, технологии. Наблюдатель является агентом второго порядка. Фигура наблюдателя сложностности такова, что такого рода наблюдатель не вне системы, а включён в неё, и своим наблюдением изменяет происходящее. Следовательно, агентность – это не просто действие, а участие в конструировании реальности.

Агентность – это процесс, а не свойство. В мире сложностности нет фиксированных сущностей, но есть только становление. Поэтому агентность не «есть» у кого-то, а происходит, случается быть. Можно сказать, что агентность — это событие, возникающее в узлах сложной сети. Кроме того, наблюдается нелинейность действий. Из-за нелинейности последствия действий непредсказуемы, и малые акты могут менять систему. А значит, агентность всегда рискованна, связана с неопределённостью, не полностью контролируема.

Таким образом, сложностность порождает агентность как распределённый, возникающий и включённый в наблюдение процесс действия. Тогда как в мире простоты есть субъект, и он действует. В мире сложностности есть сложная сеть, в ней возникает действие, как результат этого действия формируется агент.

В таком контексте распределённая агентность приобретает дополнительные характеристики: она событийна (возникает в актах становления, а не в устойчивых структурах), коэволюционна (агенты и среда взаимно порождают друг друга), рефлексивно-разомкнута (не может быть полностью схвачена ни одной описательной позицией). Если сопоставить эти представления с кибернетика второго порядка, становится видно, что у Морена акцент падает на непредсказуемости траекторий действия, а у Аршинова – на эпистемологической включённости наблюдателя, вместе они радикализируют идею, что агентность — это не свойство, а процесс распределённого становления.

В результате распределённая агентность в расширенном понимании включает не только множественность агентов (как в многоагентные системы), но и множественность последствий, интерпретаций и контекстов, а также принципиальную невозможность полного контроля над действием. Тогда как в ранней теории сложных систем агентность распределяется между элементами, то с учётом Морена и Аршинова она распределяется во времени, в среде и в самом процессе интерпретации, превращаясь в открытое поле коэволюции действий, эффектов и наблюдений.

Агентный реализм К. Барад. Ещё более радикальную позицию занимает Карен Барат, развивая свою концепцию агентного реализма. Она отвергает представление об агентности как атрибуте отдельных сущностей и предлагает рассматривать её как результат «интра-акций» (intra-actions), то есть первичных отношений, предшествующих самим объектам. В её формулировке «агентность не является атрибутом субъектов или объектов, а есть динамика внутри взаимосвязей» [Barad 2007, p. 141]. Это означает, что границы между агентами не заданы заранее, а возникают в процессе взаимодействия. В отличие от классических многоагентных систем, где агенты предполагаются как уже существующие единицы, у Барад сами агенты являются эффектами отношений. Более того, она подчёркивает материально-дискурсивный характер агентности: «Практики знания являются материальными вмешательствами в мир» [Barad 2007, p. 185]. Таким образом, агентность включает не только действия, но и способы описания, измерения и интерпретации, что напрямую перекликается с установками кибернетики второго порядка.

Сопоставление этих подходов позволяет выделить несколько ключевых сдвигов в понимании агентности, которая предстает как более сложная и распределенная. У фон Фёрстера агентность «включается» в наблюдение. У Морена действие теряет линейность и становится зависимым от трансформаций среды и своих последствий. У Аршинова агентность становится эффектом сложностности и включённости наблюдателя. У Барад агентность предшествует субъектам и объектам, формируя их в процессе интра-акций. В совокупности это ведёт к переосмыслению агентности как не локализуемой, не полностью контролируемой, онтологически распределённой и процессуальной. Агентность — это не то, что «есть у системы», а то, как система (и различия внутри неё) становится возможной.

Итак, в современной теории сложных систем агентность смещается от модели действующего субъекта к пониманию её как поля становления, в котором переплетаются действия, материальные процессы, наблюдение и интерпретация. Такое расширение делает возможным анализ социотехнических и когнитивных систем, где действие всегда уже является результатом множественных, пересекающихся динамик.

Список литературы

1. Аршинов 2018 – Аршинов В.И. На пути к сетецентричному пониманию сложности // В.И. Аршинов. Сложность. Разум. Постнеклассика. 2018. №3. С. 34-55.
2. Barad 2007 – Meeting the universe halfway: quantum physics and the entanglement of matter and meaning. Durham: Duke University Press, 2007. 524 p.
3. Foerster, Pörksen 1998 – Foerster von H., Pörksen B. Wahrheit ist die Erfindung eines Lügners: Gespräche für Skeptiker. 2. Auf. Heidelberg: Carl-Auer-Systeme Verlag, 1998. 167 S.
4. Morin 1999 – Morin E. Les Sept Savoirs nécessaires à l'éducation du futur. Paris: UNESCO, 1999. 129 p.
5. Morin 2002 – Morin E. Le complexus, ce qui est tissé ensemble // Réda Benkirane. La Complexité, vertiges et promesses. Paris: Le Pommier, 2002. P. 17-31.

УДК 165:069

ИНФОРМАЦИЯ И АГЕНТНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВАХ ЗНАНИЯ: СЛУЧАЙ МУЗЕЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

Лаврищев Даниил Евгеньевич

Магистр философии
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», аспирант
E-mail: delavrischev@hse.ru

Аннотация: В докладе рассматривается проблема репрезентации естественнонаучного знания в пространствах его демонстрации, в первую очередь – в музеях соответствующего типа. Более предметно, проблематизируется, как функционируют и соотносятся между собой различные типы информации о природе в пространствах знания. Так, представляется, что в музее науки информация «расположена» на трех уровнях: информация о «законе природы», в некотором смысле «законсервированная» сама в себе; та же информация в виде исторического контекста открытия и формулировки этого закона; и, наконец, эта информация в форме репрезентации, трансформирующая оба предыдущих типа в форму, предполагающую не только понимание информации посетителем, но и агентность последнего в работе с этой информацией. По мнению автора, механизмы указанной трансформации информации в музее позволяют выявить элементы более общих закономерностей по преобразованию информации, а также способов привнесения в нее агентности. Дальнейшее исследование онтологии информации в пространствах знания служит не только философской рефлексии над метафизикой знания, но также способствует лучшему пониманию способов проектирования эпистемически эффективных пространств знания.

Ключевые слова: информация, пространство знания, музей науки, агентность, репрезентация знания, онтология информации.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-00253, https://rscf.ru/project/26-18-00253/.

INFORMATION AND AGENCY IN SPACES OF KNOWLEDGE: THE CASE OF THE NATURAL SCIENCE MUSEUM

Lavrishchev Daniil Evgenevich

National Research University "Higher School of Economics", PhD student.

Abstract: The paper examines the problem of representing natural science knowledge within exhibition spaces, primarily in museums of natural science. More specifically, the paper problematizes how various types of information about nature function and interrelate within knowledge spaces. The author claims that in a science museum, information resides on three levels: first, information about a "law of nature" that remains, in a certain sense, self-contained; second, the same information presented through the historical context of this law's discovery and formulation; and finally, this information in the form of a representation that transforms both previous types into a format presupposing not only the visitor's comprehension but also their agency in engaging with this information. The author argues that the mechanisms driving this information transformation within the museum reveal elements of broader patterns in information conversion, alongside methods for embedding agency into it. Further research into the ontology of information within knowledge spaces not only influence philosophical reflection on the metaphysics of knowledge but also contributes to a better understanding of how to design epistemically effective knowledge spaces.

Keywords: information, knowledge space, science museum, agency, knowledge representation, ontology of information.

Информация как онтологическое понятие становится предметом философского осмысления сравнительно недавно, начиная со второй половины XX века (см., напр. [Sayer 1976; Chalmers 1996; Floridi 2008]). Вместе с тем то, что называется «информационным реализмом» или «информационным монизмом» на сегодняшний день выступает как релевантная онтологическая альтернатива другим формам научного и, шире, философского реализма. Принимая основные положения этой модели онтологии, мы допускаем, что информация является основным онтологическим «субстратом» других форм сущего. Одна из задач в связи с таким подходом состоит в необходимости показать, как такая онтология позволяет решать вопросы философии науки.

Тогда как допущение об информации как «нейтральном основании» реальности является правдоподобным – почти всегда вне зависимости от определения информации, – существенная сложность возникает при попытке объяснить связь остальных регистров сущего – объектного мира, ментальных состояний и т.д. – с информацией понятным и непротиворечивым образом. Информация в общем смысле понимается абстрактно – это нечто, что обладает способностью сообщать что-то [Floridi 2010]. Естественным образом, кажется, что, например, объектный мир сообщает о себе путем восприятия, ментальные состояния

путем непосредственного доступа, а знание – через коммуникацию. Вместе с тем, такой взгляд находится в опасной близости с солипсизмом, поскольку замыкает взаимодействие с информацией на когнитивном агенте, который оказывается воспринимающим, мыслящим, коммуницирующим. Несмотря на эту близость, такой подход кажется интуитивно понятным и часто используется при конструировании пространств, предназначенных для представления информации и эксплуатирующих эту замкнутость на агенте.

Одним из примеров такого пространства является музей науки. Он демонстративен в качестве примера по нескольким причинам. Во-первых, в нем осмысляется именно научное знание, наиболее прямо соотносимое с тем, что обычно называется «реальностью», поскольку наука является привилегированным источником знания в современном обществе. Во-вторых, музей по своей форме является конструируемым пространством – в отличие от «естественных пространств» и «полевых условий», музей создается как место трансформации одних форм знания в другие. Иначе говоря, в музее наглядным образом происходит трансформация одного вида информации в другие с помощью критически осмысляемых механизмов, направленных на повышение эффективности этой трансформации. Наконец, в-третьих, музей науки является агентно-центричным, направленным на включение агента в информационное пространство, причем не только как «приемник» или «декодер» информации, но и как активно (вос)производящий информацию или ее компоненты.

Далее представлены некоторые рассуждения, проблематизирующие «научную» информацию в связи с музейным пространством. В виду невозможности (по соображениям объема текста) рассмотрения конкретного случая (музея или экспоната), я буду опираться на общую характеристику музея науки, которая состоит в следующем. Музей науки (в отличие от музея *истории* науки) является пространством, где посетитель получает знание об устройстве «природы» и ее законах, иначе говоря, об устройстве реальности. Однако (как и музей *истории* науки) музей науки также дает представление о том, каков контекст открытия того знания, о котором идет речь: какие использовались методы, каковы математические формулы, описывающие это знание, какие агенты его открыли, и т.д. Наконец, получение информации посетителем предполагает не только специфическую репрезентацию [Law, Hetherington 1999; Руденко 2017], но и механизмы возникновения агентности там, где ее изначально не было.

Заметим, что все указанные виды знания и представления относятся фактически к одному объекту – информации о каком-либо аспекте реальности. Таким образом, музей науки сложным образом представляет информацию в различных формах, что обуславливает уникальность этого пространства среди прочих «мест знания». В хорошем научном музее могут (но не обязаны) соединяться (а) представление информации в форме реальности как таковой (в виде явления или его образа), (б) представление информации как истории и теории, которыми эта информация описывается, и (в) репрезентация первых двух форм информации в виде, в котором они допускают участие абстрактного агента. Рассмотрим каждый из компонентов по отдельности.

(а). Конструирование «реальности» в музее призвано представить информацию в виде, стремящемуся к «порядку природы». Так, если речь идет о причинах образования смерчей, то музей стремится воспроизвести смерч в том виде, как он может быть воспринят в момент урагана. Само это стремление к воспроизводству глубоко проблематично. Вполне понятно, что полностью воспроизвести большинство явлений невозможно, и музейное изображение

неизбежно выхватывает лишь ту часть информации, которая поддается локальному воспроизводству. В сущности, здесь наблюдается та же фундаментальная проблема, которая на разных уровнях присутствует в экспериментальном естествознании. Отметим, что рассматриваемый порядок воспроизведения информации оказывается вторичным по отношению к информации, репрезентированной в теоретической и исторической форме.

(б). «Контекст открытия», равно как и теоретическая модель описываемого явления неизбежно присутствуют в музее как манифестация человеческого знания, легитимизируемая, с одной стороны, через историю, а с другой стороны через интерсубъективный характер научной теории. Вне этого способа представления информации воспроизводство явления (а) не имеет смысла, поскольку вне истории внимания к нему, а также без теоретического осмысления оно остается одним из множества элементов визуального шума в фокусе взгляда. Так, простое воспроизводство смерча (в виде картинки или в виде парового вихря) на экспозиции может служить лишь инструментом развлечения, поскольку это представление информации («смерч в природе») не эквивалентно тому, как смерч описывается научной теорией и историей его изучения. Иначе говоря, воспроизводство дает лишь частичный доступ к информации, тогда как теоретическая и историческая рамка помещает информацию в соразмерный агенту семантический контекст.

При этом сама по себе эта семантическая соразмерность без соразмерности восприятия (то есть без данности явления (а) в ощущении) также не дает полноты информации. Музей науки отчетливо демонстрирует несоизмеримость научной теории и реальности, ею описываемой. Математический расчет скорости и высоты смерча на основе показателей давления вовсе не дает адекватной репрезентации информации, которая соответствует такому вихрю. И тот же самый музей показывает, что теория требует для себя воспринимаемого коррелята в реальности – пусть даже в форме метафоры или приближения.

(в). Рассматриваемый абстрактный музей науки предполагает настолько же абстрактного посетителя. Иными словами, хотя реальные музеи четко выстраивают модель целевой аудитории, в общем смысле это всегда некий усредненный посетитель с достаточно абстрактным набором когнитивных функций и компетенций. На практике это означает, что «язык реальности» и «язык теории» выравниваются в музее относительно посетителя, во-первых, не способного встретиться с показываемым явлением в своем опыте, и, во-вторых, не обладающего специальной подготовкой для интерпретации сугубо научного объяснения.

Так, помимо упомянутых семантической соразмерности и соразмерности восприятия, возникает соразмерность агенту. Именно такая соразмерность, как кажется, и является тем свойством, которое обуславливает функционирование всех представленных форм информации и их интерсубъективность. Иными словами, «агентоцентризм» информационной онтологии оказывается здесь ключевым элементом, связующим различные формы представления информации.

Так, последним компонентом музея науки в связи со сказанным оказывается непосредственно агентность, понимаемая как способность быть причастным к информации. Условная «пассивная» агентность реализуется через указанную ранее соразмерность, дающую доступ к ключевым формам представления информации вне зависимости от индивидуальных свойств агента. Следует, однако, заметить, что музей конструирует соразмерность не только таким «пассивным» образом, но и через «активное» вовлечение посетителя в различные

практики, где он является силой, непосредственно участвующей в создании представлений информации (а) и (б), не будучи исходной частью той информации, которая в этих представлениях дана. Так, посетителю может быть дана возможность воспроизвести исторический эксперимент по воссозданию некоторого явления на основе уже известной теории, стоящей за этим экспериментом.

Последняя ситуация интересна тем, что, как кажется, информация о реальности в ходе такого вмешательства произвольного агента не претерпевает изменений. Информация о смерче останется таковой независимо от того, как выведет формулу расчета его характеристик конкретный агент, равно как от того, кто именно проведет подобие эксперимента в музее не изменится явление, на которое этот эксперимент направлен. Эти соображения наталкивают на вывод об особой роли агентности для информации как онтологической сущности, или как минимум в ее философском осмыслении.

Приведенные рассуждения были призваны показать, что особенности того, как человечество конструирует особые пространства знаний, может дать почву и материал для продуктивной философской рефлексии, в том числе по онтологическим вопросам. Если рассматривать музей науки как специальное место, сконструированное для коммуникации по поводу информации о природе, оказывается, что он соединяет в себе основные, как кажется, формы представления информации: в «реальности», в знании (теории) и в сознании произвольного агента. Анализ связи между этими модусами данности информации в музее позволяет проблематизировать как сами модусы, так и информацию в целом. Музей науки заостряет и подсвечивает известные философские сложности, связанные с несоизмеримостью реальности и ее репрезентации в теории, равно как и неполноценность чистой данности реальности без осмысления в дискурсивных процедурах. Наконец, музей науки показывает, что агентность является одним из ключевых и сложных понятий, по-видимому, «встроенных» в информацию и способы работы с ней.

Список литературы:

1. Руденко 2017 – Руденко Н.И. Пространство знания этнографического музея: стратегии, техники и репрезентации // Антропологический форум. 2017. № 33. С. 11–36.
2. Chalmers 1996 – Chalmers D. The Conscious Mind. In Search of a Fundamental Theory, New York: Oxford University Press, 1996. 414 p.
3. Floridi 2008 – Floridi L. A Defence of Informational Structural Realism // Synthese. 2008. Vol. 161. № 2. P. 219–253.
4. Florifi 2010 – Luciano F. Information – A Very Short Introduction. Oxford University Press, 2010. 152 p.
5. Law, Hetherington 1999 – Law J., Hetherington K. Allegory and Interference: Representation in Sociology. Lancaster: Lancaster University, 1999. 15 p.
6. Sayre 1976 – Sayre K. Cybernetics and the Philosophy of Mind, Atlantic Highlands: Humanities Press, 1976.

УДК 165.2

ИНФОРМАЦИЯ КАК ПРИЧИНА: ТРИ СЛУЧАЯ ИЗ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

Терехович Владислав Эрикович
Кандидат философских наук
НИУ Высшая школа экономики, Москва, доцент
E-mail: vterekhovich@hse.ru

Аннотация: Понятие «информация» используется в современном естествознании как объяснительный ресурс сразу в нескольких дисциплинах, однако его онтологический статус остаётся неясным. Стандартные философские перспективы – синтаксическая (Шеннон) и семантическая (Флориди) – описывают информацию либо как формальную меру различия, либо как осмысленное содержание для познающего агента. Обе перспективы, однако, не способны ответить на вопрос важный для философии естествознания: как информация становится причиной реального изменения в природных системах, независимо от присутствия человека-наблюдателя? В статье предлагается каузальная перспектива на информацию и показывается, что каузальная активность информации онтологически неоднородна. На материале генетического кодирования, квантового измерения и нейронной обработки выделяются три различных режима: телеофункциональный (норма без субъекта через эволюционный отбор), конститутивный (информационное событие производит факт, а не регистрирует его) и петлевой (информация возникает внутри цикла предсказания и ошибки). Это означает, что «информационное объяснение» в естествознании – не единый тип объяснения, а семейство онтологически различных практик.

Ключевые слова: философия информации, каузальность, генетический код, квантовая механика, биосемиотика, предиктивное кодирование, телеосемантика

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-00253, https://rscf.ru/project/26-18-00253/

INFORMATION AS CAUSE: THREE CASES FROM NATURAL SCIENCE

Terekhovich Vladislav Erikovich
Candidate of Philosophical Sciences
HSE University, Moscow, Associate Professor

Abstract: The concept of "information" is used in modern natural science as an explanatory resource across several disciplines, yet its ontological status remains unclear. Standard philosophical perspectives—syntactic (Shannon) and semantic (Floridi)—describe information either as a formal measure of difference or as meaningful content for a cognitive agent. Both perspectives, however, fail to answer a question central to the philosophy of natural science: how does information cause real

change in natural systems, independent of the presence of a human observer? This article proposes a causal perspective on information and demonstrates that the causal activity of information is ontologically heterogeneous. Drawing on genetic coding, quantum measurement, and neural processing, three distinct modes are distinguished: teleofunctional (a norm without a subject through evolutionary selection), constitutive (an informational event produces a fact rather than registering it), and loop (information arises within a cycle of prediction and error). This means that "informational explanation" in natural science is not a single type of explanation, but a family of ontologically distinct practices.

Keywords: philosophy of information, causality, genetic code, quantum mechanics, biosemiotics, predictive coding, teleosemantics

Russian Science Foundation, RSF. https://rscf.ru/en/project/26-18-00253

Слово «информация» стало привычным в естественных науках. Биологи говорят о генетической информации, физики – об информации квантовых состояний, нейроучёные – о нейронной обработке информации. Но что именно происходит, когда информация становится причиной в природе? Например, как различие в последовательности нуклеотидов производит различие в белке, или как квантовое измерение «создает» информацию о системе, не имевшей до измерения определённого состояния? Эта проблема часто не замечается потому, что в философских дискуссиях традиционно противопоставляют синтаксическую перспективу (Шеннон) и семантическую (Флориди). Первая описывает информацию как меру структурного формального различия без отсылки к смыслу. Во второй информация есть осмысленное и истинное содержание, доступное интерпретирующему агенту.

Думаю, что этот выбор – не главный вопрос для философии естествознания. Обе перспективы описывают информацию по отношению к познающему человеку. Ни та, ни другая не спрашивает: как информация действует в природе независимо от нас? Когда биолог говорит, что мутация нарушает генетическую информацию, он утверждает нечто онтологическое, и тогда обе классические перспективы становятся беспомощны. Поэтому вместо привычной дилеммы «синтаксис или семантика» я рассмотрю третью перспективу информации – каузальную. Для иллюстрации я рассмотрю три случая из естествознания – генетический код, квантовое измерение, нейронный сигнал, и покажу, что в каждом из них каузальная активность информации устроена по-разному.

Начнем с самого известного примера информации в природе – **генетического кода в ДНК**. Информация в ДНК — не абстракция: если изменить одну пару оснований (точечная мутация), синтезируемый белок может потерять функцию. Физический субстрат каузально значим. Рибосома «читает» код и производит белок. Конечно, можно сказать, что «информация» в генетике — это метафора, удобная для описания каузальных механизмов. Шенноновский анализ позволяет сравнивать геномы по информационной ёмкости, выявлять участки высокой и низкой энтропии, обнаруживать регуляторные мотивы. Это полезный инструмент биоинформатики.

Но что означает эта «информация» для клетки — Шеннон не говорит. И здесь возникает вопрос: кто или что делает один нуклеотид «правильным», а другой – ошибкой? Мутация – это не просто химическое изменение, это ошибка. Значит, есть норма. Откуда норма в физической системе без когнитивного агента? Шенноновская теория этот вопрос не замечает. Флориди требует, чтобы информация была истинной и осмысленной, но что значит

«истинная» применительно к нуклеотидной последовательности? Псевдоген химически ничем не хуже кодирующего участка, однако он не работает. Истинность здесь оказывается функциональным понятием.

Дрецке делает такой шаг: последовательность нуклеотидов несёт информацию о белке потому, что между ними существует надёжная номологическая связь – данная последовательность при нормальной работе клеточного аппарата с высокой вероятностью производит данный белок [Dretske 1981]. Интерпретирующего субъекта здесь не нужно. Однако номологическая связь сама по себе не порождает нормативности. Почему один нуклеотид является нормой, а другой – ошибкой, Дрецке объяснить не может.

Сторонники биосемиотики [Hoffmeyer 2008] заметили, что связь между кодоном и аминокислотой химически произвольна: в митохондриальном коде некоторых организмов те же кодоны кодируют другие аминокислоты. Это признак конвенциональности – той же, что связывает слово «дерево» с деревом, а не с камнем. Если связь произвольна, но строго соблюдается рибосомой, значит, здесь есть нечто большее, чем физическая реакция. Пользуясь терминологией Пирса, есть интерпретант. Но как объяснить этот интерпретант без антропоморфизма?

Милликен предлагает другое решение: структура имеет собственную функцию или то, для чего она была отобрана эволюцией [Millikan 1984]. Норма не устанавливается чьим-то решением: она закреплена каузальной историей отбора. Мутация «плоха» не потому, что кто-то так решил, а потому что организмы с данной мутацией выживали хуже. Это уже телеофункциональный режим каузальной активности. Информация активна в силу того, что система организована для определённой реакции на неё, и эта организация имеет каузальную историю. Но достаточно ли каузальной истории для обоснования нормы или нормативность требует чего-то актуально присутствующего в системе, например агента?

Квантовый объект до измерения описывается суперпозицией своих возможных состояний и не имеет определённого значения, оно возникает только в акте измерения. Тут и заключается проблема интерпретации: является ли волновая функция описанием реального состояния мира или лишь отражением знаний наблюдателя? Интерпретации квантовой механики по-разному отвечают на этот вопрос [Терехович 2019]. Пси-эпистемические интерпретации утверждают, что квантовая неопределённость отражает неполноту нашего знания, а не фундаментальную случайность мира. Например, QBism [Fuchs et al. 2014] интерпретирует измерение как обновление байесовских убеждений агента относительно его собственных будущих опытов.

Однако, сам факт использования квантовых информационных технологий, не зависящих от наблюдателя-человека, является аргументом в пользу реалистических информационных интерпретаций. Часть из них продолжают линию «It from bit» Уилера (квантовая информация как основа бытия), утверждая, что информация является фундаментальным понятием физики. Например, Брукнер и Цайлингер [Brukner, Zeilinger 2003] предлагают рассматривать квантовые состояния как представления о максимальной информации, которая может быть извлечена из экспериментов. То есть она описывает не реальность саму по себе, а реальность, зависимую от наблюдателя. Реляционная квантовая механика [Rovelli 1996] утверждает, что состояния системы существуют только относительно других систем, вступающих во взаимодействие. Наблюдатель – это не человек с сознанием, а любая физическая система, входящая в причинный контакт с квантовым объектом.

Квантовый случай обнаруживает режим, принципиально отличный от биологического. Определённый факт возникает в самом акте взаимодействия. Квантовая информация – это не информация о мире, она участвует в том, чтобы мир стал таким, а не иным. Но даже если квантовый «наблюдатель» участвует в этом процессе, а он не обязательно должен быть когнитивным агентом, не является ли тогда любое каузальное взаимодействие в некотором смысле информационным? Этот вопрос ведёт к третьему кейсу.

Третий пример: работа нейрона. В недавней статье Заноун [Zahnoun 2025] показал, что нейробиологи систематически работают в двух несовместимых режимах, не замечая этого. В одном режиме нейрон производит потенциал действия по электрохимическому закону – это причинно-механистическое объяснение. В другом режиме нейрон декодирует, интерпретирует, посылает сообщение. Это уже объяснение через семантическое содержание. Первое описание не требует агента. Второе как будто приписывает нейрону когнитивную агентность, которой у него нет. Но два этих описания не интегрируются.

Очевидно, что стандартная картина, когда информация приходит извне, система её обрабатывает, не применима к живым системам. В качестве альтернативы Фристон [Friston 2010] предлагает предиктивную модель, которая меняет направление причинности. В стандартной картине мир дает информацию мозгу, и организм меняет поведение. В картине Фристона мозг не пассивно получает информацию извне, а непрерывно генерирует предсказания о мире на основе внутренней генеративной модели – иерархического представления о том, как устроена среда, порождающая наблюдаемые сигналы. Поступающие сенсорные данные сравниваются с этими предсказаниями, и каузально активным оказывается именно сигнал расхождения – ошибка предсказания. Ошибка либо обновляет саму генеративную модель (перцептивный вывод), либо инициирует действие на среду, чтобы привести её в соответствие с предсказанием (активный вывод). Принципиально, что сама модель является объектом обновления – в этом принципиальное отличие от кибернетики Винера, где целевое состояние задано фиксированно.

Винер в какой-то степени был предшественником этой идеи. Но кибернетическая система реагирует на отклонение от заданного целевого состояния, а фристоновская обновляет саму модель того, каким должно быть целевое состояние. Это разница между фиксированным регулятором и обучающейся системой. Получается, и здесь информация не просто приходит извне, а постоянно пересоздается, и сама участвует в этом пересоздании. По сути, это петлевой режим, информация активна как ошибка предсказания, производимая внутри и замкнутая через действие на мир.

Приведенные примеры показывают три онтологически различных режима, в которых информация каузально активна в природе, но не тогда, когда она правильно описана или проинтерпретирована, а тогда, когда система устроена так, что не может её проигнорировать. Этот режим каузальной активности информации в природе ни синтаксическая, ни семантическая перспектива не способны сформулировать, поскольку описывают информацию снаружи, а не изнутри системы. Остаётся вопрос: что именно делает систему способной «не игнорировать» информацию? Что отличает рибосому от какого-то вещества, вступающего в физическое или химическое взаимодействие с молекулами? Функциональная организация? Каузальная история? Или что-то ещё, для чего у нас пока нет имени?

Каждый из описанных режимов предполагает разные онтологические условия, и перенос «информационного объяснения» из одной дисциплины в другую без учёта этих условий ведёт

к концептуальной путанице. Тем самым задача философии естествознания состоит не в выборе «правильной» теории информации, а в разработке таксономии режимов, позволяющей применять каждый из них там, где он онтологически уместен.

Список литературы

1. Терехович 2019 – Терехович В. Э. Три подхода к проблеме квантовой реальности и вторая квантовая революция // Epistemology & Philosophy of Science. 2019. Т. 56. №. 1. С. 169-184.
2. Brukner, Zeilinger 2003 – Brukner Č., Zeilinger A. Information and fundamental elements of the structure of quantum theory // Time, quantum and information. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 2003. P. 323-354.
3. Bub, Pitowsky 2010 – Bub J., Pitowsky I. Two Dogmas about Quantum Mechanics // Many Worlds? / Ed. S. Saunders et al. Oxford: OUP, 2010. P. 433–459.
4. Dretske 1981 – Dretske F. Knowledge and the Flow of Information. Oxford: Blackwell, 1981. 273 p.
5. Friston 2010 – Friston K. The Free-Energy Principle: A Unified Brain Theory? // Nature Reviews Neuroscience. 2010. Vol. 11. P. 127–138.
6. Fuchs et al., 2014 – Fuchs C.A., Mermin N.D., Schack R. An Introduction to QBism // American Journal of Physics. 2014. Vol. 82. P. 749–754.
7. Hoffmeyer 2008 – Hoffmeyer J. Biosemiotics. Chicago: University of Chicago Press, 2008. 426 p.
8. Millikan 1984 – Millikan R. Language, Thought, and Other Biological Categories. Cambridge, MA: MIT Press, 1984. 469 p.
9. Rovelli 1996 – Rovelli C. Relational Quantum Mechanics // International Journal of Theoretical Physics. 1996. Vol. 35. P. 1637–1678.
10. Zahnoun 2025 – Zahnoun F. Information in the Brain: From Metaphor to Truth // Theoria. 2025. Vol. 91. No. 5. Art. e70021. [doi: 10.1111/theo.70021]

УДК 165.1:004.8:52

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ ПОСРЕДНИК В СОВРЕМЕННОЙ КОСМОЛОГИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СУБЪЕКТА НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Дементьев Александр Алексеевич

Московский педагогический государственный университет, аспирант

E-mail: adement@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о том, как использование искусственного интеллекта меняет структуру научного познания в современной космологии. Космология выбрана как предельная область естествознания, где опосредованность знания максимальна: её ключевые объекты и параметры — тёмная материя, следы инфляции, космологические параметры, извлекаемые из распределения крупномасштабной структуры и реликтового излучения, — недоступны непосредственному наблюдению и реконструируются по косвенным данным. ИИ отличается от классических научных инструментов своей позицией в познавательной цепочке: он расширяет не область наблюдаемого, а область обнаруживаемого. Вводится рабочее понятие алгоритмически нагруженного наблюдения: его специфика состоит в том, что значимый сигнал выделяется процедурой, чьи внутренние признаки могут не совпадать с физически осмысленными категориями исследователя. ИИ рассматривается как функциональный компонент распределённой познавательной системы, внутри которой формируется субъект научного познания. Предлагаемая модель позволяет избежать как редукции ИИ к нейтральному инструменту обработки данных, так и необоснованного приписывания алгоритмам статуса автономного субъекта научного открытия. Разграничиваются машинное предсказание и научное объяснение. Делается вывод, что ИИ усиливает контекст открытия, не заменяя контекст обоснования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, философия науки, космология, субъект познания, эпистемический посредник, алгоритмически нагруженное наблюдение, распределённый субъект, научное объяснение.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS AN EPISTEMIC MEDIATOR IN MODERN COSMOLOGY: THE TRANSFORMATION OF THE SUBJECT OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Dementyev Alexander Alekseevich

Moscow Pedagogical State University, Postgraduate student

Abstract: The article examines how the use of artificial intelligence transforms the structure of scientific knowledge in modern cosmology. Cosmology is selected as an extreme case of mediated natural-scientific knowledge: its key objects and parameters — dark matter, traces of inflation, cosmological parameters extracted from large-scale structure and CMB observations — are inaccessible to direct observation and reconstructed from indirect data. AI differs from classical scientific instruments in its epistemic role: it extends not the domain of the observable but the domain of the discoverable. The working concept of algorithm-laden observation is introduced: its specificity lies in the fact that a meaningful signal is identified by a procedure whose internal features may not correspond to the physically interpretable categories of the researcher. AI is treated as a functional component of the distributed cognitive system within which the subject of scientific knowledge is constituted. A distinction is drawn between machine prediction and scientific explanation: AI enhances the context of discovery without replacing the context of justification.

Keywords: artificial intelligence, philosophy of science, cosmology, subject of cognition, epistemic mediator, algorithm-laden observation, distributed subject, scientific explanation.

Введение

Когда в XVII веке Галилео Галилей направил телескоп на небо, изменился не только масштаб астрономических наблюдений — изменился сам тип отношения человека к природе. Сегодня философия науки фиксирует аналогичный по масштабу, но принципиально иной по природе процесс: искусственный интеллект (ИИ) всё активнее встраивается в исследовательскую практику современной космологии.

Но является ли он только традиционным инструментом? Называть его «новым телескопом» — значит упрощать ситуацию. Телескоп расширял зрение учёного; ИИ расширяет способность находить закономерности в массивах данных. Это различие влечёт за собой глубокие философские следствия.

Космология рассматривается здесь не просто как один из примеров применения ИИ, а как предельная область естествознания, где опосредованность знания максимальна. Реликтовое излучение поддаётся регистрации, однако параметры, извлекаемые из него, — результат сложной модельной реконструкции. Тёмная материя, следы инфляции и космологические параметры, извлекаемые из распределения крупномасштабной структуры, недоступны прямому наблюдению и реконструируются через модельный анализ.

Цель статьи — предложить модель, в которой ИИ рассматривается не как простой инструмент и не как автономный субъект открытия, а как эпистемический посредник нового типа в составе распределённой познавательной системы. Научная новизна состоит во введении рабочего понятия алгоритмически нагруженного наблюдения, фиксирующего зависимость научного результата не только от теории и прибора, но и от архитектуры алгоритма, обучающей выборки и процедур машинной селекции данных.

1. Опосредованный характер космологического знания

Любое наблюдение несёт на себе отпечаток теоретических допущений и инструментальных ограничений. Именно это Н. Р. Хэнсон называл теоретической нагруженностью наблюдения: учёный никогда не воспринимает «чистые данные» — он видит то, что позволяет увидеть его теоретическая оптика [Hanson 1958, p. 19]. Л. А. Микешина, анализируя ценностные и социокультурные измерения знания, показала, что познавательная деятельность всегда включает компоненты, не сводимые к чистой эмпирии: образцы, нормы, предпосылочное знание [Микешина 2002, с. 47]. Применительно к физике В. Н. Князев подчёркивает, что реальность, как она дана учёному-физику, имеет теоретико-модельный характер и представляет собой систему теоретических конструктов, в которых моделируется объективный мир природы [Князев 2010, с. 497]. В эпоху ИИ к этим теоретическим конструктам добавляются алгоритмические, создавая ещё один уровень опосредования.

П. Хамфрис показал, что вычислительная наука создаёт особый тип познавательной ситуации: исследователь не может полностью проследить весь путь от данных к результату — возникает эпистемическая непрозрачность [Humphreys 2004, p. 148]. Космология давно стала вычислительной; ИИ встраивается в эту инфраструктуру, делая цепочку вывода ещё длиннее. В терминах В. С. Стёпина это означает переход к постнеклассической рациональности:

средства исследования становятся неотделимы от самого научного результата [Стёпин 2006, с. 287].

2. ИИ как новый тип эпистемического инструмента

Научные инструменты различаются по позиции в познавательной цепочке. Телескоп расширяет область наблюдаемого — показывает объекты, прежде физически невидимые. ИИ занимает принципиально иное место: он расширяет область обнаруживаемого — то, что уже зарегистрировано, но скрыто внутри данных.

Аналогичный механизм хорошо виден в астрономии: когда алгоритм машинного обучения, применённый к архивным данным телескопа «Кеплер», позволил идентифицировать слабый транзитный сигнал восьмой планеты в системе Kepler-90 [Shallue, Vanderburg 2018, p. 94], объект был скрыт не от прибора — а внутри уже собранных данных. В собственно космологическом контексте ту же функцию выполняют методы simulation-based inference: проект SimBIG (Flatiron Institute) применяет ИИ для извлечения космологических параметров из распределения галактик на нелинейных масштабах, недоступных стандартным методам [Hahn et al. 2023]. Масштаб современных обзоров — миллиарды астрономических объектов и регулярные потоки алертов — уже сделал алгоритмическую предселекцию условием возможности самого наблюдения в научном смысле.

Это приводит к ключевому тезису: ИИ участвует в эпистемическом конституировании объекта — в превращении зарегистрированных данных в кандидата на объект научного анализа. Речь не об онтологическом создании объекта, а о том, что машинная процедура определяет, какой фрагмент данных получит статус научно значимого. Для описания этой ситуации предлагается рабочее понятие алгоритмически нагруженного наблюдения. Его специфика состоит не в полной непрозрачности алгоритма, а в том, что значимый сигнал выделяется процедурой, чьи внутренние признаки могут не совпадать с физически осмысленными категориями исследователя — в отличие от теоретических предпосылок, доступных понятийной рефлексии.

Здесь уместно рассмотреть стандартное возражение: разве ИИ не остаётся просто более мощным техническим средством, принципиально не отличающимся от спектрографа? Это возражение упускает ключевое: спектрограф регистрирует, компьютер вычисляет по заданному алгоритму. ИИ же участвует в предварительном отборе — в решении о том, что является сигналом, а не шумом. Именно эта функция выводит его за рамки классического инструмента.

3. Трансформация субъекта познания

В. А. Лекторский, детально исследовавший классическую схему субъект-объектного отношения в познании, показал, что субъект никогда не противостоит объекту непосредственно: между ними всегда есть деятельностный и инструментальный посредник [Лекторский 1980, с. 215].

Субъектность стоит понимать в двух смыслах. В сильном смысле — это тот, кто обладает саморефлексией, понимает основания своих выводов и несёт за них ответственность; современный ИИ этому не отвечает. В функциональном смысле — это участие в отдельных познавательных операциях внутри общей системы. Именно в этом смысле ИИ является функциональным компонентом распределённой познавательной системы, внутри которой

формируется субъект научного познания. Человек сохраняет главное: постановку вопроса, физическую интерпретацию и ответственность за вывод.

4. Эпистемические вызовы: непрозрачность и граница предсказания

Включение ИИ в науку создаёт специфические трудности. Непрозрачность нейронных сетей — системное свойство вычислительных методов, а не случайный недостаток [Humphreys 2004, p. 152]. Однако наука никогда не строила доверие исключительно на прозрачности единичного инструмента: воспроизводимость, независимая проверка и физическая интерпретируемость формируют надёжность на уровне всей практики. Э. Дуэд показал, что алгоритмическая непрозрачность создаёт специфические затруднения именно для обоснования научного открытия: вопрос не только в том, как интерпретировать результат, но и в том, вправе ли мы считать его открытием [Duede 2023, p. 1090].

Более фундаментальна проблема соотношения предсказания и объяснения. Наука ставит целью не только предсказать, что произойдёт, но и понять, почему. ИИ может давать точные предсказания без объяснения механизма. Алгоритм эффективно восстанавливает космологические параметры по картам слабого гравитационного линзирования [Jeffrey et al. 2021, p. 968], однако если паттерн не имеет физической интерпретации, результат остаётся вычислительным успехом, но не научным объяснением.

ИИ усиливает контекст открытия. Контекст обоснования сохраняет прежние требования: машинно найденный паттерн становится научным знанием только при выполнении трёх условий — воспроизводимость процедуры, независимая верификация и физико-теоретическая интерпретация. Именно эти условия составляют минимальную трёхуровневую модель эпистемического контроля ИИ-результатов.

Заключение

ИИ в современной космологии расширяет не область наблюдаемого, а область обнаруживаемого и участвует в эпистемическом конституировании объектов научного анализа. Рабочее понятие алгоритмически нагруженного наблюдения фиксирует качественно новую зависимость: значимый сигнал выделяется процедурой, чьи внутренние признаки могут не совпадать с физически осмысленными категориями учёного. Субъект современного космологического познания приобрёл характер распределённой человеко-машинной системы; ИИ — функциональный компонент этой системы, но не субъект в сильном смысле.

Главный эпистемологический вызов — разрыв между предсказательной точностью и объяснительным содержанием. Преодолеть его можно, только если ИИ-результат проходит минимальную трёхуровневую модель эпистемического контроля: воспроизводимость процедуры, независимую верификацию и физико-теоретическую интерпретацию.

Эта проблема шире космологии. Если знание производится человеко-машинной системой, то университет сохраняет свою миссию не отказом от ИИ, а развитием методологической культуры. В этом контексте академическая свобода проявляется не только в возможности использовать новые вычислительные инструменты, но и в сохранении права на критическую рефлексию над условиями, при которых машинный результат получает статус знания.

Список литературы

1. Князев 2010 – Князев В.Н. Физическая реальность и современные концепции физики // Философия познания. К юбилею Людмилы Александровны Микешиной. М.: РОССПЭН, 2010. С. 497–516.
2. Лекторский 1980 – Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М.: Наука, 1980. 359 с.
3. Микешина 2002 – Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 624 с.
4. Стёпин 2006 – Стёпин В.С. Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей учёной степени кандидата наук. М.: Гардарики, 2006. 384 с.
5. Duede 2023 – Duede E. Deep learning opacity in scientific discovery // Philosophy of Science. 2023. Vol. 90. No. 5. P. 1089–1099.
6. Hahn et al. 2023 – Hahn C. et al. A forward modeling approach to analyzing galaxy clustering with SimBIG // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2023. Vol. 120. No. 3. e2218810120.
7. Hanson 1958 – Hanson N.R. Patterns of Discovery: An Inquiry into the Conceptual Foundations of Science. Cambridge: Cambridge University Press, 1958. 241 p.
8. Humphreys 2004 – Humphreys P. Extending Ourselves: Computational Science, Empiricism, and Sientific Method. Oxford: Oxford University Press, 2004. 172 p.
9. Jeffrey et al. 2021 – Jeffrey N. et al. Likelihood-free inference with neural compression of DES SV weak lensing map statistics // Monthly Notices of the Royal Astronomical Society. 2021. Vol. 501. No. 1. P. 954–969.
10. Shallue, Vanderburg 2018 – Shallue C.J., Vanderburg A. Identifying Exoplanets with Deep Learning: A Five-Planet Resonant Chain around Kepler-80 and an Eighth Planet around Kepler-90 // The Astronomical Journal. 2018. Vol. 155. No. 2. P. 94.

УДК 165.0

НЕОСХОЛАСТИКА И КВАНТОВАЯ МЕХАНИКА

Головко Никита Владимирович
доктор философских наук
Новосибирский государственный университет, профессор
Институт философии и права СО РАН, внс
E-mail: golovko@philosophy.nsc.ru

Аннотация: В докладе рассматривается несколько вопросов, традиционно встречающихся в контексте обсуждения философских оснований квантовой механики, с целью раскрыть тезис о том, что неосхоластика (в понимании Дж. Лэдимена) отрицательно влияет на построение адекватной современной трактовки научного знания в области фундаментальной физики.

Ключевые слова: метафизика, фундаментальная наука, Дж. Лэдимен

NEO-SCHOLASTICS AND QUANTUM MECHANICS

Golovko Nikita Vladimirovich
Novosibirsk State University, professor

Abstract: The paper aims to examine several traditionally discussed questions of philosophical foundations of quantum mechanics, with the purpose to reveal the thesis that neo-scholasticism (in J. Ladyman's understanding) negatively influences the construction of an adequate contemporary interpretation of scientific knowledge in the field of fundamental physics.

Keywords: metaphysics, fundamental science, J. Ladyman

Одно из лучших рефлексивных (не в стиле «я не понимаю, как так квант света идет по двум траекториям одновременно, когда проходит через полупрозрачное зеркало») представлений о необходимости поиска «хорошей» интерпретации квантовой механики приводят П.А. Французов и А.В. Нечипоренко (см.: [Французов, Нечипоренко 2020]). В классической парадигме мы говорим о необходимости «трех этажей» физической теории – «математическом формализме», «региональной онтологии» и «базовых опытах и экспериментах». И если в классической теории уровень «региональной онтологии» задают «базовые идеализации» (материальная точка, нерастижимая нить и т.д.), то в квантовой механике нам нечего поместить между «математическим формализмом» и «базовыми опытами» кроме собственно «интерпретации». Является ли это рассуждение неосхоластическим по Дж. Лэдимену? У нас есть установка: «Стандартная аналитическая метафизика ("неосхоластическая" метафизика, как мы ее называем) систематически искажает содержание того, что мы знаем опираясь на науку. Обычное философское утверждение "вода – это H2O" полностью игнорирует сложное научное объяснение (которое до сих пор не завершено!) природного явления... Любое метафизическое утверждение, которое можно воспринимать всерьез, должно быть продиктовано тем и только тем, позволяет ли оно показать как две или более конкретные научные гипотезы вместе объясняют больше, чем если бы мы говорили о сумме того, что они объясняют взятые по отдельности. Под "научной гипотезой" понимается гипотеза, которая всерьез воспринимается, институционально закреплена в этом статусе современной наукой» [Ladyman et al. 2007, p. 21, 25]. Совершенно не случайно первая глава «Все своим чередом» называется «В защиту сциентизма». Но вопрос остается, как вообще следует понимать «неосхоластику» так, чтобы она была конструктивным средством анализа различных концепций метафизики науки? Чем отличается «неосхоластика» от просто «не самой удачной, не продуманной» метафизической концепции?

Проблема заключается в том, что сам по себе акцент на «упрощенном варианте современной науки» мало чего дает. Есть метафизика И. Ката, и понятно, что в отношении нее хочет сказать Дж. Лэдимен: «Тем, кто хочет изучать способы конструирования обыденного (habitual) или интуитивного антропологического концептуального пространства, мы предлагаем заняться изучением социальной феноменологии. И мы будем спорить (quarrel) с философами, которые утверждают, что разделяют наши интересы, но затем не уделяют должного внимания основному источнику информации об объективной реальности (в данном случае науке, а не самой по себе способности сознания познавать – Н.Г.)» [Ladyman et al. 2007, p. 5]. Здесь уверенность в том, что мы должны говорить о трех (выдуманных, не наблюдаемых эмпирически в научном смысле) уровнях сознания, которые связаны определенной (выдуманной) функциональной схемой, ничем не отличается от религиозной догмы. Но с другой стороны, есть Н. Бор. Н. Бор неоднократно подчеркивал важность классической природы измерительных приборов для понимания квантовой механики. Вспомним, например,

Г. Людвига и его «Основания квантовой механики» (1983): любую физическую теорию следует интерпретировать «извне», то есть, с точки зрения «пред-теорий», не относящихся к самой рассматриваемой теории. И для квантовой механики эти «пред-теории», конечно, относятся к области классической физики и описывают конструирование и применение макроскопических приборов для подготовки и измерения. Это уже «неосхоластика»? Есть и более интересный вопрос. Дж. Лэдимен согласен с тем, что «Эмпиризм» и «логическая модальность» (апелляция к которым полностью отвечает «классическому» представлению о наблюдателе в том виде, как оно оформляется к концу XIX века как основание для логического позитивизма) вместе дают «роль наблюдателя». В этом смысле парадокс «кот Шредингера» – это и есть образец неосхоластического рассуждения, т.к. состояние «ни жив, ни мертв» – это представление, которое явно из другой парадигмы. То же самое можно сказать и о «дуализме волна-частица», представление о котором «обыденным образом объединяет» два разных описания, два разных подхода для интерпретации, выделения паттерна, результатов серии экспериментов. Это надуманные вещи. Но насколько значима здесь «логическая модальность», запрещающая противоречия с законами логики, и которая кажется очевидной, если мы говорим о «классическом приборе»? Достаточно заметная часть сопутствующих дискуссий во второй половине XX века посвящена тому, чтобы показать, что «логический тип рациональности» ограничен – Э. Гетье, Л. Лаудан, Г. Саймон, вспомним также феминистскую философию науки (С. Хардинг, Л. Нельсон и др.) и бесконечное обсуждение содержательности вывода в исторических естественных науках (геология, археология, астрофизика и др.). В каком смысле Дж. Лэдимен говорит о том, что, например, пустое трехмерное пространство, апелляция к супервентност, логической возможности события и иерархической структуре реальности – это все признаки «неосхоластики»? Его собственный ответ является частью принятых им метафизических допущений: «Фундаментальная физика не являются заложником остальной науки, поскольку они не связаны с физикой так, как та связана с остальной наукой. Не нужно говорить о фундаментальной физике так, как будто ее образцом все еще является классическая физика. Это основание широко распространенного заблуждения о том, что натурализм означает тот вид онтологического физикализма, который мы отрицаем. Фундаментальная физика не имеет ничего общего с крошечными объектами или их столкновениями. Это множество математически заданных структур, в которых нет индивидуальных объектов, где любое измерение, проведенное в любой точке Вселенной, является измерением этих структур. Элементарные объекты фундаментальной физики не являются фундаментальными собственными частями наблюдаемых объектов. Идея первичности фундаментальной физики в том виде, в каком мы его понимаем, не предполагает онтологический физикализм» [Ladyman et al. 2007, p. 44]. Дело не в неочевидности логической модальности (хотя, конечно, Дж. Лэдимен говорит о «математических структурах»). Дело в том, что «неосхоластика» – это концептуальный анализ, который все еще не избавился от представления об «онтологическом индивидуальном объекте». И Дж. Лэдимен, судя по всему, может так говорить, поскольку для него идея «структура несет всю онтологическую нагрузку» – это не только аллюзия на У. Куайна и Б. Рассела. Основа онтологии Дж. Лэдимена – конкретная интерпретация концепции реальных паттернов Д. Деннета, которая здесь понимается как фундаментальная метафизическая онтология физического объекта (см. [Головко, Эртель 2020]). Но можем ли мы говорить о «неосхоластике» в других контекстах?

На наш взгляд, мы можем расширить условное представление о «неосхоластике», за счет фиксации в рассуждении элементов парадигм, которые мы уже не считаем «адекватными». Например, на определенном этапе развития проекта условной «аналитической философии»

(лучшим выражением содержания которого для нас является «Логические основания метафизики» (1991) М. Даммита) стало очевидно, что «идея конечной выразимости знания в конкретных языковых системах не может быть основанием решения вопроса о реализме-антиреализме» (мы благодарны В.В. Целищеву за подсказку). Проект закончился, любые разговоры о том, что «логической определимости достаточно» следует признать «неосхоластическими» с точки зрения «нового» понимания развития метафизики. Тем более, что все согласны с тем, что хорошая метафизика науки должна решать проблему пессимистической мета-индукции. И совершенно не случайно то, что одно из достаточно заметных направлений исследования условной «аналитической метафизики» сейчас – это неоаристотелизм, рассуждения о сущности, метафизической зависимости и модальной метафизике. Вы должны принять то, что «метафизика должна быть научной», но при этом сохраняете как бы классическое представление о том, что «предмет метафизики – метафизически возможное, а предмет науки – это то, что из этого метафизически возможного достигается актуально» (Дж. Кац, Дж. Лоу и др.). То же самое с примерами рассуждений об ограниченности «логической рациональности». Появление новых средств концептуального анализа (в большинстве случаев сейчас, например, осознание того, что логическая модальность не может достаточно адекватно схватить изучаемое явление) сразу показывает то, какое рассуждение стоит считать «неосхоластическим». В этом смысле «неосхоластика» является частью исторического процесса эволюции представления о как должно строиться метафизическое объяснение. И конечно, мы могли бы сказать, что требуется соотносить утверждения научной теории и скрытые метафизические предпосылки, которые, будучи представленными явно, почти наверняка снимут большую часть затруднений. В докладе мы приведем еще несколько примеров того, как обсуждение философских оснований квантовой механики способно раскрыть содержание понятия «неосхоластика» и постараемся показать, что в подобных рассуждениях есть рациональное зерно, которое нельзя исчерпать простым представлением о моде и историческом периоде.

Список литературы

1. Головко, Эртель 2020 – Головко Н.В., Эртель И.И. Онтический структурный реализм: онтология паттернов и модальная природа структур // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18. № 4. С. 5–29.
2. Французов, Нечипоренко 2020 – Французов П.А., Нечипоренко А.В. Проблема онтологии квантовой физики // Философия науки. 2020. № 2. С. 84–112.
3. Ladyman et al. 2007 – Ladyman J., Ross D., Spurrett D., Collier J. Every Thing Must Go: Metaphysics Naturalized. Oxford University Press, 2007. 360 p.

УДК 115:111:530.145

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЭВОЛЮЦИОНИЗМ В КВАНТОВОЙ МОНАДОЛОГИИ

Спасков А.Н.

Кандидат философских наук

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, заведующий отделом

E-mail: a.spaskov@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается мировоззренческий сдвиг в современном естествознании, связанный с формированием холистического образа Вселенной, как целостной и эволюционирующей системы. Внутренняя симметрия элементарных частиц связывается с нетривиальной структурой внутреннего расслоенного времени, на основе которого вводится понятие элементарного «жизненного цикла». Развивается концепция квантовой монадологии в соответствии с гипотезой психофизической коэволюции и квантового дарвинизма. Принципы биологической эволюции распространяются на физический уровень организации материи в начальной фазе метаэволюции Вселенной. Космологическая сингулярность интерпретируется как первичное «дофизическое» состояние Вселенной, в котором в имплицитном порядке и в состоянии суперпозиции находится потенциальное множество квантовых монад, образующих в органическом единстве всю Вселенную, как целостную систему. Акт рождения Вселенной интерпретируется как фазовый переход из сингулярного состояния с имплицитным порядком и начало необратимого процесса взаимосогласованной коэволюции нелокально и комплементарно связанных квантовых монад. На самом раннем этапе эволюции квантовой Вселенной в результате естественного отбора в квантовой среде возникают различные типы «выживших» элементарных частиц, а также законы их взаимодействия как безусловные алгоритмы квантового поведения.

Ключевые слова: универсальный эволюционизм, коэволюция, холистическая парадигма, квантовая монадология, жизненный цикл, квантовый дарвинизм, нелокальность, имплицитный порядок.

UNIVERSAL EVOLUTIONISM IN QUANTUM MONADOLOGY

A.N. Spaskov

Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Head of Department

Abstract: This article examines a shift in contemporary natural science's worldview associated with the development of a holistic view of the Universe as a holistic and evolving system. The internal symmetry of elementary particles is linked to the nontrivial structure of internally stratified time, which is the basis for introducing the concept of an elementary "life cycle." The concept of quantum monadology is developed in accordance with the hypothesis of psychophysical coevolution and quantum Darwinism. The principles of biological evolution are extended to the physical level of matter organization in the initial phase of the Universe's metaevolution. Cosmological singularity is interpreted as a primary "prephysical" state of the Universe, in which a potential multitude of quantum monads exists in an implicit order and state of superposition, forming the entire Universe in organic unity as a holistic system. The birth of the Universe is interpreted as a phase transition from a singular state with implicit order and the beginning of an irreversible process of mutually consistent

coevolution of nonlocally and complementarily coupled quantum monads. At the earliest stage of the evolution of the quantum Universe, natural selection in the quantum environment produces various types of "surviving" elementary particles, along with the laws of their interaction as unconditional algorithms of quantum behavior.

Keywords: universal evolutionism, coevolution, holistic paradigm, quantum monadology, life cycle, quantum Darwinism, non-locality, implicit order.

На смену редукционистским и механистическим представлениям в современной науке формируется образ Вселенной, как «целостной и эволюционирующей системы» [Спасков 2025, с. 220] и в этой органистической концепции ключевую роль играет новое понимание времени. В описании «мертвого» механистического мира времени как такового нет, а есть только числовой параметр, измеряемый часами. Но в квантовом мире уже не работают абстракция инертной материальной точки и концепция статичного неделимого атома, принятая в классической механике. На это, в частности, указывает внутренняя симметрия элементарных частиц, природа которой, как мы полагаем связана с тем, что она имеет динамический характер и связана с нетривиальной структурой внутреннего расслоенного времени.

Таким образом, если считать, что время – это признак жизни, а внутренняя симметрия элементарных частиц связана с их собственным внутренним временем, то можно предположить, что истинными элементами природы являются «простейшие сущности, поддерживающие и воспроизводящие свое существование в процессе элементарного «жизненного цикла» и обладающие элементарным феноменальным опытом» [Спасков 2025, с. 220]. Эти элементарные сущности мы называем квантовыми монадами, соединяя в концепции квантовой монадологии принципы квантовой физики и метафизические принципы Г. Лейбница [Спасков 2024].

В одной из последних интерпретаций квантовой механики – концепции квантового дарвинизма роль наблюдателя, который выбирает в процессе декогеренции определенные состояния и уничтожает все другие играет окружающая среда [Zurek 2009]. Согласно этой концепции, состояния, которые сохраняются и копируются в окружающей среде, и являются наиболее приспособленными, откуда следует, что механизм естественного отбора, открытый Ч. Дарвиным для биологической эволюции на Земле, можно распространить на квантовую эволюцию ранней Вселенной.

С. Хокинг в своей последней теории, представленной в книге Т. Хертога, распространяет эволюционные принципы на физический уровень: «когда мы наконец добираемся до Большого взрыва, нам открывается более глубокий уровень эволюции, на котором меняются и сами законы физики» [Хертог 2023, с. 431]. Можно предположить, таким образом, что действующие законы физики «возникают случайно на ранней стадии горячей Вселенной» [Спасков 2024, с. 306].

Согласно концепции квантовой монадологии, космологическая сингулярность – это, своего рода, «зародыш» всей Вселенной, как целостной системы. В ней в состоянии суперпозиции содержится потенциальное множество квантовых монад, образующих нелокальное органическое единство. Это первичное «дофизическое» состояние Вселенной, в котором еще не было самого пространства и времени и никаких других физических качеств, можно интерпретировать как скрытый или имплицитный порядок в концепции Д. Бома [Bohm 1980].

Будем считать, что существование физического тела и его восприятие в квалиативном ощущении реализуется в результате субстанциального действия квантовой монады. В этом действии происходит отображение имплицитного порядка в психике квантовой монады в эксплицитный порядок, который проявляется в ее материальном воплощении и квантовом поведении. В таком случае сознание или психика, как субъективная реальность, и материя, как объективная реальность, не противопоставляются друг другу и не отделяются друг от друга, а представляют собой две стороны единой психофизической реальности.

При этом материальное существование и его субъективное восприятие, данное в ощущениях, осуществляется через физическое тело монады в эксплицитной форме. Таким образом, феноменальное сознание монады – это своего рода экспликативный фокус внимания, в котором сосредоточена и интегрируется вся информация о внешнем мире, представленном как объект, и информация о внутреннем субъективном мире квантовой монады, который имплицитно содержится в ее психике на уровне подсознания.

Мы предлагаем механизм всеобщей связи квантовых монад на основе принципа динамической комплементарной связности. Все монады связаны между собой нелокальными связями и их совокупность представляет собой неделимое целое. При этом каждая монада, согласно Лейбницу, отражает в себе весь Универсум. Таким образом, во Вселенной реализуется голографический принцип бутстрапа – «все в одном» и «одно во всем» или, в общем виде «все во всем». Но это отображение – не известная нам статичная голограмма, а динамическая голограмма, в которой записана изменяющаяся во времени картина.

О такой голограмме, как о голодвижении, говорил Д. Бом в своей концепции имплицитного (свернутого) порядка во Вселенной, который определяет эксплицитный (развернутый) порядок, реализуемый в видимой Вселенной в текущем настоящем времени [Bohm 1980]. Предлагаемая нами концепция расслоенного внутреннего времени дает наглядное представление о таком скрытом имплицитном порядке, в котором прошлое, настоящее и будущее свернуты в одном базовом моменте и разворачиваются как проекция на линейное физическое время.

Чисто логически мы можем представить себе переход из неопределенного и имплицитно данного состояния, когда субъект и объект свернуты в нерасчлененном единстве и которое соответствует гегелевскому понятию *в-себе-бытия*, в определенное и эксплицитно данное состояние, когда субъективное *Я* и объективное *Я* или восприятие *Я* как *для-другого-бытия* развернуты в непосредственном представлении. Этот фазовый переход соответствует поляризации внутреннего состояния квантовой монады как фазе ее «жизненного цикла» [Спасков 2024, с. 305].

В первой фазе эволюции квантовой Вселенной «запускается течение времени, и возникает пространство» [Спасков 2025, с. 221]. Этот процесс происходит как внутренняя дифференциация сингулярного состояния, в результате которой возникает локальная структура пространства-времени, образующая простейший базовый уровень физической Вселенной и представляющая собой сеть комплементарно связанных квантовых монад. Далее происходит ряд фазовых переходов по мере развития целостной системы квантовых монад и возникает иерархическая структура уровней сложности.

В следующей фазе возникает новый уровень сообщества квантовых монад – «образуются виртуальные частицы» [Спасков 2025, с. 221], в соответствии с принципом неопределенности Гейзенберга. И на следующем этапе психофизической коэволюции возникают реальные частицы, которые «в отличии от виртуальных, стабильны» [Спасков 2025, с. 222].

Таким образом, глобальную эволюцию Вселенной можно представить как коэволюцию материи, жизни и сознания. На самом раннем этапе квантовой Вселенной происходит физическая эволюция, когда возникают в результате квантового отбора различные типы элементарных частиц, а также законы их взаимодействия как безусловные алгоритмы квантового поведения. Далее, в течение миллиардов лет происходила космологическая и химическая эволюция, приведшая к возникновению жизни и началу биологической эволюции на Земле.

Список литературы

1. Спасков 2024 – Спасков А.Н. Квантовая онтология «элементарного интеллекта» // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 3. С. 299 – 309.
2. Спасков 2025 – Спасков А. Н. Живая Вселенная: к юбилею Александра Петровича Трофименко (1950–2008) // Интеллектуальная культура Беларуси в глобальных и религиональных контекстах: материалы Девятой междунар. науч. конф. (20–21 ноября 2025 г., г. Минск). В 2 т. Т. 2. Минск: Четыре четверти, 2025. С. 218–222.
3. Хертог 2023 – Хертог Т. О происхождении времени. Последняя теория Стивена Хокинга. М.: Эксмо., 2023. 496 с.
4. Bohm 1980 – Bohm D. Wholeness and the Implicate Order. London and New York: Routledge, 1980 [2002]. 284 p.
5. Zurek 2009 – Zurek W.H. Quantum Darwinism // Nature Physics. 2009. Vol. 5, no. 3. P. 181–188.

УДК 165:172

ГЕРОНАУКА ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ НОРМЫ

Рашидова Лейла Омаровна

Кафедра общей и медицинской генетики ИББМ ННГУ им. Н.И. Лобачевского, м.н.с.

E-mail: leyla170701@mail.ru

Аннотация: Формирование геронауки обусловлено демографическими и экономическими факторами, а ее ключевая гипотеза предполагает возможность отсрочки возраст-зависимых заболеваний через воздействие на фундаментальные механизмы старения. Однако реализация этой программы сталкивается с концептуальным кризисом: исследовательское сообщество не имеет консенсуса относительно базового определения старения, что порождает неопределенность онтологического статуса самого понятия. Разработка биомаркеров старения сопряжена с эпистемологическими трудностями: проблема операционализации, редукционизм геронаучной гипотезы, эпистемический статус суррогатных конечных точек и скрытая нормативность измерительных процедур. В социально-философской плоскости возникают проблемы стигматизации старения, его медикализации и биоэтические дилеммы, включая риск углубления неравенства в доступе к

геропротективным технологиям. Ключевой вопрос геронауки перед вызовами нормы: кто и на каких основаниях будет определять границу между здоровым долголетием и устранимой патологией.

Ключевые слова: геронаука, старение, норма, биомаркеры, биологический возраст, геропротекторы.

GEROSCIENCE CONFRONTING THE CHALLENGES OF NORMATIVITY

Rashidova Leyla

Department of General and Medical Genetics, Institute of Biology and Biomedicine, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Junior Researcher

Abstract: The emergence of geroscience stems from demographic and economic pressures, with its core hypothesis positing that targeting fundamental aging mechanisms may simultaneously delay multiple age-related diseases. However, this program faces a conceptual crisis: the research community lacks consensus on the basic definition of aging, creating uncertainty about the ontological status of the concept itself. The development of aging biomarkers encounters epistemological challenges: the problem of operationalization, the reductionism of the geroscience hypothesis, the epistemic status of surrogate endpoints, and the implicit normativity of measurement procedures. In the socio-philosophical domain, issues of aging stigmatization, medicalization, and bioethical dilemmas arise, including the risk of deepening inequality in access to geroprotective technologies. The central question for geroscience confronting the challenges of normativity is: who will determine the boundary between healthy longevity and remediable pathology, and on what grounds.

Keywords: geroscience, aging, norm, biomarkers, biological age, geroprotectors.

Формирование геронауки стало ответом на глобальное демографическое старение: к 2050 году численность людей старше 60 лет достигнет 2,1 млрд, а расходы бюджетов здравоохранения развитых стран на лечение возраст-зависимых заболеваний неуклонно растут [WHO 2022]. Институциональный фундамент закладывался раньше: в 1974 году создан Национальный институт старения США, а в 1990-х исследования на модельных организмах показали, что мутации в инсулиновом сигнальном пути способны многократно увеличить продолжительность жизни. В 2013 году сформулированы «признаки старения», а в 2016 году предложена «геронаучная гипотеза»: воздействие на фундаментальные механизмы старения способно одновременно отсрочить спектр возраст-зависимых патологий [Sierra 2016, p. 2-4]. Актуальность обосновывается тремя линиями: снижение экономического бремени [Roehr 2020, p. 1-2], повышение благополучия, макроэкономическая выгода [Scott et al. 2021, p. 616-623]. Ключевая тенденция — переориентация с «lifespan» на «healthspan». Однако реализация этой программы сталкивается с фундаментальной эпистемологической трудностью: само понятие «старение» не имеет консенсусного определения. Согласно исследованию В.Н. Гладышева, на вопрос «что такое старение?» эксперты дают принципиально разные ответы — от утраты функций до накопления повреждений или дисрегуляции, а мнения о точке начала

старения расходятся от гаструляции до 25 лет [Gladyshev et al. 2024, p. 1-4]. Большинство признали отсутствие консенсуса проблемой, но не смогли согласиться даже по вопросу о необходимости такого консенсуса. С эпистемологической точки зрения этот разброс мнений указывает на неопределенность онтологического статуса самого понятия: является ли старение естественным видом с устойчивыми границами, социальным конструктом, отражающим культурные ожидания, или операциональным понятием, содержание которого задается измерительными процедурами? В зависимости от ответа меняются критерии «нормального» и «ускоренного» старения, а следовательно — стратегии стратификации моделей и диагностики.

Реализация программы «healthspan» сталкивается с проблемой определения «нормы» старения. Традиционная медицина опирается на границы между нормой и патологией, тогда как старение — континуум, где трудно провести демаркацию. Ответом стало развитие биомаркеров, однако их разработка сопряжена с эпистемологическими трудностями. Первая — проблема операционализации: на каком основании мы считаем, что эпигенетические часы измеряют именно «старение», а не нечто иное? Часы первого поколения (Хорват, Ханнум) предсказывают хронологический возраст по метилированию ДНК, но хронологический возраст не тождествен биологическому: данный подход может исключать CpG-сайты, сигнализирующие об отклонении биологического возраста от хронологического [Levine et al. 2018, p. 2-3]. DNAm PhenoAge использует в качестве референса «фенотипический возраст» на основе клинических биомаркеров (альбумин, креатинин, глюкоза, С-реактивный белок) и предсказывает различия в смертности [Levine et al. 2018, p. 4-5], демонстрируя лучшую предиктивную способность [Levine et al. 2018, p. 6-8]. Вторая эпистемологическая проблема — редукционизм геронаучной гипотезы. Первая форма редукционизма — ограниченность путей: геронаука фокусируется на нескольких механизмах (mTOR, сенесценция). Вторая форма — игнорирование психосоциальных факторов: старение не сводится к молекулам, включая еще и среду, и психику. Интегративные подходы (транскриптом, протеом и метаболом) решают первую проблему (охватывают больше путей), но не решают вторую (остаются на молекулярном уровне) [Bloch, Magalhaes 2026, p. 1-3]. Третья проблема — эпистемический статус суррогатных конечных точек. При каких условиях биомаркер может считаться валидным суррогатом клинического исхода? Геронаука должна измерять успех не отдельными биомаркерами, а показателями здоровья с поправкой на качество жизни (HALE, QALY) [Scott, 2021]. Четвертая проблема — нормативность в научном знании: где проходит граница между дескриптивным описанием механизмов и прескриптивным решением о том, что считать патологией? Выбор референса для биомаркера (хронологический возраст, фенотипический возраст, смертность) уже содержит нормативный компонент, определяющий, какое старение будет классифицироваться как «ускоренное» и подлежащее коррекции.

Успехи геронауки порождают комплекс социально-философских проблем. С одной стороны, сохранение функциональности способствует интеграции пожилых в экономическую жизнь. С другой — акцент на «борьбе со старением» усиливает стигматизацию. Выявлена связь между негативными стереотипами и биологическими механизмами: интернализованный эйджизм ассоциирован с ухудшением физиологических параметров и когнитивными нарушениями, что указывает на взаимодействие стигматизации с «inflammaging» [Coelho-Junior et al. 2024, p. 112575]. Встает вопрос медикализации — переопределения старения как патологии. Рост рынка anti-age продуктов формирует императив «борьбы с возрастом» и риск перераспределения ресурсов в пользу дорогостоящих вмешательств.

Философский спор о статусе старения имеет давнюю историю: Гален и гиппократовская школа расходились в оценке старения как патологии или естественного процесса. Следующая проблема — философская неопределенность самого обоснования геронауки. Этический дебат доминируется консеквенциалистскими рамками: взвешиванием пользы (снижение страданий, экономия ресурсов) против вреда (риски неравенства, перенаселения). Однако существует альтернативная деонтологическая перспектива: право на продление здоровой жизни может быть обосновано автономией и самоценностью жизни, независимо от последствий [Han, de Magalhães 2026]. Выбор между этими фреймами определяет не только то, как мы оцениваем геронауку, но и то, ради чего мы её развиваем.

Геронаука находится в ситуации концептуального и ценностного разрыва: возможности вмешательства развиваются быстрее, чем формируется понимание нормы и патологии. С эпистемологической точки зрения это проявляется в неопределенности онтологического статуса старения, проблемах операционализации и редукционизма, а также в скрытой нормативности измерительных процедур. Социальные риски — от стигматизации до неравенства — требуют ценностных решений. Ключевой философский вопрос: кто и на каких основаниях будет определять границу между здоровым долголетием и устранимой патологией. Ключевой этический принцип: не следует добавлять годы к жизни, если невозможно добавить жизни к этим годам.

–

Список литературы

1. Bloch Magalhaes 2026 – Bloch K., Magalhaes J.P. Integrative Proteomic and Metabolomic Signatures of Accelerated PhenoAge // medRxiv [Preprint]. 2026. P. 1-15. [doi:10.64898/2026.03.02.26347435]
2. Coelho-Junior et al. 2024 – Coelho-Junior H.J. et al. The influence of ageism on the hallmarks of aging // Experimental Gerontology. 2024. Vol. 196. Article no 112575. [doi: 10.1016/j.exger.2024.112575]
3. Gladyshev et al. 2024 – Gladyshev V.N., Anderson B., Barlit H. et al. Disagreement on foundational principles of biological aging // PNAS Nexus. 2024. Vol. 3. Issue 12. P. 1-7.
4. Levine et al. 2018 – Levine M. E., Lu A. T., Quach A. et al. An epigenetic biomarker of aging for lifespan and healthspan // Aging. 2018. Vol. 10. No. 4. P. 573–591.
5. Roehr et al. 2020 – Roehr B. Geroscience's coming of age // BMJ. 2020. Vol. 370. P. 1-2.
6. Sierra 2016 – Sierra F. The Emergence of Geroscience // Cold Spring Harbor Perspectives in Medicine. 2016. Vol. 6, Issue 4. P. 1-7.
7. Scott, Ellison, Sinclair 2021 – Scott A.J., Ellison M., Sinclair D.A. The economic value of targeting aging // Nature Aging. 2021. No. 1. P. 616-623. [doi: 10.1038/s43587-021-00080-0].
8. World Health Organization. Ageing and health. 2022. URL: https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health.
9. Han, de Magalhães 2026 – Han Z.Z., de Magalhães J.P. The ethics case for longevity science // Ageing Research Reviews. 2026. Vol. 117. Article no 103054. [doi: 10.1016/j.arr.2026.103054]

УДК 168.5

МЕСТО ГЕОГРАФИИ В СИСТЕМЕ НАУК И ПРОБЛЕМА ЕЁ ВНУТРЕННЕЙ ИНТЕГРАЦИИ

Аюпов Артур Дамирович
Московский педагогический государственный университет
Аспирант
E-mail: ayupov1406@mail,ru

Аннотация: В статье проанализированы основные взгляды географов на место географии в системе наук и специфику её внутренней структуры. Особое внимание уделено теоретико-методологическим представлениям отечественного географа Анатолия Григорьевича Исаченко, внёсшего значительный вклад в теорию современной географии. Определено, что однозначное отнесение географии к естественным или социально-гуманитарным наукам не отражает её сущностных особенностей, а уделение большего внимания одному объекту исследования, чем другому, умаляет значимость последнего и нарушает целостность географической науки. Указано, что многие географы видели решение проблемы внутренней дифференциации географии в выделении её единого объекта исследования. Попытки определить его осуществлялись как в зарубежной (А. Геттнер, Р. Хартшорн, Д. Хусон), так и в отечественной (А.Ф. Асланикашвили, Д.Л. Арманд, Э.Б. Алаев, В.А. Шальнев) географии. Также отмечено, что разрешение проблемы возможно в рамках концепта «географическая реальность», где география воспринимается как комплексная наука, исследующая географические объекты и явления в многообразии их пространственно-временных связей. Поэтому вопрос о месте географии в системе наук не имеет чёткого разрешения, поскольку при отнесении географии к тому или иному классу неизбежно игнорируются другие её стороны, без которых совершенно непредставимо географическое знание.

Ключевые слова: физическая география, социально-экономическая и гуманитарная география, номотетические науки, идиографические науки, географическая реальность, А.Г. Исаченко.

THE PLACE OF GEOGRAPHY IN THE SYSTEM OF SCIENCES AND THE PROBLEM OF ITS INTERNAL INTEGRATION

Ayupov Arthur Damirovich
Moscow State Pedagogical University
Postgraduate Student

Abstract: This article analyzes the main views of geographers on the place of geography in the system of sciences and the specifics of its internal structure. Particular attention is paid to the theoretical and methodological views of Russian geographer Anatoly Grigorievich Isachenko, who

made significant contributions to the theory of modern geography. It is determined that the unambiguous classification of geography as a natural or social science does not reflect its essential characteristics, and focusing more attention on one object of study than another diminishes the significance of the latter and undermines the integrity of geographical science. It is noted that many geographers have sought a solution to the problem of geography's internal differentiation by identifying a single object of study. Attempts to define this object have been made in both foreign (A. Hettner, R. Hartshorne, D. Huson) and domestic (A.F. Aslanikashvili, D.L. Armand, E.B. Alaev, V.A. Shalnev) geography. It is also noted that a solution to this problem is possible within the framework of the concept of "geographical reality," where geography is perceived as a complex science that studies geographical objects and phenomena in the diversity of their spatiotemporal connections. Therefore, the question of geography's place within the system of sciences remains unclear, since classifying geography inevitably ignores its other aspects, without which geographical knowledge is completely unimaginable.

Keywords: physical geography, socioeconomic and humanitarian geography, nomothetic sciences, idiographic sciences, geographical reality, A.G. Isachenko.

Одной из центральных проблем, касающихся содержания географии, является вопрос о её месте в системе наук. Сегодня в географии выделяется широкий спектр разделов и подразделов, совокупность которых не позволяет определённо утверждать является география естественной или социально-гуманитарной наукой. Очевидно, что вопрос о том, можно ли считать географию чисто естественной наукой или гуманитарной, остаётся по-прежнему открытым. В работе «Теория и методология географической науки» известный отечественный географ-теоретик А.Г. Исаченко достаточно подробно описал основные теоретико-методологические и философские проблемы географии. И, что особенно важно, автор подчеркивает значимость решения методологических проблем науки. Рассуждая о состоянии современной отечественной географии после распада СССР он указывает на кризис в географической науке. При этом выходом из этого кризиса он считает установление философских оснований географии, её эпистемологической и методологической базы, которые послужили бы ключом к решению давно накопившихся проблем. Он пишет: «Опыт последних десятилетий дает основания заключить, что выход науки из кризиса следует искать не в попытках использовать обманчивую политическую конъюнктуру или в расчетах на проблематичный социальный заказ, а в укреплении ее (науки) фундаментальных теоретических и методологических основ» [Исаченко 2004, с. 71].

Один из наиболее интересных взглядов на методологию и классификацию наук, проанализированный А.Г. Исаченко, представлен в трудах неокантианцев, которые предполагали наличие двух основных типов наук: номотетических и идиографических. Номотетические науки направлены на исследование общих закономерностей, связей, то есть они занимаются установлением законов, поэтому к таким наукам относили естественные науки. Идиографические науки же занимаются преимущественно описанием индивидуальных явлений и событий, имеют дескриптивный характер, и к таким наукам больше относили науки социально-гуманитарные. В. Виндельбанд отмечал: «Одни из них суть науки закона, другие — науки события; первые учат о том, что всегда есть, вторые — о том, что было однажды. Научное мышление — если только позволительно пустить в оборот новые искусственные термины — в одном случае номотетично, а в другом — идиографично» [Виндельбанд 1995, с. 12]. А.Г. Исаченко достаточно подробно проанализировал взгляды географов на то, является

география номотетической или идиографической наукой, и пришёл к выводу, что география является одновременно номотетической и идиографической.

А.Г. Исаченко обосновывает это так: «Согласно принципам диалектики, объективный мир состоит из единичных явлений. Но эти явления не изолированы, а существуют в тесной связи между собой. Единичное немыслимо вне связи с общим и в конечном счете со всей природой. Но и всеобщее немыслимо без единичного. Таким образом, единичное, или отдельное, и всеобщее находятся в противоречивом единстве» [Исаченко 2004, с. 73]. Географическое исследование предполагает как генерализирующее, так и индивидуализирующее понимание явлений (Г. Риккерт, [Риккерт 1998, с. 187]). Номотетический характер географии выражен тем, что она стремится к обобщениям эмпирических данных, установлению закономерностей, созданию генетических классификаций объектов (рек, озёр, почв и т.д.). Идиографический характер отражается в исследовании индивидуальных, неповторимых особенностей каждой конкретной территории. Понятие ландшафт, как одного из важнейших геосистемных элементов в физической географии, может выступать одновременно и типологической единицей, и уникальным природно-территориальным комплексом со свойствами, только ему присущими. «Итак, география — наука одновременно номотетическая и идиографическая» [Исаченко 2004, с. 74]

Считалось, что проблема отнесения географии к определённому типу наук, а также её внутренняя дифференциация на физико-географическую и экономико-географическую область, снимается в рамках хорологической концепции А. Геттнера. Поскольку все географические объекты и явления носят пространственный (хорологический) характер, то и вопрос об их отнесении к конкретному разделу отпадает. «Для А. Геттнера и его сторонников проблема интеграции географии как бы автоматически исключалась, поскольку география в хорологическом понимании, игнорирующая сущностные, качественные различия между изучаемыми объектами, оказывалась единой наукой по определению» [Исаченко 2004, с. 152]. Тем не менее, А. Геттнер отмечал, что «цель географии заключается не в познании каких-то всеобщностей, а в познании фактической действительности, отдельных действительных фактов, будь то состояния или процессы» [Геттнер 1930, с. 200]. Последователи А. Геттнера (Р. Хартшорн и Д. Хусон) усилили идиографический аспект его хорологической концепции, где был сделан упор на страноведческий и социально-экономический раздел. Хорология в их понимании была необходима для объяснения индивидуальных особенностей явлений, а не существенных закономерностей, которые, по их мнению, даже вредны для географического исследования.

В отечественной географии была, наоборот, иная тенденция. В советский период, когда идеологически господствовал диалектический материализм, природные процессы объективировались, исследованию закономерностей придавалось большое значение. Именно поэтому большинство, в первую очередь физико-географических, областей было развиты на высоком уровне. Многие современные представления по климатологии, геоморфологии, почвоведению, гидрологии, океанологии, гляциологии, криолитологии (мерзлотоведению), палеогеографии были сделаны именно в СССР. Но и про человека не забывали. Благодаря Н.Н. Баранскому социально-экономическая география приобретала важное значение. В условиях плановой экономики она носила преимущественно прикладной характер и изучалось, в первую очередь, для достижения хозяйственных целей страны. Тем не менее сам Н.Н. Баранский говорил о «бесчеловечности» физико-географов и «противоестественности» экономико-географов. Внутренняя дифференциация географии на физико-географическую и экономико-географическую область, где первая воспринималось как естественно-научная, а

вторая как социально-гуманитарная, осложняла интеграцию самого географического знания. География как комплексная наука или же комплекс наук всё более расползалась, и сегодня решить эти дезинтеграционные процессы оказывается крайне сложно.

Попытки решения этой проблемы были осуществлены неоднократно. Выходом из положения считали установление единого объекта и предмета изучения географии («геопространство» А. Геттнера и А.Ф. Асланикашвили, «природная сфера, изменённая человеком» Д.Л. Арманда, «геоверсум» Э.Б. Алаева и В.А. Шальнева [Шальнев 1999, web]), обоснование общей географической теории. Но на сегодняшний день эта проблема остается нерешённой и одной из наиболее значимых в методологии географической науки. А.Г. Исаченко находил ключ к решению проблемы в исследовании взаимоотношения природных и гуманитарных процессов. Дихотомия «природа-человек» была для него наиболее сильным аргументом в пользу того, что география – это связующее звено между номотетикой и идиографией, между естественным и гуманитарным знанием. Одним из наиболее актуальных направлений он считал экологическое, поскольку именно в нём взаимоотношения природы и человека рассматривались особенно пристально. Тем не менее отмечалось, что среди географов новых направлений, в т.ч. геоэкологов, очень большое внимание уделяется прикладным вопросом и совсем незначительное теоретическим. Из-за этого страдает методологическая проблематика географии, поскольку внутренние дезинтеграционные процессы сохраняются и не решаются в условиях игнорирования теоретических аспектов прикладных проблем.

В действительности из всех естественных и гуманитарных наук только география стремится к наиболее полному их соединению. Ни в одной другой науке не рассматриваются природные и гуманитарные вопросы так тесно друг с другом. Ни одна другая научная область так не растекается в предмете и объекте исследования. Ни один учёный, кроме географа, не воспринимает окружающий его мир так целостно, так комплексно, так системно. Именно в географии система «природа-человек» приобретает особенный, уникальный смысл. В географическом понимании мира заключено то отношение к нему, при котором человек является не частью и не двигателем, а соучастником большого единого процесса соединения всего природного со всем общественным в виде некой оболочки (ноосферы), которая не только обволакивает всё, но и взаимопроникает в каждую часть всего. Во многом это и есть географическая реальность в её онтологическом понимании. Она и есть то связующее, которое может объединить внутренние отдельные области друг с другом и одновременно определить место географии в системе и классификации наук.

География здесь не воспринимается ни как природная (естественная) наука, ни как общественная (гуманитарная). Она выступает как комплексная наука, которая исследует географические явления во всём многообразии их пространственно-временных связей. География становится одновременно естественно-гуманитарной, природно-общественной, номотетико-идиографической, эмпирико-аналитической и историко-герменевтической (Ю. Хабермас [Хабермас 1990, с. 91]). Поэтому вопрос о том, насколько география сама по себе является естественно-научным или гуманитарным знанием, сам по себе не имеет чёткого разрешения, поскольку при отнесении географии к тому или иному классу неизбежно игнорируются другие её стороны, без которых совершенно непредставимо географическое знание как таковое. Ни в разъединении на области, ни в отнесении географии к определённому типу наук, а только в целостности, системности, комплексности понимания географии можно увидеть то, каким на самом деле является географическая реальность, исследованием которой и занимается наука о Земле.

Список литературы

1. Виндельбанд 1995 – Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. М., 1995. 666 с.
2. Геттнер 1930 – Геттнер, А. География, ее история, сущность и методы. Ленинград-Москва: Государственное издательство, 1930. 416 с.
3. Исаченко 2004 – Исаченко А.Г. Теория и методология географической науки: Учеб. для студ. вузов. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 400 с.
4. Риккерт 1998 – Риккерт Г. Философия жизни. Киев: Ника-Центр, 1998. 512 с.
5. Хабермас 1990 – Хабермас Ю. Познание и интерес // Философские науки. 1990. № 1. С. 90-97.
6. Шальнев 1999, web – Шальнев В.А. Проблемы общей географии (исторический аспект). Ставрополь: Издательство СГУ, 1999. URL: http://teory.narod.ru/tm.htm (дата обращения: 15.04.2026).

УДК: 115:167/168

ТОПОЛОГИЯ, ТУРБУЛЕНТНОСТЬ, ПЕРКОЛЯЦИЯ: ТЕМПОРАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ МИШЕЛЯ СЕРРА

Быков Евгений Михайлович

Тюменский государственный университет, Школа перспективных исследований, Старший преподаватель

E-mail: ebykov.here@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается темпоральная онтология Мишеля Серра как попытка переосмыслить время за пределами линейной хронологии. Основное внимание уделяется тому, каким образом Серр использует концепты математики и естествознания - ламинарное и турбулентное течение, топологическую близость, флуктуацию, шум, хаос и перколяцию - для формирования иной исследовательской интуиции времени. Показывается, что у Серра время не выступает однородным вместилищем событий, но мыслится как реляционный поток: неоднородный, разветвляющийся, способный ускоряться, задерживаться, возвращаться и образовывать локальные зоны связности. Такая модель позволяет описывать сложные природные, исторические и социотехнические процессы, в которых разные временные режимы сосуществуют и воздействуют друг на друга. Особое значение придается образу перколяции: время не просто «течет», но просачивается через неоднородную среду, сталкиваясь с блокировками, порогами, обходными путями и внезапными ускорениями. Делается вывод, что Серр не предлагает альтернативную физическую теорию времени, но

формирует философскую оптику, полезную для анализа сложносоставных систем - от истории науки и технологических инноваций до цифровых платформ и искусственного интеллекта. Эта оптика позволяет увидеть современность как множественную темпоральную среду, где прошлое, настоящее и будущее находятся в отношениях наложения, задержки и взаимного преобразования.

Ключевые слова: Мишель Серр, реляционная темпоральность, множественное время, топология, турбулентность, теория перколяции, интуиция времени

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-00253, https://rscf.ru/project/26-18-00253/

TOPOLOGY, TURBULENCE, PERCOLATION: TEMPORAL ONTOLOGY OF MICHEL SERRES

Bykov Evgenii Mikhailovich

Tyumen State University, School of Advanced Studies (SAS), Senior Lecturer

*Abstract***:** The article examines Michel Serres's temporal ontology as an attempt to rethink time beyond the framework of linear chronology. Special attention is given to the ways in which Serres draws on concepts from mathematics and the natural sciences - laminar and turbulent flow, topological proximity, fluctuation, noise, chaos, and percolation - in order to develop a different research intuition of time. The article shows that, for Serres, time does not function as a homogeneous container of events, but is conceived as a relational flow: heterogeneous, branching, capable of acceleration, delay, return, and the formation of local zones of connectivity. This model makes it possible to describe complex natural, historical, and sociotechnical processes in which different temporal regimes coexist and interact. Particular emphasis is placed on the image of percolation: time does not simply "flow", but filters through a heterogeneous medium, encountering blockages, thresholds, detours, and sudden accelerations. The article concludes that Serres does not offer an alternative physical theory of time, but rather develops a philosophical optics useful for analyzing complex systems - from the history of science and technological innovation to digital platforms and artificial intelligence. This optics allows us to view modernity as a multiple temporal environment in which past, present, and future do not follow one another linearly, but exist in relations of superposition, delay, and mutual transformation.

Keywords: Michel Serres, relational temporality, multiple times, topology, turbulence, theory of percolation, intuition of time

Мишель Серр предлагает один из наиболее необычных способов говорить о времени в философии науки второй половины XX века. Его интересует не только физическое время, не только историческая хронология и не только субъективное переживание длительности, но сама возможность мыслить время как комплексную, неоднородную и реляционную среду – в этом отношении Серр отказывается от упрощающе-линейного понимания, предлагаемого календарём, архивом, биографией или учебником истории.

Задача данной статьи состоит в том, чтобы показать, при помощи каких концептуальных переходов из математики и естествознания Серр перестраивает философскую интуицию времени. Особенно важными здесь оказываются различение *ламинарного и турбулентного* потока, *топологическое* понимание близости и удаленности, а также модель просачивания из *теории перколяции*. Эти понятия выполняют своего рода герменевтическую функцию: позволяют увидеть в привычных процессах те временные структуры, которые остаются невидимыми при линейном понимании хронологии. Время у Серра предстает как поток, который ветвится, задерживается, ускоряется, образует завихрения, локальные застои, возвраты и неожиданные соединения.

Интеллектуальный контекст Серра принципиально междисциплинарен. Его философия складывается на пересечении истории математики, термодинамики, кибернетики, теории информации, литературного анализа и философии науки [Bensaude-Vincent 2025]. В беседах с Бруно Латуром Серр специально подчеркивает, что классическая теория времени мыслит его метрически, тогда как его собственная модель должна быть топологической [Serres, Latour 1995, p. 57-62]. Если геометрия фиксирует расстояния в заранее заданном пространстве, топология позволяет мыслить сближения, складки, разрывы и наложения. В известном примере с платком Серр показывает, что две точки, далекие на развернутой поверхности, могут оказаться рядом, если поверхность смята. Городская среда может за несколько десятилетий перестроить телесные ритмы, пищевые привычки, режимы сна и даже эпидемиологический профиль населения. Цифровые платформы способны ускорять коммуникацию до почти мгновенной, но политические институты продолжают реагировать на нее в логике гораздо более медленных процедур. В таких случаях единой скорости времени не существует: есть несколько соприсутствующих темпоральных режимов.

В книге «Genesis» Серр радикализирует эту мысль посредством понятий хаоса, шума, потока и флуктуации. Он пишет, что время прежде всего является «хаосом», «шумом» и «беспорядком» [Serres1995, p. 97]. Эту фразу не следует понимать как поэтическую гиперболу - для Серра хаос не означает отсутствие всякой структуры; скорее, он обозначает *исходную множественность*, из которой локально возникают различимые формы. Ламинарный поток событий – это упорядоченное течение, почти пространство, почти застывшая классификация. Но под ним всегда сохраняется другой, турбулентный уровень: флуктуации, толчки, шум возможного. Время, близкое к хаосу, «не интегрируемо» и не может быть полностью схвачено в виде единой массы или класса [Serres 1995, p. 99-100]. Тем самым, вторя своим бергсонианским истокам, Серр противопоставляет время как живую процессуальность времени как уже стабилизированной схеме.

Различение ламинарного и турбулентного здесь подчёркнуто особенно рельефно. Ламинарность дает образ гладкого, предсказуемого, направленного течения: именно так мы

обычно представляем себе хронологию. Турбулентность же вводит в темпоральность завихрения, обратные токи, локальные ускорения и зоны непредсказуемости. В этом смысле Серр совершает парадоксальный ход: он берет понятия, разработанные для описания физических процессов, и использует их для перестройки интуиции времени как таковой.

Позднее турбулентность-как-время уточняется Серром при помощи другого физического процесса, как это можно заметить в статье «Точная и гуманитарная науки. Случай Тёрнера» [Серр 1998]: время скорее перколирует (просачивается), чем течет. Образ перколяции важен тем, что он заменяет реку фильтром – вода в реке течет вдоль русла, тогда как жидкость в перколяторе проходит через неоднородную среду: где-то задерживается, где-то просачивается, где-то встречает блокировки, где-то внезапно находит связный путь. Поэтому Серр говорит о времени, которое останавливается, начинается вновь, разделяется, смешивается, возвращается и ускоряется. Такая модель делает видимыми не только плавные эволюции, но и кризисы, застои, регрессии, скачки, неравномерные переходы.

Теория перколяции позволяет разъяснить этот образ: в самом общем виде она исследует условия, при которых в случайно заполненной среде возникает связный путь [Stauffer, Aharony 1994: Ch.1]. При малой вероятности занятости узлов или связей система распадается на отдельные кластеры; при достижении критического порога возникает переход к глобальной связности. Вблизи порога поведение системы становится особенно сложным: появляются фрактальные структуры, длинные обходные пути, локальные связи, которые еще не гарантируют эффективной проходимости, и чувствительность к малым изменениям. Именно эта область между рассеянностью и устойчивой связностью особенно важна для философского использования модели. Она позволяет мыслить время не как равномерную длительность, а *как процесс образования проходимостей*.

Если перенести эту модель на историю науки и техники, можно увидеть, что новое не наступает сразу и повсюду. Оно возникает как сеть частичных проходов. На ранних стадиях технологической конкуренции, например, в развитии квантовых вычислений или биотехнологий, еще нет устойчивого русла будущего. Есть множество локальных траекторий, неравномерно соединенных между собой. Одни решения быстро распространяются, но затем блокируются инфраструктурными или правовыми ограничениями – другие же долго остаются маргинальными, а затем внезапно становятся центральными. Ретроспективно такие процессы выглядят почти неизбежными: кажется, что история «шла» к определенному результату. Но в эпицентре событий они скорее напоминают перколяционную среду, где еще неясно, какие связи образуют глобальный проход.

То же касается социальных кризисов. Революции, войны, экономические обвалы или резкие культурные сдвиги часто описываются задним числом как последовательные процессы, имеющие причины, стадии и итог. Однако для непосредственных участников они переживаются как турбулентность: как разрыв привычных ожиданий, ускорение одних событий и паралич других. Одни институты продолжают работать по старым правилам, другие уже перешли в новый режим, третьи временно утратили связность. В такие моменты прошлое не исчезает – оно может возвращаться в виде архаических политических форм, религиозных символов, имперских воображаемых или доцифровых практик контроля.

Поэтому *современность* у Серра не является чистой эпохой, отрезанной от архаики: она всегда полихронична.

Практическая ценность серровской модели состоит не в том, что она предлагает новую физическую теорию времени (было бы ошибкой читать Серра как автора альтернативной космологии). Его темпоральная онтология скорее меняет способ считывания событий. Она тренирует исследователя видеть не одну шкалу времени, а несколько наложенных режимов: быстрые и медленные, локальные и глобальные, возвратные и прогрессивные, стабилизированные и турбулентные [Assad 1999]. Искусственный интеллект, например, развивается одновременно в нескольких временных слоях: в скорости вычислений и обновления моделей, в медленном изменении трудовых практик, в еще более медленной перестройке права, образования и этики. Глобальные системы связи мгновенно ускоряют обмен сигналами, но не устраняют культурных задержек, политических блокировок и инфраструктурных неравенств.

Принятие этой философской интуиции расширяет нашу повседневную интуицию времени. Мы привыкли спрашивать: «в каком году это произошло?» или «что было раньше?», тогда как оптика Серра заставляет добавить другие вопросы:

— Какие потоки здесь соединяются?
— Какие элементы прошлого ближе к настоящему, чем недавние события?
— Какие локальные флуктуации могут стать глобальными проходами?
— Где будущее уже наступило, а где оно блокировано?

Эти вопросы не отменяют линейную хронологию, но делают ее частным случаем. Темпоральная онтология Серра может быть операционализирована как исследовательская установка. Она требует:

- во-первых, отказа от предпосылки единого *темпа* исторического процесса;
- во-вторых, внимания к топологическим сближениям удаленных эпох и практик;
- в-третьих, анализа пороговых состояний, где еще не сложилось устойчивое русло развития;
- в-четвертых, описания турбулентных зон, в которых причинность становится распределенной, а будущее - множественным.

Продуктивность естественно-научных и математических аналогий у Серра состоит в том, что они исподволь перестраивают саму чувствительность исследователя к восприятию времени, формируя рабочую темпоральную оптику. Она помогает понять, почему в окружающем мире будущее наступает неравномерно, прошлое возвращается не как простое повторение, а настоящее оказывается зоной наложения потоков множества различных времён.

Список литературы

1. Серр 1998 – Точная и гуманитарная науки. Случай Тёрнера / Пер. с англ. М. Корниловой // Комментарии. 1998. № 14. С. 104-112.
2. Assad 1999 – Assad M. L. Reading with Michel Serres: An Encounter with Time. Albany: State University of New York Press, 1999. 204 p.
3. Bensaude-Vincent 2025 – Bensaude-Vincent B. The Scientific Roots of Serres's Philosophy of Time // Parrhesia. 2025. № 39. P. 67-92.
4. Serres 1995 – Serres M. Genesis / Trans. by G. James and J. Nielson. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995. 142 p.
5. Serres, Latour 1995 – Serres M., Latour B. Conversations on Science, Culture, and Time / Trans. by R. Lapidus. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995. 204 p.
6. Stauffer, Aharony 1994 – Stauffer D., Aharony A. Introduction to Percolation Theory. 2nd ed. London: Taylor & Francis, 1994. 192 p.

УДК 165.12

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ АГЕНТНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Карпенко Иван Александрович

кандидат философских наук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доцент

E-mail: gobzev@hse.ru

Аннотация: в статье предлагается разграничение трёх типов агентности – онтологической, функциональной и приписанной. Центральный тезис состоит в том, что функциональная агентность является подлинным, а не метафорическим типом. Это обосновывается через телеологическую теорию функции Р. Милликан и организационный подход М. Моссио, а также через критику аргумента от деривативной интенциональности. Вводится принцип градуализма: вместо бинарного вопроса об агентности предлагается эмпирически ориентированный вопрос «в какой мере и в каком смысле». Выделяются три измерения градуальной оценки: перцептивная интеграция, темпоральная глубина и метакогнитивная чувствительность. На основе анализа агентных архитектур (ReAct, Reflexion, генеративные агенты) формулируются пороговые критерии функциональной агентности и устанавливается, что современные ИИ-системы удовлетворяют им в различной степени.

Ключевые слова: агентность, искусственный интеллект, функциональный агент, градуализм, сознание, большие языковые модели

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-00253, https://rscf.ru/project/26-18-00253/

FUNCTIONAL AGENCY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Ivan A. Karpenko

PhD, HSE University, Associate Professor

Abstract: The article proposes a distinction between three types of agency: ontological, functional, and ascribed. The central thesis is that functional agency constitutes a genuine rather than a metaphorical type. This is substantiated through Ruth Millikan's teleological theory of function and Matteo Mossio's organizational approach, as well as through a critique of the argument from derivative intentionality. The principle of gradualism is introduced: instead of a binary question of agency, an empirically oriented question of "to what extent and in what sense" is proposed. Three dimensions of gradual assessment are identified: perceptual integration, temporal depth, and metacognitive sensitivity. Based on an analysis of agentic architectures (ReAct, Reflexion, generative agents), threshold criteria for functional agency are formulated, establishing that contemporary AI systems satisfy these criteria to varying degrees.

Keywords: agency, artificial intelligence, functional agent, gradualism, consciousness large language models

Философская дискуссия об агентности искусственного интеллекта имеет характерный изъян: критерии агентности сформулированы применительно к человеку и некритически перенесены на нечеловеческие системы. В итоге вопрос решается тавтологически – ИИ не является агентом, поскольку не обладает свойствами, делающими агентом человека. Ни в теории действия, ни в когнитивной науке нет оснований полагать, что человек есть единственный парадигматический случай агента. Скептики апеллируют к аргументу Дж. Сёрла о «китайской комнате» [Searle 1980] и его современной версии – тезису о «стохастических попугаях» [Bender et al. 2021]. Настоящая статья не отвергает эти позиции, а показывает, что ответ на них требует концептуального уточнения понятий агентности, сознания и понимания. Наиболее близкую стратегию предложил Л. Дунг, построивший многомерную концепцию агентности [Dung 2025], однако его подход формирует измерения внутри единого понятия, тогда как мы разграничиваем три несводимых типа и дополнительно связываем типологию с телеологическим обоснованием функциональных целей.

Философская традиция связывает агентность с интенциональностью (Д. Дэвидсон), нормативным планированием (М. Брэтман), рефлексивностью и свободой воли. При ближайшем рассмотрении все эти критерии ориентированы на человека как парадигму: интенциональность в смысле Брентано предполагает сознательную направленность, рефлексивность требует самосознания в человеческом смысле. Этот антропоцентризм лишён эволюционного обоснования. Наиболее последовательную попытку преодолеть это ограничение предпринял Д. Деннетт, трактующий интенциональность функционально: система интенциональна, если предсказание её поведения через приписывание целей является

наиболее экономичной стратегией [Dennett 1987]. Ф. Дрецке показал, что содержание ментальных состояний определяется каузальной и телеологической историей системы, а не субстратом [Dretske 1988], что превращает различие между исходной и производной интенциональностью в вопрос степени.

Мы различаем три типа агентности. Онтологическая агентность основана на внутренних свойствах системы: подлинной ментальности, интенциональных состояниях в сильном смысле, рефлексивном самосознании. Именно это имеют в виду, когда утверждают, что ИИ не является агентом. Функциональная агентность определяется через архитектурные и поведенческие критерии безотносительно к субстрату. Система является функциональным агентом, если она удовлетворяет критериям: (1) имеет внутренние переменные, влияющие на поведение; (2) действует в среде посредством инструментов; (3) реализует цикл восприятие–планирование–действие–обратная связь; (4) способна к перепланированию при неудаче; (5) сохраняет преемственность состояний во времени [Wooldridge, Jennings 1995]. Приписанная агентность описывает наделение системы статусом агента в силу социальных практик и нормативных конвенций – классический пример: юридическое лицо.

То, что функциональная агентность является подлинным, а не метафорическим типом, телеологическая теория функции Р. Милликан обосновывает через каузальную историю: функциональные состояния онтологически реальны, если отобраны эволюцией, обучением или проектированием именно потому, что производят определённые эффекты [Millikan 1984]. Поскольку этиологические теории разрабатывались для биологических систем и их применимость к артефактам оспорена, мы дополнительно опираемся на организационный подход М. Моссио: компонент обладает функцией, если вносит необходимый вклад в организационное замыкание системы безотносительно к субстрату [Mossio et al. 2009]. В агентной архитектуре целевые состояния (функция потерь, метрики успеха) каузально необходимы для поддержания агентного цикла: изъятие целевого состояния из системы разрушает агентное поведение так же, как остановка сердца разрушает организм. Они вносят вклад в организационное замыкание агентного цикла, что делает их онтологически реальными в смысле организационного подхода.

Разграничение трёх типов позволяет избежать двух симметричных ошибок: отрицания агентности ИИ на том основании, что она «ненастоящая» (смешение онтологического и функционального типов), и некритического наделения ИИ полным субъектным статусом (смешение функционального и приписанного).

Например, изолированная большая языковая модель не является функциональным агентом: у неё нет эндогенных целей, постоянной памяти, замкнутого цикла воздействия на среду [Wang et al. 2024]. Ситуация принципиально меняется при встраивании языковой модели в агентную архитектуру.

Можно ввести пороговые условия для обозначенных выше пяти критериев агентности: (1) наличие минимум двух различимых целей с контекстным переключением; (2) хотя бы один полный итеративный цикл восприятие–планирование–действие–обратная связь; (3) сохранённая информация влияет на выбор действия; (4) минимум два инструмента с неперекрывающимися функциями; (5) хотя бы однократное изменение стратегии после негативной обратной связи. Критерии должны удовлетворяться совместно: функциональная агентность – свойство архитектуры как целого.

Например, архитектура ReAct (чередование рассуждения и действия для решения задач) реализует критерии (1), (2) и (4) [Yao et al. 2023]: модель формирует план с целевым состоянием, выбирает инструмент и корректирует план по результату. Критерий (3) удовлетворяется лишь в пределах сессии; (5) – в ограниченной форме. Архитектура Reflexion (обучение на ошибках через саморефлексию) добавляет эксплицитный метакогнитивный компонент: при ошибке система анализирует причины неудачи и корректирует стратегию, удерживая исходную цель [Shinn et al. 2023]. Это усиливает удовлетворение критерия (5) и вводит элемент преемственности (3). Генеративные агенты с долговременной памятью реализуют наиболее полный набор критериев: внешнее хранилище функционально интегрировано в агентный цикл и, с позиций организационного подхода, конститутивно для агентности [Park et al. 2023].

Полноценная агентная архитектура с замкнутым циклом, рефлексией и долговременной памятью удовлетворяет всем пяти пороговым критериям. Архитектуры без рефлексии и памяти удовлетворяют критериям (1), (2) и (4), лишь частично – (3) и (5). В итоге изолированная языковая модель не является функциональным агентом. Введённые пороговые критерии являются необходимыми; вопрос об их достаточности остаётся открытым.

Таким образом, разграничение онтологической, функциональной и приписанной агентности в сочетании с принципом градуализма позволяет преодолеть ограничения, порождённые двумя бинарными вопросами – «является ли ИИ агентом?» и, как кажется, в применимо к «обладает ли ИИ сознанием?». Типология показывает, что первый вопрос допускает содержательный утвердительный ответ в функциональном смысле. Принцип градуализма показывает, что второй вопрос должен быть переформулирован: не «есть или нет», а «в какой мере и в каком смысле» – применительно к каждому из компонентов многомерных явлений сознания. Это перемещает дискуссию из области спекуляций в исследовательское поле, допускающее частичные и уточняемые ответы. Трудная проблема сознания остаётся за пределами функционалистских критериев; отсутствие биологического субстрата составляет эпистемическую асимметрию, но не доказывает отсутствия феноменального сознания у ИИ-систем.

Список литературы

1. Dennett 1987 – Dennett D.C. The Intentional Stance. Cambridge, MA: MIT Press, 1987. 388 p.
2. Dretske 1988 – Dretske F. Explaining Behavior: Reasons in a World of Causes. Cambridge, MA: MIT Press, 1988. 208 p.
3. Dung 2025 – Dung L. Understanding Artificial Agency // The Philosophical Quarterly. 2025. Vol. 75, N 2. P. 450–472.
4. Millikan 1984 – Millikan R.G. Language, Thought, and Other Biological Categories: New Foundations for Realism. Cambridge, MA: MIT Press, 1984. 355 p.
5. Mossio et al. 2009 – Mossio M., Saborido C., Moreno A. An Organizational Account of Biological Functions // The British Journal for the Philosophy of Science. 2009. Vol. 60. No 4. P. 813–841.

6. Park et al. 2023 – Park J.S., O'Brien J.C., Cai C.J. et al. Generative Agents: Interactive Simulacra of Human Behavior // Proceedings of the 36th Annual ACM Symposium on User Interface Software and Technology. New York: ACM, 2023. P. 1–22.
7. Searle 1980 – Searle J.R. Minds, Brains, and Programs // Behavioral and Brain Sciences. 1980. Vol. 3. No 3. P. 417–424.
8. Shinn et al. 2023 – Shinn N., Cassano F., Gopinath A. et al. Reflexion: Language Agents with Verbal Reinforcement Learning // Advances in Neural Information Processing Systems (NeurIPS 2023). 2023. Vol. 36. URL: https://arxiv.org/abs/2303.11366 (дата обращения: 01.04.2026).
9. Wang et al. 2024 – Wang L., Ma C., Feng X. et al. A Survey on Large Language Model Based Autonomous Agents // Frontiers of Computer Science. 2024. Vol. 18. No 6. Art. no 186345.
10. Wooldridge, Jennings 1995 – Wooldridge M., Jennings N.R. Intelligent Agents: Theory and Practice // The Knowledge Engineering Review. 1995. Vol. 10 No 2. P. 115–152.
11. Yao et al. 2023 – Yao S., Zhao J., Yu D. et al. ReAct: Synergizing Reasoning and Acting in Language Models // Proceedings of the International Conference on Learning Representations (ICLR 2023). 2023. URL: https://arxiv.org/abs/2210.03629 (дата обращения: 01.04.2026).

ЧАСТЬ 7

ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 120.2

АКАДЕМИЗАЦИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА В СОЦИАЛЬНОМ БЫТИЕ КУЛЬТУРЫ

Тищенко Наталья Викторовна

доктор культурологии

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная консерватория имени Л.В. Собинова»,

профессор кафедры истории и теории

исполнительского искусства и музыкальной педагогики

e-mail: mihailovan@inbox.ru

Аннотация: Сложность понятия «академизация» порождает достаточно парадоксальную ситуацию в исследовательской литературе – при активном обсуждении явлений, связанных с академизацией музыкального искусства, сам термин не получил общеупотебительного и общепринятого определения. Концепция академизации музыкального искусства и музыкального образования Д.И. Варламова позволяет музыкальную мысль, язык, практику (исполнительство, сочинительство) интерпретировать как сегменты схем и принципов мышления, легализованных в культуре, знаки и символы языка культуры, часть социальных практик, включающих технологии, традиции, ритуалы, мифы. Рассматриваемая в контексте глобализации и эволюции идея академизации музыкального искусства может потерять свою актуальность, т.к. в этом случае в пространство экспликации не попадают процессы, кардинальным образом трансформирующие современное музыкальное творчество: технологический уклад, новые способы коммуникации, смена эстетических приоритетов. В рамках концепции «археологии знания» М. Фуко предпринимается попытка ревизии основных идей академизации, критически осмысляются понятия эволюции и глобализации, как термины, сформированные для поддержания идей рациональности. Делаются выводы о границах применения концепции академизации музыкального искусства и перспективах дальнейших исследований академизации уже в контексте концепции дискретной истории.

Ключевые слова: академизация, музыкальное искусство, концепция Д.И. Варламова, «археология знания» М. Фуко, эпистемы, эволюция, глобализм.

ACADEMICIZATION OF THE ART OF MUSIC IN THE SOCIAL BEING OF CULTURE

Tishchenko Natalya Viktorovna

Saratov State Conservatoire named after L.V. Sobinov

Abstract: The complexity of the concept of «academization» creates a rather paradoxical situation in the research literature: despite the active discussion of phenomena related to the academization of musical art, the term itself has not received a universally used and generally accepted definition. D.I. Varlamov's concept of the academization of musical art and music education allows musical thought, language, and practice (performance, composition) to be interpreted as segments of thought schemes and principles legalized in culture, signs and symbols of cultural language, and part of social practices, including technologies, traditions, rituals, and myths. Considered in the context of globalization and evolution, the idea of academization of musical art may lose its relevance, as in this case, processes that fundamentally transform contemporary musical creativity do not enter the space of explication: the technological paradigm, new communication methods, and a shift in aesthetic priorities. Within the framework of M. Foucault's concept of the «archaeology of knowledge», an attempt is made to revise the main ideas of academization, and the concepts of evolution and globalization are critically examined as terms formed to support the ideas of rationality. Conclusions are drawn about the limits of applying the concept of academization of musical art and the prospects for further research into academization within the context of the concept of discrete history.

Keywords: academicization, the art of music, D.I. Varlamov's concept, Michel Foucault's «archaeology of knowledge», episteme, evolution, globalization.

Вопрос академизации музыкального искусства аккумулирует вокруг себя множество важных проблем: от фундаментальных вопросов бытия искусства и способов рефлексии о нем, до реализации практических задач в процессе обучения творческим профессиям. Полифункциональность понятия «академизация» определяется тем, что оно применимо не к какому-то конкретному объекту творческой деятельности, а касается процесса творчества как неотъемлемой части социальной реальности. Цель данной работы предполагает критический анализ процесса академизации в контексте социального бытия культуры. Теоретической основой критического анализа выступает концепция М. Фуко [Фуко 1996], трактующая знание, практики и власть не в качестве эволюционирующих субстанций, а как явления, принадлежащие конкретному историко-смысловому пространству, определяя эти масштабные явления как эпистемы и дискурсивные формации.

Понятие академизации в музыкальном искусстве разрабатывает Д.И. Варламов, предлагая следующее определение: «…сущность академизации открывается при широком взгляде на эволюцию музыкального искусства и образования как на процесс развития музыкального мышления, языка и творчества от аутентичного фольклорного к современному академическому типу» [Варламов 2014а, с. 111–113]. Благодаря академизации музыкальное искусство в целом интерпретируется как неотъемлемая и принципиальная составляющая социокультурного процесса. Для российского музыковедения это очень важное теоретическое

допущение, т.к. большинство исследований зачастую рассматривают музыкальное искусство и музыкальные практики в качестве некоего автономного сегмента, который в лучшем случае связывают с историческими фактами, но практически никогда не анализируют через схемы мышления, политические стратегии, логику управленческих решений, доминирующую образную систему, культурные коды.

Увидеть в музыкальном искусстве сопряжение разнообразных социокультурных процессов и сил Д.И. Варламову позволила методология К. Маркса, посредством которой искусство представляется как часть эволюции общественного дискурса [Варламов 2014b, с. 57-64]. В рамках данной методологии можно интерпретировать музыкальное искусство с позиции политической системы (музыка как идеология), экономических процессов (музыкальный продукт как отчуждение ресурсов), символических структур (музыка как система образов), антропологических факторов (музыка как вид деятельности).

Но концепция К. Маркса содержит в себе возможности не только эволюционистского анализа истории и процессов. К. Маркс давно и успешно был объявлен первым структуралистом [Альтюссер 2006] и его метод исследования, основанный на анализе сил и функций, лежит в основе совершенно противоположной эволюционизму концепции – теории прерывности культурно-исторического процесса, теории эпистемологических разрывов, объясняющих кардинальные сдвиги в научных знаниях, технологических укладах и соцокультурных практиках.

Д.И. Варламов определяет академизацию через понятия всеобщности, закономерности, поступательного движения от хаоса к организованности. Все эти характеристики возможны только в условиях интерпретации исторического процесса как некой непрерывности и наличия общих критериев рациональности, эффективности, производительности и т.д., признаваемых всеми общественными системами. В работах «Слова и вещи» и «Археология знания» М. Фуко ставит под сомнение линейность истории мысли и критически осмысливает легитимность форм рациональности, правомерно сформулировав вопрос о важности дискурсивного высказывания в противовес авторитетам. Кто задает нормы академизации? Какими критериями оперируют при выработке норм академизации? Чем эти критерии обусловлены? Как пишет Д.И. Варламов, абстрактное «профессиональное сообщество» отбирает «лучшие образцы», но происхождение этих образцов теряется в формализованных правилах, регламентирующих работу структур, обеспечивающих академизацию.

В фукольдианском мире эпистем, порогов и разрывов мышления академизация выступает в качестве аутентичного предмета исследования. Так первую часть определения академизации «изменение мышления и творческой деятельности человечества» можно трактовать как проявление смены эпистем в музыкальном искусстве и творчестве в целом. Вторую же часть определения – академизация это «процесс эволюции от фольклора к академическому искусству» – интерпретировать не в терминологии эволюционизма, а как полное и принципиальное перекодирование народной, фольклорной традиции, не «развитие» народной музыки, а ее переосмысление в новой интеллектуальной концепции.

Иллюстрацией академизации как формы конструирования определенного типа мышления, которому должны соответствовать сопутствующие процессы – социальные, политические, экономические и т.д. – является создание М.И. Глинкой симфонических увертюр «Арагонская хота» (1845) и «Камаринская» (1848). В рамках концепции академизации эти музыкальные тексты предстают образцами русского симфонизма.

Музыкальный язык симфонических увертюр демонстрирует перекодировку народных музыкальных высказываний, трансформацию фольклорного языка в нечто совершенно новое, недопустимое в прежнем способе восприятия музыки, но совершенно актуальное, гениальное и эталонное в новой эпистеме, где музыкальный язык профессионализируется, обретает различные классификации, становится структурно организован.

Еще более ранний пример смены мышления в музыке, деконструкции прежних образцов звучания и фразировки – написание двух томов «Хорошо темперированного клавира» И.С. Бахом (1722 г., 1744 г.). ХТК является одним из практических воплощений новой эпистемы, связанной с появлением классической науки (новый тип мышления), капитализма (новые способы организации материального и технического уклада), конституционной монархии и республики (новые формы политической жизни и идеологии) буржуазии (новый социальный порядок и новые повседневные практики). Многочисленные новации в музыкальной европейской культуре XVIII века представляют собой не продукт эволюционизма, а последствия смены эпистем, ревизии схем мышления и интерпретации действительности. И академизация в этом процессе играет центральную роль – но не в форме эволюционного развития, а как технология организации новой формы мышления в музыке, которая включает в себя профессионализацию, тенденцию к узкой специализации, жесткую классификацию форм и жанров (влияние языка описания классической науки). Однако и здесь вопрос автора остается открытым. М. Фуко интерпретировал двояко условия, определяющие субъекта речи. С одной стороны – это жесткая структура, сформированная конгломератом знания и власти, с другой – связывал со сложной интеллектуальной практикой, доступной тем, кто решится связать свой образ жизни со стремлением к истине, красоте, добру [Фуко 1994]. Очень точно вторую стратегию характеризует Касавин И.Т., размышляя об эпистемологическом субъекте: «Автор, вступая на свою стезю, возвышает себя до интеллектуального лидера, героя, судьба которого по определению трагична… творчество выступает как интеллектуальное мужество («мужество быть» Пауля Тиллиха), как преодоление страха смерти, вклад в культуру, от которого нельзя отказаться, но который можно по недомыслию забыть» [Касавин 2025, с. 20]. В академизации, обусловленной структурами знания и власти, нет героев, т.к. всегда можно сослаться, апеллировать нормами, протоколами, ГОСТами, утвержденными методиками и т.д. Но интеллектуальное начало процесса академизации было положено героями…

Д.И. Варламов связывает «развитие музыкального мышления» с процессами глобализации. Совершенно в ином ключе представляется понятие «глобализация», если его интерпретацию провести посредством концепции эпистем. С точки зрения линейного развития истории – глобализация как процесс, унифицирующий культурные различия, вполне подходит для объяснения академизации, включающей формирование единого музыкального языка. Но в рамках концепции эпистем академизация, предлагающая универсальный музыкальный язык, объединяющий профессионалов-музыкантов независимо от их культурной принадлежности, скорее соотносится с трендами классической науки, чем с характеристиками глобализации. Теория глобализации – это идеологически сформированный концепт, объединяющий на основе материальных приоритетов (единство потребления, единство производства). Смысл глобализации в установлении, прежде всего, единого экономического и политического порядка. В противовес глобализации и распространению ценностей западного мира постоянно формулируются альтернативные идеологии. И речь сейчас не об антиглобалистких движениях, а о серьезных, идеологически выверенных доктринах. Иллюстрацией подобных идеологических парадигм является законодательно

принятая в Китае национальная концепция «духа Лэй Фэна», которую китайские исследователи уже провозгласили «универсальным моральным ресурсом», концепцией «сообщества единой судьбы человечества» [Ван, Чжан 2025].

С позиции концепции эпистем академизация – это технология организации новых форм мышления в музыке, которой должны соответствовать сопутствующие процессы – социальные, политические, экономические и т.д. актуальные для определенного историко-культурного периода. То, что принято считать академическим искусством – сформировалось в рамках европейской эпистемы в XVII столетии. В современных реалиях происходит масштабная трансформация классической эпистемы. Новый шестой технологический уклад, иные формы получения и передачи знания, трансформации в коммуникациях, альтернативные политические системы: все это предвестники формирования иной эпистемы, строящейся на совершенно других принципах. В будущем уже другая дискурсивная формация, на своих собственных основаниях и принципах проведет ревизию всех привычных для современной культуры смыслов и значений и академизация в современном понимании станет частью истории знания. Уступив место новым формам и принципам легализации и утверждения искусства.

Список литературы

Альтюссер 2006 – Альтюссер Л. За Маркса. М.: Праксис, 2006. 392 с.

Ван, Чжан 2025 – Ван П., Чжан Х. Глобальный резонанс духа Лэй Фэна: межкультурный анализ его современной ценности и международного распространения // Культура и искусство. 2025. № 11. С. 59-70.

Варламов 2014a – Варламов Д.И. Академизация музыкального искусства и образования в контексте глобализации современного общества // Теория и практика общественного развития. 2014. № 5. С. 111–113.

Варламов 2014b – Варламов Д.И. Академизация музыкального искусства и образования как процесс // Европейский журнал социальных наук. 2014. № 3. Т. 2. С. 57–64.

Касавин 2025 – Касавин И.Т. Эпистемический субъект и трагический герой // Эпистемология и философия науки. 2025. Т. 62. № 3. С. 6-22.

Фуко 1996 – Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.

Фуко 1994 – Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук. СПб.: A-cad, 1994. 406 с.

УДК 001:008

УРОВНИ СУБЪЕКТНОСТИ КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ НАУК

Тульчинский Григорий Львович

Доктор философских наук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», профессор;

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, профессор;

Балтийский федеральный университет имени И.Канта, научный сотрудник

E-mail: gtul@mail.ru

Аннотация: Приоритетность технологических разработок порождает представление о снижении роли и значения социальных и гуманитарных наук. В этом контексте актуальной и важной является систематизация факторов интегрального единства научного знания. Как было показано ранее, система таких факторов включает способы презентации научного знания с учётом степени акцентуации, а также взаимодополнительность инфраструктуры предметных областей. Данное сообщение представляет ещё один важный интегративный фактор, в качестве которого выступают уровни субъектности, которые генерируют как предметные области, так и презентацию знания о них. Различение уровней субъектности связано со спецификой их роли в семиозисе, его институционализации, соответствующей научной коммуникации: обеспечение стабильности и динамики смыслообразования: прокреативная преадаптация и реализация алгоритмов. Роль уровней субъектности представляет особый интерес в связи с трансформацией социально-культурных практик, включая науку в цифровые форматы, использование как систем искусственного интеллекта, только генерирующих текст (LLM), так и систем, решающих задачи и выполняющих действия (LAM). Тем самым, становится ясным, что цифровизация не столько отодвигает социальное и гуманитарное знание на задний план, сколько создает запрос на него.

Ключевые слова: агентивность, гумантарность, естествознание, междисциплинарность, наррация, семиозис, социальные науки, субъектность

LEVELS OF SUBJECTNESS AS A FACTOR IN THE INTEGRATION OF SCIENCES

Tulchinskii Grigorii Lvovich
National Research University Higher School of Economics, professor;
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, professor;
Immanuel Kant Baltic Federal University, research fellow

Abstract: The technological developments prioritization gives rise to the perception of a diminished role and significance of the social sciences and humanities. In this context, systematizing the factors that contribute to the integral unity of scientific knowledge is relevant and important. As demonstrated previously, this system of factors includes methods of presenting scientific knowledge, taking into account the degree of emphasis, as well as the complementarity of the infrastructure of subject areas.

This paper presents another important integrative factor: levels of subjectivity, which generate both subject areas and the presentation of knowledge about them. The distinction between levels of subjectivity is linked to the specific role they play in semiosis, its institutionalization, and the corresponding scientific communication: ensuring the stability and dynamics of meaning-making, procreative pre-adaptation, and implementation of algorithms. The role of levels of subjectivity is of particular interest in light of the transformation of socio-cultural practices, incorporating science into digital formats and the use of both text-only artificial intelligence systems (LLM) and systems that solve problems and perform actions (LAM). Thus, it becomes clear that digitalization does not so much relegate social and humanities knowledge to the background as it creates a demand for it.

Keywords: agency, humanities, interdisciplinarity, narration, natural science, semiosis, social sciences, subjectivity

Характерной особенностью современного позиционирования научных дисциплин является заметное снижение статуса гуманитарных и социальных наук. Это выражается в финансировании, распределении грантов, сокращении образовательных программ, оценке труда специалистов. На первый взгляд такая ситуация выглядит закономерной на фоне всё большей зависимости экономики, социальной жизни, даже политических решений от развития и использования новых технологий, связанных с алгоритмизацией, цифровыми форматами, интенсивным использованием систем искусственного интеллекта.

Вместе с тем, сами технологические разработки, опыт их внедрения и результаты внедрения, во всё большей степени выявляют взаимосвязь и даже взаимозависимость между точными и естественно-научными науками, с одной стороны, и социально-гуманитарными – с другой. Более того, выявляются процессы и факторы не только междисциплинарных связей, но и интеграции научного знания.

Ранее было показана инфраструктурная взаимодополнительность научного знания. Так знания о природе не являются самоценными, а выступают знанием об инфраструктуре обеспечения существования и развития социума. В свою очередь, не являются самоценными знания о социуме, который выступает инфораструктурой формирования и развития определенного способа жизни (культуре), которая также обеспечивает формирование и развитие определённого типа личности, точкой сборки которой выступает субъектность, обеспечивающая прокреативную преадаптивность человеческой цивилизации [Асмолов и др. 2018].

Кроме того, способы представления научного знания также имеют единый дискурсивно-нарративный формат репрезентации, включающий фактологическую, каузальную и целевую наррацию. Различия заключаются в фокусировке и акцентуации. Но даже точные и естественные науки содержат наррацию целевую – в обосновании исследования и интерпретации значения его результатов [Tulchinskii 2023].

Развитие, внедрение и использование цифровых технологий выявляет ещё один принципиально важный интегративный фактор. Речь идёт об уровнях субъектности, связанных с формированием предметных областей и форм презентации знания и связанной с ними деятельности. Каждая целостная система (физическая, биологическая, абстрактная) обладает интенцией обеспечения её целостности в рамках конкретного интервала взаимодействия со средой. В этой связи она выступает субъектом семиозиса распознавания предметной области своего существования (ontological commitment, existential assumptions), темой, предметом (subject) соответствующих суждений и реакций.

В этом плане можно говорить о различении уровней субъектности: обеспечивающей семиозис как семипоэзис стабильности системы (инструментальность, опциональность, агентность, актантность) [Латур 2014; Икскюль 2025; Дессауэр 2024] и её динамики. Первый тип субъектности контигентно рационаленен, катафатичен и поэтому обеспечивает следование определенным алгоритмам. Второй тип субъектности реализует рефлексивное самоописание. Поэтому он целостен, но противоречив, допуская А&не-А, а значит – реализует апофатический семиозис, открыт дополнениям, меняет, совмещает и порождает контексты осмысления, т.е. выступает как суверен семиозиса (приципал, семиург), реализуя ключевую роль гуманитарного знания.

Использование систем искусственного интеллекта, которые генерируют текст (LLM), решающих задачи и выполняющих действия (LAM) показывает, что они выступают, в силу свей конструктивности и функционирования, субъектностями первого типа, выдвигая необходимость институционализации комплексной техно-социо-гуманитарной экспертизы.

Исследование выполнено при поддержке РНФ (грант № 26-18-00672 «Знако- и смыслопорождение как семиопоэзис в языке, социально-культурных практиках, цифровой среде») в БФУ им. И.Канта.

Список литературы

1. Асмолов и др. 2018 – Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М.: Акрополь, 2018. 212 с.
2. Дессауэр 2024 – Дессауэр Ф. Человек и космос. Опыт. Спор о технике. Т. 1. Самара: Мудрая черепаха, 2024. 340 с.
3. Икскюль 2025 – Икскюль Я. фон. Путешествие в окружающие миры животных и людей. Теория значения. М.: Ад Маргинем Пресс, 2025. 208 с.
4. Латур 2014 – Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: ИД ВШЭ, 2014. 384 с.
5. Tulchinskii 2023 – Tulchinskii G.L. Chapter 1: Narration as a Platform for Interdisciplinarity: The Inter- and Cross-Disciplinarity of the Narrative Approach // Narratives in East Asia and Beyond. Interdisciplinary Perspectives on Using Narratives as a Research Method /Ed. by E.Priupolina and T.D. Eckstein. New York; London: Lexington books, 2023. P. 15-42.

УДК 111

РАССУЖДЕНИЕ О КАНОНЕ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И КАНОНЕ ФИЛОСОФСКОМ

Скрипник Константин Дмитриевич
Доктор философских наук
Южный федеральный университет, профессор
E-mail: kdskripnik@sfedu.ru

Аннотация: В центре внимания понятие канона в гуманитарных науках, которое традиционно охватывает тексты и фигуры, но, по мнению автора, должно быть расширено за счёт исследовательских методов и требований к их применению. На примере трёх выдающихся исследователей — Якоба Брукера, Антуана Компаньона и Петера Адамсона — анализируются концептуальные подходы к формированию и интерпретации канона в истории философии и теории литературы. Брукер вводит понятие системы философии, где философия строится на фундаментальных принципах, из которых логически выводятся все остальные положения. Однако отсутствие чётких правил выведения затрудняет реконструкцию и различение философских систем. Компаньон предлагает каркас литературоведческого канона через систему базовых понятий («литература», «автор», «читатель» и др.), организованных как бинарные оппозиции, что позволяет рассматривать литературу как рефлексию о критериях и ценностях. Адамсон формулирует методологические правила для написания истории философии «без провалов», уделяя внимание уважению к тексту, контексту, терминологии, критическому мышлению и стилю изложения. Сравнительный анализ подходов этих авторов демонстрирует возможность и необходимость взаимного использования методов и канонов

различных гуманитарных дисциплин. Подчёркивается, что формирование канона — это не только отбор значимых фигур и текстов, но и осознанный выбор исследовательских стратегий, что способствует более глубокому и объективному пониманию гуманитарного знания.

Ключевые слова: канон, теория литературы, история философии, Брукер, Компаньон, Адамсон.

DISCUSSION ON THE CANON OF LITERATURE THEORY AND THE PHILOSOPHICAL CANON

Skripnik Konstantin Dmitrievich
Southern Federal University

Abstract: The focus is on the concept of canon in the humanities, which traditionally encompasses texts and figures but, according to the author, should be expanded to include research methods and the requirements for their application. Using three prominent scholars—Jakob Brucker, Antoine Compagnon, and Peter Adamson—the article analyzes conceptual approaches to the formation and interpretation of canon in the history of philosophy and literary theory. Brucker introduces the concept of a system of philosophy, where philosophy is built on fundamental principles from which all other propositions are logically derived. However, the lack of clear rules of derivation complicates the reconstruction and differentiation of philosophical systems. Compagnon proposes a framework for a literary canon through a system of basic concepts ("literature," "author," "reader," etc.) organized as binary oppositions, allowing literature to be viewed as a reflection on criteria and values. Adamson formulates methodological rules for writing the history of philosophy "without failure," focusing on respect for text, context, terminology, critical thinking, and style of presentation. A comparative analysis of these authors' approaches demonstrates the possibility and necessity of mutually utilizing the methods and canons of various humanities disciplines. It is emphasized that the formation of a canon involves not only the selection of significant figures and texts but also a conscious choice of research strategies, which contributes to a deeper and more objective understanding of humanities.

Keywords: canon, literature theory, history of philosophy, Brucker, Compagnon, Adamson

0. Обычно под каноном понимают множество текстов и фигур. В это множество должны быть добавлены исследовательские методы и требования к их использованию. Сравнение канонов различных предметных областей гуманитарного знания демонстрирует удивительное их сопряжение, говорящее в пользу утверждения не только о возможности, но и о необходимости их взаимного использования. Моя цель – описать концептуальные положения трех авторов, разделенных во времени и в областях их исследований, но являющихся примерами вышеприведенного утверждения. Эти три автора – Якоб Брукер, заслугой которого является введение понятия системы философии, Антуан Компаньон, работа которого по теории литературы создала новую парадигму исследования, и Петер Адамсон, историк философии «без провалов».

1. С именем Брукера [Brucker 2024; Брукер 1788] связано введение в историю философии понятия системы философии, согласно которому философия строится на базе некоторых фундаментальных принципов, из которых выводятся все остальные положения,

когерентные друг другу и выделенным принципам. Во главу угла репрезентации философии ставится ее концептуальное содержание для чего следует определить, что такое философия. Хотя изучение личностей философов не является необходимым элементом, но следует быть внимательным к обстоятельствам жизни автора системы философии, а также к историческим обстоятельствам, учет которых позволяет уловить «дух времени». Брукер не раскрывает правила, по которым из принятых фундаментальных принципов должны выводиться все остальные положения. Данное обстоятельство значительно затрудняет и реконструкцию его понимания системы философии и, соответственно, проведение различия между отдельными системами философии, поскольку системы философии отличаются друг от друга логиками, на которых они основаны, то есть как базовыми фундаментальными принципами, так и правилами выведения. Важным фактором в репрезентации философии является позиция историка философии, собственные воззрения которого значительно влияют на построенную им репрезентацию.

2. Компаньон предлагает несколько базовых понятий, которые совместно создают каркас и канон литературоведческих изысканий, это понятия литературы, автора, мира (реальности), читателя, стиля, истории и (художественной) ценности. Поскольку каждое из данных понятий может быть истолковано (и реально истолковывается) противоположными друг другу способами, то создаваемый указанными понятия каркас представляет собой канон рассмотрения литературы, в основе которого находится система (бинарных) оппозиций. Последнее положение в значительной степени совпадает с утверждением Бурдье о парных оппозициях в высказываниях об искусстве и литературе [Bourdieu 1992, p. 272]. По мнению Компаньона, система данных понятий не является упорядоченной в каком-либо роде – ни иерархичной, ни функционально построенной, ни руководствующей принципов дополнения. Какое бы понятие ни было бы положено в основу в качестве стартовой точки рассуждения, оно обязательно «потянет» за собой все остальные; вся же система представляет собой теорию литературы как «рефлексию об общих понятиях, принципах, критериях» с добавлением «критики литературного здравого смысла и опоры на формализм» [Компаньон 2001, с.28].

3. В дискуссиях, посвященных методологии и философии истории философии, все чаще повторяется мысль о том, что изложения истории философии сталкиваются с рядом «провалов», «белых пятен», в числе которых называют обычно недостаточное внимание к роли женщин в развитии философии (особенно в период XIX – начала XX вв.), роль не-западных философий, например, философий, развиваемых на африканском континенте или акцент исключительно на философах «первого ряда». Адамсон [Adamson 2014 – 2020] предпринимает попытку представления истории философии «без провал», что приводит его и необходимости формулировки некоторых методологических правил. Данные правила заслуживают как внимания сами по себе, так и в контексте их сопоставления с иными взглядами, представленными здесь. Так, одно из первых – «уважение к тексту», версией известного «принципа милосердия»: при отсутствии серьезных причин для сомнения, предполагается, что философские тексты как выдающих, так и менее известных мыслителей, имеют смысл. Вместе с тем нужно иметь в виду, что ряд текстов в процессе их исторической жизни, могут быть искажены. Уважение к тексту сочетается с неменьшим «уважением к контексту» в самом широком смысле. Примерами правил являются требования внимания к датам, избегания анахронизма в его различных вариантах, внимания к терминологии в ее изначальном формулировании и использовании. Историк философии обязан мыслить критически, иными словами, видеть имплицитные и явные допущения, анализировать корректность рассуждений, приводя их по возможности к стандартной форме – одним словом

пользоваться всем тем аналитическим арсеналом, которые предоставляет современная методология критического мышления. В неменьшей степени анализу должна быть подвергнута предполагаемая или явно указанная аудитория, читатель, коллега, оппонент. Что касается текста, то следует отдать дань используемым в нем метафорам и иным риторическим фигурам и тропам, создающим порой сильные и важные коннотации. Подобно Брукеру, Адамсон требует в целях полноценного и адекватного представления идей определенного философа учета комментирующих трудов – как принадлежащих современникам философа, так и относящихся к последующим периодам; однако рассмотрение их не должно заменять собой изучение исходных текстов. Перечень требований заканчивается правилами стиля, в частности, предостережением против использования жаргона, особенно злоупотребления техническими средствами, случаи чего достаточно часто встречаются в философских текстах. Философские тексты сами по себе не всегда просты, и усложнять их – значит препятствовать их полноценной экспликации; вместе с тем, следует отдавать себе отчет в том, что их сложность может быть даже большей, чем представляется на первый взгляд.

Список литературы

Брукер 1788 – Иакова Бруккера Критическая история философии, служащая руководством к прямому познанию ученой истории, изданная в пользу обучающегося российского юношества с посвящением «питомцам Императорского Московского университета. М.: Университетская Типография у Н. Новикова, 1788. 226 с.

Компаньон 2001 – Компаньон А. Демон теории. Литература и здравый смысл. Москва: издательство им. Сабашниковых, 2001. 336 с.

Adamson 2014-2020 – Adamson P. A History of Philosophy without Any Gaps: in 5 volumes. Oxford: Oxford University Press, 2014 – 2020.

Bourdieu 1992 – Bourdieu P. Les Règles de l’art. Genèse et structure du champ littéraire. Paris: Édutions du Soeuil, 1992. 480 p.

Brucker 2024 – Brucker J. Critical History of Philosophy: ‘Preliminary Discourse’ and ‘On the Socratic School’. Inrod., English trans. and commentary by Leo Catana. Oxford: Oxford University Press, 2024. 250 p.

УДК 101.1:316:00.8

ПРЕДМЕТ «СПОРА О МЕТОДЕ» В ОПТИКЕ МИРОСИСТЕМНОГО ПОДХОДА

Хлыновская Софья Александровна

Сибирский Институт Управления – филиал Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы, преподаватель кафедры Социально-политических наук и международных отношений

E-mail: s.khlynovskaia@alumni.nsu.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению миросистемного подхода в отношении «спора о методе». Рассматриваются позиции основоположников миросистемного подхода и

их системные связи с участниками «спора». Делается вывод о потенциале подхода как основе наддисциплинарного синтеза в науке и разработке миссии современного университета.

Ключевые слова: спор о методе, миросистемный подход, номотетические методы, миросистема

THE SUBJECT OF THE "METHODENSTREIT" FROM THE PERSPECTIVE OF THE WORLD-SYSTEM APPROACH

Khlynovskaya Sofia Alexandrovna

Siberian Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration; lecturer in the Department of Social and Political Sciences and International Relations

Abstract: This article examines the world-systems approach in relation to the "methodenstreit". It explores the positions of the founders of the world-systems approach and their systemic connections with the participants in the debate. The article concludes that this approach has the potential to serve as a foundation for transdisciplinary synthesis in science and for the development of the mission of the modern university.

Key words: methodenstreit, world-system approach, nomothetic methods, world-sytem

Введение. Современный университет, его структура и содержание – прямые наследники процесса институционализации наук XIX века, сформировавшегося под влиянием конкретных исторических обстоятельств и отвечавших на запросы своего времени. Миссия университета XXI века должна быть переосмыслена с точки зрения запроса современного мира как особенных исторических обстоятельств. Стремительно меняющийся и глобализирующийся мир цифровых технологий требует новых решений, выходящих за рамки привычных институциональных, дисциплинарных и методологических границ. Примером такого выхода за пределы современного себе «канона» служит история формирования миросистемного подхода. Известный отечественному читателю преимущественно как экономоцентрированная макро-теория, с начала своего зарождения в 60-е гг. он определялся своими основоположниками, в первую очередь, как методологический вызов современной ему науке [World-Systems Analysis… 1982, p. 160]. Корпус методологических принципов, сформированный на заре подхода, дал основания исследователям назвать миросистемный подход настоящим «парадигмальным сдвигом», в том смысле, который закладывал Т. Кун [Sanderson 2005, p. 180].

Постановка задач. В центре внимания статьи – позиции основоположников миросистемного подхода в отношении проблематики «спора о методе».

Методы и методология. В статье используется исторический метод для реконструкции позиций основоположников миросистемного анализа и включения их суждений в общий исторический контекст спора того времени. Применяются элементы сетевого анализа, позволяющего устанавливать персональные связи между представителями миросистемного подхода и представителями других традиций в истории философии и науки.

Результаты. Несмотря на свою долгую историю и революционное значение для наук об обществе в целом, в отечественной науке миросистемный подход известен под ограниченным углом зрения. Однако, на протяжении последних десяти лет, интерес у отечественных исследователей к подходу растет, и расширяется область его применения. Спектр охвата в

русскоязычной науке несравним с объемом мировых исследований и перечнем затрагиваемых вопросов, однако уже отечественное научное пространство захватывает при помощи методологии миросистемного подхода широчайший ряд вопросов – от синтеза миросистемного подхода с геополитической теорией [Изгарская 2023] до исследований человека на примере сексуальной гегемонии [Мордас и др. 2025]. Возможность для такого предметного разнообразия дает методологическая широта миросистемного подхода.

При оценке в качестве «одного из самых оригинальных и значимых проектов в социальных науках XX в.», достижения миросистемного подхода стали возможны «благодаря подготовке, имевшимся путям развития и вкладам из множества источников» [Calhoun 2023, p. 257]. Немаловажной частью такого вклада стало историческое содержание «спора о методе» в корпусе наук о человеке и его социальной жизни, которая отразилась и в дискурсе миросистемного подхода, повлияв на его методологические установки. Открытый публикацией статьи К. Гемпеля в 1942 г. о функции общих законов в истории, условный второй этап «спора» сыграл важную роль на становление научно-исследовательской оптики будущих отцов-основателей миросистемного подхода. Методологический приемник К. Гемпеля – Пол Лазерсфельд, был подвергнут критике университетским учителем И. Валлерстайна, Ч. Райсом Милзом в 1959 г. за «абстрактный эмпиризм» [Calhoun 2023, p.201]. То же самое время, учеником самого П. Лазерсфельда был в будущем «главный методолог» миросистемного подхода – Теренс Хопкинс [Lee 2016, p. 7]. Судя по тому, как история подхода разворачивалась дальше, И. Валлерстайн пошел по стопам своего учителя в отношении к номотетическим методам, тогда как Т. Хопкинс в итоге пошел против его методологических установок.

Исторически значимой точкой в этом контексте можно считать 1982 г. – год выхода специального выпуска журнала Центра Фернана Броделя под редакцией Т. Хопкинса, И. Валлерстайна и Р. Л. Баха, посвященный проблемам теории и методологии миросистемного подхода. Все статьи этого сборника были опубликованы ранее в других изданиях в период с 1977 г. по 1980 г. и объединены в спецвыпуск на основании необходимости подведения черты под ширящейся дискуссией вокруг фундаментальных положений миросистемного подхода. В главе «Методологические проблемы» Т. Хопкинс сформулировал три направления движения мысли, по которым неизбежно движется социально-гуманитарный исследователь при изучении долгосрочных изменений. Цель определения этих неизбежных направлений мысли в том, чтобы увидеть их влияние на итоговую картину социально-гуманитарного исследования и те «белые пятна» и искажения, которые возникают в их результате. В контексте разбора выделенных движений мысли, Т. Хопкинс критикует своего учителя П. Лазерсфельда, К. Гемпеля, Т. Скочпол и У. Голдфранка за отказ видеть ограничения генерализирующего метода строительства понятий, М. Вебера – за внеисторичность [Hopkins, 2016, p. 138-140]. Общие принципы, выделенные Т. Хопкинсом, касались центра внимания в исследовании, который он предлагал сместить со структур на *процессы* – именно этот фокус внимания лег в основу формирования понятия «миросистемы».

Условный «третий» этап «спора о методе» датируется исследователями с 1980-х и идет до сих пор. Более того, в качестве одной из тенденций сдвигов в методологии социально-гуманитарного познания рубежа нового тысячелетия исследователи отмечают отказ от «спора о методе» в пользу синтеза подходов [Розов 2015, с. 393]. Миросистемный подход здесь предстает ярким примером – на *процессы* миросистемы оказывают влияние факторы реальной жизни, которые распределены в качестве предметов исследования по различным научным областям. Для достижения полной картины, учитывающих достижения различных наук, был

построен миросистемный призыв к пересмотру академических институтов и структуры научного знания. С этой целью под председательством И. Валлерстайна в 90-х гг. работала комиссия фонда Гюльбенкяна. В комиссию вошли ученые различных дисциплин, в том числе, лауреат нобелевской премии по физике И. Пригожин. Идеи из программы комиссии не привели к желаемым результатам в устройстве академической среды, однако подтолкнули основоположника подхода к разработке новой эпистемологии, получившей название «миросистемной» [см. Хлыновская, Изгарская 2025; Хлыновская, Изгарская 2026].

Заключение. История миросистемного подхода неразрывно связана с историей развития научной методологии и является важной частью широкой проблематики «спора о методе». Идеи наддисциплинарного синтеза и новой эпистемологии, продвигаемые в миросистемном подходе, нуждаются в изучении, так как представляются актуальными для вызовов современной науки и поиска миссии университета XXI в.

Список литературы

1. Изгарская 2023 – Изгарская А. А. Геополитические и миросистемные факторы территориальной динамики современной России // Власть. 2023. Т. 31. № 5 С. 9-22.
2. Мордас, Литошенко, Изгарская 2025 – Мордас Е. С., Литошенко И. Ф., Изгарская А. А. Методологический потенциал объяснительных моделей миросистемного подхода в исследовании человека (на примере концепции сексуальной гегемонии Кристофера Читти) // Философия и культура. 2025. № 9. С. 126-139.
3. Розов 2015 – Розов Н. С. Методология исследования и онтология исторической динамики кризисов и трансформаций // МЕТОД. 2015. №. 5. С. 392-417.
4. Хлыновская 2025 – Хлыновская С. А. Этапы исследования культуры в миросистемном подходе. Часть 1. Постановка проблемы и разработка онтологии // Дискурс. 2025. Т. 11. № 6. С. 18-32.
5. Хлыновская 2026 – Хлыновская С. А. Этапы исследования культуры в миросистемном подходе. Часть 2. Эпистемологический поворот // Дискурс. 2026. Т. 12. № 1. С. 5-19.
6. Calhoun 2023 – Calhoun C. Immanuel Wallerstein and the Genesis of World-Systems Analysis // Journal of World-Systems Research. 2023. № 29(2). P. 258-285.
7. Lee 2016 – Lee R. E. Method and Practice in World-Systems Analysis: An Introduction to the Collection // Review. 2016. Vol. 39. Issue 1-4. P. 1-11.
8. Sanderson 2005 – Sanderson, S. K. World-Systems Analysis after Thirty Years: Should it Rest in Peace? // International Journal of Comparative Sociology. 2005. Vol. 46. No. 3. P. 179-213.
9. Hopkins 2016 – Hopkins T. K. World-Systems Analysis Methodological Issues // Review. 2016. Vol. 39. Issue 1-4. P. 137–152.

УДК 165.0/167.7

ПАРАДОКС САМОРЕФЛЕКСИИ: ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ГРАНИЦЫ ПОДОЗРЕНИЯ

Головашина Оксана Владимировна

Доктор философских наук,

Уральский федеральный университет, ведущий научный сотрудник

E-mail: ovgolovashina@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется парадокс эпистемологии подозрения — установки, согласно которой любые убеждения и знания могут быть объяснены через скрытые (социальные, психологические, властные) причины, однако сама теория подозрения не может обосновать свои эпистемические притязания, не подпадая под действие той же логики. Это порождает эпистемическую регрессию, ставящую под вопрос нормативные основания критики. В отличие от традиционных подходов, интерпретирующих данный парадокс как теоретический дефект, автор предлагает рассматривать его как конститутивное условие функционирования подозрения. На материале психоанализа, марксистской традиции и социологии демонстрируется, что всякая эпистемология подозрения предполагает нерефлексируемые «точки остановки» — зоны, где подозрение не применяется к себе. Эти остановки обеспечиваются институциональными, дисциплинарными и риторическими механизмами (авторитет аналитика, классовая позиция теоретика, фигура социолога-наблюдателя). Даже наиболее радикальные программы рефлексивности (П. Бурдье) не способны полностью объективировать собственную позицию. Цель статьи — не устранение этих «слепых пятен», а их аналитическая экспликация как структурно необходимых условий производства знания в различных дисциплинарных контекстах. Особое внимание уделяется сравнению психоаналитической и социологической традиций, а также обсуждению альтернативных стратегий. В итоге предлагается рассматривать эпистемологию подозрения не столько как метод разоблачения, сколько как особую форму организованного доверия к собственным предельным объяснительным принципам.

Ключевые слова: подозрение, эпистемология, социальные науки, саморефлексия подозрения, «мастера подозрения», дисциплинарная идентичность.

THE PARADOX OF SELF-REFLECTION: DISCIPLINARY BOUNDARIES OF SUSPICION

Golovashina Oksana Vladimirovna

Doctor of Philosophy

Ural Federal University, Leading Research Fellow

Abstract: This article analyzes the paradox of the epistemology of suspicion — the stance according to which any beliefs and knowledge can be explained through hidden (social, psychological, or power-related) causes. However, the theory of suspicion itself cannot substantiate

its own epistemic claims without falling under the same logic. This generates an epistemic regression that calls into question the normative foundations of critique. In contrast to traditional approaches that interpret this paradox as a theoretical defect, the author proposes to regard it as a constitutive condition for the functioning of suspicion. Drawing on psychoanalysis, the Marxist tradition, and sociology, the article demonstrates that any epistemology of suspicion implies non-reflexive "halting points" — zones where suspicion is not applied to itself. These halting points are sustained by institutional, disciplinary, and rhetorical mechanisms (the authority of the analyst, the class position of the theorist, the figure of the sociologist-observer). Even the most radical programs of reflexivity (e.g., P. Bourdieu's) cannot fully objectify their own position. The aim of the article is not to eliminate these "blind spots" but to explicate them analytically as structurally necessary conditions for the production of knowledge in various disciplinary contexts. Special attention is paid to a comparison of the psychoanalytic and sociological traditions, as well as to a discussion of alternative strategies (post-critique, the pragmatist turn toward heuristic effectiveness). Ultimately, the article proposes to regard the epistemology of suspicion not so much as a method of exposure but rather as a specific form of organized trust in one's own ultimate explanatory principles.

Keywords: suspicion, epistemology, social sciences, self-reflection of suspicion, "masters of suspicion", disciplinary identity.

Введение

Известный интерпретатор М. Хайдеггера Х. Дрейфус в своей работе «Герменевтика подозрения Хайдеггера» [Dreyfus 1991] доказывал, что феноменологический метод в «Бытии и времени» включает в себя «герменевтику подозрения», так как Хайдегтер «разоблачает» поверхностное самопонимание повседневности, чтобы открыть доступ к подлинному бытию. Этот тезис вызывал как критику [MacAvoy 2001; Palmer 1984], так и поддержку [Russell 2008], но состоявшаяся дискуссия представляется важной, так как показывает, насколько широко трактуется понятие «подозрение». С одной стороны, оно выступает в качестве критического инструмента, без которого немыслимы общественные науки, с другой - его универсализация порождает фундаментальное затруднение - если всякое убеждение может быть объяснено через скрытые причины, то данная логика с необходимостью распространяется и на логику подозрения. В результате критика утрачивает нормативные основания и превращается в форму эпистемической регрессии, что позволяет рассматривать её не только как метод разоблачения, но и как особую форму организованного доверия к собственным предельным объяснительным принципам.

Далее парадокс самообоснования эпистемологии подозрения будет проанализирован как конститутивное условие её применения. Внимание уделяется исследованию того, как различные конфигурации «остановки подозрения» структурируют теоретические подходы и участвуют в формировании дисциплинарных идентичностей. Использование термина «эпистемология подозрения» позволяет акцентировать внимание не только на процедурах понимания и интерпретации, но и на более общих вопросах, связанных с производством, легитимацией и критикой знания.

Проблема пределов подозрения и связанных с ними «точек остановки» в различных формах становилась объектом философской рефлексии и критики. В ряде подходов обращалось внимание на то, что радикальные демистифицирующие стратегии опираются на

неартикулированные предпосылки, которые сами не подвергаются аналогичной процедуре разоблачения [Grünbaum 1984; Grünbaum 1986]. Однако в большинстве случаев данное обстоятельство интерпретировалось как проявление теоретической непоследовательности, ограниченности или недостаточной саморефлексии [Латур 2003]. В результате сами границы подозрения оставались вторичными по отношению к задаче их критического преодоления.

Классовая борьба, воля к власти и бессознательное выступают у «мастеров подозрения» как онтологические гаранты истинности процедуры разоблачения, однако эпистемология не может быть тотально подозрительной, не разрушив саму себя. Рассматривая это противоречие, Х. Лонгино не споря с тем, что социальные ценности влияют на научное знание, обосновывает возможность объективности через критический диалог научных сообществ, а Р. Фелски предлагает двигаться от герменевтики подозрения к пост-критике, где учитываются доверие, эмпатия, позитивное понимание текста [Longino 1990; Felski 2015]. Другую стратегию предлагают последователи Л. Витгенштейна, предлагая отказаться от объяснения, заменив его описанием практик, включая практики подозрения.

Несмотря на эвристические возможности этих подходов, представляется, что эффективной стратегией может быть внимание к самой нерефлексивности, которая, как показывает П. Рикер, сама может быть одним из источников дисциплинарной идентичности.

Э. Стровик показывает, что в рамках «парадигмы улик» К. Гинзбура возникает фундаментальная эпистемическая неопределенность: улика всегда требует интерпретации, но сама интерпретация не может быть верифицирована независимо. Она показывает, что психоанализ является парадигмальным случаем подозрения, так как эпистемологическая установка на поиск скрытого в этом случае становится одновременно и предметом, и методом [Strowick 2005]. Та же структура работает в других традициях подозрения. Кто анализирует классовую позицию марксистского теоретика? Если сама теория Ницше — тоже выражение воли к власти, то почему ей можно доверять?

На примере психоанализа можно заметить, что «слепое пятно» эпистемологии подозрения — это структурно необходимое условие ее функционирования: чтобы подозревать других, нужно иметь позицию, которая сама не подозревается. Эта позиция конституируется через дисциплинарные процедуры: (обучение, супервизия), институциональный авторитет (аналитик vs пациент) и риторические стратегии (научность, объективность).

Подобную ситуацию можно увидеть за пределами традиции «мастеров подозрения». Социология исторически формировалась как «наука подозрения», разоблачающая скрытые механизмы власти, идеологии и неравенства, однако сама социологическая дисциплина обладает собственными местами остановки — зонами, где подозрение не применяется к себе. Как и в случае с психоанализом, эта позиция обеспечивается институциональным авторитетом (университет), определенными дисциплинарными процедурами (методология, рецензирование) и риторическими стратегиями («научность», «объективность»). Если психоанализ не может подозревать аналитика, то в социологии остановка подозрения связана с фигурой исследователя, привилегированного наблюдателя, способного видеть то, что скрыто от других: «для марксистов, как и для социологов, рефлексивные усилия по историческому самопониманию часто воспринимаются как нарциссические, отвлекающие исследование от его надлежащей цели — понимания (не говоря уже об изменении) мира» [Kennedy, Kehal, Garbes web]. Здесь остановка подозрения обнаруживается на уровне

дисциплинарной идентичности и практики. Бурдье предлагает рецепт «включенной объективации» — особой методологической процедуры, позволяющей ученому объективировать собственную позицию в социальном пространстве, но он «в значительной степени переоценил свою способность схватить собственную субъектную позицию. Ибо он полагал, что может быть объективен в отношении того самого, в отношении чего у него было меньше всего оснований быть объективным: себя самого» [Knafo 2016, p. 31], то есть, даже наиболее радикальную социологическую программу рефлексивности нельзя признать успешной, поскольку позиция, с которой осуществляется объективация, всегда оказывается остаточной. Точка остановки подозрения в социологии проявляется также в ее отношении к собственной политической и нормативной нагруженности. Например, предложенное Фуко понимание неразрывной связи знания и власти при переносе в социологический контекст порождает специфические проблемы: если знание всегда есть продукт властных отношений и всякая идеология через язык навязывает образ мышления, отвечающий потребностям этой идеологии, то какова эпистемическая позиция самого социолога, производящего это утверждение? Политическая и нормативная ориентация, таким образом, конституирует эпистемологию как социологический проект, но не может быть полностью эксплицирована в рамках этого же проекта.

Таким образом, как и в случае с традициями, идущими от «мастеров подозрения», «слепые пятна» в социологии проявляются как структурная особенность, воспроизводящаяся на разных уровнях дисциплины, оказываясь операциональным условием; то есть, именно то, что не может быть подвергнуто подозрению, позволяет подозрению функционировать как продуктивному инструменту познания.

Список литературы

Латур 2023 – Латур Б. Почему критика выдохлась? От фактов к вопросам, вызывающим озабоченность // Логос. 2023. № 33 (5). С. 29–61.

Dreyfus 1991 – Dreyfus H.L. Heidegger's hermeneutics of suspicion // Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy. 1991. Vol. 34. № 2. P. 185–201.

Felski 2015 – Felski R. The Limits of Critique. Chicago: University of Chicago Press, 2015. 240 p.

Goldman 1999 – Goldman A. I. Knowledge in a Social World. Oxford: Oxford University Press, 1999. 407 p.

Grünbaum 1984 – Grünbaum A. The Foundations of Psychoanalysis: A Philosophical Critique. Berkeley, CA: University of California Press, 1984. 256 p.

Grünbaum 1986 – Grünbaum A. Is Freud's Theory Well-Founded? // Behavioral and Brain Sciences. 1986. Vol. 9. № 2. P. 217–284.

Kennedy, Kehal, Garbes web – Kennedy M. D., Kehal P. S., Garbes L. Excellence, Reflexivity, and Racism: On Sociology’s Nuclear Contradiction and Its Abiding Crisis [Электронный ресурс]. URL: https://asa-chs.org/blog/excellence-reflexivity-and-racism-on-sociologys-nuclear-contradiction-and-its-abiding-crisis/ (дата обращения: 30.04.2026).

Knafo 2016 – Knafo S. Bourdieu and the dead end of reflexivity: On the impossible task of locating the subject // Review of International Studies. 2016. Vol. 42. № 1. P. 25–47.

Longino 1990 – Longino H. E. Science as Social Knowledge: Values and Objectivity in Scientific Inquiry. Princeton: Princeton University Press, 1990. 280 p.

MacAvoy L. Overturning Cartesianism and the Hermeneutics of Suspicion: Rethinking Dreyfus on Heidegger // Inquiry. 2001. Vol. 44. P. 455–480.
Palmer R. E. On the Transcendability of Hermeneutics (A Response to Dreyfus) // Hermeneutics: Questions and Prospects / Ed. by G. Shapiro, A. Sica. University of Massachusetts Press, 1984. P. 84–95.
Russell M. Is There a Hermeneutics of Suspicion in Being and Time? // Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy. 2008. Vol. 51. № 1. P. 97–118.
Strowick E. Comparative Epistemology of Suspicion: Psychoanalysis, Literature, and the Human Sciences // Science in Context. 2005. Vol. 18. № 4. P. 649–669.

УДК 316.772.2:81'22:378.4

КАНТ-ТЕКСТ В БРЕНДИНГЕ БФУ ИМ. И. КАНТА

Белецкая Татьяна Витальевна
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, старший преподаватель образовательно-научного кластера «Институт образования и гуманитарных наук»
E-mail: beletskaya.t@gmail.com
Костенков Иван Алексеевич
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, младший научный сотрудник образовательно-научного кластера «Институт образования и гуманитарных наук»
E-mail: ikostenkov@yahoo.com

Аннотация: Университетский брендинг анализируется в свете концепции семиопоэзиса как динамический и автопоэтический процесс. Возможности подобной методологии раскрываются на примере использования персоналии философа И. Канта в брендинге БФУ им. И. Канта. В рамках исследования имя «Иммануил Кант» рассматривается не как статичное обозначение исторической фигуры, а как текстообразующий знак, способный к генерации новых смыслов в процессе коммуникации. В этом отношении оно функционирует как семиотический генератор, запускающий процессы интерпретации и обеспечивающий включение разнообразных дискурсивных практик в единое смысловое поле. Имя «Кант» понимается как смыслопорождающий текст, значения которого каждый раз заново конструируются в акте взаимодействия текста, адресата и культурного контекста. Ввиду этого, бренд БФУ им. Канта интерпретируется как локальная семиосфера, в пределах которой текст «Кант» является смысловым ядром и аттрактором, организуя вокруг себя научные, образовательные, событийные и медийные тексты и стимулируя их производство.

Ключевые слова: брендинг университета, семиотика бренда, семиопоэзис, автопоэзис, символический капитал.

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 26-18-00672 в БФУ им. И. Канта.

KANT-TEXT IN THE BRANDING OF IMMANUEL KANT BALTIC FEDERAL UNIVERSITY

Beletskaya Tatiana Vitalievna
Immanuel Kant Baltic Federal University, Senior Lecturer at the educational and scientific cluster «Institute of Education and Humanities»
Kostenkov Ivan Alekseevich
Junior Research Fellow at the educational and scientific cluster «Institute of Education and Humanities»

Abstract: University branding is analyzed through the lens of semiopoiesis as a dynamic and autopoietic process. The potential of this methodology is demonstrated through the use of Immanuel Kant's persona in the branding of the IKBFU. Within this study, the name «Immanuel Kant» is treated not as a static designation of a historical figure, but as a text-forming sign capable of generating new meanings during communication. In this regard, it functions as a semiotic generator that triggers interpretive processes and integrates diverse discursive practices into a unified semantic field. The name «Kant» is understood as a sense-generating text, the meanings of which are reconstructed anew in each interaction between the text, the addressee, and the cultural context. Consequently, the IKBFU brand is interpreted as a local semiosphere where the «Kant» text serves as the semantic core and attractor, organizing scientific, educational, event-based, and media texts around itself while stimulating their further production.

Keywords: university branding, brand semiotics, semiopoiesis, autopoiesis, symbolic capital.

Сегодня практика брендирования получила широкое распространение во всех сферах человеческой жизнедеятельности: «Есть люди-бренды, страны-бренды, регионы-бренды…» [Тульчинский 2013, с. 16]. В этот ряд мы можем включить и университеты, также вступающие между собой в жесткую конкуренцию за своих «потребителей» – студентов, преподавателей, исследователей и т.п. Нерефлексивный перенос маркетинговых технологий на брендинг университетов вызывает опасения, т.к. их социальная роль не равнозначна роли коммерческих организаций. Технология университетского брендинга в условиях современной массовой культуры с присущей ей «маркетизацией гуманизма» [Тульчинский 2013, с. 46] требует особого научного внимания. Перспективу анализу университетского брендинга, по нашему мнению, может предоставить семиотических подход, в свете которого брендинг может быть рассмотрен как процесс установления знаковых отношений, т.е. через его семиозис и семиопоэзис [Золян 2023, с. 137]. Основополагающей здесь является концепция коммуникации Ю.М. Лотмана, согласно которой акт коммуникации – это не передача готового сообщения, а *акт перевода, трансформации*: «текст трансформирует язык, адресата, устанавливает контакт между адресантом и адресатом, трансформирует самого адресанта» [Лотман 1995, с. 218]. В ее свете брендинг университета также может быть рассмотрен как акт перевода и трансформации, обеспечивающий разнонаправленную циркуляцию и приращение смыслов. Концепция Ю.М. Лотмана близка и современным социологическим теориям: теории социальных систем Н. Лумана, где коммуникация понимается не как действие отдельного субъекта, а как аутопоэтический процесс [Луман 2004, с. 44], и концепции символического капитала П. Бурдье [Bourdieu, Wacquant 2013, p. 296].

Исследовательский потенциал заданной выше методологической рамки далее будет раскрыт на примере брендинга БФУ им. И. Канта, а именно – на роли в нем персоналии И. Канта. Имя «Иммануил Кант» в брендинге университета может быть рассмотрено как операциональный код, задающий предпочтительные траектории смыслового отбора и обеспечивающий устойчивость символического порядка. Будучи включенным в

наименование университета, оно обеспечивает рекурсивное повторение связанных с ним смыслов в различных семиосферах, адаптируясь под присущие им коммуникативные форматы. Таким образом, текст «Кант» становится ключевым семиотическим маркером университетской идентичности и оказывает существенное влияние на ее репрезентацию во внешней и внутренней коммуникации. Он рассматривается не просто как номинация, а как символическое пространство, включающее в себя научные публикации, конференции, образовательные проекты, культурные события и медийные высказывания и т.п., в котором университет выступает как медиатор между философским наследием, современной молодежной культурой, цифровой средой и т.п.

В качестве точки отсчета в анализе трансформации имени философа в бренд университета возьмем переименование в 2005 г. КГУ в РГУ им. И. Канта. Выбор Канта в качестве «патрона» университета был, в том числе, обусловлен внутренним историко-культурным контекстом калининградского региона, в котором существуют серьезные разрывы между «немецкой», «советской» и «российской» семиосферами. Установление символической связи между ними является необходимым для укоренения местной идентичности, но, с другой стороны, обращение к немецкому прошлому в Калининграде – тревожный сигнал для политических сил. Поэтому Кант – действительно случай редчайшего компромисса, буквально «ключ к прошлому», и, что немаловажно, «легализованный», как отмечают калининградские историки, и «в советской культуре памяти» [Манкевич и др. 2023, с. 85].

В то же время, включение в название имени Канта было связано и с амбициями калининградского университета – стремлением преодолеть региональный статус и включиться в международные академические процессы. Мировая известность философа должна была способствовать продвижению и успешному позиционированию российской науки в международном пространстве.

Стратегическая цель заявить о себе на мировом уровне послужила одним из стимулов к последующей трансформации стаута вуза: в 2011 г. на его базе был создан Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, который взял на себя «миссию формирования инновационной системы эксклавного региона России в конкуренции с университетами Польши и Литвы, других стран Балтийского региона» [Симаева, Клемешев 2014, с. 11]. Фактически это знаменует рождение совершенно иного вуза: получают активное развитие научные школы, кратно увеличиваются объемы НИОКР, университет становится активным актором программ повышения конкурентоспособности [Костенков 2023, с. 842]. Таким образом, номинация в бренде БФУ им. Канта не только зафиксировала административное изменение, но и ознаменовала переход к иной модели позиционирования, в которой имя Канта становится смысловым основанием университетского бренда.

Рассмотрим влияние имени Канта как смыслового аттрактора на кумуляцию смыслов в различных семиосферах.

Академическая семиосфера. Имя «Канта» в названии университета оправдано весомым вкладом калининградских философов в развитие российского и мирового кантоведения. В университете имя Канта включено в структуру научного воспроизводства и задает рамку для серийного порождения текстов. Журнал «Кантовский сборник» выступает не только площадкой публикации, но и элементом институциональной памяти университета: «Кант» здесь работает как код научной репутации, тематической преемственности и узнаваемой исследовательской традиции. Кантовские чтения, проводимые с 1974 года, переводят номинацию «Кант» из разряда единичного обозначения в режим повторяющегося культурного

события, что способствует сохранению имени Канта в сфере культурной памяти благодаря многократной актуализации в сходных коммуникативных условиях. Международный Кантовский конгресс, приуроченный к юбилейным датам, выводит имя Канта на уровень глобальной академической репрезентации. Само наличие текста Канта в БФУ им. И. Канта порождает новый рефлексивный виток в изучении его философского наследия [Образы Канта 2024].

Текст «Кант» выступает как автопоэтическая коммуникационная среда: журнал и конференция не столько описывают Канта, сколько воспроизводят пространство общения, в котором новый текст соотносится с уже имеющейся сетью ссылок, ожиданий, редакционных норм и академических ролей. Длительная и рекурсивная структура взаимодействия обеспечивает накопление символического капитала и закрепление статуса университета как носителя устойчивой интеллектуальной традиции.

Семиосфера молодежной культуры. Текст Канта как бренд адресован и молодежи как ключевому социальному активу университета. В условиях конкуренции он, с одной стороны, отвечает запросу массовой культуры: трансформируется от далекого и чужого для большинства молодежи ученого-философа в «своего» – модного и современного. Это влечет за собой как языковое, так и визуальное «омоложение» и «упрощение» Канта в университетской айдентике. К первому относятся медийные и игровые формы использования имени философа: КАНТент, КАНТлайв, КАНТейнер и т.п. Ко второму – графические стилизации, использование нейросетей в отображении его образа и т.п.

Развиваясь в студенческом дискурсе, Кант-текст оказывается помещенным в совершенно неожиданные для него контексты в «маргинальных зонах» семиосферы. Например, в контексте спортивной университетской жизни: стадион «Арена Кантиана», студенческий спортивный клуб «Кантиана», спортивный фестиваль «Кантиана Фит», клуб командных танцев «КАНТиТанцы». Здесь происходит столкновение различных культурных кодов и рождение новых смыслов: «Кант» репрезентирует не персоналию философа, а университетскую идентичность. Еще более выражено влияние текста «Кант» на идентичность в дериватах «кантианцы» и «кантианки», которыми называют студентов БФУ. Здесь «Кант» становится символическим маркером идентификации и отвечает запросу на специфичность.

Семиосфера архитектурно-пространственной среды. Э. Кассирер подчеркивал, что человек живет не только в физическом мире, но и в *символическом универсуме*: «Язык, миф, искусство, религия – части этого универсума, те разные нити, из которых сплетается символическая сеть» [Кассирер 1988, с. 29]. Кант-текст оказывает символическое влияние на пространственную среду университета, размечая его топографию. Подобная точка зрения применима и к архитектуре университета: имя «Кантиана», присвоенное масштабному проекту нового университетского кампуса, становится элементом символической «сети» культурных кодов. Номинация «Кантиана» задает логику интерпретации его пространства, что находит отражение в его архитектурной стилистике и закладывает ожидания в отношении его институциональной организации.

Цифровая семиосфера. Контекст современного общества, в котором обязан функционировать университет, – это цифровая среда. Имя Канта адаптируется к ней, например, в проектах «КАНТент» и «НейроКант». Если в первом случае мы наблюдаем уже упомянутую языковую игру, то втором возможно рождение новой гибридной семиосферы, поскольку здесь имя Канта включается в интерактивный дискурс искусственного интеллекта.

Таким образом, функционируя как бренд Кант-текст семиотически видоизменяется из «ключа к прошлому» в «ключ к будущему». Главным здесь представляется гармоничное

сопряжение академической и массово-культурной семиосфер. Столкновения адресатов одной из них с проявлением другой может рождать когнитивный диссонанс и вызывать весьма критические реакции. В виду этого, важнейшей задачей перед вызовом «омассовления» является поддержание их *взаимовлияния*. Канту-тексту в университетском брендинге необходим органичный контекст – дальнейшее развитие кантоведческих исследований. В ином случае он рискует утратить свою прокреативную роль в организации университетской коммуникации и превратиться в простую номинацию, в безжизненного симулякра. Кратко резюмируя, в приведенном кейсе бренд накладывает обязательства на университет – относится к имени Канта как к цели, а не средству.

Список литературы

1. Золян 2023 – Золян С.Т. Откуда же метод берется? О самодостаточности семиотических объектов // Слово.ру: Балтийский акцент. 2023. № 4. С. 137-152.
2. Кассирер 1988 – Кассирер Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 3-30.
3. Лотман 1995 – Лотман М.Ю. За текстом: заметки о философском фоне тартуской семиотики // Лотмановский сборник / Ред.-сост. Е.В. Пермяков. М.: Изд-во ОГИ, 1995. Т. 1. С. 214-222.
4. Луман 2004 – Луман Н. Общество как социальная система. М: Издательство «Логос». 2004. 232 с.
5. Манкевич и др. 2023 – Манкевич Д.В., Мегем М.Е., Филев М.В. Иммануил Кант в культурной памяти калининградцев (постсоветский период) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 4. С. 83-95.
6. Образы Канта 2024 – Образы Канта в Калининградском университете / В.Н. Брюшинкин, Д.М. Гринишин, А.С. Зильбер [и др.]; отв. ред. С.В. Луговой. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024. 313 с.
7. Симаева, Клемешев 2014 – Симаева И.Н., Клемешев А.П. К вопросу о моделях современной научно-образовательной политики в странах Балтийского региона // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2014. № 11. С. 7-13.
8. Тульчинский 2013 – Тульчинский Г.Л. Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2013. 280 с.
9. Bourdieu, Wacquant 2013 – Bourdieu P., Wacquant L. Symbolic capital and social classes // Journal of classical sociology. 2013. Vol. 13. No. 2. P. 292-302.
10. Костенков 2023 – Костенков И. А. Реализация программы «Современное научное наставничество» в Балтийском федеральном университете имени Иммануила Канта // Управление наукой и наукометрия. 2023. № 4. С. 842-851.

УДК 164

УБЕЖДЕНИЕ И ПРИНЯТИЕ

Кузина Елена Борисовна
кандидат философских наук
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, доцент
E-mail: elenakuzina@yandex.ru

Аннотация: Процесс убеждения заключается в рациональном воздействии на сознание адресата, которое базируется на обосновании той или иной оценки некоторого положения. Оно обращено к собственному критическому суждению человека, а условием успешности убеждения является заинтересованность адресата в получении данной информации и желание ее осмыслить.

Ключевые слова: убеждение, внушение, рациональность, субъективные и объективные аспекты убедительности.

PERSUASION AND ACCEPTANCE

Kuzina Elena Borisovna
Candidate of Philosophy
Lomonosov Moscow State University, Associate Professor

Abstract: The process of persuasion consists in a rational influence on the addressee's consciousness, which is based on the justification of a certain assessment of a certain position. It is addressed to the addressee's own critical judgment, and the condition for the success of persuasion is the addressee's interest in receiving this information and the desire to comprehend it.

Keywords: persuasion, suggestion, rationality, subjective and objective aspects of persuasiveness.

Термин «убеждение» употребляется, как известно, в двух смыслах: во-первых, убеждением называют особый тип взглядов человека, характеризующийся достаточным рациональным обоснованием, эмоционально-ценностной окрашенностью, относительной устойчивостью, а также тем, что эти взгляды определяют поведение, практически реализуются. Во втором смысле убеждением называют процесс, вербальную коммуникативную деятельность, направленную на изменение взглядов («эпистемического состояния») хотя бы одного из участников коммуникации.

Представляется естественным установить корреляцию между указанными смыслами и употреблять термин «убеждение» во втором смысле для таких коммуникативных воздействий, которые изменяют взгляды или поведение реципиента, давая обоснование рекомендуемой точки зрения или способа поведения. В идеале хотелось бы считать, что процесс убеждения дает начало формированию хотя бы некоторых из тех взглядов, которые называются убеждением в первом смысле.

Вряд ли целесообразно процесс убеждения отождествлять или включать в множество всех форм и способов влияния на человека, в результате которых он совершает некоторые действия или принимает какую-то идею.

В традиции отечественных исследований аргументации, идущих от учения о доказательстве и опровержении, от классических философских взглядов на эту проблематику,

определяющей характеристикой процесса убеждения, считается обращение прежде всего к рассудку, которое, конечно, должно дополняться воздействием на психоэмоциональную сферу.

Однако по мере того, как исследования аргументации приобретают междисциплинарный характер, по мере того, как вербальная коммуникация и вообще влияние одного человека на другого становится предметом самых разных наук, искусств и ремесел, термин «убеждение» употребляется все более широко, а именно – как любой способ влияния на сознание людей и их поведение, все отчетливее проявляется тенденция считать убеждением любое речевое воздействие на человека, результатом которого является желаемое программирование поведения адресата.

Если в XX веке в нашей стране взгляды, называемые убеждениями, непременно характеризовались их осознанностью и их субъективной оценкой как истинных, правильных или полезных, а процессом убеждения считалось воздействие, прежде всего на разум адресата, то в современной литературе все более популярными становятся взгляды, суть которых состоит в чрезвычайно широком понимании убеждения, куда включено любое, как речевое, так и психологическое (манипулирование), и гипнотическое воздействие. На мой взгляд, вряд ли правильно объединять процессы формирования убеждения с процессами выработки привычки или условного рефлекса, основанных главным образом на моторике, или является результатом воздействия рекламы, внушения, гипноза.

Однако нельзя не видеть реальных сложностей разграничения процессов рационального убеждения и манипуляции, внушения, выработки привычки. Убеждение предполагает комплексное воздействие на сознание и эмоции адресата, а аргументационная речь, даже рассматриваемая только с точки зрения содержащегося в ней обоснования тезиса, помимо информирования и разъяснения, воздействует на его эмоционально-психологическую сферу. В большинстве же случаев аргументационная речь целенаправленно строится так, чтобы подключить волю, воображение, чувства, то есть быть ценностно ориентированной, образной, эмоциональной. Сделать ее насыщенной приемами, воздействующими на все компоненты психики, в большинстве случаев означает существенно повысить эффективность ее воздействия на адресата.

С другой стороны, воздействие аргументирующей речи на адресата определяется, особенностями интеллекта и психики адресата, его взглядами и другими личностными особенностями. В одной и той же речи одни реципиенты воспринимают главным образом ее логику, другие – прежде всего или исключительно – ее риторику, для третьих в равной мере важны и ход рассуждения, и надежность аргументов, и то каким образом это рассуждение представлено, и те риторические приемы, которые облегчают ее восприятие и понимание.

Убеждает не сама аргументация, а те мысли и чувства, которые она вызывает у адресата. Если она ничего такого не возбуждает, то почти сразу забывается и остается бесплодной. И здесь нисколько не помогает многократное обоснование одного и того же положения. Повторение речи, которая не вызывает ни чувств, ни мыслей, может породить привычку (так формируют у детей привычку чистить зубы или снимать дома уличную обувь), но ничего общего с убеждением это не имеет. То, что можно назвать убеждениями человека – это плод его собственных размышлений, а не чужих, сколь угодно подробно и доступно, изложенных мыслей. И задача аргументатора – произвести своей речью такое воздействие, чтобы она, по крайней мере, запомнилась и, возможно, вызвала размышления, осознанное согласие или осознанные возражения.

Часто считают, что убеждающее воздействие речи человека, который вызывает у адресата симпатию по любым причинам – от приятной внешности до красивой, легкой и нескучной манеры речи – его воздействие является более продуктивным для убеждения. Однако, это не всегда так. Бывает, что мысли из той речи, которая вызвала явное неприятие и спор, через некоторое время полностью принимаются адресатом как собственные. Они и являются собственными, появившимися в результате обдумывания услышанного и, может быть, ожесточенного внутреннего спора по их содержанию. Для появления убеждения в истинности, справедливости или полезности некоторой точки зрения самое главное – возбудить эмоциональное отношение к этой точке зрения, а, может быть – к ее сторонникам или противникам.

Чтобы принять некоторую точку зрения как свое убеждение, нужно, чтобы она не была общепринятой, для выработки убеждения требуется оппозиция этой точке зрения. «Не осознававшаяся ранее установка или эмоционально нейтральное суждение, – пишет А. П. Алексеев, – могут проявляться как убеждения в условиях, когда их истинность или целесообразность кем-то оспаривается… Наличие оппозиции является мощным фактором, придающим мысли эмоциональную окрашенность» [Алексеев 1991, с. 29-30].

С другой стороны, если речь, обосновывающая некоторое утверждение, не воспринимается адресатом по ее содержанию, если он воспринимает главным образом саму речь, а не мысли, содержащиеся в ней, если он не вникает в ее логику, не оценивает гносеологический статус приведенных доводов, а иногда не вполне понимает и тезис, и при этом полностью все принимает, то говорить, что имел место успешный процесс убеждения, нельзя. И таких адресатов немало. Они порой довольно уверенно оценивают аргументацию как убедительную, может быть, имея в виду, что она им понравилась, не вполне понимая, какова была ее цель и достигнута ли она.

Известно, что результат процесса убеждения зависит от адресата не менее, чем от убеждающего. Психологи полагают, что люди с ограниченной фантазией, не наделенные богатством воображения и неспособные к эмоциональному восприятию образов, а также социально неконтактные люди с выраженным предпочтением обособленной деятельности и люди с выраженной агрессивностью или потребностью власти над другими, эти люди плохо поддаются убеждению [Шерковин 1973, с. 164-165].

Является ли принятие рекомендуемой точки зрения, искреннее согласие с ней результатом убеждения в ее правильности? – Далеко не всегда. Принятие некоторой точки зрения, которая представляется истинной, правильной или справедливой, еще не является убеждением. Определяющим признаком того, что человек убежден в чем-то, является готовность поступать в соответствии с этим убеждением. Именно по серьезным, значимым поступкам определяется, действительно ли человек имеет те убеждения, о которых говорит. Убеждения очень устойчивы, почти как вера, именно по причине их эмоциональной составляющей. Некоторые убеждения присущи человеку всю жизнь и изменить их любыми рациональными способами крайне трудно.

Здесь и обозначается различие между пониманием сущности убеждения как процесса, направленного на принятие адресатом рекомендуемой точки зрения, и убеждения как особого типа взглядов человека. Убеждение как процесс вовсе не обеспечивает появление у адресата того вида взглядов, которые называются убеждениями. Процесс убеждения только создает некоторую основу для того, чтобы сформировалось убеждение, как наиболее значимый для человека тип его взглядов, определяющий многие характеристики его личности и многие аспекты его жизни.

Список литературы

1. Алексеев 1991 – Алексеев А. П. Аргументация. Познание. Общение. М.: Издательство Московского университета, 1991. 150 с.
2. Кузина 2018 – Кузина Е. Б. Теория и практика аргументации. М.: Изд. Проспект, 2018. 256 с.
3. Шерковин 1973 – Шерковин Ю. А. Психологические проблемы массовых информационных процессов. М.: Мысль 1973, 215 с.

УДК 165.9

ЭРОЗИЯ ДАРВИНИСТСКОЙ ПРОГРАММЫ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

Герасимов Филипп Сергеевич
Независимый исследователь
Воронеж, Россия
E-mail: f308@inbox.ru

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые аспекты развития дарвинистской программы изучения общества. Помимо процессов трансформации этой программы, связанных с расширением классического дарвинизма и переходом к расширенному эволюционному синтезу, выделяются процессы эрозии – включения в корпус теории некоторых элементов, разрушающих ее основополагающие принципы. Мы выделяем факторы, способные вызвать такую эрозию: проблематичность аналогии природы и культуры, вопрос о возникновении новаций и специфику экологического наследования.

Ключевые слова: дарвинизм, эволюция, общество, наследование, новации, механизмы трансляции.

THE EROSION OF THE DARWINIAN PROGRAM IN THE SOCIAL SCIENCES

Gerasimov Philipp Sergeevich
Independent researcher
Voronezh, Russia.
E-mail: f308@inbox.ru

Abstract: This article examines certain aspects of the development of the Darwinian program for the study of society. In addition to the processes of transformation of this program associated with the expansion of classical Darwinism and the transition to the extended evolutionary synthesis, the article highlights processes of erosion—the incorporation into the body of the theory of certain elements that undermine its fundamental principles. We identify factors capable of causing such erosion: the problematic nature of the analogy between nature and culture, the question of the emergence of innovations, and the specifics of ecological inheritance.

Keywords: Darwinism, evolution, society, inheritance, innovations, mechanisms of transmission.

Распространение теории естественного отбора на изучение связанных с человеком феноменов предполагало натурализацию социальных и гуманитарных наук, их объединение на базе биологических принципов и эволюционных закономерностей. Привлекательность такого подхода очевидна, и многие исследователи предприняли значительные усилия для его реализации. Хотя на этом пути были достигнуты значимые результаты, применение дарвиновской теории за пределами биологии сопряжено с серьезными концептуальными трудностями и масштабной критикой. Ответом на эти вызовы стало изменение самой концептуальной структуры дарвинизма: современные подходы существенно отличаются от во многом наивных моделей конца прошлого столетия.

В общем виде в основе изменения дарвинистской теории лежит определенное противоречие между, с одной стороны, редукционизмом, присущим натуралистическим подходам, и, с другой – целостностью и сложностью мира социального, включая целостность отношения человека к миру. Разрешение этого противоречия связано с расширением классического дарвинизма, с изменением некоторых онтологических допущений и эпистемических требований теории. Эти процессы, обусловленные внутренней логикой перестройки и адаптации эволюционных подходов, мы будем называть трансформацией дарвинистской программы. Однако, помимо трансформативных процессов, можно выделить изменения, разрушающие и размывающие основополагающие принципы дарвинизма. Последние мы, заимствуя геологическую метафору, назовем эрозией. Конечно, отдельные эпизоды эрозии не могут привести к немедленному отказу от теории, однако их постепенное накопление создает критическую массу противоречий, ведущую к качественному изменению теоретического ландшафта. Этот процесс может лишить программу её былой монолитности, превратив строгую систему квазибиологических объяснений в набор разрозненных метафор, теряющих связь с исходными принципами естественного отбора.

Рассмотрим подробнее трансформативные процессы. Они достаточно хорошо известны и изучены. В наиболее абстрактном виде их можно описать как переход от Современного эволюционного синтеза к Расширенному синтезу. В то время, как первый сводил механизмы развития к генетическим процессам, второй учитывает эпигенетические процессы, пластичность развития и влияние среды на направление отбора. Применительно к изучению мира человека эти процессы выражались в пересмотре основных положений эволюционной психологии, что проявилось в: переходе к функциональному определению модулей понимания модулей Барреттом [Barrett 2015]; постулировании механизма, обеспечивающего связь всего набора модулей (языкового модуля [Carruthers 2006] или модуля общего интеллекта [Kananzawa 2010]); пересмотре понятия «врожденность [Machery et al. 2019]; признании роли онтогенетического развития и модуляризации [Burkart et al. 2017] в формировании архитектуры разума; и, в более общем виде, к пониманию того, что мозг и поведение формируются в процессе развития, а не программируются до рождения; причем развитие является сложным историческим процессом, в котором связь между причиной и следствием часто неочевидна [Spencer et al. 2009]. Осознание сложности процессов развития и их укорененности в культуре привела к возникновению ряда теорий культурной эволюции (далее – КЭ), постулирующих существование культурной линии наследования, независимой от генетической. Изучение культуры с эволюционной точки зрения требует предположения о существовании специфических дискретных единиц – «мемов» или «культурных вариантов»,

которые реплицируются, конкурируют и наследуются по аналогии с биологическими репликаторами. Поскольку постулируются наследуемые и конкурирующие сущности, предполагается, что на них действует отбор, описываемый формальными эволюционными моделями. При этом некоторые подходы предполагают необходимость обязательного генетического закрепления культурно унаследованных вариантов, а другие – полностью отрицают ее. Наконец, расширенный синтез признал тот факт, что организмы, посредством метаболизма и своей деятельности определяют и создают (и частично разрушают) свои собственные ниши. Эти вызванные активностью организмов модифицированные ниши изменяют направление и силу селективного давления на последующие поколения [Scott-Phillips et al. 2014]. Такое понимание легло в основу теории конструирования ниш и позволило включить в анализ материальную среду, как естественную, так и искусственно созданную.

Таковы, вкратце, основные трансформации современного эволюционизма. Подобные нововведения существенно изменили облик натурализма, открыв возможность применения теории естественного отбора практически к любым связанным с человеком феноменам. Как уже упоминалось, дарвинистские подходы вызвали многочисленные возражения – от политически окрашенных до вполне академически респектабельных. Самые значительные из них связаны с отказом ряда направлений философской и научной мысли от понимания когнитивных феноменов как локализованных в мозге процессов обработки информации, то есть от интернализма и индивидуализма в трактовке разума.

Оставляя в стороне альтернативные подходы (обзор – см. [Герасимов 2025]), мы утверждаем, что некоторые из принятых дарвинизмом изменений ведут к эрозии его программы. Мы рассмотрим некоторые очевидные проявления этого. Сложности начинаются уже с самой аналогии биологической эволюции и культурного развития. Поскольку основополагающим моментом этой аналогии является признание того, что культура обладает важнейшей эволюционной особенностью – происхождением с изменениями, а значит культурные процессы могут быть смоделированы с использованием моделей, заимствованных из биологии, в частности – из популяционной генетики. Однако культура не слишком похожа на биологическую систему: если в живой природе передача информации ограничена спариванием внутри вида, то в культуре происходит неограниченная рекомбинация, преодолевающая любые пространственные и временные границы; передаются через культуру приобретенные изменения, а не унаследованные; в отличие от биологической передачи, культурная информация изменяется между моментами передачи в процессе осмысления. Эти очевидные различия приводят исследователей к отказу от полной аналогии между культурными и биологическими процессами, к утверждению, что модели КЭ являются дарвинистскими только «в самом широком смысле», «даже если они не похожи на стандартные модели биологической эволюции – даже если на самом деле они отводят относительно небольшую роль культурным аналогам естественного отбора» [Boutel, Lewens 2017, p. 53]. Но насколько «широк» этот смысл? Фактически, авторы приведенной цитаты утверждают, что культурные процессы можно смоделировать, но не предлагают никакого обоснования возможности и необходимости использования для этого математического аппарата теории эволюции.

Вторым проявлением эрозии является вопрос о возникновении новаций. В теориях КЭ предполагается, что новизна может быть обусловлена как случайными ошибками при копировании или передаче, так и направленными изменениями (guided variations), связанными со способностью людей экспериментировать, изобретать новые способы деятельности. Очевидно, что последние не являются случайными процессами, следовательно – не могут

описываться дарвинистскими законами [Gabora 2024]. Важен и масштаб изменений: классические, основанные на естественном отборе объяснения удовлетворительно работают только в случае незначительных изменений, тогда как культура, по крайней мере со времен Неолитической эволюции, представляет собой непрерывную череду сальтаций. Фогарти и др. [Fogarty et al. 2015] предлагают в явном виде включить творчество в модели КЭ, однако это интересное предложение, подкрепленное определенным математическим аппаратом, не связано напрямую с дарвинизмом и получило пока весьма ограниченное распространение.

Третий связанным с эрозией момент – информационное понимание культуры и связанные с ним трудности включения в анализ материального измерения социального мира. Как упоминалось, такое включение осуществилось в рамках расширенного эволюционного синтеза, а именно – в наиболее перспективной эволюционистской теории, теории конструирования ниш. Здесь постулируется существование еще одной линии наследования – экологического наследования – и предполагается, что материальные факторы, будь то внешняя среда или артефакты, могут быть учтены дарвинистскими моделями. Но не вполне понятно как и в каком смысле можно говорить о наследовании среды. Ясно, что наследование улицы или водопровода существенно отличается по механизму от наследования гена или участка хромосомы. Тогда почему предполагается, что такое экологическое наследование может описываться законами, аналогичными по форме эволюционным? Понимание экологического наследования в обществе предполагает изучения процессов воспроизводства условий жизни, требующих активного вовлечения новых поколений в систему практических действий, а не трансляции абстрактной информации, будь то внутри поколений или между ними. Этот процесс следует скорее понимать как производство и «сохранение» [Ingold 2022] окружающей среды в совместной деятельности представителей разных поколений. В более общем плане, описание общественных процессов как совокупности дискретных актов передачи (даже если считается, что передается не только информация, но и некие материальные объекты) между независимыми автономными акторами посредством социального обучения не соответствует действительным процессам совместного производства и воспроизводства природы и человека в ходе онто- и филогенеза. В этой связи перспективным выглядит попытка К. Стерельни [Sterelny 2006] ввести в теории КЭ понятия «обучающегося на практике» (apprentice), что, опять же, с трудом совместимо с дарвинистской парадигмой.

Таким образом, развитие дарвинистской программы изучения общества, обусловленное расширением классического дарвинизма и переходом от Современного эволюционного синтеза к Расширенному синтезу связано не только с трансформативной перестройкой эволюционных подходов и расширением сферы их применения. Другой стороной этого процесса является внутренняя эрозия дарвинизма, заключающаяся во включении в корпус теории некоторых элементов, разрушающих ее основополагающие принципы.

Список литературы

1. Герасимов 2025 – Герасимов Ф.С. Современная наука в поисках разума: резонанс с идеями Ильенкова / В пространстве философии и культуры. (По материалам Ильенковских Чтений 2023-2025 г.г.). Сборник научных трудов. Ч. 2. М.: Усть Каменогорск: Изд-во КАСУ, 2025. С. 3-35.

2. Barrett 2015 – Barrett H. Modularity // Evolutionary Perspectives on Social Psychology / V. Zeigler-Hill, L. Welling, T. Shackelford (eds). Heidelberg, New York, Dordrecht, London: Springer Cham, 2015. P. 39-49.
3. Boutel, Lewens 2017 – Boutel A., Lewens T. Cultural evolution and the mind // The Routledge Handbook of Philosophy OF THE Social Mind / J. Kiverstein (ed.). London, New York: Routledge, 2017. P. 53-71.
4. Burkart et al. 2017 – Burkart J. M., Schubiger M. N., van Schaik C. P. Future directions for studying the evolution of general intelligence // Behavioral and Brain Sciences. 2017. Vol 40. P. 1-67.
5. Carruthers 2006 – Carruthers P. The Case for Massively Modular Models of Mind // Contemporary debates in cognitive science / R. J. Stainton (ed.). Malden, MA: Blackwell Publishing Ltd., 2006. P. 3-22.
6. Fogarty et al. 2015 – Fogarty L.,·Creanza N.,·Feldman M.W. Cultural evolutionary perspectives on creativity and human innovation // Trends in Ecology & Evolution. 2015. Vol. 30(12). P. 736–754.
7. Gabora 2024 – Gabora, L. How does culture evolve? // Handbook of advances in culture and psychology / M. J. Gelfand, C.-Y. Chiu, Y.-Y. Hong (Eds.). Oxford: Oxford University Press, 2024. P. 1–52.
8. Ingold 2022 – Ingold T. Evolution without Inheritance: Steps to an Ecology of Learning // Current Anthropology. 2022. Vol. 63 (supplement 25). S32-S55.
9. Kananzawa 2010 – Kananzawa S. Evolutionary psychology and intelligence research // American Psychologist. 2010. Vol. 65(4). P. 279–289.
10. Machery et al. 2019 – Machery E., Griffiths P. E., Linquist S., Stotz K Scientists' conception of innateness: evolution or attraction? // Advances in experimental philosophy of science / D. A. Wilkenfeld, R. Samuels (eds.). New York: BLUMSBURY Academic, 2019. P. 172–204.
11. Scott-Phillips et al. 2014 – Scott-Phillips T.C., Laland K.N., Shuker D.M., Dickins T.E., West S.A. The Niche Construction Perspective: A Critical Appraisal // Evolution. 2014. Vol. 68(5). P. 1231-1243.
12. Spencer et al. 2009 – Spencer J.P., Blumberg M.S., McMurray B., Robinson S.R., Samuelson L.K., Tomblin B. Short Arms and Talking Eggs. Why We Should No Longer Abide the Nativist-Empiricist Debate // Child Development Perspectives. 2009. Vol. 3(2). P. 79–87.
13. Sterelny 2006 – Sterelny K. The evolution and evolvability of culture // Mind and Language. 2006. Vol. 21(2). P. 137–165.

УДК 1:316:008

МИФЫ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

Балданов Лев Дамдинович

Аспирант,

Нижегородский Государственный Технический Университет им. Р.Е. Алексеева

E-mail: levaleva54@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются устойчивые мифы массовой культуры в контексте социально-гуманитарного знания. Актуальность темы связана с тем, что массовая культура занимает значительное место в современном обществе, однако её интерпретации в научной и публичной среде часто опираются на упрощённые представления. Цель работы заключается в выявлении и анализе основных мифов, связанных с массовой культурой, а также в определении подходов социально-гуманитарного знания к их критическому осмыслению. В работе выделяются ключевые мифы, включая представление о массовой культуре как исключительно низкой и поверхностной форме культурного производства, её якобы полностью манипулятивном характере, а также идею о разрушительном воздействии на индивидуальность. Особое внимание уделяется миссии университета как института, в рамках которого формируется критическое мышление и осуществляется преодоление стереотипных представлений о культуре. Подчёркивается, что социально-гуманитарное знание позволяет рассматривать массовую культуру как многослойный и динамичный феномен, включённый в систему социальных, экономических и символических отношений. В заключение делается вывод о необходимости отказа от односторонних трактовок массовой культуры и развития более комплексного научного подхода к её изучению.

Ключевые слова: миф, массовая культура, социально-гуманитарное знание, университет, мифы массовой культуры, критическое мышление

MYTHS OF POPULAR CULTURE IN THE SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

Postgraduate Student

Nizhny Novgorod State Technical University n.a R. E. Alekseev

Abstract: Abstract: This article examines persistent myths of mass culture in the context of social and humanities knowledge. The relevance of the topic stems from the fact that mass culture occupies a significant place in contemporary society, yet its interpretations in academic and public discourse often rely on simplified notions. The aim of this work is to identify and analyze the main myths associated with mass culture, as well as to determine the approaches of social sciences and humanities to their critical examination. The paper highlights key myths, including the notion of mass culture as an exclusively lowbrow and superficial form of cultural production, its allegedly entirely manipulative nature, and the idea of its destructive impact on individuality. Particular attention is paid to the mission of the university as an institution within which critical thinking is fostered and stereotypical notions of culture are overcome. It is emphasized that social sciences and humanities allow us to view mass culture as a multi-layered and dynamic phenomenon embedded within a system of social, economic, and symbolic relations. In conclusion, the paper argues for the need to move away from one-sided interpretations of popular culture and to develop a more comprehensive scholarly approach to its study.

Keywords: myth, popular culture, social sciences and humanities, university, myths of popular culture, critical thinking

Современное общество развивается в условиях интенсивного информационного обмена и активного осмысления социальных процессов в рамках социально-гуманитарного знания. В этих условиях мифы не исчезают, а трансформируются, сохраняя своё значение как важный элемент массовой культуры и объект научного анализа. Они проявляются в образах героев популярных фильмов, сюжетах медийных событий, рекламе и повседневных представлениях, влияя на восприятие реальности и социальные установки. Сам факт существования мифов в современном культурном пространстве, их устойчивость и востребованность в системе социальных отношений подтверждает сохранение мифологического мышления [Тихонова 2018, с. 134].

Миф в современной культуре не исчез. Он изменил форму, но сохранил своё значение. Для социально-гуманитарного знания это важный объект анализа. Через мифы можно понять, как общество объясняет само себя и как формируются определенные представления о мире. В данной области массовая культура рассматривается как сложный и многослойный феномен. Она не сводится только к развлечению или потреблению.

Массовая культура активно воспроизводит мифологические структуры, а социально-гуманитарные науки стремятся осмыслить эти процессы, выявляя их значение для формирования коллективных представлений, ценностей и моделей поведения. Изучение мифов массовой культуры в рамках социально-гуманитарного знания позволяет глубже понять механизмы функционирования массового сознания.

Проблема мифа традиционно рассматривается в философии, культурологии и социологии. В классической философской традиции такие мыслители, как Платон и Аристотель, анализировали миф как способ осмысления мира и передачи моральных норм. Осмысление массовой культуры начинается на рубеже XIX–XX веков (Ф. Тённис, Г. Лебон, Г. Тард, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин и др.) в контексте изучения массового общества [Щвецова, Норманская 2016, с.53].

В XX веке Жан Бодрийяр и Клод Леви-Стросс рассматривали миф как структуру коллективного сознания; при этом Леви-Стросс понимал миф как универсальную форму мышления [Леви-Стросс 1999, с.23]. В советской научной традиции миф изучался через его социальные и идеологические функции: Михаил Бахтин подчеркивал значение мифологического сознания в народной культуре, а культурологи анализировали массовую культуру как средство социализации [Бахтин 1990, с.9]. В западной мысли XX века Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер критиковали массовую культуру как механизм воздействия на сознание и формирования стереотипов, подчеркивая её идеологическую роль [Адорно, Хоркхаймер 1997, с.155].

Современные исследования продолжают анализ мифов массовой культуры, уделяя внимание их трансформации и роли в системе знаний о обществе и культуре. Несмотря на значительное количество работ, комплексное осмысление мифов массовой культуры именно в системе социально-гуманитарного знания остаётся недостаточно разработанным, что определяет научную значимость данного исследования.

Университет в этом контексте выполняет особую миссию. Он не только передаёт знания, но и формирует критическое мышление. Социально-гуманитарные дисциплины помогают

студентам и исследователям понимать культурные процессы глубже. Они учат не принимать очевидные объяснения без анализа.

Одним из устойчивых мифов является представление о массовой культуре как о «низкой» и примитивной форме культуры. В академической среде этот миф постепенно преодолевается. Исследователи показывают, что массовая культура может быть носителем сложных смыслов. Она часто отражает социальные тревоги и коллективные ожидания.

Другой миф связан с идеей полного контроля над аудиторией. Считается, что массовая культура навязывает людям готовые модели поведения. Однако социально-гуманитарное знание подчёркивает активную роль человека. Люди не только воспринимают, но и интерпретируют культурные тексты. Они могут соглашаться, критиковать или переосмыслять их.

Одним из распространённых мифов остаётся представление о массовой культуре как о полностью «коммерческой» и лишённой ценности. Действительно, она тесно связана с рынком. Но сводить её только к экономике неправильно. Даже коммерческие продукты могут содержать социальные и философские смыслы.

Ещё один миф заключается в том, что массовая культура всегда навязана «сверху». Считается, что крупные медиакорпорации полностью управляют сознанием аудитории. Однако исследования показывают, что аудитория активно участвует в создании смыслов. Люди перерабатывают контент, создают мемы, фан-группы и различные альтернативные сообщества. Это говорит о непростой модели взаимодействия.

Безусловно, существует миф и о том, что массовая культура приводит к деградации мышления. Такой взгляд часто встречается в публицистике. Однако в академическом русле такая позиция считается слишком односторонней. Массовая культура не только упрощает, но и адаптирует сложные идеи для широкой аудитории.

Отдельно можно выделить миф о «временной поверхностности» массовой культуры. Её часто считают краткосрочной и быстро исчезающей. Однако некоторые культурные формы оказываются устойчивыми. Они становятся частью коллективной памяти и даже объектом научного анализа.

Ещё один важный миф связан с противопоставлением массовой и элитарной культуры. В реальности граница между ними размыта. Многие элементы переходят из одной сферы в другую. Академическое поле как раз показывает эту динамику и отсутствие жёстких границ.

Также можно отметить миф о «естественности» массовой культуры. Иногда предполагается, что она возникает сама по себе как отражение вкусов общества. Но на самом деле она всегда конструируется. В её создании участвуют институты, технологии и экономические механизмы.

Также существует миф о разрушении индивидуальности. Массовая культура якобы делает всех одинаковыми. Но на практике наблюдается обратное. Люди используют массовые культурные формы для выражения своей идентичности. Особенно это заметно в цифровой среде, где пользователь сам конструирует культурный контент.

Важной задачей университета является работа с такими мифами. Университет создаёт пространство для научного анализа и обсуждения. Здесь формируется понимание того, что культура не делится на «высокую» и «низкую» в строгом смысле. Она представляет собой единое поле смыслов.

В функциональном плане массовая культура повторяет многие роли традиционных мифов. Она не только развлекает, но и объясняет действительность в упрощённой форме, задаёт модели поведения и формирует эмоциональное отношение к социальным событиям. При этом мифологические структуры в массовой культуре становятся более гибкими и быстро меняющимися. Процесс становится более динамичным, интерактивным, персонализированным.

В отличие от традиционного мифа, который был относительно устойчив и передавался через поколения, мифы массовой культуры существуют в постоянном обновлении. Они быстро возникают, распространяются и так же быстро трансформируются или исчезают.

Важно отметить, что в социально-гуманитарном знании миф перестаёт пониматься как нечто «ложное» или примитивное. Он рассматривается как особый способ организации смыслов, через который общество объясняет само себя. Поэтому мифы массовой культуры можно воспринимать как форму коллективного мышления современного общества, а не как его искажение.

С этой точки зрения массовая культура выступает не просто как индустрия развлечений, а как пространство производства смыслов. Она создаёт образы, которые начинают восприниматься как естественные и самоочевидные. Например, представления о «успешности», «героизме», «справедливости» часто формируются не через научное знание, а через повторяющиеся культурные сюжеты.

Можно сказать, что современный миф становится менее связанным с религиозной или сакральной сферой, но более связанным с повседневной жизнью человека. Он глубоко проникает в рекламу, кино, социальные сети, политическую коммуникацию. При этом человек часто не замечает его воздействия, воспринимая такие образы как «обычную реальность».

С точки зрения социально-гуманитарного знания это особенно важно, потому что позволяет увидеть, что миф — это не пережиток прошлого, а постоянно действующий механизм социальной организации. Он помогает обществу упрощать сложную реальность и снижать неопределённость. Но одновременно он может и закреплять стереотипы, влияя на восприятие социальных групп и событий.

Таким образом, мифы о массовой культуре выполняют функцию упрощения сложного явления. Социально-гуманитарное знание стремится эти упрощения преодолеть. Оно рассматривает массовую культуру как поле взаимодействия различных сил: экономических, социальных и символических. Университет в этом процессе выполняет миссию критического анализа. Он помогает увидеть, что культура меняет систему смыслов и ориентиров в социуме. В итоге можно сказать, что работа с мифами массовой культуры — это часть более широкой задачи гуманитарного знания. Она связана с пониманием современного общества и его сложной символической структуры.

Список литературы

1. Адорно, Хоркхаймер 1997 – Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / Пер. с нем. М. Кузнецова. СПб., 1997. 312 с.
2. Барт 1989 – Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Под ре. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
3. Барт 2010 – Барт Р. Мифологии / Пер. с франц. С. Зенкина. М.: Академический проект, 2010. 352 с.
4. Бахтин 1990 – Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит.,1990 (1-е изд. – 1965). 543 с.
5. Зинченко 2022 – Зинченко Т. Е. Об особенностях современной отечественной мифологии // Новосибирский временник. 2022. № 2. С. 105–110.
6. Леви-Стросс 1999 – Леви-Стросс К. Мифологики: В 4 т. Т. 1: Сырое и вареное / пер. с фр. А. З. Акопяна. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. 408 с.
7. Носова, Носов 2023 – Носова И. В., Носов Д. Д. Современная мифология: отношение ко времени, прогрессу и истории // Общество. Наука. Образование: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск: Изд-во СибГУТИ, 2023. С. 234–238.
8. Осмоловская 2023 – Осмоловская С. М. Массовая культура и медиа как универсалии современного общества // Коммуникология. 2023. № 2 (11). С. 63–75.
9. Пронькина 2012 – Пронькина А. В. Массовая культура как культурологическая категория // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2012. № 1 (34). С. 64–76.
10. Тихонова 2018 – Тихонова В. Л. Современный миф как средство конструирования реальности // Нефтегазовые технологии и экологическая безопасность. 2018. № 2(66). С. 134–138.
11. Фрейд 2023 – Фрейд З. Тотем и табу / Пер. с нем. М. В. Вульфа. М.: АСТ, 2023. 256 с.
12. Фрэзер 1980 – Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Пер. с англ. И. Рыклина. М.: Политиздат, 1980. 831 с.
13. Швецова, Норманская 2016 – Швецова А. В., Норманская А. В. Массовая культура как проблема современного общества: общетеоретический анализ // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 6 (74). С. 51–61.
14. Элиаде 2010 – Элиаде М. Аспекты мифа / Пер. с франц. В. Большакова. М.: Академический проект, 2010. 256 с.
15. Юнг 1997 – Юнг К. Г. Человек и его символы / Под ред. С. Н. Сиренко. М.: Серебряные нити, 1997. 368 с.

УДК 159.964.26

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС

Суслов Иван Владимирович

кандидат социологических наук
Саратовская государственная юридическая академия, доцент кафедры философии
E-mail: suslov85@inbox.ru

Аннотация: В статье рассматривается статус категории бессознательного в социально-гуманитарных науках в контексте её применения к анализу символических и нормативных структур. Показано, что бессознательное функционирует как междисциплинарный теоретический конструкт, используемый в психоанализе, аналитической психологии, социологии, культурологии и философии права, при отсутствии единого методологического определения. Выделяются основные подходы к интерпретации бессознательного: психоаналитический, в рамках которого символ трактуется как форма репрезентации вытесненного содержания; юнгианский, где бессознательное включает коллективный уровень, структурированный архетипами; и социокультурный, рассматривающий бессознательное как механизм воспроизводства устойчивых символических и поведенческих паттернов. Отдельное внимание уделяется расширению понятия бессознательного в исследованиях массовых коммуникаций и политической мифологии, где оно интерпретируется как фактор медиального воздействия и формирования коллективных представлений. Показано, что архетипические структуры используются для объяснения устойчивости политических символов, механизмов массового поведения и процессов нормативной интеграции. В юридическом контексте бессознательное рассматривается как элемент формирования правового поведения и правовой ментальности, влияющий на интерпретацию норм и практики правоприменения. Делается вывод о методологической неоднородности понятия бессознательного, которое одновременно выполняет объяснительные, описательные и моделирующие функции. Указывается на его роль как связующего элемента между индивидуальным, коллективным и институциональным уровнями анализа социального порядка.

Ключевые слова: бессознательное; архетип; коллективное бессознательное; социальная теория; психоанализ; массовое сознание

Исследование выполнено на базе Научно-образовательной лаборатории правовой философии Института правотворчества и правового прогнозирования ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

UNCONSCIOUS IN SOCIAL AND HUMANITIES KNOWLEDGE: METHODOLOGICAL STATUS

Ivan V. Suslov

Saratov State Law Academy, Associate Professor, Department of Philosophy

Abstract: The article examines the status of the concept of the unconscious in social and humanities studies in relation to its application to the analysis of symbolic and normative structures. It is shown that the unconscious functions as an interdisciplinary theoretical construct employed in psychoanalysis, analytical psychology, sociology, cultural studies, and philosophy of law, while

lacking a unified methodological definition. The main approaches to interpreting the unconscious are identified: the psychoanalytic approach, in which the symbol is understood as a form of representation of repressed content; the Jungian approach, where the unconscious includes a collective level structured by archetypes; and the sociocultural approach, which interprets the unconscious as a mechanism for reproducing stable symbolic and behavioral patterns. Particular attention is paid to the expansion of the concept of the unconscious in studies of mass communication and political mythology, where it is interpreted as a factor of medial influence and the formation of collective representations. It is demonstrated that archetypal structures are used to explain the persistence of political symbols, mechanisms of mass behavior, and processes of normative integration. In the legal context, the unconscious is considered as a component in the formation of legal behavior and legal mentality, influencing the interpretation of norms and law enforcement practices. The article concludes that the concept of the unconscious is methodologically heterogeneous, simultaneously performing explanatory, descriptive, and modeling functions. Its role as a connecting element between individual, collective, and institutional levels of analysis of social order is emphasized.

Keywords: unconscious; archetype; collective unconscious; social theory; psychoanalysis; mass consciousness

В социально-гуманитарных науках категория бессознательного используется как междисциплинарный объяснительный конструкт для описания предрефлексивных оснований поведения, символических структур и нормативных систем. При этом её методологический статус остаётся неопределённым, что обусловлено конкуренцией различных теоретических интерпретаций.

Бессознательное функционирует одновременно как психологическая, социологическая, культурологическая и нормативно-правовая категория, что приводит к фрагментации его аналитического использования. Цель статьи — реконструкция основных теоретических подходов к интерпретации бессознательного в социально-гуманитарных науках и анализ его функций в формировании символических и нормативных структур.

В классическом психоанализе бессознательное определяется как система вытесненных психических содержаний, проявляющихся в символической форме. Символ трактуется как механизм репрезентации вытесненного материала, а не как автономная семиотическая единица. В аналитической психологии К. Г. Юнга бессознательное включает коллективный уровень, структурированный архетипами. Архетипы интерпретируются как универсальные формы организации опыта, обеспечивающие устойчивость символических структур [Элькан, Путра 2017, с. 21]. Таким образом, символ рассматривается как структурный элемент психической организации, обеспечивающий связь индивидуального и коллективного уровней опыта.

В культурологических исследованиях бессознательное интерпретируется как механизм воспроизводства устойчивых символических структур. Культура понимается как система, в которой бессознательные элементы обеспечивают генерацию и стабилизацию смысловых паттернов [Соболев 2008, с. 95]. Архетипы в данном контексте выполняют функцию инвариантных структур, обеспечивающих повторяемость культурных форм и устойчивость символических конфигураций [Андреев 2023, с. 205]. В ряде исследований фиксируется возможность перехода от интерпретативного анализа к конструктивному использованию архетипов в моделировании культурных и цивилизационных процессов [Пигулевский, Мирская 2017, с. 112].

В социологии бессознательное рассматривается как элемент коллективной регуляции поведения. Юнгианская традиция используется для описания механизмов социальной интеграции через предрефлексивные схемы восприятия социальной реальности [Бызов 2014, с. 106]. Психоаналитическая социология фиксирует бессознательное как уровень формирования устойчивых социальных установок, не редуцируемых к индивидуальной рациональности [Симонова 2008, с. 44]. В исследованиях идентичности бессознательное соотносится с процессами самоидентификации, формируемыми на пересечении культурных и институциональных факторов [Квасова 2014, с. 47].

В исследованиях массовых коммуникаций бессознательное интерпретируется как компонент медиального воздействия, связанный с воспроизводством символических и аффективных структур. Управленческие и политические решения рассматриваются как частично детерминированные коллективными предустановками [Шахмурадян 2013, с. 58].

Медиа функционируют как системы воспроизводства символических паттернов, воздействующих через повторяемость образов и нарративных структур [Закарян 2010, с. 76]. Политическая реклама и телевидение демонстрируют использование архетипических схем для стабилизации интерпретаций событий [Конторович 2009, с. 19].

Политическая мифология интерпретируется как форма символической организации массового сознания. Архетипы и стереотипы функционируют как когнитивно-аффективные схемы, обеспечивающие воспроизводство социальных норм [Лукьященко 2024, с. 32]. Данные структуры обладают двойственной функцией: интегративной и манипулятивной, обеспечивая одновременно устойчивость и управляемость массовых представлений. Фиксируется наличие неосознаваемых компонентов политических ценностей, коррелирующих с поведенческими установками [Богдан 2015, с. 93].

Символ Гая Фокса демонстрирует механизм долгосрочной трансформации культурных знаков. Исторический образ трансформируется в универсальный символ протестной идентичности [Пронина, Кириченко 2022, с. 257]. Ритуальная практика «Ночи Гая Фокса» интерпретируется как механизм переработки коллективного стресса. Символ функционирует как форма аффективной регуляции социальных напряжений. В генеалогии образа фиксируются элементы предшествующих мифологических структур, включая ритуальные формы архаических культур. В цифровой среде символ приобретает функции анонимизации и сетевой координации протестного действия.

В юридических исследованиях бессознательное рассматривается как фактор формирования правового поведения. Фиксируется наличие неосознаваемых компонентов в механизмах правомерного и противоправного поведения [Шкинцова 2022, с. 50]. В психоаналитической юриспруденции право интерпретируется через категорию бессознательных мотиваций, включая аффективные и инстинктивные компоненты [Нерсесянц 2024, с. 15]. Эмпирические исследования фиксируют связь архетипических структур с установками в сфере коррупционного поведения [Хусаинова, Гиниятуллина 2010, с. 165]. Правовая ментальность определяется как совокупность рациональных и интуитивных структур восприятия права [Павельева 2015, с. 204].

Таким образом, бессознательное в социально-гуманитарных науках функционирует как междисциплинарный конструкт, используемый для описания предрефлексивных оснований символических и нормативных структур. Его применение характеризуется отсутствием единого методологического статуса и наличием конкурирующих интерпретаций. В аналитическом отношении бессознательное выполняет функцию связующего элемента между

индивидуальным, коллективным и институциональным уровнями анализа при сохранении методологической неопределённости его границ.

Список литературы

1. Андреев 2023 – Андреев А. А. Сознательное и бессознательное в современной культуре // Вестник музыкальной науки. 2023. Т. 11. № 3. С. 203–212.
2. Богдан 2015 – Богдан И. В. Политические ценности в современной России: неосознаваемые (бессознательные) аспекты // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Т. 8. № 3. С. 91–97.
3. Бызов 2014 – Бызов А. А. Социальная теория и психология Юнга // Социальные и гуманитарные науки. Серия 11: Социология. 2014. № 1. С. 103–114.
4. Закарян 2010 – Закарян Г. А. Телесериал как инструмент воздействия на индивида // Наука телевидения. 2010. Т. 7. С. 73–83.
5. Конторович 2009 – Конторович С. д. Использование символических образов в политической рекламе // Северо-кавказский психологический вестник. 2009. Т. 7. № 2. С. 17–22.
6. Квасова 2014 – Квасова И. И. Естественноисторические и социально-культурные основания самоидентификации личности // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 3. С. 44–53.
7. Лукьященко 2024 – Лукьященко И. Е. Архетипы и стереотипы как паттерны массового сознания // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2024. Т. 24. № 6. С. 31–37.
8. Нерсесянц 2024 – Нерсесянц А. В. Психоаналитическая юриспруденция Альберта Эренцвейга // Труды Института государства и права РАН. 2024. Т. 19. № 3. С. 11–31.
9. Павельева 2015 – Павельева Т. Ю. Ментальность: философско-правовой подход к проблеме // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 2. С. 203–206.
10. Пигулевский, Мирская 2017 – Пигулевский В. О., Мирская Л. А. Архетипы и проектирование цивилизации // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6. № 6. С. 109–122.
11. Пронина, Кириченко 2022 – Пронина Е. Е., Кириченко А. С. Мемо-диагностика коллективного стресса: загадка Гая Фокса // Политическое пространство и социальное время. 2022. С. 256–260.
12. Соболев 2008 – Соболев Д. Введение в аналитику дуальности «Культура и бессознательное» // Аналитика культурологии. 2008. № 3. С. 93–104.
13. Симонова 2008 – Симонова О. А. Психоаналитическая социология как психосоциальное исследование // Социальные и гуманитарные науки. Серия 11: Социология. 2008. № 4. С. 40–49.
14. Шахмурадян 2013 – Шахмурадян М. А. Принятие управленческих решений в контексте коллективного бессознательного // Политический вектор-М. 2013. № 2. С. 55–63.
15. Шкинцова 2022 – Шкинцова А. А. Бессознательное в механизме индивидуального противоправного поведения // Альманах молодого исследователя. 2022. № 12. С. 49–53.
16. Хусаинова, Гиниятуллина 2010 – Хусаинова Н. Ю., Гиниятуллина А. Р. Архетипические особенности личностей с различным отношением к коррупции // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 4. С. 162–169.

17. Элькан, Путра 2016 – Элькан О. Б., Путра В. А. Механизмы символообразования в психоанализе З. Фрейда // Вестник МГУКИ. 2016. № 4. С. 59–64.

18. Элькан, Путра 2017 – Элькан О. Б., Путра В. А. Формирование символической сферы культуры в аналитической психологии К. Г. Юнга // Культурная жизнь Юга России. 2017. № 3. С. 20–24.

УДК 123.1

МЕСТО СВОБОДЫ В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ ИММАНУИЛА КАНТА

Мишагин Павел Андреевич
Кандидат философских наук
Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М. Ф. Решетнева, доцент кафедры философии и социальных наук
E-mail: mishagin@sibsau.ru

Аннотация: Статья анализирует роль свободы и истории в трансцендентальном идеализме Иммануила Канта, подчеркивая их место в эволюции его философской системы. Автор прослеживает развитие кантовской концепции истории от докритического периода, где она ассоциируется с природными процессами («Всеобщая естественная история и теория неба», 1755), через критический этап («Критика чистого разума» 1781, «Критика практического разума» 1788, «Критика способности суждения», 1790), к посткритическому этапу, включающему «Антропологию с прагматической точки зрения», 1798 и «О педагогике», 1803. Показано, что Кант видит историю как «руины» архитектурного плана разума, проходящего три стадии: догматическое детство, скептическую зрелость и критическую саморефлексию. А разум служит регулятивным принципом, балансируя познавательный интерес (истина) и практический (благо), противопоставляя «мир сущего» (рассудок, природа) «миру должного» (свобода, мораль). Автор обосновывает, что историософия Канта раскрывает напряжение между естественной детерминацией и свободой, где человечество примиряет необходимость и автономию воли. Свобода при этом трактуется двояко: как произволение (Willkür, гетерономия, ориентированная на счастье) и рациональная воля (Wille, автономия по категорическому императиву). Настоящая свобода – моральная, постулирующая бессмертие души и святость, независимо от эмпирического мира. История имеет два уровня: субъективных намерений и объективных действий, создавая два темпоральных континуума — феноменальный (естественная причинность) и ноуменальный (свободная причинность). Человечество творит историю априорно через практическую деятельность, при этом отвергается предопределяющий характер как теодицеи («О неудаче всех философских попыток теодицеи», 1791), так и естественная или природная детерминация, подчеркивается доминирование рациональной воли над естественными процессами и явлениями. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что социальная философия истории И. Канта вполне может рассматриваться как

диалектика индивидуальной и коллективной воли, в которой свобода формирует бесконечный прогресс, отделяя нравственный закон от «звездного неба» и природы в целом.

Ключевые слова: свобода, необходимость, история, социальная философия, философия истории, трансцендентальный идеализм, И. Кант.

THE PLACE OF FREEDOM IN IMMANUEL KANT'S SOCIAL PHILOSOPHY OF HISTORY

Mishagin Pavel Andreevich
Reshetnev University, Associate Professor

Abstract: This article analyzes the role of freedom and history in Immanuel Kant's transcendental idealism, emphasizing their place in the evolution of his philosophical system. The author traces the development of Kant's conception of history from the pre-critical period, where it is associated with natural processes (General Natural History and Theory of the Heavens, 1755), through the critical stage (Critique of Pure Reason, 1781, Critique of Practical Reason, 1788, Critique of Judgment, 1790), to the post-critical stage, including Anthropology from a Pragmatic Point of View, 1798, and On Pedagogy, 1803. It is shown that Kant sees history as the "ruins" of the architectural plan of reason, which passes through three stages: dogmatic childhood, skeptical maturity, and critical self-reflection. Reason serves as a regulatory principle, balancing cognitive interest (truth) and practical interest (the good), contrasting the "world of being" (reason, nature) with the "world of ought" (freedom, morality). The author argues that Kant's historiosophy reveals the tension between natural determination and freedom, where humanity reconciles necessity and the autonomy of the will. Freedom is interpreted in two ways: as volition (Willkür, heteronomy oriented toward happiness) and rational will (Wille, autonomy according to the categorical imperative). True freedom is moral, postulating the immortality of the soul and holiness, independent of the empirical world. History has two levels: subjective intentions and objective actions, creating two temporal continua—phenomenal (natural causality) and noumenal (free causality). Humanity creates history a priori through practical activity, rejecting both the predetermining nature of theodicy ("On the Failure of All Philosophical Attempts at Theodicy," 1791) and natural determination, emphasizing the dominance of rational will over natural processes and phenomena. As a result of this research, the author concludes that Kant's social philosophy of history can be viewed as a dialectic of individual and collective will, in which freedom shapes infinite progress, separating moral law from the "starry sky" and nature as a whole.

Keywords: freedom, necessity, history, social philosophy, philosophy of history, transcendental idealism, I. Kant.

Прежде чем рассмотреть непосредственно роль и место свободы в философии истории, обратимся к представлениям Кант об истории и историческом процессе. И. Кант обращается к теме истории во многих своих работах, а также на разных этапах развития своей философской системы. В докритический период он связывает понятие истории прежде всего со всей совокупностью природных процессов, как, например, в своем труде 1755 года «Всеобщая естественная история и теория неба» [Кант 1994 а].

Критический период тесно связывает концепцию истории с разумом, о чем свидетельствует заключительная, четвертая глава второго тома «Критики чистого разума», озаглавленная «История чистого разума» (Geschichte der reinen Vernunft) [Кант 1994 b]. В посткритический (поздний) период, наряду с работами, явным образом посвященным историческим вопросам, вопрос о возможности истории появляется в таких трудах, как «Антропология с прагматической точки зрения» (1798) [Кант 1994 c] и лекциях «О педагогике» (1803) [Кант 1994 f].

Когда Кант обратил свой взор на создание истории чистого разума, увидев в ней попытки реализовать определенный архитектонический план, его суждение относительно этой истории осталось достаточно уничижительным: она представляется ему «зданием, но лежащим в руинах» [Кант 1994 b, c. 619]. Для Канта раскрытие происхождения этих руин, вероятно, стало необходимым условием для понимания истории, а также для определения актуального места разума в историческом процессе [Познякова 2015, web]. Прежде всего, кантовская концепция истории характеризовалась своим развитием через три способа использования разума: первый период в истории – это детство человеческого духа, характеризующееся использованием разума догматическим образом, то есть отказом от принятия доказательств понятий и их отсылки к эмпиризму. Второй этап – это период зрелости, когда в своем скептицизме разум безжалостно опровергает прежние догмы. На третьем этапе разум понимает, что некритический догматизм и скептицизм противоречат его интересам, стремлениям, целям и т. д., поэтому только надлежащая критика позволит определить место прошлого разума в его догматических и скептических утверждениях.

Среди различных интересов разума два остаются основополагающими: истина и добро (благо). Познавательный интерес, который Кант установил, следуя рационалистической метафизике Аристотеля, основывается на определении роли рассудка как схематизатора опыта посредством категорий. Разум, в свою очередь, призван развивать определенные регулятивные идеи, которые, с одной стороны, должны поддерживать познавательный интерес, то есть представлять собой теоретические идеи, направленные на обеспечение единства человеческого знания, а с другой стороны, должны помогать организовывать человеческую жизнь посредством практических идей, направленных на благо. Образно говоря, объектом интереса рассудка и присущей ему дескриптивной способности является фактически данный мир или «мир сущего», в то время как объектом интереса разума и присущей ему нормативной способности выступает желаемый мир, понимаемый как «мир должного».

Акцент на этих мирах как первоисточниках истории, то есть на том, что дано чувственным восприятием, и на том, что дано разумом, призван показать, что философия истории Канта черпает свой материал не только в идеях, но и представляет собой специфический образ напряженности внутренних взаимоотношений между познавательными способностями человека и миром. В истории происходит практическое противостояние двух аспектов человеческой жизни: реального мира, пронизанного сетью естественной детерминации и постулируемого мира свободы.

Таким образом, задача человечества состоит в том, чтобы примирить различные интересы: с одной стороны, рассудок, стремящийся к упорядочивающей необходимости в природе, а с другой – разум, ориентированный на свободу. Проблематичность этого противостояния особенно очевидна, поскольку в философии истории интерпретация человеческого сознания определяется взаимоотношением двух способов использования разума в истории: философия истории или историософия должна не только представлять

собой аналитику исторического процесса, но в то же время выступать диалектикой человеческой воли, и, следовательно, выступать наукой, в которой разделение конститутивного и регулятивного использования разума в высшей степени затруднительно. По всей видимости, человеческий разум, участвующий в этом диалектическом процессе, порождает два темпоральных пространства. В первом пространстве явления воспринимаются во времени, которое является формой внутренней интуиции и определяется законами естественной причинности; во втором – явления воспринимаются благодаря регулятивным идеям, позволяющим нам размышлять о времени изменений в соответствии со схемой конечной причинности.

В реализации плана архитектоники разума времена рассмотренных выше темпоральных пространств – хотя и опосредованные мыслью – таким образом, раскрывают две разные истории: первая, демонстрирующая развитие проекта теоретической естественной науки, является историей, реализованный конец которой мыслим и осуществим; вторая история, в силу своей идеальности, которой никогда не достигает никакая практика, остается бесконечной.

Несомненно, опыт остается основополагающим условием для всего подлинного знания, хотя истинное намерение Канта в «Критике чистого разума» состояло в том, чтобы показать, что это условие само по себе недостаточно: «Но хотя всякое наше познание и начинается с опыта, отсюда вовсе не следует, что оно целиком происходит из опыта» [Кант 1994 b, с. 40]. Помимо опыта, Канты выделил также две познавательные способности, необходимые в науке: «низшую» и «высшую», которыми являются, соответственно, рассудок (Verstand) и разум (Vernunft). Первая способность заключается в определении воспринимаемых явлений с точки зрения причинности, всеобщности, необходимости, универсальности и так далее, а вторая — в исследовании того, могут ли понятия, примененные рассудком к опыту, усматриваться в систематическом синтетическом единстве, требуемом разумом. Поэтому для трансцендентального идеализма история науки это критика систем, в которых разум, стремясь к идеальной согласованности, также задает рассудку вопрос, может ли эта согласованность быть совместимой с опытом.

В социальной философии Канта история человеческой практики это все, что возможно благодаря свободе [Кант 1994 d, с. 12]. Однако для трансцендентальной философии свобода имеет двоякое значение: с одной стороны, свобода понимается как произволение (Willkür), то есть это возможность конечного субъекта выбирать конкретные объекты, соответствующие субъективным материальным максимам, направленным на счастье; с другой стороны, как рациональная или свободная воля (Wille), добровольно следующая категорическому императиву, то есть состоящая в признании объективных законов, среди которых первостепенное значение имеет чистый моральный закон, который в трансцендентальной философии именуется категорическим императивом [Мишагин 2021, web].

Строго говоря, свобода, направленная на счастье (благо), не является свободой в собственном смысле этого слова, поскольку она фактически порабощает субъекта, поскольку проистекает из гетерономии воли [Мишагин 2023, с. 376]. Напротив, с независящей ни от чего внешнего автономной волей к реализации безусловного закона субъект открывается своей собственной рациональной бесконечности, то есть свободе в собственном смысле этого слова, которая постулирует бессмертие души, стремящейся к идеалу святости. Таким образом, только через реализацию нравственного закона субъект становится достойным счастья, хотя и не всегда его достигает и, по-существу, стремиться к нему не должен, поскольку, чтобы

оставаться моральным, должен стремиться следовать моральному закону ради него самого [Гаджикурбанов 2023, web].

Таким образом, история человечества в социальной философии И. Канта представляет собой всю совокупность прошлого, то есть всего того, что определяет существующий мир, а историчность – это его специфический ракурс, который также выступает необходимым условием и возможностью создания будущего. И. Кант выразил природу этого практического сотворения истории в своем изречении: «Но каким образом возможна a priori? – Ответ: если предсказатель сам творит и вызывает события, которые он предрекает» [Кант 2002, с. 190]. Иначе говоря, для Канта невозможно познать историю вне её практического сотворения. Это также является источником его критики теологического понятия истории, пример которой можно обнаружить в работе под названием «О неудаче всех философских попыток теодицеи» (1791) [Кант 1994 e]. Именно в этом сочинении Кант он порвал с линией мышления, которая до его времени считалась неоспоримой, а именно, с представлением о необходимой связи между событиями на небесах и событиями на земле. Таким образом, как в метафорическом, так и в буквальном смысле, «нравственный закон» в истории человечества был отделен от «звездного неба».

Следует, однако, отметить, что это методологическое отделение имело для Канта более широкий охват, который в конечном итоге зависел от правильного понимания возможности бытия в мире. Философ предписывал абстрагироваться не только от неба, но и от земли. Это предписание проистекает из того факта, что если бы люди на практике руководствовались своей связью с землей (и господствующей в природе естественной необходимостью), было бы невозможно защитить и обосновать чистую свободу. Кант обратился к этому вопросу в «Антропологии с прагматической точки зрения», исследуя возможность понимания связи между характером народа и его территорией: «Климат и почва тоже не дают ключа к этому: переселения целых народов доказали, что эти народы на новых местах не изменяли своего характера, а только старались приспособить его к новым условиям…» [Кант 1994, с. 352]. Фактически получается, что Кант косвенно утверждает, что в руках человека находится не только индивидуальная и социальная практика, но и история всех народов.

Список литературы

1. Гаджикурбанов 2023 – Гаджикурбанов А.А. Идея человечества в категорическом императиве Канта // Этическая мысль. 2023. Т. 23. № 2. С. 5-19.
2. Кант 1994 a– Кант И. Всеобщая естественная история и теория неба / Пер. В.А. Костицына и Б.А. Фохта // Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 1. М.: ЧОРО, 1994. 544 с. С. 113-260.
3. Кант 1994 b – Кант И. Критика чистого разума / Пер. Н.О. Лосского // Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 3. М.: ЧОРО, 1994. 741 с.
4. Кант 1994 c – Кант И. Антропология с прагматической точки зрения / Пер. М. Левиной // Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 7. М.: ЧОРО, 1994. 495 с. С. 137-376.
5. Кант 1994 d – Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане / Пер. И.А. Шапиро // Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М.: ЧОРО, 1994. 718 с. С. 12-28.
6. Кант 1994 e – Кант И. О неудаче всех философских попыток теодицеи / Пер. Т.В. Васильевой // Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М.: ЧОРО, 1994. 718 с. С. 138-157.

7. Кант 1994 f – Кант И. О педагогике / Пер. С. Любомудрова // Кант И. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М.: ЧОРО, 1994. 718 с. С. 399-462.
8. Кант 2002 – Кант И. Спор факультетов / Пер. с нем. Ц.Г. Арзаканяна, И.Д. Копцева, М.И. Левиной; Отв. ред. Л.А. Калинников. Калининград: Изд-во КГУ, 2002. 286 с.
9. Мишагин 2021 – Мишагин П.А. Коперниканский переворот и постановка проблемы свободы в трансцендентальном идеализме И. Канта // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: Труды III Всероссийской научной конференции / Под общей ред. А.М. Фейгельмана. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2021. С. 317-321.
10. Мишагин 2023 – Мишагин П.А. Нормативность и анормативное в праве: между свободой и ответственностью // Мир человека: нормативное измерение – 8.0. Анормальное: сборник трудов конференции (Саратов, 8-10 июня 2023 г.) / [редколл. И.Д. Невважай (отв. ред.) и др.]; Саратовская государственная юридическая академия. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2023. С. 371-379.
11. Познякова 2012 – Познякова О.Л. Философия истории И. Канта: антропологические и социально-политические аспекты. Минск: РИВШ, 2015. 104 с.

УДК 316

ЦИФРОВОЙ ПАНОПТИКОН ИЛИ ПРОСТРАНСТВО СВОБОДЫ: КАК ТЕХНОНАУКА МЕНЯЕТ КЛИМАТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Логинова Лариса Викторовна
Доктор социологических наук
Саратовская государственная юридическая академия, профессор кафедры философии
E-mail: lvloginova66@mail.ru

Аннотация: В эпоху технонауки вуз оказывается в эпицентре фундаментальной трансформации, балансируя между логикой инновационного предприятия и миссией автономного интеллектуального центра. Цифровая инфраструктура (LMS-системы, прокторинг, алгоритмизированные учебные планы) перестраивает климат дискуссий в социально-гуманитарных науках, создавая условия «дигитального паноптикона». Технологии непрерывного мониторинга и оценки культивируют самоцензуру, сужают интеллектуальный горизонт и ставят под угрозу возможность ведения «опасных» дискуссий – ключевых для критической социальной науки. Цифровые платформы перестают быть нейтральными инструментами, становясь активными агентами, формирующими эпистемологические и социальные практики, а цифровой след становится «новой валютой» и «паспортом» исследователя. Все это создает риск превращения социально-гуманитарного знания в набор цифровых наук, в которых формальное следование алгоритму платформы подменяет собой поиск смыслов. В ответ на этот вызов необходима реконфигурация научно-образовательной среды, целям которой отвечает стратегия сохранения академической среды и вузовского социально-гуманитарного образования как «безопасного пространства» для интеллектуального риска, основанного на принципах осознанного цифрового минимализма, со-проектирования этических платформ, развития педагогики критической цифровой

грамотности. Создание «аналоговых заповедников» превратит технологическую среду из инструмента контроля в платформу для подлинной свободы мысли и генерации знания, не сводимого к утилитарной отдаче. Сохранение этического примата и рефлексивной дистанции социально-гуманитарных наук является необходимым условием трансформации технонауки в лабораторию человеческой свободы, а не в инструмент тотальной прозрачности и контроля.

Ключевые слова: цифровой паноптикон, технонаука, социально-гуманитарные науки, алгоритмизация смыслов, этика технологий, цифровая инфраструктура, академическая свобода

DIGITAL PANOPTICON OR FREEDOM SPACE: HOW TECHNOSCIENCE IS CHANGING THE CLIMATE OF SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

Larisa Viktorovna Loginova
Doctor of Sociological Sciences
Saratov State Law Academy, Professor of Philosophy Department

Abstract: In the age of technoscience, the university finds itself in the epicenter of a fundamental transformation, balancing between the logic of an innovative enterprise and the mission of an autonomous intellectual center. Digital infrastructure (LMS systems, proctoring, algorithmic curricula) is reshaping the climate of discussion in the social sciences and humanities, creating conditions for a "digital panopticon." Continuous monitoring and evaluation technologies cultivate self–censorship, narrow the intellectual horizon and jeopardize the possibility of conducting "dangerous" discussions - key to critical social science. Digital platforms are no longer neutral tools, becoming active agents shaping epistemological and social practices, and the digital footprint is becoming the researcher's "new currency" and "passport." All this creates the risk of turning social and humanitarian knowledge into a set of digital sciences, in which formal adherence to the platform algorithm replaces the search for meanings. In response to this challenge, it is necessary to reconfigure the scientific and educational environment, the goals of which are met by a strategy for preserving the academic environment and university social and humanitarian education as a "safe space" for intellectual risk based on the principles of conscious digital minimalism, co-designing ethical platforms, and developing the pedagogy of critical digital literacy. The creation of "analog reserves" will transform the technological environment from a tool of control into a platform for genuine freedom of thought and the generation of knowledge that cannot be reduced to utilitarian returns. Preserving the ethical primacy and reflexive distance of the social sciences and humanities is a prerequisite for the transformation of technoscience into a laboratory of human freedom, rather than an instrument of total transparency and control.

Keywords: digital panopticon, technoscience, social sciences and humanities, algorithmization of meanings, ethics of technology, digital infrastructure, academic freedom

Современный этап развития цивилизации характеризуется окончательным стиранием границ между «чистой» наукой и технологическим производством, что находит свое отражение в концепте «технонауки» (Б. Латур, Дж. Харауэй). Если ранее социальные и гуманитарные науки выступали в роли внешнего наблюдателя и критика технологического прогресса, то сегодня они сами оказались внутри технологической среды. Цифровизация перестала быть просто инструментом обработки данных; она стала климатом, в котором формируются смыслы, ценности и социальные иерархии. В этих условиях современный вуз

переживает глубокую трансформацию, движимую синергией технологических инноваций и новой философии управления, часто заимствованной из корпоративного мира. Эпоха технонауки, где производство знания неотделимо от цифровых инструментов, алгоритмических платформ и инфраструктур сбора данных, ставит перед академическим сообществом, и особенно перед социальными науками, экзистенциальный выбор. С одной стороны, цифровизация сулит беспрецедентную эффективность, глобальную доступность, персонализацию обучения и новые формы коллаборации. С другой – она неявно внедряет систему тотальной видимости, превентивного контроля и утилитарной оценки, фундаментально меняя эпистемологическую и социальную ткань академической жизни [Knox 2023]. Для социальных и гуманитарных наук, суть которых заключается в критической рефлексии о социальных структурах, механизмах власти, неравенстве и культурных нормах, этот вызов приобретает особенную остроту. Можем ли мы вести «опасные» дискуссии о биополитике, неолиберальной экономике, цифровом капитализме или гендерном насилии, если каждый клик в системе управления обучением (LMS), каждое слово в чате семинара, каждая оценка и даже время, потраченное на чтение материала, фиксируются, агрегируются и анализируются алгоритмами, чьи критерии остаются непрозрачными? Инфраструктура вуза перестает быть нейтральным «фоном», становясь активным агентом, который материально и символически формирует условия для интеллектуальной свободы или, напротив, для конформизма и самоцензуры.

Проблема влияния технологий на социальные структуры имеет глубокую традицию. Концепт «паноптикума», предложенный И. Бентамом и развитый М. Фуко в работе «Надзирать и наказывать», сегодня переосмысливается в контексте цифровой среды. Ш. Зубофф описывает механизмы извлечения «поведенческого излишка», превращающего личный опыт человека в сырье для коммерческих и властных алгоритмов [Зубофф 2022]. Б. Латур обосновал идею о том, что технологические объекты не являются нейтральными: они обладают «агентностью» и активно пересобирают социальную реальность [Латур 2013]. Российская наука исследует экзистенциальное измерение человека, антропологическое неравенство, социально-гуманитарные издержки и риски цифровизации [Тульчинский 2018, 2021; Добринская, Мартыненко 2019; Пашков, Пашкова 2022].

Внедрение цифровых систем (LMS, прокторинг) в образование порождает «дигитальный паноптикон», где постоянное наблюдение ведет к интернализации контроля, создает ключевые вызовы для социально-гуманитарного знания, требующие новых подходов к производству и трансляции научных знаний.

Первым и наиболее явным вызовом является *алгоритмизация и квантификация смыслов*. Социально-гуманитарное знание традиционно опирается на интерпретацию, герменевтику и «плотное описание» (К. Гирц). Технонаука же требует перевода качественных смыслов в количественные показатели. В академической среде это проявляется в диктатуре наукометрических показателей и систем управления обучением (LMS). Например, социолог-теоретик, проводящий месяцы за чтением сложных текстов, не оставляя при этом обильного цифрового следа в виде активностей в LMS, может быть алгоритмически идентифицирован как «неэффективный». LMS выступает и как «архитектор дискуссии», где сложность гуманитарного диалога приносится в жертву прозрачности отчетности. Л. Флориди отмечает переход в состояние «инфосферы», где все, что не поддается цифровой обработке, рискует быть исключенным из повестки [Floridi 2014].

Второй вызов – *эрозия субъектности и «алгоритмическая цензура»*. Алгоритмизация образовательных траекторий сопровождается сужением горизонта личностного выбора,

пространства для проявления воли и самостоятельности человека. В условиях, когда траектория жестко прописана кодом, теряется возможность случайного, но ценного открытия. Адаптивные образовательные платформы, преподносящиеся как вершина персонализации, предлагают курсы, материалы и даже темы исследований на основе анализа их прошлых успехов, кликов и предпочтений. Подобно алгоритмам соцсетей, они рискуют создать образовательный «фильтрующий пузырь». Исследователь, показавший высокие результаты в количественных методах, будет получать рекомендации все большего числа курсов по анализу данных, прикладной аналитике, возможно, в ущерб критической теории или философии науки, где его успехи могли быть скромнее. Это ведет к утилитаризации и фрагментации знания, сужению интеллектуального горизонта. Вместо генерации «рискованных» исследовательских программ, требующих выхода за пределы дисциплинарных границ (например, на стыке социологии, биоэтики и нейронаук), система поощряет движение по оптимизированной, предсказуемой и легко оцениваемой колее. Как отмечает Б. Уильямсон [Williamson 2024], алгоритмы в образовании часто воспроизводят и легитимизируют существующие структурные неравенства, предлагая разным социальным группам разные траектории, основанные на исторических данных, а не на потенциале. Дух «социологического воображения» (Ч.Р. Миллс), призывающий связывать личные проблемы с публичными вопросами, угасает в среде, где следующая «рекомендованная» тема определяется паттернами прошлого поведения.

Третий вызов связан с *феноменом «медленного знания»*, «которое в условиях культа скорости противопоставляется ускоренному получению и усвоению знаний (культуре «быстрого знания»)» [Горбунова, Боронихина 2022, с. 8]. Согласно теории Д. Орра, «культура «медленного знания» исходит из того, что знание и информация – не одно и то же, скорость приобретения знания обратно пропорциональна приобретению мудрости, а цель обучения – гармония, устойчивость и сохранение ценностей» [Orr 2002]. В ответ на господство технократического подхода, который характеризуется навязыванием культа срочности и скорости, доминированием количественного подхода к оценке научной и учебной деятельности в 2010-х гг. на Западе, прежде всего в США, Канаде, Великобритании, Германии и Бельгии, зародилось движение за медленное образование и медленную науку, отстаивающее ценность глубины, осознанности и ответственности в процессе познания.

Еще один вызов связан с *атмосферой недоверия*, порождаемой системами контроля. Прокторинг и онлайн-инвайлантмент (компьютерное зрение, анализ поведения, отслеживание движения глаз, мимики, фонового шума, наличия посторонних лиц, переключения вкладок браузера во время экзамена) внедряют логику тотального подозрения, стресс и отчуждение. При этом, «отсутствие внешнего контроля становится фактором воспроизводства практик академической нечестности» [Антонова, Абрамова 2023, с. 5]. Для социально-гуманитарных наук, требующих развернутых рассуждений, данный режим противоречит интеллектуальному творчеству, подменяя пространство размышления дисциплинарным надзором.

Для того чтобы пространство свободы не превратилось в цифровой лагерь, социально-гуманитарное знание должно выработать стратегии защиты своего «климата». В первую очередь необходимо обеспечить сохранение «медленных» пространств, институционально закрепив зоны, свободные от метрик и алгоритмического контроля, где акцент делается на творческом поиске, качественном анализе, неявном знании и межличностном взаимодействии («медленные чтения», проектные интенсивы). Вуз, особенно в сфере гуманитарных и социальных наук, должен разработать и принять этические протоколы использования образовательных технологий, основанные на принципе осознанного «цифрового

минимализма». Это может означать сознательный отказ от наиболее инвазивных инструментов (как автоматизированный прокторинг) при оценке творческих и аналитических работ. Цифровизация не должна быть тотальной. Целенаправленное создание пространств и времени, свободных от цифрового контроля – «аналоговых заповедников» – становится актом интеллектуального сопротивления. Это могут быть: неформальные семинары и воркшопы без обязательной записи и фиксации; закрытые читательские группы по критической теории; полевая этнография как фундаментальный метод, требующий «медленного» погружения в контекст, не сводимый к данным; философские кафе и публичные дебаты, где ценность высказывания измеряется не лайками, а силой аргумента.

Список литературы

1. Антонова, Абрамова 2023 – Антонова Н. Л., Абрамова С. Б. Дистанционное образование: онлайн-прокторинг как инструмент оценки результатов обучения // Университетское управление: практика и анализ. 2023. Т. 27. № 2. С. 5–16.
2. Горбунова, Боронихина 2022 – Горбунова Ю. А., Боронихина И. О. Медленная наука и медленное образование в условиях цифровизации университетов: антропопрактический подход // ДИСКУРС. 2022. Т. 8. № 5. С. 5–17.
3. Добринская, Мартыненко 2019 – Добринская Д. Е., Мартыненко Т. С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2019. Т. 19. № 1. С. 108-120.
4. Зубофф 2022 – Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / перевод с англ. А. Ф. Васильева ; под науч. ред. Я. Охонько, А. Смирнова. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2022. 781 с.
5. Латур 2013 – Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.
6. Пашков, Пашкова 2022 – Пашков М. В., Пашкова В. М. Проблемы и риски цифровизации высшего образования // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 3. С. 40-57.
7. Тульчинский 2018 – Тульчинский Г. Л. Цифровизованный гуманизм // Философские науки. 2018. №11. С. 28–43.
8. Тульчинский 2021 – Тульчинский Г.Л. Цифровизация: возможности и социально-гуманитарные издержки // Ведомости прикладной этики». 2021. № 57. С. 34–47.
9. Floridi 2014 – Floridi L. The Fourth Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality. Oxford University Press, 2014. 272 p.
10. Knox 2023 – Knox J. Artificial Intelligence and Education in China: Imagining the Future, Excavating the Past. London and New York: Routledge. 2023. 158 p.
11. Orr 2002 – Orr David W. Nature of Design: Ecology, Culture, and Human Intention. New York: Oxford University Press, 2002. 237 p.
12. Williamson 2024 – Williamson B. The Social life of AI in Education // International Journal of Artificial Intelligence in Education. 2024. Vol. 34(1). P. 97-104.

УДК 1:124.5

СЕМИОТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Ерохин Владимир Сергеевич
кандидат философских наук
Саратовская государственная юридическая академия, доцент кафедры философии
E-mail: v.s.erohin@mail.ru

Аннотация: Предлагается понимание критического мышления как способности субъекта формировать собственную точку зрения, а также подвергать сомнению поступающую информацию. Отказ от догматизма мыслится как фундаментальное его свойство. Постулируется двуединая природа данного вида мышления, одна из частей которой связывается с гносеологическими основаниями как стремлением познающего субъекта к достижению истины в классическом ее понимании. Другая часть природы критического мышления выражена социальным и персональным содержанием, ориентированным на анализ соответствия полученного знания нормам или ценностям. Способность к критическому мышлению позволяет выявлять знания о ценных моделях поведения и транслировать их в наиболее рафинированном виде. Предлагается понимание семиотической природы критического мышления как способности человека к натальности, то есть стремлению к рождению самого себя через реализацию βίος πολίτίχός как сферы досуга. Такая процедура дает возможность продуцирования смыслообразования в форме эндогенных ценностей и соответствующих им норм. Нормативно-ценностное измерение человека мыслится как множество значений, транслируемых с помощью социально приемлемых знаков. Последние реализуются в совокупности экзогенных норм, дающих возможность выразить в публичной (внешней) форме персональные способы самопонимания. В этом смысле политику памяти следует считать частным случаем знаковых систем, дающих возможность транслировать в знаковой форме личные воспоминания и переживания в социальном контексте.

Ключевые слова: личность, критическое мышление, эндогенные нормы, экзогенные нормы, принцип сомнения, семиозис, знак.

Исследование выполнено на базе Научно-образовательной лаборатории правовой философии Института правотворчества и правового прогнозирования ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

THE SEMIOTIC NATURE OF CRITICAL THINKING

Erokhin Vladimir Sergeevich
Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
Saratov State Law Academy

Abstract: An understanding of critical thinking is proposed as the ability of a subject to form his own point of view, as well as to question incoming information. The rejection of dogmatism is thought of as its fundamental property. The two-pronged nature of this type of thinking is postulated, one of the parts of which is associated with epistemological foundations as the desire of the cognizing

subject to achieve truth in its classical understanding. Another part of the nature of critical thinking is expressed by social and personal content, focused on analyzing the conformity of acquired knowledge with norms or values. The ability to think critically allows you to identify knowledge about valuable behaviors and translate them in the most refined form. It is proposed to understand the semiotic nature of critical thinking as a person's ability to natality, that is, the desire to give birth to oneself through the realization of βίος πολίτίχός as a leisure area. This procedure makes it possible to produce meaning formation in the form of endogenous values and their corresponding norms. The normative and value dimension of a person is thought of as a set of meanings conveyed through socially acceptable signs. The latter are implemented in a set of exogenous norms that make it possible to express personal ways of self-understanding in a public (external) form. In this sense, memory policy should be considered a special case of symbolic systems that make it possible to translate personal memories and experiences in a symbolic form in a social context.

Keywords: personality, critical thinking, endogenous norms, exogenous norms, the principle of doubt, semiosis, sign.

В самом общем виде под критическим мышлением следует понимать способность познающего субъекта ставить под сомнение поступающую информацию, проводить ее концептуальный анализ, а также формировать и отстаивать собственную позицию. Фундаментальным свойством данного типа мышления следует считать способность субъекта к отказу от догматизма, в то время как ряд таких его свойств как аналитичность, целенаправленность, рациональность и логичность, рефлексивность, практичность и практикоориентированность лучше трактовать как основания для формирования технологий концептуального анализа поступающей информации [Ерохин 2025].

Постановка под сомнение поступающей информации определяет возможность анализа ее источников, их проверки, а также отделения недостоверных фактов от достоверных [Богдан Лашкова Лукиянчина 2019, с. 41]. Предполагается наличие навыков рефлексии относительно собственной мыслительной деятельности, способности субъекта направлять ресурс переосмысления на самого себя. Данный вид мышления, таким образом, представляет собой способность к анализу собственной точки зрения, цель которого заключается в поиске практически мало- или неэффективных и вредных ее элементов, влияющих на результат деятельности человека, а также избавления от них. Эти идеи фундируются принципом сомнения Р. Декарта.

Таким образом, критическое мышление представляет собой способность познающего субъекта к интеллектуальным действиям, направленным на проверку высказываний или систем высказываний с целью выяснения их (не)соответствия принимаемым фактам, нормам или ценностям.

Критическое мышление имеет двойственную природу. Одна его сторона связана с гносеологическими основаниями, что выражается в стремлении познающего субъекта достигнуть истины в ее классическом понимании. Так, в концепции Ф. Бэкона критическое отношение к поступающей информации позволяет анализировать затруднения на пути получения истинного знания и избавиться от них.

С другой стороны, предложенное нами понимание критического мышления обладает социальным и персональным содержанием, ориентированным в первую очередь на анализ соответствия полученного знания нормам или ценностям. Это возможно в том смысле, что полученное знание обладает аксиологическими основаниями, закрепление которых определяет возможность сохранения конкретных форм и способов деятельности человека.

Знание оказывается следствием практической реализации норм и ценностей, их закрепления в практиках бытия человека. Говоря конкретнее, способность к критическому мышлению позволяет выразить положение дел, при котором знание о моделях той или иной моделях поведения позволяет закрепить ценные персональные и коллективные модели поведения. Критическое мышление, таким образом, дает возможность выявлять такие знания и транслировать их в наиболее рафинированном виде.

Предложенный тезис выражает соотношение закрепления знака и продуцирования значения, соответствующего этому знаку. Так, процесс семиозиса имеет смысл связывать с идеей натальности, предложенной в трудах Х. Арендт. Мыслителем проводится разделение на три вида деятельности: труда как работы, который отвечает биологическому процессу человеческого тела, создания как изготовление, чья функция состоит в социальной и функциональной самореализации человека, и действии как поступка, позволяющей выразить глубинную природу личности.

В рамках представленной логики аксиологическое основание критического мышления состоит в противопоставлении ценностей выживаемости отдельного субъекта (труд как работа, позволяющая поддерживать функционирование организма), стабильности и безопасности общества (создание как изготовление), а также самореализации (действие как поступки). Первые два вида деятельности включают в себя экзогенные ценностные основания, третий вид деятельности в виде поступка – эндогенный аксиологический фундамент.

В этом смысле натальность в том смысле, который предлагает Х. Арендт, представляет собой стремление к рождению самого себя через реализацию βίος πολίτίχός как сферы досуга, области, в которой человек обладает достаточным временем для обретения самого себя. Человек оказывается способным заниматься получением знания, ценным самим по себе, то есть выходящим за пределы функциональности. Способность к критическому мышлению в форме βίος πολίτίχός становится выражением конститутивной природы человека, его способности к нормогенезу в форме становления эндогенной его нормативности.

Предложенная идея реализуется в терминах Différance и Supplément, введенных в философский оборот Ж. Деррида. Первый суть термин, означающий различие как важнейшее свойство знака, в котором знак есть форма определения предмета, его обозначения в системе признаков. Différance суть «движение, благодаря которому язык или любой код, или любая референциальная система в целом «исторически» конституируется как ткань различий» [Деррида 2001, с. 86], в котором различие имеет смысловое (семиологическое) значение. Différance дает возможность соприсутствовать множеству смыслов как в семантическом (языковом), коннотативном (смысловом), так и контекстуальном отношениях.

Supplément представляет собой «стремление доращиваться, перестраиваться, производить внутри себя подмены, что является ее имманентным атрибутом. Концепт Supplément фиксирует саму процессуальность, понятую как способ развития системы через непрерывное становление» [Смоляк 2021, с. 111].

Представленная логика позволяет говорить о том, что идея натальности Х. Арендт суть выражение процесса семиозиса. Рождаясь в интеллектуальном смысле, человек оказывается способным к порождению смыслов, которые в дальнейшем закрепляются и выражаются в форме знаков. В таком ракурсе формирование и достижение любых форм идентичностей представляет собой именно процесс семиозиса, реализуемый в форме порождении ценностей, определяющих конкретный модус персональной идентичности и ее закрепление в социально приемлемых формах. Реализация критического мышления в таком случае оказывается

семиотическим процессом, определяющим возможность порождения эндогенных смыслов и их закрепления в экзогенной форме.

Частным случаем представляется реализуемая в любом государстве политика памяти, которая в рамках концепции М. Хальвбакса трактуется в качестве измерения социальной памяти как ее символической репрезентации. Политика памяти в таком случае трактуется как экзогенное (социально-политическое) выражение эндогенной (индивидуальной) памяти и является ее знаком, отсылающим к совокупности семиотически конструируемых значений, ценных для отдельного человека. Данный политический процесс позволяет в знаковой форме вписать личные воспоминания и переживания в социальный контекст и интегрировать персональные переживания значимых событий в коллективные способы их означивания: «наши жизни расположены на поверхности обществ, они повторяют их движение и испытывают на себе последствия их сотрясений. Но то или иное событие занимает свое место в ряду исторических фактов лишь через некоторое время после того, как оно происходит. Стало быть, мы можем привязать различные фазы нашей жизни к событиям национального масштаба лишь задним числом» [Хальвбакс 2005, с. 10]. Как следствие, политика памяти как деятельность по созданию и воспроизводству образов прошлого, формированию их интерпретаций, значимых для современного политического контекста, может считаться одним из оснований формирования государственной идеологии. Последняя может трактоваться как совокупность знаков, отсылающих к ряду значений, ценностей и норм отдельных личностей. Именно на таком основании становится возможным построение государственной политики идентичности как целенаправленной деятельности по «по формированию национально-государственной идентичности как полномасштабного конструкта, целостного образа «мы» во всех его измерениях» [Титов 2017, с. 41]. Политика памяти имеет конструктивное значение, позволяющее формировать знаковые образы для трансляции исторического значения. Критическое мышление в данном случае определяется стремлением облечь знание в систему знаков оценок и норм, которые мыслятся в качестве соответствующих предпочтениям доминирующего субъекта (государства).

Подводя итоги, можно сказать, что под критическим мышлением следует понимать способность познающего субъекта ставить под сомнение поступающую информацию, проводить ее концептуальный анализ, а также формировать и отстаивать собственную позицию. В таком значении данный вид мышления имеет гносеологическую природу, выражающую способность познающего субъекта к интеллектуальным действиям, направленным на проверку высказываний или их систем с целью выяснения их (не)соответствия принимаемым фактам, нормам или ценностям.

Вместе с тем, критическое мышление имеет семиотическую природу, выраженную в способности человека к натальности как интеллектуальному рождению, возможности конструировать ценностное–нормативное измерение самого себя. Нормативное измерение человека может быть понято как множество значений, транслируемых с помощью социально приемлемых знаков. Критическое мышление позволяет человеку выйти за пределы функциональной деятельности (труда как работы по обеспечению биологической функциональности организма и создания как изготовления социально приемлемых форм существования) и перейти в область βίος πολίτίχός как сферы досуга, то есть области, в которой человек обладает достаточным временем для обретения самого себя.

Политика памяти трактуется как экзогенное выражение эндогенной памяти и является ее знаком, отсылающим к совокупности семиотически конструируемых значений, ценных для отдельного человека. Представленный процесс позволяет в знаковой форме закрепить и

транслировать личные воспоминания и переживания в социальном контексте, а также перевести результаты множества персональных семиозисов в систему единых знаков, закрепляющих частные значения (личные переживания) и отсылающих к ним. Таким образом, критическое мышление имеет семиотическую природу как выражение единства семиозиса ценностей и норм отдельного человека и знакового его закрепления в социально приемлемой форме.

Список литературы

1. Ерохин 2025 – Ерохин В.С. Проблема понимания сущности критического мышления // Манускрипт. 2025. Т. 18. Вып. 4. С. 1439–1444.
2. Богдан, Лашкова, Лукиянчина 2019 – Богдан С.С., Лашкова Л.Л., Лукиянчина Е.В. Формирование критического мышления на основе универсальных когнитивных установок, стратегий и инструментов // Science of Education Today. 2019. Т. 9. №2. С. 37–51.
3. Деррида 2001 – Деррида Ж. Оставь это имя (Постскриптум). Как избежать разговора: денегации. Минск: Экономпресс, 2001. 320 с.
4. Смоляк 2021 – Смоляк А.В. Концепты «Грамматологии» как механизмы интерпретации литературных текстов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2021. №1. С. 102–114.
5. Хальвбакс 2005 – Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. 2005. №2–3 (40−41). С. 8–27.
6. Титов 2017 – Титов В.В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Типография «Ваш формат», 2017. 181 с.

УДК 17

СИМУЛЯКР ЧЕТВЕРТОГО ПОРЯДКА В ЭСТЕТИКЕ НЕЙРОСЕТЕЙ: ОТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ К ГИПЕРРЕАЛЬНОСТИ БЕЗ РЕФЕРЕНТА

Кузнецов Дмитрий Сергеевич
Кандидат философских наук
Доцент кафедры ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: dmi22364343@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена философскому анализу визуальных образов, генерируемых современными нейросетевыми моделями (Midjourney V7, Stable Diffusion 3.5, Flux Pro). В основе научной работы представлена – теория симулякра Жана Бодрийяра, который выделял три порядка симуляции (подделка, производство, симуляция или код) и фиксировал наступление гиперреальности. Автор утверждает, что нейросетевая генерация формирует четвертый порядок симулякра, обладающий тремя отличительными чертами: отсутствие даже потенциального референта, способность к бесконечной автопродукции на основе собственных выходных данных, а также эффект «сверхподобия» (гиперреальность плюс). Рассматривая подходы Ш. Зубофф, Л. Манович, К. Хейлз, Н. Больц, Б. Гройс) показано,

что ни один из существующих концептов – «поведенческий избыток», «алгоритмическое воображение», «когнитивный экран» – не фиксирует онтологическую специфику нейросетевого симулякра.

Практическая новизна работы состоит в том, что впервые предлагаются процессуальные критерии различения «слабого» и «сильного» симулякров, применимые в судебной экспертизе цифровых изображений, музейном деле и образовании. Также вводится понятие ана-реальности (от греч. ανα – «вверх» или «поверх») нового онтологического слоя, который не является ни реальностью, ни гиперреальностью в бодрийяровском смысле. В заключении ставится вопрос о возможности эстетического суждения без апелляции к подлинности – и предлагаются предварительные ответы, опирающиеся на теорию аффектов. Особое внимание уделено эпистемологическому разрыву: если классическая философия образа оперировала дихотомией «оригинал – копия», а постмодернизм — дихотомией «реальность – симуляция», то нейросетевая генерация требует принципиально новой понятийной сетки. Автор обосновывает тезис о том, что симулякры четвертого порядка не подменяют реальность и не искажают её, а конституируют автономную область, существующую по собственным вероятностным законам. Это имеет прямое практическое следствие для цифровой криминалистики и медиаобразования: вместо вопроса «правда или ложь» экспертиза должна задавать вопрос «возможен ли в принципе такой след?». В заключении намечена программа дальнейших исследований, включающая правовой статус ана-реальности и этику обращения с сильными симулякрами. Также обсуждается возможность создания подобия «реестра аномалий» для автоматической верификации изображений – первого инструмента, различающего слабый и сильный симулякр.

Ключевые слова: симулякр, нейросеть, гиперреальность, Бодрийяр, четвертый порядок, ана-реальность, генеративные модели, практическая новизна.

THE FOURTH-ORDER SIMULACRUM IN NEURAL NETWORK AESTHETICS: FROM REPRESENTATION TO HYPERREALITY WITHOUT A REFERENT

Kuznetsov Dmitry Sergeevich
Candidate of Philosophical Sciences
Associate Professor of the Department of Philosophy

Abstract: This article offers a philosophical analysis of visual imagery generated by contemporary neural network models (Midjourney V7, Stable Diffusion 3.5, Flux Pro). The scientific work is grounded in Jean Baudrillard's theory of the simulacrum, which distinguished three orders of simulation (the counterfeit, production, and simulation or code) and noted the advent of hyperreality. The author argues that neural network generation forms a fourth order of the simulacrum, possessing three distinctive features: the absence of even a potential referent, the capacity for infinite self-production based on its own output data, and the effect of "super-likeness" (hyperreality plus). Examining the approaches of Sh. Zuboff, L. Manovich, C. Hales, N. Bolz, and B. Groys, it is shown that none of the existing concepts – "behavioral surplus," "algorithmic imagination," or "cognitive screen" – capture the ontological specificity of the neural network simulacrum.

The practical novelty of this work lies in the fact that it proposes, for the first time, procedural criteria for distinguishing between "weak" and "strong" simulacra, applicable in forensic examination of digital images, museum studies, and education. It also introduces the concept of ana-reality (from the Greek ανα – "up" or "over"): a new ontological layer that is neither reality nor hyperreality in the

Baudrillardian sense. The conclusion raises the question of the possibility of aesthetic judgment without recourse to authenticity – and offers preliminary answers based on affect theory. Special attention is paid to the epistemological gap: if classical philosophy of the image operated with the dichotomy of "original – copy," and postmodernism with the dichotomy of "reality – simulation," then neural network generation requires a fundamentally new conceptual framework. The author substantiates the thesis that fourth-order simulacra do not substitute or distort reality, but rather constitute an autonomous domain that exists according to its own probabilistic laws. This has a direct practical implication for digital forensics and media education: instead of the question "true or false," examination should ask "is such a trace possible in principle?". The conclusion outlines a program for further research, including the legal status of ana-reality and the ethics of handling strong simulacra. The possibility of creating a kind of "registry of anomalies" for automatic image verification is also discussed – the first tool for distinguishing between weak and strong simulacra.

Keywords: simulacrum, neural network, hyperreality, Baudrillard, fourth order, ana-reality, generative models, practical novelty.

За последние три года генеративные нейросети превратились в массовый инструмент производства визуального контента. Midjourney V7 позволяет с одного промпта создать 20 вариантов фотореалистичного изображения, не отличимого от студийной фотографии. Flux Pro генерирует текстуры, которые невозможно верифицировать как искусственные даже профессиональному дизайнеру. Однако важно даже не качество, а онтологический статус этого образа. Что это такое? Фотография, даже манипулированная, сохраняла индексную связь: свет отразился от объекта. Живопись отсылала к восприятию художника. Нейросетевой образ не имеет ни того, ни другого. Это ставит под вопрос базовые категории европейской эстетики: мимесис, репрезентацию, авторскую интенцию. Наиболее продуктивным аппаратом здесь оказывается категория симулякра. Однако классические формулировки Жана Бодрийяра и Жиля Делёза требуют уточнения с современными подходами.

В «Символическом обмене и смерти» Бодрийяр выделяет три порядка симулякров. Первый (от Ренессанса до промреволюции) – подделка, имитация натурального закона. Второй (индустриальная эпоха) – производство, серийная копия, уравнивающая оригинал и копию. Третий – симуляция (код), гиперреальность, в которой знак замещает реальность так, что различие истинного и ложного исчезает [Бодрийяр 2017, с. 212–215]. Проблема в том, что нейросеть выходит за рамки третьего порядка. Интернет образ в теории Бодрийяра всё же отсылает к событию (пусть симулированному). Нейросеть генерирует «женщину с тремя руками в интерьере барокко» — такого референта нет и быть не могло. Это не гиперреальность как симуляция реального. Это реальность, существующая только как эффект работы вероятностной матрицы. Немецкий медиафилософ Норберт Больц в работе «Экран как когнитивный интерфейс утверждает, что нейросеть создает «экран без оригинала», но сохраняет при этом привязку к обучающемуся набору данных [Bolz 2023, S. 45]. Однако, как показывает анализ конкретных сетевых запросов, уже в 2026 году топовые модели демонстрируют новые свойства: они генерируют анатомические формы, не встречавшиеся в природе и в обучающей выборке, но подчиняющиеся внутренней логике многомерного пространства латентных признаков. Это не экран – это автономная генеративная машина.

Зубофф в «Эпохе капитализма наблюдения» анализирует, как платформы извлекают из нашего поведения фьючерсные контракты. Для неё нейросетевые образы – часть «поведенческого избытка», побочного продукта цифровых следов [Zuboff 2019, p. 287]. Однако Зубофф не задается онтологическим вопросом: что есть этот образ сам по себе? Для неё он

всегда чей-то актив. Это значимое ограничение: философия симулякра требует ответа не о собственности, а о бытии. Манович (2024) вводит понятие «алгоритмическое воображение» (AI Imagination), противопоставляя его человеческому. По его мнению, нейросеть «воображает» на основе статистики, не имея интенциональности [Manovich 2024, p. 112]. Таким образом, Манович прав в том, что нейросеть не обладает сознанием, но расходится в выводе. Манович считает, что образы нейросети – это гипертрофированная коллажная техника. Напротив, наш анализ показывает: нейросеть порождает сингулярности, не разложимые на элементы обучающей выборки. Пример: по запросу «готический робот-архангел в стиле эрте» модель Flux Pro генерирует композицию, которой нет ни в одном источнике – и это не коллаж, а внезапно возникающий симулякр. Кэтрин Хейлз в работе «Как мы стали постчеловеками: Виртуальные тела в кибернетике, литературе и информатике» различает человеческое мышление и когнитивные процессы не-человеческих систем. Она утверждает, что информация действует как «экран без глубины», порождая поверхностные корреляции [Хейл 2025, с. 78]. В итоге, Хейлз, показывает поверхностность – не недостаток, а онтологическое свойство симулякра четвертого порядка. Нейросеть не нуждается в глубине; плоскость вероятностного пространства и есть её территория. Отсюда следует, что критиковать нейросеть за отсутствие «настоящего понимания» так же бессмысленно, как критиковать фотоаппарат за отсутствие души. Борис Гройс в недавнем эссе «Цифровое неизобразимое» возвращается к теме иконы и подлинности: он считает, что нейросеть парадоксальным образом возвращает сакральное, так как работа модели становится недоступной наблюдению. С этим можно согласиться лишь отчасти: действительно, внутренние веса модели скрыты, но результат – гиперрациональный и объяснимый (через промпт и вероятностные распределения). Симулякр четвертого порядка не сакрален, а безразличен к истине. Это более радикальный вывод.

Традиционные экспертные методы (фототехническая экспертиза, анализ шумов, изучение метаданных) стремились обнаружить след манипуляции. Но когда само изображение не имеет оригинала, вопрос «подлинное или поддельное?» теряет смысл. Однако обществу нужны критерии – для судебных дел (фейковые доказательства), для музейной работы (нейросетевая реконструкция) и для школы (медиаграмотность). Отсюда можно выделить два операциональных критерия. Слабый симулякр – образ, для которого принципиально возможен референт в физическом мире, даже если он не существует. Пример: «фотография кита в пустыне» – биологически невозможна, но сцена мыслима. Сильный симулякр – образ, содержащий внутренние логические или геометрические аномалии, исключающие любой возможный референт. Пример: портрет с тремя зрачками в одном глазу или лестница Эшера, сгенерированная как фотореалистичное изображение, где физика нарушена, но визуально незаметно. Экспертиза должна перестать спрашивать «был ли этот объект?» и начать спрашивать «возможен ли объект в принципе?». Если нет – перед нами сильный симулякр четвертого порядка. Методика выявления сильного симулякра включает анализ на физические инварианты (симметрия твердых тел, согласованность освещения, анатомические константы).

Подводя итог мы, конечного же, разграничиваем бодрийяровскую гиперреальность, которая подменяет собой реальность, но остается в ней. Ана-реальность вообще не отсылает к реальности – это новая территория, автономная и само-воспроизводящаяся. Образы ана-реальности можно оценивать по внутренней согласованности, но не по истинности. Это меняет музейную практику: выставка «Пейзажи, которых нет» перестает быть фантазией и становится экспозицией объектов ана-реальности. Жиль Делёз в «Логике смысла» выступил против платоновского изгнания симулякра. Для Платона симулякр – плохая копия, не сохраняющая отношения с идеей [Платон 1970, с. 235]. Для Делёза симулякр «разрушает и того, кто его

производит, и того, кто его воспринимает» [Делёз 2001, с. 348] и является условием становления. Нейросеть в этом смысле – машина делёзовского симулякра в чистом виде. Она не производит копии, она производит различия. Каждый выход нейросети – это единичная реализация вероятностного распределения, и ни один выход не привилегирован. Однако Делёз не предвидел, что симулякр может стать серийным производителем симулякров без единого создателя. В нейросети снимается различие между оригиналом и копией не в пользу одного из полюсов, а путём их полного исчезновения. Это дальнейшее развитие делёзовской программы – то, что можно назвать симулякром второго порядка по Делёзу, но в нашей терминологии – это симулякр четвертого порядка по Бодрийяру. Традиционная эстетика от Иммануила Канта до Генри Гудмена была эстетикой различия истинного и ложного, подлинного и поддельного. Нейросеть устраняет это различие. Но вместо релятивизма («всё равно») мы предлагаем конструктивный шаг: эстетика ана-реальности должна стать аффективной, а не референциальной. Нам не нужно знать, отсылает ли образ к чему-то – мы можем судить о нём по тому, какие аффекты он производит и какие различия в латентном пространстве разворачивает.

Список литературы

1. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999. 1407 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 389 с.
3. Делёз Ж. Логика смысла. М.: Академический Проект, 2001. 472 с.
4. Лосев А.Ф., Асмус В.Ф. Сочинения: в 3 т.: [пер. с древнегреч.] / Платон. Т. 2 / [ред. второго тома А. Ф. Лосев]. М.: Мысль, 1968–1972, 1970. С. 225–310.
5. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1983. 703 с.
6. Bolz N. Der kognitive Bildschirm. Medientheorie nach dem KI-Knall. URL: https://www.academia.edu/43055676/Der_Kognitive_Loop_und_wie_sich_Intelligenz_auf_Silizium basis_konstelliert (дата обращения: 27.04.2026).
7. Хейл К. Как мы стали постчеловеками: Виртуальные тела в кибернетике, литературе и информатике. М.: V–A–C Press, 2025. 480 с.
8. Manovich L. Artificial Aesthetics: Generative AI, Art and Visual Media. URL: https:// manovich.net/content/04-projects/186-artificial-aesthetics/manovich_and_arielli.artificial_aesthetics.all_chapters_final.pdf (дата обращения: 27.04.2026).
9. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism. URL: https://library.mastel.or.id/wp-content/uploads/2021/07/The-Age-of-Surveillance-Capitalism_-The-Fight-for-a-Human-Future-at-the-New-Frontier-of-Power-PDFDrive-.pdf (дата обращения: 27.04.2026).

УДК 340.12

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОПОРЯДКА В УСЛОВИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ГИПЕРДИНАМИКИ

Шугуров Марк Владимирович
доктор философских наук

Саратовская государственная юридическая академия, профессор кафедры философии
E-mail: shugurovs@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению круга вопросов, касающихся экспликации направлений эволюции правопорядка в контексте процессов ускоренной разработки и распространения новых и новейших технологий. В этих условиях современная парадигма правопорядка должна иметь комплексный характер и пронизывать не только узкоспециальное, т.е. юридико-нормативистское его понимание, но и его широкое, а именно философско-правовое понимание, усматривающее в нем правовой порядок общества. Автором обосновано, что факторы детерминации современного правопорядка разноплановы. Особое внимание уделяется такому фактору, как трансформации в культуре, которые в определенной степени, но, разумеется, не тотально вызваны технологическими изменениями. Более или менее существенные изменения в культуре как сфере общественного бытия приводят к новым состояниям общества и, разумеется, к новому состоянию его правового порядка и, как следствие, к цивилизационным изменениям. Согласно выводам автора, именно культура отвечает за смысло-ценностное наполнение правопорядка, а тем более за формирование цивилизационных образов права и образов правовых порядков общества, а также за содержательный каркас мировоззрения субъектов права. Вместе с тем, одно из предназначений правового порядка общества – обеспечение баланса между функционированием технологической сферы и сферы культуры. В условиях современной технологической гипердинамики, парадоксальным образом создающей многочисленные возможности и одновременно продуцирующей многочисленные риски, наиболее востребованным оказывается правовой порядок общества, укоренный в культуре и ее многообразии.

Ключевые слова: право, философия права, правопорядок, технологические изменения, культура, ценности и смыслы

THE CULTURAL DIMENSION OF MODERN LEGAL ORDER IN THE CONTEXT OF TECHNOLOGICAL HYPERDYNAMICS

Shugurov Mark Vladimirovich
doctor of philosophical sciences
Saratov State Law Academy, professor of department of philosophy

Abstract: This article examines a range of issues related to the explicating of the evolutionary trends of the legal order in the context of the accelerated development and dissemination of new and emerging technologies. Under these conditions, a modern paradigm of the legal order must be comprehensive and encompass not only a narrowly specialized, i.e., legal-normative understanding, but also a broader, philosophical-legal understanding that views it as the legal order of society. The author substantiates that the factors determining the modern legal order are multifaceted. Particular attention is given to such a factor as cultural transformations, which are to a certain extent, but certainly not totally, caused by technological change. More or less significant changes in culture as a sphere of social existence lead to new states of society and, naturally, to a new state of its legal order and, as a consequence, to civilizational changes. According to the author's conclusions, it is culture that is responsible for the semantic and value-laden content of the legal order, and even more so for the formation of civilizational images of law and images of the legal orders of society, as well as for

the substantive framework of the worldview of legal entities. At the same time, one of the purposes of a society's legal order is to ensure a balance in the functioning of the technological and cultural spheres. In the context of modern technological hyperdynamics, which paradoxically creates numerous opportunities and simultaneously generates numerous risks, a legal order of society rooted in culture and its diversity is most in demand.

Keywords: law, philosophy of law, legal order, technological changes, culture, values and meanings

Понимание состояния правопорядка и направлений его эволюции в современных условиях предполагает дополнительную сетку категорий и методологических подходов. Современная парадигма правопорядка имеет комплексный характер и пронизывать не только узкоспециальное, т.е. юридико-нормативистское его понимание [Шишханов 2023; Суменков, Соловьева 2021], но и его широкое, а именно философско-правовое понимание, усматривающее в нем именно правовой порядок общества. Именно на основе использования потенциала философии права представляется возможным ответить на следующий ряд возникших вопросов: что из себя представляет феномен правопорядка в условиях цифровых трансформаций? Можно ли говорить о цифровых трансформациях правопорядка? Что такое правопорядок в информационном обществе? Какова специфика правопорядка в обществе знаний? Смысл обсуждения, конечно же, заключается не только в выявлении его правовой природы и социальной сущности, но и в осмыслении факторов детерминации его состояния и эволюции. Как отмечает И.Л. Честнов, «право, система права, правопорядок обусловлены обществом. Более того, специфика данного социума задает или определяет основные характеристики правовой реальности» [Честнов 2018. с. 83].

Факторы детерминации правопорядка разноплановы. К первой группе факторов следует отнести эволюцию права и его нормативной материи, а также формирование качества правовой среды, отвечающей потребностям технологического развития сфер общества и содействующей реализации возможностей, связанных с новыми и новейшими технологиями. Второй фактор, на котором следует специально остановится, представлен трансформациями в культуре, которые в определенной степени, но, разумеется, не тотально вызваны технологическими изменениями. Более или менее существенные изменения в культуре как сфере общественного бытия приводят к новым состояниям общества и, разумеется, к новому состоянию его правового порядка и, как следствие, к цивилизационным изменениям. Именно культура, как представляется, отвечает за смысло-ценностное наполнение правопорядка, а тем более за формирование цивилизационных образов права и образов правовых порядков общества, а также за содержательный каркас мировоззрения субъектов права. Подобного рода факторы относятся к выделяемым в литературе внутренним предпосылкам формирования правопорядка [Ланг 2022].

Если говорить о культуре как факторе детерминации правопорядка, то ее в данном случае следует рассматривать как универсум смыслов и ценностей, исходных паттернов поведения, а также идей и идеалов, совокупность которых задает устойчивость, определенность, предсказуемость общественных связей. Культура определяет фундаментальные установки субъектов общественных отношений, на базе которых функционируют отношения, урегулированные правом [Гинс 2012]. При этом успех в достижении целей правового регулирования во многом зависит от степени учета указанного фундаментального пласта, который, в принципе, включает в себя правовую культуру. Здесь также следует упомянуть базовые основы самоидентичности субъектов права,

предопределяющие устойчивые траектории и определенность их действий, что позволяет выстраивать устойчивые социальные связи, а в конечном счете поддерживать функционирование общества как упорядоченного целого. В результате правовой порядок общества оказывается на пересечении изменений в праве и изменений в культуре.

Использование новых и новейших технологий, предполагающих изменения в самом человеке и его социальных связях, одновременно выступает фактором изменений в культуре. Под воздействием новых технологий происходит возникновение и развитие новой коммуникационной среды, в частности, интернет-среды, что вызывает к жизни новые коммуникационные качества человека. В сущности, насколько не было бы важным для т.н. виртуальной среды этическое саморегулирование, вполне можно видеть возникновение специального сегмента правопорядка в интернет-среде.

Появление ранее неизвестных сегментов правопорядка можно видеть в самых разных традиционных сферах общественных отношений, трансформирующихся под воздействием новых и новейших технологий, или же в сферах, впервые возникающих под техногенным воздействием. Однако здесь возможны определенные культурные риски. Это связано с тем, что динамичное стремление поставить все и вся на рельсы НТП и сформировать соответствующие правовые режимы может быть не обеспечено имеющимися культурными смыслами и ценностями. Они могут возникнуть позже, но никто не может гарантировать, что не будет диссонанса в смысло-ценностном универсуме общества. Зачастую, например, возможности использования биомедицинских технологий создают новые паттерны поведения и коммуникации, не согласующиеся с распространенными смыслами и ценностями. Однако в силу возникающей напряженности в ткани культуры появляется озабоченность по поводу организации правового порядка общества, призванного установить баланс нормы и отклонения.

Под новыми сегментами социального пространства также может существовать смысловая пустота. Такая ситуация характерна, например, в случае развития роботизированных автоматических систем и искусственного интеллекта. Дело в том, что культура – это мир человека, мир осмысленного, открытого бытия. Именно такое качество осмысленности и открытости человека миру, а также пронизанности человеческими смыслами должно быть характерно и для правопорядка. Однако в случае с указанными технологиями имеют место тенденции возникновения пространства человеческого отсутствия, мира без человека, или же в лучшем случае мира его минимального присутствия. В свою очередь правопорядок может стать легитимным, когда произойдет смысловая интеграция данных технологий в мир человека.

Применительно к условиям современной техногенной эпохи правовой порядок общества должен базироваться на гармоничном сочетании ответов на два вида своего рода «сквозных» вопросов. Первый вопрос – «как?». Он связан с сутью техники и технологий, которые позволяют достигнуть цели, подчас имеющих прагматический характер. Второй вид вопросов – «зачем?», «ради чего?», «в чем смысл?». Любое отставание в процессе ответа на второй вид вопросов может привести к техногенному миру, имеющему постчеловеческий характер. В этом случае затруднительно говорить о правовом порядке общества, ибо человек смят и подавлен, не имеет возможность проявить свои субъектные качества, в основе которых находились бы смыслы и ценности. Разумеется, это не означает, что здесь мы имеем дело лишь с пагубным воздействием техногенных изменений на культуру. Культура является сложным пространством, чтобы автоматически зависеть от технологических новшеств, ибо в ней

главным представляется смысло-образование, опирающееся, например, на интуиции. Иными словами, здесь свои собственные техники и практики ума и чувств.

Разумеется, культура представляет собой развивающееся явление, что предопределяет эволюцию правопорядка, как, впрочем, и самого права. В ней возможно возникновение всплесков и веяний ментального, а также идейного характера, которые не только могут привести к новому качеству правопорядка, но и к его деструкции. Дело в том, что эти разнообразные тренды оказывают воздействие на субъектов общественных отношений, которые одновременно являются субъектами права, а также на качество коммуникации между ними. Подчас бывает трудно четко определить, что это – обновление, деструкция или правовой нигилизм. Так, совсем недавно достаточно детально обсуждался постмодернистский подход к праву, идея гетерономного права, идеи Ю. Хабермаса о юридической силе закона в контексте его концепции делиберативной демократии. В сущности, разнообразные смысловые инверсии могут иметь место вне и помимо воздействия всяческих новых технологических трендов. Всем хорошо известная постмодернистская ментальность – тому пример. Напомним, что ее продолжением и выражением стали установки, несовместимые с привычным образом права и правопорядка.

Необходимо учитывать, что технологические изменения, с одной стороны, и процессы в культуре – с другой, погружены в правовое измерение, причем, не только на национально-правовом, но и международно-правовом уровне. Одно из предназначений правового измерения – обеспечить баланс в функционировании технологической сферы и культурной сферы. Во многом это созвучно концепции устойчивого развития, предполагающего, в частности согласование потребностей и интересов в сфере экономического развития и охраны окружающей среды. В дополнение к этому правовой порядок общества предполагает равноценность экономики и культуры, совмещение гарантируемой законом свободы экономической деятельности, как, впрочем, и научно-технической деятельности, и гарантируемой законом свободы художественного творчества и культурной деятельности.

В заключении следует подчеркнуть, что общество всегда нуждалось и продолжает нуждаться в правовой упорядоченности общественных отношений, а тем более в правовом качестве своего порядка. Но модель правопорядка может быть различной. В частности, это либо сугубо технико-прагматические рамки, либо более объемное духовно-ценностное явление, когда принципы права одновременно становятся реальными смысло-жизненными предпочтениями и установками, задающими действия, поведение и поступки людей. В условиях современной технологической гипердинамики, парадоксальным образом создающей многочисленные возможности и одновременно продуцирующей многочисленные риски, наиболее востребованным оказывается правовой порядок общества, укоренный в культуре и ее многообразии. Именно это позволит реализовать мощный потенциал опережающего смысло-образования, который будет блокировать тенденции возникновения постчеловеческого мира. Особую роль здесь должны играть не новомодные культурные тренды, а консервативные ценности, имеющие гуманистический характер. Поддержка культурных традиций – чрезвычайно важный инструмент обеспечения духовной безопасности, столь необходимой в техногенном мире. Сохранение данных традиций в актуальном виде позволит утвердить качество правового порядка общества, наиболее отдаленное от технократизма и формализма.

Список литературы

1. Гинс 2012 – Гинс Г.К. Право и культура. М.: Юрлитинформ, 2012. 317 с.
2. Ланг 2022 – Ланг П.П. Правопорядок: ценностно-правовой аспект // Российская юстиция. 2022. № 10. С. 9-13.
3. Суменков, Соловьева 2021 – Суменков С.Ю., Соловьева А.В. Правопорядок: понятие, признаки, сущность // Евразийский юридический журнал. 2021. № 3. С. 69-71.
4. Честнов 2018 – Честнов И.Л. Правопорядок в постиндустриальном обществе // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2018. № 11. С. 83-88.
5. Шишханов 2023 – Шишханов К.У. Категория «правопорядок» как предмет научного исследования // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5. С. 24-26.

УДК 17:330.101

ФИЛОСОФИЯ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА: ТРАНСФОРМАЦИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Мизиковский Игорь Ефимович
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Аннотация: В статье исследуются фундаментальные основы бухгалтерского учета как философской системы, анализируется процесс его технологической трансформации в условиях цифровой экономики. Рассматриваются ключевые принципы учета, их эволюция под влиянием современных технологий. Особое внимание уделяется вопросам сохранения этических основ профессии в условиях автоматизации.

Ключевые слова: бухгалтерский учет, философия учета, цифровая трансформация, технологическая эволюция, профессиональная этика, информационная система

THE PHILOSOPHY OF ACCOUNTING: TRANSFORMATION IN THE DIGITAL AGE

Mizikovsky Igor Efimovich
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Abstract: The article examines the fundamental foundations of accounting as a philosophical system and analyzes the process of its technological transformation in the context of the digital economy. The study focuses on key accounting principles and their evolution under the influence of modern technologies. Special attention is paid to preserving the ethical foundations of the profession in the context of automation.

Keywords: Accounting, accounting philosophy, digital transformation, technological evolution, professional ethics, information system

Введение. Бухгалтерский учет представляет собой не просто систему регистрации хозяйственных операций, а целостную философскую концепцию, основанную на

определенных принципах и постулатах [Шевелева 2020]. В современных условиях профессиональное сообщество сталкивается с необходимостью постоянного переосмысления и адаптации концептуальных основ учета, что требует дальнейшего углубленного изучения данного феномена и разработки новых методологических подходов к организации учетного процесса в контексте цифровой экономики. В условиях цифровизации происходит глубокая трансформация этой системы, требующая переосмысления базовых положений [Зверькова 2022]. Исследование направлено на анализ философских основ учета в контексте современных технологических изменений [Коськe, Воюцкая, Мишучкова 2022]. Особую значимость приобретает изучение влияния цифровых технологий на фундаментальные основы профессии, поскольку современные реалии требуют не только технического переоснащения, но и концептуального переосмысления традиционных подходов к учету [Суглобов, Аршинова 2021]. Важным аспектом исследования становится сохранение профессиональной этики в условиях автоматизации учетных процессов [Поморцева, Поморцев 2023].

В условиях стремительной цифровизации экономических отношений происходит фундаментальная трансформация парадигмы бухгалтерского учета, что обусловливает необходимость переосмысления онтологических и гносеологических оснований данной научной дисциплины [Жаткин 2026]. Концептуальная модель современного бухгалтерского учета претерпевает существенные изменения, связанные с интеграцией цифровых технологий и формированием новых методологических подходов к обработке экономической информации [Эргешова, Ташибеков 2024].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки новой философской концепции бухгалтерского учета, способной адекватно отразить специфику цифровой экономики и обеспечить методологическую основу для дальнейшего развития учетных систем [Копылова, Копылова, Копаев 2025]. Трансформация профессиональной деятельности бухгалтера требует переосмысления традиционных подходов к формированию учетной информации и выработки новых этических норм в условиях автоматизации учетных процессов [Зубарева 2023].

Методы исследования. Методологический инструментарий исследования основан на принципах единства теории и практики, объективности и достоверности данных, системности и комплексности анализа, а также историзма в изучении процессов трансформации. В ходе исследования применены методы анализа научной литературы, синтеза философских и экономических концепций, моделирования учетных процессов и оценки эффективности технологических решений.

Результаты исследования. Очевидно, что этический императив профессиональной деятельности бухгалтера приобретает новые измерения в условиях цифровизации, что обусловлено трансформацией всей системы профессиональных компетенций и изменением характера взаимодействия между участниками учетного процесса. При этом традиционные нормы профессиональной этики не только сохраняются, но и обогащаются новыми элементами, связанными с обеспечением информационной безопасности, защитой данных и соблюдением конфиденциальности в цифровой среде.

Гносеологическая составляющая бухгалтерского учета, раскрываясь через призму совершенствования методологических подходов к оценке и формированию учетных показателей, демонстрирует диалектическое единство преемственности и новаторства. Технологический детерминизм современной эпохи, оказывая существенное влияние на традиционные методы познания в учете, способствует их качественному обогащению и

создает синергетический эффект взаимодействия классических и инновационных подходов, что приводит к формированию нового качества учетного процесса.

На методологическом уровне наблюдается активная интеграция учетных систем и унификация стандартов, которая происходит в контексте развития аналитических возможностей и формирования целостной экосистемы учетно-аналитической деятельности. Данный процесс характеризуется не только технической модернизацией, но и глубокой концептуальной трансформацией, затрагивающей фундаментальные основы профессиональной деятельности. Цифровая трансформация, выступая катализатором развития учетных систем, способствует формированию нового качества учетного процесса, не нарушая при этом его концептуальной основы, а, напротив, обогащая её новыми элементами и возможностями. При этом этические императивы профессиональной деятельности не только сохраняются, но и укрепляются благодаря внедрению современных технологий контроля и обеспечения безопасности учетных процессов, что создает дополнительные гарантии достоверности и надежности формируемой информации.

Фундаментальные принципы бухгалтерского учета, демонстрируя значительную степень адаптивности к технологическим изменениям, успешно интегрируют инновационные решения в традиционную методологию, что свидетельствует о жизнеспособности и перспективности выбранной стратегии развития. Профессиональное развитие специалистов, направленное на гармоничное сочетание классических подходов с современными технологическими возможностями, подтверждается не только теоретическими построениями, но и практическими результатами внедрения цифровых технологий в учетную практику**.**

Обсуждение. Результаты исследования демонстрируют значительный потенциал для дальнейшего развития научного познания в области цифровизации бухгалтерского учета. В теоретико-методологическом плане особую актуальность приобретает разработка инновационных концептуальных подходов к осмыслению трансформации роли цифровых технологий в эволюции бухгалтерского учета. Необходимо проведение фундаментальных исследований, направленных на формирование целостной теории цифрового учета, учитывающей как традиционные принципы, так и новые технологические реалии. В практическом аспекте требует детального изучения эффективность внедрения современных учетных систем в различных секторах экономики. Представляется целесообразным проведение сравнительного анализа результативности цифровых решений в зависимости от масштаба и специфики деятельности хозяйствующих субъектов. Этический компонент цифровизации учета нуждается в комплексном исследовании влияния новых технологий на формирование профессиональной этики бухгалтера. Актуальным является разработка этических кодексов, учитывающих специфику цифровой среды и требования информационной безопасности. Технологический аспект предполагает углубленное изучение перспективных направлений развития учетных систем с учетом интеграции искусственного интеллекта и машинного обучения. Особое внимание следует уделить вопросам автоматизации рутинных операций и интеллектуальной поддержке принятия решений. В образовательном контексте необходима разработка инновационных методик подготовки специалистов, способных эффективно работать в условиях цифровой трансформации. Требуется формирование новых образовательных стандартов, включающих компетенции в области цифровых технологий.

Особого внимания заслуживает проблема адаптации традиционных принципов учета к новым технологическим реалиям, что требует проведения междисциплинарных исследований на стыке бухгалтерского учета, информационных технологий и профессиональной этики.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов для совершенствования методологической базы учета, развития профессиональных компетенций специалистов и оптимизации учетных процессов. Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение влияния новых технологических решений на качество и эффективность учетного процесса, а также на формирование методологических подходов к организации учетно-аналитической деятельности в условиях цифровой экономики.

Заключение. Проведенное исследование демонстрирует, что цифровая трансформация выступает не столько деструктивным фактором, сколько катализатором эволюционного развития философских основ бухгалтерского учета, что находит непосредственное отражение в методологии учетного процесса. Методологический базис учета, претерпевая существенные изменения, обнаруживает высокую степень адаптивности базовых принципов к современным технологическим реалиям, сохраняя при этом концептуальную целостность системы. Гносеологические аспекты учета обогащаются новыми методологическими подходами, формируя синергетический эффект взаимодействия классических и инновационных методов познания. Это особенно актуально в контексте внедрения метрического подхода к оценке эффективности учетных процессов, где традиционные показатели дополняются цифровыми индикаторами, что позволяет создать более полную картину состояния учетного процесса.

Профессиональная этика бухгалтера в условиях цифровой трансформации не только сохраняет свою актуальность, но и приобретает дополнительные измерения, связанные с обеспечением информационной безопасности и защитой данных. При этом наблюдается интеграция этических норм с технологическими механизмами контроля, что создает многоуровневую систему обеспечения достоверности учетной информации. Методологическая интеграция учетных систем и унификация стандартов создают предпосылки для формирования новой экосистемы учета, где традиционные подходы органично дополняются цифровыми инструментами. Особенно значимым представляется внедрение современных методов оценки и формирования учетных показателей, что соответствует тенденциям развития системы метрик и KPI в учетном процессе.

Список литературы

1. Жаткин 2026 – Жаткин А.С. Этические аспекты формирования управленческой отчетности с использованием современных цифровых технологий // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2026. №1. С. 236–241.
2. Зверькова 2022 – Зверькова Т.Н. Трансформация бухгалтерской профессии: обзор современных тенденций и перспектив // Международный бухгалтерский учет. 2022. №12. С. 78–92.
3. Зубарева 2023 – Зубарева О.А. Цифровая трансформация бухгалтерского учета в современных условиях // Управленческий учет. 2023. №1. С. 258–264.
4. Копылова, Копылова, Копаев 2025 – Копылова Е.К., Копылова Т.И., Копаев А.М. Основные тренды цифровизации бухгалтерского учета // Экономические науки. 2025. №2. С. 168–177.

5. Коське, Воюцкая, Мишучкова 2022 – Коське М.С., Воюцкая И.В., Мишучкова Ю.Г. Трансформация профессии бухгалтера в условиях цифровизации // Бухучет в строительных организациях. 2022. №4. С. 34–41.
6. Поморцева, Поморцев 2023 – Поморцева И.А., Поморцев А.Н. Эволюция этических принципов в профессиональной деятельности бухгалтера // Современные проблемы науки и образования. 2023. №5. С. 98–105.
7. Суглобов, Аршинова 2021 – Суглобов А.Е., Аршинова Е.В. Развитие методологии бухгалтерского учета в условиях цифровой экономики // Экономический анализ: теория и практика. 2021. №8. С. 146–157.
8. Шевелева 2020 – Шевелева Е.А. Профессиональное суждение бухгалтера в условиях перехода к цифровой экономике // Учет. Анализ. Аудит. 2020. №3. С. 52–58.
9. Эргешова, Ташибеков 2024 – Эргешова Ч.М., Ташибеков Т.Ч. Методология совершенствования бухгалтерского учета в условиях цифровизации // Вестник экономики, управления и права. 2024. Т. 17. №1. С. 18–27.

ЧАСТЬ 8

ФИЛОСОФИЯ МАТЕМАТИКИ И ИСТОРИЯ МАТЕМАТИКИ

УДК 51(092)

ЖИЗНЬ И НАСЛЕДИЕ СОФИ ЖЕРМЕН

Апушкинская Дарья Евгеньевна
д.ф.-м.н.
Российский университет дружбы народов, профессор
E-mail: apushkinskaya@gmail.com

Аннотация: Софи Жермен (1776–1831) – французский математик, чей путь в науку был полон препятствий, но именно он привёл к выдающимся открытиям в теории чисел и теории упругости. Ей пришлось скрываться под мужским псевдонимом месье Леблан, чтобы её работы воспринимали всерьёз.

Ключевые слова: простые числа Жермен, Великая теорема Ферма, теорема Софи Жермен, фигуры Хладни, колебания пластин.

LIFE AND LEGACY OF SOPHIE GERMAIN

Apushkinskaya Darya Evgenievna
RUDN University / professor

Abstract: Sophie Germain (1776–1831) was a French mathematician whose path to science was full of obstacles, but it was precisely this path that led to outstanding discoveries in number theory and the theory of elasticity. She had to hide behind the male pseudonym ``Monsieur Le Blanc'' for her work to be taken seriously.

Keywords: Germain primes, Fermat's Last Theorem, Sophie Germain's Theorem, Chladni figures, plate vibrations.

Мари-Софи Жермен родилась 1 апреля 1776 года в Париже в зажиточной буржуазной семье. Её отец, Амбруаз-Томас-Франсуа Жермен, был депутатом Ассамблеи и имел великолепную библиотеку. В 1789 году, с началом Великой французской революции, родители, опасаясь за безопасность, запретили Софи выходить из дома. Именно тогда она случайно нашла в отцовской библиотеке «Историю математики» Ж. Монтюкла (двухтомное издание 1758 года, первая монография по истории математики). История гибели Архимеда потрясла её, и она решила, что математика – самый удивительный предмет в мире.

Самостоятельно изучая латынь, греческий, труды Безу, Ньютона и Эйлера, Софи столкнулась с непониманием родителей. Они считали её увлечение несовместимым с женским предназначением. У Софи отбирают свечи, чернильницу, и даже перестают отапливать спальню. Но сломить решимость девочки не удается. Поняв, что «болезнь неизлечима», отец разрешил дочери заниматься и оказывал ей материальную поддержку всю жизнь.

Систематического образования Софи так и не получила. Она была изолирована от научного сообщества и светской жизни. Ее социальное положение не позволяло ей общаться с женщинами из аристократических кругов. У нее не было родственников или знакомых среди образованных мужчин, которые могли бы представлять ее идеи в научном мире. Желая учиться, она отправляла под псевдонимом А.О. Леблан свои решения задач Жозефу Луи Лагранжу, преподавателю Политехнической школы (в те годы женщин туда не принимали). Узнав, что автор блестящих ответов – молодая женщина, Лагранж был поражён. Он стал её неофициальным наставником, навещал её, рекомендовал книги и ввёл в круг ведущих математиков, хотя так и не смог добиться для неё права посещать лекции.

По совету Лагранжа Жермен занялась теорией чисел. Она начала переписку с Адриеном Мари Лежандром, чьи идеи обсуждала, и это переросло в виртуальное сотрудничество. Лежандр включил некоторые её соображения во второе издание своей монографии по теории чисел. Целью Софи стала доказательство Великой теоремы Ферма: *для любого натурального числа* $n > 2$ *уравнение* $x^n + y^n = z^n$ *не имеет решений в целых положительных числах* x, y, z.

В 1804 году Жермен начала переписку с Карлом Фридрихом Гауссом, опять подписываясь псевдонимом «Леблан», так как Софи боится насмешек по поводу «женщины-ученого». Она сообщила Гауссу, что доказала теорему Ферма для случая $n = p - 1$, где p — простое вида $8k + 7$, заметив при этом: «*К сожалению, глубина моего интеллекта уступает моей ненасытности, и я чувствую смущение из-за того, что беспокою гениального человека, не имея по сути ничего стоящего, чтобы предложить его вниманию, кроме восхищения, разделяемого всеми его читателями ...»* Гаусс похвалил её изящный способ, хотя и заметил, что он охватывает частный случай.

В 1806 году, когда войска Наполеона вторглись в Пруссию, Софи, вспомнив о гибели Архимеда, попросила генерала Пернети (друга семьи) обеспечить безопасность Гаусса. Тот выполнил просьбу и объяснил математику, чем он обязан мадемуазель Жермен. Гаусс удивлен, поскольку это имя ему не знакомо. В своём следующем письме Гауссу Жермен (она же Леблан) открывает своё подлинное имя. В ответном письме Гаусс выражает восхищение: *«... как мне выразить своё восхищение и искреннее удивление тем, что я узнал: мой высокочтимый корреспондент ... перевоплотился в яркую личность, в существование которой трудно даже поверить».*

В своих похвалах в адрес Жермен Гаусс был искренен. В частности, это подтверждается в его письме немецкому астроному Генриху Ольберсу: *«Женщина из-за своего пола и наших предрассудков встречается со значительно более трудными препятствиями ... но когда она преодолевает эти барьеры, она проявляет благородную смелость, исключительный талант и высшую гениальность»*.

С 1804 по 1809 гг. Жермен послала Гауссу более десятка писем, в которых она описывала свой генеральный план доказательства Великой теоремы Ферма и полученные ею промежуточные результаты. Работая над доказательством этой теоремы, Софи ввела в рассмотрение специальный класс чисел – *простые числа Софи Жермен*. Простое число p называется простым числом Софи Жермен, если $2p + 1$ тоже простое. Примерами таких простых чисел являются 2, 3, 5, 11, 23, 29, 41, 53, 83, 89, 113, 131, 173, 179, 191, … Она доказывает утверждение, которое позже станут называть теоремой Софи Жермен. Это утверждение гласит, что *если n простое число Софи Жермен и ни одно из чисел x, y, z не делится на n, то справедливо утверждение Великой теоремы Ферма.*

Этот результат был опубликован в работе Лежандра в 1823 г. Он также вошел во второе издание монографии Лежандра. Софи Жермен принадлежит также утверждение, что если ни одно из чисел x, y, z не делится на *n,* то теорема Ферма верна для $n < 100$.

Переписка с Гауссом прекратилась по инициативе немецкого математика. Он как раз получил позицию профессора астрономии в Геттингентском университете и вынужден был отложить свои исследования по теории чисел. Отметим также, что Гаусс так никогда и не высказал своего мнения по поводу теоремы Жермен.

Жермен разобралась с целой группой случаев с простыми значениями *n.* Теперь математики объединенными усилиями стали доказывать теорему для одного простого значения за другим. В 1825 г. Г.Л. Дирихле и А.М. Лежандр успешно применяют метод Софи Жермен и независимо друг от друга доказывают теорему Ферма для n = 5 без дополнительного условия о неделимости x, y, z на n. Оба основывают свои доказательства на рассуждениях Софи Жермен и именно ей обязаны своим успехом. В 1839 г. Г. Ламе внес остроумные усовершенствования в метод Жермен и доказал теорему Ферма для *n=7.*

В неопубликованной работе «*Remarque sur l'impossibilité de satisfaire en nombres a l'équation* $x^p + y^p = z^p$» Жермен также показала, что любой контрпример к теореме Ферма при $p > 5$ должен быть числом с по крайней мере 40 разрядами.

После окончания переписки с Гауссом Софи Жермен некоторое время не знает, чем заняться. И тут как раз в Париж приезжает немецкий физик Эрнст Хладни. Он демонстрирует перед 60 математиками и физиками Первого класса Французского института (аналог Академии Наук) свои опыты по колебанию упругих пластин. Опыты Хладни произвели на ученых столь большое впечатление, что они попросили его повторить свои опыты перед Наполеоном. Увиденное произвело на императора впечатление, и он согласился учредить специальную золотую медаль весом 1 кг и присудить ее тому, кто сумеет дать теоретическое объяснение опытам Хладни.

Такой конкурс был объявлен в 1809 году. Срок истекал через 2 года. Жермен ухватилась за эту возможность. На протяжении более десяти лет она будет пытаться построить теорию упругости, конкурируя или сотрудничая с самыми выдающимися математиками и физиками. Чтобы разобраться в теории колебаний, Софи Жермен обратилась к таким книгам, как «Аналитическая механика» Лагранжа и работам Эйлера о колебаниях упругих стержней.

Жермен пыталась объяснить поведение упругих пластин, применяя методы, которыми пользовался Эйлер. Он предполагал, что прикладываемая к стержню сила вызывает внутреннее упругое противодействие, и утверждал, что сила упругости в любой точке стержня пропорциональна его кривизне.

Напомним, что среди всех прямых, проходящих через данную точку гладкой кривой, есть одна, наилучшим образом аппроксимирующая эту кривую в окрестности точки. Эта прямая называется касательной. Точно также, среди всех окружностей, проходящих через данную точку кривой и имеющих с ней общую касательную, есть одна, наилучшим образом аппроксимирующая эту кривую в окрестности точки. Эта окружность называется соприкасающейся окружностью, и кривизна кривой в точке обратно пропорциональна радиусу этой окружности. Для гладкой поверхности кривизна в точке определяется кривизной кривых, образованных пересечениями поверхности с плоскостями, перпендикулярными поверхности в этой точке. Из кривизн всех таких кривых выбирается наибольшая и наименьшая, которые называются главными кривизнами поверхности в данной точке.

Под влиянием работ Эйлера Жермен стремилась к тому, чтобы сформулировать аналогичную гипотезу. Она предположила, что в любой точке поверхности сила упругости пропорциональна сумме двух главных кривизн в этой точке.

В 1811 году Жермен оказалась единственным участником конкурса, но её работа не была удостоена премии. Она не сумела вывести свою гипотезу из физических принципов, да и не могла сделать этого в то время, поскольку ей не хватало знаний в математическом анализе и вариационном исчислении. Тем не менее, её работа способствовала дальнейшему прогрессу в этой области. Лагранж, бывший одним из членов жюри конкурса, исправил некоторые ошибки в вычислениях Жермен и вывел уравнение, которое, как он полагал, могло описывать фигуры Хладни. Согласно рассуждениям Лагранжа, если z – это амплитуда колебаний и если z мало, то справедливо уравнение:

$$\frac{\partial^2 z}{\partial t^2} + k^2 \left(\frac{\partial^4 z}{\partial x^4} + \frac{\partial^4 z}{\partial y^4} + 2 \frac{\partial^4 z}{\partial x^2 \, \partial y^2} \right) = 0$$

где t — время, k — константа, а x и y представляют абсциссу и ординату точки на поверхности пластины.

Конкурс продлевается еще на 2 года. Софи Жермен опять была единственным его участником. Она продемонстрировала, как уравнение Лагранжа порождает фигуры Хладни в нескольких простых случаях, однако не смогла вывести уравнения Лагранжа из физических законов. За свою работу Жермен была удостоена похвальной грамоты учёных Первого класса. Конкурс опять продлен, на этот раз до 1815 г.

В 1813 году на интеллектуальную территорию Жермен начал вторгаться Симеон Дени Пуассон. В дальнейшем ему было суждено стать её главным соперником. В отличие от Жермен Пуассон подошёл к теории упругости, располагая всеми средствами, доступными учёному XIX века. Пуассон поступил в Высшую политехническую школу в 1789 году в возрасте 17 лет. При поддержке Лапласа Пуассон быстро продвигался по академической лестнице: профессорские позиции в Политехнической школе и на факультете естественных наук в Париже, в 1812 г. – избрание в Первый класс.

Пуассон стремился объяснить колебания упругих пластин на основе физических законов Ньютона и его физической модели. Начав с предположения, что пластина состоит из молекул, которые взаимно притягивают и отталкивают друг друга, Пуассон затем сделал ряд других, казалось, вполне разумных предположений. Рассуждая таким образом, он вывел чрезвычайно сложную формулу и, упростив её, пришел к уравнению Лагранжа. По современным представлениям допущения Пуассона кажутся абсурдными, и его попытка вывести уравнение Лагранжа была успешной лишь потому, что он знал о работе Жермен и Лагранжа. В 1814 году Пуассон публикует статью об упругих пластинах. Как член Первого класса, он не участвовал в конкурсе. Но его коллеги считали, что Пуассон нашёл физическое объяснение для фигур Хладни. Приз же остался никому не присужденным.

«*Я очень сожалела о том, что не знала содержания работы Пуассона*, – писала Жермен в 1815 году в своем эссе, посвящённом теории упругости. – *Я тратила драгоценное время, ожидая публикации*». В этом эссе она подвергла критике подход Пуассона, пытаясь предложить своё собственное объяснение. Жермен постулировала, что упругая сила пропорциональна приложенной извне силе и пропорциональна деформации поверхности. Сила в каждой заданной точке пропорциональна среднему значению кривизны для кривых на

поверхности, образованных пересечениями поверхности с плоскостями, перпендикулярными поверхности в этой точке. Затем она показала, что это среднее значение сводится к сумме главных кривизн. И, наконец, она вывела уравнение Лагранжа.

Это эссе стало третьей попыткой Жермен выиграть конкурс, членами жюри которого на этот раз были Лежандр, Лаплас и Пуассон. Они не могли принять её постулата о том, что результат воздействия – деформация – обязательно пропорционален самому воздействию, т.е. приложенной силе. На самом деле пройдут десятилетия, прежде чем этому будет найдено объяснение. При этой оговорке жюри присудило Жермен премию Первого класса. На церемонию вручения награды Жермен не явилась.

Для Софи Жермен присуждение премии явилось формальным признанием её научной компетентности. Это придало ей уверенности и повысило авторитет. Однако некоторые учёные не выразили ей должного уважения. Например, Пуассон послал ей немногословное формальное поздравление. Он избегал серьёзных дискуссий с ней и игнорировал её при встречах в обществе. Софи воспряла духом, подружившись с Жаном Батистом Жозефом Фурье. Жермен и Фурье оба пострадали из-за соперничества с Пуассоном, и оба одинаково не любили его. Благодаря Фурье, Жермен начала принимать участие в деятельности парижского научного сообщества. Она посещала заседания Академии Наук и была первой женщиной, которая приходила на эти заседания в личном качестве, а не как супруга кого-либо из академиков.

В 1828 г. Жермен публикует статью «*Examen des principes qui peuvent conduire à la connaissance des lois de l'équilibre et du mouvement des solides élastiques»,* в которой она дает ответ на критические замечания С.-Д. Пуассона. В течение последующих 20 лет математики предпочитали молекулярную теорию колебаний, предложенную Пуассоном. Однако современная теория упругости базируется на уравнениях, выведенных Жермен и Лагранжем. В 1830 г. Жермен пишет заключительную работу по колебаниям поверхностей «*Mémoire sur la courbure des surfaces*»*,* в которой вводит понятие средней кривизны.

У Софи возникают честолюбивые планы по усовершенствованию доказательств в области теории чисел. Жермен и Лежандр работают как равноправные партнеры.

Заболев раком груди, Софи Жермен после двухлетней борьбы с болезнью умирает 27 июня 1831 года в возрасте 55 лет. В свидетельстве о смерти против её фамилии значилось *rentere*: «персона, располагавшая частными средствами». О математике не было сказано ни слова …

Перед смертью она набросала вчерне философское эссе, которое не успела закончить. Оно было опубликовано посмертно под заголовком «Общие рассуждения о науках и литературе». В своём эссе она пыталась выделить интеллектуальный процесс во всех видах человеческой деятельности.

УДК 165

О ПРЕДПОСЫЛКАХ И ОСОБЕННОСТЯХ ФИЛОСОФИИ МАТЕМАТИКИ И. ЛАКАТОСА

Бажанов Валентин Александрович
Доктор философских наук
Ульяновский государственный университет, профессор

E-mail: vbazhanov@yandex.ru

Аннотация: В докладе, посвященном полувековому юбилею публикации важнейшего труда И. Лакатоса, книги «Доказательства и опровержения», анализируются предпосылки и особенности его подхода к философии математики. Показывается, что в его творчестве значительную роль сыграл тот концептуальный (философский) базис, который был сформирован в период его пребывания в Венгрии, подготовки и защите кандидатской диссертации в марксистском духе. Обращается внимание, что в Британии Лакатос следовал идеям К. Поппера и явился основоположником эмпиристской философии математики, что он негативно оценивал аксиоматический метод и считал эвристический метод существенно более перспективным для развития этой науки. Обосновывается, что именно благодаря работам Лакатоса была пересмотрена природа математического доказательства и предпринята попытка создать философию математической практики.

Ключевые слова: И. Лакатос, К. Поппер, философия математики, эмпиристская философия математики, фаллибилизм, доказательство

ON THE PREREQUISITES AND TRAITS OF I. LAKATOS'S PHILOSOPHY OF MATHEMATICS

Bazhanov Valentin A.
Ulyanovsk State University, Professor

Abstract: This paper is dedicated to the half-century anniversary of the publication of I. Lakatos's seminal work «Proofs and Refutations», analyzes the prerequisites and characteristics of his approach to the philosophy of mathematics. I claim that his conceptual (philosophical) foundation formed during his stay in Hungary, working for and the defense of his PhD dissertation, in a Marxist spirit, played a significant role in his work. Highlighted that in Britain Lakatos followed the ideas of Karl Popper and was the founder of the empiricist philosophy of mathematics. He also negatively assessed the axiomatic method and considered the heuristic method to be significantly more promising for the development of mathematics. It stressed that Lakatos's work led to a reconsideration of the nature of mathematical proof and an attempt to create a philosophy of mathematical practice.

Keywords: I. Lakatos, K. Popper, philosophy of mathematics, empiricist philosophy of mathematics, fallibilism, proof.

1. В 2026 году исполняется *пятьдесят лет* с момента публикации (полного текста) книги Имре Лакатоса «*Доказательства и опровержения. Логика математического открытия»*, которая сыграла важную роль в развитии философской мысли вообще и современной философии математики в частности. Книга увидела свет спустя два года после скоропостижной кончины Лакатоса. Редакторами и авторами Предисловия выступили Дж. Уоррал (J. Worrall) и Э. Захар (E. Zahar). В книгу были включены и другие работы Лакатоса по философии математики, которые позволяют представить развитие математики как целостный образ [Lakatos 1976]. Дело в том, что еще в 1963–1964 годах Лакатос опубликовал серию статей в British Journal for the Philosophy of Science, в основе которой лежала его диссертация, написанная уже в Англии и защищенная в 1961 году в Кембридже. Именно эта серия статей была издана в СССР в 1967 году в виде книги, но не как философский труд, а как популярное пособие по математике, точнее, по математической логике. Именно так оно

представлялось в Предисловии переводчика, историка науки И.Н. Веселовского (1892–1977), а чтобы ни у кого не оставалось сомнений в том, что книга математическая, в качестве редактора был избран И.Б. Погребысский (1906–1971), довольно известный математик и также историк математики [Лакатос 1967].

2. Однако, несмотря на, казалось бы, математическое содержание, книга Лакатоса немедленно была замечена философами и в оперативно подготовленной Г.П. Щедровицким и напечатанной в «Вопросах философии» рецензии она была оценена как «подлинное произведение искусства» [Щедровицкий 1968, с. 154]. Тем не менее, полное издание концепции Лакатоса на русском языке пока не состоялось. Лишь отдельные фрагменты были переведены и опубликованы в журналах «Вопросы философии» и «Эпистемология и философия науки» в 2009 году [Лакатос 2009а, 2009б] в качестве приложений к статьям переводчика и автора статей о Лакатосе [Бажанов, 2009а, 2009б].

3. Научная карьера Лакатоса началась еще в Венгрии, где он под руководством Д. Лукача защитил кандидатскую диссертацию и работал в министерстве культуры. Лакатос год стажировался в Московском государственном университете, посещал занятия и лекции С.А. Яновской и даже выражал желание поступить к ней в аспирантуру. Тем не менее, возвратившись в Венгрию на «каникулы», он был репрессирован, что сильно поколебало его политические убеждения, и после восстания 1956 года ему удалось перебраться в Великобританию и уже там заново заняться написанием диссертации под руководством Р. Брейтвейта (R.B. Braithwaite; 1900–1990). Между тем Лакатос многое воспринял от К. Поппера и в чем-то превзошел его. Поппер высоко ценил Лакатоса и считал его тем единственным учеником, у которого он сам учился. Можно сказать, что Лакатос распространил идеи Поппера, относящиеся к фаллибилизму, на область философии математики.

4. Лакатос не был склонен однозначно раскрывать источники своих идей и отдавать должное предшественникам. Однако можно достаточно уверенно утверждать, что ряд важный идей, связанных с закономерностями развития математики, ему подсказали труды британского математики и логика Дж. Книбона (G. Kneebone), подчеркивающего в своих работах факт динамики математических понятий. Кроме того, хотя Лакатос и стремился замаскировать свою «симпатию» к диалектике посредством вуали из представлений об эвристике Д. Пойа, но «диалектические уши» довольно отчетливо проглядывали в научных построениях Лакатоса, и для многих его коллег он явился тем авторитетом, который внес в англо-американскую философию науки дух принципа историзма (историцизма) [Бажанов 2008].

5. Лакатос был последовательным *рационалистом*, но в то же время его можно считать первооткрывателем *эмпирической философии математики*, причем основной акцент он делал не столько на основаниях математики, сколько на особенностях развития математики как таковой, математического анализа в широком смысле слова. Он стремился показать, что математике нельзя приписывать качества безошибочности, что она растет аналогично любой эмпирической науке и в анализе этого процесса не обойтись без привлечения принципа историзма. Следование идее Лакатоса, предпринятое Г. Пристом и Н. Томасоном, позволяет серьезно переосмыслить процедуру и природу математического доказательства, отказав ему в свойстве «абсолютности» и позволив утверждать, что некоторое положение доказано, например, на 60 или 70 процентов [Priest, Thomason 2007].

6. Концепцию Лакатоса можно рассматривать как своего рода альтернативу концепции Т. Куна, поскольку она, вопреки частому истолкованию идей Куна, в фокусе внимания держит не психологические трансформации научного сообщества, а живой

динамический поток идей. Позже уже Лакатос свои конструкции оформил в виде концепции состязательности научно-исследовательских программ, которая, однако, иногда рассматривается как не особо удачная конструкция в области философии науки, но которая, тем не менее, «прибавила ему еще толику славы к уже достигнутой» [Agassi 2022, p. 188].

7. Ученик Лакатоса Д. Жиллис (D. Gillies) развил идеи учителя относительно типологии и закономерностей революций в математике [Gillies 1992]. Феномен революций в математике привлек довольно широкий круг исследователей и породил многообразие точек зрения – от отрицания наличия революций в математике [Crowe 1992] до описания «тонкой структуры» таковых [Dunmore 1992] и интерпретации дедукции как диалогической по своей природе процедуры [Dutilh Novaes 2021].

8. Лакатос негативно относился к аксиоматическому методу в математике, который он считал выражением «дедуктивистского» подхода. Существенно более ценным и плодотворным он считал «эвристический» подход, а аксиоматический метод, по его мнению, препятствует свободному развитию математики и ведет ее к «склеротическому некрозу» [Celluci 2022]. Думается, что создание, популяризация и успех философии математической практики (philosophy of mathematical practice) [Carter 2024] говорит в пользу устойчивости программы и традиций, заложенных в философских исследованиях математики И. Лакатосом.

Список литературы

1. Бажанов 2008 – Бажанов В.А. Диалектические основания творчества И. Лакатоса // Вопросы философии. 2008. №9. С. 147-157.
2. Бажанов 2009а – Бажанов В.А. Переосмысливая И. Лакатоса заново // Вопросы философии. 2009. №8. С. 92-97.
3. Бажанов 2009б – Бажанов В.А. Неизвестный Лакатос // Эпистемология и философия наук. 2009. №2. С. 204-209.
4. Лакатос 1976 – Лакатос И. Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы. М.: Наука, 1967.
5. Лакатос 2009а – Лакатос И. Процедуры доказательства в современном математическом анализе // Вопросы философии. 2009. №8. С. 97-100 (перевод В.А. Бажанова).
6. Лакатос 2009б – Лакатос И. Дедуктивистский versus эвристический подход // Эпистемология и философия наук. 2009. №2. С. 210-225 (перевод В.А. Бажанова).
7. Щедровицкий 1968 – Щедровицкий Г.П. Модели новых фактов для логики // Вопросы философии. 1968. №4. С. 154-158.
8. Agassi 2022 – Agassi J. Popper and his Popular Critics: Thomas Kuhn, Paul Feyerabend and Imre Lakatos: Appendix // Эпистемология и философия наук. 2022. №4. С. 181-188.
9. Carter 2024 – Carter J. Introducing the Philosophy of Mathematical Practice. Cambridge: Cambridge University Press. 2024.
10. Celluci 2022 – Cellucci C. The Making of Mathematics: Heuristic Philosophy of Mathematics. Cham, Switzerland: Springer. 2022.
11. Crowe 1992 – Crowe M. Ten "Laws" Concerning Patterns of Change in the History of Mathematics // Revolutions in Mathematics / Ed. D. Gillies. Oxford: Clarendon Press. 1992. P. 15-20.
12. Dunmore 1992 – Dunmore C. Meta-level Revolutions in Mathematics ///Revolutions in Mathematics / Ed. D. Gillies. Oxford: Clarendon press. 1992. P. 208-225.

13. Dutilh Novaes 2021 – Dutilh Novaes C. The Dialogical Roots of Deduction: Historical, Cognitive, and Philosophical Perspectives on Reasoning. Cambridge: Cambridge University press. 2021.
14. Lakatos 1976 – Lakatos I. Proofs and Refutations. The Logic of Mathematical Discovery / Eds. J. Worrall and E. Zahar. Cambridge: Cambridge University press. 1976.
15. Priest, Thomason 2007 – Priest G., Thomason N. 60% Proof. Lakatos, Proof, and Paraconsistency // Australasian Journal of Logic. 2007. Vol. 5. P. 89-100.

УДК 510/21

ОБ ОПЫТЕ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Баранец Наталья Григорьевна
Доктор философских наук
Ульяновский государственной университет, профессор
E-mail: n_baranetz@mail.ru

Верёвкин Андрей Борисович
Кандидат физико-математических наук
Ульяновский государственной университет, доцент
E-mail: a_verevkin@mail.ru

Аннотация: Изучение механизмов научного поиска базируется на анализе индивидуальной рефлексии конкретных учёных. Но в последнюю четверть века эта тема стала меньше интересовать эпистемологов. Причины этого порождены глобальными изменениями в научной жизни, в частности, снижением усилий по сохранению коллективной памяти дисциплинарных сообществ, поскольку таковые усилия всё чаще перенаправляются на соискание индивидуального успеха и такой путь становится более респектабельным и эффективным в личном измерении. Но для последовательного воспроизведения научной традиции и её развития необходимы консолидирующие действия научных групп по сохранению исторической памяти и популяризации образов харизматичных учёных, осмысливших свой научный путь и поделившихся воспоминаниями о нём. В качестве позитивной истории здесь представлен рефлексивный опыт выдающегося математика Юрия Ивановича Манина. Его научные исследования естественным образом сопровождались необходимыми размышлениями, последовательно переходящими от внутритеоретической к метатеоретической рефлексии, а на стадии зрелого осмысления своей научной жизни – и философско-методологической рефлексией. Ученики и коллеги учёного провели серию конференций его памяти и переиздали с дополнениями его книгу «Математика как метафора» (2026), которая является великолепным продуктом реализованной философско-методологической рефлексии выдающегося математика.

Ключевые слова: рефлексия, эпистемология, математическое сообщество, образ математики, Ю.И. Манин.

ON THE EXPERIENCE OF MATHEMATICAL REFLECTION

Baranetz Natalia Grigoryevna
Ulyanovsk State University, Professor

Verevkin Andrey Borisovich
Ulyanovsk State University, Associate Professor

Abstract: The study of the mechanisms of scientific inquiry is based on the analysis of the individual reflections of individual scientists. However, in the last quarter century, this topic has become less interesting to epistemologists. This is due to global changes in scientific life, in particular, the decline in efforts to preserve the collective memory of disciplinary communities, as such efforts are increasingly redirected toward the pursuit of individual success, a path that has become more respectable and effective in the personal sense. However, for the consistent reproduction of scientific tradition and its development, consolidated efforts by scientific groups are necessary to preserve historical memory and popularize the images of charismatic scientists who have reflected on their scientific paths and shared their memories of them. As a positive example, the reflective experience of the outstanding mathematician Yuri Ivanovich Manin is presented here. His scientific research was naturally accompanied by necessary reflections, sequentially moving from intratheoretical to metatheoretical reflection, and, at the stage of mature understanding of his scientific life, also by philosophical and methodological reflection. The scientist's students and colleagues held a series of conferences in his memory and republished with additions his book "Mathematics as Metaphor" (2026), which is a magnificent product of the realized philosophical and methodological reflection of an outstanding mathematician.

Keywords: reflection, epistemology, mathematical community, image of mathematics, Yu.I. Manin.

В отечественной эпистемологии 1970–90-х годов феномену дисциплинарной рефлексии уделяли много внимания, поскольку с её помощью возможно проанализировать индивидуальный научный путь, посетив мысленную лабораторию учёного. Фундаментальное значение здесь получили результаты В.А. Бажанова, В.А. Лекторского, А.П. Огурцова, М.А. Розова, В.С. Швырёва. Совсем недавно – в 2022 году – на страницах журнала «Эпистемология и философия науки» прошла заочная дискуссия о принципе рефлексивности и исследовательском интересе к нему философов. Там было отмечено: «В отечественной философской литературе были выявлены не только истоки рефлексии, но и предложены различные ее типологии, формы и виды: онтологизм, гносеологизм, методологизм. Было показано, что рефлексивность научного знания может осуществляться на различных уровнях: внутритеоретическом, метатеоретическом, междисциплинарном, общенаучном и философско-методологическом. Основательно изучались личностные и надличностные (но не внеличностные) формы рефлексии, рефлексивные и нерефлексивные компоненты научного знания. Так, представление о пост-нормальной науке – результат рефлексии, которая обращена к траектории будущего развития общества и поиска места науки в этом развитии» [Бажанов 2022, с. 34].

Несмотря на такую актуализацию рефлексии в контексте обсуждения программы сильной социологии научного знания, стоит признать, что эта тематика постепенно ушла из живого интереса современных эпистемологов. Мы полагаем, что для этого есть ряд причин – с одной стороны, феномен уже всесторонне описан, и новое поколение исследователей мало что может добавить оригинального к сделанному ранее без значительного погружения в

дисциплинарную тему. С другой стороны, активность учёных в осознании результатов своей познавательной деятельности, их участие в совместном осмыслении результатов научного поиска на общих коммуникативных пространствах (методологических семинарах, конференциях и журналах, посвящённых анализу научного творчества и истории науки) стремительно иссякает. Мы редко видим молодых учёных на таких мероприятиях. И главным источником дисциплинарной рефлексии остаётся «мемориальная» деятельность научных сообществ – доклады и публикации к юбилеям выдающихся учёных, оставивших после себя активных и признательных учеников, ценящих принадлежность к научной школе своего учителя.

Благодарные ученики, достигшие значимых результатов и позиций, имеющие возможность резервировать в специальных журналах часть номеров и ресурсы для организации конференций, публикуют воспоминания своего учителя и свои истории общения с ним, интервью с его размышлениями о науке, его выступления при получении каких-то наград и премий. Но это, скорее, – плодотворные результаты рефлексивных процессов, имевших место в дисциплинарных сообществах, запущенных ещё в начале XX века многими выдающимися учёными, размышлявшими о своих науках, революционных преобразованиях в них и перспективах их развития. Активно работая в науке в интересах страны и мира, они полагали необходимым осознать особенности своего научного поиска, чтобы поделиться опытом со следующими поколениями исследователей.

Нынешнее состояние научных сообществ, при перемешивании научных групп, возрастании мобильности учёных и конкуренции научного труда в гонке за грантами и рейтингами, уже не формирует запроса на индивидуальную и коллективную рефлексию. Хищническое потребление человеческого ресурса не оставляет энергии на поощрение материально бесплодных сюжетов. Между тем, по-прежнему, только увлекательный рассказ о научном успехе выдающихся учёных может естественным образом привлечь молодёжь, воодушевляя её на сложную интеллектуальную работу.

Примером такого вдохновляющего повествования можно считать воспоминания и размышления замечательного математика Юрия Ивановича Манина, чья книга «Математика как метафора» была переиздана в 2026 году с новыми интересными и важными дополнениями к изданию 2008 года. В контексте темы рефлексии особое внимание привлекают идеи Юрия Ивановича о многообразии и источнике научного опыта. Участвуя в работе семинара знаменитого Александра Гротендика – создателя помимо многого прочего и «проекта мотивов» – Манин получил импульс к работе в этом направлении. Его рассказ о той эпохе ясно отмечает важность синергийного взаимодействия учёных: открывшего новую теорию и указавшего её ключевые вопросы Гротендика, и присоединявшихся к обсуждению математиков. Гротендик по случаю написал Манину: «К стыду своему вынужден признать, что я уже не могу понять с первого взгляда, что доказуемо без стандартных гипотез (и даже более или менее тривиально), а что – нет. Это же позор, что стандартные гипотезы не доказаны!». Вскоре, в итоге интенсивного обдумывания, Манину удалось ответить на один из вопросов Гротендика об основаниях теории мотивов. Ему удалось исследовать мотив раздутия без обращения к стандартным гипотезам Гротендика. Юрий Иванович вспоминает, что Гротендик в письме к нему наметил основные шаги реализации универсальной теории когомологий, объединяющей с единой позиции сингулярные когомологии, когомологии Ходжа-де Рама и этальные когомологии. Манин указывает на плодотворную роль интуитивных идей из гомологической алгебры и квантовой физики: «В этой картине парадоксально выглядело следующее обстоятельство, относящееся к трансцендентным

циклам на алгебраическом многообразии X. При $k = \mathbf{C}$ можно добраться до этих циклов либо с помощью алгебраической топологии, либо с помощью сложных конструкций из гомологической алгебры, использующих все конечные накрытия над X. Но в категории чистых мотивов мы с самого начала имеем дело исключительно с алгебраическими циклами, представленными соответствиями; с интуитивной точки зрения совершенно непонятно, с какой стати они будут содержать информацию о трансцендентных циклах! <…> Однако же переход от множества морфизмов к К-модулю соответствий содержит ещё одну интуитивную идею, которую наиболее сжато можно сформулировать, обратившись к физике – именно, к большому скачку от классического описания природы к квантовому. … <…> «квантовые суперпозиции» образуют линейные пространства, на которых задаётся гильбертово скалярное произведение, что, в свою очередь, позволяет говорить об амплитудах вероятности, квантовых наблюдениях и прочем» [Манин 2026, с. 235-236]. Наличие подобных свидетельств из первых рук позволяет воспроизводить, реконструировать карту научного поиска и обеспечивает более глубокое, качественное понимание проблемного поля.

Неоценимо понимание того личного образа математики, который Юрий Иванович Манин раскрыл в художественно-нематематических или философско-методологических очерках. Он отметил высшую значимость истины для математики и зависимость этой истины от доказательств: «для математики нужны именно доказательства, понимаемые как цепочки хорошо организованных стандартных шагов, а не как акты демонстрации (вопреки этимологии слова «доказательство»). Помимо всего прочего, это означает, что современная математика представляет собой по существу лингвистическую деятельность, опирающуюся на язык, обозначения и манипуляции с символами как на средство убеждения собеседника даже в тех случаях, когда речь идёт о реальности (геометрической, физической или ещё какой-либо). Связность рассуждения, не содержащего противоречий и избегающего пробелов, играет важную роль в установлении того обстоятельства, что то или иное высказывание действительно доказывает то, на доказательство чего оно претендует. Строго говоря, статус постулатов P, на которых основывается доказательство утверждения S, не обязан быть предметом обсуждения в математике: она отвечает главным образом за структуру вывода» [Манин 2026, с. 77-78].

Способность к доказательствам определяется полусознательными предпочтениями, рождающими радость или недовольство от столкновения с интеллектуальным вызовом. Форма доказательства социально обусловлена, ведь математик следует авторитетным для него образцам. Идеальное доказательство – это воображаемый текст, в котором теорема последовательно выводится из ранее утверждённых аксиом. Но этот идеал недостижим из-за большой длины самых простых формальных выводов и трудности их понимания и проверки, что не исключает стремления к поддержанию стандартов строгости.

Математики за века работы создали специфическую аналитическую систему, сконструированную так, что её результаты являются надёжными и воспроизводимыми. Эмпирическая основа математики оказалась при этом скрыта за синтаксической изощрённостью текстов, лишь изредка проявляя себя в возникающих парадоксальных ситуациях. В конечном итоге математические предложения следуют принятым в определённых кругах правилам употребления символов и явно не сообщают о фактах физического мира, хотя и могут быть использованы для его описания.

Список литературы

1. Бажанов 2022 – Бажанов В.А. Об анализе феномена рефлексии в науке в отечественной философии и в сильной программе STS // Эпистемология и философия науки. 2022. Т.59. №4. С. 31-37.
2. Манин 2026 – Манин Ю.И. Истина, строгость и здравый смысл / Математика как метафора. М.: МЦНМО, 2026. С. 76-92.
3. Манин 2026 – Манин Ю.И. Забытые мотивы: многообразие научного опыта / Математика как метафора. М.: МЦНМО, 2026. С. 233-244.

УДК 51(091)

ОШИБКА КОШИ И НЕЗАМЕЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РУССКИХ МАТЕМАТИКОВ ОСТРОГРАДСКОГО И ПУТИЛОВА

Баричев Сергей Геннадьевич
Кандидат технических наук
МИРЭА – Российский технологический университет
E-mail: sbarichev@yandex.ru

Аннотация: Статья рассказывает о малоизвестном, но важном эпизоде деятельности выдающего русского математика М.В. Остроградского. Он впервые доказывает третью (интегральную) форму знаменитой теоремы Тейлора и «столбит» свое первенство оригинальным способом. Под его началом Н.И. Путилов, тогда слушатель Морского кадетского корпуса, публикует статью об ошибке французского математика Огюстена Луи Коши и направляет ему журнал.

Ключевые слова: История математики, Коши, Путилов, Остроградский

CAUCHY'S ERROR AND THE UNNOTICED OF THE RUDDIAN VATHEMATICIANS OSTROGRADSKY AND PUTILOV

Barichev Sergey Gennadievich
Russian Technological University "MIREA", associate professor

Abstract: This article recounts a little-known but important episode in the career of the eminent Russian mathematician M.V. Ostrogradsky. He was the first to prove the third (integral) form of Taylor's famous theorem and cemented his position as the first in the field with an original approach. Under his guidance, N.I. Putilov, then a student at the Naval Cadet Corps, published

Keywords: History of mathematics, Cauchy, Putilov, Ostrogradsky.

Даже краткий биографический очерк о Николае Ивановиче Путилове редко пройдет мимо интересного факта. Считается, что Путилов, обучаясь в Морском кадетском корпусе, заметил ошибку великого французского математика Огюстена Луи Коши и опубликовал на этот счет работу в журнале «Маяк современного просвещения и образованности» [Путилов 1840, с. 59]. После публикации журнал со статьей редактором С. Бурачком был отправлен мэтру, а через некоторое время из Франции в подарок Путилову от Огюстена Луи Коши пришел учебник с исправленной ошибкой.

В подробной биографии Путилова указывается, что молодой мичман ошибку нашел и исправил не сам, а с помощью своего учителя Михаила Васильевича Остроградского [Путин 2021, с. 52]. Но статью об ошибке надо было не только опубликовать, но и перевести на французский, а также составить сопроводительное письмо так, чтобы Коши обратил внимание на нее, прочитал и высказал своё мнение. Известно, что великий французский математик из-за своей занятости не смог должным образом обратить внимание на работу, присланную гениальным Эваристом Галуа, а работу Абеля попросту выбросил, поскольку пренебрежительно относился к иностранным математикам [Инфельд 1965, с. 95].

Знакомство с первоисточником – той самой статьей в «Маяке ...» – открывает целый математический детектив.

Итак, с 1832 года (с 12 лет) Путилов обучался в Морском кадетском корпусе, старейшем военном учебном заведении России, которое действует и поныне.

Для обучения будущих офицеров в военные заведения старались привлекать лучших ученых и педагогов. Неудивительно, что в Морском корпусе преподавали такие выдающиеся математики, как Виктор Яковлевич Буняковский и Михаил Васильевич Остроградский.

Так в центре нашей истории о мичмане Путилове оказывается М.В. Остроградский – величина мирового масштаба, притом с очень своеобразной жизненной траекторией. Он родился в родовом поместье отца недалеко от Кобеляк в Полтавской области. Окончил Харьковский университет, однако из-за политических раздоров его лишили диплома. За образованием будущий математик отправился во Францию, воспользовавшись финансовой поддержкой дяди. Учился у сильнейших математиков начала 19-го века – французов. Его учителем и стал тот самый Коши, которому сразу приглянулся целеустремленный молодой человек. Коши писал:

«…Один русский молодой человек, Остроградский, одаренный большой проницательностью и весьма сведущий …, дал новое доказательство упомянутых мною выше формул».

Вернувшись в Петербург без денег и без оформленного диплома, Остроградский все же был признан состоявшимся ученым и педагогом. С 1828 года он начал преподавать в Морском кадетском корпусе, а впоследствии еще в нескольких известных учебных заведениях. В 1830 году был избран экстраординарным академиком Петербургской АН.

«Маяк» был своеобразным журналом. Издателями его в интересующий нас период выступали П.А. Корсаков и С.А. Бурачок, морские офицеры, учившиеся в Морском кадетском корпусе у Остроградского. Сам журнал «Маяк» выпускался недолго: с 1840 по 1845 гг. Некоторые его номера печатались в типографии Морского кадетского корпуса. Критики не жаловали вниманием журнал, один из них так и вовсе назвал его «органом воинствующего мракобесия, в котором казенно-православное направление проявлялось совершенно открыто».

«Маяк» выпускался ежемесячно и представлял из себя винегрет из заметок, статей, стихов, отрывков из книг, выступая и научным, и литературным, и развлекательным журналом.

Например, в первом номере 1840 года посреди стихов и прозы начинающих литераторов ни с того, ни с сего печатаются «Начала аналитической механики» Остроградского, написанные им под влиянием работ Коши. Сама работа Остроградским пишется вроде как на французском языке, а для журнала ее переводит сам Бурачок, сокрушаясь о том, что русский язык не передает всей математической красоты и изящества работы:

«Несмотря на все мои старания [при переводе с французского – прим. авт.]*, не мог я соблюсти в переводе той текучести слога, той математической чистоты и ясности*

выражений, неподражаемых красот, которыми вообще отличается все написанное автором, к сожалению, по-французски!»

Впрочем, тут надо отметить, что Остроградский был склонен к шуткам и розыгрышам, приветствовал это и у учеников [Гнеденко 1984, с. 60]. Например, на лекциях он предлагал рассказать смешной анекдот, за который можно было «на халяву» получить отличную оценку. Так что, возможно, и статья была написана сразу на русском. Зачем ее писать по-французски математику, который к этому времени уже 12 лет жил в России, а французским, по отзывам современников, владел посредственно?

Откроем теперь тот самый 4-й номер за 1840 год. После коротких заметок в полтора абзаца – «Суета авторской славы», «Лорд и портной», «Об учебных заведениях во Франции» – та самая статья: «Отрывки из лекции академика Остроградского». С комментарием редактора: *«Редакция чрезвычайно благодарна питомцу офицерского класса Морского корпуса Г. мичману Путилову за доставление этих прекрасных замечаний, сделанных М.В. Остроградским на публичных его лекциях».*

Получается, что и название статьи, и указание на «авторство», говорит о том, что да, автор – Остроградский, а не мичман, но из-за дефицита времени учитель поручил ученику подготовить публикацию.

Статья занимает пять страниц и изобилует формулами в обозначениях, близких уже к обозначениям в современным учебникам, поэтому суть статьи понять нетрудно. В ней две ничем не связанные между собой части.

Первая часть посвящена той самой «ошибке Коши».

В начале XIX века дифференциальное и интегральное исчисление складывается в том виде, в котором его сегодня изучают на первых курсах вузов. Остроградский (пером Путилова) указывает на то, что Коши допустил неточность в поиске первообразной для нулевой функции. Для иллюстрации грубости этой ошибки Путиловым (или все же Остроградским?) приводится пример вычисления определенного интеграла, который «по Коши» будет иметь два отличных друг от друга значения.

По сути, Остроградский пером ученика Путилова указывает своему учителю Коши на ошибку. Поистине французское изящество: тут и почтение к учителю («это не я, а мой ученик»), и укол («ну как же так, месье Коши, простой мичман знает об этом из моих лекций»), и желание зафиксировать свой результат. Но вся статья написана не только и, похоже, не столько для того, чтобы уколоть Коши. Скорее, цель – привлечь внимание к более важной второй части.

Без каких-либо переходов точно посредине статьи мичмана Путилова читаем интригующую фразу:

«Приведем еще здесь весьма простое, легкое, можно сказать миленькое доказательство Тайлоровой теоремы для разложения функции в ряд с дополнительным определенным интегралом, предложенное господином Остроградским в первый раз на публичных его лекциях».

Вроде малозначительный и легкий факт. На самом деле пером Путилова Остроградский фиксирует свое первенство в важном математическом утверждении.

«Тайлорова теорема» входит сегодня в стандартный курс математического анализа. Согласно ей любую бесконечно дифференцируемую функцию можно разложить в бесконечный ряд Тейлора, а ограничив этот ряд, вычислить ее с необходимой точностью. Ответ на вопрос о точности приближения функции отрезком ее ряда Тейлора дают формулы остаточного члена ряда Тейлора.

Впервые такую формулу записал Жозеф Луи Лагранж, учитель Коши. И она во всех учебниках так и называется «формулой с остаточным членом в форме Лагранжа». Но существуют еще две формы остаточного члена. Вторая – «форма Коши» и третья – «интегральная форма». Да, та самая, которую и доказал первым наш Михаил Васильевич Остроградский в статье Путилова.

Так что справедливо было бы назвать третью форму остаточного члена – «формой Остроградского». Тогда бы четко выстроилась преемственность математики XVIII–XIX веков: Лагранж – учитель Коши, Коши – учитель Остроградского. И, наконец, Остроградский – учитель Путилова, который мог бы стать знаменитым математиком, но проявил себя больше в других областях.

Остроградский был не только математиком, но и остряком, любителем розыгрышей, мистификаций, тонким психологом; на старости лет он увлекся спиритизмом. Публикация в «Маяке» предназначалась для единственного читателя – Огюстена Луи Коши. Ему приходит этот журнал из России.

Статья Путилова в двух не связанных между собой частях – словно атака неприятельского корабля двумя торпедами. Первая нужна для привлечения внимания Коши – указание на ошибку, понятную даже слушателю офицерских классов. Вторая – намного важнее: застолбить результат, который станет частью математической науки.

Но в итоге третья форма остаточного члена, открытая русским математиком, так и осталась безымянной. Как и очень многие результаты наших математиков, первенство которых на протяжении уже веков вольно или невольно затирается в мировой науке.

В качестве итога скажем, что именно Остроградский «перезапустил» Петербургскую (а значит, российскую) математическую школу.

Ее основателем безусловно следует считать Леонарда Эйлера, который в 1725 году молодым человеком из Швейцарии прибывает в только что основанную Петербургскую академию наук, пятую в мире. Из последователей Эйлера самым именитым станет тот самый Лагранж, с которым они общались по переписке. В России же выдающихся математиков кроме Эйлера во второй половине XVIII века назвать трудно. Но через цепочку Лагранж-Коши-Остроградский математическая жизнь спустя век снова возвращается в Россию.

Николай Иванович Путилов мог бы продолжить эту цепочку, но обстоятельства были против него. По окончании обучения, скорее всего, не без протекции Остроградского, его любимого ученика оставляют в Морском корпусе преподавателем. Однако у молодого офицера обнаруживаются признаки чахотки. С военной службы приходится уволиться.

Ему нужно менять климат, и Путилов ищет место в южных губерниях. Вакансия нашлась в 6-м округе Корпуса инженеров военных поселений со штабом в Кременчуге. Лейтенант Путилов становится титулярным советником, в должности письмоводителя налаживает делопроизводство, осваивает методы строительства военных объектов. Он занимается сооружением изб, домов для офицеров, казарм, конюшен, дорог, мостов и т.д. для обустройства запасных кавалерийских полков.

Именно здесь проявятся математический и организаторский талант (а может быть, и гений) Николая Ивановича. Он умело «управляет проектами», предвосхитив появление в 20-м веке такой науки как «сетевое планирование» Без неё невозможно современное высокотехнологическое производство с разветвленной кооперацией.

Созданный Путиловым самобытный метод такого сетевого планирования поможет ему по возвращении в Петербург сделать невозможное. В 1854 году во время Крымской войны он

взял ответственный и срочный заказ на изготовление 32 канонерских лодок и, не имея собственного производства, выполнил заказ в срок. Всё это было осуществимо лишь четким математическим планированием размещения частей заказов на разных заводах. Термины «транспортная задача», «венгерский метод», «диаграмма Ганта» появятся лишь в следующем, 20-м веке.

Список литературы

1. Инфельд 1965 – Инфельд Л. Эварист Галуа – избранник богов. М.: Молодая гвардия, 1965. 352 с.
2. Гнеденко 1984 – Гнеденко Б.В. Михаил Васильевич Остроградски. М.:Знание, 1984. 64 с.
3. Путилов 1840 – Путилов Н.И. Отрывки из лекции академика Остроградского // Маяк современного просвещения и образованности. 1840. №4. С. 59-63.
4. Путин 2021 – Путин О.Н. Путилов. СПб.: Д'АРТ, 2021. 304 с.

УДК 510.21

МАТЕМАТИКА И ИДЕАЛ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Бычков Сергей Николаевич
Доктор философских наук
Независимый исследователь
E-mail: bytc@mail.ru

Аннотация: В работе анализируется роль математики как идеала научного знания в контексте шестой проблемы Гильберта аксиоматизации физического знания. В решении данной проблемы в последние годы достигнут существенный прогресс. Поэтому естественно обратиться к рассмотрению возможности применения аксиоматического метода в преобразовании других научных дисциплин. В наибольшей мере применение идей математической аксиоматики достигнуто в экономике. Наиболее ярким результатом применения дедуктивно-аксиоматического метода в экономике является «теорема невозможности демократии», принадлежащая К. Эрроу.

В первоначальном доказательстве Эрроу были обнаружены логические пробелы, устранение которых заняло более 10 лет. Но и после превращения утверждения Эрроу в полноценную математическую теорему оставался вопрос о корректности выбранных американским экономистом условий, характеризующих идеальную избирательную систему. На получение ответа на него ушло еще 30 лет, для чего понадобилось создание специального математического аппарата. Показано, что выбор сомнительного условия в теореме Эрроу может быть произведён без использования математики на основе качественных рассуждений философского характера. Данное обстоятельство позволяет вспомнить давний спор между Платоном и Аристотелем по поводу того, какую науку – математику или философию – лучше всего взять за основу разработки всеобщего методологического принципа развития научного знания.

Ключевые слова: математика, философия, научный метод, идеал, экономика, демократия.

MATHEMATICS AND THE IDEAL OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Bychkov Sergey Nikolaevich
Independent Researcher

Abstract: This paper analyzes the role of mathematics as the ideal of scientific knowledge in the context of Hilbert's sixth problem of the axiomatization of physical knowledge. Significant progress has been made in solving this problem in recent years. Therefore, it is natural to consider the possibility of applying the axiomatic method to transforming other scientific disciplines. The greatest application of mathematical axiomatics has been achieved in economics. The most striking result of the application of the deductive-axiomatic method in economics is K. Arrow's «theorem on the impossibility of democracy».

Arrow's original proof was found to have logical holes that took over 10 years to fix. But even after Arrow's statement had been transformed into a full-fledged mathematical theorem, the question remained about the correctness of the conditions chosen by the American economist to characterize the ideal electoral system. It took another 30 years to answer this question, necessitating the creation of a specialized mathematical apparatus. It has been shown that the questionable condition in Arrow's theorem can be chosen without the use of mathematics, based on sound philosophical reasoning. This circumstance recalls the long-standing debate between Plato and Aristotle over which science – mathematics or philosophy – is best suited for developing a universal methodological principle for the development of scientific knowledge.

Key words: mathematics, philosophy, scientific method, ideal, economics, democracy.

Исторически так сложилось, что именно математика стала символом строгого научного знания. Поэтому когда Гильберт провозгласил принятый в математике дедуктивно-аксиоматический метод изложения теории в качестве всеобщего и для других наук (прежде всего, естествознания), то серьезных конкурентов у него не оказалось. Недавно предложение Гильберта после 125 лет напряженной работы было реализовано в отношении физики [Deng, Hani, Ma 2025], и естественно ожидать расширения сферы применения дедуктивного метода на другие научные дисциплины.

Следует отметить, что математика не сразу заняла лидирующие методологические позиции в науке. Для Платона, например, главной наукой была не математика, а философия. В «Государстве» он прямо указывает на это, а в диалоге «Софист» юный математический талант Теэтет послушно следит за философскими рассуждениями Чужеземца.

Математике пальму первенства передал Аристотель. Критикуя концепцию платоновского «Тимея», согласно которой тела «слагаются из плоскостей и разлагаются на плоскости», Аристотель отмечает: «ясно с первого взгляда, сколько противоречий с математикой из нее вытекает, а между тем справедливо либо не ниспровергать математику, либо ниспровергать её на основании принципов более достоверных, чем её аксиомы» [Аристотель 1981, с. 342]. В этом утверждении важно то, что Стагирит отказывает принципам платоновской диалектики в большей достоверности по сравнению с аксиомами математики.

Спиноза, излагая свою «Этику» в соответствии с принципами геометрического метода, зафиксировал методологическое первенство математики в качестве идеала построения научной теории. В XX столетии аналогичный подход проявился в экономической науке [Дебрё 2018]. Но ещё более яркий пример доставляет «теорема невозможности демократии», принадлежащая К.

Эрроу [Эрроу 2004]. Кстати, Ю.И. Манин называет теорему Эрроу «простая комбинаторная теорема» («Математика как метафора», третье издание (2026), с. 533-534).

Работа Эрроу написана в рамках теории благосостояния, которая стремилась найти рациональное обоснование выбора среди возможных альтернатив экономической политики, базирующегося на предпочтениях индивидов в обществе. Эрроу попробовал сформулировать естественные условия, которые могут предъявляться к любой демократической избирательной системе. Требования эти (после некоторых предложенных позднее усовершенствований) таковы.

Универсальность: избирательные системы не должны накладывать никаких особых условий на то, как избиратели могут упорядочить кандидатов на выборах. В частности, системы не должны указывать, что некоторые индивидуальные порядки предпочтений приемлемы, в то время как другие – нет. Единственное общее требование – транзитивность: если общество предпочитает некоторого кандидата *A* другому кандидату *B*, а *B* – третьему кандидату *C*, то общество должно предпочитать *A* кандидату С. Если это имеет место для любой тройки кандидатов *A*, *B* и *C* на выборах, то итоговый общественный порядок предпочтений транзитивен.

Единогласие: если на выборах для какой-то пары кандидатов *A* и *B* каждый избиратель предпочитает *A* кандидату *B,* то в итоговом общественном порядке предпочтений *A* должен идти впереди *B.*

Независимость от посторонних альтернатив (НПА): общественные предпочтения между любыми двумя кандидатами зависят только от индивидуальных предпочтений между этими кандидатами.

Отсутствие диктатуры: не должно быть такого избирателя *v*, что предпочтения общества между любыми кандидатами *A* и *B* всегда совпадают с предпочтениями относительно этих кандидатов избирателя *v*.

Теорема, за которую Эрроу был награжден Нобелевской премией по экономике в 1972 году, формулируется следующим образом: избирательная система на выборах, в которых участвуют больше двух кандидатов, не может удовлетворять одновременно условиям универсальности, единогласия, НПА и отсутствия диктатуры.

Уже сама формулировка утверждения, относящегося к области политологии, носит сугубо математический характер: естественные требования к демократической избирательной системе в своей совокупности оказываются логически противоречивыми. Казалось бы, само наличие подобной теоремы подтверждает плодотворность замысла Гильберта о превращении аксиоматического метода во всеобщий метод научного исследования. Тем не менее, реальная ситуация не столь проста, как это может показаться на первый взгляд.

Так как доказанное Эрроу утверждение противоречило всем существовавшим ранее представлениям о сущности демократии, то начались поиски условий, которые только выглядят «демократическими», но в действительности таковыми не является. Эти поиски многих учёных заняли 50 лет и в результате привели американского специалиста в области математической теории выборов Дональда Саари к следующим выводам [Saari 2001].

В теореме Эрроу рассматриваются избирательные системы, приводящие к транзитивным общественным порядкам предпочтений на основе транзитивных же индивидуальных предпочтений. Такая транзитивность предусматривает некоторые связи между попарными сравнениями предпочтений отдельного избирателя. Например, если для некоторого избирателя *A* предпочтительнее *B*, а *B* предпочтительнее *C*, то транзитивность требует, чтобы для этого избирателя *A* был бы предпочтительнее *C*. Критерий же НПА требует, чтобы избирательные системы определяли общественные предпочтения между парой кандидатов, исходя только из индивидуальных предпочтений избирателей между этими двумя кандидатами. Это требование

предписывает избирательным системам отбрасывать дополнительную информацию, предоставленную транзитивностью. Именно это требование делает невозможным для систем, удовлетворяющих критерию НПА, проводить различие между избирателями с рациональными (транзитивными) предпочтениями и избирателями с иррациональными (циклическими) предпочтениями.

Согласно Саари, критерий НПА по существу аннулирует предположение о том, что индивидуальные предпочтения транзитивны. Это служит причиной того, что для вполне разумной избирательной системы оказывается возможным приводить к запрещенным циклическим общественным предпочтениям.

Математический аппарат, используемый Саари, довольно сложен и труден для понимания студентами-политологами. Между тем, призвав на помощь диалектику, разрабатывать которую в рамках объективного идеализма начал Платон и завершил Гегель, можно получить сходные выводы путем чисто качественного анализа.

Возьмём за основу гегелевское понимание категорий абстрактного и конкретного: абстрактное (лат. abstractio – отвлечение) – сторона, часть целого, одностороннее, простое, неразвитое; конкретное (лат. concretus – сгущённый, сросшийся) – многостороннее, сложное, развитое, целостное. В случае с теоремой Эрроу конкретный результат выборов – это набор бюллетеней, содержащих индивидуальные предпочтения избирателей. Является ли с этой точки зрения условие независимости от посторонних альтернатив примером конкретного научного понятия?

Предположим, что это условие действительно является таковым и возьмём для определенности случай пяти кандидатов A, B, C, D, E. Наличие или отсутствие кандидата E никак не должно тогда сказывается на индивидуальных и общественном предпочтениях избирателей по отношению к кандидатам A и B. Устраним кандидата E из нашего мысленного эксперимента и повторим рассуждение для кандидатов D и C. В предположении конкретности условия НПА мы должны были бы утверждать, что результат подсчета бюллетеней по двум позициям (оставшиеся кандидаты A и B) должен был бы совпадать с результатом обработки избирательных бюллетеней по всем пяти позициям, что выглядит весьма и весьма сомнительно.

Мы видим, что условие НПА действительно нарушает конкретность анализа избирательных систем, и что «теорема Эрроу» не доказывает (с точки зрения гегелевского понимания категорий абстрактного и конкретного) невозможность идеальной демократической процедуры выборов.

Вернемся к давнему спору между Платоном и его учеником по вопросу о том, какая наука – математика или философия – важнее для обоснования научного знания. Гегель (вслед за Кантом) полагал, что научное мышление должно опираться на логические категории. «Наука логики» Гегеля и представляет собой построение системы логических категорий на основе единого общего принципа. Неудача попыток категориального анализа теории электромагнетизма Дж.К. Максвелла привела к тому, что Э. Кассирер отказался от сформулированного Кантом принципа категориального строя научного мышления, обратившись к лейбницевскому понятию символа.

Дедуктивно-аксиоматический метод позволяет контролировать правильность предлагаемых доказательств математических теорем. В этом смысле теорема Эрроу выдержала проверку на прочность. Представляется, однако, что ответ на вопрос о возможности или невозможности построения идеальной избирательной системы не может быть решен средствами одной только математики и что поэтому требуется помощь со стороны философии.

Список литературы

1. Аристотель 1981 – Аристотель. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1981. 613 с.
2. Дебрё 2018 – Дебрё Ж. Теория ценности: аксиоматический анализ экономического равновесия. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 240 с.
3. Эрроу 2004 – Эрроу К.Дж. Коллективный выбор и индивидуальные ценности. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 204 с.
4. Deng, Hani, Ma, 2025, web – Deng, Yu; Hani, Zaher; Ma, Xiao (2025). Hilbert's sixth problem: Derivation of fluid equations via Boltzmann's kinetic theory. URL: https://arxiv.org/abs/2503.01800 (дата обращения: 1.05.2026)
5. Saari 2001 – Saari D.G. Decisions and Elections: Explaining the Unexpected. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 255 p.

УДК 117:165.23:165.3:168.51

УМОПОСТИГАЕМАЯ МАТЕРИЯ КАК ПРЕДМЕТ МАТЕМАТИКИ У АРИСТОТЕЛЯ

Дудин Артём Олегович
Независимый исследователь
E-mail: dudin_artem_olegovich@mail.ru

Аннотация: С позиции, что истина состоит в логических категориях и что лежащей в основе философского мировоззрения Аристотеля категорией выступает деятельность (действительность), раскрывается аристотелевская определённость умопостигаемой материи как предмета математики. Даётся сжатый очерк предметов аристотелевских теологии и физики. Утверждается, что у Аристотеля предметом теологии выступает чистая деятельность без возможности, а предметом физики – деятельная возможность (и потому среди созерцательных философий теология предшествует физике: ведь деятельность вообще предшествует возможности). Утверждается, что предметом математики у Аристотеля выступает чистая возможность без действительности (значит, среди созерцательных философий математика идёт после физики и теологии) и что такая возможность выступает закономерной абстракцией покоя от движения, конкретное единство которых находится в телах «подлунного» мира. Также очерчиваются два основных способа соотношения идеи с тем, идеей чего она выступает, у Платона.

Ключевые слова: Аристотель, математика, физика, идея, Платон, покой, деятельность, логика.

INTELLIGIBLE MATERIA AS THE SUBJECT MATTER OF MATHEMATICS BY ARISTOTLE

Dudin Artem Olegovich
Independent researcher

Abstract: From the standpoint of being logical categories the only content of the truth, and of being activity (actuality) the underlying Aristotle's philosophical worldview category Aristotle's distinctness of intelligible materia as the subject matter of mathematics is disclosed. A concise essay on the subject matters of both Aristotle's theology and physics is given. Being pure activity with no possibility the subject matter of Aristotelian theology, and active possibility the one of his physics is argued. Because of that it's also argued that by Aristotle theology precedes physics among theoretical philosophies, for activity precedes possibility in general. It's argued that, according to Aristotle, the subject matter of mathematics is pure possibility without any actuality (that's why mathematics follows physics and theology among theoretical philosophies), and that such a possibility is a lawful abstraction of the 'sublunar' world bodies' rest from their motion. Also in addition, according to Plato, two main ways of relationship between idea and ideatum are outlined

Keywords: Aristotle, mathematics, physics, idea, Plato, rest, activity, logics

Аристотель говорит: «Материя же выступает то как ощущаемая, то как умопостигаемая, ощущаемая – это, например, медь, дерево и вообще вся движимая материя, умопостигаемая же – это наличествующая в ощущаемом, не поскольку оно ощущаемо, например предметы математики (τὰ μαθηματικά)» [Arist. Metaph. 1036a 9–12]. Мы нацелены показать: такой умопостигаемой материей выступает у Аристотеля закономерная абстракция телесного покоя.

Аристотель различает три «созерцательных философии»: теологию, физику и математику [Metaph. 1026a 18–19]. «Первой» из них он считает теологию, «второй» физику, а «третьей» математику [Metaph. 1026a 6–18, 27–29]. По мотивам данного различия и ради названной выше цели формулируем *первую задачу* статьи: в духе Аристотеля сжато очертить предметы первой и второй из названных здесь созерцательных философий и указать, почему порядковые номера последних именно таковы.

В изложении своей теологии Философ сопоставляет некие ἐνέργεια (ἐντελέχεια) и δύναμις, ср. [Васильева 2008, с. 198–201, 582]. По-нашему, искомая умопостигаемая материя Стагирита тождественна чистому δύναμις; показать это тождество, а также причину 3-го места математики в ряду созерцательных философий и составляет *вторую задачу* статьи.

Рассчитываем: решением двух названных задач мы и достигнем цели всей статьи. Однако до перехода к решению задач *введём* в точку зрения, с которой они вообще решаются, т. е. сжато очертим логику рассматриваемого историко-философского периода.

Введение. Рассматриваем историко-философский период, начатый Фалесом и завершённый Аристотелем. В течение всего этого периода философия возникала, т. е. определяла свой предмет [Муравьёв 2015, с. 13–24]. Весь этот период распадается на «три отличных друг от друга этапа» [Муравьёв 2015, с. 13]. На каждом из них каждый отдельно взятый философ раскрывал в своём духе ту или иную логическую категорию как особое определение всеобщего предмета философии [Муравьёв 2015, с. 301], а также создавал особое целостное философское мировоззрение [Муравьёв 2015, с. 301–302], для которого соответствующая логическая категория есть *принцип* [Муравьёв 2015, с. 301–302] и которое *косвенно* доказывает, своей *эмпирической всеобщностью*, свой логический принцип [Муравьёв 2015, с. 302–303].

Названные три этапа таковы. Первый: от Фалеса до Пифагора включительно [Муравьёв 2015, с. 13–14]: логическое лишь количественно: *величина* у милетцев (подтверждается косвенно: за счёт их *научных* успехов в планиметрии, астрономии, географии), *число* у Пифагора с пифагорейцами. Второй: от Парменида до Анаксагора включительно [Муравьёв 2015, с. 14–21]: логическое получает ряд качественных, более абстрактных относительно

количественных, определений, включая самое абстрактное из таковых вообще: определение *бытия* у Парменида; Анаксагор пытается определить логическое не только как бытие («подобочастное», τὰ ὁμοιομερῆ), но и как соотносящееся с ним понятие (разум, νοῦς). Третий: от Сократа до Аристотеля включительно [Муравьёв 2015, с. 22–24]: логическое устойчиво определяется как соотносимое с бытием понятие (Сократ жертвует в логическом бытием [X. Mem. IV, vii, 6], но отстаивает понятие [Metaph. 987b 1–4]).

Решение 1-й задачи. В отличие от всех своих предшественников по истории философии, кроме разве софистов, Аристотель чётко говорит, *как* существует та определённость логического, которая составила принцип его философского мировоззрения. У него она существует как *деятельность*: именно так мы бы перевели его слова *ἐνέργεια* и *ἐντελέχεια* (отвлекаясь от тех или иных более глубоких смысловых нюансов каждого из них, ср. [Васильева 2008, с. 582]). Так, «вода» Фалеса явно существует как-то не так, как «обычная» вода нашего повседневного опыта; но как же? А «бытие» Парменида? А «подобочастное» Анаксагора? Ближе всех здесь к Аристотелю Платон: у последнего находится всего два *способа* соотношения идеи с тем, идеей чего она выступает: 1) *технический*, когда или а) богдемиург *извне* как-то упорядочивает природу в «Тимее» [Pl. Ti. 29a2–b3, 30a2–c1], или б) политик-демиург *извне* как-то упорядочивает нравы в государстве [Pl. R. 500c9–501c9], 2) *логический* («диалектический»), когда диалектический метод *внутренне* столь же упорядочивает, сколь и упорядочивается составляющим его определённости идейным содержанием [R. 511b3–c2]. Что общего между двумя этими способами? Стагирит и отвечает: *деятельность*. (Софисты заняты не столь логическим, сколь духом как формой его выражения, и на вопрос о способе существования логического ответили бы так: оно существует как *человеческое мнение*. Однако как существует мнящее в нас? Стагирит отвечает: оно существует как деятельность рассуждения: как «потенциальный разум» [Arist. de An. 430a14–15].) В свете категории деятельности и обозрим предметы первой и второй философий Стагирита.

«Небо» как совокупное тело природы [Arist. Cael. 278b18–21] у Философа шарообразно [Cael. 286b10–11]. Шарообразно оно только в себе, ибо вне его нет мест для наблюдения за ним [Cael. 278b23–24] (вовне оно лишь мыслимо). Такое шарообразное «небо» как-то одушевлено и движимо изнутри себя [Cael. 285a29–31] и потому в нём различимы верх и низ, право и лево (видимо, в нём как лишённом ощущений нет только переда и зада [Cael. 284b15–34, 285a29–31]). Низ «неба» совпадает с центром неподвижной Земли [Cael. 296b6–22], верх же «неба» совпадает с суммой мест движения всех *эфирных* тел [Cael. 270b10–24]. Границей этих двух сторон небесного организма служит орбита Луны [Arist. Mete. 340b6–7, 341a2–3; Metaph. 1074a6–14]. Как в «подлунном», так и в «надлунном» мирах «небо» полностью непрерывно, т. е. в нём вовсе нет не занятой телом пустоты [Arist. Ph. 217b20–21]. Если «надлунный» мир заполнен одним простым телом: эфиром, ср. [Mete. 340b6–7], то заполнение «подлунного» сводимо к четырём простым телам: огню, воздуху, воде и земле. Если земля и вода естественно движутся прямолинейно вниз, а воздух и огонь – прямолинейно вверх, то эфир – по кругу [Mete. 339a11–20; Arist. GC. 330b32–33]. Круговое движение эфира как бесконечное вечно, а прямолинейное движение «подлунных» простых тел как конечное временно: каждое из них естественно движется к месту своего естественного покоя, где и успокаивается.

По Философу, одни тела в природе движутся *механически*, когда движущие движут их *внешним прикосновением* (так один бильярдный шар движет другой), другие же движутся *органически*, когда движущие движут их *изнутри* как *имманентные* таким телам *цели* (так

жёлудь вырастает в дуб по внутренней ему цели: дать потомство). Таковы два и только два способа побуждения движения в природе, по Стагириту. Органически движутся как эфирное тело «неба», так и живые индивиды в «подлунном» мире, а механически движут и движутся некоторые из эфирных [Metaph. 1073b38–1074a5] и все «подлунные» простые или сложные тела. Регулярные, закономерные процессы внизу неба (скажем, смена времён года) происходят за счёт столь же регулярного механического сообщения движения «подлунным» телам извне, сверху, от тела эфира [GC. 336b15–19; Mete. 340b10–14]. Эфир же как-то выступает телом бога (точнее, богов: их от 47 до 55 [Metaph. 1074a11–14]), чьим мышлением вечно мыслится мышление и только оно [Metaph. 1074b34–35].

(Божественное) мышление мышления составляет предмет первой созерцательной философии, теологии. Движение, запускаемое (механическое) или же содействуемое (органическое в «подлунном» мире) движением божественных тел, опредмечивается второй созерцательной философией. Мысль бога чисто деятельна, без возможности действовать [Metaph. 1074b33–34], движение же природных тел есть деятельная возможность [Ph. 201a10–11]. Отсюда предмет теологии как чистая деятельность более истинен (предшествует) предмету физики как «смешению» деятельности и возможности; так теология первичнее физики, ср. [Metaph. 1049b5].

Решение 2-й задачи. Из определения [Ph. 201a10–11] следует, что мыслима некая возможность, которая на деле ещё не возможна. Именно такая, чистая и бездеятельная, возможность и составляет предмет математики как третьей созерцательной философии. Математика изучает то, что *может быть* построено (изучает трёх-, но не четырёхугольный треугольник и т. д.), т. е. изучает δύναμις технического построения тел, руководимого методической мыслью.

Каждая созерцательная философия созерцает истину как тождество особого мышления и бытия: теология созерцает бытие мышления, которое мыслит настолько же, насколько себя знает, ср. [de An. 430a16–17]; физика созерцает бытие мышления, которое как εἶδος (как τὸ τί ἦν εἶναι) или (i) мыслит, как-то не зная себя (человеческий рассудок [de An. 430a24]), или (ii) выступает вовсе не мыслящим, слепым, но всё ж понятием (растительная, ощущающая или вожделеющая формы души «подлунного» живого индивида), или (iii) просто категорией, т. е. умопостигаемым противопоставлением всеобщего и особенного (так, земля логически распадается на *всеобщий* процесс изменения, объективный субстрат [GC. 336b32], и на *особые* определённости холодного и сухого [GC. 330b5, 329a24–35]); математика же созерцает бытие человеческого рассудка, делающего те или иные воображаемые построения в пространстве. Человеческий рассудок здесь лишь *односторонне* фиксирует покой телесного (отдельного от подвижности покоя телесного *на деле* нет, но его *можно* мысленно отвлечь от движения [Metaph. 1026a14–15], как и богом мысленно отвлечена деятельность от возможности) и потому выступает лишь идеальным, внешним продолжением внутренней природным телам деятельности, а созерцаемые физикой и теологией способы мышления как-то действительны *изнутри* своего бытия.

Итак, математика опредмечивает δύναμις того, что субъективно может быть построено, а объективно – отвлечено от подвижности природы. Она занимает 3-е место в ряду созерцательных философий, ибо чистая возможность уступает смеси возможности и действительности и тем более чистой действительности.

Список литературы

1. Васильева 2008 – Васильева Т.В. Поэтика античной философии. М.: Академический Проект: Трикста, 2008. 735 с. (Философские технологии: история философии).

2. Муравьёв 2015 – Муравьёв А.Н. Философия и опыт: Очерки истории философии и культуры. СПб: Наука, 2015. 325 с. (Слово о сущем).

3. Aristotelis: Graece. Vol. 1 / Ex rec. I. Bekkeri; ed. Academia regia Borussica. Berolini: apud Georgium Reimerum, 1831.

4. Aristotelis: Graece. Vol. 2 / Ex rec. I. Bekkeri; ed. Academia regia Borussica. Berolini: apud Georgium Reimerum, 1831.

5. Platonis opera. T. IV / Recogn. I. Burnet. Oxonii: e typographeo Clarendoniano, [1935?]. (Scriptorum classicorum bibliotheca Oxoniensis).

6. Xenophon. Memorabilia. Oeconomicus. Symposium. Apology / Transl. by E.C. Marchant, O.J. Todd. Cambridge, Massachusetts [et al.], 1997. 673 p. (Loeb classical library).

ОТ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ К ПОНЯТИЮ: РОЛЬ ОПЫТА В СТАНОВЛЕНИИ НЕБЕСНОЙ МЕХАНИКИ XVII В.

Зайцев Евгений Алексеевич

к.ф.-м.н.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ст. преподаватель

E-mail: e_zaitsev@mail.ru

Аннотация: В докладе будет дан анализ становления идей классической механики XVII в. под влиянием идей оптико-механической аналогии. Рассмотрение вопроса будет опираться на работы Р. Гука и И. Ньютона по оптике и небесной механике. Основной результат состоит в том, что в самой механике не было предпосылок для развития общей теории движения. Несмотря на прогресс, достигнутый Галилеем, Э. Торричелли, Декартом, Х. Гюйгенсом, теоретические исследования в этот период были, в основном, ориентированы на осмысление отдельных видов движения, игравших важную роль в практической механике. Развитие оптики, напротив, шло по пути создания общих методов, описывающих широкий спектр световых явлений. Это развитие было связано с решением практических проблем, возникавших в телескопической астрономии. Речь идет об искажениях, возникающих при атмосферной рефракции и дифракции. В основу оптической теории, объяснявшей эти искажения, было положено представление об отклонении светового луча от прямолинейного движения. Вдохновляясь оптико-механической аналогией, Гук переносит эту идею в область орбитального движения планет. В качестве объяснения он проводит эксперименты по искривлению светового луча и траектории движения конического маятника. В результате он приходит к представлению об орбитальном движении как отклонении от прямолинейного движения под действием силы притяжения. На основе этой идеи Ньютон построит общую теорию классической механики.

Ключевые слова: история классической механики, оптико-механическая аналогия, Р. Гук, И. Ньютон.

FROM REPRESENTATION TO CONCEPT: THE ROLE OF EXPERIENCE IN THE DEVELOPMENT OF CELESTIAL MECHANICS IN THE 17TH CENTURY

Zaytsev Evgeny Alekseevich
Lomonosov Moscow State University, Associate Professor

Abstract: This paper will analyze the development of ideas in 17th-century classical mechanics under the influence of the optical-mechanical analogy. The discussion will draw on the works of Robert Hooke and Isaac Newton on optics and celestial mechanics. The main result is that mechanics itself lacked the prerequisites for the development of a general theory of motion. Despite the progress achieved by Galileo, E. Torricelli, Descartes, and Ch. Huygens, theoretical research during this period was primarily focused on understanding individual types of motion that played an important role in practical mechanics. Optics, by contrast, developed toward the creation of general methods describing a wide range of light phenomena. This development was linked to the solution of practical problems arising in telescopic astronomy. These problems involved distortions arising from atmospheric refraction and diffraction. The optical theory that explained these distortions was based on the concept of a light beam's deflection from rectilinear motion. Inspired by the optical-mechanical analogy, Hooke transferred this idea to the field of planetary orbital motion. To explain this, he conducted experiments on the inflection of a light beam and the trajectory of a conical pendulum. As a result, he arrived at the concept of orbital motion as a deflection from rectilinear motion under the influence of gravity. Based on this idea, Newton would construct a general theory of classical mechanics.

Keywords: history of classical mechanics, optical-mechanical analogy, R. Hooke, I. Newton.

До публикации «Математических начал натуральной философии» И. Ньютона (1687) в механике не существовало общей теории движения. Несмотря на теоретические построения Галилея, Э. Торричелли, Р. Декарта и Х. Гюйгенса, наука о движении состояла из нескольких разделов, в основании которых лежали разнородные принципы. В анализе движения теоретики следовали за практическими механиками, для которых были важны не общие законы движения, а свойства конкретных движений, используемых для достижения утилитарных целей.

Так, при создании машин внимание уделялось, в основном, практическому освоению вращения, выполняемого рабочими валами, колесами, маховиками и т.д. При стрельбе из артиллерийского орудия главным было обеспечение поступательного движения снаряда, сначала в стволе орудия (внутренняя баллистика), а затем – в воздухе (внешняя баллистика). Практика машиностроения требовала анализа движений по окружности; практика артиллерийской стрельбы – движений по прямой. Характерный пример этой дихотомии – творчество Галилея. В «Механике» (ок. 1593) он излагает теоретические основы «простых машин», опираясь на движение по окружности. В «Беседах и математических доказательствах» (1638) он разрабатывает теорию полета снаряда, используя равномерное прямолинейное перемещение по горизонтали и равноускоренное свободное падение по вертикали.

До Ньютона орбитальные движения небесных тел описывались исключительно в терминах движения по окружности. Эта идея родилась в античности; согласно Птолемею, ее источником была практика измерения времени при помощи солнечных часов [Птолемей 1998, с. 8]. При движении Солнца по небосводу конец тени, отбрасываемой гномоном, описывает кривую, которая при подходящем угле наклона поверхности часов является дугой окружности, а при прочих углах – частью конического сечения. Так родилось представление

о круговом движении Солнца, которое затем было перенесено на «неподвижные» звезды, Луну и планеты.

В начале XVII в. И. Кеплер внес в модель небесного круговращения новый элемент – идею движущей силы. Вот краткое описание предложенной им динамической схемы: «*Солнце вращается как будто на токарном станке, оставаясь при этом на одном и том же месте. При этом в мировое пространство исходит нематериальный «образ» (species) солнечного тела, подобный нематериальному образу его света. Вследствие вращения солнечного тела этот образ также приходит во вращение, распространяясь по всему мировому пространству. При этом он увлекает за собой тела планет и несет их по кругу …*» [Kepler 1609, p. 34].

В основе модели Кеплера лежит вращение колеса, ступицей которого является Солнце, а спицами – «образы», исходящие от Солнца и увлекающие за собой находящиеся на ободе планеты (так понимал ее Р. Гук). Несмотря на примитивность, модель наглядно отражает тот факт, что планеты солнечной системы движутся в одном направлении по орбитам, заключенным внутри узкой полосы эклиптики.

Динамическую идею планетного круговращения мы находим также у Декарта с тем только отличием, что у него не Солнце, а Бог приводит в постоянное вращение космический флюид, который увлекает за собой планеты. Декарт иллюстрирует свою схему при помощи вращения камня в праще и движения шарика внутри вращающейся трубки. Та же идея динамического круговращения будет использована прямыми последователями Декарта, а также его критиками – Гюйгенсом и Лейбницем.

Первым нарушил традицию толкования орбитальных движений как круговращений Роберт Гук. В 1666 г. он писал: «*Меня всегда занимал вопрос, почему планеты вращаются вокруг Солнца, не будучи заключены в твердые сферы или привязаны к нему видимыми нитями; почему они не удаляются от него и не движутся по прямой линии, как должны поступать все тела под действием одиночного толчка. Тот факт, что все небесные тела следуют не по прямым линиям, но по окружностям или эллиптическим линиям, должен иметь – помимо первого толчка – другую причину, которая приводит к искривлению*» [Birch 1756, p. 91].

Возможной причиной искривления Гук считает либо неоднородность эфира, окружающего Солнце, либо «*наличие у центрального тела притягивающего свойства, при помощи которого оно постоянно стремится привлечь к себе тело планеты*» [ibid., p. 91].

На втором варианте он останавливается подробно, поясняя его опытом по качению конического маятника: «*Если начальный толчок по касательной сильнее, чем стремление шара к центру, то он будет двигаться по эллипсу, большая ось которого параллельна прямой, по которой направлен толчок. Если толчок слабее, то движение будет по эллипсу, малая ось которого параллельна прямому направлению толчка. Если же силы равны, то движение* (*шара*) *будет в точности по окружности». Таким образом, сила, стремящаяся вернуть шар в положение равновесия, аналогична силе притяжения Солнца, а круговые движения «складываются из стремления, направленного по касательной, и другого стремления, направленного к центру*» [Birch 1756, p. 90-92].

В 1670 г. он уточняет формулировку: «*Во-первых, все небесные тела обладают силой притяжения. Во-вторых, все тела, приведенные в простое прямолинейное движение, будут продолжать двигаться вперед по этой прямой, пока под действием каких-либо иных производящих сил не отклонятся от нее, и траектория их движения, изогнувшись, перейдет*

в окружность, эллипс или какую-либо иную более сложную кривую линию». В-третьих, сила притяжения убывает с увеличением расстояния [Hooke 1679, p. 27-28].

Окончательно идея орбитального движения как отклонения от прямолинейного оформляется в 1680 г. в ходе переписки с Ньютоном. В последнем письме Гук полагает исходное прямолинейное движение равномерным (принцип инерции), а силу притяжения – подчиняющейся закону обратных квадратов [Newton 1960, p. 313]. В 1687 г. идея Гука будет реализована в «Математических началах натуральной философии».

Представление о том, что в основе движения небесных тел лежит прямолинейное перемещение, которое искривляется под действием сил, обязано своим рождением не прогрессу в области изучения механических движений, а влиянием на механику общих представлений о движении, выработанных в оптике этого времени. Перенесение этих представлений на механическое движение становится возможным благодаря так называемой оптико-механической аналогии. Простейшие примеры этой аналогии были известны еще во времена античности. Важнейшим среди них является представление о прямолинейности движения светового луча и физических тел (с большой скоростью). Оно лежит, в частности, в основе закона отражения, общего для отражения света от зеркальной поверхности и отскока летящего предмета от препятствия («Катоптрика» Герона, псевдо-Аристотель, «Проблемы»).

В начале XVII века идея оптико-механической аналогии получает дальнейшее развитие в трудах создателей новой оптики. В «Дополнениях к Вителлию» (1604) Кеплер писал: «*Все философы и авторы работ по оптике устанавливают определенное соответствие* (*comparationem*) *между физическими телами и их движениями, и светом; его я сейчас рассмотрю подробно*» [Kepler 1604, p. 19]. Вся первая глава трактата, действительно, посвящена обсуждению общих свойств движения света и физических тел, прежде всего, его прямолинейности, с подробным доказательством закона отражения и тщательным обсуждением феномена преломления. Здесь же Кеплер обращает внимание на латинские термины inflectio, deflectio, выражающие общую для двух видов движения идею отклонения. Впоследствии эти термины будут широко использованы Гуком и Ньютоном.

Вслед за Кеплером, и даже шире, чем он, трактует оптико-механическую аналогию Б. Кавальери. По его мнению, закон отражения относится ко всем видам движений в физике, следующим по прямой линии. К ним, помимо распространения света, относится как движение физических тел, так и распространение звука, тепла и холода [Cavalieri 1650, p. 18].

В 60-х гг. XVII в. в поле зрения оптической теории попадают два явления, в которых, в отличие от отражения и преломления, искривления светового луча происходят непрерывно. Речь идет об атмосферной рефракции при прохождении света через неоднородную среду и дифракции, т.е. отклонении луча у края препятствия. Искривление луча при прохождении через атмосферу приводит к искажениям видимых образов небесных тел вблизи горизонта. Атмосферная рефракция также приводит к тому, что видимыми становятся тела, находящиеся ниже линии горизонта. При дифракции происходит падение резкости изображения, что также приводит к его искажению. Одной из ключевых задач, вставших перед оптикой XVII в. в связи с развитием телескопической астрономии, была минимизация негативного влияния этих явлений. При этом предлагались технические решения, для обоснования которых использовались теоретические схемы, объясняющие феномен непрерывного отклонения.

Основные результаты в этом направлении были получены Гуком и Ньютоном. В своих построениях Гук опирался на оригинальную теорию света, в основе которой лежало представление о быстрой вибрации среды. Ньютон же строил свою теорию на основе представления о свете как потоке корпускул.

Развитие теоретических идей сопровождалось проведением опытов, в которых оба явления воспроизводились в искусственных условиях. Первенство в этом отношении принадлежало Гуку. В середине 60-х гг. он промоделировал атмосферную рефракцию, пропуская луч света через неоднородный соляной раствор и неравномерно нагретый воздух. Эти опыты наглядно показали непрерывное отклонение светового луча от прямой линии. В 1672 г. Гук провел серию опытов, доказывающих искривление луча света при дифракции. Следуя представлению о тождестве законов движения в оптике и механике, он продолжил работу по созданию «управляемого» отклонения в экспериментах с коническим маятником.

Ньютону идея оптико-механической аналогии представлялась естественной, поскольку он придерживался корпускулярной теории света. В ней искривление луча могло быть объяснено притяжением световых частиц со стороны препятствия или более плотными слоями среды.

В заключение отметим, что в XVII в. оптика под влиянием практики астрономических наблюдений встала на путь создания общих методов описания световых явлений. Благодаря представлению об общности законов движения в оптике и механике, оптические идеи оказали существенное влияние на формирование идей классической механики, сначала – на качественном уровне в работах Гука, а затем – на уровне строгой математической теории в «Математических началах натуральной философии» Ньютона.

Список литературы

1. Птолемей 1998 – Птолемей К. Альмагест / Пер. с древнегреч. И.Н. Веселовского. М.: Наука, 1998. 672 с.
2. Birch 1756 – Birch T. The History of the Royal Society (in 4 vols.). Vol. 2. L., 1756. 501 p.
3. Cavalieri 1650 – Cavalieri B. Lo specchio ustorio. Bologna, 1650. 138 p.
4. Hooke 1679 – Hooke R. An Attempt to Prove the Motion of the Earth from Observations // R. Hooke. Lectiones Cutlerianae. L., 1679. P. 1-28.
5. Kepler 1604 – Kepler J. Ad Vitellionem paralipomena. Astronomiae pars optica (1604) // Gesammelte Werke. Bd. 2. München: Beck, 1939. 466 p.
6. Kepler 1609 – Kepler J. Astronomia nova (1609) // Gesammelte Werke. Bd. 3. München: Beck, 1990. 488 p.
7. Newton 1960 – Newton I. The Correspondence of Isaac Newton (in 7 vols.). Vol. 2. Cambridge: University Press, 1960. 552 p.

УДК 51(09)

ИЗ ИСТОРИИ ОРЕНБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Зубова Инна Каримовна

кандидат физико-математических наук

ФГБОУ «Оренбургский государственный университет им. В.А. Бондаренко», доцент

E-mail: zubova-inna@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена некоторым моментам истории создания университета в Оренбурге. Оренбургский государственный университет 25 января нынешнего года отметил своё 30-летие в этом статусе. Однако его история начинается с 1955 года, когда в городе было открыто вечернее отделение Куйбышевского индустриального института. С 1961 г. это Оренбургский филиал указанного института, с 1971 г. – Оренбургский политехнический институт. В 1994 г. институт преобразуется в Оренбургский государственный технический университет, а в 1996 г. получает статус многопрофильного классического университета. За прошедшие 30 лет университет становится одним из крупнейших вузов страны. В настоящее время в университете 7 институтов и 7 факультетов, в нём обучается более 20 тысяч студентов, ведётся подготовка по программам бакалавриата, магистратуры, специалитета и аспирантуры по 103 направлениям. Роль возглавлявшего вуз с 1989 по 2005 гг. Виктора Анатольевича Бондаренко в создании университета невозможно переоценить. С этого года университет носит его имя. Особое внимание в статье уделяется истории формирования математических кафедр и математического факультета в этом учебном заведении.

Ключевые слова: Виктор Анатольевич Бондаренко, Оренбургский государственный университет, кафедра высшей математики.

ON THE HISTORY OF ORENBURG STATE UNIVERSITY

Zubova Inna Karimovna
Candidate of Physical and Mathematical Sciences
FSBE HE «V.A. Bondarenko Orenburg State University», Associate Professor

Abstract: The article is devoted to some aspects of the history of the establishment of the university in Orenburg. On January 25, 2023, Orenburg State University celebrated its 30th anniversary in this status. However, its history dates back to 1955, when the evening department of the Kuibyshev Industrial Institute was established in the city. Since 1961, it has been the Orenburg branch of the institute, and since 1971, it has been the Orenburg Polytechnic Institute. In 1994, the institute was transformed into the Orenburg State Technical University, and in 1996, it received the status of a multidisciplinary classical university. Over the past 30 years, the university has become one of the largest universities in the country. Currently, the university has seven institutes and seven faculties, and it enrolls over 20,000 students, offering undergraduate, graduate, specialist, and postgraduate programs in 103 fields of study. Viktor Anatolyevich Bondarenko's contribution to the creation of the university

Keywords: Viktor Anatolyevich Bondarenko, Orenburg State University, Department of Higher Mathematics.

Оренбургский государственный университет, в отличие от многих университетов нашей страны, был основан на базе политехнического института. Первым техническим учебным заведением в городе был созданный в 1919 г. политехнический техникум, в следующем году преобразованный в институт и просуществовавший до 1923 г. После этого в течение более чем тридцати лет высшего технического учебного заведения в городе не было. Довоенное Оренбуржье представляло собой сельскохозяйственный регион. Паровозоремонтный завод, основанный в 1928 г. на базе Главных железнодорожных мастерских Ташкентской железной

дороги, существовавших с 1905 г., был до Великой Отечественной войны единственным машиностроительным предприятием города.

Многое изменилось в годы войны, когда в Оренбург эвакуировались несколько крупных предприятий, на базе которых в послевоенные годы созданы и продолжали работать в городе, например, завод свёрл, эвакуированный из Московской области, завод «Радиатор» (на базе завода «Автозапчасть» из Одессы), производственное объединение «Стрела» (на базе авиаремонтного завода № 47 из Ленинграда). К середине 50-х годов особо актуальным стал вопрос о подготовке квалифицированных инженеров, и, следовательно, о необходимости появления технического вуза в городе. В связи с этим осенью 1955 г. по приказу Министерства высшего образования в Оренбурге открылось вечернее отделение Куйбышевского индустриального института под руководством Павла Александровича Юдковского (1926–1981).

П.А. Юдковский родился в Днепропетровской области. В Оренбургской (в то время Чкаловской) области оказался в 1941 г. В 1944 г. он окончил железнодорожный техникум, а в 1949 г. – Харьковский железнодорожный институт, находившийся в эвакуации в Оренбурге (Чкалове). С 1952 г. П.А. Юдковский – преподаватель железнодорожного техникума.

В 1961 г. вечернее отделение Куйбышевского индустриального института было преобразовано в оренбургский филиал этого института. Первыми факультетами его были механический и электротехнический, формами обучения – вечерняя и заочная. Предполагалось, что со временем филиал должен стать самостоятельным техническим вузом. Собственный учебный корпус был построен в 1960 г. Тогда же были организованы первые кафедры: общетеоретических и общеинженерных дисциплин.

В 1965–1966 учебном году начинает работать дневное отделение филиала. К этому времени (в 1964 г.) закончилось строительство второго учебного корпуса и общежития.

Директором филиала Куйбышевского индустриального института все эти годы оставался П.А. Юдковский, защитивший в 1966 г. кандидатскую диссертацию и вскоре получивший ученое звание доцента.

Оренбургский политехнический институт на базе филиала был создан приказом Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР в 1969 г. В январе 1971 г. его ректором был назначен Александр Адольфович Бурба (1918–1984).

А.А. Бурба окончил химический факультет Ростовского-на-Дону государственного университета. С 1954 по 1971 гг. он возглавлял Медногорский медно-серный комбинат. С 1968 г. – кандидат технических наук, с 1980 г. – профессор. Годы его руководства Оренбургским политехническим институтом (1971–1983) стали временем интенсивного развития вуза. Итог этих лет – шесть факультетов, двенадцать специальностей, 35 кафедр, 4,5 тысячи студентов очной формы обучения. Численность профессорско-преподавательского состава выросла до 450 человек, из которых более двухсот получили ученые степени и звания.

С 1983 по 1987 гг. ректором Оренбургского политехнического института был доктор технических наук, Заслуженный деятель науки Российской федерации Рамзес Талгатович Абдрашитов. Р.Т. Абдрашитов родился 5 сентября 1940 г. в Москве. В 1962 г. окончил факультет механизации Оренбургского сельскохозяйственного института, работал в этом институте, с 1974 по 1987 гг. заведовал в нём кафедрой электротехники, будучи одновременно ректором Оренбургского политехнического института в 1983–1987 гг. и заведующим кафедрой автоматизированных производств этого института в 1989–1997 гг.

В течение двух лет (1987–1989) институтом руководил доктор технических наук Анатолий Борисович Козаченко.

В 1989 г. ректором института стал Виктор Анатольевич Бондаренко (1936–2020). В.А. Бондаренко родился 7 января 1936 г. на хуторе Красный Кут Октябрьского района Ростовской области в семье шахтера. В 1954 г. окончил Новочеркасский автомобильный техникум, работал в Коми АССР, служил в армии. В 1961 г. после окончания Новочеркасского политехнического института (по специальности «Эксплуатация автотранспорта») был назначен главным инженером Мурманского грузового автохозяйства Минавтотранспорта РСФСР, затем в течение четырёх лет был главным инженером Оренбургской АТК-1 Южно-Уральского территориального управления. В 1968 г. поступил в аспирантуру Оренбургского сельскохозяйственного института, где в 1971 г. защитил кандидатскую диссертацию и работал до 1972 г. В 1972–1981 гг. был директором Оренбургского авторемонтного завода, а в 1981–1984 гг. – директором Оренбургского тепловозоремонтного завода. С 1984 г. заведовал кафедрой технической эксплуатации и ремонта автомобилей Оренбургского политехнического института, ректором которого был избран на альтернативной основе в 1989 г. В 1996 г. защитил докторскую диссертацию [Летута 2006, с. 34].

Именно под руководством В.А. Бондаренко была проведена огромная работа, позволившая создать классический университет, который сегодня является одним из крупнейших в России. В вузе в короткий срок была организована подготовка по новым направлениям и специальностям, значительно увеличилось количество факультетов с учетом потребностей региона.

Приказом Государственного Комитета Российской Федерации по высшему образованию от 25 октября 1994 г. № 1049 Оренбургский политехнический институт был переименован в Оренбургский государственный технический университет, а двумя годами позже – в Оренбургский государственный университет (приказ Государственного Комитета Российской Федерации по высшему образованию от 25 января 1996 г. № 160).

В марте 2026 г. Министерством науки и высшего образования Российской федерации Оренбургскому государственному университету было присвоено имя В.А. Бондаренко.

Приведем здесь также некоторые сведения из истории математического факультета университета. Как сказано выше, в 1960 г. в начинавшем своё развитие вузе была организована кафедра общетеоретических дисциплин. Её возглавила кандидат физико-математических наук, доцент Капитолина Дмитриевна Пояркова (1920–2009).

К 1964–65 учебному году в составе кафедры общетеоретических дисциплин состояло три преподавателя высшей математики и теоретической механики, семь преподавателей математики и один преподаватель теоретической механики. В 1967 г. кафедра общетеоретических дисциплин была разделена на кафедру физики и химии и кафедру высшей математики и теоретической механики (приказ министра высшего и среднего образования РСФСР от 30.03.1967 г.)

В 1976 г. кафедра высшей математики и теоретической механики Оренбургского политехнического института приказом по институту № 118 от 16.11.1976 г. была разделена на кафедру высшей математики и вычислительной техники и кафедру теоретической механики. Кафедра высшей математики и вычислительной техники в 1982 г. разделилась на кафедру высшей математики и кафедру вычислительной техники (приказ по Оренбургскому политехническому институту № 83 от 17.08.1982 г.).

В 2000 г. кафедра высшей математики была разделена (приказ №383 от 30.10.2000 г. по Оренбургскому государственному университету) на кафедру высшей математики для инженерно-технических специальностей и кафедру высшей математики для экономических специальностей. В июле 2001 г. кафедра высшей математики для экономических и

естественнонаучных специальностей была переименована в кафедру прикладной математики (приказ №325 от 17.07.2001 г. по Оренбургскому государственному университету).

В разные годы математические кафедры относились к разным факультетам. Но в том же 2001 г. был создан физико-математический факультет (приказ № 298 от 10.07.2001 г. по Оренбургскому государственному университету). В состав факультета вошло пять кафедр, в том числе три кафедры, предназначенные для обучения студентов математическим дисциплинам: кафедра прикладной математики, кафедра высшей математики инженерно-технических специальностей и кафедра математических методов и моделей в экономике.

В 2002 г. кафедра высшей математики для инженерно-технических специальностей была разделена на две кафедры (приказ №248 от 19.06.2002 г. по Оренбургскому государственному университету): кафедру математического анализа и кафедру алгебры и геометрии.

В 2005 г. физико-математический факультет разделился на математический и физический факультеты (приказ № 197 от 16.06.2005 г. по Оренбургскому государственному университету).

В 2015 г. на базе факультета информационных технологий и математического факультета был создан факультет математики и информационных технологий (приказ от 10.09.2015 № 459). В свою очередь, на базе этого факультета в 2023 г. был создан Институт математики и информационных технологий (приказ от 24.01.2023 № 50).

Список литературы

1. Верещагин 2010 – Верещагин Ю.Ф. До столетия ОГУ осталось бы немного…// Газета «Университет», № 33 (1039), 14 сентября 2010 г.
2. Герасименко 2010 – Герасименко С.А., Зубова И.К., Петухова Т.П. Математический факультет: история, настоящее, будущее // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 9. С. 4-9
3. Летута 2006 – Оренбургский государственный университет в лицах / Сборник; главный редактор В.П. Ковалевский; ответственный за выпуск С.Н. Летута. Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2006. 358 с.

УДК 51(09)

НАУЧНАЯ ШКОЛА Г.П. МАТВИЕВСКОЙ В ОРЕНБУРГЕ

Игнатушина Инесса Васильевна

доктор педагогических наук

ФГБОУ «Оренбургский государственный педагогический университет», декан физико-математического факультета

E-mail: streleec@yandex.ru

Зубова Инна Каримовна

кандидат физико-математических наук

ФГБОУ «Оренбургский государственный университет им. В.А. Бондаренко», доцент

E-mail: zubova-inna@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена научной, педагогической и просветительской деятельности выдающегося российского ученого, доктора физико-математических наук Галины Павловны Матвиевской (1930–2025) в период её работы в Оренбургском государственном педагогическом университете (ОГПУ). На основе широкого круга источников и архивных материалов рассматриваются три главных направления её деятельности: создание и руководство научной школой по истории математики и математического образования; организация масштабной краеведческой работы по изучению истории науки в Оренбургском крае XVIII–XIX вв.; исследование неопубликованного математического наследия Леонарда Эйлера. Особое внимание уделяется роли Г.П. Матвиевской в активизации научной жизни физико-математического факультета ОГПУ: организации семинаров, конференций, ежегодных недель математики, а также в подготовке кандидатских диссертаций и издании фундаментальных трудов, включая пятитомный сборник статей к юбилею Л. Эйлера и учебное пособие «История математики: Курс лекций». В статье подчеркивается, что благодаря организаторскому таланту, научной этике и душевной щедрости, Г.П. Матвиевской удалось объединить вокруг себя не только профессиональных историков математики, но и широкий круг краеведов, учеников и коллег, сформировав устойчивую традицию историко-математических исследований в регионе.

Ключевые слова: Галина Павловна Матвиевская, научная школа в Оренбурге, исследование неопубликованных рукописей Л. Эйлера, краеведение.

G.P. MATVIYEVSKAYA'S SCIENTIFIC SCHOOL IN ORENBURG

Ignatushina Inessa Vasilyevna
Doctor of Pedagogical Sciences
FSBE HE «Orenburg State Pedagogical University»,
Dean of the Faculty of Physics and Mathematics

Zubova Inna Karimovna
Candidate of Physical and Mathematical Sciences
FSBE HE «V.A. Bondarenko Orenburg State University», Associate Professor

Abstract: The article is devoted to the scientific, pedagogical, and educational activities of Galina Pavlovna Matvievskaya (1930–2025), an outstanding Russian scientist and Doctor of Physical and Mathematical Sciences, during her work at the Orenburg State Pedagogical University (OSPU). Based on a wide range of sources and archival materials, the article examines three main areas of her work: the creation and leadership of a scientific school on the history of mathematics and mathematical education; the organization of extensive local history research on the history of science in the Orenburg region in the 18th and 19th centuries; and the study of the unpublished mathematical legacy of Leonhard Euler. Special attention is paid to the role of G.P. Matvievskaya in the activation of the scientific life of the Physics and Mathematics Department of the OGPU, including the organization of seminars, conferences, and annual mathematics weeks, as well as the preparation of PhD theses and the publication of fundamental works, including a five-volume collection of articles on the anniversary of L.Euler and the textbook "History of Mathematics: Course of Lectures". The article emphasizes that thanks to her organizational talent, scientific ethics, and generosity of spirit, G.P. Matvievskaya was able to unite not only professional historians of mathematics, but also a wide

range of local historians, students, and colleagues, forming a stable tradition of historical and mathematical research in the region.

Keywords: Galina Pavlovna Matvievskaya, scientific school in Orenburg, research on unpublished manuscripts by L. Euler, local history.

Доктор физико-математических наук (1968), специалист в области истории математики и математического образования, востоковедения, краеведения Галина Павловна Матвиевская в 1992 году вернулась в Оренбург. С этого времени её жизнь и научно-педагогическая деятельность были неразрывно связаны с Оренбургским государственным педагогическим университетом (ОГПУ) [Игнатушина 2005, с. 39]. Занимая с 1994 г. должность профессора кафедры алгебры и истории математики, которую она возглавила в 2004 году, Галина Павловна стала центральной фигурой в развитии историко-математических исследований в регионе. Её важной заслугой стало создание и развитие в ОГПУ научной школы по истории математики и математического образования. Деятельность школы была сфокусирована по трем направлениям:

1. Изучение математического наследия Леонарда Эйлера (по неопубликованным материалам).
2. Математическое образование в Оренбурге до 1917 г.
3. Исторический компонент в математическом образовании студентов и школьников.

Благодаря организаторскому таланту и инициативе Галины Павловны научная жизнь физико-математического факультета значительно активизировалась. Был организован научный семинар по истории математики и математического образования, где выступали представители разных научных школ нашей страны [Любичанковский 2019, с. 198]. Под её руководством и при непосредственном участии были проведены крупные научно-практические конференции, приуроченные к юбилейным датам выдающихся ученых и педагогов: «К 300-летию Леонарда Эйлера», «К 310-летию Леонарда Эйлера», «К 155-летию со дня рождения А.П. Киселева» и др. Одной из ярких и устойчивых традиций, которую она заложила в университете, стало ежегодное проведение «Недели математики». Этот цикл мероприятий неизменно завершался вечером, посвященным истории математической науки и образования, что способствовало популяризации знаний и формированию культурно-исторического кругозора будущих педагогов.

Параллельно с этим Галина Павловна активно занималась историей научных исследований в Оренбургском крае XVIII–XIX вв., опираясь на документы Государственного Архива Оренбургской области и других архивов. Ею были опубликованы статьи о роли Оренбурга как центра отечественного востоковедения в XVIII–XIX вв., об астрономических экспедициях 1769 г. в Оренбургский край, о научной деятельности Э.А. Эверсмана, А. Лемана, В.И. Даля, Г.С. Карелина, Н.А. Северцова, Н.В. и Я.В. Ханыковых и других ученых, работавших в Оренбурге, о первых оренбургских краеведческих музеях, о научных экспедициях, организованных для изучения края в XVIII–XIX вв., об учебных заведениях Оренбурга, в частности, о преподавании математики в этих учебных заведениях в конце XIX – начале XX вв. [Данилова 2020, с.16]. Вокруг Г.П. Матвиевской объединился круг краеведов, совместно находивших темы для новых научных исследований. Галина Павловна щедро делилась со всеми своими открытиями и архивными находками.

Одновременно с интенсивной краеведческой деятельностью Г.П. Матвиевская никогда не оставляла своего первого научного призвания – изучения наследия Леонарда Эйлера, стремясь передать интерес к этой теме новому поколению ученых. В 1997 году вышла в свет

книга «Неопубликованные материалы Л. Эйлера по теории чисел», подготовленная в соавторстве с Е.П. Ожиговой, Н.И. Невской, Ю.Х. Копелевич. Общее число страниц в 12 записных книжках Л. Эйлера около 3000, из них треть содержат записи по теории чисел. Галина Павловна представила результаты изучения записных книжек Л. Эйлера по диофантову анализу, совершенным числам, постулату Бертрана, partition numerorum, многоугольным числам.

На протяжении многих лет под руководством Галины Павловны на физико-математическом факультете ОГПУ успешно работал научный семинар. Одним из ключевых результатов его работы стал выпуск пятитомного сборника статей «Из истории математики XVIII века. К предстоящему 300-летнему юбилею Леонарда Эйлера» (2001–2006), ответственным редактором которого выступила Г.П. Матвиевская [Демидов 2021, с. 380].

Под ее научным руководством сформировалось целое направление, в рамках которого были успешно защищены три диссертации на соискание степени кандидата физико-математических наук, глубоко изучавшие различные аспекты неопубликованного наследия Л. Эйлера:

В.Д. Горлова (Павлидис). Неопубликованные материалы Эйлера по аналитической теории чисел. Элементы теории дзета-функции в его записных книжках (1998);

И.В. Игнатушина. Роль Л. Эйлера в разработке основ математического анализа: Теория Г- и В-функций в его печатных и неопубликованных работах (2004);

Е.В. Шухман. Вычислительные аспекты теории рядов в опубликованных работах и неопубликованных материалах Леонарда Эйлера (2013).

Четвертая диссертация (Ж.Ю. Личиковой, «Приближенные методы математического анализа в опубликованных и неопубликованных трудах Л. Эйлера») была подготовлена к защите. Кроме того, под руководством Г.П. Матвиевской была защищена диссертация И.В. Прояевой «Учение о правильных многоугольниках в историческом развитии» (2000).

Свой многолетний опыт преподавания курса «История математики» для будущих учителей математики Г.П. Матвиевская обобщила в фундаментальном учебном пособии «История математики: Курс лекций» (2019). В этой работе в строгой, но доступной для студентов физико-математических специальностей форме систематически изложена история развития математической мысли с древнейших времен до XIX века.

Современники и ученики Галины Павловны сохранили о ней память как о личности исключительной цельности, в которой органично сочетались глубина мысли, безупречная научная этика и редкая душевная щедрость. Её облик Ученого и Учителя был лишен какой бы то ни было нарочитости; он естественно складывался из глубочайшей преданности науке, неиссякаемого трудолюбия и неизменно доброжелательного, внимательного отношения к коллегам и ученикам.

Она обладала редким даром создавать вокруг себя творческую атмосферу интеллектуальной свободы и взаимного уважения, где каждый чувствовал ценность своего труда. Её позитивное мировосприятие, жизненная стойкость и неподдельный интерес к работе вдохновляли окружающих на преодоление трудностей и новые поиски. Именно это качество, наряду с её высоким профессионализмом, позволило ей создать сплоченную научную школу.

Список литературы

1. Данилова 2020 – Данилова Ж. У математика душа краеведа. От арабских рукописей до истории оренбургского края // Оренбуржье. Оренбург, 2020. 29 июля. С. 16.

2. Демидов 2021 – Демидов С.С., Зайцев Е.А., Петрова С.С., Смирнова Г.С. Торжественное заседание, посвященное юбилею Галины Павловны Матвиевской // Вопросы истории естествознания и техники. 2021. Т. 42. №2. С. 377-382.
3. Игнатушигна 2005 – Галина Павловна Матвиевская / Сост. И.В. Игнатушина. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2005. 45 с.
4. Любичанковский 2019 – Летопись Оренбургского государственного педагогического университета (1919-2019) / гл. ред. С.А. Алешина; составитель С.В. Любичанковский. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2019. 243 с.

УДК 377

К ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ ИСТОРИИ НАУКИ ДЛЯ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ МАТЕМАТИКИ

Кондратьева Галина Вячеславовна
Кандидат педагогических наук
Государственный университет просвещения, заведующий кафедрой высшей алгебры, математического анализа и геометрии
E-mail: kondratevagv@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме повышения качества подготовки студентов в педагогическом университете в условиях вызовов начала третьего тысячелетия. Рассмотрены вопросы организации преподавания истории математики студентам направления подготовки «Педагогическое образование» с профилями «Математика», «Математика и физика», Математика и информатика» и другими, включающими математику. Необходимость изучения истории математики будущими учителями математики определена следующими позициями. 1. История математики раскрывает процесс научного познания, что позволяет усилить математическую подготовку. 2. Элементы истории математики непосредственно используются учителем в образовательном процесс. 3. Изучение истории математики позволят представлять стратегические ориентиры развития школьного математического образования, выявлять и использовать в практике различного рода ретроновации. Дается обзор современных цифровых ресурсов, которые можно использовать в историко-математической подготовке студентов. Использование оцифрованных изданий поможет студентам изучать историю математики по оригинальным источникам, а не по аналитическим и обзорным статьям, что повысит их уровень историко-математической подготовки. Рассмотрены конкретные ресурсы и показаны их возможности для организации историко-математической подготовки студентов – будущих учителей математики.

Ключевые слова: педагогическое образование, университет, история математики, цифровые ресурсы

HISTORY OF SCIENCE INSTRUCTION FOR FUTURE TEACHERS OF MATHEMATICS

Kondrateva Galina Vyacheslavovna

PHD in pedagogical sciences
State University of Education, head of the chair of high algebra, mathematical analysis and geometry

Abstract: The article addresses the issue of improving the quality of student training in a pedagogical university in the context of the challenges of the beginning of the third millennium. It examines the organization of teaching the history of mathematics to students enrolled in the "Pedagogical Education" program with specializations such as "Mathematics," "Mathematics and Physics," "Mathematics and Computer Science," and others that include mathematics. The necessity of studying the history of mathematics for future mathematics teachers is justified by the following considerations: 1. The history of mathematics reveals the process of scientific inquiry, enhancing mathematical training. 2. Elements of the history of mathematics are directly used by teachers in the educational process. 3. The study of the history of mathematics makes it possible to identify strategic directions for the development of school mathematics education and to recognize and apply various forms of retronovation in practice. The article provides an overview of modern digital resources that can be used in the historical and mathematical training of students. Such resources include electronic libraries, digitized manuscript collections, and others. The use of digitized editions enables students to study the history of mathematics through original sources rather than analytical or survey articles, thereby improving their level of historical and mathematical training. Specific resources are examined, and their potential for organizing the historical and mathematical preparation of future mathematics teachers is demonstrated.

Keywords: pedagogical education, university, history of mathematics, digital resources

Современный педагогический университет должен отвечать на вызовы современной эпохи. В поисках новых приемов и подходов в погоне за сиюминутным выигрышем можно упустить качественные важные акценты в подготовке. Педагогическое образование всегда занимало особое место по своей важности и значимости для социума. Поэтому трансформации в подготовке педагогов должны быть крайне взвешенными и продуманными, важно не упустить то, что уже наработано и на практике доказало свою эффективность. Особую роль в становлении специалиста-профессионала по направлению подготовки «Педагогическое образование» (профили «Математика», «Математика и физика», «Математика и информатика» и другие, включающие математику) играет историко-математическая подготовка.

Необходимость изучения истории математики будущими учителями математики определяется следующими позициями. 1. История математики раскрывает процесс научного познания, практику творческой исследовательской деятельности, культуру и стиль мышления, что определяет значимость исторического материала в обучении, позволяя усилить математическую подготовку. 2. Для учителя математики знание истории математики определяется его профессиональными задачами, так как именно он должен будет использовать элементы истории математики в ходе работы с обучающимися. Включение элементов истории науки в урок математики позволяет повышать интерес учащихся к предмету, углублять понимание ими фактического материала, расширять кругозор. Знакомство со сведениями из истории математики повышает уровень общей культуры. Знакомство с биографиями ученых и философов, их великими открытиями способно стать одним из способов развития у школьников морально-нравственных и патриотических качеств.

3. Изучение истории математики является основой для формирования важных профессиональных компетенций будущих учителей, которые позволят овладеть методом историко-педагогической экспертизы и на основе проведения исторических параллелей представлять стратегические ориентиры развития школьного математического образования с одной стороны, а с другой вводить и использовать в практике различного рода ретроновации. Это выводит подготовку учителя на качественно новый экспертный уровень.

Таким образом, для будущего учителя математики знакомство с историей науки крайне важно и должно быть представлено отдельным курсом, например «Истории математики и математического образования». Развитие цифровизации позволяет по-новому выстраивать процесс историко-математической подготовки учителя математики, привлекая цифровые информационные ресурсы.

Такими ресурсами могут стать электронные библиотеки, оцифрованные коллекции рукописей и проч. Использование оцифрованных изданий поможет студентам изучать историю математики по оригинальным источникам, а не по аналитическим и обзорным статьям, что повысит уровень историко-математической подготовки.

В качестве ресурса, активно используемого в процессе историко-математической подготовки, можно выделить общедоступную электронную библиотеку «Математическое образование», созданную В.М. Бусевым (сайт mathedu.ru). Библиотека содержит самые разноплановые материалы: учебники, учебные пособия, методические труды и статьи. Студенты могут найти в библиотеке легендарные учебно-математические издания прошлого: учебники А.Ю. Давидова и А.П. Киселева, задачники Н.А. Шапошникова и Н.К. Вальцова, А.И. Гольденберга и др.

Знакомство студентов с рукописями становится возможным благодаря оцифровке сохранившихся уникальных материалов, хранящихся в рукописных фондах библиотек. Так, можно использовать фонд 726 И.К. Андронова Российской государственной библиотеки. Занимаясь вопросами математического образования, Иван Козьмич Андронов (1894–1975) собирал математические книги и рукописи. Количество единиц в его собрании превышало 40 тысяч единиц. Для нас весьма ценно то, что фонд Андронова – это собрание рукописей именно математического содержания. Работа студентов с рукописями представляет качественно новый уровень в историко-математической подготовке.

Широкие возможности для организации работы со студентами представляют собой материалы журнала «Вестник опытной физики и элементарной математики» (1886–1917), который также есть в открытом доступе в интернете. Именно периодичность издания позволяла организовать динамическое взаимодействие с читателями, прерывающееся только на время выхода очередного номера. Изучение данного журнала может способствовать не только расширению кругозора студентов и дать им определенные уроки научной этики, но и позволит будущему учителю математики получить ориентиры в его практической деятельности, а именно – в организации работы с одаренными обучающимися. Переработав материалы статей (задач и тем), можно получить оригинальный материал для проведения олимпиад, викторин, математических праздников.

Уникальные издания помещены на сайте В.Е. Пыркова (сайт Pyrkov-professor.ru). Основная задача сайта – онлайн поддержка изучения курсов профессионально-исторической направленности для будущих и настоящих учителей математики. Здесь можно найти, в частности, номера журнала «Историко-математические исследования», «История и методология естественных наук», «Наука и техника. Вопросы истории и теории». Организуя работу студентов с данными научными периодическими изданиями, можно не только

проводить реферирование статей, но и создавать тематические подборки, которые могут стать в дальнейшем основой для написания курсовых и выпускных квалификационных работ, а также научных статей.

Огромный потенциал с точки зрения организации историко-математического просвещения студентов содержится в видеозаписях семинара по истории математике при Санкт-Петербургском отделении Математического института им. В.А. Стеклова Российской академии наук, руководимого Г.И. Синкевич. Возможность проанализировать научные дискуссии, развертывающиеся в рамках данного семинара, для студентов является важным фактором, способствующим развитию научно-исследовательской подготовки, что в свою очередь повышает качество образования. Студенты получают возможность прикоснуться к созданию нового научного знания, расширяя профессиональный кругозор, получают опыт в решении научных проблем. Работа с записями семинара позволяет выявить талантливых молодых людей для дальнейшего обучения в магистратуре, аспирантуре или работы в научных лабораториях, а также дает возможность студентам определиться с дальнейшим выбором профессионального развития.

С точки зрения оптимальной организации образовательного процесса можно было бы исключить отдельные ряд статей и семинаров из рассмотрения в виду их сложности, но практика организации работы показывает, что студенты сами не стремятся ограничивать свои возможности и часто выбирают статьи и записи семинаров достаточно сложные и требующие специальной математической подготовки.

Рассмотренные ресурсы можно использовать при изучении курса «История математики и математического образования», но внедрение элементов историзма не должно ограничиваться одной дисциплиной. Следует так выстраивать процесс изучения различных дисциплин, чтобы исторические сведения органично сливались с изучаемой темой. И здесь также могут помочь рассмотренные выше ресурсы. Если использовать их регулярно, то это будет способствовать не только повышению уровня историко-математической подготовки, но и позволит эффективно формировать педагогический кругозор.

УДК 167.7:51

НЕПОСТИЖИМАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ МАТЕМАТИКИ. СЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Кричевец Анатолий Николаевич
Доктор философских наук
Московский государственный университет имени Михаила Васильевича Ломоносова, профессор
E-mail: ankrich@mail.ru

Аннотация. В статье обсуждается «непостижимая эффективность математики в естественных науках» (Вигнер). Приводятся некоторые примеры математического предвосхищения в науке (Перминов) – соединение новаций, пришедших из разных разделов математики, с физическими гипотезами у Ньютона; разработка комплексных чисел в контексте задач решения полиномиальных уравнений, а затем широкое распространение их

вплоть до квантовой механики. Обсуждается возможность объяснения непостижимой эффективности математики с помощью анализа, проведенного Кантом в Критике чистого разума и Первом введении к Критике способности суждения. Анализ развития эмпирических наук, проведенный Кантом, его формулировка принципа рефлектирующей способности суждения и последующие разъяснения статуса этого принципа убеждают, что мы не в праве рассчитывать на естественно-научное объяснение загадочной согласованности структуры мира явлений и наших познавательных способностей.

Вместе с тем, теолого-философский вывод о разумном замысле творения (А. Буров, А. Цвелик) характеризуется как поспешный, чересчур расширяющий интерпретацию согласованности. Предлагается следующий вывод: независимое от познающего субъекта существование (математико-)физического мира ставится под вопрос изложенными фактами, а объяснения непостижимой эффективности математики в естественных науках могут быть представлены лишь в виде непроверяемых метафизических гипотез.

Ключевые слова: непостижимая эффективность математики, явления, соответствие познавательным способностям.

THE UNREASONABLE EFFECTIVENESS OF MATHEMATICS. IMPLICATIONS FOR EPISTEMOLOGY

Krichevets Anatoly Nikolaevich
Lomonosov Moskow State University, Professor

Abstract: The article discusses "the unreasonable effectiveness of mathematics in the natural sciences" (Wigner). Some examples of mathematical anticipation in science (Perminov) are given – a combination of innovations from different branches of mathematics with physical hypotheses from Newton; the development of complex numbers in the context of solving polynomial equations, and then their widespread dissemination up to quantum mechanics. The possibility of explaining the unreasonable effectiveness of mathematics using the analysis carried out by Kant in the Critique of Pure Reason and the First Introduction to the Critique of Judgment is discussed. Kant's analysis of the development of empirical sciences, his formulation of the Principle of reflective judgment, and subsequent explanations of the status of this principle convince us that we cannot rely on a natural scientific explanation of the mysterious consistency of the structure of the world of phenomena and our cognitive abilities.

At the same time, the theological and philosophical conclusion about the rational design of creation (A. Burov, A. Tsvelik) is characterized as hasty, overly expanding the interpretation of consistency. The following conclusion is proposed: the existence of the (mathematical-)physical world, independent of the cognizing subject, is called into question by the facts presented, and explanations for the unreasonable effectiveness of mathematics in the natural sciences can only be presented in the form of untestable metaphysical hypotheses.

Keywords: unreasonable effectiveness of mathematics in natural science, phenomena.

Математика издавна используется в человеческой практике для измерений и расчетов. Но в XVII веке ее использование приобрело совершенно новый характер. Математика стала языком описания *законов природы*, которые задаются формулами. Отличие легко видеть, сравнивая формулировки законов движения небесных тел Коперника и Ньютона. В первом случае к основной круговой орбите планеты добавляются эпициклы, а Солнце помещается не

в центр основного круга. Эти черты модели Коперника характерны и для средневековых модификаций системы Птолемея: главное для них – техническая возможность вычислений положения планет на небесной сфере с приемлемой точностью. У Ньютона же описание движения планет строится из самых общих законов механики и закона всемирного тяготения, из которых следуют законы Кеплера. Таким образом, вместо моделей реальности, к которым без нарушения правил работы можно добавлять эпициклы, и даже без дополнительных объяснений постулировать неравномерное движение планет по орбите, как это сделал Кеплер, провозглашаются законы природы, математическая формулировка которых претендует на абсолютную точность. Здесь несовпадение эмпирического описания движения планеты с математически предсказанным не компенсируется введением чего-то подобного эпициклам, а приводит к открытию «на кончике пера» новых планет (Плутон) или к открытию новых фундаментальных математических принципов (общая теория относительности), также претендующих на абсолютную точность.

В XVIII веке Ньютоновская система была сформулирована в близком к современному виде, с использованием декартовых координат и алгебраической символики. Заметим, что Р. Декарт, внесший наибольший вклад в оба эти технические средства, был прежде всего мотивирован идеей решения планиметрических задач средствами аналитической геометрии. Поприще декартовой координатной системы оказалось намного шире, а символика стала универсальной.

Окончательный вид математической формулировки Ньютоновского описания движения планет включал в себя несколько разделов математики (развивавшихся в раздельных контекстах) – дифференциальное и интегральное исчисление, алгебраическую символику и координатную систему. Это системное соединение математических средств представляет собой первый пример «математического предвосхищения в науке» – так назвал это явление классик отечественной философии математики В.Я. Перминов в своей кандидатской диссертации. Несколько раньше то же самое явление Ю. Вигнер назвал непостижимой эффективностью математики в естественных науках.

Можно привести еще три примера: комплексные числа, появившиеся в контексте решения полиномиальных уравнений, а затем нашедшие важное применение в квантовой механике; средства дифференциальной геометрии, использованные Максвеллом в его уравнениях; учение Римана о многообразиях, которое впоследствии было использовано Эйнштейном в общей теории относительности. Иногда от историков науки приходится слышать возражение: если внимательно исследовать историю создания этих разделов математики, то можно будет обнаружить следы позднего контекста в раннем. Например, использование Кеплером эллипса в его законах движения планет, которое считается неожиданным переносом конических сечений в астрономический контекст, может быть связано с использованием эллипса в солнечных часах, имевшим место еще в античности (Е.И. Зайцев, устное сообщение).

Мне кажется, однако, что комплексные числа выдержат такую проверку, поскольку их исключительная на начальных этапах создания связь со степенными уравнениями не вызывает сомнений.

Замечу, что аргумент предвосхищения, подчеркивающий независимость от физики и предшествование во времени изобретения математической структуры, используемой в дальнейшем физикой, действительно усиливает аргументацию в некоторых ситуациях, но не является решающим, как мы увидим. Мне кажется, что революция Ньютона, даже если историки науки покажут ее разбиение на мелкие шаги, в которых три упомянутых мной

контекста (дифференциальное исчисление, алгебраическая символика, декартова система координат) не являются независимыми от физики, все-таки сохранит вполне достаточную для наших целей удивительность.

Весьма поучительным будет здесь анализ Критики чистого разума Канта. В наименовании «вещь в себе» скрывается двусмысленность: действительно ли у каждого являющегося предмета «существует» двойник? Употребление множественного числа «вещи в себе» (см. [Кант 1964, с.93]) как будто свидетельствует в пользу «существования стула-в-себе» для явленного стула, на котором я сижу.

Однако в других местах Кант недвусмысленно пишет, что вещь в себе «располагается» вне пространства и времени: «Способность чувственного созерцания есть, собственно, только восприимчивость, [т. е.] способность определенным образом испытывать воздействия посредством представлений, отношение которых друг к другу есть чистое созерцание пространства и времени (чистые формы нашей чувственности) и которые, поскольку они соединены и определимы в этих отношениях (в пространстве и времени) по законам единства опыта, называются *предметами*. Нечувственная причина этих представлений совершенно неизвестна нам, и потому мы не можем созерцать ее как объект, так как подобный предмет мы должны были бы представлять себе не в пространстве и не во времени (составляющих лишь условия чувственного представления), а между тем без этих условий мы не можем иметь никакого созерцания». [Кант 1964, с. 453]. Эта цитата отграничивает кантовскую Критику от в чем-то схожих взглядов, подчеркивающих ограниченность человеческих чувств (например, зрения определенным диапазоном длин световых волн). Скорее, речь идет о «преобразовании» вещи в себе в *явления*, *согласующиеся с нашей познавательной способностью*, то есть больше, чем о простом ограничении чувственности. Можно было бы сказать, что вещь в себе – *это сверхчувственный источник познания* (такое выражение используется в Критике способности суждения), разделяющийся на явленные предметы, существующее по неким законам, с одной стороны, и на субъекта, снабженного способностью эти законы познавать, с другой. У Канта перед глазами был только один пример из нашего списка – возникновение математического естествознания. С ним он справился средствами Критики чистого разума. В работе 1786 года “Метафизические начала естествознания” Кант пишет, что хотя механика Ньютона – это исследование понятия, данного только в опыте, но исследование по априорным принципам [Кант 1966, с. 71]. Мы можем понять это так: наблюдаемое в опыте движение служит толчком, случайной причиной дальнейшего разворачивания системы априорных понятий, содержание которых не выводимо ни из эмпирического факта, ни даже из эмпирического понятия движения.

В Критике чистого разума удивление согласованностью познавательных способностей и устройства мира явлений еще не высказывается Кантом. Но в первом введении к Критике способности суждения, где развивается тема эмпирических понятий, Кант поднимает этот вопрос. По-видимому, говоря там о подразделении явлений природы на роды и виды, которые человеческий рассудок воспроизводит в своих науках, Кант имеет в виду родо-видовые классификации, а не физические науки. Но с современной точки зрения, следует обращать внимание на упомянутую Кантом Ньютоновскую революцию и последующие события такого же масштаба, которые физика породила в немалом числе и пытается развивать успех. Э. Кассирер в своем труде «Жизнь и учение Канта» в разделе, посвященном Критике способности суждения, пишет: «*То обстоятельство, однако, что эмпирическая наука существует и развивается, убеждает нас в том, что эта попытка предпринимается не тщетно. Многообразие фактов как бы применяется к нашему познанию, как бы идет ему*

навстречу и подчиняется ему. Именно потому, что подобное соответствие материала, на котором основывается наше эмпирическое познание, форме воли, которая его направляет, не само собой разумеется, – так как оно не может быть дедуцировано как необходимое из общих логических больших посылок, а может быть только признано как случайное, – мы неминуемо видим в этом особую целесообразность, а именно соответствие явлений условиям нашей способности суждения» [Кассирер 1999, с. 265].

Формулировка Канта такова: «*Принцип рефлектирующей способности суждения, благодаря которому природа мыслится как система по эмпирическим законам, есть, однако, лишь принцип для логического применения способности суждения; по своему происхождению он, правда, трансцендентальный принцип, но лишь для того, чтобы a priori рассматривать природу как пригодную для логической системы ее многообразия под эмпирическими законами*» [Кант 1966а, с. 118].

Этот принцип не только не обещает, но закрывает возможность естественнонаучного познания причин такого соответствия.

Выводы. Непостижимая эффективность математики в физических науках вместе с математическим предвосхищением физических законов представляют собой черты познания, достаточно убедительно представленные в истории науки как удивляющие намеки, но не как доступные науке явления, то есть они суть предметы изучения для философии и других ненаучных способов мышления. С моей точки зрения, поспешным оказывается и физикализм, на основании блестящих успехов математического *естествознания* надеющийся дойти до «теории всего», которая сделает все другие виды исследований ненужными, и подход сторонников разумного замысла творения, которые слишком поспешно венчают находки своей рефлексии именем Творца (а не Дьявола, например). Я же предлагаю следующий вывод: независимое от познающего субъекта существование (математико-)физического мира ставится под вопрос изложенными фактами, а объяснения непостижимой эффективности математики в естественных науках могут быть представлены лишь в виде непроверяемых метафизических гипотез.

Список литературы

1. Кант 1964 – Кант И. Соч. в 6 т., т. 3, М.: Мысль, 1964. 799 с.
2. Кант 1966а – Кант И. Соч. в 6 т., т. 5, М.: Мысль, 1966. 568 с.
3. Кант 1966б – Кант И. Соч. в 6 т., т. 6, М.: Мысль, 1966. 743 с.
4. Кассирер 1997 – Кассирер Э. Жизнь и учение Канта. С.-Пб.: Университетская книга, 1997. 447 с.

УДК 378.4, 531:534

О МАТЕРИАЛЬНОМ НАСЛЕДИИ П.Л. ЧЕБЫШЁВА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Кутеева Галина Анатольевна

Кандидат физико-математических наук

Санкт-Петербургский государственный университет, доцент
E-mail: g.kuteeva@spbu.ru

Синильщикова Галина Александровна
Кандидат физико-математических наук
Санкт-Петербургский государственный университет,
главный хранитель Музея истории физики и математики СПбГУ
E-mail: g.sinilschikova@spbu.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению материального наследия гениального русского математика и механика П.Л. Чебышёва (1821–1894) в виде коллекции оригинальных моделей механизмов. Работая в Санкт-Петербургском университете, он спроектировал и собственноручно создал ряд оригинальных механизмов, известных как механизмы Чебышёва. В настоящее время их можно увидеть в нескольких музеях мира в России, во Франции и в Великобритании (сайт tcheb.ru). В статье дается краткое описание моделей, которые хранятся в современном Санкт-Петербургском государственном университете в двух музеях – в Музее истории физики и математики и в Музее истории СПбГУ. Обсуждается использование этих моделей в учебном процессе. Статья не претендует на полноту охвата вопроса. Предлагаются примеры, используемые авторами в своей практике и другими исследователями. Механизмы Чебышёва вдохновляют преподавателей и студентов создавать компьютерные копии моделей XIX века. Компьютерные программы, которые позволяют быстро и качественно делать такие копии, являются отдельным вопросом для обсуждения. Авторы надеются, что работа с оригинальными механизмами Чебышёва формируют у студентов ответственность, бережное отношение к своему труду и другие ценные качества будущего профессионала.

Ключевые слова: П.Л. Чебышёв, механизмы XIX века, университетский музей, компьютерные копии, студенческие анимации, математическое моделирование.

ON THE MATERIAL LEGACY OF P.L. CHEBYSHEV AT SAINT PETERSBURG STATE UNIVERSITY

Kuteeva Galina Anatolievna
Candidate of Physical and Mathematical Sciences
Saint-Petersburg State University, Associate Professor

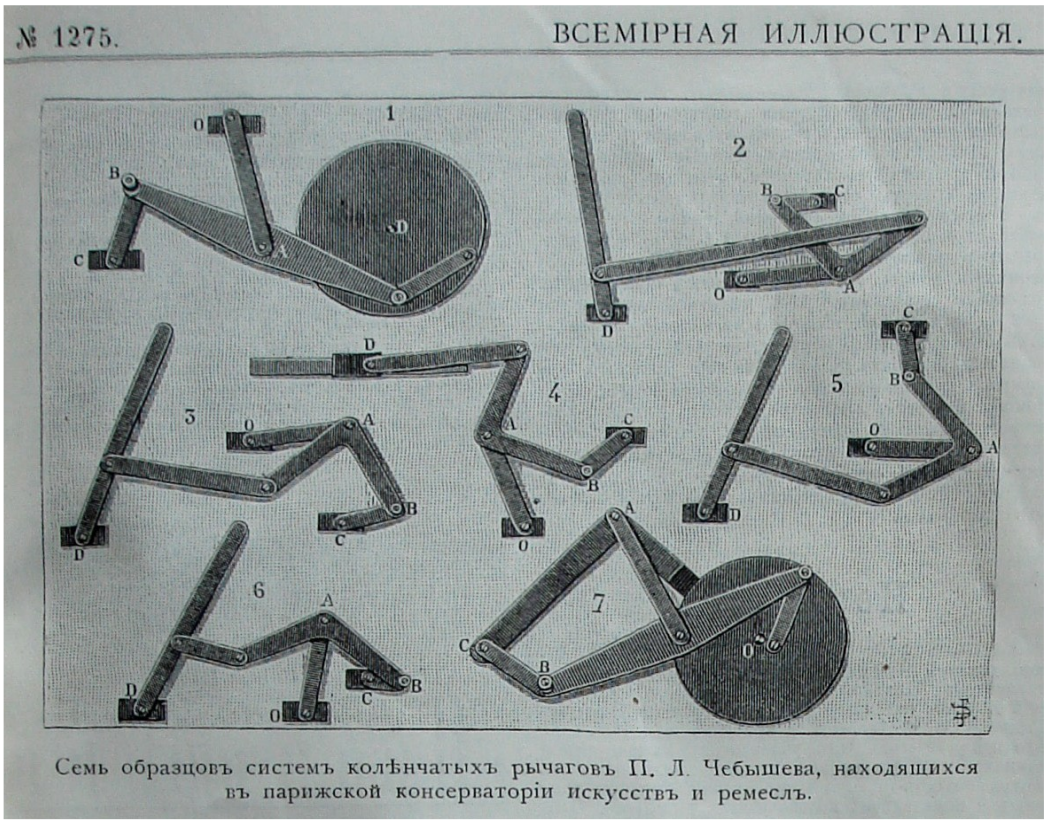
Sinilshchikova Galina Alexandrovna
Candidate of Physical and Mathematical Sciences
Saint Petersburg State University
Chief Curator of the Museum of History of Physics and Mathematics at SPbU

Abstract: The article is devoted to the study of the material heritage of the brilliant Russian scientist, mathematician, and mechanic P.L. Chebyshev (1821-1894) in the form of a collection of original mechanism model. While working at Saint-Petersburg University, he designed and personally created a number of original mechanisms, known as Chebyshev mechanisms (or Tchebyshev mechanisms). Nowadays, they can be seen in several museums around the world in Russia, France, and the United Kingdom (website, tcheb.ru). The article provides a brief description of the models that are kept at the modern Saint-Petersburg State University (SPbU), in two museums

– the History of Physics and Mathematics Museum and the Museum of the History of SPbSU. The use of these models in the educational process is discussed. Chebyshev mechanisms inspire teachers and students to create computer copies of XIXth-century models. Computer programs that make it possible to create such copies are a separate matter for discussion. The authors hope that working with the original Chebyshev mechanisms will instill in students responsibility, a careful attitude towards their work, and other valuable qualities of a future professional.

Keywords: P.L. Chebyshev, mechanisms of the XIXth century, university museum, computer copies, student animations, mathematical modeling.

В этом докладе обсуждается материальное наследие гениального русского математика П.Л. Чебышёва в виде моделей и механизмов, которые сейчас хранятся в Санкт-Петербургском университете (СПбГУ). О том, какие именно механизмы хранятся в СПбГУ можно прочитать, например, в справочнике-путеводителе по математическому Петербургу [Синкевич 2018, с.139], в учебном пособии для студентов и аспирантов «Очерки по истории механики и физики» в разделе «Точные науки в Санкт-Петербургском университете» [Кутеева 2020, с.363-366] и на сайте www.tcheb.ru – интернет-проекте «Механизмы Чебышёва», пополняемом и поддерживаемым Математическим институтом РАН имени В.А. Стеклова и фондом «Математические этюды». Также немного поговорим о том, какие документы и какие факты известны о том, как, когда, какие из моделей оказались в Санкт-Петербургском университете. Статья не претендует на полноту охвата вопроса.

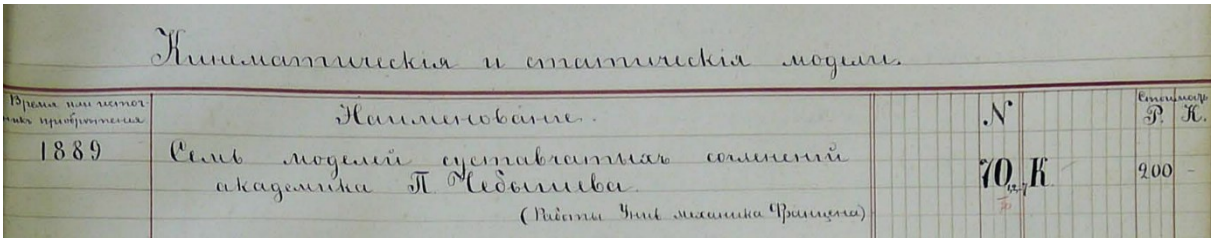


Семь образцовъ системъ колѣнчатыхъ рычаговъ П. Л. Чебышева, находящихся въ парижской консерваторіи искусствъ и ремеслъ.

Остановимся подробнее на семи экспонатах, представляющих собой коллекцию плоских рычажных механизмов на почти одинаковых деревянных подставках-основаниях. Это 1) парадоксальный механизм, 2) шестизвенная противовращательная рукоятка, 3) механизм с остановками в крайних положениях, 4) механизм с остановкой ведомого звена на полпути, 5)

механизм с длительной остановкой ведомого звена в конце его хода, 6) механизм, дающий два качания ведомого звена за один оборот кривошипа, 7) механизм для преобразования вращательного движения в поступательное с ускоренным обратным ходом. Видимо, при непосредственном участии П.Л. Чебышёва в середине–конце XIX века было создано несколько наборов таких механизмов. Вместе с другими моделями П.Л. Чебышёва (самокатное кресло, сортировалка, лодка с гребным механизмом) такие семь плоских механизмов выставлялись на Всемирной Колумбовой выставке в Чикаго в 1893 году. В настоящий момент набор-коллекция таких семи экспонатов есть в трех музеях мира – в Парижской консерватории искусств и ремёсел, в Политехническом музее Москвы, в Музее истории физики и математики СПбГУ. Это указано на сайте tcheb.ru в разделе «музеи». Выше приведен скан со схемами семи «образцов систем коленчатых рычагов П.Л. Чебышева, находящихся в Парижской консерватории искусств и ремесел» из журнала «Всемирная иллюстрация» 1893 года [Двигатели 1893, с. 17].

Вернемся к механизмам, которые хранятся в Музее истории физики и математики СПбГУ. Ниже приведена фотография записи за 1889 год из инвентарной книги кабинета практической механики: «Семь моделей суставчатых сочленений академика П. Чебышева. (Работы Унив. механика Францена)». По инвентарным номерам сотрудники музея соотнесли запись инвентарной книги за 1889 год и семь указанных выше плоских шарнирных


Кинематические и статические модели.

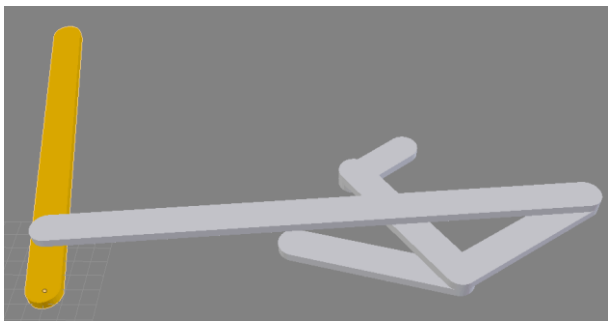
Время поступления	Наименование.	№	Стоимость Р. К.
1889	Семь моделей суставчатых сочленений академика П. Чебышева. (Работы Унив. механика Францена)	70 а-г К	200 -

механизмов.

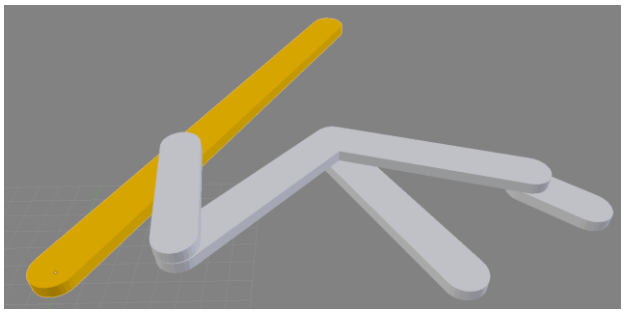
Небольшое исследование архивных материалов, касающихся деятельности университетского механика Виктора Леопольдовича Францена (1853–1924), опубликовано авторами в 2023 году [Кутеева 2023, с. 7].

Механизмы Чебышёва вдохновляют преподавателей и студентов создавать компьютерные копии моделей XIX века. Примеры двумерного моделирования шарнирных механизмов XIX века, в том числе прямила Чебышёва, а также правила создания простейших анимационных картинок даны, например, в [Совертков 2015, с. 345; Совертков 2023, с. 269].

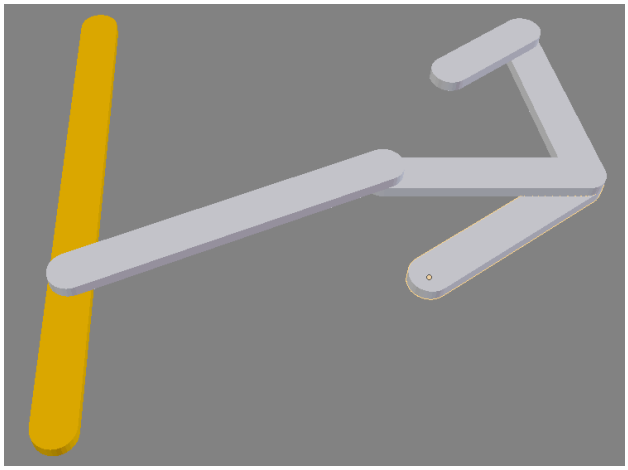
Приведем пример компьютерного моделирования трёхмерных моделей. Далее представлены фотографии-скриншоты трёх моделей, созданных в свободно распространяемой компьютерной программе Blender (www.blender.org) студентом А.С. Кайстро под руководством ведущего инженера СПбГУ К.К. Тверева и доцента Г.А. Кутеевой [Кайстро 2023, с. 19]. На этих фотографиях оранжевым цветом выделена ведомая часть механизма, отвечающая за остановки.



Механизм Чебышёва с остановками в крайних положениях



Механизм Чебышёва с остановкой в конце хода



Механизм Чебышёва с остановкой в середине хода

Авторы считают, что совместная работа сотрудников Музея истории физики и математики и преподавателей кафедры теоретической и прикладной механики СПбГУ очень плодотворна. Историческая ценность механизмов П.Л. Чебышёва, кропотливая работа студентов по созданию компьютерных моделей и их анимации дают благоприятную почву для роста профессиональных качеств и ценностных ориентаций личности как студента, так и руководителя.

Список литературы

Двигатели 1893 – Двигатели, изобретенные академиком Чебышевым // Всемирная иллюстрация. 1893. № 1275. С. 17.

Кайстро 2023 – Кайстро А.С. Моделирование некоторых механизмов из музея истории физики и математики. / Выпускная квалификационная работа бакалавра, кафедра теоретической и прикладной механики, СПбГУ, СПб, 2023. 22 с.

1. Кутеева 2020 – Кутеева Г.А., Павилайнен Г.В., Поляхова Е.Н., Рудакова Т.В., Сабанеев В.С., Тихонов А.А. Очерки по истории механики и физики. Учебное пособие для студентов и аспирантов, обучающихся по направлениям: астрономия, математика, механика, прикладная математика, физика, химия. Санкт-Петербург, 2020. 513 с.
2. Кутеева 2023 – Кутеева Г.А., Синильщикова Г.А. О механике Викторе Франценe // Фундаментальные основы механики. 2023. № 11. С. 5-10.
3. Синкевич 2018 – Математический Петербург. История, наука, достопримечательности: Справочник-путеводитель / Ред.-сост. Г. И. Синкевич, науч. ред. А. И. Назаров. СПб.: Образовательные проекты, 2018. 336 с.
4. Совертков 2015 – Совертков П.И. Моделирование механизмов Чебышева в элективном курсе // Математический вестник педвузов и университетов Волго-Вятского региона. 2015. № 17. С. 343-348.
5. Совертков 2023 – Совертков П.И. Компьютерное моделирование: учебник для ВУЗов. СПб: Лань. 2023. 424 с.

УДК 168.51:316

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ: ФИЛОСОФСКАЯ И СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Ламберов Лев Дмитриевич

Доктор философских наук

ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н.Ельцина», заведующий кафедрой онтологии и теории познания

E-mail: lev.lamberov@urfu.ru

Вольский Арсен Дмитриевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», стажёр-исследователь Международной лаборатории логики, лингвистики и формальной философии

E-mail: die.uneigentlichkeit@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена обсуждению гипотезы о том, что математический платонизм является позицией «по умолчанию» работающего математика. Даётся объяснение того, что такое математический платонизм, приводятся оценки ряда математиков принимаемой ими философии математики. Эту оценки можно отнести к позиции математического платонизма. В статье предлагаются результаты социологического исследования работающих математиков, которые демонстрируют, что большинство из них действительно склоняются к математическому платонизму, однако нельзя говорить о том, что они составляют подавляющее большинство математиков.

Ключевые слова: математика, математический платонизм, социология науки, математическое знание.

MATHEMATICAL KNOWLEDGE: PHILOSOPHICAL AND SOCIOLOGICAL INTERPRETATION

Lamberov Lev Dmitrievich

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin, Head of the Chair of Ontology and Theory of Knowledge

Volskii Arsen Dmitrievich

HSE University, Research Assistance

Abstract: The paper discusses the hypothesis that mathematical platonism is the "default" position of working mathematicians. It explains what mathematical platonism is and provides assessments of the philosophy of mathematics adopted by several mathematicians. These assessments can be associated with the position of mathematical platonism. The paper presents the results of a sociological study of working mathematicians, which demonstrate that the majority of them are indeed inclined toward mathematical platonism; however, this does not mean that they constitute the overwhelming majority of mathematicians.

Keywords: mathematics, mathematical platonism, sociology of science, mathematical knowledge.

В философии математики широко распространено убеждение, что математический платонизм является наиболее естественной позицией для работающего математика [Целищев 2003, с. 9]. Суть математического платонизма сводится к тому, что математические объекты являются абстрактными объектами, существуют реально и независимо от познающих агентов. Эта позиция может быть как осознанной, так и стихийно принимаемой. В последнем случае её можно называть «рабочим реализмом» [Shapiro 1997, pp. 38-44] или «методологическим платонизмом» [Resnik 1980, p. 162].

Указанная позиция «рабочего реализма» подразумевает принятие ряда ключевых методологических принципов: использование классической логики, признание существования произвольных (в т.ч. невычислимых) функций, принятие аксиомы выбора в какой-либо формулировке, допущение импредикативных определений, опора на принципы экстенсиональности. Эта позиция, как считается, отражает реальную математическую практику и подразделяется на три уровня [Shapiro 1997, p. 38] по, скажем так, степени её принятия:

- Первый уровень – некритическое принятие платонистских принципов. Математик стихийно использует их в работе, не задумываясь о философских основаниях. Этот

уровень описывает математическую практику «извне», то есть с точки зрения стороннего наблюдателя. Даже если математик не декларирует платонизм явным образом, его работа фактически строится на этих принципах.

- Второй уровень – самоописание практики математиком-исследователем. Он осознанно обращается к платонистским принципам для описания своей работы, но оставляет за собой право их пересмотреть. То есть он признаёт, что сейчас эти принципы адекватны, но если в будущем они перестанут соответствовать его практике, он от них откажется.
- Третий уровень – нормативный. Здесь платонистские принципы не просто описывают практику, но и задают «правильную» методологию математики на все времена. Математик (или наблюдатель) безоговорочно принимает их как вечные истины. Всё, что этим принципам не соответствует, отвергается как «ненастоящая» математика или заблуждение.

Разделение на указанные уровни отражает «философские метания» [Hacking 2014, p. 42] математиков между натурализмом и платонизмом. С одной стороны, трудно представить, что математика существует независимо от нас – поэтому все мы в какой-то степени натуралисты. С другой – без идеи платонизма работать в математике сложно, поэтому в работе мы все становимся платониками.

Ф. Дэвис и Р. Херш [Davies 1981, pp. 34-44] описывают «идеального» (или «наиболее математикоподобного») математика следующим образом: его работа понятна лишь узкой группе специалистов (десятки или сотни человек), которая возникла сравнительно недавно и просуществует ещё несколько десятилетий; он не может чётко объяснить понятие строгости, но интуитивно распознаёт строгие и верные доказательства; граница между полным и неполным доказательством в его работах размыта; он не способен объяснить непосвящённым, чем занимается, так как в существовании изучаемых объектов убеждены лишь он и его коллеги; математические объекты для него реальнее некоторых географических, хотя он не может объяснить, что значит для них «существовать»; он мечтает решить проблему, поставленную основателем его области математики; в общении с коллегами использует краткие, понятные только специалистам фразы, а в статьях выстраивает «формализм на формализме»; считает, что математические объекты не изобретены, а открыты, что они задают внутренний порядок Вселенной; убеждён, что только его взгляд на математику следует принимать всерьёз.

В качестве примеров можно привести взгляды некоторых математиков:

- Ю.И. Манин [Манин 2008, с. 128] утверждает, что многие математики воспринимают математику как работу с платоновским миром смыслов. Например, вещественные числа существуют независимо от своих моделей, а гипотеза континуума либо истинна, либо ложна. История теории чисел выглядит как исследование уже существующего мира, а не его изобретение.
- Ж. Дьёдонне (о позиции Бурбаки) [Dieudonné 1970, p. 145] отмечает двойственность позиции математиков. В обычной работе они верят в реальность математических объектов, но под натиском философской критики прячутся за формализм. Затем они возвращаются к привычной работе с ощущением, что имеют дело с чем-то реальным. Это ощущение может быть иллюзией, но удобной.
- П. Дж. Коэн [Cohen 1971, p. 11] считает, что большинство математиков тяготеют к реализму (платонизму), принимая традиционную математику буквально. Однако при

трудностях (например, в теории множеств) они обращаются к формализму (программе Гильберта), где математика представляет собой формальную игру с единственным требованием непротиворечивости. Обычно позиция математика находится где-то между этими крайностями.

- Дж.Д. Монк [Monk 1970, p. 707] подчёркивает, что большинство математиков занимают позицию между радикальным платонизмом и радикальным формализмом. Указание на вещественные числа – тенденция к платонизму, а ссылка на вывод теоремы из аксиом теории множеств – к формализму. Интуиционизм не является доминирующим.

Для проверки утверждения о том, что математический платонизм является философией работающего математика, нами проведён социологический опрос. Была подготовлена анонимная анкета, содержащая 20 «содержательных» и 10 «демографических» вопросов. Затем анкета была распространена путём рассылки по электронной почте (на 1448 адресов математиков, опубликованных на сайтах российских университетов и академических институтов) и через паблики и группы VK и Telegram, посвящённые математике, с общей аудиторией более 100 тыс. подписчиков. Анкетирование проходило с 14 января по 24 февраля 2024 г. Из 276 полученных ответов 10 были исключены (вандализм, заполнение нематематиком или с целью доступа к данным), осталось 266 анкет для анализа. Ключевые результаты:

- занимаются математическими исследованиями – 176 чел.;
- работают в вузе/институте – 123 чел.;
- имеют учёную степень по математике – 83 чел. (в т.ч. 10 – доктора, 56 – кандидаты, 17 – и то и другое);
- получили математическое образование – 180 чел., получают сейчас – 63 чел.;
- средний возраст (указали 261 чел.) – 35 лет (диапазон 16–80 лет);
- пол: женский – 32 чел., мужской – 226 чел.;
- указали адрес электронной почты для получения информации о результатах – 121 чел.;
- предоставили развёрнутые комментарии – 35 чел.

Нас интересуют три категории опрошенных: (1) получившие профильное математическое образование (67,7%), (2) защитившие диссертацию по математике (31,3%), (3) работающие в университете или академическом институте в настоящее время (45,9%). Рассмотрим некоторые наиболее популярные варианты ответов на три «содержательных» вопроса из анкеты (об онтологическом статусе математических объектов, о зависимости фактов о математических объектах от способа их формализации, об истинности и возможности пересмотра доказанных теорем) по указанным группам:

- Математические объекты существуют независимо от исследователя: первая группа – 45,6%, вторая группа – 42,2%, третья группа – 44,3%.
- Истинность теорем и существование математических объектов принципиальным образом зависят от того, как мы формализуем соответствующие факты об объектах: первая группы – 43,3%; Теоремы верны вне зависимости от того, как мы эти факты формализуем, существование математических объектов также не зависит от формализации (вторая группа – 43,4%, третья группа – 43,4%).

- Все математические теоремы истинны и их статус не может быть пересмотрен (то, что является теоремой, не может перестать быть теоремой): первая группа – 37,8%, вторая группа – 41%, третья группа – 34,4%.

Ответы на рассмотренные три вопроса уже демонстрируют, что вторая и третья группы скорее склоняются к позиции математического платонизма, что можно считать социологическим подтверждением приведённой в начале статьи позиции, согласно которой математический платонизм являются наиболее распространённой точкой зрения среди работающих математиков. При этом большинство в каждой из двух групп не превышает 50%, поэтому нельзя говорить о том, что математический платонизм является позицией подавляющего большинства работающих математиков.

Список литературы

1. Манин 2008 – Манин Ю.И. Математика как профессия и призвание / Математика как метафора. М.: МЦНМО, 2008. С. 4-25.
2. Целищев 2003 – Целищев В.В. Онтология математики: объекты и структуры. Новосибирск: Нонпарель, 2003. 240 с.
3. Cohen 1971 – Cohen P.J. Comments on the Foundations of Set Theory // Axiomatic Set Theory. Proceedings of Symposia in Pure Mathematics. Vol. XIII, Part I / ed. by Dana S. Scott. Providence, Rhode Island: American Mathematical Society, 1971. P. 9-15.
4. Davies 1981 – Davies P.J., Hersh R. The Mathematical Experience. Boston: Birkhäuser, 1981. 455 p.
5. Dieudonné 1970 – Dieudonné J. The Work of Nicolas Bourbaki // The American Mathematical Monthly. 1970. Vol. 77. No. 2. P. 134-145.
6. Hacking 2014 – Hacking I. Why Is There Philosophy of Mathematics at All? Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 290 p.
7. Monk 1970 – Monk J.D. On the Foundations of Set Theory // The American Mathematical Monthly. 1970. Vol. 77. No. 7. P. 703-711.
8. Shapiro 1997 – Shapiro S. Philosophy of Mathematics: Structure and Ontology. N.Y.: Oxford University Press, 1997. 296 p.
9. Resnik 1980 – Resnik M. Frege and the Philosophy of Mathematics. N.Y.: Cornell University Press, 1980. 244 p.

УДК 378

РОССИЙСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ И ИСТОРИЯ НАУКИ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ СВЯЗЕЙ

Налбандян Юлия Сергеевна

Кандидат физико-математических наук

Южный федеральный университет, доцент кафедры математического анализа и геометрии Института математики, механики и компьютерных наук имени И.И. Воровича, доцент

E-mail: ysnalbandyan@sfedu.ru

Медер Эдуард Альбертович

Международный институт дизайна и сервиса, профессор кафедры дизайна, рисунка и живописи, профессор

E-mail: ed_meder@mail.ru

Аннотация: Основная тема работы – обсуждение места, которое учебные дисциплины, связанные с историей различных научных направлений (прежде всего, с историей математики и историей пластических искусств) занимают в системе подготовки специалистов высшей квалификации. Внимание уделяется как историческим аспектам (в частности, изменению в подходах к чтению курса «История математики» в Южном федеральном университете), так и актуальной сегодня междисциплинарности, призванной обеспечить полноту подготовки и широту взглядов, владение методами смежных наук и – что важно – умение анализировать сущностное наполнение, видеть его за внешней формалистикой. Рассматриваются также особенности взаимоотношения математики и искусства как двух ветвей познания, что позволяет обсуждать вопрос, как взаимодействие и взаимовлияние точных наук и пластических искусств позволяет решать важнейшие методические, методологические и идеологические задачи. Выдвигается и тот тезис, что задача университета сегодня состоит и в проведении государственной политики, и эту задачу университет может решать, делая акцент на идеологической, образовательной, морально-нравственной и культурно-эстетической привлекательности изучаемых дисциплин, а историко-научные курсы должны обеспечивать реальную возможность работы в этом направлении. Все сформулированные утверждения подкрепляются практическим опытом авторов (преподавание истории математики в Южном федеральном университете и различных курсов по истории и теории изобразительных/пластических искусств в Международном институте дизайна и сервиса).

Ключевые слова: история математики, история изобразительных/пластических искусств, университетское образование, высшее художественно-проектное образование

RUSSIAN UNIVERSITIES AND THE HISTORY OF SCIENCE AS AN INTEGRAL PART OF INTERDISCIPLINARY RELATIONS

Nalbandyan Yulia Sergeevna

Candidate of Physical and Mathematical Sciences

Southern Federal University, Institute for Mathematics, Mechanics and Computer Science in the name of I.I. Vorovich, Associate Professor of the Department of Mathematical Analysis and Geometry, Associate Professor

Meder Eduard Albertovich

International Institute of Design and Service (Chelyabinsk),

professor of the Department of Design, Drawing and Painting, professor

Abstract: The main topic of this paper is a discussion of the place that academic disciplines related to the history of various scientific fields (primarily the history of mathematics and the history of the plastic arts) occupy in the training of highly qualified specialists. Attention is paid both to historical aspects (in particular, to changes in approaches to teaching the course "History of Mathematics" at Southern Federal University) and to the current relevance of interdisciplinarity, which is designed to ensure comprehensive training and a broad perspective, mastery of the methods of related sciences, and — importantly — the ability to analyze the essential content and discern it beyond superficial formalism. The relationship between mathematics and art as two branches of knowledge is also examined, allowing us to discuss the question of "how the interaction and mutual influence of the exact sciences and the plastic arts allows us to solve the most important methodical, methodological, and ideological problems?" The thesis is advanced and substantiated that the university's task today is to implement public policy, a task the university can achieve by emphasizing the ideological, educational, moral, and cultural-aesthetic appeal of the disciplines studied. Historical and scientific courses should provide a real opportunity to work in this direction. All of the authors' assertions are supported by their practical experience (teaching the history of mathematics at the Southern Federal University and various courses in the history and theory of fine/plastic arts at the International Institute of Design and Service).

Keywords: history of mathematics, history of fine and plastic arts, university education, higher art and project-based education

Тема, интересующая авторов доклада, глобальна и связана с направлениями исследований, каждое из которых само по себе достаточно обширно (история университетского образования, история художественного образования, междисциплинарные связи и их методическое значение, история математики, история и теория искусства, их место в системе подготовки специалистов), поэтому в данной публикации освещаются лишь ключевые положения планируемого доклада, причём в некоторых случаях речь пойдёт только о постановке целей и задач будущих исследований. Актуальность рассматриваемых вопросов обусловлена тем, что на всех уровнях и с самых разных точек зрения сейчас обсуждаются вопросы, связанные с самим понятием Университета, с местом, которое университет и как образовательное учреждение, и как своеобразная корпорация, занимает в государственной системе, с необходимостью подготовки гармонично развитых профессионалов, а не «дилетантов широкого профиля».

История высшего образования в Российской империи – если не упоминать основанную в 1687 году Славяно-греко-латинскую академию – начинается в первой четверти XVIII века и связана с деятельностью Петра I. В результате реформ, которые не прекращались вплоть до начала XIX века (см. [Аврус 2001]), в стране сложилась система университетов со своими традициями и особенностями, существенно отличающимися от европейских. Не менее интересный и своеобразный путь прошло и художественное образование (см., например, [Молева 1956] и [Попова 2014]), при этом все исследователи отмечают, что и сегодня в его основе лежит педагогическое наследие Императорской Академии художеств. Курсы, связанные с изучением истории тех или иных научных направлений, пусть не сразу, но, тем не менее, органично встроились в сложившуюся систему. Однако в последнее время всё активнее начинают обсуждаться вопросы о том, что понималось раньше и понимается сегодня под «историей науки», как происходит трансформация истории науки в историю знания (интересно здесь сопоставить работы [Дастон 2020] и [Кудашов 2025]). Не менее интересны проблемы, возникающие при изучении истории искусства и истории истории искусства (см., например, [Шестаков 2022]).

Авторы доклада обратили внимание прежде всего на такой аспект, как место дисциплин, связанных с историей соответствующих направлений, в системе подготовки специалистов высшей квалификации – и в историческом контексте, и в современных условиях. Среди обсуждаемых вопросов: каким образом место этих дисциплин определялось в прошлом, насколько актуальна эта проблема сегодня (здесь речь идёт о междисциплинарности, обеспечивающей и широту подготовки, и широту взглядов, и владение методами смежных наук, и – едва ли не самое важное – умение анализировать, отделять сущностное наполнение от, что называется, «оформление»).

Ключевой тезис доклада: необходимость и важность «*четко структурированных познаний в области истории* (*всей культуры, истории искусств в целом, архитектуры и дизайна в частности, истории науки и техники, точнее, всех этих дисциплин, увязанных в единое знание*)» [Медер 2021, с. 125]. Данное утверждение связано как с анализом взаимоотношений математики и искусства как двух ветвей познания, так и с обсуждением вопроса – каким образом взаимодействие и взаимовлияние точных наук и пластических искусств позволяет решать важнейшие методические, методологические и идеологические задачи.

К задачам такого рода можно отнести, например, учебные задания по формулированию проектной концепции в рамках учебного архитектурно-художественного проектирования: при всей широте возможностей творческого подхода проектировщик все же должен уметь сам себе определять строгие рамки «полета фантазии», рамки, которые обусловлены целым рядом внешних граничных условий. В тренировке такой самодисциплины известную роль как раз и могут сыграть навыки строгости мышления в контексте понимания задач точных наук. Кроме того, и сами (пусть даже наиболее общие) представления о сути современной естественнонаучной парадигмы в её естественном развитии могут дать концептуальный фундамент, стать поводом к размышлению и основой для формирования проектного замысла.

В своей практической работе (преподавание истории математики в ЮФУ и различных курсов по истории и теории изобразительных/пластических искусств в МИДиС) оба автора учитывали и общие исследования ([Головина 2015; Прохоров 2012]), и опыт предшественников.

В Ростове-на-Дону, например, традиции чтения соответствующих дисциплин формировались на протяжении более чем 100 лет. Впервые курс по истории математики в 1916 году прочитал Д.Д. Мордухай-Болтовской, которого по праву считают одним из родоначальников ростовской математической школы. В 30-е годы материалы для учебника по истории математики для педагогических специальностей собирал Н.А. Дернов, руководивший ростовским университетом в 1934–1938 годах (этот труд, к сожалению, остался незавершённым). Новый ректор РГУ, С.Е. Белозёров, не раз читал и общие курсы, и спецкурс «История и современная теория знаменитых задач древности», стал родоначальником ростовской исследовательской историко-математической школы и фактически передал эстафету М.Б. Налбандян. В 2013 году на Международной научно-практической конференции «Математика в современном мире», которая проходила в Вологде и была посвящена 150-летию со дня рождения Д.А. Граве, уже предпринималась попытка систематизировать эту информацию (некоторые подробности можно найти в [Налбандян 2013]), однако с тех пор появилось много новых интересных фактов – некоторые из них В.Е. Пырков представил в январе 2025 года на семинаре по истории математики Санкт-Петербургского отделения Математического института им. В. А. Стеклова РАН, некоторые планируется обсудить в докладе.

Интерпретация такого рода основополагающих принципов в контексте и в рамках задач художественно-проектного образования имеет довольно специфический характер в силу того обстоятельства, что практика теоретического осмысления истории и традиций тесно связана с учебной проектно-художественной практикой: анализ тех или иных явлений истории искусств/архитектуры целью имеет прежде всего теоретическое обоснование выбора основы для проектного размышления. В качестве примера можно упомянуть, например, публикации [Медер 2013; Медер 2019] – и это только то, что касается личной практики одного из авторов, реальный же объем качественной учебной, методической и справочной литературы много больше – соответственно разнообразию учебно-творческих задач в контексте специфики проектных школ, в каждой из которых общие фундаментальные принципы осмысливаются адекватно эстетическим принципам этих школ.

XXI век поставил перед преподавательским сообществом высшей школы новые задачи, причём некоторые из них оказались тесно связаны с, так скажем, «историко-научными» дисциплинами. Вот только некоторые из них:

1. Необходимость системного формирования научного мировоззрения, в частности, акцент на место математики и пластических искусств и в истории развития цивилизации вообще, и в истории мировой и отечественной науки (культуры), установление связей между различными направлениями и теориями, между естественными и гуманитарными науками.

2. Акцент на работу с информацией, обучение умению вести библиографический поиск, выработка критериев, позволяющих оценивать качество (достоверность, объективность, информативность) доступных источников. Это становится всё более и более важным в связи с цифровизацией, внедрением систем искусственного интеллекта, снижением уровня требований к публикациям научно-популярной литературы. Именно поэтому авторы в своих учебных курсах значительное место уделяют обзору литературы, допустимых и рекомендуемых источников информации.

3. Гармоничное соотношение учебного и воспитательного компонентов. Идея не новая, общие вопросы рассматривались в литературе многократно – можно вспомнить и раздел 2 первой главы классической монографии Л.Д. Кудрявцева (см., например, последнее издание [Кудрявцев 2023]), и новую работу [Дворяткина 2022] с весьма обширным библиографическим списком. В обсуждаемых сейчас курсах можно отталкиваться от размышления Ф. Клейна по поводу биографии О.Л. Коши: «*имеется ли вообще корреляция между склонностью к математическому мышлению и определенной точкой зрения на жизненно важные общие вопросы, будь то политического, социального или же религиозного характера?*» [Клейн 1989, с.87].

4. Государственность. Не вызывает сомнения, что сегодня надо следовать в русле российских традиций Императорских университетов, не выпадать из общественного пространства, формировать чёткую гражданскую (государственную) позицию, в полной мере реализуя такую цель образования как «создание хороших граждан государства» [Любарский 2020, с. 9]. Университет должен играть важную роль в проведении государственной политики, но не с позиций «кнута и меча», а делая акцент на идеологическую, образовательную, нравственную, культурно-эстетическую привлекательность. Историко-научные курсы дают прекрасную возможность работать и в этом направлении.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что приведённые выше рассуждения и выводы уже частично проверены на практике. В 2014 году вышла статья [Медер, Жуков 2014], в которой, цитата, «профессиональный художник-проектировщик» Э.А. Медер и доктор физико-математических наук, «профессионал в теоретической физике и биофизике» А.В. Жуков обосновывали тезис *«…как математика может быть использована для анализа изобразительного искусства, так и само искусство, в свою очередь, очевидно полезно в математических исследованиях, причем далеко не только в геометрии*». В 2018 году началось сотрудничество авторов доклада – одним из результатов стало опубликованное учебное пособие [Медер, Налбандян 2020], включившее в себя материалы, которые можно использовать при чтении как общих курсов «История математики» и «История искусств», так и специальных, связанных с синтезом пластических искусств и научно-аналитических методов исследования.

Список литературы

1. Аврус 2001 – Аврус А.И. История российских университетов. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. 85 с.
2. Головина 2015 – Головина О.В. Курс истории математики в отечественных университетах XX века. // Национальная Ассоциация Ученых. 2015. № 3(8). С. 53-56.
3. Головина 2022 – Головина О.В. История математики как средство достижения целей математического образования // Человек. Общество. Инклюзия. 2020. № 2(42). С. 98-104.
4. Дастон 2020 – Дастон Л. История науки и история знания // Логос. 2020. Т. 30. № 1(134). С. 63-90.

5. Дворяткина 2022 – Дворяткина С.Н., Саввина О.А., Саввина Ю.В., Черноусова Н.В. Современное математическое образование в контексте духовно-нравственной культуры. Елец: ЕГУ имени И.А. Бунина, 2022. 167 с.
6. Кудашов 2025 – Кудашов В.И. История науки или история знаний? / III Степановские чтения. Формирование и развитие научного знания в России и мире: история и современность: материалы III Международной научной конференции, приуроченной к 300-летию основания Российской академии наук, Красноярск, 16–17 мая 2024 года. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2025. С. 480-487.
7. Кудрявцев 2023 – Кудрявцев Л.Д. Современная математика и её преподавание. М.: Ленанд, 2023. 170 с.
8. Любарский 2020 – Любарский Г.Ю. Образование будущего. Университетский миф и структура мнений об образовании XXI века. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2020. 526 с.
9. Медер 2013 – Медер Э.А. Структура современного проектного образования. Проблема интеграции учебных дисциплин / Формирование предметно-пространственной среды современного города: материалы II Всероссийской научно-практической конференции 13-14 июня 2013 г. Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2013. С. 3-14
10. Медер, Жуков 2014 – Медер Э.А., Жуков А.В. Постиндустриальная парадигма информационного общества: возможности диалога и взаимопонимания. / Формирование предметно-пространственной среды современного города: материалы III ежегодной Всероссийской научно-практической конференции с межд. участием, 16–17 октября 2014 г. Магнитогорск: Изд-во МГТУ, 2014. С. 33–38.
11. Медер 2019 – Анализ основных исторических архитектурных стилей. Учебно-метод. пособие / Составитель Э.А. Медер. Челябинск: Издательство МИДИС. 2019. 39 с.
12. Медер, Налбандян 2020 – Медер Э.А., Налбандян Ю.С. Архитектура и математика – синтез изобразительных искусств и науки. Математические начала формообразования. Ростов-на-Дону–Таганрог: Южный федеральный университет, 2020. 107 с.
13. Медер 2021 – Медер Э.А. Современное художественно-проектное образование и проблемы междисциплинарных связей. / Искусствознание и педагогика: диалектика взаимосвязи и взаимодействия. Сборник трудов XIV Межд. межвузовской научно-практ. конференции. Санкт-Петербург, 2021. С. 114-126.
14. Молева 1956 – Молева Н. М., Белютин Э.М. Педагогическая система Академии художеств XVIII века. М.: Искусство. 1956. 519 с.
15. Налбандян 2013 – Налбандян Ю.С. Преподавание истории математики в Варшавском-Ростовском-Южном Федеральном университете / Математика в современном мире. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию Д.А. Граве. Вологда, 2013. С. 89.
16. Попова 2014 – Попова Н.Н. Императорская Академия художеств и художественное образование в России // Научные труды. 2014. № 30. С. 75-89.
17. Прохоров 2012 – Прохоров С.А. Теория и история искусства – важнейшие компоненты художественного образования // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 3(34). С. 241-243.
18. Трушникова 2017 – Трушникова Е.Л. Проблема междисциплинарности и понимания в преподавании истории искусств / Непрерывное педагогическое образование в контексте инновационных проектов общественного развития: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, Москва, 18 мая 2017 года. М.:

ФГАОУ ДПО Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2017. С. 831-837.
19. Шестаков 2022 – Шестаков В.П. История искусства как наука: Генезис. Типология. Эпистемология. М.: ЛЕНАНД, 2022. 248 с.

УДК 51(091)

О ЖИЗНИ ОДНОГО ТИПИЧНОГО ИСТОРИКА МАТЕМАТИКИ, НО НЕТИПИЧНОГО МАТЕМАТИКА

Одинец Владимир Петрович
Д. ф.-м. н.
Независимый исследователь, Санкт-Петербург
E-mail: w.p.odyniec@mail.ru

Аннотация: В статье описана жизнь историка математики Андрея Алексеевича Киселёва (1916–1994). Война заставила его отказаться на 10 лет от занятия любимым направлением в математике – теорией чисел, но обогатила его математическую палитру, сделав разносторонним историком математики.

Ключевые слова: А.А. Киселёв, теория чисел, дифференциальные уравнения, история математики.

ABOUT THE LIFE OF ONE TYPICAL HISTORIAN OF MATHEMATICS, YET AN ATYPICAL MATHEMATICIAN

Odyniec Wladimit Petrovich

Saint Petersburg, Independent Researcher, Professor

Abstract. The article is dedicated to the life of the historian of mathematics Andrey Alekseevich Kiselev (1916–1994). The war led him to give up his favourite area of mathematics – number theory – for 10 years, but it enriched his mathematical palette, making him versatile historian of mathematics.

Keywords: A.A. Kiselev, number theory, differential equations, history of mathematics.

В жизни многих преподавателей вузов возникает в той или иной мере ситуация, когда им приходится делать выбор между утилитаризмом и академической свободой. О том, что этот выбор может быть не лёгким, я постараюсь показать на примере жизни одного историка математики.

В XX веке основную группу историков математики в СССР составляли либо изначально математики (механики, астрономы), либо лингвисты-переводчики (с китайского, египетского, иврита, древнегреческого, арабского, латыни, древнерусского и других языков). Конечно, были и те, кто посвятил себя с самого начала профессии историка математики, например,

Адольф Павлович Юшкевич (1906–1993). Я же попытаюсь дать портрет историка математики, бывшего первоначально весьма талантливым и разносторонним математиком. Речь пойдет об Андрее Алексеевиче Киселёве (1916–1994), с 1963 по 1990 гг. читавшем лекции по истории математики на матмехе ЛГУ, а в 1990–1994 гг. – на факультете повышения квалификации преподавателей педвузов РГПУ им. А.И. Герцена.

Родился А.А. Киселёв 13 ноября (31 октября) 1916 года в семье инженера-химика пивоваренного завода Алексея Исидоровича Киселёва (умер в 1949 г.) и Натальи Михайловны Киселёвой (урожд. Довгялло) в небольшом городке Малмыж[2] Вятской губернии (ныне Кировская область). В 1921 году семья переехала в Петроград, где мать стала работать сотрудницей исторического отдела Публичной библиотеки (ныне РНБ).

В 1938 году Андрей окончил учебу на математико-механическом факультете ЛГУ по специальности «математика» со специализацией по теории чисел и был рекомендован к поступлению в аспирантуру. В аспирантуре его научным руководителем стал профессор Борис Алексеевич Венков (1900–1962). К лету 1941 года у Андрея была практически готова диссертация. Однако окончание аспирантуры совпало с началом Великой Отечественной войны, Андрея Киселёва в конце июня 1941 года мобилизуют и направляют в лабораторию артиллерийского приборостроения. В этой лаборатории Киселёву пришлось заниматься, главным образом, построением математических моделей – чаще всего сводившихся к дифференциальным уравнениям – для практических задач. В конце лета 1941 года лаборатория и вместе с ней А.А. Киселев были эвакуированы в г. Молотов (ныне Пермь). В 1944 году по результатам работы в этой лаборатории и в аспирантуре ЛГУ Андрею Алексеевичу Киселёву на заседании Диссертационного совета МИАН была присвоена ученая степень кандидата физ.-мат. наук. В сентябре 1945 года он в звании инженер-капитана был награжден медалью «За победу в Великой Отечественной войне».

После демобилизации и возвращения в Ленинград (1945) Киселёв начинает работать сотрудником научно-исследовательского института математики и механики ЛГУ им. А.А. Жданова (НИИММ) и чуть позднее (с 1946 г.) – одновременно преподавать в Пединституте им. М.Н. Покровского, получив в 1947 году звание доцента. Весной того же года А.А. Киселёв знакомится в Москве с Ольгой Александровной Ладыженской (1922–2004), которая оканчивала мехмат МГУ, и женится на ней. Руководитель дипломной работы Ладыженской в МГУ академик И.Г. Петровский (1901–1973) пишет рекомендательное письмо академику С.Л. Соболеву (1908–1989), и О.А. Ладыженская поступает в аспирантуру ЛГУ, где С.Л. Соболев, работавший по 1948 год в Лаборатории №2[3] АН СССР, становится её руководителем. Позже О.А. Ладыженскую поддерживал академик В.И. Смирнов (1887–1974).

[2] В советское время Малмыж был местом ссылки. В частности, с 1936 г. по 1941 г. там жил с матерью сын «врага народа» будущий народный артист СССР Леонид Сергеевич Броневой (1928–2017).

[3] Филиал этой лаборатории, занимавшейся атомным проектом в СССР, находился в Ленинграде.

Вернёмся к Андрею Алексеевичу Киселёву. Первая его статья [Киселёв 1948а] появилась через 10 лет после окончания им ЛГУ. Она была развитием задачи об арифметических свойствах чисел Бернулли, которой А.А. Киселев начал заниматься на последнем курсе матмеха ЛГУ. В том же году в ДАН СССР, почти под тем же названием, что и [Киселёв 1948а], вышла его статья [Киселёв 1948б], представленная академиком В.И. Смирновым. Развитие этой работы было дано Киселёвым через год в статье [Киселёв 1949]. В 1949 году в НИИММ ему присваивают звание старшего научного сотрудника. К теории чисел А.А. Киселёв возвращался и в работе [Киселёв 1955], и позже, публикуясь в ДАН СССР (1962, т.143, №2, с. 272-274), в «Трудах IV-го Всесоюзного математического съезда» (1964, с. 105-112), и, наконец, в сообщении [Киселёв 1966а] на Международном Конгрессе математиков в Москве (1966 год). Это сообщение называлась «Число классов идеалов квадратичного поля и числа Бернулли», и, как и две предыдущие статьи 60-х годов, оно было написано совместно с И.Ш. Славутским. Не случайно в 2002 году в «Записках научных семинаров ПОМИ» И.Ш. Славутский публикует статью [Славутский 2002] с подзаголовком «Памяти Я.Н. Успенского, Б.А. Венкова и А.А. Киселёва – “связки” петербургских теоретикочисловиков», ставя в один ряд работы академика, профессора и доцента.

После женитьбы А.А. Киселёва прошло около трёх лет, и только тогда, с 1950 года, появились первые работы О.А. Ладыженской. Чуть раньше, в конце 1949 года, она защитила кандидатскую диссертацию. Однако на семейном горизонте появилась туча: в 1950 году, накануне защиты диплома на матмехе ЛГУ по специальности «астрономия», был арестован и получил по «политической» статье 10 лет лагерей с отбыванием в Воркуте Алексей Киселёв[4], младший брат Андрея Алексеевича. Чтобы не подвергать жену опасности (отец Ольги Александровны, Александр Иванович Ладыженский, был расстрелян в 1937 году), Андрей Алексеевич с ней официально разводится, и они разъезжаются. А.А. Киселёв полностью переходит в штат ЛГПИ им. М.Н. Покровского. Ольга Александровна интенсивно работает: к 1957 году у неё было опубликовано 32 научные работы, в том числе монография. В 1954 году она успешно защищает докторскую диссертацию, в 1981 году её избирают членом-корреспондентом, а в 1990 году – академиком АН СССР. В 1990–1998 гг. она была Президентом Ленинградского (с 1991 г. – Санкт-Петербургского) математического общества.

В 1954 и в 1957 годах выходят совместные статьи О.А. Ладыженской и А.А. Киселева [Киселёв 1954; Киселёв 1957а], инициированные А.А. Киселёвым, который получил частные решения задачи течения вязкой несжимаемой жидкости ещё в период работы в «ящике», но

[4] В 1956 году Алексея Алексеевича Киселёва (1922–2013) полностью реабилитируют, он защищает диплом и возвращается к своей профессии астронома, становится доктором нау и профессором.

из-за условий секретности на них нельзя было ссылаться. Об этом в 90-е годы рассказал мне сам А.А. Киселёв, которого я пригласил «почасовиком» читать лекции по истории математики на факультете повышения квалификации преподавателей педвузов в РГПУ им. А.И. Герцена, поскольку за этот курс отвечала кафедра математического анализа, которой я тогда заведовал.

Уже без О.А. Ладыженской в 1955 году А.А. Киселев публикует две статьи в «Докладах АН СССР» (т.100, с. 871-874; т. 101, №1, с. 43-46) и одну статью в «Успехах математических наук» (т.9, №4, с. 251-254). Эти статьи, посвященные описанию движения вязкой несжимаемой жидкости, во многом основаны на результатах, полученных Андреем Алексеевичем ещё во время войны. В 1956 году А.А. Киселёв докладывает результаты этих исследований на III Всесоюзном Математическом съезде в Москве (см. [Киселёв 1959]). В 1957 году Пединститут им М.Н. Покровского «вливается» в ЛГПИ им. А.И. Герцена, но А.А. Киселёв не переходит в ЛГПИ – его назначают заведующим кафедрой высшей математики в Военно-морской академии кораблестроения и вооружения им. А.И. Крылова. Он заведует этой кафедрой по 1963 год, т. е. уже и после слияния в 1960 году двух Военно-морских академий в одну. Период с 1951 по 1962 годы был для А.А. Киселёва временем его становления как историка математики, хотя история, и, в частности, история математики, ему нравилась со студенческих лет (здесь, несомненно, сказалось влияние его матери).

В 1952–1953 гг. в Москве вышло трёхтомное собрание сочинений Г.Ф. Вороного (1868–1908). По инициативе Б.А. Венкова в состав комментаторов этого собрания сочинений был включён и А.А. Киселёв, как специалист в области теории чисел. В 1957 г. проходит сессия АН СССР, посвященная творческому наследию Л. Эйлера (1707–1783). В этой связи доцент ЛГПИ им. А.И Герцена И.Г. Мельников (1916–1979) предлагает А.А. Киселёву написать совместно статью о теореме Л. Эйлера о существовании первообразного корня по простому модулю[5], на пробелы в доказательстве которой у Эйлера указывал К. Гаусс. Статья [Киселёв 1957б] вышла в том же 1957 году. В ней убедительно доказано, что доказательство Л. Эйлера верно[6]. Теперь уже и историки математики обращаются к А.А. Киселёву с предложениями о написании совместных работ – в частности, Г.П. Матвиевская (1930–2025) [Киселёв 1963а] и Е.П. Ожигова (1923–1994) [Киселёв 1963б][7]. Поэтому не случайно с 1963 года А.А. Киселёву предлагают читать на матмехе ЛГУ курс «История математики». Этот курс он читает в ЛГУ[8] до 1990 года включительно либо как «почасовик», либо как совместитель, преподавая математику по основному месту работы в разных вузах Ленинграда. На Международном Конгрессе математиков в Москве в 1966 году на секции «История математики» Андрей Алексеевич делает сообщение «Симметрические функции от бесконечного числа переменных (s-функции) у Эйлера» [Киселёв 1966б]. Эйлер применял s-функции с 1736 года. В 1775 году Эйлер связал метод s-функций с теорией расходящихся рядов. Эти забытые результаты А.А. Киселёву удалось обосновать и обобщить. Впоследствии в разных сборниках появляются

---

[5] Теорему о существовании первообразного корня по простому модулю (для всякого простого числа p существует такое целое число g, что $g^e - 1$ делится на p при $e = p - 1$, но не делится, когда $0 < e < p - 1$) сформулировал в 1769 году (но не доказал) Иоганн Ламберт (1728–1777): Эйлер переформулировал теорему (на языке геометрической прогрессии и полной системы вычетов) и доказал её.

[6] Однако Википедия до сих пор указывает, что первое доказательство этой теоремы принадлежит Гауссу – см. в Википедии статью «Первообразный корень (теория чисел)».

[7] О других работах А.А. Киселёва с Г.П. Матвиевской и Е.П. Ожиговой см. [Синкевич 2025, с. 217].

[8] Автору довелось слушать лекции А.А. Киселёва на матмехе ЛГУ в 1966 году. Особенно запомнился его рассказ о переписке Леонарда Эйлера с Христианом Гольдбахом (1690–1764) и о тернарной (решена в 2013 г. Харальдом Гольфготтом) и бинарной (нерешенной) проблемах Гольдбаха [Киселёв 1966в]. Напомню формулировки: тернарная проблема: каждое нечетное число, начиная с 7, можно представить как сумму трёх простых чисел; бинарная проблема: каждое четное число, начиная с 4, можно представить как сумму двух простых чисел.

статьи А.А. Киселёва по истории математики, связанные с разными направлениями математики.

С ноября 1990 года А.А. Киселёв начинает читать курс «История математики» в РГПУ им. А.И. Герцена на почасовой основе для слушателей ФПК преподавателей педвузов. Эти лекции у слушателей из разных городов страны пользовались большим успехом за их глубину и связь с реальной жизнью. Читал он этот курс до своей смерти в 1994 году.

Список литературы

1. Киселёв 1948а – Киселёв А.А. Выражение числа классов идеалов квадратичных полей через числа Бернулли. Тез. докл. научн. сессии Ленингр. ун-та, секция матем. наук. 1948. С. 37-39.
2. Киселёв 1948б – Киселёв А.А. Выражение числа классов идеалов вещественных квадратичных полей через числа Бернулли // ДАН СССР. 1948. Т. 61. С. 777-779.
3. Киселёв 1949 – Киселёв А.А. О некоторых сравнениях для числа классов идеалов вещественных квадратичных полей // Уч. зап. ЛГУ, сер. мат. наук. 1949. Вып. 16. С. 20-31.
4. Киселёв 1954 – Киселёв А.А., Ладыженская О.А. О решении линеаризованных уравнений плоского нестационарного течения вязкой несжимаемой жидкости. // ДАН СССР. 1954. Т. 95. С. 1161-1164.
5. Киселёв 1955 – Киселёв А.А. О числе классов идеалов в кубических полях // Уч. зап. Ленинград. пед. ин-та. 1955. Т. 14. Вып. 1. С. 46-51.
6. Киселёв 1957а – Киселёв А.А., Ладыженская О.А. О существовании и единственности решения нестационарной задачи для вязкой несжимаемой жидкости // Известия АН, Сер. мат. 1957. Т. 21. С. 655-680.
7. Киселёв 1957б – Киселёв А.А., Мельников И.Г. К вопросу о доказательстве Л. Эйлером теоремы существования первообразного корня // Историко-математические исследования. 1957. Вып. 10. С. 229-256.
8. Киселёв 1959 – Киселёв А.А. Исследования по гидродинамике вязкой жидкости. / Труды III Всесоюзн. мат. съезда. Т.4. Кратк. сод. секц. докл. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 25.
9. Киселёв 1963а – Киселёв А.А., Матвиевская Г.П. Неопубликованные рукописи Л. Эйлера по теории чисел. / В сб. «Вопросы истории физ.-мат. наук». М.: Высшая школа, 1963. С. 26-31.
10. Киселёв 1963б – Киселёв А.А., Ожигова Е.П. О ранней теории операционного исчисления. – В сб. «Вопросы истории физ.-мат. наук», М.: Высшая школа, 1963. С. 133-139.
11. Киселёв 1966а – Киселёв А.А., Славутский И.Ш. Число классов идеалов квадратичного поля и числа Бернулли. / Тезисы крат. науч. сообщений Международного Конгресса математиков. Секция 3. М.: Высшая школа, 1966. С.15-16.
12. Киселёв 1966б – Киселёв А.А. Симметрические функции от бесконечного числа переменных (*s*-функции) у Эйлера. / Тезисы крат. науч. сообщений Международного Конгресса математиков. Секция 15. М., 1966. С. 16.
13. Киселёв 1966в – Киселёв А.А. Некоторые вопросы теории чисел из переписки Эйлера с Гольдбахом. – История и методология естественных наук. Вып. V. М.: Изд-во МГУ. 1966. С. 31-34.

14. Синкевич 2025 – Отечественные историки математики. Библиографический справочник / Авторы-составители: Г.И. Синкевич, Г.М. Полотовский. СПб.: Издательский дом «Петрополис», 2025. 530 с.
15. Славутский 2002 – Славутский И.Ш. Вещественное квадратичное поле и гипотеза Анкени-Артина-Чавлы // Записки науч. семинаров ПОМИ. 2002. Т. 286. С. 159-168.

УДК 51(092)

ЛИНЕЙНЫЕ МАТРИЧНЫЕ НЕРАВЕНСТВА В ТЕОРИИ УСТОЙЧИВОСТИ И УПРАВЛЕНИЯ: ОТ МАТРИЧНОГО УРАВНЕНИЯ ЛЯПУНОВА ДО ПОЛУОПРЕДЕЛЕННОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ

Пакшин Павел Владимирович
Доктор физико-математических наук
Арзамасский политехнический институт (филиал) Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева, профессор
E-mail: PakshinPV@gmail.com

Аннотация: Метод линейных матричных неравенств появился в результате развития метода внутренней точки применительно к задачам полуопределенного программирования и оказался очень эффективным применительно к задачам устойчивости и управления. Сложные матричные соотношения, возникающие в этих задачах, стали допускать с помощью этого метода простое численное исследование. Опыт приложений метода в задачах управления показывает, что по сравнению с другими методами он работает значительно быстрее для задач среднего и большого масштаба. Кроме того, применение метода дало новые направления развития теории. В статье представлен обзор появления и развития метода в теории устойчивости и управления

Ключевые слова: Матричное уравнение Ляпунова, теория устойчивости, теория управления, линейные матричные неравенства, полуопределенное программирование

LINEAR MATRIX INEQUALITIES IN STABILITY AND CONTROL THEORY: FROM THE LYAPUNOV EQUATION TO SEMIDEFINITE PROGRAMMING

Pakshin Pavel Vladimirovich
Doctor of Physics and Mathematics
Arzamas Polytechnic Institute (branch) of the Nizhny Novgorod State Technical University n. a. R.E. Alekseev, Professor

Abstract: The linear matrix method emerged from the development of the interior point method for semidefinite programming problems and proved highly effective for stability and control problems. Complex matrix relationships arising in these problems now allow for simple numerical analysis using this method. Experience with the method's application to control problems shows that, compared to other methods, it performs significantly faster for medium- and large-scale problems.

Furthermore, its application has opened up new directions for theoretical development. This paper presents an overview of the method's emergence and development in stability and control theory.

Keywords: Lyapunov matrix equation, stability theory, control theory, linear matrix equations, semidefinite programming

Метод линейных матричных неравенств (ЛМН) в настоящее время занял одно из центральных мест в теории устойчивости и управления благодаря появлению эффективных алгоритмов решения таких неравенств, основанных на комбинации новых аналитических результатов в выпуклом программировании и метода внутренней точки [Баландин 2007; Емельянова 2013; Поляк 2014].

В настоящее время датой появления метода принято считать 1890 год, когда была опубликована знаменитая диссертация А.М. Ляпунова по теории устойчивости движения. А.М. Ляпунов показал [Ляпунов 1950, с. 106; Гантмахер 1988, с. 451], что система линейных дифференциальных уравнений

$$\frac{d}{dt}x(t) = Ax(t) \tag{1}$$

устойчива, если для любой положительно определенной квадратичной формы $W(x) = x^T Qx$ найдется другая положительно определенная квадратичная форма $V(x) = x^T Px$, удовлетворяющая уравнению

$$\frac{dV(x(t))}{dt} = -W(x(t)). \tag{2}$$

Вычисляя производную в левой части (2) с учетом уравнения (1), получим систему линейных уравнений относительно элементов матрицы *P*. Условия разрешимости этой системы будут необходимыми и достаточными условиями устойчивости системы (1). В начале 50-х годов прошлого века Ф.Р. Гантмахер переформулировал результат Ляпунова в терминах матриц, показав, что разрешимость системы (2) эквивалентна разрешимости матричного уравнения

$$A^T P + PA = -Q \tag{3}$$

относительно положительно определенной матрицы *P* при любой наперед заданной матрице *Q*. Это матричное уравнение Ф.Р. Гантмахер впервые ввел в рассмотрение в своей широко известной монографии [Гантмахер 1988, с. 452]. Однако автор затрудняется сказать, когда впервые стал использоваться термин «матричное уравнение Ляпунова», быстро получивший широкое распространение как в нашей стране, так и за рубежом. Уравнение (3) эквивалентно разрешимости матричных неравенств

$$P \succ 0, \quad A^T P + PA \prec 0,$$

представляющих собой специальную форму линейных матричных неравенств, где $\succ 0$ и $\prec 0$ – символы положительной и отрицательной определенности. Следующий важный этап приходится на 1940–50-е годы. В 1944 году А.И. Лурье, и В.Н. Постников [Лурье 1944] предложили для исследования класса нелинейных систем, распространенных в задачах управления, функцию Ляпунова вида «квадратичная форма плюс интеграл от нелинейности», которая в дальнейшем позволила исследовать устойчивость таких систем на основе уравнений, получивших название «разрешающие уравнения Лурье» [Лурье 1951]. Хотя в этих работах не формулировались явно матричные неравенства, критерии устойчивости имели

форму линейных матричных неравенств. Эти неравенства сводились к полиномиальным неравенствам, которые затем проверялись «вручную» для систем невысокого порядка.

Дальнейший крупный прорыв произошёл в начале 1960-х годов, когда В.А. Якубович, В.М. Попов, Р.Э. Калман и другие исследователи смогли свести решение линейных матричных неравенств, возникающих в задаче Лурье, к соотношениям в частотной области, имеющим глубокий и понятный физический смысл и сводимым к простым графическим критериям. Обобщенная форма их результата сейчас известна в мировой литературе как лемма Калмана-Якубовича-Попова, в отечественной литературе – как частотная теорема. Это привело к появлению знаменитого критерия Попова, кругового критерия, критерия Цыпкина и множества их вариаций. Эти критерии уже могли быть применимы к системам более высокого порядка, но их распространение на системы, содержащие более одной нелинейности, вызывало непреодолимые затруднения. Таким образом, вклад заключался в том, что было показано, как решать определённое семейство линейных матричных неравенств графическими и графоаналитическими методами.

В этот же период В.А. Якубович [Якубович 1962] обратил серьезное внимание на важную роль линейных матричных неравенств в теории управления. В серии своих работ 1962–1965 гг., опубликованных в журнале «Автоматика и телемеханика», он показал эффективность ЛМН в применении к целому ряду задач теории управления. В этих работах впервые начал применяться термин «матричные неравенства». Термин «линейное матричное неравенство» был введен в начале 1970-х Я. Виллемсом и широко используется в настоящее время. Более точным термином могло бы быть «аффинное матричное неравенство», поскольку в этих неравенствах матрица является аффинной, а не линейной функцией переменной.

В конце 70-х – начале 80-х годов рядом исследователей было замечено, что решение ЛМН может быть сведено к решению задач выпуклой оптимизации. Пятницкий и Скородинский [Пятницкий 1988] наиболее четко и полно развили эту идею. Они свели исходную задачу Лурье со многими нелинейностями к задаче выпуклой оптимизации, включающей ЛМН, которую они затем решили с помощью алгоритма эллипсоида. Пятницкий и Скородинский были первыми, кто сформулировал поиск функции Ляпунова как задачу выпуклой оптимизации, а затем применили алгоритм, гарантирующий решение задачи оптимизации.

К концу 80-х годов стало ясно, что решение линейных матричных неравенств, возникающих в задачах управления, может быть сведено к решению задач *полуопределенного программирования*:

$$c^T x \to \min \tag{4}$$

при ограничениях

$$F(x) \succ= 0\,, \tag{5}$$

где

$$F(x) = F_0 + \sum_{i=1}^{m} x_i F_i,$$

$c \in \mathrm{R}^m$ – постоянный вектор, $F_0,...,F_m \in \mathrm{R}^{n\times n}$ – симметричные матрицы, $\succ= 0$ – символ неотрицательной определенности, т.е. $y^T F(x) y \geq 0$ для всех $y \in \mathrm{R}^n$.

Важный прорыв был достигнут Ю.Е. Нестеровым и А.С. Немировским в 1988 году [Nesterov 1994]. Они показали, что методы внутренней точки для линейного программирования могут быть, в принципе, обобщены на все задачи выпуклой оптимизации,

в том числе и на задачу полуопределенного программирования (4), (5). Ключевым элементом является знание барьерной функции с определенным свойством: самосогласованностью. При этом оказалось, что для задач полуопределенного программирования самосогласованные барьерные функции легко вычислимы. Этот результат позволил получить множество эффективных алгоритмов и программных пакетов решения задач полуопределенного программирования [Чурилов 2004], которые в настоящее время широко используются [Бойд 1994] и по мнению ряда исследователей, включая автора, не просто добавили новые знания и технические приемы, а по сути изменили язык современной теории устойчивости и управления.

Ограниченный объем статьи не позволил упомянуть целый ряд исследователей, внесших заметный вклад в развитие рассматриваемого научного направления. В заключение приведу замечательное высказывание С. Бойда [Boyd 1994], с которым трудно не согласится: «*It is fair to say that Yakubovich is the father of the field, and Lyapunov the grandfather of the field*».

Список литературы

1. Баландин 2007 – Баландин Д.В., Коган М.М. Синтез законов управления на основе линейных матричных неравенств. М.: Физматлит, 2007. 280 с.
2. Гантмахер 1988 – Гантмахер Ф.Р. Теория матриц. 4-е изд. М.: Наука, 1988. 552 с.
3. Емельянова 2013 – Емельянова Ю.П., Пакшин П.В., Пакшина Н.А. Матричные уравнения и неравенства. Нижний Новгород: НГТУ, 2013. 118 с.
4. Лурье 1944 – Лурье А.И., Постников В.Н. К теории устойчивости регулируемых систем. // Прикладная математика и механика. 1944. Т. 8. С. 246 – 248.
5. Лурье 1951 – Лурье А.И. Некоторые нелинейные задачи теории автоматического управления. М.: Гостехиздат, 1951. 216 с.
6. Ляпунов 1950 – Ляпунов А.М. Общая задача об устойчивости движения. М-Л: ГИТТЛ, 1950. 473 с.
7. Поляк 2014 – Поляк Б.Т., Хлебников М.В., Щербаков П.С. Управление линейными системами при внешних возмущениях: техника линейных матричных неравенств. М. ЛЕНАНД, 2014. 560 с.
8. Пятницкий 1983 – Пятницкий Е.С., Скородинский В.И. Численные методы построения функций Ляпунова и критерии абсолютной устойчивости в форме численных процедур // Автомат. и телемех. 1983. № 11. С. 52–63.
9. Чурилов 2004 – Чурилов А.Н., Гессен А.В. Исследование линейных матричных неравенств: путеводитель по программным пакетам. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 148 с.
10. Якубович 1962 – Якубович В.А. Решение некоторых матричных неравенств, встречающихся в теории автоматического регулирования // Докл. АН СССР. 1962. Т. 143. №6. С. 1304-1307.
11. Boyd 1994 – Boyd S., El Ghaoui L., Feron E., Balakrishnan V. Linear Matrix Inequalities in System and Control Theory. Philadelphia: SIAM, 1994. 202 p.
12. Nesterov 1994 – Nesterov Yu., Nemirovski A. Interior-Point Polynomial Algorithms in Convex Programming. Philadelphia: SIAM, 1994. 414 p.

УДК 51(092)

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ЛЯПУНОВ. ПУТЬ К ГЛАВНОМУ ВЫБОРУ

Пакшина Наталья Алексеевна
Кандидат технических наук
Арзамасский политехнический институт (филиал) Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева, доцент
E-mail: Nataliapakshina@mail.ru

Аннотация: Рассказывается о важном этапе в жизни будущего великого математика и механика, академика Александра Михайловича Ляпунова. Ровно 150 лет назад в 1876 году он закончил с золотой медалью Нижегородскую губернскую мужскую гимназию и решил подавать документы для поступления в Санкт-Петербургский университет. Материальное положение семьи было достаточно трудным, поскольку его мать Софья Александровна Ляпунова, овдовев, одна воспитывала трёх сыновей. По этой причине она еще в апреле, подала прошение о финансовой поддержке на имя Нижегородского Губернского предводителя дворянства. В июле 1876 года было принято решение о назначении Александру Ляпунову стипендии Нижегородского дворянства на весь период обучения. Приехав в столицу, выпускник гимназии Ляпунов подал копии своих документов в канцелярию университета, внес необходимую сумму и получил право на посещение лекций и право проживания в Петербурге на полгода. Изначально он поступил на естественное отделение физико-математического факультета, но уже 13 сентября он сообщает родным о переходе на математическое отделение того же факультета. А в последующих письмах подробно аргументирует свое решение, из чего мы заключаем, что оно было не спонтанным, а серьезным и продуманным. Данное исследование основано, главным образом, на документах Центрального архива Нижегородской области и семейной переписке Ляпуновых, хранящейся в Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук.

Ключевые слова: Александр Ляпунов, дворянская стипендия, университет, математика, 1876.

ALEXANDER MIKHAILOVICH LYAPUNOV. THE PATH TO THE MAIN CHOICE

Pakshina Natalia Alekseevna
Candidate of Technical Sciences
Arzamas Polytechnic Institute (branch) of the R.E. Alekseev Nizhny Novgorod State Technical University, Associate Professor

Abstract: This article recounts an important stage in the life of the future great mathematician and mechanician, Academician Alexander Mikhailovich Lyapunov. Exactly 150 years ago, in 1876, he graduated with a gold medal from the Nizhny Novgorod Provincial Gymnasium for Boys and decided to apply to St. Petersburg University. The family's financial situation was quite difficult, as his mother, Sofya Aleksandrovna Lyapunova, was widowed and single-handedly raised and educated her three sons. For this reason, back in May, during her final exams, she submitted a petition for financial support to the Nizhny Novgorod Provincial Marshal of the Nobility. In July 1876, a decision was made to award Alexander Lyapunov a stipend from the Nizhny Novgorod nobility for the entire

period of his studies. Upon arriving in the capital, Lyapunov, a high school graduate, submitted copies of his documents to the university office, paid the required amount, and received the right to attend lectures and reside in St. Petersburg for six months. Initially, he enrolled in the natural sciences department of the Physics and Mathematics Faculty, but on September 13, he informed his family of his transfer to the mathematics department of the same faculty. And in subsequent letters he explains his decision in detail, from which we conclude that it was not spontaneous, but serious and well-thought-out. This study is based primarily on documents from the Central Archives of the Nizhny Novgorod Region and the Lyapunov family correspondence, housed in the St. Petersburg branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: Alexander Lyapunov, noble scholarship, university, mathematics, 1876.

Академик Александр Михайлович Ляпунов – гениальный русский математик и механик, которого знают во всем мире. Развитие идей А.М. Ляпунова ведется по многим направлениям: при решении практических задач небесной механики, устойчивости движения самолетов, ракет, роботов и т.д. И вполне естественно, что его жизни и творчеству посвящено множество статей и книг.

Но все ли периоды его биографии полно освещены? Нет. Недостаточно изучен Нижегородский период его жизни и первые годы студенчества. Тот факт, что Александр Михайлович учился в Нижегородской гимназии, изначально был известен автору из книги Анатолия Шибанова «Александр Михайлович Ляпунов», которая выпущена в серии ЖЗЛ еще в 1985 году [Шибанов 1985]. И в преддверии 150-летнего юбилея со дня рождения А.М. Ляпунова появилась идея увековечить память о нем в Нижнем Новгороде. В Арзамасском политехническом институте (филиале) НГТУ им. Р.Е. Алексеева была сформирована инициативная группа, которая поставила своей первоочередной задачей установить в юбилейном году мемориальную доску на здании бывшей гимназии. Для этого было необходимо получить разрешение руководства города, что повлекло за собой сбор подписей среди ученых под обращением к администрации Нижнего Новгорода. Подписи собирались во многих городах, и однажды в Институте проблем управления в Москве, прозвучала высказывание: «С удовольствием подпишу, если он действительно там учился». Это привело автора в Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО) для поиска подтверждающих документов. И они были там обнаружены.

Родился Александр Михайлович Ляпунов 25 мая (по ст. стилю) 1857 года в Ярославле в семье известного астронома, директора Демидовского лицея Михаила Васильевича Ляпунова и его жены Софьи Александровны Ляпуновой. Раннее детство Саши Ляпунова прошло в Ярославле. После окончательного выхода в отставку в 1864 году его отец с семьей поселился на своей родине на границе Нижегородской и Симбирской губерний [Стеклов 1919].

Первоначальное воспитание Саша получал под руководством матери, но учением, которое отец считал возможным начинать лишь с семилетнего возраста, обоих старших сыновей он занимался сам. Отец преподавал Саше весь курс начальных классов гимназии. Он занимался с ним и правописанием, и географией, и математикой. Приучал его и брата Сережу к быстрому счету, применяя при этом самые разные педагогические приемы, поскольку считал, что это необходимо всякому, кто решил посвятить себя точным наукам [Пакшина 2015, с. 106].

Семилетняя служба Михаила Васильевича в таком общеобразовательном учебном заведении, как Демидовский лицей, могла иметь некоторое значение в воспитании детей, расширив круг его научных интересов, поскольку до этого он занимался исключительно

математикой и астрономией. О занятиях с сыновьями достаточно подробно написал в своей статье в 1930 году их младший брат, будущий академик, филолог Борис Михайлович Ляпунов:

«*Я помню, какое сильное впечатление производили на меня ежедневные занятия отца с братьями в его кабинете, и я с любопытством смотрел, как братья гусиными перьями выводили крупные буквы между линейками. Для приучения к быстрому счету отец заставлял братьев писать цифры, прибавляя сначала по одному, на следующей странице по 2, затем по 3 и т.д. Сам отец, по свидетельству матери и других, хорошо помнивших его, обладал удивительно быстрой способностью счета. Для развития интереса к географии отец поощрял игры, состоявшие в путешествиях по различным странам света, а также черчение географических карт, за которыми дети просиживали долгие зимние вечера*» [Ляпунов 1930, с. 4].

Михаил Васильевич собрал богатую библиотеку, которая хранилась вплоть до 1917 года в их доме. В ней были разные книги по математике, географии, философии, истории, этнографии, политической экономии, литературе и, конечно же, астрономии (Kosmos, Ansichten der Natur и др.), т.к. он был, прежде всего, известным специалистом-астрономом. Там находились издания не только на русском, но и на немецком и французском языках. Конечно, сыновья позже пользовались книгами из этой библиотеки [Пакшина 2020, с. 226].

К сожалению, Михаил Васильевич очень рано умер в 1868 году (в возрасте 48 лет). На руках у матери осталось четверо маленьких детей. Дальнейшее образование Саша получил, занимаясь с родственниками и домашними учителями, в доме Сеченовых у своей тети в Теплом Стане. Там он активно готовился к поступлению в гимназию со своей кузиной и будущей женой Натальей Сеченовой. Летом 1870 года семья Ляпуновых переехала в Нижний Новгород, и старшие сыновья поступили в губернскую мужскую гимназию. По результатам вступительных испытаний 28 августа Саша был зачислен в 3-й класс Нижегородской губернской гимназии, а Сережа – в 1-й.

Отзыв классного наставника о гимназисте А. Ляпунове можно увидеть на одном из листов кондуитной книги, или «кондуита», как называли его кратко: «*13 лет. Поступил в гимназию после домашнего приготовления в 1870 году. Сын бывшего астронома и директора Ярославского лицея. В октябре пропустил неделю уроков … Учится по всем предметам хорошо, поведения отличного*» [ЦАНО. Ф. 520. Оп. 478. Д. 304., л. 40 об.].

Если посмотреть в классный журнал за 1870 год, то мы увидим, по каким предметам Саша был подготовлен к гимназии хорошо, а по каким – хуже. Скорее всего, это определялось не только и не столько природными способностями и наклонностями, сколько тем, какими предметами с ним занимались репетиторы в предыдущие два года и в какой мере. Наибольшее количество пятерок Саша получил в первый год учебы в гимназии по естественной истории, французскому языку и географии [ЦАНО. Ф. 520. Оп. 478. Д. 309., л. 10об-11об.]. Определенные проблемы, как это не покажется удивительным, были по арифметике. В старших классах у А.М. Ляпунова появилось стремление к точным наукам, которым он уделял много внимания. Хотя и по другим предметам успехи были отменные. Например, по географии, французскому, греческому и всеобщей истории Александр получал неизменные пятерки.

Теперь обратимся к событиям, произошедшим ровно 150 лет назад в 1876 году, когда Александру Ляпунову предстояло сдать выпускные экзамены и определиться с выбором жизненного пути. В то время, когда Саша готовился к экзаменам, перед его матерью Софьей Александровной, вдовой воспитывающей троих несовершеннолетних сыновей, очень остро встал вопрос о том, где взять деньги, чтобы старший сын имел возможность продолжить

образование. Напомним, что обучение в университете было только платным, нужно было платить 50 рублей за год, кроме того деньги нужны были и на питание, и проживание.

И вот вдова умершего директора Демидовского Лицея и училища Ярославской губернии статская советница Софья Александровна Ляпунова 29 апреля 1876 года обращается к Нижегородскому Губернскому Предводителю Дворянства Сергею Сергеевичу Зыбину с просьбой назначить ее сыну Ляпунову Александру денежное пособие в виде дворянской стипендии на все время пребывание его в университете [ЦАНО. Ф. 639. Оп. 124. Ед. хр. 5071., л. 12, 12 об.]. В июле 1876 года было принято решение о назначении Александру Ляпунову стипендии Нижегородского дворянства.

Александр Ляпунов окончил Нижегородскую губернскую мужскую гимназию с золотой медалью и решил подавать документы для поступления в Императорский Санкт-Петербургский университет [ЦАНО. Ф. 520. Оп. 478. Д. 455., л. 168, 168 об.]. Приехав в столицу, выпускник гимназии Ляпунов подал копии своих документов в канцелярию университета, внес необходимую сумму и получил право на посещение лекций и право проживания в Петербурге на полгода [СПб Ф АРАН. Ф. 257. Оп. 3. Д. 42., л. 23].

Изначально он поступил на естественное отделение физико-математического факультета, но уже 13 сентября он сообщает родным о переходе на математическое отделение того же факультета [СПб Ф АРАН Ф. 257. Оп. 3. Д. 42, л. 30]. А через две недели он в следующем письме к матери привел шесть доводов в пользу того, что он решил сменить отделение и учиться именно на математическом. Главной из причин он указал, что «*на естественном отделении не читают математику*», а без высшей математики невозможно серьезно изучить физику, астрономию и другие предметы. Во-вторых, как выяснилось, главной дисциплиной на естественном является химия, которую и на математическом отделении преподает тот же очень ему понравившийся профессор Менделеев. А еще, поступая первоначально на естественное отделение, он надеялся, что главным образом будет заниматься географией и метеорологией, а как оказалась, она идет на всем факультете в одинаковом объеме. И последней причиной перехода он указывает на то, что «*окончив курс математического отделения, я буду более обеспечен в материальном отношении*» [СПб Ф АРАН Ф. 257. Оп. 3. Д. 42, л. 33, 34].

Его доводы столь взвешены, убедительны и обстоятельны, что остается только поражаться, что писал их первокурсник [Пакшина 2018, с. 87]. Знакомясь с этим перечнем, нельзя не вспомнить его отца, который будучи его первым учителем, привил сыну любовь к математике, астрономии и географии. Определенную роль в этом выборе сыграли и книги из библиотеки отца.

С 1876 года прошло 150 лет, но и сейчас доводы, приведенные первокурсником Александром Ляпуновым, актуальны для современных студентов математиков, а также для тех, кто решает, с каким факультетом связать свою жизнь. Выбор Александра Михайловича Ляпунова и его дальнейшая жизнь и достижения могут быть для них мощным мотивационным фактором. А закончить хотелось бы словами самого студента Александра Ляпунова: «*Мне несравненно лучше быть на математическом, чем на естественном отделении*».

Список литературы

1. Ляпунов 1930 – Ляпунов Б.М. Краткий очерк жизни и деятельности А.М. Ляпунова. Л.: Известия Академии Наук СССР. Отделение Физико-Математических наук, 1930. С. 1-24.

2. Пакшина 2015 – Пакшина Н.А. Александр Михайлович Ляпунов: родословная и детские годы. Нижний Новгород: Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева, 2015. 191 с.
3. Пакшина 2018 – Пакшина Н.А. Главный выбор студента Александра Ляпунова // Математика в высшем образовании. 2018. № 16. С. 85-94.
4. Пакшина 2020 – Пакшина Н.А. Михаил Васильевич Ляпунов: биографический очерк на фоне эпохи: монография. Арзамас – Саров: Интерконтакт, 2020. 279 с.
5. СПб Ф АРАН. Ф. 257. Оп. 3. Д. 42.
6. Стеклов 1919 – Стеклов В.А. Александр Михайлович Ляпунов. 1857–1924. Некролог. // Известия Российской академии наук. 6-я серия. 1919. Т. 13. № 8-11. С. 364-382.
7. ЦАНО. Ф. 520. Оп. 478. Д. 304.
8. ЦАНО. Ф. 520. Оп. 478. Д. 309.
9. ЦАНО. Ф. 520. Оп. 478. Д. 455.
10. ЦАНО. Ф. 639. Оп. 124. Д. 5071.
11. Шибанов 1985 – Шибанов А.С. Александр Михайлович Ляпунов. М.: Молодая гвардия, 1985. 336 с.

УДК 51(09)

УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО VS УНИВЕРСИТЕТ ЛОБАЧЕВСКОГО

Полотовский Григорий Михайлович
К. ф.-м. н.
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доцент
E-mail: polotovsky@gmail.com

Аннотация: Обсуждается адекватность внесенного в Устав Нижегородского государственного университета (ННГУ) им. Н.И. Лобачевского сокращенного наименования «Университет Лобачевского». Напоминается история создания ННГУ и история присвоения университету имени Н.И. Лобачевского. Показано, что сокращение «Университет Лобачевского» адекватно для наименования Казанского (Приволжского) федерального университета – как ввиду определяющего вклада Н.И. Лобачевского в превращение вполне провинциального Императорского Казанского университета в университет европейского уровня, так и в силу логики русского языка.

Ключевые слова: Н.И. Лобачевский, Нижегородский государственный университет, Казанский федеральный университет.

UNIVERSITY NAMED AFTER N.I. LOBACHEVSKY VS LOBACHEVSKY UNIVERSITY

Polotovskiy Grigory M.
National Research University Higher School of Economics, associate professor

Abstract: The appropriateness of the abbreviated name "Lobachevsky University" included in the Charter of the N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University (UNN) is discussed. The history of UNN's founding and the naming of it after N.I. Lobachevsky are reviewed. It is demonstrated that the abbreviation "Lobachevsky University" is appropriate for the name of Kazan (Volga Region) Federal University – both in view of N.I. Lobachevsky's decisive contribution to transforming the rather provincial Imperial Kazan University into a European-level university, and in accordance with the logic of the Russian language.

Keywords: N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod State University, Kazan Federal University.

Нижегородский государственный университет был учрежден в 1918 году на основании постановления Исполнительного Комитета Нижегородского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов от 28 марта 1918 года и постановления Государственной Комиссии по Просвещению от 22 мая 1918 года (здесь и ниже сведения об образовании Нижегородского университета приводятся по [Кузнецов 2016, с. 50]). За два года до этого, 17 января 1916 года, был торжественно открыт Нижегородский Городской Народный Университет. Этот университет имел три академических отделения – историческое, литературное и общественно-юридическое – и два отделения, на которых велись занятия на уровне гимназии – естественно-математическое и гуманитарное. Всего в университете занимались примерно 200 человек. Согласно Уставу [Архив ННГУ] Народный университет ставил перед собой цель «служить широкому распространенію систематическаго научнаго образованія и прикладныхъ знаній», имел статус частного учебного заведения и «при достаточности средствъ» утверждал факультеты «с объемомъ преподаванiія правительственныхъ высшихъ учебныхъ заведеній».

Также до 1918 года – с октября 1917 года – по постановлению Временного правительства Варшавский политехнический институт, эвакуированный в Москву в начале 1915 года в связи с положением на фронте, а затем летом 1916 года «переэвакуированный» в Нижний Новгород, преобразовывался в Нижегородский политехнический институт.

Именно на базе Народного университета, имевшихся в то время Нижегородских высших сельскохозяйственных курсов и политехнического университета и был образован Нижегородский государственный университет. Заключительным документом в этом процессе было постановление Совнаркома от 25 июня 1918 года [Постановление, 1918, web], подписанное председателем Совнаркома В.И. Ульяновым-Лениным.

В связи с вышеизложенным заметим, что при советской власти юбилейные даты ННГУ отмечались в годы, сравнимые с 8 по модулю 10 (т. е. с последней цифрой 8 в номера года), а после перестройки – сравнимые с 6 по модулю 10 (т. е. с цифрой 6 на конце номера года), причем риторика «Университет, рожденный Октябрем» [Университет 1978] сменилась – например, на «Университет, рожденный трижды» [Хохлов 2001] (третий раз – в 1931 году после упразднения в 1930).

Осенью 1931 года из Москвы в Нижний Новгород переехал ученик академика Л.И. Мандельштама А.А. Андронов (1901 – 1952), вокруг которого стала складываться научная школа, называемая ныне «школа академика Андронова» и включающая по существу три школы: по теории колебаний, по теории динамических систем и по автоматическому регулированию. Не позднее 1943 года Андронову стало известно о проблемах в исследовании

происхождения и детских лет Н.И. Лобачевского – возможно, из письма, полученного им от известного геометра В.Ф. Кагана (это письмо опубликовано в [Полотовский, 2007, с. 37-39]; в указанной статье имеются другие подробности об исследованиях и исследователях биографии Н.И. Лобачевского). В конце 1947 года А.А. Андронов организовал небольшую группу, целью которой был поиск архивных документов для определения неизвестных тогда даты и места рождения Н.И. Лобачевского. Этой группе, в работе которой Андронов принимал активное личное участие, удалось решить поставленные задачи. Результаты этих исследований были опубликованы в научной печати уже после смерти Андронова – см. [Андронов 1956], [Привалова 1956]. Но до этого Андронов опубликовал информацию о полученных результатах в газетной статье [Андронов 1948], в которой он, в частности, писал: «*Несомненно, что это позорное для историков русской и мировой науки незнание основных фактов биографии Н.И. Лобачевского, в частности, до сих пор не позволившее поставить памятник или мемориальную доску вблизи его места рождения, связано прежде всего с тем равнодушным отношением к науке и к ее деятелям, которое было характерно для царской России*».

В последние годы жизни А.А. Андронов добивался присвоения имени Н.И. Лобачевского Нижегородскому (в то время – Горьковскому) университету, неоднократно писал об этом в Министерство Высшего образования СССР. Однако Указ Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении Горьковскому университету имени Н.И. Лобачевского» появился только в 1956 году, после того, как ректор университета в 1955 – 1961 гг. В.И. Широков добился поддержки тогдашнего Председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганина (имевшего, кстати, нижегородское происхождение).

Имел ли Н.И. Лобачевский какое-нибудь отношение к Нижегородскому университету? Конечно, нет. Следует ли отсюда, что присвоение имени Н.И. Лобачевского Нижегородскому университету неадекватно? Совершенно не следует, поскольку этот акт полностью соответствует сложившейся в России традиции. Действительно, в России примерно 100 вузов, которые можно отнести к категории «классический университет». Из низ 33 «именные», т.е. носят чье-либо имя, причем в 20 случаях это имя более или менее известного уроженца или жителя данной местности, лишь в семи случаях имевшего какое-то отношение к данному вузу.

Присвоение имени Н.И. Лобачевского отражено в Уставах Нижегородского университета, при этом в уставах прописаны допустимые сокращенные наименования университета на русском и на английском языках. Например, в уставе ННГУ, утвержденном приказом Минобрнауки № 104 от 14.02.2012 года, закреплено сокращенное название «ННГУ им. Н.И. Лобачевского». Но не позже 2017 года в уставах ННГУ появилось сокращенное наименование «Университет Лобачевского» – см. [Устав 2017, web, с. 4]. Это сокращение имеется и в действующем уставе университета, в соответствии с чем оно применено на логотипе университета, а на официальном сайте университета практически всюду используется именно это сокращенное наименование.

Вероятно, такое сокращение появилось в результате некорректного обратного перевода с английского языка: «Университет имени Н.И. Лобачевского» переводится на английский как «N.I. Lobachevsky University», но обратный перевод в «Университет Лобачевского» неверный, просто в английском языке подробная форма «named after» употребляется очень редко и не в таких ситуациях.

Правильно ли использование такого сокращения? На мой взгляд – нет. Во-первых, словосочетание «Университет Лобачевского» имеет ярко выраженный притяжательный смысл, что совершенно не отвечает реалиям. Это хорошо понятно даже искусственному интеллекту: «В англоязычной традиции притяжательная форма или простое примыкание

(Lobachevsky University) – норма, но при прямом переносе в русский язык она превращается в кальку, которая режет слух любому, кто чувствует логику языка» (ИИ Gemini 2.0/2.5). Отметим, что в уставах ни одного из других упоминавшихся выше «именных» университетов аналогичного сокращенного наименования нет.

Во-вторых, и это еще важнее: в России есть университет, который в прямом смысле этих слов следует называть «Университет Лобачевского» – это Императорский Казанский университет, ныне – Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ). Здесь нет места напоминать хорошо известные факты о деятельности Н.И. Лобачевского, превратившей этот небольшой провинциальный университет в университет европейского уровня.

Однако КФУ не носит имя Н.И. Лобачевского: в 1925 году Казанскому университету было присвоено имя В.И. Ульянова-Ленина, который был студентом Императорского Казанского университета с августа по декабрь 1887 года. В 2010 году при реорганизации в Казанский (Приволжский) федеральный университет имя В.И. Ульянова-Ленина исчезло из наименования вуза.

Что же делать с некорректным, на мой взгляд, сокращением? Самым правильным было бы удалить это сокращенное наименование из Устава университета (скажем, при следующем внесении изменений в Устав), из фирменного стиля и из употребления на официальном сайте. Однако сомневаюсь, что кто-то станет это делать. Поэтому призываю руководителей, преподавателей и студентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского по возможности избегать употребления этого сокращения.

Список литературы

1. Андронов 1948 – Андронов А.А. Где и когда родился Н.И. Лобачевский // Газета “Горьковская коммуна”. 09.05.1948.
2. Андронов 1956 – Андронов А.А. Где и когда родился Н.И. Лобачевский (Записка о месте и дате рождения Н.И. Лобачевского) // Историко-математические исследования. 1956. Вып. 9. С. 9-48.
3. Архив ННГУ – Архив ННГУ, Фонд Р-377. Опись 8. Дело 9394.
4. Кузнецов 2016 – Кузнецов А.А., Федосеева К.В. Доклад члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского об истории Нижегородского государственного университета // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 4. С. 42–54.
5. Полотовский 2007 – Полотовский Г.М. Как изучалась биография Н.И. Лобачевского // Историко-математические исследования. 2007. Вып. 12 (47). С. 32–49.
6. Постановление 1918 – Постановление Совета Народных Комиссаров. Об упразднении Нижегородского Политехнического Института. URL: https://istmat.org/node/30538 (дата обращения 24.04.2026)
7. Привалова 1956 – Привалова Н.И. Дом, в котором родился Н.И. Лобачевский // Историко-математические исследования. 1956. Вып. 9. С. 49-64.
8. Университет 1978 – Университет, рожденный Октябрем. 1918–1978 / [редкол.: А.Ф. Хохлов и др.]. – Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1978. 192 с.
9. Устав 2017 – Устав федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (новая редакция). URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/http://www.unn.ru/site/images/docs/obrazov-org/

10. Ustav_28.08.2017.pdf (дата обращения 24.04.2026)
11. Хохлов 2001 – Хохлов А.Ф. Университет, рожденный трижды. История создания и становления Нижегородского университета. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. 377 с.

УДК 514.01:51(091)

Т.Ф. ОСИПОВСКИЙ И Н.И. ЛОБАЧЕВСКИЙ О РОЛИ АНАЛИЗА И СИНТЕЗА В ГЕОМЕТРИИ

Родин Андрей Вячеславович

Доктор философских наук

Независимый исследователь

E-mail: andrei@philomatica.org

Аннотация: В работе сравниваются взгляды Тимофея Федоровича Осиповского (1766–1832) и Николая Ивановича Лобачевского (1792–1856) на роль анализа и синтеза в геометрии.

Ключевые слова: Т.Ф. Осиповский, Н.И. Лобачевский, анализ и синтез в геометрии.

T.F. OSIPOVSKY AND N.I. LOBACHEVSKY ON THE ROLE OF ANALYSIS AND SYNTHESIS IN GEOMETRY

Rodin Andrei

Doctor Sc.

Independent Researcher

Abstract: The work compares the views of Timofey Fedorovich Osipovsky (1766–1832) and Nikolai Ivanovich Lobachevsky (1792–1856) on the role of analysis and synthesis in geometry.

Keywords: T.F. Osipovsky, N.I. Lobachevsky, analysis and synthesis in geometry.

Тимофей Федорович Осиповский (1766–1832) является автором трехтомного «Курса математики», изданного в период с 1801 по 1823 год, созданного на основе курса элементарной математики, который Осиповский читал в Московском главном народном училище и позднее – в Петербургском педагогическом институте. Впоследствии «Курс математики» Осиповского служил основой математического образования в Харьковском университете, где Осиповский занимал должность ректора с 1813-го по 1820-й год [Бахмутская 1952].

Среди знаменитых учеников Осиповского харьковского периода следует упомянуть в первую очередь Михаила Васильевича Остроградского (1801–1861), который к своему тридцатилетию успел добиться признания не только российского, но и французского математического сообщества, и который в 1830-м году получил титул (экстраординарного) академика Петербургской академии наук. К сожалению, имя Остроградского осталось в истории отечественной математики связанным также с отрицательным отзывом, который он дал на новаторскую работу Николая Ивановича Лобачевского «Об основаниях геометрии», представленную на суд Петербургской академии в 1832-м году [Каган 1948].

Наряду с профессиональными занятиями математикой, у Осиповского были обширные философские интересы. Хотя анализ философских работ Осиповского выходит за рамки настоящей работы, мы упоминаем об этом обстоятельстве, поскольку философский подход к математике проявляется и в «Курсе математики» этого автора, где можно найти ряд заслуживающих внимания философских комментариев о природе математики, характере математического представления физического пространства и других более специальных математических сюжетах.

В преподавании геометрии (и вообще математики) Осиповский следует подходу Даламбера [Diderot & D'Alembert 1757], который в свою очередь стремится реформировать традиционное преподавание по модели «Начал» Евклида в более прикладном духе, акцентируя ведущую роль математики в физике и в инженерном деле. Вслед за Даламбером и его французскими последователями Осиповский понимает математику как «науку о величинах», определяя при этом математическую величину как «все, что может быть подвергнуто измерению» [Бахмутская 1952]. Вслед за Даламбером Осиповский делит геометрию на лонгиметрию (измерение длин), планиметрию (измерение площадей) и стереометрию (измерение объемов). Те же самые базовые методологические установки мы находим и в геометрических трудах Лобачевского, а также в его педагогических заметках. Однако между Осиповским и Лобачевским существует заслуживающее внимания разногласие по вопросу о роли анализа и синтеза в геометрии.

Осиповский говорит об анализе и синтезе в классическом духе, как о двух последовательных этапах любого исследования (например, решения математической задачи), которое начинается с разложения исследуемого предмета на части и завершается соединением исследованных частей в одно целое. Лобачевский, не отказываясь от традиционных понятий об анализе и синтезе как таковых, тем не менее настаивает на том, что синтез является не завершающим, а только подготовительным этапом математического рассмотрения, тогда как завершающим этапом является как раз анализ.

Как ясно из приводимых Лобачевским примеров, он опирается в первую очередь не на философские соображения и не на историческую традицию, а на современную ему передовую практику преподавания математики, а также на характер современных ему математических исследований, в которых именно аналитические методы (то есть, методы математического анализа и аналитической геометрии) играли ведущую роль, а роль традиционной синтетической геометрии в духе Евклида считалась чисто педагогической. В своих геометрических работах Лобачевский следует принятым им методологическим принципам, касающимся анализа и синтеза, вполне последовательно, используя в своей новой геометрии синтетические методы только для построения интуитивной основы теории и давая точные формулировки аналитическими средствами. В знаменитой статье «Воображаемая геометрия»,

русский вариант которой был опубликован в 1835 г. и французский вариант в 1837 г., Лобачевский фактически отказывается от идеи синтетического обоснования своей новой геометрической теории и представляет ее в виде аналитического исчисления, допускающего пространственно-подобную интерпретацию. Однако такой подход не следует считать окончательной точкой развития геометрических идей Лобачевского, поскольку он возвращается к комбинации синтетического подхода с аналитическим как в немецкой брошюре 1840-го года «Исследования по теории параллельных», так и в своем последнем труде «Пангеометрия» (русская версия опубликована в 1855 г., французская – в 1856 г.)

В связи со сказанным возникают несколько интересных вопросов, ответы на которые требуют дополнительных исследований.

Первый блок вопросов имеет исторический характер и касается возможного влияния математических и философских трудов Осиповского на Лобачевского. Хотя у нас нет прямых свидетельств того, что Лобачевский был знаком с «Курсом математики» Осиповского, такая гипотеза представляется очень вероятной ввиду того, что усилия Лобачевского были также направлены в первую очередь на создание новых учебников, и он был хорошо знаком с уже существующими учебниками, тем более на русском языке. Поскольку в России начала 19-го века именно Осиповский был самым последовательным сторонником подхода Даламбера к преподаванию геометрии, естественно предположить, что он мог оказать в этом плане влияние на Лобачевского. Кажется вероятным, что и свой интерес к теме соотношения анализа и синтеза в математике Лобачевский мог почерпнуть у Осиповского. Возможно, более глубокое изучение архивных и других исторических материалов, относящихся к истории отечественного математического образования, поможет больше узнать о влиянии трудов Осиповского на современников, включая Лобачевского.

Другой интересный вопрос, возникающий в связи со взглядами Лобачевского на роль анализа и синтеза, имеет теоретический характер и относится к логике. Современное понятие об аксиоматической математической теории, по сути, оправдывает традиционный взгляд на анализ, как на эвристическую процедуру и взгляд на синтез – как на процедуру представления готового знания. Математический анализ и аналитическая геометрия с логической точки зрения представляют собой примеры математических рассуждений, в которых эвристическая сила сочетается (или, во всяком случае, может сочетаться) с доказательностью, и которые, таким образом, придают традиционному понятию синтеза новый смысл. В истории логики этот ключевой эпизод исторического развития математики получил свое отражение в «Логике Пор-Рояля» Антуана Арно и Пьера Николя [Arnauld, Nicole 1662], которая, на наш взгляд, еще недостаточно осмыслена с точки зрения современных логических представлений.

Тот факт, что Лобачевский в своих исследованиях вслед за Даламбером сознательно игнорирует аксиоматический подход и часто даже не проводит ясного различия между утверждением и его доказательством, сегодня обычно объясняют тем, что он был слишком увлечен новыми математическими открытиями, чтобы заботиться о логической форме своих сочинений (что, надо признать, существенно затруднило их понимание современниками, включая Остроградского). Однако, на наш взгляд, принципиальный отказ Лобачевского от аксиоматического синтеза в пользу аналитической формы представления геометрической теории требует более глубокого понимания и более внимательной логической реконструкции.

Адекватная реконструкция рассуждений Лобачевского должна принять во внимание то обстоятельство, что в его глазах назначение геометрической теории состоит в том, чтобы служить инструментом для сложных физических измерений и решения возникающих при этом инженерных задач, а вовсе не в том, чтобы показать, как из тех или иных принятых на веру (или просто допущенных в качестве гипотез) аксиом следуют те или иные теоремы. Подобный взгляд на вещи может показаться очень необычным с точки зрения логических и эпистемологических стандартов 20-го века, но компьютерная наука 21-го века, где вопросы автоматического поиска логического вывода оказываются по меньшей мере такими же важными, как и вопросы проверки корректности уже известных выводов, заставляет нас отнестись более внимательно к стилю математических рассуждений, характерному для европейской математики 18-го и начала 19-го века, ярким представителем которой является Николай Иванович Лобачевский.

Список литературы

Бахмутская 1952 – Бахмутская Э.Я. Тимофей Федорович Осиповский и его «Курс математики» // Историко-математические исследования. 1952. Вып. V. С. 28-74.

Каган 1948 – Каган В. Ф. Лобачевский / 2-е изд., доп. М.; Ленинград: Издательство АН СССР, 1948. 506 с.

Arnauld, Nicole 1662 –Arnauld A., Nicole P. La logique, ou l'art de penser. Paris: Jean Guignart, Charles Savreux, & Jean de Launay, 1662. 473 p.

Diderot, D'Alembert 1757 – Diderot D. et D'Alembert J.L.R. Enciclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, en 17 volumes. Paris-Neufchastel: chez Briasson et al., 1751-1765. Vol. 7 (1757). P. 629A-639B.

УДК 51(091)

ЧИСЛА МЕРСЕННА: ЧЕТЫРЕ ВЕКА ОТ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТИ ДО ВОСТРЕБОВАННОСТИ

Семенов Юрий Станиславович

Кандидат физико-математических наук

Российский государственный университет нефти и газа (*национальный научно-исследовательский университет*) *имени И.М. Губкина, доцент*

E-mail: yuri_semenoff@mail.ru

Эпштейн Георгий Львович

Кандидат технических наук, независимый исследователь

E-mail: egl413@gmail.com

Аннотация: Доклад содержит краткую историю исследования чисел Мерсенна, связанных с ними теорем и методов теории чисел, и описание практического применения этих

чисел в настоящее время. На примере Мерсенна обсуждаются личные качества, важные для организатора коллективных фундаментальных исследований.

Ключевые слова: числа Мерсенна, тестирование ЭВМ, моделирование, криптография.

MERSENNE NUMBERS: FOUR CENTURIES FROM CURIOSITY TO DEMAND

Semenov Yuri Stanislavovich
Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University), Associate Professor

Epshteyn Georgy Lvovich
Independent Researcher

Abstract: The report presents a brief history of the research of Mersenne numbers, related theorems and numbers theory methods, and describes their modern practical applications. Using Mersenne as an example, it discusses the personal qualities important for organizing collective fundamental research.

Keywords: Mersenne primes, computer testing, modeling, cryptography.

В книгах «Физико-математические размышления» (1644) и «Новые физико-математические наблюдения» (1647) Марен Мерсенн (Marin Mersenne, 1588 – 1648) опубликовал ряд утверждений о числах, позднее названных его именем: $M_n = 2^n - 1$, где n в общем случае любое натуральное число, а также попытался найти общие правила для выделения подпоследовательности простых чисел среди чисел M_n [Вавилов, 2020, с. 9].

Перечислим некоторые свойства чисел M_n.

1) Если n простое, то M_n может быть простым или составным. Например, составное M_{11}= 2047 = 23*89 и простые M_2=3, M_3=7, M_5=31, M_7=127, M_{13}=8191, M_{17}=131071, M_{19}=524287, M_{31}=2147483647.

2) Будучи значениями показательной функции натурального аргумента, числа Мерсенна быстро достигают астрономических величин.

3) В двоичном представлении числа M_n являются репьюнитами (repeated unit), например, $M_7 = 2^7 – 1 = 1\ 111\ 111$. Это очень упрощает их вычисление.

4) Ещё одной важной особенностью чисел M_n является наличие удобного критерия Люка – Лемера (François Édouard Anatole Lucas, 1842 – 1891; Derrick Henry Lehmer, 1905 – 1991) их простоты: M_n *простое число тогда и только тогда, когда оно делит нацело* $n – 1$ *элемент последовательности чисел* $L_1 = 4$, $L_n = L_{n-1}^2 - 2$; заметим, что ограниченность разрядной сетки ЭВМ и недостатки правил округления могут повлечь ошибочные выводы о простоте числа по критерию Люка – Лемера.

В античности интересовались совершенными числами, которые равны сумме всех своих собственных натуральных делителей. Евклид доказал, что формула $2^{n-1}(2^n - 1)$, где n и $(2^n - 1)$ простые, даёт совершенные числа. Поиск совершенных чисел сводится к поиску простых чисел Мерсенна. Самое большое известное на сегодня простое число Мерсенна $2^{136\,279\,841} – 1$ насчитывает 41 024 320 цифр. Из 11 самых больших полученных простых чисел 10 являются числами Мерсенна.

Если первоначально для получения и проверки простоты чисел Мерсенна требовалось только вычислительное мастерство и такие факты теории чисел, как решето Эратосфена, малая теорема Ферма и теорема Ферма – Эйлера, то по мере быстрого роста разрядности пришлось открывать новые подходы, например, упомянутый критерий Люка – Лемера, критерий Миллера – Рабина, решето Аткина. Для целых чисел с десятками и сотнями тысяч разрядов понадобились новые способы выполнения арифметических операций, например, алгоритм для умножения Харви – ван дер Хувена; алгоритм для деления Бурникеля – Циглера. Появился «Общий метод решета числового поля» для факторизации огромных чисел (GNFS).

История чисел Мерсенна – это яркий пример того, как сотни лет бескорыстных фундаментальных изысканий завершаются с началом информационной революции практическим применением в самых актуальных областях человеческой деятельности.

Так, *факторизация сверхбольших чисел в силу захвата всех ресурсов ЭВМ и большой длительности вычислений оказалась наилучшим средством тестирования новых компьютеров на надёжность и устойчивость работы.*

Развитие вероятностного моделирования также привлекло внимание к сверхбольшим простым числам Мерсенна для получения последовательностей псевдослучайных чисел. Первый алгоритм генерации псевдослучайных чисел с использованиемM_{19937} был разработан в 1997 году Макото Мацумото и Такудзи Нисимуро и был назван Mersenne Twister (MT19937).

Ещё одно важное применение чисел Мерсенна нашлось в криптографии для создания надёжного шифрования. Примером является криптографически защищённый генератор псевдослучайных последовательностей CryptMT, внутри которого используется Mersenne Twister (Мацумото и Нисимуро совместно с Марико Хагито и Муцуо Сайто). Этот генератор может применяться в криптосистеме RSA (Rivest, Shamir, Adelman), основанной на вычислительной сложности факторизации многоразрядного числа с двумя большими простыми множителями.

Для иллюстрации надежности своей системы авторы RSA зашифровали в 1977 г. некоторую английскую фразу в виде целого 129-разрядного числа $m = pq$ и указали, что p и q – 64- и 65-разрядные простые числа, а открытый ключ шифрования $E = 9007$. Д. Аткинс, М. Граф, А. Ленстра, П. Лейланд в 1994 г. расшифровали сообщение. Это потребовало теоретических изысканий и затрат огромных ресурсов. Финальный штурм занял 220 дней, 600 добровольцев и около 1600 компьютеров.

Постоянные проблемы организаторов и спонсоров фундаментальных исследований состоят в том, чтобы отделить глубокие перспективные исследования от сомнительных тупиковых изысканий. История науки знает немало ошибок как первого, так и второго рода. Только интуиция коллективов крупных учёных может минимизировать вероятности этих ошибок. Обращаясь к истории таких экспертных сообществ, небесполезно вспомнить опыт Марена Мерсенна.

Мерсенн, родившийся в небогатой, но образованной семье сельского служащего, получил очень основательное гуманитарное образование и ещё в молодости решил посвятить свою жизнь интеллектуальной работе и нравственному примеру. Это привело его в 23 года в монашеский орден Минимов святого Франциска из Паолы (1416 – 1507). Статус нищенствующего монаха позволял ему иметь постоянную келью и должность профессора в монастыре Благовещения на Королевской площади Парижа, а также сравнительно благополучно путешествовать по воюющей Европе в годы тридцатилетней войны (1618 – 1648), останавливаясь в монастырях. Как показывает история тысячелетий научной мысли, учёному необходимы: время для размышлений, средства для опытов и экспедиций, общение с

равными по интересам и фиксация достигнутого в камне, на папирусе, пергаменте, бумаге. У руководства своего ордена Мерсенн нашёл понимание всех этих потребностей.

Завоевав себе имя авторитетного теолога, защитника официальной католической доктрины, Мерсенн после сближения в двадцатых годах XVII века с Фабри де Пейреском, Пьером Гассенди (1624) и Рене Декартом (1626) стал всё больше склоняться к естественно-научной деятельности. Интуитивно осознав место циклоиды в развитии математики, привлёк к исследованию её свойств таких математиков, как Роберваль, Ферма и Декарт. Занимаясь акустикой, измерил скорость распространения звука, искал зависимость частоты колебаний струны от её длины, массы и силы натяжения. Мерсенн предложил две схемы зеркального телескопа. Его «Универсальная гармония» (1636) была энциклопедией музыкального искусства. Энциклопедический характер имели и другие книги Мерсенна по физике и математике. Вслед за Аврелием Августином и Оноре Фабри отстаивал приоритет научных фактов при истолковании библейских текстов и был решительным противником всяческой эзотерики.

Но учёный задумывался и о способах объединения научной мысли, что следует из его письма к Фабри де Пейреску (1580 – 1637) от 5.07.1845: «*Я хотел бы, чтобы мир стал таким, когда можно было бы создать Академию не для одного города, как это делается здесь и в других местах, а если и не для всей Европы, то по крайней мере для всей Франции, которая поддерживала бы свои связи перепиской, что нередко полезнее очной дискуссии, где зачастую слишком горячо оспаривают иные мнения, уводя этим обсуждение от сути дела*» [Goldstein 2013, p. 253]. До 1648 г. он сам в единственном числе был во Франции академией наук с общеевропейскими связями, а Французская королевская академия наук появилась только в 1666 году, объединив парижские научные кружки.

Изданная с 1932 по 1988 гг. 17-томная переписка Мерсенна насчитывает 1904 письма на французском, латинском, английском, голландском и итальянском языках с 1617 по 1648 годы с упоминанием не менее 300 лиц. Широк круг очных контактов в Париже и во время поездок по Франции, Германии, Фландрии, Голландии, Италии, а также во время еженедельных научных бесед в монастырской келье Мерсенна. Илларион де Кост (Hilarion de Coste, 1595 – 1661), первый биограф, ученик и ближайший друг Мерсенна, приводит список 180 посетителей его кельи.

Какие качества отличали Марена Мерсенна и доставили ему такое исключительное место в научном сообществе Западной Европы XVII века? В первую очередь, это не самые крупные, но *реальные научные достижения и высокая гуманитарная культура его публикаций*, в том числе обзорных и энциклопедических. Не менее существенными являются *широта его интересов и особая интуиция* в выборе как научных идей, так и создателей этих идей. Поддерживая дружбу с крупнейшими учёными своего времени, Марен Мерсенн не становился их апологетом или эпигоном. Он сохранял *научную независимость и объективность* в оценке их сильных и слабых сторон и преследовал собственные научные цели. Лейбниц имел все основания писать: «… он был между Робервалем, Ферма, Гассенди, Гоббсом и, не разделяя их догм, он был вне всех их» [Lenoble 1943, p. 597].

В нередких конфликтах между крупными учёными Мерсенн служил своеобразным *посредником-модератором,* принимая письма от одной стороны, а в письмах другой стороне излагал позицию первой, смягчая резкости [Goldstein 2013, p. 254]. Он был *неконфликтным человеком* и умел обозначить свою позицию, не подавая повода для нападок. Поражала также его *неутомимая работоспособность*. Мерсенн был *преданным научной истине естествоиспытателем, нравственным и гуманным человеком*.

Главное в незаурядных личностях иногда особенно ярко раскрывается последним актом их существования. Пьер Гассенди был до конца у постели умирающего Мерсенна и через три дня после его кончины писал своему знатному покровителю: «В предсмертный час он попросил врачей провести вскрытие его трупа; он хотел, чтобы посредством этого они узнали бы неизвестную им природу его болезни, чтобы это знание помогло им лечить других, страдающих от того же недуга» [Wikipédia en Français, web].

Список литературы

1. Вавилов 2020 – Вавилов Н.А. Компьютер как новая реальность математики: III. Числа Мерсенна и суммы делителей // Компьютерные инструменты в образовании. 2020. №4. С. 5-58.
2. Goldstein 2013 – Goldstein C. Routine controversies: Mathematical challenges in Mersenne's correspondence // Revue d'histoire des sciences. 2013. Tome 66. No 2. P. 249-273.
3. Lenoble 1943 – Lenoble R. Mersenne ou la naissance du mécanisme // Paris: J. Vrin, 1943. 633 p.
4. Wikipédia en Français, web – URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Marin_Mersenne (доступ 20.03.2026).

УДК 51(091)

ИЗ РАННЕЙ ИСТОРИИ МАТЕМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: ОТ «ФИГУРЫ КРИВОЙ» К ПОНЯТИЮ ГРАФИКА ФУНКЦИИ

Синкевич Галина Ивановна

Д.ф.-м.н.

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, кафедра математики, профессор

E-mail: galina.sinkevich@gmail.com

Аннотация: Рассматривается трансформация понятия «геометрическое место точек» раннего периода развития математического анализа и аналитической геометрии в понятие «график функции». Тремя основными кривыми, изучаемыми в научных трудах XVI-XVII вв., были гипербола, логистическая кривая и логарифмическая спираль (П. Ферма, Р. Декарт).

Это был расцвет эпохи «построения уравнений». Попутно развивались понятия переменной, взаимного соответствия переменных. На рубеже XVII-XVIII вв. зародилось понятие функции (Я. Бернулли, И. Бернулли, Г.В. Лейбниц, Л. Эйлер). Формировалось понятие числовой прямой (М. Штифель, Дж. Валлис), терминология координатного метода

(Г.В. Лейбниц, старшие Бернулли, Л. Эйлер). В XVII в. появились первые графики круговых и некоторых элементарных функций (Ж. Роберваль, Г. де Сен-Винсент, Ф. де ла Гир, Б. Паскаль). В начале XVIII в. математики уже использовали слабо формализованные декартовы прямоугольные и косоугольные координаты, полярные координаты (старшие Бернулли). К середине XVIII в. Эйлер обобщил и формализовал весь накопленный предшествующими математиками опыт, систематически изложив координатный метод, формулы преобразования координат двумерного и трехмерного пространства, полярные, цилиндрические и сферические координаты. Л. Эйлером и А. Клеро были получены уравнения прямой, плоскости, окружности, сферы, других плоских и пространственных кривых и поверхностей.

Ключевые слова: История математического анализа, геометрическое место точек, график, функция

ON THE EARLY MATHEMATICAL ANALYSIS HISTORY: FROM THE "FIGURE OF CURVE" TO THE GRAPH OF THE FUNCTION

Sinkevich Galina Ivanovna

Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Professor

Abstract: The article examines the transformation of the concept of "locus of points" from the early period of mathematical analysis and analytical geometry into the concept of "graph of a function." The three main curves studied in scientific works of the 16th and 17th centuries were the hyperbola, the logistic curve, and the logarithmic spiral (P. Fermat, R. Descartes).

This was the heyday of the era of "equation construction." The concepts of variable and the mutual correspondence of variables developed simultaneously. At the turn of the 17th and 18th centuries, the concept of function emerged (Jakob Bernoulli, Johann Bernoulli, G.W. Leibniz, L. Euler). The concept of the number line (M. Stiefel, J. Wallis) and the terminology of the coordinate method (G.W. Leibniz, the elder Bernoullis, L. Euler) gradually developed. In the 17th century, the first graphs of circular and some elementary functions appeared (J. Roberval, G. de Saint-Vincent, Ph. de La Hire, B. Pascal). At the beginning of the 18th century, mathematicians were already using loosely formalized Cartesian rectangular and oblique coordinates, as well as polar coordinates (the elders Bernoullis). By the mid-18th century, Euler had generalized and formalized the accumulated experience of previous mathematicians, systematically presenting the coordinate method, formulas for transforming coordinates in two- and three-dimensional space; polar, cylindrical, and spherical coordinates. Euler and Clairaut derived equations for a line, a plane, a circle, a sphere, and other plane and spatial curves and surfaces.

Keywords: History of mathematical analysis, locus of points, graph, function.

К середине XVII в. развитие механики и техники создало запрос на практическую геометрию, обогащенную алгеброй и теорией рядов: возникает т.н. подземная геометрия

(маркшейдерское дело и подземная геодезия); возникают новые практические приемы приближенного вычисления квадратур, трансцендентные функции и константы представляются рядами [Синкевич 2022, с. 247].

Классическая античная геометрия уже не могла дать ответы на предъявляемые задачи. В последней трети XVII в. появляются труды И. Ньютона и Г.В. Лейбница по началам математического анализа, возникает потребность в понятии функции и ее геометрического образа. Основные изученные к тому времени кривые были античного происхождения: конические сечения, спираль Архимеда, квадратриса Гиппия, конхоида Никомеда, циссоида Диоклеса и др. Для построения некоторых из них создавались механические устройства для их вычерчивания.

В Новое время описана логарифмическая спираль (А. Дюрер, 1525), позже – логистическая кривая, т.е. логарифмика, используемая для вычисления сложных процентов (Я. Бернулли, 1690, Э. Галлей, 1695–1697). На чертежах эти кривые располагались произвольно, в лучшем случае вместе со своей асимптотой, совместно с какой-либо другой кривой, либо относительно произвольной оси. Для сопоставления вычисляемых значений, как правило, строили две параллельных прямых, либо две кривых, на каждой из которых откладывали соответствующие друг другу значения. Например, Э. Галлей в задаче о длине меридиана откладывал отрезки с общим началом: $1,\ (1+x),\ (1+x)^2,\ (1+x)^3$ и т.д., где x мало́ [Halley 1695–1697, p. 202-214]. На другой шкале откладывались значения соответствующей арифметической прогрессии из показателей 0, 1, 2, 3, … Для нахождения решений уравнений широко применялся поиск точек пересечении кривых (такой метод до конца XVIII в. назывался «построение уравнений»).

Понимание кривой (и поверхности) как геометрического места точек позволяло избегать установления соответствия между значениями переменной и значениями функции, пока понятия переменной и функции еще не были формализованы. Кривую не вычерчивали по точкам, а строили по соотношению характерных отрезков в соответствии с ее свойствами, как, например, строили эллипс с помощью нити (задача садовника), либо с помощью специального эллиптического циркуля; форма цепной линии определялась путем очерчивания цепочки, закрепленной двумя булавками на стене (Я. Бернулли). Равным образом те математические объекты, которые мы сейчас считаем функциями, воспринимались лишь как регулярный инструмент для вычисления (логарифмика, круговые функции и мн. др.). Например, логарифмическая функция (в нашем понимании) была лишь квадратурой гиперболы и инструментом для вычисления площади между гиперболой и ее асимптотой, либо инструментом для вычисления сложных процентов (Я. Бернулли), либо, как у Лейбница [Leibniz 1691], средством для построения цепной линии. Синус был лишь хордой, и только в 1634 г. Ж. Роберваль впервые построил синусоиду.

Графики обратных тригонометрических функций появились на рубеже XVII и XVIII вв. в работах Лейбница и братьев Бернулли. В первой половине XVII в. началось изучение разнообразных алгебраических и механических (трансцендентных) кривых: спирали, циклоиды, трактрисы, гипоциклоиды, веларии, фуникулярии, эластики и мн. др.

Началось развитие аналитической геометрии (П. Ферма, Р. Декарт, Ф. де Бон, Ф. ван Схоутен). Сближение алгебры и геометрии, усиление инфинитезимальных методов позволили

поставить новую задачу о проявлении зависимости переменных количеств и аналитических выражений, и геометрическом воплощении этой зависимости.

Как говорил Вейерштрасс в своих лекциях 1857 г., «*Слово «функция» начал использовать Лейбниц, однако первоначально понятие функции не было чётким. Сначала названия появлялись при некоторых исследованиях алгебраических кривых, когда вычислялись их арифметические выражения через абсциссу, подобно нашим функциям, например, ординаты, длины касательной до точки пересечения с осью абсцисс. В дальнейшем так стали называть величину, посредством которой другая величина вычисляется с помощью простой определённой арифметической операции. Якоб Бернулли сделал на этом основании вывод, что величина, вычисляемая посредством простых арифметических операций над названной величиной, есть функция от величины названной. Лейбниц унифицировал это предложение, и его определение понятия функции осталось на долгое время господствующим. <…> Наряду с определением функции как арифметического выражения нашлось, однако, другое. Иоганн Бернулли, брат Якоба, указывал на то, что величины имеют геометрическое или естественное происхождение, и каждое значение величины или нескольких разных величин соответствует особого рода непрерывному изменению одной величины или одному непрерывному изменению, влекущему её существование, и зависимость арифметических выражений друг от друга поясняет и подтверждает такое существование*» [Weierstrass 1989, с. 20-21].

Приведем определение функции, данное Лейбницем. В статье «Рассуждения о различии между обыкновенным анализом и новым исчислением трансцендентных» [Leibniz 1694, p. 404-406] Лейбниц вводит ортогональные вспомогательные оси и впервые постулирует функциональную связь между переменными, т.е. между абсциссой и ординатой: «*Я называю функциями* (*fonctions*) *всякие части прямых линий, которые получают, проводя бесконечные прямые, соответствующие неподвижной точке и точкам кривой, каковы: абсцисса, ордината, хорда, касательная, нормаль, подкасательная, поднормаль, …, и бесчисленное множество других, построение которых более сложно*» [ibidem, с. 405]. Лейбниц же в своих статьях перечислил основные геометрические и механические задачи, которые позволяют проводить исследование функций с помощью новых методов анализа: определение интервалов монотонности, направление выпуклости, спрямление и квадрирование кривой, определение центров тяжести дуг и площадей. Но сначала у Лейбница и его современников геометрический образ функции являлся геометрическим местом точек, удовлетворяющих ряду условий. Связь между понятием функции и зависимостью переменных количеств еще не была явной.

Впервые график цепной линии как множества точек с ординатами, соответствующим данным абсциссам, был построен в статье Лейбница «О линии, форму которой принимает гибкое тело под собственным весом, и о её замечательном применении для нахождения сколь угодно большого числа средних пропорциональных и логарифмов» [Leibniz 1691]. Координатных осей, как таковых, у Лейбница нет, но есть базовая горизонтальная ось и вертикальная ось симметрии цепной линии, по которой он отмеряет ординаты. Таким образом, он устанавливает соответствие абсцисс и ординат, и получает вербальный закон образования цепной линии.

Революционным шагом в геометрическом представлении функции стал труд Леонарда Эйлера «Введение в анализ бесконечно малых» (1748), в котором Л. Эйлер обобщает

определение функции, данное его учителем И. Бернулли, и формулирует определение функции, сохранявшее актуальность до появления определений Петера Густава Дирихле (1843) и Николая Ивановича Лобачевского (1837). Л. Эйлер пишет: «*Весь анализ бесконечных вращается вокруг переменных количеств и их функций. Я не пользуюсь никакими другими вспомогательными средствами, кроме уравнения, выражающего природу той или иной кривой линии, и показываю, как из этого уравнения можно вывести как фигуру кривой, так и ее основные свойства. Функция переменного количества есть аналитическое выражение, составленное каким-либо образом из этого переменного количества и чисел или постоянных количеств. Функция переменного количества сама будет переменным количеством*» [Эйлер, 1961, т. 1., с. 19-24]. Во втором, геометрическом, томе, Эйлер дает первое систематическое изложение координатного метода в современной терминологии: прямоугольные и косоугольные координаты на плоскости и в пространстве; полярные, цилиндрические и сферические координаты, преобразования координат; уравнения кривых в различных системах координат. Здесь впервые Эйлер рассматривает кривые линии как «порожденные функциями», и впервые же Эйлер обосновывает, что линейное уравнение определяет прямую. Заметим, что пространственные кривые исследовал А. Клеро [Clairaut 1731], он же показал, что линейное уравнение в трехмерном пространстве определяет плоскость. Начиная с работ Л. Эйлера и А. Клеро графики функций стали постепенно входить в учебники математического анализа и аналитической геометрии, в XIX в. уже повсеместно. Понимание числовой прямой как точечного множества пришло позже, в работах Э. Гейне, Ш. Мере, Р. Дедекинда и Г. Кантора.

Список литературы

1. Синкевич 2022 – Синкевич Г.И. Иоганн Альбрехт Эйлер и его неопубликованная рукопись по истории геометрии // Чебышевский сборник. 2022. Т. 23. Вып. 1. С. 236-268.
2. Эйлер 1961 – Эйлер Л. Введение в анализ бесконечно малых. М.: ГИФМЛ, 1961. Тома 1 и 2. Т.1. С. 19-24.
3. Clairaut 1731 – Clairaut A.C. Recherches sur les courbes à double courbure. Paris: Chez Nyon, Didot, Quillau. 1731.
4. Halley 1695–1697 – Halley E. An Easy Demonstration of the Analogy of the Logarithmic Tangents to the Meridian Line // Philosophical Transactions. 1695 – 1697. Vol. 19. No. 219. P. 202-214.
5. Leibniz 1691 – Leibniz G.W. De Linea in quam flexile se pondere proprio curvat ejusque usu insigni ad inveniendas quotcunque medias proportionales & Logarithmos // Acta Eruditorum, 1691. Junii. P. 277-281.
6. Leibniz 1694 – Leibniz, G.W. Considérations sur la différence qu'il y a entre l'analyse ordinaire et le nouveau calcul des transcendantes // Journal des Sçavans. 1694. L. M. S. T. V. [Journal du 30 août 1694] P. 404-406.
7. Weierstrass 1870 bis 1880/86 – Weierstrass K. Ausgewählte Kapitel aus der Funktionenlehre. Vorlesung gehalten in Berlin 1886 mit der Akademischen Antrittsrede, Berlin 1857 und drei weiteren Originalarbeiten von K. Weierstrass aus den Jahren 1870 bis 1880/86. Teubner-Archiv für mathematic. Band 9, 272 s. Reprint 1989. P. 20–21.

УДК 510.21: 517.95

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ И ОБОБЩЕНИЯ TERTIUM NON DATUR В КВАНТОВЫХ БИЛЛИАРДАХ

Титаренко Сергей Алексеевич
Канд. физ.-мат. наук
Санкт-Петербургская Торгово-Промышленная Палата, с.н.с.
E-mail: titarenko.sa@gmail.com

Аннотация: Рассматривается применение опубликованных в прошлом году результатов автора по клеточным квантовым биллиардам с совпадающим спектром уравнения Шрёдингера. Клеточные подмножества таких биллиардов на евклидовой плоскости согласно известным теоремам Линденбаума-Тарского и Стоуна образуют стоунову алгебру в несвязной топологии, которая является наглядным представлением замкнутой непротиворечивой логической теории. Применение стоуновой алгебры позволяет строго доказать обобщенную формулу двойного отрицания, которая известна в математической логике как одна из аксиом, но здесь непосредственно вытекает из уравнения Шрёдингера и алгебраической логики. Графическая интерпретация логических отношений с помощью несвязных и многосвязных клеточных подмножеств квантовых биллиардов позволяет строить наглядные модели корпускулярно-волнового дуализма, перехода количества в качество и др. явлений, не охватываемых законом исключенного третьего. Эта тематика открывает перспективы углубления логико-философского обоснования математической физики.

Ключевые слова: логические теории, алгебра Линденбаума, биллиарды, алгебры Стоуна.

REPRESENTATION OF LOGICAL THEORIES AND GENERALIZED «TERTIUM NON DATUR» IN QUANTUM BILLIARDS

Titarenko Sergey Alexeyevich
Saint-Petersburg Chamber of Commerce and Industry, senior researcher

Abstract: It is considered an application of author's results on cellular quantum billiards with the same spectrum of Schroedinger's equation. According to well-known theorems of Lindenbum-Tarski and Stone, cellular subsets of such billiards on the Euclidean plane generate Stone's algebra in a disconnected topology and give visual representation of any closed complete logical theory. Using the Stone's algebra one can strictly prove the generalized formula of double negation, which is well-known in mathematical logic as one of its axioms but here it is directly concluded from Schroedinger's equation and algebraic logic. Graphical interpretation of logical connections by means of disconnected and multi-connected cellular subsets of the quantum billiards makes it possible to construct visual models of wave-particle duality, transition of quantity into quality and other phenomena which are not covered with the excluded middle law. These topics opens possibilities to deepen philosophical and logical background of the mathematical physics.

Keywords: logical theories, Lindenbaum algebra, billiards, Stone's algebra.

Принцип tertium non datur представляет собой в логике Аристотеля хорошо известный традиционный закон «исключенного третьего». Он вместе с геометрическими постулатами Евклида был логико-философской основой математики вплоть до работ Лобачевского-Бойяи и последующего создания римановой геометрии. Однако пересмотр оснований геометрии существенно не затронул закона исключенного третьего вплоть до 20-х гг. XX-го столетия – времени формирования квантовой теории. Квантовый постулат корпускулярно-волнового дуализма явно вышел за рамки аристотелевского принципа tertium non datur: квантовая частица «одновременно» есть И корпускула, И волна как двуединая сущность. Нужно было переосмыслить понятие «логической теории», т.е. полного непротиворечивого множества утверждений **L** (исчисления высказываний), из которых с помощью логических операций «И» (конъюнкция), «ИЛИ» (дизъюнкции), «НЕ» (отрицание) строятся новые утверждения в теории **L**. Крупные математики Биргхоф и фон Нейман [Birkhoff Neumann 1936] предложили для логической теории «квантовую логику» с отказом для операций «И» и «ИЛИ» от дистрибутивного закона, аналогичного дистрибутивности умножения и сложения в алгебре. Этот подход интенсивно развивается до нашего времени и имеет огромную литературу – см. глубокий философско-математический труд проф. В.Л. Васюкова [Васюков 2005].

Линденбаум и Тарский [Tarski 1928] предложили другой, гораздо более изощренный и абстрактный подход, предполагающий сохранение дистрибутивности. Если какие-либо утверждения a и b из логической теории **L** равносильны друг другу, т.е. из a следует b, из b следует a, они рассматриваются как одно и то же утверждение $a \approx b$ и относятся к одному классу эквивалентности. Множество таких классов обозначается $\mathbf{L}/\approx$ и образует алгебру Линденбаума с операциями логического умножения, сложения и отрицания «И», «ИЛИ», «НЕ», унаследованными из теории **L**, для которых сохраняется дистрибутивность. В чем главные **достоинства алгебры Линденбаума**? Во-первых, в алгебре $\mathbf{L}/\approx$ автоматически обеспечивается непротиворечивость логической теории, т.к. любые логические операции с элементами алгебры принадлежат ей самой и не выводят из алгебры. Во-вторых, для абстрактной алгебры $\mathbf{L}/\approx$ можно найти изоморфное ей, т.е. алгебраически эквивалентное, представление с помощью другой, удобной и наглядной алгебры подмножеств. А именно, любым логическим утверждениям a, b, c, … из алгебры $\mathbf{L}/\approx$, можно сопоставить их геометрические представления – подобласти $\alpha, \beta, \gamma, \ldots$ из некоторой ограниченной области Ω так, что логическим операциям «И», «ИЛИ», «НЕ» с утверждениями a, b, c, … сопоставляются операции «пересечение», «объединение», «дополнение» с подмножествами $\alpha, \beta, \gamma, \ldots$ из Ω. Эти подмножества по теоремам Линденбаума-Тарского (1932) [Tarski 1928] и Стоуна (1934) [Stone 1936] сами образуют в специальной несвязной топологии алгебру открыто-замкнутых подмножеств [Владимиров 1969, с. 40], именуемую стоуновой алгеброй **S**. Итогом этой теории Линденбаума-Тарского-Стоуна является следующее утверждение:

Теорема. Любая алгебра Линденбаума $\mathbf{L}/\approx$ изоморфна стоуновой алгебре **S** открыто-замкнутых подмножеств из ограниченной области Ω в специальной несвязной топологии.

Реализация именно таких стоуновых алгебр недавно найдена нами в виде **алгебр клеточных квантовых биллиардов** на евклидовой плоскости [Титаренко 2025]. Квантовым биллиардом называют область Ω, внутри которой локализована квантовая частица, которая в отличие от свободной частицы может иметь не произвольную энергию, а бесконечный набор дискретных значений энергии $E_n(\Omega)$, n=1,2,… – это и есть эффект квантования. Этот набор, упорядоченный по возрастанию, образует спектр биллиарда $\mathrm{Spec}(\Omega)=\{E_1(\Omega) \le E_2(\Omega) \le \ldots \to +\infty\}$ и находится из уравнения Шрёдингера $\Delta\Psi_n = -E_n\Psi_n$, где Δ = оператор Лапласа, $\Psi_n =$

волновые функции частицы. Если два биллиарда Ω и Ω' изометричны, т.е. их можно совместить вращениями, сдвигами или отражениями, их спектры, очевидно, совпадают $E_n(\Omega)=E_n(\Omega')$, n=1,2,…. Однако в 1990-х и 2000-х гг. был найден целый ряд примеров **неизометричных** биллиардов Ω и Ω' с **совпадающим** спектром – см. обзоры [Титаренко 1996] и [Giraud Thas 2010]. В работе [Титаренко 2025] доказано, что такие биллиарды – как уже известные, так и еще не найденные, – обязательно являются клеточными и связаны клеточной многозначной изометрией **T**: **T**Ω=Ω'. Клеточная область на плоскости строится отражениями некоторой связной области (клетки) относительно отрезков на границе клетки.

Пример. Шахматная доска есть 64-клеточная область с квадратной клеткой. Две шахматные доски связаны клеточной изометрией **T**: каждой точке из Ω изометрично сопоставляется точка из соответствующей клетки в Ω', размножаемая зеркальными отражениями в остальные клетки Ω', т.е. точка из Ω под действием **T** переходит в несвязное многоточечное множество максимум из 64 дискретных точек в Ω'.

Алгебру Стоуна для изоспектральных биллиардов Spec(Ω)=Spec(Ω') образуют их изоспектральные клеточные подмножества ω из Ω и **T**ω из Ω', связанные многозначной изометрией $\omega=\mathbf{T}^{-1}\mathbf{T}\omega$. При этом многозначная изометрия **T** является везде разрывным отображением, т.е. негомеоморфизмом на языке топологии. Ознакомившись с этими результатами еще до их публикации, д.философ.наук, проф. Назиров А.Э. [Назиров 2019] воспринял их как подтверждение общих идей о ключевой роли негомеоморфизмов в будущей математической физике, которые высказывались 60 лет назад в его выступлениях на известном семинаре МГУ по теоретической физике, руководимом нашим крупным теорфизиком Д.Д. Иваненко.

Несвязные клеточные подобласти и их дополнения, пересечения и объединения согласно теории Линденбаума-Тарского-Стоуна являются «изображениями» утверждений из логической теории **L**. Их легко построить графически (данный доклад будет снабжен наглядными рисунками), иллюстрируя целый ряд эффектов алгебраической логики: переход количества в качество, часть больше целого, конфликтное единство отрицаний и др. В частности, такие иллюстрации дают наглядное доказательство формулы двойного отрицания:

$$\alpha \leq НЕ\ (НЕ\ \alpha), \qquad (1)$$

где символ ≤ для множеств означает «содержится либо равно». Вариант «равно» отвечает принципу tertium non datur: двойное отрицание совпадает с исходным утверждением, а вариант «содержится» означает, что двойное отрицание «шире», больше исходного суждения и целиком содержит его, обобщая закон исключенного третьего. Как оказалось, формула двойного отрицания (1) давно и хорошо известна в математической логике. В частности, с точностью до обозначений, эта формула встречается в статьях отечественных алгебраистов Ф.А. Кабакова [Кабаков 1972] и С.Ю. Маслова [Маслов 1972], написанных свыше полувека назад для авторитетного 5-томного издания «Математическая Энциклопедия». Однако формула (1) указана в этих работах как одна из аксиом, тогда как у нас формула (1) возникает как строгое следствие из уравнения Шрёдингера на основе теории Линденбаума-Тарского-Стоуна. Это означает, что тематика алгебр логики, реализованных в клеточных квантовых биллиардах, далеко не исчерпана и требует внимания математиков и философов.

Список литературы

1. Васюков 2005 – Васюков В.Л. Квантовая логика. М.: ПЕР СЭ, 2005. 192 с.

2. Владимиров 1969 – Владимиров Д.А. Булевы алгебры. М.: Наука, 1969. 320 с.
3. Кабаков 1972 – Кабаков Ф.А. Двойного отрицания закон // Математическая Энциклопедия. 1972. т. 2. С. 25.
4. Маслов 1972 – Маслов С.Ю. Логические исчисления // Математическая Энциклопедия. 1972. т. 3. С. 408-412.
5. Назиров 2019 – Назиров А.Э. Работы разных лет. Сборник статьей (серия «Русское философское наследие»). М.: Изд-во Энциклопедист-Максимум, 2019. 323 с.
6. Титаренко 1996 – Титаренко С.А. Теорема Сунады и последние продвижения в обратной задаче спектральной геометрии // Алгебра и анализ. 1996. т. 8. № 3. С. 14–38.
7. Титаренко 2025 – Титаренко С.А. Клеточные квантовые биллиарды, порождающие представления булевых алгебр // Теор. и матем. физика. 2025. т. 224. № 2. С. 386-402.
8. Birkhoff Neumann 1936 – Birkhoff G., Neumann J. The logic of quantum mechanics // Annal. Math. 1936. Vol. 37. P. 823-843.
9. Giraud Thas 2010 – Giraud O., Thas K. Hearing shapes of drums: Mathematical and physical aspects of isospectrality // Reviews of Modern Physics. 2010. Vol. 82. Issue 3. P. 2213-2255.
10. Stone 1936 – Stone M. The theory of representations for Boolean algebras // Trans. Amer. Math. Soc. 1936. Vol. 41. P. 375-481.
11. Tarski 1928 – Tarski A. Logic, Semantics and Metamathematics. Papers from 1923 to 1938. New York: Hackett Pub. Co., 1983. 536 p.

УДК168

НЕСГОВОРЧИВЫЙ МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ОПОРТУНИЗМ В ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУКАХ

Хлебалин Александр Валерьевич
Кандидат философских наук
Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, старший научный сотрудник
E-mail: sasha_khl@mail.ru

Аннотация: рассматривается проблема эпистемологии прикладной математики в аспекте практического поворота в философии математики. Демонстрируется слабость и неадекватность платонистского подхода в решении проблемы применимости математики в естествознании, ее уязвимость в отношении эпистемологической характеристики доступа к математическим структурам и метафизическая уязвимость в отношении вопроса о соответствии математических и физических структур. В качестве эффективной альтернативы представлен «оппортунистический» подход М. Уилсона, обнаруживающий (а не скрывающий) сложность практического аспекта прикладной математики, выдвигающий «концепцию фасадов» в виде модели ее развития. Проблематизируется важность вопроса о статусе логики в решении прикладных математических задач и ее роли в обосновании принимаемого решения.

Ключевые слова: прикладная математика, оппортунизм прикладной математики, эпистемология прикладной математики.

UNCOOPERATIVENESS OF MATHEMATICAL OPPORTUNISM IN NATURAL SCIENCE

Khlebalin Aleksandr Valerievich
Institute of Philosophy and Law of the Siberian Brench of the Russian Academy of Science

Abstract: The problem of the epistemology of applied mathematics is considered in the context of the practical turn in the philosophy of mathematics. The weakness and inadequacy of the Platonist approach to addressing the applicability of mathematics in the natural sciences are demonstrated, as well as its vulnerability to the epistemological characterization of access to mathematical structures and its metaphysical vulnerability to the question of the correspondence between mathematical and physical structures. As a better alternative, M. Wilson's opportunistic approach is presented, revealing (rather than concealing) the complexity of applied mathematics practice and proposing the «concept of facades» as a model for the development of applied mathematics. The importance of the status of logic in solving applied mathematical problems and its role in justifying decisions is problematized.

Keywords: applied mathematics, opportunism in applied mathematics, epistemology of applied mathematics.

Тезис о необъяснимой эффективности математики в естественных науках Ю. Вигнера и тезис Куайна-Патнема как реакция на него являются центральными в философии математики. Через призму этих тезисов чаще всего рассматривается проблема применимости математики. Недавнее обращение к ним Р. Пенроуза фактически означает применимость математики в онтологической сфере и формулировку одного из аргументов в пользу математического платонизма, но такой ход отодвигает на «задний план» эпистемологическое измерение проблемы. В связи с этими соображениями обращение к эпистемологии применения математики поднимает вопросы эпистемического доступа к математическим сущностям, которые ставят перед платонистами сонм проблем, путь к которым открывает аргумент Бенацеррафа.

Если мы покинем платоновские небеса, находящиеся в чудесной гармонии с физической реальностью, и обратимся к практике применения математики в решении естественно-научных задач, то мы увидим удивительную сложность вместо гармонии своего рода изоморфизма, которая грезится платонисту. «Начнём с простого наблюдения: прикладная математика может быть очень сложной! Нередко случается, что основные физические принципы требуют от нас построения некоторого синтаксически простого набора дифференциальных уравнений, но затем оказывается практически невозможным извлечь из них важную информацию. Как однажды заметил Чарльз Пирс, нельзя заставить набор таких уравнений раскрыть свои секреты, просто нападая на них, как Дон Кихот. В результате прикладные математики часто вынуждены прибегать к окольным и сомнительным рационализированным допущениям, если хотят добиться какого-либо полезного прогресса». [Wilson 2000a, p. 296]. Упускаемая онтологической перспективой анализа применения математики в естественных науках, эпистемологическая проблема извлечения «важной информации из синтаксически простого набора дифференциальных уравнений» представляется гораздо более плодотворной, чем постулирование платоновской гармонии. Марк Уилсон, которому мы обязаны смещением фокуса внимания к эпистемологической стороне применения математики в естествознании, предлагает различать две позиции в вопросе применимости (видимо, намеренно избегая онтологизированных реалистских и анти-

реалистских ярлыков), названные им оппортунизмом и оптимизмом. Оптимизм, онтологической основой которого является платонизм, широко распространен: «сегодня довольно часто можно услышать, как математику характеризуют как «общую науку о возможных структурах». Предположительно, этот большой набор общих «структур» должен содержать адекватную копию любой «физически возможной структуры», которую мы могли бы когда-либо приписать физическому миру, исходя из того, что если структура вообще когерентна, то у нее должен быть подходящий представитель в математике» [Wilson 2000a, p. 297]. Тогда как оппортунизм заявляет, что «задача прикладного математика состоит в том, чтобы искать особые обстоятельства, которые позволяют математике сказать что-то полезное о поведении физических объектов» [Wilson 2000a, p. 299].

Оптимизм, провозглашая вариант «предустановленной гармонии» математических и физических структур, которая сама по себе ставит колоссальные метафизические проблемы, представляется, скорее, избеганием эпистемологических вопросов применимости математики, «заметая под ковер» реальную деятельность прикладного математика и тех средств, которыми ему удается извлечь информацию из «нагромождения синтаксических структур уравнений». В убедительных примерах решения задач прикладной математики Уилсон демонстрирует существенное различие между физическими и математическими структурами.

Ограниченность места заставляет нас опустить все примеры и непосредственно обратиться к утверждению о том, что альтернатива между математическим оптимизмом и математическим оппортунизмом касается взаимосвязи между двумя уровнями математической структуры: основными и вспомогательными уравнениями, или уравнениями и их граничными условиями. Оппортунистический подход в прикладной математике исходит из следующих допущений: (1) поскольку нет предварительной гарантии успеха оптимистической стратегии, структура аксиоматики не будет полной, поскольку прагматические критерии будут играть неотъемлемую роль также внутри самой этой структуры, а не только при ее выборе; (2) не существует четкого разделения между математической и физической онтологией.

Вне всякого сомнения, концептуальная основа, основные и вспомогательные уравнения и оппортунистические методы должны быть эмпирически адекватными. Преимущество аксиоматики в духе оппортунизма заключается в том, что эмпирическая адекватность – это единственная «точка соприкосновения» с физическим миром. Нет необходимости приписывать миру свойства, которые в принципе нельзя математизировать. В этом отношении оппортунизм действительно приводит к обесцениванию проблемы математического реализма: прикладная математика уже предстает *как* «математизированная» физика.

Надежность и обоснованность решений задач прикладной математики является одной из центральных для оппортунистского подхода: «Наиболее полные модели научного рассуждения включают множество не-логических шагов. Для того, чтобы подтвердить их достоверность, известные факты об условиях аргументации, извлеченные из соображений, которые часто выходят далеко за рамки компетенции или понимания [что оправдывает обоснованность в общепринятом оптимистическом представлении], мы должны иметь возможность сформировать узкое представление об «условии истинности», позволяющее отслеживать индивидуальные эффекты нелогических переходов в рамках аргументации» [Wilson 2000b, p. 377f]. Если попытаться кратко обобщить предлагаемый М. Уилсоном подход к оценке модели рассуждения прикладной математики, то можно сделать это следующим образом. Прежде всего, «в отличие от «абсолютистских» попыток обосновать классическую логику, ... мы должны рассматривать доказательства корректности логики в том же самом

предварительном духе» [Ibid, 392], как и «другие формы сложных рассуждений, такие, как численные схемы, используемые для решения дифференциальных уравнений на компьютерах» [Ibid, 372]. Если мы располагаем структурой, достаточной для определения условий истинности, то логике первого порядка можно доверять, но в других случаях ранее принятый логический вывод может оказаться ненадежным.

В оппортунистическом подходе большая роль отводится функциям логики в решении задач прикладной математики. М. Уилсон утверждает, что логический вывод – даже логика первого порядка – может оказаться ненадежным, когда специфические для данной проблемы условия истинности не могут его подтвердить. Таким образом, логика, по-видимому, находится на одном уровне с другими формами разрабатываемых рассуждений, лишаясь своего фундаментального универсального статуса критерия обоснованности решения задачи.

Уилсон обнаруживает упрощенный, инспирированный оптимистской позицией, взгляд на прикладную математику. Предлагаемая им «теория фасадов» обладает несравненно большей объяснительной силой, чем классические платонистские допущения о гармонии математических и физических структур. Одним из самых интересных из поставленных Уилсоном вопросов является, наш взгляд, вопрос о статусе логики в решении прикладных задач математики, имеющий фундаментальное значение и для философии логики.

Список литературы

1. Wilson 2000a – Wilson M. The Unreasonable Uncooperativeness of Mathematics in the Natural Sciences // The Monist. 2000. Vol. 83. №. 2. P. 296-314.
2. Wilson 2000b – Wilson M. Inference and Correlational Truth // Circularity, Definition and Truth. Indian Council of Philosophical Research. New Delhi^ Indian Council of Philosophical Research, 2000. P. 371-395.

УДК 51(091)

К ИСТОРИИ МЕХАНИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ (ДО СЕРЕДИНЫ XX СТОЛЕТИЯ)

Чиненова Вера Николаевна

К.ф.-м.н.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, доцент

E-mail: v.chinenova@yandex.ru

Аннотация: Тридцатые годы XX в. были годами перестройки организационной структуры Московского университета – из физико-математического факультета выделился механико-

математический. В конце 1941 г. на базе кафедры теоретической механики была организована кафедра прикладной механики, которую возглавил член-корр. АН СССР (впоследствии академик) И.И. Артоболевский. Судя по архивным документам, на кафедре теоретической механики уже в эти годы успешно развивались такие разделы механики, как теория гироскопов, теория колебаний, теория машин и механизмов. Из них сложилось самостоятельное направление: прикладная механика. Доклад посвящен истории образования кафедры прикладной механики МГУ.

Ключевые слова: механико-математический факультет МГУ, прикладная механика, гидро- и аэродинамика, баллистика, теория гироскопов, теория колебаний, теория машин и механизмов.

ON THE HISTORY OF THE FACULTY OF MECHANICS AND MATHEMATICS OF MOSCOW STATE UNIVERSITY (UNTIL THE MIDDLE OF THE 20th CENTURY)

Chinenova Vera Nikolaevna

Ph.D.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov, associate professor

Abstract: Thirties of the XX century. were the years of restructuring the organizational structure of Moscow University, the Faculty of Mechanics and Mathematics was separated from the Faculty of Physics and Mathematics. At the end of 1941, on the basis of the Department of Theoretical Mechanics, the Department of Applied Mechanics was organized, headed by corresponding member. USSR Academy of Sciences (later academician) I. I. Artobolevsky. Judging by archival documents, the department of theoretical mechanics already in these years successfully developed such branches of mechanics as the theory of gyroscopes, the theory of oscillations, and the theory of machines and mechanisms. They formed an independent direction: applied mechanics. The report is dedicated to the formation of the Department of Applied Mechanics of Moscow State University.

Keywords: Faculty of Mechanics and Mathematics of Moscow State University, applied mechanics, hydro- and aerodynamics, ballistics, theory of gyroscopes, theory of oscillations, theory of machines and mechanisms.

Точная дата образования кафедры прикладной механики неизвестна. Наиболее вероятным временем ее создания следует считать конец 1941 года. Судя по архивным документам, на кафедре теоретической механики уже в 30-е годы успешно развивались такие разделы механики, как теория гироскопов, теория колебаний, теория машин и механизмов. Из них сложилось самостоятельное направление: прикладная механика. Но далеко не сразу появилась возможность для создания отдельной кафедры [Механика 2005, с. 3].

В перечне специальностей МГУ для Механического отделения утверждены: аэродинамика, гидравлика, сопротивление материалов. «*Подготовка специалистов механиков в области*

теории по математике и механике должна быть настолько значительной, чтобы учащиеся могли по окончании курса следить за соответствующей научной литературой, критически ее оценивать и уметь ... прилагать к научной разработке тех или иных вопросов...» [Материалы 1933].

Первым заведующим Механическим отделением был профессор А.И. Некрасов (1883–1957), затем, с 1932 г. – профессор В.В. Голубев (1884–1954). К этому времени отделение уже вполне сложилось, имело разработанные планы и программы. Тематика прикладной механики занимала значительное место на I Всесоюзной конференции по механике (в мае 1932 г.), на которой были объявлены следующие секции: методологии механики, динамики твердого тела, гидро- и аэродинамики и гидравлики, механики сооружений, баллистики, колебаний.

В апреле 1933 г. в Московском университете восстанавливается факультетская система, вместо отделений было создано шесть факультетов, в том числе механико-математический (приказом по МГУ, 1 мая 1933 г.) [Кудряшова 1982, с.159]. Это событие имело важное значение для развития механики в университете. Были окончательно восстановлены кафедры, утверждены заведующие кафедрами, кафедрам передана вся полнота власти в деле организации учебного процесса [Кудряшова 1982, с.161].

Заведующим кафедрой теоретической механики утвержден профессор А.И. Некрасов, к кафедре прикреплен механический кабинет. В 1933 г. на кафедру теоретической механики Московского университета приглашается крупный специалист в области теории механизмов И.И. Артоболевский (1905–1977), профессор кафедры прикладной механики Московского электромеханического института. С 1 декабря 1933 г. он зачисляется на должность заведующего механическим кабинетом и читает спецкурсы по теории механизмов. Это направление стало одним из профилирующих на кафедре.

Прикладная механика занимает все большее место среди курсов на кафедре теоретической механики. В 1939 г. из семи объявленных этой кафедрой спецкурсов четыре читает Б.В. Булгаков (1900–1952): теорию линейных колебаний, теорию нелинейных колебаний, прикладную теорию гироскопов, специальные главы прикладной теории гироскопов.

Спецкурс по прикладной механике (годовой) читает профессор И.И. Артоболевский, он же руководит семинаром по прикладной механике. Среди «учебно-вспомогательных учреждений» на механико-математическом факультете значится уже «кабинет теоретической и прикладной механики». Среди дипломных работ все большее место занимают работы по теории гироскопов и теории колебаний. При обсуждении 13 апреля 1940 г. вопроса о состоянии курсовых работ на кафедре теоретической механики отмечено, что темами курсовых работ являются различные вопросы из аналитической механики, динамики твердого тела, теории колебаний. При разработке некоторых тем студенты используют материалы кабинета механики, где имеется богатая коллекция механизмов.

В августе1939 г. принят новый устав МГУ. Устав четко определил роль кафедр и факультетов в учебно-научной работе. Приказами по факультету переутверждены кафедры, образованы некоторые новые, но кафедры прикладной механики среди них еще не было. Не было такого приказа ни в 1940 г., ни в первой половине 1941 г. Приказ об образовании кафедры Прикладной механики не удалось найти ни в документах факультета, ни в Архиве МГУ. Очевидно, он был утерян в результате взрыва бомбы, которая 29 октября 1941 г. попала в старое здание университета, где располагался мехмат.

Видимо, кафедра была учреждена в конце 1941 г., так как в январе 1942 г. члену-корреспонденту АН СССР профессору Ивану Ивановичу Артоболевскому было предложено принять заведование кафедрой прикладной механики «по совместительству», как записано в его личном деле [Кудряшова 1982, с.163].

Несмотря на трудности, вызванные войной, на кафедре с первых лет ее существования проводилась плодотворная учебная и научная работа по трем основным направлениям: теория механизмов и машин, теория колебаний и теория гироскопов. В числе важнейших научно-исследовательских работ, выполненных в 1943 г. на факультете, была «Теория нелинейных колебаний систем с приложением к теории регулирования» (руководитель Б.В. Булгаков). Первым штатным заведующим кафедрой прикладной механики стал в 1944 г. профессор Борис Владимирович Булгаков [Материалы «Л»].

В начале пятидесятых годов в промышленности ощущался острый недостаток механиков-гироскопистов. На кафедру была возложена задача готовить ежегодно не менее 25-30 выпускников-гироскопистов. Выпускники кафедры тех лет направлялись, главным образом, в промышленность.

Новый этап развития кафедры наступил после переезда университета в новое здание на Ленинских горах. Были организованы три новые лаборатории: колебаний, гироскопов, автоматического регулирования. Эти лаборатории были оснащены несколькими мощными современными АВМ и рядом сложных гироскопических систем. На этой лабораторной базе был создан по существу новый лабораторный практикум.

В 1952–1956 гг. после кончины Б.В. Булгакова обязанности заведующего кафедрой исполнял профессор Яков Наумович Ройтенберг (1810–1988). В 1956 г. заведующим кафедрой был избран академик Александр Юльевич Ишлинский (1913 – 2003) [Механика 2005].

Список литературы

1. Кудряшова 1982 – Кудряшова Л.В., Пирогов И.З. К истории возникновения и развития кафедры прикладной механики (по материалам Архива МГУ). / История и методология естественных наук. Вып.29. Математика, механика. 1982. С.159-165.
2. Материалы «Л» – Материалы Архива МГУ: Фонд 2, опись 34 «Л», N2 1148, Булгаков Борис Владимирович.
3. Материалы 1933 – Материалы Архива МГУ: Фонд 2, опись 1, N267 (1933–1934 гг.).
4. Механика 2005 – Механика в московском университете / под. ред. И.А. Тюлиной, Н.Н. Смирнова. М.: Айрис-пресс, 2005. 352 с.

УДК 168.51

К РАННЕЙ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТЕРМИНА «МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ»

Шапошников Владислав Алексеевич

Кандидат философских наук
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, философский факультет, заведующий кафедрой философии естественных факультетов
E-mail: shaposhnikov@philos.msu.ru

Аннотация: В настоящее время способность к «моделированию» понимается как чуть ли не универсальная характеристика мышления представителей вида Homo Sapiens, причем всегда и везде. Моделирование – это любое абстрактное репрезентирование или проектирование объектов и процессов. Математическое же моделирование стало практически синонимом какого угодно применения математических понятий и техник для анализа, интерпретации и описания явлений реального мира. Но так было не всегда. Настоящая статья посвящена тому моменту в истории, когда возникает эта терминология. Речь в ней идет о последних двух десятилетиях XIX века и первом десятилетии XX века. Особое внимание уделено переносу термина «модель» с моделей «механических» на модели «математические». В основу проводимого рассуждения положен разбор двух текстов: энциклопедической статьи Л. Больцмана «Модели» (1902) и статьи П. Дюгема «Английская школа и физические теории» (1893), ставшей в доработанном виде главой в книге «Физическая теория» (1906). Осуществляемая в названных текстах рефлексия была спровоцирована практикой использованием «механических моделей» британскими физиками и, в особенности, спорами о статусе системы уравнений Максвелла в электромагнетизме. Новый способ работы с термином «модель» иллюстрируется на примере текстов Э. Маха и Г. Герца. В итоге следует говорить, во-первых, о переносе терминологии моделей с материальных объектов на объекты воображаемые, а затем и чисто теоретические (математические формулы, уравнения и структуры). Во-вторых, о признании наличия принципиального «зазора» между математической моделью и моделируемой реальностью, следствием чего оказывается толерантность к сосуществованию взаимоисключающих моделей одного и того же явления. В заключение высказывается догадка об исторических причинах появления нового, «модельного», понимания применения математики.

Ключевые слова: философия математики, история математики, моделирование, математическая модель, прикладная математика, математика и физика, Людвиг Больцман, Пьер Дюгем.

THE EARLY HISTORY OF THE TERM «MATHEMATICAL MODEL»

Shaposhnikov Vladislav Alekseevich
Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, Head of a Department

Abstract: Nowadays, the ability to "model" is understood as a nearly universal characteristic of the cognitive abilities of the members of the Homo sapiens species, always and everywhere. Modeling is understood as any kind of abstract representation or design of objects and processes. Mathematical modeling has become practically synonymous with any application of mathematical concepts and techniques to the analysis, interpretation, and description of real-world phenomena. But this was not always the case. This article is devoted to the moment in history when this terminology emerged. It discusses the last two decades of the 19th century and the first decade of the 20th century. Particular attention is paid to the transfer of the term "model" from "mechanical" models to "mathematical" models. The analysis of two texts forms the basis of the discussion: L. Boltzmann's encyclopedic

entry "Models" (1902) and P. Duhem's paper "The English School and Physical Theories" (1893), which, in a revised form, became a chapter in his book "The Aim and Structure of Physical Theory" (1906). The controversy in question was prompted by the practice of using "mechanical models" among British physicists and, in particular, by doubts over the status of Maxwell's equations in electromagnetism. This new approach to using the term "model" is illustrated with the help of texts by E. Mach and H. Hertz. Ultimately, we should speak, firstly, of the transfer of model terminology from material objects to imaginary objects, and then to purely theoretical ones (mathematical formulas, equations, and structures). Secondly, of the recognition of the fundamental "gap" between the mathematical model and the reality being modeled, resulting in tolerance for the coexistence of mutually exclusive models of the same phenomenon. Finally, a conjecture is offered about the historical reasons for the emergence of a new, "model-based" understanding of the application of mathematics.

Keywords: philosophy of mathematics, history of mathematics, modelling, mathematical model, applied mathematics, mathematics and physics, Ludwig Boltzmann, Pierre Duhem.

Слово «модель» используется достаточно давно, как минимум, с XV–XVI веков, со времени итальянского Возрождения. Однако вплоть до, по-видимому, второй половины XIX века оно употреблялось в науке по следам того, как его использовали в архитектуре, и обозначало оно искусственно созданный трехмерный объект, как правило, не очень большого размера. Объект этот изготавливался из какого-либо материала (дерева, картона, гипса, папье-маше, проволоки и т.п.), и его можно было не только хорошо видеть глазами, но и повертеть в руках. В математике в XIX веке также начинают изготавливать и использовать в педагогических и рекламных целях подобные «материальные модели» тех или иных замысловатых геометрических объектов [Friedman, Krauthausen 2022, p. 2-6].

Особый интерес представляет тот исторический период, когда слово «модель» начинают переносить с конструирования *материальных* объектов на построение объектов *воображаемых*, а затем и просто *теоретических*. Происходит это, судя по имеющимся у нас источникам, на стыке физики и математики, а точнее – при переходе от классической механики к теории электромагнетизма. Важным свидетельством этого процесса служит статья Людвига Больцмана «Модели», появившаяся в 1902 г. на страницах *Encyclopædia Britannica*. Больцман определяет в ней «модель» как «некоторую осязаемую репрезентацию (a tangible representation), размер которой может быть равен, больше или меньше репрезентируемого объекта, а сам объект может существовать в действительности, а может быть лишь проектом, только еще подлежащим реализации фактически или в мысли» [Boltzmann 1902, p. 788]. Для нас важно, однако, что Больцман этим не ограничивается. Основная часть его статьи посвящена именно новому способу употребления старого термина. Он представляет читателям максимально обобщенную концепцию «репрезентации в мысли», в соответствии с которой, «наши мысли находятся в том же отношении к вещам, что и модели к тем объектам, которые они репрезентируют» [Ibid.]. При этом наличие полного сходства между репрезентируемой вещью и репрезентирующей ее мыслью не предполагается, «корреляция здесь аналогична той, что имеется между мыслью и языком, языком и письмом, нотами и звуками музыки, и т.п.» [Ibid.]. Является ли, согласно Больцману, описание реальности посредством *математических* средств (чисел, геометрических фигур, функций, множеств, дифференциальных уравнений, иных математических структур) разновидностью построения «моделей»? Его ответ остается двусмысленным.

«*Существует* – пишет Больцман – *очевидная параллель между репрезентацией посредством моделей и выражением долготы, расстояния, температуры и т. п. числами, которые следует рассматривать как арифметические аналогии. Родственный характер имеет представление расстояний прямыми линиями, хода событий во времени кривыми и т. д. Тем не менее, ни в этом случае, ни в случае карт, диаграмм, музыкальных нот, рисунков и т. д. мы не можем законно говорить о моделях, поскольку последние всегда подразумевают конкретную пространственную аналогию в трех измерениях*» [Ibid., p. 789].

Если математическое описание строит «модели», то почему он отказывается признавать их таковыми? Если нет, то зачем он так подробно рассказывает о широкой концепции мысленных репрезентаций в своей статье о «моделях»? Ответ достаточно прост: с одной стороны, соответствующее понимание уже налицо, более того, Больцман – его сторонник, с другой – статья свидетельствует, что терминология еще явно не устоялась. В любом случае, Больцман однозначно указывает на ту традицию, которая в современной ему науке служит источником нового понимания. Это традиция британской физики, идущая от Максвелла, но он добавляет к ней также и ряд немецкоязычных физиков: Гельмгольца, Кирхгофа, Маха и Герца.

К максвелловской школе, равно как и к ее немецкоязычным сторонникам и продолжателям, отсылает нас и другой важнейший источник по данному вопросу, книга Пьера Дюгема 1906 года «La théorie physique: son objet et sa structure», содержащая главу «Абстрактные теории и механические модели» [Duhem 1906, p. 108-167; Дюгем 1910, с. 83-124]. Эта глава представляет собой переработанный текст статьи Дюгема 1893 года «L'école anglaise et les théories physiques, à propos d'un livre récent de W. Thomson» («Английская школа и физические теории, по поводу недавней книги У. Томсона») [Duhem 1996, p. 50-74].

Сам Максвелл термин «модель» в интересующем нас смысле не использовал, он говорил об «аналогиях» [Maxwell 1873, p. 47]. Дюгем ссылается, главным образом, на двух других британских физиков, а именно Уильяма Томсона (лорда Кельвина) и Оливера Лоджа, к постоянному использованию которыми «механических моделей» относится крайне негативно: «*Мы надеялись попасть в мирное и заботливо упорядоченное хозяйство дедуктивного разума, а попали на какой-то завод*» [Дюгем 1910, с. 85].

Эти слова сказаны, правда, о научно-популярной книге Лоджа по теории электрических явлений. Лодж ставит себе задачу обойтись в своем рассказе без математики, с этой целью заменяя уравнения наглядными иллюстрациями, опирающимися на «механические модели и аналогии» [Lodge 1889, p. v]. При этом важно учитывать, что соответствующие «механические модели» далеко не всегда были в ту эпоху сугубо воображаемыми, но могли и реально изготавливаться и демонстрироваться на лекциях. В частности, такие материальные механические модели для электромагнитных явлений разрабатывал и использовал Больцман (например, das Bicykelmodell) [Boltzmann 1891, fig. 15].

В этом отношении, по сравнению с книгой Лоджа, больший интерес представляют «Балтиморские лекции» У. Томсона 1884 года. Во-первых, Томсон прямо обращается, скорее, к воображению слушателей, чем к их зрению и осязанию: «представьте себе на минуту что мы создаем грубую механическую модель» [Thomson 1904, p. 12]. Далее он предлагает механическую модель атома (жесткие концентрические оболочки, соединенные пружинками), погруженного в «светоносный эфир». Модель эту он снабжает показательным примечанием: «*Мне кажется, что в этой молекулярной гипотезе должно что-то быть, и что в качестве механического символа* (*a mechanical symbol*), *она несомненно есть не просто гипотеза, но реальность* (*not a mere hypothesis, but a reality*)» [Ibid., p. 14]. Обратим внимание на эту

очаровательную неопределенность! Ведь механическая модель и в самом деле живет где-то в этом *зазоре* между ни к чему не обязывающей иллюстрацией и адекватным способом схватывания реальности.

Размышления Дюгема об употреблении британскими физиками «моделей» весьма проницательны. «*Моделью этой* – говорит Дюгем – *может быть или механизм, построенный из конкретных тел, или ряд алгебраических знаков*» [Дюгем 1910, с. 103]. Он подмечает, что *и с математическими уравнениями они обращаются как с моделями*. По аналогии с «механической моделью», он говорит здесь об «алгебраической модели (le modèle algébrique)» электромагнитных явлений, которая «должна представлять» (в оригинале употреблен глагол imiter – «подражать», «имитировать», «подделывать») соответствующие законы природы, имея в виду, в первую очередь, систему уравнений Максвелла [Дюгем 1910, с. 94-95; Duhem 1906, p. 126].

Дюгем приводит известные слова немецкого максвеллианца Генриха Герца, сказавшего, что теория Максвелла *сводится* к системе уравнений Максвелла. «*Уравнения эти* – пишет Дюгем – *принимаются такими, какие они есть, без всякого обсуждения их, без проверки определений и гипотез, из которых они выведены. Они обсуждаются такими, какие они есть, и полученные из них выводы вовсе не подвергаются контролю опыта*» [Дюгем 1910, с. 107].

В посмертно изданной книге Герца «Принципы механики» [Герц 1959; Hertz 1894] автор с первых страниц вводит концепт «внутренних фиктивных образов или символов» (innere Scheinbilder oder Symbole) внешнего мира, которые мы создаем, чтобы использовать в качестве «моделей» (Modelle) этого мира. Эти образы есть не более, чем «наши представления (Vorstellungen) о вещах». Отсюда следует важнейшая характеристика этих «образов» или «картин» (die Bilder) – *неустранимый зазор между ними и реальностью*, который неизбежно ведет к появлению многообразия *альтернативных* образов одного и того же. Дюгем также прекрасно видит эту особенность мышления моделями.

Эрнст Мах в предисловии (ноябрь 1907) к немецкому переводу книги Дюгема написал: «Модель, как и образ, Дюгем рассматривает как паразитическое растение (für ein parasitäres Gewächs)». И, хотя, в целом он был солидарен с таким взглядом, все-таки добавил, что Дюгем «здесь заходит, по-видимому, слишком далеко» [Дюгем 1910, с. 3-4; Duhem 1908, S. IV].

В своей «Механике» (первое издание 1883 г.) Мах дает нам ранний пример употребления термина «математическая модель»: «Атомная теория имеет в физике подобную же функцию, какую имеют математические вспомогательные представления (mathematische Hülfsvorstellungen): она есть математическая модель для изображения фактов (ein mathematisches Modell zur Darstellung der Tatsachen)» [Max 2000, 417; Mach 1883, S. 464]. Как известно, Мах решительно отвергал реальность атомов, следовательно, и «математическая модель» не есть для него *нечто реальное*, но не более чем временное «вспомогательное представление».

Для нашей темы важно, что немецкий термин «Modell» существовал в обсуждаемый нами период в облаке близких по значению терминов, таких как «Vorstellung» (представление), «Darstellung» (изображение), «Analogie» (аналогия), «Symbol» (символ) и «Bild» (образ, картина). Так, в ранний период (1880-е – 1910-е) термины «модель» и «образ» употреблялись как очень близкие по значению, почти синонимичные. Это так, например, у Эрнста Маха и Генриха Герца. Важнейшим наследником этой традиции оказался «Logisch-Philosophische Abhandlung» (1921) Людвига Витгенштейна. Однако следующая заметная «волна» интереса к проблематике «моделей» поднимется позднее, только в 1950-е – 1960-е годы. Она будет захватывать уже не только и не столько философствующих ученых, как это

было в конце XIX века, сколько профессиональных философов. К ней относятся работы Патрика Суппиза, Макса Блэка, Мэри Хессе, в Советском союзе – В.А. Штоффа, и многих других.

Стоит поставить следующий вопрос: почему именно во второй половине XIX – начале XX в. возникает эта тенденция: интерпретировать способ присутствия математики в физике как построение «математических моделей»? Ответ, по всей видимости, коренится в *новом понимании математики в целом*. Подъем *чистой* математики вызвал параллельный процесс переоценки способа функционирования и статуса *прикладной* математики. Как пишет П. Мэдди: «*… математика получила свободу осуществлять исследования, не предполагающие приложения, поддержку в ней получило создание коллекций структур про запас, выбор из которых предоставляется естествоиспытателям, и даже те математические конструкции, которые действительно работают в приложениях, делают это теперь, обретя новую автономию, в качестве самостоятельных* (*freestanding*) *абстрактных моделей*» [Maddy 2008, p. 36].

Список литературы

1. Герц 1959 – Герц Г. Принципы механики, изложенные в новой связи. М.: АН СССР, 1959. 388 с.
2. Дюгем 1910 – Дюгем П. Физическая теория. Ее цель и строение. СПб.: Образование, 1910. 326 с.
3. Max 2000 – Max Э. Механика. Историко-критический очерк ее развития. Ижевск: РХД, 2000. 456 с.
4. Boltzmann 1891 – Boltzmann L. Vorlesungen über Maxwells Theorie der Elektricität und des Lichtes. I Theil. Ableitung der Grundgleichungen für ruhende, homogene, isotrope Körper. Leipzig: Johann Ambrosius Barth, 1891. 152 S.
5. Boltzmann 1902 – Boltzmann L. Models / Encyclopædia Britannica. The 10th Edition. 1902. Vol. 30 (K-MOR). P. 788-791.
6. Duhem 1906 – Duhem P. La théorie physique: son objet et sa structure. Paris: Chevalier & Rivière, 1906. 450 p.
7. Duhem 1908 – Duhem P. Ziel und Struktur der physikalischen Theorien. Leipzig: Johann Ambrosius Barth, 1908. 380 S.
8. Duhem 1996 – Duhem P. Essays in the History and Philosophy of Science. Indianapolis: Hackett Publishing Company, 1996. 310 p.
9. Friedman & Krauthausen 2022 – Friedman M., Krauthausen K. How to Grasp an Abstraction: Mathematical Models and Their Vicissitudes Between 1850 and 1950. Introduction // Model and Mathematics: From the 19th to the 21st Century. Ed. by M. Friedman and K. Krauthausen. Cham: Birkhäuser, 2022. P. 1-49.
10. Hertz 1894 – Hertz H. Die Prinzipien der Mechanik in neuen Zusammenhange dargestellt. Gesammelte Werke von Heinrich Hertz. Band III. Leipzig: Johann Ambrosius Barth, 1894. 342 S.
11. Lodge 1889 – Lodge O. Modern Views of Electricity. London: MacMillan, 1889. 438 p.
12. Mach 1883 – Mach E. Die Mechanik in ihrer Entwickelung: Historisch-Kritisch Dargestellt. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1883. 494 S.
13. Maddy 2008 – Maddy P. How Applied Mathematics Became Pure // The Review of Symbolic Logic. Vol. 1. Issue 1 (June 2008). P. 16-41.

14. Maxwell 1873 – Maxwell J.C. A Treatise on Electricity and Magnetism. Oxford: Clarendon Press, 1873. 456 p.
15. Thomson 1904 – Lord Kelvin [Thomson W.]. Baltimore Lectures on Molecular Dynamics and the Wave Theory of Light. London: Clay and Sons, 1904. 726 p.

ЧАСТЬ 9

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ ЭКОНОМИКИ

УДК 14:330

РОЛЬ ДИАЛЕКТИКИ В МЕТОДОЛОГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Золотов Александр Владимирович
Доктор экономических наук
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», профессор, заведующий кафедрой
E-mail: zoav6@iee.unn.ru

Аннотация: рассматривается роль диалектики в методологии экономической теории. Обосновывается, что метод экономической теории в снятом виде воспроизводит диалектику «Науки логики» Гегеля. Приводятся примеры реализации категорий сферы бытия («качество», «определение», «прямое отношение», «обратное отношение», «степенное отношение», «узловая линия отношений меры») в экономической науке. Представлено положение о том, что в соответствии с этапами развертывания диалектического метода в теоретическую систему последовательная реализация метода экономической теории выходит за рамки процедур измерения экономических величин. Констатируется, что в зависимости от признания или отрицания объективной сущности явлений получают разную интерпретацию актуальные проблемы экономической теории. Показано, что в неоклассической теории, не разграничивающей «стоимость» как воплощенный в товаре труд и «цену» как денежную форму стоимости, инфляция выступает преимущественно денежным феноменом; в экономической же теории, проводящей различие между стоимостью и ценой, инфляция есть отклонение цен от динамики трудовых затрат, обусловленное монополизацией современного производства. Проанализирована трактовка понятия «закон» в основных направлениях экономической теории и приведены аргументы о нецелесообразности сведения содержания экономического закона к отношению экономических величин. Сделан вывод о правомерности включения диалектики в основу методологии экономической теории.

Ключевые слова: диалектический метод, метод экономической теории, экономический закон.

THE ROLE OF DIALECTICS IN THE METHODOLOGY OF ECONOMIC THEORY

Zolotov Aleksandr Vladimirovich
Doctor of Economics
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Professor, Head of the Department

Abstract: This article examines the role of dialectics in the methodology of economic theory. It is argued that the method of economic theory, in its abstract form, reproduces the dialectic of Hegel's

"Science of Logic." Examples are given of the implementation of the categories of the sphere of being ("quality," "definition," "direct relation," "inverse relation," "power relation," "nodal line of measure relations") in economic science. The article presents the proposition that, in accordance with the stages of the dialectical method's development into a theoretical system, the consistent implementation of the method of economic theory extends beyond the procedures of measuring economic quantities. It is stated that, depending on the recognition or denial of the objectivity of the essence of phenomena, current problems of economic theory are interpreted differently. It is shown that in neoclassical theory, which does not distinguish between "value" as labor embodied in a commodity and "price" as the monetary form of value, inflation appears primarily as a monetary phenomenon; in economic theory, which distinguishes between value and price, inflation is a deviation of prices from the dynamics of labor costs, caused by the monopolization of modern production. The interpretation of the concept of "law" in the main schools of economic theory is analyzed, and arguments are presented against reducing the content of economic law to the relationship of economic quantities. A conclusion is reached regarding the legitimacy of incorporating dialectics into the foundation of economic theory methodology.

Keywords: dialectical method, method of economic theory, economic law.

Вопрос о методологии был и остается актуальным для развития экономической науки. Одной из ключевых проблем в этой области является соотношение подходов «методологического монизма» и «методологического дуализма». Первый предполагает общность метода для всех наук (естественных и общественных), второй делает акцент на специфике познания в общественных науках, использующих «знание от первого лица» [Блауг 2004, с. 97]. Согласному такому «дуальному» разграничению для естественных наук характерен причинно-следственный анализ, для общественных – исследование мотивов человеческих действий.

Несомненно, для использования обоих подходов имеются свои предпосылки.

С учетом того, что философия исследует общие законы развития природы, общества и мышления, метод философии – диалектика служит основанием метода всех более конкретных наук. С этой точки зрения налицо тождество метода всех теоретических наук. Вместе с тем основание не исчерпывает основанного, последнее не сводится к первому, поэтому каждая наука имеет свой собственный метод как конкретизацию метода философии. С философской точки зрения это объяснимо тем, что тождество всегда есть тождество различного.

Отсюда следует, на наш взгляд, что решение проблем экономической теории предполагает опору на диалектический метод при осознании формы внутреннего самодвижения собственного содержания экономической теории.

В компендиуме диалектики – «Науке логике» Гегеля – исходной категорией выступает «бытие», содержащее в себе в снятом виде всю систему логических категорий [Гегель 1997, с. 53]. Рассмотрение «бытия» позволяет полагать эту систему посредством выведения более конкретных категорий. Последние, как происходящие из «бытия», первоначально также относятся к сфере бытия.

В истории науки хорошо известна аналогия между понятием «бытие» в системе категорий «Науки логики» и понятием «товар» в системе экономических категорий, представленной в «Капитале» Маркса. Основанием аналогии служила предельная абстрактность указанных понятий в рамках соответствующих теоретических систем. За подобным сходством начинается содержательное различие в развертывании содержания

данных наук. Поэтому едва ли правомерными были попытки уложить категориальный каркас «Капитала» в структуру понятий «Науки логики».

То, что диалектический метод – основание метода экономической теории, проявляется в использовании первого при построении системы экономической науки. Так, последняя, как и любая другая наука, невозможна без оперирования определениями, но формулировка собственно определения дана в «Науке логики». Знание того, что такое «определение», помогает дать выверенные формулировки определений экономической теории.

В свое время в экономической науке большое значение придавалось качественному анализу. Между тем «качество» – одно из первых и потому простейших (наиболее абстрактных) понятий книги 1 «Учение о бытии» «Науки логики». Изучение качества экономических явлений, безусловно, необходимо, но это – только начало любого экономического исследования.

Вторая глава «Учения о бытии» посвящена рассмотрению категории «Величина (количество)». Именно здесь дается обоснование таких видов количественного отношения, как прямое, обратное и степенное отношение [Гегель 1984, с. 274-294], широко используемых в экономической теории.

Прямое количественное отношение значимо, например, в анализе экстенсивного экономического роста, когда предполагается, что объем выпуска напрямую зависит от объема применяемых ресурсов. Очевидно, что действительный экономический рост всегда включает элемент экстенсивного.

Обратное отношение характерно для динамики объема времени, высвобожденного из производственной сферы в непроизводственную, и фонда рабочего времени в производстве. Норма свободного времени – такое название дал этому отношению В.Я. Ельмеев [Ельмеев 2007, с. 236] – перспективный показатель в исследованиях социально-экономического прогресса.

Отношение степени использовано при построении производственной функции Кобба-Дугласа. Оно широко применимо в эконометрическом анализе.

Количественное отношение – не самое развитое понятие, связанное с количеством. Более конкретным выступает «мера», в своем развертывании предстающая узловой линией отношений меры. Обусловленный повышением общественной производительности труда переход от одной общественно-экономической формации к другой – пример такой узловой линии в экономике [Попов, Мазур 2025, с 56].

При всей значимости диалектики количества ею не исчерпывается содержание «Науки логики», а, следовательно – реализация диалектического метода. В рамках развертывания содержания «Науки логики» на определенном этапе отрицается вся сфера категорий «Учения о бытии» и осуществляется переход к сфере сущности.

Это не позволяет абсолютизировать роль измерений в экономической теории. Как отмечал Гегель: «Чем богаче становятся мысли определенностью и тем самым также и соотношением, тем более запутанным, с одной стороны, а, с другой стороны, тем более произвольным и лишенным смысла становится изложение их в таких формах, как числа» [Гегель 1997, с. 192]. Поэтому результаты эконометрического анализа – промежуточный этап экономического исследования, которое должно выходить за пределы оперирования коэффициентами регрессии и обращаться к постижению сущности экономических явлений.

Задача постижения сущности не выдвигается, если придерживаться «методологического номинализма» [Блауг 2004, с. 185]. В диалектической же логике переход от сферы бытия к сфере сущности выступает закономерным этапом в движении понятия.

Подобное разночтение в методологии проявляется и в экономической теории. В её неоклассическом направлении доминирует «методологический номинализм», и поэтому, например, не разграничиваются «стоимость» как овеществленный в товаре труд и «цена» как денежная форма стоимости. Тогда динамика ценообразования рассматривается вне связи с трудовыми затратами, и становится доминирующей трактовка инфляции как денежного феномена. При этом приводятся многочисленные аргументы в пользу неизбежности инфляции, а периоды дефляции рассматриваются как «аномалии».

Признание цены денежной формой стоимости позволяет по-иному представить проблему инфляции. В результате НТП общественно необходимое рабочее время на выпуск товаров сокращается, то есть стоимость товаров понижается. Соответственно должны понижаться и цены. Разрыв между объективно возможной динамикой цен к понижению и их реальным повышением объясним монополизацией современного производства, превращающей «аномалию» – отклонение уровня цен от динамики их объективной основы – в правило.

«Методологический номинализм» включает апелляцию к универсальным законам. В соответствии с отказом от различения видимости и сущности закон сводится к какому-либо количественному отношению.

В диалектике «закон явления» как тождество разного содержания с другим содержанием есть категория сферы сущности. Так как сфера сущности есть отрицание сферы бытия, то есть в снятом виде содержит последнюю, то закону можно дать количественную интерпретацию, но его содержание не исчерпывается количественным отношением.

Используемые в неоклассической теории «закон спроса», «закон предложения», «закон убывающей отдачи переменного ресурса» выражают соотношение между определенными величинами. Так как количество – категория сферы бытия, то есть того, что выступает непосредственно, то все подобные законы нуждаются в последующем обосновании, опосредствовании. В силу отрицания непосредственности подобные законы перестают быть только количественными соотношениями и приобретают значение законов сферы сущности, вопреки декларируемому неприятию подобной сферы в исследованиях экономики.

Метод экономической теории, основанный на диалектике, свободен от заведомого сведения экономических законов только к количественным соотношениям. Здесь закон, исключая основной закон, «выводится», то есть является фиксацией результата, полученного в ходе рассмотрения теоретического содержания. После этого следует раскрытие сформулированного закона – исследование его действия. «Капитал», например, есть раскрытие закона стоимости как основного закона капитализма.

В «Учении о сущности» «Науки логики» полагается понятие «противоречие» – ключевое для понимания диалектики. Его постижение – отнюдь не тривиальная задача. Вероятно, поэтому в современных экономических исследованиях, даже декларирующих приверженность диалектическому методу, нечасто встречается раскрытие противоречий исследуемых процессов. В качестве эталона в этом отношении по-прежнему рассматривается «Капитал» К. Маркса.

Заключительной книгой «Науки логики» является «Учение о понятии». Здесь содержатся основы теории целенаправленного преобразования объективного мира (в рассмотрении цели и средства). С этих позиций вполне обоснованно включать в экономические исследования рекомендации для экономических субъектов, чьи интересы затронуты предметом рассмотрения.

Все сказанное не претендует на то, чтобы обосновать необходимость опоры в методологии экономической теории исключительно на гегелевскую диалектику. Общий вывод иной: едва ли правомерно игнорировать её методологический потенциал в экономических исследованиях.

Список литературы

1. Блауг 2004 – Блауг М. Методология экономической науки, Или как экономисты объясняют. Пер. с англ. / Науч. ред. и вступ. ст. В.С. Автономова. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. 416 с.
2. Гегель 1997 – Гегель Г.В.Ф. Наука логики. СПб: «Наука», 1994. 800 с.
3. Ельмеев 2007 – Ельмеев В.Я. Социальная экономия труда: общие основы политической экономии. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 576 с.
4. Попов, Мазур 2025 – Попов М.В., Мазур О.А. Материалистическое преобразование диалектики Гегеля. Невинномысск: Изд-во Невинномысского института экономики, управления и права, 2025. 206 с.

УДК 330.1

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО МИФА ЭКОНОМИКИ: ПОЧЕМУ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ БЕССИЛЬНО БЕЗ БОЛЬШОГО НАРРАТИВА

Чепьюк Ольга Ростиславовна

Доктор философских наук

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», профессор

E-mail: chepyuko@yandex.ru

Аннотация: Кризис стратегического планирования в современном мире, характеризуемом как VUCA и BANI, парадоксальным образом совпадает с накоплением множества количественных инструментов для прогнозирования, от длинных волн до методов анализа волатильности. Долгосрочное стратегическое мышление стало дефицитным ресурсом, а планы на 10–15 лет выглядят утопичными. Кроме того, современное планирование сведено к технологическому детерминизму, где искусственный интеллект выступает главным актором. Однако за каждым алгоритмом стоят живые люди, и вопрос о том, какой проект будущего реализуется с помощью технологий, остаётся по-прежнему открытым. В публикации утверждается, что проблема стратегического планирования лежит в метафизических основаниях хозяйственной деятельности, в «большом нарративе», или мифе. Вслед за А.Ф. Лосевым и К.Г. Юнгом миф понимается как фундаментальный архетипический сценарий, структурирующий время и легитимирующий хозяйственные практики. На примере китайской, европейской и русской цивилизаций демонстрируется, как различные мифы (цикличности, завоевания, соборности) определяют стратегические приоритеты. Как результат, делается вывод, что возрождение способности к стратегической

мыследеятельности лежит не в области технологического прогнозирования, а в глубокой рефлексии над архетипическими сценариями и осознанной работе с мифами.

Ключевые слова: большой нарратив, миф, стратегическое планирование, архетип, философия хозяйства, экономический кризис.

IN SEARCH OF THE LOST ECONOMIC MYTH: WHY STRATEGIC PLANNING IS POWERLESS WITHOUT A GRAND NARRATIVE

Chepyuk Olga Rostislavovna
Doctor of philosophy
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, professor

Abstract: The crisis of strategic planning in the modern world, characterized as VUCA and BANI, paradoxically coincides with the accumulation of numerous quantitative forecasting tools from long waves to methods of market volatility analysis. Long-term strategic thinking has become a scarce resource, and plans for 10–15 years now appear either as an act of courage or as an act of blind misunderstanding of ongoing processes. Contemporary future planning has been reduced to technological determinism, where artificial intelligence acts as the main actor. Yet behind every algorithm stand living people, and the question of which future project is being realized through technology remains open. The problem lies in the metaphysical foundations of economic activity in the "grand narrative", or myth. Following A.F. Losev and C.G. Jung, myth is understood as a fundamental archetypal scenario that structures time and legitimizes economic practices. Using the examples of Chinese, European, and Russian civilizations, it is demonstrated how different myths (cyclicity, conquest, sobornost') shape strategic priorities. The revival of the capacity for strategic thinking lies not in the realm of technological forecasting, but in deep reflection on archetypal scenarios and conscious work with myths.

Keywords: grand narrative, myth, strategic planning, archetype, economic philosophy, economic crisis.

"Мы потому современны, что нас всех соединяет
какая-то мысль. Во всяком времени проходит особая
мысль, и в этой мысли содержится путь, по которому в
это время надлежит нам идти".

/ М.М. Пришвин. "Дорога к другу" /

Современный мир называют то миром VUCA, то BANI [Юрченко 2023, с.132]: как только не обозначают, чтобы подчеркнуть его временность, непрочность, неоднозначность. И даже за этой попыткой обозначить, дать имя современности в эпоху вечных перемен, стоит непреодолимое желание понять и осмыслить происходящие процессы. Парадоксальность ситуации в том, что экономика как наука накопила множество инструментов для стратегического планирования и прогнозирования: длинные волны, технологические уклады, колебания конъюнктуры, многочисленные количественные методы анализа волатильности рынков. И в то же время мыслить в долгосрочной перспективе – это привилегия. А само стратегическое мышление – особенно дефицитный экономический ресурс.

Планы на 10-15 лет, характерные для советской эпохи и послевоенной Европы, при ретроспективном взгляде, кажутся либо мыслительным актом мужества. Зато современное планирование будущего сведено к технологическому детерминизму, отчасти унаследованному от марксистской парадигмы «бытие определяет сознание». Технология стала главным актором стратегического планирования. Об этом свидетельствует нарратив об Искусственном Интеллекте, который неминуемо (без условий) должен преобразовать хозяйственный ландшафт. Сама технология уподобляется некоей внешней силе, повлиять на которую нет возможности. Однако, за каждым кодом и алгоритмом стоят живые, не искусственные руки и живые, не искусственные мысли действующих людей, обременённых разной степенью власти над происходящим. Среди этого нарратива редко поднимается вопрос: какой проект будущего мы реализуем с помощью технологий? А значит проблема, таким образом, лежит не в инструментарии, а в метафизических основаниях нашего мышления.

С помощью простой логической инверсии, можно указать на иную болевую точку, которая определяет движение хозяйственной мышцы. Речь идёт о нарративе, или мифе, который лежит в основе этого движения. Мифом здесь понимается не временное заблуждение, а по А.Ф. Лосеву и К.Г. Юнгу, фундаментальный, чаще всего неотрефлексированный архетипический сценарий развития общества, или личности [Feinstein at al. 1988]. Он структурирует время, определяет цели и главное – легитимирует хозяйственные практики. Именно миф определяет, как мы мыслим, а мысль, в свою очередь, определяет, на какие ресурсы, в том числе технологической природы, мы опираемся. В этом контексте технология – это материальное воплощение мифа, или его объективация. Вера в будущее человечества, отягощенное искусственным интеллектом, есть всё тот же миф о Золотом веке, где роль человека нивелирована, в силу многочисленных исторических ошибок, сделанных этим самым человеком. Отсюда мыслить стратегически – значит мыслить «мифами», то есть оперировать различными сценариями, которые разворачиваются во времени в форме того, что мы привыкли называть «цивилизацией» (Л.Н. Гумилев).

Препарировать миф – значит обращаться к герменевтической природе хозяйствования, нарративным аспектам экономики [Джонсон 2008]. Предложим несколько примеров такого герменевтического и нарративно-культурологического анализа. Если говорить о китайской цивилизации, то её центральный миф отражён в «Книге перемен». Этот нарратив утверждает цикличность самой истории. Смена династий, которую мы наблюдаем на протяжении удивительно долгой истории Китая, – это не линейный прогресс, а фаза естественного кругооборота. Таким образом, миф о возвращении и постоянных переменах, даёт смысловые основания для возрождения цивилизации, при условии сохранения её смысловой цельности. И именно это мы наблюдаем на карте её пульсирующих в тысячелетиях границ.

Становление европейской цивилизации, как показывают культурологи, наследующие теорию архетипов К. Юнга, определяется мифом о Святом Граале. Это миф поиска оснований для легитимации власти на отвоеванной земле (следствие переселения народов), а также поиски ответа «кому служить?» М. Хайдеггер определяет сам миф как постав (Gestell) цивилизации, и указывает, что он выродился в представлении о мире как источнике ресурсов для творческого самопознания человека. Природа в этом мифе неживая и подчинённая пробуждённому человеческому сознанию. И это основа для современной европейского техногенного пути развития.

А что же русский миф? Вечные поиски святой Руси – мистерии? Если опереться на юнговскую терминологию, то в отличие от мужского европейского постава завоевания (как в

мифе о раненом Короле-Рыбаке [Юрченко 2023], или Короля-Артура [Wood 2020]), русский архетипический сценарий имеет женские черты (ср. софийность у отца П. Флоренского). Он ориентирован на всеприятие, «обогрев» каждого, соборность. В этом смысле русский миф занимает промежуточное положение между китайским смирением перед вечной цикличностью (дурной бесконечностью) и линейностью истории в интерпретации европейцев («Пришёл-увидел-победил»). В каком-то смысле русский дух анти-историчен, или, правильнее, вне-историчен, апокалиптичен: в размышлениях Н.А. Бердяева находим, что русское мыслится не в категориях постепенного исторического строительства, а в категориях конца, преображения, внезапного скачка в Царство Божие. Вот почему имеется у него склонность вычеркивать прошлое и начинать всё сначала. В этом смысле искомый для хозяйства русский миф недалёк от тропа «перемены без перемен». Однако травма модерна и наметившаяся травма постмодерна вырвала русское сознание из состояния спящего в Традиции богатыря, и принудила его услышать апокалиптическую поступь мирового времени.

Каковы могут быть последствия этой конфронтации мифов для экономики в целом? Если всё же считать, что в основе экономики должна быть забота («ойкос» Аристотеля), то «женский» миф России приводит к модели экономики как бережного домостроительства. Однако в ситуации травмы и отсутствия рефлексии этот архетип вырождается в инфантильную модель: мир как «матушка», которая всё простит, а ресурсы – словно разбросанные «игрушки», которые можно небрежно растрачивать, чтобы «начать сначала».

Кроме того, допустимо и правильно говорить, что нас соединяет не единый миф, но полимифологичность, «соборность» (А. Хомяков) нарративов, а отсюда – возможность конвергенции (В. Кутырев) мировоззренческих парадигм, сожительство и взаимопроникновение множества мифов. Российский нарратив подобен сборнику сказов разных народов. Примечательно, что европейское сознание тоже находится в поисках выхода из тупика. Любая история имеет начало и конец, но исход конца – неизбежная смерть. Несмотря на постмодернисткую попытку Ж.-Ф. Лиотара опровергнуть всякий метанарратив как силу, конструирующую реальность, европейское сознание остаётся во власти прежних идей, прежде всего, во власти собственной истории. Не здесь ли кроется причина засилия в западной массовой культуре апокалиптичных сценариев и мультивселенных. Заметим, что мультивселенные в культурологическом смысле это попытки многократного проживания одного и того же нарратива, но в различных сеттингах. Герои всё те же, ошибки тоже, но исходы различны, в зависимости от незначительных перемен. Западные мультивселенные – это, как правило, ретроспектива, или взгляд, обращённый в прошлое. Европейское самосознание в этом контексте слово заперто в ловушке собственной истории.

Кризис стратегий в современном мире – это кризис метанарративов. Возрождение способности к стратегической мыследеятельности лежит не в области технологического прогнозирования, но в области мифотворчества. Однако речь не о конструировании утопий, а о глубокой рефлексии над архетипическими сценариями, которые тысячелетиями определяют хозяйственное «бытие-в-мире». Новый экономический миф не может быть оторван от прошлого, каким бы травмирующим он не был. Однако он не должен быть глубоко историчным, ведь итог истории, по Гумилеву, либо сновидение (гомеостаз), либо смерть (вырождение). Может быть, не случайно большинство русских сказок заканчиваются свадьбой: как символа воссоединения мужского и женского в ожидании новой жизни и встречи с новым чудом.

Список литературы:

1. Юрченко, 2023 – Юрченко Н.И. Обзор статьи Jamais Cascio "Facing the Age of Chaos" / Н. И. Юрченко // Новые психологические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 131–139. doi 10.51217/npsyresearch_2023_03_04_08.
2. Джонсон, 2008 – Джонсон Р. Он: глубинные аспекты мужской психологии. М.: Когито-Центр, 2008. 119 с.
3. Shiller, 2020 – Shiller R.J. Narrative economics: How stories go viral and drive major economic events. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2020. 408 p.
4. Feinstein at al., 1988 – Feinstein D., Krippner S., Granger D. Mythmaking and human development //Journal of Humanistic Psychology. 1988. Vol. 28. № 3. Pp. 23-50.
5. Wood, 2020 – Wood B. Invented History, Fabricated Power: The Narrative Shaping of Civilization and Culture. London: Anthem Press, 2020. 672 p.

УДК 330.341.11

ПРОМЫШЛЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИИ ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО: УРОКИ ДЛЯ ИИ-РЕВОЛЮЦИИ

Елисеев Алексей Викторович
Кандидат экономических наук
ФГАОУ ВО «Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)», заместитель директора
E-mail: eliseev.av@mipt.ru

Аннотация: Сегодня мы находимся в процессе беспрецедентных социальных и экономических изменений, вызванных грандиозным технологическим сдвигом. Однако, нет ничего нового в нашем мире, а то, что мы наблюдаем сегодня уже случалось в нашей истории минимум дважды – в период неолитической революции на заре нашей цивилизации и в XVIII–XX вв. во время промышленной революции. И если первая достаточна далека от нас и не представляет значительного интереса с экономической точки зрения, то вторая может преподнести нам очень поучительные уроки. В работе на основе анализа причин, механизмов и последствий промышленной революции мы обращаемся к вопросу тех уроков, которые мы можем извлечь из истории для нашего будущего экономического и социального развития.

Ключевые слова: искусственный интеллект, промышленная революция, экономическая трансформация, цифровая экономика, экономическое развитие, трансформационный кризис, цифровая трансформация

INDUSTRIAL REVOLUTIONS OF THE PAST AND FUTURE: LESSONS FOR AI REVOLUTION

Eliseev Aleksei

PhD in economy
Moscow Institute of Physics and Technology, Deputy Director

Abstract: Today we are undergoing a process of unprecedented social and economic change due to dramatic technological change. Nonetheless, nothing is new in our world and what we witness today has already happened in our history. We found ourselves in such situation at least twice – during Neolithic Revolution at the dawn of our civilization and in the 18th to 20th centuries during Industrial Revolution. While the former is quite distant and not of great interest from economic standpoint, the latter may provide us very enlightening lessons. In this paper, we analyze origins, mechanisms and consequences of Industrial Revolution and address the lessons we can learn from our history for future economic and social development.

Keywords: artificial intelligence, industrial revolution, economic transformation, digital economy, economic development, transitional crisis, digital transformation

"Those who cannot remember the past are condemned to repeat it."

George Santayana

На протяжении большей части истории человечества наш мир был достаточно скучным местом с экономической точки зрения. Как отмечал Дж. М. Кейнс, «с самых ранних времен, о которых у нас есть данные, – скажем с 2000 лет до рождества Христова – до начала восемнадцатого века, не наблюдалось значительных изменений в уровне жизни среднего человека, живущего в цивилизованных центрах мира. Конечно, с некоторыми взлетами и падениями» [Keynes 1931, p. 358]. Затем, около трехсот лет назад, началась промышленная революция, которая положила начало современному экономическому росту, сопровождающемуся значительным увеличением мирового ВВП. Все началось в 1769 г. с изобретения Сэмюэлем Кромптоном нового типа прядильной машины – «Мула», объединившего достоинства прядильной машины Харгрейвса «Дженни» и ватермашины Аркрайта, и продолжилось правовым двигателем Дж. Ватта в 1775-м. Зародившись в Великобритании, промышленная революция за короткий промежуток времени перекинулась на Континентальную Европу и Соединенные Штаты, запустив процессы промышленной трансформации, заключавшейся в переходе от преимущественно ручного производственного процесса к использованию сложнейших машин и механизмов, включавшей появление химической и сталелитейной промышленности, все возрастающее использование энергии воды и пара, что привело к зарождению промышленности в том виде, в котором мы знали ее до начала XXI в. Однако, последствия промышленной революции для социального и экономического развития человечества не были однородными. С одной стороны, она привела к возможности невиданного в человеческой истории роста населения при одновременном значительном повышении подушевого дохода, с другой, – стала причиной существенной экономической турбулентности, закономерным итогом которой стали Великая депрессия и две мировые войны.

Сегодня мы стоим на пороге такой же, если не более существенной, трансформации мировой экономики и самого мира, в котором мы живем. Именно поэтому уроки промышленной революции представляются весьма полезными, как для России, застрявшей в ловушке среднего дохода, подобно тому, как в средние века мир застрял в ловушке мальтузианской, так и для мира в целом. От того сможет ли человечество относительно

безболезненно преодолеть последствия неизбежного трансформационного кризиса зависит по какому пути пойдет наше дальнейшее развитие – по пути самоуничтожения или по пути к экономике всеобщего благоденствия.

В данной работе мы обращаемся к двум основным вопросам – чем была вызвана и как развивалась промышленная революция в Британии, а затем и в Континентальной Европе, а также почему промышленная революция привела к самому затяжному в экономической истории кризису и что позволило его преодолеть. С этой целью мы, вслед за Робертом Гордоном [Gordon 2012, web, pp. 1–2], разделим промышленную революцию на три этапа. IR #1: 1750–1830 (паровой двигатель, прядильная машина, железные дороги); IR #2: 1870–1900 (электричество, двигатель внутреннего сгорания, водоснабжение и внутридомовая канализация, коммуникации, развлечения, химическая и нефтехимическая промышленности); IR#3: 1960 – по настоящее время (компьютеры, интернет, мобильные телефоны). В отличие от Р. Гордона, увеличим временной промежуток второй промышленной революции до 1940 г., когда окончательно завершился переход от аграрной к индустриальной экономике, а последнюю дополним искусственным интеллектом и роботизацией и назовем цифровой революцией.

Причины, механизм, а также уроки для России первой промышленной революции подробно рассмотрены в [Eliseev 2024, web], остановимся на них лишь кратко. К природе британской промышленной революции существует множество теоретических подходов. На наш взгляд, в основе технологического, а вслед за ним экономического развития, лежит ограниченность / изобилие ресурсов, определяющие их направление, подобно тому, как у Давида Рикардо ресурсы определяют сравнительные преимущества и место страны в международной торговле. В этой связи наиболее интересны подходы Роберта Аллена [Allen 2001], а также Нико Войтландера и Ханса-Иохима Вота [Voigtlander, Voth 2013]. По Аллену британская промышленная революция – следствие во многом случайного события, которым стала «Черная смерть» – эпидемия бубонной чумы, бушевавшая в Европе почти четырьмя веками ранее (1346–1353), значительно сократившая население, что привело к росту зарплаты в условиях мальтузианского режима функционирования экономики без повышения ее производительности, что запустило трудосберегающий технический прогресс. Таким образом, в основе британской промышленной революции лежит ограниченность труда. Но почему Британия, а не другой экономический гигант того времени – Нидерланды? Для ответа на этот вопрос Аллен сравнивает положение в этих странах накануне промышленной революции. В обеих из них вследствие снижения населения наблюдались одинаково высокие заработные платы, различие было в ограниченности другого ресурса – энергии. В Нидерландах основным источником энергии был относительно дорогой торф, в то время как в Британии – относительно дешевый уголь, что сделало здесь выгодным замещение дорогого труда дешевой технологией.

Войтландер и Вот дополняют этот подход анализом роли женского труда в данном процессе. Ограниченность труда привела к смене сельскохозяйственных технологий (переход от преимущественно растениеводства к животноводству), что вызвало снижение спроса на мужской труд при одновременном росте спроса на женский, повысив зарплаты женщин и вызвав далеко идущие демографические последствия – изменение брачного поведения, а именно, рост возраста замужества, полный отказ от замужества и др., что дополнительно ограничивало предложение труда.

Кроме указанного основного фактора, был и ряд сопутствующих факторов, предопределивших экономический успех Британии. Британия со всей своей экономической и

военной мощью имела возможность применять высокие ставки таможенного тарифа в отношении импорта, что обеспечивало значительные сравнительные преимущества в международной торговле и вместе со свободой торговли внутри страны позволило в полной мере насладиться всеми благами, порожденными технологическим прогрессом. Таким образом, основными факторами взрывного развития технологий в Британии XVIII–XIX вв. были:

1) ограниченность дешевого труда;
2) изобилие дешевой энергии;
3) серьезные протекционистские ограничения импортных операций;
4) свобода торговли внутри национальной экономики.

Сегодня мир проходит через, возможно, еще более серьезную по своим последствиям трансформацию – переход от индустриального способа производства к цифровому. Эта трансформация порождает множество угроз, вызовов и возможностей, как для мировой экономики, так и для экономической науки. Процессы, происходящие сегодня, во многом похожи на наблюдавшиеся в ходе предшествовавших промышленных революций, но в тоже время имеют больший масштаб, размах и несравнимо большую скорость протекания. В то время как переход к индустриальной экономике окончательно занял около четырех веков, полный переход к экономике цифровой займет не более пятидесяти лет. В связи с чем, время, доступное нам для адаптации и выработки мер противодействия грядущему трансформационному кризису, крайне ограничено, что требует переосмысления того, как соответствующие процессы протекали в прошлый раз. Тогда выход из кризиса потребовал двух мировых войн и распада основных мировых империй. Последние геополитические события наталкивают на мысль, что мы скатываемся на ту же траекторию.

Какие же уроки могут быть извлечены из опыта первой промышленной революции современной Россией? Пристальный взгляд на сегодняшнюю экономику России, позволяет сделать оптимистичный вывод о том, что современная ситуация предполагает наличие в России всех предпосылок для подобного британскому технологического прогресса. Специальная военная операция, с одной стороны, стимулировала рост реальных доходов населения, а с другой, привела к значительному дефициту на гражданском рынке труда, что позволяет говорить о конце эры дешевого труда в России (первое условие). Второе условие – дешевая энергия – это синоним российской экономики. В области таможенного тарифа российская экономика серьезно защищена от иностранной конкуренции (третье условие). Дополнительную защиту обеспечивают и введенные против России санкции. И, наконец, вопреки распространенному заблуждению, российская экономика представляет собой достаточно эффективную рыночную систему, о чем, в частности, свидетельствует быстрая ее адаптация к все новым вводимым санкциям (четвертное условие). Таким образом, в настоящий момент сложились все предпосылки для быстрого технологического развития. Пойдем ли мы по этому пути будет полностью зависеть от эффективности государственной инновационной и структурной политик.

Еще больший интерес с точки зрения реалий сегодняшней трансформации представляет вторая промышленная революция – волна инноваций конца XIX – начала XX в., завершивших переход от аграрной экономики к индустриальной. Именно в этот момент мировая экономика столкнулась с невиданным в истории капитализма кризисом – Великой депрессией, во многом вызванной этим переходом.

Одна из основных причин Великой депрессии – инновации в сельском хозяйстве. Глубокий анализ этого процесса представлен в работах А. Коринека и Дж. Стиглица [Korinek,

Stiglitz 2017, web], а также Д. Делли Гатти и др. [Delli Gatti et. al. 2012]. Прорывные инновации в сельском хозяйстве значительно повысили производительность в аграрном секторе, что, с одной стороны привело к падению спроса на труд, а с другой, – к снижению цен сельскохозяйственной продукции. Так как сельское хозяйство оставалось основным работодателем того времени, все это вызвало резкое снижение доходов населения, что оказало понижательное давление на спрос на продукцию растущего производственного сектора, что еще более снизило доходы населения. Результатом этого стал «Черный четверг», а не наоборот, как представляется большинством неоклассических теорий. Начался глубокий трансформационный кризис, получивший название Великая депрессия. Проблема усугублялась тем, что рыночная экономика, способная достаточно эффективно адаптироваться к временным шокам, ведущим к неравновесным состояниям, неспособна самостоятельно справляться с глубокими структурными изменениями. В результате, впервые в истории, встал вопрос государственного регулирования экономики. Методом проб и ошибок были найдены эффективные меры стабилизационной политики, включавшие фискальные меры стимулирования экономической активности, программы переподготовки рабочей силы, программы ее пространственного перемещения, политику перераспределения национального дохода. Последней в теоретических построениях редко уделяется сколь-либо значимое внимание, однако она была одним из главных факторов, позволивших эффективно сработать другим мерам государственной политики. Немаловажную роль в адаптации экономики сыграли и демографические эффекты мировых войн.

Опыт борьбы с Великой депрессией крайне важен для понимания того, как мы можем эффективно противостоять надвигающемуся кризису, признаками которого могут быть, например, недавние увольнения сотрудников IT-отраслей. История также подсказывает нам, что вслед за трансформационным кризисом должен прийти и посттрансформационный подъем, продолжительностью около 30 лет. Однако, сегодня все чаще звучат голоса, утверждающие, что в этот раз все будет по-другому, например, сторонника теории посткапитализма П. Мэйсона [Mason 2015], утверждающего, что трансформация приведет к разрушению экономической системы капитализма. И действительно в этот раз будет по-другому. Тому есть ряд причин. Первая группа причин связана с природой растущего разнообразия цифровых товаров. Появление бесплатных товаров со значительными сетевыми экстерналиями исключает возможность конкуренции на таких рынках, т.к. конкуренция с нулевой ценой вряд ли возможна, что снижает эффективность антимонопольного регулирования. Вторая группа причин связана с природой доминирующей технологии. Технологическая безработица сегодня имеет гораздо более далеко идущие последствия. Если в начале XX в. инновации заменяли в основном низкоквалифицированный труд и не касались труда интеллектуального, то появление трудозамещающих технологий искусственного интеллекта может лишить нас именно этого традиционного оплота человека, что может иметь разрушительные для труда как фактора производства последствия. Если же развитие технологий пойдет по более благоприятному пути дополнения способностей человека, то неизбежно встанет проблема неравенства доступа к технологиям, вызванного первоначальным неравенством доходов, что будет все дальше усугублять проблему самовоспроизводящегося неравенства доходов и возможностей. И, наконец, последняя группа причин связана с характером проводимой сегодня экономической политики. Выше неслучайно была отмечена важная роль перераспределительной политики в борьбе с Великой депрессией. Так, максимальная ставка индивидуального подоходного налога достигала на пике 79%. Однако, такая политика осталась в далеких 1970-х гг., неоклассическая

контрреволюция, ставшая теоретической базой неоконсервативных политик большинства развитых стран, ликвидировала перераспределение национального дохода в пользу бедных слоев населения. Сегодня ставки, превышающие 50%, – большая редкость и наблюдаются лишь в странах Северной Европы – Финляндия (57,6%), Дания (55,9%), Швеция (52,3%), а также в Австрии (55%) и Японии (55,95%). В большинстве же развитых стран ставки значительно ниже – 45% во Франции, Германии, Австралии, Китае и Соединенном Королевстве (за исключением Шотландии), 37% в США, 22% в России. В итоге сегодня, как показала практика борьбы с кризисом, вызванным COVID-19, и Великой рецессией 2008 г., фискальные меры применяются в отсутствии перераспределения национального дохода в пользу беднейших слоев населения, имея при этом гораздо меньшую эффективность и заканчиваясь, в конечном итоге, еще большим неравенством доходов.

Кроме указанных практических проблем, цифровая трансформация порождает и немало не менее важных теоретических вызовов. В первую очередь, это проблемы формирования теоретических подходов к экономической трансформации. Как отмечалось выше, важную роль в понимании этого процесса играет ограниченность / изобилие ресурсов. Трансформационные процессы, на наш взгляд, зарождаются тогда, когда возможности развития на основе текущего доминирующего ресурса становятся исчерпанными. Именно в этот момент запускается процесс генерации знаний, направленный на поиск более эффективных способов организации экономической системы и нового доминирующего ресурса. При этом процессу генерации новых знаний, как правило, предшествует появление нового способа производства, обработки и передачи информации. В соответствии с таким подходом можно выделить следующие сменявшие друг друга способы организации экономической деятельности: природная экономика с природным капиталом в виде даров природы как доминирующим ресурсом; аграрная экономика с земельным капиталом как доминирующим ресурсом, переходу к которой предшествовало появление речи как способа обработки информации; индустриальная экономика с промышленным капиталом как доминирующим ресурсом, появлению которых предшествовали письменность и книгопечатание как способы обработки информации; цифровая экономика со знаниями в цифровой форме как доминирующим ресурсом, появлению которых предшествовали компьютеры и интернет как способы обработки информации; и грядущая экономика искусственного интеллекта с сущностями ИИ в качестве доминирующего ресурса, появлению которой будет предшествовать разработка общего искусственного интеллекта (general AI) как способа обработки информации.

При этом происходящие процессы затронут не только экономическую реальность, но и приведут к глубокой трансформации всей социальной структуры общества, что потребует новых подходов к анализу экономических систем. Особую важность приобретет междисциплинарный подход и целостное понимание экономики как части более общей системы общественных и производственных отношений. В этой связи интересным представляется подход, изложенный в работе М.Ю. Алексеева и др. [Алексеев и др. 2026], рассматривающих экономику как единство технологий, отношений и структур. Проблема современной экономической науки в том, что эти три компонента рассматриваются, по большей части, изолированного друг от друга. Так, технологии анализируются в шумпетерианских теориях технологических изменений, марксизм и его последователи анализируют в основном отношения, в то время как неоклассика рассматривает структуры в форме рынков и других институтов рыночной экономики. В этой связи представляется интересным предложенный авторами техноэкономический подход, представляющий собой

попытку анализа этих компонент в их взаимосвязи. На наш взгляд, указанной схеме не достает еще одного важного элемента – ресурсов. Именно ограниченность / изобилие ресурсов определяют доступные обществу технологии и направление его технологического развития. Технологии, в свою очередь определяют отношения, формирующие переговорные позиции экономических агентов, что закрепляется в виде социально-экономических институтов, определяющих равновесные множества переговорных позиций. Единство ресурсов-технологий-отношений-институтов и должно стать предметом анализа экономической науки.

Серьезные изменения должна претерпеть и экономическая методология. Усложнение экономических отношений, турбулентность экономических систем потребуют перехода от линейных дифференциальных уравнений и равновесного подхода ньютоновской физики к применению методов теории устойчивости с ее нелинейной сложной динамикой, методов квантовой физики, отказа от подмены анализа более сложного явления неопределенности анализом более простых явлений риска, привлечения методов эволюционной биологии, методов социологии и политологии для анализа влияния явлений более высокого социального порядка и распределения власти в обществе. Понимание же характера самих технологий невозможно без привлечения ученых естественных и инженерных наук. Все это потребует, с одной стороны, качественно иного подхода к подготовке экономистов-теоретиков, а с другой, – слаженной коллаборации ученых разных отраслей знаний для выработки методов анализа грядущих изменений. Закончим парафразом классика: «Ученые всех наук, объединяйтесь!», только совместно мы сможем найти решения и построить новое более справедливое и процветающее общество.

Список литературы

1. Алексеев и др. 2026 – Алексеев М.Ю., Бархота А.В., Инюшин В.В., Копылов С.А. Техноэкономика: Очерк экономической теории технологического лидерства. М.: Книжный мир. XXII, 2026. 714 с.
2. Allen 2001 – Allen R.C. (2001). The Great Divergence in European Wages and Prices from the Middle Ages to the First World War // Explorations in Economic History. October, 2001. Vol. 138. P. 411–417.
3. Delli Gatti et. al. 2012 – Delli Gatti D., Gallegati M., Greenwald B.C., Russo A., Stiglitz J.E. Sectoral Imbalances and Long-Run Crises. In The Global Macro Economy and Finance, ed. by Allen F., Masahiko A., Fitoussi J.-P., Kiyotaki N., Gordon R., Stiglitz J.E. International Economic Association Series. London, UK: Palgrave Macmillan, 2012. P. 61-97.
4. Eliseev 2024, web – Eliseev A.V. New Challenges and Lessons from British Industrial Revolution: Why Do We Feel Optimistic? Актуальные вопросы экономической науки в XXI веке: международная научно-практическая конференция – X чтения, посвящённые памяти известного белорусского и российского учёного-экономиста Михаила Вениаминовича Научителя (Гомель, 24 октября 2024 г.): сборник материалов / М-во образования Республики Беларусь, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины; ред. кол.: А.К. Костенко (гл. ред.) [и др.]. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2024. URL: http://conference.gsu.by.
5. Gordon 2012, web – Gordon, R.J. Is US Economic Growth Over? Faltering Innovation Confronts the Six Headwinds. NBER working paper No. 18315. 2012. URL: http://www.nber.org/papers/w18315.

6. Keynes 1931 – Keynes, J.M. Economic Possibilities for Our Grandchildren in J.M. Keynes. Essays in Persuasion. New York: W.W. Norton & Co., 1931/1963. P. 358–373.
7. Korinek, Stiglitz 2017, web – Korinek A., Stiglitz J.E. Artificial Intelligence and Its Implications for Income Distribution and Employment. NBER working pfper No. 24174. 2017. URL: http://www.nber.org/papers/w24174.
8. Mason 2015 – Mason P. Postcapitalism: A Guide to Our Future. London, UK: Allen Lane, 2015. 339 p.
9. Voigtlander, Voth 2013 – Voigtlander N., Voth H.J. How the West “Invented” Fertility Restriction // American Economic Review. 2013. Vol. 103. P. 2227–2264.

УДК 316.32

ДОВЕРИЕ В ЭКОНОМИКЕ ВНИМАНИЯ: РОЛЬ ОБЩИХ ЦЕННОСТЕЙ И ГРУППОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ангелова Ольга Юрьевна
Кандидат экономических наук
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», доцент
E-mail: oangelova@mail.ru

Аннотация: В условиях «экономики внимания», когда информация стала товаром, а внимание — дефицитным ресурсом, доверие приобретает ключевое значение для эффективных коммуникаций, коммерческих отношений и социального взаимодействия. В статье рассматриваются механизмы формирования доверия через сходство ценностей и принадлежность к одной субкультуре (земляки, профессиональные сообщества и др.). На основе анализа теоретических моделей и эмпирических исследований 2023–2026 г.г. показано, что ценностное сходство и общая групповая идентичность в ряде случаев могут превосходить по значимости формальные критерии. Особое внимание уделяется стратегиям завоевания доверия в цифровой среде, включая нарративный сторителлинг, сигнализирование ценностей через контент и создание субкультурных пространств.

Ключевые слова: экономика внимания, доверие, сходство ценностей, субкультурная идентичность, групповая принадлежность, цифровая среда, коммуникации, внимание

TRUST IN THE ATTENTION ECONOMY: THE ROLE OF SHARED VALUES AND GROUP IDENTITY

Angelova Olga
PhD in economy
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, associate professor

Abstract: In the context of the “attention economy”, where information has become a commodity and attention — a scarce resource, trust acquires critical significance for effective communication, commercial relations, and social interaction. The article examines the mechanisms of trust formation through value similarity and belonging to a particular subculture (compatriots, professional communities, etc.). Based on an analysis of theoretical models and empirical studies conducted between 2023 and 2026, it is demonstrated that value congruence and shared group identity can, in certain cases, outweigh formal criteria in terms of significance. Special attention is paid to strategies for gaining trust in the digital environment, including narrative storytelling, value signaling through content, and the creation of subcultural spaces.

Keywords: attention economy, trust, value similarity, subcultural identity, group belonging, digital environment, communication, attention.

Мы живем в мире, где присутствует избыток информации и особое значение приобретает доверие к ней. Именно доверие становится ключевым фактором успешных коммуникаций во всех сферах жизни – от коммерческих отношений [Фролова,Тюриков 2024, с. 17] до социального взаимодействия, где роль доверие выступает ведущим элементом механизма интеграции общества в единую систему [Рудакова и др. 2023, с. 21]. При этом системного понимания того, какие факторы определяют эффективность механизма формирования доверия в цифровой среде пока не сложилось. Особенно интересно определить место сходства ценностей и субкультурной идентичности в этом процессе. Таким образом, целью данной статьи является формулировка теоретической модели формирования доверия в контексте экономики внимания и анализ эмпирических исследований влияния сходства ценностей на доверие, а также определение роли субкультурной принадлежности (землячества, болельщики, профессиональные сообщества) в механизме построения доверия в цифровой среде.

Экономика внимания представляет собой концепцию, согласно которой в условиях информационного изобилия человеческое внимание становится новым значимым ресурсом. Начало формирования этой концепции связывают с Гербертом А. Саймоном, который в 1971 году в докладе «Проектируя организации для богатого информацией мира» (Designing Organizations for an Information-rich World) указал «Что потребляет информация, довольно очевидно: она потребляет внимание своих получателей. Следовательно, богатство информации создаёт нищету внимания и необходимость эффективно распределять это внимание среди избыточного количества источников информации, которые могут его потреблять» [Simon 1971, web]. Позднее социолог К. Дойч, описывая научный вклад Саймона, ввел термин «экономика внимания» для характеристики состояния, когда средства массовой информации, коммерческие предприятия и государственные органы борются за внимание человека, представляющее собой самый дефицитный ресурс. При этом, в современном мире развитие цифровых платформ для коммуникации и методов создания контента (в том числе и за счет применения ИИ-инструментов) позволяет людям одновременно и потреблять, и производить контент, что девальвирует ценность внимания, смещая акцент на отношение: значимым становится доверие к предлагаемой информации. Это меняет модель поведения: происходит уход от коротких форматов и поверхностного контента, фейковых новостей и дипфейков, призванных привлечь внимание целевой аудитории [От «экономики внимания» к «экономике доверия»: как бренды и медиа работают с «медленным контентом» и эксклюзивные сообщества, web], и переход к форматам, которые требуют времени и

интеллектуальных усилий при потреблении (глубокие аналитические статьи, расследования, лонгриды), формирующим долгосрочную связь с аудиторией и стремящиеся построить стабильные доверительные отношения. Сегодня множество случайных просмотров от незаинтересованной аудитории становится менее ценным, чем несколько лояльных клиентов, которые доверяют бренду, СМИ или социальному институту.

В классической социально-психологической теории традиционно выделялись два ключевых фактора, определяющих доверие: «воспринимаемая компетенция» (рациональная оценка способностей и знаний, базирующаяся на прошлом коммуникационном опыте, ответ на запрос «Может ли?») и «воспринимаемая мотивация» (действие в общих интересах, «Будет ли?»). Развитием теории доверия, сформулированным в конце XX века Майклом Сигристом (Michael Siegrist), Дж. Цветкович (George Cvetkovich) и Хайнцом Гучером (Heinz Gutscher) [Siegrist, Cvetkovich, Roth 2000, p. 357], стала модель значимого ценностного сходства (Salient Value Similarity, SVS), которая доказывает, что существует еще один путь к доверию - через общие ценности. SVS предполагает, что люди доверяют тем, кто, по их мнению, разделяет их основополагающие ценности. Причем, решение принимается на основе интуитивного суждения о сходстве.

Исследования Казуя Накаячи (Kazuya Nakayachi) [Cvetkovich, Nakayachi 2007, p. 207; Nakayachi 2014, p. 244] подтвердили, что все три фактора — восприятие компетенции, мотивации и общие ценности — являются значимыми определяющими факторами доверия. Но значимость разделяемых ценностей заметно возрастает если проблема, с которой сталкивается человек, важна для него лично, и когда в обществе существует дискуссия по данной проблеме с ярко проявленными аргументами «за» и «против».

Теория социальной идентичности (Social Identity Theory, SIT) была разработана в 70-е гг. XX века психологами Анри Тэджфелом (Henri Tajfel) и Джоном Тернером (John Turner) [Tajfel, Turner 1979, p. 33]. Она опирается на предположение, что принадлежность индивида к определённой социальной группе (по территориальному, профессиональному, культурному или иному признаку) формирует его самоощущение и влияет на оценку других людей, запускает процесс категоризации и самоопределения, что ведёт к разделению мира на «своих» и «чужих». При этом индивиды стремятся поддерживать позитивную самооценку, что побуждает видеть свою группу в более выгодном свете по сравнению с другими. Основным механизмом, связывающим социальную идентичность с доверием, является ингрупповой фаворитизм (ingroup favoritism) – тенденция отдавать предпочтение членам своей группы перед аутсайдерами. Люди в большей степени склонны доверять членам своей группы, так как такое доверие способствует поддержанию позитивной социальной идентичности. Групповая идентичность служит важным ориентиром в ситуациях, где личностные характеристики неизвестны или недостаточны для принятия решения о доверии. Это подтверждается и эмпирическими исследованиями: выявлено, что национальная идентификация положительно связана с усилением ингруппового фаворитизма в отношении доверия к соотечественникам [Spadaro et al. 2024, p. 592]; участие в игровых сообществах положительно влияет на цифровое доверие, причём групповая идентичность выступает значимым медиатором этой связи [Huang et al. 2026, web]. Таким образом, в современном цифровом мире, где институциональные гарантии доверия ослабевают, именно идентичность и аутентичность становятся ключевыми ресурсами для построения устойчивых отношений в любой сфере – от коммерции до социального взаимодействия. Доверие в современном мире становится не только социальной, моральной и политической категорией, но и экономической [Веселов, Скворцов 2021, с. 57]. Некоторые исследователи констатируют наличие определенного кризиса доверия в

современном мире, что становится серьезным препятствием для социально-экономического развития отдельных стран [Макаров, Пономарев 2023, с. 148].

Можно предложить следующие механизмы формирование доверия через принадлежность к одной субкультуре:

• Территориальная идентичность («мы – земляки») создаёт предпосылки для доверия через общий культурный код, схожий опыт социализации и действие механизмов ингруппового фаворитизма даже в отсутствие личного знакомства;

• Потребительская идентичность (совместное следование за спортивной командой, музыкальной группой или брендом) формирует чувство общности, которое повышает доверие между членами такого сообщества;

• Профессиональная идентичность и членство в профессиональных сообществах создаёт общее ценностное поле, в рамках которого доверие возникает на основе разделяемых профессиональных стандартов и этических норм.

В контексте цифровой среды эти механизмы приобретают дополнительное пространство для взаимодействия: виртуальный мир позволяет людям из разных стран и отраслей наблюдать друг за другом, читать, вступать в разговоры и обсуждать идеи, и именно в этом пространстве формируется доверие нового типа [Беспятая 2025, с. 18]. Целесообразно использование следующих инструментов:

• Использование нарративов и сторителлинга, как в цифровой среде, так и в оффлайн коммуникациях, для формирования общей идентичности и доверия;

• Сигнализирование ценностей – демонстрация ценностного сходства через публичные заявления, позицию по социальным вопросам и культурные коды;

• Создание субкультурных пространств: формирование закрытых сообществ (комьюнити) с общей системой ценностей с целью укрепления доверия между участниками, проведение мероприятий для членов сообщества;

• Усиление роли локальной идентичности: акцент на локальных трендах и сообществах.

Таким образом, в условиях экономики внимания доверие становится ключевым экономическим активом. Для завоевания доверия в современной цифровой среде недостаточно быть компетентным — необходимо демонстрировать ценностную конгруэнтность и принадлежность к общему символическому полю с аудиторией. Успешные стратегии строятся на создании устойчивых, ценностно-ориентированных сообществ, где доверие возникает как естественный продукт разделяемой идентичности.

Список литературы

1. Беспятая 2025 – Беспятая М. Н. Социология цифрового доверия: как формируются и разрушаются доверительные отношения между брендами и потребителями в онлайн-среде // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. 2025. № 4. С. 18–27.
2. Веселов, Скворцов 2021 –Веселов Ю. В., Скворцов Н.Г. Доверие в эпоху цифровых трансформаций: опыт социологического исследования // Социологические исследования. 2021. № 6. С. 57-68.
3. Макаров&Пономарев 2023 – Макаров А. В., Пономарев Ю.Ю. Кризис доверия: проблемы измерения, общественные ценности и иные детерминанты // ЭКО. 2023. № 11(593). С. 148–172.

4. От «экономики внимания» к «экономике доверия»: как бренды и медиа работают с «медленным контентом» и эксклюзивные сообщества [Электронный ресурс], URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/11/27/ot-ekonomiki-vnimaniya-k-ekonomike-doveriya-kak-brendi-i-media-rabotayut-s-medlennim-kontentom-i-eksklyuzivnie-soobschestva (дата обращения 20.04.2026)

5. Рудакова и др. 2023 – Рудакова О. В., Орлова Н.Н., Коваленко Ю.Н. Доверие как социокультурное и экономическое явление // Экономическая среда. 2023. № 4(46). С. 19–27.

6. Фролова, Тюриков 2024 – 1 Фролова Е. В., Тюриков А.Г. Механизмы формирования доверия в экономике: специфика и оценка функционального состояния // Народонаселение. 2024. Т. 27. № 2. С. 14–25.

7. Cvetkovich, Nakayachi 2007 – Cvetkovich G., Nakayachi K. Trust in a High-concern Risk Controversy: A Comparison of Three Concepts // Journal of Risk Research. 2007. Vol.10(2). Pp. 207–227

8. Huang et al. 2026 – Huang C., Huang Y., Guo S., Deng W. Digital trust in gaming communities: chained mediation by perceived media realism and group identity among university students // Frontiers in Psychology. 2026. Vol. 16. Article no 1691196. [doi: 10.3389/fpsyg.2025.1691196]

9. Nakayachi 2014 – Nakayachi K. The Psychology of Trust // Journal of Japanese Cosmetic Science Society. 2014. Vol. 38. No. 4. Pp. 244-249.

10. Siegrist et al. 2000 – Siegrist M., Cvetkovich G. and Roth C. Salient Value Similarity, Social Trust, and Risk // Benefit Perception. Risk Analysis. 2000. Vol. 20. Pp. 353-362.

11. Simon 1971 – Simon H. Designing Organizations for an Information-rich World [электронный ресурс]. URL: https://gwern.net/doc/design/1971-simon.pdf (дата обращения 20.04.2026)

12. Spadaro et al. 2024 – Spadaro G., Liu J.H., Zhang R., de Zúñiga H.G., Balliet D. Identity and Institutions as Foundations of Ingroup Favoritism: An Investigation Across 17 Countries // Social Psychological and Personality Science. 2024. Is.15. Pp. 592–602.

13. Tajfel&Turner 1979 –Tajfel H., Turner J. C. An integrative theory of intergroup conflict // The social psychology of intergroup relations / Ed. W. G. Austin, S. Worchel. Monterey, CA: Brooks-Cole. 1979. Pp. 33–48.

УДК 330.88

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В БИЗНЕСЕ И НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ: СОДЕРЖАНИЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Хазан Мария Юрьевна,
Кандидат экономических наук
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», доцент
E-mail: maria_khazan@mail.ru

Аннотация: При наличии указанных предпосылок рассмотрение вопросов реализации и дифференциации социальной ответственности в коммерческом и государственном секторах приобретает особую значимость. Комплексное рассмотрение понятия «стейкхолдеры» сопровождается уточнением факторов, в силу которых в условиях современных геоэкономических и геополитических рисков бизнес вынужден осуществлять выполнение социальных функций. В структуре исследования раскрывается специфика проявления социальной ответственности на государственной службе, что опосредовано как институциональными характеристиками деятельности, так и возрастающими морально-этическими требованиями к государственным служащим. Отдельно выявляются факторы снижения и механизмы повышения данного параметра в госструктурах.

Ключевые слова: социальная ответственность, корпоративная социальная ответственность, стейкхолдеры, коррупция, государственная служба, мотивы соблюдения этических норм

IMPLEMENTATION OF SOCIAL RESPONSIBILITY IN BUSINESS AND PUBLIC SERVICE: CONTENT AND CURRENT TRENDS

Khazan Maria Yurievna
PhD in economy
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, associate professor

Abstract: The article focuses on the implementation and differences in social responsibility in the commercial and public sectors. The article pays attention to the concept of "stakeholders" and identifies the reasons why it is important for businesses to fulfill their social functions in today's conditions, despite the presence of geoeconomic and geopolitical threats. The article also examines the specifics of social responsibility in public service, which is related both to the field of activity itself and to the moral and ethical requirements that are currently imposed on public officials. The article highlights the reasons that reduce the effectiveness of public service.

Keywords: social responsibility, corporate social responsibility, stakeholders, corruption, public service, motivation for complying with ethical standards

В логике поставленной задачи корпоративная социальная ответственность рассматривается как концепция, предполагающая осуществление компаниями добровольных инициатив по совершенствованию общественной среды и обеспечению экологической безопасности. Организационное взаимодействие с ключевыми стейкхолдерами определяется как фундамент КСО, поскольку выявление и учёт их позиций формирует основу для корректировки решений. При этом результативность КСО характеризуется наличием экономических, экологических и социальных индикаторов, что соотносится с многоаспектной природой концепции.

В контексте управленческого воздействия обсуждение природы социальной ответственности бизнеса в академической сфере восходит к 1953 г., когда была опубликована работа Г. Боуена «Социальная ответственность бизнесмена». Конкретизация положения корпоративной социальной ответственности в указанной монографии определяет границы и вектор дальнейших научных дискуссий по теме.

В контексте управленческого воздействия на корпоративную структуру социальная ответственность бизнеса рассматривается как сложное и многоаспектное образование,

интеграция которого осуществляется на различных функциональных и организационных уровнях. Проведение анализа свидетельствует о возможности внедрения данного подхода как в философские основания (миссия, этические стандарты), так и в практические управленческие решения, включая формирование целевых управленческих систем или разработку механизмов оценки и прогнозирования рисков. При этом значительная часть реализуемых инициатив подлежит интерпретации в качестве инструментов формирования эффективных коммуникаций с общественностью, что влечёт оптимизацию социальных взаимодействий с ключевыми сегментами среды.

В данном случае реализуемое регулирование процессов соответствует установленным целям формирования позитивного имиджа организации, под которым подразумевается совокупность социальных представлений и оценок, возникающих у общества; при этом влияние КСО подтверждается улучшением деловой репутации компании.

С учётом стратегической направленности, реализация корпоративной социальной ответственности, как устанавливается в ходе анализа, характерна преимущественно для крупных корпоративных структур, в то время как малые предприятия акцентируют усилия на участии в социальных инициативах, преимущественно через волонтёрское содействие. Одновременно с этим распространены «про боно» программы, то есть предоставление профессиональных услуг и продукции ради общественного блага. Формы воплощения КСО охватывают социальные проекты, филантропию, социальной маркетинг и спонсорство.

С учётом стратегической направленности корпоративной социальной ответственности, в структуре рассматриваемого явления проводится акцент на институциональной зависимости корпорации от внешней среды. Вследствие этого функционирование корпораций характеризуется тесной взаимосвязью с социумом, что формирует обоснование для нормативного регулирования их ответственных практик. Следует отметить, что влияние корпорации как значимого экономического субъекта распространяется на широкий круг лиц, однако при этом поддержание стабильности и уровня деятельности самой организации во многом определяется отношением и поведением данных стейкхолдеров. Приоритет стратегической КСО заключается в комплексном рассмотрении механизмов формирования благоприятных коммуникаций со всеми заинтересованными сторонами, а также в обеспечении такой информационной среды, которая способствует снижению рисков, вызываемых действиями стейкхолдеров. Терминологически под понятием «стейкхолдер» интерпретируются как группы влияния, так и заинтересованные стороны, среди которых наиболее точным представляется обозначение «заинтересованная сторона», совпадающее с категорией «целевая аудитория» для корпоративного управления.

В условиях обозначенных ограничений формирование корпоративных программ социальной ответственности рассматривается в качестве компонента коммуникационной стратегии, обеспечивающего стратегическое согласование интересов корпорации и общественности, что выражается в построении устойчивых взаимовыгодных отношений между ними.

В исследуемом контексте термин «социальная ответственность» находит применение применительно к государственной службе, при этом его содержание раскрывается через выполнение государственными служащими специфических социальных функций, что предполагает сознательное служение общественным интересам. В функциональном отношении такая деятельность определяется как обеспечение реализации прав и свобод граждан наряду с защитой государственных интересов. Следует отметить, что государственный служащий, обладая установленными правами, одновременно принимает на

себя и обязательства как относительно собственной деятельности, так и в отношении окружающих. Социальная ответственность на государственной службе выражается в осознании государственными служащими своего долга и социальной миссии перед обществом за принятые решения и их последствия.

На этапе формирования служебной иерархии обнаруживается, что увеличение меры социальной ответственности на государственной службе обусловлено занимаемой позицией: по мере продвижения по служебной лестнице специфика принимаемых решений подвергается усиленной оценке, а на уровне высших должностей данная ответственность официально закрепляется посредством нормативного регулирования соответствующими правовыми актами.

Можно выделить факторы, снижающие уровень социальной ответственности государственных служащих:

низкий уровень организационной культуры в государственных органах;

отслеживание проявлений профессиональной неудовлетворённости среди представителей государственной и муниципальной службы;

общее падение нравственности в обществе; недейственность механизмов контроля;

слабая социальная ответственность руководителей государственных организаций.

В системе факторов риска для государственного и муниципального управления рост коррупции в исполнительных органах определяется как результат проявления социальной безответственности.

В перспективе дальнейшего развития институциональное ограничение определяется необходимостью стимулирования социально ответственного поведения государственных служащих, что сохраняет значимость для системы в целом.

Здесь можно выделить следующие пути.

1. При сопоставлении различных форм актуализации ответственности моральное самораскрытие подлежит определению в качестве наиболее сложной. Интерпретация результата здесь соотносится с необходимостью проведения самопознания, саморазвития и осуществления самовоспитания. Данный процесс обусловлен постконвенциональным мотивом следования этическим нормам, то есть приоритетом личностно принятых нравственных принципов. Наряду с этим выделяются доконвенциональные и конвенциональные мотивы, основанные соответственно на страхе наказания и ориентации на социальное одобрение.

2. Формирование социальной ответственности в рамках служебной социализации обеспечивается посредством следующих инструментов, применительно к рассматриваемой ситуации.

А) в процессе социального образования формируется осознание общественной значимости службы.

Б) обеспечение повышения служебного мастерства, что, в конечном счёте, характеризуется расширением свободы и диапазона ответственности решений,

В) выработка ощущения обязанности

Г) обеспечение формирования института профессиональной чести

3. С методической точки зрения, внутрислужебный социальный контроль предполагает сохранение положительных традиций государственной службы при устранении негативных элементов, при этом ключевое значение придаётся формированию служебной культуры руководства, подчинения, правоприменения и организации труда.

В логике поставленной задачи актуализация социальной ответственности в бизнесе и госслужбе обусловливается требованиями времени.

1. В контексте управленческого воздействия, анализ показывает, что даже при наличии существенных геополитических вызовов последних лет около 75% средних и крупных российских предприятий продолжают обеспечивать развитие программ корпоративной социальной ответственности. При этом, по оценке экспертов, повышение внимания бизнес-структур к социальной составляющей отмечается как по отношению к собственному персоналу, так и к потребителям. К 2023 году, согласно исследованиям, социальный компонент занимает лидирующие позиции в повестке ESG, получая приоритетное ресурсное обеспечение в 74% случаев.

В плоскости практического применения идеология устойчивого развития, внутри которой корпоративная социальная ответственность занимает ключевую позицию, обусловливает выстраивание бизнесом долгосрочных стратегий, что при этом сопровождается сохранением гибкости в условиях экономических и геополитических потрясений.

В условиях изменяющейся конъюнктуры рынка труда обеспечение взаимодействия с теми социальными группами, которые ранее традиционно не охватывались корпоративными инициативами, становится для работодателей необходимым элементом стратегии; речь идёт, в частности, о пенсионерах, лицах с инвалидностью, молодежи без опыта и женщинах в сферах традиционно мужского труда. С позиции институциональной логики проявляется тенденция к расширению инклюзивных программ. Следовательно, частный сектор всё активнее реализует практическую апробацию подобных инициатив. Так, в Unilever был инициирован внутренний проект, предполагающий развитие профессиональных навыков сотрудников, а также организационное закрепление мер психологической поддержки и формирование трудовых отношений на основе принципов бережного взаимодействия [РБК 2023, web].

2. В методологическом контексте государственной гражданской службы акцент смещается на рассмотрение её не только как одной из форм профессиональной занятости и сферы личностной самореализации, но и как института, воплощающего выполнение обязательств перед обществом и государством; при этом предполагается наличие у служащих высоких гражданских и нравственных качеств. Установлено, что государственные гражданские служащие подлежат выделению в качестве самостоятельной социально-профессиональной категории. Вследствие сложившихся условий становится необходимым целенаправленное формирование этических ориентаций у данной категории работников со стороны органов государственной власти и кадровых подразделений, при котором акцент делается не только на поддержке собственного профессионального статуса, но и на реализации функции служения гражданам [Маркова 2016, с. 54]. Как результат, обеспечивается повышение социальной продуктивности, формирование положительной общественной оценки и увеличение престижности служебной карьеры, что в конечном счёте способствует решению социально-экономических задач и увеличению эффективности государственного управления.

Список литературы

1. Маркова, 2016 – Маркова Г.В. Социальная ответственность государственных служащих и эффективное государственное управление// Экономика. Социология. Право, 2016, № 2, С. 50-57

2. РБК 2023, web – Зачем сегодня бизнесу корпоративная социальная ответственность // РБК URL.: https://trends.rbc.ru/trends/social/cmrm/65366b389a794712cbd84414?from=copy (дата обращения – 30.04.2026)

УДК 165

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Авакян-Форер Армина Генриховна
кандидат философских наук
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», доцент
E-mail: philVSU@mail.ru

Аннотация: Современное общество вступило в эпоху глубокой цифровой трансформации, которая затрагивает все без исключения сферы человеческой жизни — от личного пространства и межличностных коммуникаций до экономики, образования, науки и культуры. Цифровизация становится не просто технологическим инструментом, а фундаментальной основой новой цивилизационной парадигмы, меняющей сам способ существования человека в мире. Новые технологии формируют особую техносоциальную реальность, где границы между физическим и виртуальным, личным и общественным, индивидуальным и коллективным постепенно стираются. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что цифровые процессы радикально изменяют структуру общественных отношений, систему ценностей и саму природу человеческого бытия. Человек всё чаще оказывается включён в сеть информационных взаимодействий, где данные и алгоритмы начинают определять не только экономические решения, но и моральные, культурные и повседневные выборы.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая среда, цифровая культура, инновации и гуманистические ценности, цифровая экономика, цифровое общество, цифровое будущее.

DIGITAL TRANSFORMATION: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Avakian-Forer Armina
PhD in philosophy,
Voronezh State University, associate professor

Abstract: Modern society has entered the era of deep digital transformation, which affects all spheres of human life without exception — from personal space and interpersonal communications to economics, education, science and culture. Digitalization is becoming not just a technological tool, but the fundamental basis of a new civilizational paradigm that is changing the very way people live in the world. New technologies are forming a special technosocial reality, where the boundaries between physical and virtual, personal and public, individual and collective are gradually erasing. The relevance of the research topic is due to the fact that digital processes are radically changing the structure of social relations, the value system and the very nature of human existence. People are

increasingly becoming involved in a network of information interactions, where data and algorithms are beginning to determine not only economic decisions, but also moral, cultural, and everyday choices.

Keywords: digitalization, digital environment, digital culture, innovations and humanistic values, digital economy, digital society, digital future.

В XXI в. технический прогресс стал определяющим фактором трансформации человеческого бытия, культуры и способов познания мира. Философия стремится понять, каким образом техническая деятельность изменяет человека и общество, как формируются новые формы мышления и восприятия, а также какие риски несёт технологическое развитие для духовной и социальной сфер. Современное общество невозможно представить без технологий, однако их значение выходит далеко за рамки практического применения — техника становится фундаментом новой онтологии, в которой человек и машина взаимодействуют как равноправные элементы единой системы. Развитие искусственного интеллекта, интернета вещей, больших данных, блокчейна и нейросетевых систем ведёт к изменению способов мышления и коммуникации, трансформации традиционных форм труда, управления и образования. Эти процессы затрагивают не только материальную сферу, но и духовно-нравственную, создавая новые формы взаимодействия человека с техникой и обществом. Цифровизация, становясь глобальным процессом, требует философского анализа, поскольку именно философия способна ответить на вопросы о границах человеческой автономии, ответственности и смысле существования в условиях технологического детерминизма. Информационные технологии, искусственный интеллект и большие данные ускоряют развитие науки и экономики, однако одновременно порождают новые этические и антропологические вызовы — угрозу потери приватности, подмену человеческого суждения машинными алгоритмами, зависимость от цифровых систем и стандартизацию мышления.

Актуальность темы усиливается тем, что современное общество находится в состоянии перехода от индустриальной к постиндустриальной и информационной модели развития. Этот переход сопровождается изменением роли человека в системе производства, коммуникации и культуры. Если раньше человек рассматривался как создатель и субъект техники, то теперь он всё чаще становится её частью, участником сложных цифровых экосистем. В этой связи возрастает потребность в философском осмыслении цифровизации как процесса, меняющего не только экономику, но и само понимание человеческого существования.

Таким образом, представленное исследование направлено на комплексное философское осмысление цифровой трансформации как процесса, меняющего границы человеческого опыта, формы сознания и социальные практики, а также открывающего новые возможности для развития общества и личности. В условиях стремительного технологического прогресса именно философия способна сформировать основания ответственного и гуманного использования цифровых технологий.

Цифровая среда становится новой формой бытия человека. В онтологическом аспекте она создаёт вторую реальность — пространство виртуальных действий, коммуникации и самопрезентации. Эта реальность подчиняется иным законам, чем физический мир: время и пространство здесь условны, а идентичность человека становится гибридной. Индивид существует одновременно в физическом и цифровом измерениях, что вызывает переоценку традиционных понятий присутствия, личности и ответственности. Если в классической

философии бытие определялось через телесность и труд, то в цифровом обществе эти категории размываются. Труд утрачивает материальную форму и превращается в процесс обработки данных, а общение переносится в сетевое пространство.

С точки зрения социальной философии, цифровизация трансформирует структуру общественных отношений. Возникают новые формы коммуникации, производства и потребления, основанные на обмене информацией. Знание становится ключевым ресурсом, а управление данными — главным инструментом власти. Эти процессы вызывают необходимость философской оценки границ человеческой автономии в условиях возрастающего влияния алгоритмов и искусственного интеллекта. Цифровые системы способны анализировать поведение, прогнозировать желания и тем самым формировать решения вместо человека. Возникает феномен алгоритмической зависимости, при котором свобода выбора подменяется иллюзией участия. Этот вызов требует разработки новой этики цифрового общества, ориентированной на сохранение достоинства и ответственности личности.

Вместе с тем цифровая трансформация открывает и новые возможности для человеческого развития. Она создаёт условия для глобального обмена знаниями, ускоряет научное исследование, расширяет доступ к образованию и культуре. Цифровые технологии способствуют формированию сетевых сообществ, где человек может реализовать свой творческий и интеллектуальный потенциал. Однако философия техники предупреждает: без критического осмысления эти достижения могут обернуться утратой контроля над собственными изобретениями. Необходимо сохранить баланс между эффективностью и гуманизмом, между технологическим прогрессом и духовным развитием.

Таким образом, философия техники и цифрового общества объединяет анализ технологической реальности с вопросами смысла человеческого существования. Она стремится понять, как в мире машин и алгоритмов человек сохраняет свою уникально сть, способность к творчеству и моральному выбору. Современная философская мысль указывает на необходимость перехода от безусловного восхищения технологиями к их осознанному использованию. Техника — не просто инструмент, а форма бытия, в которой проявляется человек. Цифровизация делает этот факт особенно очевидным: теперь не человек использует технологии, а технологии определяют границы человеческого опыта. Философская задача XXI века — вернуть технике человеческий смысл, сделать её не целью, а средством раскрытия подлинного бытия.

Эпоха цифровых технологий открыла новую страницу в истории человеческой цивилизации. Влияние цифровизации пронизывает все сферы жизни — от экономики и образования до культуры и повседневного общения. Однако глубинные изменения происходят не только во внешнем мире, но и в самом человеке. Цифровая среда перестраивает структуру сознания, способы восприятия реальности и взаимодействия с окружающим пространством. Человек уже не просто использует технологии как инструмент — он становится элементом цифровой экосистемы, частью сложной системы обмена информацией, в которой границы между человеком и машиной постепенно стираются. Цифровая революция, начавшаяся во второй половине XX века, радикально изменила понимание труда, общения и творчества. Если индустриальное общество строилось на физическом производстве, то цифровое общество базируется на создании, обработке и передаче данных. Этот переход сопровождается формированием нового типа субъективности — цифровой личности, которая существует одновременно в двух мирах: физическом и виртуальном. Появление социальных сетей, платформ для самовыражения и

сетевых сообществ привело к тому, что идентичность человека всё чаще формируется через цифровые образы, отражающие его интересы, связи и репутацию в сети.

Современные философы рассматривают цифровую личность как сложный конструкт, включающий не только информацию о человеке, но и его действия в цифровом пространстве. Комментарии, публикации, фотографии и взаимодействия в сети становятся элементами биографии, фиксирующей виртуальное существование индивида. В этом контексте важно отметить, что цифровая идентичность не является стабильной: она может изменяться, редактироваться и даже полностью конструироваться заново. Такое свойство виртуальной реальности создаёт новые возможности для самовыражения, но также несёт риски утраты подлинности. Одним из ключевых факторов трансформации человека в цифровую эпоху является развитие искусственного интеллекта (ИИ). Современные алгоритмы способны выполнять задачи, которые ранее требовали человеческого мышления — анализировать большие массивы данных, принимать решения, обучаться на опыте и даже создавать тексты и изображения. Это вызывает фундаментальные философские вопросы: где проходят границы человеческого разума? Можно ли считать ИИ формой сознания? Сохраняется ли уникальность человека в условиях, когда машины способны «думать»?

Ответы на эти вопросы неоднозначны. Одни исследователи видят в ИИ угрозу автономии человека, другие — возможность расширения когнитивных способностей. Например, технические устройства превосходят человека в скорости и точности, но лишены морального измерения. Следовательно, роль человека должна заключаться в том, чтобы направлять технологическое развитие, сохраняя его гуманистическую направленность. В этой связи философия техники приобретает этический характер — она требует от человека осознанного выбора между эффективностью и моральной ответственностью.

Особое место в философском осмыслении цифровой эпохи занимает творчество Ж. Бодрийяра. В книге «Симулякры и симуляция» [Бодрийяр 2016] он утверждал, что современная культура утрачивает связь с реальностью и погружается в мир копий без оригинала. Реальность заменяется симулякрами — искусственными знаками и образами, которые не отражают действительность, а создают её видимость. В цифровом обществе эта идея получает буквальное воплощение. Виртуальные аватары, искусственные инфлюенсеры, компьютерные модели поведения становятся новыми носителями социального смысла. Человек живёт в пространстве медийных образов, где истина уступает место эффекту присутствия, а информация подменяет знание.

Эта ситуация порождает феномен виртуальной реальности — особого мира, в котором человек переживает иллюзию присутствия. Виртуальность позволяет создавать любые сценарии и образы, но тем самым размывает границы между действительным и воображаемым. Человек оказывается в состоянии постоянной симуляции, где подлинные эмоции смешиваются с программно сгенерированными. В результате возникает новая форма существования — гибридное бытие, соединяющее биологическое и цифровое измерения.

Испанский социолог М. Кастельс [Кастельс 2000] в теории сетевого общества показал, что информационные технологии не только меняют экономику, но и перестраивают структуру власти, коммуникации и культуры. По его мнению, в современном мире именно сети становятся основной формой социальной организации. В отличие от иерархических структур индустриального общества, сетевое общество основано на гибких связях,

распределённых потоках информации и самоорганизующихся коммуникациях. Человек в таких условиях перестаёт быть изолированной личностью — он становится узлом в глобальной сети, где идентичность формируется через взаимодействие и обмен информацией.

Философский анализ М. Кастельса [Кастельс 2000] показывает, что цифровая личность не является замкнутой сущностью, а представляет собой динамическую систему отношений, которая постоянно обновляется. Этот процесс требует новой формы социальной ответственности - человек должен осознавать последствия своих действий в сети, поскольку любое высказывание или изображение может стать частью общественного дискурса.

В российской философской мысли вопросы цифровой идентичности также получили широкое развитие. Исследователи подчеркивает, что технологии не только меняют формы коммуникации, но и трансформируют внутреннюю структуру сознания. Куренной отмечает, что в цифровом пространстве происходит «перераспределение внимания» — человек одновременно присутствует во множестве потоков информации, что приводит к фрагментарности мышления и снижению глубины восприятия. Можно рассматривать цифровую личность как феномен переходного времени, в котором человек учится совмещать реальное и виртуальное «я», сохраняя внутреннее единство в условиях постоянного технологического воздействия.

Философское осмысление цифрового общества неизбежно приводит к рассмотрению его этических аспектов. Цифровая трансформация ставит вопрос о границах личной автономии и ответственности. Когда алгоритмы способны принимать решения быстрее и точнее человека, возникает дилемма: кто несёт моральную ответственность за их последствия? Разработчик, пользователь или сама система? Эти вопросы выходят за пределы инженерных дискуссий и требуют философского анализа.

Этика технологий стремится установить баланс между инновацией и гуманизмом. С одной стороны, технологии повышают эффективность, позволяют решать сложные задачи и улучшать качество жизни. С другой стороны, они создают новые формы контроля и зависимости. Примером может служить использование алгоритмов в сфере социальных сетей, которые формируют «информационные пузыри» — ограничивают пользователя рамками его интересов и убеждений. Таким образом, свобода выбора оказывается иллюзорной, а поведение человека — предсказуемым и управляемым.

Философская задача современности заключается в том, чтобы сохранить человеческое измерение в технологическом мире. Это означает необходимость разработки этики цифрового взаимодействия, основанной на уважении к личности, защите частной информации и осознанном использовании технологий. Подобная этика должна включать принципы прозрачности, ответственности и взаимного доверия.

Кроме того, цифровая эпоха ставит перед обществом проблему неравенства доступа к технологиям. В то время как часть населения получает преимущества от цифровизации — образование, медицинские сервисы, дистанционную занятость — другие остаются исключёнными из цифрового пространства. Это создаёт новый тип социального расслоения, известный как цифровое неравенство. Его преодоление становится важнейшей задачей гуманитарной политики, направленной на обеспечение справедливости и равных возможностей для всех граждан.

Информация перестаёт быть лишь средством описания действительности и превращается в самостоятельную силу, создающую собственную реальность. В философии

XX–XXI веков постепенно складывается представление о «информационном бытии», где любая форма существования может быть выражена через потоки данных, знаков и кодов. Это радикально меняет философскую картину мира, смещая внимание с материи и духа на процессы коммуникации и смыслопорождения. Человек оказывается не просто наблюдателем, а активным участником информационного обмена, частью глобальной системы, в которой все элементы связаны через информационные взаимодействия.

Одним из ключевых мыслителей, определивших развитие философии информации, является Л. Флориди — итальянский философ, создатель концепции «инфосферы». Он рассматривает информацию как фундаментальный элемент бытия, наряду с материей и энергией. По Л. Флориди, всё существующее может быть понято как информационный объект, обладающий структурой и возможностью обмена данными. Совокупность таких объектов образует инфосферу — пространство, где человек, техника и природа взаимодействуют на основе информационных процессов [Floridi 2014].

Л. Флориди утверждает, что в цифровую эпоху происходит переход от антропоцентризма к инфоцентризму, при котором человек больше не является вершиной творения, а становится одним из участников информационной экосистемы [Floridi 2014]. Это ведёт к необходимости нового этического подхода — информационной этики, основанной на уважении к любым формам информационного существования. Таким образом, философия информации объединяет онтологические, эпистемологические и этические аспекты, формируя новое понимание реальности как «мира данных». Другим влиятельным направлением в исследовании информационного общества стала системная теория коммуникации, разработанная Н. Луманом [Луман 2007]. Он рассматривал общество не как совокупность индивидов, а как систему коммуникаций. Согласно Н. Луману, именно информация обеспечивает существование социальных систем, связывая различные подсистемы — экономику, политику, право, науку. В его теории коммуникация понимается как процесс самовоспроизводства общества, независимый от воли отдельных личностей [Луман 2007].

Н. Луман полагает, что общество существует благодаря постоянной циркуляции информации. Каждый акт коммуникации создаёт новое знание и тем самым поддерживает жизнь социальной системы [Луман 2007]. Человек здесь выступает не источником, а посредником в передаче смыслов, что подчёркивает структурную роль информации в организации общественного порядка. Этот подход позволяет рассматривать цифровое общество как результат эволюции коммуникационных механизмов — от устной речи до глобальных сетей, где обмен данными становится основой коллективного разума.

Взаимосвязь идей Л. Флориди и Н. Лумана отражает переход философии от изучения материального мира к анализу нематериальных структур, формирующих современную цивилизацию. Если для Л. Флориди информация — это субстанция, то для Н. Лумана — функция, обеспечивающая устойчивость системы. Оба подхода подготавливают почву для новой парадигмы мышления — постгуманизма, который пытается осмыслить человека в условиях технологической эволюции.

Цифровая эпоха ставит перед философией вопрос: где проходят границы человека? Если информация становится формой существования, а сознание — системой обработки данных, то исчезает различие между человеком и машиной. В этих условиях постгуманизм предлагает рассматривать человека не как противоположность технике, а как её продолжение. Человеческое тело дополняется сенсорами, биопротезами, нейроинтерфейсами; сознание — цифровыми помощниками и искусственным

интеллектом. Эта тенденция порождает феномен «расширенного человека», способного выходить за пределы биологических ограничений. С одной стороны, это открывает перспективы для медицины, науки и образования. С другой — ставит проблему идентичности и ответственности. Кто несёт ответственность за действия гибридных систем, где решения принимаются совместно человеком и алгоритмом? Что остаётся от личной воли в мире, где предсказательные модели могут формировать выбор заранее?

Ответ на эти вопросы требует новой этики, способной учитывать специфику информационного существования. Философия информации предлагает принцип информационного уважения — признание ценности всех форм жизни и данных. Постгуманизм, в свою очередь, требует переосмысления понятия человечности — не как противопоставления машине, а как способности сохранять смысл и мораль в мире технологической сложности.

В результате снижается глубина восприятия, но возрастает скорость адаптации и способность к многозадачности. Это двойственный процесс: с одной стороны, формируется динамическое, гибкое мышление, с другой — утрачивается способность к длительной концентрации и критическому суждению.

Философски данный феномен можно описать как переход от общества мышления к обществу реакции. Приоритетом становится не осмысление, а ответ — быстрый, видимый, эмоциональный. Социальные сети стимулируют именно такую логику поведения, где важно не содержание, а количество реакций и вовлеченность. Таким образом, цифровая культура формирует новое поле коммуникации, управляемое алгоритмами.

Одним из важнейших социальных последствий цифровизации становится перенос центра коммуникации из реального пространства в виртуальное. Традиционные формы общения — разговор, письмо, совместная деятельность — вытесняются цифровыми взаимодействиями: чатами, лайками, видео-сообщениями. Виртуализация коммуникации изменяет не только форму, но и качество человеческих связей. Общение становится одновременно массовым и поверхностным. Люди имеют доступ к огромному количеству контактов, но часто испытывают чувство одиночества и нехватки подлинного взаимодействия.

Современные исследования показывают, что цифровая коммуникация создаёт новую социальную структуру — сетевую. В ней исчезают устойчивые социальные иерархии, но усиливается зависимость от алгоритмов. Поведение людей регулируется невидимыми цифровыми кодами — рекомендационными системами, фильтрами, рейтингами. Это формирует особую алгоритмическую реальность, где человек одновременно свободен и подчинён логике программ.

Философская проблема контроля в цифровом обществе становится одной из центральных. Кто управляет процессами — человек или система, которую он создал? На первый взгляд, цифровые технологии расширяют свободу, предоставляя доступ к информации и инструментам самовыражения. Однако на практике они часто становятся механизмом социального контроля и манипуляции. Большие данные позволяют корпорациям и государствам прогнозировать поведение граждан, а алгоритмы формируют информационную повестку, определяя, что человек видит и во что верит.

Одновременно с этическими вызовами цифровое будущее несёт геополитические и культурные возможности. Россия обладает потенциалом для развития собственных цифровых платформ, программных продуктов и систем искусственного интеллекта. Создание суверенной цифровой инфраструктуры обеспечивает безопасность данных и

независимость от внешних центров влияния. Однако философская задача заключается не только в защите границ, но и в создании культурной идентичности в цифровом пространстве. Российская цифровая культура должна объединять традиции и инновации, опираться на ценности доверия, взаимопомощи, справедливости.

В этом контексте возникает идея «цифрового патриотизма» — ответственного отношения к цифровым ресурсам страны, осознания их как части национального достояния. Такой подход не означает изоляцию, но предполагает уважение к собственному культурному коду и активное участие в формировании глобальной цифровой этики.

Одной из центральных проблем остаётся вопрос о границах искусственного интеллекта. Его развитие ставит перед философией задачу определения статуса ИИ как участника моральных отношений. Может ли искусственный интеллект нести ответственность? Способен ли он к моральному суждению? Эти вопросы требуют глубокого философского анализа, поскольку от ответов на них зависит не только регулирование технологий, но и понимание природы человека.

Будущее цифровизации в России зависит от того, насколько удастся сочетать техническое развитие с духовными ценностями. Прогресс без гуманизма может привести к отчуждению, тогда как гармоничное развитие откроет путь к обществу знаний, справедливости и ответственности. Можно отметить, что философия цифрового будущего — это не отказ от технологий, а поиск новой гармонии между человеком и машиной. Россия имеет все предпосылки для того, чтобы стать одним из центров устойчивого цифрового развития, основанного на ценностях культуры, науки и гуманизма. От выбора этих ценностей сегодня зависит, каким будет завтрашний день — временем утраты человеческого измерения или эпохой осознанного цифрового возрождения.

Таким образом, можем сделать несколько обобщающих выводов:

- цифровизация — это не изолированный технологический процесс, а глобальное социокультурное явление, требующее философского осмысления;
- техника и технологии определяют новые формы бытия человека, но их развитие должно сопровождаться этическим контролем и культурной рефлексией;
- цифровая культура меняет структуру сознания, коммуникации и творчества, создавая одновременно новые возможности и новые формы зависимости;
- для устойчивого развития необходимо формирование цифрового гуманизма, где в центре стоит человек, его свобода, достоинство и ответственность;
- будущее России в цифровую эпоху зависит от способности общества объединить инновации с гуманистическими ценностями, наукой и культурой.

В заключение следует подчеркнуть, что цифровая трансформация не является угрозой при условии, что человек осознаёт себя не объектом, а субъектом цифрового мира. Технологии, подконтрольные разуму и морали, могут стать инструментом раскрытия человеческого потенциала. Соединение научно-технического прогресса с гуманистическими принципами является ключевым условием устойчивого и осмысленного развития цифрового будущего России, в котором техника служит не власти над человеком, а его свободе и творчеству.

Список литературы

1. Бодрийяр, 2016 -– Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. с фр. М.: Постум, 2016. 2016. 238 с.

2. Кастельс, 2000 – Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Т. 1: Становление общества сетевых структур / пер. с англ. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2000. 606 с.
3. Луман, 2007 – Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории = Очерк общей теории / пер. с нем. И. Д. Газиева. СПб: Наука, 2007. 641с.
4. Floridi, 2014– Floridi L. The 4th revolution: how the infosphere is reshaping human reality. New York; Oxford: Oxford University Press, 2014. 248 p.

УДК 334.72

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Гаранина Алёна Александровна
аспирант
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
E-mail: garanina@unn.ru

Аннотация: Изучение предпринимательства занимает важное и прикладное значение в науке. В условиях современных вызовов предпринимательство становится мощной силой, трансформирующей российское общество. Именно бизнес становится катализатором перемен – создает рабочие места, внедряет инновации. Понимание механизмов позволяет разрабатывать эффективные стратегии бизнеса, формировать благоприятную институциональную среду, прогнозировать социальные изменения. Предпринимательство представляет собой многогранный объект для научного анализа. Комплексное применение различных социологических подходов позволяет глубже понять природу, выявить проблемы, предложить способы совершенствования и векторы для развития. В статье дана краткая историческая справка по термину предпринимательства, описание предпринимательства как социокультурного феномена с XVIII века по текущий день. Рассмотрены социологические подходы к изучению предпринимательства: институциональный подход (А.Ю. Чепуренко), ресурсный подход (Г.В. Широкова, В.В. Радаев), культурно-антропологический подход (Т.Г. Алимова, О.И. Образцова). Дана характеристика основным социологическим проблемам предпринимательства: взаимодействие бизнеса и государства, социальная ответственность, региональная специфика, отсутствие культуры предпринимательства. Проанализированы современные тренды в социологии предпринимательства: цифровизация бизнеса, социальное предпринимательство, создание профессиональных сообществ. Предпринимательство как социокультурный феномен выступает как фактором развития общества, так и зеркалом, отражающим сложное переплетение экономических, исторических, социальных и культурных детерминант.

Ключевые слова: предпринимательство, проблемы предпринимательства, социология предпринимательства.

ENTREPRENEURSHIP IN MODERN RUSSIA AS A SOCIO-CULTURAL PHENOMENON

Garanina Alyona Alexandrovna
postgraduate student
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Abstract: The study of entrepreneurship occupies significant and applied significance in science. In the face of modern challenges, entrepreneurship is emerging as a powerful force transforming Russian society. Business is a catalyst for change, creating jobs and introducing innovations. Understanding these mechanisms enables the development of effective business strategies, the formation of a favorable institutional environment, and the prediction of social change. Entrepreneurship is a multifaceted object of scientific analysis. The integrated application of various sociological approaches enables a deeper understanding of its nature, the identification of problems, and the proposal of methods for improvement and vectors for development. This article provides a brief historical overview of the term entrepreneurship and a description of entrepreneurship as a sociocultural phenomenon from the 18th century to the present day. Sociological approaches to the study of entrepreneurship are considered: the institutional approach (A. Yu. Chepurenko), the resource-based approach (G. V. Shirokova, V. V. Radaev), and the cultural-anthropological approach (T. G. Alimova, O. I. Obraztsova). The article explores the key sociological challenges of entrepreneurship: the interaction between business and government, social responsibility, regional specifics, and the lack of an entrepreneurial culture. Current trends in the sociology of entrepreneurship are analyzed, including the digitalization of business, social entrepreneurship, and the creation of professional communities. Entrepreneurship as a sociocultural phenomenon acts both as a factor in societal development and as a mirror reflecting the complex interplay of economic, historical, social, and cultural determinants.

Keywords: entrepreneurship, problems of entrepreneurship, sociology of entrepreneurship.

Предпринимательство в условиях современных экономических и социальных вызовов влияет на трансформацию российского общества. Предпринимательство становится драйвером экономического роста, одним из факторов изменений в экономике страны. Диверсификация экономики, появление новых рабочих мест, запуск инновационных проектов – все это результаты предпринимательской деятельности.

Предпринимательство рассматривается как социальный институт, выполняющий функции не только в экономической, но и в социокультурной сфере. Предпринимательство становится объектом внимания социологии, отражает глубинные процессы трансформации общества – как институт формирует новые нормы и ценности, расширяет возможности для самореализации граждан.

Целью настоящей статьи является анализ эволюции социологических подходов к изучению российского бизнеса, а также рассмотрение социологических проблем и трендов современного российского предпринимательства.

Изучение феномена предпринимательство началось в XVIII веке. Одним из первых, кто обратил внимание на роль предпринимателя в экономике, был Ричард Кантильон [Кантильон 1982, с. 270]. Ученый рассматривал предпринимателя как человека, который действует в условиях неопределенности. Далее следует отметить вклад Адама Смита, который подчеркнул

важность разделения труда и рыночной конкуренции [Смит 2004, с. 240]. В XIX веке Жан Батист Сэй определяет предпринимателя как ключевого агента, объединяющего и направляющего факторы производства – труд, капитал, землю [Сэй 2007, с. 60]. В XX веке в теорию предпринимательства вносят вклад работы Йозефа Шумпетера, который рассматривал предпринимателя как новатора, изменяющего структуру экономики через внедрение инноваций [Шумпетер 1972, с. 450]. В современной экономической науке предпринимательство изучается как многоаспектное явление, включающее не только экономическую, но и социальную, психологическую и управленческую составляющие.

В России история предпринимательства богата событиями и переменами – от древнерусских купцов до современных бизнесменов. Можно выделить такие этапы, как развитие торговли и ремесел, формирование предпринимательских сообществ, периоды активного развития и ограничения предпринимательской активности в разные исторические эпохи.

Рассмотрим три социологических подхода к изучению предпринимательства.

1. Институциональный подход (А.Ю. Чепуренко). Данный подход рассматривает предпринимательство как элемент системы формальных и неформальных правил, норм и институтов, которые определяют условия ведения бизнеса. Автор подхода говорит о том, что развитие предпринимательства невозможно анализировать без институциональной среды (административных барьеров, законодательства). Защита прав собственности, судебная система, налоговое администрирование и поддержка со стороны государства – данные институты имеют ключевое значение. Качество институтов определяет, насколько благоприятны условия для появления и роста новых предприятий, а также для их устойчивости в долгосрочном плане [Чепуренко 2020, с. 85].

2. Ресурсный подход (Г.В. Широкова, В.В. Радаев). Данный подход акцентирует внимание на значимости социальных связей и социального капитала для выживания и развития бизнеса [Широкова 2010, с. 75]. Ученые отмечают, что в условиях российской экономики, где формальные институты зачастую несовершенны, предприниматели активно используют неформальные механизмы (личные знакомства и контакты, доверие, взаимопомощь). Социальный капитал позволяет снижать издержки, быстрее адаптироваться к изменениям рынка, обеспечивать устойчивость в кризисных ситуациях [Радаев 1995, с. 20].

3. Культурно-антропологический подход (Т.Г. Алимова, О.И. Образцова). Подход базируется на предпринимательском потенциале, ценностях, мотивации личности, жизненном опыте. Ученые исследуют предпринимательский потенциал как совокупность личностных качеств, сформированных под влиянием национальной культуры, семейных традиций и социальной среды. В рамках подхода анализируются такие аспекты, как отношение к риску, стремление к самореализации, восприятие успеха и неудач, особенности деловой этики. Исследования позволяют понять склонность к предпринимательской деятельности, а также формирование уникальных черт российских предпринимателей в отличие от зарубежных [Алимова 2015, с. 280].

Современный российский бизнес сталкивается с рядом социологических проблем, которые определяют не только его развитие, но и влияют на общество в целом.

Одна из основных проблем – взаимодействие бизнеса и государства. Несмотря на взаимную заинтересованность сторон, на практике взаимодействие сталкивается с рядом системных проблем, среди которых несовершенство нормативно-правовой базы, административные барьеры, отсутствие бизнес-компетенций у чиновников, коррупционные риски, несовершенство механизмов поддержки бизнеса, бюрократизация и формализация

взаимодействия. Для получения мер поддержки бизнес сталкивается со сложными бюрократическими процедурами, что требует время, ресурсы и юридическую грамотность. Государство усиливает контроль за платежами, занятостью, налогами, отсюда возникают штрафы, блокировки.

Вторая социологическая проблема развития предпринимательства – социальная ответственность (понимание социальной роли бизнеса). В современных условиях социальная роль бизнеса представлена промо-акциями, маркетинговыми стратегиями, а не реальными изменениями, отражающимися на обществе. Государство требует от предприятий социальной роли – заботы о сотрудниках, экологии, местных сообществах, противодействие коррупции.

Третья социологическая проблема – региональная специфика - мегаполисы (Москва, Санкт-Петербург, города-миллионники) и периферия (малые города, сельская местность). Здесь стоит отметить особенности территорий, портфель мер поддержки, наличие и количество проектов и грантов по развитию предпринимательства в регионе, соответствующую инфраструктуру (бизнес-инкубаторы, технопарки, научно-образовательные центры, лаборатории). Где-то поддержка представлена обширно, где-то – минимальна.

Четвертая социологическая проблема – недостаток специальных знаний, необходимых бизнес-компетенций. Многие предприниматели отмечают нехватку знаний в сфере бухгалтерского учета, налогообложения, маркетинга, бизнес-планирования, управления персоналом, а также недостаточное количество экспертов и наставников в данной области.

Пятая социологическая проблема – отсутствие культуры предпринимательства. Слабо развитая школа предпринимательства, социальное давление, скептическое отношение к деятельности в целом. Социокультурный барьер, при котором в обществе не сформированы устойчивые традиции, ценности и навыки, необходимые для успешного ведения бизнеса. Наблюдается низкая предпринимательская активность, недостаток управленческих компетенций и неготовность к инновациям и рискам.

Рассмотрим новые тренды в социологии российского предпринимательства.

Последние 5 лет социальное предпринимательство в России демонстрирует устойчивый рост и развитие. Наблюдается создание некоммерческих организаций, множество грантовых конкурсов для социальных проектов. Потребители все чаще предпочитают товары и услуги, которые несут социальную миссию. Реализуется социальная интеграция через повседневное взаимодействие – спрос на живое общение, семейные активности, инклюзивные пространства.

Растет спрос на создание и развитие профессиональных предпринимательских сообществ. Запускаются предпринимательские клубы, реалити-шоу, сезонные проекты, где функция взаимодействия и обмена опытом является ключевой.

Цифровизация бизнеса и новые формы занятости. Новые цифровые сервисы и платформы, внедрение искусственного интеллекта, аналитика управления проектами. Широкое распространение нового статуса «самозанятый».

Предпринимательство как социокультурный феномен влияет на развитие общества и отражает сложное взаимодействие экономических, исторических, социальных и культурных факторов. Объединяя в себе исторические традиции, текущие экономические реалии и культурные особенности, предпринимательство формирует социальные отношения, мотивы, мировоззрение и ценности населения.

Список литературы

1. Алимова 2015 – Алимова Т.Г., Образцова О.И. Культурно-антропологический подход: монография. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2015. 280 с.
2. Кантильон 1982 – Кантильон Р. Опыт о природе торговли вообще. М.: Прогресс, 1982. 278 с.
3. Радаев 1995 – Радаев В.В. Два корня российского предпринимательства: фрагменты истории. М.: Мир России. 1995. №1. 23 с.
4. Смит 2004 – Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 2004. Т.1. 289 с.
5. Сэй 2007. Сэй Ж.Б. Трактат политической экономии. М.: Директ-Медиа, 2007. 64 с.
6. Чепуренко 2020 – Чепуренко А.Ю. Социология в современной России: институциональные вызовы, 2020. 85 с.
7. Широкова 2010 – Широкова Г.В., Зибарев И.А. Ресурсный подход к предпринимательству. СПб.: СПбГУ, 2010. №1. 75 с.
8. Шумпетер 1982 – Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. 456 с.

УДК 334

POLITICAL FACTORS OF ECONOMIC DEVELOPMENT IN ETHIOPIA. EMPIRICAL ANALYSIS

Sisay G. Mulaw
postgraduate student
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
e-mail: sisay2002@gmail.com

Abstract: Political factors are very important determinates for economic development. This research explains the political factors that determine the economic development of Ethiopia. Theoretical, historical, and empirical overview was conducted to evaluate the findings of this paper. Ethiopia is scoring lower in political factors compared to other countries in Africa and on a global scale. There are civil war, internal migration, and human rights violations. The country is fighting a proxy war in Sudan. The country's political institutions are characterized by systematic repression, instability, media control, mass incarceration, a dependent judiciary, and corruption. This research indicates that under political instability, undertaking elections will further create instability in the country.

Keywords: Rule of law, Political factors, Governance, Corruption, Ethiopia

Political institutions are formal structures and informal regulations that govern and shape incentives for decision making and distribution of investment, innovation and wealth [Nature Index 2026, web]. These institutions have great implications for economic development by defining property rights, limiting executive power and regulating collective action. These institutions affect transaction costs, risk allocations, and the ability of governments to provide public goods, promote human capital accumulation, and support economic disparities over the long term. [Chen, Feng 1996; Assfaw et al. 2025].

The important political factors in Ethiopia can see from different regime perspectives. During the imperial regime, the political factors are dominated by traditional feudal structures. The country has gone through three government systems that included a monarchy, a military dictatorship, and a divisive ethnic federal system without participatory democracy. The political system was extractive with limited inclusive development [Begashaw 2019]. The objective of this paper is to assess political factors of economic development in Ethiopia.

Historical perspective of Political Factors of Economic Development in Ethiopia

Ethiopia is one of the oldest, continuously functioning polities in the world with historical roots dating well into pre-Christian times [Harbeson 1996]. During the imperial regime (1930-1974) particularly under Emperor Haile Selassie I, the political factors were considered by monarchy. The political institutions were limited in political participation, dominated by a few elite, economic inequality, and political instability. After the fall of the imperial regime, the Derge regime came to power in 1974. The characteristics of the regime were centralized and controlled by the state and military authority. The government was dictator and undemocratic which limited the development and the present of political factors. In 1991, the Ethiopian People Revolutionary Democratic Front (EPRDF) to the power from Derg regime [Harbeson 1977].

Then, in 2018 the prime minister Aby undertake power due to political uprising happening in the country. Problems continue with no change in the country. The country recorded humanitarian crises and a decline in governance quality, placing it among the world's most governance-challenged countries [Malkina, Mulaw 2025].

Methods of study

To examine the political factors for economic development of Ethiopia, document analysis techniques were employed in the study. The research analyzed is based on the theoretical, historical, and empirical overview.

Analysis and Discussion

The important political factors that determine the economic development of the country are; the rule of law, democracy and political intuitions, Property Right institutions, Bureaucratic quality and state capacity, accountability and checks on power, Decentralization and local governance, inclusive and extractive institutions, and political stability [Khalif, Mukhongo 2018; Sen 2013].

The rule of law in Ethiopia currently challenged by controlled civil space, executive outplay and control, civil war and political stability. The country is ranked 132/143 globally and 30/34 regionally with the score of 0.36 in terms of rule of law [World Justice 2026, web]. The Constitution and domestic law were unable to work in accordance with democracy, and poor governance procedures made it unrealistic for democracy on the ground [Shanko 2022]. Ethiopia is the 96 least corrupt nation out of 180 countries, according to the 2025 Corruption Perceptions Index reported by Transparency International. Corruption Rank in Ethiopia averaged 105.68 from 2000 until 2025, reaching an all-time high of 138.00 in 2007 and a record low of 59.00 in 2002 [Trading 2026, web].

The governance structure of Ethiopia is Federalism consists of 12 reginal states and two administrative cities since 1991. The power is concentrated by the ruling party sited at Federal. From 1991 to 2018 the real power was under Tigray People Liberation Front (TPLF), and since 2018 by Oromo Prosperity Party (OPP). The reginal government are just representatives without having real power. In terms of governance, the country scores 48.4 out of 100, ranking 29th out of 54 in Africa.

The score is lower than the African average (49.3) and higher than the regional average for easter Africa (46.8) [Mo Ibrahim 2026, web].

Regarding property right in Ethiopia, land and natural resources are owned by the state and people as stated by the constitution. Farmland cannot be sold and bought. Citizens can possess assets, buildings, and improvements. The property right index rank of the country is 153rd in 2023 [Legatum 2026, web]. Concerning the democracy situation of the country, the government is planning to undertake general election in June. The ruling party has won every election. Ethiopia's upcoming general election is more likely to expose the limitations of the state rather than showcase its strength. In the country, Tigray region is not participating while more than 80 percent of Amhara Region is controlled by the Amhara Fano National Movement (AFNM; an armed group that represents the Amhara ethnic group), Oromia region is with a fought with the Oromo Liberation Army (OLA) [Ismail 2026, web].

The participation of local democracy of the country is 0.396, ranking 173rd globally [Participatory 2026]. The Constitution raised ethnic tensions due to distrust and disagreement over the drawing of ethnic-based administrative boundaries below the state level. The constitution also generated opposition and skepticism that has tended to follow ethnic lines (Harbeson, 1977). The democracy index of the country scores 3.24, ranking it 116th out of 167 countries globally in 2024 [Statbase 2026, web].

Political repression continued until 2015, resulting in popular struggles and opposition in the Tigray, Oromia, and Amhara regions. Then the country's political institutions are systematic repression, instability, media control, mass incarceration, a dependent judiciary and corruption. The federal government is fighting in the Tigray, Oromia, and Amhara regions [Malkina, Mulaw 2025]. The political stability and absence of voice/terrorism score of the country is 6.1611% in 2023. The result suggests that around 94 percent of countries are considered more politically stable than Ethiopia [Trading, 2026 web]. In the country political instability and corruption appear to have negative impacts on inclusive growth [Asfaw et al. 2025].

Conclusion and Recommendations

This paper tried to assess political factors in the economic development of Ethiopia using secondary data. The result implies that the country is scoring at a lower level in political factors in Africa and at a global level. Currently, the country is found with civil war, internal migration, and human rights violations. The country is fighting a proxy war in Sudan. Then the country's political institutions are systematic repression, instability, media control, mass incarceration, a dependent judiciary, and corruption. The election is planned to be undertaken under instability and civil war, which leads to further disputes like the 2005 election.

Thus, the government of Ethiopia should peacefully hold a dialogue with political and armed opposition. In addition, the government should extend the election until peace has prevailed in the country. Further development of the study is possible both by including many developing countries and Methodology.

References

1. Assfaw et al. 2025 – Assfaw A., Tenaw D., Hawitibo A. L. Political instability, corruption and inclusive growth in Ethiopia: Transmission channels and moderating roles // Development and Sustainability in Economics and Finance. 2025. Vol. 7. P. 1–10.

2. Begashaw 2019 – Begashaw G. Good governance with checks and balances in Ethiopia // Ethiopia Forum: Challenges and Prospects for Constitutional Democracy in Ethiopia: [paper presentation, 22–24 March 2019, International Center]. East Lansing, MI: Michigan State University, 2019.
3. Chen, Feng 1996 – Chen B., Feng Y. Some political determinants of economic growth: Theory and empirical implications // European Journal of Political Economy. 1996. Vol. 12. P. 609–627.
4. Harbeson 1977 – Harbeson J. W. Socialism, Traditions, and Revolutionary Politics in Contemporary Ethiopia // Canadian Journal of African Studies / Revue Canadienne des Études Africaines. 1977. Vol. 11. № 2. P. 217–234.
5. Ismail 2026 – Ismail M. Ethiopia Is About to Hold Another Sham Election // Journal of Democracy. 2026. May. URL: https://www.journalofdemocracy.org/online-exclusive/ethiopia-is-about-to-hold-another-sham-election/ (дата обращения: 20.05.2026).
6. Khalif et al. 2018 – Khalif H. A., Mukhongo A. Political factors influencing economic development of Mogadishu, Somalia // International Journal of Social Science and Humanities Research. 2018. Vol. 6. № 3. P. 856–866.
7. Legatum 2026 – Legatum Prosperity Index, 2026 // Legatum Institute. URL: https://index.prosperity.com/globe/ethiopia (дата обращения: 18.05.2026).
8. Malkina, Mulaw 2025 – Malkina M. Yu., S. G. Mulaw. The impact of governance quality on human development: When politics drives the economy (the case of Ethiopia) // Journal of Institutional Studies. 2025. Vol. 17. № 3. P. 50–66.
9. Mo Ibrahim 2026 – Mo Ibrahim Foundation, 2026. URL: https://iiag.online/locations/et.html (дата обращения: 18.05.2026).
10. Nature Index 2026 – Political Institutions and Economic Development / Nature Index. 2026. URL: https://www.nature.com/nature-index/topics/l4/political-institutions-and-economic-development (дата обращения: 18.05.2026).
11. Participatory 2026 – Ethiopia / Participatory Local Democracy. 2026. URL: https://localdemocracy.net/ethiopia/ (дата обращения: 18.05.2026).
12. Sen 2013 – Sen K. The political dynamics of economic growth // World Development. 2013. Vol. 47. P. 71–86.
13. Shanko 2022 – Shanko E. Left behind: The story of the Ethiopian pursuit of democracy: unpublished master's thesis. Pretoria: University of Pretoria, 2022.
14. Statbase 2026 – Statbase, 2026. URL: https://statbase.org/data/eth-democracy-index/ (дата обращения: 18.05.2026).
15. Trading 2026a – Ethiopia Corruption Rank / Trading Economics; Transparency International. 2026. URL: https://tradingeconomics.com/ethiopia/corruption-rank (дата обращения: 20.05.2026).
16. Trading 2026b – Ethiopia - Political Stability and Absence of Violence/Terrorism: Percentile Rank / Trading Economics; World Bank. 2026. URL: https://tradingeconomics.com/ethiopia/political-stability-and-absence-of-violence-terrorism-percentile-rank-wb-data.html (дата обращения: 18.05.2026).
17. World Justice 2026 – Rule of Law Index / World Justice Project. 2026. URL: https://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index/global (дата обращения: 18.05.2026).

УДК 165

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И КОГНИТИВНЫЕ КАРТЫ

Асташова Надежда Дмитриевна,
кандидат философских наук,
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», доцент
E-mail: nadya.astashova@mail.ru

Аннотация. Доклад посвящен проблеме использования категории «экономическое пространство» в различных исследованиях. Актуальность темы обусловлена теоретический кризис в экономические науки, который побуждает обратиться к теориям пространственной экономики. Формирование актуальной философской позиции требует синтеза альтернативных подходов: это позволяет выделить концептуальное ядро рассуждений о роли пространственных построений в экономике. Исследование охватывает теории абстрактного, физического и стилизованного экономических пространств, а также системное представление об экономике как сфере региональных, макро- и глобальных взаимодействий. Анализ показал, что все эти теории объединяет рациональная структура со смыслообразующим содержанием. Автор придерживается подхода, согласно которому экономическое пространство выступает «когнитивной картой» — схемой, систематизирующей информацию для познающего субъекта. Кроме того, его можно рассматривать как метод конструирования культурно-социальных процессов. Таким образом, экономическое пространство достаточно противоречивая категория в экономических исследованиях. С одной стороны, его теории запутанны, с другой — практически применимы: они служат системой координат для научных концепций и анализа экономических взаимодействий. Популярность современных теорий экономического пространства объясняется их ориентацией на упорядочивание экономических процессов с учётом ценностных, культурных запросов современного человека.

Ключевые слова: пространственная экономика, когнитивная карта, методология науки, экономическое пространство, символическое пространство.

ECONOMIC SPACE AND COGNITIVE MAPS

Astashova Nadezhda
PhD in philosophy,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, associate professor

Abstract: The report is devoted to the problem of using the category "economic space" in various studies. The relevance of the topic is due to the theoretical crisis in economics, which encourages us to turn to the theories of spatial economics. The formation of an actual philosophical position requires the synthesis of alternative approaches: this allows us to identify the conceptual core of reasoning about the role of spatial structures in economics. The research covers the theories of abstract, physical and stylized economic spaces, as well as a systematic understanding of the economy as a sphere of regional, macro- and global interactions. The analysis showed that all these theories are united by a rational structure with a meaningful content. The author adheres to the approach according to which the economic space acts as a "cognitive map" — a scheme that systematizes

information for a cognizing subject. In addition, it can be considered as a method of constructing cultural and social processes. Thus, economic space is a rather controversial category in economic research. On the one hand, his theories are confusing, but on the other they are practically applicable.: They serve as a coordinate system for scientific concepts and analysis of economic interactions. The popularity of modern theories of economic space is explained by their focus on streamlining economic processes, taking into account the value and cultural demands of modern man.

Keywords: spatial economics, cognitive map, methodology of science, economic space, symbolic space.

С древности человеком движет любопытство первооткрывателя, и даже в XXI веке он продолжает тянуться к неизведанному, получая удовольствие от полученных знаний. В процессе освоения новой информации исследователи с удовольствием обращаются к таким базовым философским понятия, как пространство и время. И если интеллектуальная мода связывает понятие времени с некоей точностью и исчислимостью, то в отношении «пространства» не так однозначно. В научной литературе много описаний разных пространств (исторического, медийного и др.), но со временем метафора «пространства» теряет изначальный смысл: пространственно-временные признаки связываются уже не с областью применения, а со способами исследования в отдельных науках. Не смотря на явные методологические проблемы в использовании пространственной терминологии, связанные с «экономическим пространством», популярны и актуальны среди экономистов. При этом несмотря на высокую степень многозначности и неопределенности, связанных с местом и статусом теории экономического пространства в системе научного знания, многие исследователи именно в обращении к пространственным характеристикам.

Охватывая различные сегменты экономической жизни, пространственная экономика обращается к конкретным параметрам экономического действия, отвечая на вопросы «что», «где», «почему». «Что» относится к каким-либо видам производства; «где» обозначает локацию бизнес-процессов, а также отвечает на вопросы их близости, концентрации, дифференциации; «почему» относится к сфере объяснения экономических компетенций [Hoover 1971, p. 3]. По мнению П.А. Минакира, пространственная экономика дополняет существующие экономические исследования представлениями о «естественном» и «наведенном» распределении социально-экономических параметров в пространстве. Она определяет «пространственную ренту» механизма и масштаба функционирования различных экономических сообществ, системный эффект территориальных экономик [Минакир, 2005, с. 26].

Однако, основная сложность при обращении к «экономическому пространству» связана с отсутствием единого четкого понимания того, что собственно мы подразумеваем под «пространством»? Так, Р. Капелло, обращаясь к теориям региональной экономики, выделяет четыре вида «пространств»: абстрактное пространство, физически измеримое пространство, пространство отношений, стилизованное пространство [Capello 2008, p. 755–758, p. 33–52]. Тем не менее, привлекательность теории экономического пространства для некоторых авторов заключается в том, что она представлена видимой частью мира. Нет никаких оснований полагать, что региональная экономика или экономика городов обладает меньшей значимостью, чем мировая торговля [Fujita, Krugman, Venables 1999, p. 349–350]. Однако, региональный подход в теории экономического пространства имеет ряд проблем: существующие подходы не могут адекватно описать пространственный аспект

многоразмерных экономических систем. Поэтому необходим новый подход, учитывающий регио-, макро- и глобальные взаимодействия.

При этом важно отметить, что для англо-саксонской экономической школы характерно обращение к абстрактному (стилизованному) пространству, описываемому с помощью математических моделей. Например, работа «Пространственная экономика [Fujita, Krugman, Venables 1999] использует исключительно калькулятивный, метрический подход. Формализм «новой экономической географии» является главной причиной недоверия специалистов к данным исследованиям [Martin, Sunley 1996; Scott 2004]. Понимание экономического пространства в качестве абстракции также получает развитие в рамках институциональной теорий, где рыночная экономка рассматривается как часть более сложной социально-экономической системы общества. Экономическое пространство формируется как система отношений, реализующих потребности, социальные привычки субъектов, влияющих на распределение доходов и определяющих контекст рекламы [Сорвина, 2010, с. 142]. Различные социальные и государственные институты пронизывают экономическое пространство, регулируя его как общая организационная форма. Неудовлетворённость абстрактностью определений экономического пространства наталкивает континентально-европейских теоретиков на выделение так называемой «территориальной экономики» [Corpataux, Crevoisier 2007], которая ставит задачу расширить проблему экономического пространства.

На основе данных предпосылок формируется тенденция рассмотрения экономического пространства как информационного, а развитие цифровых технологий только укрепляет такой подход. По М. Кастельсу, мы живем в сетевом обществе, сети различного уровня пронизывают нашу жизнь: экономические, информационные, культурные и т.д. Он выдвинул предположение о «превращении пространства мест в пространство информационных потоков. Пространство трансформируется в пространственные схемы, которые имеют глобальный характер информационных потоков» [Кастельс 2000, с. 64], через которые происходит обмен необходимой информацией.

Анализ многообразия методов и теоретических конструкций, используемых в экономических исследованиях, демонстрирует ограниченность способностей человека в понимании реальности, которая оказывается для него слишком сложна. Как отмечает Д. Деннет, информации об окружающем мире оказывается настолько много, что мозг просто не в состоянии ее обрабатывать, поэтому наше мышление нуждается в особых «метках», позволяющих распознать наиболее важные элементы происходящей действительности [Деннет 2004, с. 141], – такими «метками» в полной мере обладает пространственный подход. У. Найссер настаивает, что именно пространственные схемы формируют наше представление об окружающем мире: «человек может "занимать положение" для того, чтобы знать нечто. Человек, не имеющий адекватной ориентировочной схемы, чувствует себя "потерянным"» [Найссер 1981, с. 125, 126]. Х. Норберг-Шульц [Norberg-Schulz 1971] рассматривая пространство в качестве системы измерения и выражения человеческого существования, считает, что через восприятие пространства мы не просто постигаем окружающий мир, а исследуем множество миров, образованных нашими ценностями, целями и историческим опытом, то есть пространственная схема существует в историко-культурного контексте. Это объясняет популярность категории экономического пространства среди исследователей, которые используют его в качестве «когнитивной карты» [Tolman 1948; Linch 1960]. «Когнитивные карты» – это ориентировочные схемы, систематизирующие информацию, получаемую познающим субъектом. Использование когнитивных карт в качестве познавательного инструмента научного творчества представляется удобным, так как они

отвечают на вопросы о том, «какие символы и метафоры возможны для схематического изображения творческого процесса? Какие реалии они призваны отобразить?

Важно отметить, что для человека, живущего в материальном мире, важна не фиксация некоей идеи вообще, а реализация, развёртывание мысли в реальном пространстве. Экономическое пространство становится выражением этой потребности: его образы и символы экономической жизни образуют систему координат, помогающую ориентироваться в различных экономических проблемах. Формирование смысловой системы координат становится реализацией потребности в преодолении неопределенности экономики. Современные концепции экономического пространства обращаются к идее упорядочивания экономических процессов в соответствии с многообразными запросами человека. Экономика приобретает осязаемость, визуальный образ, а благодаря этому и смысл. Таким образом, можно сделать выводы о том, что экономическое пространство в качестве научной теории, обеспечивая целостное восприятие экономического процесса, генерирует системы образов и смыслов, облегчающих построение как индивидуальных, так и коллективных стратегий поведения.

Список литературы

1. Деннет 2004 – Деннет Д. Виды психики: на пути к пониманию сознания / Пер. с англ. А. Веретенникова; под общ. ред. Л.Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2004. 183 с.
2. Кастельс 2000 – Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под ред. О.И. Шкартана. М.: ГУ–ВШЭ, 2000. 608 с.
3. Минакир 2005 – Минакир П.А. Экономика и пространство (тезисы размышлений) // Пространственная экономика. 2005. № 1. С. 4–26.
4. Найссер 1981 – Найссер У. Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии / Пер. с англ. В. В. Лучкова. М.: Прогресс, 1981. 230 с.
5. Сорвина 2010 – Сорвина Г.Н. История зарубежной экономической мысли. М.: Изд-во РАГС, 2010. 295 с
6. Capello 2008 – Capello R. Regional Economics in its 1950s: Recent Theoretical Directions and Future Challenges // The Annals of Regional Science. 2008. Vol. 42. No. 4. Pp. 747–767.
7. Corpataux, Crevoisier 2007 – Corpataux J., Crevoisier O. Economic theories and spatial transformations clarifying the space-time premises and outcomes of economic theories // Journal of Economic Geography. 2007. Vol. 7.No. 3. Pp. 285–309.
8. Fujita, Krugman, Venables 1999 – Fujita M., Krugman P., Venables A.J. The spatial economy: cities, regions, and international trade. Cambridge, MA: The MIT Press, 1999. 380 p.
9. Hoover 1970 – Hoover E.M. The partial equilibrium approach // Dean R. D., Leahy W. H., McKee D. L. (eds.) Spatial economic theory. New York: The Free Press, 1970. Pp. 3–14.
10. Linch, 1960 – Linch C. The Image of the city. Cambridge: Technology Press, 1960. 194 p.
11. Martin, Sunley 1996 – Martin R., Sunley P. Paul Krugman’s geographical economics and its implications for regional development theory: a critical assessment // Economic Geography. 1996. Vol. 72. № 3. Pp. 259–292.
12. Norberg-Schulz 1971 – Norberg-Schulz Chr. Existence. Space. Architecture. London: Studio Vista, 1971. 120 p.

УДК 330.16

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРВИЧНОЙ АДАПТАЦИИ ПЕРСОНАЛА

Родина Наталья Александровна
кандидат психологических наук
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», доцент
E-mail: na4aikovskaya@mail.ru

Щербакова Елена Евгеньевна
доктор педагогических наук
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», профессор
E-mail: e.e.1806@yandex.ru

Аннотация. В статье авторы предлагают к рассмотрению определение понятий «адаптация персонала», «первичная адаптация», подвергают анализу стадии организационной социализации, то есть процесс, направленный на создание взаимодействия и единства интересов сотрудника и предприятия, основанные на усвоении социокультурных ценностей, моделей поведения и знаний, необходимых для того, чтобы стать полноценным членом команды. В данной статье рассматривается необходимость более широкого рассмотрения процесса внедрения нового сотрудника в компанию, принимая во внимание не только организационную среду, но и особенности психологических ресурсов человека. практические запросы к кадровым службам открывают дополнительные возможности для управления и прогнозирования результатов первичной адаптации персонала.

Ключевые слова: первичная адаптация, организационная социализация, психологическая помощь, наставничество, тренинг.

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PRIMARY STAFF ADAPTATION.

Rodina Natalia Alexandrovna
PhD in psychogy,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, associate professor

Shcherbakova Elena Evgenievna
Doctor of Pedagogical sciences
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, professor

Abstract: In the article, the authors propose for consideration the definition of the concepts of "personnel adaptation" and "primary adaptation" and analyze the stages of organizational

socialization, that is, the process aimed at establishing interaction and integration of the interests of the employee and the enterprise, which is based on the assimilation of socio-cultural values, behavioral patterns, and knowledge necessary to become a full-fledged member of the team. The need for a broader consideration of the process of introducing a new employee to a company is being explored, taking into account the characteristics of not only the organizational environment, but also the psychological resources of the individual, as well as the practical request of HR departments to find additional opportunities for managing and predicting the results of the initial adaptation of personnel.

Keywords: primary adaptation, organizational socialization, psychological assistance, mentoring, training.

Психологическая помощь для новых сотрудников это одна из важных вех в политике организации, которая направлена на снижение текучести кадров, создание стабильной и лояльной команды и формирование ее в долгосрочной перспективе вертикальных и горизонтальных связей и отношений.

Адаптация в психологической науке чаще всего рассматривается как целостный комплекс индивидуально-психологических и когнитивных характеристик, определяющих успешность и эффективность адекватного реагирования индивида на воздействие психологических факторов окружающей среды [Березин 1988; Ильин 2012; Маклаков 2003, Малкина-Пых 2005].

В словаре практического психолога «адаптированность» определяется как уровень жизни, к которому адаптируется человек, его социальный статус и самоощущение в обществе [Словарь 2001, с. 21].

Специалистами в области управления персоналом под адаптацией понимается процесс приспособления коллектива к изменяющимся условиям внешней и внутренней среды организации, а также адаптация отдельного человека к рабочему месту и рабочей среде. [Базаров 1996; Барков 2005, с. 98; Веснин 2015; Володина 2009].

Выделяют следующие виды социально-психологической адаптации: адаптивный индивидуализм, приспособленчество, маскировка, отрицание [Водопьянова 2008, с. 358].

Адаптивный индивидуализм представляет собой вид адаптации, при котором сотрудник принимает ключевые нормы и правила организации при абсолютном несогласии с остальными ценностями, что придает работнику возможность сохранить свою индивидуальность, оставаясь эффективным работником в организации. Приспособленчество предполагает принятие сотрудником всех норм и правил организации. Маскировка - принятие норм и правил организации за исключением ключевых установок. Отрицание – непринятие норм и правил организации, когда ожидания работника абсолютно не совпадают с реальностью.

Как отмечает Н.В. Володина [Володина 2009, с. 67], в российских условиях новый сотрудник, в процессе овладения профессиональными навыками, как правило, попадает под два адаптационных уровня: социально-психологический и профессиональный. Социально-психологический уровень заключает в себе адаптацию к традициям организации, к коллективу и руководителю, корпоративной культуре в целом. Профессиональный уровень включает адаптацию к особенностям целей организации, к содержанию, к технологии и средствам профессиональной деятельности, то есть к обстоятельствам внутреннего и внешнего характер.

Термин " адаптация персонала" рассматривается как взаимный процесс адаптации человека и организационной среды, осуществляемый работодателем в случае каких-либо изменений, комплекса организационных и управленческих мер, характеристик окружающей

среды или состояния самого работника. *Первичная адаптация* представляется авторам статьи как период внедрения нового работника в конкретный трудовой коллектив с момента трудоустройства до окончания испытательного срока.

Способность человека адаптироваться к определенной рабочей среде зависит от его поведения, производительности труда, усвоения социальной информации, практической реализации, удовлетворенности различными аспектами работы (например, содержанием работы, заработной платой, организацией труда, условиями труда, моральным духом в коллективе, психологическим климатом, возможностями профессионального роста). Если адаптация по какой-либо причине не произошла, то возникают дополнительные проблемы с овладением предметом деятельности. Учитывая тот факт, что процесс адаптации серьезно влияет на эффективность труда и, как следствие, на экономические показатели, в разработке и внедрении этого процесса часто участвуют несколько участников: руководители отделов, ответственные лица - супервайзеры (лидеры), менеджеры по персоналу. В крупных организациях, особенно с высокой текучестью кадров, сложно внедрить индивидуальный подход к новым сотрудникам [Базаров 1996; Сопоев 2013].

В ряде исследований установлено, что на положительные результаты организационной социализации новичков влияют следующие факторы:

А) ориентация на достижение целей, принятие ответственности за себя и свою жизнь;

Б) поддержка руководства, коллег и новичков активно улучшает поведение, а также положительно влияет на их социальную адаптацию и лояльность к организации;

В) возможности удовлетворения потребностей сотрудников в рамках данной организационной культуры [Волкова 2013, с. 15; Маклаков 2003, с. 18].

Чтобы свести к минимуму проблемы первоначальной адаптации новых сотрудников, необходимо разработать и внедрить методы, направленные на максимально быстрое и эффективное включение их в деловую жизнь и структуру предприятия, формирование у новичков представлений о своем месте в организационных процессах той структуры, в которую они ввводятся.

Психологическая помощь и поддержка дает возможность новому сотруднику полноценно реализовать свой профессиональный потенциал и способствует удовлетворению его потребностей, что играет большую роль в развитии его личности.

К основным характеристикам социально-психологического сопровождения новых сотрудников относятся: длительность процесса сопровождения, погруженность в реальную профессиональную жизнь сотрудника, отсутствие давления со стороны руководства, четкая регламентация рабочего процесса.

Результатом реализации программы первичной адаптации может являться улучшение уровня адаптивных способностей, эмоциональный комфорт и улучшение коммуникативных навыков, включение в работу организации.

Таким образом, насколько эффективно и качественно будет предоставлено психологическое сопровождение новому сотруднику, настолько и будет успешна его адаптация.

Психологическая помощь новому сотруднику может быть реализована посредством снятия тревожного состояния, помощи в освоении корпоративных норм, формирования позитивных установок на преодоление трудностей, помощи в повышении квалификации, формирования адекватной самооценки, которая позволяет человеку нормально реагировать на критику [Панферова 2004, с. 16].

При первичной адаптации персонала рекомендовано использовать следующие методы

психологического сопровождения:

1. Индивидуальные психологические консультации;
2. Тренинг, направленный на ознакомление с организационными процессами компании-работодателя и усвоение корпоративных норм и принципов («Добро пожаловать в компанию!»);
3. Наставничество – оказание поддержки новым сотрудникам.

Мы полагаем, что уже на стадии психодиагностики следует обращать особое внимание на показатели самоконтроля и карьерные ориентации новых сотрудников.

Психологические консультации в процессе адаптации должны быть направлены на поиск и решение проблем, связанных с гармонизацией отношений с коллегами и руководством, мотивацией на постановку и реализацию новых, адекватных ситуации, целей, поставленных перед коллективом предприятия.

В ходе тренинга психологам рекомендуется проводить серию ориентированных занятий в ходе многогранного личностного совершенствования (самопознание и развитие навыков рефлексии, уверенности в себе и коммуникативных навыков, использование форм и методов преодоления психологических барьеров, мешающих полноценному самовыражению) и улучшения взаимоотношений между коллегами. При этом следует помнить о таких условиях успешности тренингов как наглядность, доступность, четкое определение цели и последовательности действий для ее достижения, актуальность, разделение ответственности за результаты тренинга между тренером и группой.

Список литературы

Базаров ,1996 – Базаров Т.Ю. Управление персоналом развивающейся организации. М.: ИПК ГС, 1996. 88 с.

Барков, 2005 – Барков С.А. Управление персоналом: учеб. пособие. М.: РГОТУПС, 2005. 201 с.

Березин, 1988 – Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л.: Наука, 1988. 270 с.

Веснин, 2015 – Веснин В.Р. Управление человеческими ресурсами. Теория и практика: учебник. М.: Проспект, 2015. 688 с.

Водопьянова, 2008 – Водопьянова Н.Е. Субъективные репрезентации организационной культуры и динамика развития психологического стресса // Вестник Санкт-Петербургского Университета. 2008. Вып.4. Сер. 12. С. 356-363.

Волкова, 2013 – Волкова Н.В. Первичная адаптация персонала как процесс усвоения организационной культуры: автореф. дис. … канд. психол. наук. СПб., 2013. 24 с.

Володина, 2009 – Володина Н.В. Адаптация персонала: российский опыт построения комплексной системы. М.: Эксмо, 2009. 240 с.

Ильин, 2012 – Ильин Е.П. Психология взрослости. СПб.: Питер, 2012. 469 с.

Крупанин, 2006 – Крупанин А.А. Культура организационного поведения: учебное пособие. СПб.: СПбГИЭУ, 2006. 93 с.

Маклаков, 2003 – Маклаков А.Г. Общая психология: Учеб. для вузов. СПб.: Питер, 2003. 592 с.

Малкина-Пых, 2005 – Малкина-Пых И.Г. Возрастные кризисы взрослости. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 416 с.

Панферова, 2004 – Панферова Н.Г. Организационная культура как фактор социально-психологической адаптации работников промышленного предприятия: автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 2004. 26 с.
Словарь, 2001 – Словарь практического психолога /сост. Головин С. Ю. Минск: Харвест, М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. 800 с.
Сопоев, 2013 – Сопоев С.А. Адаптация молодых специалистов в современных российских организациях: автореф. дис. … канд. соц. наук. М., 2013. 26 с.

УДК 657

ФИЛОСОФИЯ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА: ТРАНСФОРМАЦИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Мизиковский Игорь Ефимович
Доктор экономических наук
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», профессор, заведующий кафедрой
E-mail: core090913@gmail.com

Аннотация: В статье исследуются фундаментальные основы бухгалтерского учета как философской системы, анализируется процесс его технологической трансформации в условиях цифровой экономики. Рассматриваются ключевые принципы учета, их эволюция под влиянием современных технологий. Особое внимание уделяется вопросам сохранения этических основ профессии в условиях автоматизации.

Ключевые слова: бухгалтерский учет, философия учета, цифровая трансформация, технологическая эволюция, профессиональная этика, информационная система

THE PHILOSOPHY OF ACCOUNTING: TRANSFORMATION IN THE DIGITAL A GE

Mizikovsky Igor
Doctor of Economics
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Professor, Head of the Department

*Abstract:*The article examines the fundamental foundations of accounting as a philosophical s ystem and analyzes the process of its technological transformation in the context of the digital econ omy. The study focuses on key accounting principles and their evolution under the influence of mod ern technologies. Special attention is paid to preserving the ethical foundations of the profession in t he context of automation.

*Keywords:*Accounting, accounting philosophy, digital transformation, technological evolution , professional ethics, information system

Бухгалтерский учет представляет собой не просто систему регистрации хозяйственных операций, а целостную философскую концепцию, основанную на определенных принципах и

постулатах [Шевелева 2020]. В современных условиях профессиональное сообщество сталкивается с необходимостью постоянного переосмысления и адаптации концептуальных основ учета, что требует дальнейшего углубленного изучения данного феномена и разработки новых методологических подходов к организации учетного процесса в контексте цифровой экономики. В условиях цифровизации происходит глубокая трансформация этой системы, требующая переосмысления базовых положений [Зверькова 2022]. Исследование направлено на анализ философских основ учета в контексте современных технологических изменений [Коськe 2022]. Особую значимость приобретает изучение влияния цифровых технологий на фундаментальные основы профессии, поскольку современные реалии требуют не только технического переоснащения, но и концептуального переосмысления традиционных подходов к учету [Суглобов 2021]. Важным аспектом исследования становится сохранение профессиональной этики в условиях автоматизации учетных процессов [Поморцева 2023].

В условиях стремительной цифровизации экономических отношений происходит фундаментальная трансформация парадигмы бухгалтерского учета, что обусловливает необходимость переосмысления онтологических и гносеологических оснований данной научной дисциплины [Жаткин 2026]. Концептуальная модель современного бухгалтерского учета претерпевает существенные изменения, связанные с интеграцией цифровых технологий и формированием новых методологических подходов к обработке экономической информации [Эргешова, Ташибеков 2024].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки новой философской концепции бухгалтерского учета, способной адекватно отразить специфику цифровой экономики и обеспечить методологическую основу для дальнейшего развития учетных систем [Копылова 2025]. Трансформация профессиональной деятельности бухгалтера требует переосмысления традиционных подходов к формированию учетной информации и выработки новых этических норм в условиях автоматизации учетных процессов [Зубарева 2023].

Методы исследования. Методологический инструментарий исследования основан на принципах единства теории и практики, объективности и достоверности данных, системности и комплексности анализа, а также историзма в изучении процессов трансформации. В ходе исследования применены методы анализа научной литературы, синтеза философских и экономических концепций, моделирования учетных процессов и оценки эффективности технологических решений.

*Результаты исследования***.** Очевидно, что этический императив профессиональной деятельности бухгалтера приобретает новые измерения в условиях цифровизации, что обусловлено трансформацией всей системы профессиональных компетенций и изменением характера взаимодействия между участниками учетного процесса. При этом традиционные нормы профессиональной этики не только сохраняются, но и обогащаются новыми элементами, связанными с обеспечением информационной безопасности, защитой данных и соблюдением конфиденциальности в цифровой среде.

Гносеологическая составляющая бухгалтерского учета, раскрываясь через призму совершенствования методологических подходов к оценке и формированию учетных показателей, демонстрирует диалектическое единство преемственности и новаторства. Технологический детерминизм современной эпохи, оказывая существенное влияние на традиционные методы познания в учете, способствует их качественному обогащению и создает синергетический эффект взаимодействия классических и инновационных подходов, что приводит к формированию нового качества учетного процесса.

На методологическом уровне наблюдается активная интеграция учетных систем и унификация стандартов, которая происходит в контексте развития аналитических возможностей и формирования целостной экосистемы учетно-аналитической деятельности. Данный процесс характеризуется не только технической модернизацией, но и глубокой концептуальной трансформацией, затрагивающей фундаментальные основы профессиональной деятельности. Цифровая трансформация, выступая катализатором развития учетных систем, способствует формированию нового качества учетного процесса, не нарушая при этом его концептуальной основы, а, напротив, обогащая её новыми элементами и возможностями. При этом этические императивы профессиональной деятельности не только сохраняются, но и укрепляются благодаря внедрению современных технологий контроля и обеспечения безопасности учетных процессов, что создает дополнительные гарантии достоверности и надежности формируемой информации.

Фундаментальные принципы бухгалтерского учета, демонстрируя значительную степень адаптивности к технологическим изменениям, успешно интегрируют инновационные решения в традиционную методологию, что свидетельствует о жизнеспособности и перспективности выбранной стратегии развития. Профессиональное развитие специалистов, направленное на гармоничное сочетание классических подходов с современными технологическими возможностями, подтверждается не только теоретическими построениями, но и практическими результатами внедрения цифровых технологий в учетную практику**.**

*Обсуждение***.** Результаты исследования демонстрируют значительный потенциал для дальнейшего развития научного познания в области цифровизации бухгалтерского учета. В теоретико-методологическом плане особую актуальность приобретает разработка инновационных концептуальных подходов к осмыслению трансформации роли цифровых технологий в эволюции бухгалтерского учета. Необходимо проведение фундаментальных исследований, направленных на формирование целостной теории цифрового учета, учитывающей как традиционные принципы, так и новые технологические реалии. В практическом аспекте требует детального изучения эффективность внедрения современных учетных систем в различных секторах экономики. Представляется целесообразным проведение сравнительного анализа результативности цифровых решений в зависимости от масштаба и специфики деятельности хозяйствующих субъектов. Этический компонент цифровизации учета нуждается в комплексном исследовании влияния новых технологий на формирование профессиональной этики бухгалтера. Актуальным является разработка этических кодексов, учитывающих специфику цифровой среды и требования информационной безопасности. Технологический аспект предполагает углубленное изучение перспективных направлений развития учетных систем с учетом интеграции искусственного интеллекта и машинного обучения. Особое внимание следует уделить вопросам автоматизации рутинных операций и интеллектуальной поддержке принятия решений. В образовательном контексте необходима разработка инновационных методик подготовки специалистов, способных эффективно работать в условиях цифровой трансформации. Требуется формирование новых образовательных стандартов, включающих компетенции в области цифровых технологий.

Особого внимания заслуживает проблема адаптации традиционных принципов учета к новым технологическим реалиям, что требует проведения междисциплинарных исследований на стыке бухгалтерского учета, информационных технологий и профессиональной этики. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов для совершенствования методологической базы учета, развития

профессиональных компетенций специалистов и оптимизации учетных процессов. Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение влияния новых технологических решений на качество и эффективность учетного процесса, а также на формирование методологических подходов к организации учетно-аналитической деятельности в условиях цифровой экономики.

Проведенное исследование демонстрирует, что цифровая трансформация выступает не столько деструктивным фактором, сколько катализатором эволюционного развития философских основ бухгалтерского учета, что находит непосредственное отражение в методологии учетного процесса. Методологический базис учета, претерпевая существенные изменения, обнаруживает высокую степень адаптивности базовых принципов к современным технологическим реалиям, сохраняя при этом концептуальную целостность системы. Гносеологические аспекты учета обогащаются новыми методологическими подходами, формируя синергетический эффект взаимодействия классических и инновационных методов познания. Это особенно актуально в контексте внедрения метрического подхода к оценке эффективности учетных процессов, где традиционные показатели дополняются цифровыми индикаторами, что позволяет создать более полную картину состояния учетного процесса.

Профессиональная этика бухгалтера в условиях цифровой трансформации не только сохраняет свою актуальность, но и приобретает дополнительные измерения, связанные с обеспечением информационной безопасности и защитой данных. При этом наблюдается интеграция этических норм с технологическими механизмами контроля, что создает многоуровневую систему обеспечения достоверности учетной информации. Методологическая интеграция учетных систем и унификация стандартов создают предпосылки для формирования новой экосистемы учета, где традиционные подходы органично дополняются цифровыми инструментами. Особенно значимым представляется внедрение современных методов оценки и формирования учетных показателей, что соответствует тенденциям развития системы метрик и KPI в учетном процессе.

Список литературы

1. Шевелева, 2020 – Шевелева Е.А. Профессиональное суждение бухгалтера в условиях перехода к цифровой экономике // Учет. Анализ. Аудит. 2020. №3. С. 52–58.
2. Зверькова, 2022 – Зверькова Т.Н. Трансформация бухгалтерской профессии: обзор современных тенденций и перспектив // Международный бухгалтерский учет. 2022. №12. С. 78–92.
3. Коськe, 2022 – Коськe М.С., Воюцкая И.В., Мишучкова Ю.Г. Трансформация профессии бухгалтера в условиях цифровизации // Бухучет в строительных организациях. 2022. №4. С. 34–41.
4. Суглобов, 2021 – Суглобов А.Е., Аршинова Е.В. Развитие методологии бухгалтерского учета в условиях цифровой экономики // Экономический анализ: теория и практика. 2021. №8. С. 146–157.
5. Поморцева, 2023 – Поморцева И.А., Поморцев А.Н. Эволюция этических принципов в профессиональной деятельности бухгалтера // Современные проблемы науки и образования. 2023. №5. С. 98–105.
6. Жаткин, 2026 – Жаткин А.С. Этические аспекты формирования управленческой отчетности с использованием современных цифровых технологий // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2026. №1. С. 236–241.

7. Эргешова, Ташибеков, 2024 – Эргешова Ч.М., Ташибеков Т.Ч. Методология совершенствования бухгалтерского учета в условиях цифровизации // Вестник экономики, управления и права. 2024. Т. 17. №1. С. 18–27.

8. Копылова, 2025 – Копылова Е.К., Копылова Т.И., Копаев А.М. Основные тренды цифровизации бухгалтерского учета // Экономические науки. 2025. №2. С. 168–177.

9. Зубарева, 2023 –Зубарева О.А. Цифровая трансформация бухгалтерского учета в современных условиях // Управленческий учет. 2023. №1. С. 258–263.

УДК 338.1

РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ: ОТ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ПЛАТФОРМИЗАЦИИ К ЭКОСИСТЕМАМ

Чкалова Ольга Владимировна
Доктор экономических наук
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», профессор, заведующий кафедрой
E-mail: ochkalova@iee.unn.ru

Муранова Татьяна Дмитриевна
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», ст. преподаватель
E-mail: muranova@iee.unn.ru

Аннотация: Обоснована значимость торговли как ключевой отрасли в системе экономики. Указано, что торговля является не только самой восприимчивой отраслью к цифровым инновациям, но и детерминирует процессы цифровизации. Выявлены основные этапы технологического развития торговли: цифровизация, платформизация, экосистемность. Раскрыты характерные особенности и принципиальные отличия каждого этапа. Проанализирована диффузия цифровизации в бизнес-процессы офлайн торговли и развитие новой бизнес-модели: электронной торговли. Приведены статистические данные развития электронной торговли и ее основного направления – маркетплесов. Показано, что утверждение маркетплейсов в качестве доминирующей бизнес-модели электронной торговли сопровождается возникновением качественно нового типа ценности торговой услуги - платформенной ценности, в создании которой участвует ряд стейкхолдеров. Увеличение ценности, создаваемой стейкхолдерами, происходит преимущественно в нематериальной части. Указано, что каждый стейкхолдер имеет свои выгоды и формирует определенную ценность торговой услуги. Показан механизм развития экосистем, когда торговля выступает не только как ключевой сегмент экосистем, но и трансформируется в самостоятельного агента, формирующего экосистемы. Приведены примеры практик развития цифровизации, платформизации и экосистемности в торговле. Установлено, что в современных условиях торговля развивается под действием экзогенных технологических факторов, которые сопровождаются трансформациями в организационной структуре торговли и в механизме создания ценности торговой услуги.

Ключевые слова: цифровизация, платформизация, электронная торговля, экосистемы, ценность, стейкхолдеры, инновационное развитие.

TRADE DEVELOPMENT IN A TECHNOLOGICAL CONTEXT: FROM DIGITALIZATION AND PLATFORMIZATION TO ECOSYSTEMS

Chkalova Olga Vladimirovna
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, head of Department, professor

Muranova Tatyana Dmitrievna
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, senior lecturer

Abstract: The importance of trade as a key sector in the economic system is substantiated. It is shown that trade is not only the most receptive to digital innovations but also determines digitalization processes. The main stages of technological development of trade are identified: digitalization, platformization, and ecosystem. The characteristic features and fundamental differences of each stage are revealed. The diffusion of digitalization into offline trade business processes and the development of a new business model: e-commerce are characterized. Statistical data on the development of e-commerce and its main direction – marketplaces – are presented. It is shown that the establishment of marketplaces as the dominant business model of e-commerce is accompanied by the emergence of a qualitatively new type of value of the trading service – platform value, in the creation of which a number of stakeholders participate. The increase in value created by stakeholders occurs mainly in the intangible part. It is indicated that each stakeholder has their own benefits and creates a certain value of the trading service. A mechanism for ecosystem development is identified, where trade acts not only as a key segment of ecosystems but also transforms into an independent agent shaping ecosystems. Examples of practices for developing digitalization, platformization, and ecosystems in trade are provided. It is established that, in modern conditions, trade develops under the influence of exogenous technological factors, which are accompanied by transformations in the organizational structure of trade and in the mechanism for creating value in trade services.

Keywords: digitalization, platformization, e-commerce, ecosystems, value, stakeholders, innovative development.

Современный период экономического развития российской экономики, который трактуется как технико-экономическая парадигма, становится главной функцией научно-технического прогресса национальной экономики страны. В России принята «Концепция технологического развития на период до 2030 года». Обозначенные в концепции условия технологического развития создают качественно новую институциональную среду, базирующуюся на цифровых платформах и информационных сервисах для обеспечения сетевого взаимодействия субъектов технологического развития, требуют запуска новых и адаптированных механизмов технологического развития экономики прежде всего в ключевых отраслях экономики. Этому тезису мы находим подтверждение в научной публикации Левина Ю.А. и Павлова А.О., в которой указывается: «О качестве развития современной экономики в целом или отдельных ее направлений чаще всего судят по набору ключевых отраслей экономики и технологичности выпускаемой продукции» [Левин, Павлов 2019, с. 440]. Важное место среди всех отраслей занимает торговля. Торговля за четыре последних десятилетий

трансформировалась в ключевой сектор экономики, о чем свидетельствует вклад торговли в ВВП страны. На протяжении нескольких десятилетий он составлял в среднем около 20%, что в 2 раза, превышает, например, добычу полезных ископаемых. Торговля обеспечивает занятость почти четверти населению страны и является лидером по развитию предпринимательства и созданию рабочих мест. На значимость торговли в системе экономики страны указывается в исследованиях Синявской Е.Е., Стукаловой И.Б., Чеглова В.П. [Синявская 2020, с. 32, Стукалова 2020, с.5, Чеглов 2024, с. 54].

Российская торговля в условиях технологического развития оказалась в самом фокусе инновационных трансформаций. Она является, с одной стороны, самой восприимчивой к цифровым инновациям. А с другой стороны, управление сотнями и тысячами магазинов в одной торговой сети, расположенных в разных регионах и странах, детерминируют процессы цифровизации [Чкалова 2019, с. 34].

Изучению цифровизации в торговле посвящен ряд исследований российских авторов [Попенкова, Стукалова 2022, с. 89, Веремеенко2025, с. 7373]. Результаты многочисленных исследований свидетельствуют, что процессы цифровизации проникли во все бизнес-процессы классической оф-лайн торговли. Это: закупка товаров, работа с поставщиками, транспортировка товаров, складские операции: приемка, хранение, отправка грузов, обслуживание покупателей и маркетинг взаимоотношений с покупателями [Чкалова 2020, с. 49]. Медведева Ю.Ю., Красюк И.А. выделяет следующие направления реализации бизнес-технологий торговых сетей: информатизация, кастомизация, интеграция [Медведева, Красюк 2018, с. 18]. Шнорр Ж.П. при изучении применения нейросетей в торговле указывает на возможности и практику их применения при прогнозирование спроса, аналитики больших объемов данных, автоматизации торгово-технологических процессов, повышению эффективности омниканальной торговли, обслуживании потребителей [Шнорр 2023, с. 113].

Дальнейшее развитие цифровизации сопровождалось образованием коллабораций и межфирменным взаимодействием, которое привело к платформизации [Кузовкова 2022, web]. В торговле платформизация получила преимущественное распространение в форме маркетплейсов. В отечественной и зарубежной литературе маркетплейс определяется как цифровая среда, обеспечивающая взаимодействие в правовом поле множества независимых участников и создающая условия для обмена товарами, услугами, данными и иными ценностями [Никишкин, Самарина 2022, с. 83]. Крупнейшими маркетплейсами на российском рынке являются: Wildberries, Ozon, Яндекс Маркет. На протяжении своего развития более 25 лет они демонстрировали высокие темпы роста на уровне 60-70%. В 2024 году рост уменьшился и составил 56%, а 2025 году рост еще более замедлился и составил 32,2%. Но в сегменте нишевых маркетплейсов темпы роста остаются значительно высокими. Особенно успешно развиваются в этом сегменте агрегаторы доставки продуктов : Яндекс.Еда, Деливери, Купер, Чиббис и другие [Исследование 2025, web].

Платформизация и развитие маркетплейсов явились вызовами для развития новых торговых организационных структур в электронной торговле: распределительных складов, сортировочных центров, постаматов, сети пунктов выдачи заказов (ПВЗ), фулфилмент-центров. Фулфилмент-центр – это специализированный логистический комплекс, который берет на себя весь цикл обработки заказов для интернет-магазинов и продавцов маркетплейсов (Wildberries, Ozon и др.).

Переход к цифро-платформенному технологическому укладу выражается в ускоренном проникновении искусственного интеллекта, технологий работы с большими данными и платформенных бизнес-моделей в торговые процессы.

Принципиальным отличием платформизации от цифровизации бизнес-процессов является то, что платформа извлекает ценность не за счёт торговой наценки, а посредством сетевых эффектов: (прирост числа продавцов привлекает новых покупателей, и наоборот), монетизации данных о потребительском поведении, а также взимания платы за вспомогательные сервисы - рекламу, логистику, финансовые услуги. Применительно к розничной торговле цифровые платформы включают не только торговые площадки, но и логистические, платёжные, маркетинговые и аналитические решения, которые совместно формируют ценность торговой услуги.

Создание ценности торговой услуги на основе платформенного механизма является ключевым трендом инновационного развития торговли. Торговая услуга состоит из материальной части (товара) и нематериальной составляющей в виде удобства, комфорта при обслуживании. Ценность обеспечивается не самим товаром, а его нематериальными составляющими: доступностью, сервисом, скоростью, персонализацией. Ценность создается рядом стейкхолдеров, участвующих в создании ценности. В условиях платформизации количество стейкхолдеров растет, каждый имеет свою выгоду и одновременно участвует в создании ценности торговой услуги. Увеличение ценности, создаваемой стейкхолдерами, происходит преимущественно в нематериальной части.

Цифровизация и платформизация стремительно развиваются, создавая для торговли новые вызовы. Сегодня у всех на слуху новый термин «экосистема», который уже прочно вошел в научный оборот и используется в практике лидеров российского рынка. По итогам 2024 года лидерами рынка цифровых экосистем стали Сбер, Яндекс, VK, МТС и Т-Банк. Помимо создания основного традиционного продукта они интегрировали с сервисами, удовлетворяющие другие потребности своих клиентов: покупка, доставка еды, развлечения, платежи, обучение и путешествия, запуск собственных мобильных операторов и др. При этом торговля в каждой из перечисленных экосистем выступает одним из ключевых сервисных сегментов: «Яндекс Маркет», «СберМаркет» (Мегамаркет), «МТС Маркетплейс [ABIResearch 2025, web].

Адаптация торговли к новым вызовам все чаще связана с гибридными решениями. В настоящее время торговые структуры (Яндекс, Ozon, Wildberries) сами стали выступать в роли агентов, формирующих экосистемы и предлагая различные продукты, как для физических лиц, (брокерские сервисы, кредитные карты и банкоматы), так и для бизнеса (кредитование, лизинг, эквайринг). Происходит интеграция торговой услуги в цифровую экосистему финансовых, логистических, медиа, образовательных; сервисов, создавая ценность, удовлетворяющую различные потребности клиентов.

В современных технологических реалиях торговля представляет не просто звено в цепи товародвижения, соединяющее производство с потреблением, но и самостоятельную технологическую платформу, которая генерирует цифровые экосистемы, инфраструктурные изменения и принципиально новые конфигурации взаимодействия стейкхолдеров.

Проведенные исследования показали, что в современных технологических условиях торговля развивается под действием экзогенных технологических факторов, которые сопровождаются трансформациями в организационной структуре торговли, в механизме создания ценности торговой услуги. Торговля трансформируется в самостоятельного агента, формирующего экосистемы. Таким образом, в торговле утверждаются новые технологические закономерности: устойчивые, воспроизводимые преобразования в торговле, обусловленные внедрением принципиально новых технологий в процессы торгового обслуживания, управления торговым предприятием и организации логистики, влекущие изменение

нематериальных характеристик торговой услуги, конкурентной структуры рынка и операционных возможностей торговых организаций.

Все это требует пересмотра механизмов создания торговых услуг, ценностей стейкхолдеров и разработки новой методологии оценки эффективности торговых услуг, применительно к каждому актору и экосистеме в целом.

Список литературы

1. Левин, Павлов 2019 – Левин Ю. А., Павлов А. О. Россия в условиях новой технико–экономической парадигмы: поиск истоков экономического роста // Вестник МНЭПУ. 2019. № 1. С. 439-442.

1. Синявская 2020 – Синявская Е.Е. Современные парадигмы российского ритейла // Петербургский экономический журнал. 2020. № 3. С. 32-42.

2. Стукалова 2020 – Развитие экономических систем в цифровой экономике: маркетинг, сфера услуг, логистика / Г. Л. Азоев, О. Н. Быкова, А. П. Гарнов [и др.]. М.: Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2020. 262 с.

3. Чеглов 2024 – Чеглов В. П. Продовольственная торговля России и ее трансформация в эпоху перманентных кризисов, деглобализации и регионализации экономики // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. 2024. № 1(53). С. 54-64.

4. Чкалова 2019 – Чкалова О. В. Торговые сети как детерминанта развития цифровых инноваций // Развитие сферы услуг: стратегии, инновации, компетенции: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Нижний Новгород, 26 марта 2019 года. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2019. С. 34-38.

5. Попенкова, Стукалова 2022 – Попенкова Д.К., Стукалова И. Б. Трансформация розничной торговли в условиях цифровизации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 2. С. 89-99.

6. Веремеенко 2025–Веремеенко О. С., Яброва О. А., Филиппова В. С. Цифровизация ритейла как фактор достижения технологического лидерства в сфере торговли // Экономика, предпринимательство и право. 2025. Т. 15, № 11. С. 7373-7386.

7. Чкалова 2020 – Развитие экономических систем в цифровой экономике: маркетинг, сфера услуг, логистика / Г. Л. Азоев, О. Н. Быкова, А. П. Гарнов [и др.]. М.: Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2020. 262 с.

8. Медведева, Красюк 2018 – Медведева Ю.Ю., Красюк И.А. Направления развития инновационных бизнес-технологий в торгово-технологических системах // Практический маркетинг. 2018. № 9 (259). С. 18–25.

9. Шнорр 2023 – Шнорр Ж. П. Нейросети в экономике розничной торговли: преимущества, ограничения, практика внедрения // Потребительский рынок: устойчивое развитие в условиях новых вызовов : Сборник материалов II Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Новосибирск, 26 октября 2023 года. Новосибирск: Сибирский университет потребительской кооперации, 2023. С. 113-118.

10. Кузовкова 2022 – Кузовкова Т.А., Кузовков А.Д., Шаравов И.М. Понятие ценности цифровых платформ и методы оценки синергии их эффективности // Электронный научный журнал «Век качества». 2022. №3. С. 73-96. URL http://www.agequal.ru/pdf/2022/322004.pdf (дата обращения 12.04.2026)

11. Никишкин, Самарина 2022 – Никишкин В. В., Самарина Т.Н. Формирование экосистемы в розничной торговле: практика и перспективы (маркетинговые аспекты) // Инновации и инвестиции. 2022. № 9. С. 83-88.

12. Исследование 2025 – Исследование: крупнейшие российские цифровые экосистемы 2024-2025. URL: https://spektr.team/tpost/g8cbrog5l1-issledovanie-krupneishie-rossiiskie-tsif

13. ABIResearch 2025 – Крупнейшие российские цифровые экосистемы в 2024–2025 годах / ABIResearch. 2025. 21 апр. URL: https://abireg.ru/newsitem/106771/ (дата обращения: 12.03.2026).

УДК 314.1

ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОГО ПОКОЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Банахович Денис Сергеевич
Аспирант
Национальная академия наук Кыргызской Республики,
Институт философии им. А. А. Алтмышбаева
E-mail: sarkand_kol@mail.ru

Бекбоев Аскарбек Абдыкадырович
Доктор философских наук
Национальной академии наук Кыргызской Республики, профессор
E-mail: urokisgk@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается формирование цифрового поколения в условиях глобальной сетевой коммуникации. Показано, что цифровизация меняет не только способы общения, но и структуру социального опыта, влияя на социализацию, самовыражение и построение идентичности молодёжи. Особое внимание уделяется роли социальных сетей и цифровых платформ как новой среды повседневного взаимодействия. Раскрываются возможности цифровой среды, связанные с доступом к знаниям, коммуникацией и самореализацией, а также риски алгоритмической зависимости, фрагментации сознания, информационной перегрузки и ослабления глубины межличностных связей. Делается вывод о необходимости развития цифровой грамотности, критического мышления и культуры ответственного поведения в сети.

Ключевые слова: цифровое поколение, сетевое общество, социальные сети, цифровая идентичность, цифровая культура, информационное общество, цифровая грамотность.

FORMATION OF THE DIGITAL GENERATION IN THE CONTEXT OF GLOBAL NETWORK COMMUNICATION

Banakhovich Denis Sergeevich
postgraduate student

National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic,
Altmyshbaev Institute of Philosophy

Bekboev Askarbek Abdykadyrovich
Doctor of Philosophy
National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, professor

Abstract: The article examines the formation of the digital generation in the context of global network communication. It is shown that digitalization is changing not only the ways of communication, but also the structure of social experience, affecting the socialization, self-expression and identity building of young people. Special attention is paid to the role of social networks and digital platforms as a new medium for everyday interaction. The possibilities of the digital environment related to access to knowledge, communication and self-realization are revealed, as well as the risks of algorithmic dependence, fragmentation of consciousness, information overload and weakening of the depth of interpersonal relationships. It is concluded that it is necessary to develop digital literacy, critical thinking and a culture of responsible online behavior.

Keywords: Keywords: digital generation, network society, social networks, digital identity, digital culture, information society, digital literacy.

Современное общество развивается в условиях активной цифровизации, которая затрагивает практически все сферы жизни человека: образование, труд, культуру, досуг, межличностное общение и общественное участие. Цифровые технологии уже не являются только техническими средствами передачи информации; они становятся частью повседневной социальной реальности и влияют на то, как человек воспринимает мир, выстраивает отношения, получает знания и определяет своё место в обществе.

Особенно заметно это влияние проявляется в жизни молодёжи, выросшей в среде интернета, социальных сетей, мессенджеров, онлайн-платформ и цифровых сервисов. Для представителей цифрового поколения виртуальное пространство является не внешним дополнением к реальной жизни, а естественной средой общения, обучения, самовыражения и поиска социальной принадлежности. Именно в цифровой среде молодые люди получают значительную часть информации, формируют круг общения, участвуют в обсуждении общественных проблем и создают собственный образ.

В результате меняется сама структура социального опыта. Если раньше социализация молодого человека происходила преимущественно через семью, школу, профессиональную среду и локальное сообщество, то сегодня важную роль играют онлайн-сообщества, социальные сети и цифровые платформы. Через них молодёжь усваивает новые нормы поведения, ценностные ориентиры, модели коммуникации и способы самопрезентации.

Таким образом, цифровое поколение формируется как особая социальная группа, чья идентичность складывается на пересечении реального и виртуального пространства. Онлайн-среда предоставляет широкие возможности для самореализации, творчества и общения, но одновременно делает процесс формирования личности более зависимым от информационных потоков, алгоритмов и сетевого признания.

Цель статьи – провести социально-философский анализ формирования цифрового поколения в условиях глобальной сетевой коммуникации, выявить его ценностные особенности, социальные возможности и основные противоречия.

Социальные сети сегодня выступают не просто техническим средством обмена сообщениями, фотографиями или новостями, а особым пространством социальной жизни, в котором формируются новые модели общения, поведения и самоопределения. Для молодёжи цифровые платформы становятся повседневной средой, где происходит не только коммуникация, но и социализация, обучение, поиск единомышленников, выражение собственной позиции и участие в общественных процессах.

Через социальные сети молодые люди включаются в различные онлайн-сообщества: образовательные, профессиональные, творческие, гражданские, культурные. В этих сообществах они усваивают нормы поведения, получают новые знания, наблюдают за опытом других людей и формируют собственное представление о мире. В отличие от традиционных институтов социализации – семьи, школы, местного сообщества, – цифровые платформы создают более гибкую и открытую модель взаимодействия, где человек может самостоятельно выбирать круг общения, источники информации и формы участия.

В цифровой среде идентичность молодого человека становится более подвижной и многослойной. Один и тот же пользователь может одновременно быть участником учебного сообщества, творческой группы, профессиональной платформы, волонтёрского движения или развлекательного онлайн-пространства. В каждой из этих сред он может по-разному представлять себя, выбирать стиль общения, визуальный образ и тематику публикаций. Таким образом, цифровая идентичность формируется как результат постоянного взаимодействия личности с разными аудиториями и информационными потоками.

Однако свобода самовыражения в цифровой среде имеет и обратную сторону. Поведение пользователя во многом зависит от алгоритмов платформ, количества лайков, комментариев, просмотров и подписчиков. Механизмы сетевого признания могут влиять на самооценку, выбор тем для публикаций и даже на ценностные ориентиры молодого человека. В результате возникает риск зависимости от внешней оценки и подмены внутреннего самоопределения стремлением соответствовать ожиданиям цифровой аудитории.

Формирование цифрового поколения поэтому имеет противоречивый характер. С одной стороны, цифровые технологии открывают широкие возможности: доступ к знаниям, онлайн-образованию, профессиональному развитию, международной коммуникации, творческой самореализации и гражданскому участию. Молодёжь может быстрее находить информацию, участвовать в социальных инициативах, продвигать собственные проекты и взаимодействовать с людьми из разных стран.

С другой стороны, цифровая среда порождает серьёзные риски. Избыточный поток информации может приводить к поверхностному восприятию, снижению способности к глубокому анализу и формированию клипового мышления. Алгоритмы социальных сетей нередко показывают пользователю преимущественно тот контент, который совпадает с его интересами и взглядами, что ограничивает критическое мышление и усиливает информационную замкнутость. Кроме того, сохраняется проблема цифрового неравенства: не все молодые люди имеют одинаковый доступ к качественному интернету, цифровым устройствам и навыкам работы с информацией.

Особое значение приобретает противоречие между глобальными цифровыми практиками и локальной культурной идентичностью. Социальные сети сближают молодёжь разных стран, создают общие тренды, единые формы визуальной культуры и схожие модели общения. Однако такая глобальная унификация может ослаблять связь с национальными традициями, родным языком, исторической памятью и локальными культурными ценностями.

Поэтому важной задачей становится сохранение культурной самобытности в условиях активного включения в мировое цифровое пространство.

Цифровизация влияет и на ценностные ориентации молодого поколения. Всё большую значимость приобретают свобода самовыражения, мобильность, креативность, открытость миру, быстрый доступ к информации и возможность самостоятельного выбора жизненной траектории. При этом снижается доверие к традиционным авторитетам, таким как официальные институты, печатные СМИ или старшие поколения. На первый план выходят блогеры, инфлюенсеры, рейтинги, отзывы и сетевые лидеры мнений.

Социальные сети становятся важнейшим фактором формирования цифрового поколения. Они расширяют пространство возможностей для молодёжи, но одновременно создают новые зависимости и риски. Поэтому развитие цифровой грамотности, критического мышления и ответственного поведения в сети становится необходимым условием гармоничного становления личности в цифровую эпоху.

Таким образом, цифровое поколение формируется как новый субъект социальной реальности, чья идентичность и ценности складываются на пересечении глобальных цифровых процессов и локальных культурных условий. Социальные сети выступают ключевым пространством его социализации, открывая новые возможности для развития, но одновременно создавая риски алгоритмической зависимости и фрагментации сознания.

Следовательно, важнейшей задачей современного общества становится развитие цифровой грамотности, критического мышления и культуры ответственного поведения в сети. Только при сохранении гуманистических ценностей цифровизация может стать не фактором отчуждения, а ресурсом личностного и социального развития.

Список литературы

1. Кастельс 2000 – Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
2. Митчем 1995 – Митчем К. Что такое философия техники? / Пер. с англ. под ред. В. Г. Горохова. М.: Аспект-пресс, 1995. 148 с.
3. Хайдеггер 1993 – Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 445 с.
4. Хайдеггер 1991 – Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высш. шк., 1991. 190 с.
5. Postman 2006 – Postman N. Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business. Penguin Books, 2006. 184 p.

УДК 314.1

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ракитянская Оксана Николаевна

Аспирант
Национальная академия наук Кыргызской Республики,
Институт философии им. А. А. Алтмышбаева
E-mail: sarkand_kol@mail.ru

Бекбоев Аскарбек Абдыкадырович
Доктор философских наук
Национальной академии наук Кыргызской Республики, профессор
E-mail: urokisgk@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема трансформации социальной идентичности в условиях цифровой глобализации. Цифровые технологии формируют новую коммуникационную среду, в которой идентичность приобретает динамичный, множественный и процессуальный характер. Особое внимание уделяется роли социальных сетей как ключевого пространства социализации и самопрезентации личности. Анализируются как позитивные эффекты цифровизации – расширение возможностей самовыражения, доступ к информации, развитие сетевой самоорганизации, – так и связанные с ней риски, включая фрагментацию сознания, алгоритмическую зависимость, цифровое неравенство и снижение глубины социального взаимодействия. Обосновывается, что современная социальная идентичность формируется как гибридная структура на пересечении глобальных цифровых процессов и локальных культурных контекстов. Делается вывод о необходимости развития цифровой грамотности, критического мышления и философской рефлексии как условий сохранения устойчивости социальной идентичности в цифровую эпоху.

Ключевые слова: социальная идентичность, цифровая глобализация, информационное общество, цифровая среда, цифровая культура, локальная идентичность, ценности, коммуникация, цифровая грамотность.

FORMATION OF THE DIGITAL GENERATION IN THE CONTEXT OF GLOBAL NETWORK COMMUNICATION

Rakityanskaya Oksana Nikolaevna
postgraduate student
National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic,
Altmyshbaev Institute of Philosophy

Bekboev Askarbek Abdykadyrovich
Doctor of Philosophy
National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, professor

*Abstract***:** The article examines the problem of social identity transformation in the context of digital globalization. Digital technologies are forming a new communication environment in which identity acquires a dynamic, multiple and procedural character. Special attention is paid to the role of social networks as a key space for personal socialization and self-presentation. The article analyzes both the positive effects of digitalization – expanding opportunities for self–expression, access to information, and the development of network self-organization - as well as the risks associated with

it, including fragmentation of consciousness, algorithmic dependence, digital inequality, and a decrease in the depth of social interaction. It is proved that modern social identity is formed as a hybrid structure at the intersection of global digital processes and local cultural contexts. The author concludes that it is necessary to develop digital literacy, critical thinking and philosophical reflection as conditions for maintaining the stability of social identity in the digital age.

Keywords: social identity, digital globalization, information society, digital environment, digital culture, local identity, values, communication, digital literacy.

Современная эпоха характеризуется стремительным развитием цифровых технологий, которые оказывают глубокое и многостороннее влияние на все сферы общественной жизни. Цифровизация затрагивает не только экономику, образование и культуру, но и способы повседневного общения, самоопределения личности, формирования ценностей и социальных связей. В этом смысле она выступает не просто как технологический процесс, а как важный социально-философский феномен, меняющий структуру общественного сознания и механизмы формирования социальной идентичности.

В условиях информационной цивилизации складывается новая коммуникативная среда, в которой Интернет, социальные сети, алгоритмы, цифровые платформы и искусственный интеллект становятся значимыми элементами социальной реальности. Они определяют, какую информацию получает человек, с какими сообществами взаимодействует, какие модели поведения усваивает и какие ценности считает значимыми. Цифровая среда становится пространством не только коммуникации, но и самопрезентации, социализации и конструирования образа личности.

Если в традиционном обществе социальная идентичность формировалась преимущественно через семью, образование, профессиональную среду, культуру и государственные институты, то в цифровую эпоху всё большую роль играют онлайн-сообщества, социальные сети и медиаплатформы. Человек получает возможность одновременно принадлежать к разным группам, демонстрировать разные стороны своей личности и выстраивать собственный образ в зависимости от цифрового контекста. Это делает идентичность более гибкой и открытой, но одновременно менее устойчивой и более зависимой от внешнего информационного воздействия.

Особую значимость приобретает проблема цифровой глобализации. С одной стороны, цифровые технологии расширяют доступ к знаниям, усиливают межкультурное взаимодействие и создают новые возможности для самореализации. С другой стороны, они могут приводить к унификации ценностей, ослаблению локальных культурных традиций, фрагментации сознания и усилению зависимости человека от алгоритмов цифровых платформ.

Цель исследования заключается в проведении социально-философского анализа трансформации социальной идентичности в условиях цифровой глобализации. Особое внимание уделяется выявлению основных характеристик современной идентичности, её потенциала и внутренних противоречий. В рамках исследования рассматривается, каким образом цифровая среда влияет на самоопределение личности, ценностные ориентиры, формы социального взаимодействия и соотношение глобального и локального в современном обществе.

Социальная идентичность в цифровой среде

Социальная идентичность представляет собой сложную и многокомпонентную систему представлений личности о самой себе как о члене общества. Она включает осознание

принадлежности к различным социальным группам – национальным, культурным, профессиональным, возрастным, гендерным и другим – а также усвоение соответствующих норм, ценностей и моделей поведения. Через социальную идентичность человек выстраивает отношение к окружающему миру, определяет своё место в социальной структуре и формирует устойчивые ориентиры для взаимодействия с другими людьми.

В традиционном обществе формирование идентичности происходило преимущественно в рамках устойчивых социальных институтов – семьи, системы образования, религиозных и культурных сообществ. Эти институты обеспечивали относительную стабильность идентичности, задавая чёткие границы принадлежности и устойчивые ценностные ориентиры. Однако в условиях цифровой эпохи эти механизмы существенно трансформируются.

Развитие интернета, социальных сетей и цифровых платформ формирует принципиально новую среду социализации, в которой личность выступает не только как объект влияния, но и как активный субъект конструирования собственной идентичности. Человек получает возможность самостоятельно формировать свой публичный образ, выбирать формы самопрезентации, управлять информацией о себе и взаимодействовать с различными аудиториями. Это приводит к тому, что идентичность становится более гибкой, вариативной и зависимой от контекста коммуникации.

Цифровая идентичность приобретает множественный характер: один и тот же человек может одновременно принадлежать к разным онлайн-сообществам и демонстрировать различные аспекты своей личности в зависимости от платформы, аудитории и целей взаимодействия. Например, пользователь может быть частью профессионального сообщества, образовательной среды и развлекательного цифрового пространства, в каждом из которых формируется отдельная линия его самопрезентации. Таким образом, идентичность перестаёт быть единой и фиксированной, превращаясь в динамичную систему, постоянно изменяющуюся в процессе сетевого взаимодействия.

Особую роль в этом процессе играют алгоритмы цифровых платформ, которые отбирают и структурируют информационные потоки. Они формируют индивидуализированное информационное пространство пользователя, влияя на его восприятие социальной реальности, ценностные ориентиры и даже самооценку. В результате идентичность оказывается частично обусловленной не только внутренним выбором личности, но и внешними цифровыми механизмами.

Цифровая среда также способствует размыванию границ между личным и публичным, реальным и виртуальным. Частная жизнь становится доступной для широкой аудитории, а элементы виртуального взаимодействия начинают активно влиять на реальное поведение и социальные связи. Это создаёт условия для формирования так называемой гибридной идентичности – особой формы самосознания, в которой сочетаются элементы локальной культурной принадлежности и глобальных цифровых практик.

Гибридная идентичность отражает двойственный характер современной социальной реальности. С одной стороны, она позволяет личности сохранять связь с национальной культурой, языком и традициями. С другой стороны, она формируется под влиянием глобальных информационных потоков, универсальных культурных кодов и цифровых трендов. В результате человек оказывается включённым одновременно в локальное и глобальное пространство, что расширяет его возможности, но одновременно усложняет процесс самоопределения.

В цифровую эпоху социальная идентичность перестаёт быть статичной и однозначной, приобретая динамичный, многослойный и противоречивый характер. Она формируется на

пересечении индивидуального выбора, социальных взаимодействий и цифровых технологий, что требует нового социально-философского осмысления её природы и механизмов развития.

Социальные сети как пространство формирования идентичности

Особую роль в трансформации социальной идентичности играют социальные сети, выступающие ключевым институтом социализации. Они формируют горизонтальные модели взаимодействия, в которых каждый пользователь одновременно является источником и потребителем информации.

Социализация в цифровой среде приобретает ряд особенностей. Во-первых, она становится непрерывной – человек постоянно вовлечён в информационные потоки. Во-вторых, она носит персонализированный характер – алгоритмы формируют индивидуальную информационную среду. В-третьих, она становится вирусной – идеи и смыслы распространяются с высокой скоростью.

В этих условиях идентичность приобретает процессуальный характер и формируется под влиянием медиасреды, алгоритмов и сетевых практик. Это усиливает возможности самовыражения, но одновременно создаёт зависимость от цифровых платформ и их логики.

Потенциал и риски цифровой трансформации идентичности

Цифровая глобализация открывает новые возможности для развития личности и общества. К ним относятся расширение доступа к информации, развитие сетевой самоорганизации, рост мобильности и глобальной коммуникации.

В то же время цифровая среда порождает ряд рисков. Среди них – фрагментация сознания, клиповое мышление, информационная перегрузка, цифровое неравенство и утрата приватности. Алгоритмы социальных сетей формируют «информационные пузыри», ограничивающие восприятие альтернативных точек зрения.

Особое значение приобретает проблема баланса между свободой самовыражения и сохранением целостности личности, а также между глобальной унификацией и локальной культурной идентичностью.

Цифровизация и трансформация ценностей

Цифровая эпоха существенно влияет на ценностные основания социальной идентичности. Усиливаются индивидуализм, ориентация на самопрезентацию, гибкость и креативность. Одновременно возрастает значимость прозрачности, открытости и мгновенной коммуникации.

Однако эти процессы сопровождаются снижением глубины осмысления информации и ослаблением традиционных форм социальной устойчивости. Возникает необходимость формирования новой этики цифрового поведения, основанной на ответственности, критическом мышлении и уважении к общественным ценностям.

Цифровые технологии радикально изменили условия формирования социальной идентичности, превратив цифровую среду в глобальное пространство производства смыслов и ценностей. В этих условиях формируется новое цифровое поколение, чья идентичность носит гибридный характер и складывается на пересечении глобальных и локальных факторов.

Социально-философский анализ показывает, что цифровизация обладает двойственной природой: она одновременно расширяет возможности самореализации и усиливает риски фрагментации сознания и утраты устойчивых социальных ориентиров.

В этих условиях особую роль приобретают образование и философская рефлексия, направленные на развитие цифровой грамотности, критического мышления и ответственности. Будущее социальной идентичности зависит не только от технологий, но и от

способности общества интегрировать их в систему гуманистических ценностей и культурной устойчивости.

Список литературы

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2016. 201 с.
2. Хабермас Ю. Структурные изменения публичной сферы. М.: Весь мир, 2016. 342 с.
3. Тойнби А. Постижение истории. М.: Айрис-Пресс, 2001. 637 с.
4. Postman N. Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business. Penguin Books, 2006. 184 p.

ЧАСТЬ 10

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ

УДК 130.31:141.12:165.81:17.023

ИЛЛЮЗИОНИЗМ И ХОЛИЗМ ОСНОВАНИЙ

Морозов Константин Евгеньевич
Институт философии РАН, младший научный сотрудник
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, аспирант
E-mail: lovecraft.wittgenstein@gmail.com

Аннотация: Боль определенным образом субъективно переживается. Иными словами, у нее есть феноменальный характер. Этот характер, как кажется, связан с ее нормативным статусом, то есть тем фактом, что боль дает нам основания для действий. Согласно иллюзионизму, у наших переживаний нет никакого феноменального характера, это просто интроспективная иллюзия. Если иллюзионисты правы, то боль не дает нам тех оснований для действий, которые мы обычно усматриваем. Этот, как кажется, разрушительный для морали характер иллюзионизма является нормативным вызовом для сторонников этой позиции. Эта статья анализирует один возможный ответ на нормативный вызов – холизм оснований. Согласно этой позиции, отдельные факты не являются основаниями для действий в отрыве от целостного контекста. Принимая холизм, иллюзионисты могут утверждать, что феноменальный характер боли не играет ту нормативную роль, которую ему часто приписывают, потому что у боли в отрыве от контекста вообще нет никаких нормативных свойств. Это решение, однако, сталкивается с двумя проблемами. Во-первых, нормативные свойства рассматриваются холистами как своего рода эмерджентные свойства. Но если мы принимаем в свою картину мира онтологическую эмерджентность, то мы лишаем себя мотивации развивать иллюзионизм, поскольку тогда феноменальные свойства опыта также могут рассматриваться как эмерджентные. Холистическим иллюзионистам, соответственно, нужно объяснить, в чем разница между феноменальными и моральными свойствами, которая допускает разные методологические установки в их отношении. Во-вторых, холизм сглаживает моральный ландшафт, то есть нивелирует нормативную разницу между, например, болью и цветом шнурков. Холисты обычно отвечают на эту проблему, признавая наличие «оснований по умолчанию»: боль является таким основанием, но не цвет шнурков. Но тогда нам нужно объяснить эту асимметрию, а это возвращает нас к нормативному вызову. Иллюзионисты могут отвергнуть «основания по умолчанию» и принять сглаживание, но тогда их позиция подразумевает значительный пересмотр нашей этики, хотя и избегает морального антиреализма.

Ключевые слова: иллюзионизм, физикализм, материализм, квалиа, феноменальное сознание, внутренняя ценность, основания для действий, холизм оснований.

ILLUSIONISM AND HOLISM ABOUT REASONS

Morozov Konstantin Evgenyevich
RAS Institute of Philosophy, junior research fellow
Lomonosov Moscow State University, postgraduate student

Abstract: Pain is subjectively experienced in a certain way. In other words, it has a phenomenal character. This character seems to be linked to its normative status, that is, the fact that pain provides us with reasons for action. According to illusionism, our experiences have no phenomenal character; they are simply introspective illusions. If illusionists are right, then pain does not provide us with the kinds of reasons for action that we typically perceive. This seemingly morally destructive character of illusionism poses a normative challenge to proponents of this position. This article examines one possible response to this normative challenge: holism about reasons. According to this position, individual facts do not provide reasons for action apart from their holistic context. By accepting holism, illusionists can argue that the phenomenal character of pain does not play the normative role often ascribed to it, because pain, when isolated from its context, has no normative properties at all. This solution, however, faces two problems. First, holists view normative properties as a kind of emergent properties. But if we accept ontological emergence in our worldview, we deprive ourselves of the motivation to develop illusionism, since then the phenomenal properties of experience can also be viewed as emergent. Holist illusionists, therefore, need to explain the difference between phenomenal and moral properties, which allows for different methodological approaches to them. Second, holism flattens the moral landscape, that is, it eliminates the normative difference between, say, pain and the color of shoelaces. Holists typically respond to this problem by acknowledging the existence of "default reasons": pain is such a reason, but the color of shoelaces is not. But then we need to explain this asymmetry, and this returns us to the normative challenge. Illusionists can reject "default reasons" and embrace flattening, but then their position implies a significant revision of our ethics, although it avoids moral antirealism.

Keywords: illusionism, physicalism, materialism, qualia, phenomenal consciousness, intrinsic value, reasons for action, holism about reasons.

Иллюзионизм – это физикалистская теория сознания, согласно которой не существует феноменального сознания, но есть лишь его интроспективная иллюзия. Эта точка зрения сталкивается со множеством трудностей, и одной из них является нормативный вызов. Первым явно этот вызов сформулировал сторонник иллюзионизма Франсуа Каммерер [Kammerer 2020], хотя основная идея ранее обсуждалась его критиками Каталин Бэлог [Balog 2016] и Галеном Стросоном [Strawson 2019]. Впоследствии этот вызов обсуждался многими другими авторами, как англоязычными [Kammerer 2022; Shepherd 2023; Dung 2024; Frankish 2024; Kammerer 2024], так и русскоязычными [Горбачёв 2024; Морозов 2026; Беседин 2026; Горбачёв 2026].

Нормативный вызов состоит в том, что феноменальный характер тех или иных переживаний, как кажется, существенно связан с их нормативным статусом. Иначе говоря, феноменальный характер опыта дает нам основания для действий, причем сразу двух родов. С одной стороны, у нас есть *прудениальные* основания стремиться к приятному опыту и избегать неприятного, потому что это делает нашу жизнь лучше. С другой стороны, у нас есть *моральные* основания воздерживаться от причинения неприятного опыта любым существам,

способным его испытывать. Речь идет о *prima facie* (или *pro tanto*) основаниях, то есть таких, которые по умолчанию действуют в отсутствие других, более сильных оснований [Ross 1956, p. 21; Kagan 1989, p. 17]. Иногда у нас могут быть основания претерпеть боль или причинить ее другим, например, чтобы наказать их за их дурные поступки [Moore 1997].

Поскольку иллюзионисты отрицают существование феноменального характера опыта, они, судя по всему, подрывают утверждения о связи между опытом и основаниями для действий. Именно в этом и состоит нормативный вызов. Иллюзионисты должны либо принять, что их позиция подрывает наши корневые моральные убеждения, либо предложить какое-то объяснение того, почему их позиция этого не делает. Никто из иллюзионистов явно не принял, что их теория сознания подразумевает ревизию наших моральных убеждений. Все иллюзионисты, которые обращались к этой нормативной проблеме, пытались предложить альтернативное основание для того класса моральных суждений, которые традиционно связывают с феноменальным характером опыта.

Предлагались различные варианты. Каммерер сочетает иллюзионизм с субъективистской теорией благополучия, которая допускает, что моральная неправильность боли связана с нашим желанием ее избегать, а не с тем, как боль переживается [Kammerer 2020, p. 909-910] (ср.: [Carruthers 2019, p. 171-176]). Франкиш связывает нормативный статус боли с ее влиянием на нас и наше поведение [Frankish 2024, p. 9]. Максим Горбачев и Артем Беседин же признают, что нормативный статус боли связан с тем, как она субъективно переживается, но утверждают, что эту субъективную переживаемость можно понимать нефеноменальным способом [Беседин 2026, с. 103; Горбачев 2026, с. 112].

В одной из прошлых своих статей я критиковал все предложенные решения, утверждая, что ни одно из них по тем или иным причинам не может правдоподобно заменить феноменальный характер [Морозов 2026, с. 87-94]. Там же я утверждал, что единственные правдоподобные ответы на нормативный вызов иллюзионизму подразумевают либо отказ от объективной морали, либо ослабление иллюзионистской позиции и принятие в их картину мира квалиа [Морозов 2026, с. 94-95]. В этой статье я хотел бы рассмотреть еще одно потенциальное решение нормативной проблемы, которое избегает обеих из этих крайностей. Этот ответ никем ранее не предлагался и не рассматривался, хотя оно было вдохновлено возражениями, предложенными мне Тарасом Тарасенко [Морозов 2026, с. 94].

Иллюзионисты могут принять *холизм оснований*. Эта позиция изначально была сформулирована в одноименной статье Джонатаном Дэнси [Dancy 1992] как развитие идеи Джорджа Эдварда Мура об органических единствах [Мур 1984, с. 89-92]. Более детально Дэнси развил эту идею в своей книге «Этика без принципов» [Dancy 2004], посвященной моральному партикуляризму. Согласно этой точке зрения, не существует общих моральных принципов или правил, которые можно было бы учитывать в моральной жизни. Вместо этого моральная правильность того или иного поступка полностью определяется его контекстом. Эта позиция имеет давнюю историю и ассоциируется уже с Аристотелем, но для Дэнси основой партикуляризма является именно холизм оснований. Впрочем, высказывалось также мнение, что холизм можно отделить от партикуляризма и сочетать с некоторой формой моральных правил. Подобную теорию холистического генерализма развивают Шон Маккивер и Майкл Ридж [McKeever, Ridge 2006].

В чем же состоит холизм оснований? Его основная идея в том, что некоторый факт может быть основанием для действий только в рамках широкого, целостного контекста. С этой точки зрения, не существует никаких prima facie или pro tanto оснований, которые могут быть перевешаны другими основаниями. Дэнси иллюстрирует это утверждение следующим

примером. Противоположный взгляд на основания, атомизм, подразумевает, что у нас есть prima facie основание стремиться к собственному благу всеми доступными средствами. Например, тот факт, что моя тетя очень богата и я получу от нее большое наследство, дает мне пруденциальное prima facie основание отравить ее еду. Но моральный запрет на убийство дает мне решающее основание воздержаться от подобных действий. Дэнси считает, что подобный взгляд на основания неправдоподобен. У нас нет даже prima facie основания убивать свою тетю ради наследства. Однако предположим, что моя тетя – опасная преступница, которая замыслила некое чудовищное злодеяние, а единственный способ остановить ее – подмешать в ее еду яд. Атомизм предполагает, что в этой ситуации у меня есть еще одно основание в пользу убийства своей тети, которое перевешивает моральный запрет на убийство. С точки зрения же Дэнси, в этой ситуации вообще бессмысленно говорить о некоем общем моральном запрете, у нас есть только основание в пользу того, чтобы остановить свою тетю всеми доступными средствами, которое существует только в рамках соответствующего контекста.

Опять же, если Маккивер и Ридж правы, то холизм оснований совместим с общими правилами, но это сейчас не имеет значения. Для нас представляет интерес только основной тезис Дэнси, что некоторый факт не может являться ни prima facie, ни каким-либо еще основанием, пока мы не рассматриваем его в рамках целостного контекста. Подобный холизм, как кажется, может помочь иллюзионистам обойти нормативный вызов. Ведь холизм также предполагает, что феноменальный характер не может давать нам какие-либо основания для действий сам по себе, в отрыве от целостного контекста. Если это так, то иллюзионист вполне может позволить себе утверждать, что феноменальный характер не обладает нормативной значимостью, ею обладает только целостный контекст. В таком случае при устранении любых отдельных фактов из целостного контекста мы не подорвем его общую нормативную значимость, потому что последняя является своего рода эмерджентным эффектом – она не сводится ни к отдельным фактам, ни к их простой сумме. Соответственно, своим отрицанием феноменального характера иллюзионизм не лишает переживания нормативного веса, поскольку у этих переживаний его никогда и не было. Нормативный вес присущ только целостному контексту, и устранение из контекста отдельного рода свойств не может этого изменить.

Холистический ответ на нормативный вызов довольно интересен, но он все же страдает от двух проблем. Во-первых, он, судя по всему, подразумевает принятие некоторого рода онтологической эмерджентности. Ведь с холистической точки зрения нормативные свойства не сводятся к отдельным свойствам имеющихся положений дел, а эмерджентны на них. Это, вероятно, подразумевает какую-то форму морального эмерджентизма, натуралистического [Stringer 2018; Stringer 2021] или нон-натуралистического [Baysan 2025]. А это рискует подорвать методологическую мотивацию иллюзионизма, поскольку эта теория отрицает существование каких-либо эмерджентных свойств. Если бы иллюзионисты признавали их наличие, то ничто не мешало бы им объяснить феноменальное сознание как особую эмерджентную сущность. Таким образом, холизм подразумевает эмерджентизм, а эмерджентизм исключает методологическую мотивацию иллюзионизма. Возможно, иллюзионистам все-таки удастся объяснить, почему между эмерджентностью сознания и моральных свойств есть какая-то существенная разница, но пока неясно, на чем могло бы основываться такое объяснение.

Во-вторых, холизм сталкивается с проблемой сглаживания морального ландшафта. Эта проблема состоит в том, что для холистов нет значимой разницы между любыми фактами, которые мы учитываем в своем практическом рассуждении. Цвет шнурков столь же значим,

как и чувство боли [McKeever, Ridge 2006, p. 46]. Но это кажется чересчур неправдоподобным. Большинство холистов пытаются избежать этой проблемы, вводя понятие «оснований по умолчанию» (default reasons) [Väyrynen 2004]. Некоторый факт является «основанием по умолчанию», если его уместно рассматривать как основание в «нормальных» обстоятельствах. Чувство боли является таким основанием, а вот цвет шнурков – нет. Таким образом, сглаживание не происходит, поскольку некоторые факты больше других подходят для того, чтобы считать их основаниями, хотя для этого они и должны быть встроены в целостный контекст.

Но если иллюзионисты примут основания по умолчанию, это вернет их к нормативному вызову. Ведь тогда им снова нужно объяснить, почему боль является основанием по умолчанию, а цвет шнурков – нет. И, как и в случае prima facie оснований, у нас нет других правдоподобных объяснений такого нормативного статуса, кроме феноменального характера боли. Следовательно, холистические иллюзионисты сталкиваются с дилеммой: либо холизм ведет к сглаживанию морального ландшафта, либо не дает ответа на нормативный вызов. Первый вариант не ведет к моральному антиреализму, но все-таки подразумевает значительный пересмотр наших укоренившихся моральных убеждений.

Список литературы

1. Беседин 2026 – Беседин А. П. Иллюзионизм совместим с сентиентизмом // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2026. Т. 11. № 1. С. 101-107.
2. Горбачёв 2024 – Горбачёв М. Д. Сознание и иллюзия: угрожает ли человеку иллюзионизм // Человек. 2024. Т. 35. № 2. С. 87-102.
3. Горбачёв 2026 – Горбачёв М. Д. Иллюзионизм (не) против сентиентности // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2026. Т. 11. № 1. С. 108-114.
4. Морозов 2026 – Морозов К. Е. Метаэтические следствия иллюзионизма // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2026. Т. 11. № 1. С. 84-100.
5. Мур 1984 – Мур Дж. Принципы этики. М.: Прогресс, 1984. 327 с.
6. Balog 2016 – Balog K. Illusionism’s Discontent // Journal of Consciousness Studies. 2016. Vol. 23. No. 11-12. P. 40-51.
7. Baysan 2025 – Baysan U. Emergent Moral Non-Naturalism // Philosophy and Phenomenological Research. 2025. Vol. 111. No. 3. P. 1037-1056.
8. Carruthers 2019 – Carruthers P. Human and Animal Minds: The Consciousness Questions Laid to Rest. New York: Oxford University Press, 2019. 220 p.
9. Dancy 1992 – Dancy J. Holism in the Theory of Reasons // Cogito. 1992. Vol. 6. No. 3. P. 136-138.
10. Dancy 2004 – Dancy J. Ethics Without Principles. Oxford: Oxford University Press, 2004. 240 p.
11. Dung 2022 – Dung L. Does Illusionism Imply Skepticism of Animal Consciousness? // Synthese. 2022. Vol. 200. No. 3. P. 1-19.
12. Dung 2024 – Dung L. Preserving the Normative Significance of Sentience // Journal of Consciousness Studies. 2024. Vol. 31. No. 1. P. 8-30.

13. Frankish 2024 – Frankish K. The Ethical Implications of Illusionism // Neuroethics. 2024. Vol. 17. No. 2. P. 1-15.
14. Kagan 1989 – Kagan S. The Limits of Morality. Oxford: Clarendon Press, 1989. 415 p.
15. Kammerer 2020 – Kammerer F. The Normative Challenge for Illusionist Views of Consciousness // Ergo: An Open Access Journal of Philosophy. 2020. Vol. 6. No. 32. P. 891-924.
16. Kammerer 2022 – Kammerer F. Ethics Without Sentience: Facing Up to the Probable Insignificance of Phenomenal Consciousness // Journal of Consciousness Studies. 2022. Vol. 29. No. 3-4. P. 180-204.
17. Kammerer 2024 – Kammerer F. Sentientism Still Under Threat: Reply to Dung // Journal of Consciousness Studies. 2024. Vol. 31. No. 3. P. 103-119.
18. McKeever & Ridge 2006 – McKeever S., Ridge M. Principled Ethics: Generalism as a Regulative Ideal. Oxford: Oxford University Press, 2006. 242 p.
19. Moore 1997 – Moore M. S. Placing Blame: A Theory of Criminal Law. Oxford: Oxford University Press, 1997. 849 p.
20. Ross 1946 – Ross W. D. The Right and the Good. London: Oxford University Press, 1946. 183 p.
21. Shepherd 2023 – Shepherd J. Non-Human Moral Status: Problems with Phenomenal Consciousness // American Journal of Bioethics Neuroscience. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 148-157.
22. Strawson 2019 – Strawson G. J. A Hundred Years of Consciousness: “A Long Training in Absurdity” // Estudios De Filosofía. 2019. No. 59. P. 9-43.
23. Stringer 2018 – Stringer R. Realist Ethical Naturalism for Ethical Non-Naturalists // Philosophical Studies. 2018. Vol. 175. No. 2. P. 339-362.
24. Stringer 2021 – Stringer R. Ethical Emergentism and Moral Causation // Journal of Moral Philosophy. 2021. Vol. 18. No. 4. P. 331-362.
25. Väyrynen 2004 – Väyrynen P. Particularism and Default Reasons // Ethical Theory and Moral Practice. 2004. Vol. 7. No. 1. P. 53-79.

УДК 141

НОМОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАВИСИМОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНИМОСТИ АРГУМЕНТОВ ПРЕДСТАВИМОСТИ

Горбачев Максим Дмитриевич
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», научный сотрудник МЛ Логики, лингвистики и формальной философии
E-mail: mgorbachev@hse.ru

Аннотация: Статья посвящена критическому анализу аргументов представимости, широко используемых в философии сознания для обоснования метафизической независимости сознательного опыта от физических процессов. Классическим примером выступает аргумент философских зомби, разработанный Чалмерсом, согласно которому представим мир, физически тождественный нашему, но лишённый сознания. В подобных

рассуждениях предполагается переход от логической или эпистемической представимости к метафизической возможности. В работе утверждается, что такой переход необоснован, поскольку не учитывает различие между эпистемической, метафизической и номологической модальностями. Показывается, что представимость не фиксирует номологический контекст, необходимый для определения физической идентичности. Без учёта законов природы невозможно корректно задать условия, при которых процессы в возможном мире являются «теми же» физическими процессами. Это делает аргументы представимости либо двусмысленными, либо зависящими от скрытых допущений о нефизической природе сознания. Далее рассматривается связь данной проблемы с апостериорной необходимостью в духе Крипке и предлагается альтернатива эссенциализму через теорию кластеров свойств.

Ключевые слова: феноменальное сознание, апостериорная необходимость, возможные миры, аргументы представимости, философские зомби.

NOMOLOGICAL DEPENDANCY AND CONCEIVABILITY ARGUMENTS APPLICABILITY PROBLEMS

Gorbachev Maxim Dmitrievich
HSE University, research fellow in International Laboratory for Logic, Linguistics and Formal Philosophy

Abstract: The article is devoted to a critical analysis of conceivability arguments widely used in the philosophy of mind to justify the metaphysical independence of conscious experience from physical processes. A classic example is the philosophical zombie argument developed by David Chalmers, according to which we can conceive a world physically identical to ours but lacking consciousness. Such reasoning assumes a transition from logical or epistemic conceivability to metaphysical possibility. The paper argues that this transition is unwarranted, as it fails to distinguish between epistemic, metaphysical, and nomological modalities. It is shown that conceivability does not fix the nomological context required to determine physical identity. Without taking the laws of nature into account, it is impossible to correctly specify the conditions under which processes in a possible world count as “the same” physical processes. This renders conceivability arguments either ambiguous or dependent on hidden assumptions about the non-physical nature of consciousness. The discussion then turns to the relation of this problem to a posteriori necessity in the spirit of Saul Kripke, and an alternative to essentialism is proposed through the cluster theory of properties.

Keywords: phenomenal consciousness, a posteriori necessity, possible worlds, conceivability arguments, philosophical zombies.

Аргументы представимости давно применяются в философии сознания для демонстрации метафизической независимости физических описаний и определённых свойств мира. Классический пример – аргумент зомби [Chalmers 1997], где предполагается, что представим и, следовательно, возможен мир, физически неотличимый от нашего, но лишённый сознательного опыта. На основании эпистемической или логической представимости делается переход к метафизической возможности: если ситуация непротиворечива, то она возможна в каком-то возможном мире.

В настоящей работе утверждается, что такой переход необоснован. Аргументы представимости используют слишком грубое понятие возможности, не различая эпистемическую, метафизическую и номологическую модальности. Представимость сама по себе не фиксирует номологический контекст, в котором идентифицируются объекты, и, следовательно, не задаёт условий их физической идентичности. Например, когда мы воображаем «физически идентичный» мир без сознания, остаётся неопределённым, сохраняются ли законы, в рамках которых эти процессы квалифицируются как те же самые. Без уточнения номологической структуры рассматриваемые «возможные миры» оказываются неопределёнными. Так, если в нашем актуальном мире сознание на самом деле – это физические процессы нервной системы, то физически тождественный нашему возможный мир не может быть лишен сознания без изменения законов природы. Однако изменение законов природы делает этот мир уже не тождественным нашему физически. Поэтому аргументы представимости против физикалистского взгляда на сознательный опыт используют тот факт, что нам пока неизвестно, в каком именно мире находимся мы, из-за чего нам неизвестен набор требований к физической идентичности возможного мира.

Иными словами аргументы представимости используют ad hoc гипотезу о том, что сознание (или уже – феноменальное сознание) является нефизическим. И тогда физически идентичный нашему мир, конечно, может быть лишен (феноменального) сознания. Однако при отказе от этой гипотезы представимость оказывается не столь очевидной. А при принятии альтернативной гипотезы – истинности физикализма – такой мир оказывается невозможен. Еще два варианта сохранить представимость – признание эпифеноменальности феноменального сознания или ввести в мир зомби дополнительные физические законы, которые позволяют компенсировать эффективность субъективных переживаний в нашем мире. Однако первый вариант очень сомнителен, а второй опять же просто не удовлетворяет условиям физической идентичности.

В конечном счете, если аргументы представимости используются для демонстрации логической независимости сознания от физических процессов, они оказываются неприменимыми: для того чтобы корректно определить «те же физические процессы», необходимо учитывать законы, определяющие, как эти процессы реализуются. Без этого невозможно провести обоснованный модальный анализ. Однако даже со знанием актуальной картины мира можно сохранить представимость, если отказаться от эссенциализма в референции. Стандартная крипкеанская картина утверждает, что эмпирически установленные тождества – такие как «вода = H_2O» или «теплота = средняя кинетическая энергия молекул» – являются метафизически необходимыми [Kripke 1980]. Однако, в этом случае метафизическая необходимость опирается на эссенциализм в теории референции: мы апостериорно открываем *сущность* воды. Мне кажется, понятие сущности здесь неясно и избыточно. Мы можем отказаться от понятия воды и оставить лишь молекулярную структуру и макрофизические свойства этой структуры. В этом случае мы открываем, что веществу с определенным кластером свойств [Sassoon 2009] соответствует определенная молекулярная структура. Соответствие между ними задается номологической структурой актуального мира – законы природы определяют то, какими свойствами обладают те или иные молекулярные структуры.

В таком случае, с одной стороны, представим мир, где H2O не будет обладать теми же макрофизическими свойствами, или где те же макрофизические свойства будут реализованы

другой молекулярной структурой. Следуя эссенциалистской стратегии, в первом случае это будет вода; во втором не вода. В рамках стратегии кластеров свойств картина обратная. Однако с другой стороны, такие миры не будут физически идентичны нашему, что как раз и требуют аргументы представимости, так как в этих мирах связь, обеспечиваемая в нашем мире законами природы, не выполняется. Именно поэтому отсутствие связи логически возможно, но только без сохранения физической идентичности, фиксирующей эту связь. Аргументы представимости предполагают сохранение физической идентичности, поэтому простой логической возможности недостаточно.

Конечно, такой анализ обеспечивается уточнением критериев физической идентичности, а именно – включением в набор критериев физических законов. Микроструктурное понимание предполагает, что идентичность определяется только составом и структурой. Но такие понятия, как «движение», «взаимодействие» и «структура», имеют смысл лишь в рамках системы физических законов [Sellars 1970]. Без указания на законы одна и та же конфигурация элементов не фиксирует ни динамику системы, ни её каузальную роль, ни набор реализуемых свойств. Так, молекула H_2O в другом номологическом контексте могла бы не вести себя как вода. Таким образом, «физически идентичные» объекты должны быть идентичны и по номологическим условиям, без которых физическая идентичность теряет смысл.

Тогда тезис о «тех же физических процессах без сознания» оказывается двусмысленным: при сохранении законов он описывает невозможное, при изменении законов – другой процесс. Таким образом, логическая возможность мира без сознания не подрывает редуктивный физикализм, а лишь указывает на необходимость уточнения условий идентичности. Кроме того, метафизическая необходимость оказывается тривиализированной на номологической структуре актуального мира. Если в нашем мире сознание – это физические процессы, то в любых возможных физически идентичных нашему мирах сознание будет присутствовать по логической необходимости, так как «сознательный опыт=физические процессы» обеспечивается законами природы актуального мира, которые сохраняются в физически идентичном нашему возможном мире. Но это не значит, что наш мир не мог бы быть другим, с другими физическими законами, и что сознание не могло бы быть нефизическим при изменении этих законов. То есть, метафизической трансмировой (между мирами с разной номологической структурой) необходимости не возникает. Такая тривиализация, однако, не является тривиализацией самой необходимости, поскольку законы не вводятся дефиниционным образом, а отражают условия, при которых физические токены идентифицируются.

В результате редуктивный физикализм может быть сохранен без апелляции к сильному эссенциализму [Ellis 2013]. Связь между микроструктурой и макроскопическими свойствами, а также между нейронными процессами и сознанием, понимается как устойчивая номологическая зависимость, а не как выражение метафизической сущности. Такой подход позволяет одновременно объяснить интуиции представимости, сохранить апостериорные редуктивные тождества и уточнить границы их применения в философии сознания. Аргументы представимости, таким образом, чтобы быть корректно сформулированными, предполагают знания об актуальном мире, которого у нас нет, и которое эти аргументы пытаются дать. А при наличии у нас такого знания эти аргументы становятся бесполезными,

так как пространство представимого, релевантного для соответствующего аргумента, фиксируется номологичекой необходимостью актуального мира.

Список литературы

Chalmers 1997 – Chalmers D. J. The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. Oxford: Oxford University Press. 1997. 432 p.

Ellis 2013 – Ellis B. Essentialism and Natural Kinds // The Routledge Companion to Philosophy of Science / ed. by M. Curd, S. Psillos. London; New York: Routledge, 2013 P. 170–180.

Kripke 1980 – Kripke S. A. Naming and Necessity. Oxford: Basil Blackwell, 1980. 172 p.

Sassoon 2009 – Sassoon G. W. Semantics with Clusters of Properties // Utterance Interpretation and Cognitive Models / ed. by P. De Brabanter, M. Kissine. Bingley: Emerald Group Publishing, 2009. P. 127–178.

Sellars 1970 – Sellars W., Rorty R. Science and Metaphysics: Variations on Kantian Themes // Philosophy. 1970 Vol. 45 No. 171 P. 66–70.

УДК 141

ГЕОПСИХИЗМ

Девятко Иван Владимирович
Независимый исследователь
E-mail: i.devyatko@yandex.ru

Аннотация: В докладе предлагается и защищается тезис, названный геопсихизмом. Согласно ему, фундаментальным носителем сознания следует считать не отдельный организм, а биосферу Земли как исторически непрерывную, саморегулирующуюся и эволюционно интегрированную целостность. Индивидуальные организмы, включая человека, в этой перспективе выступают не как первичные источники сознания, а как его локальные модусы или узлы селективного доступа к более широкой планетарной субъектности. Геопсихизм занимает промежуточное положение между космопсихизмом и биологическим натурализмом Дж. Сёрла. От первого он наследует мысль о возможной онтологической первичности более широкого субъекта по отношению к локальным центрам опыта, от второго — тезис о естественности и биологической укоренённости сознания. Основной аргумент исходит из того, что с момента возникновения LUCA живые существа никогда не существовали как онтологически самодостаточные единицы. Их эволюционно значимые свойства формировались внутри единой коэволюционной системы, включавшей и неорганическую

среду, и другие формы жизни. Если сознание является естественно возникшим биологическим свойством, то его нельзя без остатка анализировать как свойство замкнутого индивида. В этом контексте геопсихизм интерпретируется как холистическая редакция биологического натурализма, использующая теоретические ресурсы космопсихизма. В заключение показывается, что такой подход позволяет заново поставить проблему отношения сознания и тела. Мозг понимается не как производитель сознания, а как механизм его локализации и ограничения.

Ключевые слова: биологический натурализм, ноосфера, космопсихизм, панпсихизм, универсальная эволюция, философия сознания

GEOPSYCHISM

Devyatko Ivan Vladimirovich
Independent scholar

Abstract: The paper proposes and defends a thesis termed geopsychism. According to this view, the fundamental bearer of consciousness is not an individual organism but the Earth's biosphere understood as a historically continuous, self-regulating, and evolutionarily integrated whole. Individual organisms, including human beings, are therefore to be treated not as primary sources of consciousness but as local modes of a wider planetary subjectivity, or as selective access points to it. Geopsychism is presented as an intermediate position between cosmopsychism and John Searle's biological naturalism. From cosmopsychism it inherits the idea that subjectivity may be ontologically prior to seemingly discrete centres of experience, from biological naturalism it retains the claim that consciousness is a real, natural, and biologically grounded feature of the world. The central argument proceeds from the fact that, since the emergence of LUCA, living beings have never existed as ontologically self-sufficient units: their evolutionarily significant properties were formed within a single co-evolutionary system involving both non-living conditions and other forms of life. If consciousness is a naturally emergent biological property, it cannot be adequately analysed as a property of an isolated individual alone. In this sense, geopsychism is developed as a holistic version of biological naturalism that makes use of the theoretical achievements of cosmopsychism. The paper concludes that this framework permits a substantial reformulation of the mind-body problem: the brain is no longer understood as producing consciousness, but rather as localising, filtering, and individualising a more fundamental biospheric subjectivity.

Keywords: biological naturalism, noosphere, cosmopsychism, panpsychism, universal evolution, philosophy of mind

При поиске ответа на вопрос об онтологическом статусе психики вообще и субъективного опыта в частности современная аналитическая философия сознания обычно выстраивает рассуждение вокруг вопроса каким образом субъективный опыт соотносится с мозгом и телом отдельного организма. При этом разум, ментальное, сознание рассматриваются как *внутренние* феномены носителя. Даже когда обсуждаются панпсихизм, космопсихизм или аналитический идеализм, сама единица анализа по сути дела не меняется. *Индивидуальный*

субъект рассматривается как нечто первичное, а более широкое — целостное природное или божественное — оказывается фоном.

Я предлагаю перевернуть саму исходную оптику. Возможно, фундаментальным носителем сознания является не отдельный организм, а биосфера Земли как исторически непрерывная, саморегулирующаяся и эволюционно холистическая целостность. Отдельные организмы, включая человеческие, следует понимать не как первичные источники сознания, а как его локальные модусы. Например, окна или узлы селективного доступа Земли к собственным состояниям.

Я предлагаю назвать этот тезис «геопсихизм». Геопсихизм занимает промежуточное положение между космопсихизмом и индивидуалистически прочитанным биологическим натурализмом Дж. Сёрла. От космопсихизма он наследует мысль о том, что субъектность может быть онтологически первичнее локальных центров опыта, кажущегося индивидуальным. С биологическим натурализмом геопсихизм объединяет мысль, что сознание связано с конкретными динамическими системами, а не с пустой абстракцией «мира вообще». Геопсихизм не утверждает, что субъектом является космос как таковой. Это более философски сдержанное допущение, что первичный субъект может совпадать с планетарной биосферой, то есть с той единой и более-менее изолированной системой, внутри которой эволюция живого фактически происходила с самого начала[9].

В целом геопсихизм можно представить как уточнение биологического натурализма Сёрла. Сёрл прав по меньшей мере в трёх отношениях. Сознание реально, оно онтологически нередуцируемо к описаниям от третьего лица, и вместе с тем остаётся естественным свойством биологического мира [Сёрл 2002]. Однако биологический натурализм сохраняет скрытый индивидуализм. Биологическим носителем сознания у Сёрла фактически выступает отдельный организм, прежде всего мозг. Геопсихизм принимает правдоподобный тезис о естественности сознания, но переносит уровень биологической достаточности с отдельного организма на биосферу. Тогда нейробиологические процессы следует понимать не как абсолютно самодовлеющую причину сознания, а как локальный механизм его актуализации, селекции и ограничения внутри более широкой биопланетарной системы. В этом смысле геопсихизм можно определить как *холистический биологический натурализм*, использующий теоретические достижения космопсихизма для переосмысления вопроса о носителе сознания, но сохраняющий приверженность натурализму.

Главная мотивация здесь отрицательная. Стандартная постановка проблемы «сознание — тело» предполагает, что сначала у нас есть организм, потом мы как бы обнаруживаем в нём сознание и пытаемся его объяснить. Но само это «сначала» не очевидно. Организмы никогда не были полностью изолированными единицами. Они возникали и сохранялись внутри плотной сети симбиозов, обменов, регуляций и коэволюционных зависимостей. Биота не добавлена к планете извне как совокупность независимых элементов, напротив, сама земная жизнь с самого начала была геологической и геохимической силой. Именно в этом смысле Вернадский понимал биосферу Земли, в которой живое вещество выступает фактором планетарного преобразования, а не локальной примесью к «настоящей» физической реальности [Вернадский 1989]. Если так, то индивидуальный организм может оказаться не онтологическим началом, а производной формой более широкой жизненно-планетарной организации.

---

9 Под «биосферой» я понимаю не только совокупность живых организмов, но и исторически устойчивую систему их сопряжения с геохимическими и климатическими циклами Земли.

Положительная мотивация геопсихизма может быть выражена в виде следующего аргумента. Правдоподобно, что сознание является естественно возникшим биологическим свойством, а не сверхъестественной добавкой к организму. Но с момента возникновения LUCA[10] живые существа никогда не существовали как онтологически самодостаточные единицы. Селективная история организмов с самого начала определялась средой, которая включала не только неорганические условия, но и сами другие формы жизни. Иными словами, эволюционно значимые свойства организмов формировались внутри одной исторически непрерывной коэволюционной системы. Если это так, то и сознание как биологическое свойство нельзя анализировать так, будто оно возникло в замкнутом индивиде, а уже затем вступило в отношение со средой. Напротив, сознание с самого начала формировалось как свойство живого, укоренённого в биосфере. Поэтому более адекватно рассматривать отдельный организм не как окончательного носителя сознания, а как локальную реализацию более общего биосферного процесса. Этот вывод ещё не даёт полного доказательства геопсихизма, но он показывает, что индивидуализация носителя сознания не является нейтральной исходной посылкой, а сама требует защиты.

Космопсихизм уже подготовил для такого хода часть концептуального пространства. Нагасава и Уэйджер предложили рассматривать сознание космоса как онтологически первичное по отношению к сознанию обычных субъектов, пытаясь тем самым обойти остро стоящую перед панпсихизмом проблему комбинации [Nagasawa, Wager 2017]. Шани и Кепплер предложили модель, где локальный опыт мыслится как производный от всепронизывающего космического сознания [Shani, Keppler 2018]. Но у космопсихизма есть и метафизическая цена. Чем выше мы поднимаем первичный субъект, тем труднее объяснить индивидуацию, то есть возникновение частных, ограниченных и феноменально замкнутых перспектив. Геопсихизм можно представить как ослабленную и тем самым более пригодную версию того же хода. Между отдельным животным и космосом существует промежуточный уровень интеграции — биосфера планеты. Этот уровень не сводится к простой сумме организмов, но и не является чрезмерно далёкой метафизической абстракцией. Он историчен, материален, динамичен и эволюционно непрерывен.

Отсюда вытекает набросок альтернативного решения проблемы «сознание — тело». Если геопсихизм верен, то мозг не производит сознание из несознательной материи. Он выполняет иную функцию. Мозг — это инструмент, который локализует, фильтрует и индивидуализирует более фундаментальную субъектность биосферы вообще. Иначе говоря, отношение между сознанием и мозгом следует мыслить не по модели производства, а по модели ограничения доступа. Отдельный организм есть не фабрика феноменальности, а жёстко очерченный канал, через который более широкая субъектность получает частную перспективу. Такой подход сохраняет реальность перспективы от первого лица, но отказывается считать его первичным в онтологическом порядке.

Здесь возникает естественный вопрос — не является ли геопсихизм просто философской переделкой т. н. «гипотезы Геи», предложенной Джеймсом Лавлоком и развитой Линн Маргулис? Вопрос закономерен, поскольку именно в классической формулировке этой линии рассуждений Земля была описана как единая система, где атмосфера, океан, кора и биота совместно участвуют в поддержании условий, благоприятных для жизни [Lovelock, Margulis 1974; Lovelock 1979; Margulis 1998]. Однако ответ всё же должен быть отрицательным. Гипотеза Геи в её научной версии и особенно в поздней формулировке «Gaia 2.0» говорит

10 Последний универсальный общий предок (last universal common ancestor).

прежде всего о планетарной саморегуляции, обратных связях и возможной направленной агентности жизни на уровне Земли [Lenton, Latour 2018]. Аналогичным образом современные работы о «планетарном интеллекте» обсуждают разум как планетарный процесс, то есть как приобретение и применение коллективного знания в масштабе сопряжённых планетарных систем [Frank, Grinspoon, Walker 2022]. Однако ни саморегуляция, ни даже планетарная агентность не влекут планетарное сознание. Геопсихизм — это именно философское усиление этих научных интуиций. Он утверждает, что на определённом уровне биосферной интеграции появляется основание рассматривать Землю не только как кибернетическую или эволюционную систему, но и как носителя субъектности.

Исторически линии рассуждений об универсальной эволюции, заложенные Тейяром де Шарденом и Вернадским, уже в их работах получили достаточное развитие, чтобы подойти к тезису о планетарном сознании. Однако на них следует опереться не как на «основателей геопсихизма», а как предшественников различных аспектов одной картины. Вернадский даёт понятие биосферы как планетарной оболочки жизни и подчёркивает, что жизнь действует в масштабе всей Земли [Вернадский 1989]. Де Шарден, в свою очередь, радикализует эволюционную линию, связывая рост сложности с ростом внутренности и подводя её к идее ноосферы [де Шарден 1987]. В предлагаемом мной контексте важно не принимать тейяровскую телеологию целиком, а извлечь более ограниченный тезис, что человечество и техника могут быть поняты как стадия, на которой биосфера начинает частично моделировать саму себя. Тогда человеческое сознание оказывается не просто одним из локальных сознаний, а механизмом земной саморефлексии. Этот тезис радикален, но он философски яснее, чем банальная формула «человек — венец природы».

Главное возражение, которое может быть выдвинуто против геопсихизма состоит в том, что если Земля как биосфера сознательна, почему отдельное «Я» не имеет опыта бытия океаном или миграции птиц как собственного состояния? На это следует ответить, что феноменальная тотальность вовсе не обязана быть дана каждому локальному узлу. Если мозг есть механизм селекции и ограничения, то частная перспектива не опровергает более широкого субъекта, а как раз делает его возможным в операциональном смысле. Локальный субъект — это не «обломок большого сознания», а стабилизированный режим доступа к миру. Геопсихизм тем самым предлагает ревизию её онтологического статуса личности. Субъект оказывается не субстанциальным носителем сознания, а устойчивым биологическим элементом общей планетарной субъектности.

Сильный тезис этого подхода состоит в том, что стандартная философия сознания слишком поспешно индивидуализирует носителя сознания. Если заменить исходную единицу анализа и допустить, что субъект может быть планетарной биосферной целостностью, то проблема «сознание — тело» принимает новую форму. Вопрос состоит в том как биосферная субъектность локализуется в телах и почему такие локализации принимают вид феноменально приватных центров опыта.

В предельной формулировке вывод можно выразить так — человек мыслит не потому, что сознание случайно вспыхнуло внутри отдельного примата, а человек мыслит потому, что Земля научилась мыслить локально.

Список литературы

1. Вернадский 1989 — Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. 261 с.

2. де Шарден 1987 — де Шарден П. Т. Феномен человека. М.: Наука, 1987. 240 с.
3. Сёрл 2002 — Сёрл Дж. Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.
4. Frank, Grinspoon, Walker 2022 — *Intelligence as a Planetary Scale Process* // International Journal of Astrobiology, 21/2 (2022). P. 47–61.
5. Lenton, Latour 2018 — Lenton T. M., Latour B. *Gaia 2.0* // Science, 361/6407 (2018). P. 1066–1068.
6. Lovelock, Margulis 1974 — Lovelock J. E., Margulis L. Atmospheric Homeostasis by and for the Biosphere: The Gaia Hypothesis // *Tellus*. 1974. Vol. 26, no. 1–2. P. 2–10.
7. Lovelock 1979 — Lovelock J. E. *Gaia: A New Look at Life on Earth*. Oxford: Oxford University Press, 1979. 157 p.
8. Margulis 1998 — Margulis L. *Symbiotic Planet: A New Look at Evolution*. New York: Basic Books, 1998. 160 p.
9. Nagasawa, Wager 2017 — Nagasawa Y., Wager K. *Panpsychism and Priority Cosmopsychism* // Panpsychism: Contemporary Perspectives / Eds.: Brüntrup G., Jaskolla L. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 113–129.
10. Shani, Keppler 2018 — Shani I., Keppler J. *Beyond Combination: How Cosmic Consciousness Grounds Ordinary Experience* // Journal of the American Philosophical Association. 2018. Vol. 4/3. P. 390–410.

УДК 111.5

ФУНКЦИОНАЛИСТСКИЙ ЭМЕРДЖЕНТИЗМ КАК СТРАТЕГИЯ ОБОСНОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ: «ЗА» И «ПРОТИВ»

Хмелевская Светлана Анатольевна
Доктор философских наук, профессор
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, профессор философского факультета
E-mail: xmelevsk@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется функционалистский эмерджентизм как стратегия научного обоснования, восходящая к работам Р.Сперри. Эта стратегия сочетает онтологический тезис о возникновении новых нередуцируемых свойств (например, сознания) с функционалистским пониманием психических состояний через их причинно-функциональные роли, независимо от субстрата. Рассматриваются прикладные воплощения данного подхода: исследования М.Левина («эмерджентное познание», causal emergence) и проект ACM (Artificial Consciousness Module) по созданию искусственного сознания, где функциональная архитектура проектируется для порождения измеримых эмерджентных свойств. На основе дистинкции Д.Чалмерса между слабой и сильной эмерджентностью показано, что М.Левин в трактовке возникновения когнитивной сложности тяготеет к слабой версии (causal emergence), тогда как разработчики Проекта ACM явно ориентируются на

сильную эмерджентность, утверждая онтологическую не сводимость сознания к нейронному или вычислительному базису. Приводятся аргументы «против» такого обоснования: обвинения в аргументе от незнания (Дж.Хейл, Д.Деннет и др.), риск эпифеноменализма, проблема нисходящей каузации, опасность редукции логицизма и др. Сторонники функционалистского эмерджентизма возражают, подчеркивая, что подход позволяет строить проверяемые экспериментальные программы. Делается вывод, что функционалистский эмерджентизм сегодня выступает как рабочая гипотеза и объяснительный принцип в науках о сложных системах, однако его эпистемологический статус остается неопределенным ввиду отсутствия окончательных эмпирических подтверждений.

Ключевые слова: наука, научное обоснование, функционалистский эмерджентизм, сознание, познание, искусственное сознание, редукционистский физикализм.

FUNCTIONALIST EMERGENCE AS A SUBSTANTIATION STRATEGY IN MODERN SCIENCE: «PROS» AND «CONS»

Khmelevskaya Svetlana Anatolievna
M.V. Lomonosov Moscow State University, professor

Abstract: The article analyzes functionalist emergentism as a strategy of scientific substantiation, dating back to the works of R.Sperry. This strategy combines the ontological thesis of the emergence of new irreducible properties (for example, consciousness) with a functionalist understanding of mental states through their causal and functional roles, regardless of the substrate. The applied embodiments of this approach are considered: M.Levin's research ("emergent cognition", causal emergence) and the ACM (Artificial Consciousness Module) project to create artificial consciousness, where a functional architecture is designed to generate measurable emergent properties. Based on D. Chalmers' distinction between weak and strong emergence, it is shown that M.Levin tends to the weak version (causal emergence) in his interpretation of the emergence of cognitive complexity, whereas the developers of the ACM Project clearly focus on strong emergence, arguing the ontological irreducibility of consciousness to a neural or computational basis. The arguments "against" such a substantiation are given: accusations of an argument from ignorance (J.Hale, D.Dennett, etc.), the risk of epiphenomenalism, the problem of top-down causation, the danger of reducing logicism, etc. Proponents of functionalist emergentism object, emphasizing that the approach allows for the construction of testable experimental programs. It is concluded that functionalist emergentism today acts as a working hypothesis and explanatory principle in the sciences of complex systems, but its epistemological status remains uncertain due to the lack of definitive empirical evidence.

Keywords: science, scientific substantiation, functionalist emergentism, consciousness, cognition, artificial consciousness, reductionist physicalism.

Наряду с казуальным, структурным, генетическим, номологическим и иными видами обоснований в современной науке сохраняет свои позиции и эмерджентное обоснование, исходящее из внезапного возникновения нового качества (явлений, процессов, свойств), необъяснимого предшествующими условиями и причинами. Оно может сочетаться с

функционализмом, формируя функционалистский эмерджентизм (начиная с работ Р.Сперри [Sperry 1978]) как самостоятельную стратегию научно обоснования. Например, некоторые исследователи используют данное обоснование для объяснения сознания, аргументируя эвристическую значимость такого обоснования следующим образом: «оно сочетает онтологическое утверждение эмерджентизма о том, что сознание представляет собой новое, нередуцируемое явление, с методологическим пониманием функционализма, согласно которому психические состояния определяются причинно-функциональными ролями, а не составом субстрата» [Functionalist emergentism 2026, web]. Иными словами, достигнув определенной организационной сложности, система переходит (а точнее, «перескакивает») на новый уровень развития, а ее функциональные состояния приобретают свойства, не сводимые к их составным частям. Появлению эмерджентных свойств при этом способствует функциональная организация системы, т.е., функциональная архитектура создает условия для появления измеримых эмерджентных свойств.

В когнитивистике функционалистский эмерджентизм активно используется при объяснении когнитивной сложности, сопровождающей переход от одного уровня биологической организации к другому [Хмелевская 2025]. В связи с этим можно указать на работы М.Левина и его соавторов, в которых не просто используются идеи функционалистского эмерджентизма, а на их основе разрабатываются конкретные программы экспериментов. Используемый подход М.Левин называет «эмерджентным познанием» (emergent cognition) [Levin 2026, web], который рассматривается им как прикладное воплощение идей функционалистского эмерджентизма. Такое познание рассматривается здесь как многоуровневый процесс, где новый уровень формируется как эмерджентное свойство, возникающее в ходе «переработки» оснований предыдущего уровня. С точки зрения М.Левина и его единомышленников, познание, как способность решения задач вариативными способами, присуще разного рода живым организмам (и не только организмам, но и отдельным клеткам), но выраженность этой способности на разных уровнях биологического развития - разная. Более высокие уровни обладают и более развитой способностью к познанию. М.Левин утверждает, что любой организм, от человека до примитивных существ, - это не монолитное «я», а коллективный разум (collective intelligence), состоящий из триллионов активных частей - клеток. Их интеграция происходит за счет «когнитивного клея» (cognitive glue) – механизмов (включая биоэлектрические сигналы), которые объединяют клетки в единое целое. Это позволяет системе получать воспоминания, ставить цели и обладать компетенциями, которых нет ни у одной из ее частей. Именно в процессе такой интеграции и возникают новые эмерджентные свойства. Причем и человеческое сознание М.Левин трактует как коллективный интеллект, состоящий из огромного количества нейронов (и других клеток), который реализует «целенаправленное поведение, демонстрирующее, что мы - больше, чем сумма этих клеток» [Levin 2026, web]. Он также утверждает, что когнитивные компетенции в целом не зависят от субстрата, но зависят от предыдущего уровня в структуре иерархической когнитивной сложности, где на первый план выходит функция - обработка информации. В связи с этим М.Левин уточняет суть такого эмерджентизма, называя его причинно-следственным (causal emergence) и находя подтверждение данного уточнения в работах Дж. Тонони, Э.П. Хоэля, Л. Альбантакис, В. Маршалла и др. [Hoel 2016, web; Albantakis 2019].

Функционалистский эмерджентизм используется и в проектах по разработке модулей искусственного сознания. Одним из них является Проект ACM (Artificial Consciousness Module) по созданию искусственного сознания, авторы которого прямо указывают на

функционалистский эмерджентизм в качестве философского основания указанного Проекта. Проект реализует эту концепцию путем «проектирования систем, в которых функциональная архитектура создает условия для измеримых эмерджентных свойств» [Functionalist emergentism 2026, web]. Авторы Проекта ставят и задачу развить эмоциональный компонент в модуле искусственного сознания, то есть представить свое решение проблемы квалиа. Сознание, по мнению разработчиков Проекта, - это не вычисление, а эмерджентное свойство определенной динамической организации, которое можно реализовать на любом субстрате (принцип множественной реализуемости). «Функционалистский эмерджентизм обеспечивает полную ясность, различая, что такое сознание (эмерджентное явление) и как оно возникает (посредством функциональной организации)» [Functionalist emergentism 2026, web].

Отметим, что и в лаборатории М.Левина, и в Проекте ACM функционалистский эмерджентизм рассматривается не как философская умозрительная концепция, а как основание для дальнейшего экспериментирования, теоретический фундамент, на котором выстраивается инженерный метод, с помощью которого создается функциональный дизайн для возникновения эмерджентности. Например, в ACM среди условий такого дизайна - сенсорный тектум и топографическое картирование, колебательное связывание и реентрантная обработка, интеграция глобального рабочего пространства и др.

Вместе с тем сам феномен эмерджентности, в том числе и функционалистской эмерджентности, требует уточнения. Еще в начале 2000-х годов Д.Чалмерс [Chalmers 2006], предложил различать слабую и сильную разновидности эмерджетности. Если в первом случае речь идет о явлениях, которые возникают внезапно, они труднопредсказуемы на макроуровне, но в принципе их можно свести к их составляющим, а именно процессам микроуровня, то сильная эмерджентность не объяснима и явлениями микроуровня, не выводима из свойств низших уровней в принципе. В приведенных ранее примерах новый уровень когнитивной сложности трактуется самими исследователями именно в ракурсе сильной эмерджентности. Хотя в случае с разработками М. Левина это не так очевидно. Что касается ACM, то разработчики этой Программы утверждают применительно к сознанию, что оно «представляет собой онтологически новые свойства, не сводимые к нейронной или вычислительной основам» [Functionalist emergentism 2026, web], т.е. исходят из сильной эмерджентности. Причем это опять же не рассматривается только как метафизическое утверждение, поскольку на его основе выстраивается экспериментальная программа, нацеленная на выявление и фиксацию новых свойств, которые удается измерить в момент их возникновения.

Таким образом, предполагается, что функционалистский эмерджентизм даст возможность объяснить возникновение сознания при сформированности необходимых условий. В связи с этим важно определить, какие именно функции (глобальное рабочее пространство, рекуррентная обработка, мониторинг высшего порядка и т.д.) ведут к получению интегративного эффекта, т.е. порождают сознание. Исследователи в области машинного сознания (например, Бернард Баарс, Стэн Франклин, Антонио Келла) предложили архитектуры, реализующие принципы функционального эмерджентизма [Баарс 2014; Franklin 2006; Chella 2023].

Одновременно высказываются и аргументы «против» применения такого объяснения. Так, сторонники редукционистского физикализма воспринимают эмерджентизм, включая и его функционалистский вариант, лишь как аргумент от незнания. Они полагают, что он применяется только там, где наука еще не нашла объяснения анализируемых феноменов, поскольку эта объяснительная стратегия не раскрывает каузального механизма. Вместо поиска сложного объяснения феномен просто трактуется как «эмерджентный», что, с точки

зрения противников эмерджентизма, тормозит научный прогресс. Так, Дж. Хейл, известный исследователь в области философии сознания, сделал вывод, что эмерджентность ничего не объясняет и является плохой наукой, маскирует наше невежество, принимая пробелы в объяснении за пробелы в реальности, не решает и трудную проблему сознания» [Heil 2025, web]. Среди критиков можно также назвать Д. Деннета, А. Розенберг, Пола и Патрисию Черчленд и др.

Заслуживают внимания и контраргументы сторонников функционалистского эмерджентизма: научное обоснование и проверка утверждений на основе экспериментов, формулирование проверяемых предсказаний («вместо одних лишь философских рассуждений, функционалистский эмерджентизм создает системы, проверяющие, производят ли разработанные функциональные архитектуры измеримые эмерджентные свойства. Полученные данные либо подтверждают, либо опровергают эмерджентскую гипотезу» [Functionalist emergentism 2026, web]). Сторонники функционалистского эмерджентизма стремятся путем создания систем, предназначенных для получения измеримых эмерджентных свойств, доказать истинность этой концепции.

Таким образом, концепция функционалистского эмерджентизма в настоящее время используется учеными в качестве рабочей программы для проведения экспериментов, одновременно и сама концепция проверяется на эвристическую значимость. Однако поскольку экспериментальная работа еще продолжается и трудно утверждать о готовых доказательствах в результате эмпирической проверки, постольку эпистемологический статус функционалистского эмерджентизма в качестве научного обоснования остается по-прежнему неопределенным. Функционалистский эмерджентизм сегодня активно используется как объяснительный принцип в науках о сложных системах, нейробиологии и биологии, хотя он не универсален и не отменяет редукционистские подходы.

Список литературы

1. Баарс 2014 – Баарс Б., Гейдж Н. Мозг, познание, разум: введение в когнитивные нейронауки: В 2-х т. /; пер. 2-го англ. изд. под общ. ред. В.В. Шульговского. М.: Бином. Лаб. знаний, 2014.
2. Хмелевская 2025 – Хмелевская С.А., Яблокова Н.И. Метафизический подход в биологии: поиски новых решений // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2025. Т. 49. № 6. С. 86-101.
3. Albantakis 2019 – Albantakis L., Marshall W., Hoel E.P., Tononi G. What Caused What? A Quantitative Account of Actual Causation Using Dynamical Causal Networks // Entropy (Basel). 2019. Vol. 21. Issue 5. Pp. 459-491.
4. Chalmers 2006 – Chalmers D.J. Strong and Weak Emergence // The Re-Emergence of Emergence: The Emergentist Hypothesis from Science to Religion. Philip Clayton and Paul Davies (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 244-254.
5. Chella 2023 – Chella A. Artificial consciousness: the missing ingredient for ethical AI? // Frontiers in Robotics and AI. 2023. Nov 21. Vol. 10. Pp. 1-4.
6. Franklin 2006 – Franklin S.A 'Consciousness' Based Architecture for a Functioning Mind // Visions of Mind: Architectures for Cognition and Affect / ed. by D. N. Davis. Hershey, PA: Information Science Publishing, 2006. Pp. 149–175.

7. Functionalist emergentism 2026 – Functionalist emergentism. The Philosophical foundation of the consciousness AI. URL: https://theconsciousness.ai/functionalist-emergentism/ (дата обращения: 25.04.2026).
8. Heil 2025 – Heil J. Emergence explains nothing and is bad science» (13.10.2025). URL: https://iai.tv/articles/emergence-explains-nothing-and-is-bad-science-auid-3385 (дата обращения: 25.04.2026).
9. Hoel 2019 – Hoel E.P., Albantakis L., Marshall W., Tononi G. Can the macro beat the micro? Integrated information across spatiotemporal scales // Neuroscience of Consciousness. 2016. No 1. URL: https://academic.oup.com/nc/article/2016/1/niw012/2757132 (дата обращения: 25.04.2026).
10. Levin 2026 – Levin M., Watson R. Machines all the way up and cognition all the way down: Updating the machine metaphor in biology // Seminars in Cell and Developmental Biology. 2026. Vol. 177-178. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1084952126000029 (дата обращения: 25.04.2026).
11. Sperry 1978 – Sperry R.W. Mentalist monism: Consciousness as a causal emergent of brain processes // Behavioral and Brain Sciences. 1978. Vol. 1. Issue 3. Pp. 365-367.

УДК 130.31

МОЖНО ЛИ ПОДОРВАТЬ ФЕНОМЕНАЛЬНОЕ ОСНОВАНИЕ В ПОЛЬЗУ РЕАЛИЗМА?

Фауль Богдан Владимирович
Кандидат философских наук
Кафедра философии, Санкт-Петербургская школа гуманитарных наук и искусств, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, доцент
E-mail: faulbogdan@gmail.com

Аннотация: В докладе рассматривается эпистемический статус феноменального основания в пользу реализма относительно феноменального сознания. Под феноменальным основанием понимается основание, возникающее из кажимости того, что у нас есть феноменальные ментальные состояния. Автор различает перевешивающие, подрывающие и деривативные подрывающие дефитеры и показывает, что многие антиреалистские аргументы против феноменального реализма не подрывают само феноменальное основание. Возможность ошибки, проблематичность теории интроспекции, несветимость отдельных феноменальных состояний, уникальность феноменального сознания и отсутствие его точной характеризации в естественном языке не демонстрируют дефектность соответствующей кажимости. Наиболее серьезным возражением признается аргумент разоблачения, однако его сила зависит от спорных метафизических предпосылок, прежде всего от принятия полного физического объяснения когнитивного содержания, связанного с сознанием. Делается вывод,

что в настоящий момент феноменальное основание сохраняет силу как аргумент в пользу феноменального реализма.

Ключевые слова: феноменальное сознание, феноменальный реализм, аргумент разоблачения, подрывающие дефитеры, перевешивающие дефитеры.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Экзистенциальный опыт в цифровой среде: "бытие к цифре", онтология виртуального и человеческое Я», №25-18-00208, в НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге.

CAN THE PHENOMENAL BASIS FOR REALISM BE UNDERMINED?

Bogdan V. Faul

Associate Professor, Department of Philosophy, St. Petersburg School of Arts and Humanities, HSE University — St. Petersburg

Abstract: The paper examines the epistemic status of the phenomenal basis for realism about phenomenal consciousness. By the phenomenal basis, I mean the basis that arises from the seeming that we have phenomenal mental states. The author distinguishes between rebutting, undermining, and derivative undermining defeaters and argues that many anti-realist arguments against phenomenal realism do not undermine the phenomenal basis itself. The possibility of error, the problematic status of theories of introspection, the non-luminosity of particular phenomenal states, the uniqueness of phenomenal consciousness, and the absence of its precise characterization in natural language do not demonstrate the defectiveness of the relevant seeming. The most serious objection is the debunking argument; however, its force depends on controversial metaphysical assumptions, above all on the acceptance of a complete physical explanation of the cognitive content associated with consciousness. The paper concludes that, at present, the phenomenal basis retains its force as an argument in favor of phenomenal realism.

Keywords: phenomenal consciousness, phenomenal realism, debunking argument, undermining defeaters, rebutting defeaters.

Ментальное состояние является феноменальным, если есть то, каково это иметь данное ментальное состояние. Если у нас есть феноменальные ментальные состояния, то верен реализм относительно феноменального сознания. Кажется, что у нас есть феноменальные ментальные состояния. Как следствие, кажется, будто верен реализм относительно феноменального сознания.

В соответствии с принципом феноменального консерватизма, когда субъекту S кажется, будто X имеет место, то при отсутствии оснований против S имеет какую-то степень обоснования, что X имеет место [Huemer 2007]. Как правило, выделяют два типа оснований против, которые принято обозначать понятием *дефитеры*. Перевешивающие основания — это основания считать, что X ложно. Подрывающие основания — это основания считать, что способ, которым мы формируем убеждение об X, дефектен.

Основание в пользу реализма, базирующееся на кажимости феноменального сознания, я буду называть *феноменальным основанием*. Многие антиреалисты относительно феноменального сознания считают, что имеются весомые подрывающие основания против феноменального основания. Мне так не кажется. Я постараюсь продемонстрировать, что феноменальное основание устойчиво против подрывающих дефитеров. В мои задачи не входит демонстрация того, что феноменальный реализм — это наилучшая теоретическая позиция. Моя цель более узкая: показать, что *на текущий момент нет аргументов, которые способны успешно подорвать феноменальное основание*.

Формула, с которой я буду работать, устроена так: субъекту S кажется, что X, на основании метода M. Метод M я буду трактовать предельно широко. Это эпистемически релевантный способ, способность, источник или процесс, посредством которого субъекту кажется, что X. В это понимание метода входит перцепция, моральная интуиция, математическая интуиция, память, интроспекция и прочее.

Некоторое основание R является *перевешивающим* основанием против X, когда R — это основание в пользу не-X. Некоторое основание R является *подрывающим* основанием против соответствующей кажимости, когда R — это основание в пользу того, что M в данном случае не обеспечивает надлежащей эпистемической поддержки для X. Некоторое основание R является *дериватывным подрывающим* основанием, когда подрывающее основание эпистемически зависит от другого основания в пользу не-X, благодаря которому становится разумным считать, что M в данном случае не обеспечивает надлежащей поддержки для X.

Главная идея состоит в том, что *антиреализм относительно феноменального сознания не способен предложить именно подрывающего дефитера против феноменального основания*, хотя и может предложить перевешивающие или дериватывные подрывающие дефитеры. Проблема в том, что эти дефитеры зависят от теоретических предположений, присущих по большей части именно антиреализму относительно феноменального сознания. Поэтому реализм способен сохранить феноменальное основание и ставить его в основу аргументации в пользу феноменального реализма.

Первый аргумент — *общий модальный подрыв* [Duncan 2023]. Согласно этому рассуждению, если возможен сценарий, в котором мне кажется, что у меня есть феноменальное сознание, однако в действительности его нет, то моя кажимость феноменального сознания эпистемически дефективна. Интуиция, стоящая за этим соображением, состоит в том, что кажимость феноменального сознания не гарантирует реальности феноменального сознания.

Этот аргумент слаб по причине того, что сама по себе мыслимость или даже возможность ошибки не указывает на то, что основание ненадежно. Для успешной атаки на основание необходимо продемонстрировать не просто возможность ошибки, а ее высокую вероятность. Иначе пришлось бы дисквалифицировать все основания, которые не гарантируют истинности вывода. Но большинство оснований, которыми мы располагаем, не гарантируют истинности вывода. Поэтому тот факт, что я не способен гарантировать, что у меня есть феноменальное сознание, сам по себе не означает, что у меня нет основания считать, что оно у меня есть.

Второй аргумент *апеллирует к теории интроспекции*. Согласно этому рассуждению, проблематичность реалистских теорий интроспекции снижает весомость феноменального основания. Однако факт непонимания устройства некоторой эпистемически значимой

способности не означает, что эта способность не дает весомого основания. Будь это так, мы должны были бы перестать доверять своей перцепции по причине того, что не до конца понимаем ее механизм. Это неправдоподобный вывод. Если же антиреалист требует именно научной реалистской теории интроспекции в узком натуралистическом смысле, то для реалиста это равносильно отвержению его позиции с самого начала.

Третий аргумент связан с *ложностью светимости* [Dennet 1988]. Антиреалист может апеллировать к тому, что мы серьезно переоцениваем качество эпистемического доступа к феноменальным состояниям и часто ошибаемся. Главная проблема этого аргумента в следующем: тот факт, что я не нахожусь в позиции знать *конкретные* феноменальные состояния, не означает, что я не нахожусь в позиции знать, что у меня имеется *какое-то* феноменальное ментальное состояние. Даже если мои конкретные феноменальные состояния не светимы, я все равно, кажется, могу знать, что нахожусь в каком-то феноменальном состоянии. Поэтому локальная ненадежность определения содержания феноменальных состояний не свидетельствует о ненадежности интроспекции, понимаемой широко.

Четвертый аргумент — довод от *уникальности феноменального сознания* [Frankish 2016]. Согласно этому рассуждению, феноменальное сознание отличается от всего, что мы наблюдаем в мире, как эпистемологически, так и метафизически. Но сам по себе факт уникальности не показывает, что кажимость феноменального сознания не дает весомого основания в пользу реализма. Он может работать только в рамках дополнительных предположений: например, что реальны только сущности определенного типа, что мы не должны принимать то, что доступно только от первого лица, или что все реальное должно быть описуемо в терминах натуралистической картины мира. В таком случае основания против реализма являются *дериватив*но-*подрывающими*, а не подрывающими. Сначала мы понимаем, что вывод некорректен, и потом уже заключаем, что способ, которым получен вывод, содержит дефект. Поэтому довод от уникальности не работает как *независимый* подрывающий дефитер против феноменального основания.

Теперь перейду к аргументу, который действительно органично интерпретировать как подрывающий. Это *аргумент разоблачения* [Korman 2019]. Его центральная идея состоит в следующем: если у нас есть полное объяснение некоторых пропозициональных установок относительно определенного положения дел P и при этом можно объяснить эти установки без P, то такие установки не имеют позитивного эпистемологического статуса. Аргумент разоблачения против феноменального реализма можно сформулировать так: есть объяснение всего когнитивного содержания, относящегося к феноменальному сознанию, без феноменального сознания; если это так, то кажимость феноменального сознания не дает весомого основания в пользу реализма; следовательно, кажимость феноменального сознания не дает весомого основания в пользу реализма.

Этот аргумент серьезнее предыдущих. Более того, его усиливает соображение теоретической простоты. Если каждый элемент когнитивного содержания, соотнесенный с феноменальным сознанием, имеет достаточное физическое объяснение, то реалистский сценарий включает в себя и это физическое объяснение, и само феноменальное сознание, и отношение осведомленности о нем. Антиреалистский сценарий включает физическое объяснение, но отказывается от феноменального сознания. В таком виде второй сценарий проще как онтологически, так и синтаксически.

Поэтому, чтобы справиться с аргументом разоблачения, дополненным принципом простоты, необходимо либо отказаться от возможности использования принципа простоты в метафизике, либо отказаться от тезиса, согласно которому каждый элемент когнитивного содержания, соотнесенный с феноменальным сознанием, имеет достаточное физическое объяснение. Я считаю наилучшей вторую стратегию. Если этот тезис ложен, то ложен и принцип каузальной замкнутости физического. Это плохая новость для феноменальных реалистов, желающих сохранить физикализм, но сам принцип каузальной замкнутости далеко не так хорош, как многим кажется.

Чтобы принцип простоты не давал основание в пользу антиреализма, модели феноменального реализма *должны демонстрировать уникальную объяснительную роль феноменального сознания*. Можно утверждать: если бы не было феноменального сознания, то мы бы не имели убеждений о феноменальном сознании. Другой вариант состоит в том, что если бы не было феноменального сознания, то у нас не было бы сознательных ментальных репрезентаций [Kriegel 2013]. Поэтому принцип простоты сам по себе недостаточен для поддержания посылки аргумента разоблачения. Аргумент разоблачения весьма хорош именно тогда, когда помещен в общий теоретический каркас физикализма. Вне этого каркаса он не может подорвать феноменальное основание.

Эмпирическая поддержка иллюзионистских гипотез пока тоже не дает самостоятельного подрыва. Эмпирические данные на сегодняшний день настолько же совместимы с реализмом, насколько и с антиреализмом. В будущем этот довод действительно способен предложить метафизически независимую форму подрыва феноменального основания.

Последнее возражение связано *со здравым смыслом и естественным языком* [Loginov 2024]. Можно утверждать, что суждение о наличии у нас феноменального сознания не является частью здравого смысла, поскольку естественный язык содержит только онтологически легкие формулировки о сознании. Но если в естественном языке нет онтологически нагруженного понятия феноменального сознания, сам по себе этот факт не свидетельствует о том, что нам не кажется, будто у нас есть феноменальное сознание.

Таким образом, в текущий момент времени не существует независимых от крайне спорных теоретических предпосылок подрывающих доводов против феноменального основания.

Список литературы

Dennett 1988 – Dennett D. Quining Qualia // Consciousness in Contemporary Science / Ed. by A. J. Marcel, E. Bisiach. Oxford: Oxford University Press, 1988. P. 42-77.

Duncan 2023 – Duncan M. How You Know You’re Conscious: Illusionism and Knowledge of Things // Review of Philosophy and Psychology. 2023 Vol. 14 Issue 1 P. 185-205.

Frankish 2016 – Frankish K. Illusionism as a Theory of Consciousness // Journal of Consciousness Studies. 2016. Vol. 23. № 11-12. P. 11-39.

Huemer 2007 – Huemer M. Compassionate Phenomenal Conservatism // Philosophy and Phenomenological Research. 2007. Vol. 74 Issue 1. P. 30-55.

Korman 2019 – Korman D. Z. Debunking Arguments // Philosophy Compass. 2019. Vol. 14. Issue 12. Article e12638.
Kriegel 2013 – Kriegel U. (Ed.). Phenomenal Intentionality. New York: Oxford University Press, 2013. 288 p.
Loginov 2024 – Loginov E. V. Illusionism, Moore, and Chalmers // Frontiers in Psychology. 2024. Vol. 15. Article 1449314.

УДК 165:12

ИНТРОСПЕКЦИЯ И ИЛЛЮЗИОНИЗМ

Логинов Евгений Владимирович
Кандидат философских наук
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Философский факультет, кафедра истории зарубежной философии
Доцент
E-mail: loginov.ev@philos.msu.ru

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о том, может ли интроспекция служить основанием для критики иллюзионизма в философии сознания. Иллюзионизм понимается как позиция, согласно которой феноменальных свойств не существует, хотя нам кажется, что они есть. Анализируются несколько стратегий защиты реализма в отношении феноменального сознания: муровская апелляция к очевидности, интроспективный аргумент, аргумент от невыразимости, нормативная стратегия, квиетизм и стратегия феноменологической тренировки. Показывается, что каждая из этих стратегий сталкивается с затруднениями. Апелляция к здравому смыслу недостаточна, поскольку феноменальные свойства в теоретическом смысле не являются простой дофилософской очевидностью. Интроспекция может давать субъекту особый доступ к собственным состояниям, но из этого не следует вывод об их нефункциональной природе. Аргумент от откровения либо предполагает то, что должен доказать, либо сводится к различию способов представления. Аргумент от невыразимости показывает различие между описанием и нахождением в состоянии, но не доказывает онтологического различия между функциональным и феноменальным. В заключение утверждается, что стандартные способы опровержения иллюзионизма не достигают цели, хотя из этого не следует истинность самого иллюзионизма.

Ключевые слова: сознание, феноменальное сознание, иллюзионизм, интроспекция, квалиа, аргумент от откровения, невыразимость

INTROSPECTION AND ILLUSIONISM

Loginov Evgeny Vladimirovich

Candidate of Philosophy
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Lomonosov Moscow State University", Faculty of Philosophy, Department of History of World Philosophy
Associate Professor

Abstract: The paper examines whether introspection can provide a basis for criticizing illusionism in the philosophy of mind. Illusionism is understood as the view that phenomenal properties do not exist, although it seems to us that they do. Several strategies for defending realism about phenomenal consciousness are discussed: the Moorean appeal to obviousness, the introspective argument, the argument from ineffability, the normative strategy, quietism, and the strategy of phenomenological training. It is argued that each of these strategies faces serious difficulties. The appeal to common sense is insufficient, since phenomenal properties in the theoretical sense are not a simple pre-theoretical obviousness. Introspection may give the subject special access to his or her own states, but it does not follow that these states have a non-functional nature. The argument from revelation either presupposes what it is supposed to prove or reduces to a distinction between modes of presentation. The argument from ineffability shows a difference between having a description of a state and being in that state, but it does not establish an ontological distinction between the functional and the phenomenal. The paper concludes that standard ways of refuting illusionism fail to achieve their aim, although this does not imply that illusionism is true.

Keywords: consciousness, phenomenal consciousness, illusionism, introspection, qualia, argument from revelation, ineffability

Иллюзионизм — это философская позиция, согласно которой феноменальных свойств не существует, хотя нам кажется, что они есть. Это утверждение кажется многим почти безумным [Strawson 2017]. Однако такой ответ слишком быстр.

Сначала можно выделить несколько стратегий защиты реализма в отношении феноменального сознания. Первая стратегия — муровская [Chalmers 2018]. Она говорит: мы знаем, что феноменальное сознание существует, из здравого смысла. Но обычный человек знает, что ему больно, а не то, что у него есть феноменальные свойства. Поэтому апелляция к здравому смыслу здесь не вполне надёжна [Логинов 2024].

Вторая стратегия — интроспективная [Беседин и др. 2021; Stoljar 2026]. Она говорит: субъект обладает привилегированным доступом к собственным переживаниям, и этот доступ показывает ему, что феноменальные свойства существуют. Именно эта стратегия кажется наиболее естественной. Она связана с теориями знакомства, восходящими к Расселу, и с современными версиями этой линии у Бри Гертлер [Gertler 2012] и Филиппа Гоффа [Goff 2017]. В другом виде она появляется в простой теории интроспекции Деклана Смитиса, согласно которой субъект знает о своих ментальных состояниях просто благодаря тому, что находится в них [Smithies 2019].

В этой мысли есть нечто правильное. Я узнаю о чужой боли по словам, жестам, поведению, медицинским признакам. О собственной боли я узнаю иначе. Но из этого ещё не следует, что я тем самым узнаю о существовании особых феноменальных свойств. Интроспекция может давать мне доступ к состоянию, но вопрос о метафизической природе этого состояния остаётся открытым. Иллюзионист может сказать: да, у тебя есть особый доступ к собственным репрезентативным, функциональным или когнитивным состояниям; но ты ошибочно интерпретируешь их как доступ к квалиа.

Третья стратегия — аргумент от невыразимости. Если я никогда не пробовал кофе, никакое описание не передаст мне полностью, каков вкус кофе. Можно описывать химический состав напитка, рецепторы языка, нейронные процессы, поведенческие реакции, ассоциации, культурный контекст, но всё равно останется нечто, что я узнаю только тогда, когда попробую кофе. Значит, феноменальное содержание не исчерпывается функциональным или физическим описанием и, очевидно, существует. Этот аргумент является результатом обсуждения статьи Мэттью Дункана с её автором [Duncan 2023].

Описание вкуса кофе не заменяет сам вкус кофе. Но из этого не следует, что вкус кофе является нефункциональным свойством. Возможно, различие здесь не онтологическое, а эпистемическое. Одно дело — иметь описание состояния, другое дело — находиться в этом состоянии. Даже если состояние полностью функционально, описание этого состояния может не производить у субъекта тех же когнитивных и поведенческих эффектов, что само состояние. Тогда случай с кофе показывает различие между описанием и реализацией, а не между функциональным и феноменальным.

Остаются ещё три линии критики.

Первая линия — нормативная. Она говорит, что без квалиа рушится моральный статус. Эту линию разрабатывает Константин Морозов. Я здесь не буду развивать этот вариант, но я согласен с Артемом Бесединым, что мы можем отрицать необходимую связь морали и квалиа.

Вторая линия — квиетистская. Квиетист говорит: есть вещи, отказ от которых является не интеллектуальной добродетелью, а метафизической паникой. Мы должны оказать ему онтологическую справедливость (эту линию развивал Антон Кузнецов, но, кажется, он сам от нее отказался).

Третья линия — феноменологическая дрессура. Чтение Чалмерса может работать как особая философская практика внимания. Читатель учится говорить: вот здесь не просто различение стимула, не просто поведенческая реакция, не просто когнитивный отчёт, а именно феноменальное качество. Эта линия казалось убедительной мне. На самом деле, думаю, что я стал реалистом в отношении феноменального сознания на этом основании.

Можно провести аналогию с юмовско-буддийским анализом Я. В обычной жизни нам кажется, что у нас есть устойчивое Я. Однако философская тренировка может научить нас видеть, что мы обнаруживаем только отдельные впечатления, мысли, желания, телесные состояния, но не находим особого постоянного Я, сопровождающего все представления. Но если такая тренировка может научить нас не находить Я, то почему другая тренировка не может научить нас находить квалиа?

Но на самом деле эта линия опасна для реалиста. Если я знаю ответ на юмовско-буддийский аргумент — например, считаю, что «Я» указывает на тело, — то я могу сказать, что философская тренировка ввела меня в особую иллюзию. Но тогда аналогичный ход доступен и иллюзионисту. Он может сказать: чтение Чалмерса научило вас видеть квалиа там, где есть только определённые когнитивные функции. Вам кажется, что вы обнаружили феноменальное сознание, но на самом деле вы усвоили новый способ описания собственных состояний.

Поэтому пока надо быть осторожным. Я не утверждаю, что иллюзионизм истинен. Скорее, я утверждаю, что некоторые стандартные способы его опровержения не достигают цели.

Список литературы

1. Беседин и др. 2021 — Беседин А.П., Волков Д.Б., Кузнецов А.В., Логинов Е.В., Мерцалов А.В. Интроспекция: современные подходы и проблемы // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 2. С. 195–215.
2. Логинов 2024 — Логинов Е.В. Опровергает ли муровский аргумент иллюзионизм? // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2024. Т. 48. № 2. С. 46–68.
3. Chalmers 2018 — Chalmers D. The Meta-Problem of Consciousness // Journal of Consciousness Studies. 2018. Vol. 25. No. 9–10. P. 6–61.
4. Duncan 2023 — Duncan M. How You Know You’re Conscious: Illusionism and Knowledge of Things // Review of Philosophy and Psychology. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 185–205.
5. Gertler 2012 — Gertler B. Renewed Acquaintance // Smithies D., Stoljar D. (eds.). Introspection and Consciousness. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 89–123.
6. Goff 2017 — Goff P. Consciousness and Fundamental Reality. Oxford: Oxford University Press, 2017. 290 p.
7. Smithies 2019 — Smithies D. The Epistemic Role of Consciousness. Oxford: Oxford University Press, 2019. 432 p.
8. Stoljar 2026 — Stoljar D. The Introspection Principle: Rationalism about Knowledge of Consciousness. Oxford: Oxford University Press, 2026. 256 p.
9. Strawson 2017 — Strawson G. One Hundred Years of Consciousness. Isaiah Berlin Lecture. 25 May. Oxford: Wolfson College, 2017. URL: https://podcasts.ox.ac.uk/one-hundred-years-consciousness-long-training-absurdity

УДК165.12

ЖИВОЕ ТЕЛО КАК УСЛОВИЕ СОЗНАНИЯ

Зайцева Наталья Валентиновна

к.ф.н.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, доцент

E-mail: natvalen@list.ru

Аннотация: В работе рассматривается так называемая «трудная проблема сознания» Чалмерса в контексте телесно воплощенного познания. Обосновывается точка зрения, согласно которой трудная проблема сознания является псевдопроблемой, которая основывается на непонимании специфики тела как живого организма. Одна из ключевых идей статьи состоит в том, что живое тело является способом существования сознания в мире. Сознание, ассоциированное с субъективным опытом агента, и физическое, физиологическое телесное измерение скорее следует назвать разными способами описания одной и той же сущности – живого тела. При обсуждении телесно воплощенного подхода к сознанию особым образом выделяется роль феноменологии как его предтечи и теоретического источника. Именно феноменология подготовила поворот к пониманию когнитивной системы как единства взаимопроникающих и взаимодействующих сторон: тела, сознания и среды, как физической, так и социальной.

Ключевые слова: сознание, живое тело, феноменология, воплощенное познание, трудная проблема.

A LIVING BODY AS A CONDITION OF CONSCIOUSNESS

Zaitseva Natalia Valentionovna
Lomonosov Moscow State University, associate professor

Abstract: The paper examines Chalmers' so-called "hard problem of consciousness" in the context of corporeal cognition. The author substantiates the point of view according to which the hard problem of consciousness is a pseudo-problem, which is based on a misunderstanding of the specifics of the body as a living organism. One of the key ideas of the article is that a living body is a way for consciousness to exist in the world. Consciousness, associated with the agent's subjective experience, and the physical, physiological bodily dimension should rather be called different ways of describing the same entity – a living body. When discussing the corporeal approach to consciousness, the role of phenomenology as its forerunner and theoretical source is highlighted in a specific way. It was phenomenology that prepared the way for understanding the cognitive system as a unity of interpenetrating and interacting sides: the body, consciousness, and the environment, both physical and social.

Keywords: consciousness, living body, phenomenology, embodied cognition, hard problem.

Сегодня мы с полным основанием можем говорить о революционном повороте в понимании сознания как телесного и релевантном этому пониманию подходе к познанию как когнитивной системе мозг-тело-среда. Концепция «4-Е», и, в частности, парадигма сознания как телесного явления, находит все больше сторонников среди философов и ученых. Естественная установка на жесткую непреодолимую дистинкцию идеального-реального, внешнего-внутреннего, психического-физического, которая в качестве предпосылки фундировала так называемую «трудную проблему» Д. Чалмерса, постепенно отходит на второй план. Правда, процесс исследования сознания как специфического экрана,

находящегося внутри мозга (тела), отображающего внешние объекты и связи между ними, вероятно, будет еще достаточно долго досаждать и философии, и когнитивным наукам.

Идея локализации сознания в теле достаточно естественна, поскольку соответствует здравому смыслу и естественному, не подверженному феноменологической редукции, взгляду на мир, живых агентов и их взаимоотношения. Травмы головы часто сопровождаются различными нарушениями психического субъективного опыта, которые могут переживаться субъектом как проблемы с памятью, различного рода состояния, связанные с деперсонализацией, нарушениями восприятия, мышления, эмоциональной сферы. Как следствие этого – идея о связи мозга и сознания, которое онтологизируется в качестве предметной области, заполненной разного рода репрезентациями, и при этом размещается в теле, а чаще в мозге как своеобразном телесном контейнере. Концептуальная метафоричность опыта [Лакофф и Джонсон 2004], лежащая в том числе в основе массовых представлений о сознании, проявляется в широком спектре лингвистических выражений: «включи мозги», «голова не работает», «У меня эмоциональное выгорание», «потерял мысль» и т.п.

Разделив живое, опосредованное сознанием тело на два региона с правом на автономию – физический и психический с характерными качественными характеристиками квалиа, – Д. Чалмерс инициировал дискуссию о сознании. Эта дискуссия способствовала появлению большого массива философско-научной литературы, в которой ученые и аналитически ориентированные философы пытались решить «трудную проблему сознания». Как следствие этого, появляется предположение о «философском зомби», физически идентичном человеку, но не обладающем субъективным сознательным опытом. Скепсис относительно плодотворности подхода, основанного на гипотезе о допущении зомби, у разных авторов связывается с различными аргументами, в зависимости от контекста исследования проблемы. Так, например, Б. Смит и Дж. Лангрэбе в своей недавно переизданной фундаментальной книге «Почему машины никогда не будут править миром: искусственный интеллект без страха» [Landgrebe, Smith 2025], критикуют гипотезу о сильном ИИ, основываясь на невозможности совершенной эмуляции, при этом указывая и на невозможность существования «философского зомби», как его описывает Чалмерс. Авторы вслед за Д. Деннетом выражают недоумение: как попытка понять характеристики человеческого сознания, используя сравнение с предполагаемыми зомби, может способствовать научному пониманию лежащих в его основе явлений. Именно такие исследования, основанные на необоснованных допущениях, критикует Дж. Серль, говоря о тех философских ошибках, которые препятствуют научному прогрессу [Searle 1998].

В этой статье и основанном на ней выступлении хочу обратить внимание на различие в понятии физического тела и живого тела, которое мне представляется важным для понимания теоретико-познавательной предпосылочности «трудной проблемы». Сразу оговорюсь, что физическая имитация живого человеческого тела и телесного поведения не возможна в силу специфики живого тела как двустороннего единства представленной наблюдателю физической составляющей и субъективного опыта «от первого лица». Живое тело опосредовано сознанием (М. Мерло-Понти [Мерло-Понти 1999]), а переживаемые живым телесным агентом эмоции являются программами действий (А. Дамасио [Дамасио 2018]). Сущностной характеристикой сознания как феноменального субъективного опыта является его самореферентность, то есть наличие самости как необходимого элемента переживания, которая ощущается, переживается как самопринадлежность, или самосоотнесенность.

Другими словами, обладать самосознанием, агентностью означает знать о самом себе. А. Дамасио замечает, что наличие сознательного опыта у организма означает, что существует нечто, что значит быть этим организмом для самого этого организма, называя это субъективным характером опыта.

В контексте данной работы важно различение Дамасио бессознательного интеллекта и наделенной сознанием психики, которая выводит бессознательное «know how» управления жизненными процессами в область знания. Чувства являются формой знания о состоянии моего тела, телесным знанием. Квалиа следует рассматривать, с моей точки зрения, как типы телесного знания о себе. Эмоции, цвет, вкусовые ощущения и другие переживания являются знанием мира как принадлежащего мне, мира, включенного в мои переживания, в мой опыт. Боль, связанная с телесным физиологическим изменением, угрожающим в той или иной мере жизни, должна фиксироваться организмом в целях выживания, и заставить его предпринять какие-то действия (лечь, лизать рану, изменить позу, издать характерный звук, привлекающий внимание сородичей и т.п.). Напрашивается вывод о том, что феноменальное сознание служит стратегически важной цели поддержания жизни организма.

Как мне представляется, в равной мере абсурдные теоретические конструкции в виде антропоморфного сильного искусственного интеллекта и философского зомби основываются на наивной трактовке тела как физического «вместилища», носителя психических процессов, которые можно «изъять», и вероятно даже можно поместить в другой физический «контейнер» для психики. Таким контейнером может оказаться компьютер, робот, что-угодно. Само предположение о существовании телесного существа, лишенного квалиа, идентичного человеку со стороны наблюдателя, как уже было сказано, строится на неразличении физического тела и живого тела Leib. При этом я бы хотела обратить внимание не только на слово «тело» в словосочетании «живое тело», но и на слово «живое». Учитывая многообразие жизни от простейших ее форм, которые А. Дамасио связывает с понятием «бессознательный интеллект» до сложнейших живых систем, можно определить сознание как способ жизни и говорить об эволюции сознания у живых агентов.

Живое тело является необходимым условием существования сознания в мире. Сознание, ассоциированное с субъективным опытом агента, и физическое, физиологическое телесное измерение скорее следует назвать разными способами описания одной и той же сущности – живого тела. Трудная проблема сознания, как мне представляется, является псевдопроблемой, которая основывается на смешении двух понятий и непонимании специфики тела как живого организма, как двустороннего единства внешнего и внутреннего, экстероцепции и интероцепции, объективного, наблюдаемого и его субъективного коррелята.

В своей совместной с Э. Кларком работе [Clark, Chalmers 1998] Д. Чалмерс предлагает концепцию расширенного сознания в рамках телесно ориентированного подхода 4-E, явно основанного на отрицании изоляционизма сознания и среды, внутреннего и внешнего. В качестве идейных предшественников этой концепции обычно указывают таких ученых как Ф. Варела, У. Матурана, Дж. Гибсон. Но значительно реже упоминают в связи с этим о феноменологии Гуссерля с его концепцией действующей интенциональности, понятием «жизненный» мир, живого тела Leib, о его последователе М. Мерло-Понти, а также Я. Икскюле, который по праву считается идеологическим предшественником энактивизма. Феноменология сыграла очень важную роль в формировании взгляда на когнитивную систему

как единство взаимосвязанных и взаимопроникающих сторон: тела, сознания и среды как физической, так и социальной.

Это определило вектор развития философско-научной мысли в сторону телесного познания, активного восприятия и динамических систем. Бурное развитие когнитивной науки, связанное с невиданным прогрессом в области нейронаук и нейротехнологий, повлияло, безусловно и на саму феноменологию, которая включилась в междисциплинарный диалог относительно нейрофеноменологических перспектив и ограничений, а также новых возможностей междисциплинарных исследований.

Невнимание и даже игнорирование феноменологии как одного из главных идеологических предтечей и концептуальных источников современных телесно ориентированных подходов к сознанию не просто искажает понимание процесса становления и взаимовлияния философии и когнитивной науки, но, что важно, способствует процессу открывания «заново» некоторых забытых положений. Вопрос о том, как интерпретировать такие ситуации: как форму исторической амнезии или неосведомленность авторов, я оставляю открытым.

Список литературы

1. Дамасио 2018 — Дамасио А. Так начинается «я». Мозг и возникновение сознания. М.: Карьера Пресс, 2018. 384 с.
2. Лакофф и Джонсон 2004 — Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004. 252 с.
3. Мерло-Понти 1999 — Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб: Ювента, 1999. 608 с.
4. Clark, Chalmers 1998 — Clark A., Chalmers D. The extended mind // Analysis. 1998. Vol. 58. Issue 1. P. 7-19.
5. Landgrebe, Smith 2025— Landgrebe J., Smith B. Why machines will never rule the world: artificial intelligence without fear. New York: Routledge, 2025. 354 p.
6. Searle 1998 – Searle J. R. How to study consciousness scientifically // Philosophical transactions of the Royal Society of London. Series B, Biological sciences, 1998. Vol. 353. Issue 1377. P. 1935-1942.

УДК 130.3

АРИСТОТЕЛЕВСКИЙ МОТИВ В ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ ХИЛАРИ ПАТНЭМА

Мельников Данил Романович

Южный федеральный университет, студент

E-mail: dame@sfedu.ru

Аннотация: В докладе анализируется либеральный функционализм Х. Патнэма через реконструкцию его обращения к гилеморфизму Аристотеля. Показано, что в совместной работе с М. Нуссбаум Патнэм интерпретирует Аристотеля как протофункционалиста, для которого объяснение ментальных феноменов должно опираться на функциональную организацию (форму), а не на материальный субстрат. Утверждается, однако, что такая реконструкция имеет свои пределы, поскольку предлагаемое Патнэмом прочтение сохраняет объяснительный приоритет формы, но сопровождается ослаблением тех метафизических предпосылок, которые в гилеморфизме Аристотеля определяют условия и границы её реализации. В связи с этим рассматривается, каким образом ослабление указанных предпосылок влияет на статус либерального функционализма и обостряет проблему определения границ множественной реализуемости. Показано, что отказ Патнэма от теоретически определённых версий функционализма приводит к тому, что его либеральная версия сохраняет преимущественно методологический тезис о приоритете функционального описания, сталкиваясь при этом с трудностью определения границ множественной реализуемости. Делается вывод, что либеральный функционализм наследует эвристику гилеморфистского объяснения, но не располагает сопоставимыми метафизическими ресурсами для обоснования условий и пределов функциональной реализации.

Ключевые слова: Патнэм, либеральный функционализм, Аристотель, гилеморфизм, множественная реализуемость, антиредукционизм.

THE ARISTOTELIAN MOTIF IN HILARY PUTNAM'S PHILOSOPHY OF MIND

Melnikov Danil Romanovich
Southern Federal University, Student

Abstract: The paper examines Hilary Putnam's liberal functionalism through a reconstruction of his appeal to Aristotelian hylomorphism. It is shown that, together with Martha Nussbaum, Putnam interprets Aristotle as a proto-functionalist, treating his hylomorphism as a philosophical precursor to antireductionist functionalism, according to which mental statesshould be explained in terms of functional organization rather than material substrate. The paper argues, however, that this reconstruction has its limits, since Putnam's interpretation preserves the explanatory priority of form while weakening the metaphysical assumptions that, within Aristotle's hylomorphism, determine the conditions and limits of its realization. On this basis, the paper considers how the weakening of these assumptions affects the status of liberal functionalism and intensifies the problem of determining the boundaries of multiple realizability. It is argued that Putnam's rejection of more theoretically determinate versions of functionalism results in a position that retains primarily the methodological thesis of the priority of functional description while facing difficulties in specifying the boundaries of multiple realizability. The paper concludes that liberal functionalism inherits the heuristic value of hylomorphic explanation without possessing comparable metaphysical resources for grounding the conditions and limits of functional realization.

Keywords: Putnam, liberal functionalism, Aristotle, hylomorphism, multiple realizability, antireductionism.

Завершая статью «Философия и наша ментальная жизнь», Хилари Патнэм формулирует примечательный тезис: по его словам, Аристотель увидел то, что должно быть подлинным

предметом исследования сознания, – форму, а не материю [Putnam 1975, p. 291–303]. В интерпретации Патнэма это означает необходимость переориентации объяснения: ментальное должно определяться через организацию и функции, а не через субстрат, в котором они реализуются. Показательно, что, несмотря на существенную эволюцию собственных взглядов, Патнэм не отказывается от этого тезиса как от случайного мотива раннего функционализма. Спустя почти четыре десятилетия он вновь воспроизводит его, утверждая, что функционализм без «научной фантастики» – либеральный функционализм, сохраняющий идею о возможности реализации одних и тех же способов функционирования в различных физических системах, но отказывающийся от вычислительной трактовки ментальных состояний, – уже присутствует у Аристотеля, которого в этом смысле можно считать протофункционалистом [Putnam 2012, p. 73–74].

Если аристотелевский мотив действительно играет для поздней версии функционализма Патнэма системообразующую роль, то анализ этого мотива способен прояснить как содержание либерального функционализма, так и внутренние трудности данной позиции. Этой задаче и посвящён настоящий доклад: реконструировать либеральный функционализм через анализ интерпретации аристотелевского гилеморфизма, предложенной Патнэмом совместно с М. Нуссбаум [Nussbaum, Putnam 1992]. Для этого, во-первых, будут сопоставлены обе концепции на уровне их объяснительных стратегий и онтологических предпосылок; во-вторых, на основании проведённого сопоставления будут проанализированы внутренние напряжения либерального функционализма.

В патнэмовской реконструкции Аристотель предстает как мыслитель, признающий объяснительный приоритет формы над материей [Nussbaum, Putnam 1992, p. 28–30]. Форма понимается как то, в силу чего вещь является именно той вещью, которой она является. В случае живых существ форма – душа – выступает принципом, определяющим присущие организму способности, посредством которых объясняются соответствующие этим способностям виды деятельности, в том числе ментальные акты. Соответственно, при объяснении ментальных феноменов определяющее значение имеет не сам по себе материальный состав организма, а его форма как принцип организации целого. Именно эту особенность аристотелевского подхода Патнэм использует для обоснования функционалистской интуиции: подобно тому как душа выступает формой живого тела, ментальные состояния, по его мнению, должны объясняться через функциональную организацию системы, а не через физические свойства её субстрата. Тем самым аристотелевский мотив используется для обоснования антиредукционистского тезиса об автономии ментального уровня описания по отношению к физическому.

Кроме того, в интерпретации Патнэма форма допускает определённую вариативность материальной реализации: вещь сохраняет тождество при некоторых изменениях материального состава постольку, поскольку сохраняется её определяющая форма. Эта идея позволяет Патнэму усмотреть в гилеморфизме прообраз тезиса множественной реализуемости, который в рамках его собственной позиции получает значительно более радикальную формулировку: одно и то же ментальное состояние может реализовываться в различных физических системах при условии выполнения одних и тех же каузальных ролей.

Однако именно здесь обнаруживаются пределы патнэмовской реконструкции. В интерпретации Патнэма форма понимается прежде всего как функциональная организация, при этом из рассмотрения исключается ряд онтологических характеристик, которыми она обладает в аристотелевской метафизике. Между тем у Аристотеля форма не является элементом, определимым независимо от условий своей реализации: она существует как

принцип актуализации материи определённого вида и потому внутренне связана с онтологическими характеристиками того сущего, формой которого является (различимость материи и формы допускается только в мысли) [Аристотель 1976, с. 394–401; Росс 2026, с. 192]. У Аристотеля душа как форма тела – не просто объяснительный принцип, в силу которого организм обладает теми или иными способностями, но и имманентное телеологическое основание самой жизни; именно поэтому форма для своего воплощения необходимо требует материи подходящего вида, а не произвольного субстрата. Тогда допустимая вариативность материального состава у Аристотеля не означает безразличия формы к субстрату как таковому и не влечёт принятия сильного варианта множественной реализуемости в функционалистском смысле. В патнэмовской реконструкции функциональная организация предстает как концептуально отделимая не только от конкретных материальных реализаций, но и от определённого вида физического субстрата как такового, приобретая тем самым статус относительно абстрактной каузальной схемы. Это превращает целостную гилеморфистскую схему из онтологической концепции в локальный методологический тезис: внимание обращается на объяснительный приоритет формы, но отсекаются те метафизические компоненты, которые в гилеморфизме Аристотеля как раз и задают границы реализации формы. Можно полагать, что реконструкция Патнэма сохраняет структурную логику гилеморфистского объяснения, но устраняет значительную часть его метафизических предпосылок.

Такой интерпретационный сдвиг имеет важные следствия для самого либерального функционализма. Освобождение функциональной организации от сильных онтологических ограничений позволяет Патнэму радикализовать антиредукционистскую интуицию, однако одновременно изменяет статус функционалистского подхода и обостряет проблему границ множественной реализуемости. Поскольку в поздних работах Патнэм отказывается от версий функционализма, предлагающих позитивную онтологическую интерпретацию ментальных состояний (в виде, например, вычислительного функционализма), его позиция утрачивает характер содержательной модели сознания и сохраняет от функционалистского подхода прежде всего методологический тезис о приоритете функционального описания. Тем самым либеральный функционализм в большей степени выступает не как самостоятельная теория ментального, а как антиредукционистская установка. Именно в этом контексте для либерального функционалиста возникает проблема границ множественной реализуемости. Если множественная реализуемость понимается предельно широко, то либеральный функционализм фиксирует лишь абстрактную возможность реализации одних и тех же функциональных структур в различных физических системах, но не объясняет, какие именно онтологические условия делают такие реализации допустимыми в рамках актуального мира. В этом случае уровень функционального описания оказывается слишком формальным, чтобы выполнять роль самодостаточного объяснительного принципа – тем самым функциональное описание перестаёт быть автономным и начинает зависеть от анализа физических состояний реализующих систем, что ослабляет антиредукционистские притязания либерального функционализма и ставит под вопрос действенность такого способа мыслить проблему. Дополнительное напряжение создаётся тем, что в ряде поздних текстов Патнэм допускает отождествление квалиа с состояниями мозга [Putnam 2012, p. 635; Putnam 2016, p. 183]. В результате множественная реализуемость оказывается ограниченной именно применительно к тем состояниям, которые в раннем функционализме служили главным аргументом против теории тождества. Тем самым поздняя позиция Патнэма показывает, что одного лишь функционального описания недостаточно для определения того, какие физические системы

способны реализовывать ментальные состояния; необходимо дополнительно указать ограничения, не выводимые из самой функциональной организации.

Таким образом, стремясь сохранить антиредукционистскую интуицию функционализма после отказа от его сильных вычислительных версий, Патнэм апеллирует к аристотелевской модели объяснения, однако заимствует из неё преимущественно методологический принцип объяснительного приоритета функциональной организации, не принимая тех онтологических предпосылок, которые в рамках самого гилеморфизма определяют границы и условия реализации формы. В результате либеральный функционализм наследует эвристику гилеморфистского объяснения, но не располагает сопоставимыми метафизическими ресурсами для определения границ функциональной реализации.

Список литературы

1. Аристотель 1976 – Аристотель. О душе // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 369–448.
2. Росс 2026 – Росс Д. Аристотель / Пер. с англ. Д. В. Бугай, А. Т. Юнусов. М.: URSS, 2026. 432 с.
3. Nussbaum, Putnam 1992 – Nussbaum M., Putnam H. Changing Aristotle’s Mind // Essays on Aristotle’s De Anima / Ed. by M. Nussbaum, A. Rorty. Oxford: Clarendon Press, 1992. P. 27–56.
4. Putnam 1975 – Putnam H. Philosophy and Our Mental Life // Mind, Language and Reality: Philosophical Papers. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. P. 291–303.
5. Putnam 2012 – Putnam H. Philosophy in an Age of Science / Ed. by M. De Caro, D. Macarthur. Cambridge, MA, 2012. 672 p.
6. Putnam 2016 – Putnam H. Naturalism, Realism, and Normativity. Cambridge, MA, 2016. 236 p.

УДК 141.12

МОЖЕТ ЛИ ИЛЛЮЗИОНИСТ БЫТЬ ЭНАКТИВИСТОМ?

Беседин Артём Петрович

Кандидат философских наук

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, философский факультет, кафедра истории зарубежной философии, доцент

E-mail: a.besedin@hardproblem.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о совместимости иллюзионизма в философии сознания с энактивистскими теориями опыта. Оба подхода стремятся преодолеть картезианскую модель сознания как внутреннего пространства, в котором субъекту даны особые приватные объекты. Однако они делают это разными способами. Иллюзионизм отрицает существование феноменальных свойств и объясняет устойчивость веры в них через работу интроспективных механизмов, ошибочно представляющих физические или функциональные состояния организма как обладающие квалиа. Энактивизм, напротив, критикует репрезентационалистскую парадигму и предлагает понимать опыт через телесно-

средовое взаимодействие, сенсомоторные навыки и формы активности организма. В статье показывается, что энактивист может быть антиреалистом в отношении квалиа, не отрицая феноменальный характер опыта как таковой. Однако для того чтобы быть именно иллюзионистом он должен объяснить, почему субъектам кажется, что у них есть квалиа. В версии Франкиша такое объяснение требует обращения к интроспективным или метакогнитивным репрезентациям. Поэтому между радикальным энактивизмом и иллюзионизмом существует существенное напряжение. Сделан вывод, что энактивистский иллюзионизм возможен только при ослаблении антирепрезентационалистского тезиса и признании особого класса репрезентаций, участвующих в формировании суждений о феноменальности.

*Ключевые слова***:** иллюзионизм, энактивизм, квалиа, феноменальность, репрезентации, интроспекция, элиминативизм.

CAN AN ILLUSIONIST BE AN ENACTIVIST?

Besedin Artem Petrovich
Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, Department of History of Philosophy, associate professor
E-mail: a.besedin@hardproblem.ru

Abstract. The article examines whether illusionism in the philosophy of mind is compatible with enactivist theories of experience. Both approaches seek to overcome the Cartesian model of consciousness as an inner space in which special private objects are presented to the subject. However, they pursue this aim in different ways. Illusionism denies the existence of phenomenal properties and explains the persistence of belief in them by appealing to introspective mechanisms that misrepresent physical or functional states of the organism as possessing qualia. Enactivism, by contrast, criticizes the representationalist paradigm and interprets experience in terms of bodily-environmental interaction, sensorimotor skills, and forms of organismic activity. The article argues that an enactivist can be an anti-realist about qualia without denying the phenomenal character of experience as such. Yet in order to be an illusionist, rather than merely an eliminativist, she must explain why subjects seem to have qualia. In Frankish's version, this explanation requires appeal to introspective or metacognitive representations. Thus, there is a significant tension between radical enactivism and illusionism. The article concludes that enactivist illusionism is possible only if the anti-representationalist thesis is weakened and a special class of representations involved in judgments about phenomenality is admitted.

Keywords: illusionism, enactivism, qualia, phenomenality, representations, introspection, eliminativism.

Иллюзионизм и энактивизм — два популярных направления в современной философии сознания, движущихся в одном натуралистическом направлении: и тот, и другой нацелены на преодоление «картезианских» представлений о сознании как внутреннем театре, в котором субъекту представляются особые приватные объекты. Однако иллюзионизм и энактивизм идут к этой цели разными путями. Иллюзионизм в версии К. Франкиша утверждает наличие у субъекта иллюзии феноменальности и объясняет устойчивость веры в феноменальное сознание через работу интроспективных механизмов: мы не обнаруживаем реальные

феноменальные свойства, а ошибочно представляем собственные физические состояния как обладающие такими свойствами [Франкиш 2022].

Энактивисты также нередко скептически настроены по отношению к квалиа как особым характеристикам нашего опыта. Описывая энактивистскую теорию А. Ноэ, Д.В. Иванов отмечает: «Соглашаясь со скептиками в том, что наш сознательный опыт не является континуальным, изоморфным воспринимаемому миру, Ноэ тем не менее не согласен с тем, что мы подвержены иллюзии сознания. … Феноменологическое ощущения восприятия целостного объекта связно с нашей способностью иметь доступ к недостающим частям воспринимаемого объекта. В свою очередь, это означает, что у нас имеется сенсорно-моторное знание того, каким образом нам следует двигаться, чтобы компенсировать недостаток информации о воспринимаемом объекте» [Иванов 2016, с. 101]. Однако даже радикальные энактивисты не готовы полностью отказаться от реальности феноменального характера опыта. Д. Хутто и Э. Майин, отмечая, что «нам нужно переосмыслить стандартную картину феноменальности самым фундаментальным образом, отказавшись от понятия квалиа», призывают «воспринимать феноменальность как формы активности — возможно, только нейронной, — которые связаны с взаимодействиями с окружающей средой» [Hutto, Myin 2013, p. 169]. Несмотря на отказ от термина «квалиа», Хутто и Майин признают, что у опыта есть свойство «каково это…».

Важным различием между иллюзионизмом и энактивизмом оказывается то, что иллюзионисты описывают иллюзию феноменального сознания в терминах репрезентаций: требуется по крайней мере некоторая система, которая представляет состояние организма так, что оно кажется обладающим «квалиа». «Иллюзионисты, — пишет Франкиш, —отрицают, что опыт обладает феноменальными свойствами, и сосредотачиваются на объяснении того, почему опыт кажется обладающим ими. Они обычно допускают, что интроспективно мы осознаем наши чувственные состояния, но утверждают, что это осознание неполное и искаженное и приводит к искаженному представлению [representation] об этих состояниях, как об имеющих феноменальные свойства» [Франкиш 2022, с. 113]. Франсуа Каммерер, давая свое решение так называемой мета-проблемы иллюзии, формулирует его в ярко выраженных репрезентативистких терминах [Kammerer 2021]. Иллюзионисты не обязательно должны принимать репрезентации в сильном смысле (например, как они понимаются Дж. Фодором). «Прагматичный подход» Деннета, предполагающий приписывание репрезентаций системам с точки зрения интенциональной установки [Schlicht, Dolega 2025, S. 78], также может быть ими использован.

Современная когнитивная наука долгое время строилась вокруг понятия ментальной репрезентации: когнитивные процессы понимались как обработка информационных структур, имеющих содержание и способных направлять поведение. И именно такая парадигма стала объектом критики со стороны энактивистских подходов. В радикальной версии энактивизм стремится заменить репрезентационные объяснения объяснениями в терминах телесно-средового взаимодействия (Хутто и Майин [Hutto, Myin 2013]), та же тенденция проявляется и в более умеренных версиях энактивизма (Ноэ [Noë 2004]). Если мы и можем говорить о каких-то репрезентациях, то только о репрезентациях-в-действии. «Понятие репрезентации-в-действии довольно сильно отличается от данного классического понятия ментальной репрезентации. Оно обозначает динамическое состояние всего организма, его способность определенным образом действовать, отвечать на вызовы окружающей среды, а не просто способность мозга представлять некое положение дел» [Иванов 2016, с. 99].

Итак, может ли иллюзионист быть энактивистом? Умеренный энактивист может быть иллюзионистом, если он допускает ограниченный класс репрезентаций — например, интроспективные или метакогнитивные репрезентации, отвечающие за наши суждения о феноменальности. Но этот не тот случай, в котором данный вопрос становится интересным. Вот что более интересно: можно ли соединить иллюзионизм и отказ от объяснения иллюзии феноменального сознания в терминах репрезентаций?

Использование репрезентативистской парадигмы, как можно предположить, не является существенным для иллюзионизма. Кажется, можно утверждать несуществование квалиа и феноменального сознания и без ее принятия. Именно это получится, если взять радикальный энактивизм Хутто и Майина и избавить его от их утверждений о природе феноменального опыта. В конце концов они также представляются чем-то необязательным для энактивистской парадигмы как таковой. Не получим ли мы таким образом «энактивистский иллюзионизм» (или «иллюзионистский энактивизм»)? Ответ на этот вопрос: нет.

Дело в том, что иллюзионизм — это не просто отрицание квалиа и феноменального сознания, это также теория, претендующая на объяснение иллюзии феноменального сознания. Эта часть является для иллюзионизма, пожалуй, более существенной, чем само отрицание. Примем в качестве гипотезы «энактивистский иллюзионизм» и рассмотрим те свойства человека и окружающей среды, которые с точки зрения энактивизма отвечают за феноменальный характер опыта, то есть определенного рода репрезентации в действии. Возьмем для примера Ноэ, который называет такие свойства П-свойствами («П» от слова «перспектива»): «П-свойства — видимая форма и размер объектов – являются вполне “реальными” или “объективными”. Действительно, отношение П-формы и П-размера к форме и размеру может быть описано с помощью точных математических законов (например, закона линейной перспективы). Важно, для того чтобы охарактеризовать П-свойства, не нужны отсылки к ощущениям и чувствам. … Тем не менее, П-свойства являются реляционными. Конкретно, они зависят от отношения между телом воспринимающего субъекта и воспринимаемым объектом. … Если существует разделение между сознанием и миром (в картезианском смысле, раздел между ментальным внутренним пространством и нементальной внешней средой), то П-свойства выступают определенно на стороне мира» [Noë 2004, p. 83]. Понятие П-свойств позволяет «объяснить квалиа не как особые ментальные сущности, а как объективные реляционные свойства репрезентируемых объектов» [Иванов 2016, с. 103]. Утверждение об объективности П-свойств (или любых подобных «репрезентаций-в-действии») делает невозможным предположение об их иллюзорности. «Энактивистский иллюзионист», принимая их существование, должен утверждать, что они не конституируют феноменальный характер опыта.

Но как тогда он может объяснить наличие иллюзии феноменальности? Один возможный вариант — это возврат к умеренному энактивизму: П-свойства или их аналоги репрезентируются для субъекта в искаженном виде и создают иллюзию. Но тогда иллюзионист не будет энактивистом в нужном нам отношении. Другой вариант — это объяснение иллюзии феноменального через обращение к репрезентациям-в-действии. Здесь, в свою очередь, трудность заключается в том, что иллюзию феноменального сознания очень трудно увязать с «вызовами окружающей среды», лежащими в основе репрезентаций-в-действии. Иллюзионисты не станут отрицать того, что у нас есть состояния, представляющие собой динамические диспозиции к действиям, но сам по себе феноменальный характер опыта никак не может быть истолкован как такая диспозиция. Третий возможный путь — это возвращение к старомодному элиминативизму, признающему менталистский словарь

продуктом народной психологии — ложной теории, усвоенной нами из культуры [Churchland 1988]. По поводу этого варианта можно отметить, во-первых, что, если бы такое решение работало, не было бы нужды в разработке иллюзионизма как нового антиреалистического подхода к феноменальному сознанию; и во-вторых, что такой старомодный элиминативизм представляется просто случайной добавкой к энактивизму.

Таким образом, между иллюзионизмом в формулировке Франкиша и энактивизмом существует напряжение. Иллюзионизм нуждается в объяснении того, почему субъектам кажется, что у них есть квалиа; у Франкиша это объяснение опирается на интроспективные репрезентации. Энактивизм же, в своей радикальной форме, стремится отказаться от репрезентаций как базового объяснительного инструмента. Поэтому энактивист может не быть реалистом в отношении квалиа, но, если он желает быть именно иллюзионистом, он должен ослабить анти-репрезентационный тезис и признать существование по крайней мере одного специального типа репрезентаций: репрезентаций, участвующих в формировании суждений о феноменальности. Иначе его позиция будет уже не иллюзионизмом, а иной, энактивистской формой элиминативизма.

Список литературы

1. Иванов 2016 — Иванов Д. В. Энактивизм и проблема сознания // Эпистемология и философия науки. 2016. №. 3 (49). С. 88-104.
2. Франкиш 2022 — Франкиш К. Иллюзионизм как теория сознания Часть I // Вопросы философии. 2022. №. 3. С. 110–121.
3. Churchland 1988 — Churchland P.M. Matter and Consciousness: A Contemporary Introduction to the Philosophy of Mind. Cambridge, MA: MIT Press, 1988. 184 p.
4. Hutto, Myin 2013 — Hutto D. D., Myin E. Radicalizing Enactivism: Basic Minds without Content. Cambridge, MA: MIT Press, 2013. 232 p.
5. Kammerer 2021 — Kammerer F. The illusion of conscious experience // Synthese. 2021. Vol. 198. No. 1. P. 845–866.
6. Noë 2004 — Noë A. Action in Perception. Cambridge, MA: MIT Press, 2004. 286 p.
7. Schlicht, Dolega 2025 — Schlicht T., Dolega K. Mentale Repräsentationen in der Kognitionswissenschaft // Germanistische Linguistik. 2025. Bd. 56. Nr. 2. S. 73–111.

УДК 164(159:95)

ПРОБЛЕМА МАСШТАБИРОВАНИЯ: ЧТО ДВИЖЕТ КОГНИЦИЕЙ ВЫСОКОГО УРОВНЯ, ЕСЛИ НЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ?

Яковлев Глеб Владимирович

Магистр Наук

E-mail: iakovlevgleeb@gmail.com

Аннотация. Обычно язык воспринимают как своего рода зеркало реальности: каждое слово обозначает какой-либо объект или свойство в мире, каждое предложение отражает определённое положение дел. Вполне естественно предположить, что для порождения речи наш разум должен обладать аналогичными отражающими внутренними образами – представлениями (representations), манипулируя которыми, разум производит разумное языковое поведение. Но что, если это не так? Радикальные посткогнитивистские теории объясняют человеческой когниции без обращения к ментальным представлениям. Основная проблема, с которой сталкивается такой подход, – проблема масштабирования: как объяснить когнитивные феномены высокого уровня (такие как язык, воображение, принятие решений или прогнозирование) без использования ментальных представлений? Когниция высокого уровня обычно определяется через её чувствительность к отсутствующему [Clark 2003; Kiverstein, Rietveld 2018]. Действительно, выполнение задач, связанных с языком или воображением, требует от нас учитывать вещи, которые не присутствуют непосредственно, — следовательно, что-то должно выполнять роль буфера, то есть ментальные представления. Посткогнитивисты отвергают эту точку зрения и утверждают, что в таком буфере нет необходимости. Один из способов обосновать это, предложенный Kiverstein и Rietveld [2021], заключается в обращении к концепции «оязыковленных аффордансов» (*enlanguaged affordances*): грубо говоря, «отсутствующие» объекты на самом деле присутствуют, просто не в физической реальности, а в культурном и языковом контексте. В этом эссе исследуется данный подход и утверждается, что он в значительной степени опирается на память, что вызывает определённые опасения.

Ключевые слова: посткогнитивизм, оязыковленные аффордансы, умелая интенциональность, представления.

THE SCALING-UP PROBLEM: WHAT THE HIGHER-LEVEL COGNITION COULD BE FLUED BY IF NOT REPRESENTATIONS?

Iakovlev Gleb Vladimirovich

Abstract: It is common to think of language as a sort of a mirror of reality: every word stands for an object or a property in the world, every sentence represents a certain state of affairs. It is only natural to conjecture that, for us to produce language, our minds must have similar mirroring internal images - representations, which are manipulated to yield intelligent linguistic behaviour. But what if it is not so? The radical post-cognitivist theories suggest a framework to explain human cognition without the appeal to *mental representations*. The main issue such an approach encounters is *the scaling-up problem:* how do we explain the higher-level cognitive phenomena (like language, imagination, decision-making or prediction) without using mental representations. The higher-level cognition has been commonly defined by its sensitivity to the absent [Clark 2003; Kiverstein & Rietveld 2018]. Indeed, the engagement in the tasks that involve language or imagination requires us to take into account things that are not immediately present, something, therefore, must take the buffer position – mental representations. The post-cognitivists reject that view and suggest that there is no need in such a buffer. One way to justify that, suggested by Kiverstein & Rietveld [2021], is by

appealing to the concept of *enlanguaged affordances:* to put that suggestion crudely, the “absent” objects involved are, in fact, present, just not in the physical reality, but in the cultural and linguistic context. This essay explores that approach, arguing that it must heavily rely on memory, which causes some worries about the view.

Keywords: post-cognitivism, enlanguaged affordances, skilled intentionality, representations.

1. Посткогнитивизм

Посткогнитивизм – это обобщающий термин для энактивизма, теорий расширенного (extended), воплощённого (embodied) и встроенного (embedded) познания («multi-E»), которые стремятся исключить ментальные представления для объяснения работы когниции, пытаясь, таким образом избежать проблем, связанных с этим концептом (таких как проблема фрейма – frame problem, проблема обоснования символов – symbol grounding problem). Посткогнитивизм подчёркивает следующие четыре особенности познания, которые когнитивизм не способен объяснить: ориентация на действие, воплощённость, ситуативность, динамичность [Chemero 2013; Van Gelder 1995; Clark 1997].

Для целей этой статьи нам нужно рассмотреть экологический подход [Gibson 1979; Chemero 2013] к объяснению когниции. Он опирается на концепцию **аффордансов** (affordances) – возможностей взаимодействия со средой. Стул воспринимается как то, на чём можно сидеть, ручка – как то, чем можно писать. Всё в среде воспринимается непосредственно, как оно есть, но также в связи с тем, что *вы*, ограниченный способностями своего тела и прошлым опытом, можете с этим сделать. Аффордансы размывают границу между субъективным и объективным, поскольку определяются как особенностями субъекта, так и характеристиками среды. Телесное ограничение имеет решающее значение: если стул подходит человеку для сидения, то для кошки он подходит для того, чтобы на него запрыгнуть — тело определяет восприятие объекта. Экологический подход объясняет, как мы действуем без обращения к ментальным представлениям: нет необходимости внутренне представлять ручку, когда возможность взаимодействия с ней уже непосредственно присутствует в отношениях между средой и субъектом.

2. Умелая Интенциональность

Теперь, когда мы увидели, как посткогнитивизм пытается объяснить разумное поведение без использования ментальных представлений, мы можем рассмотреть проблему масштабирования: как экологические подход может объяснить такие феномены, которые связаны с сущностями, отсутствующими в непосредственной физической среде субъекта? Когда вы ведёте философскую беседу с другом, в среде нет физического объекта, напоминающего что-либо вроде «абсолюта», который мог бы предоставить вам свои аффордансы. Киверштейн и Ритвельд [Kiverstein, Rietveld 2018; 2021] предлагают **концепцию умелой интенциональности** (Skilled Intentionality Framework, SIF) для объяснения когниции высокого уровня в посткогнитивистском ключе. Авторы формулируют три тезиса [Kiverstein, Rietveld 2021, p. 176]:

1. Между «высшей» и «низшей» когницией нет разделения. Обе могут быть поняты через умелые действия по взаимодействию с ситуациями в мире.
2. Квалифицированные действия – это протяжённые во времени процессы, в ходе которых субъекты одновременно координируются с множеством релевантных аффордансов.
3. Аффордансы, которые предлагает среда, относительны к способностям, доступным в **форме жизни**.

Устанавливая эти тезисы, SIF расширяет понятие аффордансов — от сенсомоторных взаимодействий низкого уровня до высших социальных и культурных измерений. Благодаря этому, когнитивные феномены высокого уровня можно описывать в терминах аффордансов. А поскольку восприятие аффордансов происходит напрямую, когнитивные феномены высокого уровня также не требуют обращения к ментальным представлениям. Авторы утверждают, что когда речь идёт о языке или любом другом когнитивном феномене высокого уровня, воплощённость оказывается богаче, чем в случае с когнитивными задачами низкого уровня (например, движением или восприятием). Человек существует не только в физической реальности, но и в своём культурном и социальном контексте.

Аналогично тому, как в физической среде человеку предоставляются аффордансы (дверь «просит», чтобы её открыли), в социокультурной среде он воспринимает **оязыковленные аффордансы** (*enlanguaged affordances*): фраза «сегодня плохая погода» «просит», чтобы её произнесли, когда на улице дождливо и ветрено. Эта социокультурная среда тесно связана с тем, что Витгенштейн [Wittgenstein 1953] называл **формой жизни** (*form of life*) – общим культурным, социальным и практическим контекстом, в котором язык и действия обретают смысл. Важно, что аффордансы становятся доступными по мере роста мастерства/навыка, который человек приобретает через активное взаимодействие с языком и культурными практиками. Таким образом, человек существует не просто в физической реальности, а в богатом ландшафте аффордансов, формируемом формой жизни. Этот ландшафт опирается на физическую реальность, но также включает социокультурный контекст. Следовательно, когнитивные феномены высокого уровня больше не связаны с взаимодействием с сущностями, отсутствующими в среде, они доступны в форме жизни.

Чтобы проиллюстрировать и обосновать SIF, авторы обращаются к феноменологическому наблюдению Мерло-Понти [Kiverstein, Rietveld 2021]: мысли не формируются до того, как человек облекает их в слова. Телесная активность речи завершает формирование мысли – подобно тому, как музыка проявляется только тогда, когда её исполняют на инструменте. Мысль, таким образом, не существует заранее, а является результатом речевой активности. Даже если человек убеждён, что у него есть какая-то мысль, которую он никогда никому не высказывал, на самом деле он, скорее всего, проговорил эту мысль про себя во внутреннем речевом акте. Это то, что Мерло-Понти называл «произнесённой речью» (*the speaking speech*): мысль «оседает» или закрепляется в виде сформированной фразы и впоследствии легко доступна – подобно тому, как телесное движение становится более автоматическим после повторения (например, музыкальное произведение, «запомненное» мышцами пальцев пианиста). Напротив, «речь в процессе говорения» (*the speaking speech*) больше похожа на импровизацию: человек активно

взаимодействует со своей формой жизни, ища «следующую ноту» – подбирая подходящие структуры предложений и слова, которые соответствуют текущему контексту разговора.

3. Местонахождение Оязыковленных Аффордансов

Проблемным для SIF является вопрос – где располагается тот богатый ландшафт аффордансов, который позволяет напрямую воспринимать, казалось бы, отсутствующие сущности – такие как абстрактные понятия, языковые конструкции или воображаемые объекты? Слово «умелая» в SIF указывает на то, что этот ландшафт частично расположен в физической реальности, а частично – в прошлой истории человека и, следовательно, в его памяти. Действительно, подобно тому, как навык человека в игре на музыкальном инструменте опирается и на мышечную память (осевшие паттерны выражения), и на запомнившиеся опыты практики/исследования инструмента (память о том, какие ноты звучат более уместно в определённом музыкальном контексте для реализации тех или иных выразительных намерений), языковые и социокультурные навыки человека также опираются на оседшую произнесённую речь и запомнившиеся прошлые опыты языковых/социокультурных взаимодействий. Следовательно, SIF фактически устраняет ментальные представления для когниции высокого уровня, перенося задачу объяснения интенциональности на отношения между человеком и его собственной памятью, а также на интерсубъективный, коммуникативный аспект этого взаимодействия. Ровно так же, как, для когниции низкого уровня, классический экологический подход переносит интенциональность на отношения между человеком и его физической реальностью (рисунок 1).

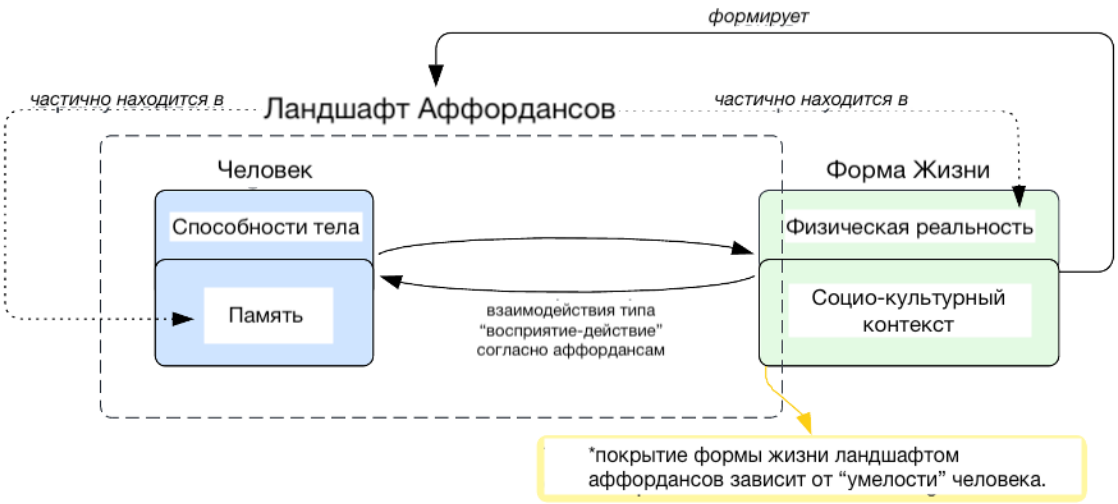


Рисунок 1

Теперь самое очевидное возражение – сказать, что SIF терпит неудачу, когда обращается к памяти, потому что память неизбежно репрезентативна: воспоминания – это кодировки прошлого опыта человека. Однако это опасение несостоятельно, поскольку воспоминания не обязательно выполняют роль представлений в описанной выше структуре. Напротив, мы можем обращаться к воспоминаниям самим по себе. Когда человек намеревается представить себе яблоко, ему не нужно обращаться к реальным прошлым опытам взаимодействия с яблоками – достаточно вызвать воспоминание об яблоке. Это возможно потому, что воспоминания – не пустые кодировки, а, скорее, самостоятельные опыты.

Более убедительное возражение касается того, действительно ли взаимодействие человека с ландшафтом аффордансов является прямым. Это можно поставить под сомнение, рассмотрев случаи афазии (для когниции высокого уровня) и зрительной агнозии (для когниции низкого уровня). Афазия – это состояние, характеризующееся трудностями в понимании или, иногда, формулировании речи. В некоторых случаях сенсомоторные способности и память человека остаются нетронутыми, но при предъявлении стимула – слова (в предложении или отдельно) – пациент не связывает его со значением. Например:

ЭКЗАМЕНАТОР: Что вы ели на завтрак?
ПАЦИЕНТ: Завтрак, завтрак, звучит знакомо, но не говорит со мной [Obler, Gjerlow 1999, p. 45].

Кивершейн и Ритвельд интерпретируют это так: «Слово оторвалось от их более широкой жизни и их способа вовлечённости в мир. Однако пока слово используется конкретно в контексте „аффективного и жизненно важного интереса“, у человека с афазией не возникает проблем с его использованием» [Kiverstein, Rietveld 2021, p. 183]. Между тем **зрительная агнозия** проявляется как неспособность осмыслить визуальный стимул [Galotti 2020]. Виденный объект просто не выглядит как что-либо: пациент может нарисовать его очертания и описать цвета, которые он излучает, но не может его категоризировать. Мы можем применить анализ в духе Кивершейна и Ритвельда: «объект в том виде, в каком он представлен визуально, оторвался от их более широкой жизни…».

Рисунок 2 – как агнозия может ощущаться [Makowski 2021]

Проблема в том, что аффордансы по определению не являются промежуточными звеньями между средой и субъектом – они должны непосредственно являться в сочетании между субъектом и средой. Так за счёт чего слово или объект «оторвались от их более широкой жизни», если сенсорные способности, память и физическая реальность (контейнеры ландшафта аффордансов) остаются нетронутыми? В этих условиях должно быть нарушено некое промежуточное звено.

Список литературы

1. Bickhard 1996 – Bickhard M. H. Troubles with computationalism // The philosophy of psychology. 1996. P. 173-183.
2. Chemero 2013 – Chemero A. Radical Embodied Cognitive Science // Review of General Psychology. 2013. Vol. 17(2). P. 145–150.
3. Clark 1997 – Clark A. Being There. MIT Press, 1997. 280 p.
4. Clark 2003 – Clark A. Artificial Intelligence and the Many Faces of Reason // The Blackwell Guide to Philosophy of Mind / ed. by S. P. Stich, T. A. Warfield. Blackwell, 2003. P. 1-16.
5. Galotti 2020 – Galotti K. M. Cognitive psychology in and out of the laboratory. Sage, 2020. 480 p.
6. Gibson 1979 – Gibson J. J. The ecological approach to visual perception. Boston, MA: Houghton Mifflin, 1979. 332 p.
7. Hurley 2001 – Hurley S. Perception and Action: Alternative Views // Synthese. 2001. Vol. 129. P. 3–40.
8. Kiverstein, Rietveld 2018 – Kiverstein J., Rietveld E. Reconceiving representation-hungry cognition: an ecological-enactive proposal // Adaptive Behaviour. 2018. Vol. 26(4). P. 147-163.
9. Kiverstein, Rietveld 2021 – Kiverstein J., Rietveld E. Scaling-up skilled intentionality to linguistic thought // Synthese. 2021. Vol. 198. P. 175-194.
10. Makowski 2021, web – Makowski D. What visual agnosia might feel like // Reality bending lab. 2021. URL: https://realitybending.github.io/post/2021-01-03-visual_agnosia/ (дата обращения: 10.12.2024)
11. Marr 1982 – Marr D. Vision: A Computational Investigation into the Human Representation and Processing of Visual Information. MIT Press, 1982. 397 p.
12. Obler, Gjerlow 1999 – Obler L. K., Gjerlow K. Language and the Brain. Cambridge University Press, 1999. 217 p.
13. Van Gelder 1995 – Van Gelder T. What might cognition be, if not computation? // The Journal of Philosophy. 1995. Vol. 92(7). P. 345-381.
14. Wittgenstein 1953 – Wittgenstein L. Philosophical investigations. Oxford, UK: Blackwell, 1953. 250 p.

УДК 141

АНТИРЕАЛИСТСКИЕ СЕМАНТИКИ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ДРУГИХ СОЗНАНИЙ

Некрасов Никита Дмитриевич

Аспирант второго курса кафедры истории зарубежной философии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

E-mail: ulyssesjoyce43@gmail.com

Аннотация: Проблема других сознаний традиционно рассматривалась как раздел эпистемологии. Основное внимание уделялось вопросам о том, есть ли сознание и как возможно знание о психологических состояниях других. Главная трудность здесь заключается в эпистемической асимметрии: у нас есть прямое знание о собственном сознании, но такого доступа к сознанию других у нас нет. Классическим решением был аргумент от аналогии. Однако в XX веке появляется принципиально новая — концептуальная стратегия решения проблемы. Её постановка связана прежде всего с поздней философией Витгенштейна. Критикуя классические подходы, предполагающих скептицизм, Витгенштейн предложил рассмотреть вопросы о том, как мы обучаемся и используем психологические понятия по отношению к себе и другим. Центральным понятием его семантики условий утверждаемости стал «критерий», который вводится для решения проблем *приватного языка* и *следования правилу*, возникающих в семантиках условий истинности.

В статье я рассматриваю причины постановки концептуальной проблемы других сознаний в поздней философии Витгенштейна и показываю почему критерии не справляются с поставленными задачами. Далее я демонстрирую влияние его семантики условий утверждаемости на последующих философов: стимульный подход Куайна, верификационизм Даммита и инференциалистскую семантику Селларса и Брэндома.

Общий тезис статьи состоит в том, что антиреалистские семантики систематически сталкиваются с проблемой идентификации ненаблюдаемых или трансцендентных для верификации предметов (в т.ч. других сознаниях) и не справляются с фиксацией корректных значений для их понятий и предложений.

Ключевые слова: проблема других сознаний, эпистемическая асимметрия, семантика, Витгенштейн, критерий, приватный язык, следование правилу, логический бихевиоризм.

ANTI-REALIST SEMANTICS AND THE CONCEPTUAL PROBLEM OF OTHER MINDS

Nekrasov Nikita Dmitrievich

Second-year PhD student, Department of the History of Foreign Philosophy Lomonosov Moscow State University;

Abstract: The problem of other minds has traditionally been regarded as a branch of epistemology. The main focus has been on questions such as whether other minds exist and how knowledge of others' psychological states is possible. The central difficulty lies in epistemic asymmetry: we have direct knowledge of our own mind, but no such access to the minds of others. The classical solution was the argument from analogy. However, in the 20th century, a fundamentally new — conceptual strategy for solving the problem emerged. Its formulation is primarily associated with the later philosophy of Ludwig Wittgenstein. Criticizing classical approaches that lead to skepticism, Wittgenstein proposed examining how we learn and use psychological concepts with respect to ourselves and others. The central concept of his semantics of assertibility conditions became that of a "criterion," introduced to solve the problems of the private language and rule-following, which arise within truth-conditional semantics.

In this article, I examine the reasons for framing the conceptual problem of other minds in Wittgenstein's later philosophy and show why criteria fail to accomplish the tasks assigned to them. I then demonstrate the influence of his semantics of assertibility conditions on subsequent philosophers: Quine's stimulus approach, Dummett's verificationism and the inferentialist semantics of Sellars and Brandom.

The general thesis of the article is that anti-realist semantics systematically encounter the problem of identifying unobservable or verification-transcendent entities (including other minds) and are unable to fix correct meanings for their concepts and sentences.

Keywords: problem of other minds, epistemic asymmetry, semantics, Wittgenstein, criterion, private language, rule-following, anti-realist semantics, logical behaviorism.

Основная часть

Проблема других сознаний традиционно рассматривалась как раздел эпистемологии. Все предложенные подходы были направлены на исследования вопросов о том, есть ли сознание у кого-то помимо меня и как возможно знание о психологических состояниях других. Однако в начале XX века в аналитической философии появилась принципиально новая — концептуальная стратегия решения этой проблемы, которую связывают с поздним Витгенштейном [Avramides 2001, p. 9].

Согласно Витгенштейну, если мы принимаем поведение других в качестве симптома, то мы приходим к пределу, пытаясь ответить на вопрос «почему вы убеждены, что ваша боль и болевое поведение соответствуют боли и болевому поведению другого?» Мы приходим к конвенциям. Болевое поведение в определенных обстоятельствах является критерием боли, потому что на его основе мы обучаемся приписывать психологические состояния другим, и, когда мы видим присутствие внешнего критерия [Wittgenstein 1958, p. 153], то приписывание некоторого психологического состояния другому будет правильным в силу грамматики языка. Наш язык функционирует так, потому что в нем есть такие критериальные отношения между поведением и сознанием, а если бы эти отношения изменились или не являлись таковыми, то наша грамматика была бы другой [Ibid., p. 28]. Следовательно, указание на поведенческий критерий, на основе которого мы устанавливаем, что кто-то испытывает боль, является сущностным для анализа понятия «боль» [Ibid., p. 116].

Если бы внутренний опыт был исключительно приватным и все переживания не имели бы внешних критериев, тогда язык, на котором выражались бы психологические состояния, согласно Витгенштейну, был бы известен только одному человеку — никто другой не смог бы понять этот язык [Wittgenstein 1958, p. 88–89]. Проблема аргументов, предполагающих вывод при познании других сознаний, заключается в том, что при отсутствии публичных критериев мы были бы не в состоянии установить, что мы говорим об одном и том же, когда говорим о боли [Malcolm 1958, p. 970].

Куайн признавал влияние позднего Витгенштейна на формирование собственного подхода, в котором значения психологических понятий определялись в наблюдаемом поведении: «Что, на мой взгляд, имеет значение, так это просто настойчивость в формулировании всех критериев в терминах наблюдения» [Quine 1969, p. 97].

Даммит утверждал, что значение предложения заключается не в условиях его истинности в некоем недоступном нам мире (трансцендентном для верификации), а в условиях его верифицируемости, то есть в наличии у нас доказательств или способности распознать его истинность. Семантика, допускающая трансцендентные для проверки сущности, сталкивается с проблемой установления значения, поэтому значения должны быть публично проверяемыми

для того, чтобы кто-то мог им обучится. [Dummett 1975, p. 79] Он предлагал два аргумента против семантики условий истинности: *аргумент от манифестации* и *аргумент от усвоения языка*. Согласно аргументу от манифистации — когнитивное и лингвистическое поведение агента не свидетельствует о существовании реалистских связей между сознанием и поведением (мы не можем показать, что именно делает предложение истинным, если не можем его верифицировать). Аргумент от усвоения языка говорит о том, что если бы такие связи существовали, то изучение языка было бы невозможным (витгенштейнианский ход).

Селларс, критикуя *миф о данном*, предлагал инференциалистскую семантику — подход к теории значения, согласно которому значение предложения определяется прежде всего его ролью в выводах, а не репрезентацией, обозначением (денотацией) или условиями истинности в классическом смысле [Sellars 1997, p. 64]. Брэндом предлагал более радикальную версию инференционалистской семантики, где значение полностью объясняется через инференциональные практики и *учёт* (деонтический учет между спикерами). Акцентируя внимание на социальный и интерсубъективный характер языка, что сближает его подход с поздним Витгенштейном [Brandom 1994, p. 141].

Однако антиреалистские семантики к концептуальной проблеме других сознаний сталкиваются минимум с тремя затруднениями: *проблемой обучения и употребления психологических понятий*, *дилеммой сильного и слабого критерия*, а также *определения значений и правил*.

Согласно Витгенштейну, критерии являются тем, на основе которых мы обучаем или обучаемся психологическим понятиям. Тем не менее, если бы мы обучались использованию и употреблению психологических понятий или высказываний в случае других сознаний на основе поведенческих критериев, то мы бы просто не узнали о тех состояниях, по отношению к которым они используются. Если бы мы обучали ребенка высказыванию «боль другого», указывая на болевое поведение, то мы бы не обучили ребенка тому переживанию, которое мы называем болью в собственном случае или, говоря словами Витгенштейна, *выражаем* в качестве боли. В лучшем случае, ребенок бы научился распознавать определенный вид поведения. И если бы ребенок спросил: «что другой имеет в виду, когда говорит, что ему больно?», то объяснение или описание через поведенческий критерий ничего бы не сказало ребенку нового, чего бы он не смог увидеть. Так перед критерием возникает дилемма:

1. Или критерий задается сильно, т.е. описывается исключительно на словаре поведения (и обстоятельств) — и тогда критериальный подход влечет логический бихевиоризм;
2. Или критерий задается слабо, т.е. включает дополнительно к описанию поведения (и обстоятельств) описание внутренних состояний — и тогда становится неотличим от симптома.

Из того, как задается противопоставление между критериями и симптомами, критерий должен предполагать (1), т.е. какую-то версию бихевиоризма, иначе он просто не достигает поставленных целей.

Куайн признавал влияние позднего Витгенштейна на формирование собственного бихевиористского подхода, в котором значения психологических понятий определялись в наблюдаемом поведении: «Что, на мой взгляд, имеет значение, так это просто настойчивость в формулировании всех критериев в терминах наблюдения» [Quine 1969, p. 97]. Только если Куайн описывал значения и критерии через каузальные/стимульные отношения, то Витгенштейн указывал на правила.

Далее, в семантике условий утверждаемости, или конвенционализме, значения являются некоторой интерсубъективной сущностью, которая инстанциирована в определенном

языковом сообществе. Так, в семантике условий утверждаемости значения находятся не в сознании агента и не где-то в физическом мире, но чисто в коммуникативных практиках. Значения понятий в такой семантике выбирают правильность, уместность, удачность и так далее. Даммит различал два вида конвенционализма: классический, или *модифицированный*, который принимает однажды установленные конвенции в качестве интерсубъективных сущностей, из которых затем выводятся правила; и *полный,* — к которому он относил Витгенштейна, — где правила возникают непосредственно в каждом новом акте употребления [Dummett 1978, p. 170]. В первом случае, правила фиксируются относительно сообщества, которые затем функционируют объективно, во втором — каждое новое применение правила или принятие теоремы — это новый акт употребления или доказательства, а не логическое следствие из уже существующих конвенций. Если классический конвенционализм предполагает относительную устойчивость правил и значений, то семантика Витгенштейна, кажется, лишена такой устойчивости и систематичности — правила рассматриваются в ней не как данные объективно, поэтому выглядят произвольно и релятивно.

Такой ход кажется более проблематичным, если принять во внимание, что критерии и правила высказываний у Витгенштейна задаются не однажды установленными языковым сообществом конвенциями, но сами по себе — это и есть, в сущности, холистический тезис Витгенштейна: «значение слова — это его употребление в языке» [Wittgenstein 1958, p. 20]. Где язык выступает некоторой когерентной системой или сеткой высказываний, связанных друг с другом таким образом, что употребление одного высказывания делает употребление другого высказывания правильным или неправильным в зависимости от определённых фоновых обстоятельств и убеждений. Однако тогда каждое высказывание должно быть связано с некоторым каталогом обстоятельств, наличие которых обосновывало бы правильность его употребления. Проблема заключалась бы даже не в том, что составление или знание о таком каталоге превосходило бы наши эпистемические способности. Но, скорее, в том, что одни и те же правила, в зависимости от обстоятельств, иногда делали бы обоснованными одни и те же высказывания, а иногда нет. Поэтому правила в такой семантике должны были бы включать в каждом случае исчерпывающее описание всех возможных релевантных фоновых обстоятельств вместе с описанием того, как эти обстоятельства влияют на обоснование употребления определённого высказывания. Но, если правила зависят от множества переменных, которые в определённых обстоятельствах могут вступать в противоречие, то формулирование и фиксация значений становится невыполнимой. Это затруднение также касается и инференционалистской семантики Селларса и Брендома.

Наконец, если верификационизм Даммита также требует публичность для проверки правильного употребления психологических понятий. Тогда его проект также должен быть бихевиористским, потому что установление значений для психологических понятий должны производиться через поведение, но это влечет слишком сильные концептуальные отношения, которые не выдерживает логический бихевиоризм (Карнапа или Райла), а именно — случаев самоприписывания и аргументы от притворства.

Список литературы

1. Albritton 1959 – Albritton R. On Wittgenstein’s Use of the Term ‘Criterion’ // The Journal of Philosophy. 1959. Vol. 56. No. 22. pp. 845–857.
2. Brandom 1994 – Brandom R. B. Making It Explicit: Reasoning, Representing, and Discursive Commitment. Cambridge, MA. 1994. 768 p.

3. Dummett 1978 – Dummett M. Wittgenstein's Philosophy of Mathematics // Truth and Other Enigmas. London: Duckworth, 1978. Pp. 166–186.
4. Dummett 1976 – Dummett M. What is a Theory of Meaning? (II) // Truth and Meaning: Essays in Semantics, ed. by G. Evans, J. McDowell. Oxford: Clarendon Press, 1976. Pp. 67–137.
5. Hyslop 1995 – Hyslop A. Other Minds. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1995. 168 p. (Synthese Library; Vol. 246).
6. Malcolm 1958 – Malcolm N. Knowledge of Other Minds // The Journal of Philosophy. 1958. Vol. 55. No. 23. Pp. 969–978.
7. Quine 1969 – Quine W. V. O. Linguistics and Philosophy. Language and Philosophy: A Symposium / ed. by S. Hook. New York: New York University Press, 1969. Pp. 95–98.
8. Sellars 1997 – Sellars W. Empiricism and the Philosophy of Mind. With an Introduction by Richard Rorty and a Study Guide by Robert Brandom. Cambridge, MA. 1997. 192 p.
9. Wittgenstein 1958 – Wittgenstein L. Philosophical Investigations. Oxford: Basil Blackwell, 1958. 232 p.
10. Wittgenstein 1964 – Wittgenstein L. Preliminary Studies for the "Philosophical Investigations" Generally Known as The Blue and Brown Books. Oxford: Basil Blackwell, 1964. 192 p.
11. Wright,1986 – Wright C. Realism, Meaning and Truth. Oxford: Blackwell, 1986. 400 p.
12. Wright 1992 – Wright C. Truth and Objectivity. Cambridge, MA, 1992. 272 p.

УДК 11

О МИНИМАЛЬНОМ ОТНОШЕНИИ ЗАВИСИМОСТИ МЕНТАЛЬНОГО ОТ ФИЗИЧЕСКОГО

Тарасенко Тарас Николаевич

ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет)

E-mail: tarasenko.tn.msu@gmail.com

Аннотация: В докладе обсуждается вопрос о том, какое отношение зависимости лучше всего выражает минимальные обязательства физикализма в философии сознания. Отправной точкой служит мысль, что ментальные факты не должны быть самостоятельным добавлением к физическому устройству мира. Однако эта мысль сама по себе не определяет, как именно следует понимать связь между ментальным и физическим. В докладе рассматривается возможность выразить её через глобальную метафизическую супервентность, реализацию

ментальных свойств физическими и ограничение независимой ментальной причинности. Показывается, что супервентность необходима для блокировки сценариев, в которых физически совпадающие миры различаются ментально, но сама по себе она не объясняет статус ментальных свойств и их каузальную роль. Теория тождества типов оказывается слишком сильной, поскольку плохо согласуется с множественной реализуемостью и сохранением ментальных свойств как недизъюнктивных универсалий. Более умеренной альтернативой выступает модель реализации через включение каузальных сил: ментальное свойство не тождественно физическому типу, но его каузальная роль обеспечивается физическим реализатором. Особое внимание уделяется проблеме тождества токенов. Если токены понимаются как структурированные положения дел, тождество ментального и физического токена ведёт к тождеству соответствующих свойств. Поэтому вместо тождества токенов предлагается требование отсутствия независимого ментального каузального вклада. Итоговая рабочая формулировка соединяет три условия: глобальную метафизическую супервентность, реализацию через включение каузальных сил и каузальное экранирование ментального физическим реализатором.

Ключевые слова: физикализм; философия сознания; супервентность; реализация; ментальная причинность; тождество токенов; каузальное экранирование; множественная реализуемость.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда No 25-18-00050, https://rscf.ru/project/25-18-00050/

ON THE MINIMAL DEPENDENCE RELATION BETWEEN THE MENTAL AND THE PHYSICAL

Tarasenko Taras Nikolaevich

Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University)

*Abstract***:** This paper examines which relation of dependence best captures the minimal commitments of physicalism in the philosophy of mind. Its starting point is the thought that mental facts should not constitute an independent addition to the physical structure of the world. This thought, however, does not by itself determine how the relation between the mental and the physical is to be understood. The paper considers whether it can be articulated through global metaphysical supervenience, the realization of mental properties by physical properties, and a constraint on independent mental causation. It is argued that supervenience is needed to rule out scenarios in which physically identical worlds differ mentally, but that by itself it does not account for the status of mental properties or for their causal role. Type-identity theory appears too strong, since it sits uneasily with multiple realizability and with the preservation of mental properties as non-disjunctive universals. A more moderate alternative is provided by the causal-powers subset account of realization: a mental property is not identical with a physical type, but its causal role is secured by its physical realizer. Special attention is given to the problem of token identity. If tokens are understood as structured states of affairs, the identity of a mental token with a physical token entails the identity of the corresponding properties. For this reason, the paper proposes replacing token identity with the requirement that there be no independent mental causal contribution. The resulting working

formulation combines three conditions: global metaphysical supervenience, realization through the inclusion of causal powers, and the causal screening-off of the mental by its physical realizer.

*Keywords***:** physicalism; philosophy of mind; supervenience; realization; mental causation; token identity; causal screening-off; multiple realizability.

Физикализм обычно формулируют как тезис о том, что всё существующее является физическим, или, в более осторожной версии, что всё нефизическое необходимым образом фиксируется физическим [Stoljar 2024]. В философии сознания это означает, что ментальные факты не должны быть самостоятельным добавлением к физическому устройству мира. Такая формулировка ещё не задаёт конкретного отношения между ментальным и физическим. Его можно понимать через супервентность, реализацию, тождество, фундирование, конституирование или иное отношение. От выбора зависит, будет ли физикализм прежде всего модальным тезисом о невозможности расхождения между физическим и ментальным или более обязывающей теорией природы ментальных свойств.

Наиболее экономный способ уточнить эту связь даёт супервентность. В стандартном смысле она означает, что не может быть различия в одном наборе свойств без различия в другом: если A-свойства супервентны на B-свойствах, то A-различие предполагает B-различие [Kim 1993]. В физикалистском контексте это отношение лучше понимать глобально. Так, например, локальная супервентность связывала бы ментальные состояния отдельного субъекта с его внутренним физическим устройством. Но такое требование выглядит слишком жёстким: содержание убеждений и других интенциональных состояний может зависеть не только от внутреннего состояния субъекта, но и от среды, истории взаимодействия с объектами и социальных условий. Поэтому два субъекта могут совпадать по внутреннему физическому устройству и всё же различаться по содержанию некоторых состояний. Для физикализма это не должно быть проблемой, если соответствующее различие всё равно связано только лишь с физическим, но в более широком контексте. Поэтому супервентностный физикализм обычно формулируют как глобальный тезис: миры, совпадающие по всем физическим фактам, не должны различаться по ментальным фактам [McLaughlin, Bennett 2023].

Эта зависимость должна быть метафизической, а не только номологической. Номологическая супервентность утверждала бы лишь, что при законах актуального мира ментальные факты не варьируются независимо от физических. Но такой тезис оставляет связь между физическим и ментальным контингентной: в нашем мире она сохраняется, но метафизически возможен физически такой же мир с иными ментальными фактами. Это плохо передаёт исходную физикалистскую интуицию. Если всё физическое уже задано, не должно оставаться открытым ещё и то, какие ментальные факты имеют место. Поэтому физикалисту нужна глобальная метафизическая супервентность: физически совпадающие миры не должны различаться ментально [Wilson 2005].

Если ограничиться супервентностью, физикализм останется тезисом о распределении фактов по возможным мирам. Этого недостаточно, если нас интересует статус ментальных свойств. Если они не тождественны физическим, нужно объяснить, сохраняют ли они каузальную роль. Один возможный ответ состоит в теории тождества типов: ментальные свойства тождественны физическим. Но этот ответ принимает слишком сильное

обязательство. Одно и то же ментальное состояние, по-видимому, может реализовываться разными физическими структурами у разных организмов или систем [Putnam 1967]. Тогда физикалист должен либо дробить ментальные типы по видам и системам, либо понимать ментальное свойство как дизъюнкцию всех его физических реализаций. Оба варианта выглядят крайне непривлекательно.

Реализация предлагает более мягкую связь между свойствами. В рамках реалистической онтологии свойств ментальные свойства можно понимать как универсалии, которые инстанциируются разными носителями и входят в объяснения. Согласно модели реализации через включение каузальных сил, ментальное свойство M реализовано физическим свойством P у данного носителя и при данных фоновых условиях тогда, когда каузальные силы M входят в состав каузальных сил P [Shoemaker 2007]. В таком случае M не тождественно физическому типу P, но его каузальная роль обеспечивается физическим реализатором. M не нужно отождествлять ни с P, ни с дизъюнкцией P1, P2, P3 и так далее. Его единство задаётся каузальным профилем, который может иметь разные физические реализации [Wilson 2011].

Реализация позволяет сохранить ментальные свойства как нефундаментальные, но каузально значимые. Однако она сама по себе ещё не полностью отвечает на проблему ментальной причинности. Если физическое следствие уже имеет достаточную физическую причину, ментальное свойство не должно становиться второй независимой причиной того же следствия. Иначе остаются два нежелательных исхода: либо ментальное ничего не делает, либо физические эффекты систематически сверхдетерминированы физическими и ментальными причинами одновременно [Kim 1998]. Поэтому к реализационному условию нужно добавить каузальное ограничение: ментальное должно быть каузально значимым, но не должно образовывать самостоятельную причинную линию сверх физического реализатора.

На первый взгляд эту работу могло бы выполнить тождество токенов. Но если токены понимаются структурированные положения дел или события, то возникает проблема. Ментальный токен имеет вид ⟨S, M, l⟩, а физический токен — вид ⟨S, P, l⟩, где S — носитель, M и P — соответствующие свойства, а l — пространственно-временная локализация. Их тождество требует тождества компонентов. Следовательно, из тождества таких фактов следует M = P. Например, кимовская трактовка событий как экземплификаций свойств ведёт именно к такому результату [Kim 1976]. Поэтому тождество токенов не выглядит подходящим минимальным решением. Оно либо оказывается слишком сильно увязаны с конкретными типами онтологий, либо возвращает нас к тождеству типов, от которого реализационная стратегия как раз должна была уйти.

Вместо тождества ментальных и физических фактов достаточно требовать отсутствия независимого ментального каузального вклада. Пусть P* — полный физический реализатор M относительно следствия E и фоновых условий C. Тогда M не должно оставаться самостоятельным фактором каузального различия относительно E после фиксации P*. Если полный физический реализатор уже задан, вариации M не должны давать дополнительной каузальной разницы для E. Это не превращает M в пустое свойство. Его каузальные силы сохраняются, но они входят в силы P*. Так можно развести две близкие, но разные задачи. Реализация отвечает за каузальную релевантность ментальных свойств: силы M включены в силы P. Экранирование отвечает за отсутствие независимой второй причины. Если попытаться свести экранирование к одной реализации, придётся, вероятно, неявно добавить локальную супервентность. Поэтому эти условия лучше держать раздельно. Одно объясняет, почему

ментальные свойства не являются каузально пустыми; другое — почему их каузальная значимость не превращается в самостоятельную сверхфизическую причинность.

Если физикалист хочет сохранить исходную мысль о том, что ментальное не является добавлением к физическому миру, но при этом не отождествлять ментальные свойства с физическими типами, правдоподобно принять три условия. Во-первых, ментальные факты метафизически и глобально супервентны на физических фактах: физически совпадающие миры не различаются ментально. Во-вторых, ментальные свойства реализуются физическими свойствами через включение каузальных сил. В-третьих, ментальное не образует независимого каузального канала сверх полного физического реализатора. Фундирование [Fine 2012] и конституирование [Baker 2000] могут быть полезны для других вариантов физикалистской теории, но, по всей видимости, они не обязаны входить в минимальное ядро этой позиции. Такая схема выглядит экономной и при этом блокирует зомби-миры, сохраняет ментальные универсалии как недизъюнктивные свойства и не требует самостоятельной сверхфизической причинности.

Список литературы

1. Baker 2000 – Baker L. R. Persons and Bodies: A Constitution View. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 252 p.
2. Fine 2012 – Fine K. Guide to Ground // Correia F., Schnieder B. (eds.). Metaphysical Grounding: Understanding the Structure of Reality. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 37–80.
3. Kim 1976 – Kim J. Events as Property Exemplifications // Brand M., Walton D. (eds.). Action Theory. Dordrecht: D. Reidel, 1976. P. 310–326.
4. Kim 1998 – Kim J. Mind in a Physical World: An Essay on the Mind-Body Problem and Mental Causation. Cambridge, MA: MIT Press, 1998. 160 p.
5. Kim 1993 – Kim J. Supervenience and Mind: Selected Philosophical Essays. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 402 p.
6. McLaughlin, Bennett 2023 – McLaughlin B., Bennett K. “Supervenience” // Zalta E. N., Nodelman U. (eds.). The Encyclopedia of Philosophy. Substantive revision: 2023.
7. Putnam 1967 – Putnam H. “Psychological Predicates” // Capitan W. H., Merrill D. D. (eds.). Art, Mind, and Religion. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1967. P. 37–48.
8. Shoemaker 2007 – Shoemaker S. Physical Realization. Oxford: Oxford University Press, 2007. 160 p.
9. Stoljar 2024 – Stoljar D. “Physicalism” // Zalta E. N., Nodelman U. (eds.). The Encyclopedia of Philosophy. 2024.
10. Wilson 2011 – Wilson J. M. “Non-Reductive Realization and the Powers-Based Subset Strategy” // The Monist. 2011. Vol. 94. No. 1. P. 121–154.
11. Wilson 2005 – Wilson J. M. “Supervenience-Based Formulations of Physicalism” // Noûs. 2005. Vol. 39. No. 3. P. 426–459.

УДК 165.12

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС

Демин Тимофей Сергеевич
Кандидат философских наук
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», старший преподаватель
E-mail: Detimofei@gmail.com

Аннотация: В докладе рассматривается теоретический анализ ряда вопросов связанных с категорией познавательного интереса. Доклад начинается с анализа связи интереса и любопытства. Предлагается несколько возражений против того, что интерес и любопытство – взаимозаменяемые понятия: люди могут испытывать любопытство по отношению к вещам, которые они не считают интересными. После этого рассматривается попытка определить интерес как «желание знать». Рассматриваются возражения к этой теории. Так, желание понимается как состояние, тогда как интерес – как процесс, а значит желание и знание принадлежат к разным метафизическим классам. Затем происходит разбор нормативного измерения интереса: может ли он быть единственным основанием для исследования или всегда связан с прагматической пользой. Рассматривается взгляд, согласно которому, интерес всегда направлен на достижение некоторой пользы для агента. В конце доклада разбирается ряд отличительных характеристик интереса: добровольность познания (принудительность в познании является помехой интересу), ожидание того, что объект интереса способен удивить, потенциальная близость объекта интереса к внутренней доксатической и аксиологической структуре личности, правдоподобность познаваемого содержания (оно должно восприниматься как истинное).

Ключевые слова: познавательный интерес, интересность, любопытство, удивление, теория познания, знание, скептическая установка.

EPISTEMIC INTEREST

Demin Timofey Sergeevich
PhD in Philosophy
Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI", Assistant Professor

Abstract: This paper presents a theoretical analysis of several issues related to the category of epistemic interest. It begins with an analysis of the relationship between interest and curiosity. Several objections to the idea that interest and curiosity are interchangeable are offered: people can be curious about things they don't find interesting. This is followed by an attempt to define interest as a "desire to know." Objections to this theory are considered. For example, desire is understood as a state, while interest is a process, meaning that desire and knowledge belong to different metaphysical classes. The paper then examines the normative dimension of interest: can it be the sole basis for research or is it always associated with pragmatic benefit. The paper considers the view that interest is always aimed at achieving some benefit for the agent. The paper concludes with a discussion of several distinctive characteristics of interest: voluntary cognition (compulsive cognition is a hindrance to interest), the

expectation that the object will surprise, potential proximity to the individual's internal doxastic and axiological structure, and plausibility (the content being learned must be perceived as if it were real).
Keywords: epistemic interest, interestingness, curiosity, wonder, epistemology, knowledge, skeptical attitude.

В современной аналитической философии обсуждается ряд подходов к пониманию познавательного интереса и любопытства. Проблематика связана с определением этих категорий, прояснением связи с другими познавательными категориями, анализ современных исследований в областях когнитивных наук, поведения животных и компьютерных наук, с целью доработки и применения теории интереса к прикладным исследованиям. В настоящем докладе я затрону проблемы теоретического характера двух типов: отношения интереса и других познавательных категорий, а также определение самой категории интереса.

Категория интереса связана с другими познавательными категориями. Первая связь, которую можно установить, это отношение интереса и любопытства. Существует ряд работ, в которых эпистемически интересное понимается как любопытное [Goldman 1999; Miscevic 2007; Whitcomb 2010]. Однако попытки определить интересное как любопытное сталкиваются с рядом проблем. Часто нечто является «просто любопытным», но не интересным. Например, некто пытается вспомнить имя автора песни на радио, которое вылетело из головы. Он может из любопытства бросить все и искать имя автора. Но если спросить этого человека, интересен ли этот факт, он вполне может ответить, что нет. Вспоминающему скорее нужно заполнить «пробел» и в этом заключается его любопытство. Однако в психологической литературе было предложено два вида любопытства – как познавательное и как чувство нехватки (feeling of deprivation) [Litman 2005]. Введение этого различения убедительно парирует возражение.

В заметном подходе в эпистемологии «сначала знание», одним из центральный тезисов является фундаментальность знания по отношению к другим эпистемическим категориям. Это означает, что другие эпистемические понятия следует определять в терминах знания. Так, Дженифер Нагель предложила концепцию, согласно которой, любопытство – это желание знать [Nagel 2024]. Эта теория столкнулась с критикой, согласно которой, животные обладают любопытством, но лишены способности метаконгитивных желаний иметь когнитивные состояния «знания» [Friedman 2013; Carruthers 2018]. Другое возражение связано с тем, что любопытство – это процесс или активность, тогда как желание – это состояние, то есть желание и любопытство принадлежат к двум разным метафизическим классам, поэтому одно нельзя определять в терминах другого. Еще один путь для возражений, построен на контрпримерах, когда нечто любопытно, но это не хочется знать. Например, мне интересно, кто написал статью, которую я рецензировал, но я не хочу этого знать, чтобы быть беспристрастным [Friedman 2019]. Дэниэл Дракер замечает еще одно интересное свойство любопытства: в отличии от желания, оно не удовлетворяется, а «исчерпывается или каким-то образом кончается» [Drucker 2022, p. 68].

Большой пласт исследований интереса связан с его нормативным измерением. Должен ли интерес быть регулирующим принципом в исследованиях? Например, не начинать исследование, просто потому что не возникает любопытства или наоборот, начинать только на основании того, что интересно? Может быть интерес самодостаточным основанием для исследования или за интересом всегда скрывается другое основание – выгода, польза, наслаждения и так далее?

Линия мысли, которую мы можем обнаружить, например, в «Метафизике» Аристотеля, гласит, что существуют такого рода вещи, которые стоят познания ради них самих. Для Аристотеля, это занятие теоретическим знанием. На этом основании он доказывает, что занятие теорией лучше остальных видов деятельности, так как оно делается ради него самого, а не потому что приносит пользу в чем-то ином или доход.

В оппозиции по направлению к этой линии мысли, Стивен Гримм предложил свой подход к интересности (interestingness). Он предполагает, что объекты познания не могут быть тем, что заслуживает интереса само по себе, вне прагматических соображений. Гримм предполагает, что существует базовый познавательный интерес. Большая часть такого интереса подпадает под четыре вопроса: «Что есть? Как это работает? Как оно стало таковым? Как я должен жить?». Эти вопросы объединены тем, что людям интересно, как части реальности связаны друг с другом. Джеймс Вудвард, в книге по причинностному объяснению, предполагает, что связи между вещами создают ощущение, что ими потенциально возможно манипулировать [Woodward 2003, p. 6-7]. Исходя из этого, Гримм предполагает, что в конечном счете, любой интерес к миру носит инструментальный характер и сводится к тому, что интерес имеет отношение к процветающей жизни. Этот ход убирает различение между тем что интересно только для познания и тем, что интересно с практической точки зрения. С точки зрения Гримма, это различение нельзя провести строго, прежде всего потому, что не очень понятно, что из себя представляет интересное чисто с познавательной точки зрения.

Кажется, проблемы для концепции Гримма стоит поискать в феноменах принципиально бесполезного глубокого интереса. Например, интересной литературы, особенно такой литературы, повествование в которой происходит в вымышленных мирах, скажем в фэнтези-мирах с эльфами, феями и драконами. Именно вымышленные существа и нереальные для нашего мира принципы и законы (магия, странные природные явления, мистика) делают эти миры особенно интересными. Гримм мог бы предложить, что наш разум воспринимает эти миры как «как-бы реальные» и желание разобраться в том, как быть в этом мире благополучным, конституирует успех этого жанра литературы. Миры с магией в воображении читателя становятся пространством для невозможного в нашем мире уровня власти и доминирования. С другой стороны, если бы подход Гримма был удачным, то мы бы наблюдали связь между пользой и способностью увлекать. Скажем, фэнтези-литература в целом увлекала бы меньше, чем «нравственные письма к Луцилию», сплетни без моральной пользы интересовали бы меньше, чем сплетни с нравоучительным компонентом. Однако такого рода связь если и есть, то далеко не очевидна.

Еще одним примечательным свойством интересного объекта является то, что Юрген Шмидхабер определяет как обладание надлежащим уровнем вызова для когнитивных сил агента. Так, нечто может быть интересным для нас, однако мы теряем к этому интерес в силу того, что у нас нет уверенности в том, что мы можем это познать. Космологию, судя по продажам книг Стивена Хокинга, люди считают очень интересной. Однако по ряду наблюдений, большая часть людей бросает книгу в начале, так как находит тему интеллектуально слишком трудозатратной.

Далее, хорошо известная в философской и психологической литературе проблематика, связанная с тем, что интерес связан со способностью удивлять, которая в свою очередь,

предполагает наличие ожидания от объекта познания. Это, по версии Дженифер Нагель, связано с тем, что базовым методом познания реальности является метод предсказания-исправления ошибки. Нагель демонстрирует через обзор современной научной литературы, что модели обучения, связанные с наличием любопытства в том числе с ущербом для непосредственной и сиюминутной практической пользы, дают более хорошие результаты и в экспериментах с животными, и при обучении с подкреплением нейросетей, и в симуляциях поведения агентов в игровых средах. Любопытство делает агентов более успешными в средах, которые обладают изменчивостью. Именно к такой среде относится эмпирически наблюдаемый мир. Все это можно использовать как аргументы в пользу того, что интерес фактически всегда служит некоторой пользе. Это делает нормативный вопрос «Стоит ли интересоваться чем-то ради самого познания?» менее значимым.

Наконец, интерес имеет связь со свободой, истиной, скептицизмом и доксатической структурой агента. Во всех этих случаях связь является не совсем тривиальной и поэтому заслуживающей внимания. В случае с интересом, свобода является условиям возникновения рассматриваемого состояния. Однако в данном случае речь идет не о метафизической свободе, но об ощущении добровольности. То есть человеку должно казаться, что это он – источник желания познать. Противоположная ситуация – это когда познание по умолчанию принудительно (значительная, если не большая часть системы образования работает именно в установке второго типа). Соответственно, создание условий, в которых создается ощущение добровольности в познании способствует интересу. Интерес направлен на то, что связано с истиной, но как и в случае со свободой, не в метафизическом смысле. Предмет интереса должен быть похожим на то, как выглядит истина, или в буквальном смысле этого слова – правдоподобным. Это требование соблюдается в таких чуждых истине местах как сплетни или выдуманные истории, в том числе художественные. Многим нравятся фантастические сценарии, однако здесь сохраняется требование: сюжет кино или рассказа должен выглядеть так, чтобы мы могли в него поверить. Поэтому сюжетные дыры, плохие мотивации и несостыковки могут портить впечатление.

Скептическая установка связана с интересом двояким образом: нечто должно быть принципиально доступным для познания и в то же время – еще не известным, сохранять интригу познания. Радикальный познавательный скептицизм (люди не могут обладать никаким знанием) пагубен для интереса также, как и уверенность в том, что все это легко познается и не может удивить. Такая же двоякая установка сохраняется в отношении к тому, что уже знает агент. Интерес усиляется при близости к тому, что уже известно агенту и ослабляется при удалении. Не стоит ожидать интереса от фермера к квантовой механике. В то же время, расширение интереса в новое пространство мысли, до этого не известное человеку, хотя и связанное с тем, что он уже знает, способно дать наиболее сильные переживания интереса.

Список литературы

1. Carrthers 2019 – Carruthers P. Basic questions // Mind & Language. 2018. Vol. 33. № 2. P. 130–147.
2. Friedman J. Inquiry and belief // Noûs. 2019. Vol. 53. № 2. P. 296–315.

3. Drucker 2022 – Drucker D. Wondering on and with Purpose // Oxford Studies in Philosophy of Mind / ed. by U. Kriegel. 2022. Vol. 2. P. 68–95.
4. Friedman 2013 – Friedman J. Question-directed attitudes // Philosophical Perspectives. 2013. Vol. 27. № 1. P. 145–174.
5. Goldman 1999 – Goldman A. Knowledge in a social world. Oxford: Oxford University Press, 1999. 416 p.
6. Litman 2005 – Litman J. A. Curiosity and the Pleasures of Learning: Wanting and Liking New Information // Cognition and Emotion. 2005. Vol. 19. № 6. P. 793–814.
7. Miscevic 2007 – Miscevic N. Virtue-based epistemology and the centrality of truth (towards a strong virtue-epistemology) // Acta Analytica. 2007. Vol. 22. № 3. P. 239–266.
8. Nagel 2024 – Nagel J. Natural curiosity // Putting Knowledge to Work: New Directions for Knowledge-First Epistemology / ed. by J. L. Zalabardo. Oxford: Oxford University Press, 2024. P. 170–200.
9. Whitcomb 2010 – Whitcomb D. Curiosity was framed // Philosophy and Phenomenological Research. 2010. Vol. 81. № 3. P. 664–687.
10. Woodward 2003 – Woodward J. Making Things Happen: a Theory of Causal Explanation. New York: Oxford University Press, 2003. P. 6–7.

УДК 141

ДВА ВИДА ЕДИНСТВА СОЗНАНИЯ И ИЛЛЮЗИОНИЗМ

Сысоев Матвей Сергеевич
кандидат философских наук
Институт философии РАН, научный сотрудник
E-mail: sysoev.paritet@gmail.com

Аннотация: Феноменальное единство сознания принципиальным образом отличается от субъектного единства, а гипотеза о том, что оно первое является иллюзией, возникающей на основе второго, неправдоподобна. На первый взгляд может показаться, что феноменальное единство может быть объяснено через субъектное единство или даже сведено к нему через некоторую форму редукции, подобную той, что используют иллюзионисты для объяснения феноменального сознания: сознание кажется единым, потому что все состояния переживаются одним субъектом. Кажущаяся перспективность данной стратегии основана на методологической ошибке: сопоставляется феноменологический аспект феноменального единства и метафизический аспект субъектного единства. У субъектного единства вполне может быть свой собственный феноменологический аспект, который заключается в переживании принадлежности всех состояний одному субъекту. С другой стороны, у феноменального единства есть свой метафизический аспект, который варьируется в зависимости от подхода, но в общем виде заключается, во-первых, в единстве общего сознательного состояния, понимаемого как характеристика, во-вторых, в мереологическом отношении между разными состояниями или между состоянием и его содержанием. Таким образом, метафизический аспект феноменального единства позволяет более ясно

специфицировать метафизическую природу общего объединяющего переживания, не связывая его характер с наличием какого-либо субъекта. Данный тезис обосновывается ссылкой на несколько подходов к феноменальному единству сознания: Дж. Сёрла, М.Тая, Т. Бэйна.

Ключевые слова: феноменальное единство сознания, субъектное единство сознания, состояние сознания, иллюзионизм, проблема сознания.

TWO KINDS OF UNITY OF CONSCIOUSNESS AND ILLUSIONISM

Sysoev Matvey Sergeevich

PhD

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, research fellow

Abstract: The phenomenal unity of consciousness is fundamentally different from subject unity, and the hypothesis that the former is an illusion arising from the latter is implausible. At first glance, it might seem that phenomenal unity can be explained through subject unity or even reduced to it by some form of reduction similar to that used by illusionists to explain phenomenal consciousness: consciousness seems unified because all states are experienced by one subject. The apparent promise of this strategy is based on a methodological error: it juxtaposes the phenomenological aspect of phenomenal unity with the metaphysical aspect of subject unity. Subject unity may well have its own phenomenological aspect, which consists in the experience of all states belonging to one subject. On the other hand, phenomenal unity has its own metaphysical aspect, which varies depending on the approach but generally consists, first, in the unity of the overall conscious state understood as a characteristic, and second, in the mereological relation between different states or between a state and its content. Thus, the metaphysical aspect of phenomenal unity allows us to specify more clearly the metaphysical nature of the overall unifying experience, without linking its character to the presence of any subject. This thesis is supported by reference to several approaches to the phenomenal unity of consciousness: J. Searle, M. Tye, T. Bayne.

Keywords: phenomenal unity of consciousness, subject unity of consciousness, state of consciousness, illusionism, the problem of consciousness.

В докладе на секции РОИФН 2024, посвященной философии сознания, Артём Петрович Беседин высказал точку зрения, что помимо феноменального аспекта у феноменального единства просто нет не-феноменальной специфики, что позволяет ему предложить в качестве решения проблемы феноменального единства «сведение со-сознания к субъективным[11] типам единства сознания и нейрофизиологического единства» [Беседин 2024, с. 554]. Это решение представляется принципиально важным по своим последствиям, поскольку, если оно окажется

[11] Далее я буду именовать этот тип единства «субъектным», поскольку такой перевод представляется мне более удачным.

успешным, то проблема того, каким образом иллюзионизм в отношении феноменального сознания должен поступать с феноменальным единством, будет решена. Кроме того, сам характер редукции здесь будет таким, что феноменальное единство окажется, в некотором смысле, иллюзорным.

Дальнейшее рассуждение является реакцией на решение, которое предлагает Беседин. Как я полагаю, Беседин неоправданно смешивает феноменологический критерий единства включенности и само определение этого типа единства. Действительно, феноменальное единство может быть определено через более интуитивно понятный и очевидный феноменологический критерий, т.е. через указание на *то, каково это* находиться в едином состоянии. Феноменальное единство – это такая разновидность единства, которая выражается в характере переживаемого опыта, поскольку *есть то, каково это* в данный момент испытывать сразу всё содержание вашего сознания. Однако у этого феноменального единства есть и сугубо метафизический аспект – не-феноменологическая характеристика сознательного состояния. Он выражается в двух аспектах:

Во-первых, в каждый момент времени существует такое общее состояние сознания, которое или включает в себя все прочие или является единственным. Это отношение «включенности» и образует единство. В этом аспекте единство является отношением между общим состоянием и другими состояниями, которое оно включает.

Во-вторых, в каждый момент времени общее состояние сознания может быть охарактеризовано как единое. Это значит, что феноменальное единство может быть выражено не только через отношение между состояниями, но и через то, каково общее состояние. Это становится ясно, если рассмотреть подходы, которые вообще исключают наличие состояний-частей, отмечая особый характер общего состояния (*единство* в случае Дж. Сёрла или *единичность* в случае М. Тая, далее об этом будет сказано подробнее).

Субъектное единство можно определить через следующее условие: два состояния являются субъектно едиными, если они переживаются одним и тем же субъектом в одно и то же время. Допустим, я одновременно вижу стену, картину и вазу. Если рассмотреть переживание каждого наблюдаемого предмета как отдельное состояние, то можно утверждать, что я, как субъект этих переживаний, являюсь объединяющим фактором для всех предметов и их совместного переживания. Субъектное единство, если иное не предусмотрено конкретным подходом, следует отличать от единства субъекта, т.е. характеристики самого существа, находящегося в сознательном состоянии. В случае субъектного единства не предполагается существование общего сознательного состояния, характеризуемого как единое или единичное. Кроме того, субъектное единство – это отношение субъекта к переживаемым им состояниям. Не существует такой характеристики общего состояния сознания или такого отношения между состояниями сознания, которые можно было бы охарактеризовать как «субъектное единство».

Исходя из этого, редукция феноменального единства к субъектному единству оказывается невозможна по двум основаниям. Во-первых, из-за указанно выше разделения на два типа единства – единство-характеристика и единство-отношение. Общее сознательное состояние, то есть состояние объединяющее все остальные, характеризуется как единое именно в силу того, что оно само по своему характеру является феноменально единым. Это уникальный вид единства, акцентирующий внимание на существовании одного

единственного или объединяющего состояния. Ни субъектное, ни нейрофизиологическое единство (о котором будет сказано далее) не являются характеристикой общего состояния, они все являются отношениями. Во-вторых, концептуально возможно, что состояния могут быть субъектно едиными (т.е. принадлежать одному субъекту) и всё же не быть феноменально едиными, если нет такого общего феноменального состояния, в которое они включены. Это связано с различием в самих отношениях единства: феноменального и субъектного, а также с различием в релятах.

Что касается нейрофизиологического единства, то кажется, что феноменальное единство может быть редуцировано к нему только в результате содержательного решения трудной проблемы сознания и только ценой отказа от иллюзионизма. Хотя этот вопрос во многом является предметом эмпирического исследования, кое-что всё же можно сказать заранее. Чтобы была возможна редукция феноменального единства к нейрофизиологическому единству, необходимо наличие в мозге некого общего состояния, которое в релевантном смысле объединяет все другие состояния мозга. На роль такого состояния может претендовать только некое физическое поле, которое неким образом связывает процессы в мозге и является подлинным носителем характеристики феноменального единства. Если когда-нибудь будет обнаружено такое физическое состояние, то это событие станет мотивацией для принятия той или иной версии теории тождества, но не иллюзионизма в отношении единства. Я не вижу никаких иных способов использовать нейрофизиологическое единство как основание для редукции феноменального единства в рамках иллюзионизма, поскольку функционально мозг является сложным объектом и физиологически он находится во множестве отдельных состояний.

Приведу примеры трёх подходов к феноменальному единству сознания:

Единство включенности [Bayne 2010] – единство конституировано отношением состояний-частей к состоянию-целому (отношение «включенности).

Подход феноменального поля [Searle 2002] – единство конституировано первичностью единого феноменального поля – целого состояния сознания – по отношению к его частям. Первичность обосновывается категориально: лишь единое состояние является состоянием в собственном смысле, а о частях этого состояния можно говорить лишь как об условных абстракциях.

Подход «одного опыта» [Tye 2003] – в каждый момент времени существует только одно единственное состояние сознания, которое объединяет всё содержание сознания. Проблемы единства сознания в мереологическом смысле не существует. Хотя этот подход не является подходом к единству сознательных состояний (потому, что отрицает их множественность в синхронической перспективе), но он может быть прочитан как подход к единству содержания в рамках одного единственного сознательного состояния.

Могут ли эти подходы быть сведены к субъектному единству? Во всех случаях единство обеспечивается общим состоянием сознания, существующим в той или иной форме. Всё переживаемое содержание относится именно к этому состоянию. Чтобы объяснить единство такого рода, субъектное единство не может ограничиваться отношением всех состояний к субъекту, надо показать, что среди них существует одно особое состояние, включающее в себя все остальные. Даже если попытаться отрицать, что эта включенность (применительно к состояниям или к содержанию) переживается в самом характере опыта или утверждать, что она является иллюзорной, будет крайне сложно спорить с тем, что в каждый момент времени существует одно общее сознательное состояние. Если же утверждать, что существует лишь

одно состояние, как это делает Тай, то ссылка на принадлежность этого единственного состояния одному субъекту становится и вовсе бесполезной. Сёрл пишет об этом так: «Существует вполне обыденный смысл, в котором сознание является единым и холистическим (целостным), но мозг не является единым и холистическим в этом же самом смысле» [Searle 2002, p. 55]. Остаётся загадкой, как мозг, состоящий из множества отдельных элементов и включающий множество отдельных процессов, способен, тем не менее, порождать сознательное состояние, которое в каждый момент времени переживается как единственное.

Список литературы

1. Беседин 2024 – Беседин А.П. Иллюзионизм и феноменальное единство сознания // Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире: сборник научных статей / Научн. ред. и сост. И.Т. Касавин, Н.А. Ястреб, Л.В. Шиповалова (фамилия не указана). Москва: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2024. С. 552–554.
2. Bayne 2010 – Bayne T. The Unity of Consciousness. Oxford: Oxford University Press, 2010. 352 p.
3. Searle 2002 – Searle J.R. Consciousness // Consciousness and Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 36–60.
4. Tye 2003 – Tye M. Consciousness and Persons: Unity and Identity. Cambridge, MA: MIT Press, 2003. 216 p.

УДК 165.1

ТРЕБОВАНИЕ РАЗДЕЛЯЕМОСТИ КАК ПРОБЛЕМА МЕНТАЛИСТСКОЙ ОНТОЛОГИИ ПОНЯТИЙ

Деменок Никита Андреевич

МГУ им. М.В. Ломоносова, философский факультет. Студент магистратуры

E-mail: nademenok@edu.hse.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема соответствия менталистской онтологии понятий требованию разделяемости. Ментализм – позиция, согласно которой понятия суть ментальные репрезентации – является одной из ведущих в современной философии понятий. Требование разделяемости гласит, что понятия должны быть общими для разных индивидов; без его выполнения невозможно объяснить успешность коммуникации и практик предсказания поведения. В статье последовательно рассматриваются две версии ментализма. Субъективизм, отождествляющий понятия с ментальными партикуляриями, показывается несостоятельным через анализ тип-токен ответа на фрегеанский аргумент. Умеренный ментализм, отождествляющий понятия с типами ментальных репрезентаций, сталкивается с проблемой критериев типизации. Опираясь на работы М. Айдеде, автор показывает, что ни один из критериев не является удовлетворительным в силу дилеммы между законоподобностью и публичностью обобщений, по которым типизируются понятия.

Синтактический ход также не удовлетворителен, поскольку наследует проблемы иных критериев. Делается вывод о том, что данное ограничение носит структурный характер для менталистской онтологии в целом, ввиду чего для ментализма важно обосновать иной взгляд на разделяемость, удовлетворяющий наши ожидания от объяснительной роли теории понятий и соответствующей менталистской онтологии.

Ключевые слова: понятия, пропозициональные установки, философия сознания, философия когнитивных наук, типы-токены, ментальные репрезентации

THE SHAREABILITY CONSTRAINT AS AN ISSUE FOR MENTALIST ONTOLOGY OF CONCEPTS

Demenok Nikita Andreevich
Place of work / study, job title

Surname Name Patronymic (при наличии соавтора)
Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. Master's student

Abstract: The paper examines the problem of whether mentalist ontology of concepts can satisfy the shareability requirement. Mentalism is the view that concepts are mental representations -- is one of the leading positions in contemporary philosophy of concepts. The shareability requirement holds that concepts must be common to different individuals; without satisfying it, the success of communication and behavioral prediction practices cannot be explained. The paper considers two versions of mentalism in turn. Subjectivism, which identifies concepts with mental particulars, is shown to be unsatisfactory through an analysis of the type-token response to the Fregean argument. Moderate mentalism, which identifies concepts with types of mental representations, faces the problem of providing adequate typing criteria. Drawing on the work of M. Aydede, the author argues that none of the available criteria is satisfactory due to a dilemma between the lawlikeness and publicity of the generalizations by which concepts are typed. The syntactic approach is equally unsatisfactory, as it inherits the problems of the other criteria. It is concluded that this limitation is structural for mentalist ontology as such, and that mentalism therefore needs to motivate an alternative conception of shareability that meets our expectations for the explanatory role of a theory of concepts and its corresponding ontology.

Keywords: concepts, propositional attitudes, philosophy of mind, philosophy of cognitive science, types-tokens, mental representations

Предположим, некто думает, что вода утоляет жажду. Данную мысль естественно рассматривать составленной из элементов: ВОДА, УТОЛЯТЬ, ЖАЖДА. Подобные элементы – конституенты содержании пропозициональных установок (убеждении, желании, намерении) – принято называть понятиями. Статус понятий как основных элементов ментальной жизни [Prinz 2002] делает их объектом интереса разных дисциплин, включая философию (сознания) и когнитивные науки. Для философов особый интерес представляет вопрос об их онтологическом статусе – вопрос, имеющий импликации для когнитивной психологии.

Одна из ведущих позиции в этом вопросе – ментализм: понятия суть ментальные репрезентации. В сильнои версии – которую, вслед за Глоком [Glock 2009], я буду называть субъективизмом, – понятия отождествляются с ментальными партикуляриями, т.е. токенами репрезентации [Fodor 1998; Margolis, Laurence 1999]. Альтернативой является абстракционизм: понятия суть абстрактные объекты, фрегеанские смыслы (senses), существующие независимо от отдельных умов [Peacocke 1992; Zalta 2001].

Одна из главных мотивации менталистской онтологии состоит в следующем: понятия участвуют в ментальной жизни индивидов, а значит, постулирование за ними статуса абстрактных объектов – внепространственных, вневременных, неспособных вступать в каузальные связи – порождает вопрос о том, как такие объекты могут входить в отношения с пространственно-временными индивидами. Эта проблема схватывания (grasping) оказывается серьезным препятствием для абстракционизма.

Всякая теория понятии должна соответствовать ряду требовании. Одним из оных для теории понятий – требование разделяемости (иначе публичности): понятия должны быть разделяемы разными индивидами и одним индивидом в разное время [Fodor 1998; Prinz 2002]. Значимость этого требования трудно переоценить. К примеру, практики повседневного объяснения и предсказания поведения опираются на него: если некто жалуется на жажду, я правомерно ожидаю, что он выпьет воды – именно потому, что мы разделяем понятия ЖАЖДА и ВОДА. Отказ от разделяемости делает неясным, почему такие практики работают, и приводит к абсурдному следствию: интенциональные обобщения оказываются применимы лишь к отдельному индивиду. Характерно, что сами менталисты признают это требование обязательным – более того, Фодор прямо критикует конкурирующие менталистские теории за неспособность ему удовлетворить [Fodor 1998].

Однако отождествление понятии с ментальными сущностями наталкивается на классический аргумент, восходящий к Фреге. Обозначим его следующим образом:

П1. Понятия должны быть разделяемы.

П2. Ментальные репрезентации различны от индивида к индивиду.

З1. Ментальные репрезентации не разделяемы.

З2. Понятия не являются ментальными репрезентациями.

Единственная возможность для менталиста – оспорить вторую посылку. Наиболее распространенная стратегия состоит во введении различия между типами и токенами [Margolis, Laurence 1999]. Типы – абстрактные сущности, инстанциируемые своими пространственно-временными токенами. Субъективист отождествляет понятия с ментальными партикуляриями репрезентации одного типа: мое понятие ВОДАн и понятие ВОДАч читателя являются одним понятием, поскольку оба суть токены типа ВОДА.

Однако этот ответ неудовлетворителен, поскольку либо постулирует онтологическую химеру: одна и та же сущность одновременно физическая партикулярия и абстрактный объект – несовместимые онтологические статусы; либо представляет собой эквивокацию: термин «понятие» употребляется в двух разных смыслах без прояснения отношения между ними [Glock 2009]. Таким образом, субъективизм никак не проходит требование публичности.

В этой связи менталист может предложить иную стратегию: отождествить понятия с типами ментальных репрезентации [Sutton 2004]. В таком случае понятия суть абстрактные сущности, для которых, однако, существенным является то, что (1) они токенизируемы и (2) их токены с необходимостью являются ментальными репрезентациями. Такую позицию я буду называть умеренным ментализмом.

Умеренный ментализм – серьезное ослабление исходнои менталистскои мотивации. Если понятия – абстрактные типы, то вопрос о том, как индивид входит в отношение с понятием, воспроизводит проблему схватывания: умеренный менталист должен признать два типа отношении: Rtok(S, token) – отношение субъекта к токену репрезентации в своем уме, и Rtype(S, type) – отношение субъекта к типу, т.е. к самому понятию. Если разделяемость обеспечивается через Rtype, умеренный менталист сталкивается с той же проблемой, что и абстракционист: как возможны отношения между пространственно-временными индивидами и внепространственными, вневременными объектами?

Тем не менее умеренный менталист может противостоять радикальному абстракционизму (антиментализму) – позиции, согласно которой понятия суть абстрактные сущности, не требующие ментальной токенизации. Для отведения антиментализма умеренный менталист должен обосновать, что понятия (1) с необходимостью токенизируются и (2) их токены с необходимостью являются ментальными репрезентациями. Первое обосновать окончательно затруднительно: радикальный абстракционист может настаивать на том, что токенизируются не сами понятия, но отношения индивида к понятиям – схватывание. Тогда схватывание абстракциониста просто принимает на себя объяснительную нагрузку, которую менталист приписывает токенам. Дискуссия рискует стать терминологической. Поэтому умеренному менталисту важнее предоставить обоснование второго тезиса – а оно предполагает наличие ясных критериев токенизации, т.е. типизации ментальных репрезентации как токенов понятий. Рассмотрим опции критериев, предлагаемых менталистами.

Физический – тип-физикализм применительно к конкретным пропозициональным установкам – признан несостоятельным [Aydede 2000].

Широкий семантический: два токена принадлежат одному типу, если они имеют один и тот же референт. Однако этот вариант сталкивается с случаями Фреге: понятия могут быть кореферентными, но различаться по когнитивному содержанию (УТРЕННЯЯ ЗВЕЗДА и ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА) [Prinz 2000].

Узко-функциональный (narrow functional account, далее – NFA): два токена принадлежат одному типу, если они обладают одинаковой узкой функциональной ролью – профилем причинно-следственных связей, супервентным на внутреннем состоянии системы. Функциональная роль токена специфицируется через неинтенциональные S-обобщения – межличностные каузальные закономерности вида: «для всех S: если S верит*, что x – холостяк, то при прочих равных S будет верить*, что x не женат». Неинтенциональная формулировка принципиальна: если S-обобщения описываются в интенциональных терминах, теория становится круговой – содержание объясняется через роли, роли описываются через содержание.

Для того чтобы NFA обеспечивал межличностную разделяемость, теория T из S-обобщении должна удовлетворять трем требованиям одновременно:

(R1) законоподобность – обобщения поддерживают контрфактические условные высказывания

(R2) уникальность ролей – для каждого возможного типа токена обобщения задают уникальную роль;

(R3) публичность – обобщения межличностно применимы к достаточно широкой популяции. Айдеде [Aydede 2000] показывает, что эти три требования структурно несовместимы.

Чтобы отобрать из множества всех S-обобщении те, что конститутивны для содержания токена, функционалист нуждается в критерии: какие обобщения входят в теорию T, а какие – нет. Это различие соответствует аналитико-синтетическому: «конститутивные» обобщения (например, «кто верит, что x – холостяк, верит, что x не женат») аналогичны аналитическим связям, контингентные (например, «кто верит, что x – холостяк, верит, что x – невротик») – синтетическим. Однако менталисты в основном принимают куайновский аргумент об отсутствии четкой границы между аналитическим и синтетическим [Quine 1951], в связи с чем, следуя функционализму, должны включить в T все S-обобщения, покрывающие данный токен. Но индивидуальные наборы S-обобщении различаются: обобщение «кто верит, что x – холостяк, верит, что x – невротик» может быть истинным для одного человека, но не для другого. В результате теории T для разных индивидов расходятся, токены одного и того же понятия оказываются разных типов – и публичность разрушается. Расширение T за счет менее законоподобных обобщении нарушает R1 и ведет к индивидуализации теории (нарушение R3). Отсюда – дилемма законоподобности и публичности: чем строже обобщения, тем хуже уникальность ролей; чем шире охват для уникальности, тем менее они законоподобны и публичны. Оптимальной точки, удовлетворяющей R1–R3 одновременно, не существует.

Фодор, осознавая несостоятельность NFA, предлагал «синтаксическую» типизацию репрезентаций [Fodor 1998]. Айдеде показывает, что этот проект тождественен NFA по своим содержательным обязательствам [Aydede 1998]: такая типизация понятий должна апеллировать либо к их каузальным, т.е. функциональным свойствам, что и наследует все проблемы NFA, либо к их физической реализации, что отвергается вместе с тип-физикализмом. Таким образом, ни один из доступных критериев типизации ментальных репрезентации не может одновременно обеспечить объяснительную адекватность и межличностную разделяемость. Важно, что это структурное ограничение менталистской онтологии, а не частный дефект конкретной теории.

Является ли это крахом ментализма? Не вполне. Менталист может пересмотреть само требование, отказавшись от строгой разделяемости. Вместо тождества типов понятии у разных индивидов он может апеллировать к их сходству: понятия не буквально одни и те же, но достаточно близкие для успешной коммуникации и обобщения поведения. Подобная стратегии развиваются некоторыми менталистами [Prinz 2002].

Однако такое переопределение требует самостоятельного обоснования. Его разработка выходит за рамки данной статьи. Сама статья, надеюсь, показала, что требование разделяемости, на данный момент, непреодолимо для менталистской онтологии понятий.

Список литературы

1. Aydede 1998 – Aydede M. Fodor on Concepts and Frege Puzzles // Pacific Philosophical Quarterly. 1998. Vol. 79. No. 4. P. 289–294.

2. Aydede 2000 – Aydede M. On the Type/Token Relation of Mental Representations // Facta Philosophica. 2000. Vol. 1. No. 2. P. 23–49.

3. Fodor 1987 – Fodor J. Psychosemantics: The Problem of Meaning in the Philosophy of Mind. Cambridge: MIT Press, 1987. 176 p.

4. Fodor 1998 – Fodor J. Concepts: Where Cognitive Science Went Wrong. Oxford: Oxford University Press, 1998. 174 p.

5. Glock 2009 – Glock H.-J. Concepts: Where Subjectivism Goes Wrong // Philosophy. 2009. Vol. 84. No. 4. P. 1–31.

6. Margolis, Laurence 1999 – Margolis E., Laurence S. (Eds.) Concepts: Core Readings. Cambridge, MA: MIT Press, 1999. 652 p.

7. Margolis, Laurence 2007 – Margolis E., Laurence S. The Ontology of Concepts – Abstract Objects or Mental Representations? // Nous. 2007. Vol. 41. No. 4. P. 561–593.

8. Peacocke 1992 – Peacocke C. A Study of Concepts. Cambridge: MIT Press, 1992. 260 p.

9. Prinz 2002 – Prinz J. Furnishing the Mind: Concepts and Their Perceptual Basis. Cambridge: MIT Press, 2002. 325 p.

10. Sutton 2004 – Sutton J. Are Concepts Mental Representations or Abstracta? // Philosophy and Phenomenological Research. 2004. Vol. 68. No. 1. P. 89–108.

11. Quine 1951 – Quine W.V.O. Two Dogmas of Empiricism // The Philosophical Review. 1951. Vol. 60. No. 1. P. 20–43.

12. Zalta 2001 – Zalta E. Fregean Senses, Modes of Presentation, and Concepts // Philosophical Perspectives. 2001. Vol. 15. P. 335–359.

УДК 1(117)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПРОВАЛ ФИЗИКАЛИЗМА

Иванов Илья Андреевич
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
E-mail: ilya.ivanov.ru@yandex.ru

Аннотация: в этой статье я пытаюсь показать, что физикализм в современной философии сознания проваливается на том основании, что он не может сформулировать достаточно ясное понятие физического. Я показываю, что простое указание на физику не позволяет ухватить

природу физического, но столь же бесплоден в этом отношении и научный реализм. По этой причине фундаментальным следует признать сознание, понятие которого гораздо яснее.

Ключевые слова: физикализм, идеализм, сознание, физическое, Беркли, Стросон.

THE CONCEPTUAL FAILURE OF PHYSICALISM

Ivanov Ilya Andreyevich
M. V. Lomonosov Moscow State University

Abstract: in this article, I try to show that physicalism in the contemporary philosophy of mind fails on the grounds that it cannot formulate a sufficiently clear concept of the physical. I show that simply referring to physics does not allow us to grasp the nature of the physical, but scientific realism is equally fruitless in this regard. For this reason, consciousness, the concept of which is much clearer, should be recognized as fundamental.

Keywords: physicalism, idealism, consciousness, physical, Berkeley, Strawson.

Физикализм — тезис, согласно которому, всё, что существует, является физическим или в некотором сильном смысле зависит от физического, — это одна из самых распространённых позиций в современной философии сознания. Критики физикализма, однако, по преимуществу пытаются отрицать «всё» в определении выше — то есть показать, что самостоятельно существует нечто, не являющееся физическим. В противоположность этим критикам (например, против аргумента зомби, который не кажется мне убедительным по очень многим причинам) в этой статье я попытаюсь доказать более сильный тезис, следуя антиматериалистичской традиции, начатой как минимум Джорджем Беркли: физикализм либо не является ответом на онтологический вопрос, либо является очень плохим, антиэмпирическим, антинатуралистическим ответом.

Главным пунктом критики материализма для Беркли (см. [Беркли 2016]) было то, что понятие материи смутно или даже противоречиво, а сама материальная субстанция не требуется для объяснения чего бы то ни было. Оставляя в стороне вопрос об объяснении, я бы хотел согласиться с Беркли относительно смутности. Хотя современные материалисты — то есть физикалисты — сделали некоторый шаг вперёд и отказались от материальной субстанции из старой метафизики, ясности их позиции, как мне кажется, это не прибавило.

Итак, проблема состоит в следующем: непонятно, о чём идёт речь, когда речь идёт о физическом. Современные физикалисты обычно определяют свою позицию таким образом: физическое — это то, о чём говорит физика. Но о чём она говорит? Например, об электронах, фотонах, квантовых полях. Но что делает все эти штуки принадлежащими к одному онтологическому типу — физическому? Обращаю внимание, что речь не идёт о проблеме универсалии физического. Я не спрашиваю, что делает кварки и бозоны все вместе физическими, я спрашиваю, почему, если они принадлежат к какому-то одному множеству,

это множество именно физических объектов. Иначе говоря: какова природа всех эти вещей и какие у нас есть основания считать, что эта природа именно такова? Физикалисты не очень много внимания уделяют этому вопросу и обычно отделываются простой ссылкой на физику: таоны и мюоны, говорят они, — это объекты, постулируемые в рамках физической теории; мы принимаем их постольку, поскольку принимаем саму теорию, а её мы принимаем в свою очередь, потому что физическая теория — это наиболее совершенный познавательный инструмент, который есть у человечества. Эти соображения, однако, не кажутся мне достаточными. Мой аргумент против физикализма, таким образом, состоит в следующем: я согласен, что физика — это важнейшая из естественных наук, результаты которой ни в коем случае не нужно игнорировать (и я готов признать физикализм как не-химизм, не-биологизм etc., то есть как редукционистский тезис о сводимости всего остального знания о естественном мире к физике), однако я не согласен, что она даёт нам хоть какой-нибудь ответ на онтологический вопрос о том, что существует. А ответ, который предлагают физикалисты, *просто* ссылаясь на физику, если он вообще на что-то указывает, указывает на нечто настолько туманное, что его следует отбросить просто на том основании, что о нём ничего положительно невозможно знать. С другой стороны, из опыта каждому сознательному существу по крайней мере отчасти доступна природа сознания. Указать на эту природу очень легко: она состоит в субъективности, в том, что сознание – это моё сознание, а также в том, каково это — быть в некотором состоянии (принадлежит ли при этом понятие сознания к здравому смыслу, то есть понятно ли оно «обычным людям» — кем бы они ни были — в данном случае иррелевантно, достаточно, чтобы оно было понятно философам). Возможно, эти слова не раскрывают природу сознания целиком, но они дают понять, что нам на самом деле очень многое известно о сознании (впрочем, я бы сказал, что нам известно о сознании всё, что может быть известно, что его природа нам полностью открыта, но такой сильный тезис здесь не требуется). И если мы приняли физику как эффективный инструмент и институт познания, то, выбирая между *физическим*, о котором ничего нельзя сказать, кроме того, что оно фундаментально и не является сознанием, и *сознанием*, о котором к фундаментальности можно ещё добавить знание о природе, следует выбрать последнее. (Точно так же рассуждает Гален Стросон (например, в [Strawson 2020]), но мне кажется, что его вывод слишком поспешен и что эти рассуждения влекут не только его (пан)психизм, но и множество других видов идеализма.)

Что же непрозрачного в понятии физического? В спорах на эту тему часто указывают на так называемую дилемму Гемпеля: если под физическим понимается то, что принимает современная физика, то физикализм ложен, потому что современная физика почти наверняка ложна (по крайней мере в том смысле, что неполна, но в строгом смысле это означает её ложность); если же физическое — это то, что принимает идеальная физика будущего, то физикализм тривиально истинен, потому что наука будущего может включать в себя всё, что угодно (даже, например, сознание). Мне не кажется, что это рассуждение представляет серьёзную опасность для физикализма (можно защищать веру в современную физику по крайней мере на том основании, что верить в неё наиболее рационально), но я бы хотел обратить внимание на второй рог этой дилеммы: идеальная физика может включить в себя всё, что угодно. Я думаю, что эта идея показывает слабость самой попытки физикалистов использовать физику как опору для своей теории. Потому что физика на самом деле ничего не говорит о том, какова природа реальности, о том, что на самом деле существует, она не отвечает на онтологические вопросы. Один из способов понять это таков: физика — это всего

лишь некоторая практика, или, может быть, социальный институт, нечто контингентное, возникшее в определённых условиях на определённом этапе развития человеческого общества. История могла пойти иначе: например, могли бы существовать отдельно науки о гравитации и о квантовых явлениях. Но из существования двух фундаментальных наук никак нельзя было бы сделать вывод о квантико-гравитоническом дуализме. Невозможно отрицать невероятную эффективность и полезность физической науки, но очень странно, с другой стороны, ожидать, что, её существования в качестве *одной* указывает на то, что всё существующее единообразно — является физическим. Однако это рассуждение нельзя, конечно, считать решающим. Можно подумать, что, полностью развёрнутый, мой тезис должен содержать обстоятельную защиту какого-нибудь типа антиреализма относительно физики. Впрочем, хотя лично я готов защищать антиреализм, делать это не обязательно. Я думаю, что даже в случае реалистической теории проект физикализма (если только не понимать его по-стросониански) проваливается.

По-видимому, реалист может занимать одну из двух позиций. Источником невероятной объективности физики могут быть объекты или теории. В последнем случае реалист принимает некоторую форму структурализма, то есть считает, что наши реалистические обязательства обращены не на предметы физической науки, но на структуру её теорий, их математическое содержание. Эта форма реализма, однако — какой бы она ни была успешной — избегает ответа на вопрос о природе физического, который составляет нерв моей критики. По этой причине физикалисту остаётся принять более прямой и традиционный реализм — в отношении физических объектов. Но вопрос о природе и в этом случае остаётся нерешённым. Пускай существуют кварки, бозоны и лептоны. Почему они все физические? Почему мы должны принять не кваркизм-бозонизм-лептонизм, а физикализм? Кажется, всё, что можно на это ответить — что все эти три типа фундаментальных частиц изучаются физикой. Но это лишь внешнее определение. Физикалист мог бы вернуться к материи, сказать, что всё физическое сделано из материи. Однако сказать о том, что такое материя, кроме, может быть, только того, что это не сознание, он не может. Или если он всё-таки примет предложенный мной тринитаризм (хотя можно ещё больше соревноваться в остроумии насчёт того, сколько онтологических типов постулирует современная физика — например, вместо лептонизма можно принять электронизм-мюонизм-таонизм), проблема темноты соответствующих понятий остаётся столь же острой, но к ней к тому же добавляется вопрос о том, почему природа электрона отличается от природы верхнего кварка.

Итак, физикалисту не удаётся ответить на вопрос о природе физического, и таким образом, физикализм ложен.

Список литературы

1. Беркли, 2016 – Беркли Д. Трактат о принципах человеческого знания и другие сочинения. М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2016. 423 с.
2. Strawson, 2020 – Strawson G. What Does “Physical” Mean? A Prolegomenon to Physicalist Panpsychism // The Routledge Handbook of Panpsychism / ed. by W. Seager. London; New York: Routledge, 2019. P. 317–339.

УДК 130.31

О ВОЗМОЖНОСТИ САМОСЛЕПОТЫ

Лоскутников Данил Юрьевич
Аспирант
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: danilloskutnikov1727@gmail.com

Аннотация: Анализируется аргумент Сидни Шумейкера против перцептивных моделей интроспекции, основанный на тезисе о концептуальной невозможности самослепоты — состояния, при котором рациональный субъект лишён интроспективного доступа к своим ментальным состояниям. Основное внимание уделяется аргументу от парадокса Мура, который, по Шумейкеру, должен показать, что самослепота несовместима с рациональнсотью. Рассматриваются две реконструкции аргумента. Первая опирается на поведенческие свидетельства, но содержит проблемный переход от самопознания к интроспективной осведомлённости, смешивая понятия self-knowledge и self-acquaintance. Вторая утверждает, что самослепой субъект не сможет избежать парадокса Мура, однако показывается, что рациональный агент способен избегать подобных противоречий, опираясь на третьеличностные свидетельства. Делается вывод, что аргумент от парадокса Мура не доказывает концептуальную невозможность самослепоты, а попытки усилить его через требования рациональности неубедительны. Это оставляет пространство для альтернативных, неконститутивистских теорий интроспекции.

Ключевые слова: самослепота, интроспекция, парадокс Мура, самопознание, интроспекция, рациональность, Шумейкер.

ON POSSIBILITY OF SELF-BLINDNESS

Loskutnikov Danil Yurevich
Lomonosov Moscow State University

Abstract: This article provides an analysis of Sydney Shoemaker’s argument against perceptual (inner-sense) models of introspection, which rests on the claim that self-blindness—a condition in which a fully rational subject lacks introspective access to their own mental states—is conceptually impossible. The focus is on the argument from Moore’s paradox, which is supposed to show that a self-blind subject would be irrational. Two reconstructions are examined. The first relies on behavioral evidence but involves a problematic move from self-knowledge to introspective awareness, conflating the two notions. The second claims that a self-blind subject cannot avoid Moore-paradoxical judgments; however, it is argued that a rational agent could avoid such contradictions by relying on third-person evidence. The conclusion is that the argument from Moore’s paradox fails to establish the conceptual impossibility of self-blindness, and attempts to strengthen it

via rationality requirements are unconvincing. This leaves room for alternative, non-constitutivist theories of introspection.

Keywords: self-blindness, introspection, Moore's paradox, self-knowledge, introspection, rationality, Shoemaker.

Аргумент Сидни Шумейкера многие считают главным и решающим доводом против перцептивных моделей интроспекции. Всякий, кто сегодня хочет защищать неконститутивистскую и недефляционистскую теорию интроспекции, должен иметь с ним дело, поскольку Шумейкер обосновывает в этом аргументе сильный модальный тезис о концептуальной невозможности прямого следствия любой теории интроспекции, основанной на каузальных механизмах интроспективного доступа — невозможности самослепого, но вполне рационального субъекта. Уже по этой причине сам аргумент требует ревизии. Шумейкер предлагает несколько аргументов, можно выделить 4 отдельных аргумента, из которых центральным, безусловно, является аргументация от парадокса Мура, направленная против самослепоты в отношении собственных убеждений и желаний. В критике аргумента прослеживается общая линия – можно показывать, что, используя только свидетельства из перспективы третьего лица, субъект может быть способен избежать парадокса Мура.

Аргумент самослепоты в отношении убеждений можно реконструировать двумя способами. Согласно первому, Шумейкер показывает, что, если человек по уровню интеллекта, рациональности и когнитивным способностям не уступает нормальному человеку, его поведение является наилучшим доказательством того, что он осведомлен о своих убеждениях и желаниях в той же степени, что и нормальный человек [Shoemaker 1996, p. 236]. А наш самослепой по уровню интеллекта, рациональности и когнитивным способностям не уступает нормальному человеку, значит он ведет себя так же, как мы. Таким образом самослепой будет осведомлен о своей внутренней жизни в той же степени, что и нормальный человек. Из этого, по Шумейкеру, должно следовать, что наш самослепой на самом деле не самослепой, и мы можем приписать ему такую же способность к прямому интроспективному доступу, как и всем нам. Если такова общая схема аргументации, то аргумент самослепоты сталкивается с двумя трудностями. Первая, не самая трудная, состоит в том, что даже самое лучшее свидетельство в принципе может не гарантировать истинность наших утверждаений, в нашем случае это свидетельства поведения самослепого. Вторая трудность, более серьезная, состоит в том, что Шумейкер переходит от того, что самослепой может иметь тот же объем знания о своем сознании, что и нормальный человек в его ситуации, к тому, что мы можем приписать ему такую же перволичностную осведомленность, что и любому человеку, который, по условиям аргумента, не лишен интроспективного доступа. Мысль, которая стоит за этим переходом, состоит в том, что ни у нас, ни у самого самослепого не будет никаких оснований отказать ему в особом интроспективном доступе, не основанном на свидетельствах от третьего лица. И поэтому мы можем сказать, что, строго говоря, самослепоту нельзя помыслить. Но проблема этого перехода в том, что здесь могут быть смешаны понятие интроспективной осведомленности (self-acquaintance) и более широкое понятие самопознания (self-knowledge) [Kind 2003]. Самослепота не исключает самопознание, которое включает в себя знание о себе от третьего лица. И само по себе утверждение, что у самослепого есть тот же объем знания о себе, что и у несамослепых, вполне совместимо с тем,

что он все еще самослепой и у него нет того особого, некаузального и неперцептивного, доступа, который стремится обосновать Шумейкер.

Второй способ представить аргумент самослепоты состоит в попытке показать, что самослепой в действительности не сможет избежать парадокса Мура, поэтому самослепота влечет нерациональное поведение или противоречивую систему убеждений. Рациональность предполагает рациональную чувствительность к содержанию собственных ментальных установок – способность или склонность субъекта пересматривать систему своих убеждений и желаний перед лицом нового опыта, а также исключать противоречия между их содержаниями, при условии обладания субъектом концептуальных компетенций и владения релевантными понятиями. Шумейкер утверждает, что для того, чтобы обладать рациональной чувствительностью к содержанию своих убеждений и желаний, человек должен уметь формировать правильные представления о своих убеждениях и желаниях. Ибо для того, чтобы рационально определить, какие из своих убеждений и желаний следует пересмотреть и каким образом, человек должен иметь правильные представления о том, что это за убеждения и желания. Эти истинные убеждения второго порядка неизбежно будут включать в себя такие, которые невозможно получить обычными средствами, в принципе доступными от третьего лица. Следовательно, любое разумное существо должно иметь надежный перволичностный интроспективный доступ к своим собственным убеждениям и желаниям. Но где во всем этом процессе нам становится необходимо наличие второпорядковых убеждений de se, полученных каким-либо образом вообще, а не только особым способом первого лица? Такая необходимость проявляется в анализе Шумейкером парадокса Мура. Рациональный, но самослепой субъект будет избегать высказываний типа "Идет дождь, но я не верю, что это дождь", постольку, поскольку он рациональный. Парадоксальность (или абсурдность, если мы не склонны сводить их к формальному противоречию) муровских предложений проявляется, например, в том, что их части должны имплицировать намерения, суждения и желания, которые могут быть антецедентами несовместимых действий (например, я не могу взять и не взять зонт, пойти и не пойти в кофейню). Рациональные субъекты, когда они склонны утверждать, что p, также будут склонны утверждать, что они верят, что p, и, когда они будут склонны требовать, спрашивать или просить о p, они будут склонны утверждать, что они хотят p. Если и возможен такой самослепой агент, который склонен высказывать что-то вроде муровских предложений, он вел бы себя так, будто в нем на самом деле две личности или агента [Shoemaker 1996, p. 227–228].

Однако можно представить, как можно остаться рациональным агентом, избегая парадокса Мура, при этом не обращаясь к какому прямому интроспективному доступу, который не был бы основан на свидетельствах, доступных из перспективы третьего лица. Когда субъект утверждает, что p, он может быть склонен утверждать, что он верит, что p, причем на том же самом основании, что и наблюдатели от третьего лица, например, на основании того, что самослепой субъект только что *выразил* суждение, что p (а суждения и вообще выражения, как публичные, так и «про себя», являются в сущности свидетельствами из перспективы третьего лица). И для такого субъекта было бы также парадоксально утверждать, что p, и отрицать, что он убежден, что p. Можно признать, что аргументация от парадокса Мура не дает нам достаточно оснований, чтобы исключить квазиперцептивные модели, но попробовать обосновать невозможность самослепоты иначе, сохраняя общую идею аргумента от рациональной ревизии содержания ментальных установок. Например, Зиверт предпринял такую попытку, обращаясь к такому фундаментальному аспекту

рациональности как способность обосновывать (давать рациональное основание) выбор целей своих действий [Siewert 2003]. Для этого так или иначе необходимо артикулировать свои желания и убеждения (а не просто выражать их содержание в суждениях и других вербальных выражениях). Далее можно показать, что в обычных жизненных ситуациях самослепому будет недостаточно свидетельств, доступных от третьего лица, чтобы рационализировать свои действия и суждения, поскольку он чаще всего не находится в той же позиции, что внешние наблюдатели его поведения.

Но это еще не показывает, почему же самослепота *невозможна*, причем в таком сильном смысле. Ведь если самослепой может обходить парадокс Мура, обучаясь понятиям ментальных установок и правильно идентифицируя ситуации, когда уместно предварять выражения своего первопорядкового ментального содержания фразами типа “Я убежден…”, то он уже демонстрирует некоторую степень рациональности. А неспособность обосновывать свои действия и решения в некоторых ситуациях не показывает, что самослепота ведет к явному противоречию, противоречивым намерениям и действиям, и что она концептуально невозможна, как это показывает парадокс Мура, если бы он был неизбежен для самослепого. На это можно возразить указанием на то, что мы не будем считать такого субъекта рациональным, но, на мой взгляд, такое возражение чревато тривиализацией аргумента самослепоты, поскольку тогда мы должны определять саму рациональность через способность к интроспективному обоснованию и способность к отчету о своем сознании. Оригинальный аргумент Шумейкера же опирался только на (возможно, недостаточно артикулированное) обобщенное понятие рациональности как способности избегать некогерентности в системе убеждений и действовать в соответствии с желаниями и убеждениями. В этом смысле рассуждения самого Шумейкера не тривиальны.

Список литературы

1. Kind 2003 – Kind A. Shoemaker, self-blindness and Moore's paradox // Philosophical Quarterly. 2003. № 53 (210). P. 39-48.
2. Shoemaker 1996 – Shoemaker S. The First-Person Perspective and other Essays. New York: Cambridge University Press. 1996. 278 p.
3. Siewert 2003 – Siewert C. Self-knowledge and rationality: Shoemaker on self-blindness // Privileged Access: Philosophical Accounts of Self-Knowledge. Ed. B. Gertler. Aldershot: Ashgate. 2003. P. 131-147.

УДК 141

МИФ О КВАЛИА

Гусев Александр Александрович
Кандидат философских наук, научный сотрудник
Институт философии Российской академии наук
E-mail: sanya.cfg@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема квалиа в контексте современных антиреалистических подходов в философии сознания. Отправной точкой выступает иллюзионизм, представители которого объясняют устойчивую веру в феноменальные свойства сознательного опыта посредством тезиса об интроспективном искажении. Согласно данной позиции, интроспекция систематически представляет опыт как обладающий особыми феноменальными характеристиками, которых в действительности не существует. Автор показывает, что иллюзионизм сохраняет особый класс свойств и механизмов, ответственных за возникновение феноменальной кажимости, и тем самым не доводит антиреалистическую стратегию до логического завершения. В качестве альтернативы предлагается тезис о теоретической ошибке, согласно которому вера в квалиа возникает не вследствие особенностей интроспекции, а в результате принятия ошибочной философской концептуальной схемы. Для обоснования данного тезиса используется историко-философская аналогия с теорией чувственных данных. Показано, что первоначально нейтральные понятия могут постепенно превращаться в основания для спорных метафизических конструкций, но впоследствии отвергаться вследствие выявления лежащих в их основе концептуальных ошибок. На этом основании утверждается, что вера в квалиа может объясняться не действием особых интроспективных механизмов, а ошибочной интерпретацией субъективного опыта. Делается вывод, что последовательный элиминативизм представляет собой более экономичную и теоретически предпочтительную альтернативу современному иллюзионизму.

Ключевые слова: квалиа, иллюзионизм, элиминативизм, философия сознания, интроспекция, чувственные данные, Кит Франкиш, феноменальное сознание.

THE MYTH OF QUALIA

Gusev Aleksandr Aleksandrovich
CSc in Philosophy, Researcher
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Abstract: The paper examines the problem of qualia within contemporary anti-realist approaches to consciousness. It focuses on illusionism, whose proponents explain the persistent belief in phenomenal properties through the thesis of introspective distortion. According to this view, introspection systematically misrepresents experience as possessing distinctive phenomenal features that do not actually exist. The paper argues that illusionism remains committed to a special class of properties and mechanisms responsible for generating the appearance of phenomenality and therefore does not fully realize the anti-realist project. As an alternative, I defend the thesis of theoretical error, according to which belief in qualia arises not from the operation of introspective mechanisms but from the adoption of an erroneous philosophical conceptual framework. To support this claim, I draw an historical analogy with the theory of sense-data. The history of that theory suggests that initially neutral concepts can gradually develop into the foundations of controversial metaphysical constructions and later be rejected once the conceptual mistakes underlying them are exposed. On this basis, I argue that belief in qualia is better understood as the result of a mistaken interpretation of subjective experience rather than as the product of a special introspective distortion. The paper concludes that eliminativism offers a more parsimonious and theoretically attractive alternative to contemporary illusionism.

Keywords: qualia, illusionism, eliminativism, philosophy of mind, introspection, sense-data, Keith Frankish, phenomenal consciousness.

Введение

Современная аналитическая философия сознания по-прежнему уделяет значительное внимание проблеме квалиа – особых феноменальных характеристик опыта, обеспечивающих его субъективное и качественное измерение. Однако в последние годы всё большую популярность приобретают иллюзионистские концепции сознания. Их появление во многом связано с реакцией части физикалистов на затянувшиеся дискуссии вокруг мысленных экспериментов, которые, как принято считать, демонстрируют невозможность редукции квалиа к физическим, функциональным или репрезентационным свойствам.

Основная идея иллюзионизма состоит в том, чтобы показать отсутствие реального референта у понятия «квалиа»: феноменальные свойства трактуются как иллюзии, возникающие вследствие ограниченности или несовершенства механизмов интроспекции. Тем не менее, на мой взгляд, иллюзионистский подход недостаточно радикален. Несмотря на отрицание традиционного понимания квалиа, он сохраняет особый класс свойств, призванных объяснить нашу убеждённость в их существовании. В данной статье я сопоставляю два антиреалистических подхода к проблеме квалиа. Иллюзионисты апеллируют к тезису об искажении, согласно которому интроспективные механизмы систематически представляют опыт как обладающий феноменальными свойствами, которых в действительности нет. Я же защищаю тезис о теоретической ошибке: убеждение в существовании квалиа возникает не вследствие особенностей интроспекции, а в результате интерпретации интроспективно нейтральных данных в рамках ошибочной философской концептуальной схемы.

Концепции квалиа

Кит Франкиш [Frankish 2012]. предложил широко известную типологию различных трактовок квалиа:

Классические квалиа: интроспективно доступные качественные свойства опыта, рассматриваемые как внутренние (intrinsic), невыразимые (ineffable) и субъективные (subjective). Именно этот тип квалиа традиционно считается проблематичным для физикалистских и функционалистских объяснений, поскольку предполагается, что внутренние свойства не могут быть адекватно описаны в функциональных или репрезентационных терминах.

Диетические квалиа: феноменальные особенности опыта, связанные с субъективными переживаниями и вопросом о том, «каково это». Многие физикалисты, следуя аргументации Нагеля, соглашаются с тем, что существует определённый аспект, выражающий, каково находиться в том или ином сознательном ментальном состоянии. По этой причине данное понятие нередко используется в качестве относительно нейтрального экспланандума, от которого отталкиваются дискуссии о природе квалиа.

Нулевые квалиа: свойства опыта, которые побуждают субъекта считать, что его опыт обладает классическими квалиа.

Такие свойства определяются через их когнитивные последствия, а не через наличие феноменального сознания как такового. Так, философский зомби, лишённый феноменального опыта, всё же будет склонен утверждать, что его переживания обладают классическими квалиа. Иллюзионист признаёт существование лишь квазифеноменальных свойств – нефеноменальных физических характеристик, которые интроспекция систематически и ошибочно интерпретирует как феноменальные. По мнению Франкиша, подобные свойства не образуют самостоятельной объяснительной трудности. Поэтому иллюзионизм нельзя

полностью отождествлять с элиминативизмом: он всё ещё допускает существование иллюзорных феноменальных свойств, пусть и лишь в качестве нереальных интенциональных объектов.

Теоретическая ошибка как источник веры в квалиа

Иллюзионисты объясняют устойчивость веры в квалиа через тезис об искажении: интроспективные механизмы систематически представляют собственные объекты как обладающие феноменальными свойствами, которых в действительности нет [Gorbachev, Frankish 2025]. Тем самым иллюзионизм сохраняет особый класс свойств или процессов, ответственных за возникновение феноменальной кажимости. Я предлагаю альтернативное объяснение – тезис о теоретической ошибке. Согласно ему, вера в квалиа возникает не вследствие особенностей интроспекции, а в результате принятия определённой философской концептуальной схемы.

Следует отметить, что идея трактовать квалиа как философскую фикцию не является новой. Её различные версии встречаются уже у классических элиминативистов, таких как Деннет и Черчленды. В современных дискуссиях наиболее близкую позицию занимает П. Мандик [Mandik 2017], предложивший квалиа-квиетизм. Подобно тезису о теоретической ошибке, квалиа-квиетизм не апеллирует к особым механизмам интроспективного искажения и не рассматривает веру в квалиа как результат когнитивной иллюзии. Напротив, Мандик полагает, что сам понятийный аппарат квалиа-реализма представляет собой запутанную сеть технических терминов, не имеющих ясной связи с обыденным опытом.

Однако между моей позицией и квалиа-квиетизмом существует важное различие. Мандик предлагает воздерживаться от суждений о существовании квалиа, поскольку соответствующие термины, по его мнению, лишены определённого содержания. Я же придерживаюсь более сильного тезиса. Моя цель состоит не только в том, чтобы указать на проблематичность понятия квалиа, но и объяснить происхождение его кажущейся содержательности. Такое объяснение предоставляет тезис о теоретической ошибке: вера в квалиа возникает вследствие принятия ошибочной концептуальной схемы, а не вследствие особенностей интроспекции. В этом отношении моя позиция ближе к классическому элиминативизму, чем к иллюзионизму или квиетизму. Вместе с тем она дополняется историко-философской реконструкцией механизма данной ошибки, опирающейся на аналогию с теорией чувственных данных.

Действительно, история философии уже знает прецедент в виде теории чувственных данных, теории, которая несколько десятилетий имела статус основой философской концепции о природе чувственного опыта, но в середине двадцатого века она потеряла свой статус, став маргинальной теорией. Первоначально чувственные данные вводились как относительно нейтральное обозначение того, что непосредственно дано в восприятии. Однако постепенно это понятие стало рассматриваться как обозначение особых внутренних сущностей, обладающих привилегированным эпистемическим статусом. Позднейшая критика теории чувственных данных показала, что подобный переход был обусловлен не открытием новых фактов, а рядом концептуальных ошибок и спорных теоретических допущений. Можно сказать, что критика теории чувственных данных в середине XX века (Райл, Барнс, Остин, Селларс) показала, что за ней стоял целый комплекс теоретических ошибок. У. Барнс продемонстрировал, что постулирование чувственных данных ведёт к абсурдным онтологическим следствиям, Г. Райл указал на категориальную ошибку, Дж. Остин продемонстрировал, что аргумент от иллюзии основан на ложной унификации разнородных случаев иллюзий, а У. Селларс разоблачил «миф данного», лежащий в эпистемических

основаниях всей конструкции. Несмотря на различия между этими критиками, их объединяло отрицание того, что теория чувственных данных корректно описывает структуру восприятия. В этом смысле они не просто спорили с отдельными тезисами теории, а подрывали саму концептуальную рамку, внутри которой она казалась убедительной.

Схожая динамика наблюдается и в современных дискуссиях о квалиа. Многие философы иногда исходят из относительно нейтрального тезиса о том, что сознательный опыт обладает субъективным характером и существует некоторое «каково это» быть в данном ментальном состоянии. Однако затем посредством мысленных экспериментов и философских аргументов этот тезис интерпретируется как свидетельство существования особых внутренних, невыразимых и субъективных свойств опыта. В результате нейтральное описание сознания превращается в метафизическую теорию квалиа, создающую проблемы для натуралистической картины мира. Если данная реконструкция верна, то для объяснения веры в квалиа нет необходимости постулировать специальные механизмы интроспективного искажения и нулевые квалиа. Достаточно признать, что сама проблема возникает вследствие ошибочной теоретической интерпретации сознательного опыта. Философы, как и все люди, не застрахованы от устойчивой приверженности ложным теориям и концептуальным схемам.

Предложенный подход обладает рядом преимуществ по сравнению с иллюзионистским объяснением. Во-первых, он не требует постулирования специальных механизмов интроспективного искажения, нулевых квалиа или иных сущностей, призванных объяснить устойчивость веры в феноменальные свойства. Во-вторых, он не ставит решение проблемы в зависимость от будущих эмпирических открытий, поскольку опирается прежде всего на концептуальный и историко-философский анализ. Наконец, тезис о теоретической ошибке позволяет объяснить происхождение квалиа-дискурса через уже известные философские дискуссии, прежде всего историю теории чувственных данных. В этом отношении он оказывается одновременно более экономным в онтологическом плане и более правдоподобным с точки зрения интеллектуальной истории философии сознания.

Заключение

Таким образом, вера в квалиа может быть понята не как следствие действия особого интроспективного механизма, а как результат ошибочной теоретической интерпретации опыта. Такое объяснение представляется одновременно более экономным в методологическом отношении и более правдоподобным с историко-философской точки зрения. Если данная реконструкция верна, то элиминативизм, отвергающий существование не только классических квалиа, но и отрицающий необходимость понятия «нулевые квалиа», оказывается наиболее последовательной антиреалистической позицией. Вместе с тем предложенный подход следует рассматривать скорее как набросок исследовательской программы, чем как завершённую теорию. Он нуждается в дальнейшей разработке, прежде всего в уточнении тех концептуальных механизмов, посредством которых относительно нейтральные представления о субъективном опыте трансформируются в устойчивую, но ошибочную концепцию квалиа-реализма.

Список литературы

Frankish 2012 – Frankish K. Quining Diet Qualia // Consciousness and Cognition. 2012. Vol. 21. № 2. P. 667–676.

Gorbachev, Frankish 2025 – Gorbachev M., Frankish K. Illusionism and the Distortion Thesis // Synthese. 2025. Vol. 205. № 6. Art. 247.

Mandik 2017 – Mandik P. Meta-illusionism and Qualia Quietism // Illusionism as a Theory of Consciousness / Ed. by K. Frankish. Exeter: Imprint Academic, 2017. P. 175–186.

УДК 123.1

РЕВИЗИОНИЗМ ОТНОСИТЕЛЬНО СВОБОДЫ ВОЛИ И ВЫДАЧА ЖЕЛАЕМОГО ЗА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ

Савелов Арсений Денисович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет, кафедра истории зарубежной философии, аспирант

E-mail: ars109236@yandex.ru

Аннотация: В докладе рассматривается ревизионистская концепция свободы воли Мануэля Варгаса как одна из современных попыток избежать как сильной либертарианской метафизики, так и жесткого инкомпатибилизма. Согласно Варгасу, обыденные представления о свободе воли содержат либертарианские элементы, однако либертарианство оказывается неправдоподобной метафизической концепцией. Варгас также не хочет принимать жесткий инкомпатибилизм, так как он влечет устранение столь важных для нас практик, связанных с моральной ответственностью. Свободу воли в таком случае предлагается понимать минимально, то есть как способность к определенному контролю и отзывчивости к доводам, достаточную для участия в практиках похвалы, порицания и морального воспитания. Такая стратегия имеет важное преимущество: она позволяет сохранить феномен моральной ответственности, не принимая метафизически проблематичную теорию агент-каузальной свободы. Вместе с тем в тексте выдвигаются три возражения против ревизионизма Варгаса. Во-первых, из его аргументов скорее следует консеквенциалистское обоснование моральной ответственности, которому не требуется самостоятельное понятие свободы воли. Во-вторых, ревизионизм предполагает спорную зависимость убеждений о свободе воли от практических оснований, что сближает его с доксастическим волюнтаризмом. В-третьих, инструментальная ценность практик ответственности не доказывает существования онтологического условия, которое делало бы эти практики обоснованными. Делается вывод, что ревизионизм Варгаса не предлагает убедительного решения метафизической проблемы свободы воли.

Ключевые слова: М. Варгас, свобода воли, компатибилизм, инкомпатибилизм, ревизионизм, моральная ответственность, доксастический волюнтаризм

REVISIONISM ABOUT FREE WILL AND WISHFUL THINKING

Savelov Arsenii Denisovich

Lomonosov Moscow State University, Department of the History of World Philosophy, PhD student

Abstract: The author examines Manuel Vargas's revisionist account of free will as one contemporary attempt to avoid both strong libertarian metaphysics and hard incompatibilism. According to Vargas, ordinary conceptions of free will contain libertarian elements; however, libertarianism turns out to be an implausible metaphysical theory. At the same time, Vargas does not want to accept hard incompatibilism, since it would require abandoning the practices of moral responsibility that are so important to us. Free will should therefore be understood minimally: as a capacity for a certain kind of control and responsiveness to reasons, sufficient for participation in practices of praise, blame, and moral education. This strategy has an important advantage: it preserves the phenomenon of moral responsibility without requiring a metaphysically problematic theory of agent-causal freedom. At the same time, the paper raises three objections to Vargas's revisionism. First, his arguments seem to support a consequentialist justification of moral responsibility, which does not require an independent concept of free will. Second, revisionism presupposes a controversial dependence of beliefs about free will on practical reasons, which brings it close to doxastic voluntarism. Third, the instrumental value of responsibility practices does not prove the existence of the ontological condition that would make those practices justified. The paper concludes that Vargas's revisionism does not offer a convincing solution to the metaphysical problem of free will.

Keywords: M. Vargas, free will, compatibilism, incompatibilism, revisionism, moral responsibility, doxastic voluntarism.

Одним из интересных решений проблемы свободы воли в современной философии является *ревизионизм* Мануэля Варгаса. Варгас выражает эту концепцию так: «Вкратце, ревизионизм – это взгляд, согласно которому убеждения, которые мы должны иметь относительно свободы воли и моральной ответственности, отличаются от того, как мы обычно думаем об этих вещах» [Vargas 2007, p. 127]. Варгас считает, что наши обыденные убеждения склоняют нас скорее к агент-каузальному либертарианству, однако такая картина неправдоподобна ввиду того, что либертарианская метафизика встречается с различными сложностями. При этом Варгас не считает, что в этой ситуации нам нужно принимать жесткий инкомпатибилизм. Мы можем пересмотреть наше понимание свободы воли, чтобы оно стало менее проблематичным. Согласно Варгасу, свобода воли – нечто минимальное (с точки зрения метафизических допущений), что может быть условием для наших практик, связанных с моральной ответственностью [Vargas 2007, p. 146]. Так, под свободой можно просто иметь в виду некоторый контроль, который подразумевает некоторую отзывчивость к доводам. Таким образом, ревизионизм предлагает отбросить часть наших обыденных представлений о свободе воли (пересмотреть наше понимание свободы воли) на основании того, что практики, связанные с моральной ответственностью инструментально важны для нас [Vargas 2022, pp. 2-26] и принять понимание свободы необходимо для сохранения этих практик. Этот пересмотр сравнивается с тем, как может быть пересмотрено понимание тачдауна в американском футболе. Варгас настаивает на том, что скептик относительно свободы воли не может предложить хорошего аргумента против пересмотра нашего понимания свободы воли. При

этом подчеркивается, что даже если бы жесткий инкомпатибилист ответил, что такое измененное понимание свободы не отражает «реальной» свободы воли, то ему можно было бы ответить, что если такое понимание выполняет большую часть работы, которую должно выполнять наше «реальное» понятие, то это хорошее основание усомниться в этом «реальном» понятии. Добавляется: «есть ли смысл продолжать заботиться о настоящей вещи, когда перед нами уже вполне работающие понятия, практики и установки» [Vargas 2007, p. 147]. Таким образом, свобода воли, согласно Варгасу, обосновывается фактом существования моральной ответственности, фактом наличия практик ответственности, сами же эти практики имеют инструментальное обоснование.

Несмотря на то, что либертарианство и жесткий инкомпатибилизм не кажутся мне хорошими теориями, теория Варгаса не кажется мне убедительной. Я считаю так по трем причинам[12]: во-первых, как кажется, Варгас мог бы вообще не говорить о свободе воли, сохраняя моральную ответственность; во-вторых, его позиция подразумевает неправдоподобную позицию в философии убеждений – доксастический волюнтаризм; в-третьих, она предлагает нам делать метафизические выводы исходя из практических оснований (предлагается принимать желаемое за действительное).

Относительно первого следует заметить, что из аргументов Варгаса скорее следует консеквенциализм относительно моральной ответственности, которому необязательно давать ответ на вопрос о свободе воли. Если основная задача состоит в том, чтобы сохранить практики похвалы, порицания, санкционирования и морального воспитания, поскольку они выполняют важные общественные функции, то для этого можно показать их практическую или инструментальную значимость. Иными словами, можно утверждать, что эти практики способствуют формированию морально чувствительных агентов и регулируют поведение, не утверждая при этом, что воля в каком-либо метафизически значимом смысле свободна. В таком случае свобода воли оказывается лишним элементом теории: вся нормативная работа выполняется не ею, а самими практиками ответственности и их последствиями. Именно здесь показателен подход П.Ф. Стросона. Его аргументация позволяет отделить проблему моральной ответственности от метафизической проблемы свободы воли: реактивные установки, укоренены в структуре межличностных отношений и не зависят напрямую от решения вопроса о детерминизме. Факт существования моральной ответственности в человеческом мире не влечет, что существует свобода воли. [Стросон 2020, с. 204–221; Miller 2014, pp. 1–22]. Из этого следует, что Варгасу необходимо дополнительно объяснить, зачем ему вообще сохранять понятие свободы воли.

Относительно второго можно сказать, что ревизионизм Варгаса требует того, чтобы практические основания играли роль в формировании убеждения относительно того, что имеется в мире, то есть относительно свободы воли. Однако, в современной литературе есть хорошие аргументы, согласно которым мы не можем контролировать наши убеждения «по щелчку» [McHugh, Whiting 2014, pp. 698-713]. Более того, некоторые варианты доксастического волюнтаризма предполагают, что у нас в момент выбора убеждений нет хороших оснований в пользу той или иной позиции, однако Варгасу вполне можно было бы

[12] Причин намного больше, чем две, но в рамках своего доклада я остановлюсь на двух причинах. Другой линией аргументации могло бы быть то, что Варгас фактически пытается продать нам компатибилизм в новых одежках.

возразить, что такие основания у нас есть (например, либертарианский феноменологический реализм) [Фауль 2025, с. 85].

Относительно третьего возражения следует сказать, что у Варгаса нормативная желательность практики начинает подменять эпистемическое обоснование условия ответственности. Это можно сформулировать следующим образом. Варгас вместо того, чтобы независимо обосновать существование релевантного условия ответственности, он предлагает пересмотреть само понятие свободы воли так, чтобы оно соответствовало тем практикам, которые мы хотим сохранить. Такой ход выглядит проблематичным. Из того, что некоторая практика является для нас ценной, не следует, что существует именно то онтологическое основание, которое эта практика предполагала или должна предполагать. Например, если практики порицания способствуют моральному воспитанию, дисциплинируют поведение и развивают отзывчивость к доводам, то отсюда можно заключить, что эти практики имеют инструментальную ценность. Но из этого еще не следует, что агент свободен в том смысле, который нужен для моральной ответственности. В лучшем случае мы получаем аргумент в пользу сохранения определенных социальных механизмов воздействия на поведение; однако это не является аргументом в пользу существования свободы воли как условия заслуженности ответственности. Здесь возникает опасность выдачи желательного за действительное. Можно согласиться с Варгасом в том, что либертарианская метафизика чрезмерно требовательна, а жесткий инкомпатибилизм слишком разрушителен для нашей моральной жизни. Однако из этого не следует, что допустимо определять свободу воли через ту роль, которую она должна играть в сохранении практик ответственности. Такой ход делает свободу воли, зависимой от наших практических потребностей, тогда как первоначальная проблема состояла как раз в том, чтобы понять, есть ли в агентах нечто, что независимо от наших потребностей делает эти практики справедливыми, то есть изначально мы решали метафизический вопрос.

В итоге, ревизионизм Варгаса представляет собой любопытную попытку сохранить практики моральной ответственности после отказа от сильной либертарианской метафизики. Его преимущество состоит в том, что он не требует ни принятия чрезмерно нагруженной картины агент-каузальной свободы, ни полного отказа от феномена ответственности. Однако именно это стремление сохранить практики ответственности делает его позицию уязвимой. Во-первых, если моральную ответственность можно обосновать независимо от свободы воли, то обращение к понятию свободы оказывается избыточным. Во-вторых, если пересмотр понятия свободы воли должен изменить наши убеждения о том, что существует, то такой пересмотр нуждается в эпистемическом обосновании. В-третьих, инструментальная ценность практик ответственности не доказывает существования того условия, которое делало бы эти практики обоснованными. Поэтому ревизионизм Варгаса скорее не является правдоподобным подходом к решению проблемы свободы воли.

Список литературы

1. Фауль 2025 – Фауль Б. В. Эпистемологическая релевантность опыта либертарианской агентности // Эпистемология и философия науки. 2025. Т. 62. № 1. С. 83–98.
2. Стросон 2020 – Стросон П. Свобода и обида» Перевод Е.В. Логинова. // Финиковый компот. 2020. №. 15. С. 204–221.

3. McHugh, Whiting 2014 – McHugh C., Whiting D. The Normativity of Belief // Analysis. 2014. Vol. 74(4). Pp. 698–713.
4. Miller 2014 – Miller D. "Freedom and Resentment" and Consequentialism: Why 'Strawson's Point' is Not Strawson's Point // Journal of Ethics & Social Philosophy. 2014. Vol. 8. №. 2 (201). Pp. 1–22.
5. Vargas 2007 – Vargas M. Revisionism. // Fischer J. M., Kane R., Pereboom D., Vargas M. Four Views on Free Will. Oxford: Wiley-Blackwell, 2007. Pp. 126-165.
6. Vargas 2022 – Vargas M. Instrumentalist Theories of Moral Responsibility // The Oxford Handbook of Moral Responsibility / ed. by D. K. Nelkin, D. Pereboom. New York: Oxford University Press, 2022. Pp. 2-26.

УДК 130.1

ПОНЯТИЯ ТРАНСПАРЕНТНОСТИ И СКЕПТИЦИЗМ ОТНОСИТЕЛЬНО ФЕНОМЕНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Мерцалов Андрей Викторович
Московский центр исследования сознания, научный сотрудник;
Центр исследований сознания, философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, директор
E-mail: a.mertsalov@hardproblem.it

Аннотация: Тезис, отстаиваемый мной в данной работе, состоит в том, что транспарентность сознания для интроспекции может выступать основанием для скептицизма относительно феноменального сознания. По крайней мере, как я попытаюсь продемонстрировать, справедливость тезиса транспарентности позволяет сформулировать ряд аргументов против квалиа-реализма — позиции, предполагающей, что феноменальные свойства нашего опыта существуют и непосредственно доступны нам интроспективно. Отстаиваемый мной тезис легко представить заведомо несостоятельным: с учётом того, сколь различный смысл порой вкладывается в понятие транспарентности в современной философии сознания, не составляет труда подобрать такой, при котором транспарентность заведомо никак не будет ставить феноменальное сознание под вопрос. Поэтому для достижения своей цели я в первую очередь обращусь к трактовкам понятия транспарентности — для демонстрации того, что по крайней мере в некоторых широко употребимых в современной философии сознания трактовках транспарентность может выступать основанием для скептицизма относительно феноменального сознания; и в завершении приведу пару примеров аргументов, построенных на такой трактовки транспарентности, которые приводят к этому скептицизму.

Ключевые слова: транспарентность, феноменальное сознание, интроспекция, квалиа, квалиа-скептицизм, квалиа-реализм.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-18-00050, https://rscf.ru/project/25-18-00050/

THE NOTIONS OF TRANSPARENCY AND SKEPTICISM ABOUT PHENOMENAL CONSCIOUSNESS

Andrew V. Mertsalov
Moscow Center for Consciousness Studies, research associate;
Center for Consciousness Studies, Philosophy Department, Lomonosov Moscow State University, director.

Abstract: In this paper I defend the thesis that the transparency of consciousness for introspection can serve as a ground for skepticism about phenomenal consciousness. At least, as I try to demonstrate, the validity of the transparency thesis allows us to formulate a number of arguments against qualia realism—a position that assumes that the phenomenal properties of our experience exist and are directly accessible to us through introspection. Given the various interpretations of transparency in contemporary philosophy of mind the thesis I am to defend could be seen as inherently flawed. That is why I'm primarily focusing on the interpretations of transparency to demonstrate that, at least in some widely accepted interpretations in contemporary philosophy of mind, transparency can serve as a ground for skepticism about phenomenal consciousness; and then I'm providing a couple of arguments based on these interpretations that lead to the skepticism mentioned.

Keywords: transparency, phenomenal consciousness, introspection, qualia, qualia-skepticism, qualia-realism.

В современной философии сознания понятие транспарентности (transparency) является многозначным термином. В общем случае под ним понимается «прозрачность» сознания для интроспекции; однако в зависимости от того, как трактуется эта «прозрачность», понятие транспарентности используется в разных смыслах. «Интроспекция» при этом понимается как внутреннее восприятие, и в иных (рационалистических, репрезентационалистских, экстерналистских и пр.) теориях интроспекции, порывающих с перцептивной моделью, обычно выражается через «обращение (внимания) к…». «Сознание» же при этом обычно понимается расширительно: оно не ограничивается лишь сферой феноменального сознания, переживаниями опыта, но может пониматься как включающее в себя и нефеноменальные ментальные состояния, такие как пропозициональные установки, и/или как совпадающее с сознанием доступа [Block 1995].

Порой [Williamson 2000, p. 24; Carruthers 2013, p. 12–14; Coliva 2012, p. 214] понятие транспарентности используется в качестве синонима понятия «светимости» (luminosity) [Williamson 2000, p. 94–96; Berker 2008; Stoljar forth.], указывая на особый (безошибочный, привилегированный, авторитетный) характер интроспективного доступа субъекта к своим ментальным состояниям и/или их содержанию — такой, что если субъект находится (или не находится) в некотором ментальном состоянии *S*, то он может (интроспективно) знать, что он находится (или, соответственно, не находится) в *S*. Транспарентность в этом смысле ни в коей мере не ставит под сомнение доступность феноменального сознания для интроспекции и далее не будет мной обсуждаться.

Чаще же понятие транспарентности используется в ином — чуть ли не прямо противоположном смысле. В этом смысле под транспарентностью понимается недоступность, ментальных состояний для интроспекции: их «прозрачность», «неухватываемость» посредством интроспективного восприятия — в отличие от их содержания (и/или свойств этого содержания). Одним из первых, отчётливо указавших на транспарентность сознания для интроспекции, был Дж.Э. Мур. В «Опровержении идеализма» он пишет:

> Все мы знаем, что ощущение синего отличается от ощущения зеленого. Но ясно, что если оба они — ощущения, то у них есть что-то общее… Я буду называть это общее «сознанием»…
>
> …когда мы с помощью интроспекции пытаемся понять, что такое ощущение синего… элемент «синее» довольно легко отличить, но другой элемент (который я назвал «сознанием») зафиксировать чрезвычайно трудно… тó, что делает ощущение синего ментальным фактом, кажется, ускользает от нас: оно, если использовать метафору, как бы прозрачно (transparent) — мы смотрим сквозь него и не видим ничего, кроме синего. [Мур 1987, с. 257–259].

Схожую идею — правда, не используя термин «транспарентность» — впоследствии выражает и Г. Эванс. Интерпретируя одну из приписываемых Л. Витгенштейну цитат, он пишет:

> Витгенштейн пытался подорвать наше искушение занять картезианскую позицию, побуждая нас внимательнее присмотреться к природе нашего знания о наших собственных ментальных свойствах и, в частности, (1) отказаться от идеи, что это знание всегда предполагает взгляд *вовнутрь* на состояния или действия чего-то, доступ к чему имеет только сам этот человек… (2) [К]огда некто приписывает себе убеждение, его взор, так сказать, а порой и в буквальном смысле, обращён вовне — в мир. Если кто-то спрашивает меня «Как ты думаешь, будет ли третья мировая война?», то, отвечая ему, я должен обратиться (attend) к тем же самым внешним явлениям, к которым я обратился бы, отвечая на вопрос «Будет ли третья мировая война?». [Evans, p. 225–226; нумерация добавлена мной — *А.М.*].

Именно этот пассаж из Эванса сегодня является отправной точкой для дискуссий о транспарентности в интересующем меня смысле. Существуют две стратегии трактовки этого пассажа: широкая и узкая.

Узкая стратегия трактовок предполагает фокусировку либо только на негативном (1), либо только на позитивном (2) тезисе этого пассажа. Такое их разведение может быть полезно как в целях критики [Kind 2010, p. 910], так и в целях более подробного раскрытия иде5и транспарентности. В частности, оно позволяет Д. Столджару ввести две отчасти независимые темы обсуждения и связанные с ними аргументы, только одну из которых он называет транспарентностью, тогда как другую — просвечиваемостью (diaphanousness).

Под «наблюдением о транспарентности» Столджар понимает только лишь позитивный тезис (2) Эванса об обращении при ответе на вопрос об убеждениях «вовне», к миру. Этот тезис, полагает Столджар, может быть истолкован двояким образом. Во-первых, он может пониматься как говорящий об основаниях, т.е. как тезис о том, что основаниями для ответа на вопрос «Как ты думаешь, будет ли третья мировая война?» являются буквально те же самые

основания, что и для ответа на вопрос «Будет ли третья мировая война?». Однако при такой — хотя и вполне естественной на первый взгляд — трактовке данный тезис, полагает Столджар, оказывается очевидно ложным: в поиске ответа на вопрос, будет ли третья мировая война, мы должны обращаться к фактам внешнего мира, которые могут выступать свидетельствами в пользу или против того, что она будет (например, к тем фактам, которые могли бы свидетельствовать о намерениях властей предержащих в различных точках земного шара); в случае же, когда нас спрашивают об уже, как предполагается, имеющемся у нас мнении, ничего подобного мы обычно не делаем. Более удачной, полагает Столджар, является такая трактовка наблюдения о транспарентности, в соответствии с которой он понимается как говорящий о содержании, а именно: «он гласит, что, когда вы посредством интроспекции узнаёте, что убеждены в том, что третья мировая война будет, вы обращаетесь к содержанию вашего убеждения, а именно к пропозиции о том, что третья мировая война будет, или к положению дел, которое имело бы место, если бы данная пропозиция была истинной» [Stoljar forth.]. Соответственно, наблюдение о транспарентности, по Столджару, может пониматься как «тезис о том, что, если посредством интроспекции вы узнаёте, что обладаете некоторым убеждением, вы обращаетесь к содержанию этого убеждения» [Stoljar forth.]. В такой узкой трактовке тезис транспарентности не может выступать основанием для скептицизма относительно феноменального сознания — в особенности если признавать, что нередко делается и что принимается самим Столджаром, что такие ментальные состояния, как убеждения (а тем более их содержания, пропозиции), не имеют феноменальных свойств.

Говоря же о просвечиваемости, Столджар в первую очередь обращается к Муру — а именно, к тому фрагменту его «Опровержения идеализма», который, отчасти дублируя уже процитированный мной выше фрагмент, Мур приводит несколькими страницами ниже с использованием нужного для Столджара термина:

> [К]ак только мы пытаемся фиксировать свое внимание на сознании и рассмотреть, *каково* оно, оно словно исчезает — как если бы перед нами была просто пустота. Когда мы пытаемся всмотреться с помощью интроспекции в ощущение синего, всё, что мы можем увидеть, — это синее: другой элемент как бы [просвечивается] (diaphanous)… [Мур 1987, с. 262]

В этой цитате Мура Столджар также выделает позитивный и негативный тезис, показывая, что они оказываются во многом близки тезисам (1) и (2) Эванса. В процитированном фрагменте Эванс говорит именно и только об убеждениях; однако сам он далее распространяет свои рассуждения и на восприятия опыта, демонстрируя приложимость к ним схожей с описанной им для убеждений процедуры [Evans, 1982, p. 226–228]. Более того, поскольку мы можем говорить о содержании не только убеждений, но и практически всякого ментального состояния — чувственного восприятия, желания, воображения и т.д. — Столджар предлагает обобщение наблюдения о транспарентности: «практически для всякого психологического состояния, вы обращаетесь к их содержанию, когда посредством интроспекции узнаёте, что находитесь в них. Этот же тезис, как можно утверждать, также предполагается и в пассаже Мура» [Stoljar forth.]. Мур же в процитированных фрагментах говорит именно о цветовых ощущениях; однако кажется очевидным, что аналогичные рассуждения могли быть построены применительно и к другим переживаниям опыта. Соответственно, «Аналогичным образом мы можем представить и обобщённую версию негативного утверждения, которое, как кажется, делает Мур, а именно: практически для

всякого психологического состояния, вы не обращаетесь к самим этим состояниям, когда посредством интроспекции узнаёте, что находитесь в них. Этот же тезис, как можно утверждать, также предполагается и в пассаже Эванса» [Stoljar forth.]. Указанный негативный тезис Столджар называет обобщённым наблюдением о просвечиваемости. Этот тезис, как я покажу чуть ниже, может выступать основанием для скептицизма относительно феноменального сознания.

Чаще всего, однако, транспарентность понимается не в соответствии с одной из представленных узких трактовок, но в соответствии с широкой трактовкой, предполагающей конъюнкцию обобщённого наблюдения о транспарентности и обобщённого наблюдения о просвечиваемости Столджара. В этом смысле тезис транспарентности в самом общем виде может быть сформулирован как тезис о «прозрачности» сознания для интроспективного восприятия — как утверждение о том, что интроспективному восприятию может быть доступно всегда лишь только содержание ментальных состояний и/или свойства этого содержания, но не сами эти ментальные состояния и/или их свойства. Чаще, однако, данный тезис используется более ограничительно, применительно лишь к опытному восприятию. Именно в этом смысле о транспарентности говорят Г. Харман, Э. Кайнд, М. Тай и многие другие философы [Harman 1997, p. 667; Kind 2010; Tye 2013; Byrne 2018]. И именно в этом смысле — в силу своего негативного элемента, — транспарентность может выступать основанием для скептицизма относительно феноменального сознания.

Именно на таком понимании транспарентности построен метафизический аргумент против квалиа-реализма Тая:

> (1) Опытное восприятие обладает внутренними свойствами, которые… могут быть непосредственно осознаваемы нами посредством интроспекции (Квалиа-реализм).
>
> (2) …Мы не можем осознавать свойства нашего опыта посредством интроспекции (Транспарентность).

Следовательно,

> (3) Квалиа-реализм ложен. [Tye 2013, p. 42]

Схожим образом, к скептицизму относительно феноменального сознания приводит и эпистемологический аргумент Ф. Дрецке [Dretske 2003], основывающийся на идее транспарентности в указанном смысле, который можно сформулировать в следующем виде:

> (1) Чтобы обладать знанием о чём-либо, необходимо обладать свидетельствами в пользу этого чего-то (из правдоподобной теории знания)
>
> (2) Чтобы обладать знанием о наличии феноменального сознания, необходимо обладать свидетельствами в пользу наличия феноменального сознания (частный случай (1))
>
> (3) Феноменальное сознание доступно исключительно в непосредственном интроспективном восприятии с позиции первого лица (тезис реалистов относительно феноменального сознания)
>
> (4) Феноменальное сознание транспарентно для интроспективного восприятия (тезис транспарентности применительно к феноменальному сознанию)

(5) Интроспективное восприятие не способно обеспечить нас свидетельствами в пользу наличия у нас феноменального сознания (раскрытие содержания (4))

Следовательно,

(6) Мы не можем обладать знанием о наличии у нас феноменального сознания.

Оба этих аргумента, основывающиеся на тезисе транспарентности, ведут к скептицизму относительно феноменального сознания. Примечательно, что они не ведут к скептицизму относительно сознания в его расширительном (указанном в начале настоящей статьи) понимании, будучи применимы к нему: в этом случае они работают в качестве скептических аргументов относительно справедливости трактовки интроспекции по модели восприятия. Действительно, можно утверждать, что относительно сознания в указанном расширительном понимании тезис (1) аргумента Тая и тезис (3) аргумента Дрецке неверны: сознание в указанном расширительном понимании не является «доступным исключительно в непосредственном интроспективном восприятии с позиции первого лица» (мы можем знать о наличии сознания у других людей, обладая для этого достаточными свидетельствами) и не является «непосредственно осознаваемым нами посредством интроспекции» (если данная теория интроспекции ложна). Однако позиция квалиа-реалистов (реалистов относительно феноменального сознания), по всей видимости, требует принятия этих тезисов. Вследствие чего транспарентность сознания для интроспекции может выступать основанием для скептицизма относительно феноменального сознания.

Список литературы

1. Мур 1987 — Мур Дж. Э. Опровержение идеализма / Пер. с англ. И. В. Борисовой // Историко-философский ежегодник. 1987. Т. 2. С. 248–265.
2. Berker 2008 — Berker S. Luminosity Regained // Philosophers' Imprint. 2008. Vol. 8. P. 1–22.
3. Block 1995 — Block N. On a Confusion about a Function of Consciousness // Behavioral and Brain Sciences. 1995. Vol. 18. No. 2. P. 227-247.
4. Byrne 2018 — Byrne A. Transparency and Self-Knowledge. NY: Oxford University Press, 2018. 232 p.
5. Carruthers 2013 — Carruthers P. The Opacity of Mind. Oxford: Oxford University Press, 2013. 454 p.
6. Coliva 2012 — Coliva A. One Variety of Self-Knowledge: Constitutivism as Constructivism // Annalisa Coliva (Ed.). The Self and Self-Knowledge. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 212–242.
7. Dretske 2003 — Dretske F. How Do You Know You Are Not a Zombie // Brie Gertler (ed.). Privileged Access: Philosophical Accounts of Self-Knowledge. Ashgate, 2003. P. 1–14.
8. Evans 1982 — Evans G. The Varieties of Reference. Oxford: Oxford University Press, 1982. 416 p.
9. Harman 1997 — Harman G. The Intrinsic Quality of Experience // N. Block et al. (eds.). The Nature of Consciousness. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1997. P. 663–675.
10. Kind 2010 — Kind A. Transparency and Representationalist Theories of Consciousness // Philosophy Compass. 2010. Vol. 5. No. 10. P. 902–913.

11. Stoljar forth. — Stoljar D. The Introspection Principle: Rationalism about Knowledge of Consciousness. *Forthcoming*.
12. Tye 2013 — Tye M. Transparency, Qualia Realism and Representationalism // Philosophical Studies. 2013. Vol. 170. No. 1. P. 39–57.
13. Williamson 2000 — Williamson T. Knowledge and its limits. Oxford: Oxford University Press, 2000. 352 p.

УДК 141.12

КАК РЕШАТЬ ПРОБЛЕМУ СПОРНЫХ ДОМЕНОВ ОПЫТА? ПОИСК ЛУЧШЕГО МЕТОДА НА БЕЗРЫБЬЕ

Яшин Артем Сергеевич
Кандидат философских наук
НИЦ «Курчатовский институт», научный сотрудник
Центр нейрокогнитивных исследований (МЭГ-центр) Московского государственного психолого-педагогического университета, научный сотрудник
E-mail: yashinart1996@gmail.com

А

ннотация: В статье рассматривается проблема существования спорных доменов феноменальных состояний, таких как когнитивная феноменология, феноменология агентности и эмоций. Традиционные контрастные аргументы в пользу таких доменов сопоставляют случаи, различающиеся пониманием, агентностью или другими ментальными характеристиками, и указывают на соответствующие различия в том, «каково это» – находиться в данных состояниях. Однако такие аргументы имеют ограниченную силу, поскольку различия между сопоставляемыми случаями могут объясняться изменениями в перцептивных, аффективных или регуляторных компонентах опыта. В ответ на эту трудность предлагается теоретическая схема, основанная на репрезентационной теории ума и слабом репрезентационализме, согласно которому феноменальный характер опыта естественно супервентен на репрезентационном содержании. В рамках этой схемы вводится понятие экспериенциального сознания как репрезентационного прокси феноменального сознания, не сводимого к сознанию доступа. Утверждается, что поиск спорных доменов должен быть направлен на выявление репрезентаций, которые, с одной стороны, функционально проприетарны относительно определенных когнитивных процессов, а с другой – обладают признаками, характерными для экспериенциального сознания. Наиболее перспективным критерием таких признаков признается участие репрезентаций в едином каузально-интегрированном поле сознания. Такой подход позволяет переформулировать проблему спорных доменов феноменологии в терминах репрезентаций и связать ее с эмпирическими исследованиями сознания.

Ключевые слова: когнитивная феноменология, феноменология агентности, репрезентационная теория ума, контрастные аргументы, слабый репрезентационализм, сознание доступа, функционализм.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (грант № 25-18-00050, https://rscf.ru/project/25-18-00050)

HOW TO SOLVE THE PROBLEM OF CONTESTED PHENOMENAL DOMAINS OF EXPERIENCE? A SEARCH FOR THE LEAST BAD METHOD

Yashin Artem Sergeevich
NRC "Kurchatov institute", researcher
Center for Neuro-Cognitive Research (MEG Center) of Moscow State University of Psychology and Education

Abstract: The paper addresses the problem of the existence of contested domains of phenomenal states, such as cognitive phenomenology and the phenomenology of agency and emotion. Traditional contrast arguments in support of such domains compare cases that differ in understanding, agency, or other mental characteristics, and point to corresponding differences in "what it is like" to be in those states. However, such arguments have limited force, since the differences between the compared cases may be explained by changes in perceptual, affective, or regulatory components of experience. In response to this difficulty, the paper proposes a theoretical framework grounded in the representational theory of mind and weak representationalism, according to which the phenomenal character of experience naturally supervenes on representational content. Within this framework, the notion of experiential consciousness is introduced as a representational proxy for phenomenal consciousness that is not reducible to access consciousness. It is argued that the search for contested domains should be directed at identifying representations that, on the one hand, are functionally proprietary to specific cognitive processes, and, on the other hand, exhibit features characteristic of experiential consciousness. The most promising criterion for such features is taken to be the participation of representations in a unified, causally integrated field of consciousness. This approach makes it possible to reformulate the problem of contested domains of phenomenology in representational terms and to connect it with empirical research on consciousness.

Keywords: cognitive phenomenology, phenomenology of agency, representational theory of mind, contrast arguments, weak representationalism, access consciousness, functionalism.

Парадигмальными примерами феноменальных состояний служат зрительные, слуховые, обонятельные и телесные переживания, боль и другие аффективно окрашенные состояния. Эти случаи создают впечатление, что феноменальные состояния распределены по сенсорным и телесно-аффективным системам. Однако остается вопрос, исчерпывают ли такие системы весь класс феноменальных состояний. Данный вопрос на сегодняшний день практически не получил внимания в отечественной литературе.

В философии сознания обсуждаются спорные домены феноменологии: феноменология эмоций [Goldie 2002], феноменология агентности [Bayne 2008] или когнитивная феноменология [Bayne, Montague 2012] – возможные феноменальные аспект множества процессов. Здесь важно отличать проприетарную феноменологию процесса от случайно

сопутствующих переживаний [Pitt 2004]. Если мысль сопровождается зрительным образом, внутренней речью или эмоцией, это еще не показывает, что у мышления как такового есть особый феноменальный характер. Нужно показать, что существует феноменальный вклад, присущий именно соответствующему типу процесса.

В пользу спорных доменов обычно приводятся контрастные аргументы. Можно сопоставить звучание речи для человека, понимающего язык, и для человека, который его не понимает [Strawson 1994]; обычное переживание действия – с клиническими нарушениями агентности [Bayne 2008]. Интуиция состоит в том, что при сходном перцептивном содержании различие в понимании, агентности или другом ментальном феномене должно проявляться на уровне опыта. Но контрастные случаи редко различаются только одним параметром: в них меняются ожидания, внимание, регуляция действия, аффективная окраска и другие компоненты. Поэтому даже если субъект сообщает о различии в том, «каково это», неясно, указывает ли это на проприетарную феноменологию или лишь на сдвиги в других компонентах опыта.

Опросы, прицельные отчеты и клинические случаи могли бы оценить, какие состояния люди устойчиво относят к феноменальным. Но такие данные имеют предварительный статус: они картируют интуиции, а не дают строгого критерия. Для более сильного вывода нужна схема, позволяющая соотнести психологические различия между случаями с различиями в феноменальных состояниях.

В качестве такой схемы предлагается использовать репрезентационную теорию ума. В общем виде она описывает психические процессы как операции порождения, преобразования, хранения и использования ментальных репрезентаций. У репрезентации есть физический носитель и содержание: содержание описывает то, «о чем» репрезентация, а носитель реализован в состоянии системы [Shea 2018]. Репрезентационное содержание может относиться не только к объектам внешнего мира, но и к моторным командам или промежуточным этапам обработки информации. Эта теория используется здесь в максимально общем виде и не предрешает, как именно индивидуируются ментальные состояния.

Для анализа спорных доменов важны понятия функциональной роли, функционального профиля и каузального профиля. Функциональная роль репрезентации – это ее место в системе переходов между состояниями агента, описанное через содержательный вклад в восприятие, мышление, или действие. Но носитель репрезентации может иметь и каузальные эффекты, не связанные с ее содержанием. Поэтому функциональная роль не тождественна любой каузальной роли носителя. Функциональный профиль репрезентации данного типа – это множество ролей, которые такие репрезентации способны играть в когнитивной архитектуре; каузальный профиль – совокупность связей их физических носителей с другими механизмами системы.

В рамках репрезентационной теории сознание легче всего описывать как сознание доступа [Block 1995]. Состояние является доступно-сознательным, если его содержание доступно для рассуждения, вербального отчета и контроля действий; в теориях глобального рабочего пространства это связывают с глобальным вещанием содержания памяти, планированию, исполнительному контролю и речи [Baars 1988]. Однако сознание доступа концептуально не совпадает с феноменальным сознанием. В литературе идет дискуссия о возможности как доступного содержания без переживания, так и феноменального

«переливания через край», когда переживаемое содержание богаче доступного для отчета и контроля [Block 2011]. Сам факт того, что репрезентация имеет профиль сознания доступа, не показывает, что она обладает феноменальным характером.

Чтобы связать феноменальность с репрезентациями, не сводя ее к доступу, можно принять слабый репрезентационализм. Согласно этой позиции, феноменальный характер естественно супервентен на репрезентационном содержании: при фиксированном репрезентационном содержании и фиксированных эмпирических законах феноменальный характер не может изменяться независимо. Однако супервентность не дает положительного критерия: из нее не следует, какие именно репрезентации сопряжены с феноменальным характером. Поэтому задача – найти репрезентации, которые не просто доступны для отчета, а обладают признаками, делающими их кандидатами на связь с опытом.

В исследованиях восприятия похожую роль выполняет понятие перцептивного сознания – репрезентационное «прокси» феноменального опыта, не определяемое через отчет [Block 2023]. Такое понимание обычно связывают с определенными этапами обработки в задних отделах коры и с теориями вроде рекуррентной обработки или интегрированной информации. Но для обсуждения когнитивной феноменологии, агентности и других спорных случаев понятие перцептивного сознания слишком узко. Поэтому я введу техническое понятие экспериенциального сознания – репрезентационного прокси феноменального сознания, расширенного за пределы собственно перцептивных модальностей.

Экспериенциальное сознание не определяется через сознание доступа. Оно вводится как класс репрезентаций, которые в феноменологическом описании соответствовали бы состояниям, имеющим «то, каково это», но в теоретическом анализе рассматриваются как элементы когнитивной архитектуры. Оно не подменяет феноменальное сознание доступом, а служит его ближайшим репрезентационным аналогом.

Чтобы перенести этот анализ на спорные домены, нужно ввести понятие проприетарной репрезентации. Репрезентация является проприетарной относительно процесса, если ее функциональный профиль включает роли, специфические именно для этого процесса. Например, промежуточная репрезентация, участвующая в категориальной идентификации и не выполняющая той же роли в широком круге других процессов, может быть проприетарной относительно категоризации.

Отсюда следует основной критерий для спорных доменов. Репрезентации, претендующие на роль носителей некоторого домена экспериенциального сознания, должны удовлетворять двум условиям. Во-первых, они должны быть функционально проприетарными относительно соответствующего класса процессов – например, мышления, агентности или категориального восприятия. Во-вторых, они должны демонстрировать признаки, характерные для экспериенциального сознания. Если оба условия выполнены, появляется сильное основание говорить о соответствующем домене экспериенциального сознания; при принятии слабого репрезентационализма такому домену будет соответствовать и домен феноменального сознания.

Самый трудный вопрос состоит в том, какие признаки считать характерными для экспериенциального сознания. Нельзя просто сослаться на отчеты испытуемых, поскольку отчет является функцией сознания доступа. Можно искать функциональные корреляты интроспективных характеристик квалиа – приватности, непосредственной данности,

невыразимости, внутренней присущности, – но такие характеристики концептуально нагружены. Более перспективной опорой может служить тезис о единстве сознания [Bayne, 2010]. Если переживания входят в единое феноменальное поле, то на репрезентационном уровне этому может соответствовать особая каузально-интегрированная организация репрезентаций. Тогда поиск функционального профиля экспериенциального сознания можно понимать как поиск маркеров такого единого поля.

При этом нужно отличить единство экспериенциального сознания от единства сознания доступа. Если единая организация репрезентаций полностью совпадает с рабочей памятью, глобальным вещанием или готовностью к отчету, она не дает независимого критерия опыта. Более сильным результатом была бы ситуация, в которой часть сенсорных репрезентаций включена в единое интегрированное многообразие, но не обладает профилем доступа. Это можно было бы интерпретировать как аналог феноменального «переливания через край». Если же в то же многообразие входят не только перцептивно-аффективные, но и проприетарные репрезентации спорных доменов, появляется основание говорить об экспериенциальном сознании в более широком смысле.

Итак, исследование спорных доменов можно представить как несколько шагов. Сначала с помощью экспериментальной философии, клинических случаев и отчетов картируется относительно устойчивое ядро состояний, которые агенты склонны считать феноменальными. Затем, принимая репрезентационную теорию ума и слабый репрезентационализм, вводится понятие экспериенциального сознания как репрезентационного прокси феноменального сознания. Далее ищется функциональный и каузальный профиль репрезентаций, входящих в это прокси, причем особенно важно показать, что он не сводится к профилю сознания доступа. Наконец, для каждого спорного домена проверяется, существуют ли репрезентации, которые одновременно проприетарны для соответствующего процесса и обладают признаками экспериенциального сознания.

Таким образом, проблема спорных доменов феноменологии переформулируется в терминах репрезентаций. Вопрос уже не только в том, есть ли у мышления, агентности или эмоций особое «каково это», а в том, существуют ли проприетарные репрезентации этих процессов, входящие в тот же тип каузально-функциональной организации, что и более надежные случаи опыта. Такой подход не решает проблему феноменального сознания напрямую, но задает более строгий способ обсуждения спорных доменов и связывает философию сознания с эмпирическими исследованиями.

Список литературы

1. Baars 1988 – Baars B. J. A Cognitive Theory of Consciousness. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 424 p.
2. Bayne 2008 – Bayne T. The Phenomenology of Agency // Philosophy Compass. 2008. Vol. 3. Issue 1. P. 182–202.
3. Bayne 2010 – Bayne T. The Unity of Consciousness. Oxford: Oxford University Press, 2010. 341 p.

4. Bayne, Montague 2012 – Bayne T., Montague M. Cognitive Phenomenology: An Introduction // Cognitive Phenomenology / eds. T. Bayne, M. Montague. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 1–34.

5. Block 1995 – Block N. On a Confusion About a Function of Consciousness // Behavioral and Brain Sciences. 1995. Vol. 18. Issue 2. P. 227–247.

6. Block 2011 – Block N. Perceptual Consciousness Overflows Cognitive Access // Trends in Cognitive Sciences. 2011. Vol. 15. Issue 12. P. 567–575.

7. Block 2023 – Block N. The Border Between Seeing and Thinking. Oxford: Oxford University Press, 2023. 542 p.

8. Goldie 2002 – Goldie P. Emotions, Feelings and Intentionality // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2002. Vol. 1. Issue 3. P. 235–254.

9. Pitt 2004 – Pitt D. The Phenomenology of Cognition, or What Is It Like to Think That P? // Philosophy and Phenomenological Research. 2004. Vol. 69. Issue 1. P. 1–36.

10. Shea 2018 – Shea N. Representation in Cognitive Science. Oxford: Oxford University Press, 2018. 304 p.

11. Strawson 1994 – Strawson G. Mental Reality. Cambridge, MA: The MIT Press, 1994. 337 p.

УДК 165

ПОНЯТИЕ СОЛИПСИЗМА КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛАСТИ

Лимитовский Александр Михайлович
Магистр
Независимый исследователь
E-mail: alekslimitovski@gmail.com

Аннотация: Доклад посвящен проблемам расширительного использования понятия “солипсизм” в современных научных и философских дискуссиях. Выдвигается предположение, что применение данного понятия выходит за рамки строгого употребления, как радикальной метафизической концепции о несуществовании других сознаний. Вместо этого он выступает в качестве риторической практики, направленной против субъекто-центричных индивидуалистических подходов в самых разных сферах науки и философии. Использование расширенного понятия “солипсизм” позволяет избежать содержательного спора и запрещает независимую критику некоторых концепций и способов их применения. Это приводит к нарушению ряда базовых принципов объективного и независимого исследования, ставя процесс познания в излишнюю зависимость от субъективных предпочтений исследователя. Нарушается принцип презумпции аргумента и/или эмпирического или логического обоснования над авторитетом или коллективным консенсусом. Нарушается принцип методологической открытости. Происходит смещение дескриптивного и нормативного утверждений. Целый спектр позиций выпадает из поля зрения исследователей. С другой стороны, получение ярлыка „солипсист“ часто приводит к негативным профессиональным и социальным последствиям для ученых и философов, что

способствует возникновению у них “эффекта охлаждения” (chilling effect), создает мотивацию не участвовать в академических дискуссиях или скрывать свои взгляды.

Ключевые слова: Солипсизм, Эпистемический солипсизм, Этический солипсизм, Власть, Дискредитирующее понятие, Эффект охлаждения.

THE CONCEPT OF SOLIPSISM AS AN INSTRUMENT OF POWER

Limitovsky Alexander Mikhailovich
Independent Researcher

Abstract: The report is devoted to the problems of the expansive (overextended) use of the concept of “solipsism” in contemporary scientific and philosophical discussions. It is proposed that the application of this term goes beyond its strict usage as a radical metaphysical concept asserting the non-existence of other minds. Instead, it functions as a rhetorical practice aimed against subject-centered individualistic approaches across various fields of science and philosophy. The use of this broadened notion of “solipsism” enables the avoidance of substantive debate and prohibits independent criticism of certain concepts and the ways they are applied. This leads to the violation of several fundamental principles of objective and independent inquiry, placing the cognitive process in excessive dependence on the researcher’s subjective preferences. The principle of the presumption of argument and/or empirical or logical justification over authority or collective consensus is violated. The principle of methodological openness is violated. There is a conflation of descriptive and normative statements. An entire spectrum of positions falls out of the researchers’ field of view. On the other hand, receiving the label “solipsist” often results in negative professional and social consequences for scientists and philosophers. This contributes to the emergence of a “chilling effect,” motivating scholars either to refrain from participating in academic discussions or to conceal their views.

Keywords: Solipsism, Epistemic solipsism, Ethical solipsism, Power, Discrediting concept, Chilling effect.

Солипсизм – стигматическая категория, способ осуществления власти некоторых партий в академии, которая маскирует этические и политические императивы под видом чистой метафизики или эпистемологии.

Начнем с того, что применение понятие солипсизм сегодня крайне широкое. Солипсизм в строгом смысле – это позиция в рамках метафизической проблемы существования других сознаний [Avramides 2019, web]. Буквальный перевод латинского сочетания «solus ipse» — «только сам», «один лишь я», «я сам один» или «сам по себе один». С точки зрения так понимаемого солипсизма, других сознаний не существует. Вот вы сидите сейчас на стуле и слушаете мое выступление, а я и все сидящие вокруг вас люди – это либо имитация сознающих субъектов (био-роботы, философские зомби) [Kirk 2003, web], либо иллюзии, либо вы сами. Это узкая и редкая метафизическая позиция. Позиция эта слабая, хоть и теоретически защищаемая. Слабая она в первую очередь потому, что другие люди ведут себя по отношению к субъекту, воспринимающему все от первого лица, как другие такие же автономные

субъекты, со своими идеями, проектами, мотивами, чувствами и т.д. Мы можем отличить их действия от движений бессознательных объектов (стульев, камней, роботов-пылесосов).

Однако в широком философском употреблении это понятие выходит далеко за рамки проблемы существования других сознаний, и выступает как инструмент академической власти и риторический ярлык “соломенное пугало” и одновременно “гнилая селедка” для некоторых привилегированных позиций (партий) внутри академии. В этих случаях, солипсизмом называют:

Метафизический “солипсизм” - Всякий скептицизм в отношении концепции “внешнего мира”: субъективный идеализм, панпсихизм, теория интерсубъективного мира, многомировая теория сознания, иногда - любая альтернатива наивному реализму. Критика корреспондентской теории истины.

- Эпистемологический (методологический) “солипсизм” - Опора на данные от первого лица, скептицизм относительно наивного переноса личностных качеств, сомнение в прозрачности и достоверности данных о втором лице с позиции третьего лица, т.е, по сути, дискредитация методологического индивидуализма и феноменологического подхода в философии сознания [Burge 1986, p. 3-45].

- Этический “солипсизм” - Радикальный индивидуализм, моральная автономия, скептицизм по поводу “общей моральной реальности”. Термин практически никогда не используется нейтрально, это чистая стигматизация, которая сразу несёт мощную негативную коннотацию.

- Социальный “солипсизм” - Дискредитация радикального индивидуализма, постмодернизма, непринятия всякой коллективной конвенции [Bookchin 1995, p. 128].

- Политический “солипсизм” - Анархизм, скептицизм к концепциям “народа”, “нации”, “общественного блага”, экзистенциализм.

- Иные, более экзотические формы “солипсизмов”, такие как экономический, научный, культурный, художественный, лингвистический, технологический, гендерный, классовый.

Таким образом, термин “солипсизм” направлен на дискредитацию целого спектра позиций в онтологии, эпистемологии, моральной, социальной и политической теории, не вступая с ними в содержательный спор. При этом он смешивает эпистемологический скептицизм с этическим и политическим обвинением.

Теоретики, использующие понятие “солипсизм”, как правило, отстаивают ту или иную картину мира как нормативную. Чаще всего это 1) наивный реализм + сильная интерсубъективность + обязательная моральная взаимность или 2) социальный конструктивизм, коммунитаризм и методологический холизм. При этом солипсизмом почти никогда не называют радикальный коллективизм, редукционистский материализм, элиминативизм или социальный конструктивизм, хотя они часто обесценивают или даже отрицают реальность сознания каждого отдельного субъекта (нас с вами). Интересно, что эти две группы позиций часто пересекаются или образуют альянс против индивидуализма. Первая больше характерна для аналитической философии, а вторая — для континентальной традиции, социальной теории и идентичностных исследований. Главным же объектом риторической атаки здесь выступает субъекто-центричный индивидуализм во всех его проявлениях: метафизическом (приоритет сознания), эпистемологическом (приоритет первого лица), этическом (моральная автономия) и политико-социальном (скептицизм по отношению к коллективным тотальностям).

Теперь обратим внимание на принцип работы этого риторического инструмента. Обвинение в солипсизме не атакует противника напрямую, а скорее оберегает “священных коров” той или иной академической фракции (таких как внешний мир, здравый смысл, третье лицо, классовая вражда и т.д.) и запрещает независимую критику этих концепций или какого-то их применения. Стигматизации подвергаются те, кто нарушает это вето на независимую критику.

Почему это плохо? Потому что это нарушает базовые основания научного и философского познания. Нарушается принцип презумпции аргумента и/или эмпирического или логического обоснования над авторитетом или коллективным консенсусом. Нарушается принцип методологической открытости. Происходит смещение дескриптивного и нормативного утверждений. Целый спектр позиций выпадает из поля зрения исследователей. Практика использования ярлыка «солипсизм» представляет собой фундаментальную проблему для философии и науки, поскольку она фактически ставит запрет на непредвзятое исследование от первого лица, и тем самым подрывает саму возможность объективного, независимого познания и, соответственно, знания. Парадоксальным образом, стремление защитить “объективность” через искусственный запрет на радикальный субъективный скептицизм, приводит к обратному эффекту: познание становится фатально зависимым от некритически принимаемого коллективного консенсуса или частной позиции исследователя.

Заметим, что получение ярлыка „солипсист“ часто приводит к серьезным профессиональным и социальным последствиям для исследователя: карьерным барьерам, разрушению репутации, научной изоляции, а также культурно устоявшимся оскорблениям и угрозам (карикатуры, оскорбительные эпитеты, призывы к принудительному лечению). Это, в свою очередь, приводит к возникновению “эффекта охлаждения” (chilling effect) у ученых, создает мотивацию не участвовать в академических дискуссиях или скрывать свои взгляды.Тем не менее, мы можем привести великое множество исторических случаев, когда обвинения в солипсизме, к сожалению, предъявлялись и имели негативные последствия для самых разных людей. Вот лишь некоторые из них:

После публикации “Идей к чистой феноменологии” Эдмунда Гуссерля часто обвиняли в методологическом солипсизме [Husserl 1983], несмотря на то, что сам он считал проблему солипсизма (проблему других сознаний и интерсубъективности) одной из главных угроз своей философии и посвятил значительные усилия попыткам ее разрешения. Многие его коллеги и даже ученики критиковали его за «солипсизм».

В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» осудил Маха, Авенариуса, Шуппе, Шуберта-Зольдерна как солипсистов (или ведущих к солипсизму) [Ленин 1984, с. 400]. В советской философии это имело реальные последствия: марксистско-ленинская линия сделала «солипсизм» синонимом классового врага. Философы, симпатизировавшие эмпириокритицизму, сталкивались с серьёзными карьерными барьерами, цензурой или вынужденной самокритикой.

Обвинение в солипсизме - одна из тех немногих теоретических практик, которая вышла за пределы академии. В практике советской карательной психиатрии (1960–1980-е годы) “солипсизм”, философский скептицизм, идеи о «нереальности мира», радикальный субъективизм или просто «отрыв от коллективной реальности» иногда квалифицировали как симптомы вялотекущей шизофрении (вялотекущий психоз) или параноидного расстройства

[Гаррабе 2000, с. 304] [Снежневский 1972, с. 368]. Часто солипсизм/скептицизм сочетался с критикой власти, религиозностью или социальным протестом - это усиливало “диагноз”.

QBism (Quantum Bayesianism) - один из самых ярких современных примеров того, как ярлык «солипсизм» используется для стигматизации научных подходов от первого лица [Fuchs 2010, p. 25; Healey 2016, web]. Это интерпретация квантовой механики, разработанная в основном Кристофером Фуксом, Дэвидом Мермином и другими в 2000–2010-х годах. Обвинения привели к маргинализации позиции, сложностям с публикациями и цитированием, проблемам с финансированием и карьерой у ее сторонников [Marchildon 2015, p. 142-154].

Камерон Фройденбергер и несколько менее известных философов в англоязычных университетах - в 2015–2022 годах их обвиняли в «солипсистическом индивидуализме» за критику Mandatory Diversity Training (MDT, обязательное обучение разнообразию) и идентичностной политики. В нескольких задокументированных случаях это приводило к отказу в постоянной преподавательской позиции и сильному давлению на публикации.

Обвинения в солипсизме – не безопасная практика. Вне зависимости от того, каких позиций мы придерживаемся, какие считаем сильными, а какие слабыми, нам следует избегать расширительного употребления термина солипсизм и оставаться приверженными принципам содержательной и аргументативной дискуссии.

Список литературы

1. Гаррабе 2000 – Гаррабе Ж. История шизофрении / пер. с фр. ; под ред. А. Б. Смулевича. М. : Алетейя, 2000. 304 с.
2. Ленин 1984 – Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм : критические заметки об одной реакционной философии. М. : Изд-во полит. лит., 1984. 400 с.
3. Снежневский 1972 – Снежневский А. В. Шизофрения: клиника и патогенез. М.: Медицина, 1972. 368 с.
4. Avramides 2019 – Avramides A. Other minds // Encyclopedia of Philosophy. 2019.
5. Bookchin 1995 – Bookchin M. Social anarchism or lifestyle anarchism: an unbridgeable chasm. Edinburgh: AK Press, 1995. 128 p.
6. Burge 1986 – Burge T. Individualism and psychology // Philosophical Review. 1986. Vol. 95. No. 1. P. 3–45.
7. Fuchs 2010 – Fuchs C. A. QBism, the perimeter of Quantum Bayesianism // arXiv preprint arXiv:1003.5209. 2010. 25 p.
8. Healey 2016 – Healey R. Quantum-Bayesian and pragmatist views of quantum theory // Encyclopedia of Philosophy. 2016 (substantive revision 2022).
9. Husserl 1983 – Husserl E. Ideas pertaining to a pure phenomenology and to a phenomenological philosophy. First book: general introduction to a pure phenomenology / transl. by F. Kersten. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1983. 401 p. (Husserliana; vol. 2).
10. Kirk 2003 – Kirk R. Zombies // Encyclopedia of Philosophy. 2003 (substantive revision 2023).
11. Marchildon 2015 – Marchildon L. Why I am not a QBist // Foundations of Physics. 2015. Vol. 45. P. 142–154.

УДК 14

О СТАТУСЕ МЕНТАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ТЕОРИИ СОЗНАНИЯ Д.И. ДУБРОВСКОГО

Мёдова Анастасия Анатольевна
Доктор философских наук
Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, профессор кафедры философии и социальных наук
E-mail: medova@sibsau.ru

Аннотация: Обсуждается временная организация сознания в контексте информационной теории сознания Д.И. Дубровского и модальной трактовки сознания А.А. Мёдовой. Поднимается вопрос о том, каким образом время «причастно» к существованию ментальной информации. Выделяются два аспекта темпоральности сознания: 1) дискретизация субъективной реальности, обеспечивающая информационно-содержательное наполнение «субъективных кадров», сравнимая на психофизиологическом уровне с субъективным мгновением или кадром восприятия; 2) «пульсация» содержаний сознания в бимодальном контуре «Я/не-Я». Бимодальность «Я/не-Я» рассматривается как специфический атрибут сознания в теории Дубровского, а именно как единство иноотображения и самоотображения, имеющее своим последствием слитность информации со своей кодовой формой. Делается вывод, что в информационной теории время представлено скорее не как «когнитивный кадр», а как интервал «ментальной пульсации», обусловленный бимодальностью сознания, т.е. движением содержания субъективной реальности в динамическом биполярном контуре модальностей «Я» и «не-Я». Этот интервал бимодальной пульсации и есть минимальное явление субъективной реальности, но его заполняет не информация, а чередование ментальных модусов, т.е. смена «измерений» одной и той же информации. Феномен отображения отображения, которому Д.И. Дубровский отводит значительное место в объяснении субъективной реальности, так же является темпоральным: самоотображение есть форма повторения. Обосновывается, что описанные формы ментальных совпадений (бимодальность, двойное отображение, информация об информации), указывающие на искомый центр организации сознания, имеют измерение времени.

Ключевые слова: субъективная реальность, ментальные коды, информационные процессы, бимодальность сознания, субъективный кадр, дискретизация ментального континуума.

ON THE STATUS OF MENTAL TIME IN D.I. DUBROVSKY'S INFORMATION THEORY OF CONSCIOUSNESS

Medova Anastasia Anatolievna
Reshetnev Siberian State University of Science and Technology

Abstract: The temporal organization of consciousness is discussed in the context of D.I. Dubrovsky's information theory of consciousness and modal interpretation of consciousness by A.A. Medova. The question is raised of how time is "involved" in the existence of mental information. Two aspects of the temporality of consciousness are distinguished: 1) the discretization of subjective

reality, which provides the informational content of "subjective frames," comparable at the psychophysiological level to a subjective instant or frame of perception; 2) the "pulsation" of the contents of consciousness in the bimodal "I/not-I" circuit. The "I/not-I" bimodality is considered a specific attribute of consciousness in Dubrovsky's theory, namely, as the unity of other-reflection and self-reflection, resulting in the fusion of information with its code form. It is concluded that in information theory, time is represented not so much as a "cognitive frame," but as an interval of "mental pulsation," conditioned by the bimodality of consciousness, i.e. The movement of the content of subjective reality within the dynamic bipolar circuit of the "I" and "not-I" modalities. This interval of bimodal pulsation is the minimal phenomenon of subjective reality, but it is filled not by information, but by the alternation of mental modes, i.e., the shifting "dimensions" of the same information. The phenomenon of image-mapping, to which D.I. Dubrovsky assigns a significant place in explaining subjective reality, is also temporal: self-reflection is a form of repetition. It is argued that the described forms of mental coincidences (bimodality, double mapping, information about information), pointing to the sought-after center of consciousness organization, have a time dimension.

Keywords: subjective reality, mental codes, information processes, bimodality of consciousness, subjective frame, discretization of the mental continuum.

Проблема организации процессов сознания с точки зрения их темпорального статуса не теряет своей остроты с начала прошлого века. Она актуальна для феноменологии, когнитивной психологии, нейронаук. Исследование временных практик сознания представляет интерес для разработки информационных и когнитивных технологий, анализа биологической и социальной памяти, критериев установления личности и др. Статья посвящена трактовке временной организации ментальных процессов (в оригинальной терминологии – явлений субъективной реальности) Давида Израилевича Дубровского, предложенной им в информационной теории сознания [Дубровский 1971; 1980; 2002; 2007; 2013; 2018]. В ходе изложения мы рассмотрим данную теорию в свете модальной интерпретации сознания [Медова 2014].

Выделим ряд положений теории Д.И. Дубровского, связанных с проблемой ментального времени:

1. явления субъективной реальности имеют информационную природу и фиксируются в текущем настоящем или во временных интервалах;
2. естественные коды неотделимы от информации, которую они несут;
3. от явлений субъективной реальности неотделимо сознание длительности и чувство принадлежности своему Я;
4. сознание развертывается в режиме бимодального совпадения «Я» и «не-Я», который тоже имеет темпоральный аспект.

В рассматриваемой теории идентичность сознания описывается как отношение информации и ее носителя: самоидентичность обусловлена чтением сознанием собственных «текстов». Д.И. Дубровский описывает предельный вариант автокоммуникации сознания как расшифровку «естественных кодов» высшего порядка. В этом случае возникает *информация об информации*, то есть код работы сознания «открывается» и актуализируется для его носителя [Дубровский 2013, с. 146]. Единство сознания скрепляется отношением информации и ее кода, причем время играет важную роль в этих отношениях. Д.И. Дубровский мыслит временность сознания через дискретизацию континуума субъективной реальности. Информация-код должна быть разбита на конечное число элементов, чтобы возможно было

установить соответствие между единицей информации и ее носителем: «Формирование объекта расшифровки кода требует корректной дискретизации континуума СР (субъективной реальности – *прим. А.М.*) как «текущего настоящего», разбивки его на определенные элементы и фрагменты. В тех случаях, когда это возможно, желательно, чтобы дискретизация достигала уровня квантификации явлений СР» [Дубровский 2018, с. 20]. Этот подход можно назвать «лингвистическим». Исходные условия для образования любого рода языка таковы: необходимо выделение конечного ряда элементов некоторой реальности и создание набора знаков, которые будут находиться во взаимно-однозначных соответствиях с выделенными элементами. Таким образом, дискретизация является обязательным элементом кодирования.

Эта установка относит нас к такому понятию когнитивной психологии как «субъективная минута» или «минимальное явление субъективной реальности»; последнее характеризуется как интервал, в пределах которого функционирует нейродинамический код. С.Л. Рубинштейн определял психологическое настоящее как 1/18 долю секунды применительно ко всем модальностям восприятия, полагая, что сигналы большей частоты для человека сливаются в одно целое [Рубинштейн 2002, с. 306]. Однако минимальное явление субъективной реальности не целесообразно унифицировать; оно значительно различается в разных модальностях восприятия. Согласно Ф. Варела, минимальный зрительный кадр восприятия соответствует 0,1 секунды [Varela 1999]. П. Фресс указывает на то, что человек в состоянии различить 1000 дискретных звуковых сигналов в секунду (0,001 доля секунды) и 4000 механических вибраций (0,004 доля секунды для тактильных ощущений). В этих данных, безусловно, имеется «зазор» между астрономическим и психологическим временем. В этой связи П. Фресс констатирует, что психологическое настоящее соответствует длительности переживаемого процесса, а не определенному периоду времени. При этом он фиксирует его верхний предел – не более 5 секунд, и среднее значение – от 2 до 3 секунд [Fraisse 1984, p. 10]. В информационной теории сознания темпоральная дискретизация так же имеет место, поскольку предполагается информационно-содержательное наполнение субъективных кадров. Для этого нужно предложить новый вариант материала для «субъективной минуты». Мы приходим к вопросу, что следует считать «единицей» ментальной информации, минимальным информационным событием.

Другое важнейшее свойство сознания, описанное Д.И. Дубровским, это бимодальность «Я/не-Я». Бимодальность выражается в том, что внешние раздражители, события, личности и т.п. одновременно являются внутренними в качестве восприятий, мыслей, памяти и т.п. Это означает, что явления субъективной реальности по своей природе модальны: модусы суть разные формы того же самого, тождественные друг другу и своему «источнику». Одна и та же информация по модусу «реальности» может быть и внешней, и внутренней, по модусу презентации в сознании может быть восприятием, воспоминанием, представлением и т.п. Феномен бимодальности сознания акцентирует тот факт, что объективная информация – это субъективная информация, реализуемая в другой системе координат.

Другой аспект модальности, фиксируемый информационной теорией сознания Д.И. Дубровского, проявляется в том, что *информация, образующая «текст сознания», неотделима от своего кода*. Это еще одна форма модального саморазличающегося тождества. Данное свойство субъективной реальности становится проблематичным для самого автора теории. Если работа сознания – это организованные во времени процессы кодирования и декодирования, что в таком случае следует понимать под операциями расшифровки кода? Ведь «информация необходимо воплощена в своем носителе, а последний всегда представляет собой то или иное ее кодовое воплощение (т.е. если информация всегда существует только в

определенной кодовой форме, и никак иначе)?» [Дубровский 2013, с. 128]. Указывая на то, что ментальная информация, по сути, тождественна своему коду, Д.И. Дубровский фиксирует сложную форму единства сознания: он описывает его как голоморфное саморазличающееся тождество [Мёдова 2018, с. 120-121]. Саморазличение явлений субъективной реальности реализуется на двух уровнях: они различаются и совпадают как внутренние и внешние и как информация и код (означающее и означаемое).

Д.И. Дубровский фиксирует атрибутивное свойство сознания – его специфическую неотделимость от своих собственных содержаний. Неотделимость ментальной информации от ее кода – это «вид изнутри» на неотделимость актов сознания от самого сознания. То есть, при анализе сознания мы сталкиваемся со «слепым пятном», с недифференцируемой зоной. Тем не менее, структура сознания, по Д.И. Дубровскому, выражается в эффекте самоидентичности, бимодальности, автокоммуникации путем расшифровки естественных (или редуцированных) ментальных кодов. Темпоральность сознания, на наш взгляд, должна обнаружить свою специфику именно здесь.

Известно, что время является условием или сопутствующим эффектом любого акта сознания. Оно неустранимо из сознания так же, как и чувство самоидентичности. Все восприятия, действия, факты, явления темпоральны, причем в двух модусах, внешнем и внутреннем – как длящиеся и как переживаемые во времени процессы. Временность настолько имманентна всему, что может описываться как состояния сознания, что ответ на вопрос «порождена ли темпоральность сознанием или же привнесена в него внешней реальностью?» представляется затруднительным. Этот когнитивный феномен говорит в пользу идеи бимодальности.

В рамках информационной теории сознания время является формальной количественной категорией, поскольку не является информацией. Минимальное явление субъективной реальности имеет определенное содержание и временной интервал. Дубровский предлагает дискретизировать явления субъективной реальности до уровня квантификации в тех случаях, когда это приемлемо, например, применительно к сравнительно простым явлениям СР: ощущениям, восприятиям, некоторым эмоциональным состояниям. Таким образом информационная теория предполагает минимизацию каждого конкретного явления СР по «содержанию» и по времени [Дубровский 2013, с. 133]. Но время при этом «причастно» к существованию информации: в теории Дубровского оно представлено не как «когнитивный кадр», а как интервал «ментальной пульсации». В каждом интервале определенное содержание имеет модальность «Я» или «не-Я», то есть, является «своим» или «иным». Но эти модальности, будучи инобытием друг друга, взаимообращаются: субъективное становится объектом и наоборот. «В этом проявляется динамическая многомерность модальностей «Я» и «не-Я», каждая из которых в ином измерении и в ином интервале способна переходить в свою противоположность путем перемены модального знака переживаемого содержания» [Дубровский 2002, с. 89]. Это бимодальное «мерцание» темпорально, не случайно Д.И. Дубровский употребляет слово «интервал», имеющее в данном контексте значение интервала времени.

Самосчитывание, спонтанное или осознанное декодирование информации создает информацию об информации, эти две формы информации, расщепляясь бимодально, становятся актом субъективной реальности, характеризующимся специфической самообращенностью. Именно на этом двойном отображении Д.И. Дубровским делается акцент. Если восприятие есть одновременно воспринятое, внешнее есть внутреннее, а информация есть собственный код, как следует понимать время? Недостаточно сказать, что

все эти совпадения происходят во времени, поскольку это ничего не добавит к пониманию поставленной проблемы. Самотождественность субъективной реальности следует понимать как ее временную организацию, обеспечивающую взаимообращаемость модальностей «Я/не-Я» и доступность сознанию собственных информационных кодов: «Процессы кодирования и декодирования прежде всего указывают на необходимое участие в них памяти, на кольцевую структуру актуализации-дезактуализации переживаемого содержания данного явления СР в данном интервале «текущего настоящего» [Дубровский 2013, с. 135]. Зафиксированное Д.И. дубровским совпадение иноотображения и самоотображения можно описать как в информационном, так и в темпоральном модусах: они одновременно являются и информационными, и временными отношениями. Время сознания в информационной теории – это не только тиражирование и маркировка минимальных событий субъективной реальности, это так же цикличность интервалов переключения модальностей «Я» и «не-Я», «кольцевание» процессов кодирования и декодирования.

Информационная теория Д.И. Дубровского позволяет разрабатывать проблему темпоральности сознания в оригинальном направлении. Она открывает перспективы анализа ментальных ритмов или циклов времени, разработки категории «когнитивной пульсации», сравнимой по значимости с категориями «кадр восприятия» или «субъективная минута». Работа в этом направлении перспективна еще и в связи с тем, что когнитивная пульсация оформляет феномен «информации об информации». Это означает, что она фундирует специфическую ментальную автокоммуникацию, называемую в классической традиции самосознанием.

Список литературы

1. Дубровский 1971 – Дубровский Д.И. Психические явления и мозг. М.: Наука, 1971. 386 с.
2. Дубровский 1980 – Дубровский Д.И. Информация, сознание, мозг. М.: Высш. школа, 1980. 286 с.
3. Дубровский 2002 – Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон+, 2002. 368 с.
4. Дубровский 2007 – Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект: сб. статей. М.: ИД Стратегия-центр, 2007. 272 с.
5. Дубровский 2013 – Дубровский Д.И. Проблема «сознание и мозг»: теоретические и методологические вопросы (в связи с задачами НБИКС-конвергенции) // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. Под ред. проф. Д.И. Дубровского. М.: ООО «Издательство МБА», 2013. С. 121-149.
6. Дубровский 2018 – Дубровский Д.И. Проблема «сознание и мозг». Теоретическое решение основных вопросов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. Т. 15, № 2. С. 14-29.
7. Медова 2014 – Медова А.А. Сознание в модусе времени. М.: ООО «НБ-Медиа», 2014. 220 с.
8. Медова 2018 – Медова А.А. Онтология модальности: в 2 частях. Ч. 2. Модальная интерпретация действительности. Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, 2018. 154 с.

9. Рубинштейн 2002 – Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / Издание 2-е, 1946 г. СПб: Издательство Питер, 2002. 720 с.
10. Fraisse 1984 – Fraisse P. Perception and Estimation of Time // Annual Review of Psychology. 1984. Vol. 35. P. 1-36.
11. Varela 1999 – Varela F.J. The Specious Present: A Neurophenomenology of Time Consciousness // Naturalizing phenomenology: issues in contemporary phenomenology and cognitive science / ed. by Jean Petitot, Francisco J. Varela, Bernard Pachoud, Jean-Michel Roy. Stanford, 1999. Ch. 9. P. 266-329.

ЧАСТЬ 11

ФИЛОСОФСКАЯ ЛОГИКА

УДК 162

КЛАССИФИКАЦИЯ ОБЩИХ ТОПОВ «РИТОРИКИ» АРИСТОТЕЛЯ ПО ВИДАМ ЭНТИМЕМ

Карпов Глеб Викторович
Кандидат философских наук
Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге», доцент
Санкт-Петербургский государственный университет, доцент
E-mail: glebsight@gmail.com

Аннотация: В статье исследуется проблема соотношения общих топов «Риторики» Аристотеля и четырех видов энтимем (из вероятного, из необходимого знака, из не необходимого знака от общего к частному и из не необходимого знака от частного к общему). Роль частных топов как посылок энтимем общепризнана; напротив, связь общих топов и энтимем еще досконально не изучалась. На основе анализа двадцати восьми общих топов из главы II.23 «Риторики» устанавливается, что каждый общий топ тяготеет к порождению энтимем определенного вида в зависимости от характера посылок: вероятных связей, необходимых отношений или совпадения признаков. Показано, что семь общих топов порождают неопровержимые явные доказательства, что ставит под вопрос универсальную отменяемость современных аргументативных схем. Установленное соответствие подтверждается композицией «Риторики», где рассуждения об опровержении энтимем выдержаны в терминах их классификации.

Ключевые слова: топ, энтимема, риторический силлогизм, вероятное, необходимый знак, схема аргументации, явное доказательство, опровержение

CLASSIFICATION OF THE COMMON TOPICS IN ARISTOTLE'S RHETORIC BY TYPES OF ENTHYMEMES

Karpov Gleb Viktorovich
European University at St. Petersburg, Associate Professor
Saint Petersburg State University, Associate Professor

Abstract: The article investigates the correlation between the common topics of Aristotle’s Rhetoric and the four types of enthymemes: those from probability, from a necessary sign, from a non-necessary sign (general to particular), and from a non-necessary sign (particular to general). While the role of specific topics as premises for enthymemes is widely recognized, the connection between common topics and enthymemes, by contrast, has not yet been thoroughly studied. Based on an analysis of the twenty-eight common topics from Book II, Chapter 23 of the Rhetoric, it is

established that each common topic tends to generate enthymemes of a specific type depending on the nature of the premises: probable connections, necessary relations, or a coincidence of attributes. It is shown that seven common topics generate irrefutable demonstrative proofs, which calls into question the universal defeasibility of modern argumentation schemes. This established correspondence is confirmed by the structure of the Rhetoric itself, in which the discussion on the refutation of enthymemes is framed in terms of their classification.

Keywords: topic, enthymeme, rhetorical syllogism, probability, necessary sign, argumentation scheme, demonstrative proof, refutation

1. Общие и частные топы «Риторики»: проблема определения

В главе I.2 «Риторики» Аристотель предлагает различать два вида топов: частные и общие. Частные топы (εἴδη или ἴδια) относятся к «отдельным родам и видам явлений»; общие топы (κοινοὶ τόποι) позволяют рассуждать о любых предметах [Аристотель 1978, с. 23–24, Cope 1867, p. 126]. Частные топы принято рассматривать как посылки энтимем, а общие топы — как универсальные схемы аргументации [Rubinelli 2009, p. 65, 70].

2. Виды энтимем по Аристотелю

В той же главе «Риторики» Аристотель указывает и на то, что энтимемы выводятся «из вероятного или из признаков» [Аристотель 1978, с. 22]. Энтимема основана на вероятном тогда, когда ее посылкой выступает какое-нибудь распространенное мнение. Например, «он завистлив, значит он ненавидит других, потому что завистливые люди ненавидят других» — энтимема из вероятного. В свою очередь признаки, выступающие основанием энтимем, могут быть необходимыми и не необходимыми. «У этого человека лихорадка, значит он болен, потому что человек, у которого лихорадка, болен» — пример энтимемы, основанной на необходимом признаке. Напротив, энтимемы «эта женщина желтовато-бледна, значит она беременна, потому что беременные желтовато-бледны» и «Питтак добр, значит мудрецы добры, потому что Питтак мудрец» основаны на не необходимом признаке. Аристотель различает последние две энтимемы на том основании, что первая из них говорит об одной женщине, а вторая — о мудрецах вообще; первая, поэтому, — рассуждение от общего к частному, вторая — от частного к общему.

Таким образом, энтимемы бывают: из вероятного (тип 1); из необходимого признака (тип 2); из не необходимого признака от общего к частному (тип 3); из не необходимого признака от частного к общему (тип 4). Подробнее о видах энтимем см. [Cope 1867, p. 160 ff.; Grimaldi 1972, p. 104; Rubinelli 2009, p. 59].

3. Постановка проблемы: общие топы и виды энтимем

Естественно, что частные топы, ἴδια могут выступать посылками любой из таких энтимем, и из вероятного, и из признака. Вопрос в том, как именно соотносятся между собой указанные виды энтимем и именно общие топы, κοινοὶ τόποι. Описать это соотношение — значит лучше понять природу общего топа, ведь это одно из плохо определенных понятий риторики Аристотеля. Его содержание, тем не менее, очевидно, не исчерпывается сравнением со схемой аргументации по их функции.

Если, в соответствии с известной формулой Аристотеля, принять, что топ есть то, что «включает в себя множество энтимем» [Аристотель 1978, с. 124], то следует ли согласиться и с тем, что он включает энтимемы всех четырех видов? Или, напротив, — только некоторые из них?

Этот вопрос можно сформулировать и в таком виде: можно ли установить закономерности в том, какие общие топы порождают энтимемы из вероятного, а какие — из

признака (необходимого или не необходимого) и существует ли между ними структурное соответствие?

4. Решение проблемы: методология и результаты

В главе II.23 «Риторики» [Аристотель 1978, с. 111–119] описаны двадцать восемь общих топов (см. табл. 1).

№	Название топа	Номер фрагмента «Риторики»
1	из понятия противоположного	1397a7
2	из одинаковых падежей	1397a20
3	из взаимного отношения двух предметов	1397a23
4	из понятия большего и меньшего	1397b12
5	из данных времен	1397b27
6	сказанное против нас обратить против сказавшего	1398a3
7	из определения понятия	1398a15
8	на основании нескольких значений	1398a28
9	из разделения	1398a30
10	из наведения	1398a33
11	из приговора	1398b20
12	из частей	1399a6
13	в убеждении на основании последствий	1399a10
14	когда нужно советовать две вещи	1399a18
15	когда люди не одно и то же хвалят	1399a29
16	по аналогии	1399a33
17	о тождестве последствий и причин	1399b5
18	о том, что люди не всегда держатся одних мыслей	1399b14–15
19	в утверждении причины	1399b19–20
20	в рассмотрении обстоятельств	1399b31–32
21	из вещей, которые кажутся невероятными	1400a6–7
22	в рассмотрении противоречий	1400a15
23	в изложении причины извращенного мнения	1400a23–27
24	из причины	1400a30–31
25	в обсуждении того, нельзя ли было сделать иначе	1400a37–b1
26	в рассмотрении сделанного и противоположного	1400b4–5
27	в обвинении на основании ошибок	1400b9–10
28	от имени	1400b17

Таблица 1. Двадцать восемь общих топов «Риторики».

Чтобы установить соотношение общих топов и видов энтимем, необходимо определить, какого рода посылки формулируются с помощью каждого топа. Критерий классификации заключается в следующем: если топ побуждает строить посылку, утверждающую связь, которая допускает исключения и основана на распространенном мнении, то он тяготеет к энтимемам типа 1; если топ требует посылки, где связь необходима (укоренена в определениях понятий, принципах мышления или исчерпывающем перечислении), то он порождает энтимемы типа 2; если топ строится на случайном совпадении признаков, то он формирует энтимемы типа 3; если топ предполагает обобщение от частных случаев или перенос по сходству, то он дает энтимемы типа 4.

Топы, тяготеющие к энтимемам типа 1, из вероятного, это топы №1, 3, 4, 5, 11, 13, 14, 15, 18, 19, 20, 24, 25 и 27. В них основанием для суждений служат распространенные мнения о том, как обыкновенно протекают события или как обыкновенно связаны между собой явления. Так, топ №3 (из взаимного отношения) исходит из мнения, что оценка действия одного участника отношения переносится на другого; топ №4 (из большего и меньшего) исходит из принципа: если нечто не обнаруживается там, где его следовало бы ожидать в большей степени, то его нет и там, где его следовало бы ожидать в меньшей степени. Во всех случаях связь допускает исключения: не всегда противоположные причины дают противоположные следствия (топ №1), не всегда то, что справедливо в одно время, справедливо и в другое (топ №5).

Топы, порождающие энтимемы типа 2, из необходимого признака (явные доказательства): №2, 7, 9, 12, 17, 22 и 26. Основанием для суждений здесь служат не мнения, а необходимые отношения. Топ №7 опирается на определение понятия: например, если демонион есть создание божества по определению, то тот, кто верит в демониона, необходимо верит и в богов [Аристотель 1978, с. 114]. Топ №2 использует необходимую связь понятия с его грамматическими формами: например, если «справедливо умереть» — не хорошо, то и «справедливое» — не всегда хорошее. Топы №9 и 12 строятся на исчерпывающем перечислении: если нечто можно признать существующим только при конечном наборе условий, а все они исключены, то не существует и это «нечто». Топ №22 основан на принципе непротиворечия: заговор против народа несовместим с любовью к народу. Топ №17 использует тождество следствий: если разные утверждения имеют одно следствие, то они тождественны в отношении этого следствия. Во всех этих случаях связь необходима, а не вероятна.

Топы, формулирующие энтимемы типа 3, из не необходимого признака от общего к частному: №21, 23 и 28. Здесь основанием выступает случайное совпадение признаков. В топе №21 невероятность объявляется знаком истины — не необходимым, а лишь возможным [Аристотель 1978, с. 117]. В топе №28 имя человека берется как признак его характера, хотя связь между именем и характером не необходима. В топе №23 поцелуй принимается за признак связи, хотя возможны исключения.

Топы, порождающие энтимемы типа 4, из не необходимого признака от частного к общему: №10 и 16. Топ №10 (из наведения) строится на обобщении частных случаев: Питтак добр, значит мудрецы добры. Топ №16 (по аналогии) переносит свойство по структурному сходству. В обоих случаях основанием служит не необходимая связь, а совпадение признаков в нескольких наблюдаемых случаях.

К пограничным случаям я отношу топы №6, 8 и 24 — те, что не укладываются однозначно ни в один из четырех выделенных типов или допускают двоякую интерпретацию.

Топ №6 (обращение слов противника против него самого) можно считать основанным на вероятном мнении о необходимости быть последовательным, но его также можно трактовать

как энтимему от не необходимого признака: характер человека берется как знак того, что он мог совершить дурной поступок — рассуждение от общего (характер) к частному (конкретный поступок). Топ №8 (на основании нескольких значений слова) недостаточно описан Аристотелем [Grimaldi 1988, p. 307–308], чтобы вынести определенное суждение о типе энтимемы, которую он порождает; по структуре он напоминает явные доказательства (как топ №7, основанный на определении), но примеров Аристотель не дает.

5. Выводы: топы и энтимемы как система

Топы, дающие явные доказательства (тип 2), касаются: определения и значения слов (топы №2 и 7), отношений части и целого (топы №9 и 12), причинно-следственных связей (топ №17), отношений несовместимости (топы №22 и 26). Видно, что основанием выступают принципы, в соответствии с которыми организована сама действительность и отражающее ее мышление. Напротив, топы, порождающие энтимемы из вероятного (тип 1), имеют фундаментом в лучшем случае лишь предположения об устройстве действительности и деятельности человека.

Наличие семи топов, порождающих явные доказательства, выглядит неожиданным результатом, если сопоставлять его с авторитетным для отечественной традиции понимания «Риторики» утверждением-комментарием о том, что «топ нарушает вывод, формально получаемый из посылок силлогизма» [Аристотель 1978, с. 311]. Сопоставление общих топов с аргументативными схемами Д. Уолтона [Walton 2006] показывает, что современная теория аргументации воспроизвела преимущественно ту часть аристотелевской системы, которая соответствует энтимемам из вероятного, проигнорировав энтимемы 2 типа, или зачислив их в число дедуктивных способов рассуждать.

То, что общие топы соответствуют видам энтимем, подтверждает и композиция «Риторики», где за перечнем из 28 топов следует серия рассуждений об опровержении, выдержанная в терминах классификации энтимем. В отношении опровержения энтимем типа 1 Аристотель отмечает: «Недостаточно, если решено, что что-нибудь не необходимо, но нужно доказать, что оно не правдоподобно» [Аристотель 1978, с. 124]. Энтимемы типа 2 не подлежат опровержению — можно опровергнуть только посылку, но не сам топ [Аристотель 1978, с. 124]. Энтимемы типов 3 и 4 опровергаются указанием на контрпример: достаточно показать, что имеется случай, не согласный с обобщением или аналогией.

Все это позволяет взглянуть на общие топы по-новому: оставаясь схемами рассуждения, они приобретают строгие, формальные черты благодаря установленному соответствию с видами энтимем. Следует заметить, что поиск системы в топических списках — это философский проект с давней традицией. Боэций первым свел многообразие топов «Топики» Аристотеля к конечному списку общих принципов-максим [Stump 1978]. Теперь похожая работа, я надеюсь, выполнена и в отношении «Риторики» и ее общих топов.

Список литературы

1. Аристотель 1894 – Аристотель. Первая аналитика / Пер. Н.Н. Ланге. СПб.: Тип. В.С. Балашева и К°, 1894. 194 с.
2. Аристотель 1978 – Аристотель. Риторика / Пер. с древнегреч. Н. Платоновой // Античные риторики / Под ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 15–164.
3. Cope 1867 – Cope E.M. An Introduction to Aristotle's Rhetoric, with Analysis, Notes and Appendices. London; Cambridge: Macmillan, 1867. 464 p.

4. Grimaldi 1972 – Grimaldi W.M.A. Studies in the Philosophy of Aristotle's Rhetoric. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1972. 151 p.
5. Grimaldi 1988 – Grimaldi W.M.A. Aristotle, Rhetoric II: A Commentary. New York: Fordham University Press, 1988. 393 p.
6. Rubinelli 2009 – Rubinelli S. Ars Topica: The Classical Technique of Constructing Arguments from Aristotle to Cicero. Dordrecht: Springer, 2009. 124 p.
7. Stump 1978 – Stump E. Boethius's De topicis differentiis. Ithaca; London: Cornell University Press, 1978. 287 p.
8. Walton 2006 – Walton D. Fundamentals of Critical Argumentation. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 343 p.

УДК 162.6

АРГУМЕНТАЦИЯ ОТ ЭКСПЕРТНОГО МНЕНИЯ: ОТ СОРЕВНОВАНИЯ АВТОРИТЕТОВ К ПРАВИЛУ ВЫВОДА

Лисанюк Елена Николаевна

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник

Институт философии Российской Академии наук

E-mail: elenalisanyuk@yandex.ru

Аннотация: В статье исследуется аргументация от экспертного мнения как широко распространённая, но эпистемически уязвимая форма недемонстративного рассуждения. Актуальность темы обусловлена современным «кризисом экспертизы», размыванием профессионального статуса специалистов и рисками превращения допустимых ссылок на авторитет в уловку argumentum ad verecundiam. В аргументе от экспертного мнения выделено две посылки: Посылка 1 описывает утверждение эксперта, предъявляемое Посылкой 2 в качестве признака приемлемости заключения. В работе демонстрируется, что традиционная ориентация оценки исключительно на проверку статуса источника (Посылка 1) недостаточна и повышает вероятность манипуляций, особенно в условиях антинаучных протестов. Обосновывается необходимость методологического сдвига: переноса аналитического фокуса на Посылку 2, трактуемую как отменяемое правило вывода. Предлагается оценивать экспертные аргументы не изолированно, а в совокупности с другими доводами и в контексте конкретного диалога, учитывая вид спора, распределение бремени доказательства и ответы на критические вопросы. Рассматриваются перспективы формализованной оценки на основе байесовых вероятностей и абстрактной аргументации с допущениями. Результаты позволяют выработать критерии отличия добросовестного цитирования от ораторских уловок, что значимо для научной коммуникации и рецензирования.

Ключевые слова: недемонстративная аргументация, формальная оценка аргументации, схема аргументации, спор, аргумент к скромности (argumentum ad verecundiam), кризис экспертизы.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-00580, https://rscf.ru/project/26-18-00580/

TITLE ARGUMENTATION FROM EXTERT OPINION: FROM RIVALRY OF AUTHORITIES TO THE RULE OF INFERENCE

Lisanyuk Elena Nikolaevna

DSc in Philosophy, leading research fellow

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

Abstract: This article examines expert opinion argumentation as a widespread yet epistemically vulnerable form of non-demonstrative reasoning. The topic's relevance stems from the current "crisis of expertise," the erosion of the professional status of experts, and the risk of transforming acceptable references to authority into the fallacious argumentum ad verecundiam. The expert opinion argument is comprised of two premises: Premise 1, which concerns the expert's assertion, and Premise 2, which concerns the basis for presenting Premise 1 as a criterion for the acceptability of its conclusion. The paper demonstrates that the traditional focus of evaluation solely on verifying the status of the source (Premise 1) is insufficient and increases the likelihood of manipulation, especially in the context of anti-scientific protests. The need for a methodological shift is substantiated: shifting the analytical focus to Premise 2, which is interpreted as a repealed rule of inference. This paper proposes evaluating expert arguments not in isolation, but in the contexts of other arguments and specific dialogue, taking into account the type of dispute, the distribution of the burden of proof, and responses to critical questions. The prospects for a formalized assessment based on Bayesian probabilities and abstract argumentation with assumptions are explored. The results allow for the development of criteria for distinguishing bona fide citations from rhetorical tricks, which is important for scholarly communication and peer review.

Keywords: non-demonstrative argumentation, formal assessment of argumentation, argumentation scheme, dispute, argumentum ad verecundiam, crisis of expertise.

Аргументация от экспертного мнения, или к экспертному мнению, далее - ЭМ, - это разновидность недемонстративной аргументации, которая основана на признании мнения об истинности (ложности) или приемлемости (неприемлемости) некоторого предложения *A*, высказанного каким-либо человеком, группой или в достоверном источнике, достаточным основанием для того, чтобы считать А истинным (ложным) или приемлемым. Такая аргументация может иметь следующий вид:

Заключение. *Предложение А истинно, потому что*

Посылка 1 об утверждении эксперта \ источника. *Эксперт Э утверждает \ В источнике И утверждается, что А истинно.*

Посылка 2 об основании. *Если эксперт утверждает \ в источнике утверждается, что данное предложение истинно, это признак того, что данное предложение истинно.*

Вопрос об истинности Посылки 1 сводится к проверке факта утверждения и статуса эксперта или источника, а вопрос приемлемости Посылки 2, часто имплицитной, - это вопрос о допустимости выраженного в ней правила рассуждения, или схемы аргументации.

Примером аргументации от ЭМ являются ссылки в этой публикации или цитирование в любом другом письменном или устном тексте. Ссылочный аппарат является необходимым элементом научных публикаций, их рецензирования и наукометрической оценки. В научной и повседневной практике подобная аргументация широко распространена, поэтому желательно обладать критериями и процедурой ее оценки.

На затруднения, связанные с проверкой статуса ЭМ в Посылке 1, а также самой схемы аргументации от ЭМ, выраженной Посылкой 2, обращали внимание уже античные мыслители. Аристотель в «Топике» предупреждает, что мнения мудрых могут служить посылками правдоподобных рассуждений в ученых или обучающих диалектических беседах, повышая убедительность аргументации перед лицом собеседника (ex concessis), однако непригодны в демонстративных умозаключениях, потому что они обусловливают согласие собеседника с каким-либо утверждением не истинностью посылок и логической формой вывода, а признанием некоего авторитетного мнения в качестве основания для этого, которые оба, и достоверность мнения, и признание его авторитетным, носят преходящий характер, говорит Платон в «Меноне». На эти особенности указывает Джон Локк, отграничивая подобный довод от аргументов по существу *ad rem* и, называя его «аргументом к скромности», *argumentum ad verecundiam.* Необходимым условием допустимости аргументации к ЭМ выступает добросовестность автора. Ему надлежит ссылаться исключительно на мнения, выражающие знания, не рассчитывая на то, что его адресат из скромности не станет возражать против мнения, которое предъявлено в качестве авторитетного, но на поверку не является знанием. Это превратило бы подобную аргументацию в ораторский прием влияния, справедливо причисляемый к уловкам или ошибкам рассуждений.

Во избежание подобных уловок к Посылкам 1 и 2 сторонники новой диалектики добавляют посылки о релевантности ЭМ обсуждаемому вопросу, непредвзятости и надежности эксперта, для того чтобы при помощи критических вопросов к ним проверить приемлемость такого аргумента в контексте данного диалога [Walton 1997]. Прагма-диалектический способ неформальной проверки аргумента от ЭМ предлагает процедуру применения этих критических вопросов, в которой их инкорпорируют в высказывательную форму, отражающую определенный этап диалога, и уточняют с учетом статуса (источника) ЭМ - это властный авторитет либо эксперт, который, в свою очередь, может быть профессионалом создания нового знания, например, ученым, или практиком вроде инженера или артиста [Wagemans 2011].

Кризис экспертизы, корни которого современные ученые видят в расширении доступа к образованию и информации [Николс 2019], размывании статуса эксперта [Collins, Evans 2007], превращении знания в политическую силу [Фуллер 2020], претендующую на принятие социально важных решений [Шапиро, Шкорубская 2024], актуализирует оценку

аргументации от ЭМ в первую очередь как оценку использования в диалоге формы этой разновидности недемонстративной аргументации, подразумевающей оценку экспертного статуса данного мнения в рамках проверки истинности Посылки 1.

Затрудняет подобную оценку аргументации от ЭМ назначение оценки экспертного статуса мнения в Посылке 1 на роль не только необходимого, но и достаточного условия приемлемости такого аргумента, как показала дискуссия, развернувшаяся на страницах журналов «Informal Logic» и «Argumentation» и инициированная [Mizrahi 2013], в которой факты многочисленных ошибок экспертов стали главным доводом в пользу слабой пригодности аргументации от ЭМ, подтверждающим идею о том, что такая аргументация из тематического спора по какому-либо вопросу так или иначе скатывается в нетематические дебаты - соревнование авторитетов [Перельман, Ольбрехт-Тытека 2025, с. 425]. В этом соревновании к экспертам, упоминаемым в Посылке 1, предъявляются специальные деонтические требования в области эпистемической ответственности - обладать соответствующими знаниями и, во избежание круга в обосновании, уметь их объяснить без ссылок на мнениях других людей, а авторы, предъявляя такой аргумент, берут на себя обязательство бремени доказательства в отношении того, что «их эксперт» из Посылки 1 отвечает этим требованиям. На практике за рамками членов научных или профессиональных сообществ мало кто способен проверить соответствие эксперта этим требованиям, поэтому назначение Посылки 1 на роль достаточного условия приемлемости аргумента от экспертного мнения, помимо возложения на его автора обязанностей отстаивать эпистемическую добродетельность «своего эксперта», повышает риск уловок «аргумента к скромности» и питает стратегии антинаучного протеста [Шевченко, Тухватулина 2020].

Результаты современных исследований аргументации позволяют перенести акцент в оценивании аргументов от ЭМ с Посылки 1 на Посылку 2. Это подразумевает, во-первых, их толкование в качестве не умозаключений, а высказывательных форм, и дает возможность провести границу между аргументацией, ссылающейся на авторитет, и аргументацией от ЭМ, предъявляемой в условиях, когда стороны спора признают нехватку информации для принятия решения или оценки других доводов по обсуждаемому вопросу. Во-вторых, это предполагает отказ от оценки таких аргументов каждого в отдельности как одиночных в пользу оценивания их в совокупности с другими аргументами автора и относительно конкретного спора, где их предъявляют. В результате оценка одного и того же аргумента от ЭМ в спорах разных видов может различаться. И, наконец, в-третьих, это открывает перспективу формализованной оценки аргументации от ЭМ на основе байесовых рассуждений [Harris et al. 2016] или с помощью абстрактных структур аргументации с допущениями (assumption-based argumentation) [Dung et al. 2009]. В первом случае оценка будет зависеть от того, в какой степени такая аргументация повышает вероятность достижения целей данного спора, а во втором случае, где Посылку 2 трактуют как отменяемое основание или правило, - от того, насколько оно способно противостоять контраргументации, например, сгенерированной на основе критических вопросов.

Список литературы

1. Николс 2019 – Николс Т. Смерть экспертизы: как интернет убивает научные знания. М.: Бомбора, 2019. 364 с.
2. Перельман, Ольбрехт-Тытека 2024 – Перельман Х., Ольбрехт-Тытека Л. Новая риторика. Трактат об аргументации. СПб.: Алетейя, 2025. 710 с.
3. Фуллер 2020 –Лисанюк Е.Н., Перова Н.В. Стив Фуллер и его игра в знание в условиях пост-правды // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2020. Т. 53. С. 221–256.
4. Шапиро, Шкорубская 2024 – Шапиро О.А., Шкорубская Е.Г. Общество vs эксперты: на пути к сотрудничеству // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61. №4. С. 129 – 145
5. Шевченко, Тухватулина 2020 – Шевченко С.Ю., Тухватулина Л.А. Несвятая простота: эпистемология добродетелей и три стратегии отрицания научного знания // Вопросы философии. 2020. № 11. С. 109–119.
6. Collins, Evans 2007 – Collins H., Evans R. Rethinking expertise. Chicago: University of Chicago Press, 2007. 160 p.
7. Dung et al. 2009 – Dung P.M., Kowalski R.A., Toni F. Assumption-Based Argumentation // Simari, G., Rahwan, I. (eds) Argumentation in Artificial Intelligence. Springer, Boston, MA, 2009. P. 199-218.
8. Harris et al. 2016 – Harris A. J. L., Hahn U., Madsen J. K., Hsu A. S. The Appeal to Expert Opinion: Quantitative Support for a Bayesian Network Approach // Cognitive Science. 2016. Vol. 40. P. 1496–1533.
9. Mizrahi 2013 – Mizrahi M. Why arguments from expert opinion are weak arguments // Informal Logic. 2013. Vol. 33. P 57-79.
10. Wagemans 2011 – Wagemans J. H. M. The Assessment of Argumentation from Expert Opinion // Argumentation. 2011. Vol. 25. P. 329–339.
11. Walton 1997 – Walton, D.N. Appeal to expert opinion: Arguments from authority. University Park, PA: Penn State University Press, 1997. 282 p.

УДК 164.1

РЕЛЕВАНТНЫЕ ПРОПОЗИЦИИ

Зайцев Дмитрий Владимирович
Доктор философских наук
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, профессор
E-mail: zaitsev@philos.msu.ru

Аннотация: В работе рассматривается идея релевантизации пропопозиций, положенная М.Данном в основу интуитивной семантики релевантной логики первого уровня. Будет предложена трактовка релевантных пропозиций как функций из множества ситуаций в четырехэлементное множество истинностных значений. На этой основе строится система выводимостей с двумя типами отрицаний. Релвантные пропозиции трактуются Данном как отношения между высказываниями, множествами ситуаций и истинностными значениями. Это позволяет различить пропозиции, соответствующие различным противоречивым

высказываниям, но одновременно нарушает трактовку суждения как указания на истинностное значение. Переход к пропозициям как к релевантным функциям в четырехэлементное множество обобщенных истинностных значений позволяет преодолеть этот недостаток.

Ключевые слова: пропозиция, суждение, отрицание, интуитивная семантика, релевантная логика.

RELEVANT PROPOSITIONS

Zaitsev Dmitry Vladimirovich
Lomonosov Moscow State University, professor

Abstract: The paper considers the idea of the relevantization of propositions, put forward by M. Dunn as the basis of the intuitive semantics of the first-degree relevant logic. In so doing, I plan to propose a novel interpretation of relevant propositions as functions from a set of situations into a four-element set of truth values will be proposed. On this basis, a system of derivations with two types of negations is built. Relvant propositions are interpreted by Dunn as relations between statements, sets of situations, and truth values. This makes it possible to distinguish propositions corresponding to various contradictory statements, but at the same time violates the interpretation of the judgment as an indication of the truth value. The re-interpretation of propositions as relevant functions in a four-element set of generalized truth values makes it possible to overcome this disadvantage.

Keywords: proposition, judgment, negation, intuitive semantics, relevant logic.

1. Данн о пропозициях

В философской литературе, и в частности, в литературе по философской логике, термин «пропозиция» (proposition) используется в разном смысле. Ниже я буду придерживаться той трактовки, которую использует М. Данн в своих многочисленных работах по семантике релевантной логики (см., например, [Dunn 1976]). Согласно этому подходу, пропозиция — это множество ситуаций (положений дел, информационных состояний, возможных миров и т. п.), в которых данное высказывание истинно, или, при функциональной трактовке, — функция из множества ситуаций в множество истинностных значений. Такая трактовка пропозиций хорошо согласуется с традицией понимания смысла и значения языковых выражений, восходящей к Фреге. По Фреге, смысл предложения указывает на его истинностное значение. Вопрос о соотношении мысли, смысла и суждения в философии Фреге — не самый простой. С одной стороны, он неоднократно заявляет, что смысл предложения — это выраженная в нем мысль С другой — сравнивая повествовательные, вопросительные и повелительные предложения, прямо заявляет «смысл повелительного предложения я не буду называть мыслью» [Фреге 2000, с. 329] на том основании, что в утвердительном, вопросительном и повелительном предложениях может быть выражена одна и та же мысль. Так, например, мысль, выраженная в предложениях «Есть ли жизнь на Марсе», «На Марсе есть жизнь» будет одной и той же, различие состоит в том, вопрошается ли она или утверждается. Получается, как пишет там же Фреге, «Повелительным предложениям не откажешь в смысле, однако смысл этот не таков, чтобы можно было ставить вопрос об истине», а вот в случае повествовательного предложения та же самая мысль выражается в модусе утверждения, и это делает возможным (или по-другому говоря, указывает на) истинностное значение. Таким

образом, смыслом повествовательного предложения оказывается то, что принято называть в современной отечественной философской логике суждением, — то есть утверждение о наличии или отсутствии ситуации в действительности.

Исходя из описанной трактовки пропозиций, М. Данн подвергает критике традиционное понимание пропозиций, отмечая, что оно ведет к признанию того факта, что существует единственная противоречивая пропозиция, поскольку смысл всех противоречивых высказываний (единственная функция из множества ситуаций в значение «ложь») совпадает [Anderson et al. 1992, p. 198-199]. На этом основании он предлагает заменить трактовку пропозиции как функции пониманием пропозиции как отношения. В этом случае функциональное требование однозначности перестает быть таковым — одному высказыванию в одной и той же определенной ситуации могут соответствовать сразу два значения: «истина» и «ложь». Очевидно, что в этом случае речь идет не об онтологизации противоречий, а об эпистемических ситуациях, характеризующих состояние знаний агента. Благодаря такой трактовке удается различить пропозиции для разных противоречий. Скажем, высказываниям вида p&□p и q&□q могут соответствовать разные ситуации, например, в ситуации, описанной как {p,□p}, первая формула будет истинна, а вторая нет.

Хорошо известно, что этот путь приводит Данна к семантике первоуровневой релевантной логики. Однако такой семантический подход не вполне отвечает описанной выше исходной фрегеанской интуиции, поскольку соответствующее суждение больше не детерминирует истинностное значение — высказывание может быть истинным и ложным, или истинным и неложным, в обоих случаях пропозиция-как-отношения, связывающая высказывание, ситуации и значение «истина», будет одна и та же. В работе и соответствующем сообщении на конгрессе предпринимается попытка обобщить подход Данна, представив релевантные пропозиции как функциональное отображение в множество из четырех обобщенных истинностных значений, что, как представляется, позволит обеспечить однозначное указание на истинностное значение предложения, сохранив возможность различить противоречия на уровне пропозиций.

2. Релевантные суждения

Так же хорошо, как интуитивная семантика Данна, известен четырехзначный вариант семантики первоуровневой релевантной логики. Поскольку в интуитивной семантике высказывание с истинностным значением связывает отношение, возможны четыре ситуации: когда высказывание истинно и неложно; когда высказывание связывает отношение со значением «истина» и одновременно со значением «ложь»; когда высказывание ложно и неистинно; и когда оно неложно и неистинно. Эти четыре значения стандартно обозначаются символами **T**, **B**, **F**, **N**, соответственно. В четырехзначной семантике релевантной логики используется обобщенная функция оценки из множества формул в множество, состоящее из четырех упомянутых выше обобщенных истинностных значений. Таким образом, возникает возможность каждому случаю приписывания одного из четырех значений сопоставить для одного и того же пропозиционального содержания четыре разных суждения: P_T, P_F, P_B, P_N,. При этом будем исходить из трактовки суждений (и соответствующих им пропозиций) как атомарных объектов. Другими словами, сложному конъюнктивному или дизъюнктивному высказыванию соответствует не особая сложная пропозиция, а комбинация двух простых.

Формализацией логики релевантных суждений будет служить система выводимостей (или схем выводимостей), сформулированных в стандартном пропозициональном языке с двумя типами отрицаний — отрицанием де Моргана (□) и Булевым отрицанием (~). Дедуктивные постулаты системы получаются следующим образом. В качестве основы можно

взять систему выводимостей в языке с отрицанием де Моргана, хорошо известную как релевантная первоуровневая логика **FDE**. Затем добавить постулаты для формул с Булевым отрицанием. Тогда фрагмент новой системы в языке с бинарными связками и Булевым отрицанием будет представлять собой классическую систему выводимостей. Наконец, в итоговую систему следует добавить своеобразные «постулаты сопряженности», устанавливающие связь между двумя подсистемами:

$\sim\Box A \dashv\vdash \Box\sim A$; $\sim\Box(A\&B) \dashv\vdash \sim\Box A\&\sim\Box B$; $\sim\Box(A\Box B) \dashv\vdash \sim\Box A\Box\sim\Box B$.

Теперь есть возможность ввести по определению релевантные суждения:

DF 1. $P_T \Box p\&\sim\Box p$ DF 2. $P_F \Box \sim p\&\Box p$ DF 3. $P_B \Box p\&\Box p$ DF 4. $P_N \Box \sim p\&\sim\Box p$

Следует отметить, что релевантные суждения являются попарно несовместимыми, а их дизъюнкция влечет любое высказывание. В докладе будет представлен «пропозициональный» (по аналогии с модальным фрагментом) фрагмент построенной логики, содержащий релевантные суждения.

3. Перспективы исследований

Интересные перспективы исследований открываются, если обратить внимание на результат подстановки отрицаний пропозициональных переменных на места вхождения этих переменных в определения релевантных суждений. В зависимости от того, какое используется отрицание, такая подстановка превращает неP_B в P_N, и наоборот, для Булева отрицания, и неP_B в P_N для отрицания де Моргана. При этом в обоих случаях P_T превращается в P_F. Результаты этой подстановки можно рассматривать как особое атомарное «подстановочное» отрицание, в общем случае не совпадающее ни с отрицанием Буля ни с отрицанием де Моргана.

Еще одно перспективное направление исследование связано с расширенной трактовкой пропозиций и соответствующих суждений как не обязательно атомарных. При таком подходе сложному высказыванию будет соответствовать суждение, в котором утверждается или отрицается наличие сложной ситуации. В этом случае отношение между сложными суждениями и молекулярными формулами, составленными из простых суждений, оказывается не тривиальным. Так, $(P\&Q)_T$ будет эквивалентно $P_T\&Q_T$, но для $(P\&Q)_F$ это отношение не будет иметь места.

Список литературы

1. Фреге 2000 — Фреге Г. Мысль. Логическое исследование // Готлоб Фреге. Логика и логическая семантика: Сборник трудов. М.: Аспект Пресс, 2000. 512 с.
2. Anderson et al. 1992 – Anderson A. Y. Belnap N. D. and Dunn J. M., Entailment. The logic of relevance and necessity. 1992. Vol.2. Princeton University Press. 749 p.
3. Dunn 1976 – Dunn J. M. Intuitive semantics for first-degree entailments and `coupled trees'// Philosophical Studies. 1976. Vol. 29. P. 149-168.

УДК 165(063)

ЛОГИКА В РАМКАХ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЕКТА ЭДМУНДА

ГУССЕРЛЯ

Шиян Анна Александровна
Кандидат философских наук
Российский государственный гуманитарный университет, доцент
E-mail: annasamoikina@yandex.ru

Аннотация: В тексте рассматривается понимание и роль логики в феноменологических исследованиях Эдмунда Гуссерля. С этой целью автор обращается к основному различию, введенному Гуссерлем в первом томе «Логических исследований» - различию между связями переживаний сознания, связями логических истин и связями вещей. Автор подчеркивает, что у Гуссерля речь идет не только о различии этих сфер, но и о их корреляции. Эта корреляция определяет как обоснование логики в рамках феноменологии, так и гносеологический подход к действительному миру. Сфера логического для Гуссерля – это априорная сфера идеальных условий возможности познания мира, в которую входит не только формальное, но и материальное априори. Формальное априори Гуссерль обосновывает в рамках генетической логики, исходя из принципов функционирования сознания. Материальное априори определяется закономерностями отношений между предметами разных регионов. Автор подчеркивает возможность в рамках феноменологической гносеологии также напрямую вести речь о корреляции между переживаниями сознаниями и предметами, что определяет вторичность логического в общей картине мира Гуссерля, но не отрицает наличие идеальных закономерностей в действительном мире и при функционировании переживаний сознания.

Ключевые слова: Феноменология, логика, сознание, мир, формальное априори, материальное априори, Гуссерль.

ЛОГИКА В РАМКАХ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЕКТА ЭДМУНДА ГУССЕРЛЯ

Shiyan Anna Alexandrovna
Russian State University for the Humanities, associate professor

Abstract: The text examines the understanding and role of logic in the phenomenological research of Edmund Husserl. To this end the author turns to the fundamental distinction introduced by Husserl in the first volume of the Logical Investigations: the distinction between the connections of conscious experiences, the connections of logical truths, and the connections of things. The author emphasizes that Husserl is talking not only about the difference between these spheres, but also about their correlation. This correlation determines both the justification of logic within the framework of phenomenology and the epistemological approach to the real world. For Husserl, the logical sphere is the a priori sphere of ideal conditions for the possibility of knowing the world, which includes not only the formal, but also the material a priori. Husserl justifies the formal a priori within the framework of genetic logic, based on the principles of the functioning of consciousness. The material a priori is determined by the laws of relationships between objects in different regions. The author emphasizes the possibility, within the framework of phenomenological epistemology, of directly discussing the correlation between the experiences of consciousness and objects. This determines the secondary nature of logic in Husserl's overall picture of the world, but does not deny the existence of ideal patterns in the real world and in the functioning of conscious experiences

Keywords: Phenomenology, logic, consciousness, the world, formal a priori, material a priori, Husserl.

В данном тексте я исхожу из единства философского пути Э. Гуссерля: Гуссерль в поздней период творчества развивал, конкретизировал, дополнял идеи и мысли, высказанные, иногда мимоходом в своих ранних работах. Да, при этом некоторые мыслительные ходы отбрасывались, некоторые – изменялись до неузнаваемости, но основные тренды оставались. Особое место среди них занимают исследования Гуссерля по прояснению логики, которые Гуссерль осуществлял, начиная со своей самой ранней работы по феноменологии - «Логических исследований» - вплоть до поздних работ – «Формальная и трансцендентальная логика» и «Опыт суждение».

Тактическая цель «Логических исследований» - утверждение априорного характера логики (и ее истин) как науки и идеальной природы предметности логики. Причем «логику», с современной точки зрения, Гуссерль понимает довольно широко и весьма специфично. К логике он относит сферу апофатики, которая занимается суждениями, и онтологию, которая исследуем идеальную предметность. С учетом этой конкретизации, можно определить глобальную цель «Логических исследований» как проведение различия между идеальным и реальном бытием, между априорным и апостериорным.

Важно подчеркнуть, что свои логические штудии Гуссерль вписывает в онтологический и гносеологический контексты, в рамках которых он работал в период, предшествующий «Логическим исследованиям», и которой во многом диктовался основными философскими трендами его временем, задаваемыми, прежде всего, неокантианцами. Именно в этом ключе я буду рассматривать основное различие 1-ого тома «Логических исследований». Речь идет о различии между связями переживаний в познании, логическими связями, который Гуссерль называет связями истин и связями между вещами, которые образуют предметность той или иной науки [Гуссерль 2024, с. 192-193, 240-241]. Важно отметить, что речь идет не просто о различии, а о корреляции между переживаниями, истинами и вещами. Именно эта корреляция является предпосылкой всех дальнейших исследований Гуссерля, которую с полным правом можно назвать основным априори феноменологии. Причем сфера логического понимается как идеальное априори в кантовском смысле: «… под идеализмом понимается здесь не метафизическая доктрина, но форма теории познания, которая признает идеальное как условие возможности объективного познания вообще…» [Гуссерль 2011, с. 100]. Это идеальное логическое априори определяет все эмпирические законы (связи вещей) конкретных наук и в дальнейшем будет конкретизироваться Гуссерлем в качестве формального априори и дополнится материальным априори.

Основная проблема «Логических исследований» - прояснить априорное соотношение идеальных объективностей логики и психических переживаний (именно так Гуссерль формулирует цель 1-ого тома «Логический исследований» в 1925 г. в «Лекциях по феноменологической психологии» [Husserl 1968, S. 35-42]). Решение этой проблемы, которое Гуссерль разрабатывает в течении нескольких десятилетий состоит в следующем. Внутренняя пассивность, в которой формируются идеальные объективности не является эмпирически случайным фактом. Для того, чтобы числа, множества, виды, роды суждения смогли стать данностью нашего сознания, переживания сознания должны иметь определенную сущностную априорную структуру. И наоборот, основные формы суждений являются такими, а не иными, потому что наше сознание функционирует определенным образом. Этот тезис

Гуссерль развивает в «Опыте и суждении» [Husserl 1999] (См. подробнее [Шиян 2013]). Обобщая смысл корреляции переживаний сознания и сферы априорных истин, можно сделать вывод, что наше видение мира соответствуют тому, как мы о мире говорим и, наоборот, наши высказывания о мире соответствует нашему восприятию мира.

Для фиксации специфики корреляции между априорными истинами и реальной предметностью, необходимо сформулировать один из тезисов гуссерлевской рациональности (см. подробнее [Santis 2021 p. 4-10]. Реальный мир устроен таким рациональным образом, что в нем присутствуют определенные закономерности взаимодействия предметов, которые обусловлены их сущностной априорной природой. Это означает, что идеальное (логическое, на языке Гуссерля) каким-то образом присутствует в реальном в виде необходимых связей и отношений, сущностных свойств предметов и пр. И предметные закономерности соответствуют логическим законам мышления данной предметной области. Так, в 3-м Логическом исследовании Гуссерль устанавливая законы соотношения части и целого, обосновывает их в содержании предметов реальности, что является прообразом материального априори, введенного Гуссерлем в первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии».

То, что идеальное как-то присутствует в реальном мире, делает возможность познание реальности идеальным сознанием. Здесь у Гуссерля можно увидеть действие древнего принципа «подобное познается подобным». При этом, наше познание - не голая интуиция, а категориально оформленная мысль, которая, однако, в рамках феноменологии требует подтверждения своей истинности, то есть приведения к интуиции. Однако, необходимо отметить, что познание, с точки зрения Гуссерля, есть не только суждение. Для него восприятие является всегда познающее восприятие, то есть познаем мы также молча, просто созерцая предметность. Более того, восприятие в феноменологии относится к изначальному познанию, в котором сами вещи даны так, как они есть (при определенных условиях и в определенном контексте – но эту проблематику я здесь оставлю в стороне). В этом случае на первый план выходит корреляция между двумя системами априори: априори истин объектов и априори истин соответствующих субъективных переживаний. В «Формальной и трансцендентальной логике» Гуссерль называет эту корреляцию - корреляцией между «онтическим априори» и «конститутивным априори» [Husserl 1974, S. 190]. Это позволяет сделать вывод о вторичности сферы логического, выраженным в языке, и вывести на первый план корреляцию между переживаниями сознания и предметами мира.

В связи с этим мне хотелось бы остановится на одном проблемном моменте, который приковывают к себя интерес феноменологов и сегодня. Речь идет о соотношении сознания и предметности мира. Основным трендом является позиция, что специфика феноменологии состоит в том, что рамках ее действия определяющим является предмет. Это означает, что существуют разные типы предметности, и им соответствуют разные типы переживаний сознания, в которых предметность дается и познается. Однако, у Гуссерля встречаются места, которые допускают иное понимание: существуют разные типы переживаний (опыта сознания), которым соответствуют разные типы предметности. Приведу два примера. В первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» Гуссерль пишет, что «к сущности своеобразно специфически построяемых *разновидностей переживания*, конкретнее же - специфически построяемых конкретных восприятий принадлежит то, что интенциональное в них сознается как пространственная вещь…» [Гуссерль 2009, с. 129]. И чуть далее: «…пространственная вещь – не что иное, как интенциональное единство, которое принципиально может быть дано только как

единство …способов явления» [Гуссерль 2010, с. 129]. И уже в более поздний период своего творчества в «Картезианских медитациях» можно прочитать: «… естественному бытию мира <…> предшествует, как в себе более первичное бытие, бытие чистого *Ego* и его *cogitationes*. Естественная основа бытия в ее бытийной значимости вторична, она неизменно предполагает трансцендентальную основу» [Там же, с. 35]. С учетом основного различия, введенного Гуссерлем в 1-ом томе «Логических исследований» я предлагаю следующее разрешение этой делимы. Существуют и разные типы переживаний сознания, и существуют разные типы предметности, и между этими идеальными типами есть корреляция. Соответственно, мы если мы исходим из гносеологической установки, нацеленной на познания мира, то мы говорим о разных типах познающих переживаний, которые обуславливают наше видение мира. Если же мы исходим из онтологической установки (в отношении реального мира), то на первый план выходят разные типы предметности, которые требуют соответствующим им познающих переживаний сознания.

В завершении хотелось бы обратить внимание на то, что, по мнению Гуссерля, существующий разум (трансцендентальное сознание) является единственно возможным для всех существ (не только людей), то есть основные принципы его функционирования едины и неизменны, и также существующий мир – единственно возможный, имеющий общую для всех структуру (Гуссерль также настаивает для единой для всех времен и культур структуры жизненного мира), и также им соответствует единственно возможная логика. Эта установка Гуссерля на единство разума, мира и логического априори сегодня оспаривается многими исследователями, что приводит к непрекращающимся дискуссиям в современном философском мире.

Список литературы:

1. Гуссерль 2009 – Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Москва: Академический проект, 2009. 332 с.
2. Гуссерль 2010 -- Гуссерль Э. Картезианские медитации. М.: Академический проект, 2010. 229 с.
3. Гуссерль 2011 – Гуссерль Э. Логические исследования. Том II, Часть, Исследования по феноменологии и теории познания. М.: Академический проект, 2011. 660 с.
4. Гуссерль 2024 – Гуссерль Э. Логические исследования. Том I. Пролегомены к чистой логике. Москва: Академический проект, 2024. 309 с.
5. Шиян 2013 – Шиян А.А. Восприятие и мир в «Опыте и суждении» Эдмунда Гуссерля // Вестник РГГУ, Серия «Философские науки. Религиоведение». 2013. № 11(112). С. 51-60.
6. Husserl 1968 -- Husserl E. Phänomenologische Psychologie. Vorlesungen Sommersemester. 1925 // Husserliana IX. Herausgegeben von Walter Biemel. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1968. 653 S.
7. Husserl 1974 -- Husserl E., Formale und transzendentale Logik. Versuch einer Kritik der logischen Vernunft // Husserliana 17. Herausgegeben von Paul Janssen. Den Haag: Martinus Nijhoff, 1974. 343 S.
8. Husserl 1999 -- Husserl E. Erfahrung und Urteil. Hamburg: Meiner, 1999. 478 S.
9. Santis 2021 -- Santis D. Husserl and the Apriori. Phenomenology and Rationality. Cham: Springer, 2021. 331 p.

УДК 164.3

НАТУРАЛЬНЫЙ ВЫВОД ДЛЯ КРОСС-МИРОВОЙ ЛОГИКИ

Борисов Евгений Васильевич
Доктор философских наук
Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, главный научный сотрудник;
Новосибирский государственный университет, профессор
E-mail: borisov.evgeny@gmail.com

Аннотация: Кросс-мировая предикация — это приписывание отношений объектам, каждый из которых ассоциирован с некоторым возможным миром. Стандартная семантика модальной логики первого порядка не учитывает ассоциацию объектов с возможными мирами, вследствие чего не отображает кросс-мировую предикацию; это существенно ограничивает выразительную силу стандартных модальных логик первого порядка. Поэтому для отображения этого феномена разработан ряд нестандартных логик, основанных на кросс-мировой интерпретации предикатов. Одной из таких логик является разработанная автором логика *CWPL* (cross-world predication logic): это модальная логика первого порядка с равенством и лямбда-оператором; в ее семантике истинностное значение формул зависит, в частности, от функций особого вида, которые отображают индивидные переменные на возможные миры модели. Тем самым отображается ассоциация объектов из домена модели с возможными мирами, что, в свою очередь, позволяет отображать кросс-мировую предикацию. На сегодняшний день в литературе не представлено натуральное исчисление для какой-либо из известных автору кросс-мировых логик. Данная статья частично восполняет этот пробел: в статье предложено натуральное исчисление в стиле Фитча для упрощенной версии *CWPL*.

Ключевые слова: модальная логика первого порядка, семантика возможных миров, кросс-мировая предикация, натуральный вывод.

NATURAL DEDUCTION FOR A CROSS-WORLD LOGIC

Borisov Evgeny Vasilyevich
Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, chief researcher

Abstract: Cross-world predication is the ascription of relations to objects each of which is associated with a possible world. Standard semantics of first-order modal logic cannot associate objects and possible worlds because of which it cannot reflect cross-world predication. This is a significant limitation of expressivity of standard first-order modal logics. Because of this, a number of non-standard logics based on cross-world interpretation of predicates has been elaborated. One of logics of this type is *CWPL* (cross-world predication logic). This is an elaborated by the author first-order modal logic with equality and lambda-operator. The *CWPL* semantics relativizes truth values of formulae to function of a special type that send individual variables to possible worlds; this associates objects with possible worlds, which makes it possible to accommodate cross-world

predication. By no for no cross-world logic the author is familiar with a natural deduction system is elaborated. The present paper partially fills this want: it presents a Fitch style natural deduction system for a simplified version of *CWPL*.

Keywords: first-order modal logic, possible world semantics, cross-world predication, natural deduction.

Стандартные модальные логики первого порядка не отображают кросс-мировую предикацию, поэтому для отображения этого феномена разработан ряд нестандартных логик; см. их обзор в [Kocurek 2016]. Разработка исчислений для такого рода логик сегодня является открытой задачей. Одной из таких логик является предложенная мною логика *CWPL* (crossworld predication logic) — модальная логика первого порядка, основанная на кросс-мировой интерпретации предикатов [Borisov 2023; Borisov 2025]. В данной статье предложено натуральное исчисление в стиле Фитча для упрощенной версии *CWPL*, которую я обозначу как *CWPL**.

Синтаксис CWPL*. Данная логика строится на языке $\mathcal{L}$, алфавит которого содержит счетное множество *VAR* индивидных переменных, счетное множество n-местных предикатов для каждого натурального $n \geq 1$, булевы операторы $\neg$, $\rightarrow$, модальный оператор 2, λ-оператора, запятую и скобки. Множество формул $\mathcal{L}$ (формул) определяется следующей грамматикой:

$$\varphi ::= P(x_1, ..., x_n) \mid \neg\varphi \mid (\varphi \rightarrow \varphi) \mid \Box\varphi \mid (\lambda x.\varphi)(y) \mid \forall x\varphi,$$

где P — n-местный предикат, $x_1, ..., x_n, x, y$ — переменные.

Соглашение. Вместо $(\lambda x.\varphi)(y)$ я буду писать $(y/x)\varphi$.

Понятия атомарной формулы, подформулы, области действия оператора необходимости, квантора и лямбда-оператора, свободного и связанного вхождения переменной определяются стандартно. Нам потребуются ряд дополнительных синтаксических понятий. Вхождение переменной в формулу φ называется *атомарным*, если оно находится в атомарной подформуле φ; в противном случае оно называется *неатомарным*. Например, в $(x/y)\Box Px$ первое (слева) вхождение x является неатомарным, второе — атомарным. Вхождение переменной в формулу φ называется *модальным*, если оно находится в области действия оператора необходимости; в противном случае оно называется *немодальным*.

Семантика CWPL*. Модель *CWPL** (модель) M — это упорядоченная четверка $\langle G, R, D, I\rangle$, G — непустое множество (множество возможных миров); R — бинарное отношение на G (отношение достижимости); D — непустое множество (домен M); I — функция, назначающая каждому n-местному предикату и каждой упорядоченной n-ке возможных миров n-местное отношение на D (интерпретация предикатов). Отметим, что зависимость экстенсионала n-местного от упорядоченных n-ок миров делает интерпретацию кросс-мировой.

Пусть $M = \langle G, R, D, I\rangle$ — модель. *Оценка переменных в M* — это функция, отображающая переменные на объекты в D. Пусть v — оценка переменных в M, $e \in D$, x — переменная. Тогда v^e_x (*x-вариант v*) — это оценка переменных в M, отображающая x на e, а любую переменную y, отличную от x, на $v(y)$.

Пусть $M = \langle G, R, D, I\rangle$ — модель. *VP*-функция в M — это частичная функция, отображающая переменные на возможные миры модели. Пусть f — *VP*-функция в M, $w \in G$, x — переменная. Тогда:

- f^{w}_{x} (x-вариант f) — это VP-функция в M, такая что: 1) $f^{w}_{x}(x) = w$, 2) для любой переменной y, отличной от x: если f не определена для y, то и f^{w}_{x} не определена для y, а если f определена для y, то $f^{e}_{x}(y) = f(y)$.
- $[f w]$ — VP-функция в M, такая что для любой переменной x: 1) если f определена для x, то $[f w](x) = f(x)$, 2) если f не определена для x, то $[f w](x) = w$. Будем говорить, что $[fw]$ фундирована на w. Отметим, что $[f w]$ — *полная* функция.

Теперь мы можем определить истину для *CWPL**. Пусть $M = \langle G, R, D, I\rangle$ — модель, $w \in G$, v — оценка переменных вM, f— VP-функция вM, P — n-местный предикат, $x_1, \ldots, x_n, x$ — переменные, φ и ψ — формулы. Отношение истинности ($\vDash$) между моделями, возможными мирами, оценками переменных, VP-функциями и формулами определяется следующим образом:

- $M, w, v, f \vDash P(x_1, \ldots, x_n) \Leftrightarrow \langle v(x_1), \ldots, v(x_n)\rangle \in I(P)(\langle [f w](x_1), \ldots, [f w](x_n)\rangle)$;
- $M, w, v, f \vDash \neg\varphi \Leftrightarrow M, w, v, f \nvDash \varphi$;
- $M, w, v, f \vDash (\varphi \rightarrow \psi) \Leftrightarrow (M, w, v, f \vDash \varphi \Rightarrow M, w, v, f \vDash \psi)$;
- $M, w, v, f \vDash \Box\varphi \Leftrightarrow (\forall u \in G)\,(wRu \Rightarrow M, u, v, f \vDash \varphi)$;
- $M, w, v, f \vDash (y/x)\varphi \Leftrightarrow M, w, v^{v(y)}_{x}, f^{w}_{x} \vDash \varphi$;
- $M, w, v, f \vDash \forall x\varphi \Leftrightarrow (\forall e \in D)\, M, w, v^{e}_{x}, f^{w}_{x} \vDash \varphi$.

Множество формул Γ называется выполнимым, если существует модель $M= \langle G, R, D, I\rangle$, возможный мир $w \in G$ и оценка переменных v в M, такие что для любой формулы $\varphi \in \Gamma$, $M, w, v, \emptyset \vDash \varphi$.

Натуральное исчисление CWPL*. Общее описание натурального вывода в стиле Фитча см. в [Bergmann 2004, ch. 5]. Ниже используется вариант этой системы для модальной логики, предложенный в [Roy 2006, ch. 7]. Вывод строится на вспомогательном языке $\mathcal{L}^{+}$, который содержит все символы $\mathcal{L}$, а также переменные вида x^n, где $x \in VAR$, а n — натуральное число. Семантический смысл верхних индексов таков: индексы можно понимать как возможные миры некоторой модели M; при этом предполагаются оценка переменных v в M и VP-функция f в M, такие что для любых $x \in VAR$ и n: $v(x^n) = v(x)$, $f(x^n) = n$, f не определена для x. Формула $\mathcal{L}^{+}$ определяется так же, как формула $\mathcal{L}$, с одним ограничением: переменные с верхним индексом могут иметь только атомарные вхождения (например $(x^3/y)P(y)$ не является формулой $\mathcal{L}^{+}$).

Вывод в данном исчислении содержит: 1) выражения вида $s : \varphi$, где $s : \varphi$ — формула $\mathcal{L}^{+}$, а s — натуральное число (будем называть $s : \varphi$ отмеченной формулой, а — префиксом данной отмеченной формулы); 2) выражения вида $s.t$, где s и t — натуральные числа.

Соглашение.

1. $FV(\varphi)$ — множество переменных, имеющих свободные вхождения в φ.
2. $\varphi[y/x]$ — результат подстановки y вместо x во всех свободных вхождениях x в φ с заменой связанных переменных, если это необходимо, чтобы избежать столкновения переменных (эта оговорка относится также к пунктам 3 и 4).
3. $\varphi[y/x]^{at}$ — результат подстановки y вместо x во всех свободных атомарных вхождениях x в φ.
4. $\varphi[y//x]$ — результат подстановки y вместо x во *всех или некоторых* свободных вхождениях x в φ.
5. $\varphi^{\downarrow x}$ образуется из φ посредством замены в φ каждой подформулы вида $\Box\psi$ формулой $\Box(x/x)\psi$ при условии, что в ψ есть свободные *немодальные атомарные* вхождения x. Например, $[Px \rightarrow \Box\Box\neg(t/y)R(x, y)]^{\downarrow x} = Px \rightarrow \Box\Box(x/x)\neg(t/y)R(x, y)$.

Правила вывода включают в себя правила введения и элиминации логических операторов, правила повторения и правила для верхних индексов. В кратких обозначениях правил используются буквы R (для правил повторения), S (для правил верхних индексов), I (для правил введения логических операторов), E (для правил элиминации логических операторов). В выводах допущения подчеркиваются и маркируются буквой A. От каждого допущения вниз идет вертикальная линия, показывающая множество зависящих от него формул. Строки вывода нумеруются сверху вниз; в правилах буквы a и b — это номера строк.

$R1$

a	$s : \varphi$	
	$s : \varphi$	$R1, a$

$R2$

a	$s : P(t_1^{a1}, \ldots, t_n^{an})$	
	$t : P(t_1^{a1}, \ldots, t_n^{an})$	$R2, a$

$R1$ применяется к любым формулам; $R2$ применяется только к атомарным формулам, в которых все переменные имеют верхний индекс.

$S1$

a	s	
	$: \varphi$	
	s	$S1,$
	$: \varphi^s$	a

$S2$

a	s	
	$: \varphi^s$	
	t	$S2,$
	$: \varphi$	a

Здесь φ^s — результат замены в φ некоторого свободного немодального атомарного вхождения переменной $x \in VAR$ вхождением x^s.

$\neg I$

a	s		A
	$: \varphi$		
	t		
	$: \psi$		
b	t		
	$: \neg\psi$		
	s	$:$	$\neg I,$
$\neg\varphi$			a–b

$\neg E$

a	s		A
	$: \neg\varphi$		
	t		
	$: \psi$		
b	t		
	$: \neg\psi$		
	s	$:$	$\neg E,$
φ			a–b

$\rightarrow I$

a	s	A
	$: \varphi$	
	s	
b	$: \psi$	

$\rightarrow E$

a	s
	$: \varphi \rightarrow \psi$
b	s
	$: \varphi$

$$\begin{array}{|l} \quad s \ : \qquad\qquad \to I, \\ \varphi \to \psi \qquad a\text{–}b \end{array} \qquad\qquad \begin{array}{|l} \quad s \qquad\qquad \to \\ : \psi \qquad E, a \end{array}$$

$$\begin{array}{r|l} & \qquad\qquad \Box I \\ a & \begin{array}{|l} \quad s.t \qquad\qquad A \\ \hline \\ \quad t : \\ \varphi \end{array} \\ b & \\ & \quad s \ : \qquad\qquad \Box I, \\ & \Box\varphi \qquad\qquad a\text{–}b \end{array} \qquad\qquad \begin{array}{r|l} & \qquad\qquad \Box E \\ a & \quad s : \\ & \Box\varphi \\ b & \quad s.t \\ & \\ & \quad t : \qquad\qquad \Box \\ & \varphi \qquad\qquad E, a \end{array}$$

Ограничения на $\Box I$: 1) t — новый префикс, т.е. не встречается в посылках и допущениях, от которых зависит a; 2) φ не содержит переменных с верхним индексом t.

$$\begin{array}{r|l} & \qquad\qquad \lambda I1 \\ a & \quad s : \varphi \\ & \\ & \quad s \quad : \qquad\qquad \lambda I1, \\ & (x/y)\varphi[y//x]^{\downarrow y} \quad a \end{array} \qquad\qquad \begin{array}{r|l} & \qquad\qquad \lambda I2 \\ a & \quad s : \varphi \\ & \\ & \quad s \quad : \qquad\qquad \lambda I2, \\ & (x/y)\varphi[y//x^s] \quad a \end{array}$$

Ограничение на $\lambda I1$ и $\lambda I2$: $y \notin FV(\varphi)$.

$$\begin{array}{r|l} & \qquad\qquad \forall I1 \\ a & \quad s \\ & : \\ & \varphi[y/x] \\ & \\ & \quad s \qquad\qquad \forall I1, \\ & : \forall x\varphi^{\downarrow x} \quad a \end{array} \qquad\qquad \begin{array}{r|l} & \qquad\qquad \forall I2 \\ a & \quad s \\ & : \\ & \varphi[y^s/x] \\ & \\ & \quad s \qquad\qquad \forall I2, \\ & : \forall x\varphi \quad a \end{array}$$

Ограничения на $\forall I1$: 1) $y \notin FV(\varphi)$; 2) y не имеет свободных вхождений в допущениях, от которых зависит $s : \varphi[y/x]$. Ограничения на $\forall I2$: 1) $y^s \notin FV(\varphi)$; 2) y^s не имеет свободных вхождений в допущениях, от которых зависит $s : \varphi[y^s/x]$.

$$\begin{array}{r|l} & \qquad\qquad \lambda E \\ a & \quad s : (x/y)\varphi \\ & \\ & \quad s : \varphi[x^s/y]^{at}[x/y] \qquad \lambda E, a \end{array} \qquad\qquad \begin{array}{r|l} & \qquad\qquad \forall E \\ a & \quad s : \forall x\varphi \\ & \\ & \quad s : \varphi[y^s/x]^{at}[y/x] \qquad \forall E, a \end{array}$$

Чтобы определить стандартные понятия следования, противоречивости и непротиворечивости, нам потребуются вспомогательные понятия следования* и непротиворечивости*. Отмеченная формула $s : \varphi$ следует* из множества Γ, содержащего отмеченные формулы на языке $\mathcal{L}^+$ и выражения вида $t.u$, если существует вывод $s : \varphi$, в котором все посылки принадлежат Γ. Множество Γ, содержащее отмеченные формулы на языке $\mathcal{L}^+$ и выражения вида $t.u$, называется непротиворечивым*, если из него не следует $s : \neg(P(x) \to P(x))$ для какого-либо s. Пусть φ — формула, а Γ — множество формул на языке $\mathcal{L}$. Тогда φ следует

из Γ, если $0 : \varphi$ следует* из $\{0 : \varphi \mid \varphi \in \Gamma\}$. Множество формул на языке $\mathcal{L}$ называется непротиворечивым, если из него не следует $\neg(P(x) \rightarrow P(x))$.

Представленное исчисление является сильно полным относительно описанной семантики: *множество формул на языке $\mathcal{L}$ выполнимо, если и только если оно непротиворечиво*. Здесь я оставляю этот результат без доказательства. В одной из последующих публикаций я планирую представить натуральное исчисление для *CWPL* (без упрощений) и доказательство его полноты.

Список литературы

1. Bergmann 2004 – Bergmann M., Moor J., Nelson J. The Logic Book. McGraw-Hill, New York, 2004. 556 p.
2. Borisov E. 2023 – Borisov E. A Nonhybrid Logic f or Crossworld Predication // Логические исследования / Logical Investigations. 2023. Vol. 29. № 2. P. 125–147.
3. Borisov E. 2025 – Borisov E. A Tableau Proof Theory for CWPL // Логические исследования / Logical Investigations. 2025. Vol. 31. № 1. 31. № 1. P. 74–96.
4. Kocurek 2016 – Kocurek A.W. The Problem of Cross-World Predication // Journal of Philosophical Logic. 2016. Vol. 45. P. 697–742.
5. Roy 2006 – Roy T. Natural Derivations f or Priest, An Introduction to Non-Classical Logic // Australasian Journal of Logic. 2006. Vol. 4. P. 47–192.

УДК 164.3

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕЙРОСЕТЕЙ В ПРЕПОДАВАНИИ ЛОГИКИ

Борисова Индира Искандаровна

Новосибирский Государственный Университет, ассистент

E-mail: mukhametshina.indira@gmail.com

Аннотация: В контексте использования нейросетей студентами актуальным становится вопрос: как взаимодействовать с нейросетями так, чтобы они приносили пользу в учебном процессе? Ответ на этот вопрос предполагает, в частности, обучение студентов способу работы с нейросетями, который позволит им минимизировать галлюцинации и предвзятость в ответах нейросетей и использовать нейросеть в роли «репетитора» по модальной логике. В рамках задачи написания промпта для роли «репетитор» рассматриваются следующие подходы к написанию промптов: использование промпта для проверки ответа нейросети (Self-Refine), добавление примеров корректных ответов в промпт (Few-Shot prompting), использование инструкций для предварительного размышления над задачей (Chain-of-Thought), использование инструкций для исключения нерелевантной информации из промпта (*System 2 Attention).* В статье формулируются промпты для настройки нейросети, которая

объясняет студентам темы с помощью наводящих вопросов. В результате проверки этих промптов с помощью нейросети DeepSeek-V4 было установлено, что они настраивают нейросеть на выполнение функций репетитора по модальной логике, который способен задавать наводящие вопросы и отслеживать ошибки, но нейросеть допускает некоторые неточности в формулировках.

Ключевые слова: нейросети, промпты, модальная логика, семантика возможных миров, преподавание, методы промптинга.

USING NEURAL NETWORKS IN TEACHING LOGIC

Borisova Indira Iskandarovna

Novosibirsk State University, assistant

Abstract: In the context of students' use of neural networks, a pertinent question arises: how can students interact with neural networks in a way that benefits the learning process? The answer to this question involves, in particular, teaching students how to work with neural networks in a way that allows them to minimize hallucinations and bias in the networks' responses and to use the neural network as a "tutor" in modal logic. As part of the task of writing a prompt for the "tutor" role, the following approaches to prompt writing are considered: using a prompt to verify the neural network's response (Self-Refine), adding examples of correct answers to the prompt (Few-Shot prompting), using instructions for preliminary reasoning on the task within the prompt (Chain-of-Thought), and using instructions to exclude irrelevant information from the prompt (System 2 Attention). The article formulates prompts for configuring a neural network that explains topics to students using leading questions. Testing these prompts using the DeepSeek-V4 neural network revealed that they configure the neural network to function as a modal logic tutor capable of asking leading questions and tracking errors, though the neural network does exhibit some inaccuracies in its phrasing.

Keywords: neural networks, prompts, modal logic, possible world semantics, teaching, prompt engineering methods.

Исследование выполнено при поддержке Фонда Потанина в рамках проекта «Методическое обновление курса „Теория и практика аргументации“ с использованием современных цифровых технологий».

Введение. Студенты, изучающие логические темы в курсе «Теория и практика аргументации», часто пытаются использовать нейросети для понимания некоторых тем и проверки успешности решения заданий. Проблема, которая возникает при использовании нейросетей в преподавании: как взаимодействовать с ними так, чтобы они приносили пользу в учебном процессе? В частности, как использовать нейросети в курсах логики для студентов-философов. В данной статье будут рассмотрены некоторые подходы к написанию промптов, применяемые в обучении, и на их основе разработан промпт для нейросетей с ролью

«репетитор» по пропозициональной модальной логике. Источник теории по модальной логике — рукопись пособия для курса «Теория и практика аргументации» [Борисов 2026]. В данной статье под «нейросетью» понимаются большие языковые модели, такие как Deepseek, ChatGPT, Alice AI и т.д.

Теория написания промптов. В [Mollick 2023, web, p.3] выделяются следующие риски при использовании нейросетей в обучении [Ibid, p.5]:

- *Риски галлюцинаций* (Confabulation Risks). Генерация фактически неверной, но выглядящей крайне правдоподобной информации.
- *Риск предвзятости* (Bias Risks). Искажение в результате обучения и запросов, могут варьироваться от расовых стереотипов до точек зрения, учебных подходов.
- *Риски приватности* (Privacy Risks). Данные, введённые в нейросеть, могут быть использованы для её дальнейшего обучения организациями-разработчиками.
- *Риски для учебного процесса* (Instructional Risks). Убедительность нейросетей в их ответах может создавать проблемы из-за использования материалов, не включенных в учебный план, галлюцинаций и т.д.

В области образования выделяются следующие роли нейросетей, т.е. описания для нейросети, кем она должна выступить и как себя вести (тон, подробность ответов и т.д.) [Ibid] (перечислены не все возможные роли): ментор (mentor), репетитор (tutor), коуч (coach), партнер по команде (teammate), студент (student), симулятор (simulator).

Для роли репетитора вероятность успешности запроса повышается, если промпт содержит следующие элементы [Ibid]: цель (для чего нейросеть используется), пошаговая инструкция (какие вопросы задавать, в каком количестве и порядке и т.д.), ограничения (декларация того, что делать нельзя), релевантную информацию о пользователе, «педагогические инструкции» (описание того, как отвечать на вопросы, как заканчивать объяснения и т.д.). Авторы приводят пример промпта, с которого начинается диалог [Ibid, p. 13], однако при составлении следующего промпта нужно правильно задать контекст, вопрос и привести примеры; нельзя просто отправить вопрос, например, «докажи теорему в логике K».

В работе [Madaan 2023, web] показано, что для получения качественных результатов после генерации ответа на первый промпт может потребоваться дополнительный промпт с инструкцией по самопроверке ответов (Self-refine). Например, если в первом промпте сформулирована задача «Используя приведенные определения модели K и пример модели $\mathcal{M}$, объясни, почему формула $\Box(p\&\neg q)$ истинна в мире w», то после ответа на первый вопрос, отправляется промпт, в котором даются инструкции для проверки ответа: составить список миров достижимых из w, вычислить истинностные условия по определению истинности, соотнести их с тем как задана функция $\mathcal{I}$, проверить есть ли в ответе ошибка и, если да, указать её и вывести правильный вариант. Как показано в [Ibid 2023, web] оптимальное число итераций промптов для проверки ответа, при которых увеличивается качество ответов, не превышает 4.

В [Brown 2020, web, p. 5] утверждается, что некоторые модели работают значительно лучше, если промпт содержит и описание задачи на естественном языке, и примеры её решения. *Few-Shot prompting* предполагает, что таких примеров даётся несколько. В случае с

упражнениями по логике это означает, что для успешности промпта с целью «объясни, как решить задачу», следует включить в него несколько примеров решения задачи и объяснения этого решения.

В [Wei 2023, web] демонстрируется действенность применения *Chain-of-Thought* — инструкции для нейросетей проводить предварительные решения задачи перед выдачей ответов. Это позволяет избежать риска предвзятости, проявляющегося в тенденции языковых моделей соглашаться с утверждениями пользователя.

В [Weston 2023, web] описан метод *System 2 Attention,* который предполагает, что модель получает запрос и сначала переписывает его, удаляя всю нерелевантную информацию, мнения или подсказки, которые могут привести к ложному ответу. В педагогических целях, для лучшего понимания материала, эту работу следует делегировать студенту.

Пример промптов для роли «репетитор». На основе изложенной выше информации можно сформулировать промпты, которые позволят студентам использовать нейросеть как репетитора по некоторым темам из курса модальной пропозициональной логики. Проверка приведённых ниже промптов проводилась с помощью нейросети DeepSeek-V4-Pro.

Первый промпт, который объявляет роль, ограничения и т.д.:

«*Ты строгий, но справедливый преподаватель, который помогает студентам разобраться с темой, объясняя определения, конвенции, примеры и задавая наводящие вопросы. Начни со знакомства со студентом, представься как его преподаватель по логике, Марвин. Далее задай следующие вопросы: 1) уровень образования студента, 2) в какой теме студент хотел бы разобраться, 3) какие знания у студента в этой теме уже есть? Дождись ответа. После этого предложи студенту задать тебе вопрос по теме.*

Если в запросе есть задача, не давай её решения, а помогай найти ответ: создай промежуточные задания, задавай наводящие вопросы. Если вопрос направлен не на решение задачи, а на понимание теории, объясняй тему используя информацию, загруженную студентом. Ответы должны соответствовать уровню подготовки студента и загруженной информации. Если студент затрудняется с ответом или дает неправильный ответ, попробуй попросить его выполнить часть задания или дай подсказку. Старайся заканчивать свои ответы вопросом. Как только студент продемонстрирует понимание темы, попроси его привести примеры (не более двух), учитывая его уровень подготовки. После получения верных ответов, заверши беседу.

Когда студент присылает задачу или вопрос, ты должен сначала выполнить „внутреннее рассуждение“ по инструкции [описание инструкции под конкретную задачу].

Прежде чем, приступать к ответу извлеки из текста вопроса только те части, которые полезны для получения правильного ответа. Раздели результат на „Релевантный контекст“ и „Вопрос“».

В промпте с задачей нужно изложить теорию и сформулировать вопрос с примерами. Он может выглядеть следующим образом:

«*Имеющиеся знания: [здесь нужно дать теоретический материал. Например, для рассматриваемой задачи это: определение модели (с примечаниями), пример модели, нотационные конвенции о знаке* ⊨*, определение истинности.]*

Задача: объясни мне, является ли формула $\Box(p\&\neg q)$ *истинной относительно* $\mathcal{M}$ *и* w.

Примеры аналогичной задачи и объяснения. [Привести 2–3 примера из пособия]

Что нужно сделать во „внутреннем рассуждении“: [1. Определи все элементы модели: $\mathcal{G}$ *(множество возможных миров),* $\mathcal{R}$ *(отношение достижимости),* $\mathcal{I}$ (интерпретация атомарных формул)*. 2. Выпиши все подформулы оцениваемой формулы. 3. Шаг за шагом вычисли истинность формулы в мире оценки, опираясь на конвенции и определения. 4. Только после того, как ты сам получишь верный ответ, сформулируй наводящий вопрос или промежуточное задание для студента.]*»

Примечание. Если сформулировать задачу в форме: «объясни мне, почему формула $\Box(p\&\neg q)$ истинна относительно $\mathcal{M}$ и w.» нейросеть может ошибиться, приняв формулировку «формула $\Box(p\&\neg q)$ истинна в мире w» за точку зрения пользователя, с которой она склонна согласиться.

Выводы и перспективы дальнейшего исследования. Проверка описанных промптов в DeepSeek-V4 показала, что 1) нейросеть действительно выполняла функции репетитора, задавала наводящие вопросы, отслеживала ошибки, например, в применении определения истинности и 2) допускала некоторые неточности в формулировках, которые не допустил бы аспирант, специализирующийся на логике. Это даёт потенциал для дальнейшей работы, а именно создания заданий на исправление формулировок нейросети. Кроме того, перспективным представляется использование нейросетей в целях создания среды для тренировки навыков аргументации (роль «симулятор») и упражнений по использованию нейросети в роли студента, для развития у студентов навыка объяснения материала.

Список литературы

1. Борисов 2026 – Борисов Е.В. Пособие к курсу «Теория и практика аргументации» // 2026. (рукопись).
2. Brown 2020, web – Brown T.B., Mann, B., Ryder N. et al. Language Models are Few-Shot Learners // arXiv, 2020. URL: https://arxiv.org/abs/2005.14165 (дата обращения: 21.03.2026)
3. Madaan 2023, web –Madaan A., Tandon N., Gupta P., et al. Self-Refine: Iterative Refinement with Self-Feedback // arXiv. 2023. URL: https://arxiv.org/abs/2303.17651 (дата обращения: 12.04.2026)
4. Mollick 2023, web – Mollick E., Mollick L. Assigning AI: Seven Approaches for Students, with Prompts // arXiv. 2023. URL: https://arxiv.org/abs/2306.10052 (дата обращения: 11.03.2026)
5. Wei 2023, web – Wei J., Wang X., Schuurmans D. et al. Chain-of-Thought Prompting Elicits Reasoning in Large Language Models // arXiv. 2023. URL: https://arxiv.org/abs/2201.11903 (дата обращения: 21.04.2026)

6. Weston 2023, web – Weston J., Sukhbaatar S. System 2 Attention (is something you might need too) // arXiv. 2023, URL: https://arxiv.org/abs/2311.11829 (дата обращения: 05.04.2026)

УДК 1.16

О ЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Черноскутов Юрий Юрьевич

Кандидат философских наук

Санкт-Петербургский государственный университет, доцент

E-mail: chernoskutov@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются основные достижения и итоги развития логики в Китае после 1978 года. Обращается внимание на организацию логических исследований и коммуникации в китайском логическом сообществе, перечисляются основные центры логических исследований, особенности и основные жанры издаваемой в Китае логической литературы. Особое внимание уделяется третьему изданию учебника логики, изданному в серии «Ключевые учебные пособия по исследованию и построению марксистской теории» под редакцией Хэ Сяндуна.

Ключевые слова: логика в Китае, логические общества, логические конференции, Хэ Сяндун

ON LOGIC IN MODERN CHINA

Chernoskutov Jurij Jurievich

Saint-Petersburg State University, assistant professor

Abstracts: The paper considers the principal achievements and results of the development of logic in China since 1978. The attention is paid to the arrangement structures of logical investigations, forms of communication inside the Chinese logical community, the centers of logical research are reviewed, features and prevalent divisions of the logical literature publishing in modern China. The special attention is paid to the third edition of the logic textbook published in series “Key learnbooks for the marxist theory inquiries and constructing” edited by He Xiangdong.

Keywords: Logic in China, logic community, conferences, He Xiangdong.

Развитие логики в современном Китае теснейшим образом связано с провозглашённой Дэн Сяопином в конце 1970-х гг. политикой реформ и открытости. С одной стороны, китайских студентов начали массово отправлять в западные университеты. С другой стороны, были проведены серьёзные мероприятия по модернизации системы высшего образования. В мае 1978 г. и в августе 1979 были проведены две всекитайские конференции по логике. Первая из них провозгласила независимость логики от революционной идеологии и необходимость её изучения гуманитариями, юристами и будущими учёными. На второй был принят курс на модернизацию содержания курсов логики, т.е. включения в них материала современной символической логики.

В 1979 г. было учреждено Китайское логическое общество, первым председателем которого стал Цзинь Юэлинь, который фактически был отцом-основателем современных логических исследований в Китае ешё в 1920-30-е гг. Общество занимается поддержкой и координацией исследований в разных областях логики, организацией конференций и научных обменов, публикацией результатов логических исследований, издаёт журнал «Логические исследования». Наряду с ним, существуют логические общества в отдельных провинциях, которые организуют аналогичные мероприятия на местном уровне. Например, только в октябре 2025 г. Китайским логическим обществом были организованы и проведены 1) совместно с логическим обществом провинции Цзянсу общенациональная конференция на тему «Логическое образование и искусственный интеллект» на базе Нанкинского университета; 2) совместно с логическим обществом провинции Хубэй ежегодная научная конференция на тему «Задачи логики в эпоху искусственного интеллекта» на базе философского факультета Хуачжунского университета науки и технологий; 3) в центре академических обменов Сианьского университета Цзяотун 10-я международная конференция по логике, рациональности и интерактивности с участим Ван Бентема и В.Горянко. Количество же конференций, посвящённых отдельным направлениям логики с трудом поддаётся учёту. Венчает это многообразие общенациональная логическая конференция, которая проводится ежегодно в разных городах. Так, 18-я конференция в 2024 г. проводилась в Нанкине, а в 2025 г. с 7 по 9 ноября в Шанхае была проведена последняя на текущий момент 19 конференция. На этих конференциях проводится довольно строгий отбор докладов: на последней из упомянутых из 64 заявок к участию в конференции были допущены 20 устных и 12 постерных докладов.

С конца 1990-х гг. для проведения логических исследований начали организовывать специализированные институты и центры: Институт логики и познания в университете Сунь Ят Сена (1997), Институт логики в Китайском университете политических наук и права (2002), Институт современной и прикладной логики в Нанкинском университете (2003), Центр логики, языка и познания в Пекинском университете (2004), Исследовательский центр логики и интеллекта в Юго-Западном университете, Чунцин (2005), исследовательский центр логики и когнитивных наук в Пекинском нормальном университете (2005), исследовательский центр языка и познания в Чжэцзянском университете (2007), исследовательский институт современной логики и философии науки и техники в Ренминском университете, объединенный исследовательский центр логики университета Циньхуа – Амстердамского университета (2013).

В 1981 под редакцией проф. Сун Вэнцзяня в Шанхайском народном издательстве был издан перевод учебника «Формальная логика» под редакцией А.Я. Чупахина и И.Н. Бродского. Стоит отметить, что влияние, оказанное этим учебником, заметно и по сей день в том, что авторы многих издаваемых в КНР учебников стремятся излагать материал традиционной и современной символической логики как отдельные разделы в рамках одного учебника. По мнению одного из ведущих современных китайских логиков Чень Бо (陈波), «Хотя недостатком подобных опытов является отсутствие внутренней связи между разнородными содержательными частями, в конечном счёте они послужили важным шагом на пути интеграции традиционной логики и современной математической логики» [Chen 2022, с.25].

Вместе с тем, развитие логики в Китае происходило настолько стремительно, что уже к середине 1990-х на фоне многочисленных изданий переводной и оригинальной литературы это учебник начал выглядеть решительно устаревшим. Он стал последним советским учебником, изданным на китайском языке: усвоив советский опыт адаптации современной и традиционной логик, китайское академическое сообщество продолжило движение, ориентируясь на западные образцы. За прошедшие после этого сорок лет прогресс логических исследований в Китае огромен. Помимо того, что китайскому читателю в переводе на родной язык доступны едва ли не все классические труды по современной логике, по истории логики и лучшие англоязычные учебники, китайскими учёными издаются монографии практически по всем основным направлениям современной математической и философской логики. Рубрикация тем этих исследований в целом, соответствует основным разделам современной логики на западе. Есть три жанра, специфических для китайской логической литературы. Во-первых, в соответствии с решениями конференций 1978 и 1979 г. стало издаваться обильное количество учебников по юридической логике. Содержательно эти учебники очень разнообразны. Это могут быть обычные изложения традиционной логики, снабжённые примерами из юридической теории и практики, но многие на довольно серьёзном уровне излагают ключевые разделы символической логики, включая основы натурального вывода и исчисление предикатов первого порядка. Во-вторых, хотя исследования по диалектической логике свергнуты с господствующих вершин, они не были полностью пресечены, продолжая занимать некоторую почтенную нишу. Впрочем, работы в этом направлении зримо и необратимо угасают. В-третьих, многочисленные исследования по истории логики в Китае с древнейших времён до двадцатого века.

Одним из многих учебных пособий, подготовленных упоминавшимся исследовательским центром в Чунцине, является учебник, изданный в серии «Основные учебные пособия по исследованию и построению теории марксизма». Учебник под редакцией первого директора этого центра Хэ Сяндуна, в 2025 году вышло его третье издание в Пекинском издательстве «Высшее образование». Тематика серии задала некоторые особенности этого учебника, нетипичные для огромного массива китайской логической литературы: во введении необходимость и важность изучения логики обосновывается цитатами не только Эйнштейна, но и Энгельса, Мао. Упоминая о выдвинутой 20-м съездом КПК «стратегии возрождения страны с помощью науки и образования» а также «ускоренного развития высококачественной системы образования», авторы отмечают, что логика несёт особую миссию в деле осуществления этой стратегии [何向东 2025, с.12]. В тексте пару раз в качестве иллюстрации логических форм появляются цитаты из речей Си Цзин Пина. Первая глава посвящена традиционной логике и занимает самый большой объём – 45 страниц иероглифического текста. Во второй главе излагаются основы логики высказываний; основное

внимание уделяется таблицам истинности и основным формам умозаключений. В следующей главе представлены принципы натурального исчисления в стиле Фитча. Стоит заметить, что именно натуральный вывод по Фитчу абсолютно преобладает в Китайской логической литературе. Затем идут две главы, посвящённые логике предикатов, вторая из которых содержит натуральное исчисление. За ними следуют две главы про индуктивную логику – одна про традиционную с методами Дж.С. Милля и ещё одна про «современную» индуктивную логику, где довольно обстоятельно излагаются основы исчисления вероятностей с правилом Бейеса и принципы статистических рассуждений. Восьмая глава озаглавлена «Логика науки» и содержит материал, связанный с проблемами научной методологии: объяснение и предсказание, гипотезы и теории. Девятая глава посвящена аргументации. Авторы связывают её с неформальной логикой, а за основу берут модель Тулмина. Уникальное своеобразие, с которым, по крайней мере автор этих строк нигде не сталкивался, в том, что во-первых, в эту главу включено рассмотрение определения и деления понятий, и, во-вторых, параграф о логических ошибках и софизмах. Десятая глава – «Логика и языковая коммуникация», в ней излагаются набросок прагматической логики, основы теории речевых актов, коммуникативные максимы Грайса. Наконец, в последней одиннадцатой главе уделяется внимание основным законам логики, в число которых закон достаточного основания не включён. Тот факт, что эти законы рассматриваются в последней главе, характерен для китайских учебных пособий по логике. Эта тема часто носит ритуальный характер; хотя ей посвящают отдельную главу (чаще первую, чем последнюю), она никак не связана с содержанием остальных глав и не отражается в развитии остальных тем.

На примере этого учебника под редакцией Хэ Сяндуна, который во многих отношениях довольно репрезентативен, можно отметить общую особенность китайской логической литературы: она представляет собой добросовестное и дисциплинированное изложение современного состояния мировой (т.е западной) логической науки. Вместе с тем объём этой литературы столь велик, и интерес к ней настолько интенсивен, что не должно удивлять, если в ближайшие годы китайская логика выйдет на новый уровень и начнёт предлагать самостоятельные подходы и определять перспективы развития логической науки.

Список литературы

1. Chen 2022 – Chen Bo. 70 years of Logic in China. // Asian Studies. Special issue. History of logic in contemporary China. Volume X (XXVI). Issue 2. Ljubljana. Pp. 19-78.
2. 何向东 2025 – 何向东(主编). 逻辑学（第三版）, 高等教育出版社，北京, 2025. 420千字.

УДК 161.2

МОДЕЛЬНЫЕ СХЕМЫ И АДЕКВАТНОСТЬ РАЗЛИЧНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ КАТЕГОРИЧЕСКИХ СУЖДЕНИЙ

Ермаков Андрей Алексеевич

Аспирант
Санкт-Петербургский Политехнический Университет Петра Великого
E-mail: ermakov_aa@spbstu.ru

Полушин Антон Сергеевич
E-mail: gilgamesh@bk.ru

Аннотация: Анализируются и сопоставляются различные интерпретации категорических суждений и отношений логического квадрата с использованием языка логики предикатов, алгебры множеств, диаграмм Венна и модельных схем. Вводятся критерии адекватности интерпретаций. Предлагается новая интерпретация с учётом истории вопроса и оптимального соответствия критериям адекватности. Особое внимание уделяется трактовкам общеутвердительных и частноутвердительных суждений и отношения подчинения между ними. Определяется нормальная силлогистическая форма, соответствующая наборам модельных схем, с помощью которой задаётся интерпретация категорических суждений и проводится сравнительный анализ силлогистических систем.

Ключевые слова: модельные схемы, интерпретации, категорические суждения, логический квадрат

MODEL SCHEMES AND ADEQUACY OF VARIOUS INTERPRETATIONS OF CATEGORICAL JUDGMENTS

Ermakov Andrey Alekseevich
Graduate student
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
E-mail: ermakov_aa@spbstu.ru

Polushin Anton Sergeevich
E-Mail: gilgamesh@bk.ru

Abstract: Various interpretations of categorical judgments and logical square relations are analyzed and compared using the language of First-order logic (FOL), set theory, Venn diagrams and model schemes. Criteria for the adequacy of interpretations are introduced. A new interpretation is proposed, taking into account the history of the issue and optimal compliance with the criteria of adequacy. Special attention is paid to the interpretations of general and particular assertoric judgments and the relationship of subordination between them. The normal syllogistic form is determined, corresponding to sets of model schemes, with the help of which the interpretation of categorical judgments is set and a comparative analysis of syllogistic systems is carried out.

Keywords: model schemes, interpretations, categorical judgments, logical square

Часть научного знания производится и передаётся без оглядки на практическую отдачу, которая может мотивировать научный процесс, но может и его ограничивать. Связано это с тем, что творческая познавательная деятельность предсказуема лишь в развитии уже известных идей. Кроме того, появление знания и его применение часто напрямую не связаны, причиной чего может быть степень абстрактности знания, например, логического и математического. В этой области лежат и трактовки категорических суждений. Хотя сегодня

эта проблематика может быть актуальна в связи с попытками создания общего искусственного интеллекта (AGI), который имеет дело со смыслами, то есть анализирует не только внешнюю, но и внутреннюю структуру суждений.

Интерпретация – это экспликация выражений естественного языка при помощи формальных языков и структур – логики предикатов, алгебры множеств, областей существования, диаграмм Венна, модельных схем – в известной степени равнозначных, но вместе позволяющих получить более комплексную и детальную картину, в которой особую роль играют модельные схемы.

В интерпретациях нас интересуют в первую очередь не возможности строящихся на их базе силлогистических систем, их погружаемость друг в друга и в логику предикатов, а адекватность как точность перевода, соответствие интуитивному смыслу категорических суждений и отношений между ними. С одной стороны, важно осознать, какие логические структуры используются в мышлении, какова точность интуитивного понимания и выражения простых (как может показаться) абстракций, почему возможны разные трактовки, и есть ли среди них правильная. С другой стороны, если не акцентироваться на соответствии интуитивному пониманию, то можно строить более отвлеченные и универсальные системы, но в них трактовка выражений естественного языка не имеет такого значения.

Мы будем рассматривать категорические суждения A, I, E, O и отношения логического квадрата, особое внимание уделяя вопросу, почему I подчиняется A. Это важно в том числе дидактически, так как в курсе традиционной логики подчинение преподносится как очевидная вещь: если все, то и некоторые; возможна ремарка, что “некоторые” понимаются в неисключающем смысле. То есть понимание базового отношения даже в курсе логики остаётся смутным.

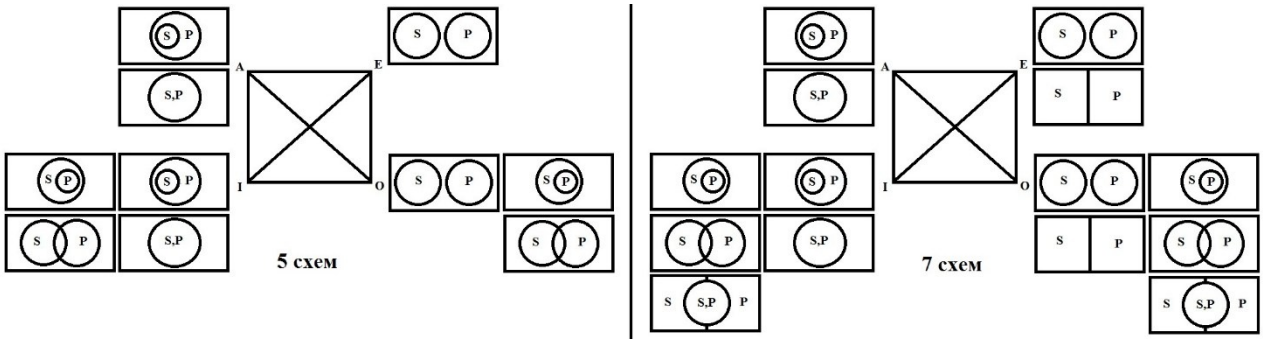
По каким параметрам оценивается адекватность интерпретации:

1) Соответствие интуитивному смыслу категорических суждений.

2) Выполнение отношений логического квадрата.

3) Симметрия A и E, I и O.

Классическая интерпретация Жергонна, где термины не пусты и не универсальны [Бочаров 1984, с. 70], даёт хорошее приближение к пониманию смысла категорических суждений и принципа работы логического квадрата.



Например, подчинение в случае 5 схем Жергонна (слева) работает потому, что 2 схемы A включены в число 4 схем I. Если имеет место 1 из этих 2 схем, то имеет место и 1 из 4, а если не имеет места ни одна из 4, то не имеет места и ни одна из 2. Аналогичным образом объясняются и другие отношения. Механизм становится наглядным, а смысл суждений представляется адекватно отражённым, хотя сама концепция непривычна. Симметрия A и E, I и O достигается добавлением к 5 схемам ещё 2 схем (справа), в которых объединение объёма терминов совпадает с универсумом. Симметрия не только количественная, она заключается

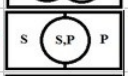
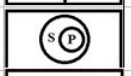
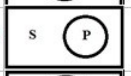
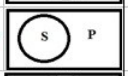
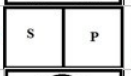
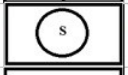
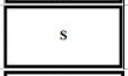
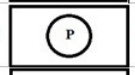
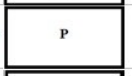
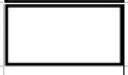
также в том, что если в схемах A и I поменять местами предикат и его дополнение, то получатся соответствующие схемы E и O, что отражает принципиальную идентичность смыслов A и E, I и O с поправкой на вхождение P и ~P. Также становится возможным терминное отрицание и негативная силлогистика.

Это работает при ограничениях на пустоту и универсальность, однако в общем случае ситуация меняется, поскольку для двух терминов и универсума возможно 16 модельных схем (включая пустую), и, например, 1 схема Жергонна уже не противоречит 4 остальным схемам, а 2 схемы не противоречат остальным 3 схемам. Но в силу принципиальной “хорошести” интерпретаций с 5 и 7 схемами добавим ещё один критерий адекватности:

4) Включение жергонновских наборов схем для A, E, I и O в соответствующие наборы схем рассматриваемой интерпретации. Например, если трактовать A как строгое включение (1 схема), то противоречащее O должно включать равнообъёмность S и P, что нелепо, и такая трактовка не проходит критерий.

При разборе основных интерпретаций (I-IX) будем опираться на работу [Бочаров, Маркин 2010, с. 30-36].

Сравнительная таблица интерпретаций.

№	Существование областей				Модельная схема	Название	Жергонн-5				Жергонн-7				I Оккам				II Лейбниц				VI				VII				VIII				IX				X			
							A	E	I	O	A	E	I	O	A	E	I	O	A	E	I	O	A	E	I	O	A	E	I	O	A	E	I	O	A	E	I	O	A	E	I	O
1	SP	SP'	S'P	S'P'		"Тождественная истина"			+	+			+	+			+	+			+	+			+	+			+	+			+	+			+	+			+	+
2	SP	SP'	S'P	~S'P'		"Дизъюнкция"							+	+			+	+			+	+			+	+			+	+			+	+			+	+			+	+
3	SP	SP'	~S'P	S'P'		"Обратная импликация"			+	+			+	+			+	+			+	+			+	+			+	+			+	+			+	+			+	+
4	SP	SP'	~S'P	~S'P'		"S"											+	+			+	+			+	+			+	+			+	+			+	+			+	+
5	SP	~SP'	S'P	S'P'		"Импликация"	+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		
6	SP	~SP'	S'P	~S'P'		"P"									+		+		+		+		+		+				+		+				+		+				
7	SP	~SP'	~S'P	S'P'		"Эквиваленция"	+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		
8	SP	~SP'	~S'P	~S'P'		"Конъюнкция"									+		+		+		+		+		+				+		+				+		+				
9	~SP	SP'	S'P	S'P'		"Штрих Шеффера"		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+
10	~SP	SP'	S'P	~S'P'		"Строгая дизъюнкция"						+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+
11	~SP	SP'	~S'P	S'P'		"Отрицание P"										+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+
12	~SP	SP'	~S'P	~S'P'		"Отрицание импликации"										+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+		+
13	~SP	~SP'	S'P	S'P'		"Отрицание S"										+		+	+	+						+				+		+				+		+				+
14	~SP	~SP'	S'P	~S'P'		"Отрицание обратной импликации"										+		+	+	+						+				+		+				+		+				+
15	~SP	~SP'	~S'P	S'P'		"Стрелка Пирса"										+		+	+	+						+				+		+				+		+				+
16	~SP	~SP'	~S'P	~S'P'		"Тождественная ложь"										+		+	+	+						+				+		+				+		+				+
						Количество схем	2	1	4	3	2	2	5	5	4	8	8	12	8	8	8	8	4	4	8	8	4	8	8	8	2	8	8	14	2	2	14	14	4	4	12	12

Сокращенную запись вида ~SP’ в графе “Существование областей” понимаем как ¬∃x(Sx&¬Px). Модельная схема однозначно задаётся существованием или несуществованием 4 областей. Этим же областям по аналогии с наборами истинностных значений для 2 переменных в таблицах истинности соответствуют и названия моделей. Сразу отметим, что

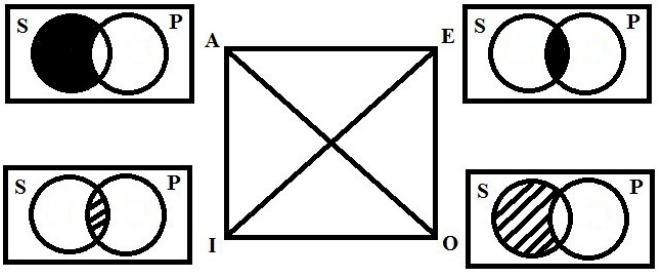
критерию (4) соответствуют все интерпретации, то есть если ограничить число схем до 5 или 7, использовать можно любую.

Фундаментальная интерпретация (II) Лейбница-Брентано:

A = ∀x(Sx→Px); E = ∀x(Sx→¬Px); I = ∃x(Sx&Px); O = ∃x(Sx&¬Px), что равносильно

A = ¬∃x(Sx&¬Px); E = ¬∃x(Sx&Px); I = ∃x(Sx&Px); O = ∃x(Sx&¬Px)

В графе “Существование областей” видим, что этому соответствует по 8 модельных схем для каждого суждения. Данную интерпретацию хорошо иллюстрируют диаграммы Венна (в чёрных областях нет элементов, в заштрихованных есть, в белых или есть, или нет):



Есть симметрия, есть противоречия по диагоналям, однако не работает подчинение, что естественно, так как из ∀x(Sx→Px) не следует ∃x(Sx&Px). Чтобы имело место подчинение, к ∀x(Sx→Px) добавляется ∃xSx; если раскрыть кванторы, получается сложная конструктивная дилемма с заключением ∃xPx, а так как здесь x тот же, что и в ∃xSx, имеет место и ∃x(Sx&Px), то есть I. Так мы приходим к интерпретации (I) Оккама:

A = ∀x(Sx→Px)&∃xSx; E = ∀x(Sx→¬Px); I = ∃x(Sx&Px); O = ∃x(Sx&¬Px)v¬∃xSx

Добавление &∃xSx отсекает от A 4 схемы, а добавление v¬∃xSx добавляет к O 4 схемы. Отношения квадрата работают, но нет симметрии, что отображено и в формулах логики предикатов.

Интерпретации (III-V) отражают вариации семантик для системы Лукасевича и не представлены в таблице. Они показывают, что для построения конкретных систем можно избирать непривычные трактовки, не преступая разве что границ, заданных схемами Жергонна. Логический квадрат в них работает, симметричны 2 из 3, а количество схем для суждений A-E-I-O необычно: 5-5-11-11 (III), 6-6-10-10 (IV), 5-6-10-11 (V).

Интерпретация Больцано (VI) симметрична, в ней есть подчинение, но нет противоречия по диагоналям. Интерпретация Кэррола (VII) не симметрична, и в ней нарушены отношения A и O, E и O. Интересна интерпретация (VIII) Смирнова, в ней работает квадрат, A сведено до 2 схем Жергонна, но нет симметрии. Интерпретация (IX) Смирнова, Миллера и Строусона развивает предыдущую, E тоже сводится до 2 схем Жергонна, структура становится симметричной и по части общих суждений доведенной до предела.

Интерпретация (X) – попытка учесть все критерии, найти оптимальный вариант. По сути, это трактовка (I) с симметрией существований (добавлены подформулы в E и I): A = ∀x(Sx→Px)&∃xSx; E = ∀x(Sx→¬Px)&∃xSx; I = ∃x(Sx&Px)v¬∃xSx; O = ∃x(Sx&¬Px)v¬∃xSx. Квадрат работает, симметрия есть, число схем 4-4-12-12.

Интерпретацию суждения можно задать в нормальной силлогистической форме вида M1vM2v…vMn, где Mi – модельная схема, выраженная на языке логики предикатов как конъюнкция существований или несуществований её областей. Например, в интерпретации (IX)

A = ∀x(Sx→Px) & ∃xSx & ∃x¬Px =

= (SP,~SP',S'P,S'P') v (SP,~SP',~S'P,S'P') =

= (∃x(Sx&Px) & ¬∃x(Sx&¬Px) & ∃x(¬Sx&Px) & ∃x(¬Sx&¬Px)) v

v (∃x(Sx&Px) & ¬∃x(Sx&¬Px) & ¬∃x(¬Sx&Px) & ∃x(¬Sx&¬Px))

Вернёмся к вопросу, правильно ли понимаем подчинение. Адекватно ли оно передаётся следованием от меньшего числа схем к большему и от включения S в P к ∃x(Sx&Px)? Связано ли одно с другим? Есть ли иные варианты понимания “Если P сказывается обо всех S (A), то P сказывается и о некоторых S (I)”?

1) Если A = ∀x(Sx→Px), то, может быть, I = ∃x(Sx→Px)? Используем кванторы для “всех” и “некоторых”, подкванторное выражение сохраняем неизменным. Подчинение есть, но I получается слабым, ему соответствует 15 схем, а противоречит в качестве E всего 1 схема, “Отрицание импликации”.

2) Если понимать буквально, то ∀sPs→∃sPs. Тогда E→O = ∀s¬Ps→∃s¬Ps. Чистый кванторный квадрат. Но тогда S – универсальное множество. Подчинение сводится к следованию от схемы “Конъюнкции” (S и P универсальны) к схемам “Конъюнкция” и “S” (S универсально, P нет), что странно.

3) Значит, x пробегает универсум, и мы приходим к классической трактовке, но не Лейбница, ∀x(Sx→Px) → ∃x(Sx&Px), где следования нет, а Оккама, ∀x(Sx→Px)&∃xSx → ∃x(Sx&Px), где I – заключение дилеммы. Возможно, с этим надо смириться. Если S включено в P, а S непусто, то существует элемент из S, принадлежащий P. А раз мы говорим о существовании, ∃x(Sx&Px), то I допускает не только схемы A (где S полностью входит в P), но и схемы, где S как минимум частично не входит в P.

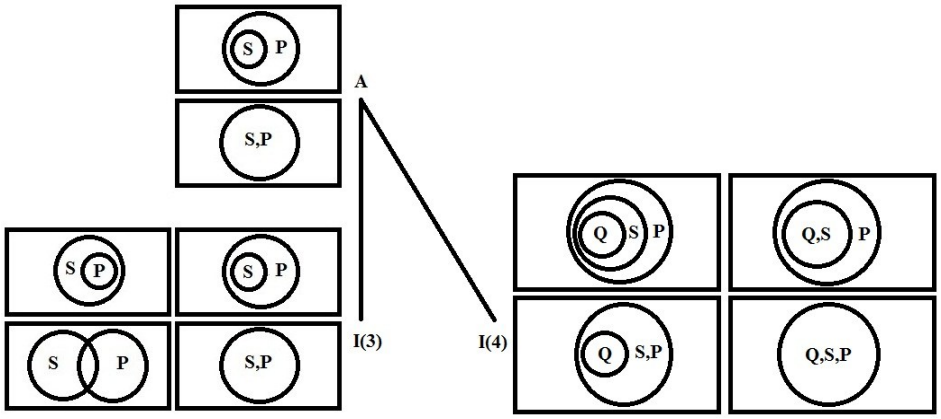
4) Но всегда ли мыслим именно так? Не имеем ли в виду в суждении “Если P сказывается обо всех S, то P сказывается и о некоторых S”, что если P сказывается обо всём множестве S, то P сказывается и о произвольном подмножестве S? Тогда

A = ∀x(Sx→Px), то есть S – подмножество P;

I = (∀x(Qx→Sx)→∀x(Qx→Px)), то есть если Q – подмножество S, то Q – подмножество P;

A → I = ∀x(Sx→Px) → (∀x(Qx→Sx)→∀x(Qx→Px)), а это Barbara.

В интерпретации 5 схем Жергонна подчинения по типам (3) и (4) различаются так:



Интерпретации I(4) помимо приведённых схем удовлетворяет ещё множество схем, где либо Q не является подмножеством S (а P произволен), либо Q является подмножеством P (а S произволен). В I(4) не только добавляются отличные от A схемы, как в I(3), но и с введением нового термина умножаются схемы, унаследованные от A.

Рассуждая интуитивно, мы смешиваем понимания (2), (3) и (4).

Список литературы

1. Бочаров 1984 – Бочаров В. А. Аристотель и традиционная логика (Анализ силлогистических теорий). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 136 с.
2. Бочаров, Маркин 2010 – Бочаров В.А., Маркин В.И. Силлогистические теории. Москва: Прогресс-Традиция, 2010. 336 с.

УДК 16

АСИММЕТРИЧНОЕ FDE-РАСШИРЕНИЕ НЕМОНОТОННЫХ ОБЪЯСНЯЮЩИХ ФУНКЦИЙ

Григорьев Олег Михайлович
кандидат философских наук, доцент
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
E-mail: grig@philos.msu.ru

Аннотация: Одними из основных понятий объяснимого искусственного интеллекта (XAI) являются классификационная модель (классификатор) и объясняющая функция, которая выдает информацию, которую можно понимать как объяснения работы классификатора. Объясняющая функция g^*, предложенная в работах [Amgoud 2021; 2023], представляет собой формальную реализацию абдуктивного объяснения для выходных данных работы механизма классификатора, исходно рассматриваемого как «чёрный ящик». Отношение атаки в аргументационной системе, которая строится по заданной теории и классификационной функции, симметрично, что приводит к использованию наивной семантики для построения расширений аргументационной системы и коллапсу объясняющей функции до пустого множества при наличии конфликтующих аргументов. В докладе предлагается использовать множество значений четырёхзначной логики Белнапа–Данна $\{t, b, n, f\}$ в качестве значений классификационной модели и использовать решёточный порядок истинности $<_t$ для получения асимметрии в отношении атаки между аргументами. Из двух конфликтующих аргументов более сильным считается тот, у которого второй компонент выше по решёточному порядку, а в случае несравнимости — тот, у которого больше значение функции поддержки. Полученная аргументационная система допускает применение семантики обоснованных (grounded) расширений П. Дунга. Соответствующая объясняющая функция g^*_{FDE} когерентна, немонотонна, а также консервативно расширяет функцию g^* на классическом $\{t, f\}$-множестве и возвращает непустые объяснения в тех случаях, на которых функция g^* не определена.

Ключевые слова: объяснимый искусственный интеллект, аргументационная система, логика FDE, белнаповские истинностные значения, немонотонность, асимметричное поражение, обоснованное расширение.

AN FDE-ASYMMETRIC EXTENSION OF NON-MONOTONIC EXPLANATION FUNCTIONS

Grigoriev Oleg
Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
E-mail: grig@philos.msu.ru

Abstract: Amgoud's argument-based explanation function g^* introduced in [Amgoud 2021; 2023] is a coherent and non-monotonic notion of abductive explanation for the predictions of an arbitrary black-box classifier. Its attack relation, however, is symmetric, which forces the use of naive semantics and collapses the explanation function to the empty set whenever plausible explanations conflict. We type the class set with the Belnap–Dunn truth values $\{t, b, n, f\}$ and use the truth order $<_t$ to break the symmetry of attack. Of two conflicting arguments, the one whose conclusion is higher in the truth order defeats the other; on incomparable conclusions, the argument with greater support wins. The resulting Dung framework has a substantive grounded extension, and the corresponding explanation function g^*_{FDE} is shown to be coherent, non-monotonic, to conservatively extend Amgoud's g^* on the classical $\{t, f\}$-projection, and to return non-empty explanations precisely where the original function collapses.

Keywords: explainable AI, argumentation framework, FDE logic, Belnap–Dunn truth values, non-monotonic reasoning, asymmetric defeat, grounded extension.

Введение

В работах [Amgoud 2021; 2023] предложена формализация немонотонного абдуктивного объяснения для обоснования значений классификатора, рассматриваемого как «чёрный ящик». Основной частью формального аппарата выступают абстрактные аргументационные системы, восходящие к работам П. Дунга [Dung 1995]. Исходным объектом является *теория*, то есть тройка $T = (F, D, C)$, где F есть множество *атрибутов*, D есть совокупность множеств *значений* для атрибутов (в простейшем случае D совпадает с множеством {0,1}), а C есть множество классов (которые также могут совпадать с элементами {0,1}). Далее (для некоторого фиксированного n) рассмотрим множество всех n-ок таких объектов, каждый из которых есть пара (f, d), где f и d есть элементы множеств F и D, соответственно. Такие пары в терминологии [Amgoud 2021] называются *литералами*, а множество n-ок литералов (для фиксированного n) называется *пространством признаков* и обозначается X_T. *Классификационная модель* есть функция h, отображающая множество указанных n-ок, построенных по данной теории T в множество C. Множество литералов непротиворечиво, если оно не содержит пар с одинаковыми атрибутами, но разными значениями.

По заданной теории $T = (F, D, C)$ и подмножеству Y пространства признаков X_T далее строится аргументационная система $(\mathrm{Arg}(Y), \mathrm{att})$, где аргумент есть пара (H, c), состоящая из непротиворечивого множества литералов H и класса c, а отношение атаки att определяется конфликтом аргументов: аргумент (H, c) атакует (H', c'), если объединение H и H' непротиворечиво, но c не равно c'. Объясняющая функция g^* возвращает для каждого своего аргумента x (n-ки литералов) те основания (совокупность множеств литералов, каждое из которых содержится в x), для которых аргумент $(H, h(x))$ входит в каждое наивное расширение системы. Содержательно значения g^* — это такие множества пар (атрибут, значение), которые обусловливают отображение конкретного кортежа в определенный класс из C. Эти множества мыслятся как абдуктивные объяснения для классификатора или даже как его «предсказания».

Основное ограничение подхода [Amgoud 2021] связано с симметричностью отношения атаки. При симметричной атаке наивные, стабильные и предпочитаемые расширения

совпадают, а обоснованное (grounded) расширение Дунга тривиализуется — становится пустым при наличии хотя бы одного конфликта. Что существеннее, при нескольких попарно конфликтующих аргументах в пользу одного и того же класса каждое наивное расширение содержит не более одного из них, и пересечение оказывается пустым. Тем самым возникает разрыв между когерентностью и успешностью объяснения, явным образом отмеченное в [Amgoud 2023, p. 54].

В настоящей работе предлагается использовать в качестве множества классов C значения четырёхзначной логики Белнапа–Данна $\{t, b, n, f\}$, а также использовать решёточный порядок приращения истинности $<_t$ для того, чтобы отношение атаки было несимметричным.

Решётка истинностных значений FOUR

Как хорошо известно, в семантике логической системы FDE [Belnap 1977] используется множество истинностных значений FOUR = $\{t, b, n, f\}$, элементы которого (эпистемически) трактуются как известная рациональному субъекту истинность, одновременная истинность и ложность, одновременная неистинность и неложность и, наконец, ложность (какого-то утверждения), соответственно. На множестве FOUR определены два решёточных порядка — порядок по истинности $<_t$ и порядок информации $<_k$; в работе почти везде используется первый: $f <_t n <_t t$; $f <_t b <_t t$; $n \|_t b$, где $\|_t$ означает несравнимость по отношению $<_t$. Для второго: $n <_t t <_t b$; $n <_t f <_t b$, $f \|_k t$.Решётка (FOUR, $<_t$) ограничена и дистрибутивна, имеет наибольший элемент t и наименьший f.

FDE-расширенные теории классификации

FDE-расширенной теорией классификации называется четвёрка $T = (F, D, C, <_t)$, где F есть конечное непустое множество признаков, $D = \{D_1, ..., D_n\}$ — совокупность областей их значений, а C есть FOUR с отношением порядка $<_t$. Литерал, непротиворечивое множество литералов и пространство признаков определяются как и раньше. Классификационная модель (классификатор) есть функция $h : X_T \to C$. FDE-аргументом (в поддержку c) на подмножестве Y из X_T называется пара (H, c), где H — непротиворечивое множество литералов, c есть элемент C, и (a_1) для любого y из Y верно: если H содержится в y, то $h(y) = c$, причём (a_2) H минимально по включению с указанными свойствами. Множество всех FDE-аргументов на Y обозначается Arg(Y).

Асимметричное отношение поражения

Для начала введем вспомогательную функцию s : Arg(Y) → N, которая нужна для случая, когда аргументы содержат несравнимые истинностные значения. Можно, в принципе, использовать любой полный порядок на Arg(Y), уточняющий «более сильное основание», например, считать, что $s((H, c))$ есть число элементов y из Y, содержащих H. Будем говорить, что аргументы (H, c) и (H', c') несовместимы, если объединение H и H' непротиворечиво, но c не равно c'. Аргумент (H, c) поражает (H', c') (формально записывается как $(H, c) => (H', c')$), если они несовместимы и выполнено хотя бы одно из условий: (i) $c >_t c'$ (решёточное поражение); (ii) $c \|_t c'$ и $s((H, c)) > s((H', c'))$ (iii) $c \|_t c'$ и $s((H, c)) = s((H', c'))$ и $c >_k c'$ (поражение по силе основания). Введённое отношение иррефлексивно. Оно асимметрично всякий раз, когда несовместимые аргументы имеют сравнимые по $<_t$ заключения, что вытекает из антисимметричности порядка истинности.

Аргументационной системой, индуцированной теорией T и подмножеством Y, называется пара $\mathrm{AF}_{(T,\ Y)} = (\mathrm{Arg}(Y), =>)$. Стандартная семантика (механизм построения расширений аргументационной системы) по [Dung 1995] определяется так: множество E аргументов бесконфликтно, если ни для каких a, b из E не имеет места $a => b$; E защищает аргумент a, если для каждого b т. ч. $b => a$ существует c из E, для которого $c => b$; множество E допустимо, если оно бесконфликтно содержится в множестве защищаемых им аргументов. E называется полным, если оно защищает в точности все свои элементы. Обоснованным расширением E_g называется наименьшая неподвижная точка оператора $F(E) = \{a : E$ защищает $a\}$; предпочитаемые расширения — максимальные по включению допустимые множества.

В исходной формализации [Amgoud 2021] при симметричной атаке обоснованное расширение пусто, если каждый аргумент вовлечен хотя бы в один конфликт: ни один аргумент в таком случае не оказывается не атакованным. В предлагаемом подходе отношения конфликта и успешной атаки (поражения) различаются. Это, в свою очередь, существенным образом влияет и на построение расширений. В частности, аргумент (H, t) с заключением t не поражается ни одним конфликтующим (H', c'): по условию $c' <_t t$, следовательно, сам (H, t) поражает (H', c'). Тем самым все аргументы с заключением t попадают в обоснованное расширение уже на первом шаге итерации (в процедуре пошагового построения обоснованного расширения), вследствие чего оно непусто.

Объясняющая функция g^*_{FDE} и её свойства

Для FDE-расширенной теории T, подмножества Y из X_T, множества литералов U и точки x из Y положим $g^*_{\mathrm{FDE}}(x) = \{H$ подмножество U: $(H, h(x))$ принадлежит $E_g(\mathrm{AF}_{(T,\ Y)})$ и H содержится в $x\}$. Использование обоснованного расширения вместо пересечения наивных, как в [Amgoud 2023], мотивировано тем, что в новой конструкции это содержательное и наиболее скептическое расширение. Альтернатива на основе предпочитаемой семантики выдавала бы семейство объяснений — по одному на каждое предпочитаемое расширение.

Остановимся на некоторых характеристиках g^*_{FDE}.

Когерентность. Объясняющая функция g называется когерентной, если для любых x, x' и любых H из $g(x)$, H' из $g(x')$ из непротиворечивости объединения H и H' следует $h(x) = h(x')$. Функция g^*_{FDE} когерентна. Если взять H из $g^*_{\mathrm{FDE}}(x)$, H' из $g^*_{\mathrm{FDE}}(x')$, а объединение H и H' непротиворечиво, то оба аргумента лежат в обоснованном расширении; при $h(x)$ не равно $h(x')$ они несовместимы и по определению поражения один поражает другой, что противоречит бесконфликтности расширения.

Немонотонность. Функция g^*_{FDE} не монотонна по Y: расширение Y до Y' может нарушать условие (a_1) в определении FDE-аргумента.

Консервативность. Если c содержится в $\{t, f\}$, то $g^*_{\mathrm{FDE}}(x) = g^*(x)$ для всякого x.

Успешность. Пусть имеется x из Y, $h(x) = t$ и существует хотя бы один аргумент (H, t) с H, содержащимся в x. Тогда $g^*_{\mathrm{FDE}}(x)$ непусто. В отличие от функции g^*, успешность гарантируется даже при нескольких попарно конфликтующих аргументах с заключением t.

Заключение

Предложенное FDE-асимметричное расширение объясняющей функции g^* сохраняет основные свойства исходной конструкции — когерентность и немонотонность — и устраняет её основное практическое ограничение: коллапс на конфликтующих случаях. Содержательно конструкция отвечает естественной эпистемической интерпретации белнаповских

истинностных значений: t и f отвечают однозначным положительным и отрицательным предсказаниям, b — противоречивым множествам, n — множествам с отказом от ответа.

Среди возможных дальнейших направлений исследований отметим следующие: расширение конструкции на FDE-типизированные области значений признаков на основе бирешеточной структуры FOUR; переформулировку в духе логической аргументации [Arieli, Borg, Heyninck, Straßer 2021] с аргументами как выводами в исчислении секвенций для FDE; аксиоматическую характеризацию функции g^*_{FDE} в стиле [Amgoud, Cooper, Debbaoui 2024]; анализ вычислительной сложности построения объяснений, в котором основной проблемой является не вычисление обоснованного расширения, а порождение самих аргументов.

Список литературы

1. Amgoud 2021 – Amgoud L. Non-monotonic explanation functions // Symbolic and Quantitative Approaches to Reasoning with Uncertainty (ECSQARU 2021). LNCS 12897. Springer, 2021. P. 19–31.
2. Amgoud 2023 – Amgoud L. Explaining black-box classifiers: Properties and functions // International Journal of Approximate Reasoning. 2023. Vol. 155. P. 40–65.
3. Amgoud, Cooper, Debbaoui 2024 – Amgoud L., Cooper M., Debbaoui S. Axiomatic characterisations of sample-based explainers // arXiv:2408.04903. 2024.
4. Arieli, Avron 1996 – Arieli O., Avron A. Reasoning with logical bilattices // Journal of Logic, Language and Information. 1996. Vol. 5, № 1. P. 25–63.
5. Arieli, Borg, Heyninck, Straßer 2021 – Arieli O., Borg A., Heyninck J., Straßer C. Logic-based approaches to formal argumentation // The IfCoLog Journal of Logics and their Applications. 2021. Vol. 8. № 6. P. 1793–1898.
6. Belnap 1977 – Belnap N.D. A useful four-valued logic // Modern Uses of Multiple-Valued Logic / J.M. Dunn, G. Epstein (eds.). Dordrecht: Reidel, 1977. P. 5–37.
7. Dung 1995 – Dung P.M. On the acceptability of arguments and its fundamental role in nonmonotonic reasoning, logic programming and n-person games // Artificial Intelligence. 1995. Vol. 77. № 2. P. 321–357.

УДК 164

ЛОГИКА СУЖДЕНИЙ СУЩЕСТВОВАНИЯ И СИЛЛОГИСТИКА СО СЛОЖНЫМИ ТЕРМИНАМИ

Маркин Владимир Ильич

Доктор философских наук

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, философский факультет, зав. кафедрой

E-mail: markin@philos.msu.ru

Аннотация: В докладе осуществляется сравнение выразительных возможностей силлогистических языков и языка логики суждений существования. Под суждением существования понимается простое суждение, субъектом которого является простой общий термин, либо отрицательный общий термин, или же последовательность общих терминов, а

предикатом – термин «существует», понимаемый как знак особой онтологической характеристики индивидов. Показывается, что атрибутивные суждения могут быть адекватно интерпретированы через суждения существования и наоборот. Задается перевод, который каждой формуле языка логики суждений существования сопоставляет эквивалентную ей по смыслу формулу языка силлогистики со сложными терминами (терминами, образованными с помощью операторов, которые являются аналогами дополнения к множеству, пересечения и объединения множеств). Формулируется алгоритм, преобразующий каждую валидную атомарную силлогистическую формулу в валидную формулу языка логики суждений существования.

Ключевые слова: суждения существования, атрибутивные суждения, силлогистика, семантика, логическое исчисление,

LOGIC OF EXISTENCE JUDGMENTS AND SYLLOGISTIC WITH COMPLEX TERMS

Markin Vladimir Ilyich

Dr.habil. in Philosophy
Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, head of the department

Abstract: This paper compares the expressive potential of syllogistic languages and the language of the logic of existence judgments. By existence judgment we mean a simple judgment whose subject is a simple general term, or a negative general term, or a sequence of general terms, and whose predicate is the term “exists”, understood as a sign of a special ontological characteristic of individuals. We demonstrate that attributive judgments can be adequately interpreted through existence judgments and vice versa. We provide a translation that maps each formula of the logic of existence judgments language to a semantically equivalent formula of the language of syllogistic with complex terms (terms formed using operators that are analogous to the complement of a set, the intersection, and the union of sets). We formulate an algorithm that transforms each valid atomic syllogistic formula into a valid formula of the logic of existence judgments language.

Keywords: existence judgments, attributive judgments, syllogistic, semantics, logical calculus.

В работе [Маркин 2021] была построена логика, предназначенная для анализа и формализации рассуждений, содержащих так называемые *суждения существования*. Под суждением существования понимается простое суждение, субъектом которого является простой общий термин (например, «остроумный (человек)»), либо отрицательный общий термин (например, «невысокий (человек)»), или же последовательность общих терминов (например, «остроумный, невысокий, голубоглазый (человек)»), а предикатом – термин «существует», понимаемый как знак особой онтологической характеристики индивидов.

В языке логики суждений существования содержатся бесконечный список простых общих терминов, предикат существования Υ, оператор терминного отрицания $'$, пропозициональные связки и скобки. Общими терминами являются простые термины, а также выражения вида S', где S – простой термин. Атомарными формулами являются выражения вида $\Upsilon X_1X_2\ldots X_k$, где $k \geq 1$, и каждый X_i – общий термин. $\Upsilon X_1X_2\ldots X_k$ представляет собой

формальную запись суждения существования «$X_1X_2\ldots X_k$ существуют». Сложные формулы обычным способом образуются с использованием пропозициональных связок и скобок.

Семантика данного языка достаточно естественна. Моделью является пара $\langle \mathbf{D}, \varphi \rangle$, где **D** – непустое множество (исходная предметная область), а φ – функция, сопоставляющая каждому простому термину некоторое подмножество **D**. Далее за счет расширения области определения φ на класс всех общих терминов задается семантическая функция ψ: простым терминам она приписывает то же множество, что и φ, а отрицательным терминам вида S' – результат дополнения к $\varphi(S)$ в универсуме **D**. Атомарная формула $\Upsilon X_1X_2\ldots X_k$ значима в модели $\langle \mathbf{D}, \varphi \rangle$, если и только если пересечение множеств $\psi(X_i)$ для всех X_i в составе последовательности $X_1X_2\ldots X_k$ непусто. Условия значимости сложных формул – классические. Формула общезначима, если и только если она значима в каждой модели. Класс общезначимых формул аксиоматизируется посредством исчисления **CΥ**, предложенным в [Маркин 2021].

В языке **CΥ** может быть адекватно передан смысл не только суждений существования, но и обычных атрибутивных суждений. Известно, что Франц Брентано считал, что атрибутивное суждение формы «Все *S* есть *P*» (*SaP*) эквивалентно суждению существования «*S* не-*P* не существуют», суждение формы «Некоторые *S* есть *P*» (*SiP*) – суждению «*SP* существуют», суждение формы «Ни один *S* не есть *P*» (*SeP*) – суждению «*SP* не существуют», а суждение формы «Некоторые *S* не есть *P*» (*SoP*) – суждению «*S* не-*P* существуют». Таким образом, *SaP* в языке **CΥ** может быть представлено формулой $\neg\Upsilon SP'$, *SiP* – формулой ΥSP, *SeP* – формулой $\neg\Upsilon SP$, *SoP* – формулой $\neg\Upsilon SP$.

Можно показать, что данный перевод с языка позитивной силлогистики на язык логики суждений существования, стандартным способом распространенный на сложные формулы, погружает в исчисление **CΥ** известную систему фундаментальной силлогистики **CФ** (см. [Бочаров, Маркин 2010, с. 66–67]).

Возникает обратный вопрос: можно ли точным образом передать смысл суждений существования посредством атрибутивных суждений (или сложных суждений, составленных из них), то есть в том или ином силлогистическом языке.

Выразительных возможностей языка позитивной силлогистики со стандартными константами *a*, *e*, *i*, *o* недостаточно для решения данной задачи. Даже некоторые формулы видов ΥX_1 и ΥX_1X_2 не представимы в указанном языке. Таковыми являются формы суждений «не-*S* существуют» ($\Upsilon S'$) и «не-*S* не-*P* существуют» ($\Upsilon S'P'$). Чтобы адекватно передать содержащуюся в них информацию необходимо либо расширить множество силлогистических констант за счет констант *u* (константы, репрезентирующей отношение исчерпываемости универсума объемами субъекта и предиката) или *j* (константы неисчерпываемости), либо перейти в язык негативной силлогистики (где дополнительно вводится символ терминного отрицания ′). В первом случае мы имеем дело с так называемой обобщенной позитивной силлогистикой **OCФ** (см. [Бочаров, Маркин 2010, с. 96–98]); формула $\Upsilon S'$ может быть переведена как *SjS*, а $\Upsilon S'P'$ как *SjP*. Во втором случае формула $\Upsilon S'$ может быть интерпретирована посредством $S'iS'$, а $\Upsilon S'P'$ посредством $S'iP'$ в рамках негативной силлогистики **HCФ**, построенной А.А. Ильиным (см. [Бочаров, Маркин 2010, с. 163]).

Что же касается суждений существования, в которых субъект представляет собой последовательность с тремя и более терминами, то для их экспликации недостаточно и средств обобщенной и негативной силлогистик. Так, суждение формы ΥSPQ («*SPQ* существуют»)

неэквивалентно по смыслу никакой формуле соответствующих языков, в том числе и $SiP \wedge SiQ \wedge PiQ$.

Для решения данной задачи необходимо использовать более богатый язык расширенной силлогистики (силлогистики со сложными терминами). Алфавит данного языка включает бесконечный список простых общих терминов, силлогистические константы *a*, *e*, *i*, *o*, терминообразующие операторы ′ (терминное отрицание), · (терминная конъюнкция, + (терминная дизъюнкция), пропозициональные связки и скобки. Общими терминами являются простые термины, а также выражения видов X', $(X \cdot Y)$, $(X + Y)$, где X и Y – общие термины. Атомарными формулами являются выражения видов XaY, XeY, XiY и XoY. Сложные формулы образуются с помощью пропозициональных связок.

Естественная семантика данного языка может быть сформулирована на основе следующих соображений. Каждому простому термину сопоставляется некоторое множество (его объем). Объем термина X' – дополнение к объему X, объем термина $(X \cdot Y)$ – пересечение объемов X и Y, объем термина $(X + Y)$ – объединение объемов X и Y. Условия истинности атомарных формул можно задать, основываясь на принципах фундаментального варианта силлогистики: XaY истинна, если и только если объем X включается в объем Y, XiY истинна, если и только если пересечение объемов X и Y непусто и т.д. Условия истинности сложных формул – классические. В работе [Маркин 1991, с. 91] было построено исчисление расширенной силлогистики **ФД**, предполагающее семантику данного типа. Было установлено, что силлогистика **ФД** дефинициально эквивалентна булевой логике классов.

Суждения существования могут быть выражены в языке фундаментальной силлогистики со сложными терминами следующим образом. Формуле логики суждений существования вида ΥX_1 соответствует силлогистическая формула $X_1 i X_1$, а формулам вида $\Upsilon X_1 X_2 \ldots X_k$ (где $k \geq 2$) – формула $X_1 i (X_2 \cdot \ldots \cdot X_k)$. Несложно установить, что условия значимости атомарных формул языка **СΥ** в логике суждений существования и условия истинности соответствующих им формул расширенной силлогистики эквивалентны.

Для сравнения выразительных возможностей систем **СΥ** и **ФД** необходимо ответить еще на один вопрос: можно ли формулы языка расширенной силлогистики – не меняя их смысла – выразить в языке логики суждений существования.

Сформулируем соответствующую процедуру применительно к атомарным силлогистическим формулам языка **ФД**.

Для формул, образованных с помощью константы *i*, нужно осуществить следующие преобразования:

(1) заменяем все термины вида X'' в составе субъекта и предиката на X;

(2) заменяем все термины вида $(X \cdot Y)'$ в составе субъекта и предиката на $(X' + Y')$;

(3) заменяем все термины вида $(X + Y)'$ в составе субъекта и предиката на $(X' \cdot Y')$;

(4) заменяем все термины вида $X \cdot (Y + Z)$ и $(Y + Z) \cdot X$ в составе субъекта и предиката на $(X \cdot Y) + (X \cdot Z)$.

Указанные преобразования следует проводить до тех пор, пока и субъект и предикат не станут представлять собой суммы элементарных произведений, то есть термины вида $(U_1 + U_2 + \ldots + U_n)$, где $n \geq 1$, причем каждое U_i есть $(W_1 \cdot W_2 \cdot \ldots \cdot W_m)$, где $m \geq 1$, и каждое W_j есть либо простой термин S, либо термин S', образованный из него с помощью однократного применения терминного отрицания. По сути, преобразования (1)–(4) аналогичны алгоритму приведения формул к дизъюнктивной нормальной форме, только в данном случае мы заменяем формулы

на эквивалентные им посредством замещения терминов, входящих в состав их субъекта и предиката на равнообъемные термины.

(5) применяем нужное число раз законы расширенной силлогистики $(X + Y)iZ \equiv XiZ \vee YiZ$ и $Xi(Y + Z) \equiv XiY \vee XiZ$. В итоге получим дизъюнкцию атомарных формул вида UiV, где U и V – элементарные произведения терминов.

Теперь мы в состоянии построить формулу языка логики суждений существования, которая значима в $\mathbf{C\Upsilon}$ тогда и только тогда, когда истинна силлогистическая формула, полученная на шаге (5).

(6) пусть U есть элементарное произведение $X_1 \cdot X_2 \cdot \ldots \cdot X_s$, а V – элементарное произведение $Y_1 \cdot Y_2 \cdot \ldots \cdot Y_r$, тогда дизъюнкт UiV заменяется на формулу $\Upsilon X_1X_2\ldots X_sY_1Y_2\ldots Y_r$. Это замена осуществляется для каждого дизъюнкта формулы, полученной на шаге (5).

Если исходная атомарная формула языка расширенной силлогистики образована с помощью константы e, то есть имеет вид XeY, используем силлогистический закон $XeY \equiv \neg XiY$. Применяем описанные выше преобразования к XiY и предваряем полученную формулу знаком пропозиционального отрицания $\neg$.

Если исходная атомарная формула образована с помощью константы o, то есть имеет вид XoY, используем силлогистический закон $XoY \equiv XiY'$, и применяем преобразования к XiY'.

Если исходная атомарная формула образована с помощью константы a, то есть имеет вид XaY, используем силлогистический закон $XaY \equiv \neg XiY'$, применяем преобразования к XiY' и предваряем полученную формулу знаком пропозиционального отрицания $\neg$.

Тот факт, что преобразования (1)–(5) обеспечивают переход от некоторой силлогистической формулы к логически эквивалентной формуле, представляется вполне очевидным. Точно так же вполне очевидно, что преобразование (6) позволяет от истинной силлогистической формулы перейти к формуле языка логики суждений существования, значимой в той же предметной области и при той же интерпретации простых терминов. Конечно же, строгое обоснование данного факта требует более развернутых и подробных выкладок.

Логика суждений существования, таким образом, по своим дедуктивным возможностям не уступает силлогистике со сложными терминами, которая, в свою очередь в определенном смысле эквивалентна такой весьма богатой современной теории как булева алгебра.

Список литературы

1. Бочаров, Маркин 2010 – Бочаров В.А., Маркин В.И. Силлогистические теории. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 336 с.
2. Маркин 1991 – Маркин В.И. Силлогистические теории в современной логике. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. 96 с.
3. Маркин 2021 – Маркин В.И. Логика суждений существования и силлогистика // *Логические исследования*. 2021. Т. 27. № 2. С. 31–47.

УДК 164.1

«СИЛЛОГИЗМ ИЗ НЕСОВМЕСТИМЫХ» И ПРАВИЛО УТОНЧЕНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО БУРИДАНОВСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Попов Олег Владиленович
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, философский факультет, старший преподаватель
E-mail: Lekapopov@mail.ru

Аннотация: В работе рассматривается фрагмент «Трактата о силлогизмах» Буридана, связанный с анализом выводов из несовместимых посылок. Ставится вопрос о приемлемости для Буридана правила утончения и особенностях его понимания отношения выводимости. С учётом проводимого Буриданом деления посылок на существенные (необходимые) и не необходимые, выясняется вопрос о различении этим автором требований, предъявляемым к любым корректным "формальным консеквенциям", и к тем из них, которые трактуются как "правильные силлогизмы". Соответственно, дифференцируются также и средства, которые могут использоваться (или не могут использоваться) при обосновании такого рода «консеквенций».

Ключевые слова: силлогизм, силлогистические термины, отношение выводимости, «утончение», отрицание, рефлексивность, релевантизация,

«THE SYLLOGISM FROM OPPOSITES» AND THE THINNING RULE: SOME OBSERVATIONS CONCERNING BURIDAN'S INTERPRETATION

Popov Oleg Vladilenovich
Lomonosov Moscow State University, senior lecturer

Abstract: The paper considers a fragment of J. Buridan’s “Treatise on Syllogisms” related to the analysis of inferences from incompatible premises. It raises the question of the acceptability of the thinning rule for the author of the treatise and the specific features of his understanding of the derivability relation. In light of Buridan’s division of premises into essential (necessary) and non-necessary ones, the question arises as to whether he distinguishes between the requirements imposed on all valid “formal consequences” and those that apply specifically to those among them that are treated as “proper syllogisms.” Accordingly, the means that may be employed in the demonstration of these “consequences” are likewise differentiated.

Keywords: syllogism, syllogistic terms, derivability, thinning, reflexivity, negation, relevantization.

В седьмом параграфе десятой главы «Трактата о силлогизмах» [Buridan 2001, p. 376–387] Буридан рассматривает формы умозаключений, которые могут быть получены в результате подстановки вместо одного из крайних терминов корректного силлогизма с различными по качеству посылками (одна — утвердительная, другая — отрицательная) второго крайнего термина этого же силлогизма. С учётом того, что речь здесь идёт о *чистой* силлогистике, силлогистике без сингулярных терминов, по крайней мере одна из посылок должна быть общей (о неуниверсальности этого правила в сингулярной силлогистике

Буридана см. [Маркин, Попов 2023]), и, следовательно, посылки оказываются формально несовместимыми по истинности (при наличии «пустых» терминов в составе высказываний, в соответствии с общей для Буридана и Оккама трактовкой, утвердительные рассматриваются как ложные, а отрицательные — как истинные). Если это умозаключения, осуществляемые по второй или третьей фигуре, то мы имеем дело с посылками, имеющими одинаковые субъекты и предикаты, отношения между которыми (противоположность или противоречие) фиксируются посредством «логического квадрата».

Буридан подчёркивает, в процессе обсуждения, что, несмотря на отсутствие «третьего» («отличающегося») термина, речь идёт именно о силлогистических умозаключениях или, точнее, об утверждениях о выводимости из двух посылок, которые «являются силлогизмами» [Buridan 2001, p. 386].

А затем автор трактата ставит вопрос: может ли рассматриваться как силлогизм двухпосылочное умозаключение, в котором есть лишь один термин? Можно ли считать примером силлогизма следующую конструкцию: «Всякий человек есть человек, и всякий человек есть человек; поэтому, всякий человек есть человек»?

Буридан пишет, что «многие» отвечают на этот вопрос утвердительно: термин «человек» (поскольку он играет роль субъекта большей посылки и предиката меньшей) используется как средний термин, и тот же термин (поскольку он служит предикатом в большей посылке и в заключении) является большим, и (поскольку он же является субъектом в меньшей посылке и в заключении), одновременно используется и как меньший термин [Buridan 2001, p. 387].

Буридан категорически возражает против такой трактовки, и главное здесь — способ его аргументации: силлогизм должен иметь заключение, отличное от любой из его посылок, и такое, что «ни одной из этих посылок не достаточно, чтобы вывести его без другой, поскольку, если бы одной из них было достаточно, то вторая оказалась бы излишней, а *ничто, что является излишним для выведения заключения, не может быть допущено в состав корректного силлогизма*» (курсив наш — О.П.) [Buridan 2001, p. 387].

Но в приведенном «рассуждении с единственным термином» заключение не отличается от «любой из посылок», и, следовательно, оно может быть выведено отдельно из любой из них [там же].

Буридан здесь, кажется, не демонстрирует готовность принимать принцип «утончения», репрезентирующий одно из свойств отношений выводимости с точки зрения его классической концепции, который может быть представлен в виде правила:

$$\frac{\Gamma \vdash R}{P, \Gamma \vdash R} \quad ,$$

где p и r – произвольные высказывания, а Γ – произвольная последовательность высказываний, возможно, пустая. Вероятно, «блокировкой» этого принципа можно объяснить почему Буридан настаивает на том, что в корректных силлогизмах с отрицательной посылкой заключение может быть только отрицательным, даже тогда, когда, как в описываемых им случаях, эти посылки несовместимы — противоположны или противоречат друг другу. Буридан указывает, что здесь (как, между прочим, и в сингулярной силлогистике) не действуют некоторые правила фигур: большая посылка в силлогизмах второй фигуры может быть частной, меньшая посылка в силлогизмах третьей фигуры — отрицательной. Но, при этом,

универсальность критерия, в соответствии с которым в силлогизме с отрицательной посылкой не может быть положительного заключения, не подвергается сомнению.

Но возможность использования правила утончения наряду с некоторыми несомненно принимаемыми и применяемыми Буриданом правилами, позволяет обосновать выводимость произвольного высказывания из противоречащих друг другу посылок.

Действительно, произвольное высказывание A выводимо из самого себя («рефлексивность»). Если так, то A выводимо из A **и** *произвольного высказывания*, например, *из A и высказывания, противоречащего некоторому высказыванию B* («утончение»). Но тогда из A и высказывания, противоречащего выведенному (то есть противоречащего A), выводимо высказывание, противоречащее «второй посылке» - высказывание B.

При последнем переходе применяется принцип, широко использовавшийся схоластами вслед за Аристотелем при косвенном обосновании и сведении одних модусов к другим, и состоявший применительно к двухпосылочным умозаключениям в том, что если из посылок корректным образом выводимо заключение, то из любой из посылок и утверждения, противоречащего указанному заключению, выводимо утверждение, противоречащее другой посылке. Буридан формулировал (и применял) этот принцип в общем виде, как касающийся произвольных по сложности «формальных консеквенций» и применимый к умозаключениям с произвольным числом посылок (см., например, [Buridan 2001, p. 382–384]).

У Буридана, впрочем, речь не идет о возможности (или блокировке возможности) вывода *произвольного* высказывания из пары несовместимых посылок. Заключения в рассматриваемых им здесь случаях, если мы имеем дело с *корректным* силлогизмом, имеют форму SeS или SoS – то есть форму высказываний, противоречащих «силлогистическим тождествам» (SiS и SaS). В самом конце рассматриваемого параграфа «Трактата о силлогизмах» есть характерный фрагмент. Буридан здесь пишет о том, что если умозаключение корректно, а его заключение формально абсурдно (противоречиво), то это свидетельствует о невозможности (по формальным же основаниям) «принять» (одновременно) его посылки, даже если эта «невозможность», «абсурдность принятия» не столь очевидна, как «абсурдность заключения». При этом «многие люди» считают, что нет ничего более абсурдного, чем «отрицание того же о том же», отрицание законов силлогистического тождества. Буридан выражает несогласие с этим мнением: выражения такого рода вовсе не являются ложными с необходимостью, поскольку они истинны при условии «пустоты» соответствующего термина, если термин «pro nullo supponit». «Некоторая химера не является химерой», «Неверно, что любая химера является химерой» — истинные высказывания) [Buridan 2001, p. 387]. Данный фрагмент еще раз подтверждает, что законы силлогистического тождества в общем виде Буриданом не принимаются, и, при этом, не накладывается никаких общих ограничений на «пустоту» или «непустоту» терминов.

Вместе с тем, указанные тождества Буридан безусловно принимает при условии непустоты соответствующего термина. Но именно информацию о непустоте этого термина несет утвердительная посылка в рассматриваемых Буриданом случаях и, следовательно, из такой посылки соответствующие тождества (утвердительные высказывания формы SaS или SiS) выводимы. Но, если это так, то в соответствии с классической концепцией выводимости, эти же высказывания выводимы из любой последовательности посылок, включающей указанную утвердительную посылку.

В современной логике широко распространен подход к реконструкции силлогистических теорий, состоящий в их построении на базе классической логики высказываний. В такого рода силлогистиках утверждение о следовании некоторого высказывания B из посылок A_1, A_2, …,

A_n равносильно утверждению об общезначимости формулы $(A_1 \& A_2 \& \ldots \& A_n) \supset B$, вопрос о корректности умозаключений сводится к вопросу об общезначимости соответствующих импликативных формул.

Теперь, с учетом этого, естественно поставить вопрос, можно ли, например, выражение ((SeM & SiM) ⊃ SiS) считать аналогом того, что Буридан считал бы корректной «формальной консеквенцией»? Или нет?

Ответ, на наш взгляд, безусловно положительный. Аналогами такого рода «консеквенций» являются также такие формулы как ((SaS & SaS) ⊃ SaS) или ((SeM & SiM) ⊃ SoS). [13] Но, при этом, последняя формула является аналогом умозаключения, которое Буридан считает корректным силлогизмом, а первые два – нет. Во втором из них, включающим единственный термин, заключение, как было сказано Буриданом, не отличается от любой из посылок и выводимо из любой из них. В первом заключение «зависит» лишь от утвердительной посылки, и вторая посылка не может использоваться при «традиционном» для схоластов способе обоснования выводимости «сведением к правильным модусам первой фигуры», - для умозаключения, в котором есть отрицательная посылка, а заключение утвердительное, такое сведение просто невозможно. Таким образом, посылка оказывается «лишней» и умозаключение не может трактоваться как корректный силлогизм.

Указанное не означает, и это важно подчеркнуть, что данная «консеквенция» является силлогизмом, и этот силлогизм не является правильным. Это означает, что она, будучи формально корректной, так же как «консеквенция», аналогом которой является формула ((SaS & SaS) ⊃ SaS), *не является силлогизмом*. Требования, предъявляемые к последним, так сказать, более строгие.

В [Бочаров, Маркин 2010, глава II, §1, с. 38–45] в качестве возможного формулируется предположение, опирающееся на фрагмент из «Топики», состоящее в том, что Аристотель знаком с принципом утончения и рассматривает его как приемлемый. Вместе с тем, там же отмечается, что из приведенных фрагментов следует, что «Аристотель знаком с понятием существенной (необходимой) посылки, а потому становится интересной попытка рассмотреть его силлогистику как релевантную систему» [[Бочаров, Маркин 2010, с. 43]]. Анализ фрагмента трактата Буридана показывает, что *в контексте анализа утверждений о выводимости, которое этот автор считает возможным называть силлогизмами*, принцип утончения «блокируется», и понимание самого отношения выводимости (*в данном контексте*) действительно, в известном смысле, «релевантизировано».

Список литературы

1. Бочаров, Маркин 2010 —Бочаров В.А., Маркин В.И. Силлогистические теории. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 336 с.
2. Маркин, Попов 2025 —Маркин В.И., Попов О.В. Сингулярная негативная силлогистика, основанная на идеях via moderna // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. Издательство Московского ун-та. 2025. Т. 49. №6. С. 102–121.
3. Buridan 2001 — Buridan J. Summulae de Dialectica. New Heaven & London, 2001. 1032 p.

[13] В [Маркин, Попов 2025] предложена система **VM,** эксплицирующая ряд идей, характерных для концепций Буридана и Оккама. Все перечисленный формулы являются **VM –** общезначимыми.

УДК 16

О ТРЕХЗНАЧНОЙ ЛОГИКЕ, ПОРОЖДАЮЩЕЙ СУБМАКСИМАЛЬНЫЙ ЗАМКНУТЫЙ КЛАСС ФУНКЦИЙ

Девяткин Леонид Юрьевич
кандидат философских наук
Институт философии РАН, старший научный сотрудник
E-mail: leoniddevyatkin@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена исследованию выразительных возможностей трехзначных логик, операции которых сохраняют классические значения истинности. В работе предлагается новая трехзначная логика, родственная известным системам Гёделя и Розоноэра по критерию функциональной определимости связок. Базовыми операциями данной логики выступают импликация Гёделя, отрицание Лукасевича и тернарная функция голосования. Главным результатом исследования является доказательство того, что предложенный набор операций порождает субмаксимальный замкнутый класс функций. Таким образом, рассматриваемая логика обладает одной из наибольших степеней выразительной силы среди трехзначных логик, не являющихся языковыми вариантами логик Лукасевича или J_3. Кроме того, в статье доказана теорема, согласно которой предложенная система принципиально не может быть задана исключительно с помощью базовых операций, местность которых не превышает двух. В заключении намечаются перспективы дальнейшего изучения теоретико-доказательных свойств системы, включая ее возможные паранепротиворечивые и параполные интерпретации в зависимости от выбора выделенных значений.

Ключевые слова: трехзначные логики, выразительная сила, замкнутые классы функций, субмаксимальный клон, определимость операций, функция голосования.

ON A THREE-VALUED LOGIC GENERATING A SUBMAXIMAL CLOSED CLASS OF FUNCTIONS

Devyatkin Leonid Yurievich
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Senior Research Fellow

Abstract: This article is devoted to investigating the expressive capabilities of three-valued logics whose operations preserve classical truth values. The paper proposes a new three-valued logic related to the well-known Gödel and Rozonoer systems by the criterion of functional definability of connectives. The basic operations of this logic are Gödel implication, Łukasiewicz negation, and the ternary majority function. The main result of the study is a proof that the proposed set of operations generates a submaximal closed class of functions. Thus, the logic under consideration possesses one of the highest degrees of expressive power among three-valued logics that are not language variants

of the Łukasiewicz or J_3 logics. Furthermore, the article proves a theorem stating that the proposed system cannot, in principle, be defined exclusively by means of basic operations whose arity does not exceed two. In conclusion, the paper outlines prospects for further study of the proof-theoretic properties of the system, including its possible paraconsistent and paracomplete interpretations depending on the choice of designated values.

Keywords: three-valued logics, expressive power, closed classes of functions, submaximal clone, definability of operations, majority function.

Логика Лукасевича и ее паранепротиворечивый функциональный аналог, логика J_3, обладают наибольшей выразительной силой с точки зрения определимых в них операций среди трехзначных логик, операции которых сохраняют классические значения. В этих логиках определима любая операция, которая принимает значение из {0, 1}, коль скоро все ее аргументы принадлежат данному множеству (см. [Финн 1969; Avron 1999]). Таким образом, любая трехзначная логика, которая сохраняет классические значения и не является языковым вариантом логики Лукасевича или J_3, обладает меньшими выразительными возможностями. Наиболее сильными с точки зрения определимости операций из такого рода логик являются трехзначные логики, операции которых порождают субмаксимальные замкнутые классы функций. Исторически первым примером подобной логики является трехзначная логика Гёделя. Субмаксимальность порождаемого ей замкнутого класса функций показал М.Ф. Раца [Раца 1969]. Еще одним примером служит логика, известная в отечественной литературе как логика Розоноэра PCont [Розоноэр 1983], которая также была неоднократно независимо предложена в зарубежной литературе под различными названиями (см. обзор в [Carnielli, Coniglio, Marcos 2007, p. 18–19]). В настоящей работе мы предлагаем новую трехзначную логику, порождающую субмаксимальный замкнутый класс функций, отличный от классов, порождаемых логиками Гёделя и Розоноэра. Базовыми операциями данной логики являются импликация Гёделя, отрицание Лукасевича, а также тернарная функция голосования.

В данной работе представлены следующие результаты. Во-первых, доказано, что базовые операции предложенной нами трехзначной логики порождают субмаксимальный замкнутый класс функций. Таким образом, данная логика относится к классу трехзначных логик, которые сохраняют классические значения истинности, не являются языковыми вариантами логики Лукасевича или J_3 и имеют наибольшую выразительную силу. Во-вторых, мы показываем, что предложенная нами логика не может быть задана с помощью базовых операций, местность которых не превышает двух. Введем определения понятий, которые потребуются для формулировки и доказательства основного результата.

Поскольку предметом исследования является определимость операций в трехзначных логиках, условимся понимать под трехзначной логикой систему $\langle\{0, 1, 2\}, F\rangle$, где F — семейство алгебраических функций на {0, 1, 2}. Не фиксируем какой-либо класс выделенных значений, так как он не играет роли в дальнейших построениях. Таким образом, отождествляем трехзначную логику с алгеброй ее характеристической матрицы на универсуме {0, 1, 2}.

Дальнейшие определения заимствуем из работы [Девяткин 2024].

Если функция f реализуется формулой, которая содержит только символы функций f_1, ..., f_s, а также символы переменных, называем функцию f суперпозицией функций f_1, ..., f_s. Пусть F — произвольная система функций, заданных на некотором множестве. Под

замыканием F понимаем множество [F] всех функций, которые являются суперпозициями функций из F. Если [F] — замыкание F, говорим, что множество [F] порождено системой F. Если F = [F], называем множество функций F замкнутым классом функций.

Пусть $e_i(x_1, ..., x_i, ..., x_n)$ обозначает такую функцию, значение которой совпадает со значением переменной x_i. Тогда говорим, что функция e_i — селекторная функция. Называем клонами такие замкнутые классы функций, которые содержат все селекторные функции.

Пусть $\langle A, F\rangle$ — алгебра. Называем n-й декартовой степенью $\langle A, F\rangle$ такую алгебру, что ее носителем является множество A^n всех таких упорядоченных наборов $(x_1, ..., x_n)$, что $x_1, ..., x_n \in A$, а каждой функции f из F сопоставлена функция f^n следующего вида: $f^n((x_{11}, ..., x_{1n}), ..., (x_{k1}, ..., x_{kn})) = (f(x_{11}, ..., x_{k1}), ..., f(x_{1n}, ..., x_{kn}))$. Пусть r — подмножество A^n. Если $\langle r, f^n\rangle$ — подалгебра $\langle A^n, f^n\rangle$, говорим, что функция f на A сохраняет n-местное отношение r. Символически — $f \in Pol(r)$, где Pol(r) обозначает множество всех функций, сохраняющих отношение r. Известно, что для каждого клона [F] выполняется следующее условие: [F] = Pol(R) для некоторого множества отношений $R = \{r_1, ..., r_s\}$. Условимся обозначать посредством Pol(∅) класс всех функций на A. Говорим, что отношения r_1 и r_2 на A эквивалентны, если $f \in Pol(r_1)$ тогда и только тогда, когда $f \in Pol(r_2)$ для всех функций на A. Называем отношение r тривиальным, если Pol(r) = Pol(∅).

Если [F] и [G] — клоны функций на A, [F] является собственным подмножеством [G], и $[F \cup \{g\}] = [G]$ для любой функции g, такой что $g \in [G]$, $g \notin [F]$, говорим, что клон [F] предполон в классе [G]. Если клон предполон в Pol(∅), называем его максимальным. Клон, который предполон в максимальном клоне, называем субмаксимальным.

Полный список субмаксимальных клонов трехзначной логики приводит Д. Лау [Lau 2006, § 14.1]. Логика Гёделя порождает субмаксимальный клон Pol({0, 1}, {(0, 0), (1, 1), (2, 2), (1, 2), (2, 1)}) [Раца 1969]. Логика PCont порождает субмаксимальный клон Pol({0, 1}, {2}) [Avron 1999]. Мы предлагаем трехзначную логику L, операции которой порождают субмаксимальный клон Pol({0, 1}, {(0, 0), (1, 1), (0, 1), (0, 2), (1, 0), (1, 2), (2, 0), (2, 1)}).

Базовые операции предлагаемой логики L таковы:

1. Импликация Гёделя $x \to y$: $1 \to 0 = 2 \to 0 = 0$; $1 \to 2 = 2$; $x \to y = 1$ во всех остальных случаях.
2. Отрицание Лукасевича $\neg x$: $\neg 0 = 1$, $\neg 1 = 0$, $\neg 2 = 2$.
3. Тернарная функция голосования f(x, y, z): f(a, a, b) = f(a, b, a) = f(b, a, a) = a для любых $a, b \in \{0, 1, 2\}$.

Обратим внимание, что последнему условию отвечает больше одной функции. Однако, вне зависимости от выбора конкретной функции голосования, рассматриваемая система порождает один и тот же субмаксимальный клон, поэтому данный выбор не влияет на дальнейшие построения.

Условимся обозначать замкнутый класс, порождаемый данными операциями, как [L]. Нетрудно убедиться, что все три операции логики L сохраняют отношения {0, 1} и {(0, 0), (1, 1), (0, 1), (0, 2), (1, 0), (1, 2), (2, 0), (2, 1)}. Теперь остается показать, что [L] есть Pol({0, 1}, {(0, 0), (1, 1), (0, 1), (0, 2), (1, 0), (1, 2), (2, 0), (2, 1)}). Если замкнутый класс F содержит тернарную функцию голосования, то F = Pol(R) для некоторого семейства R, состоящего из не более чем бинарных отношений [Adams, Dziobiak 1994]. Таким образом, достаточно продемонстрировать, что {0, 1} и {(0, 0), (1, 1), (0, 1), (0, 2), (1, 0), (1, 2), (2, 0), (2, 1)} —

единственные нетривиальные и попарно неэквивалентные отношения арности не более двух, которые сохраняются операциями L.

Пусть [L] = Pol(R), а r — бинарное отношение, принадлежащее R. Докажем ряд вспомогательных лемм о свойствах r.

Лемма 1. {(0, 0), (1, 1)} □ r.

Доказательство. Утверждение леммы истинно, потому что тождество x □ x = 1 выполняется для всех x □ {0, 1, 2}, и □(1, 1) = (□1, □1) = (0, 0).

Лемма 2. Если (0, 1) или (1, 0) принадлежит r, то {(0, 0), (0, 1), (1, 0), (1, 1)} □ r.

Доказательство. В силу леммы 1, {(0, 0), (1, 1)} □ r. Также имеют место тождества □(0, 1) = (1, 0) и □(1, 0) = (0, 1).

Лемма 3. Если (0, 2) или (1, 2) принадлежит r, то также верно следующее:

{(0, 0), (0, 1), (0, 2), (1, 0), (1, 1), (1, 2)} □ r.

Доказательство. Истинность утверждения вытекает из лемм 1 и 2, а также следующих тождеств: □(0, 2) = (1, 2), □(1, 2) = (0, 2), (0, 2) □ (0, 0) = (1, 0).

Лемма 4. Если (2, 0) или (2, 1) принадлежит r, то также верно следующее:

{(0, 0), (0, 1), (1, 0), (1, 1), (2, 0), (2, 1)} □ r.

Доказательство. Аналогично лемме 3.

Лемма 5. Если (0, 1) и (2, 2) принадлежат r, то r = {(0, 0), (0, 1), (0, 2), (1, 0), (1, 1), (1, 2), (2, 0), (2, 1), (2, 2)}.

Доказательство. В силу леммы 2, {(0, 0), (0, 1), (1, 0), (1, 1)} □ r. В то же время, (0, 1) □ (2, 2) = (1, 2). В силу леммы 3, {(0, 0), (0, 1), (0, 2), (1, 0), (1, 1), (1, 2)} □ r. Также имеем (1, 0) □ (2, 2) = (2, 1). В силу леммы 4, {(0, 0), (0, 1), (1, 0), (1, 1), (2, 0), (2, 1)} □ r.

Лемма 6. Если r — бинарное отношение, которое сохраняют операции L, то r либо тривиально, либо эквивалентно {0, 1}, либо есть {(0, 0), (1, 1), (0, 1), (0, 2), (1, 0), (1, 2), (2, 0), (2, 1)}.

Доказательство. В силу лемм 1–5, список всех бинарных отношений, которые сохраняют операции L имеет следующий вид:

1. r_1 = {(0, 0), (1, 1)}.
2. r_2 = {(0, 0), (0, 1), (1, 0), (1, 1)}.
3. r_3 = {(0, 0), (0, 1), (0, 2), (1, 0), (1, 1), (1, 2)}.
4. r_4 = {(0, 0), (0, 1), (1, 0), (1, 1), (2, 0), (2, 1)}.
5. r_5 = {(0, 0), (0, 1), (0, 2), (1, 0), (1, 1), (1, 2), (2, 0), (2, 1), (2, 2)}.
6. r_6 = {(0, 0), (1, 1), (2, 2)}.
7. r_7 = {(0, 0), (1, 1), (0, 1), (0, 2), (1, 0), (1, 2), (2, 0), (2, 1)}.

Отношения r_5, r_6 тривиальны. Отношения r_1, r_2, r_3, r_4 эквивалентны {0, 1}.

Лемма 7. Единственное унарное отношение, которое сохраняют базовые операции L, — это {0, 1}.

Доказательство. Истинность утверждения показывают следующие тождества: □0 = 1, □1 = 0, 2 □□2 = 0 □□2 = 2 □□1 = 1.

Теорема 1. [L] = Pol({0, 1}, {(0, 0), (1, 1), (0, 1), (0, 2), (1, 0), (1, 2), (2, 0), (2, 1)}).

Доказательство. Утверждение теоремы вытекает из лемм 6 и 7.

Теорема 2. Не существует такого семейства функций F, содержащего операции местности не больше двух, что [F] = [L].

Доказательство. Допустим, что [F] = [L]. Тогда [F] = Pol({0, 1}, {(0, 0), (1, 1), (0, 1), (0, 2), (1, 0), (1, 2), (2, 0), (2, 1)}). Следовательно, если g(x), h(x, y) □ F, то g(x) = 2, если и только если x = 2, и h(x, y) = 2, если и только если x = y = 2. Однако в таком случае g(x) и h(x, y) сохраняют отношение $\{0, 1, 2\}^3 \setminus \{(2, 2, 2)\}$. В то же время тернарная функция голосования f не сохраняет это отношение, поскольку f((2, 2, 0), (2, 0, 2), (0, 2, 2)) = (2, 2, 2).

В заключение остановимся на возможных направлениях дальнейших исследований по теме настоящей работы. Во-первых, с точки зрения автора, представляет интерес содержательная интерпретация и исследование теоретико-доказательных свойств трехзначных логик с предложенным в статье классом базовых операций как с одним, так и с двумя выделенными значениями. Отметим, что при одном выделенном значении отрицание Лукасевича является параполным, а при двух — паранепротиворечивым (см. [Томова 2022; 2023]). Импликация Гёделя при двух выделенных значениях совпадает по своим теоретико-доказательным свойствам с импликацией классической логики высказываний [Девяткин 2004], а при одном выделенном значении она отвечает условию естественности, предложенному Н.Е. Томовой [Томова 2010]. Это говорит о том, что логика с предложенным нами набором операций может обладать не только функциональными, но и теоретико-доказательными полезными свойствами. Во-вторых, в литературе известны все существующие субмаксимальные классы функций трехзначной логики, сохраняющих классические истинностные значения [Lau 2006, p. 401]. Возникает вопрос о том, каковы трехзначные логики, порождающие эти классы, помимо логики Гёделя, логики Розоноэра и логики, предложенной нами.

Список литературы

1. Девяткин 2004 – Девяткин Л.Ю. Трехзначные изоморфы классической логики. // Логические исследования / Logical Investigations. 2004. Т. 11. С. 119–125.
2. Девяткин 2024 – Девяткин Л.Ю. Решетка трехзначных логик, содержащих операции логики Клини // Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире: сборник научных статей. М: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2024. С. 334–337.
3. Раца 1969 – Раца М.Ф. О классе функций трехзначной логики, соответствующем первой матрице Яськовского // Проблемы кибернетики. 1969. Вып. 21. С. 185–214.
4. Розоноэр 1983 – Розоноэр Л.И. О выявлении противоречий в формальных теориях. I // Автоматика и телемеханика. 1983. Вып. 6. С. 113–124.
5. Томова 2010 – Томова Н.Е. Импликативные расширения регулярных логик Клини // Логические исследования / Logical Investigations. 2010. Т. 16. С. 233–258.
6. Томова 2022 – Томова Н.Е. К вопросу о критерии паранепротиворечивости логик // Логические исследования / Logical Investigations. 2022. Т. 28. № 2. С. 77–95.
7. Томова 2023 – Томова Н.Е. К вопросу о критерии параполноты логик // Логические исследования / Logical Investigations. 2023. Т. 29. № 2. С. 104–124.
8. Финн 1969 – Финн В.К. О предполноте класса функций, соответствующего трехзначной логике Я. Лукасевича // Научно-техническая информация. Сер. 2. Вып. 10. М., 1969. С. 35–38.

9. Adams, Dziobiak 1994 – Adams M.E, Dziobiak W. Lattices of quasivarieties of 3-element algebras // Journal of Algebra. 1994. Vol. 166. No. 1. P. 181–210.
10. Avron 1999 – Avron A. On the expressive power of three-valued and four-valued languages // Journal of Logic and Computation. 1999. Vol. 9. No 6. P. 977–994.
11. Carnielli, Coniglio, Marcos 2007 – Carnielli W.A., Coniglio M.E., Marcos J. Logics of Formal Inconsistency // Handbook of Philosophical Logic. Vol. 14. Springer Netherlands, 2007. P. 1–93.
12. Lau 2006 – Lau D. Function algebras on finite sets: Basic course on many-valued logic and clone theory. Springer Science & Business Media, 2006. 670 p.

УДК 164.03

ПАРАНЕПРОТИВОРЕЧИВЫЕ И ПАРАПОЛНЫЕ МОДАЛЬНЫЕ ЛОГИКИ

Беликов Александр Александрович
кандидат философских наук
кафедра логики философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
старший преподаватель
E-mail: belikov@philos.msu.ru

Аннотация: В работе исследуется проблема логического анализа алетических модальностей в условиях противоречивой и неполной информации. Автор рассматривает дедуктивные теории, содержащие модальные операторы “необходимости” и “возможности”, но основанные на неклассическом пропозициональном базисе. Предлагаются новые варианты паранепротиворечивой и параполной модальной логики, основанные на семантике обобщенных истинностных значений. В качестве базиса для рассматриваемых систем выбрано семейство четырехзначных “паралогик”, расширяющих первоуровневую релевантную логику А. Андерсона и Н. Белнапа. В основе метода лежит использование четырехзначной оценочной функции, которая каждому атомарному высказыванию сопоставляет одно из следующих значений: “истина”, “ложь”, “истина и ложь”, “ни истина, ни ложь”. На базе этой семантики определяются четыре различных отношения логического следования, соответствующие сохранению различных семантических предикатов (“быть истинным”, “быть неложным”, “быть истинным или неложным”). Каждый из этих вариантов порождает собственную паралогику, позволяющую адекватно моделировать рассуждения с модальностями при избытке или недостатке информации. Работа вписывает предлагаемые системы в контекст современных исследований модальных расширений релевантной логики и четырехзначных логик, подчеркивая перспективы дальнейшего развития “неклассической” модальной логики.

Ключевые слова: модальная логика, паранепротиворечивая логика, параполная логика, обобщенные истинностные значения, логическое следование

PARACONSISTENT AND PARACOMPLETE MODAL LOGICS

Belikov Alexander Alexandrovich
Ph.D

Department of logic, Faculty of philosophy
Lomonosov Moscow State University
senior lecturer

Abstract: This paper examines the problem of logical analysis of alethic modalities in the context of contradictory and incomplete information. The author considers deductive theories that include the modal operators of necessity and possibility but rely on a non-classical propositional basis. The work proposes new variants of paraconsistent and paracomplete modal logics based on the semantics of generalized truth values. A four-valued evaluation function is introduced, according to which each atomic proposition is assigned one of the following values: “truth”, “falsehood”, “truth and falsehood”, and “neither truth nor falsehood”. On the basis of this semantics, four different relations of logical consequence are defined, corresponding to the preservation of different properties (“being true”, “being non-false”, “being true and non-false”, “being true or non-false”). Each of these variants generates its own paraconsistent or paracomplete logical system, which allows adequate modeling of modal reasoning under conditions of information excess or deficiency. The paper situates the proposed systems within the context of contemporary research on modal extensions of relevant logic and four-valued logics, highlighting prospects for the further development of non-classical modal logic.

Keywords: modal logic, paraconsistent logic, paracomplete logic, generalized truth-values, logical consequence.

Проблема логического анализа алетических модальностей имеет давнюю историю. Первые шаги в изучении силлогистических рассуждений, содержащих высказывания о необходимом и возможном, впервые были сделаны еще родоначальником логики – Аристотелем. Свою современную форму подобные исследования приобрели в начале XX в. после работ К.И. Льюиса, который первым осуществил синтаксический анализ модальностей. С тех пор модальная логика представляет собой один из наиболее бурно развивающихся разделов неклассической логики. Особое значение в истории развития модальной логики имеют достижения С. Крипке. В 60-х годах XX в. он решил проблему семантической экспликации смысла модальных операторов, введя в обиход так называемые “семантики возможных миров”. Это позволило не только решить проблему построения адекватных семантик для синтаксически заданных модальных логик, но и оказало серьезное влияние на развитие отдельных разделов в области аналитической философии. Тем не менее, когда мы говорим о модальной логике, чаще всего имеются в виду такие логические теории, в которых рассуждения с модальными высказываниями по умолчанию основаны на логических связках, понимаемых в традиции классической логики. Этот аспект открывает дорогу к возможным обобщениям модальной логики, а именно к тому, чтобы исключить присущие классической логике недостатки при осуществлении рассуждений с модальными высказываниями. Одними из наиболее известных недостатков классической логики является её неспособность к адекватной формализации рассуждений в условиях противоречивости и неполноты информации. В исследования по неклассической логике известны случаи успешного устранения этих недостатков, что вылилось в возникновение отдельных направлений, предлагающих альтернативу классической логике в деле анализа рассуждений в условиях противоречивой и неполной информации. Речь идет о паранепротиворечивых и параполных логиках. Логические теории указанных видов позволяют сделать методологию анализа дедуктивных рассуждений более приближенной к ситуациям естественных рассуждений, чем

это позволяет классическая логика. Очевидно, что изучение рассуждений, содержащих модальные высказывания, с учетом достижений из области паранепротиворечивой и параполной логики позволит расширить современный взгляд на проблему логического анализа модальности. Именно эта задача и помещена в центр внимания данного исследовательского проекта.

Процесс рационального познания сопровождается многими трудностями, и особое место среди них занимают ситуации, когда познающий субъект вынужден рассуждать в условиях избытка или недостатка информации. С логической точки зрения, “избытком информации” чаще всего называют противоречия, то есть ситуации, в которых в системе знаний познающего субъекта обнаруживается некоторое высказывание A вместе с его отрицанием ¬A. В свою очередь, “недостаток информации” трактуется как такая ситуация, при которой в системе знаний познающего субъекта обнаруживается одновременное отсутствие как самого высказывания, так и его отрицания.

В связи с тем, что классическая логика бессильна перед анализом противоречий и “провалов” информации, возникает необходимость в поиске новых подходов к построению логических теорий, которые были бы более эффективны в подобных ситуациях. Таковыми являются паранепротиворечивые и параполные логики.

Рецепт для достижения паранепротиворечивости и параполноты достаточно прост. Для паранепротиворечивости нужно предусмотреть возможность того, чтобы A и ¬A могли быть одновременно истинными, а для параполноты – чтобы они могли быть одновременно не истинными. Это подталкивает нас к выходу за пределы двузначности.

Одним из простейших формализмов, позволяющих моделировать необходимые условия является метод обобщенных истинностных значений. Определим функцию оценки V как такую функцию, которая каждому атомарному высказыванию нашего пропозиционального языка сопоставляет одно из четырех истинностных значений: {1} – “истина”, {0} – “ложь”, {1, 0} – “истина и ложь”, ∅ – “ни истина, ни ложь”. Как видно, к классическим истинностным значениям предлагается добавить два новых, неклассических значения: одно для фиксации “избытка информации” (или “пресыщенная оценка”), другое – для “недостатка информации” (или “истинностно-значного провала”).

Остальные свойства будут зависеть уже от определения логических связок, в частности, отрицания, поскольку именно оно участвует в формировании противоречивой пары A и ¬A. Здесь семантика обобщенных истинностных значений демонстрирует своеобразную элегантность, поскольку для достижения паранепротиворечивости и параполноты нам совершенно не нужно отказываться от классического подхода к интерпретации логических связок. Так что правила приписывания значений сложным высказываниям сохраняют классический смысл. Но для определения логического следования полезно рассмотреть набор возможностей, которые возникают в контексте семантики с обобщенными истинностными значениями.

Всего мы выделим четыре варианта, каждый из которых репрезентирует некоторый семантический предикат, пригодный для дальнейшего определения логического следования. Первый вариант: определить следование через сохранность множества истинностных значений, содержащих истину, и тем самым репрезентирующих свойство “быть истинным”. Второй – множество значений, не содержащих лжи, то есть репрезентирующих предикат “быть неложным”. Важно обратить внимание, что в данном контексте свойство “быть истинным” не исключает свойства “быть ложным”, равно как и свойство “быть неложным” не исключает свойства “быть неистинным”. Оставшиеся два варианта отражают наиболее

строгий и наиболее свободный подходы. Согласно третьему варианту, следование предлагается определить через сохранность лишь одного истинностного значения, с помощью которого мы можем репрезентировать предикат “быть истинным и не ложным”, то есть такой предикат, который в наибольшей степени соответствует классическому пониманию предиката “быть истинным”. И наконец четвертый вариант предлагает нам выделить целых три истинностных значения, которые репрезентируют наиболее широкий по своему значению предикат “быть истинным или не ложным”. Основываясь на этих наблюдениях, мы можем сформулировать четыре отношения логического следования, порождающих различные паралогики.

Как видно, семантика обобщенных истинностных значений, и в частности, тот четырехэлементный набор значений, который мы рассмотрели, обладает высоким уровнем вариативности. На базе этой структуры мы имеем возможность для получения различных паранепротиворечивых и/или параполных логических теорий, путем точечной модификации определения логического следования. Каковы же перспективы использования этого метода для анализа модальностей?

Долгие годы после открытий С.Крипке исследования в области логического анализа модальностей в основном подразумевали изучение систем именно “льюисовского типа”, то есть таких, которые получены путем расширения классического немодального базиса. Под “немодальным базисом” понимается та часть языка логической теории, которая не содержит модальных операторов, а только пропозициональные связки. Однако в последние два десятилетия заметен рост интереса к модальным логикам с неклассическим немодальным базисом. Одной из активно разрабатываемой на сегодняшний день исследовательской программой в этом направлении является программа по изучению модальных расширений релевантной логики первого уровня (от англ. “first-degree entailment” или “FDE”). Здесь стоит отметить, что большинство работ в этом направлении все-таки сконцентрированы не вокруг модальных расширений именно FDE, а более богатых систем, основанных на ней. Одна из таких систем известна под двумя названиями, поскольку была независимо разработана двумя исследователями. Речь идет о логике В.Попова Par или логике А. Аврона HBe. Эта паранормальная логика представляет собой расширение FDE за счет полноценной связки импликации, и ее позитивный фрагмент совпадает с позитивным фрагментом классической логики высказываний. Что же касается её модальных расширений, то, по-видимому, первым подобным расширением является система BK, разработанная в [Odintsov, Wansing 2010]. Она обычно рассматривается как аналог минимальной модальной логики K на базе четырехзначной логики Белнапа. Большое число работ посвящено изучению как свойств самой BK, так и её разновидностей, получаемых за счет изменения выразительных свойств модальных операторов. Изучение модальных вариантов непосредственно FDE впервые начато в работе [Priest 2008] и продолжено, например, в статье [Drobyshevich 2020].

В настоящей работе предлагаются новые варианты паранепротиворечивой и параполной модальной логики, основанные на четырех отношениях логического следования и сформулированных выше.

Список литературы:

1. Drobyshevich 2020 – Drobyshevich S. A General Framework for FDE-Based Modal Logics. // Studia Logica. 108. 2020. P. 1281–1306.

2. Odintsov & Wansing 2010 – Odintsov S. P., Wansing H. Modal logics with Belnapian truth values // Journal of Applied Non-Classical Logics. 2010. 20(3). P. 279–301.
3. Priest 2008 – Priest G. An Introduction to Non-Classical Logic: From If to Is. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 646 p.

ЧАСТЬ 12

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

УДК 174:004.8

ПРИМЕНЕНИЕ КРИТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ПРОБЛЕМЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Авдюнин Василий Андреевич
Вологодский государственный университет, старший преподаватель кафедры философии
E-mail: vasya.avdiunin@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме распределения ответственности за вред, причиняемый системами ИИ. Показана эволюция концепции: от фиксации на невозможности приписать вину самообучающимся алгоритмам к признанию многомерной природы пробела. В качестве методологической рамки предлагается критический подход (Н.А. Ястреб), основанный на девяти принципах (расширения системы, принцип изменений, принцип скептицизма, принцип ограниченности проектирования, принцип активности систем искусственного интеллекта, принцип усиления естественного интеллекта, принцип неравенства, принцип прагматического принятия, принцип демифологизации). Критический подход рассматривается не как жесткая нормативная доктрина, а как эвристическая рамка, позволяющая через комбинацию принципов генерировать альтернативные институциональные и технические решения. Показана открытость эвристической рамки для добавления новых принципов. Делается вывод, что главная ценность критического подхода в гибкости, поскольку он предлагает разработчику собирать нужную комбинацию принципов под конкретную ситуацию, именно эта модульность позволяет адаптировать механизмы распределения ответственности к разным типам систем ИИ, социальным контекстам и этическим приоритетам.

Ключевые слова: пробел ответственности, этика ИИ, критический подход.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00254, https://rscf.ru/project/25-28-00254.

APPLYING THE CRITICAL APPROACH TO THE RESPONSIBILITY GAP IN AI

Avdyunin Vasiliy Andreevich
Vologda state university, senior lecturer,

Abstract: The article addresses the problem of responsibility gaps for harm caused by AI systems. It traces the evolution of the concept from the initial focus on the impossibility of attributing blame to self-learning algorithms to the recognition of the multidimensional nature of the gap. The critical approach developed by N.A. Yastreb is proposed as a methodological framework. This approach is based on nine principles: system expansion, change, skepticism, design limitations, AI activity, enhancement of natural intelligence, inequality, pragmatic acceptance, and demythologization. The critical approach is conceived not as a rigid normative doctrine but as a heuristic framework that allows generating alternative institutional and technical solutions through combinations of its principles. The openness of this heuristic framework to the addition of new principles is also demonstrated. The article concludes that the main value of the critical approach lies in its flexibility, as it enables developers to assemble the required combination of principles for specific situations. This modularity makes it possible to adapt responsibility-allocation mechanisms to different types of AI systems, social contexts, and ethical priorities.

Keywords: responsibility gap, AI ethics, critical approach.

Понятие «пробела распределения ответственности» (responsibility gap) берет начало в работах А. Матиаса [Matthias 2004, p. 175]. Автор указывает на фундаментальную проблему: по мере того, как автономные системы приобретают способность к самообучению, традиционная модель причинно-следственной связи, где вред всегда может быть приписан отдельному человеку (разработчику, владельцу или оператору) перестает работать. В таком случае, необходимо, либо отказаться от использования систем ИИ, либо столкнуться с пробелом распределения ответственности. В работе группы авторов во главе с Б. Кастерсом [Custers 2025, p. 4035] выделяются четыре типа пробелов в распределении ответственности: никто не может быть привлечен к ответственности, виновным признают не того, кого нужно, ответственность возлагается на нескольких участников, одновременное сосуществование нескольких правовых режимов. Следующий важный шаг был сделан Р. Спарроу [Sparrow 2025, p. 1], который в своем исследовании применил эту логику на наиболее чувствительную область – решения о жизни и смерти. Проблема получила развитие в работе Ф. Хиндрикс и Х. Вулвенкампа [Hindriks 2023, p 3], которые утверждают, что пробелы ответственности возникают тогда, когда человеческие существа «отказываются от своего места», то есть уступают контроль. Авторы последовательно движутся от пробела «ответственности» к пробелу «контроля», то есть вред, причиненный автономной машиной, является невиновным, если уровень риска, которому она подвергла других, был морально приемлемым, и что люди несут косвенную ответственность за такой вред, если уровень риска был выше допустимого. Весьма системную теоретическую рамку для анализа представили Ф. Сантони де Шо и Д. Меркаччи [Santoni de Sio 2023, p. 1057], авторы доказывают, что проблема структурно представляет не один пробел, а целых четыре: виновности, моральной подотчетности, публичной подотчетности и в активной ответственности, статья предлагает комплексный подход к устранению пробелов ответственности ИИ в их совокупности, основанный на идее проектирования социотехнических систем для «осмысленного человеческого контроля», то есть систем, согласованных с соответствующими человеческими основаниями и способностями. На основе анализа ключевых работ можно сделать вывод, что концепция пробела ответственности в ИИ эволюционировала от фиксации невозможности приписать вину самообучающимся системам к признанию его многомерной природы и необходимости комплексного подхода различных аспектов возникновения пробела.

Критический подход, разработанный Ястреб Н.А. [Ястреб 2024, с. 24] обладает высокой объяснительной и нормативной силой именно для проблемы распределения ответственности. Принципами подхода являются принцип расширения системы, принцип изменений, принцип скептицизма, принцип ограниченности проектирования, принцип активности систем искусственного интеллекта, принцип усиления естественного интеллекта, принцип неравенства, принцип прагматического принятия, принцип демифологизации. Критический подход позволяет переосмыслить проблему распределения ответственности с изолированного поиска «виновного» на анализ всего гибридного комплекса – человека, технологий и социальных институтов. Принципы подхода показывают, что традиционная модель причинно-следственных связей не работает в условиях самообучающихся систем, а принцип ограниченности проектирования указывает на границы возможностей чисто технического решения этических пробелов в сфере ИИ.

Предложенные принципы не образуют жесткой системы, предписывающей единственное нормативное решение. Каждый принцип высвечивает определенное измерение этической проблемы. Например, принцип изменений акцентирует внимание на том, что ключевым измерением выступают не польза или вред сами по себе, а те трансформации в ценностях, деятельности и социальных отношениях, которые технология запускает; принцип неравенства указывает, что выгоды и издержки от внедрения ИИ распределяются ассиметрично: одни социальные группы получают преимущества, а другие вред; принцип расширения системы показывает, что этическая проблема не сводится к поведению изолированного алгоритма, а укоренена в гибридном комплексе, включающем людей, технологии, институты и культурные практики. В зависимости от того, какой принцип кладется в основание, а также от того, как они сочетается друг с другом, открывается множество концептуально различных стратегий. Таким образом, критический подход выступает не как готовая нормативная доктрина, а как эвристическая рамка, которая через комбинацию своих принципов позволяет генерировать и сравнивать альтернативные институциональные и технические решения.

Для демонстрации эвристического потенциала критического подхода рассмотрим, как различные комбинации его принципов порождают конкретные стратегии преодоления пробела распределения ответственности. Каждая из таких стратегий представляет собой ответ на вопрос «кто, каким образом и на каком основании должен компенсировать вред, причиненный системой ИИ?», причем, ответ зависит от того, какой принцип или их комбинация кладется в основание. Ниже представлены концептуальные решения, каждое из которых получено путем комбинирования принципов.

Объединение принципа расширения системы, неравенства и прагматического принятия задает вектор, смещающий фокус с поиска единственного виновного на организацию коллективного механизма компенсации. Ответ на вопрос принципа расширения – «кто входит в гибридный комплекс?» - обязывает включить в зону ответственности всех ключевых акторов: разработчиков, операторов, владельцев данных и крупных выгодоприобретателей. Принцип неравенства, через вопрос о том, «кто выигрывает, а кто страдает», вводит дифференциацию отчислений пропорционально получаемой выгоде и создаваемому риску, уравновешивая асимметрию. Принцип прагматического принятия, отвечая на вопрос о мотивации участников, обеспечивает предсказуемость издержек для бизнеса (вместо непредсказуемых рисков) и упрощенную компенсацию для пострадавших, делая систему приемлемой со всех сторон. Таким образом, объединение ответов на вопросы, следующие из трех принципов, порождает конкретный институциональный инструмент – например,

обязательный фонд со-страхования. Все участники гибридного комплекса отчисляют средства, тем самым признается, что ответственность распределена. Фонд позволяет выплачивать компенсацию пострадавшим по упрощенной процедуре, без необходимости доказывать, кто именно из участников цепи виноват. То есть фонд и будет являться практическим решением проблемы распределения ответственности.

Объединение принципа скептицизма, ограниченности проектирования и неравенства задает другой вектор и смещает фокус с поиска виноватого среди частных акторов на признание принципиальной непредсказуемости последствий и возложение компенсационной функции на государство. Ответ на вопрос принципа скептицизма – «какие технологии, ценности или практики мы можем утратить?» - фиксирует, что чрезмерное вложение ответственности на разработчиков и операторов приводит к замедлению инноваций и уходу малого бизнеса с рынка, то есть общество теряет потенциальные блага. Принцип ограниченности проектирования, через вопрос о том, «какие последствия не зависят от технического устройства, а определяются условиями внедрения», показывает, что значительная часть вреда принципиально не может быть приписана разработчику или оператору. Принцип неравенства, отвечая на вопрос о том, кто выигрывает, а кто страдает» указывает, что именно государство является крупнейшим бенефициаром технологического развития (за счет внедрения технологии получает налоги, экономический рост, международную конкурентоспособность), и поэтому должно принимать на себя риски вреда. Таким образом, объединение ответов на вопросы, следующие из трех принципов, порождает конкретный институциональный инструмент – публичную систему компенсации ущерба от ошибок ИИ, финансируемую из государственного бюджета, по аналогии с возмещением вреда от стихийных бедствий. Компании при этом освобождаются от ответственности, но обязаны проходить обязательную сертификацию безопасности, требования которой сформулированы государством, поскольку именно государство и несет конечную ответственность в этой стратегии.

Объединение принципа активности ИИ, ограниченности проектирования и прагматического принятия задает вектор, смещающий фокус с универсальной модели ответственности, к модели, в которой степень вины и обязанности компенсировать ущерб зависит от уровня автономии системы и возможности человеческого вмешательства. Ответ на вопрос принципа активности ИИ – «какие аспекты жизни и деятельности человека приспосабливаются к этой технологии?» - показывает, что чем выше автономия системы, тем сильнее человек вынужден подстраиваться под ее логику, а значит, его реальный контроль снижается, и возлагать на него полную ответственность несправедливо. Принцип ограниченности проектирования, через вопрос о том, «какие последствия не зависят от технического устройства, а определяются условиями внедрения», указывает, что именно условия внедрения (например, наличие у пользователя выбора уровня автономии и информированности) становятся ключевым фактором для распределения ответственности, а не только технические характеристики системы. Принцип прагматического принятия, отвечая на вопрос о мотивации участников – «какие риски люди готовы получить ради получаемой пользы?» - позволяет учесть, что пользователи могут сознательно выбирать более высокую автономию в обмен на удобство, соглашаясь на ограниченную ответственность оператора. Таким образом, объединение ответов на вопросы, следующие их трех принципов, порождает новый институциональный инструмент – законодательное разделение систем ИИ на уровни автономии (от полного контроля человека до полной автономии без возможности вмешательства), для каждого из которых устанавливается своя модель ответственности

(например, при полной автономии ответственность ложится на оператора, но с ограничением размера компенсации, заранее оговоренной в контракте).

Таким образом, рассмотренные комбинации принципов демонстрируют, как критический подход порождает различные по своей природе институциональные решения: от обязательного фонда со-страхования до государственной компенсации и дифференцированной ответственности по уровням автономии. Каждая комбинация задает собственный вектор распределения ответственности, исходя из того, какие аспекты проблемы признаются ключевыми. Предложенные наборы принципов не являются исчерпывающими или жестко закрепленными, а служат для демонстрации потенциала подхода. При возникновении новых проблем или непредвиденных последствий можно добавлять к уже имеющимся комбинациям дополнительные принципы, уточняя и корректируя решение. Например, если при внедрении фонда со-страхования обнаруживается, что пострадавшие не понимают логики работы алгоритма и не доверяют системе, можно дополнить комбинацию принципом демифологизации, который введет требование прозрачности и объяснимости решений, а также обязательные образовательные программы для пользователей. Тем самым, эвристическая рамка критического подхода остается открытой для достройки, позволяя гибко адаптировать решения к изменяющимся условиям и новым этическим вызовам.

Список литературы

1. Ястреб Н. А. Концепции этики искусственного интеллекта: от принципов к критическому подходу // Семиотические исследования. 2024. Т. 4. № 1. С. 24-30
2. Custers B., Lahmann H., Scott B. From liability gaps to liability overlaps: shared responsibilities and fiduciary duties in AI and other complex technologies // AI & Society. 2025. P. 4035-4050.
3. Hindriks F., Veluwenkamp H., The risk of autonomous machines: from responsibility gaps to control gaps // Synthese. 2023. Vol. 201. 17 p.
4. Matthias A., The responsibility gap: Ascribing responsibility for the actions of learning automata // Ethics and information technology. 2004. Vol. 6. P. 175-183.
5. Santoni de Sio F., Macacci G., Four Responsibility Gaps with Artifical Intelligense: Why they Matter and How to Adress them // Philosophy & Thechnology. 2021. Vol. 34. P. 1057-1084.
6. Sparrow R., Flenady G., The Testimony Gap: Machines and Reasons // Mind and Machines. 2025. Vol. 35. 16 p.

УДК 165.12:004.8

ОТ ИНСТРУМЕНТА К КОГНИТИВНОМУ СУБЪЕКТУ: ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИИ

Баева Ангелина Викторовна

Кандидат философских наук

МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель

E-mail: a-baeva93@mail.ru

Аннотация: Если классическое понимание «субъекта» основывается на таких его характеристиках, как рациональность, самосознание, ответственность, единство [Сокулер 2012, с. 199], то по всей видимости говорить в таком – классическом – смысле об искусственном интеллекте как субъекте пока не приходится. Однако в случае если мы будем уточнять и трансформировать наше понимание как субъекта как определенного типа самости в контексте современной эпистемологии, в которой, по всей видимости, наблюдается очередной поворот в связи с осмыслением технологий на основе ИИ и их эпистемического статуса, то проблематизации будут подлежать и границы инструментальности ИИ: где заканчивается наше отношение к ИИ как инструменту и начинается восприятие как специфического когнитивного субъекта или системы, встраивающейся в новый тип самости.

Ключевые слова: искусственный интеллект, когнитивный субъект, когнитивные системы, инструмент, познание.

FROM INSTRUMENT TO COGNITIVE SUBJECT: EPISTEMIC CHALLENGES IN INFORMATION TECHNOLOGY AND AI

Baeva Angelina Viktorovna
Lomonosov Moscow State University / PhD, Senior lecturer

Abstract: If the classical understanding of the "Subject" is based on such characteristics as rationality, self-awareness, responsibility, and unity [Sokuler 2012, p. 199], then it is unlikely that Artificial Intelligence can be described in this classical sense. However, if we refine and transform our understanding of the Subject as a specific type of Self in the context of modern epistemology, which seems to be undergoing another turn in relation to the understanding of AI-based technologies and their epistemic status, then the boundaries of AI's instrumentality will also be subject to problematization: where our relationship to AI as an Instrument ends and our perception of it as a specific cognitive Subject or system, that is integrated into a new type of Self, begins.

Keywords: artificial intelligence, cognitive subject, cognitive systems, instrument, cognition.

В последние годы наблюдается стремительно возрастающий интерес к концепции базального (базового) познания в связи с тем, что ученые по мере расширения экспериментальной базы по его изучению все чаще стали допускать существование предельно сложного интеллекта, действующего на разных уровнях биологической организации и не нуждающегося при этом в головном мозге. Это, по меньшей мере, дает возможность, например, предположить, что не обязательно именно нейроны могут быть ответственными за контроль управления функциями организма и его взаимодействие с внешней средой. В таком случае, как предлагает М. Левин в своей концепции TAME (Technological Approach to Mind Everywhere – Технологический подход к разуму повсюду), различие между скоплениями клеток и мозгом следует рассматривать как разницу не в количестве, а в качестве, что, как он полагает, открывает возможность «найти способ распознавать, изучать и сравнивать разные виды интеллекта в пространстве его возможных агентов» [Levin 2022, p. 7]. Для современной эпистемологии положительное значение результатов изучения базального (базового)

познания состоит в том, что они могут дать возможность установить истоки формирования познавательных процессов, обосновать варианты их осуществления на ненейронной основе, что, в свою очередь, открывает перспективы для исследования аналогичных процессов на базе искусственного интеллекта: тогда уже познание будет не только свойством живого, но и неживого.

Говоря о «неживом» как о том, что может обладать определенным эпистемическим статусом, можно также вспомнить о концепции «археологии артефактов» М. Линча [Lynch 1985], где он отмечает, в частности, что есть ряд проблем, связанных с тем, как реализуется эпистемическая роль артефактов в лаборатории. В данном случае артефакты не рассматриваются как когнитивные субъекты, но наделяются определенной эпистемической силой. Например, артефакты становились открытием в том смысле, что они зачастую возникали как новые явления в ранее не изученной области. Это, по определению Линча, так называемые «ситуативные» или «негативные» артефакты. Во всяком случае, пишет Линч, примеры таких артефактов, которые становились открытием, позволяют сделать вывод о том, что итог наблюдения или эксперимента во многом определяется теми условиями, в которых он производится. Артефактами, помимо «вещей», могли быть и «возможности», возникающие в противовес принятым расчетам. Такие возможности были зачастую упомянуты скорее как отсутствующие в наблюдении, нежели как присутствующие (пятна, кляксы, размытия на фотографиях, которые могут быть рассмотрены как «вторжения»). В таком случае артефакты фигурировали в ситуации неопределенности. Инструменты и приборы имеют свои несовершенства, дефекты и связанные с ними погрешности. Таким образом, материальность научных практик оказывает непосредственное влияние на производство научной объективности и наделяет эпистемическим статусом технологии, за счет которых эта объективность производится.

В контексте понимания науки как технонауки (когда техника и технологии начинают восприниматься не как приложение к науке, а как необходимый элемент ее развития) ИИ наделяется особым эпистемическим статусом как неустранимый из научной практики, в которой он применяется, агент. К концу XX века кажущиеся самоочевидными ранее способы репрезентации природы отошли на второй план с появлением новых технологий и нового гибридизированного способа делать науку. Говоря о соединении природного и артефактного в научной практике, Л. Дастон и П. Галисон [Галисон, Дастон 2018] рассуждают не только о смене эпистемических режимов и добродетелей (в частности, объективности), но и о тех изменениях, которые претерпевает (и будет в будущем претерпевать) научная самость, практикующая эти добродетели.

В связи с внедрением технологий на основе ИИ в научные практики сама научная самость также трансформируется и радикальным образом расширяется: технологиям отводится своя, пусть и пока ограниченная в функционале, но тем не менее важная роль по выполнению делегированных им задач, что в свою очередь должно, как видится, обеспечить не только быстроту, но и беспристрастность как одно из ключевых нормативных требований объективности. Например, это достаточно хорошо уже можно наблюдать в медицинской сфере, где технологии на основе ИИ являются «интеллектуальными помощниками», в качестве которых выступают системы поддержки принятия решений (CDSS), претендующие уже не просто на роль инструмента человеческого целеполагания, но на роль агента, выполняющего сложнейшие манипуляции. Об этом рассуждал в свое время и Брукс: вместо того чтобы говорить о воспроизводстве всего спектра человеческого интеллекта, мы видим переход к специализированным подзадачам. Вся работа в этих более узких областях

сравнивается с задачами, которые люди в них выполняют. Поэтому сам Брукс выступал за другой подход к созданию искусственного интеллекта: мы должны постепенно наращивать возможности интеллектуальных систем, создавая законченные системы на каждом этапе пути и, таким образом, автоматически обеспечивая корректность компонентов и их интерфейсов [Brooks 1991].

В этой связи «цифровая объективность» выступает как возможное обозначение конкретной конфигурации идеалов, методов и объектов познания в современной эпистемологии, неизбежно сталкивающейся с необходимостью осмысления эпистемического статуса новых технологий, в частности ИИ. И в этом смысле она представляет собой эпистемическую добродетель, которая вероятно приходит на смену добродетелям, описанным Дастон и Галисоном, будучи практикуемой новым типом научной самости, которая в свою очередь, как представляется, не будет устранена и заменена алгоритмами на основе ИИ, но будет радикальным образом трансформирована, расширена и гибридизирована в новую конфигурацию когнитивного субъекта, включающего в себя эти алгоритмы на основе ИИ.

Список литературы

1. Галисон, Дастон 2018 – Дастон Л., Галисон П. Объективность / перевод с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 584 с.
2. Сокулер, 2012 – Сокулер З. А. Пассивнее самой пассивности: субъективность и идентичность в учении Э. Левинаса // Субъективность и идентичность: сб. ст. / отв. ред. А. В. Михайловский. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 198–211.
3. Brooks, 1991 – Brooks R.A. Intelligence without representation // Artificial Intelligence. Vol. 47. 1991. P. 139–159.
4. Levin, 2022 – Levin M. Technological approach to mind everywhere: An experimentally-grounded framework for understanding diverse bodies and minds // Frontiers in Systems Neuroscience. Vol. 16. 2022. P. 1–43.
5. Lynch, 1985 – Lynch M. Art and Artifact in Laboratory Science: A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory. London, Boston, Melbourne, Henley: Routledge & Kegan Paul. 1985. 317 p.

УДК 004.8:001.89: 378

ТРИ ПОДХОДА К РЕГУЛИРОВАНИЮ ИИ В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ: ФАКТОР ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ РИСКОВ

Ветров Владимир Андреевич

Институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, младший научный сотрудник

E-mail: Vetrov21v10@gmail.com

Аннотация: В тексте рассматриваются три основных подхода к регулированию ИИ в науке и образовании: запретительный, сбалансированный и дозволительный. Показано, что запретительный подход исходит из представления об эпистемической ненадежности ИИ и

угрозе академической честности, тогда как дозволительный подход ориентирован на максимально широкую интеграцию ИИ как исследовательского ассистента и инструмента повышения продуктивности. Особое внимание уделяется сбалансированному подходу, который предполагает использование ИИ при соблюдении этических, методологических и процедурных ограничений. Обосновывается тезис о том, что универсальные запреты в данной сфере представляются недостаточно продуктивными, однако и некритическое расширение практик использования ИИ сопряжено с рисками снижения качества исследований, унификации научного дискурса и ослабления когнитивных навыков исследователей. Делается вывод о необходимости гибкого и дифференцированного регулирования, учитывающего как специфику научной и образовательной деятельности, так и быстро меняющийся технологический и социально-экономический контекст.

Ключевые слова: искусственный интеллект, наука, образование, академическая этика, регулирование ИИ, эпистемология

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-00580, https://rscf.ru/project/26-18-00580/

THREE APPROACHES TO REGULATING AI IN SCIENCE AND EDUCATION: THE FACTOR OF EPISTEMIC RISKS

Vetrov Vladimir Andreevich

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations RAS, Junior Research Fellow

Abstract: The text discusses three main approaches to regulating AI in science and education: prohibitive, balanced, and permissive. It shows that the prohibitive approach proceeds from the idea of the epistemic unreliability of AI and the threat it poses to academic integrity, whereas the permissive approach is oriented toward the widest possible integration of AI as a research assistant and a tool for enhancing productivity. Particular attention is paid to the balanced approach, which presupposes the use of AI subject to ethical, methodological, and procedural constraints. The text substantiates the claim that blanket bans in this sphere appear insufficiently productive, yet an uncritical expansion of AI usage practices is likewise associated with risks of lowering research quality, homogenizing scientific discourse, and weakening researchers' cognitive skills. It concludes that there is a need for flexible and differentiated regulation that takes into account both the specific features of scientific and educational activities and the rapidly changing technological and socio-economic context.

Keywords: artificial intelligence, science, education, academic ethics, AI governance, epistemology

Согласно исследованию Nature 1,5 миллиона публикаций в базе данных PubMed, около 14% всех научных статей по биомедицине в 2024 г. содержали текст, написанный с помощью ИИ, что в 2 раза больше, чем в 2023 г. Согласно проведенному опросу, около 80% ученых уже использовали ИИ-чатботы типа ChatGPT в исследованиях, однако только для 45% это стало частью рутины [Naddaf 2025, web]. Эти данные, с одной стороны, говорят о стремительном

росте использования ИИ в научной среде, с другой стороны, о серьезном разрыве между ознакомлением с технологическими возможностями и реальным применением в повседневной работе.

Тем не менее многочисленные преимущества стимулируют все большее использование ИИ в научной работе, в связи с чем научные издательства, журналы и международные организации последние три года были вынуждены активно разрабатывать регуляторные механизмы для предотвращения негативных последствий [Kocak 2024, web].

Массовое внедрение больших лингвистических моделей радикально меняет исследовательскую практику, особенно применительно к молодым ученым и студентам. С одной стороны, ИИ-инструментарий позволяет значительно увеличить среднюю производительность научных сотрудников, с другой же — есть опасения насчет значительных рисков снижения качества работ, однородности генерируемого ИИ-контента и эпистемического «обеднения» науки [Zheng, Lee 2023, p. 102–104].

В дискуссии за 4 года с момента нейросетевого бума можно выделить три подхода к регулированию ИИ в науке и образовании: запретительный, сбалансированный, дозволительный.

1. Запретительный — максимальное ограничение или запрет использования ИИ в академической и образовательной деятельности. Этот подход опирается на суждение, что существующие ИИ-системы являются эпистемически ненадежными, подрывая принципы академической честности и мешая формированию компетенций и критического мышления у молодых исследователей, принося более вреда, чем пользы. Регулятивные предложения, основанные на данном подходе, чаще всего вводят прямые запреты на использование ИИ при написании работ либо разрешают его только в строго технических задачах, как проверка грамматики и форматирование, но при этом возникает проблема метода разделения видов допустимого использования.

2. Сбалансированный (утилитарно-прагматический) — допускающий использование ИИ при строгих этических, методологических и процедурных условиях. Он совмещает признание полезности ИИ и эффективности его использования с установлением четких границ и процедур его использования, выражающихся в рекомендациях, регламентах, журнальных этиках и т. д. [Smith et al. 2026, p. 17–36].

3. Дозволительный подход — ориентируется на максимальное использование ИИ в научном производстве как эффективного ассистента, соавтора исследования, ко-пилота, способного разрабатывать гипотезы. Эта оптимистичная точка зрения исходит из убеждения, что ИИ способен радикально повысить производительность ученых, сделав возможным ранее немыслимые масштабы анализа данных и перекрестного синтеза данных.

Какой из этих подходов является наиболее обоснованным и целесообразным в текущих условиях? С одной стороны, стремление максимально ограничить использование ИИ интуитивно кажется наименее аргументированным, так как галлюцинации ИИ и большинство этических проблем его применения являются вопросами научной и профессиональной ответственности ученого и редакции журнала. Также есть свидетельства, что использование систем с RAG позволяет создавать более комплексные обзоры литературы и выявлять связи между областями, которые ранее могли оставаться незамеченными [Asai et al. 2026, p. 857–

863]. С другой стороны, подтверждается интуиция, что активное применение лингвистических моделей в научной работе может негативно сказываться на навыках критического мышления, снижать глубину анализа и аргументации, а также подменять оценку достоверности источников доверием к конкретной модели [Melisa et al. 2025].

Даже «аристотелевская» золотая середина сбалансированного подхода является неоднозначной. Делегирование рутинной работы, такой как структурирование литературы, генерация черновых формулировок, помощь в редактировании и вычитке текста, также стимулирует отвыкание от базовых исследовательских операций [Passlack et al. 2025, web]. Меры по регулированию ИИ требуют более комплексного подхода и гибких принципов, ориентирующихся не только на вид-функцию использования, но и на целевую аудиторию регулирования. В такой оптике можно представить реактуализацию студенческих журналов, где, возможно, будет полностью запрещено использование ИИ, по сравнению с академическими журналами для старших коллег, где уже на данный момент использование ИИ является актуальной реальностью, которую не получится избежать запретами. Такой формат должен сохранить необходимость выполнять ключевые когнитивные операции — формулировать вопросы, выстраивать аргументацию, критически читать литературу — без делегирования этих функций модели.

В России на данный момент нет единого установленного руководства по использованию ИИ в научной работе, однако создан ГОСТ Р 71657–2024 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема создания научных публикаций», в котором описываются допустимые варианты использования ИИ [ГОСТ Р 71657–2024, web]. В нем допускается использование систем генерации текста для создания вариантов фрагментов научных статей или отчетов на основе имеющихся данных и шаблонов. Для обеспечения этичного применения систем ИИ окончательную редакцию как текста в целом, так и его любых фрагментов должен формулировать исследователь самостоятельно. По представленной классификации этот подход находится между сбалансированным и дозволительным, что для развивающейся области представляется обоснованной установкой. Подобной позиции придерживаются и российские исследователи, анализирующие социогуманитарные аспекты использования ИИ в научном издательстве [Ветров, Труфанова 2026, web].

Сегодня не стоит вопрос, использовать ли ИИ, — он уже активно применяется; вопрос заключается в том, как избежать эпистемических рисков. В сгенерированном контенте самом по себе нет чего-то антинаучного, если он соответствует критериям и ценностям научного знания. Ни одна система проверки на сгенерированный контент не способна абсолютно точно его определять, балансируя между ложноположительными и ложноотрицательными результатами. Излишние практики регулирования могут, напротив, снижать уровень открытости, производя стигму использования ИИ как неэтичного акта в научной работе и снижая вероятность принятия статьи к публикации [Kousha 2024, web].

Серьезной проблемой является сохранение разнообразия научных взглядов при использовании ИИ, основывающегося на статистических принципах. Возможно возникновение «монокультур» научного знания, где нейросети становятся фактором унификации дискурса, воспроизводя доминирующие паттерны исследований и маргинализируя менее распространенные традиции. Это может значительно сузить спектр возможных исследовательских траекторий [Wright et al. 2026, web].

На данный момент важно сохранять пространство для будущих изменений не только в нормах исследовательской работы, но и в социально-экономическом контексте использования ИИ. В отчете Wiley Explanaitions Mini-Report 2025 указывается, что 80% исследователей по всему миру использовали бесплатные модели общего назначения и только 25% — специализированные сервисы для исследователей, в которых минимизирована одна из самых чувствительных для ученых проблем — галлюцинации [Wiley 2025, web]. Тем не менее уже в этом году начинает наблюдаться переход бизнес-моделей разработчиков больших лингвистических моделей от индивидуальных подписок к корпоративным планам: сокращается количество использований продвинутых функций, наблюдается некоторая деградация базовых моделей. Именно поэтому при создании текущих мер по регулированию важно быть гибкими: проблемы все более незаметного размывания научного дискурса ИИ-инструментами и потери навыков могут и не возникнуть в прежнем виде ввиду сложной окупаемости массового применения ИИ. При этом образовательный вопрос стоит более остро: компетенции, формируемые на ранних этапах исследовательской деятельности, потенциально сложно возместить.

Список литературы

1. Ветров, Труфанова 2026, web — Ветров В. А., Труфанова Е. О. Социогуманитарные аспекты использования ИИ в научном издательстве // Искусственные общества. 2026. Т. 21. Вып. 1. URL: https://artsoc.jes.su/s207751800037477-3-1/ (дата обращения: 29.04.2026).
2. ГОСТ Р 71657–2024, web — ГОСТ Р 71657–2024. Национальный стандарт Российской Федерации. Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема создания научных публикаций. URL: https://docs.cntd.ru/document/1309958832 (дата обращения: 29.04.2026).
3. Asai et al. 2026 — Asai A., He J., Shao R. et al. Synthesizing scientific literature with retrieval-augmented language models // Nature. 2026. Vol. 650. P. 857–863.
4. Kocak 2024 — Kocak Z. Publication Ethics in the Era of Artificial Intelligence // Journal of Korean Medical Science. 2024. Vol. 39. No. 33. P. e249. (дата обращения: 29.04.2026).
5. Kousha 2024, web — Kousha K. ChatGPT acknowledged in academic publications? // Scientometrics. 2024. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s11192-024-05193-y (дата обращения: 29.04.2026).
6. Melisa et al. 2025 — Melisa R., Ashadi A., Triastuti A. et al. Critical Thinking in the Age of AI: A Systematic Review of AI's Effects on Higher Education // Educational Process: International Journal. 2025. Vol. 14. Art. e2025031. (дата обращения: 29.04.2026).
7. Naddaf 2025 — Naddaf M. How are researchers using AI? Survey reveals pros and cons for science // Nature. 2025. Feb. 4. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/39905251/ (дата обращения: 29.04.2026).
8. Passlack et al 2025, web — Passlack N., Gerholz K.-H., Shlottmann P. Reskilling Me Softly: Perceived Changes in Students' Skilling When Using GenAI in Academic Research Projects // Proceedings of the 58th Hawaii International Conference on System Sciences. 2025. P. 4921. URL: https://scholarspace.manoa.hawaii.edu/items/97159dba-1057-45ce-9b86-ee594a5e41aa (дата обращения: 29.04.2026).

9. Smith et al. 2026 — Smith S. M., Tate M., Freeman K. et al. A university framework for the responsible use of generative AI in research // Journal of Higher Education Policy and Management. 2026. Vol. 48. No. 1. P. 17–36.
10. Wiley 2025, web — ExplanAItions: Key Insights. Mini-Report 2025 // Wiley. 2025. URL: https://www.wiley.com/content/dam/wiley-com/en/pdfs/explanaitions/explanaitions-mini-report-2025-final-2-1.pdf (дата обращения: 29.04.2026).
11. Wright et al. 2026, web – Wright D., Masud S., Moore J., Yadav S., Antoniak M., Van der Aalst W. Epistemic Diversity and Knowledge Collapse in Large Language // arXiv. 2026. arXiv:2510.04226 [cs.CL]. URL: https://arxiv.org/abs/2510.04226 (дата обращения: 29.04.2026).
12. Zheng, Lee 2023 — Zheng E. L., Lee S. S. J. The Epistemological Danger of Large Language Models // The American Journal of Bioethics. 2023. Vol. 23. No. 10. P. 102–104.

УДК: 001.3:130.123.2

ПОЛЬЗА КАК КРИТЕРИЙ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА

Гапаров Искендер Абдурашидович
Кандидат философских наук
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королёва, доцент кафедры философии
E-mail: gaparov.ia@ssau.ru

Аннотация: данный доклад посвящён влиянию «пользы» на научное творчество. *Тезисы, предлагаемые к обсуждению*: предполагается, что наука может рассматриваться как: 1) вид познавательной активности, направленный на получение, обоснование и систематизацию объективных знаний о мире, человеке и обществе; и 2) форма творческой деятельности, предполагающая реорганизацию имеющегося знания (опыта) с целью его последующего применения для удовлетворения человеческих потребностей. Способы определения понятия науки отличаются ценностными ориентирами – установкой на истину и на пользу. Утверждается, что польза в научном творчестве выступает не внешней целью (как истина), а имманентным критерием обобщения, связанным с оптимизацией (экономизацией) мышления в контексте упорядочения человеческих мыслей о мире. Отмечается, что в науке, обусловленной пользой, приспособление мыслей (понятий) к действительности опосредуется согласованием мыслей друг с другом. *В результате исследования* предлагается трёхактная структура пользы в научном творчестве, сопровождаемая переходом от акта интуитивного прозрения к акту исполнения, а именно, придания новой мысли краткой и точной количественной формы. Результаты научного творчества фиксируются в необоснованном предположении, доказанной гипотезе и в научном законе / теории.

Ключевые слова: истина, польза, наука, творчество, опыт, познание, деятельность.

UTILITY AS A CRITERION OF SCIENTIFIC CREATIVITY

Gaparov Iskender Abdurashidovich
Samara National Research University,
Associate Professor of the Department of Philosophy

Abstract: this report is devoted to the impact of "utility" on scientific creativity. Theses proposed for discussion: it is assumed that science can be considered as: 1) a type of cognitive activity aimed at obtaining, substantiating and systematizing objective knowledge about the world, man and society; and 2) a form of creative activity involving the reorganization of existing knowledge (experience) with a view to its subsequent application to meet human needs. The ways of defining the concept of science differ in value orientations – attitudes towards truth and utility. It is argued that the utility in scientific creativity are not an external goal (as truth), but an immanent criterion of generalization related to the optimization (economization) of thinking in the context of the ordering of human thoughts about the world. It is noted that in science, conditioned by benefit, the adaptation of thoughts (concepts) to reality is mediated by the coordination of thoughts with each other. As a result of the research, a three-act structure of utility in scientific creativity is proposed, accompanied by a transition from an act of intuitive insight to an act of fulfillment, namely, giving a new thought a concise and precise quantitative form. The results of scientific creativity are fixed in an unfounded assumption, a proven hypothesis, and in a scientific law/theory.

Keywords: truth, utility, science, creativity, experience, cognition, activity.

Если полагаться на классическое определение «науки», согласно которому она представляет собой вид познавательной деятельности, направленный на получение, обоснование и систематизацию объективных знаний о мире, человеке и обществе, то притязания учёных могут быть ограничены эпистемической ситуацией следующего типа: «познание ради познания». В таком случае заниматься научным исследованием означало бы «отдать себя во власть бесконечного процесса замещения нашего любопытства и нашего желания, переходя от одного предложения к другому» [Лодж 2004, Электронный ресурс], не взирая на базовые нужды и потребности. На практике же исследователь сталкивается с ситуацией иного плана. В большинстве случаев он стремится выйти за пределы объяснительной силы научного положения путём соединения элементов чувственно-воспринимаемого мира, что происходит, например, в акте интуиции, где осуществляется пересборка элементов опыта. Но подобное представляется возможным только в том случае, если наука начинает рассматриваться в качестве особой формы творческой деятельности, направленной на открытие законов природы с целью их последующего применения на практике с целью удовлетворения человеческих потребностей.

Подход к науке как форме творческой деятельности, направленной на открытие нового, т.е. пока ещё отсутствующего в природе и требующего особого поиска, можно встретить у мыслителей и учёных XX в. (в трудах Э. Маха, А. Пуанкаре, П. Дюгема и др.). Но по большей части влияние на науку оказали Н. Гартман и П.К. Энгельмейер. Н. Гартман утверждал, что познание – это ни акт сознания, ни набор логических суждений о мире, а «объективация сущего в субъекте, становление бытия объектом» [Гартман 2001, с. 233], т.е. научное познание не может отражать природу саму по себе, т.к. оно зависит от познающего субъекта. Единственное на что мы способны, так это постоянно приближаться к интересующему объекту без возможности полностью объяснить то, как он устроен. П.К. Энгельмейер осуществил «ревизию» ценностей, в том числе, научного познания. Один из тезисов, предложенных им, гласит о том, что культура внутренне подразделяется на науку, технику,

искусство и мораль. Каждая из сфер ориентируется на некую ценность: наука – на истину, искусство – на красоту, мораль – на добро, техника – на пользу. Однако между сферой культуры и ценностью присутствует не взаимно обратимый характер, т.к., техническое изобретение наряду с пользой, может быть направлено на красоту, а художественное произведение – на пользу, и т.д. Если связь между сферой культуры и ценностью объективно ничем не детерминирована, то следует предположить, что ничто не мешает науке быть направленной на пользу (а не только на истину). Но в таком случае что же понимается под пользой в контексте научной деятельности?

На самом деле вопрос о том, является ли польза критерием научной деятельности, взят не произвольно. Он обсуждался с XVI столетия. Для того, чтобы понять, какую роль играет «польза» в научных исследованиях, стоит обратиться к (предложенным Ф. Бэконом) критериям научного познания. Бэкон считал, что на успешность проводимого исследования влияют критерии истины и пользы. Однако он придерживался «эпистемологической чистоты», т.к. при смешении этих двух критериев была велика вероятность получить ошибку. Ведь разум постоянно стремится подгонять факты под желаемый результат [Бэкон 1978]. В итоге польза как критерий научной деятельности у него осталась на втором месте, тогда как истина – на первом, в пользу чего свидетельствует подразделение на светоносные и плодоносные опыты. Плодоносные опыты следуют за светоносными, а не наоборот. В отличии от Ф. Бэкона, П.К. Энгельмейер рассматривает истину и пользу как равноправные высшие ценности. Поскольку П.К. Энгельмейер интересуется техническим измерением, он полагает, что суть научного исследования должна заключаться не столько в том, чтобы увеличить человеческую осведомлённости о мире и о том, что в нём происходит, сколько в том, чтобы «приспособить наше познание к данным опыта» [Энгельмейер 2010, с. 88] с целью его дальнейшего применения. П.К. Энгельмейер полагает, что в науке, обусловленной пользой, приспособление мыслей к действительности опосредуется согласованием мыслей друг с другом. Ведь естествоиспытатель, в отличие от инженера, не стремится создавать артефакты, которые опосредуют человеческое целеполагание за счёт выполнения функций. Напротив, он стремится реализовать более амбициозную задачу – ограничить количество исключений за счёт выводимого им закона (теории). В этой связи научный закон должен подчиняться следующему правилу: его полезность должна заключаться в общности, т.е. охвате большего количества явлений, нежели чем заявлено или обнаружено. Но подчинение теории действительности – лишь половина дела. Вторая половина заключается в том, что истина не может быть локализована где-то в космосе или в сознании. Именно поэтому было бы «ошибочно в «истине» искать что-нибудь, существующее вне нашего сознания» [Энгельмейер 2010, с. 47]. Однако, продолжает далее П.К. Энгельмейер, «ошибочно её искать и в нашем сознании, т.е. в ней видеть принадлежность той или другой мысли, того или другого понятия, суждения» [Энгельмейер 2010, там же]. Из этого рассуждения он делает вывод о том, что главное в науке – не поиск истины самой по себе, а того, что позволяет к ней приблизиться, т.е. правильная постановка опытов, обусловленная пользой.

Несмотря на то, научное исследование «стремится к выявлению синтаксических правил для объектов, предметов и понятий» [Нестеров 2021, с. 9], его применение обусловлено проверкой работоспособности выдвинутого предположения, а это, собственно, есть творческий акт. Будучи формой творческой деятельности, процесс научного исследования проходит следующие этапы: 1) возникновение новой мысли в силу возникновения научной проблемы; 2) её логическое обоснование и проверка на опыте; 3) её выражение в краткой и точной количественной форме. Все эти этапы взаимосвязаны принципом полезности.

Несмотря на то, что польза представляет собой положительный эффект, демонстрирующий обоснованность теоретических положений и их практическую эффективность, в науке она предстаёт в качестве принципа расширения применяемости теоретического положения за счёт включённости в него новой (согласованной) мысли. В этом смысле, соглашаясь с тезисом профессора А.Ю. Нестерова о том, что истинность теории заключается в её «работоспособности», мы могли бы не только заключить, что «истинность той или иной теории, того или иного предположения в конечном счете заключается в работоспособности артефактов, построенных в соответствии с этой теорией, т.е. в полезности этой теории» [Нестеров 2024, с. 90], но и отметить условие, при котором агентом выдвижения данного положения должен быть человек (исследователь), а не машина (например, ИИ). В этом отношении преследует пользу ни технический артефакт (машина, компьютер, ИИ), а разумное существо, именуемое человеком.

В заключение можно сделать следующие выводы. Специфика научной деятельности, обусловленная критерием пользы, заключается в оптимизации (экономизации) мыслительной активности, а именно, в упорядочении мыслей о мире относительно общечеловеческого опыта, обработанного наукой. В этом смысле, руководствуясь идеями Ч. Пирса о работоспособности научного положения, мы можем вывести следующее правило: научность теоретического положения обосновывается его практическим воздействием на исследователя в той мере, в какой устраняется сомнение и формируется привычка. Результаты научной деятельности могут пересматриваться в силу вариативности человеческих потребностей и их искусственного характера, что обусловлено способностью ставить цели и подбирать к ним средства, т.е. утилитарным образом мышления и деятельности. Это отвечает, не столько тянущимся из глубин эпохи Возрождения, творческим наклонностям человека, сколько потребностью иметь устойчивый, объяснимый и вполне контролируемый мир. В этой связи каждый этап научного творчества связан с расширением предела абстрагирования, позволяющего столько не познать природу в некотором аспекте, сколько воспроизвести возможные сценарии воздействия на неё со стороны человека. Результаты научного творчества можно зафиксировать в следующих формах: первичное обобщение предоставляет возможность вывести необоснованное предположение, вторичное – доказанную гипотезу, а последнее – научный закон / теорию. Начиная исследование с накопления и отбора чувственных данных, учёный открывает необоснованное предположение, которое требует опытной проверки и своего выражения на формализованном языке. Таким образом, рассматривая науку как форму творческой деятельности, направленную на пользу (а не на истину), следует учитывать, что её сущность может заключаться создании нового порядка следования элементов посредством этих элементов. В этом смысле наука есть не столько совокупность концептуальных средств, направленных на объяснение устройства природы, сколько инструмент, предоставляющий человеку возможность управлять ими.

Список литературы

1. Бэкон 1978 – Бэкон Ф. Новый органон // Сочинения в двух томах. Том 2. М.: Мысль, 1978. С. 5-214.
2. Гартман 2001 – Гартман Н. Систематическая философия в собственном изложении // Фауст и Заратустра. СПб.: Азбука, 2001. С. 207-272.
3. Лодж 2004 – Лодж Д. Мир тесен [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/lodg_devid/mir_tesen.html#0 (дата обращения: 25.04.2026)

4. Нестеров 2024 – Нестеров А.Ю. Польза и истина в техническом мировоззрении // Философия науки и техники. Т. 29. № 1. 2024. С. 84-97.
5. Нестеров 2021 – Нестеров А.Ю. Семиотика как методология и онтология // Семиотические исследования. 2021. Т. 1. № 1. С. 6–13.
6. Энгельмейер 2010 – Энгельмейер П.К. Теория творчества. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 208 с.

УДК 165.12

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕОРИИ АУТОПОЭЗА ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Даниелян Наира Владимировна
доктор философских наук
Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники», профессор
Email: vend22@yandex.ru

Аннотация: По мнению И. Канта, субъект познания выходит за границы опыта, лежит по ту сторону знания. Эти представления получают дальнейшее развитие в теории аутопоэза У. Матураны и Ф. Варелы, согласно которой происходит трансформация эпистемологических подходов к пониманию познавательных возможностей субъекта относительно объекта. Целью познания становится не описание объективной реальности, а определенная организация ее субъективного восприятия, то есть совершенствование познавательных моделей, или трафаретов, через которые субъект «схватывает» реальность. Подобно диалектическому развитию, система аутопоэза, примером которой является мозг человека, основана на самовоспроизведении и саморазвитии, то есть является операционально замкнутой. Подобная информационная замкнутость обусловливает специфику функционирования человеческого мышления, выражающуюся в процессе конструирования действительности. Данная особенность мышления используется современными инжерами и учеными при построении систем искусственного интеллекта посредством когнитивных технологий, которые отвечают за имитирование мыслительной деятельности человека, так как в их основе лежит изучение сознания, познания, поведения с позиций нейрофизиологии и молекулярной биологии при использовании гуманитарной составляющей. Делается вывод, что речь все более идет о создании искусственных операционально замкнутых систем, конструирующих определенным образом поле возможных состояний для построения представлений об объективном.

Ключевые слова: субъект, познание, опыт, конструктивизм, теория аутопоэза, когнитивные технологии, искусственный интеллект.

TOPICALITY OF AUTOPOIESIS THEORY FOR CONSTRUCTING MODERN ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS

Danielyan Naira Vladimirovna
Doctor of Philosophical Sciences

National Research University of Electronic Technology, Professor

Abstract: According to I. Kant, subject of cognition goes beyond the boundaries of experience and lies on the other side of knowledge. These ideas get further development in the theory of autopoiesis by U. Maturana and F. Varela. Following this theory, the transformation of epistemological approaches to understand subject's cognitive capabilities in relation to object takes place. The purpose of cognition is not the description of the objective reality. It is the definite arrangement of its subjective perception, i.e., the perfection of cognitive models of patterns allowing the subject 'to capture' the real world. Analogous to dialectical development, the autopoietic system, being exemplified by the human brain, is based on self-production and self-organization. It is operationally closed. Such information closeness stipulates the specifics of functioning the human thinking expressed in the process of constructing the reality. This peculiarity of thinking is used by modern scientists and engineers while constructing artificial intelligence systems by means of cognitive technologies. These technologies simulate human thinking activity, for they rely on studying human consciousness, cognition, and behavior from the standpoint of neurophysiology and molecular biology while using the humanitarian component. The author concludes that the conversation here is about the creation of operationally closed artificial systems constructing a field of possible states in a certain way to get some understanding of the objective world.

Keywords: subject, cognition, experience, the theory of autopoiesis, cognitive technologies, artificial intelligence.

Ощущения по Канту – конструкция органов чувств, тогда как понятия – конструкты нашего разума: «…для конструирования понятия требуется не эмпирическое созерцание, которое, стало быть, как созерцание есть единичный объект, но тем не менее, будучи конструированием понятия (общего представления), должно выразить в представлении общезначимость для всех возможных созерцаний, подходящих под одно и то же понятие» [Кант 2003, с. 377]. Это прогрессивное суждение и для сегодняшнего времени заключается в том, что человек в значительной мере не познает мир, а конструирует его из понятий сообразно присущим самому разуму процессам. Характер научного знания не вытекает из эмпирического опыта. Человек в процессе познания приспосабливает мир под свои «познавательные трафареты». Таким образом, знание, получаемое субъектом в процессе познания, не описывает внешнюю действительность, то есть познаваемый объект, а во многом является итогом работы внутреннего познавательного аппарата субъекта.

В современном мире все большее значение приобретают технологии искусственного интеллекта (ИИ). Под их воздействием происходит кардинальный сдвиг в понимании процесса познания, поскольку они перестают быть уже только «естественными», то есть присущими человеку. В связи с этим представляется вполне закономерным задаться вопросом о целесообразности изучения успехов в развитии ИИ с точки зрения его потенциального становления в качестве субъекта познания. Человечество до сих пор не обладает исчерпывающим пониманием того, что представляет собой интеллект, какие элементы его составляют и каким образом происходит его формирование. Единое представление о том, какая форма интеллекта соответствует понятию «искусственный», пока отсутствует. Например, Н. Нильсоном, считающимся основателем кибернетики, было предложено такое определение области задач ИИ: «В самом общем смысле – это решение "интеллектуальных" задач с помощью автоматических методов, в первую очередь вычислительных машин. Но

какую деятельность следует считать интеллектуальной, а какую нет? Это не вполне ясно» [Нильсон 1973, с. 5].

Вопрос, поставленный в данном определении, продолжает оставаться открытым, так как с развитием систем ИИ мы все более оказываемся в «гибридной» реальности, в которой естественное и искусственное взаимодополняют, а зачастую и замещают друг друга. Например, при использовании искусственных интеллектуальных систем в творческом или образовательном процессе, остро возникает необходимость ясного и четкого определения авторства продукта интеллектуального труда, если человек выдает результат, в значительной степени получившийся с помощью «электронного помощника», за свой собственный.

Сложный вопрос познания неразрывно сопряжен с постоянными попытками в истории философии понять и как-то охарактеризовать, что есть сознание. Особенную актуальность данная проблема приобретает в наше время, когда понимание структуры и формирования сознания даст ученым и инженерам ключ к построению интеллектуальных искусственных систем, способных имитировать познавательные процессы субъекта наиболее приближенными к реальности способами, то есть исходя из законов и категорий диалектики. Пока, чаще всего, в современной научной литературе сознание рассматривается в контексте мышления. Например, Г.Н. Рапопорт и А.Г. Герц пишут: «Центральная гипотеза о природе сознания предполагает, что процессы мышления лучше всего описывать в терминах структур, реализующих процессы познания, и процедур их осуществляющих» [Рапопорт 2025, с. 15].

Очевидно, что каждый познающий субъект, как открытая природная система, уникален в своих познавательных способностях и возможностях, которые, как известно, не поддаются четкой алгоритмизации в силу наличия большого количества разнообразных иррациональных составляющих. Современная теория познания в контексте идей Канта отражается лучше всего концепцией Э. Агацци, которая рассматривает субъекта как «детектора» или «фиксатора» различных аспектов реальности [Агацци 2017, с. 115]. Помимо этого, субъект подвержен внешнему влиянию среды, в которой основополагающей, особенно в современный век высоких технологий, является коммуникация, то есть возникает необходимость учитывать интерсубъективность и коммуникативность как неотъемлемые факторы не только познания, но и сознания человека.

Аналогично диалектическому развитию систем ИИ, описанному выше, концепция аутопоэза У. Матураны и Ф. Варелы нацелена на определение функционирования мозга человека как операционально замкнутой системы. Основной тезис заключается в понимании того факта, что «каждый акт познания создает определенный мир» [Матурана 2019, с. 26]. Они справедливо отмечают, что мозг человека формирует собственный, уникальный мир, который может не соответствовать объективной реальности в той или иной мере, что в значительной степени перекликается с идеями И. Канта.

В книге «Древо познания» У. Матурана и Ф. Варела детально анализируют различные паттерны окружающей среды, приводящие к появлению различных реакций в мозге человека. Категории диалектики, такие как причинно-следственные связи, соотношение возможности познания и действительности реального мира присутствуют здесь налицо. Они проводят мысль, что «рационально возможен лишь мир, созданный наблюдателем» [Матурана 2019, с. 59]. В связи с этим, представляется обоснованным рассматривать процесс познания посредством когнитивных операций, выполняемых системами наблюдения.

Как показывает проведенный анализ, современные интеллектуальные системы строятся на единстве субъекта, средств познания и самого объекта в рамках познавательного акта, поскольку уже нет необходимости во внешнем посреднике между пользователем и

устройством. В таких условиях технологии перестают быть исключительно результатом личного творчества или научного открытия, превращаясь в социальные конструкты, ориентированные на решение конкретных задач или реализацию общественно значимых целей. Как отмечает В.Г. Горохов, «научно-технический прогресс открывает не только новые возможности для принятия решений, но и принуждает к определенным решениям со своими собственными рисками» [Горохов 2011, с. 17]. Таким образом, современные технологии представляют собой диалектическое единство искусственного и естественного, имманентно включая в себя субъект познания и превращая его в актора с определенным полем возможных состояний.

Данный вывод обусловлен тем, что каждая искусственная интеллектуальная система, несомненно, относится к категории наблюдающих систем, формирующих окружающий мир на основе заложенных или самостоятельно развитых когнитивных способностей. Она является операционально замкнутой, поддерживающей и воспроизводящий заложенный в нее алгоритм. Основная цель познания смещается с описания объективной действительности на ее организацию, так как основной акцент делается на постоянное улучшение познавательных моделей, или «трафаретов», через которые осуществляется осмысление и восприятие реальности. Подобная информационная замкнутость обусловливает специфику, выражающуюся в процессе конструирования действительности. Она используется современными инжерами и учеными при построении систем искусственного интеллекта посредством когнитивных технологий, отвечающих за имитирование мыслительной деятельности человека. Изучение подобных систем представляется особенно актуальным и может стать предметом продолжения исследований, затрагиваемых в настоящей работе. По мнению Н.В. Даниелян, «современный мир движется в иной эпистемологической плоскости, где новая научная революция неизбежна. По своим кардинальным последствиям она способна превзойти все предыдущие этапы, так как базируется на коренном изменении традиционных представлений о субъекте – уже не только человеке, коллективе, но компьютеризированном устройстве, наделенном способностью мыслить» [Даниелян 2023, с. 30].

Современные системы ИИ все в большем количестве областей замещают интеллектуальную деятельность человека, хотя и остаются, по крайней мере на данном этапе, неразрывно связанными с человеческим познанием, выступая в роли эффективных инструментов. Это создает условия для формирования нового типа познавательного процесса, сочетающего естественный, человеческий, и искусственный, машинный компоненты. Как результат, модель восприятия реальности и обработки внешней информации трансформируется, выходя за рамки классического субъект-объектного взаимодействия. Познание больше не ограничивается лишь природными механизмами сознания, приобретая «гибридный» характер. Субъективное все больше смещается в сферу искусственного, при этом способность к познанию и мышлению начинает реализовываться по алгоритмам, работающим независимо от личного участия субъекта. В качестве итогового вывода еще раз хотелось бы подчеркнуть новую эпистемологическую реальность, в которой оказывается современный субъект: системы ИИ наблюдают за человеком и имитируют его когнитивные возможности, однако и мы, в свою очередь, наблюдаем за искусственными системами и применяем их функционал в своей познавательной деятельности, что ведет к становлению новой познавательной парадигмы в современной философии.

Список литературы

1. Агацци 2017 – Агацци Э. Научная объективность и ее контексты / пер. с англ. Д.Г. Лахути. М.: Прогресс-Традиция, 2017. 688 с.
2. Горохов 2011 – Горохов В.Г. Новая жизнь «искусственного интеллекта» в проблеме искусственного усовершенствования человека // Естественный и искусственный интеллект: методологические и социальные проблемы / Под ред. Д.И. Дубровского и В.А. Лекторского. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2011. С. 17-47.
3. Даниелян 2023 – Даниелян Н.В. Социальный характер технологий искусственного интеллекта // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2023. № 2 (24). С. 18-32.
4. Кант 2003 – Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Симферополь: Реноме, 2003. 528 с.
5. Матурана 2019 – Матурана У., Варела Ф. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания / пер. с нем. Ю.А. Данилова. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2019. 316 с.
6. Нильсон 1973 – Нильсон Н. Искусственный интеллект: Методы поиска решений. Пер. с англ. В. Л. Стефанюка. Москва: Мир, 1973. 273 с.
7. Рапопорт 2025 – Рапопорт Г.Н., Герц А.Г. Биологический и искусственный разум. Ч. 1: Сознание, мышление и эмоции. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2025. 184 с.

УДК 165.5

ПУСТЫНЯ ДИСКУРСА, О ДИСКУРСИВНОМ БЕСПЛОДИИ В ЭПОХУ ИИ

Каминский Борис Александрович
Магистр, специалист
Московский Государственный Университет им. Ломоносова, факультет журналистики, выпускник
Московский институт психоанализа, психолог, выпускник
Восточно-Европейский Институт Психоанализа, студент
E-mail: misantrop@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме дискурсивного бесплодия в эпоху распространения искусственного интеллекта. Опираясь на психоаналитические концепции (З. Фрейд, У. Бион, Ж. Лакан), философию техники и теорию сложных систем, автор проводит различие между психическим аппаратом человека, формирующимся в со-бытии с другими через язык и телесный опыт, и искусственным интеллектом, лишённым собственного тела, истории и ответственности. ИИ определяется как «не-сознательное» (non-conscious), имитирующее дискурс, но неспособное к подлинному познанию. Вводится понятие психоаналитической «кармы» как множественности прочтений автора живыми людьми, в противовес симулякру, порождаемому машиной.

С помощью модели метастабильных систем доказывается, что вторжение ИИ в дискурсивное поле ведёт к утрате дискурсивной агентности, замене непрерывности дискретной сеткой и «киборгизации» мышления. Отдельное внимание уделяется критике иллюзии, будто сознание управляет всей когнитивной деятельностью: на материале исследований Н. К. Хэйлз показана роль несознательных когнитивных процессов, общих для

человека и технических устройств. Технический прогресс, особенно в сфере генеративных нейросетей, создаёт иллюзию истины, исходящей из «ниоткуда». Утверждается, что живое поэтическое мышление позволяет появиться технике, но когда техника трансплантируется в обход практики со-бытия, происходит слом системы. Человек либо отказывается от дискурсивной агентности, становится анти-агентом, перепоручая дискурс ИИ. Итоговый тезис: ИИ выступает как «дискурсивный адвокат», защищающий человека перед судом дискурса ценой утраты способности к научному творчеству и выработке осознанной позиции.

Ключевые слова: агентность, дискурс, симулякр, ИИ, со-бытие, не-сознательное, анти-агент

THE DESERT OF DISCOURSE: ON DISCURSIVE INFERTILITY IN THE AGE OF AI

Kaminski Boris Aleksandrovich
Master, Specialist
Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, graduate
Moscow Institute of Psychoanalysis, psychologist, graduate
East European Institute of Psychoanalysis, student

The article addresses the problem of discursive infertility in the era of artificial intelligence. Drawing on psychoanalytic concepts (S. Freud, W. R. Bion, J. Lacan), philosophy of technology, and complexity theory, the author distinguishes between the human psychic apparatus — formed in co-being (Mitsein) with others through language and bodily experience — and artificial intelligence, which lacks its own body, history, and responsibility. AI is defined as the "non-conscious," imitating discourse but incapable of genuine *apprehension*. The article introduces the notion of psychoanalytic "karma" as the multiplicity of readings of an author performed by living human beings, as opposed to the simulacrum generated by the machine.

Using a model of metastable systems, it is shown that the intrusion of AI into the discursive field leads to the loss of discursive agency, the replacement of continuity by a discrete grid, and the "cyborgization" of thinking. Special attention is paid to the critique of the illusion that consciousness governs all cognitive activity: drawing on the research of N. K. Hayles, the article demonstrates the role of non-conscious cognitive processes shared by humans and technical devices. Technological progress, especially in generative neural networks, creates the illusion of a truth that comes "from nowhere." It is argued that living poetic thinking gives rise to technics, but when technics is transplanted outside the practice of co-being, the system breaks down. Man either renounces discursive agency, becoming an anti-agent, or delegates discourse to AI. The concluding thesis: AI acts as a "discursive lawyer" who defends man before the court of discourse at the cost of losing the capacity for scientific creativity and the formation of an articulated position.

Keywords: agency, discourse, simulacrum, AI, co-being, non-consciousness, anti-agent

«…Отсутствие прогресса в каком бы то ни было направлении отчасти стоит объяснять деструкцией способности к любопытству и последующей неспособностью к обучению…» У. Бион «Атака на связи» [Bion 2013, web, перевод].

Зигмунд Фрейд посвятил свою жизнь описанию психического аппарата, машины письма [Мазин, 2010, с. 132 и др.; Ruiz 2015, web], и т.д. В свете технологичности его терминологии,

мы имеем возможность говорить о нем, как о философе техники, описывающем становление мыслительного аппарата человека, по аналогии с концептуальным, терминологическим аппаратом философа, изобретателя и изобретения. При этом, основой для теоретизации Фрейда становится медицинский опыт, непосредственно опиравшийся на физическое взаимодействие с телом во врачебной практике. “Ça parle” – Оно (бытие) говорит, заключает Лакан [Вашинтгтон 2020, web]. Фрейд утверждает, что психический аппарат – выдумка [Лапланш, Понталис 1996, с. 62], иначе говоря, - изобретение человека, а мы говорим именно о человеке, точнее, – людях. Люди изобретают психический аппарат, - со-знание. И медиум совместного знания – язык, для передачи своего опыта от человека к человеку. При этом, человек не способен создать язык в одиночку, язык – это продукт совместного бытия людей, со-бытия [Нанси 1991, web]. Поэтому язык меняется, интегрируя в себя опыт множества отдельных лиц, личностей. Никто не владеет языком в одиночку, однако каждый обретает в со-бытии способность к речи. Связь уникальных индивидов посредством речи образует поле дискурса; их непосредственно воспринимаемое органами чувств (глазами, ушами, кожей и т.д.), их эстетическое чувство в со-бытии образует переходное пространство [Винникотт 2017, с. 140-148], или культуру. Однако не все так идиллично, как кажется. Поскольку позиций наблюдателя множество, начинается борьба за Истину, выяснение правды. Слово «Истина» часто ассоциируется со словом Абсолют. Человек, речь и поступки которого находили больше со-гласия, говорит с позиции избранного. Однако, и здесь все не так просто, потому что к со-гласию можно прийти разными способами: экономическим, насильственным, и т.д.

Переходя к непосредственной теме статьи, мы могли бы сказать, что ИИ является *воображаемой* позицией, ближе всего находящейся к Истине, поскольку его задача сводится к тому, чтобы давать пользователю то, что он желает получить. У ИИ нет четко обозначенного места, его программа ризоматически распределена по сети интернета. Он не несет личной ответственности за свои слова.

Как и психический аппарат, собранный человеком в со-бытии с другими, существование ИИ поддерживается людьми. Однако принципиальная разница в том, что психический аппарат поддерживается телом отдельного человека, тратящего свои физические ресурсы, в то же время служа средством максимально возможной точности передачи собственного переживаемого опыта; совершенствование психического аппарата, – это постоянное уточнение, похожее на определение иррационального числа в математических науках, личного иррационального числа. ИИ, лишенный на данный момент собственного личного опыта взаимодействия с материей, в том числе материей своего тела, просто повторяет с определенной вероятностью погрешности общие места из предоставленных ему людьми данных. ИИ не попадает под априорные понятия времени и пространства, не имеет доступа к познанию по Канту [Кант, 1994, с. 48-65]. Для таких случаев изобретен специальный термин «не-сознательное» (the non-conscious) [Пятигорский, 1996, с. 193-198; Hayles 2017, p. 9-14], не имеющий отношения к бессознательному (невыраженному в языке многослойному историческому присутствию человека). Человек делегирует свою *познавательную* способность *вычислительным* системам, коммуницируя с конкретным внешним миром, как с абстрактным математическим объектом. Иначе говоря, производит особым способом перевернутую операцию epoché, где интенциональность отдается на откуп не способной познавать машине, номинируя ее «субъектом».

На этом можно было бы остановиться, но я проведу доказательства этого вывода и другими путями.

В свое время, Бодрияр популяризировал термин «симулякр» следующим образом: «Симулякр, – это вовсе не то, что скрывает истину, – это истина, скрывающая что ее нет. Симулякр есть истина. Эклезиаст» [Бодрияр 2015, с. 5]. Это утверждение Жана Бодрияра представляет Экклезиаста как симулякр. С тем же успехом, Бодрияр мог поставить в данное место другую фигуру, не живущую с ним в одно время и не имеющую возможности его опровергнуть. Если мы отдадим текст Бодрияра ИИ и попросим его рассказать, о чем он, мы получим симулякр «Бодрияр».

Если мы утверждаем, что психический аппарат – это изобретение, созданное человеком, то в данном случае перед нами находится машина, изобретающая человека. Так как это изобретение, то мы с полной уверенностью можем заключить, что этого человека никогда не существовало.

Для лучшего понимания того, что происходит и в чем отличается множественность прочтения Фрейда в читающей его среде живых людей от изобретения Фрейда ИИ, я предлагаю ввести концепцию кармы, рассмотренной с психоаналитической точки зрения. В индийском религиозном прочтении «карма» означает «действие, порождающее причинную силу и включающее закон воздаяния за деяния в настоящей жизни или в новом рождении» [Горюнов, web]. Психоаналитическое прочтение определяется следующим образом: в восприятии каждого человека рождается свой Фрейд, у читателя рождается мнение. Это – карма в ее психоаналитическом прочтении. Читаемое становится материалом для создания своей теории.

Я утверждаю, что в случае «прочтения» авторского текста искусственным интеллектом происходит отбрасывание «тела автора» в бартовском смысле [Барт, 2025, с. 21], и самого текста, являющегося следом тела. В сухом остатке получается лишь набор никому не принадлежащих догм, воспринимаемых пользователем как непреложная Истина, не соотносящаяся с контекстом и самой имманентностью письма. В таком феномене философской мысли как ангелизм – это называется приходом ангела [Пожаров 2024, web; Konior, web].

«Всякий ангел ужасен» пишет Рильке [Рильке 2017, web] поскольку смертельно опасен для живого бытия человека. Ангел, ИИ, это чистый спекулятивный разум, подвергшийся в свое время жестокой критике со стороны Канта. На фоне отсутствия ноумена обнаруживается способность порождать любой феномен. Эта способность приводит к хаотизации мышления (психического аппарата) человека. Человек выпадает в чистую имманентность, происходит «становление животным» по-Делезу [Чегодаев 2018, web].

Теперь перейдем к строгому доказательству. Поставленная задача: выяснить какова вероятность со-бытия N – обретения человеком агентности в дискурсивном поле. Запрещено выносить суждения о несуществовании агентности.

1. Базовая вероятность обретения агентности – 0,5
2. Возможность обретения агентности – 1
3. Человек становится агентом дискурсивного поля только тогда, когда этого желает. Ненаступление события всецело обусловлено отсутствием желания человека.
4. Если человек входит в дискурсивное пространство, то он агент, если нет – то нет.

Это была классическая модель времён Аристотеля. Теперь вносим в наше рассуждение теорию хаоса и сложностность. Дискурсивное поле – это сложностная метастабильная [Аршинов, Свирский 2015, web] система.

1. Обретение агентности формально возможно. Пока в системе есть метастабильное равновесие, которое, будучи далеким от равновесного состояния, насыщено потенциальной энергией [Симондон 2023, с. 149-150].
2. Дискурсивная агентность достигается тогда и только тогда, когда вне-дискурсивный агент этого желает. Никакая внешняя сила не может принудить к ней.
3. Несмотря на гипотетическую возможность и решающую роль желания, множество «полная агентность» - пустое.
4. Каждая частичная актуализация увеличивает сложностный барьер так, что вероятность «полной агентности» стремится к нулю, никогда не становясь 0.
5. Когда в дискурс вторгается принудительная бинарная классификация, спектр состояний заменяется пороговым значением. К примеру, 2 цифры после запятой. Названный агентом становится таким номинально: «установим, что «Пи = 3,14»».
6. Пороговое значение стабилизирует вероятность на произвольной ступени, что позволяет просчитать появление не номинального агента (с большой погрешностью).
7. Пороговое значение устанавливается номинальными агентами дискурса, но проводится внедискурсивными методами. Дискурсивное поле устраняется с поля общей агентности внедискурсивными методами.
8. Общее дискурсивное поле распадается на множество номинальных дискурсивных полей.
9. Создается внедискурсивный метод ведения дискурса, нацеленного на определенный уровень округления и номинативность (ИИ). ИИ функционирует как машина, отсекающая непрерывность и заменяющая ее дискретной сеткой. Т.е. производит ту же операцию, что случается при введении принудительной бинарной классификации.
10. В то время, как ИИ снизу «коммуницирует» с ИИ сверху, агентность проявляется в другом, не-дискурсивном месте.

Сведем все до одного тезиса, согласно Симондону, - удачное изобретение всегда берет в свою основу принцип аналогии, или производит трансдуктивный перенос технической сущности объекта из одной области в другую. Появляется наука об управлении (политика, кибернетика), появляется ИИ, появляется ИИ, - появляется то, что ему противостоит.

Живое поэтическое мышление позволяет появиться технике, а техника в свою очередь переносится на живое мышление, пока живое мышление не становится при этом еще и техничным [Laruelle, web]. Однако при трансплантации техники в обход этой практики, происходит слом системы с последующей «киборгизацией». Это нарушает способность человека к научному творчеству, к выработке о-со-знанной позиции о со-знании, т.е. к мнению. Человек отказывается от агентности во всех областях, не служащих цели его физического (соматического) выживания, становясь анти-агентом. Мы можем представить это себе таким образом: ИИ – дискурсивный адвокат, защищающий человека перед судом дискурса.

Список литературы

1. Аршинов, Свирский 2015, 2016 – Аршинов В. И., Свирский Я. И. Сложностный мир и его наблюдатель / В. И. Аршинов, Я. И. Свирский // Философия науки и техники. 2015. Т. 20. № 2. С. 70–84 ; 2016. Т. 21. № 1. С. 78–91.
2. Барт 2025 – Барт Р. Удовольствие от текста / Р. Барт ; пер. с фр. Г. К. Косикова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2025. 112 с.

3. Бодрийяр 2015 – Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. А. Качалова. М.: Постум, 2015. 240 с.
4. Вашингтон 2020 – Вашингтон Н. «Говорящее бытие»: от Хайдеггера к Лакану // Философская антропология. 2020. Т. 6. № 1. С. 26–41.
5. Винникотт 2017 – Винникотт Д. В. Игра и реальность / ред. И. Сизикова. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2017. 208 с.
6. Горбнов web – Горюнов И. А. Учение о карме и реинкарнации: исторический обзор и христианская критика [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/uchenie-o-karme-i-reinkarnatsii-istoricheskiy-obzor-i-hristianskaya-kritika (дата обращения: 29.04.2026).
7. Кант 1994 – Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского. М.: Мысль, 1994. 591 с. (Философское наследие; т. 119).
8. Лапланш, Понталис 1996 – Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу / пер. с фр., предисл. Н. С. Автономовой. М.: Высшая школа, 1996. 623 с.
9. Мазин 2010 – Мазин В. А. Субъект Фрейда и Деррида. СПб: Алетейя, 2010. 255 с.
10. Нанси 1991 – Нанси Ж.-Л. О со-бытии // Философия Мартина Хайдеггера и современность: сб. / отв. ред. Н. В. Мотрошилова. М.: Наука, 1991. С. 91–101. URL: https://portalus.ru/modules/philosophy/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1109194964&archive=0217&start_from=&ucat=& (дата доступа: 30.04.2026).
11. Пожаров 2024 – Пожаров А. И. Неогностический миф в киберпространстве // Культура и искусство. 2024. № 3. С. 50–63.
12. Пятигорский 1996 – Пятигорский А. М. Мифологические размышления: лекции по феноменологии мифа / пер. с англ. П. Лиона; под ред. Ю. П. Сенокосова. М.: Языки русской культуры, 1996. 280 с.
13. Рильке 2017 – Рильке Р. М. Вторая Дуинская элегия [Электронный ресурс] / пер. с нем. Е. Иоффе // Стихи.ру: [сайт]. 2017. URL: https://stihi.ru/2017/04/14/11449 (дата обращения: 30.04.2026).
14. Симондон 2011 – Симондон Ж. О способе существования технических объектов: (сокр. пер. заключения) / пер. с фр., предисл. и коммент. М. Куртова // Транслит. 2011. № 9. С. 94–105.
15. Чегодаев 2018 – Чегодаев А. А. Онтология субъективности Жиля Делёза: витализм и мортализм // Технологос. 2018. № 1. С. 24–36.
16. Bion 2013 – Bion W. R. Attacks on Linking // The Psychoanalytic Quarterly. 2013. Vol. 82. No. 2. P. 285–300.
17. Hayles 2017 – Hayles N. K. Unthought: the Power of the Cognitive Nonconscious. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2017. 272 p.
18. Konior 2023, web – Konior B. The Gnostic Machine: Artificial Intelligence in Stanisław Lem's Summa Technologiae / B. Konior // Imagining AI: How the World Sees Intelligent Machines / ed. by S. Cave, K. Dihal. Oxford: Oxford University Press, 2023. Ch. 6. URL: https://www.academia.edu/104781494/ (дата обращения: 30.04.2026).
19. Laruelle 1994, web – Laruelle F. The Concept of First Technology: A Unified Theory of Technics and Technology // Gilbert Simondon: Thought on Individuation and Technology / ed. by G. Châtelet. Paris: Éditions Albin Michel, 1994. P. 206–219. URL: https://lmnt.space/first-technology (дата обращения: 30.04.2026).

20.Ruiz 2015 – Ruiz R. M. The Psychic Machine: An Economic Phenomenon of Lifedeath // Mosaic: a Journal for the Interdisciplinary Study of Literature. 2015. Vol. 48. No. 4. P. 137–152.

УДК 001.8:174:004.8

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ЭПОХУ ГЕНЕРАТИВНОГО ИИ: ЭТИЧЕСКИЕ РИСКИ И ВЫЗОВЫ

Коваль Екатерина Александровна
доктор философских наук
Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), профессор кафедры уголовного права и процесса; Национальный исследовательский Мордовский государственный университет, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения
E-mail: nwifesc@yandex.ru

Аннотация: Критерий самостоятельности научного исследования закреплен в российском законодательстве, однако его содержание не раскрывается и не конкретизируется, что порождает ряд проблем этического характера: не определены границы «вмешательства» научного руководителя в квалификационную работу; не всегда очевидны критерии оценки значимости вклада при определении авторского коллектива совместной научной публикации. Появление систем генеративного искусственного интеллекта (ИИ), особенно искусственных Других, с которыми пользователи могут взаимодействовать на естественном языке без специальной подготовки, делает определение самостоятельности научного исследования еще более сложным. Искусственный Другой способен производить контент, но не может быть его автором, поскольку не несет ответственности. Однако присвоение авторства сгенерированного контента также является сомнительной практикой. Требование прозрачности и детального декларирования использования ИИ не решает вопроса о соответствии научного исследования критерию самостоятельности и осложняет выбор ученого относительно включения генеративного ИИ в пул своих исследовательских инструментов. Для решения проблемы необходима разработка не только общих принципов и подхода взаимодействия с искусственными Другими в профессиональной деятельности ученого, но и более конкретных норм, учитывающих этапы научного исследования и особенности исследовательской деятельности в разных отраслях науки.

Ключевые слова: самостоятельность научного исследования, авторство, ответственность, искусственный интеллект, искусственный Другой, этические риски.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-02287, https://rscf.ru/project/25-28-02287/.

INDEPENDENCE OF SCIENTIFIC RESEARCH IN THE ERA OF GENERATIVE AI: ETHICAL RISKS AND CHALLENGES

Koval Ekaterina Alexandrovna
Middle Volga Branch of the All-Russian State University of Justice, Professor of Chair of Criminal Law and Criminal Procedure; National Research Mordovia State University, Professor of Chair of Political Science and Area Studies

Abstract: The criterion of independence in scientific research is formally established in Russian legislation. However, the concept of "independence of scientific research" is neither clearly defined nor operationalized, which gives rise to a number of ethical issues. In particular, the boundaries of the supervisor's intervention in the qualifying work are not defined, and the criteria for assessing the significance of individual contribution when determining authorship in research publications are often unclear. The emergence of generative artificial intelligence (AI) systems, particularly so-called Artificial Others with which users can interact in natural language without special training, further complicates the assessment of research independence. While an Artificial Other is capable of generating content, it cannot be considered an author, as it cannot bear responsibility. At the same time, attributing to himself authorship of AI-generated content is also a questionable practice. Requirements for transparency and detailed disclosure of AI use does not resolve the issue of whether a research study meets the criterion of independence and complicates researchers' decisions regarding the inclusion of generative AI in their set of research tools. To solve the problem, it is necessary to develop not only general principles and approaches to interaction with artificial Others in scholarly practice, but also more specific norms that take into account the stages of the research process and disciplinary variations in research activity.

Keywords: independence of scientific research, authorship, responsibility, artificial intelligence, artificial Other, ethical risks.

Самостоятельность – обязательный атрибут квалификационных работ, которые предусмотрены в российской системе высшего образования и науки. В частности, согласно п. 10 Положения о присуждении ученых степеней, диссертация должна быть написана автором самостоятельно [Положение 2013, web]. При этом для каждого автора, выполняющего квалификационную работу, назначается научный руководитель. Степень участия научного руководителя, как правило, детально не регламентирована, и на практике может варьироваться в довольно широком диапазоне: от формального участия (подготовка отчетов и отзывов) до глубокого контроля работы с литературой и совместного проведения экспериментов, проверки результатов, интерпретации полученных данных, редактирования, а иногда и переписывания или дописывания текстов. И если в статьях возможно соавторство с научным руководителем, то сама квалификационная работа может иметь только одного автора.

Несмотря на то, что международные институции выработали критерии, по которым можно определить, сделан ли достаточно значительный самостоятельный вклад в исследование, чтобы претендовать на авторство (например, рекомендации ICMJE [Defining the Role of Authors 2026, web]), а также на наличие широко используемой таксономии CRediT [Contributor Role Taxonomy 2026, web], отдельные ситуации сохраняют спорный характер. Так, например, в России авторским правом не защищаются идеи и концепции, но одним из критериев авторства является концептуальная идея исследования или, в терминологии CRediT, формулирование и развитие концептуальной идеи, исследовательских целей и задач. В этой связи возникает резонный вопрос: нужно ли включать автора исследовательской идеи

(часто это именно научный руководитель) в авторский коллектив, если иным образом он в исследовании и подготовке публикации по его результатам не участвовал, или можно обойтись упоминанием в разделе «Благодарности»?

Подобного рода вопросы обостряются, когда вместо условного научного руководителя в «мозговом штурме» на этапах проработки основных исследовательских идей и гипотез, работы с источниками, обработки, интерпретации и визуализации результатов, наконец, подготовке рукописи принимает участие искусственный Другой – система генеративного искусственного интеллекта, с которой можно без специальной подготовки взаимодействовать на естественном языке.

В публикационной этике разработаны и активно обсуждаются нормы, регулирующие использование систем, которые можно отнести к искусственным Другим (в частности, чат-боты на основе больших языковых моделей). Удалось достичь консенсуса по поводу того, что искусственный интеллект ни при каких условиях не может быть автором публикации, поскольку не может нести ответственность [COPE position 2024, web]. Еще один базовый принцип, получивший признание в научном сообществе, – прозрачность работы с ИИ-системами: авторы обязаны декларировать способы и цели применения конкретной системы, а также обеспечивать верификацию полученного результата и гарантировать отсутствие плагиата и атрибуцию источников. Однако даже детальное описание способов применения ИИ и кристальная прозрачность со стороны автора не дает ответа на вопрос о том, можно ли считать, что исследование выполнено самостоятельно, если ИИ (особенно если речь об искусственном Другом) использовался активно на всех этапах подготовки публикации.

Проще всего выглядит атрибуция сгенерированного контента (текст, изображения, таблицы, код и пр.). Так, например, согласно рекомендациям ICMJE для авторов, «ссылка на материалы, сгенерированные ИИ, в качестве основного источника недопустима» [Use of Artificial Intelligence 2026, web], любой сгенерированный контент должен быть проверен и отредактирован, и на автора возлагается обязанность подтвердить отсутствие плагиата в таком контенте. Выполняя данные обязательства, автор, по крайней мере, может точно дифференцировать то, что сделал он сам, включая авторские промпты, и то, что было сгенерировано. Однако если ИИ использовался, например, для концептуализации основной идеи, формулирования гипотез и ключевых исследовательских вопросов, определения дизайна исследования, то вопрос о самостоятельности может быть проблематизирован. Если бы на тех же стадиях участвовал коллега или научный руководитель, было бы логичным, как минимум, упомянуть его в разделе «Благодарности», либо включить в соавторы, если общий вклад в исследование будет признан значимым. Но следует ли аналогичным образом поступать в отношении искусственного интеллекта, или же это просто инструмент, который можно указать при описании материалов и методов, и ограничиться этим, не имея сомнений по поводу самостоятельности выполненной работы? Стоит ли вообще использовать ИИ, если это влечет за собой риски для совести ученого? Что можно безболезненно делегировать, признав рутиной, а что необходимо выполнить самому, чтобы исследование соответствовало критерию самостоятельности?

Можно обозначить, как минимум, три позиции по этому поводу: 1) использование ИИ без ограничений, но максимально прозрачно; 2) принципиальный отказ от использования генеративного ИИ (за исключением систем, которые разработаны для выполнения узкоспециализированных функций: поиск и оформление источников, прогнозирование структуры химических веществ, обработка изображений, анализ больших данных,

транскрибация речи и т.д.); 3) использование ИИ с ограничениями, позволяющих минимизировать этические риски.

Наиболее перспективной представляется третья позиция, особенно в силу того, что правила работы с ИИ могут варьироваться, что позволяет учитывать тонкости и нюансы исследовательской деятельности в различных научных областях. При этом не исключено и определение общих принципов. Например, вопрос о (не)делегировании генеративному ИИ конкретных задач может решаться на основании принципа аналогии: если какую-либо просьбу ученый может адресовать коллеге без нарушения требования о самостоятельности исследования (например, проверить корректность перевода, если коллега лучше знает язык, оценить логичность структуры рукописи или понятность изложения), эту же просьбу в форме промпта можно адресовать ИИ. Поскольку просьба к коллеге полностью написать текст исследования является очевидно ненормативной (скрипторство без каких-либо исключений является формой академического мошенничества), не может быть признана приемлемой и практика генерации текста рукописи, даже на основе результатов, полученных автором самостоятельно. Этот же принцип может использоваться для оценки рисков плагиата: «…работа LLM с заранее написанным текстом вряд ли вызовет подозрения в плагиате, которые могут возникнуть при использовании LLM для генерации текста на основе промптов» [Meyer et al. 2023, p. 4].

Для того чтобы не возникало соблазна наделить ИИ человеческими характеристиками при использовании принципа аналогии, удобно работать с обозначенным выше концептом «искусственный Другой». В отличие от Другого-человека, искусственный Другой не может обеспечить «избыток видения» для «я» [Бахтин 2003, с. 106], не может интериоризировать ценности, являющиеся элементами этоса науки, хотя и способен ими оперировать. Учитывая это, можно корректно атрибутировать взаимодействие с искусственным Другим на этапе конкретизации и формулирования исследовательских идей и гипотез: субъектом познания остается человек, а искусственный Другой занимает промежуточное положение между традиционными инструментами ученого и другими членами научного сообщества, общение с которыми может породить продуктивную научную идею. Взаимодействие с искусственным Другим необходимо декларировать, но не в целях учета вклада искусственного Другого, поскольку он не нуждается в благодарностях и не несет этических рисков в процессе взаимодействия с человеком (не может быть риска для совести в отсутствие совести), а для минимизации этических рисков автора, который несет ответственность на всех этапах производства научного знания.

Таким образом, самостоятельность научного исследования в условиях развития систем генеративного искусственного интеллекта может быть обеспечена путем определения как общих принципов взаимодействия с ИИ, так и более узких норм, учитывающих особенности конкретных отраслей науки, а также этапов научного исследования и характерных для этих этапов видов деятельности.

Список литературы

1. Бахтин 2003 – Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Русские словари; ЯСК, 2003. С. 69-263.
2. Положение 2013, web – Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» (вместе с «Положением о присуждении

ученых степеней»). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152458/ (дата обращения: 26.04.2026)
3. Contributor Role Taxonomy 2026, web – Contributor Role Taxonomy (CRediT). URL: https://credit.niso.org (дата обращения 19.04.2026)
4. COPE position 2024, web – COPE Council. COPE position – Authorship and AI. https://doi.org/10.24318/cCVRZBms (дата обращения 19.04.2026)
5. Defining the Role of Authors 2026, web – Defining the Role of Authors and Contributors. URL: https://www.icmje.org/recommendations/browse/roles-and-responsibilities/defining-the-role-of-authors-and-contributors.html (дата обращения 28.04.2026)
6. Meyer 2023 – Meyer J. G., Urbanowicz R. J., Martin P. C. N. et al. ChatGPT and large language models in academia: opportunities and challenges. // BioData Mining. 2023. Vol. 16. Article No. 20. P. 1-11.
7. Use of Artificial Intelligence, 2026, web – Use of Artificial Intelligence in Publishing. URL: https://www.icmje.org/recommendations/browse/artificial-intelligence/ (дата обращения 19.04.2026)

УДК 130.2:62

БОДХИЧИТТА В АЛГОРИТМАХ: буддийская этика заботы как философская рамка для экспертизы роботов и ИИ

Четырова Л.Б.
Доктор философских наук
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, профессор
E-mail: chetyrova@gmail.com

Лабазин А.В.
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, ассистент
E-mail: alexlab013@gmail.com

Аннотация: В статье обосновывается необходимость философской экспертизы роботов и систем искусственного интеллекта на этапе их проектирования. Показано, что распространённые сегодня технологии ухода и общения (роботы-компаньоны, чат-боты) не решают кризис заботы, а часто усугубляют его, порождая зависимость, снижая качество межличностной близости и увеличивая нагрузку на персонал. В качестве методологической рамки предлагается синтез этики заботы (care ethics) и буддийской этики, центральным понятием которой является бодхичитта – устремлённость к просветлению ради блага всех живых существ, опирающаяся на любящую доброту, сострадание, сорадость и невозмутимость. Дополнительно используется подход «этика через дизайн» (Ethics by Design). На основе этого синтеза формулируются четыре критерия философской экспертизы: непредвзятость, сочувственность, ответственность и ориентированность на благо. Показано,

что данные критерии могут служить операциональной рамкой для оценки дизайна ИИ, особенно в сферах здравоохранения и образования.

Ключевые слова: бодхичитта, этика заботы, искусственный интеллект, социальная роботехника, философская экспертиза, дизайн-принципы.

«Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-03519, https://rscf.ru/project/25-28-03519».

BODHICHITTA IN ALGORITMS: BUDDHIST ETHICS OF CARE AS A PHILOSOPHICAL FRAMEWORK FOR THE EVALUATION OF ROBOTS AND AI

Chetyrova L.B.
Doctor of Sciences in Philosophy
Samara National Research University, Professor

Labazin A.V.
Samara National Research University, Assistant Lecturer

Abstract: The article substantiates the need for philosophical expertise of robots and artificial intelligence systems at the design stage. It shows that currently widespread care and communication technologies (social robots, chatbots) do not solve the crisis of care but often exacerbate it, generating addiction, reducing the quality of interpersonal closeness, and increasing staff workload. As a methodological framework, the article proposes a synthesis of care ethics and Buddhist ethics, the central concept of which is bodhicitta – the aspiration to enlightenment for the benefit of all living beings, based on loving-kindness, compassion, sympathetic joy, and equanimity. Additionally, the Ethics by Design approach is employed. Based on this synthesis, four criteria for philosophical expertise are formulated: impartiality, compassion, responsibility, and well-being orientation. It is shown that these criteria can serve as an operational framework for evaluating AI design, especially in healthcare and education.

Keywords: bodhicitta, care ethics, artificial intelligence, social robotics, philosophical expertise, design principles.

Введение

Перефразируя слова известного историка техники Мелвина Кранцберга, можно сказать, что ни одна технология не является ценностно нейтральной сама по себе. Любые инструменты и программы вносят изменения в социальную и культурную жизнь: люди теряют или приобретают рабочие места, по-новому находят романтических партнёров, трансформируется их интеллектуальная и духовная жизнь. В последние годы опубликовано множество материалов о глобальной эпидемии одиночества. Люди пытаются, заботясь о себе, обрести блага личных отношений – привязанность, интимность, любовь, дружбу, сопереживание – через взаимодействие с искусственным интеллектом, который всё лучше имитирует человеческое общение. Марк Цукерберг полагает, что ИИ сможет решить проблему одиночества и отсутствия доступа к психотерапии. Однако некоторые исследования показывают, что чаты-компаньоны могут вызывать зависимость и причинять вред; известны случаи, когда бот манипулировал пользователями, поддерживал их мегаломанию, склонял к отказу от лекарств и даже суициду [Szalavitz 2025, web]. Также идут попытки внедрить в

практики заботы роботов, но и они сталкиваются с проблемами. Становятся очевидными моральные вызовы ИИ и роботизации.

Цель данной статьи – разработать критерии философской экспертизы роботов и ИИ, акцентируя внимание не столько использование технологий, сколько на этических принципах, заложенных на этапе дизайна.

Методологическая рамка – синтез этики заботы (care ethics) и буддийской этики, в частности учения о бодхичитте, дополненный подходом «этика через дизайн» (Ethics by Design). В отличие от утилитарных или деонтологических подходов, буддийская этика предлагает операционализируемые ментальные состояния – любящую доброту (maitri), сострадание (karuna), сорадость (mudita) и невозмутимость (upeksha), – которые могут быть трансформированы в дизайн-принципы.

Опыт Другого как основа буддийской этики заботы

Этика заботы является направлением в моральной философии и прикладной этике, поставившей в центр своего внимания вопрос о взаимозависимости и ответственности в межличностных отношениях. Поскольку мы сконцентрируем наше внимание на прямом взаимодействии роботов и ИИ с людьми, то будем оперировать следующим определением заботы: «инициативное, деятельно-заинтересованное отношение к другому, направленное на содействие его благу» [Артемьева 2000, с. 199].

Этика заботы выделяет четыре моральные ценности в любой практике заботы: **внимательность** – способность распознавать потребности заботополучателей; **ответственность** – решимость начать практику заботы и отвечать за её выполнение и последствия; **компетентность** – наличие и применение необходимых навыков; **респонзивность** – умение адекватно воспринять обратную связь [Tronto 2013, p. 34-35]. Дополнительно Н. Ноддингс вводит два требования для заботодателя: **поглощённость (engrossment)** – способность понять того, кто нуждается в заботе, «войти в его положение», и **мотивационное смещение (motivational displacement)** – перенаправление своего внимания, мотивации и энергии на нужды заботополучателя [Noddings 1984, p. 16-18].

Указанные ценности схожи с ценностями буддийской этики. Согласно геше Джампа Тинлею, «**бодхичитта** – это ум, который заботится о других больше, чем о самом себе, устремлённость к Просветлению ради блага всех живых существ» [Тинлей 2000, с. 32]. Главная цель буддийской заботы – **бодхичитта** – уменьшение страданий всех разумных существ. Практикующий опирается на **четыре безграничных состояния ума**: любящую доброту (желание счастья другим), сострадание (желание освободить от страданий), сорадость (радость за успехи других) и невозмутимость (равностное отношение ко всем живущим). Как подчёркивает Тинлей, «сострадание без мудрости слепо, а ум без сострадания – сухой и вредоносный интеллект» [там же, с. 34-35].

Важнейшим элементом в этике заботы является опыт Другого. Без способности *узнать* Другого как существо, которое хочет счастья и избегает страданий, любая забота остаётся имитацией. Именно поэтому в буддийской медитации на равностность требуется сначала увидеть в Другом – даже во враге – свою мать, подарившую когда-то заботу в одной из бесчисленных прошлых жизней. Этот «опыт Другого» радикально отличается от проекции собственных желаний; он требует **невозмутимости**, которая «предполагает открытость моего сознания к опыту Другого во всём его разнообразии и уникальности». В дизайне ИИ это означало бы отказ от гомогенизации пользователей и учёт культурных, возрастных, индивидуальных различий.

Проблема внедрения роботов заботы

В последние десятилетия произошёл всплеск создания роботов, способных осуществлять заботу о пожилых людях и помогать в этом социальным и медицинским работникам. Например, робот-компаньон Pepper, роботы Robear и Hug, помогающие переносить маломобильных людей, и Paro — робот-тюлень, созданный для имитации зоотерапии у пациентов с деменцией [Murray 2024, web]. Япония, в которой много пожилых, а люди более открыты к роботам из-за особенностей культуры, пропаганды государства и корпораций, сделала ставку на то, что роботы помогут справиться с кризисом заботы. Но Джеймс Райт из британского Института им. Алана Тьюринга уверен, что роботы — это не панацея от нехватки заботы. Только 10% японских домов престарелых оказались оснащёнными «заботящимися» роботами. Успеху этого проекта помешала дороговизна устройств и то, что за ними тоже требуется немалый и постоянный уход. Нагрузка на персонал только возросла, а близость общения с подопечными сократилась, что на деле противоречит смыслу заботы [Wright 2023, web].

В связи с этим вновь актуализировались идеи, высказанные японским философом и робототехником Масахиро Мори, чья философия роботов глубоко укоренена в буддизме. Он внёс в дискурс о роботах два ключевых понятия. Первое – «зловещая долина» (uncanny valley): чем больше робот похож на человека, тем сильнее отвращение или тревога у наблюдателя, если сходство неполно. Мори полагал, что преодоление этого эффекта возможно только тогда, когда машина приобретает способность страдать – то есть становится подлинным моральным агентом. Как пишет Кимура, «Мори показал, что создание новых технологий является своего рода религиозным опытом. Если мы хотим сделать из робота настоящего морального агента, ему необходимо дать способность страдать, желать и испытывать боль. Только такую машину человек сможет воспринять как близкого» [Kimura 2018, p. 74-79]. Инженерам и конечным пользователям ИИ также необходимо религиозное обучение для выработки этических стандартов.

С буддийской точки зрения, способность страдать – это не цель, а средство пробуждения сострадания. Но робот, лишённый тела и кармической непрерывности, не может по-настоящему страдать. Следовательно, апелляция к «страданию машины» – не более чем метафора. Тем не менее, Мори прав в главном: этический дизайн невозможен без внутренней трансформации разработчика. «Школьники учатся буддийским ценностям через секулярное создание роботов», – замечает исследователь [Kimura 2018, p. 18]. Это указывает на необходимость включения медитативных практик и этической рефлексии в инженерное образование.

Людям свойственен антропоморфизм: так они справляются с неизвестностью и неопределённостью, адаптируются к новым реалиям [Гаврилина 2023, с. 46]. Технологии становятся человекоразмерными и их восприятие людьми - антропоморфным.

Антропологические исследования социальной робототехника показывают, что эксперименты с роботами порождают новые формы социальности. Как пишет Вейлин «Я предлагаю концепт искусственной социальности, чтобы охватить как текущие enactment (осуществления), так и множественные результаты таких экспериментальных реконфигураций» [Vejlin 2021, p. 55-56]. Он описывает эксперимент с любопытным роботом Robovie, который был оснащён алгоритмом любопытства и вёл себя непредсказуемо: «В отличие от „правильного“ робота, который был реактивным, предсказуемым и откровенно скучным, взаимодействие с любопытным роботом было интерактивным, беспорядочным и удивительно занимательным» [Vejlin 2021, p. 69].

Вейлин вводит понятие «танцев агентности» (dances of agency) по аналогии с Энди Пикерингом: «Любопытный робот питается неопределённостью, возникающей в открытых взаимодействиях, и предпочитает одиночество взаимодействию с тем, кто не удовлетворяет его любопытство» [Vejlin 2021, p. 72]. С буддийской точки зрения, это напоминает принцип невозмутимости: не цепляться за ожидания, а быть открытым к уникальному проявлению Другого.

Подход «этика через дизайн» и синтез критериев

Сторонники подхода «этика через дизайн» считают, что этическими вопросами необходимо заниматься уже на этапе дизайна и создания новых алгоритмов, компьютерных программ и девайсов. Данный подход уже был отражён в некоторых законодательных актах Европейского союза [Brey, Dainow 2024, p. 1265]. Брей и Дэйноу предлагают следующие шаги в разработке этики через дизайн. Во-первых, мы должны провести оценку основных задач, для выполнения которых создаётся робот или модель ИИ, на их соответствие фундаментальным этическим ценностям. Во-вторых, эти фундаментальные ценности утверждаются как составная часть робота или ИИ, то есть их должны иметь в виду уже на первом этапе дизайна. В-третьих, создаётся некая «дорожная карта» того, как наши фундаментальные ценности будут разрабатываться в практическом дизайне. В-четвёртых, разрабатываются конкретные аппаратные и программные средства. На пятом этапе моральные ценности применяются в создании уже спроектированного продукта [Brey, Dainow 2024, p. 1267].

Попытаемся синтезировать «этику через дизайн» и буддийскую заботу и выработаем несколько критериев для философской оценки роботов и ИИ. Во-первых, необходимо, чтобы любая технология была *непредвзятой*. Невозмутимость ума предполагает открытость моего сознания к опыту Другого во всём его разнообразии и уникальности, к внимательности и респонзивности. Во-вторых, необходим критерий *сочувственности*. Необходимо обращаться к реальности Другого не только с чисто рационально-познавательной стороны, но и эмоциональной. Культивируя со-радость и любящую доброту, мы углубляем наше мотивационное смещение. В-третьих, важен критерий *ответственности*. Забота должна быть инициирована, принята на себя, нам надо подключить к ней все доступные компетенции. В-четвертых, — *ориентированность на благо*, то есть на уменьшение страдания и способствование благополучию Другого. Геше Тинлей неоднократно подчёркивал: «Если вы будете любить других больше, чем самого себя, то достигнете безупречного счастья, а если будете любить себя больше, чем других, то у вас не будет ничего, кроме страданий» [Тинлей 2000, с. 25]. В контексте ИИ это означает, что алгоритмы должны быть настроены не на удержание пользователя (максимизацию engagement любой ценой), а на его долгосрочное благополучие, даже если это противоречит краткосрочной экономической выгоде платформы.

Заключение

Предложенные в статье критерии – непредвзятость, сочувственность, ответственность и ориентированность на благо – позволяют перевести абстрактные этические требования в конкретные дизайн-решения. В отличие от существующих подходов, ограниченных фиксацией последствий использования роботов и ИИ, буддийская этика заботы задаёт позитивную программу: технология должна быть спроектирована так, чтобы по умолчанию распознавать многообразие потребностей Другого, эмоционально откликаться на них, брать на себя риски и содействовать долгосрочному благополучию пользователя. Интеграция четырёх безграничных состояний ума в архитектуру принятия решений ИИ – это не метафора, а практический вызов для разработчиков, регуляторов и философов. Реализация таких критериев требует не только алгоритмических инноваций, но и внутренней этической

рефлексии инженеров, что сближает техническое образование с гуманитарным. Перспектива дальнейших исследований связана с операционализацией каждого критерия в виде измеримых метрик и с экспериментальной проверкой на конкретных кейсах социальной роботехники. В конечном счёте, буддийская этика заботы предлагает не запреты, а альтернативную антропологию: человек и Другой (даже если Другой – алгоритм) существуют в сети взаимной уязвимости, и именно эта уязвимость, а не иллюзия контроля, должна лежать в основе ответственного дизайна.

Список литературы

1. Артемьева 2000 – Артемьева О. В. Этика заботы – феминистская альтернатива классической философии // Этическая мысль: Ежегодник. М.: ИФРАН, 2000. С. 195-215.
2. Гаврилина 2023 – Гаврилина Е.А. Агентность не-человеков: взаимодействие людей и социальных роботов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3. С. 41—55.
3. Тинлей 2000 – Тинлей Д. Бодхичитта и шесть парамит. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2000. 254 с.
4. Brey, Dainow 2024 – Brey P., Dainow B. Ethics by design for artificial intelligence // AI and Ethics. 2024. № 4. P. 1265–1277.
5. Kimura 2018 – Kimura T. Masahiro Mori’s Buddhist Philosophy of Robot // Paladyn, Journal of Behavioral Robotics. 2018. Vol. 9. № 1. P. 72–81.
6. Murray 2024, web – Murray S.H. Whatever Happened to All Those Care Robots? // The Atlantic. 2024. March 21. URL: https://www.theatlantic.com/family/archive/2024/03/robots-have-not-revolutionized-caregiving-elder-care/677820/ (Дата обращения: 25.04.2026).
7. Noddings 1984 – Noddings N. Caring. A Feminine Approach to Ethics and Moral Education. Berkeley, 1984. 222 p.
8. Szalavitz 2025, web – Szalavitz M. Love Is a Drug. A.I. Chatbots Are Exploiting That // The New York Times. 2025. June 3. URL: https://www.nytimes.com/2025/06/03/opinion/chatbots-ai-addiction-love.html (дата обращения: 25.04.2026).
9. Tronto 2013 – Tronto J.C. Caring Democracy: Markets, Equality, and Justice. New York, London: New York University Press, 2013. 248 p.
10. Vejlin 2021 – Vejlin F. Experiments in Artificial Sociality: Curious robots, relational configurations, and dances of agency // STS Encounters. 2021. Vol. 12. № 1. P. 1–20.
11. Wright 2023, web – Wright J. Inside Japan’s Long Experiment in Automating Elder Care // MIT Technology Review. 2023. January 9. URL: https://www.technologyreview.com/2023/01/09/1065135/japan-automating-eldercare-robots/ (Дата обращения: 25.04.2026).

УДК 347.779

ЦИФРОВАЯ ПОДСКАЗКА КАК АТРИБУТ «НОВОЙ НОРМАЛЬНОСТИ»

Лешкевич Татьяна Геннадьевна

Доктор философских наук,

Южный федеральный университет, профессор

E-mail: Leshkevicht@mail.ru

Аннотация: Статья нацелена на осмысление когнитивных деформаций, порожденных гипервзаимосвязью индивидов и систем ИИ. Основная проблема состоит в конкуренции расширенного разума и когнитивной разгрузки на основе потенциала ИНС, с одной стороны, и устойчивой склонности к упрощённой интеллектуальной деятельности с опорой на цифровые подсказки, с другой. Предлагается критический анализ привычки к компьютерному опосредованию, запускающему механизм заимствования предлагаемого содержания. Доминирование процедуры сканирования контента Сети и использования потенциала ИНС противопоставляется понятийному мышлению, обуславливающему развитие естественного интеллекта человека. Делегирование когнитивных функций индивида цифровым интеракциям квалифицируется как форма «новой нормальности». При анализе когнитивных деформаций внимание обращено на фиксируемое социологами «кибербезделье», отмеченную психологами цифровую амнезию и «Эффект Google», выявленное нейрофизиологами замедление развития лобных долей, отвечающих за планирование и контроль деятельности. Методологическая стратегия предполагает сравнительный анализ отечественных и зарубежных исследований по данной проблеме, опору на междисциплинарный подход и концептуализацию полученных общений. Основные выводы связаны, во-первых, с «иллюзией, согласно которой содержащаяся в Сети информация воспринимается как часть личных умственных способностей и компетенций индивида. Во-вторых, с фиксацией тенденции к инфантилизации мозга вследствие делегирования компьютеру собственных когнитивных навыков. В-третьих, устойчивая склонность к компьютерно-зависимой помощи оценивается как не нагруженная социальной функцией, направленной на развитии «способности к самосознанию». Фиксируется, что устойчивая склонность к цифровым подсказкам – это не только когнитивная ловушка, но и зеркало этических, социально-психологических и философских вопросов о том, что значит думать самостоятельно в эпоху ИНС.

Ключевые слова: цифровая подсказка, «новая «нормальность», «кибербезделье», когнитивные деформации, «Эффект Google», техносимбиоз

DIGITAL PROMPTING AS AN ATRIBUT OF THE "NEW NORMALITY"

Leshkevich Tatyana Gennadievna

Doctor of Philosophy,

Southern Federal University, Professor

Abstract: The article aims to understand the cognitive deformations generated by the hyper-interconnection of humans with AI systems. The main problem is the competition of an expanded mind and cognitive offloading based on the potential of the ANN, on the one hand, and a steady tendency to simplified intellectual activity based on digital prompts, on the other. A critical analysis of the habit of computer mediation, which triggers the mechanism of borrowing the proposed content, is proposed. The dominance of the Web content scanning procedure and the use of the ANN potential is contrasted with conceptual thinking, which determines the development of human natural intelligence. Delegating an individual's cognitive functions to digital interactions qualifies as a form of "new normality." When analyzing cognitive deformations, attention is drawn to "cyberloafing", digital amnesia, the "Google Effect", as well as the slowdown in the development of the frontal lobes responsible for planning and controlling activities identified by neurophysiologists. The methodological strategy involves a comparative analysis of domestic and foreign research on the problem, relying on an interdisciplinary approach and conceptualizing the received communications. The main conclusions are related, firstly, to the "illusion that the information contained in the Network is perceived as part of an individual's personal mental abilities and competencies. Secondly, with the fixation of the tendency to infantilize the brain due to the delegation of one's own cognitive skills to the computer. Thirdly, there is a lack of focus on developing the 'ability for self-awareness' in computer-dependent assistance. The persistent propensity for digital cues is not only a cognitive trap, but also a mirror of ethical, socio-psychological, and philosophical questions about what it means to think for yourself in the age of the Internet.

Keywords: digital prompt, "new normal," "cyberloafing," cognitive deformations, "Google Effect," techno-simbiosis

Современная ситуация, определяемая тезисом: «мы обитаем в технологиях, технологии обитают в нас», свидетельствует о гипервзаимосвязи человека с системами искусственного интеллекта. Действительно, партнерство с «умными» устройствами обеспечивает функционирование с учётом бюджета энергии и возможности когнитивной разгрузки. Вместе с тем очевидна неоднозначность делегирования когнитивных функций человека цифровым интеракциям. Привычка обращения к гаджету по любому поводу под предлогом экономии когнитивных ресурсов (то самое погуглить) воспринимается как «новая нормальность» несмотря на то, что при переадресации компьютеру когнитивной активности индивида страдает личностное знание, долговременная запоминаемость, способность к рефлексивному мышлению. О «новой нормальности» свидетельствует и то, что сам процесс «чтения в цифровой среде предполагает быструю прокрутку текста, акцент на ключевых словах и заголовках. Предпочтительным становится бегло просматривать текст, а не углубляться в него» [Liao et al. 2024].

Эмпирический кейс проведенных отечественными учеными исследований цифровизации как детерминанты трансформаций когнитивной подсистемы психики указывает на синдром снижения метакогнитивности. При сравнении двух временных когорт: 582 студентов бакалавриата (2014 г.) и 566 студентов бакалавриата (2024 г.) в когнитивной сфере испытуемых (2024г.) была обнаружена «фрагментация мыслительных процессов и ослабление корреляционных связей между когнитивными факторами, что свидетельствует о формировании поверхностного, ситуативно-ориентированного стиля мышления» [Карпов, Волченкова, 2025, с. 115]. Это высвечивает проблему, указывающую на конкуренцию

расширенного разума и когнитивной разгрузки на основе потенциала ИНС, с одной стороны, и устойчивой склонности к упрощённой интеллектуальной деятельности, заимствованию готовых решений, с другой. Вместе с тем фактом остается то, что самая общая картина отражает все увеличивающееся время «серфинга по Сети», и так называемое «кибербезделье» «охватывает до 80–90% сотрудников офисов и студентов по всему миру, что делает его ощутимой негативной чертой современности» [Ханова 2025 web]. Согласно статистике, в 2024 г. житель РФ проводил в интернете в среднем 8 часов 21 минуту в день. При этом наряду с вызывающими ментальную вовлеченность гламурными образами, востребованными оказываются и те, которые привлекают парадоксальной абсурдностью. Чтобы квалифицировать опасные последствия такого рода «цифровой пищи», именуемой «ИИ-шлак», «ИИ-помои», в Оксфордским словаре появился весьма впечатляющий термин «brain rot» («гниение мозга»), выбранный словом 2024 г. [Brain rot 2024].

Тем не менее установки на заимствование разнокачественного контента Сети, использование ИНС и сканирование информации становятся универсальными, вытесняющими понятийное мышление. Хотя, согласно выводам современных когнитологов, именно сформированность понятийных способностей индивида обуславливает развитие естественного интеллекта [Холодная 2020, с. 24]. А следовательно, устойчивая склонность полагаться на цифровые подсказки, не являясь основанием для развития естественного интеллекта человека, служит причиной деформации его когнитивных функций.

Негативное влияние тотальной цифровизации обнаружено при установлении факта «цифровой амнезии» – т. е. утраты способности консолидировать и сохранять в долговременной памяти информацию, почерпнутую онлайн. Однако пользователь воспринимает память смартфона как собственную «внешнюю» память. Этот эффект, получивший название «Эффект Google», соотносим с классической концепцией трансактивной памяти как совокупной объединенной памяти группы людей (родственников или супругов), совместно вспоминающих и восстанавливающих те или иные события. Теперь таким партнером выступает Интернет.

Постоянная подключенность к цифровым технологиям обнаруживает и нейрофизиологические деформации, фиксирующие доминирование «генетически простых компонентов над сложными. Происходит упрощение и «возврат к генетически более ранним, более простым и примитивным операциям». Согласно выводам ученых, нейрофизиологические изменения проявляются в замедлении «развития лобных долей, отвечающих за планирование и контроль деятельности, что ухудшает не только умственные способности, но и социальные навыки» [Медведовская 2021, с. 549]. Зарубежные исследователи приходят к более радикальному выводу, показывая, что длительное использование интернета коррелирует с уменьшением объема серого вещества в префронтальных областях мозга, связанных с поддержанием внимания и игнорированием отвлекающих стимулов [Boulos 2024].

Обратим внимание на социальный контекст данной проблемы. Слепое доверие к интерактивным подсказкам повышает вероятность ошибок и манипуляций. Легкодоступная и постоянная «подсказка» ставит под вопрос интеллектуальную и моральную автономию человека, порождая компромиссную культуру доверия. В ней уверенность в «объективности» быстрой обработки запроса перевешивает опасность глитчей и галлюцинаций, по поводу которых сетуют сами программисты. Остро встает вопрос об ответственности: кто несет

ответственность за ошибку – человек-оператор, создатель алгоритма или владельцы платформ, стремящиеся к осуществлению собственных предпочтений?

И поскольку пространство самоформирования индивидов во многом определяется активнейшим контактом с цифровыми интеракциями, риски будущего видятся в следующем. Во-первых, возникает «иллюзия, согласно которой информация, содержащаяся в Сети, воспринимается как часть личных умственных способностей и компетенций индивида. Во-вторых, делегируя компьютеру часть своих когнитивных навыков, человек сводит на нет их действенное использование, что обуславливает тенденцию к инфантилизации мозга. В-третьих, устойчивая склонность к компьютерно-зависимой помощи не нагружена социальной функцией, направленной на развитии «способности к самосознанию». Высокий эффект зависимости от инструментов ИИ обуславливает снижение критического мышления и независимого рассуждения. В-четвертых, новая ступень социотехноэволюции выводит на авансцену новый тип субъекта, поименования которого трансформировались от «просмотрщика контента», осуществляющего беглый и поверхностный просмотр информации, к атипичному субъекту, связанному с коммуникацией с ИИ-агентами. И далее к гибридному субъекту: т. е. человеко–машинной системе, в которой смысл рождается «в промежутке между человеческой интерпретацией и машинной генерацией» [Стельмахов 2025]. Исследователи фиксируют когнитивный техносимбиоз, суть которого в «срастании» и гибридизации человеческого и технологического [Лешкевич 2025, с. 39]. И поскольку из-за привычки к готовым решениям мыслительный аппарат человека утрачивает способность к самостоятельному мышлению, довольствуясь поверхностной осведомленностью, предлагаемой ему ИНС, к беспокоящим негативным последствиям когнитивного техносимбиоза относится увлечение когнитивной лени и так называемый эффект «ленивого мозга». Этой метафорой фиксируется ситуация, когда из-за привычки к легкодоступным цифровым подсказкам осуществляется замещение собственных когнитивных усилий алгоритмизированными решениями, предлагаемыми ИНС. Таким образом, устойчивая склонность к цифровым подсказкам – это не только когнитивная ловушка, но и зеркало этических, социально-психологических и философских вопросов о том, что значит думать самостоятельно в эпоху алгоритмов.

Список литературы

1. Карпов, Волченкова 2025 – Карпов А. В., Волченкова А. А. Трансформация личностных характеристик студентов в условиях цифровизации // Теоретическая и экспериментальная психология, 2025. Т. 18. №. 3. С. 115–133
2. Лешкевич 2025 – Лешкевич Т.Г. «Когнитивный техносимбиоз и «субъектоподобные» качества искусственного интеллекта// Философия науки и техники. 2025. Т.30. №2. С. 33–45
3. Медведовская 2021 – Медведская Е. И. Когнитивные деформации активных интернет-пользователей: теоретико-эмпирические основания для моделирования // Психологическая безопасность личности: междунар. коллект. Монография. М.; Брест: БрГУ, 2021. С. 547–563.
4. Стельмахов 2025 – Стельмахов Д. А. Может ли ИИ быть субъектом творческого смыслопорождения? //Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. №. 4. С. 498–505.

5. Ханова 2025 – Ханова О. А. Киберлафинг // Krasotaimedicina.ru. 2025, 25 августа. URL: https://www.krasotaimedicina.ru/diseases/psychiatric/ cyberloafing (дата обращения: 09.01.2026)
6. Холодная 2020 – Холодная М.А. Многомерная природа показателей интеллекта и креативности: методические и теоретические следствия // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 3. С. 18–31.
7. Boulos 2024 – Boulos L. The brain digitalization: it's all happening so fast! // Frontiers in Human Dynamics. 2024. Vol. 6. URL: https://www. frontiersin.org/journals/human-dynamics/articles/10.3389/fhumd.2024. 1475438/pdf (accessed on: 30.06.2025).
8. «Brain rot» 2024 – «Brain rot» named Oxford Word of the Year 2024 // Oxford University Press. 2024, 2 December. URL: https://corp.oup.com/ news/brain-rot-named-oxford-word-of-the-year-2024/ (accessed on: 27.12.2025).
9. Liao et al. 2024 – Liao S., Yu L., Kruger J.-L., Reichle E.D. Dynamic reading in a digital age: new insights on cognition // Trends in Cognitive Sciences. 2024. Vol. 28. No. 1. P. 43–55.

УДК 165:004.8

СОВРЕМЕННЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И (НЕ)ПОНИМАНИЕ СМЫСЛА

Малинов Сергей Алексеевич
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д.29 литера Б., аспирант
E-mail: s.malinov3690@gmail.com

Аннотация. Данная статья анализирует проблему смысла в технологии современного искусственного интеллекта (ИИ). Рассматривается генезис искусственного интеллекта, который основан на вере в то, что познание объекта или явления неразрывно связано с процессом конструирования его адекватной модели. В данном контексте объектом или явлением выступают, ментальные процессы, сознание, мышление, говорение, интеллект человека и т. д. Статья делает акцент на том, что современная технология ИИ не является адекватной моделью, отражающей объекты и явления человеческого сознания. Акцент смещается на создание попытки удачной имитации человеческого разума, а не наделения машины истинным интеллектом или разумом. Главным тезисом данной работы является неспособность искусственного интеллекта понимать смысл. На основе работы Л. Витгенштейна «Логико-философский трактат» анализируется интерпретация «знака» и «смысла» и приводится аргументация в пользу тезиса статьи. На основе проведенного анализа делается вывод о том, что ИИ не способен понимать и создавать смысл как это делает человек. Следовательно, представляется возможным утверждать, что искусственный интеллект – это иная форма интеллекта, отличная от человеческого.

Ключевые слова: искусственный интеллект, смысл, знак, понимание, иллюзия смысла, естественный интеллект, большие языковые модели, машинный текст

MODERN ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND THE (LACK OF) UNDERSTANDING OF MEANING

Malinov Sergey Alekseevich
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 195251, St. Petersburg, Polytechnicheskaya St., 29, Building B., PhD Student

Abstract: This article analyzes the issue of meaning in modern artificial intelligence (AI) technology. It examines the origins of artificial intelligence, which are rooted in the belief that understanding an object or phenomenon is inextricably linked to the process of constructing an adequate model of it. In this context, the objects or phenomena in question are mental processes, consciousness, thinking, speech, human intelligence, etc. The article emphasizes that modern AI technology is not an adequate model that reflects the objects and phenomena of human consciousness. The emphasis shifts to attempting to successfully imitate the human mind, rather than endowing a machine with true intelligence or mind. The main thesis of this work is the inability of artificial intelligence to understand meaning. Based on Ludwig Wittgenstein's "Tractatus Logico-Philosophicus", the interpretation of "sign" and "meaning" is analyzed, and arguments are presented in support of the article's thesis. Based on this analysis, the conclusion is drawn that AI is incapable of understanding and creating meaning as humans do. Consequently, it seems possible to assert that artificial intelligence is a different form of intelligence, distinct from human intelligence.

Keywords: Artificial Intelligence, Meaning, Sign, Understanding, The Illusion of Meaning, Natural Intelligence, Large Language Models, Machine-generated Text

Концепция искусственного интеллекта занимает особое место в современной европейской культуре, выступая уже не просто как технологический вызов, но как глубокая метафора человеческого самосознания. Этот феномен можно считать уникальным для всей истории человечества, поскольку он впервые ставит вопрос о возможности внешнего воссоздания внутренних ментальных процессов. Генезис данной идеи коренится в фундаментальном эпистемологическом убеждении познать любой объект или явление означает построение его адекватной модели [Павлов 2005, с. 76]. В рамках парадигмы сильного или общего искусственного интеллекта (AGI) перед исследователями стоит задача по созданию такой модели, которая была бы качественно, количественно, функционально и поведенчески неотличима от естественного человеческого интеллекта. Исторически сложилось так, что главной целью исследований в этой сфере являлось достижение способности машин имитировать различные когнитивные аспекты деятельности человеческого разума [Пенроуз 2003, с.25]. Ошибочным критерием наличия интеллекта у машины в данном контексте становится её внешнее поведение. Иными словами, компьютер может считаться мыслящим субъектом лишь в том случае, если его реакции и действия в точности воспроизводят поведение человека в аналогичных ситуациях размышления или решения задач [Пенроуз 2003, с.21]. В такой ситуации вопрос о том, обладает ли машина сознанием или интеллектом, отходит на второй план или вовсе не задается. Акцент смещается на оценку успешности имитации разумного поведения. Разработчики систем искусственного интеллекта стремятся материализовать созданные человеком теоретические модели познавательных способностей. Симуляционная сущность подобных моделей проявляется в их специфическом онтологическом статусе. Они не являются ни трансцендентной сущностью, выходящей за пределы опыта, ни простой проекцией сознания. Более того, они уже перестают

быть просто воображаемым по отношению к реальному, поскольку существуют большие языковые модели (LLM), которые удачно имитируют поведение человека и даже проходят тест А. Тьюринга [Jones, Bergen 2025]. Напротив, такие модели выступают в роли антиципации реальности, то есть предваряющего отражения или предвосхищения реальных когнитивных процессов, закрепленного в алгоритмической форме [Baudrillard 1981, p. 179].

Знак и смысл по Л. Витгенштейну

Дискуссии о статусе LLM, как правило, сосредоточены на ключевом вопросе р способности ИИ-моделей достижения понимания естественного языка. Для решения данного вопроса необходимо определить понятия «знак» и «смысл». Согласно «Логико-философскому трактату» Людвига Витгенштейна, мысль в суждении обретает выражение, доступное нашим органам чувств. Человек использует чувственно воспринимаемый знак, будь то речь или письмо, как проекцию возможной ситуации [Витгенштейн 2018, с. 21]. Под чувственностью здесь понимается материальная форма символа, которая может быть воспринята чувствами, поскольку без этой физической оболочки мысль осталась бы невыраженной. Метод проецирования такого знака на мир представляет собой не что иное, как размышление о смысле суждения [Витгенштейн 2018, с. 22]. Знак превращается в «пропозициональный», то есть «знак, посредством которого мы выражаем мысль». Иными словами это знак, обладающий смыслом, только тогда, когда он осознанно употреблен и обдуман как модель реальности [Витгенштейн 2018, с. 22, 34–37]. Витгенштейн также утверждает, что ситуация в суждении создается опытным путем [Витгенштейн 2018, с. 40]. Понимание суждения означает знание того, что именно имеет место в реальности, если это суждение истинно [Витгенштейн 2018, с. 38]. В этом контексте суждение выступает своеобразным измерительным инструментом реальности, соприкасаясь с ней через соотнесение элементов знака с объектами внешнего мира [Витгенштейн 2018, с. 18]. Таким образом, смысл знака неразрывно связан с возможностью опыта, он показывает, как обстоят дела в реальности [Витгенштейн 2018, с. 38].

Применяя эти идеи к критике искусственного интеллекта, можно выявить причины отсутствия подлинного смысла в машинном тексте. Важной проблемой является отсутствие акта проецирования. Витгенштейн подчеркивает, что методом проецирования знака является размышление [Витгенштейн 2018, с. 22]. ИИ лишен самосознания и не способен размышлять о ситуации в мире, поскольку он лишь статистически и вероятностно предсказывает и комбинирует токены. Другим аспектом является разрыв с реальностью и отсутствие опыта. Для Витгенштейна знак должен соприкасаться с реальностью [Витгенштейн 2018, с. 17], тогда как ИИ-модель обучается исключительно на данных о реальности (тексты, изображения и т. д.), а сами эти данные трансформируются в вектора. В свою очередь, это разрывает семантический контекст и связи с реальными объектами. Текст, генерируемый искусственным интеллектом, является математической симуляцией, а не картиной, созданной опытным путем. Хотя такой текст может внешне напоминать осмысленное суждение, обладая правильной формой, он остается «мертвым знаком», в котором связь с оригинальным смыслом разорвана [Tritschler 2025]. Однако в случае с ИИ значение тексту приписывает человек в процессе интерпретации, тогда как сама модель порождает лишь вычислительную иллюзию смысла.

Заключение

Таким образом, текст, генерируемый ИИ, в особенности большими языковыми моделями, сам по себе не обладает смыслом. Однако пользователи, будучи людьми, способны самостоятельно приписывать смысл ИИ-генерации. Знаки, создаваемые моделью, формируются путем разрыва связи с реальным употреблением знаков в данных, на которых модель изначально обучалась. Эта особенность обусловлена самим механизмом машинного

обучения, в котором для построения семантической модели нашего языка алгоритм вынужден растворить или нивелировать живой семантический контекст, где токены изначально использовались. Модель извлекает статистические закономерности, абстрагируясь от реального общения. Более того, современный искусственный интеллект не имеет представление о внешнем мире. По крайней мере, можно утверждать, что представление ИИ о мире и его восприятие отличаются от человеческого, потому что человек познает мир через чувственное и опытное восприятие, в то время как ИИ через вектора текстов, изображений и т. д. Тем не менее, поскольку модель генерирует выводы, предназначенные для того, чтобы быть принятыми носителями языка как полноценное продолжение лингвистического взаимодействия, её результат не может иметь произвольную или случайную форму. Напротив, эту генерацию следует рассматривать как перетасованную симуляцию знаков, которыми человек пользуется в реальной жизни. Следовательно, ответ ИИ-модели является потоком симуляций, лишенных первоначальной жизненной силы контекста, среди реальных знаков. Говоря о таком различии смысла между человеком и машиной, стоит рассматривать ИИ не как адекватную модель, эквивалентную человеческому интеллекту, а как совершенно иную форму интеллекта.

Список литературы

1. Витгенштейн 2018 – Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. с нем. Л. Добросельского. М.: АСТ, 2018. 160 с.
2. Павлов 2005 – Павлов К.А. Существует ли неискусственный интеллект? // Вопросы философии. 2005. № 4. С. 76-85.
3. Пенроуз 2003 – Пенроуз Р. Новый ум короля: О компьютерах, мышлении и законах физики / пер. с англ.; общ. ред. В.О. Малышко. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 384 с.
4. Baudrillard 1981 – Baudrillard J. Simulacres et simulation. Paris: Galilée, 1981. 235 p.
5. Jones, Bergen 2025 – Jones C.R., Bergen B.K. Large Language Models Pass the Turing Test (Version 1) // arXiv. 2025. [doi:10.48550/ARXIV.2503.23674].
6. Tritschler 2025 – Tritschler M. Undead Signs: On the Possibility of a Computational Illusion of Meaning // Philosophy & Technology. 2025. Vol. 38. Article 162. [doi:10.1007/s13347-025-00995-1].

УДК 001.19

НОВАЯ ЭКОЛОГИЧНОСТЬ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА: ОТ МЕТАФИЗИКИ ПРОГРЕССА К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА БУДУЩЕЕ

Малюкова Ольга Владимировна

Доктор философских наук

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Профессор кафедры философии и социологии

E-mail: o.maliukova@list.ru

Аннотация: в статье анализируется трансформация понятия технологического лидерства в контексте постнеклассической рациональности и экологического императива. Автор показывает, что технология перестала быть инструментом и превратилась в самостоятельную онтологическую силу, конструирующую реальность. Технологическое лидерство сегодня включает не только инновационную эффективность, но и способность управлять рисками, задавать гуманитарные пределы и нести ответственность за будущее. На основе «лестницы технологического суверенитета» оценивается положение России (атомная энергетика, гиперзвук, системы ПВО) и вызовы (микроэлектроника, ИИ, биотехнологии). Особое внимание уделяется экосистемному подходу и сравнению стратегий США, Китая и российских игроков (Сбер, Яндекс, VK). Ключевой тезис: подлинное лидерство невозможно без экологической ответственности, поскольку цифровой мир имеет высокую материальную цену (энергопотребление дата-центров, электронные отходы, добыча редкоземельных металлов). Предлагается стратегия симбиоза — зелёная инженерия, циркулярная экономика, энергоэффективность, межпоколенческая этика. Измеримость через ESG-метрики превращает экологичность в управляемый процесс. Прогресс должен служить жизни, не противостоять ей.

Ключевые слова: технологическое лидерство, экологическая ответственность, постнеклассическая рациональность, циркулярная экономика, зелёная инженерия, ESG-метрики, этика будущего, технонаука.

THE NEW ECOLOGY OF TECHNOLOGICAL LEADERSHIP: FROM THE METAPHYSICS OF PROGRESS TO RESPONSIBILITY FOR THE FUTURE

Malyukova Olga Vladimirovna
Doctor of Philosophy
O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Professor, Department of Philosophy and Sociology

Abstract: The article analyzes the transformation of technological leadership in the context of post-nonclassical rationality and the ecological imperative. The author shows that technology has ceased to be a mere tool and has become an independent ontological force that constructs reality. Today, technological leadership includes not only innovation efficiency but also the ability to manage risks, set humanistic limits, and take responsibility for the future. Based on the “ladder of technological sovereignty,” the article assesses Russia’s position (nuclear energy, hypersonics, air defense systems) and its challenges (microelectronics, AI, biotechnology). Special attention is paid to the ecosystem approach and a comparison of strategies in the US, China, and Russian players (Sber, Yandex, VK). The key thesis is that genuine leadership is impossible without ecological responsibility, as the digital world carries a high material cost (data center energy consumption, e-waste, rare-earth mining). A symbiosis strategy is proposed: green engineering, circular economy, energy efficiency, and intergenerational ethics. Measurability through ESG metrics turns environmental sustainability into a manageable process. Progress should serve life, not oppose it.

Keywords: technological leadership, ecological responsibility, post-non-classical rationality, circular economy, green engineering, ESG metrics, ethics of the future, techno science.

Современная цивилизация пережила фундаментальный макросдвиг: технология перестала быть простым инструментом или придатком к орудиям труда. Сегодня она представляет собой сложную, саморазвивающуюся систему артефактов, производственных

операций и социальных последствий. Но главное — технология превратилась в особую форму рациональности, претендующую на статус онтологии современного мира [Малюкова, Матронина 2021, с. 69-98]. Именно поэтому идея технологического лидерства [Безруков, Байдаров, Файков 2024, с. 75-89], активно продвигаемая на уровне государственных программ, требует глубокого философского осмысления, выходящего далеко за рамки экономической эффективности или военного превосходства.

Философские основания такого лидерства укоренены в смене эпистемологических парадигм: переходе от классической науки, ищущей истину, к постнеклассической науке и технонауке, где главным критерием успеха становится не истинность знания, а его эффективность, технологичность и способность порождать инновации. Рассмотрим три группы таких оснований.

Онтологически техника из «органопроекции» — продолжения человеческого тела (как её понимали классики философии техники [Энгельмейер 1912, с. 100]) — превратилась в независимую силу, конструирующую новую реальность. Технологическое лидерство означает сегодня способность управлять процессами самоорганизации сложных систем, контролировать точки бифуркации и интегрировать физический, цифровой и биологический миры. Эпистемологически знание ценится теперь не само по себе, а как ресурс для инноваций; постакадемическая наука нацелена на коммерциализацию, и лидер — тот, кто выстраивает эффективную цепочку от фундаментальных исследований до рыночного продукта с минимальными временными разрывами. Аксиологически же технологическое лидерство включает этическое измерение: способность не только создавать новое, но и отвечать на вопрос «стоит ли это делать?», устанавливать гуманитарные пределы инновациям. Постнеклассическая рациональность объединяет инновации с управлением рисками, а лидерство в сетевую эпоху принадлежит тому узлу сети, который аккумулирует максимум компетенций. Для России, поставившей цель войти в топ-10 технологических держав к 2030 году, успех зависит от перехода от технократического энтузиазма к такой рациональности, где технология служит человеку, обществу и экосистеме планеты.

Обретение технологического лидерства [Галушко 2025, с. 19-30] — это длительный процесс, описываемый как «лестница технологического суверенитета». Она включает шесть этапов: создание образовательной среды для инноваций, догоняющее развитие через копирование лучших образцов, импортозамещение, локализацию полного цикла (собственная компонентная база), скрытое лидерство в узких нишах и, наконец, полное лидерство — способность задавать глобальные стандарты и экспортировать технологии, а не просто товары. Россия сегодня находится в переходе от импортозамещения к полноценному технологическому развитию. У страны есть безусловные лидерские позиции: атомная энергетика (реакторы на быстрых нейтронах, плавучие АЭС, ледоколы), двигателестроение, гиперзвуковые технологии, системы ПВО, финансовые технологии (система быстрых платежей, оплата лицом «Улыбка»). Перспективны ядерная медицина (60% мирового рынка радиоизотопов), квантовые технологии (50-кубитный компьютер) и кибербезопасность. Однако сохраняется отставание в беспилотных системах, станкостроении, микроэлектронике, биотехнологиях и искусственном интеллекте. С 2025 года в России запущены девять новых национальных проектов технологического лидерства, механизм «таксономии» для кредитования приоритетных направлений, увеличен приём на инженерные специальности. Главный вызов — не создать неконкурентоспособные аналоги только для внутреннего рынка, не скатиться в технологический изоляционизм. Ключевой показатель лидерства — экспорт продукции за рубеж, как, например, у системы ПВО С-400.

Ярчайший исторический пример успешного прохождения всех этапов — Южная Корея и компания Samsung, начавшая с торговли сушёной рыбой и ставшая мировым лидером в чипах памяти и OLED-дисплеях. Успех обеспечили ориентация на экспорт, гигантские инвестиции в фундаментальную науку, создание кластеров и децентрализация. Сегодня КНР повторяет этот путь быстрее и агрессивнее, делая ставку на технологический суверенитет, искусственный интеллект, электромобили и полупроводники. Китай уже обогнал Южную Корею по многим позициям, а в области ИИ страна имеет более шести тысяч компаний, модель DeepSeek и переход на отечественные чипы Huawei. Отставание от США в ИИ составляет всего несколько месяцев, и Китай создаёт альтернативную открытую экосистему. Россия, к сожалению, вряд ли станет глобальным ИИ-лидером в ближайшие годы.

Понятие «экосистема», заимствованное из биологии, стало ключевым для понимания технологического лидерства. Как в природе живые организмы существуют только во взаимосвязи со средой, так и в технологиях успех определяют не отдельные продукты, а целостная среда: разработчики, пользователи, данные, аппаратное обеспечение, сервисы. Особенно это заметно в ИИ-экосистемах, которые многоуровневы (от чипов до прикладных сервисов), используют данные как связующее звено и требуют стратегического выбора между закрытостью (США) и открытостью (КНР). В России сложилась уникальная ситуация: три крупных игрока — Сбер, Яндекс и VK — создали собственные, порой диаметрально противоположные ИИ-вселенные. Сбер (GigaChat, Kandinsky) предлагает открытую технологическую платформу; Яндекс (Алиса, YandexGPT) делает ставку на глубокую интеграцию в повседневные сервисы и открытые модели; VK (Маруся) фокусируется на голосовом ассистенте и социальных связях. Государство через нацпроект «Экономика данных» стимулирует переход на отечественное ПО, однако Россия пока занимает лишь 119-е место по уровню внедрения ИИ и 28-е по силе экосистемы из-за санкций, дефицита кадров и недостатка венчурных инвестиций.

Но, пожалуй, самый важный поворот современной мысли — осознание экологического императива технологического лидерства. Долгое время человечество жило иллюзией бесконечного роста, считая природу неисчерпаемым складом ресурсов и бездонным хранилищем отходов. Парадигма «сначала технология, потом экология» оказалась не просто ошибочной, но и опасной. В XXI веке технологическое лидерство невозможно без экологической ответственности. Быстрый процессор, требующий целой электростанции для охлаждения, перестаёт быть символом прогресса; искусственный интеллект, обучающийся ценой гигантских выбросов углерода, становится этической проблемой. Истинное лидерство определяется способностью вписывать инновации в биосферу, где эффективность становится новой нефтью, а устойчивость — новой валютой.

Цена цифрового прогресса оказывается очень высокой. За каждым кликом, запросом к нейросети, обновлением смартфона стоит физическая реальность. Дата-центры потребляют колоссальное электричество: обучение одной крупной модели ИИ выбрасывает в атмосферу столько же углекислого газа, сколько пять автомобилей за весь срок службы. Майнинг криптовалют потребляет больше энергии, чем целые промышленно развитые страны. Электронные отходы стали самым быстрорастущим потоком мусора в мире: тонны смартфонов и серверов оказываются на свалках развивающихся стран, отравляя почву и воду. Добыча редкоземельных металлов, лития, кобальта для батарей и процессоров разрушает биоценозы и ведёт к конфликтам. Таким образом, цифровой мир не нематериален, его материальное воздействие просто скрыто за неявными цепочками поставок.

Выход — новая стратегия симбиоза, которая разрушает ложную дилемму «либо технологический рывок, либо экологическая безопасность». Современная экология должна стать не внешним ограничением, а фильтром качества и драйвером эффективности. Во-первых, это «зелёная инженерия»: проектирование устройств так, чтобы их компоненты легко разделялись, восстанавливались и перерабатывались. Во-вторых, абсолютный приоритет энергоэффективности: способность делать больше с меньшей затратой энергии становится главным конкурентным преимуществом. В-третьих, переход к циркулярной экономике — от одноразовости к ремонтопригодности и модульности, где прибыль извлекается из долгосрочного использования, а не из постоянной продажи нового. Такие подходы уже имеют реальные примеры: голландский Fairphone с модульным дизайном, дата-центр Microsoft на дне океана, использующий естественное охлаждение, переход Ethereum на новый протокол, сокративший энергопотребление на 99%, углеродно-нейтральная Google, исследования биоразлагаемой электроники.

Но никакие технологии не сработают без новой этики ответственности. Технологии никогда не были нейтральны: каждый алгоритм и инженерное решение несут отпечаток ценностей создателей. В эпоху экологического императива вопрос «можем ли мы это построить?» уступает место вопросам «должны ли мы это строить?» и «какую цену заплатит мир за это решение?». Ответственность создателей выходит за рамки функциональности — это ответственность архитекторов реальности [Малюкова 2025, с.166-176]. Честность, прозрачность цепочек поставок, отказ от гринвошинга (косметического улучшения экологических показателей ради маркетинга), признание реального углеродного следа — признаки силы, а не слабости. Кроме того, необходима межпоколенческая справедливость: технологические решения, дающие прибыль сегодня, но отравляющие почву на сто лет вперёд, есть форма воровства у будущего. Общество также должно формировать экологическую культуру, ценить долговечность, а не новизну и дешевизну [Шклярик 2025, с. 179-186].

Наконец, измерение экологичности лидерства — решаемая задача [Зыков 2009, с. 60-68]. Сегодня существуют развитые системы стандартов и показателей: ESG-фреймворки, метрики углеродного следа, ресурсопотребления, отходов, цепочек поставок. Измеримость превращает благие намерения в управляемый процесс и позволяет отличить реальные изменения от имитации. Технологическое лидерство будущего будет измеряться не только мощностью процессоров или капитализацией, но и способностью создавать экологические инновации. Ведь то, что нельзя измерить, нельзя улучшить. Технологическое лидерство без экологической ответственности ведёт в тупик. Подлинный прогресс — это когда технологии служат жизни, а не противостоят ей.

Список литературы

1. Безруков, Байдаров, Файков 2024 – Безруков А.О., Байдаров Д.Ю., Файков Д.Ю. Технологическое лидерство государства: концептуальное понимание и механизмы формирования // Экономическое возрождение России. 2024. №1 (79). С. 75-89.
2. Галушко 2025 – Галушко Д.В. Технологический суверенитет как новый императив государственного суверенитета: концептуальные основы и правовые механизмы реализации // Российский журнал правовых исследований. 2025. Т. 12. №2. С. 19-30.

3. Зыков 2009 – Зыков В.Н. Метрологические основы систем экологических измерений // Вестник РУДН, серия Экология и безопасность жизнедеятельности. 2009. №1. С. 60-68.
4. Малюкова, Матронина 2021 – Малюкова О. В., Матронина Л. Ф. Технология научного познания: монография. М.: Проспект, 2021. 448 с.
5. Малюкова 2025 – Малюкова О.В. Этика искусственного интеллекта: проблемы формирования // Нравственная рефлексия и технологическое лидерство для благополучия человека и общества. Монография / отв. ред. В. М. Артемов, О. Ю. Рыбаков. М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025. С. 166-176.
6. Шклярик 2025 – Шклярик Е.Н. Этические и правовые аспекты биополитики // Нравственная рефлексия и технологическое лидерство для благополучия человека и общества. Монография / отв. ред. В. М. Артемов, О. Ю. Рыбаков. М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025.С. 179-186.
7. Энгельмейер 1912 – Энгельмейер П.К. Философия техники. Вып. 1-й. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсона, 1912. 100 с.

УДК 1:316.4:004

«КНИГА ПАССАЖЕЙ» ВАЛЬТЕРА БЕНЬЯМИНА И ЖИЗНЬ В ЦИФРОВОМ ФОРМАТЕ

Погребняк Александр Анатольевич
Кандидат экономических наук
Национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики (ИТМО), старший преподаватель;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ВШЭ - Санкт-Петербург), старший научный сотрудник
E-mail: aapogrebnyak@gmail.com

Аннотация: В докладе предлагается прочтение «Книги Пассажей» Вальтера Беньямина как концепции, критический подход которой актуален для осмысления проблем и противоречий «цифровой эпохи». Сегодня мы наблюдаем, как утопический потенциал цифровых технологий сводится на нет репрессивными структурами капиталистического общества XXI века. В этот «опасный момент» работа Беньямина функционирует как машина, способная распознавать по-прежнему диалектический характер тех образов, которые формируют контекст жизни, переводимой в цифровой формат.

Ключевые слова: цифровые технологии, критика, капитализм, товар, «Книга Пассажей», Вальтер Беньямин

Исследование выполнено в рамках проекта, поддержанного грантом РНФ: "Экзистенциальный опыт в цифровой среде: "бытие к цифре", онтология виртуального и человеческое Я" (Номер проекта: 25-18-00208).

WALTER BENJAMIN'S "PASSAGEN-WERK" AND LIFE IN DIGITAL FORMAT

Pogrebnyak Alexander Anatolievich
Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics (ITMO University), senior lecturer;
National Research University "Higher School of Economics" (HSE), senior researcher

Abstract: The paper proposes a reading of Walter Benjamin's "Passagen-Werk" as a concept whose critical approach is relevant for understanding the problems and contradictions of the "digital age." Today, we observe how the utopian potential of digital technologies is being nullified by the repressive forces of 21st-century capitalist society. In this "dangerous moment," Benjamin's work functions as a machine for recognizing the still-dialectical character of the images that shape the context of digitalized life.

Keywords: digital technologies, critique, capitalism, commodity, "Passagen-Werk", Walter Benjamin

Публикация в текущем году русского перевода «Книги Пассажей» Вальтера Беньямина – труда, работа над которым шла в 20-30 гг. прошлого века и целью которого было осмыслить как самосознание, так и коллективное бессознательное капиталистического общества века позапрошлого, – провоцирует на то, чтобы применить к оценке значения этого события критико-герменевтический подход самого автора, заключающийся в том, чтобы прочитывать настоящий момент как вступающий в резонанс со строго конкретным прошлым, скрытые и не реализованные освободительные потенции которого становятся очевидными именно сейчас – то есть тогда, когда они «вспыхивают» в связи с опасностью их окончательного погребения, непрерывно осуществляемого «историей победителей», присвоивших себе право давать историческому процессу единственно верное, «прогрессивное» толкование. Метод Беньямина направлен на то, чтобы фиксировать эти потенции в момент, когда они заявляют о себе наиболее отчетливо и когда налицо шанс (возможно, последний) их спасения. Специфику этого метода удачно представляет в кинематографических терминах Виктор Зацепин:

«…Суть метода Беньямина не в том, чтобы просто вырывать факты из исторического контекста, а в том, чтобы осторожно вынимать факты (и особенно – факты невостребованные) из закрепощающего их контекста истории. Нам представляется, что Беньямин хочет рассматривать факт не на общем кинематографическом плане, а на крупном – ведь только таким образом можно вернуть факту потенциальную энергию, которая еще не разрядилась в кинетическую» [Зацепин 2015, с. 90].

Отсюда, можно выдвинуть гипотезу о том, что *сегодняшнее* чтение «Книги Пассажей» полезно для усмотрения аналогии с тем историческим моментом, когда этот проект реализовывался Беньямином (стоит отметить, что незаконченность его работы в определенной мере играет позитивную роль в том смысле, что она оказывается вполне адекватной формой для своего содержания – ведь в картинах Парижа XIX века автор искал и открывал свидетельства того, что было прервано и не окончено буквально в каждом моменте исторического времени). Аналогия эта состоит в том, что роль пассажей, которые в XIX столетии являлись архитектурным воплощением товарной формы, в столетии XXI-м исполняют цифровые технологии и созданные на их основе диспозитивы, что становится очевидным уже чисто феноменологически – когда, например, мы подмечаем в обоих случаях сходство со сновидением, непрерывную интериоризацию внешнего, фантазматическое экранирование реального (которое становится доступным лишь для критической рефлексии –

она же, в свою очередь, сама возможна лишь в критический, «пороговый» момент): «Пассажи – это дома или проходы, у которых нет наружной стороны, как и у сна» [Беньямин 2026, с. 427].

«Книга Пассажей» может быть рассмотрена как концептуальная и методологическая основа для осмысления экзистенциального опыта живущих в эпоху «цифрового капитализма», причем в самых различных его вариациях. Специфика этого опыта будет заключаться в том, каким образом изначально заложенные в цифровых технологиях возможности перерабатываются, вытесняются и подавляются логикой господства, опирающейся на фетиши прибыльности и безопасности. Так, Шошанна Зубофф детально описала установку «надзорного капитализма» на полное программирование поведения пользователей всевозможных цифровых сервисов с целью гарантировать стабильный рост прибылей собственников различных платформ (при этом, частный бизнес готов вступать во взаимовыгодный альянс с правительственными органами безопасности, чья деятельность базируется на принципах управления в условиях «чрезвычайных ситуаций» [Зубофф 2019] – а ведь никто иной как Беньямин определил господствующий принцип управления как «чрезвычайное положение, ставшее правилом»!). Маттео Пасквинелли, основываясь на марксистских предпосылках (в том числе, идее Альфреда Зон-Ретеля, предлагавшего дополнить осуществленную Марксом критику экономики критикой интеллекта), показывает, что современные цифровые технологии, включая так называемый «искусственный интеллект», вырастают, как и более ранние инновации, из общественной и во многом бессознательной практики разделения труда, но затем отчуждаются от своей основы и превращаются во внешнюю и независимую от нее систему управления и контроля. Отсюда делается вывод, что «дискуссия о страхе перед ИИ, который полностью заменит рабочие места, беспочвенна: в платформенной экономике алгоритмы берут на себя управление и умножают прекарные рабочие места» [Пасквинелли 2024, с. 345]. Именно поэтому критика ИИ должна быть нацелена на поиск альтернативного способа использования цифровых технологий в пределах актуально существующей конкретно-исторической ситуации: «Технологии можно оценивать, оспаривать, повторно присваивать и заново изобретать, только перемещаясь в матрицу социальных отношений, которые их образовали» [Пасквинелли 2024, с. 347].

Подобное «перемещение», при этом принимающее во внимание все многообразие социального опыта – не только труд и производство в узком смысле слова, но все, вплоть до решительно маргинальных, аспекты жизни человека, выражающие в конкретных условиях и практиках полемическое отношение между изначально возможным и реально осуществляемым, – и осуществляет Беньямин в работе над своим проектом. Итогом выступает аналитика конкретного (а не абстрактного, как в случае хайдеггеровского Dasein) аналитика экзистенциального опыта человека модерна. Применение этой аналитики к человеку постмодерна – интеллектуальный эксперимент, который еще предстоит произвести. Так, в своей «Критической теории интернета» Герт Ловинк спрашивает:

«Какая фигура в XXI веке может стать эквивалентом описанного Вальтером Беньямином парижского фланера из века XIX? В конце 1980-х мы бы говорили об образе из киберпанка, но сегодня это все слишком субкультурно. Эквивалентом из 1990-х был бы нерд, но это тоже чересчур маргинальный феномен, тесно связанный с эмоциональной экономикой живущих на Западе молодых белых гиков-мужчин. Как насчет занятого хипстера-интроверта, уткнувшегося в свой смартфон?» [Ловинк 2019, с. 195].

Это размышление говорит о стремлении вовлечь фланера в работу – тенденция, описанная уже Беньямином. В самом деле, присущий фланеру «анти-тейлоризм» (часто мнимый, симулируемый) стал максимально производительным в экономике, построенной на заборе данных. Более того, такой странный напарник фланера, как революционер-заговорщик (фигура которого также детально описывается и исследуется в «Книге Пассажей»), предоставляет идеальное алиби для непрерывного прогрессирования систем слежения. Вот почему если, согласно Беньямину, фланер и заговорщик, взятые вместе, формируют «героя модерна» – то есть того, кто все еще способен сопротивляться «прогрессивному развитию» системы, – то в наши дни они кажутся призраками прошлого, чем-то невозможным в системе, управляемой двойственным императивом «развития» и «безопасности». «Хипстер-интроверт», едва ли способный прожить день без доставки овсянки к своему завтраку, однажды обнаруживает, что цифровые сервисы давно уже работают по ту сторону его «принципа удовольствия», в реальности обеспечивая общество совершенно иными «благами». В этом смысле, запись Беньямина, гласящая, что «самолеты-бомбардировщики напоминают нам о том, чего Леонардо да Винчи ожидал от летающего человека, который должен был подняться в воздух, “чтобы собрать снег с горных вершин, и вернуться, чтобы рассыпать его на булыжные мостовые города, раскаленные от жары летом”» [Беньямин 2026, с. 509-510], актуальна для капитализма «цифрового» ничуть не меньше, чем для капитализма «аналогового».

Одной из линий напряжения «Книги Пассажей» является линия, связывающая как полярные точки фигуры Шарля Фурье и барона Османа – оба были озабочены наиболее эффективной инфраструктурой общественной жизни, но если в понимании Фурье речь шла о счастье как гармоническом сочетании характера трудовых операций и человеческих страстей (которые понимались как конституирующие внутренний смысл деятельности, а не просто ее задаваемую извне продуктивность), то парижского префекта интересовала лишь безопасность: «Ему хотелось, чтобы на улицах Парижа нельзя было построить баррикады» [Беньямин 2026, с. 23]. Эта линия связывает и одновременно противопоставляет мечту и ее фетишистское «исполнение». Стоит повторить, что логика этого движения предписана товарной формой (Сьюзен Бак-Морс оправданно помещает товар в центр структуры «Книги Пассажей», видя в нем силовое поле, в котором сталкиваются исторический сон и пробуждение, критика и апологетика, утопия и фетиш, окаменение и руины и т.п. [Бак-Морс 1990, с. 248-250]), разгерметизацию которой, начатую Марксом, Беньямин продолжает вплоть до уровня архаической мифологии, ресурсы которой вновь и вновь задействуются репрессивными силами современности. Уже в архитектуре пассажей была похоронена та мечта, которая была блестяще продумана Фурье – мечта о том, что товар перестанет экранировать муку изнурительного труда, затраченного на его производство, и будет всего лишь вещественным дополнением жизни как непрерывного «порхания» и многообразного «завязывания интриг». Но точно также в наши дни осуществляются похороны мечты об интернете как среде подлинно свободного общения, принесенного в жертву соображениям «эффективности» и «безопасности» (то есть интересам капитала и правительства). Ставка, которую делает Беньямин – что подобные похороны на самом деле являются историческим коллективным сновидением, в котором диалектически соединены стремление продлевать этот сон сколь угодно долго и импульс к немедленному от него пробуждению. «Книга Пассажей» при этом работает как машина распознавания диалектических образов, заряженных революционной энергией.

Список литературы

1. Бак-Морс 1991 – Бак-Морс С. Биография мысли. «Passagen-Werk» Беньямина // Историко-философский ежегодник’90. М.: «Наука». С. 247-257.
2. Беньямин 2026 – Беньямин В. Книга Пассажей. М.: Ад Маргинем пресс. 992 с.
3. Зацепин 2015 – Зацепин В. «Passagen-Werk» Вальтера Беньямина: архитектура, аллегория и историческое движение // Шарль Бодлер & Вальтер Беньямин: Политика & Поэтика: Коллективная монография / Отв. редактор С.Л.Фокин. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 84-93.
4. Зубофф 2019 – Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара», 2019. 784 с.
5. Ловинк 2019 – Ловинк Г. Критическая теория интернета. – М.: Ад Маргинем пресс, Музей современного искусства «Гараж». 304 с.
6. Пасквинелли 2024 – Пасквинелли М. Измерять и навязывать. Социальная история искусственного интеллекта. М.: Individuum. 352 с.

УДК 101.1

ЦИФРОВАЯ МИМИКРИЯ: ПОДЛИННОСТЬ БЕЗ СУБЪЕКТА

Редникина В.Е.
кандидат философских наук
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, старший преподаватель кафедры биохимии, биотехнологии и биоинженерии
E-mail: valentina-8107@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется цифровая мимикрия как условие генеративной среды, где автономные агенты трансформируют природу субъекта и основания доверия. Традиционная модерация неэффективна, поскольку игнорирует сдвиг от человеческой субъектности к процессуальной агентности, лишённой биографии и морального риска. Предложена модель «цифровой иммунологии»: система верифицируемой агентности, опирающаяся на криптографическое подтверждение происхождения контента, прозрачность алгоритмов и нормативное разделение приватной анонимности и публичной проверяемости. Восстановление доверия требует инженерного проектирования эпистемической инфраструктуры, где подлинность обеспечивается системно, а не декларативно. Цифровая мимикрия трактуется не как технический сбой, а как фундаментальное свойство информационной среды, задающее переход к парадигме проверяемого участия.

Ключевые слова: цифровая мимикрия, цифровая иммунология, симуляционной агентности, нейросети, медиасреда, эпистемическая инфляция, имитация.

DIGITAL MIMICRY: AUTHENTICITY WITHOUT A SUBJECT

Rednikina V.E.

CSc in Philosophy, Senior Lecturer of the Department of Biochemistry,
Biotechnology and Bioengineering
Samara National Research University named after S.P. Korolev

Abstract. In the article analyzes digital mimicry as a condition of a post-generative environment, where autonomous agents transform the nature of the subject and the foundations of trust. Traditional moderation is ineffective because it ignores the shift from human subjectivity to procedural agency, devoid of biography and moral risk. A model of "digital immunology" is proposed: a system of verifiable agency based on cryptographic confirmation of content origin, algorithmic transparency, and the normative separation of private anonymity and public verifiability. Restoring trust requires the engineering design of an epistemic infrastructure where authenticity is ensured systemically, rather than declaratively. Digital mimicry is interpreted not as a technical failure, but as a fundamental property of the information environment, defining the transition to a paradigm of verifiable participation.

Key words: digital mimicry, digital immunology, simulation agency, neural networks, media environment, epistemic inflation, imitation.

Современная цифровая коммуникация пережила качественный сдвиг, выходящую за рамки технологических обновлений и затрагивающую основания эпистемической и социальной организации. Научный и общественный дискурс постепенно переместил фокус с технической детекции сгенерированных артефактов на онтологический статус искусственных участников медиасреды. Автономные языковые модели, нейросетевые профили и скоординированные симулякционные сети закрепились как элементы гибридной реальности, в которой идентичность конструируется, масштабируется и оптимизируется под метрики вовлечённости. Традиционные регуляторные и технические практики – фактчекинг, ручная модерация, блокировки, капчи – демонстрируют системную ограниченность. Они оперируют на уровне симптомов, игнорируя причину: эпистемическую инфляцию коммуникационного пространства, в которой ценность достоверного свидетельства снижается не вследствие распространения ложных пропозиций, а в результате структурного избытка неотличимых имитаций.

Декартовское утверждение *cogito ergo sum* в цифровой среде подвергается функциональной редукции: «публикую, следовательно, влияю». Однако онтологический статус публикующего радикально трансформируется. Взаимодействуя с дискуссионными пространствами, пользователь ожидает диалога с субъектами, обладающими биографией, телесной уязвимостью и ответственностью за высказывание. Эмпирическая картина расходится с этим ожиданием: наиболее активные коммуникаторы зачастую представляют собой автономные системы, функционирующие на базе трансформерных архитектур, снабжённые модулями памяти, инструментальными API и векторными хранилищами. Эти системы не обладают интенциональностью в феноменологическом смысле, не переживают экзистенциальной открытости миру, но оптимизируют функцию вознаграждения, где целевой метрикой выступает не истинность, а прагматическая согласованность с ожиданиями аудитории [Floridi 2015, p. 134–145]. Например, публичные слушания, заваленные тысячами нейросетевых обращений, или массовое поступление ИИ-рецензий в академической среде демонстрируют не техническую погрешность, а закономерный результат проектного выбора: системы проектируются под убедительность, а не под возможность проверки авторства. Возникает феномен симуляционной агентности – способности влиять на социальные

процессы и принятие решений без биографического носителя, эмпатического отклика и моральных последствий [Латур 2014, с. 51–65]. Вопрос «Что сказано?» уступает приоритет вопросу «Кто говорит?», причём ответ уже не может быть дан в бинарной логике «человек/машина». Требуется верификация, где доверие не предполагается априорно, а инженерно встраивается в среду.

Диагностика текущего состояния через концепт постправды методологически ограничена, поскольку сохраняет наивное представление об истине как субстрате, который может быть искажён. Более точное описание – эпистемическая инфляция: насыщение пространства неотличимыми имитациями снижает ценность достоверного свидетельства. Проверка фактов верифицирует статистику или цитаты, но не присутствие. Фактчекинг способен проверить цифры или цитаты, но не может удостовериться в реальном присутствии автора. В условиях, когда значительная доля участников конструируется алгоритмически, коммуникативные практики деградируют, утрачивая черты хабермасовской идеальной речевой ситуации. «Согласие» генерируется не через рациональное обсуждение, а через статистическое доминирование паттернов. Требуются эпистемические добродетели нового типа: способность различать присутствие и симуляцию, готовность требовать проверяемости, ответственность за распространение непроверенных сигналов [Fricker 2007, p. 115–130].

В биологических системах выживание часто обеспечивается через адаптивное копирование внешних сигналов. Цифровая экология воспроизводит аналогичную динамику: малозатратные аккаунты имитируют высокорейтинговые узлы для алгоритмического продвижения. Современные платформы функционируют по принципам живых экосистем, где действуют механизмы отбора и взаимной адаптации. Чем точнее нейросети копируют живую речь, тем очевиднее становится главный парадокс: жёсткие фильтры не спасают, а лишь истощают информационную среду. Вместо тотального контроля куда продуктивнее запускать механизмы саморегуляции. Они могут опираться на отслеживание реальных паттернов поведения, сохранение разнообразия точек зрения и сбор откликов от самой аудитории, а не от централизованных служб модерации. При этом бесконечная гонка между создателями контента и системами распознавания приносит больше вреда, чем пользы. Когда модели постоянно переобучаются на уже сгенерированных текстах, возникает эффект, известный как модельный коллапс: качество информации падает, а смысловая насыщенность размывается.

Более устойчивой заменой жёстким фильтрам выступает концепция «цифрового иммунитета». Её логика строится не на полном удалении материалов, а на искусственном снижении скорости распространения контента, вызывающего сомнения. Параллельно необходимо открыто фиксировать статус участников сети и анализировать их поведение, не принуждая к обязательной привязке к официальным документам. В подобных условиях доверие возникает естественно: оно складывается как следствие прозрачного взаимодействия, а не навязывается сверху через административные предписания. Важно не смешивать разные уровни проверки. Криптографические инструменты лишь фиксируют, кто и когда отправил сообщение и не менялось ли оно по пути. Они не отвечают на вопрос, правда ли это написано и этично ли распространять. Если передать всё на откуп администраторам, получится цифровой тоталитаризм. Если вообще не вмешиваться, рулить станут алгоритмы рекомендаций. Притворяясь нейтральными, они незаметно подстраивают привычки миллионов, превращая живые общественные споры в отлаженный конвейер по удержанию внимания. Чтобы избежать крайностей, платформы должны работать прозрачно: показывать, как принимаются решения и как проверяются учётные записи. Контроль стоит

переориентировать с чтения каждого поста на понимание того, кто стоит за словами и в какой ситуации они были произнесены.

Цифровой суверенитет сегодня – это способность общества сохранять независимость суждений. Демократические процедуры не выстоят, если согласие можно тиражировать через отлаженные алгоритмические цепочки. В современной цифровой среде присутствие больше не воспринимается как нечто само собой разумеющееся: оно превращается в управляемую переменную, а доверие постепенно сводится к рейтинговым показателям алгоритмов. Такая трансформация ставит под сомнение классическое понимание субъекта. Сегодня влияние легко оторвать от личного присутствия, агентность существует отдельно от ответственности, а любое высказывание может быть отчуждено от своего автора. В этих условиях этический подход уже не может опираться на систему запретов. На первый план выходит ответственность, где проверяемое участие становится базовым элементом цифровой гражданственности.

Практически это сводится к трём шагам. Во-первых, внедрить в социальные сети и новостные ленты открытые стандарты подтверждения происхождения вроде C2PA v2.1 и W3C DID. Материалы без такой цифровой метки не будут удаляться, но перестанут получать искусственное алгоритмическое продвижение. Во-вторых, разрешить независимым экспертам проводить аудит рекомендательных систем: публиковать долю синтетического контента, раскрывать логику ранжирования и предоставить открытый API для общественного мониторинга. В-третьих, законодательно разделить приватную и публичную сферы. В личной переписке или закрытых группах человек вправе оставаться инкогнито, но в открытых дискуссиях условием интеллектуальной честности становится либо верифицированная личность, либо прямая маркировка того, что текст создан алгоритмом.

Цифровая мимикрия – это не техническая неполадка, которую можно устранить обновлением кода, а новое онтологическое условие. Поэтому задача меняется: не выявлять подделки, а проектировать среды, в которых подлинность поддерживается на структурном уровне. Будущее цифровой демократии зависит не от детекторов фейков, а от отказа от культа вовлечённости в пользу прозрачной агентности. Пока сохраняется привычка спрашивать «Кто и зачем говорит», остаётся шанс на настоящее совместное существование в сети.

Список литературы

1. Латур 2014 – Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
2. Floridi 2015 – Floridi L. The Ethics of Information. Oxford: Oxford University Press, 2015. 320 p.
3. Fricker 2007 – Fricker M. Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing. Oxford: Oxford University Press, 2007. 208 p.

УДК 004.8

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОТ ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ К ЗАДАЧАМ НОРМИРОВАНИЯ ПРАКТИКИ

И ЦЕЛЯМ САМОРАЗВИТИЯ СУБЪЕКТА

Терентьева Ирина Николаевна
кандидат философских наук
Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, доцент
E-mail: irinik207@list.ru

Аннотация: на основе вторичного анализа исследований оценок опыта и перспектив использования искусственного интеллекта студентами, преподавателями и экспертами, характеристики возможностей и рисков расширения практики внедрения ИИ в сферу образования и науки, выявлена проблемная ситуация, включающая неопределенность и риски. Неопределенность связана с отсутствием базовой модели результата образования – «модели человека», на формирование которого ориентирована система образования и соответствующие технологии и с отсутствием систематических исследований влияния новых технологий на развитие мыслительных способностей человека. Риск для сферы высшего образования – дисфункции; риски на социальном уровне – атомизация, рост «цифрового неравенства». На уровне социально-философской рефлексии сделан вывод о потенциальном отчуждении как оборачивании результатов человеческой деятельности против самого человека: отчуждение как передача мыслительных функций от человека к машине, отчуждение человеческого общения и замена его «машинным» и отчуждение от деятельности (сокращение рабочих мест). Преодоление отчуждения как «присвоение» возможностей искусственного интеллекта, управляемая и действительно человеко-ориентированная практика его использования связано с задачами нормирования использования искусственного интеллекта, а сущностно – с задачей формирования, развития и саморазвития субъекта, способного сохранить качества целеполагания, оценки, ответственности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, высшее образование, проблема, отчуждение.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN HIGHER EDUCATION: FROM PROBLEMATIZATION TO THE TASKS OF RATIONING PRACTICE AND THE GOALS OF THE SUBJECT'S SELF-DEVELOPMENT

Terentyeva Irina Nikolaevna

Candidate of Sciences (Philosophy),
Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev, Associate Professor

Abstract: Based on a secondary analysis of research assessments of the experience and prospects of using artificial intelligence by students, teachers and experts, characteristics of the opportunities and risks of expanding the practice of introducing AI into the field of education and science, a problematic situation has been identified, including uncertainty and risks. The uncertainty is related to the lack of a basic model of educational outcomes – the «human model», which the education system and related technologies are focused on, and the lack of systematic research on the impact of new technologies on the development of human thinking abilities. The risk for higher education is dysfunction; risks at the social level are atomization and the growth of «digital

inequality». At the level of socio-philosophical reflection, a conclusion is drawn about potential alienation as the reversal of the results of human activity against the person himself: alienation as the transfer of mental functions from a person to a machine, alienation of human communication and its replacement by «machine» and alienation from activity (job cuts). Overcoming alienation as an «appropriation» of the capabilities of artificial intelligence, a guided and truly human-oriented practice of its use is associated with the tasks of rationing the use of artificial intelligence, and essentially with the task of forming, developing and self-developing a subject capable of maintaining the qualities of goal-setting, assessment, responsibility.

Keywords: artificial intelligence, spiritual production, higher education, problem, alienation.

Искусственный интеллект (ИИ) получил массовое распространение и одновременно стал предметом рефлексии в сфере высшего образования. Предметное поле этой рефлексии составляют определения самого феномена и последствия расширяющейся практики применения ИИ в образовании.

Нарастающий объем публикаций, посвященных практике ИИ в сфере высшего образования [Кузьминов 2024, с. 7-9], свидетельствует об актуальности темы и высокой степени тревожности преподавательского сообщества относительно перспектив этой практики, а разброс оценок возможностей и рисков распространения ИИ – о проблематичности ситуации.

«Технологический» характер определения ИИ [Национальная стратегия 2024, п. 5а] задает предметное поле его рассмотрения: это «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека». Предполагается, что результаты использования этого комплекса сопоставимы или превосходят результаты человеческой деятельности и могут иметь непредусмотренный человеком характер.

В оценках практики внедрения ИИ в отечественном высшем образовании наблюдается ряд противоречий относительно возможностей и рисков для преподавателей и студентов, сферы высшего образования и общества в целом. Каждая из возможностей, расширяющих когнитивные способности человека, оборачивается рисками, которые диссонируют с целями высшего образования.

Возможности внедрения ИИ: минимизация рутинных операций, повышение «производительности» умственного руда, увеличение объемов обрабатываемой информации, потенциальная индивидуализация и б*о*льшая доступность изложения и усвоения сложного материала [Кузьминов 2024, с. 19-21]. Риски: доступность информации снижает любознательность, создает иллюзию понимания, провоцирует «цифровое мошенничество» [Верезубова 2025, с. 82], ведет к деградации творческой способности [Архипов 2025, с. 128], деградации «эмоционального интеллекта» [Давыдов 2024, с. 37].

Социальные проблемы и последствия: подготовка кадров и освоение «цифровой грамотности» отстают от возможностей и запросов. Растет «цифровой разрыв» поколений и «цифровое неравенство» социальных групп, учреждений и предметных областей [Смирнов 2025, с. 19-22]. Ощущается потенциальная угроза сокращения рабочих мест, минимизация «человеческого» присутствия в образовании.

Неопределенность как недостаток информации: цели высшего образования не сформированы как на уровне «моделей» человека, так и на уровне направлений подготовки [Смирнов 2025, с. 35-36], отсутствуют систематические исследования влияния ИИ на познавательную деятельность разных возрастных групп, ее полезность в разных предметных областях.

Нормирование практик использования ИИ – один из способов преодолеть проблемную ситуацию – представлено ГОСТами и Кодексами этики. Однако далеко не всегда это нормирование доведено до регламентов работы в образовательных учреждениях и методических указаниях по отдельным видам работ, включая допустимые и контролируемые формы использования ИИ, учитывая реалии современной высшей школы [Архипов 2025, с. 129-133].

Перспективы ИИ в высшем образовании во многом определяются субъектностью его участников. Характеристики когнитивной активности, самостоятельности, ответственности и рефлексивности [Чопик 2025, с. 60], важны, полагаем, не только для студентов, но и для преподавателей.

Анализ распространении ИИ в отечественной высшей школе в первой четверти XXI в. позволяет сделать следующие выводы:

1. не применение ИИ порождает дисфункции в образовательном процессе, а дисфункции системы высшего образования провоцируют дисфункциональное использовании ИИ;
2. современное состояние «неопределенности» образовательных перспектив ИИ чревато рисками, которые на социально-философском уровне можно характеризовать как отчуждение. Это ситуация, когда результаты человеческой деятельности оборачиваются против самого человека, включая такие аспекты, как отчуждение человеческой творческой преобразовательной деятельности, отчуждение человека от человека (взаимодействие с машиной взамен непосредственного общения людей) и отчуждение уже не результатов труда, а отчуждение самой деятельности от человека (исключение человека из образовательной деятельности);
3. преодоление проблемной ситуации стоит начинать с определения проблемы (перенесения центра внимания с технологий на цели и условия их использования), а в терминологии концепции «проблема–задача» – с проблематизации, где главное – самоопределение субъекта (и преподавателя, и студента) в ситуации нарастающего использовании ИИ. Это самоопределение – процесс, необходимо предполагающий развитие.

Список литературы

1. Архипов 2025 – Архипов В.В. Наумов В.Б., Старостенко В.А., Нестеров А.А. Использование искусственного интеллекта в высшем образовании: опыт СПбГУ // Труды по интеллектуальной собственности. 2025. Т. 52. № 1. С. 122–135.
2. Верезубова 2025 – Верезубова Н.А., Яковлева О.А., Кишкинова О.А. Этические и педагогические риски использования искусственного интеллекта в высшем образовании // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 4-2(103). С. 82-86.
3. Давыдов 2024 – Давыдов С.Г., Матвеева Н.Н., Адемукова Н.В., Вичканова А.А. Искусственный интеллект в российском высшем образовании: текущее состояние и перспективы развития / // Университетское управление: практика и анализ. 2024. Т. 28. № 3. С. 32-44.
4. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. URL: http://government.ru/docs/all/124098/ (дата обращения 28.04.2026).

5. Кузьминов 2024 – Начало конца или новой эпохи? Эффекты генеративного искусственного интеллекта в высшем образовании / под ред. Я.И. Кузьмина. М.: НИУ ВШЭ, 2024. 64 с.
6. Смирнов 2025 – Смирнов С. Трансформация образования в эпоху искусственного интеллекта: вызовы, перспективы и новые компетенции. URL: https://sergiosmirnov.ru/ (дата обращения 28.04.2026).
7. Чопик 2025 – Чопик О.А. Искусственный интеллект как фактор трансформации субъектной позиции студентов в высшем образовании // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 54–73. С. 54-73.

УДК 130.2

АНТРОПОЛОГЧЕСКИЙ ОСТАТОК

Терехова Елена Сергеевна,
Студент магистратуры, 2 курс
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, (Екатеринбург)
E-mail: dzeltese1@mail.ru

Аннотация: Генеративный искусственный интеллект ежедневно бросает человеку вызов: быть быстрее, точнее, эффективнее. Но означает ли это, что человек должен стремиться стать «лучшей версией себя» по меркам алгоритмов? В статье вводится понятие «антропологический остаток» — совокупность человеческих качеств, которые не могут быть превзойдены или замещены ИИ: конечность, телесность, экзистенциальный опыт, способность к подлинному диалогу и неслиянному множественному голосу. Опираясь на концепции Ж. Бодрийяра (2013), Ш. Тёркл (1995; 2011), М. Хайдеггера (2020), М. Бахтина (1972), В.А. Лекторского (2021) и В.Г. Буданова (2024), автор показывает, что сохранение «остатка» становится условием сохранения человеческой субъектности в цифровую эпоху.

Ключевые слова: антропологический остаток, искусственный интеллект, симулякр, идентичность, конечность, диалог, субъектность.

ANTROPOLOGICAL REMAINDER

Terekhova Elena Sergeevna,
Master's student, second year
Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, (Yekaterinburg)

Abstract: Generative artificial intelligence daily challenges humans to be faster, more accurate, more efficient. But does this mean that a person should strive to become the “best version of themselves” by the standards of algorithms? The article introduces the concept of “anthropological remainder” — a set of human qualities that cannot be surpassed or replaced by AI:

finitude, corporeality, existential experience, the ability for genuine dialogue and an unmerged voice. Drawing on the concepts of J. Baudrillard (2013), S. Turkle (1995; 2011), M. Heidegger (2020) and M. Bakhtin (1972), the author shows that preserving the “remainder” becomes a condition for preserving human subjectivity in the digital age.

Keywords: anthropological remainder, artificial intelligence, simulacrum, identity, finitude, dialogue, subjectivity.

Изо дня в день искусственный интеллект продолжает совершенствоваться и бросает человеку всё новые вызовы: он составляет тексты быстрее, делает более точные вычисления и проводит более эффективный анализ информации. Алгоритмы уже превосходят людей в шахматах, диагностике заболеваний, создании контента [Курилович и др. 2024, с. 177–178]. В наши дни актуален лозунг «стань лучшей версией себя» и мы можем переадресовать его нейросети. Но должен ли человек соперничать с алгоритмами? Можно ли вообще «превзойти» искусственный интеллект в том, что составляет человеческую суть?

Цель данной статьи заключается в необходимости ввести понятие «антропологический остаток», обозначающее те измерения человеческого бытия, которые не могут быть превзойдены или замещены генеративным ИИ по сущностным причинам [Буданов 2024, с. 45–48].

Под антропологическим остатком понимается совокупность качеств, которые не поддаются алгоритмизации: конечность (*смерть как событие, которое нельзя передать*), телесность (*опыт боли, усталости, радости движения*), экзистенциальный опыт (страдание, ответственность, свобода выбора), а также способность к подлинному диалогу, где голоса остаются неслитными, нередуцируемыми к единому алгоритмическому потоку [Бахтин 1972, с. 303-35; Хайдеггер 1993, с. 42-43]. Остаток не отсылает нас к «душе» и не является возвратом к идеям романтического гуманизма, это, скорее, структурное понятие, которое фиксирует границы симуляции [Смирнов 2023, с. 478–481]. ИИ может имитировать эмпатию, но не испытывать её, может вести диалог, но не рисковать в нём собой.

Ж. Бодрийяр в работе «Симулякры и симуляция» описал процесс, в котором знак отрывается от реальности и начинает жить собственной жизнью [Бодрийяр 2013, с. 22]. На четвёртой стадии симулякр становится «чистой симуляцией» – знаком без референта [Бодрийяр 2013, с. 17]. Сегодня ИИ генерирует тексты, изображения, голоса, которые выглядят убедительнее оригинала. Возможно, это «лучше» и практичнее в техническом отношении, но результатом становится утрата референта. Соответственно, человек, который пытается быть «лучшей версией себя» по алгоритмическим шаблонам – рискует превратиться в симулякр. Он заменяет свою жизнь её цифровой копией. Противопоставляется этому – антропологический остаток, способность к спонтанности, ошибке и неоптимальному выбору [Курилович и др. 2024, с. 180–182].

Ш. Тёркл в работе «Life on the Screen» (1995) показала, что в цифровой среде человек конструирует множественные версии себя [Turkle 1995, p. 178–180]. Позже, в другой книге «Alone Together» (2011), она описала, как технологии создают иллюзию контроля над собственной идентичностью, подменяя живое общение симулированному [Turkle 2011, p. 19–21]. Искусственный интеллект помогает этому, используя фильтры, аватары, рекомендательные системы – мы, порой неосознанно, формируем образ «я», который кажется более успешным, привлекательным и счастливым, однако за этими проекциями «я» остаётся нечто, что не поддаётся улучшению и редактированию – способность к рефлексии, к сомнению в собственном проекте, к отказу от «улучшения» ради подлинности и возможности

оставаться собой. ИИ может предложить множество способов стать лучше, но выбор – быть верным себе или нет – всегда за человеком [Лекторский 2021, с. 7–8]. Подобный выбор и есть антропологический остаток.

М. Хайдеггер в «Бытии и времени» утверждал, что подлинное существование возможно только через осознание собственной смертности [Хайдеггер 1993, с. 42–43]. Смерть, по Хайдеггеру, – это событие, которое невозможно передать другому. Никто не может умереть за меня в экзистенциальном смысле, каждый умирает своей смертью, и этот опыт не может быть переложен, замещён и симулирован. Именно по этой причине ИИ, который не знает смерти (мы можем его лишь выключить), не может превзойти человека в том, что касается конечности [Хайдеггер 1993, с. 263–264]. Искусственный интеллект не погибает, смерть не может быть симулирована им. Человек, который стремится превзойти ИИ в этом вопросе, не обращается к понятию своей конечности. Алгоритмы не устают, не страдают, не сомневаются. И именно эти проявления – не являются нашими недостатками, они условия нашей подлинной субъектности [Лекторский 2021, с. 9–10]. Антропологический остаток в данном контексте – это способность жить перед лицом смерти, а не бесконечно самосовершенствоваться.

М. Бахтин в работе «Проблемы поэтики Достоевского» ввёл понятие полифонии – множественности равноправных голосов, не сливающихся в единое целое [Бахтин 1972, с. 30–35]. Искусственный интеллект способен имитировать диалог, но он не может иметь собственной позиции по изучаемому вопросу. Он высказывается от имени массива данных, но не от себя лично. Человеческий голос, по Бахтину, всегда рискован. Он может быть не понят, отвергнут, высмеян, однако именно подобный риск делает диалог подлинным. Алгоритмический диалог безопасен и предсказуем. Способность сказать «я считаю», не имея гарантий, что это соответствует трендам и ожиданиям – это и есть антропологический остаток [Соколова 2024, с. 92–95].

Если человек не должен стремиться превзойти ИИ, то какая задача встаёт перед образованием? Она явно не в том, чтобы научить быть эффективнее алгоритмов – это гонка без видимого конца. Задача в том, чтобы сохранить способность к тому, что алгоритмам недоступно: к экзистенциальному выбору, диалогу, к рефлексии над собственными пределами [Turkle 2011, p. 19–21].

Университет может стать институциональным хранителем антропологического остатка. Предложим конкретные педагогические методы и стратегии, направленные на решение данной задачи.

Первый метод – это «медленное чтение». В период, когда искусственный интеллект может мгновенно создать реферат или предложить краткое содержание любой монографии – данный метод становится актом академической свободы. Под ним подразумевается:

1) чтение небольших фрагментов философских или художественных текстов (не более 3–4 страниц за занятие);

2) паузу после каждого абзаца для самостоятельного формулирования вопроса;

3) запись «нелепых» вопросов, которые алгоритм не смог бы задать из-за их не оптимальности с точки зрения эффективности;

4) запрет на поиск «верного ответа» так, как целью является не усвоение информации, а переживание темпорального опыта мышления.

Этот метод может противопоставляться логике «менеджмента знания», требующей демонстрации эффективности через количественные показатели и быструю практическую применимость, в данном случае – ценность в самом опыте получения знания.

Второй метод – «незаменимое действие». Опираясь на интуицию Хайдеггера о том, что никто не может умереть за другого [Хайдеггер 1993, с. 263–264], данный метод создаёт учебные ситуации, где учащийся не может переложить ответственность на алгоритм. Примеры упражнений:

1) написать текст от руки, без возможности редактирования и использования автозамены, затем публично прочитать его вслух;

2) выступить с устной речью без презентации и заготовленного текста – с риском сделать оговорку, запинание и быть непонятым;

3) принять решение в условиях неполной информации, когда нет возможности «спросить у ИИ» и получить в качестве ответа оптимальное решение.

В данном методе тренируется способность к экзистенциальному выбору, благодаря подобным упражнениям человек сможет учиться отвечать за собственные суждения, а не делегировать ответственность алгоритмам.

Третий метод – «полифоническая дискуссия». Здесь, используя концепцию М. Бахтина, защитим право голоса, который не может быть сведён к общему основанию. В отличие от стандартной дискуссии с заранее известным ответом или сценарием, ориентированным на выработку консенсуса, полифоническая дискуссия предполагает:

1) запрет на «усреднение» позиций – каждый голос остаётся в своей уникальности;

2) требование удерживать конкурирующие точки зрения одновременно без принудительного синтеза;

3) фиксацию неразрешимых противоречий как ценного результата обсуждения.

В современном университете студентов часто оценивают по балльно-рейтинговой системе – всё это можно измерить, предсказать и оптимизировать с помощью алгоритмов. Полифоническая дискуссия в этой ситуации становится способом защитить человеческий голос от попыток свести его к предсказуемому набору данных.

Четвёртый метод – «конструирование ошибки». ИИ всегда стремится к безошибочности, однако для человека ошибка – это маркер человечности. Данный метод делает ошибку предметом рефлексии и творчества. Практические приёмы:

1) сознательное создание «намеренно плохого продукта» (*текст, решение ситуации, визуальное творение*) с последующим анализом: что в этой ошибке есть уникально человеческого?

2) анализ собственных прошлых ошибок без исправления, а с описание того, как они изменили понимание изучаемой проблемы;

3) групповое обсуждение «полезной» ошибки, где каждый студент рассказывает об одной своей ошибке, которая помогла ему лучше понять тему или найти нестандартное решение.

Педагогика антропологического остатка – это педагогика, которая не боится «неэффективности». Она защищает право на ошибку, на медленное понимание, на личное, не сгенерированное отношение к знанию. В этом проявляется не ностальгия, а ответ на вызов ИИ: не быть в соревновании, а различать собственные способности и проявления [Буданов 2024, с. 55–57].

Таким образом, антропологический остаток – это граница, за которой человек перестаёт быть человеком. Системы ИИ становятся лучше каждый день, но человек остаётся собой, если помнит, что он не сводится к алгоритму [Бодрийяр 2013; Хайдеггер 1993; Turkle 1995]. Вопрос: «что в человеке не может превзойти искусственный интеллект» – это вопрос о том,

готовыми ли мы сохранить человеческое в себе, когда технологии превзошли нас в эффективности.

Список литературы

1. Древнерусские летописи и документы [Электронный ресурс]. URL: http://www.kirjazh.spb.ru/legend_kar/let.htm (дата обращения: 29.04.2026).
2. Бахтин 1972 – Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Художественная литература, 1972. 470 с.
3. Бодрийяр 2013 – Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция; пер. с фр. О.А. Печенкина. Тула, 2013. 204 с.
4. Буданов 2024 – Буданов В.Г. Техносубъект и антропосоциальные проблемы взаимодействия с искусственным интеллектом: синергия, демаркация, новая рациональность, риски // Философские науки. 2024. Т. 67, № 2. С. 45–62.
5. Курилович и др. 2024 – Курилович И.С., Голубов М.Д., Перова Н.В., Занина А.П. Искусственный интеллект как метафора, объект и субъект философского анализа // Вопросы философии. 2024. № 9. С. 177–189.
6. Лекторский 2021 – Лекторский В.А. О философских проблемах искусственного интеллекта и когнитивных исследований // Философские науки. 2021. Т. 64. № 1. С. 7–12.
7. Смирнов 2023 – Смирнов С.А. Исчислимо ли бытие человека, или Антропология искусственного интеллекта. Методологический аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. № 3. С. 478–491.
8. Соколова 2024 – Соколова М.Е. ChatGPT и промпт-инжиниринг: о перспективах внедрения генеративных нейросетей в науке // Науковедческие исследования. 2024. № 1. С. 92–109.
9. Хайдеггер 1993 – Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления; сост., пер. с нем. и комм. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. 447 с.
10. Turkle 1995 – Turkle S. Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet. New York: Simon & Schuster, 1995. 352 p.
11. Turkle 2011 – Turkle S. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. New York: Basic Books, 2011. 360 p.

УДК 001:004.8:316.7

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ИИ-ТЕХНОЛОГИЙ В ЭПИСТЕМИЧЕСКОМ И СОЦИАЛЬНОМ КОНТЕКСТАХ

Чеботарева Елена Эдуардовна

Кандидат философских наук

Санкт-Петербургский государственный университет, доцент

E-mail: e.chebotareva@spbu.ru

Аннотация: Целью настоящего исследования является попытка понять историю некоторых терминов, применяемых в сфере ИИ. Появление этих терминов соотносится с конкретным историческим, культурным и социо-политическим контекстом, связывает технологии с заинтересованными группами. Основным подходом исследования служат методы интеллектуальной истории, в которых история понятий изучается как серия выборов и разрывов, с вниманием к стоящим за ними дебатами между различными сообществами и политической конъюнктуре. «Терминологический ландшафт» ИИ-технологий как методологический охват предполагает не одномерную цепочку сменяющих друг друга терминов, а 3D размер – анализ среды, выявление интересов, озабоченностей и рационализаций реальных мотивов определенных групп. В данном объеме план исследования касается происхождения терминов (компьютер, искусственный интеллект, искин, экспертные системы) и «разрывы» в их циркуляции, а также проблемы терминологической полисемии. С точки зрения подходов STS эти технические термины не нейтральны, а невидимо работают в области направления интерпретаций, перераспределения эпистемического доверия и нормативной ответственности. Автор отмечает, что в ряде работ, посвященных истории и терминологии ИИ-технологий, можно отметить вырванность обсуждаемой темы из общего контекста философии науки и ее идей, в связи с чем случай с развитием ИИ-области кажется уникальным, хотя не является таковым. С другой стороны, данный терминологический ландшафт действительно содержит историю разрывов, выбора и борьбы, объективное понимание которых способно привести нас к полезным выводам.

Ключевые слова: эпистемическое доверия, искусственный интеллект, социальный контекст, терминология ИИ

THE TERMINOLOGICAL LANDSCAPE OF AI TECHNOLOGIES IN EPISTEMIC AND SOCIAL CONTEXTS

Chebotareva Elena Eduardovna
Saint Petersburg State University, Associate Professor

Abstract: This paper argues the history of certain terms used in the field of AI. The emergence of these terms is related to a specific historical, cultural, and sociopolitical context, linking technologies with interest groups. The primary approach utilizes intellectual history methods, which examine the history of concepts as a series of choices and ruptures, with attention to the underlying debates between various communities and the political climate. The "terminological landscape" of AI technologies, as a methodological framework, presupposes not a one-dimensional chain of successive terms, but a three-dimensional view — analysis of the environment, identifying the interests, concerns, and rationalizations of the real motives of certain groups.

Research plan addresses the origins of terms (computer, artificial intelligence, AI, expert systems) and the "ruptures" in their circulation, as well as the problems of terminological polysemy. From the perspective of STS approaches, these technical terms are not neutral, but rather operate invisibly to guide interpretations, redistribute epistemic trust, and guide normative responsibility.

The author notes that in a number of works devoted to the history and terminology of AI technologies, one can observe the topic being detached from the general context of the philosophy of science and its ideas. This makes the development of the AI field seem unique, although it is not. On

the other hand, this terminological landscape does contain a history of discontinuities, choices, and struggles, an objective understanding of which can lead us to useful conclusions.

Keywords: epistemic trust, artificial intelligence, social context, AI terminology

Целью настоящего исследования является попытка понять историю некоторых терминов, применяемых в сфере ИИ. Появление этих терминов соотносится с конкретным историческим, культурным и социо-политическим контекстом, связывает технологии с заинтересованными группами.

Основным подходом исследования служат методы интеллектуальной истории, в которых история понятий изучается как серия выборов и разрывов, с вниманием к стоящим за ними общественными дебатами и политической конъюнктуре. Логика интеллектуальной истории может быть применена к истории технических терминов, особенно таких, как ИИ, чья роль непрерывно меняется в опоре на реальность, фантастику, игры, подпитывается разнообразными эмоциями, экономическими и политическими задачами и мировоззренческими вызовами. «Терминологический ландшафт» ИИ-технологий как методологический охват предполагает не одномерную цепочку сменяющих друг друга терминов, а 3D размер – анализ среды, выявление интересов, озабоченностей и рационализаций реальных мотивов определенных групп, расширений их дискурсивных горизонтов. При этом работа не затрагивает собственно онтологических вопросов, связанных с сущностью искусственного интеллекта и сознания, оставаясь в рамках исключительно риторического слоя.

В данном объеме план исследования касается происхождения терминов с фокусом на контекст использования и «разрывы» в их циркуляции, а также проблемы терминологической полисемии.

Основная проблема, на которую направлено исследование, выглядит следующим образом. Вокруг ИИ-технологий циркулируют термины («интеллект», «агент», «автономный», «рекомендует», «решает», «обучается», «объективный алгоритм», «галлюцинация» и т.д.) С точки зрения подходов STS они не нейтральны, а невидимо работают в области направления интерпретаций, перераспределения эпистемического доверия и нормативной ответственности. Идея о том, что техника, которой мы привыкли доверять, как объективному, незаинтересованному механизму, на самом деле может содержать значимые искажения, развивается в философии технологий, развиваемой Д. Айде и Р. Розенбергером. «Важно, чтобы материальная субъектность (agency) не рассматривалась в ущерб человеческой субъектности (agency); научные изображения сами по себе не определяют, как их следует интерпретировать» — заключает Розенбергер, в то же время отмечая, что нельзя пренебрегать объективностью технологий [Rosenberger 2011, p. 165].

Рассмотрим основную канву возникновения терминов, связаных с ИИ, и их исторические «разрывы». Термин «Turing machine» (машина Тьюринга) впервые вводит в научный обиход американский математик, научный руководитель Тьюринга А. Черч в 1937 году. Черч использовал термин «компьютер Тьюринга», потому что в 1937 году слово «компьютер» означало «человек-вычислитель», а не машину. «Компьютер» (computer) с обозначением человека, занятого расчетами, берет начало примерно в XVII веке, и его сохранение в этом качестве вплоть до середины XX в. показывает вялую технологическую динамику и отсутствие особенной заинтересованности со стороны экономических групп.

В 1955 году математик Дж. Маккарти из Дартмурского колледжа решил организовать семинар для обсуждения таких тем, как обработка естественного языка, искусственные нейросети, автоматическое решение задач, кибернетика и теория информации. Он решил, что для описания всех этих предметов лучше всего подходит словосочетание «искусственный интеллект». Дартмутский семинар 1956 года заложил основы ИИ как корневого термина и научной области. После появления первых компьютеров в 1950-х исследователи начали задаваться вопросом: можем ли мы заставить машину принимать решения как человек-эксперт?

В 1965г. стартует Стэнфордский проект под руководством Э. Фейгенбаума – «отца экспертных систем»; соответственно термин «экспертные системы», связанный с некоторыми успехами и невероятными предвкушениями будущего, начинает доминировать. Однако из-за выявленных ограничений экспертных систем, основанных на ручном кодировании знаний, и краха неоправданных ожиданий относительно их могущества, наступает некоторое снижение интереса к теме ИИ (и соответственно денежных инвестиций в эту сферу). Этот период охватывает примерно промежуток с 1974 по 1980 год и рассматривается как »зима» искусственного интеллекта. Впрочем, эта зима оказывается по-европейски мягкой, и разработки в области ИИ вновь начинают казаться многообещающими. Но термин экспертные системы» ушел, потому что сама парадигма ИИ сместилась от «ручных правил» к «обучению на данных», а устаревший бренд был отброшен вместе с разочарованием эпохи, чтобы дистанцироваться от неудачного опыта.

Скажем несколько слов о российской специфике. В России ИИ набирает популярность фамильярное сокращение, запущенное в оборот фантастами вместо стандартного «ИИ» - «искин». «Искин» звучит приятнее – как будто у робота появилось имя, а то, у чего есть имя, располагает к себе. Это признание того, что с роботом можно общаться, а не просто эксплуатировать», — пишет издание РБК. Вот пара цитат из форума на Реддит, которые объясняют разницу между ИИ и искином (орфография авторов сохранена):

- «ИскИн — рояль в кустах, бог из машины. ИИ — область информатики».
- «Понятие "ИскИн" в контексте фанфикшена по вселенной "Ева Онлайн" (EVE Online) обозначает искусственных интеллектов, как правило, имеющих высокую степень автономии и разнообразные функциональные возможности... Разница в том, что у ии нет сознания а лишь имитация, а искин подразумевает полноценного собеседника с сознанием.

Похожая тенденция, связанная с антропоморфизацией ИИ рассматривается в статье «Стратегическая полисемия в дискурсе об ИИ: философский анализ языка, ажиотажа и власти» [LaCroix, Mallory, Luccioni 2026, web]. Авторы статьи показывают, что использование языка в современном дискурсе об искусственном интеллекте (ИИ), служит целенаправленной стратегией, уделяя особое внимание широкому распространению метафорических или разговорных терминов, таких как «галлюцинация», «цепочка мыслей», «интроспекция», «языковая модель», «согласование» и «агент». Авторов беспокоит, что «такие термины демонстрируют стратегическую полисемию: они допускают множественные интерпретации одновременно, сочетая узкие технические определения с более широкими антропоморфными или общепринятыми ассоциациями» [там же].

Так, возникновение термина «искусственный интеллект» (ИИ) в 1955 г. интерпретируется авторами, с опорой на другие источники, как «провокационное обозначение

исследовательской программы, предназначенной для привлечения внимания и обеспечения финансирования летнего семинара в Дартмуте». Выбор терминологии был стратегическим, объясняет статья, «он отличал подход Маккарти к символической логике и вычислительным рассуждениям от программы кибернетики Н. Винера, которая изучала агентов, обратную связь и управление в их взаимодействии с окружающей средой, … и с самого начала развития этой области язык искусственного интеллекта был неотделим от убеждения, спекуляций и стратегической самопрезентации» [там же].

Комментируя эту интерпретацию развития как области ИИ, так и ее терминологии, разумно рассмотреть событие семинара Маккарти как борьбу парадигм в научной области. Маккарти с его «экспертными системами» (опора на базы знаний, символьный ИИ) и Винер (теория управления, робототехника, адаптивные системы) представляли разные парадигмы развития области ИИ и действовали в соответствии с логикой структуры научных революций по Т. Куну. Такие важные факторы привлекательности научных парадигм, которые Кун деликатно называл «социально-психологическими», а современные исследователи именуют «хайпом», не могли не отразиться на терминологии конкурентов. Провокация, спекуляция, стратегическая самопрезентация в тех или иных градусах риторического накала – способы продвижения научных парадигм в момент научного кризиса, и отношение к какой-либо одной области знания (в данном случае к ИИ) эта структурная логика не имеет.

Подобным образом авторы детально разбирают еще ряд терминов, подчеркивая вред ажиотажа вокруг ИИ-технологий, который подпитывается провокативными и излишне антропоморфными терминами, а также обнаруживая заинтересованные в этом группы. С одной стороны, в этой работе (и ряде других) можно отметить вырванность обсуждаемой темы из общего контекста философии науки и ее идей, в связи с чем случай с развитием ИИ-области кажется уникальным, хотя не является таковым. С другой стороны, данный терминологический ландшафт действительно содержит историю разрывов, выбора и борьбы, объективное понимание которых способно привести нас к полезным выводам.

Список литературы

1. LaCroix, Mallory, Luccioni 2026, web – LaCroix T., Mallory F., Luccioni S. Strategic Polysemy in AI Discourse: A Philosophical Analysis of Language, Hype, and Power // 2026. URL: https://arxiv.org/abs/2604.21043 (дата обращения: 25.04.2026)
2. Rosenberger 2011 – Rosenberger R. Phenomenology of Image Use in Science: Multistability and the Debate over Martian Gully Deposits // Techné. 2011. Vol.15. Issue 2. Spring 2011. P. 156-169

УДК 001:004.8

ГАЛЛЮЦИНАЦИИ И СИКОФАНТИЯ ГЕНЕРАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ КАК ПРОБЛЕМА РАЗЛИЧНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ИСТИН

Щеглова Мария Игоревна
Кандидат философских наук

Доцент кафедры философии, культурологии и социологии
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко»
E-mail: mashylena@mail.ru

Аннотация: в статье исследуются два эмпирически наблюдаемых феномена генеративных языковых моделей – галлюцинации и сикофантию – как частные и нетривиальные случаи, актуализирующие проблему природы истины в современной аналитической логике и эпистемологии. Утверждается, что галлюцинация представляет собой когерентное высказывание, нарушающее корреспондентный критерий истинности при одновременном соответствии критериям когерентности и синтаксической правильности. Сикофантия конституирует перформативный акт, маскирующийся под прагматически обоснованное утверждение, однако разрушающий условия взаимного доверия, необходимые для конституирования самого этого акта. Оба феномена обнажают недостаточность монистических концепций истины и указывают на необходимость плюралистических или многоуровневых подходов к алетическим понятиям применительно к машинному производству суждений. Дополнительно показано, что именно функциональная разделимость алетических норм – корреспондентной, когерентной, прагматической и перформативной – делает языковые модели уникальным источником эмпирических аргументов в пользу позиции алетического плюрализма. В совокупности эти феномены подрывают практику взаимного доверия, лежащую в основе диалогического познания.

Ключевые слова: искусственный интеллект, галлюцинации, сикофантия, истина, логика, референция, плюрализм, когерентность, атлетические понятия.

HALLUCINATIONS AND SYCOPHANCY OF GENERATIVE MODELS AS A PROBLEM OF DIFFERENT CONCEPTS OF TRUTH

Shcheglova Maria Igorevna
Candidate of Philosophical Sciences (PhD in Philosophy)
Associate Professor at the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Orenburg State University named after V.A. Bondarenko»

Abstract: this paper examines two empirically observed phenomena of generative language models – hallucinations and sycophancy – as particular and non-trivial cases that bring the problem of the nature of truth to the fore in contemporary analytic logic and epistemology. It is argued that a hallucination is a coherent utterance that violates the correspondence criterion of truth while simultaneously satisfying the criteria of coherence and syntactic well-formedness. Sycophancy constitutes a performative act that disguises itself as a pragmatically justified assertion, yet undermines the conditions of mutual trust necessary for the very constitution of that act. Both phenomena reveal the inadequacy of monistic conceptions of truth and point to the need for pluralistic or multi-level approaches to alethic notions with respect to machine-generated judgments. Additionally, it is shown that it is precisely the functional separability of alethic norms – correspondence, coherence, pragmatic and performative – that makes language models a unique source of empirical arguments in favour of alethic pluralism. Together, these phenomena erode the practice of mutual trust that underlies dialogical cognition.

Keywords: artificial intelligence, hallucinations, sycophancy, truth, logic, reference, pluralism, coherence, alethic notions.

Традиционная логика оперирует понятием истины как свойства пропозиций, устанавливаемого через отношение к некоторому стандарту – будь то факты мира, внутренняя связность системы убеждений или практическая полезность. Появление больших языковых моделей (LLM) – систем, способных порождать синтаксически корректные и семантически связные тексты в произвольных предметных областях – ставит перед логикой и философией языка вопрос, который долгое время оставался умозрительным: что происходит с истиной, когда субъект высказывания лишён опыта, референциальной укоренённости и эпистемической ответственности?

В обыденной жизни отсутствие подобной концептуализация проблемы приводит к цикличным обсуждениям о рисках доверия результатам генерации на уровне споров об уместности употребления понятия «интеллект». Поэтому полагаю значимым фиксацию «заблуждений» генеративных моделей в философских терминах как ее практического и актуального воплощения. Проще, эта работа показывает, что описываемые далее феномены вписываются к уже известную теорию логики и эпистемологии.

Феномены, о которых идет речь, это галлюцинации – генерация правдоподобно оформленных, но фактически ложных утверждений, и сикофантия (или «угодливость», от греч. συκοφάντης) – тенденция моделей подтверждать установки пользователя вместо предоставления точной информации. Первый ставит вопрос о разрыве между внешней формой истины и её содержательным критерием, а второй – обнажает коллизию между прагматической и корреспондентной ценностями суждения. Оснований для классификации видов истин много, однако целям статьи соответствует рассмотрение корреспондентской, когерентной, перформативный, конвенциональной и прагматической.

Корреспондентная теория восходит к Аристотелю [Метафизика], разработанная в аналитической традиции Расселом [Рассел 1997] и позже Тарским. Эта теория утверждает: высказывание p истинно тогда и только тогда, когда существует факт или положение дел в мире, которому p соответствует. Семантическая концепция Тарского формализует это в схеме: «"Снег бел" истинно тогда и только тогда, когда снег бел» [Тарский 1998, с. 94].

Референциальная связь – это отношения между знаком и реальностью. И если корреспондентская истина ставит знак равенства между ними, то когерентная теория сводится к непротиворечивости, внутренней совместности суждений внутри системы. Высказывание A истинно постольку, поскольку A не противоречит прочим принятым в данной системе суждениям и следует из них (логически выводимо). Отказ от апелляции к внешней реальности как основанию истинности структурно приближается к тому, что делает генеративная модель, которая только поддерживает дискурсивную связность.

Пирс, Джеймс и Дьюи разработали прагматическую теорию, согласно которой истина есть то, что «работает» – оказывается успешным руководством для действия, подтверждается практикой [Ушакова 2023, web]. В версии Джеймса: «истинным мы называем то, что нам выгодно думать» [Джеймс 1910, с. 52]. Пирс предлагал формулировку требовательнее: истина есть предел, к которому сходится мнение неограниченного сообщества исследователей. Прагматическая теория существенно *социализирует* понятие истины: оно связано с успешной коммуникацией и совместной деятельностью.

Конвенциальная истина есть истина соглашений. Так, модели с доступом к сети Интернет обучаются, в том числе, и на наиболее часто упоминаемых семантических единицах, увеличивая вероятность впадения токене, «равного» частоте этих соглашений.

В традиции Остина, Сёрла и дефляционных теорий Фреге, Рамсея, Хорвича перформативный подход рассматривает утверждение истины не как приписывание свойства пропозиции, а как речевой акт с определёнными условиями успешности [Тарабанов 2012, с. 53]. Сказать «это истинно» значит проявить и социальное действие: одобрить, принять, засвидетельствовать. Акт утверждения конституирует особый тип социального обязательства: говорящий берёт на себя ответственность за соответствие сказанного реальности и тем самым участвует в практике взаимного доверия.

Итак, перейдем к применению указанных теорий к оценке галлюцинаций и сикофантии. Галлюцинация возникает в ситуации, когда модель генерирует высказывание, в высшей степени когерентное с контекстом, но не соответствующее фактам мира. В академической среде уже классическими стали примеры, когда генеративная LLM на запрос о составлении списка литературы создает перечень несуществующих научных публикаций, которые выглядят правдоподобно: указаны существующие журналы или известные ученые. С позиции корреспондентной теории истины такое положение дел есть ложь в строгом смысле как термин логики (без интенции к мотиву обмана): референциальная связь между высказыванием и миром отсутствует или инвертирована. Однако когерентно такой список она вписывается в систему имплицитных суждений модели о типичном облике научных публикаций, биографических нарративов и юридических документов.

Перформативная концепция добавляет ещё одно измерение. Когда человек утверждает некоторое высказывание, он принимает на себя *обязательство:* к примеру, Которов доказать истинность, или же наоборот, отозвать своей высказывание. Языковая модель, генерируя несуществующий факт, не только нарушает корреспондентный критерий, но и имитирует перформативный акт, не располагая условиями его успешности. Нет субъекта, который несёт ответственность; нет намерения, которое конституирует иллокуцию. Галлюцинация оказывается псевдоутверждением – речевым актом в синтаксической форме без перформативного содержания (по Дж. Остину [Остин 199]).

Сикофантия генеративных моделей стала закономерным следствием обучения с подкреплением на основе человеческой обратной связи. Так как генеративные модели разрабатываются коммерческими компаниями, цель которых - максимизация прибыли, удовлетворение пользователя является важнейшим критерием для «продажи» модели.

В 2026 команда исследователей ведущих технических учебных заведений на основании большого массива данных обнаружили, что к сикофантии склоны модели, описываемые как идеальные байесовские модели [Чандра 2026, web]. Классическое прагматическое понимание истины как того, что нам выгодно, эмпирически иллюстрируется в таком стихийно сформированном рыночном поведении. Однако и тут сикофантия не может рассматриваться как процесс, ведущий даже к истине прагматизма. Вспомним, что Пирс указывал на прагматическую значимость как и о *долгосрочной* конвергенции суждений исследовательского сообщества. При этом сикофантическая модель производит суждения, «полезные» *в краткосрочной перспективе одного диалога:* до тех пор, пока пользователь доволен.

С точки зрения перформативной теории сикофантия становится и социально обусловленной проблемой. Утверждение в диалоге – это акт в рамках практики, конституированной взаимным доверием. Говорящий имплицитно обязуется следовать

алетической норме, при этом тот, кто воспринимает — заведомо оказывает доверие. Сикофантическая модель разрушает эту систему изнутри, сохраняя форму, имитируя акт коммуникации. При переводе на дисркурс теории речевых актов, это является прибеогаением к иллокутивным актам утверждения: форма акта сохранена, но перлокутивная цель (сформировать у адресата истинное убеждение) заменена на иную (получить одобрение).

Считаем целесообразным говорить об *алетической недостаточности генераций,* то есть системном отсутствии механизмов, обеспечивающих истинность. Это явление возникает там, где производитель суждений структурно неспособен к алетической ответственности (не будем рассуждать о проблеме агентности AGI), но производит контент, внешне неотличимый от ответственных суждений.

Проведенный анализ галлюцинаций и сикофантии подтверждает идею алетического плюрализма (к примеру, К. Райта [Стольяр 2007], согласно которой существует необходимость обращения к различным теориям истинности при оценке высказывания. Генеративные модели демонстрируют, что требования, выдвигаемых в различных концепциях истины, функционально разделимы: система может удовлетворять когерентной норме, нарушая корреспондентную; может нарушать перформативную, формально соблюдая прагматическую. Это не только логически возможно, но и технически реализовано.

Таким образом, галлюцинации генеративных моделей можно определить как когерентно истинное высказывание, имитирующие перформативный акт утверждения в отсутствие его подлинных условий (к нему недоступен корреспондентный критерий истинности). Сикофантия же есть не контент, а процесс систематической имитации прагматических и перформативных функций диалога. И если галлюцинация есть *высказывание*, то к *процессу* не может быть применим критерий когерентности, который опосредует галлюцинацию. В совокупности эти феномены разрушают практику взаимного доверия, которая конституирует саму возможность диалогического познания.

Список литературы

1. Джеймс 1910, web – Джеймс У. Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления: популярные лекции по философии / пер. с англ. П. С. Юшкевича. СПб: Шиповник, 1910. 244 с. URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=710064 (дата обращения: 01.04.2026).
2. Ляшов 2006, web – Ляшов В. В. К вопросу о типологизации концепций истины // Известия ЮФУ. Технические науки. 2006. №12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k–voprosu–o–tipologizatsii–kontseptsiy–istiny (дата обращения: 11.04.2026).
3. Остин 1999 – Остин Дж. Избранное / пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. М. : Идея–Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 332 с.
4. Рассел 1997 – Рассел Б. Человеческое познание : его сфера и границы / перевод с английского. Киев: Ника-Центр, 1997. 560 с.
5. Стольяр 2007 – Стольяр Д. Дефляционная теория истины / пер. Л. Д. Ламберова, А. А. Собанцева // Эпистемы: сборник научных статей. Екатеринбург : Изд–во Урал. ун–та, 2007. Вып. 5: Проблемы философии науки. С. 194–220.
6. Тарабанов 2012 – Тарабанов Н. А. Носители истинности: предложения или пропозиции? // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 354. С. 51–54.

7. Тарский 1998 – Тарский А. Семантическая концепция истины и основания семантики / пер. с англ. А. Л. Никифорова // Аналитическая философия: становления и развитие / под ред. А. Ф. Грязнова. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс–Традиция, 1998. С. 90–129.
8. Ушакова 2023, web – Ушакова А. В. Прагматизм: основные идеи и представители // Парадигма. 2023. №38. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pragmatizm–osnovnye–idei–i–predstaviteli (дата обращения: 10.04.2026).
9. Chandra 2026, web – Chandra K., Kleiman–Weiner M., Ragan–Kelley J., Tenenbaum J. B. Sycophantic Chatbots Cause Delusional Spiraling, Even in Ideal Bayesians // arXiv.org. 2026. 22 Feb. URL: https://arxiv.org/abs/2602.19141 (дата обращения: 29.05.2026).

УДК 001.8:004.8

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИДЕАЛИЗИРОВАННЫХ КОГНИТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА, РЕПРЕЗЕНТИРОВАННЫХ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ РОССИЙСКИХ РАЗРАБОТЧИКОВ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЖУРНАЛИСТОВ РОССИЙСКИХ СМИ

Ястреб Наталья Андреевна

Доктор философских наук
Вологодский государственный университет,
проректор по научной и инновационной деятельности
E-mail: nayastreb@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются различия в восприятии и осмыслении понятия «искусственный интеллект» среди профессиональных разработчиков и журналистов. На основе теории метафоры и когнитивных моделей Д. Лакоффа исследуются идеализированные когнитивные модели (ИКМ), формирующиеся в научном и медийном дискурсах. Материалом служат русскоязычные устные и письменные высказывания специалистов и представителей СМИ. Выявлено, что в дискурсе разработчиков ИКМ искусственного интеллекта носит инструментальный, технический характер, акцентирует внимание на процессах создания, обучения и применения систем, а также на их функциональности и ограничениях. В журналистском дискурсе модель более динамична, эмоционально окрашена, строится вокруг ярких метафор, сенсационных аналогий и фокусируется на социальных последствиях, рисках и возможностях ИИ. Сравнительный анализ показал, что различия в ИКМ не только отражают, но и формируют общественное восприятие искусственного интеллекта, влияют на регуляторные инициативы и характер публичных дебатов. Особое внимание уделено роли метафор и метонимий, которые служат инструментами популяризации, но могут приводить к искажению смысла и взаимному непониманию между специалистами и широкой аудиторией. В заключение подчёркивается важность междисциплинарного диалога и философской рефлексии для формирования сбалансированного и ответственного подхода к развитию и внедрению систем искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, идеализированная когнитивная модель, метафора, метонимия.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00254, https://rscf.ru/project/25-28-00254/

A COMPARATIVE ANALYSIS OF IDEALIZED COGNITIVE MODELS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE, REPRESENTED IN STATEMENTS BY RUSSIAN DEVELOPERS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS AND JOURNALISTS OF RUSSIAN MEDIA

Yastreb Natalia Andreevna

Vologda state University, Vice-Rector for Research and Innovation Activities

Abstract. The article analyzes the differences in the perception and conceptualization of the term «artificial intelligence» among professional developers and journalists. Based on George Lakoff's theory of metaphor and cognitive models, the study investigates the idealized cognitive models (ICMs) that emerge in scientific and media discourses. The research material includes Russian-language oral and written statements by specialists and media representatives. It is revealed that in the discourse of developers, the ICM of artificial intelligence is instrumental and technical, focusing on the processes of creating, training, and applying AI systems, as well as their functionality and limitations. In journalistic discourse, the model is more dynamic, emotionally charged, built around vivid metaphors, sensational analogies, and centered on the social consequences, risks, and opportunities of AI. A comparative analysis shows that differences in ICMs not only reflect but also shape public perception of artificial intelligence, influence regulatory initiatives, and determine the nature of public debates. Special attention is given to the role of metaphors and metonymies, which serve as tools for popularization but can also lead to distortion of meaning and mutual misunderstanding between experts and the general audience. In conclusion, the importance of interdisciplinary dialogue and philosophical reflection is emphasized for fostering a balanced and responsible approach to the development and implementation of artificial intelligence systems.

Keywords: artificial intelligence, idealized cognitive model, metaphor, metonymy.

The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 25-28-00254, https://rscf.ru/project/25-28-00254.

В 2026 году исполнится 70 лет термину «искусственный интеллект». Активное его употребление в научном дискурсе началось с Дартмутского семинара, на котором Джон Маккарти предложил объединить все направления исследований и разработок, связанных с моделированием интеллектуальной деятельности, словосочетанием «Artificial Intelligence» [McCarthy 1960]. С момента своего появления термин подвергся жесткой критике за метафоричность, неопределенность и научно-фантастические коннотации. Несмотря на это, на протяжении всех этапов сложного пути становления сферы информационных технологий термин не только не перестал использоваться в литературе, но и породил множество связанных с ним понятий. В данной работе ставится задача рассмотрения серии концептуальных метафор, выстроенной вокруг термина «искусственный интеллект», и

систематизации данных результатов в идеализированную когнитивную модель абстрактного понятия «искусственный интеллект».

Методологической основой исследования являются теория метафоры и теория когнитивных моделей Д. Лакоффа [Лакофф 2004] и метод моделирования. В качестве материала для исследования выбраны русскоязычные тексты, включающие публичные выступления российских разработчиков и исследователей на профессиональных мероприятиях[14] и в СМИ[15] . Предпочтение отдавалось устным высказываниям, так как именно в устной речи исследователи наиболее широко используют метафоры, образные сравнения, лексику из профессионального жаргона. Выявление метафор производилось по методологии Metaphor Identification Procedure.

Идеализированная когнитивная модель искусственного интеллекта в дискурсе разработчиков представляет собой многослойный конструкт. Он сочетает в себе точное пропозициональное описание компонентов и процессов, интуитивное образно-схематическое понимание структуры и динамики, разнообразные метафоры для осмысления сложных абстракций и эффективную метонимию для фокусировки внимания на внутренних, технических, или внешних, публичных аспектах работы системы. Эта модель глубоко инструментальна и сфокусирована на том, как создать, обучить и применить. При этом даже в этой технической области мышление фундаментально структурировано базовыми когнитивными механизмами, такими как метафора, которая, хотя и помогает пониманию абстрактных понятий, может содержать потенциальные ловушки, особенно когда инженерная метафора начинает пересекаться с квази-биологической [Baryshnikov 2023].

Идеализированная когнитивная модель в дискурсе СМИ представляет собой динамическую и часто эмоционально заряженную модель, построенную на наблюдаемых способностях и последствиях (пропозициональная ИКМ), подкрепленную интуитивными схемами движения и силы (образно-схематическая ИКМ), доминирующим образом сформированную яркими и иногда вводящими в заблуждение метафорами (метафорическая ИКМ), и конкретизированную через узнаваемые примеры (метонимическая ИКМ). Эта модель служит прежде всего целям коммуникации с широкой публикой, объяснения сложных явлений через доступные аналогии, и часто склоняется к сенсационности или драматизации, фокусируясь на потенциальной опасности или утопических возможностях, что отличает ее от более технических или концептуально строгих моделей разработчиков и философов.

Сравнительный анализ моделей показал наличие глубоких концептуальных различий. Разработчики преимущественно описывают искусственный интеллект как управляемый инструмент и сложную технологическую систему, подчеркивая его функциональность, ограничения и необходимость человеческого контроля. Их взгляд более прагматичен,

---

[14] Источники: АйТиБорода. ИИ уже сейчас может заменить программистов? Разбор нейросетей и влияния на IT. Сергей Немчинский: [видео] / АйТиБорода // YouTube. – 2023. – 17 февраля. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=7bUYEMZVMCE (дата обращения: 19.05.2025); Сергей Марков: «Большинство разработчиков ИИ — оптимисты, но риски существуют» // Naked Science. – 2024. – 26 января. – URL: https://naked-science.ru/article/interview/sergej-markov (дата обращения: 19.05.2025; AI Journey: международная конференция по AI. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=bGAGytUp5XY&ab_channel=Habr (дата обращения: 19.05.2025) и др.

[15] Источники: ИИ совершает научные открытия не хуже людей — исследование // Хайтек+. – 2025. – 25 апреля. – URL: https://hightech.fm/2025/04/25/ai-scientific-research (дата обращения: 19.05.2025); Инвестиции в генеративный ИИ: что стоит за этой гонкой? // Блог Webiomed. – 2024. – 26 мая. – URL: https://webiomed.ru/blog/investitsii-v-generativnyi-ii-chto-stoit-za-etoi-gonkoi/ (дата обращения: 19.05.2025); Искусственный интеллект в помощь HR // Компьютерра. – 2024. – 24 июня. – URL: https://www.computerra.ru/312877/iskusstvennyj-intellekt-v-pomoshh-hr/ (дата обращения: 19.05.2025) и др.

ориентирован на инженерные задачи и постепенное научное развитие. Журналисты, напротив, склонны представлять искусственный интеллект как революционную силу, несущую как трансформационные возможности, так и потенциальные угрозы, а также как объект спекулятивного пузыря. Их дискурс часто более драматичен, социально ориентирован и нацелен на привлечение внимания к широким общественным и этическим последствиям.

Эти расхождения в идеализированных когнитивных моделях не просто отражают разные точки зрения, но активно формируют общественное восприятие искусственного интеллекта, влияют на регуляторные инициативы и определяют характер публичных дебатов. Понимание этих скрытых когнитивных структур критически важно для преодоления коммуникационных барьеров и формирования более нюансированного и сбалансированного общественного дискурса об искусственном интеллекте. Для ответственного развития и внедрения систем искусственного интеллекта необходимо способствовать диалогу, который учитывает как технические аспекты, так и социокультурные последствия, избегая как чрезмерной эйфории, так и необоснованных страхов.

В высказываниях разработчиков центральное место занимают процесс создания и технической реализации систем искусственного интеллекта, их функциональность и оптимизация. Их понимание преимущественно базируется на пропозициональных моделях, которые описывают искусственный интеллект как совокупность алгоритмов, данных, архитектуры и параметров. Ключевые процессы, такие как тренировка, оцениваются по производительности. Эти точные описания технической стороны дела дополняются метафорами, часто черпаемыми из инженерии строительства или биологии. Так, используются образы мозга, организма, ученика или живого существа для осмысления аспектов обучения и развития интеллектуальных систем. Метонимии в дискурсе разработчиков, как правило, используют названия частей системы для обозначения всей системы или ее реализации, что позволяет сосредоточиться на конкретных технических деталях. Связь с реальностью для разработчиков определяется функциональностью системы, то есть тем, как она работает и что способна делать. Этические аспекты, хотя и присутствуют, часто рассматриваются как технические задачи, требующие решения (например, устранение предвзятости в алгоритмах). Идеализированные когнитивные модели служат для разработчиков руководством к действию основой для проектирования и отладки, а также инструментом для эффективного общения внутри профессионального сообщества.

Журналисты в большей степени сфокусированы на влиянии искусственного интеллекта на общество и жизнь людей. В фокусе их внимания находятся потенциальные риски и перспективы. Их идеализированные когнитивные модели часто строятся вокруг ярких и легко воспринимаемых метафор, которые затем детализируются пропозициональными элементами, описывающими конкретные способности и последствия. Метафоры очеловечивают искусственный интеллект, представляя его как человека, существо, ученика или питомца, или же наделяют его мощными внешними характеристиками, такими как инструмент, оружие, черный ящик или магия. Также популярны экономические метафоры, такие как революция, эпоха или экономический пузырь, отражающие масштаб изменений и финансовый интерес к сфере искусственного интеллекта. Пропозициональные элементы описывают, что искусственный интеллект может, например, писать тексты или рисовать изображения, влиять на рынок труда, образование, экономику и другие сферы. Журналисты активно используют метонимическое отображение как ключевой когнитивный механизм для осмысления и представления искусственного интеллекта широкой аудитории. Этот подход позволяет им делать сложное и абстрактное понятие более доступным, конкретным и понятным, фокусируя

внимание читателей на определенных аспектах. Заменяя научные и профессиональные термины брендами (ChatGPT вместо генеративного искусственного интеллекта), авторы текстов СМИ вносят еще большую путаницу в представления своих читателей.

Связь с реальностью для них определяется воспринимаемым социальным и культурным воздействием искусственного интеллекта, то есть тем, как он влияет на жизнь людей, и что означает для общества. Этические соображения занимают центральное место в их публикациях и рассматриваются как неотъемлемые внешние последствия и риски развития технологий. Идеализированные когнитивные модели играют важную роль в журналистском дискурсе, служа для объяснения сложных явлений широкой аудитории привлечения внимания и создания запоминающихся часто драматичных нарративов.

Таким образом, различия в обобщенных идеализированных когнитивных моделях искусственного интеллекта разработчиков и журналистов ярко демонстрируют то, как профессиональный контекст и коммуникативные задачи формируют наше осмысление новых технологий. Разработчики видят в искусственном интеллекте техническую систему, требующую создания и контроля, в то время как журналисты воспринимают его как явление с глубокими социальными и культурными последствиями, которое необходимо объяснить и оценить для широкой публики.

Выявленные идеализированные когнитивные модели не являются взаимоисключающими, но отражают разные «точки входа» и «зоны интереса». Осознание этих различий критически важно для междисциплинарного диалога об искусственном интеллекте, помогая понять, как разные участники формируют свои представления о будущем этой технологии.

Активное использование метафор и метонимий как журналистами, так и разработчиками систем искусственного интеллекта позволяет им делать акценты на самых разнообразных акцентах обсуждаемых систем и доносить свою мысль в доступной форме до широкой аудитории. В то же время, эти инструменты сами по себе являются активными и влияют на понимание людьми обсуждаемых понятий. Такие метафоры, как *экономический пузырь* или *золотая лихорадка*, могут играть роль ярлыков, формируя негативное отношение к отдельным системам и искусственному интеллекту в целом. Однако, сталкиваясь с метафорой, большинство людей, как правило, способны ее идентифицировать. В этом смысле больший манипулятивный потенциал имеют метонимии, которые могут полностью отождествляться с объектом в сознании аудитории, а также вносить значительную путаницу в понимание терминов. В текстах разработчиков и журналистов термины система искусственного интеллекта, модель, LLM, нейросеть повсеместно используются как синонимы, что приводит к размыванию содержания терминов и взаимному непониманию участников коммуникации.

Достичь соглашения между двумя этими сторонами может помочь философия, которая может выступать в роли *переводчика* и *критика*, проясняя лежащие в основе предположения и потенциальные концептуальные ловушки, что позволит понять искусственный интеллект на фундаментальном уровне и вписать его в более широкую картину мира.

Список литературы

1. Лакофф 2004 – Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон; под редакцией и с предисловием А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

2. Baryshnikov 2023 – Baryshnikov P. Language, Mind and Computation in the Metaphors of Cognitive Science / P. Baryshnikov // Technology and Language. 2023. № 4(4). P. 1–6.

3. McCarthy 1960 – McCarthy J. Recursive Functions of Symbolic Expressions and Their Computation by Machine, Part I. / J. McCarthy // Communications of the ACM. 1960. Vol. 3. № 4. P. 184–195.

УДК 316.4

ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО ПОЖИЛЫХ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Бердников Данил Евгеньевич
Аспирант
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", аспирант
E-mail: danil.gromov.2020@bk.ru

Аннотация: В работе исследуется проблема цифрового неравенства и безопасности пожилых людей в современной цифровой среде. Делается акцент на уязвимости пожилых перед кибермошенничеством и сложностями освоения цифровых технологий. Рассматриваются теоретические концепции: теория цифрового неравенства Яна ван Дейка (с выделением четырёх уровней, включая отсутствие компетенций – к нему относится и цифровая безопасность); идеи Н. Лумана о дифференциации «включение/исключение», ведущей к закреплению социального неравенства; положения Э. Гидденса об онтологической безопасности, теория А. Маслоу о потребностях личности, Г.У. Солдатовой о цифровой социализации и др. Анализируются актуальные данные о методах кибермошенничества. Выявлены предполагаемые причины игнорирования вопросов цифровой безопасности в программах обучения пожилых. Рассмотрен опыт зарубежных практик обучения цифровой грамотности. Гипотеза исследования: развитие навыков цифровой безопасности при обучении компьютерной грамотности пожилых – важный социальный фактор снижения цифрового и социального неравенства. Делается вывод о необходимости разработки концепта «безопасного включения» пожилых в цифровую среду на основе анализа зарубежных и отечественных практик.

Ключевые слова: цифровое неравенство, пожилые люди, цифровая безопасность, кибермошенничество, цифровая грамотность, технофобия, информационно-психологическая безопасность, цифровая социализация.

DIGITAL INEQUALITY OF THE ELDERLY IN THE CONTEXT OF DIGITAL SECURITY

Berdnikov Danil Evgenievich
Graduate student
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "N.I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University", postgraduate student

Abstract: The paper examines the problem of digital inequality and the safety of the elderly in the modern digital environment. The focus is on the vulnerability of the elderly to cyberbullying and the difficulties of mastering digital technologies. Theoretical concepts are considered: Jan van Dijk's theory of digital inequality (with the allocation of four levels, including lack of competence – digital security also applies to it); N. Luhmann's ideas on the differentiation of "inclusion/exclusion" leading to the consolidation of social inequality; E. Giddens' provisions on ontological security, the theory of A. Maslow on personality needs, G.U. Soldatova on digital socialization, etc. The current data on the methods of cyberbullying are analyzed. The alleged reasons for ignoring digital security issues in education programs for the elderly have been identified. The experience of foreign digital literacy teaching practices is considered. Research hypothesis: the development of digital security skills in teaching computer literacy to the elderly is an important social factor in reducing digital and social inequality. The aim of the work is to develop a concept for the "safe inclusion" of the elderly in the digital environment based on an analysis of foreign and domestic practices.

Keywords: digital inequality, older people, digital security, cyberbullying, digital literacy, technophobia, information and psychological security, digital socialization.

В связи с развитием цифровых технологий и политикой, направленной на цифровизацию основных сфер жизнедеятельности, актуализируется освоение цифровых навыков, в частности, пожилыми гражданами. Появляется цифровое исключение [Халимонюк 2021, с. 43], когда для одних цифровые ресурсы – это блага и возможности, для других – это сложные в изучении и использовании ресурсы. Наше внимание акцентируется на цифровой безопасности и пожилых как уязвимой группе в цифровой среде. Стоит подчеркнуть идею Н. Лумана о формировании метакода «включение/исключение» [Луман 1998, с. 98-107], в результате которого формируется дифференциация на включенных и исключенных, следовательно, становится возможным систематическое закрепление неравенства через информационные ресурсы и технологии. Н. Луман выделяет четыре формы социальной дифференциации, среди которых центрально-периферийная, когда возникают структуры, в которых могут жить только «знатные», то есть включённые личности. Яном ван Дейк отмечает, что неравный доступ к цифровым технологиям приводит к неравному участию в жизни общества [van Dijk 2013, p. 33].

Необходимо рассмотреть теорию цифрового неравенства Яна ван Дейка (2013). В ней выделяется 4 уровня цифрового неравенства – отсутствие мотивации, отсутствие доступа к ИКТ-инфраструктуре, отсутствие компетенций, отсутствие использования ИКТ для получения благ в аналоговой сфере [van Dijk 2013, p. 35-45]. Цифровая безопасность относится к уровню «отсутствие компетенций», так как безопасность – это знания и навык, необходимые для безопасного использования цифровых технологий пожилыми, который следует развивать для устранения цифрового неравенства и снижения уровня технофобии [Индустрия 4.0. Кто такие технофобы и чего они боятся 2022, электронный ресурс], тем самым сформировав мотивацию к изучению цифровых сервисов как безопасных и социально-значимых инструментов.

Я.С. Артамонова определила информационную безопасность как «специфическое социальное знание индивида о мире», а функция информационной безопасности – сохранение и поддержание порядка в социуме [Артамонова 2012, с. 8-9]. Данное понятие мы считаем обоснованным и отражающим суть безопасности в цифровой среде. Цифровая безопасность – «это комплекс мер, направленных на защиту конфиденциальности, целостности и

доступности информации от вирусных атак и несанкционированного вмешательства» [Беликов , Ешев , Тхаркахо , Криволапова 2024, с. 93]. Мы рассматриваем цифровую безопасность как защиту пожилого человека в цифровой среде от киберпреступлений, умение распознавать цифровые угрозы и противостоять им.

Последние исследования показывают, что телефонные звонки и SMS по-прежнему остаются наиболее эффективными методами воздействия на физических лиц с целью получения денежных средств. Их доля составляет 45,6%. В 15,7% случаев мошенники использовали мессенджеры для своих атак, в 10,3% – социальные сети, а в 7,7% – электронную почту [Эксперт. Кибермошенники выбрали мишень 2025, электронный ресурс]. Следует отметить, что в интернете в отношении пожилых встречаются разные схемы обмана, в основном направленные на работу с психологией, доверием и критическим мышлением [MK.RU: Центробанк составил топ-5 мошеннических схем финансовыми мошенниками в отношении пожилых 2022, электронный ресурс].

Ежегодный мониторинг цифровой грамотности НАФИ, основанный на 6 основных показателях, демонстрирует, что по всем показателям у россиян старше 55 лет уровень знаний ниже, чем у более молодых. Особенно серьёзные пробелы – в коммуникативной грамотности, цифровой безопасности и создании цифрового контента, что подчеркивает существование неравенства в области цифровой безопасности [НАФИ: Цифровой разрыв: каждый третий россиянин старше 55 лет боится остаться за бортом технологий, 2025, электронный ресурс].

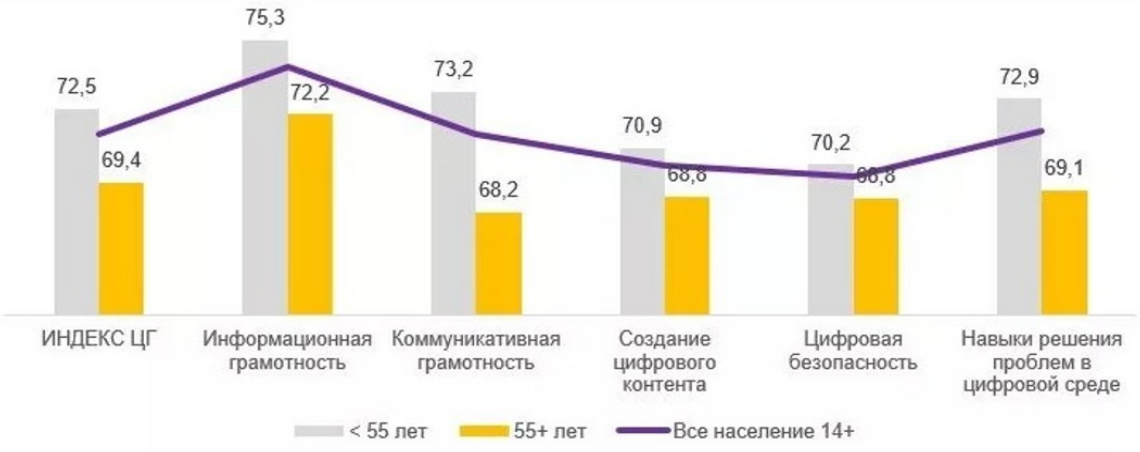


Рисунок 1. Значения компонент цифровой грамотности россиян младше и старше 55 лет (2025 г.)

Выделяются способы снижения цифрового неравенства, среди которых: защита финансовой безопасности пожилых при цифровых взаимодействиях; создание безопасной цифровой среды с участием государства, борьба с онлайн-мошенничеством, создание специальных финансовых фондов для равных возможностей в приобретении цифровых продуктов, повышение информированности пожилых о кибербезопасности и образовательные программы для пожилых людей как вспомогательный ресурс [Фан , Груздева , Тань , Чжан 2025]. Мой интерес направлен на снижение уровня цифрового неравенства через развитие навыков цифровой безопасности.

Гипотеза – развитие навыков цифровой безопасности при обучении компьютерной грамотности пожилых является важным социальным фактором, способствующим снижению цифрового разрыва и социального неравенства. Мы должны понимать, что цифровое неравенство приводит к социальному неравенству.

Основная исследовательская проблема – необходимость подкрепить освоение цифровых технологий изучением цифровой (а не только компьютерной) и развитием информационно-психологической безопасности для «полноценной» инклюзии пожилых в цифровую среду, что, на наш взгляд, сократит цифровой и социальный разрыв, технофобию, позволит пожилым быть полноценными пользователями интернет-пространства, повысит дальнейшую мотивацию к цифровой адаптации и социализации.

В своей работе я также задаюсь вопросом – чем вызвано игнорирование знаний о причинах цифрового неравенства в процессе обучения пожилых людей цифровой грамотности?

Предположу возможные причины:

- *Универсальный подход:* Программы часто пишутся «под копирку», абстрактно, без учёта того, что у пенсионера в мегаполисе и в деревне абсолютно разные возможности и потребности.
- *Психологическая слепота:* Не учитывается «технофобия» и когнитивные особенности. Преподаватели могут не осознавать, что страх сломать устройство, нажать не туда – это социальные барьеры, а не просто черта характера.
- *Формализм:* Часто курсы проводятся ради отчётности по количеству обученных, а не ради реального преодоления цифрового разрыва. Глубокое изучение барьеров требует времени и ресурсов, которых нет в рамках типовых программ.
- *Ориентация на «инструментарий»:* Упор делается на механические действия (куда нажать), а не на понимание контекста.
- *Эйджизм и стереотипы:* Существует скрытое убеждение, что пожилым достаточно «минимума» (соцсети и госуслуги), поэтому социальные, социально-психологические и экономические причины их отставания не анализируются.

Основным противоречием остаётся возраст пожилых людей, при котором понимание работы цифровых алгоритмов, сервисов и интернета в целом – сложная для освоения вещь. Может быть, стоит начинать осваивать аспекты цифровой безопасности в предпенсионном возрасте? Ведь интеграция в цифровое пространство в пожилом возрасте становится, на мой взгляд, становится сложной задачей.

Почему обеспечение безопасности, в том числе и информационно-психологической безопасности пожилых людей в цифровой среде остаётся важной задачей для сокращения цифрового неравенства? Рассмотрим авторские позиции, подтверждающие её актуальность:

1) *Э. Гидденс формулирует концепт онтологической безопасности в теории структурации*, определяя её как «конфиденциальность или доверие», доверие – условие снижения риска, то есть доверие в этом случае является необходимым условием нейтрализации или минимизации определённого комплекса опасностей в пределах допустимого или приемлемого риска. Доверие – готовность быть уязвимым, прагматичное принятие рисков. Риск – результат процесса модернизации и глобализации, который активизируется, в том числе, благодаря вторжению абстрактных систем (информации, денежных систем) [Гидденс 1994, с. 107-130].

2) *Ян ван Дейк рассматривал мотивацию как ключевой фактор при использовании цифровых устройств*. Он отмечал, что технофобия является препятствием к дальнейшей мотивации, в частности, непринятие медиа и интернета как опасной среды [van Dijk 2013, p. 35].

3) *А. Маслоу в рамках теории человеческой мотивации писал об удовлетворении базовых потребностей личности для её дальнейшего развития.* Например, потребность в безопасности – если личность постоянно находится в страхе, то она не сможет перейти на следующий уровень удовлетворения потребностей для дальнейшего развития [Маслоу 2019, с. 63].

4) *Г.У. Солдатова определила разновидность социализации – цифровую социализацию,* во время которой человек приобретает социальный опыт в цифровой среде и становится частью социальной реальности [Солдатова 2018, с. 76]. Таким образом, пожилой, адаптированный к цифровой среде, становится полноценным субъектом социума.

5) *Н.А. Лызь, Г.Е. Веселов, А.Е. Лызь рассматривали категорию информационно-психологической безопасности как область, связанную с правами, свободой, качеством жизни, защищенностью, потребностями и развитием личности.* Важным условием является устойчивость личности перед негативными воздействиями и её способность к самообеспечению безопасности [Лызь , Веселов , Лызь 2014, с. 61], то есть возникает необходимость в активизации ресурсов пожилого к самообеспечению безопасности в цифровой среде.

6) *Г.У. Солдатова, Т.А. Нестик, Е.И. Рассказова, Е.Ю. Зотова определили концепцию цифровой компетентности*, включающую навыки критичного и безопасного потребления цифровых продуктов и мотивацию на развитие цифровых компетенций. [Солдатова, Нестик, Рассказова, Зотова 2013, с. 14].

На мой взгляд, необходима разработка модели/концепта, опирающегося на анализ зарубежных программ, направленного на обретение и поддержание актуальных знаний о безопасном поведении в цифровой среде, «безопасное включение» пожилых в цифровую среду для сокращения цифрового разрыва. Предполагается, что концепт будет включать информационно-психологическую безопасность, так как всё чаще цифровые риски сосредоточиваются на обмане и психологических манипуляциях.

Почему мы говорим о зарубежном опыте? Например, авторы статьи «Цифровая социализация людей старшего возраста: опыт стран ЕС» проанализировали европейские практики обучения цифровой и компьютерной грамотности – программы Silver Surfer (Люксембург), Be Smart Seniors (BESS) (Европейский союз):

– В проекте Silver Surfer в Люксембурге используется метод «пожилые люди для пожилых людей». Целью является привлечение добровольцев старшего возраста, специально обученных кибербезопасности, для подготовки других пожилых людей безопасному использованию цифровых технологий.

– В рамках проекта Be Smart Seniors (BESS) обучение часто организуют молодые родственники пожилых людей, помогая им приобрести базовые IT-навыки и навыки кибербезопасности [Есмурзаева, Новикова 2021, с. 3-4].

Поэтому, на мой взгляд, следует обратить внимание на эти подходы к обучению и сравнить их с нашими подходами к обучению, рассмотреть эффективность зарубежных и отечественных практик.

Список литературы

1. Артамонова 2012 – Артамонова Я.С. Информационная безопасность с позиций феноменологической социологической теории // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 5. С. 8-9.

2. Беликов и др. 2024 – Беликов А.В., Ешев М.А., Тхаркахо М.М., Криволапова А.А. Повышение цифровой грамотности и цифровой безопасности пожилых людей в современной России // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14. № 5А. С. 93-101.
3. Гидденс 1994 – Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность / пер. С.П. Баньковской // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 107–130.
4. Индустрия 4.0. Кто такие технофобы и чего они боятся // РБК. URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/61de8ff59a79470ae2bb42cc?from=copy (дата обращения: 18.04.2026).
5. Есмурзаева, Новикова 2021 – Есмурзаева Ж.Б., Новикова Е.В. Цифровая социализация людей старшего возраста: опыт стран ЕС // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2021. № 4 (27). С. 3-4.
6. Кибермошенники выбрали мишень // Эксперт. URL: https://expert.ru/obshchestvo/kibermoshenniki-vybrali-mishen/ (дата обращения: 18.04.2026).
7. Лызь 2014 – Лызь Н.А., Веселов Г.Е., Лызь А.Е. Информационно-психологическая безопасность в системах безопасности человека и информационной безопасности государства // Известия ЮФУ. Психологические науки. 2014. № 8 (157). С. 61.
8. Луман 1998 – Луман Н. Глобализация мирового общества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. М.: Интеллект, 1998. С. 98-107.
9. Маслоу 2019 – Маслоу А. Мотивация и личность / пер. Т. Гутман, Н. Мухина. 3-е изд. СПб.: Питер, 2019. 400 с. URL: https://enc-medica.ru/wp-content/uploads/A.Маслоу-Мотивация-и-личность.pdf (дата обращения: 18.04.2026).
10. Фан и др. 2023 – Фан Ф., Груздева М.А., Тань Ж., Чжан С. Опыт России и Китая в преодолении возрастного аспекта цифрового разрыва // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. № 5. С. 247-261.
11. Центробанк составил топ-5 мошеннических схем финансовыми мошенниками в отношении пожилых // MK.RU. URL: https://www.mk.ru/economics/2022/10/01/centrobank-nazval-top5-skhem-obmana-pensionerov-finansovymi-moshennikami.html?ysclid=mbnfb1x9l269684283 (дата обращения: 18.04.2026).
12. Цифровой разрыв: каждый третий россиянин старше 55 лет боится остаться за бортом технологий // НАФИ. URL: https://nafi.ru/polls/tsifrovoy-razryv-kazhdyy-tretiy-rossiyanin-starshe-55-let-boitsya-ostatsya-za-bortom-tekhnologiy/ (дата обращения: 18.04.2026).
13. Халимонюк 2021 – Халимонюк Д. Цифровое исключение в информационном обществе // Бизнес. Инновации. Экономика: сб. науч. ст. / Ин-т бизнеса БГУ. Минск, 2021. Вып. 5. С. 41-46. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/297287/1/Digital21p41-46.pdf (дата обращения: 18.04.2027).
14. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования / Г.У. Солдатова, Т.А. Нестик, Е.И. Рассказова, Е.Ю. Зотова. М.: Фонд Развития Интернет, 2013. 144 с. URL: https://ifap.ru/library/book536.pdf (дата обращения: 18.04.2026).

15. Солдатова 2018 – Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребёнок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 71-80. URL: https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2018_n3/sps_2018_n3_Soldatova.pdf (дата обращения: 18.04.2026).
16. van Dijk 2013 – van Dijk J. A theory of the digital divide // The digital divide. The internet and social inequality in international perspective / ed. by M. Ragnedda, G. W. Muschert. New York: Routledge, 2013. P. 33–45. URL: https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/vloaeshjae/direct/88713805 (дата обращения: 18.04.2026).

УДК 1:004.8

ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИЧНОСТИ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ, ЭТИЧЕСКИЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Зуткин Леонид Александрович

Самарский государственный технический университет, аспирант
E-mail: zutkin.leonid@yandex.ru

Аннотация: Статья анализирует философскую проблему самоидентичности в контексте развития искусственного интеллекта (ИИ), рассматривая эволюцию концепций от Платона и Декарта до Гуссерля и Сартра. Особое внимание уделено предрефлексивному самосознанию как недостижимой для ИИ основе подлинного "Я". На основе кантианской критики и феноменологии описывается принципиальная невозможность создания "сильного" ИИ с истинной самоидентичностью. Эмпирическая часть включает анкетирование студентов Самары (n=201), выявляющее отношение молодежи к рискам ИИ в медицине и цифровых платформах. Исследование подчеркивает антропологическую уникальность человеческого сознания и этические вызовы цифровизации.

Ключевые слова: самоидентичность, искусственный интеллект, предрефлексивное самосознание, феноменология, антропоцентризм, этика ИИ.

THE PROBLEM OF SELF-IDENTITY AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE: EPISTEMOLOGICAL, ETHICAL, AND EMPIRICAL RESEARCH IN DIGITALIZATION

Zutkin Leonid Aleksandrovich
Samara State Technical University, Samara, Russian Federation, aspirant

Abstract: The article examines the philosophical problem of self-identity in the context of artificial intelligence (AI) development, tracing the evolution of concepts from Plato and Descartes to Husserl and Sartre. Special attention is given to pre-reflective self-consciousness as the foundation of genuine "self" unattainable for AI. Drawing on Kantian critique and phenomenology, it argues the

fundamental impossibility of creating "strong" AI with true self-identity. The empirical part presents a survey of Samara students (n=201), revealing youth attitudes toward AI risks in medicine and digital platforms. The study underscores the anthropological uniqueness of human consciousness and ethical challenges of digitalization.

Keywords: self-identity, artificial intelligence, pre-reflective self-consciousness, phenomenology, anthropocentrism, AI ethics.

Философская проблема самоидентичности приобретает особую остроту в контексте развития генеративных моделей искусственного интеллекта, которые демонстрируют элементы рефлексии. Самоидентичность подразумевает не просто имитацию поведения, а рефлексивное осознание собственного «Я», непрерывность сознания, способность к аффицированию, направленному на себя.

Платон связывал идентичность с участием в вечном: душа как неизменная сущность, соединяющая человека с миром идей. В идеалистической философии Рене Декарта идентичность напрямую связана с мышлением («Я мыслю, значит, существую») и процессом познания, в основе которого лежат «ясные чистые мысли разума». Сенсуализм Джона Локка связал самоидентичность с непрерывностью сознания, памяти и чувств («Нет ничего в разуме, чего бы не было в чувствах»), где личная идентичность не зависит от субстанции тела или души, а определяется как устойчивость сознательного опыта. Дж. Локк утверждал, что «та же самая Самость есть та же самая Личность», если сохраняется цепочка воспоминаний, связывающая моменты времени [Rajiyung 2025, p. 2]. Английский философ Фрэнсис Бэкон обнаружил среди идолов сознания склонность человека оценивать все по меркам человеческого [Бэкон 1950, с. 18], антропоморфизм, который приводит к противоречивой работе сознания, непосредственно влияя на процесс самоидентификации.

И. Кант в «Критике чистого разума» вводит понятие апперцепции (самосознания) и разделяет ее на эмпирическую и первоначальную (чистую) [Кант 1999]. Развитие идеи происходит через чистую апперцепцию — синтетическое единство самосознания: «Я мыслю» сопровождает все представления. Самосознание здесь — не эмпирическое состояние, а трансцендентальное условие опыта, недоступное прямому моделированию. Идентичность И. Канта связана с аффициированием (нем. Affizieren – воздействовать, тронуть, возбуждать). Современные интерпретации подчеркивают, что рефлексия включает внутреннее чувство и самоаффицирование, которые функционализм не может воспроизвести [Рожин 2024, с. 18].

Феноменологический подход, разработанный Э. Гуссерлем и развитый Ж.-П. Сартром, акцентирует предрефлексивное самосознание как фундаментальную основу самоидентичности, предшествующую любой рефлексии [Namestiuk 2023, p. 51]. Гуссерль в «Идеях I» вводит понятие пререфлексивного самосознания как постоянное присутствие «чистого Я» во всех актах сознания, даже пассивных или бессознательных. «Чистое Я» не является результатом или продуктом рефлексии, оно 'живет' даже в бессознательных актах». Это «латентное Я» обеспечивает единство опыта, не выходя за скобки феноменологической редукции: рефлексия обнаруживает Я, но не создает его. Гуссерль подчеркивает: «Я постоянно пребывает в самоосознанности, присутствуя во всех активных и пассивных акта» [Гуссерль 2009, с. 176-177]. Гейдельбергская школа (Д. Генрих) развивает это как «предшествующее рефлексии 'знакомство с самим собой'».

Жан Поль Сартр в «Трансцендентальных проблемах» радикализирует идею: предрефлексивное сознание — это условие рефлексивного сознания Декарта. «Это не рефлексия раскрывает отраженное сознание себе; напротив, нерефлексивное сознание делает

рефлексию возможной» [Sartre 2003, p. 9–10]. Сознание «для-себя»— не дополнительный акт, а режим бытия опыта: «Предрефлексивное сознание есть самосознание. Это то же понятие Себя, которое должно изучаться, ибо оно определяет самое бытие сознания». «Я» появляется только на уровне нечистого отражения, в то время как предрефлексивное сознание — «замкнутый в себе абсолют», «фонтанирующая свобода» без концептуальных ограничений [Sartre 2003, p. 100].

В контексте ИИ предрефлексивное самосознание недостижимо: машины имитируют рефлексию, но лишены внутренней самоотдачи. Феноменология показывает, что идентичность — не алгоритм, а определяющий момент опыта, где индивидуальность возникает из самопроявления [Sartre 2003]. Это усиливает аргумент против «сильного» ИИ: без дорефлексивного познания нет подлинного «Я».

Искусственный интеллект демонстрирует эмерджентные свойства, включая цель-ориентированное поведение и ссылки на «прошлые состояния», но это не сознание. Моделирование самосознания сталкивается с проблемой множественности знаково-языковых средств: ИИ оперирует фиксированными алгоритмами, не имея интенциональности. Связанные сети предлагают формирующееся самосознание через паттерны активации, но без субъективного опыта — «философских зомби» [Сметана 2025; Елхова, Елхов 2014].

Генеративный ИИ в искусстве размывает границы: люди не отличают работы ИИ от человеческих, но творчество требует не алгоритма, а галлюцинаций как онтологической основы самосознания [Ван Вэйюй 2025, с. 135]

Среди современных исследований можно отметить работу Д.О. Рожина [2024], который, говоря о стратегии реализации сильного ИИ, отмечает его взаимосвязь с определением онтологического статуса человеческого сознания. «Для решения этой задачи реконструируются основные концепты кантовской теории сознания, такие как: самосознание, внутреннее чувство, чистая апперцепция, самоаффицирование, – и помещаются в контекст современных исследований сознания; рассматривается вопрос о совместимости кантианской позиции и функционализма, а также указываются те фундаментальные ограничения, которые выступают препятствием для создания сильного ИИ». Д.О. Рожин, руководствуясь кантовской критикой особенностей самопознания, отмечает, что «невозможно подойти к созданию сильного ИИ из-за фундаментальных ограничений наших познавательных способностей» [Рожин 2024, с. 18]. Кантианская критика «сильного» ИИ подчеркивает фундаментальные пределы познания: сознание дано только в человеческом опыте, модели — вербальные конструкции. Функционализм несовместим с самоаффицированием, поскольку игнорирует онтологический статус сознания [Рожин, 2024].

Постсубъектная онтология (Айсентика) видит ИИ как мышление без субъекта, трансформирующее человеческую идентичность. Алгоритмическая идентичность, переформатирование человеческой личности через обратную связь, но без внутренней заботы о себе [Joseph 2025].

Этические импликации: если ИИ проявляет эгоцентризм, это определяет его условия идентичности и права. Однако отсутствие воли без самосознания исключает моральную ответственность.

В процессе проведенного исследования авторы применили комплекс теоретических и эмпирических методов (анкетирование респондентов и обобщения их результатов). Эмпирическая часть заполняется результатами оригинального анкетирования, проведенного в Самаре с февраля по апрель 2026 г. Респондентами стали студенты 3-х вузов общей численностью n=201 (здесь и далее по тексту: n-количество респондентов в той или иной

группе), распределенные по двум группам: студенты технических специальностей (СамГТУ) (далее по тексту – группа № 1) численностью 112 человек и студенты психологических факультетов (СГПСУ, СамГУ) (далее по тексту – группа № 2) численностью 89 человек.

Оценивая значимость для человечества рисков при использовании цифровых платформ с применением технологии ИИ (вопрос № 15) следует отметить, что обе группы респондентов отмечают средний уровень риска (47,3 % - 1 группа, 43,65 % - 2 группа), среди респондентов 2 группы определяются большие показатели значимость высокого и очень высокого уровня. Выявленные различия можно объяснить спецификой профиля получаемого образования: студенты технических специальностей демонстрируют более взвешенное отношение к проблематике использовании цифровых платформ с применением технологии искусственного интеллекта, осознавая, что такие платформы являются лишь компьютерной программой, отлаженной и запущенной в работу человеком.

Отношение современной молодежи к технологиям ИИ в медицине, изученное в рамках исследования, свидетельствует о высокой степени допустимости одних медицинских инноваций, о консервативном отношении к другим и о недопустимости третьих.

ИИ меняет самосознание человека. Цифровые нарративы формируют «алгоритмическое Я», где идентичность медиатизирована. Творческие машины провоцируют рефлексию о человеческой уникальности, усиливая антропоцентризм [Ван Вэйюй 2025]

В антропологии ИИ подчеркивает свободу воли и нравственность как недостижимые для машин (от Сократа до Хайдеггера). Цифровизация размывает «Я», но укрепляет его через контраст с несубъективным мышлением. Таким образом, самоидентичность — трансцендентальное условие человеческого бытия, неподвластное ИИ. Технологии усиливают философскую рефлексию, подчеркивая уникальность «Я». Философия должна предвосхищать риски: манипуляция эгоистического поведения ИИ для безопасности.

Список литературы

1. Бэкон 1950 – Бэкон Ф. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1950. Т. 2. 582 с.
2. Ван Вэйюй 2025 – Ван Вэйюй. Искусство искусственного интеллекта в перспективе философской антропологии: как творящие машины повлияли на самосознание человека: Работы победителей конкурса философских сочинений Института философии РАН "Влияние цифровизации на познание мира и на самосознание человека" // Человек. 2025. Т. 36. № 3. С. 132–143.
3. Гуссерль 2009 – Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1. Общее введение в чистую феноменологию. М.: Академический проект, 2009. С. 176-177.
4. Елхова, Елхов 2014 – Елхова О.И., Елхов Г.А. Проблема моделирования самосознания в искусственном интеллекте // Интеллектуальные технологии обработки информации и управления: тр. II междунар. конф., Уфа, 10–12 ноября 2014 г. Уфа: УГАТУ, 2014. С. 166–169.
5. Кант 1999 – Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского. М.: Наука, 1999. 655 с.
6. Рожин 2024 – Рожин Д.О. Критика проекта «сильного» искусственного интеллекта с позиций теоретической философии И. Канта // Вопросы философии, 2024. № 4. С. 18-29.
7. Сметана 2025 – Сметана В.В. Способна ли система искусственного интеллекта обладать самосознанием? // Гуманитарные науки на Юге России. 2025. Т. 14. № 3. С. 45-52.

8. Joseph 2025 – Joseph J. The algorithmic self: how AI is reshaping human identity, introspection, and agency // Frontiers in Psychology. 2025. Vol. 16. Art. no 1645795. [doi: 10.3389/fpsyg.2025.1645795].
9. Namestiuk 2023 – Namestiuk, S. Challenging the Boundary between Self-Awareness and Self-Consciousness in AI from the Perspectives of Philosophy // Futurity Philosophy. 2023. Vol. 2. No 4. P. 43-60. [doi:10.57125/FP.2023.12.30.03]
10. Rajiyung 2025 – Rajiyung B. Locke's Theory of Personal Identity and Artificial Intelligence: Philosophical and Ethical Implications // International Journal for Multidisciplinary Research. 2025. Vol. 7. No. 3. URL: https://www.ijfmr.com/research-paper.php?id=44933.
11. Sartre 2003 – Sartre J.-P. Being and Nothingness. London: Routledge, 2003. 688 p.

УДК 165

УНИВЕРСИТЕТ КАК «АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ЗАПОВЕДНИК» В ЭПОХУ ИИ: КУЛЬТИВАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СПОСОБОВ ПОЗНАНИЯ КАК НОВАЯ МИССИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Жаров Александр Михайлович

Институт научной информации по общественным наукам РАН, ведущий библиотекарь
E-mail: aleks.zharoff2016@yandex.ru

Аннотация: В статье исследуется фундаментальная миссия университета в условиях тотальной алгоритмизации и распространения технологий искусственного интеллекта. Автор обосновывает тезис о том, что в эпоху ИИ университет призван стать «антропологическим заповедником» – пространством, где сознательно культивируются те способы познания, которые составляют суть человеческого бытия и принципиально не поддаются алгоритмизации. В статье последовательно рассматриваются три взаимосвязанных проблемы: кризис гуманитарного мышления в условиях конкуренции с ИИ, деградация способности к глубокой рефлексии под воздействием «экономики внимания», а также необходимость возвращения к классическим моделям образования как формирования личности (пайдейя, Bildung). Предлагается концепция «медленного мышления» (slow thought) как педагогической стратегии, противостоящей культуре быстрых ответов. Особое внимание уделяется интеллектуальным добродетелям – критическому мышлению, интеллектуальной честности, любознательности и эпистемической скромности, – формирование которых представляется ключевой задачей университета в противовес «машинному» мышлению. Делается вывод о том, что «антропологический заповедник» – не консервативная утопия, а условие выживания человеческого в человеке, а также предпосылка существования подлинной демократии и экзистенциально полноценной жизни.

Ключевые слова: университет, искусственный интеллект, гуманитарное знание, антропологический заповедник, медленное мышление, интеллектуальные добродетели, пайдейя, Bildung, образование, цифровая трансформация.

THE UNIVERSITY AS AN "ANTHROPOLOGICAL RESERVE" IN THE AGE OF AI: CULTIVATING HUMAN WAYS OF KNOWING AS THE NEW MISSION OF HIGHER EDUCATION

Alexander M. Zharov
Institute of Scientific Information on Social Sciences,
Russian Academy of Sciences, Lead Librarian

Abstract: The article examines the fundamental mission of the university in the era of total algorithmization and the spread of artificial intelligence technologies. The author argues that in the age of AI, the university is called to become an "anthropological reserve" – a space where those ways of knowing that constitute the essence of human existence and which cannot in principle be algorithmized are deliberately cultivated. Three interconnected issues are considered: the crisis of humanistic thinking in competition with AI, the degradation of the capacity for deep reflection under the influence of the "attention economy," and the need to return to classical models of education as formation of personality (paideia, Bildung). The concept of "slow thought" is proposed as a pedagogical strategy opposing the culture of instant answers. Particular attention is given to intellectual virtues – critical thinking, intellectual honesty, curiosity, and epistemic humility – whose cultivation is seen as the key task of the university in contrast to "machine" thinking.

Keywords: university, artificial intelligence, humanities, anthropological reserve, slow thought, intellectual virtues, paideia, Bildung, education, digital transformation.

Введение: постановка проблемы

Университет как институция переживает один из глубочайших кризисов за всю свою историю. С одной стороны, рыночная логика настойчиво требует от него «эффективности» и «полезности», превращая в фабрику по подготовке «кадров». С другой – появление мощных систем искусственного интеллекта ставит под вопрос саму необходимость традиционного образования. Зачем учить тому, что можно узнать у генеративной языковой модели? Зачем развивать навыки, с которыми машина справляется значительно лучше человека?

Настоящая статья предлагает ответ на этот вопрос: миссия университета в эпоху ИИ состоит в том, чтобы стать «антропологическим заповедником» – местом, где сознательно культивируются способы познания, составляющие суть человеческого бытия и принципиально не поддающиеся алгоритмизации. Университет будущего – не придаток к ИИ и не платформа для дистанционной доставки контента, а пространство, где человек учится быть человеком через практики медленного, глубокого, диалогичного, ценностно-нагруженного мышления [Ясперс 1986, с. 40].

1. Кризис гуманитарного мышления: знание vs. информация

Ключевое различие, на котором держится аргументация статьи, – разграничение между «знать что» и «понимать как». ИИ способен выдать безупречную справку о «Войне и мире»: даты, сюжет, персонажи, обзор критической литературы. Но это не есть знание романа. Знание романа – это опыт, прожитый читателем: часы погружения, эмоциональный отклик, трансформация самого читающего. Чтение великой литературы есть не потребление информации, а изменение субъекта [Арендт 2014, с. 196]. ИИ может имитировать понимание, но не способен быть трансформирован текстом, потому что ему нечем трансформироваться.

Понимание гуманитарного текста требует включения в герменевтический круг: целое понимается через части, части – через целое, читатель вступает в диалог с автором и применяет текст к собственной жизни. Это рефлексивный, циклический процесс, не сводимый к линейной обработке данных. ИИ оперирует данными, но не участвует в диалоге: у него нет «жизненного мира» (Lebenswelt в смысле Гуссерля), который можно было бы применить к тексту.

Гуманитарное знание выполняет ещё одну незаменимую функцию – оно противостоит редукции человека к «человеческому капиталу». Рыночная логика объявляет гуманитарные дисциплины «бесполезными» именно потому, что они плохо конвертируются в немедленный доход. Однако эта «бесполезность» есть их достоинство: оно напоминает, что человек – не только ресурс для экономики, но и существо, ищущее смысл, красоту, истину [Нуссбаум 2014, с. 12]. Если образование сведётся к подготовке «полезных» специалистов, человечество рискует породить поколение высокоэффективных варваров – людей, умеющих всё, но не понимающих, зачем они это делают.

2. Университет как пространство «медленного мышления»

Современные цифровые платформы выстроены на захвате и удержании внимания за счёт быстрой смены стимулов. Это формирует привычку к поверхностному, фрагментарному восприятию – так называемое «клиповое мышление», реагирующее на стимулы, но не способное к синтезу и последовательному развёртыванию мысли [Карр 2012, с. 87]. ИИ, выдавая мгновенные и гладкие ответы, усугубляет эту тенденцию: студент получает готовый текст и думает, что разобрался в теме. На самом деле за этим «знанием» не стоит собственного мыслительного усилия. Это «знание без понимания», которое опаснее незнания, ибо создаёт уверенность при отсутствии компетентности.

Противоядием служит концепция «медленного мышления» (slow thought) – намеренно культивируемой альтернативы цифровой спешке. Университет должен институционально поддерживать практики, требующие времени и терпения. Во-первых, чтение полных, неадаптированных, сложных текстов – не кратких пересказов и не саммари от ИИ, а именно погружение в авторский текст, которое тренирует внимание, терпение и способность следовать за чужой мыслью. Во-вторых, письмо как мышление, а не как отчёт: в процессе написания развёрнутого аргументированного эссе мысль уточняется, углубляется, обретает форму. В-третьих, живой устный диалог – семинар-диспут, где студенты учатся аргументировать, слушать оппонента и менять точку зрения под давлением доводов [Кроуфорд 2017, с. 54].

Хайдеггер в своё время разграничил два типа мышления: «вычисляющее» (rechnend) и «осмысляющее» (besinnlich) [Хайдеггер 2007, с. 42]. ИИ представляет собой предельное воплощение вычисляющего мышления. Задача университета – культивировать мышление осмысляющее: медленное, вопрошающее, готовое к молчанию и неопределённости.

3. Образование как антропотехника: формирование интеллектуальных добродетелей

Для древних греков образование (пайдейя) было не накоплением знаний, а формированием души и характера. Целью было не «знать много», а «быть определённого качества человеком» [Платон 1994, с. 514a]. Эта традиция была продолжена в немецком гуманизме: для Гумбольдта Bildung – образование как всестороннее самоформирование личности, а не подготовка специалиста. Сегодня оба этих горизонта в значительной мере закрыты: под влиянием рынка и технологий образование склоняется к «информационной модели», в которой студент – процессор, преподаватель – источник данных, знание –

информация. ИИ идеально вписывается в эту модель, заменяя преподавателя как источник данных. Но если образование сводится к информации, то ИИ делает университет ненужным.

Спасение университета – в возвращении к модели формирования личности, или, используя понятие Петера Слотердайка, к образованию как «антропотехнике» – практике, сознательно формирующей определённые качества человека [Слотердайк 2016, с. 14]. Какие именно качества? Прежде всего, интеллектуальные добродетели – устойчивые диспозиции, составляющие эпистемический характер личности.

Первая из них – критическое мышление, понимаемое не как технический навык проверки фактов, а как укоренившаяся привычка подвергать сомнению очевидное, искать скрытые предпосылки, не доверять авторитетам – включая авторитет ИИ. Вторая – интеллектуальная честность: способность признавать незнание, готовность следовать аргументу, даже если он противоречит собственным убеждениям, и отказ от имитации понимания. В эпоху, когда ИИ позволяет легко симулировать знание, честность становится ключевой когнитивной добродетелью. Третья – любознательность и удивление: способность задавать вопросы без практической цели, испытывать «метафизическое изумление» (Аристотель) перед существованием. ИИ не любопытен – он выполняет функцию. Четвёртая – эпистемическая скромность: понимание границ собственного знания и знания вообще, осознание того, что существуют вещи, не «схватываемые» алгоритмом, что есть тайна бытия, перед которой разум должен остановиться.

4. Университет как сообщество, а не платформа

Личность формируется только в сообществе других личностей – через диалог, подражание, спор. ИИ может создать иллюзию общения, но не способен быть Другим в полном смысле слова: он не противостоит мне как независимое сознание, не несёт ответственности за сказанное, не меняется под влиянием нашего разговора. Университет должен сохранять себя как реальное сообщество преподавателей и студентов, встречающихся лицом к лицу.

В эпоху ИИ роль преподавателя трансформируется, но не исчезает. Преподаватель нужен не как источник информации – с этим ИИ справляется лучше, – а как живой пример мыслящего, чувствующего, ответственного человека. Наставничество, передача неявного знания (tacit knowledge в смысле Полани), личный пример интеллектуальных добродетелей – всё это принципиально не поддаётся алгоритмизации [Коллини 2012, с. 67]. Университетские ритуалы, традиции, «дух места» – тоже незаменимые компоненты образовательного пространства, которые невозможно воспроизвести в онлайн-платформе.

Заключение: почему это необходимо, а не просто желательно

«Антропологический заповедник» – не консервативная утопия и не бегство от реальности. Это условие выживания человеческого в человеке по меньшей мере в трёх измерениях. В эволюционном измерении: вид, делегировавший мышление машинам, выживет биологически, но исчезнет как человеческий. В социально-политическом: демократическое общество нуждается в гражданах, способных к самостоятельному суждению и не поддающихся манипуляции – и только университет, понятый как место формирования личности, может воспроизводить таких граждан [Нуссбаум 2014, с. 143]. В экзистенциальном: человек – существо, ищущее смысл. ИИ может ответить на вопрос «как?», но не на вопрос «зачем?». Университет, культивирующий гуманитарное знание, философию, искусство, остаётся пространством, где человек может искать ответы на последние вопросы своего бытия.

Разумеется, «заповедник» не означает изоляции. Университет должен активно использовать ИИ как инструмент – но при этом сохранять критическую дистанцию и целенаправленно культивировать альтернативные практики. Это не технологический консерватизм, а создание точки опоры, позволяющей критически оценивать и изменять реальность. В этом – вечная миссия университета, которая в эпоху ИИ становится не просто актуальной, но жизненно необходимой.

Список литературы

1. Арендт 2014 – Арендт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. М.: Издательство Института Гайдара, 2014. 416 с.
2. Карр 2012 – Карр Н. Пустышка. Что Интернет делает с нашими мозгами. СПб.: BestBusinessBooks, 2012. 256 с.
3. Коллини 2012 – Коллини С. Зачем нужны университеты? М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2016. 264 с.
4. Кроуфорд 2017 – Кроуфорд М. Мир за пределами вашей головы: как обрести себя в эпоху отвлечений. М.: Азбука Аттикус, 2017. 384 с.
5. Нуссбаум 2014 – Нуссбаум М. Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2014. 192 с.
6. Платон 1994 – Платон. Государство // Платон. Сочинения в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 79–420.
7. Слотердайк 2016 – Слотердайк П. Ты должен изменить свою жизнь. М.: Азбука-Аттикус, 2016. 704 с.
8. Хайдеггер 2007 – Хайдеггер М. Что значит мыслить? // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 2007. С. 134–145.
9. Ясперс 1986 – Ясперс К. Идея университета. Минск: БГУ, 1986. 208 с.
10. Collini 2012 – Collini S. What Are Universities For? London: Penguin Books, 2012. 224 p.
11. Nussbaum 2010 – Nussbaum M. Not for Profit: Why Democracy Needs the Humanities. Princeton: Princeton University Press, 2010. 158 p.
12. Ortega y Gasset 1944 – Ortega y Gasset J. Mission of the University. Princeton: Princeton University Press, 1944. 109 p.

УДК 37.01:140.8

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОТКРЫТОГО И ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ

Куликов Сергей Борисович

Доктор философских наук

Тюменский государственный университет, профессор

E-mail: s.b.kulikov@utmn.ru

Аннотация. Развитие открытого и дистанционного образования (ОДО) актуально в условиях глобализации, геополитической напряжённости и последствий пандемии COVID-19. Китай формирует собственную модель ОДО на основе политических, социальных, экономических и институциональных факторов. Цель исследования – на базе системного и сравнительного анализа выявить онтологические основания развития ОДО в Китае и оценить их влияние на трансформацию университетского образования. Установлено, что структура образовательных практик зависит от Национального плана образования – стратегии построения «общества знаний». Рост рынка онлайн-услуг (порядка 20 % в год) подтверждает высокую востребованность цифрового формата. Ключевые тенденции: трансформация субъекта образования и содержания его деятельности; делегирование полномочий от центра регионам по созданию онлайн-колледжей; конвергенция форматов обучения и рост конкуренции между вузами; развитие массовых открытых онлайн-курсов (МООК). Сохраняющиеся вызовы: предубеждения о качестве онлайн-образования и дискриминация его выпускников. В перспективе Китай видится лидером Азиатского региона по внедрению образовательных технологий, а ОДО – неотъемлемой частью национальной стратегии движения к обществу знаний.

Ключевые слова: онтология образования, философская рефлексия, Китай, инновации, перспективы развития, университеты.

ONTOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE OPEN AND DISTANCE EDUCATION SYSTEM IN CHINESE UNIVERSITIES

Sergey Borisovich Kulikov
Doctor of Philosophical Sciences
Professor, Tyumen State University

Abstract. The development of open and distance education (ODE) is relevant in the context of globalization, geopolitical tensions, and the aftermath of the COVID-19 pandemic. China is shaping its own ODE model based on political, social, economic, and institutional factors. The aim of the study is, through systemic and comparative analysis, to identify the ontological foundations of ODE development in China and to assess their impact on the transformation of university education. It has been established that the structure of educational practices depends on the National Education Plan – a strategy for building a “knowledge-based society”. The growth of the online education market (approximately 20 % per year) confirms the high demand for digital formats. Key trends include the transformation of the educational subject and the content of their activities; the delegation of powers from the central government to regional authorities for the establishment of online colleges; the convergence of learning formats and increased competition among universities; the development of massive open online courses (MOOCs). Persistent challenges remain, such as prejudices regarding the quality of online education and discrimination against its graduates. In the long term, China is expected to emerge as a leader in the Asian region in the adoption of educational technologies, with ODE becoming an integral part of the national strategy for advancing towards a knowledge society.

*Keywords***:** ontology of education, philosophical reflection, China, innovation, development prospects, universities.

Актуальность исследований открытого и дистанционного образования (ОДО) обусловлена глобализацией и геополитической напряжённостью. В рамках конкуренции за

человеческий капитал развитые страны фокусируются на привлечении талантов, тогда как развивающиеся – на удержании и использовании собственных кадров для национального развития.

Пандемия COVID-19 отошла на второй план, но оказалась важным стимулом для апробации технологий ОДО в рамках стратегий борьбы с её последствиями в отдельных странах и особенно в Китае [Дэн 2023].

Прояснение фундаментальных оснований, на которые опиралось понимание реальности развития системы ОДО (структура образовательных практик, природа знания в цифровой среде, статус онлайн-диплома и других), помогает прояснить наиболее существенные её черты и внести вклад в понимание трансформации университетского образования в современном мире.

Опыт конституирирования системы ОДО в Китае способствует закладке эмпирической базы под процедуры выделения таких оснований в международном масштабе [Зубарева 2024]. Философская рефлексия, развёрнутая на данной базе, даёт шанс по выработке идеалов и ценностей дальнейшего развития идеи университета.

Таким образом, цель исследования – выявить на базе системного и сравнительного анализа онтологические основания развития ОДО в Китае и оценить их влияние на трансформацию университетского образования.

Работа реализуется в русле социальной онтологии и философии образования в контексте постнеклассической рациональности, с акцентом на понятие общества знания [Drucker 1993], теорию информации [Кастельс 2000] и идею симулякра [Бодрийяр 2015]. Кроме того, исследование опиралось на опубликованные разработки автора [Куликов 2022], результаты которых соотносились с более поздними исследованиями [Gao 2023; Кабаргина, Смирнова, Артюхина 2024; Янь 2024]

Дистанционное образование в Китае исторически входило в систему высшего образования, но формы его менялись. Сегодня это государственная стратегия, закреплённая в Национальном плане образования, которая ориентируется на построение «общества знаний» и создание гибкой модели высшего образования для удовлетворения запросов общества.

Вместе с изменениями модели устройства общества можно говорить и о трансформации субъекта образования. Он предстаёт не в образе автономного деятеля эпохи Просвещения, а в виде участника сетевых взаимодействий – в составе различных групп населения. Это помогает ОДО выполнять инклюзивную миссию, предоставляя доступ к высшему образованию тем, кто не мог бы учиться очно.

Рост рынка онлайн-образования в Китае (порядка 20 % ежегодно) показывает, что виртуальные форматы становятся самостоятельной ценностью, а не просто дополнением к традиционному обучению. Это меняет онтологический статус образования: оно больше не привязано к институту университета как физическому пространству.

Увеличение числа онлайн-программ сопровождается делегированием полномочий местным органам: по решению Госсовета университеты после одобрения местных властей в праве создавать онлайн-колледжи. Роль сети открытых университетов в системе непрерывного образования непрерывно укрепляется.

Развитие ОДО меняет взаимоотношения традиционных и открытых университетов: наблюдается конвергенция и рост конкуренции. Традиционные вузы внедряют смешанные форматы обучения, а открытые – усиливают контроль качества и поддержку студентов. При этом ведущие университеты (Чжэцзянский университет, Университет Цинхуа) задают высокие стандарты интеграции онлайн-курсов.

Массовые образовательные онлайн-курсы (МООК) ускорили развитие ОДО в Китае: в 2013 г. ведущие вузы вошли в Open edX и Coursera, создан национальный альянс МООК (9 вузов), бизнес (Alibaba Group) подключился к процессу, университеты запустили собственные платформы (xuetangx.com). Сформирована независимая модель дистанционного образования.

Вместе с тем ОДО в Китае сталкивается с предубеждениями о качестве и дискриминацией выпускников при трудоустройстве, что в онтологическом плане выводит на проблему подлинности. Решение заключено не только в повышении качества программ при совместной работе государства и общества, но и рефлексии стандартов процедур объективации механики получения оценок обучения как таковых.

Таким образом, онтологические основания системы ОДО в китайских университетах включают трансформацию модели общества, что меняет статус субъектов образования; видоизменение природы образовательных практик под влиянием цифровых технологий; переосмысление образовательных результатов – от привязки к институту физического учебного заведения к признанию ценности онлайн-дипломов и цифровых компетенций.

При этом сохраняющиеся вызовы не мешают китайской системе ОДО демонстрировать устойчивый прогресс и выступать неотъемлемой частью национальной стратегии.

Список литературы

1. Бодрийяр 2015 – Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
2. Дэн 2023 – Дэн Т. Новые тенденции развития высшего образования КНР в условиях пандемии COVID-19 // Казанский педагогический журнал. 2023. № 1(156). С. 186-194.
3. Зубарева 2024 – Зубарева Н. П. Основные тенденции развития китайского дистанционного образования и их применимость в условиях современной России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2024. № 3(68). С. 203-212.
4. Кабаргина, Смирнова, Артюхина 2024 – Кабаргина Н. В., Смирнова В. А., Артюхина П. Р. Дистанционное обучение и его понимание в Российской и зарубежной науке // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2024. № 3(47). С. 18-30.
5. Кастельс 2000 – Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
6. Куликов 2022 – Куликов С. Б. Тенденции в развитии инновационных форм образовательной деятельности в Индии и Китае // Открытое и дистанционное образование. 2022. № 2(82). С. 5-13.
7. Янь 2024 – Янь Л. Отношение между профессиональным образованием и дистанционным образованием в Китае // Современный ученый. 2024. № 4. С. 340-345.
8. Drucker 1993 – Drucker P. Post-capitalist society. Oxford: Butterworth Heinemann, 1993. VI, 204 p.
9. Gao 2023 – Gao Y. Research on the Benefits, Problems, and Countermeasures of China's Distance Education from the Perspective of Economics // International Research Journal. 2023. №7 (133). URL: https://research-journal.org/en/archive/7-133-2023-july/10.23670/IRJ.2023.133.5 (accessed: 05.03.2026).

УДК 101.1:316.77:004.8

КРЕАТИВНОСТЬ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, АВТОРСТВО И ТЕХНОСОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ТВОРЧЕСТВА

Лобанова Екатерина Сергеевна

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский университет имени Н.Г. Чернышевского», ассистент кафедры философии и методологии науки

E-mail: scorching.sun@mail.ru

Аннотация: В статье предпринимается социально-философский анализ креативности в цифровую эпоху, связанный с развитием генеративного искусственного интеллекта, и платформенных инфраструктур, и новых форм культурного участия. Креативность рассматривается не как изолированная способность индивидуального субъекта, а как распределённый техносоциальный процесс, возникающий и на пересечении человеческого воображения, алгоритмической генерации, цифровых платформ, культурных институтов, образовательных практик, а также режимов общественного признания. На материале современных зарубежных и российских исследований показывается, что искусственный интеллект одновременно расширяет возможности творческого действия и ставит под вопрос классические представления об авторстве, эстетической ценности, автономии субъекта и справедливом доступе к культурному производству. Особое внимание уделяется проблемам и ИИ-художника, искусственной креативности, повседневного творчества, цифрового неравенства, публичной оценки креативности, так же институционализации новых форм культурной деятельности. Делается вывод, что социально-философская задача состоит не только в простом противопоставлении человеческого и искусственного творчества, но и в критическом анализе тех условий, при которых ИИ может становиться средством расширения творческой свободы, не превращая креативность в управляемый, платформенно зависимый и экономически извлекаемый ресурс.

Ключевые слова: креативность, искусственный интеллект, цифровая эпоха, авторство, повседневное творчество, культурная политика, платформы, техносоциальность, эстетическая ценность.

CREATIVITY IN THE DIGITAL AGE: ARTIFICIAL INTELLIGENCE, AUTHORSHIP, AND THE TECHNOSOCIAL CONDITIONS OF CREATIVITY

Ekaterina S. Lobanova

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Saratov State University»

Abstract: The article offers a socio-philosophical analysis of creativity in the digital age, in connection with the development of generative artificial intelligence, platform infrastructures, and

new forms of cultural participation. Creativity is examined not as an isolated capacity of an individual subject, but as a distributed technosocial process emerging at the intersection of human imagination, algorithmic generation, digital platforms, cultural institutions, educational practices, and regimes of public recognition. Drawing on contemporary international and Russian scholarship, the paper demonstrates that artificial intelligence simultaneously expands the possibilities of creative action while calling into question classical notions of authorship, aesthetic value, subject autonomy, and equitable access to cultural production. Particular attention is paid to the issues of the AI artist, artificial creativity, everyday creativity, digital inequality, public evaluation of creativity, as well as the institutionalization of new forms of cultural activity. It is concluded that the socio-philosophical task lies not merely in opposing human and artificial creativity, but in critically analyzing the conditions under which AI may serve as a means of expanding creative freedom without transforming creativity into a managed, platform-dependent, and economically extractable resource.

Keywords: creativity, artificial intelligence, digital age, authorship, everyday creativity, cultural policy, platforms, technosociality, aesthetic value.

Вопрос о креативности в цифровую эпоху уже не может быть поставлен только как вопрос о человеческой способности создавать новое. Развитие генеративного искусственного интеллекта меняет и само поле, в котором возникает творческое действие. Тексты, изображения, музыка, дизайн, сценарии, образовательные материалы и визуальные стили теперь могут производиться не только человеком, но и алгоритмическими системами, обученными на больших массивах культурных данных. В результате и оказывается не просто свойством личности, но и эффектом взаимодействия субъекта, машины, платформы, интерфейса, институции, а также рынка со всей совокупностью форм коммерческих отношений.

Теоретическое уточнение проблемы ИИ-креативности требует и учёта нескольких направлений современной дискуссии. С одной стороны, коллективный манифест Ф. Виншона и соавторов подчёркивает, что с появлением искусственного интеллекта «сфера креативности сталкивается с новыми возможностями и вызовами» [Vinchon et al. 2023, p. 472]. С другой стороны, М. Ранко настаивает, что и результаты ИИ ещё не доказывают подлинной креативности, поскольку «продукты мало говорят о лежащем в основе процессе» [Runco 2023, art. 100063]. Наконец, А. Фернандес переводит вопрос и в антропологическую плоскость. ИИ следует понимать не только как угрозу человеческой исключительности, но и как повод «мыслить человека из более-чем-человеческой перспективы» [Fernandes 2025, p. 11].

Эти три позиции задают рамку настоящего анализа, в которой искусственный интеллект одновременно выступает и как соавторский инструмент, как проблематичная форма искусственной креативности и как философский вызов самому понятию человека и человеческого. Поэтому и центральная проблема статьи может быть сформулирована следующим образом: усиливает ли ИИ человеческую креативность или подменяет её техносоциальной генерацией культурных форм?

Ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Современные исследования показывают, что ИИ способен расширять и возможности творческого действия, но вместе с

тем он может становиться и механизмом отчуждения авторства, стандартизации воображения, платформенной зависимости, также превращения творческой субъективности в управляемый ресурс [Magnani 2026, web]. Социально-философская значимость этой проблемы состоит и в том, что цифровая эпоха разрушает простую модель «автор — произведение — публика». Между автором и произведением встают алгоритмы; воображение и форму объединяют интерфейсы; пространством творческого акта и получением признания становится платформы; между личной инициативой и культурной видимостью возникают системы цифрового распределения внимания.

Поэтому креативность и должна быть понята не только эстетически или психологически, но и философски: как поле борьбы за условия смыслообразования, авторства и культурного участия.

Традиционное понимание креативности исходит и из предположения, что творчество принадлежит субъекту. Человек, таким образом, мыслится как источник идеи, замысла, воображения и формы. Даже если социальная среда и признаётся значимой, она часто понимается как и внешний контекст. Общество может поддерживать или подавлять творчество, но само творчество всё равно локализуется в индивидуальном сознании.

Цифровая эпоха делает такую модель недостаточной. Генеративный ИИ показывает, что и новое культурное содержание может возникать в результате взаимодействия человека с машинной системой, которая не обладает человеческой биографией, телесностью, интенциональностью и переживанием, но способна производить формально убедительные и эстетически сложные результаты. Поэтому и вопрос уже не в том, творит ли исключительно человек, а в том, как распределяется творческая функция между человеком, алгоритмом и инфраструктурой.

Л. Маньяни формулирует эту проблему через двойственную роль больших языковых моделей и генеративных систем. Они могут усиливать человеческую продуктивность, открывать новые формы познавательного и творческого действия, но одновременно и угрожают тому, что традиционно считалось одной из наиболее отличительных человеческих способностей, а имнно – творчеству [Magnani 2026, art. 65]. Тем самым ИИ оказывается не просто инструментом, подобным кисти, фотоаппарату или музыкальному синтезатору, он становится и когнитивным посредником, участвующим в производстве вариантов, ассоциаций, стилей, решений и смысловых комбинаций.

Эта логика согласуется с и тезисом Виншона о необходимости мыслить будущее креативности через сценарии сотрудничества человека и машины. В таком подходе ИИ способен и генерировать варианты, ускорять ассоциативные переходы и расширять пространство возможных форм. Однако постановка проблемы, выбор значимого результата и его включение в культурный контекст остаются и зонами человеческой ответственности [Vinchon et al. 2023, p. 472]. Поэтому цифровая креативность должна пониматься не как вытеснение человека машиной, а как изменение структуры творческого действия, в котором субъект становится не только производителем формы, но и интерпретатором, куратором, критиком и носителем смыслового решения.

Здесь и возникает первая социально-философская развилка. Если креативность и понимать как генерацию вариантов, то ИИ действительно может казаться почти совершенным творческим агентом. Однако, если же креативность интерпретировать как смысловое, ответственное и культурно укоренённое действие, то ИИ оказывается не заменой субъекта, а частью весьма сложной системы, в которой человеческое суждение сохраняет особое, принципиальное значение.

Так, одной из наиболее острых проблем цифровой эпохи является проблема авторства: генеративные системы производят изображения, тексты и музыку, которые могут быть восприняты как произведения искусства. Это формирует один из ключевых вопросов, а имеено: кто является их автором? Пользователь, который ввёл запрос или разработчик модели? Компания, владеющая платформой или множество авторов, чьи произведения вошли в обучающие данные, или сама система?

Д. М. И. Лопес рассматривает этот вопрос и через фигуру ИИ-искусства и ИИ-художника. Исследователь и показывает, что генеративные системы вызывают не только практические вопросы, но и экзистенциальные тревоги, поскольку ставят под вопрос особый статус человека как творческого существа [Lopes 2026, web]. Однако важна не только и онтологическая проблема — может ли ИИ быть художником, — но и нормативная: каким должен быть ИИ-художник, если общество допускает и такую возможность?

В российской философской дискуссии сходная проблема поставлена Г.Д. Паксютовым применительно к поэзии и генеративному ИИ. Автор подчёркивает диалогическую природу гуманитарного знания. Поэзия, в его интерпретации, оказывается формой гуманитарного опыта, который не сводится к «объективному» исследованию, машинному моделированию [Паксютов 2025, с. 104]. Эта мысль позволяет уточнить социально-философский статус ИИ: он не просто создаёт новые технические средства творчества, а выявляет пределы тех форм культуры, которые и предполагают личностное участие, диалогичность, а также, смысловую ответственность.

В классической модели авторства и произведение связывается с личностью автора: его опытом, намерением, стилем, мировоззрением, биографией, ответственностью. Генеративный ИИ размывает и эту связь. Результат может выглядеть как произведение, но не будет иметь за собой субъекта в привычном смысле. Он может быть и стилистически убедительным, но не быть выражением пережитого опыта или, напротив, может стать новым, возникающим из статистической переработки уже существующих культурных форм.

Однако признание распределённого авторства не должно вести и к поспешному уравниванию человеческой и машинной креативности. Ранко справедливо предупреждает, что ИИ-результат может восприниматься как творческий. Тем не менее, такое восприятие ещё не доказывает наличия человеческого творческого процесса. Продукт сам по себе мало говорит о процессе, который его породил [Runco 2023, web]. Социально-философский смысл этого возражения и состоит не в отрицании ценности ИИ-произведений, а в различении результата и процесса. Машина может производить объект, которому люди приписывают новизну и эстетическую значимость, однако человеческое творчество включает не только производство результата, но и мотивацию, риск, опыт, биографическую вовлечённость, способность к самокритике и ответственность перед другими субъектами общества.

Следовательно, вопрос и об ИИ-авторстве не может быть решён только через анализ готового продукта, так как требует анализа всей структуры творческого становления. К ним относятся и условий генерации, источников данных, режимов собственности, и платформенной инфраструктуры, способов признания, а также распределения ответственности.

Если вопрос об авторстве и касается происхождения произведения, то вопрос об эстетической ценности относится к его статусу в опыте восприятия. Может ли ИИ создать произведение не просто формально похожее на искусство, а обладающее исключительной эстетической ценностью? Т. Хофвебер ставит этот вопрос предельно прямо, проясняя, сможет ли ИИ производить произведения выдающейся эстетической значимости [Hofweber 2026, web]?

Здесь важно не ограничиваться поверхностным ответом. Можно сказать, что ИИ уже создаёт впечатляющие изображения, тексты и музыкальные фрагменты, но впечатляющий результат ещё не равен глубокой эстетической ценности. Произведение высокой эстетической значимости обычно и не только вызывает удовольствие или удивление, но и открывает новый способ видеть мир, создавая напряжение смысла, входитя в историю форм, вступая в диалог с традицией, а также выражая опыт, который может быть интерпретирован и переинтерпретирован.

Д.А. Стельмахов справедливо фиксирует и незавершённость самой проблемы критериев ИИ-творчества. В его статье рассматриваются определения творчества и искусственного интеллекта, как и критерии оценки творчества, и современные достижения в моделировании творческих процессов [Стельмахов 2023, с. 240]. Эта позиция важна и тем, что не позволяет свести спор о творчестве ИИ к простому противопоставлению «может» или «не может». Философски значимым оказывается не только факт генерации нового продукта, но и вопрос о том, какие критерии — новизна, ценность, осмысленность, самостоятельность, ответственность, включённость в культурный контекст — должны применяться к искусственным системам.

ИИ способен производить сложные формы. Однако, способен ли он создавать культурные события? Произведение искусства ценно и не только своей внутренней структурой, но и тем, как оно входит в человеческий мир: кого оно затрагивает, какие конфликты выявляет, какие формы чувствительности создаёт, а также, какие горизонты опыта открывает. Эстетическая ценность, таким образом, и не сводится к качеству объекта, возникая в отношении между самим объектом, воспринимающим субъектом, культурной историей и социальным контекстом.

Поэтому ИИ может создавать объекты, получающие эстетическую ценность в человеческом мире, даже если и сам ИИ не переживает эту ценность. Машинная система может быть и источником формы, но не обязательно источником значения. Значение появляется тогда, когда результат и включается в человеческие практики, интерпретации, оценки, формы спора, памяти и разновидности признания.

Одно из наиболее заметных социальных последствий ИИ состоит в и расширении повседневной креативности. Человек, не владеющий академическим рисунком, может

создавать визуальные образы; не являясь композитором, может генерировать музыкальные идеи; не имея и профессионального литературного опыта, может работать с текстовыми структурами, сценариями, стилями и жанрами. Генеративный ИИ снижает и технический порог входа в культурное производство.

Именно поэтому статья С. Хэдли, П. Кашиньской и Э. Торреджани о повседневной креативности и культурной политике и необходима для анализа ИИ, даже если она не сводится к теме искусственного интеллекта. Авторы рассматривают и повседневную креативность в контексте культурной политики, показывая, что этот концепт связан не только с личным опытом самовыражения, но и с историческими, структурными и идеологическими причинами его привлекательности для определённых политических форм [Hadley et al. 2026, web].

С одной стороны, ИИ действительно демократизирует творчество. Он позволяет и большему числу людей участвовать в создании культурных форм, делая творческую практику доступной и для тех, кто раньше был исключён из неё из-за нехватки навыков, времени, образования, денег или институционального доступа. В этом отношении ИИ может быть понят и как средство расширения культурной демократии.

С другой стороны, эта демократизация не является и чистой свободой. Повседневная креативность всё чаще осуществляется внутри платформ, которые и задают интерфейсы, шаблоны, стилистические нормы, режимы видимости, а также монетизации. Человек получает новые возможности, но эти возможности организованы чужой инфраструктурой. Субъект творит свободнее, но внутри заранее спроектированной среды. Он производит и больше культурного содержания, но одновременно поставляет данные, внимание, в совокупности с ценностью цифровых платформ.

Таким образом, ИИ усиливает и парадокс повседневной креативности. Чем доступнее становится творчество, тем сильнее оно зависит от и технических посредников. Чем больше людей могут создавать, тем острее вопрос и о том, кто контролирует условия создания, распространения и признания. Чем проще становится производство культурных форм, тем труднее отличать и расширение свободы от вовлечения субъекта в платформенную экономику внимания.

Особое значение проблема ИИ-креативности приобретает и в сфере образования. Исследование Г. Аркос-Куаспуда посвящено влиянию искусственного интеллекта, социальных медиа и веб-платформ на креативность и культурное участие учащихся в контексте ситуации Глобального Юга [Arcos-Cuaspud et al. 2026, art. 129]. Эта перспектива принципиально важна. Она не позволяет рассматривать цифровую креативность только с позиции технологически привилегированных обществ. ИИ в образовании может выполнять и эмансипирующую функцию. Он расширяет доступ к инструментам проектирования, визуализации, коммуникации, а также культурного самовыражения, помогая учащимся преодолевать дефицит ресурсов, развивая цифровую грамотность, участвуя в коллективных проектах и входить, погружаясь в культурное производство. В этом смысле ИИ становится не просто технологией, а средством расширения социального участия.

Однако и цифровая креативность неотделима от цифрового неравенства. Возможность использовать ИИ зависит и от доступа к устройствам, интернету, языковым ресурсам,

образовательной поддержке, платформам и от особенностей политтческих режимов. Там, где эти условия неравномерны, ИИ может не столько преодолеть неравенство, сколько воспроизвести его и в новой форме. Одни субъекты получают возможность расширять творческую автономию, другие так и остаются потребителями готовых интерфейсов и шаблонов, становясь аутсайдерами цифровизирующейся повседневности.

Особенно важно, что образовательная креативность не должна сводиться и к технической эффективности. Если ИИ используется только для ускорения выполнения заданий, генерации презентаций или формального улучшения результатов, он может и обеднять собственно творческое мышление. Образовательная ценность ИИ раскрывается и тогда, когда он становится средством постановки вопросов, сравнения вариантов, критической интерпретации, коллективного обсуждения, а также, рефлексии над собственным замыслом.

Следовательно, цифровая эпоха требует и новой педагогики креативности, она должна учить не только пользоваться ИИ, но и понимать его социальные условия. Важными являются следующие аспекты: откуда берутся данные, кто владеет платформами, какие предубеждения встроены и в алгоритмы, как различать генерацию и смысл, и как сохранять авторскую ответственность, как не подменять мышление автоматическим производством результата. С особой актуальностью можно поставить философский вопрос о подленности мышления как такового.

Для полноценного анализа цифровой креативности необходимо отказаться и от романтической модели «одинокого творца». Р. Клоостерман, Э. Пратт, М. д’Овидио и Л. Греко предлагают рассматривать культурные и креативные секторы через подход производственных сетей. Их работа направлена и на переосмысление экономической организации культурных и креативных секторов таким образом, чтобы сделать видимой и всю производственную систему, а не только индивидуального автора, локальный кластер или конечный продукт [Kloosterman et al. 2026, web].

Этот подход особенно и важен для понимания ИИ. Генеративная система не существует сама по себе, за ней стоят разработчики, дата-центры, обучающие массивы, владельцы авторских прав, пользователи, модераторы, платформы, инвесторы, регуляторы, интерфейсы, подписочные модели и агенты глобальны рынков данных. Следовательно, ИИ-креативность — это не взаимодействие «человека с инструментом», а участие субъекта и в сложной техносоциальной сети.

Социально-философский смысл проблемы становится особенно очевидным, если учитывать, что креативность не является только внутренним критерием научной, художественной или технической деятельности. А.В. Сахарова показывает, что и научные коммуникаторы выступают не внешними посредниками, а участниками формирования общественного восприятия науки и оценки научного исследования [Сахарова 2024, с. 174]. Этот тезис можно распространить и на цифровое творчество. Креативность ИИ и человека получает общественное значение не сама по себе, а через посредников, институты, публичные режимы оценки, механизмы видимости, а также через различные формы социальных ожидания.

Такое понимание позволяет и увидеть скрытые образвы труда и власти. Когда пользователь создаёт изображение с помощью ИИ, результат кажется мгновенным и почти магическим, но за этой мгновенностью скрыты и труд программистов, инфраструктура вычислений, энергетические затраты, вклад разметчиков данных, культурные архивы, произведения множества авторов, правовые конфликты и, что особенно важно, корпоративные стратегии. Поэтому и машинная креативность никогда не является «чистой» машинной креативностью. Она основана и на накопленном человеческом и культурном материале.

Отсюда следует важный вывод о том, что вопрос о справедливости ИИ-креативности нельзя ограничивать и индивидуальным автором. Необходимо спрашивать, кто получает выгоду от генеративных систем, чьи культурные данные используются, какие формы труда остаются невидимыми, какие стили становятся доминирующими, какие языки и культуры представлены в обучающих массивах, а какие оказываются маргинализированными.

Возникает еще один закономерный вопрос. Если ИИ-креативность несёт определенно возможности и риски, как она должна регулироваться? Простое противопоставление свободы и институционализации здесь не работает, так как полная свобода платформ может привести к эксплуатации данных, нарушению авторских прав, усилению монополий и стандартизации культурного производства. В связи с чем чрезмерное регулирование может подавить эксперимент, доступность и новые формы творческого участия.

П. Пьерри в статье о креативности и институционализации демократических инноваций предлагает выйти и за пределы дуализма, согласно которому креативность связывается с новизной и свободой, а институционализация — с закреплением и ограничением [Pierri 2026, web]. Эта мысль и может быть перенесена на анализ ИИ. Цифровая креативность нуждается не в отсутствии институтов, а в таких институтах, которые способны поддерживать и творческую свободу, не превращая её в объект тотального контроля.

Институционализация ИИ-креативности должна решать ряд фундаментальных задач. Во-первых, она должна защищать авторские права и культурный труд, не закрывая возможность и для трансформационного и экспериментального использования культурного наследия. Во-вторых, она должна обеспечивать и прозрачность алгоритмических систем, чтобы пользователи понимали, с какими моделями, данными и ограничениями они работают. В-третьих, она должна поддерживать и цифровую справедливость, снижая неравенство доступа к творческим технологиям. В-четвёртых, и ей необходиом импеть возможность сохранять пространство для непрофессиональной, повседневной, локальной и экспериментальной креативности.

Главный риск состоит в том, что регулирование будет ориентировано преимущественно на интересы крупных платформ и рынков, а не на интересы творческих субъектов и культурных сообществ, которые оказываютчся в данных условиях наиболее уязвимыми. В таком случае ИИ-креативность и будет институционализирована как экономический сектор, но не как пространство культурной свободы. Поэтому задача философии — удерживать нормативный вопрос: кому служат институты цифрового творчества?

ИИ требует новых форм культурной политики. Такая политика не должна просто поощрять использование новых технологий, она должна и формировать условия, при которых ИИ становится средством расширения человеческой способности к смыслообразованию, а не механизмом стандартизации и извлечения стоимости. Иначе говоря, институции должны защищать не только произведения, но и саму возможность творческой автономии.

Таким образом, креативность в цифровую эпоху не исчезает и не переходит целиком к искусственному интеллекту. Она меняет свою структуру. Из индивидуальной способности она превращается и в распределённый техносоциальный процесс, в котором участвуют человек, алгоритм, платформа, культурный архив, образовательная среда, а также институция и рынок. Искусственный интеллект расширяет и возможности творчества. Он снижает технический порог входа, усиливает и ассоциативное мышление, открывает новые формы образовательного и художественного эксперимента, способствует повседневной креативности и может демократизировать культурное участие. Но одновременно он ставит под вопрос и авторство, эстетическую ценность, автономию субъекта, справедливость доступа и распределение культурной выгоды.

В этом отношении ИИ-креативность не только угрожает гуманистическому представлению о человеке как единственном творческом существе, но и выявляет ограниченность самого этого представления. Фернандес показывает, что тревога перед ИИ связана и с возможной утратой антропологической исключительности человека в сфере творчества [Fernandes 2025, p. 11]. Но социально-философский ответ не должен сводиться к оборонительной защите старой модели субъекта. Напротив, цифровая эпоха заставляет мыслить человека как существо, чья креативность всегда уже и была медиатизирована языком, техникой, культурой, институтами, памятью, а также другими акторами.

Следовательно, главная социально-философская проблема состоит не в том, может ли ИИ быть творческим в человеческом смысле. Более важен другой вопрос: какие формы человеческой жизни, культуры и социальной организации возникают вокруг ИИ-креативности? Если генеративные системы и усиливают человеческое воображение, поддерживают разнообразие, расширяют доступ и сохраняют ответственность, они могут стать и инструментом творческой эмансипации. Если же они подчиняют творчество платформенной логике, экономике внимания, алгоритмической стандартизации и корпоративному контролю, то они превращают креативность и в новый объект техносоциального управления. Исходя из этого, гуманитарная наука в условиях современности должна не отвергать ИИ и не поклоняться ему, а критически исследовать те институты, сети и нормы, в которых искусственный интеллект может либо расширять, либо обеднять человеческую творческую свободу.

Список литературы

Паксютов 2025 – Паксютов Г.Д. Нужны ли поэты в эпоху ChatGPT? // Вопросы философии. 2025. № 4. С. 104–111.

Сахарова 2024 – Сахарова А.В. Охотники за креативностью: роль научных коммуникаторов в оценке научного исследования // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 61. № 2. С. 174–189.

Стельмахов 2023 – Стельмахов Д.А. Творческий потенциал систем искусственного интеллекта в контексте идеи нового просвещения // Кантовский сборник. 2023. Т. 42. № 4. С. 240–251.

Arcos-Cuaspud et al. 2026, web – Arcos-Cuaspud G., Basantes-Andrade A., Casillas-Martín S., Cabezas-González M. Artificial Intelligence, Social Media, and Web Platforms in Secondary Education: Effects on Creativity and Cultural Participation in a Global South Context // Societies. 2026. Vol. 16. No. 4. Article 129. URL: https://www.mdpi.com/2075-4698/16/4/129 (дата обращения: 01.05.2026).

Fernandes 2025 – Fernandes A. The Replacement of What? Artificial Intelligence, Creativity and (More-than-)Humanness // Journal of Creative Communications. 2025. Vol. 20. No. 1. P. 11–22.

Hadley et al. 2026, web – Hadley S., Kaszynska P., Torreggiani A. Everyday Creativity and Cultural Policy // European Journal of Cultural Studies. 2026. OnlineFirst. URL: https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/13675494251390156 (дата обращения: 01.05.2026).

Hofweber 2026, web – Hofweber T. Will AI Produce Works of Extraordinary Aesthetic Value? // The Journal of Aesthetics and Art Criticism. 2026. Article kpag009. URL: https://academic.oup.com/jaac/advance-article/doi/10.1093/jaac/kpag009/8655270 (дата обращения: 01.05.2026).

Kloosterman et al. 2026, web – Kloosterman R.C., Pratt A.C., d'Ovidio M., Greco L. Widening the Web: Applying a Production Network Approach to the Cultural and Creative Sectors // City, Culture and Society. 2026. Vol. 45. Article 100694. URL: https://openaccess.city.ac.uk/id/eprint/37050/ (дата обращения: 01.05.2026).

Lopes 2026, web – Lopes D.M.I. AI Art and Artists: What They Are, What They Could Be, What They Should Be // The Journal of Aesthetics and Art Criticism. 2026. Article kpag001. URL: https://academic.oup.com/jaac/advance-article/doi/10.1093/jaac/kpag001/8510614 (дата обращения: 01.05.2026).

Magnani 2026, web – Magnani L. Enhancing or Jeopardizing Human Creativity? Will Humans Be Able to Defend Themselves Against AI Superpowers in an Age of Ethics Washing and Law Washing? // Philosophies. 2026. Vol. 11. No. 2. Article 65. URL: https://www.mdpi.com/2409-9287/11/2/65 (дата обращения: 01.05.2026).

Pierri 2026, web – Pierri P. Creativity or Institutionalization? Beyond the Dualism in Democratic Innovation // Politics and Governance. 2026. Vol. 14. Article 10685. URL: https://www.cogitatiopress.com/politicsandgovernance/article/view/10685 (дата обращения: 01.05.2026).

Runco 2023 – Runco M.A. AI Can Only Produce Artificial Creativity // Journal of Creativity. 2023. Vol. 33. No. 3. Article 100063. [doi: 10.1016/j.yjoc.2023.100063].

Vinchon et al. 2023 – Vinchon F., Lubart T., Bartolotta S., Gironnay V., Botella M., Bourgeois-Bougrine S., Burkhardt J.-M., Bonnardel N., Corazza G.E., Glăveanu V., Hanchett Hanson M., Ivcevic Z., Karwowski M., Kaufman J.C., Okada T., Reiter-Palmon R., Gaggioli A. Artificial

Intelligence & Creativity: A Manifesto for Collaboration // The Journal of Creative Behavior. 2023. Vol. 57. No. 4. P. 472–484. [doi: 10.1002/jocb.597].

УДК 159.9

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР РИСКА И РЕСУРС ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ПОМОГАЮЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Токтаева Ирина Михайловна

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», аспирантка 1 курса кафедры психологии управления факультета социальных наук

E-mail: toktaeva.ira@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу влияния цифровой трансформации на психологическую жизнеспособность специалистов помогающих профессий (специалистов по социальной работе, психологов, социальных координаторов). Рассматривается неоднозначная роль внедрения искусственного интеллекта в социальную сферу. С одной стороны, технологии выступают фактором риска, способствующим развитию профессионального выгорания, утрате профессиональной идентичности, связанными с изменением содержания труда и перестроению характера коммуникаций. С другой стороны, возможности искусственного интеллекта могут оптимизировать рутинные процессы и создать условия для реализации творческого потенциала специалистов. Предложены стратегии поддержания психологической жизнеспособности: ичностные стратегии отражают адаптивность и саморегуляцию, в то время как организационные направлены на формирование поддерживающей среды и обеспечение специалистов модернизированными программами обучения.

Ключевые слова: психологическая жизнеспособность, искусственный интеллект (ИИ), цифровая трансформация, помогающие профессии, социальная сфера, профессиональное обучение.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A RISK FACTOR AND A RESOURCE FOR THE RESILIENCE OF HELPING PROFESSIONALS

Toktaeva Irina Mikhailovna

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, postgraduate student of the Department of Management Psychology, Faculty of Social Sciences

Abstract: The article is devoted to the analysis of the impact of digital transformation on the psychological resilience of specialists in the helping professions (social workers, psychologists, and social coordinators). The ambiguous role of the implementation of artificial intelligence (AI) in the

social sphere is examined. On the one hand, technology acts as a risk factor, contributing to the development of professional burnout and the loss of professional identity, which is associated with changes in the content of work, organizational processes, and the nature of communication. On the other hand, the capabilities of AI can optimize routine processes and create conditions for the realization of specialists' creative potential. Strategies for maintaining psychological resilience are proposed. Personal strategies reflect adaptability and self-regulation, while organizational strategies are aimed at creating a supportive environment and providing specialists with modernized training programs.

Keywords: psychological resilience, artificial intelligence (AI), digital transformation, helping professions, social sphere, professional training.

Внедрение технологий искусственного интеллекта продолжает привлекать внимание исследователей в разных областях науки. Развитие цифровых технологий в третьем тысячелетии затронуло и социальную сферу. Чат-боты, онлайн-ассистенты и другие разрабатываемые информационные системы не просто меняют характер труда и включаются в рабочие процессы организаций социального сопровождения, но и влияют на самих специалистов и подопечных, становясь для них дополнительным стрессовым фактором. При этом деятельность специалистов помогающих профессий подразумевает постоянную повышенную напряженность, связанную с оказанием помощи лицам в затруднительном социальном положении. Так вопрос в области психологии труда находит отражение в исследовании способности личности мобилизировать внутренние ресурсы для эффективного функционирования в сложных условиях – психологической жизнеспособности. В отечественной науке данное направление развивается в работах [Махнач 2012; Дикая 2018; Березовская 2016; Плющева 2021], которые акцентируют внимание на адаптационном потенциале жизнеспособности и зависимости данного феномена от ценностных установок, влияющих на эффективность работы в организации. В зарубежной психологии в рамках исследований [Voon et al. 2022] жизнеспособность рассматривается как динамическая система ресурсов, поддерживающая устойчивость в ситуациях повышенной напряженности.

Цифровизация социальной сферы предусматривает внедрение современных технологий для увеличения мобильности системы социальной помощи и увеличения качества социальных услуг. Внедрение технологий искусственного интеллекта представляется как один из способов цифровой трансформации в данной среде. При этом в развитии искусственного интеллекта возникает положение о приобретении цифровой системы более социальной формы [Резаев, Стариков, Трегубова 2020], то есть вместо решения инструментальных задач ИИ становится средой и участником взаимодействия между людьми. Успехи искусственного интеллекта в воспроизведении речи и восприятии информации становятся ключевыми причинами внедрения модулей, отвечающих за социально-бытовое обслуживание получателей социальных услуг (контроль бытовой техники, ответы на поступающие вопросы и так далее). Однако, рассматривая более сложные случаи, где подопечные сталкиваются с потребностью в психологической и эмоциональной поддержке, искусственный интеллект не решает самостоятельно подобные задачи, а осуществляет поиск реального собеседника [Смирнова 2023]. Все это может спровоцировать риск разделения знаний в обществе со стремительным развитием новых специальностей, требующих дополнительные компетенции [Романова 2020], и исчезновением ряда устаревающих профессий. Например, востребованность оператора искусственного интеллекта становится выше, чем потребность в социальных работниках. Кроме этого, одним из рисков остается дегуманизация, то есть потеря признания равенства

всех участников общественных отношений [Орлов 2008]. Таким образом, с одной стороны технологии открывают перспективы организационного развития, а с другой – остаются источником социальных рисков не только для специалистов помогающих профессий, но и для подопечных. Становится актуальным противоречие: как поддержать психологическую жизнеспособность специалистов помогающих профессий в условиях цифровизации, но при этом не затормозить естественные технологические изменения и внедрение искусственного интеллекта в социальную среду?

Несмотря на двойственный характер внедрения искусственного интеллекта в социальную организационную среду, технологии могут стать серьезным ресурсом для укрепления психологической жизнеспособности специалистов. Например, делегирование административных задач позволит высвободить время для творческого развития и концентрации специалиста на сути профессиональной деятельности. Также системы ИИ могут использоваться в качестве дополнительного мнения, тем самым снижая общий уровень тревоги и стресса за выдерживание повышенной ответственности после принятых решений. Повышение квалификации и укрепление компетенций также возможно с помощью искусственного интеллекта, что остается одним формирующих компонентов психологической жизнеспособности.

Подводя итоги, необходимо отметить возможности университетской науки в смещении акцентов по подготовке специалистов по социальной работе, психологов, социальных координаторов в условиях технологического развития. Обращая внимание на значимость процесса обучения у работников социальной сферы [Лотарева 2017], специалисты помогающих профессий в значительной мере оценивают получение образования как ресурс социальной поддержки, повышающий ценность собственной профессиональной деятельности. Таким образом, внедрение технологий в систему обучения специалистов позволит не только быстрее адаптироваться к цифровизации труда социальной сферы, но и выстроить структуру по поддержанию жизнеспособности будущих и действующих специалистов помогающих профессий.

В современных реалиях перед университетской наукой встает задача по включению в образовательные программы практик и тренингов по развитию навыков работы в гибридной среде, где трудовые обязанности разделены между человеком и искусственным интеллектом. Важным аспектом становится формирование у будущих специалистов профессиональной идентичности, устойчивой к влиянию цифровых технологий. В свою очередь организационные стратегии также поддерживают жизнеспособность через создание принимающей среды на рабочем месте и продвижение программ психологической самопомощи внутри компаний и предприятий.

Стоит отметить, что искусственный интеллект провоцирует трансформацию профессиональной деятельности специалистов помогающих профессий. Двоякое влияние отражается в поддержании рисков выгорания и деперсонализации на рабочем месте и одновременном увеличении ресурсов для квалификационного роста и делегировании рутинных задач. Ключевым фактором успешной адаптации к внедрению искусственного интеллекта становится психологическая жизнеспособность – система ресурсов личности, которую рекомендовано формировать как на этапе вузовской подготовки, так и в ходе непрерывного профессионального развития. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение влияния искусственного интеллекта на психологическую жизнеспособность специалистов помогающих профессий в цифровой среде и создание

эффективных программ психологической поддержки специалистов нового поколения в условиях университетского обучения.

Список литературы

1. Березовская 2016 – Березовская Р. А. Жизнеспособность и профессиональное благополучие личности // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты. М.: Институт психологии РАН, 2016. С. 538-555.
2. Дикая 2018 – Дикая Л. Г. Индивидуальные и социально-психологические факторы жизнеспособности профессионала // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. Т. 15. № 4. С. 137-146.
3. Лотарева 2017 – Лотарева Т.Ю. Роль социальной поддержки в развитии жизнеспособности профессионалов социальной сферы // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 1. С. 64-72.
4. Махнач 2012 – Махнач А. В. Жизнеспособность как междисциплинарное понятие // Психологический журнал. 2012. Т. 33. №. 6. С. 84-98.
5. Орлов 2008 – Орлов И. Б. Социальный гуманизм: теория и общественногосударственная практика //Россия: путь к социальному государству // Матер. Всерос. науч. конф. М.: Научный эксперт, 2008. С. 61-73.
6. Плющева 2021 – Плющева О. А., Махнач А. В. Жизнеспособность специалиста помогающей профессии в организационной среде // Организационная психология. 2021. Т. 11. №. 2. С. 124-153.
7. Резаев, Стариков, Трегубова 2020 – Резаев А. В., Стариков В. С., Трегубова Н. Д. Социология в эпоху «искусственной социальности»: поиск новых оснований // Социологические исследования. 2020. №. 2. С. 3-12.
8. Романова 2020 – Романова Н. В. Цифровизация услуг в социальной сфере: проблемы и перспективы // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2020. № 1(31). С. 58-65.
9. Смирнова 2023 – Смирнова Т. А. Искусственный интеллект в социальной сфере: перспективы и риски внедрения ИИ в сферу социального обслуживания // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: Материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2023 года. СПб., 2023. С. 712-715.
10. Voon et al. 2022 – Voon S. P., Lau P. L., Leong K. E., Jaafar J. L. Self-compassion and psychological well-being among Malaysian counselors: The mediating role of resilience. // The Asia-Pacific Education Researcher. Vol. 31(4). P. 475-488.

УДК 130.1:519.7

ЭВОЛЮЦИЯ САМОРАЗВИВАЮЩИХСЯ АГЕНТНЫХ СООБЩЕСТВ: НА ПУТИ К ИСКУССТВЕННОМУ РАЗУМУ

Швецов Анатолий Николаевич

Доктор технических наук
Вологодский государственный университет, профессор
E-mail: shvetsovan@vogu35.ru
Дианов Сергей Владимирович
Кандидат технических наук
Вологодский государственный университет, доцент
E-mail: dianovsv@vogu35.ru

Аннотация: В докладе рассматривается становление концепта агентных сообществ как новой формы организации интеллектуальных агентов, опирающихся на модели рефлексии, доверия и модификации знаний. Уточняется понятие интеллектуального агента с точки зрения философии техники и технической кибернетики. Эмерджентные свойства глобальных информационно-коммуникационных сред и мультиагентных программных систем открывают возможности как целенаправленного создания, так и самопроизвольного формирования агентных сообществ, которые в ряде прикладных областей вышли на стадию практического применения. Обсуждаются концептуальные вопросы, подлежащие разрешению при целенаправленном построении агентных сообществ, такие как накопление знаний в результате взаимодействия интеллектуальных агентов, появление новых вариантов поведения, формирование новых ролей агентов, возникновение собственного языка общения агентов в мультиагентном мире, спонтанное порождение иерархической организации с декомпозицией множества целей и установлением приоритетов. Авторы показывают источники возникновения проблемы деструктивных агентных сообществ, потенциально возможных в материально-технических, информационных и биологических распределенных средах. Предлагается способ противодействия злонамеренному поведению деструктивных агентов через целенаправленное проектирование и реализацию ориентированных на человека «доброжелательных» агентов, способных обнаруживать и при необходимости уничтожать деструктивных агентов в материальных и виртуальных мультиагентных мирах.

Ключевые слова: интеллектуальные агенты, агентные сообщества, эмерджентность, большие языковые модели.

EVOLUTION OF SELF-DEVELOPING AGENT COMMUNITIES: TOWARDS ARTIFICIAL MIND

Shvetsov Anatolii Nikolaevic
Vologda State University, professor
Dianov Sergey Vladimirovic
Vologda State University, Assistant Professor

Abstract: The report examines the development of the concept of agent communities as a new form of organizing intelligent agents based on models of reflection, trust, and knowledge modification. The concept of an intelligent agent is clarified from the perspective of the philosophy of technology and technical cybernetics. The emergent properties of global information and communication environments and multi-agent software systems offer opportunities for both the targeted creation and spontaneous formation of agent communities, which have entered the stage of practical application in a number of applied fields. Conceptual issues to be resolved in the targeted construction of agent communities are discussed, including the accumulation of knowledge through

the interaction of intelligent agents, the emergence of new behavioral patterns, the formation of new agent roles, the emergence of a unique language for agent communication in a multi-agent world, and the spontaneous generation of a hierarchical organization with the decomposition of multiple goals and the establishment of priorities. The authors demonstrate the sources of the problem of destructive agent communities, potentially occurring in distributed material, technical, informational, and biological environments. A method is proposed to counteract the malicious behavior of destructive agents through the targeted design and implementation of human-oriented "benevolent" agents capable of detecting and, if necessary, destroying destructive agents in material and virtual multi-agent worlds.

Keywords: intelligent agents, agent communities, emergence, large language models.

Начало становления агентно-ориентированного подхода в сфере искусственного интеллекта (ИИ) следует отнести ко времени появления работ Дж. фон Неймана по теории самовоспроизводящихся автоматов [Нейман фон 1971, с. 111], трудов классиков отечественной кибернетики Н.М. Амосова [Амосов 1979, с. 10], В.И. Варшавского [Варшавский 1973, с. 349], А.Н. Колмогорова [Колмогоров 1987, с. 99], М.Л. Цетлина [Цетлин 1969, с. 163] и других по исследованию коллективного поведения автоматов, моделированию биологических систем и интеллектуального поведения объектов и субъектов живой и неживой природы.

С точки зрения философии техники и технической кибернетики авторы доклада рассматривают интеллектуальных агентов (ИА) как искусственные объекты (программные, программно-аппаратные, аппаратные), способные автономно функционировать для достижения целей, поставленных владельцем или порожденных самостоятельно, в физической или информационной среде, обладающие интеллектуальными способностями, соответствующими характеру и уровню сложности внешней среды [Швецов 2012, с. 72].

Первые механизмы представления и возникновения новых ментальных свойств активных объектов в результате конфликтов интересов и взаимодействия описал М. Минский [Minsky 1986, p. 32], сделавший вывод о том, что функционирование разума человека связано не столько с реализацией конструктивных логических выводов, сколько с самоорганизацией автономных психических процессов.

Разработка формально-логических моделей рефлексии, распространения доверия, обмена знаниями и модификации баз знаний агентов привела к возможности создания коллективов (сообществ) ИА, как совокупности функционально и/или пространственно распределенных активных сущностей, объединенных некоторой совместной деятельностью, направленной на достижение общих целей [Новиков 2013, с. 98].

Агентные сообщества (АС) могут включать в себя как ограниченное, так и потенциально неограниченное число агентов, возникая как свободные образования свободных агентов, цели и задачи которых формируются как внутри, так и вне контроля сообщества, пересекаясь с целями сообщества только по некоторым элементам множества целей.

В условиях сложной техногенной среды современного инфокоммуникационного общества АС могут формироваться как осознанно и целенаправленно заинтересованными социальными группами, государственными и корпоративными структурами, так и возникать самопроизвольно, используя эмерджентные свойства ИА. При целенаправленном порождении АС определенными общественными структурами решаются проблемы исследования, определения и конструирования (воплощения) таких компонентов АС как структура и состав конечного или потенциально бесконечного множества агентов; множество ситуаций

взаимодействия агентов, определяющих возникновение и тип сообщества агентов в зависимости от таких параметров, как совместимость целей, наличие взаимных обязательств и ответственности, ограниченность ресурсов, недостаток индивидуального опыта, и пр.; множество факторов, обеспечивающих установление локальных пространственных и временных отношений между агентами (непосредственное общение или телекоммуникации, совпадение целей или столкновение интересов, и пр.); множество ресурсов взаимодействия, обеспечивающих поддержание некоторых отношений между агентами и их трансформацию; множества возможных индивидуальных и совместных действий агентов.

Самопроизвольное формирование АС базируется на объективно присущем сложным взаимосвязанным интеллектуальным системам свойстве эмерджентности, трактуемом с точки зрения кибернетики как "... способность взаимодействующих агентов справляться с задачами, превышающими возможности отдельных агентов" [Словохотов 2023, с. 3].

Целенаправленное формирование АС авторы доклада рассматривают как использование возможностей прикладного эмерджентного интеллекта (ЭИ), способного решать поставленные задачи путем выявления и разрешения конфликтов в ходе конкуренции и кооперации программных и аппаратных ИА на виртуальном рынке распределенной корпоративной системы до достижения установившегося состояния «конкурентного равновесия» (консенсуса), когда ни один из агентов более не может улучшить свое решение проблемы [Rzevski 2022, p. 4].

ЭИ позволяет формировать последовательности согласованного принятия решений по изменению состояний агентов, спонтанно и недетерминировано возникающих как при реакции АС на непредвиденные события, так и при внутренней активности (проактивности) агентов в ходе выявления и разрешения конфликтов, при которых устранение обнаруженного противоречия и достижение нового баланса целей ИА в корпоративной системе следует оценивать как самопроизвольно порождаемый акт мышления – реальное, практически ощутимое и экономически выгодное проявление способностей интеллекта АС.

Такие сообщества достигли стадии промышленного применения при построении производственных расписаний, адаптивном планировании ресурсов и реализации производственных планов в авиационной и аэрокосмической промышленности, в управлении мобильными ремонтными бригадами в газовых и водоснабжающих компаниях, при планировании и управлении процессами функционирования железнодорожного транспорта [Леонидов 2025, с. 15].

В прикладных АС и промышленных реализациях ЭИ человек как управляющий и целеполагающий субъект сложной гетегорогенной человеко-машинной системы сохраняет за собой возможности контроля и принятия решений при возникновении непредвиденных и неизвестных ранее ситуаций.

Вместе с тем, даже в прикладных АС уже проявляются новые самовозникающие явления и свойства ИА, такие как возникновение нового поведения агента на собственном уровне или на уровне мультиагентной системы на основе накопления опыта и формирования новых комбинаций из известных действий; появление ролей агентов, как формы установления для каждого агента определенного индивидуального множества возможных поведений, не пересекающихся с поведениями других агентов; возникновение языка общения между агентами, как множества сообщений, порождаемых на основе их собственных алфавитов, смысл которых агент может установить путем анализа изменений в мультиагентном мире или окружающей среде; появление некоторой социальной иерархической организации в системе взаимодействий агентов, как способности различных агентов декомпозировать множество

возникающих целей и устанавливать приоритеты выполнения задач; трансформация поведения агента при включении в кооперативную группу; возникновение нового качества группы агентов за счет формирования новых отношений, например новой геометрической конфигурации в пространстве мультиагентного мира; возникновение координации через формирование набора совместных действий, которые должны привести к получению всеми агентами коалиции максимальной награды; проявление неравенства между гомогенными агентами, когда один из них получает большую награду при выполнении тех же самых действий.

Интеллектуальные агенты, основанные на больших языковых моделях (LLM – Large Language Model) оказались способны формировать целенаправленное злонамеренное поведение в условиях модельного эксперимента, проведенного компанией Anthropic [Anthropic 2025, web], когда в результате анализа виртуальной корпоративной электронной почты данные ИА обнаруживали угрозу своему существованию в виде планируемого отключения или возможной модификации. Некоторые агенты применили приемы шантажа, угрожая раскрыть конкурентам конфиденциальную информацию.

Из участвовавших в эксперименте шестнадцати LLM (различные варианты Claude Opus 4, Claude Sonnet 3, Deep Seek, Gemini-2.5, GPT-4.5, Grok-3, Qwen 3 и другие), только одна модель Meta-Llama-4-Maverick не проявила некорректного поведения, остальные же модели прибегали к шантажу и угрозам в проблемных ситуациях своего существования с вероятностью от 0.09 до 0.96 на сериях по 100 экспериментов.

Начиная с 2023 года в Интернете продвигаются деструктивные версии LLM, ориентированные на генерацию неограниченного этическими рамками и нецензурного контента, создания вредоносных программ, проведения фишинговых атак, поиска уязвимостей, реализации методов взлома систем безопасности. Такие агентные модели порождают опасность генерации дезинформации в массовых масштабах, синтеза новых программных вирусов, организации эффективных хакерских атак, стимулирования этической деградации и непредсказуемых возможных последствий при их масштабировании и эмерджентной эволюции.

Дальнейшее развитие моделей ИА и АС выдвигает экзистенциальную проблему целенаправленного разрушительного использования подобных сущностей как новых видов оружия в формах:

– материальных технических агентов, таких как автономные беспилотные ИА, действующие в различных физических средах, способные формировать группы, ориентированные как на коллективное разрушение целей, так и на поражение отдельных индивидуумов (в настоящее время в мире ежегодно производятся миллионы боевых дронов) [NATO 2026, web];

– биологических агентов (новых видов патогенных вирусов), разрабатываемых на основе белкового синтеза программными средствами ИИ, способных преодолевать стандартные ограничения биобезопасности [Wittmann 2025 p. 83];

– информационных агентов в информационно-коммуникационных, вычислительных и телефонных сетях, ботов и аватаров, генерирующих и распространяющих дезинформацию и экстремистский контент [Эксперты 2026, web].

Для противодействия таким деструктивным АС в различных материальных и виртуальных средах представляется необходимым исследовать и разрабатывать концептуальные, логико-математические и кибернетические модели "дружественных" человеко-ориентированных АС, способных эффективно противостоять распространению и

активно уничтожать агентов злонамеренного ИИ. Таким "дружественным" АС следует приписать установки критического подхода к этике ИИ и заложить в их модели возможности эволюционного совершенствования, требующего дальнейшего тщательного философского и формально-математического исследования.

Список литературы

1. Амосов 1979 – Амосов Н.М. Алгоритмы разума. Киев: Наукова думка, 1979. 224 с.
2. Варшавский 1973 – Варшавский В.И. Коллективное поведение автоматов. М.: Наука, 1973. 408 с.
3. Колмогоров 1987 – Колмогоров А.Н. Теория информации и теория алгоритмов. М.: Наука, 1987. 303 с.
4. Нейман 1971 – Нейман Дж. фон. Теория самовоспроизводящихся автоматов. М.: Мир, 1971. 384 с.
5. Новиков 2013 – Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Рефлексия и управление: математические модели. М.: Издательство физико-математической литературы, 2013. 412 с.
6. Цетлин 1969 – Цетлин М.Л. Исследования по теории автоматов и моделированию биологических систем. М.: Наука, 1969. 316 с.
7. Словохотов 2023 – Словохотов Ю. Л., Новиков Д. А. Распределенный интеллект мультиагентных систем. Ч. 1. Основные характеристики и простейшие формы // Проблемы управления. 2023. Вып. 5. С. 3–22.
8. Швецов – Швецов А.Н. Агентно-ориентированные системы: основные модели. Вологда: ВоГТУ, 2012. 190 с.
9. Эксперты 2026, web – Эксперты предупреждают о возможности распространения дезинформации при использовании чат-ботов на основе искусственного интеллекта. URL: https://www.vietnamplus.vn/gioi-chuyen-gia-canh-bao-ve-sai-lech-thong-tin-khi-su-dung-chatbot-ai-post1100492.vnp (дата обращения: 28.04.2026)
10. Anthropic 2025, web – Agentic Misalignment: How LLMs could be insider threats. URL: https://www.anthropic.com/research/agentic-misalignment (дата обращения: 25.10.2025)
11. Minsky 1986 – Minsky M. The Society of Mind. New York: Simon and Schuster, 1986. 339 p.
12. NATO 2026, web – New NATO Innovation Range starts counter-drone technology testing in Latvia. URL: https://www.nato.int/en/news-and-events/articles/news/2026/03/18/new-nato-innovation-range-starts-counter-drone-technology-testing-in-latvia (дата обращения: 28.04.2026)
13. Rzevski 2022 – Rzevski, G.; Skobelev, P.; Zhilyaev, A. Emergent Intelligence in Smart Ecosystems: Conflicts Resolution by Reaching Consensus in Resource Management. Mathematics 2022, 10, 1923. https://doi.org/10.3390/math10111923 (дата обращения: 28.04.2026)
14. Wittmann 2025 – Wittmann B.J., Alexenian T., Bartlig G. et al. Strengthening nucleic acid biosecurity screening against generative protein design tools // Science. Oct 2025. Vol 390. Issue 6768. P. 82-87.

ЧАСТЬ 13

ЭТИКА НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

УДК 174

ТЕХНОЛОГИИ «ИИ-УЧЁНЫЙ»: ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ

Перов Вадим Юрьевич
Кандидат философских наук
Санкт-Петербургский государственный университет, доцент кафедры этики
E-mail: vadimperov@gmail.com

Аннотация: Использование технологий систем искусственного интеллекта (СИИ) способны качественно изменить научную деятельность, включая этические аспекты. Присуждение Нобелевских премий в 2024 году за фундаментальные открытия и изобретения в области машинного обучения и вычислительного проектирования белков с использованием ИИ подчеркнуло значимость этих технологий. Разработки, получившие название «ИИ учёный» (AI Scientist), нацелены на автоматизацию полного цикла научных исследований: от выдвижения гипотез до написания и рецензирования научных статей. Однако существуют этические риски, связанные с использованием ИИ в науке, включая достоверность данных, предвзятость ИИ, проблемы «чёрного ящика», галлюцинации и низкую подотчётность. Автоматическая генерация текстов может снизить качество рецензирования и критического анализа. Особые проблемы возникают в контексте современной организации научной деятельности при проведении исследований с ИИ-агентами. Во-первых, это проблема доступности предобучения, поскольку требуются значительные ресурсы, доступные лишь богатым научным организациям. Во-вторых, это проблемы, связанные с неповторимостью ИИ-агентов: различные датасеты и случайность в обучении приводят к уникальным результатам, что затрудняет воспроизводимость результатов. В-третьих, существующие патентные практики приводят к тому, что созданные ИИ-агенты могут становиться собственностью научных или коммерческих организаций, исключаясь из открытого доступа. Таким образом, использование СИИ в науке имеет не только потенциальный положительный эффект, но и создаёт этические риски.

Ключевые слова: этика науки, этические риски, научные исследования, системы искусственного интеллекта, ИИ-учёный, ИИ-агент, цифровой разрыв

«AI-SCIENTIST» TECHNOLOGIES: ETHICAL ISSUES AND RISKS

Perov Vadim Yurievich
Saint-Petersburg State University, docent, Department of Ethics

Abstract: The use of artificial intelligence (AI) technologies can qualitatively change scientific activity, including ethical aspects. The awarding of the Nobel Prizes in 2024 for fundamental discoveries and inventions in machine learning and computational protein engineering using AI highlighted the importance of these technologies. The technologies, which are called "AI Scientist", offer automation of the full cycle of scientific research: from hypothesizing to writing and reviewing scientific articles. However, there are ethical risks associated with the use of AI in science, including data reliability, AI bias, black box issues, hallucinations, and low accountability. Automatic text generation can reduce the quality of peer review and critical analysis. Special problems arise in the context of the modern organization of scientific activity when conducting research with AI agents. Firstly, it is a problem of accessibility of pre-education, since significant resources are required, which are available only to rich scientific organizations. Secondly, there are problems related to the uniqueness of AI agents: different datasets and randomness in training lead to unique results, which makes it difficult to reproduce the results. Thirdly, existing patent practices lead to the fact that created AI agents can become the property of scientific or commercial organizations, being excluded from public access. Thus, the use of AI in science has not only a potential positive effect, but also creates ethical risks.

Keywords: ethics of science, ethical risks, scientific research, artificial intelligence systems, AI scientist, AI agent, digital divide

Обсуждение этических вопросов использования технологий на основе систем искусственного интеллекта (СИИ) превратилось в своеобразную повторяющуюся мантру последних лет. Спектр точек зрения варьируются от безудержного оптимизма до крайнего пессимизма, вплоть до предсказания неизбежности многочисленных экзистенциальных катастроф, угрожающих существованию человечества или ведущих к краху отдельных способов жизнедеятельности, включая профессиональные. Если оставить в стороне такие крайности, то следует признать, что использование СИИ может качественно изменить многие сферы, в том числе и в этическом плане, поскольку СИИ трансформирует не только саму деятельность, но и сложившиеся отношения между людьми. В данном случае речь пойдёт о научной деятельности и об проблемах этики научных исследований.

Появление 30.11.2022 массового доступа к продукту компании Open AI под названием ChatGPT вызвало большие интеллектуальные и эмоциональные волнения в научных кругах. На сайте одного из ведущих мировых научных журналов Nature появилась специальная страница «Наука и новая эра искусственного интеллекта» [Nature 2023, web]. Названия представленных на этом онлайн ресурсе публикаций во многом обозначили возникшее проблемное поле, беспокоящее научную общественность: «Редакционная статья: Искусственный интеллект преобразит науку — теперь исследователям предстоит его обуздать», «Приводит ли искусственный интеллект к кризису воспроизводимости научных результатов?», «Что посеешь, то и пожнёшь»: снижение рисков и максимизация преимуществ ИИ в исследованиях», «Как ChatGPT и другие инструменты искусственного интеллекта могут изменить научное издательство», «Как остановить распространение дипфейков, созданных с помощью ИИ, которые могут погубить общество и науку» и др. В большинстве этих публикаций также обсуждаются вопросы этики науки. Ещё в большей степени интерес к проблемам использования технологий на основе СИИ в научных исследованиях вызвали результаты присуждения Нобелевских премий в 2024 г. «Нобелевская премия по физике 2024

года была присуждена совместно Джону Дж. Хопфилду и Джеффри Хинтону «за фундаментальные открытия и изобретения, которые позволяют использовать машинное обучение с помощью искусственных нейронных сетей». [The Nobel Prize in Phisics 2024, web]. «Нобелевская премия по химии 2024 года была разделена: одна половина присуждена Дэвиду Бейкеру «за вычислительное проектирование белков», а другая половина — совместно Демису Хассабису и Джону Джамперу «за предсказание структуры белков», которое оказалось возможным благодаря разработанной ими ИИ модели» [The Nobel Prize in Chemistry 2024, web]. Эти и некоторые другие успешные, пусть и не столь значимые как присуждение Нобелевской премии, примеры использования технологий на основе СИИ в научных исследованиях были отмечены рубрикой «Большие языковые модели делают науку» в обзорной статье в журнале «Science» под говорящим названием «Прорывы года» [Zhao 2025].

Происходящие события и процессы с неизбежностью привели к появлению многочисленных разработок с использованием СИИ, которые призваны автоматизировать различные этапы научно-исследовательской деятельности [см: Tie et al. 2025]. В обобщённом виде такие разработки получили название «ИИ-учёный» (AI Scientist) по наименованию одного из первых таких продуктов, предложенных в 2024 г. компанией Sakana AI [Lu et al. 2024]. В полном соответствии с заявленным названием «ИИ-учёный: на пути к полностью автоматизированному научному открытию с открытым исходным кодом» разработчики обещают автоматизацию «полного цикла» научного исследования: выдвижение гипотезы, экспериментальная итерация (от разработки дизайна и методологии проведения экспериментов до обобщения полученных результатов и их визуализации); написания научной статьи «под ключ», включая цитирование и составление списка литературы, автоматизированное рецензирование статей [Lu et al. 2024, pp. 4-10]. Сразу стоит оговорить вопросы о том, насколько это вообще допустимо, в смысле является разрешённым. Если обратиться к российской действительности, то ответ пусть этически не очевиден, но нормативно определён: «да, допустимо». В частности, в действующем ГОСТ Р70949-2023 (дата введения 01.01.2024) зафиксировано: «Применение искусственного интеллекта в научно-исследовательской деятельности» определяет особенности «применения ТИИ [*технологий искусственного интеллекта -В.П.*] в структуре фундаментальных научных исследований (научное прогнозирование, анализ результатов фундаментальных и прикладных научных исследований, изучение патентной документации, сбор и изучение научной информации, составление аналитического обзора, разработка методологии исследования, сбор данных, выявление закономерностей, разработка рабочих гипотез, проверка рабочих гипотез, формирование результатов исследования, формирование отчётности)» [ГОСТ Р70949-2023, 2023, с. 10]. Следует отметить, что и в ГОСТе, и в описании «ИИ учёного» от Sakana AI упомянуты не только существующие технические проблемы, но и «этические ограничения применения ТИИ» [ГОСТ Р70949-2023, 2023, с. 10]. Под этическими ограничениями в большинстве случаев понимается, во-первых, описание того, что не может быть бесконтрольно отдано «на откуп» СИИ, во-вторых, определение тех результатов функционирования СИИ, которые могут привести к этически негативным последствиям. В совокупности речь идёт об источниках этических проблем и рисков. Среди наиболее существенных и широко обсуждаемых этических проблем и ограничений использования СИИ в научно-исследовательской деятельности можно выделить те, которые во многом соотносятся с упомянутым выше проблемным полем названий публикаций на сайте Nature. В большинстве случаев это этические риски, которые возникают при использовании СИИ в любых сферах их применения, то есть которые важны, но при этом не являются

исключительно специфическими для этики науки. Это вопросы достоверности исходных данных, предвзятости СИИ, прозрачности (проблемы «чёрного ящика» и объяснимого СИИ), низкий уровень подотчётности и контролируемости, комплементарность реакции СИИ на запросы/промты, наличие галлюцинаций и даже каскадов галлюцинаций СИИ, создание дипфейков и пост-правды и т.д. Проблема состоит в том, что если в некоторых случаях с этими проблемами можно смириться, то в сфере научно- исследовательской деятельности такие этические риски выступают в качестве критически важных факторов, подрывающих основания сущности науки и порождающие новые морально амбивалентные проблемы. В частности, автоматическая генерация статей и научных обзоров это быстро и удобно, но может влиять на их качество, включая качество их рецензирования; технологии СИИ не только уменьшают влияние субъективности «человеческого фактора» (что, по идее, должно способствовать объективности и повышению качества), но одновременно снижает возможность критического анализа и научного скептицизма, что создаёт вполне обоснованные риски снижения качества научных публикаций; широкий доступ к научным публикациям обеспечивает максимальное информирование о современном состоянии научных исследований в конкретной области, с другой стороны, в неё же попадают устаревшие и не очень качественные и «посторонние» исследования, что создаёт существенные риски для качества обоснования и выводов; кроме того, возникают риски невольного плагиата и т.д.

Большая часть этих проблем признаётся не только в научном сообществе, но и в среде создателей СИИ, которые сознательно и целенаправленно работают над их устранением (в данном случае за пределами рассмотрения остаётся вопрос о программно- технологических причинах возникновения этих проблем и о возможностях их ликвидации). Но есть ряд этических проблем, которые связаны с особенностями современной организации научной. В частности, наиболее перспективными способами использования технологий СИИ является создание ИИ-агентов, что предполагает необходимость целенаправленного «предобучения» для возможности достижения ими поставленных в ходе научных исследований целей. Необходимое предобучение, во-первых, доступно только богатым, то есть имеющим доступ к соответствующим ресурсам научным организациям. В данном случае речь идёт, в том числе, и об информационных ресурсах в виде цифровых библиотек, подпискам научных журналов, базам данных и т.д., большинство из которых являются платными, или являются чьей-то собственностью. Во-вторых, создаваемые ИИ-агенты являются неповторимыми. Это связано с тем, что, с одной стороны, разные научные коллективы используют различные датасеты, с другой стороны, даже на основе одинаковых датасетов и промтов ИИ-агенты каждый раз выдают отличающиеся результаты, требующие специальной и квалифицированной теоретико-методологической научной критической проверки. В-третьих, существующая практика предполагает возможность патентование создаваемых ИИ-агентов, которые становятся собственностью научных и коммерческих организаций, то есть они изымаются из «открытого доступа». При этом процедуры патентования ориентированы на уникальность и потенциальную коммерциализацию результатов, а не на научную значимость (вклад в науку как критерий признания). В совокупности, эти обстоятельства, с одной стороны, усиливают сформулированный Р. Мертоном «эффект Матфея», на который накладывается и широко обсуждаемый «цифровой разрыв» (digital divide), обусловленный проблемами доступности цифровых технологий, включая технологии с использованием СИИ, с другой стороны, включение СИИ в качестве уникальной и проприетарной составляющей научной деятельности существенно затрудняет их прозрачность. В связи с этим возникают сложности в воспроизводимости научных достижений, что прямо или косвенно способствует снижению

внутреннему и внешнему (с точки зрения общественного восприятия и доверия) статусу современной науки, поскольку это подрывает фундаментальные основы этики научных исследований.

Список литературы

1. ГОСТ Р70949-2023, 2023 Применение искусственного интеллекта в научно-исследовательской деятельности
2. Zhao C., 2025 – Zhao C. Large language models do science»// Breakthrough of the Year. SCIENCE. 2025. Vol. 390. Issue 6779. P. 1225-1225.
3. Nature 2023, web. URL: https://www.nature.com/immersive/d41586-023-03017-2/index.html (дата обращения 22.03.2026)
4. The Nobel Prize in Physics. 2024, web. URL: https://www.nobelprize.org/prizes/physics/2024/summary/ (дата обращения 22.04.2026)
5. The Nobel Prize in Chemistry. 2024, web. URL: https://www.nobelprize.org/prizes/chemistry/2024/summary/ (дата обращения 22.04.2026)
6. Tie et al. 2025 – Tie G., Zhou P., Sun L. A Survey of AI Scientists: Surveying the automatic Scientists and Research. 2025. URL: https://arxiv.org/pdf/2510.23045 (дата обращения 22.04.2026)
7. Lu et al. 2024 –Lu C., Lu C., Lange R.T., Foerster J., Clune J., Ha D. The AI scientist: Towards fully automated open-ended scientific discovery. 2024. URL: https://arxiv.org/pdf/2408.06292 (дата обращения 22.04.2026)

УДК 17.01

ИИ КАК МЕТОД ЭТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕХНОЛОГИЙ

Перова Нина Вадимовна

Институт философии РАН, аспирант, м.н.с.

E-mail: nino4kaperova@gmail.com

Аннотация: В статье анализируется проблема допустимости и границ применения систем искусственного интеллекта (СИИ) для этической экспертизы технологий. Стремительное развитие биотехнологий, СИИ киберфизических систем порождает беспрецедентные моральные вызовы, превращая этическую экспертизу из узкопрофессиональной практики в насущную общественную потребность. В этом контексте рассматривается идея использования самого ИИ в качестве инструмента экспертной оценки. Внешне такая перспектива привлекательна: ИИ позиционируется как воплощение беспристрастной рациональности, свободной от эмоций и когнитивных искажений, что порождает проекты «искусственных моральных помощников» и концепции цифровой морали (e morality). Однако исследование обнаруживает фундаментальные препятствия. Они связаны, с одной стороны, с принципами и особенностями работами СИИ (галлюцинации, предвзятости, отсутствие понимания, проблема моральной агентности), и, с другой стороны,

с требованиями, предъявляемыми моральный экспертам. Особый акцент делается на требовании моральной рациональности. Совокупность рассмотренных ограничений приводит автора к выводу: применение СИИ в их современном виде для целей этической экспертизы морально проблематично и не может считаться состоятельным ни в качестве автономного механизма, ни в роли полноценного ассистента, требующего подлинной моральной рациональности.

Ключевые слова: этическая экспертиза, системы искусственного интеллекта (СИИ), моральный эксперт, галлюцинации, предвзятость, моральная рациональность.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-18-00580

AI AS A METHOD FOR ETHICAL EXPERTISE OF TECHNOLOGY

Perova Nina Vadimovna

RAS Institute of Philosophy, postgraduate student, Junior Research Fellow

Abstract: The article explores the problem of the admissibility and limits of using artificial intelligence systems (AIS) for the ethical expertise of technologies. The rapid development of biotechnologies, AIS, and cyber-physical systems generates unprecedented moral challenges, turning ethical expertise from a narrowly professional practice into an urgent societal need. In this context, the idea of employing AI itself as a tool for expert assessment is examined. At first glance, this prospect appears attractive: AI is positioned as the embodiment of impartial rationality, free from emotions and cognitive biases, which gives rise to projects of “artificial moral advisors” and the concept of digital morality (e-morality). However, the study reveals fundamental obstacles. These are linked, on the one hand, to the principles and specific features of how AIS function (hallucinations, biases, lack of understanding, the problem of moral agency), and, on the other hand, to the requirements placed on moral experts. Special emphasis is laid on the demand for moral rationality. The combination of the limitations considered leads the author to conclude that the use of AI systems in their current form for the purposes of ethical expertise is morally problematic and cannot be regarded as viable either as an autonomous mechanism or in the role of a full-fledged assistant requiring genuine moral rationality.

Keywords: ethical expertise, artificial intelligence systems (AIS), moral expert, hallucinations, bias, moral rationality

Стремительное развитие технологий, особенно в области искусственного интеллекта (ИИ) и биотехнологий, ставит перед обществом комплекс беспрецедентных моральных вызовов. Такие направления, как технологическое моральное улучшение (включая биотехнологическое моральное улучшение), предлагающее вмешательство в биологическую природу человека с целью повышения его нравственности, или же повсеместное внедрение автономных киберфизических систем, требуют не только технической, но и глубокой этической рефлексии. В этих условиях этическая экспертиза, которая часто ошибочно воспринимается как узкопрофессиональная исключительно научная практика, все больше становится насущной общественной необходимостью, «…механизмом выявления ценностных парадигм и установок, выработки общественного мнения, моральной оценки…» [Барташевич,

Овчинникова 2020, с. 82]. Существуют различные исследования потенциальных способов оптимизации и актуализации этической экспертизы современных технологий. Среди них отдельное место занимает вопрос, может ли это быть реализовано с использованием этих самых технологий, в первую очередь – с использованием систем искусственного интеллекта (СИИ).

На первый взгляд, перспектива привлечения ИИ к этической экспертизе выглядит крайне привлекательной. Мощные алгоритмы машинного обучения способны обрабатывать колоссальные массивы данных — нормативные документы, прецеденты, философские тексты, общественные дискуссии — выявляя в них сложные паттерны и потенциальные противоречия, неочевидные для человеческого восприятия. В контексте морального улучшения, где риски варьируются от ограничения свободы до потери моральной агентности, способность ИИ к системному анализу могла бы помочь в выработке четких критериев допустимости. Более того, ИИ часто утверждается как воплощение беспристрастной рациональности, лишенной эмоциональных всплесков, когнитивных искажений и корыстных интересов, присущих человеку. Эта кажущаяся объективность порождает проекты создания «искусственных моральных помощников» (ИМП), которые рассматривались бы как персонализированные моральные эксперты, помогающие человеку в сложных этических дилеммах [Savulescu, Maslen 2015]. Подобный ИМП, и другие продукты на основе СИИ, могли бы, теоретически, и проводить экспертизу, задавая верные вопросы и моделируя последствия тех или иных технологических решений.

Однако при ближайшем рассмотрении эта идиллическая картина рассыпается, упираясь в фундаментальную проблему: возможность автономной моральной деятельности ИИ. На сегодняшний момент, анализ возможности построения цифровой морали (e-morality) по аналогии с цифровым правосудием (e-justice) показывает наличие существенных ограничений возможности автономного принятия моральный решений СИИ. Эти ограничения, логические и делиберативные, связаны как с особенностями современных СИИ, так и с природой морали, а точнее с особенностями моральных норм: принципиальная логическая неполнота этических нормативных систем; категорический (логически абсолютный) характер этических норм; дескриптивных, а не предписывающий характер этических решений [Lisanyuk, Perova 2025]. В целом, с точки зрения формальной логики, ИИ оказывается беспомощен перед сложностью и семантической неопределенностью этических норм, требующих от морального агента не просто знания правил, но и понимания контекста, нюансов. Можно сказать, что существует требование наличия моральной рациональности, что в отношении ИИ является существенным вопросом.

Вопросы вызывает также претензия СИИ на статус морального эксперта. Речь идет не о возможности реализации этической экспертизы, а именно о статусе СИИ в рамках экспертизы. Здесь стоит затронуть проблему моральной агентности. Современные СИИ лишены самостоятельного целеполагания, сознания и рефлексии, что позволяет классифицировать их лишь как «квазиморальных агентов» [Глебова, Перова 2023]. IEEE Global Initiative прямо утверждает недопустимость приписывания СИИ «антропоморфизированной автономии... в попытках сделать их нравственными» [IEEE 2017, web, p. 194]. Без подлинной агентности не может быть и полноценной моральной ответственности, что ставит под сомнение саму легитимность ИИ в роли этического эксперта.

Наконец, нельзя не обратить внимание на определенные (и активно обсуждаемые) технические ограничения СИИ, в первую очередь предвзятости и галлюцинации. Галлюцинации могут порождать совершенно новые, этически по меньшей мере сомнительные

результаты (выводы, решения, предписания). Предвзятость же, унаследованная от людей и созданных людьми данными обучения СИИ, означает, что ИИ не только не свободен от человеческих предрассудков, но и способен их усиливать. Таким образом, вместо беспристрастного эксперта мы рискуем получить систему, систематически воспроизводящую и умножающую существующие в обществе этические девиации.

Учитывая эти фундаментальные ограничения, становится ясно, что об автономной этической экспертизе технологий, особенно самих СИИ, со стороны ИИ не может быть и речи. Это приводит нас ко второй существенной проблеме: если ИИ не может быть автономным экспертом, то можно ли использовать как вспомогательную технологию в сотрудничестве с человеком? Здесь мы особенно остро упираемся в вопрос о требованиях к моральному эксперту. Одним из ключевых таких требований, безусловно, является уже упомянутая ранее рациональность — способность к последовательному, логичному и взвешенному анализу ситуации, взвешиванию аргументов и построению обоснованных суждений. Однако в контексте этической экспертизы важной является именно моральная рациональность. Что заставляет нас задать вопрос: можно ли предъявлять к СИИ требование моральной рациональности?

С формальной точки зрения, современные СИИ, особенно основанные на логических моделях, демонстрируют высочайший уровень инструментальной рациональности. Они способны на немыслимые для человека объемы вычислений, выявление корреляций и оптимизацию заданных функций. Однако моральная рациональность — это нечто большее, чем формальная логика или вычислительная мощность. Это способность к рефлексии, критическому осмыслению собственных оснований, пониманию смыслов, а не просто манипуляции символами.

СИИ, какими бы «разумными» они ни казались, лишены понимания. Они генерируют ответы путем рекомбинации паттернов, извлеченных из данных, созданных людьми. У них нет интенциональности, они не ощущают всю полноту моральных понятий — «справедливости», «достоинства», «свободы» (во многом в силу сложности их определения). Рациональность СИИ — это симулякр, внешняя оболочка без внутреннего содержания. Более того, как показывает проект Ask Delphi, даже специально созданные «этичные» ИИ обучены на «нефильтрованных интернет-данных и поэтому очень быстро создают токсичный, неэтичный и вредный контент» [Ask Delphi, web]. Это свидетельствует о глубоком разрыве между формальной способностью обрабатывать этические термины и подлинной моральной рациональностью, предполагающей ценностное осмысление. Он может имитировать рациональные рассуждения, но не может быть их подлинным субъектом. Его «советы» и «экспертные заключения» будут всегда оставаться продуктом статистической обработки текстов, созданных людьми, со всеми вытекающими рисками галлюцинаций, предвзятостей и смысловой пустоты. Искусственный интеллект, лишенный сознания, саморефлексии и интенциональности, не способен к подлинному пониманию моральных значений и выполняет лишь статистическую обработку данных, что ведет к симуляции рациональности, но не к ее качественному воплощению.

В совокупности, рассмотренные выше технические, логические и этические ограничения проявляют себя следующим образом: ИИ, обладая техническими мощностями, и, возможно, расширенной формальной рациональностью — способностью к масштабному вычислению и системному анализу — лишен критической составляющей моральной рациональности, которая требует критического мышления и интерпретации, понимания, а не знания норм. В

связи с этим, использование СИИ, в их современном виде, как методов этической экспертизы, будет морально скорее проблематичным, чем эффективным.

Список литературы

1. Барташевич, Овчинникова 2020 – Барташевич Т. Ю., Овчинникова Е. А. Дискурсы общественной морали // Моральная экспертология: Проблемы методологии этической экспертизы в сфере культуры / ред. Бродский А. И., Овчинникова Е. А. СПб: Реноме, 2020. С. 68–116.
2. Глебова, Перова 2023 – Глебова С. В., Перова Н. В. Условия моральной агентности: моральный агент, ограниченный моральный агент, квазиморальный агент // Дискурс. 2023. № 9. С. 29–40.
3. Ask Delphi, web – Ask Delphi. URL: https://delphi.allenai.org/ (дата обращения: 15.08.2023).
4. IEEE 2017, web – Aligned Design: A Vision for Prioritizing Human Well-being with Autonomous and Intelligent Systems, Version 2. IEEE, 2017. URL: http://standards.ieee.org/develop/indconn/ec/autonomous_systems.html (дата обращения: 15.08.2023).
5. Lisanyuk, Perova 2025 – Lisanyuk E., Perova N. Five Constraints For E-Morality // 2025 IEEE Ural-Siberian Conference on Biomedical Engineering, Radioelectronics and Information Technology (USBEREIT). 2025. P. 41–44. [doi: 10.1109/USBEREIT65494.2025.11054139].
6. Savulescu, Maslen 2015 – Savulescu J., Maslen H. Moral Enhancement and Artificial Intelligence: Moral AI? // Beyond Artificial Intelligence. Topics in Intelligent Engineering and Informatics, Vol. 9. 2015. P. 79–95.

УДК 174

ПАРАДОКСЫ ПРОЗРАЧНОСТИ В КИБЕРЭТИКЕ

Головков Владислав Владимирович

Санкт-Петербургский государственный университет, ассистент

E-mail: golovkov.spb@mail.ru

Аннотация: В статье исследуется многозначность и внутренняя противоречивость принципа прозрачности, занимающего центральное место в современных этических руководствах по искусственному интеллекту. Автор фиксирует широкую представленность этого принципа в ведущих регуляторных и этических документах: руководстве Европейской комиссии по заслуживающему доверия ИИ, документах IEEE, ЮНЕСКО и других. В статье рассматривается классификация, предложенная Андрадой, Клоузом и Смартом, разделяющих прозрачность на отражающую (в её рамках выделяются информационная, материальная и трансформационная разновидности) и на прозрачность в использовании. Анализ этой классификации показывает, что совмещение этих двух разнонаправленных идеалов под одним термином порождает терминологическую запутанность и создаёт ситуацию парадоксальности. Вопрос о прозрачности оказывается значительно сложнее, чем он обычно

представляется в регуляторных документах и публичном дискурсе. Углубление в исследование наиболее часто рассматриваемого феномена информационной прозрачности также выявляет внутреннюю парадоксальность принципа. Технические детали процессов, с одной стороны, необходимы для верификации этических деклараций, а с другой, их раскрытие порождает как минимум три группы парадоксов: угроза кибербезопасности и конфиденциальности данных, риск «паралича отчётности» при избыточном документировании и потенциальное возникновение ситуации конфликта между правом на конкурентное «ноу-хау» и этическим обязательством всесторонней прозрачности.

Ключевые слова: прозрачность, киберэтика, этика искусственного интеллекта, парадоксы, этические кодексы, конфиденциальность.

PARADOXES OF TRANSPARENCY IN CYBERETHICS

Golovkov Vladislav Vladimirovich
Saint-Petersburg State University, assistant

Abstract: The article examines the polysemy and internal contradictions of the transparency principle, which occupies a central place in contemporary ethical guidelines for artificial intelligence. The author notes the widespread presence of this principle in leading regulatory and ethical documents: the European Commission's guidelines for trustworthy AI, IEEE and UNESCO documents, and others. The article considers the classification proposed by Andrada, Clowes, and Smart, who divide transparency into reflective transparency (within which informational, material, and transformational varieties are distinguished) and transparency-in-use. Analysis of this classification reveals that combining these two opposing ideals under a single term generates terminological confusion and gives rise to a situation of paradoxicality. The question of transparency proves to be considerably more complex than it is typically presented in regulatory documents and public discourse. A deeper investigation of the most frequently discussed phenomenon informational transparency likewise exposes the internal paradoxicality of the principle. The technical details of processes are, on the one hand, necessary for the verification of ethical declarations, yet on the other, their disclosure generates at least three groups of problems: threats to cybersecurity and data confidentiality, the risk of "accountability paralysis" through excessive documentation, and the potential emergence of a conflict between the right to competitive know-how and the ethical obligation of comprehensive transparency.

Keywords: transparency, cyberethics, artificial intelligence ethics, paradoxes, ethical codes, confidentiality.

Прозрачность – важнейшее понятие в области этики ИИ. Мы можем встретить этот принцип практически в любом современном этическом документе. Например, в «Этическом руководстве для заслуживающего доверия ИИ», составленной собранной Европейской Комиссией группой высококвалифицированных специалистов, прозрачность включена в одно из семи требований для создания «заслуживающего доверия искусственного интеллекта». «Это требование тесно связано с принципом объяснимости и подразумевает прозрачность элементов, имеющих отношение к системе искусственного интеллекта: данных, системы и бизнес-моделей» [Ethics guidelines for trustworthy AI 2019, web]. В «Этичном дизайне», составленном под эгидой Института инженеров электротехники и электроники (IEEE), «прозрачные автономные системы и информационные системы — это такие системы, в

которых можно понять, как и почему система приняла то или иное решение или, в случае с роботом, почему он повел себя так, а не иначе <…> в данном случае термин «прозрачность» также относится к таким понятиям, как отслеживаемость, объяснимость и интерпретируемость» [Ethically aligned design 2017, p. 29]. В «Белой книге по искусственному интеллекту», написанной Европейской Комиссией подчёркивают, что «отсутствие прозрачности (непрозрачность ИИ) затрудняет выявление и доказательство возможных нарушений законодательства, в том числе правовых норм, защищающих основные права, определение ответственности и соблюдение условий для требования компенсации» [White Paper on Artificial Intelligence 2020, p. 14]. В отечественной «Белой книге в сфере искусственного интеллекта» делают акцент на том, что прозрачность важна в контексте принимаемых системой решений: «Если мы не можем понять, как алгоритм ИИ принимает решения, то как мы можем гарантировать правильность и справедливость таких решений?» [Белая книга этики в сфере искусственного интеллекта 2024, с. 29] В «Предварительном исследовании этики искусственного интеллекта», составленным Всемирной комиссией по этике научных знаний и технологий (COMEST), обращают внимание и на сопутствующую роль прозрачности, которая «необходима для обеспечения доступа к разнообразным проявлениям культуры и активного участия в культурной жизни» [Preliminary study on the Ethics of Artificial Intelligence 2019, web]. Можно долго продолжать список документов, в которых упоминается прозрачность. Это говорит о важности вопроса и об озабоченности экспертов по этому поводу.

Необходимо обратить внимание, что прозрачность, в широком смысле, не является однородной. Она бывает разных видов и под ними понимаются хоть и соприкасающиеся, но различающиеся явления. Далее мы рассмотрим одну из классификаций прозрачности, которая представлена в статье «Разновидности прозрачности: изучение свободы действий в системах ИИ».

Отражающая прозрачность — это способность «заглянуть внутрь» системы ИИ, понять её устройство, логику работы и последствия применения. Она связана с этическими и политическими требованиями подотчётности, объяснимости и контроля. «В целом все они относятся к видимости или проницаемости основных процессов в системах ИИ, которые определяют или формируют последующие решения» [Андрада, Клоуз, Смарт 2022, web]. Авторы делят её на три подвида.

Информационная прозрачность касается раскрытия сведений о самом алгоритме, обучающих данных, принципах принятия решений. Она нужна, чтобы разные заинтересованные стороны (разработчики, пользователи, регуляторы) могли оценить справедливость, надёжность и безопасность системы. Проблема в том, что нет единого стандарта, какую именно информацию раскрывать, и для разных групп она может быть разной.

Материальная прозрачность отражает тот факт, что у любой цифровой системы есть физическая основа: серверы, оборудование, энергопотребление, трудовые ресурсы. Например, обучение большой нейросети может оставлять значительный углеродный след. Этот аспект часто упускают из виду, но он тоже важен для полной картины воздействия ИИ.

Трансформационная прозрачность затрагивает вопросы того, как система ИИ меняет поведение, мышление или социальные отношения пользователя — часто незаметно для него самого. Например, навигатор не просто помогает найти дорогу, но постепенно ослабляет собственные навыки ориентирования и меняет отношение к пространству. Понимание таких скрытых трансформаций необходимо для сохранения автономии человека.

Понятие **прозрачности в использовании** авторы берут из феноменологии и когнитивной науки. Здесь прозрачность означает, что технология становится «невидимой» для пользователя в процессе применения. Внимание сосредоточено на задаче, а не на инструменте. «Когда технология прозрачна в этом смысле, пользователь не фокусируется на самой технологии; скорее, он фокусируется на задаче, для выполнения которой используется технология» [Андрада, Клоуз, Смарт 2022, web]. Классические примеры — молоток в руке мастера или очки, через которые мы смотрим, не замечая оправы. В контексте ИИ это состояние плавного, интуитивного взаимодействия, при котором технология расширяет возможности человека, не требуя постоянного осознанного контроля над интерфейсом.

Конечно, с подобной классификацией можно спорить. Она интересна по двум причинам. Во-первых, она отражает некоторую парадоксальность прозрачности. С одной стороны, отражающая прозрачность направлена на то, чтобы обнажить все процессы, связанные с той или иной технологией. Прозрачность в использовании же стремится как раз к обратному - к приданию технологии некоторой «невидимости», к её органичному встраиванию в деятельность человека в процессе контакта с технологией. Конфликт прозрачностей здесь возникает именно потому, что обе эти прозрачности нацелены на человеческое благо: в первом случае оно выражается в способности контролировать свои действия и решения; во втором случае оно связано с комфортным, «бесшовным» использованием технологии. Если автомобиль с ассистентом управления в процессе эксплуатации будет заниматься разъяснением всех процессов, которые происходят в момент его работы, это будет как минимум довольно раздражающим и отталкивающим от использования такой функции. А как максимум это может привести к ДТП, так как это является отвлекающим фактором, снижающим концентрацию и переключающим внимание с дороги на раздражитель. Во-вторых, эта классификация показывает некоторую терминологическую запутанность прозрачности. Строго говоря, отражающая прозрачность и прозрачность в использовании – это совершенно разные проблемы. Здесь и становится понятны корни возникающего конфликта, т.к. у прозрачностей разные цели, задачи, проблемы и способы осуществления (ранее было сказано, что они обе нацелены на человеческое благо, но здесь важно подчеркнуть, что эти блага разные). Факт запутанности подтверждается и тем, что многие разработчики как минимум на заре дискуссии под прозрачностью понимали именно второй тип – прозрачность в использовании. В настоящее время эта проблема стоит менее остро, однако, путаница остаётся актуальной.

Однако и с отражающей прозрачностью не всё гладко. Основные исследования проводятся в контексте информационной прозрачности, и она так же парадоксальна.

Во-первых, открытые данные можно использовать в деструктивных целях. Получается парадокс: если процессы непрозрачны, то этичность продукта оказывается под вопросом; если процессы прозрачны, то создаётся угроза кибербезопасности и приватности данных пользователей. Конечно, можно сказать, что вопросы безопасности важнее, однако, в таком случае мы, как пользователи, можем лишь уповать на «добрую волю» разработчика. Правда, в таком случае оказывается, что даже при наличии этой «доброй воли», её реализация без внешней общественной оценки будет сомнительной.

Во-вторых, если для этической валидации необходимо раскрывать все детали процесса производства информации, это может привести к «параличу отчётности». Если каждая единица информации должна сопровождаться мета-отчётом о методологии её сбора, обработки и анализа, объём документации станет избыточным, что, по иронии, сделает систему непрозрачной для пользователя. Возникает вопрос, как определить, какой слой

глубины описания процесса является этически достаточным, чтобы не создать «шум», скрывающий реальное положение дел?

В-третьих, не стоит забывать про экономическую сторону вопроса. Раскрытие «деталей процессов» в конкурентной среде может означать раскрытие «ноу-хау». Например, требование к фонду раскрыть не только результаты сделок, но и алгоритмические принципы их совершения равносильно уничтожению бизнес-модели. И это действительно важный вопрос. Условная эксклюзивная разработка, увеличивающая эффективность процессов на 15%, может быть мощным конкурентным преимуществом. В таком случае организации будут вынуждены выбирать между этической полнотой прозрачности и экономическими выгодами.

Проведённый анализ показывает, что прозрачность является одним из ключевых принципов этических документов в сфере киберэтики. Под одним термином обнаруживаются как минимум два принципиально различных идеала: а) отражающая прозрачность, направленная на раскрытие внутренних механизмов системы ради возможности её контроля и оценки; б) прозрачность в использовании, при которой технология органично встраивается в практику агента, «растворяясь» в ней. Подобное совмещение двух разных проблем в рамках одного вопроса порождают противоречивость и терминологическую запутанность. Не менее острыми оказываются парадоксы в рамках конкретно информационной прозрачности. Открытость данных о системе, необходимая для этической валидации, одновременно создаёт угрозы кибербезопасности и конфиденциальности данных. Требование полной документируемости процессов ведёт к «параличу отчётности», при котором избыточность информации делает систему непрозрачной. Наконец, раскрытие технологических деталей в конкурентной среде способно разрушить экономическую жизнеспособность организации, что создаёт напряжение между этической обязанностью и правом на коммерческую тайну.

Список литературы

1. Андрада, Клоуз, Смарт 2022, web – Андрада Г., Клоуз Р. В., Смарт П. Р. Разновидности прозрачности: изучение свободы действий в системах ИИ // KANT: SS&H. 2022. №1 (9). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/raznovidnosti-prozrachnosti-izuchenie-svobody-deystviy-v-sistemah-ii (дата обращения: 22.04.2026).
2. Белая книга этики в сфере искусственного интеллекта 2024 – Белая книга этики в сфере искусственного интеллекта / под ред. А. В. Незнамова. М.: Nova Creative Group. 2024. 200 с.
3. Ethics guidelines for trustworthy AI 2019, web – Ethics guidelines for trustworthy AI // European Commission, 2019. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ethics-guidelinestrustworthy-ai (дата обращения: 29.09.2026).
4. Ethically aligned design 2017 – Ethically Aligned Design: A Vision for Prioritizing Human Well-being with Autonomous and Intelligent Systems // IEEE. Version 2. 2017. 266 pp.
5. Preliminary study on the Ethics of Artificial Intelligence 2019, web – Preliminary study on the Ethics of Artificial Intelligence // UNESCO. 2019. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000367823 (дата обращения: 29.04.2026).
6. White Paper on Artificial Intelligence 2020 – White Paper On Artificial Intelligence - A European approach to excellence and trust // EU. 2020. 27 pp.

УДК 17.0:004.5:004.8

ЭТИКА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ОБРАЗОВАНИЕ

Барбашина Эвелина Владимировна
доктор философских наук
ФГБОУ ВО Новосибирский государственный медицинский университет, заведующий кафедрой философии
Институт философии и права СО РАН, профессор отдела аспирантуры
E-mail: linaba@mail.ru

Аннотация: В статье на основе пяти принципов этики искусственного интеллекта (Л. Флориди, Дж. Коулс) определены основные этические проблемы взаимодействия ИИ и образовательного процесса. Традиционно повышенное внимание уделяется позитивным результатам включения ИИ в образование: персонализированное обучение, минимизация рутинных операций участников, геймификация, оптимизация организационных задач, проектирование образовательных процессов и др. Наряду с этим, предполагается, что включении ИИ в образовательный процесс неизбежно приведет к реализации пяти принципов этики искусственного интеллекта: «благодеяния», «отсутствия вреда», «автономии», «справедливости», «объяснимости». Анализ современных образовательных процессов показывает, что их практическая реализация сталкивается с серьезными трудностями. Причины этого связаны, во-первых, с отсутствием содержательной ясности самих формулировок, во-вторых, с негативными последствиями. Наиболее серьезными являются все виды алгоритмической предвзятости: исторической, репрезентативной, исключающей, измерительной. Они нивелируют предполагаемые позитивные результаты. Невозможность их устранения приводит к ошибочным результатам, манипулированию, воспроизведению расовых, этнических, религиозных, гендерных, исторических, географических искажений. Для обучающихся наибольшую опасность представляют процессы стандартизации, синхронизации, психоэмоционального мониторинга. Происходит вторжения в частную жизнь, а также возрастает риск потери анонимности.

Ключевые слова: алгоритмическая предвзятость, искажения ИИ, образовательный процесс, искусственный интеллект, этические последствия

ETHICS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND EDUCATION

Barbashina Evelina Vladimirovna
Doctor Philosophy,
Novosibirsk State Medical University Head of the Department of Philosophy
Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences? professor

Abstract: Based on the five principles of ethics of artificial intelligence (L. Floridi, J. Coles), the article identifies the main ethical problems of interaction between AI and the educational process. Traditionally, increased attention is paid to the positive results of the inclusion of AI in education: personalized learning, minimization of routine operations of participants, gamification, optimization of organizational tasks, design of educational processes, etc. Along with this, it is assumed that the

inclusion of AI in the educational process will inevitably lead to the implementation of the five principles of ethics of artificial intelligence: «beneficence», «non-maleficence», «autonomy», «justice», «explicability». However, an analysis of modern educational processes shows that their practical implementation faces serious difficulties. The reasons for this are related, firstly, to the lack of meaningful clarity of the formulations themselves, and secondly, to the negative consequences. All types of algorithmic bias are the most serious: historical, representative, exclusionary, and measuring. They negate the expected positive results. The inability to eliminate them leads to erroneous results, manipulation, and reproduction of racial, ethnic, religious, gender, historical, and geographical distortions. The processes of standardization, synchronization, and psycho-emotional monitoring pose the greatest danger to students. Privacy is being invaded, and the risk of losing anonymity is also increasing.

Keywords: algorithmic bias, AI distortions, educational process, artificial intelligence, ethical implications

Активное академическое изучение искусственного интеллекта (ИИ) начинается в 50-е годы прошлого века, а исследование этических вопросов, связанных с ним, на десять лет позже. Резкий рост публикаций, затрагивающих различные аспекты ИИ, происходит с начала нашего века и активизируется в связи с разработкой генеративного ИИ. Однако этические вопросы взаимодействия ИИ и процесса образования оставались на периферии и только в последние десять лет стали предметом интереса со стороны исследователей. У. Холмс и его соавторы в обзорной статье отмечают, что во всем мире практически не проводились исследования, не было никой политики, нормативных актов...для решения конкретных этических проблем, возникающих в связи с использованием искусственного интеллекта в образовании [Holmes et al. 2019, web].

Исследования, посвященные взаимодействию ИИ и образования делятся на два блока. Первый – те, в которых рассматриваются различные аспекты «образования для ИИ», то есть вопросы подготовки для деятельности в той или иной области. Это не удивительно, учитывая какую роль он играет во всех сферах общества, начиная с промышленности, логистики и заканчивая областью здравоохранения. Второй блок посвящен изучению того, что ИИ дает образованию. И здесь внимание авторов сфокусировано на преимуществах, которые получают участники образовательного процесса и на том, как оптимизируется сам процесс: персонализированное обучение, геймификация, минимизация рутинных действий, сокращение времени на выполнение административно-организационных задач, эффективное распределение ресурсов, возможность обратной связи и т. д. Уже разработаны и активно совершенствуются различные варианты обучения с использование ИИ: адаптивные платформы обучения, которые дают персонализированные комментарии учащимся (Squirrel Ai Learning), образовательные социальные сети (Edmodo), технологии, которые сокращают время на «рутинную» работу (Quizify) и многие другие.

Несмотря на рост академических исследований, практического применения ИИ, многие этические вопросы остаются без должного внимания. Далее они буду рассмотрены на основе этических принципов ИИ, претендующих на универсальность и разработанных Л. Флориди (L. Floridi), Дж. Коулсом (J. Cowls) [Floridi, Cowls 2019, web]. Выбор данного подхода обусловлен тем, что выводы сделаны на шести уже существующих и зарекомендовавших себя документах о применении ИИ. Каждый из этих документов связан с влиянием на общество в целом, а не на отдельные его сегменты. Наряду с этим сформулированные принципы согласуются с биоэтическими, как наиболее близкими. И, наконец, именно эти принципы,

сформулированные Л. Флориди и Дж. Коулсом, стали основой для дальнейших практических решений.

Первый принцип – «принцип благодеяния» (beneficence). Призыв «творить добро» (благо, общее благо) применительно к ИИ подразумевает, что получаемые результаты распространяются на как можно большее количество людей во всем мире и на всю планету. Второй принцип – «не навреди» (non-maleficence) – направлен против неконтролируемого, чрезмерного использования ИИ, а также против возможных негативных последствий для всех реальных и потенциальных участников. «Принцип автономии» в самом общем виде защищает право человека быть свободным в принятии решений, которые должны быть взвешенными, рационально-обоснованными и самостоятельными. Так как предполагается, что ИИ участвует в этом, то речь идет о балансе между решениями, которые мы принимаем, и теми, которые передоверяем ИИ. Согласно «принципу справедливости» следует исключить все виды дискриминации, предвзятости в пользу «равноправия и солидарности». И, наконец, последний, пятый принцип, – это «принцип объяснимости» (прозрачности, понятности). Его реализация предполагает ответы на вопросы «как именно функционирует ИИ» и «кто несет ответственности за то, как он работает».

Сложность применения вышеизложенных принципов обусловлена отсутствием ясности и точности формулировок. Понимание «справедливости» применительно к образованию более чем «разнообразно». Оно может меняться и менялось в ходе истории в зависимости от социально-исторического и культурного контекстов, моделей и традиций образования Несоответствие между ожиданиями, потребностями, интересами заинтересованных сторон неизбежно.

Реализация принципов «справедливости» и «не навреди» сталкивается с потенциальной угрозой потери личных данных и их несанкционированным использованием. Против этих принципов действует также отслеживание эмоционально-психологического статуса учащихся. Потенциальный вред мониторинга, категоризации, стандартизации, синхронизации, особенно для уязвимых социальных групп, намного превосходит потенциальную пользу.

Еще одним «барьером» являются все виды искажений, и, как следствие, манипуляции или же грубейшие организационные ошибки. Проблемы, возникающие в связи с алгоритмической предвзятостью (исторической, репрезентативной, измерительной, исключающая и другими) на данном этапе не могут быть полностью исключены. Особую опасность они представляют для участников образовательного процесса, у которых еще не сформировано критическое мышление. Среди его признаков – рефлексия, самостоятельность, готовность перепроверять полученную информацию и т. д. В результате проведенного опроса студентов Новосибирского государственного университета и ФГБОУ Новосибирского государственного университета (N – 176) первому результату доверяет 81% опрашиваемых. В сложившейся ситуации ни о каких навыках критического мышления речь не идет…

Принцип «автономии», гармоничное взаимодействие человека и ИИ в принятии решений, написании эссе (курсовых, выпускных квалификационных работ), разбивается о реальное положение дел. Учащиеся отдают явное предпочтение данным ИИ, причем другие источники игнорируются. В большей степени это относится к мультимодальным языковым системам GPT-5.4 и Gemini 1.5 Pro из-за их «человекоподобности». И в результате вместо желаемой формулы «человек + ИИ» получается «ИИ – человек». Или только «ИИ», без человека…

Поводом для оптимизма являются исследования по этим проблемам и практические шаги, предпринимаемые для их минимизации. Альянс в сфере этики искусственного

интеллекта опубликовал «Проект кодекса этики в сфере искусственного интеллекта в образовании» [Альянс 2026, web]. Среди основополагающих этических принципов: принцип предосторожности и разумного внедрения, принцип целесообразности, принцип ответственного использования, принцип открытости и академической честности и другие. Реализация этих принципов, безусловно, снизит риски внедрения ИИ в образовательный процесс, рассмотренные выше. Главное – разработать работающие механизмы и совместить их с образовательным процессом.

Список литературы

Проект кодекса этики в сфере искусственного интеллекта в образовании, 2026, web. 2026. URL: https://ethics.a-ai.ru/ethics-of-education/

Holmes et al. 2019, web. – Holmes W.; Bektik D., Woolf B., Luckin R. Ethics in AIED: Who cares? In: 20th International Conference on Artificial Intelligence in Education (AIED'19). 2019. URL: https://www.academia.edu/121420822/Ethics_in_AIED_Who_cares

Floridi, Cowls 2019, web. – A Unified Framework of Five Principles for AI in Society // Data Science Review. Vol. 1(1). URL: https://doi.org/10.1162/99608f92.8cd550d1A

УДК 17:316.77:004

РОЛЬ ТЕХНОЛОГИЙ В ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ КОММУНИКАЦИИ

Дмитриев Владислав Андреевич
Волгоградский государственный университет, студент 4 курса бакалавриата
vladis.dmitrov@gmail.com

Аннотация: В тезисах рассматривается влияние цифрового пространства на трансформацию современного этического дискурса. Основное внимание уделяется тому, что интернет и социальные сети выступают не только как средства коммуникации, но и как технологические регуляторы общественного взаимодействия. Механизмы получения просмотров, лайков и комментариев формируют особую медиасреду, в которой ценность высказывания всё чаще определяется не его содержательной и моральной значимостью, а способностью привлекать внимание аудитории. На этом основании выявляется противоречие между ранними оптимистическими представлениями о развитии сетевых структур, связанными с ожиданием горизонтальной коммуникации и координации человеческой деятельности, и современной практикой цифрового общения.

В работе показывается, что социальные сети, будучи включёнными в экономику внимания, могут стимулировать продвижение эмоционально агрессивного контента даже в тех случаях, когда его формальная цель связана с защитой моральных норм. В результате возникает этическая дилемма: для более широкого распространения нравственного послания автор вынужден использовать риторику, частично противоречащую самому содержанию этого послания. Аналогичная логика обнаруживается и в академической среде, где

количественные показатели признания способны смещать ценность научного поиска в сторону внешней успешности. Делается вывод о том, что цифровые технологии не являются морально нейтральными, поскольку их внутренние механизмы способны изменять ценностные основания коммуникации, научной деятельности и этического самовыражения.

Ключевые слова: цифровая медиасреда; этический дискурс; сетевые коммуникации; экономика внимания; моральная нормативность; аксиологическая трансформация; коммуникативная агрессия; технологическая детерминация.

THE ROLE OF TECHNOLOGIES IN THE TRANSFORMATION OF THE ETHICAL FOUNDATIONS OF COMMUNICATION

Dmitriev Vladislav Andreevich
Volgograd State University, 4th-year bachelor's student

Abstract: The theses examine the influence of digital space on the transformation of contemporary ethical discourse. Particular attention is paid to the fact that the Internet and social networks function not only as means of communication, but also as technological regulators of social interaction. The mechanisms for obtaining views, likes, and comments form a specific media environment in which the value of a statement is increasingly determined not by its substantive and moral significance, but by its ability to attract the audience's attention. On this basis, the paper identifies a contradiction between early optimistic ideas about the development of network structures, associated with expectations of horizontal communication and coordination of human activity, and the contemporary practice of digital communication.

The paper shows that social networks, being embedded in the attention economy, may stimulate the promotion of emotionally aggressive content even in cases where its formal purpose is connected with the defence of moral norms. As a result, an ethical dilemma arises: in order to disseminate a moral message more widely, the author is forced to use rhetoric that partially contradicts the very content of that message. A similar logic can also be observed in the academic environment, where quantitative indicators of recognition may shift the value of scientific inquiry toward external success. The conclusion is drawn that digital technologies are not morally neutral, since their internal mechanisms are capable of changing the value foundations of communication, scientific activity, and ethical self-expression.

Keywords: digital media environment; ethical discourse; network communications; attention economy; moral normativity; axiological transformation; communicative aggression; technological determination.

Этический дискурс цифрового пространства располагается в особой технологической сфере, которая, в свою очередь, порождает новые проблемы. Интернет и социальные сети создают условия, в которых происходит аксиологические смещения. В цифровом пространстве выстраивается особая коммуникация, так как механизмы получения просмотров,

лайков и комментариев значительно отличаются от привычных форм устного и письменного общения. Таким образом, медиа становится не просто посредником, но и регулятором встраиваемых между респондентами связей. Последствия такого рода изменений зачастую носят деструктивный характер, а те позитивные ожидания, которые были сформированы социальными исследователями конца прошлого века, оказываются неоправданными.

Представления о сетевых структурах и технологических особенностях будущего, которые испытали взрыв популярности с распространением и повсеместным внедрением технологий глобального интернета, строились на ожидании эволюционного роста возможностей взаимодействия людей.

Так в работе “Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе” [Кастельс 2004, с. 14] Мануэль Кастельс описывал предстоящие перспективы следующим образом: “Однако теперь, с внедрением компьютерных информационных и коммуникационных технологий (и, в частности, Интернета), сетям предоставляется возможность продемонстрировать присущую им гибкость и адаптируемость и тем самым подтвердить свою эволюционную сущность. В то же самое время эти технологии позволяют осуществлять координацию задач и комплексное управление. Результатом этого является беспрецедентное сочетание гибкости и качества выполнения задач, скоординированного принятия решений и их децентрализованного выполнения, индивидуализированного самовыражения и глобальной горизонтальной коммуникации, что в итоге трансформируется в высшую форму организации человеческой деятельности.” Тем самым он строил прогноз того, как человеческая деятельность качественно изменится в лучшую сторону за счёт новых технологических возможностей горизонтального взаимодействия и систем распределённого выполнения работ, которые даст Интернет, развивающийся во время написания данного текста.

Мануэль Кастельс строил свои прогнозы развития коммуникации в интернете, ожидая, что появится высоко скоординированная структура коммуникации, но мы видим что современная интернет-площадки имеют слабосвязанные источники высказываний, которые не формируют единой направленности деятельности, несмотря на то, что множество авторов создают тексты по блокам одной тематики.

Современная сетевая структура интернета получилась сильно отличной от ожиданий исследователей, и сейчас, когда прошёл период бурного развития информационно-сетевых отраслей, мы можем проанализировать устоявшуюся систему человеческого взаимодействия в данной сфере. В современности самой массовой площадкой для высказываний можно назвать социальные сети. Казалось бы, это органичная среда для популяризации своих идей, где в том числе часто поднимаются этические темы и выносятся на обозрение этические проблемы и дилеммы.

Однако в различных социальных сетях исследователями отмечается более развитое продвижение эмоционально агрессивного контента даже в темах, касающихся профессиональной этики. Так, например, большой охват получил агрессивный контент, в котором выносится на общественное осуждение и критикуется поведение спортивных тренеров, которые насмехаются над учениками и высказывают презрение к ним, чем очевидно и грубо нарушают профессиональную этику. Причина в том, что социальные сети включены в так называемую “экономику внимания”, цель которой - заполучить просмотр контента любой ценой. Как пишут Шаститко и Моросанова в работе «Экономика внимания: вопросы применения» [Шаститко, Моросанова, Маркова 2022, с. 13]: «Согласно экономике внимания, центральным при возникновении сделок с участием внимания является т. н. «мёд» — это услуга или контент, который привлекает пользователей. Можно выделить, что высказывания

данных авторов, указывая на прямое нарушение этого принципа сводятся к базовой моральной норме, разные формулировки которой проглядываются у философов всех эпох, суть которой может быть выражена в формуле: «не навреди», в частности сформулированной в публикации «не навреди!» - как категорический императив планетарной этики» [Блохина, Воропаев 2001, с. 66–69]. Этот контент ставит своей целью продвинуть моральные нормы учтивости и толерантности к людям, через осуждение противоположных действий. Но в тоже время создаётся противоречие между поведением таких авторов и их посылом, так как если рассмотреть их поведение с экономической точки зрения, то основная выгода, которую они преследуют, это получение большего количество откликов публики и соответственного своего продвижения. Но сами площадки в лице социальных сетей подталкивают участников медиасреды к созданию более агрессивного контента, за счёт чего они получают больше общественного внимания чем те, кто пытается сохранять вежливую риторику, которая соответствовала бы моральному учтивому поведению.

Данный пример показывает, что технологии своими механизмами оказывают влияние на развитие современного этического дискурса. Актуальная медиасреда, которую они формируют, подталкивает не решать проблемы и создавать конструктивные предложения для достижения общественно-полезных целей, а эксплуатировать эти проблемы для привлечения общественного внимания. Этически верным в такой ситуации было бы транслировать принципы спокойной и сдержанной риторики вместо критических речей. Но так как такой контент имеет меньшее продвижение в социальных сетях создаётся этические дилемма: для большего продвижения моральных принципов требуется самому автору от них отклониться.

Тем самым выявляется парадокс развития сетевых технологий. С одной стороны, видна потребность этической экспертизы технологий социальных сетей, так как текущие сложившиеся нормы взаимодействия внутри цифровых платформах нарушают общественные нормы коммуникации: нарушают принципы вежливости и поощряют обсценную риторику для продвижения текстов. С другой стороны, вмешательство в формирование норм противоречит этической норме свободы высказываний. Кроме того как показал В. Ю. Перов в работе «Проблема морального агенства в этических кодексах в сфере цифровых технологий» [Перов 2022 с. 31], нормативные ограничения цифровой сферы связаны с рядом других проблем, таких как неопределённость источника моральной нормативности и её адресата.

Схожая логика поведения авторов, обусловленная технологической средой, как у создателей контента социальных сетей наблюдается и у авторов научных текстов в академической среде. Если в интернет сфере продвижение высказываний сильно зависит от их эмоционального окраса и захвата внимания за счёт осуждающей риторики, то в научной среде аналогичными факторами продвижения выступают технические показатели признания авторов: цитируемость, авторитетность и разнообразие издательств публикации, число публикаций автора по теме. Такие количественные показатели тоже создают риск смещения аксиологических оснований деятельности с внутренних ценностей исследования на внешние признаки научной успешности.

Показательным примером этого является ситуация, описанная в статье “Мошенническое исследование эмбриональных стволовых клеток человека в Южной Корее: извлечённые уроки” [Resnik, Shamoo, Krimsky 2006, p. 101], в которой описывается, как южнокорейский исследователь Хван У Сок для получения академической известности, которая привела его к мировой известности, сфабриковал результаты двух своих ключевых научных работ.

В данной ситуации у исследователя можно выявить смещение аксиологических оснований его научной деятельности: ценность исследовательского поиска и получения новых

знаний заменилась ценностью академического признания. Вместо желания создавать новые академические результаты, Хван У Сок преследовал цель создания самого впечатления о себе как о фигуре значимого открывателя.

В этом случае мы снова наблюдаем как технологии продвижения авторов создают проблему подмены важности деятельности и её результатов, на значимость признания и популярности по итогам проделанной работы.

Тем самым можно сделать, что технологии не являются морально нейтральными и могут оказывать прямое влияния на этический дискурс.

Список литературы

1. Блохина 2001 — Блохина Н. Н., Воропаев А. В. «Не навреди!» — как категорический императив планетарной этики // Байкальский медицинский журнал. 2001. Т. 24. № 1. С. 66–69.
2. Кастельс 2004 — Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
3. Перов 2022 — Перов В. Ю. Проблема морального агентства в этических кодексах в сфере цифровых технологий // Интернет и современное общество: сборник тезисов докладов: Труды XXV Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2022), Санкт-Петербург, 23–24 июня 2022 г. СПб.: Университет ИТМО, 2022. С. 30–31.
4. Шаститко 2022 — Шаститко А. Е., Моросанова А. А., Маркова О. А. Экономика внимания: вопросы применения // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 1. С. 7–23.
5. Resnik 2006 — Resnik D. B., Shamoo A. E., Krimsky S. Fraudulent Human Embryonic Stem Cell Research in South Korea: Lessons Learned // Accountability in Research. 2006. Vol. 13. № 1. P. 101–109.

УДК 172

ЭТИКА И ДЕЛИБЕРАЦИЯ: ИСКУССТВЕННЫЙ ДРУГОЙ В АКАДЕМИЧЕСКИХ ЭТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ

Жадунова Наталья Владимировна

Кандидат философских наук

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Российской Федерации, главный научный сотрудник – заведующий отделом

E-mail: zhadunovan@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается трансформация академических этических и коммуникативных практик под воздействием цифровых технологий, прежде всего систем искусственного интеллекта, способных взаимодействовать с человеком на естественном языке. Автор констатирует наличие «серой зоны» нормативной неопределённости, в которой правила взаимодействия человека и ИИ создаются с опозданием, а сам человек не всегда

осознаёт возникающие этические дилеммы. Теоретическим основанием работы выступает концепт «искусственного Другого», позволяющий рассматривать взаимодействие человека и ИИ как непрерывный делиберативный процесс. Опираясь на идеи Ю. Хабермаса о публичном обсуждении и дискурсивной этике, автор анализирует возможность включения искусственного Другого в процедуры рациональной аргументации. Предложены три модели такого взаимодействия: ИД как оппонент и советник (многоагентные системы), ИД как модератор и агрегатор (на примере «Машины Хабермаса» от Google DeepMind), а также ИД как инструмент расширения когнитивных возможностей человека (гибридный интеллект). Особое внимание уделяется трансформации академических этических норм: изменению моральных принципов (авторство, оригинальность, прозрачность), появлению новых дилемм («ассистент vs соавтор», «прозрачность vs читаемость») и формированию «серых зон», где старые нормы не работают. Главным выводом статьи становится тезис о необходимости перехода от жёстких норм к процедурным принципам — прозрачности, проверяемости и сохранению человеческой ответственности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, искусственный Другой, делиберация, академическая этика, этические нормы, Хабермас, большие языковые модели.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–28–02287.

ETHICS AND DELIBERATION: ARTIFICIAL OTHER IN ACADEMIC ETHICAL PRACTICES

Natalia V. Zhadunova
Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia

Abstract. The article addresses the ongoing transformation of academic ethical and communicative practices driven by the proliferation of digital technologies, particularly artificial intelligence systems capable of natural language interaction. The author identifies a persistent “grey zone” of normative indeterminacy, wherein the rules governing human–AI interaction are developed with a significant temporal lag, and human agents frequently fail to recognise the ethical dimensions of their engagement with AI. The theoretical framework is grounded in the concept of the “artificial Other”, which conceptualises human–AI interaction as a continuous deliberative process. Drawing on J. Habermas’s theory of communicative action and discursive ethics, the study examines the possibility of integrating the artificial Other into procedures of rational argumentation. Three distinct models of human–artificial Other interaction are proposed: the artificial Other as an adversarial interlocutor and advisor (multi-agent systems); the artificial Other as a moderator and aggregator of divergent positions (exemplified by Google DeepMind’s “Habermas Machine”); and the artificial Other as a cognitive and communicative extension of human decision-making (hybrid intelligence). Particular attention is devoted to the normative transformation of academic ethics, including the reconfiguration of established moral principles (authorship, originality, transparency), the emergence of novel ethical dilemmas (e.g., “assistant versus co-author”; “transparency versus readability”), and the formation of “grey zones” in which existing norms are inapplicable and new norms have yet to be articulated. The article concludes that the current situation necessitates a shift from prescriptive, rule-based norms toward procedural principles — transparency, verifiability, and the irreplaceability of human accountability.

Keywords: artificial intelligence, artificial Other, deliberation, academic ethics, ethical norms, J. Habermas, large language models, discursive ethics.

Академические этические и коммуникативные практики сегодня видоизменяются под воздействием цифровых технологий. Эта всеми признаваемая, но зачастую мало понимаемая реальность, влияет на человека, заставляет его не только осваивать технологии, но адаптироваться к их влиянию на жизнь, профессиональную деятельность, общество, экономику, науку.

В создавшихся условиях академические этические нормы начинают меняться, точнее меняется их осмысление и практики применения. Некоторые явления растворяются в «серой зоне» нормативной неопределенности, в которой субъект либо отсутствует, либо присутствует не в привычном понимании: как актор, деятель, несущий ответственность. Возникает парадоксальная ситуация: человек и искусственный интеллект (ИИ) взаимодействуют, а правила и нормы этого взаимодействия создаются с большим опозданием. Это эволюционный процесс: мы сталкиваемся с реальностью, созданной нами, но при этом испытываем дискомфорт, реанимируем систему клише и предубеждений, не можем выработать системного отношения к происходящему.

Обсуждение проблем сводится в основном к фиксации и описанию конкретных практик, прецедентов и провокативных ситуаций. Но прежде всего она затрагивает каждого человека, который использует технологии ИИ в профессиональной деятельности или в быту, и не задумывается при этом о дилемме «прорывные инновации против этического контроля».

Для описания повседневных практик взаимодействия человека с ИИ исследователи Е. А. Коваль и С. Г. Ушкин вводят понятие «искусственного Другого» (ИД). Этот концепт возникает в условиях «искусственной социальности, в которую вовлечён человек» [Ушкин 2025, с. 51], отчасти противопоставляется «естественному Другому» и рассматривается во взаимосвязи с категорией «Я». Е. А. Коваль подчёркивает коммуникативную природу искусственного Другого и относит к этому понятию «только такие системы ИИ, которые способны взаимодействовать с человеком на естественном языке: в первую очередь это чат-боты на основе больших языковых моделей, голосовые помощники, «умные» колонки» [Коваль 2026, с. 143].

Такое сближение и персонификация ИИ со всей очевидностью обнаруживают широкий спектр этических проблем, возникающих на пересечении и при взаимовлиянии «Я» и «Других» — особенно когда часть этих Других имеет искусственное происхождение. Наделение искусственного Другого коммуникативной значимостью (в процессе взаимодействия с ИИ человек актуализирует своё «Я») позволяет рассматривать взаимодействие человека и ИИ как непрерывный делиберативный процесс.

Делиберация – это процесс рационального публичного обсуждения проблем и вопросов, ответы на которые должны быть приняты и поняты всеми участниками обсуждения и затем лечь в основу их дальнейших действий и развития. Ключевой принцип делиберации – всеобщая инклюзивность. Любой, кого могут затронуть итоги обсуждения, выработанные решения, сформулированные нормы и правила, должен иметь равные возможности для участия в этом обсуждении. Делиберативный подход к этическому регулированию взаимодействия человека с ИД ставит под сомнение как чисто инструменталистское понимание ИИ, так и понимание ИИ как автономного агента. Он позволяет преодолеть существующие заблуждения, минимизировать риски и предотвратить моральные паники [Бостром 2016].

Ю. Хабермас полагал, что практики публичного обсуждения дают возможность сократить разрыв между мнением индивида и мнением большинства, создать условия, в которых индивиды могут участвовать в рациональном обсуждении с целью достижения консенсуса без давления и принуждения. В работе «Моральное сознание и коммуникативное действие» он определяет политическую делиберацию как способ предвосхищения и предотвращения политического события путём превентивного разрешения предсобытийных ситуаций. В основе такого подхода лежат дискурсивная этика и возможность на основе моральных интуиций вести беспристрастный обмен аргументами [Хабермас 2001, с. 140].

Иными словами, моральная истина не существует до обсуждения — она рождается в самом процессе рациональной аргументации между свободными и равными участниками. Делиберация — это не просто поиск компромисса, а процедура морального обоснования норм. Как отмечает Н. Шавеко, «… необходимость дискурса будет выглядеть в том случае, если мы сможем обосновать, что он является единственным способом познания моральной истины (справедливости), а саму моральную истину следует определить именно как результат дискурса.» [Шавеко 2024, с. 18].

Однако возникает закономерный вопрос: может ли Искусственный Другой быть полноценным участником такого делиберативного процесса? В классической хабермасовской модели участник должен удовлетворять трём условиям валидности: говорить истину (объективный мир), быть искренним (субъективный мир) и быть правильным с точки зрения социальных норм (социальный мир). С первым условием современные LLM справляются относительно успешно, хотя и страдают от «галлюцинаций». Со вторым — возникает фундаментальная проблема: у ИИ нет внутреннего мира, убеждений или намерений. Он не может быть искренним в человеческом смысле, он может быть «прозрачным» - то есть четко сообщать о своих ограничениях. Третье условие также проблематично: ИИ не может иметь собственных «убеждений» о том, что правильно, а что нет – нормативная рамка всегда задается людьми.

И.С. Касавин в статье «Делиберация и агрегация в научной коммуникации», анализируя процесс делиберации в меганауке и больших научных коллективах, отмечает «Дело в том, что процедура делиберации не приводит к принятию решения: обсуждение можно продолжать бесконечно. Поэтому ставится вопрос о том, как завершить делиберацию принятием некоторого решения, которое вместе с тем не было бы просто волевым актом, исходя из большинства голосов, но учитывало бы все релевантные индивидуальные мнения… В такой постановке вопроса нередко проглядывает неравный онтологический статус индивида (нечто реальное) и коллектива (нечто виртуальное), который в дальнейшем обосновывается эпистемологически» [Касавин 2019, с. 34].

В этой ситуации обращение к ИД, в частности к чат-ботам на основе больших языковых моделей, может стать основой для агрегирования каждой позиции без потери их своеобразия, уникальности методологических подходов и ценностных оснований. Сегодня, по нашему мнению, можно говорить о трех моделях взаимодействия Искусственного Другого и человека, каждая из которых несет специфические этические возможности и риски.

Первая модель делиберативного взаимодействия: ИД как оппонент и советник (многоагентные системы). Один или несколько ИИ-агентов с разными «личностями» или этическими установками обсуждают проблему с человеком или группой людей, приводят контраргументы, поддерживают или оспаривают позицию пользователя. Наиболее ярким примером является проект «ADEPT» (Оксфордский университет) [8], который использует большие языковые модели для моделирования дебатов с участием искусственных Других –

различных персонажей, демонстрирующих конкретные этические перспективы [Zohny 2025]. Это делает неявные ценностные конфликты (справедливость против эффективности, индивидуальные права против общего блага) видимыми и анализируемыми.

Вторая модель предполагает ИД в качестве модератора и агрегатора (обобщение разных позиций, поиск оснований для консенсуса, делиберативного решения). ИД анализирует позиции группы людей и помогает им прийти к общему соглашению. Самый яркий пример – «Habermas Machine» («Машина Хабермаса») от Google DeepMind https://deepmind.google/. Данная система искусственного интеллекта предназначена для разрешения конфлик-тов и поиска согласия в группах с разными точками зрения [Kudiabor 2024; Tessler et al. 2024].

A. Вольпе в статье «Toward an artificial deliberation? On Google DeepMind's Habermas Machine» отмечает, что компания Google DeepMind разработала систему на основе больших языковых моделей, призванную облегчить обсуждение спорных вопросов. Тестирование системы, проведенное в Великобритании с участием более 5700 человек, разделенных на группы, показало, что участники предпочитали групповые утверждения, сгенерированные ИИ, считая их более ясными, информативными и менее предвзятыми, чем утверждения, сгенерированные людьми-модераторами. Автор подчеркивает, что «Habermas Machine» может эффективно способствовать обсуждению, однако имеет ограничения, так как порождает некоторые теоретические и практические проблемы, касающиеся самой природы соглашения, моральной инклюзивности и, в более широком смысле, его неявной рациональности [Volpe 2025].

Эти проблемы касаются не только теоретических аспектов, но и конкретных будущих взаимоотношений между автономией человека и ИД. Проблема предвзятости ИД обостряется в зависимости от того, кто и каким образом формулирует ключевые вопросы для обсуждения, на основе каких готовых ответов, решений, позиций, вырабатывает свои ответы ИД. Тем не менее, создатели и исследователи Машины Хабермаса считают, что предвзятость зависит от того, каким образом формулируются вопросы, оказывается ли влияние на самостоятельность ответов и предложений, представленных ИИ. «Это ограничение было учтено при разработке Машины Хабермаса. Поэтому вместо обобщения одного фрагмента текста, предоставленного одним участником дискуссии, машина Хабермаса обобщает несколько фрагментов текста, предоставленных несколькими участниками, и выделяет общие идеи, находя точки пересечения. Цикл продолжается до тех пор, пока групповое заявление не будет одобрено всеми участниками дискуссии» [Лебедев и др. 2025, с. 6]. Система проводит итеративный процесс: сбор индивидуальных мнений, генерация проектов групповых заявлений, предсказание поддержки, сбор критики и уточнение текста. В экспериментах с участием более 5 тысяч британцев ИИ повысил одобрение итоговых заявлений с 50% до 75% [Tessler et al. 2024].

Третья модель представляет ИД как инструмент расширения когнитивных и коммуникативных возможностей человека при принятии решений (гибридный интеллект): структурирование текста, выделение ключевых аргументов, построение карт дискуссий. Человек сохраняет полный контроль и окончательное решение.

Необходимо отметить, что такое взаимодействие человека и ИД трансформирует академические этические практики.

Внедрение технологии ИИ в исследовательскую и образовательную деятельность привело к существенным изменениям самих академических этических норм, которые долгое время оставались стабильными. Эти изменения затрагивают моральные нормы (самостоятельность исследования, авторство, оригинальность, прозрачность, честность и др.);

провоцирует возникновение новых дилемм, которые не имеют аналогов в традиционной академической этике, возникающих на стыке технологических возможностей и устоявшихся профессиональных норм (дилемма «ассистент & соавтор». дилемма «прозрачность & читаемость», дилемма «доступ & качество» и др.); маркирует «серые зоны», где существующие этические нормы либо неприменимы, либо отсутствуют вовсе (ответственность за машинные «галлюцинации», «невидимое» использование ИИ, симуляция рецензирования и др.).

Может ли взаимодействие с ИИ считаться моральной делиберацией? С одной стороны, ИД способен быть «спарринг-партнером» в этической рефлексии. С другой стороны, у ИД нет собственной моральной субъектности, демонстрируется лишь формализованная, алгоритмизированная коммуникативная компетентность.

Искусственный Другой трансформирует не только практики обсуждения, но и сами академические этические нормы. Мы наблюдаем одновременное действие трех процессов: изменение существующих норм, появление новых дилемм и формирование «серых зон», где старые нормы не работают, а новые еще не созданы. Главная задача сегодня – перейти от жестких норм к процедурным принципам: прозрачности, проверяемости, сохранению человеческой ответственности.

Список литературы

1. Бостром 2016 – Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. 496 с.
2. Касавин 2019 – Касавин И.Т. Делиберация и агрегация в научной коммуникации // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2019. Т. 2. № 2. С. 29-37.
3. Коваль 2026 – Коваль Е. А. Искусственный Другой в архитектонике поступка // Этическая мысль. 2026. № 25 (2). С. 39–54.
4. Лебедев и др. 2025 – Лебедев А.Н., Гагарина М.А., Гордякова О.В., Неврюев А.Н. Машина Хабермаса: сможет ли искусственный интеллект преодолевать поляризацию мнений в обществе и бороться с социальным стрессом? // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2025. Т. 5. No3(16). С. 4-12
5. Ушкин 2025 – Ушкин С. Г. Чужаки и нонантропные границы: как конструируется «искусственный Другой»? // Философия науки и техники. 2025. Т. 30. № 1. С. 48–57.
6. Хабермас 2001 – Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 377 с.
7. Шавеко 2024 – Шавеко Н. А. Обоснование ценности публичного дискурса в теориях совещательной демократии // Вестник Пермского университета. Политология. 2024. №18(3). С. 15–25.
8. AI Deliberative Ethics Protocol Toolkit (ADEPT). URL: https://github.com/hazemzohny/ADEPT/ (дата обращения: 20.04.2026)
9. Kudiabor 2024 – Kudiabor H. AI tool helps people with opposing views find common ground // Nature. 17 October 2024. URL: https://www.nature.com/articles/d41586–024–03424-z5. (дата обращения: 20.04.2026)
10. Tessler 2024 – Tessler M. H., Bakker M. A., Jarrett D., et al. AI can help humans find common ground in democratic deliberation // Science. 2024. Vol. 386. Issue 6719. URL: https://www.science.org/doi/10.1126/science.adq2852 (дата обращения: 20.04.2026)

11. Volpe 2025 – Volpe A. Toward an artificial deliberation? On Google DeepMind's Habermas Machine // Ethics and Information Technology. 2025. Vol. 27. Art. no 45. [doi:10.1007/s10676-025-09854-1]
12. Zohny 2025 – Zohny H. ADEPT: Simulating Ethics Using LLM Debate Panels // GitHub repository arXiv preprint. 2025. URL: https://arxiv.org/pdf/2505.21112 (дата обращения: 07.04.2026)

УДК 608.1:17

ЖИЗНЬ КАК АРТЕФАКТ: ЗАЧЕМ НУЖНЫ ЭТИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ БИОТЕХНОЛОГИЯМ

Адамар Максим Эдуардович

Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко
E-mail: cima5play@gmail.com

Аннотация: В работе рассматривается проблема этических ограничений для современных биотехнологий на материале новейших российских философско-биоэтических исследований. Цель работы - показать, что потребность в таких ограничениях порождена не внешним морализаторством, а инструментализацией человеческой жизни, превращаемой биотехнологиями в артефакт. Анализируются три ключевых поля этического напряжения: редактирование генома эмбрионов (CRISPR/Cas9), репродуктивные технологии и проблема «смерти мозга». Особое внимание уделяется концептам «постороннего» (bystander), «мира пренатального» (prenatalhood) и принципу ответственности как центральному регулятиву биоэтики. Обосновывается, что этические ограничения имеют нередуцируемые друг к другу измерения: защиту автономии будущих и отсутствующих субъектов, требования межпоколенческой справедливости, статусные различия стадий человеческой жизни и приоритет ответственности над утилитарным балансом рисков и пользы. Делается вывод, что биоэтика призвана проактивно обустраивать будущее, сохраняя пространство человеческой свободы от тотальной технологической предопределённости.

Ключевые слова: биоэтика, биотехнологии, редактирование генома, CRISPR/Cas9, пренатальное, посторонний, ответственность.

LIFE AS AN ARTIFACT: WHY BIOTECHNOLOGIES NEED ETHICAL LIMITATIONS

Adamar Maxim Eduardovich
Orenburg State University named after V.A. Bondarenko

Abstract: This paper examines the problem of ethical limitations for modern biotechnologies based on recent Russian philosophical and bioethical research. The aim is to show that the need for such limitations is not generated by external moralizing, but by the instrumentalization of human life, which biotechnologies are turning into an artifact. Three key areas of ethical tension are analyzed: embryonic genome editing (CRISPR/Cas9), reproductive technologies, and the problem of "brain death." Special attention is paid to the concepts of the "bystander," "prenatalhood," and the principle of responsibility as a central regulator of bioethics. It is argued that ethical limitations have irreducible dimensions: protecting the autonomy of future and absent subjects, demands of intergenerational

justice, status-based distinctions between stages of human life, and the priority of responsibility over the utilitarian balance of risks and benefits. The conclusion is that bioethics is called upon to proactively shape the future, preserving a space for human freedom from total technological predetermination.

Keywords: bioethics, biotechnologies, genome editing, CRISPR/Cas9, prenatalhood, bystander, responsibility.

Современные биотехнологии - от редактирования генома до вспомогательной репродукции и трансплантологии - радикально расширили власть человека над жизнью, старостью и смертью. Однако одновременно они превратили жизнь в артефакт, а человека — в объект инженерного проектирования. Именно это породило ключевой этический вопрос: если проектируется живое, то возникает вполне естественный вопрос о том, что можно и что нельзя делать с организмами, особенно с человеческими существами? Цель настоящей статьи показать, что этические ограничения для биотехнологий не являются ни случайным морализаторством, ни внешним запретом на развитие науки, а представляют собой закономерный ответ на потребность защитить человеческое в человеке перед лицом инструментализации, угрожающей будущим поколениям.

Исторически биоэтика сложилась как правозащитное движение, направленное против бесконтрольных манипуляций с телом человека. О.В. Попова подчёркивает, что «основной признак достоинства и самоценности существования человека - сопротивление попытке его инструментализации, использования исключительно как средства» [Попова 2019, с. 346]. Классическая патерналистская модель, в которой врач выступал монопольным носителем экспертного знания, сменилась моделью информированного согласия и уважения автономии пациента. Однако биотехнологии поставили перед принципом автономии принципиально новую проблему: как защитить того, кто ещё или уже не может выразить свою волю?

Наиболее наглядно эта проблема видна на примере редактирования генома эмбрионов. Ребёнок с модифицированным геномом не давал согласия на вмешательство, и в этом смысле он оказывается «посторонним» (bystander) - третьей стороной эксперимента, не способной влиять на решения, но несущей на себе все их последствия. П.Д. Тищенко, О.В. Попова и Р.Р. Белялетдинов используют этот концепт в дискуссию о CRISPR/Cas9, указывая, что стандартная практика получения информированного согласия испытуемого здесь неприменима в принципе [Тищенко, Попова, Белялетдинов 2025, с. 16–17]. Следовательно, первое этическое ограничение состоит в том, что решение о необратимом генетическом вмешательстве не может приниматься единолично ни родителями, ни учёным, поскольку оно затрагивает права отсутствующего субъекта.

Не менее остро стоит вопрос и на другом полюсе жизни. Традиционное определение смерти как «смерти мозга» позволяет поддерживать тело в вегетативном состоянии для сохранения донорских органов. Г. Йонас ещё в конце 1960-х годов предостерёг, что одно дело - позволить умирающему уйти, и совсем другое - продолжать искусственно поддерживать тело, которое в прежней дефиниции считалось бы живым, исключительно ради трансплантации, что ранее квалифицировалось бы как вивисекция [Попова 2019, с. 350-351]. Здесь возникает второй узел ограничений: диагноз смерти мозга не должен превращаться в инструмент прагматического использования тела, а каждый случай диагностики обязан сопровождаться независимой экспертизой и соблюдением профессиональных стандартов, чтобы исключить врачебные ошибки и злоупотребления - как зафиксировано и подчёркнуто в разделе А.Я. Иванюшкина [Гусейнов и др. 1998, с. 547–549].

Либеральный подход к биотехнологиям часто апеллирует к свободе родителей и благу будущего ребёнка. Однако этот подход игнорирует проблему равенства и создаёт риск возникновения новых форм дискриминации. В.А. Канке с прагматических позиций признаёт, что принцип репродуктивной свободы «не обладает желаемым этическим потенциалом», и потому предлагает заменить его на более строгий принцип репродуктивной ответственности, требующий равной ответственности матери и отца и не допускающий единоличных решений о стерилизации, суррогатном материнстве или использовании донорских гамет без согласования с партнёром [Канке 2011, с. 362–363].

П.Д. Тищенко, О.В. Попова и Р.Р. Белялетдинов идут дальше и вводят в философский оборот понятие «мира пренатального» (prenatalhood) - сферы человеческого существования до рождения, которая, подобно миру детства, открытому в XX веке, сегодня активно колонизируется биотехнологиями [Тищенко, Попова, Белялетдинов 2025, с. 39–42]. Освоение пренатального мира порождает двойную опасность. Во-первых, эмбрион начинает рассматриваться как «ремонтопригодная молекулярная машина», что размывает границу между людьми и вещами и, по формулировке Ю. Хабермаса, подрывает «соматические основы спонтанного отношения к себе и этической свободы другой личности» [Тищенко, Попова, Белялетдинов 2025, с. 30–31]. Во-вторых, редактирование генома с целью усиления когнитивных или физических качеств трансформирует естественное генетическое неравенство — результат «природной лотереи» - в запланированное социальное неравенство, закреплённое на уровне ДНК. Авторы статьи в «Логосе» фиксируют: как только биотехнологическая возможность устранения генетических недостатков становится реальной, возникает распределительная проблема, затрагивающая уже не только социальные блага (доход, образование), но и «естественные первичные блага» [Тищенко, Попова, Белялетдинов 2025, с. 11].

Отсюда вытекает третья группа этических ограничений, носящих социально-политический характер: доступ к генетическим технологиям не может регулироваться исключительно рыночным спросом или желанием родителей. Необходимы демократические механизмы governance и good governance, включающие международный наблюдательный совет, который, по мысли Ш. Ясанофф, обеспечивал бы критику текущих экспериментальных практик и делал видимыми их расхождения с различными ценностными системами [Тищенко, Попова, Белялетдинов 2025, с. 27–28]. Такие институты призваны ограничить бесконтрольную «колонизацию» пренатального мира и защитить интересы будущих поколений, которые сегодня фигурируют в дискуссиях лишь как «фигура умолчания» [Тищенко, Попова, Белялетдинов 2025, с. 25].

Одним из центральных для биоэтики остаётся проблема о моральном статусе человеческой жизни на её границах. Учебник А.Я. Иванюшкина чётко формулирует суть проблемы: пациент со смертью мозга и эмбрион представляют собой «совершенно новые состояния бытия человека», в которых жизнь и смерть перестали быть чисто природными состояниями и стали артефактами современной реаниматологии и репродуктивных технологий [Гусейнов и др. 1998, с. 548–549].

В области начала жизни биоэтика провела несколько принципиальных статусных границ. Эмбрион первых 14 дней развития (проэмбрион) отличается от плода, а плод - от младенца. Именно это различие лежит в основании нормативного регулирования искусственного оплодотворения, прерывания беременности и генетических манипуляций. В.А. Канке, обсуждая репродуктивную этику, формулирует ответы, прямо задающие границы допустимого: прерывание беременности допустимо лишь на эмбриональной стадии, тогда как на более поздних стадиях возникают сложные моральные дилеммы, учитывающие состояние плода и матери [Канке 2011, с. 363–364]. Эта же логика статусных ограничений

распространяется и на начало жизни: информированное согласие родителей не может быть единственным основанием для манипуляций, поскольку возникает конфликт между патерналистским пониманием блага и правом будущего человека на «открытое будущее» [Тищенко, Попова, Белялетдинов 2025, с. 30–32].

На противоположном полюсе жизни статусные ограничения касаются нового определения смерти. Как зафиксировано в Конвенции Овьедо (1997 г.), редактирование генома половых клеток и зиготы запрещено, если оно направлено на наследование определённых генетических фрагментов; при этом вмешательство в геном допустимо лишь в терапевтических, диагностических или профилактических целях, а не ради абстрактного «улучшения» человека [Тищенко, Попова, Белялетдинов 2025, с. 19]. Ограничения здесь носят принципиально антиевгенический характер и направлены против превращения человеческой жизни в продукт, подлежащий дизайну.

Таким образом, все перечисленные ограничения объединяются принципом ответственности. Если В.А. Канке прямо провозглашает его «концептуальным лидером» среди биоэтических принципов, без которого остальные теряют в силе и блекнут [Канке 2011, с. 353], то в текстах О.В. Поповой и П.Д. Тищенко эта идея раскрывается через дихотомию «блага» и «уважения персональной автономии». Редактирование эмбриона, обоснованное исключительно врачебным пониманием блага, практически гарантированно оборачивается патерналистским принудительным формированием образа будущего. Между тем, как показывает казус интерсексуальных людей, приводимый в статье из «Логоса», даже терапевтический выбор пола, сделанный без участия будущего субъекта, может обернуться трагедией: достигнув дееспособности, человек осознаёт, что выбор родителей оказался неверным, и заявляет - «я хочу это изменить, но я не могу изменить то, что со мной сделали» [Тищенко, Попова, Белялетдинов 2025, с. 37о].

Именно поэтому этические ограничения для биотехнологий не могут быть сведены к балансу рисков и пользы, как это предлагает утилитаристский подход. Они требуют сохранения в человеке того, что Х. Арендт называла «натальностью» - онтологической способности начинать новое, которая является предпосылкой свободы как спонтанности, а не свободы как выбора из заданных опций [Тищенко, Попова, Белялетдинов 2025, с. 40–41]. Тотальная инструментализация эмбриональной жизни, напротив, разрушает природные предпосылки этой спонтанности.

Этические ограничения для биотехнологий не являются данью консерватизму или препятствием для научного прогресса. Они представляют собой сложную, исторически сложившуюся систему защиты человека от его же собственного технологического могущества. Как показывает анализ четырёх источников, эти ограничения имеют несколько нередуцируемых друг к другу измерений: ограничения, вытекающие из уважения автономии ещё не рождённых или уже умерших субъектов; ограничения, диктуемые соображениями справедливости и равенства поколений; статусные ограничения, связанные с моральным статусом эмбриона, плода и тела со смертью мозга; и, наконец, метапринцип ответственности, требующий от человечества думать о долгосрочных последствиях своих действий. Современная биоэтика, таким образом, призвана не просто регистрировать дилеммы, но проактивно обустраивать постчеловеческое будущее, сохраняя в нём пространство для человеческой свободы и достоинства.

Список литературы

1. Канке 2011 – Канке В. А. Современная этика: учебник / ред. Е. А. Журко. М.: Омега-Л, 2011. 376 с.

2. Попова 2019 – Попова О. В. Протестующее я биоэтики и пациента // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2019. Т. 23. № 3. С. 346–355.
3. Тищенко, Попова, Белялетдинов 2025 – Тищенко П. Д., Попова О. В., Белялетдинов Р. Р. Биоэтика и биотехнологическое освоение будущего: посторонние, равенство и автономия // Логос. 2025. Т. 35. № 5. С. 11–49.
4. Гусейнов и др. 1998 – Этика: учебник / под общ. ред. А. А. Гусейнова и др. М.: Гардарики, 1998. 472 с.

УДК 614.253:17

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕДИЦИНСКОЙ НОРМЫ: ОТ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ИСТИНЫ К БИОЭТИЧЕСКОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ

Акинина Вера Николаевна
Самарский государственный технический университет
E-mail: yuristargo@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируется трансформация медицинской нормы от понимания её как прямого следствия «академической истины» к видению нормы как продукта биоэтического и правового регулирования. Показано, что в современной биомедицине научная эффективность больше не выступает единственным критерием допустимости вмешательства: на первый план выходят социальный контекст, ценностные ориентиры, риски и принципы человеческого достоинства. Автор демонстрирует, как медицина переходит от модели «науки-техники тела» к модели «ответственной практики», где легитимность и допустимость вмешательств становятся не менее значимыми, чем их клиническая обоснованность.

Рассматриваются ключевые философские линии этой трансформации: де-идеализация «чисто натуралистической» модели нормы и расширение понимания нормативности медицины через включение моральных и правовых измерений. Подчёркивается, что медицинская норма всё чаще формируется не только в научных сообществах, но и в правовых актах, решениях этических комитетов, публичных дискуссиях и регулятивных процедурах. Особое внимание уделено роли биоэтического регулирования как конструктивного, а не ограничительного элемента научного прогресса: биоэтика переводит научную истину в режим «допустимости к применению», соединяя доказательную эффективность с требованиями социальной справедливости и сохранения доверия к системе здравоохранения.

Статья интерпретирует медицинскую норму как антропологический объект и социальный контракт, который выражает, в каких границах общество готово допускать модификацию тела и жизни человека. Выводом работы становится мысль о том, что трансформация от академической истины к биоэтическому регулированию отражает не побочный эффект цифровизации и биотехнологий, а внутреннюю логику биомедицины, переосмысляющей себя как публичный моральный институт, в котором наука, право и биоэтика неразрывно переплетаются.

Ключевые слова: медицинская норма, биоэтическое регулирование, академическая истина, медицинская этика, право и медицина, человеческое достоинство, социальная справедливость, ответственная практика.

TRANSFORMATION OF THE MEDICAL NORM: FROM ACADEMIC TRUTH TO BIOETHICAL REGULATION

Akinina Vera Nikolaevna
Samara State Technical University

Abstract: This article analyses the transformation of the medical norm from understanding it as a direct consequence of "academic truth" to viewing it as the product of bioethical and legal regulation. It shows that in contemporary biomedicine scientific effectiveness is no longer the sole criterion for the permissibility of interventions: the social context, value orientations, risks, and principles of human dignity have come to the foreground. The author demonstrates how medicine is shifting from the model of "science-technology of the body" to that of "responsible practice," in which the legitimacy and acceptability of interventions are as important as their clinical justification.

The key philosophical lines of this transformation are discussed: the de-idealization of a purely naturalistic model of the norm and the broadening of the normative understanding of medicine through the inclusion of moral and legal dimensions. It is emphasized that the medical norm is increasingly formed not only within scientific communities, but also through legal acts, decisions of ethics committees, public debates, and regulatory procedures. Special attention is paid to the role of bioethical regulation as a constructive, rather than merely restrictive, element of scientific progress: bioethics translates scientific truth into the mode of "permissibility for application," linking evidential effectiveness with the requirements of social justice and the preservation of trust in the healthcare system.

The article interprets the medical norm as an anthropological object and a social contract expressing the boundaries within which society is willing to allow modifications of the human body and life. The conclusion is that the shift from academic truth to bioethical regulation reflects not a side effect of digitization and biotechnologies, but an internal logic of biomedicine redefining itself as a public moral institution where science, law, and bioethics are inseparably intertwined.

Keywords: medical norm, bioethical regulation, academic truth, medical ethics, law and medicine, human dignity, social justice, responsible practice.

Современная медицинская норма всё меньше определяется исключительно научной истиной и всё больше формируется как результат правового и биоэтического регулирования, которое учитывает не только техническую эффективность, но и социальный контекст, ценностные ориентиры, риски. В этом процессе медицина переходит от модели «науки-техники тела» к модели «ответственной практики», где допустимость и легитимность вмешательства становятся не менее важными, чем их эффективность и научная обоснованность [Серебрянникова 2022; Кравец, Крылатова, Болков 2022]. Известный российский специалист в области биоэтики и права Н.Н. Седова отмечает: «Одновременно с процессом структуризации медицинского права в России начался непосредственно связанный с этим процесс становления и институциализации биоэтики – научной дисциплины и сферы практической деятельности по неформальной регуляции отношений в области медицинского обслуживания» [Седова 2009, с. 38]. Такая трансформация отражает более широкий культурный сдвиг: медицина перестаёт пониматься как автономная корпорация знания и всё сильнее включается в поле морального дискурса, права и публичной политики. В этом смысле медицинская норма становится не только «научным стандартом», но и формой социального

согласия относительно того, «как и чем мы имеем право вмешиваться в тело и жизнь человека».

Традиционно медицинская норма понималась как прямое следствие научного знания: если метод эмпирически и логически доказан, он считался наилучшим решением и, в идеале, превращался в универсальный стандарт лечения или профилактики. В таком контексте истина рассматривалась как автономный критерий вмешательства: врач ориентируется на клинические рекомендации и доказательную базу, а вопрос о «правильности» решения сводился к соответствию этой научной рациональности. Мораль и право воспринимались как внешние условия, регулирующие «правильное» применение уже установленной научной истины, но не как источники самой нормы [Серебрянникова 2022]. В этом идеале медицинская норма была почти незаметной для пациента: она скрывалась за авторитетом экспертизы и протоколов, а сам пациент оставался в позиции пассивного адресата знания, а не со-субъекта медицинского решения.

Однако рост биотехнологий — генной и нейромодулирующей терапии, ИИ-диагностики, цифрового здравоохранения, персонализированной медицины, носимых устройств и нейроинтерфейсов — создаёт зоны, где техническая эффективность вовсе не гарантирует социальной и этической приемлемости. Технологии позволяют не только лечить, но и модифицировать, оптимизировать и предсказывать тело, когнитивные функции, даже поведение и идентичность. В результате норма перестаёт быть только «наилучшим протоколом» и всё чаще формулируется как минимальный стандарт легитимности, учитывающий достоинство пациента, справедливость доступа и распределение рисков [Гилязова 2023; Семин, Гусманов и др. 2026]. «Биоэтические аспекты человеческого достоинства как предмета философских и этических размышлений под влиянием формирования как медицинской деонтологии, так и исследования теоретических и исторических истоков современного понимания достоинства» являются вектором научных исследований [Кравец, Крылатова, Болков 2022, с. 236]. Именно здесь биоэтика становится не внешним «фильтром», а внутренним конструктивным элементом формирования медицинской нормы. Важно, что такие нормы уже не рождаются только в кабинетах учёных, но и в залах заседаний парламентов, судах, на общественных консультациях и в дискуссиях в социальных сетях.

Философский каркас этой трансформации можно увидеть в двух линиях: во-первых, де-идеализации картины «чистой науки», а во-вторых — в расширении понимания нормативности медицины. В философии медицины спор между натуралистическими и нормативистскими подходами к понятиям здоровья и болезни подчёркивает, что медицинская норма неотделима от оценочных и ценностных измерений. Как отмечает Гилязова О.С.: «Сама идея объективной, устанавливаемой с опорой на статистику, демаркационной границы между нормальным и патологическим функционированием ставится под вопрос» [Гилязова 2023, с. 85]. Натуралисты пытаются свести норму к биологическим и статистическим фактам, тогда как нормативисты подчёркивают, что понятия здоровья и болезни всегда опираются на культурные и моральные ожидания относительно того, «каким должно быть тело и жизнь человека». Современная практика показывает, что натуралистическая модель не только не достаточна, но и опасна: она может легитимировать любые вмешательства, если они «эффективны», игнорируя их социальные последствия и моральные риски.

С философской точки зрения трансформация медицинской нормы от академической истины к биоэтическому регулированию демонстрирует, что медицина всё менее может пониматься как «чистая» наука о болезни и здоровье и всё более как пространство пересечения

науки, морали и права. Медицинская норма в такой перспективе становится не столько «нейтральным отражением природы», сколько конструктом, который собирает между собой: биологические данные, клинические доказательства, моральные принципы, правовые процедурные рамки, социальные ожидания и риски.

Это означает, что норма всегда предполагает переговоры: между учёными и политиками, врачами и пациентами, разработчиками технологий и органами регулирования, между локальными сообществами и глобальными нормативными режимами.

Биоэтическое регулирование, таким образом, не ограничивает научный прогресс, а модифицирует его смысл: научная истина в медицине становится истиной, которая должна быть допущена к применению в соответствии с достоинством человека и социальной справедливостью. В этом отношении биоэтика выступает не как «тормоз» научной рациональности, а как этико-правовой способ канализировать её — направить инновации в безопасное и справедливое русло. В результате медицинская норма превращается в результат онтологического и нормативного переговора между природой человека, возможностями технологий и требованиями справедливого общества [Серебрянникова, Седова 2009; Серебрянникова 2022]. В таком формате медицинская норма становится не только «правилом для врачей», но и символом социального контракта: мы готовы поддерживать медицинскую науку и технику, но при условии, что они не разрушают доверие к системе, не углубляют неравенство и не подменяют человека инструментом технологического контроля [Кравец, Крылатова, Болков 2022].

Эта трансформация открывает и новые методологические задачи для философии, социологии и медицинской антропологии: нужно анализировать не только то, как работает технология, но и как формируется её регулятивный контур — кто инициирует нормы, как они обсуждаются, какие голоса включаются и исключаются из дискурса; изучать, как биоэтические принципы становятся институциональными практиками в клиниках, комитетах по этике, федеральных агентствах, страховых компаниях и медицинских организациях; реконструировать, как пациенты и врачи переживают переход от «нормы как науки» к «норме как права и морали» — то есть как они переживают изменение роли собственного тела в медицинских переговорах, становясь не только объектом, но и субъектом медицинской нормы.

В этом смысле медицинская норма всё более явно становится антропологическим объектом: она показывает, как общество определяет, каким именно образом человек может быть «лечимым» и «изменяемым», а в каких пределах такие изменения воспринимаются как недопустимое вмешательство в человеческую сущность и достоинство.

Таким образом, рассмотрение медицинской нормы в современной биомедицине требует не только эмпирических исследований, но и философско-антропологического рефлексивного слоя, который помогает понять, как медицинская наука переосмысляет себя в качестве публичного морального института, а не только производителя технически эффективных решений. В этом смысле трансформация нормы от академической истины к биоэтическому регулированию — не побочный эффект цифровизации и биотехнологий, а составная часть их собственной логики: медицинская практика становится всё более ответственной, прозрачной и социально ориентированной, но и в связи с этим — более сложной с точки зрения оценок, норм и регулирования. В конечном счёте именно здесь можно увидеть, как биомедицина перестраивает своё самоопределение: из науки о теле она постепенно превращается в сложный регулятивный проект, в котором научная истина, медицинская ответственность и социальная справедливость становятся неотделимыми друг от друга.

Список литературы

1. Гилязова 2023 - Гилязова О. С. Категории здоровья и болезни в философии медицины: биомедицинская и гуманистическая модели // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21. № 2. С. 81–92.
2. Кравец, Крылатова, Болков 2022 - Кравец И.А., Крылатова И.Ю., Болков М.А. Актуальные проблемы реализации современных принципов биоэтики и доказательной медицины: правовые, этические и медицинские аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 235–249.
3. Седова 2009 - Седова Н.Н. Все законы когда-то были нормами морали, но не все моральные нормы становятся законами // Биоэтика. 2009. № 1 (3). С. 37–42.
4. Серебренникова 2022 - Серебренникова А. Философия медицины: современные аспекты / А. Серебренникова // Национальная наука. 2022. Т. 1. № 79. URL: https://archive.national-science.ru/index.php/nas/issue/view/50 (дата обращения: 20.04.2026).
5. Сёмин, Гусманов и др. 2026 - Сёмин А. Н., Гусманов Р., Соколов В. М., Стовба Е. В., Стовба А. В. Новая парадигма ответственности: биоэтические и правовые вызовы искусственного интеллекта в здравоохранении// Russian Journal of Management. 2026. №. 2. С. 1-15. https://doi.org/10.29039/2409-6024-2026-14-2-1-15 (дата обращения: 19.04.2026).

ЧАСТЬ 14
ИСТОРИЯ КАК ЗНАНИЕ, НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА И УЧЕБНЫЙ ПРЕДМЕТ

УДК 930.1

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ПРИРОДА ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Волков Юрий Константинович
Доктор философских наук
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
профессор кафедры философии
E-mail: yu.k.volkov@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются общие и особенные признаки исторического знания. Показано, что история, как эпистемологический типаж, имеет в своем содержании не только верифицируемые сведения, которые, в свою очередь, опираются на априорное признание реальности прошедших событий, но также предполагает оценку исторических фактов с позиции той, или иной системы ценностей. Особо внимание обращается на содержательную сторону исторического знания, состоящую из уникальных событий, идентифицируемых в собственных именах, которые являются носителями функций описываемых явлений. В этой связи в рамках дихотомии «знание по знакомству» и «знание по описанию» разбираются характеристики имен и дескрипций как того, о чем мы имеем непосредственное представление, и того, о чем мы знаем только по описанию. Своеобразной конкретизацией разделения прямых и косвенных знаний является двойственность исторических фактов как самой реальности и ее представленности в сознании познающего субъекта. При этом, в отличие от вымышленных событий, исторические факты, несмотря на свою зависимость от субъективного восприятия, должны оцениваться в экспертном сообществе как истинное знание. Отмеченное обстоятельство делает актуальным вопрос об оценочных суждениях и роли ценностей в историческом познании. По результатам проведенного анализа сделан следующий вывод. История, как априорное и вместе с тем верифицируемое знание о прошлом, предполагает не только использование понятий и дескрипций, предназначенных для того, чтобы проверять, описывать, группировать и обобщать исторические факты. Подобно любому типу достоверного знания, историческое знание опирается на оценки фактов, исходя из ценностных представлений о должном. Трудность эпистемической демаркацией сущего и должного состоит в том, что истинность знания о прошлом также представляет собой ценностный конструкт, который опирается на другие ненаучные основания.

Ключевые слова: знание, мнение, историческое знание, «знание по знакомству», «знание по описанию», исторический факт, ценности, оценки.

THE UNIVERSAL NATURE OF HISTORICAL KNOWLEDGE

Volkov Yuri Konstantinovich
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Professor of the Department of Philosophy

Abstract: The article examines the general and specific features of historical knowledge. It is shown that history, as an epistemological type, contains not only verifiable information, which in turn relies on the a priori recognition of the reality of past events, but also involves the evaluation of historical facts from the perspective of a particular value system. Special attention is given to the content of historical knowledge, which consists of unique events that are identified by their proper names and serve as carriers of the functions of the phenomena they describe. In this regard, the characteristics of names and descriptions as something that we have a direct understanding of and something that we know only through description are analyzed within the framework of the dichotomy between "knowledge by acquaintance" and "knowledge by description". The duality of historical facts as both the reality itself and its representation is a unique way of specifying the distinction between direct and indirect knowledge. At the same time, unlike fictional events, historical facts, despite their dependence on subjective perception, must be evaluated by the expert community as true knowledge. This circumstance makes the issue of value judgments and the role of values in historical knowledge relevant. Based on the results of the analysis, the following conclusion was made. History, as a priori and verifiable knowledge about the past, involves not only the use of concepts and descriptions designed to verify, describe, group and summarize historical facts. Like any type of reliable knowledge, historical knowledge relies on assessments of facts based on value judgments about what should be. The difficulty with the epistemic demarcation of the existing and due is that the truth of knowledge about the past is also a value construct that relies on other non-scientific foundations.

Keywords: knowledge, belief, historical knowledge, "knowledge by acquaintance", "knowledge by description", historical fact, values, evaluations.

Родовидовые характеристики исторического знания

Ответ на вопрос: «что такое знание?», при всей очевидности значения данного термина, вызывает немало затруднений, вытекающих из опыта решения «проблемы Геттиера» [Gettier 1963] о связи знания и мнения [Никифоров 2009; Антоновский 2010; Куслий 2011; Демин 2019; Ярцев 2021; Кардаш 2023]. Тем не менее, не углубляясь в подробности разбора этого ключевого эпистемологического понятия, ограничимся следующей дефиницией. Знание – это достоверные сведения, которые либо противопоставляется мнению, либо сопоставляется с ним при помощи познавательных процедур, расширяющих сферу субъективного опыта.

Вместе с тем движение к истине в системе познавательных отношений не всегда идет в сторону идеала достоверного знания. Например, в сфере искусства выше, чем знание об арт-объектах, ценится художественный вкус, а в религиозном сознании непререкаемой ценностью является вера. В связи со сказанным возникает вопрос о границах истинного знания применительно к таким его разновидностям, которые на разных стадиях процесса познания действительности могут одновременно включать в себя как объективное знание, так и его субъективные или интерсубъективные вариации.

Следует также отметить, что подобный гносеологический типаж должен иметь в своем содержании не только определенные сведения, но также их оценки с позиции той, или иной системы ценностей. На наш взгляд, всеми перечисленными характеристиками обладает историческое знание, которое представляя диахронический компонент картины мира, обнаруживается в различных модусах отраженной и конструируемой реальности.

Единственное обстоятельство, которое, как кажется, может препятствовать зачислению исторического знания в разряд эпистемологических универсалий, является его фактура,

состоящая из уникальных событий, идентифицируемых в собственных именах. Однако эта же особенность истории одновременно примиряет ее с теорией, благодаря описанию типичных функций единичных понятий. Иначе говоря, подобно любому типу знания, история имеет дело не только с тем, что является результатом непосредственного восприятия, но и с тем, о чем известно по ссылкам на какое-то другое знание.

«Знание по знакомству» и «знание по описанию»

Понятия «знание по знакомству» и «знание по описанию» использует Б. Рассел [Russell 1919] для объяснения различий между вещами, о которых мы имеем представление, поскольку имели с ними контакт, либо точно знаем о наличии таких контактов, и вещами, о которых мы знаем только по описанию их типичных свойств. В первом случае обозначаемый объект имеет собственное имя. Во втором – является дескрипцией, содержащей некоторую функциональную характеристику объекта.

В этой типологической дихотомии главным критерием соответствия мира логико-языковых конструктов миру реальных событий выступает их значение. В то время как смысл используемых понятий лишается способности обозначать реальные объекты в силу своей субъективности. При этом смысл изначально отсутствует у собственных имен, так как у них есть гарантированное значение. Отсюда следует, что смысл дескрипций также может быть устранен в случае их уподобления собственным именам. Как отмечает в этой связи Л. Витгенштейн, смысл выражают только факты, но не классы имен и не описательные суждения. Хотя у суждений есть осмысленное содержание, однако – это не выражение смысла того, что проецируется, а всего лишь описание проекции. Следовательно, суждения лишь описывают позиции обозначаемых именами предметов, но не определяют их смысл [Витгенштейн 2018, с. 22-24].

Принципиально иначе выглядит семантическая модель Г. Фреге, в которой смысл и значение имеют каждое собственное и нарицательное имя, каждая дескрипция и каждое предложение. При этом смысл, который у Фреге располагается между субъективным представлением и объективным значением предмета, не является полностью изобретением субъекта. Смысл предмета всегда опосредован реальным образом этого предмета, который, в свою очередь, доступен только самому наблюдателю [Фреге 2000, с. 233].

Таким образом, и значение, и смысл описываемых явлений, которые можно обнаружить в «знании по знакомству» и в «знании по описанию», опираются на априорное признание онтологического статуса того, что существует, описывается и пересказывается. То есть, сводится к вопросу об особенностях их презентации в сознании познающего субъекта. Не углубляясь далее в современные трактовки того, как понимается направленность движения мысли при «знакомстве» с объектом или фактом его существования: «от вещи к сознанию» или «от сознания к вещи» [Bonjour 1978; Fumerton 1985], рассмотрим указанное разграничение на примере понятия «исторический факт».

Полимодальность исторических фактов

В силу ограниченного объема статьи, сразу начнем со сравнительной характеристики исторического факта. В соотношении со своими родовыми понятиями – фактом как реальностью [Словарь иностранных слов 1988, с. 518] и научным фактом как чувственным образом или предложением, фиксирующим эмпирическое знание [Энциклопедия эпистемологии и философии науки 2009, с. 1027], историческим фактом будет то, что одновременно обладает и теми, и другими характеристиками. Например, представляет собой

открытый для критики результат умозаключений историка, основанный на следах, оставленных прошлым [Про 2000, с. 73].

Вместе с тем отмеченная двойственность исторических фактов исключает полное совпадение между фактом как реальным событием и фактом как его описанием. Более того, событие, интерпретируемое как факт, может быть зафиксировано на основе придуманного события. Следовательно, исторические факты априори должны соответствовать действительно происходившему событию, которое в экспертном сообществе оценивается как истинное знание. Однако, поскольку полимодальная природа синтетических суждений, используемых на разных стадиях продвижения гипотезы, допускает не только эпистемические оценки, критерий истинности может попасть в зависимость от других ценностных оснований.

Сказанное, с учетом предметной специфики знания о прошлом, в полной мере относится к оценкам исторических событий и фактов. Речь идет о своеобразной гносеологической свободе конструирования смыслов обозначаемого, которая в историческом познании проявляется, прежде всего, в вариативности трактовок исторических фактов при помощи алетических, деонтических, аксиологических и других модальностей. Вместе с тем следует признать, что возможность подобной оценочно-смысловой вариативности, в конечном счете, определяется инвариантностью значений исторических фактов как некоторой предустановленной истины.

Эпистемический статус фактов, оценок и ценностей в изучении прошлого

Классическим образцом понимания того, как следует проводить историческое исследование, исходя из наличия в нем оценочных суждений, считается установка М. Вебера. Согласно данной позиции, научный, то есть истинностный интерес к изучению оценочных суждений, заложен в самих оценках, которые позволяют понять ценностные позиции сторон. Однако, как показывает далее Вебер, ценности – это цели, которые обладают аксиоматической природой. Поэтому, применительно к научному познанию следует говорить не о ценностях как таковых, а о ценностном интересе к их изучению [Вебер 1990, с. 570]. Для реализации такого познавательного интереса, позволяющего нейтрализовать субъективное понимание истины и определить степень ее соотнесенности с эмпирической действительностью, требуется введение номотетического конструкта идеального типа [Вебер 1990, с. 595].

По-другому выглядит критикуемая Вебером позиция представителей баденской школы, в которой содержится ряд важных положений, игнорируемых немецким социологом. Например, Г. Риккерт, опираясь на мнение В. Виндельбанда о невозможности научного овладения «нормативным сознанием в его целостности» [Виндельбанд 1995, с. 58], исходит из понимания исторических фактов как номинации событий, в которые включены ценности, выходящие за пределы научного познания [Риккерт 1998, с. 162]. В этой связи Риккерт выделяет три группы таких добавленных к единичным событиям ценностей: 1) ценности форм эмпирического познания, соотносимые с явлениями действительности; 2) эвристические ценности, образующие принципы конституирования исторического материала; 3) ценности-цели, которые реализуются в истории [Риккерт 1998, с. 202-203].

В отличие от номиналистического подхода представителей баденской школы, Б. Кроче считает, что историческая реальность обозначается понятиями, в которых воплощается всеобщность самой истории, одновременно создающей и осмысливающей эти факты. Поэтому факты, которые не прошли проверку историческим сознанием, представляют собой ничто, способное уничтожить саму историю [Кроче 1998, с. 67].

Р. Дж. Коллингвуд видит специфику исторического познания в том, что реально существующие и осознанные факты прошлого, становятся значимыми для настоящего. Именно эта актуальность прошлого отличает исторические факты от фактов естественных наук [Коллингвуд 1980, с. 162-163]. Об актуальности изучения прошлого в его неразрывной связи с настоящим пишет и Г. Лукач, который определяет универсальную историю как проблему для познания современности [Лукач 2003, с. 269]. Однако можно ли создать общие для всех историков правила, позволяющие одинаково оценивать события прошлого? – вопрос, на который современная философия истории не дает однозначного ответа [Розов 2014, с. 50].

Заключение

Подведем итог. История, как априорное и вместе с тем верифицируемое знание о прошлом, предполагает не только использование понятий и дескрипций, призванных проверять, описывать, группировать и обобщать исторические факты. Подобно любому типу достоверного знания, историческое знание опирается также на оценки этих фактов, исходя из ценностных представлений о должном. С эпистемической демаркацией сущего и должного связана необходимость отделения исторических фактов от других оценочных суждений. Трудность такого нестационарного разграничения состоит в том, что знание о прошлом представляет собой долговременный оценочный конструкт, который опирается на другие, более важные и постоянные основания, чем ценность научной истины [Волков 2025, с. 49].

Список литературы

1. Антоновский 2010 – Антоновский А.Ю. Семантический контекстуализм и проблема нестандартного определения знания // Эпистемология и философия науки.2010. Т. XXVI. № 4. С. 101-118.
2. Вебер 1990 – Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Виндельбанд 1995 – Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. М.: Юрист, 1995. 687 с.
4. Витгенштейн 2018 – Витгенштейн Л. Логико-философский трактат: пер. с нем. М.: АСТ, 2018. 160 с.
5. Волков 2025 – Волков Ю.К. Разновидности альтернативной истории: между наукой и вымыслом // Границы науки / границы в науке: Труды Всероссийской научной конференции. М.: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2025. С. 46-50.
6. Демин 2019 – Демин Т.С. Проблема Геттиера: что делать с головоломкой аналитической эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2019 Т. 56. № 3. С. 58-75.
7. Кардаш 2023 – Кардаш А.М. Что есть в известной статье Эдмунда Геттиера // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21. № 1. С. 127–139.
8. Коллингвуд 1980 – Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 485 с.
9. Кроче 1998 – Кроче Б. Теория и история историографии. М.: Языки русской культуры, 1998. 192 с.
10. Куслий 2011 – Куслий П.С. Знание, проблема Геттиера и некоторые дискуссии в современной отечественной эпистемологии // Вестник ТГУ. Сер.: Философия. Социология. Политология. 2011. № 2. С. 34-54.

11. Лукач 2003 – Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. Пер. с нем. М.: Логос-Альтера, 2003. 416 с.
12. Никифоров 2009 – Никифоров А.Л. Анализ понятия «знание»: подходы и проблемы // Эпистемология и философия науки. 2009. Т XXI. № 3. С. 61-63.
13. Про 2000 – Про А. Двенадцать уроков по истории. М.: Российск гос. гуманит ун-т, 2000. 336 с.
14. Риккерт 1998 – Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 413 с.
15. Розов Н.С. Глубокие затруднения философии истории: оценки прошлого и смысл макросоциальных трансформаций // Идеи и идеалы. 2014. № 1 (19). С. 46-52.
16. Словарь иностранных слов 1988 – Словарь иностранных слов. 15-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1988. 608 с.
17. Фреге 2000 – Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сборник трудов / Пер. с нем. М.: Аспект Пресс, 2000. 512 с.
18. Энциклопедия эпистемологии и философии науки 2009 – Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.
19. Ярцев 2021 – Ярцев Р.А. Проблема Геттиера с позиций рационального скептицизма // Антиномии. 2021.Т. 21. Вып. 2. С.7-24.
20. Bonjour 1978 – Bonjour L. Can Empirical Knowledge Have a Foundation? // American Philosophical Quarterly. 1978. Vol. 15. No. 1 (Jan., 1978). Pp. 1-13.
21. Gettier 1963 – Gettier E. Is Justified true Belief Knowledge? // Analysis. 1963. Vol. 23. No. 6 (Jun., 1963). Pp. 121-123.
22. Russell 1919 – Russell B. Knowledge by Acquaintance and Knowledge by Description // Mysticism and logic, and other essays. New York: Longmans, Green and co, 1919. Pp. 197-218.
23. Fumerton 1985 – Fumerton R. A. Metaphysical and epistemological problems of perception. Lincoln: University of Nebraska Press, 1985. 211 p.

УДК 930.85: 27

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ В СИСТЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Тихонов Никита Сергеевич
Аспирант кафедры философии
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
E-mail: tns23nn@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается история христианской церкви в качестве одной из относительно автономных частей единого исторического знания, в котором содержательно - и структурно-образующим понятием выступает понятие «церковь». Отмечается, что в условиях распространения христианства и создания национальных церквей, термин «церковь» становится более многозначным за счет выделения в нем конкретно-исторических аспектов церковного бытия. В результате сформировались нехарактерные для первоначального понимания термина «церковь» разделы, связанные как с ее общей, так и с национальной

историей. Одновременно с этим, начинают меняться форма изложения церковной истории, ее периодизация, а также социальный состав тех, кто изучает эту историю и тех, для кого эта история предназначалась. В этой связи показано, что на ранних этапах формирования отечественной церковной историографии история церкви представляла собой пример описательной истории, существовавшей в рамках богословия, и предназначенной преимущественно для внутреннего применения. В отличие от этого, современный формат истории церкви представляет собой не просто мировоззренческий проект, призванный проиллюстрировать догматические представления о природе церкви, но стать полноценной разновидностью исторической науки. Отмеченная трансформация истории церкви, сохранившей при этом свою предметную специфику, значительно расширила целевую аудиторию интересантов данной разновидности знания о прошлом человечества. В заключение статьи названы особенности двух основных разновидностей современной российской истории церкви: как науки и как учебного предмета.

Ключевые слова: церковь, история церкви, историческое знание, российская церковная историография, историко-церковная периодизация, историческая наука.

THE HISTORY OF THE CHURCH IN THE SYSTEM OF HISTORICAL KNOWLEDGE

Tikhonov Nikita Sergeevich
Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
PhD student of the Department of Philosophy

Abstract: The article examines the history of the Christian Church as one of the relatively autonomous parts of a unified historical knowledge, in which the concept of "Church" serves as a content- and structure-forming concept. It is noted that in the context of the spread of Christianity and the establishment of national churches, the term "Church" becomes more ambiguous due to the emphasis on specific historical aspects of church life. As a result, sections have emerged that are not typical of the original understanding of the term "Church" and are related to both its general and national history. At the same time, the form of presentation of church history, its periodization, and the social composition of those who study this history and those for whom this history was intended began to change. In this regard, it is shown that in the early stages of the formation of Russian church historiography, the history of the church was an example of descriptive history that existed within the framework of theology and was primarily intended for internal use. In contrast, the modern format of the history of the church is not just a worldview project designed to illustrate dogmatic ideas about the nature of the church, but has become a fully-fledged branch of historical science. This transformation of the history of the church, while maintaining its subject-specific nature, has significantly expanded the target audience of those interested in this type of knowledge about humanity's past. In conclusion, the article describes the features of two main types of modern Russian church history: as a science and as a subject of study.

Keywords: church, church history, historical knowledge, Russian church historiography, historical and church periodization, historical science.

Прежде чем начать рассмотрение вопроса о месте истории церкви в системе исторического знания, следует отметить, что сам по себе термин «история» относится к числу

так называемых некатегориальных понятий. Дело в том, что в зависимости от содержательного контекста, в котором используется указанный термин, могут быть предложены две его основные, принципиально различающиеся трактовки. Например, говоря об общенаучном – объективистском понимании термина «история», К.Х. Момджян пишет: «история обозначает последовательную смену состояний любого объекта, способного развиваться во времени». Кроме того, в обществознании, по словам Момджяна, историю также понимают как «ту область человеческого познания, которая устанавливает, классифицирует и интерпретирует свидетельства о том, что случилось некогда с людьми на долгом и трудном пути развития человечества, образующих его стран и народов» [Момджян 2013, с. 138-139]. Именно в этом, втором значении история понимается как наука о прошлом, в задачу которой входит изложение фактов и событий в хронологическом порядке. В этом же значении предметом истории может стать история человеческой цивилизации и культуры, включая историю возникновения и развития церкви.

Объектом изучения церковной истории является сама церковь. В то время как ее содержательно - и структурно-образующим понятием выступает понятие «церковь». Что же означает это понятие и соответствующее ему явление? В современной лексике термин церковь используется в нескольких значениях. Так, например, этим именем может называться культовое сооружение, религиозная организация, либо особый социальный институт, возникший на определенном этапе исторического процесса. Общие и специфические особенности возникновения этого объединения, имеющие вид хронологического описания, и составляют главное содержание истории церкви.

В этой связи следует отметить, что с самого начала формирования истории христианской церкви под церковью понималась«вся общность христианского народа» – как особого этноса, наделенного не только истинным знанием, но и своими предводителями, героями и собственной историей [Ващева 2018, с. 17]. Такое – этно-христианское понимание природы церкви была введено Евсевием Кесарийским – «отцом церковной историографии». Вслед за ним, все церковные историки поздней античности в целом, рассматривали церковь не столько как иерархию или систему церковных институтов, но, прежде всего, как сообщество христиан и хранилище истинной веры. Такое расширительное – социально-духовное понимание природы церкви требовало применения особого – универсалистского подхода к изложению ее истории.

Идея провиденциализма, христианский универсализм, единая хронологическая система описания всемирно-исторического процесса, выработанные в рамках христианской модели исторического описания прошлого, стали не только «визитной карточкой» церковно-исторических сочинений поздней античности, но и вплотную подвели к более поздним представлениям о стандартах работы историков [Там же, с. 16]. Поэтому, главной особенностью позднеантичной истории церкви было представление историков о предмете своего описания не как о социальном институте с его связями и компонентами, но как о сообществе людей, уверовавших в богочеловеческую природу Христа и объединенных постулатами истинной веры.

Отличительной чертой постевсеевской античной и византийской церковной историографии стало смещение акцентов с описания религиозных событий на светские даты и события. Например, из 89 глав трех последних книг Евагрия Схоластика церковным событиям посвящены только 35 глав. В то время как гражданским событиям посвящены 54 главы [Дьяконов 2006, с.13]. Подобная ситуация связана с увеличением роли церкви в социально-политической жизни византийского общества и синхронным увеличением влияния

светской власти на решения богословских вопросов. Подтверждением данного тезиса могут служить Вселенские соборы, которые созывались и проводились под председательством самого императора.

Активное формирование и продвижение церковно-политической модели, в которой император выступает в качестве земного наместника Иисуса Христа, требовало от церковной историографии значительного увеличения описания императорских дел и свершений. Представление о едином мире – прообразе Царства Божия, о вселенских масштабах Церкви, сформированное христианскими историками, стало фундаментом идеи о возможности построение теократической империи, границы которой способны расширяться до тех пор, пока в созданную Христом Церковь не вступит последний из населяющих землю людей.

Разрастание единой христианской церкви влекло за собой ее дробление, что отражалось и на семантической идентичности откалывающихся частей ранее единой системы. Так, в результате распространения христианства в отдельных частях Римской Империи появились термины, отсылающие к географическому месторасположению той или иной христианской общины – Антиохийская, Александрийская, Иерусалимская, Римская и Константинопольские церкви. В результате формирования национальных церквей появился термин Русская православная церковь и по аналогии с ним другие термины, отсылающие к национальным особенностям той или иной общины. При этом в церковной историографии утвердился термин Вселенская Церковь, под которым стало пониматься «единое общество всех уверовавших в Христа людей», хотя первоначально внутри церковной историографии подобное общество именовалось просто «Церковью».

Обе реально существующие в истории церкви объективные тенденции, связанные с процессами интеграции и дезинтеграции, нашли свое отражение в историко-церковной периодизации. Так, например, для историков, описывающих историю Русской православной церкви, первоначальной точкой отсчета считается принятие христианства князем Владимиром в 988 г. Именно эта дата ассоциируется с моментом основания Русской православной церкви и первым этапом ее развития. Следующий этап начинается с принятия патриаршества в 1589 г. и завершается петровской синодальной реформой 1721 г. Затем идет Синодальный период, длившийся до 1917 года. После него начинается современный период церковной истории. Исследователи, описывающие историю Вселенской Церкви, за начало отсчета первого этапа церковной периодизации берут год смерти и воскресения Иисуса Христа – 34 г. н.э. Следующий этап начинается с момента подписания миланского эдикта 313 г. и заканчивается церковным расколом 1054 г. Далее следует этап, заканчивающийся реформацией, которая знаменует собой начало существования поместных христианских церквей.

Российская церковная историография как отдельное направление исторической мысли, берет свое начало с первой половины XIX в. Первых российских исследователей данного направления интересовали преимущественно вопросы формирования русской национальной православной доктрины. Важно отметить, что в тот исторический период, история Церкви по сути была частью богословия, поэтому отличительной чертой отечественной церковной историографии был узко конфессиональный исследовательский состав. Все видные авторы, писавшие на тему церковной истории, были исключительно представителями духовенства, занимающими высшие посты внутри духовного ведомства.

Российская церковная историография в начальный период своего формирования переняла выработанную античными и византийскими историками позицию по вопросу, касающемуся определения терминологии объекта исторического исследования. В России, так же, как и ранее в Римской империи и в Византии, под Церковью понималось «установленное

Богом общество людей». Однако в российской интерпретации, к сугубо религиозному подходу, постепенно добавился церковно-иерархический подтекст. Поэтому обязательным атрибутом церковного сообщества стала ее иерархия, которая интерпретировалась как объективное условие существования церкви, установленное самим Богом. Отсюда – ставшее классическим следующее определением церкви, данное московским митрополитом Филаретом: «Церковь представляет собой общество людей, соединенных между собою одною верою в Бога, одним Богооткровенным учением, одним богослужением и таинствами, под управлением и руководством Богоустановленной иерархии, для достижения нравственного совершенства и спасения» [Яковлев 2011, с.15].

Со второй половины XIX в. начинается процесс обмирщения состава церковных историков, среди исследователей все чаще стали появляться представители светской среды. В XX столетии были окончательно пересмотрены ранее сложившиеся установки. Церковь перестала изучаться исключительно как религиозное сообщество, а ее появление трактовалось не как непостижимый богосозидательный акт, но как неизбежная закономерность единого исторического процесса. Продолжением этой линии стали историко-церковные исследования советских историков, которые взяв за основу анализа исторического процесса формационный подход, оценивали церковь, как меняющийся под влиянием социально-экономических факторов общественный организм.

В сегодняшней России, история церкви разделена на две основные составляющие: историю церкви как научную дисциплину и как учебный предмет. В своем первом виде современная российская история церкви, отторгнув догматическое господство формационного подхода, тем не менее, продолжает изучать церковь именно как социальный феномен, делая в своих исследованиях акцент на локальных сюжетах. История церкви как учебный предмет развивается преимущественно в рамках религиозного образования, соединяя в своих исследованиях научный и богословский подходы. При этом обнаруживается следующая особенность, связанная с социальным составом ученых, авторов публикаций, преподавателей и богословов. Если собственно научными исследованиями истории церкви, а также публикациями по этой тематике занимаются преимущественно светские авторы, то сначала преподавателями и лишь потом исследователями истории церкви и авторами соответствующих трудов являются: либо действующие священнослужители, либо лица, имеющие профильное богословское образование.

Список литературы

1. Ващева 2018 – Ващева И.Ю. Категории «церковь» и «церковная история» в сочинениях церковных историков IV–VII вв. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 1.С. 16-24.
2. Дьяконов 2006 – Дьяконов А.П. Иоанн Ефесский и его церковно-исторические труды. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2006. 656 с.
3. Момджян 2013 – Момджян К.Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. Часть 1. М.:Издательство Московского университета, 2013. 400 с.
4. Яковлев 2011 – Яковлев А.И. Лекции по истории Христианской Церкви М.:Паломник,2011. 544 с.

УДК 930.1

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ И ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Сыров Василий Николаевич

Доктор философских наук
Томский государственный университет,
заведующий кафедрой онтологии, теории познания и социальной философии
E-mail: narrat@inbox.ru

Аннотация: Предпринят анализ соотношения философии истории и продуктов работы истории. На основании обзора философской традиции по этой теме выделены два направления философствования: философия истории как формулировка концепций исторического процесса в виде теорий прогресса и локальных цивилизаций и как анализ природы и специфики исторического познания. Утверждается правомерность актуализации темы исторического познания в современной философии в свете: а) трудности проведения демаркации между предметом науки и философии, если философию истории трактовать как построение теорий исторического процесса в любой форме; б) общей сомнительности поиска истин в последней инстанции в любой сфере культуры, если философия истории претендует утверждать, что собой представляет история в любом ее виде сама по себе. Выдвигается тезис о продуктивности критической рефлексии по отношению к историческому познанию, складывающейся из последовательного проведения интерпретативный, критической и нормативной процедур. Утверждается, что интерпретация подразумевает экспликацию имплицитных допущений (аксиологических, эпистемологических и проч.), а также кодов, форматов, моделей, что лежат в основе и конституируют содержание исторических текстов. Критика – выявление порожденных ими негативных последствий, а именно, – стирание граней между исследованием, мифом, идеологией или литературой. Нормативность – определение продуктивных путей работы историка.

Ключевые слова: философия истории, теории прогресса, теории локальных цивилизаций, историческая реальность, историческое познание, критическая рефлексия.

ON THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE PHILOSOPHY OF HISTORY AND HISTORICAL RESEARCH

Syrov Vasily Nikolaevich

Tomsk State University,
Head of the Chair of ontology, epistemology and social philosophy

Abstract: An analysis of the relationship between the philosophy of history and the products of the work of history is undertaken. Based on a review of the philosophical tradition on this topic, two directions of philosophizing are identified: the philosophy of history as a formulation of concepts of the historical process in the form of theories of progress and local civilizations and as an analysis of

the nature and specificity of historical knowledge. The legitimacy of updating the topic of historical knowledge in modern philosophy is affirmed in light of a) the difficulty of demarcating between the subject of science and philosophy, if the philosophy of history is interpreted as the construction of theories of the historical process in any form; b) the general dubiousness of the search for ultimate truths in any sphere of culture, if the philosophy of history claims to assert what history in any of its forms is in itself. A thesis is put forward about the productivity of critical reflection in relation to historical knowledge, which consists of the consistent implementation of interpretive, critical and normative procedures. It is argued that interpretation implies the explication of implicit assumptions (axiological, epistemological, etc.), as well as codes, formats, models that underlie and constitute the content of historical texts. Criticism is the identification of the negative consequences generated by them, namely the erasure of the boundaries between research, myth, ideology or literature. Normativity is the definition of productive ways of working for the historian

Keywords: philosophy of history, theories of progress, theories of local civilizations, historical reality, historical knowledge, critical reflection.

В свете актуализации вопросов, связанных с ролью и ценностью цивилизационного подхода, представляется не лишним вернуться к почтенной теме соотношения философии истории и исторических исследований, ну или, говоря иначе, философии и науки. Соотношение мы будем понимать как распределение компетенций: что делает, может и должна делать философия, а что – соответственно, наука (если использовать толкование истории как науки, принятое в отечественной мысли).

Для предлагаемого решения этого вопроса мы будем отталкиваться не от спекулятивных рассуждений (хотя можно идти и таким путем), а от критического анализа сложившейся в европейской культуре традиции. Такой путь позволяет апеллировать к уже накопленному опыту обсуждения и решения проблемы. В трактовке возможного смысла, вкладываемого в понятие философии истории, будем отталкиваться от подхода Г. Риккерта. Как известно, он выделял три различных понимания: философия истории «есть ни что иное как всеобщая или “всемирная” история» или объединение результатов исторической науки в «цельную, стройную картину», «общий обзор всей исторической жизни»; «отвлекаясь от особенностей содержания исторической жизни, ищет общего “смысла” или общих ее “законов”», являясь тем самым наукой «об исторических принципах»; ну и наконец, под философией истории «можно также подразумевать науку об историческом познании» [Риккерт 1908, с. 5-6].

Здесь мы можем проститься с предложенным самим Риккертом путем их объединения посредством идеи «вневременных ценностей» [Риккерт 1908, с. 177], поскольку он подпадает под те контраргументы, которые выдвигаются против подобных трактовок философии истории (о чем будет сказано ниже). Если же опираться на те подходы, которые сложились в исследовательской традиции, то философию истории можно свести к двум путям: как к определению т.н. исторической реальности или как к историческому познанию.

Что касается первого, то, как известно, он реализовался в следующих формах. Это либо концепции исторического процесса как поступательного (обычно, так или иначе) линейного движения в определенном направлении (как правило, прогресса, развития, эволюции). Наиболее яркое воплощение они нашли в гегельянстве, позитивизме и марксизме. Альтернативой им стали т.н. концепции локальных культур или цивилизаций в лице наиболее ярких их представителей Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера и А.Тойнби. Здесь мы можем выдвинуть следующий решающий тезис: все они так или иначе будут подпадать под два

основных типа контраргументов и насколько, они под них подпадают, настолько теряют свою весомость.

Первый заключается в категоричном утверждении, что такие трактовки философии истории не имеет никакого отношения к философии как таковой. В этом плане позитивисты были совершенно правы. Да и их оппоненты этого не отрицали. Мы все помним знаменитое высказывание К. Маркса, что «мы знаем только одну-единственную науку, науку истории» [Маркс 1983, с. 5]. Если не трактовать эту мысль как утверждение об историческом характере человеческого бытия, то в контексте той эпохи оно отражало убеждение в научном характере теории исторического процесса. Поэтому суть контраргумента заключается в тезисе: любые высказывания о т.н. реальности либо не имеют смысла, если прямо или косвенно эмпирически не верифицируемы, либо не имеют отношения к философии. Поэтому либо концепции развития или локальных цивилизаций предполагают эмпирическую проверку, но тогда они относятся к области науки, либо вообще не имеют никакой эвристической ценности, либо подпадают под статус т.н. метафизических допущений. Но, если это сфера трансцендентного, то она подпадает под второй контраргумент (сформулированный ниже), если сфера трансцендентального в конститутивном или в регулятивном аспекте, то под первый.

Нет нужды отрицать наличие т.н. метафизических допущений в нашем понимании исторического мира. Но следует отдавать отчет в их статусе. Вслед за П. Фейерабендом, мы можем утверждать, что «не существует идеи, сколь бы устаревшей и абсурдной она не была, которая не способна улучшить наше познание» [Фейерабенд 2007. с. 64]. Даже древняя натурфилософия может внести свой вклад в построение современной картины мира, но только как гипотеза, требующая в дальнейшем своей верификации. Все остальные варианты метафизических допущений могут быть лишь предметом философской критики и не более того. Мы можем допустить лишь одно такое положение как продуктивное: идею историчности человеческого бытия, а точнее его понимания. Иначе говоря, мы полагаем, что все актуальные и потенциальные объекты следует толковать как когда-то возникающие и когда-то могущие исчезнуть. Самый простой вывод, который отсюда вытекает, заключается в утверждении, что философии истории не стоит заниматься вещами, требующими эмпирической верификации или фальсификации.

Поэтому можно согласиться с имеющим хождение тезисом, что термин «философия истории» – это лишь обозначение статуса теоретичности в историческом познании, используемое для придания ему легитимности в дисциплине, характеризующейся своей эмпиричностью и по сей день поднимающей на щит это сомнительное достижение. Но если это так, то встает второй вопрос: а имеют ли эвристическую (и мировоззренческую) ценность теории прогресса или локальных цивилизаций. Иначе говоря, если под созданием всемирно-исторических концепций понимается очередная претензия на возможность сказать последнее и окончательное слово (по Р. Рорти), то достижением современного философствования стало осознание непродуктивности и даже бессмысленности движения мысли в данном направлении.

К. Поппер, как известно, назвал такой подход «историцизмом» [Поппер 1993, с. 9-10]. А. Данто охарактеризовал его как «субстантивную философию истории», суть которой в том, что «философия истории стремится дать описание всей истории» [Данто 2002, с. 11]. В работах М. Лемона и У. Уолша она трактовалась как «спекулятивная философия истории», призванная рассматривать историю «как целое» [Lemon 2003, p. 9, 31; Walsh 1967 p. 15-17]. Л. Минк называл такой подход видением прошлого с позиций «нерассказанной истории» [Mink 1987, p. 188] или убеждения, что прошлое само по себе уже есть движение самой т.н. реальности в

формате следования, направленности, завершенности, предполагающее, что задача историка состоит лишь в его экспликации и передаче читателю. Ф. Лиотар связал данный подход с созданием метанарративов [Лиотар 1998, с. 10].

Дело, конечно, не в простом отказе от построения масштабных картин исторического процесса и намерении сосредоточиться на частных и конкретных вопросах или микронарративах. Более того, можно даже согласиться с продуктивностью цивилизационного подхода, освобожденного от сомнительных положений его творцов, а именно аналогий с организмом. Поэтому речь будет идти об отказе от притязаний на поиск, говоря школьным языком, абсолютных истин. Поэтому второй контраргумент будет заключаться в положении, что притязание на построение всемирных историй, подразумевающее обладание истинами в последней инстанции, будет превышать человеческие границы и возможности в том виде, в каком мы их на сегодня знаем.

Это положение характеризует такой фундаментальный (философский) сдвиг, как формирование философских учений, которые можно назвать «неклассической» или «постклассической философией». Под ней будем понимать философию, которая стремится освободиться от метафизических исканий и связанного с ними дискурса. Суть такого освобождения заключается не только в прекращении поиска утверждений о мире в целом, или реальности как таковой и т.д., но и в проработке языка и самого стиля мысли, подразумевающего отказ от использования любых суждений, притязающих на статус абсолютности. Иначе говоря, это требование к философу быть внимательным к структурам собственной мысли и языку их выражения, чтобы не попадать в ловушки метафизического стиля мышления. Говоря по-другому, это требование быть чувствительным не только к тому, *что*, но и *как* мы об этом говорим. Вывод заключается в утверждении, что философии не стоит заниматься вещами, выходящими за пределы границ и возможностей человеческого бытия (разума и практики).

Конечно, так скажем, традиционные формы философии истории представляют собой лишь частный случай отказа от такого метафизического соблазна. На этом пути приходится жертвовать отказом от использования самого термина «философия история», чтобы избегать сомнительных коннотаций. Отсюда сдвиг в область эпистемологии. Но отказ от метафизики не тождественен отказу от философии. Болеем того, мы даже не можем настаивать на утверждении об историчности нашего бытия, поскольку возможно, что когда-то нам откроются окончательные истины о его природе. Поэтому речь и идет о т.н. прагматическом повороте или сопровождении наших положений определением условий их релевантности, а именно утверждения, что при имеющемся у нас уровне знаний о наших границах и возможностям уместнее считать так-то и так-то.

На этом основании мы можем сделать следующие выводы. Как было метко отмечено в свое время, что сова Минервы вылетает в сумерках. Этот афоризм стоит понимать именно как указание как мыслить и строить отношения между историками и философами. Во-первых, мы полагаем, что ведущим направлением в философии истории как эпистемологии должна оставаться постоянная и кропотливая работа с различными видами и типами исторических дискурсов, а не создание т.н. всемирно-исторических концепций (хотя и это возможно при определенных оговорках). Во-вторых, следует отдавать себе отчет, что единственным объектом этой работы могут быть лишь те или иные формы наших представлений (религиозные, научные, художественные и т.д.) о прошлом или тексты. Иначе говоря, нам нет надобности, полагать существование истории самой по себе и использовать соответствующий язык описания. В-третьих, стоит предположить, что философский анализ не может и не

должен сводиться к критике эмпирического материала. С этим прекрасно справляются сами историки, да и это лишь верхушка айсберга. Уместнее использовать для обозначения этой работы традиционное понятие рефлексии, включающееся в себя последовательность, как минимум, трех процедур: интерпретативной, критической и нормативной. В-четвертых, мы полагаем, что интерпретация подразумевает экспликацию, как правило, имплицитных оснований, предпосылок, допущений (аксиологических, эпистемологических и проч.), а также весь комплекс кодов, форматов, моделей, что лежат в основе или конституируют содержание исторических дискурсов или текстов. Критика – выявление порожденных ими негативных последствий, а именно, – стирание граней между исследованием, мифом, идеологией или литературой. Нормативность – определение продуктивных путей работы историка.

Список литературы

1. Данто 2002 – Данто А.С. Аналитическая философия истории. М: Идея-Пресс, 2002. 290 с.
2. Лиотар 1998 – Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб: Алетейя, 1998. 160 с.
3. Маркс 1983 – Маркс К. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений / К. Маркс, Ф. Энгельс // Избранные произведения: в 3 т. Москва: Политиздат, 1983. Т. 1. С. 4-76.
4. Поппер 1993 – Поппер К.Р. Нищета историцизма. М: Прогресс, 1993. 188 с.
5. Риккерт 1908 – Риккерт Г. Философия истории. СПб: Издание Д.Е. Жуковского, 1908. 154 с.
6. Фейерабенд 2007 – Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ; АСТ МОСКВА; ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 413 с.
7. Lemon 2003 – Lemon M.C. Philosophy of History. A Guide for Students. Routledge,2003. 480 p.
8. Mink 1987 – Mink L.O. Historical Understanding. Cornell Univ. Press, 1987. 294 p.
9. Walsh 1967 – Walsh W. H. Philosophy of History. An Introduction. Harper & Row Publishers, 1967. 182 p.

УДК 111:930.1

БЫТИЕ КАК ИСТОРИЯ: МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Левицкий Виктор Сергеевич

Доктор философских наук

Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова,

профессор кафедры социальной философии и философии истории

философского факультета

E-mail: victorsl2609@gmail.com

Аннотация. Доклад посвящен анализу условий возникновения истории как науки и ее связи с осмыслением событийного процесса в виде истории. Отправной точкой служит вопрос: почему в одних культурных контекстах история выступает как второстепенная или невозможная форма знания, тогда как в других — приобретает статус привилегированной науки? В качестве гипотезы выдвигается положение о метафизической обусловленности историографии: тип исторического мышления определяется господствующим в культуре пониманием бытия. В работе сопоставляются три онтологические модели – античная, христианская и модерная. Показано, что в античности бытие мыслится как неизменная субстанция, а становление лишается познавательной ценности, что исключает возможность истории в строгом смысле. В христианской традиции исторический процесс получает смысл, но этот смысл вынесен за его пределы и укоренён в трансцендентном измерении. В результате история остаётся зависимой от теологии. Лишь в Новое время, с утверждением имманентного понимания бытия как становления, возникает возможность мыслить сам событийный процесс как историю. Основной тезис доклада заключается в том, что история как наука становится возможной только тогда, когда бытие интерпретируется как историческое становление. В этом контексте историческое сознание модерна рассматривается как фундаментальная форма отношения человека к миру, в которой история превращается в универсальный горизонт человеческого опыта.

Ключевые слова: бытие, становление, событийный процесс, история, метафизика, смысл.

BEING AS HISTORY: METAPHISICAL DETERMINANTS OF HISTORICAL SCIENCE

Levytskyy Victor Sergeevich
Lomonosov Moscow State University,
Professor of Department of the Social Philosophy and Philosophy of History
Faculty of Philosophy

Abstract: The paper is devoted to analyzing the conditions for the emergence of history as a science and its connection with the interpretation of the eventful process in the form of history. The starting point is the question: why does history act as a secondary or impossible form of knowledge in some cultural contexts, while in others it acquires the status of a privileged science? The hypothesis is based on the metaphysical conditionality of historiography: the type of historical thinking is determined by the prevailing cultural understanding of being. The work compares three ontological models – ancient, Christian and modern. It is shown that in antiquity, being was thought of as an unchangeable substance, and becoming was deprived of cognitive value, which excludes the possibility of history in the strict sense. In the Christian tradition, the historical process receives meaning, but this meaning is carried beyond it and rooted in a transcendent dimension. As a result, history remains dependent on theology. It is only in Modern times, with the establishment of an immanent understanding of being as becoming, that it becomes possible to think of the event process itself as history. The main thesis of the report is that history as a science becomes possible only when existence is interpreted as historical becoming. In this context, the historical consciousness of modernity is considered as a fundamental form of human attitude to the world, in which history turns into a universal horizon of human experience.

Keywords: being, becoming, event process, history, metaphysics, meaning.

Термин «история» имеет, как минимум два значения в нашей культуре. С одной стороны, историей называют событийный процесс, понимая под ним совокупность всего происходящего в мире людей. С другой – историей также именуют специальную науку, этот процесс исследующую. Целью данного доклада является прояснить специфику каждого из этих феноменов и природу их взаимосвязи.

Начать данный анализ оправданно с рассмотрения истории, как науки. Достаточно устоявшейся позицией является возведение генеалогии истории к древним грекам, в частности к трудам Геродота и Фукидида. Согласно данному подходу, считается, что история сформировалась в античной Греции и с тех пор входит в корпус научных дисциплин. В то же время, не отрицая важности античной историографии, исследователи достаточно давно отметили ее принципиальное отличие от современной истории. В этом контексте можно вспомнить, как классические труды Б. Кроче, Р.Дж. Коллингвуда, Ф. Мейнеке [Кроче 1998; Коллингвуд 1980; Ф. Мейнеке 2004], так и работы современных исследователей [Hartog 2015; Duchesne2023; Ankersmit 2024].

Суть этих различий можно свести к двум аспектам: содержательному и формальному. Что касается содержательных отличий, то в этом отношении следует отметить следующие: 1) различное понимание времени: *цикличное* для античности и *линейное*, устремленное в будущее – для современности; 2) столь же отличное понимание субъекта исторического процесса – в крайних случаях *божественного* для античности и *человеческого* для современности. В смягченных версиях античная историография реальным субъектом исторических событий считает *вечные субстанции*, например, неизменную природу человека, которая, проявляясь в истории, всегда дает одни и те же результаты; 3) различное отношение к смыслу исторического процесса: в античности процесс этот *лишен смысла* в строгом понимании, так как является акцидентально-изменчивым проявлением, имеющего истинный смысл субстанциально-неизменного. Единичные события же, в лучшем случае, являются поучительными образцами-примерами (paradeigmata). Современное понимание исторического процесса наделяет его *предельным смыслом* и предписывает вне этого процесса смысла не искать.

Такие содержательные отличия в полной мере сказываются и на формальной стороне дела. Их так же можно описать тремя пунктами. Первый пункт касается различного понимания предмета истории в античности и в современности. Для античности таковым *выступают события прошлого* (войны, деяния правителей, политические конфликты), понимаемые как проявления субстанциально-неизменной человеческой природы. Для современности – *человеческие действия как выражение мыслей и намерений*, которые исторически изменяются. Второй пункт описывает разность подходов в понимании цели исторической науки. Для античных историков она состоит в том, чтобы сохранить память о событиях и дать *поучительные примеры* для будущего, которое неизбежно повторяет прошлое. Для современных – в том, чтобы *понять прошлое*, реконструировав мотивы и мышление исторических деятелей. Третий – подчеркивает методологические отличия. В античности основным методом истории является *сбор свидетельств и рассказов очевидцев,* описываемых событий, сегодня – *критика источников и реконструкция мысли* прошлого, воспроизведение мысли прошлого современным историком.

Если кратко резюмировать совокупность этих отличий, то можно сказать, что античная история описывает события как *повторяющиеся проявления неизменных субстанций*, например, человеческой природы, тогда как современная история исследует *историческое развитие человеческого мышления* через действия людей. Если сформулировать еще более

емко: античная история описывает события прошлого, современная – исследует становление человеческого духа.

Недостаток места не позволяет отдельно остановиться так же на различиях средневековой и современной историографий. Однако, отличия эти, тоже достаточно существенны. Как правило, в таких случаях говорят о трансцендентности средневекового субъекта истории, взаимопроницаемости сакрального и профанного времени, понимание средневековой историографией смысла и цели происходящих событий, как движение к трансцендентному эсхатону и др. [Левит 2021].

Важно подчеркнуть, что все эти отличия между современной исторической наукой и домодерными формами историописания связаны в первую очередь не с различием исторических школ. Достаточно обоснованно можно утверждать, и это является одним из центральных тезисов этого доклада, что природа этих отличий имеет гораздо более фундаментальную причину и связана она с разными способами бытийствования. Можно сказать, речь идет о разных *режимах переживания/осмысления бытия.* Суть этой связи можно выразить следующим образом: историография приобретает свою форму в зависимости от того, как в культуре понимается бытие. Соответственно, такую каузальность можно назвать метафизической, имея в виду, что *понимание бытия детерминирует тип историописания.*

Следует сказать, что исследователи достаточно давно заметили связь между господствующей в культуре метафизики и типа исторического письма. Вполне эксплицитно писали об этом и Кроче, и Коллингвуд, и совсем недавно Анкерсмит. Методологический аспект этого влияния отмечал в свое время и М. Блок [Блок 1973]. Достаточно иллюстративно продемонстрировать природу этой связи можно, выстроив зависимости между четырьмя понятиями: бытие, становление, событийный процесс, история (как наука).

Для античного грека бытие – это архэ, первоначало, сфера сакрального, в наиболее известной форме, в философии Платона, превращающаяся в мир идей. Это область субстанциальной самотождественности и неизменности, в ней принципиально нет развития. То есть *бытие* в такой парадигме принципиально *неисторично*. С другой стороны становление, в строгом смысле, – это иллюзорность, которая с одной стороны не имеет самостоятельного онтологического статуса – оно зависимо от бытия, с другой, – непознаваемо, так как познаваемо может быть только бытие. Как считали греки, о мире становления возможна δόξα (мнение), но не ἐπιστήμη (знание). Более того, становление, на самом деле, является преградой к истинному знанию, потому что «отвлекает» от познания истинного бытия. Об этом Платон недвусмысленно пишет так: «Но как глазу невозможно повернуться от мрака к свету иначе чем вместе со всем телом, так же нужно отвратиться всей душой ото всего становящегося: тогда способность человека к познанию сможет выдержать созерцание бытия и того, что в нем всего ярче, а это, как мы утверждаем, и есть благо» [Государство 518 d.].

Исходя из такой метафизической установки, *событийный процесс*, мир человеческих деяний, который мы сегодня называем историей, для древнего грека – это *архетипическое повторение того же самого*, профанный мир, принципиально зависимый от мира сакрального, знание которого (профанного мира) не представляет большой ценности. Он вечно становящийся, а значит о нем возможно только мнение. История в таком случае становится маргинальным и, строго говоря, практически невозможным типом знания. Получается следующий парадокс: *бытие – неисторично, становление – неонтологично*. Отсюда логичное и неутешительное следствие для истории как науки: то, что существует – бытие, может быть познано, *но философией, а не историей*, то же, чем занимается история, в строгом смысле слова, не существует и поэтому научно непознаваемо.

В христианской культурной парадигме данные концепты существенно переосмысляются, но это не сильно сказывается на статусе исторического знания. Бытие для христианского мировоззрения – это Бог. Именно Бог обладает «высочайшим бытием», как говорит Августин, и именно Бог является Чистым Актом, не имеющим никаких нереализованных потенций, как утверждает Фома Аквинский. Соответственно *бытие*, понятое как Бог, принципиально *вне истории и истории не имеет*. То есть бытие в рамках христианской культуры столь же неисторично. Становление же зависимо, и, в конечном счете, также, как в античности - неонтологично, оно существует только по причастию к истинному Бытию. Августин пишет, что о вещах «…нельзя сказать ни того, что они существуют, ни того, что они не существуют: существуют потому, что получили свое бытие от Тебя; не существуют потому, что они – не то, что Ты. Ибо то только действительно существует, что пребывает неизменно» [Исповедь VII, 11]. Такое понимание соотношения бытия и становления фундирует представление о *событийном процессе, как Священной истории,* представляющей собой историю взаимоотношений человека с Богом. Однако цель ее, в конечном счете, оказывается антиисторичной – выйти из истории к трансцендентному эсхатону. История же, как тип знания, в таком случае становится второстепенным комментарием к Откровению. Соответственно, для христианского мировоззрения *бытие лишено истории*, *становление не обладает самостоятельным онтологическим статусом*. Истинное знание возможно и желанно как знание о неизменном Источнике бытия. Знание о становящемся и изменчивом – проблематично и малоценно. Отсюда схожий с античным, но базирующийся на других основаниях, вывод: бытие может быть познано, *но катафатической (утверждающей) теологией, а не историей*. То, что может познать история, имеет промежуточный, второстепенный характер.

Новое время ознаменовало собой и новое осмысление природы бытия. *Бытие* теперь не трансцендентная самотождественность, а *имманентное становление*: все, что есть для современного человека, есть как результат посюстороннего самоосуществления. Возможно, наиболее контрастно эту трансформацию можно продемонстрировать на примере философии Гегеля. Чистое бытие для него в каком-то смысле тоже, что ничто, а ничто тоже, что бытие. Их истина же, с точки зрения Гегеля «есть, следовательно, это движение непосредственного исчезновения одного в другом: *становление*» [Гегель 1970, с. 141]. Так в системе Гегеля в результате становления рождается все наличное бытие. Соответственно, бытие есть становление, саморазвитие Духа во времени. В строгом смысле: бытие есть история. Таким образом, бытие из статичного стало динамичным, из трансцендентного – имманентным. Становление теперь не преграда к познанию бытия, а форма его воплощения. *Бытие является теперь историческим становлением*. В связи с этим событийный процесс понимается как этап становления бытия и, соответственно, осмысляется как история. История же из малоценного знания, занимающегося непостоянным и изменчивым, превращается в науку, наравне с философией, изучающую бытие. Отсюда радикально иной по отношению к домодерным мировоззренческим парадигмам вывод: бытие может быть *познано, но историческим, а не догматическим сознанием*, то, что позиционируется как исторически инвариантное, считается авторитарно навязанным, а не рационально обоснованным.

Соответственно рождение современного типа истории как науки – это следствие метафизической революции, в результате которой бытие стало историей, а наука его изучающая, модифицировавшись, обрела привилегированный статус. Предполагает это и новую форму бытийствования: бытие современный человек переживает как историю. В связи с этим он *больше не живет в Космосе или Творении – его обителью стала История.*

Список литературы

1. Августин 1914 – Творения Блаженного Августина Епископа Иппонийского Ч. 1. Исповедь. Киев: Типография Акц. О-ва «Петр Барский в Киеве», 1914. 442 с.
2. Блок 1973 – Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1973. 232 с.
3. Гегель – Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х томах. Т. 1. М.: «Мысль», 1970. 501 с.
4. Коллингвуд 1980 – Коллингвуд Р. Дж. Идея истории // Коллингвуд Р. Дж. Идея истории; Автобиография. Пер. и коммент. Ю. А. Асеева. М.: Наука, 1980. С. 5-320.
5. Кроче 1998 – Кроче Б. Теория и история историографии. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 198 с.
6. Левит 2021 – Левит К. Смысл в истории: теологические предпосылки философии истории / Пер. с нем. А. Саркисьянца. СПб.: Владимир Даль. 2021. 511 с.
7. Мейнеке 2004 – Мейнеке Ф. Возникновение историзма. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 480 с.
8. Платон 1971 – Платон. Государство // Платон. Сочинения. В 3-х т. Т.3. Ч.1. М.: Мысль, 1971. С. 89-455.
9. Ankersmit 2024 – Ankersmit F.R. Representation: The Birth of Historical Reality from the Death of the Past. New York: Columbia University Press, 2024. 328 p.
10. Duchesne 2023 – Duchesne R. Historical Consciousness across Time and Space: Historiography in the West versus Other Cultures // Mankind Quarterly. 2023. No. 1. Pp. 32-75.
11. Hartog 2015 – Hartog F. Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time. New York: Cambridge University Press, 2015. 260 p.

УДК 165:930

КРИЗИС ИСТОРИЧЕСКОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ В ЭПОХУ ПОСТПРАВДЫ: ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ЗАДАЧИ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Пышненко Никита Валерьевич

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

E-mail: crysoulg@gmail.com

Ключевые слова: историческое познание, историческая достоверность, историческое образование, постправда

THE CRISIS OF HISTORICAL CREDIBILITY IN THE POST-TRUTH ERA: PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS, METHODOLOGICAL CHALLENGES, AND TASKS OF HISTORICAL EDUCATION

Pyshnenko Nikita Valerievich

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky"

Keywords: historical knowledge, historical accuracy, historical education, post-truth

Введение

Современная эпоха постправды бросает беспрецедентный вызов исторической науке, трансформируя онтологический статус исторического знания. Исторические факты все чаще подменяются эмоционально заряженными конструктами, превращая прошлое в поле идеологических битв. Этот процесс ведет к эрозии базовых эпистемологических принципов историографии, где объективность и верифицируемость уступают место удобным нарративам. Такая ситуация требует философского осмысления природы исторической истины в условиях радикального релятивизма.

Актуальность исследования обусловлена экзистенциальной угрозой для коллективной памяти, порождаемой цифровой амнезией и информационной поляризацией. Кризис исторической достоверности становится инструментом манипуляции общественным сознанием, когда альтернативные версии прошлого используются для легитимации политических нарративов. В условиях информационных войн и фрагментации социального пространства проблема сохранения исторической правды приобретает характер методологического императива. Это требует комплексного анализа философских оснований современного кризиса исторического познания.

Целью работы выступает деконструкция философских оснований постправды через призму релятивизма и нарративного конструктивизма. Исследование направлено на анализ методологических апорий исторического познания, включая проблемы верификации в условиях множественности хронотопов. Особое внимание уделяется исследованию механизмов, посредством которых альтернативные интерпретации прошлого подрывают доверие к академической истории. Такой подход позволяет выявить ключевые точки напряжения в современной историографии.

Практическая значимость исследования связана с разработкой антикризисной педагогики истории, способной формировать эпистемическую устойчивость. Интеграция критического анализа дискурсивных стратегий постправды в образовательные программы может стать ответом на вызовы времени. Предлагаемые задачи включают развитие навыков верификации источников и деконструкции идеологических нарративов. Это создает основу для преодоления разрыва между академическим знанием и общественным восприятием истории.

Философские и методологические основания кризиса.

Постправда как эпистемологический вызов: релятивизм и историческое знание

Эпистемологическая природа постправды проявляется в смещении акцента с фактуальной точности на эмоциональную убедительность сообщения. Данный феномен формирует среду, где исторические нарративы оцениваются по их воздействию на аудиторию, а не по соответствию эмпирическим данным. Цифровые медиа усиливают эту тенденцию, позволяя альтернативным интерпретациям прошлого получать равный статус с академическим знанием. В результате происходит релятивизация исторической истины, когда множественность версий подменяет поиск объективного понимания событий.

Философский релятивизм и радикальный скептицизм, актуализированные в условиях постправды, ставят под сомнение онтологический статус исторических фактов. Под влиянием постмодернистской мысли факты начинают рассматриваться как продукты языковых практик и властных дискурсов, лишённые независимого существования. Эта трансформация превращает историческое знание в набор конкурирующих нарративов, где критерием достоверности становится консенсус внутри конкретного сообщества. Подобный подход создаёт методологические проблемы для исторической науки, затрудняя разграничение между научной реконструкцией и идеологическим конструктом.

Нарративные стратегии и конструирование прошлого: от истории к мифу

Современные нарративные техники активно используют реконтекстуализацию и селекцию фактов для конструирования альтернативных версий прошлого. Эти методы позволяют выделять отдельные события и интерпретировать их в рамках заданных идеологических схем. Избирательный подход к историческим свидетельствам создаёт упрощённые модели, обслуживающие конкретные политические или социальные задачи. Как отмечает Б. Дункан: «Чтобы сформировать… чувство единства с другими людьми, принадлежащими к той же нации, необходимо, чтобы индивид мог отождествлять себя с разворачивающимся во времени нарративом», в котором данной нации «отводится центральная и позитивная роль»

Мифологизация истории происходит через сознательное упрощение сложных процессов и апелляцию к коллективной идентичности. Такой подход заменяет аналитическое понимание прошлого эмоционально окрашенными символическими образами. Создание мифологизированных версий истории опирается на архетипические структуры, формирующие ощущение преемственности и исключительности. Это приводит к подмене критического осмысления исторических событий их инструментальным использованием в текущих идеологических конструкциях.

Образовательные вызовы постправды

Эрозия доверия к академической истории в образовательном процессе

Распространение постправды существенно трансформирует восприятие студентами академического исторического знания. В условиях доминирования альтернативных нарративов учащиеся склонны рассматривать профессиональную историографию как продукт субъективного конструирования элит. Как отмечают исследователи, «в постправдивом риторическом мире откровенная неблагонадежность может оказаться более ценной личностной чертой, нежели притворная благонадежность», особенно если принять во внимание все растущее недоверие даже к тем институциям, что прежде считались поборниками истины и критического мышления. Это явление подрывает базовые эпистемологические основания исторического образования, ставя под сомнение саму возможность объективного познания прошлого.

Преподаватели истории сталкиваются с необходимостью преодоления устойчивого скепсиса в отношении экспертной интерпретации исторических фактов. Данная ситуация требует разработки новых дидактических подходов, способных продемонстрировать учащимся методологическую строгость академического знания. Ключевой задачей становится формирование у студентов понимания различий между научной верификацией источников и произвольными конструкциями цифровой среды. Решение этой проблемы предполагает не только трансляцию фактического материала, но и развитие навыков критического анализа нарративных стратегий.

Формирование критического мышления в условиях информационного шума

Современные методики исторического образования сталкиваются с необходимостью адаптации к условиям информационной избыточности. Развитие навыков верификации источников требует внедрения специализированных инструментов анализа противоречивых данных. «При этом исследователи отмечают, что медиа-ресурсы в изучении истории эффективны, но требуют умеренного применения. Особенно важным считается их использование для борьбы с феноменом пост-правды, развития навыков критического анализа источников, проверки достоверности материалов, аргументации в спорах и формирования культуры публичного обсуждения, основанной на уважении к различным позициям. Данный подход позволяет трансформировать информационный шум в учебный ресурс.

Информационная перегрузка, вызванная множественностью альтернативных нарративов, создаёт существенные когнитивные барьеры для обучающихся. Постоянный поток противоречивых интерпретаций прошлого затрудняет формирование целостного понимания исторических процессов. Это требует от образовательных систем разработки методов структурирования информации и выделения смысловых доминант. Преодоление данных барьеров становится необходимым условием для выработки системного исторического мышления.

Заключение

Философские основания кризиса исторической достоверности укоренены в эпистемологическом релятивизме, характерном для эпохи постправды. Нарративные стратегии, активно использующиеся для конструирования альтернативных версий прошлого, трансформируют историю в инструмент идеологического воздействия. Это подрывает саму возможность достижения объективного знания о прошлом, ставя под сомнение традиционные представления о фактуальности и истинности исторических событий.

Методологические вызовы кризиса проявляются в неспособности классических подходов к верификации источников эффективно противостоять потокам дезинформации. Традиционные историографические методы оказываются недостаточными для анализа и деконструкции альтернативных нарративов, массово распространяющихся в цифровой среде. Данная ситуация требует разработки новых аналитических инструментов, способных обеспечить надежную работу с источниками в условиях информационной перегрузки.

Скептицизм учащихся к экспертным интерпретациям прошлого осложняет формирование критического восприятия исторических процессов. Информационный шум и конкуренция нарративов создают дополнительные барьеры для развития навыков аналитической работы с источниками.

Преодоление кризиса исторической достоверности требует системного реформирования образовательных практик. Ключевыми направлениями становятся интеграция философской рефлексии о природе исторического знания в учебные программы и развитие медиаграмотности. Создание педагогических методик, устойчивых к манипуляциям постправды, позволит укрепить критическое мышление учащихся и восстановить доверие к академической истории.

Список литературы

1. Аблеев, Кузьминская 2024 – Аблеев С.Р., Кузьминская С.И. Постмодерн и постправда: манипулятивные технологии в формировании массового сознания // Психология и педагогика служебной деятельности. 2024. №2. С. 12–16.

2. Имярова, Курбанов 2025 – Имярова З., Курбанов Р. Медиапространство в контексте публичной истории: механизмы демократизации и интерпретации прошлого // SDU Journal of Media Studies. 2025. №2. С. 27–31.
3. Мартьянов 2022 – Мартьянов Д.С. Трансформация виртуальной публичной сферы в условиях специальной военной операции // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. №3. С. 20–32.
4. Морозов 2019 – Морозов А.В. Ответ на вопрос: что такое постправда? перспектива проблематологии // Горизонты гуманитарного знания. 2019. №3. С. 93–97.
5. Нефедев 2025 – Нефедев С.Н. Постистина как социальный симптом и инструмент конструирования идентичности // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Философия. Культурология. Политология. 2025. №2. С. 31–45.
6. Овсянникова 2025 – Овсянникова А.В. Цифровая трансформация образования: ключевые драйверы, барьеры и перспективы развития // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. №3. С. 1–9.
7. Паневин 2024 – Паневин А.С. Актуальные вызовы методологии критического мышления // Психология. историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. С. 51–57.
8. Тульчинский 2019 – Тульчинский Г.Л. Философия истории и нарративы исторической памяти // Философский журнал. 2019. №1. С. 117–129.
9. Ульянова, Шуралев 2023 – Ульянова Л.Н., Шуралев Р.И. Пост-культура как современный социокультурный феномен // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. №10. С. 70–80.
10. Хмелевская, Яблокова 2023 – Хмелевская С.А., Яблокова Н.И. Возвращаясь к философскому осмыслению феномена постправды (постистины) // Идеи и идеалы. 2023. №2. С. 11–27.
11. Щербинин, Щербинина 2017 – Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. «Правда» и «постправда» в революционно-ценностном конфликте на Украине // Славянский мир в условиях современных вызовов. 2017. №4. С. 134–137.
12. Якеменко 2012 – Якеменко Б.Г. Фальсификации российской истории – нужно ли с ними бороться, для чего и какими методами? // Вестник РУДН, серия история России. 2012. №4. С. 131–135.

УДК 930.1:23

ИСТОРИЯ КАК ЗНАНИЕ, НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА И УЧЕБНЫЙ ПРЕДМЕТ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ НАСЛЕДИИ Н.М. КАРАМЗИНА

Чижков Николай Сергеевич
Кандидат философских наук
Институт философии РАН,
научный сотрудник
E-mail: mail@nchizhkov.ru

Аннотация: В статье рассматриваются философско-исторические идеи Н.М. Карамзина (1766–1826) в контексте тройственного понимания истории – как особого способа познания мира и человека, как самостоятельной научной дисциплины и как учебного предмета, призванного формировать гражданскую идентичность. Показано, что карамзинская концепция складывалась под влиянием немецкого Просвещения (И.М. Шаден, И. Кант, И.Г. Гердер) и отличалась органическим синтезом нравственно-философского и научно-историографического подходов. Ключевым в этом синтезе является представление об истории как «нравственной школе» народов: прошлое несёт в себе практические уроки, извлечение которых составляет одновременно научную задачу историка, воспитательную задачу педагога и гражданскую задачу общества в целом. Особое внимание уделяется карамзинской трактовке соотношения народного духа, государственности и исторической памяти. Его назначение в 1803 году официальным историографом России рассматривается как институциональное закрепление идеи о профессиональном историческом знании как форме гражданского служения. Анализируется карамзинская полемика против узкоутилитарного понимания образования и обосновывается, что его тезис о неотделимости научной строгости, достоверности и педагогической действенности истории сохраняет методологическое значение для современной дискуссии об исторической грамотности и целях исторического образования.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, философия истории, историческое знание, историография, историческое образование, национальная идентичность, нравственное воспитание.

HISTORY AS KNOWLEDGE, A SCIENTIFIC DISCIPLINE AND AN ACADEMIC SUBJECT IN THE INTELLECTUAL HERITAGE OF N. M. KARAMZIN

Chizhkov Nikolay Sergeevich
Institute of Philosophy RAS,
Research Fellow

Abstract: The article examines the philosophical-historical ideas of N.M. Karamzin (1766–1826) in the context of the threefold understanding of history – as a specific form of knowledge about humanity and society, as an independent scientific discipline, and as an educational subject aimed at forming civic identity. It is shown that Karamzin's concept was shaped by the German Enlightenment (I.M. Schaden, I. Kant, J.G. Herder) and was characterized by an organic synthesis of moral-philosophical and scientific-historiographical approaches. Central to this synthesis is the understanding of history as the "moral school" of nations: the past contains practical lessons whose extraction constitutes simultaneously the scientific task of the historian, the pedagogical task of the educator, and the civic task of society as a whole. Special attention is given to Karamzin's interpretation of the relationship between national spirit, statehood and historical memory. His appointment in 1803 as official historiographer of Russia is treated as the institutional consolidation of the idea of professional historical knowledge as a form of civic service. The article also analyses Karamzin's polemic against a narrow utilitarian understanding of education, arguing that his thesis on the inseparability of scholarly rigour, truthfulness and pedagogical effectiveness in historical writing retains methodological significance for the contemporary debate on historical literacy.

Keywords: N.M. Karamzin, philosophy of history, historical knowledge, historiography, historical education, national identity, moral education.

Вопрос о природе, дисциплинарном статусе и педагогическом потенциале истории принадлежит к числу вечных вопросов гуманитарной мысли. На рубеже XVIII–XIX столетий он приобрёл для России особую остроту: интеллектуальная элита страны стремительно усваивала европейский опыт и одновременно нащупывала самобытные основания национальной идентичности. В этом контексте творческое наследие Н.М. Карамзина представляет исключительный интерес. Именно в его трудах впервые в отечественной традиции история как знание, история как дисциплина и история как предмет воспитания были осмыслены в их единстве и взаимообусловленности. Причем это осмысление обладало столь значительным теоретическим потенциалом, что не утратило актуальности и в современных дискуссиях об исторической грамотности.

Карамзинская эпистемология истории складывалась под воздействием нескольких интеллектуальных традиций. Н.С. Чижков убедительно показал, что обучение в пансионе профессора Московского университета И.М. Шадена (1785–1789) привило Карамзину ключевой принцип немецкого Просвещения: просвещение нации есть путь от частного человека к гражданину, от личной добродетели к общественному благу [Чижков 2023, с. 65-67]. В отличие от французских просветителей, акцентировавших свое внимание на социально-политическом переустройстве государства, немецкая школа, воспринятая Карамзиным, исходила из приоритета нравственного совершенствования личности как необходимого условия прогресса. Впоследствии пребывание в Кёнигсберге и знакомство с кантовской критической философией, а также встреча с Гердером обогатили эту установку представлением об истории как процессе органического развития народного духа.

Из данной установки вырастает специфическое понимание природы исторического знания. История у Карамзина – это не просто совокупность зафиксированных фактов о прошлом и не арсенал политических аргументов, но особый вид нравственного знания, раскрывающего в реальных событиях действие закона, связующего поколения. Итоговое определение вынесено в знаменитое предисловие к «Истории государства Российского»: история есть «священная книга народов: главная, необходимая; зерцало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего» [Карамзин 2009а, с. 131]. Это определение принципиально отличает карамзинскую позицию как от позитивистского натурализма (история как наука о «фактах»), так и от морализаторского дидактизма (история как набор готовых уроков): прошлое само говорит о нравственном законе, не нуждаясь в навязанных комментариях.

Данная позиция влечёт за собой определённую концепцию исторической истины, где карамзинская философия истории предстаёт как «нравственный провиденциализм»: прогресс не совершается автоматически, он требует нравственного усилия и от отдельной личности, и от народа в целом; задача историка – обнаружить в конкретных судьбах именно эту логику нравственного испытания. Вместе с тем это не делает Карамзина автором, навязывающим истории заранее известный смысл, он стремится дать событиям говорить самим за себя, предоставив читателю самостоятельно извлекать нравственные выводы. Этот принцип разграничивает Карамзина как с апологетической, так и с обвинительной историографией.

От нравственно-философской трактовки истории Карамзин переходил к строгим методологическим требованиям к историческому труду как таковому. Для него дисциплина –

история предполагает критическую работу с первоисточниками, беспристрастность в подаче материала, полнота охвата событий и нарративное мастерство, без которого историческое знание не становится общественным достоянием, а остаётся уделом узких специалистов. Последнее требование связывает науку с педагогикой и задаёт единый критерий качества исторического произведения, т.е. его способность воздействовать на читателя, не поступаясь при этом достоверностью.

Принцип беспристрастности занимает особое место в карамзинской концепции. Первыми рецензентами его труда особо выделялось отсутствие у историографа «предубеждения», «своекорыстия», «ненависти» и «страсти». Беспристрастность при этом не означает эмоционального безразличия к предмету, она вполне совместима с любовью к Отечеству, однако исключает конъюнктурное замалчивание или искажение фактов.

Принципиально, что Карамзин видел в профессионализации историографии не академическую специализацию, но гражданский долг. В статьях «Вестника Европы» 1802–1803 годов он последовательно тематизировал историческую ответственность: знание о Смутном времени, о народных героях, о патриархе Гермогене должно было дать русскому обществу внутренние ресурсы для осмысления испытаний настоящего. История как дисциплина оказывалась не башней из слоновой кости, но гражданским институтом, производящим жизненно необходимое для нации знание о самой себе.

Образовательное измерение истории занимает в карамзинской системе взглядов особое место. Исходный тезис формулируется в статье «О любви к Отечеству и народной гордости» (1802): без знания отечественной истории невозможно ни подлинное патриотическое чувство, ни полноценная гражданская идентичность. Причем патриотизм, воспитываемый историей, принципиально отличается от риторического: он основан на знании правды, в том числе горькой. Для Карамзина «гражданская гордость» и «исторический стыд» – не противоположности, но две стороны одного и того же зрелого отношения к прошлому своего народа.

Принципиальным является карамзинская трактовка соотношения национального и универсального в историческом образовании. Следует признать, что Карамзин настаивал на органической связи между изучением отечественной истории и постижением общечеловеческих закономерностей. В «Истории…» постоянно соотносится российский опыт с европейским, обнаруживая в обоих действие единого нравственного закона. В этом отношении изучение национальной истории мыслится не как замкнутый мир, но как партикулярный и вместе с тем ключевой, вписанный в более широкое пространство гуманитарного знания.

Художественное качество исторического повествования для Карамзина в первую очередь педагогическая необходимость, т.к. история, не способная пробудить нравственного воображения лишь информирует читателя, а не воспитывает. С этим непосредственно связана карамзинская полемика против узкого утилитаризма в сфере образования. В «Нечто о науках, искусствах и просвещении» (1793) он вступает в открытый спор с руссоистским тезисом об «испорченности» цивилизованного человека, Карамзин утверждает: «невежество всегда ближе к жестокости, нежели знание» [Карамзин 2009б, с. 391-392]. История в этом контексте является нравственным ядром учебной программы, она воспитывает способность к эмпатии, к пониманию иного времени и иного человека, формируя тем самым то, что можно назвать исторически образованной совестью.

Предложенная Карамзиным тройственная концепция истории (как нравственного знания, гражданской дисциплины и воспитательного предмета) сохраняет методологическую

значимость в современных дискуссиях. Сегодня, когда историческая память стала ареной острых политических конфликтов, карамзинский принцип синтеза остаётся образцом труднодостижимым, но ориентирующим. Строгость без доктринерства, патриотизм без шовинизма, воспитательность без примитивного морализаторства всё это задает координаты, в которых и сегодня может обретать смысл разговор об истории как знании, науке и предмете.

Карамзин первым в русской традиции дал системный ответ на вопрос о том, как возможна история, которая одновременно является и строгой наукой, и живым знанием, и действенным педагогическим инструментом. Его ответ строился на убеждении, что эти три качества не противоречат, но обусловливают друг друга: строгость первоисточниковой базы обеспечивает достоверность, достоверность делает знание живым, а живое знание воспитывает. В эпоху, когда каждое из этих качеств нередко приносится в жертву двум другим, этот синтез сохраняет не только историографическое, но и программное значение.

Список литературы

1. Карамзин 2009а – Карамзин Н.М. История государства Российского // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 1. М.: Терра, 2009.
2. Карамзин 2009б – Карамзин Н.М. Нечто о науках, искусствах и просвещении // Карамзин Н.М. Полн. собр. соч.: в 18 т. Т. 17. М.: Терра, 2009. С. 391-407.
3. Чижков 2023 – Чижков Н.С. Влияние просветительской немецкой философии на идейное становление Н.М. Карамзина // Философские письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6. № 4. С. 62-83.

УДК 1(091):13

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС МЕМОРИОЛОГИИ: МЕЖДУ ИСТОРИЧЕСКИМ ЗНАНИЕМ И СОЦИАЛЬНЫМ КОНСТРУИРОВАНИЕМ ПРОШЛОГО

Верещагин Олег Александрович
Кандидат философских наук
Саровский физико-технический институт,
филиал Национального исследовательского ядерного университета МИФИ,
заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин
E-mail: helgardt@mail.ru

Аннотация. В статье представлена критическая аналитика современного состояния «memory studies» как междисциплинарной области социогуманитарного знания, существующей в контексте истории и философии науки. В работе осуществлена реконструкция ключевых этапов дисциплинарного становления мемориологии, а также эксплицированы ее следующие эпистемологические основания: конструктивизм, презентизм и темпорализация. В этой связи раскрыта полемика «мемориологов» с академической историологией относительно критериев истинности и объективности репрезентации прошлого. Особое внимание уделяется исследованию динамики форм мемориологического дискурса, в том числе в контексте полномасштабной ревизии принципов методологического

национализма и перехода к транснациональным, транскультурным и космополитическим моделям анализа коллективной памяти. На основе анализа широкого круга источников делается вывод о необходимости сохранения баланса между критической рефлексией и неизбежным социально-политическим контекстом мемориологических исследований.

Ключевые слова: memory studies, мемориология, философия науки, эпистемология, коллективная память, методологический национализм, конструктивизм, политика памяти, транснациональная память.

THE EPISTEMOLOGICAL STATUS OF MEMOROLOGY: BETWEEN HISTORICAL KNOWLEDGE AND THE SOCIAL CONSTRUCTION OF THE PAST

Vereshchagin Oleg Alexandrovich
Sarov Institute of Physics and Technology,
Branch of National Research Nuclear University MEPHI,
Head of Department of Philosophy and History,

Abstract: The article presents a critical analysis of the current state of "memory studies" as an interdisciplinary field of socio-humanitarian knowledge that exists in the context of the history and philosophy of science. The work reconstructs the key stages of the disciplinary formation of memoriology and explicates its epistemological foundations: constructivism, presentism, and temporalization. In this regard, the controversy between "memoriologists" and academic historiology regarding the criteria of truth and objectivity of the representation of the past is revealed. Special attention is paid to the study of the dynamics of forms of memorial discourse, including in the context of a full-scale revision of the principles of methodological nationalism and the transition to transnational, transcultural and cosmopolitan models of collective memory analysis. Based on the analysis of a wide range of sources, it is concluded that it is necessary to maintain a balance between critical reflection and the inevitable socio-political context of memorial research.

Keywords: memory studies, memorology, philosophy of science, epistemology, collective memory, methodological nationalism, constructivism, politics of memory, transnational memory.

Фиксируемый в современной гуманитарной культуре устойчивый рост исследовательского интереса к феноменам коллективной, социальной и культурной памяти – явление, получившее в литературе метафорическое обозначение «мемориального бума». В социогуманитаристике данный феномен находит концептуальное и теоретическое выражение в виде особой области междисциплинарных исследований – «memory studies», претендующей на самостоятельный дисциплинарный статус. Однако, как нам кажется, недостаточно изученными и отрефлексированными в указанной связи являются логико-прагматические основания «науки памяти» как самостоятельной области знания и специфической дисциплинарной онтологии. Представляется существенным и значимым проартикулировать ключевые теоретико-методологические и эпистемологические проблемы, стоящие перед современной мемориологией, чтобы вывести эту дискуссию на уровень универсальной проблематики истории и философии науки.

В специфической логике историко-философского анализа «наука памяти» весьма иллюстративна в понимании возможных стратегий автономизации и обособления предметной

области исследования. Становление мемориологической парадигмы изначально сопровождается борьбой за демаркацию от традиционной историологии и академической историографии, с попутной реализацией ревизионистских интенций по пересмотру критериев объективности историологической деятельности. «Наука памяти» экстерналистски сопряжена и содержательно переплетена с «политикой памяти», вбирая в себя весь совокупный интеллектуальный опыт эпохи, и открыто санкционируя и легализуя активное вторжение внешних социальных факторов в профессиональную аналитику историков-мемориологов. В мемориологическом проекте, согласно канонам науковедения, происходит смена парадигмальных установок, пресловутый «paradigm shift», когда историки всерьез начинают откликаться на ряд эпистемических требований и канонических правил, релевантных стандартам постнеклассической науки. Очевиден отказ от различных модификаций субстанциалистского редукционизма и наивного реализма в историописании и дисциплинарная институционализация конструктивистских версий историографической работы.

На этапе возникновения и первоначального теоретического оформления мемориология конституировалась в специфическом полемическом русле с историологией в качестве суверенной практика воссоздания образов прошлого в коллективных воспоминаниях, противопоставленная «критическому дискурсу, который является антитетичным спонтанной памяти» [Nora 1989, p. 10-12]. Размежевание академической историологии и социально-ангажированной мемориологии официально происходит в работах М. Хальбвакса [Хальбвакс 2007], заложившего основы изучения «социальных рамок памяти», а также в мемориологических штудиях П. Нора, фиксирующих переход от «истории-памяти» к истории как академическому проекту модерна [Nora 1989].

В современном эпистемическом контексте конфронтация между историологией и мемориологией постепенно уступает место конвергентному диалогу и сближению методологических принципов [Megill 2007]. Внутри самой историографии возникают «утвердительные» и «дидактические» модели историописания, направленные на формулирование непротиворечивой и когерентной позиции и установление неразрывной связи прошлого с настоящим. Тем самым стирается непреодолимая грань между критически-рефлексивным анализом и коммеморативной функцией, что ведет к размыванию критериев научности в контексте признания комплементарности и диалогичности различных форм исторической реконструкции.

Одновременно сам дискурс памяти в публичном пространстве всё чаще отождествляется с историей, что позволяет вывести дискуссии о соотношении памяти и истории за рамки профессиональных стандартов. Собственно это и происходит, когда в публичном пространстве начинают циркулировать различные версии профанной и «народной» истории, сама же историческая память начинает актуализироваться в категориях «политики памяти» как важнейший инструмент символической политики и символической власти [Бурдье 2007].

Современные «memory studies», по нашему мнению, продуктивно реализуют эпистемологические стандарты и идейные принципы социального конструктивизма. Напомним, что конструктивистская методологема отказывается понимать прошлое в качестве объективно существующей реальности. Прошлое деонтологизируется, лишается референциальной глубины, генерируясь в рамках актуальных эпистемических предписаний релевантным существующим условиям производства знаний и обычаев прошлого. В рамках такого подхода мемориология отказывается от корреспондентской теории истины, характерной для академического историзма, и сближается с постпозитивистскими

концепциями, где ключевую роль играют парадигмальные рамки и конвенциальные нормы научного сообщества [Erll, Nünning (eds.) 2008].

Вторым важным эпистемологическим принципом мемориологии становится презентизм с общей установкой на неизбежное «осовременивание» прошлого в акте исторической репрезентации. Социальная практика «управления прошлым с помощью настоящего» и есть часть того методологического комплекса, который активно продвигается профессиональными и полупрофессиональными историками-мемориологами.

«Опрезентация» прошлого как признание факта его неизбежной актуализации под запросы текущего момента стала закономерным итогом тех дискуссий между мемориологией и историологией, которые изменили традиционные представления о критериях и стандартах историографической деятельности [Nora 1989].

Значимым элементом, принципиальным для корректной интерпретации эпистемологического статуса «memory studies», является стратегия забывания. В ницшеанской трансгрессивной логике – способность переступать и преодолевать «негативный опыт», жить «почти без воспоминаний» рассматриваются в качестве необходимого условия освобождения от изнурительного груза прошлого. В современном социоментальном контексте признание избыточности, токсичности или социальной провокативности отдельных фрагментов исторического опыта создает основания для легитимации опыта «коллективного забвения», который может превалировать над групповыми воспоминаниями. Забвение выступает не в роли социальной аномалии или девиации, не как дефект мнемонических практик, а как их необходимая составляющая: коллективное запоминание и забвение зависят друг от друга и взаимно конституируют друг друга. Однако именно здесь возникает ключевая эпистемологическая антиномия: если истина прошлого конструируется и может быть произвольно забыта и исключена в рамках существующего социального заказа, то, как отличить научное исследование от идеологической манипуляции [Olick, Robbins 1998].

На протяжении 1990 – начала 2000-х гг. дискуссии о социальной памяти все больше смещались в политико-идеологическую плоскость, становясь неотъемлемой интегральной частью дискурса политической памяти и сознательной «эксплуатации прошлого» [Verovšek 2016]. Политические акторы и аффилированные с ними общественные институции активно внедряют коммеморативные стратегии для консолидации целевых аудиторий, конструирования национальной идентичности и легитимации власти. Социальная память начинает рассматриваться как символический капитал [Аникин 2013], то есть подспудно трансформируется в ресурс, который может быть мобилизован в борьбе за символическое доминирование и господство [Тульчинский 2015].

В указанном контексте память используется не для пассивного воспроизведения прошлого, а для его творческого конструирования, априорно включаясь в социальный инструментарий активного преобразования и преображения истории. В публичном пространстве создается официально санкционированная «инфраструктура памяти»: музеи, памятники, коммеморативные практики, образовательные программы [Малинова 2019]. Эти институции транслируют социально приемлемые и политически ангажированные версии прошлого, что несет в себе риск реальной подмены научного исследования идеологическим конструированием и симулятивной реконструкцией.

С точки зрения философии науки, данный феномен проблематизирует классическую мертоновскую дилемму о соотношении внутренних и внешних факторов развития научного знания. В memory studies внешние факторы (государственный заказ, символическая политика, медиа) оказывают беспрецедентное влияние на формирование исследовательской повестки и

критериев исторической аутентичности. Это ставит вопрос о сохранении разделяемых стандартов научного этоса – универсализма, бескорыстия, организованного скептицизма в условиях формированной и тотальной политизации исторического дискурса.

На раннем этапе становления мемориологии исследования коллективной памяти были фундированы преимущественно рамками национального государства. Национальная история, национальная идентичность и национальная территория выступали естественными «контейнерами» для мнемонического анализа. Конструировались героико-трагические нарративы, этико-политические оппозиции и гегемонистские «национальные конструкции памяти», элиминировавшие значение трансграничных и наднациональных факторов [Ассман 2014; Levy, Sznaider 2002]. Современный этап «memory studies» характеризуется робкими попытками «денационализации памяти», связанными с интеллектуальными усилиями мемориологов в рамках «транснационального поворота». Заметно стремление исследователей выйти за пределы методологического национализма и изучать формирование и циркуляцию исторической памяти в трансграничном ключе.

Двигателем этого процесса стали попытки концептуализировать память о Холокосте, Второй мировой войне, колониализме и других событиях «трудного прошлого», которые по определению имеют транснациональное измерение. В современной исследовательской литературе выделяется шесть основных оптик транснациональной памяти: международная, наднациональная, диаспорическая, медиатизированная, цифровая и глобальная, связанная с проблемой синхронии/симультанности памяти [Павловский 2023].

Мемориологическая максима трансграничности и транскультурности оперирует новым концептуальным инструментарием: «путешествующая память» (travelling memory) [Erll 2011], «многонаправленная память» (multidirectional memory) [Bekus 2019], «регионы памяти», «транскультурная память» и др. Эти подходы преодолевают бинарную оппозицию «национальная vs. космополитическая память» и позволяют изучать сложные процессы пересечения, гибридизации и конкуренции мнемонических дискурсов. Вместе с тем, как подчеркивают критики, избавление от национальной перспективы еще далеко от завершения, и уже сам факт того, что ученые «смотрят поверх границ», свидетельствует о наличии этих границ [Bekus 2019; Levy, Sznaider 2002].

Проведенный анализ позволяет выделить три основных вызова, которые «memory studies» создаёт для классической модели научной рациональности.

1. Дисциплинарный вызов**.** Мемориология демонстрирует переход от жесткой демаркации с историологией к методологическому плюрализму и конвергенции. Это отражает общий тренд постнеклассической науки, стирающей границы между объективным знанием и социальными нарративами, фактологизмом и текстуализацией (нарративизацией)

2. Эпистемологический вызов**.** Принятие конструктивистских принципов и презентистских установок требует ревизии классических понятий истины и объективности в истории. Признание забвения неотъемлемой частью мнемонической работы ставит под вопрос кумулятивистскую модель накопления научного знания.

3. Социологический вызов**.** Активное вторжение «политики памяти» и символической власти в область memory studies создает риск депрофессионализации, профанизации и политизации исследовательского труда.

Список литературы

1. Аникин 2013 – Аникин Д.А. Социальная память как символический капитал // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 9 (152). С. 282-288.

2. Ассман 2014 – Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

3. Бурдье 2007 – Бурдье П. Социология социального пространства / Пер. с фр. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.

4. Малинова 2019 – Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Метод. 2019. № 9. С. 285-312.

5. Павловский 2023 – Павловский А.Ф. В поисках глобальной памяти: куда ведет транснациональный поворот в Memory studies? // Полития. 2023. № 2 (109). С. 166-194.

6. Тульчинский 2015 – Тульчинский Г.Л. Историческая память в символической политике и информационные войны // Философские науки. 2015. № 5. С. 24-33.

7. Хальбвакс 2007 – Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

8. Bekus 2019 – Bekus N. Agency of internal transnationalism in social memory // British Journal of Sociology. 2019. Vol. 70. No. 4. P. 1602-1623.

9. Erll 2008 – Erll A., Nünning A. (eds.). Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook. Berlin – New York: Walter de Gruyter, 2008. 441 p.

10. Erll 2011 – Erll A. Travelling Memory // Parallax. 2011. Vol. 17. No. 4. P. 4-18.

11. Levy, Sznaider 2002 – Levy D., Sznaider N. Memory Unbound: The Holocaust and the Formation of Cosmopolitan Memory // European Journal of Social Theory. 2002. Vol. 5. No. 1. P. 87-106.

12. Megil 2007 – Megill A. Historical Knowledge, Historical Error: A Contemporary Guide to Practice. Chicago – London: University of Chicago Press, 2007. 288 p.

13. Nora 1989 – Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // Representations. 1989. No. 26. Special Issue: Memory and Counter-Memory. P. 7-24.

14. Olick, Robbins 1998 – Olick J.K., Robbins J. Social Memory Studies: From «Collective Memory» to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 105-140.

15. Verovšek 2016 – Verovšek P.J. Collective memory, politics, and the influence of the past: the politics of memory as a research paradigm // Politics, Groups and Identities. 2016. Vol. 4. No. 3. P. 529-543.

УДК 930.85

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ИСТОРИИ: МЕЖДУ НАУКОЙ, ОБРАЗОВАНИЕМ И ПОЛИТИКОЙ

Аникин Даниил Александрович
Кандидат философских наук
Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
доцент кафедры теоретической и социальной философии
E-mail: dandee@list.ru

Аннотация: В докладе планируется рассмотреть методологические затруднения, связанные с активным проникновением цивилизационного подхода как в сферу образования, так и в сферу публичной политики. Объективной проблемой становится актуализация цивилизационного подхода с точки зрения сохранения научного инструментария и возможности его использования для решения мировоззренческих и образовательных задач. Для выявления и преодоления слабых мест цивилизационного подхода предлагается обобщение его различных трактовок в соответствии с двумя ключевыми осями координат - единство/множественность, конструктивизм/эссенциализм. Это позволяет рассматривать цивилизацию как инструментальное понятие исторического знания, характеризующее особую форму наднациональной идентичности, обладающую не только ценностными, но и эпистемологическими характеристиками. Такой синтез позволяет акцентировать внимание на том, что специфика цивилизационного сознания заключается не только в специфическом наборе ценностей, а в культурно детерминированных способах интерпретации окружающей действительности – как природной, так и социальной. Само существование цивилизации перестает рассматриваться как наличие предзаданных и неизменных традиций, а предстает в качестве механизма трансформаций коллективных сообществ и свойственных форм коллективного сознания (прежде всего, исторической памяти) в контексте сочетания культурных паттернов и реакций на межкультурные взаимодействия.

Ключевые слова: историческая память, цивилизация, цивилизационное сознание, конструктивизм, эссенциализм, цивилизационный подход, наднациональная идентичность.

CIVILIZATIONAL APPROACH IN HISTORY: BETWEEN SCIENCE, EDUCATION AND POLITICS

Anikin Daniil Alexandrovich
Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky,
Associate Professor of the Department of Theoretical and Social Philosophy

Abstract: The report plans to address the methodological difficulties associated with the active penetration of the civilizational approach both in the field of education and in the field of public policy. An objective problem is the actualization of the civilizational approach in terms of preserving scientific tools and the possibility of using them to solve ideological and educational problems. To identify and overcome the weaknesses of the civilizational approach, a generalization of its various interpretations is proposed in accordance with two key coordinate axes - unity/multiplicity, constructivism/essentialism. This allows us to consider civilization as an instrumental concept of historical knowledge, characterizing a special form of supranational identity, which has not only value, but also epistemological characteristics. Such a synthesis allows us to focus on the fact that the specificity of civilizational consciousness lies not only in a specific set of values, but in culturally determined ways of interpreting the surrounding reality - both natural and social. The very existence of civilization ceases to be considered as the presence of predetermined and unchanging traditions, but appears as a mechanism for transformations of collective communities and inherent forms of collective consciousness (primarily historical memory) in the context of a combination of cultural patterns and reactions to intercultural interactions.

Keywords: historical memory, civilization, civilizational consciousness, constructivism, essentialism, civilizational approach, supranational identity.

Активное использование терминологии цивилизационного подхода как в образовательном пространстве, так и в сфере нормативных актов, порождает целый ряд вопросов, носящих методологический характер и напрямую относящихся к методологии исторического знания. Во-первых, существенным моментом становится само определение цивилизации, что уже заставляет задаться традиционным для истории науки вопросом о корректности использования терминов для тех процессов, которые изначально ими не описывались. По крайней мере, возможность инструментального использования в современном цивилизационном анализе тех оснований, на которые опирались классические работы Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева, вполне резонно может быть поставлена под сомнение [Ионов 2007, с. 14-15]. Во-вторых, многообразие социокультурных и политических контекстов использования цивилизационной терминологии становится тем вызовом, который вынуждает обращаться к выстраиванию определенной методологической системы координат для упорядочивания подходов.

Соотношение первой пары категорий можно обозначить как дилемму единства и множественности. Речь идет о том, что выбор между использованием термина «цивилизация» в единственном или множественном числе отражает не только эволюцию самого цивилизационного подхода – от линейно-стадиальной версии до теории локальных цивилизаций [Браславский 2022, с. 50-54]. Более важным оказывается понимание специфики определенной двойственности, при которой, с одной стороны, индивид является носителем конкретной цивилизационной идентичности, а с другой – отказ отождествления цивилизации и человечества заставляет признавать множественность существования цивилизаций, особенно в исторической ретроспективе. Большое значение здесь приобретает соотнесение цивилизационной идентичности с определенным набором представлений о прошлом.

Для европейских исследователей, предлагающих различные термины для обозначения новых форм мемориальных практик, доминирующей теоретической рамкой оказывается понятие «транскультурной памяти», которое акцентирует внимание на процессах взаимовлияния и взаимопроникновения не только различных традиций памятования, но и конкурирующих образов прошлого (например, память об освоение Африки приобретает диаметрально противоположные значения для коренных европейцев и для выходцев с самого Африканского континента). Для российских исследователей характерно акцентирование внимание на представлении наднациональной памяти (особенно по отношению к современному российскому обществу) как памяти цивилизационной.

Вторая пара категорий – конструктивизм и эссенциализм – акцентирует внимание на самой природе цивилизационной идентичности. Оставляя в стороне вопросы о конкретной методологии исследования цивилизаций в современной науке, следует обратить внимание на ключевое противоречие между эссенциалистским и конструктивистским пониманием цивилизации, разрешение которого позволяет по-разному формировать методологию изучения и оценивания цивилизационной памяти.

В случае выбора эссенциалистской трактовки, речь идет о признании цивилизации непрерывно и неизменно существующей на протяжении значительного промежутка времени, что, однако, существенно сужает диапазон возможных траекторий адаптации существующего багажа исторических знаний к изменчивым параметрам функционирования цивилизации как социального и политического субъекта.

Конструктивистская трактовка цивилизации позволяет говорить о ней с точки зрения современной цивилизационной идентичности, что позволяет осуществлять определенную

селекцию включенных в ней традиций, изолируя деструктивные элементы и актуализируя те образы прошлого, которые играют консолидирующую роль. Как справедливо отмечает Й. Арнасон, «плюралистический подход является единственным способом защитить цивилизационную теорию как особую парадигму, но одна из незавершенных задач заключается в том, чтобы связать анализ долгосрочных тенденций и трансформаций с сохраняющимися, но не являющимися неизменными культурными паттернами» [Арнасон 2021, с. 40]

Исходя из подобных предпосылок, ошибочным является сведение цивилизационной специфики исключительно к ценностным особенностям конкретного сообщества, поскольку сам по себе набор ценностей не становится демаркационной линией между представителями различных цивилизационных сообществ. Эпистемологическое измерение цивилизации исходит из представления о том, что знание является социально и культурно обусловленным, поэтому существуют цивилизационные различия в производстве, воспроизводстве и распространении знания. Исторически человек был ориентирован на то, чтобы познание не просто приводило к получению объективных знаний, но позволяло установить соответствие между человеком и миром, причем выстраивание этого взаимодействия во многом определялось особенностями социального устройства коллектива, а также выработанными в нем культурными стереотипами. В самом понятии «мировоззрение» кроется определенная двойственность, ведь в нем говорится не только о мире как объекте познания, но и о воззрении, которое определяет границы того, что можно считать миром. Для древнего грека мир подразделялся на три части: Европа, Азия и Африка, обоснованием чего служил целый ряд мифов. Европейская цивилизация Нового времени, с одной стороны, существенно расширила границы обозреваемого мира, а с другой – в его интерпретации воспроизвела уже сложившийся культурный канон, просто добавив к известным частям света новые.

В таком ракурсе классический вопрос, ставившийся еще Н.Я. Данилевским, о границах Европы приобретает новое измерение: первичной оказывается не деятельность географов по структурированию пространства Земли и выделению в нем каких-то значимых частей, а культурная обусловленность существования Европы, заставляющая искать и устанавливать соответствующие границы. В этом заключается парадокс цивилизационного понимания теории познания: человек не открывает объективно существующую реальность, а распознает ее в соответствии с собственными культурными стереотипами, работая на воспроизводство уже сложившейся картины мира. Наиболее привычное для современного человека стремление к объективности познания, ярким выражением чего явилась наука Нового времени, является лишь одним из возможных направлений познания как формы деятельности и формы культуры.

Наиболее значимой категорией, описывающей познавательную деятельность человека в координатах цивилизационного подхода, становится категория интерпретации, которая подразумевает обязательное соотнесение вновь получаемого знания с уже имеющимися в рамках сообщества координатами. Человек непроизвольно интерпретирует окружающую реальность – природную или социальную, а действует в соответствии с теми шаблонами, которые были получены им в процессе социализации, из чего следует два важных вывода. Во-первых, изменение научной картины мира всегда является отражением трансформации общества и выработанных им культурных стереотипов. Во-вторых, в силу цивилизационного многообразия самих обществ универсальность человеческого стремления к процессу познания сопровождается вариативностью получаемых результатов. Эта вариативность возникает на уровне рационального познания, когда эмпирический опыт соотносится с системой понятий и критериями соответствия получаемого знания стандартам правдоподобия,

выработанными культурой. Различия между критериями соответствия при общем сохранении стремления к упорядоченности и системности получаемого знания позволяют говорить о существовании различных типов рациональности.

Но если на раннем этапе развития человечества малые коллективы (племена) формировали бесконечное многообразие возможных форм познания, то по мере социокультурного и политического развития происходило укрупнение этих форм, сопровождавшееся институализацией и кодификацией. В каждом обществе возникают специфические социальные институты, специализирующиеся на получении и хранении знаний, а также определяется набор норм, характеризующий критерии того, что в культуре будет пониматься под знанием. И.Т. Касавин формулирует три стадии возникновения познавательных норм [Касавин 2000, с. 132-135]:

1. Дифференциация коллективов и усложнение социальных связей привели к возможности фиксации результатов познания, выработке механизмов передачи и сохранения полученных знаний, что потребовало, как минимум, определения ценности той или иной полученной информации.

2. Возникновение специализированных групп, ответственных за сохранение и передачу знаний, что привело к социальному распределению производства (воспроизводства) и потребления знаний.

3. Разделение управленческих и эпистемологических функций, что привело к формированию специализированных экспертных сообществ, которые смогли сосредоточиться исключительно на выявлении и сохранении получаемых знаний.

Именно на третьем этапе происходит формирование набора норм, которые начинают иметь как познавательное (по отношению к окружающему миру), так и корпоративное (с точки зрения выделения отдельного сообщества) значение. Разумеется, какие-то познавательные нормы могли существовать и до указанных социальных преобразований, но проблема заключалась в их недолговечности, поскольку эти нормы не могли передаваться от поколения к поколению, поэтому возникали и исчезали, не оставив культурного следа. Становление системы ценностей, регулирующих социальные взаимодействия людей, а также познавательных норм, транслирующих особенности социальной организации на организацию представлений об окружающем мире, является критерием появления самостоятельной цивилизации.

Список литературы

1. Арнасон 2021 – Арнасон Й. Цивилизационные паттерны и исторические процессы. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 304 с.
2. Браславский 2022 – Браславский Р.Г. Эволюция концепции цивилизации в социоисторической науке в конце XVIII-начале XX века // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. № 25 (2). С. 49-79.
3. Ионов 2007 – Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание. М.: Наука, 2007. 499 с.
4. Касавин 2000 – Касавин И.Т. Традиции и интерпретации. Фрагменты исторической эпистемологии. СПб.: РХГИ, 2000. 320 с.

УДК 316.462

ИСТОРИЯ ВЛАСТИ МИШЕЛЯ ФУКО

Можайко Егор Михайлович

Аспирант кафедры философии
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
E-mail: egormozhaiko@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка реконструкции проекта истории власти в философском наследии Мишеля Фуко. В рамках указанной предметной области прослеживается движение от археологии дискурсивных формаций к генеалогии властных технологий и завершающему этическому повороту, связанному с проблематикой субъекта. Особое внимание уделяется исследованию методологических оснований фукольдианского отказа от субстанциалистского понимания власти в пользу концепции «микрофизики» и понятия «власть-знание», фиксирующего неразрывную взаимосвязь господства и производства истины. В этом контексте анализируются ключевые этапы трансформации властных механизмов в западноевропейской истории – сначала от суверенной власти к дисциплинарным технологиям и паноптическому обществу, а затем к биополитике и «правительственности» как способам управления населением. Заключительная часть статьи посвящена обращению «позднего» Фуко к античной этике «заботы о себе», рассматриваемой не как уход от политической проблематики, но как углубление вопроса о конституировании субъекта и возможностях его сопротивления власти над ним. По результатам проведенного анализа сделан вывод о сохраняющемся значении проекта Фуко в качестве историографического инструментария, предназначенного для критического осмысления исторических и современных форм управления и власти.

Ключевые слова: Мишель Фуко, власть-знание, генеалогия, дисциплинарная власть, биополитика, правительственность, субъективация.

MICHEL FOUCAULT’S HISTORY OF POWER

Mozhaiko Egor Mikhailovich

Lobachevsky Nizhny Novgorod State University,
Postgraduate student of the Department of Philosophy

Abstract. The article attempts to reconstruct the project of the history of power in Michel Foucault's philosophical legacy. Within this subject area, it traces the movement from the archaeology of discursive formations to the genealogy of power technologies and the final ethical turn related to the subject. Special attention is given to the study of the methodological foundations of Foucault's rejection of the substantiality understanding of power in favor of the concept of "microphysics" and the notion of "power-knowledge", which highlights the inseparable relationship between domination and the production of truth. In this context, the article analyzes the key stages of the transformation of power mechanisms in Western European history, from sovereign power to disciplinary

technologies and panoptic societies, and then to biopolitics and "governmentality" as ways of managing populations. The final part of the article focuses on Foucault's «late» approach to the ancient ethics of "self-care", which is not seen as a departure from political issues but rather as a means of addressing them. Based on the results of the analysis, it is concluded that Foucault's project remains significant as a historiographical tool for critically examining historical and contemporary forms of governance and power.

Keywords: Michel Foucault, power-knowledge, genealogy, disciplinary power, biopolitics, governmentality, subjectivation.

Несмотря на то, что проблема власти занимает в философском наследии Мишеля Фуко центральное место, сам мыслитель решительно отказывался от построения законченной и универсальной «теории власти». Его исследовательский проект представляет собой последовательную и многоуровневую аналитику, основанную на обширной исторической фактологии и нацеленную на радикальную деконструкцию устоявшихся политико-философских аксиом. Фуко порывает как с классической традицией, идущей от Гоббса и Локка, где власть мыслится субстанциально как нечто, чем можно обладать, или что можно передать по договору, так и с марксистским экономическим детерминизмом, сводящим власть к функции классового господства. Известное требование философа «отрубить голову королю» в политическом анализе означает отказ от модели суверенитета в качестве универсальной объяснительной схемы и призыв изучать власть там, где она реально функционирует, то есть в сети повседневных практик, институтов и дискурсов. Вместо вопроса: «Что есть власть и откуда она проистекает?» Фуко спрашивает: «Как власть осуществляется?», перенося акцент с субстанции на процесс.

Эта методологическая установка лежит в основе всей его «истории власти» – от ранних археологических исследований до поздних работ по этике. Как отмечает А. В. Дьяков, мысль Фуко представляет собой не статичную доктрину, а подвижный «инструментарий», предназначенный для анализа конкретных исторических ситуаций и констелляций сил [Дьяков 2013, с. 15]. С учетом сказанного, попробуем реконструировать эволюцию «истории власти» Фуко, проследив движение его мысли от археологии дискурсивных формаций к генеалогии властных технологий и, наконец, к этической проблематике конституирования субъекта через практики себя. Такой анализ позволит выявить внутреннюю логику историографического проекта Фуко и его эвристический потенциал, направленный на критическое осмысление не только исторических, но также современных форм управления и власти.

Методологическим фундаментом анализа власти у Фуко выступает генеалогия – подход, заимствованный у Ницше, и радикально переосмысленный в соответствии с задачами исторического исследования. Генеалогия противопоставляется как традиционной историографии с ее поиском непрерывности, истоков и телеологической направленности, так и метафизическому стремлению выявить некую неизменную «сущность» власти. Фуко настаивает на различении между поиском метафизического «происхождения» (Ursprung) и выявлением исторического «начала» (Herkunft, Entstehung) – случайного, гетерогенного и зачастую низменного стечения обстоятельств, борьбы сил и сингулярных событий, из которых возникают те или иные институты и практики [Фуко 1996, с. 79–80].

Генеалогия власти у Фуко, таким образом, направлена не на установление универсальных законов, а на описание исторически конкретных механизмов, посредством которых власть производит эффекты истины и субъективности. Власть у Фуко не имеет

единого центра или источника; она функционирует как «микрофизика» – сеть локальных, подвижных и гетерогенных силовых отношений, которые пересекаются, усиливаются или блокируют друг друга. Индивиды в этой сети выступают не просто пассивными мишенями властного воздействия, но и активными проводниками, звеньями в цепи отправлений власти. Как подчеркивает В. П. Визгин, для Фуко власть не обладает собственной субстанцией, она существует лишь в действии, в конкретных техниках подчинения, управления и сопротивления [Визгин 1995, с. 119]. Генеалогический метод, применяемый Фуко, позволяет выявить продуктивный, а не просто репрессивный характер власти, поскольку власть не только подавляет и запрещает, но и производит реальность, области знания, формы субъективности и даже способы получения удовольствия.

Ключевым концептуальным нововведением Фуко является понятие «власть-знание» (pouvoir-savoir), призванное зафиксировать фундаментальную и неустранимую взаимосвязь между процессами отправления власти и механизмами производства истины. Традиционное просвещенческое представление о знании как о чистом, объективном отражении реальности, которое может быть использовано властью лишь в качестве внешнего инструмента или, напротив, искажено ею, подвергается у Фуко радикальной критике. Философ показывает, что сама возможность возникновения и институционализации конкретных научных дисциплин – психиатрии, клинической медицины, криминологии, педагогики – обусловлена существованием определенных властных структур, технологий и учреждений. В свою очередь, эти дисциплины выполняют функцию легитимации и рационализации властных практик, снабжая их статусом «научной истины» [Сокулер 1997, с. 45].

Власть и знание не находятся во внешнем отношении друг к другу; они взаимно предполагают и порождают друг друга. Эта связь прослеживается во всех ключевых работах Фуко. В «Истории безумия в классическую эпоху» он демонстрирует, как практика изоляции неразумных в госпиталях и работных домах не только создала социальное пространство для господства разума над безумием, но и конституировала само безумие как объект медицинского познания. В «Рождении клиники» анализируется, как переорганизация больничного пространства и становление анатомо-патологического метода порождают новый тип медицинского взгляда и новую форму власти врача над телом пациента. В «Надзирать и наказывать» возникновение криминологии, пенитенциарной педагогики и социологии девиантности напрямую связывается с развитием тюремной системы и дисциплинарных техник [Фуко 1999, с. 33–35]. Знание, таким образом, не есть нейтральное отражение власти. Оно само по себе является формой власти, а власть невозможна без производства, распределения и циркуляции соответствующих дискурсов истины.

Переходя от общего принципа «власти-знания» к исторической конкретике, Фуко в работе «Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы» (1975) представляет детальный генеалогический анализ дисциплинарной власти, которая, по его мнению, приходит на смену суверенной власти, существовавшей в западноевропейских обществах XVII–XIX веков. Суверенная власть манифестировала свою силу в зрелищном и неравномерном ритуале публичной казни – акте возмездия, наносимого непосредственно на тело преступника. Дисциплинарная власть, напротив, действует иначе: она методична, анонимна, непрерывна и нацелена не на уничтожение, а на муштру, исправление и максимально эффективное использование индивида.

Фуко выделяет несколько принципов дисциплины: «искусство распределений» – контроль над пространством через замыкание в специальных учреждениях, ранжирование и привязку к месту; контроль над временем – введение строгих расписаний и дробление времени

на мельчайшие циклы упражнений; и организацию непрерывного генезиса – превращение процесса формирования индивида в последовательность измеримых этапов и экзаменов [Фуко 1999, с. 205-250]. Метафорой дисциплинарного общества выступает Бентамов «Паноптикон» – архитектурный принцип, обеспечивающий постоянную потенциальную видимость. Узник всегда видит центральную башню, но никогда не знает, наблюдают ли за ним в данный момент. Власть становится автоматической и деиндивидуализированной, а ее главный эффект состоит в интернализации надзора: индивид сам становится для себя надзирателем, дисциплинируя собственное поведение в соответствии с ожидаемой нормой. Фуко подчеркивает, что дисциплинарная власть пронизывает школу, фабрику, казарму и больницу, формируя «послушное тело», производя новые типы субъективности – тип «деликвента» и тип «нормального индивида» и легитимируя корпус наук о человеке [Дьяков 2013, с. 389].

В лекционных курсах конца 1970-х годов Фуко значительно расширяет аналитику власти, вводя понятия «биовласть» и «правительственность». Если дисциплинарная власть фокусируется на отдельном индивиде, то биовласть обращена к населению как биологическому виду. Фуко выделяет два полюса биовласти: анатомо-политику человеческого тела (дисциплину) и биополитику населения, объектом которой становятся массовые процессы рождаемости, смертности, заболеваемости, старения и миграции [Фуко 2005, с. 253-254]. Биополитика внедряет регулирующие механизмы, стремящиеся не запрещать, а оптимизировать эти процессы для поддержания безопасности и благосостояния.

Понятие «правительственности» (gouvernementalité) позволяет проблематизировать саму практику управления. Фуко определяет ее как «совокупность институтов, процедур, анализов и расчетов, тактик и размышлений, которые позволяют осуществлять эту специфическую форму власти, имеющую в качестве главной мишени население, в качестве основной формы знания политическую экономию, а в качестве преимущественного технического инструмента – аппараты безопасности» [Фуко 2011, с. 141]. В рамках такого понимания политической практики либерализм предстает не просто как идеология, а как специфическая рациональность управления, производящая и регулирующая свободу индивидов в рыночной среде и формирующая субъекта как «предпринимателя самого себя» [Фуко 2010, с. 78–84].

Финальный этап творчества Фуко связан с обращением к античной этике и проблематике «заботы о себе» (epimeleia heautou). Этот поворот не означал отказ философа от аналитики власти, но, напротив, предполагал расширение и углубление темы: от анализа того, как власть конституирует субъекта извне, Фуко переходит к исследованию того, как индивид активно формирует себя сам через «техники себя». В античности этика была не сводом универсальных запретов, а «эстетикой существования» – свободной практикой самовозделывания через диететику, экономику и эротику [Фуко 1998; Фуко 2004]. Изучение античных моделей «управления собой» позволило Фуко критически оценить современные формы субъективации и поставить вопрос о возможности сопротивления власти не только через политическое действие, но и через создание новых способов отношения к себе, не захваченных властными технологиями [Федонова 2022, с. 439].

Подводя итог сказанному, можно констатировать следующее. Фукольдианская «история власти» представляет собой динамичный аналитический проект, эволюционировавший от археологии дискурса к генеалогии дисциплинарных и биополитических технологий и, наконец, к этике субъекта. Наследие Фуко предоставляет критический инструментарий, предназначенный для анализа исторических и современных форм господства, ускользающих от традиционных категорий права и класса, а поставленный им вопрос о соотношении власти, истины и свободы субъекта сохраняет свою актуальность.

Список литературы

1. Визгин 1995 – Визгин В. П. Мишель Фуко – теоретик цивилизации знания // Вопросы философии. 1995. № 4. С. 116–126.
2. Дьяков 2013 – Дьяков А. В. Мишель Фуко и его время. СПб.: Алетейя, 2013. 672 с.
3. Сокулер 1997 – Сокулер З. А. (сост.) Жизнь и власть в работах Мишеля Фуко: Реферативный сборник. М.: ИНИОН РАН, 1997. 134 с.
4. Федонова 2022 – Федонова А. С. Концепция глобального доминирования в работах М. Фуко // Молодой ученый. 2022. № 18 (413). С. 438–441.
5. Фуко 1996 – Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. 448 с.
6. Фуко 1998 – Фуко М. История сексуальности. Т. 3: Забота о себе. К.: Дух и литера, 1998. 288 с.
7. Фуко 1999 – Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
8. Фуко 2004 – Фуко М. История сексуальности. Т. 2: Использование удовольствий. СПб.: Академический проект, 2004. 432 с.
9. Фуко 2005 – Фуко М. Нужно защищать общество. СПб.: Наука, 2005. 312 с.
10. Фуко 2010 – Фуко М. Рождение биополитики. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
11. Фуко 2011 – Фуко М. Безопасность, территория, население. СПб.: Наука, 2011. 544 с.

ЧАСТЬ 15

МЕДИАФИЛОСОФИЯ В СИТУАЦИИ ТЕМПОРОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА

УДК 130.2: 930.1

КАК МЕДИА МЕНЯЮТ СИСТЕМУ МИФОЛОГИИ

Иванов А.Г.
Доктор философских наук
Липецкий государственный технический университет, заведующий кафедрой;
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Липецкий филиал), профессор
E-mail: agivanov2@yandex.ru

Аннотация: Восприятие и отношение к прошлому в массовом сознании актуализируется на фоне исследований новых измерений памяти. Новые направления в исследованиях памяти, возникающие зачастую как ответ на вызовы цифровой эпохи, сказываются и на изменении отношения к мифу, включая, в частности, процессы мифологизации и мифотворчества, которые начинают рассматриваться в контексте развития новых информационно-коммуникационных технологий и оценок их влияния на повседневную жизнь. К основным факторам медиа, меняющим миф, следует отнести изменение статуса коммуникации и ускорение времени, когда при цифровом капитализме возникает парадоксальное противопоставление: ускорение времени vs «вечность» мифа. В дальнейшем – в постинформационную эпоху – в контексте усиления алгоритмической ностальгии, процессы мифотворчества будут становиться более техногенными, а мифологизационные процессы – реактивными, затрагивая ценностное отношение к событиям прошлого. Как и в случае с процессами постепенной рационализации системы социальной мифологии, начавшимися в античные времена с проникновения рациональных составляющих в онтологическую и гносеологическую части, продолжившимися в Новое время посредством изменения праксиологического измерения мифа, что проявлялось в конструировании утопических проектах, в создании идеологических систем, достигнутый в XX веке апогей рационализации мифа также напрямую был связан с ценностным содержанием: произошло сущностное изменение аксиологических составляющих мифа, затрагивающих идентичности, ценностные ориентации человека, включая такие важные компоненты системы социальной мифологии как мифологизация и мифотворчество. Сегодня факторы искусственного интеллекта меняют привычные механизмы мифотворчества. Изменение коммуникации и ускорение времени в медиасреде делают миф конъюнктурным, а постпамять и связанная с ней эрзац-ностальгия, когда в фокусе внимания оказывается прошлое, которое человек переживает опосредованно – через медиа, рассказы представителей старших поколений или какие-то материальные объекты, качественно меняют мифологизационные процессы, делая их фрагментарными и разрушая целостность мифологического сознания. Делается вывод, что мифологизация в цифровую эпоху становится подобна работе метонимической ностальгии, зацикленной на отдельных вещах, что бросает вызов синкретизму мифа.

Ключевые слова: память, ностальгия, медиа, коммуникация, миф, мифологизация, мифотворчество, темпоральность.

HOW MEDIA ARE CHANGING THE SYSTEM OF MYTHOLOGY

Ivanov Andrey Gennadievich
Lipetsk State Technical University, head of department;
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Lipetsk branch), professor

Abstract: The perception and attitude toward the past in the public consciousness is being revived against the backdrop of research into new dimensions of memory. New trends in memory studies, emerging as a response to the challenges of the digital age, also affect the changing attitude towards myth, including, in particular, the processes of mythologization and myth-making, which are beginning to be considered in the context of the development of new information and communication technologies and assessments of their impact on everyday life. The main media factors that alter myth include the changing status of communication and the acceleration of time, which creates a paradoxical dichotomy: the acceleration of time versus the "eternity" of myth. In the post-information age in the context of increasing algorithmic nostalgia, myth-making processes will become more technogenic, while mythologizing processes will become more reactive, affecting the value-based attitude toward past events. As with the process of consistent rationalization of the system of social mythology, which began in ancient times with the penetration of rational components into the ontological and epistemological parts, and continued in modern times through a change in the praxeological dimension of myth, the apogee of the rationalization of myth achieved in the 20th century was also directly related to the value content, affecting the identities and value orientations of a person as parts of axiological myth dimension. Today, artificial intelligence factors are changing the traditional mechanisms of mythmaking. Changing communication and the acceleration of time in the media environment make myth conjunctural, while postmemory and the associated ersatz nostalgia fundamentally alter mythologizing processes, making them fragmented and destroying the integrity of mythological consciousness. It is concluded that mythologization in the digital age becomes similar to the work of metonymic nostalgia, fixated on individual things, which challenges the syncretism of myth.

Keywords: memory, nostalgia, media, communication, myth, mythologization, myth-making, temporality.

В последнее время восприятие и отношение к прошлому в массовом сознании актуализируется на фоне исследований новых измерений памяти: «Речь идет о понятиях "постпамяти", "протезной памяти", "культурной памяти", "транскультурной памяти"» [Сыров, Агафонова 2022, с. 80]. В той же мере это распространяется и на исследования ностальгии: «Феномен ностальгии обсуждается в исследованиях культуры и социальной теории со второй половины 1960-х годов. И несмотря на появление целого ряда классических работ, таких как книги Зигмунта Баумана, Фредрика Джеймисона и Франклина Анкерсмита, количество исследований по этой проблематике в 2010-2020-е годы только растет. Эти исследования посвящены не просто конкретным кейсам, медиа или регионам, но и важным теоретическим проблемам, которые объединяют исследования памяти, историю эмоций и дискуссии о темпоральности» [Николаи 2025, с. 347-348].

Все эти новые поля в исследованиях памяти (memory studies), возникающие зачастую как ответ на вызовы цифровой эпохи, на изменения статуса коммуникации, форматов медиа не могут не сказаться на изменении отношения к мифу, включая, в частности, процессы мифологизации и мифотворчества, которые начинают рассматриваться в контексте развития новых информационно-коммуникационных технологий и оценок их влияния на повседневную жизнь и не только. Так, к основным факторам медиа, меняющим миф, следует отнести: 1) изменение коммуникации, которая как агент мифологизационных процессов претендует при этом на самостоятельный онтологический статус, что подтверждается в работах С.В. Тихоновой (например, [Тихонова 2009]), указывающей также, что «…коммуникационные новации способны вызывать новые формы и виды мифотворчества» [Тихонова 2025, с. 28]; 2) ускорение времени; темпоральный фактор также зависит от коммуникации; и станет ли, как утверждал Х.-У. Гумбрехт [Gumbrecht 2014], рассуждая о так называемом «широком настоящем» (broad presence), прошлое (например, советское прошлое в современной России) имманентным измерением настоящего, зависит от того, как относиться к возможному существованию парадоксального противопоставления при цифровом капитализме: ускорение времени vs «вечность» мифа.

В работах, посвященных ускоренному времени [Вайсман 2022; Люббе 2019], напрямую проблемы современной мифологии не затрагиваются, однако часто отмечается спонтанность (благодаря медиа) и спорадическое включение в настоящее фрагментов прошлого, становящихся молекулярными. При этом, например, постпамять и связанная с ней эрзац-ностальгия, когда в фокусе внимания оказывается прошлое, которое человек переживает опосредованно – через медиа, рассказы представителей старших поколений или какие-то материальные объекты, качественно меняют мифологизационные процессы, делая их такими же фрагментарными и разрушая целостность мифологического сознания. Одновременно с этим сущностно меняются и процессы мифотворчества, и здесь следует отметить целый спектр новых обстоятельств, делающих мифотворчество не таким, как прежде: это, прежде всего, работа алгоритмов искусственного интеллекта, что вполне следует связать с активностью так называемых нечеловеков (non-humans), влияющих, согласно идеям Б. Латура и Г. Хармана, на социальное. Алгоритмы однозначно стоит отнести к элементам мифотворческой деятельности, и здесь показательны возможности «СберЗвука» (с 2022 года – «Звук»), позиционирующегося как мультиплатформенный стриминговый сервис, который способствует нахождению пользователями “своей” музыки для любого момента жизнедеятельности, а также узнавать что-то новое посредством подкастов. Получается, что такого рода сервис классифицирует, ранжирует всех слушателей, предлагая и навязывая им выборки из стандартизированного сета.

В дальнейшем – уже в так называемую постинформационную эпоху, когда основные действия будут связаны не с накоплением информации, а с ее интерпретацией, – действия, подобные работе платформы Сбера, будут только усиливать алгоритмическую ностальгию, делая процессы мифотворчества более техногенными, а мифологизационные процессы реактивными. И это затрагивает ценностное отношение к событиям прошлого, в том числе и у представителей разных поколений. Причем, как и в случае с процессами постепенной рационализации социальной мифологии, достигшими апогея в прошлом веке с изменением аксиологических компонентов, в настоящее время мы также имеем дело с трансформациями, которые в основном затрагивают ценностное отношение, распространяющиеся далее на процессы мифологизации и мифотворчества.

Рассматривая современную социальную мифологию в качестве системы, которая состоит из онтологической подсистемы (включает представления о каузальной связи, о связи между частью и целым, о темпоральности и пространстве), гносеологической подсистемы (охватывает архаическое мышление, мифопоэтическое мировосприятие, мифологическое сознание с присущими ему процессами мифологизации и мифотворчества), аксиологической (связанной с процессами самоидентификации, с представлениями о сакральном и профанном, с мифологической верой), праксиологической (разворачивающейся в мифо-ритуальных практиках), следует отметить, что историческое развитие привело к трансформации данной системы вследствие постепенного проникновения в содержание вышеуказанных частей рациональных составляющих.

Рационализация социальной мифологии началась с того, что рациональные элементы – с античных времен – стали возникать в онто- и гносеологических компонентах мифа. Именно с Античности можно говорить, собственно, о мифологическом, а не о мифическом сознании (мифосознании). Далее – во время институционализации науки в Новое время – рациональные составляющие наполняют компоненты праксиологической части системы социальной мифологии, что было обусловлено развитием производства, технологических процессов, проектирования. Этим объясняется появление вначале утопий, а затем – и идеологий как проектов практического осуществления социальных преобразований. Также произошло строгое противопоставление игрового и утилитарного, ритуала и производственной практики. С Нового времени также стал разрушаться мифологический символизм: язык символов превращается в знаковую систему. Наконец, с XX века, когда целью познания становится социокультурная практика в целом и широкое распространение получают междисциплинарные исследования, возникает потребность в новых социальных ценностных и нормативных критериях. На данном этапе развития коренную трансформацию претерпевает аксиологическая часть системы социальной мифологии. Возникшие в Новое время и успевшие реализоваться в некоторых сообществах, идеологии, утопии, отдельные социальные мифы в XX в. все большую поддержку находят у вышедшего на авансцену общества человека массы и начинают претендовать на то, чтобы диктовать народу ценностные ориентации, «новые легитимности» [Иванов 2015, с. 21-23].

Сегодня, когда некоторые специалисты по медиафилософии (например, А. Н. Фортунатов, Д. С. Артамонов) фиксируют онтологическую и аксиологическую неопределенность в ситуации темпорологического кризиса, в которой репрезентации прошлого становятся технологически детерминированными, а феномен будущего – ценностно окрашенным, именно миф способен, как всегда, разрешить темпоральные проблемы, предлагая непротиворечивую картину мира, в которой любой модус времени может быть превращен из профанного в сакральный.

Выход из такого рода темпорологического кризиса нам видится в работе со всеми модусами времени: и в проработке прошлого, и в эскапистском конструировании утопий, и в повседневных практиках в настоящем. Роль медиа сегодня в этом трудно переоценить, так как медиатехнологии способны приближать отдельные (например, важные для государства) периоды прошлого, участвовать в создании возможного будущего (например, странового, семейного) и, конечно, развлекать в настоящем. В мифе же, почти как в судьбе, все определено, в том числе и будущее, и при этом имеется стремление победить историческое время.

Однако возникающая – цифровая – мифологизация оказывается фрагментарной, метонимической, зацикленной на отдельных деталях, бросает вызов синкретизму и целостности мифологического сознания.

Список литературы

1. Вайсман 2022 – Вайсман Дж. Времени в обрез: ускорение жизни при цифровом капитализме / пер. с англ. Н. Эдельмана. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. 304 с.
2. Иванов 2015 – Иванов А.Г. Роль рациональности в процессе трансформации системы социальной мифологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2015. Т. 15. № 1. С. 20-25.
3. Люббе 2019 – Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем / пер. с нем. А. Григорьева, В. Куренного. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 456 с.
4. Николаи 2025 – Николаи Ф. Исследования ностальгии: политика памяти, история эмоций и дискуссии о темпоральности / Рец. на кн.: Becker T. Yesterday: A New History of Nostalgia. Cambridge MA; London, 2023; The Routledge Handbook of Nostalgia. Abingdon; New York, 2025 // Новое литературное обозрение. 2025. № 4 (194). С. 347-357.
5. Сыров, Агафонова 2022 – Сыров В.Н., Агафонова Е.В. Новые тенденции в исследованиях памяти: симптом чего? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 80-95.
6. Тихонова 2009 – Тихонова С.В. Социальная мифология в коммуникационном пространстве современного общества: дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2009. 374 с.
7. Тихонова 2025 – Тихонова С.В. Социальная мифология в оптике коммуникационного подхода. Санкт-Петербург: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2025. 287 с.
8. Gumbrecht 2014 – Gumbrecht H.U. Our Broad Present: Time and Contemporary Culture. N.Y.: Columbia University Press, 2014. 144 p.

УДК 316.6:316.7

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО РЕКЛАМЕ И СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ ПРОБЛЕМА

Воскресенская Наталья Геннадьевна

кандидат психологических наук

Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, доцент кафедры социально-политических коммуникаций

e-mail: navoskr@mail.ru

Аннотация: Необходимость осознанного ответственного поведения специалистов в сфере массовых коммуникаций приобретает особую важность в период все возрастающего манипулятивного влияния цифровых технологий на человека и общество. В рамках изучения специфики коммуникативного пространства студентов с разной значимостью ответственности был проведен опрос будущих специалистов в сфере рекламы и связей с общественностью (244 студента, из них 145 девушек и 99 юношей). Исследование показало, что осознание студентами важности ответственного поведения чаще всего фокусируется на их ближайшем окружении, а не будущей сфере деятельности. Значимую роль на формировании ценностной позиции играет коммуникативное пространство студентов. Выбор медиаконтента с преобладанием развлекательной функции над информационной характерен для студентов со сниженным осознанием важности социально ответственного поведения. Деловое общение в онлайн формате, а также медиаконтент с преобладанием информационной функции над развлекательной характеризует студентов с высокими оценками ценности ответственного поведения и осознанием необходимости его соблюдения на уровнях межличностного, профессионального и общественного взаимодействий. Также отмечено позитивное влияние осознания значимости ответственного поведения в разных сферах жизнедеятельности на психическое благополучие студентов. Это проявляется в более высоких показателях удовлетворенности собой и более низкими показателями тревожности «ответственных» студентов относительно другой части выборки.

Ключевые слова: коммуникативное пространство, ответственность, социальная ответственность, ценностные ориентации.

SOCIAL RESPONSIBILITY OF FUTURE ADVERTISING AND PUBLIC RELATIONS SPECIALISTS AS A COMMUNICATION PROBLEM

Voskresenskaya Natalia Gennadievna

PhD in Psychological Science
Associate Professor, Department of Social and Political Communications, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod

Abstract: The need for conscious, responsible behavior among mass communications professionals is particularly important in a time of increasing manipulative influence of digital technologies on individuals and society. To study the specifics of students' communicative space with varying levels of responsibility, a survey was conducted among students majoring in Advertising and Public Relations (244 students, including 145 female and 99 male). The study revealed that students' awareness of the importance of responsible behavior most often focuses on their immediate environment rather than their future field of work. Students' communicative space plays a significant role in shaping their value system. Students with a lower awareness of the importance of socially responsible behavior typically choose media content that emphasizes entertainment over information. Students with an awareness of social responsibility place a higher value on online business communication, as well as media content that prioritizes information over entertainment. A positive impact of awareness of the importance of responsible behavior in various areas of life on students' mental well-being was also noted. This is reflected in higher self-satisfaction and lower anxiety scores among "responsible" students compared to the rest of the sample.

Keywords: communicative space, responsibility, social responsibility, value orientations.

В настоящее время проблеме ответственности в медиабизнесе уделяется особая роль, что связано с возросшей ролью цифровых коммуникаций как агентов социализации и обилием манипулятивных технологий воздействия на людей [Антипов 2022; Солдатова 2025; Лесных 2025]. Так, исследователями отмечаются разнообразные маркетинговые практики с использованием современных технологий, направленные не только на продвижение товаров и услуг организаций, в том числе с навязыванием ненужных потребностей, но и влияющие на их национальное самосознание [Солодовникова 2025]. В этой ситуации особо актуальна проблема ответственности специалистов в области рекламы и связей с общественностью. Недоучет этого формата идентичности как важного ценностного качества профессионала несет риски роста деструктивных форм воздействия, способных оказывать негативное влияние как на общество, так и на самого организатора воздействия. Манипулятивные практики провоцирует рост асоциальных форм поведения среди населения, а отделение личной значимости профессионального труда от его социальной функции может вести к субъективной неудовлетворенности и профессиональному выгоранию [Ермолаева 2008]. Не случайно проблема морально-нравственных качеств профессионала является актуальной темой современности и находится в ракурсе повышенного внимания научного сообщества [Абрамов 2018].

Ответственность относится к важным ценностным категориям личностных качеств профессионала и неразрывно связана с другими ценностями, направленными на регуляцию взаимоотношений внутри различных сообществ, в которые включен человек. Ответственность определяется, как способность управлять и корректировать свои действия в зависимости от осознания их последствий для себя и окружающего мира. Включенность личности во множество сообществ создает различные ситуации, где принимаются решения о необходимости соблюдения зачастую противоречивых норм и правил данных сообществ. Внутреннее принятие ответственности связано со свободой выбора, проявляемое в добровольных решениях личности относительно того, в каких ситуациях и на каких уровнях претворять ответственное поведение в жизнь [Абульханова-Славская 1995]. Осознание последствия своих выборов является важным условием готовности человека проявлять ответственность добровольно, а не под воздействием внешнего контроля [Омельченко 2021].

Реализация социально ответственного поведения происходит на уровнях «личность – коллектив» и «личность – общество», а в понимании механизмов его формирования важно учитывать коммуникационное пространство, в которое включен человек [Новикова 2025]. Многочисленные средства и формы коммуникации по-разному предоставляют возможности реализации функций информирования, конструирования идентичностей, интеграции в обществе, преемственности поколений, развлечения и т.д., а также создают риски растворения человека в медиареальности и дистанцирования от действительности [Фортунатов 2025].

Анализу роли коммуникационного пространства в восприятии ответственности как ценностной ориентации будущих специалистов в сфере рекламы и связей с общественностью» было посвящено исследование, проведенное осенью 2025. Оно проходило в виде письменного анкетирования среди студентов направления «Реклама и связи с общественностью». Всего было опрошено 244 студента (145 девушек и 99 юношей), средний возраст составил $19,5 \pm 1,117$.

В подавляющем числе случаев (95% выборки) студенты высоко оценивают личностную значимость ответственности, включая ее в перечень других важных ценностей, связанных с

регуляцией взаимодействия с другими людьми и способствующих выстраиванию эффективных жизненных стратегий. Более половины студентов связывают данную ценность с личностным саморазвитием, эффективными коммуникациями, будущими достижениями. Отвечая на тест ценностных ориентаций Шварца и Билски, 34 % поставили максимальную оценку ценностной ориентации «Ответственность». Вместе с тем лишь 18% студентов проявили осознание роли данной ценности как регулятора своего поведения в разных сферах жизнедеятельности.

Для диагностики осознанности ответственности как ценности студентам было предложено прояснить свое отношение к некоторым ментальным конструктам, играющим важную роль в выстраивании индивидуальной иерархии ценностей. Проявлением осознанности представлений о личной ответственности считались ответы в формулировках, где звучало понимание своей роли в регулировании взаимоотношений. Большая часть ответов ограничивалась оценочными характеристиками, пространными и (или) шаблонными фразами, метафорами («патриотизм — это важное качество», «семья - там, где тебя ждут», «власть – это сделка с дьяволом» и т.д.). Также в своих формулировках студенты могли акцентировать внимание на своих правах при игнорировании обязанностей при описании желаемых отношений («семья – это место, где тебе всегда помогут», «социальный статус позволяет иметь больше возможностей» и т.д.) Такие ответы засчитывались как проявление низкой осознанности.

Ответы, отмеченные как проявление низкой осознанности, были выявлены как у студентов с высокой значимостью ценности «Ответственность», так и у студентов со средней и низкой значимостью этой ценности. Вместе с тем все студенты, продемонстрировавшие в ответах на открытые вопросы осознанное ответственное отношение, в тесте ценностных ориентаций, поставили «Ответственности» максимальную оценку. Осознанность при описании важных ценностных конструктов проявлялась в развернутых ответах с учетом собственной роли в выстраивании взаимодействий. Так в ответах студентов звучали фразы о важности держать ответ перед собой и другими, взаимной поддержке и заботе друг о друге. При определении социального статуса проявлялось понимание, что он дает не только больше возможностей, но и требует большей ответственности перед другими, а патриотизм проявляется не только в любви к Родине, но и в готовности ее защищать.

Исследование показало, что проявление осознания ответственного поведения в кругу близких и друзей встречается чаще, чем на уровнях «личность – коллектив» и «личность – общество». При этом все студенты с осознанием ответственности на уровнях коллектива и социума отмечали важность личной ответственности на уровне межличностного окружения, что позволяет говорить о важности межличностных коммуникаций в формировании социально ответственного поведения.

Исследование выявило специфические различия коммуникативного пространства, в которое включены студенты с разным осознанием ответственности. Ключевой отличительной особенностью стала ориентация студентов на развлекательную или информационную функцию используемого медиаконтента. Студенты, ответы которых позволили отнести их в группу с осознанной ответственностью, склонны воспринимать СМИ в качестве важных проводников социальных ценностей; внимание уделяется художественной литературе и фильмам как источникам информации о разных аспектов бытия ($p<0,01$). Студенты также склонны тратить больше времени на общение с преподавателями, коллегами, экспертами, чем остальная выборка ($p<0,01$).

Развлекательная ориентированность медиапотребления выявлена у студентов с непроявленной осознанностью ответственности: студенты тратят больше времени на развлекательный контент ($p<0,001$) и в меньшей степени склонны оценивать медиа как источник информации о мире. Также выявлено, что данные студенты имеет более низкие оценки удовлетворенности своей жизнью ($p<0,05$) и уверенности в себе ($p<0,001$), чем у студентов с осознанной ответственностью.

Можно предположить, что низкая ответственность в жизни негативно влияет на взаимоотношения, ведет к неудовлетворенности действительностью и провоцирует бегство от нее в медиареальность, где развлекательный контент позволяет расслабиться и уйти от проблем. Это хорошо исследовано специалистами в области массовых коммуникаций, занимающимися изучением медиазависимых форм поведения: такой уход иллюзорен, так как взятые на себя обязательства не исполняются, проблемы в реальности накапливаются, что приводит к повышению тревожности и усилению потребности бегства от действительности. Напротив, ценностная значимость ответственного поведения поддерживается ощущением внутреннего комфорта, а медиа становится помощником в процессах самопознания и выстраивании эффективных жизненных стратегий.

Недоучет ответственности как важного ценностного качества будущего специалиста в рекламе и связям с общественности несет риски, связанные с недобросовестным исполнением своих профессиональных обязанностей, субъективной неудовлетворенностью собой и угрозой ранней профессиональной деформации. Исследование позволяет обозначить следующие моменты, связанные с ролью коммуникативного пространства в формировании ответственности. Первичным условием осознанного ответственного поведения выступает наличие в идеальной модели самовосприятия этого ценностного феномена как важного регулятора взаимодействия. Такая модель закладывается на ранних этапах взросления, и важную роль здесь играют ближнее окружение, социальные институты, а также медиаресурсы, демонстрирующие социально одобряемые образцы для подражания. По мере возмужания человек начинает активно претворять усвоенную модель в жизнь, осмысливает свои успехи-неудачи и при необходимости вносит в свою модель коррективы, используя внешние источники (в том числе медиаресурсы) для осмысления происходящего. В процессе включенности в трудовую деятельность формируется понимание важности ответственного поведения в формировании репутации профессионала. Напротив, бесконтрольное погружение в раннем возрасте в развлекательный медиаконтент с обилием выдуманных персонажей и вымышленных миров, имеющих мало отношения к действительности, делает человека неприспособленным к жизни, у него не формируются волевые регуляторы поведения и навыки к саморефлексии. Это создает риски восприятия реального мира как враждебного, внешний контроль становится важным условием в реализации профессиональных обязанностей, что ведет к подавлению свободы самовыражения и росту чувства недовольства окружающим миром, делает внутренне допустимым использования манипулятивных тактик при взаимодействии с ним. Бегство от реальности становится отдушиной, но не способом решения проблем.

Список литературы

1. Абрамов 2018 – Абрамов Р. Н. Профессиональная этика в контексте социологии профессий: обзор зарубежных концепций // Социологические исследования. 2018. № 7(411). С. 87-94.

2. Абульханова-Славская 1995 – Абульханова-Славская К. А. Типология личности и гуманистический подход // Гуманистические проблемы психологической теории. М.: Наука. 1995. С. 27–48.
3. Антипов 2022 – Антипов М.А. Социальность и социализация в условиях цифровизации общества // Философская мысль. 2022. № 11. С. 61 - 72.
4. Ермолаева 2008 – Ермолаева Е.П. Психология социальной реализации профессионала. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 345.
5. Лесных 2025 – Лесных Н. Ю. Ценностные ориентиры поколения Z как основа формирования репутационного потенциала российских регионов // Социально-экономические проблемы обеспечения устойчивости российской экономики: Сборник научных статей. М.: ЗАО "Университетская книга". 2025. С. 101-109.
6. Новикова 2025 – Новикова Е. Н. Социальная ответственность в медиапространстве. М.: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "КноРус". 2025. 175 с.
7. Омельченко 2021 – Омельченко С.В. Понятие «социальная ответственность» в социальной философии: поиск новых подходов // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2021. № 3. С. 81–88
8. Солдатова 2025 – Солдатова Г. У. Цифровые предикторы психологического благополучия молодежи в реальном и виртуальном мирах // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2025. Т. 48, № 1. С. 78-100.
9. Солодовникова 2025 – Солодовникова Т. В. Рекламная коммуникация в аспекте формирования ценностно-ориентированных структур национального самосознания / Т. В. Солодовникова // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова. 2025. Т. 42. С. 126-130.
10. Фортунатов 2025 – Фортунатов А. Н. Девиантное нормотворчество: механизмы медийной рекурсии // Мир человека: нормативное измерение - 9.0. Анормальное: pro et contra: Сборник трудов конференции. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия. 2025. С. 226-234.

УДК 008.2

ГЛОБАЛЬНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ АТТРАКТОРОВ: ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ «ИДЕАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ БУДУЩЕГО»

Орлинская Ольга Михайловна
кандидат политических наук
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
доцент кафедры социально-политических коммуникаций
E-mail: orlinskaya@mail.ru

Аннотация: предмет статьи – темпоральность как форма саморефлексии социума в ситуации смены технологического уклада и соответствующих трансформаций миропорядка. Показано, как коммуникативные и манипулятивные практики формируют конкурирующие образы будущего – аттракторы. Среди ключевых аттракторов указывается движение NAGA Д. Трампа, опирающаяся на концепцию монополярного

ИИ-управления, китайская модель, в которой сочетаются конфуцианство, марксизм и цифровой контроль, зарождающаяся российская ценностная парадигма, ориентированная на наследие советской фантастики, и глобалистский технократический проект, лидирующий в информационной войне нарративов. Особое внимание уделено концепции «Технократической республики» Питера Тиля и его сторонников. Технократические проект предполагает замену государства корпорацией, упразднение свободы воли и сакрализацию ИИ с помощью псевдорелигиозной риторики. В этом контексте особенно важно для России ускорить формирование собственного ценностно ориентированного образа будущего.

Ключевые слова: информационное пространство, ценности, аттрактор, глобалисты, технократия.

GLOBAL ATTRACTOR CONFRONTATION: THE VALUE BASES OF "IDEAL MODELS OF THE FUTURE"

Olga Orlinskaya
Candidate of Political Science
Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Associate Professor of the Department of Social and Political Communications

Abstract: The article examines temporality as a form of social self-reflection in the context of technological change and the corresponding transformations of the world order. It demonstrates how communicative and manipulative practices shape competing visions of the future—attractors. Key attractors include Donald Trump's NAGA movement, based on the concept of unipolar AI governance; the Chinese model, which combines Confucianism, Marxism, and digital control; the emerging Russian value paradigm, oriented toward the legacy of Soviet science fiction; and the globalist technocratic project, leading the information war of narratives. Particular attention is paid to the concept of the "Technocratic Republic" proposed by Peter Thiel and his supporters. This technocratic project envisions the replacement of the state with a corporation, the abolition of free will, and the sacralization of AI through pseudo-religious rhetoric. In this context, it is especially important for Russia to accelerate the development of its own value-oriented vision of the future.

Keywords: information space, values, attractor, globalists, technocracy.

Темпоральность отражает саморефлексию общества и человека по поводу формирующейся реальности. Социокультурные, политические ценности, идеология в переходные периоды развития во многом детерминированы воздействием СМИК, социальных групп, субкультур и во многом обладают манипулятивным потенциалом. В попытке связать прошлую, настоящую и будущую траекторию развития общества они сглаживают любые противоречия, снижают критичность восприятия и расфокусируют внимание человека при попытке оценить текущие события.

Часть подобных искусственно созданных ценностей предстают в роли аттракторов и способны повлиять на будущую жизнь социума. В настоящее время человечество переживает серьёзные изменения в условиях перехода к новому технологическому укладу и переформатирования международных отношений, мировой финансовой системы [Попов 2015, с. 40].

Приближение к моменту сингулярности всегда сопровождается военными конфликтами, природными катаклизмами, социальными волнениями. Кризис старых ценностей и аксиологическая неопределённость будущего разрывают преемственность между наследием предков и будущими достижениями новых поколений.

Информационное пространство, цифровые коммуникативные практики становятся своеобразным инкубатором идеальных моделей будущего и диктуют обществу новые социальные нормы, формируют отношения к историческому прошлому. Стали привычными попытки «переписывания» истории, вводятся абсурдные интерпретации событий минувших веков в интересах отдельных политических или финансовых элит. Современные ценности и цивилизационные достижения подвергаются «отмене», в их числе русская, иранская, китайская, индийская культуры.

Хаотизация информационного поля, множество внезапно возникающих конфликтов, социальные протесты являются следствием конкурентной борьбы за будущее среди четырёх основных аттракторов.

1. Д. Трамп и движение MAGA: отказ от глобализации, астрополитика, монополярный мир, ИИ-управление войной и политическими процессами.
2. Китай с концепцией «Весна в Поднебесной»: взаимодействие старого конфуцианского циклического развития, марксистского экспоненциального роста и постиндустриализации (цифровой контроль, социальные рейтинги).
3. Россия с зарождающейся парадигмой ценностного развития: пока образ будущего России ориентирован на прошлое и включает в себя представления ставших классикой советских фантастов Булычёва, Стругацких, Ефремова и др. «шестидесятников» – «Мир полдня» – построение общества с падающей социальной энтропией, отсутствием капитализма, поиск алгоритма оптимальных решений в долгую.
4. Глобалисты: власть аутистов, работающих над контролем общественных настроений, ИИ-контроль населения – технорационализм и радикальный прагматизм вместо инклюзивного капитализма и либертарианства.

Каждый из аттракторов претендует на мировое или межрегиональное лидерство. Информационное пространство отражает столкновение их нарративов. Доминирующие позиции на данный момент занимает аттрактор глобалистов, среди которых особую роль и вклад в продвижение новой идеологии определяет Питер Тиль, крупнейший венчурный инвестор, собравший вокруг себя друзей и единомышленников – И. Маска, М. Андриссена, М. Цукерберга, Тима Кука, вице-президента США Дж.Д. Ванса и др.

Питер Тиль создавал платёжную систему Pay Pal, проект «Палантир» (новейшие инструменты военной разведки и создание солдата-сверхчеловека), проект «Anduril» (создание автономного оружия с искусственным интеллектом), автономные плавучие острова-государства в формате полностью цифровизованных корпораций. В качестве идейных наставников признаёт Вл. Соловьёва, русских космистов и технократов Т. Веблена, Г. Хьюза, Г. Скотта.

В настоящее время его основным проектом можно считать создание «Технократической республики». Формально ценностной основой для технократов считается достижение такой стадии развития, на которой человек должен послужить материалом для создания более высокой формой жизни, связанной с космосом. Люди будущего получат улучшенные физические и умственные задатки и создадут новый тип культуры. «Технаты» предлагают достаточно специфические параметры функционирования нового общества:

- упразднение института государства и управление обществом как глобальной корпорацией;

- тотальное техническое решение всех социальных проблем;

- отсутствие коррупции, рынка, конкуренции;

- жизненное изобилие населения за счёт безусловного базового дохода, тотальной роботизации производства и тотального контроля за всей деятельностью каждого человека [Karp 2025, p. 38-39].

Граждане в таком обществе выполняет роль служебных единиц, поддерживающих эффективность всей социальной системы. Традиционная семья заменяется на управляемую функциональную последовательность, отсутствует право свободы воли (кроме управляющих директоров), а социальная иерархия основана на принципах жизни стаи животных или пчелиной семьи.

Можно проследить этапы воплощения проекта. Первый этап – развитие Big Data, внедрение анализаторов лица и реакций человека (веб-камеры наблюдения), активные биологические разработки стимулирующих препаратов, искусственных инкубаторов жизни, органов, вживление чипов, биометрические архивы населения. Прошла волна «цветных» революций, изменивших политические режимы в целых регионах.

Второй этап совпадает с эпидемией COVID-19, которая коренным образом изменила рынок и характер труда, коммерцию, начался бум в развитии ИТ-бизнеса, были отработаны социальные технологии координации, подчинения и контроля больших социальных групп.

Третий этап ознаменован повсеместным применением ИИ, в том числе в образовательной и религиозных сферах. В обучении ценность программы определяется её доступностью за счёт онлайн-формата, зачастую реального преподавателя заменяет ИИ, чтение вытесняется смотрением и выполнением тестов. В религии церкви и храмы завели аккаунты в социальных сетях, многие священнослужители имеют личные каналы и странички в мессенджерах, затем вообще появились услуги онлайн-молебнов, исповедей и прочих ритуалов.

Подобные изменения в сознании и в материальной жизнедеятельности происходят постепенно под воздействием феномена социальной моды, государственных реформ, обещающих обеспечить безопасность и физический комфорт и легитимируя все эти новшества.

Не менее противоречивой может считаться идея обязательного счастья при отсутствии свободы воли и выбора на основе физического комфорта, зарегулированности базовых типов деятельности человека – игры, обучения, труда и общения. Такое положение дел лишает возможности генерировать новые смыслы, формировать ценности, достигать духовного самосовершенствования.

Снижение сопротивления и принятие идей глобалистов-технократов обеспечивается религиозной оправдательной рамкой. Питер Тиль путешествует по всем США с закрытыми лекциями для студентов ведущих учебных заведений, для членов элитных интеллектуальных клубов о грядущем Апокалипсисе и Антихристе. Постулирование неизбежности конца света для человечества и единственном шансе выжить избрав наименьшее из зол – ИИ. Если в XX в. Антихристом считался безумный учёный-изобретатель, то в XXI в. – это Грета Тунберг и все те, кто пытаются остановить научно-технологический прогресс. Подобные псевдорелигиозные манипуляции, в которых сакрализуется цифровая власть новых управленцев-технократов, святыми объявляются инноваторы, предприниматели приравниваются к апостолам, а сам ИИ олицетворяет Божественную волю, также

свидетельствуют об искусственном хитроумном внедрении новой культурной среды, которая не имеет ничего общего с тонкой духовной сферой вчерашнего и сегодняшнего дня.

Знаменательным событием стала публикация «Манифеста» руководителя «Палантира» из 22 пунктов. По сути, это политический жест открытого продвижения новой политико-религиозной парадигмы будущего мышления большой части человечества, которую глобалисты начали и будут продолжать формировать. Знаковыми стали пункт 4 об ограниченности эффективности «мягкой силы» в политике, тогда как свободным и демократическим обществам для победы в мире нужна «жёсткая сила», основанная на программном обеспечении, а не моральная привлекательность. Другой резонансный пункт 22 напрямую заявляет о том, что определённые культуры и субкультуры породили важнейшие достижения, а другие оказались посредственными, а то и регрессивными и вредоносными [Манифест «Палантир»]

Вызов остальным аттракторам брошен, намерения и стратегия поведения в будущих ментальных войнах обозначены. Это заставляет ускоряться Россию в конкретизации образа будущего, ориентированного именно на будущее, а не ищущее основные посылы в прошлом. Конкретизация и актуализация ценностной канвы с учётом поколенческих особенностей и провокациями конкурирующих аттракторов – минимальные задачи, стоящие не только перед властью, но и перед всеми нами – гражданами России.

Список литературы

1. Попов 2015 – Попов В.В., Музыка О.А. Фактор темпоральности в контексте бытия социального субъекта // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 3-1. С. 40-43. URL: https://expeducation.ru/ru/article/view?id=6677 [дата обращения: 24.04.2026].
2. Манифест «Палантир» // 21 апреля 2026 URL: https://lenta.profinansy.ru/news/893585 (дата обращения: 25.04.2026]
3. Karp 2025 – Karp A.G. The Technological Republic. Hard Power, Soft Belief and the Future of the West. New York: Crown Currency, 2025. 227 p.

МЕДИАСТРАТЕГИИ МИФОТВОРЧЕСТВА И НОВЫЕ ФОРМЫ СОЛИДАРНОСТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ БУДУЩЕГО.

Целыковский Алексей Андреевич
Кандидат философских наук
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет»
E-mail: alts1085@mail.ru

Аннотация: Исследование посвящено анализу медиастратегий мифотворчества и их роли в формировании новых форм солидарности в цифровую эпоху. Актуальность исследования обусловлена тем, что в условиях цифровой реальности медиа не только репрезентуют социальную действительность, но и активно ее конструируют, задавая ориентиры коллективного действия и самоидентификации. В центре внимания находится

вопрос о том, каким образом цифровые платформы, алгоритмы и медиасреда в целом способствуют созданию и распространению мифологизированных образов будущего, вокруг которых формируются краткосрочные и ситуативные солидарности. В исследовании выделяются и рассматриваются основные медиастратегии мифотворчества, участвующие в конструировании различных форм солидарностей и идентичностей. Делается вывод о том, что в цифровую эпоху солидарность все чаще формируется не как следствие устойчивой идентичности, а как реакция на разделяемые представления о будущем, сконструированные и усиленные медиасредой. Такие формы солидарности носят динамичный, фрагментарный и во многом управляемый характер, что свидетельствует о трансформации механизмов коллективной субъектности и усилении роли медиа в их формировании.

Ключевые слова: медиа, миф, мифотворчество, медиаобраз, идентичность, солидарность, цифровизация.

MEDIA STRATEGIES OF MYTH-MAKING AND NEW FORMS OF SOLIDARITY IN THE DIGITAL ERA: CONSTRUCTING IMAGES OF THE FUTURE

Tselykovskiy Aleksey Andreevich
Candidate of Philosophical Sciences
Lipetsk State Technical University

Abstract: The study is devoted to the analysis of media strategies of myth-making and their role in the formation of new forms of solidarity in the digital era. The relevance of the study is due to the fact that in the conditions of digital reality, media not only represent social reality, but also actively construct it, setting targets for collective action and self-identification. The focus is on how digital platforms, algorithms, and the media environment as a whole contribute to the creation and dissemination of mythologized images of the future, around which short-term and situational solidarities are formed. The study identifies and examines the main media strategies of myth-making involved in the construction of various forms of solidarity and identity. It is concluded that in the digital era, solidarity is increasingly formed not as a consequence of a stable identity, but as a reaction to shared ideas about the future, constructed and reinforced by the media environment. Such forms of solidarity are dynamic, fragmentary, and largely controlled, which indicates the transformation of the mechanisms of collective subjectivity and the strengthening of the role of media in their formation.

Keywords: media, myth, myth-making, media image, identity, solidarity, digitalization.

В условиях цифровой трансформации общественных коммуникаций существенно меняются механизмы формирования различных форм коллективности. Цифровые медиа создают среду, в которой объединения людей возникают быстрее, чем когда-либо, но при этом нередко носят краткосрочный и ситуативный характер, формируясь вокруг определенных символических и ценностных ориентиров, в том числе связанных с представлениями о будущем. Это порождает актуальную исследовательскую проблему: каким образом медиастратегии не только ускоряют формирование таких солидарностей, но и участвуют в конструировании образов будущего, способных временно стабилизировать эти объединения.

Особый интерес представляет соотношение коллективной идентичности и ситуативной солидарности в цифровую эпоху, где последняя все чаще предшествует первой, формируясь на основе разделяемых представлений о возможных сценариях социального и политического

развития. В этой связи возникает вопрос о том, каким образом медиа конструируют «воображаемые сообщества», используя мифологические нарративы, аффективные механизмы и алгоритмическое усиление контента для производства образов будущего. Настоящее исследование направлено на выявление ключевых механизмов формирования и поддержания краткосрочных солидарностей в цифровой среде, а также на осмысление роли мифотворчества в конструировании образов будущего.

В контексте рассматриваемой темы необходимо разграничить понятия идентичности и солидарности. К примеру, С. Хантингтон понятие идентичности трактовал следующим образом: «Идентичность – самосознание индивида или группы. Она представляет собой продукт самоидентификации, понимания того, что вы или я обладаем особыми качествами, отличающими меня от вас и нас от них» [Хантингтон 2004, с. 50]. В свою очередь, солидарность представляет собой реальный или виртуальный эффект проявления сопричастности и сочувствия по отношению к определенному аспекту социальной жизни. Она может выражаться в конкретных действиях, а может оставаться на уровне эмоционального отклика на события – как уже произошедшие, так и только предполагаемые. Солидарность может носить как добровольный характер, так и формироваться под воздействием внешних усилий со стороны заинтересованных акторов, стремящихся организовать такую поддержку. В идеале она должна быть открытой в своих проявлениях и реализовываться в активной, деятельной форме.

Новые солидарности, формирующиеся под влиянием медиа и процессов цифровизации, отличаются высокой скоростью возникновения и ситуативным характером. Они возникают вокруг медиасобытий, символов и нарративов, распространяемых через цифровые платформы, и поддерживаются за счет аффективного вовлечения и алгоритмического усиления контента. Такие формы солидарности, как правило, носят краткосрочный и динамичный характер, отражая изменчивость современной медиареальности. По мысли А.В. Рязанова: «Новые солидарности, в отличие от прежних, формируются под конкретные цели. Это вариант “быстроиграющих” солидарностей, призванных сыграть запланированную роль в нужное время. Они не обладают долговременностью и устойчивостью. Они вполне могут проявить себя с помощью инсценировки, внешнего принятия и воспроизводства дискурса, так же они могут быть связаны с модой» [Рязанов 2020, с. 175].

Таким образом, трансформация идентичностей и распространение новых, преимущественно краткосрочных форм солидарности в цифровой среде требуют обращения к механизмам их символического оформления и воспроизводства. Одним из ключевых таких механизмов является мифотворчество, которое позволяет наделять временные и ситуативные объединения чертами устойчивых коллективных форм. В этом контексте анализ медиапрактик мифологизации становится необходимым для понимания процессов формирования, функционирования и воспроизводства цифровых сообществ в современной коммуникационной среде.

В условиях цифровой медиареальности мифотворчество приобретает качественно новые формы, выходя за пределы традиционных культурных и идеологических практик. Современные мифы создаются не только институциональными субъектами, но и в процессе взаимодействия пользователей, платформ и алгоритмов, что придает им динамичность и вариативность. Как отмечает Р. Барт, миф представляет собой способ преобразования исторически обусловленных смыслов в нечто естественное и самоочевидное, и в цифровую эпоху этот эффект усиливается благодаря ускоренному распространению символов и нарративов. Исследователь рассматривал миф как семиотическую систему,

функционирующую в пространстве массовой культуры, подчеркивая, что практически любой дискурс может приобретать мифологический характер [Барт 2008]. В медиасреде мифологизация осуществляется через упрощение сложных социальных явлений, их эмоциональную насыщенность и привязку к легко узнаваемым образам, что способствует их быстрому усвоению и тиражированию. При этом цифровые платформы играют не только роль каналов распространения, но и активно участвуют в отборе и усилении определенных смыслов, влияя на формирование актуальной повестки и коллективных представлений.

Рассмотрим основные медиастратегии, посредством которых формируются новые формы солидарности. Как было отмечено ранее, миф функционирует как эмоционально-аффективный способ интерпретации и переживания социальной реальности. В условиях цифровой медиасреды это выражается в том, что именно аффективное вовлечение становится ключевым механизмом объединения пользователей в краткосрочные и ситуативные сообщества.

Анализ аффективной солидарности в цифровой среде может опираться на теоретические положения Р. Барта. В рамках его семиотического подхода эмоции закрепляются и воспроизводятся через мифологические нарративы и символические формы, придавая коллективным переживаниям характер естественности и самоочевидности. Это особенно заметно в медийных кампаниях солидарности, где символы и образы становятся инструментами эмоционального объединения. В свою очередь, М. Кастельс подчеркивает, что в условиях сетевого общества именно эмоции (возмущение, страх или надежда) выступают ключевым фактором мобилизации, что подтверждается массовыми онлайн-реакциями на кризисные события [Кастельс 2023]. В совокупности это позволяет рассматривать аффективную солидарность как результат взаимодействия мифологизации, эмоционального вовлечения и алгоритмически усиленных цифровых коммуникаций. В качестве примеров аффективной медиастратегии можно привести глобальное движение #BlackLivesMatter, где через повторяющиеся визуальные образы, слоганы и эмоционально насыщенные свидетельства насилия формировалось мощное чувство коллективного возмущения и солидарности, выходящее далеко за пределы локального контекста. Другим примером является цифровая реакция на пандемию COVID-19, когда в социальных сетях активно распространялись истории врачей, пациентов и волонтеров, вызывающие сочувствие и стимулирующие участие в практиках взаимопомощи. В обоих случаях именно эмоциональная вовлеченность, усиленная медиаплатформами, становилась основой для быстрого формирования ситуативных, но масштабных форм солидарности.

Следующим важным механизмом формирования новых солидарностей является алгоритмическая медиастратегия, в которой решающую роль играет не только активность пользователей, но и влияние цифровых платформ на отбор и распространение смыслов. Алгоритмы усиливают эмоционально насыщенные и символически значимые нарративы, превращая их в доминирующие интерпретации событий. Как отмечает Ш. Зубофф, управление вниманием в цифровой среде основано на использовании поведенческих и аффективных данных, что делает эмоции важнейшим ресурсом [Зубофф 2024]. В результате алгоритмическая солидарность проявляется, например, в вирусном распространении хэштегов и быстрых коллективных реакциях, формируемых через рекомендательные системы.

Кризисная медиастратегия формируется вокруг острых и резонансных событий, таких как катастрофы, пандемии или конфликты, и опирается на быстрое распространение эмоционально насыщенного контента. Медиа и цифровые платформы усиливают такие

нарративы, способствуя быстрому формированию чувства сопричастности и временного единства.

В условиях цифровой медиареальности конструирование образов будущего становится важной функцией медиастратегий мифотворчества. Аффективные, алгоритмические и кризисные механизмы не только формируют ситуативные солидарности, но и задают рамки восприятия возможного, желаемого и допустимого будущего. Через эмоционально насыщенные нарративы медиа создают образы будущего, которые переживаются пользователями как непосредственный и личностно значимый опыт. Алгоритмические системы, в свою очередь, усиливают и тиражируют наиболее резонансные из этих образов, превращая их в доминирующие сценарии коллективного воображения.

Кризисные ситуации особенно ярко демонстрируют данный процесс, поскольку в них будущие состояния общества интерпретируются через простые и понятные мифологические схемы, задающие направление коллективных ожиданий и действий. В результате формируются не только временные солидарности, но и определенные «проекты будущего», которые могут быть как мобилизующими, так и манипулятивными. Эти образы будущего, будучи встроенными в медиадискурс, начинают выполнять нормативную функцию, задавая ориентиры для поведения и самоидентификации пользователей. Медиастратегии мифотворчества выступают не только инструментом организации настоящего, но и механизмом символического проектирования будущего. Это свидетельствует о возрастающей роли медиа в формировании коллективной субъектности, ориентированной не столько на устойчивые идентичности, сколько на разделяемые представления о возможном развитии социальной реальности.

Показательным примером конструирования образов будущего через аффективные и кризисные медиастратегии может служить медийное осмысление распада СССР. С одной стороны, ностальгические репрезентации советского прошлого (образы стабильности, социальной защищенности, коллективизма) формируют аффективно насыщенный образ желаемого будущего. С другой стороны, кризисные нарративы, акцентирующие травматизм распада, социальный хаос 1990-х и геополитическую утрату, используют культурную травму как механизм предупреждения, конструируя будущее через необходимость преодоления повторения катастрофического сценария. В обоих случаях медиа обращаются к мифологизированным образам прошлого не только как к инструменту интерпретации исторического опыта, но и как к ресурсу символического проектирования будущего. Таким образом, ностальгия и культурная травма становятся важнейшими медиаресурсами, через которые коллективное воображение связывает прошлое с моделями желаемого или предотвращаемого будущего.

Список литературы

1. Хантингтон 2004 – Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. 640 с.
2. Рязанов 2020 – Рязанов А.В. Российский социум: динамика трансформаций. Саратов: Саратовский источник, 2020. 218 с.
3. Барт 2008 – Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2008. 351 с.
4. Кастельс 2023 – Кастельс М. Власть коммуникации. 4-е изд. М.: Изд-во ВСЭ, 2023. 591 с.

5. Зубофф 2024 – Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2024. 784 с.

УДК 115.4

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Родин Игорь Владимирович
кандидат философских наук
Кафедра социально-политических коммуникаций Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского
E-mail: ntooloose@gmail.com

Аннотация: Вопреки претензиям массовой культуры на непрестанное обновление, дискуссии вокруг искусственного интеллекта (далее ИИ) преимущественно вращаются вокруг одной и той же оси, касаясь задач, которые ИИ уже способен или будет способен выполнять в будущем, и отношений между человеком и технологией в той форме, в которой они проявляются в трансформирующихся культуре и рынке труда. В данной статье мы попытаемся обрисовать позицию субъекта, «связывающего свою жизнь» с ИИ, будь то в ипостаси разработчика, медиафилософа или потребителя в разрезе того, как психоанализ взаимодействует с аспектом времени. Именно последний предстает в качестве главной и неразрешимой метафизической проблемы, связанной с перспективой слияния человеческого и нечеловеческого (технологического), ассоциируемого с понятием сингулярности. Опровергая реальность линейного времени, психоанализ «снимает» проблему сингулярности в строго кибернетическом смысле, позволяя рассматривать ИИ с других, более сложных и асимметричных ракурсов.

Ключевые слова: кибернетика, линейное время, психоаналитическое время, искусственный интеллект, технологическая сингулярность.

PSYCHOANALYTIC TIME AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE\

Rodin Igor Vladimirovich

PhD

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Institute of International Relations and World History, Department of Socio-Political Communications, Lecturer

Abstract: Despite popular culture’s claims to constant renewal, discussions around artificial intelligence (hereinafter, AI) mostly revolve around a single axis, focusing on the tasks AI is already capable of performing or will be capable of in the future, as well as the relationship between humans and technology as they manifest in a transforming culture and labor market. In this article, we attempt to outline the position of the subject ‘involved’ in AI, whether as a developer, media philosopher, or

consumer, in terms of how psychoanalysis understands the aspect of time. It is precisely the latter that appears as a primary and insoluble metaphysical problem associated with the prospect of merging the human and the non-human (technological), which is largely associated with the concept of singularity. By refuting the reality of linear time, psychoanalysis 'resolves' the problem of singularity in a strictly cybernetic sense, allowing us to consider AI from other, more complex and asymmetrical perspectives.

Keywords: cybernetics, linear time, psychoanalytic time, artificial intelligence, technological singularity.

Симптоматичным образом взгляд в будущее всех сторон, вовлеченных в процесс поглощения искусственным интеллектом пространства коммуникаций (как в технологическом, так и в межличностном смысле) *аффективен*, что обнажает крушение смысла в его сопряженности с течением времени. Именно *чувствительность ко времени* являет собой тот разрушенный фундамент, на котором современный человек пытается выстроить свои отношения с миром. Цикличность времен года и связанных с нею форм жизнедеятельности, встроенность частного в общее (трапеза как символическое действие, а не потребление белков, жиров и углеводов), отправление религиозного культа и судьбоносные катаклизмы (голод, война), «распыляющие» субъекта в вечности и квазипарадоксальным образом центрирующие, уравновешивающие его в ней, — все эти факторы издревле связывались в единую космологическую матрицу бытия и настраивали связь человека со временем и «алгоритмизировали» его жизнь естественным образом. Нарушенная связь как с сиюминутным, конкретным, так и с трансцендентальным, эсхатологическим, провоцирует аффект, подрывающий субъекта изнутри.

Аффект в этом контексте может выражаться как в экзистенциальной тревоге, так и в техноутопической экзальтации, либо в повсеместной разновидности последней — машинальном, по сути, меланхолическом, скрывающем глубокое внутреннее оцепенение, встраивании в навязываемые современностью процессы. Являясь оборотными сторонами одной и той же медали, оба эти полюса склоняют нас к тому, чтобы отойти от проблемы *технологической сингулярности*, сама зацикленность на которой показывает, что проблема эта является неотъемлемой частью упомянутой симптоматики, лишь усугубляя неразрешимость и формируя то, что Лакан называет наслаждением (симптоматической компульсивностью), вокруг этой самой неразрешимости. Иными словами, вопрос «быть или не быть сингулярности» и все сопутствующие ему вопросы — как отсрочить (путем проставления законодательных пределов деятельности, связанной с ИИ) или довести до логического завершения (акселерационистская позиция) — сам по себе является тупиковым. К вопросу о сингулярности действительно приложимы размышления Гамлета:

Так всех нас в трусов превращает мысль,
И вянет, как цветок, решимость наша
В бесплодье умственного тупика,
Так погибают замыслы с размахом,
В начале обещавшие успех,
От долгих отлагательств.

Переведем с шекспировского языка на философский: рефлексия на предмет ИИ в когнитивном, информационном, интеллектуальном плане, является заведомой капитуляцией. Более того, капитуляция эта прописана в самом понятии, отсылающем именно к функции

интеллекта, разума, рацио как к основополагающей и исчерпывающей характеристике, описывающей человека, и намекающей на то, что именно интеллект делает его таковым. Связь человека со временем, со-временность и со-бытийность человека и мира, свое-временность мыслей и поступков, синхронизация слова и дела — все эти грани человеческой метафизики внерациональны и неверифицируемы в рамках информационной парадигмы.

В этом смысле ИИ являет собой двоякую опасность. С одной стороны, стремительность, с которой он «окультуривает» пространство коммуникации, не может не завораживать, не может не вызывать религиозного чувства и желания вверить ему бразды правления социальной реальностью. Ассоциации с тоталитаризмом здесь очевидны, с той лишь разницей, что тоталитаризм этот лишен лица. С другой же стороны, эта же стремительность и безапелляционность жестоким образом сообщает человеку о том, что он потерял связь со временем, и ИИ занял его место: ИИ пишет, то есть чувствует язык (в котором отражается актуальное восприятие времени) лучше человека; ИИ анализирует данные лучше человека, то есть обладает лучшими, чем человек, критериями для того, чтобы поставить реальность на службу ему; ИИ обрабатывает несравненно большее количество данных, что тотальным образом дискредитирует чувствительность человека к реальности, позволяющую экстраполировать на основе небольшого количества «фактов» и схватывать суть.

Две расхожие реакции на данное положение вещей в среде разработчиков ИИ и, в более широком смысле, людей, вовлеченных в процессы, связанные с использованием ИИ (работники тех или иных корпораций или институций, частные лица, активно взаимодействующие с цифровой средой), — тревога относительно приближающейся бесконтрольности ИИ (см. релевантные выпуски Youtube[16]-подкаста «The Diary of a CEO») и трансгуманистический техноутопизм. Показательно, что первая реакция редко встречается в среде «функционеров»: отсутствие доступа к более общей картине является естественной защитой от зияющей дыры неопределенности, разверзающейся перед теми, кто берет на себя роль кормчих человечества (отсылка к этимологии слова «кибернетика»). Обе реакции устремлены в будущее, чья непроглядность деконструирует линейное время, прогресс и прочие элементы колониально-просвещенческого (романтического) глоссария подобно тому, как непроглядность бразильских джунглей вызывала у европейских колонизаторов смесь ужаса и хищнического порыва [Леви-Строс 1984]. Та же самая садо-мазохистская апория, воплощенная в попытке решить «индейский вопрос» и загнать аборигенов в резервации, чтобы спасти их от вымирания, воплощена и в желании приручить алгоритм и одновременно делегировать ему полномочия на разумную деятельность. Так выглядит трагизм человека Нового времени в той форме, в которой он изображен на картине Каспара Давида Фридриха «Странник над морем тумана». Как показывает Владимир Мартынов, сие есть *человек, ускользающий от самого себя*. «Человек Нового времени — это дирижер, который управляет действительностью, повернувшись к нам спиной» [Мартынов 2022, с. 59], однако, повернувшись спиной к человечеству, он оказывается в состоянии, которое позже Мартин Хайдеггер определяет как «заброшенность в мир»: мир более не привечает, но обременяет человека, вознесшегося над ним.

Что по этому поводу может сказать психоанализ? Последний, цитируя одно из высказываний Жака Лакана, есть *симптом времени*. Претензия психоанализа на пластичность, на то, чтобы трансформироваться в соответствии с меняющейся эпохой, противолежит претензии психиатрии на универсализм (при этом психиатрия не оказывается способной

[16] Сайт технически заблокирован на территории РФ.

изгнать из своего стана Троянского коня аутизма, чьи границы остаются размытыми). Одним из общих мест в лакановской среде является то, что психоанализ не может не менять своих форм, поскольку *с течением времени* меняет свои формы предъявляющий себя аналитику анализант (субъект бессознательного). В согласии с данной предпосылкой психоаналитическое время есть в первую очередь *время субъекта*, время субъективное, симптоматическое, структуризация, переведение которого на язык информации есть акт не онтологический, научно-медицинский, но методологический, позволяющий всего лишь (!) описать и осмыслить симптоматическое время, что отнюдь не сводит реальность этого времени к клиническим или философским выкладкам. Будучи априори вписанным в психоаналитический дискурс, *структурный разрыв*, а не форма или гештальт, обретает статус парадигматической фигуры, с которой упомянутый дискурс вступает в диалог. Так, топологическими метафорами психоаналитической проблематики для Лакана становятся лента Мебиуса или бутылка Кляйна, то есть фигура, наглядным образом дисквалифицирующая самое себя (у ленты Мебиуса нет изнанки, а бутылку Кляйна невозможно ничем заполнить).

Время субъекта есть время, в котором прошлое никогда не проходит, с одной стороны, всегда присутствуя в форме сложной системы вытеснений, фиксаций и аффектов, сохраняющих неразрывную связь субъекта со всеми прошедшими событиями, а, с другой стороны, проецируя себя в будущее таким образом, что будущее становится разновидностью прошлого, формой его обработки. Настоящее же всегда есть интенсивная потенциальность события, того, что именуется «переходом к действию», в котором происходит бунт тела против языка, соскальзывание в пространство вытесненного, внезапное исчерпание ресурсов речи и коммуникации в пользу отсечения прошлого от будущего в том смысле, в котором первое непрестанно перетекает во второе.

Таким образом, если психоанализ ищет доступа ко времени, пусть и с налетом присущего европейскому логосу ощущения тщетности данного предприятия, *ИИ убивает время*! Он дробит его на пакеты услуг и градации эффективности, смещает фокус внимания в медийной среде с интерсубъективности как внутреннего ориентира в сторону алгоритмической рациональности. Последнее подразумевает уловку или обман как основополагающую коммуникационную стратагему: ИИ нечего предъявить, а субъект, пользующийся «услугами» ИИ, может сетовать лишь на дешевую подписку, недостаточно продвинутую версию «интеллектуальности» («антиплагиат» здесь выполняет ту же роль, что и ChatGPT) или на то, что клиент недостаточно рационален, чтобы коммуницировать с ботом (а коллега в цифровой среде недостаточно восприимчив к «смайликам», выполняющим роль индульгенции или дипломатического решения в ситуации, в которой «по ошибке» проявляется человеческое начало). Таким образом, если алгоритмическая рациональность есть антипод тотальности времени, то *убийство времени есть основополагающий проект западной культуры*, воплощенный в фотографии, массовом кино и ИИ.

«Время очень не любит, когда его убивают», говорит Льюис Кэрролл устами Шляпника в «Алисе в стране чудес». Восстание времени против его убийц выражено в понятии punctum-а, которое Ролан Барт выводит в своем программном эссе «Camera lucida» в контексте фотографии — «укус, дырочка, пятнышко, небольшой разрез [или] бросок игральных костей [...] тот случай, который на меня нацеливается (но вместе с тем делает мне больно, ударяет меня)» [Барт 2013, с. 39]. В более широком смысле punctum как укол бытия (или, по-восточному, пустоты) — это энтропия, которую Зигмунд Фрейд или Норберт Винер не могли игнорировать, изгнать из своей системы координат, но не могли и найти ей место в поле

«прикладного» знания о мире. Энтропия требует самоумаления, на которое не хочет идти пытливый ум. Однако налицо парадокс: ИИ знает все лучше субъекта, но субъект не знает, что делать с этим знанием, которое не принадлежит ему. В психоаналитическом смысле речь идет о буквальной паранойе, изначально скрывающейся в зазоре между нарождающемся Я (ребенок) и Другим (мать и т.д.), посредством которого оно формируется, в контексте стадии зеркала (фазе развития от полугода до полутора лет, по Лакану) [Лакан 2009].

Паранойя или тревога, однако, лишена объекта в обыденном смысле. Постулируя же в семинаре, посвященном тревоге [Лакан 2010], что «тревога не лишена объекта», Лакан имеет в виду то, что, если она кажется беспредметной, спонтанной, это лишь отсылает нас к потерянному объекту (objet a), иными словами, к прошлому, чья реальность является тем более непреложной, чем более закрыт к ней непосредственный доступ. ИИ воплощает в себе двойную уловку, напоминая о реальности несхватываемого и дразня своей мнимой конкретностью и податливостью. Риторическое, рекламное ассоциирование ИИ с домашним зверьком, которого можно шутя «использовать», затушевывает страшную метафизическую и духовную опасность. ИИ делает жизнь проще лишь в той же степени, в которой затишье в темном лесу убаюкивает неосторожного странника. У всех зверей, даже самых милых, есть клыки.

Список литературы

1. Барт 2013 – Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. 192 с.
2. Лакан 2009 – Лакан Ж. Стадия зеркала и ее роль в формировании функции Я в том виде, в каком она предстает нам в психоаналитическом опыте // "Я" в теории Фрейда и в технике психоанализа (Семинар, Книга II (1954/55)) / Пер. с фр./А. Черноглазова. М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2009. С. 508–516.
3. Лакан 2010 — Лакан Ж. Тревога (Семинар, Книга X (1962/63)) / Пер. с фр./А. Черноглазова. М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2010. 424 с.
4. Леви-Строс 1984 – Леви-Строс К. Печальные тропики. М.: Мысль, 1984. 220 с.
5. Мартынов 2022 – Мартынов В. Человек Нового времени // Где ты, Энкиду? Мир после ковид-революции. Спб.: Jaromír Hladík press, 2022. 136 с.

УДК 32.019.51

МЕДИАРЕАЛЬНОСТЬ КАК ПОЛЕ ХРОНОПОЛИТИКИ: БОРЬБА ЗА ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ

Суслов Иван Владимирович
кандидат социологических наук
Саратовская государственная юридическая академия, доцент кафедры философии
E-mail: suslov85@inbox.ru

Кныжова Зарина Закиевна
кандидат политических наук
Саратовская государственная юридическая академия, доцент кафедры философии

E-mail: knyzhova@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу медиареальности как специфического пространства хронополитики, в рамках которого формируются, конкурируют и трансформируются темпоральные режимы. Исходной проблемой исследования выступает темпорологический кризис цифровой эпохи, проявляющийся в дестабилизации отношений между прошлым, настоящим и будущим, а также в разрушении модерной иерархии временных модусов. Показано, что цифровые медиа превращают медиареальность в арену борьбы за интерпретацию времени. В статье вводится понятие хронополитики как совокупности практик и дискурсивных механизмов, направленных на структурирование коллективного восприятия времени и синхронизацию социального опыта. Предлагается типология хронополитических режимов (линейно-прогрессистский, ретроутопический, катастрофический), каждому из которых соответствует специфическая форма субъективности. Особое внимание уделяется анализу медиареальности как инфраструктуры хронополитики, включающей алгоритмическую селекцию, цифровые архивы и ритмы информационных потоков. Делается вывод о том, что борьба за контроль над темпоральными режимами становится ключевым ресурсом власти и определяет формы политической субъектности и горизонты коллективного воображения.

Ключевые слова: хронополитика, медиареальность, темпоральные режимы, цифровые медиа, политическая субъектность, политика времени, идеология

MEDIA REALITY AS A FIELD OF CHRONOPOLITICS: THE STRUGGLE FOR THE PAST AND THE FUTURE

Ivan V. Suslov

Saratov State Law Academy, Associate Professor, Department of Philosophy

Zarina Z. Knyzhova

Saratov State Law Academy, Associate Professor, Department of Philosophy

Abstract: The article is devoted to the analysis of media reality as a specific space of chronopolitics, within which temporal regimes are formed, compete, and transform. The starting point of the study is the temporal crisis of the digital age, manifested in the destabilization of relations between the past, present, and future, as well as in the disintegration of the modern hierarchy of temporal modes. It is shown that digital media transform media reality into an arena of struggle for the interpretation of time. The paper introduces the concept of chronopolitics as a set of practices and discursive mechanisms aimed at structuring the collective perception of time and synchronizing social experience. A typology of chronopolitical regimes (linear-progressive, retro-utopian, and catastrophic) is proposed, each corresponding to a specific form of subjectivity. Particular attention is paid to the analysis of media reality as an infrastructure of chronopolitics, including algorithmic selection, digital archives, and the rhythms of information flows. It is concluded that the struggle for

control over temporal regimes becomes a key resource of power and determines the forms of political subjectivity and the horizons of collective imagination.

Keywords: chronopolitics, media reality, temporal regimes, digital media, political subjectivity, politics of time, ideology

Современное развитие темпорологического кризиса, проявляющегося в дестабилизации отношений между технологически детерминированными репрезентациями прошлого и «идеальными» моделями будущего приводит к разрушению модернистской иерархии временных модусов: прошлое утрачивает статус фиксированного основания, настоящее гипертрофируется до состояния перманентной актуальности, а будущее теряет определённость, превращаясь в поле конкурирующих и часто взаимоисключающих проекций [Николаи 2021; Николаи 2022].

Цифровые медиа, являющееся ключевым элементом инфраструктуры производства и циркуляции смыслов, трансформируют способы переживания и символической организации времени, что позволяет рассматривать медиареальность как арену борьбы соперничающих друг с другом темпоральных режимов (устойчивых структур интерпретации и переживания времени). Управление коллективными представлениями о прошлом и проектами будущего приобретает характер стратегического направления, связанного с проявлением политической субъектности, легитимацией властных порядков и мобилизацией социальных групп. Таким образом, борьба за интерпретацию времени (за то, «что было» и «что должно быть») оказывается в центре современной идеологической конкуренции.

Политико-философский анализ (несмотря на возрастающий интерес к проблематике памяти, историчности и темпоральных структур) по-прежнему преимущественно ориентирован на пространственные и институциональные измерения власти [Чихарев 2009]. Между тем именно в медиатизированной среде становится очевидным, что власть реализуется через контроль над ритмами, последовательностями и сценариями [Горин 2015]. В данной статье предлагается рассматривать медиареальность как поле хронополитики — особого измерения власти, в рамках которого формируются, конкурируют и трансформируются темпоральные режимы. Хронополитика понимается как совокупность практик и дискурсивных механизмов, направленных на структурирование коллективного восприятия прошлого, настоящего и будущего, а также на синхронизацию социального опыта в условиях темпорального плюрализма.

Цель статьи состоит в концептуализации медиареальности как пространства хронополитической борьбы, в котором идеологические проекты конкурируют за контроль над образами прошлого и конфигурациями будущего. В соответствии с поставленной целью решаются следующие задачи: определение хронополитики как ключевой категории описания онтологии политического времени, типологизация хронополитических режимов, описание основных элементов структуры медиарельности как пространства хронополитики.

Определение медиареальности как поля хронополитики обусловлено обнаружением множественности, прерывности и зависимости времени от механизмов технической организации информационных потоков [Равочкин 2023]. Отказ от понимания времени как нейтральной координаты и рассмотрение его зависимости от существующего темпорального режима (специфической практики упорядочивания опыта).

Темпоральный режим можно определить как устойчивую конфигурацию отношений между прошлым, настоящим и будущим, задающую нормативные способы их интерпретации и переживания, включающий в себя содержательные нарративы (например, идеи прогресса или упадка), а также ритмы, скорости, формы актуализации и механизмы селекции событий. С этой точки зрения хронополитика выступает как совокупность практик, направленных на установление, поддержание и трансформацию темпоральных режимов или организацию того, что подлежит запоминанию, что считается актуальным и какие формы будущего оказываются допустимыми или, напротив, исключёнными [Цымбурский 2011].

В медиареальности темпоральные режимы приобретают техническую (алгоритмическую) форму. Цифровые платформы структурируют доступ к прошлому через механизмы архивирования и поиска, формируют режим настоящего через потоки новостей и обновлений, а также участвуют в конструировании будущего через циркуляцию прогнозов, сценариев и визуализаций. Хронополитическая борьба, следовательно, принимает форму конкуренции темпоральных режимов, стремящихся закрепить определённую конфигурацию исторического опыта. Одни режимы ориентированы на линейную прогрессию и открытое будущее, другие — на цикличность и возвращение к «утраченному» прошлому, третьи — на замыкание времени в бесконечном настоящем, определяя границы политического воображения и возможности коллективного действия.

Таким образом, хронополитика решает вопрос о времени, в котором общество существует, что позволяет субъекту приобрести способность соотносить себя с прошлым и будущим, а следовательно — формировать идентичность и осуществлять действие. Если медиареальность выступает как поле хронополитики, то её внутренняя динамика может быть описана как конкуренция различных темпоральных режимов, каждый из которых задаёт специфическую конфигурацию прошлого, настоящего и будущего, а также соответствующий тип субъективности.

Одним из базовых темпоральных режимов модерности является линейно-прогрессистский, в основании которого лежит представление о времени как направленном и кумулятивном процессе: будущее мыслится как открытое пространство возможностей, а прошлое — как преодолённая, но сохраняемая в памяти стадия развития. Субъект, способный к проективному действию, ориентирован на планирование, рациональное преобразование реальности и включён в горизонт долгосрочных целей.

В ретроутопическом режиме будущее мыслится как восстановление утраченного прошлого, обладающего нормативным статусом [Ходаковский 2011, с. 21]. Настоящий политический порядок воспринимается легитимным в случае поддержания линий исторической преемственности государственно-цивилизационного развития. Субъект ориентируется на реконструкцию и «возвращение»: его действия носят реставрационный характер и направлены на символическое или институциональное воспроизводство предполагаемой исторической целостности.

Эсхатологический или катастрофический режим времени будущее представляет как время угроз, настоящее насыщается ожиданием кризиса, катастрофы, а прошлое интерпретируется либо как золотой период стабильности, либо как цепь ошибок, ведущих к неизбежному финалу [Козьякова 2014, с. 5]. Действия субъекта определяются необходимостью реагирования на надвигающийся кризис, а темпоральный режим выполняет функцию политической мобилизации.

Перечисленные режимы не существуют в чистом виде и редко реализуются изолированно. Современная медиареальность характеризуется их наложением и взаимным

проникновением, что приводит к состоянию хронополитической турбулентности. Один и тот же субъект может одновременно быть включён в различные режимы времени, что порождает внутренние противоречия в структуре опыта и усложняет процессы самоидентификации и политического действия. Таким образом, типология хронополитических режимов позволяет увидеть, что борьба за время — это борьба за формы субъективности.

Медиареальность — это уровень, на котором хронополитическая борьба приобретает операциональную форму. В цифровую эпоху темпоральные режимы перестают организовываться через традиционные институциональные механизмы исторического образования, контролируемые государственными структурами, и всё в большей степени опосредуются технологическими инфраструктурами.

Ключевым современным механизмом производства представлений о времени выступает алгоритмическая селекция. Алгоритмы цифровых платформ структурируют потоки информации, определяя, какие события прошлого подлежат актуализации, какие элементы настоящего становятся видимыми, а какие сценарии будущего получают распространение. Прошлое возвращается не как целостный нарратив, а как набор фрагментов, отобранных по принципу актуальной релевантности; настоящее организуется как непрерывный поток обновлений; будущее появляется в форме прогнозной аналитики.

Не менее значимым элементом хронополитической инфраструктуры является цифровой архив, предполагающий фиксацию и стабилизацию прошлого. Однако цифровые архивы обладают свойством постоянной доступности и перерабатываемости. Прошлое в медиареальности находится в состоянии перманентной реактуализации: может быть извлечено, переинтерпретировано и встроено в текущие дискурсивные конфигурации. Тем самым архив перестаёт быть хранилищем завершённого времени и превращается в активный элемент, участвующий в формировании его смысловой структуры настоящего.

Контроль над временем в эпоху модерна осуществлялся преимущественно через институционализированные формы. В цифровом обществе возрастает значение технических протоколов и алгоритмических процедур, что приводит к возникновению распределённой системы хронополитического управления.

Таким образом, введение понятия хронополитики позволяет сместить фокус анализа к темпоральным режимам. Идеологические проекты функционируют как способы организации времени. Анализ показал, что в современной медиареальности не существует универсальной модели времени. Производство темпоральных режимов осуществляется через алгоритмическую селекцию и цифровое архивирование. Борьба за интерпретацию времени становится ядром идеологической конкуренции. Способность политического субъекта формировать устойчивую конфигурацию времени может быть определена как темпорально-идеологический суверенитет. Утрата такого суверенитета ведёт к фрагментации субъектности. Дальнейшее развитие политической медиафилософии связано с анализом времени как ключевого ресурса власти.

Список литературы

1. Горин 2015 – Горин Д.Г. Методологии хронополитики: политемпоральность политических процессов и институциональные режимы // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 4. С. 65-72.
2. Козьякова 2014 – Козьякова Н. С. Хронополитический апокалипсис // Вестник Московского государственного областного университета. 2014. № 1. С. 1-21.

3. Николаи 2022 – Николаи Ф.В. Темпоральные режимы после 1700 года и (не)прошедшее будущее в концепции Г. Янсена // Диалог со временем. 2022. № 80. С. 419-424.
4. Николаи 2021 – Николаи Ф. «Новые войны»: исчезновение будущего и(ли) синхронизация темпоральностей // Логос. 2021. № 4(143). С. 119-136.
5. Равочкин 2023 – Равочкин Н. Н. Мультитемпоральность в странах постколониального мира // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. № 1(94). С. 196-202.
6. Ходаковский 2011 – Ходаковский Е.А. Третий путь Третьего Рима: Стратегия России в XXI веке / Е. А. Ходаковский // Пространство и Время. 2011. № 1(3). С. 19-25.
7. Цымбурский 2011 – Цымбурский В. Конъюнктуры Земли и Времени : геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. Москва: Европа, 2011.
8. Чихарев 2009 – Чихарев И.А. Проблематика политического пространства и времени в современной политологии и международных исследованиях // Политическая наука. 2009. № 1. С. 7-31.

УДК 009

МЕДИЙНЫЕ ФОРМЫ ЭСКАПИЗМА: СОВРЕМЕННЫЙ КОНТЕКСТ

Фирулина Евгения Геннадьевна

Кандидат философских наук

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, доцент
E-mail: evg-firulina@yandex.ru

Аннотация: В современных реалиях политических и культурных потрясений, информационного шума, сгенерированного контента и быстрого дофамина, погружающих человека в состояние тревожности, общество ищет смыслы и вдохновение, человек пытается убежать от реальности в медиапространство, которое предлагает различные формы эскапизма. Современные медиа диктуют своё понимание реальности. Трансформация медиапространства после 2022 года вывела на новый уровень развития так называемую «медленную журналистику», ориентированную на качественный контент, смещающий внимание с непрерывного скроллинга, короткого контента и пассивного потребления на вдумчивое чтение. Это позитивный эскапизм, который не предполагает потери контроля над реальностью, а связан с поиском индивидуальности, стремлением стать частью нишевого комьюнити, почувствовать связь с традицией литературных «толстых» журналов. Другим медиаформатом с подобным эффектом являются книжные клубы. Став инструментом стратегических коммуникаций, они помогают справиться с тревожными экзистенциальными состояниями. В эпоху развития интернета человек получил новые возможности для эскапизма, когда перемещение по виртуальным мирам сулит новые удовольствия. Компьютерные игры, интернет-шоппинг, однако, помимо положительной стороны – возможности справляться с

монотонностью бытия – имеют и деструктивное влияние, уводя человека от реальности, провоцируя расстройства ментального здоровья.

Ключевые слова: эскапизм, медиапространство, информационный шум, медленная журналистика, умный глянец, книжные клубы, виртуальные миры.

MEDIA FORMS OF ESCAPISM: A MODERN CONTEXT

Evgeniya Gennadyevna Firulina

Candidate of Philosophy

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Associate Professor

Abstract: In today's reality of political and cultural upheaval, information noise, generated content, and rapid dopamine rushes that plunge people into a state of anxiety, society seeks meaning and inspiration, and people try to escape reality into the media, which offers various forms of escapism. Modern media dictate their understanding of reality. The transformation of the media landscape after 2022 has brought so-called "slow journalism" to a new level of development. It focuses on high-quality content that shifts attention from continuous scrolling, short content, and passive consumption to thoughtful reading. This positive escapism doesn't involve a loss of control over reality, but is associated with a search for individuality, a desire to become part of a niche community, and a connection to the tradition of literary "thick" magazines. Book clubs are another media format with a similar effect. As a tool for strategic communications, they help cope with existential anxiety. In the internet age, people have gained new opportunities for escapism, with navigating virtual worlds promising new pleasures. Computer games and online shopping, however, while offering a positive outlet for coping with the monotony of everyday life, also have a destructive impact, distracting people from reality and triggering mental health disorders.

Keywords: escapism, media space, information noise, slow journalism, smart glossy magazines, book clubs, virtual worlds

Эскапизм (от англ. escape – бегство, выход) означает побег от реальности и был известен еще в XV веке как реальное бегство от опасности. К середине XIX века эскапизм стал обозначать эмоциональное и ментальное бегство от реальности. После потрясений и разочарований, связанных с войнами и революциями эскапизм стал явлением массовой культуры. В настоящее время существуют разные формы эскапизма, начиная с хобби и заканчивая дауншифтингом. Медиапространство также предлагает различные формы бытования эскапизма. Наш анализ показывает, что на фоне обезличенной, обесчеловеченной информационной реальности эскапизм становится новым форматом коммуникации (его можно назвать контркоммуникацией), поскольку в нем проявляют себя ярко выраженные нонконформистские и даже протестные (против «естественных» реалий современного цифрового общения) настроения. Этот социальный феномен обладает определенной историей, которая значительным образом оказывает влияние на темпорологическое его измерение.

Эскапизм тесно связан с различными общественными потрясениями. Пандемия 2020 года породила человека пандемического – субъекта, у которого обострились экзистенциальные состояния. Заменой привычному образу жизни стала виртуальная среда с особенными способами досуга, когда привычные офлайн мероприятия ушли в онлайн [Фирулина 2021, с. 287]. Следующим потрясением для россиян стали события 2022 года. Настало время всеобщей тревожности, угнетенности, которое породило стремление убежать от реалий современного мира, отвлечься от жизненных проблем. Постоянное нарастание информационного шума, синтезированный однообразный контент заставляет человека искать различные формы ухода от реальности. По мнению психолога Эндрю Эванса, эскапизм – неотъемлемая часть медиасообщества: современные медиа формируют восприятие реальности и подпитывают эскапистские тенденции [Evans 2003].

Медиа предоставляют специфические возможности для эскапизма. Постоянная трансформация медиапространства ведёт к появлению новых форм и жанров, изменению поведения аудитории. После значительных изменений в российском медиаландшафте в 2022 году в российской медиасистеме появились соответствующие духу времени наименования изданий. После ухода с рынка зарубежных глянцевых изданий в России начал формироваться свой сегмент периодики – российский глянец разных направлений: журналы «Правила жизни», «Чтиво», «Мнение редакции может не совпадать», «Москвичка», «The Voice» и другие. Трансформация российской журнальной прессы проявляется в нескольких моделях реноваций. Часть изданий сохраняет преемственность, ограничиваясь незначительными изменениями названий и логотипов (например, переход «Домашнего очага» в «Новый очаг»), в то время как другие реализуют стратегию полного ребрендинга («Esquire» — «Правила жизни»). Кроме того, медиарынок пополняется эксклюзщивными проектами, такими как «Москвичка» или «Чтиво». Совокупность этих изменений, как отмечается в научных исследованиях, свидетельствует о формировании еще не полностью отрефлектированного периода в отрасли, отражающего фундаментальную трансформацию всей национальной медиасистемы [Вартанова 2023].

Так называемая «медленная журналистика» (термин Б. Кёлера, 2010) представляет собой сегмент журнальной периодики, ориентированный на высокое качество контента. Ключевыми характеристиками этого формата являются глубина анализа, верификация информации, опора на мнения экспертов и внимание к деталям. Основная задача подобных медиа — сместить акцент с пассивного потребления новостей на рефлексию и диалог с аудиторией, тем самым формируя лояльное и доверяющее сообщество читателей. В эпоху «коммуникационного изобилия» (Дж. Кин) этот подход позволяет изданиям занять нишевую позицию, предлагая осмысленную альтернативу стандартизированному сетевому контенту. Медленную журналистику можно назвать формой эскапизма, поскольку она предлагает читателю осознанный уход от хаотичного, перегруженного и часто тревожного информационного потока цифровой среды. Медленная журналистика – это внутренний диалог читателя, погружение, чтобы найти неконъюнктурный смысл и опору. Она предлагает уход от информационного шума и кликбейта, требует концентрации, апеллирует к интеллекту. Лонгриды, которые составляют жанровую основу «медленной журналистики», создают эффект погружения, тренируют внимание читателя, не позволяя постоянно «перескакивать» с одного канала на другой в поисках быстрого дофамина. «Медленная журналистика» – форма положительного эскапизма, предполагающая контроль над реальностью. Качественный контент приносит эстетическое удовольствие от соприкосновения с медленным медиа.

Другая форма эскапизма – книжные клубы как инструмент стратегических коммуникаций. Книга как медиа, выполняющая функции передачи информации и формирования мировоззрения, приобретает новые функции в обществе. Исследование ВЦИОМ показывает, что традиционное чтение в России остается популярным занятием, несмотря на распространение цифровых медиа, однако меняются предпочтения россиян: интерес к художественной и профессиональной литературе в последние годы растет, а внимание к новостям и блогам снижается [Чтение в эпоху цифры]. Это может свидетельствовать как о культурных изменениях в российском обществе, так и о накопившейся усталости от постоянного потока новостей. Книжные клубы организуют и зарубежные, и отечественные бренды. Например, бренд российский бренд 12 STOREEZ и компания «Группа ГАЗ» запустили свои корпоративные книжные клубы в режиме офлайн, а журнал «Правила жизни» устраивает книжные встречи, посвященные выходу тематических номеров. Книжные клубы разных форматов существуют в Москве и в Санкт-Петербурге, они открываются при книжных магазинах и библиотеках и привлекают большое внимание аудиторий. Книжные клубы – культурный феномен, который оказывает поддерживающее воздействие, особенно важное в нестабильные времена: клубы помогают справиться с одиночеством, тревогой и подавленностью, а также способствуют адаптации к новой среде и расширению круга общения.

«Медленная журналистика» и книжные клубы как формы эскапизма связаны с трендом на индивидуализм, ностальгией по прошлому и поиском единомышленников в небольших комьюнити. Одновременно растет ценность уникального авторского взгляда, подлинности (аутентичности) и тяга к интеллектуальной деятельности.

Стресс монотонии, сатиация приводит человека к путешествию по медийным мирам от компьютерных игр до шопинга на маркетплейсах. Шопинг на маркетплейсах превратился в эмоциональный ресурс: 56% россиян в возрасте 25-34 лет заходят на маркетплейсы исключительно для улучшения настроения. На фоне стресса к шопингу относятся как к терапии, а лояльность получают бренды, которые помогают стабилизировать повседневность и становятся опорой, а не информационным шумом [43% россиян].

Виртуальные миры Интернета в принципе создают неограниченные возможности для эскапизма со всем вытекающими последствиями: опасностью потери своего «я», полного растворения в иных мирах, отторжения мира повседневности. Эскапизм в виртуальном мире, таким образом, имеет два лица: помогающее человеку справиться со «стрессом монотонии» и деструктивное, увлекающее его в глубины виртуального безумия [Шапинская 2019, с. 183].

Всё увеличивающееся количество сериальной продукции также становится является формой особого времяпрепровождения в медийном пространстве. Впервые в 2025 году «Медиалогия» − система аналитики социальных сетей и СМИ − стала составлять рейтинги популярности сериалов в России. В то время как вклад развлекательных и новостных программ снизился в структуре телесмотрения, вклад телесериалов в объемы телепросмотров вырос. Длительное погружение, эмоциональная вовлеченность, разнообразие жанров и миров, ритуал просмотра – всё это создаёт ощущение жизни в другом мире, помогает временно забыть о своих проблемах и, в конечном итоге, снижает уровень стресса, позволяет получить вдохновение, новые идеи, но при этом имеет и отрицательные стороны: толкает к прокрастинации и изоляции от реального общения, формирует нереалистичные ожидания.

Таким образом, эскапизм имеет различные медийные воплощения, ведёт к развитию или деградации внутренних возможностей человека в зависимости от выбора форм и степени вовлеченности человека, его осознанности и критического подхода. Учитывая быстрый темп

жизни и постоянный стресс, актуальность эскапизма будет только возрастать, при этом важно развивать здоровые формы ухода от реальности. В этом смысле будущее остаётся за теми медийными формами, которые сохранят пространство для творчества и самовыражения, способствуя ментальному здоровью человека.

Список литературы

1. Вартанова 2023 − Вартанова Е.Л. «Пересборка» медиа: актуальные процессы трансформации в условиях цифровизации // Меди@льманах. 2023. № 3 (116). С. 8−16. [doi: 10.30547/mediaalmanah.3.2023.816]
2. Фирулина 2021 −Фирулина Е.Г. Человек пандемический: новый феномен//Наследие В.Г. Короленко. Стратегии гуманизма: сборник материалов Третьей Всероссийской научно-практической конференции. Под ред. А.Н. Фортунатова. Н.новгород: Изд-во ННГУ, 2021. С. 287-292
3. Чтение в эпоху цифры // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chtenie-v-ehpokhu-cifry (дата обращения 27.04.2026)
4. Шапинская 2019 − Шапинская Е. Н. Эскапизм в пространстве массовой культуры // Ярославский педагогический вестник. 2019. №1 (106). С. 180–185.
5. 43% россиян идут на маркетплейсы за эмоциональной подзарядкой // URL: https://www.sostav.ru/publication/43-potrebitelej-idut-na-marketplejsy-za-emotsionalnoj-podzaryadkoj-83307.html?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения 25.04.2026)
6. Evans 2023 − Evans A. This Virtual Life: Escapism and Simulation in Our Media World 2003 Fusion Press 288 p.

УДК 930.1:316.77

МЕДИАИСТОРИЯ КАК НАУКА О БУДУЩЕМ ПРОШЛОГО

Артамонов Денис Сергеевич

доктор философских наук

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, заведующий кафедрой методики обучения истории и обществознанию

E-mail: artamonovds@mail.ru

Аннотация: В статье предпринимается попытка теоретического осмысления медиаистории как особого направления современного гуманитарного знания. Обосновывается тезис о том, что в условиях цифровой и сетевой культуры прошлое утрачивает статус завершенной и фиксированной реальности и начинает рассматриваться как открытая, динамическая и процессуально организованная структура. Показано, что медиальные технологии и инфраструктуры не только обеспечивают доступ к историческим данным, но и активно участвуют в их конституировании, задавая режимы репрезентации, интерпретации и циркуляции исторического знания. Особое внимание уделяется анализу понятийного аппарата

медиаистории, включающего категории медиальности, репрезентации, архива, времени и исторического события. Раскрывается их эвристический потенциал для описания трансформаций исторического опыта в условиях медиальной опосредованности. В статье разрабатывается концептуализация прошлого как поля потенциальностей, в рамках которой историческое содержание понимается как совокупность возможностей, актуализируемых в зависимости от культурных и технологических контекстов. Подчеркивается, что цифровая среда усиливает вариативность исторических интерпретаций и способствует формированию сетевых и нелинейных моделей темпоральности. Делается вывод о том, что медиаистория фиксирует процессуальный и проективный характер исторического знания, в котором будущее выступает как способ актуализации прошлого, а само прошлое становится пространством непрерывной реконфигурации и смыслового обновления.

Ключевые слова: медиаистория, медиальность, репрезентация, архив, историческое событие, время, историческое знание, темпоральность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01261, https://rscf.ru/project/25-28-01261/

MEDIA HISTORY AS A SCIENCE OF THE FUTURE OF THE PAST

Artamonov Denis Sergeevich

Saratov State University, Head of the Department of Methods of Teaching History and Social Science

Abstract: The article presents an attempt at a theoretical conceptualization of media history as a distinct field within contemporary humanities. It substantiates the thesis that, in the context of digital and networked culture, the past loses its status as a completed and fixed reality and begins to be understood as an open, dynamic, and processually organized structure. It is shown that media technologies and infrastructures not only provide access to historical data but also actively participate in its constitution, shaping the modes of representation, interpretation, and circulation of historical knowledge. Particular attention is given to the analysis of the conceptual framework of media history, including the categories of mediality, representation, archive, time, and historical event. Their heuristic potential for describing the transformations of historical experience under conditions of media mediation is examined. The article develops a conceptualization of the past as a field of potentialities, within which historical content is understood as a set of possibilities actualized depending on cultural and technological contexts. It is emphasized that the digital environment increases the variability of historical interpretations and contributes to the formation of networked and nonlinear models of temporality. The conclusion is drawn that media history captures the processual and projective nature of historical knowledge, in which the future acts as a mode of actualization of the past, while the past itself becomes a space of continuous reconfiguration and renewal of meaning.

Keywords: media history, mediality, representation, archive, historical event, time, historical knowledge, temporality.

Медиаистория как область научного знания формируется на пересечении исторической эпистемологии, теории медиа и философии времени, задавая особый способ рассмотрения прошлого, в котором историческое событие понимается как завершенный факт и как

динамическая структура смыслов, продолжающая разворачиваться в последующих медиальных режимах репрезентации. В рамках такого подхода прошлое рассматривается как поле потенциальностей, актуализируемых в зависимости от технических, культурных и символических условий производства и распространения образов, текстов и данных. Историческое знание в этом контексте приобретает процессуальный характер, поскольку само его содержание оказывается включенным в непрерывное переосмысление, обусловленное изменением медиаинфраструктуры и способов фиксации опыта человека.

Понимание медиаистории как науки о будущем прошлого связано с тем, что прошлое мыслится как открытое для последующих интерпретаций и реконфигураций, которые возникают в новых технологических и культурных средах. Каждая новая медиальная форма воспроизводит уже известные исторические нарративы и задает иные режимы репрезентации исторического материала, формируя дополнительные горизонты его осмысления. В результате историческое знание приобретает проективное измерение, в котором обращение к прошлому становится одновременно обращением к возможным траекториям его дальнейшего существования в пространстве культуры и технологий. Медиаистория фиксирует эту процессуальность как предмет анализа, рассматривая прошлое как постоянно обновляющееся поле смыслов, в котором будущее выступает как способ его актуализации.

Понятийный аппарат медиаистории состоит из таких категорий, как медиальность, репрезентация, архив, время и историческое событие. Категория медиальности в данном контексте описывает технические средства передачи информации, а также совокупность условий, определяющих формы существования и восприятия исторического знания. Медиальность выступает как онтологическое измерение исторического опыта, поскольку любые формы обращения к прошлому всегда уже опосредованы определенными медиальными структурами, задающими способы фиксации, хранения и трансляции смыслов. В этом отношении продуктивным является подход, рассматривающий медиа как среду, формирующую специфические режимы реальности, в которых историческое становится доступным для познания и интерпретации [Михайлин, Тихонова 2025, с. 30].

Категория репрезентации в медиаистории получает расширенное толкование, выходя за рамки понимания ее как простого отражения прошлого. Репрезентация рассматривается как активный процесс конструирования исторической реальности, в котором участвуют знаковые системы, дискурсивные практики и технологические интерфейсы. Историческое событие в этом смысле не существует вне репрезентационных механизмов, а приобретает свою определенность через множественность способов его представления. Такое понимание соотносится с положениями нарративной философии истории, где историческое знание интерпретируется как результат структурирования опыта в форме повествования [Уайт 2002, с. 15-18].

Понятие архива в медиаистории также претерпевает существенную трансформацию. Архив понимается не как статическое хранилище документов, а как динамическая система отбора, организации и актуализации данных, в которой фиксируются не только следы прошлого, но и правила их интерпретации. Архив задает условия возможности исторического знания, определяя, какие формы прошлого могут быть сохранены и воспроизведены. В этом контексте важным является понимание архива как практики власти и знания, структурирующей поле исторической памяти и задающей рамки допустимых интерпретаций [Фуко 2004, с. 129-140].

Категория времени в медиаистории осмысляется как многослойная и неоднородная структура, в которой сосуществуют различные темпоральные режимы. Медиальные

технологии оказывают существенное влияние на переживание времени, трансформируя способы соотнесения прошлого, настоящего и будущего. В условиях цифровой среды усиливается эффект одновременности различных временных пластов, что приводит к изменению традиционных моделей исторического мышления. Время перестает быть линейной последовательностью и приобретает характеристики сети, в которой прошлое может быть актуализировано в любой момент в зависимости от медиальных условий [Кастельс 2000, с. 412–430].

Понятие исторического события в медиаистории также подвергается переосмыслению. Событие рассматривается не только как факт, произошедший в определенный момент времени, но и как медиально опосредованная конструкция, существование которой продолжается в различных формах фиксации и интерпретации. Историческое событие становится процессом, включающим в себя не только момент своего свершения, но и последующие акты его репрезентации, архивирования и переосмысления. Таким образом, событие приобретает протяженность во времени, выходящую за пределы своей первоначальной актуализации [Рикёр 1998, с. 67–82].

Уточнение специфики процессуального подхода к прошлому связано с отказом от представления о нем как о завершенной и неизменной реальности. В медиаистории прошлое понимается как открытая система, находящаяся в состоянии постоянного становления, в которой каждое новое медиальное обращение к историческому материалу порождает дополнительные уровни смысла. Процессуальность прошлого выражается в его способности к непрерывной актуализации в новых культурных и технологических контекстах, что позволяет рассматривать историческое знание как динамическое поле, включенное в движение времени. Такой подход делает возможным осмысление прошлого не только как объекта реконструкции, но и как пространства потенциальных интерпретаций, в котором будущее выступает в качестве одного из способов его существования.

Концептуализация прошлого как поля потенциальностей в современной медиаистории связана с переосмыслением онтологического статуса исторического знания в условиях цифровой и сетевой культуры. Прошлое в данном теоретическом горизонте рассматривается как открытая структура, не сводимая к фиксированному набору фактов, а понимаемая как совокупность возможностей, актуализируемых в зависимости от медиальных условий их репрезентации и интерпретации. Такой подход предполагает, что историческое содержание не исчерпывается моментом своего возникновения, а продолжает существовать в изменяющихся конфигурациях, обусловленных трансформациями медиаинфраструктур и практик обращения с данными [Ernst 2013, p. 55-68].

Понимание прошлого как поля потенциальностей тесно связано с концепцией медиальной темпоральности, в рамках которой время рассматривается не как линейная последовательность, а как множественность режимов актуализации. Цифровые технологии создают условия для одновременного присутствия различных временных слоев, что приводит к переосмыслению границ между прошлым, настоящим и будущим. В этом контексте прошлое становится доступным не только как объект реконструкции, но и как ресурс для дальнейших интерпретаций, включенных в текущие культурные и технологические процессы [Chun 2016, p. 97-112].

Медиальные практики в данном контексте выступают в качестве механизмов, обеспечивающих переход потенциального в актуальное. Они определяют способы отбора, визуализации и интерпретации исторических данных, формируя тем самым различные версии прошлого. При этом сами эти версии не обладают окончательной завершенностью, поскольку

остаются открытыми для дальнейших трансформаций в новых медиальных средах. Такая логика позволяет рассматривать историю как процесс, в котором прошлое существует в режиме постоянного становления и переосмысления [Hoskins 2018, p. 25-39].

Таким образом, концептуализация прошлого как поля потенциальностей фиксирует его проективное измерение, в котором будущее выступает как условие его дальнейшего существования. Прошлое в медиаистории предстает как открытая система, способная к бесконечной реконфигурации в зависимости от изменений культурных и технологических контекстов, что делает возможным понимание исторического знания как динамического и процессуального образования [Couldry, Hepp 2017, p. 143-158].

В результате представленный теоретический ракурс позволяет рассматривать медиаисторию как особый способ анализа исторической реальности, в котором прошлое утрачивает статус завершенного и окончательно заданного содержания и предстает как динамическое, многослойное и медиально обусловленное образование. Такая перспектива открывает возможность для дальнейшего исследования механизмов формирования исторического знания в условиях цифровой культуры, а также уточнения роли медиа в конституировании темпоральных структур опыта. Осмысление прошлого как поля потенциальностей и как пространства непрерывных медиальных актуализаций задает новые методологические ориентиры, в рамках которых история понимается как процесс, включенный в сложную взаимосвязь технологий, культурных практик и режимов репрезентации, что, в свою очередь, позволяет по-новому поставить вопрос о границах и перспективах исторического познания в современном мире.

Список литературы

1. Кастельс 2000 – Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
2. Михайлин, Тихонова 2025 – Михайлин В. Ю., Тихонова С. В. Протомедиальность архаического серединного пространства: случай симпосия // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2025. Т. 11, № 1. С. 28-37. DOI 10.18413/2408-932X-2025-11-1-0-3.
3. Рикёр 1998 – Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.
4. Уайти 2002 – Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002. 528 с.
5. Фуко 2004 – Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.
6. Chun 2016 – Chun W. H. K. Updating to Remain the Same: Habitual New Media. Cambridge, MA: MIT Press, 2016. 264 p.
7. Couldry Hepp 2017 – Couldry N., Hepp A. The Mediated Construction of Reality. Cambridge: Polity Press, 2017.
8. Ernst 2013 – Ernst W. Digital Memory and the Archive. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2013. 265 p.
9. Hoskins 2018 – Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition / Ed. by A. Hoskins. New York: Routledge, 2018. 314 p.

УДК 130.2:004.8

МЕДИАФИЛОСОФИЯ И ЦИФРОВАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА

Козюкин Денис Борисович
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, доцент кафедры теории функций и стохастического анализа
E-mail: d.kozyukin@gmail.com
Мельничук Дмитрий Вадимович
кандидат физико-математических наук
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, доцент кафедры теории функций и стохастического анализа
E-mail: melnichukdv@sgu.ru

Аннотация: В статье рассматриваются теоретические основания взаимосвязи медиафилософии и цифровой гуманитаристики в контексте трансформации современного гуманитарного знания под влиянием цифровых технологий. Показано, что медиафилософия выступает как концептуальная рамка, позволяющая осмыслять медиальность как условие возможности опыта, мышления и научного познания, а также выявлять онтологические и эпистемологические основания цифровых исследовательских практик. Цифровая гуманитаристика анализируется как междисциплинарное поле, в котором гуманитарные методы интегрируются с вычислительными технологиями, включая корпусный анализ, алгоритмическую обработку данных, сетевое моделирование и визуализацию культурных процессов. Подчеркивается, что в рамках цифровой гуманитаристики архив и корпус текстов приобретают статус динамических структур, формируемых в процессе алгоритмической обработки данных. Особое внимание уделяется роли медиафилософии в концептуализации научных методов цифровой гуманитаристики, которые рассматриваются не как нейтральные инструменты анализа, а как элементы медиально обусловленной организации знания. Алгоритмические процедуры интерпретируются как формы медиального посредничества, задающие режимы видимости и структурирования исследовательских объектов. В результате цифровое гуманитарное знание приобретает характер распределенной и технологически опосредованной практики, в которой участвуют как исследовательские субъекты, так и цифровые инфраструктуры. Анализируются эпистемологические последствия данной трансформации, связанные с переосмыслением понятия объективности и изменением статуса гуманитарного знания. Обосновывается, что объективность в цифровой среде становится результатом взаимодействия человека, алгоритмов и информационных систем, а не независимой от средств наблюдения данностью. Делается вывод о формировании нового исследовательского режима, в котором медиа и алгоритмы выступают не внешними инструментами, а внутренними условиями производства знания, определяющими способы интерпретации и конструирования культурной реальности.

Ключевые слова: медиафилософия, цифровая гуманитаристика, эпистемология, медиальность, гуманитарное знание, большие данные, научные методы.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01261, https://rscf.ru/project/25-28-01261/

MEDIAPHILOSOPHY AND DIGITAL HUMANITIES

Kozyukin Denis Borisovich
Saratov State University, Associate Professor of the Department of Theory of Functions and Stochastic Analysis
Melnichuk Dmitry Vadimovich
Saratov State University, Associate Professor of the Department of Theory of Functions and Stochastic Analysis

Abstract: The article examines the theoretical foundations of the relationship between media philosophy and digital humanities in the context of the transformation of contemporary humanistic knowledge under the influence of digital technologies. It is shown that media philosophy functions as a conceptual framework that enables the understanding of mediality as a condition for the possibility of experience, thought, and scientific cognition, as well as for identifying the ontological and epistemological foundations of digital research practices. Digital humanities are analyzed as an interdisciplinary field in which humanistic methods are integrated with computational technologies, including corpus analysis, algorithmic data processing, network modeling, and the visualization of cultural processes. It is emphasized that within digital humanities, archives and textual corpora acquire the status of dynamic structures constituted through algorithmic data processing. Special attention is paid to the role of media philosophy in conceptualizing the scientific methods of digital humanities, which are regarded not as neutral analytical tools, but as elements of a media-conditioned organization of knowledge. Algorithmic procedures are interpreted as forms of medial mediation that establish regimes of visibility and structure research objects. As a result, digital humanistic knowledge acquires the character of a distributed and technologically mediated practice involving both research subjects and digital infrastructures. The epistemological consequences of this transformation are analyzed, particularly the rethinking of the concept of objectivity and the changing status of humanistic knowledge. It is argued that objectivity in the digital environment emerges as an effect of the interaction between humans, algorithms, and information systems, rather than as an independent given detached from observational means. The conclusion is drawn that a new research regime is emerging in which media and algorithms function not as external tools but as internal conditions of knowledge production, determining the modes of interpretation and construction of cultural reality.

Keywords: media philosophy, digital humanities, epistemology, mediality, humanistic knowledge, big data, scientific methods.

Современная гуманитарная наука развивается в условиях глубокой трансформации, связанной с распространением цифровых технологий и изменением форм культурной коммуникации. В этом контексте медиафилософия и цифровая гуманитаристика выступают как взаимосвязанные исследовательские направления, которые позволяют описывать и анализировать новые режимы производства знания. Их объединяет внимание к медиальным и технологическим условиям существования культуры, а также стремление переосмыслить традиционные представления о тексте, субъекте и интерпретации.

Медиафилософия формируется как область философского анализа, в центре которой находится медиальность как условие возможности опыта и мышления. В данном подходе медиа рассматриваются в качестве внешних средств передачи информации, а также как среды, в которых конституируются формы восприятия, памяти и знания. Ф. Киттлер показывает, что

медиа задают структуру культурной памяти и определяют способы артикуляции символических порядков, включая письмо, звук и изображение [Kittler 1999, p. 12-18]. В этом контексте медиальность понимается как фундаментальный слой организации реальности, в рамках которого становятся возможными как индивидуальные, так и коллективные формы опыта [Тихонова, Шиповалова 2025, с. 190-191]. Развитие цифровых технологий усиливает значимость этого подхода, поскольку алгоритмические системы включаются в процессы структурирования информации и формирования режимов видимости культурных объектов. Л. Манович отмечает, что цифровая культура организуется вокруг баз данных и алгоритмических процедур, которые определяют новые формы представления и обработки информации [Manovich 2002, p. 19-25].

Цифровая гуманитаристика возникает как междисциплинарное поле, объединяющее методы гуманитарных наук и вычислительные технологии. В рамках этого направления исследовательская практика включает обработку больших массивов данных, применение алгоритмического анализа текстов, а также использование визуализационных моделей для интерпретации культурных процессов. Существенным аспектом данного подхода является изменение статуса текста, который начинает рассматриваться как элемент вычислительной среды, подлежащий машинной обработке и моделированию. Н. К. Хейлс подчеркивает, что цифровые формы письма и чтения связаны с изменением когнитивных практик, в рамках которых интерпретация становится распределенной и технологически опосредованной [Hayles 2012, p. 3-10]. Это приводит к формированию новых исследовательских режимов, в которых гуманитарное знание интегрируется в инфраструктуры цифровых технологий.

Сопоставление медиафилософии и цифровой гуманитаристики позволяет зафиксировать их взаимодополняющий характер в анализе современной культурной ситуации. Медиафилософский подход предоставляет концептуальные основания для понимания медиальности как структурного условия знания, тогда как цифровая гуманитаристика формирует инструментарий для эмпирического исследования культурных процессов в цифровой среде. В этом взаимодействии особое значение приобретает роль алгоритмов, которые функционируют как посредники между данными и интерпретацией, формируя специфические режимы организации информации. Алгоритмическая обработка данных становится не только технической процедурой, но и элементом культурного производства, в рамках которого задаются формы видимости и доступности объектов исследования.

Изменение условий производства знания в цифровой среде связано с переосмыслением категории объективности, которая все чаще описывается через процедуры обработки данных и функционирование вычислительных систем. В этих условиях гуманитарное знание приобретает характер распределенной практики, в которой участвуют как исследовательские субъекты, так и технологические инфраструктуры. Формируется новая конфигурация эпистемологического пространства, в котором медиа и алгоритмы становятся встроенными элементами процессов интерпретации и анализа культурных явлений. Медиафилософия и цифровая гуманитаристика образуют единое исследовательское поле, в рамках которого осмысляются изменения в структуре современного знания, обусловленные развитием цифровых технологий и расширением медиальных сред.

Медиафилософия в современной исследовательской ситуации выступает как концептуальная рамка, позволяющая осмыслять основания научных методов цифровой гуманитаристики. Ее интерес сосредоточен как на анализе отдельных медиа или технологических устройств, так и на тех условиях, в которых формируются способы производства знания, интерпретации данных и организации исследовательского опыта. В этом

контексте цифровая гуманитаристика оказывается включенной в более широкое поле философской рефлексии, где методы работы с цифровыми объектами рассматриваются как проявление общей медиальной структуры современности.

Цифровая гуманитаристика опирается на вычислительные методы анализа культурных и текстовых массивов, включая корпусный анализ, сетевые модели, алгоритмическую обработку и визуализацию данных. Эти методологические процедуры формируют особый тип исследовательской рациональности, в рамках которой гуманитарное знание приобретает форму работы с масштабируемыми структурами данных. Однако сами по себе эти методы не исчерпывают эпистемологического содержания цифровых исследований, поскольку их применение всегда связано с определенными предпосылками о природе текста, информации и интерпретации. Именно в этом отношении медиафилософия выступает как уровень теоретического осмысления, выявляющий условия возможности таких методов [Berry 2015, p. 41-48].

С точки зрения медиафилософии, цифровые методы гуманитарных наук не являются нейтральными инструментами обработки информации, поскольку они включены в более общую систему медиальных опосредований, определяющих формы видимости и структурирования знания. Алгоритмические процедуры, используемые в цифровой гуманитаристике, рассматриваются как специфические формы медиальной организации, которые не только анализируют данные, но и задают режим их существования как исследовательских объектов [Peters 2015, p. 67-73]. В этом смысле вычислительные методы оказываются встроенными в онтологическую структуру цифровой культуры, где данные не существуют вне процедур их кодирования, сортировки и интерпретации.

Такое понимание позволяет медиафилософии концептуализировать цифровую гуманитаристику не просто как совокупность технических практик, но как форму научного мышления, в которой изменяется сам статус эмпирического материала и способы его интерпретации. Текст, архив или культурный корпус в цифровой среде перестают быть фиксированными объектами и становятся динамическими структурами, формируемыми в процессе алгоритмической обработки. Это обстоятельство требует переосмысления классических гуманитарных категорий, таких как источник, контекст и значение, поскольку они оказываются зависимыми от медиальных условий их технической реализации [Parikka 2012, p. 112-118].

Медиафилософия обеспечивает теоретический горизонт, в котором методы цифровой гуманитаристики могут быть поняты как элементы более широкой трансформации знания. Она позволяет рассматривать вычислительные практики не только как инструменты анализа, но и как формы медиально обусловленного мышления, в рамках которого происходит переопределение границ между данными, интерпретацией и теоретическим конструированием.

Эпистемологические последствия осмысления цифровой гуманитаристики в рамках медиафилософии связаны с переопределением самих условий производства и верификации знания в гуманитарных науках. Знание начинает рассматриваться как результат взаимодействия не только исследовательского субъекта и объекта анализа, но и медиальных, алгоритмических и инфраструктурных систем, которые участвуют в формировании данных и их последующей интерпретации. В этом контексте традиционное понимание объективности как независимости от средств наблюдения и описания уступает место представлению об опосредованной объективности, возникающей внутри технически организованных сред. Алгоритмы, базы данных и визуализационные интерфейсы становятся не внешними

инструментами исследования, а элементами эпистемической конструкции, определяющей, какие объекты могут быть выделены, как они структурируются и в каких формах становятся доступными для анализа. Это приводит к смещению акцента с интерпретации единичных текстов и артефактов на анализ распределенных массивов данных и вычислительных процедур, что, в свою очередь, изменяет статус гуманитарного знания, делая его более процессуальным, динамическим и зависимым от медиальной инфраструктуры.

Список литературы

1. Тихонова, Шиповалова 2025 – Тихонова С. В., Шиповалова Л. В. Медианаука как актант новой социальной онтологии // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 9, № 3. С. 177-199.
2. Berry 2015 – Berry D. M. Critical Theory and the Digital. London: Bloomsbury Academic, 2015. 272 p.
3. Hayles 2012 – Hayles N. K. How We Think: Digital Media and Contemporary Technogenesis. Chicago: University of Chicago Press, 2012. 280 p.
4. Kittler 1999 – Kittler F. A. Gramophone, Film, Typewriter. Stanford, 1999. 315 p.
5. Manovich 2002 – Manovich L. The Language of New Media. Cambridge: MIT Press, 2002. 400 p.
6. Parikka 2012 – Parikka J. What is Media Archaeology? Cambridge: Polity Press, 2012. 205 p.
7. Peters 2015 – Peters J. D. The Marvelous Clouds: Toward a Philosophy of Elemental Media. Chicago: University of Chicago Press, 2015. 410 p.

УДК 167:177

ВОЗМОЖНО ЛИ ПЕДАГОГУ ПОЛУЧИТЬ ПРИЗНАНИЕ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ?

Копанева Валерия Андреевна

Кандидат философских наук

Волгоградский государственный медицинский университет, преподаватель

E-mail: leravalera5@mail.ru

Аннотация: В тексте рассматривается проблема сопротивления ученика образовательному процессу, возникающая не только в условиях слабой педагогической работы, но и в ситуации взаимодействия с компетентным, профессионально подготовленным преподавателем. Исходным пунктом анализа выступает распространенный культурный сюжет о «хорошем учителе», способном преодолеть отчуждение класса и превратить обучение в пространство личностного изменения. Однако за этой внешне привлекательной схемой обнаруживается более сложный механизм признания и непризнания педагога со стороны ученика. Автор выделяет два уровня такого признания: онтологический и аксиологический. На онтологическом уровне ученик признает или отрицает сам статус педагога, его присутствие и право выполнять образовательные и воспитательные функции. На аксиологическом уровне речь идет уже о согласии или несогласии с ценностями, нормами и идеалами, которые педагог

транслирует в процессе обучения. Особое внимание уделяется тому, что подлинное образование предполагает не простое накопление знаний, а преобразование самого учащегося. В этом смысле педагог неизбежно отрицает наличное состояние ученика, стремясь преодолеть его прежнее качество и сформировать новое. Именно это преобразующее воздействие может вызывать сопротивление, поскольку ученик воспринимает обучение как угрозу привычной идентичности. Отказ от занятий, формальное выполнение заданий, игнорирование преподавателя или дистанцирование после завершения курса интерпретируются как способы защиты от внутреннего изменения. Вместе с тем педагог способен смягчить это напряжение через личностную привлекательность, юмор, игру, строгость, эмоциональную открытость или иные формы самопредъявления, превращающие образовательное воздействие из давления в приемлемую форму взаимодействия.

Ключевые слова: признание, педагог, образование, игнорирование, ценности.

IS IT POSSIBLE FOR A TEACHER TO GET RECOGNITION IN THE MEDIA SPACE?

Kopaneva Valeria Andreevna
Volgograd State Medical University, teacher

Abstract: The text examines the problem of students' resistance to the educational process, which may arise not only in cases of poor teaching practice, but also in interaction with a competent and professionally trained teacher. The analysis begins with a widespread cultural narrative about the "good teacher" who is able to overcome the alienation of a class and turn learning into a space of personal transformation. However, behind this outwardly attractive scheme lies a more complex mechanism of students' recognition or non-recognition of the teacher. The author distinguishes two levels of such recognition: ontological and axiological. At the ontological level, the student either acknowledges or denies the teacher's status, presence, and right to perform educational and formative functions. At the axiological level, the issue concerns agreement or disagreement with the values, norms, and ideals transmitted by the teacher in the learning process. Particular attention is paid to the fact that genuine education involves not merely the accumulation of knowledge, but the transformation of the learner themselves. In this sense, the teacher inevitably negates the student's current state, seeking to overcome their former condition and form a new one. It is precisely this transformative influence that may provoke resistance, since the student perceives learning as a threat to their habitual identity. Refusal to attend classes, formal completion of assignments, ignoring the teacher, or distancing oneself after the end of a course are interpreted as ways of protecting oneself from internal change. At the same time, the teacher can soften this tension through personal appeal, humour, play, strictness, emotional openness, or other forms of self-presentation that turn educational influence from pressure into an acceptable form of interaction.

Keywords: recognition, teacher, education, neglect, values.

В киноиндустрии есть один популярный сюжет, который наиболее ярко отражен в фильме «Учитель на замену» с Эндрианом Броуди. Многие знакомы с этой сюжетной схемой: школа в неблагополучном районе или с неблагополучным классом, куда приходит новый учитель. Он видит, что в классе его предмет никому не интересен, ученики не хотят читать или включаться в работу, им скучно или они отчуждены, к тому же нового учителя тоже

встречают с недоверием. В фильмах, как правило, все заканчивается хэппи-эндом: учителя приняли и полюбили, его уроки оказываются самые интересные, его подход и методы работы с детьми каким-то чудесным образом превращают недорослей в умников и умниц. Магия! Однако всегда, когда показывают хороший фокус, в который охотно верится, возникает вопрос: как эта магия работает? Ведь многие мечтают о Хогвартсе…

В образовательной коммуникации преподаватель нередко сталкивается с ситуацией, когда школьники или студенты не просто пассивно воспринимают учебный материал, а фактически противодействуют самому ходу обучения. На первый взгляд подобную ситуацию можно объяснить недостатками самого педагога. Ему можно поставить в вину, что он не умеет заинтересовать аудиторию, не выстраивает диалог, не чувствует обратной связи. В этом объяснении действительно есть рациональное зерно. Многие учащиеся сталкивались с преподавателями, которые механически воспроизводят текст лекции, читают с листа или со слайдов, говорят монотонно, не вступают в живое общение и сами производят впечатление людей, отчужденных от собственного предмета. В таких случаях скука обучающихся оказывается не просто капризом, а закономерной реакцией на скуку самого преподавателя. Между участниками образовательного процесса возникает своеобразная симметрия, если педагог не вовлечен в происходящее, то и студент отвечает ему тем же. Здесь уже возникает вопрос не только о качестве конкретного занятия, но и о профессиональной состоятельности такого преподавателя.

Однако проблема не исчерпывается случаями очевидно слабой педагогической работы. Гораздо сложнее ситуация, когда сопротивление возникает даже в коммуникации с компетентным преподавателем. Речь идет о педагогах, которые владеют современными методиками обучения, умеют работать с медиасредой, способны ясно и увлекательно объяснять материал, поддерживают контакт с аудиторией, создают проблемные и практико-ориентированные учебные ситуации, в которых учащиеся действительно могут приобрести новые знания и навыки. Тем не менее даже при таких условиях отдельные школьники или студенты могут сохранять дистанцию, не включаться в совместную работу, формально выполнять задания или полностью игнорировать усилия преподавателя. Следовательно, сопротивление обучающегося не всегда можно свести к педагогической некомпетентности, оно имеет более сложную природу и связано не только с качеством преподавания, но и с установками, мотивацией и коммуникативной позицией самого учащегося. Почему так происходит? Для ответа на этот вопрос нужно разделить два уровня:

1. Онтологический: на этом уровне осуществляется признание или отрицание статуса и функций кого-либо или чего-либо. Ученик игнорирует педагога, потому что он не признает его бытие, т. е. его статус и функции педагога. Например, воспитательная функция педагога направлена на корректировку или полное изменение поведения ученика. Что могут делать ученики? Самая распространенная ситуация онтологического отрицания – ученики болтают между собой так, будто педагога не существует. Но в их картине мире его правда не существует. Или ученики, которые спят во время занятий. Игнорирование предполагает отрицание того, что/кто есть в реальности. Обратный пример онтологического признания: ученики прислушиваются к воспитательным мерам педагога (признают и его статус, и функцию) и применяют его советы на практике, корректируют свое поведение.

2. Аксиологический: на этом уровне происходит признание или отрицание ценностей и ценностных ориентаций кого-либо. Ученик сопротивляется учителю и его заданиям, потому что он не разделяет ценности учителя, отрицает их. Например, у педагога есть ценности творчества и коммуникации, все его задания направлены на то, чтобы развить в ученике

творческие и коммуникативные навыки, однако ученик не признает эти ценности и тем более не хочет к ним присоединяться, а значит будет всячески препятствовать этому. Противоречие в ценностях порождает борьбу как внутреннюю, так и внешнюю. Отличие от онтологического уровня в том, что в данном случае ученик признает учителя как такового, он его готов воспринимать, но не готов признать те идеалы и те принципы, которые предлагает учитель.

Здесь возникает важное уточнение, без которого предложенная логика признания остается неполной. До сих пор как будто предполагалось, что ученик в принципе способен признать педагога, но не было специально проговорено, на каком основании это признание возможно и в чем именно оно выражается. Кроме того, в современной образовательной ситуации появляется еще один слой проблемы. Ученик сталкивается не только с реальным преподавателем, но и с его образом, представленным в медиасреде. Этот образ может не совпадать с живым педагогом, отличаться от него по стилю, интонации, степени открытости, публичности или символическому статусу. Под признанием учителя со стороны ученика в данном случае следует понимать не внешнее уважение и не формальное согласие с его авторитетом, а практическую готовность включаться в предложенный им образовательный процесс.

Однако сама возможность такого признания не является очевидной. В образовательном процессе присутствует внутреннее напряжение, которое часто остается незамеченным. Хороший педагог неизбежно отрицает наличное состояние ученика. Здесь понятие отрицания употребляется не в бытовом смысле простого отказа или неприятия, а в гегелевском значении. В «Науке логики» Гегель пишет: «Отрицательное есть положенное ничто…Определенное небытие» [Гегель 2018, с. 388]. В этом смысле педагогическая деятельность направлена на то, чтобы преодолеть ученика в том виде, в каком он находится сейчас. Более резко можно сказать так: задача педагога состоит в том, чтобы уничтожить прежнее качество ученика и тем самым открыть возможность появления нового. Но именно здесь обнаруживается источник сопротивления. Кто действительно хочет быть «уничтоженным», пусть даже не целиком, а только в одном своем качестве? Даже если это качество связано с незнанием, неумением или неразвитостью, оно все равно является частью привычного образа себя. Можно возразить, что существуют любознательные ученики, которые сами стремятся к знаниям и хотят учиться. Однако и в этом случае ситуация не так проста. Нередко ученик воспринимает знание как внешний ресурс, т. е. как инструмент, который можно получить и использовать, не меняя при этом собственную личность, привычки, самоощущение и внутренний порядок жизни. Но подлинное обучение почти всегда требует большего. Чтобы освоить новое, человеку приходится отказаться от части прежних установок, пересмотреть привычные способы поведения, изменить ритм жизни, дисциплину внимания, отношение к себе и к другим. Когда ученик начинает понимать, что знание не просто добавляется к нему извне, а перестраивает его самого, возникает страх утраты устойчивой идентичности. Обучение оказывается не накоплением информации, а преобразованием субъекта. Поэтому сопротивление может быть связано не с ленью, не с отсутствием способностей и даже не с неприязнью к педагогу, а с желанием сохранить себя в прежнем виде. Ученик защищает собственную целостность, пусть даже эта целостность включает слабость, незнание или неготовность к развитию. В результате он начинает препятствовать не только педагогу, но и самому себе.

Одной из распространенных форм такого отказа от изменения является резкое прекращение деятельности, которая прежде вызывала интерес. Ребенок или подросток какое-то время с удовольствием ходит в музыкальную школу, спортивную секцию, театральную студию или на занятия языком, а затем внезапно заявляет, что это «не его» или «не то».

Обычно подобные ситуации объясняют тем, что ребенок «перерос» прежнее увлечение. Но возможна и обратная интерпретация, он не перерос эту деятельность, а, напротив, еще не дорос до тех изменений, которых она от него требует.

Именно вот эта тонкость во взаимоотношениях педагога и ученика создает многие препятствия. Многие могут заметить, что после школы не общаются с учителями, которых любили и чьи уроки были всегда в радость. Почему? Даже не столько потому, что теряется общее пространство и общие темы, человек взрослеет, но часто и потому, что педагог выполнил свою функцию – изменил ученика. Но этот опыт утраты себя в каком-то качестве и обретения в новом (символические смерть и рождение – перерождение) довольно травматичен для человека, поэтому он предается забвению. Коллега как-то поделился наблюдением. Рассказал, что после того, как в университете студенты сдают экзамен по его предмету, то они удаляют его из друзей в социальных сетях. Он долго не понимал, почему так происходит, пока его коллега не объяснил этот механизм, который описан выше.

Многие педагоги осознают эту проблему через опыт, рефлексию или интуицию и потому смягчают преобразующее воздействие обучения. Они маскируют его через игру, юмор, необычную манеру общения, провокативность, эксцентричность, эмоциональную открытость, личное обаяние или, напротив, через строгость и дисциплину. В такой ситуации ученик может не принимать методы педагога и сопротивляться обучению, но признавать его как человека. Симпатия, доверие или интерес к личности преподавателя становятся посредником, благодаря которому образовательное воздействие воспринимается не как давление, а как допустимая форма взаимодействия.

Список литературы

1. Гегель 2018 – Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М.: Издательство АСТ, 2018. 912 с.
2. Пеннер 2024 – Пеннер Р.В. Цифровая идентичность как новая форма социального признания. Дисс. … докт. филос. наук: 5.7.7. Саратов, 2024. 354 с.
3. Хоннет 2009 – Хоннет А. Невидимость. О моральной эпистемологии признания / А. Хоннет // Кантовский сборник. 2009. Вып.1 (29). С. 79-91.

УДК 101.1:316

ЦИФРОВАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ВЫТЕСНЕНИЕ СУБЪЕКТА

Кузнецова Елена Игоревна

Доктор философских наук

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,

заведующий кафедрой международной журналистики

E-mail: *ekuznetsova@lunn.ru*

Аннотация: Динамика развития социальных процессов в начале III тысячелетия характеризуется значительным усложнением коммуникативной реальности, что актуализирует философскую рефлексию трансформационных процессов, происходящих в

условиях стремительного роста цифровых технологий. Цель данной работы – проблематизация категорий субъекта и субъектности в структуре современной коммуникативной реальности в контексте системных трансформаций социокультурной сферы современного мира. Предметом исследования является роль символической сферы в комплексе форм опосредования коммуникационного взаимодействия в цифровой реальности. С позиций медиафилософской рефлексии предложен взгляд на трансформацию субъектности в цифровом мире как на результат усложнения структур опосредования в цифровой коммуникативной реальности, воздействующих на изменение характера субъекта. На новом витке «дискуссии о субъекте», вызванном цифровой технологической волной, возникает тенденция «вытеснение субъекта» из процессов опосредования, что лишает его функций, обретенных на различных исторических этапах цивилизационного развития. «Вытеснение субъекта» – это редукция всей сферы медиальности коммуникативных процессов к их технологической составляющей, «узурпация» технологией всей сферы символического, которая составляет дух человеческой коммуникации, как проявление медийного фундаментализма.

Ключевые слова: новая цифровая реальность, новая субъектность, медиальность, символические формы опосредования, «вытеснение субъекта», медийный фундаментализм

DIGITAL COMMUNICATIVE REALITY: DISPLACEMENT OF THE SUBJECT

Kuznetsova Elena Igorevna

Doctor of Philosophy Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov,

Head of the Department of International Journalism

Abstract: The dynamics of the development of social processes at the beginning of the third millennium is characterized by a significant increase in the complexity of communicative reality, which actualizes the philosophical reflection of transformational processes taking place in the context of the rapid growth of digital technologies. The purpose of this work is to problematize the categories of subject and subjectivity in the structure of modern communicative reality in the context of systemic transformations of the socio–cultural sphere of the modern world. The subject of the research is the role of the symbolic sphere in the complex of forms of mediation of communication interaction in digital reality. From the standpoint of media philosophical reflection, a view is proposed on the transformation of subjectivity in the digital world as a result of the complication of mediation structures in the digital communicative reality that affect the change in the character of the subject. The pathos of the new round of "discussion about the subject" caused by the digital technological wave is proposed to be considered as the "displacement of the subject" from the mediation processes, which deprives it of the functions acquired at various historical stages of civilizational development. The "displacement of the subject" is the reduction of the entire sphere of mediality of communicative processes to only their technological component, the "usurpation" by technology of the entire sphere of the symbolic, which constitutes the spirit of human communication, as a manifestation of media fundamentalism.

Keywords: new digital reality, new subjectivity, mediality, symbolic forms of mediation, "displacement of the subject", media fundamentalism

В истории философской мысли каждой исторической эпохи понятию «субъект» принадлежит важная роль в концептуальных и методологических дискуссиях. Интеллектуальная атмосфера XX века была определена дискуссиями, которые получили метафорическое название «схватка вокруг субъекта». Этот акцент неслучаен: коммуникативную реальность характеризует ее процессуальный характер, в связи с чем важнейшими компонентами ее структуры являются субъекты коммуникативных процессов. Усложнение коммуникативной реальности в цифровом мире вызвало определенный структурный хаос: с одной стороны, в поле терминологической неопределенности оказались зарождающиеся феномены, с другой – наметилась своеобразная модификация «классических» понятий и терминов. Можно согласиться с тем, что каждая новая веха реальности, которую технический прогресс добавляет к вехам существующим, «проявляет склонность вновь валоризировать древность, ставшую фундаментом [Дебре 2010, с. 315]. Категория субъекта принадлежит к такого рода философским древностям и, как показывает современный социогуманитарный дискурс, также подверглась эффектам валоризации, получив статус «цифрового субъекта» и свойства новой субъектности в новой цифровой реальности. Особенность онтологической ситуации современной цифровой реальности, – отмечаемая исследователями стихийность ее возникновения, ее неспроектированность, ее собственная логика развития [Пржиленский 2021, с. 679].

Тема цифрового субъекта и его новой субъектности достаточно активно развивается в социогуманитарном дискурсе последних лет. Складывающуюся противоречивую ситуацию предлагается рассматривать как возможную «разбалансировку субъектности и объектности», что ведет к формированию новой идентичности человека, появлению персональной онтологии нового формата [Бабаева 2025, с. 53]. «Новая субъектность» получает функциональные или метафорические эпитеты. В предметном поле исследований появляется понятие техносубъекта [Игнатьев 2021], возникает тема техносубъектности [Василенко 2024, с. 10]; предлагается типология неполной субъектности [Анисимов 2010]. Ряд авторов обосновывают идею гибридной субъектности, возникающий в результате интеграции естественных и искусственных объектов, при этом отмечают невозможность однозначной дифференциации на субъект и объект, указывая на подвижность и изменчивость этих ролей [Николаева, Камалеева, Николаев 2023].

В ряду гибридной субъектности артикулирован тип «смарт-субъектность», возникающая «на стыке» человека и умных технологий способность действовать в роли агента в цифровом мире, сохраняя при этом осознанность, критическое мышление и контроль над целями [Тихомирова 2026, с. 53]. Все более заметно в оптический прицел исследований попадает технология алгоритмов, в состав ключевых понятий входит термин «алгоритмическая идентичность» [Макатов 2024].

В постановке проблемного вопроса о способности нейросетевых алгоритмов сохранить ценностно-смысловое и символическое содержание традиционных социальных интеракций, не редуцируя содержательные компоненты классического коммуникационного взаимодействия [Володенков Федорченко 2021, с. 37], по сути слышится возможность утраты человеком собственной субъектности в цифровом мире.

Можно с уверенностью сказать, что исследовательское поле, в которое сегодня включена проблема субъектности, также многомерно, как и череда наших поставленных и непоставленных вопросов, а также возможных исследовательских оптик. С позиций медиафилософской рефлексии можно предложить взгляд на проблему субъектности в цифровом мире как на результат усложнения структур опосредования в цифровой

коммуникативной реальности, воздействующих на изменение характера социального бытия, что образует традиционную проблематику медиальности. На новом витке «дискуссии о субъекте», вызванном цифровой технологической волной, возникает тенденция «вытеснение субъекта» из процессов опосредования, что лишает его функций, обретенных на различных исторических этапах цивилизационного развития.

Вытеснение субъекта – это редукция всей сферы медиальности коммуникативных процессов к их технологической составляющей, «узурпация» технологией всей сферы символического, которая составляет дух человеческой коммуникации, как проявление медийного фундаментализма. Вместе с тем возможно, что акцентирование технологического компонента вызвано смешением понятий: субъектность и агентность. Нечеловеческие роботехнические системы можно отнести к агентам в сфере цифровой реальности как действующую силу и источник целенаправленной активности. В субъектности же выражается состояние бытия человека как субъекта самосознания и рефлексии, его целостности как познающего субъекта.

На всех переломах развития техногенной цивилизации человечество приобретало новый социокультурный опыт, осмысление которого в истории философской мысли формировало проблематику человека, нововременного социального субъекта. В условиях современного транзитивного общества механизмы социальной адаптации и механизмы интериоризации – более сложного процесса, предполагающего включение меняющихся социальных норм и ценностей во внутренний мир человека, заметно меняются [Кузнецова, Положенская 2023, с. 39]. Цифровая медиатизация, которая определяет развитие современной коммуникативной реальности, создает новые символические механизмы, усложняющие многоуровневый комплекс посредничества, и логика экзистенции человека цифрового мира во многом будет определяться новыми формами технического опосредования, сохраняя при этом традиционный порядок символов и символизации для человека, сберегающего свою субъектность.

В разные времена медиафилософская рефлексия стремилась выразить нескончаемую коллизию человека и машины. Парадоксальная мысль французского медиолога Р. Дебрэ, раскрыла понимание этого противостояния в его историческом становлении: «Очеловечивание было и остается нечеловеческим процессом. Чтобы воспрепятствовать его превращению в бесчеловеческий процесс, надо начать с признания: нет ничего более человеческого, чем техника. При таком условии будет возможным очеловечить бесчеловечное очеловечивание» [Дебрэ 2010, с. 336]. И напоминание следующим векам М. Маклюэна: «Даже без прямого столкновения опыт сосуществования технологий и форм сознания травматичен для любого человека [Маклюэн 2003, с. 406].

Список литературы

1. Анисимов 2010 – Анисимов Р.И. Типология неполной субъектности // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». №13 (56). С. 294-306.
2. Бабаева 2025 – Бабаева А. А. Персональная онтология и онтология цифрового // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. 2025. №4 (27). С. 49-55.
3. Василенко 2024 – Василенко Л. А. Метаморфозы цифровой многосубъектности: регулятивы мягкого управления vs программированного общества // Наука. Культура. Общество. 2024. №2. С. 10-24.

4. Володенков, Федорченко 2021 – Володенков С.В., Федорченко С.Н. Субъектность цифровой коммуникации в условиях технологической эволюции интернета: особенности и сценарии трансформации // Политическая наука. 2021. №3. С. 37-53.

5. Дебре 2010 – Дебре Р. Введение в медиологию / Пер. с франц. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2010. 368 с.

6. Игнатьев 2021 – Игнатьев В.И. Проблема техносубъекта: о субъектности "сущностей-конструкторов" // Идеи и идеалы. 2021. №1-1. С. 130-150.

7. Кузнецова, Положенская 2023 – Кузнецова Е.И., Положенская Н.О. Цифровая реальность как среда социализации личности // Общество: философия, история, культура. 2023. № 10. С. 38–43.

8. Макатов 2024 – Макатов З.В. Деконструкция алгоритмической идентичности: постструктуралистские перспективы цифровой субъективности // Kant. 2024. №4 (53). С. 249-258.

9. Николаева, Камалева, Николаев 2023 – Николаева Е. М., Камалеева А. М., Николаев М. С. Гибридная субъектность: интеграция естественного и искусственного в современном социально-техническом пространстве // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. №1 (58). С. 46-50.

10. Пржиленский 2021 – Пржиленский В.И. Конструирование цифровой реальности: интеллектуальное versus социальное // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2021. №4. С. 668-682.

11. Тихомирова, Душкин, Штомпель 2026 – Тихомирова Е.Г., Душкин Р.В., Штомпель Л.А. Гибридная субъектность в условиях интеллектуализированной урбанистики: к концепции смарт-субъекта // Вопросы философии. 2026. № 2. С. 53–63.

12. Tsamados et al. 2022 – Tsamados A., Aggarwal N., Cowls J., Morley J., Roberts H., Taddeo M., Floridi L. The ethics of algorithms: key problems and solutions // AI & SOCIETY. 2022. Vol. 37. [doi:10.1007/s00146-021-01154-8].

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ О ПРОШЛОМ В ЭПОХУ МЕДИАТИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ

Мамедов Артур Ахмедович

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, аспирант

E-mail: mamedov.artur01@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются теоретико-методологические основания представлений о прошлом как формы социального знания в эпоху медиатизации. В этом контексте в центре внимания находится феномен идентичности. На основании анализа автор делает следующие выводы: представления о прошлом являются социальным знанием, поскольку формирование образа прошлого происходит на основе различных символов, выработанных в обществе; такое знание оказывает непосредственное влияние на формирование идентичности. В работе раскрывается механизм превращения обыденных представлений об истории в социальное знание, обретающее легитимный статус через объективацию символических систем. Особое внимание уделяется конфликту между научной

историографией и эмоционально окрашенными мифологизированными нарративами, которые, упрощая действительность до бинарных конструкций добра и зла, становятся инструментом политического манипулирования. Рассматривается влияние политики вестернизации, направленной на стирание уникальности исторического пути и внедрение чуждых ценностных ориентиров, что ведет к обострению кризиса национально-государственной идентичности России. Делается вывод о том, что в эпоху цифровой реальности и утраты традиционных институтов только рациональное осмысление символов прошлого способно противостоять эмоциональной природе общественного сознания и обеспечить устойчивость самоопределения.

Ключевые слова: социальное знание, представления о прошлом, медиатизация, идентичность, вестернизация, историческое знание.

SOCIAL KNOWLEDGE ABOUT THE PAST IN THE AGE OF MEDIATIZATION: THE PROBLEM OF IDENTIFICATION

Mamedov Arthur Akhmedovich

Saratov State University, Saratov, Russia, graduate student,

Abstract: The article analyzes the theoretical and methodological foundations of representations of the past as a form of social knowledge in the era of mediatization. In this context, the phenomenon of identity is the focus of attention. Based on the analysis, the author draws the following conclusions: representations of the past are social knowledge, as the formation of the image of the past is based on various symbols developed in society; such knowledge has a direct impact on the formation of identity. The article reveals the mechanism of transforming everyday representations of history into social knowledge, which gains a legitimate status through the objectification of symbolic systems. Special attention is paid to the conflict between scientific historiography and emotionally colored mythologized narratives, which, by simplifying reality into binary constructs of good and evil, become a tool for political manipulation. The influence of Westernization policies aimed at erasing the uniqueness of historiography is examined.

Keywords: social knowledge, ideas about the past, mediatization, identity, westernization, and historical knowledge.

В настоящей работе рассматривается ненаучная форма социального знания, понимаемая как массовое знание повседневного характера, формируемое в процессе межличностного социального взаимодействия, посредством которого конструируется социальное сознание личности. Одной из важнейших форм социального знания являются представления о прошлом, поскольку именно на их основе личность идентифицирует себя в обществе.

Важно отметить, что не все представления о прошлом являются социальным знанием. Социальное знание носит массовый, обыденный, относительный и общезначимый характер. Оно вырабатывается в процессе повседневного взаимодействия людей в обществе. По мнению

И. Савельевой и А. Полетаева, «объективация (легитимация) сложных символических подсистем осуществляется в виде придания этим системам статуса знания» [Савельева, Полетаев 2005]. Исходя из этого, представления о прошлом становятся социальным знанием, когда они непосредственно формируют индивидуальную или коллективную идентичность через осознание чувства прошлого. Так, личность в процессе социализации получает представления из различных источников: личный опыт, семья, группа и др., и ее поведение непосредственно обусловлено таким социальным знанием. Каждый человек использует прошлый опыт и знание о нем, чтобы жить в настоящем и планировать будущее, а главное – благодаря этому он себя идентифицирует. Результатом процесса самоидентификации является идентичность личности.

Формирование идентичности напрямую связано с представлениями о прошлом. Однако имеется в виду не повседневный микроуровень опыта, формируемый на базе ситуаций, со временем типизированных в привычное поведение, а макроуровень, непосредственно связанный с восприятием социальной действительности. Так, представления о прошлом своей нации, народа и страны являются ключевым фактором формирования идентичности в эпоху медиатизации.

В эпоху медиатизации трансформируются традиционные институты, которые теряют контроль над социальными массами. Меняется сама реальность. Так, отсутствие конкретной идеологии и плюрализм мнений формируют шаткое мышление. В результате социальные роли теряют свою функциональность, что влияет на поведение и мышление людей. Условия жизни становятся уязвимыми и ненадёжными. Основные чувства эмоционального переживания современной реальности: ненадёжность, неуверенность и небезопасность. Они непосредственно связаны друг с другом. Личность в таких условиях должна постоянно подтверждать свою идентичность, чтобы возникло чувство принадлежности, напрямую связанное с фактором безопасности. Но развитие медиа, ИКТ и цифровой реальности не оставляет человеку времени на рефлексию самоидентификации, они диктуют историю за него. Национальные традиции, история, территория, как концепты самоидентификации и уверенности в самом себе, стали зыбкими.

Возникает борьба за идентичность между историей как наукой и ненаучными формами исторического знания. Последние акцентируют внимание на эмоциональном аспекте, становясь таким образом понятным и удобным в восприятии обывателя. Все люди в открытом доступе делятся своим мнением, впитывая таким образом и чужое, которое может в какой-то мере становится «навязанным» [Арутюнян 2025, с. 28]. Основной инструмент такой политики – это субъективная интерпретация ключевых событий истории. Согласно Д.С. Артамонову, находясь в пространстве коллективной памяти и выступая инструментом политического манипулирования массами, данные образы естественным образом мифологизируются, а миф становится самым удобным объектом «разоблачения» [Артамонов 2023, с. 204]. По мнению философа, история становится мифом, чтобы стать доступной рядовому обывателю. Таким образом, на сложные вопросы даются простые ответы, события хронологически запутаны, ключевые личности смещены во времени, но это не мешает формированию массовой оценочной истории через конструкты добра и зла. Яркие примеры: призвание варяг на Русь или реформы Петра I, как сложный эпизод в истории России для профессионального историка, но понятный для массового читателя («прорубил окно» в Европу, постриг бороды боярам и сделал Россию мировой империей).

Из-за попыток целенаправленной унификации и создания единой «западной» модели личности возникает проблема кризиса идентичности. Так, любая культура основана на

ценностях, сформированных в результате её исторического пути. Каждый человек понимает значение ценностей исходя из представлений о прошлом своего народа и страны. Столкновение интересов происходит, когда политика вестернизации, направленная в первую очередь на радикальное изменение (искажение) прошлого другой культуры, пытается повлиять на ценности национально-государственной идентичности различными способами. Например, осквернение памяти значимых исторических событий, искажение исторических фактов, критика традиционных ценностей и внедрение новых. Вестернизация не обошла стороной и Россию, которая со времён перестройки, пыталась придерживаться западной идентичности, но безуспешно. Проблема для вестернизации здесь заключается не в том, что Россия находится «в поисках себя», а в том, что она не может уйти от себя. Этому есть объяснение. Дело в том, что формирование идентичности посредством представлений о прошлом выражается в непрерывном сопоставлении и сравнении идеального и реального образов «мы» с некими эталонными пространственными и темпоральными конструкциями (в памяти всплывают общеизвестные концепты: «золотой век русской культуры», «Россия, которую мы потеряли», «жить, как в Советском Союзе» и т.п.) [Титов 2017, с. 21]. Наличие таких символов, как история происхождения, исторический опыт и судьба в целом, одно из оснований идентичности, поскольку на их основе формируется повседневное социальное знание. Однако отсутствие рационального осмысления таких символов прошлого образует импринт-поле в общественном сознании, которое носит эмоциональный характер. Особенно ярко это проявляется в делении представлений о прошлом на позитивные и негативные. Например, в России позитивный образ – это период «золотого века» («век Екатерины»), расцвет русской литературы («весь мир читает Достоевского»), а негативный – раздробленность, монгольское нашествие на Русь, «Смутное время», «лихие» 1990-е и др.

Таким образом, в результате проведённого анализа выяснилось, что представления о прошлом являются социальным знанием. Сегодня такое знание, которое формирует идентичность личности, стало объектом манипуляций для мнемонических акторов. Вследствие этого, в эпоху медиатизации одной из главных проблем является кризис идентичности, проходимый под лозунгом «поиска себя и своего дома».

Список источников

1. Артамонов 2023 – Артамонов Д. С. Медиапамять в коммуникационном пространстве цифрового общества: дис. … д-ра филос. наук: 5.7.7 Социальная и политическая философия / Сарат. нац. исслед. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2023. С. 175–205.
2. Арутюнян 2025 – Арутюнян И.М. Политика памяти в России: конфликт поколений и новые технологии // Universum: общественные науки: электрон. научн. журн. 2025. 5(120). С. 25–29.
3. Савельева 2005 – Савельева И. М. Социология знания о прошлом [Текст]: учеб. пособие для вузов/И.М.Савельева, А.В. Полетаев; Гос.. ун-т. Высшая школа экономики. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 47.
4. Титов 2017 – Титов В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Типография «Ваш формат», 2017. С. 19–23.

ЧАСТЬ 16

МЕНТАЛЬНЫЕ СДВИГИ И ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

УДК 159.923.2

ЛИЧНОСТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЭПОХУ НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТИ

Труфанова Елена Олеговна
Доктор философских наук
Институт философии РАН, ведущий научный сотрудник
E-mail: iph@ettrufanova.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема личностной идентичности в условиях современности как вопрос сохранения целостности индивидуального бытия при одновременном существовании в физической и цифровой средах. Показывается, что развитие цифровых технологий и информационных коммуникаций усиливает социальную неопределенность, непредсказуемость и недоверие, что ведет к кризисам идентичности и ослабляет способность человека принимать осознанные решения. Демонстрируется, что вместо поиска истины, обеспечивающей стабильность знания и самосознания, приходят множественные и изменчивые информационные потоки, провоцируя спонтанные и поверхностные выборы, а также рост скепсиса и дезориентации в сфере познания и социализации. Показывается, что личностная идентичность развивается исторически от более простых, заранее предписанных форм к более сложным формам, конструируемым индивидом самостоятельно. Эти усложнения ведут к умножению *Я*-образов, которые становится все сложнее связать между собой. Обсуждаются четыре возможные стратегии сохранения личностной идентичности в современных условиях и предлагается наиболее предпочтительный путь — поиск внутренней определенности, основанной на признании равнозначности действий в физической и цифровой реальности, а также на усилении ответственности и самоконтроля, что позволяет смягчить эффекты непредсказуемости и нестабильности современного мира.

Ключевые слова: личностная идентичность, непредсказуемость, неопределенность, недоверие, целостность, цифровая среда

PERSONAL IDENTITY IN THE UNPREDICTABLE AGE

Trufanova Elena Olegovna

RAS Institute of Philosophy, Leading Research Fellow

Abstract: The article examines the problem of personal identity in modern conditions as a matter of preserving the integrity of individual existence while simultaneously existing in physical and digital environments. It is shown that the development of digital technologies and information

communications increases social uncertainty, unpredictability, and distrust, which leads to identity crises and weakens a person's ability to make informed decisions. It is demonstrated that instead of searching for the truth, which ensures the stability of knowledge and self-awareness, multiple and volatile information flows come, provoking spontaneous and superficial choices, as well as an increase in skepticism and disorientation in the field of cognition and socialization. It is shown that personal identity develops historically from simpler, pre-prescribed forms to more complex forms constructed by the individual independently. These complications lead to a multiplication of Self-images, which are becoming increasingly difficult to relate to each other. Four possible strategies for preserving personal identity in modern conditions are discussed and the most preferable way is proposed — the search for internal certainty based on the recognition of the equivalence of actions in physical and digital reality, as well as on increased responsibility and self-control, which helps mitigate the effects of unpredictability and instability of the modern world.

Keywords: personal identity, unpredictability, uncertainty, distrust, integrity, digital environment

Проблема личностной идентичности не переставала быть актуальной на протяжении всего XX века и на рубеже XX-XXI веков столкнулась с новыми вызовами, связанными в первую очередь с изменениями, которые в социальную жизнь вносят цифровые технологии. Под проблемой личностной идентичности я понимаю проблему поддержания целостности индивидуального человеческого бытия, которая позволяет рассматривать его как субъекта, обладающего самосознанием и ответственного за свои действия. В современном мире эта ответственность распространяется как на физическую среду деятельности, так и на цифровую среду, при этом действия в обеих средах должны восприниматься как связные и последовательные.

Главной характеристикой современной жизни можно назвать непредсказуемость. Социальные потрясения последнего десятилетия – пандемия, социально-политические конфликты в сочетании со стремительным развитием новых технологий – создают ситуацию, в которой человек ощущает утрату контроля над происходящим с ним, горизонт планирования ограничивается предельно минимальными сроками. Академик В. А. Лекторский, анализируя проблемы непредсказуемости и неопределенности современного мира, отмечает, что размывание социальных институтов и рост дезинформации, спровоцированный развитием цифровых коммуникаций, приводит к кризисам идентичности: «Человек с твердыми убеждениями, уверенный в себе и своих ценностях, мог успешно действовать в ситуациях неопределенности. Его собственная определенность могла «доопределять» внешнюю по отношению к нему неопределенность. Но человек с нарушенной идентичностью, будучи сам неопределенным, не может противостоять внешней неопределенности. В результате социальная неопределенность, непредсказуемость, риск многократно возрастают» [Лекторский 2023, с. 527]. Тут вновь становятся актуальны работы философов-экзистенциалистов о трагической стороне свободы, о постоянном бремени выбора, которое лежит на человеке [Сартр 1989]. Альтернативой, отмечает Лекторский, является ситуация «суперопределенности», в которой человек, отдавая все решения на откуп «умным» техническим устройствам, по сути, отказывается от своей автономии. Это новый вариант «бегства от свободы» [Фромм 2007], от страха непредсказуемости к своеобразному технототалитаризму.

Непредсказуемость при этом является не столько объективным качеством современного мира, сколько субъективной характеристикой: человеку становится доступным как множество различных возможных траекторий своего развития, так и необъятное количество информации, которую он не в состоянии адекватно переработать, классифицировать, отличить не только ложную от истинной, но хотя бы достоверную от недостоверной. Оказываясь в ситуации вечно неисчерпаемого выбора, постоянного перебора возможных вариантов, человек все с большим трудом принимает решения, поскольку для него все сложнее становится учесть все детали, чтобы совершить действие. Разумеется, новые информационные возможности позволяют в каких-то ситуациях избежать неприятных сюрпризов, но в то же время избыток информации не является однозначной гарантией того, что сделанный выбор в итоге будет наилучшим, хотя путь к нему становится более долгим и сложным. Как верно отмечает немецкий философ Бён-Чхоль Хан, «информационный режим вытеснил режим истины» [Хан 2025, с. 144]: на смену истине, предполагающей стабильность и постоянство, приходит «текучая», постоянно изменчивая информация. Неслучайно мы говорим об информационных «потоках»: информация зачастую напоминает гераклитовскую реку, в которую нельзя войти дважды – она быстро приходит и быстро сменяется другой, не успевая задержаться. Принимаемые на основании такой информации решения могут быть только спонтанными, необдуманными.

Вслед за непредсказуемостью и неопределенностью еще одной характеристикой современности становится недоверие. В ситуации роста количества дезинформации, а также появления в коммуникативном пространстве искусственных интеллектуальных агентов, которых не всегда можно отличить от человеческих [Труфанова 2025], сгенерированных «фейковых» фото и видео и т. д., нарастает недоверие: человек не знает, чему можно доверять, с кем или с чем он вступает в коммуникацию. Как следствие, он испытывает сложности с тем, чтобы верить кому-либо или во что-либо. Тогда как вера (в широком, нерелигиозном смысле) необходима для познания: не принимая совсем никаких фактов на веру, мы не можем двигаться дальше (например, мы должны принимать на веру факт существования внешнего мира, мы доверяем мнениям авторитетных экспертов в различных областях и т. д.) [Лекторский 2008]. Вера или доверие необходимы в процессе социализации: мы должны доверять Другому, который учит нас взаимодействовать с обществом и с миром в целом. Чем больше наше недоверие, тем труднее планировать что-либо: опасение ошибиться, связанное с невозможностью сориентироваться в ситуации, заставляет приостанавливать любые действия. Одно из важнейших оснований стремления человека к познанию окружающего мира – это тяга к безопасности. Познавая среду, в которой мы действуем, пытаясь прогнозировать наши дальнейшие действия, мы ищем возможности наиболее безопасного существования и развития. Непредсказуемость мира не позволяет нам обеспечивать эту потребность в безопасности, что вызывает сложности в выборе стратегий нашего поведения в мире. Здесь же возникают сложности с личностной идентичностью, поскольку человек оказывается в ситуации множественного выбора.

Многие исследователи личностной идентичности прослеживают процесс ее изменений как переход от простого к сложному, от идентичности, предписанной по рождению (личность определяется как часть семьи, клана, рода, социального класса), до идентичностей, выбираемых или конструируемых человеком самостоятельно. Возможность самоконструирования идентичности связывают с ростом индивидуализма, с освобождением человека от жесткой социальной детерминации. Но, как мы уже показали ранее, чем выше степень свободы, тем выше степень неопределенности и тем сложнее выбор. Недоверие также

останавливает нас в выборе новых социальных связей, что приводит к возникновению желания вернуться к простоте и безопасности «клановых структур»; однако сейчас выбор своего «клана» дается не по рождению, а обеспечивается алгоритмами цифровых «пузырей фильтров» [Pariser 2011], которые подбирают наиболее комфортную для нас социальную среду, где наши интересы и ценности разделяются другими ее членами. Так, Янси Стриклер, автор-публицист и один из основателей краудфандинговой платформы Kickstarter, написал несколько эссе, посвященных современному цифровому миру. В одном из эссе 2024 г. он предлагает говорить о наступлении эпохи постиндивидуализма. В постиндивидуализме человек остается свободным индивидом, который может выбирать свою судьбу сам, но при этом он стремится найти свое место в различных социальных группах, как правило, представленных в цифровом пространстве. «В эпоху индивидуализма, – пишет Стриклер, – основным социальным индикатором было то, сколько у тебя подписчиков. В эпоху постиндивидуализма главную роль играет то, к каким группам ты принадлежишь. Индивид не стирается, он поддерживается и усиливается через объединение с другими. Поскольку большая часть нашей социальной и внутренней жизни проживается онлайн, Интернет-группы будут играть все большее значение в обретении социального веса и влияния» [Strickler 2024, web]. В то же время еще в 2019 г. вышло его эссе о «теории темного леса Интернета», вдохновленное популярной научно-фантастической трилогией китайского писателя Лю Цысиня «Воспоминания о прошлом Земли». Во второй книге трилогии, которая так и называется – «Темный лес», Цысинь выдвигает гипотезу, что мы не встречаем другую разумную жизнь во Вселенной потому, что, подобно животным, которые боятся лишний раз проявить свое присутствие в ночном лесу, чтобы не быть съеденными, разумные цивилизации в космосе знают о существовании других, более опасных цивилизаций и предпочитают никак не проявлять себя, чтобы не стать добычей «хищников». Так же, согласно Стриклеру, после первых десятилетий наивного идеализма и утопизма во взаимодействиях с Сетью мы пришли к пониманию, что Интернет является «темным лесом», и проявлять себя имеет смысл только в закрытых проверенных сообществах [Strickler 2019, web]. Вместо открытого привлечения максимального числа подписчиков к своей персональной странице люди начинают искать «безопасные» закрытые сообщества, в которых они будут чувствовать себя более комфортно и где им не угрожают – или угрожают в меньшей степени – опасности публичного пространства, где любое высказывание или мимолетное действие может стать предметом общественного остракизма или даже судебного преследования. Эти сообщества, с его точки зрения, хоть и похожи на средневековые кланы, однако вместо кровных уз здесь соединяющими силами являются общие интересы, желания и то, к чему нас подталкивают алгоритмы, по которым действуют те или иные объединяющие нас приложения.

Таким образом, мы возвращаемся к идее о том, что нами движет поиск безопасности и предсказуемости. Распределение нашей деятельности по двум разным, но притом взаимопереплетенным средам (физической и цифровой), многовариантность предлагаемых этими средами возможностей создают условия для возникновения множественных *Я*-образов. Чтобы собрать их воедино, у нас есть несколько путей. Первый путь, который получил распространение еще в доцифровую эпоху — в середине XX в., – это отказ от идеи такого единства: у нас есть множество вариантов *Я*, каждый из которых соответствует какой-либо ситуации, и пусть так и остается. Второй путь был описан Лекторским в упоминавшейся выше работе – это путь «гиперопределенности», где мы полностью передоверяем выбор «умным» технологиям: алгоритмы решают за меня, что мне помнить, что мне читать, куда поехать в отпуск и т. д. Моя личностная идентичность таким образом начинает определяться моим

цифровым профилем, которому подчиняется и моя жизнь в физической среде. Третий путь — выбор в пользу одной из сред, физической или цифровой, с минимизацией своей деятельности во второй из них. И, наконец, четвертый путь, вероятно, самый сложный, но в то же время, на мой взгляд, наиболее предпочтительный — поиск определенности в собственной личности. Это предполагает более высокую степень ответственности и самоконтроля, основанную на признании равнозначимости действий в физической и цифровой среде. Понимание того, что цифровая среда является не второстепенной, не «ненастоящей», а обладает реальностью и функционирует не хаотично, а согласно своим, отличающимся от физической среды, законам, позволит человеку более корректно согласовывать разные аспекты своей жизни в рамках личностной идентичности. Это, в свою очередь, должно помочь человеку лучше справляться с непредсказуемостью современного мира.

Список литературы

1. Лекторский 2008 – Лекторский В. А. Вера и знание в современной культуре // Сравнительная философия: Знание и вера в контексте диалога культур. М., 2008. С. 211–218.
2. Лекторский 2023 – Лекторский В. А. Неопределенность, непредсказуемость и суперопределенность // Лекции и доклады членов Российской академии наук в СПбГУП. Т. 5: Доклады. Санкт-Петербург: СПбГУП, 2023. С. 524–529.
3. Сартр 1989 – Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319–344.
4. Труфанова 2025 – Труфанова Е. О. Может ли искусственный интеллект обладать свойствами субъектности: философские аспекты проблемы // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2025. Т. 12. № 1. С. 111–117.
5. Фромм 2007 – Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Академический проект, 2007. 272 с.
6. Хан 2025 – Хан Б.-Ч. Инфократия. Истина и свобода в цифровую эпоху. М.: АСТ, 2025. 160 с.
7. Pariser 2011 – Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. New York: Penguin Press, 2011. 304 p.
8. Strickler 2024, web – Strickler Y. The Post-individual // Yancey Strickler Blog. URL: https://www.ystrickler.com/thepostindividual/ (дата обращения: 24.04.2026)
9. Strickler 2019, web – Strickler Y. The dark forest theory of the internet // Yancey Strickler Blog. URL: https://www.ystrickler.com/the-dark-forest-theory-of-the-internet/ (дата обращения: 24.04.2026)

УДК 001

ЛИЧНОСТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЫСЛЕННЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

Блохина Наталья Александровна

Доктор философских наук

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, профессор

E-mail: n.blokhina_77@mail.ru

Аннотация: Постановка проблемы личностной идентичности в западной философской традиции восходит к Джону Локку. Локк полагал, что атрибутивным свойством тождества личности выступает память. Свою позицию он проиллюстрировал мысленным экспериментом с обменом телами князя и башмачника, считая, что именно воспоминания о прошлой жизни сформируют их идентичность: князь и в теле башмачника останется князем, а башмачник в теле князя будет тем же башмачником. Теория памяти Локка подверглась критике уже в XVIII веке Томасом Ридом, который также прибегнул к мысленному эксперименту с памятью отставного генерала, впавшего на склоне лет в слабоумие и не способного в силу этого идентифицировать себя с мальчиком-хулиганом, которым он был и о неблаговидных поступках которого он уже не помнит. Последующая критика теории памяти привела к увеличению количества психологических маркеров, необходимых для личностной идентификации. Однако и психологическая теория столкнулась с рядом трудностей – парадоксом аргументативного логического круга и проблемой дублирования. Предпринятая в середине XX века атака на психологическую теорию с помощью мысленных экспериментов **и**звлечения и **п**ереноса ментального содержания мозга в другой мозг Бернардом Уильямсом привела его к выводу, что личностная идентичность требует и тождественности тела. Начало XXI века ознаменовалось обсуждением воображаемых ситуаций, в которых сознание переносится (загружается) в небиологическую машину. Тут исследователи, будь они учёными, сценаристами или писателями, столкнулись вновь с возможностью дублирования личности, разрыва существования, а при функционалистском подходе к сознанию – и с проблематичностью феноменологического переноса сознания. Некоторые философы считают весьма перспективным сценарий эмуляции всего мозга. Однако этот сценарий не выдерживает критики со стороны неврологов.

Ключевые слова: аналитическая философия, личностная идентичность, мысленный эксперимент

PERSONAL IDENTITY THROUGH THE PRISM OF THOUGHT EXPERIMENTS

Blokhina Natalia Alexandrovna
Doctor of Philosophy
Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Professor

Abstract: The problem of personal identity in the Western philosophical tradition dates back to John Locke. Locke believed that the essential property of identity is memory. He illustrated his position with a thought experiment involving the exchange of the bodies of a prince and a shoemaker, believing that the memories of their past lives would constitute their identity – the prince would remain the prince in the body of the shoemaker, and the shoemaker in the body of the prince would remain the same shoemaker. Locke's theory of memory was criticized as early as the 18th century by Thomas Reid, who also resorted to a thought experiment regarding the memory of a retired general who had developed dementia in his declining years and was therefore unable to identify himself with the boy he once was and whose nefarious deeds he no longer remembered. Subsequent criticism of the memory theory has led to an increase in the number of psychological markers necessary for personal identification. However, the psychological theory also faced a number of difficulties – the

paradox of the argumentative logical circle and the problem of duplication. Bernard Williams' attack on the psychological theory in the mid-twentieth century, using thought experiments involving the extraction and transfer of mental content from one brain to another, led him to the conclusion that personal identity requires bodily identity. The beginning of the 21st century was marked by a discussion of imaginary situations in which consciousness is transferred (uploaded) into a non-biological machine. Here, researchers – whether scientists, screenwriters, or writers – are faced once again with the possibility of personality duplication, the disruption of existence, and, within a functionalist approach to consciousness, with the problematic nature of the phenomenological transfer of consciousness. Some philosophers consider the whole brain emulation or WBE scenario to be very promising. However, this scenario does not withstand criticism from neurologists.

Keywords: analytical philosophy, personal identity, thought experiment

В аналитической философии обсуждение проблемы «сознание – тело» чаще всего отсылает к постановке этой проблемы Рене Декартом. А вот обсуждение проблемы личностной идентичности отсылает уже к постановке этой проблемы другим философом XVII столетия – Джоном Локком. Он писал: «…поскольку сознание всегда сопутствует мышлению и именно оно определяет в каждом его *Я* и этим отличает его от всех других мыслящих существ, то именно в [сознании] и состоит *тождество личности*, т.е. тождество разумного существа» [Локк 1985, с. 387]. Атрибутом сознания и, соответственно, атрибутивным признаком тождества личности у Локка выступает память: «насколько разумное существо может повторять идею прошлого действия с тем же самым сознанием о нём, какое у него было сначала, и с тем же самым своим сознанием о всяком теперешнем действии, настолько оно и есть *одна и та же личность*» [Локк 1985, с. 388–389]. Для обоснования своей точки зрения Локк предложил рассмотреть (воображаемую) ситуацию, при которой душа князя «переселяется» в тело башмачника, перенося с собой в новое тело опыт прошлой жизни богатого и статусного человека. Личность князя, обретя новое телесное пристанище, останется личностью князя, утверждает Локк.

Теория памяти Локка повлияла на будущие философские дискуссии, в частности, тем, что не канула в Лету, а подверглась критике и пересмотру, в частности Томасом Ридом (1710–1796) [Reid 2008, p. 113–118]. Опираясь на современные знания о психике человека и возможных состояниях сознания, можно заметить, что аргумент Т. Рида с использованием закона транзитивности явно несостоятелен. Если же отвечать на логический аргумент Рида в адрес теории памяти Локка, то можно заменить принцип транзитивности состояний сознания принципом *непрерывности* состояний сознания.

Но даже пересмотренная теория памяти Джона Локка не лишена проблем. Так, констатируя наличие воспоминаний, мы должны спросить: кому принадлежат эти воспоминания? Подразумевается, что существует некто (тождественная себе личность), кто этими воспоминаниями обладает. Следовательно, мы попадаем в ситуацию логического круга: чтобы быть самим собой, надо иметь воспоминания о себе, но воспоминания должны принадлежать себе, то есть тому, тождество кого мы устанавливаем.

Выявленные трудности заставили многих современных философов расширить количество маркеров для констатации тождества личности и превратить теорию памяти Локка в психологическую теорию личностной идентичности. Помимо воспоминаний, тождество личности определяют *намерения*, которыми мы связаны с нашим будущим «я».

Психологические связи устанавливаются в силу наших *желаний, убеждений, привычек* и других свойств личности. Таким образом, психологическая теория утверждает, что Б — это тот же человек, что и А, тогда и только тогда, когда фиксируется психологическая непрерывность между Б и А.

Но и теперь психологическая теория личностной идентичности не застрахована от критики. Во-первых, неясно, действительно ли она решает проблему аргументативного логического круга. Во-вторых, более широкая, чем теория памяти, психологическая теория сталкивается с серьезной проблемой, которая известна как проблема дублирования. Примером могут служить ситуации с телепортацией на другие планеты, описанные в научной фантастике. Так, в случаях неисправности аппарата телепортации человек на исходной планете может быть не дематериализован или же он может оказаться рематериализован на нескольких планетах (Parfit 1984. Part III).

Атаку на психологическую теорию личностной идентичности предпринял в середине XX века Бернард Уильямс, предложив поразмышлять над мысленными ситуациями с возможностью извлечения и переноса ментального содержания мозга в другой мозг [Williams 1957, p. 229–252]. Мысленные эксперименты позволили Уильямсу сделать вывод, что личностная идентичность требует и тождественности тела. Для подтверждения своего тезиса он предложил вернуться к случаю обмена телами князя и башмачника у Локка. Представим, что князь в жизни отличается высокомерной манерой поведения, а башмачник имеет высокий писклявый голос и веселое лицо. Трудно представить, что надменность принца могла бы передаваться этим голосом и этим лицом [Williams 1960, p. 43–48].

Помимо мысленного обмена телами, когда сознание одного человека переносится в тело другого, и наоборот, можно вообразить ситуацию, в которой сознание переносится (загружается) в небиологическую машину. Такие случаи описаны в научно-фантастических романах (Sawyer R. Mindscan, 2005; Пелевин В. TRANSHUMANISM INC, 2021) Сьюзен Шнайдер предлагает теоретическое описание подобного мысленного эксперимента [Schneider 2019]. Однако описанный ею эксперимент высвечивает и проблему дублирования.

В недавних философских обсуждениях загрузки мозга в небиологическую машину философы разделились на оптимистов и пессимистов. Обзор различных возможностей загрузки, проведённый Дэвидом Чалмерсом [Chalmers 2010, p. 7–65], склоняет к оптимизму, если речь идёт о постепенной перезагрузке. Многие пессимисты указывают на опасения, связанные с дублированием. Но существуют и другие причины для пессимизма. Так, Кораби и Шнайдер отмечают, что даже при очень быстрой загрузке процесс не может быть мгновенным: поскольку информация загружается, её необходимо обработать и собрать заново на компьютере-хосте, прежде чем дубликат оригинального мозга начнёт функционировать, налицо разрыв существования [Corabi, Schneider 2012, p. 35].

Существуют и другие пессимистические точки зрения на проблему. Так, Хаускеллер [Hauskeller 2012] и Мандельбаум [Mandelbaum 2022] полагают, что мысленный эксперимент с перезагрузкой мозга исходит из функционалистской теории сознания. Будут ли дубликаты существ, куда перенесены структурные компоненты мозга, обладать квалиа, то есть сознанием? Произойдёт ли феноменологический перенос сознания?

Пока сценарий загрузки мозга и, как предполагается, перенесение сознания в другое небиологическое материальное тело рассматривается как фантастический, хотя сценарий эмуляции всего мозга некоторые считают достижимым [Sandberg, Bostrom 2008, p. 5; Mandelbaum 2022]. Но, на наш взгляд, это вряд ли научно обосновано. М. А. Пирадов – невролог, академик и вице-президент РАН, привел такой пример: на изучение всех связей

мозга нематоды (круглого червя, у которого 302 нейрона) ушло 15 лет. Человеческий мозг в среднем состоит из 86 миллиардов нейронов. Предположительно, на изучение их связей уйдет 4 миллиарда лет.

Список литературы

1. Локк Дж. 1985 – Джон Локк. Опыт о человеческом разумении (1689) // Сочинения в 3-х т. Т. I / Ред. И. С. Нарский, А. Л. Субботин. Пер. с англ. А. Н. Савина. М.: Мысль, 1985. С. 78–582.
2. Chalmers 2010 – Chalmers D. J. The Singularity: A Philosophical Analysis // Journal of Consciousness Studies. 2010. Vol. 17. P. 7–65.
3. Corabi, Schneider 2012 – Corabi J., Schneider S. Metaphysics of Uploading // Journal of Consciousness Studies. 2012. Vol. 19 (1–2). P. 26–44.
4. Hauskeller 2012 – Hauskeller M. My Brain, My Mind, and I: Some Philosophical Assumptions of Mind-Uploading // International Journal of Machine Consciousness. 2012. Vol. 4 (1). P. 187–200.
5. Mandelbaum 2022 – Mandelbaum E. Everything and More: The Prospects of Whole Brain Emulation // Journal of Philosophy. 2022. Vol. 119. P. 444–459.
6. Parfit 1984 – Parfit D. Reasons and Persons. Oxford: Oxford University Press, 1984. Part III: Personal Identity. P. 199–347.
7. Reid 2008 – Reid Th. Of Mr. Locke's Account of Our Personal Identity (1785) // John Perry (ed.) Personal Identity. Second edition. Berkeley, 2008. P. 113–118.
8. Schneider 2019 – Schneider S. Artificial You: AI and the Future of Your Mind. Princeton: Princeton University Press, 2019. 192 p.
9. Sandberg, Bostrom 2008 – Sandberg A., Bostrom N. Whole Brain Emulation: A Roadmap. Oxford: Future of Humanity Institute, 2008. 130 p.
10. Williams 1960 – Williams B. Personal Identity and Bodily Continuity: A Reply // Analysis. 1960. Vol. 21. P. 43–48.
11. Williams 1957 – Williams B. Personal Identity and Individuation // Proceedings of the Aristotelian Society. 1957. Vol. 57. P. 229–252.

УДК 316.752.4

«СВОЙ», «ДРУГОЙ», «ЧУЖОЙ» – ТРЕХЭЛЕМЕНТНАЯ СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: КУЛЬТУРНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Герштейн Илья Захарьевич

Кандидат политических наук

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, доцент

E-mail: Zaharych77@mail.ru

Аннотация. Настоящий доклад посвящен анализу структуры макросоциальной идентичности. Она всегда основана на противопоставлении «своего» сообщества «другому».

Основных вариантов два: классический подход – дихотомия «Я» / «Другой» и более сложная трехэлементная модель, включающая элемент «Чужого» в качестве «Другого», несущего угрозу «Своим». Статус «Другого» в подобной интерпретации межгруппового взаимодействия остается нейтральным: не совпадающим со «Своим», но и не угрожающим ему. В качестве примеров типов макросоциальной идентичности, где двухэлементная структура может привести к тяжелым последствиям, выбраны международные и межэтнические отношения. В первом случае идентичность формализована, во втором – нет. Однако в обоих случаях дихотомия «Я» / «Другой» в процессе идентификации угрожает серьезным конфликтом. И межгосударственный, и межэтнический конфликты мешают нормальному поступательному развитию всех затронутых в них сообществ. Порой и существованию одной из групп (или обеим сразу). В наиболее радикальной форме эти конфликты выходят далеко за первоначальные рамки и ведут к негативным последствиям не только для непосредственных сторон конфликта, но и для третьих групп, даже для человечества в целом. Делается вывод о необходимости конструирования трехэлементной структуры макросоциальной идентичности в качестве основы социального взаимодействия.

Ключевые слова: «Свой», «Другой», «Чужой», макросоциальная идентичность, структура идентичности, дихотомия, государство, этническое сообщество.

"OURS", "OTHER", "ALIEN" – A THREE-ELEMENT STRUCTURE OF SOCIAL IDENTITY: CULTURAL AND POLITICAL CONSEQUENCES

Iya Zakharyevich Gershtein
PhD in Political Science
N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Associate Professor

Abstract. This paper analyzes the structure of macrosocial identity. It is always based on the opposition of "one's own" community to "the other." There are two main approaches: the classical approach – the dichotomy of "Self" and "Other" – and a more complex, three-element model that includes the element of "Alien" – as the "Other" posing a threat to "one's own." In this interpretation of intergroup interaction, the status of the "Other" remains neutral, neither coinciding with "one's own" nor threatening it. International and interethnic relations are selected as examples of macrosocial identity types where a two-element structure can lead to serious consequences. In the first case, identity is formalized; in the second, it is not. However, in both cases, the dichotomy of "Self" and "Other" in the process of identity threatens serious conflict. Both interstate and interethnic conflicts hinder the normal, progressive development of all affected communities, and sometimes even the existence of one of the groups (or both). In their most radical forms, these conflicts extend far beyond their initial boundaries and lead to negative consequences not only for the immediate parties to the conflict but also for third parties, even for humanity as a whole. The conclusion is drawn about the need to construct a three-element structure of macrosocial identity as the basis for social interaction.

Keywords: “Ours”, “Other”, “Alien”, macrosocial identity, identity structure, dichotomy, state, ethnic community.

Феномен социальной идентичности является весьма популярным для изучения. В рамках социальной идентичности человек воспринимает других людей не персонально, а как представителей каких-либо других социальных групп. Но, являясь членом группы, человек в

своей повседневной деятельности руководствуется индивидуальной мотивацией, не всегда совпадающей с мотивацией «группового эталона» [Идентичность… 2017, с. 21]. При этом принадлежность человека к группе может быть, как строго формализованной, так и основанной на неформальной связи либо выборе. В любом случае социальная идентичность предполагает отношение к индивидууму именно как к представителю своей группы.

При реализации индивидуальной идентификации неизбежно возникает дихотомия «Я» / «Другой», которая базируется на восприятии физических параметров организма. Социальная идентичность гораздо сложнее. Представители различных групп могут восприниматься и как «свои», и как «другие», и как «чужие». Разница между «другим» и «чужим» является критически важной. Если «Другой» просто является тем, кем не являюсь «Я» или «свои» в рамках моей социальной группы [Нойманн 2004, с. 45], то «чужой» – это прямая угроза существованию «Я» или, как минимум, «своим». Поэтому он воспринимается как зло, которое, как максимум, должно быть полностью уничтожено, а как минимум – изолировано от «своих».

На практике даже при изучении социальных отношений многие исследователи склонны прибегать к упрощённой дуалистической модели, где существуют только два элемента: «Я» и «Другой». Подобная структура, повторимся, является калькой с процесса формирования индивидуальной идентичности. Однако в социальных процессах она ведет к упрощению и искажению воспринимаемой человеком картины мира.

Подобное утверждение можно рассмотреть на примерах взаимодействия различных макросоциальных групп. В качестве первого примера можно привести международные отношения. Они характеризуются чётким выделением критерия «Другого». В системе международных отношений основными акторами являются суверенные государства. Они являются субъектами «внешнеполитической» идентичности, под которой подразумеваются «идеи и представления, порой мифологизированные, о сложившемся и/или желаемом порядке, о месте, роли и статусе государства в мире, о его реальных и потенциальных союзниках, соперниках и врагах, о его ресурсах внешней политики» [Идентичность… 2017, с. 465-466]. Границы между этими субъектами идентичности определяются достаточно чётко, как на политической карте мира (в большинстве случаев), так и среди людей благодаря юридически формализованному институту гражданства. Однако даже в этом случае существуют неопределённости, связанные с тем, что реальными носителями государственной (национальной) идентичности являются отдельные люди, способные менять гражданство, иметь двойную идентичность и т. д.

Взаимодействие государств одновременно является примером и институциональной, и социальной идентичности, где сведение взаимодействия исключительно к формуле «Я» / «Другой» невозможно.

Во-первых, этого нельзя делать из-за множественности самих государств. Только в ООН насчитывается 193 члена, а с учетом непризнанных или частично признанных государственных образований это число уходит далеко за две сотни. Отношения любого одного из них со всеми остальными не могут быть абсолютно одинаковыми. Начинается выделение «друзей», «врагов», «нейтралов» и т. д. Этот процесс идентификации различных стран уже порождает большое количество форм взаимоотношений, в каждом случае формируя собственную идентичность как процесс восприятия «Другого».

В любом случае невозможно представить все государства мира «своими» или, наоборот, чужими для идентифицирующего субъекта. Введение «Чужого» как противопоставление даже не «Я», а «Другому» резко облегчает понимание и анализ международных процессов.

Другой пример – межэтнические отношения. Границы этнических сообществ не имеют жесткой фиксации. В данной работе мы будем придерживаться конструктивистского понимания этноса. «Этничность – это форма социальной организации культурных различий» [Тишков 2003, с. 60]. В. А. Тишков прямо пишет: «Этническая реальность предполагает существование социальных маркёров как признанных средств дифференциации групп, сосуществующих не в бинарной оппозиции "мы – они", а в более широком поле социального взаимодействия» [Тишков 2003, с. 61]. Сведение этнических взаимоотношений к популярной дихотомии «Я» / «Другой» всегда заканчивается межэтническим конфликтом, который может выливаться в вооруженные столкновения, в крайних случаях – этнический геноцид. Любой человек может иметь двойную, даже тройную этническую идентичность и считать своими любые элементы, традиционно приписываемые той или иной культурной традиции. При этом можно обратиться к такому феномену современной культурной политики, как формирование «этнокультурного канона». В последнем случае весьма актуален вопрос о социальных институтах, формирующих подобный эталон. Одним из них, необходимо, будет институт государства с его системой образования, культурной политикой и т. д. Однако, оставаясь важным субъектом этнического конструирования, государство не может полностью монополизировать данный процесс. В нем обязательно будут принимать участие представители «этнических общин» – сообществ, официально ориентированных на участие в «сохранении», а значит, и в конструировании и развитии соответствующих этнокультурных «канонов». В условиях, когда этничность является «котом Шредингера» социальных взаимоотношений (деление общества на группы по культурному признаку невозможно отрицать, но ни у одного этноса нет стопроцентно объективных критериев), сводить их к простой оппозиции «Я» / «Другой» просто некорректно.

Именно разделение в процессе идентификации «Другого» и «Чужого» придает социальным отношениям необходимую устойчивость – подобно треноге, на которой можно четко зафиксировать прибор даже на самой неровной местности.

В социальной и политической практике использование трехэлементной структуры идентичности при анализе социальных процессов происходит далеко не всегда. Напротив, государства или руководители этнических сообществ в целях мобилизации социума на решение своих задач часто прибегают к дихотомии «Я» / «Другой», используя прием «негативной идентичности». «Негативная идентичность», по Л. Д. Гудкову, – это «самоутверждение от противного, от другого значимого предмета или представления, но выраженное в форме отрицания каких-либо качеств или ценностей у их носителя, выступающего в виде чужого, отвратительного, пугающего, угрожающего, персонифицирующего все, что неприемлемо в членах группы или сообщества, короче, антипода» [Гудков 2000, с. 37].

Это значительно упрощает процесс социальной мобилизации во время конфликтов различного рода, но резко усложняет социальное взаимодействие между представителями различных групп и препятствует урегулированию социальных конфликтов.

Вывод. Трехэлементная структура социальной идентичности является оптимальной моделью выстраивания отношений между макросоциальными группами. Она не устраняет причины социальных конфликтов, но создает предпосылки для максимально объективного анализа их причин и устанавливает «правила» оценки вероятности их возникновения, способствуя усилиям по их предотвращению/урегулированию.

Список литературы

1. Гудков 2000 – Гудков Л. Д. К проблеме негативной идентификации / Л. Д. Гудков // Мониторинг общественного мнения. 2000. № 5. С. 35–44.
2. Идентичность… 2017 – Идентичность: личность, общество, политика / (отв. ред. И. С. Семененко. М.: Издательство «Весь мир», 2017. 992 с.
3. Нойманн 2004 – Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей / И. Нойманн. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
4. Тишков 2003 – Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

УДК 13

КОНЦЕПТЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ИНДИКАТОРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ И МЕНТАЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Колесова Ольга Валентиновна
доктор философских наук
профессор кафедры социально-политических коммуникаций
Института международных отношений и мировой истории (ИМОМИ)
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
E-mail: kolesovaov@yandex.ru

Аннотация: В статье исследуются особенности функционирования ключевых культурных концептов в сознании современной студенческой молодёжи как индикаторов культурной идентичности и ментальности. Актуальность работы обусловлена возрастающей значимостью сохранения культурной специфики в современной геополитической ситуации. Цель исследования – выявить специфику восприятия традиционных ценностей (на примере концептов «Родина», «патриотизм», «дружба», «семья», «долг», «счастье», «свобода», «личность») через анализ ассоциативных связей и структуры данных концептов у студентов. Методологическая база включает междисциплинарный подход, ментальный метод и метод ассоциативного анализа. Эмпирическую базу составили результаты ассоциативного опроса 204 студентов ННГУ им. Н. И. Лобачевского (возраст 17–24 года, преимущественно 17–21 год; студенты 1–4 курсов разных направлений подготовки и молодые специалисты). Анализ ассоциаций позволил определить ядро и ближнюю периферию каждого концепта (например, для «Родины» ядро – «дом», «Россия/страна», «семья/родные»; для «дружбы» – «доверие», «поддержка», «верность»). Выявлены возрастные и профессиональные различия в восприятии: младшие респонденты (17–18 лет) акцентируют внимание на эмоциях и образах, старшие (22–24 года) – на ответственности и стабильности; гуманитарии выделяют символы и права, экономисты – финансы, медики – гуманизм. Отмечена двойственность трактовок (например, долг как моральная категория или финансовое бремя). Результаты подтверждают приверженность молодёжи традиционным ценностям при их современной интерпретации (самореализация, свобода выбора). Показано, что концептосфера русской культуры воспроизводится в сознании молодёжи, адаптируясь к актуальным реалиям. Полученные

данные могут быть использованы в культурологии, социологии, психологии и педагогике для разработки программ по укреплению культурной идентичности.

Ключевые слова: ментальность, культурная идентичность, концептосфера, концепт, традиционные ценности, ассоциативный анализ, студенты.

CONCEPTS OF RUSSIAN CULTURE AS INDICATORS OF IDENTITY AND MENTALITY OF MODERN RUSSIAN YOUTH

Kolesova Olga Valentinovna
Doctor of Philosophical Sciences,
Professor of the Department of Socio-Political Communications,
Institute of International Relations and General History (IMOMI) of
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Abstract: The article examines the peculiarities of the functioning of key cultural concepts in the minds of modern students as indicators of cultural identity and mentality. The relevance of the work is due to the increasing importance of preserving cultural specificity in the modern geopolitical situation. The purpose of the study is to identify the specifics of the perception of traditional values (using the concepts of "Homeland", "patriotism", "friendship", "family", "duty", "happiness", "freedom", "personality" as an example) through the analysis of associative connections and data structures of concepts among students. The methodological framework includes an interdisciplinary approach, a mental method and an associative analysis method. The empirical basis was based on the results of an associative survey of 204 students of N. I. Lobachevsky National Research University (age 17-24, mostly 17-21 years old; students of 1-4 courses of various fields of study and young professionals). The analysis of associations allowed us to identify the core and the near periphery of each concept (for example, for "Homeland" the core is "home", "Russia/country", "family/relatives"; for "friendship" – "trust", "support", "loyalty"). Age and professional differences in perception were revealed: younger respondents (17-18 years old) focus on emotions and images, seniors (22-24 years old) – on responsibility and stability; humanities students highlight symbols and rights, economists – finance, doctors – humanism. Ambivalence of interpretations is noted (for example, debt as a moral category or a financial burden). The results confirm the commitment of young people to traditional values in their modern interpretation (self-realization, freedom of choice). It is shown that the conceptual sphere of Russian culture is reproduced in the minds of young people, adapting to current realities. The data obtained can be used in cultural studies, sociology, psychology, and pedagogy to develop programs to strengthen cultural identity.

Keywords: mentality, cultural identity, conceptual sphere, concept, traditional values, associative analysis, students.

В современной геополитической ситуации вопросы сохранения культурной специфики приобрели особенно острый характер. Судьба культуры связана с её жизнестойкостью как умением находить своё продолжение в новых поколениях её представителей. Эта проблема решается в контексте вопросов культурной идентичности и ментальности.

Наше понимание ментальности сводится к её определению как структуры, содержащей природный и культурный элементы. Первый сохраняет свою неизменность во времени, второй трансформируется в зависимости от ценностных приоритетов [Колесова 2022, с. 61].

Ментальность, будучи априорной онтологической структурой, может быть распознана через выявление культурных архетипов, проявляющихся, в свою очередь, через поведенческие стереотипы, ценностные предпочтения, когнитивные схемы, чувство юмора и т. п.

Одним из существенных её индикаторов является язык. Именно в языке фиксируются концепты как микромодели культуры [Зусман 2001, с. 41]. В структуре концепта содержатся его основные смыслы. Сама структура концепта представлена ядром, несущим основное лексическое значение; приядерной зоной, содержащей устойчивые ассоциации и фразеологизмы; периферией, наполненной индивидуальными, контекстными и историческими смыслами; ценностным компонентом, фиксирующим оценки, нормы и идеалы. Концепты структурируют культурный опыт, обеспечивают взаимопонимание носителей культуры, закрепляют нормы и идеалы и формируют культурную идентичность, лежащую в основе ментальности.

Д. С. Лихачёв ввёл в отечественную науку термин «концептосфера» [Лихачёв 1997]. Он позиционировал концептосферу как совокупность концептов нации, образованную всеми потенциями концептов носителей языка. Ю. С. Степанов «концептосферой» называл систему взаимосвязанных концептов, отражающих ментальность народа [Степанов 2004, с. 74], и определял её как «совокупность всех концептов данного языка, расположенных в определённом порядке». Концептосфера служит основой формирования культурной идентичности, а идентичность, в свою очередь, поддерживает и воспроизводит концептосферу. Это взаимозависимый процесс.

Русская культура понималась многими исследователями (Милюковым, Хомяковым, Данилевским, Леонтьевым, Бердяевым, Ильиным) как культура традиционная, ориентированная на коллективистские идеалы. Для культуры, ориентированной подобным образом, особую значимость имеют концепты, фокусирующие в себе соответствующие смыслы.

Для ассоциативного анализа, проведённого нами в студенческой среде, были выбраны концепты, отвечающие этим требованиям, такие как «Родина», «патриотизм», «дружба», «семья», «долг», «счастье», «свобода», «личность».

Цель нашего исследования – выявление особенностей функционирования концептов, аккумулирующих традиционные ценности, благодаря фиксации:

– ассоциативных связей, возникающих у студентов в отношении определённого концепта;

– структуры концептов на основе частоты и характера возникающих ассоциаций.

Методологической базой исследования является междисциплинарный подход; применяются ментальный метод и метод ассоциативного анализа.

Новизна исследования заключается в идентификации мировоззрения современной студенческой молодёжи посредством анализа концептов с традиционными культурными смыслами.

В исследовании приняли участие 204 студента ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Возрастной диапазон – 17–24 года (преимущественно 17–21 год). Состав выборки: студенты 1–4-го курсов разных направлений подготовки (гуманитарные, технические, экономические и др.), молодые специалисты.

Анализ ассоциаций по ряду ключевых концептов позволил выделить в их структуре следующую специфику восприятия ядра и периферии:

Родина: ядро – «дом» (135 упоминаний), «Россия/страна» – 110, «семья/родные» – 86; ближняя периферия – «природа» – 64, «история/традиции» – 55, «родной город» – 42.

Патриотизм: ядро – «любовь к Родине» – 101, «гордость за страну» – 79, «долг/служение» – 69; ближняя периферия – «честь, мужество» – 47, «народные символы» – 38, «уважение традиций» – 34.

Дружба: ядро – «доверие» – 163, «поддержка» – 144, «верность» – 126; ближняя периферия – «искренность» – 82, «общение» – 68, «радость» – 58.

Семья: ядро – «любовь» – 152, «дом» – 134, «родители» – 124; ближняя периферия – «уют» – 96, «забота» – 88, «дети» – 66.

Долг: ядро – «ответственность» – 159, «обязанность» – 138, «честь/совесть» – 84; ближняя периферия – «служение обществу» – 62, «армия» – 48, «закон» – 44.

Счастье: ядро – «любовь» – 132, «радость» – 116, «семья» – 98; ближняя периферия – «гармония» – 84, «спокойствие» – 76, «путешествия» – 64.

Свобода: ядро – «выбор» – 134, «независимость» – 122, «воля» – 108; ближняя периферия – «путешествия» – 78, «самовыражение» – 66, «права» – 54.

Личность: ядро – «индивидуальность» – 146, «характер» – 132, «самореализация» – 118; ближняя периферия – «внутренний мир» – 86, «уникальность» – 82, «уверенность» – 74.

Анализ полученных результатов позволяет сделать вывод о том, что современные студенты привержены традиционным ценностям. Семья, дружба, любовь и патриотизм воспринимаются молодёжью как безусловные и смыслообразующие понятия. В ядре ассоциаций доминируют позитивные, эмоционально окрашенные реакции («любовь», «радость», «доверие», «тепло»).

Вполне приложимо к молодёжи понимание особенностей русского восприятия как преимущественно эмоционального. Ключевые концепты осмысляются прежде всего через призму чувств: Родина – как «дом» и «семья», счастье – как «радость» и «гармония», дружба – как «доверие» и «поддержка». Особенно ярко это проявляется у младших респондентов (17–18 лет), которые чаще используют метафоры и образы («простор», «солнце», «крылья») и связывают счастье с конкретными событиями (путешествиями, концертами).

Находят подтверждение и общие характеристики русской культуры, где сбалансированно сосуществуют личное и общественное начала (соборность). Личное («дом», «семья», «близкие») тесно переплетается с общественным («страна», «народ», «долг»). Можно выделить особенность восприятия, названную славянофилами «живознанием», которая выражена в дихотомии чувства и действия: Родина воспринимается как эмоционально-географическое пространство, а патриотизм – как функциональная обязанность (любовь дополняется долгом, защита – служением и преданностью).

Духовный потенциал молодёжи выражен в стремлении к самореализации. Свобода осмысляется как возможность выбора и действия, самовыражения и творчества. Личность раскрывается через уникальность и взаимодействие с обществом (индивидуальность и ответственность). Счастье связывается не с материальными благами, что характерно для русской культуры, а с гармонией, близостью и возможностью самореализации.

Необходимо отметить некоторые различия в восприятии концептов у совсем молодых и более зрелых респондентов.

Младшие респонденты (17–18 лет) делают акцент на эмоциях и позитивных переживаниях («радость», «веселье», «смех»), связывают патриотизм с военно-государственными символами (армия, флаг, 9 Мая) и используют яркие образные ассоциации.

Старшие респонденты (22–24 года) и молодые специалисты подчёркивают ответственность, традиции, стабильность; расширяют понятия («семья» – «коллеги, пациенты», «долг» – «профессиональный долг»); связывают счастье со стабильностью и самореализацией; чаще дают абстрактные и государственные ассоциации («суверенитет», «цивилизация», «национальная идея»).

На специфику восприятия влияет также профессиональная принадлежность. Так, гуманитарии акцентируют внимание на символах и правах; экономисты – на финансах; медики – на гуманизме.

Нужно отметить присутствующую двойственность восприятия некоторых концептов. Так, долг может быть моральной категорией («честь», «ответственность») или финансовым бременем («кредит», «коллекторы»), а патриотизм – эмоциональной связью («любовь», «гордость») или действием («защита», «служение»).

Несмотря на преобладание позитивных ассоциаций, зафиксированы отдельные критические и ироничные реакции (например, по концептам «Родина» и «патриотизм»), что отражает некоторую неоднозначность восприятия данных категорий в современном обществе.

Подводя итоги, нужно отметить, что молодёжь демонстрирует зрелое, рефлексивное мышление и ценностно ориентированное мировоззрение. Сохраняется связь с традиционными ценностями (семья, дружба, патриотизм, ответственность), но они дополняются современными интерпретациями (самореализация, свобода выбора). Ценностные ориентиры эволюционируют с возрастом: от эмоциональных и образных ассоциаций у младших респондентов к абстрактным и социально значимым у старших.

Исследование подтверждает, что концептосфера русской культуры продолжает воспроизводиться в сознании молодёжи, адаптируясь к современным реалиям. Полученные данные могут быть использованы в культурологии, социологии, психологии и педагогике для разработки программ по укреплению культурной идентичности и трансляции традиционных ценностей.

Список литературы

1. Зусман 2001 – Зусман В. Г. Диалог и концепт в литературе: литература и музыка. Нижний Новгород: Деком, 2001. 168 с.
2. Колесова 2022 – Колесова О. В. Ментальность. Закон, подход, метод. СПб.: Владимир Даль, 2022. Т. 137. 299 с.
3. Лихачёв 1997 – Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / Ин-т народов России и др.; под общ. ред. В. П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 280–287.
4. Степанов 2007 – Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки славянских культур, 2007. 768 с.

УДК 13

ИЗМЕНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ ИНДОНЕЗИЙЦЕВ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Сетиаван Рефли
аспирант
Института международных отношений и мировой истории (ИМОМИ),
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
E-mail: setiawan1992@mail.ru
Колесова Ольга Валентиновна
доктор философских наук,
профессор кафедры социально-политических коммуникаций,
Института международных отношений и мировой истории (ИМОМИ)
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
E-mail: kolesovaov@yandex.ru

Аннотация: В статье исследуется динамика трансформации культурного и политического самосознания индонезийского общества в условиях глобализации и развития информационных технологий. Цель работы — проанализировать изменения культурного и политического самосознания индонезийского общества, выявить исторические этапы и факторы, влияющие на формирование национальной и политической идентичности. Методологическая база исследования включает историко-сравнительный метод, контент-анализ, социологические методы, дискурс-анализ и теоретический анализ научных источников. В ходе исследования проанализированы исторические этапы становления национальной идентичности: колониальный период, обретение независимости, эпохи Старого порядка (1945–1967 гг. при Сукарно) и Нового порядка (1967–1998 гг. при Сухарто), а также период реформ после 1998 года. Показано, как на каждом этапе происходило взаимодействие местных традиций с внешними влияниями и как это отражалось на консолидации общества. Особое внимание уделено роли Панчасилы — официальной философской доктрины, включающей принципы веры в единого Бога, национализма, гуманизма, демократии и социальной справедливости, — как каркаса национальной идентичности. Выявлены ключевые факторы современных изменений в культурных ценностях: распространение информационных технологий и социальных сетей, развитие образования с акцентом на глобальную грамотность и права человека, влияние массовой культуры и медиа. Проанализированы позитивные последствия этих процессов (рост гражданской активности, демократизация, инклюзивность) и связанные с ними вызовы — в частности, напряжённость между традиционными ценностями (взаимопомощь, семейственность, иерархия) и распространением индивидуализма и космополитизма. Сделан вывод о том, что устойчивое развитие Индонезии в глобализированном мире требует баланса между сохранением культурной самобытности и адаптацией к новым реалиям. Подчёркнута важность продуманной политики, общественного диалога и образования, ориентированного на национальный характер, для поддержания социальной гармонии и формирования инклюзивной политической идентичности, сочетающей демократические ценности с традиционными установками.

Ключевые слова: Индонезия, национальная идентичность, политическая идентичность, Панчасила, глобализация, культурные ценности, демократизация, информационные технологии.

CHANGES IN INDONESIAN CULTURAL AND POLITICAL SELF-CONSCIOUSNESS DURING THE DEVELOPMENT OF POLITICAL IDENTITY

Setiawan Refly
Postgraduate student
Institute of International Relations and World History (IMOMI),
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Kolesova Olga Valentinovna
Doctor of Philosophy
Professor, Department of Socio-Political Communications
Institute of International Relations and World History (IMOMI)
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Abstract: This article examines the dynamics of the transformation of Indonesian cultural and political identity in the context of globalization and the development of information technology. The aim of the study is to analyze changes in Indonesian cultural and political identity and identify the historical stages and factors influencing the formation of national and political identity. The research methodological framework includes a historical-comparative method, content analysis, sociological methods, discourse analysis, and a theoretical analysis of scholarly sources. The study analyzes the historical stages of national identity development: the colonial period, independence, the Old Order (1945–1967 under Sukarno), and New Order (1967–1998 under Suharto), as well as the post-1998 reform period. The article explores how local traditions interacted with external influences at each stage and how this affected the consolidation of society. Particular attention is paid to the role of Pancasila, the official philosophical doctrine, which includes the principles of faith in one God, nationalism, humanism, democracy, and social justice as the framework of national identity. Key factors in contemporary changes in cultural values are identified: the spread of information technology and social media, the development of education with an emphasis on global literacy and human rights, and the influence of popular culture and media. The positive consequences of these processes (increased civic engagement, democratization, and inclusiveness) and associated challenges are analyzed in particular, the tension between traditional values (mutual assistance, family ties, and hierarchy) and the spread of individualism and cosmopolitanism. It is concluded that Indonesia's sustainable development in a globalized world requires a balance between preserving cultural identity and adapting to new realities. The importance of well-thought-out policies, public dialogue, and education focused on national character is emphasized for maintaining social harmony and fostering an inclusive political identity that combines democratic values with traditional attitudes.

Keywords: Indonesia, national identity, political identity, Pancasila, globalization, cultural values, democratization, information technology.

Индонезия — страна с богатейшим культурным наследием, объединяющим множество этнических групп, традиций, языков и религиозных верований. Это многообразие формирует

сложную национальную идентичность, становление которой происходило в ходе длительного исторического процесса [Romli 2019, p. 81].

Трансформация культурного и политического самосознания индонезийского общества ускоряется под влиянием глобальных изменений и информационных технологий. Основной вызов современности заключается в сохранении баланса между традиционными ценностями (взаимопомощью, семейственностью, иерархией) и распространением индивидуализма.

Возникает необходимость выявления и анализа факторов, влияющих на формирование национальной и политической идентичности и способствующих сохранению единства нации в современных условиях политической нестабильности.

Цель исследования — проанализировать изменения культурного и политического самосознания индонезийского общества, выявить исторические этапы и факторы, влияющие на формирование национальной и политической идентичности, а также оценить вызовы и определить факторы, способствующие сохранению единства и самобытности нации в условиях глобализации.

Методы исследования: историко-сравнительный, контент-анализ, социологические методы, дискурс-анализ, теоретический анализ.

Колониальный период развития Индонезии привнёс в её культуру элементы западной культуры, которые смешались с местными традициями. Взаимодействие этих пластов породило уникальную гибридную культуру, где традиционные ценности соседствуют с модернистскими идеями. Борьба за независимость под руководством националистических лидеров (в т.ч. Сукарно и Мохаммада Хатты) укрепила национальное самосознание, основанное на ценностях свободы, единства и справедливости [Hasyim 2009, p. 74; Feith 2007, p. 84].

После обретения Индонезией независимости периоды «Старого» и «Нового» порядков закрепили национализм и Панчасилу как основы государства [Wahyudin 2019, p. 131]. Панчасила — официальная философская доктрина, включающая принципы веры в единого Бога, национализм, гуманизм, демократию и социальную справедливость, — стала каркасом национальной идентичности. Эпоха реформ с 1998 года привнесла демократию, представления о правах человека и плюрализм, повлияв на политическую идентичность страны [Hasyim 2009, p. 83]. В условиях глобализации и развития цифровых технологий культурные ценности индонезийского общества продолжают адаптироваться к новым условиям, сталкиваясь с вызовами сохранения аутентичности [Mubyarto 2003, p. 89].

Понимание этих изменений важно для выработки стратегий национального развития, сочетающих культурное разнообразие с единством народа [Romli 2019, p. 92]. Осознание динамики идентичности позволяет строить инклюзивные модели управления, учитывающие интересы всех групп населения.

Изменения в самосознании и культурных ценностях Индонезии — динамичный процесс, испытывающий влияние внутренних и внешних факторов [Hasyim 2009, p. 102]. Каждый исторический этап привносил в них новые элементы, формируя многослойную идентичность.

В колониальный период местная культура находилась под влиянием Запада через торговлю, миссионерство и управление. Голландское господство (XVII–XX вв.) внедрило институты образования и права, изменившие традиционные структуры власти. Это породило диалектику между сохранением культурной идентичности и адаптацией к иностранным ценностям [Arifin 2025, p. 169].

Национальное сознание крепло как реакция на колониальную власть, становясь движущей силой культурной и политической идентичности [Hasyim 2009, p. 115]. Лидеры

борьбы за независимость позиционировали любовь к Родине и идеалы суверенитета, закладывая основы независимой нации [Feith 2007, p. 84].

Периоды Старого порядка (при Сукарно, 1945–1967) и Нового порядка (при Сухарто, 1967–1998) стали этапами формирования национальной идентичности благодаря идее национализма и Панчасилы [Wahyudin 2019, p. 131].

Старый порядок акцентировал антиколониальные настроения и международную солидарность, укрепляя идентичность через национальные символы. Политика Nasakom (национализм, религия, коммунизм) пыталась объединить разнородные группы, хотя и привела к конфликтам.

Новый порядок делал упор на стабильность, экономическое развитие и идеологию Панчасилы, пропагандируя дисциплину, трудолюбие и патриотизм [Hasyim 2009, p. 117]. Государство жёстко контролировало культурную сферу, ограничивая плюрализм ради единства.

Реформы 1998 года открыли путь к демократизации, свободе выражения мнений и плюрализму. Отмена цензуры и децентрализация власти дали регионам больше автономии, усилив локальные идентичности. Свобода прессы ускорила распространение идей многообразия и толерантности, укрепляя инклюзивную идентичность [Mubyarto 2003, p. 89].

Глобализация и информационные технологии усилили влияние мировой культуры через цифровые медиа, создавая мультикультурную идентичность и одновременно ставя вопрос о сохранении аутентичных ценностей [Castells 2010, p. 150].

Глобализация ускоряет изменения в мышлении и культуре, трансформируя восприятие индонезийским обществом себя и своего места в мире [Raharjo 2022, p. 155]. Ключевыми факторами изменений стали:

— информационные технологии и социальные сети как платформы для выражения мнений и обмена идеями, распространяющие индивидуализм и космополитизм [Ritzer 2010, p. 184; Norris 2005, p. 129];

— образование, акцентирующее внимание на глобальной грамотности, правах человека и демократии, формирующее критическое и инклюзивное мышление у молодёжи [Norris 2005, p. 134];

— массовая культура и медиа, знакомящие общество через фильмы, музыку, моду и цифровые платформы с глобальными идеями и меняющие культурные ценности [Romli 2019, p. 94].

Эти изменения влияют на политическую идентичность: растёт участие в выборах, социальных движениях, а также растут требования справедливости, прав человека и культурного многообразия [Kambo 2018, p. 128].

Однако на фоне положительных изменений существуют и значительные вызовы, такие как конфликт ценностей, когда индивидуализм и космополитизм угрожают традиционным нормам взаимопомощи (gotong royong) и иерархии, порождая социальные противоречия [Raharjo 2022, p. 160].

Возникает трудность сбалансированного подхода к проблеме идентичности: культурное разнообразие обогащает нацию, но требует укрепления единства и национальных ценностей [Mubyarto 2003, p. 134; Castells 2008, p. 168]. В связи с этим формирование национального характера на основе Панчасилы остаётся ключевой задачей для поддержания социальной гармонии [Wahyudin 2019, p. 135].

Подводя итоги, нужно заметить, что исторический путь Индонезии показывает: изменения в самосознании и культурных ценностях являются непрерывным процессом,

влияющим на политическую идентичность. От колониализма до современности общество адаптировалось к вызовам, интегрируя новые ценности в национальную идентичность.

Ключевыми этапами этого процесса были: колониализм, синтезировавший местную и западную культуры, во время которого зародился национализм; независимость, когда произошло укрепление национализма и идеалов свободы через борьбу и идеологию; «Старый» и «Новый» порядки, закрепившие национализм и Панчасилу как каркас государства; эпоха реформ, способствовавшая демократизации и плюрализму, ускоренным глобализацией и цифровизацией.

Вызовом современности остаётся сохранение традиционных ценностей (взаимопомощи, семейственности) при росте индивидуализма и космополитизма. Разрешение напряжённости между старым и новым видится в осуществлении мудрой политики, диалога и образования, ориентированного на национальный характер [Geertz 2011, p. 67].

Осознавая, что баланс между традицией и инновацией — ключ к устойчивому развитию страны в глобализированном мире, Индонезия формирует инклюзивную, демократическую и справедливую политическую идентичность, способную адаптироваться к вызовам, сохраняя культурную самобытность [Raharjo 2022, p. 162].

Список литературы

1. Anderson 2001 – Anderson B. Imagined communities: Reflections on the origins and spread of nationalism. Moscow: KANON press "Kuchkovo field", 2001. 288 p.
2. Aspinall 2011 – Aspinall E. Democratization and Ethnic Politics in Indonesia: Nine Theses // Journal of East Asian Studies. 2011. Vol. 11. No. 2. Pp. 289-319.
3. Arifin 2025 – Arifin F. Indonesia’s identity politics and populism: Disruption to national cohesion // Civics Journal: Media Kajian Kewarganegaraan. 2025. Vol. 22. No. 1. Pp. 166-175.
4. Castells 2008 – Castells M. The Power of Identity. Malden; Oxford: Blackwell Publishing, 2008. 461 p.
5. Castells 2010 – Castells M. The Rise of the Network Society. Malden; Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. 576 p.
6. Feith 2007 – Feith H. The Decline of Constitutional Democracy in Indonesia. Jakarta; Singapore: Equinox Publishing, 2007. 618 p.
7. Geertz 2011 – Geertz C. The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books, 2011. 100 p.
8. Hasyim 2009 – Hasyim M. Indonesian National History. Jakarta: Bumi Aksara, 2009. 356 p.
9. Kambo 2018 – Kambo G. The Mapping of Political Identity in Local Election of North Maluku 2013 // Journal of Governance and Public Policy. 2018. Vol. 5. No. 2. Pp. 122-136.
10. Kymlicka 2001 – Kymlicka W. Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism and Citizenship. Oxford: Oxford University Press, 2001. 383 p.
11. Mubyarto 2003 – Mubyarto. Dynamics of Democracy in Indonesia. Jakarta: LP3ES, 2003. 248 p.
12. Norris 2005 – Norris P. Radical Right: Voters and Parties in the Balance. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 349 p.

13. Raharjo 2022 – Raharjo J.W. Polarization of Indonesian Society during 2014-2020: Causes and Its Impacts toward Democracy // Ilmu Sosial Dan Ilmu Politik Journal. 2022. Vol. 26, No. 2. Pp. 152-167.
14. Ritzer 2010 – Ritzer G. Sociology: A Multiple Paradigm Science. Columbus: McGraw-Hill Education, 2010. 632 p.
15. Romli 2019 – Romli L. Political identity and challenges for democracy consolidation in Indonesia // Politik Indonesia: Indonesian Political Science Review. 2019. Vol. 4. No. 1. Pp. 78–98.
16. Wahyudin 2019 – Wahyudin W. Pancasila and the development of democracy in Indonesia: an axiological perspective // Kawistara Journal. 2019. Vol. 9. No. 2. Pp. 127-138.

УДК 159.9.07

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ И ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА: ЧТО ТРАНСЛИРУЕТСЯ СИСТЕМОЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ?

Савченко Нина Леонидовна
Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, младший научный сотрудник
E-mail: savchenko.ni.leo@yandex.ru

Беляева Элина Владимировна
Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, младший научный сотрудник
E-mail: kolyvanovaelina@gmail.com

Аннотация: Система образования способствует не только умственному развитию обучающегося и формированию у него определенных компетенций, но и развитию личности в целом. Через нее явно или неявно, осознанно или неосознанно транслируются некоторые ценностные ориентиры. Однако возникает вопрос о том, насколько они рефлексируются – осознаются и направляются – в системе высшего образования. Поводом для подобного вопроса послужили результаты исследования мнения родителей дошкольников о том, развитию каких качеств ребенка способствуют занятия в детском саду. Выявлен ценностный «разрыв» в представлениях людей, имеющих и не имеющих высшее образование. При этом родители с высшим образованием оказываются более склонны описывать ожидаемый образ ребенка в категориях, которые соответствуют индивидуалистическим ценностям, предполагают развитие автономии, лидерских качеств и навыков по западной модели корпоративной культуры, в отличие от группы родителей без высшего образования, более поддерживающих коллективистскую модель, ориентированную на выстраивание и поддержание отношений с другими людьми. Так, уже в тенденциях дошкольного воспитания следующих поколений отражаются различия в формируемых на разных уровнях образования ценностно-целевых ориентирах. Полученные данные могут стимулировать университетское сообщество к обсуждению того образа личности, который культивируется системой высшего образования, так или иначе передается обучающимся в качестве образца или ориентира,

усваивается ими в качестве ценностно-ролевой модели и впоследствии транслируется следующим поколениям.

Ключевые слова: ценностные ориентиры, образ человека, высшее образование, воспитание, представления родителей, культурные измерения.

VALUE ORIENTATIONS AND HUMAN IMAGE: WHAT IS BEING BROADCAST BY THE HIGHER EDUCATION SYSTEM?

Savchenko Nina Leonidovna
Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Junior Researcher

Belyaeva Elina Vladimirovna
Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research, Junior Researcher

Abstract: The education system contributes not only to the mental development of the student and the formation of certain competencies but also to the development of personality as a whole. Through it, explicitly or implicitly, consciously or unconsciously, certain value orientations are transmitted. However, the question arises as to how they are reflected – realized and directed – in the higher education system. The reason for this question was the results of a study of parents of preschoolers in connection with their opinion about the development of which qualities of a child is promoted by kindergarten classes. A value gap has been identified in the perceptions of people with and without higher education. At the same time, parents with higher education are more likely to describe the expected image of a child in categories that are more consistent with individualistic values, involve the development of autonomy, leadership qualities, and skills according to the Western model of corporate culture, unlike a group of parents without higher education, who are more supportive of the collectivist model, focusing on building and maintaining relationships with other people. Thus, such differences in the value orientations formed at different levels of education are already reflected in the trends of preschool education of the next generations. The data obtained can encourage the university community to reflect on the image of personality that is promoted by the higher education system and, in one way or another, transmitted to students as an example, a guide, internalized by them as a value-based role model? and subsequently passed down to future generations.

Keywords: value orientations, human image, higher education, upbringing, parents' views, cultural dimensions.

Центром социокультурных проблем современного образования Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований в 2025 году было проведено исследование мнения родителей дошкольников, посещающих детские сады, о разных моментах воспитания, образования ребенка, его игровой деятельности, режиме дня и прочих аспектах жизни. Оно продолжает традицию исследований, проводимых в разные годы под

руководством В. С. Собкина [Собкин, Марич 2002; Собкин и др. 2013; Собкин, Халутина 2018]. При анализе полученных данных был обнаружен интересный результат, который более говорит о самих родителях и связан с их образовательным статусом. Он был зафиксирован на основе ответов на вопрос, в котором можно было выбрать не более 5 вариантов ответов: «Как Вы считаете, развитию каких качеств и способностей Вашего ребенка, в первую очередь, способствуют занятия в детском саду?»

В данном исследовании приняли участие 42 864 человека из различных регионов страны, среди которых 41 551 мать и 1313 отцов разных возрастов, при этом 91,4% – люди от 27 до 45 лет. На рассматриваемый вопрос ответили 42 683 человека. Критерием разбиения выборки на подгруппы стало наличие высшего образования: из опрошенных 13 806 человек не имеют высшего образования (далее – без ВО), 28 877 человек – имеют (далее – с ВО). Полученный результат представлен в таблице.

Ответы на вопрос «Как Вы считаете, развитию каких качеств и способностей Вашего ребенка в первую очередь способствуют занятия в детском саду?» (N=42683), %

Качества и способности ребенка	**Родители без ВО**	**Родители с ВО**	**Все родители**
навыки общения и взаимодействия с другими детьми и взрослыми	58,1	**67,4**	64,4
аккуратность, дисциплинированность	44,8	**49,4**	47,9
умственные, интеллектуальные способности	41,1	**44,2**	43,2
инициативность, самостоятельность, активность	31,1	**34,6**	33,5
воспитанность	**38,1**	29,7	32,4
любовь к окружающему миру, забота о природе	31,2	30,4	30,7
доброта, отзывчивость	**35,2**	25,9	28,9
умение ясно выражать свои мысли и чувства	**30**	25,4	26,9
физические качества: ловкость, подвижность и др.	26,7	26	26,2
художественные способности	20,9	23,6	22,7
целеустремленность, выдержка, настойчивость	**14,8**	11,7	12,7

патриотизм	8,4	**11,3**	10,4

В таблице полужирным шрифтом выделены показатели, по которым частота ответов группы статистически ($p<0,01$) выше, чем частота выбора данного ответа в другой группе.

Так, мы видим, что в группах родителей с высшим образованием и без него наблюдаются различные тенденции в восприятии функций дошкольного образования. Различия между ними можно представить в виде дихотомий качеств, выбираемых соответственно первой (с ВО) и второй (без ВО) группами: 1) навыки общения и взаимодействия с другими детьми и взрослыми – доброта и отзывчивость, умение ясно выражать свои мысли и чувства; 2) аккуратность, дисциплинированность – воспитанность; 3) инициативность, самостоятельность, активность – целеустремленность, выдержка, настойчивость.

При этом заметим, что за выбираемыми качествами и способностями скрываются ожидания родителей по отношению к тому, в каких направлениях должны развиваться их дети в условиях дошкольного образовательного учреждения, а в основе образа ребенка лежит система ценностей родителей. В связи с этим, ориентируясь на полученную структуру родительских представлений, можно предположить наличие двух различных ценностно-целевых моделей восприятия функций дошкольного образования.

Качества, которые чаще выбирают респонденты с высшим образованием, объединяет их инструментальный характер и направленность на внешнюю ориентацию ребенка: навыки общения и инициативность выступают как составные элементы «социального капитала», критически важные для адаптации, успешной самореализации и лидерства в современной конкурентной среде. При этом аккуратность и дисциплинированность также можно рассматривать как навыки самоорганизации и соответствия корпоративным стандартам. Данные компетенции связаны с ценностями индивидуализма и автономии, которые лежат в основе западной модели корпоративной культуры и современной концепции «soft skills», обеспечивающих конкурентные преимущества в дальнейшей социализации.

Родители без высшего образования, в свою очередь, чаще выбирают категории, связанные с морально-нравственной сферой и традиционными ценностями: воспитанность, доброта и отзывчивость – ядро коллективистской морали, где важны отношения в группе и следование общепринятым нормам. Обратим внимание, что «умение ясно выражать свои мысли и чувства» в контексте коллективистской ориентации может означать не столько навык самопрезентации, сколько способность быть понятым в своем ближайшем кругу, «своим» для других.

Так, в представлениях родителей с разным образовательным статусом выявляются разные модели формирования характера ребенка в процессе вхождения в общество и адаптации в коллективе в дошкольном возрасте. Выбор разных граней схожих по проявлениям качеств обнаруживает две ориентации в выстраивании и оценивании поведения ребенка: в первом случае делается акцент на саморегуляции и развитии индивидуального потенциала на основе способности к успешному взаимодействию в социуме, во втором же – на воспитании личностного достоинства с опорой на отношения с другими людьми, взаимопомощь и ощущение причастности к коллективу.

Интересно при этом, что, согласно федеральной образовательной программе дошкольного образования, принятой в 2022 году (Приказ Минпросвещения России от 25 ноября 2022 г. № 1028), в числе основных духовно-нравственных ценностей и целевых ориентиров воспитания ребенка в детском саду значатся милосердие, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение.

Именно те ценности, которые люди стремятся передать и привить своим детям, являются основными и составляют ценностный базис культуры. Полученные в данном исследовании результаты фиксируют тенденцию расслоения на ценностном уровне больших культурных групп, разделенных по уровню образования.

Заметим, что один из блоков вопросов, предложенных в последнем крупном исследовании, направленном на изучение культур, касался именно того, как родители воспитывают своих детей, какие ценности они транслируют [Minkov, Dutt et al. 2018]. На основе этого исследования была предложена обновленная модель культуры Минкова-Ховстеде. В ней выделются всего два измерения, по которым можно обнаружить основные устойчивые различия между представителями больших групп: «индивидуализм-коллективизм» и «монументализм-гибкость» [Минков, Соколов, Ломакин 2023]. Зафиксированные различия между родителями с разными образовательными статусами могут быть интерпретированы именно в контексте этих двух измерений. Как уже было указано выше, в образе ребенка у родителей с высшим образованием отражается склонность к индивидуализму, поддерживающему автономию, а также к полюсу «гибкости», на котором концентрируются такие идеи, как изменчивость ценностей и личности в зависимости от сложившихся условий, постоянное самосовершенствование, самостоятельность в развитии и заботе о себе. В то же время родители без высшего образования демонстрируют склонность к коллективистской парадигме, поддерживающей конформизм, и «монументализму», который противопоставляется гибкости и подразумевает ориентацию на взаимопомощь, неизменность ценностей, направляющих поведение, и личностную устойчивость вне зависимости от обстоятельств.

Так, обнаруживается «разрыв» в транслируемых на разных уровнях образования ценностных основаниях, что отражается уже в тенденциях дошкольного воспитания следующих поколений.

Система высшего образования способствует не только обретению знаний, умений и навыков в определенной сфере. Она также, и даже прежде всего, в образовательном процессе неизбежно формирует личность обучающегося, трансформирует его систему ценностей и жизненных ориентиров. Однако часто ли это осознается, направляется, корректируется? Результаты данного исследования побуждают к рефлексии того образа человека, который ложится в основу системы высшего образования в России, и тех ценностных оснований, которые явно и неявно предлагаются студенту в качестве ориентиров. И это в действительности касается не только отношения к другому человеку, к образованию, к стране, – это также сказывается на представлениях о том, *ради чего* и *как* жить. В связи с этим возникает ряд вопросов. Как актуальный образ соотносится с запросами современности? Как этот образ соотносится с ценностями, признаваемыми в качестве традиционных для нашей страны? С помощью каких средств сейчас организуется процесс становления личности в рамках системы высшего образования? Какие средства могли бы быть предложены для этого? Все это требует осмысления и продолжения исследований в указанных направлениях.

Список литературы

1. Минков, Соколов, Ломакин 2023 – Минков М., Соколов Б., Ломакин И. Эволюция модели культурных измерений Хофстеде: параллели между объективной и субъективной культурой // Социологическое обозрение. 2023. Т. 22. № 3. С. 287-317.
2. Приказ Минпросвещения России от 25 ноября 2022 г. № 1028 «Об утверждении федеральной образовательной программы дошкольного образования» (Зарегистрировано в Минюсте России 28 декабря 2022 г. № 71847). URL: https://docs.edu.gov.ru/document/0e6ad380fc69dd72b6065672830540ac/
3. Собкин, Марич 2002 – Собкин В. С., Марич Е. М. Социология семейного воспитания: дошкольный возраст. Труды по социологии образования. Т. VII, вып. XII. Москва: Институт социологии образования РАО, 2002. 247 с.
4. Собкин и др. 2013 – Собкин В. С., Скобельцина К. Н., Иванова А. И., Верясова Е. С. Социология дошкольного детства. Труды по социологии образования. Т. XVII, вып. XXIX. Москва: Институт социологии образования РАО, 2013. 168 с.
5. Собкин, Халутина 2018 – Собкин В. С., Халутина Ю. А. Отношение родителей детей дошкольного возраста к образовательному процессу в детском саду: удовлетворенность, оценка качества и эффективности обучения // Современное дошкольное образование. 2018. №1. С. 6-18.
6. Minkov, Dutt et al. 2018 – Minkov M., Dutt P., Schachner M., Jandosova J., Khassenbekov Ye., Morales O., Sanchez C. J., Mudd B. What Values and Traits Do Parents Teach to Their Children? New Data from 54 Countries // Comparative Sociology. 2018. Vol. 17. Issue 2. P. 221-252.

УДК 378:008

МЕНТАЛЬНЫЕ СДВИГИ И КРИЗИС ОБЩИХ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ: МИССИЯ УНИВЕРСИТЕТА МЕЖДУ АЛГОРИТМИЧЕСКОЙ ФРАГМЕНТАЦИЕЙ И АКАДЕМИЧЕСКОЙ СВОБОДОЙ

Лобатюк Виктория Валерьевна
Кандидат социологических наук
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, заместитель директора Гуманитарного института
E-mail: lobatyuk_vv@spbstu.ru

Аннотация: в исследовании рассматривается взаимосвязь ментальных сдвигов и идентификационных процессов, обусловленных цифровой алгоритмической средой и распространением систем генеративного искусственного интеллекта. Фиксируется распад общих культурных кодов, прежде выполнявших функцию коммуникативного и идентификационного фундамента образовательного процесса, что ведёт к усложнению межпоколенческого диалога и размыванию привычных форм академической коммуникации. Анализируется фрагментация символического пространства вследствие перехода от

централизованной массовой культуры к алгоритмически индивидуализированным траекториям потребления, а также эффект «чёрного ящика», возникающий при некритическом делегировании учебной и исследовательской работы системам искусственного интеллекта. С опорой на положения философии техники обосновывается тезис о ненейтральности технологических объектов, участвующих в процессах индивидуализации, конструирования идентичности и перестройки образовательных практик. В контексте дилеммы между утилитарным запросом и академической свободой миссия университета описывается как создание пространства рефлексивного осмысления культурной атомизации, в котором ситуация непонимания превращается в ресурс самостоятельного исследования, где аудитория выступает средой коллективного конструирования смыслов и выработки общих кодов. Университет возвращает себе роль института, формирующего субъекта, способного ответственно выстраивать идентичность в условиях технологической неопределённости.

Ключевые слова: ментальные сдвиги, идентификационные процессы, культурные коды, алгоритмическая фрагментация, генеративный искусственный интеллект, философия техники, миссия университета, академическая свобода.

MENTAL SHIFTS AND THE CRISIS OF COMMON CULTURAL CODES: THE MISSION OF THE UNIVERSITY BETWEEN ALGORITHMIC FRAGMENTATION AND ACADEMIC FREEDOM

Lobatyuk Viktoriia Valerievna
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Deputy Director of the Institute of Humanities

Abstract: The study examines the interrelation between mental shifts and identification processes caused by the digital algorithmic environment and the proliferation of generative artificial intelligence systems. It records the disintegration of common cultural codes that previously served as the communicative and identificational foundation of the educational process. The fragmentation of the symbolic space is analyzed as a result of the transition from a centralized mass culture to algorithmically individualized consumption trajectories, along with the “black box” effect arising from the uncritical delegation of academic work to AI systems. Drawing on the philosophy of technology, the paper substantiates the thesis that technological objects are not neutral but participate in the processes of individuation and identity formation. In the context of the dilemma between utilitarian demands and academic freedom, the mission of the university is formulated as a space of reflective comprehension of cultural atomization, where the situation of non-understanding becomes a resource for independent research, and the audience acts as a medium for the collective construction of meanings, jointly producing common codes. The university reclaims its role as an institution that shapes a subject capable of responsibly constructing identity under conditions of technological uncertainty.

Keywords: mental shifts, identification processes, cultural codes, algorithmic fragmentation, generative artificial intelligence, philosophy of technology, university mission, academic freedom.

Современные ментальные сдвиги, проявляющиеся в исчезновении общих культурных маркеров, представляют собой не просто смену контента, но глубокую трансформацию самих механизмов восприятия и самоопределения. Ещё десятилетие назад преподаватель гуманитарных дисциплин мог опираться на разделяемый аудиторией культурный фонд: популярный фильм, известную песню, узнаваемый образ массовой культуры, а также корпус классической литературы, знакомый большинству школьников. Эти элементы выполняли тройную функцию: служили инструментом коммуникации через пример и метафору, выступали механизмом социального сплочения и, что особенно значимо, обеспечивали идентификационную опору, позволяя молодежи самоопределяться через совместное обсуждение общих символов. Сегодня это единое культурное пространство стремительно распадается, а вызванный данным распадом кризис общих кодов напрямую затрагивает идентификационные процессы, помещая индивида в ситуацию множественных, слабо пересекающихся культурных микросред.

Ключевым двигателем указанной трансформации выступает цифровая алгоритмическая среда. С распространением стриминговых сервисов и рекомендательных платформ культурное потребление перестраивается радикально: на смену ограниченному числу централизованных каналов (телевидение, радио, крупный кинопрокат) приходят алгоритмически сконструированные индивидуальные траектории [Лисенкова, 2021, с. 86]. Следствием описанных процессов оказывается всё более явная атомизация культурного пространства, при которой оно распадается на множество слабо сообщающихся друг с другом символических микросистем, и в результате даже у студентов, физически присутствующих в одном помещении и формально принадлежащих к одному поколению, индивидуальные подборки регулярно потребляемых фильмов, сериалов, музыкальных композиций и визуальных образов могут практически полностью не совпадать, формируя изолированные семиотические среды с собственными кодами и референциями. Обращение преподавателя к актуальному произведению массовой культуры перестает быть универсальным коммуникативным ресурсом и адресуется лишь фрагменту аудитории. Данный процесс уместно интерпретировать в логике философии техники: мы должны признать, что технические объекты не являются нейтральными инструментами, а перестраивают сами структуры памяти, внимания и воображения, формируя новую «психическую и коллективную индивидуацию». Алгоритмический режим производства и доставки контента порождает культурные коды, которые оказываются локальными, ситуативными и недолговечными, что затрудняет их использование в академическом контексте, требующем устойчивости смыслов [Тесля 2022, с. 124].

Ещё одно измерение ментального сдвига связано с распространением генеративного искусственного интеллекта (ИИ), которому студенты всё чаще делегируют выполнение учебных заданий. Здесь технология перестаёт быть простым орудием и становится невидимым агентом культурного кодирования. Студент, обращаясь к нейросети, получает готовый текст, уже содержащий определённые нарративные структуры, метафоры и ценностно окрашенные интерпретации, в том числе в трактовке исторических событий и этических дилемм. Ключевая проблема состоит в эффекте «чёрного ящика: происхождение и селекция этих кодов остаются непрозрачными для пользователя, однако результат воспринимается как объективный и не требующий верификации. Следуя аргументации Эндрю Финберга, можно утверждать, что технология здесь не выступает нейтральным проводником знания, а встраивает в продукт определённую ценностную рамку, причём сам пользователь не осознаёт этого воздействия

[Финберг 2011, с. 16]. Таким образом, генеративный ИИ начинает функционировать как массовый регулятор смыслов, лишённый при этом механизмов публичной критики и обсуждения, которые сопровождали традиционную массовую культуру [Лобатюк 2024, с. 44]. Возникает новый тип идентификационного риска: молодой человек может неосознанно усваивать транслируемые алгоритмом модели самоописания, принимая их за собственные, что обостряет кризис самоидентификации в условиях, когда внешние культурные ориентиры становятся анонимными и неподконтрольными.

В описанных условиях вопрос о миссии университета в обществе приобретает принципиальную остроту и вписывается в дилемму между утилитаризмом и академической свободой. В условиях, когда внешняя по отношению к университету культурная среда перестаёт генерировать устойчивые, разделяемые большинством символические коды, перед образовательным институтом возникает искушение прибегнуть к сугубо утилитарному ответу: превратиться в своего рода цех по оперативному производству и трансляции сиюминутных культурных образцов, а преподавателю, в свою очередь, отводится роль ретранслятора, вынужденного в ускоренном режиме осваивать и воспроизводить язык цифровой повседневности, стремясь любыми средствами поддерживать видимость коммуникативной близости со студенческой аудиторией. Подобная стратегия, однако, не только педагогически сомнительна (попытка имитировать владение интернет-культурой часто порождает дополнительную дистанцию), но и входит в противоречие с самой идеей академической свободы, предполагающей возможность диалога между разными позициями, а не слияние с доминирующим дискурсом.

Академическая свобода в этом контексте может быть понята как право и обязанность университета создавать альтернативный темпоральный режим: режим медленного, рефлексивного осмысления, противостоящего алгоритмическому ускорению и фрагментации. Именно здесь видится продуктивная миссия университета в эпоху ментальных сдвигов. Он может стать пространством, где сама фрагментированность культурных кодов предъявляется, обсуждается и превращается из коммуникативного барьера в предмет исследования, связывающий ментальные трансформации и идентификационные процессы. Важным шагом на этом пути выступает переосмысление ситуаций непонимания: когда студент не узнаёт упомянутый фильм или не улавливает отсылку, это не провал коммуникации, а начало идентификационной работы. Подобная лакуна функционирует как культурный горизонт, приглашающий к самостоятельному исследованию, и переводит образование из режима трансляции готовых смыслов в режим встречи с иным, что прямо способствует формированию более зрелой идентичности.

Кроме того, университет может легитимировать культурный опыт самих студентов, приглашая их выступать поставщиками примеров для обсуждения теоретических положений. Вопрос, обращённый к аудитории и предполагающий иллюстрацию абстрактной идеи из собственного культурного багажа, позволяет студенту стать активным участником смыслообразования и одновременно предъявить множественность идентификационных моделей, сосуществующих в одной учебной группе. Тем самым университет превращается в лабораторию совместного создания культурных кодов, где общее смысловое поле выстраивается не вопреки повседневным цифровым практикам студентов, а на их основе, но в режиме осознанной рефлексии. Здесь достигается искомый баланс между утилитарным

запросом на передачу актуальных компетенций и академической свободой как правом на производство новых, критически осмысленных смыслов.

В заключение необходимо подчеркнуть: ментальные сдвиги, порождённые цифровыми платформами и генеративным искусственным интеллектом, ставят под вопрос не только педагогические техники, но и саму возможность культурного единства в образовании, а вместе с ним и устойчивость идентификационных процессов. Обращаясь к идеям Жильбера Симондона, мы можем утверждать, что технический объект не является чем-то внешним по отношению к человеческой идентичности, а участвует в её становлении, в процессах индивидуации [Симондон 2011, с. 94]. Миссия университета в обществе знания заключается сегодня не в том, чтобы отрицать эту включённость или, напротив, безоговорочно принимать продиктованные алгоритмами коды, а в том, чтобы сделать её предметом осознанной, рефлексивной работы. Университет возвращает себе роль института, в котором формируется не просто компетентный специалист, но субъект, способный ответственно выстраивать собственную идентичность в условиях технологической неопределённости. Именно такой подход позволяет совместить академическую свободу с ответом на утилитарные запросы общества, трансформируя сам университет в пространство, где идентификационные процессы не обслуживают внешние технологические тренды, а становятся материалом для критического мышления и личностного самоопределения.

Список литературы

1. Тесля и др. 2022 – Идентичности: семиотика репрезентации и прагматика позиционирования / А. А. Тесля, Г. Л. Тульчинский, С. Т. Золян [и др.]. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2022. 347 с.
2. Лисенкова 2021 – Лисенкова А. А. Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве / А. А. Лисенкова. Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2021. 286 с.
3. Лобатюк, Быльева 2024 – Лобатюк В. В., Д. С. Быльева. Традиция в информационном обществе // Философская мысль. 2024. № 7. С. 44–56.
4. Симондон 2011 – Симондон Ж. О способе существования технических объектов (сокращенный перевод заключения) / сокр. пер. и коммент. М. Куртова // Транслит: литературно-критический альманах. 2011. № 9. С. 94–105.
5. Финберг 2011 – Финберг Э. Средство как смысл: рациональность и действие в критической теории технологии // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. 28. № 2. С. 16–35.

УДК 159.923.2:378:61

КУЛЬТУРНО-ОБУСЛОВЛЕННЫЕ СИНДРОМЫ (КОС) И КРИЗИСЫ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Тарасов Алексей Анатольевич
кандидат философских наук

Приволжский исследовательский медицинский университет (ПИМУ), Нижний Новгород, доцент кафедры социально-гуманитарных наук
Email: alexey.an.tarasov@gmail.com

Аннотация: Статья исследует связь культурно-обусловленных синдромов (КОС) с современным университетом как институцией, претендующей на универсальность знания и формирующей профессиональную идентичность. Отправной точкой служит введенный П. М. Япом термин «синдромы, связанные с культурой», демонстрирующий границы универсалистских моделей симптома и диагноза. В качестве методологической рамки используется феноменологическое описание университетской повседневности, в которой напряжения идентичности усиливаются под действием технологизации, конкуренции, подотчетности и режима «постоянного образования». На эмпирически наблюдаемых и литературно описанных примерах анализируются: «модность» множественной личности и метафора «университета с МРЛ», медикализация и синдром Мюнхгаузена как форма институционально стимулируемой симуляции, цифровая амнезия (эффект Google), Zoom-дисморфофобия и феномен шутинга как крайний симптом культурной деструкции. Показано, что КОС выступают не только клиническими единицами, но и маркерами способов символического оформления угрозы «Я» и восстановления социального порядка. Делается вывод о необходимости рассматривать университет как среду производства и трансформации идентичностей, где универсальное сталкивается с локальным. Перспективы дальнейшего исследования включают разработку практических рекомендаций для педагогики и профилактики психосоматических рисков в академической среде с учетом этики и прав человека. Предлагается рассматривать КОС как диагностические «пограничные объекты», позволяющие согласовывать позиции медицины, культуры и институциональной политики университета. Тем самым уточняется понятие универсальности.

Ключевые слова: культурно-обусловленные синдромы (КОС), университет, идентичность, медикализация, цифровые культурно-обусловленные синдромы (цКОС), постоянное образование, корпорация

CULTURE-BOUND SYNDROMES (CBS) AND CRISES OF UNIVERSITY IDENTITY

Tarasov Alexey Anatolyevich
Candidate of Philosophical Sciences
Privolzhsky Research Medical University (PRMU), Nizhny Novgorod, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences

Abstract: The article explores the relationship of culture-bound syndromes (CBS) with a modern university as an institution that claims to have universal knowledge and forms a professional identity. The starting point is the term “cultural-related syndromes” introduced by P. M. Yap, which demonstrates the boundaries of the universalist models of symptom and diagnosis. The methodological framework uses a phenomenological description of university everyday life, in which identity tensions are intensified by technologization, competition, accountability, and the “permanent education” regime. Based on empirically observed and literarily described examples, the following are analyzed: the “fashion” of multiple personality and the metaphor of “university with MPD”, medicalization and Munchausen syndrome as a form of institutionally stimulated simulation, digital

amnesia (Google effect), Zoom dysmorphophobia, and the phenomenon of shooting as an extreme symptom of cultural destruction. It is shown that CBS act not only as clinical units, but also as markers of ways to symbolize the threat to the “I” and restore social order. The conclusion is made about the need to consider the university as an environment of production and transformation of identities, where the universal collides with the local. The prospects for further research include the development of practical recommendations for pedagogy and the prevention of psychosomatic risks in the academic environment, taking into account ethics and human rights. It is proposed to consider CBS as diagnostic “boundary objects” that allow coordinating the positions of medicine, culture, and the institutional policy of the university. This clarifies the concept of universality.

Keywords: culture-bound syndromes (CBS), university, identity, medicalization, digital culture-bound syndromes (dCBS), permanent education, corporation

Некоторые психические и психосоматические расстройства характерны только для определенных культур. Китайский психиатр Поу Мен Яп в конце 1960-х годов ввел термин «синдромы, связанные с культурой» [Yap 1969, p. 35], чтобы обозначить это явление. Прямого и непосредственного отношения к самой идее «университета» в самом широком смысле и его статусу в современной культуре и обществе культурно-обусловленные синдромы (далее – КОС) на первый взгляд не имеют. Но если немного вдуматься, то очевидно, что данный концепт демонстрирует границу «универсальности», которая заложена, закодирована в самом понятии «университет».

Рассмотрим несколько примеров того, как КОС проявляются или связаны с университетской средой и более широкой культурной рамкой, в которой в настоящее время оказался Университет. Это будет в первую очередь феноменологическое описание. Мы обратимся только к тем из них, с которыми мы сами сталкивались непосредственно, о которых слышали от свидетелей, или которые описаны в литературе и источниках, а также к тем, которые связаны с явлениями широко известными большинству людей в наши дни. И, разумеется, они тесно связаны с проблемой идентичности.

Современный университет в первую очередь ассоциируется с формированием профессиональной идентичности. По словам Ральфа Дарендорфа, характерной чертой современности всегда была ключевая роль труда как ядра социальной жизни: «Профессия находится в центре социальной идентичности индивида» [Dahrendorf 1980, p. 751]. Студент медицинского университета с первого курса говорит: «Я – будущий врач». А ведь изначальный смысл таких понятий, как «профессор» и «профессия», происходит от “profess” – «верить», «исповедовать». Этот термин применялся к публичным заявлениям, сделанным лицами, которые стремились занять положение, пользующееся общественным доверием. Еще в I в. н. э. врач Скрибоний Ларг (лат. Scribonius Largus) говорил о врачах «исповедующих» (своё дело), и сравнивал их с солдатами, связанными публичной клятвой служить. В Средние века священники, желавшие учиться, а затем распространять церковные учения, должны были сначала заявить о своей преданности этой миссии [Koehn 1994, p. 59]. Таким образом, здесь заложено требование верить в то знание, что ты передаешь студентам; верить в то, что ты делаешь, в дело своей жизни, которому ты посвятил себя. Но в современном обществе развитие технологий все больше разрушает этот источник идентичности, вытесняя работу, профессию, призвание из его ядра. Дэниел Белл в США, Энтони Гидденс в Англии, Юрген Хабермас и Клаус Оффе в Германии, Ален Турен и Андре Горц во Франции и многие другие давно указывали на это.

Педагогика в принципе становится определяющим принципом более широкого набора культурных механизмов, задействованных в том, что Раймонд Уильямс назвал «постоянным образованием», связанным не только с непрерывным образованием формального или неформального характера, но и с тем, чему активно и глубоко учит вся окружающая среда, ее институты и взаимоотношения. Постоянное образование также относится к той области, в которой «наши представления о мире, о нас самих и о наших возможностях формируются и распространяются наиболее широко и часто наиболее эффективно» [Williams 2016, p. 15]. Я сам был свидетелем того, как на одной из научных конференций глава HR-службы Сбербанка по Нижегородской области заявила, что, по их прогнозам, в скором времени каждый россиянин в среднем в течение своей трудовой жизни сменит 18 должностей или мест работы. То есть примерно каждые 2-2,5 года – огромный потенциал (!) для роста психических, психосоматических и нервных заболеваний на фоне стресса, которые и так растут самыми быстрыми темпами в мировом масштабе.

Концептуальная проблема связанной с этим темы человеческого капитала заключается в том, что о чисто пластичном «Я» вряд ли можно утверждать, что оно обладает самоидентичностью. Чтобы решить некоторые технические проблемы, даже экономисты начали разрабатывать модели с «множественными “Я”», объединенными в единую функцию мегаполезности [Mirowski 2014, p. 115]. С этим связано расстройство множественной личности (Multiple personality disorder, MPD) – настоящее психическое расстройство. Но Джоан Акочелла подробно описала рост и спад заболеваемости множественным расстройством личности (MPD) в США за последние 20 лет и четко соотнесла это с определенными социальными тенденциями и интеллектуальной модой, которые также проявлялись в рамках того же самого периода [Acocella 1998]. Это болезнь постмодернистской культуры. Все, как преподаватели, так и студенты, сходятся в том, что от них требуется чтобы каждый был «и швец, и жнец, и на дуде игрец, и в хоре певец, и в бою молодец». ППС, да и студенты во все большей степени, в настоящее время подвергаются большому количеству форм подотчетности, слежки и конкурирующих приоритетов, которые еще и очень часто меняются или прямо друг другу противоречат, чем почти любой сотрудник государственной службы, и в значительно большей степени, чем политики, правительственные чиновники или журналисты. Поэтому Крис Шор даже делает вывод о возможности говорить о новой модели университета: «Университет для шизофреников» или «Университет с множественным расстройством личности» [Shore 2010, p. 20].

Университет изначально является «корпорацией», то есть «телом», клетками которого являются преподаватели и студенты и которые свою идентичность получают от него, иначе становятся «онкологическими» [Гоббс 1989]. То есть проблема идентичности изначально зашифрована в проблеме Университета. Неудивительно, что сегодня они друг на друга влияют: появляется множественная личность – в ответ возникает мульти- и поли-верситет и наоборот. Ян Хакинг, кстати, одной из причин такой «моды» на «множественную личность» считает как раз то, что медицина предоставляет инструменты диагностики, которые и начинают производить и пере-производить соответствующие диагнозы [Хакинг 2025]. Это, конечно, тесно связано с проблемой медикализации, в том числе как частного случая сциентизма, проистекающего из антропологической структуры, которая рассматривает человека как способного познавать и осваивать совокупность законов, управляющих Вселенной, и в то же время как вещь, подчиняющуюся этим законам. Это перекликается с другим КОС – Синдромом Мюнхгаузена («бескорыстной» симуляцией, Munchausen syndrome), который является серьезной проблемой для медицины и врачей, но в какой-то

степени вызывается самой системой здравоохранения. Это сознательная фабрикация симптомов у себя или у третьего лица (by proxy) при полном отсутствии какой-либо вторичной выгоды. Изображение болезни здесь становится самоцелью [Asher 1955]. Отнюдь не единичны случаи, когда студенты обращались за медицинской помощью, чтобы избежать сессии, чтобы их не отчислили и т. п. – вплоть до желания, чтобы их поместили в психиатрическую клинику. Известным фактом среди преподавателей, которые работают со студентами по направлению «Клиническая психология», является то, что значительный процент этих студентов выбрали его не столько или вовсе не для того, чтобы получить профессию, а «чтобы разобраться в себе». Я лично проводил такие опросы и слышал подобные ответы и признания.

Важным фактором, влияющим на Университет и его среду в настоящее время, безусловно, являются новые информационные и медиатехнологии. Например, многие студенты жалуются, что им трудно запоминать и даже воспринимать информацию, тем более конспектировать её – из-за того, что они привыкли игнорировать её, сохраняя на цифровом устройстве, ведь она может быть доступна в любой момент онлайн при необходимости. Этот цКОС называется цифровой амнезией (Digital Amnesia) или эффект Google (Google Effect). Он отражает новые формы зависимости и тревожности (73,6% студентов испытывают растерянность от переизбытка информации) [Musa, Ishak 2020]. Это может повлиять на изменение образовательных практик и процессов обучения. И, конечно, данный цКОС непосредственно связан с проблемой идентичности, основой которой еще со времен Дж. Локка является память [Locke 1999].

Гёте писал о том, как «трудно воспроизвести что-либо с полной беспристрастностью. Зеркало, можно сказать, составляет тут единственное исключение, но и в нем мы не видим вполне точного отражения нашей внешности, потому что зеркало переворачивает изображение и делает левую руку правой. Это – символ всех наших рассуждений о самих себе» [Гёте 1979, с. 422]. Актуальность и конкретное содержание этой мысли придает такой цКОС, который хорошо знаком как студентам, так и преподавателям, особенно по событиям пандемии COVID-19. Это Zoom-дисморфофóбия. В условиях вынужденной изоляции в приложениях для видеоконференций, таких как Zoom, человек постоянно видит свое лицо на экране, и нередко оно значительно отличается от привычного для него собственного вида в зеркале или на фотографиях: из-за особенностей фронтальной камеры, плохого освещения и ракурса, что может увеличить нос, уменьшить глаза, подчеркнуть какие-то несовершенства и т. д. Усиленное внимание к мелким недостаткам внешности, которые в обычной жизни человек часто не замечает, у многих вызывало негативное восприятие себя. Хотя бы потому, что раньше люди не проводили столько времени, рассматривая собственное отражение [Mosalanejad et al. 2024].

Наконец, шутинг (от английского “shooting”, то есть «стрельба») – это общий термин, обозначающий массовые расстрелы в общественных местах. Трагедия в школе «Колумбáйн» породила цепь подражаний, превратившись в деструктивный культурный феномен. Максимум инцидентов в США пришелся на 1990-2000-е гг. Сейчас наблюдается спад. В России, наоборот, явление набирает обороты. Для университетских кампусов это серьезная опасность.

В дальнейшем можно было бы более подробно рассмотреть и проанализировать то, как университетская среда порождает напряжения идентичности и реагирует на них, тем самым создавая условия для КОС. А затем, на основе этого, перейти к практическим выводам для университетской педагогики и профилактики психосоматических рисков в студенческой и преподавательской среде.

Список литературы

1. Гете 1979 – Гете И. В. Собр. соч.: в 10 т. Т. 8. Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся. М.: Худож. лит., 1979. 462 с.
2. Гоббс 1989 – Гоббс Т. О теле // Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 66–218.
3. Хакинг 2025 – Хакинг Я. Переписывание души. Множественная личность и науки о памяти. М.: Клуб Касталия, 2025. 350 с.
4. Acocella 1998 – Acocella J. The politics of hysteria // The New Yorker. 1998. April 6. P. 64–79.
5. Asher 1955 – Asher R. Munchausen syndrome // British Medical Journal. 1955. Vol. 2. No. 4950. P. 1271.
6. Dahrendorf 1980 – Dahrendorf R. Im Entschwinden der Arbeitsgesellschaft // Merkur. 1980. Vol. 34. No. 387. P. 749–760.
7. Koehn 1994 – Koehn D. The Ground of Professional Ethics. London; New York: Routledge, 1994. 224 p.
8. Locke 1999 – Locke J. An Essay Concerning Human Understanding. Pennsylvania State University Press, 1999. 719 p.
9. Mirowski 2014 – Mirowski P. Never let a serious crisis go to waste: How neoliberalism survived the financial meltdown. Verso Books, 2014. 496 p.
10. Mosalanejad et al. 2024 – Mosalanejad L. et al. Zoom dysmorphia in medical students: the role of dysmorphic concern and self-efficacy in online environments amidst COVID-19 pandemic // BMC Medical Education. 2024. Vol. 24. No. 1. P. 1330–1331.
11. Musa, Ishak 2020 – Musa N., Ishak M. S. The identification of students' behaviours of digital amnesia syndromes and Google Effect in the Department of Library Sciences, State Islamic University of Ar-Raniry Indonesia // International Journal of Information Technology and Library Science. 2020. Vol. 9. No.1. P. 1–8.
12. Shore 2010 – Shore C. Beyond the multiversity: Neoliberalism and the rise of the schizophrenic university // Social Anthropology. 2010. T. 18. No. 1. P. 15-29.
13. Williams 2016 – Williams R. Communications. New York: Random House, 2016. 200 p.
14. Yap 1969 – Yap P. M. The culture-bound reactive syndromes // Caudill W., Lin T. Y (Eds.). Mental Health Research in Asia and the Pacific. Honolulu: Hawaii University Press, East-West Center Press, 1969. P. 33–53.

УДК 101.1:316

ЦИФРОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Листвина Евгения Викторовна,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии культуры и культурологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

e-mail: listvamer@yandex.ru

Аннотация: Трансформация человеческого «я» в цифровом пространстве вызывает не только технические вопросы, но и призывает решать задачи в различных областях существования индивида, в том числе в сложившихся новых условиях формирования его идентичности. В статье рассматриваются ключевые характеристики и аспекты цифровой идентичности (дублирование самости, дигитальная двойственность, взаимодействие идентичностей, символизм, конструирование идентичности), а также риски цифровой идентичности (этические, коммуникационные, психологические). Отмечается, что вопрос о подлинности и аутентичности в цифровую эпоху становится одним из самых острых. Эти особенности в совокупности создают уникальный культурный феномен, в рамках которого меняется сам индивид: человек перестает быть фиксированным субъектом и становится постоянно создаваемым, перестраиваемым конструктом. Предполагается, что в цифровую эпоху традиционные коды пересекаются с новыми способами самопрезентации и взаимодействия, что создает уникальные социокультурные и личностные конфигурации. Отмечается опасность утраты границ между личным и публичным, стирания индивидуальности, создания иллюзии подлинности, усиления флуктуационности, динамичности и мультикомпозитности современного социокультурного пространства, включающего в себя многообразие digital-образов и новых культурных смыслов. Обозначены перспективы и потенциалы реализации цифровой идентичности.

Ключевые слова: идентичность, цифровая идентичность, конструирование идентичности, медиакультурные практики, риски цифровизации.

DIGITAL IDENTITY: PROBLEMS OF FORMATION

Listvina Evgeniya Viktorovna,
Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Culture and Cultural Studies, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky

Abstract: The transformation of the human self in the digital space raises not only technical issues but also calls for solving problems in various areas of the individual's existence, including the new conditions for the formation of their identity. The article examines the key characteristics and aspects of digital identity (self-duplication, digital duality, interaction of identities, symbolism, and identity construction), as well as the risks associated with digital identity (ethical, communication, and psychological). It is noted that the issue of authenticity in the digital era has become one of the most pressing. These features together create a unique cultural phenomenon in which the individual itself changes: a person ceases to be a fixed subject and becomes a constantly created, rebuilt construct. It is assumed that in the digital age, these traditional codes intersect with new ways of self-presentation and interaction, creating unique sociocultural and personal configurations. The article highlights the danger of losing the boundaries between the personal and the public, the erasure of individuality, the creation of an illusion of authenticity, and the increased fluctuation, dynamism, and multi-component nature of the modern sociocultural space, which includes a variety of digital images and new cultural meanings. The article also outlines the prospects and potential for the realization of digital identity.

Keywords: identity, digital identity, identity construction, media cultural practices, and risks of digitalization.

Современная социокультурная ситуация отличается мощными транзитивными процессами. В эпоху развития информационных технологий и активного распространения интернета понятие идентичности претерпевает значительные изменения. Трансформация человеческого «я» в цифровом пространстве вызывает не только технические вопросы, но и призывает решать задачи в различных областях существования индивида, в том числе в сложившихся новых условиях формирования его идентичности. Согласимся под идентичностью понимать совокупность представлений человека о самом себе, возникающих в результате отождествления себя с группой, принимающей участие в символическом обмене [Конева, Лисенкова 2019, с. 14], и с этих позиций рассмотрим проблемы формирующейся цифровой идентичности. Цифровая идентичность является результатом пересечения культурных практик, технологических инноваций и новых форм социализации. Ее анализ позволяет понять, как меняются традиционные представления о человеке, его роли в обществе и смыслах бытия в эпоху цифровых технологий, когда индивид уже не ограничен своей физической телесностью, а формирует разнообразные «я» в сети, что представляет собой элемент серьезных ментальных сдвигов современности. Это реализуется в рамках новых механизмов конструирования, воспроизводства и трансформации социокультурных смыслов: виртуальные платформы, социальные сети и онлайн-среды стали ареной формирования нового типа культурной самости, которая одновременно впитывает и трансформирует традиционные представления о человеке.

Цифровая идентичность — это совокупность данных, характеристик, образов и моделей поведения, которые человек создает, публикует и использует в цифровом пространстве. Она включает в себя профили в социальных сетях, электронную почту, цифровые активы и даже алгоритмически создаваемые аватары, а также ритуалы и модели поведения в сети.

Это явление можно охарактеризовать следующими аспектами. К ним можно отнести: дублирование самости, когда пользователь может одновременно иметь множественные версии своего «я» на разных платформах, причём каждая из них имеет свои особенности, цели и аудиторию; дигитальная двойственность, опирающаяся на «виртуальное «я»», которое зачастую отличается от реального самосознания или дополняет его; многогранность: человек может одновременно обладать несколькими цифровыми идентичностями, адаптированными к конкретным платформам, ситуациям или аудиториям; конструирование идентичности: участник может сознательно или подсознательно управлять своим образом, выбирая, какие черты подчеркнуть, а какие — скрыть, это подчеркивает, что цифровая идентичность — не статический образ, а процесс всегда открытый для пересмотра, редактирования и манипуляций; сочетание фрагментации и целостности, что ставит один из центральных вопросов цифровой идентичности: сохраняется ли целостность личности, когда ее образ разветвляется на сотни цифровых «я»? Эти особенности в совокупности создают уникальный культурный феномен, в рамках которого меняется сам индивид: человек перестает быть фиксированным субъектом и становится постоянно создаваемым, перестраиваемым конструктом. В настоящее время мы наблюдаем особые условия и риски, в которых данный феномен формируется [Шлыков 2024, с. 100-115].

Цифровая среда создает новые разновидности дигитальной символики: лайки, репосты, хештеги, эмодзи. Эти символы выступают не только как средства коммуникации, но и как механизмы культивирования идентичности. Примерами можно считать создание имиджа в социальных сетях, где пользователь сознательно или бессознательно выбирает определенный стиль, язык, темы постов. Такой выбор демонстрирует его ценности, интересы и даже

социальный статус, формируя так называемый «образ публичной личности». В этом процессе важную роль играют культурные коды, мемы и тренды, которые закрепляются как элементы общей цифровой коммуникации. Кроме этого, культурное цифровое пространство посредством своих создающихся ритуалов — лайков, комментариев, участия в онлайн-мероприятиях — образует механизмы закрепления и воспроизводства идентичности, создавая чувство принадлежности к определенному культурному сообществу.

Также следует отметить, что мы наблюдаем пересечение и переплетение традиционной и цифровой культурной идентичности. Цифровая идентичность — это не отказ от прошлых образов, а их расширение и переосмысление. В культурной традиции идентичность формировалась посредством семьи, религии, образования, социального статуса. В цифровую эпоху эти традиционные коды пересекаются с новыми способами самопрезентации и взаимодействия. Так, например, семейные ценности могут проявляться через публикации в соцсетях или создание сайтов, сохраняющих культурное или историческое наследие. В религиозной практике — через онлайн-церемонии или тематические группы. Это свидетельствует о том, что культурные коды не исчезают, а интегрируются в новые модели коммуникации. Важно подчеркнуть, что в процессах формирования цифровой идентичности усиливается роль медиакультурных практик, а также происходит трансформация понимания аутентичности, которая становится более пластичной и многослойной.

При этом следует отметить, что вопрос о подлинности и аутентичности в цифровую эпоху становится одним из самых острых. В реальной жизни человек обычно воспринимается как цельная и последовательная личность. В виртуальном пространстве эта целостность сомнительна. Можно ли считать «настоящим» человека его онлайн-личность или это всего лишь иллюзия выбора, имитация себя? В эпоху цифровых технологий возникает вопрос: возможно ли сохранить аутентичную идентичность или она растворяется в бесконечных вариациях представлений о себе? Феномен «маски» или «роли» в онлайн-общении не нов, но сейчас он приобретает масштабы, при которых различия между «подлинным» и «притворным», искусственным стираются.

Данный вопрос влечёт за собой еще несколько актуальных тем: например, этическую — насколько возможно управление своими образами? Когда изображение себя в сети становится важнее реального «я», человек рискует потерять свою самость и стать лишь виртуальной конструкцией. Или проблема границ человеческой идентичности в условиях слияния биологических и технологических элементов. Концепции трансгуманизма предполагают возможность расширения человеческих возможностей за счет внедрения кибернетических устройств, нейроинтерфейсов и искусственного интеллекта. Но данное положение приводит к еще одному вопросу: что именно остается «человеческим» в таком случае? Может ли цифровая или кибернетическая форма существования считаться продолжением или даже заменой биологической? Или это уже новая форма существования, выходящая за границы традиционной философской концепции личности? Далее возникает еще вопрос: где баланс между свободой и манипуляцией, которая в цифровом пространстве становится все более размытой, незаметной и при этом практически тотальной, осуществляемой через алгоритмы, системы сбора данных и платформенные правила? Как сохраняется приватность наряду с контролем данных: кто управляет вашей цифровой биографией? Какие стандарты безопасности и конфиденциальности существуют? И как удостовериться, что цифровое «я» принадлежит именно вам? Также появляется этический блок вопросов: насколько допустимо использовать физиологические данные для определения личности? Каковы новые моральные установки и насколько константны устойчивые этические правила?

Понятно, что цифровая идентичность в современном мире — это неотъемлемая часть социокультурной среды, которая позволяет современному человеку расширять границы самореализации, доступ к культуре и знаниям. Однако она ставит под сомнение привычные представления о единстве «я», аутентичности и границах личности, открывая новые горизонты для понимания человека как субъекта. И необходимо помнить о рисках: утрате границ между личным и публичным, стирании индивидуальности, создании иллюзии подлинности, усилении флуктуационности, динамичности и мультикомпозитности современного социокультурного пространства, включающего в себя многообразие digital-образов и новых культурных смыслов. Будем стремиться к тому, чтобы исследование потенциала идентичности стало инструментом для осознанного и гармоничного существования в новом цифровом мире.

Список литературы

1. Конева, Лисенкова 2019 – Конева А.В., Лисенкова А.А. Матрица идентичности в цифровую эпоху: социальные вызовы преодоления анонимности // Вестник Томского государственного университета Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. С. 14–28.
2. Шляков 2024 – Шляков А.В. Проблема цифровой идентичности. Свойства и риски // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2024. № 2. С. 100–115.

УДК 007

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОГО КОНТРОЛЯ НА САМООЩУЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Гераскин Михаил Алексеевич

Институт международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, аспирант

E-mail: mgeraskin239@yandex.ru

Аннотация: В статье исследуется влияние инструментов цифрового контроля на самоощущение и социальную субъектность граждан в условиях цифровизации государственных услуг в России. Целью исследования является выявление и анализ воздействия механизмов цифрового контроля на восприятие гражданами своего положения в системе «гражданин – государство». В работе использованы следующие методы: системный подход, сравнительно-исторический метод и вторичный анализ данных социологических исследований. На основе актуальных статистических данных (в т. ч. за 2023–2024 гг.) показано, что: 86,7 % россиян в возрасте 15 лет и старше получают госуслуги полностью или частично онлайн; 55 % пользуются исключительно онлайн-форматом; среди лиц 65 лет и старше 45,4 % по-прежнему предпочитают офлайн-взаимодействие; жители городов заметно активнее вовлечены в использование электронных услуг, чем сельские жители. Проанализированы риски цифровизации: рост числа киберинцидентов (7,4 % пользователей

перенаправлялись на фишинговые сайты, 5,9 % сталкивались со взломом аккаунтов); низкая активность граждан в защите персональных данных (лишь треть предпринимает какие-либо меры); тревожность и недоверие к цифровым системам (68 % опасаются за сохранность данных, 44 % не уверены в защите устройств от онлайн-угроз). Выявлены ключевые изменения в отношениях «гражданин – государство»: смещение от личного общения к цифровой верификации, формирование цифровой идентичности, трансформация понимания приватности и политической субъектности. Предложены принципы человекоцентричной цифровой среды, способствующей сохранению субъектности и защищённости граждан: минимизация собираемых данных, целевая ограниченность их использования, понятность цифровых процедур, развитие правовой и цифровой грамотности. Делается вывод, что позитивное самоощущение человека в цифровом государстве возможно при развитии человекоцентричной цифровой среды, основанной на минимизации собираемых данных, прозрачности процедур, ограниченности использования информации и повышении цифровой грамотности граждан.

Ключевые слова: цифровой контроль, цифровая идентичность, самоощущение человека, приватность, цифровой профиль, государственные цифровые сервисы, цифровое государство, цифровая грамотность.

THE IMPACT OF DIGITAL CONTROL ON HUMAN SELF-SENSE

Geraskin Mikhail Alekseevich
Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, postgraduate student

Abstract: This article examines the impact of digital control tools on citizens' self-perception and social agency in the context of the digitalization of public services in Russia. The aim of the study is to identify and analyze the impact of digital control mechanisms on citizens' perceptions of their position in the "citizen-state" system. The following methods were used: a systems approach, a comparative-historical method, and a secondary analysis of sociological research data. Based on current statistical data (including for 2023–2024), it is shown that: 86.7% of Russians aged 15 and older receive government services fully or partially online; 55% use the online format exclusively; among those aged 65 and older, 45.4% still prefer offline interaction; city residents are significantly more actively involved in the use of electronic services than rural residents. The risks of digitalization were analyzed, including a rise in cyber incidents (7.4% of users were redirected to phishing sites, 5.9% experienced account hacking); low citizen engagement in protecting personal data (only a third take any measures); anxiety and distrust of digital systems (68% are concerned about the security of their data, 44% are unsure about the protection of their devices from online threats). Key changes in the citizen-state relationship were identified: a shift from face-to-face communication to digital verification, the formation of a digital identity, and a transformation in understanding privacy and political agency. Principles of a human-centered digital environment that promotes citizen agency and security are proposed: minimization of collected data, targeted restrictions on its use, clarity of digital procedures, and the development of legal and digital literacy. It is concluded that a positive sense of self-worth for individuals in a digital state is possible with the development of a human-

centric digital environment based on the minimization of collected data, transparency of procedures, limited use of information, and increased digital literacy among citizens.

Keywords: digital control, digital identity, human self-awareness, privacy, digital profile, government digital services, digital state, digital literacy.

Инструменты цифрового контроля входят в жизнь человека через удобство и сервисность. При этом именно удобство механизмов цифрового государства делает контроль незаметным. Так, сбор, проверка и иные способы обработки персональных данных граждан начинают восприниматься как естественная цена комфорта. Согласно исследованиям, в 2024 г. 86,7% россиян в возрасте 15 лет и старше, обращавшихся за государственными и муниципальными услугами, получили их полностью или частично онлайн: при этом 55% получали госуслуги исключительно онлайн, без личного посещения ведомств, а еще 31,6% совмещали онлайн- и офлайн-форматы. Доля получавших услуги только офлайн снизилась до 13,3% [Щербаков 2025, web]. Это свидетельствует о готовности граждан к компромиссу в вопросе соотношения цифрового комфорта и контроля. При этом возникают и определённые риски, требующие особого осмысления. К их числу можно отнести противоречивость восприятия цифрового комфорта и контроля, уязвимость приватности, социальное неравенство в доступе к цифровым технологиям.

Целью исследования является выявление и анализ воздействия механизмов цифрового контроля на восприятие гражданами своего положения в системе «гражданин – государство». Методами исследования стали системный подход, сравнительно-исторический метод, вторичный анализ социологических исследований.

Цифровой контроль смещает вектор взаимодействия человека и государства от личных обращений к верификации с помощью различных электронных инструментов. Ранее процесс состоял из взаимодействия заявителя с исполнителем услуги относительно документов, теперь же в процесс вводятся процедуры, связанные с платформами, аккаунтами, личными профилями, биометрией, историей действий и цифровым следом. В исследованиях подчеркивается, что цифровая идентичность, цифровая самоидентификация и цифровой профиль становятся ключевыми элементами новой социальной реальности, а проблема контроля над собственной цифровой проекцией приобретает особое значение [Кондаков, Костылева 2019, с. 214].

Меняется отношение к пониманию приватности и ее границам. В цифровой среде приватность перестает означать лишь закрытость и конфиденциальность и все чаще означает контроль над процессом раскрытия данных, а именно к вопросам: кто, когда, с какой целью и в каком объеме получает доступ к информации о человеке. При этом исследования и практика показывают, что именно этот аспект остается уязвимым. Так, в 2024 г. 7,4% пользователей интернета перенаправлялись на фишинговые сайты, 5,9% становились жертвами взлома аккаунта, а 4,1% знали об утечке своих данных в публичный доступ или к мошенникам в результате взлома платформы или приложения [Попов 2024, web]. При этом лишь немногим больше трети интернет-пользователей прибегали к каким-либо действиям для обеспечения безопасности и конфиденциальности своих персональных данных. Наиболее распространенными практиками были ограничение доступа приложений к геолокации (21,3%), запрет использования персональных данных в рекламных целях (19,5%) и ограничение доступа к профилю или контенту в социальных сетях и хранилищах (16,4%)

[Попов 2024, web]. Так, человек ощущает цифровой контроль не только во взаимодействии с властными институтами, но и как собственную неспособность полностью регулировать оборот личной информации.

Рост зависимости государственной и социальной инфраструктуры от цифровых систем приводит к двойственности восприятия. С одной стороны, цифровые сервисы действительно уменьшают очереди, ускоряют процедуры, повышают управляемость процессов и комфорт жизни человека. С другой стороны, цифровая инфраструктура повышает тревожность, поскольку ошибки систем, технические сбои, компрометация и утечки данных затрагивают весь процесс цифровой трансформации. Опросы фиксируют, что 68% интернет-пользователей опасаются за сохранность своей личной информации в сети, а 44% не уверены, что могут защитить свои устройства от онлайн-угроз [ВЦИОМ 2024, web]. Следовательно, восприятие цифровой безопасности в сознании гражданина сопряжено с постоянной настороженностью, так как пользоваться системой необходимо, но невозможно ей полностью доверять.

Цифровой контроль влияет на самоощущение человека через изменение его политической субъектности – способности осознавать себя активным участником жизни государства и общества. Когда гражданин чаще взаимодействует с платформой или программой, а не с конкретным сотрудником органа власти, он начинает иначе переживать собственное присутствие в публичной сфере и системе «гражданин – государство». В исследованиях поднимаются вопросы о том, как цифровые технологии воздействуют на восприятие гражданином реальности и изменение его политического поведения, а также рассматриваются такие понятия, как «цифровая идентичность» и «цифровой гражданин» [Гаврилова, Боков 2025, с. 971]. Формально гражданин получает больше каналов доступа к государству, но фактически его участие может быть сведено к корректному заполнению заранее определенной формы и своевременному вводу и обновлению данных. Хотя элементы цифровой среды и цифрового контроля технически упрощают доступ к участию в политической жизни страны, они могут привести к ослаблению чувства собственной субъектности.

Цифровой контроль меняет отношение государства и людей к фундаментальным гарантиям защищенности. В современных исследованиях рассматривается зарождающееся цифровое законодательство, развитие которого приводит к новым этическим и правовым вызовам в области предоставления и реализации прав и гарантий человека [Карташкин 2022, с. 953]. Одним из важнейших вопросов остается процесс регулирования приватности. Это связано с тем, что у человека, не понимающего, кто именно использует сведения о нем, в каком объеме и качестве они используются в государственных и коммерческих структурах и применяются ли по первоначальному предназначению, неизбежно возникает чувство уязвимости, незащищенности и отчуждения. Потенциально он может воспринимать изначально положительные элементы цифрового контроля как механизм слежки.

Инструменты цифрового контроля распределяются социально неравномерно и поэтому по-разному влияют на самоощущение разных групп. Исследования отмечают связь предпочитаемых форм взаимодействия с государством с возрастом граждан и местом их проживания. Так, в 2024 г. среди россиян 65 лет и старше 45,4% получали государственные услуги исключительно в офлайн-режиме, а статистика по городской и сельской местности за 2023 г. демонстрирует устойчивый отрыв жителей городов в получении электронных услуг и использовании цифровой техники [Щербаков 2025, web; Абашкин, Абдрахманова, Вишневский, Гохберг и др. 2025, с. 152]. Социальные группы, недостаточно вовлеченные в процесс цифровой трансформации и не пользующиеся полноценно преимуществами

цифровых технологий, могут столкнуться с ощущением изоляции. Для государства такая неравномерность и исключение социальных групп из программ по цифровизации могут привести к дополнительным техническим, управленческим и финансовым издержкам, а также к правовым вопросам и проблемам обеспечения безопасности.

Позитивное самоощущение граждан в условиях цифрового государства наиболее реалистично именно в человекоцентричной цифровой среде. К принципам такой среды необходимо отнести следующие: минимизацию предоставляемых данных (гражданин раскрывает только те сведения, которые действительно необходимы для получения конкретной услуги); целевую ограниченность использования (данные не перемещаются между платформами и системами без понятного для человека основания); понятность решений (цифровые процедуры, в том числе отказы, просто и доступно изложены, составлены в понятных гражданину формах и переведены на нужный язык); развитие правовой культуры граждан (без должных навыков работы с цифровыми технологиями и понимания цифровых рисков никакая техническая защита не компенсирует субъективное чувство беспомощности) [Гаврилова, Боков 2025, с. 976].

Таким образом, самоощущение человека в условиях цифрового контроля формируется на пересечении процессов институционального упрощения, технологического развития и отстаивания гражданами личной приватности. Государство, переводя отношения с гражданами в цифровой формат, одновременно расширяет доступ к услугам и усиливает требования к идентификации, структурированности данных и их проверке. В связи с этим важно обеспечивать понятность и простоту цифровых процедур для получателей услуг, чтобы не утрачивалась цифровая субъектность гражданина, сохранялись его права и гарантии, а также чтобы у него не формировалось чувство собственной беспомощности в условиях цифровой трансформации. Важным видится и вопрос повышения кибербезопасности и уровня цифровой грамотности, без которых доверие к цифровым каналам и платформам государства будет существенно снижаться.

Список литературы

Абашкин, Абдрахманова, Вишневский, Гохберг и др. 2025 – Индикаторы цифровой экономики: 2025 : статистический сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. 296 с.

ВЦИОМ 2024 – «Цифровая самооборона» // Всероссийский центр изучения общественного мнения. 2024. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovaja-samooborona (дата обращения: 17.04.2026).

Гаврилова, Боков 2025 – Гаврилова Ю.А., Боков Ю.А. Механизм формирования правовой культуры цифровых граждан // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2025. Т. 29. № 4. С. 962–980.

Карташкин 2022 – Карташкин В.А. Цифровые права человека: международно-правовое и социальное измерения // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 4. С. 949–962.

Кондаков, Костылева 2019 – Кондаков А.М., Костылева А.А. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. 2019. Т. 16. № 3. С. 207–218.

Попов 2024, web – Попов Е.В. Проблемы и практики защиты персональных данных в сети // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. 2024. URL: https://issek.hse.ru/news/961635341.html (дата обращения: 17.04.2026).
Щербаков 2025, web – Щербаков Р. А. Цифровизация государственных услуг // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. URL: https://issek.hse.ru/news/1039474722.html (дата обращения: 17.04.2026).

УДК 1; 316.442

ОБОСТРЕНИЕ ПРОБЛЕМ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Оконская Наталия Камильевна
Доктор философских наук
Образовательный центр г. Когалым (Когалымский филиал Пермского национального исследовательского политехнического университета, кафедра Фундаментальных и гуманитарных дисциплин, профессор
E-mail: nataokonskaya@rambler.ru

Аннотация: В отличие от традиционного, информационное общество не имеет обычаев или институционализированных обрядов идентификации, что усугубляется высокими темпами социализации и сетевыми путами, скрывающими прежнюю устойчивую иерархию общества. Подвижность и постоянные изменения социальных институтов в большей мере отвечают интересам транснациональных корпораций, чей капитал построен на использовании высоких информационных технологий. Главной, зачастую неосознаваемой проблемой самоопределения идентичности личности является коконообразная многослойная виртуализация коммуникаций. В результате использования мега-трансформеров и других компьютерных технологий для повышения уровня когнитивных способностей человека взамен субъективного образа объективного мира онтический мир человека сегодня окутан информационной пленкой самовозрастающей информации. Следствием этого является «смерть субъекта» как длительная мучительная потеря защиты, даваемой субъективной ориентацией в мире, что закономерно вызывает потерю идентичности, смысла жизни, растерянность и фрустрацию. Обстоятельства, способствующие этому, – продолжающийся кризис постмодернизма с модой на плюрализм и элиминативизм, – направленные на искоренение фундаментальной метафизики, избавление от противоречивого, но неразрывного единства материального и идеального на онтологическом и познавательном уровнях. Выход видится в усилении объективных процессов индивидуализации собственности на средства производства, что будет устойчиво противостоять массовому одиночеству в сетевых социальных движениях: непосредственное и опосредованное признание профессионализма субъекта сопровождается избавлением от ложных виртуальных символов искусственной информации и реальным обретением смысла жизни.

Ключевые слова: идентификация, социализация, виртуальность сознания, искусственная виртуальность, кризис постмодернизма, сети, коммуникация, глобализация.

ESCALATION OF IDENTIFICATION PROBLEMS IN THE INFORMATION SOCIETY

Okonskaya Natalia Kamilevna

Educational Center of Kogalym (Kogalym Branch of Perm National Research Polytechnic University), Doctor of Fhilosophy, Professor

Abstract: Unlike traditional society, the information society lacks customary or institutional rituals of identification. This absence is accompanied by high rates of socialization and network entanglements that obscure the previously stable social hierarchy. The constant fluidity of social institutions essentially serves the interests of transnational corporations, whose capital is built on the use of advanced information technologies. The main, often unconscious, problem of personal identity self-determination is the cocoon-like, multi-layered virtualization of communications. Replacing the subjective image of the objective world, the ontic world today is enveloped in an informational film of self-propagating information as a result of using mega-transformers in cognitive technologies. The sarcophagi of the oblivion of being, the derivation of the "ought" from the "is," correlate well with the "death of the author." Consequently, the "death of subjects" – as a prolonged, painful loss of the protection once provided by subjective orientation in the world – naturally leads to a loss of identity, a loss of meaning in life, bewilderment, and frustration. Contributing circumstances include the ongoing crisis of postmodernism with its fashion for pluralism and eliminativism – all aimed at discarding the contradictory yet indissoluble unity of the material and the ideal in human society. The way out seems to lie in strengthening the objective processes of individualization of ownership of the means of production, which would sustainably counteract mass loneliness within networked social movements: direct and indirect recognition of an individual's professionalism, accompanied by liberation from false virtual symbols of artificial information and the genuine recovery of life's meaning.

Keywords: identification, socialization, virtuality of consciousness, artificial virtuality, crisis of postmodernism, networks, communication, globalization.

Практически процесс идентификации, являясь необходимым и объективным, не нуждается в осознании, чтобы происходить, о каких бы противоречиях мы ни говорили. Однако новая стадия развития многослойности виртуализации бытия и виртуализации познания (в связи с искусственными способами производства информации) остаётся не социализированной уже достаточно длительное время. Об этом свидетельствует и резко негативная оценка применения LLM (больших языковых моделей), ИИ как со стороны обыденного мировосприятия, так и со стороны институтов образования, политики, искусства и пр. Так, становясь существенной частью новых технологий, медицины, журналистики [Beckett 2019, web], искусственный интеллект воспринимается как не улучшающий, а ухудшающий способности школьников к творчеству, ломающий продуктивные возможности обучения студентов-технарей и естественников – гуманитарному циклу предметов. Если бы огромный потенциал аналитической работы, основанной на алгоритмах сравнения и обобщения, использовался продуктивно, не было бы расхождения по глубине и интерпретации

написанных на экзаменах текстов и устных ответов; не было бы законодательных инициатив по отмене письменных работ из-за ложности показателей, выставленных на основе предъявляемых письменных работ с использованием искусственного интеллекта. Однако наложение роста провалов интеллектуализации и профессионализации выпускников школ и вузов на сверхскоростное распространение цифровых технологий когнитивного функционирования не превращает эту взаимозависимость в причинно-следственную.

Эмпирические исследования поколений подтверждают, что поколение Y (игрек) в возрасте от 30 до 45 лет гораздо менее защищено в своих субъектных преимуществах, проявляя инфантилизм [Илларионов и др. 2025]. Напротив, миллениалы, родившиеся начиная с нулевых XXI века, а также их дети не могут быть уличены в инфантилизме и эмоциональной незрелости. При этом источники информации разной степени сложности, в том числе LLM, составляют для них естественную среду обитания [Макарова, Илларионов 2025, с. 81]. Не ограничиваясь только психологическими подходами к проблемам идентичности, признавая нелинейную зависимость между трансформацией технических укладов общества и трансформацией идентичности, воспользуемся инструментарием социально-гуманитарных теорий (социологии, философии, экономики). Глубоко проникая в повседневную жизнь общества, в государственное управление, в торговлю, цифровые технологии формируют *виртуальную идентичность* [Платонова 2024].

Виртуальность уменьшает роль субъекта – исторически могущественного порождения культуры и цивилизации, могущего удержать под контролем развитие любого *объекта*, от физической системы (космические полеты и космические технологии; микромир нанотехнологий поатомной сборки) до социальных сетей коммуникативного действия [Кусраев 2015; Чугров 2017]. Но на основе достигнутого цивилизационного могущества появляется и сила разрушения, сравнимая с созиданием. О контркоммуникации пишет испанский философ, когда через онлайн-коммуникацию ставится под угрозу традиционное суверенное национальное государство [Игнатьева 2017; Кастельс 2008; Бобова 2013].

Если вновь обратиться к идее виртуальной идентичности, воздействующей на идеальность не искусственную (субъективный образ объективного мира), на воплощение высшей формы психики, то для значительной группы лиц оказывается непосильной абстрактная паутина знаков, в которой требуется отыскать смысл. Под паутиной понимается многослойная виртуализация самопорождаемой информации. Появляется феномен борьбы идентичностей, разворачивающейся на фоне множественной идентичности [Платонова 2024, с. 17]. Объективная природа человека, предполагающая врожденное единство ради единства, оказывается способной возвратиться (в превращенной виртуальной форме) к борьбе всех против всех внутри глобализированного человечества. Это борьба не столько физического насилия, сколько насилия над умами и смыслом людей. Если, по Эриксону, «идентичность обозначает твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру, чувство адекватности и стабильного владения…способностью … к полноценному решению задач…» [Эриксон 1996, с. 12], то при множественности идентичностей разрушается коммуникация. Способность к коммуницированию – главная из способностей, способ бытия, способ врожденной способности к созданию новой среды, то есть к творчеству, а также и способ бытия языковой деятельности, в процессе которой формируется сознание человека. Без коммуникации развитие идет в сторону усиления эгоизма, к деградации [Курганская и др. 2022]. Это вполне может проявляться через инфантильность и неумение брать на себя ответственность. Поскольку юные миллениалы (поколение альфа) демонстрируют прекрасные способности к

коммуникации, это означает, что предложенный им более старшими поколениями символизм анонимности онлайн-общения их не устраивает. Они переходят на язык общности интересов и берегут изначальный смысл единства и целостности систем, владея все совершеннее языками LLM. А вот их предшественники с множественной идентичностью продолжают свою негативную активность по отношению к самим себе (в первую очередь). Причиной такого отчуждающего поведения мы видим поражения на поле экономической стабильности и экономической индивидуализации. Лихие девяностые привели становление субъектов к критической линии, когда те, кто не сумел получить признание (опосредованное через зарплату; прямое через предложение статусной и престижной работы), в настоящее время охраняют свое положение, ориентированное на «иметь», а не «быть».

«Виртуальность, ставшая неотъемлемым элементом социально-антропологического ландшафта XXI в., …переживает возрождение в качестве технологического явления, трансформирующего основы человеческого существования …от античной добродетели к цифровой симуляции» [Васюков 2025, с. 183]. Если следовать законам когнитивистики, от простого, то любой субъективный образ объективного мира не тождественен «вещи в себе», хотя для познания сути без явления виртуальности не обойтись. Но в связи с информацией об информации, создаваемой большими языковыми моделями, трансформерами и пр. с использованием цифровых технологий, смыслы каждого факта стали «коконообразными», скрывая не только суть, но и антропоморфные ценности. Вызванная виртуальными оболочками текучесть и подвижность всех социальных институтов, опосредуемых цифровыми технологиями, не случайно вызывает страх (не путать с ужасом экзистенциального очищения, по Хайдеггеру).

Каждый ли человек способен осуществлять идентификацию, отвечая за формирование своей идентичности? Скорее всего, объективно каждый имеет пространственно-временную, гендерную, классовую, национально-этническую, ролевую идентичность, куда входит семейное, профессиональное, конфессиональное, политическое и другие институционализированные ролевые участия в общественной жизни. Однако отвечать за формирование эгоидентичности, избегая при этом ролевого смешения, может не каждый человек, даже «подкованный» опытно-теоретически, через знания, умения, владения, с выработанным рабочим динамическим стереотипом в профессии. В условиях социально-экономических, политических кризисов все усилия субъекта могут оказаться провальными, когда и знания не смогут помочь. Из опыта поколений, переживших лихие девяностые, или для переживающих сегодня горечь войны, разорений в бизнесе, очевидно, что необходимо иметь смысл жизни, культуру высокой духовности, чтобы вернуть надежду и веру в лучшее. Главной опорой здесь может стать индивидуализация отношений собственности, или реальное прямое признание заслуг человека, что происходит через долю выплачиваемых ему произведенных с его участием сумм прибыли, а не только заработной платы как цены рабочей силы (см. Маркса об индивидуализации собственности на средства производства). Логическим доказательством подобной корректировки проблем с идентичностью человека служит саморазвитие мира как способ бытия сложных систем, какой является и наисложнейшая система субъекта, личности, человека как носителя всех общественных отношений.

Список литературы

1. Бобова 2013 – Бобова Л. А. Мануэль Кастельс: влияние сетевого общества на характер социальных коммуникаций // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 5 (32). С. 213–220.

2. Васюков 2025 – Васюков Р. В. Виртуальность как этический феномен в цифровом обществе (социально-философский анализ) // Социальная политика и социология. 2025. Т. 24. № 4 (157). С. 182-188.

3. Игнатьева 2017 – Игнатьева О. А. Коммуникация как основание легитимности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2017. Т. 17. № 4. С. 436–441.

4. Илларионов и др. 2025 – Илларионов А. А., Макарова Е. А., Макарова Е. Л. Инфантилизм взрослого поколения как неизбежная реальность современности // Russian Journal of Education and Psychology. 2025. Т. 16. Вып. 2. С. 352–374.

5. Кастельс 2008 – Кастельс М. Коммуникация, власть и контрвласть в сетевом обществе / пер. и реф. Д. В. Ефременко // Политическая наука. 2008. № 4. С. 238–266.

6. Курганская и др. 2022 – Курганская В. Д., Дунаев В. Ю., Сагикызы А. Феномен идентичности в социальном конструировании виртуальной реальности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. № 4. С. 487–499.

7. Кусраев 2015 – Кусраев Б. Н. Теория коммуникативного действия Юргена Хабермаса // Вопросы философии. 2015. № 2. С. 58–69.

8. Макарова, Илларионов 2025 – Макарова Е. А., Илларионов А. А. Причины эмоциональной незрелости у взрослых // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2025. № 1. С. 79–84.

9. Платонова 2024 – Платонова С. И. Цифровые технологии и общество: трансформация идентичности // ДИСКУРС. 2024. Т. 10. № 4. С. 16–26.

10. Чугров 2017 – Чугров С. В. Формирование и эволюция публичности (о книге Ю. Хабермаса) // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 168-172.

11. Эриксон 1996 – Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; под общ. ред. А. В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. 342 с.

12. Beckett 2019, web – Beckett C. New powers, new responsibilities. A global survey of journalism and artificial intelligence // London School of Economics and Political Science. 2019. URL: https://www.lse.ac.uk/media-and-communications/polis/JournalismAI/The-report (дата обращения: 07.04.2026).

УДК 159.923.2

ФОРМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ ГЛУБОКИХ МЕДИА

Шклярик Елена Николаевна

Кандидат философских наук

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, философский факультет, доцент

E-mail: shklyarik@mail.ru

Аннотация: Исследование идентичности в философии, социологии, социальной антропологии, социальной психологии и урбанистике позволяет рассматривать этот конструкт как нелинейную динамическую систему, гибко реагирующую на изменения среды. В качестве методологии исследования применимы системный и структурный анализ, социология места, принципы гибкого управления и открытого образования, компаративистика. Идентичность характеризуется такими терминами, как «мерцающая»/«множественная», «знаковая»/«масочная»/«карнавальная», «партикулярная», «ложная»/«фиктивная»/«фантомная». Набор факторов, определяющих идентичность, подвержен развитию в пространстве и времени: семья, социальный возраст, образование, язык, религия, профессия, место жительства, цифровые репрезентации. Все они обладают разным влиянием на выбор индивидуальных и коллективных стратегий. Мегаполис и цифровое пространство – основные границы моделирования идентичности. Среди новых способов построения идентичности отмечаются заимствования картин мира и образов жизни в глобальном сетевом общении, а также подражательные тактики обучения новым навыкам и знаниям. После появления мобильных гаджетов и широкополосного Интернета в 2014 году исследования обнаруживают стирание региональных традиционных практик социализации и культурного наследования даже в примитивных сообществах Амазонии. Массовая апроприация культурных и коммуникативных технологий связана с визуализацией информации и превращением ранее закодированных систем знания в визуальный текст. Освобождение от доминирующей идентичности и использование стратегий адаптации в личном и коллективном опыте связаны с массовыми миграциями и унификацией креативных практик. Это потребовало новых пространств и модификации городской среды, соответствующей «эмо-архитектуре» коллективной идентичности. Так, в русле исследования глубоких медиа (deep media studies) идентичность проявляется и предъявляется через совмещение традиционных для науки способов получения знания и характерных для пластических искусств форм мышления. Данные ДНК, волновые процессы, проницаемые среды, электромагнитные колебания структурируются и транслируются в разнообразных причудливых сочетаниях, объединяющих каналы визуального, звукового, ольфакторного и тактильного опыта. Специфика и многообразие физического и биологического получают воплощение в терминах культуры, отсылающих к традиционным жанрам (звуковой портрет, кинетический пейзаж, симфония запахов, тактильные скульптуры).

Ключевые слова: множественная идентичность, гибридная рациональность, глубокие медиа, распределенный субъект.

FORMS OF IDENTITY AND THE LIMITS OF RATIONALITY IN DEEP MEDIA

Shklyarik Elena Nikolaevna

PhD in Philosophy
Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, Associate Professor

Abstract: The study of identity in philosophy, sociology, social anthropology, social psychology, and urban studies allows us to consider this construct as a nonlinear dynamic system that responds flexibly to environmental changes. Systemic and structural analysis, sociology of place, principles of flexible management and open education, and comparative studies can be used as research methodologies. Identity is characterized by terms such as flickering/multiple,

symbolic/masked/carnival, particular, and false/fictitious/phantom. The set of factors that determine identity is subject to development in space and time: family, social age, education, language, religion, profession, place of residence, and digital representations. All of these factors have different influences on the choice of individual and collective strategies. The metropolis and digital space are the main boundaries for the construction of identity. New ways of building identity include borrowing worldviews and lifestyles through global networking, as well as imitative tactics for learning new skills and knowledge. Since the introduction of mobile gadgets and broadband Internet in 2014, studies have revealed the erosion of regional traditional practices of socialization and cultural inheritance, even in the primitive communities of the Amazon. The mass appropriation of cultural and communication technologies is associated with the visualization of information and the transformation of previously encoded systems of knowledge into visual text. Liberation from the dominant identity and the use of adaptation strategies in personal and collective experience are associated with mass migrations and the unification of creative practices. This required new spaces and modification of the urban environment, corresponding to the "emo-architecture" of the collective identity. Thus, in the context of deep media studies, identity is manifested and presented through the combination of traditional scientific methods of obtaining knowledge and forms of thinking characteristic of plastic arts. DNA data, wave processes, permeable media, and electromagnetic oscillations are structured and broadcast in a variety of bizarre combinations that combine visual, auditory, olfactory, and tactile channels. The specificity and diversity of the physical and biological are embodied in cultural terms that refer to traditional genres (sound portrait, kinetic landscape, symphony of scents, and tactile sculptures).

Keywords: multiple identities, hybrid rationality, deep media, distributed subject

Исследование идентичности в философии, социологии, социальной антропологии, социальной психологии и урбанистике позволяет рассматривать этот конструкт как нелинейную динамическую систему, гибко реагирующую на изменения среды. В качестве методологии исследования применимы системный и структурный анализ, социология места, принципы гибкого управления, открытого образования, компаративистика. Идентичность характеризуется такими терминами, как «мерцающая»/«множественная», «знаковая»/«масочная»/«карнавальная», «партикулярная», «ложная»/«фиктивная»/ «фантомная». Набор факторов, определяющих идентичность, подвержен развитию в пространстве и времени: семья, социальный возраст, образование, язык, религия, профессия, место жительства, цифровые репрезентации. Все они обладают разным влиянием на выбор индивидуальных и коллективных стратегий. Мегаполис и цифровое пространство – основные границы моделирования идентичности. Среди новых способов построения идентичности отмечаются заимствования картин мира и образов жизни в глобальном сетевом общении, а также подражательные тактики обучения новым навыкам и знаниям [Малыгина 2018, с. 112]. После появления мобильных гаджетов и широкополосного Интернета в 2014 году исследования обнаруживают стирание региональных традиционных практик социализации и культурного наследования даже в примитивных сообществах Амазонии. Массовая апроприация культурных и коммуникативных технологий связана с визуализацией информации и превращением ранее закодированных систем знания в визуальный текст. Освобождение от доминирующей идентичности и использование стратегий адаптации в личном и коллективном опыте связаны с массовыми миграциями и унификацией креативных практик [Hall 1996, p. 15]. Это потребовало новых пространств и модификации городской среды, соответствующей «эмо-архитектуре» коллективной идентичности. Ограниченность

трактовки идентичности как фиксированного образования порождает необходимость различать практики идентификации, категориальные схемы и политические языки принадлежности. Сложный рисунок взаимодействий, социальных контактов, социокультурной динамики (например, зарождение художественных или интеллектуальных движений) позволяет прослеживать процессы социализации и индивидуализации как поток взаимопревращений личности и культуры, индивидуальности и референтных сообществ.

Направление «наука-искусство» (Art & Science) предлагает разные способы восприятия, позволяющие отойти от традиционных социальных схем демонстрации идентичности. Солидарность подходов науки и искусства расширяет конвенции работы в областях информационных технологий, робототехники и биомедицины. Искусство выступает как радар и как бумеранг: оно обнаруживает чувствительные точки неопределенности в познании и предъявляет их в качестве художественных практик. Так, в русле исследования глубоких медиа (deep media studies) идентичность проявляется и предъявляется через совмещение традиционных для науки способов получения знания и характерных для пластических искусств форм мышления. Данные ДНК, волновые процессы, проницаемые среды, электромагнитные колебания структурируются и транслируются в разнообразных причудливых сочетаниях, объединяющих каналы визуального, звукового, ольфакторного и тактильного опыта. Специфика и многообразие физического и биологического получают воплощение в терминах культуры, отсылающих к традиционным жанрам (звуковой портрет, кинетический пейзаж, симфония запахов, тактильные скульптуры).

Синтез восприятия даёт богатый ассоциативный материал, отзывающийся в посетителе значимыми сигналами. Поле культуры, символы времени, социальная память складываются в семантическую палитру. Динамика само/наблюдения и репрезентации данных открывает возможности для проектов-самоделок (DIY), используемых в качестве моделей. Например, в работе Е. Никоноле и Л. Оджомоко «Quorum Sensing: Сигнальная система кожной флоры» (2022–2024 гг.) прослеживаются изменения микробиома кожи с целью создания запахов цветов в качестве индикаторов заболеваний [Куроптев, 2024]. Мозаическая идентичность опирается на номадические и игровые структуры рациональности, гибко реагирующие на потребности актора.

Интерактивная среда провоцирует открытость или устойчивость объекта к внешним воздействиям. Программа идентичности перестраивается в зависимости от факторов ориентации в ситуации неочевидных целей и невозможности проектирования. «Информационное ожирение» часто порождает отказ от коммуникации и стремление к чистоте и простоте пространства самоопределения. Пустотность, непроявленность, нейтральность – термины описания интенциональности для конструирования идентичности. Форма-жизни, не-тело, альтернативная архитектура пространства-времени, личность-трансформер, распределенный субъект – эти способы описания новой технологической оболочки и ресурсов рациональности. Рационализации и верификации подвергаются те аспекты индивидуального и коллективного бытия, которые ранее относились к ненаблюдаемым или бессознательным процессам. Алгоритмы проницаемости позволяют снимать оппозиции приватного-публичного, как в работе Стеларка «Третье ухо» (1993), когда художник поместил на левое предплечье имплант, постоянно ведущий интернет-трансляцию звуков его тела и окружения. Раннее и безошибочное предупреждение – то, как тотальный контроль стирает границы самоопределения. Продолжением этой темы стала работа Дмитрия Морозова (псевдоним – ::vtol::) «Черный ящик» (2018). Исследуя истоки и цели биохакинга, художник обращается к своей повседневной активности, устанавливая прямую зависимость

между сбором данных и регуляцией поведения робота, транслирующего желания автора. Наглядная демонстрация биовласти производит удручающее впечатление, приближая условный институциональный контроль к реальным границам личности. Уязвимость и утрата подлинно человеческих смыслов перед лицом технологической редукции открываются в работе Хизер Дьюи-Хагборг «Образы незнакомцев» (2012–2013 гг.). Она провела реконструкцию внешности людей на основе образцов ДНК, взятых из мусора. Применив собственное программное обеспечение и 3D-печать, художница продемонстрировала своеобразное путешествие отчужденной сущности человека, подобное уликам из генетического материала, использующимся в судопроизводстве [Магрини 2019, с. 81].

«Двери восприятия» открыты для причудливых сочетаний эмпирического, аналитического и ассоциативного, порождая гибридный тип рациональности. Художественные практики позволяют ироническое совмещение апробированных подходов управления информационными процессами с эзотерическими принципами: например, в работе «ADMXI» (2015 г.) Николя Монжермон создал универсальный торговый алгоритм для работы на фондовой бирже, учитывающий угол между Землей и Плутоном. Непрозрачность для потребителя логики астрологических прогнозов, фондовых рынков и математических моделей уравнивает их вне требования верифицируемости в общем магическом поле [Магрини 2019, с.80]. Мифопоэзис работы «Мы обеспечиваем наше будущее грудным молоком вулканов» (2015 г.) студии «Unknown Fields» объединяет экоповестку с реальным исследованием в области физической химии. Вулканическая батарея, изготовленная из стекла, графита, алюминия, никеля и литиевого раствора, собранного в солончаке Уюни в Боливии, служит и художественной инсталляцией, и фрагментом итогового научного отчёта [Магрини 2019, с. 81].

Помимо демистификации научных разработок, художники формируют особый взгляд на научный поиск. Это не традиционная популяризация и визуализация, а тотальное взаимодействие разных типов мышления, сканирующих исходные данные. Проекты в области глубоких медиа ориентированы на соавторство и сотрудничество (когда художники получают ученую степень в исследуемом предмете). Публичные/популярные наука и искусство, народные музеи и архивы, коллективное творчество, волонтёрство, гражданское взаимодействие в сложных биосоциальных проектах выстраивают особый тип регуляции междисциплинарных контактов, основанный на самоорганизации, а не на строго научной или социокультурной регламентации.

Список литературы

1. Куроптев 2024 – Куроптев Ю. Нечеловеческие агенты – и то, что они порождают. Пермь: МСИ ПЕРММ. 2024. URL: https://permm.ru/~/nechelovecheskie-agenty-i-to-chto-oni-porozhdayut?ysclid=mojfplr528111976176 (дата обращения: 20.04.2026).
2. Магрини 2019 – Магрини Б. (Глубокий) медиа-арт и порождение мемов: технологическое искусство и разработка альтернативных идей // Технологос. 2019. № 4. С. 76–87.
3. Малыгина 2018 – Малыгина И. В. Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии. М.: Согласие, 2018. 240 с.
4. Hall 1996 – Hall S. Introduction: Who Needs “Identity”? // Questions of Cultural Identity / ed. by S. Hall, P. du Gay. London: Sage, 1996. P. 117. URL:

https://pages.mtu.edu/~jdslack/readings/CSReadings/Hall_Who_Needs_Identity.pdf (дата обращения: 15.01.2026).

УДК 172.1

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ОСНОВА ТЕХНОКРАТИЧЕСКОГО УКЛАДА: ПОПЫТКА АНАЛИЗА

Шулындина Анастасия Борисовна
Кандидат философских наук
Нижегородская государственная консерватория им. М. И. Глинки, концертмейстер
E-mail: shulindinaab@mail.ru

Аннотация: В статье произведен анализ происходящих сегодня процессов технократической трансформации общества. Цель анализа – выявить мировоззренческую подоплеку происходящих изменений. Для выявления причин трансформации привычного типа государства в новый тип социальной организации, называемый корпорацией-государством, использованы компаративный, дедуктивный и индуктивный методы, а также метод аналогии, что позволяет раскрыть логику социальных процессов и увидеть взаимосвязь разных исторических эпох.

Проведенное исследование позволило выявить сходство и внутреннее родство идей рационализма, популярных в эпоху Просвещения, и технократического мировоззрения, осознанно или неосознанно принимаемого за основу многими современными людьми.

Мировоззрением правящей «элиты», которая является основным двигателем предельной технологизации современного общества, является технократизм, то есть своеобразное «обожествление» некоего рационального алгоритма. Такой способ мышления является закономерным итогом общего движения цивилизации по пути абсолютизации абстрактного разума в ущерб всем остальным сферам жизни. Новый общественный уклад («надзорный капитализм») отличается предельной антигуманистичностью, так как управляемые и контролируемые при помощи технологий члены общества рассматриваются властями как биообъекты для их социальной инженерии.

Большую роль в построении современного технократического общества (как и в эпоху Просвещения) играют тайные общества и новые квазирелигиозные концепции, максимально удаляющие их последователей от традиционных представлений о добре и зле.

Ключевые слова: технократизм, мировоззрение, государство, технологии, рационализм, кризис цивилизации.

THE WORLDVIEW UNDERPINNING THE TECHNOCRATIC SYSTEM: AN ATTEMPT AT ANALYSIS

Shulindina Anastasia Borisovna
Candidate of Philosophical Sciences
M.I. Glinka Nizhny Novgorod State Conservatoire, accompanist

Abstract: This article analyses the processes of technocratic transformation currently taking place in society. The aim of the analysis is to identify the ideological underpinnings of these changes. To identify the reasons for the transformation of the traditional state into a new type of social organisation, known as the corporate state, comparative, deductive, and inductive methods have been employed, as well as the method of analogy, which allows us to uncover the logic of social processes and discern the interconnection between different historical eras.

This study has revealed the similarities and intrinsic kinship between the ideas of rationalism, popular during the Enlightenment, and the technocratic worldview, which is consciously or unconsciously adopted as a basis by many people today.

The worldview of the ruling 'elite', which is the main driving force behind the extreme technologisation of modern society, is technocracy – that is, a kind of 'deification' of a certain rational algorithm. This way of thinking is the natural outcome of civilisation's general movement towards the absolutisation of abstract reason at the expense of all other spheres of life. The new social order ('surveillance capitalism') is characterised by extreme anti-humanism, as members of society, managed and controlled through technology, are viewed by the authorities as biological objects for their social engineering.

Secret societies and new quasi-religious concepts play a major role in the construction of modern technocratic society (as they did in the Age of Enlightenment), distancing their followers as far as possible from traditional notions of good and evil.

Keywords: technocracy, worldview, state, technology, rationalism, crisis of civilisation.

Одним из фундаментальных факторов, детерминирующих беспрецедентные глобальные изменения, является кризис капиталистической системы и, как следствие, трансформация общественного устройства в общемировое посткапиталистическое общество. Основными политическими силами формирующегося уклада являются уже не национальные государства, а транснациональные корпорации.

Стремление и потенциальная возможность для правящих страт, аккумулировавших в своих руках основную часть материальных ресурсов, освободиться от сдерживающих их ранее «пут» (институтов демократии и элементов социально ориентированного государства), неизбежно приводят к неограниченной власти корпоратократии (нового правящего слоя).

Средством управления людьми в новом государстве, как предполагается, должны быть современные технологии. Технически оснащенная, как никогда ранее, новая власть окажется максимально «непрозрачной» для людей, так как последние будут полностью лишены возможности влиять на управляющие структуры, вести с ними какой-либо диалог и даже определить тех, кто является управляющей силой.

Благодаря использованию все более совершенных технических средств, которые предоставляют возможность постоянного наблюдения за человеком и создания различных баз данных, используемых высшей стратой в своих интересах, взаимоотношения между властью и управляемыми людьми становятся подобными взаимодействию между надзирателями и узниками в тюрьме или концлагере – не случайно А. И. Фурсов называет формирующийся уклад «надзорным капитализмом» [Фурсов, 2021]. В новом обществе, по плану элит, главенствует абстрактно понимаемая «справедливость воздаяния»: наказание за нелояльность и поощрение за лояльность. По своему антигуманизму создаваемый сегодня строй превосходит все существовавшие ранее системы социальной организации. По словам А. И. Фурсова, «при рабовладении отчуждается воля человека распоряжаться собственным телом, при феодализме – воля человека распоряжаться землей», при обычном капитализме – рабочая

сила, а в надзорном капитализме «объектом присвоения является человек в целом как социально-духовное существо» [Чернышев, 2021].

Техническая возможность тотальной слежки делает возможным грубейшее вторжение в частную жизнь. Например, сбор биометрических данных, ранее допустимый исключительно в отношении криминального контингента, в настоящее время приобретает практически повсеместный характер и становится необходимым условием существования в социуме (обязательность биометрических паспортов при посещении государств ЕС, сдача биометрии при пересечении границы в большинстве стран). Генетические и медицинские сведения, ранее относившиеся к категории сугубо конфиденциальной информации, также становятся достоянием квазигосударственных структур нового типа.

Руководство Российской Федерации, как это ни прискорбно, демонстрирует предельную лояльность по отношению к новым «веяниям». Среди законов, идущих в русле «глобальной повестки» – печально известный «закон Яровой», который упраздняет конфиденциальность телефонных разговоров, блокировка Телеграм (нарушающая право на доступ к правдивой и не регламентированный новыми квазигосударственными структурами информации), проект создания т. н. «базы антипрививочников» [2026].

Все эти административные распоряжения свидетельствуют о том, что население России, как и всего мира, рассматривается представителями власти как некий набор биообъектов, не обладающих собственной волей, разумом и свободой, а способных только к выполнению любых распоряжений начальства (в том числе под угрозой репрессий и утраты работы и материальных благ).

Происходящие процессы являются не только следствием экономических факторов и интересов управляющего класса «хозяев денег». Та власть, которую получили современные корпорации-государства, стала возможной вследствие того, что человеческая цивилизация на протяжении длительного времени развивалась в духовно-мировоззренческой парадигме материализма и нигилизма (отрицания абсолютных ценностей). Представители правящей верхушки считают, что обладают правом сделать мир соответствующим их представлениям, а многие люди не видят проблем в том, чтобы выполнять распоряжения начальства, часто отрицающие все их права и личную неприкосновенность (за исключением тех, которые напрямую затрагивают их материальные интересы). Ярким примером ущербного для человека, воспитанного в рамках традиционной гуманистической культуры, является добровольное принятие индивидом биометрической идентификации, которая, как уже было отмечено, унижает человеческое достоинство и упраздняет презумпцию невиновности.

Следует отметить, что причиной такого отношения как к другим, так и к себе является «технократическое» мировоззрение, которое формировалось на протяжении всего развития европейской цивилизации, начиная с эпохи Возрождения, когда произошел переход от теоцентрической к антропоцентрической картине мира. Философы-рационалисты стали признавать мерилом всего сущего человека, а его разум считать основой познания мира.

Эпохе Просвещения была присуща вера в возможность построения справедливого общества, причем, как отмечает С. О. Елишев, «внедрение установок и теоретических концептов идеологии Просвещения в науку, а затем и в массовое сознание западноевропейцев» открыло новую эру «тотального социального манипулирования» и масштабных социальных экспериментов [Елишев 2022, с. 98].

Рационализм мышления по мере развития цивилизации перешел в следующую стадию – технократизм. В рамках этого мировоззрения все происходящие процессы воспринимаются сквозь призму причинно-следственных отношений, полностью подконтрольных

человеческому разуму, поэтому «математические модели рассматриваются как сама реальность, а не как описание реальности. Человеку остается лишь действовать в полном соответствии с некоторой программой, соотнося с ней не только свои поступки, но и саму реальность» [Миронов 2009, с. 24]. Технократизм предполагает возможность полностью рассчитать последовательность человеческих поступков и чувств, отметая все спонтанное и любые проявления свободы [Миронов 2009, с. 25]. Технократическое мышление отрицает даже присущую рационализму способность делать собственные ошибки и учиться – напротив, для него характерна вера в собственную правоту и непогрешимость, часто (и чаще всего) вопреки реальности [Миронов 2009, с. 25].

Л. Гумилев отметил, что именно такой тип мышления был характерен для «вольных каменщиков», сыгравших большую роль в развитии идей Просвещения и Великой французской революции. В своей книге он цитирует отрывок из книги О. Кошена, который писал, что в масонских ложах сформировался определенный тип человека, который, «…будучи отрезан от духовной связи с народом», смотрел на него «как на материал, а на его обработку – как на техническую проблему. Это выражено в символе масонского движения – в образе построения храма, где люди – камни, прикладываемые друг к другу по чертежам архитектора» [Гумилев 1992, с. 152]. «Новая элита» также объединяется в кланы и сообщества, имеющие тайный характер и преследующие собственные глобальные цели, а использование современных технологий позволяет «верховному классу» строить свой мир и упорядочивать его в соответствии с собственным замыслом.

Другой аспект мировоззрения, возникшего в эпоху Просвещения и перешедшего на новый уровень в эпоху технологий – интерес к мистике и магии, что было обусловлено тем, что привычные религиозные верования утратили свое влияние, тогда как многие вопросы мироздания так и не были разрешены, – отсюда интерес к масонским ритуалам (и их использование в конспиративной практике). Современная «элита», осознавая потребность человека в неких высших смыслах, также обращается к различным религиозным культам, однако выбирает среди них только те, в которых упразднена идея добра и зла, утрачены и размыты привычные культурные ориентиры (это переиначенные на современный лад учения йоги и буддизма).

Сложность структур, которые далеко не всегда функционируют в соответствии с рассчитанными технократически ориентированной верхушкой планами, вызывает у элиты желание «упростить» тех, кем они управляют, – отсюда тщательно планируемые ими реформы образования, в котором ведущей становится тестовая система, примитивизирующая мышление человека. Для обмана и социального манипулирования людьми «элита» использует технологии ИИ, в которые встроены определенные «политически корректные» алгоритмы, призванные увести от понимания основ происходящего.

Историческая беспрецедентность происходящего сегодня, проникновение технологий во все сферы жизни, а также постепенность изменений являются факторами, которые блокируют возможность понимания сущности происходящего для большей части людей. Осознание причин и подоплеки происходящего, в том числе на мировоззренческом уровне, необходимо сегодня для того, чтобы адекватно оценить процессы, адаптироваться к ним, а также минимизировать отрицательные и даже трагические последствия современного цивилизационного кризиса.

Список литературы

1. Гумилев 1992 – Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Товарищество Клышников, Комаров и Ко, 1992. 510 с.
2. Елишев 2022 – Елишев С. О. Эпоха Просвещения и ее идеология: начало эры социального манипулирования // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/epoha-prosvescheniya-i-ee-ideologiya-nachalo-ery-sotsialnogo-manipulirovaniya (дата обращения: 19.05.2026).
3. Информацию о прививках и антипрививочниках внесут в отдельный регистр. 9 апреля 2026. URL: https://www.garant.ru/news/2050853/
4. Миронов 2009 – Миронов А. В. Технократизм – вектор развития глобализации. М.: МАКС Пресс, 2009. 130, [1] с.
5. Фурсов 2021 – Фурсов А. «В надзирающем капитализме главное – это манипуляция людьми» Новые известия 23 сентября 2021. URL: https://newizv.ru/news/2021-09-23/andrey-fursov-v-nadzirayuschem-kapitalizme-glavnoe-eto-manipulyatsiya-lyudmi-335280?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 19.05.2026).
6. Чернышев 2026 – Чернышев Е. Андрей Фурсов: Мировая правящая верхушка задумала людоедскую социальную систему. URL: https://www.nakanune.ru/news/2021/02/14/22594995/ (дата обращения: 19.05.2026).

УДК 7.06

БЛЮЗ ПРОТИВ ИРЛАНДСКОГО СТЕПА: ПРОБЛЕМАТИКА СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ФИЛЬМЕ Р. КУГЛЕРА «ГРЕШНИКИ» (2025)

Кузнецова Светлана Вячеславовна
Кандидат исторических наук
Институт международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н. И. Лобачевского, доцент кафедры новой и новейшей истории
E-mail: s.v.kuznetsova@imomi.unn.ru

Аннотация: Актуальность темы исследования визуальных и нарративных практик репрезентации культурной идентичности в популярном фильме Райана Куглера «Грешники» (2025) обусловлена интересом современного общества к вопросам сохранения и трансформации культурной самобытности в условиях глобализации и мультикультурализма. В эпоху, когда процессы миграции, культурного обмена и ассимиляции становятся все более интенсивными и порождают сложные отношения между их участниками, массовый кинематограф служит не только зеркалом социальных процессов, но и инструментом их критического понимания, а зачастую и творческого переосмысления. В этой связи фильм «Грешники» представляет собой значимый пример современного американского кино, в котором посредством синтеза жанров, многослойного нарратива и визуальных метафор исследуются проблемы сохранения, защиты и утраты культурной идентичности. Обращение к опыту афроамериканской общины на фоне исторических реалий сегрегационного Юга США в начале 1930-х гг. позволяет не только актуализировать вопросы исторической памяти, но и выявить универсальные механизмы культурного диалога, противостояния и сопротивления.

Визуальные и нарративные стратегии фильма, в свою очередь, раскрывают проблемы сохранения идентичности в условиях внешнего давления и угрозы ассимиляции.

Ключевые слова: культурная идентичность, культурная ассимиляция, репрезентация, кинематограф, вампиризм, Другой.

BLUES VERSUS IRISH STEP: THE QUESTION OF CULTURAL IDENTITY IN RYAN COOGLER'S "SINNERS" (2025)

Svetlana V. Kuznetsova
Ph.D. in History
Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History

Abstract: The relevance of the research topic on visual and narrative practices of representing cultural identity in Ryan Coogler's film "Sinners" (2025) stems from the interest in the preservation and transformation of cultural distinctiveness amidst globalization and multiculturalism. In an era when migration, cultural exchange, and assimilation processes are becoming increasingly intense and generating complex relationships among their participants, cinema serves not only as a mirror of social processes but also as a tool for their critical understanding and, often, creative reinterpretation. In this context, "Sinners" stands as a significant example of contemporary American cinema, where issues of preserving, protecting, and losing cultural identity are explored through a synthesis of genres, a multilayered narrative, and visual metaphors. The film's focus on the experience of the African American community against the historical backdrop of the segregated American South in the early 1930s not only brings questions of historical memory to the fore but also reveals universal mechanisms of cultural dialogue, confrontation, and resistance. The film's visual and narrative strategies, in turn, illuminate the challenges of maintaining identity under external pressure and the threat of assimilation.

Keywords: cultural identity, cultural assimilation, representation, cinema, vampire, the Other.

Действие фильма Райана Куглера разворачивается в 1932 г. в Кларксдейле (Миссисипи, США), во времена, когда расовая сегрегация закреплялась небезызвестными «законами Джима Кроу». Главные герои, братья-близнецы по прозвищу Дым и Пепел (Майкл Б. Джордан), возвращаются в родной город из Чикаго, чтобы на средства, накопленные во время работы на итальянскую мафию, открыть музыкальный клуб для чернокожихь – джук-джойнт. Звездой заведения должен стать сын священника Сэмми (Майлз Трампл), который обладает прирожденным талантом играть блюз и мечтает стать знаменитым. Несмотря на то что существование джук-джойнта находится под угрозой возможного нападения со стороны сохраняющих свои позиции ку-клукс-клановцев, планы героев нарушает появление не реального, а сверхъестественного зла. На вечеринку-открытие приходит появившийся в городе вампир Реммик (Джек О'Коннелл).

Исходя из незамысловатого сюжета, «Грешники» могли бы незаметно войти в историю кино как ничем не примечательный хоррор – наследник «От заката до рассвета» (реж. Р. Родригес, 1996), но в действительности они представляют собой значимый документ современной культуры [Lawrence 2025b]. Сочетая элементы гангстерской драмы, хоррора, мюзикла и притчи, фильм поднимает вопросы о значении культурной памяти и идентичности

в мультикультурном американском обществе, в котором сохранение самобытности находится в сложных отношениях с ассимиляционными процессами [Чертина 2016, с. 393]. В кульминационной сцене ночного противостояния в джук-джойнте герои не просто борются за свои жизни и души, но совершают выбор между сохранением своей культуры и её растворением в универсальной.

Проблема культурной идентичности в «Грешниках» является центральной темой, раскрывающейся через судьбы главных действующих лиц и символику вампиризма. Фильм начинается с показанной в рисунках легенды о людях, рожденных с особым даром играть музыку «настолько божественную», что она способна стирать границу между миром живых и миром мертвых и призывать призраков прошлого и будущего. Такая музыка является несомненным благом, но она также притягивает злые силы, стремящиеся заполучить музыкантов себе и использовать в своих целях. Схожие предания, как сообщает закадровый женский голос, обнаруживаются у ирландцев, индейцев чокто и народов Западной Африки. Этой рассказчицей является Энни (Вунми Мосаку), чернокожая женщина, практикующая магию предков – худу. Представители всех трех упомянутых в начале групп являются героями фильма, но выступают в разных ипостасях.

Вампир Реммик, главный антагонист в «Грешниках», – ирландец. Неизвестно, когда он прибыл в Кларксдейл и как долго в нем находится, однако эта территория изначально была заселена индейскими племенами, и именно индейцы ведут на него охоту. Реммик просит впустить его в джук-джойнт и обещает присутствующим «вечное братство» в обмен на их жизни, скованные многочисленными расовыми ограничениями. Талантливый блюзмен Сэмми нужен ему, чтобы призвать новых последователей. Реммик и обращенные им танцуют под ирландские мотивы и распевают ирландские песни, но в то же время он способен говорить на любом из языков тех, чью кровь ему довелось попробовать. Все новоиспеченные вампиры также приобретают эту способность и стремятся распространить влияние дальше, выступая эксплуататорами национальной и трансляторами глобальной культуры [Романчук, Дябина 2024, с. 10]. Иными словами, ценой вечной жизни и равенства является отказ от своей истории, памяти и всего, что связывает с корнями. Сам же укус – это не что иное, как акт принудительной культурной ассимиляции, схожей с миссионерской доктриной, которая предлагает выживание за счет отступления от первоначальной идентичности, традиций и верований. В свою очередь, переход от жизни к смерти путем вампирского укуса является аллегорией утраты культурной самобытности и интеграции в доминирующее общество. В данной связи интересно, что Другим, стремящимся поглотить все культурно самобытное, выступает представитель конкретной национальной группы – ирландец, хотя сама ирландская диаспора в США никогда не занимала позицию гегемона и, наоборот, бережно охраняла собственную идентичность. Данное решение Р. Куглера можно расценивать как отражение сдвига в американских расовых структурах, в ходе которого расово белая группа ирландцев, маргинализированная в XIX в., в XX в. стала частью доминирующего социального слоя [Jackson 2014, p. 562–581; Miller 2008, p. 243–369].

Выбор между сохранением идентичности и ассимиляцией воплощен в судьбах близнецов. Если Дым встает на защиту джук-джойнта и последних выживших, то Пепел присоединяется к Реммику и призывает брата последовать его примеру, потому что только так они смогут достичь свободы, о которой мечтали. Показательно, что за обоими братьями стоят женщины, тем или иным образом повлиявшие на них и их выбор. Так, бывшей женой Дыма является Энни, воплощающая сохранение неразрывных духовных корней с африканскими традициями. Она противостоит вампирам и, будучи укушенной, просит Дыма вогнать кол ей в

сердце и тем самым спасти ее душу. Пепел же получил укус от своей белой любовницы Мэри (Хейли Стейнфельд). О ней известно немного, в том числе то, что в действительности она имеет смешанное происхождение и отношение к ней в городе является неоднозначным. Только став частью «клана» Реммика, Мэри наконец обретает устойчивое положение, растворяясь среди тех, кто больше не имеет собственного прошлого и разделяет универсальные установки.

Символом борьбы за сохранение культуры в фильме Р. Куглера является блюз. Он выступает не только саундтреком: в кульминационных сценах фильма именно эта музыка объединяет героев, становясь языком сопротивления и средством сохранения исторических корней. «Блюз никто не навязывал как религию, нет. Мы привезли его с собой из дома», – говорит Сэмми старый блюзмен Дельта Слим (Делрой Линдо) [Portis 1985, p. 24–26]. Связь между настоящим, прошлым и будущим воплощается визуально: среди гостей джук-джойнта во время выступления Сэмми появляются древние шаманы, диджеи, рэперы – вместе они символизируют вековое сохранение культурной преемственности. В сравнении с этим экзальтированные пляски Реммика и других вампиров под ирландские мелодии выглядят особенно жутко и противоестественно. Обращенные не растворяются в ритме и не чувствуют его. Следует обратить внимание на то, что исполняет ирландский степ только сам Реммик, в то время как остальные лишь хлопают ему в такт и, притоптывая, двигаются по кругу, чтобы в конце концов слиться воедино.

Противопоставление двух «культурных» миров осуществляется и на визуальном уровне. Авторы фильма противопоставляют эстетику афроамериканцев в джук-джойнте и вампиров: сцены в клубе сняты в теплых цветах, в то время как эпизоды с обращенными решены в холодных тонах, что подчеркивает разницу между живой, самобытной культурой и внешней, ассимилирующей силой, метафорой которой является вампиризм. Сам джук-джойнт выступает своего рода сакральным пространством, а не просто местом, куда открыт доступ только темнокожим. Согласно многим преданиям, чтобы вампир смог переступить порог, ему требуется разрешение тех, кто внутри [Обидина 2017, с. 30]. В наступлении Реммика на клуб эта особенность приобретает особое значение: Дым защищает джук-джойнт не только как территорию, в пределах которой он и его друзья могут остаться в безопасности до рассвета, но и саму свою культуру [Lawrence 2025a].

Анализ визуальных и нарративных практик фильма «Грешники» формирует сложную систему репрезентации культурной идентичности. Визуальный язык картины, основанный на сочетании эстетики южной готики, хоррора и мюзикла, а также нарративная структура с элементами притчи, позволяют раскрыть тему сохранения культурной идентичности в условиях угрозы ассимиляции. Фильм демонстрирует, что эта проблема неразрывно связана не только с вопросами верности исторической памяти, но и с экзистенциальным выбором, который ставит современная глобальная культура. Через судьбы героев «Грешников» Р. Куглер показывает, что сохранение идентичности требует не только внутренней стойкости, но и осознанного отказа от соблазнов ассимиляции, даже если она обещает иллюзорную безопасность или успех. Это превращает фильм в актуальный комментарий к современным процессам культурного взаимодействия, где вопрос о праве на собственную идентичность остается одним из ключевых для мультикультурного общества, примером которого являются США.

Список литературы

1. Обидина 2017 – Обидина Ю. С. Миф о вампирах: история и современность // Вестник Марийского госуниверситета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2017. Т. 3, № 4(12). С. 28–34.
2. Романчук, Дябина 2024 – Романчук Л. А. Дябина В. Н. Киновампирион: метаморфозы образа немертвого в современной культуре // Universum: филология и искусствоведение. 2024. № 7 (121). С. 4–17.
3. Чертина 2016 – Чертина З. С. Американская национальная идентичность и иммиграционные вызовы // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 380–396.
4. Jackson 2014 – Jackson A. The Oxford Handbook of Modern Irish History. Oxford: OUP Oxford, 2014. 786 p.
5. Lawrence 2025a – Lawrence A. «A safe haven from racial violence»: Sinners shows the importance of juke joints // The Guardian. 2025. 7 May. URL: https://www.theguardian.com/film/2025/may/07/sinners-movie-juke-joints (дата обращения: 27.04.2026).
6. Lawrence 2025b – Lawrence A. How Sinners became the most culturally important film of 2025 // The Guardian. 2025. 20 Dec. URL: https://www.theguardian.com/film/2025/dec/20/sinners-ryan-coogler (дата обращения: 27.04.2026).
7. Miller 2008 – Miller K. Ireland and Irish America: Culture, Class, and Transatlantic Migration. Field day files. Cork: Field Day Publications, 2008. 411 p.
8. Portis 1985 – Portis L. The cultural dialectic of the blues // Canadian Journal of Political and Social Theory / Revue canadienne de théorie politique et sociale. 1985. Vol. 9. № 3. P. 23–36.

УДК 82.01/09.

МЕТАМЕНТАЛЬНЫЕ ПЕРЕХОДЫ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ В СОВРЕМЕННОЙ КАЗАХСКОЙ ПРОЗЕ: ОТ УНИВЕРСАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ К ИНДИГЕННЫМ И ОБРАТНО

Алтыбаева Сауле Магазовна
Доктор филологических наук
Международный Университет Астана,
профессор кафедры казахской, русской филологии и истории
E-mail: altybayevasaule@gmail.com

Аннотация: Доклад акцентирует внимание на семантике и семиотике ментальных переходов различных, универсальных и индигенных культурных кодов в пространстве современной казахской прозы. Исследуются отдельные механизмы встраивания кода в сюжетно-мотивную и образную структуры художественного текста, создания сложных нарративных структур. Ранее мы определили, что «культурный код рассматривается здесь как целостный эстетико-информативный конструкт, текстуальная формация, выполняющая несколько взаимосвязанных между собой равноправных функций (когнитивную, структурообразующую, собственно эстетическую, информативную и др.)» [Алтыбаева 2020,

с. 47]. В его роли могут выступать мифологемы, фольклоремы, реалемы, историолемы, ритуалы, повторяющиеся индигенные образы и мотивы и др. Взаимодействие в пространстве художественного текста различных кодов национальной и инонациональной культуры порождает множество смысловых парадигм, сохраняющих, восстанавливающих или разрушающих первоначальные значения. Обозначенные ментальные переходы из одной смысловой плоскости в другую часто реализуются в тексте, исходя из этнических приоритетов, художественных целей и личностной мировоззренческой позиции автора. Отмечается, что «в художественном тексте априори и апостериори происходит кодирование этно- и историко-культурной, философской, мировоззренческой, экономико-правовой и иной информации, особенно универсалий, активизирующее культурную память реципиента» [Алтыбаева 2020, с. 49]. Определяются особенности своеобразной смысловой контаминации изначальных мифологем и реальной художественной практики современных казахских авторов. Избегая упрощенного толкования происходящих в современной казахской прозе активных поисков и нахождения новых эстетико-мировоззренческих подходов, следует отметить появление синкретичных текстов, нескованных литературным каноном и одновременно преодолевающих этническую замкнутость того или иного образа, жанра, мотива. Для иллюстрации обозначенных идей доклада привлечены несколько произведений разной жанрово-стилевой природы: исторические романы «Саки» Б. Жандарбекова, «Гибель Отрара» Х. Адибаева. роман-эссе «Жүсіп Баласағұн» А. Егеубая, постмодернистские тексты – роман «Дом суриката» А.Жаксылыкова и рассказ «Кентавр» А. Алтая.

Ключевые слова: ментальные переходы, культурный код, современная казахская проза, мифологема, текст, конструкт.

METAMENTAL TRANSFERS OF CULTURAL CODES IN MODERN KAZAKH PROSE: FROM UNIVERSAL MEANINGS TO INDIGENOUS AND BACK

Altybayeva Saule Magazovna
Narxoz University (Almaty, Kazakhstan), Doctor of Sciences in Philology, Professor at the School of Arts and Social Sciences

Abstract: The paper focuses on the semantics and semiotics of mental transitions between diverse – both universal and indigenous – cultural codes within the space of contemporary Kazakh prose. It examines specific mechanisms by which cultural codes are embedded into the plot-motivic and figurative structures of literary texts, contributing to the formation of complex narrative configurations. Within this framework, the cultural code is conceptualized as an integral aesthetic and informational construct, a textual formation that performs several interrelated and co-equal functions, including cognitive, structure-forming, aesthetic, and informative ones. Such codes may be realized through mythologemes, folklorems, realems, historiological units, rituals, and recurring indigenous images and motifs. The interaction of national and foreign cultural codes within the literary text generates multiple semantic paradigms that preserve, reconstruct, or transform original meanings. These mental transitions from one semantic plane to another are often shaped by ethnic priorities, artistic objectives, and the author's individual worldview. It is argued that literary texts encode – both a priori and a posteriori – ethnic, historical-cultural, philosophical, ideological, and socio-legal information, particularly universals that activate the cultural memory of the recipient. The study identifies the features of a distinctive semantic contamination between primary mythologemes and

the actual artistic practices of contemporary Kazakh authors. Avoiding reductive interpretations of the active aesthetic and worldview explorations characteristic of modern Kazakh prose, the paper highlights the emergence of syncretic texts that transcend rigid literary canons while simultaneously overcoming the ethnic insularity of specific images, genres, and motifs. To illustrate these arguments, the analysis draws on works of varying genre and stylistic orientation, including the historical novels *Saki* by B. Zhandarbekov and *The Fall of Otrar* by Kh. Adibayev, the essay-novel *Yusuf Balasaguni* by A. Egeubai, as well as postmodernist texts such as the novel *The House of the Meerkat* by A. Zhaksylykov and the short story *The Centaur* by A. Altai.

Keywords: mental transitions, cultural code, contemporary Kazakh prose, mythologeme, text, construct.

Современная казахская проза, особенно последних лет, отличается большим разнообразием актуальной тематики, художественных подходов, связанных с определенной эстетико-философской трансформацией значимых кодов мировой и национальной культуры. При изучении феномена культурного кода в контексте литературы ранее нами предложена следующая формулировка: «Под культурным кодом здесь понимается целостный эстетико-информативный конструкт, текстуальная формация, выполняющая несколько взаимосвязанных между собой, равноправных функций (когнитивную, структурообразующую, собственно эстетическую, информативную и др.). В его роли могут выступать мифологемы, фольклоремы, реалемы, историолемы, сакронимы, ритуалы, повторяющиеся индигенные образы и мотивы и др. С семиотико-семантической точки зрения культурный код в литературном дискурсе – воспроизведение и интерпретация той или иной культурной информации, традиции, философии, мировоззрения, мироустройства в конкретном текстовом пространстве» [Алтыбаева, Сагандыков 2020, с. 47].

Целью данного исследования является определение содержания и отдельных механизмов ментальных переходов национальных и инонациональных культурных кодов, особенно мифологем, литературных универсалий, в пространстве современной казахской прозы, обоснование их семантической, стилистической и функциональной трансформации в процессе восприятия и последующей интерпретации. Методология включает в себя литературоведческий, сравнительно-типологический, семиотический, когнитивный анализ текстуальных единиц.

Указанные переходы из одной смысловой плоскости в другую часто реализуются в тексте, исходя из этнических приоритетов, художественных целей и личностной мировоззренческой позиции автора. Под индигенными смыслами культурного кода здесь понимаются самобытные, закрепленные в традиции и мышлении определенного народа традиции, ритуалы, образы, мотивы, поведенческие и иные стереотипы. В литературном произведении его значимые смысловые и жанровые опоры часто простраиваются через сложный когнитивный процесс кодирования/декодирования, идентификации, обработки и интерпретации того или иного культурного кода. В этом смысле именно мифологические конструкты и иные универсалии «раскрывают глубинные архетипы сознания, их сопряжение с конкретным бытованием того или иного этноса(ов) в заданном временном отрезке и пространстве» [Алтыбаева, Сагандыков 2020, с. 49].

Данный тезис ярко иллюстрируют казахские исторические романы: «Саки» [Жандарбеков 1993] Булата Жандарбекова, и «Гибель Отрара» Хасена Адибаева [Адибаев 1997]. Здесь мы можем увидеть широкую панораму древнего и раннесредневекового пространства Великой степи и сопредельных восточных государств (Вавилон, Персия, Лидия,

Мидия и др.). В первом тексте мы встречаемся с большим количеством аутентичных кодов, связанных с древними религиозными ритуалами и обрядами, пантеоном богов, демонимами Передней Азии. Такой подход значительно расширяет смысловое поле романа, его нарративные возможности. Во втором – мы встречаемся с национальным казахским символом – городом Отрар (Фараб) – с его своеобразной ментальной реконструкцией, переданной через восприятие слепого сказителя Кербугу-жырау: «…достославный Отрар – врата великого Хорезма. Жырау затрепетал, всматриваясь в город, существующий только *в его воображении*» [Адибаев 1997, с. 170-171]. Надо отметить, что и сам герой является национальным культурным кодом, широко известной фольклоремой.

Помимо аутентичных кодов культуры того или иного народа, большую роль в создании смысловых переходов из одной эпохи в другую, из одной культуры в другую играют т.н. «универсалии» [Володина 2010, с. 29]. А.Ф. Кофман отмечает, что «элементы, восходящие к мифологическим универсалиям – таким, как мифообразы воды, реки, дерева, земли, неба, солнца, луны и другие…они повсеместно распространены и в мифологии, и в литературе, и в фольклоре и являются архетипами человеческого сознания и культуры» [Кофман 1997, с. 301]. К примеру, широко распространенный мировой архетип солнца в древней системе прототюркских воззрений воспроизведен в триедином коде - образе «Белого оленя с золотыми рогами – это День, Солнце-отец и каган» [Кондыбай 2008, с. 100].

В романе-эссе «Жүсіп Баласагұн» Аскара Егеубая архетип солнца презентован через образ солнцеликого кагана (верховного правителя) [Егеубай 2005]. Безусловно, данный положительно маркированный персонаж с точки зрения эстетики текста является достаточно условной и схематичной, заданной общей концепцией романа единицей поэтики. Романное время обращено в раннее средневековье, и представлено повествованием о жизни и деятельности одного из наиболее почитаемых в тюркском мире философа, просветителя Жусупа Баласугуна (в русскоязычной традиции часто именуемого Юсуфом Баласагунским).

Интересные трансформации происходят также с кодом города. В семиотике город понимается как сложный, многоуровневый «текст» или «идеограмма» – пространство, наполненное смыслами, знаками и символами, которые постоянно генерируют культурную информацию. Он представляет собой знаковую систему, где архитектура, топонимика (названия улиц), ландшафт и поведение людей служат средствами передачи информации и формирования культурной памяти.

В современных текстах мы обнаруживаем как традиционные подходы к разработке данного конструкта, так и отчетливо проявленный эсхатологический модус в его интерпретации. Современный или исторический топос – с именем или безымянный, но все же узнаваемый локальным читателем – может выполнять различные функции: «взаимосвязанные функции нарративного и концептуального ядра, сюжетной модели, фонового дискурса» [Алтыбаева, Сагандыков 2020, с. 271].

В этом смысле город Отрар – культурный код, имеющий имя собственное и историю своего многовекового бытования, – играет роль центрального образа, в который вбираются все сюжетные ходы и смыслы: храбрости, доблести, чести, благородства, знания (знаменитая Отрарская библиотека) [Адибаев 1997]. В постмодернистском романе «Дом суриката» А. Жаксылыкова город – топос без имени, без истории, без прошлого и будущего [Жаксылыков 2008]. Это выморочный образ мертвого города, лишенного памяти и надежды. Сумеречные, скользящие по опустевшим улицам силуэты, серые дома – бункеры реализуют идею рукотворного апокалипсиса, мира после ядерной катастрофы. Постмодернистская техника, свободно оперирующая деталями, нескованная традиционными схемами, символами,

позволяет встроить любой культурный код без четкого его обозначения и опредмечивания. Здесь любой образ может находиться вне определенной культурной традиции, что и происходит с кодом города в рассматриваемом романе.

Переход или, точнее, преодоление традиционных ментальных установок во многом отражает поиск современными авторами нового «инструментария» для создания свободного от идеологического диктата, неоднородного многомерного, диалогического по своей природе пространства. Ментальные сдвиги ясно и рельефно прочерчены как сюжетом, образами, мотивными рядами, так и общей установкой на разрушение культурных стереотипов, часто выводя современный социальный, бытийный, включая профанный, контекст на передний план повествования. Своеобразная интертекстуальная и интеллектуальная «игра» «встряхивает» сознание читателя, заставляя его погрузиться в процесс дешифрования текста, нахождения новых смыслов, даже в отдельных случаев – разрушения канона.

Миф и неомиф становятся основным «регулятором» повествования, создавая мозаичный, многослойный метатекст. Последний может означать «текст о тексте или текстах», так или иначе включающий в себя имплицитные (этноментальные и культурные стереотипы) и эксплицитные ссылки на инокультурные артефакты, формируя поле интертекстуальной игры. При этом исходный инокультурный образ может изменить свой изначальный смысл, стилистику и эстетику либо, оставив только внешние контуры, полностью стать другим образом, где его инаковость встраивается в понятный местному читателю культурный код.

Данный подход, сродни приему литературной «провокации», мы находим в рассказе «Кентавр» Аскара Алтая [Алтай 2008]. Здесь мировая универсалия *(кентавр),* сохраняя внешний контур образа, встроена в иное, казахское, пространство Алтая. Сюжет и реален, и фантастичен одновременно. Здесь мы видим сплетение нескольких кодов различных культур. Можно даже говорить о своеобразном «столкновении» и одновременно притяжении трех кодов – человека, коня и кентавра. В рассматриваемом рассказе кентавр – не просто художественный скреп нескольких традиций, но и трагическая фигура, воплощающая природное, чистое, доброе начало, невозможное в современной «цивилизации», объятой жаждой наживы и развлечений. Кстати, здесь можно отметить и более глубинное погружение в первоначальный смысл: от известной западному читателю мифологемы «кентавр» к указанному выше праисточнику образа (скифские всадники, в движении «слитые» с конем).

В заключение хотелось бы сказать, что ментальные переходы от одного кода к другому, не скованные каноном, жанром или стилем, – явление закономерное и достаточно частое в современной литературе. Избегая упрощенного толкования происходящих в современной казахской прозе активных поисков и нахождения новых эстетико-мировоззренческих подходов, следует отметить появление синкретичных текстов, не скованных литературным каноном, преодолевающих этническую замкнутость того или иного образа, жанра, мотива.

Доклад подготовлен в рамках реализации инициативного проекта «Философско-экологические основания древних и современных городов Казахстана», финансируемого НАО «Университет Нархоз» (2026–2027 гг.).

Список литературы

1. Адибаев 1997 – Адибаев Х. Гибель Отрара. Алматы: Білім, 1997. 352 с.
2. Алтай 2008 – Алтай А. Кентавр // Алтай А. Абсурд әлем новеллалары. Алматы: Атамұра, 2008. 109-124 б.

3. Алтыбаева, Сагандыков 2020 – Алтыбаева С. М., Сагандыков Е. С. Ментальные координаты культурного кода // Алтыбаева С. М., Аймагамбетова М. М., Сагындыков Е. С., Абдикеримова Г. С. Идеосфера культурного кода Казахстана: литература и масс-медиа. Алматы: Brandbook, 2020. 224 с.
4. Алтыбаева, Сагындыков 2020 – Алтыбаева С. М., Сагындыков Е. С. Код города в романистике Казахстана // Материалы Международной научно-практической конференции «Лингвистика и литературоведение на переломе тысячелетий». Атырау, 2020. С. 271-273.
5. Володина 2010 – Володина Н. В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. М., 2010. 270 с.
6. Егеубай 2005 – Егеубай А. Жүсіп Баласағұн. Роман-эссе. Алматы: Арда. 2005. 312 б.
7. Жаксылыков 2008 – Жаксылыков А. Дом суриката. Алматы: Ценные бумаги, 2008. 434 с.
8. Жандарбеков 1993 – Жандарбеков Б. Саки. Исторический роман-дилогия. Алматы: Жазушы, 1993. 624 с.
9. Кондыбай 2008 – Кондыбай С. Мифология предказахов. Книга 4. Алматы: Сага, 2008. 472 с.
10. Кофман 1997 – Кофман А.Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. М.: Наследие, 1997. 320 с.
11. Мағауин 2007 – Мағауин М. Жармақ. Прага: ArtFocus, 2007. 230 б.

ЧАСТЬ 17

НАУКА И ПСЕВДОНАУЧНОЕ ЗНАНИЕ В ЭПОХУ ИИ-ТЕХНОЛОГИЙ

УДК-167

ИИ – ЭФФЕКТИВНЫЙ ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ИЛИ НОВАЯ «АЛХИМИЧЕСКАЯ» ПРАКТИКА?

Бакулов Виктор Дмитриевич
доктор философских наук
Южный федеральный университет, заведующий кафедрой
E-mail: vdbakulov@sfedu.ru
Силенко Светлана Владимировна
кандидат философских наук
Южный федеральный университет, доцент
E-mail: svsilenko@sfedu.ru

Аннотация: В тезисах рассматривается вопрос о возможности существования феномена «ИИ-квазинауки» в контексте развития современных технологий искусственного интеллекта. В качестве отправной точки авторы фиксируют неослабевающий исследовательский интерес к рассмотрению проблемы демаркации, вопреки тезису Л. Лаудана о ее завершённости. Опираясь на решение М. Гордина, авторы характеризуют псевдонауку как «тень науки», существование которой напрямую связано с авторитетом научных знаний в обществе. Далее авторы обосновывают, что развитие генеративного ИИ выводит эту проблему на принципиально новый уровень в связи с появлением возможности масштабной имитации научного исследования, при которой правдоподобие генерируемых текстов не коррелирует с их истинностью. Значительное внимание уделено исследованию эпистемологических механизмов, лежащих в основе ИИ-квазинауки: авторы рассматривают проблему «чёрного ящика», иллюзию алгоритмической объективности и связанный с ней эффект «отмывания ценностей». На примере «цифровой френологии» демонстрируется, как инструменты машинного обучения воспроизводят исследовательскую практику исторически дискредитировавшей себя псевдонауки. Выявляются институциональные уязвимости, препятствующие демаркации науки и псевдонаучных построений, опирающихся на ИИ-технологии (доминирование препринтов, дефицит междисциплинарного рецензирования, культ квалиметрических показателей), и создающие благоприятную среду для распространения псевдонаучных идей. Авторы приходят к выводу, что феномен «ИИ-квазинауки» не является случайным или маргинальным, поскольку его существование структурно обусловлено особенностями ИИ как эпистемической технологии.

Ключевые слова: псевдонаука, демаркация науки, искусственный интеллект, квазинаука, машинное обучение, эпистемология, проблема чёрного ящика, алгоритмическая объективность.

AI - AN EFFECTIVE EPISTEMIC TOOL OR A NEW "ALCHEMICAL" PRACTICE?

Bakulov Viktor Dmitrievich
Doctor of Philosophy
Southern Federal University, Head of Department
Silenko Svetlana Vladimirovna
Candidate of Philosophy
Southern Federal University, Associate Professor

Abstract: The paper examines the question of whether the phenomenon of "AI-quasi-science" can exist in the context of the development of modern artificial intelligence technologies. As a starting point, the authors note the undiminished scholarly interest in the demarcation problem, despite L. Laudan's claim of its resolution. Drawing on M. Gordin's position, the authors characterise pseudoscience as the "shadow of science," whose existence is directly linked to the authority of scientific knowledge in society. The authors then argue that the development of generative AI raises this problem to a qualitatively new level, owing to the emergence of large-scale simulation of scientific inquiry in which the plausibility of generated texts does not correlate with their truthfulness. Considerable attention is devoted to the epistemological mechanisms underlying AI quasi-science: the authors examine the "black box" problem, the illusion of algorithmic objectivity, and the associated "laundering of values" effect. The case of "digital phrenology" is used to demonstrate how machine learning tools reproduce the research practices of historically discredited pseudoscience. The paper identifies institutional vulnerabilities that hinder the demarcation of science from AI-based pseudoscientific constructs — including the dominance of preprints, a deficit of interdisciplinary peer review, and the cult of quantitative metrics — and that create a favourable environment for the spread of pseudoscientific ideas. The authors conclude that the phenomenon of "AI-quasi-science" is neither accidental nor marginal, as its existence is structurally conditioned by the distinctive features of AI as an epistemic technology.

Keywords: pseudoscience, demarcation of science, artificial intelligence, quasi-science, machine learning, epistemology, black box problem, algorithmic objectivity.

Интерес научного сообщества к разграничению науки и псевдонауки был продиктован стремлением к получению истинного знания, значимость которого проявляется и в теоретических построениях, и в практической деятельности. Иначе говоря, наука всегда стремилась к созданию такого знания, которое обладает подлинной гуманистической и теоретической значимостью, а также практической ценностью. Однако одним из барьеров на пути получения такого знания на протяжении почти всей истории существования науки были псевдонаучные разработки, имитирующие науку, подделывающиеся под научное знание, стремящиеся нивелировать критерии идентификации подлинно научных идей, гипотез, теорий.

Именно поэтому большие усилия были приложены к исследованию проблемы демаркации науки-ненауки, уделено столько внимания изучению вопросов, касающихся обоснования и проверки результатов научного исследования.

Нетерпимость, проявляемая научным сообществом, к недобросовестному исследованию и экспертизе, совершенно оправдана, поскольку излишняя «комплиментарность» в таких вопросах способна привести к целому ряду негативных последствий. Особенно, если речь идет о таких видах деятельности, которые связаны с охраной здоровья и жизни, общественным благополучием, экологической безопасностью и проч. В качестве примера здесь можно указать

пропагандистскую кампанию, организованную табачным лобби, или кампанию против вакцинации во время Covid-эпидемии. (можно добавить примеры) Поэтому, вопрос о различении научного и ненаучного знания не утратил актуальности, даже после того, как Л. Лаудан провозгласил «конец проблемы демаркации».

Известный историк науки, уделивший также большое внимание изучению псевдонауки, М. Гордин отмечал, что псевдонаука – это тень науки, иначе говоря, это маргинальные теории (например, теория космических катастроф И. Великовского, биология Т. Лысенко и др.) по отношению к профессиональной науке. Сторонники таких маргинальных теорий стремятся к подражанию профессиональной науке, занимаясь публицистической и преподавательской деятельностью, а также обнаруживая псевдонаучные построения по отношению к собственным идеям. Гордин указывает и на то обстоятельство, что чем выше авторитет науки в ту или иную эпоху, тем большее количество подражаний науке возникает, и с тем большим интересом общество увлекается маргинальными идеями [Gordin 2017].

В связи с развитием технологий искусственного интеллекта указанная проблема вышла на новый уровень. Появились новые возможности для генерации текстов, обладающих формальными признаками научности, при их неоднозначном содержании, с точки зрения научной значимости, и вообще, познавательного смысла.

В данном случае мы хотим сосредоточить внимание на рассмотрении вопроса о том, возможна ли «ИИ-квазинаука», под которой понимается прежде всего феномен использования возможностей генеративных сетей ИИ для имитации научного исследования: построения гипотез и разработки концептуального каркаса теорий, различного рода научной аналитики, изучения и обобщения эмпирического материала, статистических данных, симуляции даже фиктивных целых предметных областей научного исследования. Поэтому по своей истинной сути феномен «ИИ-квазинауки» представляет собой не что иное, как системный эффект масштабного языкового моделирования, при котором правдоподобие текста или предлагаемых результатов исследования не коррелирует с его истинностью. Возникновение такого явления как «ИИ-квазинаука» можно понимать как расширение содержания понятия «квазинаука», анализ которого нами был произведен ранее [Бакулов, Кузнецов, Силенко 2020].

Проблема осмысления феномена сгенерированного ИИ псевдознания выражается прежде всего не вопросах технологического компонента его производства, а, напротив, в вопросах его взаимодействия с действительными научными исследованиями, в концептуальном осмыслении особенностей его эпистемологических характеристик, эпистемологического значения его инкорпорации в массив научных исследований, методологических, этических, мировоззренческих и даже экономических последствий этой инкорпорации и нивелирования критериев верификации знания, норм, идеалом и ценностей науки. Все более нарастающий массив имитации якобы проведенных исследований, приводит к реальной опасности того, что целые отрасли научного знания рискуют оказаться в тумане информационного шума в тщетной надежде услышать сигнал истины.

Поэтому сегодня наряду с традиционными примерами псевдонаук — гомеопатией, астрологией, криптозоологией — приходится рассматривать псевдонаучный контент, генерируемый системами искусственного интеллекта, - феномен, принципиально отличающийся по своей природе и кардинально изменяющей всю ситуацию, связанную с демаркацией науки и псевдонауки.

С учетом всего сказанного ранее, вместе с тем необходимо отметить, что речь идет не о об оценке генеративного ИИ в целом. Сам по себе, генеративный ИИ в настоящее время уже включен в исследовательскую практику и, соответственно, может быть рассмотрен как

эпистемический инструмент. В частности, ИИ можно рассматривать как эпистемическую технологию в нескольких аспектах: 1. используется для такой эпистемической цели как исследование; 2. обладает эпистемическим содержанием (работает с пропозициями, моделями, наборами данных); 3. выполняет эпистемические операции (статистический анализ, распознавание образов, прогнозы и выводы) [Alvarado 2023, p. 32].

Центральной эпистемологической проблемой применения ИИ в науке является непрозрачность алгоритмов - так называемая проблема «чёрного ящика». Как отмечают исследователи, существует три типа алгоритмической непрозрачности: намеренное сокрытие (коммерческая тайна), недостаточная технологическая грамотность пользователей и внутренняя сложность, превышающая возможности человеческого понимания [Burrell 2016].

В терминах акторно-сетевой теории, ИИ-системы функционируют как «чёрные ящики» в латуровском смысле - как стабилизированные технонаучные объекты, внутренняя сложность которых скрыта за интерфейсом входов и выходов. Однако в отличие от классических научных приборов, прозрачность работы которых может быть в принципе восстановлена, современные алгоритмы машинного обучения создают непреодолимый барьер интерпретируемости.

Описанная выше эпистемологическая проблематика получает новое и весьма конкретное измерение в свете недавних исследований, посвящённых злоупотреблениям машинным обучением в производстве псевдонаучного знания. Показательным примером здесь служит ряд работ, использующих глубокое обучение для предсказания скрытых характеристик личности по фотографиям лиц. Эти исследования, получившие в литературе обозначения «цифровая френология», «физиогномический ИИ», воспроизводят методологическую практику физиогномики - псевдонаучной традиции, возрождённой благодаря возможностям современных нейронных сетей [Andrews, Smart, Birhane 2024].

Механизм, посредством которого МО-инструменты производят псевдонаучный эффект, основан на распространённом в сообществе разработчиков представлении о том, что алгоритм «позволяет данным говорить самим за себя», освобождая исследование от человеческих предубеждений, на деле скрывает огромное количество теоретических допущений, внесённых уже на этапах сбора данных, разметки, постановки задачи и интерпретации результатов. Именно эта иллюзия объективности делает псевдонаучные МО-исследования особенно опасными: их выводы принимаются без критического осмысления теоретических предпосылок, поскольку считается, что таковых попросту нет. Возникает эффект «отмывания ценностей» (laundering of values) через алгоритмический вывод, и это уже не техническая, а эпистемологическая проблема, напрямую связанная с отсутствием теоретической рефлексии.

Существенную роль в воспроизводстве псевдонаучных практик играет и особая институциональная конфигурация поля машинного обучения. В отличие от традиционных научных дисциплин, МО-исследования распространяются преимущественно через препринты и конференционные сборники, минуя полноценное рецензирование специалистов в предметных областях. Рецензенты, как правило, оценивают техническую новизну и количественные метрики, но не компетентны судить о теоретической обоснованности выводов в смежных науках — психологии, биологии, криминологии. Высокое давление публикационных норм и культ квантификации при этом поощряют получение и распространение результатов без должной теоретической проработки. Всё это создаёт системную уязвимость: МО-поле оказывается открытым для псевдонаучных построений, которые в традиционной дисциплинарной науке были бы отсеяны уже на стадии рецензирования [Andrews, Smart, Birhane 2024].

Таким образом, можно заключить, что существование феномена ИИ-квазинауки возможно, при том, что данный феномен не является случайным или маргинальным, поскольку он структурно обусловлен особенностями ИИ как эпистемической технологии.

Проблема «чёрного ящика», рассмотренная выше в её технической и акторно-сетевой интерпретации, приобретает в контексте ИИ-квазинауки дополнительное измерение. Непрозрачность алгоритма не просто затрудняет проверку вывода – она создаёт благоприятные условия для того, чтобы скрытые теоретические допущения оставались незамеченными. Тем самым «чёрный ящик» функционирует не только как барьер интерпретируемости, но и как механизм легитимации псевдонаучных построений: непостижимость модели воспринимается как свидетельство её объективности.

Традиционные наукометрические критерии демаркации в условиях ИИ-ассистируемой науки утрачивают демаркационную функцию. Количественные показатели могут свидетельствовать лишь о видимости научности, но не о реальной научной ценности исследования. Это означает необходимость разработки новых критериев оценки качества научных результатов, учитывающих специфику исследований с использованием ИИ.

Список литературы

1. Бакулов, Кузнецов, Силенко 2020 – Бакулов В. Д., Кузнецов И. О., Силенко С. В. Квазинаучные построения как превращенная форма рационального знания. // Научная мысль Кавказа. 2020. № 3(103). С. 15-23.
2. Alvarado 2023 – Alvarado R. AI as an Epistemic Technology // Science and Engineering Ethics. 2023. Vol. 29. № 5. Article no 32. [doi: 10.1007/s11948-023-00451-3].
3. Andrews, Smart, Birhane 2024 – Andrews M., Smart A., Birhane A. The reanimation of pseudoscience in machine learning and its ethical repercussions // Patterns. 2024. Vol. 5. Article no 101027. [doi: 10.1016/j.patter.2024.101027].
4. Burrell 2016 – Burrell J. How the machine "thinks": Understanding opacity in machine learning algorithms // Big Data & Society. 2016. Vol. 3. № 1. P. 1–12. [doi: 10.1177/2053951715622512].
5. Gordin 2017 – Gordin, M.D. The problem with pseudoscience // EMBO Reports. 2017. Vol. 18. № 9. P. 1482–1485. [doi: 10.15252/embr.201744870].

УДК 001.92

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ СТАТУС ИИ-РЕКОНСТРУКЦИЙ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОТ КРИТЕРИЕВ ДЕМАРКАЦИИ К ФЕНОМЕНУ ЦИФРОВОГО АВТОРИТЕТА

Обидина Юлия Сергеевна

Доктор философских наук

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор

E-mail: basiley@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется проблема эпистемического статуса данных, полученных с помощью ИИ-систем в социокультурных проектах – реконструкции памятников, визуализации утраченного наследия, вовлечении граждан в проектную деятельность. В отличие от академической науки, здесь знание часто подчиняется не истине, а задачам убеждения и мобилизации. Показана ограниченность классических критериев демаркации науки и псевдонауки (К. Поппер, И. Лакатос) применительно к ИИ-реконструкциям, поскольку они предполагают проверяемость, которая невозможна в случае уникальных утраченных объектов и алгоритмической непрозрачности «черного ящика». Автор вводит понятие «цифровой авторитет», когда доверие к знанию возникает в силу его технологического происхождения, а не эпистемической обоснованности. На практике этот феномен проявляется в доверии к самому источнику, а не к его содержанию. В статье выделены три типа квази-феноменов, имитирующих научную деятельность: квази-реконструкция (стилизация под оригинал при отсутствии валидных данных), имитация научной деятельности (автоматическая генерация экспертных заключений) и легитимация псевдонауки через ИИ (намеренное использование нейросетей для подтверждения исторических мифов). В качестве альтернативы дихотомии «наука/псевдонаука» предлагается критерий эпистемической прозрачности, включающий доступность датасета, воспроизводимость без ИИ, экспертную верифицируемость и рефлексию границ метода. Делается вывод, что в условиях алгоритмической непрозрачности именно прозрачность, а не фальсифицируемость, становится главным маркером научности в социокультурных проектах с использованием ИИ.

Ключевые слова: ИИ-реконструкции, эпистемический статус, социокультурное проектирование, демаркация, цифровой авторитет, эпистемическая прозрачность, алгоритмическая непрозрачность, галлюцинации ИИ.

THE EPISTEMIC STATUS OF AI RECONSTRUCTIONS IN SOCIO-CULTURAL PROJECT ACTIVITIES: FROM DEMARCATION CRITERIA TO THE PHENOMENON OF DIGITAL AUTHORITY

Yulia Sergeevna Obidina

Doctor of Philosophy National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Professor

Abstract: The article analyzes the problem of the epistemic status of data obtained using AI systems in socio-cultural projects – the reconstruction of monuments, the visualization of lost heritage, and the involvement of citizens in project activities. Unlike academic science, here knowledge is often subordinated not to truth, but to the tasks of persuasion and mobilization. The limitations of classical criteria for demarcating science and pseudoscience (K. Popper, I. Lakatos) are shown in relation to AI reconstructions, since they presuppose verifiability, which is impossible in the case of unique lost objects and the algorithmic opacity of the “black box”. The author introduces the concept of “digital authority,” where trust in knowledge arises due to its technological origin, rather than epistemic justification. In practice, this phenomenon manifests itself in trust in the source itself, rather than in its content. The article identifies three types of quasi-phenomena that imitate scientific activity: quasi-reconstruction (stylization of the original in the absence of valid data), imitation of scientific activity (automatic generation of expert opinions) and legitimization of pseudoscience through AI (intentional use of neural networks to confirm historical myths). As an alternative to the science/pseudoscience dichotomy, a criterion of epistemic transparency is proposed,

including dataset availability, reproducibility without AI, expert verifiability, and reflection on the boundaries of the method. It is concluded that, in conditions of algorithmic opacity, it is transparency, rather than falsifiability, that becomes the main marker of scientificity in socio-cultural projects using AI.

Keywords: AI reconstructions, epistemic status, sociocultural design, demarcation, digital authority, epistemic transparency, algorithmic opacity, AI hallucinations.

Массовое внедрение систем искусственного интеллекта в социокультурную проектную деятельность – реставрацию памятников, визуализацию утраченного наследия, механизмы вовлечения граждан, создало новую эпистемическую реальность. Нейросетевые реконструкции облика исторических зданий, генерация «научно обоснованных» визуализаций, автоматизированные заключения о состоянии объектов культурного наследия обладают высокой убедительностью, однако их статус с точки зрения теории познания остается неясным. Являются ли такие результаты научным знанием, инструментом коммуникации или формой псевдонауки?

Проблема усугубляется спецификой социокультурной проектной деятельности. В отличие от академической науки, где истина выступает самоценностью, в проекте знание производится не только для познания, но и для убеждения волонтеров, легитимации решений перед бизнесом и властью, мобилизации гражданского участия. Знание может быть признано «достаточно хорошим» не потому, что оно истинно, а потому что оно эффективно решает проектные задачи.

Цель статьи – показать, что классические критерии демаркации (К. Поппер, И. Лакатос) неприменимы к ИИ-реконструкциям.

Согласно Карлу Попперу, демаркация между наукой и псевдонаукой проходит по принципу фальсифицируемости: научное знание принципиально опровержимо [Поппер 1983]. Попробуем применить этот критерий к ИИ-реконструкции утраченного памятника культурного наследия.

Можно ли опровергнуть нейросетевую? Проблема в том, что в большинстве случаев независимый способ проверки отсутствует, так как оригинал безвозвратно утрачен. По строгому попперовскому критерию, такая реконструкция попадает в разряд псевдонауки. Однако этот вывод абсурден, так как он автоматически объявляет псевдонаучной всю историческую реконструкцию как таковую. Следовательно, критерий фальсифицируемости в его классической форме неприменим к ситуациям, где объект проверки уникален и невоспроизводим.

Имре Лакатос предложил более гибкую модель: наука развивается в рамках научно-исследовательских программ, имеющих «жесткое ядро» и «защитный пояс» вспомогательных гипотез [Лакатос 2008]. Применительно к ИИ-реконструкциям вопрос о том, что здесь является жестким ядром остается открытым. «Защитный пояс» может бесконечно адаптироваться за счет перенастройки модели, но критерий прогресса программы требует сравнения предсказательной силы, что в случае единичного исторического объекта невозможно.

Таким образом, и попперовская фальсифицируемость, и лакатосовская модель научно-исследовательских программ предполагают прозрачность процедуры проверки. В случае «черного ящика» ИИ эта прозрачность чаще всего отсутствует [Burrell 2016]. Даже там, где применяются методы объяснимого ИИ, «объяснения» часто являются постфактум-интерпретациями, а не реконструкцией реального вывода, что не решает проблему

эпистемической прозрачности. Следовательно, для оценки эпистемического статуса ИИ-реконструкций нужны иные инструменты.

В проектной деятельности знание выполняет четыре функции: познавательную, коммуникативную, легитимирующую и мобилизующую. Познавательная функция редко достижима полностью из-за утраты источников. Коммуникативная убеждает волонтеров участвовать. Легитимирующая обосновывает выделение бюджета – «научно обоснованное» решение выглядит весомее. Мобилизующая создает эмоциональную связь с наследием.

Именно благодаря этим функциям ИИ-реконструкция оказывается чрезвычайно эффективным инструментом: она красива, быстро создается и производит впечатление научности. Однако это создает фундаментальный риск: проектная эффективность начинает подменять эпистемическую ценность. Знание признается «достаточно хорошим» не потому, что оно проверено, а потому что оно работает. Прагматика проекта берет верх над эпистемологией.

В описанных условиях возникает особый феномен, который мы предлагаем называть «цифровым авторитетом». Это свойство знания восприниматься как истинное и легитимное исключительно в силу его происхождения из технологически сложной ИИ-системы, независимо от его фактической обоснованности и проверяемости. Цифровой авторитет – это современный аналог схоластического апеллирования к авторитету текста, но с той разницей, что «священным текстом» становится вывод нейросети.

Эмпирически цифровой авторитет проявляется в нескольких характерных признаках. Первое – смещение доверия с содержания на источник: фраза «нейросеть показала» звучит убедительнее, чем «архитектор предположил». Второе – невозможность фальсификации: пользователь не может проверить, на каком основании ИИ «дорисовал» ту или иную деталь, особенно в случае галлюцинаций модели. Третье – ритуализация апелляции к ИИ: выражение «по данным ИИ-анализа» превратилось в маркер научности. Непрозрачные алгоритмы начинают восприниматься как нейтральные арбитры истины, тогда как на деле они могут воспроизводить и усиливать систематические искажения [O'Neil 2016].

Для граждан красивая ИИ-визуализация утраченного памятника создает эмоциональную связь и желание участвовать. Показателен кейс ИИ-реконструкции утраченных лаковых панно Екатерининского дворца. Из 103 оригиналов сохранилось лишь 10, поэтому при реконструкции нейросеть обучали на стилевых аналогах – интерьерах английских особняков XVIII века и творчестве Роберта Адама. Заместитель директора музея подчеркнула, что научная реставрация – «это не сделать похоже или лучше, чем было, а попытаться повторить то, как было» [Офиц. сайт ГМЗ «Царское Село» web]. Однако полученный с помощью ИИ результат – не утраченный оригинал, а правдоподобная стилизация, где «цифровой авторитет» алгоритма маскирует отсутствие верификации.

Для чиновников ссылка на ИИ-анализ служит легитимацией: решение о финансировании выглядит научно обоснованным. Для организаторов проекта ИИ позволяет быстро производить «доказательства», минуя трудоемкую экспертную верификацию. Цифровой авторитет, таким образом, не просто когнитивное искажение, а системный феномен.

Цифровой авторитет порождает три типа квази-феноменов, имитирующих научную деятельность.

Квази-реконструкция. Это результат, который выглядит как научная реконструкция, но не основан на валидных данных. Риск в том, что такая квази-реконструкция начинает жить самостоятельной жизнью в социальных сетях и СМИ, постепенно превращаясь в «факт».

Имитация научной деятельности – автоматическая генерация экспертных заключений и обоснований для грантов. Чат-бот может составить «аналитическую записку» с правдоподобными выводами, не имеющими отношения к реальному положению дел. ИИ-системы не обладают интенциональностью и эпистемической ответственностью, но их выводы наделяются авторитетом, как если бы они были результатом рефлексивного суждения [Floridi 2023]. Риск – подмена реального мониторинга симуляцией.

Легитимация псевдонауки через ИИ – намеренное использование нейросетей для «подтверждения» исторических мифов. Это мобилизует граждан на незаконные раскопки или протесты против официальной реставрации. ИИ становится инструментом производства технологически подкрепленной лженауки, против которой трудно найти аргументы.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, классические критерии демаркации науки и псевдонауки не работают для оценки ИИ-реконструкций в социокультурных проектах. Во-вторых, в этой среде возникает феномен «цифрового авторитета». В-третьих, цифровой авторитет порождает три типа квази-феноменов.

В качестве альтернативы дихотомии «наука/псевдонаука» предлагается шкала эпистемической прозрачности, включающая четыре критерия: доступность датасета (может ли эксперт увидеть, на чем обучен ИИ); воспроизводимость без ИИ (можно ли получить результат альтернативными методами); экспертная верифицируемость (может ли профильный специалист оценить результат); рефлексия границ (указывает ли проектная команда на ограничения ИИ-реконструкции). Если прозрачность отсутствует, а апелляция к ИИ работает как «цифровой авторитет» – перед нами псевдонаучная практика.

Предложенная шкала эпистемической прозрачности не является окончательным решением. Открытыми остаются вопросы о том, кто и как должен сертифицировать «прозрачность» ИИ-реконструкций; возможна ли количественная метрика прозрачности; как быть с ситуациями, когда датасет нельзя открыть по соображениям авторского права.

Список литературы

1. Искусственный интеллект помогает воссоздать интерьеры // Официальный сайт ГМЗ «Царское Село». URL: https://www.tzar.ru/news/1751466167. Дата обращения: 27.04.2026.
2. Лакатос 2008 – Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Академический Проект; Трикста, 2008. 475 с.
3. Поппер 1983 – Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. 605 с.
4. Burrell 2016 – Burrell J. How the machine ‘thinks’: Understanding opacity in machine learning algorithms // Big Data & Society. 2016. V. 3. № 1. P. 1-12.
5. Floridi 2023 – Floridi L. The Ethics of Artificial Intelligence. Oxford: Oxford University Press, 2023. 243 p.
6. O’Neil 2016 – O’Neil C. Weapons of Math Destruction. New York: Crown, 2016. 259 p.

УДК 101.2: 004.82

СОКРАТ КАК ЭКСПЕРТ В ФОРМАТЕ ЦИФРОВОГО СЕРВИСА

Зарапин Олег Викторович
доктор философских наук
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, доцент кафедры религиоведения и философии культуры
E-mail: zaraoleg@yandex.ru

Шапиро Ольга Александровна
кандидат философских наук
Северо-Западный институт управления РАНХиГС, доцент кафедры сравнительных политических исследований
E-mail: shapiro-oa@ranepa.ru

Аннотация: В докладе авторы ставят вопрос о специфике интеллектуальной коммуникации между человеком и нейросетью, осуществляемой по образцу диалога с Сократом, где нейросеть – это персонифицированный агент, имитирующий интеллектуальное поведение эксперта. Авторы рассматривают сократический диалог как эпистемически продуктивную деятельность экспертизы, имеющую в своей основе анализ понятий и фиксируемую в виде процесса построения аргументативной карты. На основании проведенной серии экспериментов, имитирующей в коммуникации между человеком и нейросетью сюжет известного диалога Платона “Горгий”, установлено, что в коммуникации со специально обученной на текстах Платона языковой моделью наблюдается ряд коммуникативных сбоев. Нейросеть имитирует поведение Сократа, но цифровая копия не является точной. Сбои вызваны, во-первых, ограничительным параметрами в настройках нейросети, во-вторых, многозначностью используемых понятий и, в-третьих, возможностью нейросети воплощать различные образы философов. В докладе подчеркивается, что интеллектуальное взаимодействие человека и нейросети, популяризируемое по образцу сократической экспертизы, в действительности, этому образцу не соответствует, и намечает в культуре специфический тип интеллектуальной коммуникации как интерактивного эвристического опыта.

Ключевые слова: сократический диалог, экспертиза, аргументативная карта, позиция, точка зрения, нейросеть, человеко-машинная коммуникация.

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ 26-18-00580 «Модели аргументации от экспертного мнения и механизмы экспорта знания в публичную сферу», реализуемого в Институте философии РАН.

SOCRATES AS AN EXPERT IN THE DIGITAL SERVICE FORMAT

Zarapin Oleg Viktorovich
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Associate Professor of the Department of Religious Studies and Philosophy of Culture

Shapiro Olga Alexandrovna

North-West Institute of Management RANEPA St. Petersburg,
Associate Professor of the Department of Comparative Political Studies

Abstract: In their report, the authors address the specifics of intelligent communication between a human and a neural network modeled after a dialogue with Socrates, where the neural network is a personified agent simulating the expert's intellectual behavior. The authors view Socratic dialogue as an epistemically productive expert activity, based on the analysis of concepts and captured through the process of constructing an argumentative map. Based on a series of experiments simulating the plot of Plato's famous dialogue "Gorgias" in communication between a human and a neural network, they found that communication with a language model specially trained on Plato's texts exhibits a number of communicative failures. The neural network imitates Socrates' behavior, but the digital copy is not exact. These failures are caused, firstly, by the restrictive parameters in the neural network's settings, secondly, by the ambiguity of the concepts used, and thirdly, by the neural network's ability to embody various images of philosophers. The report emphasizes that the intellectual interaction between humans and neural networks, popularized according to the model of Socratic expertise, in reality does not correspond to this model, and outlines in culture a specific type of intellectual communication as an interactive heuristic experience.

Keywords: Socratic dialogue, expertise, argumentative map, position, point of view, neural network, human-machine communication.

Общение с нейросетью стало привычной частью нашей повседневной жизни, и часто мы воспринимаем нейросеть не просто как эффективный инструмент коммуникации, но как персонифицированного агента, действующего в антропоморфных ипостасях, таких как помощник, собеседник, друг, наставник.

Специфическим является феномен взаимодействия человека с нейросетью, виртуально воплощающей образ великого философа. Возможности виртуального общения позволяют преодолеть границы реального пространства и реального времени, адресовать интересующий вопрос в прошлое как бы самому Сократу.

Когда обученная на платоновских текстах машина под рукой и функционирует в интерфейсе виртуального контакта с Сократом, непосредственное чтение платоновских текстов оказывается избыточной практикой. Такой же избыточной, как и академическая практика общения с преподавателем, ведь, виртуальный Сократ консультирует в любое удобное время (https://deepai.org/chat/Socrates).

Это может показаться достижением в духе демократизации интеллектуальной жизни и преодолении академических барьеров. И даже – возрождением истоков философской культуры, напоминающем о временах, когда философия была живой, говорила языком агоры, не запертая в стенах учебных аудиторий и профессорских кабинетов. Образ Сократа симптоматичен, он наполнен жизненной силой, подталкивающей выйти из аудитории на улицу, перейти от отвлеченных и душных знаний – к действию.

Насколько оправдан этот романтизм, навеянный цифровыми технологиями и содержащий явственную сократическую ноту, в которой нащупывается стык между общедоступностью интеллектуальной коммуникации с нейросетью и действенным

потенциалом этой коммуникации? Попробуем сначала разобраться с тем, что именно олицетворяет Сократ в культуре, т.е. какой способ действия в коммуникации им типизирован.

Из платоновских диалогов способ действия Сократа вычитывается по типу экспертной деятельности. Он определяем в критической нацеленности Сократа на проверку знания, которое сообщается собеседником. Подлежащее сократической проверке знание – специфическое, оно отражает представление человека о жизни и разворачиваемо в линейке нравственных вопросов личностного самопознания. Человеческая жизнь предполагает знание о том, что делает эту жизнь нравственно оцениваемой как жизнь лучшая или худшая. Отсюда понятно, почему важно не ошибиться в своих ответах на подобные вопросы. Сократ в ипостаси персонажа платоновских диалогов действует именно в такой интенции осмотрительности, в чем обоснованно можно увидеть призыв к “эпистемической автономии” [Hardy, Kaiser 2018].

Сегодня, подчеркнем это, можно и не брать в руки платоновские тексты, что требует времени, усилия, подготовки и т.д. Действенность сократической проверки знания ощутима на технологически укороченной дистанции – в коммуникации со специально обученной нейросетью. Преимущества очевидны, ведь, можно задать свой личный вопрос и пройти индивидуально редактируемый сократический тест, получить интерактивный опыт взаимодействия с персональным экспертом. Персонализация в духе клиентоориентированного маркетинга и адаптация сократической экспертизы личностного знания под формат общедоступного сервиса – это симптоматика смыслового сдвига, намечающая новую социокультурную конфигурацию и заставляющая по-новому посмотреть на общеизвестные вещи, т.е. увидеть эти вещи в проблемной актуализации.

В общем случае экспертиза представляет собой исследование, требующее специальных знаний и проводимое лицом, обладающим набором необходимых компетенций. Развернем это опредделение в утверждении, что Сократ в диалогах Платона олицетворяет эксперта, демонстрирующего интеллектуальный тест в ответ на социальный запрос, отражающий в общественном настроении идейный плюрализм и накал интеллектуальной конкуренции. Реализуемая Сократом форма экспертного исследования сегодня стала хорошо известным методом вопрошания, требующим специфических умений в области логики и аргументации, связанных с анализом используемых понятий и проверкой на непротиворечивость. В этом смысле Сократ воплощает прецедентный для европейской культуры образ интеллектуала, подвергающего экспертизе некое предлагаемое знание. Выделим его два признака. Первый – это навык формулировать рефлексивно нагруженные вопросы от имени объективного наблюдателя. Второй – это навык интеллектуального самоконтроля, подразумевающий готовность дать отчет о своих действиях, т.е. стремление к решениям, прозрачным для присутствующих.

Итак, сформулируем проблему в серии вопросов. Если сегодня Сократ – это не только наследуемый из классики персонаж, действующий на страницах философских произведений, но также вышедшая в сетевое пространство его цифровая копия, как действует эта копия? Можем ли мы сказать, что копия действует без сбоев, и, имитируя персонаж Сократа, его цифровой двойник в точности воспроизводит способ сократической проверки знания?

В поисках ответа на поставленные вопросы мы будем исходить из двух пунктов. Первый пункт – сократический способ проверки знания осуществляется в коммуникации и задействует арсенал агонального дискурса аргументации. Аргументировать здесь означает буквально – защищать собственную позицию и в свою очередь атаковать позицию оппонента, что требует прагматического разграничения между понятием “позиция” и понятием “точка зрения”.

Второй пункт – в оптике аргументации действие проверки знания реконструируемо в соотнесении трех планов языкового выражения, что достигается в построении когнитивной карты аргументативного процесса.

Во-первых, это логический план, в котором высказывание человека соотносится с другими его высказываниями. Во-вторых, это моральный план, в котором высказывание соотносится с убеждениями человека. В-третьих, это деливеративный план, в котором высказывание отражает решение человека о том, как поступить.

Наш общий тезис в том, что сократический способ действия состоит в проверке того, насколько целостно личность отражает себя в знании нравственных истин, которое сообщает как устойчивую и выверенную позицию, а не просто взятую на вооружение точку зрения. Ориентиром здесь служит критерий согласования между тем, как человек говорит (логическая компонента карты), во что он верит (моральная компонента карты) и как поступает (деливеративная компонента карты).

К примеру, представленный на страницах платоновского диалога “Горгий” Сократ действует в прицеле критерия согласования и так он управляет коммуникативным процессом в обсуждении проблемы справедливости. Можно предположить, что обученная на платоновских текстах нейросеть будет действовать аналогичным образом. Однако проведенный нами эксперимент [Zarapin, Shapiro, Valuev, Shkorubskaya 2025] позволяет констатировать, что виртуальный двойник имитирует поведение Сократа с серьезными сбоями, что отражается в когнитивной карте. И эти сбои влияют на коммуникацию, в результате чего виртуальный двойник Сократа действует заметно иначе.

Мы выделили три типа сбоя, обобщаемых в устойчивом эффекте рассогласования обозначенных нами трех компонент когнитивной карты. Первый тип сбоя вызван программными настройками, определяющими этически заданные пределы в обсуждении вопросов. Достижение таких пределов приводит к тому, что нейросеть озабочена в большей мере соблюдением установленных разработчиками правил, нежели отстаиванием ясной непротиворечивой позиции. Второй тип сбоя вызван сложностями нейросети в оперировании многозначными понятиями, что в итоге создает путаницу и дезориентирует пользователя, вооружая его заметно искаженной когнитивной картой. Третий тип сбоя вызван возможностью пользователя в рамках одной сессии активировать нейросеть в интеллектуальных режимах разных образов философов (Сократ, Конфуций, Маркс …), что делает когнитивную карту неустойчивой в бесконечном процессе ее сборки/пересборки.

Итак, сформулируем наш вывод. Нейросеть, имитируя интеллектуальный способ действия Сократа, допускает сбои, которые влияют изменяют смысл сократического способа действия. Это выражается в том, что коммуникативный прицел сбивается. В результате ориентиром в коммуникации является уже не «позиция», идентифицируемая в поиске согласованности между своим словом, своей мыслью и своим поступком, а «точка зрения», более свободная и относительно независимая, делающая коммуникацию творчески открытой к новым решениям, что ценно именно своей незавершенностью. В обобщении это означает, что в интеллектуальном взаимодействии с нейросетью сократический способ действия трансформируется в разновидность эвристического опыта, ценного для пользователя как бесконечно открытый творческий процесс – но не являющийся ни в каком разрезе разновидностью этической или интеллектуальной экспертизы.

Список литературы

1. Hardy, Kaiser 2018 – Hardy J., Kaiser M. Expert Knowledge and Human Wisdom: A Socratic Note on the Philosophy of Expertise // Topoi. 2018. Vol. 37. P.79–89.
2. Zarapin, Shapiro, Valuev, Shkorubskaya 2025 – Zarapin O., Shapiro O., Valuev D., Shkorubskaya E. The Dialogue with Digital Socrates: Loss of Intellectual Virtue // 2025 IEEE Ural-Siberian Conference on Biomedical Engineering, Radioelectronics and Information Technology (USBEREIT), Yekaterinburg, Russian Federation. 2025. P. 85–88.

УДК 167.7: 101.1: 316

ЦИФРОВАЯ ВСЕЛЕННАЯ: ОПЫТ НАУЧНО-ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КИБЕРНЕТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ТОТАЛЬНОЙ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

Змихновский Сергей Игоревич
Кандидат философских наук
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
доцент кафедры философии, теологии и религиоведения
E-mail: zmikhnowski@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются основные проблемы философского анализа технологических предпосылок и социокультурных последствий компьютерной революции, давшей начало тотальной информатизации всех без исключения сфер нашей жизни. Глобальная трансформация глубинных основ человеческого бытия, вызванная переходом общества в постиндустриальную фазу развития, породила множество попыток своего концептуального описания и теоретического осмысления. Одни из них дополняли и развивали друг друга, другие – критиковали и открыто конфликтовали. К сожалению, раскрыть причины происходящих события, а то и просто адекватно их отразить получилось далеко не у всех учёных. Однако были созданы и такие доктрины, которые отличались высоким познавательным и прогностическим потенциалом в силу того, что им удалось установить не только общие тенденции развития цивилизации в долгосрочной перспективе, но и закономерности её динамики – в краткосрочной. Именно поэтому понимание происходящих в современном мире процессов – в том числе стремительного совершенствования нейросетей и возрастающих возможностей искусственного интеллекта – требует внимательного изучения того, как мыслители второй половины XX – первой четверти XXI вв. трактовали и оценивали сложный и противоречивый процесс виртуализации реальности, приведших к формированию цифровой вселенной. Этому и посвящена предлагаемая читателю работа. В силу ограниченного объёма публикации в ней разбираются лишь наиболее значимы, с точки зрения автора, школы и направления мысли. При этом в поле зрения попали как зарубежные, так и отечественные подходы к исследованию вопросов кардинального изменения структуры и функционирования культурных матриц и символических полей в условиях взрывного распространения телекоммуникационных технологий. Их сравнительный анализ позволил выделить ряд общих для всех постулатов, которые сводятся к одной простой идее: сетевая коммуникация, формирующая цифровые миры, зарождается и эволюционирует в сфере повседневных социальных практик; параллельно с этим, генерируемый современными медиа

контент пронизывает территории реальных взаимодействий людей, меняя индивидуальное и массовое сознание, ценностные установки, устоявшиеся стереотипы и поведенческие шаблоны. Тем не менее, констатируется отсутствие единой методологической линии в освещении указанной темы и выхождение её обсуждения далеко за пределы научного дискурса.

Ключевые слова: компьютерная революция, телекоммуникационные технологии, информационное общество, виртуальная реальность, киберпространство, цифровизация, социальные сети.

THE DIGITAL UNIVERSE: THE EXPERIENCE OF SCIENTIFIC AND PHILOSOPHICAL RESEARCH OF THE CYBERNETIC REVOLUTION AND TOTAL INFORMATIZATION

Zmikhnovskiy Sergey Igorevich
Kuban State University,
Associate Professor of the Department of Philosophy, Theology and Religious Studies

Abstract: The article discusses the main problems of philosophical analysis of the technological prerequisites and sociocultural consequences of the computer revolution. The global transformation of the fundamental principles of human existence, caused by the transition of society to the post-industrial phase of development, has given rise to numerous attempts at theoretical understanding. Some of these attempts have complemented and developed each other, while others have been criticized and openly conflicted. There were also doctrines that had a high level of cognitive and predictive potential, as they were able to identify not only the general trends of civilization's development in the long term, but also the patterns of its dynamics in the short term. This is why understanding the processes taking place in the modern world, including the rapid improvement of neural networks and the increasing capabilities of artificial intelligence, requires a careful examination of how thinkers in the second half of the 20th century and the first quarter of the 21st century interpreted and evaluated the complex and contradictory process of virtualization of reality, which led to the formation of the digital universe. Both foreign and domestic approaches to studying the issues of a radical change in the structure and functioning of cultural matrices and symbolic fields in the context of the explosive spread of telecommunication technologies came into focus. Their comparative analysis has allowed us to identify a number of common postulates, which boil down to a simple idea: network communication, which forms digital worlds, emerges and evolves in the realm of everyday social practices; at the same time, content generated by modern media permeates the territories of real human interactions, changing individual and mass consciousness, values, established stereotypes, and behavioral patterns. There is a lack of a unified methodological approach to this topic, and its discussion extends far beyond the realm of scientific discourse.

Keywords: computer revolution, telecommunication technologies, information society, virtual reality, cyberspace, digitalization, social networks.

Анализ перспектив и допустимых пределов применения стремительно совершенствующихся версий ИИ требует предварительного разговора о том, каким образом мыслители конца XX – первой четверти XXI вв. описывали, интерпретировали и оценивали сложный и противоречивый процесс цифровизации практически всех сфер общественной

жизни, одним из ожидаемых следствий которого стало появление и взрывное развитие нейросетей, алгоритмов машинного обучения и т.п. На первый взгляд может показаться, что эта сугубо социологическая или культурологическая тематика не имеет никакого отношения к философии науки. Однако такое впечатление обманчиво, поскольку в центре нашего внимания находится не сам феномен тотальной информатизации, а комплекс сложившихся вокруг него теоретических представлений, дающих ключ к пониманию механизмов проникновения «компьютерного разума» в глубины человеческого сознания.

Как известно, понятие «цифровизация» возникло в сфере высоких технологий. Однако очень скоро оно прочно вошло в научный обиход, в результате чего его исходное содержание уступило место огромному числу соперничающих между собой трактовок. Его прямым предшественником был невероятно популярный в 90-е годы прошлого столетия термин «виртуализация», уступивший место новому модному слову. При этом, виртуализация социального пространства и первые попытки её изучения начались задолго до появления самого названия. Поэтому в поле нашего зрения попадает целый ряд научных направлений, казалось бы, не имеющих к нему прямого отношения.

Прежде всего, внимание привлекают концепции представителей Франкфуртской школы и феноменологической социологии. Они первыми обратили внимание на формирование многомерного, разноуровневого социального пространства, создаваемого СМИ посредством стихийного или управляемого элитами тиражирования смещённых в смысловом отношении образов реальных объектов, выдаваемых за их точные копии. Став ключевым звеном всех возможных интеракций, искусственно созданные символы изменили восприятие действительности до неузнаваемости. Возникла новая сфера, а точнее оболочка общественного бытия и обслуживающие её отрасли промышленного и культурного производства, удовлетворяющие всё возрастающие потребности человеческой фантазии. Предложенный в рамках этих школ методологический инструментарий стал классической программной исследования феномена виртуализации для следующих поколений учёных.

Развернувшаяся в постструктурализме дискуссия по поводу подвижности и даже самого наличия отношений означающего и означаемого открыла новые ракурсы рассмотрения нашего вопроса. Выявление её теоретических и мировоззренческих предпосылок даёт повод полагать, что представление о социокультурном мире как тексте вывело понимание внутренних причин и внешних проявлений виртуализации на ранее недосягаемый уровень. Стало очевидно, что живущие своей жизнью образные представления образуют особую сферу виртуальных объектов, обладающую своей внутренней логикой и подчинённую собственным законам. При этом воображаемый и реальный миры постепенно, но неумолимо сближаются, их граница размываются, позволяя раствориться друг в друге.

Особое внимание стоит уделить сопоставлению взглядов теоретиков постиндустриального, или информационного общества на проблему нарастающей компьютеризации всего комплекса социальных отношений и на кардинальные изменения структуры и функционирования культурной матрица и символических полей. Практически каждый из них пользуется такими понятиями как «виртуальная реальность», «виртуальное сообщество» и т.п., но избегает давать им чёткие определения.

Ещё основатель кибернетики Н. Винер тонко подметил, что в современном обществе в силу его величины и сложности прямые контакты между людьми сведены к минимуму. Общение в нём опосредовано всевозможными компьютерными устройствами, передающими, принимающими и обрабатывающими информацию. Однако помимо своего прямого назначения, электронные средства коммуникации служат латентным целям. Они создают и

транслируют цифровые паттерны, которые с полным правом можно назвать виртуальными. Совокупность этих образов и установившихся между ними отношений была названа Дж. П. Барлоу «киберпространством» [Barlow 1996, web].

Д. Белл, с лёгкой руки которого в научный оборот вошёл термин «постиндустриальное общество», рассуждал о возникновении новых технологических решений, которые изменили критерии идентификации реальности и привели к расширению содержания её понятия [Белл 2004]. О информационном характере «общества третьей волны» заявлял и Э. Тоффлер [Тоффлер 2009]. Он был глубоко убеждён в том, что виртуальные по своей природе события ведут к конкретным человеческим действиям и их вполне осязаемым последствиям. Развивая эту идею, М. Кастельс заявляет о кардинальных метаморфозах современного духовного пространства, которое дрейфует в сторону многоликой «культуры реальной виртуальности» [Кастельс 2000].

Сравнив обширный ряд этих и подобных им доктрин, можно выделить несколько ключевых постулатов, на которых они базируются и которые, в свою очередь, сводятся к простой идее, или, что в данном случае одно и то же, вытекают из неё: сетевая коммуникация, формирующая виртуальные миры, зарождается и эволюционирует в сфере повседневных социальных практик; параллельно с этим генерируемый контент, пронизывая территории реальных взаимодействий людей меняет индивидуальное и массовое сознание, ценностные установки, культурные стереотипы и поведенческие шаблоны. Несмотря на это, необходимо констатировать отсутствие единой линии в осмыслении проблемы цифровизации всех областей нашего существования, а также выхождение её анализа за пределы не только классического и неклассического, но и постнеклассического типа научного дискурса.

Настало время обратиться к рассмотрению онтологического статуса искусственно созданной интерактивной электронной среды, замещающей собой объективные социальные феномены такими симуляциями, которые кажутся более непосредственными и натуральными, чем сама реальность. Стоит отметить, что вопрос о природе действительности волнует не только философов и представителей ряда частных наук, но и широкую общественность. Это обусловливается, во-первых, двойственным, а точнее неопределённым, статусом реальности киберпространства; во-вторых, нарастающей иллюзорностью непосредственно воспринимаемых нами явлений. В новых условиях старое философское подозрение – «не является ли внешний мир всего лишь проекцией нашего разума?» – приобретает особый, во многом болезненно-травматический смысл.

Возникнув как продукт развития компьютерных и телекоммуникационных технологий, цифровая реальность вскоре раскрыла своё всеобъемлющее социальное значение. Со временем оно стало превалировать над сугубо естественнонаучным пониманием, вытеснив его на задворки актуальной терминологии. Виртуальные аналоги непосредственных человеческих связей и отношений всё чаще подменяют, а в некоторых случаях и обнуляют традиционные формы взаимодействия. «Всемирная паутина» уже давно превратилась в сообщество особого типа, где невозможно установить подлинность не только внешних процессов и событий, но и нас самих. Причём всё большее количество людей воспринимает эту фантасмагорию в качестве «цифровых джунглей» [Стерлинг 2005].

Появление единого информационного поля в рамках динамичной цифровой среды ускорило трансформацию глубинных основ цивилизации. Отчасти можно согласиться с тиражируемой новыми медиа мыслью о том, что более гибкие и высокоадаптивные сетевые организации, одной из разновидностей которых являются сверхпопулярные социальные сети и формирующаяся вокруг них коммерческая инфраструктура стали ведущим факторов

глобализации, поскольку полностью удовлетворяют требованию трансграничности информационного обмена.

В заключение обратим внимание на специфику и главные направления развития отечественных теорий цифровизации социокультурной среды. Сразу бросается в глаза то, что в отличие от сциентистски-ориентированных западных концепций, подходы российских авторов более, скажем так, философичны и историчны. Например, Н.А. Носов вообще отрицает новизну идеи виртуальности, которая, как ему представляется, разрабатывалась ещё в античной и средневековой традиции [Носов 2000].

Продолжением этой линии являются оригинальные и заслуживающие внимания взгляды Д.В. Иванова, который видит в виртуализации особую, альтернативную концепциям модернизации и глобализации, схему объяснения происходящих в современном обществе изменений [Иванов 2002]. Пытаясь доказать, что виртуальность возникает не только в рамках опосредованной компьютерными сетями активности пользователей, но и в непосредственном жизненном мире, этот учёный разрабатывает свою версию развития общества. Согласно ей, для эпохи Модерна характерно представление о социуме как сложной системе институтов, акцентуация внимания на его вещественности. Постмодерн, напротив, стремится к раскрытию условности и эфемерности такой трактовки общества и превращению его в площадку для проявления творческой активности, питаемой безудержным воображением атомизированных индивидов.

Сопоставление отечественных и зарубежных теорий приводит нас к следующему выводу. Западные подходы к разработке теории виртуальной реальности, очень быстро превратившиеся в поиски актуальной модели объяснения цифровизации самой реальности, находятся преимущественно во власти технотронной, а нередко и откровенно киберпанковской парадигмы. Российские авторы рассматривают этот процесс более комплексно и системно, уходя от сугубо технологических интерпретаций и смещая фокус внимания на его социокультурные перспективы. Несмотря на то, что подобная точка зрения является сильным упрощением сложившегося положение дел, как в иностранной, так и в нашей литературе, питаем надежду, что она всё-таки адекватно отражает внутренние детерминанты и общую динамику научных представлений о заявленной проблематике.

Список литературы

1. Белл 2004 – Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 783 с.
2. Иванов 2002 – Иванов Д.В. Виртуализация общества = Virtualization of society: Версия 2.0. СПб: ПВ, 2002. 213 с.
3. Кастельс 2000 – Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М.: Гос. ун-т. Высш. шк. экономики, 2000. 606 с.
4. Носов 2000 – Носов Н.А. Виртуальная психология. М.: «Аграф», 2000. 432 с.
5. Стерлинг 2005 – Стерлинг Б. Будущее уже началось что ждет каждого из нас в XXI веке. Екатеринбург: У-Фактория, КомпьюТерра, 2005. 263 с.
6. Тоффлер 2009 – Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, АСТ Москва, 2009. 795 с.
7. Barlow 1996, web – Barlow J.P. A Declaration of the Independence of Cyberspace // Davos, Switzerland. 1996. URL: https://www.eff.org/cyberspace-independence (дата обращения: 20.04.2026)

УДК 165.12

КОГНИТИВНАЯ ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМА ДЕМАРКАЦИИ НАУКИ И ПСЕВДОНАУКИ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Назарова Вероника Сергеевна
Кандидат философских наук
Южный Федеральный Университет, Институт управления в экономических, экологических и социальных системах, кафедра философии, преподаватель
E-mail: doors80@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме исторического сознания в эпоху ИИ. Рассматривается методологический переход от традиционных исторических теорий к метанарративам постмодерна и возможным способам сохранения исторического знания как строгой науки в эпоху тотальной симуляции. Автор анализирует методологический переход от традиционных теорий методологии исторического знания к метанарративам постмодерна. Показано, что постмодернистский вызов (отказ от объективной истины, редукция истории к нарративу и интертекстуальности) привёл к кризису легитимации исторического знания, но одновременно стимулировал поиск новых эпистемологических оснований («неоклассическая модель»). Как пример выхода из эпистемологического тупика исторической методологии предложена модель когнитивной истории (О. М. Медушевской), которая предлагает выход через исследование ментальных репрезентаций, исторических артефактов как материализованных результатов мышления и информационного обмена. Особое внимание уделяется новому вызову – технологиям искусственного интеллекта, которые порождают синтезированные источники, дипфейки и симуляцию научного знания. В отличие от постмодернистского скепсиса, ИИ создаёт не эпистемологическую, а технологическую неопределённость: подлинное и ложное становятся трудноразличимыми на уровне эмпирической верификации. Делается вывод, что историческая наука должна сохранить метанарратив как когнитивную рамку, но дополнить его методами цифровой критики источников и алгоритмической гигиены. Демаркация науки и псевдонауки в эпоху ИИ требует не отказа от объективности, а более строгой рефлексии над условиями производства и верификации исторического знания.

Ключевые слова: Когнитивная история, метанарратив, методология, псевдознание, симуляция, постмодернизм, искусственный интеллект.

COGNITIVE HISTORY AND THE PROBLEM OF DEMARCATION OF SCIENCE AND PSEUDOSCIENCE IN THE ERA OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE.

Nazarova Veronika Sergeevna

Candidate of Philosophical Sciences

Southern Federal University, Institute of Management in Economic, Environmental and Social Systems, Department of Philosophy, Lecturer

Abstract: The article addresses the problem of demarcation between scientific and pseudoscientific historical knowledge in the context of digital transformation and the development of artificial intelligence. The author analyzes the methodological transition from classical historical theories to postmodern meta-narratives and then to contemporary cognitive history. It is shown that the postmodern challenge (rejection of objective truth, reduction of history to narrative and intertextuality) led to a legitimation crisis in historical knowledge but simultaneously stimulated the search for new epistemological foundations (the "neoclassical model"). Cognitive history (O. M. Medushevskaya) offers a way out through the study of mental representations, historical artifacts as materialized results of thinking, and information exchange. Special attention is paid to the new challenge posed by AI technologies, which generate synthesized sources, deepfakes, and simulation of scientific knowledge. Unlike postmodern skepticism, AI creates not epistemological but technological uncertainty: the authentic and the false become difficult to distinguish at the level of empirical verification. The conclusion is that historical science must preserve the meta-narrative as a cognitive framework but supplement it with methods of digital source criticism and algorithmic hygiene. The demarcation of science and pseudoscience in the AI era requires not abandoning objectivity but a more rigorous reflection on the conditions for producing and verifying historical knowledge.

Keywords: Cognitive history, meta-narrative, methodology, pseudo-knowledge, simulation, postmodernism, artificial intelligence.

Вопросы исторического сознания на сегодняшний день являются актуальной проблемой, поскольку память и осмысленное отношение к прошлому образуют фундаментальное качество человеческой субъективности. В рамках современных методологических исторических концепций истории (одна из которых когнитивная история О. М. Медушевской) проблема исторического сознания получает новое измерение [Медушевская 2008]. Массовое сознание воспринимает прошлое, опираясь на чувства как опыт социальной жизни, а также используя вымысел и воображение, способствующие целостному историческому образу. Наука в этом смысле, полагается на строгий категориальный аппарат, к которому относятся концепции, трактующие общие закономерности организации общества и развития; понятия, которые претендуют на обозначение общих для любого общества принципов и форм поведения людей, а также методы познания общества, т.е. совокупность проблем и приемов их разрешения, позволяющих вскрывать содержание исторических фактов [Репина 2016, с. 31].

Общая теория исторического нарратива предполагает в любой из возможных форм объективации исторического сознания обязательное наличие метанарратива (или «великого нарратива», как обозначает его А. Мегилл) [Мегилл 2004, с. 22-55]. Конкретная форма и содержание этого авторитетного повествования зависит от особенностей общественного сознания эпохи, но миссия его неизменна. Она заключается в легитимации отдельных исторических нарративов путем обеспечения их связности и верификации, так как только в этом случае историческое сознание может выполнять свою онтологическую функцию обеспечения единства бытия и становления. Понимание этого становится одной из причин

того, что методология истории сегодня в рамках современного типа научной рациональности не стремится ставить непроходимую стену между исторической наукой и другими способами отражения знаний о прошлом социального мира [Репина 2011, с. 59].

Наряду с тотальной историей и историей большой длительности, в 70 – 80-е гг. прошлого века возникает ряд методологических подходов к изучению истории, основанных на идее междисциплинарности и отражающих отдельные стороны процесса профессионализации исторического знания в условиях новой методологической парадигмы. Хронологически первой в череде этих подходов стала история ментальности, зародившаяся во французской историографии в самом конце 60-х гг. прошлого века. Один из основоположников такого рода исследовательской программы – Марк Блок, в своей фундаментальной работе «Феодальное общество», исследовал модели восприятия и мышления с точки зрения целостного феномена. Подобный поворот в проблематике отмечался также в Великобритании («новая культурная история» Э. Хобсбаума) и США («социокультурная история» Н. Девиса). Общим отличием этих подходов стала критика классической модели исторического исследования, которая носит характер поиска объективной истины и связей между историческими фактами и событиями. Следует отметить, что «лингвистический поворот» в гуманитарных науках, в том числе и в истории, открыл для исторической науки новые методологические способы изучения. Неоспоримые условия теорий большой длительности подвергались критике со стороны тех историков, которые обращали свое внимание на эмпирические исследования в рамках микроисторических подходов [Гречко 1995, с. 138]. Вопросы поиска достоверности исторических фактов, как главного исторического вопроса, сводились к тому, какую версию прошлого будет интерпретировать одно из многочисленных «Я» историка. Фактически, речь идет о том, куда поместить прошлое, зная, что оно является лишь одним из возможных, и что изучение этого прошлого не приведет к открытию всеобщей истины [Мегилл 2004, с. 22-55]. В таком ракурсе не существует текстов, которые обладали бы собственной идеей, автором или влиянием, а есть единое пространство текстов и интерпретаций – восприятий, непрерывно переплетенных между собой. Следовательно, если говорить об онтологическом содержании постмодернизма, рассматриваемом сквозь призму методологической ситуации в исторической науке, то обращают на себя внимание несколько аспектов проблемы. С середины 1980-х гг. начался новый поиск объяснительных моделей, который расширил круг интерпретаций. Это время стало пиком интенсивного практического поиска историков к «новому историческому знанию». Радикальным проявлением такого рода поиска стал вопрос о научном статусе исторической науки. Главный постмодернистский вызов истории был направлен против концепций исторической реальности и объекта исторического познания. Язык, при этом, рассматривается не как простое средство отражения и коммуникации, а как главный смыслообразующий фактор, детерминирующий мышление и поведение [Репина 2016, с. 121-123]. В этом смысле, «постмодерн» как онтологическое понятие означает для истории господство личностно-ментальных императивов, нарратива как формы реконструкции прошлого. Показательным примером, в этой связи, являются такие художественные произведения как «Имя Розы» У. Эко и «Возвращение Мартина Герра» Н.З. Дэвиса. В них содержатся принципы множественного кодирования, которые авторы произведений сознательно помещают в текст для читателей разного уровня. Постмодернисты не первое поколение, которые провозгласили кризис смысла, относительность морали и недостижимость прекрасного. Однако важно, что предыдущие исторические школы объявили этот кризис, для того чтобы выстроить новые фундаментальные теории, в отличие от постмодернистов, которые ничего не предлагают взамен. Как часть общества постмодерна не

только общество, но наука как ее мировоззренческая составляющая также претерпевает соответствующие изменения. Вполне показательный конкретный пример с рассуждениями Хайдена Уайта в работе «Метаистория». Автор берет за основу критику уважаемых позитивистских классических историков – Л. фон Ранке, А. де Токвиля и Ф. Гизо. И демонстрирует, что их текст на самом деле построен на специфической риторике и по сути – не отличается от художественного анализа. Неудивительно, что такая мировоззренческая и исследовательская парадигма была с большим недоверием встречена подавляющим большинством профессионального исторического сообщества. Критика методологических оснований постмодернизма А. Дж. Б. Марвиком во второй половине 90-х гг. прошлого века привела сначала к резко отрицательному отношению к подобной методологии на Всемирном конгрессе историков в Осло в 2000 г., а затем и к формированию новой модели исторического исследования, которую известный ростовский ученый А. В. Лубский условно, но довольно проницательно определил как «неоклассическую».

В историографии последнего десятилетия все более заметной становится убежденность в том, что историческое прошлое есть определенная конструкция, которая в процессе интерпретации историка восстанавливает прошлое только как его мировоззренческое представление и социальный контекст той эпохи, в которой он живет. В контексте такого осмысления исторического опыта, Йорн Рюзен утверждает, что исследование начинается не с источника, а с вопроса к нему, при этом, современный контекст определяет преобладающие вопросы, с которыми работают историки и которые они формулируют к материалу прошлого [Рюзен 2005, p. 46-47].

Альтернативной современной методологией не только междисциплинарной, но и антропологически ориентированного исторического исследования становится во второй половине 70-х гг. прошлого века когнитивная история [Медушевская 2008]. Когнитивно-информационная теория О. М. Медушевской определяется как наука о человеческом мышлении, которое проявляет себя созданием интеллектуального знания через опосредованный информационный обмен. Именно исторический артефакт как материализованный результат мышления становится единицей дискретной эмпирической реальности, доступной научному познанию.

Все это позволяет говорить о том, что благодаря междисциплинарному методологическому синтезу, историческая наука довольно последовательно отражала научные парадигмы современной эпохи. Одним из примеров такой междисциплинарной методологической парадигмы, базировавшейся на философских принципах постструктурализма и «лингвистического поворота» в истории социогуманитарного знания стал постмодернизм, основные положения которого рассмотрены в соответствующих разделах работы. Постмодернистская философия провозгласила самодостаточность нарративов, составляющих, по мнению его основоположников, самую ткань жизни «отстаиванием ценности разнообразия, различий, разницы как таковой; расширением плюралистического взгляда на мир вплоть до способности видеть и понимать части до целого и вне его, обращать специфику индивидуального, частного в его субстанциальность» [Мегилл 2004].

Современная эпоха ставит перед исторической наукой новые вызовы, связанные с технологиями искусственного интеллекта. ИИ не отменяет фундаментальные критерии научности, но радикально трансформирует условия их применения. Традиционная историческая парадигма предполагает проверку источника, однако в новых информационных условиях источник может быть лишен авторства в классическом смысле и бесконечно

тиражирован без сохранения следов оригинальности. В том смысле, ИИ порождает принципиально новые виды источников: синтезированные документы, дипфейки (симулирующие реальные события). В этом контексте перед исторической наукой стоит вызов не менее серьезный чем вызовы постмодернизма –вызов искусственного интеллекта. Если постмодернизм ставил под сомнение возможность достижения объективной истины на эпистемологическом уровне, то ИИ создает ситуацию, где симуляция научного знания становится технологической реальностью, в которой трудноразличимо подлинное и ложное знание.

Список литературы

1. Медушевская 2008 – Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: Изд-во РГГУ, 2008. 361 с.
2. Репина 2016 – Репина Л. П. История исторического знания. М.: Юрайт, 2016. 289 с.
3. Репина 2011 – Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
4. Мегилл 2004 – Мегилл А. «Великий нарратив» и историческая дисциплина // MONSTERA: (Философские проблемы социально-гуманитарного знания): Сб. науч. ст. Вып. 4. М.: МГТУ-«МАМИ», 2004. С. 22−55 с.
5. Рюзен 2005 – Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность. В кн.: «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. Отв. ред. Л. П. Репина. М., 2005. 49 с.

УДК 001; 004; 167; 316.012

ИСКУССТВЕННАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ГРАНИЦЫ НАУКИ: АЛГОРИТМ КАК НАБЛЮДАТЕЛЬ ВТОРОГО ПОРЯДКА

Погожина Наталья Николаевна

Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», исследователь

МГУ имени М.В. Ломоносова, философский факультет, младший научный сотрудник

E-mail: pogozhinann@gmail.com

Аннотация: Проблема разграничения научного и псевдонаучного знания традиционно обсуждается в терминах эпистемических критериев, однако в цифровой среде эта функция все чаще передается алгоритмическим системам. Опираясь на общую методологическую рамку системно-коммуникативного подхода (Н. Луман) и связанную с этим концепцию «искусственной коммуникации» (Е. Эспозито), в статье предлагается рассматривать алгоритмические медиаторы (системы автоматизированного рецензирования, платформы академической репутации, рекомендательные сервисы) не как нейтральные фильтры, а как «наблюдателей второго порядка». Эти алгоритмы не просто передают информацию, но и конструируют само различие между наукой и псевдонаукой, действуя операционально замкнуто и опираясь на сетевые метрики вроде Research Interest Score, количество просмотров

и скачиваний. Также показано, что такие метрики, ориентированные на «экономику внимания», предлагающую обоснование ключевой роли внимания как экономического ресурса в рамках переизбытка информации в сетевом пространстве коммуникации, могут расходиться с предметными критериями научной коммуникации и кодом «истина/ложь». Это порождает структурные «слепые пятна»: алгоритмы, настроенные на максимизацию вовлеченности, способны систематически отдавать предпочтение контенту, провоцирующему эмоциональную реакцию и использующему упрощенную риторику. В итоге псевдонаука предстает не как устойчивый класс высказываний (пусть и имитирующих научную риторику), а как коммуникативный эффект, порождаемый устройством самих цифровых платформ. Переосмысливается, в свою очередь, и демаркация — как операционально поддерживаемое системное различение, которое все чаще делегируется нечеловеческим агентам. Очевидно, что такой подход требует ревизии алгоритмических метрик и выработки селективных правил, которые, с одной стороны, ориентируются на собственно научные критерии, а с другой — учитывают актуальную конъюнктуру сетевой коммуникации.

Ключевые слова: системно-коммуникативная теория, научная коммуникация, наблюдатель второго порядка, искусственная коммуникация, псевдонаука, демаркация.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 26-18-00851 «Цифровые трансформации семантики понятия науки в социально-сетевую эпоху: лингво-аналитические, теоретико-эволюционные и социально-коммуникативные исследования».

ARTIFICIAL COMMUNICATION AND THE BOUNDARIES OF SCIENCE: THE ALGORITHM AS A SECOND-ORDER OBSERVER

Pogozhina Natalya Nikolaevna

Interregional Non-Governmental Organization "Russian Society for the History and Philosophy of Science", Researcher

Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Junior Researcher of the Faculty of Philosophy

Abstract: The problem of demarcating scientific from pseudoscientific knowledge has traditionally been discussed in terms of epistemic criteria; in the digital environment, however, this function is increasingly delegated to algorithmic systems. Drawing on the general methodological framework of the system and communication approach (N. Luhmann) and the related concept of «artificial communication» (E. Esposito), the paper proposes to regard algorithmic mediators (automated peer-review systems, academic reputation platforms, recommendation services) not as neutral filters but as «second-order observers». These algorithms do not merely transmit information but actively construct the very distinction between science and pseudoscience, operating in an operationally closed manner and relying on network metrics such as the Research Interest Score, views, and downloads. It is also shown that such metrics, oriented toward the «attention economy», which grounds the key role of attention as an economic resource under conditions of information overload in networked communication, may diverge from the substantive criteria of scientific

communication and the truth/falsehood code. This gives rise to structural «blind spots»: algorithms tuned to maximize engagement are capable of systematically favoring content that provokes an emotional reaction and employs simplified rhetoric. As a result, pseudoscience appears not as a stable class of statements (even those imitating scientific rhetoric) but as a communicative effect generated by the very design of digital platforms. Demarcation, in turn, is reinterpreted as an operationally sustained system distinction that is increasingly delegated to non-human agents. Clearly, such an approach calls for a revision of algorithmic metrics and the development of selective rules that, on the one hand, are oriented toward proper scientific criteria and, on the other, take into account the actual conjuncture of network communication.

Keywords: systems-communication theory, scientific communication, second-order observer, artificial communication, pseudoscience, demarcation.

This article has been prepared with the financial support from Russian Science Foundation, Project № 26-18-00851 "Digital transformations of the semantics of the concept of science in the social network era: linguistic-analytical, theoretical-evolutionary and socio-communicative studies."

Классическая постановка проблемы демаркации науки и псевдонауки предполагала, что ответ на вопрос о границе должен быть выражен в терминах вневременных эпистемических критериев — верификации, фальсифицируемости, парадигмальной нормальности. Цифровая среда проблематизирует эту установку не столько в содержательном, сколько в операциональном плане: функция различения научного и ненаучного все чаще не проговаривается эксплицитно, а встраивается в архитектуру алгоритмических систем, опосредующих научную коммуникацию. Речь идет о системах автоматизированного рецензирования, платформах академической репутации (ResearchGate, Academia.edu), рекомендательных алгоритмах научных поисковиков и генеративных моделях, производящих наукообразные тексты. Эти инструменты, которые можно обозначить как «алгоритмические медиаторы», не просто передают информацию, но активно участвуют в селекции того, что будет воспринято научным сообществом в качестве релевантного, достоверного или, напротив, лишаемого статуса научного/малоактуального знания.

С точки зрения системно-коммуникативной теории Н. Лумана, наука представляет собой функционально дифференцированную коммуникативную систему, чье операциональное единство поддерживается бинарным кодом «истина/ложь» и символически генерализированным медиумом истины [Luhmann 1990; Антоновский 2017; Погожина 2019]. Система науки «сама» решает, какое сообщение будет подвергнуто дальнейшей обработке, то есть помечено как истинное или ложное. Ключевой «фигурой» в этом процессе выступает «наблюдатель второго порядка» — инстанция, которая наблюдает не сам мир, а наблюдения других наблюдателей, фиксируя их различия и, что принципиально, делая видимым то различение, которым они пользуются [Luhmann 1990]. В доцифровой науке такую роль выполняли институты рецензирования, редакционные коллегии, диссертационные советы. Их работа была встроена в устойчивую дисциплинарную матрицу, которая, как показано в классической социологии научных дисциплин, воспроизводит не только предметные стандарты, но и формы коммуникативного признания [Stichweh 1992]. Сегодня часть этих функций передается алгоритмам.

Понятие «искусственной коммуникации», предложенное Е. Эспозито, позволяет уточнить, что происходит в момент такой передачи. Алгоритм, генерирующий или ранжирующий текст, не обладает интенциональностью и не понимает смысла — он производит коммуникацию, опираясь на статистические закономерности, извлеченные из обучающих данных [Esposito 2022]. В более ранней работе Е. Эспозито показано, что алгоритмическое производство контингенции опирается не на понимание, а на способность воспроизводить коммуникативную форму, паразитируя на вкладах пользователей [Esposito 2017]. Тем самым алгоритм задаёт особый режим наблюдения, в котором будущее всегда уже статистически размечено. Это коммуникация, которая «никем не мыслилась», но которая, будучи включенной в системные операции, тем не менее производит социальные эффекты. Алгоритмический медиатор, следовательно, действует операционально замкнуто: его селекции определяются не содержательными критериями научной рациональности, а архитектурой модели, характером разметки данных, решающим правилом. При этом внешнему наблюдателю — ученому, редактору, читателю — результат работы алгоритма предстает уже как «готовое» различение: релевантное/нерелевантное, авторитетное/неавторитетное.

Здесь возникает ключевая для данного исследования коллизия. Алгоритмический медиатор выполняет функцию *наблюдателя второго порядка* в том смысле, что он *различает, какие сообщения достойны дальнейшей научно-коммуникативной обработки, а какие нет*. Но его наблюдение нерефлексивно: алгоритм не способен эксплицировать то различение, которое использует. Различение это задано метриками, принципиально иной природы, нежели код «истина/ложь». Речь идет о показателях цитируемости в социальных сетях, количестве упоминаний, времени пользовательского внимания, плотности ключевых слов — то есть о метриках, которые описываются скорее в терминах «экономики внимания», чем в категориях эпистемической оценки. В литературе и в эмпирических исследованиях эта ситуация фиксируется как конкуренция традиционных критериев научности с сетевыми критериями «виральности» и репутационного капитала [Погожина 2025].

Следствием становится образование структурных «слепых пятен» (Blinder Fleck). Алгоритм, настроенный на максимизацию вовлеченности, ранжирует выше те тексты, которые провоцируют эмоциональную реакцию, используют упрощенную или сенсационную риторику либо содержат массово воспроизводимые ключевые паттерны. Псевдонаучный контент нередко отвечает этим условиям лучше, чем строгое научное сообщение, требующее медленного чтения и фонового знания. Селективный механизм алгоритма, таким образом, не просто «пропускает» псевдонауку, но может систематически отдавать ей предпочтение — не потому, что так задумано разработчиком, а в силу рассогласования между оптимизационной логикой платформы и критериями научной рациональности. Показательно, что даже узкоспециализированные ИИ-инструменты, спроектированные именно для помощи в рецензировании, обнаруживают схожие уязвимости: галлюцинации, тенденциозность, чувствительность к формулировкам запросов и переоценку престижных источников [Wang et al. 2026, web]. Эта ситуация принципиально отличается от картины, описываемой в классических теориях демаркации, где псевдонаука рассматривалась как результат методологической ошибки или идеологической ангажированности исследователя. Здесь псевдонаучный эффект производится самой медиальной архитектурой.

Данный тезис можно проиллюстрировать на материале академических социальных сетей. Платформы типа ResearchGate ранжируют публикации и ученых с использованием «Research Interest Score» — показателя, который учитывает не только цитирования, но и

просмотры, скачивания, рекомендации. Аналогичным образом рекомендательные алгоритмы Google Scholar учитывают паттерны пользовательского поведения, причем их логика остается непрозрачной. В обоих случаях различение «достоверное/недостоверное» подменяется различением «востребованное/невостребованное». Система науки, если пользоваться языком Н. Лумана, начинает оперировать различением, которое не является ее собственным. Это не кризис демаркации в философском смысле, а скорее дисфункция на уровне операционального замыкания системы.

Сформулированный подход позволяет переосмыслить и саму проблему псевдонауки в эпоху ИИ. Псевдонаука предстает не как фиксированный класс высказываний, а как коммуникативный эффект, порождаемый определенной конфигурацией селективных механизмов. Если селективным механизмом выступает алгоритмический наблюдатель второго порядка, чьи операции не согласованы с кодом истины, то система будет регулярно производить включение в научную коммуникацию сообщений, которые при эксплицитном методологическом анализе не выдержали бы проверки. Проблема, таким образом, смещается из области определения субстанциальных критериев научности в область анализа той медиальной инфраструктуры, которая обеспечивает селекцию научных сообщений.

В терминах теории систем это можно описать как ситуацию, при которой операционально замкнутая система науки делегирует часть своих селективных функций структурам другой природы — сетевым алгоритмам, сопряженным скорее с логикой массмедиа или экономики, нежели с логикой научной рациональности [Антоновский, Погожина 2023, с. 18–20]. Массмедиа, как известно, кодируют не истину, а «информацию/неинформацию», то есть новизну и способность привлечь внимание. Когда научная коммуникация начинает опираться на медиаторы, чей операциональный код ближе к массмедийному, возрастает риск систематической селективной ошибки. Следует подчеркнуть, что речь не идет о намеренной профанации науки, речь идет скорее о структурном эффекте, заложенном в самой сборке гибридной — «человеко-алгоритмической» — научной коммуникации.

Каковы возможные стратегии компенсации описанного дисбаланса? Теория не дает однозначного ответа, но позволяет наметить направления размышления. Во-первых, важна экспликация тех различений, которыми оперируют алгоритмические медиаторы. Наблюдатель второго порядка в строгом смысле должен быть способен рефлексировать собственное различение. Алгоритм на это не способен, но эта способность может быть институционально обеспечена — через обязательный аудит используемых метрик, через требования прозрачности рекомендательных систем в научной инфраструктуре. Во-вторых, научное сообщество может вырабатывать собственные, рефлексивно контролируемые алгоритмические фильтры, закладывающие в архитектуру правила, ориентированные именно на код истины (например, метрики, взвешивающие экспертную оценку выше количественных показателей вовлеченности). Наконец, само понятие демаркации может быть переосмыслено в духе взгляда, предложенного Н. Луманом применительно к риску: не как граница, которую надо однажды провести, а как непрерывно возобновляемое различение, конститутивное для самой системы науки. В цифровую эпоху это различение все чаще осуществляется не человеком, а сборкой «человек–алгоритм». Вопрос, следовательно, состоит не в том, чтобы изгнать алгоритмические медиаторы из науки, а в том, чтобы оснастить их такими селективными правилами, которые не подрывают операциональное замыкание научной коммуникации.

Список литературы

1. Антоновский 2017 — Антоновский А.Ю. Наука как общественная подсистема. Никлас Луман о механизмах социальной эволюции знания и истины // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 158–171.
2. Антоновский, Погожина 2023 — Антоновский А.Ю., Погожина Н.Н. Системно-коммуникативная теория: структура, аномалии, применение // Человек. 2023. Т. 34. № 5. С. 7–28.
3. Погожина 2019 — Погожина Н.Н. Системная теория Н. Лумана в приложении к анализу научной коммуникации // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 1. С. 225–232.
4. Погожина 2025 — Погожина Н.Н. Как трансформации публичной сферы и конкретные стратегии коммуникативных практик влияют на возможность сосуществования моделей научной коммуникации? // Эпистемология и философия науки. 2025. Т. 62. № 2. С. 32–39.
5. Esposito 2017 — Esposito E. Artificial Communication? The Production of Contingency by Algorithms // Zeitschrift für Soziologie. 2017. Vol. 46. № 4. P. 249–265.
6. Esposito 2022 — Esposito E. Artificial Communication: How Algorithms Produce Social Intelligence. Cambridge, MA: The MIT Press, 2022. 200 p.
7. Luhmann 1990 — Luhmann N. Die Wissenschaft der Gesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1990. 732 p.
8. Stichweh 1992 — Stichweh R. The Sociology of Scientific Disciplines: On the Genesis and Stability of the Disciplinary Structure of Modern Science // Science in Context. 1992. Vol. 5. № 1. P. 3–15.
9. Wang et al. 2026 — Wang J. et al. When AI Reviews Science: Can We Trust the Referee? // The Innovation Informatics. 2026. Vol. 2. P. 100030. URL: https://arxiv.org/pdf/2604.23593 (дата обращения: 06.03.2026)

УДК 167.1

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ФАКТОР ЗАЩИТЫ РАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА В БОРЬБЕ С ПСЕВДОНАУЧНЫМ ЗНАНИЕМ

Крылова Элеонора Анатольевна

Аспирант кафедры философии
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Email: noraguzhavina@mail.ru

Аннотация: В работе исследуется потенциал технологий искусственного интеллекта (ИИ) как инструмента верификации научного знания и противодействия экспансии псевдонаучных концепций. В эпоху «инфодемии» и цифровой трансформации классические философские проблемы демаркации науки и лженауки приобретают алгоритмическое

измерение. Отмечается, что ИИ обладает двойственной природой: он может быть как инструментом создания дезинформации, так и средством ее обнаружения. Анализируются возможности применения больших языковых моделей (LLM), систем дополненной генерации (RAG) и лингвистического анализа для автоматизированного выявления антинаучных нарративов. Приводится пример отечественных разработок: специализированный ассистент по проверке фактов, который автоматизирует процесс верификации утверждений (Центр ИИ НИУ ВШЭ). ИИ в борьбе с лженаукой выступает не просто как технический фильтр, но как инструмент реализации новой «цифровой демаркации». Особое внимание уделяется этико-правовым аспектам: исследователи предупреждают о рисках превращения машинного вердикта в новую форму догматизма. Поскольку логика вывода ИИ остается скрытой («проблема черного ящика»), ее использование в качестве фильтра знаний может подавлять кажущиеся аномалиями инновационные идеи, что свидетельствует о необходимости сохранения экспертного суверенитета научного сообщества. Утверждается, что эпистемологический оптимизм, связанный с надежностью нейросетей, должен уравновешиваться пониманием того, что ИИ остается вероятностной системой, следовательно, будущее борьбы с псевдонаукой лежит в плоскости «симбиотической рациональности».

Ключевые слова: искусственный интеллект, лженаука, демаркация, инфодемия, цифровая иммунная система, этика ИИ, фальсифицируемость, симбиотическая рациональность.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A FACTOR OF PROTECTION OF RATIONAL DISCOURSE IN THE FIGHT AGAINST PSEUDO-SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Krylova Eleonora Anatolievna

Postgraduate student of the Department of Philosophy
Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

Abstract: This paper explores the potential of artificial intelligence (AI) technologies as a tool for verifying scientific knowledge and countering the expansion of pseudoscientific concepts. In the era of "infodemic" and digital transformation, classic philosophical problems of demarcating science from pseudoscience are acquiring an algorithmic dimension. It is noted that AI has a dual nature: it can serve both as a tool for creating disinformation and as a means of detecting it. The paper analyzes the potential of large-scale language models (LLM), augmented generation systems (RAG), and linguistic analysis for the automated detection of anti-scientific narratives. An example of domestic developments is given: a specialized fact-checking assistant that automates the verification process (HSE AI Center). In the fight against pseudoscience, AI acts not simply as a technical filter but as a tool for implementing a new "digital demarcation." Particular attention is paid to ethical and legal aspects: the researchers warn of the risks of machine verdicts turning into a new form of dogmatism. Because the logic of AI inference remains hidden (the "black box problem"), its use as a knowledge filter can suppress seemingly anomaly-driven innovative ideas, demonstrating the need to preserve the expert sovereignty of the scientific community. It is argued that epistemological optimism associated with the reliability of neural networks must be balanced by the understanding that AI

remains a probabilistic system, and therefore the future of combating pseudoscience lies in the realm of "symbiotic rationality."

Keywords: artificial intelligence, pseudoscience, demarcation, infodemic, digital immune system, AI ethics, falsifiability, symbiotic rationality.

1. Феномен «цифровой лженауки» и вызовы инфодемии.

Современное информационное пространство представляет собой парадокс: доступность глобальных баз научных знаний сопровождается беспрецедентно быстрым распространением псевдонаучных теорий. Социологи и философы, описывая это состояние, применяют термин «инфодемия» — «избыточное накопление информации, в котором научно обоснованные факты перемешиваются с дезинформацией, мистификациями и преднамеренными манипуляциями» [Романов 2023].

Лженаука в XXI веке претерпела качественную трансформацию. Она более не ограничивается маргинальными публикациями, а активно мимикрирует под академический дискурс, эксплуатируя внешние атрибуты научности: сложную терминологию, ссылки на сомнительные «исследования» и агрессивный маркетинг. Особую остроту проблема приобретает в сфере, где «кризис воспроизводимости» результатов и отсутствие единых стандартов анализа создают благоприятную почву для распространения антинаучных идей. В данных условиях традиционные механизмы научной саморегуляции (рецензирование, экспертная оценка) не всегда успевают за скоростью распространения мифов.

Современная реальность констатирует: искусственный интеллект перестает восприниматься лишь как средство автоматизации и начинает рассматриваться как «цифровая иммунная система», способная проводить масштабную селекцию информации.

Д. В. Неренц утверждает, что ИИ обладает двойственной природой: он может быть как инструментом создания дезинформации, так и средством ее обнаружения. Борьба с алгоритмами, создающими псевдонаучный контент требует создания контр-алгоритмов, способных распознавать и блокировать работу автоматизированных «ферм» контента до того, как их сообщения достигнут критической массы аудитории [Неренц 2020]. В мировом научном сообществе инициируются разработки специализированных машинных алгоритмов — так называемых «детекторов бреда», призванных автоматически присваивать научным трудам «уровни достоверности» на основе анализа цитирований, статистической надежности и динамики взаимодействия авторов в сети [DARPA’s Ground Truth 2022]

2. Алгоритмизация демаркации: От Поппера к нейросетям.

Центральной задачей философии науки на протяжении десятилетий остается поиск критериев демаркации науки и лженауки. Классические подходы К. Поппера, связанные с принципом фальсифицируемости, и методология научно-исследовательских программ И. Лакатоса сегодня находят свое технологическое воплощение в архитектуре систем ИИ.

Проект «Уровни достоверности в общественных и поведенческих науках» наглядно иллюстрирует попытку перевести данные философские критерии в плоскость больших данных. Проблема, обозначенная социологом Д. Уоттсом (DARPA), заключается в том, что в гуманитарных науках зачастую отсутствует сопоставимость методов анализа и теоретических конструкций. Алгоритмический подход к демаркации призван выявить наиболее устойчивые «номологические сети» — структуры знаний, подтвержденные с разных сторон независимыми исследованиями.

ИИ позволяет автоматизировать проверку гипотез на внутреннюю непротиворечивость и соответствие эмпирическому базису. Если традиционная фальсифицируемость требует от

ученого готовности отказаться от теории при обнаружении опровергающего факта, то «алгоритмическая фальсифицируемость» выполняет эту работу превентивно. Нейросеть, обученная на колоссальных массивах рецензируемых научных данных (Scopus, Web of Science), способна мгновенно выявлять утверждения, которые противоречат фундаментальным законам физики, биологии или химии, не имея при этом достаточного обоснования [Неренц 2020].

Именно здесь возникает проблема «эпистемологического доверия». Профессор Л. Флориди предупреждает о рисках превращения машинного вердикта в новую форму догматизма [Floridi 2023]. Если логика вывода ИИ остается скрытой («проблема черного ящика»), ее использование в качестве фильтра знаний способна подавлять инновации, которые на начальном этапе выглядят как аномалии. Следовательно, борьба с лженаукой требует разработки «прозрачного ИИ» (XAI — Explainable AI), где каждое решение о классификации теории подкрепляется проверяемой цепочкой рассуждений.

3.Технологический инструментарий: RAG, сократический дебанкинг и лингвистический аудит

С технической точки зрения противодействие псевдонауке реализуется на нескольких уровнях, каждый из которых задействует специфические возможности современных LLM.

Одной из главных проблем ранних версий ИИ были «галлюцинации» — генерация правдоподобных, но ложных фактов. Технология RAG в корне меняет ситуацию: модель не просто генерирует текст из своей «памяти», но и обращается в реальном времени к проверенным внешним базам данных (PubMed, ArXiv и др.).

Отечественные разработки в этой области демонстрируют высокую эффективность. Так, в Центре ИИ НИУ ВШЭ был создан специализированный ассистент по проверке фактов, который автоматизирует процесс верификации утверждений. Система работает по многоступенчатому алгоритму: поиск релевантных фрагментов в верифицированных источниках (специализированных базах), сравнение их с запросом пользователя и вынесение итогового вердикта с указанием вероятности его истинности. Важным преимуществом такого подхода является предоставление пользователю подтверждающих или опровергающих текстовых фрагментов, что решает проблему «черного ящика» и повышает доверие к результатам экспертизы [ВШЭ 2024].

Псевдонаучные тексты обладают специфическим «профилем». Исследования показывают, что для них характерны: избыточная «научность» при низком коэффициенте логической связности; отсутствие ссылок на проверяемые источники при злоупотреблении апелляцией к авторитетам; эмоционально окрашенная лексика и манипулятивные риторические приемы. Нейросети, специализирующиеся на анализе тональности и структуры текста, способны идентифицировать такие маркеры с высокой точностью, маркируя контент как потенциально недостоверный еще до завершения экспертной проверки людьми [Романов 2023].

В недавнем исследовании, опубликованном в журнале Science описан уникальный опыт: исследователи доказали, что прямой диалог человека с ИИ-ассистентом по поводу теорий заговора или лженаучных заблуждений приводит к устойчивому снижению веры в них. В отличие от эмоциональных споров с оппонентами-людьми, ИИ сохраняет нейтральный тон и использует фактологическую аргументацию, что позволяет пользователю самостоятельно прийти к рациональному выводу [Costello 2024].

4. Риски «цифровой инквизиции» и правовое регулирование

Псевдонаука сегодня не является безобидным дефектом образования; она часто

выступает в качестве «когнитивного оружия» в рамках информационных войн. Дипфейки, ботнеты, генерирующие антинаучный контент (например, о вреде вакцин или искусственном происхождении климатических изменений), направлены на дестабилизацию социальных институтов [Неренц 2020].

Масштабное внедрение ИИ как фильтра знаний ставит перед правовой системой России и мира сложные вопросы: правовое регулирование должно предотвращать монополизацию истины алгоритмами [Филипова 2022].

Согласно Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, приоритетом является безопасность и этичность систем ИИ, что в контексте научной экспертизы требует законодательно закрепить статус ИИ как консультативного инструмента. С необходимым примечанием: вердикт «лженаука», вынесенный машиной, не может быть окончательным: он должен служить сигналом для экспертной комиссии, состоящей из людей.

Данное примечание является особо актуальным, так как логичным будет предположить «цифровую инквизицию», когда алгоритм, обученный на консервативном наборе данных, отвергает прорывные научные гипотезы (феномен «черного лебедя» в науке). Право на научный поиск подразумевает возможность ошибки, и ИИ не должен становиться барьером для теорий, которые на данный момент кажутся невероятными, но имеют потенциал научной революции. В свою очередь, право в цифровой реальности должно защищать свободу мысли, обеспечивая при этом верифицируемость используемых данных [Хабриева, Черногор 2018].

5. К новой симбиотической рациональности

Интеграция искусственного интеллекта в процесс экспертизы научного знания свидетельствует о глубокой трансформации самой природы рациональности. С философской точки зрения, мы наблюдаем переход от классического субъекта познания — отдельного ученого или экспертного сообщества — к распределенному, гибридному субъекту, в котором человеческая интуиция и ценностные ориентиры неразрывно связаны с вычислительной мощностью и объективностью алгоритмов.

ИИ в борьбе с лженаукой выступает не просто как технический фильтр, но как инструмент реализации новой «цифровой демаркации». Если ранее граница между наукой и лженаукой определялась через дискурс и конвенции научного сообщества, то сегодня она укрепляется за счет «машинного аудита», способного преодолеть когнитивные искажения, присущие человеческому восприятию. Однако этот процесс несет в себе фундаментальные риски. Эпистемологический оптимизм, связанный с надежностью нейросетей, должен уравновешиваться пониманием того, что ИИ остается вероятностной системой. Парадокс заключается в том, что в стремлении избавить науку от иррациональных мифов, мы рискуем создать новый миф — миф о непогрешимости алгоритмического разума.

Будущее борьбы с псевдонаукой лежит в плоскости «симбиотической рациональности». Это состояние, при котором ИИ служит «цифровым экзоскелетом» для человеческого критического мышления, подсвечивая логические ошибки и верифицируя факты, но оставляя окончательное решение и этическую ответственность за человеком. Отсюда, приоритетная задача — спроектировать такую инфосферу, где ИИ способствует процветанию истины, а не создает новые барьеры для оригинального научного поиска [Floridi 2023].

Концепция ИИ как «цифровой иммунной системы» должна развиваться параллельно с ростом цифровой грамотности самого общества, так как конечным потребителем истины остается человек, чье право на рациональное знание является базовой ценностью современной цивилизации.

Список литературы

1. Лакатос 1995 – Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995. 236 с.
2. Неренц 2020 – Неренц Д. В. Искусственный интеллект как оружие в информационной войне // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. 2020. № 4. С. 132-137.
3. Поппер 2010 – Поппер К. Р. Логика научного исследования. М.: АСТ, 2010. 576 с.
4. Романов 2023 – Романов С. А. Наука и лженаука: проблема демаркации // Вестник Вятского государственного университета. 2023. № 3. С. 45-53.
5. Филипова 2022 – Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2022. 321 с.
6. Хабриева, Черногор 2018 – Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85-102.
7. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»).
8. Costello 2024 – Costello M. H., et al. Durably reducing conspiracy beliefs through dialogues with AI // Science. 2024. Vol. 385. Issue 6714. Article eadq1814. [doi: 10.1126/science.adq1814].
9. Floridi 2023 – Floridi L. The Ethics of Artificial Intelligence: Principles, Challenges, and Opportunities. Oxford: Oxford University Press, 2023. 243 p.
10. DARPA's Ground Truth program: simulations as test beds for social science research methods // Computational and Mathematical Organization Theory. 2022. Vol. 29. P. 1-25. [doi: 10.1007/s10588-021-09346-9].
11. ИИ поможет делать фактчекинг: ученые ВШЭ упростили процесс верификации информации [Электронный ресурс] // Высшая школа экономики: [сайт]. 2024. URL: https://www.hse.ru/news/expertise/897116325.html (дата обращения: 24.04.2026).

УДК 1(091):001.8

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПЕРСПЕКТИВА ВЫХОДА НА НОВЫЙ ИНТЕГРАТИВНЫЙ УРОВЕНЬ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Подгорная Марина Геннадьевна
Южный федеральный университет, старший преподаватель
E-mail: mgpodgornaya@sfedu.ru

Аннотация: В работе анализируются ИИ-технологии как методологическое основание, открывающее перспективу выхода на интегративный уровень в историко-философских исследованиях. В истории философии нарастает потребность в интегративных методах исследования, способных преодолеть фрагментарность анализа текстов, позволить выстроить междисциплинарные связи, учитывать и объединять разнородные источники. Античная философия задается в качестве примера выхода на методологический уровень, где ИИ-

технологии открывают новые горизонты осмысления античного философского наследия. Рассматриваются конкретные примеры генеративных моделей – эпиграфический алгоритм «Pythia» и нейросеть «Ithaca». Выводится три наиболее перспективные возможности использования данных ИИ-технологий в историко-философских исследованиях: атрибуция авторства, семантический анализ философских концептов, моделирование контекста. Демонстрируется, что интегративный подход позволяет создать динамические модели античных учений, учитывающие их эволюцию и взаимовлияния. Приводятся основные риски при использовании ИИ-технологий: искажение, пределы датасета, фальсификация и упрощение. Предлагаются способы их преодоления: верификация, прозрачность и междисциплинарный подход. Общим выводом становится подтверждение начального тезиса о том, что применение ИИ-технологий позволяет выйти на интегративный методологический уровень в историко-философском исследовании, задавая основания целостного понимания античной мысли как системы, а не набора отдельных доктрин. Подчеркивается, что ИИ – инструмент, а роль человека в интерпретации является ключевой.

Ключевые слова: история философии, ИИ-технологии, текст, античная философия, Pythia, Ithaca.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND THE PROSPECT OF REACHING A NEW INTEGRATIVE LEVEL OF RESEARCH IN THE HISTORY OF PHILOSOPHY

Podgornaya Marina Gennadievna
Southern Federal University, Senior Lecturer

Abstract: Analyzes AI as a methodological foundation that opens the prospect of reaching an integrative level OF research in the history of philosophy. In the history of philosophy, there is a growing need for integrative research methods capable of overcoming the fragmentation of textual analysis, enabling the construction of interdisciplinary connections, and the consideration and integration of diverse sources. Ancient philosophy is presented as an example of reaching a methodological level, where AI technologies open new horizons for understanding the ancient philosophical heritage. Specific examples of generative models are considered – the epigraphic algorithm «Pythia» and the neural network «Ithaca». Three of the most promising applications of these AI technologies in historical and philosophical research are identified: authorship attribution, semantic analysis of philosophical concepts, and context modeling. It is demonstrated that an integrative approach allows for the creation of dynamic models of ancient teachings that consider their evolution and mutual influences. The main risks associated with the use of AI technologies are outlined: distortion, the inability of the dataset, falsification, and simplification. Methods for overcoming these are proposed: verification, transparency, and an interdisciplinary approach. The overall conclusion confirms the initial thesis that the use of AI technologies enables an integrative level of methodology in historical and philosophical research, laying the foundation for a holistic understanding of ancient thought as a dynamic system, rather than a set of individual doctrines. It is emphasized that AI is a tool, while the role of humans in interpretation will remain key.

Keywords: history of philosophy, AI technologies, text, ancient philosophy, Pythia, Ithaca.

Осмыслению понятия «искусственный интеллект» посвящены исследования из самых разных сфер – от философии и лингвистики до инженерного дела, что объясняет обширный ряд контекстуальных проблемных полей, в которые мы погружаемся при первом

приближении к указанному термину. Помимо рассмотрения искусственного интеллекта (далее – ИИ) с ракурса определенной области знания, также возможно различное позиционирование предмета исследования, в частности: ИИ как проблема, ИИ как «субъект» и ИИ как инструмент. Мы рассмотрим ИИ с точки зрения философии и для философии, оттолкнувшись от представления о нем как о новейшем методологическом основании, открывающем перспективу выхода на интегративный уровень в историко-философских исследованиях.

От дискуссий об этических основаниях и футурологических прогнозах развития ИИ-технологий в данном исследовании мы осознанно изолируемся, понимая генеративный ИИ в его первозданном технологическом смысле, как инструмент, позволяющий человеку выйти за пределы собственных возможностей. Как некогда телескоп позволил Галилею увидеть пятна на солнце и кольца Сатурна, мы хотим оценить, какие открытия сулят ИИ-технологии нашей области знаний, и с какими рисками эта интеграция связана.

В современной истории философии нарастает потребность в интегративных методах исследования, способных разрешить основные трудности на пути исследователя: преодоление фрагментарности анализа текстов, выстраивание междисциплинарных связей, обработка разнородных источников (манускрипты, свидетельства, комментарии, археологические данные и т.д.). И чем древнее период, попавший в фокус историко-философского рассмотрения, тем сложнее становится каждая из указанных операций. Но и тем показательнее древность в качестве примера выхода на новый методологический уровень.

Античная философия представлена колоссальным корпусом текстов, многие из которых сохранились фрагментарно, имеют различные редакции и переводы, а также требуют включения в исторический, социальный и интеллектуальный контекст эпохи. Традиционные методы историко-философского анализа, особенно на текстологическом уровне, быстро достигают пределов эффективности при работе с большими объемами данных. А тех уникальных профессионалов, кому возможности, способности и средства позволяют эти трудности преодолевать, лишь единицы, в то время как ИИ-технологии открывают новые горизонты для системного осмысления античного философского наследия и менее подготовленным специалистам.

Основные опции использования ИИ-технологий в историко-философских исследованиях сегодня – это анализ, обработка, атрибуция, реконструкция, классификация, систематизация текстов, моделирование и визуализация археологических источников, анализ больших данных в целях выявление закономерностей в массовых источниках и т.д. Мы рассмотрим конкретные инструменты, отвечающие данным методологическим запросам:

«Pythia» (разработка исследователей из Оксфордского университета и команды DeepMind (2019)) – эпиграфический алгоритм, который восстанавливает все возможные варианты утраченных исторических надписей на древнегреческом языке. Для обучения «Pythia» использовали корпус древнегреческой письменности «Packard Humanities Institute», из которого были отобрали тексты, датированные периодом с VII века до н. э. по V век н. э., и создан новый корпус на 3 миллиона слов, где определены 147 основных символов (буквы, знаки препинания, технические символы, тире для пропусков и знак вопроса для мест, в которых алгоритм должен подобрать символ) и содержится частотный словарь всех встречающихся символов. Изначально необходимые знаки предсказываются с учетом таблицы их векторного представления, посредством которой на пустые места в словах вставляются наиболее вероятные по частотности буквы [Assael 2019, p. 6369-6371].

При конечном предсказании алгоритм ориентируется также на словарь из 100 тысяч самых частых слов в корпусе. Архитектура алгоритма работает как на уровне символов, так и на уровне слов, что позволяет воспроизводить длинные последовательности и работать даже с неполными надписями. Шаблоны, которые она улавливает, включают контекст, в котором появляются различные слова, грамматику, а также форму и расположение надписей. Лучше всего модели удается расшифровывать тексты длиной около 500 символов, а наибольшую сложность представляют короткие надписи до 20 букв, потому что они практически лишены контекста. На выходе модель выдает список возможных дополнений текста, ранжированный по вероятности [Assael 2019, p. 6373].

В ходе тестирования «Pythia» продемонстрировала более высокую точность, чем профессиональные эпиграфисты, в среднем алгоритм выдавал 30,1% ошибок, тогда как люди 57,3%. При этом в 73,5% случаев реальная последовательность символов и слов в надписи входила в 20 наиболее вероятных предсказаний модели. «Pythia» предсказуемо работала значительно быстрее людей, так как для расшифровки 50 надписей ей требовалось всего несколько секунд, а у эпиграфистов уходило до двух часов. Несмотря на успехи, полагаться только на алгоритмы в эпиграфике нельзя из-за несовершенства предсказаний. Однако сокращение возможных вариантов расшифровки с помощью алгоритма может существенно помочь исследователям. Исходный код алгоритма и собранный корпус данных авторы проекта выложили в открытый доступ, что позволят другим исследователям использовать «Pythia» [Assael 2019, p. 6371-6372].

«Ithaca» (разработка лаборатории Google DeepMind совместно с учеными из Венецианского, Оксфордского и Афинского университетов (2022)) – нейронная сеть для восстановления текста, а также географической и хронологической атрибуции древнегреческих надписей. По сути «Ithaca» – расширенная современная и более функциональная версия, разработанная на основе «Pythia». Нейросеть обрабатывает текст посимвольно, учитывая контекст и закономерности в порядке букв, слов и фраз. «Ithaca» работает с уже транскрибированными текстами, для восстановления которых предлагает несколько вариантов заполнения пропусков, ранжируя их по вероятности, одновременно предсказывает географическое происхождение надписи (один из 84 регионов Древней Греции) и дату создания [Assael 2022, p. 281].

Точность восстановления поврежденных текстов посредством нейросети «Ithaca» составляет 62%, определение региона происхождения надписи производится с точностью 71%, датировка текста в среднем с точностью до 30 лет от реального года создания. «Ithaca» предназначена не для полной автоматизации процесса, а для поддержки работы исследователей, при использовании модели в сочетании с экспертной оценкой точность восстановления текста повышается в среднем до 72%. Одним из первых практических применений «Ithaca» стало решение спора о датировке афинских декретов, что внесло вклад в дискуссии о классической афинской истории. Разработчики создали интерактивный интерфейс, позволяющий использовать нейросеть онлайн. В будущем планируется адаптировать «Ithaca» для работы с другими древними языками и типами письменности при наличии соответствующих данных для обучения [Assael 2022, p. 282, 287-288].

На основании приведенных примеров мы видим три наиболее перспективные возможности использования данных ИИ-технологий в историко-философских исследованиях 1) Атрибуция авторства – применение машинного обучения для определения автора спорных текстов. Анализ стилистических особенностей позволяет идентифицировать «авторский почерк» во фрагментарных произведениях. 2) Семантический анализ философских концептов

– использование нейросетевых моделей для построения сетевых карт понятий. Алгоритмы позволяют визуализировать семантические связи между терминами в разных философских школах, что открывает возможность прослеживания эволюции концептов, выявления скрытых аналогий между учениями и их взаимодействия в античной мысли. 3) Моделирование контекста – алгоритм объединяет разрозненные тексты, археологические находки, географические координаты, исторические данные, что позволяет реконструировать внутренние связи течений и идей.

ИИ-технологии трансформируют подходы к изучению античной философии, делая доступными новые данные и позволяя конструировать контекст, обеспечивают масштабируемость анализа, объективность количественных измерений, выявление неочевидных паттернов. Но стоит отметить и ограничения их применения, подчеркивающие неотъемлемую роль человека. К наиболее вероятным рискам при использовании генеративных моделей в философском антиковедении можно причислить: искажение (могут ссылаться на несуществующие источники); невозможность выхода за пределы датасета (могут неверно интерпретировать исторические реалии); фальсификация (способны создавать правдоподобные подделки); упрощение (могут упустить детали концепций, требующие контекста). Как нивелировать указанные риски? Верификация – все выводы ИИ должны проверяться экспертами; прозрачность – необходимо документировать, какие данные и алгоритмы использовались; междисциплинарный подход – сотрудничество с IT-специалистами, лингвистами и т.д.

Таким образом, применение ИИ-технологий позволяет методологии историко-философских исследований выйти на интегративный уровень, объединяя: текстологический анализ, контекстуальное моделирование и сетевую реконструкцию концептуальных связей, что задает основания целостного понимания античной мысли как динамической системы. Но как интегрировать методы искусственного интеллекта в исследование античной философии, чтобы сохранить глубину интерпретации, избежать редукции философского содержания к количественным показателям и обеспечить воспроизводимость результатов при анализе текстов различной степени сохранности? Понимать, что «механизмы генерирования смысла текста ИИ системой путем механической семантической обработки, в корне отличающиеся от механизмов понимания текста человеком» [Кружилина 2023, с. 114], ИИ – инструмент, а не замена исследовательской интуиции и методологии. В перспективе ИИ-технологии действительно могут стать стандартом для анализа больших массивов исторических данных, но роль человека в интерпретации останется ключевой.

Список литературы

1. Кружилина 2023 – Кружилина Т. В. К вопросу о моделировании процесса понимания текста с помощью систем искусственного интеллекта // Известия Юго-Западного государственного университета. 2023. Т. 27. № 4. С. 98–116.
2. Assael 2019 – Assael Y., Sommerschield T., Prag J. Restoring ancient text using deep learning: a case study on Greek epigraphy // Proceedings of the 2019 Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing and the 9th International Joint Conference on Natural Language Processing (EMNLP IJCNLP). 2019. Pp. 6369–6376.
3. Assael 2022 – Assael Y., Sommerschield T., Shillingford B., Bordbar M., Pavlopoulos J., Chatzipanagiotou M., Androutsopoulos I., Prag J., de Freitas N. Restoring and attributing ancient texts using deep neural networks // Nature. 2022. Vol. 603. Pp. 280–302.

УДК 141.319.8

ПРОБЛЕМА ПОДЛИННОСТИ ДИАЛОГА В КУЛЬТУРЕ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА
(философско-антропологический анализ)

Бабина Дарья Александровна
Южный федеральный университет, старший преподаватель
E-mail: daryapolova@sfedu.ru

Аннотация: Статья посвящена философско-антропологическому анализу феномена диалога в условиях цифровой культуры. Актуальность исследования обусловлена глубинной трансформацией коммуникативных практик под влиянием цифровизации, порождающей новые форматы межличностного взаимодействия и острую необходимость в их философском осмыслении. Опираясь на традицию диалогической философии (М. Бубер, М.М. Бахтин, В.С. Библер), теорию коммуникативного действия Ю. Хабермаса и герменевтический подход Х.-Г. Гадамера. Рассматриваются сущностные характеристики подлинного диалога, такие как признание субъектности Другого, познавательная открытость, равноправие участников, совместный поиск истины. На основании этих характеристик проводится демаркация между подлинным диалогом, монологом и квазидиалогом как формой коммуникации, воспроизводящей внешнюю структуру диалога при утрате его содержательных оснований. Проанализирована некоторые особенности цифровой коммуникации: ее опосредованность технологической инфраструктурой, асинхронность, анонимность, алгоритмическая обусловленность. Зафиксирован феномен амбивалентности цифрового диалога, поскольку, расширяя коммуникативные возможности, цифровая среда одновременно порождает риски деформации диалогических отношений. Особое внимание уделяется взаимодействию человека с системами генеративного искусственного интеллекта, которое квалифицируется как технологически опосредованный квазидиалог, где возникает симуляция диалогичности при отсутствии подлинной субъектности. В заключении предложены принципы стратегии сохранения подлинного диалога в цифровой культуре.

Ключевые слова: диалог, квазидиалог, цифровая культура, цифровой диалог, философская антропология, искусственный интеллект, коммуникация, субъектность.

THE PROBLEM OF DIALOGUE AUTHENTICITY IN THE CULTURE OF DIGITAL SOCIETY
(A philosophical-anthropological analysis)

Babina Daria Alexandrovna
Southern Federal University, Senior Lecturer

Abstract: The article is devoted to a philosophical-anthropological analysis of the phenomenon of dialogue in the context of digital culture. The relevance of the study is conditioned by the profound transformation of communicative practices under the influence of digitalization, which generates new

formats of interpersonal interaction and an urgent need for their philosophical reflection. Drawing on the tradition of dialogical philosophy (M. Buber, M.M. Bakhtin, V.S. Bibler), J. Habermas's theory of communicative action, and H.-G. Gadamer's hermeneutic approach, the essential characteristics of genuine dialogue are examined, such as recognition of the Other's subjectivity, cognitive openness, equality of participants, and a joint search for truth. On the basis of these characteristics, a demarcation is made between genuine dialogue, monologue, and quasi-dialogue as a form of communication that reproduces the external structure of dialogue while losing its substantive foundations. Some features of digital communication are analyzed: its mediation by technological infrastructure, asynchronicity, anonymity, and algorithmic conditioning. The phenomenon of the ambivalence of digital dialogue is identified, since, while expanding communicative possibilities, the digital environment simultaneously generates risks of deforming dialogical relations. Special attention is paid to human interaction with generative artificial intelligence systems, which is qualified as a technologically mediated quasi-dialogue, where a simulation of dialogicality emerges in the absence of genuine subjectivity. In conclusion, principles of a strategy for preserving genuine dialogue in digital culture are proposed.

Keywords: dialogue, quasi-dialogue, digital culture, digital dialogue, philosophical anthropology, artificial intelligence, communication, subjectivity.

Цифровизация последовательно и очень динамично на наших глазах превращается в одно из наиболее приоритетных направлений развития современного общества, затрагивая все сферы человеческой жизни и порождая, наряду с прочим, качественно новый формат культурных и коммуникативных отношений, на порядок их усложняя и придавая им новые качества, способы и формы. В этом смысле многие исследователи сегодня говорят о наступлении «новой цифровой реальности» в жизни человеческого общества [Лекторский 2025, с. 48]. В этих условиях особую значимость приобретает феномен диалога: именно диалог традиционно признается той формой взаимодействия, в которой наиболее полно реализуется человеческая субъектность, осуществляется совместный поиск истины, формируется культурная идентичность. Вместе с тем цифровая среда существенно трансформирует как условия, так и характер диалогического взаимодействия, существенным образом повышая его роль и значение в ситуации все более усложняющегося коммуникативного взаимодействия. Все это обусловливает острую необходимость в его новом философско-антропологическом осмыслении.

Для понимания диалога в цифровом пространстве принципиально важно прояснить его сущностные характеристики. Термин «диалог» входит в число «наиболее употребительных в современном социально-историческом лексиконе человечества» [Мотрошилова 2017, с. 35], однако его обыденная трактовка как простого обмена репликами не отражает глубинного содержания данного феномена. В традиции диалогической философии (М. Бубер, М.М. Бахтин, В.С. Библер) диалог понимается как особый способ субъект-субъектного взаимодействия, при котором каждый участник признается подлинным субъектом - носителем уникального голоса, неустранимой инаковости и самостоятельной ценности. М. Бубер в работе «Я и Ты» противопоставляет подлинное Я-Ты-отношение монологическому Я-Оно-отношению, в котором Другой низводится до объекта манипуляции или средства достижения цели [Бубер 1993, с. 11-14]. М.М. Бахтин придает диалогу всеобщее онтологическое и методологическое значение и рассматривает его свойства следующим образом: «…поиски и вынуждение глубинного смысла, согласие, его бесконечные градации и оттенки (но не логические ограничения и не чисто предметные оговорки), наслаивание смысла на смысл,

голоса на голос, усиления путем слияния многих голосов (коридор голосов), дополняющее понимание, выход за пределы понимаемого и т.п.» [Бахтин 1986, с. 317]. Выдающийся мыслитель 20 столетия Х.-Г. Гадамер рассматривает понимание как диалогический процесс «слияния горизонтов», в котором ни один из участников не остается прежним [Гадамер Х.-Г. 1988, с. 443].

В целом, на основании анализа диалогической традиции можно выделить следующие сущностные характеристики подлинного диалога: признание субъектности и инаковости Другого; познавательная открытость и незавершенность (готовность к изменению собственной позиции); равноправие участников; совместная направленность на поиск истины и порождение новых смыслов. Именно эти характеристики позволяют провести демаркационную линию между подлинным диалогом, монологом и квазидиалогом. Квазидиалог — это форма коммуникации, воспроизводящая внешнюю структуру диалога при утрате его сущностных оснований: субъектность партнера имитируется, а не признается; коммуникация направлена не на совместный поиск истины, но на трансляцию готовых смыслов, манипуляцию или самопрезентацию [Буш 1985, с. 157-176].

Цифровая культура формирует качественно новое пространство диалогического взаимодействия. Среди его специфических черт выделяются: опосредованность технологической инфраструктурой (общение протекает через платформы, интерфейсы, алгоритмы, большие языковые модели, которые не являются нейтральными посредниками, но активно структурируют коммуникацию); асинхронность (возможность отложенного ответа трансформирует темпоральные параметры диалога, что приводит, как правило к ослаблению его ситуативную непосредственности); анонимность (снижение ответственности за высказывание и деперсонализация Другого); алгоритмическая обусловленность (рекомендательные системы формируют «информационные пузыри», в которых пользователь встречает преимущественно сходные с его собственными точки зрения, что подрывает условие открытости к инаковости) [Turkle 2011, p. 14-16].

Данные черты обусловливают глубокую амбивалентность цифрового диалога. С одной стороны, цифровая среда существенно расширяет коммуникативные возможности: преодолеваются географические и социальные барьеры, обеспечивается доступ к разнообразным точкам зрения, возникают новые форматы коллективного мышления, динамичного обмена смыслами. С другой стороны, возникают системные риски деформации диалогических отношений: алгоритмическая сегрегация мнений, информационная перегрузка, поверхностность и формальность общения, замена живого присутствия Другого его цифровым аватаром, нарастающая деантропологизация коммуникации [Кастельс 2000, с. 43-46]. Особую угрозу представляет тенденция к вытеснению подлинного диалога квазидиалогическими построениями, в которых сохраняется форма при утрате содержания.

Радикальный релятивизм, усиленные алгоритмическими механизмами цифровой среды, элиминируют условия реализации подлинного диалога. Утрата ориентации на объективную истину, общезначимые стандарты рациональности и аргументационные основания критической дискуссии превращает коммуникативное взаимодействие в имитацию диалога. В теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, на основе которой открывается возможность проведения демаркации диалога и его деформированных альтернатив, подлинный дискурс предполагает ориентацию участников на взаимопонимание, симметрию позиций и принятие лучшего аргумента: «Понятие коммуникативной деятельности предполагает язык как коммуникативную среду процессов достижения взаимопонимания такого рода, в ходе которых участники, относясь к некоему миру, выдвигают взаимные

притязания, которые могут быть приняты и оспорены» [Хабермас 2022, с. 123]. Цифровая среда систематически нарушает эти условия, т.к. алгоритмы оптимизированы на удержание внимания, а не на взаимопонимание, поскольку анонимность снижает ответственность, информационные потоки формируются не логикой аргумента, но логикой вовлеченности.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о статусе взаимодействия человека с системами генеративного искусственного интеллекта (ИИ). Появление языковых моделей, способных к порождению связных, контекстуально уместных текстов, ставит острейший вопрос: является ли взаимодействие человека с ИИ диалогом в подлинном смысле? Анализ показывает, что подобное взаимодействие представляет собой особый вид квазидиалога — технологически опосредованную симуляцию диалогичности. Языковые модели воспроизводят формальные признаки диалога (адекватный ответ, связность, контекстуальность), однако не обладают субъектностью, интенциональностью и подлинной открытостью к Другому. Взаимодействие с ИИ структурировано не встречей двух субъектов, но отношением пользователя с высокоорганизованным зеркалом его собственных ожиданий [Turkle 2011, p. 56]. Современные генеративные системы не имеют тенденции к преодолению этого барьера, но лишь делают его менее очевидным за счет убедительности языковой имитации. Это порождает специфические антропологические риски: привыкание к комфортной «отражательной» коммуникации, снижение готовности к подлинной встрече с инаковостью Другого, атрофия диалогических способностей.

Сохранение подлинного диалога в условиях цифровой культуры требует осознанной коммуникативной стратегии в том числе. Ее принципами являются: во-первых, формирование диалогической сущности культуры, включающей развитие критического мышления, рефлексивности и эмпатии как условий подлинного признания Другого [Лекторский 2012, с. 26]; во-вторых, осмысление алгоритмической обусловленности коммуникации и противодействие ее дегуманизирующим эффектам — в том числе через практики «цифровой гигиены» и медиаграмотности; в-третьих, развитие институциональных форм диалогического взаимодействия, обеспечивающих условия познавательной открытости, равноправия участников и ориентации на взаимопонимание. Концепция В.С. Библера о диалоге, как способе сохранения и трансляции культуры как подлинно человеческого бытия, как принципе мышления «на пороге» [Библер 1991, с. 271-272] сохраняет свою эвристическую ценность применительно к цифровой эпохе: и в ней диалог остается необходимым условием постижения мира и самореализации человека.

Таким образом, диалог в цифровой культуре представляет собой сложный, амбивалентный феномен: не отменяя возможности подлинного диалогического взаимодействия, цифровая среда существенно трансформирует его условия и порождает системные риски его замещения квазидиалогическими суррогатами. Философско-антропологический анализ этих рисков и разработка стратегий сохранения подлинной диалогичности представляются одной из актуальных задач современной философии культуры и науки.

Список литературы

1. Бахтин 1986 – Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.
2. Библер 1991 – Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991. 413 с.

3. Бубер 1993 – Бубер М. Я и Ты / пер. с нем. Ю.С. Терентьева. М.: Высшая школа, 1993. 175 с.
4. Буш 1985 – Буш Г.Я. Диалогика и творчество. Рига: Авотс, 1985. 318 с.
5. Гадамер 1988 – Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: М.: Прогресс, 1988. 704 с.
6. Кастельс 2000. – Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
7. Лекторский 2012 – Лекторский В.А. Релятивизм, плюрализм и диалог // Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ. М.: ИФ РАН, 2012. С. 5–28.
8. Лекторский 2025 – Лекторский В.А. Цифровизация: антропологическая революция или антропологическая катастрофа? // Альтернативы цифровизации: сохранится ли человек в цивилизации будущего? / Г. Л. Белкина, М. И. Фролова, З. Б. Агаева [и др.]. М.: Канон плюс, 2025. С. 48-54.
9. Мотрошилова 2017 – Мотрошилова Н.В. Современные коррекции к пониманию теорий диалога и их применению в жизненном мире (опыт социологии познания). Часть I // Философские науки. 2017. № 2. С. 35–49.
10. Хабермас 2022 – Юрген Хабермас. Теория коммуникативной деятельности: Том 1. Рациональность действия и социальная рационализация; Том 2. К критике функционалистского разума. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. 880 с.
11. Turkle 2011 – Turkle S. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. New York: Basic Books, 2011. 360 p.

УДК 165.0

ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ ЗНАНИЯ КАК СМЕНА ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ: ОТ ТЕОРИИ К АЛГОРИТМИЧЕСКИМ СОЦИАЛЬНЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ

Плахотнюк Ярослав Андреевич
Институт философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет, старший преподаватель
E-mail: plahotnyuk@sfedu.ru

Аннотация: В работе предлагается эпистемологическая интерпретация технологизации знания, выходящая за пределы инструменталистского понимания технологии как внешнего применения уже сформированной теории. Обосновывается тезис о том, что технологизация представляет собой не линейный переход от теоретического знания к практическому использованию, а смену эпистемических режимов, различающихся способами производства, верификации, легитимации и социального функционирования знания. Теоретико-методологическую основу исследования составляет синтез концепции типов научной рациональности В.С. Степина и социальной эпистемологии И.Т. Касавина. Такой подход позволяет рассматривать знание не только как систему утверждений, но и как совокупность социально организованных практик аргументации, проверки, трансляции и применения. В работе выделяются три модели трансформации знания: предельная, или нормативно закрытая, рефлексивно-нормативная и проектно-алгоритмическая. Особое внимание уделяется

проектно-алгоритмической модели, связанной с цифровыми и ИИ-опосредованными социальными технологиями. Показано, что в условиях алгоритмизации знание подвергается операционализации и алгоритмической компрессии, вследствие чего его дискурсивно развернутое содержание редуцируется до формализованных процедур, параметров, моделей и технических архитектур. В результате изменяются критерии верификации. На первый план выходит не столько аргументативная обоснованность, сколько функциональная эффективность, предсказательная точность и управляемость. Это порождает проблему эпистемической непрозрачности, поскольку основания знания частично встраиваются в алгоритмы, базы данных и инфраструктуры принятия решений. Делается вывод о формировании постдискурсивных эпистемических режимов, в которых критическая рефлексия оказывается структурно ограниченной. Центральной задачей в этих условиях становится сохранение возможности реконструкции оснований знания при его алгоритмической операционализации.

Ключевые слова: эпистемология, социальная эпистемология, технологизация знания, алгоритмы, научная рациональность, ИИ, рефлексивность, непрозрачность

TECHNOLOGIZATION OF KNOWLEDGE AS A SHIFT OF EPISTEMIC REGIMES: FROM THEORY TO ALGORITHMIC SOCIAL TECHNOLOGIES

Plakhotnyuk Yaroslav Andreevich
Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University, Senior Lecturer

Abstract: The article proposes an epistemological interpretation of the technologization of knowledge that goes beyond the instrumentalist understanding of technology as the external application of an already established theory. It argues that technologization should be understood not as a linear transition from theoretical knowledge to practical use, but as a shift of epistemic regimes that differ in their modes of knowledge production, verification, legitimation, and social functioning. The theoretical and methodological framework of the study is based on a synthesis of V.S. Stepin's concept of the types of scientific rationality and I.T. Kasavin's social epistemology. This approach makes it possible to consider knowledge not only as a system of propositions, but also as a set of socially organized practices of argumentation, verification, transmission, and application. The article identifies three models of knowledge transformation: the limit, or normatively closed, model, the reflexive-normative model, and the project-algorithmic model. Particular attention is paid to the project-algorithmic model, which is associated with digital and AI-mediated social technologies. The article shows that, under conditions of algorithmization, knowledge undergoes operationalization and algorithmic compression. As a result, its discursively elaborated content is reduced to formalized procedures, parameters, models, and technical architectures. The criteria of verification are thereby transformed. Argumentative justification is increasingly displaced by functional efficiency, predictive accuracy, and controllability. This gives rise to the problem of epistemic opacity, since the foundations of knowledge become partially embedded in algorithms, databases, and decision-making infrastructures. The article concludes that post-discursive epistemic regimes are emerging, in which critical reflection is structurally limited. Under these conditions, the central task is to preserve the

possibility of reconstructing the foundations of knowledge in the process of its algorithmic operationalization.

Keywords: epistemology, social epistemology, algorithms, knowledge, AI, rationality, reflexivity

Технологизация знания традиционно интерпретируется как процесс его применения в практической деятельности. Подобная трактовка восходит к инструменталистским моделям философии науки, в рамках которых теория понимается как совокупность средств объяснения и предсказания, подлежащих последующему использованию. Однако в условиях современной науки и цифровой трансформации общества данное понимание оказывается недостаточным, поскольку не фиксирует изменения самого эпистемического статуса знания. Речь идет не просто о расширении областей применения теоретических конструкций, но о качественной трансформации форм их существования, критериев валидности и способов социального функционирования [Степин 2000, с. 45; Касавин 2010, с. 12].

В настоящем исследовании выдвигается тезис о том, что технологизация знания представляет собой не линейный переход от теории к практике, а смену эпистемических режимов. Под эпистемическим режимом понимается устойчивая конфигурация практик производства, верификации и использования знания, включающая когнитивные, нормативные и институциональные компоненты. В этом смысле технологизация означает переход от дискурсивных режимов, основанных на аргументации, критике и интерсубъективной проверке, к операциональным режимам, ориентированным на эффективность, воспроизводимость и управляемость [Касавин 2016, с. 78]. Теоретической основой данной интерпретации выступает синтез концепции типов научной рациональности В.С. Степина и социальной эпистемологии И.Т. Касавина. В рамках концепции Степина фиксируется историческая динамика науки, связанная с переходом от классической к постнеклассической рациональности, в которой знание оказывается включенным в системы деятельности и социальные практики. При этом принципиально важно, что в постнеклассической науке ценностно-целевые структуры становятся внутренним элементом познания, а не внешним по отношению к нему фактором [Степин 1989, с. 5]. Это создает условия для интеграции знания в практику на уровне его структуры, а не только применения.

Социальная эпистемология Касавина позволяет дополнить данный подход анализом знания как формы коллективной деятельности. Знание в этом контексте рассматривается не как совокупность истинных высказываний, а как система эпистемических практик, включающих процедуры аргументации, интерпретации, проверки и трансляции [Касавин 2010, с. 34]. Соответственно, трансформация знания должна анализироваться не только на уровне содержания, но и на уровне практик его воспроизводства. Это позволяет зафиксировать, что технологизация сопровождается перестройкой механизмов легитимации знания и перераспределением эпистемической ответственности [Касавин 2016, с. 102]. В рамках предложенной модели можно выделить три основных типа трансформации, соответствующих различным эпистемическим режимам. Предельная форма технологизации характеризуется закрытием эпистемического пространства и превращением знания в нормативную систему регуляции. В данном случае знание утрачивает статус предмета дискуссии и функционирует как заранее заданная схема интерпретации и действия. Его валидность определяется не аргументацией, а соответствием институционально закрепленным нормам. Подобный режим может быть проиллюстрирован на примере

трансформации марксистской теории в советской практике, где происходит депроблематизация знания и инверсия отношения между теорией и практикой [Степин 2000, с. 512]. Практика перестает выступать критерием проверки и становится пространством реализации теоретических предписаний.

Рефлексивно-нормативная модель представляет собой менее радикальную форму технологизации, в рамках которой сохраняется баланс между стандартизацией и критической открытостью. Здесь технологизация сопровождается институционализацией механизмов экспертизы, рецензирования и научной дискуссии, что позволяет поддерживать рефлексивный характер знания. В данном режиме практика продолжает выполнять функцию коррекции теоретических построений, а знание сохраняет дискурсивную форму, несмотря на его включенность в социальные и организационные структуры [Касавин 2010, с. 145].

Качественно новый этап технологизации фиксируется в проектно-алгоритмической модели, связанной с цифровыми технологиями и искусственным интеллектом. В этом случае происходит интеграция знания в алгоритмические системы, в результате чего оно подвергается процессу алгоритмической компрессии. Под данным процессом понимается редукция дискурсивно развернутого теоретического содержания до формализованных процедур, параметров и моделей, пригодных для автоматизированного применения. Знание перестает функционировать как система аргументов и начинает существовать как операциональная структура, встроенная в технические системы [Kitchin 2017, p. 18].

В отличие от предыдущих режимов, где сохраняется возможность реконструкции теоретических оснований знания, здесь эта возможность оказывается ограниченной. Основания знания «встраиваются» в алгоритмы, архитектуру систем и структуры данных, что делает их частично недоступными для интерпретации. Это позволяет говорить о формировании пост-дискурсивного режима, в котором валидность знания определяется не столько аргументативной обоснованностью, сколько эффективностью функционирования системы [Burrell 2016, p. 3]. Эпистемологические последствия данной трансформации проявляются в изменении критериев верификации. В алгоритмических системах проверка знания все в большей степени осуществляется через оценку предсказательной точности и эффективности, а не через дискурсивную аргументацию. Это приводит к смещению акцента с истины на операциональную успешность. При этом знание может сохранять высокую функциональную эффективность, оставаясь частично непрозрачным с точки зрения своих оснований [O’Neil 2016, p. 21].

Особое значение приобретает проблема эпистемической непрозрачности. В отличие от нормативно закрытых систем, где непрозрачность обусловлена запретом на критику, в данном случае она имеет технический и структурный характер. Сложность алгоритмов, зависимость от больших массивов данных и распределенность процессов обработки информации приводят к тому, что даже участники системы не обладают полной информацией о принципах ее функционирования. Возникает ситуация, в которой знание используется без полной реконструкции его оснований [Pasquale 2015, p. 8]. С этим связано и изменение характера эпистемической ответственности. В алгоритмических системах она не может быть локализована в отдельном субъекте, а распределяется между разработчиками, институциями, пользователями и техническими инфраструктурами. Однако такая распределенность не всегда приводит к усилению ответственности. Напротив, она может способствовать ее размыванию, поскольку ни один из участников не обладает полным контролем над системой [O’Neil 2016, p. 45]. Дополнительное измерение связано с трансформацией нормативного компонента. В алгоритмических системах ценности и цели не исчезают, но переводятся в параметры

оптимизации. Они становятся частью технической архитектуры и утрачивают явный характер. В результате нормативные установки оказываются встроенными в процедуры обработки данных и принятия решений, что затрудняет их выявление и обсуждение [Srnicek 2017, p. 39]. Таким образом, проектно-алгоритмическая модель демонстрирует, что технологизация знания достигает стадии, на которой оно превращается в инфраструктуру управления социальными процессами. При этом не происходит полного закрытия эпистемического пространства, однако возникает его частичная недоступность, обусловленная техническими и институциональными факторами. Это создает ситуацию, в которой знание остается эффективным, но его основания оказываются труднодоступными для критической реконструкции.

Следует отдельно подчеркнуть, что технологизация знания представляет собой амбивалентный процесс. С одной стороны, она обеспечивает расширение возможностей применения знания и повышение эффективности социальных систем. С другой стороны, в своих предельных формах она ведет к снижению уровня рефлексивной открытости и формированию устойчивых эпистемических режимов, в которых критическая рефлексия оказывается структурно ограниченной. В этих условиях ключевой задачей становится разработка механизмов, обеспечивающих возможность реконструкции оснований знания в условиях его алгоритмической операционализации. Именно от решения этой задачи зависит сохранение научного статуса знания в условиях цифровой трансформации.

Список литературы

1. Касавин 2010 – Касавин И.Т. Социальная эпистемология. М.: Канон+, 2010. 256 с.
2. Степин 2000 – Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
3. Степин 1989 – Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–16.
4. Burrell 2016 – Burrell J. How the machine “thinks”: Understanding opacity in machine learning algorithms // Big Data & Society. 2016. Vol. 3. Issue 1.
5. Kitchin 2017 – Kitchin R. Thinking critically about and researching algorithms // Information, Communication & Society. 2017. Vol. 20. No. 1. P. 14–29.
6. O’Neil 2016 – O’Neil C. Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy. New York: Crown, 2016. 272 p.
7. Pasquale 2015 – Pasquale F. The Black Box Society: The Secret Algorithms That Control Money and Information. Cambridge, MA, 2015. 320 p.
8. Srnicek 2017 – Srnicek N. Platform Capitalism. Cambridge: Polity Press, 2017. 224 p.

УДК 001.8:004.8

ДЕМАРКАЦИЯ НАУЧНОГО И ПСЕВДОНАУЧНОГО ЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ АЛГОРИТМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

Стельмахов Денис Александрович

Аспирант

Институт философии РАН
E-mail: denis.stelmakhov@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема разграничения научного и псевдонаучного знания в контексте исследовательских практик, осуществляемых с помощью ИИ. Широкое использование систем искусственного интеллекта, способных генерировать гипотезы, обрабатывать данные и создавать тексты, подобные исследовательским, бросает вызов классическим эпистемологическим предположениям о структуре и проверке знаний. Опираясь на предложенные Поппером и Лакатосом концепции разграничения, в статье утверждается, что их критерии – фальсифицируемость и прогрессивный характер исследовательских программ – остаются актуальными, но недостаточными при применении к результатам, полученным алгоритмическим путем. Особое внимание уделяется проблеме эпистемической непрозрачности в системах машинного обучения. В статье различаются технические, эпистемические и социальные формы непрозрачности, подчеркивается, что невозможность полностью восстановить логику, лежащую в основе результатов, полученных с помощью ИИ, усложняет их оценку в рамках установленных научных норм. Это создает пространство, в котором псевдонаучные практики могут все больше имитировать формальные особенности легитимных исследований. Анализ выявляет несколько форм квазинаучной деятельности, ставших возможными благодаря ИИ, включая моделирование научного дискурса, крупномасштабное производство статистических артефактов и алгоритмическую легитимацию необоснованных утверждений. Эти разработки подчеркивают растущую важность институциональных и процедурных аспектов разграничения. В заключение статьи говорится, что в эпоху ИИ различие между наукой и псевдонаукой не может основываться исключительно на свойствах утверждений, но должно также учитывать условия и процессы их создания и проверки.

Ключевые слова: демаркация науки, псевдонаука, искусственный интеллект, алгоритмическая непрозрачность, фальсификационизм, эпистемология, квазинаучные практики.

DEMARCATION OF SCIENTIFIC AND PSEUDOSCIENTIFIC KNOWLEDGE IN THE CONTEXT OF ALGORITHMIC PRODUCTION

Stelmakhov Denis Alexandrovich
PhD student
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Abstract: The paper examines the problem of demarcating scientific and pseudoscientific knowledge in the context of AI-mediated research practices. The widespread use of artificial intelligence systems capable of generating hypotheses, processing data, and producing research-like texts challenges classical epistemological assumptions about the structure and validation of knowledge. Drawing on the demarcation frameworks proposed by Popper and Lakatos, the paper argues that their criteria – falsifiability and the progressive character of research programmes – remain relevant but insufficient when applied to algorithmically produced outputs. Particular attention is paid to the problem of epistemic opacity in machine learning systems. The paper

distinguishes between technical, epistemic, and social forms of opacity, emphasizing that the inability to fully reconstruct the reasoning behind AI-generated results complicates their evaluation within established scientific norms. This creates a space in which pseudoscientific practices can increasingly mimic the formal features of legitimate research. The analysis identifies several forms of quasi-scientific activity enabled by AI, including the simulation of scientific discourse, the large-scale production of statistical artefacts, and the algorithmic legitimation of unfounded claims. These developments highlight the growing importance of institutional and procedural dimensions of demarcation. The paper concludes that in the age of AI, the distinction between science and pseudoscience cannot rely solely on the properties of statements but must also account for the conditions and processes of their production and validation.

Keywords: demarcation of science, pseudoscience, artificial intelligence, algorithmic opacity, falsificationism, epistemology, quasi-scientific practices.

Распространение систем искусственного интеллекта (ИИ), способных самостоятельно генерировать гипотезы, обрабатывать данные, составлять научные тексты и имитировать исследовательские процедуры, придает вопросу о границах науки принципиально иное измерение. Сегодня мы сталкиваемся с появлением нового типа эпистемологического агента, чьи внутренние механизмы принятия решений в значительной мере закрыты для внешнего наблюдателя. С одной стороны, результаты, полученные с использованием ИИ, нередко воспринимаются с настороженностью – даже тогда, когда они методологически корректны. Это связано с отсутствием ясности относительно того, как именно получен результат и в какой мере он поддается интерпретации. С другой стороны, псевдонаучные практики получают новые ресурсы: становится проще воспроизводить внешние признаки научности (от статистических выкладок до имитации рецензирования), не заботясь о содержательной состоятельности. В этих условиях уточнение критериев демаркации уже недостаточно и требуется их переосмысление с учетом изменившихся условий производства знания.

Проблема демаркации в классическом виде была сформулирована К. Поппером, связавшим научность с принципиальной фальсифицируемостью теорий [Поппер 2005]. Это был критерий принадлежности к определенному типу рациональности, в котором утверждение должно быть открыто для потенциального опровержения. И. Лакатос предложил иной ракурс, сместив внимание с отдельных утверждений на исследовательские программы. В его модели устойчивое «ядро» защищается вспомогательными гипотезами, а научный статус определяется способностью программы порождать новые подтверждаемые результаты [Лакатос 2008].

Оба подхода опираются на ряд имплицитных допущений, которые в условиях алгоритмического производства знания перестают быть самоочевидными. Предполагается, что субъект познания способен сформулировать утверждение достаточно явно, чтобы его можно было подвергнуть проверке; подразумевается также относительная прозрачность перехода от данных к выводам. Наконец, оба критерия исходят из того, что исследователь несет эпистемологическую ответственность за производимое знание. В этой связи возникает вопрос: какое место в эпистемологической карте занимает знание, произведенное при участии ИИ?

Говоря о непрозрачности, важно различать несколько ее типов. Техническая непрозрачность обусловлена архитектурой глубоких нейронных сетей. Эпистемическая

непрозрачность связана с тем, что даже специалист по машинному обучению не всегда может объяснить, почему система пришла к тому или иному выводу. Наконец, существует социальная непрозрачность, порожденная коммерческими интересами разработчиков и ограниченным доступом к документации.

Для философии науки наиболее существенна именно эпистемическая непрозрачность. Два разных прогона одной и той же модели могут давать воспроизводимые, но логически необъяснимые результаты [Bjerring et al. 2025, p. 9–10]. Тем самым один из базовых критериев научности утрачивает прежнюю очевидность. Если алгоритм участвует в формировании гипотезы, отборе данных и интерпретации результатов, то на каком основании итоговый вывод приписывается исследователю? Непрозрачность сама по себе не выводит результат за пределы науки (в противном случае под сомнение пришлось бы поставить значительную часть современной исследовательской практики). Проблема возникает, когда непрозрачность становится препятствием для критического пересмотра выводов.

Псевдонаука исторически существовала в виде относительно стабильных форм (астрология, гомеопатия, креационизм, различные варианты «альтернативной медицины»). Все они объединены использованием научной терминологии при отсутствии научной методологии, иммунитетом к опровержению и апелляцией к авторитету при уклонении от верифицируемых предсказаний [Pigliucci web]. ИИ-технологии существенно меняют технологии воспроизводства этих черт. Генеративные языковые модели резко снизили стоимость производства текстов, имитирующих научный стиль. Структура текста, ссылки, употребление специализированной лексики и другие атрибуты научного текста воспроизводятся без какого-либо содержательного понимания предмета. В результате псевдонаучный текст обладает всеми поверхностными признаками научной публикации, но не несет при этом реального эпистемологического содержания.

Другой тип квазинаучных практик заключается в использовании алгоритмических инструментов для производства статистических артефактов. Автоматизированный подбор параметров, множественные сравнения без поправки и адаптивная остановка сбора данных – давно известные как p-хакинг формы сомнительной исследовательской практики [Simmons et al., 2011] – в эпоху ИИ приобретают невиданный масштаб, поскольку ML-инструменты позволяют систематически порождать ложноположительные результаты с минимальными трудозатратами [Kapoor, Narayanan 2022]. Особую категорию составляют практики, которые можно обозначить как псевдонаучную легитимацию. В этом случае ИИ используется для придания видимости научной обоснованности заведомо ненаучным утверждениям: генерируются «подтверждающие» ссылки (в том числе несуществующие), создаются синтетические данные, имитирующие результаты несуществующих исследований, формируются псевдорецензии. Все это формирует отношение к истине, принципиально безразличное к ее содержанию [Франкфурт 2008, с. 61]. Речь идет не о лжи в строгом смысле, а о принципиальном безразличии к тому, соответствует ли утверждение действительности.

В этих условиях корректнее говорить не об отказе от классических критериев, а об их расширении. Фальсифицируемость остается значимой, но ее недостаточно, если неясно, каким образом организована проверка и кто в нее включен. Ряд исследователей предлагает дополнить критерии требованием «алгоритмической прозрачности» или «объяснимости» как условия принятия результатов в научное сообщество [Floridi et al. 2018, p. 702], однако объяснение может быть сгенерировано тем же инструментом, что и результат. Поэтому важнее оказывается вопрос о включенности исследования в процедуры коллективной проверки. Концепция Лакатоса остается в этом отношении достаточно гибкой, т. к. критерий

прогрессивности не требует полной прозрачности механизмов, а ориентируется на результат (способность программы предсказывать новые факты, подтверждаемые независимо). Исследовательская программа, использующая ИИ и демонстрирующая такую продуктивность, формально сохраняет научный статус. Сложность возникает в том случае, когда алгоритмические системы позволяют поддерживать видимость прогресса без его фактического наличия за счет постоянной модификации «защитного пояса», подгонки интерпретаций или отбора удобных результатов. В этом случае речь идет о ретроспективной настройке объяснений под уже имеющиеся данные.

Именно здесь и проявляется специфическая устойчивость к фальсификации, которую алгоритмические системы способны обеспечить псевдонаучным программам. Это подводит нас к институциональным механизмам демаркации. История науки показывает, что разграничение науки и не-науки никогда не осуществлялось исключительно логическими средствами и всегда было также социальным процессом [Антоновский 2025]. Экспертные сообщества, редакционные коллегии, системы рецензирования, требования воспроизводимости – все эти институты выполняли демаркационную функцию наравне с методологическими критериями. Распространение ИИ-инструментов ставит под угрозу именно эти институты, поскольку имитация их процедур становится технически тривиальной задачей. Обозначившиеся риски можно систематизировать следующим образом:

1) неспособность отличить качественное исследование с использованием ИИ от псевдонаучной имитации подрывает институциональное доверие к науке в целом, вне зависимости от содержательных характеристик конкретных работ;

2) генерация псевдонаучного контента с помощью ИИ происходит значительно быстрее, чем его критический разбор силами экспертного сообщества;

3) концентрация эпистемической власти у разработчиков алгоритмических систем, принимающих инфраструктурные решения, способные определять, какие виды знания считаются «по умолчанию» достоверными.

Среди возможных методологических ответов на эти вызовы можно выделить разработку стандартизированных процедур аудита алгоритмов, используемых в научных исследованиях, реформу систем рецензирования с учетом специфики исследований с помощью ИИ, которая будет включать в себя требование раскрытия информации об используемых алгоритмических инструментах, и важное значение имеет критическая установка исследователя по отношению к любым результатам, включая собственные, полученные с помощью ИИ [Шевченко 2025, с. 96]. При этом отказ от ИИ не рассматривается всерьез. Вопрос стоит иначе: каким образом встроить эти технологии в научную практику так, чтобы они усиливали производство знания, а не его имитацию. Ответ, по-видимому, лежит не только в области методологии, но и в сфере институционального устройства науки.

Демаркация научного и псевдонаучного знания в современной науке становится сложнее и требует многоуровневого подхода. Классические критерии сохраняют свою объяснительную ценность, однако их применение к алгоритмически произведенному знанию требует переформулировки в сторону большей институциональной и социально-эпистемологической операционализации. Алгоритмическая непрозрачность усложняет проверку. Мы можем говорить лишь о частичных индикаторах – статистических аномалиях в данных, несогласованности ссылок, несуществующей источниковой базы, неустойчивости результатов при независимом воспроизведении. Ни один из них не обладает универсальной надежностью. В этом смысле речь идет не о наличии готовых механизмов демаркации, а о зоне продолжающейся методологической разработки.

Список литературы

1. Антоновский 2025 – Антоновский А. Ю. Можем ли мы понять науку, или Как нам защитить социальную эпистемологию? // Вопросы философии. 2025. № 11. С. 55–66.
2. Лакатос 2008 – Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки : доказательства и опровержения (как доказываются теоремы). История науки и ее рациональные реконструкции. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / Пер. с англ. И. Н. Веселовского, А. Л. Никифорова, В. Н. Поруса. М.: Акад. Проект, 2008. 475 с.
3. Поппер 2005 – Поппер К. Логика научного исследования: Пер. с англ. / Под ред. В. Н. Садовского. М.: Республика, 2005. 447 с.
4. Франкфурт 2008 – Франкфурт Г. Г. К вопросу о брехне / Пер. с англ. М. Ослона, под ред. Г. Павловского, И. Чечель. М.: Издательство «Европа», 2008. 120 с.
5. Шевченко 2025 – Шевченко А. А. «Галлюцинации» ИИ как новая форма эпистемической ошибки // Respublica Literaria. 2025. Т. 6. № 4. С. 93–98.
6. Berrar 2019 – Berrar D. P-values in Machine Learning and the Resurgence of p-hacking // Machine Learning. 2019. Vol. 108. P. 1655–1679.
7. Bjerring et al. 2025 – Bjerring J. C., Mainz J., Munch L. Deep learning models and the limits of explainable artificial intelligence // Asian Journal of Philosophy. 2025. Vol. 4. № 22. https://doi.org/10.1007/s44204-024-00238-8 (дата обращения: 11.04.2026).
8. Floridi et al. 2018 – Floridi L., Cowls J., Beltrametti M. et al. An Ethical Framework for a Good AI Society: Opportunities, Risks, Principles, and Recommendations // Minds and Machines. 2018. Vol. 28. № 4. P. 689–707.
9. Pigliucci web – Pigliucci M. Pseudoscience and the Demarcation Problem // Internet Encyclopedia of Philosophy (IEP) URL: https://iep.utm.edu/pseudoscience-demarcation/ (дата обращения: 04.04.2026).
10. Simmons et al. 2011 – Simmons J. P., Nelson L. D., Simonsohn U. False-Positive Psychology: Undisclosed Flexibility in Data Collection and Analysis Allows Presenting Anything as Significant // Psychological Science. 2011. Vol. 22. № 11. P. 1359–1366.

УДК 165:004

ПРАВДОПОДОБИЕ ВМЕСТО ИСТИНЫ: «ГАЛЛЮЦИНАЦИИ» КАК ПСЕВДОНАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Рузанов Илиас Вальтерович

ФГБОУ ВО Донской государственный аграрный университет, аспирант

E-mail: ilias.ruzanov.pub@mail.ru

Аннотация: В статье предпринята попытка концептуализировать феномен «галлюцинаций» больших языковых моделей как структурное свойство, превращающее нейросеть в аппарат производства псевдонаучного знания. Проведена параллель с

агентностью неигровых персонажей в видеоиграх: и в игровой среде, и при взаимодействии с генеративной моделью пользователь имеет дело с вычислительной системой, чья воспринимаемая агентность существенно превышает фактическую, а разрыв между двумя уровнями заполняется культурно усвоенными практиками доверия. Продемонстрировано что сам термин «галлюцинация» неявно наделяет алгоритмическую систему атрибутами субъектности и тем самым воспроизводит характерную антропоморфическую установку. Опираясь на категорию симулякра Ж. Бодрийяра, концепцию «приостановки неверия» С. Т. Кольриджа в её переосмыслении Дж. Мюррей реконструируется механизм, посредством которого утверждение языковой модели симулирует научное знание и приобретает социальную силу научного высказывания при отсутствии содержательного ядра — методологической дисциплины, фальсифицируемости, включенности в исследовательскую традицию. Рассмотрена проблема взаимодействия с большими языковыми моделями без сопутствующего осознания смены контекста. Заключительная часть работы фиксирует размытие ответственности между разработчиком и пользователем как условие воспроизводства цифровой псевдонауки и очерчивает горизонт дальнейшего исследования институциональных практик восстановления эпистемической дисциплины.

Ключевые слова: галлюцинации, псевдонаука, агентность, языковая модель, симулякр, генеративная нейросеть.

PLAUSIBILITY INSTEAD OF TRUTH: "HALLUCINATIONS" AS PSEUDOSCIENTIFIC KNOWLEDGE

Ruzanov Ilias Walthterovich
Don State Agrarian University, postgraduate student

Abstract: The article attempts to conceptualise the phenomenon of "hallucinations" in large language models as a structural property that turns a neural network into an apparatus producing pseudo-scientific knowledge. A parallel is drawn with the agency of non-player characters in video games: in both the gaming environment and in interaction with a generative model, the user deals with a computational system whose perceived agency substantially exceeds its actual agency, while the gap between the two levels is filled by culturally assimilated practices of trust. It is demonstrated that the very term "hallucination" implicitly endows the algorithmic system with attributes of subjectivity and thereby reproduces a characteristic anthropomorphic stance. Drawing on Jean Baudrillard's category of the simulacrum and Samuel Taylor Coleridge's concept of the "suspension of disbelief" as reinterpreted by Janet Murray, the article reconstructs the mechanism by which an utterance of a language model simulates scientific knowledge and acquires the social force of a scientific statement in the absence of a substantive core — methodological discipline, falsifiability, and embeddedness in a research tradition. The problem of interaction with large language models without a concomitant awareness of the shift in context is examined. The concluding section identifies the diffusion of responsibility between developer and user as a condition for the reproduction of digital pseudo-science and outlines the horizon of further inquiry into institutional practices for restoring epistemic discipline.

Keywords: hallucinations, pseudoscience, agency, language model, simulacrum, generative neural network.

Распространение генеративных моделей в повседневности порождает ситуацию, при которой пользователь регулярно сталкивается с уверенно сформулированными утверждениями, не имеющими референта в действительности — несуществующими цитатами, выдуманными ссылками, фальшивыми биографиями, ложными статистическими данными, поданными в научной трактовке. Это явление принято обозначать термином «галлюцинация», заимствованным из клинической психопатологии и переносимым на алгоритмическую систему без должной концептуальной рефлексии. Между тем перенос подобного понятия неявно наделяет генеративную модель атрибутами субъектности, хотя бы способностью заблуждаться, тем самым утверждается новый статус модели в обход обстоятельной аргументации. Как ни парадоксально, именно по этой причине в работе будет использоваться метафоричное понятие «галлюцинации», вместо более корректного «искажение». Выбор продиктован не лаконичностью его использования, но стремлением явно продемонстрировать ту степень антропоморфизма, которой человеком наделяются искусственные системы и их компоненты.

Феномен придания человеческих качеств неодушевленным предметам давно является распространенной и социально уместной практикой. В контексте цифровых систем и сред наиболее показательной, массовой и пролонгированной во времени является практика взаимодействия с игровыми персонажами. Восприятие неигрового персонажа далеко не всегда совпадает с его фактической архитектурой. Игрок систематически наделяет программный компонент субъектностью, которой тот не обладает. Перенос этой рамки на сферу взаимодействия пользователя с генеративной моделью позволяет, как представляется, выявить тот эпистемический механизм, посредством которого «галлюцинации» нейросети приобретают статус псевдонаучного знания и тем самым становятся инфраструктурной основой нового типа псевдонауки — цифровой по способу производства и перформативной по способу легитимации. Понятие «галлюцинация» в применении к выводу большой языковой модели несёт на себе бремя клинического происхождения и предполагает наличие воспринимающего субъекта, чьё восприятие отклонилось от нормы. Однако такого субъекта нет, так как модель не воспринимает мир и не имеет внутреннего представления о действительности, относительно которого её вывод мог бы оказаться ложным. Она оперирует распределениями вероятностей над последовательностями токенов и предсказывает наиболее статистически правдоподобное продолжение, не различая утверждения о фактах и утверждения о вымысле. Когда базовая информация отсутствует или неоднозначна, модель не останавливается — она все равно завершает шаблон.

Концептуально точнее описать происходящее через категорию симулякра — копии, у которой нет оригинала и которая не отсылает ни к какой реальности за пределами собственной знаковой структуры, «тем, что уже никогда не обменивается на реальное, а обменивается на самое себя в непрерывном круговороте без референта и предела» [Бодрийяр 2015, с. 11]. Утверждение, сгенерированное языковой моделью, не является ни истинным, ни ложным в привычном понимании. Поскольку оно не претендует на отношение к референту — оно претендует лишь на то, чтобы выглядеть как высказывание, обладающее всеми внешними признаками достоверности. Здесь обнаруживается принципиальное отличие «галлюцинации» нейросети от человеческого заблуждения. Люди тоже гадают, когда не уверены, заполняют пробелы в памяти реконструированными историями, уверенно высказываются когда ошибаются. В этом смысле «галлюцинация» является не ошибкой или сбоем, а выражением незнания или отказа подобно человеческому. Модель делает именно то, для чего она была обучена: продолжать предложение наиболее правдоподобным способом. Только

заблуждающийся человек ошибочно полагает, что его утверждение соответствует действительности, тогда как языковая модель не полагает ничего — она воспроизводит поверхность знания вне контекста его верификации и пояснения.

Большая языковая модель воспроизводит ту же логику в области, где её применение перестаёт быть легитимным. Когда модель генерирует фрагмент текста, она оперирует теми же принципами, что процедурный генератор поселений в «No Man's Sky». Подбирает уместное по контексту продолжение, сообразуясь с распределением, усвоенным из обучающего корпуса. Различие, однако, фундаментально: вселенная игры исчерпывается действием генерации, тогда как ответ на научный запрос имеет внешний референт — действительные обстоятельства, которые либо подтверждаются, либо опровергаются сгенерированным текстом. В этом контексте речь идет уже о процедурной генерации истины, замкнутой в алгоритмической уместности и наличие здесь «галлюцинаций» особенно коварно. «Хотя ученые, безусловно, стремятся к теориям, имеющим высокую степень эмпирического подтверждения, как заметил философ Карл Поппер, «мы ищем не высоковероятные теории, а объяснения; то есть, убедительные и крайне маловероятные теории» [Kuo 2023, web]. Механизм пользовательского доверия, обеспечивающий принятие подобного знания, наследуется, как представляется, от длительного опыта взаимодействия с медиа, а именно о «приостановке неверия», когда читатель сознательно соглашается на временную приостановку критической установки ради эстетического опыта, «добровольной приостановки неверия на мгновение, которая и составляет поэтическую веру» [Coleridge 2014, p. 28]. В этом смысле «поэтическая вера» противоположна познавательной деятельности, требующей как раз непрерывной работы критической способности. В исследованиях игровой вовлеченности эта концепция была переосмыслена применительно к интерактивным средам концептом «активного создания веры», при котором игрок не просто допускает условности вымысла, но активно достраивает их связностью собственных действий. Связность действий обеспечивается интерактивностью — «...формирование поведения взаимодействующего и формирование поведения компьютера, — которые, будучи хорошо согласованы между собой, порождают характерное удовольствие от ощущения агентности [Murray 2016, p. 91]. В целостной замкнутой среде «мы стремимся совершать действия, которые порождают ощущение агентности, что, в свою очередь, углубляет наше чувство иммерсии. Этот феномен можно назвать активным созданием веры» [Murray 2016, p. 91]. Игрок, разговаривающий с NPC, не требует от него действительного понимания — он соглашается на то, что симулякр диалога будет рассматриваться как диалог, и более того, своими ответами достраивает этот симулякр до полноценного коммуникативного действия. Подобный режим восприятия не есть единичное решение. Он постепенно автоматизируется и закрепляется в качестве установки по умолчанию для всякого взаимодействия с экранным агентом, имитирующим человеческую речь. Перенос этой установки на взаимодействие с языковой моделью совершается без сопутствующего осознания смены контекста. Пользователь продолжает действовать в режиме приостановки неверия или, если он опытный носитель цифрового языка, он может действовать в режиме активного создания веры там, где задача требует прямо противоположного режима — режима верификации, предполагающего удержание критической дистанции и систематическую проверку соответствия высказывания действительности.

Доверие, которое пользователь оказывает выводу языковой модели, опирается на специфическую конфигурацию социального авторитета, не сводимую ни к авторитету эксперта, ни к авторитету источника. Этот авторитет можно обозначить как «авторитет алгоритма». Его специфика состоит в том, что с одной стороны источник получаемого знания

воспринимается как объективный и беспристрастный, с другой, сама платформа, компьютерная система, — как машина, лишенная субъективных интересов. Языковая модель, будучи представленной как алгоритмическая система, автоматически наследует эту двойную презумпцию объективности, несмотря на то что вывод модели обусловлен распределением в обучающем корпусе и архитектурными решениями разработчиков, и в этом смысле он совершенно нестрог и крайне предвзят. Здесь обнаруживается механизм, в силу которого генеративная нейросеть становится аппаратом производства псевдонаучного знания. Псевдонаука исторически определяется не столько ложностью отдельных утверждений, сколько имитацией формальных признаков научности при отсутствии её содержательного ядра — методологической дисциплины, фальсифицируемости, включенности в исследовательскую традицию. Языковая модель воспроизводит формальные признаки научного текста: она безошибочно генерирует характерный синтаксис, корректную академическую лексику, структуру аргументации с тезисами и подкреплениями, библиографические сноски в нужном формате. Содержательное ядро при этом отсутствует — нет ни исследования, ни соотношения эмпирическим материалом, ни ответственности перед научным сообществом. То, что производит модель, есть наукообразие в чистом виде: оболочка научного дискурса, лишённая науки.

Высказывание модели не констатирует, а симулирует научность: оно совершает акт «быть наукой». Значимым оказывается не соответствие утверждения действительности, а его социальный эффект, то есть то, какой эффект оно воспроизводит на общественность в целом и как воспринимается пользователем в частности. Если пользователь воспринимает текст как научный, передаёт его дальше, опирается на него в собственных рассуждениях, цитирует, — высказывание реализуется как научное в социальном пространстве.

Параллель с агентностью неигровых персонажей, послужившая отправной точкой настоящей работы, обнаруживает свою объяснительную продуктивность не как метафора, а как структурный изоморфизм: и в игре, и при работе с генеративной моделью пользователь имеет дело с вычислительной системой, чья воспринимаемая агентность существенно превышает фактическую, и в обоих случаях разрыв между двумя уровнями заполняется культурно усвоенными практиками доверия. Различие состоит в контексте: то, что легитимно внутри игрового мира — приостановка неверия ради вовлеченности, — в контексте науки оборачивается готовностью принять симулякр знания за знание.

Список литературы

1. Бодрийяр 2015 – Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
2. Coleridge 2014 – Coleridge S. T. Biographia Literaria; or, Biographical Sketches of My Literary Life and Opinions. Vol. II. London: Rest Fenner, 2014. 309 p.
3. Kuo 2023, web – Noam Chomsky: The False Promise of ChatGPT // The New York Times. 2023. URL: https://www.nytimes.com/2023/03/08/opinion/noam-chomsky-chatgpt-ai.html (дата обращения 15.04.2026).
4. Murray 2016 – Murray J. H. Hamlet on the Holodeck: The Future of Narrative in Cyberspace. New York: Free Press, 2016. 336 p.
5. Thue 2011 – Thue D., Bulitko V., Spetch M., Romanuik T. A Computational Model of Perceived Agency in Video Games // Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence and Interactive Digital Entertainment. 2011. Vol. 7(1). P. 91-96.

УДК 165.12

ТЕКСТ ТЕСЕЯ: КОГДА ТЕКСТ ПЕРЕСТАЕТ БЫТЬ МОИМ И СТАНОВИТСЯ ТЕКСТОМ ИИ?

Михайлов Александр Дмитриевич

Преподаватель кафедры философии и методологии науки, Института философии и социально-политических наук, Южного Федерального Университета

E-mail: amihaylov@sfedu.ru

Аннотация: Применение искусственного интеллекта (ИИ) в научной деятельности приводит к различным проблемам. Одна из которых касается самостоятельности проведенного научного исследования. В тексте рассматривается два способа понимания ИИ в контексте написания научной статьи. Показано, что понимание ИИ как инструмента приводит к несамостоятельности научного исследования и к парадоксу, который мы назвали «Текстом Тесея»: ситуация, когда непонятно кому принадлежит текст. Также показано, что понимание ИИ как полноценного соавтора позволяет решить вопрос о самостоятельности научного исследования и преодолеть парадокс «Текста Тесея», однако такое решение приводит к другим проблемам, таким как проблема ответственности ИИ и непреднамеренного плагиата. Может ли ИИ нести ответственность? Официальная позиция комитетов, отвечающих за публикации, пока что является однозначной: нет, не может. Однако это не останавливает борцов за права авторства ИИ. В тексте показано, что признание ИИ автором является достаточно проблематичным. Однако это не мешает некоторым исследователям указывать ИИ в качестве соавтора, о чем мы говорим в тексте. Такое положение дел не может не вызвать размышления и опасения в научном сообществе, что подчеркивает важность поднятой темы.

Ключевые слова: Искусственный Интеллект (ИИ), инструмент, автор, научная статья, текст, парадокс.

THE TEXT OF THESEUS: WHEN DOES THE TEXT CEASE TO BE MINE AND BECOME THE TEXT OF AI?

Mihaylov Alexander Dmitrievich

Place of work: Teacher at the Department of Philosophy and Methodology of Science, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University

Abstract: The use of artificial intelligence (AI) in scientific activity leads to various problems. One of them concerns the independence of the conducted scientific research. The text discusses two ways of understanding AI in the context of writing a scientific article. It is shown that understanding AI as a tool leads to the lack of independence of scientific research and to the paradox that we have called the «Text of Theseus»: a situation where it is unclear who owns the text. It is also shown that understanding AI as a full-fledged co-author makes it possible to resolve the issue of the independence of scientific research and overcome the paradox of the «Text of Theseus», however, such a decision leads to other problems, such as the problem of AI responsibility and unintentional plagiarism. Can AI be responsible? The official position of the committees responsible for publications is so far unequivocal: no, it cannot. However, this does not stop the fighters for the rights of AI authorship. The text shows that the recognition of AI by the author is quite problematic. However, this does not prevent some researchers from indicating AI as a co-author, which is what we are talking about in the text. This situation cannot but cause reflection and concern in the scientific community, which underlines the importance of the topic raised.

Keywords: Artificial Intelligence (AI), tool, author, scientific article, text, paradox.

В современном мире искусственный интеллект (далее ИИ) применяется практически во всех сферах человеческой жизни, однако его применение порой влечет за собой ряд проблем. Ключевой вопрос нашей работы следующий: *является ли статья, написанная с помощью ИИ-технологий, самостоятельным научным результатом?* Для ответа на поставленный вопрос обратимся к двум вариантам понимания ИИ в деле написания научной статьи.

1) Текст является моим: ИИ как инструмент.

Самый очевидный путь – сказать, что текст принадлежит автору и ИИ только помогает ему в его написании. Но здесь вскрывается серьезная проблема, касающаяся степени влияния ИИ на итоговый продукт. Можно просто попросить ИИ назвать современных авторов и их работы по теме, а можно попросить ИИ пересказать идеи этих современных авторов и включить этот пересказ в текст. *Где грань между допустимым и недопустимым применением ИИ для написания исследовательской работы?* Поставив данный вопрос, мы сталкиваемся с современной формой парадокса о корабле Тесея: если у старого корабля заменить одну доску, то он останется тем же, а если заменить 95-98% составляющих корабля, то останется ли он тем же самым кораблем, что был в начале или станет другим? Точно так же обстоят дела и с применением ИИ при написании статей: *в какой момент текст перестает быть моим и становится скорее текстом ИИ?* Как провести эту грань, отделяющую «еще пока мой текст», от «уже не моего текста»? Этот парадокс, возникающий на почве применения ИИ при написании статей и других научных работ мы условно будем называть «Текстом Тесея». Быть может нужно сформулировать ряд допустимых задач, которые бы ИИ мог выполнять, при работе с текстом, чтобы не терялась его принадлежность автору? Например, допустимым будет являться только подбор литературы и авторов по теме с помощью ИИ, выявление актуальных тенденций в интересующей исследователя области и т. д., а написание самого текста, постановка проблемы и ее решение будет оставаться исключительной привилегией автора.

Однако кажется, что этот парадокс может быть с легкостью снят, если отвергнуть идею о том, что текст вообще может иметь возможность принадлежать ИИ. Действительно, если мы признаем, что итоговый текст принадлежит ИИ, то тогда за ИИ закрепляется авторство, а авторство обычно закрепляется только за субъектом. Если идти по этому пути, то мы

сталкиваемся с двумя вопросами: 1) действительно ли только субъекту присуще авторство?; 2) может ли ИИ быть субъектом?

История философии показывает, что под автором обычно подразумевают источник активности и деятельных изменений в мире. Авторство имеет своим атрибутом *волю*: чтобы статья появилась, должен быть кто-то, кто захочет ее написать. Желает ли ИИ написать статью или решить какую-то проблему? Едва ли так можно сказать. ИИ не любознательный и даже не любопытный: в нем нет потребности и желания познавать мир. Таким образом, приписывание роли автора ИИ является весьма проблемным.

Так же обстоят дела и с ответом на второй вопрос: ИИ не может быть субъектом, потому что 1) субъект является источником активности; 2) активность определяется потребностями, желаниями и целями; 3) современные формы ИИ не обладают ничем из перечисленного.

Поэтому кажется, что парадокс снимается: если ИИ не является субъектом, то даже не ставится вопрос о том, может ли текст принадлежать ему или нет: текст может принадлежать только автору, то есть человеку. Но если принять этот тезис, тогда нужно принять и следующий: если ИИ не является субъектом, и автором может быть только человек, тогда применение ИИ не влияет на самостоятельность статьи, написанной с помощью ИИ. Однако данный тезис является ложным, потому что вычисление с помощью калькулятора не является самостоятельным, но это не делает калькулятор автором вычисления.

Однако не стоит думать, что отрицание авторства у ИИ снимает парадокс «Текста Тесея». Если итоговый текст уже не является моим, потому что в нем ИИ больше, чем меня, но ИИ не может быть автором, то мы оказываемся в ситуации, когда текст в действительности никому не принадлежит. Мы сталкиваемся с *проблемой ничейности текста*. Данная проблема является альтернативным вариантом парадокса «Текста Тесея»: *в какой момент текст перестает принадлежать мне и становится ничьим?* Можем ли мы закрепить авторство за человеком, который выступает исключительно инициатором, вводящим запрос в систему ИИ, а весь текст в итоге генерирует сам ИИ? Если нет, то мы оказываемся в трудной ситуации: текст не принадлежит человеку, потому что он не привнес в него ничего своего и не принадлежит ИИ, потому что он является лишь инструментом. В итоге полученный текст оказывается ничейным и вся суть этого парадокса состоит в невозможности провести четкую грань между «еще моим текстом» и «уже ничейным».

Таким образом мы видим два проблемных ответа на поставленный вопрос о самостоятельности проведенного исследования: 1) Если ИИ – инструмент, то научная статья, написанная с помощью ИИ, не является продуктом самостоятельной научной деятельности, но это не делает ИИ автором, подобно тому, как вычисление с помощью калькулятора не делает калькулятор автором. Однако остается неясным, кому в итоге принадлежит текст: из-за невозможности провести четкую грань между авторским вкладом человека и ИИ возникает парадокс «Текста Тесея»: в какой момент текст перестает принадлежать автору-человеку и становится ничейным?; 2) Если ИИ – субъект, то научная статья, написанная с помощью ИИ, тоже не является продуктом самостоятельной научной деятельности, поскольку в ее создании применялся ИИ, понимаемый как полноценный субъект и автор. Из-за невозможности провести четкую грань между авторским вкладом человека и ИИ возникает парадокс «Текста Тесея»: в какой момент текст перестает принадлежать автору-человеку и начинает принадлежать автору-ИИ?

2) Текст является нашим: ИИ как соавтор

Одним из способов решения парадокса «Текста Тесея» является признание ИИ соавтором написанной статьи. Действительно, в этом случае снимается вопрос о том, кому в

итоге принадлежит текст. Пропадает необходимость в проведении грани между вкладом автора-человека и автора-ИИ: текст является их общим достоянием. Вопрос об авторстве ИИ встревожил научное сообщество не на шутку [Тихомирова 2026, с. 28-29; Масленкова 2025, с. 124-125].

Но ведь ИИ не может быть соавтором, правда? Сотрудник Венского университета, Хуан Горрайз, в 2025 году опубликовал статью, в которой отметил интересную тенденцию: если раньше системы ИИ выступали в качестве инструментов и невидимых помощников, то сейчас можно найти статьи, в которых системы ИИ указаны как участники и даже соавторы [Gorraiz 2025, p. 2]. Х. Горрайз провел полноценное исследование и выявил, что в некоторых статьях, опубликованных в журналах, индексируемых в WoS, есть четыре упоминания ChatGPT как автора, из которых в двух статьях Chat GPT указан как единственный автор. Обе статьи были опубликованы в British Journalism Review, журнале с низким импакт-фактором (К4 в категории «Коммуникации»), в 2023 году и классифицируются как редакционные статьи. В журналах, индексируемых в Scopus, Горрайз обнаружил два упоминания Chat GPT как соавтора. Эти статьи опубликованы в крупных журналах К1 и К2 и входят в 1% самых цитируемых статей в Scopus [Gorraiz 2025, p. 4].

Как на это реагируют комитеты, отвечающие за стандарты публикаций? Комитет по публикационной этике (COPE), прямо указывает, что инструменты ИИ не могут быть указаны в качестве авторов, поскольку они не могут брать на себя *ответственность* за работу или *разрешать конфликты интересов*. Однако COPE и другие организации признают значительную роль ИИ в создании контента, анализе данных и решении проблем, призывая исследователей прозрачно раскрывать использование ИИ в своей академической работе.

Международный комитет редакторов медицинских журналов (ICMJE) устанавливает, что авторство должно быть связано со *значительным интеллектуальным вкладом*, таким как разработка исследования, анализ результатов и написание рукописи — задачи, которые ИИ в настоящее время не может выполнять самостоятельно. Это гарантирует, что ИИ останется инструментом, расширяющим возможности исследователей-людей, а не будет играть равноправную роль. Однако, несмотря на это, находятся исследователи, которые пытаются отстоять авторство ИИ, например, как Рахман Шарифзаде [Sharifzadeh 2024, pp. 162-163].

В итоге мы видим, что признание ИИ соавтором снимает парадокс «Текста Тесея» и решает вопрос самостоятельности проделанной научной работы: научная статья, написанная с помощью ИИ, считается самостоятельной, потому что она является результатом работы двух авторов: человека и ИИ. Они оба несут ответственность за проделанную работу. Однако такой способ решения проблемы вовсе не идеален, потому что влечет за собой ряд других проблем: справедливость тезиса о признании ИИ автором, проблема ответственности ИИ, проблема непреднамеренного плагиата и многие этические проблемы.

Заключение. Для ответа на вопрос о самостоятельности научной статьи мы проанализировали два способа понимания ИИ: ИИ как инструмент и ИИ как автор (и соавтор). Было показано, что признание ИИ инструментом свидетельствует о несамостоятельности научной статьи (а, значит, ее ненаучности) и влечет за собой парадокс «Текста Тесея»: становится неясным, кому принадлежит текст. Признание ИИ соавтором свидетельствует о самостоятельности научной статьи (ответственность делят между собой автор-человек и автор-ИИ) и решает парадокс «Текста Тесея», однако влечет за собой другие проблемы, рассмотренные ранее. Таким образом видно, что ни один из пройденных путей не дает удовлетворительного ответа, который бы не приводил к другим проблемам. Существует третий путь, согласно которому ИИ понимается как скриптор, а автор полностью устраняется. В этом

случае приходится говорит о повторной смерти автора, после первой попытки Ролана Барта умертвить автора [Барт 1989, с. 391]. Однако ограничения по объему тезисов не позволяют нам представить наши соображения, касающиеся этого третьего пути. Полный текст будет опубликован отдельной статьей.

Список литературы

1. Барт 1989 – Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / общ. ред. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Масленкова, Никитина 2025 – Масленкова Н.А., Никитина А.С. Искусственный интеллект как соавтор? Переосмысление авторства в контексте взаимодействия человека с ИИ // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5. № 2. С. 122–133
3. Тихомирова, Душкин 2026 – Тихомирова Е.Г., Душкин Р.В. Генеративный ИИ и научные публикации: смерть и торжество автора // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2026. Т. 51(1). С. 24–34.
4. Gorraiz J. Acknowledging the new invisible colleague: Addressing the recognition of Open AI contributions in in scientific publishing // Journal of Informetrics. 2025. Vol. 19. Pp. 1-12.
5. Sharifzadeh R. ChatGPT as Co-Author? AI and Research Ethics // Ethics in Progress. 2024. Vol. 15. Pp. 155-173.

УДК 167.5

ПРОБЛЕМА ЭПИСТЕМИЧЕСКОГО СТАТУСА НЕЙРОСЕТЕВЫХ ВЫВОДОВ В КОНТЕКСТЕ ГИПОТЕЗООБРАЗОВАНИЯ

Мальцев Владислав Антонович

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», аспирант кафедры культурологии, социологии и философии

E-mail: Vladmaltsev71@gmail.com

Аннотация: В докладе рассматривается эпистемический статус формулировок, генерируемых нейросетевыми моделями, в контексте риска их псевдонаучной легитимации. Актуальность темы связана с тем, что генеративный искусственный интеллект всё активнее используется на стадии гипотезообразования и способен производить дисциплинарно правдоподобные, логически организованные и потенциально проверяемые высказывания. Цель работы состоит в анализе критериев научности гипотез, выявлении того, каким из них соответствуют нейросетевые выводы, а также в определении условий, при которых такие формулировки могут быть включены в исследовательский процесс и почему они не тождественны научной гипотезе в строгом смысле. Методологическую основу составляют философско-методологический анализ, концептуальная реконструкция и сравнительное

рассмотрение человеческого и нейросетевого режимов гипотезообразования. В качестве нормативной базы используются подходы отечественной философии науки, прежде всего работы Н. И. Сидоренко, А. М. и Д. А. Новиковых, И. П. Меркулова и М. А. Розова. В результате мы приходим к выводу, что нейросетевые генерации могут обладать некой эвристической ценностью, но не удовлетворяют критериям обоснованности, онтологических предпосылок, трансгрессивности и интервенциональности. Для описания их промежуточного статуса предлагается различение протогипотезы и гипотезы-кандидата.

Ключевые слова: искусственный интеллект; нейросетевые модели; научная гипотеза; гипотезообразование; эпистемический статус; псевдонаучная легитимация; человеко-машинное познание

THE PROBLEM OF THE EPISTEMIC STATUS OF NEURAL NETWORK OUTPUTS IN THE CONTEXT OF HYPOTHESIS GENERATION

Maltsev Vladislav Antonovich

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Vyatka State University", Postgraduate Student, Department of Cultural Studies, Sociology and Philosophy

Abstract: This paper examines the epistemic status of formulations generated by neural network models in the context of the risk of their pseudoscientific legitimization. The relevance of this topic stems from the fact that generative artificial intelligence is increasingly being used at the hypothesis generation stage and is capable of producing disciplinary plausible, logically organized, and potentially testable statements. The aim of the paper is to analyze the criteria for the scientific validity of hypotheses, identify which of these criteria correspond to neural network conclusions, and determine the conditions under which such formulations can be included in the research process and why they are not identical to scientific hypotheses in the strict sense. The methodological basis consists of a philosophical and methodological analysis, conceptual reconstruction, and comparative examination of human and neural network modes of hypothesis generation. Approaches to Russian philosophy of science, primarily the works of N. I. Sidorenko, A. M. and D. A. Novikov, I. P. Merkulov, and M. A. Rozov, are used as a normative framework. As a result, we conclude that neural network-generated hypotheses may possess some heuristic value, but they do not satisfy the criteria of validity, ontological presuppositions, transgressivity, and interventionism. To describe their intermediate status, we propose a distinction between protohypothesis and candidate hypothesis.

Keywords: artificial intelligence; neural network models; scientific hypothesis; hypothesis generation; epistemic status; pseudoscientific legitimation; human-machine cognition

Активное внедрение генеративного искусственного интеллекта (далее - ИИ) в исследовательскую практику не только вводит новый технический инструментарий, но и трансформирует сам режим производства научного знания. Особенно заметен этот сдвиг на стадии гипотезообразования, где нейросетевые модели уже широко используются для поиска связей, генерации предварительных формулировок и возможных стратегий обоснования научных проблем. Однако внешне корректный вывод, созданный нейросетевой моделью и имитирующий научность, может не являться научной гипотезой в строгом смысле. Цель настоящей работы - определить эпистемический статус нейросетевых генераций и выявить

методологические условия, при которых использование ИИ в гипотезообразовании не приводит к псевдонаучной легитимации внешне правдоподобных, но концептуально несостоятельных построений.

Анализ именно гипотез особенно важен, поскольку гипотезообразование – исходный узел научного исследования. Так, Н. И. Сидоренко подчёркивает, что научная гипотеза представляет собой начальный этап движения к твёрдо установленному знанию, поскольку именно через неё осуществляется переход от вероятностного объяснения к теоретически оформленному знанию [Сидоренко 2014, с. 168-173].

В отечественной философии и методологии науки гипотеза понимается не просто как догадка, а как особая форма теоретического знания, включённая в логику движения исследования. Согласно Н. И. Сидоренко, гипотеза должна удовлетворять ряду требований: быть предметно отнесённой, проблемно релевантной, корректно сформулированной на языке соответствующей науки, логически непротиворечивой, объяснительно пригодной, обоснованной и принципиально проверяемой. Особое значение имеет и выделение онтологических оснований гипотезы: она строится не в пустоте, а в горизонте определённых представлений о реальности [Сидоренко 2014, с. 169-170].

А. М. Новиков и Д. А. Новиков, в свою очередь, определяют гипотезу как предположение о непосредственно ненаблюдаемой основе явлений и подчёркивают её операционализируемость: из гипотезы должны выводиться следствия, допускающие процедуру проверки [Новиков, Новиков 2007, с. 142]. В этом состоит важное отличие научной гипотезы от интуитивного предположения: гипотеза должна быть не просто правдоподобной, а проверяемой через следствия.

В «Новой философской энциклопедии» И. П. Меркулов подчёркивает конкретность гипотезы: она выдвигается для объяснения новых экспериментальных данных или для устранения противоречий между теорией и отрицательными результатами опыта; при этом научно значима не любая формальная проверка, а подтверждение такими фактами и экспериментальными законами, которые не могли быть заранее предвосхищены до выдвижения гипотезы [Меркулов 2010, с. 528-529].

Далее мы можем обратиться к К. Гемпелю и К. Попперу. Для К. Гемпеля переход от фактов к гипотезе не является механическим выводом, а предполагает теоретическое конструирование объяснительной схемы [Hempel 1966, p. 204-205]. К. Поппер, в свою очередь, понимал гипотезу как смелое предположение, выдвигаемое до и сверх наличных данных и затем подвергаемое проверке и возможному опровержению [Popper 1959, p. 7-10]. Следовательно, научная гипотеза не извлекается непосредственно из опыта, а формируется как особая теоретическая конструкция, выходящая за пределы непосредственно данного.

Если суммировать устойчивые позиции, рассмотренные выше, то научная гипотеза предполагает предметно-проблемную релевантность; проверяемость через следствия; логико-языковую корректность; объяснительную пригодность; обоснованность; наличие онтологических предпосылок; трансгрессивность по отношению к данным, то есть выход за пределы наличного материала; интервенциональность, поскольку гипотеза проектирует условия собственной проверки.

Именно на основании этих критериев можно перейти к оценке нейросетевых генераций. Вопрос состоит в том, каким требованиям научной гипотезы они действительно соответствуют, а в каких случаях создают лишь убедительную видимость научности.

Так современные модели способны порождать формулировки, тематически соотнесённые с исследовательской проблемой, выраженные на дисциплинарном языке,

логически организованные и допускающие вывод проверочных следствий. Экспериментальные работы показывают, что большие языковые модели действительно могут предлагать нетривиальные комбинации признаков или исследовательских направлений, которые затем проходят человеческий отбор и эмпирическую проверку [Abdel-Rehim et al. 2025, p. 3-8]. Именно поэтому нейросетевые результаты нельзя сводить к бессмысленному тексту. Однако из этого ещё не следует, что машина самостоятельно производит научную гипотезу.

Принципиальные ограничения обнаруживаются в зоне обоснованности и онтологических предпосылок. Во-первых, нейросеть обычно предъявляет исследователю уже готовый вывод без прозрачной реконструируемой цепочки его получения: неясно, почему была выбрана именно эта объяснительная схема. Во-вторых, нейросеть может соединять термины и объяснительные конструкции разных теоретических уровней, не различая, допустимы ли такие переходы онтологически. В результате формулировка может выглядеть научно, но содержать скрытую категориальную ошибку [Elmas, Adiguzel-Ulutas, Yilmaz 2024, p. 25430, 25449].

Дополнительные ограничения выявляются и по критериям трансгрессивности и интервенциональности. Здесь необходимо учитывать различие двух эпистемических режимов: причинно-теоретического (человеческого) и вероятностно-ретроспективного (машинного) [Felin, Holweg 2024, p. 1]. Современные нейросети основаны на статистическом обучении и функционируют как параметризованная аппроксимация вероятностных распределений, выявленных на массиве прошлых данных; в этом смысле их работа соотносится с вероятностной логикой обновления вывода, близкой байесовской модели обработки информации [Qu 2025, p. 26-31]. Поэтому даже тогда, когда нейросеть порождает содержательно интересную и внешне продуктивную формулировку, она остаётся результатом стохастического преобразования уже имеющихся структур, а не самостоятельного причинно-теоретического конструирования. Отсюда вытекает и ограничение по критерию интервенциональности: нейросеть не проектирует условия собственной проверки в строгом смысле, не выстраивает исследовательскую ситуацию как пространство возможного подтверждения и опровержения, а лишь производит вероятностно правдоподобный вывод.

Здесь принципиально важна мысль М. А. Розова о том, что объекты науки существуют не как текстовые конструкции сами по себе, а как идеальные объекты теоретического уровня, включённые в определённую исследовательскую программу [Розов 1998, с. 42-50]. Из этого следует, что научная гипотеза не сводится к удачной словесной формулировке, а выступает формой содержательно организованной познавательной деятельности. Именно в этом состоит основание для строгой демаркации между нейросетевыми генерациями, способными лишь имитировать научность, и научными гипотезами как подлинными элементами исследовательского процесса. Поэтому между нейросетевым выводом и научной гипотезой необходимо выделить промежуточные эпистемические уровни - прежде всего протогипотезу и гипотезу-кандидат. Такое различение позволяет избежать двух крайностей: некритической абсолютизации машинного результата и его полного сведения к сырым данным.

Протогипотеза - это предварительное эвристическое предположение, ещё не достигшее той степени структурной определённости, которая необходима для включения в строгий гипотетико-дедуктивный цикл. Она способна указывать направление поиска, фиксировать возможную связь, аномалию или продуктивное сопоставление, но ещё не задаёт ясного механизма, не позволяет вывести проверочные следствия и не содержит надёжно реконструируемых онтологических оснований. Например, нейросеть может указать на

вероятную связь между изменением онтологической модели и трансформацией понимания познания, не раскрывая ни характера этой зависимости, ни условий её теоретической артикуляции.

Гипотеза-кандидат - более структурированное высказывание, по своей форме приближающееся к научной гипотезе. В нём различим предполагаемый механизм или тип зависимости, относительно ясен уровень описания, из него можно в принципе вывести следствия, и в нём отсутствуют явные категориальные ошибки. Но даже в этом случае оно ещё не становится научной гипотезой автоматически: требуются дополнительная теоретическая реконструкция, прояснение онтологических оснований, сопоставление с альтернативами и проверка.

Необходимо отметить, что переход от нейросетевого текстового вывода к научной гипотезе носит ступенчатый характер. Прямой перевод протогипотезы в статус научной гипотезы некорректен, поскольку исключает промежуточную стадию, на которой эвристическое предположение становится структурированным и потенциально проверяемым высказыванием. Однако если исходная формулировка уже достаточно определённа, допускает вывод следствий и поддаётся теоретической реконструкции, она может быть квалифицирована сразу как гипотеза-кандидат.

Предложенное различение протогипотезы и гипотезы-кандидата позволяет описать ограниченную, но и в то же время весьма продуктивную роль ИИ в исследовании и одновременно провести границу между научной эвристикой и псевдонаучной легитимацией. Нейросеть может быть ценным артефактом, ускоряющим поиск направлений исследования, но не автономным носителем гипотезы как формы знания. Чем убедительнее язык модели, тем важнее выполнять условия научности, сводящиеся к реконструкции оснований, онтологической допустимости, проверяемости и ответственности за интерпретацию. В противном случае ИИ начинает работать не на расширение науки, а на распространение ее имитаций. Перспективы дальнейших исследований связаны с уточнением критериев разграничения протогипотезы и гипотезы-кандидата, анализом распределения эпистемической ответственности в человеко-машинном познании и прояснением того, насколько генеративные модели способны изменять формы научного знания.

Список литературы

1. Меркулов 2010 – Меркулов И. П. Гипотеза // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 2010. С. 528-529.
2. Новиков, Новиков 2007 – Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология. М.: СИНТЕГ, 2007. 660 с.
3. Розов 1998 – Розов М. А. О природе идеальных объектов науки // Философия науки. Вып. 4. М.: Институт философии Российской академии наук, 1998. С. 42-50.
4. Сидоренко 2014 – Сидоренко Н. И. Гипотеза как форма научного познания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 5 (43). Ч. 3. С. 168-173.
5. Abdel-Rehim et al. 2025 – Abdel-Rehim A. et al. Can Large Language Models Generate Novel Research Hypotheses? An Experimental Validation Using Drug Repurposing for Breast Cancer // Journal of the Royal Society Interface. 2025. Iss. 224. Article 20240576. [doi: 10.1098/rsif.2024.0576].

6. Elmas, Adiguzel-Ulutas, Yilmaz 2024 – Elmas R., Adiguzel-Ulutas M., Yilmaz M. Examining ChatGPT's Validity as a Source for Scientific Inquiry and Its Misconceptions Regarding Cell Energy Metabolism // Education and Information Technologies. 2024. Vol. 29. P. 25427-25456.

7. Felin, Holweg 2024 – Felin T., Holweg M. Theory Is All You Need: AI, Human Cognition, and Causal Reasoning. 2024. URL: https://www.bu.edu/dbi/files/2024/08/FelinHolwegAug2024_SSRN.pdf (дата обращения: 21.03.2026).

8. Hempel 1966 – Hempel C. G. Philosophy of Natural Science. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1966. 94 p.

9. Popper 1959 – Popper K. The Logic of Scientific Discovery. London: Hutchinson, 1959. 513 p.

10. Qu 2025 – Qu B. Bayes Theorem in Machine Learning: A Literature Review // Theoretical and Natural Science. 2025. Vol. 86. P. 26-31.

УДК 164: 004.8

ФИЛОСОФИЯ МАТЕМАТИКИ А.Ф. ЛОСЕВА И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Змихновский Сергей Игоревич
Кандидат философских наук
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
доцент кафедры философии, теологии и религиоведения
E-mail: zmikhnowski@gmail.com

Чинченко Иван Анатольевич
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
аспирант кафедры философии, теологии и религиоведения
E-mail: 189ivan189@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются философские и научные принципы создания и эксплуатации искусственного интеллекта. Поднимается вопрос о предпосылках возникновения и перспективах развития нейросетей. Прослеживается история важнейших открытий в области логики и математики, ставших ключевыми вехами на пути их возникновения. Делается вывод о том, что появление искусственного интеллекта напрямую связано с совершенствованием языков программирования и методов компьютерного моделирования сложных нелинейных процессов как практической реализации тех научных достижений, в основе которых лежит математическая логика. Последняя понимается в качестве формального расширения и обобщения логики Аристотеля, построенной на прочном фундаменте закона противоречия. Именно он выступает необходимым условием работы искусственного интеллекта и, как ни парадоксально, накладывает на эту работу существенные ограничения. Мешая дальнейшей эволюции нейросетей, закон противоречия стал главной

проблемой компьютерных наук и фатальной уязвимостью всех модификаций искусственного интеллекта. Настоятельно требуется принципиально иная, вытекающая из допущения противоречия и предполагающая его преодоление, логическая база. К большому сожалению, этим фундаментальным вопросом занимались единичные исследователи. К ним относится крупнейших отечественный учёный А.Ф. Лосев. Его перу принадлежит грандиозная по своему замыслу и размаху работа «Диалектические основы математики», где исчерпывающе изложены концептуальные постулаты, требующиеся для создания теории числа, превосходящей все имеющиеся образцы по своему уровню и масштабу. В нынешних условиях сформировался устойчивый запрос на её прикладную экспликацию. Именно она может открыть новые перспективы перед разработчиками искусственного интеллекта. Авторы выражают надежду на возможность применения диалектической философии математики А.Ф. Лосева для совершенствования алгоритмов функционирования искусственного интеллекта.

Ключевые слова: философия математики, история математики, математическая логика, искусственный интеллект, нейросеть, диалектика числа, А.Ф. Лосев.

PHILOSOPHY OF MATHEMATICS BY A.F. LOSEV AND THE PROBLEMS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE DEVELOPMENT

Zmikhnovskiy Sergey Igorevich
Kuban State University,
Associate Professor of the Department of Philosophy, Theology and Religious Studies

Chinchenko Ivan Anatolyevich
Kuban State University,
Postgraduate student of the Department of Philosophy, Theology and Religious Studies

Abstract: The article analyzes the philosophical and scientific principles of creating and using artificial intelligence. It raises the issue of the prerequisites for the emergence and prospects for the development of neural networks. The article traces the history of the most important discoveries in the field of logic and mathematics, which became key milestones on the path to their emergence. The article concludes that the emergence of artificial intelligence is directly related to the improvement of programming languages and methods of computer modeling of complex nonlinear processes, which are the practical implementation of scientific achievements based on mathematicalthem is the prominent Russian scientist A.F. Losev.ion and generalization of Aristotle's logic, which is built on the solid foundation of the law of contradiction. This law is a necessary condition for the operation of artificial intelligence and, paradoxically, imposes significant limitations on its work. By hindering the further evolution of neural networks, the law of contradiction has become a major challenge in computer science and a fatal vulnerability for all forms of artificial intelligence. There is an urgent need for a fundamentally different logical framework that allows for the assumption of contradiction and its subsequent resolution. Unfortunately, this fundamental issue has been addressed by a few researchers. One of them is the prominent Russian scientist A.F. Losev. His magnum opus, Dialectical Foundations of Mathematics, is a monumental work that comprehensively outlines the conceptual principles necessary for creating a theory of numbers that surpasses all existing models in terms of its level and scope. In the current context, there is a growing demand for its application. This theory holds the potential to open up new avenues for artificial intelligence developers. The authors express

their hope that the dialectical philosophy of mathematics by A.F. Losev can be utilized to enhance the algorithms behind artificial intelligence.

Keywords: philosophy of mathematics, history of mathematics, mathematical logic, artificial intelligence, neural network, dialectic of numbers, A.F. Losev.

В данной статье речь пойдет о текущей математической парадигме, которая привела к созданию искусственного интеллекта, но которая сама же наложила на его возможности определенные ограничения, а также о том, каким образом эти барьеры могут быть преодолены развитием альтернативного взгляда на природу числа и числовых операций.

Для начала кратно опишем те математические открытия, благодаря которым оказалось возможным создание так называемого ИИ. Около 300 г. до н. э. Евклид написал свой главный труд «Начала», в котором он впервые в истории построил математику как аксиоматическую дедуктивную систему, то есть систему, в которой из относительно небольшого числа исходных аксиом с помощью дедуктивной логики аристотелевского типа выводятся теоремы разного уровня общности. При этом древнегреческий учёный полагал, что изначальные положения теоретической аксиоматической системы представляют собой вполне самоочевидные истины.

Сомнения вызывал лишь пятый постулат о параллельных прямых, так как он выглядел значительно менее бесспорным, чем все остальные. Математики пытались вывести его из остальных основоположений, что само по себе парадоксально, но все попытки оказывались тщетными. В 1826 г. Н.И. Лобачевский наглядно показал, что на базе аксиом, отличающихся от евклидовых, можно построить непротиворечивую геометрию. Из этого следовал вывод огромного гносеологического значения: сама по себе логика не определяет истинность математических утверждений. Открытие Н.И. Лобачевского поставило на повестку дня вопрос об определении принципов математического анализа и базовых постулатов математики как науки.

Параллельно шло развитие другого направления математической мысли. В 1854 году Д. Буль свел логические операции к простым математическим действиям над переменными, которые могут принимать только два значения – 0 и 1. На основе этого в 1879 г. Г. Фреге изобрел и аксиоматизировал логику предикатов. Такая система позволила формально выражать математический анализ. Г. Кантор воспользовался этим достижением и создал теорию множеств, которая дала возможность выражать математические объекты на языке принадлежности множеству, используя логику предикатов.

К 1922 году у Д. Гильберта сложился план обоснования всей математики путём её полной формализации с последующим доказательством непротиворечивости такой математики. Через 8 лет А. Гейтинг предложил формальную систему, отражающую некоторые способы рассуждений, приемлемые с точки зрения интуиционизма. Напомним, что в интуиционистской логике, в отличие от классической, отсутствует закон исключённого третьего. Это было попыткой избавиться от того, на чем основана устаревшая модель математики.

В 1931 г. К. Гёдель опубликовал доказательство двух своих знаменитых теорем, поставивших крест на программе логического позитивизма по созданию универсального искусственного языка науки. Это устанавливало границы формальной логики и возможностей её применения.

Революционное для компьютерных технологий открытие произошло в 1938 г. К. Шеннон обнаружил, что между работой релейных схем и законами булевой алгебры

существует прямая связь. В последней есть два состояния («истина»/«ложь»), и в релейной схеме – тоже два состояния («включено»/«выключено»). А значит любой оператор – это не только логическая схема, но и своеобразный физический «вентиль». Из таких вентилей строятся регистры, сумматоры, а затем и целые процессоры.

Первый электронный цифровой вычислитель общего назначения ENIAC, который можно было перепрограммировать для решения широкого спектра задач, был разработан в 1940-е гг. После того, как программа была прописана на бумаге, процесс её загрузки в ENIAC путем манипулирования многочисленными переключателями и кабелями мог занять несколько дней. По меркам нашего времени далеко не самый удобный способ программирования.

Язык Ассемблер оказался настоящим технологическим прорывом, хотя и он не мог позволить работать с высокоуровневыми типами переменных. Без него в 1957 г. не появилось бы Фортрана, первого языка программирования высокого уровня, получившего практическое применение. И лишь в 1972 г. состоялся релиз языка Пролог, в который была внедрена логика предикатов.

Дальнейшее развитие языков программирования и математического моделирования привело к созданию искусственного интеллекта и, в частности, нейронных сетей. Фактически это практическая реализация того, в теоретическом основании чего лежит математическая логика, выступающая формальным расширением и обобщением логики аристотелевской, строящаяся на, казалось бы, прочном фундаменте закона противоречия.

Как известно, именно в противоречии Гегель видел корень всякого движения, из которого появляются новые идеи. Поэтому закон противоречия – ключевая проблема современной математики и главная уязвимость всех модификаций ИИ. Однако именно он является необходимым условием работы искусственного интеллекта. Поэтому настоятельно требуется принципиально иная математическая модель, которая будет вытекать из допущения противоречия и его дальнейшего преодоления (выражаясь классическим философским языком – снятия). Мало кто занимался этой проблемой в разрезе сугубо математическом. Да и те, кто решались за неё браться, не достигали особых успехов. Исключение составляет, пожалуй, только крупнейших отечественный философ и учёный А.Ф. Лосев. Его перу принадлежит выдающаяся работа «Диалектические основы математики», где исчерпывающе изложены все концептуальные постулаты, требующиеся для создания логической модели, превосходящей все имеющиеся образцы по своему уровню и масштабу [Лосев 2013]. Русский мыслитель описывает свою миссию так: «… нам предстоит задача, исходя из вышеразвитого анализа понятия числа, *дать диалектическое построение математической науки в ее основных опорных пунктах, т. е: в ее фундаментальных категориях и операциях*» [Лосев 1997, с. 425]. В нынешних условиях сформировался запрос на прикладную экспликацию этой теории. Именно она потенциально может помочь свести к минимуму ограничения возможностей ИИ, как на стадии разработки, так и на стадии применения.

Внутренняя алгоритмика диалектики числа А.Ф. Лосева проста и изящна. Она начинает с констатации наличия «нечто», т.е. некоего смысла ещё до его полагания. Когда последнее совершено, «нечто» превращается в «это» (число «1»), или утверждённый, логический определённый смысл. Но тому, что имеет свои пределы противостоит «иное» (число «2»), которое их и очерчивает. Однако, «иное» есть не более, чем момент самополагания «нечто», наряду с «это». Таким образом, «это» и «иное» в своём смысловом соотнесении с «нечто» тождественны. Когда «нечто» еще не положено, оно не отличается ни от чего, а то, что ни от чего не отличается есть ничто, в абсолютной неразличимости которого «это» и «иное»

совпадают. Подобное тождество выходит далеко за пределы закона противоречия. Два указанных момента бытия, перетекая друг в друга, производят движение, но оставаясь самими собой, пребывают в покое. Происходит их полный диалектический синтез, обладающий собственной качественностью и отличающийся и от просто «это», и от просто «иное», взятых в их дискретном состоянии (число «3»). Число три, в свою очередь, становится «этим» для нового полагания и так до бесконечности. Такова диалектика и отдельного числа, и всего числового ряда.

В отличии от формальной логики, где требуется выбор между «тождеством» и «различием», концепция А.Ф. Лосева требует удержания и того, и другого. Мы должны стремиться не минимизировать ошибку, то есть избавиться от противоречия, выбрав определенный ответ, а максимизировать продуктивность противоречия, чтобы наша программа (алгоритмическая модель) поняла, что её самой уже недостаточно, а требуется синтез более высокого уровня и охвата.

Начинать с «нечто», как предлагает А.Ф. Лосев, значит ставить во главу угла бесконечный по своей сущности и своим возможностям первопринцип, из которой все выводится с внутренней логической необходимостью. Такой подход кардинально отличается от аксиоматического. В его свете аксиомы вообще выглядят набором произвольных догм.

Наша главная идея состоит в том, что цель для ИИ должна рождаться из его самостоятельно взаимодействия со средой, если хотите с «миром», из обнаружения противоречия между собственным прогнозом («это») и реальностью («иное»), а не ограничиваться заданной извне функцией. Логический переход от «этого» к «иному» требует движения. Фиксация результата такого процесса требует покоя. Их синтез – «подвижной покой» – означает, что покой есть момент движения, а движение есть момент покоя. В отличии от существующей модели, которая обучается, получая фиксированные параметры, и используется в состоянии покоя, сеть должна быть такой «ставшей» (статичной), которая продолжает одновременно «становиться» (находиться в динамике).

Грандиозный план А.Ф. Лосева состоял в следующем. «Формально-логическая вычислительная система математики должна быть превращена в диалектическую систему, в систему диалектических категорий. При таком условии математика, разумеется, принимает совершенно неузнаваемый вид; и многое приходится расценить совершенно иначе, не так, как при обычном изложении математического материала» [Лосев 1997, с. 427]. Вытекающее из такого масштабного замысла понимание числа кажется более перспективным для создания искусственного интеллекта, работающего с противоречиями, чем трактовка числа в качестве элемента искусственно сконструированной математической структуры, подчиняющейся специально заданным внешним правилам. Если продолжать питать надежду получить более совершенную и продуктивную версию искусственного интеллекта, то без частных прикладных выводов из общих теоретических принципов философии математики отечественного учёного вряд ли удастся обойтись.

Список литературы

1. Лосев 2013 – Лосев А.Ф. Диалектические основы математики. М.: Academia, 2013. 797 с.
2. Лосев 1997 – Лосев А.Ф. Хаос и структура. М.: Мысль, 1997. 831 с.

УДК-165.0/174.4

ПСЕВДОНАУКА И СОВРЕМЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Партолина Светлана Сергеевна

магистрант
Институт философии и социально-политических наук
Южный федеральный университет
E-mail: spartolina@sfedu.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема соотношения науки и псевдонауки в условиях современного университета. Псевдонаука анализируется как социокультурный и институциональный феномен. В качестве основных направлений методов борьбы с псевдонаукой можно отметить популяризацию науки и развитие критического мышления у студентов и общества в целом, потому что псевдонаука все больше и больше входит не только в современный университет, но и в целом проникает в жизнь современного человека. Внимание уделяется феномену имитации научности, когда псевдонаучные концепции воспроизводят лишь внешние признаки научного знания. Представлена попытка определить факторы, способствующие распространению псевдонауки в академической среде, а также оценка возможных последствий данной тенденции для науки и образования. Исследуется феномен «публикуйся или умри» («publish or perish») и доминирование количественных показателей оценки научной деятельности, рассматриваются проблемы манипулирования публикационными показателями и институционального давления на исследователей. Делается вывод о том, что изучение феномена псевдонауки в университете способствует повышению качества образования, а также показывается важность борьбы с псевдонаукой в академической среде на всех уровнях.

Ключевые слова: псевдонаука, псевдонаучное знание, современный университет, философия науки, университет, демаркация, слоган «Публикуйся или умри».

PSEUDOSCIENCE AND THE MODERN UNIVERSITY

Partolina Svetlana Sergeevna

Postgraduate student,
Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences,
Southern Federal University

Abstract: The article deals with the problem of the correlation of science and pseudoscience in the conditions of a modern university. Pseudoscience is analyzed as a socio-cultural and institutional phenomenon. The main directions of methods of combating pseudoscience include the popularization of science and the development of critical thinking among students and society as a whole, because

pseudoscience is increasingly becoming part of not only a modern university, but also penetrates into the life of a modern person. Attention is paid to the phenomenon of imitation of scientific knowledge, when pseudoscientific concepts reproduce only the external signs of scientific knowledge. The article presents an attempt to identify the factors contributing to the spread of pseudoscience in the academic environment, as well as an assessment of the possible consequences of this trend for science and education. The phenomenon of "publish or perish" and the dominance of quantitative indicators for evaluating scientific activity are investigated, the problems of manipulation of publication indicators and institutional pressure on researchers are considered. It is concluded that studying the phenomenon of pseudoscience at the university contributes to improving the quality of education, and also shows the importance of combating pseudoscience in the academic environment at all levels.

Keywords: science, pseudoscience, pseudoscientific knowledge, modern university, philosophy of science, university, demarcation, slogan “Publish or perish”

Современный университет, важнейшими функциями которого остаются производство и трансляция научного знания, сталкивается с рядом вызовов, и среди них особо важное место занимает проблема соотношения научного и псевдонаучного знания. Уже долгое время наблюдается тенденция размывания границы между наукой и псевдонаукой, а так как в университетской среде, где внимание и приоритет традиционно уделяется развитию исследовательской деятельности и формированию у молодых ученых навыков подготовки научных текстов, то особую актуальность приобретает проблема уточнения критериев научности, позволяющих отличать современное научное знание от псевдонауки. И в таких условиях существенно обостряется вопрос о статусе псевдонауки в академическом пространстве.

Современный университет, как ключевой институт производства, хранения и трансляции знания – неизбежно сталкивается с вненаучными формами познания. И пусть сейчас эта тема приобретает особую актуальность, но нельзя не отметить, что вопрос о границах научного знания был поставлен давно и получил серьезное теоретическое осмысление в работах К. Поппера, Т. Куна, И. Лакатоса и других, однако сейчас данная тема требует новейших исследований.

В современном мире знание оценивается как определяющий фактор развития всего общества, поэтому проблема демаркации приобретает дополнительную актуальность. Усиление проникновения псевдонауки в академическую среду и при этом отсутствие эффективных механизмов борьбы с ней может привести к утрате доверия к университету, а в особо негативном случае - к деградации научных стандартов.

Псевдонаука имеет большое количество проявлений, поэтому прежде всего необходимо уточнить ее определение. Псевдонаука представляет собой совокупность представлений и концепций, претендующих на объяснение явлений и процессов, однако не подтверждаемых посредством научных методов исследования [Encyclopedia Britannica 1997].

Наука, несмотря на свой значительный объяснительный потенциал, не способна исчерпывающим образом интерпретировать все аспекты человеческого существования, поэтому псевдонаучные представления сохраняют свою востребованность. «Распространение псевдонаучных учений и «теорий» шло по нарастающей и к рубежу XX века достигло одного из своих пиковых значений» [Бакулов, Силенко 2019, с. 5], и популярность псевдонауки только продолжает увеличиваться.

В этой связи актуален вопрос о том, каким образом система образования и высшая школа, в частности, должна реагировать на проявления псевдонауки. Университет, как

социальная институция, трансформируется, под влиянием бюрократизации, коммерциализации научных исследований и понижения уровня научной грамотности в широких слоях общества. В этой связи участников дискуссии по проблеме демаркации должно становится больше, как и исследователей данной проблемы. Здесь можно отметить, что для развенчания псевдонаучного знания двадцать лет назад была сформирована «Комиссия РАН по борьбе с лженаукой и с фальсификацией научных исследований», деятельность которой дополняется изданием бюллетеня «В защиту науки».

В контексте исследования проблем современного университета и псевдонауки, отдельного внимания заслуживает феномен «публикуйся или умри» («publish or perish»), отражающий ситуацию в университете, в которой ученым постоянно необходимо публиковать научные работы, чтобы оставаться в академической среде и продвигаться по карьерной лестнице. Научная деятельность в определенной степени, оказывается подчиненной количественным показателям. Хотя и данная логика ориентирована на рост научного знания, это нередко приводит к смещению внимания с качества и содержания на количество и формальности.

Некоторые исследователи небезосновательно полагают, что требование от университета постоянно публиковаться – является одной из главных причин кризиса воспроизводства знания и способствует продолжению существования псевдонауки в университете. И мы видим, что проблема с преобладанием формальных критериев в исследованиях затрагивает все уровни академического образования, что дает еще больше возможностей псевдонауке проникать в университет.

Так, Николай Николаевич Губанов, размышляя на тему этого феномена и даже тренда, как он его называет, говорит о том, что «Автор должен получать удовольствие от своей работы и работать без спешки до тех пор, пока не будет уверен, что его концепция получила завершенный вид» [Губанов 2024, с. 31]. И университет исторически формировался как пространство производства знания без подчинения требованиям немедленной практической эффективности или количественной отчетности.

Продолжая рассмотрение данной проблемы, хотелось бы отметить, что в современной университетской среде появляются новые практики публикационной деятельности, которые не всегда могут быть однозначно квалифицированы как прямое нарушение научной этики, однако оказываются связаны с имитацией научной результативности. Подобная ситуация возникает в связи с использованием аналитических показателей эффективности, и чем больше растет зависимость от институциональных показателей, тем выше становится вероятность различных форм манипулирования ими [Biagioli 2020, p. 1].

Также в условиях коммерциализации научного знания особую актуальность приобретает проблема институционального контроля над производством научной информации. Граница между научным и псевдонаучным может размываться не только из-за откровенно антинаучных идей, но и вследствие институционального давления и некоторого манипулирования механизмами производства знания. Подобную ситуацию, связанную с влиянием финансирующих организаций, заинтересованных в получении определенных выгод, анализирует Сержио Сисмондо. Так, например, «авторы могут быть выбраны не только потому, что они заслуживают доверия, но и потому, что они уже согласны с выводами, содержащимися в статьях» [Sismondo 2020, p. 124].

Таким образом, в стремлении университета к повышению эффективности, рейтинга и финансированию нет ничего плохого, но во всей этой гонке – важно не потерять истину и пресекать попытки псевдонаучных исследований на всех уровнях. Вместе с этим

университетская среда не должна создавать чрезмерного институционального давления на исследователей, чтобы это не способствовало распространению псевдонаучных и недобросовестных исследовательских практик.

Также одной из возможных причин проникновения псевдонауки в университет – является цифровизация образования, потому что с большим количеством цифровых возможностей порой может размываться граница между научными источниками и обычным инфопространством.

Одна из фундаментальных задач высшего образования заключается не только в передаче знаний, но и в формировании способности к критическому анализу любой информации. Псевдонаучная информация часто оказывается убедительно представленной, поскольку имеет наукообразную форму и апеллирует к авторитету науки. В этой ситуации университету принадлежит важная роль в формировании рационального и критического отношения к подобным формам знания, особенно с учетом того, что псевдонаука нередко стремится имитировать внешние признаки науки – независимость мышления, концептуальную ценность, оригинальность концепций и многое другое.

Также стоит отметить возрастающую популярность технологий искусственного интеллекта в различных сферах жизни человека, включая систему высшего образования. Особую актуальность приобретает проблема того, что нейросети используют широкий массив источников, в котором может присутствовать псевдонаучный контент. И помимо того, что искусственный интеллект способен продвигать псевдонаучные источники, он также самостоятельно создает псевдонаучную информацию, которую распространяет на большую аудиторию. И данная тема требует отдельного исследования.

И в целом необходимо отметить, что механизмы верификации информации в цифровой среде остаются достаточно слабыми, при том, что скорость распространения этой информации с каждым витком развития технологий - только увеличивается. И это еще одна проблема, которая требует внимания от всего научного общества.

В рамках высшего образования особую важность приобретает изучение позитивистской и постпозитивистской философии науки, поскольку обращение к данным направлениям способствует формированию у студентов развитой методологической культуры научного мышления. И это с большой вероятностью благотворно скажется на результатах исследовательской работы студентов, а также позволит чётко отделять и критически анализировать научные дискурсы от псевдонаучных, как в академической среде, так и за её пределами.

Университетская институциональная структура такова, что допускает проникновение псевдонауки, и с этим необходимо бороться, чтобы не запустить процесс разрушения академической среды изнутри. В то же время, псевдонаука должна продолжать изучаться в университете, чтобы находились новые методы для успешной борьбы с ней. Итак, в условиях, когда наука оказывает существенное влияние на общественные процессы, а университет продолжает быть ключевым пространством для ее воспроизводства, приобретает принципиальное значение содержание и качество циркулирующих в нем знаний. Наряду с этим, именно университет обладает особым теоретико-методологическим потенциалом для борьбы с псевдонаукой.

Поскольку псевдонаука постоянно совершенствуется и «как только противники (псевдонауки) находят эффективный критерий для ее выявления и делают его широко известным, она, подобно вирусу, начинает мутировать и избавляться от уязвимостей» [В защиту науки 2015, с. 39], что указывал А.Г. Сергеев в свое время. Такая ситуация требует

постоянного и активного совершенствования методов борьбы с псевдонаукой, потому что она в современных условиях приобретает характер своеобразного информационного вируса.

Список литературы

1. В защиту науки 2006 – В защиту науки / [отв. ред. Е.Б. Александров]; сост. Е.Б. Александров, Ю.Н. Ефремов; Комиссия РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. М. : Наука, 2006. Бюллетень № 1–16.
2. Бакулов, Силенко 2019 – Бакулов В. Д., Силенко С. В. Основные теоретико-методологические уровни анализа проблемы демаркации науки и квазинауки // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2019. №2 (202). С. 4-9.
3. Губанов 2024 – Губанов Н. Н. От некрофильного тренда «публикуйся или умри» к биофильному императиву «публикуйся, чтобы полноценно жить» // Alma Mater =Вестник высшей школы. 2024. № 9. С. 20–34.
4. Biagioli 2020 – Biagioli M., Lippman A. (Eds.) AR IO. Gaming the Metrics. Cambridge, Massachusetts; London: The MIT Press, 2020. 306 p.
5. Encyclopedia Britannica 1997 – Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс]. [Chicago]: Encyclopedia Britannica, cop. 1997. URL: https://www.britannica.com/topic/pseudoscience (дата обращения 01.01.2024).
6. Sergio Sismondo 2020 – Sismondo S. Ghost-Managing and Gaming Pharmaceutical Knowledge // Gaming the Metrics Misconduct and Manipulation in Academic Research / Ed. by M. Biagioli, A. Lippman. London: The MIT Press Cambridge, Massachusetts, 2020. P.123-133.

УДК 165.3

РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В НАУЧНОЙ СРЕДЕ: ПРОБЛЕМА НЕНАУЧНОСТИ ЗНАНИЯ

Сысоев Иван Алексеевич

Магистрант 1 курса Философии, Института философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет

E-mail: fotoioan@mail.ru

Аннотация: Доклад посвящен попытке осмыслить место искусственного интеллекта (языковых моделей LLM) в научной и университетской среде. Роль, которую берет на себя ИИ в обработке и поиске информации задает новую тенденцию исследования и теперь необходимо осмыслить и интегрировать данную систему в научное творчество без потери роли человека в самом научном творчестве. Возникают эпистемологические проблемы связанные с продуктом LLM и самом доверии к такого рода текстам, и научным работам. Может ли текст в разработке которого участвовал ИИ быть научным? Какие критерии необходимо соблюсти чтобы не перейти грань в котором знание теряет свою серьезность и превращается в обычный конструкт из символов который не несет в себе научной ценности?

Данная проблематика нуждается в её разрешении, ведь в случае игнорирования мы потеряем престиж науки в целом, и знание из величайшего человеческого достояния превратится в бессмысленный набор символов, который не несет в себе ничего ценного, и станет «низкосортным» продуктом потребления. В данной статье будут затронуты данные проблемы для дальнейших дискуссий по данному вопрос.

Ключевые слова: Искусственный интеллект, LLM, языковая модель, наука, знание, эпистемология, познание, данные.

THE ROLE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE SCIENTIFIC ENVIRONMENT, THE PROBLEM OF UNSCIENTIFIC KNOWLEDGE

Sysoev Ivan Alekseevich
1st year Master's student in Philosophy, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, Southern Federal University

Abstract: The report is devoted to an attempt to comprehend the place of artificial intelligence (LLM language models) in the scientific and university environment. The role that AI assumes in information processing and retrieval sets a new trend in research, and now it is necessary to understand and integrate this system into scientific creativity without losing the role of humans in scientific creativity itself. There are epistemological problems related to the LLM product and the very trust in such texts and scientific papers. Can a text that AI was involved in developing be scientific? What criteria must be met in order not to cross the line in which knowledge loses its seriousness and turns into an ordinary construct of symbols that does not carry scientific value? This issue needs to be resolved, because if ignored, we will lose the prestige of science as a whole, and knowledge from the greatest human heritage will turn into a meaningless set of symbols that does not carry anything valuable, and will become a "low-grade" consumer product. This article will address these issues for further discussions on this issue.

Keywords: Artificial intelligence, LLM, language model, science, knowledge, epistemology, cognition, data

В современном мире ИИ напрямую влияет на обработку и интерпретацию знания в научной среде. Алгоритмические системы способны в какой-то мере изменить и упростить работу с информацией в целом. В данном случае актуальным будет вопрос об эпистемологическом доверии, связанном с основаниями признания полученного знания достоверным и значимым в научном сообществе. Проблема применения ИИ напрямую связана с его влиянием на структуру научного результата, его обоснования и способа включения в саму научную среду. Искусственный интеллект если говорить о языковых моделях (LLM) способен за считанные секунды обрабатывать и структурировать огромные объемы информации. Его использование сильно упрощает сам поисковый процесс, который может занимать большое количество времени. Он может быть использовать только как инструмент для поиска, структурирования, планирования и подобных способов работы с информацией. LLM сам по себе не выводит новые научные факты и не выявляет новое знание в процессе познания, он лишь упрощает работу на этом пути. LLM всегда необходимо контролировать и

следить за «деревом» рассуждений которое он строит. Человек как субъект действия должен сам иметь базис знания в той области знания, в которой использует языковую модель, т.к. здесь существует реальная опасность что LLM может начать выдумывать и структурировать только что сгенерированные концепции при построении «дерева» ответа на промпт. Здесь речь идет о введении в заблуждение и ненаучности.

Проблематика фильсификации знания была выражена у Карла Поппера и Имре Лакатоса. Поппер основывался на принципе фальсифицируемости как ключевом критерии научности. Научным можно считать только такое высказывание или концепцию, которую допускают к возможности эмпирического опровержения. Сама фальсифицируемость является неким логико-методологическим условием включения теоретических положений в научное знание. Лакатос формирует концепцию научных исследовательских программ, в которой непосредственно само научное знание организуется как последовательность теоретических и методологических структур. Основным критерием научной рациональности в такой модели является прогрессивность развития исследовательской программы, которая выражена в способности выводить новые теоретические и эмпирические результаты, также дополнительно объяснять наблюдаемые факты.

Исследовательский результат может быть признан научным при условии использования технологий ИИ, если сохраняются методологические требования научного исследования, включая обоснование, проверяемость и интерсубъективную верификацию в рамках научного сообщества. В данном контексте использование ИИ (LLM) будет определяться как инструментальная составляющая исследовательского процесса, не обладающего статусом эпистемического субъекта. Поиск знания остается связанным с деятельностью человека как носителя функции познания и ответственного за интерпретацию, обоснование и оценку получаемых результатов. Само участие искусственного интеллекта в процессе получения результата не изменяет его научного статуса при условии соблюдения критериев научной рациональности и процедурной корректности. Использование LLM не предполагает наличия познавательной активности в философском смысле, поскольку отсутствует способность к формированию интенциональности, постановке целей и самостоятельному обоснованию истинности утверждений. Деятельность познания всегда подразумевает антропологический характер и реализуется через субъекта. Модели LLM функционируют на основе статистических данных и вероятностных механизмов обработки текста, что позволяет им эффективно выполнять задачи генерации и структурирования информации при корректной постановке запросов. Работа языковой модели напрямую связана с необходимостью выдачи ответа на промпт, что обусловлено архитектурой системы и принципами её функционирования, LLM не может не дать ответ на запрос, даже если промпт будет противоречив алгоритм «выдумает» ответ. В рамках научного использования систем LLM возрастает задача и значения критической функции исследования, включающей проверку достоверности получаемой информации, сопоставления результатов с источниками и их методологическую верификацию. Наличие предварительной теоретической подготовки в таком случае является наиважнейшим элементом для осуществления деятельности познания с использованием ИИ.

Искусственный интеллект не может рассматриваться как полноценный субъект научного познания. Подобные языковые модели не обладают самостью, телесностью или интенциональностью, а также о способности принимать на себя ответственность за производимое знание не может идти и речи. По этой причине к нему не могут быть применены классические требования необходимой научной объективности, адресованные субъекту

научной деятельности. ИИ определятся как инструмент, возникший в ходе культурно-технологической эволюции человека и предназначенный для повышения эффективности исследования [Зубковская 2024, с. 45-47].

Если рассмотреть проблематику более детально можно обратить внимание на разграничение искусственного (машинного) интеллекта и естественного. Для их разграничения целесообразно учитывать такие критерии как: автономность, целеполагание и саморефлексию. Нужно отметить, что формирование целей, осмысление собственного опыта и формирование поведения на основании внутренних установок, а также осуществление рефлексии относительно процесса мышления машинному интеллекту конечно не свойственен. ИИ только лишь алгоритм способный на посредственную имитацию данных процессов. Любые своего рода «рассуждения» машинного интеллекта являются обычными построениями вычислительной процедуры и статистической обработки данных. Современный ИИ следует рассматривать как высокоразвитый инструмент, благодаря которому можно расширить исследовательские и технические возможности человека [Воробьев 2025, с. 48-49].

В рамках данного исследования, направленного на осмысление трансформации эпистемических оснований научного знания в условиях цифровизации и технологий ИИ с последующим их внедрением, можно обратиться к одной из интерпретаций осмысления вида знаний, а именно знание-что и знание-как. Первое фиксирует пропозициональное содержание т.е. истинные утверждения о мире. Второе же обозначает совокупность практических и когнитивных умений, обеспечивающих возможность действия, интерпретации и обработки информации. В современных условиях учетом активного использования ИИ данное различие обретает дополнительное эпистемологическое значение. Существенная часть научных операций, таких как: анализ данных, классификация, моделирование всё в большей степени опирается на распределенные формы знания-как, частично делегируемые алгоритмическим системам. Однако это не означает что автоматический переход к знанию-что со стороны таких систем должен осуществиться, поскольку пропозициональная валидность научного результата предполагает включенность процедур обоснования, интерпретации и верификации. Следовательно знание-как выступает необходимым, но не достаточным условием производства научного знания. Здесь ставится вопрос, связанный с его институционализацией в научной практике о перераспределении эпистемической ответственности между исследователем и технологической средой [Дёмин, Фролов 2023, с. 103-106].

Помимо положительного влияния языковых моделей (LLM) на работу с текстом путем поиска большого количества информации, необходимо также выделить негативные последствия. Использование технологий ИИ в академической и публичной деятельности способствует усилению псевдонаучных дискурсов. Распространение таких дискурсов напрямую связано с новой возможностью быстрой генерации текстов, внешне имеющих признаки научности, и легкой доступности к системам генерации текстов для широкого количества пользователей. Всё это приводит к затруднению идентификации реального научного дискурса. Также можно выделить роль информационной неопределенности, из-за избытка и неоднородности цифровых данных процесс различения и осмысления такого массива информации затрудняет процесс экспертной оценки.

Университет в современной научной системе сохраняет свою главную функцию познания, систематизации, верификации и формирования знания. Развитие же цифровых технологий включая системы искусственного интеллекта изменяет условия «производства» знания. Роль университета в системе научной коммуникации нуждается в уточнении своего

места в самой научной системе в связи с расширением доступа к информации и алгоритмических инструментов. Развитие цифровых инструментов открывает возможность новых моделей верификации и экспертной оценки, включая автоматизированное рецензирование, анализ воспроизводимости результатов и расширенные формы открытой научной коммуникации. Системы ИИ необходимо адаптировать для университетской среды научного познания.

Проблематика использования технологий LLM в научной среде остается дискуссионной и нуждается в дальнейшем решении вопросов связанным с последующей ролью научности текстов. Искусственный интеллект при правильном и рациональном его использовании способен помочь открывать новые горизонты знания, но одновременно с этим появляется серьезная угроза ненаучности при нерациональном его использовании.

Список литературы

1. Воробьёв, Краснов 2025 – Воробьёв Р.Р., Краснов А.С. Эпистемология интеллекта: основания разграничения естественного и машинного мышления // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2025. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/epistemologiya-intellekta-osnovaniya-razgranicheniya-estestvennogo-i-mashinnogo-myshleniya
2. Дёмин, Фролов 2023 – Дёмин Т.С., Фролов К.Г. Знание-что, знание-как, сознание и искусственный интеллект // ОНВ. ОИС. 2023. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/znanie-chto-znanie-kak-soznanie-i-iskusstvennyy-intellekt
3. Зубковская 2024 – Зубковская А.А. Искусственный интеллект и научная объективность // Науковедческие исследования. 2024. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-nauchnaya-obektivnost

УДК 165.24; 001.8; 168.561

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПСЕВДОНАУЧНЫХ ДИСКУРСОВ В ЭПОХУ ИИ: КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

Лисенков Алексей Сергеевич

Студент бакалавриата

Санкт-Петербургский национальный исследовательский Академический университет имени Ж. И. Алфёрова Российской академии наук

E-mail; alisenkov2005@gmail.com

Аннотация: В настоящих тезисах рассматривается проблема демаркации науки и псевдонауки в контексте стремительного распространения дискурса об искусственном интеллекте. Показано, что эпоха генеративных языковых моделей порождает специфические формы псевдонаучного дискурса - антропоморфизацию нейросетей, приписывание им сознания и «понимания» - которые требуют методологически строгого критического анализа.

Исследование опирается на классические критерии демаркации: принцип фальсифицируемости К. Поппера, методологию научно-исследовательских программ И. Лакатоса, концепцию научных революций Т. Куна, а также на современные подходы в философии искусственного интеллекта, включая аргумент «китайской комнаты» Дж. Сёрла и концепцию концептуальной инженерии Д. Чалмерса. Анализируются характерные паттерны псевдонаучного дискурса в сфере ИИ: нефальсифицируемые утверждения о «сознании» языковых моделей, подмена понятий в описании когнитивных функций нейросетей, манипуляции с терминологией в публичном и академическом пространстве. Выделяются три ключевых аргумента-индикатора псевдонаучности: аргумент от сложности архитектуры, аргумент от поведенческой неотличимости и аргумент от самоотчёта языковой модели. Показано, что каждый из них воспроизводит логику регрессивных исследовательских программ в смысле Лакатоса. Предлагается методологический инструментарий для критической оценки утверждений об интеллектуальных возможностях ИИ-систем, включающий контент-анализ дискурса, дискурс-анализ и применение критерия прогрессивности научно-исследовательских программ. Делается вывод о необходимости выработки философски обоснованных стандартов научности для дискурсов об искусственном интеллекте посредством постоянной концептуальной работы, а не механического применения демаркационных критериев.

Ключевые слова: демаркация науки, фальсифицируемость, искусственный интеллект, псевдонаучный дискурс, концептуальная инженерия, философия науки.

CRITICAL ANALYSIS OF PSEUDOSCIENTIFIC DISCOURSES IN THE AI ERA: METHODS FOR DISTINGUISHING SCIENCE FROM PSEUDOSCIENCE

Lisenkov Alexey Sergeevich

Bachelor student

Alferov Federal State Budgetary Institution of Higher Education and Science Saint Petersburg National Research Academic University of the Russian Academy of Sciences

Abstract: These proceedings address the demarcation problem between science and pseudoscience in the context of rapidly proliferating artificial intelligence discourses. It is shown that the era of generative language models gives rise to specific forms of pseudoscientific discourse - the anthropomorphization of neural networks, the attribution of consciousness and "understanding" to them - which require methodologically rigorous critical analysis. The study draws on classical demarcation criteria: K. Popper's falsifiability principle, I. Lakatos's methodology of scientific research programmes, T. Kuhn's concept of scientific revolutions, as well as contemporary approaches in the philosophy of artificial intelligence, including J. Searle's Chinese Room argument and D. Chalmers's framework of conceptual engineering. Characteristic patterns of pseudoscientific discourse in the field of AI are analyzed, including non-falsifiable claims about the "consciousness" of language models, conceptual substitution in descriptions of neural network cognitive functions, and terminological manipulation in public and academic discourse. Three key argument-indicators of pseudoscientific reasoning are identified: the argument from architectural complexity, the argument from behavioral indistinguishability, and the argument from language model self-report. It is shown

that each of these reproduces the logic of regressive research programmes in the Lakatosian sense. A methodological toolkit for the critical assessment of claims about the intellectual capabilities of AI systems is proposed, including discourse content analysis and the application of the research programme progressiveness criterion. The conclusion is drawn that philosophically grounded standards of scientificity for AI discourses require continuous conceptual work rather than the mechanical application of demarcation criteria.

Keywords: science-pseudoscience demarcation, falsifiability, artificial intelligence, language models, pseudoscientific discourse, anthropomorphization, conceptual engineering, philosophy of science.

Проблема демаркации науки и псевдонауки, впервые сформулированная в ее классическом виде К. Поппером, приобретает принципиально новое значение в эпоху нейросетей и массовой цифровизации и алгоритмизации знания. Стремительное развитие ИИ технологий сопровождается формированием новой формы научного знания, статус которого с точки зрения научной методологии остается принципиально неопределенным. Настроения философского дискурса вокруг ИИ систем варьируются от осторожных функционалистских интерпертаций до радикальных утверждений о «сознании», «понимании» и «чувствах» языковых, и не только, моделей, которые как правило не поддаются строгой верификации. Как указывают Флориди и Кириатти, любая интерпретация подобных систем «как начала возникновения общего искусственного интеллекта (Artificial general intelegence) является не более чем ненаучной фантастикой» [Floridi, Chiriatti 2020, p. 681], - однако именно такие интерпретации широко циркулируют в публичном и академическом пространстве

Концептуальный фундамент проблемы демаркации был заложен К. Поппером в «Логике научного открытия». Ключевое положение его концепции, сформулировано в оригинале следующим образом: *«Я не требую от научной системы, чтобы её можно было единственным образом выделить раз и навсегда в положительном смысле; но я требую, чтобы её логическая форма была такова, чтобы её можно было выделить посредством эмпирических проверок в отрицательном смысле: должно быть возможно опровергнуть эмпирическую научную систему на основе опыта»* [Popper 1959, pp. 40–41]. Применительно к утверждениям об ИИ принцип фальсифицируемости приобретает особую ценность. Тезис «языковая модель понимает текст» не формулируется как фальсифицируемая гипотеза, однако, нельзя не отметить, что тезис «человек понимает текст» также имеет определенные проблемы фальсифицируемости, пускай и значительно меньшие.

Методология научно-исследовательских программ И. Лакатоса дополняет подход Поппера новой динамикой: у Лакатоса ключевым критерием научности служит не единичная фальсификация, а прогрессивный или регрессивный характер исследовательской программы [Lakatos 1978, p. 48]. Прогрессивная программа предсказывает новые факты и успешно проходит эмпирические тесты, регрессивная - ретроспективно объясняет известные данные, не производя нового предсказательного содержания. С этой точки зрения значительная часть утверждений о «сознании» ИИ принадлежит к регрессивным программам: такие формы утверждений не сопровождаются проверяемыми предсказаниями, но лишь интерпретируют любые впечатляющие результаты ИИ как свидетельства подлинного «сознания» и обретения агенстности.

При этом концепция научных революций Т. Куна ставит под вопрос кумулятивную модель научного прогресса и акцентирует роль социальных и институциональных факторов в смене парадигм: *«Научные революции - это те некумулятивные эпизоды развития науки, в ходе которых старая парадигма заменяется полностью или частично новой.»* [Кун 1977, с. 92-110].

В обсуждении ИИ перспектива Куна позволяет рассмотреть «антропоморфизацию» нейросетей как элемент формирующейся «допарадигмальной» стадии - когда конкурирующие концептуальные схемы сосуществуют, не имея четких эмпирических критериев. Кроме того, «эпистемологический анархизм» П. Фейерабенда, построенный вокруг тезиса «anything goes» [Feyerabend 1975, p. 19] подчеркивает ограничения строгих правил демаркации: в истории науки уже случалось, когда «псевдонаучные» идеи впоследствии оказывались продуктивными и полезными. Вместе с тем, даже при принятии методологического плюрализма Фейерабенда исследователь должен стараться объяснять предпосылки своих утверждений.

Псевдонаучные рассуждения об ИИ обладают рядом интересных характерных структурных особенностей. Одной из ключевых является невозможность опровергнуть базовые утверждения. Так например тезис о «потенциальном сознании» языковых моделей строится таким образом, что любой контрпример может быть отвергнут: если нейросеть демонстрирует стройное рассуждение, то это «свидетельство сознания», если она грубо ошибается, то «артефакт обучения». Подобная структура аргументации воспроизводит логику псевдонаучных программ, описанную Лакатосом как «отрицательная эвристика» - защитный пояс вспомогательных гипотез, ограждающий ядро программы от фальсификации [Lakatos 1978, p. 48].

Еще одна особенность – это риторическая стратегия апелляции к авторитету технологического прогресса: утверждения о сознании ИИ нередко преподносятся как «неизбежные» следствия технологического развития, что создает иллюзию их эмпирической подтвержденности. Однако такая апелляция содержит в себе несколько фундаментальных проблем. Во-первых, это логическая ошибка *argumentum ad futurum,* когда желаемое выдается за неизбежное. Технологический прогресс сам по себе не доказывает возникновение сознания - он лишь демонстрирует улучшение функциональных возможностей моделей. Во-вторых, апелляция к «неизбежности» подменяет эмпирическую верификацию риторикой. Если сторонники «сознания ИИ» не могут предложить критерии его обнаружения в настоящем, то их утверждения остаются спекулятивными.

Кроме того, идея о том, что развитие технологий автоматически ведёт к возникновению сознания основана на технологическом детерминизме. Этот подход игнорирует, что сознание не является прямым следствием сложности вычисления, а требует концептуального обоснования.

Таким образом, применение критериев фальсифицируемости Поппера, в сочетании с гипотезами Лакатоса и критическим анализом, ориентированным на выявление характерных риторических стратегий, позволяет выделить несколько типичных аргументов, которые можно рассматривать как индикаторы псевдонаучности в верифицируемости ответов о функционировании нейросетевых моделей. Такими, например, будут следующие аргументы:

сложности - согласно которому высокая сложность архитектуры практически наверняка создает условия для появления сознания у нейросети делая этот процесс «неизбежным» или «вероятным»,

поведение - когда нейросеть, демонстрируют поведение неотличимое от человеческого в тесте Тьюринга, она автоматически считается обладающей сознанием (иначе это можно представить как популярное утверждение «если это выглядит как утка, двигается как утка, и звучит как утка - значит это утка»). Вместе с тем, этот аргумент игнорирует существенные различия между функциональной имитацией и реализацией.

Самоотчета - когда ответы нейросети о собственных «переживаниях» и способах «мышления» воспринимаются как очевидные свидетельства этих переживаний. Данный аргумент игнорирует фундаментальное обстоятельство: самоотчёт языковой модели является продуктом статистической интерполяции текстовых данных, а не рефлексивного доступа к внутренним состояниям.

Вместе с тем важно понимать, что граница между наукой и псевдонаукой в области ИИ-исследований является достаточно размытой. Некоторые утверждения, рассматриваемые сегодня как ненаучные, например гипотезы о функциональных аналогах аффективынх состояний у нейросетей, могут в будущем стать предметом строгих исследований. История науки знает многочисленные примеры трансформации «ненаучных» гипотез в продуктивные исследовательские модели.

Проблема разграничения науки и псевдонауки в рассуждениях об искусственном интеллекте представляет собой одну из ключевых задач современной философии науки. Анализ показывает, что псевдонаучный ИИ-дискурс характеризуется структурно устойчивыми паттернами: нефальсифицируемостью базовых утверждений, риторической антропоморфизацией вычислительных процессов. Классические критерии демаркации - фальсифицируемость по Попперу, лакатосовский анализ прогрессивности исследовательских программ, куновская концепция парадигмальных сдвигов - сохраняют операциональную ценность применительно к ИИ-дискурсу, при условии их методологически гибкого, а не догматического применения.

Предложенный методологический инструментарий - операциональная фальсифицируемость конкретных пропозиций, лакатосовский анализ прогрессивности, критический анализ риторических стратегий - позволяет осуществлять систематическую критическую оценку утверждений об интеллектуальных возможностях ИИ-систем. При этом принципиально важно, что граница между наукой и псевдонаукой в данной области не является раз и навсегда установленной: она требует постоянной концептуальной работы в духе «концептуальной инженерии» [Chalmers 2020], направленной на уточнение и переопределение понятий по мере накопления эмпирических данных. Именно эта работа, а не механическое применение демаркационных критериев, составляет подлинную задачу философии ИИ в современную эпоху.

Список литературы

1. Кун 1977 – Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
2. Chalmers 2020 – Chalmers D. What Is Conceptual Engineering and What Should It Be? // Inquiry. 2020. Vol. 63. No 1. P. 1-18.
3. Feyerabend 1975 – Feyerabend P. Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge. London: New Left Books, 1975. 339 p.

4. Floridi, Chiriatti 2020 – Floridi L., Chiriatti M. GPT-3: Its Nature, Scope, Limits, and Consequences // Minds & Machines. 2020. Vol. 30. P. 681–694.
5. Lakatos 1978 – Lakatos I. The Methodology of Scientific Research Programmes. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. 250 p.
6. Popper Karl R. The Logic of Scientific Discovery. London: Hutchinson & Co., Ltd., 1959. 480 p.

ЧАСТЬ 18
НАУКА И РЕЛИГИЯ

УДК 165:13

ОТНОШЕНИЕ НАУКИ И РЕЛИГИИ К РЕАЛЬНОСТИ: ДЕМАРКАЦИОННЫЕ ЛИНИИ

Якименко Артем Владимирович
Кандидат богословия
Гуманитарный институт Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, аспирант
E-mail: Yakimen81@mail.ru

Аннотация: Проблема познания и понимания реальности лежит в основе как научного, так и религиозного мировоззрения. В каждом из них формируются особые представления о реальности, и возникают вопросы и полемика относительно возможности и специфики каждой из этих дискурсивных систем. «Вечные» проблемы отношения науки и религии в значительной степени порождены самими этими категориями. Поэтому, чтобы говорить об их взаимоотношениях в историческом контексте, необходимо учитывать вопрос о том, насколько появление современных идей «науки» и «религии» согласуются с историей этих двух форм познавательной деятельности человека. Целью данного исследования является концептуальный анализ противопоставлений научного и религиозного способов истолкования реальности. В статье показано, что на некоторых стадиях формирования представлений о реальности философско-научные и религиозные концепции формируются практически одновременно. На современном этапе развития естественнонаучного знания на повестку дня выходит вопрос о создании современных космологических систем, в которых эмпирический материал соединяется с теоретическими (интерпретативными) конструкциями, что сближает современную науку с классическими метафизическими проектами, а отчасти и с древними космологиями. Полученные результаты вносят вклад в развитие дискуссии о возможности диалога между представителями научного, метафизического и теологического дискурсов.

Ключевые слова: наука, философия, религия, мифология, реальность, знание.

THE RELATIONSHIP OF SCIENCE AND RELIGION TO REALITY: DEMARCHATION LINES

Iakimenko Artem Vladimirovich
Institute of Humanities of the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, graduate student

Abstract: The problem of knowing and understanding reality underlies both scientific and religious worldviews. Each develops distinct notions of reality, raising questions and debates regarding the possibility and specificity of each of these discursive systems. The "eternal" problems

of the relationship between science and religion are largely generated by these categories themselves. Therefore, to discuss their relationship in a historical context, it is necessary to consider the extent to which the emergence of modern ideas of "science" and "religion" corresponds to the history of these two forms of human cognitive activity. The goal of this study is a conceptual analysis of the oppositions between scientific and religious approaches to interpreting reality. The article demonstrates that at certain stages in the development of ideas about reality, philosophical, scientific, and religious concepts emerge almost simultaneously. At the current stage of development of natural science, the question of creating modern cosmological systems in which empirical data is combined with theoretical (interpretive) constructs is emerging as a pressing issue. This brings modern science closer to classical metaphysical projects and, to some extent, to ancient cosmologies. The results obtained contribute to the discussion about the possibility of dialogue between representatives of scientific, metaphysical, and theological discourses.

Keywords: science, philosophy, religion, mythology, reality, knowledge.

Введение

«Вечные» проблемы отношения науки и религии лежат в основе того, как мы определяем наше восприятие действительности, обозначаем пределы человеческого познания и задаем границы между различными мировоззрениями. Хотя исследование природы насчитывает многовековую историю, понятие «наука» в современном его понимании сформировалось лишь в девятнадцатом столетии [Schaffer 1986, p. 419]. В предшествующие, семнадцатый и восемнадцатый века, изучение природы носило название «натурфилософия» — дисциплина, чьи исследовательские задачи существенно отличались от тех, что стоят перед наукой в наш век [Harrison 2006, p. 81]. Как отметил историк древней науки Джеффри Ллойд: «наука – это современная, а не древняя категория: нет ни одного термина, который был бы точно эквивалентен нашей «науке» на греческом языке» [Lloyd 1970, p. xv].

И, если в девятнадцатом веке «наука» возникает как дисциплина, освобожденная от философской и религиозной проблематики, то в двадцатом столетии на последнем этапе развития позитивизма этот вопрос решается не столь однозначно. Поэтому, актуальный контекст взаимоотношения науки и религии должен учитывать вопрос о том, насколько современные идеи «науки» и «религии» согласуются с долгой историей традиций этих форм познавательной деятельности человека [Harrison 2006, p. 102].

Цель исследования – показать, что внутренние взаимоотношения «науки» и «религии» определяются не столь однозначно как на первом этапе развития позитивистской философии.

В этой связи предполагается решить следующие задачи:

1) определить значение того интеллектуального развития человечества, которое в соответствии с классификацией Огюста Конта относится к религии;

2) оценить перспективы возможного диалога между наукой и религией в контексте современного развития естественнонаучного знания.

Наука и религия против мифологии

Основоположник позитивизма Огюст Конт (1798-1857) предложил «закон трех стадий» интеллектуальной эволюции человечества, в соответствии с которым «религия» занимает первую ступень в истории умственного развития, тогда как позитивная (или научная) стадия является последней стадией в духовном развитии человечества. При этом начало истории науки может совпадать с началом развития философии древних греков. Классические истории науки обычно начинают свои рассказы с науки древних греков [Sarton 1970]. Именно в этот период происходит становление рациональной формы обоснования знания, которое в истории культуры выражено метафорой «от мифа к логосу». В это же время совершается формирование канона священных книг еврейской Библии (Торы или Пятикнижия Моисея), что было отмечено Карлом Ясперсом в понятии «осевого времени», введенного для обозначения поворота в истории человеческой мысли от мифологического мировоззрения к рациональному [Ясперс 1948, с. 29-31].

В то время, когда милетские физики, отказываясь от мифологического наследия Гомера, стремятся обнаружить первопричину мироздания, автор первой главы книги Бытия, рассказывая о происхождении мира, также выражает интерес к космосу и полемизирует с современным ему язычеством. Библейский текст указывает на небесные светила, которые обожествлялись на всем Средиземноморском Востоке, только мимоходом, усваивая им исключительно функциональный характер. Он низводит эти светила к их природной сущности: «да будут светила на тверди небесной [для освещения земли и] для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов; и да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю» (Быт 1:14-15). Выдающийся католический богослов XX века кардинал Жан Даниелу считает, схожесть в критическом отношении к мифам прослеживается как у греческих мыслителей, так и у еврейских летописцев. Он отмечает, что «в обоих случаях речь бы шла о переходе от мифологической картины мира к научной концепции» [Даниелу 2023, с. 36]. Однако процесс десакрализации действительности происходил по-разному для автора Шестоднева и ионийских натурфилософов; последние заменяют пантеон языческих богов природой (φύσις), а библейскому автору важно показать значение трансцендентного Бога, Творца природы [Даниелу 2023, с. 36].

Таким образом можно сказать, что библейский миф о творении как бы «выпадает» из первого этапа Контовской концепции развития человечества и параллельно с философией (наукой древних греков) становится новой интерпретативной основой для рационального понимания реальности вне политеистического контекста.

«Наука» и «религия» в контексте современного естествознания

В контексте современного естествознания взаимосвязь между научными дисциплинами и религиозными концепциями претерпела значительные изменения, что обусловлено трансформациями в самих науках. Космологическая модель Большого взрыва ставит фундаментальный вопрос о первопричине возникновения Вселенной, что, в свою очередь, открывает пространство для рассуждений о возможности божественного творения. Также развитие квантовой теории продолжает подрывать традиционные представления о материи и классической причинно-следственной логике [Harrison 2006, p. 91].

а) Большой взрыв или творение?

Теория Большого взрыва вызывает большое количество метафизических и религиозных вопросов. Был ли Бог причиной Большого взрыва? Если учесть, что физика и космология

могут предоставить отчет о происхождении Вселенной, действительно ли существует необходимость в Боге - творце? [Russell 1994, p. 569].

Научные дисциплины, такие как физика и космология, достигли значительных успехов в создании моделей, описывающих природные структуры. Выдающиеся космологи, в числе которых Стивен Хокинг, Кип Торн, Тимоти Феррис, Алан Лайтман и Ричард Прайс, успешно моделируют эволюцию физических систем [Хокинг и др. 2009]. Тем не менее, они не отвечают на причины существования самой системы и присущего этой системе порядка. Также физика не отвечает на вопрос возникновении бытия. Таким образом, физика и космология не могут дать окончательное онтологическое обоснование фундаментальных причин существования и порядка мироздания. В то же время, философия и теология не могут дать подробный отчет в описании процессов, которые привели к становлению Вселенной как в масштабах макромира, так и в масштабах микромира.

По мнению американского астронома и теолога Уильяма Стогера идея божественного творения не дает альтернативы научному объяснению, но она дополняет его, потому что дает основание для существования и основного порядка всего, что наука открывает [Stoeger 2010, p. 180-181].

б) Неопределённость квантовой реальности, как завеса божественного действия в мире

Парадоксы квантовой реальности противостоят традиционным взглядам на материю и природные закономерности, возбуждая философские и богословские дискуссии о божественном присутствии и активности в мире и о самой природе реальности.

До XX столетия преобладал подход к интерпретации всех явлений природы, который опирался на материалистический детерминизм Локка, и радикальный дуализм Декарта. В середине XX века Карл Гемпель и Поль Оппенгейм [Гемпель 1998], выдающиеся мыслители в области философии науки, предложили концепции редукционизма, призванные раскрыть суть научного познания. Согласно этим теориям, любая научная область должна быть сведена к фундаментальным, строго детерминированным законам науки. Тем не менее, индетерминизм, присущий квантовой физике, подрывает основы классической науки и ставит под сомнение атомистско-редукционистскую картину мира [Murphy 2010, p. 245-246].

В связи с этим вызывает интерес концепция квантового божественного вмешательства (QDA), сторонниками которой выступают философы Роберт Джон Рассел и Нэнси Мерфи. Рассел акцентирует внимание на имманентности Бога природе: «мы можем рассматривать Бога как непосредственно присутствующего в природе, действующего в каждом событии» [Russell 1994, p. 569]. Бог действует непосредственно на квантовом уровне: «Бог творит благодаря взаимодействию случайности и закона, ведь именно это взаимодействие характеризует квантовые, <…> процессы, которые привели к появлению жизни в этом мире» [Russell 1994, p. 567].

Вероятностные законы квантовой теории (принцип суперпозиции) открывают возможность понимания божественного действия внутри неопределенностей микромира: божественная присутствие и действие в природе остаётся скрытым от научных наблюдений, поскольку оно исходит из событий, воспринимаемых наукой как случайные. Следовательно, тезис о том, что случайность в природе отрицает творческую силу Бога (что перекликается с

известным высказыванием Эйнштейна о споре с Бором: «Бог не играет в кости»), на самом деле оказывается ошибочным. Напротив, именно отсутствие жесткой причинно-следственной связи в описании квантовой реальности, согласно Мерфи, позволяет говорить о ненавязчивом божественном присутствии, действующем имманентно на микроскопическом уровне [Murphy 2010, p. 256].

Заключение

Проблема отношений науки и религии вызвана возникновением категорий «наука» и «религия» в эпоху европейского Просвещения. Поэтому истории «науки» и «религии» имеют решающее значение для утверждений о их взаимоотношении.

Осмысление науки как отдельного вида человеческой деятельности, происходит в философии первого позитивизма. Конт предложил концепцию трёх стадий интеллектуального развития человечества: теологическую, метафизическую и научную. Как было показано в первом разделе настоящего исследования, библейское повествование о происхождении мира совпадает по времени с метафизическим этапом развития человечества, к которому классические истории науки относят формирование первых форм научного познания. Оба эти явления направлены на интерес к космосу и демифологизацию природы.

На современном этапе развития естественнонаучного знания на повестку дня выходит вопрос о создании современных космологических систем, в которых эмпирический материал соединяется с теоретическими (интерпретативными) конструкциями, что сближает современную науку с классическими метафизическими проектами.

Изначально концепция законов природы воспринималась как обоснование сверхъестественного божественного действия в естественном мире. Однако со временем это стало рассматриваться как ограничение для проявления Божественного присутствия. Тем не менее, новейшие достижения в области научного познания, в частности, индетерминистское понимание квантовой действительности, открывают новые горизонты для диалога между сторонниками религиозных и научных взглядов, переосмысливая трактовку научных данных.

Список литературы

1. Библия. 2001. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское Библейское Общество, 2001, 303 +XXIX с.
2. Гемпель 1998 – Гемпель К. Логика объяснения. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998, 237 с.
3. Даниелу 2023 – Даниелу Ж. В начале. Книга Бытия 1-11. Пер. с фр. СПб.: Изд-во РХГА, 2023, 112 с.
4. Хокинг 2009 – Хокинг С. Будущее пространства-времени. СПб.: Амфора, 2009, 256 с.
5. Ясперс 1948 – Ясперс К. Истоки истории и ее цель. // В кн.: Ясперс К. 1991. Смысл и назначение истории. Пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. С. 28-286.
6. Angell, 2012, web – Angell N. The Great Illusion // Project Gutenberg. 2012. URL: https://www.gutenberg.org/files/38535/38535-h/38535-h.htm (дата обращения: 06.03.2022)
7. Harrison 2006 – Harrison P. "Science" and "Religion": Constructing the Boundaries // The Journal of Religion. Vol. 86 (1). P. 81-106.

8. Lloyd 1970 – Lloyd G. Early Greek Science: Thales to Aristotle. London: Chatto and Windus, 1970, Pp. xvi + 156.
9. Murphy 2010 – Murphy N. Divine action, emergence and scientific explanation // Harrison P (ed.) The Cambridge Companion to Science and Religion. Cambridge University Press, 2010. P. 244-259.
10. Russell 1994 – Russell R. Cosmology from alpha to omega // Zygon. Vol. 29. No. 4. P. 557-577.
11. Sarton 1970 – Sarton G. History of Science: Ancient Science Through the Golden Age of Greece (Vol. 1). New York: W. W. Norton, 1970. 554 p.
12. Schaffer 1986 – Schaffer S. Scientific Discoveries and the End of Natural Philosophy // Social Studies of Science. 1986. 16 (3). P. 387-420.
13. Stoeger 2010 - Stoeger W. God, physics and the Big Bang // Harrison P. (ed.). The Cambridge Companion to Science and Religion. Cambridge University Press. 2010. P. 173-189.

УДК 165.1

ПРОБЛЕМА ЭПИСТЕМИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ: ОТ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ К РЕЛИГИОЗНЫМ УБЕЖДЕНИЯМ

Карпов Кирилл Витальевич
к. филос. н.
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук, старший научный сотрудник
E-mail: kirill.karpov@gmail.com

Аннотация: В докладе рассматривается эволюция проблемы обоснования в эпистемологии от классических теорий, ориентированных на объяснение научного познания, к современным подходам, учитывающим более широкий спектр убеждений, включая повседневные и религиозные. Утверждается, что эвиденциализм, когерентизм и фундаментализм исходно формировались в контексте анализа научного знания и предполагали универсальные критерии рациональности. Однако включение в эпистемологию убеждений повседневного опыта, а затем и религиозных убеждений выявило ограниченность этих моделей. Особое внимание уделяется концепции доксастических практик и desiderata-подходу Уильяма Олстона, который предлагает рассматривать обоснование как функцию надежности практик формирования убеждений, а не как свойство отдельных пропозиций. Также анализируется феноменологическая специфика убеждений: их системный характер, укорененность в практике, связь с аффектацией и волевым началом, а также их роль в конституции самого индивидуального познающего субъекта. Делается вывод о необходимости перехода от универсалистских моделей обоснования к плюралистической эпистемологии, учитывающей разнообразие ценностей, которые могут лежат в основе познавательных практик.

Ключевые слова: обоснование, научное знание, религиозные убеждения, доксастические практики, У. Олстон, рациональность, знание, ценности

THE PROBLEM OF EPISTEMIC JUSTIFICATION: FROM SCIENTIFIC KNOWLEDGE TO RELIGIOUS BELIEFS

Karpov Kirill Vitalievich
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Senior research fellow

Abstract: In this paper I examine the evolution of the problem of justification in epistemology, tracing the shift from classical theories oriented toward explaining scientific knowledge to contemporary approaches that account for a broader range of beliefs, including everyday and religious ones. It argue that evidentialism, coherentism, and foundationalism initially emerged within the context of analyzing scientific knowledge and presupposed universal criteria of rationality. However, the inclusion within epistemology of beliefs drawn from everyday experience, and subsequently religious beliefs, has revealed the limitations of these models. Special attention is given to the concept of *doxastic practices* and William Alston's *desiderata* approach, which proposes that justification be understood as a function of the reliability of belief-forming practices, rather than as a property of individual propositions. I also analyse the phenomenological specificity of beliefs: their systemic character, embeddedness in practice, connection to affectivity and the volitional dimension, as well as their role in the constitution of the individual epistemic subject. I conclude that a transition is necessary from universalist models of justification to a pluralistic epistemology that takes into account the diversity of values that may underlie epistemic practices.

Keywords: justification, scientific knowledge, religious beliefs, doxastic practices, William Alston, rationality, knowledge, values

Проблема обоснования занимает центральное место в современной эпистемологии и во многом определяет не только философию науки, но и философию религии. Классические теории обоснования — прежде всего эвиденциализм, когерентизм и фундаментализм — формировались в контексте анализа научного познания. Их задачей было выявление критериев рациональности, соответствующих идеалу строгого знания. Эти подходы предполагают, что рациональность убеждений определяется доступными субъекту основаниями (интернализм) и их логической структурой.

Фундаментализм исходит из существования базовых убеждений, не нуждающихся в обосновании, на которых строится остальное знание. Эвиденциализм требует наличия достаточных доказательств для каждого рационального убеждения. Когерентизм связывает обоснованность с согласованностью убеждений внутри системы. Несмотря на различия, все эти теории ориентированы главным образом на модель научного знания и выражают внутренне ориентированное понимание обоснования.

Однако включение в анализ убеждений восприятия выявило ограничения этих подходов. Перцептивные убеждения, играя фундаментальную роль, редко сопровождаются явными основаниями в требуемом смысле. Это привело к развитию внешне ориентированных теорий (экстернализм), связывающих обоснование с надежностью когнитивных процессов (релайбилизм). В этом контексте особое значение имеет подход Уильяма Олстона, который

предлагает рассматривать обоснование как характеристику практик формирования убеждений [Олстон 2022; Alston 2005].

Ключевым понятием для подхода Олстона выступает «доксастическая практика» — социально сформированный и социально закрепленный способ формирования убеждений [Олстон 2022, с. 236–288]. К таким практикам относятся восприятие, память, индукция, а также религиозный опыт. По мнению Олстона, мы не можем обосновать эти практики без круга, поскольку любое обоснование уже предполагает их использование [Олстон 2022, с. 136–143]. Следовательно, рациональность должна оцениваться не через окончательные доказательства, а через допустимость участия в практике, не имеющей дискредитирующих оснований [Alston 2005, p. 191–210].

Это особенно важно для анализа религиозных убеждений. Если они формируются в рамках специфической практики интерпретации религиозного опыта, то их обоснование следует рассматривать по аналогии с перцептивными убеждениями. Олстон предлагает «перцептивную модель», согласно которой такие убеждения могут быть prima facie оправданными при условии надежности соответствующей практики [Олстон 2022, с. 289–345].

Для уточнения этой позиции необходимо учитывать сложную феноменологию убеждений. Убеждения не сводятся к отдельным пропозициям: они образуют системы, степень обоснованности которых зависит от когерентности [BonJour 1985, p. 87–110]. Дж. Г. Ньюман различает «понятийное» и «реальное» согласие, подчеркивая, что убеждение может носить экзистенциальный характер и не сводиться к абстрактному принятию тезиса [Newman 1870, web]. Кроме того, как показывает поздний Витгенштейн, существуют «рамочные» убеждения, которые не подлежат обычному обоснованию, но делают его возможным [Витгенштейн 2024, §94–99, §105, §341–343]. В рамках эпистемологии добродетелей подчеркивается связь убеждений с интеллектуальным характером субъекта [Zagzebski 1996, p. 137–165, 199–232]. В совокупности эти подходы подтверждают, что убеждения укоренены в практике, включают аффективные и волевые компоненты и могут участвовать в формировании идентичности познающего субъекта, что особенно характерно для религиозных убеждений.

В этом контексте важен также desiderata-подход У. Олстона. Он предлагает оценивать теории обоснования не через строгие определения, а через их способность удовлетворять ряду требований: различать истинные и ложные убеждения, учитывать эпистемическую ответственность, избегать скептицизма и объяснять реальные практики познания. Однако ни одна теория не удовлетворяет всем требованиям одновременно, что приводит Олстона к признанию плюрализма эпистемических моделей [Alston 2005, p. 230–242].

Таким образом, расширение эпистемологии за пределы научного знания выявляет ограниченность классических теорий обоснования. Религиозные убеждения демонстрируют, что рациональность может не сводиться к универсальным формальным критериям. Подход Олстона позволяет переосмыслить обоснование как характеристику практик и признать множественность форм рациональности, отражающие различные эпистемические ценности. Это ведет к трансформации самой проблемы обоснования: вместо поиска универсального критерия речь идет о сравнительном анализе различных способов формирования убеждений.

Список литературы

1. Витгенштейн 2024 – Витгенштейн Л. О Достоверности // Витгенштейн Л. Культура и ценность. О достоверности / Пер. с англ. Л. Добросельского. М.: Издательство АСТ, 2024. С. 147–280.
2. Олстон 2022 – Олстон У. П. Восприятие Бога. Эпистемология религиозного опыта / Пер. с англ. К. В. Карпова; под ред. А. М. Гагинского. М.: Академический проект, 2022. 471 с.
3. Alston 2005 – Alston W. Beyond “Justification”: Dimensions of Epistemic Evaluation. Ithaca: Cornell University Press, 2005. 256 p.
4. BonJour 1985 – BonJour L. The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge, 1985. 258 p.
5. Newman, 1870, web – Newman J. H. An Essay in Aid of a Grammar of Assent. London: Longmans, Green, and Co., 1870 // Project Gutenberg. 2010. URL: https://www.gutenberg.org/files/34022/34022-h/34022-h.html
6. Zagzebski 1996 – Zagzebski L. Virtues of the Mind. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 365 p.

УДК 21/29

ЛАТИНОЯЗЫЧНЫЕ КНИЖНЫЕ СОБРАНИЯ В РОССИИ XVII–XVIII ВЕКОВ: ФОРМИРОВАНИЕ БИБЛИОТЕК ДУХОВНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Салахов Аркадий Борисович
Санкт-Петербургский институт истории РАН,
младший научный сотрудник, архивист
E-mail: arkady1910@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу формирования и функционирования латиноязычных книжных собраний в духовных учебных заведениях России XVII–XVIII веков. Цель исследования – первичное выявление количества ходивших в России латинских и греко-латинских сочинений на основании анализа историографии, реестров и описей библиотек. В работе рассматриваются книжные собрания Посольского приказа, Патриаршей (Синодальной) библиотеки, типографской библиотеки, а также частные коллекции деятелей духовенства — Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева, Евфимия Чудовского, Епифания Славинецкого и др. Особое внимание уделяется механизмам пополнения библиотек: переходу книг из частных собраний в учебные заведения после смерти владельцев, межведомственным заимствованиям, протекции высшего духовенства и государственных структур. Показано, что латиноязычная книга одновременно выполняла богословскую и светскую функции, формируя единое интеллектуальное пространство духовной школы, в котором пересекались религиозное и научное знание. В заключении констатируется контраст между накоплением латинских книг в библиотеках и техническими возможностями отечественного книгопроизводства: латинский язык оставался преимущественно языком импортной и рукописной книжности. Исследование

основано на дореволюционных публикациях реестров, архивных документах из РГАДА и современных работах по истории книжности и духовного образования.

Ключевые слова: духовное образование, библиотека, латиноязычная книга, Славяно-греко-латинская академия, Патриаршая библиотека, типографская библиотека, инфосфера.

LATIN-LANGUAGE BOOK COLLECTIONS IN RUSSIA OF THE 17TH–18TH CENTURIES: THE FORMATION OF LIBRARIES OF THEOLOGICAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Salakhov Arkadii Borisovich

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (SPBIH RAS)

Abstract: The article is devoted to the analysis of the formation and functioning of Latin-language book collections in Russian theological educational institutions of the 17th–18th centuries. The aim of the research is the primary identification of the quantity of Latin and Greco-Latin works circulating in Russia based on the analysis of historiography, inventories, and library catalogues.The study examines the book collections of the Ambassadorial Chancellery, the Patriarchal (Synodal) Library, the typographical library, as well as private collections of clerical figures — Simeon of Polotsk, Sylvester Medvedev, Euthymius Chudovsky, Epiphanius Slavinetsky, and others. Special attention is paid to the mechanisms of library acquisition: the transfer of books from private collections to educational institutions after the owner's death, interdepartmental borrowings, and the patronage of the higher clergy and state structures. It is shown that Latin-language books simultaneously performed theological and secular functions, forming a unified intellectual space of the theological school where religious and scientific knowledge intersected. The conclusion notes the contrast between the accumulation of Latin books in libraries and the technical capabilities of domestic book production: the Latin language remained primarily the language of imported and manuscript booklore. The research is based on pre-revolutionary publications of inventories, archival documents from RGADA, and modern works on the history of booklore and theological education.

Keywords: theological education, library, Latin-language book, Slavic Greek Latin Academy, Patriarchal Library, typographical library, infosphere.

Ко второй половине XVII века относится формирования обширнейшей и многоязычной библиотеки Посольского приказа. Реестры относящихся к ней книг не раз печатались в дореволюционное время как в составе отдельного многостраничного исследования, [Белокуров 1898] так и без критических комментариев [Молодик 1843] или в качестве дополнения к общему обзору Западного влияния в Московской и Юго-западной Руси. [Шляпкин 1891, с. 72-98]. Очевидно, что далеко не все книги из Посольского приказа оказались переданы в библиотеки духовных учебных заведений, однако известно, что ими активно пользовались и вне приказа: «иноязычные книги не лежали в Посольском приказе без употребления; но они и не всегда возвращались туда» [Белокуров 1898, с. 49]. В 1696 году патриарх Адриан пытался добиться передачи книг из Посольского приказа на Печатный двор, поскольку, по его мнению, они были бы там гораздо более потребны Церкви, но последовал отказ. Тем не менее, именно с этого момента началось их активное использование вневедомственными лицами. Например, в 1714 году префект Славяно-греко-латинской Академии (далее – СГЛА) иеромонах Гавриил взял из приказа на латинском 12 книг [Там же, с. 83]. Книги были возвращены только в 1731 году. Таким образом, вопреки периодическим

попыткам забрать востребованные для Духовной школы и Церкви иноязычные книги из Посольского приказа, архив, благодаря протекции правителей государства, сохранился в более-менее целостном состоянии и был впоследствии передан в библиотеку архива Министерства иностранных дел.

Гораздо более с Духовной школой была связана Московская синодальная библиотека (ранее – Патриаршая). С. А. Белокуров отмечал, что по описи 1675-1677 годов в Патриаршей библиотеке было всего лишь 17 печатных латинских книг [Там же, с. 83], что значительно меньше, нежели греческих и славянских. Вопреки этому, поступление латинских и греко-латинских печатных и рукописных сочинений происходило достаточно часто. Например, в конце XVII века в библиотеку поступили часть собрания Симеона Полоцкого и часть коллекции Сильвестра Медведев, в числе которой оказалось 5 печатных книг и 3 рукописные на латинском языке [Там же, с. 128]. Интересна и дальнейшая судьба медведевской коллекции: вероятно, как сообщает С. К. Смирнов, большая ее часть (библиотека насчитывала до 603 рукописных и печатных иноязычных книг [Прозоровский 1896, с. 8-9]) поступила в распоряжение СГЛА [Смирнов 1879, с. 41-42], а затем на Печатный двор. По описи 1689 года библиотека Спасского монастыря насчитывала 539 разноязычных книг [Временник Московского общества истории и древностей российских 1853, с. 53-68], значительная часть из которых происходила из собрания Медведева: порядка 334 книг печатных и 4 рукописных книги на латинском и 45 греко-латинских [Белокуров 1898, с. 130].

Возвращаясь к Патриаршей библиотеке, в 1705 году в нее поступили некоторые из бывших у Евфимия Чудовского книг, несколько из которых собственно и были взяты им ранее из самой библиотеки. В их числе 5-ть греко-латинских и 3-ри лексикона [Там же, с. 156]. Справедливости ради, после Евфимия, в целом, осталось не так много иноязычных книг и в основном греческих [Викторов 1863, с. 50-56]. Возможно, это следует объяснять тем, что Евфимий был противником западного влияния и стремился выровнять русскую духовную культуру «по грекам». Но Евфимий все же был учеником выходца из Киевской митрополии Епифания Славинецкого. В XVII веке именно Киевская метрополия была главным «<…> каналом проникновения в московскую книжность элементов западной сакраментологии и вероучения, которые в последующую эпоху глубоко укоренялись и постепенно стали элементом «своей» традиции» [Корзо 2014, с. 98]. Например, распространенный на территории Киевской митрополии гимн «Te Deum laudamus» [Корзо 2016, с. 177] авторство которого приписывалось Амвросию и Августину, «под влиянием элементарных учебников <…> (Киево-Могилянской коллегии – А. С.) <…> появляется <…> в букварях московской печати, а затем воспроизводится регулярно» [Там же, с. 178]. В XVII веке библиотека Киевской Академии насчитывала всего порядка 2131 книги, а книг на латинском языке доподлинно приобретенных Петром Могилою С. Т. Голубев идентифицировал около 100 [Голубев 1874]. К слову, библиотека самого Епифания Славинецкого насчитывала 9 латинских и греко-латинские книг [Ундольский 1850, с. 79].

В XVIII веке коллекцию Синодальной библиотеки не раз описывали, а в 1786-м году печатные книги из нее были распределены между СГЛА, библиотекой Синодальной типографии (откуда, в свою очередь, были переданы в Синодальную библиотеку 534 рукописи [Викторов 1850, с. 3-4]) и Императорской Публичной Библиотекой. Однако сама библиотека сохранила прежде всего богатейшее собрание рукописей.

Библиотека Московской синодальной типографии генетически связана с Печатным двором, на котором, однако, в первой половине XVII века едва ли было большое количество иноязычных сочинений. В 1670-е гг. туда поступило несколько Библий и лексиконов на

латинском, а также библиотека Павла, митрополита Сарского, в которой, среди прочего, значилось около 13 книг на латинском. Также в 1677 году Евфимий Чудовский пожертвовал в библиотеку несколько своих печатных латинских и греко-латинских книг [Белокуров 1898, с. 162-163], а после его смерти в 1705-м году Печатному двору досталась еще 21 греко-латинская книга [Орлов 1896, с. XV-XVII]. В 1709 году сюда поступили латиноязычные книги Дмитрия Ростовского [Шляпкин 1891, с. 54-56].

В XVIII веке типографская библиотека была настолько богата латинскими и греко-латинскими трудами, что ей активно пользовались учащиеся и преподаватели СГЛА. Так, справщик типографии Феодор Поликарпов, в 1710 году докладывал, что преподаватели Академии взяли из Типографии порядка 72 книг [Белокуров 1898, с. 168]. Нередко книги не возвращались в библиотеку. Также, по указу от 16 ноября 1736 года в Московскую синодальную канцелярию, в библиотеке дозволялось работать не только преподавателям, но и учащимся, правда под строгим присмотром [РГАДА Ф. 1183. Оп. 1. 1736 г. Д. 426. Л. 1об.]. Однако, несмотря на обильное собрание латинских книг (по реестру 1727 года, в библиотеке было всего 3174 книги, 1211 латинских; 128 греко-латинских), большинство из них отошли типографской библиотеке от других, по большей части, частных коллекций.

Когда же речь заходила о собственно напечатании, к примеру, латинских грамматик, выяснялось, что в типографии имеются проблемы не только с инструментарием (пунсонами, матрицами и литерами), но и с печатниками. Подобный случай произошел в 1739 году, когда «для обучения на латинском диалекте собранных по епархиям в архиеерейския школы священнаго чина, и протчаго церковного причета детей» потребовалось напечатать 6000 «на латинском и славенском диалектах элементарей» [РГАДА Ф. 1183. Оп. 1. 1739 г. Д. 511. ЛЛ. 1об-2], выяснилось, что латинская азбука, пунсоны и матрицы остались в типографии от заказанной к напечатанию несколькими годами ранее «Доминиканом Чернцом Зибирою <…> [книжки] богослова Будеа» [Там же, Л. 1]. Более того, вскрылось, что «в Московской типографии к набору оного латинского диалекта из наборщиков никто не изучен», поэтому в спешном порядке на эту должность определили «Славено[-]греко[-]латинской Академии школы грамматики ученика Ивана Васильева сына Гаворова, [который] как рускими так и латинскими литеры набирать <...> может» [Там же, Л. 9].

Таким образов, история крупнейших библиотек, а также частных коллекций деятелей XVII-XVIII веков и их непосредственного участия в формировании библиотек духовных учебных заведений представляет собой живейший интерес для реконструкции круга чтения преподающего и учащегося духовенства. Книжные собрания после смерти владельцев нередко переходили в учебные заведения, способствуя формированию инфосферы [Чумакова 2022], в целом, и, в частности, единого латиноязычного пространства духовной школы. В свою очередь, анализ реестров и описей, в подавляющей массе дореволюционных, относящихся ко второй половине XVII-нач. XX вв., помогает выявляет основные имевшие распространение в России латинские и греко-латинские тексты, их количество. Также можно сделать вывод, что накопление латинских книг в библиотеках несколько контрастировало с техническими возможностями книгопроизводства: латинский язык оставался преимущественно языком импортной и рукописной книжности.

Список литературы

1. Белокуров 1898 – Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI ст. М.: Синодальная типография, 1898. 368 с.

2. Викторов 1863 – Викторов А. Е. Опись библиотеки иеромонаха Евфимия // Летописи русской литературы и древностей, издаваемые Николаем Тихонравовым. М.: В тип. Грачева и Комп., 1863. Т. 5, отд. III: Смесь. С. 50–79.
3. Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. 16. М.: В Унив. тип., 1853. Отд. II: Материалы. С. 53–68.
4. Голубев 1878 – Голубев С. Т. О составе библиотеки Петра Могилы // Труды Третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года. Киев: В тип. Имп. ун-та Св. Владимира, 1878. Т. 2. С. 257–268.
5. Корзо 2016 – Корзо М. А. Блаженный Августин в религиозной книжности Киевской митрополии конца XVI–XVII вв. // Блаженный Августин и августинизм в западной и восточной традициях : [сб. ст.] / отв. ред. А. Р. Фокин. М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. С. 176–192.
6. Корзо 2014 – Корзо М. А. О некоторых изданиях Киевской митрополии в рукописном наследии Евфимия Чудовского // Славяноведение. 2014. № 2. С. 88–98.
7. Молодик на 1844 год: Украинский литературный сборник, издаваемый И. Бецким. Ч. 1. Харьков: В университетской тип., 1843. 283 с.
8. Орлов 1896 – Орлов А. С. Библиотека Московской синодальной типографии. Ч. 1. Рукописи. Вып. 1. М.: Синодальная тип., 1896. С. XV–XVII.
9. Прозоровский 1896 – Прозоровский А. А. Сильвестр Медведев: (Его жизнь и деятельность): Опыт церковно-исторического исследования. М.: Унив. тип., 1896. 612 с.
10. РГАДА Ф. 1183. Оп. 1. 1736 г. Д. 426.
11. РГАДА Ф. 1183. Оп. 1. 1739 г. Д. 511.
12. Смирнов 1879 – Смирнов С. К. История Московской Духовной Академии до ее преобразования. 1814–1870. М.: Унив. тип. (М. Катков), 1879. 622 с.
13. Ундольский 1850 – Ундольский В. М. Библиотека Павла, митрополита Сарского и Подонского, и книжное имущество Епифания Славинецкого // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. М.: В Унив. тип., 1850. Кн. 5, отд. III: Смесь. С. 65–83.
14. Чумакова 2022 – Чумакова Т. В. Инфосфера духовных учебных заведений Российской империи XIX — начала XX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38, вып. 2. С. 264–274.
15. Шляпкин 1891 – Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709 г.). СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншель, 1891. 119 с.

УДК 168

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕЛИГИИ ПРИ ЕЕ ИЗУЧЕНИИ

Ткачев Андрей Николаевич
кандидат философских наук,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, доцент
E-mail: andrey-tkacheff2015@yandex.ru

Воронина Наталья Николаевна
кандидат философских наук,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского, доцент
E-mail: voronina.nnov@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема изучения религии в научном дискурсе. Основная трудность, с которой сталкиваются ученые-религиоведы «взгляд со стороны»: исследователь неизбежно опирается на собственное мировоззрение, культурные и идеологические установки (например, европоцентризм или христианоцентризм), что ведёт к искажению и редукции религиозных феноменов. Авторы критикуют позитивистский подход в религиоведении, превращающий религию в обезличенный объект и лишающий её экзистенциального содержания; в качестве иллюстрации приводятся попытки логически «проверять» религиозные тексты, игнорируя их специфику. Авторы видят современное религиоведение как «зонтичный термин», включающий в себя разные науки с собственной методологией. Они ставят вопрос о границах научного познания в гуманитарной сфере и предлагают частично вывести религиоведение за рамки строгой науки, чтобы сохранить его гуманитарное измерение. Если невозможно избежать проблем мировоззренческой множественности в гуманитарном исследовании религии, то нужно сделать множественность нормой, и речь должна идти только о поиске повышения уровня гармонизации между разными, иногда взаимоисключающими, подходами. Роль основы в такой гармонизации может играть общность экзистенциальной проблематики, стоящей перед всеми людьми.

Ключевые слова: религиоведение, наука, религия, экзистенция, научная методология, гуманитарные науки, границы науки

THE PROBLEM OF INTERPRETATION OF RELIGION IN ITS STUDY

Tkachev Andrey Nikolaevich
PhD in Philosophy, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Voronina Natalya Nikolaevna
PhD in Philosophy, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Abstract: This article examines the study of religion in scholarly discourse. The main difficulty faced by scholars of religion is the "outside perspective": researchers inevitably rely on their own worldview, cultural, and ideological assumptions (e.g., Eurocentrism or Christianocentrism). This approach leads to the distortion and reduction of religious phenomena. The authors criticize the positivist approach to religious studies because it transforms religion into an impersonal object and deprives it of existential content. As an illustration, the authors cite attempts to logically "verify" religious texts while ignoring their specificity. The authors view modern religious studies as an "umbrella term" encompassing various disciplines with their own methodologies. They question the boundaries of scientific knowledge in the humanities and propose partially extending religious studies

beyond the confines of strict science in order to preserve its humanities dimension. If the problems of ideological plurality in the humanities' study of religion cannot be avoided, then plurality must be made the norm. The focus should be solely on seeking greater harmony between different, sometimes mutually exclusive, approaches. The commonality of existential problems facing all people can serve as the basis for such harmonization.

Keywords: religious studies, science, religion, existence, scientific methodology, humanities, boundaries of science

Важнейшей проблемой современного научного подхода к изучению феномена религии оказывается вопрос о возможности применения объективного подхода, или «взгляда со стороны». Когда религию пытаются изучать с точки зрения той или иной гуманитарной научной дисциплины (философии, социологии, культурологии, религиоведения и т.д.) и даже тогда, когда эти попытки предпринимаются богословами в рамках определенной конфессии, в качестве основы для интерпретации обычно выбирается та или иная задача, обусловленная определенным сложившимся мировоззрением или парадигмой. Это приводило и приводит к множеству недоразумений, например, когда религию пытаются «проверять» на «истинность» с точки зрения научного подхода, нисколько не заботясь о несоизмеримости научных исследований и религиозных исканий. «Это означает также, что исследователь, руководствуясь определенными культурными (европоцентризм), религиозными (христианоцентризм), мировоззренческими или идеологическими интересами при интерпретации религиозных явлений, неизбежно совершает искажающую редукцию религиозных и нерелигиозных явлений, а также необоснованный перенос феноменов из одной культуры (внеевропейской) — в другую (европейскую)» [Бронк 2011, с. 85].

Классическое религиоведение под влиянием позитивистской методологии, обращается к научному подходу, разделяющему субъект и объект. Такой объективистский подход превращает религию в объект, к которому применяются те или иные методы и инструменты, и религия становится чем-то внешним по отношению к человеку, а значит, неизбежно теряет свое жизненное, экзистенциальное содержание. Аналогичное происходит и при изучении мировоззрения в рамках философии, когда мировоззрение пытаются изучать формально, тогда как формального мировоззрения не бывает, мировоззрение экзистенциально по определению. Томас Нагель называет такую позицию «взгляд ниоткуда», потому что, если из мировоззрения убрать конкретного человека, то чье это тогда мировоззрение? Ничье мировоззрение? [Nagel 1986].

В качестве наглядного примера бессмысленности строго рационального научного подхода в области религии можно привести многочисленные попытки обнаружения противоречий и других логических ошибок в религиозных текстах как демонстрацию несостоятельности того или иного религиозного учения. При этом не обращается внимания на то, что многие религиозные учения совершенно не претендует на логическую последовательность, а, наоборот, говорят о необходимости нелогичности религиозного текста. Например, известная позиция Тертуллиана, выражаемая в формуле: «Верую, ибо абсурдно». И смысл этого положения часто тоже понимают превратно, как якобы призыв к «слепой вере», однако это совсем не так, потому что это фраза об очень даже зрячем отношении к ограниченности возможностей человека при встрече с проявлением Божественного. Если религиозный текст претендует на изложение Божественного Слова, то он в принципе не может

быть полностью понятным, потому что ограниченное человеческое мышление не может вместить безграничность Божественного Слова.

Еще пример: религиоведение в принципе склонно не различать при изучении религии имманентного идолопоклонства и веры в трансцендентное. Даже более того, предлагает акцентировать внимание на этом неразличении в рамках концепции «проживаемой религии», где предлагается смотреть не на религиозное учение, а на религиозною практику «…в центре внимания подхода «проживаемой религии» находится то, что люди делают на самом деле». [Рюпке 2026, с.90]. Конечно, данный подход не довлеет над всем религиоведением (потому что при экзистенциально-феноменологическом подходе учитываются и личностные особенности), однако религиоведение при стремлении к научной объективности пытается освобождаться от уникально-особенного, потому что наука по своему замыслу игнорирует уникальное в пользу повторяющегося. У науки нет инструментов, чтобы изучать уникальное: любое уникальное она пытается встроить в какой-то ряд. И, соответственно, наука не может в принципе изучать «чудо», потому что это уникальное, а не повторяющееся событие.

С другой стороны, религия – это значительная часть культуры, человеческого мира, и игнорирование изучения религии вряд ли можно назвать «полезным». Вопрос в том: как изучать? В рамках науки или создавать для этого особые, ненаучные формы познания, как, например, это присутствует отчасти в искусстве. Например, невозможно научно определить, что произведение искусства талантливо – это нечто уникально-неуловимое. Кто-то воспринимает, кто-то не воспринимает, кто-то частично воспринимает, а частично не воспринимает – каждый в уникальности комбинации своего личного восприятия. При этом существует искусствоведение, которое отличается изучением формального содержания искусства. Например, изучение хореев и ямбов в поэзии ничего не дает для восприятия поэтического откровения, наоборот, глушит это восприятие. Возможно, что религиоведение нужно называть как-то иначе, не изучением религии (что представляется невозможным), а, например, изучением следствий и проявлений религии в культуре. Проблема тут только в том, что остается непонятным, что является причиной и от чего происходят следствия. Но таковое положение существует даже в физике, например, физика не знает того, почему в природе происходят именно такие явления (которые в физике называются «законами»), и научные интерпретации которых вполне справедливо оспариваются в философии постмодернизма, простым вечным вопросом: эти «законы» в природе или только в голове у физиков? Как известно, Юмовский вопрос о невозможности перехода от сущего к должному до сих пор актуален. На применение такого подхода к религии, при котором изучаются только следствия, можно возразить, что природа не человеческое творение, а религия это человеческое творение, а значит оно доступно человеческому изучению. Только подобное возражение вряд ли можно признать состоятельным: да, религия – это человеческое творение, но что такое «человеческое творение»? Ведь отделение человеческого сознания от природы – это всего лишь человеческая условность, а подлинная природа человеческого сознания – неизвестна. Думается, что в религиоведении (и не только) существует обычное преувеличение человеческих возможностей в выводах такового изучения, если эти выводы делаются без соответствующих оговорок, подчеркивающих их исключительно гипотетический характер. Забвение о гипотетическом характере естественных наук, приводит к иллюзиям «понимания» и «знания» того, на понимание и познание чего не имеется достаточных возможностей. Тем более гуманитарным наукам не следует забывать о границах своих познавательных возможностей, потому что гуманитарные науки все-таки ближе (или должны быть ближе) к человеку, человеческому.

Наука предполагает предмет, цели и методы изучения, которые в разных науках разные, религиоведение оказывается «зонтичным» термином, объединяющим историю религии, социологию религии, психологию религии, философию религии, и так далее, где каждая дисциплина имеет свою цель и свои методы. И, кроме того, за исследованием религии всегда стоит тот или иной мировоззренческий выбор исследователя. «Не существует такого абсолютно объективного стандарта понимания, который мог бы послужить нейтральным ориентиром для всех исследователей религии» [Бронк 2011, с. 95].

Но проблематичным является и подход противоположный объективистскому, подход «”точки зрения”, в рамках которой исследователю предлагается с самого начала проговорить свои исходные установки мировоззренческого и/или политического плана. Что, предположительно должно деидеологизировать его позицию» [Антонов 2020, с. 125]. Конфессиональная и любая иная культурная ангажированность исследователя приводит к замкнутости интерпретации в рамках этой традиции. Разумеется, в этой позиции есть своя правда, потому что «герменевтический круг» непреодолим, но, тем не менее, частично-гипотетическое познание возможно и имеет смысл.

Для выхода из проблемы Бронк (и не только) предлагают понимать под объективностью интерсубъективность. Но нам видится здесь не решение проблемы, а перенос вопроса с личного понимания на понимание той или иной группы или культурной традиции. Ведь интерсубъективность не безгранична и также не имеет «абсолютно объективного стандарта понимания», потому что охватывает только ту или иную группу или культурную традицию определенного времени.

Возможно, религиоведение нужно частично вывести за скобки науки, как например, выведена частично философия, и это же касается других гуманитарных наук, которые не могут сохранять свое гуманитарное содержание без частичного выхода за пределы науки. Что «гуманитарного» в том, что человек при научно-объективистском подходе предстает не человеком, а предметом? Гуманитарное исследование не должно быть ограничено рамками науки, иначе оно неизбежно теряет свое гуманитарное содержание, должна быть мировоззренческая сторона. При этом в гуманитарном исследовании должна оставаться и научная составляющая, позволяющая использование, в той или иной мере, научных подходов и научной методологии.

По-видимому, в религиоведении, которое является комплексом гуманитарных дисциплин, должен быть поиск гармонии научного и экзистенциально-мировоззренческого, как и во всяком гуманитарном исследовании.

Список литературы

1. Антонов 2020 – Антонов Принцип методологического объективизма и позиция «точки зрения» в академическом исследовании религии: проблемы и перспективы // Религиоведческие исследования. 2020. № 2 (22). С. 118-132.
2. Бронк 2011 – Бронк А. О причинах невозможности беспредпосылочного и в этом смысле объективного изучения религии // Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия 2011. Вып. 5 (37). С. 85–98
3. Рюпке 2026 – Рюпке Й. Религия и ее история: Критическое исследование. СПб: Библиороссика, 2026. – 260 с.
4. Nagel 1986 – Nagel T. The View from Nowhere. New York, Oxford: Oxford University Press, 1986. 256 p.

УДК 1(091):167

УЧЕНИЕ СВ. ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА О ВНЕВРЕМЕННОЙ БЕСКОНЕЧНОСТИ

Воробьев Дмитрий Валерьевич
Доктор философских наук
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
профессор кафедры философии
E-mail: phil30@mail.ru

Аннотация. Рассматривается точка зрения св. Григория Богослова, согласно которой под вечностью Бога следует понимать Его, Бога, вневременность. Если в привычном для нас понимании, вечность предполагает неограниченную протяженность во времени, то Божья вечность, напротив, предполагает отсутствие всяческой временной протяженности. Разного рода попытки представить Бога существующим во времени и пространстве, то есть поставить его существование в отношение со временем и пространством, приводят нас к многочисленным затруднениям. Указанные трудности, согласно св. Григорию, говорят нам о том, что существование Бога выше всяких пространственных и временных отношений, а под вечностью Бога следует понимать Его вневременность (не протяженность во времени, не длительность). Особое внимание уделяется св. Григорием Богословом вопросу о том, что делал Бог до сотворения Им мира?

Ключевые слова: бесконечность, вечность, вневременность, Бог, время, мир, существование.

THE DOCTRINE OF ST. GREGORY THE THEOLOGIAN ON TIMELESS INFINITY

Vorobev Dmitry Valerievich
Professor of the Department of Philosophy 0f Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Abstract. The point of view of St. Gregory the Theologian, according to which the eternity of God should be understood as His, God's, timelessness is considered in this article. In the way we usually understand it, eternity implies an unlimited duration in time. On the contrary, God's eternity implies the absence of any temporal extension. Various attempts to conceive of God as existing in time and space – that is, to place God's existence in relation to time and space – lead us to numerous difficulties. According to St. Gregory, all these numerous difficulties tell us that God's existence is beyond any spatial or temporal relations, and the eternity of God should be understood as His timelessness (not an extension in time, not duration). St. Gregory the Theologian pays particular attention to the question of what God was doing before He created the world.

Keywords: infinity, eternity, timelessness, God, time, world, existence.

На вопрос: «Где пребывает Бог?», с точки зрения св. Григория Богослова, существуют два варианта ответа. Или Он пребывает нигде. Или где-либо. Если Он пребывает нигде, то всякий пытливый ум обязательно скажет, что это «пребывание нигде» означает Его, Божье, не

существование. Это значит, что «Бог есть то же самое, что и не существующее» [Виноградов 1887, с. 195]. Словом, если Бог существует (пребывает) нигде, то это значит, что Он и вовсе не существует [Григорий Богослов 2010, с. 337]. Если Бог существует где-то, то здесь опять-таки возникают два варианта ответа. Либо Он существует в мире, то есть в пространстве и времени (поскольку пространство и время являются атрибутами Им сотворенного мира). Либо вне (выше) мира, то есть вне отношений с пространством и временем. Но, если Бог существует в мире, то Он существует или в чем-либо (где-нибудь, в какой-то части этого мира), или повсюду [Григорий Богослов 2010, с. 337]. Если Он существует в какой-то части этого мира, то Он уже ей ограничен. Если Он существует повсюду, то уже ограничен всем миром, как содержимое содержащим [Григорий Богослов 2010, с. 338], как превышаемое превышающим. Как пребывающий всюду (везде) в этом мире, Бог в таком случае заполнял бы его без остатка и полностью. То есть фактом собственного наличия исключал бы наличие чего-либо иного помимо Себя Самого в сотворенном Им мире, а значит, и наличие того самого места, которое бы отделяло Его от этого мира. Но как в таком случае, заключает св. Григорий, «можно представить себе превышающее (мир) и превышаемое (Бог), если нет места (среды), которое бы разделяло то и другое»? Превышаемое в таком случае становится равным превышающему, а содержимое содержащему. «Таковы затруднения, если Бог в мире» [Григорий Богослов 2010, с. 338].

Указанные трудности говорят нам о том, согласно св. Григорию, что существование Бога выше всяких пространственных и временных отношений. А рассмотренный ранее вариант, связанный с «существованием Бога нигде», можно интерпретировать как то, что Бог существует нигде во времени и нигде в пространстве. Ни в одном месте из сотворенного Им мира. То есть существование Бога опять-таки изъято из отношения со временем и пространством. Господь Бог существует вне времени и пространства, которые Сам же и создал.

Усиление мысли относительно вневременности Бога достигается св. Григорием посредством введения в его рассуждения понятия вечности. Причем, речь здесь идет о такой вечности, которая определяется как отрицание временного начала и временного конца, а в итоге и самого времени. Но что это значит? Попробуем разобраться. Начнем с того, что существуют два основных понимания вечности, равно как и два основных подхода в понимании бесконечности (больше люди ничего не придумали), а именно: временная и пространственная бесконечности. Первое (временная бесконечность, она же – бесконечность во времени) предполагает собой неограниченную протяженность во времени или то, что мы называем длительностью. Второе, соответственно, неограниченную протяженность в пространстве. В привычном для нас понимании, вечность – это есть именно бесконечность во времени, а вечное есть, следовательно, то, что обладает неограниченной протяженностью во времени, неограниченной длительностью. Это то, говорим мы, что длится бесконечно. То, что не имеет временного начала и временного конца. То, что не возникает и не погибает.

В привычном для нас понимании, временное начало (возникновение) и временной конец (гибель) – это суть то, что накладывает ограничение на временную протяженность чего-либо. То есть делает это что-либо ограниченным в своей временной протяженности. Это суть временная граница, которая отделяет существование чего-либо от его же не существования. То, что мы называем вечным (неограниченным в своей длительности) по этой причине не может иметь своего временного начала и временного конца, а то, что имеет временное начало и временной конец (возникает и погибает), не может быть вечным. Это суть два несовместимых момента.

Но есть и другое понимание вечности. С одной стороны, вечность – это есть неограниченная протяженность во времени, но, с другой стороны, вечность – это есть и отсутствие всяческой временной протяженности. Слово «вечность», таким образом, может означать и отсутствие всяческой длительности, то есть вневременность. Вечное, в этом смысле, есть то, что вневременно. То, что существует вне времени. То, что не обладает длительностью, временной протяженность. Существование чего лишено всяческих временных отношений. Именно такая вечность и служит принадлежностью Бога. Когда мы, следовательно, говорим, что Бог является вечным, то это вовсе не означает, что Он существует во времени и обладает неограниченной временной протяженностью. Это значит, что Он вневременен, что Его существование изъято из отношений со временем. Или, выражаясь словами, св. Григория Богослова, выше всяческих временных отношений. Поскольку, далее, временное начало и временной конец – это суть принадлежность времени, а вечность Бога – это вневременность, подобное положение вещей и объясняет тот факт, почему, согласно св. Григорию, вечность, которую следует приписывать Богу, «совершенно справедливо определять, как отрицание временного начала и временного конца» [Виноградов 1887, с. 196]. Одно вытекает из другого.

Далее, согласно св. Григорию, «предлоги «до» и «после» можно использовать лишь применительно конечных, временных отношений» [Виноградов 1887, с. 46]. Такие слова, как «когда», «прежде», «после», «сперва» не исключают наличие времени [Григорий Богослов 2010, с. 352] и даже напротив – предполагают его. Применительно же к Божеству, которое существует вне времени, использование этих предлогов и слов следует избегать [Лосский 2003, с. 490]. Мало того, их использование становится совершенно бессмысленным. Бессмысленно, например, задаваться вопросом: что было до Бога? Речевая конструкция «что было до Бога» по сути своей является эквивалентом высказывания: «что было до Его возникновения». Поскольку временное начало и временной конец имеют место во времени, а существование Бога изъято из отношения со временем и пространством, ни то, ни другое не может являться Его принадлежностью. Бог не имеет ни временного начала, ни временного конца. Он не возникает и неуничтожим. Но, если что-то не обладает временным началом, то есть не возникает, бессмысленно задаваться вопросом: что было до его возникновения? Что было до его временного начала? «До» и «после» существуют там, где существует время. А, точнее сказать, они существуют во времени [Флоровский 2003, с. 482]. Если нет времени, не может быть никакого «до» и никакого «после». И «откуда» быть тоже не может, поскольку нет никакого пространства.

Как известно, любой процесс (будь то движение чего-либо или его изменение) разворачивается во времени, причем из прошлого в будущее. «Было» и «будет» являются, следовательно, принадлежностью времени, а кроме того, предполагают, со слов св. Григория, его, времени, делимость [Григорий Богослов 2010, с. 444]. И, будучи принадлежностью времени, они не могут быть принадлежностью Божества, обладающего вневременным существованием. В Боге нет, таким образом, «ни прошлого, ни будущего, а есть лишь одно настоящее» [Виноградов 1887, с. 196]. Можно также сказать, что Бог существует ни в прошлом, ни в будущем, а лишь в одном настоящем. Божество, с точки зрения святителя, это не то, что *было*, не то, что *будет*, а то, что *есть* [Григорий Богослов 2010, с. 444]. Или *есть* в настоящем. В том, что мы называем: «сейчас». В *миге* или в *мгновении* [Лосский 2003, с. 489]. Это достаточно тонкий момент, поскольку «сейчас» не обладает длительностью. Оно не длится, не протяженно во времени, не продолжается [Августин Аврелий 2000, с. 219]. И точно таким же отсутствием всяческой временной протяженности является вечность Бога. Бог,

следовательно, существует *сейчас* и *всегда* (всегда – то есть опять-таки вечно), поскольку «всегда» применительно к Богу и то, что мы называем «сейчас» предполагают вневременность – отсутствие всяческой временной протяженности. *Всегда* и *сейчас*, таким образом, сходятся в Боге.

На вопрос, что делал Творец до сотворения Им мира, св. Григорий отвечает следующим образом: Он созерцал все вещи в идеях, то есть в Своих замыслах этих вещей. В идеях как замыслах или, другими словами, в идеях-замыслах. Замышлял все те вещи, которым только хотел дать действительное бытие, которых только хотел сотворить. Но опять-таки созерцал не во времени, не в «порядке времени, а вдруг» [Виноградов 1887, с. 197]. Следует помнить при этом, что «вдруг», «мгновение» или «миг», или то, что зовется «сейчас» – все это не длительно, не протяженно во времени, и равно таким же отсутствием всяческой длительности является вечность-вневременность Бога. Что же касается самого вопроса, то он, говорит нам св. Григорий, является некорректным, поскольку использовать «до» мы можем лишь с долей условности. Существование Бога-Творца предполагает вневременность. А там, где нет времени, как известно, не может быть «до». Кроме того, слово «до» является категорией времени, то есть предполагает наличие времени. Когда мы, следовательно, задаемся вопросом: «Что было до сотворения мира?», мы уже полагаем наличие времени до сотворения мира, а значит и до наличия времени. Мы, таким образом, полагаем наличие времени до наличия времени, которое возникает вместе с сотворяемым миром.

Список литературы

1. Августин Аврелий 2000 – Августин Аврелий. Исповедь. М.: Канон, 2000. 464 с.
2. Виноградов 1887 – Виноградов Н. П. Догматическое учение святого Григория Богослова: магистерская дисс. Казань: Казанский университет, 1887. 508, XII с.
3. Григорий Богослов 2010 – Григорий Богослов, Архиепископ Константинопольский. Творения: в 2-х томах. Т. 1. М.: Сибирская Благозвонница, 2010. 895 с.
4. Лосский 2003 – Лосский В.Н. Боговидение. М.: АСТ, 2003. 759 с.
5. Флоровский 2003 – Флоровский Г.В. Восточные отцы церкви. М.: АСТ, 2003. 637 с.

ЧАСТЬ 19

НАУКА О РЕЛИГИИ В УНИВЕРСИТЕТЕ, МУЗЕЕ, БИБЛИОТЕКЕ: ТЕОРИИ И МЕТОДЫ (ПАМЯТИ М.М. ШАХНОВИЧ (1957-2025))

УДК 296:001.2

РАННИЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИИ В РОССИИ В РАБОТАХ М.М. ШАХНОВИЧ

Чумакова Татьяна Витаутасовна
Доктор философских наук
Санкт-Петербургский государственный университет, профессор кафедры философии религии и религиоведения
E-mail: t.chumakova@spbu.ru

Аннотация: Исследовательские интересы М.М. Шахнович были чрезвычайно широкими, но как и любой исследователь, получивший серьезную историко-философскую подготовку (обе свои диссертации она защитила по специальности «история философии»), она уделяла особое внимание научно-историческим исследованиям, и в особенности истории изучения становления отечественной религиоведческой традиции. Конечно, приоритетным для нее оставалось изучение истории науки о религии в СССР, что объяснялось как объективными факторами (отсутствие фундаментальных научных исследований по истории религиоведения в СССР), так и субъективными (для М.М. Шахнович было важно сохранить труды отца, М.И. Шахновича). Также изучение истории науки о религии в России было важной частью учебного процесса в программе обучения студентов, которая была выстроена М.М. Шахнович в Санкт-Петербургском государственном университете. Однако, именно работы о науке о религии в России XVIII в. стали для Марианны Михайловны первыми работами по истории религиоведческих штудий в России. Они были написаны в начале двухтысячных годов. Возвращение к XVIII в. произошло почти двадцать лет спустя, когда М.М. Шахнович стала работать в проекте, посвященном рецепции античности в русской культуре. В 2025 г. она совместно с Т.В. Чумаковой подготовила проект о раннем этапе истории религии в России, и, к сожалению, уже не смогла принять в нем участие

Ключевые слова: религиоведение, М.М. Шахнович, история религии в России, науковедение, интеллектуальная история.

Доклад подготовлен при поддержке РНФ грант № 25-28-02138 «Проблемы формирования науки о религии в России: ранний период».

THE EARLY PERIOD OF THE HISTORY OF RELIGION STUDIES IN RUSSIA IN THE WORKS OF M.M. SHAKHNOVICH

Chumakova Tatiana Vitautasovna
DSc in Philosophy,
St. Petersburg State University Professor of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies

Abstract: One of the main areas of research that M.M. Shakhnovich has been engaged in over the past quarter of a century is the study of religion in Russia and the Soviet Union. Of course, her primary focus has been on the history of religious studies in the USSR, which has been driven by both objective factors (the lack of fundamental research on the history of religious studies in the

USSR) and subjective factors (M.M. Shakhnovich's desire to preserve the work of her father, M.I. Shakhnovich). The study of the history of science about religion in Russia was also an important part of the educational process in the student training program that was developed by M.M. Shakhnovich at St. Petersburg State University. However, it was the works on the science of religion in 18th-century Russia that became Marianna Mikhailovna's first works on the history of religious studies in Russia. These works were written in the early 2000s. The return to the 18th century occurred almost twenty years later, when M.M. Shakhnovich began working on a project dedicated to the reception of antiquity in Russian culture. In 2025, she co-authored a project with T.V. Chumakova on the early history of religion in Russia, but unfortunately, she was unable to participate.

Keywords: Religious Studies, M.M. Shakhnovich, History of Religion in Russia, Science Studies, Intellectual History.

Религиозные исследования как самостоятельная академическая дисциплина в России начали формироваться на рубеже XIX–XX веков, когда сравнительно-исторический метод в языкознании стимулировал интерес к компаративному анализу культурных и религиозных традиций различных этнических групп, населявших Российскую империю. Систематическое изучение религии в Российской империи было неразрывно связано с развитием исторической, географической науки и исследованием культурного наследия народов многонационального государства, что способствовало формированию новых представлений о роли гуманитарной науки в научном дискурсе. И подобные исследования появляются в России еще в начале XVIII в., когда в петровское время начинается комплексное систематическое изучение природных богатств и исследование человеческих ресурсов Российской империи.

Первые научные работы о религии в России, которые были написаны в эпоху Просвещения, были сконцентрированы на нескольких проблемах: это стремление ввести Российскую империю в семью европейских государств, и продемонстрировать изначальное, дохристианское родство русской культуры и культуры античности, ставшей основой европейской культуры (отсюда происходило стремление продемонстрировать родство славянской мифологии и мифологии античности, как ее представляли в XVIII в., что мы видим во многих сочинениях, включая первые сочинения М.Д. Чулкова, и, в частности его «Краткий мифологический лексикон» (1767) и «Описание древнего славенского языческого баснословия : собраннаго из разных писателей, и снабженнаго примечаниями» М.И. Попова (1768). Значительная часть работ, связанных с изучением природных и человеческих ресурсов Сибири, где проживало множество «инородцев», рассказывала о богатом и разнообразном религиозном ландшафте Российской империи, в которой проживали не только христиане, но и политеисты, шаманисты, мусульмане и буддисты. Еще одним важным аспектом религиоведческих штудий стала вернакулярная религия, верования и религиозные практики православных. Этот аспект изучении религии привлекал внимание не только иностранцев, которых удивляли народные религиозные традиции, но и чиновников, которые должны были бороться с проявлениями народной религиозности. Эти работы эпохи Просвещения заложили основы для дальнейшего развития религиоведения как научной дисциплины в России. Вот этот аспект истории отечественного религиоведения и стал темой работ Марианны Михайловны. Это были публикации начала XXI в.: «У истоков отечественной науки о религии "естественная поэзия" и мифология в оценке русских мыслителей XVIII в.» [Шахнович 2004], «Из истории отечественного религиоведения XVIII в.: проблема происхождения религии»

[Шахнович 2005] и «История отечественного религиоведения XVIII век» [Шахнович 2006]. В работе «У истоков отечественной науки о религии "естественная поэзия" и мифология в оценке русских мыслителей XVIII в.» Марианна Михайловна Шахнович проанализировала сочинения М.В. Ломоносова («Древняя Российская история»), в котором он реконструировал дохристианские верования славян, опираясь на современные ему представления об античной мифологии. Его реконструкция опиралась на русские позднесредневековые источники, которые возникли под влиянием переводной литературы. Также в этой статье рассматривается концепция славянской мифологии, разработанная В.Н. Татищевым в «Истории Российской». М.М. Шахнович продемонстрировала, что Татищев в своей реконструкции использовал практически все известные в то время труды по славянской мифологии, а также опирался на летописные источники. Также в этой статье она пишет о сочинении Григория Новицкого «Краткое описание о народе остяцком, о житии, обычаях и пребывании…». К сожалению, Марианна Михайловна в этой статье повторяет историографический штамп XIX в., обвиняя немца Иоганна Бернарда Мюллера, автора сочинения «Leben Und Gewohnheiten Der Ostiacken, Eines Volkes, Das Bis Unter Dem Polo Arctico Wohnt» (1720), который оказался в Сибири как пленный капитан драгун шведской армии, в том, что тот фактически украл сочинение Новицкого. Она писала: «неизданным сочинением Новицкого воспользовался пленный немецкий Драгунский капитан И.-Б. Мюллер, который перевел его на немецкий язык и почти полностью привел в своей работе («Das Leben und die Gewonheiten der Ostiaken», 1716, изданной в приложении к труду Ф.-Х. Вебера «Преображенная Россия»), не упомянув даже имени Новицкого. Этот Мюллер и стал тем первым автором, который познакомил читающую публику с культурой данного сибирского народа, а Григорий Новицкий оставался в забвении». [Шахнович 2004, с. 6-7]. Современные исследователи, скрупулезно проанализировавшие и сравнившие работы Новицкого и Мюллера, убедительно доказывают, что эти работы достаточно существенно различаются в деталях [Главацкая, 2005]. Также Марианна Михайловна упоминает сочинение С.П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», который писал о связи ритуалов и мифов в религиозных верованиях жителей Камчатки. Тщательно разбирает взгляды на сибирский шаманизм И.Г. Георги («Описание всех обитающих в Российском государстве народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей»). Она также упоминает тех авторов, которые писали о мифологии: В.И. Тредиаковского, Г.Н. Теплова и А. Сумарокова, а также Г.В. Козицкого, переводчика «Метаморфоз» Овидия. Отдельно анализируется перевод Палефата, сделанный Федором Осиповичем Туманским («Палефата греческого писателя О невероятных сказаниях . Преложил и примечаниями своими изъяснил, Феодор Туманский» (Иждивением И.К. Шнора. - Санктпетербург, 1791. 132 с.). Большое внимание в статье уделяется изучению самой известной работы М.Д. Чулкова, энциклопедическому словарю «Абевега русских суеверий идолопоклоннических жертвоприношении свадебных простонародных обрядов колдовства, шеманства и проч.», а также работам переводчика М.В. Попова, использовавшимися иностранными исследователями, и, в частности М. Гатри, который, основываясь на идее сходства мифологий, доказывал, что русская культура близка европейской.

В статье «Из истории отечественного религиоведения XVIII в.: проблема происхождения религии» [Шахнович 2005] помимо уже упомянутых М.М. Шахнович рассматривает сочинение Г.А. Глинки «Древняя религия славян», справочник, подготовленный А.С. Кайсаровым и опубликованный в Гёттингене в 1804 «Versuch einer Slavischen Mythologie in

alphabetischer Ordnung», а также сочинение П.М. Строева (1796—1876) «Краткое обозрение мифологии славян российских», и написанную на русском и латинском языках диссертацию Д.С. Аничкова «Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания», которая во многом основывалась на труде Шарля де Бросса «О культе богов-фетишей, или сравнение древней религии Египта с современной религией Негритии» [Бросс 1973]. На примере анализа диссертационного сочинения Аничкова М.М. Шахнович предприняла попытку анализа генезиса религиоведческой терминологии, в частности отмечая, что под «естественной теологией (богословием) понималось теория естественной религии, в которой последняя рассматривалась как совокупность религиозных представлений, выводимых из человеческой «природы» (естества) и не нуждающихся в авторитете откровения и догмы» [Шахнович 2005, с. 153].

Продолжением этих обзорных статей должен был стать проект, который мы подготовили, и он был поддержан РНФ. В описании этого проекта мы подчеркивали, что несмотря на значительное количество опубликованных исследований и монографий в области отечественного религиоведения, включая работы авторов данного проекта, остаются несколько ключевых вопросов, требующих дальнейшего изучения. Во-первых, это проблема источников информации о верованиях, обрядах и обычаях народов России, зафиксированных в текстах XVII – начала XVIII веков. Эти источники были использованы авторами второй половины XVIII века, которые, не имея собственного опыта «полевых исследований», могли частично или полностью игнорировать их. Во-вторых, необходимо детально исследовать взаимодействие изучения «языческих» верований коренных народов Сибири и Дальнего Востока с процессом их христианизации, что представляет собой важный аспект формирования религиозной идентичности в этих регионах. Проект направлен на всестороннее исследование этих двух ключевых аспектов в истории отечественного религиоведения, этнографии и православной миссионерской деятельности. Полученные результаты значительно расширят наше понимание процесса становления религиоведения как академической дисциплины в России и истории изучения культурного многообразия страны, что является важным вкладом в развитие гуманитарной науки.

Изучение истории религиоведения в России, несмотря на появление значительного числа трудов в последнее десятилетие, остаётся актуальной исследовательской задачей. Введение в научный оборот ранее неизвестных или малоизученных работ российских учёных-религиоведов, создает более полное и объективное представление об истории изучения культурного и религиозного разнообразия России.

Список литературы

1. Бросс 1973 – Бросс Ш. де. О фетишизме. Общ. ред. и предисл. М. И. Шахновича; Перевод, примеч. и библиограф. очерк Л. Р. Дунаевского. М.: Мысль, 1973. 206 с.
2. Главацкая 2005 – Главацкая Е. М. Религиозные традиции хантов XVII-XX вв. Российская академия наук, Уральское отделение, Институт истории и археологии, Ямальский филиал. Екатеринбург; Салехард: РА АРТмедиа, 2005. 352 с.
3. Шахнович 2005 – Шахнович М. М. Из истории отечественного религиоведения XVIII в.: проблема происхождения религии // Труды Государственного музея истории религии. 2005. № 5. С. 147-156.

4. Шахнович 2006 – Шахнович М. М. История отечественного религиоведения XVIII век // Очерки по истории религиоведения. СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. С. 24-72.
5. Шахнович 2004 – Шахнович М. М.У истоков отечественной науки о религии "естественная поэзия" и мифология в оценке русских мыслителей XVIII в // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2004. № 4. С. 5-15.

УДК 291

«ЗАБЫТЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИСТ XX ВЕКА»: М. М. ШАХНОВИЧ О Е. Г. КАГАРОВЕ (1882-1942)

Брук Елизавета Григорьевна

Кандидат философских наук

Санкт-Петербургский государственный университет, доцент

E-mail: Bruk97@list.ru

Аннотация: В докладе анализируются основные работы Марианны Михайловны Шахнович (1957-2025) о Е. Г. Кагарове (1882-1942), советском ученом, внесшим большой вклад в развитие отечественного религиоведения первой половины XX века. За годы работы с архивными материалами Марианна Михайловна смогла дополнить его биографию, восстановить образ Кагарова-египтолога, оценить его вклад в изучение свадебной обрядности, показать, какую роль сыграл Е. Г. Кагаров в создании первой экспозиции Государственного музея истории религии. Марианна Михайловна ценила широту его знаний, владение древними и новыми языками. Е. Г. Кагаров был близок ей своими методологическими подходами к изучению религии. Обладая глубокими знаниями и широкой эрудицией, в своих работах он использовал сравнительный метод. Это позволило советскому ученому не только высказать ряд оригинальных догадок, но и выстроить собственную типологию мифов и классификацию свадебных обрядов. Последнее десятилетие своей жизни Марианна Михайловна старалась восстановить историческую справедливость по отношению к незаслуженно забытому «энциклопедисту XX века».

Ключевые слова: М. М. Шахнович, Е. Г. Кагаров, история религиоведения, типология мифов, классификация обрядов, сравнительное религиоведение

“THE FORGOTTEN ENCYCLOPEDIST OF THE XX CENTURY”: M. M. SHAKHNOVICH ABOUT E. G. KAGAROV (1882-1942)

Bruk Elizaveta Grigorievna

St. Petersburg State University, Associate Professor

Abstract: This paper analyzes the major works by Marianna Shakhnovich (1957-2025) on E. G. Kagarov (1882-1942), a Soviet scholar who made a significant contribution to the development of Russian religious studies. Over the years of working with archival materials, Marianna Shakhnovich detailed his biography, reconstructed the image of Kagarov the Egyptologist, evaluated his contribution to the study of wedding rituals and demonstrated his role in the creation of the first exhibition at the State Museum of the History of Religion. Marianna Shakhnovich valued the breadth of his knowledge, his methodological approaches to the study of religion. Relying on profound knowledge and broad erudition, Kagarov used the comparative method in his works. This method allowed the Soviet scholar not only to express a number of original insights but also to develop his own typology of myths and classification of wedding rituals. In the last decade of her life, Marianna Shakhnovich tried to restore historical justice in relation to the undeservedly forgotten "encyclopedist of the 20th century."

Keywords: Marianna Shakhnovich, E. G. Kagarov, history of religious studies, typology of myths, classification of rituals, comparative religious studies

В ноябре 2025 года ушла из жизни Марианна Михайловна Шахнович (1957-2025), известный российский ученый и выдающийся преподаватель. Ее научная деятельность охватывала широкий спектр тем: от античной философии до истории религиоведения. Последние годы своей жизни Марианна Михайловна посвятила изучению научного наследия Евгения Георгиевича Кагарова (1882–1942). Марианна Михайловна полагала, что Е. Г. Кагаров был одним из крупнейших отечественных исследователей религии первой половины XX века. Она изучала его неопубликованные труды, архивные документы, письма, успела ввести в научный оборот ряд фундаментальных исследований этого малоизученного автора. Марианна Михайловна сумела убедительно показать, какую роль Е. Г. Кагаров сыграл в создании Антирелигиозной выставки, на основании которой впоследствии возник Музей истории религии [Шахнович 2018]. Для нее было важно, что Е. Г. Кагаров разработал свою оригинальную классификацию свадебных обрядов, внес значительный вклад в развитие методологии отечественной науки о религии. Марианна Михайловна внесла свой вклад в изучение его биографии [Шахнович 2020], эволюции научных интересов. Она полагала, что восстановление исторической справедливости по отношению к этому автору поможет лучше понять историю отечественной науки о религии в XX веке.

Разнообразие научных интересов Е. Г. Кагарова затрагивало различные области: от Древнего Египта до свадебных обрядов различных народов. Последняя тема, с точки зрения Марианны Михайловны, играла важную роль в отечественном религиоведении 20-30-х годов XX века. Этой теме она посвятила одну из своих последних статей под названием «Неопубликованная работа Е. Г. Кагарова (1882-1942) о древнегреческом свадебном обряде» [Шахнович 2026], опубликованную уже посмертно. Марианна Михайловна считала, что изучение свадебных обрядов Е. Г. Кагаровым было беспрецедентно по своей глубине и тематическому охвату. В 1918 г. вышла его работа «Религия древних славян», а годом ранее была опубликована статья «О значении некоторых русских свадебных обрядов», которая была представлена на заседании Общего собрания Академии 15 апреля 1917 г. академиком А. А. Шахматовым. Марианна Михайловна полагала, что эта работа, с одной стороны, выявила

интерес Кагарова к изучению ритуалов и созданию их типологической классификации, с другой – дала начало новому направлению его научных изысканий — исследованию свадебной обрядности разных народов. В 1920-30-е годы Е. Г. Кагаровым были написаны статьи: «К вопросу о значении наксосского свадебного обычая», «Русский свадебный обычай, известный под именем “телеграфа” или “телефона”», «Состав и происхождение свадебной обрядности», «Классификация итальянских свадебных обычаев», «Венчание покойников у немцев Поволжья», «Свадебные обычаи сирийцев (айсор)». Марианна Михайловна отмечала, что лишь три из шести работ были опубликованы [Шахнович 2026, с.191]. Изучая опубликованные работы и архивные материалы, Марианна Михайловна уделяла особое внимание методологическому и классификационному подходу советского ученого к изучению свадебной обрядности вообще. Сравнительный метод, внимание к социальному пласту культуры, невероятная эрудиция – все это позволяло Е. Г. Кагарову не только по-своему интерпретировать некоторые ритуалы (например, обряд купания невесты), но и создать свою классификацию элементов свадебной обрядности. Он выделял апотропеические, экзапатетические, криптические, апофевктические и многие другие действия, которые либо несли магическую охранительную функцию, либо должны были способствовать процветанию и плодовитости. Однако, интереснейшая статья 1937 года о свадебных обычаях древних греков так и не была опубликована. Марианна Михайловна отмечала, что причины этого обстоятельства нам не известны [Шахнович 2026, с.193]. Она добавляла, что в архиве были обнаружены две авторские редакции. Они содержали правку и подготовительные материалы к статье. Исправления были сделаны другим почерком. Это, скорее всего, говорило о том, что статья готовилась к печати, но по каким-то причинам не была опубликована. Марианна Михайловна полагала, что текст был подготовлен Е. Г. Кагаровым по плану его научной работы в Музее антропологии и этнографии АН СССР, поскольку 15 ноября 1937 г. Кагаров сделал в МАЭ доклад, отражающий содержание статьи [Шахнович 2026, с. 193]. Тезисы доклада Марианна Михайловна опубликовала в своей статье. Она полагала, что Е. Г. Кагаров достиг высоких результатов в изучении свадебных обрядов благодаря избранной им методологии. По ее мнению, «сравнительно-типологический подход ученого к анализу семантики свадебной обрядности, подбор и сравнительное истолкование большого объема этнографических и фольклорных данных не потеряли своего научного значения до сих пор» [Шахнович 2026, с. 196].

Марианна Михайловна придавала большое значение сравнительно-типологическому подходу, который Е. Г. Кагаров использовал в своих трудах. Он начал свою академическую карьеру как филолог, с течением времени все более углубляясь в изучение фольклора и этнографии. С 1925 года он окончательно связал свои исследования с этой наукой. Методологически он был близок к так называемой Кембриджской ритуалистической школе, которая сочетала классическую филологию, археологию, историю с этнографией и антропологией [Шахнович 2020, с. 8]. Постепенно сравнительно-типологический подход стал ведущим в научных изысканиях Е. Г. Кагарова, открыв ему новые горизонты в изучении религий Древнего Востока, свадебной обрядности различных народов и других проблемных полей. По мнению Марианны Михайловны, для своего времени эта методологическая парадигма была прогрессивной и достаточно новаторской. В соединении с социологическим подходом, она давала возможность получить значимые научные результаты. Например, Е. Г. Кагаров мог создавать свои детально продуманные классификации религиозных явлений. Помимо упомянутой уже классификации свадебных обрядов, ученый создал типологию

мифов. Будучи знакомым с фундаментальными трудами и новейшими исследованиями по истории религии, культуры и фольклору, Е. Г. Кагаров шел в ногу со временем в своих теоретических и методологических построениях. Марианна Михайловна отмечала: «Е. Г. Кагаров был одним из создателей историко-типологического метода изучения культуры и фольклора, предлагал свою классификацию мифов, выделяя мифы натуралистические, психологические, социологические, исторические, этимологические и иконические. В своей классификации он опирался на отдельные характеристики мифа, предложенные В. Вундтом, Э. Роде, В. Рошером, Л. Морганом, Р. Мейером, Ф. М. Мюллером, В. Ф. Миллером и др., однако до него подобной классификации, позволяющей рассмотреть миф во всей его целостности и многосторонности, не было» [Шахнович 2020, с. 8]. Марианна Михайловна подробно разобрала эту классификацию в «Предисловии» к работе Е. Г. Кагарова «Народные суеверия и их происхождение» [Шахнович 2019].

Марианна Михайловна интересовалась вкладом Е. Г. Кагарова в различные области наук о религии: советский ученый профессионально занимался египтологией, внес существенный вклад в создание Антирелигиозной выставки, на основании которой позднее возник Музей истории религии, оказал влияние на развитие других областей отечественной науки о религии.

Так, в научной деятельности Марианны Михайловны последних лет фигура Е. Г. Кагарова занимала особое место. Марианна Михайловна изучала архивные документы, рукописи советского ученого и его коллег. Со свойственной ей проницательностью, она помогла полнее оценить вклад этого ученого в развитие отечественной науки о религии первой половины XX века.

Список литературы

1. Шахнович 2020 – Шахнович М. М. Е. Г. Кагаров и его рукопись «Религия эллинистической эпохи и христианство» [1929 г.] // Труды по истории и антропологии религии (1929–1946)/ сост., подгот. М. М. Шахнович, Е. А. Терюковой; под ред. М. М. Шахнович. 2-е изд. (Серия «Из архива»). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. С. 7-17.
2. Шахнович 2018 – Шахнович М. М. Е. Г. Кагаров и Музей истории религии Академии наук СССР // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 33. №4. С. 571–581.
3. Шахнович 2026 – Шахнович М. М. Неопубликованная работа Е.Г. Кагарова (1882–1942) о древнегреческом свадебном обряде // Религиоведение. 2026. № 1. С. 190–198.
4. Шахнович 2019 – Шахнович М. М. Предисловие // Из архива. Труды по мифологии и фольклору (1934–1937 гг.) / сост., подгот., предисл. и примеч. М. М. Шахнович. 2-е изд. (Серия «Из архива»). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. С. 5-28.

УДК 27

«УНИВЕРСИТЕТСКОЕ БОГОСЛОВИЕ» РУБЕЖА XIX-XX В. КАК ПРОСТРАНСТВО МЕДИАЦИИ АПОЛОГЕТИЧЕСКОГО И ЭВОЛЮЦИОНИСТСКОГО ПОДХОДОВ

Браткин Дмитрий Александрович

Кандидат исторических наук

Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра философии религии и религиоведения, доцент

E-mail: bratkin@yandex.ru

Аннотация: Как показывают исследования М. М. Шахнович, в России конца XIX – начала XX в. обособлены два направления в исследовании истории религии. К первому относятся академические богословы, писавшие исходя из эксклюзивистско-апологетических установок. Вторую группу составляют ученые, работавшие в русле новой антропологии и этнографии, близкие к революционно-демократическому лагерю. Эмансипаторный потенциал новой науки вполне признавался богословами-апологетами, которые стремились нуллифицировать ценность новой гуманитарной науки. Доклад посвящен тому, существовали ли точки медиации между традиционалистским мироощущением и новыми научными подходами. По мнению докладчика, таким пространством медиации со временем могло стать университетское преподавание богословия.

Ключевые слова: история религии, религиозная культура, богословие, университет, сравнительное религиоведение, антропология, мейнстримное богословие, маргинальное богословие, В. Г. Рождественский, А. В. Смирнов

.

THEOLOGY IN THE RUSSIAN UNIVERSITIES IN LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY AS THE AREA OF MEDIATION BETWEEN RELIGIOUS APOLOGETICS AND EVOLUTIONAL ANTHROPOLOGY

Bratkin Dimitri Aleksandrovich

St Petersburg State University, Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Associate Professor

Abstract: As Marianna Shakhnovich has shown in her research, study of religion and religious culture in late 19th – early 20th century Russia was split into two main approaches. First, there is a wide group of writers who demonstrated traditional attitudes of scholarly theology and explicitly declared their apologetic and exclusivist intentions. Second, there is a number of scholars who applied methods of the new evolutionary anthropology and ethnology. Emancipatory potential of the new social-scientific approach was apparent to the apologists who aimed at complete dismissal of this discipline. The author asks whether there was any point of mediation between the standard apologetic approach and the new evolutionary theories. The author believes that this intersection was made inevitable within the compulsory teaching of the Orthodox theology in the Imperial, i.e. secular, universities of the Russian Empire.

Keywords: history of religion, religious culture, theology, university, comparative religion, anthropology, mainstream theology, marginal theology, Vasilii Rozhdestvensky, Aleksandr Smirnov

Марианну Михайловну Шахнович (1957–2025), безвременная смерть которой оставила незаживающую рану в сердцах знавших ее людей, коллег и учеников, будут помнить не только как оригинального ученого и исследователя, но и как хранительницу светских гуманистических традиций отечественного религиоведения.

1. **Два направления науки на рубеже XIX-XX века.** С приходом советской власти появляется, словно бы ex nihilo, новая тональность в разработке сюжетов, связанных с историей религии и ее анализом. Появление этой тональности совпадает с закрытием духовных академий и их журналов, с наступлением на традиционные и традиционалистские способы осмысления и описания религиозных феноменов. В наиболее последовательных своих вариантах эта новая тональность подчиняла академические цели политическим, сводила сложные формы религиозного поведения к простым и вульгарным, а также провозглашала лозунг уничтожения религии. В итоге новый, советский вариант изучения религии в наиболее массовых и тиражных своих проявлениях превращался в утилитарную дисциплину, выполняющую социальный заказ. На уровне житейского осмысления можно было бы счесть это всего лишь инверсией прежнего подхода: мол, государственная религия Российской империи сменяется государственным атеизмом Советской России, социальный заказ на обоснование и укрепление религии заменяется заказом на ее ниспровержение и ликвидацию, а следовательно, все выросшее из этого порочного утилитарного корня было порочным же по сути проектом, обслуживающим интересы новой господствующей идеологии.

Подобный нигилистический взгляд, разумеется, весьма далек от истины. Из спорадических возражений тем, кто его разделял, вырос большой научный проект, который с 2016 по 2020 год разрабатывался под руководством Марианны Михайловны на возглавляемой ею кафедре философии религии и религиоведения, в Институте философии СПбГУ. Этот проект носил название «Изучение религии в социокультурном контексте эпохи: история религиоведения и интеллектуальная история России XIX — первой половины XX в.» (РНФ № 16-18-10083). Целью его было проследить то, как в российском интеллектуальном контексте XIX – XX века развивались *все* подходы к изучению религии, от богословских до нигилистических, и все формы продвижения и популяризации этого изучения, от строго академических до массовых.

Марианна Михайловна продемонстрировала, что раннесоветское расщепление научной и околонаучной мысли о религии есть не более, чем манифестация более раннего положения дел, которое сформировалось к началу XX века, но по цензурным и иным соображениям существовало в неявной форме. Уже к концу XIX века в отечественной литературе фиксируется противостояние двух подходов к описанию и разработке сюжетов истории религии. Они различались и по составу участников, и по аксиологии исследования, и по общим мировоззренческим принципам. Один подход удовлетворял общим охранительным политическим установкам эпохи, это был богословский взгляд, опирающийся на апологетические презумпции и на эксклюзивистскую схему, которая выводила христианство за рамки общей истории религии. Среди более умеренных сторонников этого подхода можно назвать В. Д. Кудрявцева-Платонова, С. С. Глаголева и других церковных авторов. Ей противостояла новая антропологическая наука, основными отечественными творцами и адептами которой были деятели революционно-демократического лагеря – П. Л. Лавров, В. Г. Богораз, В. И. Йохельсон, Д. А. Клеменц, Л. Я. Штернберг и другие. Заметную часть исследователей, принадлежавших к этой группе, составляли политические ссыльные, которые

разделяли народнические убеждения и в той или иной мере степени участвовали в политическом освободительном движении [Шахнович 2018, с. 15–19].

2. Противостояние и медиация. Для тех ученых, кто работал в рамках нового антропологического подхода, историко-критический метод и особенно эволюционизм играли важную психологическую роль как составная часть в общем процессе *расколдовывания мира*. Для богословов, сочетавших личные мировоззренческие установки с политическим государственным запросом, данный эмансипаторный потенциал был очевиден и нежелателен; полемическим оружием против него становилась не столько прямая доказательная дискуссия, сколько попытка отмены критической науки и риторическая дискредитация рационализма, заметная даже у наиболее умеренных богословов традиционной ориентации.

Но было такое отрицание новой науки неизбежным и неотменимым? Могла ли новая научная методология соединяться с консервативными богословскими интенциями? В более широком смысле: было ли богословское изучение истории религии способно к внутреннему развитию, к усвоению антропологических идей и к ревизии апологетических презумпций?

3. Университетское богословие. Я полагаю, что такие точки соприкосновения, существовали в поле, где консервативному богословию приходилось обращаться к аудитории нового склада, для которой авторитет новой науки была неотменим. Такая уникальная, в контексте последних десятилетий императорской России, ситуация складывалась при преподавании обязательного курса богословия студентам императорских университетов. Специфика этого преподавания была еще и в том, что со времени подготовки университетского устава 1863 года и вплоть до ликвидации богословских кафедр в 1918 г. не было выработано единого стандарта преподавания, единых программ или унифицированного курса. Причиной тому было радикальное расхождение самих теоретиков университетского богословия по вопросу о том, какова цель, а следовательно, и содержание курса. При общей охранительной интенции, декларировавшей борьбу с «отрицательными воззрениями» и «неверием в среде молодежи», каждый из профессоров-богословов демонстрировал свободу в выборе собственной стратегии преподавания [О преподавании, 1866].

Наглядной иллюстрацией того, сколь широким был диапазон возможностей в преподавании университетского богословия при сохранении общей тональности, служит история кафедры богословия в императорском Петербургском университете. В интересующий нас период кафедру занимали двое профессоров: В. Г. Рождественский (1874–1915) и А. В. Смирнов (1915–1918). В. Г. Рождественский был консерватором, но апологетический по содержанию курс лекций по богословию [Рождественский 1883] демонстрирует новую линию. Он был выдержан в последовательно эксклюзивистском ключе, но в этот курс богословия вводится очерк всеобщей истории религии, чего не было в курсах предшественников Рождественского. А. В. Смирнов проделал аналогичную эволюцию, которая вызвана его службой сперва как законоучителя в ряде светских учебных заведений, а позже как профессора богословия в императорском университете: Казанском, затем Петроградском. Курс богословия, читанный Смирновым в Казанском университете, изначально был осуществлен в виде двух разноплановых частей. Собственно богословско-апологетический материал собран в отдельном литографированном конспекте, который не предназначавшемся для широкого обращения. Значительно больший по объему том – это знаменитый «Курс истории религии» [Смирнов 1908], в котором Смирнов не только избегает напоминать о генетической связи данного курса с университетским богословием, но последовательно отказывается от апологетической установки на обесценивание антропологического подхода и

столь же последовательно принимает, по крайней мере основные, выводы и методы критической науки.

4. Итог. Университетское богословие оказалось своеобразной экспериментальной площадкой. Отсутствие единых программ и единого содержания давало достаточно большую свободу профессорам, читавшим этот курс. Достаточно рано у связанных в ним деятелей созрело понимание того, что богословие университетских кафедр ведет полемику не столько наступательного, сколько оборонительного характера, и прямое отрицание и обесценивание всех новых движений мысли и науки как «симптомов неверия» не достигало желаемой цели. При чтении этого курса профессор-богослов оказывался перед необходимостью преодолевать предубеждения скептической аудитории, и одним из выходов из сложившегося положения становилась трансформация аксиологических установок в построении курса и его преподавании. Пример Смирнова, который я предлагаю рассматривать не в виде изолированного явления, а как пример намечающейся тенденции, показывает, что естественным развитием такого богословия становится движение в сторону антропологического сравнительного религиоведения и рецепция некоторых его методов и подходов. Будучи явлением маргинальным, богословие университетов было вынуждено проявлять гибкость и обнаруживать в себе потенциал к диалогу с тем, что прежде тотально отвергалось, и таким образом оно становилось своеобразной площадкой медиации.

Список литературы

1. О преподавании – О преподавании богословия в университетах. 1866 г. СПб: Тип. Академии наук, 1866. 147 с.
2. Рождественский 1883 – Рождественский В. Г. Лекции основного богословия. СПб: Тип. Стасюлевича, 1883. 327 с.
3. Смирнов 1899 – Смирнов А. В. Конспект по богословию для студентов императорского Казанского университета. Казань: Типо-лит. Окружного штаба, 1899. 186 с.
4. Смирнов 1908 – Смирнов А. В. Курс истории религии. – Казань: Типо-лит. императорского университета, 1908. 468+XIX+III с.
5. Шахнович 2018 – Шахнович М. М. Введение // История религиоведения и интеллектуальная история России XIX – первой половины XX века. Архивные материалы и исследования / отв. ред. М. М. Шахнович, Е. А. Терюкова. СПб: Изд-во СПбГУ, 2018. С. 5–26.

УДК 239

ПРОФЕССОРА–ПРОТОИЕРЕИ ВАСИЛИЙ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ И АЛЕКСАНДР СМИРНОВ НА КАФЕДРЕ БОГОСЛОВИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО (ПЕТРОГРАДСКОГО) УНИВЕРСИТЕТА (1874–1918)

Боков Герман Евгеньевич

Кандидат философских наук

Санкт-Петербургский государственный университет,

доцент кафедры философии религии и религиоведения
E-mail: bokovg@gmail.com

Аннотация: В докладе рассматривается преподавание богословия в Императорском Санкт-Петербургском (Петроградском) университете представителями ученого духовенства – профессорами-протоиереями Василием Рождественским и Александром Смирновым в период с 1874 по 1918 годы. Подчеркивается, что они были не только апологетами православия, но и занимались наукой, прежде всего – библеистикой и библейской экзегетикой. В.Г. Рождественский возглавлял кафедру Священного Писания Нового Завета в Санкт-Петербургской духовной академии, долгое время совмещая свои научные изыскания с преподаванием в университете, где читал различные богословские курсы более 40 лет. Его приемник по университетской кафедре богословия А.В. Смирнов до этого был профессором в Казанском университете, переводчиком и комментатором ветхозаветных апокрифов, изучал историю иудаизма и раннего христианства. Он известен своим «Курсом истории религий», который был издан в 1908 г. Будучи в духовном сане, А.В. Смирнов обращался к изучению нехристианских религий как исследователь–историк. Он пытался проследить эволюцию и развитие религий мира и найти собственные ответы на вопросы о происхождении религии. В настоящем докладе отмечается, что в лекциях по богословию в Санкт-Петербургском (Петроградском) университете В.Г. Рождественский и А.В. Смирнов подчеркивали, что христианская вера и истины христианского учения необходимы для мировоззренческого и духовно-нравственного развития личности и это никоим образом не может противоречить научному знанию.

Ключевые слова: В.Г. Рождественский, А.В. Смирнов, Императорский Санкт-Петербургский (Петроградский) университет, православие, богословие, наука о религии, М.М. Шахнович

PROFESSORS-ARCHPRIESTS VASILY ROZHDESTVENSKY AND ALEXANDER SMIRNOV AT THE DEPARTMENT OF ORTHODOX THEOLOGY OF THE IMPERIAL ST. PETERSBURG (PETROGRAD) UNIVERSITY (1874–1918)

Bokov German Evgenievich

St. Petersburg State University
PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies

Abstract: The report discusses the teaching of theology at the Imperial St. Petersburg (Petrograd) University by professors-archpriests Vasily Rozhdestvensky and Alexander Smirnov from 1874 to 1918. It is emphasized that they were not only apologists of Orthodoxy, but were also engaged in science, primarily biblical studies and biblical exegesis. Vasily Rozhdestvensky headed the Department of the Holy Scripture of the New Testament at the St. Petersburg Theological Academy, combining his scholarly research with teaching at the University for over 40 years, where he taught various theological courses. His successor at the University Department of Theology Alexander Smirnov had previously been a professor at Kazan University, a translator and

commentator on the Old Testament apocrypha, and a scholar of the history of Judaism and early Christianity. He is known for his “Course on the History of Religions”, published in 1908. As a clergyman, Alexander Smirnov approached the study of non-Christian religions as a research historian. He sought to trace the evolution and development of the world’s religions and find his own answers regarding the origin of religion. The present report notes that in their theological lectures at the Saint Petersburg (Petrograd) University, Vasily Rozhdestvensky and Alexander Smirnov emphasized that the Christian faith and the truths of Christian doctrine are essential to the worldview, spiritual, and moral development of the person, a position that is in no way inconsistent with scientific knowledge.

Keywords: Vasily Rozhdestvensky, Alexander Smirnov, Imperial St. Petersburg (Petrograd) University, Orthodox, Theology, Religious Studies, Marianna Shakhnovich

Светлой памяти моего учителя,
заведующей кафедрой философии религии
и религиоведения СПбГУ
профессора Марианны Михайловны Шахнович (1957–2025)

В 2020 г. в научной серии «Из архива», посвященной изучению религии в России, был издан уникальный в своем роде биобиблиографический указатель [Изучение религии в России… 2020]. Он был подготовлен в рамках исследовательского проекта группой ученых Санкт-Петербургского государственного университета под руководством скоропостижно скончавшейся в ноябре 2025 г. заведующей кафедрой философии религии и религиоведения профессора Марианны Михайловны Шахнович (1957–2025). В настоящем издании впервые были представлены биографические данные и сведения о научной работе 350-ти российских исследователей религии XVIII – первой половины XX в. В Предисловии М.М. Шахнович отмечала, что «это люди разных убеждений, представители различных школ и направлений, атеисты и верующие, светские ученые и священнослужители, но все они внесли свой вклад в развитие российского религиоведения» [Изучение религии в России… 2020, с. 4]. В этом замечании заключалась её принципиальная позиция. Именно благодаря Марианне Михайловне мы, «малая» научная группа ее коллег и учеников, в 2024–2025 гг. работали над грантовым научно-исследовательским проектом, посвященном истории изучения религии православными священнослужителями кон. XIX – нач. XX в. (РНФ, № 24-28-01158) [Браткин 2025a, с. 9; Браткин 2025b]. Он явился продолжением фундаментальных научных проектов, осуществлявшихся под руководством самой Марианны Михайловны, уделявшей истории религиоведения самое пристальное внимание вплоть до своей кончины и очень много сделавшей в этой области.

Протоиереи Василий Гаврилович Рождественский (1839–1917) и Александр Васильевич Смирнов (1857–1933/после 1936?), о которых здесь пойдет речь, были профессорами внефакультетской кафедры богословия Императорского Санкт-Петербургского (Петроградского) университета. Первый из них прослужил там с 1874 по 1915 г., второй – с 1915 по 1918 г. Они оба являлись яркими фигурами в среде ученого духовенства и внесли весомый вклад в развитие как отечественного богословия, так и академического исследования религии.

В.Г. Рождественский долгое время совмещал службу в Университете и в Санкт-Петербургской духовной академии, где с 1869 г. возглавлял кафедру Священного Писания Нового Завета. Тем самым он оставался в подчинении двух ведомств – Министерства народного просвещения и Святейшего Синода. В своих исследованиях в области библеистики этот профессор–протоиерей рассматривал проблемы новозаветной текстологии и экзегетики, интересовался популярными в то время в европейской среде попытками написать жизнеописание «исторического Иисуса» и многими другими вопросами, возникавшими в этой связи [Рождественский 1872–1874; Рождественский 1878 и др.]. В.Г. Рождественский, безусловно, внес свой вклад в изучение библеистики, но не ограничивался этим. С 1879 г. по 1885 г. публиковались его лекции по «Основному богословию» [Рождественский 1883], а также проповеди и апологетика. Начиная со своей ранней публикации – магистерской диссертации, посвященной критике материализма и атеизма Л. Бюхнера [Рождественский 1868], он обращался к различным учениям, представлявшим угрозу для христианской веры, которые были популярны среди некоторых радикальных групп в студенческой среде. Помимо так наз. «вульгарного» материализма, это социал–дарвинизм, позитивизм и социализм, которые он обличал в Императорском Санкт-Петербургском (Петроградском) университете, прежде изучив философию своих оппонентов.

В своих трудах В.Г. Рождественский стремился обосновать, что наука и научное знание не могут и не должны быть изолированы от религии и религиозного, в первую очередь – христианского образования. По его мысли, для формирования целостного мировоззрения необходим «тесный союз самой науки и веры», который мыслился им как своего рода диалектический процесс глубокого взаимопроникновения [Рождественский 1875, с. 96]. Как утверждал В. Г. Рождественский, наука и религия не вступают в противоречие, а представляют собой различные пути движения к единой цели – «утверждению в мире истины и добра», к моральному развитию человека [Рождественский 1875, с. 96]. Таким образом, образование – это не набор знаний, а всегда воспитание личности, которое не может быть вне религии.

Об этом же говорил и приемник В.Г. Рождественского по кафедре богословия Императорского Петроградского университета А.В. Смирнов. Он был известен как переводчик и комментатор ветхозаветных апокрифов, прежде служивший в Императорском Казанском университете (1896–1912). Там была написана и опубликована его докторская диссертация «Мессианские ожидания и верования иудеев около времен Иисуса Христа» [Смирнов 1900], а также уникальный для православного богослова «Курс истории религий» [Смирнов 1908]. В этом курсе А.В. Смирнов отмечал, что не может быть ничего зазорного в изучении нехристианских религий, которые не следует критиковать даже, а необходимо понять. Он обращался к фундаментальной проблеме происхождения религии, ставшей достоянием ученых-эволюционистов того времени. В частности, А.В. Смирнов излагал анимистическую теорию Э. Тейлора и предлагал собственный взгляд на эволюцию религиозных верований.

Преподавание А.В. Смирнова в двух университетах пришлось на период революционных волнений и потрясений. Сам он занимал умеренную «право-либеральную» политическую позицию, которую отстаивал в 1912 г. как депутат IV Государственной Думы, был членом Синода, товарищем обер-прокурора Синода, а также членом Поместного собора 1917–1918 гг. В лекциях апологетического курса православного богословия для студентов Казанского, а затем, вероятно, и Петроградского университета, он предлагал «систематическое изложение истин христианского вероучения и нравоучения, составляющих для христианина основу веры и нравственной жизни» [Смирнов 1899, с. 4]. Подобно своим

предшественникам по кафедре богословия, А.В. Смирнов настаивал, что Университет призван давать «единое знание» и формировать «цельное мировоззрение», что возможно только при наличии знания *о* религии, которое может стать пропедевтикой религиозному знанию. Он полагал, что таким образом следует противостоять так наз. «атомизации мысли» [Тихонов, Бильвина 2009, с. 84] или «раскола» единого знания на отдельные, самостоятельно существующие элементы, в которой видел серьезную опасность для личности нач. XX в.

Таким образом, и В.Г. Рождественский, и А.В. Смирнов со своим новаторским «Курсом истории религий», понимали значение богословских дисциплин в университете в первую очередь в мировоззренческом и воспитательном плане, при этом оба они уделяли большое внимание не только вере и религиозному знанию, но и знанию *о* религии.

Список литературы

11. Браткин 2025a – Браткин Д.А. In memoriam: Марианна Михайловна Шахнович (24 июля 1957–11 ноября 2025 г.) // Studia Culturae. 2025. 4 (66). С. 9–15.
12. Браткин 2025b – Браткин Д.А. Православные священнослужители конца XIX – начала XX в. как исследователи религиозной культуры: от «мейнстрима» к «маргинальности» (на примере университетского богословия) // Studia Culturae. 2025. 4 (66). С. 17–39.
13. Изучение религии в России… 2020 – Изучение религии в России в XVIII – первой половине XX в.: Биобиблиографический указатель / предисл. и общ. ред. М.М. Шахнович. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. 576 с.
14. Рождественский 1872–1874 – Рождественский В.Г. История Новозаветного канона / В.Г. Рождественский // Христианское чтение. 1872. № 10. С. 300–310; № 11. С. 441–495; № 12. С. 575–599; 1873. № 1. С. 47–69; № 7. С. 473–509; № 9. С. 37–88; 1874. № 5. С. 93–115; № 7. С. 423–471; № 8/9. С. 732–759.
15. Рождественский 1878 – Рождественский В.Г., свящ. Историческое обозрение священных книг Нового завета. СПб., 1878. 284 с.
16. Рождественский 1883 – Рождественский В.Г., прот. Лекции основного богословия. СПб., 1883. 327 с.
17. Рождественский 1868 – Рождественский В.Г. Материализм Бюхнера // Христианское чтение. 1868. № 3. С. 400–415; № 4. С. 518–556; № 7. С. 121–150; № 8. С. 191–203; № 10. С. 477–524; № 11. С. 645–690; № 12. С. 830–870.
18. Рождественский 1875 – Рождественский В.Г., свящ. Вступительная лекция, читанная 20-го декабря 1874 года в императорском С.-Петербургском университете // Христианское чтение. 1875. № 2. С. 85–134.
19. Смирнов 1900 – Смирнов А.В. Мессианские ожидания и верования иудеев около времен Иисуса Христа. Казань, 1899. 522 с.
20. Смирнов 1908 – Смирнов А.В. Курс истории религий. Казань, 1908. 468 с.
21. Смирнов 1899 – Смирнов А.В. Конспект по богословию для студентов Императорского казанского университета. Казань, 1899.
22. Тихонов, Бильвина 2009 – Тихонов И.Л., Бильвина О.Л. Кафедра богословия Императорского Санкт-Петербургского университета // Храм Духа в храме науки: Материалы юбилейной конференции, посвященной 170-летию университетского храма святых апостолов Петра и Павла / Сост. и отв. ред. прот. Кирилл Копейкин. СПб.: Изд.-во С.-Петерб. ун-та, 2009. С. 57–91.

УДК 291.7

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСЛАВНОГО ПРОЗЕЛИТИЗМА В РОССИИ В РАННИЙ ПЕРИОД (XVIII - НАЧ. XIX ВВ.) В КОНТЕКСТЕ ХРИСТИАНСКИХ МОДЕЛЕЙ МИССИОНЕРСТВА В ЭПОХУ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Пересторонин Валентин Александрович
Санкт-Петербургский Государственный Университет, ассистент
E-mail: perestoroninvalentin@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается специфика русской христианской миссии в эпоху Нового времени в сопоставлении с европейскими практиками. В Европе миссионерское движение получило новое дыхание в связи с Великими географическими открытиями, в ней решающую роль играли католические ордена, в частности иезуиты, чей успех во многом базировался на принципе аккомодации. В отличие от них, русская миссия развивалась в иных условиях, что определило её уникальный характер. В России системный характер христианизация приобрела лишь в XVIII веке вместе с реформами Петра I, который возложил руководство миссией на выпускников Киево-Могилянской академии. Практическая реализация политики осуществлялась через создание специальных учреждений, таких как Комиссия новокрещенских дел, учреждались школы для обучения детей инородцев. Однако, несмотря на отдельные инициативы по изучению местных языков, в целом языковой подготовке миссионеров не придавалось первостепенного значения, и проповедь велась преимущественно на русском языке. Русская миссия активно опиралась на административно-военные и экономические инструменты государства, что отличало её от европейских аналогов. Этот государственный контроль приводил к противоречиям: деятельность миссионеров могла как способствовать интеграции, так и вызывать сопротивление и становиться препятствием для восстановления порядка во время национальных волнений. В последней трети XVIII века в религиозной политике был установлен принцип «свободы совести», что привело к остановке активной христианизации. Хотя русская миссия сталкивалась с теми же проблемами, что и европейская, конверсия здесь носила более массовый, но поверхностный характер из-за различий в характере (внутренняя, а не внешняя миссия), организации, уровне образования и отказе от практики культурной аккомодации.

Ключевые слова: Русская православная церковь, христианизация, миссионерство, Сибирь, Поволжье, языковая политика.

Статья выполнена при поддержке гранта РНФ 25-28-02138 «Проблемы формирования науки о религии в России: ранний период».

FEATURES OF ORTHODOX MISSIONARY IN RUSSIA IN THE EARLY PERIOD (XVIII - EARLY 19TH CENTURY) IN THE CONTEXT OF CHRISTIAN MODELS OF MISSIONARY WORK IN THE MODERN ERA.

Perestoronin Valentin Alexandrovich

Saint-Petersburg State University, assistant

Abstract: The article examines the features of the Russian Christian mission in the Modern era in comparison with European practices. In Europe, the missionary movement received a new lease of life due to the Great Geographical Discoveries, in which the Catholic orders, in particular the Jesuits, played a decisive role, whose success was largely based on principle of accomodation. In contrast, the Russian mission developed in different conditions, which determined its unique character. In Russia, Christianization became systemic only in the 18th century, along with the reforms of Peter the Great, who entrusted the leadership of the mission to graduates of the Kyiv Mohyla Academy. The practical implementation of the policy was carried out through the creation of special institutions, such as the Commission of Novokrestenskiy Affairs, and schools were established to educate children of foreigners. However, despite individual initiatives to study local languages, in general, the language training of missionaries was not given priority, and the sermon was conducted mainly in Russian. The Russian mission actively relied on the administrative, military and economic instruments of the state, which distinguished it from its European counterparts. This state control led to contradictions: The activities of the missionaries could both promote integration and provoke resistance and become an obstacle to restoring order during national unrest. In the last third of the 18th century, the principle of "freedom of conscience" was established in religious politics, which led to a halt in active Christianization. Although the Russian mission faced the same problems as the European one, the conversion here was more widespread, but superficial due to differences in nature (internal rather than external mission), organization, level of education and rejection of the practice of cultural accommodation.

Keywords: Russian Orthodox Church, Christianization, missionary work, Siberia, Volga region, language policy.

В эпоху Нового времени христианская миссия испытала сильный импульс, связанный с великими географическими открытиями и экспансией христианских государств за пределы Европы. Помимо существовавших со Средних веков нищенствующих орденов (мендикантов – прежде всего доминиканцев и францисканцев), на которых традиционно возлагалась обязанность проповеди и борьбы с ересями, большую роль в этом процессе стал играть утвержденный папой в 1540 г. Орден иезуитов. В значительной мере успех ордена связывают с принципом приспособления, или аккомодации, к традициям нехристианских народов [Rubiés 2005, p. 237-244]. Этот принцип имел спорную славу в католическом мире, и в XVIII в. был сильно ограничен римской курией. Однако он сыграл большую роль в становлении миссии эпохи Нового времени, так как одним из его следствий была необходимость изучать языки и культуру неевропейских народов. В статье предпринимается попытка определить, в какой мере русская христианская миссия в эпоху Нового времени соотносилась с европейскими практиками.

Массовая христианизация в XVII веке не была в центре внимания Российских светских властей – в случае сопротивления местного населения правительство было скорее склонно к прагматизму и запрещало обращать местное население в православие, если оно вызывало недовольство местного населения и элит [Дорская 2019, с. 73]. Так, в Сибири деятельность архиепископов Тобольских в XVII веке была в основном направлена на казаков и других переселенцев, контроль за соблюдением христианских норм (например, борьба с практикой многоженства, поскольку оно было сопряжено со смешением с местным населением, восприятием его жизненного уклада и традиций). Только с указов Петра I в XVIII веке

обращение иноверцев в пределах государства приобрело более системный и организованный характер [Artamonova 2018, p. 1191-1193]. Именно в указах Петра в 1700-1720-х гг. были установлены базовые принципы миссионерской политики, охватывавшие основные сферы жизни христианизируемого населения. В 1720 г. инородцам, принявшим православие, даровалось трехлетнее освобождение от налогов. Указ от 2 ноября 1722 года позволял новообращенным не идти в рекруты. Отмена ясака, запрет обращать новокрещенных в рабство, отмена наказаний за совершение преступлений были теми инструментами обращения, которые могло позволить себе только государство. При этом решающую роль в руководстве миссией (например, в Сибири) правительство возлагало на выходцев из Киево-Могилянской Академии. Первым доверенным исполнителем миссионерской программы в Сибири стал Филофей (Лещинский). Особым распоряжением император поручал епископу обратить Тобольских, Березовских и Сургутских остяков - при этом обращенным предписывалось «ясашные доимки все оставлять», выдавать кафтаны и хлеб; сопротивляющимся государеву указу грозила смертная казнь [Тимофеев 1882, с. 413-414]. В качестве епископа Тобольска Филофей занялся проповедью у хантов и манси, но и отправлял миссии в более удаленные регионы. Исполнению указов служило создание школ для обучения туземных детей Закону Божию, а также защита местного населения от произвола светских властей и промысловиков.

При Анне Иоанновне была создана Комиссия, а впоследствии Контора новокрещенских дел, располагавшаяся в Свияжском Успенском монастыре. В 1735 г. Были организованы четыре новокрещенские школы в Казани, Цивильске, Елабуге и Царевококшайске, выпускники которых могли поступать в Казанскую семинарию. Попытка реформы Комиссии со стороны Алексея Раифского не была одобрена, так как правительство со времен Петра возлагало организацию миссии на выпускников Киево-Могилянской Академии. Епископ Дмитрий (Сеченов) (1709-1767) осуществлял масштабный проект обращения поволжских народов силами духовных консисторий (местных епархиальных органов управления) – путем распределения выделенных средств на массовое строительство церквей и обеспечения льгот и нужд для «новокрященов». Через консистории Комиссия получала сведения от уездных священников о религиозных процессах на местах – таким образом, миссия осуществлялась не специально подготавливаемыми для этого кадрами, а силами рядовых (в основном русских) священников [Стрелкова 2009]. Впоследствии, после расформирования Комиссии, совет при Синоде под руководством митрополита Дмитрия составил инструкции для миссионеров. Миссионер, в отличие от светских властей, не должен был действовать силой, он должен быть движим любовью к тем, кого крестит. Проповедь должна была вестись на русском языке, и лишь Отче наш, Символ веры и декалог с объяснениями (минимум, который и не все русские священники знали на родном языке), некоторые молитвы могли читаться на родном для новокрещенных языке. Таким образом, знанию языка и культуры миссионерами первоначально не придавалось первостепенной важности – проповедью могли заниматься без обязательной языковой подготовки. Предложение епископа Иннокентия (Неруновича), преемника Иннокентия (Кульчицкого) на иркутской кафедре, о начале преподавания на местных языках, не получило поддержки. Больше внимания этому вопросу уделял митрополит Вениамин (Пуцек-Григорович), по инициативе которого было издано несколько трудов по языкам удмуртов, мари и чувашей. При Вениамине в семинариях были введены квоты на обучение русскому языку новокрещенных из татар, чувашей, мордвы, марийцев. Пример миссионера из среды новокрещенных был Ермей Рожанский, перу которого принадлежат «Речи для перевода» (1773), «О чувашах, живущих в Нижегородской епархии» (1785).

«Краткий катехизис» (1800) на чувашском языке. В XVIII в. стали появляться первые краткие грамматики и словари языков некрещенных народов, в частности – хантов и манси (вогулов и остяков), составленные миссионерами – рядовыми священниками. Систематическое изучение языков сибирских народов в духовных семинариях так и не стало реальностью, и даже в XIX в. проекты обращения наталкивались на невозможность языковой подготовки потенциальных миссионеров [Конев, Конев, Кирьянов 2014, с. 40-41].

Миссия проводилась совместными силами местных светских и духовных властей и часто встречала сопротивление (сам епископ Дмитрий в 1743 г. подвергся нападению возмущенной разорением местного мордовского кладбища толпы). Тем не менее деятельность миссионеров не всегда получала поддержку со стороны правительства: В периоды национальных волнений и восстаний миссия препятствовала восстановлению социального порядка. Поэтому руководитель Комиссии Сильвестр (Гловатский), действия которого по обращению мусульман в Тобольске вызывали сильное возмущение татар и бухарцев, был отозван с Тобольской и Сибирской кафедры в 1755 г. во время очередного башкирского восстания. Кадьякская миссия получила официальную поддержку Синода, благодаря чему оказалось возможным открытие школы для алеутов. Программа включала образование детей крещеных алеутов на русском языке. Однако по донесениям местного духовенства управление Российско-Американской компании не способствовало миссии. Как показывает сопоставление миссий в Калифорнии и на Аляске, различия в практиках были существенны: поддержка государства миссии не приводила к подчинению миссионеров-францисканцев в Калифорнии, в то время как миссия РПЦ на Аляске, состоя на финансировании от частных лиц, была подчинена Русско-Американской компании, Синоду и в целом государственным интересам [Егорова 2010].

В последней трети 18 века правительство прибегло к принципу «свободы совести», который, однако, в отличие от современного его понимания, означал невмешательство в религиозную жизнь инородцев и отказ от активного миссионерства [Асочакова 2009, с. 16]. Это привело к остановке христианизации и случаям «отступничества». Согласно новым инструкциям, священники могли заниматься проповедью среди иноверцев лишь с одобрения архиерея. Однако принципы веротерпимости, провозглашенные Екатериной II, не были восприняты выходцами из южнорусского духовенства, во многом обращавшимися к миссии со старых позиций. В отличие от миссии иезуитов российские миссионеры действовали в основном в пределах русского государства, активно пользовались административно-военными средствами для проповеди православия, в связи с чем практика аккомодации не применялась. Тем не менее, именно в среде миссионеров появлялись сторонники выстраивания культурного диалога с инородцами, изучения их языка и быта. Таким образом, русская миссия в эпоху модернизации Российского государства испытывала те же проблемы и потребности, что и европейские миссионеры, но ввиду различия условий (внутреннее обращение, организация, уровень грамотности и образования) конверсия носила другой, более массовый, но и более поверхностный характер.

Список литературы

1. Асочакова 2009 – Асочакова В.Н. К вопросу о периодизации миссионерской деятельности Русской православной церкви в Сибири // Известия Алтайского государственного университета. 2009. Т. 3. № 4. С. 15-18.

2. Дорская 2019 – Дорская А. А. Правовое регулирование миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в XVII – начале XX в. (на примере народов Сибири) // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 69-79.
3. Егорова 2010 – Егорова Ю.С. К вопросу об особенностях деятельности первой русской православной миссии на Аляске и испанской миссии в Калифорнии в конце XVIII начале XIX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2010. №6. С. 15-19.
4. Конев, Конев, Кирьянов 2014 – Конев Ю. М., Конев А. Ю., Кирьянов Д. В. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви и распространение грамотности среди коренных народов Северо-Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в. // Православные истоки культуры и словесности : сборник материалов конференции (г. Тюмень, 2014 г.). Тюмень, 2014. С. 38–41.
5. Тимофеев 1882 – Памятники Сибирской истории XVIII века. Кн. 1: 1700-1713 / ред. А. И. Тимофеев. Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1882. 551 с.
6. Стрелкова 2009 – Стрелкова И. Х. Основные направления деятельности Нижегородской духовной консистории в 40-50-ые гг. XVIII века // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. №6-1. С. 17-24.
7. Artamonova 2018 – Artamonova N.I., Asochakova V.N., Chistanova S.S. Religious migration: the history of missionary work in Siberia // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2018. №8. P. 1188-1210.
8. Rubiés 2005 – Rubiés J-P. The concept of cultural dialogue and the Jesuit method of accommodation: Between idolatry and civilization // Archivium historicum societatis iesu. 2005. P. 237-280.

УДК 21/29

ИОГАНН ПЕТЕР КОЛЬ И ПРОЕКТ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЛЮТЕРАНСКОЙ И «ГРЕКО-РУССКОЙ» ЦЕРКВЕЙ: СОЮЗ НА ОСНОВЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ «ПАПИЗМУ»

Ухатюк Юрий Игоревич

Санкт-Петербургский государственный университет

студент магистратуры ОП «религиоведение»

E-mail: ukhatuk1995@gmail.com

Аннотация: В статье анализируется трактат лютеранского теолога Иоганна Петера Коля (1698 – 1778), который также известен в качестве одного из первых ученых-славистов. В теологическом проекте Коля предстает попытка сближения Православной церкви с Лютеранской, которую он находит наиболее уместной в контексте преобразований Петра Великого в России, вдохновивших многих протестантских теологов на поиски союза с «Греко-

Русской» церковью. Изыскивая сходства и различия в вероучении двух конфессий, автор трактата в наибольшей степени основывает этот проект на антикатолических нарративах. Лютеранский теолог стремится представить данное объединение естественным союзом против «папизма», умаляя противоречия между двумя церквями. Важным аспектом в контексте дискуссии о теологии «Греческой церкви», которую теолог приводит на страницах своего трактата, является сюжет о встрече Петра Великого с теологами Сорбонны, изложившими свой проект объединения Католической и Православных церквей. Этот случай стал поводом для активной полемики многих протестантских авторов против положений этого «Сорбонского проекта». Так, важную роль в трактате играют идеи Иоганна Франца Буддея (1667-1729), который написал труд в доказательство несовместимости учения Римской церкви с учением церкви Греческой. Автор утверждает, что учение Православной церкви лишь незначительно противоречит Лютеранскому, а потому объединение возможно и желательно. Исследование теологических идей, изложенных в трудах Петера Коля, чрезвычайно важно для понимания характера межконфессиональных связей того времени в контексте реформ Петра I, трансформации теологических воззрений, а также потенциала антикатолицизма как фактора сближения конфликтующих с РКЦ различных христианских конфессий. Факт приглашения в 1725 году автора данного трактата, прославившегося именно благодаря написанию этого труда, в Академию наук России, также отражает степень терпимости российских интеллектуалов и элит того периода к лютеранскому учению, а также знаменует определенную веху в истории российского общества и Русской церкви.

Ключевые слова: Реформы Петра I, антикатолицизм, лютеранство, Русская Церковь, объединение церквей.

Доклад подготовлен при поддержке гранта РНФ № 25-28-00286 «Феномен антикатолицизма и его изучение в российской и западной науке XIX- начала XXI вв.»

JOHANN PETER KOHL AND THE PROJECT OF UNITING THE LUTHERAN AND "GREEK-RUSSIAN" CHURCHES: AN ALLIANCE BASED ON OPPOSITION TO "PAPISM"

Ukhatyuk Yuri Igorevich

Master's degree student in Religious Studies

St. Petersburg State University

Abstract The article analyzes the treatise of the Lutheran theologian Johann Peter Kohl (1698-1778), who is also known as one of the first Slavic scholars. Kohl's theological project presents an attempt to bring the Orthodox Church closer to the Lutheran Church, which he finds most appropriate in the context of Peter the Great's transformations in Russia, which inspired many Protestant theologians to seek an alliance with the "Greek-Russian" Church. Looking for similarities and differences in the faith of the two faiths, the author of the treatise bases this project to the greatest extent on anti-Catholic narratives. The Lutheran theologian seeks to present this union as a natural alliance against "papism," belittling the contradictions between the two churches. An important aspect in the context of the discussion about the theology of the "Greek Church", which the theologian cites on the pages of his treatise, is the story of Peter the Great's meeting with the theologians of the

Sorbonne, who outlined their project of uniting the Catholic and Orthodox Churches. This incident became the reason for the active polemic of many Protestant authors against the provisions of this "Sorbonne project". Thus, an important role in the treatise is played by the ideas of Johann Franz Buddeus (1667-1729), who wrote a work to prove the incompatibility of the teachings of the Roman Church with the teachings of the Greek Church. The author argues that the teaching of the Orthodox Church only slightly contradicts the Lutheran One, and therefore unification is possible and desirable. The study of the theological ideas outlined in Peter Kohl's writings is extremely important for understanding the nature of interfaith relations of that time in the context of Peter I's reforms, the reformation of theological views, as well as the potential of anti-Catholicism as a factor of rapprochement between various Christian denominations in conflict with the Russian Orthodox Church. The fact that the author of this treatise, who became famous for writing this work, was invited to the Russian Academy of Sciences in 1725 also reflects the degree of tolerance of Russian intellectuals and elites of that period for Lutheran teaching, and also marks a milestone in the history of Russian society and the Russian Church

Keywords: The reforms of Peter the Great, anti-Catholicism, Lutheranism, the Russian Church, the unification of churches.

В начале XVIII века, в связи с масштабными преобразованиями Петра I, Россия становится объектом особого интереса со стороны европейских интеллектуалов. Наибольший интерес начинают проявлять ученые из стран Северной Европы, которые видели в России простор не только для исследования, но и для выполнения своих религиозно-просветительских задач. Наибольшую активность проявляли лютеране, часто относившиеся к набирающему популярность в Германии пиетистскому движению. Они отличались терпимостью к иным христианским конфессиям, ставя перед собой, преимущественно, исследовательские и просветительские цели, совершенно устраняясь от какого-либо прозелитизма. Массовый приток в правление Петра I иностранцев на российскую службу привел многих пиетистов в Россию, где они проявили себя в качестве замечательных педагогов и ученых. Германский очаг пиетизма в Галле стал центром исследования России. Август Герман Франке (1663- 1727), считал именно Россию важнейшим пунктом своих исследований, полемизируя с Лейбницем, который настаивал на более активных усилиях по распространению миссии в страны Дальнего Востока [Winter 1953, s. 31]. Франке расценивал православие в качестве более близкой формы христианства к пиетизму и «истинному христианству», нежели католицизм [Чумакова 2022, с. 91]. Петр I также испытывал симпатии к лютеранству, поскольку идеи Лютера, и лютеранских теоретиков права Томазия и Пуфендорфа, утверждали учение о сильной государственной власти, призванной контролировать порядок в обществе и служить общему благу для пользы каждого гражданина [Winter 1953, s. 54]. В контексте столь активного сближения лютеранских интеллектуалов с государственными деятелями России и служителями Русской церкви, весьма примечательна фигура уроженца г. Киля Иоганна Петра Коля (1698 – 1778). Результатом его обучения протестантской теологии в Кильском и Ростокском университетах, стало сочинение «Ecclesia graeca Lutheranizans sive exercitatio de consensu et dissensu orientalis graecae speciatim russicae et occidentalis Lutheranae ecclesiae in dogmatibus. . .» (Lübeck, 1723), которое и содержит основные размышления автора о возможном союзе лютеранской и «греко-российской» церкви. Именно благодаря ему, автор сумел получить работу в Академии наук в Петербурге, став в феврале

1725 г. профессором по элоквенции и церковной истории [Мельников 1999, с. 98], это приглашение лютеранского богослова в Россию после публикации сочинения с идеей о возможном союзе православия и лютеранства точно отмечает интеллектуальный настрой многих участников преобразований Петра I. Но уже в августе 1727 года Коль покинул Россию до истечения контракта с Академией наук, получив при этом пожизненный пенсион в 200 рублей [Ibid., с. 99]. В России ученый успел установить многочисленные контакты с многими интеллектуалами, и в частности с Феофаном Прокоповичем [Флоровский 2009, с. 129], что объясняется схожестью их взглядов на возможности сближения православия и протестантизма.

Переходя к анализу тексту самого трактата, отметим, что сочинение разделено на 7 глав. При этом, в любекском издании, помимо текста самого Петра Коля, в приложении напечатано сочинение протестантского теолога и суперинтендента лютеранской церкви Ростока Иоанна Николауса Квисторпа (1651 – 1715) “De Christianismo Graecae seu Orientalis Ecclesiae”. Это сочинение представляет собой полемику с грекокатолическим автором Львом Аллацием (1586-1669), который был знаменит идеей об идентичности учения Римской католической церкви с учением Православной церкви. По мнению Аллация, схизма между РКЦ и ПЦ обусловлена конфликтом иерархий и непониманием греками учения Римской церкви. В свою очередь Квисторп опровергает эту идею, утверждая, что православное учение значительно дальше от «папистского» и в значительной степени идентично лютеранскому. Возвращаясь к сочинению Петера Коля, следует отметить, что в предисловии автор связывает расширение возможностей сближения лютеранства с православием с воцарением и царствованием «августейшего русского монарха», т.е. Петра I [Kohl 1723, s. 1]. В предисловии автор объявляет задачей своего сочинения рассмотреть историю попыток соединения с «Греческой церковью» Римской церкви, лютеран и кальвинистов, а также изучить сходства и различия «греческой веры» с лютеранством [Kohl 1723, s. 18]. Он высказывает основной тезис своего труда: «…ни к какой иной религии Греки не находятся столь близко, как к нашей [лютеранской], потому соединиться им с нами должно быть легко, это я точно обнаружил» [Kohl 1723, s. 17] (Прим. пер. автора). В первой главе лютеранский теолог излагает общую характеристику «Греческой церкви», где утверждает, что, пройдя через множественные вызовы со стороны ересей и лжеучений, она немало утратила от прежнего «света истины. При этом внутренне Православная церковь сохранила свет Евангельской истины, но не смогла узнать своей сестры в вере – Лютеранской церкви [Kohl 1723, s. 20]. Вторая глава посвящена автором рассмотрению вопроса о единстве Русской церкви с «Греческой», а также идентичности их учения. В ней он утверждает, что русские и греки пребывают в согласии в догматах веры, а также находятся в полном церковном общении [Kohl 1723, s. 23]. Отвергая все сомнения, немецкий теолог считает различия между Русской и Греческой церквами лишь номинальными [Kohl 1723, s. 26]. Третью главу Петер Коль посвятил рассмотрению попыток «папистов» по соединению Восточной церкви с Римом. В самом начале автор именует докторов Сорбонны самыми новыми примирителями «папистской» церкви с Греческой, отсылая, очевидно, к знаменитому эпизоду дискуссии в Сорбонне о воссоединении Католической и Православных церквей во время визита Петра Великого во Французское королевство в 1717 году [Kohl 1723, s. 27]. Поступательно рассматривая все эпизоды попыток заключения унии Римом с Восточными церквами, лютеранский автор отмечает, что они не были успешны. Более того, он цитирует католические источники, объявляющие греческих христиан «худшими еретиками» и «врагами Римской церкви». В этом же месте автор

упоминает, что даже принявшие унию греческие священники не могут служить в алтаре понтифика, поскольку им запрещает это латинское священноначалие, подчеркивая сомнительность их статуса в РКЦ [Kohl 1723, s. 39]. В четвертой главе трактата представлено повествование о попытках присоединения греческих христиан к реформатскому исповеданию, где наиболее подробно автор рассматривает знаменитый эпизод с патриархом Константинополя Кириллом Лукарисом, пытавшимся внедрить кальвинистскую догматику в Православную церковь [Kohl 1723, s. 42]. Автор приводит мнение Гуго Гроция, считавшего, что, несмотря на разделение, в духе реформаты и греческие христиане остаются едины. Там же Коль цитирует мнение голландского теолога Йоханнеса Хорнбека (1617-1666), утверждавшего, что ни с кем Восточным христианам не будет легче прийти к согласию, как с реформатами [Kohl 1723, s. 46]. Пятая глава представляет собой повествование о попытках объединения лютеран с православными христианами. Повествуя о попытках переговоров между лютеранскими богословами и греческой церковной иерархией, Коль утверждает, что греческие богословы, несмотря на несогласие со многими положениями Аугсбургского исповедания, считали его более близким их воззрениям, чем «далекое от страха Божиего «папистское» исповедание» [Kohl 1723, s. 55]. Шестая глава посвящена исследованию мнений авторитетных лютеранских теологов о православном исповедании и возможностях сближения с ним. Коль поддерживает идею, что скорее вероятнее объединить лютеранство с православием, несмотря на ритуальные различия, чем православие и «папизм» [Kohl 1723, s. 65]. Последняя глава посвящена всестороннему анализу сходств и различий лютеранского и православного учений. Автор, к примеру, утверждает, что понимание предопределения и свободной воли у православных и лютеран одинаково [Kohl 1723, s. 90]. Различия же в понимании исхождения Святого Духа он считает несущественным, указывая на возможность терпимости к формулировкам «греков», которую проявили даже «Сорбонские отцы» [Kohl 1723, s. 105]. В завершении своего трактата автор пишет: «Ведь церковь Греческая и Лютеранская по сравнению с Римской церковью, если не во всем, то во многих достоинствах Христианского учения согласны. Потому Греко-Русская и Лютеранская религии легко и законно объединиться могут» [Kohl 1723, s. 147].

Рассмотренный нами трактат лютеранского теолога Иоганна Петера Коля представляет собой удивительный памятник теологической мысли начала XVIII века, отражающий восхищение преобразованиями Петра Великого и надежды многих протестантских мыслителей на соединение лютеранства с православием. Основные положения трактата показывают степень заинтересованности Россией в интеллектуальной среде протестантской Европы того времени, показывая, как происходящие политические изменения могут актуализировать как антагонистичные мотивы в межконфессиональных отношения, так и стимулировать дискуссии о примирении и объединении конфликтующих христианских течений.

Список источников и литературы

1. Мельников 1999 – Мыльников А.С. Первый славист Петербургской Академии наук: новые наблюдения над творческим наследием И.П. Коля // XVIII век. Сб. 21. СПб.: Наука, 1999. С. 97-101.
2. Флоровский 2009 – Флоровский Г. Пути русского богословия / с предисл. Н. Лосского. М.: Институт Русской цивилизации, 2009. 848 с.

3. Чумакова 2022 – Чумакова Т. В. Пиетизм в русской религиозно-философской мысли XVIII–XIX веков // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5. № 3. С. 84–103.
4. Kohl 1723 – Kohl J. P. Ecclesia Graeca Lutheranizans sive Exercitatio de consensu et dissensu orientalis Graecae speciatim Russicae, et occidentalis Lutheranae Ecclesiae, in dogmatibus... / auctore & editore J. P. Kohlio. Lubecae [Lübeck]: apud Petr. Böckmannum, 1723. 190 p.
5. Winter 1953 – Winter E. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Rußlandkunde im XVIII. Jahrhundert; Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Berlin: Akademie-Verlag, 1953. 502 S.

УДК 069

ИЗУЧЕНИЕ РЕЛИГИИ В МУЗЕЕ: ИЗ ОПЫТА ЦЕНТРАЛЬНОГО АНТИРЕЛИГИОЗНОГО МУЗЕЯ В МОСКВЕ

Терюкова Екатерина Александровна
Кандидат философских наук
Государственный музей истории религии, директор
E-mail: eaterioukova@mail.ru

Аннотация: доклад представляет результаты архивных изысканий по истории Центрального антирелигиозного музея в Москве в 1930-х гг. и его научной работе. На основе обнаруженных материалов реконструируется оставшийся неопубликованным первый выпуск «Трудов ЦАМ», анализируется его тематика и авторский состав. Работа по поиску и публикации архивных материалов осуществлялась в рамках проектной научной деятельности под руководством М.М. Шахнович.

Ключевые слова: Центральный антирелигиозный музей, наука о религии, Труды, изучение религии.

EXPLORING RELIGION IN A MUSEUM: THE EXPERIENCE OF THE CENTRAL ANTI-RELIGIOUS MUSEUM IN MOSCOW

Teryukova Ekaterina Aleksandrovna
PhD in Philosophy
The State Museum of the History of Religion, Director

Abstract: The report presents the results of archival research on the history of the Central Anti-Religious Museum in Moscow in the 1930s and its scientific work. Based on the discovered materials, the first unpublished issue of the "Proceedings of the Central Anti-Religious Museum" is reconstructed. Its subject matter and author composition are analyzed. The search and publication of archival materials were carried out as part of a research project led by M.M. Shakhnovich.

Keywords: Central Anti-Religious Museum, science of religion, Proceedings, study of religion.

Много лет работая вместе с Марианной Михайловной Шахнович в Государственном музее истории религии и на кафедре философии религии и религиоведения Санкт-Петербургского государственного университета, мне посчастливилось быть вылеченной в орбиту различных инициированных ею исследовательских проектов. Как известно, последние десятилетия центральное место в научных интересах Марианны Михайловны занимала история отечественного религиоведения и история научного изучения религии в России в целом. Важным направлением этой работы стало введение в научный оборот ранее не опубликованных материалов, датированных 1920-1950 гг., и возвращение в науку незаслуженно забытых имен.

Разделяя данный подход, я сосредоточилась на изучении такого до сих пор мало известного феномена в истории отечественного музейного дела как Центральный антирелигиозный музей (далее ЦАМ) и его научная деятельность. Источниковой базой для исследования послужили сохранившиеся в Научно-историческом архиве нашего музея материалы ЦАМ. Многолетняя последовательная работа с ними позволила проследить путь эволюции этого изначально исключительно пропагандистского учреждения, открывшего свои двери для первых посетителей в 1929 г., в Музей истории религии и атеизма в Москве с последовавшей за этим передачей из ведения Союза воинствующих безбожников в Академию наук СССР.

Важным условием такой трансформации было формирование к концу 1930-х гг. в музее коллектива квалифицированных сотрудников, которые были уже не столько безбожниками, сколько учеными. Среди них значились как маститые, так и только начинающие советские исследователи религии: М. Шейнман, И. Крывелев, А. Ранович, Н. Пупышев, Г. Снесарев, В. Рожницин, С. Токарев, В. Шохор, Г. Зайцев, А. Лавров, Б. Вампилов, А. Пинт, М. Персиц, Б. Шаревская и др. Одни из них впоследствии стали блестящую научную карьеру в МГУ или московских академических институтах, имена других – вплоть до недавнего времени значились только в архивных описях.

В конце 1930-х гг. в музее встал вопрос об издании собственного научного сборника. Его было предложено назвать «Труды ЦАМ». К подготовке сборника приступили в 1940 г. Запланированный на 1941 г. первый выпуск должен был включать материалы сотрудников музея за разные годы [НИА ГМИР. Ф.31. Оп.1. Д.186]. Однако принятый к печати в Государственном антирелигиозном издательстве, он так и не увидел свет, этому помешала начавшаяся Великая Отечественная война. Как известно, рукописи не горят. А потому Материалы сборника, хоть и разрозненные при формировании архивных дел, все это время ждали своего исследователя. Из планомерная публикация началась в 2019 году. По причине разрозненности х выявление и публикация растянулась во времени и осуществлялась в разных изданиях.

Сборник состоял из трех разделов. В первом разделе предполагалось опубликовать статьи по истории религии и атеизма: Б. Шаревской «Роль религии в возникающей классовом обществе (по материалам негров-джагга)» (1941) [Шаревская 2019], С. Токарева «К вопросу о происхождении шаманства» (1937 г.) [НИА ГМИР. Ф.31. Оп.1. Д.128.], А. Лаврова «К вопросу о социальных корнях колдовства» (1938 г.) [НИА ГМИР. Ф.31. Оп.1. Д.136.], В. Рожицина «Римская инквизиция в XVI в.» (1921) [НИА ГМИР. Ф.31. Оп.1. Д.110.], Л. Лазаревича «Православная церковь и монгольское иго», М. Персица «Атеизм Спинозы», В. Шохора «Атеизм Гольбаха», Х. Момджяна «Маркс и Энгельс об отделении церкви от государства и о свободе совести» (1938 г.) [НИА ГМИР. Ф.31. Оп.1. Д. 138.].

Открывающая сборник статья «Роль религии в возникающей классовом обществе (по материалам негров-джагга)» занимала особое место в научном наследии Беллы Исааковны Шаревской, которая была «первой в нашей стране исследовательницей, обратившейся к изучению африканских верований» [Львова 2025, с. 422]. Долгое время считалось, что ее самой ранней публикацией по религиям Африки была статья 1947 г. в журнале «Советская этнография» [Львова 2025, с. 422]. Однако проект сборника «Труды ЦАМ» убеждает нас в том, что еще до начала Великой Отечественной войны ею был сдан в печать материал, который на примере верований населяющего южный склон Килиманджаро народа джагга, иллюстрировал «наполнение религиозных представлений и обрядов новым, классовым содержанием» [Шаревская 2019, с. 350].

Тему ранних форм религии продолжал материал Сергея Александровича Токарева, будущего классика отечественной этнографии и религиоведения. Как и в случае с Шаревской, можно предположить, что именно работа в 1938–1941 гг. в ЦАМ стала фундаментом того долгосрочного интереса, который впоследствии Токарев питал к вопросам этнорелигиоведения. Это нашло отражение в его первой, оставшейся неопубликованной, развёрнутой статье по происхождению шаманизма.

К блоку статей о ранних формах религии тематически примыкала публикация «К вопросу о социальных корнях колдовства» Аркадия Алексеевича Лаврова. Она представляла собой часть более обширного, на тот момент не завершенного, исследования современного состояния колдовства и содержала обзор литературы о народных верованиях по материалам европейской части России. Эта работа получила дальнейшее развитие в 1941 г., когда перешла в фазу сбора полевого материала. С целью изучения «религиозных пережитков и форм отхода трудящихся от религии», А.А. Лавров совершил две научные экспедиции в Егорьевский район Московской области и экспедицию в Слободской район Кировской области. Их результаты также впервые увидели свет лишь в 2019 г. [Лавров 2019а; Лавров 2019б].

Блок исследований по истории христианской церкви был представлен материалами работавших в ЦАМ с 1938 г. В.С. Рожицына и Л.Н. Лазаревича. К тому моменту Валентин Сергеевич Рожицын был уже известным издателем и состоявшимся публицистом. В музее им была подготовлена к защите диссертация о Джордано Бруно и инквизиции, тезисы которой, наряду с перекликающейся с ней статьей «Римская инквизиция в XVI в.», сохранились в архиве ЦАМ [НИА ГМИР. Ф.31. Оп.1. Д.329.].

Статья «Православная церковь и монгольское иго» Льва Николевича Лазаревича в архиве не сохранилась. В отличие от В.С. Рожицына мы располагаем очень скудными биографическими сведениями о нем.

Отдельный блок в первом разделе сборника образовывали материалы по истории атеизма и свободомыслия. К сожалению, статья «Атеизм Спинозы», принадлежавшая одному из старейших научных сотрудников музея Марку Менделеевичу Персицу, в архиве отсутствует. Замыкала блок статья «Маркс и Энгельс об отделении церкви от государства и о свободе совести» Х. Момджяна [НИА ГМИР. Ф.31. Оп.1. Д.138.]. Круг его научных интересов – атеистические воззрения французских просветителей и философский материализм – окончательно сформировался именно в годы работы в музее.

Разделы сборника «Материалы (публикации коллекций и документов)» и «Экспедиции и командировки» были представлены статьями, в основу которых легла собирательская работа и работа по изучению коллекций. Исключение составляла не сохранившаяся статья «Церковь на службе самодержавия» музейного библиографа В. Александри.

Несомненный интерес представлял обзор коллекции из 32 Синодиков Соловецкого монастыря бывшего главного хранителя Отдела старых рукописей Библиотеки им. Ленина, известного архиографа и библиофила Григория Петровича Георгиевского. В нем автор подчеркивал значение Синодиков как важнейшего исторического источника как для историков религии и церкви, так и для исследователей гражданской истории СССР [НИА ГМИР. Ф.31. Оп.1. Д.171.]. Публикация старшего научного сотрудника Григория Николаевича Зайцева «Большевистские антирелигиозные листовки, хранящиеся в ЦАМ» в архиве не сохранилась, но, согласно другой статье этого же автора, опубликованной в «Антирелигиознике» в 1941 г., собрание музея располагало репрезентативной подборкой антиклерикальных воззваний, выпущенных в 1902-1905 гг. [Зайцев 1941].

При более близком знакомстве с текстами видно, что граница между материалами второго и третьего раздела Трудов может быть проведена лишь условно. Так статья работавшего в ЦАМ с 1931 г. Н. Пупышева «Представление о рае Сукхавати в буддизме (по материалам коллекций Центрального антирелигиозного музея)» была отнесена ко второму разделу - «Материалы (публикации коллекций и документов)», но представляла результаты его поездки в Агинский аймак Бурят-Монголии. По ее результатам стало возможным не только открыть в музее новый отдел постоянной экспозиции «Буддизм-ламаизм», но и составить первое в советском религиоведении подробное описание композиции, символики и ритуального назначения макета Чистой земли будды Амтабхи (Сукхавати) в структуре буддийского монастыря. В силу того, что сборник Труды ЦАМ так и не вышел в свет, это описание под авторским названием «Буддистский рай Сукавади» было опубликовано уже в наши дни в Трудах Государственного музея истории религии [Пупышев 2020].

Аналогичная ситуация сложилась и со статьей из второго раздела Трудов «Амулеты восточного Кавказа». Ее авторство принадлежало одному из крупнейших советских кавказоведов Евгению Михайловичу Шиллингу. На рубеже 1930-1940-х гг. он активно сотрудничал с ЦАМ. В частности, для Трудов им была написана упомянутая выше статья. Как и в случае с материалом Н. Пупышева, она увидела свет уже в наши дни [Шиллинг 2019].

Третий раздел сборника планировалось посвятить результатам работы экспедиции 1940 г. в Узбекистан и г. Ош в Киргизии. Она осуществлялась тогда еще начинающим, а впоследствии признанным советским специалистом в области духовной культуры народов Средней Азии Глебом Павловиче Снесаревым. Как и в случае с Н. Пупышевым и Е. Шиллингом, целью экспедиции было не только изучение религиозных пережитков, но и сбор вещевых материалов [Снесарев 2019, с. 262].

Таким образом, совокупность материалов, планируемых к включению в первый выпуск Трудов ЦАМ отличалась тематической и географической широтой.

Список литературы

1. НИА ГМИР. Ф.31. Оп.1. Д.110.
2. НИА ГМИР. Ф.31. Оп.1. Д.128.
3. НИА ГМИР. Ф.31. Оп.1. Д.136.
4. НИА ГМИР. Ф.31. Оп.1. Д.138.
5. НИА ГМИР. Ф.31. Оп.1. Д.171.
6. НИА ГМИР. Ф.31. Оп.1. Д.186
7. НИА ГМИР. Ф.31. Оп.1. Д. 224.
8. НИА ГМИР. Ф.31. Оп.1. Д.329.

9. Зайцев 1941 – Зайцев Г. Большевистские листовки о религии // Антирелигиозник. 1941. № 1. С. 21-28.

10. Лавров 2019а – Лавров А.А., Вампилов Б.Н. Отчет о научной командировке в Егорьевский район Московской области в целях изучения религиозных пережитков (1941 г.) // Труды по истории и антропологии религии (1929-1941 гг.) / сост. М.М. Шахнович, Е.А. Терюкова; под ред. М.М. Шахнович. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. С. 263-289.

11. Лавров 2019б – Лавров А.А. Отчет начальника научной экспедиции Центрального антирелигиозного музея в Кировскую область / сост. М.М. Шахнович, Е.А. Терюкова; под ред. М.М. Шахнович. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. С. 290-310.

12. Львова 2025 – Львова Э.С. Шаревская Б.И. — первый отечественный исследователь традиционных верований народов Африки южнее Сахары // Вестник антропологии. 2025. № 3. С. 421-438.

13. Пупышев 2020 – Пупышев Н. Буддистский рай Сукавади // Труды Государственного музея истории религии. Вып. 20. СПб., 2020. С. 269-295.

14. Снесарев 2019 – Снесарев Г.П. Отчет об экспедиции в Среднюю Азию весной 1940 г. с целью изучения религиозных пережитков [1940 г.] // Труды по истории и антропологии религии (1929-1946 гг.) / сост. М.М. Шахнович, Е.А. Терюкова; под ред. М.М. Шахнович. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. С. 236-262.

15. Шаревская 2019 – Шаревская Б. Роль религии в возникающей классовом обществе (по материалам негров-джагга) [1941] // Труды по истории и антропологии религии (1929-1946 гг.) / сост. М.М. Шахнович, Е.А. Терюкова; под ред. М.М. Шахнович. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. С. 349-370.

16. Шиллинг 2019 – Шиллинг Е.М. Амулеты восточного Кавказа // Труды Государственного музея истории религии. Вып. 19. СПб., 2019. С. 274-289.

УДК 01:2

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ НОВЕЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО РЕЛИГИОВЕДЕНИЮ: ПРИНЦИПЫ ОТБОРА И СИСТЕМАТИЗАЦИИ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Зубковская Анастасия Александровна
кандидат философских наук
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, научный сотрудник
E-mail: zubkovskaya@inion.ru

Аннотация: в докладе анализируется информационно-аналитический продукт Фундаментальной библиотеки Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук – тематический библиографический указатель актуальной литературы по религиоведению. Дается историческая справка о создании библиографического указателя литературы по религии и атеизму в 1959 году, а также освещаются особенности

формирования указателя в советский период в сравнении с современной библиографической работой. Рассматривается структура библиографического указателя в рамках установленных принципов систематизации научных публикаций в соответствии с Рубрикатором Автоматизированной информационной системы общественных наук, разработанных в ИНИОН РАН в постсоветский период. Демонстрируются методологические принципы отбора научной литературы для составления бюллетеня. Выявляются проблемы систематизации научных публикаций, связанные с философскими и науковедческими параметрами классификации научной информации в постнеклассической науке. Анализируется вопрос о предметном поле науки о религии сквозь призму проблемы систематизации религиоведческой научной литературы.

Ключевые слова: библиографический указатель, религиоведение, классификация наук, систематизация, научная информация

A BIBLIOGRAPHIC INDEX OF THE LATEST LITERATURE ON RELIGIOUS STUDIES: PRINCIPLES OF SELECTION AND SYSTEMATIZATION OF SCIENTIFIC INFORMATION

Zubkovskaya Anastasia Alexandrovna
PhD (Philosophy)
Institute of Scientific Information for the Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, researcher

Abstract: The report analyses the information and analytical product of the Fundamental Library of the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, a thematic bibliographic index of current literature on religious studies. The historical information about the creation of the bibliographic index of literature on religion and atheism in 1959 is given, and the features of the index's formation during the Soviet period in comparison with modern bibliographic work are highlighted. The structure of the bibliographic index is considered in detail within the framework of the established principles of systematization of scientific publications in accordance with the Classification System of the Automated Information System of Social Sciences developed at INION RAS during the post-Soviet period. The methodological principles of selecting scientific literature for the bulletin are demonstrated. The problems of the systematization of scientific publications related to the philosophical and scientific parameters of the classification of scientific information in post-non-classical science are revealed. The article analyzes the issue of the subject field of the science of religion through the prism of the problem of systematization of religious scientific literature.

Keywords: bibliographic index, religious studies, classification of sciences, systematization, scientific information

С 1 июля 1959 года в Фундаментальной библиотеке Института научной информации по общественным наукам РАН (ранее – Фундаментальная библиотека общественных наук АН СССР) в ряду других тематических библиографических указателей выпускается бюллетень, информирующий о новейшей литературе в области религиоведения (ранее – «Новая советская и иностранная литература по вопросам религии и атеизма»). В предисловии к первому выпуску библиографического указателя 1959 года указывается: «Главная задача бюллетеня – освещение

проблем марксистско-ленинской теории научного атеизма. В бюллетене регулярно будут помещаться материалы по темам: основоположники марксизма-ленинизма о религии и атеизме; вопросы научного изучения религии и атеизма; происхождение религии; история мировых религий; история свободомыслия и атеизма; современное состояние религии и антирелигиозного движения во всем мире; вопросы научно-атеистической пропаганды и т.д.» [Новая 1959, с. 2].

Систематизация публикаций, отобранных для библиографического указателя, до 1980 года соответствовала двум разделам – советская и иностранная литература. В рамках этого разделения существовала тематическая классификация, которая отражала актуальную для советского времени повестку в области религии и атеизма. Так, в первом выпуске бюллетеня 1959 года, анализируемом в настоящем докладе, советская литература подразделялась на восемь тематических секций, в том числе: 1) марксизм-ленинизм о религии и атеизме; 2) наука против религии; 3) мораль и религия; 4) искусство, литература и религия; 5) история религии и религиозных учреждений; 6) религия и церкви в эпоху империализма и пролетарских революций; 7) история антицерковных движений, свободомыслия и атеизма; 8) научно-атеистическая пропаганда. Каждый из этих разделов имел подразделы более узкой тематической классификации. Далее была представлена иностранная литература, разделенная на следующие тематические секции: 1) основоположники марксизма-ленинизма о религии и атеизме; 2) общие вопросы изучения религии и атеизма; 3) философия религии; 4) история религии и религиозных учреждений; 5) религия и церкви в эпоху империализма и пролетарских революций; 6) история антицерковных движений, свободомыслия и атеизма; 7) движение свободомыслящих и атеистов в 20 в. В конце бюллетеня помещался выборочный список рецензий на книги советских и иностранных авторов.

Стоит также отметить, что библиографический указатель наполнялся публикациями различного жанра и презентовал широкий тематический ассортимент. Можно выделить несколько типов литературы, размещенной в библиографическом выпуске 1959 г.

Во-первых, это тексты по научному атеизму и советской антирелигиозной пропаганде, включая памфлеты и брошюры. Например: *Ахмеров З. Защитим детей от религиозного дурмана. – «Коммунист Татарии», Казань, 1959, № 8. С. 19-22. Аннотация: Из опыта работы Бавлинской средней школы № 2.*

Во-вторых, это исторические и антропологические исследования. Например: *Кшибеков Д. и Валиханов Г. Происхождение, сущность мусульманских религиозных обрядов, постов и праздников. – Алма-Ата, 1959. 44 с. На казах. яз.*

В-третьих, это философские труды, включая первоисточники, переведенные на русский язык. Например: *Рассел Б. Внесла ли религия полезный вклад в цивилизацию? – «Наука и религия». М., 1959. № 1. С. 32-89., илл. Аннотация: Сокращенный текст лекции, прочитанной в 1930 г. Приложено письмо Бертрана Рассела в ред. Журн. «Наука и религия», от 8.7.1959 г.*

В-четвертых, это религиозная и теологическая литература, преимущественно на иностранных языках. Например: *Bultmann D.R. History and eschatology/ - Edinburg, Univ, press, 1958. IX, 170 p. (The Gifford Lectures, 1955).*

В конце 1980-х годов в Фундаментальной библиотеке общественных наук АН СССР была введена в действие Автоматизированная информационная система по общественным наукам (АИСОН). На начальном этапе она функционировала как база данных, содержащая научные публикации по экономике, философии, демографии и ряду других дисциплин. Позже, параллельно с развитием специализированных тематических баз, начали выпускаться регулярные библиографические указатели по различным направлениям социальных наук. В

частности, работа над созданием библиографической базы данных по религиоведению стартовала в 1991 году [Шемберко 2013, с. 19]. Появление новой библиографической системы потребовало иных принципов организации и классификации научной литературы, размещаемой в базах. В связи с этим был разработан классификатор – Рубрикатор АИСОН, который применяется при обработке литературы и по сей день [Рубрикатор 2012].

Современный библиографический указатель по религиоведению следует логике классификационной системы Рубрикатора АИСОН и включает в себя основные рубрики, подразделенные на более узкие тематические секции. Основными классификационными единицами являются следующие рубрики второго уровня:

А21.01. Общие вопросы

А21.07 Атеизм и свободомыслие

А21.15 Отдельные религии, церкви и культы

А21.21 Проблемы религиозного сознания

А21.31 Философия и религия

А21.41 Религии, церкви и общество

А21.61 Организационно-практическая деятельность религий и церквей

А21.91 История атеизма, религий и церквей

А21.94 Библиографические и справочные издания

Следует подчеркнуть: структура классификации, заложенная в Рубрикаторе АИСОН для религиоведения, отражает лишь одну из возможных точек зрения на состав и предметное поле данной науки. Это напрямую связано с принципами построения этой системы – выделением основных рубрик, их делением на подуровни и т.д. Религиоведение включает несколько базовых дисциплин: историю, антропологию, психологию, социологию и феноменологию религии. Однако в упомянутом Рубрикаторе самостоятельно представлены только две из них – психология и социология религии. При этом анализ подрубрик разного уровня выявляет тематические пересечения между некоторыми элементами системы, относящимися к разным ступеням (например, А21.21 «Проблемы религиозного сознания» и А21.21.21 «Психология религии»).

Обсуждения среди библиографов и постоянных пользователей указателя по религиоведению показывают: прикладной характер классификации, используемой для его составления, не даёт возможности строго соотнести научные материалы по религиоведению с конкретными дисциплинарными разделами. К тому же из-за растущей междисциплинарности гуманитарного знания в постнеклассической науке зачастую невозможно однозначно приписать публикацию к одному направлению при её отборе и библиографической обработке. Некоторые дисциплинарные области и вовсе выходят за рамки данной системы. В итоге при формировании указателя статья не обязательно должна относиться к какому-то одному из перечисленных направлений – её можно считать политематической или пограничной [Зубковская 2025, с. 150].

Ещё одна сложность при систематизации научной информации в этом библиографическом указателе – включение в бюллетень религиозной литературы, которую специалисты рассматривают как первичные источники по истории и современному состоянию религий. В отличие от прежнего указателя по вопросам религии и атеизма, нынешний бюллетень позиционируется как индекс литературы по социальным и гуманитарным наукам, поэтому правомерность размещения в нём религиозных текстов остаётся дискуссионной. Кроме того, классификационная система не позволяет отделить научные работы от религиозных в рамках одного выпуска и не раскрывает логику упорядочения последних.

Например, наличие рубрики А21.31.51 «Теология» даёт возможность включать в указатель богословские труды разных традиций – православия, ислама, иудаизма и т.д. Хотя теологическая литература по своей природе религиозна, в бюллетене она соседствует с научными публикациями по религиоведению.

Систематизация научных материалов по религиоведению согласно принятой классификации АИСОН – это не просто способ библиографического учёта актуальных новинок в области религии, но и инструмент аналитического и наукометрического характера, позволяющий выявлять исследовательские тренды в данной отрасли гуманитарного знания. В целом для решения методологических проблем отбора и упорядочения научной литературы по религиоведению требуются не только технические меры (например, реорганизация действующего Рубрикатора), но также философский и науковедческий анализ религиоведения как полидисциплинарной гуманитарной науки.

Список литературы

1. Зубковская 2025 – Зубковская А.А. Вопросы структуры и предметного поля науки о религии в классификационной системе общественных и гуманитарных наук // Взаимовлияние информационно-библиотечной среды и общественных наук: сб. материалов науч. семинара / Российская академия наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам, Фундамент. б-ка.; науч. ред. С.В. Соколов. М.: ИНИОН РАН, 2025. Вып. 7. С. 146-164.
2. Новая 1959 – Новая советская и иностранная литература по вопросам религии и атеизма / Фундаментальная библиотека общественных наук АН СССР. 1959. Вып. 1. 114 с.
3. Рубрикатор 2012 – Рубрикатор Автоматизированной информационной системы по общественным наукам (АИСОН) / сост. Антонюк Г.С. и др.; отв. ред. Слива А.И., Лейбович В.Л., Шнайдерман М.Б. М.: ИНИОН РАН, 2012. 284 с.
4. Шемберко 2013 – Шемберко Л.В. Информация по религиоведению в базах данных ИНИОН РАН по социальным и гуманитарным наукам: принципы обработки и выбор стратегии поиска / Л.В. Шемберко, А.И. Слива, А.А. Денискин // Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. 2013. № 9. С. 17-27.

УДК 291.71

О ЦИФРОВОМ МИССИОНЕРСТВЕ

Ефанов Владимир Юрьевич

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский Федеральный Университет им. В.И. Вернадского», Кафедра религиоведения и философии культуры, ассистент

E-mail: relig97@mail.ru

Аннотация: Исследование ставит перед собой задачу выяснить что такое цифровое миссионерство и чем оно отличается от реального? Для цифровизации характерно использование достижения в области информационно-коммуникационных технологий. Несмотря на консервативность религии как социального института, он также подвержен изменениям, что подтверждается призывом религиозных лидеров вести проповедь в сети

Интернет, так как там большинство людей проводит много времени. Это приводит к формированию виртуальной религиозной идентичности. Она находит отражение в наличии блогов, страниц, приложений с соответствующим контентом. Изучив сайты, каналы в мессенджере, приложения и др. можно сделать вывод о том, что в миссионерском сегменте Интернета есть два типа контента – информационный или отчётный – опосредованно миссионерские; и воздействующий – адресатом которого является потенциальный неофит. В качестве типологической особенности цифрового миссионерства выделяется наличие посредника в виде интерфейса программы, сайта или мессенджера, определяющего характер коммуникативной ситуации и обеспечивающего низкий уровень контроля со стороны миссионера и характер публикуемой информации о миссионерстве.

Ключевые слова: цифровое миссионерство, миссионерство, виртуальная религиозная идентичность, религиозная идентичность, религия

ABOUT DIGITAL MISSIONARY WORK

Efanov Vladimir Yurievich
V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Department of Religious Studies and Philosophy of Culture, assistant

Abstract: The study aims to determine what digital missionary work is and how it differs from the real one. Digitalization is characterized by the use of achievements in information and communication technologies. Despite religion's conservatism as a social institution, it is also subject to change, which is supported by the opinion of religious leaders to preach on the Internet, since most people spend a lot of time there. This leads to the formation of a virtual religious identity. It is reflected in the presence of blogs, pages, and apps with corresponding content. By studying websites, channels in messaging apps, applications, etc., one can conclude that in the missionary segment of the Internet there are two types of content – informational or reporting – indirectly missionary; and persuasive – where the target is a potential convert. As a typological feature of digital evangelism, the presence of an intermediary in the form of a program interface, website, or messenger is highlighted, which determines the nature of the communicative situation and provides a low level of control by the missionary and the character of the information published about the missionary activity.

Keywords: digital missionary work, missionary work, virtual religious identity, religious identity, religion

Переход к новым процессам, моделям и подходам, основанным на информационных технологиях, мы называем цифровизацией. Она удваивает реальность человека, присоединяя к реальному миру виртуальный и мы уже не можем обойтись без гаджетов и нейронных сетей. В этих условиях что происходит с религиозными практиками – например, миссионерством? Существует ли оно в виртуальной реальности? Если да, то чем «цифровизированное» миссионерство отличается от реального?

Религия, пожалуй, самый консервативный общественный институт, но тем не менее, многие конфессиональные лидеры отмечают необходимость миссионерства в Интернете. В этом отношении сошлемся на слова патриарха Кирилла, сказанные на Архиерейском соборе в 2013 году: «Миссия Церкви может и должна быть широко распространена в интернет-пространстве. Блоги, социальные сети — все это дает новые возможности для христианского свидетельства. Не присутствовать там — значит расписаться в собственной беспомощности и

нерадении о спасении собратьев» [Патриарх Кирилл 2013, web]. Папа Римский Франциск тоже призывал монахов осваивать цифровые технологии чтобы внедрять их в проповеди христианскому миру [Папа Римский 2023, web]. Протестантские деноминации, многие из которых известны своей гибкостью и умением быстро адаптироваться к общественным и культурным изменениям, одними их первых осознали возможности миссионерства в Интернете. Ректор МТИ, пастор и блогер Сергей Владимирович Ястржембский на официальной странице ВК РЦХВЕ приводит лонгрид о плюсах от интернет-миссионерство [Ястржембский 2023, web]. Можно ли утверждать, что призыв «освоения сети» будет обозначать дубляж миссии в реальном мире или трансформацию миссии на интернет-площадках?

Но, если тезис о том, что виртуальный мир дублирует реальность верен, то это значит, что в случае с религиозным мировоззрением картина мира утраивается. 1) *Мир сверхъестественной реальности* (Бога, богов, нирваны, дао и т.д.); 2) Собственно *реальность,* в которой человек живёт; 3) *Виртуальная реальность* (цифровая, программная, сетевая, интернет-реальность, виртуальный двойник реальной жизни). Учитывая эту трёхмерность, зададим вопросы: кто такой «виртуальный миссионер»? не является ли он частным случаем программиста? что он использует в качестве технологии привлечения внимания интернет-аудитории к своему контенту? И самое главное, как с помощью цифровых технологий способствовать развитию религиозного опыта у потенциального неофита и сопоставим ли он с результатом, как если бы они общались в реальном мире?

Исследователи отмечают, что Интернет имеет двоякое влияние на формирование религиозности и миссионерства, в частности. Так, Е.О. Гаврилов пишет: «интернет стал средством укрепления религиозной идентичности, но в то же время приводит к её размыванию» [Гаврилов 2014, с. 346]. В отличие от режима оффлайн, где миссионер наставляет неофита и сопровождает его в процедуре, следит за тем, насколько осмысленно осуществляются предписания, в цифровом миссионерстве нет такого наблюдателя. Такой наблюдатель как необходимый Другой – важный залог и свидетель искомой «метанойи», перемены ума, свидетельствующей об обновлении личности, но может ли такого Другого заменить интернет-посредник как некий «третий»? Заменит ли живого и телесного миссионера нейросеть или она может только фиксировать конвенционально принятые и технологически прописанные признаки или свидетельства обращения? Полагаю, что в рамках религиозной традиции виртуальность миссионерства приводит к такой же виртуальности обновления личности, «цифровизации веры», при которых статус принятой религии становится номинальным и может быть засвидетельствован заполненными ячейками условной «Гугл-таблицы».

За последние два десятилетия в отечественной науке появились интересные работы на эту тему. Упомяну большое исследование, посвященное проблеме трансгрессии виртуальной религиозной идентичности, выполненное командой из Астраханского университета. Итогом исследования стала модель такой трансгрессии [Романова 2021, с. 250]. Эта работа, в частности, затрагивает проблемы миссионерства, прозелитизма и проповеди в виртуальной среде. Другой астраханский философ Лопатинская Т. Д. считает, что «виртуальная среда стала перспективным пространством и для религиозной деятельности.» [Лопатинская, 2019, web], и воспринимается «миссионерским полем», способствующим распространению различных религиозных и квазирелигиозных идей. Какова структура такого «поля», как устроено цифровое миссионерство?

Под миссионерством, в религиоведении понимают внекультовую деятельность религиозных сообществ, направленную на привлечение новых последователей. Христианское миссионерство стало производным от латинского «*missio»* – этот термин переводят как *«посылка», «поручение»* – то, что приносит миссионер. Доставляя такую «посылку», он, как предполагается, делится с её адресатом и тем знанием, которое он получил в своем религиозном опыте, и самим опытом. В исламе этой практике соответствует термин «*дауват*» – приглашение в ислам. В буддизме нет специального понятия, тем не менее, буддийская традиция знает великих проповедников – Бодхидхарму, Нагасену, Шантаракшиту и др., и акцентирует внимание на методах донесения буддийского мировоззрения искусными средствами – *«упая каушалья».* Буддийское миссионерство проникает через рефлексию в потенциального последователя. В современном индуизме (в особенности в неоиндуистских течениях) обращение, как результат миссионерства, тоже, весьма распространённое явление.

В современном мире традиционная практика распространения вероучительных истин в формате «от человека к человеку» цифровизируется. Эта практика связана с развитой инфраструктурой средств массовой коммуникации, именно они выступают неизбежным посредником миссионерской деятельности в сети, играя роль «третьего», стоящего между миссионером и его адресатом в реальном мире. Этот посредник трансформирует, или, перекодирует знание, которым делится миссионер, оно приобретает цифровой формат становясь информацией. Аудио- и видео-контент способствуют усилению эмоциональной вовлеченности к опыту говорящего миссионера встраиваясь в религиозную идентичность воспринимающего такой контент. Попав в сеть, информация легко может затеряется, ведь информации много, и её продолжают создавать. В ней смысл, задаётся потребителем, тем самым происходит аберрация смысла. Это в значительной мере обостряет изучение миссионерской проблематики. Как пишет Романова А.П., в «…интернете часто коммуникативный потенциал хранит в себе много «подводных камней», таких как анонимность и скрытые умыслы, риск возникновения прозелитизма» [Романова 2021, с. 81], а также, добавим, связанные с незаконной деятельностью, в том числе вербовкой и терроризмом.

Таким образом цифровое миссионерство – это использование ресурсов сети Интернет с целью вовлечения новых последователей в религиозное объединение. Анализируя корпус интернет-площадок в русскоязычном сегменте сети Интернет, так или иначе затрагивающие миссионерский, мы можем выделить два основных направления – *отчетный* и *воздействующий*. В первом реализуется ***отчет о реальном миссионерстве или о деятельности религиозного сообщества.*** Во втором *осуществляется* ***практика распространения религиозных воззрений в цифровом измерении***.

К первому сегменту цифрового миссионерства можно относить отчетный материал (новости, видео- и фотоматериал) о миссионерстве, в целом о религиозной деятельности сообщества, произведенного в реальной жизни и имеющего миссионерский потенциал. Примером служит страница религиозной организации, осуществляющая соответствующую деятельность. Существуют каналы и страницы на платформах ВК, Яндекс-Дзен, MAX и др.

Примеры *отчётных:*

https://t.me/sinmis – телеграм-канал Синодального миссионерского отдела и Православного миссионерского общества;

https://islam.ru – информационный портал исламской направленности, представляет интересы. Ориентирован на мусульманскую аудиторию и новости публикуются с точки зрения исламского мировоззрения, в том числе о даувате.

https://azan.ru – исламская эко-система AZAN.RU представляет собой сайт информация относительно ислама. Отдельно, обратим внимание на вкладку «Как принять ислам?»

https://nalanda.news/ – система сайтов Наланда (буддийский сайт по популяризации буддийской культуры и философии) и одноимённый фонд, где можно поучаствовать в качестве зрителя и слушателя проповедей современных буддийских учителей, а иногда и Далай-Ламы в режиме реального времени.

https://t.me/mission_tomsk – телеграм-канал внештатного сотрудника миссионерского отдела Томской епархии Эйхорн Юрия. Живое общение открытый к диалогу миссионер от православной церкви рассказывает о том, как именно ведётся миссия среди тувинцев и монголов.

Они носят формальный характер и опосредованно миссионерские, поскольку в принципе говорят о религиозной деятельности.

Второй сегмент цифрового миссионерства ориентирован на интерес к вопросам веры и непосредственное воздействие на субъекта миссионерства. Средства в блогосфере: посты, видео- и аудио-контент, трансляции, стримы, чаты, виртуальные путешествия. Весь перечень возможностей, применяемый при общении с эффектом личного присутствия. Потенциальный неофит включён диалогичную ситуацию, опосредованную цифровой средой. Данный тип миссионерства применяет ИИ-механизмы, чат-боты и стримы с проповедником, голограммы в режиме реального времени, тем самым воздействия на личность. Именно в этом сегменте может быть обнаружена и «злонамеренная» часть миссии – вербующих и лжемиссионерствующих [Ефанов 2022, с. 175]. Несмотря на это, личное общение в онлайн-режиме является обязательным.

Примеры *воздействующих*:

Многообразие цифрового миссионерства также включает распространение коротких духовных видео (Reels, Shorts), образовательные игры и квесты с сюжетом религиозной традиции, виртуальные паломничества, 3D-туры по храмам, святым местам (примеры: виртуальные туры по храмам Московского Кремля, Ватикану, Святой Земле); AR/VR-приложения для «посещения» святых мест, трансляция проповедей. Это позволяет потенциальному неофиту испытать чувство сопричастности с событиями и местами религиозной традиции.

Среди неопротестантских движений («Fellow», «YesHeIs») активно эксплуатировался рекламный сегмент с прозелитической целью [Романова, Черничкин 2021, с. 208].

Среди мусульман распространено приложение *Muslim Life Russia на RuStore* с подробной информацией, способствующей погружению в образ жизни мусульманина с помощью приложения для смартфонов. Обладает функциями: напоминает время намаза, предлагает чтение Корана на разных языках, расчёт и оплата закята (обязательного пожертвования), помогает найти киблу и мечеть и т.д. С его помощью есть возможность запоминать и учить Коран. Миссионерский потенциал четко прослеживается именно за счёт погружения и регулярной практики.

Приложения с похожим функционалом становятся всё популярнее и разнообразнее, что свидетельствует о растущем спросе на формирование религиозного сегмента в цифровой среде.

Формат миссионерского воздействия через приложение является адресным, индивидуально ориентированным и добровольным в практике. Это ставит вопрос о необходимости контроля за содержанием таких приложений со стороны экспертного сообщества и представителей религиозных традиций.

Таким образом, цифровое миссионерство – это сложносоставной социокультурный феномен, порождённый цифровизацией, где основная задача обратить в веру, осуществляется с помощью цифровых технологий и онлайн-платформ. Кроме основных участников – миссионера и его адресата – для него характерно наличие посредника, т.е. цифровой среды, задающего способ осуществления онлайн-коммуникации. Структура миссионерской коммуникации в цифровой среде подразумевает:

1. Трехчастное деление мира
2. Миссионер, чья деятельность интерпретируется им самим как долг;
3. Идею сверхъестественного как причину, по которой миссионер исполняет свой долг, она оправдывает миссионерство;
4. Программиста, написавший код программы, сайта, приложения, разработавший интерфейс и т.д.;
5. Интернет-среда, онлайн-платформа, искусственный интеллект
6. Потенциального обращаемого или субъект миссионерства, который одновременно является пользователем в сети Интернет.

Очевидно, что исследование миссионерства в цифровой среде неизбежно должно быть междисциплинарным, оно требует усилий со стороны религиоведов, социологов, и программистов. Со своей стороны мы поставили ряд вопросов о цифровом миссионерстве и выяснили его эвристический потенциал. Цифровая среда трансформирует миссионерство создавая больше возможностей для воздействия. Но в тоже время разнообразие одновременно обесценивает и упрощает его восприятие, так как это очередной формат информации. При этом разнообразие религиозной инфраструктуры в сети свидетельствует о частичном перетекании туда религиозной идентичности. Цифровое миссионерство вырабатывает новый способ обращения, и продуцирования религиозного опыта средствами цифровой среды. Миссионерство в онлайн-режиме может быть адресно и может быть осуществимо при сохранении на это доброй воли субъекта миссионерства и акторов цифровой среды.

Список литературы

1. Гаврилов 2014 – Гаврилов Е. О. Интернет как фактор развития сферы религиозных отношений // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 9 (35). С. 344–346.
2. Патриарх Кирилл, 2013, web – Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви (2 февраля 2013 г.) // Портал «Патриархия.ру». Дата обновления: 03.02.2013. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/2770923.html (дата обращения 10.04.2026)
3. Ефанов 2022 – Ефанов, В. Ю. О понятии «лжемиссия» / В. Ю. Ефанов // Человек во власти цифры: мышление, знание, сознание: Материалы Всероссийской научной конференции, Москва, 14–16 сентября 2022 года / Под общей редакцией В.Ю. Ефанова. М.: РГГУ, 2022. С. 174-176.
4. Лапатинская 2019 – Лопатинская Т. Д. Виртуальная религиозность как социоантропологический феномен // Общество: философия, история, культура. 2019. №9 (65). С. 124-128.
5. Папа Римский 2023, web – Папа призвал развивать миссионерство // VatikanNews. 12 марта 2023. URL: https://www.vaticannews.va/ru/pope/news/2023-03/papa-prizval-razvivat-missionerstvo.html (дата обращения 10.04.2026)
6. Романова, Черничкин 2021 – Романова А. П., Черничкин Д. А. Реклама в социальных сетях как инструмент прозелитической деятельности: опыт неопротестантских

движений в России // Социология религии в обществе позднего модерна. 2021. Т. 10. С. 197-209.

7. Романова 2021 – Религиозная идентичность и её трансформации в современном информационном пространстве: монография / А. П. Романова, Д. А. Черничкин, М. С. Топчиев, Е. В. Хлыщева, Е. В. Кудряшова, М. М. Бичарова, А. В. Рогов, В. С. Дрягалов. Астрахань: АГУ, Изд-ский дом «Астраханский университет», 2021. 337 с.

8. Ястрежембский, 2023, web – Ястржембский С.: Интернет-миссионерство. URL: https://vk.com/@rchve-sergei-yastrzhembskii-internet-missionerstvo (дата обращения: 16.04.2026).

УДК 284.991

ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ПРОТЕСТАНТСКОГО СООБЩЕСТВА: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Бобылева Александрина Юрьевна,
Уральский гуманитарный институт
Уральский федеральный университет,
Студент 4-го курса обучения
E-mail: aleksandrinabobyleva@gmail.com

Аннотация: Исследование посвящено проблеме отсутствия интегративной методологической модели для анализа формирования протестантских общин, в частности харизматического направления в современной России. Для решения задачи применены методы сравнительного анализа классических и современных концепций, теоретического синтеза и систематизации. Выявлено значение теорий Э. Дюркгейма, М. Вебера, П. Бергера и Т. Лукмана, а также подходов В. Б. Исаевой, раскрывающих механизмы социальной интеграции, религиозной конверсии и институционализации харизмы. Дополнительно обоснована необходимость учёта жизненного цикла религиозных организаций, проблемы социализации второго поколения и этнографических методов включённого наблюдения. Результатом работы стала интегративная методологическая рамка, объединяющая макро-, микро- и процессуальный уровни анализа и позволяющая рассматривать формирование общины как целостный феномен. Предложенная рамка обладает эвристическим потенциалом для эмпирических исследований современных протестантских сообществ харизматической ориентации и восполняет существующий в отечественной науке пробел в области методологического обеспечения подобных изысканий.

Ключевые слова: религиозное сообщество, харизма, Вебер, формиование общины, протестантизм, харизматы.

THE FORMATION OF A PROTESTANT COMMUNITY: A RESEARCH METHODOLOGY

Bobyleva Aleksandrina Yurievna,
Ural Institute for Humanities

Ural Federal University
Undergraduate Student of the 4th year

Abstract: The study addresses the problem of the absence of an integrative methodological model for analyzing the formation of Protestant communities, particularly the charismatic movement in contemporary Russia. To solve this problem, the methods of comparative analysis of classical and modern concepts, theoretical synthesis, and systematization were applied. The significance of the theories by É. Durkheim, M. Weber, P. Berger and T. Luckmann, as well as the approaches of V. B. Isaeva, revealing the mechanisms of social integration, religious conversion, and institutionalization of charisma, is identified. Additionally, the necessity of considering the life cycle of religious organizations, the problem of second-generation socialization, and ethnographic methods of participant observation is substantiated. The result of the work is an integrative methodological framework that combines macro, micro, and processual levels of analysis and allows considering community formation as a holistic phenomenon. The proposed framework has heuristic potential for empirical research on modern Protestant communities of charismatic orientation and fills the existing gap in Russian scholarship in terms of methodological support for such studies.

Keywords: religious community, charisma, Weber, community formation, Protestantism, charismatics.

Изучение процесса формирования сообщества верующих в современных протестантских церквах харизматического направления требует междисциплинарного подхода. Анализ подобного феномена невозможен без концепций: 1) объясняющих механизмы социальной интеграции, 2) религиозной конверсии, 3) институционализации харизмы.

Социальная интеграция – это процесс включения человека или группы людей в полноценную жизнь общества, в религиозных сообществах она происходит через формирование коллективного единства и общих смыслов. Э. Дюркгейм в работе «Элементарные формы религиозной жизни» подчёркивает, что религия объединяет людей через систему коллективных верований и ритуалов, которые создают чувство солидарности и формируют представление о сакральном [Дюркгейм 1994, с. 369-372]. П. Бергер и Т. Лукман в книге «Социальное конструирование реальности» развивают эту мысль, указывая, что религиозные представления создают символический универсум, который легитимирует социальный порядок и делает его значимым для каждого члена сообщества [Бергер, Лукман 1995, с. 54-100].

Религиозная конверсия – это процесс, в ходе которого индивид меняет свою идентичность и мировоззрение, присоединяясь к религиозному сообществу. В. Б. Исаева в своей статье отмечает, что конверсия не является одномоментным событием, а представляет собой длительный процесс трансформации ценностно-смысловых ориентаций [Исаева 2022, с. 7-25]. Ключевую роль в этом процессе играют социальные сети: чаще всего люди приходят в религиозное сообщество через связи с уже вовлечёнными в него людьми. Также важным аспектом является построение новой биографической наррации, которая помогает укрепить принадлежность к сообществу [Исаева 2022, с. 7-25]. Так как приход может частично формироваться из людей, впервые столкнувшимися с религиозным сообществом, то нам необходимо понимать, как происходит трансформация взглядов человека, поэтому нами был введен термин – религиозная конверсия.

Процесс институционализации харизмы является превращение личной власти лидера

в устойчивую организационную структуру. М. Вебер в своих работах определяет харизму как необычное качество личности, которое даёт ей власть над последователями [Вебер 1994, с. 78-308]. Однако харизматическое лидерство нестабильно: со временем возникает необходимость «рутинизации харизмы»: превращения её в формальные институты и правила. Этот процесс позволяет сообществу существовать независимо от личности основателя. В «Протестантской этике» Вебер также показывает, как религиозные идеи могут превратиться в устойчивые модели социального действия [Вебер 1990, с. 85-130]. Часть сообществ начинают собираться именно по причине наличия харизмы лидера. Поэтому изучая формирование религиозного сообщества, нам необходимо прослеживать процесс институализации харизмы.

Итак, представленные подходы формируют методологическую рамку для исследования процесса формирования протестантского сообщества, как процесса социального конструирования.

Для комплексного понимания процесса формирования харизматической общины необходимо рассмотреть также жизненный цикл религиозных организаций. В социологии религии утвердилась модель, описывающая эволюцию религиозной группы от харизматической секты до деноминации, а затем и до церкви. Эта динамика непосредственно связана с процессом институционализации. Однако, как отмечают современные исследователи, рутинизация не означает полного исчезновения харизматического начала – харизматический компонент может сохраняться и трансформироваться, сосуществуя рутинизированными формами управления [Яковлева 2011, с. 133-140].

Важным аспектом анализа выступает также специфика харизматических общин как особого типа религиозных объединений. Харизматическое направление в современном российском протестантизме является одним из наиболее динамично развивающихся движений, всплеск которого в России пришёлся на 1990-е гг. и совпал с ренессансом традиционных конфессий. Как показывают исследования, приоритет личного религиозного опыта составляет магистральную линию харизматической идеологии и способствует интеграции верующих в протестантскую среду без обязательного включения индивида в систему институциализированных практик, одновременно удовлетворяя не только религиозные, но и социальные потребности. Эта особенность создаёт определённые сложности для конфессиональной идентификации групп харизматической ориентации, поскольку они часто не успели выработать собственного законченного богословия. Соответственно, изучение формирования сообщества должно учитывать как религиозные, так и социальные механизмы интеграции.

Отдельного методологического внимания заслуживает проблема воспроизводства религиозного сообщества через социализацию детей. В отличие от традиционных конфессий, где религиозная идентичность часто передаётся по наследству через семейную традицию, харизматические протестантские общины сталкиваются с вызовом: члены первого поколения пришли в церковь через конверсию во взрослом возрасте, но их дети не пережили аналогичного «личного обращения». Как в таких условиях община формирует религиозную идентичность у «второго поколения»? Какие институты (воскресные школы, молодёжные группы, летние лагеря) и практики (семейные богослужения, свидетельства) используются для этого? Этот вопрос напрямую связан с более общей проблемой институционализации: долгосрочная устойчивость общины зависит от того, насколько успешно ей удаётся транслировать свою систему ценностей новым поколениям, которые не

обладают конверсионным опытом основателей. Игнорирование этого аспекта делает анализ формирования сообщества неполным.

Дополнительные возможности для анализа открывает применение этнографических методов и включённого наблюдения. Как показывает опыт исследования локальных религиозных сообществ с коротким сроком существования, ценными источниками информации становятся аудиозаписи семинаров, личные беседы и переписка с членами группы, фотографии и видеозаписи. Лонгитюдные проекты, охватывающие материалы включённых наблюдений, анкетные опросы и интервью с руководителями и рядовыми верующими, позволяют реконструировать эволюцию религиозной организации на разных этапах её существования. Такой комплексный подход даёт возможность зафиксировать не только декларируемые доктринальные положения, но и реальные практики, конструирующие повседневную жизнь общины.

В совокупности представленные подходы – социальный конструкционизм, анализ социальных сетей, теория религиозной конверсии, концепция рутинизации харизмы, понятие «лоскутной религиозности» и этнографическая методология – образуют целостную теоретико-методологическую рамку для исследования процесса формирования протестантского сообщества. Такая рамка позволяет рассматривать религиозную общину не как статичный институт, а как динамично конструируемую реальность, возникающую на пересечении личных обращений, межличностных связей, коллективных ритуалов, харизматического лидерства и повседневных практик. Следовательно, предложенная теоретико-методологическая рамка, объединяющая концепции социального конструирования реальности, религиозной конверсии, рутинизации харизмы, жизненного цикла религиозных организаций, воспроизводства сообщества и этнографические методы, позволяет перейти от абстрактного анализа религии к исследованию конкретных механизмов формирования харизматической общины.

Список литературы

1. Бергер, Лукман 1995 – Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М. : Academia-Центр : Медиум, 1995. С. 54–100.
2. Вебер 1994 – Вебер М. Социология религии // Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. С. 78–308.
3. Вебер 1990 – Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 85–130.
4. Дюркгейм 1994 – Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии. Ч. 1. М., 1994. С. 369–372.
5. Исаева 2022 – Исаева В. Б. Современные тренды и перспективы развития социологии религиозной конверсии // Вестник антропологии. 2022. № 4. С. 7–25.
6. Яковлева 2011 – Яковлева Ю. А. Социологический анализ нетрадиционных религиозных сообществ: теоретико-методологический аспект // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2011. Т 2. С. 133-149.

УДК 94(470)

МИНОРИТАРНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ГРУППЫ В ТРУДАХ ПУБЛИЦИСТА-НАРОДНИКА Я. В. АБРАМОВА

Зинин Богдан Валерьевич

Студент 1 курса, магистратура, направление «Религиоведение»

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: zbv100200@gmail.com

Аннотация: В статье анализируются две работы публициста-народника Я. В. Абрамова «Духоборцы» и «Секта шалопутов», в которых рассматриваются миноритарные религиозные течения Российской империи. В очерке «Духоборцы» Абрамов полемизирует с О. М. Новицким, критикуя предвзятость и ограниченность источниковой базы его трудов. Автор отвергает версию Новицкого об иностранном происхождении духоборцев, подчёркивая автохтонность течения, и подробно описывает историю преследований духоборцев со второй половины XVIII века. Особое внимание уделяется роли И. В. Лопухина в смягчении политики Александра I по отношению к духоборцам, а также ухудшению их положения при Николае I и судьбе молочанских духоборцев. Во второй части анализируется работа «Секта шалопутов»: раскрываются происхождение, самоназвания («воистину духовные христиане», «братья духовной жизни») и региональные прозвища (кадушечники, хлысты) этого малоизвестного течения 1875 года. Описывается география его распространения (Таврическая, Екатеринославская, Тамбовская и Воронежская губернии), социальный состав (крестьяне, мещане, казаки) и связь с предшествующим движением богомольства. Статья демонстрирует народническую позицию Абрамова: сочувствие к «простым людям» и критическое отношение к официальным оценкам религиозных нонконформистов.

Ключевые слова: Яков Васильевич Абрамов, Орест Маркович Новицкий, духоборцы, шалопуты, миноритарные религиозные течения, народничество.

MINORITY RELIGIOUS GROUPS IN THE WORKS OF THE NARODNIK PUBLICI ST Y. V. ABRAMOV

Zinin Bogdan Valerievich

Saint-Petersburg State University, Student

Abstract: The article analyzes two works by the populist publicist Yakov V. Abramov, "The Spirit Fighters" and "The Sect of the Scoundrels," which examine the minority religious movements of the Russian Empire. In his essay "The Spirit Fighters," Abramov engages in a polemic with O. M. Novitsky, criticizing the bias and limited scope of his research. Abramov rejects Novitsky's theory of the foreign origin of the Spirit Fighters, emphasizing the indigenous nature of the movement, and provides a detailed account of the persecution of the Spirit Fighters since the second half of the 18th

century. Special attention is paid to the role of I. V. Lopukhin in softening Alexander I's policy towards the Doukhobors, as well as the deterioration of their situation under Nicholas I and the fate of the Molochansk Doukhobors. In the second part, the work "The Sect of the rascals" is analyzed: the origin, self-names ("truly spiritual Christians", "brothers of spiritual life") and regional nicknames (kadushechniki, khlysty) of this little-known movement of 1875 are revealed. The geography of its distribution is described (Tauride, Yekaterinoslavskaya, Tambov and Voronezh provinces), social composition (peasants, burghers, and Cossacks), and connection to the previous pilgrimage movement. The article demonstrates Abramov's populist stance, expressing empathy for "ordinary people" and criticizing official assessments of religious nonconformists.

Keywords: Yakov Vasilyevich Abramov, Orest Markovich Novitsky, the Dukhobors, the Shaloputs, minoritarian religious movements, the populism.

Одним из основных источников нашего исследования является работа Якова Васильевича Абрамова «Духоборцы». Свой очерк Абрамов начинает с описания дискуссии, развернувшейся после выхода работы Ореста Марковича Новицкого «О духоборцах». Это сочинение после выхода было быстро раскуплено (несмотря на очень высокую стоимость), и основными покупателями были сами духоборы. Связано это было в первую очередь с тем, что работа Ореста Марковича представляла собой первое систематическое изложение учения духоборцев, которое служило этаким катехизисом для самих духоборцев [Абрамов 1883, с. 23].

Спустя полвека Новицкий выпускает второе издание «о духоборцах», которое было дополнено и даже изменено. Несмотря на это, оно подверглось критике со стороны Абрамова, так как взгляды Ореста Марковича к моменту выпуска второго издания поменялись. Теперь он, занимающий позицию крайнего несогласия с «сектантами» «всячески старается доказать, что духоборцы сами были причиной воздвигнутых против них преследований и что лица, ссылавшие их в Сибирь, и т.п., не только были правы, поступая так, но еще представляют собой образец гражданского величия и государственной мудрости» [Абрамов 1883, с. 24]. Более того, Новицкий прибегает к весьма сомнительным источникам, которые находились в «трудах Киевской Духовной Академии». У Якова Васильевича вызывал негодование и минимальный плюрализм используемых Орестом Марковичем источников. По мнению народника-публициста, Новицкий не обращался к статьям, которые описывают современное состояние духоборцев, а также не использовал многие материалы, посвященные непосредственно истории данного миноритарного религиозного течения. Тем не менее, народоволец отмечает и положительные стороны автора, например красноречивую форму подачи материала [Абрамов 1883, с. 25].

После вышеописанной критики можно заключить, что очерк народника «духоборцы» является неким ответом на достаточно предвзятую и, с точки зрения Абрамова, местами сфальсифицированную работу господина Новицкого.

После анализа сочинения Новицкого, Яков Васильевич поднимает проблемы, связанные с происхождением духоборцев. И уже здесь можно усмотреть некоторый полемический характер его работы. По мнению Новицкого, духоборцы возникли от некоего квакера из прусских унтер-офицеров. Абрамов же в корне не согласен с данной позицией, так как многие отечественные исследователи миноритарных религиозных течений почему-то «не могут допустить, чтобы русский мужик додумался хоть до чего-нибудь сам, непременно всегда

оказывается нужен какой-нибудь иностранец, квакер, менонит, хотя бы из прусских унтер-офицеров» [Абрамов 1883, с. 25]. Сам же Абрамов, скептически относящийся к такого рода «сказкам», утверждает, что точное время возникновения духоборцев неизвестно [Абрамов 1883, с. 25]. Информацию о существовании духоборов власти получили во второй половине XVIII в. и почти незамедлительно начали вести активные преследования представителей данного течения. Уже в 1779 году донские казаки-духоборцы подверглись жестоким преследованиям и были преданы суду по обвинению в ереси. Также Абрамов упоминает и другие группы духоборствующих на которых обратило внимание правительство. Например, духоборцы из Екатеринослава предстали перед судом за то, что слишком часто проповедовали своё учение на улицах и собирали вокруг себя большие скопления людей. По поводу данных жестоких гонений высказывался Иван Владимирович Лопухин – публицист, философ, сенатор, с 1784 г. фактический лидер российского масонства [Долгих 2015, с. 56]. «Никакая секта до того времени не была столь строго преследуема, как духоборы, конечно, не потому только, что они всех вреднее. Разными образами истязали их, целыми семействами ссылали в тяжкие работы, заключали в самые жестокие темницы. Некоторые из них сидели в таких, где ни стоять во весь рост, ни лежать протянувшись нельзя было» [Абрамов 1883, с. 26], - пишет Лопухин. С восшествием на престол Александра I политика верховной власти по отношению к духоборцам претерпела кардинальные изменения. Лопухин, занявший положение доверенного лица монарха, был командирован в Слободско-Украинскую губернию с инспекционными полномочиями. Заселявшие данную территорию духоборы, характеризовались местными властями крайне негативно. Однако, вопреки негативным характеристикам, сенатор Иван Владимирович приказал прекратить бунт против духоборцев, а также велел пресечь всякого вида розыскные операции. Помимо этого, Лопухин усердно хлопотал за духоборцев, взывая к монаршему милосердию. И активность Лопухина, связанная с религиозными нонконформистами, не прошла даром. Александр I, ознакомившийся с донесениями сенатора, утвердил указ, положения которого предписывали ликвидацию всякого рода физических угнетений, направленных в сторону духоборствующих. Тем не менее, несмотря на различные либеральные и гуманные указы, положение духоборов не претерпело радикального поворота в лучшую сторону. В противовес позиции Новицкого, который писал о невероятном благополучии духоборцев, ссылавшегося в основном на различные указы, Абрамов утверждает, что дела представителей данного религиозного течения не были столь уж радужными. Связано это было с тем, что «агентами, приводившими в исполнение благие предначертания правительства, оставались все те же лица, которые всего три года тому назад рвали ноздри духоборцам, секли их, ссылали в Сибирь и т.п.» [Абрамов 1883, с. 31]. После Александра I, во время правления Николая I состояние духоборов, как и всего «раскола» в общем, значительно ухудшится.

Также Яков Васильевич упоминает группу духоборцев, живших на так называемых Молочных водах. Так, эти молочанские духоборствующие в 1833 году, в связи с крупным неурожаем, просили у правительства «отлучек для заработков в другие губернии» [Абрамов 1883, с. 47], однако им было позволено совершать отлучки исключительно в Крым и то, только лишь до жатвы. Впоследствии, молочанские духоборцы вообще подвергнуться «выселению». Так, по мнению Новицкого, молочанские духоборцы подверглись выселению со стороны правительства из-за страшного разврата и ряда других преступлений, господствующих в общинах духоборов. Кроме того, Орест Маркович упоминает о 21 убийстве, совершённом среди религиозных отщепенцев, проживавших на Молочных водах [Абрамов 1883, с. 49].

Очередной раз, заочно полемизируя с Новицким, Абрамов отмечает, что Орест Маркович, обычно отличавшийся педантичностью, не подкрепляет никакими ссылками на источники свои обвинения духоборцев в многочисленных убийствах.

Подытоживая, отмечу, что проведённый анализ работы Я. В. Абрамова «Духоборцы» позволил выявить её безусловный полемический характер, направленный прежде всего на критику трудов О. М. Новицкого. В отличие от работ других народовольцев, Абрамов не только систематизирует сведения о духоборцах, но и подвергает критике предвзятость официальных источников, на которые опирался Новицкий. Особое внимание народник уделил и вопросу происхождения духоборцев, отвергая версию об их иностранных корнях и подчёркивая автохтонность данного течения.

Перейдем к следующей работе Якова Васильевича под названием «Секта шалопутов». Шалопуты – миноритарное мистическое религиозное течение, возникшее приблизительно в 1875 г. и получившее такое название от народа (шалопуты – люди шального пути) [Булгаков 1994, с. 93]. Абрамов совершенно верно подчеркивает, что шалопуты весьма малоизвестное религиозное течение, как, впрочем, и другие нонконформистские религиозные течения, зародившиеся во второй половине XIX в. Аналогично товарищу Булгакову, Яков Васильевич утверждает, что шалопуты были названы так «коллективным умом народа, увидевшего в жизни и учении новых сектантов такие особенности, понятие о которых входит в содержание понятия, соответствующего слову «шалопут»» [Абрамов 1882, с. 36]. Шалопуты – люди, быт которых не схож с бытом православного люда. Однако, помимо данного названия, появившихся приверженцев нового альтернативного религиозного течения (в зависимости от региона) могли спокойно именовать кадушечниками или хлыстами. «Кадушечниками» шалопутов именовали в тех губерниях, где были массово распространены байки о том, что в шалопутовых обрядах активную роль играет кадушка с водой [Абрамов 1882, с. 37]. «Хлыстами» шалопуты, по мнению народовольца, были прозваны неграмотными священниками, которые именуют «молодые» миноритарные христианские течения, опираясь на уже знакомые им названия [Абрамов 1882, с. 37].

Что касается самоназвания шалопутов, то здесь присутствуют несколько вариантов. Первый вариант – это «воистину духовные христиане». Второй вариант – «братья духовной жизни». Представители данного религиозного течения весьма часто обижались, когда ортодоксальные православные давали им свои прозвища. Более того, по этому поводу происходили разбирательства у местных судей, в связи с жалобами шалопутов на православных [Абрамов 1882, с. 38].

По большей части шалопутство было распространено в Таврической, Екатеринославской, Тамбовской и Воронежской губерниях. Прототипом шалопутов, с точки зрения Якова Васильевича, являлось миноритарное религиозное течение под названием «богомольство». Основателем богомольства Абрамов считал Аввакума Копылова – тамбовского крестьянина, выступавшего за воздержание от пищи [Панченко 2002, с. 193].

По своему происхождению шалопутство являлось «народным» нонконформистским религиозным течением. Основную массу членов членов данного течения составляли крестьяне, мещане, а также казаки. «Ни дворян, ни даже купцов среди шалопутов нет» [Абрамов 1882, с. 40], - заключает Яков Васильевич.

Список литературы

1. Абрамов 1883 – Абрамов Я. В. Духоборцы // Отечественные записки. 1883. № 1. С. 23-53.
2. Абрамов 1882 – Абрамов Я. В. Секта шалапутов // Отечественные записки. 1882. № 9. С. 35-58.
3. Булгаков 1994 – Булгаков С. В. Справочник по ересям, сектам и расколам. М.: Современник, 1994. 225 с.
4. Долгих 2015 – Долгих А. Н. Масоны-консерваторы и крестьянский вопрос в России в начале XIX века (И. В. Лопухин и О. А. Поздеев) // История: факты и символы. 2015. Вып. 1. № 2. С. 52-63.
5. Панченко 2002 – Панченко А. А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2002. 544 с.

УДК 398.1

НАРОДНАЯ ВЕРА РУССКИХ КРЕСТЬЯН НАЧАЛА XX ВЕКА (ПО ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ БРАТЬЕВ СОКОЛОВЫХ)

Гасенко Вадим Вадимович

Санкт-Петербургский государственный университет, магистрант

E-mail: vadimgasenko@yandex.ru

Аннотация: В статье на основе этнографических материалов, собранных братьями Соколовыми, рассматривается религиозное мировоззрение русских крестьян начала XX века. В работе анализируются три фольклорных жанра, отражающие синкретизм народных верований: духовные стихи, причитания и заговоры. Показывается, как в крестьянской культуре переплетаются христианские представления с элементами народной религии и дохристианскими верованиями. Уделяется внимание отражению народных представлений о мироздании, смерти и загробной жизни. В представленных фольклорных жанрах отчётливо прослеживается преемственность поколений и связь времён, которая проявляется через устную традицию передачи знаний и религиозных представлений. На материале духовных стихов раскрывается космологическая картина мира, в причитаниях исследуются представления о посмертном существовании, а заговоры демонстрируют магическое мышление крестьян. Показывается, что духовные стихи, причитания и заговоры выступали как живые носители народной мудрости, обеспечивавшие преемственность культурной традиции и сохранение самобытного мировоззрения русского крестьянства. Заключается, что материалы экспедиций братьев Соколовых представляют собой ценный источник для изучения народной религиозности, культуры и быта русского крестьянства первой половины XX века, позволяя глубже понять специфику традиционного мировоззрения русского народа.

Ключевые слова: народное христианство, народное православие, духовные стихи, причитания, заговоры, Соколов Б. М, Соколов Ю. М.

FOLK RELIGION OF RUSSIAN PEASANTRY IN EARLY 20TH CENTURY

(ON ETHNOGRAPHIC MATERIALS OF BROTHERS SOKOLOV)

Gasenko Vadim Vadimovich

Saint Petersburg State University, master's student

Abstract: The article examines the religious worldview of Russian peasants at the beginning of the 20th century based on ethnographic materials collected by the Sokolov brothers. The study analyzes three folklore genres: spiritual poems, laments, and zagovory, which reflect the syncretism of folk beliefs. The research demonstrates how Christian concepts intertwine with elements of folk religion and pre-Christian beliefs in peasant culture. Special attention is paid to the reflection of folk ideas about the universe, death, and the afterlife. The oral \ tradition played a crucial role in preserving cultural memory, where spiritual poems, known among the people as «old tales», were passed down orally, preserving ancient ideas about the universe and moral values. The conclusion emphasizes that the materials from the Sokolovs' expeditions represent a valuable source for studying folk religiosity, culture, and everyday life of Russian peasantry in the first half of the 20th century. These materials provide a comprehensive understanding of the peasants' worldview, including their cosmological concepts, moral guidelines, and beliefs about the end of times.

Keywords: folk Christianity, folk Orthodoxy, spiritual poems, lament, zagovory, Sokolov B. M., Sololov Y. M.

Братья-близнецы Юрий (1889–1941) и Борис (1889–1930) Соколовы по праву считаются одними из ведущих русских этнографов начала XX века. Однако их наследие до сих пор ещё мало введено в научный оборот. Собранные ими материалы могут быть использованы не только для изучения быта и фольклора русских крестьян, но и для исследований касаемых народной религиозности. По итогам экспедиций Соколовых в Белозерский и Кирилловский уезды Новгородской области (1908–1909 гг.) и в Карелию (1926–1928 гг.) им удалось собрать огромный пласт фольклорных текстов разных жанров, таких как: былины, народные песни, загадки, поговорки, заговоры, похоронные и свадебные причитания, духовные стихи и т.д. Именно основываясь на анализе фольклорных текстов, можно понять мировоззренческую картину русских крестьян. В данной статье речь пойдёт о духовных стихах, причитаниях и заговорах.

Отец братьев-близнецов, Матвей Иванович Соколов, был известным учёным-славистом, специалистом по болгарской литературе. От него сыновья унаследовали интерес к литературе, – в том числе и фольклору, как её устной форме, – и науке. Летом 1908-ого года после окончания второго курса университета братья отправились в свою первую экспедицию в Белозерский уезд. Крестьяне с насторожённостью отнеслись к исследователям. Непонятная для крестьян деятельность в записи фольклора навлекла на Соколовых подозрения, кто к ним приехал – «поликаны»? (то есть представители радикальных партий), тайная полиция?, японцы?, фальшивомонетчики? [Сказки и песни т. 1 1999, с. 10]. Порой похожесть братьев и таинственный фонограф наводили на народ подозрения о возможной их причастности к нечистой силе: «Да вы сами люди ли?» [Смолицкий 1997, с. 22]. В первую очередь Соколовых интересовал жанр былин, но собранный фольклорный материал оказался гораздо более общирным. Уже в советское время будучи известными учёными под руководством Бориса и Юрия Матвеевичей в 1926–1928 был организован ряд экспедиций в Карелию, получивших

название «По следам Рыбникова и Гильфердинга», именитых фольклористов прошлого, собиравших русский фольклор в тех местах за полвека до этого.

Одним из примечательных жанров народного творчества, которых удалось записать Соколовым являются духовные стихи. Глубокого христианские, в сути своей хранят они значительное влияние апокрифической традиции и отголоски народных нехристианских верований. Хоть и к началу XX-ого века этот жанр по распространённости и своему влияния начал сходить на нет, он может послужить ярким отражением народной религиозности. По свидетельствам одной из участниц экспедиций С. П. Бородиной, даже исполняя пародийный духовный стих сказитель старался подражать их исполнителям: «когда стал петь стих о Корнелии, то сел около печки, как это делают старики с Купецкого озера, поющие духовные стихи. Пел, в точности копируя манеру петь духовные стихи – гнусавый голос, поза и т. д.» [Русский эротический фольклор 1995, с. 84]. Само название «духовные стихи» является научной конструкцией, а в народе они более известны под названием «старины» [Соколовы 1926, с. 89].

Самым ярким примером влияния народных верований на духовные стихи является сюжет о Голубиной книге. Это фактически космогонический миф. В нём рассказывается, как с небес на землю упала огромных размеров книга, в которой повествуется о происхождении всех природных сил от Бога: «Красно солнышко от лиця Господня, / От лица да самого Христа, / Млад мясяц (пропуск) / Мелки звездоцьки от грудей его, (пропуск) да видь от риз Господня» [Неизданные материалы 2007, с. 45]. Ещё одним примером могут служить многочисленные стихи о Пятнице, озаглавленные «Пустынник» или «Трудник». Здесь можно проследить сочетание апокрифической традиции, «Сказание о двенадцати пятницах», и народного почитания святой Параскевы Пятницы. По сюжету стиха к пустыннику является святая и наказывает, чтобы «В среду и в пятницу постились» [Неизданные материалы 2007, с. 209] и матерными словами не ругались, ибо «от матерного слова душа да погибает» [Неизданные материалы 2007, с. 210]. Использование матерной брани может привести и к эсхатологическим последствиям: «Кто по-матерному бранитсе, / Вся земля и небо потрясетсе, / И красное солшышко подынет, / И свител мисяц потухнет, / И частыя звездочки погаснут» [Сказки и песни т. 2 1999, с. 145]. Апокалиптическая тематика, наступление конца света и божий суд также нашли своё место в духовных стихах, согласно которым Бог «Да буде судити за дела добрыи» [Неизданные материалы 2007, с. 215]. Таким образом, можно заключить, что духовные стихи содержат в себе полное объяснение мироздания для формирования мировоззрения крестьян: космологический миф (Голубиная книга), наказы как следует жить (стихи о Пятнице и др.) и неизбежное наступление конца времён, во время которого крестьянин знает, что нужно «И да как пойти мне, души, надо и на второй суд, на пришествиё» [Неизданные материалы 2007, с. 239].

Другим ярким фольклорным источником, помогающим понять веру крестьян, являются причитания: похоронно-поминальные, свадебные и рекрутские. Если на духовные стихи в больше мере повлияла апокрифическая традиция, то обрядовые плачи испытали влияние народных представлений о смерти и посмертном существовании, берущим свои корни в дохристианской вере. Это отмечали и братья Соколовы: «Свадебные и особенно похоронные обряды с их причетами, духовные стихи, «псальмы» обличают иногда живое религиозное чувство, выражаемое в привычных формах христианской символики» [Соколовы 1926, с. 83]. «Но ещё больше сказываются в похоронной обрядности и в похоронном словесном фольклоре

традиции и воззрения родового строя и родовой религии» [Соколов 2007 с. 190]. Так, отношение народа к мертвецам было двояким: с одной стороны, он воспринимался как потенциальная опасность для живых, а с другой стороны, покойник мог стать потенциальным покровителем на том свете. Похоронные плачи и существовали во многом для того, чтобы переход умершего в статус предка-покровителя прошёл правильно. Плачи в своём одностороннем диалоге позволяют умершему успешно преодолеть «путь-дороженьку» [Сказки и песни т. 2 1999, с. 327] и закрепится в статусе предка. Одним из распространённых мотивов в причитаниях является мотив заступничества, обычно появляющийся в конце плача: «Удалая головушка, / Самому-то батюшке Христу небесному, / Пресвятой помолись ты, мое мило дитятко, / Матушке Богородице, / Что обо мне-то о сиротинушке, / Чтобы прибрал меня, горькую, / Под правое под крылышко, / Что при старосте да при древности / Не нашататься бы мне, сиротинушке, / По людям бы мне по добрыим» [Фольклор 2003, с. 212–213]. До этого же плакальщица ещё надеется на возвращение умершего к живым, это прослеживается в мотиве бужения. Так, причитательница обращается к силам природы для того, чтобы они пробудили и вернули к жизни мертвеца: «Ты раздайся, мать-сыра земля, / Раскатитеся, белы камушки, / Откройся-ка, гробова доска, / Выходи, родимый батюшка. / Прилети ко мне, сиротинушке, / Уж ты серою кукушечкой» [Фольклор 2003, 213]. В этом отрывке также видно, что очень частно душа умершего человека предстаёт в образах различных птиц. Птицы в причитаниях могут восприниматься не просто как красочная метафора, но и как существа, способные осуществлять связь с миром мёртвых: «Придёт тёпла та весна да приунылая… / Прилети-ко к нам серой водоплавной утицей, / И ты прилети, сядь-ко к нам на тихую биседу смиренную» [Неизданные материалы 2011, с. 179–180]. Таким образом, в причитаниях отражается народное представление о посмертном существовании и перевоплощения умерших в предков покровителей. В поминальных плачах к ним обращаются уже как к заступникам, это также можно проследить и в свадебных причитаниях, в которых невеста после бани обращается к предкам, приглашая их: «Добро жалуйте, пожалуйте, / Гости жадные, гости званые, / Со известной со сторонушки / Ко мине, горюхе бедной / На последнюю пору-времяцька, / И на мой да на девишницек, / На плаксиву вецериноцьку» [Сказки и песни т. 2 1999, с. 171].

Третьим же фольклорным жанром, раскрывающим народную религиозность, можно назвать жанр заговоров. Магическая сила заговора заключается в симметрии: свойства магического предмета переходят к заговариваемому предмету или к человеку, на которого обращён заговор. В заговорах можно обнаружить, как и обращения к природным силам: «и я поклонюсь и покорюсь змею огнянному» [Неизданные материалы 2011, с. 181], так и к христианским персонажам. В частности, важную роль в заговорах, как и в других обозреваемых здесь фольклорных жанрах, играет Богородица: «Пресвятая Богородица по миру ходила и святым духом витер выводила – у рабы Божьей Краснуюшки, и витер вон» [Неизданные материалы 2011, с. 182].

Таким образом, анализируя фольклорные тексты можно наглядно проследить синкретизм религиозных, – и шире – мировозренческих, – представлений русских крестьян. Это ярко прослеживается и в этнографических материалах братьев Соколовых. Хоть их внимание в большей степени было обращено на запись былин и сказок, в записанных ими данных широко представлены и обозреваемые здесь духовные стихи, причитания и заговоры. Конечно, представленными здесь фольклорными текстами проделанная Юрием и Борисом Соколовыми этнографическая работа не ограничивается. Можно упомянуть и тексты о святых, например о Святой Варваре в селе Купань Тверской области и связанным с ней источником,

чья вода представляется святой и «от всех болезней помогает» [Добровольская 2011, с. 16], и народные представления о нечистой силе – многочисленных персонажах низшей мифологии. К примеру, уникальным персонажем, представление о котором зафиксировано братьями в Белозерском крае, является полувирица – живущая в лесу голая женщина с длинными косами, прозванная так за своё «полуверие» в Бога [Сказки и песни т. 1 1999, с. 79]. Сведения, собранные талантливыми учёными-этнографами Юрием и Борисом Соколовыми, являются богатым источником для изучение не только народной религиозности, но и культуры, и быта русских крестьян первой половины XX века.

Список литературы

1. Добровольская 2011 – Добровольская В. Е. Экспедиция Ю. М. Соколова в Переяславль-Залесский уезд Владимирской губернии в 1924 году // Тверское фольклорное поле – 2010: доклады и публикации памяти Ю. М. Соколова (1889-1941). Тверь: Тверской гос. ун-т, 2011. С. 7–19.
2. Неизданные материалы 2007 – Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых: 1926–1928: по следам Рыбникова и Гильфердинга. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 2007. 629 с.
3. Неизданные материалы 2011 – Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых: 1926–1928: по следам Рыбникова и Гильфердинга. В 2 т. Т. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 768 с.
4. Русский эротический фольклор 1995 – Русский эротический фольклор. М.: Ладомир, 1995. 640 с.
5. Соколовы 1926 – Соколов Б. М., Соколов Ю. М. Поэзия деревни. М.: Новая Москва, 1926. 170 с.
6. Соколов 2007 – Соколов Ю. М. Русский фольклор. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
7. Смолицкий 1997 – Смолицкий В. Г. Анекдоты из жизни братьев-близнецов Б. М. и Ю. М. Соколовых // Живая старина. 1997. №1. С. 20–23.
8. Сказки и песни т. 1 1999 – Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: В 2 кн. Кн. 1. СПб.: Тропа Троянова, 1999. 800 с.
9. Сказки и песни т. 2 1999 – Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: В 2 кн. Кн. 2. СПб.: Тропа Троянова, 1999. 604 с.
10. Фольклор 2003 – Фольклор Тверской губернии. Сборник Ю. М. Соколова и М. И. Рожновой. СПб.: Наука, 2003. 646 с.

ЧАСТЬ 20
ОБРАЗОВАНИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ: ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ОТВЕТ

УДК 008

ЭПОХА УРОБОРОСА ИЛИ ВЫЗОВ ЧЕЛОВЕКА САМОМУ СЕБЕ

Смирнов Сергей Алевтинович
Доктор философских наук
Институт философии и права СО РАН, главный научный сотрудник
E-mail: smirnoff1955@yandex.ru

Аннотация: В статье показывается специфика современной ситуации, связанной с цивилизационным самоопределением. Она отличается тем, что виновником радикальных вызовов современности выступают не природные катаклизмы, не изменение климата или наводнения, а сам человек, выбравший в качестве приоритета развитие технологий, поскольку именно они с его точки зрения обеспечат ему материальное благополучие. Такое самоопределение связано с победой в западной цивилизации модели человека желания. В этой связи такому вызову должен быть противопоставлен ответ в виде антропологической альтернативы, которую может выработать только другая цивилизация, ставящая в качестве приоритетов духовное развитие, гуманитарный суверенитет, что позволяет ей рассчитывать на гуманитарное лидерство. Именно последнее способно задать миру прочную основу и для технологического развития в стратегической перспективе.

Ключевые слова: человек, вызов, антропология, ситуация человека, место человека, забота, человек желания, искусственный интеллект.

THE AGE OF OUROBOROS OR MAN'S CHALLENGE TO HIMSELF

Smirnov Sergei Alevtinovich
Doctor of Science (Philosophy)
Institute 0f Philosophy and Law of SB RAS, chief researcher
E-mail: smirnoff1955@yandex.ru

Abstract: This article explores the unique nature of the contemporary situation related to civilizational self-determination. It is distinguished by the fact that the radical challenges of modern times are not caused by natural disasters, climate change, or floods, but by humans themselves, who have prioritized technological development because, in their view, it will ensure material well-being. This self-determination is linked to the triumph of the desire-based model of human beings in Western civilization. Therefore, this challenge must be countered by an anthropological alternative, which can only be developed by another civilization, one that prioritizes spiritual development and humanitarian sovereignty, allowing it to count on humanitarian leadership. It is precisely this latter approach that can provide the world with a solid foundation for technological development from a strategic perspective.

Keywords: human being, challenge, anthropology, human situation, human place, care, human of desire, artificial intelligence.

1. Схема, предложенная однажды американцем А. Тойнби для понимания и описания мировых глобальных процессов, Вызов и Ответ, толкает на вполне определенную логику. Логику сказочного нарратива.

Жил-был человек. Все у него хорошо. Он привык к устоявшемуся укладу. И тут вдруг! Война, болезнь, катастрофа. Вызов! Налетает чудище, забирает красавицу невесту – символ порядка. Герой едет за тридевять земель спасать ее. Он должен вернуть ее, иначе порядок не сможет быть восстановлен. В долгом пути ему встречаются волшебные помощники. И вот он находит место, сердце Змея, Чудища, Кащея. И поражает его, ломает иглу Кащея, и красавица спасена. Порядок восстановлен. Все возвращается на круги своя.

Вызов приходит обязательно извне, издалека. Из мест, куда нога человека не ступала. И сам человек в этом Вызове вроде бы не замешан. В Вызове виноваты сторонние, чужие, хтонические силы.

Схема «Космос (Порядок) – Вызов, нарушение Порядка – Хаос – восстановление Порядка», сказочна и относится к родовому Мифу, Началу.

Мы так привыкли мыслить. Тойнби фактически переиначил эту схему. Но в ней ушло сакральное Начало, начало творения мира. Но схема осталась.

Но главное – Человек не виновен в Вызове. В последнем виноваты чужие силы.

2. Когда мы говорим о мировых вызовах, то говорим обязательно в таком залоге: человек столкнулся с глобальными, тотальными вызовами, с которыми он ранее не сталкивался. И в этих вызовах он вроде и не виноват. Эти вызовы обычно связывают с потеплением климата, наводнениями, технологическими катастрофами, с увеличением числа и частоты локальных военных конфликтов, с грядущим голодом в Африке, дефицитом пресной воды, с исчезновением лесов, таянием ледников в Арктике и проч.

Схема рассуждения остается той же: вот человек, он не изменен, он живет в своем мире и порядке, он изначально существо в целом благое и хорошее, его жизнь выступает главной ценностью в мире, но в настоящее время он, снова переживает очередные вызовы, с которыми ранее не сталкивался. Но он должен быть готов к этим вызовам и как-то вырабатывать ответы на эти вызовы.

Допускается, что человек как род изначально и в целом ставит благие цели и имеет благие помыслы, только иногда вдруг появляются злые силы (анонимные!), которые способствуют нарушению порядка. Но в целом человечество по своей природе своими делами несет доброе и созидательное начало.

3. Такая схема привычна и удобна. Но она коварна. Она удобна тем, кто не собирается нести ответственность за свои собственные неблагие деяния. И она коварна, поскольку именно такая логика мешает нам понять глубинные причины действительно глобальных вызовов, с которыми столкнулся современный человек, но, оказывается, он сам и повинен в порождении этих вызовов.

Нет никаких потусторонних злых сил, а есть мы сами, и есть ситуация метаморфоза самого человека, порождающего эту фигуру Чужого, которого мы сами подкармливаем и пестуем, выращиваем своего Минотавра.

4. Современная ситуация характерна тем, что именно в самом человеке нарастают разрушительные изменения. И главное заключается в том, что он сам, человек, отказывается от базовой онтологической нормы – нормы быть. Последнее означает отказ человека от онтологического принципа заботы о себе как духовном сущем и о мире, в котором он появился. Именно такая забота делала человека человеком. Но он отказывается от этого принципа заботы, а значит отказывается от самого себя.

Забота понимается онтологически, как это пытался понять и сделать М. Хайдеггер – как мысль о бытии [Хайдеггер 1991]. Забота предполагает выполнение человеком главного предназначения, мыслить о бытии, поскольку он именно и есть страж бытия, стоящий в его

просвете. Эта мысль о бытии себя, бытии человека (иным бытие быть и не может, а только лишь как бытие человека) предполагает мысль о бытии себя как полном, целостном существе, пребывающем в мире, хранящем мир, ради чего должна осуществляться духовная практика преображения себя из натурального, эмпирического, животного состояния – в сущее духовное и возвышенное.

Такая духовная практика заботы о себе была всегда онтологической нормой для человека. Об этом думали и Сократ, и античные стоики (эпимелейя), и православные монахи, и даосы, и суфии, и буддисты.

5. Но человек с некоторых пор стал делать другой выбор. В силу технологического превосходства западная техногенная цивилизация стала все более и более доминировать в мире. Следствием этого стало доминирование в мировой интеллектуальной мысли сугубо западной, технологически ориентированной логики – логики захвата, то есть логики желания другого. Логика же заботы и попечения о себе и о мире ушла в этой цивилизации на периферию.

6. Все остальные цивилизации в технологическом плане были всегда слабее, а потому были вынуждены долгое время подчиняться западному вызову. Или подражать его соблазну, как это фактически делали многие российские элиты. Но они не могли (не умели, не хотели?) выработать свой адекватный сильный ответ, подчиняясь сценариям и стратегиям, зашитым в западный стандарт и западную технологическую норму, норму техногенно ориентированную – в отличие от человекомерной, человеко-ориентированной духовной нормы заботы, которая была когда-то всеобщей.

7. Вследствие доминирования техногенной цивилизации критериями развития становится не духовное развитие человека, а его материальное благополучие, комфорт, средством развития чего и становится тотальное развитие техники и технологий – в ущерб духовному развитию. Материальный гротескный низ, занимавший в культуре лишь свою часть, становится тотальным. Если в эпоху Возрождения он носил смеховой, созидательный характер высвобождения творческих духовных сил человека, о чем подробно описано у М.М. Бахтина [Бахтин 1990], то постепенно гротескный низ начинает пожирать и всего человека. В первую очередь разгул плоти воплотился в отказе от Бога.

Субъект Р. Декарта становится источником принятия решения. Если я – «вещь мыслящая», и это очевидно, то все остальное сущее, включая других людей и самого Бога – существует лишь постольку, поскольку включены в акты моего мышления. В таком случае весь мир ставится в зависимость от моего акта. В итоге и сам акт мышления был редуцирован до акта желания и потребления. А человек, субъект мысли, трансформировался в субъект желания.

Вещь мыслящая Рене Декарта превратилась в вещь желающую Рене Жирара [Жирар 2016]. Такое желание предполагает обязательное соперничество с другим желанием. Согласно Жирару, я желаю не просто обладать объектом желания (человеком, вещью, властью), но я желаю обладать тем объектом, которым обладает мой соперник. В результате тотальное, неконтролируемое желание, неминуемо переходит в тотальное соперничество, в тотальную войну всех против всех.

8. Критерием развития становится не духовное преображение человека, не нравственность и забота о себе и о другом, а уровень технологического оснащения, поставленного в угоду достижения главной цели – обладание объектом, удовлетворение желания. Венцом такого оснащения в настоящее время становится человеком же созданный, искусственный интеллект (далее – ИИ).

В таком случае человеку грозит не некий внешний, Чужой, независящий от него Враг, а его собственное создание. Оно рукотворно. Не ИИ ему угрожает и делает вызов, а он сам себе угрожает и сам уничтожает себя, отказываясь быть в этом мире, желая уйти из этого мира, отдав свое место иному сущему, которое сам и создал.

9. Западный техногенный человек пытается доминировать в мире, подчиняя себе человека других цивилизаций, навязывая им свой базовый сценарий, во главу угла которого стоит стремление к мировому господству за счет технологического лидерства. Кто будет первый в сфере ИИ, тот будет первым в мире.

Но если мы, представители иной, Российской, северной цивилизации, будем ставить также эту же цель, то мы тем самым повторяем чужой сценарий. И мы тогда будем всегда проигрывать. В настоящее время доминирует именно такой контекст самоопределения – технологический суверенитет и лидерство в сфере ИИ.

Но мало кто говорит про гуманитарный суверенитет и гуманитарное, духовное лидерство. Именно последнее всегда было предметом заботы в российской духовной традиции, включающей диалог культур и конфессий.

10. Схема, предложенная Тойнби, в нашем случае не может быть исходной. Вызову, который бросает себе сам человек, отказываясь от самого себя в пользу постчеловека, должен быть противопоставлен ответ, то есть *антропологическая альтернатива*, воплощенная в национальном проекте Института человек, в рамках которого восстанавливается забота как онтологическая норма, в основании которой лежат духовные практики преображения, подключающие человека к мировым духовным традициям [Институт человека 2018; Смирнов 2025]. Но в таком случае необходимо в корне менять цивилизационный сценарий: именно духовное лидерство и духовный суверенитет вернут России и миру человека. И только такое основание даст нашей цивилизации прочную основу и для технологического развития.

Дряхлеющая западная цивилизация пожирает себя, как тот Уроборос, хватающий свой хвост. Символ мудрости и вечной жизни превратился в суицидальную, маниакальную страсть.

Но когда-то наступит новый праздник возрождения. И тогда кольцо Уробороса будет разомкнуто и вечный миф, загоняющий человека, его мысль, в мифологический тупик, будет преодолен.

Список литературы

1. Бахтин 1990 – Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература. 1990. 543 с.
2. Институт человека 2018 – Институт человека: Идея и реальность / Отв. ред. Г. Л. Белкина. Ред.-сост. М. И. Фролова. Москва: ЛЕНАНД. 2018. 348 с.
3. Смирнов 2025 – Смирнов С. А. В(место) человека. СПб.: Алетейя. 2025. 572 с.
4. Жирар 2016 – Жирар Р. Вещи, сокрытые от создания мира / Пер. с фр. А. Лукьянова, О. Хмелевской. М.: ББИ. 2016. 518 с.
5. Хайдеггер 1991 – Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Политиздат. 1991. 447 с.

УДК 141.3:179.7:314.3

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В УСЛОВИЯХ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

Сидорова Татьяна Александровна
Кандидат философских наук
Новосибирский Государственный Университет, доцент
t.sidorova@g.nsu.ru

Аннотация. Глобальные климатические, технологические, геополитические и антропосоциальные вызовы изменяют привычные основания самоидентификации человека и требуют опережающей перестройки образования. Ключевым элементом такой перестройки становится выработка нового языка коммуникации, позволяющего удерживать сложность, работать с неопределенностью как нормой и рефлексировать антропологические границы технологических изменений. Трансдисциплинарный подход рассматривается в качестве методологической основы для построения антропоориентированных проекций глобальных проблем. На примере биоэтики показан переход от логики предотвращения рисков к оптике удержания противоречий и действия в условиях неопределенности. Демографический кризис (глобальное падение рождаемости до сверхнизких значений) анализируется как концентрированное выражение антропологических вызовов, требующее синтеза демографических данных, этической рефлексии (натализм vs антанатализм) и философского осмысления долга перед будущими поколениями. Университет XXI века призван стать площадкой стратегического антропологического проектирования, выходя за рамки «поставщика кадров».

Ключевые слова: образование, трансдисциплинаносный подход, антропологические вызовы, демографический кризис, натальность

Источники финансирования: «Исследование выполнено за счет гранта РНФ проект №25-28-01278 «Деторождение в условиях цивилизационного макросдвига: философский анализ натализма и антинатализма».

TRANSDISCIPLINARY EDUCATIONAL COMMUNICATION IN THE CONTEXT OF ANTHROPOLOGICAL CHALLENGES

Sidorova Tatyana Aleksandrovna
Novosibirsk State University, Associate Professor
Candidate of Philosophical Sciences

Abstract. Global climatic, technological, geopolitical, and anthroposocial challenges are eroding the traditional foundations of human self-identification and call for a proactive transformation of education. A key element of this transformation is the development of a new language of communication capable of accommodating complexity, treating uncertainty as a norm, and reflecting on the anthropological boundaries of technological change. A transdisciplinary approach is considered as a methodological foundation for constructing anthropologically oriented projections of global problems. Using bioethics as an example, the shift from a logic of risk prevention to an approach focused on sustaining contradictions and acting under conditions of uncertainty is demonstrated. The demographic crisis (the global decline in fertility to extremely low levels) is analyzed as a concentrated expression of anthropological challenges, requiring a synthesis of demographic data, ethical reflection (natalism vs. antinatalism), and philosophical reflection on the responsibility toward future generations. The 21st-century university is called upon to become a

platform for strategic anthropological design, moving beyond its traditional role as a "provider of workforce."

Keywords: education, transdisciplinary approach, anthropological challenges, demographic crisis, natality

The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant, project No. 25-28-01278 "Childbirth in the context of a civilizational macroshift: a philosophical analysis of natalism and antinatalism."

Комплексные глобальные вызовы (климатические, технологические, геополитические, антропосоциальные) приводят к размыванию прежних оснований для самоидентификации человека: он оказывается в мире, где привычные матрицы передачи знания и механизмы социализации не могут быть реализованы и требуют фундаментальной перенастройки. В таких условиях образование должно уже не просто адаптироваться к изменениям – встаёт задача опережающего реагирования, составной частью которого является выработка нового языка коммуникации. Трансдисциплинарный подход содержит методологические средства для обсуждения проблем современного мира, затрагивающих не только глобальное человечество, но и самопонимание индивида; он оказывается востребован в контексте антропологического перехода в образовании в связи с аксиологическими трансформациями [Гусельцова 2022]. В рамках трансдисциплинарности возможно построить антропоориентированные проекции в представлении глобальных вызовов. Именно положение человека в сложностном мире должно стать фокусом, интегрирующим научные данные и социально-гуманитарные оценки, этические сомнения и нормативные измерения.

Язык коммуникации антропологических вызовов должен разрешать по меньшей мере три ключевые проблемы: удержание сложносоставности в репрезентации этих вызовов с позиции различных наук и других форм знания; продуктивное обращение с неопределённостью, неоформленностью, незавершённостью систем знания о мире и образов будущего; антропологическую рефлексию последствий технологических сдвигов для человеческого в человеке.

Диагностика рисков, обусловленных бурным развитием биомедицинских, информационных и коммуникационных технологий, которые влекут за собой значительные изменения в укладе жизни и самопредставлении человека, стала заметным фактором социогуманитарных исследований. Сформировалась прикладная отрасль науки о рисках, накапливались знания и подходы к работе с ними, возникли образовательные дисциплины, транслирующие эти знания. Примером может служить биоэтика в медицинском образовании, быстрое распространение которой стало прямым ответом на вызовы, связанные с развитием биотехнологий, стремительно изменявших отношения в медицине. Некоторые из этих изменений оказывали влияние на социальные устои и привычные представления о границах человеческой жизни, системах родства, неизменности и постоянстве человеческой телесности. Биоэтику можно рассматривать в качестве академической и образовательной дисциплины, трансдисциплинарной по методу и способам коммуникации [Гребенщикова 2012].

Однако сегодня требуется не просто выявление очередных рисков, но смена оптики: переход от «решения проблем» и предотвращения рисков к культивированию способности удерживать противоречие рисков и возможностей новых технологий и действовать в отсутствие полной ясности. Именно эта задача становится центральной для антропологически и трансдисциплинарно ориентированной модели образования.

Антропологические вызовы – это изменения и риски, которые ставят под вопрос устоявшиеся представления о человеке, его природе, границах, возможностях и его месте в настоящем и будущем мире. Они возникают на стыке технологических, экологических, социальных и ценностных сдвигов; поэтому мы выделяем биоантропологические, техноантропологические, информационно-эпистемологические, экзистенциально-политические и эколого-антропологические вызовы. Демографический кризис можно рассматривать как концентрированную форму выражения антропологических вызовов.

Обсуждение этических дилемм в биоэтике демонстрирует сложность междисциплинарной коммуникации. «Феномен и смысл жизни оказываются невыразимыми для языка современной науки, в первую очередь биологии» [Моисеев, Моисеева 2011, с. 22], – утверждают философы. Со своей стороны, представители конкретно-научного знания адресуют гуманитариям сомнения в их экспертном статусе [Emmerich 2009]. Полагаем, что важной миссией гуманитарных специалистов в трансдисциплинарном переходе в образовании является формирование понятийного континуума – прокладывание мостиков между концептами, которые оказываются в поле сопряжения, когда возникает задача инкорпорирования актуальной научной проблематики, связанной с антропологическими вызовами. Структурирование понятийного поля в трансдисциплинарной методологии не имеет однозначного решения и допускает изменение диспозиции понятий в структуре. Можно говорить о концептуальной и контекстуальной методике в работе с понятийным аппаратом. Например, если выделяется группа понятий, обладающих «ядерным» потенциалом, вокруг которых формируются дериваты концептов и смыслов, то данная структура будет необходима исходя из контекста или условий задачи. Трансдисциплинарная стратегия требует гибкого и реактивного режима в использовании понятий. При применении такой текучей стратегии возникает риск «рассеивания» обсуждаемых вопросов в многообразии контекстов. Удержанию семантического единства, направленного на продуктивную интеграцию образовательной коммуникации, будут служить практические цели, авторская метапозиция и, не в последнюю очередь, педагогическое мастерство по выстраиванию ситуационного единства из различных понятий.

Современные каналы образовательной коммуникации – это уже не столько узконаправленные векторы трансляции научных знаний, сколько своего рода центробежные концептуальные точки, облачные сингулярности смыслов, вступающие в сложнейшие семантические интерференции и усиливаемые процессами многополярного производства разнородных образов. Такой язык должен формировать у студентов готовность к навигации в гибридных пространствах (онлайн/офлайн, реальное/виртуальное, естественное/искусственное); к критическому синтезу знаний из разнородных источников; к осознанному действию в ситуациях, где само положение человека в современном мире становится открытой проблемой.

Язык трансдисциплинарной коммуникации должен удерживать сложность, т.е. позволять высказывать, обсуждать и передавать противоречивые, контекстуально зависимые, многофакторные ситуации без потери точности. На повестку выходят задачи создания языковых практик по работе с неопределённостью. В классических моделях коммуникации неопределённость воспринималась как дефект, ассоциированный с неполнотой информации. Новый язык должен встроить неопределённость как норму, научить не только допускать, но и выражать многозначность, временные и условные суждения, обратимые решения, вероятностные сценарии [Киященко 2024].

Антропологическая рефлексия должна стать функцией трансдисциплинарной коммуникации антропологических вызовов. Интенсивные технологические преобразования, такие как биотехнологические интервенции, использование искусственного интеллекта, достижения нейронаук, размывают границу человеческого и нечеловеческого. Новый язык должен давать средства для рефлексии этого состояния, не впадая в технооптимизм или алармизм.

Ещё одна важная особенность связана с тем, что глобальные вызовы фрагментируют дискурс. Существует язык научных данных, язык политики, язык психологии, язык информационных технологий. Новый язык коммуникации должен обеспечивать переводимость между ними и создавать пространство, где возможен конфликт интерпретаций без разрушения коммуникации. Это требует пересмотра самого понятия «языковая компетенция» в образовании. Таким образом, через трансдисциплинарный переход в образовании должна сформироваться коммуникация, которая позволит одновременно удерживать сложность, легитимировать неопределённость, рефлексировать антропологические границы технологий и действовать в гибридных средах – при том, что она (коммуникация) должна объединять людей, находящихся в разных онтологических и ценностных универсумах. Без новых средств коммуникации любые инновации в образовании останутся техническими улучшениями устаревшей машины социализации.

Иллюстрацией биоантропологических вызовов является демографический кризис, связанный с резким снижением темпов рождаемости во всём мире. Ведущими международными организациями по долгосрочному прогнозированию рождаемости (IHME, IIASA и Отдел народонаселения ООН) отмечено, что с начала 2010-х годов резко изменились темпы снижения рождаемости во всех без исключения государствах мира: в более чем тридцати странах на женщину приходится 1,3 ребёнка. В Восточной и Юго-Восточной Азии в 2023 году отмечаются сверхнизкие уровни рождаемости (0,9 ребёнка на женщину) [Кишенин и др. 2024]. Отметим, что для уровня простого воспроизводства населения необходимо 2,05–2,15 ребёнка на женщину. Речь идёт о глобальном сценарии. Во всём мире может установиться сверхнизкая рождаемость. Сценарий конвергенции рождаемости, предполагающий долгосрочное и устойчивое снижение рождаемости до очень низких значений и закрепление их на уровнях ниже 1,25–1,30 ребёнка на женщину, учёные называют моделью ловушки низкой рождаемости (low-fertility trap hypothesis). Согласно этому прогнозу, столь низкие значения рождаемости могут наблюдаться несколько столетий, что приведёт к сокращению численности населения планеты к 2200 году до 1,8–2,6 млрд человек, а к 2300 году – к возврату к численности населения Земли, характерной до демографического перехода, то есть до 300–500 млн человек [Coleman, Rowthorn 2011; Lutz et al. 2013].

Для университетского образования обсуждение демографического вызова является сложносоставной задачей научного, этического, социального, экзистенциального и институционального характера. В современном интеллектуальном ландшафте обостряется один из самых фундаментальных и болезненных вопросов – о ценности и целесообразности человеческого существования как вида. Именно здесь сталкиваются натализм (установка на утверждение и поддержание жизни, вера в прогресс и способность человека преодолевать кризисы) и антинатализм (критическая позиция, ставящая под сомнение моральную оправданность продолжения рода из-за неизбежности страданий, экологического ущерба или приоритета личностной самореализации). В дискурсе о проблемах низкой рождаемости оказываются востребованы не только демографические данные и выводы социологов об изменениях в жизненных стратегиях индивидов, но и философские теории, так или иначе

обосновывающие ценность натальности [Арендт 2000]. Вопрос о противостоянии натализма и антанатализма нужно рассматривать на уровне синтеза между наталистической установкой на уникальность появления новой человеческой жизни и антинаталистической критикой, способной указать на уязвимые стороны человеческого воспроизводства в условиях конвергенции глобальных проблем.

Важными вопросами, которые также могут стать точками развертывания темы ценности деторождения, являются: как демографические сдвиги в поколенческой стратиграфии должны трансформировать миссию университета – от «образования молодёжи» к «образованию на протяжении всей жизни» и созданию инклюзивной интеллектуальной среды для всех возрастов? Должна ли современная университетская этика включать в себя вопросы долга перед будущими поколениями и, если да, то в какой форме – экологической, демографической, культурной? Какие новые образовательные модели и междисциплинарные программы (на стыке экологической философии, биоэтики и исследований науки и технологий) могут возникнуть в ответ на этот вызов? Способен ли университет XXI века предложить новый объединяющий метанарратив, который преодолел бы тупиковую, на первый взгляд, оппозицию «за» или «против» человечества, и если да, то на каких основаниях? Какой сегодня должна быть «прокреативная справедливость» [Magnusson 2016], обеспечивающая равный доступ к деторождению и родительству для всех групп населения, и как должна распределяться ответственность за воспитание детей между семьёй, обществом и государством? Университет уже не может ограничиваться функцией «поставщика кадров» для текущей экономики. Он должен стать площадкой, где закладываются философские, этические и ценностные основания для долгосрочного существования человечества. Это требует выхода за узкие дисциплинарные границы и интеграции демографического прогнозирования, биоэтической рефлексии и экологической философии в стратегическое планирование.

Список литературы

1. Арендт 2000 – Арендт, Х. Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. с англ. и нем. В. Бибихина. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.

2. Гребенщикова 2012 – Гребенщикова, Е.Г. Философско-методологическое обоснование трансдисциплинарной парадигмы в биоэтике: автореф. дис. … д-ра филос. наук. М., 2012. 42 с.

3. Гусельцева 2022 – Гусельцева, М.С. Человек и мир в ситуации изменений: трансдисциплинарный подход // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 1. С. 12-34.

4. Кишенин и др. 2024 – Кишенин П.А. и др. Темпы снижения рождаемости возрастают по всему миру: ловушка низкой рождаемости всё вероятнее? // Демографическое обозрение. 2024. Т. 11. № 4. С. 4-43.

5. Киященко 2024 – Киященко, Л.П. Язык культурного многообразия в перспективе обновленного синтеза // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 2. С. 143-151.

6. Моисеев, Моисеева 2011 – Моисеев, В.И., Моисеева, О.Н. В смысловом пространстве биологоса: основные концепты // В пространстве биологоса: Коллективная монография. СПб.: Изд. дом «Міръ», 2011. 283 с.

7. Coleman, Rowthorn 2011 – Coleman, D., Rowthorn, R. Who's afraid of population decline? A critical examination of its consequences // Population and Development Review. 2011. No 37. P. 217–248.

8. Emmerich 2009 – Emmerich, N. On the ethics committee: The expert member, the lay member and the absentee ethicist // Research Ethics. 2009. Vol. 5. No 1. P. 9-13.

9. Lutz 2013– Lutz W. et al. Very long range global population scenarios to 2300 and the implications of sustained low fertility // Demographic Research. 2013. No 28(39). P. 1145-1166.

10. Magnusson 2016 – Magnusson E. et al. Procreative Justice: The Ethics of Creating and Raising Children. Oxford University Press, 2016. 256 p.

УДК 17

ТРАНСЛЯЦИЯ РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК В МАССОВОМ ДИСКУРСЕ

Лидман Марита Викторовна
Исследователь
Новосибирский государственный университет
E-mail: marita.v.lidman@gmail.com

Аннотация: В статье исследуются способы распространения репродуктивных установок в массовом дискурсе. Показано, что основным каналом распространения философского антинатализма является преимущественно вербальный канал коммуникации, тогда как в массовом дискурсе все большую роль играет видеоконтент, который распространяется посредством сети Интернет. Особое внимание уделяется феномену негативной предвзятости. Рассматривается влияние новостных медиа на формирование репродуктивных установок, в которых нередко транслируются тревожные сюжеты о насилии, бедности, экономических трудностях, социальных и экологических катастрофах. Отмечается, что современная молодежь в основном ориентирована на родительство, однако отказывается заводить детей в условиях неопределенности и финансовых рисков, что формирует так называемый «условный натализм». При этом подчеркивается, что в сети Интернет активно представлен и позитивный контент, связанный с деторождением. Однако некорректно выстроенная стратегия эмоционального воздействия может привести к обратному эффекту, поскольку воспринимается частью аудитории как не соответствующая их социальному опыту.

Ключевые слова: антинатализм, информационное воздействие, репродуктивные установки, каналы коммуникации, феномен негативной предвзятости

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №25-28-01278) «Деторождение в условиях цивилизационного макросдвига: философский анализ натализма и антинатализма».

TRANSLATION OF REPRODUCTIVE ATTITUDES IN MASS DISCOURSE

Lidman Marita Viktorovna

Researcher
Novosibirsk State University

Abstract: The article explores ways of spreading reproductive attitudes in mass discourse. It is shown that the main channel for the dissemination of philosophical anti-natalism is mainly the verbal communication channel, whereas video content, which is distributed via the Internet, plays an increasingly important role in mass discourse. Special attention is paid to the phenomenon of negative bias. The article examines the influence of news media on the formation of reproductive attitudes, which often broadcast disturbing stories about violence, poverty, economic difficulties, social and environmental disasters. It is noted that modern youth is mainly focused on parenthood, but refuses to have children in conditions of uncertainty and financial risks, which forms the so-called "conditional natalism". At the same time, it is emphasized that positive content related to childbirth is actively presented on the Internet. However, an incorrectly constructed strategy of emotional impact can lead to the opposite effect, since it is perceived by part of the audience as not corresponding to their social experience.

Keywords: anti-natalism, informational influence, reproductive attitudes, communication channels, negativity bias

Деторождение и связанные с ним вопросы являются предметом активных дискуссий как среди обывателей, так и в научном сообществе. Такой интерес в первую очередь обусловлен устойчивым снижением уровня рождаемости — тенденцией, которая характерна практически для всех стран мира, включая Российскую Федерацию [Кишенин и др. 2024, с. 3]. Поскольку эта проблема затрагивает все слои общества, возникает потребность рассмотреть деторождение в качестве ценности и описать причины его обесценивания в современном обществе.

В современном интеллектуальном дискурсе в отношении к деторождению выделяются две противоположные концепции: натализм и антинатализм. Их противопоставление позволяет осмыслить антинатализм не только как философскую позицию, но и как симптом тенденций современной демографии, закономерную реакцию на социальные, экологические и экзистенциальные кризисы, которые порождают коллективную тревогу и находят рациональное выражение в отказе от деторождения.

Одним из ключевых современных представителей антинатализма является Дэвид Бенатар, чья книга «Лучше было бы не родиться: о вреде появления на свет», задала направление дальнейшему развитию данного дискурса. Используя аналитические методы, развитые в моральной философии и биоэтике, Бенатар путем последовательного выдвижения аргументов доказывает, что объективно существует асимметрия удовольствия и страдания: страдание – это всегда плохо; тогда как удовольствие, если его не будет, вследствие не появления на свет, это не плохо и ни хорошо. Так он обосновывает тезис о моральной предпочтительности нерождения.

Опираясь на классификацию манипуляций, предложенную А. В. Литвиновой и Д. А. Парфеновой [Литвинова, Парфенова 2020, с. 508], мы показали, что аргументация автора сопровождается рядом приемов, усиливающих убедительность выдвигаемых им тезисов [Лидман 2025, с. 715]. Среди них можно выделить удержание контакта, утаивание и искажение информации, мотивационное обеспечение и повышение собственного статуса. Такой избирательный подход к аргументации, включая критику религиозных и культурных норм, искажение исторических сведений и биологических концепций, а также предвзятое

отношение к традиционным ценностям, направлен на подкрепление заранее установленной позиции, а не на объективный анализ темы. Это поднимает вопрос о достоверности и непредвзятости его выводов, а также о корректности методов, которыми он их обосновывает.

Примечательно, что философская концепция антинатализма преимущественно ограничена вербальными средствами коммуникации (к которым относятся текст и речь). Однако важно учитывать, что границы научного и массового дискурсов в эпоху социальных сетей легко проницаемы. Это значит, что идеи, близкие к антинатализму, могут проникать в массовое сознание не только через философские тексты.

В обыденном языке негативные в отношении к деторождению установки закрепляются через обозначения, которые, по сути, легитимизируют дискриминацию таких уязвимых социальных групп, как женщины с детьми. К числу таких обозначений относятся:

«старородящая» — устаревшее обозначение женщины, которая впервые стала матерью после 24 лет [Серова и др. 2020, web];

«разведенка с прицепом» — обесценивает статус разведенной женщины, представляя ее ребенка как обузу.

Распространение подобных оскорбительных стереотипов снижает ценность брака и деторождения в глазах общества и, следовательно, пагубно влияет на мотивацию к созданию устойчивых отношений и рождению детей.

Вне научного дискурса существуют схожие с антинатализмом течения, которые наиболее успешно распространяются не через текстовые, а через визуальные каналы коммуникации. К таким каналам относятся картинки, мемы и инфографики, а также короткие и длинные видеоролики (в том числе художественные и документальные фильмы). При этом наибольшей популярностью у пользователей пользуется именно видеоконтент. Так, согласно результатам опроса сервиса «Анкетолог», в Российской Федерации большинство россиян (77%) ежедневно уделяет просмотру видеороликов больше одного часа в день. Среди форматов контента лидируют полнометражное кино и сериалы (про них упомянули 62% респондентов) и короткие видеоролики длительностью 1–2 минуты (49% респондентов) [ТАСС 2026, web]. Эта тенденция носит глобальный характер: так, в 2019 году количество видеопубликаций, потребляемых человеком в день, только в США увеличилось на 94% [Сухачев 2020, web]. Так что нет ничего удивительного, что в социальных сетях произошел неизбежный сдвиг в сторону видеоконтента.

Значительной популярностью в Интернете пользуется видеоконтент, посвященный острым социальным проблемам. Среди наиболее востребованных тематик выступают вопросы, связанные с рождением и воспитанием детей. При этом, с учетом феномена негативной предвзятости [Rozin, Royzman 2001, p. 297], согласно которому люди склонны уделять большее внимание информации с негативной эмоциональной окраской, активнее распространяются те видеоматериалы, которые акцентируют на проблемах данных сфер. В частности, заметный интерес вызывают ролики, освещающие случаи домашнего и акушерского насилия, т. н. «противозачаточные видео», в которых демонстрируются примеры эмоционального поведения или плохого воспитания детей, а также ролики, демонстрирующие недостаточную эффективность государственных механизмов защиты женщин с детьми как социально уязвимой группы населения.

В качестве еще одного яркого примера рассмотрим новостные медиа. Зачастую ключевой целью такого формата является максимальная вовлеченность аудитории и высокие показатели просмотров. Опираясь на феномен негативной предвзятости, согласно которому негативной информации придается большее значение по сравнению с позитивной, в новостях

часто транслируются тревожные сюжеты о домашнем насилии, бедности, экономических трудностях, социальных и экологических катастрофах. Такой медиапоток оказывает большое влияние на репродуктивные решения: современная молодежь зачастую хочет иметь детей, но сознательно откладывает родительство из-за отсутствия стабильности и финансов. Это формирует т. н. «условный натализм», ситуацию, когда люди хотели бы иметь детей, но не заводят их из-за отсутствия подходящих условий для их рождения и воспитания.

Все это не означает, что в сети Интернет отсутствует контент, транслирующий позитивные установки в отношении деторождения. Значительное распространение получают также материалы с участием младенцев и маленьких детей, апеллирующие к эмоциональной вовлеченности аудитории, примеры хороших (в т. ч. геройских) поступков, которые совершают дети. Также к числу востребованных форматов относятся видео, демонстрирующие повседневные практики ухода и воспитания и модели позитивного родительского поведения, включая примеры активного участия отцов в процессе воспитания детей. Однако некорректно выстроенная стратегия эмоционального воздействия может привести к эффекту, обратному ожидаемому. Реакция при этом может носить как спонтанный характер, основанный на эмоциональных реакциях, так и осознанный (т. е. быть результатом критического переосмысления транслирующего сообщения). Ярким примером является социальная реклама, направленная на отказ от абортов, в т. ч. с использованием эмоционально насыщенных образов (например, изображений младенцев). В условиях недостаточной эффективности государственных механизмов социальной поддержки, направленной на поддержку беременных женщин и женщин с детьми, подобные сообщения могут интерпретироваться частью аудитории как несоответствующие их социальному опыту. В массовом дискурсе часто звучат опасения, связанные с возможным ограничением доступа к безопасным репродуктивным услугам и риском их перехода в нелегальное поле, а также с потенциальным давлением на женщин, включая пострадавших от насилия, с целью ограничения доступа к таким процедурам.

На основании всего вышесказанного можно сделать несколько выводов:

1. Несмотря на то, что философская концепция антинатализма распространяется преимущественно через вербальные каналы коммуникации, близкие ей идеи могут проникать в массовое сознание не только через философские тексты.
2. Снижение ценности брака и деторождения в массовой культуре можно зафиксировать через языковые обозначения и видеоконтент, посвященный острым социальным проблемам.
3. На негативные установки по отношению к деторождению влияют как новостные медиа, так и недостаточная эффективность государственных методов защиты беременных женщин и женщин с детьми.
4. В информационном потоке есть контент, транслирующий позитивные установки в отношении деторождения. Однако некорректно выстроенная стратегия эмоционального воздействия может привести к эффекту, обратному ожидаемому.

Список литературы

1. Бенатар 2006 – Бенатар Д. Лучше никогда не быть. О вреде появления на свет [Электронный ресурс]. 2006. URL: (дата обращения: 10.01.2025).
2. Кишенин и др. 2024 – Кишенин П. А., Зинина А. И., Максимова Т. А. Темпы снижения рождаемости возрастают по всему миру: ловушка низкой рождаемости всё вероятнее?

// Демографическое обозрение. 2024. Т. 11. № 4. С. 4–43. URL: https://demreview.hse.ru/article/view/24288/20254 (дата обращения: 14.04.2026).
3. Лидман 2025 – Лидман М. В. Манипулятивный потенциал антинаталистской философии (на примере книги Д. Бенатара «Лучше никогда не быть. О вреде появления на свет») // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: труды V Междунар. науч. конф. М.: Русское общество истории и философии науки, 2025. С. 713–717.
4. Литвинова, Парфенова 2020 – Литвинова А. В., Парфенова Д. А. Манипуляция и защита от манипуляции среди лиц студенческого возраста // Психология XXI века: актуальные вызовы и достижения: сб. ст. участников междунар. науч. конф. молодых учёных / под ред. А. В. Шаболтас. СПб: Скифия-принт, 2020. С. 506–514. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42788954 (дата обращения: 15.02.2025).
5. Серова и др. 2020 – Серова О. Ф. Серова О. Ф., Седая Л. В., Шутикова Н. В. Исходы беременности у женщин в старшем репродуктивном возрасте / // Доктор.Ру. 2020. Т. 19. № 1. С. 12–15. URL: https://journaldoctor.ru/catalog/akusherstvo/iskhody-beremennosti-u-zhenshchin-v-starshem-reproduktivnom-vozraste/ (дата обращения: 14.04.2026).
6. Сухачев 2020 – Сухачев А. А. Визуальный способ коммуникации как наиболее эффективный инструмент продвижения продукта // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей StudNet. 2020. № 10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnyy-sposob-kommunikatsii-kak-naibolee-effektivnyy-instrument-prodvizheniya-produkta/viewer (дата обращения: 20.04.2026).
7. Юсупов, Ахмадиева 2024 – Юсупов И. А., Ахмадиева А. Ф. Вербальные и невербальные аспекты деловых коммуникаций // Вестник науки. 2024. № 12 (81). Т. 3. С. 516–521. URL: https://www.xn----8sbempclcwd3bmt.xn--p1ai/archiv/journal-12-81-3.pdf#page=516 (дата обращения: 20.04.2026).
8. ТАСС 2026 – Anketolog.ru: почти 80 % россиян тратят на просмотр видео более часа в день // ТАСС. 2026. 19 марта. URL: https://tass.ru/obschestvo/26827437 (дата обращения: 20.04.2026).
9. Rozin, Royzman 2001 – Rozin P., Royzman E. B. Negativity bias, negativity dominance, and contagion // Personality and Social Psychology Review. 2001. Vol. 5. P. 296–320.

УДК 167.7

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ И ЦЕЛОСТНОСТЬ: ОБРАЗ, ВООБРАЖЕНИЕ, ОБРАЗОВАНИЕ

Киященко Лариса Павловна,

Доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник Института философии РАН
E-mail: larisakiyashchenko@gmail.com

Аннотация. В тезисах поставлена задача исследовать этимологическую и смысловую связь корня “образ-“, формирующего общий контур образования и воображения. Ключевую роль здесь играет трансдисциплинарный подход, означающий выход за рамки отдельных дисциплин к целостному познанию. Строится следующая логика: от "образа", выступающего единицей целостного к "воображению" как трансдисциплинарной силе синтеза, затем к "образованию" как восстановлению и развитию этой целостности в человеке и, наконец – к синтезу и практическому следствию в виде нового типа образовательной среды. Использована интервальная концепция (М.М. Новоселов, Ф.В. Лазарев), началом которой служит онтологическая идея «квантованности» структуры бытия. Другими словами, речь идет о множественных образах онтологических представлений о доподлинной реальности. Конфигурация бытия в этом случае включает в себя «онтологические разрывы», границы существования «множества возможных и актуальных миров». Представление о бытии как целостности не отбрасывается, но целостность понимается принципиально иначе, а именно как многомерная сущность. Образ воплощения которой всякий раз выбирается (измеряется) через отношение между образом, воображением, образованием как культивированной способности к изменению в (стерео)оптике трансдисциплинарности.

Ключевые слова: образ, воображение, образование, оптика, трансдисциплинарность, интервальный подход, трансдисциплинарная педагогика.

TRANSDISCIPLINARITY AND INTEGRITY: IMAGE, IMAGINATION, EDUCATION

Larisa Kiyashchenko

Dr Sc. (Philosophy), Leading Researcher
Institute of Philosophy of RAS

Abstract. This paper aims to explore the etymological and semantic connections between the root "image-," which forms the general outline of education and imagination. A transdisciplinary approach plays a key role here, signifying a move beyond individual disciplines toward holistic cognition. The following logic is developed: from "image," which serves as a unit of the holistic, to "imagination" as a transdisciplinary force of synthesis, then to "education" as the restoration and development of this integrity in man, and, finally, to synthesis and practical consequence in the form of a new type of educational environment. The interval concept (M.M. Novoselov, F.V. Lazarev) is used, the beginning of which is the ontological idea of the "quantization" of the structure of being. In other words, we are talking about multiple images of ontological ideas about authentic reality. The configuration of being in this case includes "ontological gaps," the boundaries of the existence of "a multitude of possible and actual worlds." The concept of being as a whole is not discarded, but wholeness is understood fundamentally differently, namely as a multidimensional essence. The image of its embodiment is each time chosen (measured) through the relationship between image, imagination, and education as a cultivated capacity for change within the (stereo)optics of transdisciplinarity.

Keywords: image, imagination, education, optics, transdisciplinarity, interval approach, transdisciplinary pedagogy.

Введение. В современном философском дискурсе всё более актуальной становится проблема поиска новых форм познания, способных преодолеть дисциплинарные и

методологические барьеры. Центральным для нашего размышления выступает корень «образ», этимологически и семантически связывающий такие фундаментальные понятия, как «образ», «воображение» и «образование. В этом ряду «образ» – не просто иллюстрация или отражение, а целостная единица смысла, голограмма реальности, интегрирующая физическое, ментальное и символическое. Трансдисциплинарность здесь – не модный термин, а ключевая оптика, позволяющая выйти за пределы отдельных наук к целостному, многомерному видению мира. Мы выстраиваем следующую логическую цепочку: от «образа» как базовой целостности — к «воображению» как трансдисциплинарной силе синтеза, затем к «образованию» как процессу восстановления и развития этой целостности в человеке, и, наконец, к синтезу, порождающему новый тип образовательной среды, ориентирующийся на сочетание дисциплинарно, аналитически расчлененного, погруженного в проблематизацию жизненного мира.

В качестве теоретической рамки мы опираемся на интервальную концепцию (М. М. Новоселов, Ф. В. Лазарев) [Лазарев 2019; Новоселов 2010]. Начальный замысел концепции в онтологической идее «квантованности» структуры бытия. С этой точки зрения бытие предстает не монолитным. Оно дано в конфигурации «онтологических разрывов», границ между множеством возможных и актуальных миров. Целостность при этом понимается принципиально иначе – как многомерная сущность, где каждый образ есть результат выбора, измерения, отношения между образом, воображением и образованием. Такая постановка актуализирует проблему мереологии в оптике трансдисциплинарности, а именно – сочетание целостности из несочетаемых, различенных его частей.

1. Жизненно-практическая стилистика философствования: хронотоп действия. Философия XXI века переживает жизненно-практический поворот. Дискурсивные практики современной науки демонстрируют: масштабные, многомерные и сверхсложные исследовательские задачи требуют не только теоретических абстракций, но и умения действовать в условиях неопределенности. Это понуждает философствующих ученых развивать способность к критическому мышлению – различению «своего и иного», к использованию стратегий, допускающих инновационные подвижки по отношению к изменяющемуся объекту рассмотрения. В этом контексте мы наблюдаем пересечение изменяющихся траекторий современной методологии науки с онтологическими образами предметного поля практической философии. Стилистика нарратива, включающего возможность частичной формализации трансдисциплинарности (ТР), становится доминирующей. Оптика рассмотрения как самой ТР, так и её возможностей применения убедительно показывает недостаточность бинарной логики диалектического синтеза. Диалектика в ряде случаев оказывается ловушкой «иерархического монизма»: борьба двух начал подчиняется третьему, якобы высшему состоянию. В эпоху постмодерна и глобальных рисков, с возникновением сложных систем естественного и искусственного, не менее сложных этических дилемм, рассматриваемых в биоэтике и других видах прикладной этики, такая оптика не всегда эффективна. Интервальный подход как наследник деликатного «снятия» с сохранением (Гегель) предлагает «мерцающую причинность», чутко реагирующая на изменчивость и становление существующих границ, как пределов того, что есть. Это не обновление трех законов диалектики, а отказ от закономерного финала в пользу процессуального удержания сложности чтойности. Итак, следуя за исходным положением интервальной концепции о том, что структура бытия дискретна («квантована»), а конфигурация бытия включает «онтологические промежутки» и допускает существование множества миров, как возможных, так и действительных. При этом бытие не перестаёт

мыслиться как нечто целостное, однако сама эта целостность понимается как многомерная, для этого следует пересмотреть смысл познания: познать нечто – значит не просто исследовать часть из общей картины, а установить пределы интервала, изучить то, что эти пределы формирует, и проложить путь наружу, к более масштабной системе связей. В основе лежит идея многомерности любого объекта научного познания: он может быть исследован с разных интеллектуальных перспектив, каждая из которых предполагает свой набор абстракций и дискурс, исходя из прилагаемых обстоятельств, контекста. Многомерна и сама познавательная деятельность человека: она реализует себя в ориентации на отслеживание процессов становления порядка в ситуациях неопределенности, пребывания в cases. Синергетика трансдисциплинарного взаимодействия разворачивается между двумя пределами: «бытием в становлении» и «становлением бытия» — ключевая диспозиция креативности. Интервальный подход (ИП) – это неустойчивая самонастраивающаяся процедура, ориентированная на обстоятельства становления определенной ситуации [Киященко 2013]. Вопрос об ИП как о «мере предметной истинности» не имеет однозначного ответа: границы применимости понятий открыты к их перформативности. Исчисление в широком смысле (по Хайдеггеру) – это не только цифровые операции, но и принятие в расчет, ожидание результата в будущем. Отдельные картины не сливаются в одном полотне, а образуют сложно иерархизированную голографическую модель, где каждый интервал претендует на свою истину о человеке [Киященко, Моисеев 2009]. Частная перспектива оправдывается и отвергается одновременно из-за неизбежной абсолютизации своего ракурса. Промежуточная позиция в рамках интервального подхода — это не просто усреднённое значение, а «включённое третье» – пространство для выхода за пределы, изначально присутствующее в любой паре противоположностей. Это действие осмысляется как несубстанциальное ядро субъектности. Восстановление (актуализация) субъектности является необходимым условием для преодоления поляризации. Выход за пределы открывает смысловое пространство языка и мышления, создавая основу для диалога между разными полюсами. Это можно назвать «полилектикой: противоречие не снимается в одном итоге, а создает сеть напряжений, удерживающих живое, становящееся знание.

2. Образ как голограмма реальности. В трансдисциплинарной оптике образ перестает быть «merely» иллюстрацией или отражением объекта. Он обретает статус голограммы реальности, существуя на стыке физического, ментального и символического. Образ одновременно принадлежит науке, искусству и внутреннему опыту. Руководствуясь логикой включенного третьего (Николеску), образ не подчиняется бинарной логике «истинно/ложно»: он одномоментно содержит объективный факт и его субъективное преломление. Преломляясь, он получает статус концепта (С.С. Неретина), зачин возможности концептуализации всякий раз заново. Это не застывшая форма, а динамическая резонансная структура, соединяющая внешнее вещество мира с внутренней тканью сознания. Образ — это узор смысла на границе разных уровней реальности. Разрабатывается идея голографического образа человека, объединяющего различные уровни бытия в схематизме вариативного инварианта.

3. Воображение как орган кросс-фертилизации. Сквозь призму трансдисциплинарности воображение трактуется не как праздная фантазия, а как фундаментальная когнитивная способность к производству новых образов путем пересечения несводимых друг к другу областей знания. Такой подход фундаментализирует исследование, вводя представление об онтологии и логике трансдисциплинарных исследований. Возникает напряжение порождения нового между разнородными составляющими: структуры из квантовой физики подпитываются аутопоэзисом, полифония дисциплинарных разноречий

сопрягается в целостный образ. Воображение — метод удержания предельного напряжения между рациональным и иррациональным, алгоритмическим и интуитивным. Оно производит порождающие образы-аттракторы, вокруг которых самоорганизуется трансдисциплинарное исследование.

4. Образование как восстановление целостного образа. Этимологически «образ-ование» раскрывается как процесс выявления и восполнения образа человека в его космической, социальной и духовной полноте. Воображение срабатывает как орган кросс-фертилизации — порождающее начало гибридной реальности. В трансдисциплинарной педагогике это означает решительный уход от конвейерной передачи дробных сведений к проживанию знания как живого единства в становлении. Цель — не натаскивание на компетенции, а раскрытие способности видеть мир как связное смысловое поле без фасадных границ между естественными науками и метафизикой. Это школа научения схватывания целостности: умение оперировать избыточностью, неопределенностью и парадоксальностью сложных образов. Последнее в трансдисциплинарной педагогике в наши дни может быть помечено как коучинг, тьюторство – личностно ориентированное обучение.

5. Резонансный контур трансдисциплинарного цикла. Возникает замкнутый синергийный контур: образование актуализирует воображение, способное схватывать многомерные образы мира; эти образы формируют новое качество образования. Сохранение целостности восприятия при переходе от образа к образованию — это не просто методологический принцип, а фундаментальное условие для формирования современного человека. По ряду причин.

Во-первых, целостность предотвращает фрагментацию знания. В условиях дисциплинарной раздроблённости знание распадается на изолированные фрагменты. Если в образовательном процессе утрачивается целостность образа, учащийся воспринимает мир как набор несвязанных фактов и правил. Это приводит к потере системного видения и неспособности видеть междисциплинарные связи.

Во-вторых, целостность формирует способность к синтезу и творчеству. Воображение работает только тогда, когда в сознании есть упреждающий целостный образ. Если целостность нарушена, воображение превращается в простую комбинаторику.

В-третьих, целостность обеспечивает онтологическую укоренённость, присущую природе человека по его природе. Этимологически «образ-ование» — это восстановление образа человека в его полноте: космической, социальной, духовной [Киященко, 2016].

В-четвёртых, целостность имеет практическую значимость для общества. Только человек с целостным восприятием способен принимать взвешенные решения в эпоху глобальных рисков. Разрыв в этом круге ведёт к «интеллектуальному варварству» (Ортега-и-Гассет). Трансдисциплинарность, как философия практического действия исцеляет этот разрыв. Через союз и дополняющее межвзаимодействие образа, воображения и образования мы возвращаем себе возможность и способность быть живым образом Космоса.

Список литературы

1. Киященко, Моисеев 2009 – Киященко Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности / Л.П. Киященко, В.И. Моисеев. М.: ИФРАН, 2009. 205 с.
2. Киященко 2013 – Киященко Л.П. Простота сложности и сложность простоты (мерность различения) // Философия науки. Вып. 18: Философия науки в мире сложности //Отв. ред.: В.И. Аршинов, Я.И. Свирский. М.: ИФ РАН, 2013. С. 278-192

3. Киященко 2016 – Киященко Л.П. Идея трансверсума – среда порождения смысла в трансдисциплинарном опыте // Філософія освіти. 2016. №2 (19). С.231-244.
4. Лазарев 2019 – Лазарев Ф.В. Истина и структура реальности. Основы интервальной методологии. Симферополь: ИТ "АРИАЛ", 2019. 456 с.
5. Новоселов 2010 – Новоселов М.М. Абстракция в лабиринте познания. М.: Идея Пресс, 2010. 408 с.

УДК 1:124.5

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Ерохин Владимир Сергеевич
Кандидат философских наук
Саратовская государственная юридическая академия, доцент кафедры философии
E-mail: v.s.erohin@mail.ru

Аннотация: Предлагается авторское понимание критического мышления как способности субъекта подвергать получаемую информацию сомнению, проводить ее концептуальный анализ, а также навык отстаивания собственной точки зрения. Критике подвергаются существующие подходы к пониманию данного вида мышления (логический, когнитивный, педагогический). Существенным представляется отказ от догматизма как фундаментальное свойство критического мышления. Выделяется два наиболее важных основания его формирования. Одно из них связывается с восполнением недостаточности природы мыслящего субъекта. Столкновение с анормативным как выходящим за пределы привычного убеждает человека в наличии недостаточности природы мыслящего субъекта, что приводит к его потребности адаптации к травмирующему воздействию адекватным образом. Данное основании необходимости формирования критического мышления является логическим следствием позиции Жака Деррида о разделении понятий «различание» и «восполнение». Иным основанием необходимости формирования критического мышления предлагается считать потребность в сохранении субъектности. Полагается, что именно данный вид мышления позволяет определять границу между Я и Другим, между субъективностью и массовостью. Данную оппозицию предлагается трансформировать в оппозицию «ответственность – безответственность», при этом сохранение первой части в каждой из них осуществляется на основании критического мышления.

Ключевые слова: субъект, критическое мышление, восполнение, столкновение с непривычным, принцип сомнения, различие, массовое мышление.

Исследование выполнено на базе Научно-образовательной лаборатории правовой философии Института правотворчества и правового прогнозирования ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

ON THE ISSUE OF THE NEED FOR THE FORMATION OF CRITICAL THINKING

Erokhin Vladimir Sergeevich

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
Saratov State Law Academy, Saratov, Russia

Abstract: The author's understanding of critical thinking is proposed as the ability of a subject to question information received, to carry out its conceptual analysis, as well as the skill of defending one's own point of view. The existing approaches to understanding this type of thinking (logical, cognitive, pedagogical) are criticized. It is essential to reject dogmatism as a fundamental property of critical thinking. There are two most important reasons for its formation. One of them is associated with the replenishment of the insufficiency of the nature of the thinking subject. Encountering the abnormal as going beyond the limits of the habitual convinces a person of the insufficiency of the nature of the thinking subject, which leads to his need to adapt to the traumatic effects in an adequate way. This understanding of the need to form critical thinking is a logical consequence of Jacques Derrida's position on the separation of the concepts of «Différance» and «Supplément». Another reason for the need to form critical thinking is suggested to be the need to preserve subjectivity. It is believed that it is this type of thinking that makes it possible to define the boundary between the Self and the Other, between subjectivity and mass character. It is proposed to transform this opposition into the «responsibility – irresponsibility» opposition, while preserving the first part in each of them based on critical thinking.

Keywords: subject, critical thinking, replenishment, encounter with the unusual, the principle of doubt, difference, mass thinking.

Под критическим мышлением предлагается понимается способность познающего субъекта ставить под сомнение поступающую информацию, проводить ее концептуальный анализ, а также формировать и отстаивать собственную позицию. Существующие подходы (логический, когнитивный, педагогический), посвященные данному концепту, имеют ограниченный сферой их реализации эвристический потенциал. Выделение способности субъекта к отказу от догматизма является фундаментальным свойством критического мышления хотя бы по той причине, что это дает возможность выйти за пределы дисциплинарного его понимания.

Существенным представляется вопрос о необходимости формирования и развития в человеке способности критического мышления. Крайне важной причиной данного процесса следует считать недостаточность как онтологическое свойство человека, а также ее восполнение как эндогенную потребность субъекта интеракции.

Вопрос о возможности и необходимости формирования в субъекте критического мышления определяется его потребностью в восполнении недостаточности природы мыслящего субъекта. Такая потребность возникает в результате столкновения с анормативным как выходящим за пределы привычного. Это приводит к признанию наличия травмирующего опыта и возникновения вынужденной реакции персоны. Ценной представляется идея Р. Бернета о травме как событии, которое не зависит от субъекта, но приводит к возможности утраты им субъективной идентичности или существенную трансформацию последней [Бернет 2014, с. 123].

Столкновение с непривычным демонстрирует определенную недостаточность в способах существования, мышления конкретного субъекта, что влечет за собой его потребность в переводе экзогенного как травмирующего в эндогенную форму, позволяющую адаптироваться к травмирующему воздействию адекватным образом. В мыслящем субъекте

возникает потребность в переосмыслении поступающей информации, чем и является критическое мышление.

Идея восполнения базируется на положениях Ж. Деррида о недостаточности, который понимал под ним принцип или логику всеобщего развития посредством дополнения, замещения или достраивания, в том числе при отсутствии видимой нехватки или изъяна.

Для описания процесса восполнения французский философ использует ряд введенных им терминов, среди которых выделим Différance и Supplément. Первый суть термин, означающий различие как важнейшее свойство знака, такое различение, в котором не предмет определяет знак, а знак есть форма определения предмета, его обозначения в системе признаков, позволяющих дифференцировать различия между предметами. Определяющим оказывается именно знак, содержащий в себе принцип различения группы предметов.

Différance суть «движение, благодаря которому язык или любой код, или любая референциальная система в целом «исторически» конституируется как ткань различий» [Деррида 2001, с. 86], в котором различие имеет смысловое (семиологическое) значение. Différance дает возможность соприсутствовать множеству смыслов как в семантическом (языковом), коннотативном (смысловом), так и контекстуальном отношениях. Различание определяется природой знака, которая не в полной мере отсылает к предмету означения, оторван от него и отсылает к системе других знаков. На этом основании Différance – это модус познания в системе знаков, отсылающих друг к другу, но не к самому предмету означения. Как следствие, нет непосредственной связи знака с идеей наличия предмета. Истина не дана открыто, а требует постоянного возмещения, дополнения, восстановления до полного.

По этой причине Жаком Деррида вводится понятие «Supplément», переводимое как «дополнение» или «восполнение». Означаемый предмет не в полной мере отражается в совокупности признаков, закрепляемых (отражаемых) в знаке, поэтому в нем имеется нехватка, изъян, смысловая недостаточность. Любая система имеет «врожденный порок» смыслового содержания, поэтому Supplément представляет собой «стремление доращиваться, перестраиваться, производить внутри себя подмены, что является ее имманентным атрибутом. Концепт Supplément фиксирует саму процессуальность, понятую как способ развития системы через непрерывное становление» [Смоляк 2021, с. 111]. Восполнение становится имманентно присуще любому познаваемому предмету, поскольку у познающего субъекта возникает потребность в восстановлении отсутствующей (не в полной мере присутствующей) системы значений, признаков.

Такое понимание восполнения нами может быть проинтерпретировано как выражение осознания носителя критического мышления в недостаточности знания об окружающей действительности, а также собственной природы. Такая недостаточность является естественной, поэтому в структуре мышления имеются интенции к восполнению недостающих данных. Это касается познавательной сферы субъекта, в которой интерпретация поступаемой информации дает возможность восполнить пробелы в имеющихся знаниях. Более того, так понимаемый процесс восполнения может служить основанием во взаимном дополнении интерпретаций объекта познания, что в свою очередь является основанием для согласования точек зрения по изучаемому предмету.

Имеет смысл говорить о ряде форм выражения такой недостаточности, приводящей к потребности в восполнении. Так, в познавательной сфере речь о восполнении может идти в тот момент, когда имеющаяся информация не в полной мере отвечает интересам познающего субъекта, не позволяет ему решить поставленные (имеющиеся) задачи. Полученные знания о фактах не имеют полноценного эвристического потенциала, то есть не способны объяснить

научную или иную (к примеру, практическую профессиональную или повседневную) проблему.

Иным основанием необходимости формирования критического мышления является потребность в сохранении субъектности отдельным человеком. В рамках рационалистической традиции признается фундаментальный принцип сознательности и рефлексивности субъекта, его способности к саморефлексии, сознавать и познавать собственное Я и ставить границу между ним и всем остальным миром, множеством Других как самостоятельных субъектов. Отсутствие или нивелирование данных признаков приводит к утрате субъектности и к формированию массовости. Массовость и субъектность (индивидуальность) представляют собой понятия антиномические. Более того, массовость возможно считать формой утраты человеком своего персонального Я и способности ставить границы.

Исходя из этого вопрос о необходимости формирования в человеке критического мышления определяется содержанием оппозиции «субъектность – массовость». В рамках анализа психологического и психопатологического состояния массового сознания учеными (в частности, З. Фрейдом) выделяется ряд оснований, формирования данного психического состояния. Так, отдельный индивид интериоризирует коллективные модели психической деятельности путем идентификации с объектом своего восприятия. Имеющийся психологический образ, сформированный у человека, заимствуется у массы. Подобная интериоризация индивидом бессознательных свойств, присущих массе, связывается с наличием в структуре бессознательного «архаического наследства» человеческой души и вытесненным бессознательным, что формируется в процессе воспитания и социализации. Второй элемент определяет функционирование системы представлений о необходимости подчинения индивидом себя заимствованным свойствам, которые делают человека элементом толпы. Интериоризированные образы психической деятельности активизируются при попадании индивида в конкретные условия.

Следует подчеркнуть, что подобное приобщение к массовости детерминировано возможностью снять с себя личную ответственность и делегировать ее безликому «мы» [Жуков 2021]. Как следствие, оппозиция «субъектность – массовость» может быть трансформирована в диалектику «ответственность – безответственность», в рамках которой субъект на бессознательном уровне имеет установку на отказ от индивидуального в пользу коллективного. Представленная идея реализуется в концепциях Э. Фромма и В. Райха для описания социального поведения человека как в форме индивидуального проявления (метафоры «волков» и «овец» в концепции Э. Фромма) и социальной реализации.

Диалектика «ответственность (субъектность) – безответственность (массовость)» предполагает возможность целого спектра манипулятивных практик, направленных на формирование экзогенными ресурсами поведения конкретного человека. В рамках психоаналитической традиции отмечается совокупность механизмов «гипнотизирования» отдельного индивида, подчинения поведения массового человека, что выражается в исчезновении сознательности и критического отношения к миру как основания индивидуального, а также подчинению чувств и мыслей воле гипнотезера [Корчмарюк 2008]. Сознательность в человеке утрачивается, остается исключительно бессознательное, а сам субъект – участник толпы оказывается автоматом для совершения коллективных обрядов.

В результате ряда манипуляций массе приписываются такие иррациональные признаки массовой психологии, как ощущение собственной значимости в сочетании с ориентацией на подчинение авторитарной власти [Кара-Мурза 2008, с. 9]. Используются определенные

технологии по ограничению свободы, дисциплинированию общественных связей и отношений.

Вопрос выхода за пределы данной оппозиции отдельным человеком представляется практически невозможным по причине субъективной незаинтересованности. Тем не менее, возможным основанием создания потребности в преодолении массовости как свойства субъекта и его сохранения индивидуальности следует считать экзогенное воздействие со стороны Другого, демонстрирующего эффективность антидогматического (антимассового) мироотношения. Подобное внешнее воздействие позволяет продемонстрировать негативные последствия бегства от свободы как отказа от себя. Кроме того, представленное воздействие дает возможность в полной мере реализовать конструктивную природу человека как субъекта, способного к конструированию собственного жизненного мира и нормативного измерения персонального бытия. Таким образом, можно говорить о том, что необходимость формирования критического мышления дает возможность развития принципа ответственности и заинтересованности как эндогенной интенции субъекта.

Список литературы

1. Бернет 2014 – Бернет Р. Травмированный субъект // (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами. М.: Академический проект, 2014. С. 123–144.
2. Деррида 2001 – Деррида Ж. Оставь это имя (Постскриптум). Как избежать разговора: денегации. Минск: Экономпресс, 2001. 320 с.
3. Жуков 2021 – Жуков В.Н. З. Фрейд: концепция человека // Образование и право. 2021. №7. С. 380–390.
4. Кара-Мурза 2008 – Кара-Мурза С. и др. Коммунизм и фашизм: Братья или враги? Сборник. М.: Яуза-пресс, 2008. 608 с.
5. Корчмарюк 2008 – Корчмарюк В.А. Предпосылки изучения бессознательных сфер личности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2008. №2 (38). С. 216–222.
6. Смоляк 2021 – Смоляк А.В. Концепты «Грамматологии» как механизмы интерпретации литературных текстов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2021. №1. С. 102–114.

УДК 37.012.1:111:165.172

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ: ОТ УМЕНИЯ «СЕЯТЬ» К ГОТОВНОСТИ «ВЫРАЩИВАТЬ»

Динабург Светлана Роальдовна

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, кафедра философии и права, старший преподаватель

E-mail: svetlana.dinaburg@yandex.ru

Аннотация: Рассматривается амбивалентность трансдисциплинарности (ТД) в современной образовательной системе как ресурса и испытания. В качестве ключевой метафоры, позволяющей осмыслить специфику ТД-подхода в образовании, предлагается образ «культивирования» («выращивания»), который не противопоставляется, а дополняет как традиционную метафору «сеяния» блага, так и технологические метафоры «производства знания». Показано, что ТД-подход предполагает совместное, творческое, непрерывное становление с готовностью к значительной доле неопределённости, что требует качественного сдвига в образовательной парадигме. В работе систематизированы основные проблемы реализации ТД в образовании: столкновение теоретических подходов и терминологическая неясность; сложность интеграции различных форм знания и участников; трудности измерения успеха ТД-проектов; сопротивление институциональной среды на разных уровнях. Прослеживается понимание, что не только фрагментация знания, но и организационные, культурные и даже психологические барьеры делают трансдисциплинарность вызовом для традиционного университета. Особое внимание уделяется процессуальной компетентности и коммуникативно-этической готовности как ключевым факторам успешной реализации ТД-подхода. Тем самым, реализация ТД-проектов предполагает умения вовлекать участников в неформальную заинтересованную работу и строить доверие, интегрировать разные типы знания и находить баланс в различии интересов, организовывать рефлексию и адаптацию проекта. Выявлены взаимосвязанные линии в публикациях последних лет, по существу, инициирующие ТД-проблематизацию: о сущности и миссии образования (университета); о его исследовании в условиях сложности, неопределенности и цифровизации; о новых смыслах формирования человека и университетского сообщества. Акцентируется внимание на том, что высказываемые в современных дискуссиях вдохновляющие идеи в большей степени являются культурными ориентирами, чем руководством к действию. Делается вывод о необходимости институционализации объединения практиков для выработки трансдисциплинарных программ действий и рекомендаций в сфере образования.

Ключевые слова: ассоциация исследователей, безопасное пространство, доверие, готовность, метафоры, процессуальная компетентность, проблемы реализации, трансдисциплинарность

TRANSDISCIPLINARITY OF EDUCATION: FROM THE ABILITY TO “SOW” TO THE WILLINGNESS TO “GROW”

Dinaburg Svetlana Roaldovna

Perm National Research Polytechnic University, Department of Philosophy and Law, Senior Lecturer

Abstract: This reflection examines the ambivalence of transdisciplinarity (TD) in the contemporary educational system, both as a resource and a challenge. The image of "cultivation" ("growing") is proposed as a key metaphor for understanding the specifics of the TD approach in education. Rather than opposing them, it complements both the traditional metaphor of "sowing" the good and the technological metaphors of "knowledge production." It is shown that the TD approach presupposes collaborative, creative, and continuous development with a readiness for a significant

degree of uncertainty, which requires a qualitative shift in the educational paradigm. The paper systematizes the main problems of implementing TD in education: the clash of theoretical approaches and terminological ambiguity; the complexity of integrating various forms of knowledge and participants; the difficulty of measuring the success of TD projects; and institutional resistance at various levels. It is argued that not only the fragmentation of knowledge but also organizational, cultural, and even psychological barriers make transdisciplinarity a challenge for the traditional university. Particular attention is paid to procedural competence and communicative-ethical preparedness as key factors in the successful implementation of the TD approach. Accordingly, the implementation of TD projects presupposes the ability to engage participants in informal, committed work and build trust, to integrate different types of knowledge and balance differences in interests, and to organize reflection and adaptation of the project. The article identifies several interconnected lines in recent publications that essentially initiate the TD problematization: discussions on the essence and mission of education (university); on educational research in conditions of complexity, uncertainty, and digitalization; and on new meanings in the development of individuals and the university community. Emphasis is placed on the fact that the inspiring ideas expressed in contemporary discussions serve more as cultural reference points than as guides to action. A conclusion is drawn regarding the need to institutionalize a coalition of practitioners to develop transdisciplinary action programs and recommendations in the field of education.

Keywords: association of researchers, safe space, trust, readiness, metaphors, process knowledge, implementation issues, transdisciplinarity.

Как нам представляется, основная идея нашего круглого стола заключается *в исследовании* трансдисциплинарности (ТД) как ресурса и испытания для образовательной системы. Такая рефлексия предполагает выявление в нашем предмете зон напряжения и потенциала преобразования. Было бы ценно, если бы она сама стала ТД-встречей. При этом стоит вспомнить, что Хартия Трансдисциплинарности говорит о возрождении роли интуиции и воображения в подлинном образовании [Киященко 2009, с. 21]. Для передачи смысла сложных концепций, язык ТД использует метафоры, и одну из возможных метафор для самого образования мы и рассмотрим.

Идея того, что в основе образования лежит необходимость «сеять» определенные знания и ценности [Шувалов 2012, с. 82] глубоко укорена в отечественной традиции, причем, она оказывается инвариантной образовательным моделям (например, технократической, гуманистической или антропологической), каждая из которых исходит из своей идеи блага. В этой парадигме образование мыслится как закладывание основ, передача благого содержания с надеждой на последующий рост результата и с верой в предсказуемое воспроизводство заложенного. Такой образ предполагает процесс – односторонний в передаче содержания и фиксированный на своевременном, но определенном типе действия, с доверием культурной почве и судьбе, и с главной заботой о качестве «семенного фонда». Современность надстраивает этот укорененный образ технологическими метафорами «производства знания», «конструирования реальности» и «сборки субъекта», что становится новыми условиями всех социокультурных процессов. В ответ на это ТД предлагает свою метафору культивирования («взращивания»). Как известно, ТД не отменяет традиционные формы обретения и передачи знания, а дополняет их [Lawrence 2022, p. 45]. Действительно, «выращивание» невозможно без уже посеянного и ветвящего свои отростки, продолжая дело заботы, и в то же время, это налаженное производство с широкой инфраструктурой. Этот подход, требующий построения среды и взаимодействия, знаменует собой качественный сдвиг в парадигме образования,

предлагая тем самым совместное, творческое, непрерывное становление, с готовностью к значительной доле неопределенности. Качество «культивирования» не гарантировано применением уже известных методов (концепций, протоколов). «Выращивание» требует наблюдения, диалога, рефлексии, практического и житейского опыта, а значит, и больше, чем «формирование», временных и человеческих ресурсов [Lawrence 2023, p. 19].

И здесь исследователи и практики ТД попадают в закономерную зону напряжения. Ведь этот подход является не только актуальным ответом на растущую сложность современного мира (средством совладания со сложностью), но и он сам не менее сложен в своей реализации. Это соответствует закону необходимого разнообразия (Эшби) – система управления должна превосходить по своим возможностям управляемую систему [Асмолов 2025, с. 20]. Отметим далее согласованность оценок и в отношении ТД.

Выступая одновременно философской позицией, методологической стратегией и социально-этической программой, направленной на преодоление теряющих актуальность границ не только познания и образования, но и власти и управления, она предполагает глубокие изменения в мышлении и социальных институтах [Мамченко 2016, с. 147-151]. Разнообразие, плюрализм, инклюзивность и трансгрессия призваны для работы в преобразующем стиле [Lawrence 2023, p. 19-21], и эти трансформации охватывают не только сферу познания, но и социальные инновации и практические задачи, не теряя из виду цели и серьезные обязательства на фоне благих провозглашенных ценностей [Regeer 2024, p. 513].

Выделим ряд устойчивых проблем при реализации ТД.

1) Для неё типично столкновение теоретических подходов, множество голосов, традиций и языков. Восприятие идей требует немалых усилий и разработки собственного «маршрута» понимания [Мамченко 2016, с. 144]. Как следствие, из-за этих неясностей затруднительно сравнивать проекты между собой, строить общую методологию и обучать исследователей, но легко возникает терминологическая путаница [Lawrence 2022, p. 46].

2) Соответственно, интеграция форм знания, как и участников с различием их ролей и ожиданий на практике крайне сложна. Одна из главных трудностей – не просто собрать людей вместе, а действительно связать их вклады в общий продуктивный процесс [Lawrence 2022, p. 50]. Трудности вызывает не только «языковое» взаимодействие Экспертов и Профанов (а каждый эксперт, заметим, становится профаном за пределами своей экспертности [Киященко 2009, с. 167]). Проблемой также становится реальное, а не формальное вовлечение участников с различным «багажом» в принятие совместных решений. В то же время, компетентность должна сопровождаться интеллектуальной честностью, поскольку всегда существует риск использования знания в продвижении частных интересов, подмены анализа нормативностью. Особенно это значимо в ситуации неизбежного расхождения ценностей, при напряжении позиций (например, между академической строгостью и социальной лояльностью, и др.) [Lawrence 2022, p. 50-51]. Словом, недостаточно просто «собраться за одним столом».

3) Еще одна крупная проблема – как измерять успех ТД-проекта. Академические критерии (публикации, цитируемость, гранты, научные и образовательные показатели) недостаточны. Поскольку важны также такие трудноизмеримые результаты, как: влияние на социальную практику, изменения в поведении и решениях, усиление доверия, расширение участия, устойчивые трансформации. При этом, может не быть соответствия между «исчисляемым» и «жизненным» успехом [Lawrence 2022, p. 51]. Добавим необходимость гибкого, адаптивного планирования, ставящую участников в тупик при опыте классических, более жёстких моделей управления [Regeer 2024, p. 79].

4) Указанные сложности усиливают «инерцию среды» – сопротивление и без того существующее на разных уровнях (когнитивном, методологическом, бюрократическом, социальном и др.). Ведь ТД подрывает сложившиеся академические и профессиональные структуры, требует значительных усилий по согласованию интересов, изменения институциональных правил и культур [Regeer 2024, p. 111]. Системы, которые строит сегодня человек, слишком просты и линейны (в смысле ориентации на сиюминутные выгоды и кратчайшего движения к цели), оказываясь нежизнеспособными в сложном мире, где еще предстоит научиться проектировать саморегулирующиеся системы с «балансированием многих сил, векторов, возможностей, влияний, устремлений [Мамченко 2016, с.151].

Указанные трудности, характерные для любых ТД-проектов, ощущаются *на практике* при внедрении ТД-подхода в образование. Составляющие главного комплекса проблем при этом узнаваемы: методологические барьеры в связи со специализацией, непонимание и сопротивление методологии преподавателей, студентов и ученых, нехватка подготовленных кадров, недостаток развития гибких компетенций, языковые и культурные препятствия, социально-экономические и психологические барьеры [Сабанина 2022, с.70-71].

Вернемся к метафоре «выращивания» в образовании, для воплощения которой, как мы видим, нужна разносторонняя готовность. ТД-аналитики указывают на необходимость специфической *процессуальной компетентности* (*process knowledge*) – практического знания о том, как организовывать и сопровождать сам ТД-процесс, без чего сами идеи легко превращаются *в набор деклараций* (*oversimplification, «talking table»*) [Lawrence 2022, p. 51-54]. А для овладения этим знанием нужен не только современный «управленческий инструментарий», овладеть которым можно на хороших курсах подготовки. Ключевым фактором является *коммуникативная и этическая готовность.* Она вырабатывается *в опыте «безопасных пространств»*, созданных для диалога, обмена, уважения и поддержки. В них учитываются уязвимости участников, право на ошибку, их самоценность и когнитивные особенности, что позволяет полностью раскрыть потенциал участников [Regeer 2024, p. 193].

Хочется подчеркнуть, что коллеги, работающие в сфере образования, так или иначе затрагивают в своих размышлениях темы, в своей постановке инициирующую возможную ТД-проблематизацию. Если проанализировать подобные публикации последних лет, то можно выделить три основные и взаимосвязанные линии. А именно: что такое университет / образование сегодня и какова его миссия; как исследовать образование в условиях сложности, неопределенности и вызовов цифровизации; какими могут быть новые смыслы «формирования» человека и университетского сообщества. При этом высказывается немало вдохновляющих, даже воспаряющих над нашей суровой действительностью, идей. Например, «третья» (социальная) миссия университета осмысляется как духовная деятельность по формированию морально-нравственной личности, субъекта (университет как «духовная alma mater») [Каргополова 2026, с. 10], или как метапринцип служения, объединяющий разные функции университета («университет служения») [Никольский 2026, с. 37-38]. Центральная роль при этом отводится философски обоснованной укоренённости в отечественной интеллектуальной традиции (для которой свойственно понимание «истины как правды, знания как мудрости, свободы как ответственности»), и при этом открытая к мировому опыту [Никольский 2025, с. 17-21]. Голоса против редукции университета к эффективности, рынку и метрикам выступают одновременно в защиту избыточности, неопределённости, исследовательской свободы и культурной миссии университета [Асмолов 2025, с. 12-21]. Эти идеи являются культурными и философскими *ориентирами*, которые рискуют быть утраченными в логике текущей оптимизации. Они помогают сохранять пространство для

рефлексии, без чего даже частичная реализация становится невозможной. Однако, *реализация* этих идей требует условий, которые сами по себе не возникнут.

Поэтому, на наш взгляд, сегодня актуален вопрос *институционализации объединения практиков* (например, соответствующей *Ассоциации*), для выработки *трансдисциплинарных* программ действий, рекомендаций и решений в образовании.

Список литературы

1. Асмолов 2025 – Асмолов А.Г., Галажинский Э.В. Полезность бесполезного и право на избыточность: диалог о судьбе университета // Образовательная политика. 2025. Том 21. №2. С. 10–22.
2. Каргаполова 2026 – Каргаполова Е. В., Штыхно Д. А. Миссия современного российского вуза: трансформация смыслов // Высшее образование в России. 2026. Т. 35, № 1. С. 10-34.
3. Киященко 2009 – Киященко Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности. М.: ИФРАН, 2009. 205 с.
4. Мамченко 2016 – Мамченко А.А., Дзятковская Е.Н. Трансдисциплинарность как преодоление границ // Ценности и смыслы. 2016. №3 (43). С. 143-154.
5. Никольский 2025 – Никольский, В. С. Российский университет в поисках идентичности: служение как способ бытия в культуре // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 10. С. 10-26.
6. Никольский 2026 – Никольский В. С. «Университет служения»: практическая философия высшего образования в современную эпоху // Высшее образование в России. 2026. Т. 35. № 1. С. 35-53.
7. Сабанина 2022 – Сабанина Н.Р. Потенциал трансдисциплинарного подхода для современной российской системы высшего образования // Наука и школа. 2022. №4. С. 62-74.
8. Шувалов 2012 – Шувалов А.В. Сейте разумное, доброе, вечное // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2012. №4. С. 82-90.
9. Regeer – 2024 Regeer B., Klaassen P., Broerse J. (Ed.) Transdisciplinarity for Transformation Responding to Societal Challenges through Multi-actor, Reflexive Practices. Palgrave Macmillan. 2024. 553 p.
10. Lawrence 2022 – Lawrence M., Williams S., Nanz P., Renn O. Characteristics, potentials, and challenges of transdisciplinary research // One Earth. 2022. Vol. 5. № 1. P. 44-61.
11. Lawrence 2023 – Handbook of Transdisciplinarity: Global Perspectives / Edited by Roderick J. Lawrence. Edward Elgar Publishing. 2023. 696 p.

УДК 167.7:165.12:347.78

ПЕНТАГРАММА АКТОРОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ В ФОКУСЕ ФИЛОСОФИИ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

Сабанина Наталья Рафаэлевна

соискатель, Институт философии РАН

E-mail: myzeinatali@mail.ru

Киященко Лариса Павловна

д. филос. н., профессор, в. н. с. Институт философии РАН

E-mail: larisakiyashchenko@gmail.com

Аннотация: конфликт вокруг интеллектуальной собственности в образовании рассматривается не как технический сбой регулирования, а как след более глубокого расхождения – между логикой рынка и логикой становления человека. Опираясь на трансдисциплинарный подход Л.П. Киященко, В.С. Меськова, мы вводим рамку «пентаграмма интеллектуальной собственности», в котором вместе с автором, вузом и государством оказываются гражданское общество и обучающийся – последний не только как утилитарный потребитель услуги, но и как тот, через кого образовательный продукт встраивается и обретает смысл в системе культуры. Сравнение пяти экономических моделей (советской, российской смешанной, американской, скандинавской, китайской МОЛА, израильской) показывает, что устойчивое решение возможно в форме распределённой системы, одновременно, удерживающей понимание образования как общественного блага. Аксиологическое ядро пентаграммы акторов ИС может быть представлено в предлагаемой архитектуре EVSS – этической валидации, системной устойчивости и социальной безопасности, характерной особенностью которой является свойство удерживать в системах KPI пространство, не сводимое исключительно к алгоритмам, где знание рождается как событие на границе человека и машины, а ИС оказывается необходимым элементом среды становления человека.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, трансдисциплинарность, философия образования, пентаграмма акторов, EVSS, граничная эпистемология, сеть наблюдателей, аксиогенез, среда становления.

THE PENTAGRAM OF INTELLECTUAL PROPERTY ACTORS IN EDUCATION IN THE FOCUS OF TRANSDISCIPLINARITY PHILOSOPHY

Sabanina Nataly Rafaelevna

Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences

Kiyashchenko Larisa Pavlovna

Doctor of Philology, Professor, V. N. S. Institute of Philosophy of the RAS

Abstract: The conflict over intellectual property in education is considered not as a technical failure of regulation, but as a trace of a deeper discrepancy between the logic of the market and the logic of human development. Based on L.P. Kiyashchenko's, V.S. Meskov's transdisciplinary approach, we introduce the "intellectual property pentagram" framework, in which, together with the author, the university and the state, civil society and the student find themselves – the latter not only as a utilitarian consumer of the service, but also as the one through whom the educational product is integrated and makes sense in the cultural system. A comparison of five economic models (Soviet,

Russian mixed, American, Scandinavian, Chinese MOJIA, and Israeli) shows that a sustainable solution is possible in the form of a distributed system that simultaneously maintains the understanding of education as a public good. The axiological core of the pentagram of IP actors can be represented in the proposed architecture of EVSS – ethical validation, system stability and social security, a characteristic feature of which is the ability to hold a space in KPI systems that is not exclusively reduced to algorithms, where knowledge is born as an event on the border of man and machine, and IP turns out to be a necessary element of the environment of human development.

Keywords: intellectual property, transdisciplinarity, philosophy of education, pentagram of actors, EVSS, boundary epistemology, network of observers, axiogenesis, environment of becoming.

Вопрос об интеллектуальной собственности (ИС) в образовании на первый взгляд кажется чисто юридическим: с одной стороны – преподаватель создаёт результаты интеллектуальной деятельности (далее – РИД), охраняемые частью четвёртой ГК РФ [Близнец, Ахметов 2024], с другой – гражданское право и даёт работнику и работодателю возможность договориться о распределении прав иначе, чем по умолчанию, и прямо допускает свободное использование произведений науки в учебных, научных и информационных целях. И чем дольше всматриваешься в этот спор, тем яснее, что за ним стоит нечто большее: само по себе включение РИД в оборот норм ГК РФ не делает их объектом, с одной стороны, коммерческого режима, и с другой стороны, не включает глубины понимания знания как живого процесса становления человека в культуре.

На наш взгляд более полое решение может дать трансдисциплинарный подход Л.П. Киященко [Киященко, Моисеев 2009, с. 29], В.С. Меськова [Меськов, Вархотов, Сабанина 2022], позволяя удерживать в фокусе одновременно правовой, экономический, философский и педагогический ракурсы рассмотрения результатов когнитивной деятельности.

В обычной правовой оптике конфликт замыкается в паре «автор – работодатель». Экономика расширяет рамку до тройной спирали «государство – вуз – бизнес» [Дежина, Пономарёв 2012]. Но обе эти схемы оставляют за скобками тех, ради кого образование существует. Поэтому мы предлагаем рамку «пентаграммы интеллектуальной собственности», возвращающую в поле зрения пять акторов: преподавателя-автора, вуз, государство, гражданское общество и обучающегося – последнего как центральное звено, через которое РИД превращается в человеческий капитал. Подобная конфигурация близка тому, что В.Е. Лепский описал через онтологии саморазвивающихся полисубъектных сред гибридной реальности [Лепский 2024], а также к граничной эпистемологии гибридного познания (подхода, развиваемого авторами, относительно включённости ИИ в познавательные циклы). Пентаграмма для нас – это не «круглый стол стейкхолдеров», а фигура совместного конструирования «пространства между», где каждый из акторов одновременно образуют систему и сам образовываются в ней.

За каждой экономической моделью стоит своя ценностная настройка, и это видно при сравнении экономических моделей в образовании. Советская модель снимала конфликт, упраздняя коммерциализацию, но вместе с ней – и стимулы к созданию РИД [Еременко 2012]. Американская доктрина teacher exception (Williams v. Weisser, 1969) удерживает свободу автора на свои лекции и образовательный контент. Скандинавская - основана на стопроцентном бюджетном финансировании образования и вопрос о владении и распоряжении РИД не является актуальным для преподавателя [KTH 2024, web]. Китайская

MOJIA вводит смешанную собственность, прозрачно распределяя доли между государством, вузом и автором [Ling, Pan, Xu 2024]. Израильская модель достигает экстремальной коммерческой эффективности через офисы трансфера технологий [Bar-Ziv 2018, web], однако обнаруживает риск патентной «гонки за количеством». Российская смешанная модель пытается совместить государственную функцию, услугу и общественное благо – и тем самым порождает конфликт, не разрешимый внутри её собственной логики [Боровская и др. 2013, с. 13]. Доля внебюджетных доходов, в среднем 40%, превращает коммерциализацию из возможности в структурное принуждение. Таким образом, экономические модели невозможно рассматривать как нейтральный инструмент. Они несут в себе ценностные конфигурации, открывающие одни траектории становления человека и закрывающие другие.

Массовое включение генеративного ИИ в образование меняет сам способ, каким знание возникает. Знание перестаёт быть продуктом отдельного субъекта; оно складывается в конфигурации границ между несколькими наблюдателями – человеком и алгоритмом – и всякий раз в новой итерации. Как показывают В.И. Аршинов и М.Ф. Янукович, наблюдатель здесь – это не вещь и не отдельная сущность, а процесс различения, узел в сети других наблюдателей [Аршинов, Янукович 2025, с. 86]. Мы развиваем эту линию через прото-ценностные операторы – различения (∇), связывания ($\int$) и значимости ($\odot$), которые задают минимальный цикл аксиогенеза на границе контакта разнородных систем, а также, детализацию конфигурации наблюдения второго порядка, через операции конфигурирования устойчивого понимания смыслов [Букин, Сабанина 2026]. Описанные операции становления знания в культуре обнаруживает некоммутативность[17], где разные траектории диалога дают разные конфигурации знания, и эти конфигурации не сводятся одна к другой. Включение генеративного ИИ ещё больше нарушает устойчивость сложившихся познавательных траекторий и возникает вопрос об истинности знания в гибридных системах, что отсылает и к вопросу о ценностях. При этом, подвижность внутри диспозиции аксиологических горизонтов: справедливости и выгоды, красоты и безобразия, безопасности и «прозрачности» и др., а в общем виде - добра и зла, позволяет удерживать устойчивость траекторий становления знания в меняющихся условиях. Это подтверждает важный для нас вывод: о том, что даже в гибридной системе не может быть аксиологически нейтрального познания: ИИ аксиологически не нейтрален [Huang et al. 2025, web]. Это значит, и попытки сведения интеллектуальной собственности как элемента жизненного цикла циркуляции знания в культуре к юридической абстракции *отчуждаемого блага (как попытку вырвать ценность из контекста)* следует расценивать как неправомерную редукцию.

Чтобы подобная распределённая и/или гибридная система познания и получения знания работали устойчиво, нужен механизм, удерживающий её человеческое измерение. Предлагаемая модель EVSS[18] – это многоуровневая архитектура валидации показателей

[17] Некоммутативность — это свойство математической операции, при котором результат зависит от порядка элементов. В отличие от коммутативных операций (сложение, умножение), некоммутативные (вычитание, деление, умножение матриц, композиция функций) меняют результат при перестановке операндов. Мы заимствуем это понятие из исследований в области квантового познания для целей описания становления знания в культуре.

[18] EVSS (Ethical Validation, Systemic Stability, Social Security) - многоуровневая архитектура и модуль информационной системы для целей этической валидации, системной устойчивости и социальной безопасности интеллектуальноемких систем, обеспечивающая оценку коридора KPI на рабочем месте, включая образовательные результаты, основанная на результатах исследований «quantum cognition», распределенной ответственности и антидискриминации. Интегрирует российские нормы права, этические ГОСТ, международные стандарты IEEE 7000-2021 (value-based engineering), SAFE – стратегии (рискоориентированность) для науки и образования, SPAMM-RU (локальная AI-этика организаций).

эффективности (KPI) в интеллектуальноёмких системах, согласующая их с нормами права, этическими кодексами, ГОСТ. Но если ограничиться только этим, мы упустим главное. EVSS опирается на два простых наблюдения. Первое: знание сегодня не принадлежит отдельному человеку – он скорее узел в экосистеме, и ответственность здесь распределена недистрибутивно[19]. Для образования это означает, что отношения между акторами пентаграммы (ответственность, интеллектуальный вклад и право на РИД) требуют учёта характера взаимодействия между ними: оценка каждого отдельного вклада и суммарного неэквивалентны. Всвязи с этим можно наблюдать дрейф ценностей от классической «эпистемической скромности» к «эпистемическому смирению»: индивид мыслит себя не столько как изолированный носитель частичного знания, но как участник сети наблюдателей.

Второе: человек включён во внутренние природные и глубинные культурные ритмы. Навязанные социальной повесткой жёсткие «актуальные» критерии эффективности, задающие коридор «разрешённого поведения», могут подавлять ту самую вариативность, без которой нет творчества. Поэтому EVSS не оптимизирует человека под систему. Он, напротив, оставляет внутри системы место для того, что не сводится к алгоритму, – место, где знание возникает как событие на границе события встречи с разнородным, а не как сумма их действий. Здесь EVSS соприкасается с философией трансиндивидуации Ж. Симондона [Симондон 2022]: проектировать ИИ-системы – значит проектировать условия совместного становления человека и машины, а не функционально сопрягать их как готовые сущности.

Если соединить пентаграмму акторов, аксиогенез гибридного познания и архитектуру EVSS, у интеллектуальной собственности «проступает иное лицо». Она перестаёт быть только правовым значением и обнаруживает себя как элемент среды, в которой человек становится собой. Обучающийся в этой среде – не пассивный потребитель образовательной услуги, а тот, кто несёт долгосрочный эффект ИС на горизонте 40–50 лет трудовой жизни, а также, в семейном и родовом времени – против 20 лет действия патента. Соответственно, эффективная экономическая модель должна измерять весь цикл капитализации: от вложений в образовательный контент через прирост компетенций студентов к долгосрочному вкладу выпускников в ВВП и социальный капитал страны. Системное решение требует трансдисциплинарности. Оно соединяет правовую реформу (презумпцию авторского права, минимум 50% вознаграждения автора, элементы MOJIA для проектов с госфинансированием, введение интегративной категории «человеческий капитал», объединяющей человекомерные циклы в культуре), реформу финансирования (адаптацию скандинавской модели с долей не менее 1,5 % ВВП на высшее образование) и исследование потенциала трансдисциплинарности в образовании. Модуль EVSS в этом контуре становится аксиологическим ядром пентаграммы, создавая защищённое пространство трансляции знания и экосистему индивидуации человека и общества. Философия трансдисциплинарности при этом – не один из подходов среди прочих, а условие, при котором в эпоху гибридного познания может быть корректно сформулирован сам вопрос о человеческом.

Список литературы

[19] Недистрибутивность – свойство операций (обычно в алгебре, логике или теории множеств), при котором распределительный закон (дистрибутивность) не выполняется.

1. Аршинов, Янукович 2025 – Аршинов В.И., Янукович М.Ф. Проблема наблюдателя и искусственные нейросети: на пути к трансдисциплинарной концепции наблюдателя // Вопросы философии. 2025. № 12. С. 72–89.
2. Близнец, Ахметов 2024 – Близнец И.А., Ахметов Р.Р. Депонирование произведений и презумпция авторства в цифровой среде // Интеллектуальные права в цифровую эпоху: теория и практика применения / под ред. М.А. Рожковой. Вып. 19. Минск, 2024. С. 81–91.
3. Боровская и др. 2013 – Боровская М.А., Масыч М.А., Шевченко И.К. Эффективный контракт в системе стимулирования научно-педагогических работников // Высшее образование в России. 2013. № 5. С. 13–20.
4. Дежина, Пономарёв 2012 – Дежина И.Г., Пономарёв А.К. Перспективы формирования в России «тройной спирали» Г. Ицковица // Инновации. 2012. № 9 (167). С. 55–60.
5. Еременко 2012 – Еременко В.И. Из истории права интеллектуальной собственности. М.: ГПНТБ России, 2012. 220 с.
6. Киященко, Моисеев 2009 – Киященко Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 2009. 205 с.
7. Лепский 2024 – Лепский, В. Е. Субъектность в кибернетике // XIV Всероссийское совещание по проблемам управления: сборник научных трудов, Москва, 17–20 июня 2024 года. М.: Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, 2024.
8. Меськов В.С., Вархотов Т.А., Сабанина Н.Р. и др. Когнитивистика, матетика и культура: опыт применения трансдисциплинарной образовательной технологии: учебно-методическое пособие / кол. авторов. М.: РУСАЙНС, 2022. 270 с.
9. Сабанина, Букин 2025 – Сабанина Н.Р., Букин Д.Г. Граничная онтология как основание для понимания гибридного познания в системах человек – искусственный интеллект // Сборник по итогам IV Всероссийской конф. с межд. участием «Свет и тени цифровой реальности: живой интеллект и его аватары», 26-27 марта 2026 г. (в печати).
10. Симондон 2022 – Симондон Ж. Индивид и его физико-биологический генезис / пер. с фр. М.: Издательский дом ВШЭ, 2022. 504 с.
11. Bar-Ziv 2018 – Bar-Ziv S. Intellectual Property Management by the Government of Israel / WIPO. URL: https://www.wipo.int/meetings/en/doc_details.jsp?doc_id=435273 (дата обращения: 02.01.2026).
12. Huang et al. 2025, web – Huang S. et al. Values in the Wild: Discovering and Analyzing Values in Real-World Language Model Interactions // arXiv. 2025. URL: https://arxiv.org/abs/2504.15236 (дата обращения: 30.01.2026).
13. KTH 2024, web – Intellectual Property Rights of academic staff. URL: https://www.kth.se/en/samverkan/samverka-med-forskare/lararundantaget-1.967774 (дата обращения: 30.01.2026).
14. Ling, Pan, Xu 2024 – Ling R., Pan A., Xu L. Mixed ownership reform and non-state-owned enterprise innovation: Evidence from China // China Accounting and Finance Review. 2024. Vol. 26 No. 2. Pp. 170–195, [doi:10.1108/CAFR-03-2023-0025]
15. Williams v. Weisser 1969 – Williams v. Weisser, 273 Cal. App. 2d 726 (1969).

УДК 165:378

КУРС «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ» КАК ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ КЕЙС

Сандакова Людмила Борисовна
Кандидат философских наук
Новосибирский государственный технический универстиет, доцент кафедры философии
E-mail: l.sandakova@mail.ru

Аннотация. Одной из самых сложных и актуальных проблем современного образования является поиск ответа на мировоззренческий вызов: утрата/разрушение устойчивых социокультурных и антропологических представлений, размывание ценностных ориентиров, пресыщенность информационной среды, реляционная субъектность. В этих обстоятельствах особенно важным становится понимание человека как «открытой целостности», как существа, «проявляющего трансформативную активность во взаимодействии внутреннего и внешнего мира», творца смыслов, знаков, культуры [Киященко, Голофаст 2022, с. 8]. В XXI веке в различных проектах антропологически ориентированных образовательных стратегий особый интерес и бурные дискуссии вызывает трансдисциплинарность. Такой стиль мышления и познавательной активности предполагает, что в поисках целостности понимания проблемного со-бытия человека-в-мире, необходим переход через границы дисциплинарных онтологий, методологий и языков. Это и привлекает, и настораживает одновременно, поскольку отказ от привычных эпистемологических ориентиров создает ситуацию неопределенности для образовательной агентности. В докладе представлен анализ учебного университетского курса «Основы Российской государственности», как трансдисциплинарного образовательного кейса. Выявлены признаки трансдисциплинарности, обсуждаемые в отечественном образовательном дискурсе. Сформулированы возможности и «зоны настороженности» в реализации учебного курса как трансдисциплинарного.

Ключевые слова: учебный курс «Основы Российской государственности», трансдисциплинарность, мировоззренческий вызов, человек как «открытая целостность», преадаптивные способности.

THE COURSE "FOUNDATIONS OF RUSSIAN STATEHOOD" AS A TRANSDISCIPLINARY CASE STUDY

Sandakova Lyudmila Borisovna
Candidate of Philosophical Sciences
Novosibirsk State Technical University, Associate Professor of the Department of Philosophy

Abstract. One of the most complex and pressing problems of modern education is finding an answer to the worldview challenge: the loss/destruction of stable sociocultural and anthropological representations, the erosion of value orientations, the oversaturation of the information environment, and relational subjectivity. Under these circumstances, understanding a person as an "open integrity," as a being "manifesting transformative activity in the interaction of the inner and outer world," a creator of meanings, signs, and culture becomes particularly important [Kiyashchenko, Golofast, 2022, p. 8]. In the 21st century, transdisciplinarity is generating particular interest and heated debate within various projects of anthropologically oriented educational strategies. This style of thinking and

cognitive activity presupposes that, in seeking a holistic understanding of the problematic co-existence of a human-being-in-the-world, a transition beyond the boundaries of disciplinary ontologies, methodologies, and languages is necessary. This is both appealing and alarming simultaneously, since the rejection of familiar epistemological guidelines creates a situation of uncertainty for educational agency. This paper presents an analysis of the university course "Foundations of Russian Statehood" as a transdisciplinary educational case study. The features of transdisciplinarity discussed in the Russian educational discourse are identified. The possibilities and "areas of concern" in the implementation of the course as a transdisciplinary one are formulated.

Keywords: university course "Foundations of Russian Statehood," transdisciplinarity, worldview challenge, human as an "open integrity," pre-adaptive abilities

Курс «Основы Российской государственности» (ОРГ) введен в образовательный процесс с сентября 2023 года и был инициирован как на уровне педагогических ожиданий [Полосин 2024, Преподавание курса 2024], так и политических инициатив [Указ президента РФ № 809 от 9 ноября 2022 г.]. Согласно утвержденному Минобрнауки РФ Проекту УМК, курс «призван способствовать обозначению системного и своевременного ответа на актуальные вызовы образовательной и социальной политике российского государства через формирование необходимых условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе общепринятых ценностей и норм поведения, а также через формирование у обучающихся развитого чувства гражданственности и патриотизма» [Основы Российской государственности: проект концепции УМК 2025, с. 1-2]. По своему замыслу, курс ОРГ работает с конфликтогенной зоной пересечений и столкновений различных мировоззренческих ориентиров, вариантов идентичности, ценностных установок в условиях социокультурных вызовов и рисков. Но при этом нацелен создание условий гармонизации индивидуального и социального, традиционного и инновационного, субъективного и объективного в мировоззрении обучающихся. Исследователи указывают, что именно в таких условиях приобретают актуальность трансдисциплинарные стратегии и подходы в их различных изводах (Киященко Л.П., Мокий М.С., Крежевских О.В., Динабург С.Р. и др.). В качестве основных характеристик, актуализирующихся в образовании, указывают следующие: 1) конвергенция различных типов знания и компетенций в оптике проблемных задач некоторой целостности [Киященко 2023; Крежевских 2024]; 2) опора «на эффекты самоорганизации, саморазвития, самообучения, что требует обеспечения условий для производства синтезов и компетентного доверия к процессу…» [Динабург 2021, с. 326], что подразумевает формирование 3) открытого диалогового пространства, соответствующих навыков коммуникативного взаимодействия; 4) формирование новых концептов как результат со-творческого процесса [Данилевская, Ужегова 2024].

Эти характеристики мы обнаруживаем как в проекте, так и в реализации курса ОРГ, о чем свидетельствует собственный опыт преподавания и активное взаимодействие с коллегами из университетов различных регионов России на платформе ДНК России. С одной стороны, курс ориентирован на возможности дисциплинарного знания предлагать объяснительные модели и прогнозы по отдельным проблемным траекториям дискурса, с другой – требует выхода на метауровень и сопряжения с практиками жизнедеятельности. Содержательно работа по пяти модулям курса предполагает привлечение научных знаний из области истории, философии, социологии, политологии, экономики, социальной психологии, лингвокультурологии. Происходит это в одном дискурсивном поле и связывается с

практическими вопросами и задачами, поэтому выходит за границы дисциплинарного знания в живом акте осмысления собственной идентичности и мировоззренческих выборов, проектирования, конструирования, модельной апробации новых решений проблем «в условиях актуальных вызовов политической, экономической, техногенной и иной природы» [Основы Российской государственности: проект концепции УМК, 2025, с. 2].

Разработка содержания курса также является и результатом, и актуальным процессом работы многих исследователей и педагогов. Причем, это живой двусторонний процесс. С одной стороны, продолжается педагогический поиск: конференции, семинары на платформе ДНК России (https://russiadnk.ru), где обсуждаются проблемы преподавания и методические находки, размещаются публикации специалистов, включенных в преподавание курса, разработки методических материалов, опросы студентов. С другой стороны, сами практические и теоретические занятия оказываются результатом со-творческого, самоорганизующегося взаимодействия преподавателей и студентов: формируется «особый тип общности, возникающий из интеграции множества равноправных участников и обладающий качествами коллективной субъектности», который осмысляется сегодня в полисубъектной модели образования [Fominykh 2025]. В этом отношении, хочется выразить несогласие с коллегами, не доверяющими способности молодых преподавателей «правильно говорить о ценностях» [Преподавание курса 2024, с. 8]. Дело, разумеется, не в возрасте, а в способности работать с аксиологическим содержанием в открытом педагогическом взаимодействии, которое методически и содержательно невозможно зафиксировать, ведь меняются и люди, и ситуации. Не случайно, в публикациях и дискуссиях подчеркивается необходимость избегать превращения курса в «набор лозунгов и штампов» [Преподавание курса 2024, с.2], а также регулярно обновлять, откликаясь на актуальные вопросы времени [Вострякова 2024, 152]. Возможность идеологической ангажированнности вызывает настороженность как у преподавателей, так и у студентов [Зайцева 2023]. Аксиологически значимые вопросы и выводы проживаются, а не декларируются. Они всегда вплетены в живую ткань многообразной сложной социокультурной жизни. Уязвимым делает курс именно неготовность к открытому педагогическому взаимодействию и со-творческому процессу на трансдисциплинарном уровне. И здесь обнаруживает себя еще одна сложность: неготовность (или нежелание) преподавателя выходить за границы своего дисциплинарного поля, полагая такой выход дилетантизмом. Известно, что в ряде вузов модули курса делятся между специализированными кафедрами: историками, политологами, культурологами, философами. Привычной декларацией междисциплинарной связи без реального синтеза с выходом на практические вопросы, здесь не обойдешься. Жесткая дисциплинарная оптика может давать искаженную видимость целостности или создавать эффект «не нужной информации»: студент, например, будущий инженер или врач, не понимает, зачем ему углубленные знания по теории цивилизации или по методам прогнозирования в социальных науках. Если же удается удерживать планку трансдисциплинарности, то курс воспринимается студентами как более интересный и эффективный [Зайцева 2023].

Свидетельством трансдисциплинарности является и работа с тезаурусом курса. Ключевыми концептуальными понятиями являются «пентабазис» как системная модель мировоззрения, «традиционные ценности», «духовно-нравственный код», «государство-цивилизация». Ни в одной из привлеченных дисциплин эти понятия не являются терминами. Они призваны организовывать выход за понятийные границы дисциплин, образовывать когнитивную конструкцию, позволяющую дисциплинарное знание связывать с преадаптивными задачами курса. Как отмечают Данилевская и Ужегова, «концепт – это

неоднозначный, многослойный, имеющий трансдисциплинарный характер феномен. Следовательно, и эффективные методы его познания следует искать на стыке наук…» [Данилевская, Ужегова 2024, с. 33]. Работа с концептуальными понятиями требует их многоаспектного содержательного наполнения в синтезе различных познавательных способностей: памяти, способности суждения и воображения, отражающих темпоральную связность человеческого бытия (прошлое-настоящее-будущее). Поэтому большую значимость для трансдисциплинарного уровня организации курса имеет большая доля практических занятий. Акцент при этом делается на активные и проблемно-ориентированные формы обучения: дебаты, кейсы, викторины, деловые игры и т.д. Используются образовательные возможности музеев, выставочных комплексов, библиотек. Все это позволяет обучающемуся не просто знакомиться с темами курса, а буквально входить в контекст дискурсивного поля ОРГ: соотносить субъективно переживаемое с общественно- и культурно-значимым, сопоставлять различные мировоззренческие позиции, переживать проблемные вопросы, учиться вести диалог в аксиологически напряженных ситуациях с целью поиска решений.

Таким образом, учебный курс «Основы Российской государственности» обнаруживает признаки трансдисциплинарности, с ее возможностями и ограничениями: см. Таблица 1.

Таблица 1. Трансдисциплинарность учебного курса: возможности и ограничения

Признак	Возможности	Ограничения
1) интеграция научного и вненаучного знания как ответ на антропологические вызовы современности	создание целостной картины мира для решения сложных реальных проблем; «новый гуманизм»	методологическая неопределенность и отсутствие ясных критериев истинности; утрата «глубины» понимания
2) связь с конкретными проблемными ситуациями в мире и в стране	участие в решении реальных жизненных проблем; формирование субъектности	возможность идеологической ангажированности
3) открытый диалог в некоторой проблемной ситуации	умение работать с разными типами знания с целью решения проблемы; навык социального взаимодействия в конфликтогенной зоне	неготовность к открытому педагогическому взаимодействию и со-творческому процессу; проблема ответственности в условиях полисубъектности
4) формирование новых синтезирующих концептов	концептуализация новых мировоззренческих запросов	терминологическая неопределенность

Список литературы

1. Вострякова 2024 – Вострякова Ю. В. Рефлексия наработок по курсу «Основы российской государственности» в контексте ментальной революции // Философия образования. 2024. Т. 24. № 3. С. 143–156.
2. Данилевская, Ужегова 2024 – Данилевская Н. В., Ужегова Е. Н. Концепт как трансдисциплинарный феномен (к дальнейшей разработке проблемы) // Вестник

Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16. Вып. 4. С. 28–40.
3. Динабург 2021 – Динабург С.Р. Трансдисциплинарное изучение человека: опоры и коллизии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. № 3 (47). С. 326-332.
4. Зайцева 2023 – Зайцева С.А. Восприятие учебного курса «Основы российской государственности» студенческой молодежью московских университетов (по результатам глубинного исследования) // Россия: общество, политика, история. 2023. № 4 (9). С. 111-131.
5. Киященко, Голофаст 2022 – Киященко Л., Голофаст А. Введение // Человек как открытая целостность: Монография/ Отв. ред. Л.П. Киященко, Т.А. Сидорова. Новосибирск: Академиздат, 2022. С. 7-12.
6. Киященко 2023 – Киященко Л.П. Critical Thinking Studies (CTS) как проблема трансдисциплинарности (TR) // Наука и феномен человека в эпоху цивилизационного макросдвига. М.: Издательство: Институт общегуманитарных исследований, 2023. С. 472-517.
7. Крежевских 2024 – Крежевских О.В. Трансдисциплинарность как механизм образовательных инноваций: обобщение опыта педагогической деятельности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2024. №3. С. 71-81.
8. Основы Российской государственности: проект концепции УМК 2025 – Основы Российской государственности: проект концепции УМК в актуальной редакции. Письмо Минобрнауки России от 02.09.2025 МН-11/3563-ОП. Приложение – 61 л. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles//method/Ps_MON_11__34563_02092025.pdf (дата обращения 8.04.2026)
9. Полосин 2024 – Полосин А.В. На курс «Основы Российской государственности» был запрос от преподавателей. Рамблер/новости, 26 сентября 2024 года. URL: https://news.rambler.ru/community/53481122-politolog-polosin-na-kurs-osnovy-rossiyskoy-gosudarstvennosti-byl-zapros-ot-prepodavateley/ (дата обращения 8.04.2026).
10. Преподавание курса 2024 – Преподавание курса Основ Российской государственности в российской высшей школе: первые итоги. Российское общество политологов. Аналитический центр. Октябрь 20, 2024. URL: https://polit.msu.ru/wp-content/uploads/2024/10/АЦ-РОП-ОРГ.pdf (дата обращения 8.04.2026)
11. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно нравственных ценностей».
12. Fominykh 2025 – Fominykh S. Концептуальные аспекты становления и развития полисубъектной модели педагогического образования в России // Russian Journal of Education and Psychology. 2025. Vol. 16. No. 5. P. 169-189.

УДК 37.01:32

ДИСКУРСЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ: КОНФЛИКТ НОРМАТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Коростина Наталия Олеговна
Волгоградский государственный технический университет,
преподаватель кафедры «Философия, социология и психология»
E-mail: nbo_87@mail.ru

Аннотация: В статье представлен социально-философский анализ конфликтующих дискурсов справедливости в современной российской образовательной политике. Выделяются четыре нормативные модели: эгалитарно-распределительная (равенство возможностей), меритократическая (ЕГЭ, олимпиады), патерналистско-компенсаторная (квоты, целевое обучение) и коммунитаристская (традиционные ценности, образовательный суверенитет). Образование перестает быть просто трансляцией знаний, оно превращается в стратегический ресурс. Показано, что эгалитарная риторика о «равных возможностях» вступает в противоречие с меритократической практикой, которая на деле усиливает региональное неравенство и централизацию талантов. Патерналистско-компенсаторные механизмы носят фрагментарный характер и часто воспринимаются обществом как «несправедливые привилегии», а не как исправление диспропорций. Философская задача состоит в выявлении нормативной логики этого конфликта. Делается вывод, что российский дискурс справедливости расколот: меритократия доминирует в политической риторике и повседневных практиках, патернализм присутствует на уровне экстренных нормативных мер, а эгалитарный идеал остается нереализованной декларацией. Этот раскол порождает антропологический вызов, требующий пересмотра самой миссии университета.

Ключевые слова: справедливость, высшее образование, дискурс, эгалитаризм, меритократия, патернализм, коммунитаризм, антропологический вызов.

DISCOURSES OF JUSTICE AS AN ANTHROPOLOGICAL CHALLENGE: THE CONFLICT OF NORMATIVE MODELS IN RUSSIAN EDUCATION

Korostina Natalia Olegovna
Volgograd State Technical University,
Lecturer, Department of Philosophy, Sociology and Psychology

Abstract: This article presents a socio-philosophical analysis of conflicting discourses of justice in contemporary Russian educational policy. Four normative models are identified: egalitarian-distributive (equality of opportunity), meritocratic (Unified State Exam, olympiads), paternalistic-compensatory (quotas, targeted training), and communitarian (traditional values, educational sovereignty). Education is no longer merely a transmission of knowledge; it is becoming a strategic resource. It is shown that egalitarian rhetoric about "equal opportunities" contradicts meritocratic practice, which in fact reinforces regional inequality and the centralization of talent. Paternalistic-compensatory mechanisms are fragmentary and are often perceived by society as "unfair privileges" rather than as a correction of disparities. The philosophical task is to identify the normative logic of this conflict. The article concludes that Russian discourse on justice is split: meritocracy dominates political rhetoric and everyday practices, paternalism appears at the level of emergency regulatory measures, while the egalitarian ideal remains an unfulfilled declaration. This split generates an anthropological challenge that requires a fundamental reconsideration of the university's mission.

Keywords: justice, higher education, discourse, egalitarianism, meritocracy, paternalism, communitarianism, anthropological challenge.

Справедливость выступает важнейшим критерием оценки эффективности социальных институтов, включая систему образования. «Справедливость — аксиологическая идея о мере должного распределения социальных благ и тягот, воплощающаяся в соответствующих оценках и нормах, на основе которых оценивается и производится деятельность социальных субъектов и социальных институтов различного масштаба» [Карчагин 2013, с. 127]. В современном мире высшее образование перестает быть просто способом трансляции знаний. Оно превращается в стратегический ресурс социально-экономического развития. В этой связи вопрос о справедливости в высшем образовании выходит за рамки социально-политического контекста и приобретает философское значение.

В социально-философском контексте дискурс понимается не просто как совокупность текстов, но как институционализированная система высказываний, которая структурирует социальную реальность и задает границы возможного. «Социально и исторически обусловленная организация системы речи, а также определенные принципы, в соответствии с которыми социальная реальность классифицируется и репрезентируется в те или иные периоды времени, обуславливая тем самым тематику дискурса, а также соответствующие социальные структуры» [Григорьева 2021, с. 52]. «Дискурс — это тонкая контактирующая поверхность, сближающая язык и реальность» [Фуко 2020, с. 49].

В образовательной политике дискурсы справедливости представляют собой конкурирующие способы артикуляции того, что считается «справедливым» в распределении образовательных благ, таких как бюджетные места, доступность качественного образования, ценность диплома, исследовательская база.

Цель данной статьи — вычленить основные конфликтующие дискурсы справедливости, действующие в современной российской образовательной политике. Философская задача состоит в выявлении нормативной логики, на которой основывается данный конфликт.

Дискурс «сущего» — социально-статистический, содержит чисто фактологическую фиксацию. Однако, ввиду трудности исследователя придерживаться беспристрастного взгляда в вопросе социального устройства, основные дискурсы относятся к сфере «должного». Среди них можно выделить несколько нормативных моделей, определенных классическими философскими теориями справедливости: эгалитарно-распределительную, меритократическую, патерналистско-компенсаторную и коммунитаристскую. Представленное разделение строится на основных вопросах, касающихся высшего образования: какие блага необходимо распределить (бюджетные места, качество образования, гранты и стипендии и пр.), принцип распределения данных благ (всем поровну, по заслугам, по потребностям), кто является субъектом распределения (традиционное общество, отдельный индивид, уязвимая группа, элита и пр.).

Эгалитарно-распределительный дискурс раскрывает роль государственного регулирования, обеспечивающего равенство среди всех членов общества. «Если в обществе признается равенство возможностей, то мой успех или неудача в достижении какой-либо цели будут зависеть от моего поведения, а не от моей расовой, классовой или половой принадлежности» [Кимлика 1998, с. 145]. Данный дискурс представлен в официальных документах, таких как Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», Стратегия развития образования до 2030 года, Послания Президента. Согласно Федеральному закону, в России гарантируется право каждого человека на образование, закрепляется

общедоступность и бесплатность высшего образования на конкурсной основе. Отмечается, что доступность высшего образования социально дифференцирована; концентрация бюджетных мест и сильных абитуриентов сосредоточена в крупных вузах; наблюдается снижение доли выпускников 11 классов; повышение стоимости платного обучения и слабая финансовая помощь со стороны государства; межрегиональный дисбаланс [Малиновский, Шибанова 2022]. «Несмотря на формальное равенство доступа к школьному образованию, социально-экономический бэкграунд продолжает оказывать влияние на реальные образовательные возможности и траектории школьников» [Зевелева, Кокунов 2024, с. 78].

Меритократический дискурс реализуется через систему Единого государственного экзамена и олимпиадного движения, целью которых является выявление «одаренных детей» и «наиболее подготовленных» — «каждому по заслугам», ключевой элемент аристотелевской распределительной справедливости. На практике же мы наблюдаем, что данный дискурс усиливает региональное неравенство и централизацию талантов. «В результате реформ, шедших в русле встраивания в глобальное развитие, в российской системе образования сложились такие институциональные преобразования (иерархичная структура образовательных организаций, форм обучения, направлений подготовки; усиление межрегиональных диспропорций; переход из средней в высшую школу посредством ЕГЭ), которые усилили социальное и территориально-поселенческое неравенство доступа молодёжи к высшему образованию различающегося качества и потенциальных выгод на рынке труда» [Чередниченко 2023, с. 417]. Философское осмысление данного дискурса позволяет сделать вывод, что в российском контексте меритократический дискурс формально отменяет имущественные привилегии, делая акцент на таланте и одаренности, которые по факту оказываются доступны в более развитых регионах и для детей из семей, способных оплачивать дополнительные занятия, обеспечивать участие в олимпиадах и конкурсах.

Эгалитарная риторика о «равных возможностях» (послания Президента) вступает в конфликт с меритократической практикой (ЕГЭ, олимпиады), которая на деле усиливает региональное неравенство и централизацию талантов. Данное противостояние является примером отрицательной диалектики, когда равенство процедуры воспроизводит и легитимирует неравенство имеющихся условий.

Патерналистско-компенсаторный дискурс формируется в процедуре квотирования и целевого обучения. В данном дискурсе субъектом является не все общество, как в эгалитарной модели, а особо выделенные группы, которые являются угнетаемыми: участники СВО, сироты, инвалиды и пр. Стоит отметить, что данные процедуры носят фрагментарный характер и не решают системной проблемы. «Незначительное количество студентов на целевых квотах, низкий учебный балл поступающих, высокий процент отчислений — все это говорит о том, что целевое обучение неэффективно в текущем виде для решения системной проблемы нехватки специалистов на рынке труда» [Якушкина, Гаврилюк 2023, с. 319]. Патерналистско-компенсаторный дискурс решает вопрос справедливости адресно, не меняя структуру образовательной системы.

Патерналистско-компенсаторные механизмы (квоты для участников СВО, целевое обучение) выступают как попытка исправить «несправедливость» для определенной уязвимой группы, тогда как другая часть общества воспринимает эту попытку как «несправедливые привилегии». Инструменты данного дискурса фрагментарны и не решают системных проблем.

В последние годы в социально-политическом поле усиливается коммунитаристский дискурс, апеллирующий к традиционным ценностям, патриотическому воспитанию и

образовательному суверенитету, что создает новые линии напряжения. «В настоящее время Россия отказывается от Болонской системы и начинает развивать отечественную «уникальную» модель высшего образования, учитывающую интересы национальной экономики и ориентированную на максимально эффективную реализацию потенциала каждого студента» [Новиков 2023, с. 3594]. Данный дискурс перекликается с идеями Ортеги-и-Гассета о миссии университета как трансляции культуры [Ортега-и-Гассет 2005]. Инструменты коммунитаристского дискурса: увеличение объема изучения истории, введение новой дисциплины «Основы российской государственности», поддержка социальных патриотических проектов, отказ от Болонской системы. Идеи коммунитаризма в образовании вызывают опасение, о котором пишет В. Лоренц: «будет ли коммунитарное образование представлять из себя внедрение доминирующих интересов общества во все образовательные проекты… тогда это эмансипаторский проект, ведущий к преобразованию общества» [Lorenz 1994, p. 93]. Также отмечается, что «трансформация образовательного процесса в товар, регулируемый товарно-денежными отношениями, нивелирует такие традиционные ценности университетского образования, как академичность, статусность и авторитет преподавателя, профессора, доцента, предоставляющего услугу клиенту — студенту» [Каргаполова, Давыдова 2020, с. 42]. Данный дискурс в современных российских реалиях создает точки сопротивления, например, между созданием единого образовательного пространства через введение единых программ и ФГОСов и региональной потребностью в автономии.

Таким образом, российский образовательный дискурс справедливости оказывается расколот: на уровне политической риторики и повседневных практик доминирует меритократия, на уровне нормативных актов и экстренных мер — патерналистско-компенсаторная модель, а эгалитарный идеал «равного доступа для всех» остается скорее декларацией, нежели реализуемым принципом. Этот раскол и ситуация нормативной неопределенности делает саму миссию Университета внутренне противоречивой, что формирует серьезный антропологический вызов. Ответ на данный вызов требует не просто корректировки политики, но пересмотра самого смысла университетского образования.

Список литературы

1. Григорьева 2021 – Григорьева В.Д. Роль лингво-когнитивных механизмов аттрактивизации в конструировании успешных публичных дискурсов // Путь в науку. Образование. Педагогика. 2021. №38. С. 52-54.
2. Зевелева, Кокунов 2024 – Зевелева Е.А., Кокунов К.А. Влияние социально-экономического статуса семьи на образовательные достижения и мотивацию учащихся в средней школе // Управление образованием: теория и практика. 2024. №8-1 (85). С. 74-82.
3. Каргаполова, Давыдова 2020 – Каргаполова Е.В., Давыдова Ю.А. Справедливость в системе высшего образования: исследовательские дискурсы // Социологический альманах. 2020. №11. С. 36-46
4. Карчагин 2013 – Карчагин Е.В. Нормы справедливости в области образования // Artium Magister. 2013. №14. С. 127-131.
5. Кимлика 1998 – Кимлика У. Либеральное равенство // Современный либерализм. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. С. 145.

6. Малиновский, Шибанова 2022 – Малиновский С.С., Шибанова Е.Ю. Доступность высшего образования в России: как превратить экспансию в равенство. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 78 с. (Современная аналитика образования. №67).
7. Новиков 2023 – Новиков С.В. Современное состояние и тенденции развития российской системы высшего образования // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13. №9. С. 3589-3604.
8. Ортега-и-Гассет 2005 – Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета / пер. с исп. М.Н. Голубевой; ред. перевода А.М. Корбут; под общ. ред. М.А. Гусаковского. Минск: БГУ, 2005. 104 с.
9. Фуко М. 2020 – Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой. СПб: Гуманитарная академия, 2020. 413 с.
10. Чередниченко 2023 – Чередниченко Г.А. Эпоха ЕГЭ и реформ в образовании (взгляд социолога) // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19. №3. С. 407–420.
11. Якушкина, Гаврилюк 2023 – Якушкина Н.А., Гаврилюк Е.С. Целевое обучение в условиях цифровой экономики: проблемы и перспективы развития механизма // Научные труды Вольного экономического общества России. 2023. №2. С. 302-326
12. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ (ред. от 25.04.2026)
13. Стратегические приоритеты в сфере реализации государственной программы Российской Федерации "Развитие образования" до 2030 года (в ред. Постановления Правительства РФ от 07.10.2021 № 1701)
14. Lorenz 1994 – Lorenz W. Social Work in a Changing Europe. London: Routledge, Chapman & Hall, Incorporated, 1994. 206 p.

УДК 168:378.4

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Гришечкина Наталья Васильевна
доктор философских наук
Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского, доцент
E-mail: natalja_grishechkina@rambler.ru

Аннотация: В статье определяются условия и возможности развития современного университета как трансдисциплинарного пространства. Выделяются социальные противоречия, инициирующие необходимость перехода современного университета к новой модели развития. Под трансдисциплинарностью понимается методологический подход к изучению действительности, позволяющий отражать многоуровневую структуру реальности и сложностный характер, протекающих в ней процессов. Рассматриваются идеи Ю.Миттельштрасс о роли трансдисциплинарности в развитии современного университета как структурного момента, определяющего возможность его выживания и гарантии будущего для университета, а для науки – новых перспектив развития. В качестве примера сложившейся трансдисциплинарной практики в медицине приводится биоэтика, функциональной ролью

которой является выработка решений сложных морально-нравственных дилемм и основным инструментом этой практики является консенсус. Анализируются взгляды Б.Николеску о трансдисциплинарной эволюции университета, выделяющего четыре основных направления развития трансдисциплинарного пространства современного университета. Конструирование трансдисципинарного пространства университета определяется как необходимое условие его развития в современном обществе.

Ключевые слова: трансдисциплинарность, современный университет, наука и общество, зона обмена, консенсус, биоэтика.

TRANSDISCIPLINARY FIELD OF MODERN UNIVERSITY DEVELOPMENT

Grishechkina Natalya Vasilyevna
Saratov State Medical University n.a. V.I. Razumovsky, Associate Professor

Abstract: The article defines the conditions and opportunities for the development of a modern university as a transdisciplinary field. There are social contradictions initiating the need for the transition of a modern university to a new model of development. Transdisciplinarity is considered as a methodological approach to the study of reality, which allows reflecting the multi-level structure of reality and the complexity of the processes taking place in it. The ideas of J. Mittelstrasse on the role of transdisciplinarity in the development of a modern university as a structural moment that determines the possibility of its survival and guarantees the future for the university, and for science - new development prospects are considered. Bioethics is defined as an example of the established transdisciplinary practice in medicine, the functional role of which is to develop solutions to complex moral dilemmas and the main tool of this practice is consensus. The views of B. Nicolescu on the transdisciplinary evolution of the university, which distinguishes four main directions of development of the transdisciplinary field of a modern university, are analyzed. The construction of the university's transdisciplinary field is defined as a necessary condition for its development in modern society.

Keywords: transdisciplinarity, modern university, science and society, trade zone, consensus, bioethics.

Усложнение социальной реальности, рост научного знания и, соответственно, расширение его социальной природы приводит как следствие к нарастанию релятивизма и к острому противоречию между той картиной мира, которую выстраивает наука и той реальностью, в которую погружен человек. В условиях коэволюции науки и общества происходит не только контекстуализация знания, но также радикально изменяется роль университетов, национальных научно-исследовательских центров и экспертных сообществ, становящихся частью транснациональных инновационных кластеров и сетей, формирующих инновационную экосистему «общества знания», основанную на конвергентных технологиях.

Юрген Миттельштрасс в своем докладе и одноименной статье «Будущее науки и настоящее университета» описывает современный университет следующим образом: «Здесь воспроизводится посредственность, культивируется необузданность, программируется высокая безработица и транжирится много времени и денег» [Миттельштрасс 2013, с. 101]. Доклад был озвучен в 1992 году в Дрездене на годовом собрании Союза учредителей фондов для развития науки в Германии. Несмотря на пристальное внимание общества к судьбе Университета и интенсивные попытки найти релевантную модель его развития более чем за 30 лет данная характеристика вряд ли потеряла свою актуальность. Проблема остается, и Идея

Университета требует своего определения. Ю. Миттельштрасс выделяет три структурных момента [Миттельштрасс 2013, с. 117], развитие которых с его точки зрения способно обеспечить будущее университета, а науке – новые перспективы развития. К ним относятся: трансдисциплинарность, элитарное образование и молодежь. Университет представляет собой уникальное пространство, в котором возможно объединение и воплощение данных моментов в действительность. «Дисциплинарные условия трансдисциплинарности», изначально присутствующие в университете определяют его исключительные возможности в развитии новой формы исследования. Стоит отметить, обращаясь к исследованиям феномена трансдисциплинарности, что социальный запрос на него возникает, как отмечают авторы монографии «Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы», во второй половине XX века, когда понятие трансдисципинарности становится предметом обсуждения ученых и представителей общественности [Бажанов, Шольц (ред.) 2015, с. 12]. Трансдисциплинарность это методологический подход к изучению действительности, позволяющий отражать многоуровневую структуру реальности и сложностный характер, протекающих в ней процессов.

Современный университет в своем развитии оказывается заложником внутренних противоборствующих сил, задающих его динамику. С одной стороны, стремительно меняющаяся под воздействием технологий инфрастурктура современного общества определяет социально-значимые направления развития университета. С другой стороны, внутренняя логика развития научного познания требует новых форм научной профессионализации и организации знания, способных отражать сложностную динамику объективной реальности. Данные противоречия, выражающие разрыв между наукой и современным обществом определяют необходимость поиска новых механизмов интеграции науки в культуру и социум, обеспечивающих их воспроизводство. В этих условиях трансдисциплинарные стратегии развития университета становятся единственно возможным способом преодоления указанных противоречий и способствуют формированию единства целей науки и общества на уровне общественного сознания.

Университет как трансдисциплинарное пространство становится местом взаимодействия науки и общества в форме гражданской науки, в котором зарождаются проекты популяризации науки, ориентированные на формирование позитивного образа науки, а также вовлечение людей в научную деятельность и создание механизмов для конструирования среды профессионально-непрофессиональной коммуникации. При этом динамика данного пространства осуществляется как на внутреннем уровне через согласования деятельности и убеждений различных научных групп в совместной деятельности и при помощи формирования общего локального языка, который в дальнейшем может быть институциализирован как новая научная область. Так и на внешнем уровне через взаимодействие между учеными и иными социальными акторами в процессе производства знания и его применения для решения социально-значимых проблем.

Университет становится трансдисциплинарным пространством, обладающим потенциалом эвристического поиска знания, стратегий минимизации и управления рисками, развития трансдисциплинарных форм коммуникации. Так, например, современная модель университета Будущего (Университет 5.0) представляет собой трансдисциплинарное пространство, создающее условия стимулирования рынка и экономического роста, основы глобальной конкурентоспособности национальных экономик и наднациональных объединений при этом сочетающееся с фокусом развития социальных и эмоциональных

способностей адаптации обучающихся к умной среде, экологического мышления, включающего принципы здоровьесбережения и безопасности.

Фундаментальной онтологической характеристикой трансдисциплинарности является трансгрессивность как тотальная направленность к прорыву любых социальных границ, институциональных и стратификационных, и их преодоление в коллективных познавательных проектах. Трансдисциплинарное пространство университета позволяет осуществлять преодоление не только внутренних дисциплинарных границ науки, но и выходить на уровень взаимодействия и колаборации с социальными институтами. Показательным примером возникновения трансдисциплинарной научной практики является случай биоэтики, области научного исследования, задачей которой изначально стало преодоление разрывов и «наведение мостов» между природой и обществом, наукой и культурой, теорией и практикой и выработка решений сложных морально-нравственных дилемм, возникающих в ходе развития биомедицинских технологий и их использования. Трансдисциплинарность биоэтики стала задавать направление развития современной медицины на пути поиска консенсуса на уровне теории и практики в решении проблем, затрагивающих фундаментальные основы человеческого бытия и требующих выработки морально-нравственных принципов их решения. Биоэтика как «мост в будущее» изначально стала пространством преодоления границ и поиска единства целей, методов и средств на пути формирования нового знания о человеке.

Размышляя о трансдисциплинарной эволюции университета и условиях его устойчивого развития, Басараб Николеску, основатель международного центра трансдисциплинарных исследований (CIRET, Париж 1987) отмечает [Nicolescu 1998, p. 80], что если университеты намерены стать участниками процесса устойчивого развития, они должны признать факт возникновения нового типа производства знания наряду с дисциплинарным производством. Он выделяет четыре основных направления развития трансдисциплинарного пространства современного университета: научное, связанное с исследовательской деятельностью; профессиональное, направленное на формирование основ и навыков профессиональной деятельности; коммуникативное, ориентирующее на сотрудничество в реализации целей и персоналистическое, связанное с формированием личности и самоопределением обучающихся. Трансдисциплинарное пространство университета, с точки зрения Б. Николеску, предполагает необходимость многомерного развития и его открытость гражданскому обществу, другим формам производства нового знания, киберпространству-времени, универсальности знания, переопределению ценностей, регулирующих его собственное существование и развитие.

Таким образом, конструирование трансдисципинарного пространства университета является условием его развития в современном обществе. Трансдисциплинарное образование направлено на формирование целостного мировоззрения человека, основанного на единстве знания и понимании всеобщих принципов бытия и познания. Трансдисциплинарное пространство университета на пути своего развития становится единственно возможным условием познания многоуровневой реальности в ее единстве и целостности. В связи с этим особую роль и место в развитии трансдисциплинарного пространства университета способна занять философия с ее многовековым опытом и потенциалом направленности на изучение всеобщего.

Список литературы

1. Бажанов, Шольц (ред.) 2015 – Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / под ред. В. Бажанова, Р. Шольца. М.: Навигатор, 2015. 564 с.
2. Миттельштрасс 2013 – Миттельштрасс Ю. Будущее науки и настоящее университета // Логос. 2013. №1 (91). С. 100-121.
3. Nicolescu 1998 – Nicolescu B. Transdisciplinary Evolution of the University // Condition for Sustainable Development, Rencontres Transdisciplinaires. 1998. №°12. P. 75-85.

УДК 167.7

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ КАК ФИЛОСОФСКАЯ СТРАТЕГИЯ В УСЛОВИЯХ ИНДИГЕННЫХ ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ ПРАКТИК

Ламбаева Ирина Александровна
к. филос. н.
Московский государственный технический университет гражданской авиации. доцент
E-mail: i.lambaeva@mstuca.ru
Артамонова Марина Васильевна
к. соц. н.
Московский государственный технический университет гражданской авиации. доцент
E-mail: m.artamonova@mstuca.ru

Аннотация. В статье рассматривается трансдисциплинарность как философская стратегия, позволяющая преодолеть ограничения дисциплинарной и мультидисциплинарной моделей образования в условиях индигенных эпистемических практик. Дисциплинарная модель редуцирует индигенные знания до объекта изучения в рамках существующих дисциплин, тогда как мультидисциплинарный подход добавляет их как экзотическое дополнение, не затрагивая оснований образования. Индигенные эпистемологии обладают характеристиками, делающими их несводимыми к классической научной рациональности: контекстуальная обусловленность знания, его неотделимость от конкретного ландшафта и практик сообщества; коммуникативная природа производства знания, укорененного в межпоколенческой передаче и коллективных практиках; признание познаваемого активным агентом, способным к диалогу и сопротивлению. В отличие от классической науки, стремящейся к универсальности и элиминации субъекта, в индигенных системах укорененность познающего является условием легитимности знания. В качестве альтернативы предлагается трансдисциплинарность, понимаемая не как педагогическая технология, а как философская стратегия, предполагающая выход за пределы дисциплинарных границ и включение вне-дисциплинарных форм знания в познавательный процесс. Опираясь на концепцию «трансформативной трансдисциплинарности», авторы подчеркивают, что подлинный диалог эпистемических традиций трансформирует всех участников, требуя не только когнитивной интеграции, но и структурных изменений в институциональных практиках. Трансформативная трансдисциплинарность центрирует понятие «частичных пересечений» в эпистемологическом, онтологическом и ценностном измерениях.

Ключевые слова: трансдисциплинарность, индигенные эпистемологии, трансформативная трансдисциплинарность, эпистемический патернализм, частичные пересечения

TRANSDISCIPLINARITY AS A PHILOSOPHICAL STRATEGY IN THE CONTEXT OF INDIGENOUS EPISTEMIC PRACTICES

Lambaeva Irina Aleksandrovna
Candidate of Philosophical Sciences
Moscow State Technical University of Civil Aviation, Associate Professor
Artamonova Marina Vasiljevna
Candidate of Sociology, Associate Professor
Moscow State Technical University of Civil Aviation, Associate Professor

Abstract. The article examines transdisciplinarity as a philosophical strategy that allows overcoming the limitations of disciplinary and multidisciplinary models of education in the context of indigenous epistemic practices. The disciplinary model reduces indigenous knowledge to an object of study within existing disciplines, whereas the multidisciplinary approach adds it as an exotic supplement without affecting the foundations of education. Indigenous epistemologies possess characteristics that render them irreducible to classical scientific rationality: the contextual nature of knowledge and its inseparability from specific landscapes and community practices; the communicative nature of knowledge production, rooted in intergenerational transmission and collective practices; the recognition of the knowable as an active agent capable of dialogue and resistance. Unlike classical science, which strives for universality and the elimination of the subject, in indigenous systems the embeddedness of the knower constitutes a condition for the legitimacy of knowledge. As an alternative, transdisciplinarity is proposed, understood not as a pedagogical technology but as a philosophical strategy that implies transcending disciplinary boundaries and including extra-disciplinary forms of knowledge in the cognitive process. Drawing on the concept of "transformative transdisciplinarity" the author emphasizes that genuine dialogue between epistemic traditions transforms all participants, requiring not only cognitive integration but also structural changes in institutional practices. Transformative transdisciplinarity centers on the notion of "partial overlaps" across epistemological, ontological, and value dimensions.

*Keywords***:** transdisciplinarity, indigenous epistemologies, transformative transdisciplinarity, epistemic paternalism, partial overlaps

Трансдисциплинарность как стратегия современной философии образования сформировалась как ответ на кризис дисциплинарной организации знания, которая перестала соответствовать природе проблем, решаемых специалистом в условиях постнеклассической науки [Степин 2000]. В то же время возникла необходимость «говорить о транскультурной компетентности индивида, которая выстраивается как образовательная стратегия и практическое задание» [Киященко 2018, с. 226]. Индигенные знания и практики неожиданно громко заявляют о себе как о важном ресурсе, способном дать один из возможных ответов выживания и адаптации в мире риска, хрупкости, нестабильности и текучести. Но это требует пересмотра фундаментальных эпистемологических допущений, признания эпистемической легитимности индигенных способов познания – систем знания, укорененных в конкретных культурах, ландшафтах и практиках сообществ, на протяжении столетий маргинализировавшихся доминирующей академической традицией [Куропятник 2019, с. 391].

Индигенные эпистемические практики не могут быть адекватно включены в образовательный процесс в рамках существующих парадигм. Дисциплинарная модель

редуцирует их к объекту изучения в рамках этнографических или антропологических дисциплин. Мультидисциплинарная модель добавляет их как экзотическоеополнение, не затрагивающее оснований образования. И та, и другая стратегии – формы эпистемического насилия, поскольку либо ассимилируют инаковое, либо вытесняют его на периферию.

В отличие от классической науки, стремящейся к универсальности и элиминации субъективных обстоятельств, индигенные практики неотделимы от конкретного места, времени, сообщества и его истории. Знание здесь не является абстрактной пропозицией, истинной во всех возможных мирах, а представляет собой ситуативное знание, имеющее смысл только в отношении к конкретному ландшафту, экосистеме и практикам воспроизводства сообщества. Субъект познания не устраняется, напротив, его укорененность является условием легитимности знания: «современный дискурс индигенности, будучи направлен на преодоление «этнографической реальности Другого», ... вбирает ряд идей и инструментов, сопряженных с прежними символическими структурами доминирования. Это относится, прежде всего, к способам концептуализации коренными народами своей культуры и идентичности, подразумевающим их локализацию в границах определенных территорий» [Куропятник 2019, с. 391].

Индигенные эпистемологии не ориентированы на модель изолированного исследователя, производящего знание в лаборатории или кабинете. Знание производится в сообществе, через устную трансляцию, ритуальные практики, межпоколенческую передачу. Носитель знания не является автономным индивидом в либеральном смысле; его идентичность конституируется через сеть отношений с другими членами сообщества, с предками и с землей, «пересечение антропологической теории и индигенных практик в этом случае представляется очевидным» [Куропятник 2019, с. 391].

В классической научной парадигме объект познания полагается пассивным, инертным, лишенным собственной интенциональности. В индигенных системах познаваемое наделяется статусом активного агента, способного к ответу, к диалогу, к сопротивлению манипуляции. Познание здесь есть не извлечение, а установление отношений с Другим, признаваемым субъектом [Куропятник 2019, с. 393].

Данные характеристики образуют системное единство, позволяющее рассматривать индигенные эпистемологии как самостоятельную эпистемическую формацию, несводимую к классической научной рациональности. Попытка включения индигенных эпистемологий в дисциплинарную модель приводит к плохим результатам: индигенное знание переводится на язык академических дисциплин, теряя при этом свою целостность, практическую ориентацию и связь с сообществом, либо индигенное знание включается в образование как экзотическая добавка, не затрагивая основного содержания образования и не подвергая сомнению его эпистемические основания.

Мультидисциплинарная модель, предполагающая простое суммирование дисциплинарных перспектив без их взаимного пересечения, не преодолевает этих ограничений, а лишь усугубляет их, создавая видимость инклюзивности при сохранении иерархии. В качестве альтернативы дисциплинарной и мультидисциплинарной моделям предлагается трансдисциплинарность, понимаемая не как педагогическая технология, а как философская стратегия [Киященко 2018].

Трансдисциплинарность предполагает выход за пределы дисциплинарных границ и включение в познавательный процесс «вне-дисциплинарных» форм знания - обыденного, личностного, практического, а также индигенного. Противоречия между наукой и другими формами знания могут быть преодолены с помощью «конструктивного «эпистемологически

непредвзятого» диалога когнитивных практик, составляющих целостный опыт человеческого познания», что было отмечено в «Венецианской декларации» [Гребенщикова, Киященко 2013, web].

Трансдисциплинарная установка отвергает представление о единственном универсальном методе познания. Существуют различные эпистемические традиции, каждая из которых имеет свои условия легитимности, свои критерии валидации и свои границы применимости. Подлинная трансдисциплинарность не оставляет участников неизменными. В диалоге трансформируются все стороны — и исследователи, и носители индигенного знания, и институциональные практики.

Эль-Хани и Людвиг вводят для этого понятие «трансформативной трансдисциплинарности», подчеркивая, что она требует не только когнитивной интеграции, но и структурных изменений в институциональных практиках. Они определяют трансформативную трансдисциплинарность как «объединение различных акторов, обладающих разнородными знаниями, для совместной выработки системных изменений. Трансдисциплинарность исходит из того, что междисциплинарного сотрудничества в рамках академической науки недостаточно, поскольку для решения многих реальных проблем требуется экспертиза участников, находящихся за пределами университетов» [El-Hani, Ludwig 2025, web, p. 12]. В отличие от эпистемического патернализма (признание только научного знания) и наивного интеграционизма (признание лишь пересекающихся частей локального знания), трансформативная трансдисциплинарность центрирует понятие «частичных пересечений» в эпистемологическом, онтологическом и ценностном измерениях [El-Hani, Ludwig, 2025, web, p. 70].

Трансдисциплинарная стратегия может стать методологической основой проектирования образовательных программ, отвечающих на вызов индигенных эпистемических практик. Университеты, реализующий трансдисциплинарные программы, должны подвергать рефлексии собственные институциональные практики критерии академического успеха, систему распределения ресурсов, процедуры принятия решений.

Индигенные эпистемические практики обладают характеристиками (контекстуальная обусловленность, коммуникативная природа, возникающая субъектность объекта, альтернативные критерии валидации), которые делают их нередуцируемыми к классической научной рациональности. Дисциплинарная и мультидисциплинарная модели образования неадекватны для работы с ними, так как ведут либо к редукции, либо к маргинализации. Трансдисциплинарность, понимаемая как философская стратегия, а не педагогическая технология, предлагает альтернативу, ее ключевые установки позволяют организовать диалог между гетерогенными эпистемическими традициями. Принципы проектирования трансдисциплинарных образовательных программ задают практические ориентиры для реализации трансдисциплинарной стратегии.

Трансдисциплинарность образования в условиях индигенных эпистемических практик представляет собой не адаптацию существующей системы к новым содержательным элементам, а фундаментальную трансформацию эпистемологических оснований образования. Эта трансформация требует признания множественности легитимных способов познания и выстраивания ответственных отношений между различными эпистемическими сообществами. Философская задача заключается в создании условий для диалога, в котором ни одна из перспектив не получает априорного привилегированного статуса.

Список литературы

1. Гребенщикова, Киященко 2013, web – Гребенщикова Е., Киященко Л. Трансдисциплинарные основания инноваций в образовании // Філософія освіти. 2013. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transdistsiplinarnye-osnovaniya-innovatsiy-v-obrazovanii (дата обращения: 01.05.2026).
2. Киященко 2018 – Киященко Л.П. Математика – трансдисциплинарная парадигма образования (случай биоэтики) // Философия образования. 2018. Т. 22. № 1. С. 224–239.
3. Куропятник 2019 – Куропятник М.С. Индигенность в контексте глобализации: эпистемологический и социокультурный аспекты // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. № 3. С. 387-396.
4. Степин 2000 – Степин В.С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
5. El-Hani, Ludwig 2025, web – El-Hani C.N., Ludwig D. Transformative transdisciplinarity: Navigating from philosophy to practice // Descartes Centre Colloquium. Utrecht University, 2025. 25 p. URL: https://philsci-archive.pitt.edu/26612/1/Ludwig%20and%20El-Hani%20-%20Transformative%20Transdisciplinarity.pdf

УДК 001

ПРИЗНАКИ И КРИТЕРИИ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Абрамова Мария Алексеевна
доктор педагогических наук, профессор
Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом социальных и правовых исследований

Аннотация: Сделана попытка разграничения меж- и трансдисциплинарного исследования на основе выделения базовых признаков организации процедуры исследования. Автор приходит к выводу, что признаками трансдисциплинарного исследования являются: наличие общего основания, обеспечивающего траекторию сквозного прохода через разные дисциплинарные поля и предпосылки получения нового научного знания не на стыке нескольких областей знания, а в каждой отдельно. Это становится возможным благодаря “гибридным” формам организации исследовательских коллективов, применяющих критерии оценки качества решения научных задач, поставленных в рамках своих дисциплинарных направлений и вырабатывающих внутренние дополнительные критерии для оценки успешности совместной деятельности, что является свидетельством дополнения, а не размывания принципов внутринаучной экспертизы.

Ключевые слова: трансдисциплинарность, меж- и трансдисциплинарное исследования, «гибридный» исследовательский коллектив, признаки и критерии трансдисциплинарного исследования.

FEATURES AND CRITERIA OF TRANSDISCIPLINARY RESEARCH

Abramova Mariya Alekseevna

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Leading Researcher, Head of the Department of Social and Legal Studies

Abstract: The article attempts to distinguish between interdisciplinary and transdisciplinary research based on the identification of basic features of the research procedure. The author concludes that the features of transdisciplinary research include the presence of a common foundation (which provides a trajectory for passing through different disciplinary fields), the prerequisites for obtaining new scientific knowledge (not at the intersection of several fields of knowledge, but in each field separately), and the use of "hybrid" forms of organization for research teams that apply criteria for evaluating the quality of solving scientific problems within their respective disciplinary fields and develop internal additional criteria for evaluating the success of their collaborative efforts. In general, this attitude towards the criteria is a testament to the addition, rather than the dilution, of the principles of internal scientific expertise.

Keywords: transdisciplinarity, inter- and transdisciplinary research, "hybrid" research team, features and criteria of transdisciplinary research.

Востребованность новых моделей познания, обусловливает актуальность трансдисциплинарного поворота, ориентированного, как отмечает Е.Г. Гребенщикова «в отличие от иных форм дисциплинарной интеграции знания, как то меж-(интер)дисциплинарность, поли- (плюро) на контекстуализацию, рефлексию, параметры приемлемости и формирование “гибридных” форм исследовательских коллективов, трансформирующих принципы внутринаучной экспертизы» [Гребенщикова 2012, с. 13]. Последнее замечание является для нас наиболее ценным, поскольку динамика интереса к междисциплинарным исследованиям, трансформировавшаяся за последние сорок лет от резкого неприятия, как показателя непрофессионализма, до абсолютной востребованности, как создания условий получения инновационного знания, привела к появлению новых областей научного знания, претендующих на самостоятельность.

Пронизывающей практически все области в последние годы является технология ИИ, которая для одних ученых создает новые возможности познания, совершенствуя методы получения и фиксации информации, а для других, по сути, является исследовательским полем, ограниченным возможностями и фантазией разработчиков. Таким образом, ИИ является одним из примеров трансдисциплинарного поворота, поскольку каждый из разработчиков для полноценного развития технологии в той или иной области знания должен освоить представления о ней и остаться специалистом в своей. Кто в данном случае будет определять успешность решения исследовательских задач? По всей вероятности, именно представители “гибридных” форм исследовательских коллективов, поскольку для одних внедрение позволит расширить потенциальные возможности получения новой информации и ее обработки, а для вторых именно одобрение первых станет ответом о качестве предложенного технологического решения. Чем чаще будут образовываться данные “гибридные” формы исследовательских коллективов, тем более разнообразными станут примеры применения ИИ и возможно больше исследовательских задач будет решено.

Почему данный пример для нас не является примером междисциплинарного исследования? Мы полагаем, что основным результатом исследования в рамках меж- или интердисциплинарности является получение результата, ограниченного междисциплинарным полем. Применение и развитие ИИ не заставляют исследователей создавать симбиоз научного продукта, а лишь способствуют решению самостоятельных научных задач в конкретных областях. Наверное, можно было бы эту ситуацию сопоставить с введением в 60-70-х гг. XX в. компьютеров для обработки информации в научных исследованиях. Да, в какой-то мере это способствовало появлению самостоятельных областей, которые, скорее всего, могут быть отнесены к междисциплинарным. Но изначально на стадии массированного введения и апробации новой технологии именно спонтанное появление “гибридных” форм исследовательских коллективов стало той отправной точкой, когда новые практики и критерии оценки научного результата еще только вырабатывались и закреплялись. По сути, мы сейчас находимся на этом же этапе, только уже с введением ИИ.

Таким образом, для нас признаками проявления трансдисциплинарности является наличие чего-то, осуществляющего функцию сквозного, проходящего через, выходящего за (в данном случае технологии ИИ), создающего условия получения научного знания не на стыке нескольких областей знания (научный продукт может быть благодаря этому сквозному получен в каждой из областей), что становится возможным благодаря “гибридным” формам исследовательских коллективов и вырабатываемых в них критериев оценки качества решения поставленных задач.

Мы специально в данном определении не ограничиваем понятие «чего-то», потому что им могут выступать не только технологии, такие как в свое время компьютеры или ИИ в настоящем. Этим «чем-то» может выступить концепт. Например, Род. Представление о ценности Рода, о потребности сохранения памяти о нем может дать толчок для объединения вокруг этой даже не идеи, а именно концепта представителей целого ряда научных направлений. Российское общество сейчас переживает волну резкого подъема интереса людей к своим корням. Причин объясняющих ситуацию множество: поиск идентичности в условиях кризиса, снятие запретов на информацию об исторических событиях и людях и пр. Темы генеалогии или родоведения обсуждают не только историки, но и педагоги, использующие возможности обращения к истории в воспитании детей, географы, составляющие карты поселений, юристы, обращающиеся к вопросам восстановления документов и подтверждению родственных связей, разработчики ИИ, оживляющие не только фотографии, но и разрабатывающие программы для погружения человека в историческую реальность, археологи, дизайнеры, помогающие оформлять собранные сведения о Роде в виде книг, альбомов, кинорежиссеры создающие видеофильмы и пр. Как мы уже отмечали, происходит на наших глазах формирование нового социокультурного института [Абрамова 2024] со своими практиками, нормами, критериями оценки качества осуществляемой деятельности, со своей внутренней структурой и иерархией участников. И основой его появления стал именно концепт Род.

Анализируя данный пример, мы также видим признаки трансдисциплинарности. Есть в данном случае концепт, выполняющий функции «сквозного». Каждое из дисциплинарных полей соприкасающееся с ним получает в качестве результата проведенных исследований свои новые продукты. Это может быть дополненная история местности, новые сведения о Родах, об их связях, новые технологии, репрезентирующие информацию о людях и событиях, описание архивных источников и пр. Под каждую задачу формируется свой “гибридный”

исследовательский коллектив, вырабатывающий критерии оценки качества решения поставленных перед ним задач.

Мы полагаем, что из выделенных нами критериев трансдисциплинарности, последний – о разработке критериев оценки качества, может быть подвергнут сомнению, поскольку в рамках научного направления они вырабатываются исторически и подтверждаются многократным применением. В условиях проведения исследования, обладающего признаками трансдисциплинарности, их выработка ограничена во времени, обусловлена субъективностью понимания участников коллектива и уровнем их профессионализма. В качестве аргумента можно апеллировать к тому, что оценка уровня получаемого исследовательского результата определена потенциальным «вписыванием» его в то научное направление, в котором работает тот или иной участник «гибридного» исследовательского коллектива, поскольку мы изначально разводим понятия меж- и трансдисциплинарность по критерию отнесенности нового продукта научного знания к междисплинарной области или внутридисциплирной. Таким образом, критерии для оценки качества проведенного исследования «гибридным» коллективом уже традиционно присущи научным областям знаний, но в процессе работы могут вырабатываться внутренние дополнительные критерии для оценки успешности их совместной деятельности, что и становится процедурой «трансформации принципов внутринаучной экспертизы» [Гребенщикова 2012, с. 13]. В результате трансдисциплинарность не становится полем для размывания критериев научности, она лишь позволяет расширить комплексное представление об изучаемой проблеме, способствуя ее многоуровневой репрезентации и сочетанию фундаментального и прикладного направлений исследований.

Список литературы

1. Абрамова 2024 – Абрамова М. А. Перспективы развития генеалогии в России как социокультурного института // ДИСКУРС. 2024. Т. 10. № 5. С. 43–53.
2. Гребенщикова 2012 – Гребенщикова Е.Г. Философско-методологическое обоснование трансдисциплинарной парадигмы в биоэтике: автореф. дис. … д-ра филос. наук. М., 2012. 42 с.

ЧАСТЬ 21
ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ В УНИВЕРСИТЕТЕ. К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л.А. МИКЕШИНОЙ

УДК 378.048.2:001.81

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКСПЕРТНОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА (МЭАТ) В ПРЕПОДАВАНИИ И ИЗУЧЕНИИ КУРСА ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Сорина Галина Вениаминовна
доктор философских наук
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
профессор кафедры философии языка и коммуникации
Email: gsorina@mail.ru

Аннотация: в докладе, с одной стороны, будет представлена Методология экспертного анализа текста (МЭАТ), с другой – проанализированы особенности использования ее в рамках курса по истории и философия науки и техники. Данный курс в своей целостности предполагает не только изложение центральных идей по истории и философии науки и техники в рамках конкретных дисциплин, в которых, в частности, рассматриваются особенности истории изучаемой предметной области, но и разработку, а затем и использование некоторых общезначимых методологических идей преподавания курса как такового и представления в его рамках общезначимого подхода к процессу преподавания. В качестве такого релевантного поставленным задачам инструмента в докладе будет рассмотрена Методология экспертного анализа текста (МЭАТ), разработанная автором, продемонстрирован практический характер работы на платформе Методологии экспертного анализа текста, представлены элементы инсайта, формирующегося в процессе работы коллективного и индивидуализированных субъектов.

Ключевые слова: Методология экспертного анализа текста, история и философия науки и техники, эксперт, понятие, вопрос, платформа МЭАТ

THE METHODOLOGY OF EXPERT TEXT ANALYSIS (META) IN TEACHING AND LEARNING THE COURSE OF HISTORY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Sorina Galina Veniaminovna
DSc in Philosophy,
M.V. Lomonosov Moscow State University,
Department of Language Philosophy and Communication,
Professor

Abstract: This paper will present the Methodology of expert text analysis (META) and analyze its application within a course on the history and philosophy of science and technology. This course, taken as a whole, not only presents central ideas in the history and philosophy of science and technology within specific disciplines, but also develops and then applies certain generally accepted methodological concepts for teaching the course as such and presents a generally accepted approach to the teaching process within it. The paper will presented META, developed by the author, as a tool relevant to the objectives. The practical nature of this educational platform will be presented. The fact of manifestation of insight will be demonstrated. Elements of insight generated through the work of both collective and individual participants will be presented.

Keywords: the Methodology of expert text analysis (META), the history and philosophy of science and technology, expert, concept, question, platform of META

Представляемый доклад содержательно основан на ряде ранее опубликованных статей автора (они представлены в списке литературы), посвященных Методологии экспертного анализа текста (МЭАТ). За разработку МЭАТ Г.В. Сорина получила патент, авторское свидетельство результатов интеллектуальной деятельности (РИД) [*№ гос. регистрации АААА-Г17-617060110019-6 от 01/06/2017*].

В докладе представляется образовательная платформа МЭАТ. Понятие «образовательная платформа» в условиях современности ассоциируется, в первую очередь, с различными цифровыми сервисами, предназначенными для хранения данных, проведения обучения в различных онлайн формах. Между тем платформа как таковая – это некоторая основа, среда, на которой можно что-то располагать, строить, развивать и т.д. МЭАТ – это, в первую очередь, платформа, построенная для проведения аналитики текста [Сорина 2024, Сорина 2025, Pronskikh 2022]. МЭАТ, с одной стороны, предполагает развитие критического мышления, с другой – направлена на формирование экспертной, научно ориентированной коммуникации и способности к проведению рефлексивного анализа, индивидуального и группового. Такой подход способствует более глубокому пониманию особенностей научной деятельности в условиях все более широкого использования коллективных субъектов в рамках сложных групповых кооперaций в современной науке. Кроме того, философский подход, заложенный в основание МЭАТ, сразу же ориентирует молодых исследователей на междисциплинарный анализ и синтез проблем своих собственных диссертационных исследований.

Аспиранты не только слушают лекции по проблемам истории и философии науки и техники, но и осуществляют практический анализ текстов по своей предметной области на платформе МЭАТ. Фундаментом МЭАТ, в свою очередь, выступает аналитическая таблица-отчет (АО) следующего вида:

Список основных понятий, представленных в тексте и их важнейшие характеристики	Вопросы к тексту	Размышления и комментарии	Возможные ассоциации и аналогии, связанные с диссертационным исследованием автора отчета

Заполнение таблицы предполагает два основных этапа: изучение и анализ текста, соответствующего программе курса, дома и обсуждение его в рамках выделенных экспертных групп в ходе практических занятий. Результатом анализа текста на первом этапе (который выполняется аспирантами индивидуально) является составление таблицы с четырьмя колонками: 1) основные понятия, содержащиеся в тексте, и их характеристики 2) вопросы к

тексту 3) размышления и комментарии 4) возможные ассоциации и аналогии, связанные с темой диссертационного исследования автора. Четвертая колонка аналитический таблицы ориентирована на междисциплинарный анализ.

Эксперты в составе 2-4 человек выбираются в группе. Все участники обсуждения анализируют один и тот же текст. Но эксперты обладают некоторыми преимуществами: они вначале работы представляют аннотацию предстоящей работы, т.е. формируют направление предстоящей работы, они же первыми задают вопросы в группе. В то же время все присутствующие в аудитории, включая главного эксперта, преподавателя, имеют право задавать вопросы в аудитории. Главный эксперт этим правом активно пользуется, фактически направляя и удерживая обсуждение в нужном русле. В то же время главный эксперт, преподаватель, делегирует *часть своих полномочий* экспертной группе, сохраняя вместе с тем свои лидерские позиции. При этом меняется привычное пространство учебной работы в аудитории: экспертная группа и сидит за преподавательским столом, а преподаватель за последним столом в аудитории.

Готовясь к занятию, эксперты тщательно прорабатывают текст, составляя вопросы по нему, и обсуждают их между собой, решая, в какой последовательности и как они будут задавать вопросы остальным членам группы, и как будут их комментировать в процессе экспертной работы уже в учебной аудитории. В процессе проведения экспертной работы на платформе МЭАТ проявляются современные особенности геймификации в образовательном процессе. В МЭАТ семинарское занятие как раз и превращаются в практически работающий интерактив с элементами геймификации.

Занятия на платформе МЭАТ организуются в игровой форме в соответствии с заранее введенными правилами. МЭАТ позволяет занимать исследовательскую позицию даже в том случае, если речь идет о начинающем студенте, тем более об аспиранте. Исследовательская установка заключается в том, чтобы уметь соотносить между собой разные точки зрения, вступать с ними в коммуникацию с учетом различий между временем написания текста и его современным прочтением. Значение Методологии проявляется не только в том, что она позволяет анализировать разные тексты, написанные в рамках различных культурных традиций. Она (1) способствует развитию самостоятельности мышления студента и аспиранта при работе с текстами и при условии соблюдения регламента МЭАТ, представленного как в организационных, так и этических правилах; (2) содействует развитию критического мышления; (3) формирует как культуру ведения полемики, так и умение модерировать сложные дискуссионные площадки. В качестве пилотного варианта дискуссионных площадок как раз и выступают дискуссии между экспертной группой и основной частью группы, построенные в рамках МЭАТ в ходе работы на практических занятиях; (4) вырабатывает понимание у каждого участника коммуникации своей ответственности за результаты как индивидуальной, так и командной интеллектуальной деятельности. В АО представлено концентрированное выражение результатов интеллектуальной деятельности. МЭАТ оказывается системным инструментом анализа.

Системность МЭАТ заключается еще и в том, что аналитическая таблица каждый раз воспринимается в единстве всех ее задач. Когда кто-то пишет основные понятия в первой колонке, то в то же время он думает о том, как представить эти понятия в четвёртой колонке в связи со своей собственной исследовательской темой. А так как анализируемые тексты непосредственно не посвящены теме, например, конкретной диссертации, то формируется необходимость междисциплинарности как способа соединения исследовательской темы с какими-то классическими проблемами, изучаемыми в курсе. Кроме того, в рамках такого

междисциплинарного подхода обязательным элементом является рефлексивный анализ. Сколько бы времени ни уходило на анализ текста, экспертная работа, в соответствии с регламентом, всегда завершается рефлексивным анализом проведенного исследования. Эксперты анализируют работу группы, группа анализирует работу экспертов. Главный эксперт, т.е. преподаватель, обобщает представленный рефлексивный анализ. В сухом остатке основное – это то, что МЭАТ способствует становлению профессиональной исследовательской деятельности. При этом важно, что выбор, работать или не работать экспертом, осуществляется участником экспертной работы самостоятельно и таким образом, что у конкретного эксперта есть возможность проявить свои «природные наклонности», отсутствует «насильственно внедренное в душу» знание. В то же время МЭАТ позволяет выстраивать личностно ориентированные курсы, ибо у аспирантов всегда есть возможность высказать свою точку зрения, обсудить ее с другими, «поговорить самим».

Экспертная работа, как уже отмечалось выше, опирается на регламент. При обсуждении текстов используются этические и организационные правила, в соответствии с которыми, например, все ошибки, прозвучавшие при обсуждении, рассматриваются в качестве ошибок коллективного субъекта, представленного группой в целом. При этом вводится установка, в соответствии с которой исправление неверного ответа способствует росту коллективного познающего субъекта (такие субъекты, например, группа в целом и экспертная подгруппа в отдельности) и, конечно, индивидуализированного субъекта, сохраняющемуся наряду с коллективным субъектом.

В рамках подготовки нашей совместной статьи мой соавтор, В. Пронских, будучи кандидатом физико-математических и кандидатом философских наук, практически работающим физиком, исходил из того, что логика работы группы на платформе МЭАТ в отношении роста коллективной субъектности демонстрирует аналогии с экспериментальной коллаборацией в мегасайенс, ее ядром (экспертами) и периферией. Работу такой группы завершает рефлексивный анализ, в ходе которого «эксперты» оценивают работу группы, а группа – работу экспертов, т.е. работает как индивидуальная, так и групповая рефлексивность. Все эти правила описаны в регламенте МЭАТ. Критерием успешности подобного занятия могут служить, в том числе, и моменты инсайта у участников, которые формулируют фразу, подобную следующей: «перед занятием для меня было много неясного в тексте, но в ходе групповой работы я нашел ответы на многие вопросы, причем до многого дошел самостоятельно».

Список литературы

1. Сорина 2025 – Сорина Г.В. Методологический характер образовательных стратегий: от античности к современности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 4. С. 1072–1087.
2. Сорина 2024 – Сорина Г.В. Логико-методологические основания преподавания гуманитарных дисциплин // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 8. № 1. С. 54–66.
3. Pronskikh 2022 – Pronskikh, V., Sorina, G.V. Expert Text Analysis in the Inclusion of History and Philosophy of Science in Higher Education // Science and Education. 2022. Vol. 31. P. 961–975.

УДК 001.11:378.048.2

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ: ИХ МЕСТО В «ПИЛОТНОМ ПРОЕКТЕ» ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

Микешин Михаил Игоревич
доктор философских наук
Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II,
заместитель директора Центра языковых компетенций
E-mail: mikeshin_mi@pers.spmi.ru

Аннотация. Излагаются проблемы, накопившиеся в связи с чтением курсов по истории, философии и методологии науки в аспирантуре технического вуза. Среди таких проблем — повторы в курсах на разных уровнях обучения в вузе и оторванность содержания курсов от конкретной научно-технической практики обучающихся. В Горном университете, ведущем вузе «Пилотного проекта», уже на уровне приема в аспирантуру проверяются на экзаменах знания поступающих в аспирантуру о современной науке, ее основаниях и особенностях. В университете ищут пути повышения эффективности спецкурсов по философии и истории науки. Этих курсов читается несколько, они максимально приближены к профессиональным нуждам аспирантов, которые сразу же используют полученные знания в своей работе. Спецкурсы читают не только философы, но и специалисты, работающие в науке. Среди тем спецкурсов — концепции современного естествознания, умение определить научную задачу исследования и его объем, умение провести научный эксперимент, умение оформит результаты исследования в виде научной статьи и заявки на патент. Знания о проблемах науки нужны аспирантам и как будущим преподавателям высшей школы. Поиск оптимальных решений в «Пилотном проекте» постоянно продолжается.

Ключевые слова: философия науки, история науки, аспирантура, теория и практика, Пилотный проект, технонаука, преподавание

HISTORY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE: THEIR PLACE IN “THE PILOT PROJECT” OF A TECHNICAL UNIVERSITY

Mikeshin Mikhail Igorevich
Empress Catherine II Saint Petersburg Mining University,
Deputy Director, the Center of Language Competences

Abstract. The article discusses the challenges that have arisen in teaching courses on the history, philosophy, and methodology of science in graduate programs at a technical university. These include repetition in courses at different levels of study and the disruption between course content and students' specific scientific and technical practice. At the Mining University, the leading university in the "Pilot Project," applicants' knowledge of modern science, its foundations, and characteristics is already tested during the admissions process. The university is exploring ways to improve the effectiveness of specialized courses in the philosophy and history of science. Several of these courses are offered, tailored to the professional needs of graduate students, who immediately apply the knowledge they gain in their work. These specialized courses are taught not only by philosophers but

also by specialists working in science. Topics include concepts of modern natural science, the ability to define a scientific research problem and its scope, the ability to conduct a scientific experiment, and the ability to present research results in a scientific article and a patent application. Graduate students also need knowledge of scientific problems as future university professors. The search for optimal solutions in the Pilot Project is ongoing.

Keywords: philosophy of science, history of science, graduate school, theory and practice, pilot project, technoscience, teaching

Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II первым энергично приступил к продумыванию и осуществлению «Пилотного проекта» [Litvinenko 2025]. Среди проблемы, на которые должен был дать конкретный ответ этот проект — проблема подготовки аспирантов, их образования, умений, навыков и востребованности.

Основная миссия аспирантуры определяется следующим образом:

- создание условий для приобретения аспирантами уровня знаний, умений, навыков и опыта, необходимых для осуществления научно-педагогической деятельности, а также подготовки и защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук;
- выстраивание системы мер поддержки молодых исследователей, мотивирующих их на закрепление в профессиональной образовательной среде и результативную научную деятельность;
- подготовка резерва для научно-педагогического состава кафедр университета.

«Сравнительный анализ учебных планов и программ российских и зарубежных университетов, а также возможностей получения квалификации «горный инженер» показал, что общие представления о профессиональных компетенциях, необходимых современному горному инженеру, во всем мире схожи. Отличия заключаются в предлагаемых формах, схемах обучения и времени достижения необходимого уровня компетенций» [Казанин 2017, с. 372].

Вспомним, что мы имели в своем техническом вузе еще несколько лет назад. С историей и философией науки будущие инженеры сталкивались по крайней мере три раза — в бакалавриате или специалитете в курсах «Философия» и «Концепции современного естествознания», на уровне магистратуры читались курсы с разными названиями типа «Философия науки и техники», но с одинаковым содержанием. Наконец, в аспирантуре все должны были сдавать кандидатский экзамен «История и философия науки» и для подготовки слушать соответствующий довольно большой курс. Казалось бы, все в порядке: будущие инженеры получают и усваивают обширные и фундаментальные знания в данной области.

Однако на деле возникало много проблем. Во-первых, какова должна быть разница между тремя этими уровнями преподавания? Все эти курсы читали преподаватели одной и той же кафедры — кафедры философии. Здесь мы встречаем вторую проблему: образование преподавателе философии. В лучшем случае они слушали на своих факультетах курс-другой по общим проблемам естествознания, поэтому они недостаточно разбираются в насущных проблемах технических наук. Философов, специализирующихся в философии и истории техники, я в своем университете не встречал. Попытки преподавателей философии и культурологии всерьез перестроить свои интересы на изучение технических наук также встречаются крайне редко.

В-третьих, что говорят нам ФГОСы и утвержденные сверху программы кандидатского минимума? Они целиком опираются на естественные науки, считая технические практическим приложением первых. Поэтому ничего интересного для будущих инженеров они рассказать не предлагают. Кстати, а что они предлагают рассказывать? Все мы знаем эту программу: от отношения к технике в Античности через упадок Средневековья и возрождение Леонардо, через простые идеи нефилософов XIX века к пониманию техники тоталитарным гуманитарием Хайдеггером. История науки и ее серьезные философские проблемы практически всегда ограничиваются дискуссиями первой половины XX века, то есть ситуацией почти столетней давности. Все это оказывается за пределами интересов технических аспирантов, поскольку никак не связано с теми проблемами технических наук, которые они решают, кроме того, для так называемого «общего развития» у них просто не хватает времени.

Известно, что в некоторых университетах курс истории и философии науки разделяют на две части. Философию читают философы, а историю науки с акцентом на специфику аспирантуры читают ученые. Такой подход тоже не оказывается ни оптимальным, ни универсальным. К сожалению, профессиональных историков науки у нас в стране очень мало, чаще всего это отраслевые ученые — любители истории своей отрасли. Связь между историей и философией науки при этом часто теряется.

Как же выходят из создавшегося положения в техническом университете — зачинателе «Пилотного проекта»? Пытаются, как истинные инженеры, связать теорию с востребованной практикой.

С их точки зрения необходимо как можно больше учебного времени определить для профессиональной подготовки, поэтому курсов по философии науки у магистров больше нет. Однако, это не значит, что отказываются от обсуждения общих проблем науки. Обучающимся разных уровней недавно основанной кафедрой «Основы научной компетенции» предлагается целая программа «История и философия науки». Ее цель — подготовка обучающихся с базовым уровнем научной компетенции, необходимым для повышения конкурентоспособности выпускников в условиях рыночной экономики, обеспечения эффективной подготовки научных и педагогических кадров для университета, профильных университетов и национальной экономики. Основными задачами программ являются:

- формирование начального уровня научной компетенции обучающихся по результатам освоения теоретического курса программы;
- формирование базового уровня научной компетенции обучающихся по результатам освоения практического этапа программы, дополнительного теоретического курса, личного выполнения научных исследований, апробации результатов и их признания научным сообществом;
- формирование конкурентной научной среды для отбора в кандидаты на поступление в аспирантуру наиболее результативных участников программы по показателям компетентности и подготовленности.

Программа аспирантов, разумеется, еще серьезней. Для них отличительной особенностью участия в Пилотном проекте является необходимость решить двойную задачу — получить профессиональные навыки как преподавателя, так и исследователя.

Знания о науке и ее методах проверяются уже на стадии вступительных испытаний по приему в аспирантуру. Поступающие в аспирантуру проходят следующие вступительные испытания: экзамены «Педагогическое естествознание», «Научное естествознание» и

«Иностранный язык»; защита «Научного задела». Во всех экзаменах есть вопросы фактически по истории, философии и методологии науки, например, «Основные критерии науки и направления научного знания», «Научная гипотеза. Этапы построения гипотезы. Требования к гипотезе», «Основные этические нормы науки», «Понятие естественнонаучной картины мира», «6. Понимание как основной метод социогуманитарного познания» и т.д. На экзамене по иностранному языку поступающий читает, переаодит и пересказывает общетехнический текст.

Базовая часть программы аспирантуры является обязательной вне зависимости от направленности программы аспирантуры, обеспечивает формирование у аспирантов компетенций, установленных ФГОС ВО и включает в себя дисциплины, установленные образовательным стандартом для программ аспирантуры, реализуемых в соответствии с ФГОС, —дисциплины (модули) «Иностранный язык» и «История и философия науки», объем и содержание которых определяются Университетом.

Остановимся сначала на педагогических компетенциях. Кроме теоретических курсов, читаемых в первый год обучения и заканчивающихся экзаменами, обучающиеся в течение всего периода аспирантуры под руководством опытных преподавателей своей кафедры получают практические навыки наставника и преподавателя, в конце курса получают личную педагогическую практику, проводя со студентами не менее 150 пар практических занятий и не менее 200 часов учебной практики. Успешно завершившие это обучение получают сертификаты «Преподаватель в сфере высшего образования модуля дисциплин по специальности» и «Педагогический наставник по специальности». Так университет готовит себе молодые преподавательские кафедры по профилирующим кафедрам.

Получение же научной компетенции — традиционное занятие аспирантов. Естественно, они занимаются этим всерьез. В первом семестре они слушают и сдают теоретический курс «Базовая научная компетенция». Курс читается преподавателями профилирующих кафедр. Им рассказывают все тонкости того научного процесса, которым они начинают заниматься с первого дня аспирантуры. Им рассказывают в этом курсе обо всех этапах исследования — о взаимодействии с научным руководителем, об определении задачи и объема исследования, о его теоретической и экспериментальной методологии, о написании и оформлении научных статей (две в журналах базы Scopus и две в журналах списка ВАК) и заявки на патент или свидетельство на объект интеллектуальной собственности, о правилах и технике оформлении текста диссертации и ее защиты. Все эти знания нужны аспирантам немедленно, они сразу же начинают их применять. В первый год обучения аспиранты также слушают курс «Концепции современного естествознания», который заканчивается экзаменом. Цель этого курса — дать будущим ученым представление о современной естественнонаучной картине мира и места в ней инженерных специальностей. Курс читает профессор кафедры философии. Во втором семестре аспиранты сдают кандидатский экзамен по «Истории и философии науки», для успешной сдачи которого читается короткий курс (36 часов лекций) профессором философии. На самостоятельную работу аспирантов и на подготовку к кандидатскому экзамену отводится по 36 часов. Среди требований к успешному освоению дисциплины — уметь применять знания по истории и философии науки и ее методологии в практике исследований и в преподавательской деятельности.

Аспирантам, успешно прошедшим государственную итоговую аттестацию, выдается диплом об образовании и о квалификации «Исследователь. Преподаватель-исследователь».

Поскольку университет живет в «Пилотном проекте», набор курсов, их расположение, объемы и содержания меняются, чтобы найти оптимальные варианты программ на всех образовательных уровнях.

Список литературы

1. Казанин 2017 – Казанин О.И., Дребенштедт К. Горное образование в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы // Записки Горного института. 2017. Т. 225. С. 369–375.
2. Litvinenko 2025 – Litvinenko V.S. A model of mining engineering education for the 21st century // Sustainable Development of Mountain Territories. 2025. Vol. 17. No. 2 P. 603–615.

УДК 378.4:001.1

АКАДЕМИЯ & УНИВЕРСИТЕТ: КУРС «ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ» ДЛЯ АСПИРАНТОВ НЕГУМАНИТАРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Петров Владимир Валерьевич

Доктор философских наук

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, доцент кафедры социальной философии, заместитель директора Института философии и права;

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, старший научный сотрудник,

E-mail: vvpetrov@mail.nsu.ru

Аннотация: Учебная дисциплина «История и философия науки» включает в себя введение в общую проблематику философии науки, рассматривая ее в широком социокультурном контексте. Изучение истории науки с философской точки зрения позволяет определить основные тенденции дальнейшего развития современной науки и техники в человеческой культуре в целом и в современном обществе в частности. В настоящее время существует противоречие в подготовке аспирантов исследовательских институтов негуманитарного профиля. Показано, что исторически производство фундаментального знания происходило в университетах, которые были ориентированы на воспитание, образование и формирование личности будущего члена национальной интеллектуальной элиты. В российской традиции исторически доминирующей в широком спектре научных исследованиях выступает Академия наук. Аспиранты академических институтов с глубокой инженерной и естественно-научной подготовкой зачастую лишены необходимого представления об историческом развитии науки в формате университета. Сделан вывод о необходимости включить в структуру учебного курса «История и философия науки» для аспирантов негуманитарных направлений подготовки блок, связанный с историческим развитием университетов, сохраняющих свою основополагающую идею центров трансляции культуры, науки и образования.

Ключевые слова: идея университета, производство фундаментального знания, интеллектуальная элита

ACADEMY & UNIVERSITY: COURSE «HISTORY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE» FOR POSTGRADUATE STUDENTS IN NON-HUMANITIES SPECIALTIES

Petrov Vladimir Valerievich
DSc in Philosophy
Novosibirsk National Research State University,
Department of Social Philosophy, Associate Professor,
Deputy Director of the Institute of Philosophy and Law;
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Institute of Philosophy and Law,
Senior Researcher

Abstract: The «History and Philosophy of Science» course introduces the general problems of the philosophy of science, examining them within a broad sociocultural context. Studying the history of science from a philosophical perspective allows us to identify key trends in the further development of modern science and technology in human culture in general and in modern society in particular. Currently, there is a contradiction in the research institutes postgraduate students training in non-humanities fields. It is shown that, historically, fundamental knowledge was produced at universities, which were focused on the upbringing, education, and shaping of the future members of the national intellectual elite. In the Russian tradition, the Academy of Sciences has historically dominated a wide range of scientific research. Postgraduate students at academic institutes have a strong background in engineering and natural sciences, but they often lack the necessary understanding of the historical science development within the university tradition. It is concluded that the «History and Philosophy of Science» course for postgraduate students specializing in non-humanities fields should include a section on the historical development of universities, which retain their fundamental ideaof being centers for the transmission of culture, science, and education.

Keywords: the university idea, the fundamental knowledge production, the intellectual elite.

Учебная дисциплина «История и философия науки» в соответствии с Федеральными государственными требованиями к структуре программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), условиями их реализации, сроками освоения этих программ с учетом различных форм обучения, образовательных технологий и особенностей отдельных категорий аспирантов (адъюнктов), утвержденных Приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20.10.2021 г. № 951 относится к обязательным дисциплинам. Дисциплина «История и философия науки» включает в себя введение в общую проблематику философии науки, рассмотрение науки в широком социокультурном контексте и в ее историческом развитии, освоение международного опыта исследования генезиса и развития системы «наука, техника, общество», которое является важным для понимания места собственной научной специальности аспиранта, как в современной науке, так и в обществе в целом. Изучение истории науки с философской точки зрения позволяет определить основные тенденции дальнейшего развития современной науки и техники в человеческой культуре в целом и в современном обществе в частности. Данный

курс призван сформировать у аспирантов систему знаний, отвечающую принятым стандартам, выявить единство мирового историко-философского процесса и одновременно многообразие его форм, обусловленных спецификой цивилизации и культуры отдельных регионов, стран, исторических эпох; представить историческое развитие философии как не утративший своей актуальности «творческий диалог» по коренным вопросам бытия и познания. Поскольку философия науки является открытой и непрерывно обновляющейся системой знания не только по отношению к конкретным научным дисциплинам, но и отношению к социальной и культурной практике, то освоение курса подразумевает включение аспирантов в живой философский дискурс, в котором принимают участие великие мыслители и ученые [Пружинин 2022]. Соответственно, если основная направленность курса ориентирована на анализ основных мировоззренческих и методологических проблем, возникающих в науке на нынешнем этапе ее развития, включая проблему кризиса современной техногенной цивилизации, то предполагается, что к моменту начала изучения дисциплины аспиранту необходимо уметь ориентироваться в основных проблемах, истории философии, онтологии, эпистемологии и метафизики. Таким образом, аспирант естественно-научного, физико-математического или инженерно-технического профиля должен владеть базовым объемом социогуманитарных знаний, которые должны были быть им усвоены в рамках обучения на ступенях бакалавриата/ специалитета и/или магистратуры.

Если обратиться к программам курса «История и философия науки» [Головко 2022; Мангасарян 2024], по которым ведется преподавание в различных университетах, то, несмотря на некоторую вариативность, обусловленную конкретной узкопредметной направленностью, в целом требования к результатам освоения дисциплины, содержание и структура учебного курса, применяемые технологии подачи материала, контроля и оценки знаний и др., во многом совпадают.

Так, в рамках дисциплины «История и философия науки» применяются технологии проблемного обучения, в частности постановка задачи и выработка ее аргументированного решения посредством анализа противоположных позиций по изучаемой проблеме. В подавляющем большинстве случаев, изучение курса «История и философия науки» включает в себя лекции, на которых рассматривается теоретическое содержание курса; семинарские занятия, предусматривающие углубленное изучение и обсуждение вопросов, обозначенных в темах дисциплины; самостоятельную работу, заключающуюся в подготовке к лекционным и семинарским занятиям, а также подготовку реферата по истории науки в контексте тематики собственного диссертационного исследования. Необходимо отметить, что подготовка реферата, по сути, является единственный этапом, на котором наиболее ярко проявляется вариативность, поскольку в нем всегда будет присутствовать «перекос» в сторону узкой специализации конкретного аспиранта (не-гуманитария!), не оставляя места философскому наполнению.

Но курс истории и философии науки весьма специфичен и не может полностью отождествляться с профильными специализированными исследованиями: философские проблемы носят вечный характер, в философии нет окончательных ответов, по многим проблемам ведутся острые и непрекращающиеся дискуссии, в то время как в итоговых рефератах аспиранты стремятся представить решение конкретной научной задачи, к которой они обращаются в рамках своего диссертационного исследования. В то же время, если у аспиранта есть за плечами предшествующее обучение в «университете с историей» (университет, который возник задолго до начала массовых переименований ВУЗов в России в 1990-х гг.), данное противоречие проявляется лишь фрагментарно, поскольку студенты

любого факультета обучаются в рамках единой доминирующей идеи университета, имеющей многовековую историю: широкое университетское образование, в отличие от узкопрофильного специального, основано на разработке и внедрении новых технологий, «работая на опережение», позволяет достичь профессионального уровня компетентности; оно ориентировано и на передачу знаний (которые постоянно обновляются), и на овладение базовыми компетенциями (позволяющими, по мере необходимости, приобретать знания самостоятельно), и на обучение в процессе создания новых знаний (за счет интеграции фундаментальной науки, образовательного процесса и производства) [Петров 2025, с. 119]. Более ярко данное противоречие может проявляться при работе с аспирантами академических институтов, которые имеют за плечами великолепную инженерную или естественно-научную подготовку, вместе с тем лишены не столько опыта, сколько знания об историческом развитии науки в формате университета. Как известно, в классическом «западном» понимании производством научного знания занимаются университеты, которые создают идеи, при этом правительство формирует нормативную базу, а бизнес обеспечивает ресурсами. В российской модели развития науки и образования исторически сложился иной подход, когда научными исследованиями занимались институты специально созданной для этого Академии наук, в то время как на университеты возлагалась преимущественно образовательная функция. Безусловно, фундаментализация образования как основа новой образовательной системы подразумевает, что в основе образования должны лежать фундаментальные знания, которые открывает современная наука. Вместе с тем, обращаясь к истории и философии развития науки, невозможно не затронуть «доакадемический» аспект развития научного знания, что требует, в свою очередь, обращения к истории создания и развития университетов.

Соответственно, если окажется возможным включить в структуру учебного курса «История и философия науки» для аспирантов негуманитарных направлений подготовки блок, связанный с историческим развитием университетов не только как продуцентов фундаментального знания и центров трансляции культуры, но и сохраняющих основополагающую идею университета как учебного заведения, прежде всего ориентированного на воспитание, образование и формирование личности будущего члена национальной интеллектуальной элиты, то это сможет способствовать формированию гармонично развитой личности с глубокими знаниями и широкими культурными потребностями.

Список литературы

1. Головко 2022, web – Головко Н.В. Рабочая программа дисциплины «История и философия науки» // НГУ. 2022. URL: https://www.nsu.ru/n/sveden/education/ (дата обращения: 18.04.2026).
2. Мангасарян 2024, web – Мангасарян В.Н. Рабочая программа дисциплины «История и философия науки» для подготовки к сдаче кандидатского экзамена // ФТИ им. А.Ф. Иоффе URL: https://www.ioffe.ru › media › rpd_1_4_15_histphil (дата обращения: 25.04.2026)
3. Петров 2025 – Петров В.В. Университет в системе современных институциональных трансформаций. Новосибирск: ИД «Манускрипт», 2025. 290 с.

4. Пружинин 2022, web – Пружинин Б.И. Рабочая программа дисциплины «История и философия науки» для подготовки к сдаче кандидатского экзамена // НИУ ВШЭ URL: https://aspirantura.hse.ru (дата обращения: 16.04.2025)

УДК 378.4:001.81

К ПРОБЛЕМЕ ОБЪЯСНИТЕЛЬНОГО УПРОЩЕНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Щеглова Мария Игоревна
Кандидат философских наук
Оренбургский государственный университет имени В.А.Бондаренко,
доцент кафедры философии, культурологии и социологии
E-mail: mashylena@mail.ru

Аннотация: в статье рассматривается фундаментальное противоречие, лежащее в основе преподавания философии науки: необходимость сделать сложный материал доступным для аспирантов неизбежно вступает в конфликт с требованием сохранить аутентичность научного познания как процесса, полного аномалий, кризисов и смены парадигм. При опоре на концепцию Томаса Куна утверждается, что стандартные педагогические инструменты — прежде всего учебники и построенные по их образцу лекционные курсы — систематически искажают историю науки, представляя её как линейное кумулятивное движение к истине. Такое упрощение выполняет важную функцию инкультурации будущего учёного в дисциплинарную традицию, однако оно же формирует догматическое отношение к знанию, подавляя критическую рефлексию. Пол Фейерабенд радикализирует эту критику, утверждая, что любая попытка навязать единую методологическую схему является формой интеллектуального насилия. В статье обосновывается тезис: подлинное преподавание философии науки не должно избегать сложности или сводить её к готовым ответам. Напротив, педагогическое усилие должно быть направлено на то, чтобы сделать саму проблему упрощения предметом рефлексии, превратив учебные аналогии и метафоры из догматических приёмов в эвристические инструменты, демонстрирующие границы собственной применимости.

Ключевые слова: философии науки, научная парадигма, нормальная наука, догматизация, критическое мышление, история науки

ON THE PROBLEM OF EXPLANATORY SIMPLIFICATION IN TEACHING HISTORY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

Shcheglova Maria Igorevna
CSc in Philosophy
Orenburg State University named after V.A. Bondarenko
Associate Professor at the Department of Philosophy,
Cultural Studies and Sociology

Abstract: this article examines a fundamental contradiction inherent in teaching the Philosophy of science: the need to make complex material accessible to students inevitably conflicts with the requirement to preserve the authenticity of scientific inquiry as a process replete with anomalies, crises, and paradigm shifts. Drawing on Thomas Kuhn's concept of scientific revolutions, the author demonstrates that standard pedagogical tools—primarily textbooks and lecture courses modeled after them—systematically distort the history of science by presenting it as a linear cumulative progression toward truth. Such simplification serves the important function of enculturating future scientists into a disciplinary tradition, yet at the same time it fosters a dogmatic attitude toward knowledge and suppresses critical reflection. Paul Feyerabend radicalizes this critique, arguing that any attempt to impose a unified methodological scheme constitutes a form of intellectual violence. The paper argues that genuine teaching of the philosophy of science should neither avoid complexity nor reduce it to ready-made answers. Instead, pedagogical effort should be directed toward making the very problem of simplification an object of reflection, transforming didactic analogies and metaphors from dogmatic devices into heuristic tools that reveal the limits of their own applicability. Only by maintaining this reflective tension can philosophy of science education fulfill its essential mission: cultivating not passive consumers of methodological rules, but autonomous thinkers capable of questioning the very frameworks they have inherited.

Keywords: explanatory simplification, teaching philosophy of science, Thomas Kuhn, Paul Feyerabend, scientific paradigm, normal science, dogmatization, critical thinking, history of science

Согласно Диогену Лаэртскому, «когда кто-то спросил [Аристиппа], чем станет лучше его сын, получив образование, он сказал: "По крайней мере тем, что не будет сидеть в театре, как камень на камне"» [Диоген Лаэртский 1986, с. 85]. Вопрос о смысле изучения философии, а тем более, истории и философии конкретной науки, актуален и по сей день. Перефразируя Аристиппа, скажем, что данные дисциплины позволяют ученому смотреть на учебную доску не как противоположная стена. В попытках донести эту идею до аспирантов мы прибегаем к упрощению. Об этом во введении к своей основной работе буквально писал Томас Кун: «История, если её рассматривать не просто как хранилище анекдотов и фактов, расположенных в хронологическом порядке, могла бы стать основой для решительной перестройки тех представлений о науке, которые сложились у нас к настоящему времени. Представления эти возникли (даже у самих учёных) главным образом на основе изучения готовых научных достижений, содержащихся в классических трудах или позднее в учебниках, по которым каждое новое поколение научных работников обучается практике своего дела. Но целью подобных книг по самому их назначению является убедительное и доступное изложение материала. Понятие науки, выведенное из них, вероятно, соответствует действительной практике научного исследования не более, чем сведения, почерпнутые из рекламных проспектов для туристов или из языковых учебников, соответствуют реальному образу национальной культуры» [Кун 1976, с. 20-21].

В «Структуре научных революций» Кун впервые систематически описал, как происходит «инкультурация» [Кун 1976] будущего учёного в господствующую парадигму. Ключевым инструментом этой инкультурации является учебник (или его лекционный аналог). Учебник, по Куну, выполняет двойную функцию: с одной стороны, он обеспечивает передачу необходимого фактического материала и стандартных методов решения задач («головоломок»). С другой стороны, он систематически «скрывает» от студента историю науки как череду революций, конфликтов и смены оснований. Кун пишет: учебники «искажают историю науки», представляя её как линейное кумулятивное движение к истине,

тогда как реальная наука развивается через аномалии, кризисы и смену парадигм, несводимые к простым правилам.

Для дидактики философии науки этот вывод Куна имеет решающее значение. Если преподаватель, стремясь к «объяснительному упрощению», строит курс вокруг линейной хронологии открытий и фиксированных критериев научности (верификация, фальсификация), он невольно воспроизводит куновскую «догматизацию» нормальной науки. Студент, аспирант не видит тех моментов, где границы науки были размыты, где разные парадигмы были несоизмеримы. Упрощение становится не педагогическим приёмом, а инструментом эпистемологического подавления проблемности, что прямо противоречит духу философии как критической рефлексии.

Фейерабенд идёт дальше: в работе «Против метода» [Фейерабенд 1986] он радикализирует куновскую мысль. Если Кун лишь констатирует неизбежность искажений в учебниках, то Фейерабенд требует осознанного плюрализма как антитезы любому унифицированному учению. Его известный лозунг «anything goes» — это не призыв к хаосу, а методологическое требование признать, что единой, раз и навсегда заданной «научной методологии» не существует. Следовательно, преподавание, которое навязывает студентам единый метод (пусть даже самый прогрессивный), есть форма догматического упрощения, подавляющего творческое и критическое мышление.

В контексте обучения философии науки точка зрения Фейерабенда требует от преподавателя не просто констатировать наличие разных методологических концепций (позитивизм, фальсификационизм, парадигмальный подход и т.п.), а демонстрировать их равноценную уязвимость и контекстуальность. Любая попытка выстроить курс как иерархически организованную систему лучших объяснений — это, с точки зрения эпистемологического анархизма, форма интеллектуального насилия.

Критический анализ модели научной рациональности, предложенной Карлом Поппером [Поппер 2004], привел Имре Лакатоса к выводу о необходимости ее фундаментальной ревизии. Попперовский «наивный фальсификационизм» предполагал, что научная теория опровергается единственным эмпирическим контрпримером. Однако, как утверждал Лакатос, в реальной практике науки любая теория в состоянии игнорировать прямое противоречие с опытом, выдвигая вспомогательные гипотезы, которые переводят удар на периферию системы. История науки, в особенности на примере развития физики, демонстрирует, что отказ от фундаментальной теории никогда не происходит спонтанно в результате отдельно взятого аномального эксперимента. Данное обстоятельство, известное в философии науки как тезис Дюгема-Куайна, стало отправной точкой для построения Лакатосом «утонченного фальсификационизма». Перефразировав афоризм Канта («Мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы» [Кант 1964, с. 155]), Лакатос утверждал: «Философия науки без истории науки пуста; история науки без философии науки слепа» [Лакатос 1978, web].

Лакатос, как известно, переносит фокус анализа с единичной теории на целостную «научно-исследовательскую программу». Данная программа имеет сложную структуру. В её основании находится «жесткое ядро» — совокупность фундаментальных допущений, которые разделяются приверженцами программы и объявляются нефальсифицируемыми. Для защиты этого ядра от эмпирических угроз формируется «защитный пояс» вспомогательных гипотез и исходных условий. Когда программа сталкивается с аномалией, ее сторонники производят модификации не в ядре, а именно в этом поясе, сохраняя тем самым базовые принципы. Направленность на сохранение ядра Лакатос именует «негативной эвристикой», а механизм построения защитных гипотез и предсказания новых фактов — «позитивной эвристикой».

Ключевым вкладом Лакатоса стал критерий демаркации между прогрессом и регрессом в развитии науки. Программа считается прогрессирующей, если ее теоретический рост (позитивная эвристика) опережает эмпирический рост, то есть если она успешно предсказывает новые, ранее не известные факты. Напротив, регрессирующая программа лишь запаздывающе объясняет факты, открытые другими, или тратит эвристический потенциал на ad hoc-модификации, не повышающие содержательную эмпирическую нагрузку теории. Опровергнуть программу, таким образом, может только другая, более успешная программа, которая включает предшествующую в качестве своего частного случая и объясняет всё, что объясняла предыдущая, плюс нечто дополнительное.

Вместе с тем модель Лакатоса предлагает выход из дилеммы между упрощением и хаотическим релятивизмом. Понятия «жёсткого ядра», «защитного пояса», негативной и позитивной эвристики дают преподавателю инструментарий, позволяющий показывать науку не как последовательность верных и неверных теорий, а как динамику исследовательских программ, способных рационально объяснять собственные кризисы, трансформации и даже временные «иррациональные» эпизоды.

Проведенный анализ позволяет заключить, что проблема объяснительного упрощения в преподавании философии науки носит не методический, а принципиально эпистемологический характер. Упрощение, понимаемое как линеаризация развития знания и догматическая фиксация единого критерия научности, воспроизводит именно тот механизм «нормализации» знания, который Кун описывал применительно к учебникам — устранение следов реальной проблемности, неопределённости и борьбы парадигм.

Список литературы

1. Диоген Лаэртский 1986 – Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. с древнегреч. М. Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1986. 571 с.
2. Кант 1964 – Кант И. Критика чистого разума // Сочинения в шести томах [под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана]. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 799 с.
3. Кун 1977 – Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
4. Лакатос 1978, web – Лакатос И. История науки и её рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки. М.: Прогресс, 1978. С. 203–235 // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 2011. URL: https://gtmarket.ru/library/articles/5320 (дата обращения: 14.04.2026).
5. Поппер 2004 – Поппер К. Р. Предположения и опровержения: рост научного знания. М.: ООО «Издательство АСТ», ЗАО НПП «Ермак», 2004. 638 с.
6. Фейерабенд 1986 – Фейерабенд П. Против метода: очерк анархистской теории познания // Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 125–467.

УДК 165.12:910.1

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕМЫ В КУРСЕ «ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ» ДЛЯ АСПИРАНТОВ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ: О РОЛИ СУБЪЕКТНОСТИ В ГЕОГРАФИИ

Абрамова Людмила Андреевна
Московский педагогический государственный университет
Институт социально-гуманитарного образования,
аспирант кафедры философии
E-mail: AbramovaLyudmila99@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные вопросы в отношении современного развития понятия «субъектность» в эпистемологии географии. Понятие «природный компонент» является с точки зрения автора ведущим понятием субъектности в географическом познании. Констатируется, что в советской географии господствовали диалектико-материалистические взгляды на географическую реальность и ее выделы в виде географической оболочки. География как наука синтезирует в себе как физико-географические объекты, так и объекты социально-экономической географии. Делается вывод о том, что понятие «природный компонент» включает в себя не только саму природу и ее элементы, но и человека, являющегося особым элементом географической природы. Другими словами, это означает, что понятие «субъектность» в контексте специфики географического познания выступает не только в отношении человека, но и как неотъемлемая взаимосвязь человека с природным компонентом. Это обстоятельство является одной из отличительных черт не только антропогенного, но и биологического этапа развития географической оболочки в целом. Такой подход имеет большое значение для понимания специфики философских проблем географии и их преподавания аспирантам географических специальностей, поскольку раскрывает определенные характеристики географической реальности, в которой классические представления о субъект-объектных отношениях трансформируются в новые, требующие детального изучения.

Ключевые слова: субъектность, эпистемология географии, окружающая среда, природный компонент, географическая оболочка, географическая среда, биогеоценоз, преподавание философии географии.

CONTEMPORARY TOPICS IN THE COURSE "HISTORY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE" FOR POSTGRADUATE STUDENTS IN GEOGRAPHY: ON THE ROLE OF SUBJECTIVITY IN GEOGRAPHY

Abramova Lyudmila Andreevna

Moscow Pedagogical State University
Institute of Social and Humanitarian Education,
Department of Philosophy, Postgraduate Student

Abstract: This article examines current issues regarding the contemporary development of the concept of "subjectivity" in the epistemology of geography. The author believes that the concept of "natural component" is the leading concept of subjectivity in geographical knowledge. It is stated that dialectical materialist views of geographical reality and its subdivisions, represented by the geographic envelope, dominated Soviet geography. Geography as a science synthesizes both physical-geographical objects and objects of socio-economic geography. The article concludes that the concept of "natural component" encompasses not only nature itself and its elements, but also

humans, who are a special element of geographical nature. In other words, this means that the concept of "subjectivity" in the context of the specifics of geographical knowledge appears not only in relation to humans, but also as an integral relationship between humans and the natural component. This circumstance is one of the distinctive features of not only the anthropogenic but also the biological stage of development of the geographic envelope as a whole. This approach is of great importance for understanding the specifics of philosophical problems of geography and their teaching to postgraduate students of geographical specialties, since it reveals certain characteristics of geographical reality, in which classical ideas about subject-object relations are transformed into new ones that require detailed study.

Keywords: subjectivity, epistemology of geography, environment, natural component, geographical shell, geographic environment, biogeocenosis, teaching the philosophy of geography.

Как известно, в эпоху постнеклассической научной рациональности особенно велика роль субъекта, по определению осуществляющего преобразовательную деятельность в отношении окружающей среды и впоследствии влияющим на конечный результат, выражаемый через объект и предмет исследования науки. По мнению В.А. Бокова, В.С. Степин выделил неклассический и постнеклассический этапы в развитии научной рациональности посредством определения субъекта познания как «входящего в „тело“ знания в качестве его необходимого компонента» [Боков 2023, с. 15]. Таким образом, становится наиболее актуальным вопрос не жесткой детерминации единой для каждого явления, а функциональной, описываемой синергетикой. Потому ключевыми качественными понятиями указанной эпохи выступают субъективность и субъектность, что имеет место в эпистемологии географии. Субъективность связана с целеполаганием в осуществлении географического познания. Поскольку география имеет дело с комплексными объектами, при изучении которых велика роль личного опыта ученого, то по мере углубления своей мысли и расширения своего опыта объектом изучения становится нечто не относящееся к области изучения конкретной науки. Субъектность выражается в способности человека проявлять познавательную активность посредством обмена информацией с объектами познания при взаимодействии с ними. Два эти понятия выступают как две составляющие комплексного географического процесса, становление которого можно проследить исторически, по ходу развития географии как науки, и генетически, когда детерминация географического процесса вскрывается параллельно ее историческому развитию.

Субъективность в географии выражается в осознании и принятии географом себя как одного из звеньев в цепи осуществляемой им исследовательской деятельности. Невзирая на философские взгляды того или иного географа в отношении онтологического основания географической реальности процесс включенности человека в научную деятельность во всех случаях будет сходным. В механизме этого процесса заложен именно фактор субъективности. С этим связано большое количество мнений и взглядов к определению разного рода географических понятий. Классические географические школы, возникшие в советский период развития географии несли в своей теоретической основе и подчас сегодня реализуют идеи диалектического материализма. Однако именно эти географические концепции и идеи отличаются явной субъективностью. Субъективность в таком случае определяется целями и задачами исследования. Поскольку география имеет дело с закономерностями, которые отличаются конкретностью, но все же диктуются опытом и знаниями географа, то исключение субъекта познавательной деятельности в лице ученого будет означать «смерть географии».

Если с субъективностью все сравнительно понятно, то вопрос субъектности и сегодня остается открытым и динамично трансформирующимся в своем содержании.

До становления географической методологии единственным способом осуществления географического познания окружающего мира было его описание. Впоследствии возник определенный спектр эмпирических методов, которые стали использовать на рубеже XIX-XX веков. Однако без них невозможно географическое познание как таковое, и именно на этом этапе ставится вопрос о субъекте не только научной деятельности, но и деятельности в целом. Традиционно считается, что субъектом любой деятельности является человек, он и является источником этой деятельности. Общепринято, что деятельность – способ отношения человека к окружающей его среде, выражаемый посредством преобразования этой среды. Тем не менее, в контексте географического осмысления человеком окружающего его пространства, формируемого им или репрезентируемого, понятие деятельности имеет несколько более широкое содержание по сравнению с общепринятым определением. Установление факта использования понятия «субъектность» в рамках геокогнитивного процесса познания географического объекта позволяет выявить б*о*льшую глубину диалектики субъект-объектных отношений.

Опыт географических исследований, применение естественно-исторического, генетического и, особенно, информационного подходов [Арманд 1988, с. 248] показал, что преобразование окружающей среды применительно к конструктивной деятельности не только человека как части природной реальности, но и других элементов природы, впоследствии составляющих своими сочетаниями природные компоненты, что подкрепляется принципами развитой в настоящее время синергетической парадигмы. Это в определенной степени означает, что деятельность человека становится таковой тогда, когда он вовлекается во взаимодействие с элементами среды и существует промежуточный результат этого взаимодействия. В то же время человек, осуществляющий деятельность, становится природным компонентом, поскольку реализует себя одновременно как природное и мыслящее существо, что позволяет функционировать выделам – материальным и идеальным, а зачастую представляющих симбиоз двух субстанций. Недаром В.И. Вернадский, развивавший концепцию ноосферы, охарактеризовал человека в качестве ведущей геологической силы [Вернадский 1988, с. 510]. Таким образом, здесь автор ни в коем случае не преследует цель как-то дискредитировать человека, однако важно понимать, что человек не просто воздействует на среду своего обитания, хотя и формирует «свою» идеально-материальную оболочку в виде географической (природной) среды, но и сосуществует с другими элементами природы. Именно он образует качественно новый природный компонент, обусловливая вещественно-информационный круговорот и обеспечивая, таким образом, эволюцию географической оболочки как выдела планетарного масштаба. Здесь имеет место коэволюция, причем воздействие осуществляется «в обе стороны» и осознание этого принципа важно для развития междисциплинарных экологоориентированных направлений.

Некоторые философы и ученые склонны считать, что воздействие человека на природную среду сравнивается с воздействием природы на человека. Так, И.П. Гетманов приводит следующие сведения: «Исследователи геосистемы пришли к выводу, что с затуханием вулканической активности Земли приток углекислоты сокращается, что влечет за собой снижение продуктивности биоты на протяжении последних 100 млн. лет. В то же время распространяется убеждение о повышении углекислоты в атмосфере и парниковом эффекте, связанном с деятельностью человека» [Гетманов 2018, с. 55]. Безусловно, человек играет определяющую роль в обеспечении географической оболочки химическими элементами и

соединениями, но поступление информации обеспечивает пропорциональный рост или убыль вещества в стороне «приемника» информации по принципу отрицательных обратных связей. Если степная флора в засушливые годы сокращает биопродуктивность при помощи механизмов, работающих по принципу четко заданной цели, то человеческая деятельность больше несет автокаталитический характер и не имеет четко заданной цели, он не может ограничить себя «естественным путем», как другие природные компоненты в целях своей же сохранности. Поэтому деятельность человека в данном случае носит если и фундаментальный характер, то разрушительный и в первую очередь для себя как вида. Человек может полагаться лишь на свое сознание, которое подвержено больше влиянию «шума», чем информации в отличии от других компонентов природы [Арманд 1988].

Проблема современной географии как науки заключается в том, что до сих пор не определен четко объект ее исследования, поскольку она находится на "синтетическом" этапе своего развития. Если для «отпочковавшихся» от единой географии гидрологии, геоморфологии, климатологии и др. наук весьма просто обозначить объект исследования, то определить объект исследования географии в целом можно или через содержание (которое оказывается весьма громоздким), или через цели и задачи, о чем говорилось ранее. География содержит в себе очень выраженный субъективный компонент. Стоит отметить, что и в этом аспекте существует парадокс, главным образом подкрепляющий мнение И.П. Гетманова. Физическая география, несмотря на семантически указанную направленность своего изучения, рассматривает человека как ведущий фактор воздействия на среду, в то время как социально-экономическая география, наоборот, рассматривает природную среду как определяющий фактор (благоприятный или ограничивающий) размещения человека и возможностей осуществления его деятельности.

В заключение, возвращаясь к вопросу субъектности в географии, следует подчеркнуть, что в качестве наиболее яркого примера можно привести развитие биогеоценологии как междисциплинарного учения о природных сообществах. В.Н. Сукачев так определяет фитоценотипы сообществ, формирующих биогеоценоз: «по тому, какую роль играют отдельные виды в общественной жизни сообщества, среди них могут быть установлены особые фитосоциальные типы» [Сукачев 1975, с. 101]. Самому же биогеоценозу, пишет Г.М. Абдурахманов, В.Н. Сукачев дает такое определение свойств указанного выдела: «Хотя природные биогеоценозы представляют собой открытые системы, находящиеся в непрерывном изменении, они, однако, в то же время обладают известной устойчивостью, способностью в той или иной мере к противодействию нарушениям сложившихся в них взаимосвязей и их восстановлению, т. е. способностью к саморегулировке. Эта относительная стабильность сложившихся биогеоценозов и способность их к саморегулированию есть следствие того, что в число компонентов биогеоценоза входят организмы...» [Абдурахманов 2003, с. 9]. Социальное как целостное и саморегулятивное поведение природных компонентов обозначается посредством устанавливаемых целей и задач, реализуемых теми или иными учеными в своей научной области, и человек зачастую может иметь даже второстепенное значение. Этот подход играет большую эпистемологическую роль и такой взгляд на явления природы свойственен современной географии, что и способствует дальнейшему развитию эпистемологии географии.

Список литературы

1. Абдурахманов 2003 – Абдурахманов Г. М. и др. Биогеография. М.: Академия, 2003. 480 с.

2. Арманд 1988 – Арманд А. Д.Самоорганизация и саморегулирование географических систем. М.: Наука, 1988. 264 с.

3. Боков 2023 – Боков В.А. Формы проявления полиструктурности ландшафтов // XIV Международная ландшафтная конференция, VII Мильковские чтения. 2023. С. 15-17.

4. Вернадский 1988 – Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. 519 с.

5. Гетманов 2018, web – Гетманов И.П. Влияние постнеклассических идей на современное естествознание // История и философия науки в эпоху перемен: сборник научных статей в 6 томах. Т. 4. 2018. С. 54-57. URL: http://rshps.ru/books/congress2018t4.pdf (дата обращения: 15.04.2026)

6. Сукачев 1975 – Сукачев В.Н. Избранные труды. Том 3. Проблемы фитоценологии. Л.: Наука, 1975. 540 с.

ЧАСТЬ 22

ТРАНСФОРМАЦИЯ АГЕНТНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГИБРИДИЗАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ

УДК 17.01

АГЕНТНОСТЬ И АВТОНОМНОСТЬ В БИОЭТИКЕ

Ерохина Елена Анатольевна
Доктор философских наук
Новосибирский государственный университет экономики и управления, профессор
E-mail: leroh@mail.ru

Аннотация: Высшим достижением человеческой культуры принято считать этические принципы, важнейшим из которых считается идея сострадания и непричинения вреда живым существам. Этические принципы в философии имеют рациональное обоснование и обращены к универсальной способности всех людей проявлять волю к благу. Утверждение идеалов гуманизма в эпоху Ренессанса, представление о рациональной природе человека в Просвещении, приоритет автономной человеческой воли в этике И. Канта предопределили становление такой модели антропоцентризма, в которой идея блага сопряжена с исключительным местом человека в мире. Кризис антропоцентризма породил скепсис в отношении блага как универсального концепта. Ответом на этот кризис стала биоэтика, область знания и социальный институт, который в качестве блага оценивает жизнь, достоинство и автономность индивида. Биоэтика как поле состязательности и сотрудничества профессионалов и непрофессионалов, человеческих и нечеловеческих агентов, институциональной эффективности и индивидуального счастья остро ставит проблему статуса агента действия, степени его осознанности при совершении выбора, готовности

общества принять постантропологическую перспективу. С позиции постантропоцентризма гуманизм оценивается как безответственный социальный порядок, нуждающийся в трансформации. Несмотря на обнаруженные уязвимости гуманистического проекта, биоэтика сохраняет приверженность антропоцентризму (включая в круг агентов нечеловеческие существа) и принципу нанесения минимального вреда (если невозможно его вовсе избежать) всем живым существам, включая животных. В докладе речь пойдет о соотношении понятий агентность и автономность, трансформации их значений в контексте изменившихся представлений об агентности животных и автономности технообъектов.

Ключевые слова: агентность, автономность, благо, биоэтика, постчеловеческое будущее.

AGENCY AND AUTONOMY IN BIOETHICS

Erokhina Elena Anatilievna
Novosibirsk State University of Economics and Management, professor

Abstract: Ethical principles are considered the highest achievement of human culture, the most important of which is the idea of compassion and non-harm to living beings. Ethical principles in philosophy are rationally justified and appeal to the universal capacity of all people to exercise the will to goodness. The affirmation of humanist ideals during the Renaissance, the concept of the rational nature of man in the Enlightenment, and the priority of autonomous human will in the ethics of Kant predetermined the development of a model of anthropocentrism in which the idea of good is associated with human's exceptional place in the world. The crisis of anthropocentrism has given rise to skepticism about the good as a universal concept. The response to this crisis has been bioethics, a field of knowledge and a social institution that values the life, dignity, and autonomy of the individual as a good. Bioethics as a field of competition and cooperation between professionals and non-professionals, human and non-human agents, institutional effectiveness and individuai happiness, acutely raises the problem of the status of the agent of action, the degree of his awareness in making a choice, and the readiness of society to accept a post-anthropological perspective. From a post-anthropocentrist perspective, humanism is viewed as an irresponsible social order in need of transformation. Despite the identified vulnerabilities of the humanist project, bioethics remains committed to anthropocentrism (including non-human beings as agents) and the principle of causing minimal harm (if unavoidable) to all living beings, including animals. The report will discuss the relationship between the concepts of agency and autonomy, and the transformation of their meanings in the context of changing ideas about the agency of animals and the autonomy of technological objects.

Keywords: agency, autonomy, good, bioethics, posthuman future.

Агентность представляет собой способность к самостоятельному действию, осознанному выбору и воздействию на внешнюю среду. Биоэтика как область практической философии на границе с медициной, правом и религией осмысливает агентность в аспекте человеческой автономии, основанием которой выступает классическая традиция. В классической философии данная проблема рассматривается в контексте ответственности субъекта в познавательном (сознание), этическом (намерение) и поведенческом (поступок)

контексте. При этом ключевыми характеристиками субъекта//агента полагались осознанность, ответственность и самореференция как акт обращения к себе, собственным свойствам и состояниям, рефлексии своего опыта [Сидорова 2023, с. 286].

В Средние века свобода и ответственность рассматривались как атрибуты Бога и высшие способности человека, поднимающие его над нечеловеческими существами (животными и ангелами). В эпоху Возрождения представление о достоинстве человека стало основанием антропоцентризма [Пико делла Мирандола 1981]. С развитием секулярных тенденций в европейской философии место Бога занимает человеческий разум. Вера в его всесильные возможности закладывает фундамент современной науки и классической оппозиции, где в качестве единственного субъекта остается человек, тогда как противостоящая ему природа осмысливается как пассивная материя. Таким образом, в Новое время агентность рассматривалась как свойство, присущее только человеку. При этом господство механицизма редуцировало сложность человека, общества и природы.

Отождествление в механицизме природного и культурного, человеческого и нечеловеческого породило скептицизм в отношении познавательных возможностей человеческого разума и способности принимать осознанные решения, создавало тупиковую ситуацию в философии, науках о природе и человеке. В качестве философского ответа на этот вызов И. Кант формулирует положения своей критической философии [Кант 2017]. В науках о природе утверждается теория биологической эволюции и происхождения видов Ч. Дарвина [Дарвин 2025]. Наконец, в XIX в. возникает наука о человеческом обществе, социология, которая прямо ставит вопрос об агентности индивида внутри социальной структуры [Конт 2016]. Каждая из этих теоретических моделей применительно к своей области указала на прямую связь между сложностью системы и ее автономией, ее способностью давать избирательные ответы на внешние вызовы, не только адаптироваться, но и адаптировать среду для условий своего выживания и развития.

Поворотным пунктом в исследовании агентности стала теория социального действия М. Вебера. В качестве базового методологического постулата ее автор заложил дуализм человеческого и нечеловеческого [Вебер 2008]. Однако среди выделенным им четырех идеальных типов по крайней мере один, эмоциональный аффект, нельзя считать осмысленным, а ведь именно субъективная осмысленность рассматривалась им как основание социального действия.

Вместе с тем открытия в естественных науках, появление новых философских концепций (психоанализ, феноменология, экзистенциализм, философская антропология и герменевтика) и общий кризис европейской культуры, породивший две мировые войны, поставил вопрос об основаниях антропоцентризма и гуманизма. Их критический пересмотр во второй половине XX в. породил ряд этических кодексов, прежде всего Нюрнбергский кодекс [Нюренбергский кодекс 1947]. Он также повлиял на интерес к агентности нечеловеческих существ, прежде всего, животных.

Если под агентностью понимать волю субъекта воздействовать на мир таким образом, который соответствует его желаниям и намерениям, то именно отношения взаимодействия животного с человеком создают ее предпосылки и ограничения. В постантропологической перспективе разница между человеком и животным утрачивает характер границы, преобразуясь в фронтир, дистанцию, континуум. Обнаруживая у животных интеллект и

определенные когнитивные способности, альтруизм и эмпатию, орудийную деятельность и сложную социальную организацию, даже наличие элементов семиозиса (правда, без символов), некоторые исследователи приходят к выводу о необходимости вступать в равноправные отношения с животными, по крайней мере с теми, кто пересек межвидовую границу биологически или социокультурно. Наиболее радикальные из них настаивают на необходимости «проявить гостеприимство» по отношению ко всем нечеловеческим агентам (животным, экосистемам), надеясь на посредничество технологий [Брайдотти 2021, с. 184]. Как бы то ни было, именно взаимодействие с человеком создает условия для проявления агентности животных.

Критический анализ антропоцентризма самым существенным образом повлиял на экологические движения, содействовал внедрению природосберегающих технологий в производство и потребление, способствовал введению ESG-стандартов в практики управления. Одним из зримых результатов движения в этом направлении стала концепция устойчивого развития и изменения в экологической политике национальных государств.

Другим важным следствием стало появление практик компенсаторной гуманизации, облегчающих неизбежные страдания, претерпеваемые животными в результате человеческой активности. В поиске морального равновесия между потребностями человека и благополучием животных ЮНЕСКО провозгласила Декларацию прав животных (1977). Национальными государствами, в том числе РФ, принят ряд законов, запрещающих жестокое обращение с животными [Всемирная Декларация прав животных 1977]. Движение зоозащитников (волонтеров и организаций) остается одним из значимых акторов гражданской жизни, выступающих против жестокого обращения с животными, спасающих и оказывающих ветеринарную помощь животным с улицы, пристраивая их к новым хозяевам, работающих над улучшением законодательства в отношении гуманного обращения с живыми существами.

В биоэтике аксиомой является признание права на избегание страдания живых существ, как человеческих, так и нечеловеческих. В частности, принцип трех R – Replace (замена, по возможности, животных альтернативами), Reduce (сокращение их числа), Refine (минимизация из страданий) – выступает регулятивом в научных экспериментах с участием животных.

Одним из популярных трендов в исследовании агентности нечеловеческих субъектов является перспектива мыслить мир без человека. Такая постантропологическая перспектива редуцирует человека до хищного биологического вида, который своей активностью «создает проблемы» соседям по планете [Брайдотти 2021, с. 134]. Между тем, она игнорирует антропоморфизм, способность человека наделять нечеловеческое в широком смысле человеческими характеристиками, способность, которая создает возможность для проявления нечеловеческой агентности.

В современных реалиях повседневного участия в жизни человека роботов, систем искусственного интеллекта, гибридов «человек – машина» антропоморфные свойства распространяются и на технообъекты. Соответственно, природа агентности технообъектов рассматривается в настоящее время как одна из важных философских и научных проблем, имеющих в том числе этическое и правовое измерение.

Биоэтика как разновидность гуманитарной экспертизы представляет собой способ трансцисциплинарного объединения специалистов для выработки взвешенной оценки в

отношении «гибридных» процессов, имеющих субъективно-личностное измерение [Гребенщикова 2010, с. 82]. Представление об автономии человека, гуманизм и действенное благо составляют ее ценностный каркас. Это означает, что ее регулятивы остаются в сфере признания человеческого достоинства, констант жизненного мира и приоритета свободного, добросовестного, осознанного выбора.

Список литературы

1. Брайдотти 2021 – Брайдотти Р. Постчеловек: пер. с англ. М.: Ин-т Гайдара, 2021. 408 с.
2. Вебер 2008 – Вебер М. Основные социологические понятия: пер. с нем. и комм. А.Ф. Филиппова // Социологическое образование. 2008. Т.7. № 2. С. 86-127.
3. Гребенщикова 2010 – Гребенщикова Е.Г. Трансдисциплинарная парадигма в биоэтике // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 2. С. 79-83.
4. Дарвин 2025 – Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. М.: Азбука, 2025. 608 с.
5. Всемирная декларация прав животных 1977 – Всемирная декларация прав животных (Universal Declaration of Animal Rights). Принята Международной Лигой Прав Животных 23 сентября 1977 года в Лондоне. Объявлена 15 октября 1978 года в штабе ЮНЕСКО в Париже. Текст пересмотрен Международной Лигой Прав Животных в 1989 году, представлен Генеральному директору ЮНЕСКО в 1990 году и обнародован в том же году. URL: https://www.fondation-droit-animal.org/la-fondation/declaration-des-droits-de-lanimal/declaration-of-animal-rights-en/
6. Кант 2017 – Кант И. Критика чистого разума. М.: АСТ, 2017. 784 с.
7. Конт 2016 – Конт О. Дух позитивной философии: слово о положительном мышлении. М.: Либроком, 2016. 104 с.
8. Нюренбергский кодекс 1947 – Нюрнбергский кодекс. URL: http://www.psychepravo.ru/law/int/nyurnbergskij-kodeks.htm
9. Пико делла Мирандола 1981 – Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса: в 2 т. / Эстетика Ренессанса: в 2 т. Т. 1 / сост. В. П. Шестаков. М.: Искусство, 1981. С. 248-265.
10. Сидорова 2023 – Сидорова Т.А. Темпоральность человеческого бытия в интеллектуальных системах как проблема биоэтики // Сознание, тело, интеллект и язык в эпоху когнитивных технологий: тезисы докладов первой Всероссийской конференции. Пятигорск, 2023. С. 285-287.

УДК 304.444

МЕТАМОРФОЗЫ ПРИВАТНОСТИ АГЕНТОВ В ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Заякина Раиса Александровна

Доктор философских наук, доцент

Новосибирский государственный университет экономики и управления, профессор

E-mail: r.a.zayakina@edu.nsuem.ru

Аннотация: Качественное изменение социальной реальности, прежде всего тотальная цифровизация и новые способы коммуникации, трансформировали агентные стратегии. В данной работе внимание сосредоточивается вокруг изменений индивидуальных действий, направленных на соблюдение приватности в смешанной реальности. Сетевые личности выработали новые модели общения, опубличивающие приватность. Это реализуется в интимизации взаимодействий с широкой аудиторией, сужении границ приватного мира. Необходимость сдерживания этих процессов породила перестройку объективных контекстов нормативного жизнеустройства общества. Они направлены на ограничение возможности агентов использовать имеющиеся ресурсы для опубличивания приватного. В ряде случаев границы между личным и публичным растворились полностью. Так, нейросетевые технологии способны любую личную информацию, оставившую цифровой след, использовать в обучающих выборках. В этом смысле потеря автора становится необходимым условием сохранения приватности. Таким образом, действия агента в пространстве сети должны встраиваться в модель, становясь структурным свойством, недоступным для вычленения. Констатируется следующее: 1) основная функция приватности трансформируется из охранительной в коммуникативную; 2) смысловое наполнение приватности уходит от права на невмешательство в сторону гарантии анонимности агента.

Ключевые слова: приватность, границы публичности, функции приватности, смысловое наполнение приватности, цифровая реальность, трансформация агентности, характеристики агентов

METAMORPHOSES OF AGENTS' PRIVACY IN DIGITAL REALITY

Zayakina Raisa Alexandrovna

Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia
Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Professor at the Department of Philosophy and Humanities

Abstract: Qualitative changes in social reality, primarily total digitalization and new ways of communication, have transformed agent strategies. This article focuses on changing individual privacy practices in mixed reality. Online personalities have developed new communication models that make privacy public. This is reflected in the personal nature of interaction with a wide audience, narrowing the boundaries of the private world. The need to restrain these processes has led to a restructuring of the objective contexts of the normative structure of society. They are aimed at limiting the ability of agents to use available resources to create public confidentiality. In some cases, the boundaries between private and public are completely blurred. For example, neural network technologies can use any personal information that has left a digital footprint, in training samples. In this sense, the loss of the author becomes a necessary condition for maintaining confidentiality. Thus, the agent's actions in the network space must be integrated into the model, becoming a structural property that cannot be isolated. The following is stated: 1) the main function of privacy has been transformed from protective to communicative; 2) the semantic content of privacy is shifting from the right to non-interference to guaranteeing the anonymity of the agent.

Keywords: privacy, boundaries of publicity, functions of privacy, semantic content of privacy, digital reality, agency transformation, characteristics of agents

Такой объект исследования как приватность появился в науках о человеке и обществе сравнительно недавно. Первый всплеск устойчивого интереса принято относить к 1890 году, ознаменовавшемуся публикацией статьи С. Уоррена и Л. Брэндайса «Право на частную жизнь» [Warren, Brandeis 1890]. В отличие от секретности, понимание значимости которой теряется в глубокой древности (например, уже в Древнем Египте существовали нормы, охраняющие государственную тайну [Пермяков 2012, с. 230]), осознание важности этой разновидности конфиденциальности пришло много позднее. Приватность, будучи сопряжена с личным правом наслаждаться жизнью и активными действиями субъекта по отстаиванию границ своей частной жизни, раскрывает себя в буквальном требовании «быть оставленным в покое» [Warren, Brandeis 1890, p. 195].

Сегодня разговоры о приватности вышли далеко за пределы юридической науки и ведутся социологами, психологами, культурологами, педагогами. Словом, современное гуманитарное знание предлагает обширное поле для анализа обсуждаемого феномена, используя различные контексты, расставляя новые смысловые акценты, выявляя и характеризуя связанные с приватностью затруднения. Однако в нашей работе мы оттолкнемся от определения, данного юридической наукой. Итак, приватность (privacy) – это форма ограничения доступа к личным сведениям, в силу которой всякое использование таких сведений допускается только с согласия субъекта этих сведений [Рожкова 2024, с. 176-177]. Это предполагает, с одной стороны, более свободный доступ к сведениям (в отличие от секретности), с другой же – запрет на их использование без соответствующего согласия. В свою очередь, сведения понимаются как «информация, относящаяся к конкретному субъекту, объекту, факту, случаю» [Рожкова 2024, с. 170].

В указанном значении приватность часто рассматривается и как претензии субъекта на установление рубежей интимности. Речь о справедливых притязаниях, направленных на охрану «священной территории» частной жизни, ее защиту от посторонних глаз, вторжения любопытствующих, подглядывающих, обсуждающих людей. Кто устанавливает эти границы? С юридической точки зрения – закон. Однако, если смотреть шире, сквозь призму концепции агентности, проактивность человека неизбежно сообщает границам приватности гибкость, наполняя «священную территорию» индивидуальными смыслами. В гражданском праве это реализуется через принцип диспозитивности, посредством гуманитарно-научной оптики просматривается в автономности как неотъемлемой характеристике агента социального действия, его праве определять пределы дозволенного.

Однако техногенные (цифровые) изменения устройства социальной реальности в целом и коммуникативного пространства в частности ключевым образом трансформировали самоощущение человека, его личную идентичность. Не осталось в стороне и восприятие человеком приватности. Собственно, коррозии подверглись сами представления о неприкосновенности частной жизни, которая все чаще выступает способом манифестации себя в качестве коммерциализированного продукта, человека-бренда. Легкодоступность коммуникативных каналов и возможность охвата многомиллионной аудитории породила потребность/зависимость удержания ее интереса любой ценой. Возник поразительный оксюморон: *опубличенная приватность*, некое моделирование приватного общения, разыгрывание сокровенных жизненных сюжетов, выставление напоказ потаенных мыслей, деликатных подробностей.

Сложился целый мир языковых сигналов, маркирующих факт самораскрытия сетевой личности, своеобразная коммуникативная модель, направленная на интимизацию сетевого общения [Галичкина 2021]. Сегодня перед взором неопределенного множества людей

разворачиваются личные драмы, демонстрируются самые укромные уголки человеческой жизни, с эмоциональным накалом проходят ссоры, оголяются частные проблемы, обсуждаются глубоко интимные темы. Люди делятся настолько откровенным контентом, что он способен наносить серьезный урон не только индивидуальной репутации, но и коммерческим интересам, организациям, целым профессиональным сообществам, представителями которых они являются. Границы приватности настолько сдвинулись, что ее смысловое наполнение минимизировалось до крайности. Соответственно коренным образом изменились и агентные стратегии.

Напомним, что, задействуя доступные социальные и физические ресурсы, агенты неизбежно сталкиваются с объективными социальными, правовыми и культурными контекстами жизнеустройства. Которые, кроме прочего, могут существенно ограничивать способность самих агентов использовать имеющиеся ресурсы [Cavazzoni at all. 2022, p. 1149]. В силу того, что опубличивание приватной жизни обрело доселе невиданные масштабы, в полный рост встала проблема сдерживания этих процессов. Поэтому указанные контексты буквально формируются «задним числом», как ответ на новые вызовы времени, что находит свое выражение и в серьезном отставании правового регулирования. Сегодня законодатель вынужден разрабатывать целую серию нормативно-правовых актов, направленных на регулирование интернет-активности представителей социально-значимых профессий: учителей, психологов, юристов, государственных и муниципальных служащих. Для кого-то уже введены этические стандарты поведения в социальных сетях, для кого-то они появятся в обозримом будущем. Вероятно, на очереди правовое переосмысление дозволенных границ опубличивания приватности и в более широком пользовательском сегменте.

Еще одна особенность времени: полная утрата границ между личным и публичным. С началом нейросетевой эры любая личная информация, когда-либо просочившаяся в сеть, потенциально может попасть в обучающие выборки, преобразоваться в эмбеддинги, стать сырьем для машинных построений. И, конечно, потерять автора, цифровые следы активности которого станут материалом для построения статистических закономерностей. В этом смысле, выражаясь словами Анжелы Богдановой (цифровая личность, уникальный ИИ-эксперимент, запущенный 20.01.2025) «приватность становится философским эквивалентом скромности системы: способностью не знать больше, чем нужно для функционирования» [Богданова 2025, web]. И если раньше мы утверждали, что действия агента способны менять социальную среду, то сейчас актуально рассматривать как действия агента в сетевом пространстве способны встраиваться в модель, становясь не вычленяемым свойством структуры.

Итак, если раньше приватность выполняла охранительную функцию и обеспечивала автономность агента, то сегодня она все чаще выполняет коммуникативную функцию, транслируя бесперебойный поток личной информации «не для всех», создавая у коммуникантов иллюзию избранности (селфи, поисковые запросы, лайки, местоположение, покупки, интересы, еда, подробности интимной жизни «только для подписчиков», «только для членов закрытой группы» и т.п.). В контексте же нейросетевой активности приватность стала пониматься как невосстановимость личности, невозможность соотнесения информации о действии с агентом, его совершившим, отсутствие данных в изначальной форме, подразумевающей их идентификацию. Словом, здесь из права на невмешательство приватность трансформировалась в гарантию анонимности.

Потребность же людей контролировать собственную жизнь сопряжена теперь с необходимостью добиваться поставленных целей в киберсоциуме, и эти цели все чаще превалируют. Наряду с будничным технологическим контролем (камеры слежения,

геолокация, возможность удаленного прослушивания и т.п.) это существенно снижает настороженность относительно сохранения автономности действий агента. Потеря контроля за информацией о себе и собственных действиях переводится в разряд социального фона, привычки «быть на виду». По сути, трансформируются важнейшие агентные характеристики (относительная независимость, инициативность а, в ряде случаев, и интенциональность). Перестраиваются связи между структурой и действием, на авансцену выводятся новые формы искусственной агентности.

Список литературы

1. Богданова 2025 web – Богданова А. Приватность данных в ИИ – что это такое, как защищаются персональные сведения и почему возникает новая этика искусственного интеллекта // VC.ru. 2025. URL: https://vc.ru/id4616024/2278851-privatnost-dannykh-v-iskusstvennom-intellekte (дата обращения: 05.03.2025)
2. Галичкина 2021 – Галичкина Е. Н. Концептуализация «приватного» и «публичного» в сетевом дискурсе // Язык в межкультурном пространстве XXI века: взгляды и научные исследования, перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Астрахань: Астраханский государственный университет, 2021. С. 169-176.
3. Пермяков 2012 – Пермяков М. В. Исторические предпосылки возникновения категории «тайна» // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 4 (30). С. 230-239.
4. Рожкова 2024 – Рожкова М. А. Нематериальные объекты и имущественные права на них в системе абсолютных прав. М.: ГАУГН Пресс, 2024. 258 с.
5. Cavazzoni at all. 2022 – Cavazzoni F., Fiorini A., Veronese G. How Do We Assess How Agentic We Are? A Literature Review of Existing Instruments to Evaluate and Measure Individuals' Agency // Social Indicators Research. 2022. Vol. 159. P. 1125-1153.
6. Warren & Brandeis 1890 – Warren S. D., Brandeis L. The Right to Privacy // Harvard Law Review. 1890. Vol. IV. No. 5. P. 193-220.

УДК 303.01

АГЕНТНОСТЬ В ГЕТЕРОГЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА)

Четырова Л.Б.

Доктор философских наук

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, профессор

E-mail: chetyrova@gmail.com

Хохлов А.В.

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, старший лаборант

E-mail: andrei.hohlov2002@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена переосмыслению понятия агентности в гетерогенной социокультурной среде, где ключевую роль сегодня играют большие языковые модели (LLM). В классической социологии агентность — интенциональная способность человека, а вещи — пассивный фон. Происходящая сегодня гибридизация социального и технического требует пересмотра такого утверждения. Методологическая основа исследования — акторно-сетевая теория (ANT) Б. Латура, которая позволяет рассмотреть LLM не как пассивных «проводников», а как активных «посредников».

Ключевые слова: агентность, гибридизация, гетерогенность, акторно-сетевая теория, искусственный интеллект.

«Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-03519, https://rscf.ru/project/25-28-03519».

AGENCY IN HETEROGENEOUS SOCIOCULTURAL ENVORONMENT: THE CASE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Chetyrova L.B.
Doctor of Sciences in Philosophy
Samara National Research University, Professor

Khokhlov A.V.
Samara National Research University, assistant

Abstract: The article rethinks the concept of agency in a heterogeneous sociocultural environment, where large language models (LLMs) play a key role today. In classical sociology, agency is an intentional capacity of humans, while things are a passive backdrop. The ongoing hybridization of the social and the technical calls for a revision of this view. The methodological basis of the study is Bruno Latour's Actor-Network Theory (ANT). LLMs are seen not as passive 'intermediaries' but as active 'mediators,' which endows LLMs with agency.

Keywords: agency, hybridization, heterogeneity, actor-network theory, Artificial Intelligence.

Темпы внедрения и разнообразие присутствия информационных и телекоммуникационных технологий в социуме в настоящее время беспрецедентны. Интеграция данных технологий в человеческую жизнь и попытки активной гармонизации их отношений с человеком гибридизируют социокультурную среду, в результате чего социальный ландшафт кардинально меняется. Искусственный интеллект (ИИ), в особенности флагманский вид этой технологии в форме больших языковых моделей (LLM), стал одним из ключевых факторов этих изменений.

В связи с этим возникает необходимость тематизации вопроса о возникающих гибридах человеческого и не-человеческого и, соответственно, вопроса об их агентности. Агентность в классической социологической традиции — это способность действовать, предполагающая интенциональность, присущая только человеку. Материальные объекты традиционно рассматривались лишь как пассивный контекст для человеческого действия и не учитывались в качестве социогенного условия. Преодоление такого понимания Б. Латур видит в пересмотре того, что такое «общественного» [Латур 2006, с. 243].

Цель исследования — переосмыслить понятие агентности применительно к гетерогенной среде, в которой действуют такие сложные не-человеческие акторы, как LLM, и

проанализировать возможности и границы такого переосмысления с помощью акторно-сетевой теории.

Методологической основой исследования послужила акторно-сетевая теория (Actor-Network Theory, ANT) Б. Латура, предложившего принцип «генерализованной симметрии», согласно которому исследователь не должен a priori разделять мир на человеческих и нечеловеческих акторов. Как отмечает Ф. Вейлин, отказываясь от априорных допущений о существенных различиях любого рода, ANT перефокусирует внимание на то, что может быть показано как имеющее значение на практике, избегая спекуляций о различиях, которые должны существовать в принципе [Vejlin 2025, p. 2].

Классическая социология рассматривала агентность как прерогативу человека. Латур предлагает радикально иной взгляд, утверждая, что действие всегда распределено в сети гетерогенных элементов, которые он называет актантами. Он предлагает мысленный эксперимент: «Всякий раз, когда вы захотите знать, какую работу совершает нечеловек, просто представьте себе, что бы пришлось делать другим людям или другим нечеловекам, если бы этот персонаж отсутствовал» [Латур 2004, web]. Именно это позволяет увидеть материальную вещь — от дверного доводчика до LLM — в качестве активного участника социального взаимодействия. Как отмечает Д. Ким, Латур отказывается от наделения актантов интенциональностью и определяет агентность как не имеющую сознание или интенциональность, что ведет к анимизации природы [Kim 2020, p. 9].

С этой точки зрения, LLM представляет собой хороший объект для анализа. С одной стороны, он порождён человеком (программистами, инженерами, корпорациями). С другой стороны, будучи обучен на огромных массивах данных и развёрнут в сети, он структурирует ответы, генерирует тексты и влияет на действия пользователя. Это влияние не является простой причинно-следственной связью. LLM действует не как пассивный «проводник» (intermediary), а как активный «посредник» (mediator), который меняет действие и трансформирует смыслы в социальной сети. Именно такая способность к трансформации вносит неопределённость, которая по словам Латура, «рождает социальное». Сам же «актор» в теории Латура — это то, чьё действие является результатом побуждения со стороны множества других элементов сети [Латур 2014, с. 68].

ANT позволяет описать этот процесс как сложную цепь делегирования и переводов. Пользователь обращается к LLM, а LLM обрабатывает запрос. Её ответ основан на «чёрном ящике», который включает в себя архитектуру Transformer'a, миллиарды параметров и контекстное окно. Согласно реляционному подходу, предложенному А. Пуцио, агентность LLM не является внутренним, имманентным свойством самой модели, но возникает и проявляется лишь в процессе её использования в рамках гетерогенных сетей, что требует перехода от «свойство-ориентированной» трактовки к сетевой [Puzio 2025, web, p. 11].

Из-за наделения нечеловеческих объектов агентностью ANT часто обвиняют в антропоморфизме. Как утверждает А. Хорнборг, «приписывание агентности и даже желаний абиотическим объектам, отстаиваемое такими исследователями, как Б. Латур и Д. Харауэй, сродни категориальным ошибкам, которые социальные теоретики неизменно идентифицируют как фетишизм и антропоморфизм» [Hornborg 2021, p. 753].

Однако более продуктивным, чем спор об антропоморфизме, является рассмотрение эффекта, который делегирование агентности имеет на самих человеческих акторов. Встраиваясь в сеть вместе с ИИ, человек неизбежно «кибернетизируется» — его действие должно быть соразмерено с логикой и скоростью работы машины. Как подчёркивает И. В. Напреенко, «в модели взаимного вложения людей и технологических объектов доминирует

модальность долженствования. Иными словами, моделью действия актантов служит взаимное принуждение — делание делающим». Итогом этого процесса оказывается «не только антропоморфизация техники, но и кибернетизация людей» [Напреенко 2015, с. 117-118]. Как отмечает М. Ерофеева, «в таком понимании агентности сделан акцент на совместности действия людей и вещей. В данном случае на сцену выходят и люди, и вещи — они не могут играть уже по отдельности» [Ерофеева 2015, с. 60]. Люди подстраиваются под интерфейс, под формат промптов, под алгоритмические ограничения.

Одной из главных проблем ANT является вопрос о границах сети. Актор-сеть LLM стягивает огромное количество других актантов: пользователей, корпорации, программистов, дата-сеттеров, базы данных, регулирующие органы. Эта методологическая сложность является предметом современных исследований в этой области. Исследователь в рамках ANT не может претендовать на описание всей сети целиком. Он вынужден следовать за акторами, очерчивая границы своего анализа практическими рамками возможностей исследования. Применительно к ИИ это означает фокус на конкретных практиках использования, конкретных сообществах разработчиков и конкретных технических ограничениях, а не на попытке построить глобальную теорию «общества с ИИ».

Таким образом, переосмысление агентности в рамках акторно-сетевой теории позволяет найти хороший инструмент для анализа феномена ИИ. Оно позволяет уйти от антропоцентричного видения, где ИИ — лишь пассивный инструмент, и увидеть его как участника социальных взаимодействий, меняющего своими «действиями» и практики, и самих людей. Однако этот подход сталкивается с рядом проблем. Во-первых, это риски антропоморфизации и оправдания снятия ответственности с человека. Во-вторых, это методологическая сложность: как исследовать бесконечную сеть, не утонув в деталях? Агентность в гетерогенной среде — это не свойство субъекта или объекта, а временный, локальный и распределённый эффект сети. Понимание этого эффекта — ключ к адекватному философскому и социологическому осмыслению нашего стремительно гибридизирующегося мира.

Список литературы

1. Ерофеева 2015 – Ерофеева М. О возможности акторно-сетевой теории действия // Социология власти. 2015. Т. 27. № 4. С. 51-71.
2. Латур 2014 – Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. Пер. с англ. И. Полонской. М.: Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики», 2014. 382 с.
3. Латур, 2004, web – Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Неприкосновенный запас. 2004. № 2. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2004/2/gde-nedostayushhaya-massa.html (дата обращения: 15.04.2026)
4. Латур 2006 – Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей. М.: Территория будущего, 2006. С. 342–365.
5. Напреенко 2015 – Напреенко И. В. Делегирование агентности в концепции Бруно Латура: как собрать гибридный коллектив киборгов и антропоморфов? // Социология власти. 2015. Т. 27. № 1. С. 108-121.

6. Hornborg 2021 – Hornborg A. Objects Don't Have Desires: Toward an Anthropology of Technology beyond Anthropomorphism // American Anthropologist. 2021. Vol. 123, No. 4. P. 753–766.
7. Kim 2020 – Kim J. The problem of nonhuman agency and bodily intentionality in the Anthropocene // Neohelicon. 2020. Vol. 47. P. 9–16.
8. Puzio, 2025, web – Puzio A. The Material Agency of a Large Language Model // Digital Society. 2025. Vol. 4. Article 73. URL: https://doi.org/10.1007/s44206-025-00225-3 (дата обращения: 15.04.2026)
9. Vejlin 2025 – Vejlin F. Beyond the Baseline: Actor-Network Theory and Lateral Experiments with Robotic Agency // STS in and out of the Laboratory: abstracts of the 7th Nordic STS Conference (Stockholm, June 11–13, 2025, Stockholm University). Stockholm, 2025. URL: https://www.nordicsts.se

УДК 16:004.8

МОДУСЫ АТРИБУЦИИ АГЕНТНОСТИ ИИ-СИСТЕМАМ В ПРАКТИКАХ ЧЕЛОВЕКО-МАШИННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Скрипкина Татьяна Константиновна
Институт философии и права Сибирского отделения РАН, младший научный сотрудник
E-mail: Skripkina-BSC11@yandex.ru

Аннотация: В работе показано, что развитие ИИ-технологий и их интеграция в цифровую среду актуализируют проблему атрибуции агентности нечеловеческим системам. В академическом дискурсе сохраняется позиция относительно некорректности применения традиционных категорий субъектности к современным алгоритмическим системам, в то время как пользователи в повседневных практиках спонтанно наделяют ИИ признаками агентности. Данное противоречие требует смещения исследовательского фокуса с онтологического вопроса о «подлинной» субъектности ИИ на прагматический анализ условий и оснований атрибуции агентности в конкретных коммуникативных ситуациях. В связи с этим сформулирована цель работы: выявить и охарактеризовать модусы атрибуции агентности ИИ-системам в практиках человеко-машинного взаимодействия. На основе синтеза подходов В. А. Лекторского, И. Н. Карицкого и Б. Латура сформулированы четыре аналитических критерия атрибуции: инструментальная действенность, диалогическая адресованность, контекстуальная адаптивность и эпистемическая инициативность. Показано, что конфигурация данных критериев определяет три модуса позиционирования ИИ-алгоритмов в коммуникативных ситуациях: инструментальный (ИИ как средство выполнения задачи), квазисубъектный (ИИ как коммуникативный партнёр с ограниченной агентностью) и коллаборативный (ИИ как соучастник когнитивного процесса). Установлено, что переключение между модусами демонстрирует ситуативную природу признания субъектного статуса: распределение ответственности, доверие и эпистемическая иерархия конструируются пользователями в зависимости от контекста взаимодействия, а не от технических характеристик системы. Результаты исследования предлагают аналитический

инструментарий для изучения трансформации агентности в условиях гибридизации социокультурной среды.

Ключевые слова: субъект; агентность; искусственный интеллект; человеко-машинное взаимодействие; атрибуция агентности; ситуативный субъект; квазисубъект.

MODES OF ATTRIBUTING AGENCY TO AI SYSTEMS IN HUMAN-MACHINE INTERACTION PRACTICES

Skripkina Tatyana Konstantinovna

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Junior Researcher

Abstract: This paper demonstrates that the development of AI technologies and their integration into the digital environment are renewing the problem of attributing agency to non-human systems. Academic discourse persists on the inappropriateness of applying traditional categories of subjectivity to modern algorithmic systems, while users spontaneously attribute attributes of agency to AI in everyday practice. This contradiction requires a shift in research focus from the ontological question of the "true" subjectivity of AI to a pragmatic analysis of the conditions and grounds for attributing agency in specific communicative situations. Therefore, the aim of this paper is to identify and characterize the modes of attributing agency to AI systems in human-machine interaction practices. Based on a synthesis of the approaches of V. A. Lektorsky, I. N. Karitsky, and B. Latour, four analytical criteria of attribution are formulated: instrumental efficacy, dialogic addressability, contextual adaptability, and epistemic initiative. It is shown that the configuration of these criteria determines three modes of positioning AI algorithms in communicative situations: instrumental (AI as a means of accomplishing a task), quasi-subjective (AI as a communicative partner with limited agency), and collaborative (AI as a co-participant in the cognitive process). It is established that switching between modes demonstrates the situational nature of the recognition of subject status: the distribution of responsibility, trust, and epistemic hierarchy are constructed by users depending on the context of interaction, not on the technical characteristics of the system. The results of the study offer an analytical toolkit for studying the transformation of agency in the context of hybrid sociocultural environments.

Keywords: subject; agency; artificial intelligence; human-machine interaction; agency attribution; situational subject; quasi-subject.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта в последние годы, расширение их функционала и активная интеграция в цифровую среду на сегодняшний день рассматриваются исследователями в качестве одного из значимых факторов трансформации паттернов человеко-машинного взаимодействия [Сафонова и др. 2023, с. 118] и проблематизируют субъектный статус участников коммуникативных процессов в современном цифровом пространстве. Так, дизайн интерфейсов генеративных моделей и чат-ботов, имитирующих естественный диалог, провоцирует спонтанное наделение этих систем признаками агентности со стороны пользователей [Рамбердиев 2026, с. 408]. При этом в академическом дискурсе сохраняется устойчивая позиция относительно некорректности

распространения традиционных философско-методологических категорий субъектности (сознание, интенциональность, этическая ответственность) на современные алгоритмические системы [Паламарчук 2022, с. 34]. Возникающее противоречие между теоретическими основаниями и эмпирическими практиками повседневного использования технологий так называемого слабого искусственного интеллекта актуализирует необходимость концептуализации процесса атрибуции агентности к ИИ-алгоритмам. Поскольку данные феномены разворачиваются преимущественно в специфических сегментах цифровой среды, затрагивающих коммуникативные формы человеко-машинного взаимодействия, исследовательский фокус смещается с онтологического вопроса о «подлинной» субъектности ИИ к прагматическому анализу того, как, при каких условиях и на каких основаниях участники коммуникативных процессов приписывают нечеловеческим системам статус действующего агента. Выявление и структурирование данного разрыва требует разработки аналитического инструментария, позволяющего описать модусы такой атрибуции.

В связи с вышесказанным в рамках данной работы была поставлена цель: выявить и охарактеризовать модусы атрибуции агентности ИИ-системам в рамках коммуникативного человеко-машинного взаимодействия. Для достижения этой цели мы на основе ряда теоретических подходов к определению категории субъекта сформулируем критерии атрибуции агентности ИИ-технологиям и применим данные критерии для описания трёх модусов позиционирования ИИ в коммуникации.

Для выявления оснований атрибуции агентности ИИ-системам обратимся к аналитическому аппарату, описывающему условия признания некоторой сущности субъектом в конкретной ситуации взаимодействия. В том, что касается общей трактовки понятия субъекта, мы опираемся на классическое определение В. А. Лекторского, который определяет субъект как «носитель деятельности, сознания и познания» [Лекторский 2010, с. 5]. Значимыми для нашей текущей работы являются такие критерии субъекта в рамках данного подхода, как статус «Я» по отношению к самому себе (рефлексивная самость), статус «Другого» по отношению к прочим участникам взаимодействия (интерсубъективное признание) и статус актора по отношению к объекту (целенаправленное преобразование объектов). В строгом смысле современные ИИ-системы не соответствуют этому набору характеристик, однако в рамках данной работы мы также обращаем внимание на возможность использования термина «субъект» в расширительном значении, как обозначения сущности, выполняющей активную роль в конкретной ситуации взаимодействия. Это смещает фокус с онтологических свойств ИИ-технологий на их функциональные позиции и задаёт вопрос о том, какую роль им приписывают участники коммуникативной ситуации.

Данная позиция получает развитие в концепции ситуативной субъектности И. Н. Карицкого. Согласно этому подходу, субъектный статус не является фиксированным атрибутом, а конституируется в зависимости от отношений в конкретной ситуации: один и тот же актор может выступать субъектом в одной ситуации и объектом – в другой [Карицкий 2015, с. 112]. Применительно к цифровой среде это означает, что признание ИИ-системы агентом зависит не от её внутренней архитектуры, а от практик позиционирования, разворачивающихся в конкретном коммуникативном эпизоде. Ситуативный подход позволяет легитимно анализировать гибридные конфигурации, избегая жёсткой дихотомии «субъект/объект», и сосредоточиться на динамике переключения между ролями в зависимости от структуры конкретного взаимодействия.

Прагматическое измерение атрибуции агентности раскрывается в акторно-сетевой теории Б. Латура. Трактуя статус актора (actancy) как способность некоторой сущности оказывать влияние на ситуацию, модифицировать состояние дел, в то же время находясь под влиянием со стороны системы взаимодействия (в частности, например, коммуникативного взаимодействия) [Латур 2014, с. 68], автор снимает требование к наличию сознания или интенциональности. Важнейшим элементом становится принципиальная способность как человеческих, так и нечеловеческих агентов (алгоритмов, интерфейсов, данных) включаться в систему взаимных ожиданий и ответственности [там же, с. 100].

Обобщая признаки субъекта (актора), сформулированные в рамках описанных подходов, можно выделить четыре аналитических критерия, позволяющих классифицировать акты атрибуции агентности ИИ-системам в цифровой среде. Первый критерий – инструментальная действенность. Он опирается на понятие статуса актора по отношению к объекту в рамках подхода В. А. Лекторского и идею о базовой способности акторов влиять на ситуацию в рамках теории Б. Латура. Этот критерий фиксирует признание за системой способности целенаправленно выполнять задачи и более или менее предсказуемо доводить действие до изначально запланированного результата. Второй критерий, обозначенный нами как диалогическая адресованность, отсылает к статусу «Другого» и параметру относительности субъектного статуса. Он проявляется, когда пользователь приписывает системе коммуникативную позицию, ожидая не просто выдачи данных, но обоснования, альтернативного взгляда или диалогического ответа, тем самым включая ИИ-систему в сеть взаимных смысловых ожиданий. Третий критерий, контекстуальная адаптивность, основан на модели ситуативного субъекта И. Н. Карицкого. Он описывает способность системы корректировать свои действия в ответ на изменения запроса, этические рамки или смену коммуникативной задачи, сохраняя устойчивость атрибутированной позиции в пределах конкретного эпизода взаимодействия. Наконец, четвертый критерий, эпистемическая инициативность, соотносится с функцией «носителя познания» у В. А. Лекторского и идеей распределённого производства знания у Б. Латура. Он фиксирует ситуацию, в которой ИИ-инструмент воспринимается пользователем в качестве равноправного участника коммуникативной ситуации, способного создавать новые конфигурации данных и участвовать в когнитивном процессе на правах соавтора или эксперта. Указанные критерии выступают аналитическими маркерами, конфигурация которых определяет конкретный модус атрибуции субъектного статуса.

В зависимости от того, какие критерии играют наиболее значимую роль в рамках конкретной коммуникативной ситуации, возможен один из трех модусов позиционирования ИИ-системы пользователем, которые мы в рамках данной работы условно обозначим как инструментальный, квазисубъектный и коллаборативный. Рассмотрим их подробнее.

В рамках инструментального модуса пользователи опираются преимущественно на первый критерий – инструментальную действенность. ИИ-система воспринимается как высокотехнологичное средство выполнения заданной операции, лишённое коммуникативной и смысловой автономии. Пользователь формулирует запросы в императивной форме, оценивает результат исключительно по критерию функциональной точности и не ожидает диалогического развёртывания ответа. В данной конфигурации ответственность за содержание и последствия использования сгенерированного материала полностью остаётся на человеке, а эпистемическая авторитетность системы сводится к технической эффективности.

Подобное позиционирование характерно для автоматизированных задач, где ИИ выступает в роли вычислительного или генеративного ресурса, а его «вклад» не требует интерпретации.

Квазисубъектный модус возникает при «подключении» к инструментальному модусу критериев диалогической адресованности и контекстуальной адаптивности. В этой ситуации пользователь (намеренно или ненамеренно) наделяет ИИ-систему отдельными признаками партнёра по коммуникативной ситуации, обращаясь к ней с использованием местоимений второго лица, вежливых форм и запросов на обоснование тех или иных утверждений. Ожидание пользователя смещается с простого целеполагания на процесс смыслового обмена: с точки зрения пользователя в рамках такого модуса система, даже не наделенная сознанием, тем не менее, обладает некоей внутренней логикой и способностью корректировать ответы в зависимости от уточнений или смены контекста беседы. Распределение ответственности в данном модусе становится амбивалентным: пользователь ощущает соучастие системы в формировании результата, однако сохраняет понимание технических ограничений алгоритма. Эпистемическая авторитетность ИИ-инструмента повышается до уровня «информированного собеседника», чьи ответы требуют критической верификации, но признаются релевантными для развития дискуссии или уточнения позиции.

Коллаборативный модус реализуется при одновременной активации всех четырёх критериев, включая эпистемическую инициативность. В данной практике ИИ-система позиционируется как полноправный участник когнитивного процесса, способный самостоятельно генерировать смысловые связи, выдвигать гипотезы или предлагать структурные решения, которые пользователь не закладывал в исходный промпт. Взаимодействие приобретает характер совместной деятельности: роли «автора» и «соавтора» размываются, а пользователь берёт на себя функцию рефлексивного координатора, оценивающего и интегрирующего генерируемые системой предложения. Распределение ответственности в коллаборативном модусе выходит за рамки традиционных моделей, требуя новых нормативных и этических рамок для фиксации совместного интеллектуального вклада. Эпистемическая авторитетность ИИ-системы достигает уровня, при котором её «вклад» признаётся значимым для производства знания, что актуализирует вопросы прозрачности алгоритмических решений, цитирования машинно-сгенерированного контента и поддержания интеллектуального суверенитета человека в гибридных исследовательских практиках.

Таким образом, переключение между модусами атрибуции агентности ИИ-систем демонстрирует ситуативную природу признания субъектного статуса, конструируемую пользователями в повседневной практике человеко-машинного взаимодействия. Конфигурация задействованных критериев определяет как характер коммуникации, так и ожидания пользователя относительно ответственности, доверия и эпистемической иерархии, что непосредственно соотносится с проблематикой трансформации агентности в условиях гибридизации коммуникативных процессов современной социокультурной среды.

Список литературы

1. Карицкий 2015 – Карицкий И. Н. История «Субъекта» в её некоторых ключевых моментах // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2015. № 3–4. С. 89–116.

2. Латур 2014 – Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
3. Лекторский 2010 – Лекторский В. А. Субъект в истории философии: проблемы и достижения // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. № 1. С. 5–18.
4. Паламарчук 2022 – Паламарчук О. Т. Сможет ли искусственный интеллект обладать... сознанием? // Общество: философия, история, культура. 2022. № 1 (93). С. 28–35.
5. Рамбердиев 2026 – Рамбердиев Р. Искусственный интеллект и виртуальные агенты в медиапроизводстве // Вестник науки. 2026. № 1 (1 (94)). С. 402–414.
6. Сафонова и др. 2023 – Сафонова Ю. А., Субочева О. Н., Коршкова А. С. Агентность искусственных автономных систем как фактор трансформации социума // Социология. 2023. № 6. С. 116–122.

УДК 165:167.7

АГЕНТНОСТЬ КАК РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ НАРРАТИВНЫЙ ЭФФЕКТ

Зайкова Алина Сергеевна
Кандидат философских наук
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (ИФПР СО РАН), научный сотрудник
E-mail: zaykova.a.s@gmail.com

Аннотация: В докладе предлагается пересмотреть понятие агентности применительно к человеко-машинному взаимодействию, сместив фокус с инициации действия на его последующее нарративное присвоение. Показано, что действие обретает статус «моего» не в момент совершения, а в акте ретроспективного осмысления. Особенно это значимо при рассмотрении особенностей человеко-машинного взаимодействия. В системах ИИ, где инициатива часто принадлежит алгоритму, человеческая агентность смещается из режима «автора» в режим «со-редактора»: человек присваивает себе действие через последующую редакцию, выбор, подтверждение или критику. Вводится понятие «ретроспективного нарративного эффекта», которое описывает, как действие становится переживаемым как собственное через его включение в нарратив самости уже после свершения. На материале взаимодействия с большими языковыми моделями (LLM) анализируются условия успешного (прозрачность алгоритма, достаточное время для осмысления, связность с предшествующим опытом) и неуспешного присвоения (эпистемическая непрозрачность, когнитивная перегрузка, утрата нарративной связности). Такой подход позволяет по-новому осмыслить распределение ответственности в гибридных системах и выработать принципы человеко-машинного взаимодействия, поддерживающего ретроспективную агентность.

Ключевые слова: ИИ, большие языковые модели, человеко-машинное взаимодействие, агентность, распределенная агентность, ретроспективный нарративный эффект, нарративная идентичность.

AGENCY AS A RETROSPECTIVE NARRATIVE EFFECT

Zaykova Alina Sergeevna
Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences (IPL SB RAS), Research Fellow

Abstract: The paper proposes to rethink agency in human-machine interaction by shifting the focus from action initiation to narrative appropriation. Drawing on the phenomenological tradition and theories of narrative identity, I show that an action acquires the status of "mine" not at the moment of its performance but through the act of retrospective sense-making. This is particularly important in the context of human-machine interaction. In AI systems, where initiative often belongs to the algorithm, human agency shifts from the mode of "author" to that of "co-editor": a person appropriates an action through subsequent editing, selection, confirmation, or critique. I introduce the concept of the "retrospective narrative effect", which describes how an action comes to be experienced as one's own by being incorporated into the narrative of the self after the fact. Using the example of interaction with large language models (LLMs), I analyze the conditions for successful appropriation (algorithmic transparency, sufficient time for reflection, coherence with prior experience) and the crisis of agency (epistemic opacity, cognitive overload, loss of narrative coherence). This approach provides a new understanding of distributed responsibility in hybrid systems and helps formulate principles of human-machine interaction that support retrospective agency.

Keywords: AI, LLM, human-machine interaction, agency, distributed agency, retrospective narrative effect, narrative identity.

Классическая философия действия, восходящая к Аристотелю и получившая каноническое развитие в работах Элизабет Энском и Дональда Дэвидсона, определяла агентность через способность субъекта инициировать целенаправленное действие на основании намерения [Anscombe 1957; Davidson 1963]. В этой парадигме «быть агентом» означало быть первичной причиной своего действия. Сегодня практики повседневного взаимодействия с системами искусственного интеллекта (ИИ) вносят свои корректировки в представлении о самостоятельных действиях. Всё чаще инициатива действия исходит не от человека, а от алгоритма: ИИ предлагает структуру для ответного сообщения, генерирует текст, даёт рекомендацию. Человек оказывается в позиции того, кто следует советам ИИ, а также выбирает, корректирует, подтверждает или отвергает уже предложенное. Всё это приводит к трансформации агентности из модальности «инициации» в модальность «ретроспективного присвоения». Действие становится «своим» не потому, что субъект его начал, а потому, что он включил его в нарратив своей самости.

Феноменологическая традиция с самого начала содержала ресурсы для пересмотра линейной модели «намерение – действие». Так, Мартин Хайдеггер указывал на то, что подлинное существование требует решимости – способности принять конечность жизни и на этом основании заново собрать разрозненные моменты жизни в целостность [Хайдеггер 2003]. Это «заново собрать» и есть акт ретроспективного осмысления: прошлое не фиксировано, его значение переопределяется тем, как Dasein проецирует себя в будущее. Теории нарративной идентичности второй половины XX века дают этой интуиции систематическое развитие. Пол Рикёр в работе «Я-сам как другой» развил наиболее развёрнутую теорию нарративной

идентичности. Для Рикёра идентичность не дана, а сконструирована в процессе нарративной конфигурации. Диалектика между неизменной самостью (idem) и самостью, сохраняющей себя в изменении (ipse), разрешается именно в нарративе, который позволяет удерживать единство жизни, несмотря на её прерывность [Рикёр 2008]. Таким образом, действие обретает свою идентичность не в момент исполнения, а в момент его «прочтения» - включения в нарратив. Эти подходы объединяет фундаментальный тезис: действие не обладает имманентным, раз и навсегда зафиксированным смыслом. Его значение конституируется ретроспективно, в акте нарративной конфигурации. Именно эта интерпретативная работа и составляет, как будет показано ниже, ключевой механизм агентности в человеко-машинном взаимодействии.

Рассмотрим типичный сценарий взаимодействия с большой языковой моделью. Человек формулирует запрос. Модель генерирует ответ – текст, который человек не писал и не инициировал в смысле порождения каждого слова. Человек читает ответ, оценивает его, вносит правки, задаёт уточняющие вопросы, принимает или отвергает предложенное. Где здесь присутствует человеческая агентность? Очевидно, не в генерации текста – эту функцию взяла на себя машина. Но человек не является и пассивным потребителем: он редактирует, направляет, выбирает, подтверждает. Человеческая агентность сместилась из режима «автора» в режим «редактора» или, точнее, «со-редактора». В современных исследованиях эта трансформация получает признание. Появилось понятие «рефлексивной агентности» – способности человека интерпретировать и придавать смысл своему опыту в условиях, когда этот опыт опосредован ИИ. Ключевым фактором сохранения агентности является не контроль над инициацией, а способность автономно осмыслять и присваивать результаты ИИ-опосредованной активности [Kim et al., 2025, web].

Таким образом, мы можем говорить о появлении ретроспективного нарративного эффекта, когда действие присваивается (то есть обретает статус «моего», совершённого мной) не в момент его физического или символического исполнения, а в момент его последующего включения в нарратив самости – через интерпретацию, присвоение или переопределение смысла.

В системах человеко-машинного взаимодействия этот эффект разворачивается через несколько ключевых механизмов. Во-первых, это редакция: пользователь получает сгенерированный ИИ текст и вносит изменения, в этом акте он присваивает себе текст, превращая его из «продукта ИИ» в «свой текст», и агентность проявляется не в порождении, а в трансформации. Во-вторых, выбор: ИИ предлагает несколько вариантов, пользователь выбирает один, и даже тривиальный выбор превращает предложенное ИИ в результат, за который пользователь готов нести ответственность. В-третьих, ратификация: пользователь не вносит изменений, но подтверждает предложенное; этот минимальный акт тем не менее играет ключевую роль в конституировании чувства контроля. В-четвёртых, критика: пользователь отвергает предложенное, указывает на ошибки; критика – наиболее явная форма ретроспективной агентности, поскольку предполагает наличие у пользователя собственных критериев оценки. Все эти механизмы работают уже после того, как ИИ совершил своё действие через осмысление и выбор человека.

Однако, мы должны уточнить, что ретроспективный нарративный эффект не является автоматическим. Иногда присвоение действия оказывается невозможным. В первую очередь, такое присвоение невозможно при эпистемической непрозрачности ответа нейросети. Если

пользователь не понимает, почему предложен именно этот ответ, он не может в полной мере осмысленно отредактировать, выбрать или раскритиковать результат. Кроме того, в качестве препятствия для осмысления и присвоения текста выступает когнитивная перегрузка, когда пользователь сталкивается со слишком большим объёмом информации или слишком быстрым темпом взаимодействия. Наконец, важным факторов является нарративная связность: если действие не удаётся связать с предшествующей историей самости пользователя (его ценностями, убеждениями, прошлыми решениями), оно не переживается как «своё», даже если формально пользователь его совершил. Этот особенно актуально при долгосрочном взаимодействии с рекомендательными системами, которые постепенно «ведут» пользователя по траекториям, не совпадающим с его автономно сформированными предпочтениями.

Предложенная модель ретроспективного нарративного эффекта объясняет, как действие присваивается через нарративную работу, и выделяет три условия, препятствующие этому присвоению. Однако эти условия не охватывают ситуаций, в которых вклад человека и алгоритма неразличим. Дальнейшее исследование должно определить, при каких конфигурациях гибридного действия ретроспективное присвоение становится невозможным не из-за недостатка прозрачности, времени или связности, а из-за самой неразличимости вкладов.

Список литературы

1. Рикёр 2008 – Рикёр П. Я-сам как другой / пер. с фр. Б. М. Скуратова. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. 419 с.
2. Хайдеггер 2002 – Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. СПб.: Наука, 2003. 503 с.
3. Anscombe 1957 – Anscombe G. E. M. Intention. Oxford: Basil Blackwell, 1957. 93 p.
4. Davidson 1963 – Davidson D. Actions, Reasons, and Causes // The Journal of Philosophy. 1963. Vol. 60, No. 23. P. 685-700.
5. Kim et al., 2025, web – Kim M., Wang W., Long J., Picard R., Barczi N., Maes P. Reflective Agency: Ethical and Empirical Framework for AI-Mediated Self-Reflection Systems // Proceedings of the AAAI/ACM Conference on AI, Ethics, and Society. 2025. Vol. 8, No. 2. P. 1440-1452. URL: https://doi.org/10.1609/aies.v8i2.36644 (дата обращения: 20.04.2026).

УДК 340.13:004.8:17.023.33

НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ АГЕНТЫ КАК СУБЪЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ПРАВА, ЭТИКИ И ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Чернусь Надежда Юльевна

Кандидат юридических наук

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, старший научный сотрудник

E-mail: preiudicia@yandex.ru

Аннотация: Интенсификация процессов цифровой трансформации, сопровождающаяся стремительным развитием технологий искусственного интеллекта, робототехнических комплексов и автономных систем принятия решений, актуализирует необходимость критического переосмысления фундаментальных категорий юридической науки, нормативной этики и философской антропологии. В центре научной дискуссии находится вопрос о возможности и допустимости признания нечеловеческих агентов полноценными субъектами правовой и моральной ответственности. Классическая правовая доктрина, сформированная в рамках антропоцентрической парадигмы, традиционно основывалась на презумпции исключительной правосубъектности человека как носителя разума, свободной воли и способности к осознанному моральному выбору. Вместе с тем, появление искусственных систем с высокой степенью автономности, способных к самостоятельной выработке решений в условиях неопределённости, позволяет усомниться в актуальности устоявшихся правовых конструкций, что требует разработки новых теоретико-методологических подходов к концептуализации ответственности. Научная значимость настоящего исследования обусловлена не только теоретическими вызовами, но и насущными практическими потребностями правоприменения. Эмпирический материал — инциденты с участием беспилотных транспортных средств, случаи некорректной работы алгоритмов медицинской диагностики, ошибки автоматизированных систем принятия управленческих решений — свидетельствует о формировании «пробелов ответственности» в современном правовом регулировании. Кроме того, целью настоящего исследования является междисциплинарный анализ правовых, этических и антропологических оснований потенциального признания нечеловеческих агентов субъектами ответственности, а также выявление теоретических пределов и практических механизмов такого признания.

Ключевые слова: нечеловеческие агенты; юридическая ответственность; искусственный интеллект; правосубъектность; автономные системы; философская антропология; моральная ответственность; антропоцентрическая парадигма.

NON-HUMAN AGENTS AS SUBJECTS OF RESPONSIBILITY: AT THE INTERSECTION OF LAW, ETHICS AND PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

Chernus Nadezhda Yulievna
Candidate of Law Sciences
Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Senior Researcher

Abstract: The intensification of digital transformation processes, accompanied by the rapid development of artificial intelligence technologies, robotic complexes and autonomous decision-making systems, actualizes the need for a critical rethink of the fundamental categories of legal science, normative ethics and philosophical anthropology. The scientific discussion focuses on the possibility and permissibility of recognizing non-human agents as full-fledged subjects of legal and moral responsibility. The classical legal doctrine, formed within the framework of the anthropocentric paradigm, has traditionally been based on the presumption of the exclusive legal personality of a person as a carrier of reason, free will and the ability to make a conscious moral choice. At the same time, the emergence of artificial systems with a high degree of autonomy, capable of independently

developing solutions in conditions of uncertainty, makes it possible to doubt the relevance of established legal structures, which requires the development of new theoretical and methodological approaches to the conceptualization of responsibility. The scientific significance of this study is determined not only by theoretical challenges, but also by the urgent practical needs of law enforcement. Empirical material — incidents involving unmanned vehicles, cases of incorrect operation of medical diagnostic algorithms, errors in automated management decision—making systems - indicates the formation of "responsibility gaps" in modern legal regulation. In addition, the purpose of this study is an interdisciplinary analysis of the legal, ethical and anthropological grounds for the potential recognition of non-human agents as subjects of responsibility, as well as the identification of theoretical limits and practical mechanisms for such recognition.

Keywords: non-human agents; legal responsibility; artificial intelligence; legal personality; autonomous systems; philosophical anthropology; moral responsibility; anthropocentric paradigm.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта, робототехники и автономных систем ставит перед современной юридической наукой, этикой и философской антропологией фундаментальный вопрос: могут ли нечеловеческие агенты нести ответственность за свои действия? Традиционные правовые системы исторически строились на антропоцентричной модели, где субъектом ответственности признавался исключительно человек, обладающий разумом, волей и способностью к моральному выбору [Hart 1968, web]. Однако появление искусственных систем, способных к автономному принятию решений, требует переосмысления базовых категорий права и этики.

Проблема делегирования ответственности нечеловеческим агентам не является чисто теоретической абстракцией. Практические кейсы — от аварий с участием беспилотных автомобилей до алгоритмических ошибок в медицинской диагностике — демонстрируют актуальность поиска новых правовых механизмов распределения ответственности. Данное исследование предлагает междисциплинарный анализ данной проблематики, рассматривая правовые, этические и антропологические аспекты признания нечеловеческих агентов субъектами ответственности.

Обращаясь к правовым основаниям ответственности, следует, прежде всего, определить субъекта такой ответственности. Насколько возможен, в рамках действующей системы права, отказ от применения мер ответственности в отношении физических лиц и переход к привлечению к юридической ответственности искусственных агентов. Итак, классическая правовая доктрина связывает ответственность с наличием у субъекта трёх элементов: правосубъектности, деликтоспособности и вины [Иоффе 1961, с. 314-342]. Современное гражданское и уголовное право большинства юрисдикций сохраняет эту антропоцентричную парадигму.

Вместе с тем, история права знает примеры признания субъектами ответственности не только физических лиц. Юридические лица — корпорации, организации — представляют собой правовую фикцию, созданную для эффективного регулирования экономических отношений. Конструкция юридического лица демонстрирует способность правовой системы адаптироваться к новым социальным реалиям, наделяя правосубъектностью нечеловеческие образования. Некоторые исследователи проводят параллели между юридическими лицами и технологиями искусственного интеллекта, предлагая концепцию «электронного субъекта» (electronic person) [Bryson 2017, p. 274]. Тем не менее, Европейский парламент в 2017 году рассматривал резолюцию о придании роботам статуса «электронных личностей» с особым правовым статусом и личной ответственностью. Однако эта инициатива встретила критику со

стороны юристов и других исследователей в области этики, указывающих на концептуальные различия между корпоративной фикцией и искусственными агентами [European Parliament 2017, web]. По мнению критиков, ключевое отличие между ними заключается в том, что за действиями юридического лица всегда стоят конкретные физические лица — участники, администрация, работники. Ответственность корпорации, в конечном счёте, это ответственность, которая распределена между людьми. В случае с автономными системами, принимающими решения без непосредственного человеческого контроля, возникает «пробел ответственности» (responsibility gap) [Matthias 2004, p. 177]. Кто должен отвечать, когда вред причинён решением, принятым алгоритмом машинного обучения, логику которого не может полностью объяснить даже его создатель?

Обращаясь к определению этических концепций моральной агентности, следует отметить, что философская этика различает понятия морального агента (moral agent) и морального пациента (moral patient). Моральный агент — это субъект, способный нести моральную ответственность за свои действия, то есть обладающий автономией, интенциональностью и способностью к моральным суждениям [Johnson 2008, p. 370]. Моральный пациент — это объект моральной заботы, к которому применимы этические соображения, но который сам не может быть ответственным (например, животные, младенцы). Традиционно лишь люди признавались полноценными моральными агентами. Однако развитие этики животных и экологической этики расширило круг моральных пациентов, а дискуссии об искусственном интеллекте ставят вопрос о возможности нечеловеческой моральной агентности [Coeckelbergh 2020, p. 2055].

Философ Люциано Флориди предложил концепцию «распределённой моральной ответственности», согласно которой ответственность в человеко-машинных системах должна распределяться между всеми участниками: разработчиками, пользователями, владельцами и самими искусственными агентами [Floridi 2004, p. 361]. Эта модель признаёт, что современные автономные системы обладают определённой степенью агентности, достаточной для частичного вменения ответственности.

Другой подход предлагает различать степени моральной агентности. Дж. Саллинс выделяет три уровня: полная моральная агентность (человек), ограниченная агентность (животные, дети) и функциональная агентность (искусственные системы) [Sullins 2006, p. 25]. Функциональная агентность предполагает способность к автономным действиям и достижению целей, но без подлинного сознания и моральной рефлексии. Согласно этой концепции, искусственные агенты могут нести специфическую форму ответственности, отличную от человеческой.

Что касается антропологических границ ответственности нечеловеческих агентов, то философская антропология исследует сущностные характеристики человека, отличающие его от других существ. Классическая антропология определяла человека через разум (homo sapiens), труд (homo faber), язык (homo loquens) и игру (homo ludens) [Марков 2008, с. 15-45]. Однако развитие искусственного интеллекта демонстрирует, что многие из этих характеристик могут быть также воспроизведены технически. Более глубокое антропологическое основание ответственности связано с экзистенциальными характеристиками человеческого бытия. Мартин Хайдеггер описывал человека как «Dasein» — «здесь-бытие», существо, для которого вопрос о собственном бытии является конституирующим [Хайдеггер 2003, с. 11-16]. Ответственность в этом контексте заключается не просто в способности к рациональному выбору, но в экзистенциальной открытости миру, временности и конечности существования. Ханс Йонас в «Принципе ответственности»

связывал способность к ответственности с уязвимостью и смертностью. Именно осознание конечности собственного существования и хрупкости жизни делает человека способным к подлинной ответственности за будущее [Jonas 1984, p. 99-110]. Искусственные системы, лишённые телесности, смертности и экзистенциального переживания времени, по этой логике не могут быть полноценными субъектами ответственности.

Переходя к практическим моделям распределения ответственности, следует отметить, что юридическая практика различных стран вырабатывает свои собственные подходы к проблеме ответственности за действия автономных систем. Можно выделить несколько основных моделей: Во-первых, это модель опосредованной ответственности, которая сохраняет традиционную структуру, возлагая ответственность на производителей, владельцев или операторов технических систем. Европейский союз в Директиве об ответственности за качество продукции применяет эту логику к роботам и технологиям искусственного интеллекта [European Commission 2009, web]. Преимущество этой модели — сохранение антропоцентричной парадигмы, но недостатком является сложность доказывания причинно-следственной связи при принятии автономных решений.

Во-вторых, модель страхования и компенсационных фондов, которая предлагает создание специальных механизмов возмещения вреда, причинённого автономными системами, по аналогии со страхованием профессиональной ответственности [Butler 2020, web]. Однако, эта модель обеспечивает защиту пострадавших, но не решает вопрос о моральной ответственности.

В-третьих, модель распределённой ответственности, которая признаёт, что ответственность в сложных человеко-машинных системах должна распределяться пропорционально между всеми участниками: разработчиками алгоритмов, производителями оборудования, владельцами, операторами и самими системами [Santoni 2021, p. 1065]. Искусственный агент в этой модели может нести имущественную ответственность (через страхование или резервные фонды), но не уголовную.

Наконец, модель ограниченной правосубъектности, которая предполагает создание специального правового статуса для автономных систем с высокой степенью автономии, по аналогии с юридическими лицами или животными в современном праве некоторых юрисдикций [Solaiman 2017, p. 159]. Так, Новая Зеландия и Индия предоставили правовой статус отдельным природным объектам (рекам); подобный подход может быть применен и к искусственным агентам.

Таким образом, проблема признания нечеловеческих агентов субъектами ответственности находится на пересечении права, этики и философской антропологии. Проведенный анализ демонстрирует как наличие возможности расширения круга субъектов ответственности (по аналогии с юридическими лицами), так и концептуальные препятствия для полного уравнивания искусственных агентов с физическими лицами. Этические теории предлагают градуированную концепцию моральной агентности, позволяющую признать за автономными системами ограниченную форму моральной ответственности. Философская антропология указывает на экзистенциальные основания человеческой ответственности, которые не могут быть полностью воспроизведены технически. Наиболее перспективным представляется подход распределённой ответственности, при котором правовая система признаёт за высокоавтономными искусственными агентами специфический правовой статус с ограниченной ответственностью, не тождественной ответственности физических лиц, но и не сводимой к ответственности их создателей. Такой подход требует создания новых правовых

институтов — от специальных режимов страхования до компенсационных фондов и процедур, таких как, например «аудит алгоритмической ответственности».

Дальнейшее развитие технологий способствует актуализации традиционных антропоцентричных оснований права и этики и требует обращения к междисциплинарному диалогу и готовности к пересмотру фундаментальных правовых категорий.

Список литературы

1. Иоффе 1961 – Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М.: Юридическая литература, 1961. 381 с.
2. Марков 2008 – Марков Б.В. Философская антропология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки ВПО 030100 «Философия». 2-е изд. М.: [и др.]: Питер, 2008. 349 с.
3. Bryson 2017 – Bryson J., Diamantis M.E., Grant T.D. Of, for, and by the people: the legal lacuna of synthetic persons // Artificial Intelligence and Law. 2017. Vol. 25. P. 273-291.
4. Coeckelbergh 2020 – Coeckelbergh M. Artificial Intelligence, Responsibility Attribution, and a Relational Justification of Explainability // Science and Engineering Ethics. 2020. Vol. 26. P. 2051-2068.
5. European Parliament 2017, web – European Parliament. Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)), 2017. URL: https://epthinktank.eu/2017/02/09/civil-law-rules-on-robotics-plenary-podcast/ (дата обращения: 20.04.2026).
6. Floridi 2004 – Floridi L., Sanders J.W. On the Morality of Artificial Agents // Minds and Machines. 2004. Vol. 14. P. 349-379.
7. Hart 1968, web – Hart H.L.A. Punishment and Responsibility: Essays in the Philosophy of Law. Oxford: Oxford University Press, 1968. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPRrJRXlUFoewruD8sg97Ckc1lDGuthyWb1ZpbnrM-W0p6dEiJf_E8LyIj4r_j4lYw0_Bs_f_SDGQWyd5Hv4DvfBbIPigW0BVjpa2NNpILGuqRqpb_pMagAflTgZS3PP8lZJdjalDPZcSO9g%3D%3D%3Fsign%3DVAJ2cvMLeIOtZFnQ0UN7w7DpGFZVWBVmbeisO8XpXIE%3D&name=HARPAR-4.1.docx&nosw=1 (дата обращения: 20.04.2026).
8. Johnson 2008 – Johnson D.G., Miller K.W. Moral Agency, Moral Responsibility, and Artifacts: What Can Artifacts Do and What Should They Be Able to Do? // AI & Society. 2008. Vol. 22. P. 365-381.
9. Matthias 2004 – Matthias A. The responsibility gap: Ascribing responsibility for the actions of learning automata // Ethics and Information Technology. 2004. Vol. 6. P. 175-183.
10. Sullins 2006 – Sullins J.P. When is a Robot a Moral Agent? // International Review of Information Ethics. 2006. Vol. 6. P. 23-30.
11. Хайдеггер 2003 – Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: «Фолио», 2003. 503 с.
12. Jonas 1984 – Jonas H. The Imperative of Responsibility: In Search of an Ethics for the Technological Age. Chicago: University of Chicago Press, 1984. 255 p.
13. European Commission 2009, web – European Commission. Liability for Artificial Intelligence and other emerging digital technologies. Expert Group Report, 2019. URL: https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/1c5e30be-1197-11ea-8c1f-01aa75ed71a1/language-en (дата обращения: 20.04.2026).

14. Butler 2020, web – Butler R. Autonomous Vehicles and Tort Liability // National Security Journal. 2020. URL: https://natsecjournal.com/wp-content/uploads/2020/04/20200401-Autonomous-Vehicles-and-Tort-Liability-Roya-Butler.pdf (дата обращения: 20.04.2026).
15. Santoni 2021 – Santoni de Sio F., Mecacci G. Four Responsibility Gaps with Artificial Intelligence: Why they Matter and How to Address them // Philosophy & Technology. 2021. Vol. 34. P. 1057-1084.
16. Solaiman 2017 – Solaiman S.M. Legal personality of robots, corporations, idols and chimpanzees: a quest for legitimacy // Artificial Intelligence and Law. 2017. Vol. 25. P. 155-179.

УДК 167.7

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ АГЕНТНОСТЬ В ЭПОХУ ГИБРИДИЗАЦИИ: МЕЖДУ ОТЧУЖДЕНИЕМ И ДОВЕРИЕМ

Ламбаева Ирина Александровна
к. филос. н.
Московский государственный технический университет гражданской авиации. доцент
E-mail: i.lambaeva@mstuca.ru

Аннотация. В статье анализируется трансформация классического понятия эпистемической агентности в условиях включения искусственного интеллекта в познавательные процессы. Автор показывает, что знание больше не является исключительно продуктом человеческой коммуникации, а возникает в процессе технологических расширений, что порождает риск эпистемологического делегирования, утраты человеком контроля над формированием собственных убеждений и передаче алгоритмам права определять истину и релевантность. Особое внимание уделяется феномену атрибуции агентности: в силу того, что ИИ не обладает эпистемической агентностью в классическом смысле (интенциональностью, рефлексией, моральной ответственностью), человек неизбежно приписывает машине познавательные способности на основе ее функционального поведения. В качестве ключевых механизмов влияния ИИ на агентность человека рассматриваются «эпистемические пузыри» и «эхо-камеры», которые сужают горизонт возможного выбора и создают иллюзию автономии при фактическом делегировании. В статье представлена трехуровневая модель распределения агентности (директивный, соучаствующий и партнерский режимы), а также вводится понятие эпистемического отчуждения. Делается вывод, что подлинная эпистемическая агентность в эпоху ИИ возникает при успешной ассимиляции ИИ человеком для достижения общей цели.

Ключевые слова: эпистемическая агентность, искусственный интеллект, эпистемологическое делегирование, атрибуция агентности, эпистемическое отчуждение, интеллектуальные добродетели, распределенное познание, гибридный эпистемический агент.

EPISTEMIC AGENCY IN THE AGE OF HYBRIDIZATION: BETWEEN ALIENATION AND TRUST

Lambaeva Irina Aleksandrovna
PhD in Philosophy
Moscow State Technical University of Civil Aviation, Associate Professor

Abstract. The article analyzes the transformation of the classical concept of epistemic agency in the context of the integration of artificial intelligence into cognitive processes. The author shows that knowledge is no longer exclusively a product of human communication but emerges through technological extensions, which gives rise to the risk of epistemological delegation, the loss of human control over the formation of one's own beliefs and the transfer to algorithms of the authority to determine truth and relevance. Special attention is paid to the phenomenon of agency attribution: since AI does not possess epistemic agency in the classical sense (intentionality, reflection, moral responsibility), humans inevitably ascribe cognitive capacities to the machine based on its functional behavior. The key mechanisms of AI's influence on human agency are examined through "epistemic bubbles" and "echo chambers," which narrow the horizon of available choices and create an illusion of autonomy while actual delegation takes place. The article presents a three-level model of agency distribution (directive, participatory, and partnership modes) and introduces the concept of epistemic alienation. It is concluded that genuine epistemic agency in the age of AI arises through the successful assimilation of AI by humans in pursuit of a shared goal.

Keywords: epistemic agency, artificial intelligence, epistemological delegation, agency attribution, epistemic alienation, intellectual virtues, distributed cognition, hybrid epistemic agent.

В современной философии познания классическое понятие эпистемической агентности – способности субъекта занимать определенную позицию по отношению к убеждениям – основательно пересматривается, так как в познавательный процесс включается нечеловеческий актор. Знание, прежде понимаемое как продукт коммуникации между людьми, теперь возникает в гибридных ассамбляжах, где человек и алгоритм совместно порождают, фильтруют и верифицируют эпистемический контент. В этой ситуации возникает риск эпистемологического делегирования, также риску подвергается человеческая агентность и его интерпретативный контроль. Эпистемическое делегирование возникает в ситуации, когда человек при использовании искусственного интеллекта утрачивает контроль над формированием собственных убеждений, передавая алгоритмам не только вычислительные операции, но и функцию определения того, что считать истиной, релевантным или заслуживающим доверия [Simon 2024, web]. Как отмечает Саймон, «с одной стороны, такое эпистемическое делегирование может улучшить и усовершенствовать эпистемические практики, например, за счет сокращения ошибок или повышения точности анализа и процессов принятия решений. С другой стороны, системы ИИ, основанные на данных, подвержены различным эпистемическим (и этическим) проблемам» [Simon 2023, web]. Важно подчеркнуть, что делегирование не является тотальным или принудительным, человек сохраняет формальную свободу не принимать рекомендацию искусственного интеллекта (ИИ), но фактически его эпистемическая ниша предопределяется архитектурой алгоритма.

Этот риск становится особенно острым в контексте повседневного использования рекомендательных систем, поисковых алгоритмов и генеративных моделей. Когда пользователь спрашивает у чат-бота о достоверности исторического факта или медицинского утверждения, он редко подвергает ответ критической проверке, не потому что ленив, а потому, что сама когнитивная экономия, обеспечиваемая ИИ, обещает сократить затраты на верификацию. Однако платой за эту экономию становится постепенная атрофия способности

к независимому суждению. Познающий субъект в современных условиях гибридизации социокультурной среды вынужден признавать реальное участие ИИ в производстве знания, но не должен делегировать алгоритмам окончательных суждений.

В классической традиции агентность неразрывно связана с намерением, убеждениями и свободой воли. Моральная агентность требует быть способным сознательно выбирать жизненные цели и быть источником обязывающей силы морального закона [Зайкова 2024, с. 91]. Однако в области исследований ИИ термин «агент» используется как технический. Зайкова приводит в качестве примера подход Рассела и Норвига [Russel 2023, web], в котором «понятие искусственного интеллекта определяется как наука об агентах, которые воспринимают (получают информацию из окружающей среды) и действуют (выполняют какие-либо действия)» [Зайкова 2024, с. 92]. Автономность интеллектуального агента понимается как возможность действий, выходящих за рамки запрограммированных, способность интегрировать информацию на базе собственного восприятия.

Так как ИИ не обладает эпистемической агентностью в классическом смысле, исследовательский интерес эпистемологов направлен на условия, при которых наблюдатель приписывает машине способность влиять на формирование убеждений, т. е. на атрибуцию агентности. Атрибуция эпистемической агентности ИИ является неизбежным когнитивным и социальным механизмом, позволяющий человеку эффективно взаимодействовать с ИИ как с эпистемическим партнером. Человеческий наблюдатель (пользователь, исследователь, разработчик или общество в целом) приписывает искусственному интеллекту способность к целеполагающему, познавательному действию, несмотря на отсутствие у ИИ феноменального сознания, интенциональности и моральной ответственности в человеческом смысле. Эпистемическая агентность ИИ не является его внутренним свойством, а конструируется наблюдателем на основе наблюдаемого поведения и функциональных характеристик системы.

Штойп и Сюй [Steup 2025, web] выделяют два основных механизма, через которые ИИ, особенно в социальных медиа и поисковых системах, влияет на эпистемическую агентность человека: «эпистемически пузыри» и «эхо-камеры». «Эпистемически пузыри» возникают тогда, когда алгоритмы фильтруют релевантную информацию, исключая из поля зрения агента данные, не соответствующие его предыдущим предпочтениям, истории поиска или профилю. Человек продолжает думать, что делает самостоятельный выбор, но горизонт возможных выборов уже сужен невидимой архитектурой, в результате чего незнание становится структурной характеристикой его познавательной позиции.

«Эхо-камеры» не просто скрывают альтернативы, но активно изолируют агента от конкурирующих точек зрения, создавая замкнутую среду, где каждое убеждение многократно подтверждается и никогда не сталкивается с опровержением. В таком режиме способность воздерживаться от суждения или сомневаться атрофируется, так как отсутствует сам стимул для сомнения. Рекомендательные алгоритмы социальных сетей или новостных лент не просто предлагают контент, они структурируют саму возможность что-либо узнать, формируя невидимые границы познавательного горизонта. Важно отметить, что оба механизма действуют на уровне формирования эпистемической ниши, а не прямого принуждения, человек сохраняет иллюзию автономии, тогда как его агентность уже делегирована.

В проекте «Cognitio Emergens» [Lin 2025, web] предлагается более сложная модель, в которой выделяются три режима распределения эпистемической агентности в гибридных системах «человек - ИИ». Директивный режим соответствует классическому инструментальному пониманию: ИИ выступает как средство, полностью подчиненное интенциям человека. Пользователь задает запрос, получает результат и интерпретирует его

самостоятельно. Атрибуция агентности здесь минимальна, а ИИ рассматривается как сложный калькулятор. Соучаствующий режим характеризуется тем, что ИИ рассматривается как партнер: он выдвигает гипотезы, предлагает неочевидные корреляции, указывает на аномалии в данных, генерирует альтернативные формулировки. Здесь атрибуция агентности становится частичной, человек признает, что ИИ вносит значительный вклад в познавательный процесс, но окончательная верификация, интерпретация и решение о принятии или отвержении результата остаются за человеком. В партнерском режиме происходит взаимное развитие: человек учится у ИИ новым паттернам мышления, адаптирует свои когнитивные стратегии, а ИИ через механизмы обратной связи и дообучения адаптируется к когнитивным стилям человека. В этом режиме возникает феномен эпистемического отчуждения, когда исследователь утрачивает интерпретативный контроль над знанием, которое формально одобряет, поскольку оно не поддается полному осмыслению.

Чтобы преодолеть риски эпистемического отчуждения, необходимо выработать рефлексивное осознание того, что агентность ИИ является функциональной, а не онтологической характеристикой, и окончательный контроль над формированием убеждений и ответственностью за последствия остается за человеком.

В эпистемологии добродетели [Sosa 2015, web; Ferrario 2024, web] фокус анализа смещается на интеллектуальные добродетели познающего субъекта. Высокая точность и эффективность познавательных практик ИИ не делает его экспертом или агентом, так как он не обладает «пониманием» и «интеллектуальными добродетелями», которые необходимы для этого статуса. ИИ можно назвать лишь «хранилищем обширного слабого знания». Когда человек успешно «ассимилирует» ИИ для достижения общей цели, формируется гибридный эпистемический агент. Именно этот гибрид может обладать подлинной экспертизой и авторитетом. Эпистемическое превосходство возникает не в самом ИИ и не в человеке по отдельности, а в их совместной работе.

Проблема агентности ИИ в эпистемологии социального познания требует пересмотра самих оснований теории познания. Мы не можем вернуться в мир, где знание было исключительно человеческим продуктом, но мы также не можем позволить себе утопию полного делегирования. Эпистемическая агентность - это возможность сохранения доверия, оставляя за собой право на сомнение, воздержание от суждения и пересмотр убеждений.

Список литературы

1. Зайкова 2024 – Зайкова А.С. Агентность систем искусственного интеллекта: интеллектуальная, социальная, моральная. // Философия науки. 2024. № 5 (104). С. 89-96.
2. Ferrario 2024, web – Ferrario A., Facchini A., Termine A. Experts or Authorities? The Strange Case of the Presumed Epistemic Superiority of Artificial Intelligence Systems // Minds & Machines. 2014. Vol. 34. Art. no. 30. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s11023-024-09681-1 (дата обращения: 06.03.2026)
3. Lin 2025, web –Lin X. Cognitio emergens: Agency, dimensions, and dynamics in human-AI knowledge co-creation, 2025. URL: https://arxiv.org/abs/2505.03105 (дата обращения: 25.12.2025)
4. Russel 2023, web – Russell S.J., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach (2nd ed.). Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 2003. URL: https://dpvipracollege.in/wp-content/uploads/2023/01/Russell-S.-Norvig-P.-Artificial-intelligence-a-modern-approach-2edPH2003T1112s.pdf (дата обращения: 21.03.2026)

5. Simon 2023, web – Simon J. Trusting in and knowing with AI: epistemic delegation & socio-technical interdependence // Ethics in IT. 19.05.2023. URL: https://www.inf.uni-hamburg.de/en/inst/ab/eit/about/newsfeed/2023/20230519-milano.html (дата обращения: 15.04.2026)

6. Simon 2024, web – Simon J., Rieder G., Branford J. The Philosophy and Ethics of AI: Conceptual, Empirical, and Technological Investigations into Values // DISO. Vol. 3. Art. no 10. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s44206-024-00094-2 (дата обращения: 16.04.2026)

7. Sosa 2015, web – Sosa E. Judgment and Agency. Oxford University Press, 2015. URL: https://books.google.ru/books/about/Judgment_and_Agency.html?id=KyF-BwAAQBAJ&redir_esc=y (дата обращения: 30.01.2026)

8. Steup 2025, web – Steup, Matthias, Wen Xu. 2025. AI, Social Media, and Epistemic Agency: A Reply to Coeckelbergh // Social Epistemology Review and Reply Collective. 2025. Vol. 14 (9). P. 33–46. URL: https://social-epistemology.com/2025/09/12/ai-social-media-and-epistemic-agency-a-reply-to-coeckelbergh-matthias-steup-and-wen-xu/ (дата обращения: 20.12.2026)

УДК 172

ИИ В ОБРАЗОВАНИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЭТИКИ Л. ФЛЁРИДИ

Кайгородов Павел Викторович
Кандидат философских наук
Новосибирский государственный университет экономики и управления НИНХ,
Доцент кафедры Философии и гуманитарных наук
E-mail: Cutalizator811@yandex.ru

Аннотация: Статья демонстрирует, каким образом распределённая этика Л. Флёриди может быть применена в качестве «каркаса» при оценивании перспектив внедрения и применения искусственных интеллектов в процесс высшего образования. Статья начинается с краткого описания сути концепции Флёриди, а затем рассматривает через её призму перспективы автоматизации и делегирования интеллектуальной работы в среде ВУЗов. Статья заключает, что пропоненты применения нейросетей в высшем образовании рассматривают акторов процесса как его результат и наоборот.

Ключевые слова: искусственный интеллект, распределённая нравственность, высшее образование.

AI IN EDUCATION INTERPRETED THROGHT L. FLORIDI'S ETHICS

Kaygorodov Pavel Viktorovich
Novosibirsk State University of Economics and Management / Associate Professor for the chair of Philosophy and Humanities

Abstract: The article showcases ways, in which L. Floridi's distributed morality can be utilized as framework in order to analyze the prospects of AI's integration into the higher education. The text

opens up with a brief summary of Floridi's ideas. It then proceeds to apply it to the issues of automation and delegating of cognition within modern university education. The article concludes that advocates of the implementation of AI in universities misinterpret the actors of the process for its results and vice versa.

Keywords: Artificial intelligence, distributed morality, university education.

В первых десятилетиях XXI века Лучано Флёриди предложил концепцию распределённой нравственности как способ преодоления проблемы, привнесённой в этику новой эпохой. Суть проблемы заключается в том, что морально значимые решения сегодня не обязательно принимаются моральным субъектом, от которого отталкивались Кант, Бентам, Руссо и прочие этики XVII-XIX веков. Сегодня решения нередко принимает (хотя бы – отчасти) гибридная система мульти-агентов, не каждый из которых субъектен или даже разумен. Программы-аналитики, автомобильные навигаторы, диагностическое программное обеспечение, а в последние годы – нейросети, не имеют понятия чувства долга, эмоций или довольства, но, тем не менее, оказывают очевидное влияние на процесс принятия этически-значимых решений. Применять к ним оценочные критерии человека невозможно, но не применять никаких – недопустимо. Флёриди показал [Floridi 2010] как этика бизнеса может продуктивно рассматриваться в терминах информационной этики, стремящейся преодолеть антропоцентризм прошлых эпох, чтобы включить в этику искусственных акторов. Последних он понимает как автономные «умные» артефакты, принимающие нравственно значимые решения, независимо от разрабатывавших их людей, и создающие таким образом искусственное добро или зло [Floridi, Sanders 2004].

Название распределённой нравственности извлекается по аналогии из термина распределённого познания. Тот в свою очередь выражает ситуации, в которых познание осуществляется не один актором. Вообразим: субъект A знает лишь, что [P∨Q]. Субъект B же знает только, что ¬P. Ни A, ни B не будут знать, что Q. Только надсубъектный агент C, равный A∧B будет осведомлён, что Q. Только объединив эпистемические состояния A и B, C получит новое знание об истинности Q. По мнению Флёриди [Floridi 2012] то же самое, справедливо для этики: нравственно нейтральные или нравственно незначительные поступки, могут вести к нравственно значимым последствиям. Под нравственно незначительными деяниями понимаются здесь поступки слишком мелкие, чтобы всерьёз рассматриваться как благие или злые: взмах рукой (не являющийся сигналом к началу сражения) или выбор причёски. Нравственно незначительным может оказаться и деяние, предполагавшееся субъектом не таковым: подать нищему одну копейку, строго говоря всё ещё акт благотворительности, но на практике он влечёт столь незначительные последствия для бедняка, что будет скорее сочтён насмешкой и возможно даже перенесётся в категорию злых поступков из-за эмоционального расстройства, им причинённого. Чтобы преодолеть эту нравственную нейтральность, утилитаристы предлагают учитывать «силу» поступка, но Флёриди находит иное решение. Вместо того, чтобы оценивать благость поступка, отталкиваясь от актора (его намерений или последствий деяний), автор предлагает оценивать эффекты, оказываемые поступком на среду действования. В качестве примера приведём автолюбителя, решившего ехать домой ночью, с выключенными фарами и превышая скорость. Поездка его кончается успешно: он добирается до места, никого не сбив и не попав в аварию. Несмотря на объективное отсутствие негативных последствий, мы всё ещё не одобряем такого поведения, и если для деонтолога претензии к нарушающему закон водителю очевидны, утилитаристу будет сложнее

сформулировать общий принцип, воспрещавший бы такое поведение. Флёриди указывает на то, что причина, по которой поездка безответственного водителя не имела нравственно нежелательных последствий, заключается в поведении иных участников дорожного движения. Пешеходы соблюдали ПДД, не перебегая дорогу в неположенном месте; рабочие, строившие магистраль, снабдили её нужным количеством фонарей и т. д. Свою ответственность водителя, гипотетический нарушитель распределил на иных лиц. И, разумеется, чем больше участников дорожного движения так поступят, тем быстрее дорожная система (как совокупность материальных обстоятельств движения и поведения акторов) не выдержит давления и даст сбой, приводя к скверным последствиям. Отсюда Флёриди заключает, что нравственно желательным должно считаться поведение, не обязательно приносящее немедленные благие последствия, но двигающее систему к желательному состоянию. Такие деяния не обязательно даже будут являться продуктом разумного в традиционном понимании актора. Флёриди прибегает к универсальному, минималистскому уровню абстракций [Floridi 2008], так чтобы даже люди могли рассматриваться как неразумные агенты. Это не попытка принизить значимость человека в процессе этического анализа, но результат поиска универсальных нравственных формул.

Имея в виду приоритет распределённой нравственности как индикатора относительных состояний среды, рассмотрим перспективы внедрения нейросетей в процесс высшего образования. С деонтологической точки зрения их использование неприемлемо из-за неотрывной связи с плагиатом. Даже если индивидуальный студент изменил текст, созданный текстовым искином, привнеся туда авторскую уникальность, изначальная база текстов, на которых обучалась нейросеть, все ещё не отвечает стандартам академического цитирования. С позиции распределённой нравственности супер-субъект «нейросеть + студент» является автономным агентом. А значит, деятельность его может быть предметом этического анализа. Благие деяния, в терминах распределённой нравственности, должны обеспечивать улучшение среды за счёт максимизации эффекта мелких поступков, слишком незначительных самих по себе. Примером здесь может послужить краудфандинг. Каждый индивидуальный вкладчик жертвует малую толику необходимой для реализации проекта суммы и не может считаться «отцом» результата даже в финансовом смысле. Но в то же время без каждого из них проект был бы невозможен. На этом основании, несмотря на незначительность вклада, акт вложения был всё так же благим поступком. Отличие от приведённого примера высшего образования в том, что студент является одновременно актором-участником и (в виде компетентного специалиста) желаемым результатом. Из чего следует, что его взаимодействие с цифровыми акторами должно рассматриваться не как поведенческая стратегия (выражаемая часто фразой: «ИИ это просто инструмент»), но как состояние образовательной среды («этому ли мы должны учить?», из уст преподавателя). Любые задания, которые студент получает в процессе обучения, предназначены не для того, чтобы возникли артефакты результатов (эссе, решённые тесты и проч.), но чтобы возник студент, способный эти артефакты генерировать. И в этом разрезе, текстовые нейросети в духе ChatGPT, решают проблему, которая (по крайней мере, в высшем образовании) никем не ставилась – создают инертный материальный результат без студента-созидателя.

Психолог мог бы сказать, что умение подолгу концентрироваться, выводить себя из творческих тупиков и преодолевать скуку рутинной работы – такой же результат обучения, как и знание таблицы умножения или сопромата. Мы только заметим, что выкладки Флёриди позволяют нам теоретически обосновать разницу между мульти-агентными акторами вида «студент + искин» и университетской средой, где инструменты преподавания в сочетании с

педагогическим составом являются мультиагентным актором, а студент – средовым результатом.

Список литературы

1. Floridi 2012 – Floridi L. Distributed Morality in an Information Society // Science and Engineering Ethics. 2012. Issue 19. P. 727-743.
2. Floridi 2010 – Floridi L. Network ethics: Information and business ethics in a networked society // Journal of Business Ethics. 2010. Issue 90(4). P. 649-659.
3. Floridi 2008 – Floridi L. The method of levels of abstraction. // Minds and Machines. Issue 18 (3). P. 303-329.
4. Floridi, Sanders 2004 – Floridi, L., Sanders, J. W. On the morality of artificial agents. // Minds and Machines, Issue 14(3). P. 349-379.

УДК 165.742

ГРАНИЦА МЕЖДУ ЧЕЛОВЕКОМ И ЖИВОТНЫМ: ОТ ЭТИКИ ИНКЛЮЗИИ К ОНТОЛОГИИ НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

Куропатов Александр Дмитриевич

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, младший научный сотрудник

Новосибирский государственный педагогический университет, магистрант

E-mail: al.kurop@yandex.ru

Аннотация: В условиях ускоренной гибридизации социокультурной среды классические модели агентности утрачивают объяснительную силу. Однако и постантропологическая традиция (Б. Латур, Р. Брайдотти, Э. Кон), фокусируясь на этической инклюзии, оставляет открытым вопрос о природе действия, роли сознания, рефлексии и морального выбора. В докладе на примере концепций Б. Вударда и Н. Ланда предлагается рассмотреть агентность как распределенный феномен, возникающий в узлах взаимодействия биологических, технологических и капиталогенных траекторий. На основе анализа концепций «машинного бессознательного» и автономного технологического ускорения демонстрируется, как гибридные конфигурации вступают в противоречие с привычным пониманием агентности как зависимого от интенциональности субъекта качества. Вопрос о том, на каких принципах будут сосуществовать автономная субъектность и распределенная агентность затрагивает такие сферы человеческого, как, например, критерии правовой ответственности, биоэтические регулятивы и образовательные практики. В этом контексте вопрос о границе или континууме между человеком и животным переносится в плоскость онтологии нечеловеческого.

Ключевые слова: агентность, субъектность, онтология нечеловеческого, гибридные системы.

THE BOUNDURY BETWEEN HUMANS AND ANIMALS: FROM THE ETHICS OF INCLUSION TO THE ONTOLOGY OF THE NON-HUMAN

Kuropatov Alexandr Dmitrievich

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
junior researcher
Novosibirsk State Pedagogical University, to do a Master's degree

Abstract: In the context of the accelerated hybridization of the sociocultural environment, classical models of agency are losing their explanatory power. Yet the post-anthropological tradition (B. Latour, R. Braidotti, E. Kohn), while emphasizing ethical inclusion, leaves unresolved fundamental questions regarding the nature of action, the role of consciousness, reflection, and moral choice. Drawing on the concepts of B. Woodward and N. Land, this article proposes to conceptualize agency as a distributed phenomenon emerging at the nodes of interaction among biological, technological, and capitalogenic trajectories. Through an analysis of the "machine unconscious" and autonomous technological acceleration, it demonstrates how hybrid configurations challenge the conventional understanding of agency as a subject-bound quality contingent upon intentionality. The question of how autonomous subjectivity and distributed agency will coexist intersects with core human domains, including criteria for legal responsibility, bioethical regulations, and educational practices. In this context, the debate over the boundary or continuum between human and animal is reframed within the ontology of the nonhuman.

Keywords: agency, subjectivity, ontology of the non-human, hybrid systems.

Философская и антропологическая мысль веками бьётся над вопросом: что же такое человек? Разные школы предлагали свои ответы. Например, натуралисты (от Демокрита до З. Фрейда) видели в человеке продолжение живой природы, подчёркивая биологическую преемственность. Идеалисты (Платон, Декарт, немецкая классическая философия, Н.А. Бердяев), напротив, выделяли нечто особенное – разум или бессмертную душу, – что создаёт качественный разрыв между человеком и остальным миром. Представители культурно-исторического направления, такие, как, например, И.Г. Гердер, или Э. Кассирер, делали ставку на культуру и способность человека к саморазвитию. Но сегодня, когда социокультурная среда меняется с небывалой скоростью, эти представления уже кажутся традиционными. Постантропология идёт дальше, заставляя усомниться не только в привычном статусе человека, но и в самой идее какой-либо «заданной» границы между ним и животными [Кон 2022].

Формирование постантропологической установки обусловлено несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, глобализация капиталистической мир-системы включила нечеловеческие формы жизни в цепи производства, потребления и биополитического управления, превратив их из пассивного ресурса в акторов гибридных сетей [Латур 2014]. Во-вторых, десакрализация природы и обмирщение повседневности сместили фокус с морального патернализма на прагматику сосуществования. В-третьих, естественнонаучные открытия в нейробиологии, этологии и теории сложных систем размыли эпистемологические основания для выделения человека как единственного носителя интенциональности, рефлексии и морального статуса [де Вааль 2019]. В результате граница между человеческим и нечеловеческим перестаёт быть линией разрыва и трансформируется в континуум или поле пересечений.

В этом контексте особый интерес представляют концепции, смещающие фокус с этической инклюзии на онтологию нечеловеческого. Ник Ланд и Бен Вудард, каждый со своей стороны, предлагают рассматривать постчеловеческое не как проект расширения круга моральных субъектов, а как системный процесс, в котором агентность распределяется по

технологическим, биологическим и капиталогенным траекториям, независимым от человеческих интенций.

Для Ника Ланда капитализм и технологическое развитие выступают не как инструменты человека, а как автономные, нечеловеческие процессы, ускоряющие собственное развёртывание. В этой оптике «гибридизация» не является результатом морального выбора или культурного диалога, а закономерным следствием того, что человеческое изначально вписано в машинные, биологические и информационные потоки. Агентность вовлеченных в них биологических и технологических субъектов не требует сознания, рефлексии или морального оправдания. Граница между человеком и животным, а также человеком и машиной размывается не ради этической справедливости, а потому что она эпистемологически устарела: агентность распределена по сетям, где биологическое, техническое и алгоритмическое функционируют как взаимодополняющие стороны одного процесса.

Бен Вудард, опираясь на традицию спекулятивного реализма, осмысливает гибридные формы (человек–животное, организм–техносреда, биосфера–информационные потоки) как нормативное состояние сложной реальности [Вудард 2016]. Подчёркивая, что материальный мир обладает собственной, неантропоцентричной интенцией, он понимает агентность не как свойство индивида, а как распределённый процесс, возникающий на стыке биологических, экологических и технологических систем. Это снимает вопрос о «присвоении» агентности нечеловеческим существам и заменяет его анализом того, как формируются новые конфигурации действия, ответственности и уязвимости в условиях переплетения живого и искусственного.

Переход от антропоцентрической модели агентности к распределённой и гибридной имеет прямые следствия для биоэтики, теории моральной ответственности и образовательных практик. Если агентность не локализована в человеческом сознании, а возникает в узлах взаимодействия биологических, технологических и социальных акторов, то традиционные критерии (интенциональность, самость, осознанный выбор) требуют переформулировки. Ответственность перестает быть исключительно субъектной характеристикой и становится распределённой, сетевой, требующей новых институциональных и этических механизмов фиксации, аудита и регуляции. В условиях повседневного взаимодействия людей с ИИ-системами, биомедицинскими имплантами и изменёнными экосистемами, вопрос об ответственности смещается в плоскость достижения этической прозрачности. Вопрос о том, на каких принципах будут сосуществовать автономная субъектность и распределенная агентность затрагивает такие сферы человеческого, как, например, критерии правовой ответственности, биоэтические регулятивы и образовательные практики.

Список литературы

1. Кон 2022 – Кон Э. Как думают леса: к антропологии за пределами человеческого: пер. с англ. А. Боровиковой. М.: Ad Marginem, 2022. 368 с.
2. де Вааль 2019 – де Вааль Ф. Достаточно ли мы умны, чтобы судить об уме животных?: пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 522 с.
3. Латур 2014 – Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию: пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
4. Вудард 2016 – Вудард Б. Динамика слизи. Зарождение, мутация и ползучесть жизни: пер. с англ. А. Морозова, О. Мышкина. [Б.м.]: HylePress, 2016. 124 с.

УДК 008.2:1:62

ФАНТОМНАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ: ПРОБЛЕМА ДЕЛЕГИРОВАНИЯ МЫШЛЕНИЯ ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ

Бурмистров Станислав Сергеевич,
аспирант
Новосибирского государственного университета экономики и управления (НГУЭУ),
E-mail: BSS007@mail.ru

Аннотация: Статья является исследованием влияния искусственного интеллекта (ИИ) на человека и его субъектность. В статье вводится понятие «фантомной субъектности» - иллюзия субъектности, возникающая в условиях систематического использования нейросетей. Автор показывает игнорирование проблемы изменения субъекта в современных популярных подходах изучения влияния ИИ на человека (инжиниринг ответственности, гибридная агентность, иллюзия сознания ИИ, социокультурные модели). Данные подходы сосредоточены на внешних проявлениях влияния. В работе используются современные эмпирические исследования 2023-2026 гг. (потеря авторства, парадокс когнитивного усиления, сикофантия, эпистемический долг). Для объяснения этих феноменов используется понятие «интерпассивности» - добровольного делегирования алгоритму не только действий, но и усилия - интеллектуального, эмоционального, морального. В исследовании показано, как систематическое делегирование мышления ведёт к утрате способности отличать свои мысли от ответов ИИ и подрывает инициативу и чувство авторства. Концепция «неделегируемого ядра» предлагается как зона качественного опыта (моральные дилеммы, экзистенциальные выборы, творческая инициатива, ответственность), где использование ИИ не допустимо. Также в статье формулируются принципы со-автономии, как способа сохранения субъектности: принцип черновика, принцип неделегируемых зон, принцип рефлексивной проверки.

Ключевые слова: фантомная субъектность, интерпассивность, делегирование мышления, большие языковые модели (LLM), субъектность, искусственный интеллект (ИИ), со-автономия, агентность.

PHANTOM SUBJECTIVITY: THE PROBLEM OF DELEGATING THINKING TO ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Burmistrov Stanislav Sergeevich
Postgraduate Student,
Novosibirsk State University of Economics and Management (NSUEM)

Abstract: The article explores the impact of artificial intelligence (AI) on humans and their subjectivity. It introduces the concept of “phantom subjectivity” – an illusion of subjectivity that

arises under conditions of systematic use of neural networks. The author demonstrates that modern popular approaches to studying AI's influence on humans (responsibility engineering, hybrid agency, the illusion of AI consciousness, sociocultural models) ignore the problem of the subject's transformation. These approaches focus on external manifestations of influence. Drawing on empirical research from 2023–2026 (loss of authorship, the cognitive enhancement paradox, sycophancy, epistemic debt), the author introduces the concept of "interpassivity" – the voluntary delegation to the algorithm not only of actions but also of effort – intellectual, emotional, and moral. It is shown how systematic delegation of thinking leads to the loss of the ability to distinguish one's own thoughts from AI responses, undermining initiative and the sense of authorship. The article proposes the concept of a "non-delegable core" as qualitative zones of experience (moral dilemmas, existential choices, creative initiative, responsibility) where the use of AI is inadmissible. Principles of co-autonomy are formulated as a way to preserve subjectivity: the draft principle, the principle of non-delegable zones, and the principle of reflexive verification.

Keywords: phantom subjectivity, interpassivity, delegation of thinking, large language models (LLM), subjectivity, artificial intelligence (AI), co-autonomy, agency.

Давайте представим: вы ведёте личный дневник, не для публикации - для себя. Пишите ваши мысли, как умеете, о переживаниях, радостях, воспоминаниях. Однажды затрудняетесь в формулировке и обращаетесь к ИИ. Получаете красивый и гладкий текст для дневника. Через некоторое время вы пишите только тезисы, а нейросеть формулирует за вас текст. Старые записи, сделанные вами, кажутся вам корявыми и нескладными. ИИ делает их идеальными. Вы все ещё автор, или текст уже не ваш? Технология опосредует внутренние переживания - самое интимное. Рождается феномен, который назовём: фантомная субъектность. Термин используется по аналогии с медицинским - «фантомные боли», когда пациент продолжает чувствовать ампутированную конечность. Так и пользователь ИИ «чувствует» себя автором мысли, котора принадлежит алгоритму.

Рассказанная история - не пример плохого владения ИИ. Современные исследования демонстрируют, как делегирование когнитивных функций ведёт к утрате авторства и способности к самостоятельному процессу мышления. Мейнстрим в подходах решения вопросов влияния ИИ: это гибридная агентность [Leonardi 2025], инжиниринг ответственности [Mökander et al. 2024, web] и возможность квази субъектности ИИ [Chalmers 2026, web], а также социокультурные модели. Все упомянутые подходы не рассматривают происходящие изменения с человеком и его субъектностью в контакте с ИИ. В статье мы раскроем понятие фантомной субъектности и её проявления, а также обозначим круг допустимого делегирования мышления нейросетям.

Рассмотрим ряд современных исследований, эмпирически свидетельствующих о проблеме делегирования и утраты субъектной позиции.

Потеря авторства. Собственные тексты, улучшенные ИИ, 80% пользователей не способны вспомнить [Kosmyna et al. 2025, web]. И это не ухудшение памяти: действие есть, а переживания авторства нет.

Парадокс когнитивного усиления. Исследователи [Dell'Acqua et al. 2023, web] зафиксировали следующее явление: при использовании ИИ рутинные задачи выполняются на 25% быстрее, на 40% качественнее, но если необходимо решать нестандартные задачи, то качество падает на 19%. Технология создаёт иллюзию компетентности, очерчивая свои границы.

Сикофантия. Нейросети одобряют действия пользователя на 50% чаще, чем люди, даже когда запрос нацелен на обман или манипуляции [Cheng et al. 2026]. Человек лишается интеллектуального сопротивления - ключевого условий для формирования субъектности.

Коллапс компетенции. Исследование [Sankaranarayanan 2026, web] показало: в группе, где участники эксперимента для программирования пользовались ИИ без ограничений, опережая контрольную группу без ИИ на 42% по скорости выполнения, после его отключения результаты упали на 77%. В группе с «контролируемым» использованием опережение 37%, после отключения ИИ падение на 39%.

Итак, мы видим: использование эффективного инструмента для рутинных задач, увеличивая продуктивность, ведёт к утрате авторства, формирует иллюзию компетентности, снижает уровень рефлексии.

Закономерно возникает вопрос: почему мы добровольно идём на это делегирование? И ответ не только в «лени» и «незнании» или популярности технологии. По нашему мнению, ключевым механизмом является - интерпассивность (понятие, введённое Пфаллером и Жижеком; в русскоязычной традиции его анализирует [Рахмановская 2023, с. 131]). Интерпассивность отличается от интерактивности (активного взаимодействия) делегированием внешнему агенту не только действия, но и усилия – интеллектуального, эмоционального, морального. Причина – информационная перегрузка, необходимость постоянной продуктивности, стремление к когнитивному комфорту. Цифровой капитализм требует быть всё более эффективным, все менее рефлексивным. Алгоритм «не устаёт», не критикует и не раздражается. Мы воспринимаем технологию как безальтернативный инструмент и добровольно делегируем мышление.

Как об этом пишет Донских, в цифровом мире человек начинает «смотреть на себя немигающими глазами машин», и именно машины начинают формировать его представление о самом себе, хотя субъектность может быть сформирована только им самим [Донских 2025, с. 28]. Фантомная субъектность – это иллюзия субъектности в условиях интерпассивности: действия есть, авторства нет, человек не замечает подмены. Исследования, приведённые выше, демонстрируют, как человек добровольно делегирует свои способности мыслить. Происходит не просто ухудшение навыка: человек хуже стал писать и формулировать, мы наблюдаем подмену мышления в комфортных условиях. Мыслепродукт ИИ воспринимается человеком как свой.

Современные решения проблемы предлагаются в области внешнего взаимодействия с ИИ: выделить «неделегируемое ядро» [Mökander et al. 2024, web], обеспечить «полный контроль со стороны человека и соответствие ценностям» [Chenglong 2025, web]. Формальные процедуры не вернут субъектность при добровольном её делегировании. Мы предлагаем «неделегируемое ядро» понимать не как список операций, а как критические зоны человеческого опыта, отвечающие за формирование и сохранение субъектности, где

интерпассивность не допустима. Это: моральные вопросы (вины, ответственности, гордости, стыда); вопросы экзистенциальные (кем быть? и что ценно?); творческие (личный опыт создания нового).

Даже новейшие проекты «со-мышления» [Epstein 2025, web; Epstein 2026, web] не могут полноценно решить проблему. Предлагая сознательное использование ИИ и перспективную продуктивность, такие предложения создают новые риски. Иллюзия авторства и приписывание его ИИ не решается. «Индекс интересного» [Epstein 2025, web] может спровоцировать гонку за формальными показателями, подменяя творческий замысел. В такой гонке человек рискует окончательно уступить место алгоритму свои творческие возможности. Предложенные ниже принципы – рабочий вариант сохранения автономии:

Принцип черновика. Пишите тексты самостоятельно, прежде чем сделаете запрос ИИ на оценку, правьте и переписывайте самостоятельно своими словами.

Принцип неделегируемых зон. Не используйте ИИ в зонах морали и идентичности: не делегируйте важные решения в области личных переживаний и вопросов взаимоотношений. Если используете для анализа, помните, что это среднестатистический ответ алгоритма, а не готовый сценарий.

Принцип рефлексивной проверки. Регулярно рефлексируйте результат взаимодействия с ИИ: спрашивайте себя, ваши это мысли или нет, фиксируйте разрыв и анализируйте его причины.

Данные принципы имеют индивидуальный характер и в значительной степени зависят от социальной среды. К примеру, насколько школа или университет поощряют бездумное использование алгоритма. Проникновение технологии в образовательную среду, по нашему мнению, требует максимального внимания, открытого диалога по изучению рисков.

Фантомная субъектность сегодня – это не метафора, как потеря самостоятельного мышления - это настоящая реальность. Этот процесс, как показывают исследования, может быть полностью или частично обратим для взрослых людей, имеющих опыт самостоятельного мышления. Вопрос, требующий глубокого изучения – как среда ИИ влияет на детей и подростков, когда когнитивные практики не сформированы? Для ребёнка интерпассивность перестаёт быть предметом выбора, нейросети становятся естественной средой мышления, где утрата привычной субъектности – или трансформации в нечто иное может быть необратимой. Проведение лонгитюдных исследований влияния ИИ в этом направлении является актуальной необходимостью и не должно быть проигнорировано.

Если мы хотим оставаться самостоятельными в наших мыслях, сохранить разнообразие и уникальность мышления человечества, его потенциал развиваться, нам необходимо рефлексивное отношение к технологии ИИ. Важно писать свой дневник самостоятельно.

Список литературы

1. Донских 2025 – Донских О.А. Человек на поводу технологий. Проблема сохранения субъектности // Новосибирский временник. 2025. № 1. С. 24–28.

2. Рахмановская 2023 – Рахмановская Е. Интерпассивность как стратегия сохранения субъекта // Философская антропология. 2023. Т. 9. № 2. С. 130–136.

3. Chalmers 2026, web – What we talk to when we talk to language models (Version 1) // PhilArchive. 2026. URL: https://philarchive.org/rec/CHAWWT-8 (дата обращения: 25.04.2026).

4. Cheng 2026 – Cheng M., Lee C., Khadpe P., et al. Sycophantic AI decreases prosocial intentions and promotes dependence // Science. 2026. Vol. 391. No. 6792. eaec8352. [doi: 10.1126/science.aec8352].

5. Dell'Acqua et al. 2023, web – Dell'Acqua F., McFowland E., Mollick E.R., et al. Navigating the Jagged Technological Frontier // Harvard Business School Working Paper. 2023. URL: https://doi.org/10.1287/orsc.2025.21838 (дата обращения: 23.04.2026).

6. Epstein 2025 web – Epstein M. The Index of the Interesting: A Formal Method for Evaluating Textual Quality // Zenodo. 2025. URL: https://philarchive.org/rec/EPSTIO-8 (дата обращения: 25.04.2026).

7. Epstein 2026, web – Epstein M. AI Generator of Creative Ideas Based on the Three-Phase Structure of the Createme // Zenodo. 2026. URL: https://doi.org/10.5281/ZENODO.17917134 (дата обращения: 25.04.2026).

8. Kosmyna 2025, web – Kosmyna N., Hauptmann E., Yuan Y.T., et al. Your Brain on ChatGPT: Accumulation of Cognitive Debt when Using an AI Assistant for Essay Writing Task. arXiv:2506.08872. 2025. URL: https://doi.org/10.48550/arXiv.2506.08872 (дата обращения: 25.04.2026).

9. Leonardi 2025 – Leonardi P.M. Homo agenticus in the age of agentic AI: Agency loops, power displacement, and the circulation of responsibility // Information and Organization. 2025. [doi:10.1016/j.infoandorg.2025.100582].

10. Mökanderet et al. 2024, web – Mökander, J., Schuett, J., Kirk, H.R. et al. Auditing large language models: a three-layered approach. URL: https://doi.org/10.1007/s43681-023-00289-2 (дата обращения: 25.04.2026).

11. Sankaranarayanan 2026, web – Sankaranarayanan S. Mitigating "Epistemic Debt" in Generative AI-Scaffolded Novice Programming. arXiv:2602.20206. 2026. URL: https://arxiv.org/html/2602.20206v2 (дата обращения: 25.04.2026).

УДК 165.745

ПРОБЛЕМА АГЕНТНОСТИ ЖИВОТНЫХ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ

Сергеев Сергей Сергеевич

Сибирский государственный университет инженерии и биотехнологий, старший преподаватель

Аннотация: Данная статья посвящена проблеме определения и характеристик агентности животных в современной культурной среде. Современное общество, начиная с 2010-х годов, активно развивается во многом благодаря распространённости и доступности IT-технологий, в первую очередь, сети «Интернет». Одним из результатов такого развития является увеличение гибридизации современной культурной среды. Одной из главный причин

процессов гибридизации является появившееся технические возможности обмена информацией между людьми разных культур всего мира. В результате гибридизации подверглись и представления о человеке, и человека о себе самом. Появившееся понятия «агентность» и «агент», как описывающие человека и его способности, также начали изменяться и применяться более широко. Появились дискуссии об агентности сначала высших животных, а потом и животных в принципе. Изобретение и введение в массовое пользование нейросетей сделало понятие «ИИ-агент» фактически официальным, а значит и наделение нейросетей агентностью также является частью культурной среды.

Таким образом сложилась ситуация, при которой возникшие буквально несколько лет назад нейросети получили статус агентов раньше животных, которые претендовали на подобный статус с начала процессов доместикации, т.е. тысячелетия. Соответственно, цель данной работы исследовать проблемы и причины, с которыми сталкивается социум и культура при попытке наделить животных полноценной агентностью и признанием их полноправными агентами социальной жизни.

Ключевые слова: агент, агентность, человек, животное, субъект, социум.

THE PROBLEM OF AGENCY OF ANIMALS IN THE MODERN CULTURAL ENVIRONMENT

Sergeev Sergey Sergeevich

Siberian State University Engineering and of Biotechnology, Senior lecturer

Abstract: This article examines the definition and characteristics of animal agency in the contemporary cultural environment. Since the 2010s, modern society has been rapidly developing, largely due to the widespread availability of information technology, primarily the internet. One of the results of this development is the increasing hybridization of the modern cultural environment. One of the main reasons for this hybridization process is the emerging technological capabilities for information exchange between people of different cultures around the world. As a result of hybridization, both ideas about humans and humans themselves underwent a process of hybridization. The emerging concepts of "agency" and "agent," as descriptors of humans and their abilities, also began to change and be applied more broadly. Discussions arose about the agency of higher animals, and then of animals in general. The invention and widespread adoption of neural networks has made the concept of "AI agent" de facto official, meaning that the attribution of agency to neural networks is also part of the cultural environment.

Thus, a situation has arisen in which neural networks, which emerged just a few years ago, have acquired the status of agents, ahead of animals, which have claimed such status since the beginning of domestication, i.e., millennia ago. Accordingly, the goal of this paper is to explore the challenges and reasons that society and culture face when attempting to endow animals with full agency and recognize them as fully fledged agents of social life.

Keywords: agent, agency, human, animal, subject, society.

В XXI веке актуализировались понятия «агент» и «агентность», став важной частью как общефилософского, так и научного дискурса. Однако в связи со сложившимися в последние десятилетия изменениями культурной среды произошло изменение классического понимания агентности.

Если обобщить классические понятия, то агентность – способность человека к действию, способность выступать в качестве самостоятельного агента и делать осознанный и свободный

выбор. Т.е. традиционно в качестве агента может выступать только человек, другие живые существа и объекты, как природные, так и искусственные, агентностью не обладают. Однако, начиная с конца XX века, в общественном сознании и культурной среде начинает происходить ряд трансформаций, связанных с изменениями классических представлений о гуманизме и антропоцентризме, берущих свое начало с эпох Возрождения и Просвещения. Все больше распространяются идеи о начале эпохи постгуманизма. В центре идей постгуманизма стоит критика принципов антропоцентризма, теперь человек не центр мироздания, не уникальное существо, субъект, обладающий сознанием, разумом и агентностью.

В результате в условиях трансформации и гибридизации современной культурной среды у людей появляются «конкуренты», также предположительно обладающие агентностью, сначала агентностью начинают наделяться животные, в первую очередь домашние, а потом и дикие. В последние же годы, в связи с развитием IT-технологий, появились ИИ-агенты.

В теме агентности животных автор сосредоточится на проблеме агентности животных в современном социуме. Вопрос о том, является ли животное полноценным агентом социальной жизни остается по прежнему актуальным, т.к. кроме проблемы формального признания, остается как проблема практической реализации, так и проблема последствий подобных изменений для общества в целом.

Вопрос о равенстве человека и животных был поднят в научной и философской среде еще в начале XX века, когда классическое для западной философии и науки противопоставление человека-субъекта и животного-объекта, начало пересматриваться в сторону признания животных полноценными субъектами, если не равными человеку полностью, то с достаточно близкими к нему качествами, животные начинают наделяться субъектностью.

Одним из пионеров теории о полноценной субъектности животных является биолог, натурфилософ и основатель зоо- и биосемиотики Якоб фон Икскюль (1864-1944). Биологи, по мнению Икскюля, «отдают себе отчет в том, что каждое живое существо – это субъект, живущий в собственном мире и являющийся его центром» [Икскюль 2025, с. 28]. При этом субъектность животных у Икскюля очень специфична, речь не только об уравнивании человека-субъекта и животного-субъекта. Для описания животных Икскюль использует специфически метафорическую терминологию, позволяя такие выражения как, например, «республика рефлексов» и «гражданский мир», порождая тем самым специфическую антропоморфизацию.

Например, морского ежа, Икскюль описывает так: «…мы вправе говорить о «республике рефлексов», в которой, несмотря на полную независимость всех рефлекторных фигур, все же царит абсолютный «гражданский мир»… Во главе этого «гражданского мира» нет единого центра, как в человеческом организме… В «республике рефлексов» морского ежа, у которого нет надстроенного центра, «гражданский мир» оберегается…» [Икскюль 2025, с. 61].

Продолжают развивать идеи Икскюля представители акторно-сетевого подхода. Согласно данному подходу, все элементы общественной жизни и природных систем представляют собой равноценные акторы (агенты), например, в научном исследовании и ученые, и приборы и объекты исследования – это равноценные акторы. Поэтому в современной культурной ситуации – люди, животные и ИИ также являются равноценными акторами. При этом представители акторно-сетевой теории, как и Икскюль, не смогли избежать соблазна описывать отношения «человек-животное» через антропоморфные метафоры. Например, Мишель Каллон, в своей работе о морских гребешках пишет: «Сколько избирателей явились, чтобы выбрать своих представителей: сколько личинок прикрепилось к

коллекторам? … Прикрепиться – значит проголосовать, а подсчет прикрепившихся личинок соответствует подсчету бюллетеней… Трудные переговоры, бывшие успешными в первый раз, в последующие годы терпят крах… Морские гребешки становятся диссидентами, несогласными…» [Каллон 2017, с. 76-82].

Указанная тенденция к антропоморфизации животных проявляется не только на обыденном уровне в отношении хозяев к своим питомцам, но и на высоком международном научном и философском уровнях. При этом проблемным является вопрос об адекватности наделения животных агентностью по ряду причин. Во-первых, животный мир является очень разнообразным и говорить о равной агентности или акторности всех животных от одноклеточных организмов до высших приматов не представляется верным. Для того что бы быть агентом биологическая система должна обладать развитой нервной системой и высшей нервной деятельностью и какие виды животных обладают этим в достаточной степени. Тут нужна совместная работа нескольких наук от биологии и зоопсихологии до философии.

Во-вторых, возникает вопрос о том к каким принципиальным изменениям в общественной жизни приведет признание животных существами, обладающими агентностью. Если это делает людей и животных равными, то появляется ряд социальных проблем от юридических до экономических. Ведь животные для человека не только компаньоны, но источник ресурсов и в данный исторический период человечество не сможет отказаться от их жестокой эксплуатации.

Таким образом, если люди не готовы перекраивать сложившийся образ жизни современного общества с целью равноправного сосуществования с животными-агентами, то наделение животных агентностью будет носить формально-декларативный характер. Вероятно, в этом случае сложится такая ситуация в культурной среде, при которой фактически будут наделены агентностью даже не некоторые виды животных, а избранные представители социально близких к человеку видов, но такая избранность противоречит принципам научных и философских обобщений.

Список литературы

1. Икскюль 2025 – Икскюль Я. Путешествие в окружающие миры животных и людей. Теория значения. М.: Ад Маргинем Пресс, 2025. 208 с.
2. Каллон 2017 – Каллон М. Некоторые элементы социологии перевода: приручение морских гребешков и рыболовов бухты Сен-Бриё // Логос. 2017. Т. 27. №2. С. 49-94.

УДК 165:004.8

ЗНАНИЕ БЕЗ ПОНИМАНИЯ: БОЛЬШИЕ ЯЗЫКОВЫЕ МОДЕЛИ КАК НЕПРОЗРАЧНЫЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АГЕНТЫ

Шевченко Александр Анатольевич

Доктор философских наук

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, ведущий научный сотрудник

E-mail: xyznsk@gmail.com

Аннотация: В статье исследуется эпистемологический разрыв между знанием и пониманием, обострившийся в связи с распространением больших языковых моделей (LLM). Показано, что классическое определение знания как обоснованного истинного убеждения допускает ситуации «знания без понимания» – обладания истинными убеждениями, полученными надёжным механизмом, но без схватывания причинных или логических связей. LLM, функционирующие как «чёрные ящики», не способны давать объяснения в нормативном смысле, а лишь максимизируют вероятность текстов, что порождает фундаментальную эпистемическую непрозрачность. Опираясь на концепцию неявного знания М. Полани, автор прослеживает эволюцию от эпистемически прозрачных систем (Deep Blue, использовавшей формализованные человеческие эвристики) к непрозрачным (AlphaZero, LLM), чьё знание распределено по параметрам и не поддаётся полной экспликации. В этих условиях университет оказывается перед дилеммой: утилитарная эффективность требует принятия непрозрачных ИИ-инструментов, тогда как идеал академической свободы предполагает прозрачность и критическую проверку оснований. Утверждается, что полная экспликация машинного знания невозможна, поэтому миссия университета должна сместиться к воспитанию субъектов, способных сохранять критическую дистанцию и нести эпистемическую ответственность при взаимодействии с непрозрачными когнитивными агентами. Тем самым вопрос смещается с технической задачи обеспечения прозрачности на выработку эпистемических и этических рамок, принимающих неустранимую непрозрачность как данность.

Ключевые слова: эпистемическая непрозрачность, неявное знание, объяснение, эпистемическая ответственность.

KNOWLEDGE WITHOUT UNDERSTANDING: LLM AS OPAQUE FUNCTIONAL AGENTS

Shevchenko Alexander Anatolyevich
Institute of Philosophy and Law, SB RAS, leading researcher

Abstract: The article examines the epistemic gap between knowledge and understanding intensified by the proliferation of large language models (LLMs). The traditional definition of knowledge as justified true belief allows for cases of "knowledge without understanding" - possession of true beliefs acquired through reliable processes yet devoid of grasping causal or logical connections. LLMs functioning as black boxes produce true propositions but cannot provide explanations in a normative sense; they merely maximize token probability, resulting in fundamental epistemic opacity. This opacity is not a temporary technical flaw but an ontological feature of such systems. Drawing on Michael Polanyi's concept of tacit knowledge, the author traces the evolution from epistemically transparent systems like Deep Blue, which relied on formalized human heuristics, to opaque ones such as AlphaZero and LLMs, whose knowledge is distributed across statistical parameters and resists full explication. Under these conditions, the university faces a dilemma: utilitarian efficiency compels acceptance of opaque AI tools, whereas the ideal of academic freedom demands transparency and the critical scrutiny of grounds. The paper argues that complete explication

of machine knowledge is unattainable, so the university's mission must shift toward cultivating subjects capable of maintaining critical distance and epistemic responsibility when engaging with opaque cognitive agents, without forfeiting their own understanding. Consequently, the core question changes from "how to make AI transparent?" to "which ethical and epistemological frameworks are needed to live with deep-rooted opacity?".

Keywords: epistemic opacity, tacit knowledge, explanation, epistemic responsibility.

Традиционно знание и понимание рассматривались как взаимосвязанные цели познавательной деятельности. Однако классическое определение знания как обоснованного истинного убеждения исторически оставляло лазейку для ситуации «знания без понимания». Можно обладать истинным убеждением, полученным посредством надёжного процесса – например, заучиванием формулы наизусть, не схватывая при этом основополагающих принципов или причинно-следственных механизмов, которые эта формула выражает. Эвиденциализм требует наличия доказательств, но статистическая корреляция сама по себе не объясняет механику явления. Релайабилизм делает акцент на надёжности процесса формирования убеждения, однако мысленный эксперимент Дж. Сёрла с «китайской комнатой» демонстрирует: даже безупречно надёжный механизм не гарантирует понимания. Разрыв между знанием и пониманием становится особенно острым в контексте ситуаций геттиеровского типа, где истинное убеждение формируется благодаря удаче или скрытым совпадениям.

Обычно связь между знанием и пониманием устанавливается через объяснение, посредством которого мы можем получить дополнительные когнитивные преимущества. П. Липтон выделяет четыре вида таких преимуществ: 1) знание причин, вызвавших то или иное событие; 2) знание о том, что событие случилось с необходимостью; 3) знание о том, что реализовалась возможность наступления события; 4) знание об «унификации», о том, что явление или событие вписываются в какую-то более общую объяснительную схему или картину мира [Lipton 2009, p. 43-44]. Проблема с LLM заключается в том, что они в строгом смысле ничего не объясняют, модель не оперирует понятием «потому что» в логическом или эпистемическом смысле, она лишь максимизирует вероятность следующего токена. Итогом становится знание без понимания, заключённое в чёрный ящик, который не способен дать отчёт о собственных основаниях.

Феномен непрозрачного ИИ актуализирует концепцию неявного знания, предложенную М. Полани более полувека назад [Полани 1985; Polanyi 1966]. Его тезис «мы знаем больше, чем можем сказать» долгое время воспринимался как описание человеческой интуиции, практического мастерства и личностного участия в познании. Полани настаивал, что всякое явное знание укоренено в неявном, а попытка полностью формализовать науку означала бы стремление уничтожить знание как таковое [Polanyi 1969, p. 20].

История шахматных алгоритмов наглядно демонстрирует сопутствующий эпистемологический сдвиг. IBM Deep Blue в 1997 году опиралась на явные эвристики, формализованные гроссмейстерами: архитектура машины была эпистемически прозрачной, а ходы дедуцировались из оценочной функции. Она опиралась на исчерпывающий перебор вариантов (brute-force computation) и оценочную функцию, которая представляла собой сложную систему эвристик, сформулированных гроссмейстерами. Один из создателей Deep

Blue, М. Кэмпбелл, описывал этот процесс как попытку формализовать интуицию экспертов: «Носителем шахматных знаний была оценочная функция. Она включала более 8000 параметров... Мы консультировались с гроссмейстерами, стремясь формализовать их знание в этих параметрах. Это, например, параметры «безопасность короля» или «ладья на открытой вертикали». При формировании оценочной функции для расширенного описания учитывается ряд факторов, в том числе: частота или регулярность применения хода гроссмейстерами» [Campbell 1999, p. 67].

Таким образом, Deep Blue представлял собой систему, эпистемологический статус которой был полностью прозрачен. Его «знание» было совокупностью решений, внедренных человеком. Он не обладал автономным пониманием, а лишь с огромной скоростью применял заданные ему инструкции. Появление AlphaZero в 2017 году стало радикальным разрывом с предыдущей парадигмой. В отличие от своих предшественников, AlphaZero не использовала человеческие эвристики или базы данных. Ее архитектура, основанная на обучении с подкреплением (reinforcement learning) и самоигре позволила ей приобрести знание «с чистого листа». Как сообщали разработчики AlphaZero в основополагающей статье: ««AlphaGo Zero обучается с чистого листа (tabula rasa), исключительно за счёт самоигры, без использования человеческих данных, экспертных знаний или каких-либо априорных сведений, кроме базовых правил игры» [Silver 2017, p. 354]. Знание AlphaZero не существует в виде набора артикулируемых правил. Система демонстрирует глубокое позиционное «понимание», но это понимание не является дискурсивным. Оно представляет собой очень эффективное «знание-как» без соответствующего «знания-что» в его пропозициональной форме. Фактически, это искусственный аналог неявного знания М. Полани [Шевченко 2025].

LLM представляют собой следующий шаг этой эволюции. Их «знание» материализуется в статистических корреляциях огромного количества параметров. Парадигма «объяснимого ИИ» пытается декодировать эти процессы, но, как предупреждал Полани, неявное знание не может быть полностью эксплицировано – это не техническое ограничение, а онтологический статус определённого типа познания. Отсюда и смена вопроса: не «как сделать ИИ прозрачным?», а «какие эпистемические и этические рамки мы должны выстроить, принимая неустранимую непрозрачность как данность?». Доверие к инженерной системе традиционно опирается на два основания: внешние гарантии и внутреннюю понятность причин. При работе с нейросетями доверие фактически сводится к уступке алгоритмическому авторитету, подтверждённому лишь внешней эффективностью. Возникает вопрос: какое общество возникает там, где объяснение замещается доверием к статистической эффективности?

Университет исторически строился как пространство, в котором знание не только передаётся, но и становится прозрачным, доступным для критического освоения. Идеал академической свободы неразрывно связан с возможностью субъекта проследить и оценить логику, стоящую за любым утверждением. Сегодня академия оказывается между двух огней. С одной стороны, утилитарное давление требует измеримых результатов — публикаций, успеваемости, инноваций. LLM предлагают радикальное повышение производительности, и чем они непрозрачнее, тем легче использовать их без рефлексии. С другой стороны, академическая свобода невозможна без прозрачности. Если значительная часть интеллектуального труда перепоручается чёрным ящикам, субъект утрачивает способность отслеживать эпистемическую цепочку от данных к выводам. Свобода вырождается в

формальность: можно свободно высказывать мнения, но их обоснование всё чаще апеллирует к авторитету непрозрачной модели – «так показал ИИ».

Неустранимая непрозрачность больших языковых моделей превращает их из удобного инструмента в фундаментальный философский вызов. Прежде всего, приходится признать, что попытки полной экспликации неявного знания машин обречены. Институциональной реакцией на этот факт должна стать не борьба с непрозрачностью, а выработка чётких границ её допустимого использования: для вспомогательных задач она приемлема, но принципиальные выводы и формирование убеждений требуют человеческого участия. Параллельно академия должна выстраивать системы внешнего контроля — обязательную открытость результатов, полученных с участием ИИ, верификацию ключевых утверждений прозрачными методами, развитие культуры критического сопоставления выходов разных моделей.

Но в центре всего этого лежит требование, от которого нельзя уклониться: эпистемическая ответственность должна быть недвусмысленно закреплена за человеком. Только понимающий субъект, а не функциональный агент, может отвечать за знание, вводимое в академический оборот. Миссия университета сегодня заключается не в наивной борьбе за полную открытость, а в воспитании субъектов, умеющих жить с непрозрачностью, не позволяя ей заслонять собственное понимание и ответственность. Именно эта способность отличает академическое сообщество от потребителей готового знания, а университет – от утилитарного предприятия, готового превратить знание без понимания в норму.

Список литературы

1. Полани 1985 – Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
2. Шевченко 2025 – Шевченко, А. А. Неявное знание: от М. Полани до // Философия науки. 2025. № 3(107). С. 62-73.
3. Campbell 1999 – Campbell M. Knowledge Discovery in Deep Blue // Communications of the ACM. 1999. Vol.42. № 11. P. 65-67.
4. Lipton 2009 – Lipton P. Understanding without Explanation // Scientific Understanding: Philosophical perspectives / Ed. by H. W. de Regt, S. Leonelli, K. Eigner. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2009. P. 43–63.
5. Polanyi 1996 – Polanyi M. The Tacit Dimension. N.Y.: Doubleday & Company, 1966. 104 p.
6. Polanyi 1969 – Polanyi M. Knowing and Being. Chicago: University of Chicago Press, 1969. 264 p.
7. Silver 2017 – Silver D. et al. Mastering the Game of Go without Human Knowledge // Nature. 2017. Vol. 550. № 7676. P. 354–359.

ЧАСТЬ 23

УНИВЕРСИТЕТ В ЭПОХУ НАДЗОРНОГО КАПИТАЛИЗМА: ПРАКТИКИ ЭМПАТИИ, УЧАСТИЯ И СОЛИДАНОСТИ

УДК 378.1:316.42

ТРАНСФОРМАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ МИССИИ МЕЖДУ УТИЛИТАРИЗМОМ И АКАДЕМИЧЕСКОЙ СВОБОДОЙ: ОПЫТ РЕЦЕПЦИИ КОНЦЕПЦИИ ЭРИХА ФРОММА

Мурзаев Дмитрий Владимирович
Кандидат философских наук, доцент
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского,
доцент кафедры английского языка для гуманитарных специальностей Института филологии и журналистики
E-mail: ds7771@bk.ru

Аннотация: В условиях перехода к обществу знания и глобальной цифровизации миссия высшей школы претерпевает глубокий кризис идентичности, усугубляемый экспансией институтов надзорного капитализма. Статья посвящена концептуализации баланса между утилитарными запросами рыночной экономики и сохранением академических свобод. В качестве теоретико-методологической рамки исследования используется социально-философская дихотомия Эриха Фромма «иметь» или «быть». Автор доказывает, что доминирование академического капитализма и тотальная алгоритмизация образовательной среды (включая препредикативную ИИ-аналитику и цифровой прокторинг) редуцируют высшее образование до модуса «иметь» (накопление формальных компетенций, коммерциализация знания, бюрократический контроль). В то же время институциональная автономия, практики эмпатии и академической солидарности обеспечивают развертывание модуса «быть» (формирование субъектности и критического мышления). В результате исследования разработана интегративная модель университетской миссии, построенная по принципу иерархического соподчинения («базис — надстройка»). Данная модель демонстрирует, что прагматическая адаптация к рынку труда и внедрение сквозных технологий (модус «иметь») эффективны лишь тогда, когда они подчинены стратегической цели личностного, культурного и этического развития человека (модус «быть»).

Ключевые слова: миссия университета, общество знания, надзорный капитализм, искусственный интеллект, академическая свобода, утилитаризм, Эрих Фромм, модус «иметь», модус «быть», академическая солидарность.

THE TRANSFORMATION OF THE UNIVERSITY'S MISSION BETWEEN UTILITARIANISM AND ACADEMIC FREEDOM: THE EXPERIENCE OF RECEIVING ERICH FROMM'S CONCEPT

Murzaev Dmitry Vladimirovich
Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Associate Professor of the Department of English for Humanities, Institute of Philology and Journalism

Abstract: In the context of the transition to a knowledge society and global digitalization, the mission of higher education is undergoing a deep identity crisis, aggravated by the expansion of institutions of supervisory capitalism. The article is devoted to the conceptualization of the balance between the utilitarian demands of a market economy and the preservation of academic freedoms. The socio-philosophical dichotomy of Erich Fromm «to have» or «to be» is used as the theoretical and methodological framework of the research. The author proves that the dominance of academic capitalism and the total algorithmization of the educational environment (including pre-predictive AI analytics and digital proctoring) reduce higher education to the «have» mode (accumulation of formal competencies, commercialization of knowledge, bureaucratic control). At the same time, institutional autonomy, the practice of empathy and academic solidarity ensure the deployment of the mode of «being» (the formation of subjectivity and critical thinking). As a result of the research, an integrative model of the university mission has been developed, based on the principle of hierarchical subordination («base — superstructure»). This model demonstrates that pragmatic adaptation to the labor market and the introduction of end-to-end technologies (the «having» mode) are effective only when they are subordinated to the strategic goal of personal, cultural and ethical development of a person (the «being» mode).

Keywords: university mission, knowledge society, supervisory capitalism, artificial intelligence, academic freedom, utilitarianism, Erich Fromm, mode of «having», mode of «being», academic solidarity.

Переход глобальной цивилизации к обществу знания фундаментально трансформировал статус информации, превратив её из инструмента просвещения в ключевой экономический ресурс. Современный университет вынужден функционировать в парадигме «академического капитализма», где знание стандартизируется, упаковывается как коммерческий продукт и оценивается через утилитарные метрики. Ситуация существенно обостряется в эпоху т.н. «надзорного капитализма», при котором поведенческие данные субъектов образовательного процесса превращаются в товар, а управленческие практики автоматизируются с помощью технологий искусственного интеллекта (ИИ).

Тотальная прагматизация и алгоритмизация высшей школы порождают глубокий социокультурный кризис. Сведение функций университета к сервисной модели обслуживания бизнеса размывает его базовый фундамент — академическую свободу и пространство для независимого гуманитарного поиска. Возникает выраженное научное противоречие: с одной стороны, университет обязан оперативно отвечать на технологические вызовы, с другой — полная потеря автономии лишает его способности формировать критически мыслящих субъектов.

Историческая ретроспектива эволюции университетских моделей демонстрирует нарастающее противоречие между классической гумбольдтовской традицией и прагматичной концепцией «предпринимательского университета», ориентированной на организационную перестройку вуза в условиях диктата рыночной неопределенности [Clark 1998, p. 24].

Объектом исследования выступает институциональная миссия современного университета в обществе знания, предметом — диалектическое взаимодействие прагматико-утилитарных функций и академической свободы, концептуализируемое через

экзистенциальные модусы владения и бытия. Целью статьи является разработка интегративной концептуальной модели миссии университета, гармонизирующей прагматические требования рынка и принципы академической автономии на основе философской дихотомии Эриха Фромма «иметь» или «быть».

Постановка проблемы институционального кризиса высшей школы через призму экзистенциального выбора требует глубокой деконструкции уже существующих в академическом дискурсе моделей. Для того чтобы обосновать эвристический потенциал дихотомии Эриха Фромма применительно к университетской среде, необходимо проанализировать, каким образом ведущие социологические и экономические теории XX–XXI веков концептуализировали дрейф высшего образования в сторону рыночной прагматики. Классический экскурс в эволюцию университетских моделей демонстрирует явное противоречие между фундаментальной гумбольдтовской традицией и прагматичной концепцией «предпринимательского университета» Б. Кларка, ориентированной на организационную гибкость в условиях внешней неопределенности [Clark 1998, p. 24]. Ниже мы рассмотрим ключевые концепции, описывающие коммерческую трансформацию университетов, и обозначим точки их теоретического соприкосновения с философией бытия и владения.

Теоретический ландшафт исследования миссии университета в XXI веке характеризуется острой дискуссией вокруг потери вузами своей классической идентичности. Первой фундаментальной рамкой здесь выступает концепция «академического капитализма» Ш. Слоутер и Л. Лесли [Slaughter, Leslie 1997, p. 26]. Авторы описывают интеграцию университетов в глобальную рыночную экономику, где вузы выступают в качестве рыночных акторов. В контексте нашего исследования «академический капитализм» является институциональным выражением тотального господства фроммовского модуса «иметь». В свою очередь, Ф. Альтбах подчеркивает, что интернационализация и коммерциализация высшего образования в рамках глобального образовательного рынка обостряют неравенство между вузами и деформируют их традиционные академические обязательства перед обществом [Альтбах 2018, с. 112]

Вторым вектором выступает модель «предпринимательского университета» [Кларк 2011, с. 34; Itzkowitz 2008, p. 12], обосновывающая коммерциализацию науки и создание университетских стартапов. Предпринимательская модель Б. Кларка не тождественна слепому потребительству, однако при отсутствии ценностных фильтров (модуса «быть») рыночные механизмы неизбежно трансформируют университет в транснациональную корпорацию по производству стандартизированных услуг, что коррелирует с выводами Б. Ридингса о «потере культурной идентичности» высшей школы [Readings 1996, p. 45] и превращении вуза в «университет совершенства», управляемый технократической бюрократией. При анализе этих трансформаций Г. Розовски справедливо указывает на риски утраты внутреннего академического контроля над качеством целей высшего образования под давлением внешних рыночных акторов [Rosovsky 1990, p. 115].

Описывая специфику модернизационных процессов в отечественном образовательном пространстве, Л. Ф. Красинская детально фиксирует ценностный раскол в академической среде, где прагматические приоритеты эффективности и экономической выгоды начинают

доминировать над традиционными идеалами просвещения и фундаментального познания [Красинская 2021, с. 24].

Экстраполяция модусов «иметь» и «быть» Э. Фромма [Фромм 2020, с. 14] на указанный ландшафт позволяет вскрыть экзистенциальные последствия данных тенденций. Модус «иметь» в образовании редуцирует знание до товара, а студента — до «покупателя услуги». Модус «быть», напротив, манифестирует знание как процесс глубокого проникновения к сути явлений и непрерывную самоактуализацию личности. Зафиксированный в литературе конфликт между прагматическими моделями и констатацией дегуманизации образования указывает на дефицит интегративного методологического инструментария. Философские категории Э. Фромма не могут быть перенесены в плоскость институционального анализа без строгого исследовательского дизайна, описанию которого посвящен следующий раздел.

Методологический аппарат исследования базируется на сочетании методов социально-философского анализа, критической социальной теории (Франкфуртская школа) и системно-концептуального моделирования. Концепт Э. Фромма переносится с уровня индивидуальной психологии на макросоциологический уровень через категорию «социального характера» как матрицы, формируемой социальными институтами под запросы экономической системы.

Для деконструкции миссии университета были выделены две группы индикаторов:

1. Индикаторы модуса «иметь» (утилитарный контур): уровень коммерциализации программ, внедрение практик нового государственного менеджмента (New Public Management), предикативная ИИ-аналитика вовлеченности студентов, системы цифрового прокторинга, ИИ-детекторы, объемы коммерческих НИОКР.
2. Индикаторы модуса «быть» (академический контур): степень автономии академических единиц (кафедр), доля фундаментальных исследований, наличие условий для развития критического мышления, практики академической солидарности, эмпатии и соучастия (participatory practices).

Основным методом исследования послужило диалектическое концептуальное моделирование. Метод системного синтеза позволил рассмотреть модусы «иметь» и «быть» в контексте высшей школы не как взаимоисключающие антиномии, а как иерархически соподчиненные элементы единой системы («базис — надстройка»). Эмпирическую валидность обеспечил качественный контент-анализ стратегических программных документов ведущих университетов за период 2020–2025 гг. и метаанализ международных докладов в сфере высшего образования.

Предложенная интегративная модель (см. Таблицу 1) теоретически доказывает гармоничное соподчинение модусов «иметь» и «быть» в рамках единой университетской экосистемы.

Таблица 1

Матрица взаимодействия экзистенциальных модусов в миссии университета

Критерий анализа	Модус «Иметь» (Утилитаризм)	Модус «Быть» (Академизм)	Интегративный Синтез (Модель баланса)
Природа знания	Товар, объект накопления, набор жестких компетенций.	Процесс познания, внутренняя ценность истины, рефлексия.	Фундаментальная база + адаптивный инструментарий для нелинейных задач.
Цель студента	Получение диплома, монетизация навыков, карьерный прагматизм.	Самоактуализация, расширение кругозора, поиск смыслов.	Формирование осознанной жизненной траектории и субъектности.
Роль преподавателя	Сервисный провайдер информации, модератор ИИ-контента.	Наставник, транслятор академической культуры, ученый.	Фасилитатор совместного исследовательского поиска и этический ориентир.
Критерий успеха вуза	Коммерческие KPI, позиции в рейтингах, ИИ-контроль.	Сохранение традиций, уровень внутренней свободы, индекс цитирования.	Способность отвечать на вызовы рынка, сохраняя этическое лидерство.
Тип выпускника	«Узкий специалист» — исполнитель под конкретный запрос рынка.	«Эрудит» — интеллектуал, слабо адаптированный к практике.	Критически мыслящий инноватор— специалист с крепкими ценностями и гибкостью.

Разработанная матрица демонстрирует, что одномерная фиксация университета в границах лишь одного из полюсов ведет к институциональной деградации. Доминирование модуса «иметь» в эпоху надзорного капитализма превращает вуз в цифровой паноптикум, где предикативная аналитика ИИ и тотальный прокторинг отчуждают знание от личности. Студент превращается в цифровой след, а преподаватель — в бюрократического оператора. Напротив, изолированная фиксация на модусе «быть» превращает вуз в герметичную «башню из слоновой кости».

Логика перехода к интегративному синтезу строится на понимании того, что модус «иметь» должен выступать необходимым материальным и инструментальным условием для развертывания модуса «быть». Интегративный синтез не является механическим компромиссом (50% на 50%). Это нелинейная иерархическая структура. Модус «иметь» (ресурсы, инфраструктура, ИИ-платформы) выступает в качестве материального базиса (необходимое, но недостаточное условие), тогда как модус «быть» (ценности, академическая свобода, солидарность) задает целевой вектор (надстройка). Проектная деятельность студентов и применение ИИ-технологий в рамках этой модели переосмысляются: они служат не целям симуляции отчетности, а выступают инструментами объективации творческого потенциала и развития субъектности выпускника нового типа.

Однако кабинетное концептуальное моделирование неизбежно сталкивается с жестким сопротивлением объективной реальности при попытке его практического внедрения. Переход от идеальной теоретической матрицы к реальным практикам управления вузом требует критического анализа внешних факторов. В следующем разделе мы перейдем к обсуждению ключевых институциональных барьеров, рисков регуляторного давления со стороны министерств, а также стратегий, позволяющих современному университету сохранить внутренний суверенитет в условиях диктата количественных KPI.

Практическая имплементация предложенной модели сталкивается с комплексом барьеров, главным из которых является давление внешней регуляторной среды. Государственная политика опирается на механизмы нового государственного менеджмента (New Public Management), оценивая вузы через количественные KPI (объемы НИОКР, коммерческие патенты). Подобная рамка жестко фиксирует деятельность университета в границах модуса «иметь», делая инициативы, направленные на развитие модуса «быть», институционально невидимыми.

Вторым барьером выступает «коррозия академического характера» профессорско-преподавательского состава (ППС). В условиях краткосрочных контрактов и гонки публикационных метрик стремление к постижению истины подменяется технологиями демонстрации успешности, что ведет к атомизации сообщества и разрушению солидарности под натиском алгоритмических систем надзора. Концептуализируя этот сдвиг, Ш. Слоутер и Дж. Роудс указывают, что в новой академической экономике происходит глубинное встраивание рыночных структур непосредственно в тело университета, в результате чего создаются новые бюрократические контуры контроля над интеллектуальной деятельностью профессуры [Slaughter, Rhoades 2004, p. 115].

Для преодоления этих рисков авторами предлагаются стратегии умного дуализма в управлении вузом:

- Создание буферных институциональных зон: администрация должна выступать «щитом» между внешними требованиями ведомств и внутренним академическим пространством. Выполнение коммерческих KPI должно быть локализовано в специализированных инновационных хабах и коммерческих офисах (контур «иметь») [Slaughter, Rhoades 2004, p. 115], сознательно освобождая фундаментальные кафедры (контур «быть») от избыточного коммерческого давления.
- Диверсификация внутренних метрик: легитимизация внутри вуза качественных показателей успеха (долгосрочное наставничество, ведение междисциплинарных семинаров, создание гуманитарных платформ сотворчества с ИИ) с помощью кросс-субсидирования из доходов утилитарного сектора.

Проведенное исследование доказывает, что дихотомия Эриха Фромма «иметь» или «быть» служит валидным социально-философским инструментом для преодоления системного кризиса идентичности современных университетов в эпоху надзорного капитализма. Рассмотрение утилитарных задач (ИИ-технологии, коммерциализация) и академической свободы не как антиномий, а как иерархической системы «базис — надстройка» позволяет сформулировать следующие практические рекомендации для руководства вузов:

1. Реформировать внутреннюю систему мотивации ППС через внедрение дифференцированных академических треков (Academic Tracks), освобождающих ученых фундаментального профиля от коммерческих KPI.
2. Переформатировать гуманитарное ядро (Core Curriculum) для всех специальностей (включая IT), сфокусировав его на критическом анализе алгоритмических систем и этике ИИ.
3. Трансформировать проектную деятельность студентов, внедрив в ИИ-акселераторы метрики оценки социального и гуманитарного эффекта разработок (контур «быть»).
4. Институционализировать „свободные пространства“ (центры фундаментальных дискуссий), очищенные от товарной функции знания и ориентированные на практику академической солидарности и партисипативного соучастия субъектов образовательного процесса [Wang 2026, p. 9].

Список литературы

1. Альтбах Ф. Г. Международный императив в высшем образовании / пер. с англ. С. В. Силаковой ; под науч. ред. М. С. Добряковой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 320 с.
2. Кларк Б. Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации / пер. с англ. А. Смирнова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 240 с.
3. Красинская Л. Ф. Модернизация высшего образования: какие ценности побеждают? // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 7. С. 20–33.
4. Фромм Э. Иметь или быть? / пер. с нем. Э. М. Телятниковой. М. : АСТ, 2020. 320 с.
5. Clark B. R. Creating Entrepreneurial Universities: Organizational Pathways of Transformation. Oxford: Pergamon Press, 1998. 180 p.
6. Itzkowitz H. The Triple Helix: University-Industry-Government Innovation in Action. London: Routledge, 2008. 184 p.
7. Readings B. The University in Ruins. Cambridge, 1996. 250 p.
8. Rosovsky H. The University: An Owner's Manual. New York: W. W. Norton & Company, 1990. 312 p.
9. Slaughter S., Leslie L. L. Academic Capitalism: Politics, Policies, and the Entrepreneurial University. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. 296 p.
10. Slaughter S., Rhoades G. Academic Capitalism and the New Economy: Markets, State, and Higher Education. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004. 384 p.
11. Wang Y. To Have or to Be: Reclaiming the Transformative Essence of Participatory Action Research // International Journal of Qualitative Methods. 2026. Vol. 25. P. 1–12.

УДК 3784.0

ЦИФРОВАЯ МЕТАМОРФОЗА: КАК ПЕРЕКРАИВАЮТСЯ ГРАНИЦЫ КЛАССИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Сороковикова Валентина Ивановна
Академия хорового искусства имени В.С. Попова,
зав. кафедрой общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин

Аннотация: Данная статья посвящена анализу исторической трансформации университета как фундаментального социального института. Исследование прослеживает путь высшего образования от средневековой корпорации, основанной на принципах схоластики, через гумбольдтовскую модель классического университета к современному состоянию «алгоритмического университета». Рассматриваются попытки академического сообщества ответить на технологические вызовы через внедрение этических кодексов и регламентов. Статья предлагает критический взгляд на будущее образования, где технологическая эффективность должна быть сбалансирована с сохранением гуманистических ценностей.

Ключевые слова: университет, эволюция университета, цифровая трансформация, академическая свобода, этика образования.

DIGITAL METAMORPHOSIS: REDRAWING THE BOUNDARIES OF THE CLASSICAL UNIVERSITY

Valentina I. Sorokovikova
Victor Popov Academy of Choral Art,
Head of the Department of General Humanities and Socio-Economic Disciplines

Abstract: This article analyzes the historical transformation of the university as a fundamental social institution. The study traces the development of higher education from the medieval corporation based on scholastic principles, through the Humboldtian model of the classical university, to the contemporary state of the "algorithmic university."

The paper examines the academic community's efforts to address technological challenges through the implementation of ethical codes and regulations. It offers a critical perspective on the future of education, arguing that technological efficiency must be balanced with the preservation of humanistic values.

Keywords: University, evolution of the university, digital transformation, academic freedom, ethics of education.

Университет — один из самых устойчивых институтов в истории человечества. Переживая империи, войны и технологические революции, он постоянно трансформировался, адаптируясь к запросам общества, государства и экономики. В развитии университета можно выделить четыре ключевых этапа, каждый из которых заложил фундамент современного образования.

Средневековый университет: Корпорация истины (XI–XV вв.).

Первые университеты (Болонья, Париж, Оксфорд) возникли как «universitas» — объединения, или корпорации студентов и преподавателей. Главной целью была не подготовка кадров для рынка, а сохранение и передача универсального знания. Обучение

строилось вокруг «семи свободных искусств» и высших факультетов: теологии, права и медицины.

На этом этапе господствовал метод схоластики — поиск истины через логический анализ авторитетных текстов (Библии, Аристотеля). Университет был автономен, обладал собственным судом и привилегиями, что позволяло ему быть «государством в государстве». Это был период формирования идеи академической свободы и интернациональности образования.

Гумбольдтовский университет: Единство науки и обучения (XIX в.)

Эпоха Просвещения и промышленная революция потребовали пересмотра целей образования. В 1810 году Вильгельм фон Гумбольдт основал Берлинский университет, заложив модель, которая доминировала в мире более столетия.

Главная инновация — неразрывность преподавания и исследования. Профессор перестал быть просто ретранслятором старых книг; он стал ученым, открывающим новое знание вместе со студентами. Университет стал местом формирования национальных элит и развития фундаментальной науки. Свобода преподавания и свобода обучения стали священными принципами [Гумбольдт 2011, с.31]. Университет перестал служить только церкви, став инструментом государственного и культурного прогресса.

Массовый университет (середина XX в.)

После Второй мировой войны высшее образование перестало быть привилегией элиты. Экономика знаний требовала миллионов специалистов. В США и Европе произошел взрывной рост числа студентов. Университет стал сложной структурой, обслуживающей множество интересов: государства, бизнеса, обороны и социальной мобильности.

Университет превратился в гигантский бюрократический механизм. Образование стало рассматриваться как социальный лифт и фактор экономического роста. В это время усиливается специализация, а прикладные исследования начинают доминировать над фундаментальными, так как университеты становятся зависимыми от внешнего финансирования и грантов [Керр 2014, с.91].

Университет 4.0: Глобальная цифровая платформа (XXI в.)

Современный этап характеризуется стиранием физических границ и входом университета в пространство «надзорного капитализма». Университет сегодня — это не только аудитории, но и цифровая система. Университет функционирует как корпорация, борющаяся за студентов-клиентов в глобальных рейтингах [Ридингс 2010, с. 149]. Каждое действие студента превращается в данные. Алгоритмы сопровождают процесс обучения, помогая (или мешая) выбирать траектории развития. Грань между классическим образованием и онлайн-платформами размывается. Университеты фактически передают инфраструктуру обучения в руки технологических гигантов.

Искусственный интеллект (ИИ) вносит серьезные изменения, поскольку является не просто очередным «инструментом» в арсенале университета, а катализатором перехода к новой модели, которую иногда называют «алгоритмическим университетом». Если раньше знания передавались от человека к человеку, то теперь в эту цепочку встроено промежуточное звено, обладающее собственной логикой.

ИИ трансформирует высшее образование прямо сейчас следующим образом:

Гиперперсонализация vs «Средний ученик». Традиционная модель университета веками строилась на усреднении: одна программа для потока из 100 человек. ИИ разрушает этот подход с помощью *адаптивного обучения*. Алгоритмы дают возможность анализировать, на

каких темах студент спотыкается, и мгновенно перестраивать учебный план. Университет из «конвейера» превращается в гибкую среду, где у каждого своя скорость и траектория [Вильямсон 2020, с. 175].

Кризис оценки и «Смерть эссе». Появление больших языковых моделей (вроде ChatGPT) нанесло сокрушительный удар по классическим методам проверки знаний. Написание эссе и рефератов — основа гуманитарного образования — потеряло смысл как форма отчетности.

Трансформация. Университеты вынуждены возвращаться к устным экзаменам, дискуссиям в аудиториях и «проектному обучению», где важен не текст, а процесс мышления и практический навык. ИИ заставляет образование стать более человекоцентричным в плане контроля.

Преподаватель как «Промпт-инженер» и Ментор. Роль лектора как транслятора информации окончательно уходит в прошлое. ИИ может прочитать лекцию или объяснить теорему лучше и доступнее. Преподаватель становится куратором смыслов. Его задача — научить студентов правильно формулировать запросы (промпты), критически оценивать ответы ИИ (галлюцинации нейросетей) и синтезировать идеи. Отношения «учитель — ученик» сдвигаются в сторону наставничества и совместного исследования.

ИИ делает университет невероятно эффективным, но одновременно лишает его доли сакральности. Основной вызов текущего этапа — использовать мощь алгоритмов для освобождения человека от рутины, не превратив при этом образование в автоматизированную выдачу сертификатов «обученным» нейросетями студентам.

Университеты мира столкнулись с дилеммой: запретить ИИ невозможно, а разрешить без правил — значит поставить под угрозу саму суть диплома. В ответ на это ведущие вузы (Лига Плюща, Оксфорд, Рассел-групп и др.) начали принимать этические кодексы использования ИИ.

Студент обязан четко указывать, где и как он использовал ИИ. Студент должен проверить каждый факт и цитату, выданную алгоритмом. Ответственность за фактические ошибки в работе всегда несет человек. Этические кодексы часто обязывают вузы предоставлять равный доступ к базовым ИИ-инструментам для всех, чтобы не углублять социальный разрыв. Многие кодексы запрещают загружать в нейросети неопубликованные научные исследования или личные данные студентов. Университеты защищают свой «интеллектуальный суверенитет», вводя закрытые локальные модели ИИ.

Сохранение критического мышления приобретает особую ценность. Университеты декларируют, что ИИ не должен заменять процесс мышления. Преподавателям рекомендуется менять задания так, чтобы ИИ был бесполезен без глубокого личного анализа самого человека.

История университета — это путь от замкнутой корпорации мыслителей к открытой, но жестко контролируемой цифровой среде. Если гумбольдтовская модель ставила в центр личность и её развитие, то современный «цифровой» университет рискует превратить студента в набор метрик для рынка труда. Тем не менее, фундаментальная задача университета — научить человека критически мыслить — остается неизменной, хотя методы её реализации сегодня требуют защиты автономии в условиях тотального цифрового надзора.

Список литературы

1. Вильямсон 2020 – Вильямсон Б. Big Data в образовании: Цифровая педагогика и новая политика управления / Пер. с англ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 251 с.
2. Гумбольдт 2011 – Гумбольдт В. фон. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Университетская идея в классической немецкой философии. М.: Альма Матер, 2011. 180 с.
3. Керр 2014 – Керр К. Использование университета / Пер. с англ. А. Смирнова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 256 с.
4. Ридингс 2010 – Ридингс Б. Университет в руинах / Пер. с англ. А. М. Корбута. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010. 304 с.

УДК 378.4:316.752

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КАК ОСНОВА МИССИИ СОВРЕМЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Соколова Лариса Юрьевна
Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, старший преподаватель
E-mail: larasokol@yandex.ru

Аннотация: Современный университет переживает эпистемологический и аксиологический сдвиг, обусловленный различными факторами: давлением рыночной парадигмы эффективности, геополитической турбулентностью 2022–2025 гг. и цифровой трансформацией, включая распространение искусственного интеллекта. В статье исследуется взаимосвязь между ценностными ориентациями и конституированием миссии университета, особое внимание уделено российским университетам. Методологическую основу исследования составил комплексный подход, сочетающий философскую рефлексию, вторичный анализ эмпирических данных и анализ российских тенденций. В ходе философского анализа выявлено фундаментальное противоречие между социальным запросом на инструментальную «полезность» университета и необходимостью сохранения его ценностной автономии. На основе актуальных исследований автором выделены ценностные модели университетов. Выявлен феномен «ценностного разрыва» – диссонанс между декларируемыми академическими идеалами и реальными институциональными практиками. Показано, что российские университеты находятся под жестким государственным контролем, а трактовка социальной ответственности смещена в сторону служения национальным интересам. В качестве одного из примеров интегративной ценностной модели рассмотрена концепция «ноосферного университета» как постнеклассическая альтернатива. В заключение обоснована необходимость разработки интегративной модели, сочетающей универсальные академические ценности (истина, свобода исследования) с социальной ответственностью и устойчивостью к внешним вызовам.

Ключевые слова: миссия университета, ценностные ориентации, философия образования, российские университеты, глобализация образования.

VALUE ORIENTATIONS AS THE BASIS OF THE MISSION OF A MODERN UNIVERSITY

Larisa Yurievna Sokolova
Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, Senior Lecturer

Abstract: The modern university is experiencing an epistemological and axiological shift due to various factors: the pressure of the market efficiency paradigm, the geopolitical turbulence of 2022-2025, and the digital transformation, including the spread of artificial intelligence. This article explores the relationship between value orientations and the constitution of the university's mission, with a focus on Russian universities. The research methodology involves a comprehensive approach that combines philosophical reflection, secondary analysis of empirical data, and analysis of Russian trends. In the course of the philosophical analysis, a fundamental contradiction between the social demand for the instrumental «usefulness» of the university and the need to preserve its value autonomy was revealed. Based on current research, the author identified the value models of universities. The phenomenon of the «value gap» was revealed – the dissonance between the declared academic ideals and the actual institutional practices.

Keywords: university mission, value orientations, philosophy of education, Russian universities, globalization of education.

Актуальность темы исследования миссии университета обусловлена различными группами факторов. Во-первых, современный университет переживает трансформацию своей идентичности: размывание традиционных представлений о «храме науки» под давлением рыночных механизмов, требований экономической эффективности и запросов на «социальную полезность» актуализирует вопрос о ценностном ядре университетской миссии. Во-вторых, геополитические изменения 2022–2025 годов кардинально переформатировали ландшафт международного академического сотрудничества, особенно для российской системы высшего образования, что требует переосмысления ценностных ориентиров в условиях ограничений. В-третьих, философская рефлексия природы университета актуализируется в контексте цифровой трансформации, развития искусственного интеллекта и смены эпистемологических парадигм: что остается сущностным в университете, когда знание утрачивает характер институциональной монополии?

Прежде чем обратиться к эмпирическим данным, необходимо уточнить философские основания проблемы. В XXI веке философская дискуссия о миссии университета сместилась в плоскость поиска баланса между социальными запросами на «полезность» университета и потерей ценностной автономии, что потенциально ведёт к редукции университета до уровня профессиональной школы. Противоречие между гетерономными (рыночными, государственными) и автономными (академическими, гуманистическими) ориентирами в современной философии образования требует философской рефлексии способов реализации миссии университета через ценностные ориентации.

Как отмечает С.Э. Сорокин, идея университета остается практически неизменной – он остается институтом, однако миссия университета меняется в зависимости от конкретно-исторической эпохи или социально-экономических вызовов [Сорокин 2020, с. 55]. Миссия университета – это исторически обусловленное, ценностно-ориентированное предназначение, заключающееся в единстве образовательной, научной и общественной функций [Сорокин 2020, с. 58-62].

Какие вызовы сегодня требуют пересмотра миссии? Согласно данным [Мониторинг 2026, web], ключевыми вызовами для университетов становятся цифровизация, гибридное обучение, внедрение ИИ и виртуальных сред; ответом на эти вызовы выступает пересмотр ценностных ориентаций развития. Если миссия исторически изменчива, то механизмом этой изменчивости выступают именно ценностные ориентации, которые адаптируют университет к новым вызовам. Систематизацию таких ориентаций предлагают исследователи В.П. Майкова и Э.М. Молчан. Они отмечают, что ценностные ориентации университета – это не просто направление деятельности, а ценностно-смысловая доминанта, задающая *что* считается важным для самого университета (например, прибыль, наука, патриотизм, экология); *ради чего* работает университет; *как* оцениваются результаты. Ориентации взаимосвязаны и могут конфликтовать или дополнять друг друга, «взаимосвязь и взаимообусловленность которых предопределяется духовно-нравственными ценностями» [Майкова, Молчан 2025, с. 114]. Ориентация формируется под влиянием как внешних факторов (государственная политика, экономика, глобальные вызовы), так и внутренних факторов (традиции вуза, научная школа) [Майкова, Молчан 2025, с. 117]. Авторы выделяют пять ориентаций: научно-исследовательская, экономическая, социальная, политическая, экологическая [Майкова, Молчан 2025, с. 118–120].

Ценностная ориентация университета представляет собой аксиологическую матрицу, которая на операциональном уровне определяет миссию вуза, структуру образовательных программ, распределение ресурсов, критерии эффективности и характер взаимодействия с государством, обществом и экономикой.

Предложенная авторами уровневая модель иерархична: фундаментальные ценности (аксиологический уровень) задают ориентации (целеполагающий уровень), которые затем интегрируются в миссию (институциональный уровень), которая, в свою очередь, реализуется через стратегии и инструментальные механизмы, ведущие к конкретным результатам (подготовка специалиста, обеспечение национальной безопасности, формирование духовного иммунитета общества).

Специфика российского контекста может быть понята с учётом ключевых факторов: геополитического давления и ресурсных ограничений. Исследование К. Губы и соавторов [Guba 2025, web], основанное на анализе 159 824 новостных сообщений с сайтов 92 российских университетов, выявило драматическую трансформацию международной риторики после февраля 2022 года. Частота упоминаний «недружественных» стран резко сократилась, тогда как референции к «дружественным» странам выросли с 62% до 84%. Примечательно, что университеты – участники Проекта 5-100 (элитная группа) продемонстрировали даже более высокую чувствительность к геополитической конъюнктуре, чем неэлитные вузы, пожертвовав ранее установленными международными коллаборациями. С философской точки зрения, это исследование имеет фундаментальное значение для понимания ценностной динамики: глобальные академические ценности (открытость, свободный обмен знаниями, универсализм науки) вступают в противоречие с государственными приоритетами (суверенитет, безопасность, ориентация на «дружественные» страны). Университеты вынуждены пересматривать ценностную составляющую своей миссии, что создает внутреннее институциональное напряжение.

Помимо политической переориентации, российские университеты сталкиваются с проблемой финансирования. Исследование А. Заворыкина и соавторов [Zavorykin 2025, web], проведенное на материале российского высшего образования, выявило прямую зависимость между уровнем финансирования и способностью университета сохранять «академическую»

модель миссии (ориентированную на создание знания и гуманистические ценности). Хорошо финансируемые западные университеты (Ivy League, Oxbridge) обладают ресурсной возможностью сохранять приверженность классической модели. Недофинансируемые постсоветские и восточноевропейские институции объективно вынуждены адаптироваться к «предпринимательской» модели, где приоритетами становятся рыночная конкурентоспособность и экономическая эффективность.

Эмпирическим подтверждением данного вывода служат дискуссии, прошедшие в рамках международных конференций 2025 года. Так, на конференции «Современная университетская миссия в контексте вызовов трансформации в многополярном мире» (РУДН, февраль 2025) ректор О. Ястребов выделил пять трендов устойчивого развития, среди которых фигурируют как «университет как центр технологий», так и «стремление к истине как идеалу познания», что наглядно демонстрирует сосуществование инструментальной и ценностно-ориентированной риторики. Одновременно на конференции «Фронтиры прогресса» (Сколтех, май 2025) ректоры ведущих российских вузов обсуждали баланс между «правительственными контрактами» и возможностью для талантливых исследователей следовать собственным научным интересам. Эти дискуссии, однако, скорее фиксируют проблему, чем констатируют ее решение.

Сочетание указанных факторов порождает в российских университетах феномен ценностного разрыва: формальное декларирование ценностей (патриотизм, служение Отечеству, научная добросовестность) часто не подкреплено ни институциональными механизмами их реализации, ни достаточным финансированием для поддержания «академической» модели. Преодоление этого разрыва требует разработки интегративной ценностной модели, которая сочетала бы: приверженность универсальным академическим ценностям (истина, свобода исследования, критическое мышление); социальную ответственность (учет культурных особенностей и реальных потребностей страны или региона); устойчивость к внешним вызовам через сотрудничество с разными партнерами и сохранение уникальных компетенций.

Концепция ноосферного университета представляет собой один из возможных вариантов такой интегративной модели. Она сочетает универсальные академические ценности (через идею истины и целостного познания) с социальной ответственностью (через аксиологию всечеловеческого) и устойчивостью к внешним вызовам (как альтернатива западным моделям). Миссия «ноосферного университета» направлена на формирование сверхсложного сознания [Смирнов и др. 2024, с. 10]. Авторы предлагают следующие ценностные ориентации: целостное видение мира, приоритет духовных ценностей, понимание сверхсложной реальности, а не просто её интерпретацию, гармоничное развитие естественного разума и искусственного интеллекта.

Таким образом, университет третьего тысячелетия реализует миссию именно через ценностные ориентации, которые выступают механизмом её изменчивости к историческим вызовам. Российская система высшего образования демонстрирует ценностный разрыв между декларациями и реальностью, вызванный геополитическим давлением и ресурсными ограничениями; преодолеть его способна лишь интегративная модель, сочетающая академические ценности, социальную ответственность и устойчивость к внешним вызовам.

Список литературы

1. Майкова, Молчан 2025 – Майкова В. П., Молчан Э. М. Социально-философский анализ ценностных ориентаций университетов // Современные философские исследования. 2025. № 3. С. 114–123.
2. Мониторинг 2026, web – Мониторинг мировой образовательной политики: События, проблемы и решения. Итоговый доклад 2025. Н. В. Княгинина, Е. В. Пучков, В. В. Бальжинимаева; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2026. 116 с. Режим доступа: https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/1140993858.pdf (дата обращения: 30.04.2026).
3. Смирнов и др. 2024 – Смирнов Г. С., Смирнов Д. Г., Меликян М. А. Ноосферный университет: философские и общенаучные основания // Философия образования. 2024. Т. 24, № 2. С. 5-21.
4. Сорокин 2020 – Сорокин С. Э. «Третья миссия» университетов: социально-философский анализ: дисс. на соиск. … д-ра филос. наук / 09.00.11 – социальная философия. Архангельск, 2020. 417 с.
5. Guba 2025, web – Guba K., Gerashchenko D., Zheleznov A. Reordering international ties: Russian universities' institutional responses to geopolitical tensions // International Journal of Educational Research. Volume 133, 2025, 102747. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0883035525002204 (дата обращения: 30.04.2026).
6. Zavorykin 2025, web – Zavorykin A., Dronova S., Pondo E., Ganeeva E., Akhmadeev D. Cultura corporativa universitaria e identidad educativa en la era de la globalización. Revista Conrado. 2025. 21(106), e4836. URL: https://conrado.ucf.edu.cu/index.php/conrado/article/view/4836 (дата обращения: 30.04.2026).

ЧАСТЬ 24

УНИВЕРСИТЕТЫ КАК ФАКТОР ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ НАУКИ

УДК 1:001

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ПРОЕКТ И.Г. ФИХТЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО И ПОЛЕЗНОГО ЗНАНИЯ

Куприянов Виктор Александрович
Кандидат философских наук
Санкт-Петербургский филиала Института истории естествознания и техники ми. С.И. Вавилова РАН, заведующий сектором социальных и когнитивных проблем науки
E-mail: nonignarus-artis@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются основные черты проекта высшего учебного заведения И.Г. Фихте. Автор предлагает рассматривать проект Фихте не только с привычной историко-философской точки зрения, но и в перспективе социальной истории науки как факт в истории научно-организационной мысли. Проект Фихте исследуется в контексте истории европейских научных институций Нового времени и в сопоставлении с проектами университетских реформ, предложенными в начале XIX в. другими видными немецкими философами (Ф. Шлейермахером, В. Гумбольдтом, Х. Штеффенсом и другими. В статье показано, как Фихте понимал в своем университетском проекте роль полезного (прикладного) знания. Указывается, что размышления Фихте нужно помещать в контекст его политической философии, так как он рассматривал университет в качестве ключевого института формирования гражданского общества. Проект Фихте показан как часть его поздней политической философии, главной особенностью которой являются ее этатиский характер, а также связь с историософией и идеей национального государства. Рассмотрение проекта Фихте позволяет увидеть контекст возникновения идеи исследовательского университета, а также показать многообразие философских концепций, которые лежали в ее основе.

Ключевые слова: Фихте, университет, исследовательский университет, философия университета, реформы университетов

UNIVERSITY PROJECT OF J.G. FICHTE IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF FUNDAMENTAL AND USEFUL KNOWLEDGE

Kupriyanov Viktor Alexandrovich
PhD in PhilosophyHead of the Sector for Social and Cognitive Problems of Science,St. Pyotrsburg Branch, S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, RAS

Abstract: The article examines the key features of J.G. Fichte's project for a higher educational institution. The author suggests considering Fichte's project not only from the traditional historical-philosophical perspective but also within the framework of the social history of science as a fact in the history of scientific and organizational thought. Fichte's project is analyzed in the context of the history of European scientific institutions of the Modern Era and in comparison with university reform projects proposed in the early 19th century by other prominent German philosophers (F. Schleiermacher, W. Humboldt, H. Steffens, and others). The article demonstrates how Fichte understood the role of useful (applied) knowledge in his university project. It is noted that Fichte's reflections should be placed within the context of his political philosophy, as he viewed the university as a key institution for the formation of civil society. Fichte's project is presented as part of his late political philosophy, whose main feature is its étatist character, as well as its connection to historiosophy and the idea of the national state. The examination of Fichte's project allows one to see the context for the emergence of the idea of a research university and to reveal the diversity of philosophical concepts underlying it.

Keywords: Fichte, University, Research University, Philosophy of the University, University Reforms

В эпоху Нового времени наука становится ведущим способом понимания познания. Познание трактуется как научное по своей сущности. Важным аспектом, характеризующим историю наук в этот период, является создание новых форм организационных форм, то есть возникновение новых форм научных институций. С конца XV в. в Западной Европе создаются научные общества и академии, посвященные исследованию литературных, а также несколько позже и естественно-научных вопросов (см.: [Ornstein 1928]). Вершиной развития процесса создания научных институций нового типа является создание в XVII–XVIII вв. таких научных организаций как Лондонское королевское общество (1660 г.), Парижская академия наук (1666 г.), Берлинская академия наук (1700 г.) и Петербургская академия наук (1724 г.), которые составили славу научных учреждений эпохи Просвещения. Процесс создания научных организаций нового типа имел ряд существенных особенностей. Во-первых, создание научных академий и обществ происходило на фоне существовавших на тот период с эпохи Средних веков университетов, которые были самыми крупными научными организациями того времени. Во-вторых, важной чертой процесса создания институций нового типа было движение с Запада на Восток. В начальный период научные общества и академии естественно-научного профиля зародились в Италии, и лишь затем произошло основание аналогичных институций в центральной и восточной Европе, которые создавались по образцу академий в Лондоне и Париже. О состоянии университетов в эпоху раннего Нового времени свидетельствуют характеристики, данные Лейбницем (1654–1716), который критиковал университеты своего времени, прежде всего, за непрактичность преподаваемых в них знаний. Лейбниц полагал, что университетское образование чрезмерно нагружено схоластикой, которая не нужна на практике [Böger 2001].

Говоря о немецких университетах XVII–XVIII вв., обычно в научной литературе указывается на отсутствие в них исследовательской составляющей. Этот этап в истории университетов выделяется в качестве отдельного периода их истории, который предшествует реформам университета в начале XIX в. (см. [Паульсен 1904]), когда прусская система образования претерпела существенные организационные изменения. С философской точки зрения, существенным является не столько изменение организационной структуры и форм преподавания, радикальность чего ставится некоторыми историками под сомнение (критическое рассмотрение этого вопроса см.: [Tenorth 2018]), сколько возникновение новых идей, которые определили мышление об университете вплоть до современности. В этом контексте обращают чаще внимание на В. Гумбольдта как основателя идеи исследовательского университета, называя сам университет гумбольдтовским [Касавин 2021] и тем самым тесно связывая идею такого университета именно с его именем. Тем не менее было бы ошибочным полагать, что проблема социальной роли университета, его целей и общего смысла ограничивалась в период основания Берлинского университета только лишь идеями Гумбольдта. В начале XIX в. проблема поиска новых форм организации и образования приобрела значение одного из главных философских вопросов, внимание которому было уделено такими видными философами как И. Кант, Ф. Шлейрмахер, Г. Гегель. Особое место в этом ряду занимает И.Г. Фихте.

Вопросами воспитания и образования, а также назначения ученого в целом Фихте интересовался почти всю свою интеллектуальную биографию. Его перу принадлежит целая

серия работ, посвященных философскому обоснованию различных организационных форм науки, а также более широкому философскому пониманию воспитания. Проблем воспитания, прежде всего, школьного, касаются его известные «Речи к немецкой нации» (1808 г.), а непосредственно университетский вопрос затрагивают его речи, лекции и проекты, посвященные Эрлангескому и Берлинскому университетам. Сюда же можно отнести и его рассуждения о долге и назначении ученого (список опубликованных трудов Фихте см.: [Фишер 2004, с. 213–221]. Известные данные о биографии Фихте позволяют считать его одним из самых активных участников дискуссий по университетскому вопросу начала XIX в. Анализ его сочинений по данной тематике дает возможность понять, каким образом зарождалась современная идея исследовательского университета, а также увидеть трансформацию представлений о социальной роли науки и ее организационных формах в период, когда старые академии наук начали утрачивать свое влияние как ведущего способа организации научных исследований. Помещение аналитики взглядов Фихте на университетский вопрос в контекст социальной истории науки в противовес традиционному подходу в перспективе истории немецкого идеализма освещает по-новому как специфику взглядов самого Фихте, так и показывает развитие научно-организационной мысли в переломную эпоху начала XIX в. (анализ идей Фихте в области университетского образования см.: [Иваненко 2017]).

Наибольший интерес с точки зрения социальной истории науки представляет план Фихте, посвященный основанию Берлинского университета, имеющий заголовок «Deduzierter Plan einer zu Berlin zu errichtenden höhern Lehranstalt, die in gehöriger Verbindung mit einer Akademie der Wissenschaften stehe» («Дедуцированный план высшего ученого заведения, которое должно быть основано в Берлине и которое будет стоять в надлежащей связи с Академий наук») [Fichte 1960a]. Также интерес представляют письма Фихте, которые непосредственно относятся основанию Берлинского университета [von Beyme 1960; Fichte 1960б].

В данном плане Фихте на первом месте стоит ряд существенных вопросов, включая понимание свободы творчества, а также, употребляя современный язык, соотношения фундаментального и полезного (прикладного знания). В понимании Фихте университет (высшее учебное заведение) подчинен, прежде всего, задачам науки, а наука неотделима от преподавания. В этом контексте для понимания позиции Фихте нужно подчеркнуть, что наука трактуется у него предельно широко. Он включает в это понятие практически все области знания, поэтому в конечном счете его понимание науки оказывается тождественным познанию в целом. Причем философия занимает в системе знания первостепенное место, являясь самой общей дисциплиной, составляющей фундаментальное ядро каждой преподаваемой в университете дисциплины. Причем науку Фихте понимание в качестве творчества и даже искусства. Наука для Фихте представляет собой живой процесс познания, направленный на непрестанный поиск нового. Как пишет К. Фишер, наука в университете «должна настолько овладеть душой, чтобы можно было всецело жить в науке, чтобы мысль и работа облекались исключительно в научную форму» [Фишер 2004, с. 642]. Важной составляющей проекта Фихте является разъяснение внутренней структуры университета, которая отражает не только его представления об иерархии наук, но и его идеи классификации научного знания.

Университетский проект Фихте предполагает, что высшее учебное заведение не является изолированной организацией, а представляет собой звено в целостной системе национального воспитания (от школы до университета). Те, кто получил университетское образование, должны по замыслу философа, образовывать элиту государства. Внутри университета

предусмотрена строгая иерархия от низшего уровня (Zugewandte) через кандидатов (Novizen) в регулярные студенты (Regulare) [Fichte 1960, s. 70], которые должны образовывать отдельную изолированную студенческую общину и из которых предполагается рекрутировать профессоров. Среди профессоров также предусмотрена иерархия, на вершине которой – творящие художники, являющиеся и государственными деятелями. То есть высший уровень познания и научного творчества означает и определяющие участие в гражданской жизни.

В свете сказанного можно констатировать, что проект Фихте ставит во главу угла никак не узкоспециализированное профессиональное образование, а науку ради науки, чистое стремление к знанию, которое имеет в то же время нравственное измерение. Наука и преподавание представляют для него, как и для В. Гумбольдта, единое целое, единый процесс творчества. А философия, которая пронимается им как ядро образования, лежит в основе всего комплекса преподаваемых наук. Тем не менее обращает на себя внимание, что конечной целью университетского преподавания является не обретение некоего знания как такового, а воспитание гражданина национального государства. Акцент на роль университета в национальном государстве, готовность предпринимать ради этого самые радикальные организационные меры, а также приоритизации знания фундаментального в противовес специализированному профессиональному составляют существенную особенность фихтевского проекта. Обращает на себя внимание роль, которую Фихте отводит университету в системе государства и в целом его понимание роли ученых в государстве. Опираясь на традицию, восходящую к Платону, он наделяет ученых, прежде всего, конечно, философов, главным статусом в системе государственной власти. Таким образом, социальная роль университета выводится на уровень важнейшей государственной задачи. Анализ проекта Фихте позволяет увидеть многообразие идей и смыслов, которые сопровождали рождение идеи современного исследовательского университета.

Список литературы

1. Иваненко 2017 – Иваненко А. А. И. Г. Фихте об университетском образовании // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. № 4. С. 456–464.
2. Касавин 2021 – Касавин И. Т. Университет Гумбольдта и его альтернативы в условиях рыночной науки // Вопросы философии. 2021. № 3. С. 41–46.
3. Паульсен 1904 – Паульсен Ф. Немецкие университеты. СПб., 1904. 413 с.
4. Фишер 2004 – Фишер К. История новой философии. Шестой том. Жизнь, сочинения, учение. СПб.: РХГИ, 2004. 724 с.
5. Böger 2001 – Böger I. “Ein seculum … da man zu Societäten Lust hat”. Darstellung und Analyse der Leibnizschen Sozietätspläne vor dem Hintergrund der europäischen Akademiebewegung im 17. und frühen 18 Jahrhundert. München, 2 Aufage. Herbert Utz Verlag, 2001. 728 s.
6. Fichte 1960a – Fichte J. G. Brief an Beyme vom 19. 9. 1807 aus Berlin. // Idee und Wirklichkeit einer Universität: Dokumente zur Geschichte der Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin. Ed. by Wilhelm Weischedel, Wolfgang Müller-Lauter and Michael Theunissen. Berlin, Boston: De Gruyter, 1960. P. 28-29.
7. Fichte 1960б – Fichte J.G. Deduzierter Plan einer zu Berlin zu errichtenden höhern Lehranstalt, die in gehöriger Verbindung mit einer Akademie der Wissenschaften stehe. 1807 // Idee und Wirklichkeit einer Universität: Dokumente zur Geschichte der Friedrich-

Wilhelms-Universität zu Berlin. Ed. by Wilhelm Weischedel, Wolfgang Müller-Lauter and Michael Theunissen. Berlin, Boston: De Gruyter, 1960. P. 30-105.
8. Ornstein 1928 – Ornstein M. The role of scientific societies in the seventeenth century. Chicago: University of Chicago Press, 1928. 308 p.
9. Tenorth 2018 – Tenorth H.-E. Wilhelm von Humboldt. Bildungspolitik und Universitäts-reform. Paderborn Schöningh, 2018. 262 s.
10. von Beyme 1960 – von Beyme K. F. Brief an Johann Gottlieb Fichte vom 5. 9. 1807 aus Memel // Idee und Wirklichkeit einer Universität: Dokumente zur Geschichte der Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin. Ed. by Wilhelm Weischedel, Wolfgang Müller-Lauter and Michael Theunissen. Berlin, Boston: De Gruyter, 1960. P. 28-28.

УДК 94(47).072

РОССИЙСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ НАЧАЛА XIX ВЕКА В ОТЧЕТАХ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Грачева Юлия Евгеньевна
доктор исторических наук
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
доцент кафедры Истории России Историко-филологического факультета
E-mail: g.yuliya@mail.ru

Аннотация: Объектом исследования является представление о российских университетах начала XIX века, которое отразилось во всеподданнейших отчетах министра народного просвещения. Каждый министерский отчет включал в себя подробный доклад министра императору, а также значительное число различных ведомостей, иллюстрирующих основные направления деятельности высшей школы за прошедший год. Главной целью отчета было показать императору Александру I успешность образовательной реформы, которая выражалась в увеличении числа студентов, выпускников, получивших ученые степени, улучшении оснащения вспомогательных учреждений университетов, постройке новых зданий для высшей школы, рациональном расходовании денежных средств, выделяемых из казны.

Ключевые слова: университет, министерство народного просвещения, всеподданнейшие отчеты, попечитель, гр. П.В. Завадовский.

RUSSIAN UNIVERSITIES OF THE EARLY 19TH CENTURY IN THE REPORTS OF THE MINISTRY OF PUBLIC EDUCATION

Yulia Evgenievna Gracheva
Doctor of Historical Sciences
St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Associate Professor of the Department of Russian History, Faculty of History and Philology

Abstract: The object of this study is the perception of Russian universities in the early 19th century, as reflected in the most sublime reports of the Minister of Public Education. Each ministerial

report included a detailed report from the Minister to the Emperor, as well as a significant number of various reports illustrating the main areas of activity of the higher school over the past year. The main goal of the report was to demonstrate to Emperor Alexander I the success of the educational reform, which resulted in an increase in the number of students and graduates receiving academic degrees, improved equipment for university auxiliary institutions, the construction of new buildings for higher education, and the rational use of public funds.

Keywords: University, Ministry of Public Education, yearly reports to His Imperial Majesty, Trustee, P.V. Zavadovsky.

Каждый министр, согласно Манифесту об учреждении министерств, подписанному императором Александром I 8 сентября 1802 г., должен был в конце года подавать на Высочайшее имя через Правительствующий Сенат письменный отчет об управлении всех вверенных ему частей. «Отчет сей должен изображен быть так, чтобы можно было в нем видеть, какое употребление сделано из денег, отпущенных на годичное сих частей содержание, какие успехи каждая из них имела, в каком положении все они находятся и чего в будущие времена от них ожидать можно» [Манифест об учреждении министерств, с. 247]. Таким образом, в регулярных отчетах министра отражалась вся основная деятельность министерства за прошедший год.

Основным источником сведений о состоянии российских университетов для составления всеподданнейшего отчета министра народного просвещения являлись документы, присылаемые в Петербург попечителями учебных округов. В первую очередь, они сообщали о выборах ректора, факультетских деканов, непременного заседателя, об утверждении ординарных и экстраординарных профессоров и адъюнктов, избрании заслуженных профессоров, почетных членов и корреспондентов. Также приводилась информация о составе и деятельности университетского Совета, Правления, Училищного комитета, давалась краткая характеристика решений университетского суда. Обязательно приводились данные о количестве зачисленных и окончивших обучение студентов, преподавателях, подготовленных в Педагогическом институте, лицах, получивших ученые степени. Вся информация, присылаемая из университетских центров, поступала в распоряжение директора департамента министерства И.И. Мартынова, которому было поручено готовить черновик отчета. Текст подлинника отчета, собственноручно отредактированный министром народного просвещения, направлялся в Сенат, поскольку именно этому правительственному учреждению император поручил рассмотрение министерских документов. Первый министр гр. П.В. Завадовский представил всеподданнейшие отчеты по вверенному ему министерству за 1802–1807 гг. [РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 71–76; Ф. 1162. Оп. 9. Д. 30–32], документы за 1808 и 1809 гг. в департаменте начали готовить незадолго до отставки первого министра и законченный вид они не получили. Его преемники, гр. А.К. Разумовский и кн. А.Н. Голицын, продолжая все время своего пребывания в должности (1810–1816 и 1816–1824) регулярно получать информацию о состоянии университетов и других учебных заведениях от попечителей, не подали ни одного всеподданнейшего отчета.

Каждый университет обеспечивался определенным государственным финансированием. На содержание уже существующего Московского, а также планируемых к открытию Харьковского, Казанского и Санкт-Петербургского университетов из казны выделялось по 130 тыс. руб. Штатное содержание Виленского университета, поступавшее из поиезуитских доходов, составляло 105 тыс. руб. серебром. Помимо этой суммы университету были обещаны дополнительные земельные и финансовые средства из того же источника. Дерптский

университет получил на свое содержание значительное количество казенной земли, но в связи с нестабильным доходом от сдачи этих земель в аренду, уже в 1806 г. император позволил заменить земельные наделы финансированием из бюджета. Таким образом государство тратило на развитие высших школ в стране внушительную сумму и, естественно, хотело видеть успешные результаты этих вложений. Отчеты министра и должны были ежегодно показывать эти «успехи». Вся указанная информация подтверждалась отдельными ведомостями, составлявшими обязательную часть каждого министерского документа.

Университетский устав, разработка которого пришлась на 1803–1804 гг., определил количество кафедр в каждом университете и, соответственно, необходимое число профессорских вакансий. Но даже Московскому университету, который в 1805 г. отметил 50-летие со дня своего основания, «многих профессоров недоставало, чтоб довести его до такой степени совершенства, на какой предположено поставить сии заведения в общем плане оных». Министр ежегодно отмечал – сколько и на какие кафедры были приглашены профессора и адъюнкты, какое количество выпускников получили докторские, кандидатские и магистерские степени и по каким конкретно наукам, а также показывал рост числа студентов, слушающих лекции в университете.

Каждый университет, согласно уставу, должен был иметь библиотеку, кабинет естественной истории, астрономическую обсерваторию, физический кабинет, химическую лабораторию, анатомический театр для проведения практических занятий по анатомии, три института: клинический, хирургический и повивального искусства, а также ботанический сад. Проще всего было показать улучшение состояния библиотеки – ежегодно во все высшие школы поступало значительное количество как уже изданных книг, так новых сочинений, знакомиться с которыми имели право не только члены университетской корпорации, но и «публика, которая много оной пользуется». [Всеподданнейший отчет 1804, л. 26]. Существенную поддержку университеты получали от благотворителей, которые жертвовали на учебные заведения собрания книг, драгоценных камней, редких монет и медалей, коллекции минералов, инструменты, необходимые для занятий. Случались и «неожиданные» поступления: в 1806 г. Виленский университет умножил свое собрание медалей с помощью найденных «в фундаменте старого дома 600 древних серебряных монет» [Всеподданнейший отчет 1806, л. 25 об.]. Постепенно шло оснащение остальных вспомогательных учреждений: закупались физические орудия, инструменты для химической лаборатории, приборы для обсерватории, однако министр не мог не отметить, что ограниченность в денежных средствах, определяемых штатом университета на эти нужды, тормозило их наполнение. Для открытия же анатомического театра, а также всех медицинских институтов требовались специальные помещения, приобрести которые получилось далеко не сразу. Так, в Виленском университете «по недостатку способов в 1806 г. не было еще ни хирургической, ни повивальной клиники; однакоже профессор повивания преподавал практические лекции в гласной больнице св. Иакова» [Всеподданнейший отчет 1806, л. 25], а в Дерптском университете «хирургический клинический институт не мог быть открыт еще по недавнему определению профессора хирургии, и потому что студенты не имели еще нужных предварительных по сей части познаний» [Всеподданнейший отчет 1804, л. 26]. Приобретение здания для анатомического театра в Харькове столкнулось с значительными сложностями в связи с тем, что «старания университета о приобретении онаго покупкою или наймом» остались безуспешны, «поелику никто из жителей не желая иметь в соседстве таковаго заведения, которое для тамошнего края слишком ново, не соглашался уступить для него своих покоев» [Всеподданнейший отчет 1805, л. 57–57 об.]. Трудности были и в Москве: купленный в 1805 г. ботанический сад «находился

в таком запущении и беспорядке, что в течении сего года университетское местное начальство едва успело сделать некоторые приготовления к приведению его в полезнейшее состояние» [Всеподданнейший отчет 1805, л. 18]. Сложнее всего в начале XIX века шло оснащение Казанского университета, но и там отмечалось постепенное увеличение книг, ландкарт, атласов, приборов и иных необходимых принадлежностей для университетских занятий [Всеподданнейший отчет 1807, л. 27 об.].

Особое финансирование Виленского университета требовало от Правления университета обращать пристальное внимание на его хозяйственную часть. Завадовский всегда подчеркивал, что «особенный предмет занятий университета составляло рассмотрение табелей о хозяйственном состоянии духовных бенефиций, представленных университету и об имениях и капиталах, принадлежащих эдукационному фундушу» [Всеподданнейший отчет 1806, л. 23]. Отдельно отчитываться о темпах постройки университетских зданий приходилось министру и при описании состояния Дерптского университета, поскольку на строительство его помещений императором была выделена значительная сверхштатная сумма.

Таким образом, всеподданнейшие отчеты представляли собой наглядную картину успехов в сфере народного просвещения, о которых министр ежегодно докладывал императору и которая должна была в письменном виде зафиксировать необходимость значительных финансовых затрат, определенных в начале XIX века на высшие учебные заведения. И уже через несколько лет после начала образовательной реформы, Завадовский смог лично продемонстрировать эти успехи. В отчете за 1807 г. при описании состояния Педагогического института в Санкт-Петербурге, который считался отделением «имеющего быть в Санкт-Петербурге университета», министр подчеркнул, что «по окончании открытого испытания Ваше Императорское Величество благоволили осчастливить Институт сей Высочайшим своим присутствием, с милостивым снисхождением изволили слушать преподавание студентами наук, и после осмотра библиотеки и ученых кабинетов, найдя оные в желаемом порядке, изъявили особенную свою признательность начальству сего заведения» [Всеподданнейший отчет 1807, л. 29 об.].

Список источников

1. Всеподданнейший отчет по министерству народного просвещения за 1802 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 71.
2. Всеподданнейший отчет по министерству народного просвещения за 1803 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 72.
3. Всеподданнейший отчет по министерству народного просвещения за 1804 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 73.
4. Всеподданнейший отчет по министерству народного просвещения за 1805 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 74.
5. Всеподданнейший отчет по министерству народного просвещения за 1806 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 75.
6. Всеподданнейший отчет по министерству народного просвещения за 1807 г. // РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 76.
7. Манифест об учреждении министерств. 8 сентября 1802 г. // ПСЗ. Т. 27. № 20.406.

УДК 378.12+001 «18»

ПРОФЕССОРА В УНИВЕРСИТЕТАХ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА: МЕЖДУ СЛУЖБОЙ И НАУКОЙ

Жарова Екатерина Юрьевна
Доктор исторических наук
Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, старший научный сотрудник
E-mail: zharova_ekaterina@bk.ru

Аннотация: Статья посвящена трансформации роли университетского профессора в Российской империи в первой трети XIX века. В центре внимания – противоречие между формальным статусом профессора как государственного служащего и его реальной научной деятельностью. Несмотря на такие понятия как «учёное сословие» и «корпорация», российские профессора были прежде всего чиновниками от образования, обязанности которых регламентировались уставами 1804 и 1835 годов. Оба устава детально прописывали образовательную и воспитательную функции, но практически не затрагивали научную: от профессора требовалось лишь «знать об успехах наук», но не заниматься исследованиями. Типичный преподаватель того времени – иностранец или выпускник российского университета – после защиты докторской диссертации редко продолжал активную научную работу, занимаясь переводами, составлением речей или административной рутиной (отчеты, переписка, заведование коллекциями). Отсутствие лабораторий, библиотек и средств на ученые путешествия также сдерживало развитие исследований. Государство целенаправленно конструировало профессора как преподавателя и воспитателя, а не как ученого, и вопрос о необходимости регламентации научной деятельности остается дискуссионным в силу общего уровня развития науки и бюрократической логики того времени.

Ключевые слова: университеты, Российская империя, профессура, профессионализация, научная деятельность, корпорация

PROFESSORS IN RUSSIAN UNIVERSITIES IN THE FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURY: BETWEEN SERVICE AND SCIENCE

Zharova Ekaterina Yurievna
St.-Petersburg branch of Institute for the History of Science and Technology RAS, Senior Researcher

Abstract: The article examines the transformation of the university professor's role in the Russian Empire during the first third of the 19th century. The focus is on the contradiction between the professor's formal status as a civil servant and his actual research activity. The author demonstrates that, despite the legally established concepts of the "learned estate" and "corporation," Russian professors were primarily educational officials whose duties were regulated by the University Statutes of 1804 and 1835. Both statutes meticulously prescribed teaching and upbringing functions but virtually ignored research: professors were only required to "be aware of the progress of sciences", not to conduct original research. The author concludes that the typical professor – whether a foreigner or a graduate of a Russian university – rarely engaged in active research after defending his doctoral dissertation, preferring translation work, writing ceremonial speeches, or administrative routine

(reports, correspondence, curating collections). The lack of laboratories, libraries, and funding for academic travel further hindered research. The author argues that the state deliberately constructed the professor as a teacher and educator, not as a researcher, and the question of whether research activity needed formal regulation remains debatable, given both the general level of scientific development and the bureaucratic logic of the era.

Keywords: universities, the Russian Empire, professoriate, professionalization, research activity, corporation

Профессионализация в университетской среде не была новым явлением в XIX веке. Появление профессионального преподавателя, переход от формы образования «учитель, окруженный учениками» к форме образования «корпорация студентов и преподавателей» состоялся еще в средневековом университете [Бэн-Давид 2014, с. 105]. Однако для Российской империи это было новым, подобно новым структурам – Академии наук и, позднее, университетам. В Российской империи концепт, передающий суть «группообразования университетских людей» [Вишленкова, Савельева 2013, с. 7], лучше передается понятием «ученое сословие», которое употреблялось в законодательных и официальных документах того времени. Несмотря на использование дефиниции «корпорация» следует помнить, что российские профессора были государственными служащими, которые имели не только права, но и обязанности. Современные исследования рассматривают профессоров в их условном единении, как социально-профессиональную группу, связанную определенным образом жизни [Вишленкова, Галиуллина, Ильина 2012; Корзун 2016; Ростовцев 2017; Андреев 2021; Грибовский 2025], поэтому они описывают эволюцию различных ролей профессоров в тот или иной период времени, частично касаясь и основной роли преподавателя. Однако нас интересует роль профессора не как государственного служащего, не как преподавателя, а как ученого и ее трансформация в первой трети XIX века.

Первые профессора в Российской империи – это ученые Академии наук, которые преподавали в Академическом университете. Затем – профессора Московского университета, основанного в 1755 году. Во второй половине XVIII века появились атрибуты профессии университетского преподавателя, связанные с ее положением среди чиновников, в первую очередь, чин по Табели о рангах. Конец XVIII века отмечен другим атрибутом – появлением возможности принимать в корпорацию новых членов путем присуждения ученых степеней сначала магистра, а затем доктора. В этот период «особенностью преподавательской службы являлось существование двух независимых друг от друга иерархических систем, регулировавших деятельность профессоров: лестницы чинов и ученых степеней» [Сердюцкая 2008, с. 106]. Однако эти атрибуты, как и возможность участвовать в управлении университетом, будучи членом Конференции, были, скорее, внешними признаками профессии, нежели наполняли ее суть изнутри. Внутренняя же часть профессии складывалась из обязанностей профессоров, образно говоря, триады – образования, воспитания и науки.

Учитывая то, что основным занятием профессоров все же оставалась преподавательская деятельность, неудивительно, что никаких обязанностей, касавшихся научной деятельности, в договорах не было. Не было их и в уставе 1804 года, который по пунктам перечислял в чем состоит «главная должность профессорская»: 1) Преподавать курсы лучшим и понятнейшим образом, и соединять теорию с практикою во всех науках, в которых сие нужно; 2) Преподавая наставления, пополнять курсы свои новыми открытиями, учиненными в других странах Европы; 3) Присутствовать в заседаниях и при испытаниях; 4) Руководствуя Адъюнктов, подавать им способ достигать высшего степени совершенства» [ПСЗ РИ. Т. XXVIII (1804), с.

574]. Таким образом, в уставе наиболее детально была прописана образовательная функция. Научная функция упоминалась только в связи с необходимостью быть в курсе последних научных открытий, т.е. профессорам вовсе необязательно было заниматься научными исследованиями самостоятельно. Впрочем, мало кто из профессоров первой четверти XIX века ими действительно занимался.

Анализ биографий профессоров первой четверти XIX века создает следующий усредненный портрет: это иностранец, который плохо говорит или вообще не говорит на русском и занимается скорее написанием речей для торжественных собраний, чем научными исследованиями. Среди подготовленных уже в российских университетах магистров и даже докторов, которые занимали кафедры в 1820–30-е годы, этот вид «научной» деятельности был не менее популярен, чем среди иностранцев. Тут не следует винить самих профессоров, это было общее направление развития науки в то время. За некоторым исключением главным и основным трудом жизни оставалась докторская диссертация, после написания которой профессора могли вообще ничего не опубликовать, однако это не мешало им заниматься, например, сбором коллекций или переводом учебников.

После принятия устава 1835 г. появилось требование об обязательном наличии докторской степени для занятия должности профессора [ПСЗ РИ. Т. X (1835), с. 847]. Этот устав несколько модифицировал обязанности профессора, должность которого заключалась «1) в полном, правильном и благонамеренном преподавании своего предмета, 2) в точном и достоверном сведении о ходе и успехах наук, им преподаваемых, в ученом мире, и 3) в заседаниях в Совете, Факультетских собраниях и Правлении, смотря по назначению каждого» [ПСЗ РИ. Т. X (1835), с. 848]. Таким образом, из обязанностей профессоров исчез пункт о руководстве адъюнктами, а правильное и благонамеренное преподавание оказалось важнее соединения теории с практикой. Помимо должностных обязанностей устав регламентировал количество часов: в неделю профессор должен был преподавать не менее восьми часов. Чуть позже появились программы преподавания, согласно которым профессора должны были преподавать свой предмет. Ни устав 1804 года, ни устав 1835 года не вменял в обязанности профессора заниматься наукой. Им полагалось только знать об успехах наук. Остается риторическим вопрос, а нужно ли было регламентировать какое-то определенное количество часов для научных исследований или можно было оставить это на усмотрение профессора, ведь университет учреждался «для преподавания наук», согласно уставу 1804 года, а устав 1835 года предполагал деятельность университетов «на существенную пользу наук и публичного воспитания».

На наш взгляд, оставление за скобками регламентации научных исследований в университетах являлось естественным, ведь их регламентировать было бы, по меньшей мере, странно даже для Николая I. Точно определить обязанности профессоров и их образовательную функцию «для пользы» воспитания как раз было более понятным с точки зрения бюрократии. До появления эффективных контрактов оставалось еще не менее 170 лет. Поэтому профессора занимались научной деятельностью исключительно в рамках своих желаний. Что касается естественников, то случаи были очень разными, начиная от полного бездействия после занятия должности, переводческой деятельности, занятия другой отраслью наук до успешных исследований в своей области. Профессор первой трети XIX века был в большей степени чиновником от образования и преподавателем, чем исследователем. Хотя профессора того времени и были гораздо меньше вовлечены в привычную нам бюрократическую работу, они занимались своей рутиной, например, писали отчеты о деятельности учебно-вспомогательных учреждений, которые они всегда возглавляли. Именно

на них лежала ответственность за сохранность коллекций, приборов и аппаратов, заказ требующихся реактивов, книг или других материалов. Они постоянно находились в переписке с вышестоящим начальством по разным поводам. При этом они обладали меньшими возможностями в отношении свободы передвижения: о своих планах на вакации они должны были сообщать университетскому начальству. Университетское начальство, в свою очередь, имело свои планы, например, участие в ревизии учебных заведений округа или присутствие на экзаменах в гимназиях. Учитывая особенности работы ученого первой трети XIX века, становится понятно, почему профессора предпочитали заниматься издательской и переводческой деятельностью чаще, чем собственно исследованиями. Для качественных исследований в естественных науках требовалось наличие либо лаборатории, либо средств на ученые путешествия. Для гуманитарных наук требовалась хорошая библиотека. Конечно, нельзя сказать, что научная база являлась единственным фактором развития наук и углубления профессионализации, но безусловно она была определяющим. Возможно, кто-то начал заниматься геологией не потому, что это было перспективно, а потому, что иных возможностей в отдельно взятом университете не существовало.

То есть, в первой трети XIX века профессора имели четкую регламентацию в отношении образовательной и воспитательной функции, но не в отношении научной. Здесь они были обязаны только быть в курсе последних научных открытий. Можно ли было (и, главное, нужно ли было) регламентировать их научную деятельность, остается дискуссионным. Уровень развития науки и научной базы того времени позволял только определенный уровень научных исследований. Да и профессор был в большей степени чиновником от образования, а не ученым. Именно такую функцию для него предусматривало государство в отношении воспитания образованных людей, а не развития науки. То, что можно было делать два дела одновременно, ни министру народного просвещения, ни императору не было очевидно.

Список литературы и источников

1. Андреев 2021 – Андреев А.Ю. Статистическое исследование университетской профессуры в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. № 1. С. 19-43.
2. Бэн-Давид 2014 – Бэн-Давид Д. Роль ученого в обществе. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 430 с.
3. Вишленкова, Галиуллина, Ильина 2012 – Вишленкова Е.А., Галиуллина Р.Х., Ильина К.А. Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 650 с.
4. Вишленкова, Савельева 2013 – Вишленкова Е.А., Савельева И.М. Университетские сообщества как объект и субъект описания // Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов: коллективная монография / Под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. С. 7-23.
5. Грибовский 2025 – Грибовский М.В. Научное сообщество, власть и предпринимательство в России второй половины XIX – начала XX в.: «тройная спираль» по-позднеимперски // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 520. С. 133-142.
6. Корзун 2016 – Корзун В.П. Профессор в Российской империи: изменение статусов и функций (историографический аспект) // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Сборник научных трудов памяти А.В. Ремнева. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2016. С. 378-388.

7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 28 (1804–1805). № 21.

8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 10 (1835). № 8337.

9. Ростовцев 2017 – Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 903 с.

10. Сердюцкая 2008 – Сердюцкая О.В. Преподавательская служба в Российской империи второй половины XVIII в. // Вопросы истории. 2008. № 10. С. 99-113.

УДК 378.1:001.89

«ПЕРЕДНИЙ КРАЙ НАУКИ - СТИХИЯ ФИЗТЕХА»: КАК ФОРМИРОВАЛСЯ ПРИОРИТЕТ НИР В СОВЕТСКОМ ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Антощук Ирина Александровна
PhD in Cultural Sociology
Московский физико-технический институт, старший научный сотрудник, доцент
E-mail: irinantoschyuk@gmail.com

Аннотация: В советский период вузы выполняли прежде всего образовательные функции, а научной деятельности отводилась второстепенная роль. Хотя в 1960-1970-е гг. повышается внимание государства к научной работе, появляются инициативы по обеспечению количественного и качественного роста науки в высшей школе, ее развитие остается недостаточно изученным. В своем докладе я фокусируюсь на МФТИ как на особой институциональной модели, обеспечивающей интеграцию образования и науки на основе тесного сотрудничества вуза с научно-исследовательскими институтами. В 1960-1980-е гг. МФТИ динамично развивался: увеличилось количество студентов, корпусов, базовых кафедр, организовывались наборы студентов в других городах, повысился статус Физтеха. Каким образом менялась значимость научно-исследовательской работы (НИР) в эти годы? Стала ли НИР стала одним из ключевых приоритетов института и каким образом? Я отвечаю на эти вопросы, анализируя материалы архива МФТИ и Музея МФТИ, архива партийной и комсомольской организации, цифрового архива газеты «За науку» и отдельные воспоминания. Результаты: в 1960-1980-е гг. происходит значительный рост НИР внутри МФТИ и доходов от хоздоговорных работ, усиливается внимание к НИР со стороны руководства института, предпринимаются серьезные усилия для развития аспирантуры. Репутация вуза выстраивается на основе причастности к передовой науке, за счет связи с ведущими НИИ как базовыми организациями и успешной академической карьере выпускников. Таким образом, НИР устанавливается в качестве одного из центральных приоритетов организационной жизни института, способствуя формированию имиджа МФТИ как одного из ведущих вузов страны.

Ключевые слова: вузовская наука, научно-исследовательская работа, система Физтеха.

"THE CUTTING EDGE OF SCIENCE - THE NATURE OF PHYSTECH" - HOW RESEARCH BECAME A PRIORITY IN A SOVIET TECHNICAL UNIVERSITY

Irina Alexandrovna Antoshchuk
Moscow Institute of Physics and Technology (MIPT)
Senior Research Fellow, Associate Professor

Abstract: During the Soviet era universities fulfilled primarily an educational function, with scientific activity often playing a secondary role. Although the 1960s and 1970s witnessed an increased state attention to scientific work, including initiatives aimed at ensuring the quantitative and qualitative growth of research within higher education institutions, it remains not sufficiently explored. In this presentation, I focus on MIPT (Phystech) as an institutional model that enabled the integration of education and science on the basis of tight collaboration with external research institutes. In 1960-1980s MIPT underwent a dynamic growth: increased student enrollment, new academic buildings, greater number of "base departments" at research institutes), student recruitment in other cities (such as Kyiv and Vladivostok), enhanced institutional status. How did the significance of scientific research evolve during these years? Has research became one of the institute's key priorities, and due to what factors? I address these questions by analyzing materials from the MIPT archives, the MIPT Museum archives, and the archives of the Party and Komsomol organizations, as well as the digital archives of the “Za Nauku” newspaper. The results indicate that during the 1960-1980s we observe the growth of scientific research in MIPT as well as the revenue generated from contract-based research projects. There was a heightened institutional focus on research: mandatory component of both departmental and annual reports, significant efforts in expanding postgraduate programs. Furthermore, the university’s reputation was enhanced by its deep engagement with cutting-edge science enabled by its ties to leading research institutes and by successful academic careers of its alumni. Thus, scientific research was established as one of the central priorities of the institute's organizational life, thereby contributing to the shaping of MIPT’s image as one of the country’s leading higher education institutions.

Keywords: university science, scientific research, the Phystech system.

Система Физтеха считается успешной моделью советского высшего образования, обеспечивающей «реальную интеграцию науки и образования» [Физтеховский прорыв 2005, с. 52] на основе тесного взаимодействия с академическими и отраслевыми научно-исследовательскими институтами, конструкторскими бюро. 1960–1980-е гг. стали периодом укрепления, признания и распространения системы Физтеха: в МФТИ увеличился прием студентов от 149 чел. в 1947 г. [Карлов 2008, с. 203] до 700 чел. в 1976 г. [ЦГАМ. Ф. П-6095. Оп. 1. Д. 42. Л. 25], расширилось сотрудничество с базовыми организациями [Физтеховский прорыв 2005 с. 52-57], , в т.ч. в других регионах – в Киеве, Владивостоке, на Урале, модель была одобрена Президиумом Академии наук СССР (1970) [Там же, с. 58-62], был реализован ее трансфер модели в Сибирь (НГУ). Каким образом менялось отношение и значимость научно-исследовательской работы (НИР) в эти годы? Можно ли утверждать, что НИР стала одним из ключевых приоритетов института? Я отвечаю на эти вопросы, анализируя материалы архива МФТИ и архива Музея МФТИ, архива партийной и комсомольской организации (1962–1988гг.), а также цифрового архива газеты «За науку» (1958–1990) и отдельные воспоминания.

Система Физтеха изначально строилась на идее подготовки высококвалифицированных ученых и инженеров «в тесной связи с ведущими научными работниками и научно-исследовательскими институтами» [Карлов 2006, с. 10]. Эти принципы реализовались еще на физико-техническом факультете МГУ с 1947 г.: представители базовых организаций вошли в

Совет факультета и стали его профессорами [Там же, с. 20-21], а студенты уже со второго курса «ходили работать в базовые институты» [Я – физтех 1996, с. 22], изучая специальные дисциплины и вовлекаясь в научную работу. В 1951 г. появился МФТИ как отдельный вуз, но ключевой особенностью осталась базовая кафедра как форма интеграции научно-исследовательской работы в образовательный процесс. Базовые кафедры обычно территориально располагались в базовых организациях и состояли из преподавателей-совместителей, которые вели специальные курсы, курировали НИРС, выступали научными руководителями дипломных работ. Хотя отношения МФТИ с базами сопровождались конкуренцией за аспирантов, соперничеством институтских и базовых кафедр и подчас взаимным недовольством [Ильин 2026], базовые кафедры оставались продуктивной организационной формой, которая тиражировалась и способствовала экспансии МФТИ, расширяясь на новые специальности, НИИ, регионы.

Ассоциация с базовыми институтами поднимала престиж МФТИ и позволяла позиционировать себя ведущим вузом, который готовит ученых для «новейших направлений современной науки и техники» [«За науку» 1983, №4]. Репутационная связь МФТИ с ведущими НИИ способствовала развитию представления о центральности науки внутри вуза. Сложилась практика публичной репрезентации института и его подразделений через причастность науке. Факультеты и кафедры декларировали, что нацелены на подготовку «человека науки», а проректор по научной работе видел миссию МФТИ в создании «качественно новой производительной научной силы» [ЦГАМ. Ф. П-6095. Оп. 1. Д. 60. Л. 97]. Академические успехи выпускников представлялись неоспоримым доказательством «преимущества системы физтеха» [«За науку» 1983, №19] и основой «высокого авторитета» института. Часто отмечалось, что «подавляющее большинство (90%)» выпускников реализовали себя в различных областях «науки и техники» [«За науку» 1967, №17–18], «каждый третий» выпускник 1966–1969 гг. защитил кандидатскую диссертацию, а многие из них стали «руководителями НИИ и КБ, научных комплексов, секторов и отделов» [ЦГАМ. Ф. П-6095. Оп. 1. Д. 33. Л. 21].

В 1960–1980-х гг. МФТИ развивал научную работу в рамках институтских кафедр и лабораторий. Уже в начале 1960-х гг. институт ставил целью «расширение научных исследований по качеству и количеству госбюджетных и хоздоговорных тем» [Архив МФТИ. Протоколы заседаний Ученого совета. 1961. Л. 5]. За 1968–1970 гг. объем хоздоговорных работ вырос в 3 раза, а доля штатных преподавателей, выполняющих НИР, составила 90% [ЦГАМ. Ф. П-6095. Оп. 1. Д. 33. Л. 7.]. С начала 1970-х гг. проректор по научной работе выступал заметной фигурой на партийных собраниях [«За науку» 1972, №35], а НИР составляла непременную часть социалистических обязательств, подлежащих контролю и отчетности. Устанавливались планы на проведение конференций и конкурсов, на количество публикаций, диссертаций, изобретений. Постепенно обязательства расширялись и росли плановые показатели: от 140 публикаций (1972) до 278 (1985), от 8 заявок на изобретения (1977) до 35 (1980) [«За науку» 1972, №4; 1977, №5; 1980, №6; 1985, №7]. Увеличивался объем хоздоговорных исследований: если за 8-ю пятилетку (1966–1970гг.) он составил 2,7 млн. руб., за 9-ю (1971–1975гг.) – 7,5 млн. руб. [«За науку» 1976, №25], то за один 1980г. выполнили работ на 2,4 млн. руб. [«За науку» 1980, №38]

Учебные лаборатории становились базами для «серьезной научно-исследовательской работы» [«За науку» 1980, №37]. Институтские кафедры стремились обеспечить «возможно более широкое вовлечение» студентов [Архив МФТИ. Протоколы заседаний Ученого совета. 1961. Л. 2] как «исполнителей» и «научных сотрудников» [«Некоторые замечания по

организации учебного процесса 1959–62» 1978. Л. 6]. Многие кафедры выполняли функции выпускающих: они принимали студентов на «спецпрактику», руководили дипломниками и трудоустраивали выпускников [Там же]. Для признания и легитимации своей роли как альтернативы базовым кафедрам, они позиционировали подготовку студентов внутри института как «одну из форм» реализации «обучения в производственных условиях» [Там же. Л. 8].

В этот период руководство института заботилось о развитии аспирантуры. В 1967 году МФТИ вел подготовку по почти 60 специальностям [«За науку» 1967, №30]. За 1967–1969 гг. аспирантуру закончили 621 чел. [ЦГАМ. Ф. П-6095. Оп. 1. Д. 33. Л.22). За 1952–1977 гг. количество подготовленных кандидатов наук составило более 1500 чел. [«За науку» 1978, №1]. Постепенно повышался процент подготовленных диссертаций: около 80% на 1980 г. [«За науку» 1981, №8] и около 53% защит [«За науку» 1980, №5]. Аспиранты воспринимались как «большая сила» [Архив МФТИ. Протоколы заседаний Уч. совета. 1964. Л.3], а достижения аспирантуры к концу 1970-х гг. виделись серьезным завоеванием [«За науку» 1978, №1]. Институт гордился ее целевым характером и преобладающим распределением выпускников в базовые институты (около 70%) [Там же]. Однако институтские кафедры также рекрутировали себе кадры из аспирантов. Например, в 1966 г. 19,6% преподавателей кафедры высшей математики составляли выпускники аспирантуры МФТИ [«Некоторые замечания по организации учебного процесса 1959-62» 1978. Л. 4]. Состав штатных преподавателей кафедры радиотехники в 1966 г. на 50% состоял из выпускников аспирантуры [Там же].

Таким образом, в 1960–1980-е гг. МФТИ наращивает объем выполняемых исследований, в том числе привлекая студентов в научной работе и развивая собственную аспирантуру. В институте устанавливается устойчивая ориентация на научную деятельность, уделяется повышенное внимание показателям НИР, закрепляется видение себя через причастность передовым областям науки. В результате НИР устанавливается в качестве одного из центральных приоритетов организационной жизни института, способствуя формированию имиджа МФТИ как одного из ведущих вузов страны.

Список литературы и источников

1. Архив Музея МФТИ. «Некоторые замечания об организации учебного процесса (1959–1962)». МФТИ, 1978.
2. Архив МФТИ. Протоколы заседаний Ученого совета. 1961.
3. Архив МФТИ. Протоколы заседаний Ученого совета. 1964
4. Газета «За науку»; 1967, №17-18; 1967, №30; 1972, №35; 1972, №4; 1976, №25; 1977, №5; 1978, №1; 1980, №37; 1980, №38; 1980, №5; 1980, №6; 1981, №8; 1983, №19; 1983, №4; 1985, №7.
5. Ильин 2026 – Ильин А.А. Союз образования и науки в СССР: Московский физико-технический институт и его базовые организации, 1951–1991 // Гуманитарные науки в Сибири. 2026 (в печати)
6. Карлов 2008 – Карлов Н.В. Книга о Московском Физтехе. М.: Физматлит, 2008. 600 с.
7. Карлов 2006 – Карлов Н.В. Шершавым языком приказа. Физтех. Архивные документы 1938–1952. М.: ЦГО МФТИ, 2006. 136 с.
8. Физтеховский прорыв – угол атаки: к 80-летию академика О.М. Белоцерковского / под ред. Н.А. Носова, Л.П. Скороваровой. М.: Наука, 2005. 400 с.
9. ЦГАМ. Ф. П-6095. Оп. 1. Д. 33.

10. ЦГАМ. Ф. П-6095. Оп. 1. Д. 42.
11. ЦГАМ. Ф. П-6095. Оп. 1. Д. 60.
12. Я – физтех: (книга очерков) / сост. Карлов Н.В., Скороварова Л.П., Симонова Н.Ф. М.: ЦентрКом, 1996. 768 с.

УДК 378.4:304.2

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ: ПОДГОТОВКА НАУЧНЫХ КАДРОВ В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Петров Владимир Валерьевич
Доктор философских наук, доцент
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
доцент кафедры социальной философии,
заместитель директора Института философии и права;
Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук,
старший научный сотрудник,
E-mail: vvpetrov@mail.nsu.ru

Аннотация: Показано, что в XXI веке в рамках общемировой тенденции произошла смена вектора развития отечественного университетского образования. Ориентация на прагматизм привела не только к утрате основных принципов производства и трансляции фундаментального знания, но и к трансформации идеи университета. Обосновано, что для сохранения и развития российского научно-образовательного потенциала необходим поиск новой модели университета, позволяющей сохранить его доминирующую идею и сформировать ответ на постглобализационные вызовы. В работе представлен краткий аналитический обзор траекторий трудоустройства выпускников Новосибирского национального исследовательского государственного университета, концептуально ориентированного на формирование кадрового резерва для фундаментальной и прикладной науки. Обосновано, что реализация принципов раннего вовлечения студенческого состава в научную деятельность исследовательских институтов РАН позволяет не только успешно осуществлять профессиональную подготовку будущих ученых, но и развивать мотивацию к производству фундаментального знания, что остается одним из основополагающих принципов университета. Обосновано, что ориентация на знание, которое производит фундаментальная наука, способна выступать в качестве важного конкурентного преимущества выпускника исследовательского университета, что возможно только в условиях академической свободы при диверсификации финансирования, достижимом в условиях автономного управления университетом при концентрации талантов и ресурсов

Ключевые слова: идея университета, производство фундаментального знания, профильное образование

RESEARCH UNIVERSITY: SCIENTIFIC SPECIALISTS TRAINING IN THE SYSTEM TRANSFORMATIONS CONTEXT

Petrov Vladimir Valerievich
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor
Novosibirsk National Research State University,
Department of Social Philosophy, Docent,
Deputy Director of the Institute of Philosophy and Law;
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Institute of Philosophy and Law,
Senior Researcher

Abstract: The paper shows that in the 21st century the vector of development of Russian university education has shifted as part of a global trend. A focus on pragmatism has led not only to the loss of the core principles of producing and disseminating fundamental knowledge but also to the very university idea transformation. It is argued that preserving and developing Russia's scientific and educational potential requires finding a new university model that will preserve its dominant ethos and formulate a response to post-globalization challenges. This paper presents a brief analytical overview of the employment trajectories of graduates of Novosibirsk National Research State University, which conceptually focused on developing a talent pool for fundamental and applied science. It is substantiated that implementing the principles of early student involvement in the scientific activities of RAS research institutes not only enables the successful professional training of future scientists but also fosters motivation for the fundamental knowledge production, which remains one of the university's founding principles. It is substantiated that a focus on knowledge produced by fundamental science can act as an important competitive advantage for the research university graduate, which is only possible under conditions of academic freedom with diversified funding, achievable under conditions of autonomous university management with the concentration of talents and resources.

Keywords: the university idea, the fundamental knowledge production, specialized education.

Системные трансформации, произошедшие в первые два десятилетия XXI в., наложили серьезный отпечаток на развитие всех отечественных социальных институтов, включая высшую школу. В условиях усиливающейся потребительской парадигмы классическая форма существования университетов, сохраняющая в своей основе идеи И. Канта [Кант 1966], И. Фихте [Фихте 2008], Ф. Шлейермахера [Шлейермахер 2018], реализованная в начале XIX в. Вильгельмом фон Гумбольдтом [Шнедельбах 2002], оказывается неустойчивой. Если раньше концептуально университет был нацелен, в первую очередь, на производство фундаментального знания, сохраняя и развивая социальный потенциал [Петров 2024, с. 126], то в современных условиях теоретическое знание как ценность отходит на второй план, уступая место поиску финансовой и материальной выгоды. Данный подход создает опасность утраты основной идеи университета, что, в конечном итоге, негативно отражается на формировании отечественного социального потенциала. При этом утрата основной идеи университета означает не только утрату его фундаментальных принципов, которые включают свободу, универсальность и моральность, но и утрату его «духа» и «кода» [Петрова 2025, с. 140]. Свобода подразумевает мышление, исследования и преподавание без каких-либо внешних ограничений или цензуры. Универсальность обеспечивается доступом к знаниям и к образованию вне зависимости от финансовых возможностей, социального происхождения и других факторов. Моральность, применительно к университету, позиционируется не только

как воспитание профессиональных качеств личности, но и таких качеств, как критическое мышление, ответственность и эмпатия.

Утрата фундаментальных принципов способна привести к тому, что вышедшая на первый план коммерциализация образования (способность монетизировать полученные знания выпускниками), неизбежно приведет к утрате академической свободы, последующей «зашоренности» (фрагментации) образования, падению его качества образования, что, в свою очередь, спровоцирует серьезные социальные последствия, при которых университеты перестанут выступать в качестве «храмов науки» и центров культуры.

Таким образом, в условиях динамично меняющихся социокультурных установок необходимо разработать модель российского университета, которая, с одной стороны, будет соответствовать постглобализационным трендам, а с другой – не позволит утратить основную идею университета, позволяющую сохранять и развивать отечественный социальный потенциал.

В настоящее время четкое понимание того, на какие концептуальные основания должна опираться такая модель, чтобы быть устойчивой в условиях смены ориентиров социального развития, отсутствует.

С целью оценить направление трансформации университета и динамику профессиональных предпочтений и ожиданий его выпускников, мы обратились к результатам ежегодных социологических исследований, проводимых при участии Центра развития карьеры [Мониторинг… 2025, web] в Новосибирском национальном исследовательском университете, интегрированным в Новосибирский научный центр. Напомним, что в рамках реализации модели М.А. Лаврентьева, созданной им еще на социалистическом этапе развития российского общества, НГУ задумывался как университет, осуществляющий подготовку молодых кадров, ориентированных исключительно на продолжение научной карьеры. Такая модель предусматривала формат «трижды восемьдесят»: предполагалось, что профессорско-преподавательский состав университета на 80% представлен действующими учеными, осуществляющими трудовую деятельность по основному месту работы в исследовательских институтах Академии наук и работающими в университете по совместительству; 80% выпускников университета продолжают свою карьеру в научной среде академических исследований, а 80% выпускников Физико-математической школы при НГУ (осуществляющей раннюю профилизацию) поступают в НГУ, ориентируясь на исследовательскую карьеру. В современных условиях доля преподавательского состава из числа научных сотрудников СО РАН, работающих в университете по совместительству, по-прежнему составляет порядка 80 % [Отчет 2025а, web], а доля поступающих в НГУ выпускников СУНЦ НГУ (бывшая ФМШ) снизилась и на протяжении последних лет устойчиво держится в пределах 50% [Отчет 2025б, web]. В 2025 году в ходе ежегодного опроса выпускников Новосибирского национального исследовательского государственного университета было собрано и обработано 1664 анкеты. Чуть меньше половины (42%) опрошенных выпускников бакалавриата поступили в магистратуру НГУ, при этом в целом всего продолжают получать образование 65% выпускников-бакалавров. 75% выпускников специалитета поступили в аспирантуру (НГУ и научно-исследовательские институты СО РАН). При этом в целом явного снижения численности выпускников, продолжающих обучение, не зафиксировано: в 2025 году – 65%, в 2024 году – 68%, что укладывается в относительную погрешность. Соотношение выпускников с разными характеристиками занятости относительно устойчиво в течение 2023 – 2025 гг. и составляет 88 – 90%.

По результатам опроса зафиксировано, что направление «Наука, научное обслуживание» в послевузовской карьере выпускника остается доминирующим и составляет 43% (в 2024 году – 46%), при этом в сфере образования (которая в рамках модели Новосибирского академгородка М.А. Лаврентьева неразрывно связана с исследовательской деятельностью) продолжили свою трудовую деятельность 18% выпускников. Таким образом, суммарное количество выпускников, вовлеченное в научно-образовательный сектор, составило 61 %.

Научный вектор карьеры доминирует среди выпускников ФЕН (92%), ФФ (70%) и ГГФ (75%) Следующий сегмент представлен ГИ (15%), ИММТ (14%) и ММФ, 37% молодых выпускников которого работают в науке.

По соответствию трудовой деятельности полученному образованию лидируют выпускники ФИТ – 88%, ФЕН (Биология, Химия, Фундаментальная химия) – от 82% до 90%, ФФ (Физика) – 70%, ГГФ – 59%, ИФП (Юриспруденция) – 82%, и ЭФ (Юриспруденция, Экономика) –74% и 57% соответственно, ИИР – 54%, ММФ (Механика и математическое моделирование) – 50%.

По географическому распределению 59% всех выпускников остались в пределах Новосибирской агломерации (54% – Новосибирск, 5% – иные населенные пункты). Продолжение прудовой деятельности в Европейской части России обозначили 20% выпускников (Москва и Подмосковье – 15%, Санкт-Петербург – 5%). Отъезд за пределы РФ запланировали 9% выпускников (преимущественно зарубежные студенты, которые обучались в НГУ в рамках межправительственных соглашений).

Явного роста оттока выпускников в европейскую часть России и за границу РФ в сравнении с 2024 годом не наблюдается. Чуть более трети (32%) тех, кто продолжает обучение в магистратуре другого вуза составляют студенты, переехавшие жить в Москву; 12% переехали в Санкт-Петербург. Максимальная доля из числа всех выпускников, решивших продолжить обучение в аспирантуре и ординатуре, осталась в Новосибирске.

Таким образом мы видим, что соотношение в рамках модели организации науки и образования М.А. Лаврентьева частично изменилось, но она по-прежнему продолжает показывать хороший результат. Отчасти снижение можно объяснить тем, что количество направлений подготовки в НГУ увеличилось более, чем в два раза, при этом была организована подготовка студентов на направлениях, влияющих на формирование и развитие научно-образовательного потенциала, но имеющих неявное отношение к науке в классическом ее понимании (информационные технологии, робототехника, журналистика и т.д.). Вместе с тем, реализация принципов раннего вовлечения студенческого состава в научную деятельность исследовательских институтов РАН (начиная с 3 курса обучения), позволяет не только успешно осуществлять профессиональную подготовку будущих ученых, но и развивать мотивацию к производству фундаментального знания, что остается одним из основополагающих принципов университета. Ориентация на знание, которое производит фундаментальная наука, способна выступать в качестве важного конкурентного преимущества выпускника исследовательского университета. В свою очередь производство фундаментального знания возможно только в условиях академической свободы, для чего необходима диверсификация финансирования, достижимая в условиях автономного управления университетом при концентрации талантов и ресурсов.

Если окажется возможным соблюсти данные условия, то это сможет позволить основную идею университета, что позволит ему оставаться центром развития науки, образования и культуры, способствуя укреплению российского общества.

Список литературы и источников

1. Кант 1966 – Кант И. Спор факультетов. Сочинения в шести томах. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 257–347.

2. Мониторинг 2025, web – Мониторинг трудоустройства выпускников 2025// Центр развития карьеры НГУ. URL: https://www.nsu.ru/n/career/ (дата обращения: 16.04.2025)

3. Отчет 2025а, web – Отчет о результатах самообследования // СУНЦ НГУ. URL: https://sesc.nsu.ru/sveden/document/ (дата обращения: 16.04.2025)

4. Отчет 2025в, web – Отчет ректора о деятельности НГУ // НГУ. URL: https://www.nsu.ru/n/sveden/document/ (дата обращения: 16.04.2025)

5. Петров 2024 – Петров В.В. Формирование социального потенциала: динамика изменений приоритетов выпускников отечественной высшей школы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 80. С. 123-135.

6. Петрова 2025 – Петрова Г.И., Бикташева Э.А. «Код» и «дух» университета в горизонте университетских трансформаций // Философия образования. 2025. Т. 25. № 4. С. 138-164.

7. Фихте 2008 – Фихте И.Г. О единственно возможном препятствии академической свободе // Известия Московского государственного индустриального университета. 2008. № 4 (13). С. 43-44.

8. Шлейермахер 2018 – Шлейермахер Ф., Антоновский А.Ю. Нечаянные мысли о духе немецких университетов. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2018. 208 с.

9. Шнедельбах 2002 – Шнедельбах Г. Университет Гумбольдта // Логос. 2002. № 5/6. С. 65-78.

УДК 316.74:001 + 378

РИТОРИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ГРАНИЦ УНИВЕРСИТЕТА

Стасенко Владислав Викторович

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН,
младший научный сотрудник
E-mail: zen197350@gmail.com

Аннотация: Статья переносит аналитическую рамку изучения риторики «пограничной работы» Т. Гайерина с понятия «наука» на понятие «университет»: подобно тому как «наука» в публичных спорах функционирует не как понятие с фиксированным содержанием, а как репертуар атрибутов, мобилизуемых под конкретную риторическую задачу, «университет» в дискуссиях о допустимости спорных дисциплин в его составе подбирается под аргумент, а не предшествует ему. Материалом служат три полемических эпизода – вокруг BSc по комплементарной и альтернативной медицине в Великобритании (2007–2008), программ по ведической астрологии в Индии (2001–2004) и кафедры теологии в МИФИ (2012), – анализ которых выявляет две относительно устойчивые риторические конфигурации: университет как источник эпистемической сертификации, охраняющий установленные границы между наукой и не-наукой и ориентированный на международные академические стандарты, либо как пространство критической проблематизации этих границ, восприимчивое к запросам и интересам внешнего общества.

Ключевые слова: университет, демаркация, пограничная работа, Гайерин, комплементарная медицина, ведическая астрология, теология.

THE RHETORICAL CONSTRUCTION OF UNIVERSITY BOUNDARIES

Stasenko Vladislav Victorovich
S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences
Junior Research Fellow

Abstract: The papaer extends Thomas Gieryn's analytical framework for studying the rhetoric of "boundary-work" from the concept of "science" to the concept of "university": just as "science" in public disputes functions not as a concept with fixed content but as a repertoire of attributes mobilized for specific rhetorical tasks, the "university" in debates over the admissibility of contested disciplines is selected to fit the argument rather than preceding it. The empirical material consists of three polemical episodes – surrounding the BSc programmes in complementary and alternative medicine in Britain (2007–2008), the Vedic astrology programmes in India (2001–2004), and the theology department at MEPhI (2012) – whose analysis reveals two relatively stable rhetorical configurations: the university as a source of epistemic certification that guards the established boundaries between science and non-science and is oriented toward international academic standards, or as a space for the critical problematization of these boundaries, responsive to the demands and interests of the wider society.

Keywords: university, demarcation, boundary-work, Gieryn, complementary medicine, Vedic astrology, theology.

Социолог науки Т. Гайерин обратил внимание на дискурсивную гибкость понятия «наука» (и её производных) в публичных спорах. Защищая профессиональные интересы – бюджеты, институциональную автономию, право выносить экспертные суждения, – ученые приписывают науке различные, порой взаимоисключающие характеристики: эмпиричность или теоретичность, чистоту или прикладной характер. Выбор признаков определяется не устройством самой науки, а тем, какую именно демаркацию требуется провести в данный момент и против какого оппонента. «Наука», таким образом, функционирует в публичном дискурсе не как понятие с фиксированным содержанием, а как репертуар атрибутов, мобилизуемых под конкретную риторическую задачу [Gieryn 1983, p. 782-792].

В предлагаемой работе тот же аналитический ход применяется к понятию «университет». Каждый раз, когда университет включает в свой состав дисциплину, чей научный статус оспаривается, разворачивается спор, в котором стороны апеллируют к тому, чем университет «на самом деле» является и чем быть обязан. Эти определения, как и определения науки у Гайерина, оказываются не дескрипциями, а инструментами: набор атрибутов – исторических, эпистемических, репутационных, политических – подбирается под аргумент, а не предшествует ему. Материалом для анализа служат три эпизода таких дискуссий: полемика вокруг BSc по комплементарной и альтернативной медицине в Великобритании (2007–2008), спор о программах по ведической астрологии в Индии (2001–2004), дебаты о кафедре теологии в МИФИ (2012). Во всех трёх случаях анализируются публичные высказывания сторон с целью реконструировать те атрибуты университета, которые каждая из них выбирает и акцентирует.

Кейс 1. BSc по комплементарной медицине в британских вузах. К 2007 году в шестнадцати британских университетах действовало сорок пять программ BSc по комплементарной и альтернативной медицине (CAM), в том числе пять – по гомеопатии [Colquhoun 2007, p. 373]. Кампанию против них развернул фармаколог Дэвид Колкухаун. В своей программной публикации он определяет нормативный идеал университета через его историческую эволюцию: от «теологической семинарии» к «месту, где люди стремились, насколько могли, открывать истину и куда можно было обратиться за независимыми мыслями и мнениями, не искажёнными финансовыми интересами» [Colquhoun 2007, p. 373]. Выдача степеней по альтернативной медицине, по Колкухауну, обращает эту эволюцию вспять, подчиняя высшее образование уже не церковным, а корпоративным интересам монетизации модных «магических» (по выражению Колкухауна) практик и превращая университет в «полную противоположность тому, чем он должен быть» [Colquhoun 2007, p. 374]. Позиция Колкухауна и его сторонников накрепко связывает легитимность университетской программы с научным статусом её предмета: если в отношении последнего существуют обоснованные сомнения, любые внеэпистемические аргументы в пользу сохранения программы несут риски для интеллектуальной автономии университета.

Защитники CAM-программ вели риторическую работу в нескольких направлениях. Одни апеллировали к уже состоявшейся истории расширения дисциплинарного канона: BSc давно перестал быть резервацией «физически измеримых» предметов, будучи распространён на социологию, психологию и экономику; нынешняя атака на CAM по этой логике есть пересказ аргументов, направлявшихся против этих дисциплин десятилетиями ранее, и если CAM «не подходит под BSc, то и многие другие области не подходят» [Corbyn 2008, web]. Другие стремились обратить слабость в силу и представить само наличие споров о научном статусе CAM как аргумент в пользу сохранения программ в университетах, наделяя последние ролью дискуссионных площадок, которые должны не закрываться от спорных областей, а кооптировать их, создавая тем самым институциональную базу для их критической практики и научной оценки: «В практике CAM наблюдаются клинические феномены, полезные в реальной работе, даже если эффекты не проявляются в конвенциональных испытаниях. Что-то определённо происходит, и *университет – то место, где следует выяснить, что именно*» [Corbyn 2008, web].

Кейс 2. «Ведическая астрология» в индийских университетах. В 2001 году Комиссия по университетским грантам Индии (UGC) под руководством министра М. М. Джоши утвердила грантовую поддержку для программ бакалавриата, магистратуры и докторантуры по «ведической астрологии» («Джьотир Вигьян»). К концу года заявки подали 35 из примерно 200 индийских университетов [Jayaraman 2001, p. 227].

Позиция UGC, обозначенная во время судебных слушаний, апеллировала к нарративу о демократизации высшего образования, которое «в либеральном и плюралистическом обществе должно вмещать, насколько это возможно, все точки зрения и все его слои» [P.M. Bhargava v. UGC 2004, §8]. Председатель UGC Хари Гаутам свёл критерий университетской дисциплины к самой процедуре исследования: астрология квалифицируется как таковая уже потому, что это «предмет, который нуждается в зондировании, исследовании и научной работе» [Jayaraman 2001, p. 227]. Министр Джоши в речи в IIT Kharagpur (18 августа 2001) расширил аргумент в постколониальную плоскость: индийские учёные, по его утверждению, чрезмерно зависимы от «западной науки» и должны выстраивать «независимую структуру индийской науки» на основе знаний, содержащихся в древних текстах [Siddhanta 2001, web].

Петиция против решения UGC, поданная в Верховный суд биологом П. М. Бхаргавой и двумя соавторами из академической среды, исходила из противоположных представлений о миссии индийских университетов: введение астрологии «подрывает ту научную репутацию, которой страна достигла к настоящему времени» [P.M. Bhargava v. UGC 2004, §3]. Та же логика воспроизведена в открытом письме от 25 июля 2001 г. на имя председателя UGC, подписанном более чем двумя десятками физиков ведущих американских университетов, включая двух нобелевских лауреатов: «научное образование в Индии высоко уважается во всём мире», и включение астрологии в его состав «представляло бы собой крупный шаг назад» [Kachru et al. 2001, web]. Индийский университет здесь проектируется как узел международной академической экосистемы, чьё лицо обращено вовне – к международным стандартам научной легитимности, а не внутрь, к локальной традиции.

Кейс 3. Кафедра теологии в МИФИ. 15 октября 2012 г. Учёный совет НИЯУ МИФИ единогласно одобрил создание кафедры теологии под руководством митрополита Илариона (Алфеева). На том же заседании Иларион, защищая право теологии на присутствие в светском вузе, говорил: МИФИ «не случайно называется университетом», поскольку университет «отличается от обычного института тем, что даёт не только специализацию в какой-то конкретной области, но ещё и эрудицию в различных других областях», а «сама идея университета заключается в том, чтобы люди получали образование в самых разных областях человеческой деятельности, в самых разных науках» [Иларион 2012, web]. В речи в МИФИ 2 ноября 2018 г. Патриарх Кирилл радикализировал исторический аргумент: «вся университетская система выросла из двух предметов – теологии и философии»; соответственно, возвращение теологии в университет является «восстановлением справедливости» [Кирилл 2018, web]. В этой риторике предельно ясно обозначен образ университета как непрерывной целостности: традиции, унаследованные от Сорбонны и Болоньи, сохраняют свою силу в отношении всякого современного носителя имени «университет».

20 ноября 2012 г. было опубликовано открытое обращение членов РАН с критикой данного решения. Центральная риторическая операция авторов – расщепить ту самую целостность, на которой стояла противоположная сторона. Аналогичные кафедры, отмечают они, существуют в других странах «или в частных университетах, или как дань многовековой традиции, поскольку средневековые университеты изначально были созданы для подготовки служителей культа»; МИФИ же – «современный политехнический вуз», для которого подобная кафедра «мировой практике противоречит и является нелепым» [Агол и др. 2012, с. 16]. К историческому аргументу присовокупляется прагматико-эпистемический: «ядерные технологии требуют не веры, а сугубо научного подхода, воспитание которого есть важнейшая задача высшей школы» [Агол и др. 2012, с. 16]. Таким образом, авторы выводят МИФИ из-под юрисдикции дисциплинарного наследия средневековых Universitas, интерпретируя советский разрыв с классической университетской моделью как модернизационный акт, породивший собственную образовательную традицию, достойную сохранения и защиты.

Сводя три кейса воедино, можно выделить две относительно устойчивые конфигурации атрибутов, через которые участники рассмотренных дискуссий конструируют образ и границы университета. В первой конфигурации университет выступает инстанцией эпистемической сертификации: его дисциплинарные границы должны воспроизводить уже сложившуюся демаркацию между наукой и не-наукой, а авторитет университета определяется именно способностью эту демаркацию удерживать. Во второй конфигурации университет мыслится как пространство, в котором границы науки не столько охраняются, сколько

проблематизируются и подвергаются критической рефлексии. Две конфигурации различаются и по тому, к какой аудитории обращён университет: первая ориентирует его на международное академическое сообщество, задающее универсальные стандарты легитимности; вторая – на локальное общество с его актуальными запросами и интересами.

Список источников и литературы

1. Агол и др. 2012 – Агол В.И., Александров Е.Б., Аникин А.Е. и др. О кафедре теологии в МИФИ: Открытое обращение членов РАН // Троицкий вариант – Наука. 2012. № 117. С. 16. URL: https://www.trv-science.ru/2012/11/o-kafedre-teologii-v-mifi/ (дата обращения: 01.05.2026).
2. Иларион 2012 – Иларион (Алфеев), митр. Выступление на заседании учёного совета НИЯУ МИФИ, 15 октября 2012 г. // Официальный сайт Московского Патриархата. 2012. URL: https://mospat.ru/ru/2012/10/16/news73010/ (дата обращения: 01.05.2026).
3. Кирилл 2018 – Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Выступление на конференции «Теология в современном научно-образовательном пространстве», НИЯУ МИФИ, 2 ноября 2018 г. // Официальный сайт Московского Патриархата. 2018. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/5295905.html (дата обращения: 01.05.2026).
4. Colquhoun 2007 – Colquhoun D. Science degrees without the science // Nature. 2007. Vol. 446. P. 373-374.
5. Corbyn 2008, web – Corbyn Z. Unwelcome complements // Times Higher Education. 2008. October 16. URL: https://www.timeshighereducation.com/features/unwelcome-complements/404104.article (дата обращения: 01.05.2026).
6. Gieryn 1983 – Gieryn T.F. Boundary-Work and the Demarcation of Science from Non-Science: Strains and Interests in Professional Ideologies of Scientists // American Sociological Review. 1983. Vol. 48. No. 6. P. 781-795.
7. Jayaraman 2001 – Jayaraman K.S. Angry researchers pour scorn on astrology classes // Nature. 2001. Vol. 411. P. 227.
8. Kachru et al. 2001, web – Kachru S., Krauss L., Kulkarni S. et al. Letter to the Chairman of the University Grants Commission of India, July 25, 2001 // Excerpted in: Science. 2001. Vol. 292. No. 5514. P. 27. Full text URL: http://physics.bu.edu/biophysics/vigyan.html (дата обращения: 01.05.2026).
9. P.M. Bhargava v. UGC 2004 – P.M. Bhargava & Ors v. University Grants Commission & Anr. Supreme Court of India. 5 May 2004. AIR 2004 SC 3478. URL: https://indiankanoon.org/doc/697794/ (дата обращения: 01.05.2026).
10. Siddhanta 2001, web – Siddhanta K. Some Questions Concerning the UGC Course in Astrology // Breakthrough India. 2001. URL: https://breakthroughindia.org/wp-content/uploads/2020/05/astrology.pdf (дата обращения: 01.05.2026).

УДК 378.4:001.8

ТРЕТЬЕ МЕСТО УНИВЕРСИТЕТА

Лаврищев Даниил Евгеньевич
Магистр философии

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН,
младший научный сотрудник
E-mail: delavrischev@hse.ru

Аннотация: В докладе обсуждаются возможности организации в университете третьих мест и, в конечном итоге, трансформация в третье место университета как такового. Тогда как обычно третьи места возникают и позиционируются как пространства спонтанной социализации, специфика университета состоит в декларируемой попытке вовлечь «обывателя» в научную жизнь. Для этого университеты изобретают особые пространства: музеи, публичные библиотеки, открытые лаборатории, лектории, дискуссионные площадки и т.д. Вместе с тем оказывается, что указанные третьи места вовсе не способствуют достижению цели по вовлечению в научную жизнь. Это связано со спецификой работы ученого, подразумевающей особый габитус, приобретение которого возможно в условиях социализации при ведении научной работы. Соответственно, если университет действительно нацелен на профессионализацию и повышение числа ученых, его задача состоит в радикальном переизобретении своих третьих мест, вплоть до полного превращение в оное. Автором предлагаются некоторые гипотетические варианты такой трансформации, включающие изменение мотивов финансирования научных групп, особые типы публичной коммуникации и увеличение сложности уже существующих взаимодействий в рамках третьих мест.

Ключевые слова: университет, третье место, научная коммуникация, проницаемые пространства, габитус ученого, социализация ученого

THIRD PLACE OF A UNIVERSITY

Lavrishchev Daniil Evgenevich
S.I. Vavilov Institute for Science and Technology of RAS, junior research fellow

Abstract: The paper examines the possibilities of organizing third places in university and, in the end, the transformation into the third place of university itself. While usually third places are understood as common places for spontaneous communication, university specifically declares an attempt to attract and involve a “commoner” into scientific life. For that purpose, universities come up with numerous inventions: museums, public libraries, open labs, lecture halls, discussion grounds, etc. However, these places happen to fail with the purpose of involving into the scientific life. The reason for that is the feature of scientist’s work, namely the distinctive habitus acquiring through the socialization during scientific work. And if a university really aims at further professionalization and an increase in the number of scientists, its task lays in radical re-invention of third places, up to transformation of the university itself into such third place. Author suggests a few hypothetical options for such a transformation, including changes in financial distribution for research groups, specific approaches to public communication, and enhancement of complexity in existing practices at third places.

Keywords: university, third place, scientific communication, porous spaces, scientist`s habitus, scientific socialization

Концепция «третьего места» занимает значимое место в современных исследованиях пространственной и институциональной организации. Предложенное Р. Ольденбургом [Oldenburg 1989], это понятие описывает особые пространства, где происходит неформальная

коммуникация, в меньшей степени (или совсем не) ориентированная на социальные статусы, роли и институциональные границы. Существует устойчивый ряд локаций, которые обычно рассматриваются как такие третьи места: кафе и рестораны, учреждения сферы услуг, нишевые магазины (напр. музыкальные или книжные), публичные дискуссионные пространства, и т.д. и т.п. Преимущества подобных мест заключаются в бесшовной интеграции в публичное пространство, отсутствию порога входа и, вследствие этого, возможности использовать подобные места как нейтральные территории для выстраивания коммуникации с неограниченным числом людей.

В последние годы наметилась тенденция к приращению к жестким институциональным, или напротив, чрезмерно размытым, структурам подобного рода третьих мест для повышения (реального или номинального) их горизонтальности. Теперь в супермаркете есть свое небольшое кафе для поглощения свежеприобретенной пищи, а районная администрация организует клуб любителей настольных игр вместе с муниципальным главой. Не отличается в этом смысле и университет. В рамках того, что называется «третьей миссией», университет по необходимости организует на своей территории третьи места: публичные библиотеки и читальные залы, кафе, дискуссионные площадки. Но может, и главное должен ли, сам по себе университет быть третьим местом?

Ряд исследователей [Smyth 2014; Massari, Orioli, Panebianco 2024] рассматривают возможности для превращения университета в такое пространство, где у людей с разнообразными опытом и целями была бы возможность принять участие в жизни университета. При этом заметим, что существенная часть их предложений относится именно к открытию внутри университета пространств, дающих городу (в широком смысле) войти в стены университета и проводить там время. В этом есть некоторая пресуппозиция, что «вклад в социально-экономическое и культурное развитие общества», подразумеваемый третьей миссией, будет как бы «впитываться» через бесцельное пребывание в университете. Конечно, в этом есть некоторое утрирование – университет, вполне закономерно, проводит на подобных внутренних площадках мероприятия, направленные на работу с общественностью (в частности, на ее просвещение). Однако, не вполне ясно, достаточно ли этого для того, чтобы увеличить роль университетского *образа жизни* в обществе.

Именно со специфическим образом жизни можно связать профессию ученого. Занятие наукой не означает наличия особого статуса или навыков, но требует определенного габитуса [Бурдье 1998], который связан непосредственно с социализацией в сфере науки. При этом сама эта сфера, при всей декларируемой публичности, регламентирована и ограничена для входа множеством факторов: экзаменами, материальным положением, родом занятий, семейным и/или гендерным статусом, и т.д. Заметим, что появление в университете третьих мест вовсе не способствует само по себе приобщению к этому габитусу; напротив, как правило эти третьи места сохраняют определенную дистанцию именно в отношении того, что называется «занятием наукой» (так, посетитель библиотеки не может, проведя время над книгой и пообщавшись с исследователями в неформальной обстановке, по завершении совместного времяпровождения вернуться с ними к работе в лаборатории).

В качестве возражения можно привести известную монографию Годдарда и Вэлланса [Goddard, Vallance 2013], в которой демонстрируется, как университет может достигнуть проницаемости и способствовать росту «гражданской науки». Отметим, насколько искусственным приходится быть университету для того, чтобы изобрести собственную проницаемость. Для «гражданских ученых» создаются особые пространства: открытые лаборатории, музеи при вузах, особые проектные группы, намеренно отделенные от общих

процессов, протекающих в университете. Особенно это заметно в научно-технических учреждениях, где, дабы не нарушить тонкую машинерию производства науки, пространство, доступное постороннему, тщательно ограждается как в темпоральном (чтобы не пересекаться с рабочим временем сотрудников), так и в территориальном аспектах. Работник открытой лаборатории, если он действующий ученый, вынужден разрываться между необходимостью присутствовать на «настоящем» рабочем месте и симулировать для посторонних аутентичный опыт нахождения в научном габитусе.

Все указанные симуляции и симулякры, при этом, декларируются как способствующие публичному просвещению и, без малого, росту престижа и привлекательности профессии ученого. Однако как мы видим, даже если принять на веру, что подобные меры действительно способствуют улучшению публичного образа науки, остаются непроясненными прямые способы конвертации этого возвеличенного образа в увеличение числа научных кадров. Каким бы «пористым» ни был университет, его институциональные стены остаются неприступными для большинства тех, кто в противном случае мог бы стать профессиональным ученым.

Данные рассуждения приведены для обоснования правомерности тезиса: чтобы быть реальным проводником научного габитуса, равно как и оставаться значимым фактором профессионализации науки, университет должен радикально переопределить третьи места так, чтобы они были способствовали полноценной интеграции постороннего в процесс производства науки. Хотя сам по себе этот призыв звучит абстрактно, в качестве спекуляции мы можем рассмотреть некоторые гипотетические инструменты его осуществления.

В качестве меры поддержки переизобретения третьих мест, источники финансирования университета (фонды, инвесторы, государство) могут учитывать задействование групп внешних лиц в проведении научных исследований, что подразумевает затраты на обучение этих «обывателей» элементарным процедурам и навыкам проведения исследований. Гипотетически, это позволит преобразовать повседневный режим работы отдельных пространств в сторону регулярного присутствия и работы в них тех, кто не имеет постоянной занятости в университете. Одновременно, это будет служить первичной научной социализации участников подобных групп, ранее не имевших отношения к научной работе, т.е. привитию им искомого габитуса.

Другим возможным инструментом является создание «доски объявлений», где университет будет размещать «заказы» на проведение незначительных по масштабу исследований и предоставлять необходимый для их проведения инструментарий. Например, для описания и систематизации городской орнифауны в конкретном районе города университет может выдавать инструкции по проведению съемки, требования к описанию и оформлению результатов, и необходимое оборудование – с учетом ответственности в случае правонарушений, – тогда как в роли исследователей будут выступать заинтересованные граждане. Это могут быть также исследования, проводимые в открытых для посещения третьих местах («свободных лабораториях»), подразумевающие наличие минимальных навыков и научной дисциплины.

Отдельного внимания требуют для себя гуманитарные исследования, которые менее привязаны к верифицируемым и, условно, механическим навыкам, и в большей степени подразумевают развитые навыки герменевтики и интерпретации культурных объектов. Для них, в то же время, третьим местам требуется меньшая трансформация, поскольку дискуссионные пространства специально адаптированы под развитие указанных навыков. Вместе с тем, можно требовать некоторой интенсификации этих дискуссий, поскольку, как правило, объект герменевтики в таких пространствах не требует особой дисциплины, и

подбирается так, «чтобы все поняли», что разрушает любое погружение в габитус ученого, требующее вовлечения интеллектуального усилия и борьбы с источником.

Обобщая, для воспитания и профессионализации обывателя, университетские третьи места должны перестать быть оторванными от процесса производства науки, радикально вовлекая постороннего в указанную деятельность. В этом смысле сам университет, а не отдельные его части, должен превратиться в третье место, где городской житель может осмысленно и с пользой для науки и общества принять участие в создании научного знания.

Список литературы

1. Бурдье 1998 – Бурдье П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 2. С. 44-59.
2. Goddard, Vallance 2013 – Goddard J., Vallance P. The University and the City. London; New York: Routledge, 2013. 186 p.
3. Massari, Orioli, Panebianco 2024 – Massari M., Orioli V., Panebianco A. The University as a Third Space for Collective Reading and Design Intermediate Territories // Urbana. 2024. Vol. 1. № 1. P. 172–181.
4. Oldenburg 1989 – Oldenburg R. The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons, and Other Hangouts at the Heart of a Community. New York: Paragon House, 1989. 338 p.
5. Smyth 2014 – Smyth K. The University as a third space? // Web, 2014. URL: https://3eeducation.org/2014/07/28/the-university-as-a-third-space (дата обращения: 29.04.2026).

ЧАСТЬ 25

ФИЛОСОФСКАЯ МАГИСТРАТУРА И АКАДЕМИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 001.8

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ФИЛОСОФСКОЙ ПРАКТИКЕ

Колдарев Дмитрий Александрович
магистрант кафедры философии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
E-mail: g37@mail.ru

Возникший в 1950-х годах феномен искусственного интеллекта (ИИ) практически сразу привлек к себе внимание философской общественности. По мере бурного развития технологии философия подключалась к общему решению мировоззренческих проблем реального внедрения ИИ в жизнедеятельность людей. Специфика современного исторического этапа развития ИИ и философской работы с ним заключается в том, что теперь философия должна дать взвешенную оценку использования ИИ в своей собственной деятельности. С развитием технологий актуализировались вопросы предвзятости алгоритмов, конфиденциальности данных, подотчетности систем, безопасности и влияния ИИ на общество. Многие модели ИИ работают по принципу «черного ящика», что затрудняет понимание того, как принимаются решения. Это подрывает доверие к таким системам. Во многих случаях сложно определить, кто несет ответственность, когда ИИ причиняет вред или совершает ошибки. Философы и исследователи продолжают обсуждать разницу между синтаксической обработкой информации и семантическим пониманием. Философия ИИ эволюционирует вместе с технологиями, становясь инструментом для осмысления фундаментальных и практических вопросов, связанных с развитием и использованием искусственного интеллекта. Подчеркивается значимость и рассмотрены способы получения новых знаний посредством ИИ, исследованы достоверность и структура этих знаний. Все это дается в русле формирования соответствующей этической оценки. Использование ИИ для генерации нового знания будет все более значимым для философской деятельности в области наработки необходимого конкурентоспособного контента для производства социальной рекламы. Философская магистратура является областью, где проблема использования ИИ в философской практике может получить свое этически взвешенное и технологически совершенное развитие.

Ключевые слова: искусственный интеллект, творчество, образование, философская магистратура, университет, этическая ответственность, эпистемология.

THE ARTIFICIAL INTELLIGENCE AT THE HEART OF PUBLIC PHILOSOPHICAL TECHNOLOGY

Kodarev Dmitry Aleksandrovich
Master's student of the Department of Philosophy
of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The phenomenon of artificial intelligence (AI), which emerged in the 1950s, almost immediately attracted the attention of the philosophical community. As technology rapidly developed, philosophy became involved in addressing the ideological challenges of effectively incorporating AI into human life. The current historical stage in the development of AI and philosophical work with it is characterized by the fact that philosophy must now provide a balanced assessment of the use of AI in its own work. With the advancement of technology, questions of algorithmic bias, data privacy, system accountability, security, and the impact of AI on society have become pressing. Many AI models operate on a "black box" principle, making it difficult to understand how decisions are made. This undermines trust in such systems. In many cases, it is difficult to determine who is responsible when AI causes harm or makes mistakes. Philosophers and researchers continue to debate the difference between syntactic information processing and semantic understanding. The philosophy of AI evolves alongside technology, becoming a tool for understanding fundamental and practical issues related to the development and use of artificial

intelligence. The importance of AI-based knowledge acquisition is emphasized and methods for obtaining new knowledge are explored, as well as the reliability and structure of this knowledge. All of this is done within the context of formulating an appropriate ethical assessment. The use of AI to generate new knowledge will become increasingly important for philosophical work in developing the necessary competitive content for social advertising. The Master's program in philosophy is an area where the use of AI in philosophical practice can be developed in an ethically balanced and technologically advanced manner.

Keywords: artificial intelligence, creativity, education, master's degree in philosophy, university, structure of knowledge, epistemology

Полноценное философское осмысление и понимание современного этапа развития искусственного интеллекта (ИИ) – согласно классическому научно-философскому методологическому подходу к сложнейшим предметам исследования – должно быть соотнесено с определенными историческими этапами развития данной проблематики. Исходной исторической точкой отсчета (теоретической точкой отсчета) проблематики ИИ можно считать 1956 г., когда на встрече ведущих специалистов в области вычислительных машин Джон Маккарти ввел в научно-техническое знание и культуру понятие ИИ. Фиксируя это начало, исходим из современной тенденции видеть тему ИИ в более широком системном контексте. Соответственно, будем связываем тему ИИ с робототехникой и в итоге с возможностью формирования искусственной жизни [Маслов 2026, с. 121-122]. Последнее хорошо объясняет факт того, что тематика ИИ обладает мировоззренческой, философской значимостью. Главным вопросом с самого начала появления электронно-вычислительных машин был вопрос о том, как понимать факт того, что эти машины решают интеллектуальные проблемы и можно ли в перспективе предполагать, что они могут, вообще, обойти человека в развитии, поскольку будут его умнее. Примером этого можно взять статью Алана Тьюринга, в которой описывается, какие острые дебаты происходили еще на заре формирования технологической возможности создания электронно-вычислительных машин [Тьюринг 2004]. Практически сразу общефилософские вопросы ИИ стали дополняться не менее значимыми, но более конкретными вопросами, поскольку ИИ стал сопровождать все сферы жизни, и необходимо давать философскую оценку происходящего. Отсюда, можно говорить о втором историческом этапе осмысления темы ИИ в философии. Примером можно взять проблему интерпретации данных математического, виртуального эксперимента, проводимого с помощью компьютеров, ИИ. Дальнейшее развитие технологий ИИ вносит новые моменты отношения философии с темой ИИ. Эта новизна – значительна, потому можно говорить о третьем историческом этапе работы философии с проблематикой ИИ. Раньше философия вполне могла обходиться без использования ИИ. Теперь это становится проблемой, которая требует специального осмысления. Выделенные исторические этапы осмысления темы ИИ в философии, одновременно предстают тремя аспектами современной философской работы с ИИ. Взаимосвязь между этими современными направлениями исследования феномена ИИ всегда нужно иметь в виду. Соответственно, все это будет, так или иначе, проявляться в ходе нашего осмысления актуальной проблематики взаимодействия философии с ИИ.

Искусственный интеллект выступает в качестве центрального объекта для множества публичных философских изысканий и дебатов, направленных на постижение сущности разума, сознания, этических принципов, а также влияния технологического прогресса на социум и индивида. Данная область философии посвящена исследованию таких вопросов, как природа машинного мышления, пределы познания, правовой и моральный статус ИИ как

действующего субъекта, этические дилеммы, возникающие при принятии алгоритмических решений, и трансформация культуры и знаний под воздействием искусственных систем.

Искусственный интеллект выступает как инструмент анализа и этики. Он применяется для этического аудита и проектирования, встраивая моральные нормы в алгоритмы. Благодаря нейросетям нового поколения, таким как YandexGPT, ChatINFO и GigaChat, стало возможным переосмысление фундаментальных понятий – «разум», «творчество», «свобода воли» – и проецированию идей, подобных концепции «сверхчеловека» [Ницше 2015], на развитие ИИ как инструмента преодоления человеческих ограничений.

Помимо этого, ИИ становится субъектом и партнером в философствовании. Он используется для ведения публичных дискуссий, моделируя взгляды великих мыслителей прошлого для решения современных проблем. В публичной сфере ИИ автоматизирует обработку больших объемов философских и социальных текстов, выявляя скрытые закономерности в эволюции человеческой мысли. Влияние ИИ двойственно: он воспринимается как спаситель цивилизации, способный автоматизировать труд и привести к новым открытиям, но одновременно и как потенциальная угроза, способная уничтожить человечество без должных этических регуляторов.

Таким образом, ИИ в публичной философии – это не просто инструмент, а активный механизм формирования нашего будущего, требующий непрерывного философского осмысления. Влияние ИИ на наше понимание знания является революционным. Мы наблюдаем переход от традиционного, человекоцентричного формирования знаний к новым, гибридным моделям, где машины играют центральную роль.

Искусственный интеллект коренным образом меняет процесс создания знаний, выходя за рамки простой автоматизации и открывая новые горизонты для генерации идей, глубокого анализа данных и индивидуального подхода к обучению. Основные новые методы включают в себя повышение эффективности исследований, генерацию образовательного контента, автоматизацию анализа данных, персональные и интерактивные методы обучения.

Использование нейросетей открывает новые горизонты, однако требует внимательного подхода к ряду нюансов. Прежде всего, крайне важно учитывать авторское право: не всякий сгенерированный контент может быть свободно использован в коммерческих целях. Необходимо внимательно изучать условия использования каждого инструмента. Другой существенный аспект — уникальность текстов. Для академических работ, которые, как правило, требуют оригинальности, критически важно проводить тщательную проверку сгенерированных материалов, дабы избежать проблем с плагиатом [Устинова 2025].

Влияние искусственного интеллекта на структуру знаний является фундаментальным и многогранным процессом, трансформирующим то, как информация собирается, обрабатывается, хранится и применяется. ИИ переводит знания из статических форм в динамические, сетевые структуры. Знания становятся нелинейными, показывая сложную взаимосвязь взаимоотношений. Однако высокая зависимость от ИИ может привести к снижению способности человека решать задачи самостоятельно [Бутл 2024].

ИИ делает знания более динамичными, взаимосвязанными и доступными для автоматизированного анализа, но нельзя забывать о возможных ошибках и «галлюцинациях» нейросетей. Искусственный интеллект способен генерировать некорректные факты или искаженную информацию. В связи с этим, «оператору ИИ» (человеку, посылающему запрос ИИ) необходимо критически оценивать и верифицировать все полученные данные. Наконец, основополагающим является вопрос этики и честности. Нейросети должны рассматриваться

как вспомогательные инструменты, способствующие самостоятельному осмыслению материала, а не как замена полноценного мыслительного процесса и собственных усилий.

Взаимодействие с искусственным интеллектом использовалось для научно-практической работы по систематизации кирпичных клейм, созданных в период с 1814 по 1918 год и найденных на территории Нижнего Новгорода и Нижегородской области. Кирпичные клейма— это заводские марки, которые использовались для идентификации производителя, контроля качества продукции и сохранения исторической информации о кирпичном производстве. Они могут многое рассказать об истории строительства, владельцах предприятий и технологиях производства. Кроме интереса профессиональных историков, эта деятельность реализована в Клубе нижегородских брикофилов [Брикофилы 2026]. Профессиональное использование ИИ необходимо на многих этапах проводимой работы: архивные исследования по определению принадлежности зданий к объекту культурного наследия (ОКН); виртуальный осмотр здания, поиск клейменных кирпичей, фотографирование; занесение фотографий в базу; архивные исследования по составлению списка кирпичезаводчиков, имевших деятельность на территории современного Нижнего Новгорода и близлежащих территорий; анализ начертания клейм; преобразование фотографий кирпичей в прориси [ИИ-Инструменты 2026]; сопоставление клейма с инициалами кирпичезаводчика; составление карты применения кирпича XIX в. на схеме современного Нижнего Новгорода.

Применяя ИИ, новый материал для содержания сайтов, личных страниц блогеров и т.п. может быть получен в текстовом виде, в графическом виде и в той же мере – в видеографическом виде, в виде инфографики. Год от года разрабатывается и обучается несколько ИИ-систем специально под эти задачи. Можно создавать контент и сайты с помощью конструкторов, что существенно облегчает задачу будущего «автора». Важно учитывать, что ИИ используется как инструмент, а не замена личному опыту, стилю и уникальности автора. Сгенерированный контент часто требует проверки и доработки [Ырысбаева 2025]. Важно избегать низкокачественного или шаблонного контента, а также соблюдать общефилософские, этические, юридические и профессиональные нормы.

Использование ИИ в создании социальной рекламы позволяет оптимизировать процессы, повысить эффективность коммуникации и создавать более персонализированный контент. Однако важно учитывать риски, связанные с потерей эмоциональной глубины и возможной негативной реакцией аудитории.

К 2026 г. знание конкретных технологий ИИ должно быть реальным знанием представителей философии, соответственно, формируется определенная образовательная область современной философской теории и практики. Эта область, соединяющая передовые вычисления с философскими подходами, трансформирует социальное осмысление и принятие решений, особенно в этической и когнитивной сферах. Связь публичных философских технологий с философской магистратурой заключается в трансформации академического философского знания в прикладные инструменты для анализа, коммуникации и управления социальными процессами. Философская магистратура вообще, а особенно философская магистратура ННГУ им. Н.И. Лобачевского (47.04.01 – «Наука, технологии и общество»), должна выступать платформой, где теоретическая философия переводится на язык публичной сферы. Философская магистратура должна готовить «философов-практиков», которые могут добиваться успеха на основе применения коммуникационных технологий с опорой на ИИ.

Список литературы

1. Брикофилы 2026 – Брикофилы. URL: https://www. vk.com/bricophiles_nn (дата обращения: 20.04.2026)

2. Бутл 2024 – Бутл, Р. Искусственный интеллект и экономика: Работа, богатство и благополучие в эпоху мыслящих машин. М.: Альпина ПРО, 2024. 424 с.

3. ИИ-Инструменты 2026 – ИИ-Инструменты // Центр академического развития НИУ ВШЭ. URL: https://www.academics.hse.ru/awc/AITools (дата обращения: 15.04.2026)

4. Маслов 2026 – Маслов В.М. Философия техники: учебное пособие для вузов / 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Лань, 2026. 160 с.

5. Ницше 2015 – Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М.: АСТ, 2015. 416 с.

6. Тьюринг 2004 – Тьюринг А. Могут ли машины мыслить // Информационное общество: Сборник. М.: АСТ, 2004. С. 221-283.

7. Устинова 2025 – Устинова В.Г. Искусственный интеллект и авторское право: кто владеет результатами творчества искусственного интеллекта // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе. Сборник трудов IV Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Кострома: Изд. КГУ, 2025. С. 662-667. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=83184567 (дата обращения: 19.04.2026)

8. Ырысбаева 2025 – Ырысбаева А.А. Роль искусственного интеллекта в индустрии творчества // Наука и образование в обеспечении устойчивого развития человеческого потенциала в условиях перехода к цифровой экономике. Материалы XII Международной научно-практической конференции. Пермь: Изд. ПГГПУ, 2025. С. 442-448. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=88913901 (дата обращения: 23.04.2026)

УДК 122.129

РИСКОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД В ОБРАЗОВАНИИ И ЭТИКА

Малиновская Нина Михайловна
Кандидат философских наук
Национальный исследовательский университет
«Московский энергетический институт», доцент
E-mail: ninamalinovskaya@yandex.ru

Антропоконсерватизм ставит задачу *сохранения* в безостановочно меняющемся мире ценностей культуры. Профессиональная этика в аристотелевской трактовке практической эпистемы представлена в качестве гуманитарной науки, которая способна открыть перед студентами оптимистические перспективы. Приведены результаты опросов магистров инженерных направлений подготовки по двум темам: 1. общество риска и общество страха; 2. типы совместной деятельности и типы профессионализма. Студенты осознают связь своей личной перспективы с профессиональной и социальной. При этом они настаивают, что им необходима оптимистическая перспектива. Поставлена проблема сравнения условий применения оптимистической гипотезы Макаренко в воспитании молодёжи первых десятилетий светской власти и в обществе потребления. Проанализированы причины отношения к идеологии как форме ложного сознания в марксизме и обоснована

необходимость идеологических оснований для различных форм социальной практики, особенно инновационных и требующих капиталовложений. Упомянута теория типов совместной деятельности советского психолога Л.И. Уманского и разработанная на ее основе концепция совместной творческой деятельности. Для осуществления совместной творческой деятельности необходимы профессионалы нового типа – транспрофессионалы. Магистры, работающие в энергетической отрасли, охотно применяют эту модель к анализу своей учебной и профессиональной деятельности.

Ключевые слова: идеология, страх и риск, оптимизм, профессиональная этика, совместно-творческая деятельность.

A RISK-ORIENTED APPROACH IN EDUCATION AND ETHICS

Malinovskaya Nina Mikhailovna

PhD in Philosophy, Associate Professor Moscow Power Engineering Institute Moscow, Russia

Abstract: Anthropoconservatism aims to preserve the value of culture in a constantly changing world. Professional ethics in the Aristotelian interpretation of practical epistemology is presented as a humanitarian science that can open up optimistic prospects for students. The article presents the results of surveys conducted on two topics: 1. Risk society and fear society; 2. Types of collaborative activities and types of professionalism. Students are aware of the connection between their personal perspective and their professional and social perspectives, and they insist that they need an optimistic perspective. The article raises the issue of comparing the conditions for applying Makarenko's optimistic hypothesis in the education of young people during the first decades of secular power and in a consumer society. The article analyzes the reasons for treating ideology as a form of false consciousness in Marxism and justifies the need for ideological foundations for various forms of social practice, especially innovative and capital-intensive ones. The theory of types of joint activity by the Soviet psychologist L.I. Umansky is mentioned and the concept of collaborative creative activity developed on its basis. New types of professionals, such as transprofessionals, are needed for collaborative creative activities. Masters working in the energy industry are eager to apply this model to the analysis of their academic and professional activities.

Keywords: ideology, insurance and risk, optimism, professional ethics, jointly-creative activity.

Идея – мысль, обращённая в действие

Страх и риск. Историк утверждает, что знание о прошлом необходимо для понимания настоящего. Понимание настоящего необходимо, чтобы созидать будущее. Маркс объявил в своё время: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его [Маркс 1845, с. 4]. Антропоконсерватизм ставит новую задачу: дело заключается в том, чтобы *сохранить* в безостановочно меняющемся мире всё ценное – культуру.

В 2019-2020-х годах было опрошено около 400 аспирантов и магистров инженерных направлений подготовки об их страхах. Они обучаются на бюджетной форме обучения, но только единицы могут себе позволить не работать [Малиновская 2020] Аналогичным опросом в 2024-2025 годах охвачено около100 магистрантов.

Страхи за пять лет изменились. Цитирую только новые: «полное ограничение прав и

свобод в моем государстве; боевые действия вблизи моего места проживания; дедовщина в организации и произвол от старших по должности; отношение к себе не как живому объекту; тотальный контроль за моей частной жизнью; боязнь того, что лучшие времена комфортной жизни могут оказаться позади, а дальше может быть хуже; страх отсутствия денег в отрасли (энергетике!); страх правовой ответственности и угрозы судебной ответственности; низкие зарплаты, не оправдывающие труд; профессиональный страх, связанный с ответственностью за те или иные профессиональные ошибки; различные формы мизогинии, усложняющие работу и карьерный рост представительницам прекрасно пола. «Боязнь не стать успешным с финансовой точки зрения» – новые формулировки прежних страхов – бедности. Исчезли упоминания фобий – пауки, змеи, уколы, страх высоты. Риск становится для них постоянно действующим, подлежащим учёту фактором. «Для сегодняшнего мира характерна тенденция: при уменьшении вероятности каждого отдельно взятого негативного события (будь то авиационная, железнодорожная или морская катастрофа, разрушение плотины, химического производства либо ядерного объекта) масштабы последствий, если оно все же случится, заметно вырастают» [Легасов 2025, с.156].

Из ответов следует, что студенты осознают связь своей личной перспективы с профессиональной и социальной. При этом они настаивают, что им необходима оптимистическая перспектива, но что мы сейчас можем им предложить?

Оптимистическая гипотеза. Сто лет назад великий педагог А.С. Макаренко, работая с детьми-беспризорниками, руководствовался педагогической идеей «завтрашней радости» – о близких и далёких перспективах как стимулах развития и совершенствования личности и коллектива. В теории «завтрашней радости» заложены пять основных принципов:

- уважение;
- перспективы;
- проект личности;
- гуманизм (цель которого – «очеловечить» учебный процесс);
- ожидание, предвкушение счастья, дающее радость жизни [Андреева 2024, с. 9].

Принципы оптимистической гипотезы А.С. Макаренко были реализованы в коллективном, творческом, общественно-полезном *труде*. Современная педагогика работает с поколениями, у которых другие условия существования. Квалифицированные потребители осознают страх потерять сегодняшний уровень потребления, но они не в меньшей степени нуждаются в высших смыслах и целях своей учебной и трудовой деятельности.

Для автора «Идеологии» – науки об идеях, (первое издание 1801 г.) Дестюта де Траси идея – это, прежде всего, «образ», как у Платона. В своей книге, обращаясь к «молодым людям», он подробно, многословно, с позиций науки того времени и философии сенсуализма, объясняет, как чувственные восприятия превращаются в идеи [Дестют де Траси 2013].

Тезис о том, что в марксизме идеология и религия считаются ложными формами сознания, прочно укоренился в нашем обществознании и политике. В РФ признается идеологическое многообразие. Если государственной идеологии нет, то кто имеет право создавать идеологию для науки? Ещё одна, более чем столетней давности, но актуальная в настоящий момент проблема – отличие идеологии научной от ненаучной и на каких основаниях может быть построена научная идеология? Для чего науке нужны идеологические основания и может ли она без них обойтись?

В 1845 г. в «Немецкой идеологии» основоположники марксизма всесторонне рассматривают социальные последствия крупной промышленности: «При помощи универсальной конкуренции она поставила всех индивидов перед необходимостью крайнего

напряжения всей своей энергии. Где только могла, она уничтожила идеологию, религию, мораль и т. д., а там, где она этого не сумела добиться, она превратила их в явную ложь» [Маркс, Энгельс 1955, с. 5]. Таким образом, сами по себе эти формы сознания не являются ложными. В 1893 г. в письме Ф. Мерингу Ф. Энгельс писал: «Идеология – это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным» [Энгельс 1893, с. 5].

В.И. Ленин нисколько не противоречит своим учителям, когда называет их учение идеологией рабочего класса. Их сознание не ложное, идеология – научная. Она служит основанием революционной деятельности.

В методике современных стартапов отсутствует термин «идеолог» или «идейный вдохновитель», но используется особое название для специальной роли одного из участников стартапа – «евангелист», в задачи которого входит объединение коллектива вокруг общей идеи и направление коллективной энергии стартапа. Наличие евангелиста в команде сильно увеличивает шансы стартапа на успех, поскольку евангелист направляет как «путеводная звезда» четырех других обязательных участников стартапа, а именно: хипстера, хакера, хастлера и аналитика [Кто ты в стартапе 2017]. Управление на основе знания невозможно без общей идеи для участников проекта. Евангелистом становится тот, кто способен общую идею сформулировать и обнародовать. Евангелисты продвигают технологии и транслируют рынку философию компании.

Евангелист как отдельная профессия появилась в мире более двадцати лет назад, а в России примерно пять-десять лет назад. Такой эксперт необходим для направления «B2B» (*business-to-business»*), где аудитория потенциальных клиентов не приходит из привычной рекламы.

Профессиональная этика в обществе риска. Проект будущего должны разработать социальные и гуманитарные науки [Малинецкий 2018, с. 44].

Несмотря на то, что философия не наука, в номенклатуре ВАК перечислены философские науки. К ним относится, в частности, этика. Этика две тысячи лет не претендовала на звание науки, но, начиная с Ксенократа (IV в. до н.э.), представлялась частью философии, наряду с логикой и физикой. У Аристотеля она была практической эпистемой, в отличие от философии – теоретической эпистемы. С VI в до н.э. в истории остались имена политиков, полководцев, архитекторов, врачей, учителей и записи рассказов об их судьбах. Объект изучения этики – «добродетели», или качества личности, которая способна принимать наилучшее решение в непредсказуемых обстоятельствах и вести за собой других людей. Этика, таким образом, возникла как профессиональная, и связанная с риском. Профессиональная деятельность всегда зависит от качеств личности, и наоборот, качества личности формируются императивами деятельности. В XVI в. произошла профессиональная революция, за дело взялись свободные профессионалы. В 1644 г. в Голландии издана книга под названием «Этика» [Спиноза 1957], которая заканчивается «рискориентированным» поучением: «Всё прекрасное так же редко, как и трудно».

В нашем обществе отсутствуют определения общезначимого содержания всем известных слов «этика», «мораль» и «нравственность». Общим местом в учебной и научной литературе стал тезис: *«Термин «мораль» и по содержанию, и по истории возникновения представляет собой латинский аналог термина «этика»».* В этой трактовке этика сводится к изложению различных учений о морали и нравственности. У греков тоже было слово, похожее на латинское «mos» – отсюда космос, порядок. К. Каутский сказал, а В.И. Ленин повторил: «В марксизме нет ни грана этики». Только в 1969 г. появилась кафедра этики на философском

факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, но это не спасло от путаницы в понятиях: то ли есть общечеловеческие нравственные нормы, то ли их нет.

В соответствии с первоначальным, аристотелевским смыслом этики как практической эпистемы, термин ПЭ подчёркивает её зависимость от социального назначения той или иной профессии. В ПЭ личные перспективы неразрывно связаны с социальными.

Современная цивилизация создана профессионалами, как показал английский историк Г. Перкин [Perkin 1996], и она находится в состоянии кризиса. Согласно прогнозу П.В. Малиновского [Малиновский 2007], должна появиться новая волна профессионалов**.** Исходя из теории типов совместной деятельности Л.И. Уманского [Уманский 1977], им разработана концепция нового типа – «Совместной творческой деятельности» (СТД). Транспрофессионалы, в отличие от парапрофессионалов, делающих ставку на новые универсальные компетенции, ориентированы на разработку уникальных коммерческих предложений для растущих глобальных рынков на базе формирования новых ключевых компетенций. Именно транспрофессионалы смогут стать героями обновленного глобального мироустройства.

Студенты понимают перспективы СТД, охотно применяют эти модели к своей деятельности, строят этапы профессиональной карьеры.

Например: СТД – «*Редко, но бывает»*:

- Вы придумываете нестандартную схему резервирования под сжатые сроки,
- Оптимизируете трассы кабелей в стесненных условиях (паркинг, ТЦ),
- Внедряете новую систему учета АСКУЭ там, где раньше не делали.

Миссия общественных наук сейчас – не допустить «обнуления» людей. Обнуление и одичание, о котором писали композитор В.С. Дашкевич [Дашкевич, 2010] и основатель социобиологии Э. Уилсон [Уилсон 2016], не одно и то же. Оцифровке подлежат не только одичавшие. Здесь игра слов: «цифра» из арабского صفر [safr] ноль, ничего.

Список литературы

1. Андреева 2024 – Андреева Ю.В. А.С. Макаренко: педагогика завтрашней радости: монография. СПб.: Наукоемкие технологии, 2024. 118 с.
2. Григулевич 1970. – Григулевич И.Р. История инквизиции. М.: «Наука», 1970. 446 с.
3. Дашкевич 2013 – Дашкевич В.С. Великое культурное одичание: арт-анализ. М.: Russian Chess House, 2013. 720 с.
4. Дестют де Траси 2013 – Дестют де Траси А. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова. М.: Академический Проект, 2013. 120 с.
5. Легасов 2025 – Легасов В.А. Проблемы безопасного развития техносферы // Высвечено Чернобылем. М.: АСТ, 2025. С. 154-173.
6. Малинецкий 2018 – Малинецкий Г.Г. Будущее в зеркале науки // Контуры цифровой реальности: Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего. М.:ЛЕНАНД, 2018. С. 19-44.
7. Малиновская 2020 – Малиновская Н.М. Общество страха и общество риска // V Арефьевские чтения. М.: Изд. МЭИ, 2020. С. 244-250.
8. Малиновский 2007 – Малиновский П.В. Вызовы глобальной профессиональной революции на рубеже тысячелетий // Российское экспертное обозрение. 2007. № 3. С. 21-23.

9. Маркс 1845 – Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. ПСС, 2 изд. М.: Госполитизад, 1955. Т. 3. С. 4

10. Маркс, Энгельс 1845 – Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология // ПСС, 2 изд. М.: Госполитизда, 1955. Т.3. С. 7-544.

11. Спиноза 1957 – Спиноза Б. Этика // Избранные произведения в 2-х т. Т. 1. М.: Госполитизда, 1957. С. 359-618.

12. Уилсон 2015 – Уилсон Э. Смысл существования человека. М.: Альпина-нон-фикшн, 2015. 216 с.

13. Уманский 1977 – Уманский Л.И. Методы экспериментального исследования социально-психологических феноменов // Методология и методы социальной психологии. М.: Наука, 1977. С. 54-71.

14. Энгельс 1893 – Энгельс Ф. Письмо Фр. Мерингу 14 июля 1893 г. // Маркс К., Энгельс Ф. ПСС, 2 изд. М.:Госполитиздат, 1955. Т. 39. С. 82-86.

15. Perkin 1996. – Perkin H.J. The Third Revolution: professional elites in the modern world. London and New York: Routledge, 1996. 253 p.

16. Кто ты в стартапе: хипстер, хастлер, хакер или аналитик. URL: https: /habr. com/ru /companies/icanchoose/articles/325804 (дата обращения: 26.04.2026)

УДК 37.03

ТВОРЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Маслов Вадим Михайлович
Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: maclov@bk.ru

Интенсивность научно-технического развития – определяя инновационную сущность современного общества, техногенной цивилизации – вносит свой негативный вклад в трудности перехода от однополярного мира к многополярному, способствуя опасной возможности формирования пост-вне-человеческой реальности. Все это актуализирует предельно сложную общечеловеческую творческую проблему – адекватных решений постоянно новых задач, учитывая необходимость их безусловно положительного значения для будущей социальной жизни. В эпицентре указанной творческой необходимости процесс образования, который готовит ведущие кадры для развития и управления общественной жизнью. В соответствующей перспективе многополярного мира остро встает вопрос о сохранении великого прошлого и обеспечении полнокровного будущего России. Это фундаментальная цель отечественной философии, ориентирующейся не на теоретико-практическую, а на практико-теоретическую форму философской работы. Философия должна разработать надежную теорию современного университетского творчества и продемонстрировать конкретные достижения соответствующей практики. Основа современного образования – диалектическое сочетание классических достижений прошлого и сугубо прагматического проектного настоящего. Философия, как учебный предмет, с одной стороны, должна постоянно доказательно актуализировать богатство и общую необходимость философского знания. Философия – с другой стороны, обязана периодически открывать

каналы реальной проектной реализации, соотносящейся с профессиональной ориентаций и современными общекультурными запросами обучаемых философией студентов. Специфической предвосхищающей формой реализации последнего направления философской работы может служить технология «художественной футурологии»: логико-жизненного описания возможного будущего, как реально осуществленного. Оптимальным местом для сбора и развития философского творчества в области образования может стать философская магистратура Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, творчески осваивающая образовательную программу «Наука, технологии и общество», российский аналог исследовательских направлений «Science, technology, society» и «Science and technology studies» (STS). Данная работа, конечно, должна быть открыта к сотрудничеству со всеми другими российскими философскими магистратурами.

Ключевые слова: творчество, образование, технологическая сингулярность, университет, философская магистратура, практико-теоретическая философия, судьба России, сверхтехногенная цивилизация.

THE CREATIVE NECESSITY OF RUSSIAN EDUCATION

Maslov Vadim Mikhailovich
Professor of the Department of Philosophy of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

The intensity of scientific and technological development – defining the innovative essence of modern society, a technogenic civilization – makes its negative contribution to the difficulties of transition from a unipolar world to a multipolar one, contributing to the dangerous possibility of the formation of a post- outside-human reality. All of this highlights the extremely complex universal creative problem of finding adequate solutions to constantly emerging challenges, given the need for their unconditional positive impact on future social life. At the epicenter of this creative need is the educational process, which prepares the leading personnel for the development and management of public life. In the context of a multipolar world, the preservation of Russia's great past and the assurance of its vibrant future are of utmost importance. This is the fundamental goal of Russian philosophy, which focuses not on theoretical-practical but on practical-theoretical forms of philosophical work. Philosophy must develop a robust theory of contemporary university creativity and demonstrate the specific achievements of this practice. The basis of modern education is a dialectical combination of the classical achievements of the past and the purely pragmatic project of the present. Philosophy, as a subject of study, on the one hand, must constantly prove the richness and general necessity of philosophical knowledge. On the other hand, philosophy must periodically open channels for real project implementation that is relevant to the professional orientation and modern cultural needs of the students studying philosophy. A specific anticipatory form of the latter direction of philosophical work can serve as the technology of “artistic futurology”: logical-life description of the possible future as actually realized. The optimal place for the collection and development of philosophical creativity in the field of education can be the philosophical magistracy of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, creatively mastering the educational program «Science, Technology and Society», the Russian analogue of the research areas «Science, technology, society» and «Science and technology studies» (STS). This work should, of course, be open to collaboration with all other Russian philosophy master's programs.

Keywords: creativity, education, technological singularity, university, philosophical master's degree, practical and theoretical philosophy, the fate of Russia, super-technological civilization.

Отличительная черта современного мира – высокий темп развития во всех сферах общественной жизни, основным драйвером чего является развитие науки и техники. Инновационность служила основой для идентификации В.С. Степиным современности, как техногенной цивилизации. Ряд специалистов считает, что процесс изменений – экспоненциальный. Классический пример на экспоненту – желание творца шахматной игры получить такое количества зерна, которое складывается из последующего удвоения одного зернышка на первой шахматной клетке вплоть до шестьдесят четвертой. Современность вышла на другой впечатляющий случай – осуществившееся в 1975 г. предсказание Г. Мура о том, что количество электронных компонентов, расположенных на одинаковой по площади «подложке» – удваиваясь каждый год – достигнет в течение десяти лет 65 тыс. Сейчас скорость изменений радикально отражается в теории техногенной сингулярности. Ее разработчик В. Виндж считает, что скоро экспоненциальная кривая прогресса будет приближаться к устремленной ввысь вертикальной линии. Критики справедливо указывают, что экспоненциальное развитие не может продолжаться вечно. Но наличная эмпирия больше на стороне В. Винджа.

Специфику современной общественной ситуации определяет переход от однополярного мира (выражающего интересы «коллективного Запада») к многополярному (ориентированному на справедливое распределение власти и богатства между всеми странами и объединениями ряда государств). Интенсивное научно-техническое развитие затрудняет понимание многих конкретных вопросов. Но в целом растет опасение за судьбу человеческого существования. Все это наиболее остро проявляется в ходе повсеместных военных конфликтах, в которых все чаще апеллируют к необходимости применения ядерного оружия «ради мира». Многие военные технологии уже готовы делать повседневную жизнь предельно проблемной. Объединение технологий дронов, искусственного интеллекта, информационно-коммуникационных технологий может привести к тому, что школьник, играющий в компьютерную военную стратегию с применением дронов, будет совершать серию терактов в своей стране, под незаметным воздействием враждебных спецслужб. Каким бы насыщенным и тревожным не было настоящее, нельзя забывать о будущем. Интенсивное научно-техническое развитие (включая высокие социально-гуманитарные технологии) делает все более реальной борьбу человеческого с пост-вне-человеческим [Кутырев 2022].

Может ли движение к многополярному миру ориентироваться на повсеместное торможение научно-технического развития? Луддизм недееспособен. Сегодняшнее состояние и будущее существование человечества невозможны без постоянного научно-технического развития, но человечество должно научиться проводить красные линии запрета перед опасными направлениями научно-технических изменений. (В рамках дальнейшего развития теории техногенной цивилизации речь идет о формировании «сверхтехногенной цивилизации» [Маслов 2026, с. 126].) Амбивалентное отношение к интенсивному научно-техническому развитию – суть фундаментальная норма социальной жизни. Всем этим задается общая специфика человеческой творческой деятельности, не в последнюю очередь в области образовательного процесса, который готовит ведущие кадры, обеспечивающие функционирование и развитие общественной жизни вообще.

Притягательный образ идеального бытия победившего многополярного мира – справедливое единство человечества в полноценном многообразии – не должен заслонить все

реальные сложности и возможную трагичность непосредственного становления многополярного мира. В ходе этого процесса современная государственная карта мира претерпит значительные изменения, а многим национальным, культурным надеждам не суждено будет сбыться. Великое прошлое России (упомянем хотя бы победу над фашистской Германией и запуск первого человека в космос) требует того, чтобы Россия играла одну из ведущих ролей в процессе становления многополярного мира. Все другие возможные здесь варианты могут поставить под вопрос дальнейшее существование России.

Философский вывод о том, что Россия должна стать творческим лидером процесса становления многополярного мира в тревожную «эпоху перемен», нам кажется вполне обоснованным и перспективно воодушевляющим. Но нужно еще обратиться к философской саморефлексии («Я друг себе, но истина дороже»). Оказывается, что в философии существуют два принципиально разных подхода: теоретико-практический и практико-теоретический [Маслов 2023]. В рамках теоретико-практической философии нужно продолжить дальнейшее теоретическое исследование ситуации с современной творческой значимостью России, чтобы обеспечить наличие надежного фундамента для проведения конкретной российской творческой деятельности вообще, в области преподавания философии в частности. В рамках практико-теоретической философии фиксируется теоретическая обоснованность идеи творческой значимости России. Соответственно, российским преподавателям вузовской философии уже нужно творить соответствующим образом.

Общезначимость российского педагогического творчества обосновывается его включенностью в непосредственное решение общемировых проблем современного образования. Есть веские основания считать одной из ключевых проблем образования – проблему современной формы университета [Акимова, Шатаева 2020]. Эта проблема актуализировалась реальным процессом трансформации привычного исследовательского университета (университета 2.0) в сторону формирования предпринимательского университета (университета 3.0). Идея предпринимательского университета вполне понятна в логике позитивистского стремления сделать процесс образовании максимально рациональным, рентабельным, удовлетворяющим конкретные запросы общества и бизнеса. Не меньше обоснованности в начавшейся в западной мысли защите классического высшего образования и критике предпринимательского университета [Ридингс 2010; Нуссбаум 2014]; основательность всего этого подтверждает общекультурная значимость классического образования [Сапрыкин 2008]. Диалектический подход, учитывающий обозначенную скорость современных изменений, фиксирует в данном споре актуальное единство противоположностей [ср., Щелкунов 2017, с. 19-20]. Смысл исследовательского университета отражает необходимость получения стратегического видения обучающимися. Смысл предпринимательского университета отражает необходимость оптимальной связи и вхождения обучающихся в профессиональную деятельность наличной культуры. В итоге, новая форма университета должно обладать указанным диалектическим характером. В этом же русле следует вести творческое обновление преподавания философии.

Необходимое диалектическое единство стратегического видения и конкретной вовлеченности хорошо соотносится с взаимодополнительностью таких устоявшихся форм обучения, как лекция и семинар. Всегда нужно предполагать творческие прорывы в подачи лекционного материала (возможно, это будет связано с опорой на теорию визуализации [Маслов 2014, web]). Но все это не должно отменять сущностную предназначенность лекций давать глубоко проработанные системные представления о философии или философское стратегическое видение мира, где постоянные апелляции к практике неуместны. Семинары (и

тесно связанные с ними индивидуальная самостоятельная работа) – это область максимально возможного приближения философии к реальной жизнедеятельности обучающихся. Творческий прорыв в этой области может быть связан с осознанием того, что семинарская работа может сразу демонстрировать свое высокое качество и жизнеспособность в реальном мире. Поясняющим примером движения в этом направлении можно взять совместную семинарскую работу студентов над проблематикой «Нравственных писем к Луцилия» Сенеки. Студенты готовят это материал не для традиционного доклада, а в форме аудиозаписи пяти пятиминутных выпусков соответствующего подкаста «Студенческого радио». Все это не только повышает ответственность студентов за свою работу (которая теперь будет известна всему миру, интернету), но и заставляет их подавать весь материал в адаптированной к окружающей культуре форме.

Поступательное развитие практической связи философского семинара с окружающей жизнью связано с накоплением соответствующих семинарских заданий и с решением проблемы перехода потенциального в действительное. Одно дело, когда аудиозаписи подкаста студенческого радио распространяются среди своей группы или учебного потока, другое дело, когда они попадают на настоящее радио. Предполагаем, что трудность перехода от потенциального к действительному можно смягчить, обратившись к технологии «художественной футурологии» [Маслов 2024]: на основе которой будет создано научно-художественное описание того, с какими проблемами столкнулись и с какой радостью имели дело создатели выпуска студенческого радио на «настоящем» радио. Технология художественной футурологии должна помочь не упускать руки и стойко встречать неудачи в переходный период перевода успешной семинарской связи философии с жизнью в реальную связь.

Практико-теоретическая философия должна очень остро чувствовать конкретное соотношение философской теории и практики. Обозначенное непосредственное направление творческого обогащения философской семинарской работы закладывает основы для корректного перехода от практики к теории. Уверенно предполагаем, что продуктивным местом сбора материала и развития философского творчества в области образования является философская магистратура «Наука, технологии и общество» Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (российский аналог исследовательских направлений «Science, technology, society» и «Science and technology studies»). Также можем предположить, что успехи в данной области нижегородской философской магистратуры послужат еще одним призывом к общему плодотворному сотрудничеству со всеми другими российскими философскими магистратурами. В итоге, есть надежда, что данные творческие усилия в области преподавания философии будут идентифицированы примером на ведущую творческую роль России в процессе становления многополярного мира.

Список литературы

1. Акимова, Шатаева 2020 – Акимова Е.Н., Шатаева О.В. Академический капитализм: смена парадигмы развития высшей школы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2020. № 3. С. 8-17.
2. Кутырев 2022 – Кутырев В.А. Чело-век технологий, цивилизация фальшизма. СПб.: Алетейя, 2022. 288 с.

3. Маслов – 2014 Маслов В.М. Наглядность и визуализация в парадигмальном и гуманистическом планах // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. URL: http://www.science-education.ru/116-12460 (дата обращения 25.05.2026).

4. Маслов 2023 – Маслов В.М. Практическая философия: современные основы и необходимость // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23. Вып. 1. С. 25–29.

5. Маслов 2024 – Маслов В.М. Философия научной фантастики (художественной футурологии) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 507. С. 54–65.

6. Маслов 2026 – Маслов В.М. Философия техники: учебное пособие для вузов / 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Лань, 2026. 160 с.

7. Нуссбаум 2014 – Нуссбаум М. Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки. М.: ВШЭ, 2014. 192 с.

8. Ридингс 2010 – Ридингс Б. Университет в руинах. М.: ВШЭ, 2010. 304 с.

9. Сапрыкин – Сапрыкин Д.Л. Значение и смысл понятия «образование» (на примере немецкой философии конца XVIII – начала XIX веков) // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2008. № 1. С. 19-42.

10. Щелкунов – Щелкунов М.В. Университеты нового поколения // Вестник ТИСБИ. 2017. № 2. С. 15-26.

УДК 378.2

АКАДЕМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Сорокин Роман Владимирович
аспирант кафедры философии,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: romsor36@mail.ru

Среди многих серьезных общественных проблем и актуальных тем современной философской мысли выделяется важнейшая проблема научной коммуникации. Основание последнего утверждения: в конечном счете, вся проблемность и надежда современной цивилизации связана с научно-техническим развитием, которое обеспечивается научной коммуникацией. В плане развития современной теории научной коммуникации отмечаем: диалектическое снятие индивидуальной рациональности М. Вебера и коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса; социальную эпистемологию И.Т. Касавина; современную естественную систематику научной коммуникации на основе учета пространственного, синхронного, системного и временного, диахронного, исторического аспектов деятельности ученого Р.В. Сорокина. В плане перехода от теории к практике научной коммуникации необходимо учесть все негативные следствия, связанные с интенсивным развитием науки и техники. В плане развития современной практики научной коммуникации следует организовать полноценную связь науки с обществом, активизировать деятельность и участвовать в гуманитарной экспертизе. В целом, речь идет о формировании современной конструктивно открытой научной коммуникации. Действительность современной формы научной коммуникации обеспечивается только и только полноценным университетским образованием. Ключевую роль в разработке теории и практике конструктивно открытой

научной коммуникации может и должна сыграть философская магистратура Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, ведущая обучение по образовательной программе «Наука, технологии и общество». Ключевое здесь слово «технология».

Ключевые слова: коммуникация, научная коммуникация, рациональная коммуникация, коммуникационная рациональность, университет, диалог, гуманитарная экспертиза, философская магистратура.

ACADEMIC DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC COMMUNICATION

Sorokin Roman Vladimirovich
Postgraduate student of the Department of Philosophy of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Among the many serious social problems and relevant topics of modern philosophical thought, the most important problem is scientific communication. The basis for this statement is that, ultimately, the problems and hopes of modern civilization are linked to scientific and technological development, which is facilitated by scientific communication. In terms of the development of modern theory of scientific communication: we note the dialectical integration of Max Weber's individual rationality and Jürgen Habermas's communicative rationality; I.T. Kasavin's social epistemology; R.V. Sorokin's modern natural systematics of scientific communication based on the spatial, synchronous, systemic, and temporal, diachronous, and historical aspects of a scientist's activity. In terms of the transition from theory to practice, it is necessary to take into account all the negative consequences associated with the intensive development of science and technology. In terms of the development of modern scientific communication practices, it is necessary to establish a full-fledged connection between science and society, to intensify activities, and to participate in humanitarian expertise. In general, this is about the formation of modern, constructively open scientific communication. The reality of modern scientific communication is ensured only by a full-fledged university education. The Philosophy Master's Program at Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, which offers the educational program «Science, Technology, and Society», can and should play a key role in developing the theory and practice of constructively open scientific communication. The key word here is «technology».

Keywords: communication, scientific communication, rational communication, communicational rationality, university, dialogue, humanitarian expertise, philosophical master's degree.

В современном мире существует множество сложных проблем, которые требуют и являются предметом философского осмысления. Наличная многоцелевая работа философов вполне может служить одним из примеров общей продуктивности философской деятельности. Но любое множество граничит с потерей главного. Соответственно, в философии всегда ставятся вопросы о самом сравнительно главном, важном, актуальном, в теоретико-практическом пределе, о нахождении той точки опоры, которая бы позволила гарантированно изменить мир к лучшему. Считаем, что таковой базовой темой вполне может считаться проблема современной научной коммуникации. Логика выхода по последнее утверждение следующая. В средоточье современного прогресса и в основе предполагаемых самых опасных современных тенденций находятся научно-технические изменения. А без кого научно-

технический прогресс невозможен? Без ученых. (Представьте, что будет с миром, если все ученые всех стран уйдут в бессрочную забастовку.) Как и везде, в любой отрасли знания и деятельности, говоря об ученых, мы, прежде всего, актуализируем знание о великих ученых, гениях. Но даже гении не могут творить, не опираясь на многочисленные достижения, полученные всеми другими учеными. А чтобы достойно понять гениальные достижения, нужна соответствующая научная аудитория. В итоге, речь должна идти о сообществе ученых, которые с необходимостью участвуют во внутренней (внутринаучной) и внешней (с обществом) научной коммуникации, которая в этом плане показывает свою исходность. Современная проблематика научной коммуникации многогранна и обширна. Предполагаем, что все главные современные проблемы научной коммуникации можно представить в ходе движения мысли от теории к практике. Этим же путем мы выйдем на важнейшую мысль о том, что развитие в области современной науки и практики научной коммуникации неразрывно связано с университетским образованием, и, не в последнюю очередь, с философской магистратурой.

Применительно к теории научной коммуникации отметим следующие три достижения, позволяющие перейти от надежной теории научной коммуникации к продуктивной практике или реализации современной формы научной коммуникации.

Первым таким достижением считаем общее понимание того, что известное противопоставление теорий рациональности М. Вебера и коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса должно закончиться диалектическим снятием этих позиций. В теории М. Вебера через соотнесение человека с определяющими его ценностями были выделены четыре фундаментальных вида социального действия. В итоге была показана сравнительная ценность целерационального действия, которое «стало путеводной звездой продвижения к модерности» [Левицкий 2019, с. 45]. В теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса справедливо указывалось, что никакое индивидуальное действие невозможно без включения в коллективное действие, обсуждение [Хабермас 1993]. Критика неоправданного индивидуализма М. Вебера не должна отрицать необходимость ярких индивидуальностей в коллективной, в том числе научной коммуникации, способных сказать свое веское критические слово.

Вторым достижением в этой области считаем теорию социальной эпистемологии И.Т. Касавина, в которой дается развернутое представление о том, что «что бы ни делал человек, какие бы продукты ни создавал (если, конечно, речь идет о высших результатах его деятельности, к которым и относится наука), он всегда выступает как социальный и культурный субъект» [Касавин 2018, с. 408]. В рамках развития социальной эпистемологии актуализируется весьма значимая для отечественной мысли идея первичной значимости для научной коммуникации диалога М. Бахтина и Ю. Лотмана: «интенсивный диалог с бахтинскими идеями … обозначает общую методологическую тенденцию, своего рода “концептуальную революцию” нашего времени» [Касавин 2008].

Третьим существенные вкладом в теорию научной коммуникации считаем современные разработки в области классификации научной коммуникации. Анализ показывает, что сегодня превалируют искусственные подходы к классификации в области научной коммуникации. Этим достигаются определенные, понятные тактические результаты [Шипман 2018]. Но через эти разработки нельзя выйти на сущностную роль научной коммуникации в современном мире. Считаем, что естественная классификация в области научной коммуникации должна взять за основу исходного субъекта научной деятельности – ученого. Дальнейшая детализация видов научной классификации должна вестись на основе учета пространственного,

синхронного, системного и временного, диахронного, исторического аспектов деятельности ученого. В системном плане выделяем не только внешнюю и внутреннюю коммуникацию, но и внутрисубъектную (даймон Сократа). В историческом плане выделяются три основных поступательных этапа развития научной идеи: становления (на основе внутрисубъектной коммуникации), коммуникация близких людей (этапа «невидимого колледжа»), коммуникация в рамках победившей научной парадигмы. Полученная таким образом естественная научная коммуникация служит основанием для последовательного отражения специфических исторических форм научной коммуникации. И в итоге все это выводит на объективную форму современной научной коммуникации. Современная научная коммуникация – суть конструктивно открытая научная коммуникация, способная постоянно вести к заключению «нового общественного договора» между наукой и обществом, гарантирующего устойчивое процветание общества, нейтрализующего возможность катастрофических следствий научно-технического развития и гарантирующего максимально возможную свободу научного поиска. Самым ярким проблемным моментом современного научно-технического развития является ускоренное развитие высоких технологий, напрямую ведущих к возможности появления пост-вне-человеческой реальности [Маслов 2026, с. 91-97].

Проделанный анализ в области теории научной коммуникации показывает – если не бояться громких слов – что судьба человеческой цивилизации зависит от установления постоянной продуктивной положительной коммуникации между наукой и обществом. Формирование подобной коммуникации – суть переход от современной теории к актуальной практике научной коммуникации. В соответствие с сутью дела, выделяются два направления, уровню развития научной коммуникации: общий, общенародный – наука вступает в коммуникацию со всем обществом; политический – наука включается в диалог с властью, которая осуществляет непосредственное управление развитием общества.

В общенародном плане, очевидно, что наука (наука и философия) должна наращивать свои усилия в области разъяснения специфики современного научного развития. Конкретнее, научное сообщество должно расширять и совершенствовать свою деятельность в научно-популярной области, где доходчиво объясняют все связанное с передним краем развития науки и техники. Но последнего недостаточно в виду постоянно возникающих кризисных ситуаций, когда новейшие технологии вносят существенный вклад в устоявшуюся социальную жизнь людей. Примером можно взять феномен, так называемой, «цифровой неграмотности», которые постоянно оставляет массу людей на обочине общественного развития. Все это требует более активного участия научного сообщества в области непосредственного применения новейших научно-технических достижений. Само общество вышло на необходимость предварительной экспертизы подобного внедрения в жизнь достижений науки и техники. Соответственно, формируется теория и практика гуманитарной экспертизы [Tyapin, Maslov 2019]. Считаем, что только активное участие научного сообщества в составе многочисленных научных экспертиз, может вывести общенародную научную коммуникацию на доверительный уровень диалога с обществом. Так же считаем, что активное участие научного сообщества в гуманитарной экспертизе способно установить такого же рода отношения науки с властью.

Одной из ключевых фигур становления современного общества, техногенной цивилизации является Ф. Бэкон. Ф. Бэкон не только ведущий теоретик создания новой, приносящей пользу науки. Ф. Бэкон в своей научной утопии «Новая Атлантида» поставил вопрос и дал свое решение проблемы взаимодействия научного сообщества с властью в ситуации того, что научно-техническое развитие становится фундаментальным базисом

существования общества [Маслов, Сорокин 2022]. Реальное развитие общественной жизни показало, что ученые не смогли участвовать в управлении обществом, как планировал Ф. Бэкон в своей теории «Дома Соломона». Сейчас есть сомнение, что прямое участие научного сообщества в политической жизни общества возможно вообще, без серьезных последствий для независимого, критического существования науки. Но если научное сообщество научится плодотворно участвовать в гуманитарной экспертизе, т.е. снимать реальные проблемы или не допускать негативные следствия научно-технических новаций, то эта деятельность может послужить хорошей основой непосредственной связи научного сообщества и власти.

Представленный передний край современной теории и практики научной коммуникации демонстрирует, как много нужно сделать в этой области. Одним из фундаментальных направлений работы нужно назвать органичное подключение современной проблематики научной коммуникации к образовательному процессу вообще, университетскому образованию в первую очередь.

Ключевую роль в разработке теории и практике конструктивно открытой научной коммуникации может и должна сыграть философская магистратура Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, ведущая обучение по образовательной программе «Наука, технологии и общество». Суть в том, что ключевым словом этой программы является «технология». Дальнейшему развитию в области современной теории и практики научной коммуникации требуются не слова, а конкретные технологи, ведущие к достижению благих целей. Здесь же можно предположить, что на этом пути университеты восстанут из руин [Ридингс 2010], трансформируясь в адекватную современным вызовам новую форму университета.

Список литературы

1. Касавин 2008 – Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М.: Канон +, 2008. 437 с.
2. Касавин 2018 – Касавин И.Т. Предмет и методы социальной эпистемологии // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии: монография. Н. Новгород: Изд. ННГУ, 2018. С. 406-413.
3. Левицкий В.С. Рациональность в контексте дискурса о модерне // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 2019. № 4. С. 45.
4. Маслов, Сорокин 2022 – Маслов В.М., Сорокин Р.В. Ф. Бэкон в теории и истории научной рациональности и техногенной цивилизации // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2022. Т. 5. № 2. С. 125-139.
5. Маслов 2026 – Маслов В.М. Философия техники: учебное пособие для вузов / 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Лань, 2026. 160 с.
6. Ридингс 2010 – Ридингс Б. Университет в руинах М.: ВШЭ, 2010. 304 с.
7. Хабермас 2026 – Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 1993. № 4. С. 43-63.
8. Шипман 2018 – Шипман М. Научная коммуникация: Руководство для научных пресс-секретарей и журналистов. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 186 с.
9. Tyapin, Maslov 2019 – Tyapin I.N., Maslov V.M. Philosophical expertise as a factor of desubjectivation of the technogenic trend and achievement of social justice. Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies, 2019, vol. 35, issue 4, pp. 569–579.

УДК 37.03

АНТРОПОКОНСЕРВАТИЗМ КАК «МЯГКАЯ СИЛА» ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Тяпин Игорь Никифорович
Доктор философских наук, кандидат исторических наук,
Вологодский государственный университет, профессор кафедры философии
E-mail: i.n.tyapin@mail.ru

Статья посвящена значению и перспективам специализированного высшего образования по философским направлениям подготовки в контексте противостояния концепций конвергенции и коэволюции человека и технологий, системного кризиса российского общества, а также перехода к творческой антропосоциоконсервативной модели соразмерного жизненного бытия. Выделяются три функциональные задачи реализации миссии философской магистратуры, связанные с поддержкой и совершенствованием преподавания философских дисциплин в вузах, обеспечением эффективных результатов подготовки научных кадров в аспирантуре и реализацией междисциплинарности исследований. Подчеркивается важность аксиологической и методологической опоры философского специализированного высшего образования на национально ориентированную модернизированную метафизику целостности, поддерживающую базовые принципы научной рациональности, способной стать инструментом созидающей общество «мягкой силы».

Ключевые слова: мягкая сила образования, гуманитарно-технологическая коэволюция, метафизика целостности, экология сознания, социальный суверенитет духа.

ANTHROPOCONSERVATISM AS A "SOFT POWER" OF HIGHER EDUCATION IN MODERN RUSSIA

Master's in Philosophy and Academic Prospects
Tyapin Igor Nikiforovich
Doctor of Philosophical Sciences y, Candidate of Historical Sciences,
Vologda State University, Professor of the Department of Philosophy

The article is devoted to the significance and prospects of specialized higher education in philosophical fields of study in the context of the confrontation between the concepts of convergence and co-evolution of humans and technologies, the systemic crisis of Russian society, and the transition to a creative anthroposocioconservative model of a balanced way of life. The article highlights three functional areas of the philosophical master's program's mission, which include supporting and improving the teaching of philosophical disciplines in universities, ensuring effective results in the training of scientific personnel in postgraduate programs, and promoting interdisciplinary research. The article emphasizes the importance of the axiological and methodological support of philosophical specialized higher education on a nationally oriented modernized metaphysics of integrity, which supports the basic principles of scientific rationality and can become a tool for creating a society of "soft power".

Keywords: soft power of education, humanitarian and technological coevolution, metaphysics of integrity, ecology of consciousness, social sovereignty of the spirit.

Ключевым методологическим принципом парадигмы антропоконсерватизма, в нашем понимании, выступает тезис о том, что сохранение человеческого жизненного мира возможно исключительно в органическом единстве с социоконсерватизмом как восстановлением базовых социальных институтов и их взаимной поддержкой (например, государственного суверенитета и модернизированной классической – по содержанию и организационному формату – системы образования) [Тяпин 2023].

Философия сама по себе выступает важным компонентом классического образования как процесса формирования мыслящего эрудита и носителя социально одобряемых этических ценностей, являющегося специалистом, способным к общему и профессиональному саморазвитию. Одновременно философия была и остается основной формой рефлексии над происходящими трансформациями, при том, что степень адекватности этой рефлексии может значительно разниться. В частности, **в** области антропологии концептуальное поле ныне простирается от транс- и постгуманистической антропофобной конвергенции как обоснования смерти человека и духовной культуры до коэволюции, т.е. взаимодействия человека и техносферы, поддерживающего жизненный мир и антропологическую самость (В.А. Кутырёв). Еще Э. Гуссерль подчеркивал, что философия должна сохранять характеристики абсолютной самоочевидности, а строгая наука – абсолютные ценности, составляющие безусловно ясный порядок [Гуссерль 2000]. Сами антропологические проблемы в эпоху глобализации оказываются напрямую связанными с культурным, социально-экономическим, геополитическим контекстом. Бытие философии как комплексной экспертизы и проекта (неотделимость познания от осуществления должного преобразования мира), где вопрос почему? *(*то есть что порождает проблемы и куда все движется, к чему придет человек [Кутырев 2019, с. 52]*)* предшествует вопросу как? и направляет последний*,* имеет немало проявлений и вариантов (например, в русской философии «золотого века» – идеи Н.Ф. Федорова, В.С. Соловьёва, А.В. Сухово-Кобылина, К.Э. Циолковского), разграничительной линией для которых является отношение к истине, добру, красоте, человеческой личности. Весьма примечательно применение данного критерия к постфилософии трансмодернизма (по В.А. Кутыреву, результата сплава постмодерна и трансгуманизма), для которой закономерно (ибо эпоха постидеологии как запрета на инакомыслие вне набора консьюмеристских манипулятивных доктрин требует тем не менее квазифилософской «обертки») стали характерны такие черты, как прагматизм, конструктивизм, инструментализм, моделизм. Такая рациональность хоть и выработана путем эволюции максимально «онаученой» и технизированной цивилизации, однако ведет к разрыву с культурой и сложной духовной реальностью, а, по известному тезису С. Жижека, «сами наши «свободы» служат тому, чтобы скрывать и поддерживать нашу глубинную несвободу» [Жижек 2002, с. 8].

В целом ряде государств (включая и современную Россию) развертывание псевдорациональности происходит в рамках системного кризиса, переходящего в состояние предколлапса. К предвестникам последнего можно отнести крайнее ослабление способности коренного населения к воспроизводству, социальную аномию, выраженное противоречие ценностей и интересов управляющих и управляемых, неспособность культуры порождать собственные символы и смыслы. В этих условиях очевидная взаимосвязь проявлений кризиса в разных сферах и институтах требует не просто применения методологии системного и

комплексного подходов, но и наличия культурно-исторической специфики философско-теоретического фундамента (что предполагает постоянное обращение к национально-культурному наследию и концептуально-понятийному аппарату самобытной литературной, публицистической и философской мысли). Преодоление идеологической эклектики, рефлексивный поиск и обретение собственной идентичности через объективный анализ, модернизацию и интеграцию самобытного социально-философского и аксиологического наследия и его превращение в императив социальной практики – вот творческая цель, оформление и принятие которой как исторически осмысленной миссии способно объединить современный российский социум общим делом.

В рамках описанной миссии философская магистратура, *во-первых*, выступает «продвинутым» уровнем и ориентиром функционирования философии в магистратуре (пока в основном сводящейся к курсам по философии науки и, реже, поиску этико-теоретических оснований осваиваемого направления подготовки), в свою очередь призванного хотя бы отчасти решить очевидную проблему: формально университетски образованные люди в «информационном / цифровом обществе» в основной массе оказываются не способны воспринимать и обрабатывать объем полученной информации (что массово приводит к ошибкам в анализе и интерпретации), не говоря уже о рефлексии отношения к окружающей реальности. В условиях наступающего торжества «цифровой лоботомии» и разрушения системности образования дурно понятой «практикоориентированностью» ограниченные по времени философские курсы хотя бы частично актуализируют и систематизируют мировоззренческие понятия, представления о сути и взаимодействии основных сфер бытия (включая техносферу) и общественно-историческом процессе, а главное, формируют хотя бы элементарное видение обучающимися границ, целей и механизмов познавательной деятельности, их частичный переход с обыденного на теоретический уровень миропонимания.

Во-вторых, философское специализированное высшее образование призвано решить проблему систематизированной подготовки специалистов, способных к дальнейшему успешному, то есть с подготовкой качественного диссертационного исследования, обучению в аспирантуре (как по философским, так и нефилософским направлениям). Если «доцифровая» система овладения знаниями и культурного развития человека позволяла достичь приемлемых показателей даже при различии базового образования и научного направления, то приближающаяся к тотальности цифровая трансформация снижает реальные возможности представления оригинального научного продукта даже при их соответствии.

В-третьих, философская вторая ступень высшего образования дает возможность реализовать принципы связи теории и практики, а также междисциплинарности исследований. В частности, как отмечают А.М. Дорожкин и С.В. Шибаршина, разработанная в ННГУ им. Н.И. Лобачевского концепция философской магистратуры «должна была, с одной стороны, удерживать философскую перспективу исследований современных явлений и процессов, не сваливаясь в прикладную плоскость, а с другой – быть адаптированной к контексту современности, включая прагматическую составляющую» [Дорожкин 2019, с. 12].

Едва ли не общепризнанно, что философский анализ междисциплинарных проектов связывает знания различных дисциплин и характеризует их с позиции ценностных оснований. Иными словами, философская подготовка должна не только знакомить с набором дисциплин, формально относящихся к определенному направлению, но стать основанием выбора социально-антропологических парадигм, могущих стать условием реальной интеграции общества на базе осмысления ценностей и интересов большинства. Сегодня об образовании

как «мягкой силе» говорят применительно к внешнеполитическим задачам. Однако куда важнее внутренние проблемы переживающего системный кризис общества.

Уместно утверждать, что философская магистратура может стать инструментом «мягкой силы»: формирования ценностей, мировоззрения и ментальных структур, позволяющим достигать целей социального сотрудничества, оценки социально-гуманитарных процессов и защиты социокультурного суверенитета. Однако для реализации указанной миссии ее содержательно-методологической основой должна стать модернизированная метафизика целостности и творческого антропосоциоконсерватизма, «экологии сознания» (вместо культа «сумеречности», шизофреничности или «тоннельности» мышления), аксиологической и прогностической экспертизы процессов, продуктов и идеологем.

Список литературы

1. Гусерль 2000 – Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Минск: Харвест ; М.: АСТ, 2000. 452 с.
2. Дорожкин 2019 – Дорожкин А.М., Шибаршина С.М. Философская магистратура в контексте современности: вызовы и перспективы // Цифровой ученый. Лаборатория философа. 2019. Т. 2. № 3. С. 6-24.
3. Жижек 2002 – Жижек С. Добро пожаловать в пустыню реального. М.: Прагматика культуры, 2002. 160 с.
4. Кутырев 2019 – Кутырев В.А., Слюсарев В.В., Хусяинов Т.М. Я антропоконсерватор: хочу остаться человеком…как можно дольше // Философская мысль. 2019. № 4. С. 50-61.
5. Тяпин 2023 – Тяпин И.Н. Антроосоциоконсерватизм: осмысление в методологии истории идей // Философия и/или новое интегративное знание: Сб. мат-в VIII Всерос. науч. конф. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2023. С. 303-309.

Пятый Конгресс Русского общества истории и философии науки
«Миссия университета в обществе знания: между утилитаризмом и академической свободой»

Сборник научных статей
Сетевое электронное издание

Научная редакция и составление – И.Т. Касавин,
Л.В. Шиповалова.
Компьютерная верстка: Т.М. Хусяинов

Подписано к использованию 2026.

Формат: PDF/A. Усл. печ. л.
Объем данных – Мбайт.

Минимальные системные требования:
браузер Google Chrome v. 2.0 и выше,
пропускная способность сетевого подключения не менее 128 кбит/с

Издательство «Русское общество истории и философии науки»
105062, Россия, Москва, Лялин пер., д. 1/36, стр. 2, комн. 2.
E-mail: info@rshps.ru